КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕБУТОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ CXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXIII.

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1908

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИНАДЦАТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1908 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

ІЮЛЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1908 г.

(См. слѣд. стран.).

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1].

(Историческій романъ).

LXII.

Восвояси.

ВЪ КОНЦѢ ноября 1790 года всадникъ въ сопровожденіи слуги съ вьюками подъѣзжалъ поздно вечеромъ къ зимней квартирѣ главнокомандующаго въ Бендерахъ.

Пустая, безснѣжная, но обледенѣлая степь угрюмо простиралась подъ ненастнымъ зимнимъ небомъ. Когда, наконецъ, вдали замелькали огоньки Бендеръ и послышался лай собакъ, оба спутника сняли головные уборы и перекрестились.

То были возвращавшійся изъ Парижа «нарочный» Павелъ Корнильевичъ Радожицкій съ вѣрнымъ Митрофаномъ.

Отсутствіе ихъ продолжалось свыше года, и не одну пару башмачковъ износила за это время прекрасная фанаріотка прежде, чѣмъ прибыли наконецъ парижскіе. Если бы Павлу Корнильевичу сказали въ день его выѣзда въ Парижъ съ порученіями свѣтлѣйшаго, что отсутствіе его продолжится столько времени, онъ бы, конечно, не повѣрилъ. Было бы слишкомъ долго

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 785.

въ подробности излагать всѣ претерпѣнныя имъ приключенія въ революціонной столицѣ Франціи. Арестованный въ Версалѣ, онъ препровожденъ былъ въ Парижъ въ закрытой наглухо каретѣ и высидѣлъ три дня на одной изъ милиціонныхъ гауптвахтъ. Затѣмъ допросъ съ него снятъ былъ самимъ мэромъ города Бальи, въ присутствіи Лафайета. Оказалось, что граждане-патріоты слѣдили за всѣми вообще иностранцами съ момента перехода ими французской границы, въ каждомъ видя шпіона «аристократовъ и царей». Кромѣ многочисленныхъ доносовъ патріотовъ, муниципалитетъ обладалъ сообщеніями заграничныхъ агентовъ и подробными донесеніями пристава Майара и приказчиковъ магазиновъ, въ которыхъ Павелъ Корнильевичъ, закупая товары, велъ неосторожные политическіе разговоры. Особенно ставилъ Бальи на видъ нарочному свѣтлѣйшаго его сношенія съ графомъ Мирабо и племянницей послѣдняго. Наконецъ мэръ приказалъ обыскать Радожицкаго, чтобы отобрать имѣющіеся при немъ документы. Но едва разстегнутъ былъ камзолъ молодого человѣка и обнаружилась лента съ продѣтымъ на ней кольцомъ, данная при отъѣздѣ изъ Яссъ генералъ-майоромъ Мелиссино, какъ чудесное дѣйствіе сего талисмана мгновенно сказалось. Бальи и Лафайетъ въ одинъ голосъ приказали прекратить обыскъ, усадили Павла Корнильевича въ кресла, разсыпались въ извиненіяхъ и сказали, что ему немедленно будетъ предоставлена свобода. «Если вы окончили свои дѣла, то мы не имѣли бы ничего и противъ выѣзда вашего изъ Парижа и Франціи. Но намъ желательно задержать васъ все же на нѣкоторое время, единственно съ той цѣлью, чтобы вы не выѣхали въ отечество подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій, которыя вамъ могутъ показаться какъ бы плѣненіемъ короля уличной чернью, между тѣмъ какъ онъ совершенно добровольно вернулся къ своему народу въ свой добрый Парижъ. Мы не настаиваемъ, но покорнѣйше васъ просимъ пробыть въ Парижѣ до той минуты, когда наступитъ полное успокоеніе. А это будетъ скоро. Мы хотимъ, чтобы вы увидѣли Парижъ во дни мира и счастья, чтобы затѣмъ, по возвращеніи въ отечество, сообщить о прекрасномъ состояніи Франціи князю Потемкину!» Засимъ Павелъ Корнильевичъ и его вѣрный Митрофанъ были отпущены. Парижъ въ самомъ дѣлѣ успокоился. Но то было мрачное затишье передъ бурей. Короля теперь можно было ежедневно видѣть въ Тюльерійскомъ саду. Онъ прогуливался тамъ, среди почтительно разступавшейся передъ нимъ толпы, съ благодушнымъ видомъ обыкновеннаго обывателя. А прелестный, румяный ребенокъ съ бѣлокурыми локонами безпечно игралъ въ садикѣ, отдѣленномъ отъ большого парка легкой оградой, и сооружалъ шалаши изъ вѣтвей. То былъ дофинъ.

Между тѣмъ муниципалитетъ принималъ свои мѣры. Наступила эпоха «патруль-отизма», урокъ котораго такъ счастливо со-

шелъ двумъ русскимъ. Съ вечера Парижъ погружался въ угрюмое молчаніе. Патрули разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ. Часовые милиціонеры, рано закрывъ свои лавки и лабазы, переодѣвались въ фантастическія формы и караулили свой околотокъ, грубо окликая, останавливая и опрашивая всякаго прохожаго. Малѣйшаго сомнѣнія было достаточно, чтобы отправить злосчастнаго на ближайшую гауптвахту или кордегардію, гдѣ приходилось иной разъ и ночевать и дневать и до трехъ дней ждать окончательнаго выясненія недоразумѣнія. Скука и уныніе повисли надъ Парижемъ. Недостатокъ муки продолжался. Озлобленіе противъ овладѣвшихъ городомъ лавочниковъ росло.

Скоро съ мрачной торжественностью, при звукѣ трубы, съ барабаннымъ боемъ былъ объявленъ новый законъ о примѣненіи военной силы къ неразрѣшеннымъ сборищамъ гражданъ. Законъ былъ изданъ муниципалитетомъ въ силу полученной отъ коммуны власти. Пристава ратуши, въ мантіяхъ, шляпахъ, разъѣзжали по Парижу, объявляя на перекресткахъ, что отнынѣ краснымъ флагомъ дѣлается извѣщеніе, что объявлено дѣйствіе военнаго закона и всякія сборища преступны; при попыткѣ собрать толпу будетъ открытъ огонь; пусть добрые граждане удалятся... Участники приговариваются къ трехлѣтнему тюремному заключенію, если сборище было безоружно, и къ смертной казни, если оно было съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ объявленія этого закона городъ вымеръ, словно при осадѣ. Невозможно описать томительно скучные дни, которые тянулись безконечно для бѣднаго Павла Корнильевича, не занятаго никакимъ опредѣленнымъ дѣломъ. Мысль о шпіонахъ, часовыхъ, патруляхъ отравляла всякій шагъ. Воображеніе рисовало пламенными чертами подвиги русской арміи, объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ которой стали появляться извѣстія въ газетахъ. Мысль, что товарищи его отличаются при осадахъ и баталіяхъ, онъ же томится въ проклятомъ Парижѣ какимъ-то плѣнникомъ, приводила въ бѣшенство Павла Корнильевича. Воображеніе рисовало ему и блестящій лагерь свѣтлѣйшаго, и прекрасную гречанку, которою теперь полно было его сердце.

Всѣ попытки его получить паспортъ на выѣздъ въ отечество не приводили ни къ чему. И Бальи и Лафайетъ разсыпались въ любезностяхъ, но умоляли немного повременить, объясняя это желаніемъ дать русскому гостю собственными глазами убѣдиться, на какую высоту счастія, свободы и безопасности возведена теперь французская нація. Тщетно Павелъ Корнильевичъ увѣрялъ, что онъ уже совершенно во всемъ убѣжденъ и аттестуетъ Потемкину новый режимъ Франціи съ отличной стороны. Его умоляли не торопиться... Такъ прошла зима, наступила весна, и наконецъ въ іюлѣ Павелъ Корнильевичъ присутствовалъ на великолѣпномъ празднествѣ федераціи, гдѣ воздвигнуты были алтари

подъ открытымъ небомъ и совершались особыя служенія духовенствомъ, король братался съ народомъ; носили знамена, значки, палки, проходили процессіи, провозили на колесницахъ статуи, гремѣли фанфары, канонады, ружейные залпы. Послѣ празднествъ, чудесъ и фейерверковъ Потемкина все это показалось Павлу Корнильевичу мѣщански-мизернымъ, но отцы города, видимо, пришли къ заключенію, что противъ такого торжества русскій варваръ не устоитъ, что на него произведено достаточно сильное впечатлѣніе, и онъ разславитъ въ своемъ отечествѣ счастье, силу, мудрость и блескъ обновленной Франціи.

Павелъ Корнильевичъ и его вѣрный Митрофанъ, послѣ празднества, были наконецъ отпущены съ миромъ восвояси.

LXIII.

Щегольская кампанія.

Въ то время, какъ Павелъ Корнильевичъ томился въ революціониомъ Парижѣ, соединенныя силы россійскихъ войскъ переходили отъ побѣды къ побѣдѣ, показывая геній полководцевъ и чудеса храбрости русскаго солдата.

Никогда еще, кажется, фаворъ свѣтлѣйшаго не досягалъ такой высоты. Грандіозная эпопея Потемкина поражала воображеніе государыни, и она съ восторгомъ, говоря о дѣйствіяхъ арміи съ придворными, повторяла о князѣ:

«Его щегольская кампанія какое занимаетъ пространство!»

Кампанія, дѣйствительно, занимала пространство огромное.

Враги Потемкина шептали, что нынѣ ему можно присвоить титулъ: герцогъ курляндскій, король польскій, ханъ крымскій, гетманъ малороссійскій, бѣлорусскій, новороссійскій и черноморскаго казачества, господарь молдавскій, валашскій, иллирійскій, царь аѳинскій, базилевсъ византійскій, свѣтлѣйшій князь всероссійскій... При такомъ безмѣрномъ пространствѣ власти,—спрашивали враги,—что же остается на долю самой государыни? Указывали и на крайнее истощеніе побѣдами народа, тѣмъ болѣе, что послѣдняя кампанія пришлась именно въ неурожайные годы. Указывали и на возрастающіе стремительно государственные долги, такъ какъ въ удовлетвореніе затѣй своихъ и предпріятій Потемкинъ беретъ, сколько рука захватитъ, изъ всѣхъ государственныхъ установленій.

Но хоръ друзей свѣтлѣйшаго гремѣлъ ему хвалу, заглушая шопотъ враговъ. Перечисляли подвиги Потемкина: расширеніе границъ Россіи на югѣ; устройство новозанятыхъ провинцій; присоединеніе Крымскаго полуострова; сокрушеніе Оттоманской Порты;

полное торжество Россіи надъ Исламомъ; отдѣленіе татаръ отъ турокъ; занятіе Очакова; постройку на югѣ русскихъ крѣпостей; сооруженіе флота на Черномъ морѣ; заведеніе въ Херсонѣ морского кадетскаго корпуса и училища штурманскаго и корабельной архитектуры; основаніе севастопольской гавани; проведеніе линіи укрѣпленій на Кавказѣ; заботы о приведеніи въ подданство Россіи царя грузинскаго Ираклія...

Осуществленіе грандіозныхъ плановъ Потемкина въ самомъ дѣлѣ требовало, кромѣ затратъ людьми, еще и золота, золота, золота... Булгаковъ въ Стамбулѣ осыпалъ подарками нужныхъ людей. 7 апрѣля 1789 года на тронъ Оттоманской Порты вступилъ султанъ Селимъ Третій, юноша 18 лѣтъ, единственный сынъ султана Мустафы. Запертый въ сералѣ во время царствованія своего дяди Абдулъ-Гамида, юный Селимъ читалъ Коранъ и лѣтописи былой славы и подвиговъ предковъ. Это чтеніе наполнило его душу великими планами возрожденія и преобразованія государства и бурными стремленіями къ воинскимъ подвигамъ. Селимъ мечталъ о возрожденіи Турціи, о возвращеніи счастливыхъ дней Амурата и Магомета II. Онъ мечталъ, что станетъ во главѣ арміи и поведетъ ее противъ враговъ имперіи. И пророчество, полученное его матерью отъ нѣкотораго святого провидца, сулило Селиму блестящее царствованіе. Но юноша забывалъ о глубокомъ паденіи нравовъ, лѣни и косности его изнѣженныхъ подданныхъ, онъ забывалъ объ интригахъ сераля. Между тѣмъ золото Потемкина пріобрѣло ему сочувствіе многихъ пашей, евнуховъ, а главное доктора Лоренцо, лукаваго итальянскаго хирурга, который пріобрѣлъ безграничное довѣріе благороднаго Селима и являлся душою и вдохновителемъ задуманныхъ юнымъ султаномъ преобразованій. Лоренцо былъ соотечественникъ другого авантюриста и хитреца, адмирала русской службы, командовавшаго нашей флотиліей на Дунаѣ, Жозефа Робино, извѣстнаго подъ именемъ де-Рибаса, графа де-Байота, неаполитанца родомъ, но изъ испанской фамиліи, о которомъ знавшіе его говорили, что Робино извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ итальянскій, наподобіе польскихъ жидовъ... Между Робино и Лоренцо шли постоянныя тайныя сношенія. Лоренцо употреблялъ всѣ старанія, чтобы усыпить воинскій пылъ юнаго султана, увѣряя его, что крѣпость Измаилъ— неприступная твердыня, достаточная для отраженія враговъ. Поэтому можно спокойно заняться болѣе существенными внутренними реформами и составленіемъ конституціи. Когда же обновленіе государства вольетъ свѣжія силы въ народъ, тогда уже можно перейти въ наступленіе и, отбросивъ русскихъ въ глубь ихъ страны, не только возвратить все отторгнутое ими за послѣднія кампаніи, но вернуть и то, что съ Петра Великаго стало достояніемъ алчнаго сосѣда.

Между тѣмъ Суворовъ одержалъ блестящую побѣду при Рымникѣ: но слава этой побѣды въ Петербургѣ всецѣло была поставлена на счетъ одному Потемкину.

«Спасибо, мой фельдмаршалъ!—писала Екатерина:—не будь ты столь безмѣрно пространными завоеванными тобою областями отдѣленъ отъ меня, я бы, взявъ тебя за ушки, поцѣловала». Послѣ блестящей битвы Суворова подъ Фокшанами императрицей приказано русскому скульптору Шубину вырѣзать изъ отличнаго мрамора безъ жилъ и пятенъ бюстъ свѣтлѣйшаго. Въ то же время приказано обить въ Зимнемъ бѣлымъ штофомъ спальню и предспальню свѣтлѣйшаго къ возвращенію его съ тріумфомъ.

Потемкинъ безъ боя занялъ Аккерманъ, а затѣмъ и городъ Бендеры сдался безъ кровопролитія, что побудило Суворова сказать, что ни одна турецкая важная крѣпость не сдалась русскимъ такъ пріятно!

«Блистательная кампанія! — писала по этому поводу императрица свѣтлѣйшему. Посылаю тебѣ лавровый вѣнокъ и шубу! А за простыни благодарствую. Въ Царскомъ Селѣ сдѣлаю изъ нихъ употребленіе».

Потемкинъ препроводилъ передъ этимъ транспортъ простынь для государыни, вытканныхъ на полотняныхъ заводахъ, вновь заведенныхъ имъ въ Новороссійскомъ намѣстничествѣ. Простыни эти должны были свидѣтельствовать о быстромъ ростѣ и успѣхахъ промышленности въ пустыхъ еще недавно степяхъ.

Скоро прибылъ вѣнецъ изъ золота, усыпанный брильянтами и другими драгоцѣнными камнями, и великолѣпная шуба. Одновременно къ подаркамъ монархини приложена была и посылка графа Платона Зубова, новаго фаворита. Скромную связку книгъ посылалъ въ подарокъ свѣтлѣйшему графъ Платонъ... Еще въ прошломъ году ничтожный секундъ-ротмистръ конной-гвардіи, двадцатидвухлѣтній Зубовъ теперь уже былъ флигель-адъютантомъ шестидесятилѣтней государыни, генералъ-майоромъ, и кавалеромъ орденовъ: св. Станислава, Бѣлаго Орла, св. Анны и св. Александра Невскаго. Несмотря на блистательные военные успѣхи, Потемкинъ испытывалъ глубокое безпокойство. Шведскій король началъ враждебныя дѣйствія противъ Россіи, и флотъ его показался у береговъ русской Финляндіи. Принцъ де-Линь прожужжалъ уши свѣтлѣйшему: «Пошлите Нассау! Пошлите туда Нассау! Никто, кромѣ Нассау! Нассау-Зигенъ есть Нассау-Зигеръ! Морской бой его стихія! Нассау! Нассау! Нассау!» и Нассау былъ посланъ, храбро далъ морскую баталію герцогу Зюдерманландскому и потерпѣлъ жесточайшее пораженіе... Это ли обстоятельство, или то, что въ разгарѣ кампаніи союзникъ Россіи, императоръ Іосифъ II, отвлекавшій на себя значительную часть турецкихъ силъ, умеръ, а вступившій на австрійскій престолъ Леопольдъ II выказывалъ явное желаніе за-

ключить миръ съ турками и отозвать войска, предоставивъ русскимъ однимъ кончать кампанію, теперь уже сосредоточивая на себѣ всѣ силы противника, но Потемкинъ не выходилъ изъ состоянія сплина и самой жестокой ногтоѣды, и немытый, нечесаный, неодѣтый, въ зеленомъ «капотѣ», съ намоченнымъ лавандовой водой полотенцемъ на головѣ, проводилъ дни въ Бендерахъ.

LXIV.

Языкъ брильянтовъ.

«Ногтоѣда» свѣтлѣйшаго не мѣшала увеселеніямъ его блистательнаго двора. Бендеры наполнены были знатными иностранцами. Попрежнему рой красавицъ ежедневно являлся къ обѣду свѣтлѣйшаго, и среди нихъ царила византійская принцесса. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Устраивали и поѣздки за Днѣстръ, въ знаменитую «землянку». Генералъ отъ пиротехніи и его помощники работали не покладая рукъ, составляя транспаранты, надписи для нихъ и придумывая новые эффекты огненной потѣхи. Но все это шло какъ бы само собой, помимо Потемкина, погруженнаго въ сплинъ.

Наступала зима. Потемкинъ медлилъ въ виду Измаила. Принцъ де-Линь выходилъ изъ себя, доказывая, что необходимо быстрымъ ударомъ нанести послѣднее пораженіе туркамъ и тѣмъ принудить ихъ къ миру, который укрѣпитъ за Россіей всѣ ея пріобрѣтенія.

— Мой принцъ-колоссъ превращаетъ Бендеры въ Капую!—восклицалъ нетерпѣливый де-Линь.

Послѣдніе дни Потемкинъ сталъ приглашать графа Кобенцеля, принца де-Линь и англійскаго дипломата Гарриса на интимные ужины. Графиня Софія, Долгорукая и другія дамы при этомъ тоже находились. Невидимая музыка играла все время, скрытая на хорахъ столовой залы. Дамамъ и дипломатамъ подавались изысканныя блюда, но самъ Потемкинъ кушалъ только рѣдьку, кислую капусту и ржаной хлѣбъ.

Хотя дипломаты были приглашаемы для обсужденія военныхъ и международныхъ дѣлъ, однако князь не проранивалъ во весь ужинъ ни единаго слова, но съ угрюмымъ видомъ или жевалъ свою рѣдьку, распространявшую довольно неизящный ароматъ, или, подперши косматую и повязанную лавандой голову, переставлялъ передъ собою драгоцѣнные камни. Съ каждымъ днемъ эти камни, великолѣпные брильянты, изумруды и рубины, становились крупнѣе.

Во время бесѣды дипломатовъ Потемкинъ то выкатывалъ въ сторону говорившаго брильянтъ, то бралъ его прочь, порою замѣ-

няя или меньшимъ, или какимъ-нибудь другимъ драгоцѣннымъ камнемъ. Иногда среди нихъ оказывались и совсѣмъ простые маленькіе камешки гранита, кварцъ, кремень или обточенный песчаникъ.

Эта игра камнями, казалось, имѣла какое-то символическое значеніе, такъ что принцъ де-Линь, наконецъ, обратилъ на нее вниманіе.

— Что хочетъ намъ сказать Потемкинъ своими камешками?—говорилъ де-Линь товарищамъ.

Кобенцель пожималъ плечами. Гаррисъ лукаво улыбался.

— Не хочетъ ли онъ показать этимъ, что кто изъ насъ сумѣетъ дать ему счастливую мысль разумнаго плана окончанія кампаніи, то онъ отнесется къ этой мысли, какъ къ брильянту?

— Право, не знаю. Однако, очевидно, что однѣ изъ нашихъ мыслей кажутся ему брильянтовыми, другія изумрудными и смаргадовыми, а третьи кварцовыми, гранитными и даже песчаниковыми,— сказалъ дипломатъ Гаррисъ.

Кобенцель громко захохоталъ на это остроумное соображеніе.

— Языкъ брильянтовъ! Это истинно достойный Потемкина языкъ!—вскричалъ принцъ де-Линь. Дипломаты бесѣдовали въ гостиной свѣтлѣйшаго, ожидая появленія дамъ для слѣдованія къ ужину.

Дамы вошли, блистая красотой и нарядами. Графиня Софія въ этотъ вечеръ была въ восточномъ нарядѣ. Ее повелъ къ столу графъ Кобенцель и сѣлъ съ ней рядомъ. Когда дамы сняли съ приборовъ салфетки, каждая нашла подъ нею по великолѣпному солитеру. Особенно крупенъ и чистой воды былъ брильянтъ на приборѣ графини Софіи. Правитель дѣлъ Поповъ, обходя столъ, вполголоса объяснялъ каждой дамѣ, что свѣтлѣйшій проситъ принять камешекъ въ благодарность за наслажденіе, которое она доставила князю пріятностью обхожденія, красотою, нарядомъ и бесѣдою. Поднялись восторженныя похвалы царской щедрости свѣтлѣйшаго.

Между тѣмъ Потемкинъ, казалось, нимало не обращая ни на что вниманія, скоблилъ толстѣйшую рѣдьку ножемъ, клалъ стружки въ ротъ и запивалъ это кушанье квасомъ.

Скоро поднялась непринужденная бесѣда. Принцъ де-Линь заговорилъ о быстрыхъ успѣхахъ Россіи среди цивилизованныхъ народовъ.

— Восторгъ, который вызвало въ умахъ европейцевъ необыкновенное царствованіе Петра Великаго, еще длится, — говорилъ австрійскій дипломатическій агентъ. — Изъ среды невѣжества и бѣдности новый народъ возвышается въ имперію, и при этомъ народы богатые, воспитанные и ученые не выражаютъ ни ревности, ни безпокойства. Это примѣръ единственный въ исторіи.

Потемкинъ обратилъ зрячій глазъ въ сторону говорившаго и выкатилъ брильянтикъ.

Поощренный нѣмымъ языкомъ свѣтлѣйшаго, де-Линь продолжалъ:

— Вмѣсто недоброжелательства, которое испытали всѣ народы въ первый расцвѣтъ могущества; вмѣсто тѣхъ насмѣшекъ, которыми погруженные въ роскошь города встрѣтили нѣкогда построенный изъ дерева и кирпича Римъ въ эпоху, когда онъ сталъ диктовать законы вселенной; вмѣсто издѣвательствъ, которыми азіатскіе куртизаны преслѣдовали суровые нравы спартанцевъ, русскіе, наоборотъ, привлекали всеобщую благосклонность Европы.

Къ выкатившемуся брильянту присоединился еще рубинъ удивительнаго цвѣта и величины.

— Европа рукоплескала предпріятіямъ юной имперіи, выступившей соперницею старыхъ, устойчивыхъ могуществъ. Но каково было ея внутреннее состояніе? Планы Петра Великаго, которые должны были включить его имперію въ обороты міровой торговли, остались неосуществленными. Предпринятые для соединенія съ моремъ внутреннихъ частей страны каналы не были окончены. Кронштадтъ, первый портъ имперіи, расположенный около столицы, оставался пустымъ. Гавани на Невѣ привлекали немногія суда, гнившія въ прѣсныхъ водахъ этой рѣки, Петербургъ не былъ оконченъ по плану его основателя; виднѣлись лишь жалкіе остатки тѣхъ каналовъ, которые должны были уподобить столицу Венеціи.

Тутъ Потемкинъ откатилъ обратно большой брильянтъ и выдвинулъ самый маленькій.

Принцъ де-Линь улыбнулся и продолжалъ:

— Большинство націй, испытавъ иностранное вліяніе на свои нравы, вѣчно находятся въ противорѣчіи съ самими собой, и наблюдатель видитъ въ ихъ жизни картину смѣшенія; но раздоръ въ настоящихъ нравахъ русскаго народа превосходитъ все, что когда-либо наблюдалось самаго страннаго! Ихъ исконная бѣдность и азіатская роскошь; темное невѣжество и манія искусствъ; гордость народа-завоевателя и низкое рабство его; академіи среди безграмотнаго населенія; рыцарскіе ордена въ странѣ, гдѣ самое имя чести неизвѣстно; тріумфальныя арки, трофеи и монументы изъ дерева: все по видимости и ничего на дѣлѣ; тайное ощущеніе своей слабости и состязаніе во всѣхъ родахъ славы знаменитѣйшихъ народовъ,—вотъ что оказалось черезъ полвѣка отъ всѣхъ изумительныхъ трудовъ Петра Перваго, потому что не озаботился дать законы, предоставилъ развиваться всѣмъ порокамъ и призвалъ въ свое государство всѣ искусства прежде, чѣмъ пересоздались нравы. Казалось, предъ нами матерьялы величественнаго зданія, разсыпанные, обветшавшіе и почернѣлые отъ времени прежде употребленія, потому что небрежный архитекторъ заготовилъ

ихъ по ложной мѣркѣ, и, благодаря основной ошибкѣ въ размѣрахъ, едва поднятое надъ фундаментомъ зданіе пришлось оставить за невозможностью его окончить. И нынѣ предъ нами плачевное зрѣлище развалинъ.

Тутъ свѣтлѣйшій убралъ всѣ драгоцѣнные и выкатилъ простой кремешокъ.

— Что же осталось отъ славнаго царствованія преобразователя Россіи?—потѣшаясь игрой камешковъ Потемкина, закончилъ принцъ де-Линь.—Ce n'était pas un empire policé, comme les panégyristes de Pierre ne cessaient de le répéter; c'était un peuple féroce armé de tous les ars de la guerre[1]).

— Прекрасно, принцъ,—сказалъ графъ Кобенцель, пристально смотря на унизанные перстнями волосатые, съ отросшими ногтями и очень грязные пальцы Потемкина.—Пусть русскій народъ и сохраняетъ свою простоту и боевыя качества. Они ему нужны, чтобы побѣждать. И я увѣренъ, что мой всемилостивѣйшій императоръ Леопольдъ задержитъ часть турецкихъ силъ до тѣхъ поръ, пока не падутъ твердыни Измаила. Но не долѣе.

Изъ пальцевъ Потемкина выкатилась цѣлая рѣка брильянтовъ по направленію къ Кобенцелю.

Гаррисъ закусилъ нижнюю губу, подавляя злобную улыбку.

Кобенцель принялся сосать огромную грушу, чмокая и брызжа сокомъ.

— Имѣю честь доложить вашей свѣтлости,—вдругъ громко возвѣстилъ, появляясь въ столовой, Поповъ—нарочный: изъ Парижа съ башмачками для ея сіятельства графини Софіи только что прибылъ. Ваша свѣтлость изволили приказать о его прибытіи доложить вамъ немедленно.

LXV.

Послѣ ужина.

— Кто такой? какой еще нарочный?—поднимая косматую голову, сморщивъ угрюмо лицо и кусая ногти, проговорилъ Потемкинъ.

— Адъютантъ вашей свѣтлости, господинъ Радожицкій,—объяснилъ Поповъ,—посланный вами въ Парижъ въ прошломъ еще году.

— А! правдолюбъ! Вспомнилъ. Такъ чего же онъ столько времени копался въ Парижѣ?

— Не могу знать, свѣтлѣйшій князь!

---

[1]) Не просвѣщенная имперія, какъ не устаютъ повторять панегиристы Петра; но то былъ звѣрскій народъ, вооруженный всѣми искусствами войны.

— Ладно. Вели ему послѣ ужина войти ко мнѣ въ опочивальню. Сударыни,—обратился Потемкинъ къ дамамъ,—ваши парижскія покупки прибыли!

Дамы засмѣялись. Каждая съ трудомъ даже могла припомнить, что именно заказала она купить нарочному въ столицѣ Франціи. Дипломаты высказывали предположенія о томъ, что могло столь задержать нарочнаго.

— Отвѣтъ очень простъ и заключается въ одномъ словѣ: революція!—сказалъ принцъ де-Линь.

Во всякомъ случаѣ всѣ чрезвычайно заинтересованы были прибытіемъ Павла Корнильевича, и когда ужинъ кончился, Потемкинъ удалился и гости его выходили изъ столовой, то окружили дожидавшагося въ одной изъ гостиныхъ молодого человѣка и засыпали его вопросами. Павелъ Корнильевичъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ, этой блестящей компаніи, прелестнымъ дамамъ, и вновь все окружающее, послѣ угрюмыхъ сценъ революціоннаго Парижа, казалось ему волшебнымъ сновидѣніемъ. Годъ почти отсутствія лежалъ между нимъ и великолѣпнымъ дворомъ генералъ-фельдмаршала, а между тѣмъ ему казалось, что онъ мгновѐнно силой волшебства перенесенъ съ одного края Европы на другой. Могущество, сказочная роскошь, слава царствованія самодержавной монархини, воплощенныя въ Потемкинѣ, въ воображеніи молодого человѣка сопоставлялись съ той новой властью, которая, не взирая ни на что, могла держать его плѣнникомъ какихъ-то мѣщанъ и приказчиковъ долгіе мѣсяцы. Какъ-то невольно въ эту минуту, когда принцъ де-Линь и графъ Кобенцель дружественно бесѣдовали съ нимъ, ему припомнился пестро одѣтый милиціонный комиссаръ Кайюсъ Ромулусъ Сцевола, арестовавшій его въ Версалѣ властью коммуны и по приказу муниципалитета. Ему припомнились хвастливыя слова этого самозваннаго офицера изъ портновской лавки, что скоро освобожденная Франція на концѣ сабли понесетъ отъ края до края Европы и всего міра новую власть и силу, которая потрясетъ и низвергнетъ троны царей...

— Итакъ, парижская каналья плѣнила короля и его семейство и увезла въ Парижъ?!—разспрашивалъ принцъ де-Линь.

Радожицкій подробно описалъ сцены октябрьской ночи, и дамы ахали и закрывались отъ ужаса вѣерами и платочками, когда онъ живописалъ явленіе надъ толпою головъ гвардейскихъ офицеровъ, вздѣтыхъ на острія пикъ...

— Возможно ли это терпѣть долѣе!—вскричалъ принцъ де-Линь.—Я твержу постоянно моему колоссу-Потемкину, что судьба французскаго короля связана съ судьбою всѣхъ королей и императоровъ Европы! Невозможно относиться безучастно къ костру, пылающему въ несчастной Франціи. Это скоро поймутъ, когда горящія головни начнутъ падать на крыши сосѣднихъ государствъ. Но я боюсь, что тогда будетъ уже поздно.

Въ эту минуту въ гостиной появилась графиня Софія. Какъ ни ждалъ Павелъ Корнильевичъ встрѣчи съ прелестной, явленіе ея потрясло его. И когда очи красавицы на мгновеніе остановились на молодомъ человѣкѣ и она вдругъ улыбнулась ему, сердце покатилось въ груди его, потерявшійся, онъ сбился, умолкъ и только одного хотѣлъ—пасть предъ нею и коснуться истомленными устами маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ восточныя туфельки съ кривыми носками.

— Мнѣ долго пришлось ждать моихъ парижскихъ башмаковъ, господинъ Радожицкій,—сказала гречанка на особенномъ своемъ французскомъ языкѣ.—Розы расцвѣтали и отцвѣтали. Днѣстръ текъ, текъ. Турки и русскіе дрались, дрались. Мнѣ везли башмаки и изъ Вѣны, и изъ Стамбула, и изъ Лондона, и изъ Петербурга. Но я не хотѣла ихъ носить. Я ждала васъ съ парижскими, ждала, ждала... А вы не ѣхали. Почему?..—съ упрекомъ спрашивала графиня Софія.

По обычаю со стороны мужчинъ поднялся хоръ восторженнаго восхищенія наивной прелестью и своеобразіемъ рѣчей гречанки. И, какъ прежде, слова ея отдались въ сердцѣ Павла Корнильевича диссонансомъ съ опьяняющимъ впечатлѣніемъ отъ восхитительной наружности гречанки. Въ замѣшательствѣ, онъ пробормоталъ извиненія въ томъ, что столь замѣшкался.

— Дурно, очень дурно! Я на васъ сердита!—сказала гречанка, вызывая тонкую морщинку на бѣломъ лбѣ, между писаными бровями. И съ этими словами удалилась.

Выбѣжалъ Поповъ й, подхвативъ нарочнаго подъ локоть, увлекъ его во внутренніе покои свѣтлѣйшаго.

Какими-то коридорами провелъ онъ Радожицкаго въ жарко натопленную спальню Потемкина.

Генералъ-фельдмаршалъ, уже раздѣтый, въ одной рубашкѣ сидѣлъ на кровати и чесалъ всей пятерней волосатую богатырскую грудь. Множество книгъ были грудами безпорядочно наложены кругомъ кровати на креслахъ и просто на полу. То были преимущественно богословскія сочиненія на разныхъ языкахъ.

Страдая безсонницей, по ночамъ Потемкинъ ихъ читалъ одно за другимъ съ поражающей быстротой. Иногда призывалъ онъ къ себѣ еврея-талмудиста и оккультиста, занимавшагося предсказаніями для всей россійской арміи, дѣйствовавшей за Днѣстромъ; съ этимъ евреемъ свѣтлѣйшій велъ длиннѣйшія бесѣды о тончайшихъ мистическихъ вопросахъ, поражая его огромностью своихъ свѣдѣній.

Когда Павелъ Корнильевичъ вошелъ, Потемкинъ устремилъ на него ласковое зрячее око свое.

— А, правдолюбъ!—сказалъ онъ.—Добро пожаловать! Долгонько же вы были въ отлучкѣ!

— Имѣю честь донести вамъ, свѣтлѣйшій князь,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ:—что промедленіе произошло не по моей винѣ: надо мною учинено было насиліе парижскимъ мэромъ Бальи. Задержанный, вопреки моимъ представленіямъ, я только въ іюлѣ получилъ наконецъ свободу.

— Какая дерзость! Какой-то мѣщанскій голова парижскій смѣлъ задержать русскаго офицера, прибывшаго по приказанію моему и самодержицы всероссійской! Арестовать васъ могли только по личному приказу короля.

— Точно такъ, ваша свѣтлость! Но какъ они самого короля арестовали, то, конечно, не считали нужнымъ стѣсняться со мною.

— Вѣрно! Вѣрно!—смѣясь и качая мохнатой головой, сказалъ Потемкинъ.—Парижане окончательно сошли съ ума, къ чему, впрочемъ, искони свойство имѣли. Величайшій изъ ихъ королей, Людовикъ XIV, посѣялъ и величайшее зло въ своемъ королевствѣ отмѣной Нантскаго эдикта. Что же, сіе зло и у насъ посѣяно соборными клятвами 1666 года на древлее благочестіе и двуперстниковъ. Оно у насъ Емелькой Пугачемъ отродилось, такъ еле затушили, и то потому, что съ края началось. А тутъ въ Версалѣ и въ Парижѣ всѣ дрожжи. Но разскажите мнѣ подробно приключенія ваши.

Радожицкій сталъ передавать все слышанное и видѣнное. Потемкинъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, порою качалъ головой, порою смѣялся, иногда вставлялъ короткія замѣчанія, показывавшія, что ему извѣстны такія пружины парижскихъ событій, о которыхъ никому и не грезилось. Разсказъ о посѣщеніи графа Мирабо чрезвычайно заинтересовалъ Потемкина, въ особенности высказанное имъ желаніе, въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ, эмигрировать въ Россію и поступить на службу къ нему.

— Даровитая голова, но суетливъ, непостояненъ, и милостивцы его въ черномъ тѣлѣ держатъ. Я бы имъ воспользовался. Но бѣдный толстякъ слишкомъ во многое впутанъ, чтобы его выпустили теперь за границу.

— Графъ Мирабо! Князь Потемкинъ! — задумчиво произнесъ свѣтлѣйшій.—Что было бы, родись Потемкинъ не въ Россіи, а во Франціи, и дѣйствуй онъ при ничтожномъ добрякѣ Людовикѣ XVI и суетной Маріи-Антуанеттѣ? Что вышло бы тогда изъ Потемкина? Не болѣе, вѣроятно, какъ графъ Мирабо. А родись Мирабо въ Россіи и вступи онъ въ сіяніе славнаго самодержавія великой монархини, безсмертной Екатерины, и былъ бы онъ не менѣе, какъ Потемкинъ! Странная связь существуетъ между нами. Наши гороскопы сходны! Мой жидъ - каббалистъ предсказываетъ, что мы и не переживемъ другъ друга. А мой жидъ никогда не вретъ.

— Если такъ,—улыбаясь, сказалъ Павелъ Корнильевичъ:—то да живетъ графъ Мирабо многая, многая, многая лѣта!

— Спасибо, милый мой. Но я чувствую, что недолговѣченъ. Я на высочайшей точкѣ колеса фортуны. Я смотрю уже не вверхъ, а внизъ...

Свѣтлѣйшій вздохнулъ и погрузился какъ бы въ минутное забвеніе, усиленно окусывая ногти и свѣсивъ львиную гриву на опущенное внизъ лицо.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Потемкинъ очнулся, вскинулъ гриву движеніемъ головы и сталъ задавать разные вопросы Павлу Корнильевичу о состояніи революціоннаго Парижа. По нѣкоторому инстинкту, Павелъ Корнильевичъ не доложилъ свѣтлѣйшему ни о заѣздѣ своемъ, по порученію графини Софіи, въ Венецію, ни о томъ, данномъ ему генералъ-майоромъ Мелиссино, талисманѣ, который оказалъ столь волшебное дѣйствіе на Бальи и Лафайета. Нѣкоторыя подробности перевезенія короля Людовика XVI, королевы Маріи-Антуанетты и августѣйшихъ дѣтей изъ Версаля особенно заинтересовали Потемкина.

Нѣсколько разъ спрашивалъ онъ у Павла Корнильевича, подлинно ли видѣлъ онъ треугольникъ на палкѣ, несомый впереди поѣзда? И на совершенно утвердительный отвѣтъ глубоко задумался, бормоча подъ носъ:

— Нантскій эдиктъ! Нантскій эдиктъ! Республика въ королевствѣ! Всегда была республика въ этомъ королевствѣ! Протестанты Франціи давно ее составляли! А теперь... — Потемкинъ поднялъ голову и воззрился въ своего адъютанта.

— У меня есть тутъ жидъ Исаакъ! Онъ будущее въ облакахъ читаетъ. Онъ уже предсказалъ разрушеніе Бастиліи. Сбылось! Перевозъ короля въ Парижъ тоже онъ мнѣ предсказывалъ. Видишь, и то сбылось! Ну, а что онъ мнѣ въ водѣ показывалъ— того я тебѣ не скажу. Ну, я вашей прямой службой доволенъ, хотя она и мѣшкотной оказалась! Я васъ не забуду. А чтобы вы почаще мнѣ напоминали о себѣ— вотъ вамъ должность: быть при мнѣ постоянно послѣ ужина, пока я васъ не отпущу. Теперь ступайте. А завтра графинѣ башмачки отнесете. Она о васъ частенько вспоминала и очень на промедленіе ваше гнѣвалась. Ужъ откуда только ни привозили башмачки. Нѣтъ, все не по вкусу: подавай парижскіе. Ступайте, мой милый!

LXVI.

Митрофанъ и карликъ.

— Попова!—крикнулъ свѣтлѣйшій.

Поповъ появился, словно изъ-подъ земли выросъ.

— Проводи господина Радожицкаго. И впредь имѣетъ онъ послѣ ужина свободный пропускъ ко мнѣ для занятій.

Поповъ поклонился и, подхватя подъ локоть Павла Корнильевича, вывелъ изъ опочивальни тѣмъ же лабиринтомъ обширнаго дворца какого-то знатнаго молдаванскаго боярина, значительно расширеннаго спѣшными пристройками, который занималъ свѣтлѣйшій. Милостивое распоряженіе исполнило правителя дѣлъ теплымъ участіемъ къ столь благополучно запоздавшему нарочному. Поповъ пустился разспрашивать его о поѣздкѣ. Павелъ Корнильевичъ отвѣчалъ кратко. Особыя заботы проявилъ Поповъ и относительно пріисканія приличнаго помѣщенія въ Бендерахъ, переполненныхъ громаднымъ штабомъ и дворомъ генералъ-фельдмаршала. Онъ немедленно отдалъ нужныя распоряженія, и черезъ полчаса вѣрный Митрофанъ уже раскладывалъ вьюки и сооружалъ походное ложе молодому своему господину. Темная ночь одѣвала Бендеры. Сильный безснѣжный морозъ сковывалъ воздухъ. Въ узкія окна низкаго восточнаго домика съ плоской крышей сверкали огни городка. Лаяли и выли собаки. Слышались протяжные крики часовыхъ. Откуда-то донесся тяжкій грохотъ пушечнаго выстрѣла и трескъ ружейныхъ залповъ. Гдѣ-то въ передовой линіи, видно, случилась ночная вылазка или какой-то переполохъ. Это напомнило Павлу Корнильевичу близость непріятеля. Всѣ мысли его теперь обратились къ полковымъ товарищамъ, къ оставленной имъ родной стихіи военнаго содружества, къ ратнымъ близкимъ подвигамъ. Вотъ когда наконецъ предстоитъ ему та прямая служба, о которой онъ мечталъ. Павелъ Корнильевичъ ужиналъ дорожными своими запасами.

— Ну, вотъ и кончились наши скитанія! А, Митрофанъ!—говорилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Надо быть, одни кончились,—угрюмо отвѣчалъ слуга.

— Кончились, братъ, и преблагополучно. Свѣтлѣйшій обошелся со мною какъ нельзя милостивѣе. А ты еще совѣтовалъ отказаться отъ поѣздки. Видишь, какъ ты глупъ!

— Коли благополучно все окончилось, такъ надо благодарить Владычицу Одигитрію,—сказалъ Митрофанъ.—Не иначе, какъ она, Матушка, намъ помогла въ распроклятомъ Парижѣ! А то быть бы намъ на фонарѣ. Я вѣдь, сударь, своими глазами ихнюю эту расправу видѣлъ, какъ булочника за мошенничество вѣшали. А между тѣмъ я этого булочника отлично узналъ. Постоянно хлѣбъ у него доставалъ. Достойный былъ человѣкъ. Подмастерья народу облыжно донесли на него, и погибъ. Доложу я вамъ, народъ французскій шалый народъ. Живымъ манеромъ на фонарь вздернули.

— Неужели ты это видѣлъ?—удивился Радожицкій.—Что же ты нѣ ничего объ томъ не сказалъ?

— Было о чемъ говорить, о дряни. Ихнія дѣла пусть при нихъ остаются. О хорошемъ говорить—можно пользу найти. А про такія да лучше помолчать.

— А развѣ ты ничего хорошаго въ Парижѣ не видалъ?

— Что же тамъ хорошаго? Квасу, скажемъ, кислой капусты, огурцовъ соленыхъ и того въ лавочкѣ не сыщешь. Жрутъ траву вродѣ лопуха, салатъ этотъ самый, словно какіе козлы. Нѣтъ, худое точно видѣлъ, а хорошаго что-то не попадалось. Совсѣмъ извращенный народъ!

— Что же еще худое ты видѣлъ?—хохоча спрашивалъ Павелъ Корнильевичъ, согрѣвъ себя чаркой травника, купленнаго запасливымъ Митрофаномъ у встрѣчнаго маркитанта.

— Вы изволите смѣяться, батюшка Павелъ Корнильевичъ, а я такое видѣлъ, что на ночь и говорить непріятно. Безстыжія дѣвки разодѣты, груди оголя по домамъ среди бѣла дня ходили, будто съ цвѣтами продавать. И къ вамъ ломились. Да я не допустилъ. «Ахъ! Ахъ! Рюсъ! Бо рюсъ!»—Митрофанъ запищалъ, полагая, что изображаетъ вполнѣ точно парижскихъ нимфъ радости. Про васъ-то говорятъ, что одинокъ, надо ему подружку. А я не будь глупъ, увѣрилъ ихъ, что у васъ ужъ есть своя, домашняя. Такъ и отвадилъ. Да, ваше благородіе, мнѣ одинъ лакей объяснилъ, — вѣжливый человѣкъ, очень хорошій,—такъ-то жаловался на ихнее безобразіе, чрезъ которое всѣ хорошіе господа изъ Парижа поразъѣхались, и служить не у кого. Да, такъ онъ мнѣ объяснилъ, что эти дѣвки — шпіонки, къ иностранцамъ присасываются, и свой барышъ имѣютъ, и все доносятъ, что было и чего не было.

— Я знаю, что ты вѣрный человѣкъ,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ, удивляясь тонкости своего слуги.—Ну, да теперь наши приключенія кончились и пойдетъ прямая служба.

— Дай Богъ!—сказалъ, качая головою, Митрофанъ.—Но только... онъ махнулъ рукой.

— Что только?

— Да ужъ карликъ графининъ меня отыскалъ, пока вы были у свѣтлѣйшаго.

— Какой карликъ?—краснѣя, вскричалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Графини Софіи Виттовой карликъ,—внушительно и строго сказалъ Митрофанъ.—Обѣщалъ еще быть.

— Ахъ, вѣроятно, графиня присылала его за башмачками!—взволнованно говорилъ Павелъ Корнильевичъ.

— За башмачками или за чѣмъ инымъ, того карликъ не сказалъ. Говоритъ, что къ ночи еще будетъ.

Тутъ раздался стукъ во входныя двери домика.

— Да вотъ, вѣроятно, онъ и пожаловалъ,—съ холоднымъ достоинствомъ, избѣгая глазами взволнованнаго молодого господина, сказалъ Митрофанъ и медленно удалился отворить дверь.

Нетерпѣніе молодого человѣка достигло наивысшей степени, между тѣмъ Митрофанъ медлилъ, повелъ длинные переговоры съ прибывшимъ, потомъ непостижимо долго копался, отворяя дверь и впуская посланца графини Софіи.

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось молодому человѣку. Въ немногія мгновенія онъ успѣлъ такъ много перечувствовать, что они показались ему часами. Онъ кипѣлъ и горѣлъ, объятый дурманомъ страсти, словно заразой.

Наконецъ Митрофанъ показался, ведя уродливѣйшаго двугорбаго карлу въ чалмѣ, въ богатомъ восточномъ нарядѣ. Карликъ вѣжливо раскланялся, прикладывая руки къ сердцу и ко лбу и улыбаясь.

Затѣмъ онъ объяснилъ, что его госпожа проситъ господина сейчасъ къ ней прійти съ парижскими башмачками, которые госпожа ждала, ждала, ай, какъ ждала! Тутъ карликъ прищелкнулъ языкомъ и переступилъ съ каблучка на каблучокъ собственныхъ своихъ нарочито высокихъ для увеличенія роста остроносыхъ башмаковъ.

— Пойдемъ, пріятный господинъ! Я проведу тебя къ госпожѣ,— закончилъ карликъ.

Павелъ Корнильевичъ всыпалъ въ широкій рукавъ яркаго халата, въ который былъ одѣтъ карликъ, горсть червонцевъ и просилъ его подождать, пока онъ одѣнется. Выйдя въ другую комнату, принялся онъ распудриваться и распараживаться спѣшно, но съ такою тщательностью, какъ нѣкогда уборнымъ сержантомъ, снаряжаясь къ выходу во дворецъ, торопя и понукая Митрофана, помогавшаго съ видомъ покорнымъ, но тайно осуждающимъ безразсудное поведеніе барина... Наконецъ, изрядившись, въ новой шляпѣ со страусовымъ плюмажемъ, въ кафтанѣ и камзолѣ а ла патріотъ, послѣдней моды, пріобрѣтенныхъ въ Парижѣ, захватя огромный коробъ съ башмачками, Павелъ Корнильевичъ вышелъ къ карлику.

— Я готовъ! Идемъ!—сказалъ онъ, горя нетерпѣніемъ.

Карликъ, лукаво улыбаясь, выразилъ изумленіе изяществу наряда молодого человѣка. Невыразимо безобразная рожа уродца при этомъ коверкалась въ самыя странныя гримасы. Онъ взвалилъ себѣ на спину коробъ съ парижскими покупками, при чемъ халатъ его распахнулся и за поясомъ сверкнули рукояти двухъ кинжаловъ.

— Къ утру будете, что ли?—спросилъ Митрофанъ, выпуская господина.

Павелъ Корнильевичъ вспыхнулъ.

— Молчи, дуракъ,—крикнулъ онъ.—Я тебя слишкомъ избаловалъ. Не твое дѣло соваться съ глупыми вопросами.

И съ этими словами Павелъ Корнильевичъ скрылся во тьмѣ холодной ноябрьской ночи.

Вѣрный Митрофанъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой, тщательно заперъ входную дверь и, вздыхая и кряхтя, возвратился во внутренность дома. Долго еще онъ прибирался, ворча себѣ подъ

носъ, потомъ помолился и прилегъ, подложивъ подъ голову мягкую рухлядь. Сонъ его былъ покоенъ, но тонокъ. Нѣсколько разъ просыпался Митрофанъ и по измѣненію цвѣта ночи въ окнахъ опредѣлялъ время. Господинъ его все еще не возвращался. Онъ вздыхалъ, крестился, переворачивался на другой бокъ и опять засыпалъ. Наконецъ раздался стукъ у входной двери. Митрофанъ вскочилъ. Брезжило утро. За окнами горѣла зимняя багроватая заря. Земля и деревья были покрыты инеемъ. Поспѣшилъ Митрофанъ отворить дверь, но вмѣсто ожидаемаго господина увидѣлъ передъ собою офиціанта въ сѣрой курткѣ и штиблетахъ и съ толстымъ золотымъ аксельбантомъ, изъ слугъ свѣтлѣйшаго.

— Вы ли Митрофанъ?—спросилъ вѣжливо офиціантъ.

— Да, я Митрофанъ,—угрюмо отвѣтилъ Митрофанъ господину съ аксельбантомъ.

— Человѣкъ господина Радожицкаго, адъютанта свѣтлѣйшаго?—еще вѣжливѣе спросилъ офиціантъ.

— Человѣкъ,—столь же угрюмо отвѣтилъ Митрофанъ.

— Вашъ баринъ просили меня вамъ передать ихъ приказаніе немедленно осѣдлать и взвьючить лошадей и, выѣхавъ на дорогу въ Измаилъ, ждать на ней ихъ прибытія.

Офиціантъ съ легкимъ поклономъ удалился.

А Митрофанъ съ минуту молча смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ плюнулъ и пошелъ сѣдлать лошадей.

LXVII.

Первая награда.

Карликъ провелъ Павла Корнильевича къ задней части дворца, занимаемаго свѣтлѣйшимъ. Черезъ калитку въ толстой каменной оградѣ вступили они въ треугольный дворъ, вымощенный мраморомъ. Посреди его росъ кипарисъ и былъ устроенъ водоемъ, прикрытый каменной скульптурной крышкой. Высокія стѣны съ узкими, стрѣльчатыми, а въ иныхъ мѣстахъ круглыми и въ видѣ сердца окошечками, выходили на дворъ. Окошечки были устроены безъ соблюденія всякой симметріи, и золоченыя деревянныя рѣшетки въ нихъ показывали, что эта часть строеній служила для гиникея молдаванскаго боярина, устроеннаго въ подражаніе константинопольскимъ сералямъ. Черезъ родъ ниши съ колоннами маленькій уродецъ повелъ молодого адъютанта по отлогому, гладкому, безъ ступеней всходу, устланному ковромъ. Такъ постепенно поднимался этотъ особый видъ лѣстницы, что нога не чувствовала ни малѣйшаго утомленія. Восточная лѣнь вдохновляла строителя. Обширная зала открылась. Полъ ея былъ выложенъ драгоцѣннымъ розовымъ деревомъ, стѣны — яшмой и лаписъ-ла-

зурью. Великолѣпный золотой восточный арабескъ широкимъ кружевомъ бѣжалъ по карнизу. Куполовидный потолокъ покрытъ былъ особымъ орнаментомъ—«сталактитомъ», облицованнымъ зеркалами, и потому отражалъ и тысячекратно повторялъ огни многосвѣчныхъ канделябровъ, такъ что весь потолокъ свѣтился и горѣлъ, словно объятый пожаромъ.

Кромѣ низкихъ и широкихъ дивановъ вдоль стѣнъ, столовъ съ мозаикой и инкрустаціями и курильницъ, насыщавшихъ залу какимъ-то чуднымъ, весеннимъ ароматомъ, здѣсь ничего не было. Зала была пустынна. Но въ концѣ ея огромную дверь, утопавшую въ украшеніяхъ, стерегли два исполина-гайдука въ гусарской одеждѣ, вооруженные саблями, пистолетами и кинжалами. Гайдуки стояли неподвижно, какъ статуи, такъ что сначала взоръ смѣшивалъ ихъ съ прочими украшеніями монументальной, какъ соборная, двери. Подведя Радожицкаго ко входу въ святилище, карла три раза мѣрно всплеснулъ руками. Въ огромной двери вдругъ отскочила маленькая дверца и выбѣжала миловидная дѣвушка въ костюмѣ парижской субретки, какъ будто на сценѣ при началѣ комедіи. Карликъ съ рукъ на руки передалъ ей адъютанта и коробъ съ парижскими покупками. Опустивъ лукавые глазки и чуть улыбаясь розовыми устами, субретка наклоненіемъ головы дала знакъ молодому человѣку пройти въ маленькую дверцу. Исполины стояли попрежнему, неподвижные, словно неодушевленные и незрячіе, но, минуя ихъ, Павелъ Корнильевичъ испыталъ странное, жуткое ощущеніе, такъ грозна была ихъ покоящаяся сила. Впрочемъ, волненіе молодого человѣка дошло до высшей степени. И онъ не зналъ, бодрствуетъ или грезитъ, не зналъ, что ожидаетъ его, но только сердце росло въ груди его и какъ-то тяжело стукало.

За восточной огромной залой оказалось многое множество маленькихъ покоевъ, отдѣланныхъ въ стилѣ парижскихъ салоновъ и гостиныхъ вѣка Людовика XV. Застланные коврами полы, расписные потолки съ амурами, граціями, богами, пасторальными сценами, букетами и гирляндами цвѣтовъ, гобелены, картины, штофные обои, множество прихотливыхъ, мелкихъ, мягкихъ мебелей, все въ неопредѣленныхъ лиловато-сизоватыхъ и золотисто-розовыхъ тонахъ лѣтняго вечерняго неба въ часъ заката, окрашивающаго мелкія облачка-барашки такъ нѣжно, съ такой грустной и задумчивой граціей. Всюду бросалось въ глаза множество драгоцѣнныхъ произведеній искусства, статуэтокъ, часовъ, вазъ, букетовъ изъ фарфора и самоцвѣтныхъ камней. Уборы изъ брильянтовъ, жемчуговъ, смарагдовъ и изумрудовъ небрежно брошены были на столикахъ, на пузатыхъ комодикахъ съ живописью и зеркалами. На креслахъ, козеткахъ, софахъ лежали скомканныя, брошенныя накидки, мантильи изъ кружевъ, шелка, бархата, драгоцѣненныхъ мѣховъ. Въ одномъ укромномъ уголкѣ смятыя по-

душки на диванчикѣ, миніатюрная книжка въ красномъ сафьянѣ, золотообрѣзная, брошенная раскрытыми листами подъ носъ дремлющей болонкѣ; восточныя туфельки на тигровой шкурѣ подъ ножками диванчика наполнили трепетомъ грудь гвардейца. Видно было по симъ слѣдамъ, что еще нѣсколько минутъ тому назадъ здѣсь сидѣла сама прелестная... Субретка остановилась и поставила на кресло коробъ съ покупками, дала знакъ Павлу Корнильевичу ждать здѣсь и, поднявъ драпировку, безшумно исчезла. Болонка открыла каріе умные глаза, посмотрѣла на молодого человѣка съ равнодушнымъ пренебреженіемъ и, опять смеживъ волосатыя вѣки, стала дремать... Павелъ Корнильевичъ, затаивъ дыханіе, стоялъ, и все въ глазахъ его туманилось и меркло. Но вдругъ драпировка откинулась, и вошла графиня Софія. И мгновенно все засверкало и засіяло вокругъ. До мученія сладкій восторгъ подступилъ слезами къ горлу бѣднаго Павла Корнильевича. А гречанка остановилась въ трехъ шагахъ и смотрѣла на него спокойно своими «прекрасными глазами». Она была въ европейскомъ костюмѣ. Волосы ея, слегка лишь тронутые пудрой и приподнятые золотисто-коричневой лентой, разсыпались каскадомъ локоновъ. Алая роза, искусно сдѣланная изъ камней, и зерна жемчужной нити, извивавшейся между прядями волосъ, украшали стройную, античную головку. Легкая полупрозрачная косынка прикрывала плечи и открытую грудь сильно вырѣзаннаго пастоpальнаго платьица ея—розоваго, съ ткаными букетами бѣлыхъ розъ. Но лицо красавицы замѣтно поблѣднѣло и похудѣло за то время, что ее не видѣлъ Павелъ Корнильевичъ. Тѣнь легла вокругъ очей. Но они стали отъ того еще больше, еще лучистѣе. А грусть и забота, выражавшіяся въ нихъ, сдѣлали мягче и еще неотразимѣе взоръ красавицы.

— Здравствуйте, господинъ адъютантъ,—сказала она.

Придерживая шпагу, низко поклонился ей Павелъ Корнильевичъ.

— Исполнили вы мои порученія?—продолжала графиня Софія.

— Исполнилъ, графиня,—отвѣчалъ нарочный.

— Всѣ мои порученія вы исполнили? — ударяя на первомъ словѣ, продолжала она.

— Всѣ, графиня.

— Итакъ, вы заѣзжали въ Венецію? — при этомъ вопросѣ въ очахъ гречанки стало темно и холодно, такъ что жутко было смотрѣть Павлу Корнильевичу. Однако онъ, словно зачарованный, смотрѣлъ во мракъ очей ея

— Вы заѣзжали, да? И получили... то, что вамъ нужно было получить?

Радожицкій кивалъ молча.

— А! Покажите!..

Павелъ Корнильевичъ досталъ бумажникъ и одинъ за другимъ подавалъ графинѣ тонкіе, плоскіе флаконы, полученные имъ отъ венеціанскаго алхимика. Молча, внимательно разсматривала она каждый флаконъ. Лицо ея еще больше поблѣднѣло, губы сжались рѣзко, морщинка набѣжала между бровей на бѣломъ лбу. Разсмотрѣвъ флаконы, она подала ихъ обратно Радожицкому.

— Спрячьте и храните ихъ при себѣ!—низкимъ, почти шепчущимъ голосомъ произнесла она.

И вдругъ улыбнулась и глянула на него такъ сладко, что вся кровь кинулась въ голову молодому человѣку. Все улыбаясь, она опустилась на софу и, указавъ мѣсто около себя, сказала:

— Садитесь, господинъ адъютантъ!

Онъ колебался, не осмѣливался.

— Садитесь! Садитесь!—повторила графиня Софія.

Павелъ Корнильевичъ сѣлъ съ почтительной осторожностью въ уголъ софы.

— Ближе! Сядьте ближе!—сказала она.

Павелъ Корнильевичъ придвинулся. Софія вся сіяла улыбкой. Глаза ея ласково засматривали ему въ сердце, сіяли, манили и сулили блаженство. Все пошло кругомъ Павла Корнильевича. Вдругъ ея руки стремительно обвили его шею, жаромъ и нѣгой обдала его прижавшаяся благоуханная грудь, и поцѣлуй, долгій поцѣлуй отнялъ у молодого человѣка послѣднюю искру воли и смысла.

Но вслѣдъ за тѣмъ графиня оттолкнула Павла Корнильевича и отстранилась отъ него, а болонка, оскаливъ бѣлые зубки, недовольно заворчала. Графиня Софія набросила на нее кружевной, надушенный амброй платочекъ, словно хотѣла скрыть происходящее даже и отъ этого единственнаго четвероногаго свидѣтеля.

— Это первая награда! — прошептала она, опуская длинныя рѣсницы на пламенные глаза.—Это первая награда. Но я много, много еще потребую отъ васъ... О, много должны вы еще выполнить, если хотите полной награды...

Она умолкла. И вдругъ лицо ея приняло прежнее задумчивое и озабоченное выраженіе, и глаза потемнѣли, полные тоски.

— Только зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ долго оставались въ этомъ противномъ Парижѣ! Беззаботный! Если бы вы знали, какъ мнѣ были нужны и какъ... въ какомъ затрудненіи я находилась, не имѣя совершенно преданнаго и вѣрнаго человѣка... Вы вѣдь совершенно преданный мнѣ человѣкъ?

— Совершенно, графиня,—отвѣтилъ Павелъ Корнильевичъ, къ которому вновь возвратились сознаніе, смыслъ и рѣчь.

— И вѣрный... Вѣдь вы вѣрный человѣкъ, да? — спрашивала графиня, съ какой-то почти дѣтской мольбой и надеждой обращаясь къ молодому человѣку.

— Да, графиня, я человѣкъ вѣрный,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ. И вдругъ покраснѣлъ. И вдругъ словно кинжалъ полоснулъ его по сердцу. Нестерпимая тоска, почти ужасъ прогнали на мгновеніе всѣ сладкіе сны его. Строгій, далекій образъ слабо стенящей тѣнью прорѣялъ мимо него. И онъ созналъ всю бездну своего паденія, созналъ невозвратность своего паденія, созналъ себя лжецомъ, клятвопреступникомъ. Но гречанка устремила на него довѣрчивый и благодарный взоръ. Улыбнулась, заговорила, и онъ все опять забылъ и видѣлъ только одну ее въ мірѣ, одну слышалъ и, какъ большая собака, готовъ былъ служить и вилять хвостомъ, лизать руку и нести поноску...

LXVIII.

Легкое порученіе.

— Сядьте вотъ туда,—сказала графиня Софія, показывая на кресло.—Поговоримъ о дѣлѣ. Я уже сказала, что потребую отъ васъ еще многихъ, многихъ порученій. Но вотъ пока одно: сейчасъ отправляйтесь въ Измаилъ.

— Порученіе ваше, графиня, не трудное, — сказалъ улыбаясь Павелъ Корнильевичъ.—Однако, будучи адъютантомъ свѣтлѣйшаго и употребленнымъ для ночныхъ дежурствъ и нарочитыхъ порученій князя, ни на минуту отлучиться я отъ сихъ мѣстъ не могу безъ его личнаго разрѣшенія. Итакъ, если вамъ, графиня, желательно, чтобы я сейчасъ ѣхалъ въ нашъ лагерь подъ Измаиломъ...

— Разрѣшеніе свѣтлѣйшаго вы сейчасъ получите, господинъ адъютантъ,—перебила гречанка.—Но я посылаю васъ не въ русскій лагерь подъ Измаиломъ, я васъ посылаю... — она понизила голосъ,—я васъ посылаю въ самый осажденный русскими городъ Измаилъ!

— Въ Измаилъ? Въ самый городъ Измаилъ? — изумился Павелъ Корнильевичъ.—Но какъ же я проникну въ осажденный непріятельскій городъ?

— Я вамъ это сейчасъ объясню, господинъ адъютантъ. Но прежде надо получить разрѣшеніе свѣтлѣйшаго.

Съ этими словами графиня достала со столика маленькую аспидную доску съ привязаннымъ на золотой цѣпочкѣ грифелькомъ и что-то на ней нацарапала.

— Юзыся!—звонко крикнула она потомъ. Знакомая Радожицкому субретка мгновенно появилась.

Графиня Софія не глядя протянула ей аспидную дощечку. Принявъ ее, субретка исчезла.

— Разрѣшеніе свѣтлѣйшаго вы получите сейчасъ,—увѣренно повторила она.—Въ Измаилъ вы должны выѣхать на зарѣ, но со-

вершенно незамѣтно. Поэтому отъ меня сейчасъ пошлите къ себѣ на домъ человѣка, приказать вашему денщику явиться съ осѣдланными лошадьми на дорогу въ Измаилъ. Сами вы пройдете туда окраинами города, закутавшись въ плащъ, чтобы даже и случайные встрѣчные не могли узнать, кто вы.

— Я, всеконечно, исполню приказанія ваши, графиня, но все же я не знаю, какъ дѣйствовать по прибытіи въ нашъ лагерь?—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

Гречанка быстро посмотрѣла на него.

— Вы знаете господина Адольфа Поппе?—спросила она.

— Поппе! Кто такой? Позвольте,—припомнилъ Павелъ Корнильевичъ:—это офицеръ драгунскаго полка, бывшій адъютантомъ при полковникѣ Пушковѣ, взятомъ затѣмъ генераломъ по пиротехнической части въ главную фельдмаршальскую квартиру...

— Да, это онъ. Теперь Адольфъ Поппе состоитъ при командирѣ резервовъ бригадирѣ Вестфаленѣ. Онъ тоже преданный мнѣ человѣкъ и...—красавица улыбнулась,—вѣрный, какъ и вы. Только я Адольфа никогда къ вамъ не приравняю, не бойтесь,—быстрымъ шопотомъ докончила она.—Адольфъ—нѣмецъ и больше ничего, вы же такой... рыцарь. Да! Вѣдь вы мой рыцарь? Вы ничего для меня не пожалѣете? Да?!...

— Я жизнь мою отдамъ за вашъ единый взглядъ, графиня,—пылко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Да, я это знаю. Но мнѣ жизни вашей не надо. Ахъ, мнѣ такъ мало отъ васъ надо! Такъ мало!.. Чтобы вы всегда, всегда исполняли безпрекословно и немедленно все, что только я вамъ прикажу.

И гречанка, говоря это, смотрѣла на Павла Корнильевича дѣтскимъ, наивнымъ взглядомъ огромныхъ очей своихъ.

Павелъ Корнильевичъ улыбнулся своеобразности женской логики.

— Какъ чаятельно приказанія ваши не могутъ противорѣчить долгу службы или чести...—началъ онъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—перебила его красавица, хмурясь и топая ножкой.—Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! У васъ одна теперь служба—мнѣ. Да, служите мнѣ, дѣлайте, что я вамъ приказываю, и тогда... Въ лагерѣ вы найдете Адольфа Поппе, и онъ научитъ васъ, какъ пробраться въ Измаилъ. Вы только скажите ему пароль: «роза и кинжалъ»—и онъ будетъ знать, что это я васъ прислала... А теперь передъ отъѣздомъ вамъ слѣдуетъ покушать и выпить кубокъ вина.

Графиня Софія поднялась съ диванчика.

— Вы не сказали еще мнѣ, графиня, что собственно мнѣ придется дѣлать въ осажденномъ городѣ?—спросилъ точный Павелъ Корнильевичъ.

— Вы не знаете? Развѣ вы не знаете что моя родная сестра Марія замужемъ за измаильскимъ пашой? Нѣтъ?! Ну, такъ вотъ я васъ и посылаю къ ней провѣдать о здоровьи. Но вотъ и разрѣшеніе.

Въ покой вошла субретка и подала госпожѣ аспидную дощечку.

— Вотъ разрѣшеніе. Прочтите.

Графиня Софія передала дощечку Павлу Корнильевичу.

На своеобразномъ французскомъ языкѣ съ невозможными орѳографическими ошибками было нацарапано рукою графини:

«Адъютантъ Радожицкій меня просилъ отпустите въ Измаилъ для свиданья съ пріятелями семь дней нужно

Графиня Софія».

Подъ этими строчками по-русски рукою свѣтлѣйшаго было изображено:

«Отпускаю. Въ срокъ явиться.

Грицко Нечеса».

Не безъ изумленія смотрѣлъ на дощечку Павелъ Корнильевичъ. До сихъ поръ ему еще не приходилось пользоваться такими своеобразными отпусками.

— Я опасаюсь, графиня, что это сотрется!—сказалъ онъ, подавая ей аспидную доску.

— Сотрется?—переспросила та.

— Конечно.

И кружевнымъ платочкомъ она стерла слѣды грифеля.

— Но въ такомъ случаѣ я не буду имѣть оправдательнаго документа предъ своимъ начальствомъ,—забезпокоился ужасно Павелъ Корнильевичъ.—А свѣтлѣйшій за множествомъ дѣлъ можетъ забыть о данномъ мнѣ отпускѣ, и тогда выйдетъ недоразумѣніе...

— Я вамъ сказала уже, что отнынѣ нѣтъ у васъ другого начальства, кромѣ меня!—возразила рѣзко графиня.—Ахъ, какой вы!—мягче прибавила она.—Пойдемте ужинать.

Съ поклономъ подалъ ей руку молодой адъютантъ. Она пошла съ нимъ черезъ рядъ покоевъ и ввела въ просторную столовую. Въ каминѣ здѣсь пылалъ цѣлый костеръ ароматическихъ чинаровыхъ дровъ. На столѣ приготовлены были два прибора. Севръ стоялъ на тарелкахъ изъ червоннаго золота. Кушанья въ серебряной посудѣ, вино въ хрустальныхъ художественныхъ кувшинахъ, плоды въ чеканныхъ вазахъ. Графиня посадила Радожицкаго.

— Я вамъ буду служить сама. Я буду угощать васъ. Кушайте!

Она подносила ему то одного, то другого. Это былъ скорѣе ранній завтракъ, чѣмъ ужинъ, потому что въ раздвинутыя дра-

пировки венеціанскаго окна столовой уже лился блѣдный свѣтъ туманнаго разсвѣта, мѣшаясь странно съ огнями канделябровъ и отблесками камина.

— Выпейте этотъ кубокъ до дна за нашу пріязнь!—сказала она, наполняя темнымъ душистымъ виномъ объемистый чеканный кубокъ.—Это вино съ острова Хіоса! Оно отнимаетъ всѣ горести, всякую заботу! Выпейте этотъ кубокъ въ дорогу на счастье. Прекрасная рука вамъ его наливаетъ. Вотъ! Я сдѣлаю больше!

Она прикоснулась устами къ краю кубка.

— Видите, я отпила. Теперь вамъ будетъ пить сладко, сладко!

Да, она говорила правду. Сладко было пить этотъ кубокъ молодому человѣку. До дна осушилъ онъ его за здоровье прекрасной.

— Уже разсвѣтаетъ!—сказала гречанка.—А вамъ нужно незамѣтно прокрасться изъ дворца и потайно итти городомъ. Вотъ вамъ длинный и широкій плащъ. Закутайтесь въ него съ головой. Вотъ такъ! Торопитесь! Исполните лишь точно мое приказаніе, а когда возвратитесь... Будетъ еще награда! Ахъ, какая большая награда будетъ!.. Юзыся!..

LXIX.

Старые знакомые.

Уже около часа ждалъ Митрофанъ на пустынной измаильской дорогѣ у заставы. Все побѣлѣло вокругъ. Благородный Макромегасъ продрогъ на утренникѣ и нетерпѣливо перебиралъ копытами на мерзлой землѣ.

Вдругъ изъ переулка вышелъ закутанный въ черный плащъ человѣкъ и, подойдя къ Митрофану, сбросилъ плащъ ему на руки. Изумленный Митрофанъ увидѣлъ своего господина. Не говоря ни слова, Павелъ Корнильевичъ вошелъ затѣмъ въ караульную и обратился къ дремавшему офицеру съ приказаніемъ пропустить его съ служителемъ черезъ заставу.

— По личному приказанію свѣтлѣйшаго и не отмѣчая въ реестрѣ!—добавилъ онъ.

— По личному приказанію!—мгновенно вытягиваясь, подобострастно вскричалъ офицеръ.—Если не ошибаюсь, вижу предъ собой личнаго адъютанта свѣтлѣйшаго господина Радожицкаго!

— Да, я адъютантъ свѣтлѣйшаго и спѣшу по важному, личному дѣлу князя. Не задерживайте!

— Сію минуту! — засуетился офицеръ и, выскочивъ изъ караульни, крикнулъ часовому у шлагбаума:—Подвысь!

Павелъ Корнильевичъ вскочилъ на поданнаго Митрофаномъ, отъ радости при видѣ господина заржавшаго, Макромегаса.

Митрофанъ взгромоздился между вьюками на своего кауряго. И оба съ мѣста въ карьеръ, по знакомой Митрофану неразсудительной манерѣ Павла Корнильевича, понеслись по дорогѣ въ Измаилъ.

Караульный офицеръ раскланивался имъ вслѣдъ, разводя рукою и треугольной плоской шляпой съ плюмажемъ.

Долго мчался Павелъ Корнильевичъ, пока уходился и самъ, и конь его. Противорѣчивыя чувства и мысли сталкивались и боролись въ немъ. Честной его природѣ было противно взятое порученіе. Думалъ ли онъ, что исканіе «прямой службы» приведетъ его къ ремеслу соглядатая и шпіона? Если бы еще предстояло ему только пробраться въ осажденный городъ и собрать свѣдѣнія о положеніи непріятеля, но того мало! Узнавать приходилось чрезъ женщину, сестру графини Софіи.

Итакъ, правильныя сношенія и шпіонство установлены были, очевидно, между двумя сестрами... Положимъ, военныя хитрости допустимы, ибо обоюдны. Зная, когда именно придетъ къ Измаилу подкрѣпленіе, свѣтлѣйшій могъ разсчитать съ совершенной точностью рѣшительный ударъ непріятельской крѣпости.

Но если бы старый полковникъ, отецъ Павла Корнильевича, узналъ, что сынъ его употребленъ на такое темное предпріятіе и повинуется къ тому же прекрасной женщинѣ, въ которую влюбленъ,—покачалъ бы онъ головой!

Чрезвычайно непріятно было Павлу Корнильевичу и то обстоятельство, что предстояло обращаться къ этому Поппе—личности, произведшей на него самое дурное впечатлѣніе. Къ тому прибавлялось и непріятнѣйшее чувство, вызванное въ немъ похвалами графини вѣрности этого противнаго, подленькаго нѣмчика. И хотя графиня прибавила, что никогда не поставитъ его рядомъ съ Поппе, это не успокоило ревнивыхъ и унизительныхъ подозрѣній, родившихся въ немъ. Напротивъ, тутъ-то и загрызли молодое сердце влюбленнаго темныя и ужасныя подозрѣнія. Нѣсколько десятковъ верстъ, которыя предстояло проѣхать, брали достаточно времени, чтобы среди пустыннаго уединенія степи, подъ хмурымъ небомъ, борясь съ порывами бурнаго, холоднаго и мокраго вѣтра, ночью, во мракѣ встрѣчая лишь горящіе волчьи глаза и слыша волчій голодный вой, утромъ теряясь въ поднявшемся туманѣ,—размыслить, охладить кровь и чувства. Къ тому же, выйдя изъ непосредственнаго обаянія красавицы, отдѣленный отъ нея все возрастающимъ пространствомъ, Павелъ Корнильевичъ вновь обрѣлъ часть своей свободы, и воля и смыслъ стали къ нему возвращаться. Но, обдумавъ на всѣ лады положеніе, въ которое поставила его роковая страсть, Павелъ Корнильевичъ успокоился на той мысли, что развѣдки его въ осажденной турецкой крѣпости, если окончатся благополучно, могутъ принести великую пользу отечеству. Jus

patriae sacrum въ данномъ случаѣ оправдываетъ пріемы темнаго шпіонства.

Къ лагерю подъ Измаиломъ пріѣхалъ Павелъ Корнильевичъ поздно къ ночи. На заставѣ объясненія его о личномъ приказѣ свѣтлѣйшаго не убѣдили караульнаго офицера, требовавшаго письменнаго пропуска.

— Долженъ я въ такомъ разѣ, господинъ адъютантъ, доложиться высшему моему начальнику,—сказалъ наконецъ офицеръ.

— А кто вашъ высшій начальникъ?

— Господинъ Поппе.

— Поппе! Прекрасно. Онъ знаетъ меня лично. Пригласите его сюда, и дѣло выяснится въ малое время.

— Если вы знаете господина Поппе, то вотъ какъ мы поступимъ,—сказалъ офицеръ.—Они теперь въ сборной съ прочими господами офицерами, за скукою лагернаго нашего бездѣлья, заложили, конечно, фараонъ. Поэтому бросать игру и въ ночной тьмѣ, по грязи черезъ весь лагерь сюда итти не пожелаютъ. Оставьте здѣсь вашего человѣка съ лошадьми. Онъ пріютится въ караулкѣ. А я съ вами отправлю рядового. Онъ проводитъ васъ къ господину Поппе и принесетъ отъ него насчетъ вашего пропуска приказаніе. Вы же можете въ сборной и обогрѣться, и поѣсть, и выпить, и поставить карту, другую.

— Благодарю васъ. Придумали отлично.

Съ этими словами Павелъ Корнильевичъ бросилъ поводья Митрофану, соскочилъ съ добраго коня, и чрезъ минуту уже шелъ за рядовымъ между землянками, въ темнотѣ. Только огни въ окошечкахъ землянокъ, тамъ и сямъ горящіе костры озаряли холодную, вѣтряную и ненастную ночь. Кругомъ раздавались глухіе звуки замиравшей лагерной жизни, ржаніе коней и собачій лай.

«Сборная» была большимъ сараемъ съ обмазанными глиной стѣнами и прилаженными окошечками. Въ нихъ мерцали свѣчи. Двери были открыты настежъ. Изъ нихъ валилъ табачный дымъ столбомъ, и несся нестройный гомономъ спорящихъ голосовъ, стукъ стакановъ и бутылокъ, звонъ кидаемыхъ червонцевъ. Шло, очевидно, угощеніе и сильнѣйшая игра. Подойдя къ дверямъ, Павелъ Корнильевичъ въ туманной атмосферѣ сарая увидѣлъ толпу офицеровъ. Одни тѣснились къ столу, гдѣ шла игра, и закусывали и пили у другого стола. Другіе прогуливались по сараю.

— Выпьемъ, государи мои!—услышалъ онъ знакомый, хриплый голосъ.—Выпьемъ! что наша жизнь?

Ни счастья твердаго, ни разума безъ вздору,
Ни наслажденья безъ суетъ—
Въ семъ мірѣ нѣтъ!
Но вся людская жизнь—игра, мечта и сонъ!

Павелъ Корнильевичъ по этимъ стихамъ и пьяному голосу сейчасъ узналъ капитана Ходоровскаго, едва не обчистившаго его карманы въ почтовомъ домѣ на могилевской дорогѣ. Подлинно то былъ онъ, по обычаю, безъ парика, съ рубцомъ отъ турецкой сабли черезъ весь черепъ, въ грязномъ, измятомъ кафтанѣ, съ развязанными лентами короткихъ панталонъ, съ чулками, спустившимися къ икрамъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ бутылку, а другой обнималъ юнаго офицера съ простодушнымъ, упитаннымъ, круглымъ лицомъ, одѣтаго щегольски, державшаго въ рукѣ драгоцѣнную табакерку. Подъ другую руку поддерживалъ его тоже старый знакомый—Уланіусъ.

— Отыграешься, графъ! Выпей пока!—кричалъ Уланіусъ, поднося стаканъ къ устамъ юнаго офицера.—Ужъ его «волшебный старичокъ» никогда не ошибался!

Изъ этихъ словъ Павелъ Корнильевичъ заключилъ, что теплые ребята околпачивали какого-то молодого и богатаго графчика. Между прогуливавшимися офицерами замѣтилъ онъ и господина Поппе и прямо направился къ нему.

Едва Поппе увидѣлъ адъютанта свѣтлѣйшаго,—мгновенно весь расплылся въ сладчайшую улыбку и разсыпался въ любезнѣйшихъ привѣтствіяхъ; услыша, что онъ прибылъ по словесному приказу генералъ-фельдмаршала, а офицеръ на заставѣ сомнѣвался пропустить его въ лагерь, Поппе разразился бранью на глупость офицера, не умѣющаго различать людей, и, выскочивъ къ рядовому, приказалъ ему немедленно вести къ сборной служителя и лошадей съ вьюками господина адъютанта. Между тѣмъ Уланіусъ и капиталъ Ходоровскій, бросивъ юношу, за которымъ ухаживали, устремились къ Павлу Корнильевичу. Нашлись и еще знакомые среди офицеровъ. А остальные спѣшили знакомиться. Метавшій банкъ, тоже небезызвѣстный Радожицкому высокій, красивый полякъ подошелъ съ французскимъ комплиментомъ.

— А мы уже думали,—кричалъ Уланіусъ:—что тебя парижская ракалья на фонарь вздернула!

— Не хотите ли закусить съ дороги, господинъ Радожицкій?—предложилъ Поппе. — А вашъ человѣкъ съ вьюками сейчасъ будетъ.

— И выпить! ночь холодна и вѣтрена!—подхватилъ Уланіусъ.

— А потомъ, можетъ быть, они пожелаютъ заложить хорошенькій фараончикъ?—вкрадчиво закинулъ полякъ.

— Какъ тогда, на могилевской дорогѣ, помнишь? ха! ха! ха! разразился Уланіусъ.

— Мой «старичокъ» къ вашимъ услугамъ!—прохрипѣлъ капитанъ Ходоровскій.

— Закусить и выпить чарку не откажусь,—сказалъ Радожицкій, подходя съ офицерами къ столу съ бутылками и закусками.—

А что касается фараона и ломбера, то мой служитель Митрофанъ не позволяетъ мнѣ играть!

— Митрофанъ! Этотъ старый чудакъ! Что, онъ и въ Парижъ съ тобой ѣздилъ?—шумно хохоча, кричалъ Уланіусъ.

— Ѣздилъ, пріятель, ѣздилъ!—отсмѣивался Радожицкій.

— Еще онъ тогда на могилевской дорогѣ вообразилъ, будто я... будто мы... ха! ха! ха! хотѣли съ тебя поясъ съ червонцами стащить!

— Вообразилъ, пріятель, вообразилъ.

— Старое чучело! Ха! ха! ха!

Тутъ раздался топотъ коней, и скоро въ дверяхъ появилось вытянутое желтое лицо самого «стараго чучела».

— Вотъ онъ! здорово, парижанинъ! ха! ха! ха!

Митрофанъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на всю компанію и скрылся опять во мракѣ ночи.

Между тѣмъ Уланіусъ знакомилъ Радожицкаго съ молодымъ щеголемъ. То оказался недавно прибывшій изъ Петербурга графъ Путятинъ. Онъ заговорилъ съ Павломъ Корнильевичемъ о дворѣ, свѣтѣ, актрисахъ Эрмитажа и, въ свою очередь, разспрашивалъ о парижскихъ событіяхъ. Любопытство тутъ стало общимъ. Разспрашивали о Лафайетѣ, о Мирабо. Разсказъ Павла Корнильевича о плѣненіи короля и о собственномъ арестѣ офицеромъ изъ портновской лавки и особенно хвастливыхъ словахъ его, что скоро французскіе революціонеры на концѣ сабли понесутъ свободу всей Европѣ и низвергнутъ съ престоловъ царей, произвелъ сильное впечатлѣніе на офицеровъ русской самодержицы.

— Властію коммуны и народа!—повторялъ гуляка Уланіусъ.— Ну, въ россійскихъ странахъ пока все творится властью святой фортуны и кривого случая!

— Я довольно разсказалъ вамъ о Парижѣ,—сказалъ Радожицкій. Скажите вы теперь, что подѣлываете здѣсь, подъ Измаиломъ?

— Что? Извѣстно что! Я на камешкѣ сижу, да на Измаилъ гляжу!—съ досадой отвѣчалъ капитанъ Ходоровскій.—Двѣ трети солдатъ болѣютъ кровавымъ поносомъ, а мы только и живы ломберомъ, фараономъ и штосомъ! Штурмовать пора, штурмовать!

— Да! да! Штурмъ! штурмъ!—закричали офицеры.

— Когда штурмовать крѣпость, про то знаютъ командиры,— сказалъ Поппе:—а мы, господа, будемъ пока штурмовать сіи бутылки и блюда! Надо вамъ сказать, господинъ Радожицкій, что сегодня день моего рожденія, и я устроилъ товарищамъ сію пирушку.

Предложеніе мирнаго штурма принято было съ величайшимъ сочувствіемъ. А пока господа офицеры наливали и пили рюмки и стаканы, Радожицкій отошелъ съ Поппе и шепнулъ ему:

— Я имѣю къ вамъ порученіе отъ графини Софіи!

— Я къ вашимъ услугамъ!—отозвался Поппе.

— Въ такомъ случаѣ выйдемте отсюда и пройдемте въ вашу палатку,—продолжалъ Радожицкій.

Поппе кивнулъ головой и, пользуясь общимъ одушевленіемъ «штурмующихъ» закусочный столъ, они незамѣтно выскользнули изъ сарая.

Поппе повелъ Радожицкаго по спящему лагерю. Вѣтеръ палъ. Небо расчистилось отъ хмурыхъ паровъ. Сіялъ тонкій серпъ луны. Вдали сверкали воды широкаго Дуная и темнѣли громады укрѣпленій Измаила, серебрились высокіе минареты, купола и плоскія крыши домовъ непріятельскаго города.

Съ глубокимъ волненіемъ Павелъ Корнильевичъ взиралъ на эту картину.

Вдругъ Поппе остановился и, оглянувшись во всѣ стороны, приникъ къ уху Радожицкаго.

— Если васъ посылаетъ подлинно графиня Софія, то скажите лозунгъ,—прошепталъ онъ.

— Роза и кинжалъ!—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.

Едва онъ произнесъ эти слова, Поппе вдругъ схватилъ его руку и подобострастно ее поцѣловалъ.

LXX.

Старшій иллюминатъ.

Павелъ Корнильевичъ вздрогнулъ и отдернулъ руку со смѣшаннымъ чувствомъ изумленія, отвращенія и почти ужаса.

— Что вы дѣлаете, господинъ Поппе?—вскричалъ онъ.

— Воздаю почесть знакамъ высокаго посланничества, которые явно лежатъ на васъ, высокопочтеннѣйшій мастеръ!—отвѣчалъ Поппе. При сіяніи луны блѣдное лицо его приняло странное выраженіе глубокаго, затаеннаго и фанатическаго восторга.

— За кого вы меня принимаете? И кто такой вы самъ?—все болѣе теряясь предъ загадочностью поступковъ, словъ и преображенія спутника, спросилъ Павелъ Корнильевичъ. Никогда не думалъ онъ, что отталкивающая слащавая и пошлая бѣлобрысая физіономія съ перваго раза внушившаго ему самое полное недовѣріе нѣмчика могла озаряться такимъ внутреннимъ свѣтомъ.

— Кто вы—мнѣ открыли священныя слова, вами произнесенныя,—съ покорнымъ почтеніемъ отвѣчалъ Поппе.—Достаточно мнѣ знать одно, что вы такое лицо, по первому требованію котораго я отдамъ все, самую мою жизнь. Въ силу обѣтовъ и данной клятвы лицу, которое обладаетъ такими священными словами, я обязанъ сказать все, что только онъ пожелаетъ узнать изъ мнѣ извѣстнаго, передать ему все, что только мнѣ ввѣрено для храненія, если онъ того потребуетъ, исполнить для него все, что только въ моихъ силахъ.

Говоря это Поппе сложилъ на груди руки, прижимая ихъ ладонями и склонилъ голову, всѣмъ видомъ выражая глубочайшую покорность.

На мгновеніе пришла въ голову Павлу Корнильевичу мысль, что Поппе его дурачитъ, но нѣтъ, не было явно притворства въ этой согбенной фигурѣ. Или это умалишенный? Или самъ онъ бредитъ?

— Клянусь вамъ, Поппе, что я самъ лишь при отъѣздѣ изъ Бендеръ отъ графини Софіи снабженъ былъ словами, которыя вы называете священными. Удивительное ихъ на васъ дѣйствіе я вижу, но смысла, видитъ Богъ, не знаю!

— Мнѣ все равно! Мнѣ все равно!—бормоталъ Поппе, не мѣняя покорной позы:—я обязанъ вамъ безусловнымъ повиновеніемъ.

— Если такъ, я спрошу васъ одно: кто же вы самъ?

— Я Діомедъ, старшій иллюминатъ ложи Химеры и Буревѣстника, высокопочтеннѣйшій мастеръ!—сейчасъ же отвѣчалъ Поппе.

— Иллюминатъ!..

Павелъ Корнильевичъ отступилъ въ ужасѣ. Отъ графа Мелина онъ много слышалъ о фанатической сектѣ иллюминатовъ; старый франкмасонъ выражалъ глубокое отвращеніе къ сей богопротивной сектѣ, какъ онъ выражался, отрицающей всѣ божескія и человѣческія установленія, семейство и частную собственность, царскую власть и церковную іерархію и мечтающей найти первобытный рай въ скотоподобномъ равенствѣ.

Графъ Мелинъ особенно внушалъ Павлу Корнильевичу остерегаться иллюминатовъ, имѣвшихъ особый институтъ «братьевъ-вербовщиковъ» и, такъ называемыхъ, «вкрадывающихся братьевъ». Этихъ агентовъ секты своей иллюминаты имѣли во всѣхъ столицахъ міра, при всѣхъ дворахъ, во всѣхъ слояхъ европейскихъ обществъ. Графъ Мелинъ говорилъ, что иллюминаты—злокачественная язва, разлагающая, разъѣдающая и отравляющая священный союзъ человѣчества—орденъ свободныхъ каменщиковъ и строителей великаго храма свободы и братства по истиннымъ чертежамъ Архитектора вселенной. Не имѣя сихъ чертежей и не понимая ихъ, секта иллюминатовъ въ лицѣ ея основателей, профессора каноническаго права Адама Вестгаупта и ганноверца барона Книгге, развратнаго и безчестнаго авантюриста, отравила масонство іезуитствомъ, ибо Адамъ Вестгауптъ воспитывался въ коллегіи отцовъ, и хотя проникся къ нимъ неугасимой ненавистью, но основы устройства ихъ ордена, пріемы шпіонства и уловленія въ сѣти неопытныхъ перенесъ въ свою анти-адонирамическую, преступную секту. Вступивъ въ масонство, именно въ мюнхенскую ложу св. Теодора, подъ сѣнью ея коварный Вестгауптъ

развилъ свою организацію, разсчитывая создать изъ всѣхъ отраслей свободнаго каменщичества эклектическую систему и стать во главѣ ея и всѣхъ масоновъ Европы. Въ самомнительномъ стремленіи ускорить преображеніе дряхлаго міра и освобожденіе его отъ царей и поповъ, тираніи предразсудковъ, лжи и угнетенія, но не зная и не понимая истиннаго чертежа сего преображенія, безумный Адамъ Вестгауптъ училъ, что прежде, чѣмъ строить, должно разрушить и расчистить мѣсто для стройки. Отъ своего учителя, таинственнаго армянина Альтатоса, обитавшаго въ Египтѣ, въ пирамидѣ Хеопса, и владѣвшаго тайной чтенія іероглифовъ, Вестгауптъ узналъ многіе секреты и между прочимъ секретъ устройства особыхъ коробокъ и ларцовъ, которые при открываніи воспламенялись и страшной силой взрыва газовъ убивали открывшаго. Вестгауптъ владѣлъ еще секретомъ, какъ наполнять комнаты ядовитыми, но не имѣющими никакого запаха испареніями и удушать спящихъ въ нихъ, причемъ никакой врачъ не могъ опредѣлить загадочной причины смерти... Эти секреты и многіе другіе передалъ Вестгауптъ своимъ адептамъ, заставляя ихъ воспитывать въ себѣ жестокосердіе и безстрашіе, какъ подвергая пыткамъ животныхъ, такъ и поражая въ мрачной обстановкѣ украшенной мертвыми костями и гробами ложи кинжалами восковыя фигуры тѣхъ лицъ, которыхъ иллюминаты считали врагами своими или своего дѣла. Ужасныя мистеріи развивали изступленный фанатизмъ адептовъ. Іезуитская дисциплина дѣлала младшаго члена секты глиной и воскомъ въ рукахъ старшихъ. И такой-то иллюминатъ стоялъ теперь предъ Павломъ Корнильевичомъ и онъ являлся обладателемъ таинственной власти надъ нимъ. Зачѣмъ, съ какою цѣлью вручена была ему эта власть? Разсчитывали возбудить его любопытство и чрезъ низшія степени, по узнаніи тайнъ ихъ отъ старшаго иллюмината, прямо возвести его на какую-нибудь высшую степень Малыхъ и Большихъ Таинствъ или въ градусы шотландскихъ рыцарей, тоже имѣвшіеся, какъ онъ слышалъ, въ эклектической системѣ Вестгаупта? И какую роль въ иллюминатствѣ занимала графиня Софія? Почему она прибѣгала къ содѣйствію этой секты, дабы провести его въ непріятельскую крѣпость? Павелъ Корнильевичъ терялся въ догадкахъ, мысли его кружились, между тѣмъ какъ Поппе безмолвно, въ той же покорной позѣ, склонивъ блѣдное лицо, стоялъ предъ нимъ, озаренный луной, среди безмолвнаго, темнаго лагеря русскихъ силъ, въ виду серебристыхъ водъ не застывшаго еще Дуная и грозящихъ за нимъ твердынь Измаила.

Наконецъ Павелъ Корнильевичъ опомнился, и природный здравый смыслъ сказалъ ему, какъ выйти изъ страннаго положенія, въ которое насмѣшливая судьба поставила искателя «прямой службы».

— Господинъ Поппе, покорнѣйше прошу васъ не принимать меня за того, кѣмъ я никогда не былъ и чаятельно никогда и не буду. Я освѣдомленъ, что въ наши дни вся Европа кишитъ тайными орденами и обществами и самое братство свободныхъ каменщиковъ имѣетъ многія отрасли, пришедшія въ противорѣчіе и даже взаимно враждующія. Но я къ сему лунатическому міру нимало не принадлежу, и даже въ простые Іоанновы степени символическихъ градусовъ не вступилъ, хотя и имѣлъ въ Петербургѣ достаточные къ тому случаи. Я лишь нѣсколько вникалъ во внутреннее, свободное масонство и розенкрейцерство, не относительно таинствъ, но лишь немногихъ общихъ великихъ истинъ, распространеніе которыхъ нечувствительною перемѣною народныхъ умствованій, дѣйствительно, можетъ привести народы къ освобожденію изъ цѣпей рабства предразсудкамъ и идолопоклонства деспотамъ и къ преображенію сей скорбной и плачевной земли и темныхъ, скупыхъ и равнодушныхъ къ стонамъ несчастныхъ небесъ въ новую, счастливую и свободную землю, въ новыя, благодѣтельныя небеса. Въ это я вѣрю. Но все мастерство мое въ стремленіи оказать пользу ближнимъ моимъ и любезному отечеству. Итакъ, господинъ Поппе, вспомните мундиръ вашъ и прямое воинское званіе. А никакого старшаго иллюмината ложи Химеры и Буревѣстника я не хочу знать, и васъ прошу не давать мнѣ званія мастера, мнѣ не принадлежащаго, но токмо титуловать секундъ-майоромъ храбрыхъ ея императорскаго величества войскъ.

Поппе выслушалъ эту рѣчь Павла Корнильевича, не возражая ни слова. Но на блѣдномъ лицѣ его мало-по-малу исчезло лунатическое отраженіе внутренняго экстаза. Оно приняло обычное, пошлое и непріятное выраженіе. Выпуклые, безцвѣтные глаза его засверкали фальшивой, холодной игрой, и на губахъ выступила злая, тонкая усмѣшка. Онъ вдругъ отнялъ руки отъ груди и, хлопнувъ правой по плечу Радожицкаго, сказалъ фамильярно:

— Вы совершенно правы, господинъ секундъ-майоръ? Вы совершенно правы. Итакъ, сочтите игрой мѣсячнаго свѣта то видѣніе, которое вамъ здѣсь предстало. Но все же моя обязанность помочь вамъ въ исполненіи порученія, которое получено вами отъ графини Софіи. Скажите, въ чемъ оно состоитъ?

— Я долженъ проникнуть въ непріятельскую крѣпость, — невольно краснѣя, сказалъ Павелъ Корнильевичъ, — съ тѣмъ, чтобы увидѣть сестру графини.

— Я къ вашимъ услугамъ, господинъ секундъ-майоръ. Дѣйствительно, между нами произошло недоразумѣніе. И я не могу понять, [illegible]то побудило графиню Софію снабдить васъ лозунгомъ, который [illegible]ается, дается... лицамъ, ищущимъ совершенно не того и не съ [illegible]ю цѣлью, чего ищете вы. Но... прошу васъ пожаловать въ мою [illegible]латку. Тамъ мы обсудимъ, какимъ образомъ вамъ проникнуть [illegible] эти стѣны. — Поппе указалъ на Измаилъ.

LXXI.

Путь въ бурьянѣ.

Павелъ Корнильевичъ провелъ въ палаткѣ Поппе три дня, пока послѣдній велъ таинственныя приготовленія къ предстоявшей авантюрѣ.

Какъ всегда не одобряющій поступки молодого господина своего, многоопытный Митрофанъ выражалъ на длинномъ и желтомъ лицѣ своемъ крайнюю степень неудовольствія. Къ господину Поппе старый слуга питалъ полное недовѣріе, какъ и ко всей его компаніи. Видя, что господинъ часто удалялся съ Поппе и совѣщался съ нимъ о дѣлахъ, слугѣ неизвѣстныхъ, Митрофанъ вывелъ заключеніе, что это къ добру не поведетъ, и съ видомъ покорнаго року фаталиста ожидалъ грядущихъ непріятностей.

Отъ бездѣлья, осматривая лагерь, Павелъ Корнильевичъ былъ пораженъ представшей картиной общей скудости, болѣзней и унынія, въ которыхъ пребывали какъ нижніе чины, такъ и офицеры. Болѣзни, преимущественно кровавый поносъ отъ дурной воды, свирѣпствовали и косили особенно молодыхъ солдатъ-новобранцевъ. И солдаты, и офицеры совершенно обносились, по причинѣ дурного качества доставляемой интендантами аммуниціи. Долгое бездѣйствіе развило духъ тоскующаго недоумѣнія и недовольства медлительностью генералъ-фельдмаршала. Офицеры громко роптали. Командиры были задумчивы. Грозныя твердыни Измаила дразнили воображеніе избалованныхъ побѣдами, неутомимыхъ и неустрашимыхъ героевъ. Особенно поразилъ лагерь подъ Измаиломъ Павла Корнильевича потому, что онъ могъ сравнить его съ утопающими въ роскоши Бендерами, гдѣ жизнь свѣтлѣйшаго и его двора протекала, какъ волшебный, упоительный сонъ среди непрестанныхъ празднествъ, гдѣ все ласкало взоръ и слухъ, гдѣ цѣлый цвѣтникъ прелестнѣйшихъ женщинъ заставлялъ забывать о близости непріятеля и суровыхъ ужасахъ войны.

— Я не понимаю, почему медлитъ штурмомъ свѣтлѣйшій? — выражалъ господину Поппе свои недоумѣнія Павелъ Корнильевичъ. — Или онъ хочетъ долговременной осадой истомить противника? Но, кажется, эта осада, благодаря хищничеству поставщиковъ, болѣе истощаетъ насъ самихъ, нежели непріятеля. А между тѣмъ къ Измаилу подойдетъ подкрѣпленіе.

Поппе не отвѣчалъ ни слова и лишь загадочно улыбался.

Къ вечеру на третій день пребыванія Павла Корнильевича въ лагерѣ подъ Измаиломъ Поппе сказалъ, что все готово и они около полуночи должны пробраться къ окружающимъ крѣпость рвамъ со стороны Бендерскихъ воротъ.

Когда наступила совершенная темнота, чему способствовало хмурое, загроможденное снѣговыми тучами небо, оба вышли изъ лагеря и стали пробираться зарослями изсохшаго, разросшагося въ цѣлый лѣсъ бурьяна, который покрывалъ огромное низменное пространство. Поппе тащилъ съ собою узелъ и порою, когда уставалъ, передавалъ его Павлу Корнильевичу. Впрочемъ, узелъ не слишкомъ былъ вѣсокъ. Въ немъ положена была какая-то мягкая рухлядь. Ввѣрившись своему путеводителю, привыкшій за послѣдній годъ къ самымъ необыкновеннымъ приключеніямъ, Павелъ Корнильевичъ молча шагалъ по узкой дорожкѣ въ могучемъ бурьянѣ. Онъ не разспрашивалъ о принятомъ Поппе планѣ дѣйствія. Смутно было на душѣ его, но онъ утѣшалъ себя пословицей: «Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Когда уже изъ-за верхушекъ бурьяна поднялись валы и стѣны крѣпости, Поппе остановился, и трижды промяукалъ по-кошачьи. Въ отвѣтъ раздалось такое же мяуканье, и вдругъ зашелестили раздвигаемыя чащи бурьяна, и изъ нихъ вышелъ долгоносый и смуглый человѣкъ въ фескѣ и турецкомъ нарядѣ, но, повидимому, грекъ. По крайней мѣрѣ онъ обмѣнялся съ Поппе нѣсколькими фразами на ново-эллинскомъ языкѣ. Потомъ, приподнявъ феску и улыбнувшись, онъ вѣжливо привѣтствовалъ Павла Корнильевича уже на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Между тѣмъ Поппе досталъ откуда-то увѣсистый кошелекъ и передалъ греку. Звякнуло при этомъ золото. Развязавъ затѣмъ узелъ, Поппе вынулъ оттуда полный нарядъ турецкой женщины съ наличникомъ.

— Вамъ придется перерядиться въ это платье, господинъ секундъ-майоръ!—сказалъ онъ Павлу Корнильевичу.

— Какъ! Я долженъ играть роль женщины! Но почему же вы меня не предупредили объ этомъ?—возмутился Радожицкій.

— Что васъ такъ тревожитъ? Вообразите себѣ, что вы ѣдете въ маскарадъ въ уборѣ турчанки. Развѣ вамъ не случалось въ бытность уборнымъ сержантомъ переодѣваться въ иной полъ?

— Правда, какъ-то случилось одѣваться Семирамидой, но вѣдь то совсѣмъ другое дѣло,—говорилъ бѣдный Павелъ Корнильевичъ.

— Поспѣшите, добрый господинъ,—сказалъ грекъ.—Караулъ въ воротахъ могутъ смѣнить, и тогда все пропало.

Дѣлать было нечего, и съ помощью грека Павелъ Корнильевичъ превратился въ высокую турчанку. Густая сѣтка скрыла лицо его.

— Что бы ни происходило и кто бы васъ о чемъ ни спрашивалъ, молчите, добрый господинъ,—предостерегъ грекъ и затѣмъ, взявъ Павла Корнильевича за руку, повелъ его тропинкой къ крѣпостному рву. Пройдя краемъ рва нѣсколько шаговъ, при чемъ часовой на стѣнѣ все время смотрѣлъ въ сторону, мурлыкая пѣсню

и совершенно не замѣчая идущихъ внизу подъ его носомъ, грекъ съ турчанкой достигли узкаго мостика, переброшеннаго черезъ ровъ къ маленькимъ воротцамъ въ стѣнѣ. На мосту стоялъ дюжій турокъ, опершись на огромную, древней конструкціи пищаль съ двумя ятаганами за поясомъ. Подойдя къ нему, грекъ молча досталъ полученный отъ Поппе кошелекъ и, распустивъ шнурки, вынулъ оттуда три червонца и положилъ ихъ на протянутую ладонь часового. Ощутивъ благородный металлъ, янычаръ обнажилъ бѣлые, какъ слоновая кость, зубы и показалъ движеніемъ головы на ворота, желая этимъ дать понять, что проходъ въ нихъ свободенъ. Не безъ внутренняго волненія, выразившагося учащеннымъ біеніемъ сердца, вступилъ Павелъ Корнильевичъ, скрытый подъ внѣшностью турчанки, въ ворота турецкой твердыни. И въ самомъ дѣлѣ, ремесло лазутчика онъ пробовалъ еще въ первый разъ. Впрочемъ, не страхъ, а скорѣе стыдъ испытывала его честная натура при этомъ первомъ опытѣ и въ то же время любопытство. Было что-то влекущее и сладко волнующее въ открывавшейся возможности заглянуть въ непріятельскій городъ, въ охраняемую, неприступную твердыню... Но ничего особеннаго не открывалъ сквозь сѣтку наличника взоръ соглядатая, узкія, кривыя улицы города съ темными плоскокрытыми домами, нагроможденными въ безпорядочномъ смѣшеніи, были тихи и пустынны. Стая худыхъ, грязныхъ псовъ бродила, отыскивая поживу въ изобильно текущихъ въ канавахъ посреди мостовой помояхъ. Такой способъ очистки города достаточно заражалъ воздухъ, и въ одномъ особенно узкомъ и совершенно темномъ переулкѣ Павелъ Корнильевичъ едва не задохся подъ наличникомъ. Оглянувшись на городскія стѣны, могъ онъ замѣтить крайне ветхое ихъ состояніе, чего снаружи не казалось. Во многихъ мѣстахъ толстая стѣна обсыпалась, и кирпичъ отставалъ слоями. Правда, то было старое наружное укрѣпленіе. Скоро они достигли воротъ внутренней стѣны города. Эти ворота были закрыты толстѣйшей желѣзной рѣшеткой и стерегъ ихъ цѣлый отрядъ янычаръ, подъ начальствомъ толстопузаго, важнаго турка, сидѣвшаго въ нишѣ на креслѣ и курившаго трубку.

Проводникъ Павла Корнильевича съ низкими поклонами приблизился къ толстяку. Нѣсколько понаторѣвъ въ разговорномъ турецкомъ языкѣ, Павелъ Корнильевичъ могъ понять послѣдовавшее затѣмъ между ними объясненіе.

— Звѣзда храбрости, расцвѣтающая роза здоровья и стройная пальма мудрости, мой господинъ, повели отворить рѣшетку и пропустить смиреннаго купца съ его товаромъ!—сказалъ сладчайшимъ голосомъ грекъ, вынимая волшебный кошель и распуская его шнуры.

— Невѣрная собака! Грязный плутъ! Фальшивая греческая лисица!—отвѣчалъ свирѣпымъ голосомъ толстый турецкій воена-

чальникъ на комплименты грека. Ты слишкомъ часто принялся таскаться со своимъ товаромъ по ночамъ, когда всѣ добрые люди предаются сну!

— Украшеніе воинствъ! Что же дѣлать, если правовѣрные требуютъ этого товара? Ты самъ знаешь, что у паши много сыновей.

— Проходи, побродяга, проходи!—запуская руку въ подставленный кошелекъ и стараясь захватить пальцами какъ можно болѣе червонцовъ, столь же свирѣпо сказалъ турокъ.—Только подыми наличникъ и дай намъ хотя полюбоваться кушаньемъ, припасеннымъ тобою для сыновей паши!

— Невозможно, господинъ, невозможно!—поспѣшно пряча кошелекъ съ оставшимся золотомъ, сказалъ грекъ.—Даже воздухъ и лунный свѣтъ не должны видѣть ту, которая удостоится вниманія столь высокихъ лицъ.

Турокъ махнулъ чубукомъ. Рѣшетка завизжала и поднялась вверхъ.

Солдаты хотѣли уже пропустить въ ворота грека съ его «товаромъ», какъ вдругъ изъ башни выскочилъ молодой турокъ, съ опухшимъ отъ сна лицомъ.

— Что это? кому поднимаютъ рѣшетку?—заоралъ онъ, протирая кулаками глаза.—Какъ! Впускать ночью въ верхній городъ людей, не обыскавъ ихъ! Я этого не позволю.

Павелъ Корнильевичъ ощупалъ кинжалъ, спрятанный подъ нижней одеждой, намѣреваясь дорого отдать жизнь, если въ самомъ дѣлѣ приступятъ къ обыску и обнаружатъ, кто скрывается подъ одѣяніемъ турецкой дамы.

Но грекъ прибѣгъ все къ тому же волшебному кошелю, и успокоенный турокъ убрался опять досыпать въ башню.

Грекъ съ «товаромъ» (довольно оскорбительно было Павлу Корнильевичу узнать, роль какого «товара» онъ теперь играетъ!) вступилъ черезъ гулкія, огромныя ворота въ верхнюю часть города, расположенную на возвышенномъ берегу Дуная, гдѣ раскинулись обширные чертоги, гаремъ, сады, дворы и всевозможныя зданія дворца извѣстнаго своей храбростью трехбунчужнаго Айдалзи-Мегметъ-паши и его сыновей.

LXXII.

Жена трехбунчужнаго паши.

Небо очистилось. Тонкій серпъ мѣсяца озарилъ городъ. Среди дворовъ, башенъ, балконовъ, куполовъ, зубчатыхъ стѣнъ, садовъ сіяніе мѣсяца разлилось серебристыми ручьями, мѣшаясь съ глубокими тѣнями.

Все молчало. Пустынный Измаилъ и дворецъ паши мирно спали. Только стражи на башняхъ крѣпостныхъ стѣнъ перекликались, протяжно поперемѣнно произнося священный стихъ Корана. Ноч-

ные гости проходили въ этомъ спящемъ волшебномъ царствѣ, и никто не попадался имъ навстрѣчу. Наконецъ подошли они къ высокой облицованной мраморомъ стѣнѣ громаднаго зданія. Почти незамѣтная маленькая дверь была у основанія стѣны, на которой больше не замѣчалось ни окна, ни какого-либо отверстія еще. Около двери росла могучая чинара и раскидистая верхушка ея достигала хитраго восточнаго арабеска карниза. Противъ двери была огромная куча кухонныхъ остатковъ, испускавшая мало привлекательный запахъ. Грекъ осторожно стукнулъ въ дверь. Она отворилась. Высунулась черная жирная рожа со сверкающими бѣлками. То былъ старшій евнухъ сераля славнаго Айдалзи-Мегметъ-паши.

Сквозь сѣтку наличника Павелъ Корнильевичъ видѣлъ весь гористый берегъ, застроенный зданіями Измаила, видѣлъ внизу все теченіе Дуная, сверкавшее при мѣсячномъ сіяніи, видѣлъ заросшій камышами островъ на немъ и далѣе низменный русскій берегъ, весь окутанный непроницаемымъ туманомъ. Тамъ скрывался русскій лагерь. Горизонтъ закрывали горы, увѣнчанныя снѣгами. Кивнувъ головой греку, евнухъ отодвинулъ отъ двери жирное, облеченное въ халатъ тѣло и пропустилъ гостей внутрь зданія. Они вступили въ длинный ходъ съ сводчатымъ потолкомъ, слабо озаренный гдѣ-то впереди мерцавшимъ свѣтомъ. Евнухъ, захлопнувъ двери, повелъ гостей. Душный, спертый былъ воздухъ въ лабиринтѣ восточнаго жилища. Темныя ниши дверей вели въ каморки, гдѣ, повидимому, хранились разные запасы дворца. По крайней мѣрѣ въ одной, гдѣ горѣлъ фонарь, лежала груда мѣшковъ съ мукой. Евнухъ шелъ впереди, переваливаясь жирнымъ тѣломъ. Скоро повернули они въ другой такой же ходъ. И все по бокамъ были кельи. Но изъ нѣкоторыхъ несся густой храпъ. Видно, тамъ спали прислужники. Наконецъ евнухъ привелъ грека и Павла Корнильевича въ довольно просторную комнату со стрѣльчатымъ окномъ; въ слюдяныя оконца проникалъ мѣсячный свѣтъ. А глиняная плошка съ налитымъ масломъ и горящей свѣтильней висѣла подъ сводомъ на цѣпочкахъ. Большое масляное пятно, видимо давно уже заведенное, чернѣло на полу. Обычная восточная обстановка была въ комнатѣ. Низкій диванъ по стѣнамъ. Столикъ съ инкрустаціями. Большое, но тусклое зеркало въ стѣнѣ. Комнату пересѣкала ниша, въ которой висѣла занавѣска. Очевидно, за нею былъ другой покой.

Евнухъ поставилъ грека и Павла Корнильевича посреди комнаты противъ занавѣски, и потомъ прежде, чѣмъ успѣлъ русскій опомниться, рукою, привыкшей распоряжаться съ женскими одеждами, откинулъ сѣтку съ лица мнимой турчанки.

— Ай! ай!—сказалъ онъ, прищелкнувъ языкомъ,—какая красавица!

Павелъ Корнильевичъ смутился и покраснѣлъ, бросивъ взглядъ на отраженіе высокой фигуры своей въ стѣнномъ зеркалѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не гвардейскій ростъ, безусое и безбородое лицо молодого человѣка могло бы сойти за дѣвичье, такъ нѣжна и румяна была кожа, которая не грубѣла отъ вѣтра и мороза и не загорала отъ солнца. Сама государыня въ бытность Радожицкаго въ уборныхъ сержантахъ, проходя какъ-то, изволила съ улыбкой замѣтить, сколь бѣлъ и нѣженъ сей кавалеръ, яко бы красная дѣвица.

— Ждите здѣсь,—сказалъ по-турецки евнухъ.

И скрылся за занавѣской въ нишѣ.

Минуты шли за минутами. Полная тишина была кругомъ. Однако, мало-по-малу изощрившійся въ ночномъ молчаніи слухъ Павла Корнильевича сталъ улавливать глухіе, но разнообразные звуки, несшіеся изъ глубины восточнаго дворца. Вотъ послышалось журчаніе и плескъ водомета; вотъ картаво закричалъ попугай; вотъ кто-то забредилъ во снѣ; раздалось щелканье туфель по каменнымъ плитамъ; протяжно забормоталъ стихи Корана чей-то голосъ. Загадочно бродили эти звуки чуждой жизни, и странно, дивно было Павлу Корнильевичу сознавать себя среди этого недоступнаго міра.

Но вотъ въ нишѣ за занавѣской почудился шорохъ. Кто-то былъ теперь тамъ. Даже занавѣска заколебалась, и чуть раздвинулись ея края. Кто-то, очевидно, разсматривалъ изъ-за нихъ Павла Корнильевича. Вдругъ занавѣска медленно отодвинулась.

Павелъ Корнильевичъ увидѣлъ передъ собою полукруглую комнату съ тремя слюдяными, стрѣльчатыми окошечками. Винтовая лѣстница спускалась въ нее съ одной стороны. Стѣны обтянуты были циновками съ вышитыми плодами, цвѣтами, текстами Корана. Полъ устланъ ковромъ. На грудѣ вышитыхъ подушекъ, брошенныхъ на полъ, сидѣла женщина, совершенно укутанная богатыми восточными тканями, съ лицомъ, закрытымъ такимъ же сѣтчатымъ наличникомъ, какой недавно скрывалъ черты переодѣтаго русскаго. Около сидѣвшей женщины стояла другая, тоже съ головой укутанная и закрытая, но только во все черное.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Обѣ женскія фигуры не шевелились, какъ изваянія.

Грекъ низко опустилъ голову и прижалъ ладони къ груди, выражая высочайшее почтеніе къ закутанной особѣ.

Подъ сѣткой сидѣвшей вдругъ раздался голосъ, произнесшій нѣсколько словъ по ново-гречески. Несмотря на низкія ноты голоса, Павелъ Корнильевичъ сейчасъ же узналъ сестру графини Софіи, такъ было схоже его выраженіе съ голосомъ прелестной! Но явно было, что говорила женщина значительно старше лѣтами Софіи.

Послѣ этого грекъ немедленно выкрался на цыпочкахъ изъ покоя, тщательно притворивъ за собою дверь.

Павелъ Корнильевичъ остался глазъ на глазъ съ закутанными особами. Опять послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

Потомъ тотъ же знакомый голосъ сказалъ по-французски:

— Вы ли посланный моей сестры Софіи?

Павелъ Корнильевичъ узналъ теперь и французскій, своеобразный языкъ. хотя еще болѣе неправильный и то сбивавшійся въ произношеніи на греческій, то на турецкій.

Онъ отвѣсилъ низкій, почтительный поклонъ, причемъ, забывая о своемъ своеобразномъ нарядѣ, привычнымъ жестомъ придержалъ на боку незримую шпагу.

— Точно такъ, сударыня,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ,—я посланъ вашей сестрой, графиней Софіей, съ порученіемъ узнать о вашемъ здоровьѣ. Имѣя тяжелыя предчувствія, графиня чрезвычайно безпокится.

— Благодарите сестру и скажите ей, что наше здоровье подобно плодовому дереву въ охранѣ надежной ограды, прикрытому сѣткою отъ хищниковъ-птицъ. Мы были бы счастливы и цвѣли и наливались, и давали прекрасный плодъ, если бы не тайный червь, точащій сердцевину нашего дерева. Напишите сестрѣ, что въ ея рукахъ жизнь и свобода наша. Пусть она помнитъ это и не ослабѣваетъ въ борьбѣ. Передайте это все ей, молодой человѣкъ.

— Я исполню приказаніе ваше въ точности, сударыня,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ, стараясь отпечатать въ памяти восточные обороты рѣчи супруги трехбунчужнаго паши.

— Скажите ей, чтобы не дремала. Мы знаемъ легкое сердце нашей любезной сестрицы. Непостоянное, оно предано удовольствіямъ. Передайте ей, чтобы она помнила о крови, текущей въ ея жилахъ, о томъ общемъ источникѣ, изъ котораго она течетъ. Какъ двѣ вѣтви цвѣтущей яблони, съ одного ствола протянувшіяся съ границы во владѣнія двухъ смертельныхъ враговъ, въ то время, какъ они лакомятся нашими плодами, будемъ помнить, что мы съ одного ствола, и общій корень насъ питаетъ.

Марія помолчала.

— Какую должность занимаете вы при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ?—спросила она затѣмъ.

— Я адъютантъ свѣтлѣйшаго, — отвѣчалъ, невольно краснѣя, Павелъ Корнильевичъ.

— Такъ. Но если сестра послала васъ, она убѣждена въ вашей вѣрности. Итакъ, передайте сестрѣ, что Измаилъ истомленъ долгой осадой. Болѣзни и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ ослабили наше войско. Но отъ Стамбула идетъ подкрѣпленіе. Оно здѣсь будетъ черезъ двѣ недѣли, и тогда намъ не страшны враги. Прощайте, молодой человѣкъ. Да охранитъ васъ на обратномъ пути

незримый небесный стражъ и судьба пусть вынетъ вамъ счастливый жребій!

Вслѣдъ за тѣмъ занавѣска сама собой задернулась и скрыла отъ взоровъ Павла Корнильевича таинственныхъ женщинъ.

Тутъ въ комнату вошли грекъ и евнухъ, неся свернутый большой коверъ. Опустивъ на полъ, они раскатали его, и евнухъ, показывая на коверъ, сказалъ по-турецки Павлу Корнильевичу:

— Ложись покойно!

— Какъ? Зачѣмъ?—изумился Павелъ Корнильевичъ.

— Ложитесь, господинъ,—подтвердилъ грекъ:—мы васъ закатаемъ и вынесемъ. Иначе никакъ нельзя.

— Почему нельзя иначе? Да я не хочу, — возмутился Павелъ Корнильевичъ.

— Не спорь, господинъ. У насъ нѣтъ времени ни минуты. Сейчасъ всѣ просыпаться станутъ и если найдутъ здѣсь тебя, то всѣмъ намъ одинъ конецъ—вздѣнутъ на крюкъ за ребра и оставятъ клевать воронамъ. У турокъ такой обычай. Ложись же, господинъ, скорѣе! Если бы можно было иначе, сдѣлали бы.

Доводы грека были слишкомъ убѣдительны. Нечего дѣлать, Павелъ Корнильевичъ растянулся на коврѣ, въ достаточной мѣрѣ пропыленномъ. Они закатали гвардейца, подняли и понесли. Долго колыхался Павелъ Корнильевичъ, лежа въ пыльной мглѣ. Слышалъ онъ, что несли его по лѣстницѣ. Наконецъ свѣжій воздухъ проникъ къ нему въ пыльный свертокъ. Онъ услышалъ плескъ воды и поскрипываніе лодки. Изъ этого заключилъ, что его вынесли на берегъ Дуная. Вотъ опустили его въ лодку, и она поплыла... Вода журчала за кормой. Мѣрно плескали весла. Долго плыла лодка. Наконецъ причалили. Вынули его изъ лодки и опять понесли. Шли камышами. Слышно было ихъ шуршаніе, они били по ковру. Остановились наконецъ, опустили осторожно ношу на землю. Грекъ замяукалъ. Близко послышалось отвѣтное звукоподражаніе. Зашумѣли камыши отъ спѣшно идущаго по нимъ человѣка. Коверъ раскатали, и поднимавшееся надъ лѣсомъ камышей солнце ослѣпило глаза Павлу Корнильевичу. Онъ поднялся, присмотрѣлся. Кругомъ были камыши, вышиною въ ростъ человѣка. Господинъ Поппе съ фальшивой своей улыбкой поздравилъ Павла Корнильевича съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ вражьяго стана на русскій берегъ. Радожицкій оглянулся. Ни грека, ни евнуха, ни ковра уже не было, и только въ тростникахъ глухо шуршало, да верхушки ихъ плавно качались. Но отъ дувшаго холоднаго вѣтра они шумѣли и качались, или кто-нибудь шелъ среди нихъ, уже опредѣлить было совершенно невозможно... Угрюмое, желтое, вытянутое лицо Митрофана первымъ бросилось въ глаза Павлу Корнильевичу, когда онъ подходилъ съ Поппе къ палаткѣ послѣдняго. Но ему было некогда разсматривать выразительную фи-

зіономію стараго слуги. Приказалъ онъ сѣдлать живо Макромегаса и скоро, простившись съ господиномъ Поппе, двинулся въ обратный путь въ Бендеры. Русскій лагерь уже давно проснулся и подъ лучами восходящаго декабрьскаго солнца кипѣлъ оживленіемъ. Кашевары разводили огни, и дымъ серебристыми струями летѣлъ по вѣтру. Солдатики бѣжали, вели лошадей на водопой, тащили хворостъ. На плацу, проѣзжая, Павелъ Корнильевичъ замѣтилъ двѣ шеренги солдатъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу. Глухо и грозно трещали барабаны. Два ефрейтора съ мѣломъ въ рукахъ стояли за спинами солдатъ. Посреди, по «зеленой улицѣ», бѣжали «профосы» съ большими охапками длинныхъ прутьевъ и раздавали ихъ солдатамъ. То готовилась экзекуція. Несчастный преступникъ уже былъ за кисти рукъ привязанъ къ штыку стоявшаго противъ него солдата. Ефрейторы готовились мѣломъ отмѣчать на спинахъ тѣхъ солдатъ, которые явно осмѣлились бы мирволить наказуемому и только свистать шпицрутеномъ по воздуху. Офицеръ на конѣ что-то кричалъ противъ вѣтра, сверкая обнаженной шпагой, и конь танцовалъ подъ нимъ... Павелъ Корнильевичъ пришпорилъ Макромегаса и понесся прочь отъ возмущающаго чувство человѣчности зрѣлища...

LXXIII.

Роза или кинжалъ?

— Возвратился уже, правдолюбъ?—сказалъ только свѣтлѣйшій, когда Павелъ Корнильевичъ, прибывъ въ Бендеры послѣ ужина, явился доложить о себѣ.—Ступай на половину графини Софіи. Она о тебѣ спрашивала.

И черезъ минуту Павелъ Корнильевичъ уже стоялъ въ знакомой гостиной, гдѣ на диванчикѣ сидѣла Софія. И попрежнему болонка смотрѣла на него карими умными глазами и розовымъ язычкомъ лизала себѣ носъ.

Графиня Софія встрѣтила его съ видимой радостью, но прекрасное лицо ея хранило слѣды величайшаго безпокойства, и тонкая морщинка постоянно набѣгала на мраморъ ея чела.

— Какъ я благодарна вамъ, господинъ адъютантъ!—говорила она.—Скорѣе же передайте мнѣ, что поручила вамъ сказать сестра Марія.

Павелъ Корнильевичъ въ точности воспроизвелъ восточные обороты рѣчи супруги трехбунчужнаго паши. Упустилъ только характеристику легкомыслія Софіи, считая ее обычнымъ въ родственникахъ пристрастіемъ.

Графиня Софія съ жадностью ловила каждое слово, но, видимо, переданныя слова ее не удовлетворяли.

— Дальше! Дальше! Что еще вамъ сестра сказала?—торопила она Павла Корнильевича, и сама же его перебила, спросивъ, въ какомъ одѣяніи проникъ онъ въ Измаилъ.

Невольно краснѣя, Павелъ Корнильевичъ сказалъ, что онъ былъ въ нарядѣ турецкой женщины.

— Неужели? Ахъ, какъ это смѣшно!

Графиня Софія всплеснула руками и, забывъ всѣ свои заботы, залилась серебристымъ смѣхомъ. Не отрывая глазъ отъ прелестнаго лица, летѣлъ душою за каждымъ движеніемъ гречанки молодой человѣкъ, и смѣхъ ея наполнялъ трепетомъ влюбленное его сердце. Чтобы ее еще разъ разсмѣшить, готовъ былъ онъ хоть сейчасъ опять нарядиться турчанкой.

— А какъ же вы изъ дворца выбрались?—спрашивала гречанка.

Сообщеніе, что его закатали въ коверъ и вывезли черезъ Дунай въ лодкѣ на русскій берегъ, породило новый взрывъ веселости.

— Ахъ, греки и турки такіе лукавые, такіе хитрые!—говорила она. Но смѣхъ вдругъ исчезъ съ ея лица, и опять забота окутала задумчивымъ облакомъ нѣжныя черты ея.

— Я смѣюсь, а вы еще не все сказали мнѣ... Не можетъ быть, чтобы сестра Марія только и просила передать вамъ!

— Да, ваша сестрица еще поручила мнѣ сказать о положеніи Измаила и гарнизона, въ немъ находящагося.

— Говорите! Говорите! — взволнованно прошептала графиня Софія.

— Измаилъ истомленъ долгой осадой.

— Ужели?! Говорите! Говорите!

— Болѣзни и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ ослабили турецкій гарнизонъ. Но отъ Стамбула идетъ подкрѣпленіе.

— Подкрѣпленіе! Когда же ожидаютъ его прибытія къ Измаилу? Сестра сказала вамъ это?

— Да, графиня. Ваша сестра сказала, что подкрѣпленіе будетъ черезъ двѣ недѣли. И тогда Измаилу не страшны наши войска.

— Ваши войска? — переспросила гречанка. — О, ваши войска всегда страшны, всегда! Русскіе это тигры!..

Странно, только теперь, передавъ слова супруги измаильскаго паши, Павелъ Корнильевичъ задался вопросомъ, съ какою цѣлью сообщала она это важнѣйшее извѣстіе сестрѣ и на чьей сторонѣ была? А слова графини Софіи: «ваши войска», заставили его спросить себя: да на чьей же сторонѣ и сама графиня Софія? Холодомъ облили эти сомнѣнія молодого человѣка.

Вѣроятно, на лицѣ его и въ глазахъ съ достаточной ясностью выразились эти тайныя, мгновенныя мысли, потому что Софія поспѣшно поднялась съ диванчика и, близко подойдя къ Павлу Корнильевичу, взяла его за руку и заглянула своимъ чарующимъ взоромъ ему въ глаза.

— О чемъ вы думаете?—спросилъ ея шепчущій голосъ.—Вы сообщили мнѣ великую тайну. Смотрите же, не выдайте ее никому! Пусть она умретъ въ вашей груди. Обѣщайте мнѣ это! Обѣщаетесь, да? Это нужно, необходимо нужно для меня, для моего счастія.

Она почти прижималась къ нему стройнымъ своимъ тѣломъ. Ароматный жаръ ея трепетной груди опьянялъ молодого человѣка.

— Обѣщайтесь! Это надо, надо!—шептала она.—Услуга, которую вы мнѣ оказали, будетъ награждена. О, потерпите немного, очень немного, и тогда... Если же вы не послушаетесь меня, если кому-нибудь разскажете, что были въ Измаилѣ, если выдадите тайну, то мы станемъ врагами, и тогда...

Прелестное лицо гречанки приняло жестокое, непреклонное выраженіе, глаза стали черны, какъ ночь, и воспламенились местью.

— Знайте,—воскликнула она:—что найдутся мстители! Отъ нихъ вы не укроетесь, ихъ не избѣжите. Рано или поздно они настигнутъ васъ. Если вы измѣните—кинжалъ, ядъ, веревка! Если сохраните тайну и вѣрность, будете покорны и послушны...

Она вдругъ опять вся засіяла улыбкой и женственной прелестью и, почти обнимая его, ласкаясь и нѣжа взоромъ, прошептала: «Моя любовь!»

Молодой человѣкъ въ порывѣ страсти сжалъ мощными руками ея гибкій станъ. Но она выскользнула изъ рукъ его, какъ змѣя, и, положивъ палецъ на алыя губы, сказала:

— Роза или кинжалъ! Выбирайте!

Эти слова мгновенно отрезвили Павла Корнильевича. Онъ вдругъ вспомнилъ ночное объясненіе съ Поппе. Не онъ ли одинъ изъ тѣхъ мстителей, которыми грозила ему Софія? И что вручаетъ гречанка этому нѣмцу? Кинжалъ или розу? И какое отношеніе имѣетъ иллюминатскій тайный лозунгъ къ прелестной греческой розѣ и ея мстителямъ? Ревнивыя подозрѣнія загрызли сердце Павла Корнильевича.

— Графиня, — сказалъ онъ, овладѣвая собою: — тайна, мною узнанная въ Измаилѣ, имѣетъ государственное значеніе. Если теперь городъ охраняется утомленнымъ осадою гарнизономъ, а подкрѣпленіе придетъ только черезъ двѣ недѣли, то, конечно, слѣдуетъ намъ, русскимъ, немедленно штурмовать городъ...

— Свѣтлѣйшій не хочетъ штурмовать Измаила, не хочетъ!—поспѣшно сказала графиня Софія, простирая руку и какъ бы желая отвести ужасное видѣніе, возставшее предъ нею въ словахъ адъютанта.—Вы, русскіе, храбры, какъ тигры!—воодушевленно продолжала она.—Но вы великодушны. Зачѣмъ вамъ еще крѣпость? Вы и безъ того владѣете всѣмъ за Днѣстромъ и по Дунай! Вы счастливы, но судьба—коварна! Къ чему же вамъ вновь испытывать ее? Султанъ согласится на миръ, почетный для васъ. Онъ дастъ привилегіи христіанамъ Востока. Онъ возстановитъ Элладу.

Только оставьте ему Измаилъ. И вспомните, что при штурмѣ погибнетъ столько женщинъ, дѣтей въ рѣзнѣ, въ пламени пожара! Вспомните, что тамъ, въ Измаилѣ, моя сестра!.. Но если вы всетаки сомнѣваетесь, знайте, что я сама скажу свѣтлѣйшему, когда сдастся Измаилъ, сама! Итакъ, храните тайну! Клянитесь... Или вы уже никогда, никогда больше не увидите меня!..

— Графиня, пощадите меня! — сказалъ бѣдный молодой человѣкъ.—Ваше требованіе тяжко. Долгъ службы, присяга, честь обязываютъ меня открыть все свѣтлѣйшему! Но лишиться васъ для меня все равно, что лишиться солнечнаго свѣта, свободы, жизни! Я люблю васъ, графиня. Вы знаете это. Я въ вашей власти. Вы губите меня... Но дѣлайте со мною, что хотите...

Жгучая слеза выжалась изъ глазъ его и блеснула на щекѣ.

— Мы, восточныя женщины,—холодно сказала графиня Софія,— презираемъ мужчину, который плачетъ. Клянитесь!—повелительно повторила она.—Клянитесь сохранить тайну, или... уходите и никогда больше не смѣйте показываться мнѣ на глаза.

Мгновенно тысячи аргументовъ подсказала Павлу Корнильевичу услужливая изворотливость страсти. Въ самомъ дѣлѣ почему долженъ онъ содѣйствовать ужасамъ штурма, когда крѣпость можетъ сдаться до прихода подкрѣпленія? И почему долженъ онъ не довѣрять графинѣ, когда самъ свѣтлѣйшій столь приблизилъ ее къ своему пышному двору? И можно ли заподозрѣть его въ корыстныхъ желаніяхъ, когда любовь его явно безнадежна?

Но сопротивляться чувству онъ не въ силахъ. И Павелъ Корнильевичъ поклялся хранить тайну, нарушая присягу и долгъ службы, лишь за то, чтобы видѣть Софію, чтобы она не прогнала его съ глазъ своихъ долой, «прекрасныхъ» глазъ...

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

XIII.

Увольненіе мое отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ.— Мои занятія финляндскими дѣлами. — Отношеніе императора Александра I къ Финляндіи. — Крестьянскій бунтъ. — Безпорядки въ управленіи Финляндіей.— Баронъ Гартманъ.—Графъ Ребиндеръ и графъ Армфельтъ. — Начальникъ финляндскихъ таможенъ Авеланъ. — Противорѣчія въ князѣ Меншиковѣ.—Случай съ священникомъ Зотиковымъ. — Секретарь митрополита Сусловъ. — Дѣло Форстадіуса.—Смерть Гартмана.—Лопари.—Лангеншельдъ.—Финляндскій фарфоръ.— Борьба князя Меншикова. — Сводъ финляндскихъ законовъ.—Вопросъ о городѣ Вазѣ.—Винокуреніе.

Графъ Клейнмихель, вынужденный принять мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ, не хотѣлъ выпустить меня изъ своего вѣдомства. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто члена совѣта съ тѣмъ, чтобы я оставилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при начальникѣ главнаго морского штаба и финляндскаго генералъ-губернатора, доказывая, что это званіе унижаетъ меня (съ 1842 по 1848 г. я получилъ уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена: Владимира 3-ей степени, Станислава и Анны 1-ой степени), но какъ я на это не согласился, то, сдѣлавшись членомъ совѣта, остался въ прежнихъ отношеніяхъ къ князю Меншикову.

Сваливъ съ себя обузу департамента, я нашелъ столько свободнаго времени, что могъ опять заняться дѣлами Финляндіи съ сосредоточенностью, совмѣстною съ моимъ къ нимъ влеченіемъ.

---

[1]) Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 825.

Здѣсь представлялось мнѣ поприще пріятное: образованный, благородный, просвѣщенный начальникъ, раціональные уставы и миніатюрные размѣры, такъ что въ Финляндіи можно было изучать вопросы экономическіе и политическіе, какъ на модели изучать механизмъ,—можно было дѣйствовать съ спокойнымъ умомъ и сердцемъ.

Дѣла финляндскія занимали меня con amore съ 1835 года; съ 1837 г. я вошелъ уже въ прямыя сношенія со всѣми, возбуждалъ вопросы самъ, принималъ инициативы, и такимъ образомъ, заимствуя мысли изъ своего усердія и исполнительныя средства отъ моего признательнаго начальника, я былъ такъ счастливъ, что исправилъ или уладилъ многое, что въ порядкѣ канцелярской работы или Schlendrian [1]) нельзя было бы исправить и уладить. Это возбуждало во мнѣ новое усердіе; я полюбилъ Финляндію душевно.

Принявъ дѣла, я нашелъ въ нихъ цѣлый архивъ шпіонской системы Закревскаго. Князь Меншиковъ разрѣшилъ мнѣ запечатать эти тюки, никогда не справляться съ ними и забыть, что такая система существовала. Князь соблюдалъ конституцію съ величайшимъ тщаніемъ, устраняя даже наружныя формы, которыя могли бы показаться нарушеніемъ принятыхъ обрядовъ, и, непроницаемостью своихъ видовъ и убѣжденій, умѣлъ держать всѣ партіи въ равновѣсіи, не убивая ни одной, но и не дозволяя ни одной брать надъ другими верхъ. Этого не умѣлъ достичь ни Закревскій своимъ шпіонствомъ, ни Бергъ — сладостью своего слова. Съ Финляндіей довольно трудно управиться, если не считать въ числѣ дозволенныхъ средствъ—насиліе. Императоръ Александръ I избаловалъ ее: независимо отъ собственныхъ тенденцій, онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ шведовъ, бывшихъ министровъ и заговорщиковъ, казненныхъ въ Стокгольмѣ en effigie: [2]) Армфельта (извѣстнаго подъ именемъ сѣвернаго Алкивіада: Alcybiade du nord) и Аминова. Они не только проводили въ Финляндіи все, что согласовалось съ ихъ конституціонными взглядами, но имѣли вліяніе и на дѣла имперіи. Армфельтъ былъ даже въ самыхъ коротких отношеніяхъ съ императоромъ, къ которому поступилъ въ службу. У сына его, министра статсъ-секретаря графа Армфельта, хранится цѣлая корреспонденція между Александромъ и Армфельтомъ. Государь посылаетъ ему какой-то проектъ по имперіи: «Lisez le mémoire ci-joint, cher comte, et dites votre opinion» [3]). Ниже приписка рукою Армфельта: «Je restitue le

---

[1]) Обычай все медленно и по старинному дѣлать.

[2]) Заочно надъ ихъ изображеніемъ.

[3]) Прочтите записку, при семъ прилагаемую, дорогой графъ, и скажите ваше мнѣніе.

mémoire, Sire, sans le lire jusqu'au bout; il est assez ennuyeux»[1]). Ниже приписка государя: «N'importe, lisez toujours!»[2]). Эти два умные и тонкіе шведа-финляндца, закрѣпивъ права вновь присоединенной Финляндіи, уговорили государя обратить подъ права финляндскія и Выборгскую губернію, область, которую завоевалъ Петръ Великій, гдѣ онъ роздалъ въ потомственное владѣніе земли генераламъ, побѣждавшимъ шведовъ на этомъ театрѣ: Салтыкову, Голицыну, Фридрихсу, Фоку и нѣкоторымъ другимъ, и гдѣ онъ воздвигъ русскія крѣпости или занялъ русскимъ гарнизономъ бывшія шведскія. Финляндцы чтили память императора-благодѣтеля, но профессоры, адвокаты, судьи и всѣ inamovibles[3]) стали, какъ вездѣ они дѣйствуютъ, мутить воду. Въ образованной части Финляндіи ихъ пропаганда оставалась безплодною; но Выборгская губернія, по своему варварству, была воспріимчивѣе. Послѣ столѣтняго повиновенія палкѣ, всѣмъ знакомой и всѣми уважаемой, вступивъ въ 24 часа въ права конституціонныя, подъ сѣнь и власть закона никому неизвѣстнаго,—крестьяне поняли только то, что сѣчь ихъ нельзя, что они вольные, и имѣютъ право жаловаться суду даже на губернатора; перестали работать, перестали платить оброки, стали пьянствовать и винить полицеймейстеровъ въ нарушеніи habeas corpus, если они прикажутъ лежащаго на улицѣ мертвецки пьянаго убрать въ будку. Земледѣліе пришло въ упадокъ; населеніе обѣднѣло; начались столкновенія между землевладѣльцами и населеніемъ,—и правительство нашло нужнымъ опредѣлить точнѣе обоюдныя отношенія. Губернаторомъ былъ Валленъ, рѣшительный демократъ. Въ 1817 году подсунули государю докладъ, въ которомъ объяснялось, что по шведскимъ законамъ правитель края не имѣетъ права дарить казенныя земли; что онъ можетъ давать только во владѣніе, т. е. въ пользованіе на неопредѣленный срокъ; что по праву пользованія помѣщики не имѣли права облагать обывателей бо̀льшимъ оброкомъ, чѣмъ казенный, и что потому всѣ фрельзовые владѣльцы (дворянскіе) не фрельзовые, а казенные, бравшіе съ крестьянъ поборы лишніе. Такимъ образомъ они подчиняли Петра завоевателя законамъ побѣжденной страны, потому что Александръ разсудилъ дать Выборгской губерніи новыя права. Салтыковъ, Голицынъ, люди богатые, не удостоили этого распоряженія никакого вниманія, бѣднѣйшіе покорились, и манифестомъ 1817 г. повелѣно обложить выборгскія фрельзовыя имѣнія оброкомъ въ пользу владѣльцевъ, не выше казеннаго. Но адвокаты этимъ не удовлетворились; они

---

[1]) Возвращаю записку, ваше величество, не дочитавъ до конца; она слишкомъ скучна.

[2]) Нужды нѣтъ, все-таки прочтите.

[3]) Несмѣняемые.

стали отыскивать въ пользу крестьянъ возврата всѣхъ переборовъ: въ моихъ еще рукахъ было дѣло о взысканіи съ г-жи Фокъ 42.000 рублей, а она получала съ имѣнія около 800 руб. дохода. Закревскій хотѣлъ исправить ошибку, но не сумѣлъ это сдѣлать. По его докладу, состоялся въ 1826 году высочайшій рескриптъ, объявлявшій, что имѣнія, подаренныя Петромъ I, фрельзовыя, и что посему обыватели могутъ оставаться въ нихъ не иначе, какъ по контрактамъ, добровольно заключеннымъ съ помѣщиками,—но, прибавлялъ некстати рескриптъ,—такъ какъ крестьяне привыкли уже къ мысли, что это земли казенныя, то исполненіе сего повелѣнія отлагается на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы финляндскій сенатъ принялъ мѣры, въ продолженіе этого срока, къ усвоенію крестьянамъ новаго толкованія и къ приготовленію ихъ на исполненіе обязанностей. Сенатъ ничего не сдѣлалъ; юристы и самъ губернаторъ внушали противное, а Закревскій, занимаясь выкрадываніемъ изъ библіотеки Валлена запрещенныхъ книгъ и масонскихъ знаковъ, не смотрѣлъ, что̀ дѣлаетъ Валленъ въ губерніи.

Въ 1836 году наступилъ срокъ исполненія рескрипта 1826 года; Меншикову пришлось вкусить плодъ, приготовленный Закревскимъ. Владѣльцы предъявили проекты контрактовъ крестьянамъ и назначили имъ годовой срокъ на подписаніе контракта или выѣзда изъ имѣнія. Крестьяне отказались отъ повиновенія, и свое упорство выразили такъ, какъ въ первыя времена Рима—римскіе плебеи: оставили свои хозяйства и ушли, только не на гору, какъ римляне, а въ лѣса, какъ чухны, съ кускомъ хлѣба въ котомкѣ, съ дубиною въ рукахъ и съ топоромъ за спиною. Дѣло становилось грозное: слѣдствіемъ побѣга въ лѣса представлялся голодъ, отъ котораго надлежало спасти, во что бы ни стало, несчастныхъ обывателей, жертвъ юридическаго звѣрства и юридической подлости. Генералъ-губернаторъ велѣлъ двинуть войско, отдавая однако его въ распоряженіе мѣстной гражданской власти. Ленсманъ (становой приставъ), съ уложеніемъ и рескриптомъ въ рукахъ, подошелъ къ опушкѣ лѣса, и именемъ закона сталъ вызывать уполномоченныхъ отъ скрывшейся толпы. Вышло человѣка четыре, между которыми сѣдоволосый, огромнаго роста, старикъ съ сыномъ. На слова ленсмана старикъ отвѣчалъ, что не слышитъ, но какъ только ленсманъ подошелъ къ нему ближе, увеличивъ разстояніе между собой и казацкимъ конвоемъ, старикъ схватилъ его за голову, пригнулъ ее къ себѣ, другою рукою вынулъ топоръ изъ-за пояса, и взмахнулъ имъ; ленсманъ закричалъ: «казакъ»!—Казакъ наскочилъ и прокололъ старика пикою въ тотъ моментъ, когда топоръ опускался уже на голову несчастнаго ленсмана. Толпа упала духомъ, опомнилась, воротилась на другой день домой и принялась за работу. Но какое дѣло юристу до судьбы населенія· Публичный обвинитель поднялъ тревогу; ленсманъ отданъ подъ

судъ и приговоренъ въ тюрьму, на хлѣбъ и воду, на годъ и одну ночь. Князь Меншиковъ приказалъ губернатору (Стевену) не выдавать ленсмана, объяснивъ суду, что ленсманъ былъ исполнителемъ приказанія начальства. Тогда абоскій гофгерихтъ потребовалъ къ суду губернатора, но генералъ-губернаторъ увѣдомилъ его, что губернаторъ исполнялъ его приказаніе. Гофгерихтъ представилъ жалобу свою на генерала-губернатора въ судебный департаментъ сената, а этотъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о нарушеніи генералъ-губернаторомъ конституціи. Князь Меншиковъ вызвалъ нѣсколькихъ членовъ сената въ Петербургъ; спросилъ ихъ, полагаютъ ли они полезнѣйшимъ, чтобы въ цѣлой губерніи появился голодъ или грабежъ, думаютъ ли они, что государь допуститъ гибель населенія и разстройство администраціи изъ педантическаго уваженія мертвой буквы; знаютъ ли они, что если край будетъ усмиряемъ оружіемъ, то и законы будутъ писаны не юристомъ, а побѣдителемъ; забыли ли они, что Польша еще недавно лишена правъ, данныхъ тоже Александромъ, etc. Сенатъ струсилъ и взялъ свой адресъ назадъ. Такъ и слѣдовало ожидать, но была опасность съ другой стороны: какъ доложить государю? какъ кончить дѣло въ гофгерихтѣ? Меншиковъ представилъ, что для Выборгской губерніи нуженъ особый гофгерихтъ. Онъ былъ учрежденъ, предсѣдателемъ назначенъ просвѣщенный графъ Маннергеймъ; онъ вытребовалъ изъ абоскаго гофгерихта всѣ выборгскія дѣла,—и похоронилъ дѣло о ленсманѣ. Эта драма произошла только въ одномъ имѣніи и тянулась въ послѣдствіяхъ, когда все дѣло было устроено, благодаря логичности управленія. Графъ Маннергеймъ былъ губернаторомъ. Князь вызвалъ его въ Петербургъ и поручилъ ему словесно собрать помѣщиковъ и просить ихъ именемъ государя, на первый разъ, не возвышать оброковъ, для того, чтобы не ставить матеріальныхъ затрудненій къ введенію заключенія контрактовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приказано пригласить ихъ заключить первые контракты такъ, чтобы сроки ихъ истекали въ разное время. Благодаря этому, контракты заключены, и потомъ возобновлены, безъ малѣйшаго сотрясенія.

Въ сороковыхъ годахъ контракты вошли въ нормальное состояніе; повинности, ими опредѣляемыя, вдвое и втрое ниже повинностей въ Новой Финляндіи, однако въ Выборгской губерніи населеніе бѣдно; за Кюменью же богато. На одномъ берегу рѣки бѣдныя, полуразвалившіяся лачужки, крестьяне въ рубищѣ, лица исхудалыя, болѣзненныя; на другомъ берегу, въ 150 саженяхъ разстоянія, дома обшитые тесомъ, окрашенные чисто муміею, обыватели сытые, румяные, въ чистомъ бѣльѣ и опрятномъ платьѣ, безъ всякаго вмѣшательства администраціи въ ихъ бытъ, или въ ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Вся разница въ томъ, что по эту сторону Кюмени лѣность, а по ту сторону трудъ.

Ознакомясь съ мѣстными обстоятельствами, я имѣлъ случай убѣдиться, что и въ этомъ благоустроенномъ краѣ бюрократія успѣла протянуть свой хоботъ: по судебному вѣдомству мѣста давались по связямъ племянникамъ, зятьямъ и пр., иногда людямъ, ничѣмъ не доказавшимъ своихъ достоинствъ, кромѣ университетскаго аттестата; получивъ мѣсто, они не вступали вовсе въ должность, а тотчасъ нанимали викарія. Отсюда происходило, что судебныя лица были двухъ родовъ: одни, зажиточныя, — праздныя, другія бѣдныя,—трудящіяся. Такой же безпорядокъ вкоренился и въ губернскихъ управленіяхъ: губернаторы обратили низшія полицейскія мѣста въ способъ награждать свою домашнюю прислугу за усердную службу. Несмотря на охранительные обряды при замѣщеніи вакансій: вызовъ желающихъ по газетамъ, размѣщеніе кандидатовъ по старшинству службы, избраніе изъ нихъ трехъ достойнѣйшихъ сенатомъ и утвержденіе одного изъ нихъ государемъ или генералъ-губернаторомъ, — назначенія дѣлались пристрастно. 17-лѣтній герадлевдитъ (приходскій судья), никогда не занимавшійся службою и получавшій только доходъ отъ своего мѣста,—черезъ 20 лѣтъ такой пріятной жизни считался старшимъ лагманскимъ кандидатомъ, и опять не исполнялъ должности, а только пользовался доходомъ отъ 3000 до 5000 р. въ годъ.

Генералъ-губернаторъ испросилъ высочайшее повелѣніе считать въ старшинство и ту службу, которая проходилась въ званіи викарія, —и, при равенствѣ другихъ условій, ставить впереди то лицо, которое дѣйствительно исполняло должность, а не то, которое носило только титулъ и получало доходы. Это распоряженіе измѣнило вдругъ весь порядокъ; старые викаріи получили штатныя мѣста, и всѣ стали исполнять обязанности своей службы лично; по губернскимъ мѣстамъ князь требовалъ подробныхъ формуляровъ отъ кандидатовъ. Разумѣется, это не понравилось дядюшкамъ, тестямъ и тещамъ; они знали, откуда шелъ ударъ, и не могли меня жаловать, но зато большинство было довольно новымъ порядкомъ. Впослѣдствіи я сталъ мѣшать высокимъ чиновникамъ спекулировать незаконною продажею вина, и они искали способа подорвать мое вліяніе. Это взялъ на себя баронъ Гартманъ, вице-президентъ сената, человѣкъ ума необыкновеннаго, ловкій, хитрый и измѣнявшій себѣ иногда единственно отъ чрезмѣрной любви къ политическимъ интригамъ. Прибывъ въ Петербургъ для объясненій по службѣ, онъ съ тономъ огорченія сказалъ князю, что весь край наполненъ разсказами, будто все дѣлаетъ Фишеръ,—и что онъ понять не можетъ, кто распускаетъ такіе слухи, обидные для всѣхъ, кто любитъ князя. Князь отвѣчалъ ему на это: «Mais savez-vous, baron, que c' est parfaitement vrai»! [1]) и какъ онъ не

[1]) А знаете, баронъ, что это совершенно вѣрно!

могъ обойтись безъ шутокъ, то и тутъ прибавилъ: «Quelquefois je demande à Fischer, qu' est-ce? avant de signer, mais il me dit: signez toujours, je vous le dirai une autre fois,—et je signe!» [1]). Гартманъ переконфузился, — и потомъ никто уже не пробовалъ подобныхъ уловокъ.

Съ барономъ Гартманомъ я былъ лично въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но по службѣ велъ съ нимъ постоянно подземную войну. Ему хотѣлось быть министромъ статсъ-секретаремъ; для этого надобно было отдѣлаться отъ старика графа Ребиндера, почтеннаго, благороднаго и скромнаго до робости. Гартманъ увѣрилъ его, что князь Меншиковъ находитъ его устарѣвшимъ; Ребиндеръ всполошился и со слезами объявилъ Гартману, что онъ охотно просился бы въ отставку, если бы не имѣлъ долговъ и не опасался, что жена его останется безъ куска хлѣба, когда онъ умретъ въ отставкѣ. Гартманъ обнадежилъ его, что князь Меншиковъ не откажется ходатайствовать о назначеніи ему бостели (аренды), если только это препятствуетъ ему удалиться на покой. Затѣмъ Гартманъ обратился ко мнѣ, изобразилъ стѣсненное положеніе Ребиндера и просилъ доставить ему бостель, mais, il ne faut pas, qu'il sache d' avance, ce que l' on veut faire pour lui; car il est si fier dans les affaires d' argent, qu' il déclinerait toute démarche à cet effet; il faut que cela lui tombe comme un coup de foudre [2]).

Вся интрига раскрылась передо мною случайно; догадки графа Армфельта (товарища министра статсъ-секретаря), словцо, сказанное мнѣ Ребиндеромъ послѣ хорошаго обѣда,—просвѣтили мнѣ тайные ходы; я просилъ князя Меншикова о бостели для генерала Ребиндера, разсказалъ ему все, что знаю, и приготовилъ проектъ рескрипта, въ которомъ Ребиндеръ приглашался не оставлять полезнаго своего служенія. Графъ Ребиндеръ, къ которому я самъ повезъ рескриптъ, не вѣрилъ своимъ глазамъ, растрогался до слезъ и сказалъ мнѣ: «Mourant je me ferai porter chez l' Empereur et le gouverneur général plutôt que de quitter» [3]). На другое утро я получилъ отъ добраго старика трогательную записку, которую сохраняю. Черезъ годъ онъ скончался, поручивъ графинѣ послать ко мнѣ его портретъ: онъ у меня въ деревнѣ.

По смерти графа Ребиндера, Гартманъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы сѣсть на его мѣсто. Графиня Армфельтъ (первая, достой-

---

[1]) Иногда я спрашиваю Фишера, что это? прежде, чѣмъ подписать»,—но онъ мнѣ говоритъ: «пока подпишите, я вамъ разскажу въ другой разъ»,—и я подписываю!

[2]) Но не надо, чтобы онъ зналъ объ этомъ заранѣе; потому что онъ такъ гордъ въ денежныхъ дѣлахъ, что отклонитъ всякую попытку въ этомъ дѣлѣ; надо, чтобы это надъ нимъ разразилось, какъ громовой ударъ.

[3]) Умирая, я прикажу снести меня къ императору и генералъ-губернатору, скорѣе чѣмъ оставить службу.

нѣйшая жена графа) просила меня пріѣхать къ ней по секрету, чтобы мужъ не узналъ о томъ. Когда я явился къ ней, она взяла съ меня честное слово дать ей знать, если Гартмана пожелаютъ назначить на мѣсто Ребиндера, дабы мужъ ея успѣлъ подать въ отставку прежде, чѣмъ совершится оскорбленіе. Я обѣщалъ это графинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ думать и о предупрежденіи оскорбленія. На князя Меншикова я не могъ разсчитывать положительно; я зналъ, что одно доброжелательное слово государя о Гартманѣ могло побудить его рекомендовать Гартмана. Зная, что въ Россіи часто великія послѣдствія рождаются отъ мелкихъ причинъ, я совѣтовалъ Армфельту просить позволенія въѣхать въ домъ министра статсъ-секретаря на время исправленія его квартиры. Это исполнено; затѣмъ, осенью, когда зашла рѣчь о замѣщеніи министерской вакансіи, принято было во вниманіе, что Армфельтъ живетъ уже въ министерской квартирѣ, что неловко выгонять его оттуда,—и на этомъ основаніи онъ оказался единственнымъ возможнымъ кандидатомъ; Армфельтъ совершенно на своемъ мѣстѣ. При всемъ томъ, обстоятельства, споспѣшествовавшія его назначенію, даютъ мнѣ поводъ утверждать, что у насъ басня о горѣ, родившей мышь, дополнена: у насъ не только горы рождаютъ мышей, но и мыши рождаютъ горы.

Баронъ Гартманъ былъ, однако, столь замѣчательный человѣкъ, что, воюя съ нимъ въ вопросахъ, гдѣ онъ являлся деспотомъ или интриганомъ, я поддерживалъ его, когда онъ проводилъ полезныя мысли. Одна борьба стоила мнѣ большого труда. Начальникомъ финляндскихъ таможенъ былъ старикъ Авеланъ; радѣя о пользахъ государственныхъ, какъ добрый хозяинъ радѣетъ о своихъ личныхъ выгодахъ, онъ взялъ на себя слагать часть таможенныхъ пошлинъ съ такихъ товаровъ, которые легко прокрадываются контрабандою. Эти лицензіи содѣйствовали значительно уменьшенію контрабанды. Объ нихъ зналъ графъ Ребиндеръ, а потомъ и князь Меншиковъ, который предупредилъ однако Авелана, что если его распоряженіе дойдетъ до свѣдѣнія министра финансовъ, то онъ не въ состояніи будетъ защитить его произволъ.

Авеланъ не потерялъ мужества дѣлать то, что ему казалось полезнымъ государству. Этого человѣка хотѣлъ Гартманъ столкнуть, чтобы дать его мѣсто своему родственнику. Какъ начальникъ финансовой экспедиціи, онъ былъ начальникомъ Авелану; далъ ему какое-то словесное приказаніе, котораго тотъ не принялъ, отзываясь, что онъ подчиненъ финансовой экспедиціи, а не ему лично. Гартманъ написалъ ему, грозя именемъ князя Меншикова, на что Авеланъ отвѣчалъ, что князь ему начальникъ, какъ довѣренное лицо, блюдущее законъ, а не какъ баринъ рабу своему. Письмо это во французскомъ переводѣ прислано къ

князю въ партикулярномъ письмѣ. Меншиковъ приказалъ мнѣ заготовить немедленно докладъ объ увольненіи Авелана отъ службы; въ то время я еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы прямо протестовать; я просилъ князя, какъ милости, возложить эту работу на другого: я не могъ ее исполнить. Князь пришелъ ко мнѣ (я былъ боленъ) спросить, что это значило, и я откровенно сказалъ ему, что подобное дѣйствіе столь вопіющей несправедливости такъ мало похоже на всѣ дѣйствія князя, что перо мое отказывается отъ исполненія, что je ne voulais pas être complice dans un acte, qui jette de l'ombrage sur les principes de Son Altesse.—«Vous voulez donc que j'avale les grossièretés qu' il m' a dit?»—Je ne les connais pas, mon prince, je les ai lues en français et Avelan écrit en suédois.—«Mais vous avez donc lu la traduction»—«J' ignore si c'est une traduction ou une composition» [1]).—Князь перемѣнилъ оружіе; онъ утверждалъ, что Авеланъ ссорится съ начальствомъ, что отъ этого служба можетъ только терять, и что если Гартманъ не хочетъ служить съ Авеланомъ, то послѣдній долженъ быть уволенъ. На это я повторилъ просьбу поручить редакцію другому, въ чемъ онъ, конечно, не встрѣтитъ затрудненія. Князь, уходя, сказалъ: «Я хочу прежде доказать вамъ, что вы неправы». Двѣ недѣли приходилъ онъ ко мнѣ каждый день дебатировать этотъ вопросъ. Я видѣлъ, что благородное сердце его тотчасъ распознало, на чьей сторонѣ правда, но барская спесь не хотѣла преклониться. Въ одномъ изъ преній онъ имѣлъ неосторожность упомянуть о лиценціяхъ. Мое дѣло съ этихъ поръ было выиграно! Я замѣтилъ князю, что если Авеланъ поступалъ неправильно, то князь давно могъ остановить его, и что если это — причина его увольненія, то пусть онъ выставитъ ее и въ рескриптѣ объ отставкѣ.

— Что же, по-вашему, надобно сдѣлать?

— Уволить его отъ службы по преклонности лѣтъ, съ полнымъ содержаніемъ и съ награжденіемъ чиномъ за полезную и честную 40-лѣтнюю службу.

Такъ и было. Авеланъ, на верху блаженства, написалъ князю письмо съ трогательными изліяніями благодарности. Князь, прочитавъ письмо, пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Этимъ добрымъ исходомъ я вамъ обязанъ!

Странныя противорѣчія гнѣздились въ этомъ сановникѣ. Смертельный врагъ организованнаго шпіонства, онъ, самъ не вѣдая того, былъ подъ вліяніемъ шпіоновъ, дѣйствуя по свѣдѣніямъ,

---

[1]) Я не хочу быть соучастникомъ въ дѣлѣ, которое броситъ тѣнь на нравственныя правила вашей свѣтлости.—«Стало быть, вы хотите, чтобы я проглотилъ грубости, которыя онъ мнѣ сказалъ?»—Я ихъ не знаю, князь, я ихъ читалъ по-французски, а Авеланъ пишетъ по-шведски.—«Но вѣдь вы читали переводъ».—Я не знаю, переводъ это или сочиненіе.

собраннымъ подъ рукою. Я понималъ источникъ такого противорѣчія. Князь зналъ, что непотизмъ господствовалъ въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, и хотѣлъ знать правду, но въ государствѣ, гдѣ все офиціальное — ложь, ищущій правды долженъ поневолѣ обращаться къ инымъ источникамъ. Князь и выбралъ этотъ опасный источникъ, такъ часто отравляемый ядомъ клеветы. Я не упускалъ ни одного случая упрекать его въ этомъ способѣ дѣйствія. Когда племянника моего, мичмана Папенгута, обошли при производствѣ, я спросилъ князя, какая этому была причина.

— Онъ шалунъ!

— Почему вы это знаете?

— Мнѣ сказали!

— Аттестовали ли вамъ всѣхъ мичмановъ, или только Папенгута? Ежели только его, то потому, что онъ мой племянникъ! Ваша свѣтлость согласитесь, что это одно изъ послѣдствій службы моей при васъ, которое трудно назвать преимуществомъ.

Князь поправилъ ошибку, но совершенно исцѣлилъ его отъ такой опасной системы слѣдующій случай. Нѣкто Виноградовъ, предсѣдатель духовной православной консисторіи, настоящій русскій попъ по лукавству, изъяснялъ свое соболѣзнованіе, что въ Карелію назначаетъ синодъ священниковъ, не говорящихъ по-карельски. Что въ Гельсингфорсѣ есть іерей Зотиковъ, изъ Кареліи, и желалъ бы быть на родинѣ, что тамъ есть и вакансія, но синодъ не назначаетъ его туда. Князь Меншиковъ и бухнулъ отношеніе къ митрополиту. Недѣли черезъ три является ко мнѣ Зотиковъ.

— Помилуйте!—говоритъ въ слезахъ:—за что погубили меня! Я, какъ членъ духовной консисторіи, получаю 500 руб.; какъ учитель Закона Божія въ школѣ—300 руб.; я воспитываю дѣтей въ Гельсингфорсѣ, — и вдругъ кидаютъ меня въ глушь, на 200 руб. содержанія, и гдѣ мои дѣти не могутъ даже учиться чистописанію!

Когда я объяснилъ ему, что, по словамъ Виноградова, онъ самъ желалъ служить въ Кареліи, и что онъ, говоря по-карельски, можетъ быть полезенъ православію, — Зотиковъ объявилъ, что по-карельски не знаетъ ни слова, что никогда не изъявлялъ желанія другого мѣста, что Виноградову нужно было его мѣсто для своего родственника, и онъ оболгалъ его. Меншиковъ пораженъ былъ, какъ громомъ, моимъ разсказомъ.

— Вотъ, ваша свѣтлость,—сказалъ я,—послѣдствія распоряженій на основаніи изустныхъ, сообщаемыхъ глазъ на глазъ вѣдѣній.

Князь умолялъ меня исправить ошибку: «я вамъ въ ноги поклонюсь». Я поѣхалъ къ секретарю митрополита, чтобы узнать, когда можно видѣть преосвященнаго, и какіе обряды существуютъ

по этому предмету. Алексѣй Ивановичъ Сусловъ жилъ въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домовъ, которые тянулись вдоль Невскаго проспекта, отъ Зимней Конной до Невскаго монастыря, съ наружными деревянными лѣстницами въ оба этажа, и составляли Александро-Невскую слободку. Теперь эти дома, кажется, не существуютъ. Вышелъ ко мнѣ человѣкъ высокаго роста, съ курчавыми серебристо-сивыми волосами, нахальнаго выраженія лица. Узнавъ о поводѣ моего желанія, онъ мнѣ сказалъ:

— Это надобно со мною сладить.

Я отвѣчалъ ему, что пріѣхалъ по офиціальному порученію, и лично не могу дѣйствовать никакими партикулярными средствами.

— Ну, какъ хотите!—дерзко отвѣчалъ Сусловъ.

Отправился я къ митрополиту. Преосвященный спросилъ меня, былъ ли я у Суслова.

— Былъ, ваше высокопреосвященство.

— А что онъ вамъ сказалъ?

— Ничего положительнаго; онъ, кажется, принялъ мою просьбу за партикулярную; онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло надо черезъ него устроить.

— Ну, такъ условьтесь съ Сусловымъ.

Я—опять къ Суслову; въ первой комнатѣ сильно пахнуло жаренымъ постнымъ масломъ и вареннымъ лукомъ. Сусловъ, жуя и глотая, какъ акула, вышелъ ко мнѣ съ салфеткою въ рукѣ и прежде, чѣмъ я сталъ говорить, онъ съ громкимъ смѣхомъ спросилъ:

— Ну, што?

Я изъявилъ свое недоумѣніе, а онъ на это замѣтилъ:

— А я что вамъ говорилъ?

На отзывъ мой, что я въ этомъ дѣлѣ человѣкъ посторонній, онъ повторилъ мнѣ прежнюю фразу:

— Ну, какъ хотите!

Я пересказалъ князю Меншикову слышанное и видѣнное: онъ, послѣ долгой нерѣшимости, что дѣлать, написалъ митрополиту самую убѣдительную просьбу перевести Зотикова обратно въ Гельсингфорсъ. На это получили въ отвѣтъ, что исполнить ходатайство его свѣтлости оказывается совершенно невозможнымъ, но что святѣйшій синодъ, по уваженію участія его свѣтлости къ службѣ Зотикова, опредѣлилъ наградить сего послѣдняго бархатною фіолетовою скуфьею! Зотиковъ вскорѣ померъ, вѣроятно, отъ радости, что получилъ фіолетовую скуфью.

Православное духовное начальство, поколику оно проявлялось въ Финляндіи, не внушало мнѣ чувствъ, могущихъ сдѣлать изъ меня прозелита, тѣмъ болѣе, что уже въ отрочествѣ моя совѣсть не могла усвоить себѣ убѣжденій въ правотѣ дѣйствій во имя православія. Мой крестный отецъ, дѣйствительный статскій со-

вѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, былъ женатъ на трехъ живыхъ женахъ, изъ которыхъ первая вела процессъ противъ двухъ позднѣйшихъ, а вторая противъ третьей, съ которою Фуксъ прижилъ двухъ сыновей, бывъ до того бездѣтенъ. Когда синодъ рѣшилъ, что второй и третій бракъ были незаконны,—Фукса не было уже на свѣтѣ, а дѣти его офицеры гвардіи, и ихъ-то призналъ синодъ незаконнорожденными. Допускаю, что въ силу закона нельзя было рѣшить это иначе, но зачѣмъ онъ медлилъ рѣшеніемъ столь долгое время, что исполненіе рѣшенія становилось возмутительнымъ. Государь былъ, вѣроятно, самъ возмущенъ этимъ рѣшеніемъ, ибо въ то же время пожаловалъ молодымъ Фуксамъ потомственное дворянство и фамилію Егорьевыхъ.

Въ Финляндіи былъ нѣкто Форстадіусъ, протестантъ, котораго тетка вышла замужъ за Прокофьева, православнаго. Форстадіусъ влюбился въ свою благовѣрную кузину Прокофьеву, которая лишилась уже родителей. Онъ и она просили чрезъ финляндскій сенатъ высочайшее разрѣшеніе переселиться въ Швецію и принять шведское подданство, на что соглашался и король шведскій. Это было разрѣшено. Какъ шведская подданная, Прокофьева имѣла право принять лютеранскую вѣру; какъ лютеранка, она имѣла право выйти замужъ за своего двоюроднаго брата. Они обвѣнчались, прижили дѣтей и жили въ Швеціи. Въ преклонныхъ лѣтахъ тоска ли по отчизнѣ, или наслѣдство—не знаю—повлекли ихъ опять въ Финляндію; супруги поступили тѣмъ же порядкомъ: испросили соизволенія государя на принятіе ихъ въ финляндское подданство и соизволеніе короля на увольненіе ихъ изъ подданства шведскаго, переселились опять въ Финляндію, и годы жили спокойно. Вдругъ какой-то православный священникъ пронюхалъ ихъ исторію, донесъ консисторіи; эта отнеслась въ синодъ, а синодъ положилъ: Форстадіуса отдать подъ судъ за совращеніе изъ православія своей двоюродной сестры; бракъ его признать недѣйствительнымъ; разлучить Форстадіуса отъ Прокофьевой отъ незаконнаго сожительства, «бо скверны аки козліи»; Прокофьеву предать церковному покаянію, а дѣтей признать незаконнорожденными и воспитывать въ правилахъ православной церкви. Князь Меншиковъ, получивъ о томъ отношеніе митрополита, вступилъ съ нимъ въ полемику, но, не успѣвъ добиться измѣненія резолюціи, приказалъ мнѣ оставить бумагу у себя и не дѣлать по ней никакого исполненія. Митрополитъ и синодальный оберъ-прокуроръ спрашивали князя Меншикова каждый мѣсяцъ, какое распоряженіе ..нъ сдѣлалъ по тому отношенію. Я спрашивалъ у князя, что ..икажетъ отвѣчать?—«Ничего!» былъ постоянный его отвѣтъ.— ..резъ нѣсколько мѣсяцевъ синодъ вошелъ съ всеподданнѣйшею ..алобою на финляндскаго генералъ-губернатора. Когда государь ..писалъ: «подтвердить», дѣло стало серьезнѣе: не исполняемо ..ло уже не отношеніе синода, а высочайшее повелѣніе.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать?—спрашивалъ я.

— Ничего!—отвѣчалъ князь.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ князь объяснилъ дѣло государю. Государь былъ въ затруднительномъ положеніи: отказать синоду—нельзя; приказать исполнить приговоръ его государь не могъ рѣшиться. Князь сказалъ наконецъ:

— Государь! не вмѣшивайтесь въ это дѣло; пусть оно тяготѣетъ только надо мною; подтверждайте мнѣ,—а я прошу только снисхожденія, если не быстро исполню подтвержденіе.

— Да, болѣе нечего дѣлать, рѣшилъ государь,—и все осталось по старому.

Въ Пасху, передъ самой заутреней, получаетъ государь посланіе отъ митрополита весьма рѣзкое; не помню словъ его, но помню, что въ немъ указывалось на посмѣяніе православной церкви, продолжающееся и въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ воскресаетъ. Государь отправилъ къ Меншикову это письмо, встревоженный. Меншиковъ увѣдомилъ оберъ-прокурора о полученіи высочайшаго повелѣнія исполнить опредѣленіе синода—и не исполнилъ его. Еще прошло около года, какъ въ «Финляндской Газетѣ» прочиталъ я, что Форстадіусъ померъ. Я побѣжалъ къ князю въ спальную сказать ему это извѣстіе, какъ я объявилъ бы ему извѣстіе объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества. «Форстадіусъ померъ!» — Князь вскочилъ съ дивана, съ восклицаніемъ: «Слава Богу!» — Написали мы на другой день митрополиту, что Форстадіусъ померъ, и просили его, именемъ христіанскаго милосердія, предать дѣло его волѣ Божіей; въ то же время отправленъ о томъ докладъ государю. Дѣло кончилось!—Oh! le prince! [1])—говорилъ мнѣ Гартманъ голосомъ, сдерживаемымъ чувствами удивленія и почтенія,—Fabius Cunctator [2]).

Какъ произнесу имя Гартмана, такъ выступаетъ предо мною эта замѣчательная личность, Кольберъ въ финансахъ, Макіавелли въ политикѣ, Сикстъ V твердостію воли и маленькій ребенокъ— въ тщеславіи. Дѣла его пошли плохо: кандидаты его несли часто пораженіе; проекты биферировались,—и царское благоволеніе поколеблено какимъ-то неловкимъ объясненіемъ. Онъ, больной, чахоточный съ 20-тилѣтняго возраста, доживъ до свыше 60 лѣтъ, едва таскалъ ноги, безпрестанно шатался отъ головокруженія и кашлялъ такъ, что ежеминутно былъ въ опасности задохнуться. Такъ пришелъ онъ ко мнѣ одинъ разъ, убитый духомъ, опальный, опираясь на трость, съ поникшею головою; проходя черезъ комнату передъ моимъ кабинетомъ, онъ зашатался; я подоспѣлъ къ нему, и онъ упалъ ко мнѣ на руки. Довелъ я его до дивана, куда

---

[1]) О! князь!

[2]) Фабій Медлитель!

онъ опустился, съ потухшимъ взоромъ и безжизненнымъ лицомъ, котораго правильныя тонкія черты уподоблялись камеѣ аѳинскаго рѣзчика.

— Je vous félicite, baron, — сказалъ я ему:—l'Empereur vient de vous donner le cordon de St. Alexandre! [1]).

Гартманъ вскочилъ, стиснулъ свои бѣлые невредимые зубы, бросилъ палку, такъ что она проскользила черезъ весь полъ, и сталъ ходить по комнатѣ, бодро, бодро, приговаривая:

— Alors, je ne suis pas encore fini [2]).

И это не было скинутое притворство,—это была сила воли.

Онъ умеръ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ у себя въ деревнѣ, въ отставкѣ.

«Есть вещи, милый другъ Гораціо,
Которыя не снились мудрецамъ».

Я потерялъ изъ виду Гартмана, и только изрѣдка вспоминалъ о немъ. Въ одну ночь я проснулся отъ неизвѣстной причины, и первое понятіе, проснувшееся во мнѣ, было—образъ Гартмана. Я не могъ оторвать мыслей отъ этого образа; всѣ мои сношенія съ нимъ, всѣ его качества, хорошія и дурныя, воскресли въ моей памяти; во мнѣ возродилось желаніе съ нимъ еще разъ увидѣться; я упрекалъ себя за то, что, бывъ въ Финляндіи, полѣнился проѣхать еще 200 верстъ, чтобы посѣтить оставленнаго старика. На другую ночь то же самое,—и я положилъ: съѣздить лѣтомъ къ Гартману; но съ первою почтою получаю изъ Финляндіи извѣщеніе, что баронъ Гартманъ скончался!

Финляндцы поняли заслуги Гартмана, когда его не стало. Въ одной газетѣ было очень мѣтко изображено прежнее время, періодъ Гартмана, и новое—правленіе графа Берга. Авторъ идетъ задумчиво по большой дорогѣ; слухъ его поражается отдаленнымъ звономъ, гуломъ, трескомъ,—и изъ-за горы показывается огромный экипажъ въ запряжкѣ съ бубенчиками; лошади суетятся, кучеръ размахиваетъ кнутомъ; на имперіалѣ сидитъ разукрашенный старикъ въ парикѣ (Бергъ носитъ парикъ). Поровнявшись съ нимъ, старикъ кричитъ: «Сторонись, остановись! Я Новый годъ».—«Честь имѣю кланяться, ваше п-во!—говоритъ странникъ.—«Высокопревосходительство!—поправляетъ старикъ:—я високосный!..» Съ этимъ словомъ онъ откидываетъ стѣнку кареты, и странникъ усматриваетъ въ ней полки съ проектами, рисунками, планами и прочее. «Вотъ что я везу вамъ,—говоритъ високосный годъ, раскидывая одинъ планъ за другимъ:—вотъ телеграфъ, вотъ желѣзныя дороги, вотъ искусственное разведеніе рыбъ; здѣсь вы видите, какъ я

---

[1]) Поздравляю васъ, баронъ, императоръ пожаловалъ вамъ орденъ святого Александра.

[2]) Значитъ, мнѣ еще не конецъ!

раскидываю лососью икру въ море; тамъ, посмотрите, толпится народъ: это приморскіе жители тащутъ сѣти, полныя лососей». Расхваливая все это по-французски, годъ прибавлялъ слово: scharmant[1]), когда самовосхищеніе доходило до апогея.—Я, говоритъ авторъ, оглушенный, озадаченный, отступилъ; экипажъ покатился; бубенчики зазвенѣли. Я пошелъ далѣе, и встрѣчаю маленькія саночки, въ которыхъ сидѣлъ худенькій, истомленный старичокъ. «Прости!—говоритъ онъ мнѣ:—я старый годъ! отправляюсь отсюда безвозвратно!» За санями шла скромная женщина въ глубокомъ траурѣ; ее звали Финляндія! Она, всхлипывая, говорила: «Прощай, старикъ! спасибо за всѣ блага, тобою намъ доставленныя; за труды, для меня тобою подъятые!»

И въ самомъ дѣлѣ, Гартманъ подвинулъ финляндскую промышленность, но нельзя того же сказать о народной нравственности. Прежде Финляндія отличалась строгимъ исполненіемъ обязательствъ; умереть въ долгахъ считалось безчестіемъ; тамъ не отказывали въ погребеніи тѣла несостоятельнаго должника, какъ въ древнемъ Египтѣ, но общественное мнѣніе бросало такой позоръ на покойнаго, что его родственники, скупцы, бѣдняки, жертвовали частью своего достоянія, чтобы удовлетворить его кредиторовъ. При Гартманѣ явились банкротства.

Финляндія представляла феноменальное явленіе: чѣмъ ниже чиновникъ, тѣмъ выше нравственность. Сенаторы спекулировали иногда нарушеніемъ закона; ленсманы — никогда! При Гартманѣ это ослабло; при Бергѣ—измѣнилось, и, вѣроятно, Финляндія никогда уже не воротится къ прежнимъ своимъ нравамъ.

Два дѣла, мною подвинутыя, оставляютъ во мнѣ пріятное воспоминаніе. Одно—о финляндскихъ лопаряхъ, другое—о городѣ Вазѣ.

Галяминъ оказалъ плохую услугу разграниченіемъ Финляндіи съ Норвегіею; проведя границу вдоль рѣки Таны, онъ совершенно отрѣзалъ Варангерскій заливъ отъ Финляндіи, а въ этомъ заливѣ лопари наши промышляли и запасались рыбою. Правда, въ трактатѣ постановлено было, что финскіе лопари имѣютъ право заниматься рыбною ловлею въ заливѣ, а взамѣнъ того норвежскіе лопари могутъ гонять зимой своихъ оленей на финляндскія моховыя пастбища, но какъ исполнялся этотъ трактатъ,—о томъ никто не заботился. Баронъ Котенъ говорилъ мнѣ объ одномъ чиновникѣ губернскаго правленія, Лангеншельдѣ, какъ объ очень способномъ человѣкѣ; я съ нимъ сблизился и узналъ отъ него, что онъ былъ въ Лапландіи, что нашимъ лапландцамъ плохо, что норвежскіе олени выѣдаютъ у нихъ церковныя ограды и домашніе огороды, а наши лапландцы могутъ ловить рыбу въ Варангерѣ

[1]) Прелестно.

только какъ батраки; норвежская полиція, принимая букву трактата, говоритъ лопарямъ нашимъ: «Вы можете ловить рыбу, но не имѣете права строить шалаши и оставлять на берегу на зиму свои лодки и свои сѣти». Такое толкованіе равносильно запрещенію. Лопари наши, вслѣдствіе того, умираютъ съ голоду, или толпами переселяются въ Норвегію, находя, что выгоднѣе быть норвежскимъ, чѣмъ финляндскимъ подданнымъ. Я вытребовалъ все дѣло о пограничныхъ отношеніяхъ и, къ удивленію моему, увидѣлъ изъ него, что переписка съ графомъ Нессельродомъ о равноправности лопарей тянется 20 лѣтъ! Я составилъ докладъ въ два столбца; съ одной стороны выражался весь комизмъ нашей безплодной переписки, съ другой—все коварство норвежскаго министерства и бѣдственное положеніе лопарей нашихъ. Князь Меншиковъ сталъ критиковать мои выраженія, называя ихъ то неловкими, то рѣзкими; мнѣ стало досадно. Я составилъ другой докладъ и, поднося князю, объявилъ ему, что первая записка моя составляла меморандумъ, который я предназначалъ для графа Нессельрода, но какъ онъ находитъ его недовольно обязательнымъ въ тонѣ, то я представляю докладъ всеподданнѣйшій, и думаю, что его свѣтлость не остановится чувствами вѣжливости на пути, которымъ можно спасти цѣлое населеніе отъ голодной смерти. Въ заключеніе я предполагалъ объявить норвежскому правительству, какъ ультиматумъ, что если черезъ 6 мѣсяцевъ, къ осени, не послѣдуетъ согласія на наши предложенія, то трактатъ считаться будетъ требующимъ поясненія, а до тѣхъ поръ границы обоюдно закрываются: финскіе лопари перестаютъ ходить къ Варангерскому заливу, а норвежскіе—пасти стада свои въ Финляндіи, а такъ какъ доселѣ сіи послѣдніе самовольно переходили дозволенную черту, то мѣстное начальство распорядится усиленіемъ гарнизона, который будетъ ловить и конфисковать зашедшихъ оленей. Дѣло въ томъ, что наши лопари могли обойтись безъ варангерскихъ тюленей, но оленямъ норвежскимъ нечего ѣсть внѣ нашихъ пастбищъ. Шведское министерство было такъ избаловано нами, что не обратило вниманія и на ультиматумъ; утверждало, что въ 6 мѣсяцевъ нельзя рѣшить дѣло, потому что должно быть представлено норвежскому Thing, а наше отвѣчало, что дѣло тянется не 6 мѣсяцевъ, а 20 лѣтъ. Наступило 1 октября; граница закрыта; до 1 ноября пало уже 15,000 оленей отъ голода. Шведское министерство поспѣшило объявить, что оно согласно на все, только проситъ какъ можно скорѣе снять пограничный кордонъ. Такъ кончилось это долгое дѣло [1]).

---

[1]) Теперь черезъ 20 лѣтъ узнаю изъ записокъ Видемана, что лапландцы наши перешли почти всѣ въ Норвегію! Хорошо исполняли трактатъ!

Я познакомился съ Лангеншельдомъ, когда онъ былъ въ XII классѣ и получалъ 300 рублей жалованья,—уже лѣтъ за 30 отъ роду; я опредѣлилъ его вторымъ секретаремъ въ финляндскій статсъ-секретаріатъ, мѣсто VIII класса, съ 1,800 рублей жалованья. Года черезъ полтора занялъ онъ вакансію перваго секретаря, VI класса, съ 3,000 рублей жалованья. Въ 1853 г., т. е. года черезъ два, я рекомендовалъ его князю Меншикову, какъ лучшаго кандидата въ абоскіе губернаторы. При назначеніи Берга финляндскимъ генералъ-губернаторомъ я обратилъ вниманіе его на Лангеншельда. Онъ узналъ его и назначилъ губернаторомъ въ Гельсингфорсъ, затѣмъ членомъ финляндскаго сената, затѣмъ въ 1860 году начальникомъ финансовой экспедиціи, а въ 1864 году Лангеншельдъ умеръ, въ звѣздахъ и барономъ.

И это не одинъ примѣръ.

Явился разъ ко мнѣ переводчикъ губернскаго правленія, человѣкъ бѣдный, получающій жалованья 120 рублей и состоящій по должности въ XIV классѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что получилъ отъ отца въ наслѣдство десятинъ десять земли; по наружнымъ признакамъ онъ заключилъ, что земля эта должна содержать фаянсовую глину (въ Выборгской губерніи), началъ развѣдывать и открылъ такую глину фарфоровую и фаянсовую, какую трудно найти лучше для домашняго обихода; что онъ сформовалъ нѣсколько тарелокъ, показалъ ихъ купцу Гостинаго двора, и этотъ объявилъ ему, что будетъ брать у него весь товаръ, сколько бы ни оказалось. Но денегъ нѣтъ у него ни гроша; онъ построилъ въ долгъ одинъ маленькій горнъ,—а для серьезной фабрикаціи ему нуженъ заводъ, который стоить будетъ до 10,000 рублей. Этой суммы въ ссуду онъ не смѣетъ испрашивать, но заявляетъ фактъ. Я посовѣтовалъ ему сдѣлать чашку для простокваши, съ гербомъ наслѣдника. Эту чашку изъ финляндскаго фарфора князь представилъ цесаревичу, а цесаревичъ показалъ, какъ рѣдкость, государю. Затѣмъ испрошено ему 10,000 рублей въ ссуду, и заводъ пошелъ въ гору.

Вотъ плоды классическаго образованія, котораго ищутъ молодые финляндцы прежде, чѣмъ думаютъ объ успѣхахъ на службѣ. У насъ въ Россіи никто не ищетъ просвѣщенія; родители отдаютъ дѣтей въ училища не для науки, а для полученія аттестата, платятъ тысячи за приготовленіе дѣтей въ лицей или въ военное училище въ 2 мѣсяца; знаютъ, что сынъ ничему не научится, да и не тужатъ: лишь бы приняли и поскорѣе выпустили IX классомъ или прапорщикомъ. Это равнодушіе къ успѣхамъ находитъ себѣ то оправданіе, что и преподаваніе въ училищахъ — одна декорація; предметовъ бездна, программа блестящая, а экзаменъ съ фальшемъ; все дѣлается для программы и для экзамена. Само правительство смотритъ на желаніе учиться, какъ на самоотвер-

женіе, даетъ чины въ награду за то, что юноша учится на казенный счетъ. Я представилъ разъ записку о прекращеніи преимуществъ въ службѣ по аттестатамъ. Какъ всѣ возопили! Родители за дѣтей, а начальники за то, что хотятъ унизить училище, состоящее подъ ихъ покровительствомъ. Горчаковъ (намѣстникъ) сказалъ про подобный проектъ мой: «Je voudrais qu'on ne sache pas que ce projet ait jamais existé» [1]).

Чѣмъ невѣжественнѣе край, тѣмъ богаче мнимыми талантами. Россія изобилуетъ мудрецами, критикующими людей общественныхъ, мужей государственныхъ; помѣщики, не читавшіе ничего, кромѣ «Современника», студенты, плохо знающіе свои уроки, женщины, ученыя только по инспираціи, судятъ министровъ, дипломатовъ, администраторовъ. Все это такъ злобно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невѣжественно, что слушать ихъ, или, вѣрнѣе, слышать ихъ, даже не слушая,—истинное мученіе. Какъ труденъ судъ правильный,—это можетъ знать только тотъ, кто посвященъ во всѣ тайны общественной дѣятельности. Сколько винили Меншикова за пренебреженіе частями, ему ввѣренными, потому что онъ не писалъ громкихъ проектовъ,—но я знаю борьбы его, стоившія ему многихъ огорченій и многаго благоволенія царскаго. Кромѣ идей, проявлявшихся внезапно у государя, какъ, напримѣръ, рекрутская повинность въ Финляндіи, военно-сухопутная іерархія во флотѣ, и т. п., князь Меншиковъ получилъ незавидное наслѣдство и отъ Закревскаго.

При Закревскомъ послѣдовало высочайшее повелѣніе обязать всѣхъ финляндцевъ учиться по-русски, и черезъ 5 лѣтъ не принимать никого въ службу, кто не знаетъ русскаго языка. По объявленіи этого повелѣнія финляндцы, учившіеся по-русски добровольно,—перестали ходить на русскія лекціи. Прошло 5 лѣтъ, никто не зналъ по-русски, а вакансіи замѣщать нужно. На докладъ о томъ государю повелѣно ввести въ Финляндіи русскій училищный уставъ. Еще лучше! Недоставало бы затѣмъ преобразовать дерптскій университетъ по образцу юнкерской школы! Въ Финляндіи курсъ низшихъ училищъ чисто народный; тамъ не учили крестьянскихъ дѣтей россійской исторіи, но внушали имъ религіозныя чувства, объясняли четыре дѣйствія ариѳметики и читали наставленія сельско-хозяйственныя. Въ среднихъ училищахъ курсъ былъ чисто классическій, потому что эти училища были съ тѣмъ вмѣстѣ семинаріи; преобразовать эти училища на русскій ладъ значило бы не только испортить училища въ отношеніи къ гуманистическому образованію, но и уничтожить приготовительное богословское назиданіе. Государь понялъ важность представлен-

[1]) Я бы желалъ, чтобы не знали, что этотъ проектъ когда-либо существовалъ».

ныхъ ему доводовъ, но, кажется, не вѣрилъ ихъ искренности; велѣлъ составить сравненіе уставовъ, статья противъ статьи, и объяснить причины непримѣнимости каждой. Эту работу я долженъ былъ исполнить лично; трудъ мой обнималъ 100 листовъ! Государь не находилъ времени прочитать ихъ. Тогда я приготовилъ докладъ о главныхъ основаніяхъ преобразованія. Князь Меншиковъ просилъ государя повѣрить финляндскому сенату, предоставить ему написать и издать уставъ, по основаніямъ высочайше утвержденнымъ. На это государь согласился,— и гроза миновала: въ среднихъ училищахъ были устроены параллельныя каѳедры по исторіи и географіи, русскія и шведскія, съ правомъ учащихся выбирать, какую хотятъ. Черезъ годъ въ фридрихсгамскомъ училищѣ явилось по русскому отдѣленію 72 слушателя вмѣсто бывшихъ дотолѣ 4-хъ. Наши геніи, вводящіе русскій элементъ въ западныхъ губерніяхъ,—этого не понимаютъ: они умѣютъ владѣть только топоромъ.

При Закревскомъ заложены были Аландскія укрѣпленія (въ Бомарзундѣ); на счетъ бѣдной Финляндіи сдѣланъ заемъ тысячъ въ триста. Князь Меншиковъ, видя несообразность плана, но зная и то, какъ государь былъ чувствителенъ къ критикѣ инженерныхъ плановъ (неудобство раздачи должностей великимъ князьямъ: государь во всю свою жизнь сохранилъ въ себѣ остатки генералъ-инспектора по инженерной части), объяснилъ великому князю Михаилу Павловичу безполезность этихъ укрѣпленій. Великій князь, объяснясь съ государемъ, говорилъ потомъ Меншикову важнымъ тономъ: «Vos observations sont justes,—mais... s'est trop tard!» [1]). Въ то время выведенъ былъ только фундаментъ.

Но это еще не все. Инженеры издержали всю занятую сумму, не построивъ и двухъ третей, и военное министерство потребовало новой ассигновки. Это было уже невыносимо. Князь Меншиковъ возсталъ рѣшительно; онъ говорилъ государю, что Финляндія не можетъ разоряться для насыщенія расточительности полевыхъ инженеровъ, что если бы постройка укрѣпленій была поручена распоряженію финляндскаго сената, то прежняя смѣта была бы достаточна и даже избыточна. Государь уступилъ,—но сердился на Меншикова.

Кредитъ князя Меншикова уже колебался, когда возникъ Блудовъ (сдѣлавшійся великимъ со времени смерти. Въ нравственномъ отношеніи наши покойники часто выростаютъ до колоссовъ; живой пигмей становится исполиномъ въ эпитафіи). Блудовъ предложилъ государю издать сводъ законовъ и для Финляндіи. Не спрося генералъ-губернатора, учредили финляндскій комитетъ подъ предсѣдательствомъ Валлена, тогда прокурора сената (генералъ-проку-

[1]) Ваши замѣчанія правильны,—но... теперь слишкомъ поздно.

роръ) и подчинили его 2-му отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи. Блудовъ назначалъ оклады и награды, а Финляндія плагила. Черезъ нѣсколько лѣтъ сводъ составленъ, и государь утвердилъ было этотъ трудъ, но какъ манифестъ слѣдовало написать по финляндскимъ обрядамъ, то и нельзя было обойти князя Меншикова. Меншиковъ доложилъ государю, что все уложеніе финляндское меньше половины одного тома свода; въ докладѣ писалъ я, что финнъ, недовѣрчивый по природѣ, любитъ свои законы какъ самого себя, что если онъ новую форму изложенія приметъ за новый законъ, то государь утратитъ ту вѣрноподданную любовь, которой исполнена теперь вся Финляндія,—и законъ исполняемъ не будетъ. Посему испрашивалось высочайшее разрѣшеніе разослать новый сводъ во всѣ суды не для руководства, а чтобы съ нимъ ознакомиться, и въ теченіе трехъ лѣтъ ссылаться въ постановленіяхъ, попрежнему, на уложеніе, прибавляя въ выноскахъ указаніе на соотвѣтствующій параграфъ свода; тогда общество убѣдится, что законы тѣ же, но только иначе размѣщены. На этотъ разъ князь Меншиковъ не спорилъ противъ моихъ выраженій «слишкомъ рѣзкихъ»; дѣло было слишкомъ серьезно. Докладъ утвержденъ.

Мы слишкомъ коротко знали вѣтреность Валлена и пустословность Блудова, чтобы не видѣть, что предложенная нами мѣра поведетъ прямо къ изобличенію бредней кодификаціи. Такъ и вышло. Не прошло года, финляндскій сенатъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе двѣ толстыя тетради: одну—объ измѣненіяхъ въ смыслѣ законовъ, сдѣланныхъ кодификаціоннымъ комитетомъ; другую —о вновь изобрѣтенныхъ имъ законахъ. Спросили Блудова. Блудовъ не разъ уже писалъ объясненія презамѣчательныя; напр., «я писалъ это вашей свѣтлости оттого, что не имѣлъ всего дѣла подъ рукою»—и т. под. Такъ наивно поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ; написалъ, что онъ прибавилъ нѣкоторыя законоположенія «для округленія главъ», что устарѣлая форма уложенія не раскладывалась въ рамки новѣйшей кодификаціи, что въ ней оставались бы пробѣлы etc.—Князь понесъ эту исповѣдь къ государю, и сводъ... съѣли крысы. Единственнымъ памятникомъ этого труда осталось баронское достоинство Валлена и разрѣшеніе ему, при двухъ живыхъ сыновьяхъ, усыновить Шерняля, съ фамиліею баронъ Шерваль-Валленъ, независимо отъ настоящихъ бароновъ Валленъ!—Напишутъ ли это въ біографіи графа Блудова?

Вопросъ о городѣ Ваза былъ тоже довольно важенъ. Ваза выстроена была на берегу моря; съ тѣхъ поръ уровень ли моря сталъ понижаться, или море только перемѣщалось, но городъ очутился уже не у моря, а верстахъ въ 2-хъ или 3-хъ отъ моря, имѣя передъ собою острова, бухты и проливы мелководные; отъ этого и большія купеческія суда не могли уже подходить къ самому

городу; явилась надобность посреднической перевозки. Городъ этотъ сгорѣлъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 20 или 30 домовъ на форштадтѣ. Среднее купечество и нѣкоторые обыватели просили о постройкѣ новаго города опять у моря; планъ составленъ былъ отлично; всѣ островки употреблены въ дѣло: гдѣ таможня, гдѣ склады, гдѣ верфь,—и все подъ рукою. Но тѣ большіе негоціанты, которые содержали перевозные пароходы, и тѣ обыватели, которые владѣли лучшими дворовыми мѣстами въ старомъ городѣ, домогались, чтобы городъ строили вновь на прежнемъ мѣстѣ. Въ сенатѣ большинство было за прежнее мѣсто; магистратъ города — за новое. Я поддерживалъ магистратъ: такъ и было рѣшено. Восторгъ магистрата, большинства купечества и окрестныхъ землевладѣльцевъ—невыразимый. Они просили государя позволенія назвать городъ: «Nicolaistad», но государь не принялъ этого. За мною осталось недоброжелательство сенаторовъ, которые въ этомъ вопросѣ были разбиты.

Другой вопросъ еще серьезнѣе. Гартманъ, Рамзай, сенаторы и нѣкоторые богатые помѣщики стали спекулировать на винокуреніи; сочинили новый уставъ, по которому домашнее винокуреніе ограничено, а противъ злоупотребленій заводскаго установлены штрафы, но какіе: за каждый разъ открытаго перекура столько-то; за каждый разъ незаконной продажи столько-то; открывать зло должны были ленсманы, а когда ленсманъ донесъ губернатору что Гартманъ куритъ вино дольше срока, онъ ему погрозилъ. Я представилъ кн. Меншикову о необходимости сдѣлать слѣдующія перемѣны въ уставѣ; вмѣсто каждый разъ сказать: каждая канна, и открывателю злоупотребленія присвоить ¹/₃ штрафныхъ денегъ,—это задѣло за живое! Дѣло тянулось до самаго отъѣзда князя въ Константинополь, а на меня встала сильная партія.

Еще прежде того, въ 1849 г., соціализмъ проникъ въ Финляндію; въ газетахъ появились дерзкія статьи; составилось общество распространенія полезнаго чтенія на финскомъ языкѣ. Князю Меншикову донесли, что въ Гельсинфорсѣ издаются французскіе романы и уже напечатанъ переводъ Евгенія Сю по-фински, продаваемый выпусками по 5 копеекъ. Князь. Меншиковъ попросилъ высочайшее повелѣніе воспретить брошюры и выпуски на финскомъ языкѣ, исключая сочиненія первоначальныхъ наукъ, религіозныя и хозяйственныя. Тогда поднялась и литературная партія и противъ князя, и противъ меня, котораго считали виновникомъ и этой мѣры, хотя кн. Меншиковъ самъ принялъ въ этомъ случаѣ иниціативу.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА СЛУЖБѢ БОГУ.

(Очерки духовнаго быта).

I.

ИВАНЪ ФЛЕГОНТОВИЧЪ! А, Иванъ Флегонтовичъ. Вставай, будетъ дрыхнуть-то. Вѣдь три часа скоро,— запоздаешь.

Такъ говорила любезнѣйшая супруга отца дьякона Ивана Ростиславина, усердно толкая въ бокъ своего мужа, спавшаго мертвымъ сномъ.

— Эхъ, моръ тебя возьми, беззаботный какой,— продолжаетъ она:—ты спишь, а время-то идетъ да идетъ. Двадцать лѣтъ бьюсь я съ тобой...

— Ну, ну, не ворчи, старая, сейчасъ встану,— отзывается наконецъ отецъ дьяконъ, лѣниво потягиваясь и сладко зѣвая.—Не спуста сплю, сама знаешь, на дѣлѣ уморился. До кой поры вечоръ на работѣ-то маялся?..

— Своя охотка. Полвѣка въ пристяжкѣ ходишь, а еще студентъ семинаріи. Чета ли попу-то Ѳедору, а пляшешь подъ его дудку. Гдѣ бы на его мѣстѣ быть, а ты паки да паки... Хоть бы дѣтей-то пожалѣлъ. Вѣдь скоро до дюжины добьешь,—девятымъ хожу. Всѣ пить, ѣсть, одежды просятъ...

— Ну, мать, вѣдь по міру не ходишь, голодомъ-то не сидишь? ватаетъ...

— Хватаетъ, хватаетъ,—передразнила дьяконица:—а все не съ оповское. Не такъ бы жили. Да что время-то попусту тратить! ставай!

На этотъ разъ отецъ дьяконъ быстро поднялся и сталъ одѣваться. Дьяконица пошла готовить мужу завтракъ. Давнишней мечтой супруговъ было выжить отца Өедора съ его священническаго мѣста и поступить самимъ. Глѣбовскій сосняковскій приходъ по округу считался однимъ изъ завидныхъ, и отецъ дьяконъ, уроженецъ этого прихода, выйдя по окончаніи ученія на дьяконское мѣсто послѣ смерти своего отца, уже двадцать одинъ годъ жилъ, служа дьякономъ и выжидая перемѣны къ лучшему. Эта перемѣна была связана съ уходомъ или смертью отца Өедора, но, какъ на бѣду, до сихъ поръ ни смерть его не брала, ни уходить онъ не собирался. Жена частенько говаривала отцу дьякону:

— Подавалъ бы ужъ куда-нибудь на другое мѣсто,—что лямку-то тянуть, прискучило самой за коровами-то да за хозяйствомъ ходить, хочется и поспокойнѣй пожить.

На этой почвѣ между супругами, жившими вообще очень дружно, нерѣдко бывали размолвки, какъ это произошло и теперь. Отецъ дьяконъ ясно видѣлъ, что, дѣйствительно, сидя на мѣстѣ, ничего не высидишь, такъ какъ подъ лежачъ камень и вода не течетъ. Онъ началъ думу думать о томъ, какими мѣрами можно достигнуть своей цѣли. Другого мѣста ему не хотѣлось,—дорога была родина. Да и отецъ еще мечталъ, какъ его Ванюшка зажилъ бы, будучи попомъ въ Сосняковѣ. Іерейство для забитаго жизнью дьякона-старика казалось верхомъ земного благополучія. И почетъ-то ему, и доходы тройные... Не житье—масленица. Впервые нѣсколько разочаровался дьяконъ Флегонтъ, когда померъ его приходскій батюшка, а его Ванюша еще далеко ученія не кончилъ, и мѣсто занялъ нынѣшній священникъ, отецъ Өедоръ. Однако Флегонтъ не унывалъ.

— Потерпи,—говорилъ онъ Ванюшѣ:—авось дождешься и ты своей очереди. Послѣ меня дьякономъ поживи; не будешь лѣнивъ, сытъ будешь и на этомъ мѣстѣ, а потомъ видно будетъ.

Иванъ Флегонтовичъ, помня завѣтъ отца, такъ и сдѣлалъ. Послѣ отца ему достался почти новый домикъ, хозяйство было въ порядкѣ, только поддерживай, и Ростиславинымъ, особенно на первыхъ порахъ, жилось хорошо. Но вотъ стала копиться семья. Домикъ устарѣлъ и нужно было подумывать о постройкѣ новаго. Въ народѣ послѣ войны бѣдность пошла, доходы поубавились. Въ довершеніе всего подрастала дочь у самого отца Өедора, и тотъ мѣтилъ передать ей свое мѣсто, какъ это было обычно, пріискавъ достойнаго быть іереемъ жениха. Такимъ образомъ законныхъ путей для достиженія желанной цѣли у Ростиславиныхъ не было. Несмотря на духовный санъ, Иванъ Флегонтовичъ далеко не обладалъ высоко развитымъ нравственнымъ чувствомъ и онъ рѣшился пойти на компромиссъ со своею совѣстію. Дѣло было въ покойной памяти семидесятыхъ годахъ. Болото нашей русской жизни

тогда только что всколыхнула великая крестьянская реформа, съ которой начался рядъ преобразованій, долженствовавшихъ пересоздать весь жизненный укладъ стараго времени. Но реформа реформой, прежніе же порядки сами по себѣ. Они были крѣпки и прочно держались, несмотря на свою полную несостоятельность. Всѣ традиціи прошлаго особенно были устойчивы въ духовномъ вѣдомствѣ. Между прочимъ особенно выдѣлялись произволъ, волокита, взяточничество, всевозможные подвохи, кляузы и т. п. прелести, царившія почти во всѣхъ учрежденіяхъ того времени и въ особенности—въ духовныхъ консисторіяхъ. Не будемъ говорить о практиковавшихся по временамъ подтасовкахъ, затяжкахъ и заминкахъ. Въ рукахъ крючкотворовъ были всегда болѣе невинныя средства, при примѣненіи которыхъ и овцы были цѣлы, и волки сыты. Зная, что такимъ путемъ многаго можно достигнуть, Иванъ Флегонтовичъ и его «старая», какъ онъ именовалъ свою благовѣрную, сильную, здоровую женщину лѣтъ 36, надумали, въ свою очередь, попытать счастья здѣсь среди губернской духовной бюрократіи. Было рѣшено съѣздить въ городъ и тамъ позондировать почву. Для этой-то цѣли теперь и разбудила дьяконица своего мужа ни свѣтъ ни заря, какъ говорится.

Николай Александровичъ Берилинъ былъ типичною личностью. Онъ былъ изъ духовнаго званія, сынъ понамаря, окончилъ курсъ въ духовной семинаріи, но въ духовные не пошелъ, такъ какъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ этому званію. Открылось мѣсто писца въ консисторіи, и онъ поступилъ на восемь рублей мѣсячнаго жалованья и исподволь пошелъ въ гору. Скоро онъ получилъ званіе столоначальника и далѣе итти было уже некуда. Николай Александровичъ уперся въ своего рода тупикъ, изъ котораго, хоть лобъ разбей, не выйдешь впередъ ни на шагъ. Высшаго оклада получить было уже невозможно. Между тѣмъ окладъ столоначальника былъ далеко незавиденъ. Приходилось изыскивать побочный доходъ и сторонній заработокъ. Впрочемъ, то же приходилось дѣлать и всѣмъ прочимъ чиновникамъ «кріи», какъ именовалъ одинъ владыка сокращенно консисторію въ своихъ резолюціяхъ. Они твердо помнили, что каждый пастухъ питается млекомъ своего стада. Стало быть, и имъ былъ указанъ самимъ словомъ Божьимъ путь пропитанія. Стадомъ же млечнымъ и тонкорунным для нихъ были духовенство и всѣ вообще, обращающіеся къ нимъ за услугами. Стрижка и доеніе этихъ людей и практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ Николаемъ Александровичемъ, такъ и его сослуживцами. Весь свой долгій вѣкъ Берилинъ прожилъ безвыѣздно въ своемъ губернскомъ городѣ, если не считать его поѣздки по «своей» епархіи. Тридцать восемь лѣтъ провелъ онъ на службѣ въ духовной консисторіи, вѣрой и правдой служа Господу Богу, св. церкви и государю и работая на благо епархі-

альнаго духовенства. Эти «вѣра, правда и благо» Николаемъ Александровичемъ понимались крайне своеобразно. Русская пословица: «до Бога высоко, до царя далеко», была его любимой. Что касается подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ, то всякое дѣло, говорилъ онъ, право, только гляди прямо... За долгое время своей службы Николай Александровичъ отъ трудовъ праведныхъ сколотилъ небольшой капиталецъ и пріобрѣлъ уютный деревянный домикъ на одной изъ главныхъ улицъ города. Домовитый былъ человѣкъ Берилинъ. Хозяйка не могла упрекнуть его въ томъ, что онъ «изъ дому тащитъ». Совершенно напротивъ. Николай Александровичъ мало-мальски хорошей вещи не могъ видѣть равнодушно въ чужихъ рукахъ... У него являлось сильнѣйшее желаніе сдѣлаться обладателемъ таковой, и онъ обыкновенно добивался своей цѣли. Идетъ, бывало, Берилинъ по стогнамъ своего града, а навстрѣчу ему особа духовная съ кулькомъ или узломъ.

— А, а, отецъ Никита,—остановитъ проходящаго Николай Александровичъ,—вы что это, не ко мнѣ ли съ узелкомъ-то?

— А что?—спрашиваетъ батюшка.

— Думаю, съ наградой-то...

— Съ какой наградой?

— А развѣ не слыхали,—я вѣдь васъ къ камилавкѣ представилъ.

— Очень благодаренъ за память, не забуду...

— А вы заходите ко мнѣ?

Такимъ образомъ предположенія Берилина, что узелокъ-то его, нерѣдко сбывались. Благодарный обладатель камилавки, дѣйствительно, заходилъ къ Берилину и заходилъ не съ пустыми руками. Или бывало въ самой консисторіи увидитъ Берилинъ ставленника, подзоветъ его пальцемъ и шепчетъ: «ну-ка, владыка-то вѣдь едва не отказалъ тебѣ, я уговорилъ,—хорошъ, говорю, человѣкъ-то...» И «хорошій человѣкъ», желая оправдать о себѣ мнѣніе Николая Александровича, подсовываетъ ему подъ бумаги пятишку или трешку. Догадливые благочинные, зная за собою какой-либо недочетъ, въ передаваемыя дѣла обыкновенно влагали «оправдательные» документы въ видѣ кредитокъ. Собственно со всѣхъ ставленниковъ собиралась подать на всю столовую братію. Болѣе опытный давалецъ незамѣтно совалъ бумажку подъ сукно стола, стѣсняясь это сдѣлать воткрытую, но Берилинъ не стѣснялся и, похлопывая рукой по завѣтному мѣсту, говорилъ: «есть, ребята». Послѣднее выраженіе относилось къ сослуживцамъ. При этомъ бывали и курьезы. Такъ, напримѣръ, однажды, выходя изъ квартиры одного батюшки, Николай Александровичъ былъ смущенъ тѣмъ, что въ сѣнцахъ висѣлъ окорокъ. Окорокъ, и въ сѣнцахъ, да еще не у него, Берилина,—прямо непонятно показалось Николаю Александровичу, и онъ подхватилъ соблазнителя, и отправилъ подъ

полу своей «мышеловки». Однако поступокъ гостя замѣтила хозяйка-матушка и, не входя въ долгое размышленіе о почитаніи «нужныхъ людей», подняла цѣлую исторію изъ-за «такого пустяка». Берилину пришлось возвратить окорокъ по принадлежности. Будучи ветераномъ консисторіи, Николай Александровичъ могъ оказывать свое вліяніе и на другіе столы, а потому вообще по епархіи пользовался подобающимъ уваженіемъ. Тропа къ его кельѣ, какъ называлъ Берилинъ свой домикъ, не зарастала, такъ какъ нуждающихся въ совѣтахъ добраго человѣка было всегда много и изъ среды духовенства и изъ среды мірянъ. Считая Берилина нужнымъ человѣкомъ, духовенство постоянно заискивало предъ нимъ и не скупилось ни на подарки, ни на угощеніе. Берилинъ, съ своей стороны, широко пользовался преимуществами своего положенія. Онъ охотно посѣщалъ батюшекъ во дни мѣстныхъ праздниковъ и проводилъ у нихъ иногда не по однѣмъ суткамъ. Собесѣдникомъ Берилинъ былъ веселымъ. Шутки, анекдоты такъ и сыпались въ его рѣчахъ, неистощимый запасъ таковыхъ онъ почерпалъ изъ своей давней практики и изъ текущихъ дѣлъ по епархіальному управленію. При этомъ Николай Александровичъ любилъ «истинно-русскія словца», такъ что женщинамъ не всегда было удобно слушать его разсказы.

Вольная практика Берилина особенно увеличивалась въ знаменательныя эпохи его жизни, а таковыми были для него переходы изъ стола въ столъ болѣе важный или временное назначеніе исправлять должность самого секретаря консисторіи. При подобныхъ перемѣщеніяхъ возрасталъ кругъ подлежащихъ разсмотрѣнію Николая Александровича дѣлъ и расширялся кругъ его компетенціи. Все это заставляло большее число людей обращаться къ Берилину за совѣтами. Шли къ нему имѣвшія дѣла по судному столу, желая получить надлежащее указаніе по ходу дѣла, по ставленническому,—жаждущіе... движенія на болѣе доходное мѣсто. Шли и тѣ, о комъ давненько не вспоминало епархіальное начальство, обходя почему-либо наградами. Эти дѣла шли по наградному столу. По дѣламъ важнымъ, экстреннымъ и секретнымъ Берилинъ принималъ на дому, обычныхъ же посѣтителей—въ консисторіи. Послѣднимъ обыкновенно довольно долго приходилось ждать выхода «его благородія». Наконецъ, почувствовавъ нужду въ выходѣ, Берилинъ величественно показывался въ пріемной-передней. Его тотчасъ же осаждали жаждущіе совѣта, но Николай Александровичъ, торопливо отмахиваясь рукою, шелъ далѣе... Болѣе смѣлые выходили за нимъ и туда. Здѣсь-то, въ преддверіи пріемной, гдѣ обычно курили мелкіе чиновники, и рѣшались многія недоумѣнія. Остальнымъ Берилинъ давалъ разъясненія и указанія на обратномъ пути. Вообще въ обращеніи съ посѣтителями Николай Александровичъ велъ себя олимпійски спокойно и сдержанно-степенно, дабы не

уронить престижа учрежденія. Съ подчиненными, напротивъ, Бериллинъ былъ въ обращеніи простъ до грубости, бранился часто и самымъ невозможнымъ образомъ. Звалъ большинство на «ты». Какъ служака, онъ былъ аккуратенъ и пунктуаленъ, служа примѣромъ для молодыхъ чиновниковъ. Столоначальническое кресло очень шло къ Берилину, и Берилинъ шелъ къ креслу. Его сановитая фигура украшала столъ и придавала ему видъ законченности. Глядя начальственно-ласковымъ взоромъ на писцовъ своихъ, вытираясь краснымъ платкомъ послѣ понюшки табаку, Николай Александровичъ могъ сказать: «се азъ и дѣти яже ми даде Богъ». И дѣйствительно, онъ напоминалъ отца среди своей семьи, такъ какъ былъ всѣхъ старше на много лѣтъ. Берилинъ былъ статенъ, высокъ ростомъ и моложавъ, несмотря на годы. Онъ носилъ густыя баки безъ бороды и выглядѣлъ очень благообразно.

Вотъ къ этому-то дѣльцу и совѣтнику волею Божьей пришлось обратиться отцу-дьякону Ростиславину по пріѣздѣ въ губернскій городъ. Отъ Соснякова еще не было желѣзной дороги въ N—скъ, но она уже была не только проектирована, но и проведена на значительномъ разстояніи по направленію къ Москвѣ. Въ ожиданіи лучшаго приходилось трястись по невозможному тракту 70 верстъ на лошади. Только далеко за полдень Ростиславинъ увидалъ въ ложбинѣ цѣль своего путешествія—губернскій городъ. Былъ ясный день, и полста городскихъ храмовъ, то ярко-бѣлыхъ, то красныхъ, рельефно выдѣлялись на обильной зелени городскихъ садовъ и бульваровъ. Направо сверкала, прямымъ плесомъ уходящая въ даль, большая рѣка. Мѣрные удары соборнаго колокола гулко разносились по окрестности; звонили къ вечернѣ. Ростиславинъ остановилъ лошадку, своего доморощеннаго гнѣдого, запряженнаго въ легкую одноколку съ жердями въ роли рессоръ, и задумался, глядя на городъ. Чувство грусти сдавило ему грудь, и онъ тяжело вздохнулъ. Видъ этого, теперь чужого и почти забытаго города, но когда-то близкаго и почти родного, много, много напомнилъ ему. Передъ нимъ, какъ живые, встали долгіе годы школьной жизни со всѣми радостями и тревогами. И это далекое время казалось ему теперь, сквозь дымку прожитаго времени, прекраснымъ и незабвеннымъ. Онъ впервые почувствовалъ, что это прошлое привлекательнѣй настоящаго, и потому взгрустнулъ. Дорога прискучила, захотѣлось поскорѣй на отдыхъ, и дьяконъ сталъ подгонять гнѣдого. Скоро онъ былъ въ городѣ, гдѣ не бывалъ лѣтъ восемнадцать. Городъ съ внѣшней стороны значительно измѣнился. Сады и бульвары, насажденные, когда Ростиславинъ былъ мальчикомъ-школьникомъ, теперь разрослись и давали прохладную тѣнь, въ то же время украшая городъ. Торцовая мостовая замѣнила булыжную въ центрѣ города, а окраины, въ свою очередь, украсились булыгою. Повсюду прибавилось много домовъ. Медленно про-

ѣзжалъ Ростиславинъ по улицамъ N—ска, посматривая по сторонамъ и подумывая, гдѣ бы ему поудобнѣй остановиться. Вдругъ басистый звучный окликъ позвалъ его:

— Откуда, брате, грядеши? Какими судьбами попалъ въ губернію?

Это былъ городской іерей, товарищъ Ростиславина по семинаріи, уже девятнадцать лѣтъ священствовавшій въ одномъ изъ городскихъ приходовъ. Иванъ Флегонтовичъ сначала недоумѣнно уставился на говорившаго, но вдругъ узналъ въ немъ своего ближайшаго товарища и былого друга. Онъ быстро выскочилъ изъ одноколки, и пріятели облобызались.

— Куда или откуда ты?—повторилъ вопросъ іерей.

— Къ вамъ въ городъ только что ѣду.

— А гдѣ остановиться думаешь?

— И самъ не знаю.

— Кати ко мнѣ, мѣста хватитъ,—предложилъ іерей.

— Радъ буду, но не помѣшаю ли,—недоумѣвалъ дьяконъ.

— Ничего, не стѣсняйся, будешь желаннымъ гостемъ.

И они оба усѣлись въ таратайку и поѣхали.

— А гдѣ вы живете?—спросилъ дьяконъ.

— Лѣтъ десять какъ свой домикъ купилъ, давно мечталъ, наконецъ сбился.

— Около вашего храма домикъ-то или далеконько?

— Тутъ и есть. Земли много у меня: садъ, огородъ разведенъ. Сѣнокосная пожня есть на окраинѣ...

— А какъ семья, копится?

— Да, славу Богу, есть пятеро.

— Только-то?

— Или у тебя больше?

— У меня жена девятымъ ходитъ.

— Ой ли? И всѣ живы?

— Живы.

— Да, собьетъ вѣдь. Прокормить не шутка... А ты все дьякономъ?

— Дьякономъ.

— Вотъ охота-то. Шелъ бы во іереи. Теперь шесть свободныхъ мѣстъ имѣется, подавай на любое: въ Плехановѣ, въ Мазуковѣ, въ Шихмановѣ, въ Заболотномъ, въ Сузьмѣ... Впрочемъ, въ трехъ мѣстахъ съ дочерями идутъ. Подавай.

— Не по мнѣ мѣста-то эти, очень ужъ отъ города близко. Да у меня свое на умѣ. Вотъ лучше дайте-ка совѣтъ добрый?

— Какой совѣтъ?.. Да ты это что—все «вы» да «вы»,—зови попрежнему Костей, помнишь, какъ ранѣе звалъ?..

— Помнить-то помню, да съ той поры много воды утекло, какъ-то неудобно. Буду ужъ Константиномъ Ивановичемъ звать. А совѣтъ вотъ какой...

Друзья, разговаривая, незамѣтно подъѣхали къ дому отца Константина. Домъ стоялъ близъ окраины города. Здѣсь было и тихо

и спокойно, какъ въ уединенномъ селѣ на погостѣ. Обитатели улицы, купцы и мѣщане, весь день проводили на работѣ по мастерскимъ и магазинамъ. Только дѣти да рѣдкіе проѣзжіе оживляли нѣсколько улицу. Улица выглядѣла довольно чистенькою и веселою. Дома стояли рѣдко. Длинные заборы, ограждавшіе сады, отдѣляли дома другъ отъ друга. Саженъ черезъ тридцать стояли столбы для фонарей съ керосиновыми лампами, освѣщавшими улицу. Какъ разъ у дома отца Константина кончалась каменная мостовая и начиналась фашинная. О пяти окнахъ, низенькій, опущенный и окрашенный въ сиреневый цвѣтъ, домикъ отца Константина выглядѣлъ очень уютнымъ. Передъ окнами росли тополя, ровно подстриженные, и рядъ кратегуса близъ палисада. Всюду видна была рука хозяина-любителя. На домѣ красовалась надпись: «Домъ священника Константина Ивановича Зыкина». Константинъ Ивановичъ былъ очень симпатичный и по наружности и по душѣ батюшка. Средняго роста, коренастый, полнолицый, съ загаромъ на обрамленномъ окладистой круглой бородкой лицѣ, онъ на всѣхъ съ перваго же раза производилъ прекрасное впечатлѣніе. По душѣ онъ былъ добрымъ, открытымъ, сердечнымъ человѣкомъ, и эти свои свойства, унаслѣдованныя отъ родителей, постоянно проявлялъ въ своемъ пастырскомъ служеніи. Постоянная задушевность, готовность выслушать каждаго и дать добрый совѣтъ, широкая общительность снискали ему общую любовь. Въ приходѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Былъ извѣстенъ съ хорошей стороны о. Зыкинъ и горожанамъ. Этою извѣстностью онъ пользовался, ходатайствуя за всѣхъ нуждающихся, которые обращались къ нему. За кого-нибудь да онъ хлопоталъ постоянно. То устраивалъ сиротъ, то пріискивалъ мѣсто, то былъ занятъ судьбою болящаго, вызывалъ къ нему врача, то писалъ прошенія, духовныя завѣщанія и пр. Недалекій по образованію, онъ не умѣлъ говорить краснорѣчивыхъ и витіеватыхъ поученій, построенныхъ по обычному схоластическому методу, и почти молчалъ въ храмѣ, ограничиваясь ознакомленіемъ слушателей съ истинами вѣры и началами нравственности по готовымъ книжкамъ извѣстныхъ проповѣдниковъ только нѣсколько разъ въ году. Зато внѣ храма онъ былъ истиннымъ проповѣдникомъ, убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ. Не связанный циркулярными предписаніями, указами и традиціями, здѣсь дѣйствовалъ оригинально и жизненно цѣлесообразно. Много семейныхъ раздоровъ и неурядицъ было улажено имъ, много отерто женскихъ слезъ. Матушка была по всему подъ пару отцу Константину. Выйдя, какъ и мужъ, изъ деревенской духовной среды и будучи знакома съ нуждою по опыту дѣтства, Софья Петровна была отзывчива и внимательна ко всѣмъ. Хотя Богородская церковь и была малоприходною, но обезпеченіе давала достаточное, и Зыкинымъ жилось хорошо,

На нетерпѣливый звонокъ хозяина дверь раскрыла радушно сама матушка и, увидя гостя, любезно прибавила: «пожалуйте».

— А я, Соня, товарища изловилъ,—произнесъ о. Константинъ.

— Рада,—просто отвѣчала матушка...

Матушка пошла похлопотать о самоварѣ, а друзья направились въ кабинетъ хозяина. Кабинетомъ звалась боковая комнатка подлѣ залы въ одно окно. Она замѣняла вмѣстѣ и гостиную. У окна стоялъ письменный столъ съ приборомъ для письма и разложенными бумагами и книгами. У боковой стѣны стоялъ диванъ со столомъ и мягкими парными креслами. Надъ диваномъ красовался громадный портретъ императора Николая I въ массивной золотой рамѣ, купленный вмѣстѣ съ домомъ. Въ углу теплилась лампада передъ образомъ Богоматери. На стѣнахъ виднѣлись еще картины-копіи Сикстинской Мадонны Рафаэля и «Зачатіе» Мурильо въ рамкахъ съ круглымъ вырѣзомъ паспарту. Близъ двери въ залу стоялъ шкапъ съ книгами. Это была скудная библіотека заурядного городского іерея того времени. Подборъ книгъ былъ очень однообразенъ и касался единственно пастырства, главнымъ образомъ проповѣдничества. На корешкахъ прочно переплетенныхъ книгъ красовались надписи: «проповѣди», «бесѣды», «поученія», «толкованія» и пр.

Отдѣла «для себя», для собственнаго развитія совершенно не было. Школа не привила даже сознанія необходимости въ такомъ отдѣлѣ, и большинство священниковъ полагали, что ими пройдена вся премудрость книжная, далѣе уже поучаться нечему. Конча семинарію, пастырь успокаивался насчетъ себя и, взявъ на себя роль учителя другихъ, ученіе для себя полагалъ болѣе ненужнымъ. Напутствіе епископа съ завѣтомъ возгрѣвать даръ благодати, полученной въ священствѣ, былъ какимъ-то непонятнымъ, отвлеченно безжизненнымъ, и ни къ чему не обязывалъ батюшекъ. Поэтому кто до посвященія имѣлъ добрые задатки и навыки, привитые не подневольно школою, а домашнимъ очагомъ,—тотъ и оставался вѣренъ этимъ добрымъ привычкамъ. Въ томъ сказывалось и «возгрѣваніе» само собою. Наоборотъ, кто имѣлъ дурныя склонности, тотъ по большей части прогрессировалъ въ нихъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ поборалъ ихъ, въ концѣ концовъ поднимаясь на высоту идеальнаго пастыря. Въ роли воспитателей «самого» духовенства приходилось выступать епархіальному начальству въ лицѣ благочинныхъ, консисторіи и архіерея. Но всѣ эти воспитатели были тоже сынами своего вѣка и носителями общихъ духовенству недуговъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Пословица: «врачу, исцѣлися самъ», была ко многимъ очень и очень приложима. Такіе врачи не врачевали болѣзнь, а загоняли ее «внутро» своими средствами внѣшняго воздѣйствія: выговорами, штрафами, замѣчаніями и покаяніемъ. Духовенство изо-

щрялось въ способахъ скрывать свои проступки и поведеніе отъ начальственнаго ока и выходить сухимъ изъ воды и чистымъ изъ грязи. Такъ мало-по-малу угашался духъ и росло преобладаніе внѣшности и фарисейства. Въ глазахъ сознательной части общества авторитетъ пастырей, а вмѣстѣ и расположеніе къ церкви все болѣе и болѣе падали, пока не дошли до полнаго почти разрыва. При отсутствіи сознательности и при низкомъ общемъ уровнѣ развитія духовенство заняло у насъ роль проводника не столько ученія Христа, сколько велѣній различнаго начальства. Воспитанный въ тѣхъ же условіяхъ, отецъ Константинъ только немного выдѣлялся изъ среды прочихъ іереевъ, привлекая на свою сторону откровенностью и тактомъ долю интеллигенціи. Большинству же духовенства въ свѣтскомъ обществѣ нечего было дѣлать, не было общихъ интересовъ. Съ пастырскимъ словомъ къ собесѣдникамъ духовенство въ частныхъ бесѣдахъ не выступало, а если кто изъ священниковъ и начиналъ говорить что-либо о духовномъ, то никто не поддерживалъ разговора и онъ самъ собою прекращался. Общество какъ-то привыкло отъ своихъ духовныхъ руководителей не ждать указаній и руководства и обходилось безъ нихъ. На церковное же слово большинство глядѣло какъ на нѣчто офиціальное и необязательное, поэтому, видя аналой, выставляемый для проповѣди, многіе покидали храмъ, объясняя свой выходъ словами: «тамъ идетъ проповѣдь». Духовенство, пока ему не указало само общество, не могло догадаться, въ чемъ причина невниманія къ пастырскому слову. Паства сама предъявила позднѣй запросы на живое слово, близкое къ жизни и сильное оригинальностью мыслей и убѣдительностью доводовъ. Отецъ Константинъ, не смѣя принести въ храмъ необычайное новшество—живое изустное слово, чуждое прежней безжизненности и схоластичности, болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, отшатнулся отъ традиціоннаго обычая проповѣдывать въ храмѣ витіеватымъ слогомъ, съ дѣланнымъ воодушевленіемъ, уснащая почти каждую фразу текстомъ писанія, и перешелъ къ живому проповѣдыванію внѣ храма. Это сблизило его съ паствою. Сердечность и задушевность тона искупали всѣ недостатки живой проповѣди отца Константина, и его слово было и живо и дѣйственно.

Усадивъ гостя въ кабинетѣ, хозяинъ извинился и вышелъ переодѣться. Ростиславинъ, оставшись одинъ, сталъ разсматривать обстановку комнаты. Книги въ шкапу привлекли его вниманіе, и онъ сталъ читать по корешкамъ имена авторовъ. Тутъ были: «Сто четыре священныя исторіи» Яновскаго, «Обзоръ пѣснопѣвцевъ» Филарета, «Двунадесятые праздники» Лаврентьева, «Поученія» Евлампія Тобольскаго, Иннокентія Харьковскаго, Іоанна Смоленскаго, Путятина, Нордова и т. д. и т. д.

— Буду попомъ, и я заведу себѣ такія же книги,—мечтаетъ дьяконъ. Далѣе онъ перешелъ къ стѣннымъ картинамъ. Но ни

Рафаэль, ни Мурильо ничего не говорили его сердцу. Семинарія не дала ему никакихъ познаній въ области искусствъ и художествъ. Присущее всякому человѣку природное эстетическое чувство въ Ростиславинѣ было совершенно не развито. Онъ не былъ способенъ видѣть и цѣнить прекрасное ни въ природѣ, ни въ людяхъ съ ихъ творчествомъ. Проявленіе грубой физической мощи онъ могъ цѣнить, а герои духа въ его глазахъ оставались людьми ничуть не выше простыхъ смертыхъ.

Внушительная фигура императора Николая Павловича болѣе привлекла его вниманіе, и онъ былъ занятъ разсматриваніемъ золоченой рамы, когда возвратился Зыкинъ.

— А, любуешься,—проговорилъ онъ.

— Да, славный портретъ, — отвѣчалъ Ростиславинъ. — Откуда это у тебя?

— Купленъ съ домомъ у помѣщика Палкина. А, правда, хорошъ.

— Одна прелесть. Предъ такой фигурой невольно уваженіе чувствуешь. И рамка здоровая,—не поѣвши, пожалуй, не поднять одному...

— Или не видалъ такихъ?

— Видывалъ, только давно, и не помню гдѣ.

— Гдѣ? А въ семинаріи-то забылъ развѣ: въ залѣ виситъ. Да такихъ портретовъ много можно встрѣтить, особенно въ присутственныхъ мѣстахъ: въ палатахъ, въ судѣ, въ канцеляріи губернатора...

— Или ты и тамъ бывалъ?

— Бывалъ. Дѣло такое случилось,—хлопоталъ за одного человѣчка. А въ судѣ часто бываю,—напишешь духовное завѣщаніе кому-нибудь, потомъ за утвержденіемъ его и слѣдишь...

— Доходъ, что ли, отъ этого получаешь?

— Какой доходъ, такъ. Надо же помочь людямъ. Ну, конечно, и меня иной не забудетъ...

Въ это время въ двери выглянула матушка и позвала:

— Костя, тебя спрашиваютъ.

О. Константинъ вышелъ. А отецъ дьяконъ задумался надъ словами Зыкина: надо же помогать людямъ. Помогать... мысль о необходимости какъ-то помогать кому-то ранѣе о. дьякону никогда и въ голову почти не приходила. Правда, онъ не былъ скупымъ и безсердечнымъ. Въ помощи человѣку не отказывалъ, но дѣлалъ это какъ-то безсознательно, самъ никогда не навязывался съ услугами кому-либо. Услужливость въ о. Константинѣ ему казалась странною, и онъ видѣлъ тутъ матеріальный расчетъ... О. Константинъ вскорѣ возвратился.

— Что тамъ: не треба ли?—спросилъ дьяконъ.

— И треба и не треба, — женщина пришла бѣдная, совѣта просить.

— Какого совѣта?

— Больна, полечить проситъ, «витреной ушибъ» у нея, сказываетъ...

— Ну, и что же? Далъ совѣтъ?

— И совѣтъ и лекарство далъ, потому и замѣшкался—прости.

— И часто тебя такъ тревожатъ?

— Частенько... да вѣдь вотъ и ты тоже какого-то совѣта хотѣлъ просить?..

О. дьяконъ нѣсколько смутился и замялся.

— Ну, ну, говори, не стѣсняйся: меня на всѣхъ хватитъ,—продолжалъ Зыкинъ:—говори, какого совѣта ждешь?

— А вотъ какого. Ты знаешь—я дьякономъ 21 годъ служу и все на одномъ мѣстѣ, въ Сосняковѣ Г—го уѣзда. И хочется мнѣ тутъ во іереи попасть. Батюшка-то у насъ... того... неважно ведетъ себя, жалобъ много на него. Старику на покой бы пора, а мнѣ бы на его мѣсто. Посовѣтуй, какъ бы это устроить?

На сей разъ смутился о. Константинъ. Къ духовенству, особенно къ престарѣлому, онъ былъ неравнодушенъ: какъ отца родного чтилъ каждаго старца по завѣту писанія: «почти лицо старче». Желаніе гостя попасть на живое мѣсто его покоробило, и онъ едва ли не въ первый разъ готовъ былъ отказать въ совѣтѣ просящему.

— Ну, братъ, по этой части я не ходокъ. Сходи ты лучше къ члену консисторіи по ставленническому столу, спроси у него совѣта. Онъ славный старикъ и сдѣлаетъ все, что возможно. Только... знаешь... мнѣ батюшки-то жаль,—ввалишь...

— Э, что батюшка,—туда ему и дорога. А теперь кто членомъ-то?

— Да все отецъ протоіерей Большиковъ.

— Знаю, знаю. Къ этому схожу: не страшенъ. Однако, онъ давно служитъ-то?

— Очень давно. Пожалуй, ужъ и на покой бы пора,—трудно ему.

— Что жъ не уйдетъ?

— Привыкъ, обжился,—заскучать боится.

— Поди и консисторія-то имъ дорожитъ, во всемъ опытенъ сталъ?

— Нѣтъ, молодые-то не очень дорожатъ: устарѣлъ, говорятъ, малодѣятеленъ и несамостоятеленъ... Надъ нимъ вѣдь матушка сильное вліяніе имѣетъ. Безъ совѣта съ ней онъ бы пропалъ. Вотъ бой баба-то.

Разговору пріятелей не было конца. Вспоминали былое, обсуждали настоящее, и время шло незамѣтно. Между тѣмъ вскипѣлъ самоварчикъ, и матушка пригласила друзей къ самовару въ столовую. Столъ былъ уставленъ множествомъ вазъ съ вареньемъ и медомъ. Тутъ было и клубничное, и малиновое, и смородинное, и

крыжевничное, и вишневое, и яблочное варенье. Матушка была гостепріимна и радушна. Она любила показать свою домовитость и всегда подчеркивала ту же черту въ своемъ мужѣ.

— Кушайте,—говорила Софья Петровна,—свое, некупленное, сама варила. У насъ въ садочкѣ все растетъ,—Костя насадилъ...

Попили чайку, закусили, выпили по рюмочкѣ краснаго вина,—другого не выставлялъ отецъ Константинъ,—сходили въ храмъ и въ садикъ. Былъ поздній вечеръ. Въ коридорѣ, какъ говорила матушка, была для гостей у Зыкиныхъ кушетка, гдѣ Ростиславинъ и уснулъ сномъ праведника.

II.

На слѣдующій день Иванъ Флегонтовичъ, надѣвъ свою лучшую рясу, шитую лѣтъ 12 тому назадъ, но почти новую, такъ какъ въ деревнѣ мало приходилось носить ее, пошелъ къ члену консисторіи протоіерею Большикову на домъ. Большиковъ жилъ въ собственномъ домѣ близъ своего приходскаго храма. Передъ домомъ была парадная площадь съ театромъ и губернаторскимъ домомъ. Губернаторъ былъ «прихожаниномъ» Большикова. Это былъ сановитый батюшка. Его степенную, внушительную фигуру можно было узнать издалека. Ходилъ онъ въ камилавкѣ съ высокимъ жезломъ, мелкой старческой походкой. Его морщинистое, обрамленное сѣдыми баками и бородой лицо было ласково и благодушно. Только нижняя губа нѣсколько портила видъ, выдаваясь надъ верхнею. Знакомыхъ у о. протоіерея было много, почти весь городъ. Да и какъ не знать было Большикова, когда, живя въ городѣ полвѣка, онъ перемѣнилъ волею начальства четыре мѣста, состоялъ законоучителемъ въ трехъ низшихъ школахъ, въ прогимназіи и реальномъ, служилъ въ безчисленныхъ комитетахъ и обществахъ, состоялъ членомъ ревизіонныхъ и повѣрочныхъ комиссій, завѣдывалъ постройками и пр. и пр. Знамя свое Большиковъ держалъ высоко. Іерействомъ дорожилъ и боялся чѣмъ-либо унизить его.

Храмъ Никольскій, гдѣ служилъ Большиковъ, былъ почти безприходный, такъ какъ въ его районѣ были все казенныя учрежденія и торговля. Можно было считать его всеградскимъ, и Большиковъ считалъ его такимъ. Со славою онъ посѣщалъ почти полгорода. Много и богомольцевъ посѣщало его храмъ, какъ центральный. Настоятель любилъ свой храмъ и дѣлалъ все возможное для поддержанія его въ должномъ благолѣпіи. Храмъ сіялъ позолотою и обиловалъ дорогою утварью. Служба совершалась ежедневно и истово. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ пѣли собственные пѣвчіе. Сановитый, голосистый дьяконъ былъ подъ пару настоятелю. Большиковъ говорилъ поученія каждый день, несмотря на количество богомольцевъ. Особенно исправно велось поминовеніе

сорокоустныхъ и годовыхъ, и это привлекало молящихся. Зачастую въ Никольскомъ храмѣ шли сплошные сорокаусты. Масса нищихъ всегда толпилась на паперти въ ожиданіи подачки отъ богомольцевъ и причта.

Домъ Большикова былъ тоже благоустроенъ. Будучи простымъ священникомъ, Большиковъ довольствовался скромной квартиркой внизу, но, когда сталъ протоіереемъ и членомъ консисторіи, матушка настояла на томъ, чтобы перейти въ верхъ. Они отдѣлали роскошно верхъ и перешли. Семья Большикова была давно и прекрасно устроена, сынъ былъ профессоромъ въ Харьковѣ, дочери, кромѣ младшей, замужемъ. Порядокъ въ домѣ былъ полный. Все блестѣло и сіяло чистотой. Паркетный полъ былъ покрытъ сплошными мягкими коврами. Мебель всюду была новая, изящная и комфортабельная.

Было около половины девятаго утра, когда Ростиславинъ позвонилъ къ Большикову. Батюшка только что окончилъ раннюю и кушалъ чай со сдобными булочками и медомъ. Большиковъ принялъ отца дьякона очень ласково. Истово осѣнилъ его большимъ крестомъ благословенія со словами: «да благословитъ тя Господь отъ Сіона и да узриши благая во вся дни живота твоего».

Любовно похлопывая посѣтителя по плечу, хозяинъ провелъ его въ залу, на ходу спрашивая фамилію.

— Ростиславинъ, Ростиславинъ... Я что-то помню эту фамилію. Какъ будто у меня бывалъ ученикъ Ростиславинъ,—говорилъ старецъ.

— Да я это и былъ, ваше высокопреподобіе.

— Вы мой ученикъ? Очень, очень пріятно. Гдѣ же вы теперь и какъ живете, я что-то дѣла о вашемъ опредѣленіи не помню.

Ростиславинъ передалъ свѣдѣнія о своей жизни и, наконецъ, рѣшился подойти къ занимавшему его вопросу о священствѣ. Молча выслушивалъ Ростиславина протоіерей, нахмуривъ брови въ знакъ глубокаго раздумья... но придумать того, какъ отнестись къ просьбѣ не могъ, и, солидно поднявшись, вышелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Тамъ онъ досталъ клировую Сосняковской церкви и прочелъ послужной списокъ отца Ѳедора Дубравина, посмотрѣлъ штрафную книгу, отзывы благочинныхъ и... задумался. Онъ не зналъ, на чемъ остановиться и что сказать дьякону. Въ это время вошла къ нему въ кабинетъ матушка, типичная особа. Крѣпкая, полная, красивая по-старчески, съ нависшими бровями и довольно хмурымъ взглядомъ, она, видимо, обладала твердымъ характеромъ и не мудрено, что протоіерей подчинялся кое въ чемъ ей. И на сей разъ ея мнѣніе восторжествовало.

— Да что же ты думаешь? надъ чѣмъ?—заговорила она рѣзко и резонно.—Развѣ можно на живое мѣсто лѣзть? Развѣ хорошо

сживать человѣка съ мѣста, каковъ бы онъ ни былъ? Вообрази, тебя бы такъ стали, каково бы было тебѣ. А можетъ еще человѣкъ-то и не такъ виноватъ, а вы его покараете, подумай.

— Да онъ, мать, по клировымъ-то и ни въ чемъ не замѣченъ, аттестованъ какъ должно священнику... да дьяконъ-то говоритъ...

— Что тамъ на дьякона-то смотрѣть... вишь, судья іерею выискался, вретъ, поди, для своей пользы... я бы дала ему нагоняя: не порочь настоятеля, не ищи священства подвохами...

— Ну, ладно, ладно... будетъ, успокойся. Я такъ ему и скажу.

— Скажу... какъ не сказать-то? Ученикъ твой еще, говоришь... Хорошо выучилъ...

Однимъ словомъ, благодушіе Большикова исчезло, онъ сталъ серьезенъ и смущенно вышелъ къ дожидавшемуся его Ростиславину. Въ результатѣ былъ полный отказъ Ростиславину въ его домогательствѣ.

— Ничего, ничего нельзя сдѣлать, голубчикъ... Почтенный, почтенный батюшка Дубравинъ и аттестованъ прекрасно... Не замышляй ты худого, не замышляй,—выбирай-ка себѣ свободное любое мѣсто, а его оставь. Почти въ немъ старца и іерея, снизойди и къ немощамъ. Это по Божьи будетъ, знаешь, какъ я училъ-то тебя...

Протоіерей какъ-то невольно перешелъ на учительный тонъ и, вновь видя въ Ростиславинѣ своего ученика, надавалъ ему столько наставленій, что Иванъ Флегонтовичъ былъ не радъ, что и явился сюда, а потому и поспѣшилъ удалиться, смущенный и красный, какъ вареный ракъ.

— Не выгорѣло,—шепталъ онъ съ досадой, идя по бульвару отъ дома Большикова. — Ахъ ты, старая крыса, еще наставленій надавалъ,—бранилъ онъ протоіерея.

— Что, не выгорѣло?—вдругъ слышитъ онъ. Передъ нимъ стоитъ какой-то господинъ съ полупьяной физіономіей, въ поношенной одеждѣ.

— Тутъ не выгорѣло,—повторилъ незнакомецъ, указывая на квартиру Большикова,—и не выгоритъ никогда, слышь ты, отецъ? Не выгоритъ, пока матка тутъ... А я знаю, гдѣ выгоритъ-то. Хочешь, скажу?

— Да вы кто такой,—удивленно спросилъ Ростиславинъ изловившаго его мысли пьянчугу.

— Я... отставной коллежскій регистраторъ, бывшій чиновникъ консисторіи. А потому и знаю, гдѣ выгоритъ и не выгоритъ. Хочешь, скажу. Только, братъ, съ тебя на шкаликъ, слышь, святодухъ?..

Апломбъ регистратора, его нахальство остановили вниманіе Ростиславина, и онъ далъ просимое.

— Вотъ тебѣ мой совѣтъ,—иди, братъ, къ Берилину, къ самому, значитъ, Берилину столоначальнику. такъ, братъ, выгоритъ,—стиснувъ зубы, рекомендовалъ пьянчуга и, пошатываясь, пошелъ въ сторону... Вдругъ онъ обернулся и таинственно произнесъ:

— Посмазать-то не забудь.

— Посмазать? Чѣмъ посмазать?

— А это ужъ твое дѣло. Каша масла не испортитъ,—хоть головку сахару, хоть чего-либо сельско-хозяйственнаго...—засмѣялся онъ и быстро сталъ уходить. Пошелъ и Ростиславинъ. «Вотъ такъ совѣтчикъ, — размышлялъ онъ. — А и вправду,—пойду-ка я туда, чѣмъ чортъ не шутитъ. Ладно масла-то взялъ на продажу, вотъ и сельско-хозяйственный продуктъ», улыбнулся онъ и пошелъ къ Зыкину взять масло. Зыкина дома не было, и Ростиславинъ, пожалуй, былъ радъ этому, такъ какъ не хотѣлось передавать о разговорѣ съ Большиковымъ. Позавтракавъ съ матушкой Софьей Петровной и забравъ съ собою масло, Иванъ Флегонтовичъ направился къ «кельѣ» столоначальника.

Это былъ уютный домикъ въ четыре окна, съ мезониномъ подъ желѣзной крышей. Его украшала причудливая опушка въ елечку и разросшійся тѣнистый садикъ изъ липъ, кленовъ и акацій съ ягодникомъ и цвѣтникомъ. За садомъ находилась пчелиная пасѣка, впрочемъ, почти пустовавшая. Увлекшись мыслію постоянно имѣть свѣжій медокъ къ чаю, Берилинъ добылъ «безплатно» одинъ улеекъ, понадѣлалъ колодъ и домиковъ по указаніямъ Гамета, но пчелы повелись плохо и въ нѣсколькихъ ульяхъ еле влачили свое существованіе, вовсе не доставляя меду хозяину и служа поводомъ къ столкновеніямъ съ сосѣдями.

Было около трехъ часовъ дня, когда Ростиславинъ вошелъ во дворъ столоначальника. Въ углу двора, высовывая морду изъ конуры, лѣниво заворчалъ песъ. На звонокъ о. дьякона минутъ черезъ пять вышла прислуга, подслѣповатая старушка Асенефа, давно жившая въ городѣ, но нисколько не утратившая своего деревенскаго облика. Смотря пристально на гостя и, очевидно, привыкнувъ къ подобнымъ визитамъ, она спросила:

— Чего надоть?

— Дома Николай Александровичъ,—смотря на мѣдную доску, спросилъ Ростиславинъ.

— Дома-то дома, да тебѣ што?

— По дѣлу бы увидать нужно.

— Пришелъ бы ты попозже, а то онъ только что отдохнуть прилегъ. Я, чай, невеликъ баринъ и опосля придешь. Кто будешь то: попъ, аль дьяконъ, какъ доложить-то ужо?

— Кто буду—не знаю, а пока—дьяконъ. Давно ли онъ прилегъ-то?

— Да не уснулъ еще.

— Вишь ты, мнѣ узелъ тащить въ другой разъ неохота, доложи-ка ему теперь,—можетъ, приметъ.

Старушка подумала и, глядя на узелокъ, рѣшилась наконецъ доложить о посѣтителѣ. Она ушла, а Ростиславинъ остался ждать отвѣта.

Берилинъ принялъ Ростиславина и вышелъ къ нему въ прихожую. Онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ, за что, впрочемъ, извинился предъ гостемъ.

— А это что у тебя, видно, въ городѣ купилъ что-нибудь,— полюбопытствовалъ Николай Александровичъ, указывая на узелокъ отца дьякона.

— Нѣтъ, помилуйте, это, такъ сказать, изъ собственныхъ продуктовъ сельскихъ. Я просилъ бы васъ это принять въ знакъ моего искренняго къ вамъ уваженія.

— Отчего не принять, можно, но что это?

— А маслецо скоромное, топленое маслецо.

— А, а, собственно таперича, доброе дѣло, доброе дѣло. Спасибо, старика вспомнилъ. У насъ какъ разъ масло-то вышло. Эй, Асенефа, снеси-ка хозяйкѣ подарокъ-то. А ты, отецъ дьяконъ, проходи. Вѣдь такъ: отецъ дьяконъ?

— Да, пока—дьяконъ. Двадцать лѣтъ служу въ этомъ санѣ безпорочно.

— А что, кончившій?

— Да, кончившій, даже студентъ, можно сказать...

— Что же долго зажился дьякономъ-то?—ласково продолжалъ Берилинъ, усаживая Ростиславина на кресло въ гостиной.

— Вотъ поэтому-то я и пришелъ къ вамъ, дайте добрый совѣтъ.

И Иванъ Флегонтовичъ передалъ о своемъ желаніи выжить старика Дубравина за его мнимые поступки и поступить самому во іереи въ Сосняково.

— Такъ, такъ, собственно таперича,—поддакивалъ Берилинъ:— а ты хорошо дѣлаешь, что ко мнѣ-то пришелъ по сему поводу: видно, помнишь, что прелазая инудѣ той тать есть и разбойникъ... А что? Мѣсто-то стоющее?

— Очень даже. Доходное, можно сказать, мѣсто. Земли прекрасной полтораста десятинъ: пахота, лѣсъ и луга прекрасные; двадцать деревень, всего домовъ до пятисотъ, больше двухъ тысячъ душъ... Браковъ ежегодно до тридцати бываетъ. Сборы со славою прекрасные,—однимъ словомъ, жить куда какъ хорошо можно.

— Мм! Собственно таперича. Загадку ты далъ. Да вѣдь хорошаго зайца надо и стрѣлять умѣючи...

— Я покупатель, а вы ужъ охотникъ-то?

— Нынче дробь дорога...

— За этимъ не постоимъ, можно сказать, на дробь хватитъ.

— Вишь ты, дѣло-то надо выше пустить и тамъ расходы...

— Да сколько вамъ нужно-то, скажите прямо,—знаю, что не кормя-то и конь не везетъ.

— Двѣ катерины понадобятся.

— Ой ли?—испугался дьяконъ.

— Ничего,—наверстаешь свое потомъ, ну да ладно, это впереди. А ты теперь посиди пока на мѣстѣ день-другой, потомъ зайди ко мнѣ.

Ростиславинъ такъ и сдѣлалъ. Не желая утруждать Зыкина, онъ перешелъ на постой въ другое мѣсто и сталъ выжидать результатовъ своего визита къ Берилину. Результатъ не замедлилъ сказаться. Онъ былъ очень благопріятенъ для Ростиславина. Ради достиженія намѣченной цѣли были пущены въ ходъ всѣ пружины епархіальной административной машины. Берилинъ билъ навѣрняка, потому что зналъ, какъ взяться за дѣло, зналъ, какъ повліять на преосвященнаго. На епископской каѳедрѣ въ N-скѣ былъ въ это время только два года какъ назначенный владыка Прохоръ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, но богатый жизненнымъ опытомъ. Сынъ священника тамбовской епархіи, владыка Прохоръ кончилъ семинарію и академію въ числѣ первыхъ воспитанниковъ; поднимаясь по жизненной лѣстницѣ, онъ былъ попеременно и преподавателемъ, и ректоромъ, и членомъ консисторій, принялъ монашество послѣ того, какъ овдовѣлъ, и быстро достигъ сана епископа... Главные труды ему выпали при жизни въ Юго-Западномъ краѣ, и энергія его ко времени поступленія въ N-скъ уже значительно пала. Владыка какъ-то невольно подпалъ подъ стороннее вліяніе, сталъ черезчуръ довѣряться одному изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, а именно своему секретарю. На все онъ смотрѣлъ глазами Нила Васильевича. Нилъ Васильевичъ былъ какой-то даже родственникъ владыки. Жизнь не особенно баловала его до пріѣзда въ N-скъ, но зато здѣсь ему повезло, какъ говорится. Подвернувшись подъ руку владыкѣ какъ разъ въ то время, когда нужно было найти новаго секретаря, Нилъ Васильевичъ временно занялъ эту должность и вотъ уже два года исправлялъ ее. Будучи ловкимъ и пронырливымъ, онъ умѣлъ поставить дѣло такъ, что владыка сталъ цѣнить его, не замѣчая за нимъ ничего худого. Владыка часто дѣлился съ нимъ мыслями, совѣтовался и нерѣдко соглашался съ его доводами. Нилъ Васильевичъ, со своей стороны, старался извлечь все, что было можно, изъ своего временно высокаго положенія. Онъ, не стѣсняясь, бралъ взятки и потихоньку устраивалъ свои дѣлишки. Это былъ своего рода временщикъ, и духовенство болѣе надѣялось на него, чѣмъ на епископа. И гнѣвъ, и милость послѣдняго были въ рукахъ Нила Васильевича. Вла-

дыка былъ вспыльчивъ и горячъ. И годы, и жизнь, и власть въ данномъ направленіи сильно повліяли на владыку. Въ то доброе старое время отношенія духовенства къ епископу были раболѣпно-покорными. Каждый владыка почиталъ долгомъ нагонять на все духовенство не сыновній, а самый подлый рабскій страхъ. Были владыки, требовавшіе того, чтобы духовенство падало предъ ними въ ноги при представленіи по какому-либо дѣлу. Принять стоя было обычнымъ. Вся аудіенція занимала нѣсколько минутъ. Выходя отъ владыки, многіе крестились, благодаря Бога за благополучное окончаніе визита. Владыка Прохоръ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Съ духовенствомъ онъ былъ также рѣзокъ, нетерпѣливъ, порывистъ. Онъ обычно требовалъ быстро изложить свою просьбу, быстро давать объясненія. Находчивые и изворотливые на словахъ люди ему нравились и потому имѣли особый успѣхъ. Надоѣдливыхъ подробностей, запутанной рѣчи онъ не любилъ. Не любилъ и слезъ. Подчиняясь вліянію Нила Васильевича, онъ отражалъ это вліяніе на своемъ отношеніи къ посѣтителямъ и просителямъ. Пришлось повидать владыку и отцу дьякону Ростиславину. Это случилось черезъ два дня послѣ посѣщенія имъ Берилина. Наканунѣ предъ тѣмъ Николай Александровичъ послалъ записку Ивану Флегонтовичу съ совѣтомъ лично явиться ко владыкѣ и обсказать ему все относительно отца Ѳедора Дубравина, «не жалѣя красокъ», такъ какъ владыка уже подготовленъ къ этому.

III.

Ночь тревожно спалось Ивану Флегонтовичу. Онъ часто просыпался отъ душевнаго волненія. Ему снилось, что онъ уже іерействуетъ въ Сосняковѣ. Выводитъ, будто, онъ своимъ густымъ баскомъ возгласъ: «Благословенно царство...», а самъ любуется,— какъ это у него красиво выходитъ. «Далеко до меня отцу Ѳедору», думаетъ онъ, но вдругъ просыпается отъ какой-то возни и брани въ сосѣдней комнатѣ. Силится онъ вновь заснуть, и грезы въ полудремотѣ вновь переносятъ его къ давнимъ мечтамъ. «Аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ», слышится ему и онъ сознаетъ, что это его, Ростиславина, владыка Прохоръ во іерея посвящаетъ...

Раннее утро застало отца дьякона уже на ногахъ. Усердно помолясь Богу за ранней службой въ ближайшей церкви и испросивъ у Бога благословенія на предстоящее дѣло, онъ въ девять часовъ направился къ владыкѣ въ архіерейскій домъ въ Михайловскій монастырь. Довольно робко проходилъ онъ по архіерейскому двору. Тишина и пустынность двора смущали его... Налѣво былъ громадный садъ, направо—храмы. Прямо въ глубинѣ двора виднѣлся красивый трехъэтажный домъ владыки съ куполомъ

надъ крестовою церковью, балконами и галереями. Двадцать лѣтъ не бывалъ здѣсь Ростиславинъ и все казалось ему незнакомымъ и непривѣтливымъ. Онъ служилъ при четвертомъ архіереѣ и порядковъ нынѣшняго не зналъ. Поборовъ невольное чувство робости, Иванъ Флегонтовичъ подошелъ къ парадному архіерейскому крыльцу и позвонилъ. Дверь скоро открылась. Выглянулъ швейцаръ, смѣрилъ презрительнымъ взглядомъ фигуру стоящаго и молча захлопнулъ дверь. Это совершенно озадачило Ростиславина и онъ нѣсколько минутъ стоялъ у подъѣзда, не зная, что дѣлать. Въ это время отъ собора приближалась какая-то духовная особа съ высокимъ жезломъ, въ наперсномъ крестѣ и камилавкѣ. Отецъ дьяконъ уже робко подошелъ на благословеніе и почтительно, держа шапку въ рукѣ, спросилъ:

— Позвольте узнать, ваше высокопреподобіе, какъ можно увидать его преосвященство?

— Вы—дьяконъ,—отвѣчала особа:—такъ пожалуйте сюда вотъ подъ арку и тамъ вверхъ по лѣстницѣ. Въ общей пріемной увидаете владыку.

— А здѣсь куда же входъ?—спросилъ Ростиславинъ, указывая на негостепріимную дверь.

— Тоже къ владыкѣ, но здѣсь принимаются только гости, протоіереи и іереи,—отвѣтилъ сановникъ въ рясѣ и направился въ заповѣдную дверь, а отецъ дьяконъ смиренно пошелъ по указанію. Передъ нимъ была арка и далѣе шелъ какой-то темный коридоръ. Ростиславинъ пошелъ по нему и вышелъ на какой-то задній дворъ. Постоявъ здѣсь и не видя никакой лѣстницы, онъ вернулся обратно. Здѣсь имѣлась лѣстница вверхъ, но ужъ очень непарадная, и отецъ дьяконъ никакъ не думалъ, что этотъ ходъ ведетъ къ владыкѣ. Но на дѣлѣ было такъ. Поднявшись на два марша и повернувъ куда-то въ темноту, Ростиславинъ нащупалъ дверную скобку и отворилъ дверь. Это была пріемная для мелкотравчатой публики. Въ ней пока не было ни души. Комната была довольно свѣтлая, со сводчатымъ потолкомъ и малыми окнами. Въ углу красовалась изразцовая печь синяго полива съ букетами и различными сценками изъ жизни на каждомъ изразцѣ. Особенно красивы были углы печи, обдѣланные кувшинообразными съ кистями винограда столбиками. Близъ двери стояла обычная желтая скамья съ перильцами для посѣтителей. Ростиславинъ довольно долго стоялъ у двери, переминаясь съ ноги на ногу и не рѣшаясь пройти и сѣсть. Онъ робко покашливалъ, давая о себѣ знать, но никто не выходилъ изъ внутреннихъ комнатъ, хотя и слышались тамъ голоса и шаги. Наконецъ Иванъ Флегонтовичъ осмѣлился сѣсть. Между тѣмъ начали прибывать посѣтители, и пріемная нѣсколько оживилась. Между просителями были двѣ старушки-вдовы, хлопочущія о мѣстахъ просвиренъ, сборщикъ на церкви, недавно

окончившій семинаристъ и два сельскихъ батюшки изъ дальнихъ окраинъ епархіи. Семинаристъ держалъ себя самоувѣренно и свободно. Онъ подавалъ прошеніе на священническое мѣсто въ Плеханово и надѣялся получить его. Батюшки были изъ штрафованныхъ. Одинъ только что вызванъ въ городъ и назначенъ для служенія при крестовой, въ видѣ наказанія за нетрезвость, а другой, послѣ пребыванія «на мукомолѣ» въ обители, явился просить благословенія на отбытіе домой въ приходъ. Поговорили каждый о своемъ дѣлѣ, и время прошло незамѣтно. Насталъ урочный часъ пріема. Открылись внутреннія двери, выскочилъ келейникъ и тревожнымъ шопотомъ предупредилъ: «владыка идетъ». Всѣ поднялись и вытянулись въ струнку. Въ сосѣдней комнатѣ показался владыка. Онъ былъ съ жезломъ, въ черномъ монашескомъ одѣяніи. Посѣтители сдѣлали общій низкій поклонъ одновременно, какъ бы по сговору, и вновь застыли въ своихъ приниженныхъ позахъ, робко смотря на архипастыря. Это былъ подслѣповатый, вѣчно мигающій старецъ. Онъ опирался на жезлъ рукою; благословивъ подходящаго, онъ клалъ на кулакъ съ тростью и другую руку локтемъ, а ладонью прикрывалъ свои глаза, какъ бы боясь свѣта.

— Ну, ну! Что у тебя, что у тебя?—зачастилъ владыка, подходя къ семинаристу.

Тотъ подалъ прошеніе и доложилъ:

— Желалъ бы послужить священникомъ при плехановской церкви.

Но владыка относительно ея, очевидно, имѣлъ уже свои виды и, порывисто беря прошеніе и отходя далѣе, произнесъ:

— Давай,—бумага все стерпитъ...

Со священниками скоро было покончено. Владыка только благословилъ ихъ и сказалъ: «идите, куда слѣдуетъ». На слезы вдовы владыка съ неудовольствіемъ замѣтилъ: «Не люблю слезъ, не люблю слезъ,—плачьте дома...» Дошла очередь до Ивана Флегонтовича, а въ пріемной уже болѣе никого не было. Подошелъ владыка къ нему и спросилъ: «что угодно?»

— Я, такъ сказать, съ докукой отъ цѣлаго прихода,—подобострастно проговорилъ дьяконъ.

— Священникъ, дьяконъ?

— Дьяконъ, ваше преосвященство. Двадцать лѣтъ въ семъ санѣ служу во ожиданіи благодати іерейства.

— Кончившій?

— Да, преосвященнѣйшій.

— Куда жъ ты хочешь?

— Къ своей бы приходской церкви хотѣлось, владыка.

— Развѣ свободно мѣсто у васъ? Какая церковь-то?

— Церковь у насъ глѣбовская - сосняковская. Священникъ отецъ Ѳедоръ Дубравинъ живъ и состоитъ на приходѣ, да ужъ

очень слабъ сталъ во всѣхъ отношеніяхъ,—многотрудно ему, да и приходъ обижается.

— Чѣмъ же недовольны?

— Говорятъ многое: и нетрезвъ-то онъ, и служитъ-то плохо, и мздоимецъ, да, кромѣ того, и кудесникъ еще...

— Какъ это, какой кудесникъ, говори толкомъ?

— На воду онъ наговариваетъ, суевѣріе плодитъ. Его больше какъ знахаря почитаютъ, а не какъ пастыря. Упивается же онъ давно и часто. Сколько народу безъ покаянія померло... Младенецъ некрещеный недавно померъ...—наговаривалъ дьяконъ.

— Что же благочинный молчитъ? Давно бы смѣнить его надо.

— Да, ваше преосвященство, благочинный-то сродни ему будетъ,—ну и бережетъ.

— Пусть бережетъ,—гнѣвно проговорилъ владыка:—а мы не побережемъ.

— Нилъ Васильевичъ, Нилъ Васильевичъ,—продолжалъ онъ, громко зовя изъ внутреннихъ комнатъ своего секретаря:—что же это? Ужели вамъ неизвѣстно ничего про отца Дубравина изъ Соснякова, какъ онъ живетъ тамъ?

— Извѣстно, даже очень, ваше преосвященство, — отвѣчалъ тотъ, появляясь въ дверяхъ сосѣдней комнаты.—Я даже имѣлъ намѣреніе доложить о немъ вашему преосвященству.

— Надо, надо, неотложно надо. Нельзя этого терпѣть. А ты, отецъ дьяконъ, подавай прошеніе на его мѣсто,—пиши, молъ, за престарѣлостью и болѣзненностью іерея... и т. д. и поѣзжай домой, жди указа.

Владыка ласково благословилъ дьякона и направился въ свои покои, а Ростиславинъ выскочилъ изъ пріемной, не помня себя отъ радости.

— Славно, славно,—мысленно повторялъ онъ: — уважу попа Ѳедора и его матку...—И онъ, дѣйствительно, ихъ уважилъ... Прошеніе было подано. Ростиславинъ, послѣ недѣльнаго пребыванія въ губернскомъ городѣ, возвратился домой.

С. Лазаревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XXVII.

Въ ссылкѣ.—Новыя лица.—Освобожденіе.

ИСПРАВНИКЪ былъ одинъ, очень взволнованный.

— Садитесь, пожалуйста,— говорилъ онъ торопливо, передавая мнѣ нераспечатанное письмо.—Вотъ письмо, кажется, отъ матушки!..

— Да, благодарю васъ!

— Скажите, ничего неизвѣстно вамъ относительно взрыва? — Подумайте, взрывъ въ самомъ дворцѣ!.. вѣдь это не шутка, навѣрно дѣйствуютъ важныя лица?

— Этого я не думаю...

— А что же вы полагаете?

— Все та же партія террористовъ...

— Ого! Террористы!—задумался исправникъ.

Я вообще долженъ сказать, что глухую провинцію особенно сильно поразилъ взрывъ во дворцѣ. Впечатлѣніе получилось куда большее, нежели отъ многихъ покушеній на императора. «Во дворцѣ»—значитъ, важные люди принимаютъ участіе, но именно кто? Нѣкоторые прямо указывали на одного великаго князя, ибо обыватели не вѣрили въ силу революціонеровъ. Такъ оворили и думали въ Вяткѣ и другихъ городахъ. Объ этомъ я поминаю потому, что отзвуки тогдашняго революціоннаго движенія доходили до захолустныхъ городовъ. Административно ссыльные до нѣкоторой степени пропагандировали революціонныя идеи.

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXII, стр. 864.

Административная ссылка—палка о двухъ концахъ. Конечно, политическіе ссыльные жили и живутъ не безъ вліянія на жителей, хотя бы и не занимались какой бы то ни было пропагандой. Въ 70-хъ годахъ, что бы ни говорили, было немало свѣтлыхъ личностей, развитыхъ въ нравственномъ отношеніи, и ихъ самая жизнь и характеръ, и привычки, все было на виду, и простой обыватель говорилъ: «И за что только ссылаютъ такихъ людей?.. У нихъ поучиться, какъ надо жить... Ни онъ никому не долженъ, а если взялъ у кого, отдастъ непремѣнно, ни онъ никого не обидитъ, худого слова не скажетъ».

Прежніе ссыльные эти отношенія понимали и поддерживали свою репутацію, не принимая въ свои кружки нежелательнаго элемента.

Я говорю о прежнемъ времени, когда не было ни максималистовъ, ни экспропріаторовъ! Я вспоминаю Вятскій край и мою ссылку безъ ненависти и злобы, вспоминаю съ хорошимъ чувствомъ и благодарю котельническихъ жителей за привѣтъ и ласку.

Въ одно яркое морозное утро Свистуновъ вошелъ со словами: «Ваше благородіе, привезли новыхъ къ намъ на житье. Господинъ хорошій, на васъ схожій и въ очкахъ. При немъ жена, по своему желанію!»

— Гдѣ же они?

— Въ управленіи.

Я бросилъ пить чай и поспѣшилъ познакомиться съ пріѣзжими. «Нашего полку прибыло,—думалъ я дорогой:—надо имъ облегчить первые шаги, сгладить первыя впечатлѣнія».

Я засталъ супруговъ, измученныхъ дорогой, нервныхъ, но привѣтливыхъ. Встрѣча наша была дружеская. Это были Семяновскіе. Онъ, Александръ Степановичъ, кандидатъ петербургскаго университета, она, Надежда Михайловна, женщина-врачъ. Подписавшись подъ разными, упомянутыми мною ранѣе, обязательствами, мы покинули полицейское управленіе и цѣлый день провели въ бесѣдахъ, для насъ съ Молчановскимъ крайне интересныхъ. Правда, что съ пріѣздомъ Семяновскихъ наша жизнь стала полнѣе, содержательнѣе. Они были прекрасные и образованные люди, съ лучшими традиціями и вполнѣ культурные. Я и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю нашу милую и почтенную компанію въ ея тихомъ, благородномъ настроеніи. Эту компанію красила умная и чуткая женщина, какой была Надежда Михайловна.

Еще и еще... Народъ подбавлялся. Прислали изъ Херсона Франжоли съ женой и дѣтьми. Симпатичные южане немало бѣдъ натерпѣлись, но мало-по-малу устроились въ Котельничѣ недурно.

Привезли совершенно молоденькую барышню изъ Казани, Сокольскую. Вина ея была въ томъ, что она съ подругой пошла въ народъ, т. е. поселилась въ деревнѣ и стала стирать бѣлье и ходить на рѣчку съ ведрами за водой.

Это былъ положительный ребенокъ, больной и страшно напуганный. Когда я пришелъ къ ней узнать, не нуждается ли она въ чемъ, не могу ли я ей быть полезнымъ, она приняла меня очень странно. Ея черные глаза глядѣли такъ испуганно, она, кутаясь нервно въ платокъ, ежилась, точно собиралась обратиться въ небольшой комочекъ. Волновалась ужасно, видимо, желая что-то сказать. Наконецъ, съ краской на лицѣ не то стыда, не то испуга, дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Простите меня, но я боюсь и прошу васъ не посѣщать меня!..

— Чего же боитесь?—съ недоумѣніемъ я спрашивалъ дѣвушку.

— Не знаю, но мнѣ сказали... я боюсь, боюсь тюрьмы... прошу васъ!

Мнѣ оставалось уйти и больше ничего. Такъ напугалъ ее знаменитый въ свое время казанскій губернаторъ Скарятинъ. По дорогѣ страха набавили грубые жандармы.

Послѣ я узналъ о молодой ссыльной отъ ея хозяйки, случайно со мной встрѣтившейся. Добрая женщина остановила меня на улицѣ.

— Отчего не зайдете къ нашей барышнѣ? не пожалѣете бѣдной?

— А что? развѣ заболѣла?—спросилъ я.

— Кто ее знаетъ. И ночь и цѣлый день плачетъ и плачетъ. Мы не знаемъ, что дѣлать, какъ быть... Все чего-то боится. Навѣстите пожалуйста!

Я опять пришелъ и видѣлъ, что барышня плакала. Что было дѣлать? Пошла Семяновская. Несомнѣнно, грубая ссылка потрясла дѣвушку, почти ребенка, и она боялась снова пережить всѣ ужасы и страхи, которые испытала.

Я говорилъ исправнику, который, пожавъ плечами, сказалъ: «Что же я могу сдѣлать, когда вы безсильны? Я, знаете, ее не притѣсняю!»

Мы жили превосходно, дружно и даже любовно. Всѣ вечера проводили вмѣстѣ, бесѣдовали, иногда играли въ преферансъ, и намъ не было скучно, ибо образовался свой мірокъ. Книги были, газеты получали. Но въ Россіи все непрочно!

Былъ въ полицейскомъ управленіи такъ называемый засѣдатель, личность во всѣхъ отношеніяхъ гнусная, доносчикъ и первый кляузникъ, котораго до нѣкоторой степени опасались исправникъ и его помощникъ и отъ него держались въ сторонѣ. Съ этимъ злостнымъ шпіономъ у меня вышелъ крупный разговоръ, во время котораго я не особенно стѣснялся съ этимъ господиномъ. «Личность» эта стала мнѣ мстить. Доносы его губернатору, какъ я зналъ, дѣйствія не имѣли. Негодяй сталъ ждать случая. И случай этотъ произошелъ, но его выстрѣлъ не попалъ въ цѣль.

Помню, я былъ боленъ и никуда не выходилъ изъ квартиры. Въ это время въ соборѣ назначенъ былъ экстренный молебенъ о

здоровьѣ тогдашней императрицы, какъ извѣстно, тяжко тогда больной и скоро скончавшейся. Молчановскій и Семяновскій пошли въ церковь на этотъ молебенъ, роковой для нихъ.

Вдругъ пришелъ приказъ губернатора разослать по волостямъ Молчановскаго и Васюкова за то, что они не встали на колѣни во время молебна. Исправникъ доложилъ, что я не былъ на молебнѣ по болѣзни, но былъ Семяновскій, и онъ не замѣтилъ, чтобы они стояли во время общаго колѣнопреклоненія.

«Тогда сослать немедленно Молчановскаго и Семяновскаго!» послѣдовало грозное распоряженіе Тройницкаго.

Я помню то впечатлѣніе на обоихъ товарищей. Молчановскій почернѣлъ отъ злости, Семяновскій страшно растерялся.

— Помилуйте,—говорила его жена:—да вѣдь его почти на смерть ссылаютъ; у него ужасный катаръ... Что онъ будетъ ѣсть въ деревнѣ? тамъ ничего не найдешь, не говоря о бѣломъ хлѣбѣ. Надо ѣхать къ губернатору, хлопотать... О, Господи, какъ мнѣ все это надоѣло и какъ я устала!

Мужчинъ увезли, Н. М. уѣхала, и я остался почти одинъ. Зачѣмъ такая жестокость? Почему въ Россіи доносы, даже не провѣренные, играютъ рѣшающую роль? Вѣрно, и губернаторы сами боятся доносовъ: потому такъ и распоряжаются!

Проходили скучные дни зимы 1880 года, гнетущая тоска долго не оставляла меня послѣ отъѣзда друзей. Отъ Надежды Михайловны не было вѣстей. Тогда мнѣ страшно хотѣлось покинуть этотъ угрюмый край... Бѣжать? Но какъ же мать? Тогда я буду нелегальнымъ, придется жить за границей, куда меня никогда не тянуло. Промѣнять широкій просторъ Россіи на скученные города Европы мнѣ казалось нелѣпымъ и тяжелымъ средствомъ для полученія свободы. Я рѣшилъ ждать и томиться...

Въ одно прекрасное утро ко мнѣ явился штабсъ-капитанъ Беме, не помню какого полка, но въ турецкую войну онъ былъ ординарцемъ М. Д. Скобелева и потомъ много мнѣ разсказывалъ о генералѣ-героѣ. Хорошенько я не могу сказать, пріѣхалъ ли онъ по своей волѣ въ Котельничъ, или нѣтъ, но онъ числился помощникомъ воинскаго начальника. Это былъ очень милый человѣкъ и художникъ. Когда я отдавалъ ему визитъ, то засталъ его за работой: онъ писалъ недурной пейзажъ, который подарилъ мнѣ послѣ на память. Меня встрѣтилъ, отворяя дверь, высокаго роста денщикъ изъ гвардейцевъ, страстно преданный своему офицеру. Отношенія между ними, какъ замѣтилъ я впослѣдствіи, были сурово-товарищескія. Отчаянная эта была пара, мнѣ кажется, что она стоила полуроты.

Скоро я подружился съ Беме, и мы почти не разставались. Денщикъ намъ готовилъ прекрасные завтраки и ужины, и мы бесѣдовали безъ конца. Я любилъ слушать разсказы «капитана» про

войну и Скобелева, передъ которымъ онъ преклонялся. Потомъ въ «Эрмитажѣ» Лентовскаго я лично познакомился съ Михаиломъ Дмитріевичемъ, который тоже вспомнилъ о Беме. Конечно, здѣсь не мѣсто разсказывать, что я слышалъ отъ боевого офицера, но не могу удержаться, чтобы не подѣлиться однимъ случаемъ, по-моему характернымъ.

— Да, намъ тогда было стыдно, а мнѣ особенно,—говорилъ, покачивая головой, Беме.—Дѣло было подъ Плевной, въ самый разгаръ стычекъ, бомбардировокъ, незадолго до взятія Зеленыхъ горъ. Тогда мы съ «Бѣлымъ генераломъ» объѣзжали наши передовыя цѣпи. Турки, конечно, замѣтили насъ и посылали свои свинцовые привѣты. Но это было дѣло обычное, и никто изъ насъ не обращалъ вниманія на выстрѣлы. Было жарко, помню, стоялъ знойный полдень. Ѣхали мы довольно быстро, впереди генералъ, мы за нимъ, не отставая. Выстрѣлы учащались по мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ роднику, изъ котораго наши солдатики съ опасностью для жизни брали воду. Немудрено, турецкія орудія были направлены на этотъ родничокъ. Скобелевъ остановился, снялъ свою фуражку и, помахавъ ею себѣ въ лицо, сказалъ: «да! и жара же! здорово пить хочется!» Мы молчали. Понимаете, что это значило? Спуститься къ роднику за водой для генерала и, вѣроятно, больше не возвратиться. О, какъ я хорошо помню эту подлую минуту молчанія... Мнѣ стыдно и теперь, и я отлично сознаю, что тогда я поступилъ, какъ поганый трусъ... Мы молчали!.. Все произошло тогда мигомъ... Мы не успѣли и опомниться, какъ генералъ былъ у родника и пилъ своей фуражкой воду. Отъ выстрѣловъ сотрясался воздухъ, кто-то изъ насъ былъ раненъ. Турки въ подзорную трубу, конечно, видѣли «Бѣлаго генерала», да онъ и не скрывался, а, утоливъ жажду, медленно поднялся къ намъ, сѣлъ въ сѣдло и поѣхалъ впередъ, не сказавъ намъ ни одного слова.

Тогда мы отъ стыда не знали куда дѣваться... Повѣрите ли, я нѣсколько дней послѣ этого не могъ смотрѣть въ глаза генералу. По ночамъ стыдъ и совѣсть не давали покоя, и я желалъ, искалъ смерти!..

Капитанъ задумался. Мы не замѣтили, когда вошелъ денщикъ и стоялъ около двери. Его взглядъ, выраженіе лица были восторженно суровые: навѣрно, онъ вспоминалъ своимъ простымъ сердцемъ Бѣлаго генерала.

А время шло, да шло, подвигаясь къ веснѣ. Морозы стояли порядочные, температура порой понижалась до 40 градусовъ, но было такъ тихо, что особеннаго холода не ощущалось, развѣ трудновато было дышать. Я зналъ, что о моемъ освобожденіи хлопотали родные и между прочимъ одна извѣстная артистка.

Отъ генералъ-губернатора Долгорукова изъ Москвы пришелъ запросъ по телеграфу вятскому губернатору. Послѣдній далъ знать

исправнику, давшему обо мнѣ прекрасный отзывъ. По всѣмъ обстоятельствамъ надо было ждать скораго освобожденія. И я ждалъ, ждалъ съ нетерпѣніемъ и тоской въ сердцѣ. Непродолжительная сравнительно ссылка меня истомила. Я былъ совершенно здоровъ, но нервы играли. Мнѣ думается, что все зло, которое приноситъ собой административная ссылка, это—разстройство нервной системы, происходящее отъ неопредѣленности положенія и отсутствія опредѣленнаго труда. При Николаѣ I это дѣло было обставлено безусловно раціональнѣе: тогда ссылали въ дальніе края на службу,—стало быть, былъ порядокъ жизни и заработанныя средства.

Я ждалъ, но напрасно, извѣстій не приходило, даже мать и та перестала мнѣ писать. Вѣра въ освобожденіе проходила, и сѣрые, тусклые дни шли медленной чередой. Я пересталъ думать и надѣяться, хотя и наступила эпоха Лорисъ-Меликова.

На сѣверѣ весна бываетъ странная, не такая, какъ въ средней Россіи, она наступаетъ какъ-то вдругъ, безъ всякихъ предупрежденій. Вчера былъ морозъ и жестокій, а сегодня заиграло иначе солнце, подулъ южный вѣтеръ и пошли таять снѣговые сугробы. И завтра и послѣзавтра... Весна!

То, что происходило въ природѣ, было радостно людямъ, и я видѣлъ хмурыя обыкновенно лица жителей прояснившимися въ ожиданіи чего-то свѣтлаго, желаннаго. Многіе стали ходить на берегъ рѣки, слышались разговоры о пароходахъ, о томъ, который изъ нихъ придетъ первымъ? И я сталъ ждать весны, когда земля вздохнетъ полной грудью и задумчиво покатитъ свои волны Вятка внизъ, въ коренную Россію.

Весенніе сны, весеннія думы!

Подъ вечеръ я лежалъ въ постели послѣ прогулки. Скоро станетъ смеркаться, я буду пить чай, а потомъ читать, читать до самой ночи. Моя мысль блуждала, ни на чемъ не останавливаясь опредѣленномъ. Полное равнодушіе охватило меня въ этотъ самый наступающій вечеръ. Мнѣ не хотѣлось никуда итти, ни видѣть кого-либо у себя... пусть книга и одиночество!

Но вотъ что-то зашуршало и затопало за дверью. Вошелъ Свистуновъ, вошелъ важно и торжественно.

— Ихъ высокоблагородіе приказали вашему благородію скорѣича пріѣзжать, на линейкѣ, значитъ, поспѣшать!

Я не понялъ сразу, что меня звалъ исправникъ и даже прислалъ за мной свой экипажъ. «Странно! — думалъ я.—Въ такое время... не случилось ли чего?» Признаюсь, я ожидалъ какихъ-то непріятностей и волновался ужасно, пока не доѣхалъ до полицейскаго управленія.

— Не туда, — командовалъ Свистуновъ: — въ квартиру ихнюю пожалуйте, такъ, значитъ, приказано.

Что такое? Я никогда не былъ въ квартирѣ исправника, помѣщавшейся во второмъ этажѣ, надъ канцеляріей управленія. Под-

нялись, постучались и вошли. Я сразу попалъ въ объятія исправника, который передалъ меня помощнику. Затѣмъ подошли къ приготовленному столу съ бутылками и закусками. Меня искренно поздравляли со свободой. Пришла телеграмма изъ Петербурга. Добродушный исправникъ не отступался отъ меня съ рюмками и стаканами. Отъ волненія, отъ непривычки къ напиткамъ въ такомъ количествѣ, я быстро опьянѣлъ и совершенно не помню. какъ и когда былъ доставленъ въ свою квартиру.

На другое утро, когда я проснулся и въ смущеніи припомнилъ вчерашнее, меня брало сомнѣніе, что было во снѣ и что наяву. Свистуновъ не приходилъ, я продолжалъ волноваться. Не напившись какъ слѣдуетъ чаю, отправился въ канцелярію, гдѣ убѣдился, что я свободенъ и если хочу, то сегодня могу оставить городъ Котельничъ. Но я рѣшилъ ждать перваго парохода, который, смотря по погодѣ, можетъ прійти черезъ недѣлю.

XXVIII.

Внизъ по Вяткѣ и Камѣ.—Казань и Волга.—Москва.

Дней десять я прожилъ въ Котельничѣ на положеніи свободнаго гражданина. Ко мнѣ хорошо относились обыватели, и особенно предупредительна была полиція. Каждый день я получалъ приглашенія или на обѣдъ, или на вечеръ съ ужиномъ.

Какъ-то вечеромъ я засталъ Беме за укладкой своихъ картинъ и нѣкоторыхъ вещей.

— Я тоже съ вами на пароходѣ удираю,—сказалъ онъ не то шутя, не то серьезно. — Говорятъ, послѣзавтра утромъ будетъ пароходъ?

— Да, я такъ слышалъ и приготовился. Надо раньше, чтобы не опоздать!

— Ладно, мы привычные къ срокамъ... — улыбнулся офицеръ какъ-то загадочно.

Знаете ли, читатель, что значитъ появленіе перваго парохода въ захолустномъ городѣ? Это праздникъ, цѣлое торжество! Весь городъ на пристани, дамы и кавалеры ведутъ пріятныя, весенняго характера бесѣды, пришли старички, солнце свѣтитъ и грѣетъ, природа тихо, ласково улыбается. Все хорошо и радостно, угрюмо и уныло только тамъ, за рѣкой.

Вотъ изъ-за загиба рѣки вышелъ неожиданно пароходъ и быстро ѣжитъ по теченію къ пристани, на которой и шумъ, и громкіе зглясы: «Какой пароходъ?.. Курбатовыхъ... Нынче первыми Куртовы пришли!»

Пароходъ небольшой, весь въ разноцвѣтныхъ флагахъ и лентахъ, немногочисленная публика махаетъ платками и что-то кри-

читъ съ палубы. Крики и возгласы смѣшиваются, и среди радостнаго шума пароходъ. причаливаетъ къ неприхотливой пристани. Всѣ оживлены, и пассажиры, и матросы, и капитанъ.

Хорошо итти съ первымъ пароходомъ, особенно внизъ по теченію. Полная въ разливѣ рѣка, быстрая, нѣтъ ни мелей, ни подозрительныхъ мѣстъ. Шибко бѣжитъ пароходъ, радостно и шумно встрѣчаемый на пристаняхъ.

Беме и денщикъ пріѣхали во время, какъ разъ минутъ за пять до отхода. Прощай, Котельничъ! Послѣдній привѣтъ городу, въ которомъ я томился, но и переживалъ хорошіе часы тихаго раздумья и покоя. Прощайте всѣ! Пароходъ тронулся, и скоро городъ потерялся изъ вида. Рѣка Вятка извилистая, правый берегъ гористый, а лѣвый низменный и совершенно пустынный. Правда, и направо любоваться было нечѣмъ: печальныя, грустныя картины лѣсовъ и перелѣсковъ, рѣдко попадались деревни съ почернѣвшими избами и высокими колокольнями. Кое-гдѣ по берегамъ группы людей возились около лодокъ, развѣшивали или чинили рыбачьи сѣти.

Рѣка Вятка славится стерлядью, которая не велика, но куда вкуснѣе волжской. Мнѣ вспомнилось, какъ съ однимъ котельническимъ купцомъ мы ѣздили верстъ за пять отъ города къ рыбакамъ «хлебать» уху. Ну, и уха же была! Такой ни раньше, ни послѣ мнѣ ѣсть не приходилось.

— Здравствуйте, братцы!—сказалъ купецъ, когда мы на лодкѣ подошли къ ватагѣ.—Угощайте ухой... Уха ваша, а водка наша!.. Согласны?

— Что жъ? пожалуйте!—пригласила артель.

Быстро развели костеръ, поставили котелъ, а съ рыбой поступали такъ: рѣзали головы и хвосты и бросали въ воду, пока порядочный котелокъ не наполнился до краевъ жирной стерлядью. Да, это была уха, янтарная, густая и необыкновенно вкусно приготовленная.

Вспоминались и другіе эпизоды, но все-таки жизнь въ Котельничѣ была бѣдна впечатлѣніями; зато много пережито въ себѣ, много передумано.

Пароходъ бѣжитъ, чистая публика собралась въ буфетѣ. Сидимъ и мы съ Беме, пьемъ пиво. Противъ насъ расположился лѣтъ сорока мужчина, съ виду торговецъ, и смотритъ на насъ не то хитрымъ, не то ироническимъ взглядомъ. Онъ подъ хмелькомъ, слушаетъ нашъ разговоръ, иногда улыбается загадочно, будто хочетъ сказать: «знаю все это... не удивите!»

— Господинъ полковникъ, — обращается онъ къ Беме: — позвольте стаканчикъ!

Купецъ подвинулъ стаканъ, въ который Беме молча налилъ пива. Странный сосѣдъ медленно пилъ и хитро посматривалъ на

насъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ, и къ нему подошелъ въ длинной поддевкѣ человѣкъ, съ большой кожаной сумкой черезъ плечо. Я помню его блѣдное, совершенно безстрастное лицо, это была какая-то восковая маска, только черные, какъ уголь, глаза сверкали мрачнымъ огнемъ. Купецъ что-то пошепталъ этому человѣку на ухо. Человѣкъ ушелъ, вѣрнѣе скользнулъ, словно тѣнь, за дверь. Черезъ нѣсколько минутъ буфетчикъ ставилъ передъ нами стаканы, въ которые, щелкнувъ пробкою, онъ медленно наливалъ шампанское.

— Пожалуйста, господа,—говорилъ незнакомецъ. — Откушайте моего пива!

Отказаться было трудно. Благодаря пиву, мы попали въ ловушку. Послѣ объяснилось, что это былъ богатѣйшій сибирскій водочный заводчикъ, а человѣкъ въ длинной поддевкѣ, которому онъ таинственно шепталъ, былъ человѣкъ-деньги, т. е. этотъ трезвый, безстрастный человѣкъ платилъ, а хозяинъ приказывалъ. Человѣкъ былъ рабъ денегъ, человѣкъ былъ во власти того, кто владѣлъ капиталомъ. Сибирскіе капиталисты люди дикіе, упорные, они ослѣплены деньгами, увѣренные, что деньгами можно все сдѣлать, а главное—купить человѣка безъ денегъ, который въ нихъ нуждается.

Однимъ словомъ, потомъ намъ трудно было отдѣлаться отъ богатаго заводчика, который не оставлялъ насъ даже въ Казани. Въ этомъ городѣ я пробылъ въ компаніи товарищей Беме, офицеровъ, не помню какой скобелевской дивизіи; у нихъ были воротники мундировъ и околыши фуражекъ синяго цвѣта. Тогда въ Казани свирѣпствовалъ губернаторъ Скарятинъ, о которомъ въ мое короткое пребываніе мнѣ пришлось выслушать немало анекдотовъ. Разскажу одинъ: по какому-то случаю губернаторъ собралъ въ свою квартиру всѣхъ приставовъ, которымъ, говоря въ нѣкоторомъ родѣ рѣчь, что-то внушалъ. Вытянувшись въ струну и смотря въ глаза начальнику, слушали пристава. Но одинъ изъ нихъ, можетъ быть, молодой и неопытный, заглядѣлся на обстановку генерала и на его, говорили, хорошія картины. Скарятинъ замѣтилъ, что этотъ приставъ отдалъ свое вниманіе не ему, а художникамъ, и оскорбился. Что же онъ сдѣлалъ? Подошелъ и плюнулъ въ лицо пристава, продолжая, впрочемъ, говорить свое полицейское слово. Да, плюнулъ... на то онъ и былъ Скарятинъ!

Я спѣшилъ въ Москву, остановка въ Казани не входила въ мои планы. Но что было дѣлать? Въ Россіи всегда случаются, особенно въ пути, разныя неожиданности и задержки. Отъ Казани до Нижняго недалеко. Я былъ одинокъ, ни съ кѣмъ не знакомился, наслаждаясь поѣздкой и чудными весенними вечерами, когда пароходъ шелъ близъ лѣсныхъ береговъ, гдѣ наперебой свистали и заливались соловьи. Хорошо было среди широкой,

вольной матушки-Волги, среди ея живыхъ, населенныхъ береговъ. Впередъ! Что ждало меня въ Москвѣ? что я тамъ буду дѣлать? Вотъ вопросы, которые мелькали у меня въ головѣ, но я ихъ отгонялъ на время, думая, что тамъ видно будетъ. Удивительное и скверное качество русскаго человѣка не загадывать впередъ, жить безъ программы, безъ опредѣленнаго плана, что означаетъ «на авось».

Нижній промелькнулъ, прошумѣлъ передъ моими глазами, знойный и пыльный. Съ парохода въ поѣздъ, чтобы утромъ быть въ Москвѣ. Я ѣхалъ и думалъ: «а что-то есть, какая-то связь нарушена. Почему меня такъ мало интересуютъ всѣ эти, которые говорятъ, спорятъ и волнуются? почему? вѣдь я такъ стремился оттуда, изъ мѣстъ печальныхъ и глухихъ... Столько лицъ, всѣ они такъ близки и доступны, и я молчу, ухожу въ себя при каждомъ ихъ простомъ вопросѣ. Вѣдь я же свободенъ, молодъ, я долженъ жить и работать, но какая сила наложила молчаніе на мои уста и томленіе на сердце?»

Меня ждали, я былъ желанный гость... и все-таки!

Стало быть, ссылка имѣла вліяніе... но какое? Пріучила ли она работать,—шире смотрѣть на явленія жизни? развила ли она во мнѣ чувства любви или ненависти? Нѣтъ и нѣтъ! Ссылка заставила копаться меня въ собственной душѣ, къ чему-то прислушиваться тамъ, въ глубинѣ сердца. Со мной что-то случилось... произошло неопредѣленное, неясное, въ чемъ трудно разобраться... да и нужно ли?! Я куда-то шелъ и заблудился... Теперь я снова на пути, но я не радъ и не счастливъ.

Москва!.. Все тотъ же шумный, нестройный городъ, какъ будто я покинулъ его вчера, никакихъ перемѣнъ! И дома все тѣ же, только мать постарѣла и съ какимъ-то особымъ вниманіемъ смотритъ на меня, словно своимъ взглядомъ ищетъ чего-то, вѣроятно, пережитого... Сестра и Вернеръ, который послѣ войны и ссылки сдалъ экзаменъ въ Петровской академіи на кандидата, словно война научила его сельскому хозяйству. Правда, немало онъ и вытерпѣлъ, назначенный вмѣсто сапернаго въ пѣхотный Елисаветпольскій полкъ 39 дивизіи командовать ротой. Константинъ Вернеръ бралъ Карсъ, участвовалъ подъ Деве-Бойна, прошелъ, кажется, до Эрверума. Онъ былъ герой, вышелъ въ отставку и страстно привязался къ статистикѣ.

Я засталъ его счастливымъ, женатымъ на моей сестрѣ, энергичнымъ и съ опредѣленнымъ планомъ дѣятельности.

Тогда бывшіе народники мало-по-малу стали увлекаться статистикой,—добавлю, впрочемъ, земской. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Я пріѣхалъ изъ ссылки передъ Пушкинскими днями, когда въ Москвѣ открывался памятникъ Пушкину на Страстной площади

и когда въ Москву съѣхались писатели и всякіе общественные дѣятели. Вездѣ говорили о Пушкинѣ, продавались его сочиненія, разныя приличныя торжеству брошюры. Оживленіе въ Москвѣ было видимое въ обществѣ, но не въ рабочемъ народѣ. Злоба дня былъ А. С. Пушкинъ. Въ увеселительныхъ садахъ работали его бюсты, вообще ждали большого торжества. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о Пушкинѣ написалъ восторженныя статьи, о либеральной прессѣ и говорить нечего.

Надо сознаться, что тогда, въ Пушкинскіе дни, русская литература переживала рѣдкія минуты, и литераторы, говоря биржевымъ языкомъ, котировались по хорошей, возвышенной цѣнѣ, — они были въ почетѣ!

На другой же день по пріѣздѣ мнѣ пришлось видѣться съ пріѣзжими литераторами. Пришелъ къ намъ Викторъ Пругавинъ и предложилъ мнѣ пойти къ Глѣбу Успенскому, съ которымъ я былъ знакомъ раньше. Мы поѣхали на Тверскую, въ гостиницу «Парижъ», гдѣ проживалъ писатель. Онъ былъ дома и принималъ слабительное.

— Чортъ знаетъ! — говорилъ онъ. — Совсѣмъ закормили въ Москвѣ... не знаю, что съ желудкомъ дѣлать?.. И завтра обѣдъ, и послѣзавтра... Ну, нѣтъ, извините!

Мы просидѣли недолго. Къ Успенскому приходили и уходили разные люди, были и знакомые, С. Н. Кривенко, Иванчинъ-Писаревъ и другіе.

Послѣ открытія памятника я опять встрѣтился съ Глѣбомъ Ивановичемъ, который былъ въ восторгѣ отъ самаго памятника и говорилъ: «Великолѣпно! не какой-нибудь князь или фельдмаршалъ на конѣ... Нѣтъ-съ, а просто человѣкъ, въ простой одеждѣ... и шляпу, изволите, снялъ и въ рукѣ держитъ! Отличный памятникъ! лучше не надо... настоящій писательскій!»

Тогда очень дружно чествовали И. С. Тургенева, который былъ самымъ популярнымъ лицомъ во время Пушкинскихъ дней, особенно послѣ инцидента съ М. Н. Катковымъ.

Успенскій собирался къ Тургеневу и предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ.

— Да удобно ли это, Глѣбъ Ивановичъ?

— Отчего? ѣдемъ! онъ очень интересуется молодежью, а вы свѣженькій, только что изъ ссылки.

Мы поѣхали на Пречистенскій бульваръ, гдѣ въ домѣ удѣльнаго вѣдомства проживалъ Тургеневъ у своего пріятеля, фамиліи котораго, впрочемъ, не помню. Иванъ Сергѣевичъ былъ дома. Онъ принялъ насъ такъ привѣтливо и мягко. Внѣшность его была довольно величественная, манеры ровныя, неторопливыя. Добрые глаза, совершенно русскій овалъ лица, улыбка—все это влекло къ писателю, помимо его громкаго имени. Мы усѣлись и только что

начали бесѣдовать, какъ раздался звонокъ, и въ комнату влетѣла цѣлая группа женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, среди которыхъ я замѣтилъ Е. П. Лѣткову.

Тургеневъ бросилъ насъ и совершенно отдался оживленной, шумной бесѣдѣ съ прекраснымъ поломъ. Мы, забытые, ушли незамѣтно отъ хозяина. Помню, когда мы отворяли дверь, слышался громкій смѣхъ, прерываемый французскими фразами писателя.

Много шума надѣлала потрясающая рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго. Она произвела на публику впечатлѣніе нервныхъ выстрѣловъ больной, измученной души, выстрѣловъ, отъ которыхъ падали безъ чувствъ. Мою очень хорошую знакомую М. П. Шелехову, талантливую піанистку консерваторіи, во время рѣчи писателя унесли изъ залы собранія въ глубокомъ обморокѣ, послѣ чего она долго чувствовала себя плохо: ей все слышался голосъ покойнаго писателя.

Въ Пушкинскіе дни общее увлеченіе поэтомъ, открытымъ въ честь его памятникомъ, казалось искреннимъ, будто связывающимъ людей и дѣятелей разныхъ направленій. Нѣтъ, это только казалось, а на самомъ дѣлѣ рознь и вражда пребывали во всей своей силѣ и даже обостренности. Надъ Достоевскимъ смѣялся и въ обществѣ, и печатно въ «Отечественныхъ Запискахъ» Глѣбъ Успенскій. Вѣроятно, помнятъ его неостроумнаго «Зайца»?

Я наблюдалъ въ тѣ дни, что подъемъ духа именно въ честь Пушкина былъ временный и, пожалуй, искусственный. Читатель, вѣроятно, понялъ изъ словъ Глѣба Успенскаго, что въ Москвѣ чествовался писатель русскій вообще, а не собственно Пушкинъ, надъ которымъ тогдашняя радикальная молодежь поставила крестъ, какъ надъ дворянскимъ и даже аристократическимъ писателемъ.

— Если бы онъ не былъ такимъ,—басомъ мнѣ говорилъ безусый радикалъ-революціонеръ:—тогда бы онъ погибъ вмѣстѣ съ декабристами!

Въ народѣ Пушкинъ былъ неизвѣстенъ. Этимъ я очень интересовался и нѣсколько вечеровъ подъ рядъ посвятилъ хожденію около открытаго памятника на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ много было народа, т. е. фабричныхъ и мастеровыхъ. Они смотрѣли на памятникъ, какъ на украшеніе, какъ на диковинную выдумку, очень хвалили работу, что похожъ на человѣка, на барина.

— Ишь, и шляпу снялъ, потому монастырь, значитъ, противъ, святыня!—говорилъ одинъ.

— А зачѣмъ стоитъ задомъ къ церкви Божіей,—отвѣчалъ другой.

Я разговорился съ группой молодыхъ рабочихъ, которые довольно откровенно спросили меня: «а что написалъ Пушкинъ?» Я не сразу отвѣтилъ на вопросъ, въ моей головѣ мелькали образы Онѣгина, Татьяны, Скупого Рыцаря, а такого общеизвѣст-

наго народу стихотворенія, вообще популярнаго, въ голову не приходило.

— А вотъ Некрасова мы знаемъ,—замѣтилъ молодой парень, произнеся нѣсколько строкъ Некрасовскаго стихотворенія, и затѣмъ прибавилъ:—что жъ? и ему памятникъ откроютъ?

— Навѣрно,—отвѣчалъ я:—Некрасовъ большой тоже писатель! Больше о Пушкинѣ я разговоровъ не слыхалъ. У памятника шли постоянныя препирательства публики съ городовыми, которые близко «не пущали», охраняя цвѣты и вѣнки.

Революціонное движеніе между тѣмъ выливалось въ опредѣленныя террористическія формы. Во время Пушкинскихъ дней въ Москвѣ революціонеровъ было немало, даже скрывающіеся и разыскиваемые полиціей дѣятели явились на торжество въ качествѣ представителей отъ литературы. Это было очень остроумно, хотя и дерзко. Полиція, разумѣется, не могла искать ихъ тамъ, среди лицъ, которымъ она должна была оказывать всяческое содѣйствіе.

Народническая партія, къ которой я продолжалъ принадлежать, представляла собой слабые остатки, выступавшіе, впрочемъ, на собраніяхъ противъ терроризма, но безъ особеннаго успѣха. Не только тогда молодежь, но и большая часть общества, хотя пассивно, но сочувственно относилась къ дѣйствительно смѣлымъ, а порой и безумнымъ подвигамъ террористовъ.

Нарождался и входилъ въ силу такъ называемый марксизмъ, окончательно сбившій съ пути учащуюся молодежь и надолго отстранившій ее отъ народа, главное—отъ изученія послѣдняго. Нѣкоторыя земства работали продуктивно, открывая статистическія бюро, куда устремились народники на мѣстахъ работать и подъ земскимъ флагомъ имѣть сообщеніе съ народомъ. Дѣло было интересное, хотя и трудное, но въ работникахъ не было недостатка, и земскіе статистики скоро представляли собой довольно тѣсно сплоченную корпорацію.

Мнѣ надо было искать работы, чтобы существовать. Ни на какую карьеру я не разсчитывалъ, хотѣлось одного: быть полезнымъ тружеником и только. Одно было для меня ясно, что Россія по своимъ условіямъ страна земледѣльческаго народа, въ которомъ все будущее государства, его развитіе и его богатство. Быть ближе къ народу, наблюдать его, знакомиться со всѣми его сторонами, вотъ чего мнѣ хотѣлось и къ чему я стремился въ то время. По правдѣ сказать, литература мало выясняла среди своихъ то оптимистическихъ, то слишкомъ пессимистическихъ взглядовъ на мужика, который продолжалъ все-таки оставаться загадкой.

Впрочемъ, что было тогда въ литературѣ о народѣ? Развѣ «Власть земли» Глѣба Успенскаго, да и то слабая вещь. Н. Н. Златовратскій со своими вдумчивыми изслѣдованіями мужицкихъ воззрѣній стоялъ въ сторонѣ. Ф. Д. Нефедовъ тоже, народный

писатель, не признавался кружкомъ «Отечественныхъ Записокъ». Вообще была какая-то неразбериха.

Одно было ясно: терроризмъ шелъ по пути развитія. Маленькая кучка отчаянныхъ головъ объявила форменную настоящую войну огромному, организованному государству. Все доказывало незнакомство съ народомъ, съ его политическимъ и соціальнымъ развитіемъ.

XXIX.

Земскіе статистики: В. И. Орловъ, К. А. Вернеръ и И. П. Боголѣповъ.

Московское земство стояло во главѣ другихъ россійскихъ земствъ. Его постановка школьнаго и медицинскаго дѣла считалась болѣе или менѣе образцовой. Нарождалась и совершенствовалась статистика. В. И. Орловъ сумѣлъ доказать всю необходимость широкой постановки статистическаго дѣла въ Россіи при условіи собиранія свѣдѣній на мѣстахъ и притомъ людьми вполнѣ добросовѣстными и непремѣнно знакомыми съ хозяйственной, вообще экономической стороной жизни крестьянской. Къ офиціальной статистикѣ покойный Орловъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ цифровому матеріалу ложному и фальшивому.

Губернской офиціальной статистикой въ то время завѣдывалъ М. А. Саблинъ, родной братъ террориста; онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Орловымъ, которому лично показывалъ «перлы» правительственной статистики, составляемой въ болѣе свободное время, а то и подъ хмелькомъ, волостными писарями.

Я помню бланкъ о вѣроисповѣданіи, въ графѣ котораго «буддисты» по деревнѣ Сермяжной были проставлены цифрой 2... слѣдовательно, два Ивана или два Петра исповѣдывали буддизмъ. Дѣйствительно, курьезовъ было немало, и статистика такая существовала не для дѣла, а для формы.

— Помилуйте, — говорилъ Орловъ: — каждый хозяинъ для успѣха своего хозяйства долженъ точно знать все, что находится въ его владѣніи, всѣ экономическія, почвенныя и климатическія условія, только тогда онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ... Земство же хозяинъ всей губерніи, и безъ точной, настоящей статистики, конечно, хозяйствовать не можетъ, не можетъ вести свою губернію по пути развитія и культуры. Такъ и государство съ его правительствомъ лишено возможности управлять безъ точнаго знанія своей страны и народа во всѣхъ отношеніяхъ. Государству статистика нужна такъ же, какъ школы, суды и полиція.

Такъ разсуждалъ въ то время В. И. Орловъ, и его взгляды цѣнились, къ нимъ прислушивались. Профессоръ политической экономіи А. И. Чупровъ сталъ очень близко къ земской статистикѣ, всегда присутствуя на засѣданіяхъ, которыя Орловъ счи-

талъ нужнымъ устраивать почаще. Покойный председатель губернской земской управы, очень милый и образованный человѣкъ, Д. А. Наумовъ взялъ земскую статистику подъ свое особое покровительство. Наумовъ особенно интересовался кустарными производствами, изученію которыхъ, попутно, а иногда и спеціально, было отведено надлежащее мѣсто и назначены особые изслѣдователи, И. П. Боголѣповъ и Н. А. Путилинъ.

Благодаря началу, въ скоромъ времени изученіе кустарныхъ промысловъ распространилось и по губерніямъ Владимирской и Нижегородской, изслѣдователями, по указанію Орлова, были В. С. Пругавинъ и В. Н. Григорьевъ.

Конечно, на работу нужны были деньги, которыя сумѣлъ доставать Орловъ, привлекая къ статистическому дѣлу московскихъ капиталистовъ, Морозова, Баранова, Лепешкина и другихъ. Но тѣмъ не менѣе родоначальникомъ земской статистики Орлова назвать нельзя, ибо въ Вятской губерніи уже давно въ этомъ направленіи работалъ Романовъ, впослѣдствіи завѣдующій тамбовской земской статистикой. Романовъ человѣкъ скромный, мягкій и о немъ было мало слышно; но онъ работалъ и работалъ превосходно. Не то Орловъ! Это былъ настоящій организаторъ и притомъ «политикъ». Онъ умѣлъ выбирать людей и эксплоатировать для дѣла ихъ работоспособность. Онъ сумѣлъ поставить статистику такъ высоко, что работать съ Орловымъ, быть московскимъ статистикомъ была высокая и чуть ли не почетная въ народномъ значеніи обязанность. Статистика—дѣло будущаго, и именно она исцѣлитъ всѣ экономическія раны русскія, она поставитъ народное хозяйство на должную высоту и откроетъ блестящія перспективы народной производительности.

Орловъ умѣлъ рекламировать земскую статистику, да и время для этого было очень подходящее. Идейные народники бросились на такое дѣло, какъ мухи на медъ, и дѣйствительно отдавали всѣ свои силы, довольствуясь совершенно мизернымъ вознагражденіемъ. Благодаря именно этимъ людямъ, стоявшимъ близко и къ литературѣ и къ общественному движенію, званіе «статистикъ» стало почетно и уважаемо. Многіе пострадавшіе народники пошли въ рядовые статистики и были довольны своимъ положеніемъ и увлекались живыми наблюденіями надъ народной жизнью. По своему существу В. И. былъ московскій либералъ, по натурѣ—истинный буржуа, выдержанный и очень хитрый. По нынѣшнимъ временамъ, онъ бы, навѣрно, игралъ большую роль въ партіи ка-де. Осторожность составляла его исключительное качество. Онъ, конечно, понималъ, насколько красятъ земскую статистику разные пострадавшіе идеалисты, онъ вѣрилъ, что это честные и полезные работники, но въ свою московскую земскую статистику ихъ не пускалъ, рекомендуя по другимъ земствамъ, а его рекомендація—была все.

Изъ кого же состояли работники и товарищи Орлова? Эта крайне любопытная организація совмѣщала далеко не революціонныя и даже прогрессивныя силы. Орлову нужны были люди, знавшіе народъ хорошо и если не вышедшіе изъ народа, то выросшіе съ послѣднимъ. Правой рукой его былъ преданный и, какъ часы, точный И. П. Боголѣповъ, сынъ сельскаго священника, выросшій въ деревнѣ Серпуховскаго уѣзда. «Мужика» онъ зналъ превосходно, безъ всякой идеализаціи, какъ революціонеръ-народникъ, и безъ пессимизма буржуазно-помѣщичьяго воззрѣнія. «Мужикъ» для него былъ, какъ онъ есть, со всѣми его положительными и отрицательными сторонами. И тотъ, въ свою очередь, понималъ Боголѣпова. По моему мнѣнію, нѣтъ болѣе хитраго и ловкаго «мужика», какъ московскій подгородный, но и такой не могъ перехитрить Боголѣпова. Качества послѣдняго рода для статистика были цѣнны, ибо на всякій случай крестьяне обыкновенно многое скрываютъ, конечно, умаляя, изъ своего обиходнаго хозяйства. Довѣрчивый статистикъ не собираетъ вѣрнаго статистическаго матеріала, а на Ивана Павловича можно было надѣяться: его цифры говорили голую правду.

Второй помощникъ Орлова былъ Меркурій Ивановичъ (фамилію я забылъ), разстриженный сельскій дьяконъ, гораздо менѣе развитой, чѣмъ Боголѣповъ, но знающій и понимающій народъ не хуже послѣдняго.

— Такихъ людей,—говорилъ Орловъ,—я не промѣняю на самыхъ патентованныхъ, ученыхъ статистиковъ!

Онъ былъ правъ. Благодаря имъ, тонкому отношенію къ матеріалу самого Орлова, московская статистика была ярка, разнообразна и краснорѣчива. Въ сухихъ цифрахъ для опытнаго читателя порой проглядывала душа живого наблюденія. Къ этимъ помощникамъ В. И. надо прибавить еще и Дмитрія Кирилловича, дѣлопроизводителя отдѣленія. Онъ былъ просто бывшій дворовый человѣкъ и вѣрой и правдой служилъ Орлову, своему начальнику. Дмитрій Кирилловичъ былъ секретарь рѣдкій, аккуратный. Орловъ его тоже посылалъ составлять подворныя переписи и вѣрилъ его цифрамъ и такту. Вотъ составъ, ядро знаменитаго московскаго статистическаго бюро.

Давно послѣ этого, кажется, въ 1902 году, когда мнѣ случичилось бесѣдовать съ В. К. Плеве, тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, я въ разговорѣ о земской статистикѣ назвалъ Орлова, покойный Плеве сказалъ: «А, знаю, Орловъ былъ революціонеръ и его статистики тоже!»

Эта фраза министра показалась мнѣ такой странной, что я не могъ не улыбнуться.

— А что?—спросилъ министръ.

Я разсказалъ ему про составъ помощниковъ Орлова, прибавивъ: «въ этомъ-то и заключалась прелесть московскаго статистическаго бюро и его замѣчательныя работы».

Плеве задумался.

— Можетъ быть!—отвѣчалъ онъ.—Скажите мнѣ, пожалуйста, что русскій народъ вообще—государственникъ или анархистъ?

Въ тотъ день бесѣда съ министромъ была интересная. Повидимому, онъ былъ въ духѣ и спрашивалъ меня какъ журналиста-народника. Былъ я у Плеве по случаю хлопотъ о надѣленіи землей сектантовъ-баптистовъ, какъ культурныхъ работниковъ, въ Ставропольской губерніи.

Въ эту организацію московской статистики вступилъ К. А. Вернеръ по изслѣдованію въ губерніи частнаго хозяйства. Вернера, революціонера прошлыхъ годовъ, Орловъ не боялся, ибо К. А. искупилъ свою прежнюю неблагонадежность, такъ сказать, кровью: онъ бралъ Карсъ, дрался съ турками и имѣлъ шпагу за храбрость.

Въ минуты хорошаго расположенія при какомъ-нибудь предсѣдателѣ провинціальнаго земства Орловъ, показывая на Вернера, громко и отчетливо говорилъ: «У насъ, батюшка, такіе статистики, которые неприступныя крѣпости брали, ордена Георгія имѣютъ... Вотъ Константинъ Антоновичъ!..»

Шла обычная рекомендація, и если земецъ былъ военнымъ, прежде состоявшимъ на службѣ, тогда возникалъ разговоръ о полкахъ, ихъ командирахъ, дивизіонныхъ начальникахъ. В. И. слушалъ съ большимъ вниманіемъ, вѣрнѣе, наблюдалъ за своимъ товарищемъ Вернеромъ, мѣтко характеризовавшимъ то или другое имя извѣстнаго генерала.

Были и еще статистики, Н. А. Путилинъ и другіе, но такого же сорта, какъ и первые, т. е. опытные, полуинтеллигентные работники.

Такимъ бюро верховодилъ В. И. Орловъ, авторитетъ и начальникъ. Къ нему-то я и обратился за работой, желая приспособиться къ статистикѣ. Орловъ велъ себя со мною крайне политично: не отказывая и не приглашая на опредѣленныя работы. Послѣ я узналъ, что онъ считалъ меня за опаснаго, хотя и подходящаго для работъ, и боялся.

— Возьми его въ статистики!—разсказывалъ онъ своимъ близкимъ.—Онъ и въ ссылкѣ и по тюрьмамъ сидѣлъ, съ революціонерами пріятель... Ну, нѣтъ! мы люди смирные, за нами «такихъ дѣлъ» не значится!..

Тѣмъ не менѣе я былъ однажды приглашенъ на статистическое засѣданіе въ управу. Все бюро было въ сборѣ. Изъ посторонних присутствовали я и В. Пругавинъ. Обсуждалась программа подворнаго изслѣдованія Московскаго уѣзда, таблица раз-

сматривалась по пунктамъ. Все было дѣловито, споровъ не было, предложенія Орлова принимались безъ возраженій. Помню, онъ предложилъ, чтобы послѣ систематическаго описанія каждаго селенія былъ составленъ на мѣстѣ статистикомъ короткій очеркъ общаго впечатлѣнія, которое произвела деревня. Это предложеніе мнѣ очень понравилось, и впослѣдствіи при общихъ выводахъ эти очерки очень помогали дѣлу.

Тѣ двѣ недѣли, которыя я провелъ въ работахъ по подворной переписи московскихъ селеній, показались мнѣ тяжкими и трудными. Въ самомъ дѣлѣ, изъ деревни въ деревню съ тѣми же опросами на цѣлыхъ сходахъ. Представители вызывались отъ каждаго двора, хозяинъ или хозяйка, все равно. Иногда трудно давались данныя, ибо крестьяне, особенно женщины, давали невѣрныя цифры, что чувствовалось, и тогда выяснялось истинное положеніе при посредствѣ схода, уличавшаго во лжи и невѣрности показаній. Особенно ловко и быстро дѣлалъ подворную опись И. П. Боголѣповъ. Перепись шла у него, какъ по маслу, съ шутками, остроумными замѣчаніями, съ хохотомъ.

— Да и дошлый же баринъ, — говорили крестьяне. — Ну, ну· такого не проведешь... Скажи только, хуже намъ не будетъ отъ того, что все наше богачество ты обнаружишь?..

— Богачество дырявое!—прибавляли другіе.

— Ничего, братцы, лучше будетъ! — утѣшалъ Боголѣповъ. — Мы вамъ школы заведемъ, больницы понастроимъ...

— Такъ-то оно такъ... Вѣстимо, дѣло хорошее, да вѣдь съ насъ же потребуется копейка-то!?.

— Что жъ, полтинника тебѣ жалко отдать за сына, когда онъ грамотный да образованный будетъ?

— Что полтинникъ??—задумчиво произноситъ мужикъ и смолкаетъ. Его лицо выражаетъ тупое недовѣріе.

Да, скупы наши крестьяне на деньги, неохотно они раскошеливаются на безусловно полезныя для нихъ учрежденія. «Платить надо», они это знаютъ и не протестуютъ, но крайне неохотно разстаются со своей трудовой копейкой. Мнѣ приходилось не разъ бесѣдовать съ крестьянами о податяхъ, которыя они раздѣляли тогда, во время моихъ статистическихъ поѣздокъ, на правильныя и неправильныя. Къ первымъ они причисляли земельные налоги, ко вторымъ главнымъ образомъ выкупные платежи.

— А земскіе, которые на школы и для врачей?—спрашивалъ я.

— Правильные, нечего спорить,—отвѣчали они.—Ништо, если бы мы не были маломощны! Вотъ тоже мірскіе сборы, какъ безъ нихъ обойтись, много этихъ самыхъ сборовъ, можно было бы облегчить мужика, все съ его, да съ его!

Странные люди! и какъ мало они развиты! о копейкахъ прямыхъ налоговъ они говорятъ и негодуютъ, о косвенныхъ молчатъ...

Мало того, многіе считаютъ правильными, ибо за сахаръ, спички одинаково платятъ какъ паны, такъ и мужики. Работая по статистикѣ, приходится въ сущности мало дѣлать своихъ наблюденій надъ народной жизнью, да и некогда, когда передъ тобой таблицы и графы, которыя надо спѣшно заполнять.

— Вотъ молодецъ!—одобрялъ, бывало, Орловъ:—въ столько-то дней такую волость осилилъ...

Спѣшность работъ въ статистикѣ цѣнится. Люди теоретическаго склада ума мало способны къ такой работѣ, которая требуетъ чисто жизненной, практической сноровки.

Давалъ мнѣ Орловъ и другія работы, но платилъ ужасно мало. Я помню такой случай. Кто-то изъ его статистиковъ произвелъ разслѣдованіе часового промысла и производство счетовъ, собралъ прекрасный матеріалъ и написалъ такъ, что не только въ печать отдать и думать было нельзя, но было такъ трудно разобраться въ написанномъ, что составленіе стройнаго очерка о каждомъ изъ производствъ отнимало очень и очень много времени. Надо было въ полномъ смыслѣ копаться въ этихъ трудахъ, прежде чѣмъ вывести ихъ въ свѣтъ. Я пыхтѣлъ надъ такой неинтересной работой и, кромѣ того, мнѣ хотѣлось исполнить ее хорошо. Денегъ не было, и я разсчитывалъ на заработокъ. Наконецъ кончилъ, написалъ, переписалъ все аккуратно и, смѣю надѣяться, литературно. Пошелъ къ Орлову, который жилъ тогда въ студенческомъ общежитіи, состоя въ должности завѣдующаго этимъ учрежденіемъ. Что дѣлать? Василій Ивановичъ человѣкъ былъ практичный, на то онъ и экономистъ!

Хорошая квартира и прекрасный кабинетъ, гдѣ меня принялъ покойный. Просмотрѣвъ рукопись, похвалилъ, главнымъ образомъ, за четкость, разборчивость письма и сказалъ: «Прекрасно, С. И., немножко долгонько работали!»

— Помилуйте, Василій Ивановичъ, какъ же написано! Вы посмотрите только... порой не зналъ, какъ оріентироваться!

— Матеріалъ полный! ничего, навѣрно, не упущено?—говорилъ Орловъ и мнѣ казалось, что моей редакціи онъ не придавалъ значенія; четко написано, да и все.—Сколько же вамъ заплатить прикажете?

— Я, право, не знаю!—съ непривычки я конфузился передъ этимъ величественнымъ статистикомъ.

Орловъ вынулъ ключъ, отперъ несгораемый шкапъ, покопался и, подойдя, съ торжественной снисходительностью подалъ мнѣ 25-рублевую бумажку со словами: «Этого, я думаю, будетъ довольно!»

Машинально взялъ я деньги и простился съ хозяиномъ. Когда вышелъ на улицу, мое сердце заныло, и нѣчто въ родѣ негодованія охватило меня при мысли: «и это за мѣсяцъ самой неинте-

ресной, противной работы, эта сумма цѣна моей квартиры... Нѣтъ, надо искать чего-нибудь другого, а не прирабатывать въ статистикѣ».

Но мои сношенія съ Орловымъ не прекратились, и мы видались съ нимъ довольно часто, ибо общихъ знакомыхъ было очень много. Между прочимъ играли въ преферансъ, любимую игру Орлова, который, надо сознаться, игралъ очень плохо и всегда проигрывалъ небольшія, конечно, деньги. Но играть съ нимъ было весело: онъ увлекался, ставилъ ремизы, сердился, волновался. Помню, одинъ разъ онъ выигралъ 20 копеекъ., что ему доставило большое удовольствіе.

Насколько я понималъ Орлова, его мечтой было быть гласнымъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ управы. Несомнѣнно, это былъ бы прекрасный земецъ, убѣжденный и съ иниціативой. Въ виду такой цѣли онъ скапливалъ деньги, присматривался къ небольшимъ имѣніямъ, пока наконецъ не напалъ на желанное. Василій Ивановичъ былъ въ восторгѣ и велъ переговоры, торговался, говорилъ, что цѣна высока, что едва ли онъ въ состояніи пріобрѣсти землю и усадьбу. Но, призанявъ деньги, все-таки купилъ. Я былъ въ этомъ роковомъ для него имѣніи въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи: прекрасныя постройки и роскошный лѣсъ. Но дѣло-то въ томъ, что когда все было окончено, то оказалось, что самый центръ, не помню количества десятинъ, принадлежалъ мѣстному трактирщику, вообще какому-то Колупаеву, и Орловъ, практичный и дальновидный, остался при пиковомъ интересѣ. Это обстоятельство въ сильнѣйшей степени повліяло на Василія Ивановича, который рѣзко измѣнился и изъ сообщительнаго и самодовольнаго сталъ мрачнымъ, раздражительнымъ. Въ его домѣ было тяжко, онъ только и говорилъ о своей несчастной покупкѣ и о процессѣ, который по его довѣренности возбудилъ его близкій знакомый С. А. Муромцевъ впослѣдствіи предсѣдатель первой государственной думы.

Мнѣ казалось, что любимое дѣтище Орлова земская статистика уже не такъ его занимала, ибо онъ съ необыкновенной страстностью весь ушелъ въ веденіе своего дѣла и собиралъ для Муромцева многочисленныя справки. В. И. сократилъ лишніе расходы по дому, все записывалъ въ особо заведенную книжку и уже не игралъ болѣе въ преферансъ. Его друзья и товарищи съ тревогой посматривали на знаменитаго статистика, и имъ мерещилось недоброе, до такой степени измѣнялся этотъ ранѣе уравновѣшенный человѣкъ.

Впрочемъ, они были правы.

Процессъ окончился не въ пользу Орлова, который очень скоро неожиданно на одномъ изъ засѣданій скончался въ расцвѣтѣ силъ и дѣятельности.

Потеря для земской статистики была дѣйствительно огромная и незамѣнимая. Орловъ въ послѣдніе годы сталъ главой статистики, ея центромъ и представителемъ. Впрочемъ, съ его смертью пошло на земскую статистику гоненіе, и она мало-по-малу сократилась и потеряла прежнюю свою популярность. Статистическое отдѣленіе при московскомъ юридическомъ обществѣ было закрыто, какъ и юридическое, представителемъ котораго состоялъ С. А. Муромцевъ, которому статистики немало обязаны въ развитіи своей дѣятельности, какъ и профессору А. И. Чупрову. Порядочное время традиціи Орлова въ бюро поддерживалъ И. П. Боголѣповъ, хотя завѣдующимъ и былъ Н. А. Каблуковъ.

За эти годы я нѣкоторое время состоялъ дѣлопроизводителемъ при статистическомъ отдѣлѣ московской городской управы. Но какая это была статистика, смѣшно и вспомнить, а сравнивать съ земской грѣшно! Завѣдующимъ былъ М. Е. Богдановъ, сердитый бюрократъ, работали барышни, получавшія 25 рублей въ мѣсяцъ. Съ 10-ти часовъ утра они приходили, считали промышленныя и торговыя заведенія, находящіяся въ Москвѣ, въ четыре часа уходили. Считали и считали, пока наконецъ завѣдующій не объявлялъ: «Довольно! вы не такъ считали!»

— Какъ вы приказывали, Михаилъ Егоровичъ!—дрожащими голосами отвѣчали барышни.

— Молчать! - кричалъ начальникъ и показывалъ, какъ надо дѣлать по настоящему. Затѣмъ быстро уходилъ.

Барышни плакали, а я ихъ утѣшалъ. Печальное было мое занятіе. М. Е. Богдановъ проходилъ въ отдѣленіе, сидѣлъ, не разговаривая ни съ кѣмъ, четверть часа и уходилъ, барышни считали, а я не зналъ, что мнѣ дѣлать. О послѣднемъ я какъ-то спросилъ завѣдующаго.

— Ваша обязанность наблюдать за порядкомъ и чтобы онѣ (онъ при этомъ указалъ на барышень) работали!—отвѣчалъ онъ, по обыкновенію убѣгая съ портфелемъ въ рукахъ.

Настоящій директоръ департамента!

Былъ и такой случай: пришелъ я какъ-то въ 10 съ половиной часовъ и засталъ удивительную и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную картину. Завѣдующій сидѣлъ за своимъ столомъ съ золотыми часами въ рукахъ. Барышни навзрыдъ плакали. Надо замѣтить, что Богдановъ никогда такъ рано не приходилъ. Онъ пришелъ ровно въ 10 и засталъ одного только служащаго, до крайности аккуратнаго.

— Еще никого нѣтъ?—спросилъ послѣдняго начальникъ.

— Точно такъ, Михаилъ Егоровичъ,—отвѣчалъ этотъ въ величайшемъ страхѣ.

— Ага!—сердито прорычалъ завѣдующій.—Посмотримъ.

Входитъ первая барышня, опоздавшая на десять минутъ. На нее съ крикомъ и часами бросается Богдановъ. Та въ испугѣ

трясется и плачетъ. Появляется другая, за ней третья и т. д. Такія же сцены повторяются, производя желанный результатъ. Всѣ барышни рыдаютъ, начальникъ сидитъ молча, не выпуская изъ рукъ часовъ. Наконецъ появилась послѣдняя, за которой въ скорости пришелъ и я, и пришелъ во время. Эта послѣдняя въ истерикѣ упала на полъ, крикъ, шумъ были ужасные. Храбрый завѣдующій убѣжалъ даже, и мнѣ пришлось успокаивать, приводить въ чувство́ несчастныхъ барышень. И такъ цѣлый день. Я очень хорошо помню, что не сочли ни одного тогда ни промышленнаго, ни торговаго заведенія. Изъ другихъ отдѣленій служащіе приходили навѣдываться о здоровьи дѣвицъ и, конечно, лично освѣдомиться о скандалѣ.

Было смѣшно и грустно!

Само собой разумѣется, что оставаться въ такой статистикѣ мнѣ не представлялось возможнымъ, и я, не имѣя ничего, никакой работы, тѣмъ не менѣе разстался съ такой пріятной и дѣловой компаніей. Зачѣмъ они считали торговыя и промышленныя заведенія и считали разными способами, для меня такъ и осталось загадкой.

С. И. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О КНЯЗѢ К. А. БЕБУТОВѢ.

I.

ВЪ НОЧЬ съ 24 на 25 іюля прошлаго 1907 года безвременно погибъ при желѣзнодорожной катастрофѣ, происшедшей между станціями Тальзее и Тремесенъ близъ Берлина, князь Константинъ Александровичъ Бебутовъ.

Кончина его, какъ человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, отмѣчена печатью; и въ столичныхъ и въ провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ появились его краткіе некрологи, передавшіе характеристику его личности и фактическую сторону его жизни, къ сожалѣнію, не вполнѣ точно. Нѣкоторыя изъ вкравшихся неточностей могли бы показаться ему непріятными, если бы онъ, напримѣръ, встрѣтилъ ихъ въ біографіи, кѣмъ-либо составленной и помѣщенной въ газетахъ или журналахъ при его жизни.

Во всякомъ случаѣ человѣкъ этотъ стоитъ вниманія; воспоминанія о немъ дадутъ не только моменты его жизни и факты, имѣющіе значеніе и интересъ для характеристики его личности, но и матеріалъ для сужденія о нѣкоторыхъ сторонахъ нашей общественной жизни за послѣднее сорокалѣтіе.

К. А. родился близъ Тифлиса, въ имѣніи старинной княжеской армянской семьи; десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отвезенъ во 2-ой московскій кадетскій корпусъ, а оттуда на семнадцатомъ году, по окончаніи курса общихъ классовъ, былъ переведенъ въ 1864 году въ Александровское военное училище (въ

Москвѣ же); товарищи помнятъ въ немъ дикаго звѣрька, вскипавшаго при малѣйшемъ нарушеніи чего бы то ни было касавшагося его. Казавшійся въ дѣтскіе и юные годы необузданнымъ сыномъ горъ, онъ въ теченіе своей жизни выработался въ человѣка ровнаго, спокойнаго, благоразумнаго; болѣе всего въ его натурѣ бросалась въ глаза та деликатная мягкость, которая отличаетъ людей, остававшихся въ дѣтствѣ долго подъ благотворнымъ, непосредственнымъ вліяніемъ матери. О своей матери К. А. всю жизнь вспоминалъ съ особымъ чувствомъ благоговѣнія; изъ его разсказовъ видно было, что это была женщина, при всей нѣжности чувствъ къ своимъ дѣтямъ, серьезная, твердая, спокойная и въ высшей степени религіозная; тяжело было ей отпускать отъ себя десятилѣтняго любимца, но она прямо признавала это необходимымъ: «не выходитъ добра изъ сыновей, остающихся дольше на рукахъ матери, — говорила она всегда: — мы, матери, неспособны соразмѣрять свою нѣжную любовь и забываемъ, что для выработки характера мужчины необходима жизненная суровость».

По окончаніи курса Александровскаго военнаго училища, князю посчастливилось много лѣтъ прожить со своей матерью; ея вліяніе на него, конечно, сказывалось на каждомъ шагу, но восемь лѣтъ промежуточнаго пребыванія въ военно-учебномъ заведеніи сдѣлали свое дѣло и наложили свою печать на его характеръ; нѣжной матери оставалось его смягчать и уравновѣшивать.

Мать радовалась только тому, что ея сынъ вышелъ изъ этой жизни со всѣми задатками честности и благородства души; служило большимъ утѣшеніемъ и то, что изъ него вышелъ развитой малый. Изъ Мингрельскаго гренадерскаго полка, въ который князь былъ выпущенъ, онъ скоро перешелъ въ артиллерію; мечталъ объ академіи, но переводъ этотъ вызванъ былъ едва ли не простымъ удобствомъ стоянки: полкъ стоялъ въ глуши, а кавказская гренадерская артиллерійская бригада въ Тифлисѣ.

Недолго прослужилъ онъ въ военной службѣ: въ Тифлисѣ его манилъ переходъ къ общественной дѣятельности, онъ скоро ей и отдался.

II.

Съ юныхъ дней своихъ до конца жизни онъ много читалъ и учился; онъ находилъ, что, какъ человѣкъ долженъ всю жизнь ѣсть и пить, такъ же точно необходимо ему всю жизнь набираться знаній. Его знанія представляли собой обширную энциклопедію.

Начитанный, здравый, остроумный, К. А. всюду вносилъ много жизни, самъ же, несмотря на жестокіе удары судьбы, былъ всегда неизмѣнно жизнерадостнымъ. Всѣ, знавшіе его близко, любили его; къ сожалѣнію, онъ пріобрѣлъ себѣ массу враговъ среди людей,

коихъ ему доводилось задѣвать мѣткимъ и острымъ словомъ. Слова эти такъ и лились у него; онъ былъ похожъ на человѣка, про котораго можно было сказать, что ради краснаго словца не пожалѣетъ онъ и родного отца. Самъ онъ вполнѣ понималъ, что иногда его привычка задѣть кого-либо выходила за предѣлы возможнаго, что необходимо воздерживаться, но воздерженъ смолоду не былъ; «языкъ мой—врагъ мой», часто говорилъ онъ про себя.

Мѣткое, острое слово, часто невинное, но для кого-либо обидное, закрѣпляло за нимъ репутацію человѣка крайнихъ убѣжденій; онъ нерѣдко попадалъ на замѣчаніе, тѣмъ болѣе серьезное, чѣмъ выше стояло лицо, задѣтое его ядовитой остротой.

К. А. всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ свои труды на пользу общественную; при воспоминаніяхъ объ своей общественной дѣятельности онъ всегда оживлялся, молодѣлъ.

Какую должность онъ ни занималъ, — никогда онъ не позволялъ себѣ состоять въ ней только по названію.

Какъ гласный тифлисской городской думы, онъ изумлялъ всѣхъ массой свѣдѣній по части городского хозяйства; отъ него исходило множество разнообразныхъ проектовъ; онъ же оказывался всегда крайне энергичнымъ въ дѣлѣ разоблаченія неправильностей и преслѣдованія тѣхъ изъ нихъ, кои являлись плодомъ злоупотребленій; отъ его зоркаго взгляда ничто не ускользало. Не одинъ изъ общественныхъ дѣятелей вздохнулъ свободно, когда «неспокойный князь» отсталъ отъ своей дѣятельности по части городского хозяйства; отсталъ же онъ по той причинѣ, что, какъ человѣкъ широкихъ взглядовъ, занялся другими, болѣе серьезными общественными дѣлами.

К. А. явился однимъ изъ главныхъ основателей тифлисскаго общества взаимнаго страхованія; какъ первый предсѣдатель правленія этого общества, онъ прочно и умѣло направилъ дѣла его. Онъ былъ также однимъ изъ видныхъ дѣятелей и учредителей тифлисскаго городского кредитнаго общества. Дѣло преданія суду нѣсколькихъ должностныхъ лицъ правленія этого общества за умышленно неправильныя дѣйствія памятно тифлисцамъ, какъ памятно и то, что разоблачилъ и настойчиво потребовалъ судебной развязки не кто иной, какъ К. А. Бебутовъ.

Эта громкая исторія не можетъ быть разсказана въ двухъ словахъ, ее можно воспроизвести лишь по документамъ, которые, какъ говорилъ не разъ покойный передъ кончиной, всѣ у него тщательно подобраны, а теперь сохранились ли—неизвѣстно.

Одно время онъ былъ намѣченъ въ должность тифлисскаго головы и, по просьбѣ доброжелателей, склонился къ тому, чтобы его кандидатура была выставлена; голоса избирателей раздѣлились по отношенію къ его избранію,—князь получилъ бѣлыхъ шаровъ на одинъ меньше, чѣмъ черныхъ.

III.

Почти съ первыхъ дней своего появленія въ Тифлисѣ, князь Бебутовъ мечталъ о созданіи русской газеты въ Закавказьи; мысль объ этомъ его занимала и преслѣдовала; достиженія намѣченной цѣли онъ добивался со всѣмъ пыломъ юноши; и какъ онъ радовался, когда ему удалось достичь исполненія завѣтной мечты. Онъ, по справедливости, долженъ считаться и считается основателемъ русской прессы на Кавказѣ, онъ положилъ много труда для того, чтобы дать ей начало и направленіе на первыхъ порахъ; благодаря его уму, таланту, просвѣщенности и энергіи, русская печать стала тамъ на ноги и продолжала развиваться.

Вспоминая объ этомъ, К. А. съ большимъ оживленіемъ говорилъ, что «дѣло это само напрашивалось на исполненіе, поэтому и удалось; надо было удивляться, какъ властямъ не приходило это въ голову; безъ русской прессы—Кавказъ не могъ походить на что-либо русское; Кавказъ требовалъ обрусенія, а первое условіе къ достиженію этого—насажденіе и развитіе русской печати».

Вообще князь Бебутовъ не любилъ говорить о себѣ; о чемъ угодно онъ бывало охотно распространялся, но только не о себѣ, а главное—не о своихъ заслугахъ; но онъ не разъ повторялъ, что все удавшееся ему вылилось въ жизнь тогда, когда онъ еще былъ очень молодъ, тогда, когда человѣку везетъ во всемъ, — «за что, бывало, ни возьмешься, все спорится, вездѣ видишь успѣхъ и удачу».

Явившись въ свое время піонеромъ дѣла русской печати на Кавказѣ, К. А. много труда и знаній положилъ на развитіе жизни своей родины вообще.

Къ сожалѣнію, его дѣтище—основанная имъ газета, сразу привлекшая массу подписчиковъ, создала ему на первыхъ же порахъ массу враговъ, отчасти среди лицъ, не сочувствовавшихъ этому нововведенію, а больше среди людей, задѣтыхъ имъ въ ней. Какъ на словахъ онъ не могъ воздержаться отъ остраго словца, такъ и въ печати онъ продолжалъ грѣшить тѣмъ же; а, дѣлая это по молодости лѣтъ со всею неопытностью, доходилъ почти до необузданности; первые успѣхи подталкивали, подзадоривали его и онъ подчасъ становился невыносимымъ.

Правда, никогда ни въ чемъ онъ не позволялъ себѣ ни сплетенъ, ни той мелочности, которая опошляетъ всякое дѣло, — всѣ его писанья носили характеръ чисто дѣловой и содержаніе ихъ было всегда серьезное.

Однако, люди, задѣтые имъ разъ, не забывали ему никогда того, что они считали для себя кровной обидой; въ его стремленіяхъ изобличить, раскрыть, осудить чьи-либо дѣйствія иногда какъ бы терялось подобіе средства, это стремленіе становилось похожимъ

на цѣль. Съ теченіемъ времени враги подвели князя подъ уровень человѣка вздорнаго и взбалмошнаго.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, обличительному направленію, принятому газетой, приписывали значеніе противоправительственнаго; нерѣдко въ частномъ видѣли офиціальное, личное старались возвести въ общественное; князь сплошь и рядомъ страдалъ, какъ редакторъ-издатель, въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно было видѣть его лишь Константиномъ Александровичемъ, и наоборотъ.

IV.

Трудно сказать, долго ли все это длилось бы, до чего дошло бы и чѣмъ кончилось бы, если бы не подвернулось совершенно случайное обстоятельство. Нашлись люди, которые взяли на себя доложить великому князю намѣстнику о Бебутовѣ, какъ о человѣкѣ, задѣвавшемъ высшія учрежденія и дискредитировавшемъ власть.

Извѣстно, что великій князь Михаилъ Николаевичъ всегда во все вникалъ, во многомъ часто отдавалъ свои личныя распоряженія, но не любилъ торопиться съ обвиненіемъ лицъ, коихъ ему оговаривали; онъ всегда предпочиталъ обождать большаго обозначенія виновности оговариваемаго или же возможности лично тѣмъ или инымъ путемъ убѣдиться въ справедливости наговора. Эту отличительную черту великаго князя хорошо знали старые кавказцы.

Однажды намѣстникъ принималъ учредителей народившагося въ Тифлисѣ городского общества взаимнаго страхованія; князь Бебутовъ, какъ первый предсѣдатель правленія этого общества, стоялъ во главѣ представлявшихся. Выйдя къ нимъ, великій князь привѣтствовалъ въ нихъ основателей въ высшей степени полезнаго учрежденія, какого Тифлису недоставало и въ каковомъ благоустроенное общество всегда ощущаетъ нужду. «Дай Богъ успѣха, въ добрый часъ!» закончилъ великій князь свое привѣтствіе.

Затѣмъ, обратясь къ предсѣдателю, намѣстникъ сказалъ:

— Я радъ съ вами познакомиться, но на васъ я постоянно слышу массу нареканій: въ вашей газетѣ шибко достается всѣмъ отъ мала до велика; вы, говорятъ, позволяете себѣ въ рѣзкой формѣ критиковать распоряженія правительства.

Когда великій князь кончилъ говорить, молодой человѣкъ очень почтительно доложилъ, что, будучи съ малыхъ лѣтъ дисциплинированъ, онъ никогда не позволялъ и не позволитъ себѣ критиковать распоряженія правительства, а если иногда задѣнетъ когolибо изъ должностныхъ лицъ, то позволяетъ себѣ это въ случаяхъ вопіющихъ, никогда не возводя напраслины. «Я съ кадетской куртки, ваше высочество, пріученъ къ правдѣ», добавилъ князь.

— Да, но не всегда та правда, которая вамъ представляется правдой, является безусловной правдой, и не всегда вы имѣете возможность быть совершенно безпристрастнымъ судьей. Гдѣ вы окончили курсъ ученья?

— Я былъ произведенъ въ офицеры изъ 3-го военнаго Александровскаго училища.

— Вотъ какъ, вы офицеръ. А въ военное училище откуда поступили?

— Изъ 2-го московскаго кадетскаго корпуса.

Услышавъ это, великій князь какъ бы просіялъ и сразу началъ говорить молодому человѣку на «ты»:

— Э! да ты изъ моихъ питомцевъ и изъ самыхъ отчаянныхъ бунтовщиковъ; со времени пребыванія моего въ должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній во мнѣ сохранилось впечатлѣніе о томъ, что 2-ой московскій кадетскій корпусъ сильно бунтовалъ; вотъ откуда у тебя такія привычки; ну, въ такомъ случаѣ это не очень опасно,—побунтуешь немного и перестанешь.

Великій князь подалъ ему руку и, ласково прощаясь, сказалъ:

— Смотри же, успокойся, не надо никого задѣвать рѣзкостями, а главное помни, что не всегда всякій въ правѣ быть судьей и считать себя компетентнымъ...

— Такимъ образомъ, — говорилъ князь,—по моимъ лучшимъ и отраднѣйшимъ воспоминаніямъ, жалобы, принесенныя на меня намѣстнику, сослужили мнѣ службу; «не бывать бы счастью, да несчастье помогло»: многіе, услышавъ, какъ ко мнѣ отнесся великій князь, очень любившій бывшихъ своихъ питомцевъ-кадетъ, оставили меня въ покоѣ, перестали мнѣ строить козни; съ своей стороны, я сталъ осторожнѣе и въ преслѣдованіи разныхъ лицъ не рубилъ съ плеча. Правда, затаенная злоба у нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась противъ меня; мнѣніе, создавшееся у нихъ обо мнѣ, вычеркнуть изъ памяти они не были въ состояніи.

V.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ князь появился въ Петербургѣ; репутація крайняго и безпокойнаго человѣка за нимъ была закрѣплена; первые годы это ему ни при какихъ обстоятельствахъ не могло вредить, такъ какъ то было время графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, который хорошо зналъ родителей князя, а самого его зналъ еще ребенкомъ. Графъ приблизилъ къ себѣ этого безспорно умнаго человѣка, князь бывалъ у него запросто,—завтракалъ, обѣдалъ, графъ любилъ съ нимъ поговорить серьезно и побалагурить; а на замѣчанія, которыя князь безъ всякаго стѣсненія высказывалъ, обсуждая и нерѣдко осуждая его

дѣйствія и распоряженія, графъ нерѣдко въ шутку говорилъ: «Постой, постой, дождешься ты того, что тебя посадятъ, отсидишься, тогда присмирѣешь, не будешь такъ золъ и смѣлъ на языкъ».

Наступило время графа Дмитрія Андреевича Толстого. Призванный императоромъ Александромъ III на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ рѣшилъ сразу создать твердую и сильную правительственную власть, дѣйствія которой ожидали всѣ измученные за нѣсколько лѣтъ политики шатанья; графъ Толстой ни на минуту не забывалъ, что ему надо было твердой рукой возстановить все расшатанное во время лорисовской «диктатуры сердца». Пошли строгости; графъ сознавалъ, что безъ совершеннаго аппарата исполнительной власти ему не управиться со сложнымъ дѣломъ, оставленнымъ ему въ наслѣдство: одно дѣло управлять страной, а совсѣмъ другое вовсоздавать запущенное. Его энергія сразу создала повсемѣстно испытанныхъ исполнителей, которые являлись его руками, глазами, ушами.

Обо всѣхъ стоившихъ вниманія дѣятеляхъ онъ имѣлъ отовсюду самыя точныя, всестороннія свѣдѣнія. Фамилія князя Бебутова сразу сдѣлалась извѣстною ему; едва ли можно считать вѣрнымъ то соображеніе, что князь попалъ у графа Толстого на замѣчаніе, какъ одинъ изъ числа бывшихъ приближенныхъ графа Лорисъ-Меликова. Нѣтъ, вѣрнѣе всего, кавказскіе друзья ему подрадѣли.

Такъ или иначе, случившійся почти на первыхъ порахъ эпизодъ обошелся князю Бебутову очень дорого и кончился для него гораздо серьезнѣе, чѣмъ могъ бы кончиться для кого бы то ни было другого.

Вотъ что произошло.

Ожидалось прибытіе въ Петербургъ тѣла Ивана Сергѣевича Тургенева, скончавшагося за границей. Родственники и почитатели его хлопотали о томъ, чтобы была разрѣшена свободная и безпрепятственная въ предѣлахъ возможнаго торжественность при перевезеніи тѣла его по улицамъ столицы.

Осторожный, дѣйствовавшій всегда крайне обдуманно, графъ Толстой, съ одной стороны, желалъ сдѣлать все къ тому, чтобы стѣсненіями не раздражать общество, а съ другой,—предвидя возможность безпорядковъ, онъ не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ и оставить безъ своего руководительства это выходившее изъ ряду событіе.

Впервые тогда въ дѣлѣ соблюденія порядка отвѣтственность была возложена на представителей общества изъ числа литераторовъ; главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ являлся маститый писатель Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Графъ Толстой хотѣлъ тогда же установить, чтобы вѣнки везлись на особой колесницѣ, но снизошелъ къ ходатайству и раз-

рѣшилъ отсрочить введеніе этой мѣры до ближайшаго случая; вѣнки на этотъ разъ дозволено было нести.

Среди литераторовъ, несшихъ вѣнки, одинъ оказался съ вѣнкомъ, представлявшимъ собою разорванныя цѣпи. То былъ князь К. А. Бебутовъ.

Полиція указала Григоровичу на то, что вѣнокъ этотъ возбуждаетъ сенсацію въ публикѣ. Дмитрій Васильевичъ, вмѣсто того, чтобы, по праву отвѣтственнаго распорядителя, потушить это дѣло, не давъ значенія заявленію, поддался и, подойдя къ князю, предложилъ ему немедленно выйти изъ группы «вѣнконосцевъ».

— Почему, съ какой стати?—спросилъ князь.

— Вашъ вѣнокъ обращаетъ на себя вниманіе публики, онъ можетъ возбуждать страсти, производитъ сенсацію.

Куда дѣвалось спокойствіе князя.

— Что за вздоръ! чѣмъ онъ можетъ возбуждать страсти, въ чемъ тутъ сенсація возможна?—рѣзко и несдержанно заговорилъ онъ.

— Страсти возбуждаются тѣмъ, что вы своимъ вѣнкомъ намекаете на необходимость освобожденія Россіи отъ заковъ цѣпей... горячился Григоровичъ.

— Нисколько,—сказалъ князь Бебутовъ:—всѣмъ извѣстно, что государь императоръ Александръ II не разъ высказывалъ, какъ много его подвинули на путь освобожденія крестьянъ тургеневскія «Записки охотника»; вотъ смыслъ этого вѣнка...

Растерявшійся, забывшій все на свѣтѣ, Григоровичъ и слышать не хотѣлъ; онъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы князь вышелъ изъ процессіи, «такъ какъ полиція того требовала».

— Я не выйду,—сказалъ князь:—вы нашъ отвѣтственный представитель и распорядитель; вольно вамъ слушать вздорныя заявленія чиновъ полиціи; вы создаете скандалъ...

Словомъ, произошелъ крупный инцидентъ, обратившій на себя вниманіе публики и нарушившій тотъ порядокъ, которымъ торжество началось и который былъ столь желателенъ.

Конечно, министру внутреннихъ дѣлъ въ тотъ же день было объ этомъ доложено. Графъ Толстой, видя въ этой исторіи подтвержденіе тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ о князѣ, приказалъ немедленно арестовать его. На слѣдующее утро князь былъ доставленъ въ пересыльную тюрьму въ Демидовъ переулокъ.

Нашлись люди, которые указали Григоровичу, какой промахъ онъ сдѣлалъ тѣмъ, что послушался полицейскаго; онъ понялъ всю безтактность своей выходки, поѣхалъ къ князю въ тюрьму, извинялся передъ нимъ; говорили даже, что ѣздилъ и къ графу Толстому, но уже было поздно; собственнаго локтя не укусишь; каша заварилась.

Князь былъ помѣщенъ въ общей комнатѣ у входной, изъ холодныхъ сѣней, двери, въ стужѣ и въ сырости; на вопросъ, за-

данный имъ сосѣду,—за что онъ посаженъ, князь получилъ отвѣтъ: «Часы, вишь, ваше благородіе, у хозяина пропали... такъ молодцы на меня взвели...»

VI.

Въ дѣло князя вмѣшался статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, въ то время управлявшій вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи. Онъ хорошо и давно зналъ князя, а потому, безъ всякой съ его стороны просьбы, взялся ходатайствовать за него предъ графомъ Толстымъ. Извѣстно, что, когда графъ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, Иванъ Давыдовичъ былъ товарищемъ министра.

По его просьбѣ, князь Бектабековъ, артиллерійскій капитанъ, георгіевскій кавалеръ, дальній родственникъ князя Бебутова, заѣзжалъ въ тюрьму, подробно обо всемъ разспросилъ его. На пятый или на шестой послѣ своего арестованія день князь Бебутовъ отправляется въ контору тюрьмы; тамъ онъ потребовалъ у помощника смотрителя свои часы и деньги, отобранные у него при водвореніи его въ тюрьму. «Довольно, я не хочу больше у васъ сидѣть», добавилъ онъ.

— Какое же вы имѣете право требовать? Правила здѣсь одинаковыя для всѣхъ.

— Мнѣ это все равно, тутъ холодно, сыро, я зябну и потому не хочу больше сидѣть.

— Мало ли что, посидите; попались къ намъ,—не скоро отдѣлаетесь.

Въ эту минуту вошелъ смотритель тюрьмы и объявилъ, что получено увѣдомленіе объ освобожденіи князя.

Оказалось, что князь раньше получилъ объ этомъ сообщеніе, такъ какъ добрый старикъ И. Д. Деляновъ прислалъ ему коротенькую записку: «Дорогой Костя, большихъ хлопотъ стоило мнѣ упросить графа за васъ; слава Богу, онъ согласился васъ освободить, радуюсь; храни васъ Господь впредь отъ такихъ напастей».

Вмѣсто того, чтобы серьезно заявить объ этомъ въ конторѣ, князь нашелъ возможнымъ и умѣстнымъ шутить по поводу этого.

Содержаніемъ въ тюрьмѣ мытарства князя не окончились; чрезъ недѣлю послѣ освобожденія онъ получилъ отъ департамента полиціи или отъ градоначальника увѣдомленіе о томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ постановилъ выслать его въ Тифлисъ съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ, по усмотрѣнію и распоряженію главноначальствующаго на Кавказѣ, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, былъ учрежденъ надзоръ полиціи на четыре года; для окончанія же дѣлъ въ Петербургѣ министръ назначилъ три недѣли.

Съ изумительною стойкостью князь перенесъ этотъ ударъ судьбы; случай этотъ, конечно, и ему казался ужаснымъ, но онъ перенесъ это несчастіе съ полнымъ спокойствіемъ, какъ бы подыскивая возможность обвинять только себя самого; «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ», говорилъ онъ, вспоминая о томъ ужасѣ, къ которому Россія незадолго предъ тѣмъ была приведена 1-го марта распущенностью, видѣнною имъ близко передъ тѣмъ страшнымъ днемъ.

VII.

Года за два до этого случая мнѣ довелось ѣхать съ княземъ Бебутовымъ въ извозчичьихъ саняхъ по Невскому проспекту.

Когда мы проѣзжали возлѣ Публичной библіотеки, раздался выстрѣлъ.

— Что это значитъ,—спросилъ князь:—неужели только двѣнадцать часовъ?

— Нѣтъ, вотъ часы на библіотекѣ показываютъ два.

Въ это время раздался второй выстрѣлъ. День былъ воскресный, и потому явился вопросъ, не конвойные ли на разводѣ стрѣляютъ? Но выстрѣлы были пушечные.

Мы зашли позавтракать къ Палкину и тамъ черезъ десять минутъ услышали страшную вѣсть: великій царь-Освободитель измѣннически убитъ на улицѣ собственной своей резиденціи.

Князь Бебутовъ отказывался вѣрить этому ужасному сообщенію, но когда сомнѣнія больше не могло быть, онъ заплакалъ и рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Вотъ къ какому ужасу привели шутки и заигрыванья Михаила Таріеловича,—при этомъ князь съ жаромъ говорилъ о томъ, какое мѣсто исторія отведетъ великому царю; онъ клеймилъ гнуснѣйшее преступленіе, которое взяли на себя злодѣи, предатели, проливъ кровь Царя, ставшаго мученикомъ.

Князь, разсказывая вообще о личныхъ своихъ неудачахъ, изломавшихъ его жизнь, ко всему относился спокойно, но при воспоминаніи объ одной изъ нихъ онъ съ трудомъ владѣлъ собой и, на ряду съ сѣтованіями, выказывалъ нѣчто въ родѣ озлобленія.

Дѣло въ томъ, что покойный А. А. Краевскій предложилъ ему сдѣлаться редакторомъ газеты «Голосъ»; онъ принялъ предложеніе, но, въ отвѣтъ на сдѣланное объ этомъ графу Толстому представленіе, послѣдовало распоряженіе, воспретившее изданіе этой газеты навсегда. Какія обстоятельства совпали съ этимъ представленіемъ и чѣмъ вызвано было такое суровое распоряженіе, князь никогда не выяснялъ, но всегда очень сокрушался объ этой исторіи. «Чѣмъ больше я цѣню умъ графа Толстого, тѣмъ больше удивительнымъ мнѣ кажется этотъ несуразный его поступокъ», говорилъ князь.

VIII.

Съ большимъ юморомъ князь разсказывалъ, что случилось съ нимъ во время переѣзда изъ Петербурга въ Тифлисъ.

Вскорѣ по полученіи увѣдомленія о предстоявшей высылкѣ его изъ Петербурга, онъ написалъ и отправилъ въ Ростовъ-на-Дону короткое письмо своему родственнику, состоявшему тамъ въ должности городского головы: «Дорогой другъ, я ѣду въ Тифлисъ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ; буду у тебя въ Ростовѣ 26-го, подробности разскажу при свиданіи. Твой Бебутовъ».

Родственникъ, по полученіи письма, запросилъ князя телеграммой, не перемѣнилъ ли онъ день пріѣзда. Князь отвѣтилъ, что будетъ непремѣнно въ день, обозначенный въ письмѣ.

Въ тотъ день родственникъ встрѣтилъ князя на вокзалѣ и повезъ къ себѣ въ домъ; тамъ князь нашелъ человѣкъ двѣнадцать гостей; все были лица знакомыя; домъ былъ ярко освѣщенъ; очевидно, думалъ князь, пришлось попасть на какое-то домашнее торжество.

Дорогой на вопросъ о томъ, какая причина вызвала поѣздку, князь сказалъ, что разсказывать долго и потому сообщитъ все подробно на досугѣ.

Когда же князь пожелалъ узнать, что означаетъ такой съѣздъ гостей при торжественной обстановкѣ, родственникъ, не давая прямого отвѣта, сказалъ, что очень радъ его видѣть.

Князь этимъ словамъ не далъ особаго значенія и поспѣшилъ лишь скорѣй переодѣться, привести себя въ полный порядокъ къ обѣду, который долженъ быть вслѣдъ затѣмъ состояться.

Передъ обѣдомъ появился хоръ музыкантовъ. Князь недоумѣвалъ. Когда въ серединѣ обѣда было разлито по бокаламъ шампанское, гостепріимный хозяинъ всталъ и сказалъ:

— Господа, всѣ мы знали громадныя способности моего друга Кости; ни вы ни я не сомнѣвались въ томъ, что, переселившись въ Петербургъ, онъ тамъ немедленно обратитъ вниманіе на себя; прошло лишь три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ насъ покинулъ, и вотъ онъ, отмѣченный особымъ довѣріемъ, уже ѣдетъ въ свой родной Тифлисъ по личному порученію министра; я хочу пожелать ему полнаго успѣха и при этомъ осушить бокалъ за его здоровье!

— Какъ громомъ поразилъ меня этотъ тостъ,—разсказывалъ князь:—но не объявлять же мнѣ было, при чужихъ, хотя и знакомыхъ, людяхъ, какого свойства было «это личное порученіе министра». Я всталъ и сказалъ: «Сердечно благодарю тебя за вниманіе, оно меня очень тронуло; надѣюсь, что твое доброе пожеланіе облегчитъ мое положеніе; я предлагаю выпить за твое благополучіе и отъ души пожелать тебѣ никогда не получать такихъ тяжелыхъ командировокъ».

Обѣдъ прошелъ весело, оживленно; вскорѣ послѣ обѣда гости, желая дать «проѣзжему сановнику» возможность отдохнуть, разъѣхались. «Можно себѣ представить, что почувствовалъ мой бѣдный родственникъ, когда узналъ, какимъ довѣріемъ я былъ отличенъ, какое личное порученіе было мнѣ дано».

Только въ 1888 году князь вернулся въ Петербургъ. Здѣсь прожилъ онъ болѣе десяти лѣтъ, занимаясь по большей части литературой. На лѣтнее время онъ обыкновенно предпринималъ поѣздку на воды—на Кавказъ, въ Старую Руссу или за границу.

Еще раньше, кажется, до печально для него разыгравшагося эпизода съ тургеневскими похоронами, ему случилось посѣтить лѣтомъ Липецкія минеральныя воды; какъ нарочно случилось это въ тотъ годъ, когда тамъ состоялся съѣздъ, надѣлавшій столько шума и вызвавшій массу арестовъ; во время самаго съѣзда князь тамъ не былъ, такъ какъ или уѣхалъ оттуда до начала съѣзда, или пріѣхалъ туда послѣ закрытія съѣзда; но онъ всегда думалъ, что въ числѣ прочихъ, несправедливо взведенныхъ на него продѣлокъ его было подведено подъ замѣчаніе и это случайное пребываніе его въ томъ городѣ.

Вообще, что касается образа мыслей и взглядовъ князя Бебутова, то можно вполнѣ точно сказать, основываясь на частыхъ бесѣдахъ, веденныхъ съ нимъ при свиданіяхъ въ разные годы его жизни, въ теченіе четырехъ десятковъ лѣтъ: это былъ всегда убѣжденный монархистъ, чтившій самодержавіе; но онъ всегда высказывался очень убѣжденно, рѣзко, съ большимъ сарказмомъ и съ большою горечью противъ постояннаго, систематическаго нарушенія законовъ должностными лицами и представителями власти.

— Просто жалко и досадно смотрѣть и чувствовать,—говорилъ князь нерѣдко:—какъ ужасно обманываютъ государя на каждомъ шагу; каково положеніе человѣка, которому никогда никто не помогаетъ узнать истину.

Всю свою жизнь князь ставилъ честь и долгъ присяги выше всего.

Его часто заподозрѣвали въ особомъ пристрастіи къ армянскимъ дѣламъ, многіе не сомнѣвались въ томъ, что онъ вполнѣ сочувствовалъ такъ называемому «армянскому вопросу» и даже втайнѣ исповѣдывалъ сепаратистскія стремленія армянъ.

Какъ нельзя болѣе ясно, опредѣленно говорилъ онъ всегда и неизмѣнно: «Какое можетъ быть существованіе армянъ, какъ народа, внѣ подчиненія Россіи? Толкуютъ о стремленіи армянъ отдѣлиться отъ Россіи. Безсмысленныя, вздорныя измышленія! Какая у армянъ, у самихъ по себѣ, можетъ быть государственность! Кѣмъ и при какихъ условіяхъ она можетъ создаться? Пусть попробуютъ отложиться отъ Россіи, — тотчасъ же и попадутъ подъ турка; съ рукъ на руки перейдутъ; неужели же это было бы лучше

для нихъ и почему нужно непремѣнно думать, что армянинъ мыслитъ хуже ишака? Неужели они не понимаютъ своего положенія? Какой вздоръ! Но существовать при настоящихъ условіяхъ невозможно,—это вѣрно; надо армянъ,—не только армянъ, а всѣхъ,—обезпечить вѣрнымъ со стороны властей исполненіемъ законовъ и воли государя, надо отнять возможность чинить беззаконія, вѣдь произволу властей нѣтъ конца. Мы только воображаемъ себѣ, что у насъ дѣла идутъ лучше, чѣмъ въ Турціи или въ Персіи. Надо всячески, съ доброй совѣстью помогать искорененію произвола; власти должны пріучиться понимать, что они обязались быть столь же подчиненными закону, сколь преданными царю».

Вотъ его полная исповѣдь и всѣ его вѣрованія.

Противоправительственнымъ князь никогда не былъ, но необходимость исправленія многаго онъ всегда видѣлъ ясно.

Къ довершенію всего это былъ человѣкъ вѣрующій, въ высшей степени религіозный и высоконравственный.

Жизненныя неудачи его преслѣдовали; иногда онъ прорывался ропотомъ на несправедливость судьбы, появлялась озлобленность, но это скоро проходило, и онъ несъ свой рокъ съ тѣмъ мужествомъ, которое всегда свидѣтельствуетъ о благородствѣ души.

IX.

Въ одномъ некрологѣ, заимствованномъ изъ кавказской печати, между прочимъ, сказано:

«Пользуясь своими знакомствами въ высшихъ сферахъ, Константинъ Александровичъ умѣлъ отстаивать тамъ интересы своихъ соплеменниковъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда бывшій главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, князь Голицынъ представилъ въ комитетъ министровъ записку о кавказскихъ дѣлахъ, К. А. добылъ эту записку и опубликовалъ въ англійскихъ газетахъ. За этотъ смѣлый, по тогдашнему времени, шагъ князь сильно пострадалъ: онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ былъ освобожденъ съ обязательствомъ не жить въ предѣлахъ Россіи; около двухъ лѣтъ онъ вынужденъ былъ проживать за границей. Въ лицѣ К. А. кавказцы и особенно его соплеменники потеряли крупнаго дѣятеля, умнаго, энергичнаго защитника общественныхъ интересовъ».

Дѣйствительно, князь Бебутовъ всегда охотно бралъ на себя хлопоты по общественнымъ дѣламъ не только армянъ, но и вообще своихъ земляковъ.

По дѣлу объ отчетѣ князя Голицына К. А. былъ выдержанъ въ домѣ предварительнаго заключенія, но не сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ осужденный или обвиненный. Объ этой исторіи онъ разсказывалъ одно и то же, какъ во время хода этого печальнаго дѣла,

такъ и послѣ, когда оно, по его выраженію, «прошло и быльемъ поросло».

Въ началѣ 1900 года одинъ изъ земляковъ князя, зайдя къ нему, разговорился о разныхъ дѣлахъ и между прочимъ сообщилъ, что въ англійскихъ газетахъ напечатаны подробнѣйшія свѣдѣнія о всеподданнѣйшемъ отчетѣ главноначальствующаго на Кавказѣ князя Голицына.

— Это, я думаю, вздоръ,—отозвался князь: — откуда англійскія газеты могли бы взять свѣдѣнія объ отчетѣ; вѣдь это такъ держится въ секретѣ, можно развѣ предположить немыслимое — что самъ князь Голицынъ довѣрилъ кому-нибудь свой отчетъ...

— Какой секретъ, когда-то это было такъ, а теперь, повѣрьте, всякіе секреты можно добывать легко и свободно.

— Э! — отрывисто прозвучалъ князь, взмахнувъ правой рукой; этотъ возгласъ, сопровождаемый жестомъ, обычно выражалъ у него нетерпѣніе, сомнѣніе, недовѣріе и отрицаніе.—Неужели же вы этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но твердо знаю, что могу достать...

— Вотъ попробуйте.

— Завтра же я вамъ принесу отчетъ князя Голицына, а если хотите, присоединю къ этому и отчетъ варшавскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго,—оба эти отчета появились на листахъ англійскихъ газетъ.

— Эти англійскія газеты что-нибудь построили на слухахъ. Какъ это можно добыть всеподданнѣйшіе отчеты? Одинъ чудакъ изъ Нахичевани убѣжденно разсказывалъ, что въ Эчміадзинѣ на базарѣ можно купить отца и мать, а въ Тавризѣ продается говорящій ишакъ [1]).

— Ну, это хитроумныя восточныя прибаутки, а я серьезно, безъ всякихъ шутокъ говорю, что завтра принесу вамъ печатный экземпляръ отчета князя Голицына.

— Э!—снова отмахнулся К. А. и, закуривъ сигару, перемѣнилъ разговоръ.

Посидѣвъ немного, землякъ ушелъ, а на прощанье повторилъ свое намѣреніе принести отчетъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ съ добродушной усмѣшкой князь:—я тогда постараюсь выписать для васъ что-нибудь изъ Эчміадзина или изъ Тавриза.

X.

На другой день землякъ поразилъ князя: онъ принесъ и вручилъ ему экземпляръ напечатаннаго на веленевой бумагѣ всеподданнѣйшаго отчета князя Голицына за 1899 годъ.

---

[1]) Ишакъ—по-турецки оселъ.

Князь, перелистывая страницы поданной ему тетради, не только выражалъ удивленіе, но и волновался; онъ высказался довольно рѣзко по поводу того, что «у насъ, какъ оказывается, все возможно; можно что угодно достать, а главное продать и предать; у насъ служатъ такъ же предательски, какъ въ Турціи и въ Персіи; за два-три золотыхъ можно всякій секретъ раздобыть; вотъ ужъ именно, — говорилъ князь, — если никому не довелось купить себѣ въ Эчміадзинѣ отца или мать, то у насъ здѣсь найдется сколько угодно людей, которые готовы продать и отца и мать, и продаютъ; съ легкимъ сердцемъ отечество продаютъ; стоитъ ли толковать о такой тетрадкѣ, которая содержитъ въ себѣ сокровенныя мысли и высказыванья князя Голицына, ощупью бредущаго по пути управленія такимъ важнымъ краемъ. И рѣшительно не находится людей, которымъ дорого было бы скрыть отъ закоренѣлыхъ враговъ наши планы, соображенія и предположенія!..»

Землякъ отмалчивался; позавтракавъ у князя, и, угостившись роднымъ кахетинскимъ виномъ, онъ настоятельно предложилъ князю оставить отчетъ у себя до утра для прочтенія.

— Нѣтъ,—сказалъ князь:—я его перелисталъ, мнѣ этого достаточно, я не хотѣлъ бы его задерживать, лучше возьмите; вѣроятно, вы торопитесь возвратить его...

— Нѣтъ, нѣтъ, князь, оставьте его у себя и прочтите на свободѣ...

— Въ такомъ случаѣ я его прочту и сегодня же вамъ занесу.

— Безъ сомнѣнія, князь, лучше и спокойнѣе будетъ, если отчетъ у васъ не залежится долго; но сегодня мнѣ его не заносите: я уѣзжаю въ Царское Село, вернусь поздно, а передавать такую вещь черезъ прислугу совсѣмъ неудобно; позвольте мнѣ самому зайти за нимъ завтра утромъ...

— Нѣтъ, покончимъ на этомъ: мнѣ завтра утромъ надо зайти къ одному пріѣзжему пріятелю въ меблированный «солидный» домъ Мухина (Мойка); оттуда къ вамъ рукой подать; я и занесу.

Въ назначенное время князь со сверткомъ въ рукахъ подошелъ къ подъѣзду дома, въ которомъ жилъ его землякъ.

— Какъ были уѣхавши вчерась въ Царское Село, такъ и не возвращались,—сообщилъ ему швейцаръ.

Попробовалъ князь зайти около восьми часовъ вечера, проходя изъ меблированнаго дома Мухина,—«никакъ нѣтъ, еще не вернулись», встрѣтилъ его швейцаръ короткимъ сообщеніемъ.

На другой день погода была отчаянная: съ утра до вечера, при холодномъ вѣтрѣ, «снѣгъ съ дождемъ пересыпалъ».

Князь Бебутовъ вообще не переносилъ холода и предпочиталъ въ дурную погоду высиживать дома. Къ тому же онъ оказался простуженнымъ, и его одолѣла инфлуэнца.

Въ то время князь занималъ двѣ просторныя комнаты у почтенной старушки, квартирантки дома № 14 по Садовой улицѣ, надъ ресторанomъ «Максимъ» (теперь это, кажется, ресторанъ «Метрополь»). Онъ спустился въ ресторанъ позавтракать, къ обѣду же вовсе не вышелъ; его трясла лихорадка, что для него являлось большой бѣдой, такъ какъ онъ не выносилъ хины: отъ малѣйшей дозы этого лекарства у него появлялась на всемъ тѣлѣ сыпь съ сильнымъ зудомъ, онъ разомъ ослабѣвалъ, голова кружилась, настроеніе становилось подавленнымъ, онъ чувствовалъ родъ отравленія; поэтому приходилось изводить лихорадку другими средствами, главное же высиживаніемъ, для чего нужно было безвыходно сидѣть дома.

XI.

Князь увидѣлъ, что для него возможность немедленной личной доставки земляку отчета закрыта; доставку черезъ какого бы то ни было посыльнаго надо было считать немыслимою; поэтому, ввиду невольной задержки, онъ написалъ земляку объяснительную «иносказательную» записку по городской почтѣ.

На третій день лихорадочное состояніе усилилось; князю пришлось забыть думать про гостившую у него тетрадь.

Напившись къ вечеру настоя малины, онъ очень рано улегся въ постель, его одолѣвалъ кошмаръ, который не давалъ ни заснуть, ни успокоиться. Проворочавшись очень долго въ мучительномъ полузабытьи, князь вдругъ услышалъ сильный стукъ въ дверь своей квартиры.

Во всей исторіи съ злополучнымъ документомъ князь, человѣкъ выдержанный, спокойный, ровный, держалъ себя крайне неспокойно и нервно; похоже было на то, что онъ безотчетно предчувствовалъ бѣду.

Стукъ въ дверь повторился съ большой рѣзкостью.

— Кто тамъ? Что надо?—нетерпѣливо и почти злобно спросилъ князь; отвѣтили новымъ стукомъ.

— Да кто тамъ? Я спрашиваю, отвѣчайте, какого чорта принесло?

— Князь Бебутовъ?—спросилъ кто-то очень тихо.

— Назовите себя, кто вы и что вамъ нужно, зачѣмъ и кого принесло?

— Отворите, пожалуйста, къ вамъ имѣется дѣло.

— Какое дѣло? Какія дѣла могутъ имѣться по ночамъ? У меня одно дѣло—спать, больше теперь никакихъ дѣлъ не можетъ и не должно быть. Назовите себя.

— Потрудитесь отворить; я жандармскій офицеръ, имѣю порученіе къ вамъ по приказу департамента полиціи, — еще тише проговорилъ за дверью скороговоркой голосъ.

— Постойте же, дайте одѣться,—сказалъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ, отворите сейчасъ же; при мнѣ и одѣнетесь,—торопливо и нетерпѣливо произнесъ стучавшійся.

— Чорта съ два; одѣнусь, тогда и отворю.

— Придется дверь выломать.

— Коли охота есть, такъ ломайте,—сказалъ князь спокойно и началъ умываться.

Минуть черезъ пять-шесть, окончивъ свой туалетъ, онъ отперъ дверь. Вошелъ жандармскій ротмистръ въ сопровожденіи околоточнаго надзирателя и двухъ городовыхъ. Офицеръ очень вѣжливо раскланялся, отрекомендовался, объявилъ, что получилъ приказаніе произвести обыскъ у князя Бебутова, предъявилъ предписаніе объ этомъ и немедленно же приступилъ къ точному исполненію его.

На раскрытомъ ломберномъ столѣ ротмистру бросилась въ глаза несчастная тетрадь, въ коей князь такъ мало нуждался; она покоилась на ворохѣ разбросанныхъ по столу бумагъ. Взявъ ее въ руки и посмотрѣвъ заглавіе, офицеръ перевернулъ нѣсколько страницъ, взглянулъ на князя, потомъ на послѣднюю страницу и молча отложилъ найденное на окно.

— Это и было «искомое»,—говаривалъ впослѣдствіи князь. Пересмотрѣвъ всѣ бумаги и книги, ротмистръ ничего не присоединилъ къ найденному документу. По окончаніи процедуры обыска, онъ предложилъ чинамъ полиціи выйти въ переднюю, а затѣмъ очень вѣжливо спросилъ князя, откуда имъ добытъ экземпляръ отчета?

— Мнѣ далъ его на прочтеніе одинъ мой знакомый.

— Кто этотъ знакомый? Будьте добры сказать его фамилію.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю.

— Вы отказываетесь его назвать?

— Отказываюсь и не назову.

— Онъ армянинъ?

— Я больше ничего не скажу...

— Прошу васъ, князь, не усложняйте дѣла; если вы назовете лицо, которое вамъ вручило этотъ отчетъ, вы мнѣ дадите возможность считать мою непріятную командировку оконченною; тогда я составлю лишь протоколъ о томъ, что тетрадь эта мною у васъ при обыскѣ найдена, при чемъ вы заявили, что получили ее отъ такого-то...

— Вотъ этого-то я вамъ и не заявлю.

— Надѣюсь, что заявите...

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Даже если я найдусь вынужденнымъ объявить вамъ, что, ъ случаѣ вашего упорства, буду вынужденъ арестовать васъ?

— Даже.

— Нѣтъ, князь, не дѣлайте этого; избавьте меня отъ крайне эчальной необходимости...

— Думаю, что у васъ этой необходимости и нѣтъ; я убѣжденъ, что вы прекрасно знаете, кто мнѣ далъ отчетъ; зачѣмъ же вы стремитесь заставить меня попусту называть фамилію?

— Быть можетъ, я и дѣйствительно знаю, кто вамъ передалъ этотъ документъ; тѣмъ болѣе для васъ нѣтъ ни труда, ни нравственной отвѣтственности назвать...

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы знаете, то зачѣмъ вамъ требовать отъ меня, а если не знаете, то съ какой стати я выдамъ знакомаго, зачѣмъ я отплачу ему такою неблагодарностью за одолженіе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, доставивъ возможность прочесть этотъ, во всякомъ случаѣ интересный, документъ, касающійся моей родины; вотъ и все.

— Я васъ еще разъ прошу, князь, сдѣлайте одолженіе, не упорствуйте; облегчите мою обязанность, избавьте меня и себя отъ непріятностей, которыя должны насъ постичь въ случаѣ продолженія съ вашей стороны запирательства.

— Нѣтъ, кончимъ этотъ разговоръ; я все равно останусь при своемъ,—фамиліи знакомаго не назову; дѣлайте свое дѣло, исполняйте свой долгъ.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ отправиться съ вами въ домъ предварительнаго заключенія и оставить васъ тамъ; вы будете выпущены оттуда только въ томъ случаѣ, если назовете требуемую фамилію.

— Что же дѣлать, поѣдемъ, только надо предварить хозяйку квартиры о предстоящемъ отъѣздѣ моемъ.

— Все это будетъ сдѣлано; возьмите съ собой все, что признаете необходимымъ, и придется намъ отправиться.

XII.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ князь К. А. Бебутовъ былъ арестованъ. Все это записано съ его разсказа; къ этому онъ еще добавлялъ, что въ самую послѣднюю минуту, когда слѣдовало уже выйти для отъѣзда, онъ обратился къ ротмистру съ просьбой дозволить ему дочитать послѣднія страницы отчета. Князь присѣлъ; ротмистръ также посидѣлъ, пока онъ читалъ.

— Это кстати,—сказалъ князь:—по русскому обычаю слѣдуетъ передъ путешествіемъ посидѣть, благополучнѣе будетъ...

Очевидно, въ этомъ князь попросту сошкольничалъ.

Онъ былъ отвезенъ въ домъ предварительнаго заключенія.

Въ должности начальника этого дома въ то время состоялъ генералъ-майоръ Владиміръ Степановичъ Ерофеевъ, очень хорошій знакомый князя.

Впослѣдствіи онъ не разъ разсказывалъ, что поражался спокойствіемъ, съ которымъ князь перенесъ это несчастье. «Сколько

я ни уговаривалъ его назвать фамилію и тѣмъ избавить себя отъ такой громадной непріятности, князь и слышать не хотѣлъ; не помогли также и уговоры лицъ судебнаго вѣдомства. Просидѣть въ домѣ предварительнаго заключенія князю пришлось съ начала апрѣля до конца іюня или до начала іюля, когда его освободили, при чемъ объявили ему, что онъ подлежитъ высылкѣ изъ Петербурга, — о чемъ должно было послѣдовать особое распоряженіе. Куда дѣвался землякъ и что съ нимъ сталось, объ этомъ князь никогда не упоминалъ.

Впослѣдствіи князь говорилъ, что виноватъ лишь въ сокрытіи имени лица, давшаго ему отчетъ.

— Я не только не знаю, кѣмъ былъ помѣщенъ въ англійскихъ газетахъ отзывъ объ этомъ отчетѣ, но до сихъ поръ не знаю (это онъ твердилъ еще въ послѣдніе дни своей жизни), появлялось ли въ тѣхъ газетахъ что-нибудь объ немъ. Въ моемъ упорномъ нежеланіи назвать фамилію земляка, принесшаго мнѣ отчетъ, видѣли или хотѣли видѣть стремленіе съ моей стороны скрыть какое-либо мое преступное участіе въ этомъ пустомъ дѣлѣ; а между тѣмъ я просто не хотѣлъ подвести пріятеля, не хотѣлъ отплатить ему зломъ за одолженіе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. Несчастное стеченіе обстоятельствъ; я и не виню никого; что посѣялъ, то и пожалъ; трудно было ожидать чего-либо иного; съ поличнымъ попался,—держи за это отвѣтъ.

При напоминаніи князю о томъ, что начальникъ дома предварительнаго заключенія генералъ Ерофеевъ не разъ передавалъ, какъ онъ, князь, все время держалъ себя твердо кадетомъ и товарищемъ, К. А. смѣялся: да, слава Богу, «кадетомъ и товарищемъ», но не въ нынѣшнемъ смыслѣ этихъ словъ.

XIII.

Черезъ нѣсколько времени князю было объявлено, что мѣстомъ пребыванія ему на время высылки назначена Вятка.

Онъ пробовалъ хлопотать о перемѣнѣ этого рѣшенія. Сначала министерство юстиціи ссылалось на департаментъ полиціи, а департаментъ на министерство, но въ концѣ концовъ, послѣ усиленныхъ хлопотъ, удалось повернуть дѣло: вмѣсто Вятки была назначена Москва, гдѣ князь и долженъ былъ пробыть три или четыре года подъ надзоромъ полиціи.

Скромно, тихо и безмятежно прожилъ онъ тамъ полтора года, сначала у своего товарища по корпусу Леонида Ѳедоровича Рихтера, а потомъ въ гостиницѣ «Россія» на Рождественской улицѣ.

Подавъ по совѣту добрыхъ друзей на имя московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича прошеніе о раз-

рѣшенія выѣзда за границу, князь получилъ чрезъ нѣсколько времени отъ градоначальника генералъ-майора Д. Ѳ. Трепова увѣдомленіе о томъ, что выѣздъ разрѣшенъ. Два съ половиною года онъ прожилъ въ Парижѣ (Avenue de l'Opera, Hôtel Binda) такъ же скромно, какъ жилъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, не занимаясь политикой и не путаясь въ авантюрѣ «передовиковъ», среди которыхъ у него и знакомыхъ не было.

Въ Петербургъ князь возвратился въ февралѣ 1904 года.

— Считалъ я дни въ Парижѣ и въ Виши, вычеркивалъ ихъ изъ табели такъ, какъ это дѣлаютъ институтки,—разсказывалъ онъ:—очень ужъ соскучился по родинѣ.

XIV.

Лѣтомъ истекшаго 1907 года я зашелъ къ князю въ гостиницу «Бельвю»; тамъ послѣдніе три года онъ проживалъ. Заставъ его въ подавленномъ настроеніи и спросивъ о причинѣ этого, я узналъ, что ему сильно нездоровится, ночь онъ не спалъ, задыхался, а потому всталъ въ 4-мъ часу и отправился гулять по городу. Дойдя до Михайловскаго сквера, онъ прошелъ вокругъ него разъ шесть, затѣмъ посидѣлъ въ немъ на скамейкѣ и вотъ, вернувшись часу въ седьмомъ, сѣлъ за писанье дѣловыхъ бумагъ.

— Обратись къ доктору,—сказалъ я.

— Э! что для насъ доктора, года пришли, пора кончать жизнь, пора умирать.

— Стыдись говорить это, ты здоровый, полный силъ человѣкъ! Я иду сегодня къ доктору Клячко, пойдемъ вмѣстѣ, на міру и смерть красна,—сказалъ я, зная, какъ не любилъ князь обращаться къ врачамъ.

— Зачѣмъ ты идешь къ нему?

— Надо добрать кое-какія свѣдѣнія о режимѣ, назначенномъ имъ женѣ, да и о себѣ поговорить,—что-то покалываетъ въ боку...

— Ну, хорошо; я съ тобой пойду, одинъ не пошелъ бы, пойдемъ вмѣстѣ. Въ которомъ часу пріемъ?

— Отъ 11 до часу; пора итти, пойдемъ.

Докторъ А. М. Клячко осмотрѣлъ насъ обоихъ очень внимательно; мнѣ прописалъ соіодинъ, адонисъ и что-то еще, а ему ничего.

— Отчего вы, докторъ, мнѣ ничего не прописали, а его забросали лекарствами?—спросилъ князь.

— Оттого, что у васъ совершенно здоровый организмъ, ходите больше, и хорошо, что ѣдете въ Маріенбадъ; это васъ поддержитъ.

Князь вышелъ отъ доктора совершенно довольный и ободренный

— Вотъ видишь,—сказалъ я ему, проходя по Владимирскому проспекту:—а ты еще сегодня утромъ грѣшилъ, жалуясь на нездоровье и призывая смерть; проживешь до ста лѣтъ

— Какъ можно нынче прожить до ста лѣтъ,—сказалъ онъ:—тутъ какой-нибудь мерзавецъ подкинетъ «неосторожно» бомбу, а то и просто, при нашихъ порядкахъ, погибнешь въ вагонѣ.

Это было 12 іюня.

Князь собирался выѣхать въ Маріенбадъ 3 августа.

Проживая на Сиверской, я пользовался всякимъ своимъ пріѣздомъ въ городъ для того, чтобы съ нимъ повидаться, и мы условились свидѣться 25 іюля, когда я и пріѣхалъ къ нему. Очень поразило меня сообщеніе швейцара гостиницы «Бельвю» о томъ, что 23 іюля, въ понедѣльникъ, князь выѣхалъ экспрессомъ по настоятельнымъ телеграфнымъ просьбамъ его родного брата, который просилъ встрѣтиться съ его семьей не въ Маріенбадѣ, а непремѣнно въ Берлинѣ.

— Князь пытался переговорить съ вами по телефону,—сказали мнѣ въ гостиницѣ:—пробовалъ разговаривать съ городской квартирой и съ дачной, но въ концѣ концовъ сказалъ: я напишу ему тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ.

26 іюля утромъ мнѣ въ Петербургѣ сообщили изъ полиціи, что въ ночь на 25 число князь Бебутовъ подъ Берлиномъ погибъ при крушеніи, происшедшемъ отъ размыва пути ливнемъ.

XV.

Женщина, сопровождающая поѣзда-экспрессы отъ Петербурга до Берлина и обратно въ качествѣ чистильщицы, сообщила, что почти отъ Эйдкунена вагоны экспресса бросало изъ стороны въ сторону; невозможно было ни сидѣть, ни лежать, ни стоять.

На станціи Тальзее пассажиръ, ѣхавшій отъ Петербурга, высокій, плотный, видный мужчина, подошелъ къ начальнику станціи и съ большимъ оттѣнкомъ русскаго акцента въ нѣмецкомъ говорѣ просилъ указать машинситу, что путь требуетъ большой осторожности въ движеніи. Начальникъ станціи отвѣтилъ, что приметъ мѣры, но что машинистамъ дѣло это болѣе извѣстно, чѣмъ имъ, начальникамъ станцій.

На слѣдующемъ перегонѣ женщина эта при сильномъ толчкѣ была выброшена изъ вагона съ площадки, на которой сидѣла. Какъ это случилось, она до сихъ поръ не можетъ дать себѣ отчета; а когда ее привезли на слѣдующую станцію и привели въ чувство, она среди 14 выложенныхъ на станціи погибшихъ при крушеніи лицъ увидѣла и того виднаго мужчину, который на станціи Тальзее хлопоталъ объ уменьшеніи скорости движенія.

«Das ist Fürst Bebutof aus Petersbourg» пояснялъ пассажирамъ какой-то изъ мелкихъ желѣзнодорожныхъ служителей.

Такъ ужасно кончилась полная невзгодъ жизнь этого благороднѣйшаго и замѣчательнаго человѣка. Пусть же Кавказъ помнитъ и достойно чтитъ въ немъ скромнаго піонера русской прессы въ Закавказьи.

За участь Кавказа въ послѣдніе годы его сердце болѣло такъ же, какъ и за судьбу Россіи.

А. Е. К.

ГЕРЦЕНЪ И ГАРИБАЛЬДИ.

(Изъ дневника бывшаго гарибальдійца).

I.

Лондонская гостиная покойнаго издателя «Колокола» и «Полярной Звѣзды» А. И. Герцена и усадьба Гарибальди на о. Капрерѣ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія имѣли міровое значеніе: Герцена посѣщали многіе эмигранты и такъ называемые либералы; на Капрерѣ у Гарибальди также собиралось большое общество либераловъ, въ числѣ которыхъ были и русскіе.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II настроеніе русскаго общества значительно измѣнилось. Севастопольскія пушки пробудили его отъ тридцатилѣтней спячки; печать горячо принялась за обличенія; порядки, которые многіе находили еще такъ недавно вполнѣ нормальными, какъ, напримѣръ, крѣпостное право и казнокрадство, горячо порицались, настала эпоха отрицанія всего и дурного и хорошаго.

Въ ту эпоху многіе русскіе отправились въ Лондонъ къ Герцену, «Колоколъ» котораго тогда громко звонилъ; мнѣ также въ 1857 г. довелось быть въ Лондонѣ и посѣщать по воскресеньямъ гостиную Герцена, гдѣ я встрѣчалъ чрезвычайно разнообразное и многочисленное общество эмигрантовъ и либераловъ.

Я живо помню Мадзини въ его длинномъ сюртукѣ, похожемъ на сутану католическаго священника, Ледрюроленна, чахоточнаго Вурцеля, желчнаго Соколова, группу польскихъ пановъ, мечтав-

шихъ возстановить отчизну отъ моря до моря, австрійскихъ нѣмцевъ и другихъ личностей.

Общество обыкновенно собиралось къ десяти часамъ вечера; часу въ 11-мъ подавали марсалу съ бисквитами. Бесѣды были чрезвычайно оживленныя. Огаревъ въ пиджакѣ безъ воротника, съ отложнымъ жабо прохаживался по комнатѣ съ графомъ Калечковскимъ и декламировалъ свои стихотворенія. Герценъ всегда сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на диванѣ, облокотившись и поджавъ ногу подъ себя. Онъ, разумѣется, велъ рѣчь преимущественно о революціи въ Россіи и объ отдѣленіи Малороссіи съ преобразованіемъ въ республику. Вообще въ ту эпоху было очень шумно въ гостиной издателя «Колокола».

Мадзини, конечно, утверждалъ, что объединеніе Италіи необходимо для равновѣсія Европы, Ледрюролленъ утверждалъ, что всѣ несчастія Франціи происходятъ отъ того, что французы отклонились отъ принциповъ 1789 г.; чахоточный Вурцель, задыхаясь, кричалъ, что возстановленіе Польши необходимо въ интересахъ Европы, что возстановленная, какъ самостоятельное государство, «Польша,—говорилъ онъ,—будетъ служить какъ бы стѣной между Россіей и Европой и лишитъ Россію возможности посягать на территорію Европы».

Всѣ поляки соглашались съ мнѣніемъ Вурцеля. Русскіе революціонеры и въ особенности Соколовъ говорили, что необходимо поднять противъ правительства старообрядцевъ, которые уже готовы и ждутъ только сигнала.

Болѣе другихъ горячился Мадзини:

— Если бы Пій IX держался той либеральной политической системы, какъ первое время по вступленіи на папскій престолъ, и служилъ бы объединенію Италіи, я бы первый вскричалъ: «да здравствуетъ папа!» Сколько мнѣ извѣстно, — продолжалъ онъ,— Гарибальди былъ того же мнѣнія. Будучи въ Америкѣ, Гарибальди писалъ Пію IX письмо, въ которомъ предлагалъ свои услуги и услуги остальныхъ легіонеровъ-итальянцевъ, но папа, перемѣнивъ либеральную политику на ретроградную, даже не отвѣтилъ Гарибальди на его письмо. Затѣмъ, какъ извѣстно, его святѣйшество тайно убѣжалъ въ Гаэту, откуда возвратился лишь по приглашенію командующаго французскими войсками генерала Удино, вручившаго папѣ ключи; съ тѣхъ поръ итальянская печать иначе не называетъ генерала Удино, какъ французскимъ каноникомъ. Впрочемъ,—восторгался Мадзини,—побѣда Гарибальди надъ австрійцами въ Ломбардіи и моя «Молодая Италія» сдѣлали свое дѣло: теперь въ Италіи уже нѣтъ ни одного малаго ребенка, который не стремился бы объединить свою родину. Всѣ итальянскіе граждане жаждутъ объединенія Италіи съ столицей Римомъ, по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ королевства громко раздаются крики: «Римъ или смерть!»

Русскіе нигилисты задорно утверждали, что Россія наканунѣ революціи, такъ какъ старовѣры рѣшили поголовно возстать противъ существующихъ въ Россіи порядковъ; австрійскіе нѣмцы тяготѣли къ своимъ единовѣрцамъ, утверждая, что германскій союзъ долженъ преобразоваться по примѣру Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; славяне мечтали о федераціи; Савченко горячо доказывалъ Герцену необходимость отдѣленія Малороссіи отъ Россіи и учрежденія въ Малороссіи республики.

На островѣ Капрерѣ у Гарибальди было еще шумнѣе.

Туда собирались либералы со всего свѣта: и французы, и англичане, и нѣмцы, и итальянцы, и американцы, и русскіе.

Въ то время Капреру называли «Меккой демократіи». Это названіе не совсѣмъ удачно, ибо къ Гарибальди пріѣзжали не одни простолюдины, но и аристократы: князья, графы, виконты и другія лица привилегированнаго сословія.

Не боясь австрійскихъ пуль и папской висѣлицы, всѣ эти аристократы, искренно сочувствуя идеѣ Гарибальди—по объединеніи Италіи учредить всемірное человѣческое братство, записывались въ гарибальдійскіе легіоны, сражались съ австрійцами въ Ломбардіи и затѣмъ принимали участіе въ двухъ римскихъ экспедиціяхъ.

По поводу сочувствія аристократовъ проекту Гарибальди учредить всемірное человѣческое братство нельзя не обратить вниманія на это весьма трудно объяснимое обстоятельство. По идеѣ Гарибальди, всемірное человѣческое братство должно было уравнять права всѣхъ людей, уничтоживъ соціально-экономическую аномалію. Отсюда не трудно понять, что привилегія, которой пользуются аристократы, должна была прекратиться, и, несмотря на это, либералы-аристократы горячо сочувствовали идеѣ Гарибальди учредить всемірное человѣческое братство.

Учрежденіе всемірнаго братства въ ту эпоху было пунктомъ помѣшательства стараго мечтателя, и Гарибальди находилъ возможность привить людямъ понятіе о справедливости. Обыкновенно дебаты происходили въ столовой послѣ завтрака. Всѣ собесѣдники вполнѣ раздѣляли мнѣніе старика-хозяина, даже историкъ Делль-Веккіо приводилъ въ доказательство рѣчи Спартака, Тито-Веціо и другихъ, возстававшихъ противъ несправедливости тогдашнихъ учрежденій. Только одинъ старый Фабрицци, другъ Гарибальди, безжалостно уничтожалъ всѣ воздушные замки. Обращаясь къ Делль-Веккіо, Фабрицци говорилъ:

— Ну, и что же вышло изъ этихъ пламенныхъ рѣчей Спартака и Тито-Веціо? Возставшіе рабы и гладіаторы были побѣждены, цѣпи рабовъ не разбиты, и гладіаторы продолжали умирать по прихоти кровожадной толпы. То же самое ожидаетъ и проектъ человѣческаго братства. Прежде всего проектъ возбудитъ всеобщій хохотъ, а камарильи европейскихъ дворовъ назовутъ создателя

проекта учрежденія всемірнаго человѣческаго братства сумасшедшимъ.

— Ты ошибаешься, другъ мой Фабрицци,—возражалъ Гарибальди:—если король Викторъ-Эмануилъ призоветъ милліонъ гражданъ и соединится съ русскимъ императоромъ Александромъ II, успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію: въ силу обстоятельствъ народы должны будутъ покориться.

— Какой ты мечтатель, милый Іосифъ,—говорилъ Фабрицци:—при помощи штыковъ ты хочешь водворить справедливость между людьми. Но развѣ это возможно?

Несмотря на эти доводы, Гарибальди, съ упрямствомъ ребенка, не хотѣлъ разстаться съ своей завѣтной мечтой учрежденія всемірнаго человѣческаго братства.

— Вотъ, ты, Іосифъ, утверждаешь,—говорилъ Фабрицци:—что съ уничтоженіемъ свѣтской власти римскаго первосвященника ореолъ его падетъ, католики образумятся и поймутъ, что свѣтская власть папы несовмѣстима съ духовной его миссіей; помяни мое слово, выйдетъ какъ разъ наоборотъ: Ватиканъ будетъ имѣть вліянія на католиковъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Съ этимъ я никакъ не могу согласиться,—возразилъ Гарибальди:—разъ Римъ будетъ присоединенъ къ Италіи, католики неизбѣжно должны будутъ примириться съ совершившимся фактомъ.

— Но ты не забывай,—не унимался Фабрицци:—что папа-король находится подъ покровительствомъ императора французскаго Наполеона III, которому клерикалы помогли вскарабкаться на тронъ; вотъ почему Наполеонъ III для охраненія свѣтской власти папы и прислалъ въ Римъ своихъ солдатъ.

— Я не могу не согласиться съ синьоромъ Фабрицци,—вмѣшался въ разговоръ Никотера:—при занятіи Рима правительственными войсками дѣйствительно произойдутъ дипломатическія осложненія.

— Конечно!—вскричалъ Делль-Веккіо:—иначе и быть не можетъ; не надо забывать, что Римъ и папу охраняетъ французскій отрядъ, слѣдовательно, чтобы занять Римъ, прежде всего надо будетъ сразиться съ французскимъ отрядомъ. Подобная комбинанія едва ли можетъ быть во вкусѣ императора французовъ Наполеона III и его друзей-клерикаловъ.

— Противъ силы вещей нельзя итти,—возразилъ Гарибальди:— на моей сторонѣ весь итальянскій народъ.

— Да, генералъ,—замѣтилъ бывшій тутъ русскій:—на вашей сторонѣ дѣйствительно весь итальянскій народъ, но на сторонѣ папы и клерикаловъ вся камарилья итальянская, австрійская и французская; борьба съ такой неизбѣжно должна повести къ дипломатическому разрыву Франціи съ Италіей.

— Мнѣ кажется, дѣло не можетъ дойти до такихъ крайностей,— упорствовалъ Гарибальди:—Франціи нѣтъ никакого расчета прерывать дипломатическія сношенія съ Италіей изъ за-папы.

— Не говорите,—сказалъ Делль-Веккіо:—на положеніе папы и на движеніе итальянскаго народа къ Риму католики давно очень пристально смотрятъ, и во главѣ ихъ стоитъ Наполеонъ III и его достойная супруга, коронованная испанка; она громко объявила, что итальянцамъ никогда не удастся взять Римъ.

Подобные дебаты на островѣ Капрерѣ происходили чуть не ежедневно.

Честный, но до крайности увлекающійся, Гарибальди съ упрямствомъ капризнаго ребенка отстаивалъ свои убѣжденія, но, къ величайшему прискорбію всѣхъ благомыслящихъ людей, ему не удалось устроить человѣческаго братства и окончательно объединить Италію; обѣ римскія экспедиціи не удались; правительственныя итальянскія войска преградили путь къ Риму, и подъ Аспромонте произошло избіеніе гарибальдійцевъ отрядомъ подъ командою майора Палавичини, при чемъ самъ Гарибальди, какъ извѣстно, былъ раненъ въ ногу и контуженъ въ плечо.

Вторая римская экспедиція гарибальдійцевъ имѣла еще болѣе печальныя послѣдствія; въ ноябрѣ 1867 г. подъ Ментоной гарибальдійцы были разбиты на голову; противъ нихъ выступили папскія и французскія войска въ количествѣ 10-ти тысячъ; противъ этой силы четыре тысячи гарибальдійцевъ, голодныхъ, не одѣтыхъ, весьма плохо вооруженныхъ, безъ пушекъ, держались четыре дня, наконецъ сила взяла свое, папско-французское войско побѣдило.

Здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ усадьбѣ Гарибальди на островѣ Капрерѣ.

Въ 1855 г. Гарибальди рѣшилъ избрать себѣ постоянное мѣсто жительства; для этой цѣли онъ пріобрѣлъ клочокъ земли на маленькомъ островѣ Капрерѣ. Получивъ отъ умершаго брата наслѣдство въ нѣсколько десятковъ тысячъ лиръ и присоединивъ къ нимъ свои маленькія сбереженія, Гарибальди началъ устраивать свое новое хозяйство.

Островъ Капрера лежитъ на Средиземномъ морѣ, около острова Магдалины, и отъ Сардиніи отдѣляется маленькимъ проливомъ, называемомъ Аркачено. Большая гора, въ триста метровъ вышины, возвышается надъ уровнемъ моря, отъ сѣвера къ западу, получая свое начало отъ Понто-Галеры и такъ называемой Понто-Россы, которая образуетъ на югъ изгибы залива Аркачено, простираясь на три километра въ ширину. Вся мѣстность не отличается богатой растительностью, но климатъ тамъ хорошій, вода чистая, свѣжая. Нерѣдко, однако, на островѣ дуютъ сильные вѣтры.

Въ 1855 г. Капрера принадлежала двумъ владѣльцамъ: Демано-Сардо и англичанамъ Коллинзъ, жившимъ на Магдалинѣ; они пріобрѣли отъ Демано-Сардо землю на Капрерѣ только для охоты.

Единственными обитателями острова въ то время были два семейства пастуховъ, жившихъ въ небольшой хижинѣ; незначительное число козъ и свиней блуждали между скалъ; иногда встрѣчались куропатки, бекасы, залетѣвшіе изъ сосѣдней Сардиніи; нѣсколько паръ дикихъ козъ — вотъ и всѣ живыя существа Капреры.

Вообще, флора и фауна здѣсь крайне бѣдны, но зато глубокое море кругомъ, невозмутимое спокойствіе и полная свобода.

Послѣдняя, главнымъ образомъ, и привлекала итальянскаго патріота поселиться на дикомъ островѣ.

Если патріотическая дѣятельность Гарибальди стяжала ему славу, то устройство усадьбы, гигантскій трудъ и необыкновенное терпѣніе, которое онъ употребилъ для этого, заслуживаютъ не менѣе похвалы и удивленія.

Пріобрѣтенный Гарибальди клочокъ на Капрерѣ не могъ назваться землею, это были сплошныя каменныя плиты безъ малѣйшей растительности, при полномъ отсутствіи земли. Но съ упорной настойчивостью, трудомъ и терпѣніемъ Гарибальди наконецъ устроилъ себѣ усадьбу; для этого онъ на своемъ парусномъ суднѣ съ четырьмя дѣтьми: Меноти, Риччіоти, Манліо и Клеліей, перевозилъ изъ Ниццы землю и разсыпалъ ее по каменнымъ плитамъ; трудъ по истинѣ гигантскій и терпѣніе необыкновенное, но хлопоты и трудъ Гарибальди были не напрасны и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. На каменныхъ плитахъ образовался достаточно толстый слой земли, на которомъ были разбиты гряды для огорода, посажены кусты розъ и даже маленькіе тополя. За работами Гарибальди, само собой разумѣется, слѣдили всѣ; англичане въ особенности пришли въ восторгъ и тотчасъ же, когда была готова усадьба на Капрерѣ, прислали Гарибальди въ подарокъ меблированный складной желѣзный домикъ въ три комнаты, а друзья Гарибальди, собравъ необходимую сумму денегъ по подпискѣ, выстроили большой домъ въ нѣсколько комнатъ.

Въ 60-хъ годахъ нѣкоторыя русскія газеты оповѣстили, будто бы король Викторъ-Эмануилъ выстроилъ на Капрерѣ домъ для Гарибальди и послалъ въ подарокъ двухъ арабскихъ лошадей, но какъ то, такъ и другое оказалось ложью. Домъ, какъ замѣчено выше, выстроили друзья Гарибальди и они же привезли къ нему на суднѣ его боевую лошадь. Гарибальди, принимая этотъ подарокъ, сказалъ: «пусть мой конь гуляетъ на свободѣ», и приказалъ пустить лошадь, не стѣсняя ея прогулки.

II.

Мнѣ еще разъ пришлось посѣтить лондонскую гостиную Герцена, или, вѣрнѣе сказать, его конспиративную квартиру, гдѣ, какъ я уже говорилъ, собирались эмигранты со всѣхъ сторонъ

Европы и русскіе нигилисты. Много было построено въ ту эпоху воздушныхъ замковъ, но всѣ они были неудачны. Описывать проекты эмигрантовъ, ихъ политическія затѣи я, конечно, не буду, пришлось бы исписать много бумаги и до крайней степени утомить читателя.

А. И. Герценъ, по обыкновенію, принялъ меня весьма любезно и, поздоровавшись со мной, сказалъ:

— А со мной случилось несчастье, должно быть, Господь Богъ наказалъ меня за мои прегрѣшенія; представьте себѣ, совершенно неожиданно ко мнѣ пожаловалъ Бакунинъ; со свойственной ему энергіей или, правильнѣе, нахальствомъ онъ принялся баламутить весь домъ, никого не оставилъ въ покоѣ, онъ во все вмѣшивается: въ редакцію, въ типографію, даже въ стряпню повара. Прежде всего Бакунинъ обрушился на меня и Огарева: меня упрекалъ въ томъ, что направленіе «Колокола» никуда не годится, что «Колоколъ» есть не что иное, какъ листокъ обличеній злоупотребленій, а не указаніе, какъ ихъ уничтожить; Огареву говорилъ, что его сантиментальныя вирши могутъ только расшевелить нервы истеричной барышни; моихъ гостей-эмигрантовъ онъ также не оставилъ въ покоѣ. Такъ, напримѣръ, о Мадзини и его другѣ Гарибальди Бакунинъ говорилъ, что они находятся шпіонами на службѣ у итальянскаго короля и какъ Мадзини, такъ и Гарибальди тайно дѣйствуютъ въ ущербъ свободѣ итальянскаго народа и т. д. и т. д. все въ этомъ родѣ. Вообще,—прибавилъ Герценъ,—мое положеніе невыносимо, хоть бѣги вонъ изъ дому!

Таково было мнѣніе издателя «Колокола» и «Полярной Звѣзды» о знаменитомъ республиканскомъ агитаторѣ Бакунинѣ.

И дѣйствительно, энергія и дѣятельность этого человѣка были по истинѣ изумительны. Бакунинъ всюду поспѣвалъ: и въ парламентъ, и въ Гайдъ-паркъ на митинги, и даже въ Ковентгарденскій театръ; всюду увлекалъ публику и самъ увлекался.

Надо знать, что въ это время, именно въ концѣ 1862 г., Бакунинъ думалъ выписать въ Лондонъ свою жену изъ Сибири, откуда онъ, какъ извѣстно, бѣжалъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о романѣ Бакунина съ дѣвицей Квятковской, впослѣдствіи его женой. Романъ этотъ совершился очень просто.

Въ Сибири въ тѣ времена не было ни учебныхъ заведеній, ни учителей; граждане, желавшіе дать образованіе своимъ дѣтямъ, должны были довольствоваться образованными ссыльными, что не всегда было удобно этимъ послѣднимъ.

Красивая и молоденькая ученица, конечно, влюбилась въ своего учителя; Бакунинъ также увлекся Квятковской, сдѣлалъ предложеніе ей и ея отцу и, получивъ согласіе, сочетался съ Квятковской законнымъ бракомъ.

Вскорѣ Бакунинъ задумалъ бѣжать изъ Сибири черезъ Японію въ Лондонъ и по секрету сообщилъ женѣ этотъ свой планъ.

О побѣгѣ Бакунина изъ Сибири и его приключеніяхъ во время путешествія въ свое время было много писано, при томъ же этотъ эпизодъ изъ жизни Бакунина не отмѣченъ въ моемъ дневникѣ, а потому я и буду говорить только то, что самъ видѣлъ и наблюдалъ въ лондонской гостиной Герцена и на Капрерѣ, въ усадьбѣ Гарибальди.

Спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ Бакунина въ Лондонъ, онъ рѣшилъ попросить у Герцена необходимую сумму денегъ для путевыхъ издержекъ своей жены.

Взять деньги у Герцена было совсѣмъ не трудно. Александръ Ивановичъ, какъ щедрый баринъ, никому не отказывалъ въ деньгахъ, и просьба Бакунина, разумѣется, была исполнена.

Заемъ денегъ у Герцена и отсылка ихъ женѣ въ Сибирь на нѣкоторое время отвлекли Бакунина отъ его приставанья къ Герцену, Огареву и эмигрантамъ; на время онъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Между тѣмъ приближался роковой для поляковъ 1863-й годъ; ранней весной въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе.

Поляки, увѣренные въ помощи Наполеона III, разсыпались по лѣсамъ, сформировались въ банды и открыто объявили войну русскому правительству.

Либералы того времени, разумѣется, были на сторонѣ поляковъ, но всѣхъ больше волновался Бакунинъ. Онъ устраивалъ митинги, произносилъ горячія рѣчи въ пользу освобожденія Польши и призывалъ англичанъ помочь угнетеннымъ полякамъ.

Одинъ разъ утромъ, когда въ Гайдъ-паркѣ собрался митингъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, Бакунинъ въ своей пламенной рѣчи между прочимъ говорилъ, что стыдно быть равнодушными и не прійти на помощь къ угнетеннымъ полякамъ.

— Я съ моей стороны,—кричалъ ораторъ, бросая золотую монету на столъ,—предлагаю всѣмъ сочувствующимъ доброму дѣлу пожертвовать, кто сколько въ силахъ, на наемъ судна и десанта для отправки въ помощь полякамъ..

Эта пламенная рѣчь, разумѣется, подѣйствовала на многочисленныхъ слушателей, деньги посыпались со всѣхъ сторонъ; Бакунинъ на другой же день сталъ вербовать охотниковъ для десанта и вошелъ въ переговоры съ пароходовладѣльцами, но такъ какъ эта затѣя не могла быть тайной ни для кого, то о ней узналъ и шведскій посланникъ. Ему сообщили, что Бакунинъ имѣетъ намѣреніе послать судно въ Стокгольмъ, а оттуда въ Балтійское море.

Шведское правительство, конечно, воспротивилось и громогласно объявило, что, не желая ссориться съ Россіей, не допуститъ ничего

подобнаго. Эту печальную для себя новость Бакунинъ узналъ въ Лондонѣ, разумѣется, тотчасъ же пересталъ хлопотать о наймѣ судна и десанта и, взявъ съ собой возвратившуюся изъ Сибири жену, уѣхалъ въ Швейцарію.

Здѣсь мои наблюденія лондонскихъ происшествій, записанныя въ дневникѣ, оканчиваются; изъ газетъ позднѣе я узналъ, что Бакунинъ въ Швейцаріи и Италіи истратилъ собранныя имъ деньги на наемъ судна и десанта, а равно и капиталъ, ввѣренный ему ассоціаціей рабочихъ.

Почти всѣ газеты осуждали Бакунина за его безчестный поступокъ, но, мнѣ кажется, со стороны Бакунина это былъ не безчестный поступокъ, а присущая ему безалаберность безъ всякаго расчета бросать налѣво и направо свои и чужія деньги.

Обращаясь снова къ событіямъ лондонской гостиной Герцена, я долженъ сказать, что съ отъѣздомъ Бакунина изъ Лондона ряды посѣтителей гостиной значительно убавились.

Прежде всего настало разочарованіе въ старообрядцахъ.

Кельсіевъ, первоначально агитировавшій среди старообрядцевъ, лично убѣдился, что для нихъ самодержавіе священный догматъ и за батюшку-Царя они готовы положить свой животъ.

Разгромъ польскаго возстанія 1863 года фактически доказалъ полякамъ невозможность возстановленія отчизны отъ моря до моря. Польскіе агитаторы не на шутку пріуныли и разбрелись кто куда попало.

Звонъ «Колокола» сталъ уже не такъ рѣзокъ, число читателей его крайне уменьшилось, и наконецъ большинство перестало его выписывать; Герценъ прекратилъ изданіе «Колокола» на русскомъ языкѣ и сталъ печатать на французскомъ языкѣ, но это была большая ошибка; иностранцы нисколько не интересовались внутренними дѣлами Россіи, и «Колокола» на французскомъ языкѣ никто изъ нихъ не читалъ.

Пришлось окончательно прекратить изданіе. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ 1872 году Герценъ, заболѣвъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, умеръ.

Бакунинъ въ Швейцаріи умеръ почти вслѣдъ за Герценомъ.

Спустя нѣкоторое время скончался и Николай Платоновичъ Огаревъ въ одной изъ швейцарскихъ деревень; въ послѣднее время онъ впалъ въ крайнюю нищету.

Н. А. Поповъ.

ПО ХОЛМСКОЙ РУСИ [1].

(Путевой очеркъ).

IV.

ЖЕЛАЯ проникнуть въ самыя трущобы провинціи, я отъ Замостья повернулъ на большую проселочную дорогу, идущую на Грубешовъ и Городло. Мѣстность ровная, напоминающая по своему характеру равнины Черниговской и Полтавской губерній. Сюда огромнымъ клиномъ врѣзывается плодородная полоса юго-западной Россіи. Хлѣба хороши, немного только пострадали отъ засухи. Здѣсь житница Польши. Населеніе могло бы благословлять свою судьбу, если бы земли было больше, но здѣсь ея меньше даже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Во всѣхъ гминныхъ управленіяхъ вывѣшены маршруты въ Сибирь,—и народъ, покидая этотъ рай земной, уѣзжаетъ туда цѣлыми тысячами; бѣжитъ и въ Америку. Странное явленіе! Другого выхода между тѣмъ нѣтъ. Число безземельныхъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ; пользуясь этимъ, помѣщики обезцѣниваютъ рабочую силу до минимума; фабрикъ и заводовъ мало, да и тѣ имѣютъ свой опредѣленный штатъ рабочихъ; земли купить негдѣ, такъ какъ помѣщики держатся за свои имѣнія руками и ногами и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить ихъ до

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 890.

распродажи; для этой цѣли, говорятъ, здѣсь организованъ даже помѣщичій союзъ, дабы всѣмъ стоять за одного и одному за всѣхъ... Не заслуживаетъ ли при такихъ условіяхъ вниманія вопросъ о принудительномъ отчужденіи?..

Первая по пути деревня—Ярославецъ. Знакомое названіе! Съ нимъ невольно связывается представленіе о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда здѣсь еще не было католичества, когда его нигдѣ еще не было. Ярославъ Мудрый, по примѣру своего отца, не разъ наѣзжалъ въ Червонную Русь, чтобы окончательно закрѣпить ее за собою. При немъ, вѣроятно, и заложено было въ этой деревнѣ первое жилище. Такихъ историческихъ названій въ Холмщинѣ очень много: Кіевецъ, Руссковъ, Русскій-Бродъ, Поповка, Орловка, Романовъ и т. п. Всѣ они очень краснорѣчиво говорятъ о себѣ. Не менѣе краснорѣчивы и фамиліи обывателей: Савчукъ, Петрочукъ, Кондратюкъ, Арбузъ, Деркачъ, Филипченокъ, Самошко, Кечко, Ярошенко...

Но завѣты исторіи народомъ давно уже забыты: ни въ Ярославцѣ, ни въ Кіевцѣ, ни въ Руссковѣ не найдешь теперь ни одного русскаго,—отъ Савчука, отъ Арбуза и Деркача уцѣлѣли однѣ лишь фамиліи. Унія и другія не менѣе важныя обстоятельства перевоспитали народъ, а событія послѣднихъ лѣтъ узаконили эту удивительную метаморфозу. На свѣтѣ, оказывается, нѣтъ ничего невозможнаго...

Старую, извѣстную мнѣ по прежнимъ воспоминаніямъ, Холмщину я на этотъ разъ впервые увидѣлъ въ селѣ Мячинѣ, въ семи верстахъ отъ Ярославца. Семь верстъ—дистанція небольшая для безпредѣльныхъ равнинъ коренной Россіи, здѣсь же ее и конемъ не объѣдешь,—тутъ въ одной деревнѣ, мало того, въ одной и той же хатѣ найдешь и Польшу, и Россію, и Римъ, и Византію...

Когда я подходилъ къ Мячину, меня нагналъ верхомъ на лошади одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Поравнявшись со мною, онъ снялъ соломенную шляпу и низко поклонился.

— Нехай бендзе похвалены Іезусъ Христусъ!

Я ему отвѣтилъ.

— Панъ зъ далека?..

Въ это время раздался вдругъ протяжный звонъ церковнаго колокола: въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Мой спутникъ вторично снялъ свою почернѣвшую шляпу и набожно перекрестился... Я посмотрѣлъ на него. Православный крестъ—и это «панъ зъ далека»...

— Вы русскій?

Онъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, не рѣшаясь, повидимому, дать мнѣ опредѣленный отвѣтъ, и не безъ смущенія замѣтилъ:

— Русскій...

— Я тоже русскій,

— То вите руські!—воскликнулъ онъ вдругъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.—Отъ дурень же я, дурень! не познавъ свого чоловика!.. Иду соби и думаю: що за панъ такій?.. Учытель—не учытель, пысарь—не пысарь,—цы полякъ, цы руськi—Богъ его знае. Э! думаю соби. Прыласкай чорта, абы тыхо лыхо!.. А тутъ, бачу, свой чоловикъ... Спасибо вамъ за доброе слово!..

Въ селѣ продолжали звонить, а вскорѣ за горкой показалась и большая каменная церковь.

— Хорошая церковка у насъ!—замѣтилъ мой собесѣдникъ.—Но люды совсимъ подурилы. Не знаю, якъ у васъ, но тутъ наоколо и въ нашемъ сели такая теперь нечистота завелася, що нехай Господь крые!.. Сосидъ сталъ ворогомъ, своякъ—чужакомъ. А все тая свобода наробыла!..

И онъ сталъ по-своему отчитывать эту «проклятую» свободу. «Въ сели завелася нечистота»... Подъ нечистотой онъ разумѣетъ всѣхъ перекидчиковъ, т. е. новоиспеченныхъ католиковъ. Въ Мячинѣ ихъ мало, но въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ слишкомъ даже много. «Жаль народа! Свой бувъ чоловикъ, а теперь почужався... И поговорыть, правда, съ тобою и въ гостьі поклыче, а на сердцю щось протывъ тебе мае»... Мало того: при всякомъ удобномъ случаѣ любитъ еще насмѣяться и пригрозить... Полный разладъ въ деревнѣ, полный разладъ въ семьѣ. Сынъ идетъ въ церковь, а отецъ тащитъ его въ костелъ; мужъ хочетъ крестить ребенка у священника, а жена несетъ его къ ксендзу... Этотъ разладъ усугубляется еще тѣмъ, что въ Польшѣ до настоящаго времени примѣняется два календаря: у православнаго члена семьи, примѣрно, Великій постъ, а у католика Пасха; половина деревни идетъ въ поле на работы, а другая празднуетъ какое-нибудь «Боже цяло» или «Вшисткихъ свентыхъ» и протестуетъ противъ тѣхъ, кто нарушаетъ святость праздника. Православные въ такихъ случаяхъ проявляютъ еще нѣкоторую терпимость, католики же—никогда. Очень часто нафанатизированная толпа католиковъ ломаетъ плугъ или соху у православнаго и избиваетъ его самого за то, что тотъ не почитаетъ польскаго свента; сами между тѣмъ въ православные праздники демонстративно выступаютъ на работы...

При всемъ томъ, какъ мячинцы, такъ и все вообще населеніе Холмщины не особенно довольны своимъ депутатомъ. «На защиту православія мы, въ случаѣ надобности, можемъ выступить съ кольями, пойти же такимъ образомъ за землею опасно»... И какъ были всѣ довольны, когда епископъ Евлогій [1]) заговорилъ въ думѣ о землѣ и прочихъ крестьянскихъ нуждахъ! Онъ поднялъ этимъ свою репутацію во сто кратъ...

---

[1]) Я путешествовалъ наканунѣ роспуска второй государственной думы.

Отъ Мячина до Грубешова и дальше за Бугъ идетъ уже настоящая Малороссія. По пути встрѣчаются, правда, католическія деревни и деревни со смѣшаннымъ населеніемъ, но поляковъ нигдѣ не видно. Повинуясь строгому приказу ксендзовъ, перекидчики бойкотируютъ русскія школы и пробуютъ лепетать по-польски, но послѣднее пока имъ очень трудно дается.

Католичество дало населенію лишь извѣстную наружную окраску, по природѣ же своей, по языку и обычаямъ каждый перекидчикъ остается пока прежнимъ малороссомъ. Имъ онъ и остался бы, а современемъ, можетъ быть, и возвратился бы къ прежней вѣрѣ, если бъ религіозно-національныя страсти искусственно въ немъ не разжигались. Ксендзъ, угрожая земной и небесной карой, старается втолковать каждому прозелиту, что католичество и малорусскій языкъ несовмѣстимы,—и при томъ всячески натравляетъ свою паству на схизматиковъ... Православное духовенство, съ своей стороны, тоже не проявляетъ миролюбія, озлобляя такимъ образомъ противъ себя нафанатизированную католическую чернь. Деревни Холмщины забрасываются всевозможными прокламаціями, въ которыхъ враждующія стороны обмѣниваются часто самыми неприличными выраженіями. «Плюй и чихай, каждый русскій, на подохшую и смердячую Польшу, крѣпко стой противъ твоихъ враговъ-ляховъ и блудливыхъ ксендзовъ!..» говоритъ русская прокламація. «Не вѣрь отщепенцамъ - попамъ, лучше пойти въ хлѣвъ, чѣмъ въ схизматическую церковь!..» отвѣчаютъ поляки. «Якъ подохне корова или собака и больше не встане, такъ не встане и Польша...» опять говорятъ русскіе. «Не иди въ русскую школу, стой за кролевство!» взываетъ ксендзъ...

Непросвѣщенная чернь слушаетъ эти дикія рѣчи и воображаетъ, что онѣ исходятъ отъ Бога; а за Бога какъ не постоять?.. Во имя этого Бога отецъ лишаетъ наслѣдства своего сына, не пожелавшаго принять католичество; во имя Его же, по той же причинѣ, мужъ истязуетъ свою жену; прикрываясь именемъ Бога, въ селѣ Терешполѣ, Замостскаго уѣзда, разъяренная толпа съ топорами врывается въ домъ православнаго крестьянина Осипа Целицы и беретъ у него по наущенію жены-католички новорожденнаго ребенка, чтобы окрестить его въ костелѣ; во имя Божіе въ томъ же селѣ жена, теща и другіе соучастники задушили православнаго крестьянина Ивана Пацика за его стойкость въ вѣрѣ [1])...

Во имя Бога совершаются иногда самыя кощунственныя преступленія. Въ иконостасѣ дубенской церкви хранится, напримѣръ,

[1]) Фактъ удушенія Ивана Пацика извѣстенъ, и виновные окружнымъ судомъ осуждены въ каторгу. Но за мотивы этого преступленія я не ручаюсь, такъ какъ лично не читалъ ни слѣдственнаго, ни судебнаго матеріала. Извѣстныя лица передали мнѣ этотъ фактъ съ ручательствомъ.

интересный металлическій образъ Ченстоховской Божьей Матери. Неподалеку отъ города въ свое время была выстроена православная часовня въ память возсоединенія уніатовъ, гдѣ повѣшена была и эта икона, одинаково чтимая, надо замѣтить, и православными и католиками. Послѣ апрѣльскаго манифеста ее нашли вдругъ въ полѣ, во ржи, страшно обезображенною: чья-то кощунственная рука помяла ее, порѣзала и такъ сильно поколола, что превратила въ рѣшето...

Преступникъ не обнаруженъ, по этому вопросу, слѣдовательно, можно было бы допустить разныя догадки и предположенія, если бы Холмщинѣ не извѣстны были и другіе аналогичные случаи, гдѣ всѣ обстоятельства преступленія очевидны. Населеніе этого края имѣетъ обыкновеніе въ деревняхъ и на перекресткахъ дорогъ водружать деревянные кресты съ извѣстными надписями... Въ послѣднее время католики рядомъ съ православнымъ крестомъ непремѣнно ставятъ и свой. Ставятъ, и Богъ съ ними! Пусть стоятъ себѣ рядышкомъ,—родные вѣдь братья... Но въ томъ-то и вся бѣда, что братья эти никакъ ужиться не могутъ: злобно, вызывающе глядятъ они другъ на друга, точно враги передъ боемъ...

А по ночамъ часто даже сражаются, при чемъ католическій крестъ всегда остается побѣдителемъ, православный же врагъ къ утру оказывается подпиленнымъ, изуродованнымъ, а то и совсѣмъ вывороченнымъ... Въ знаменитомъ историческомъ Городлѣ мнѣ лично довелось видѣть результаты такого безумнаго боя. Утромъ 9 мая, въ день церковнаго праздника, старинный православный каменный крестъ, сооруженный на мѣстѣ упраздненной во времена австрійскаго владычества Пятницкой церкви, оказался въ слѣдующемъ видѣ: столбики ограды выворочены, проволока помята и поломана, на карнизахъ и перекладинахъ креста, въ грязныхъ тряпкахъ понавѣшаны были камни, кости и кирпичъ... Тутъ же рядомъ стоялъ высокій католическій крестъ и такъ невинно глядѣлъ на эту дикую картину, точно она совсѣмъ его не касается!..

V.

Грубешовъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ Холмщины: онъ упоминается въ лѣтописи еще въ 1255 году; въ это время тамъ существовала уже православная церковь св. Николая; впослѣдствіи построены были еще двѣ церкви. Въ 1416 году королемъ Ягелло основанъ тамъ католическій костелъ, а въ 1473 году, съ цѣлью пропаганды, учреждена и католическая епископія. Съ того времени Грубешовъ сталъ ополячиваться. Но, подобно Красноставу, онъ долго оказывалъ самое упорное сопротивленіе уніи и католицизму. Когда послѣ Брестскаго собора туда прибылъ уніатскій патеръ Гечъ, мѣщане прогнали его съ позоромъ; когда же,

при поддержкѣ властей, онъ прибылъ вновь и прибилъ на дверяхъ Успенской церкви папскую буллу, возмущенные горожане разорвали ее въ клочки. Настойчивость и нахальство уніатскихъ реформаторовъ не разъ доводили мѣщанъ до открытаго возмущенія; за одно изъ таковыхъ наиболѣе виновные, какъ и въ Красноставѣ, были осуждены на смертную казнь и помилованы лишь послѣ того, когда изъявили согласіе принять унію. «По приказанію своего пастыря,—писалъ впослѣдствіи уніатскій епископъ Суша,—русины, покрывшись вретищами, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, шли покорно въ церковь и тамъ торжественно присягнули уніи»...

Такова лѣтопись прошлаго. Теперь же—совсѣмъ не то. Когда послѣ апрѣльскаго манифеста началось поголовное бѣгство въ костелы, православное населеніе Грубешова, преимущественно старики, пользуясь случаемъ, предъявили вдругъ своему духовенству такія условія: ввести уніатскій звонъ, не закрывать царскихъ вратъ и не пускать противъ солнца крестныхъ ходовъ. Только при такихъ условіяхъ они соглашаются оставаться православными. Съ согласія епархіальнаго начальства эти ничтожныя требованія были удовлетворены.

И когда въ первый же праздникъ во всѣхъ церквахъ зазвонили по-уніатски, народъ повалилъ туда цѣлыми тысячами...

— Свое, людкове, свое!..

Когда же священники совсѣмъ не закрыли царскихъ вратъ и вышли съ крестными ходами «по сонцю», народъ возликовалъ...

— Свое, людкове, свое!..

Возрадовалось и духовенство. Но его радости были преждевременны. Прошла недѣля, другая — и прихожане вновь закапризничали.

— Дайте намъ монстранцію, звонки и обголите бороды... Якъ то було при уніи...

Но тутъ на подмогу духовенству выступила молодежь, привыкшая къ чистой православной обрядности.

— Не хотимъ ни монстранціи, ни уніатскаго звона!..

Тѣмъ и кончился этотъ религіозный споръ грубешовцевъ, давшій однако костелу нѣсколько сотенъ прозелитовъ.

Такія недоразумѣнія коренной Россіи совсѣмъ неизвѣстны, здѣсь же съ ними постоянно приходится считаться: въ одномъ селѣ крестные ходы идутъ «навпаки», въ другомъ—по солнцу, кажись, все хорошо. А сойдутся во время храмового праздника два-три прихода—и въ результатѣ крупное недоразумѣніе. Не такъ давно въ посадѣ Коднѣ во время такого соединеннаго крестнаго хода возгорѣлось цѣлое побоище, кончившееся тѣмъ, что многіе богомольцы были изувѣчены, а духовенство уцѣлѣло только потому, что, оставивъ поле битвы, обратилось въ бѣгство...

Въ настоящее время въ Грубешовѣ около двѣнадцати тысячъ жителей, изъ нихъ православныхъ не больше полуторы тысячи, остальные евреи и католики. При всемъ томъ онъ производитъ впечатлѣніе чисто малороссійскаго города: такіе же сады и огороды, хаты, возы, базары, на улицахъ тотъ же хозяйственный соръ и грязь по колѣна... И если бы не преобладающая польская рѣчь, можно было бы подумать, что находишься не въ Польшѣ, а въ благодатномъ Миргородѣ...

Въ пятнадцати верстахъ отъ Грубешова, надъ рѣкою Бугомъ, расположенъ другой историческій городъ, нынѣ захолустное мѣстечко Городло. До 1476 года здѣсь совсѣмъ не было костела, православное населеніе между тѣмъ имѣло три церкви. Знаменитымъ городельскимъ сеймомъ въ 1413 году положенъ былъ первый камень, на которомъ годъ за годомъ воздвигалось затѣмъ мощное зданіе католицизма. Латинство распространялось здѣсь болѣе успѣшно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ находилось подъ личной опекой короля Ягелло. На высокомъ живописномъ берегу Буга этотъ пламенный католикъ выстроилъ богатый дворецъ, часто проживалъ здѣсь съ семьей и цѣлымъ дворомъ и, вполнѣ естественно, оказывалъ своей резиденціи знаки особаго вниманія. Когда же въ 1476 году здѣсь утвердился еще доминиканскій орденъ, православіе стало замѣтно угасать. Въ 1807 году двѣ православныя церкви были уже закрыты и, за ненадобностью, проданы австрійскимъ правительствомъ съ публичныхъ торговъ; ихъ купилъ на сносъ за 2.434 золотыхъ мѣстный помѣщикъ Венявскій и употребилъ на свои хозяйственныя постройки...

Въ настоящее время изъ 4.000 человѣкъ общаго населенія Городла православныхъ не больше 300, да и тѣ не проявляютъ большого тяготѣнія къ церкви,—обветшалая, всѣми покинутая, уныло глядитъ она на то, какъ исконные питомцы ея одинъ за другимъ укрываются теперь въ стѣнахъ костела...

Окатоличенное населеніе мѣстечка, какъ и вездѣ, враждебно настроено противъ православныхъ и отъ времени до времени не стѣсняется преподнести имъ какой-нибудь непріятный сюрпризъ. Описанный мною инцидентъ съ православнымъ крестомъ — не исключительный случай. Чей-то ослѣпленный умъ обращаетъ церковь въ военный лагерь, чье-то жестокое сердце вдохновляетъ безсознательную чернь на безумную борьбу...

Крутой берегъ Буга, гдѣ возвышался когда-то замокъ Ягелло, лучшій уголокъ Городла и его окрестностей. Отсюда открывается великолѣпный видъ на правую, луговую сторону рѣки. Отъ королевскаго замка не осталось теперь ни одного камня, но огромные валы, глубокія ямы и рытвины ясно говорятъ о томъ, что здѣсь существовали когда-то грандіозныя сооруженія. По склону горы разбросаны жалкіе остатки большого королевскаго парка. Въ немъ,

подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ, не разъ отдыхалъ Ягелло съ прекрасной Ядвигой, а теперь, въ ясныя лунныя ночи, по заглохшимъ дорожкамъ парка, по валамъ и рытвинамъ безшумно бродятъ страшныя тѣни ихъ, наводя ужасъ на запоздалаго путника...

Отъ Городла я отправился къ сѣверу, вдоль рѣки Буга. Эта надбужная часть Холмщины не можетъ похвалиться плодородіемъ почвы, такъ какъ вдоль рѣки широкой полосой тянутся сыпучіе пески. Лѣсовъ тоже мало, такъ что крестьянамъ приходится покупать дрова за Бугомъ. Деревушки убогія, населеніе повсюду жалуется на свое тяжелое положеніе и съ нетерпѣніемъ ждетъ перемѣны, возлагая всѣ надежды на думу.

— Разскажите намъ про думу!.. Что дѣлается въ думѣ?..— вотъ главные вопросы каждаго новаго собесѣдника.

Въ надбужныхъ деревняхъ населеніе исключительно православное и говоритъ на малорусскомъ нарѣчіи. Въ послѣднее время, впрочемъ, и здѣсь завелось немало «нечистоты», а вмѣстѣ съ нею и разладъ въ громадѣ, чего раньше никогда не было. Это обстоятельство невольно выдвинуло здѣсь на очередь религіозно-національный вопросъ, которому до самаго послѣдняго времени эти деревни удѣляли очень мало вниманія. А разъ онъ ужъ наболѣлъ,— мужички міромъ его и обсудили.

— Кажуть, Польща буде... Не дай Боже!..—заявляютъ не только православные, но и сознательные католики.—Царь и дума не должны этого дозволить!..

Католики боятся, что при автономіи имъ не удастся освободиться отъ панскаго ига, а православные, кромѣ того, опасаются еще и религіозно-національнаго гнета...

Такія заявленія я слышалъ отъ крестьянъ повсемѣстно, а въ деревнѣ Уханькѣ мнѣ довелось, между прочимъ, услышать ихъ отъ цѣлой громады, на крестьянскомъ митингѣ, если можно такъ назвать мирное собраніе дѣловыхъ деревенскихъ сторожиловъ, которые, пользуясь случаемъ, лишній разъ обсудили свои мужицкія нужды, лишній разъ обмѣнялись другъ съ другомъ своими мыслями и чувствами. Собрался онъ совершенно случайно. Возлѣ деревни, на невысокомъ курганѣ, возвышается каменный монументъ съ деревяннымъ крестомъ, сооруженный въ 1863 году польскими повстанцами. Когда я подходилъ къ этому историческому памятнику, на курганѣ сидѣло человѣкъ пять мѣстныхъ крестьянъ.

— Слава Іисусу Христу!..

— На вѣки слава! Присядьте коло насъ, чоловиче!..

Слово за слово—и у насъ завязалась бесѣда.

Въ деревнѣ между тѣмъ узнали, «що якій-то подорожни чоловикъ про думу балакае»... И одинъ за другимъ, строгіе, сосредо-

точенные, потянулись сюда изъ деревни эти сѣрые люди,—приходили и молчаливо усаживались на травѣ. За дѣломъ шли: каждому хотѣлось узнать что-либо про эту странную думу, которая пока ничего для него не выдумала, каждый желалъ повѣдать незнакомому прохожему свои нужды... А повѣдать ихъ надо кому бы то ни было, ибо онѣ велики и неотложны... У одного войтъ корову за долги продалъ, у другого домъ безъ крыши, третій отъ Новаго Года въ амбарѣ не имѣетъ зерна, въ сараѣ ни клочка сѣна... Всѣхъ вмѣстѣ разоряютъ подати, всѣхъ вмѣстѣ губятъ помѣщики...

— Бидніе мужикъ съ каждымъ часомъ, пропадае не за нюхъ табаки... О, щобъ царь знавъ про тое, щобъ расказалы ему всю правду!.. Другіи порядки завивъ бы... Хоть бы послаты кого до царя съ просьбою: тое, мовъ, та овое... Владыка отъ взявся, та щось спотыкаеця...

Они вѣрятъ въ царя, и очень скорбятъ о томъ, что между нимъ и ими нѣтъ надежныхъ посредниковъ...

Въ довершеніе всего начался еще разладъ между своими, чего раньше не было. Каждый перекидчикъ, побывавъ у ксендза на исповѣди, возвращается отъ него заклятымъ врагомъ православія и всего русскаго...

— Иду я разъ,—сыдять пастушки на лузи и спываютъ «еще Польща не згинела»... Носа не вміе обтерты, а вже спывае. Обачилы мене: «русинъ! русинъ! кобылу задусилъ!..» Крыцать и выспивують... Злизъ я зъ воза, та бычомъ—одного, другого, третьяго... А, трасця, кажу, вашій матери!. Хто жъ то васъ поляками зробывъ?.. Цы не ваши батьки зъ матырями въ церкви похованы?.. Цы не ихъ польскіи паны въ потылыцю былы и быдломъ называлы?..

Юнымъ пастушкамъ, положимъ, нечего удивляться.

— Що воно?—дытына,—що почуе отъ старшихъ, то и пляскае.

Но слышать такія рѣчи отъ взрослыхъ тѣмъ болѣе удивительно, что почти каждый изъ нихъ помнитъ еще послѣдніе дни панщины, когда не только мужицкое слово, но и личность его въ грошъ не ставились. Это помнятъ всѣ и теперь почти то же испытываютъ; между тѣмъ каждый перекидчикъ, породнившись съ паномъ и ксендзомъ на одной кантычкѣ и наслушавшись ихъ сладкихъ рѣчей, «цураеццяр» уже своего брата русскаго и начинаетъ носиться со своей «Польщей, якъ дурень съ торбой»... Гаврилку Деркача научили пѣть польскіе гимны, выворачивать и осквернять схизматицкіе кресты и иконы, у православныхъ односельчанъ выбивать окна, приказали забыть свой языкъ, не ходить въ русскую школу... И сговорчивый Деркачъ послушно выполняетъ эту политическую программу, въ полной увѣренности, что этимъ отдаетъ гражданскій долгъ своей новой отчизнѣ...

— И дай такому дурню свободу, верны ему крулевство... Быда! Все побье и поруйнуе, всихъ поразгоняе и передушыть... А нарешты и самъ загине въ панскихъ лапахъ...

VI.

Надбужная, чисто русская полоса Холмщины къ сѣверу замѣтно суживается и въ южной части Подляшья почти совершенно исчезаетъ: Влодавскій, напримѣръ, уѣздъ Сѣдлецкой губерніи, гнѣздо калакутовъ, въ настоящее время почти совершенно окатоличенъ, а теперь успѣшно и ополячивается. Православіе и русскій духъ такъ сильно здѣсь ослабли, что при существующихъ условіяхъ, кажется, скоро исчезнутъ; въ такомъ же состояніи находится и Константиновскій уѣздъ. Про западные и центральные уѣзды губерніи—Радинскій, Луковскій, Сѣдлецкій, Гарволинскій, Венгровскій и сѣверный Соколовскій—нечего и говорить: находясь все время въ самомъ центрѣ польскаго вліянія и не получая духовной поддержки съ востока, они давно уже ополячены и, можно сказать, потеряны для Россіи безвозвратно. Исключеніе представляетъ лишь восточная часть уѣзда Бѣльскаго, гдѣ русскій духъ, несмотря на неблагопріятныя условія, оказался довольно живучимъ.

Ядромъ этого чисто русскаго уголка служитъ древній Яблочинскій Свято-Онуфріевскій монастырь, откуда во время уніи окрестное населеніе, несомнѣнно, получало духовную поддержку. Заслуги его въ прошломъ тѣмъ болѣе великія, что ему приходилось работать при слишкомъ неблагопріятныхъ условія. Лишенный за свою стойкость въ вѣрѣ реальной защиты польскихъ властей (защитительныя королевскія грамоты не имѣли никакой силы), онъ испилъ очень горькую чашу: его не разъ опустошали своими набѣгами уніатскіе монахи, лишали дарованнаго основателями имущественнаго обезпеченія, не допускали туда прихожанъ и богомольцевъ... Было время, когда братія его влачила самое жалкое существованіе, было время, когда монастырь приходилъ въ полное запустѣніе... Но онъ стойко переносилъ всѣ испытанія, показывая и другимъ великій примѣръ мужества,—и въ то время, когда весь Холмско-Подляшскій край, уступая силѣ, подчинился уніи, этотъ монастырь никогда не переставалъ быть православнымъ.

Но это все въ прошломъ. Онъ творилъ великія дѣла въ то время, когда братія носила холщевыя рясы и питалась милостыней; когда же она стала одѣваться въ шелка и пить заморскія вина, о дѣлахъ и думать перестала. Живя неподалеку отъ Яблочинскаго монастыря лѣтъ пятнадцать назадъ, я имѣлъ возможность близко съ нимъ познакомиться. Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать того, что, отъ нечего дѣлать, братія бродила тогда по обширнымъ монастырскимъ лугамъ, лѣсамъ и окрестнымъ се-

ламъ, предаваясь самому необузданному разгулу... Теперь благочиніе монастыря, повидимому, возстановлено, но не возстановлено прежнее его значеніе. Владѣя тучными полями, широкими лугами и лѣсами, фруктовыми садами и рыбными озерами, онъ прочно отмежевался отъ окружающаго міра, изобразилъ изъ себя маленькій Олимпъ, доступный простымъ смертнымъ лишь въ дни преподобнаго Онуфрія; въ остальное же время года эта заслуженная обитель вылавливаетъ изъ многочисленныхъ озеръ жирныхъ карповъ, запиваетъ ихъ виномъ и квасомъ... и «Господь одинъ знае, що вона бильше робыть»..

Въ настоящее время монастырская братія задается, впрочемъ, цѣлью открыть у себя миссіонерскую школу и уже хлопочетъ объ этомъ. Затѣя довольно остроумная: отчего же не сдѣлать попытки выставить противъ католическихъ іезуитовъ соотвѣтствующія силы? Но на этотъ вопросъ можно смотрѣть еще и съ другой стороны: мы знаемъ, напримѣръ, что натворило въ Холмщинѣ богословское крючкотворство,—оно превратило ее въ военный лагерь... Не лучше ли было бы организовать при монастырѣ не миссіонерскую, а земледѣльческую или ремесленную школу и, открывъ туда широкій доступъ окрестному населенію, противопоставить такимъ образомъ латино-польскимъ казуистамъ культурную силу? Такъ побѣждаетъ ихъ нѣмецъ.

Въ восточной части Бѣльскаго уѣзда, по рѣкѣ Бугу, малороссійскій элементъ выраженъ яснѣе даже, чѣмъ въ коренной Холмщинѣ: типичные костюмы, пѣсни, нравы и обычаи народа не подверглись здѣсь никакому измѣненію, языкъ содержитъ не больше полонизмовъ, чѣмъ въ какой-нибудь Кіевской губерніи.

Наиболѣе типичнымъ въ этомъ отношеніи уголкомъ является село Заболотье, отстоящее въ семи верстахъ отъ Яблочинскаго монастыря. Оно—самое, можно сказать, счастливое село во всемъ краѣ, такъ какъ съ честью выдержало натискъ латинскаго культа, потерявъ въ этомъ бою одну лишь захудалую бабу. Про него одинъ полякъ выразился, между прочимъ, такъ: «О, тамъ, пся кревъ, жіе еще русины!..» Лично ли онъ прозондировалъ заболотскую почву, или другіе его просвѣтили—неизвѣстно, но онъ произнесъ эту фразу съ сильнымъ чувствомъ. Онъ правъ: послѣ апрѣльскаго манифеста окрестныя села и деревни, значительно окатоличенныя, не разъ подсылали сюда своихъ миссіонеровъ съ извѣстными предложеніями, но успѣха они не имѣли, а одинъ изъ нихъ, слишкомъ ужъ настойчивый, чуть было не поплатился своими ребрами.

Въ Заболотьѣ за все время своего путешествія я впервые увидѣлъ, между прочимъ, національный малороссійскій хороводъ. «Дивчата и молодыци», несмотря на запрещеніе мѣстнаго стражника, собираются здѣсь по вечерамъ на улицѣ и поютъ. Но эти

хороводы, къ сожалѣнію, утрачиваютъ уже свой прежній характеръ. Крестьянскій пролетаріатъ, толкаясь по разнымъ городамъ на заработки, наноситъ оттуда много фабричныхъ и солдатскихъ мотивовъ; эта новинка успѣшно прививается въ деревнѣ, постепенно вытѣсняя народную пѣсню. Тотъ же пролетаріатъ приноситъ оттуда, между прочимъ, и нравственную распущенность. Времена невинныхъ «жартовъ» молодежи миновали; «дивчина» перестала бояться того, что на «весиллю» съ головы ея могутъ сорвать вѣнокъ[1]); деревенскій ловеласъ не вѣритъ ужъ въ такой «грихъ», не стыдится народной молвы...

Все сказанное касается, конечно, не одного лишь Заболотья, а составляетъ вообще характеристическую особенность современной деревни. Патріархальность нравовъ утрачена, утрачено много симпатичныхъ чертъ въ характерѣ народа. Тамъ, гдѣ до самаго послѣдняго времени населеніе не знало замковъ, не слыхало о дракахъ, грабежахъ и убійствахъ,—теперь народилось много домашнихъ воровъ и головорѣзовъ... Вполнѣ понятно: условія, при которыхъ создавался типъ мужика, никогда не были нормальными; духовныя силы его не получали должнаго направленія и развитія, малѣйшіе проблески сознанія вытравлялись въ немъ съ корнемъ, человѣческое «я» въ мужикѣ было убито... Земельная полоска его къ тому сузилась настолько, что въ хатѣ оказалось много лишнихъ ртовъ; въ деревнѣ появились люди безъ опредѣленныхъ занятій, въ деревнѣ сталъ плодиться крестьянскій пролетаріатъ, бездольный и голодный... Мужикъ сталъ путаться въ лабиринтѣ окружающихъ его явленій, разучился вѣрить въ добродѣтель и презирать зло...

Можно ли при такихъ условіяхъ требовать отъ него строгаго выполненія законовъ общественной морали? Нѣтъ! Въ деревнѣ не на шутку стала создаваться своя мораль,—мораль темнаго и голоднаго человѣка. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ фактъ четвертованія въ Могилевской губерніи двухлѣтняго крестьянскаго ребенка, принятаго мѣстнымъ колдуномъ за антихриста. Вся почти деревня принимала участіе въ этой безумной вакханаліи, ибо въ ней видѣла избавленіе отъ окружающихъ условій жизни... Всѣмъ извѣстно также, что казанскіе татары вывозили на базаръ своихъ дочерей и мѣняли ихъ на хлѣбъ...

— Знаете ли что?—сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ новорожденныхъ деревенскихъ моралистовъ.—Знаете? Мнѣ хочется... сжечь свою деревню... Ей-Богу!.. Поджечь бы, кажется, ее со всѣхъ сторонъ—и пусть себѣ горитъ!..

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи завѣдомо опороченной дѣвушкѣ молодежь не дозволяетъ надѣвать къ вѣнцу на голову вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, служащій эмблемой невинности.

Можно ли пойти дальше этого безумія? Каждый изъ этихъ безумцевъ между тѣмъ правъ по-своему: что это за деревня, когда въ ней нѣтъ хлѣба? Что это за деревня, когда желѣзные мускулы и богатырскія плечи мужика можно купить тамъ за гривенникъ въ сутки, за тридцать рублей въ годъ?... Что значитъ жизнь одного ребенка, если всѣ убѣждены, что въ немъ воплотился антихристъ—причина всѣхъ бѣдъ земныхъ? Отчего же не отдать также въ наложницы взрослую дочь, если этимъ можно спасти отъ голодной смерти полдюжины другихъ дѣтей?..

До самаго послѣдняго времени въ Заболотьѣ, съ населеніемъ болѣе тысячи человѣкъ (въ цѣломъ приходѣ до четырехъ тысячъ), существовала ветхая деревянная церковь, вмѣщавшая не болѣе трехсотъ человѣкъ, да и та настолько обветшала и покосилась, что всякую минуту грозила паденіемъ. Въ настоящее время, къ великой радости прихожанъ, тамъ воздвигнута и уже освящена великолѣпная каменная церковь. Она обошлась, однако, слишкомъ дорого, такъ какъ, за недостаткомъ казенныхъ средствъ, крестьянамъ приходилось жертвовать на нее свои трудовые гроши и рабочія силы. Земли между тѣмъ у нихъ очень мало, да и та сомнительнаго качества, пастбищъ совсѣмъ почти нѣтъ, съ сервитутами помѣщикъ обидѣлъ. Кромѣ того, Заболотье почти ежегодно опустошается пожарами. Неудивительно поэтому, что это симпатичное село значительно бѣднѣе прочихъ.

Подляшскіе крестьяне вообще гораздо бѣднѣе крестьянъ Холмщины, такъ какъ зе́мли здѣсь совсѣмъ другія: то песокъ, то болото, то голые камни. Промышленныхъ центровъ совсѣмъ нѣтъ, заработать, слѣдовательно, негдѣ, исключая развѣ имѣній, гдѣ въ лѣтнее время можно еще кое-что урвать. Въ деревнѣ нигдѣ не увидишь мало-мальски порядочной хаты; покосившіеся сараи съ ободранными крышами—не рѣдкость. Скотина тощая, низкорослая. И не удивительно: хозяинъ запахалъ подъ поле каждую лужайку, каждое болотце,—негдѣ животному разгуляться. И хозяину не легче: при тяжеломъ трудѣ онъ живетъ буквально впроголодь. Для иллюстраціи привожу меню одной крестьянской семьи средняго достатка, гдѣ провелъ я нѣсколько дней. За завтракомъ всѣ ѣли хлѣбъ съ квасомъ, при чемъ хозяйка просила семью не слишкомъ налегать на хлѣбъ, такъ какъ «печиво» кончается, а для новаго хозяинъ не купилъ еще зерна—со своимъ дотянули только до Пасхи. На обѣдъ она сварила изъ гречневой муки солодуху, которую для экономіи ѣли безъ хлѣба; поужинали остатками той же солодухи и прикончили хлѣбъ. Слѣдующіе три дня обходились совершенно безъ хлѣба, такъ какъ въ такую рабочую пору—разгаръ сѣнокоса—хозяинъ дорожилъ каждой минутой и не ѣздилъ за зерномъ. Ѣсть, положимъ, было и некогда, потому что сѣно мокло подъ дождемъ, и рожь поспѣвала,—урвали нѣсколько минутъ,

поѣли постнаго щавелю со старымъ проросшимъ картофелемъ, напились воды—и опять за работу; три дня ѣли щавель. Про хлѣбъ, можетъ быть, и думали, но старались не говорить объ этомъ. Дѣти только соскучились; на вторую же ночь трехлѣтній карапузъ, съ большимъ животомъ, пробудившись отъ сна, вспомнилъ, что ему два дня не давали хлѣба.

— Мама! дайте хлиба!..

— Спы, сынку, спы!—отвѣтила мать.

Но мальчишкѣ, повидимому, не на шутку захотѣлось хлѣба. Проснулся между тѣмъ и второй сынокъ, затѣмъ и третій...

— Мама! дайте хлиба!..

— Спите, дитки, спите!—опять повторила мать.—Спите, а то цыганка въ торбу возьме...

Но этотъ аргументъ оказался ничуть не убѣдительнымъ. Дѣти усѣлись на корточки и въ унисонъ заголосили:

— Хли-и-ба-а! Хли-иба-а!..

— А, смерты на васъ нема, щенята проклятыи!—разсердилась тутъ мать. И, схвативъ «ручныкъ», стала укрощать неугомонныхъ крамольниковъ...

— Хоть бы разъ на васъ смерть пришла, голота несчастная!..

Черезъ минуту дѣти замолкли; тяжело вздохнувъ, успокоилась и мать...

Такова крестьянская жизнь. Сегодня то же, что было вчера, что будетъ завтра, черезъ годъ и въ день смерти: днемъ—тяжелый трудъ, ночью—вздохи о насущномъ хлѣбѣ... Посмотришь—и не разъ подумаешь: зачѣмъ это живетъ человѣкъ?..

Въ семи верстахъ отъ Заболотья, на берегу Западнаго Буга, расположенъ древній посадъ Кодень. Еще издалека на темно-зеленомъ фонѣ полей, садовъ и огородовъ ясно выдѣляется великолѣпная каменная церковь съ высокой колокольней. Вокругъ нея сосредоточены теперь интересы всего мѣстнаго населенія, изъ-за нея этотъ спокойный и живописный уголокъ, съ момента дарованія религіозной свободы, превратился въ военный лагерь двухъ враждующихъ силъ, готовыхъ каждую минуту сняться со своихъ бивуаковъ и вступить въ рукопашный бой: католики и православные, забросивъ свои поля и огороды, уже три года ломаютъ перья, толкаются съ прошеніями по разнымъ министерствамъ, выбиваютъ другъ у друга окна и вызывающе бранятся, оспаривая одинъ у другого права на этотъ храмъ. А онъ, красивый и нарядный, спокойно стоитъ себѣ на краю большой площади, ко всѣмъ одинаково привѣтливый, всѣмъ одинаково доступный...

Когда-то Кодень принадлежалъ роду знатныхъ литовскихъ князей Сапѣгъ, имѣвшихъ здѣсь свой замокъ, остатки котораго

существуютъ и теперь. До половины XVII вѣка Сапѣги были православными и оказывали даже сильное противодѣйствіе уніи. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Сапѣга, построилъ въ Коднѣ нынѣ разобранную за ветхостью Михайловскую церковь «греческаго закону», которую сынъ его Павелъ, въ привилегіи отъ 1500 года, между прочимъ, просилъ «за предки и за отца нашего души Бога молити и за мое и дѣтей здоровье и всѣхъ православныхъ христіанъ просити». Тотъ же Иванъ около 1513 г. построилъ при замкѣ своемъ и красивую каменную церковь Св. Духа, гдѣ былъ и похороненъ. Сохранившаяся въ стѣнѣ надъ хорами каменная плита со славянскими надписями ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что и эта церковь, какъ равно и основатели ея, была «греческаго закону». Впослѣдствіи она была обращена въ уніатскую церковь и къ началу XIX вѣка такъ сильно обветшала, что пришлось ее закрыть. Въ 1898 г. этотъ цѣнный памятникъ старины, представляющій, надо замѣтить, рѣдкостную разновидность готическо-византійскаго стиля, отремонтированъ и вновь обращенъ въ православную церковь.

Спорный Свято-Троицкій храмъ основанъ около 1636 г. Николаемъ Сапѣгой и предназначался, говорятъ, для православной церкви. Случилось, однако, нѣчто неожиданное. Путешествуя по Италіи, строитель похитилъ въ Римѣ изъ папской часовни необыкновенно красивый образъ Гваделупской Божьей Матери и привезъ его въ Кодень для новой церкви. Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ этомъ, проклялъ похитителя и сдѣлалъ надлежащее представленіе польскому королю. Желая смягчить гнѣвъ папы, Николай Сапѣга поѣхалъ въ Римъ, прожилъ тамъ цѣлый годъ... и вернулся католикомъ. Готовый уже къ освященію храмъ онъ велѣлъ перестроить въ костелъ. Стыдясь, однако, обманутаго имъ народа, этотъ вѣроломный вельможа устроилъ себѣ при костелѣ келію, гдѣ въ уединеніи прожилъ около пятнадцати лѣтъ; тамъ и умеръ. Такова исторія этого храма въ освѣщеніи православныхъ; она имѣетъ большую долю вѣроятія, такъ какъ въ церкви ясно замѣтны слѣды передѣлки: фасадъ ея, напримѣръ, первоначально имѣлъ форму креста, а впослѣдствіи были пристроены еще двѣ добавочныя стѣны, надъ которыми, поднимаясь на колокольню, можно видѣть остатки прежней орнаментовки; на колоколахъ, кромѣ того, имѣются славянскія надписи: «Николай Сопига».

Католики толкуютъ иначе: Николай Сапѣга православнымъ никогда не былъ, онъ строилъ костелъ, а не церковь; для этого костела онъ укралъ у папы много разныхъ реликвій, въ томъ числѣ и Гваделупскій образъ, за что, постановленіемъ св. отца, былъ подвергнутъ пожизненному заключенію.

Такъ или иначе, но по волѣ строителя здѣсь былъ костелъ св. Анны, передѣланный въ 1875 г. въ церковь. На это обстоятель-

ство католики и опираются. Православные между тѣмъ не желаютъ разстаться съ этой святыней.

— Если отдадутъ ее католикамъ, мы всѣ перекинемся...

А пока они готовы защищать ее до послѣдней капли крови.

Кодень—единственное, можно сказать, мѣстечко во всей Холмщинѣ, гдѣ православіе и русскій духъ проявили большую устойчивость. Тогда какъ всѣ почти города и посады этого края въ настоящее время совершенно ополячены, начисто ополячены также близлежащіе посады Пищацъ и Славатычи—здѣсь, несмотря на солидную цифру отпавшихъ (до 1000 человѣкъ), русско-православный элементъ значительно преобладаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ преобладающей является и идея русской государственности. Крулевство представляется народу въ образѣ грознаго пана-крѣпостника и угнетателя; въ него никто не вѣритъ. Только отъ Россіи ждетъ онъ избавленія отъ всѣхъ своихъ житейскихъ невзгодъ, только на нее надѣется...

VII.

Такова надбужная часть Бѣльскаго уѣзда; западная же часть его представляетъ рѣзкую противоположность: вокругъ уѣзднаго города Бѣлы, на цѣлые десятки верстъ, Россіи совсѣмъ уже не видно; за неимѣніемъ прихожанъ, упразднены цѣлые приходы, церкви закрыты; русскія школы существуютъ, но посѣщать ихъ некому... Населеніе окончательно порвало связи съ Востокомъ и обращаетъ теперь свои взоры къ Риму и Варшавѣ...

И какъ скоро все дѣлается! Еще такъ недавно народъ не зналъ здѣсь другого языка, кромѣ родного малорусскаго, теперь же его какъ будто вовсе тутъ не существовало... Приказано и сдѣлано. Путается, правда, мужичокъ, никакъ не можетъ освоиться съ новой ролью... Но дѣло все-таки налаживается. И какъ по-дѣтски наивны, однако, эти новоиспеченные граждане новой отчизны! Захожу въ одну хату напиться воды.

— Здравствуйте!

Никто не отвѣтилъ.

— Дайте, добрые люди, напиться водицы!..

— Нéма вóды у насъ!..

Когда я вышелъ на дворъ, за мною сердито захлопнули дверь. Не попалъ въ тонъ. На углу дома значилась между тѣмъ знакомая надпись: «Панасъ Назарукъ»...

Вошелъ въ другой домъ.

— Нéхай бендзе похвалены Іезусъ Христусъ!..

— На вѣки аменъ! Витамы пана!..

Усадили на лавку и напоили водою... Выходя изъ дому, я прочиталъ надъ дверью: «Сергѣй Савчукъ»... Какъ не вспомнить

послѣ этого безхитростной фразы уханскаго мужика: «хто васъ, диты мои, поляками поробывъ?..»

Вполнѣ понятно: въ противовѣсъ Яблочинскому и Дрогичинскимъ монастырямъ, служившимъ крѣпкимъ оплотомъ православія въ восточной части Подляшья, здѣсь, въ городѣ Бѣлѣ, съ давнихъ временъ обосновался прочный центръ уніи и католицизма, оказавшій римскому престолу большую услугу. Такое значеніе Бѣла пріобрѣла благодаря неусыпной дѣятельности владѣльцевъ ея, князей Радзивилловъ, имѣвшихъ здѣсь свою резиденцію. Въ 1628 г. Александръ Радзивиллъ, для полонизаціи подляшскаго юношества, устроилъ здѣсь отдѣленіе краковской академіи. Это училище вначалѣ не имѣло, однако, никакого успѣха, какъ не имѣла успѣха и вновь народившаяся унія. Православное населеніе не любило этихъ новинокъ и, при содѣйствіи казаковъ, не разъ нагоняло страхъ на поляковъ-пановъ и уніатское духовенство. Во время одного такого возмущенія коллегія была разрушена до основанія; но въ 1680 г. она вновь возродилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при участіи тѣхъ же Радзивилловъ, одинъ за другимъ стали открываться здѣсь монастыри: реформатскій, базиліанскій, община іосафатокъ... Все это нарождалось, организовалось и работало не покладая рукъ. Средствъ не разбирали: базиліанскіе монахи не постѣснялись, напримѣръ, напасть въ 1752 г. на Яблочинскій монастырь и учинить тамъ полный погромъ, начиная съ грабежа и кончая избіеніемъ игумена и братіи... «Какая у васъ вѣра, какія у васъ таинства!—кричали въ изступленіи эти жалкіе безумцы.—Вы—схизматики, хуже жидовъ, турковъ и другихъ поганыхъ!..»

При такихъ условіяхъ полонизація Подляшья стала давать результаты. Когда же въ 1705 г. въ Бѣлу привезены были изъ Полоцка мощи уніатскаго мученика Іосафата Кунцевича, дѣло и совсѣмъ наладилось [1]). Никѣмъ не признанный въ коварной Бѣлоруссіи, здѣсь этотъ новоявленный святой пришелся очень даже кстати. Съ большой помпой провезли его по селамъ и деревнямъ Подляшья и торжественно водворили сначала въ каплицѣ Радзивилловскаго замка, а потомъ въ базиліанскомъ монастырѣ. Самъ магнатъ взялъ его подъ свое покровительство и, въ знакъ особаго вниманія, сшилъ ему ризу изъ своего княжескаго кунтуша...

Началось поклоненіе; запылали свѣчи и лампады, неумолчно стало возноситься къ мученику торжественное молитвословіе... Узнали деревни и хлынули въ городъ на смотрины...

---

[1]) Іосафатъ Кунцевичъ былъ уніатскимъ епископомъ въ Витебскѣ. Своими неимовѣрно жестокими притѣсненіями православія онъ вызвалъ справедливое негодованіе горожанъ и былъ ими звѣрски умерщвленъ. Католическая церковь причислила его къ лику «блаженныхъ»; участники же этого самосуда, въ числѣ около ста человѣкъ, были осуждены королевскимъ судомъ на смертную казнь. Многіе изъ нихъ успѣли скрыться, оказавшимся же налицо 20 осужденнымъ были отрублены головы.

— Кто здѣсь? что и какъ?..

— Святой!.. Мученикъ... Схизматики топоромъ зарубили...

И всѣ видѣли какую-то таинственную раку, надъ которой, на большомъ полотнѣ, «намалеванъ» былъ неизвѣстный архіерей съ огромнымъ топоромъ въ головѣ; всѣ слышали о дивныхъ чудесахъ новоявленнаго святого...

Результаты превзошли всѣ ожиданія: во время уничтоженія уніи населеніе западнаго Подляшья фактически оказалось ужъ на сторонѣ поляковъ, а послѣ дарованія всѣхъ свободъ перешло туда и на законномъ основаніи...

Таково историческое прошлое Бѣлы. Она сдѣлала свое дѣло и сошла со сцены. Въ настоящее время—это небольшой и малоизвѣстный уѣздный городокъ. Монастыри закрыты и обращены въ православныя церкви; знаменитая Радзивилловская коллегія давно уже не существуетъ; мощи Кунцевича, привлекавшія въ свое время сотни тысячъ паломниковъ, нынѣ замурованы въ склепѣ собора и едва ли когда-либо увидятъ свѣтъ, хоть католики и сильно мечтаютъ объ этомъ...

Роскошный замокъ Радзивилловъ, по странной ироніи судьбы, прошелъ такія мытарства, о которыхъ благородные основатели его никогда, пожалуй и не помышляли: перешедшій сначала во владѣніе князей Гогенлоэ, впослѣдствіи онъ служилъ тюрьмою, пожарной каланчой, горѣлъ, а теперь, въ числѣ большинства имѣній Привислинскаго края, находится во владѣніи еврейской компаніи. Насмѣшка судьбы! Всѣмъ извѣстна, напримѣръ, непримиримая вражда этихъ магнатовъ ко всему еврейскому племени. И вдругъ по роскошнымъ дорожкамъ парка, утоптаннымъ княжескими стопами, нынѣ шлепаютъ ненавистныя еврейскія туфли; въ стѣнахъ полуразрушеннаго замка, гдѣ блуждаютъ еще молчаливыя тѣни былой роскоши и тщеславія, новые владѣльцы устраиваютъ теперь свои незатѣйливыя кучки... Таковы причуды неумолимаго рока...

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Бѣлы находится Лѣснинскій женскій православный монастырь. Юные деревенскіе пастушки,—говоритъ народная легенда,—находясь со своими стадами въ дремучемъ лѣсу, увидѣли тамъ на грушѣ необыкновенно красивый образъ Божіей Матери, сняли его и принесли въ церковь. Потомъ образъ попалъ въ руки католиковъ, которые надъ исторической грушей выстроили для него костелъ, а впослѣдствіи открыли здѣсь и огромный монастырь Паулиновъ. Въ 1863 году, за активное участіе въ послѣднемъ польскомъ возстаніи, онъ былъ закрытъ и впослѣдствіи переименованъ въ православную женскую обитель.

Еще далеко, а надъ лѣсомъ виднѣются уже красивые купола соборнаго храма, слышится звонъ... Пахнуло родиной... И гдѣ?..

Сейчасъ только прошелъ огромное село Витулинъ, гдѣ старинная православная церковь закрыта навѣки, закрыта и школа... Цѣлыхъ три дня скитаюсь за границей и нигдѣ не вижу землякозъ... И вдругъ, въ царствѣ враждующихъ иноземцевъ, услышалъ знакомые мотивы... Туда, туда, къ родному уголочку, каковъ бы онъ ни былъ!.. Ибо на чужбинѣ

«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ...»

Я попалъ въ монастырь къ вечернѣ. Великолѣпіе храма, таинственный полумракъ наступающей ночи, стройные женскіе голоса; раздирающіе вопли будничной жизни остались гдѣ-то позади, ихъ и не слыхать... Пріятно иногда укрыться на минуту въ такомъ укромномъ уголкѣ и отдохнуть душою...

Въ алтарѣ огромнаго семиглаваго собора—всѣхъ церквей въ монастырѣ около шести—на вѣтвяхъ груши помѣщена явленная икона. Для богомольцевъ въ заалтарную часть проведена крытая галерея; они ползутъ сюда на колѣняхъ и у подножія иконы творятъ свои молитвы. Здѣсь я обратилъ, между прочимъ, вниманіе на толстую сосновую подпорку кіота, всю изгрызенную зубами... «Подпорку грызутъ!—заявила сопровождавшая меня сестра.—Мы имъ не разъ говорили, что это не груша, а они все-таки грызутъ ее, какъ зайцы... Отъ недуговъ спасаются... А это видите?—продолжала монахиня. И она показала мнѣ нѣсколько измочаленныхъ веревокъ съ замысловатыми узлами.—Стали портить шнуры, на которыхъ укрѣплена икона: обвязываютъ себѣ головы, рѣжутъ по кускамъ, завязываютъ петли и узлы... Мы и повѣсили имъ эти веревки,—пусть себѣ тѣшатся... Темнота, вѣдь, непроглядная!..»

Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго: какъ не грызть имъ сосноваго бревна, какъ не мочалить веревокъ, когда нигдѣ нѣтъ избавленія отъ окружающихъ условій жизни?.. Обездоленные, немощные, идутъ они сюда за сотни верстъ, ибо тутъ по чудесной грушѣ спустилось на землю всемогущее божество, ко всѣмъ одинаково милостивое, всѣмъ одинаково доступное...

Возлѣ соборнаго храма находится небольшая часовня, въ которой имѣется колодезь съ необыкновенно чистой и вкусной ключевой водою, образовавшійся, говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла груша. Народъ приписываетъ этой водѣ цѣлебную силу.

Главная особенность Лѣснинскаго монастыря, отличающая его отъ цѣлаго ряда подобныхъ ему учрежденій, состоитъ въ томъ, что, питаясь на средства народа, онъ даетъ и ему посильную лепту. При монастырѣ имѣются пріютъ и нѣсколько училищъ, гдѣ около трехсотъ дѣвочекъ—преимущественно крестьянскія сироты—воспитываются и обучаются на средства монастыря. Въ одной комнатѣ огромнаго монастырскаго общежитія вы видите десятка

два ползуновъ, въ другой—подростковъ, въ третьей—дѣтей школьнаго возраста. Личики у всѣхъ свѣженькія, одежда чистая,—содержатся, повидимому, недурно.

Въ училищахъ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, изучается еще садоводство, огородничество, сыровареніе и другія отрасли сельскаго хозяйства. Болѣе даровитыя ученицы поступаютъ въ спеціальную церковно-учительскую школу, откуда выходятъ народными учительницами. Всѣ получаютъ здѣсь то или иное начало, съ которымъ идутъ въ народъ.

При монастырѣ имѣются своя больница, пріемный покой для приходящихъ больныхъ, богатѣйшая аптека съ лабораторіей, гостиница, бани, купальни, образцовые сады и огороды... Все это оборудовано великолѣпно; на всемъ видна печать труда и умѣнія.

Но при всемъ томъ этотъ монастырь далеко не оправдываетъ тѣхъ средствъ, какія на него расходуются. Въ распоряженіи его, кромѣ прекрасной монастырской усадьбы, имѣется, напримѣръ, три имѣнія; казна ежегодно отпускаетъ больше тридцати тысячъ субсидіи и, кромѣ того, періодически выплачиваетъ еще долги монастыря; частныя лица тоже жертвуютъ ему большія суммы. Если прибавить сюда еще обычный доходъ съ богомольцевъ и взносы за платныхъ воспитанницъ (послѣднихъ, положимъ, немного), то получатся въ общемъ такія колоссальныя суммы, которыхъ хватило бы, пожалуй, на содержаніе и обученіе крестьянъ цѣлаго уѣзда. Всѣ онѣ между тѣмъ идутъ на потребу одной обители, въ которой, кромѣ трехсотъ воспитанницъ, живутъ еще четыреста человѣкъ монахинь и разнаго служилаго люда.

Онъ могъ бы оправдать свое существованіе лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось завести духовную связь съ окрестнымъ населеніемъ; для этой цѣли онъ былъ здѣсь и основанъ. Но эта задача, какъ видно, оказалась ему не по силамъ. Онъ принимаетъ, правда, въ своихъ стѣнахъ десятки тысячъ паломниковъ, но всѣ они—народъ пріѣзжій: изъ Холмщины, Бѣлоруссіи, Волыни; оттуда же получаетъ монастырь и своихъ воспитанницъ. На окрестное же населеніе онъ никакого вліянія не имѣетъ; напротивъ, присутствіе здѣсь такого сильнаго религіознаго центра лишь усиливаетъ въ ополяченномъ народѣ религіозно-патріотическія страсти; озлобленіе его противъ православной обители такъ велико, что онъ не оказываетъ никакого гостепріимства русскимъ паломникамъ, направляющимся туда часто изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; озлобленіе окрестнаго населенія, скажу больше, такъ велико, что оно держитъ подъ терроромъ этотъ чуть ли не единственный во всемъ западномъ Подляшьи русскій оазисъ.

— Насъ хотятъ прогнать, насъ собираются уничтожить!—вотъ злободневные мотивы обитательницъ Лѣснинскаго монастыря.

— Мы ложимся спать и встаемъ съ постоянной мыслью о томъ, что надъ нашимъ домомъ виситъ тяжелая драма, которая всякую минуту можетъ на насъ обрушиться...

У страха, положимъ, глаза велики, а у пугливой женщины и подавно; но заявленіе это во всякомъ случаѣ вѣрно опредѣляетъ настроеніе окружающей народной массы.

Желая прорѣзать всю Сѣдлецкую губернію, я изъ Лѣсны отправился на сѣверъ къ Малкину—конечной точкѣ Подляшья. Первое по пути село Носовъ. По какой-то счастливой случайности здѣсь уцѣлѣло около половины общаго населенія; уцѣлѣвшіе держатся, повидимому, очень стойко. Тѣ же заявленія о народившейся «нечистотѣ», тѣ же надежды на думу, которая дастъ народу землицы и, вдобавокъ, успокоитъ не въ мѣру разбушевавшіяся здѣсь религіозно-національныя страсти.

Совсѣмъ другую картину представляетъ слѣдующее село, Корница. Когда я вошелъ туда, глазамъ моимъ представилось такое зрѣлище, какое можно видѣть только въ католической странѣ. Всѣ дома были убраны вѣнками изъ зелени и живыхъ цвѣтовъ, въ окнахъ красовались иконы. И старъ, и младъ, въ праздничныхъ одеждахъ, торопливо тянулись къ центру села. Канунъ большого католическаго праздника.

Село большое — около семи верстъ въ длину; по сторонамъ улицы—красивая вязовая аллея. Всѣ спѣшили, привѣтствовали другъ друга и торопливо направлялись къ центру, гдѣ, разубранный гирляндами, цвѣтами и иконами, возвышался обыкновенный крестьянскій сарай съ покатой соломенной крышей. Тутъ толпилась уже добрая половина села.

— Kòсцелъ нашъ!—отвѣтили на мой вопросъ. И дѣйствительно, вскорѣ изъ сарая стали доноситься пріятные звуки органа и стройные женскіе голоса. Послѣ апрѣльскаго манифеста все село перешло въ католичество и первымъ дѣломъ стало воздвигать себѣ огромный каменный костелъ, а пока приспособило для этой цѣли простой сарай.

Дорого обходится имъ этотъ новый культъ: на постройку костела они израсходовали уже по рублю съ морга и пока вывели лишь аршина четыре стѣнъ; предстоитъ, слѣдовательно, еще много расходовъ; содержаніе ксендза, не получающаго пока отъ казны никакого жалованья, обходится имъ по 15 копеекъ въ мѣсяцъ съ каждой души, кромѣ платы за требы и разныхъ поборовъ сельско-хозяйственными продуктами... Зарѣзъ! Но никто не ропщетъ,—напротивъ, всѣ очень рады, что дождутся, наконецъ, своего костела. «У насъ kòсцелъ бѐндзе!» заявляютъ всѣ,—и рады; стонутъ отъ непосильныхъ налоговъ, а радуются, какъ дѣти...

Неподалеку отъ строящагося костела ютится ветхая деревянная церковь. Всѣми покинутая, всѣми забытая, укрылась она въ тѣни вѣковыхъ вязовъ, пригорюнилась и оплакиваетъ свою горькую долю... Я указалъ на нее... «Тамъ,—говорю,—ваши батьки пoхованы...» Посмотрѣли и рукой махнули... «Насъ прогнали оттуда...» Такъ заявляютъ и съ любовью обращаютъ взоры къ новому своему дѣтищу... «Это мѣсто обрызгано нашей кровью,—мы и выбрали его подъ новый алтарь... А оттуда насъ прогнали...»

Они находятся еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой эпопеи, начавшейся здѣсь въ 1875 году и продолжавшейся вплоть до объявленія религіозной свободы. Корницкій приходъ, въ числѣ многихъ другихъ, обнаружилъ сильную привязанность къ уніи и предложеніе о возсоединеніи съ православіемъ отвергъ категорически. Цѣлую недѣлю толпился народъ у церкви, не допуская туда православныхъ реформаторовъ. Нагрянули казаки—и началось это пресловутое возсоединеніе. «Нагàями катовàли òни кленчѐнцы нàродъ» и пробрались-таки въ церковь...

Когда же въ православный храмъ никто не пошелъ, въ село нагнали солдатъ. Размѣстились они въ крестьянскихъ хатахъ, рѣзали и ѣли ихъ скотъ и хлѣбъ, отбирали новорожденныхъ дѣтей и насильно крестили въ церкви, — и всячески издѣвались надъ мирными поселянами... Кромѣ того, часто наѣзжали сюда изъ Янова начальникъ уѣзда или представитель земской стражи. Тѣ допускали еще большія насилія. Зазовутъ къ себѣ перваго попавшагося мужика. «Пойдешь въ церковь?» — «Нѣтъ!» — «Всыпать ему!..» Раскладывали и били... «Выпендзали бòсо на снѣгъ и тамъ катовали...» Цѣлыхъ два мѣсяца продолжалась эта экзекуція, не имѣвшая, однако, никакого успѣха...

Такимъ-то образомъ отгоняла администрація отъ церкви корницкихъ крестьянъ, такъ же отгоняла она отъ нея и прочее населеніе Холмско-Подляшскаго края...

И эта политика принужденія неуклонно примѣнялась тамъ къ упорствующимъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ; цѣлыхъ тридцать лѣтъ значительная часть населенія находилась, можно сказать, внѣ всякой защиты закона. И въ самомъ дѣлѣ,—калакута могъ обидѣть всякій, кто только хотѣлъ: его безнаказанно поносилъ священникъ, произвольно наказывала администрація; бракъ его считался незаконнымъ, дѣти отъ такого брака отцовской фамиліи не носили и правъ отъ него никакихъ не получали, не исключая и правъ наслѣдованія; такія дѣти не принимались даже въ учебныя заведенія (кромѣ народныхъ школъ), такъ какъ считались некрещенными; къ отправленію общественныхъ должностей калакутъ допускался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, ибо считался ненадежнымъ элементомъ... Цѣлыхъ тридцать лѣтъ значительная часть чисто русской народности края находилась въ опалѣ у сво-

ихъ же соотечественниковъ за то лишь, что, проходя свой тернистый путь, утратила нѣкоторую долю религіозно-національнаго самосознанія, нѣкоторую долю своего природнаго облика...

VIII.

Въ Корницѣ, несмотря на такой религіозный энтузіазмъ народа, замѣтны все-таки нѣкоторые пережитки былого. Принявъ католичество и приспособившись до нѣкоторой степени къ польскому языку, населеніе не успѣло, однако, промѣнять свой національный «сукманъ» на «сыню латку» польскаго мазура; въ школѣ можно еще найти здѣсь двухъ-трехъ мальчугановъ; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ пока раздается еще православный звонъ; десятокъ уцѣлѣвшихъ поселянъ хоть украдкой посѣщаютъ свою родную «церковку»; по улицѣ пройдется иногда православный попъ, провожаемый насмѣшливыми эпитетами деревенской молодежи... Русь!.. Маленькая, больная—еле дышитъ, а все-таки живетъ до поры до времени...

Дальнѣйшія же по пути моего слѣдованія села и деревни окончательно утратили уже свой прежній обликъ. Шпаки, Грушевъ, Горки, Остролинчинъ, Чуховъ, Токары, вплоть до Дрогичина—чисто польскія поселенія: церквей нѣтъ, а костелы; школы закрыты; одежда, упряжь, архитектура, языкъ—не русскіе; Руси не видать,—она ушла отсюда безвозвратно... Не представляетъ, какъ оказывается, исключенія и существующее тутъ же село Руссковъ. Когда я подходилъ къ нему, то, признаться, утѣшалъ себя нѣкоторыми надеждами... «Руссковъ» вѣдь! Но какъ велико было потомъ мое разочарованіе! Этотъ «Руссковъ» оказался просто досаднымъ миражомъ въ безводной пустынѣ, онъ оказался ядовитой ироніей... «У насъ кóсцелъ будўё!..» Такими словами встрѣтили меня мѣстные поселяне, такими же и проводили. И дѣйствительно, взамѣнъ стараго костела, оказавшагося тѣсноватымъ, они воздвигаютъ себѣ новый, великолѣпный и просторный. Русская школа находится подъ самымъ усиленнымъ бойкотомъ,— взамѣнъ ея, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ школа «Матицы»...

Подхожу къ Дрогичину. Еще далеко—города совсѣмъ не видать, но на ясномъ горизонтѣ голубого неба уже нѣсколько часовъ виднѣются три грозныхъ гиганта. Какъ страшныя чудовища, вползли они нѣсколько вѣковъ назадъ на прибрежныя горы Западнаго Буга и глядятъ оттуда своими ненасытными очами въ самую глубь страны... Все уже высмотрѣли, все прибрали, а пресытившись своими жертвами, и сами погибли; но страшные скелеты ихъ и теперь продолжаютъ обозрѣвать горизонтъ, точно

наблюдають, все ли взято, нельзя ли еще чѣмъ-нибудь поживиться...

Дрогичинъ—городъ тѣней и скелетовъ. Отъ начала своего существованія и до нашихъ дней—цѣлую тысячу лѣтъ—онъ видитъ въ своихъ стѣнахъ вражду и насиліе, смерть и разрушеніе.

Начало его возносится къ временамъ Владимира Святого и Ярослава Мудраго, которые, покоривъ полудикое племя ятвяговъ, утвердили здѣсь свое владычество. Въ 1193 году Дрогичинъ переходитъ въ руки поляковъ, потомъ литовцевъ. Но въ 1255 году мы опять видимъ его во владѣніи русскаго князя Даніила Романовича, который, построивъ здѣсь нѣсколько православныхъ церквей и замокъ надъ Бугомъ, короновался тутъ же на князя Галицкаго. Около того же времени въ Дрогичинѣ были открыты два монастыря: Преображенскій и Троицкій, служившіе впослѣдствіи сильнымъ оплотомъ православія и русской гражданственности въ сѣверномъ Подляшьи. Дальнѣйшая судьба этого города незавидна: въ 1383 году онъ былъ разрушенъ до основанія королемъ Ягелло, въ 1567 году—шведами, потомъ—русскими, нѣсколько разъ сгоралъ до тла, опустошался моровой язвой и холерой...

Со времени присоединенія Дрогичина къ польско-литовской коронѣ постепенно сталъ мѣняться и духовный обликъ этого чисто русскаго города. Въ 1409 на дрогичинскихъ высотахъ выросъ первый гигантъ—францисканскій монастырь, затѣмъ второй—іезуитскій, потомъ и женскій бенедиктинскій; при іезуитскомъ монастырѣ впослѣдствіи открыта была іезуитская школа. Вползли эти гиганты на дѣвственныя горы Дрогичина и начали обозрѣвать горизонтъ... Работы—уголь непочатый... О родѣ дѣятельности ихъ мы не станемъ распространяться; но для характеристики мнѣ хочется привести одну маленькую страничку изъ скорбной лѣтописи мѣстныхъ православныхъ монастырей, служившихъ для нарождавшихся уніи и католицизма бѣльмомъ на глазу. Въ 1715 году воспитанники іезуитской коллегіи поймали монастырскаго старца Герасима Сосновскаго и, надѣвъ ему цѣпь на шею, таскали по улицамъ города, а, надругавшись, бороду ножомъ обрѣзали; въ 1717 году они напали на похоронную процессію православныхъ, отбили покойника и бросили его въ тинистый ровъ; въ 1732 году, во время крещенскаго водосвятія, тѣ же іезуитскіе школяры бросили въ воду дохлую собаку, а въ праздникъ Успенія въ освященную воду набросали человѣческаго помета; въ 1742 году они опять напали на православную процессію, отняли хоругвь, изломали крестъ; хоругвь цѣлый день лежала на площади, школьники кололи ее ножами, топтали ногами, бросали на нее конскій пометъ и приговаривали: «чего ради, схизматицкій Боже, не мстишь обиды своей?...»

Прошло много вѣковъ; отъ величественныхъ гигантовъ остались одни жалкіе скелеты; но дѣло сдѣлано. По оголеннымъ горамъ и мрачнымъ ущельямъ, на мертвомъ пепелищѣ, блуждаютъ теперь тѣни Владимира и Даніила, оплакивая свою дорогую вотчину...

Въ настоящее время Дрогичинъ—ничтожный заштатный городокъ Гродненской губерніи. Населеніе живетъ бѣдно, такъ какъ на песчаныхъ горахъ Буга ничто не растетъ, торговля пала, фабрикъ и заводовъ совсѣмъ нѣтъ.

Послѣ апрѣльскаго манифеста всѣ почти перешли въ католичество; уцѣлѣвшихъ очень мало. Новоиспеченные католики, какъ и вездѣ, къ православнымъ относятся очень враждебно и время отъ времени напоминаютъ имъ о своихъ чувствахъ: въ пасхальную, напримѣръ, ночь прошлаго года на польской сторонѣ города [1]) дорожку, ведущую въ церковь, кто-то сплошь усѣялъ человѣческими испражненіями и въ домѣ священника выбилъ окна... Примѣръ іезуитскихъ школяровъ, какъ оказывается, нашелъ себѣ достойныхъ подражателей. До чего, подумаешь, доводитъ темнаго человѣка религія, утратившая основную догму свою—любовь и уваженіе къ ближнему!..

Памятниковъ русской старины въ Дрогичинѣ уцѣлѣло очень немного. Отъ великолѣпныхъ церквей Даніила теперь и слѣдовъ не осталось. На мѣстѣ Троицкаго монастыря, сгорѣвшаго еще въ началѣ прошлаго столѣтія, теперь существуетъ лишь ветхая часовня; послѣдніе остатки другого монастыря смыты, говорятъ, Бугомъ и теперь лежатъ гдѣ-то на днѣ рѣки; такимъ же образомъ будетъ вскорѣ уничтожена и красивая Замковая гора, на которой, по преданію, возвышался когда-то дворецъ Даніила: половина этой горы уже обрушилась въ Бугъ, остальная же часть ея пока упорно отстаиваетъ свое существованіе.

Небезынтересна участь католическихъ монастырей. Францисканскій орденъ закрытъ русскимъ правительствомъ въ 1830 году, и зданія его, къ стыду нашей администраціи, долгое время служили солдатской казармой; въ послѣднее же время тамъ открыта православная женская община и церковно-приходская школа. Около того же времени закрытъ былъ и іезуитскій монастырь, а существовавшая при немъ коллегія преобразована въ дворянское четырехклассное училище, въ свою очередь закрытое во время послѣдняго польскаго мятежа. Въ 1863 году упраздненъ и бенедиктинскій женскій монастырь, отъ котораго въ настоящее время

---

[1]) Первоначально Дрогичинъ расположенъ былъ на правомъ берегу Буга впослѣдствіи рѣка измѣнила свое русло и разорвала городъ на двѣ части: въ Гродненской губерніи русская сторона, въ Сѣдлецкой—польская. Польская сторона именуется обыкновенно Бужисками.

остался лишь корпусъ костела; примыкавшія же къ нему жилыя помѣщенія монастыря, въ томъ числѣ и кельи монашенокъ, уже совершенно обрушились, схоронивъ въ своихъ руинахъ всѣ слѣды былой жизни.

Въ семи верстахъ отъ Дрогичина, на крутомъ берегу Буга, расположенъ Вировскій женскій монастырь. Этотъ единственный во всемъ сѣверномъ Подляшьи православно-русскій оазисъ зародился тутъ съ миссіонерской цѣлью въ девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Но здѣсь онъ оказался послѣдней ставкой умирающаго православія, послѣднимъ вздохомъ его... О степени духовной связи Вирова съ окружающимъ его населеніемъ можно судить хотя бы изъ того, что для охраны его мѣстная администрація до самаго послѣдняго времени держала въ немъ роту солдатъ, а теперь тамъ сидитъ нарядъ стражниковъ и жандармскій унтеръ-офицеръ. Домъ Божій, домъ молитвы превратился такимъ образомъ въ охранное отдѣленіе. Мнѣ лично довелось испытать результаты этого удивительнаго превращенія. Прибывъ въ канцелярію монастыря, я разъяснилъ цѣль моего путешествія и предъявилъ свои документы. Игуменья, сказавшаяся больной, велѣла передать мнѣ, что для ознакомленія съ бытомъ обители она пришлетъ мнѣ довѣренное лицо, а пока проситъ откушать хлѣба-соли въ монастырской гостиницѣ. Не успѣли однако подать мнѣ этого хлѣба, какъ отворилась дверь моего номера, и на порогѣ показалось два стражника съ револьверами и жандармъ съ винтовкой...

— Мы должны васъ обыскать!..

Обыскали.

— А теперь мы васъ арестуемъ...

— На какомъ основаніи?—попробовалъ я возразить.— При обыскѣ вѣдь ничего не нашли и, кромѣ того, вамъ же извѣстна цѣль моего путешествія...

Но никакихъ научныхъ цѣлей они, оказывается, и знать не знаютъ; имъ извѣстно лишь, что монастырь день ото дня ждетъ нападенія со стороны католиковъ, не разъ уже подсылавшихъ сюда своихъ соглядатаевъ, что монашенки и матушка въ страхѣ, и потому шляться здѣсь кому бы то ни было они отнюдь не дозволятъ... Усадили меня на монастырскую телѣгу и подъ вооруженной охраной повезли въ уѣздный городъ Соколовъ, отстоящій отъ Вирова въ 25 верстахъ. Когда меня выводили, весь монастырь высыпалъ на дворъ поглядѣть на страшнаго туриста-преступника.

Уѣздная администрація, въ лицѣ начальника земской стражи, заявила мнѣ, что ни паспортъ, ни прочіе документы личности

моей не удостовѣряютъ, такъ какъ въ настоящее время ихъ очень легко украсть, отобрать или въ лучшемъ случаѣ поддѣлать, и что впредь до выясненія моей личности я буду находиться подъ арестомъ. Полицейскій начальникъ, какъ я потомъ узналъ, ничуть не сомнѣвался въ легальности этихъ документовъ, но разъ актъ насилія учиненъ, онъ желалъ поддержать престижъ своихъ стражниковъ и потому измышлялъ разные благовидные предлоги для моего ареста; онъ нашелъ даже нужнымъ вскрыть мой фотографическій аппаратъ, думая, вѣроятно, найти тамъ бомбы или прокламаціи. Такъ или иначе, но подъ усиленнымъ конвоемъ я отведенъ былъ въ городской магистратъ, откуда около трехъ часовъ ночи былъ все-таки выпущенъ на всѣ четыре стороны.

Этимъ закончились мои путешествія. Свободнаго времени у меня оставалось очень мало, неожиданный арестъ загналъ меня слишкомъ далеко отъ намѣченнаго пути, и потому изъ Соколова я отправился домой. Мнѣ не удалось такимъ образомъ ознакомиться ни съ Вировскимъ монастыремъ, ни съ сѣверной частью Соколовскаго уѣзда. Но я отъ этого ничего не потерялъ, такъ какъ знаю эти мѣста по прежнимъ наблюденіямъ. Вировская обитель по внутренней своей организаціи представляетъ точную миніатюру Лѣсны, по духовной же связи съ окружающимъ населеніемъ она далеко не оправдала своего назначенія. Питаясь исключительно на средства казны, Вировъ существуетъ только для Вирова. Иначе и быть не могло. Соколовскій уѣздъ давно уже отмежевался отъ русскихъ областей края и въ настоящее время ничѣмъ почти не отличается отъ любого уѣзда коренной Польши. Изъ 9 православныхъ приходовъ два уже совершенно упразднены за ненадобностью; остающіяся же семь церквей влачатъ самое жалкое существованіе: въ Бужискахъ, напримѣръ, осталось всего 175 прихожанъ, въ Ротовѣ—40, въ Шкопахъ—2 семейства, въ Гродискѣ и Серочинѣ—по одному, въ Соколовѣ—ни живой души, исключая чиновниковъ и т. д. По пальцамъ перечтешь... Не лучше дѣло обстоитъ и съ вопросомъ національнымъ: этотъ уѣздъ чуть ли не первый отозвался на горячій призывъ польскихъ шовинистовъ, чуть ли не первый наложилъ запретъ на всѣ русскія школы, а на знамени своемъ начерталъ излюбленный девизъ поляковъ: «Еще Польща не згинела..»

На этомъ я заканчиваю свои очерки. Въ нихъ, по мѣрѣ моихъ силъ, я обрисовалъ дѣйствительный бытъ холмско-подляшскаго народа. Написанная мною картина не лишена, можетъ быть, многихъ недостатковъ, но она правдива и безпристрастна,—съ этой стороны упрековъ никто мнѣ сдѣлать не можетъ.

Остается коснуться еще двухъ важныхъ вопросовъ мѣстнаго характера: вопроса польской автономіи и выдѣленія Холмско-Под-

ляшскаго края. Рѣшать ихъ, конечно, я не намѣренъ, но я въ правѣ высказать по этому поводу какъ свои личныя соображенія, такъ и мнѣнія тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось мнѣ сталкиваться. Первый изъ этихъ вопросовъ, съ которымъ такъ усердно нянчатся «отцы» польскаго народа, не имѣетъ, какъ оказывается, достаточной поддержки въ низахъ даже чисто польскаго общества, не говоря уже о русскомъ населеніи. Нафанатизированная католическая чернь бойкотируетъ, правда, русскія школы и языкъ; но она дѣлаетъ все это по заказу, безсознательно,—не какъ созрѣвшіе граждане, а какъ покорные сыны костела, который хочетъ завоевать весь міръ.

— Вы хотѣли бы имѣть автономію?—обратился я въ одномъ мѣстѣ къ толпѣ, собравшейся послѣ богослуженія у ксендзовскаго дома.

— Хцо, вшистке хцо!—отвѣтилъ за нихъ ксендзъ.

— Хцемы!—послышалось въ толпѣ.

Когда же съ нѣкоторыми изъ нихъ я сталъ бесѣдовать на эту тему наединѣ, то узналъ лишь, что кому-то тамъ явилась «Матка Боска», что гдѣ-то на распятіи выступила кровь, что «цесажъ» зачѣмъ-то ѣздилъ въ Римъ, что Костюшко живъ и идетъ брать Варшаву, а паны хотятъ ввести панщину... Все сбилось въ кучу, смѣшалось такъ, что и разобраться трудно. Таково политическое міросозерцаніе безсознательныхъ народныхъ массъ: Польша, такъ Польша—имъ все равно,—лишь бы въ странѣ побольше было костеловъ, лишь бы побольше тамъ было чудесъ...

Болѣе же сознательный элементъ давно ужъ пересталъ вѣрить въ Польшу.

— При нашей темнотѣ и бѣдности трудно будетъ намъ бороться съ панами!.. Да и что дала она намъ?

Они правы. Польша не была демократическимъ государствомъ даже въ періодъ полнаго своего расцвѣта; въ эпоху же упадка разнузданная шляхта безпомощнаго мужика даже человѣкомъ не считала.

Результаты извѣстны. Можно ли найти, напримѣръ, что-либо бѣднѣе бѣлорусской деревни? Между тѣмъ этотъ край нѣсколько вѣковъ находился подъ властью Польши. Бѣдна и Холмщина; недалеко ушелъ отъ нихъ и коренной полякъ: одѣвъ свою «сынюлатку», онъ ничуть не сталъ паномъ, такъ какъ при тяжеломъ трудѣ питается однимъ картофелемъ...

Можно ли опять найти кого-либо темнѣе того же бѣлорусса или обывателя Холмщины? Грубѣйшія суевѣрія, цѣлованіе съ полономъ панской ручки, полное отсутствіе сознанія, полное отсутствіе личной воли... И коренной польскій «хлопъ» въ своемъ развитіи дальше «кантычки» не пошелъ...

Гдѣ та высокая культура, о которой говорятъ такъ много? одзь создали нѣмецъ и еврей; они же забрали въ свои руки

всѣ богатства и закрѣпостили всѣ производительныя силы края. Панъ же все время только пановалъ; онъ изобрѣлъ лишь краковскій хомутъ, жупанъ и конфедератку, онъ же настроилъ себѣ богатыхъ палацовъ, развелъ красивые сады и парки... Все для себя, все для того, чтобы съ шикомъ пановать... Результаты извѣстны. Панская культура мужику ничего не дала: бѣлорусскій крестьянинъ не могъ, напримѣръ, пока ничего выдумать, кромѣ лаптя, холщевой свитки и куриной избушки.

Таковы результаты прошлаго. Но и будущее уже можно предвидѣть: всѣмъ извѣстно, напримѣръ, во что превратитъ баронъ Роппъ весь Западный край въ послѣдніе два-три года,—онъ превратилъ его въ сплошную процессію, онъ превратилъ его въ лагерь крестоносцевъ, въ военное поле... То же сдѣлали соратники барона съ многострадальной Холмщиной... Всѣмъ извѣстно также, какъ уклонялось «польское коло» въ думѣ отъ разсмотрѣнія земельнаго вопроса. «Нашъ край на особомъ положеніи,—дайте намъ сеймъ, тогда мы у себя дома съ мужичками и потолкуемъ!...»

Таковы «благодѣтели» польскаго народа: одинъ гипнотизируетъ мужика священными факелами, а другой—сладкозвучными рѣчами. А что будутъ говорить и дѣлать эти самозванные отцы возрождающейся Польши, когда сойдутъ съ открытаго поля и укроются за ширмы родного сейма? Можно предвидѣть...

Обратимся теперь ко второму вопросу. Положеніе русскаго населенія Холмщины и въ данный моментъ можно назвать трагическимъ; въ автономной же Польшѣ это многострадальное племя и совсѣмъ будетъ задавлено, такъ какъ католическая Польша никогда не откажется отъ своей завѣтной мечты обратить этотъ край съ прилегающими къ нему Бѣлоруссіей и Малороссіей въ свой этнографическій матеріалъ. Нужно было бы поэтому прійти къ нему на помощь. Но при всемъ томъ проектъ выдѣленія этого края едва ли можно назвать удачнымъ. Гдѣ найти, напримѣръ, границы Холмщины? Принять границы этнографическія, т. е. выдѣлить двѣ губерніи цѣликомъ,—невозможно, такъ какъ населеніе западныхъ уѣздовъ такъ уже ополячено, что окончательно утратило свою прежнюю физіономію. Оторвать насильственнымъ путемъ эти уѣзды отъ коренной Польши — значитъ поднять скандалъ на всю Европу. Выдѣлить цѣликомъ восточныя части этихъ губерній опять-таки трудно, такъ какъ чисто русскихъ уѣздовъ тамъ совсѣмъ теперь нѣтъ, и всего лишь три уѣзда съ преобладающимъ православнымъ населеніемъ: Томашовскій, Грубешовскій и Холмскій. Собрать же въ одно цѣлое разбросанный русскій элементъ очень трудно.

Это первая задача. Но подобныхъ задачъ всплыветъ еще немало. Въ какую, напримѣръ, административную единицу должна обратиться православная Холмщина? Съ Россіей ее связываютъ

религія и нѣкоторое племенное родство, съ Польшой же—кодексъ Наполеона и весь гражданскій укладъ, начиная съ порядка землевладѣнія и кончая всесословной гминой. Къ этому укладу народъ такъ привыкъ, что едва ли захочетъ вступить въ кругъ дѣйствія общеимперскихъ законовъ.

Какъ рѣшить эти задачи? Помочь народу между тѣмъ надо. Для начала, я полагаю, достаточно будетъ широкаго просвѣщенія этого народа и освобожденія его отъ экономической и полицейско-административной неволи. А тамъ виднѣе будетъ.

Петръ Кореневскій.

САМОЗВАННЫЙ ИМПЕРАТОРЪ МАДАГАСКАРСКІЙ.

(М. А. Беньовскій).

Среди многочисленныхъ авантюристовъ XVIII вѣка особенную извѣстность пріобрѣлъ Морицъ Беньовскій, безъ права на то повидимому, именовавшій себя сначала барономъ, а позднѣе графомъ.

Легенду о своихъ необычайныхъ подвигахъ и колонизаторско-военныхъ похожденіяхъ Беньовскій сумѣлъ пустить еще при своей жизни, напечатавъ двухтомные мемуары, которые появились въ свѣтъ подъ редакціею Гіацинта де-Магеллана, извѣстнаго по астрономической перепискѣ съ европейскими учеными конца XVIII в. Въ этомъ случаѣ преслѣдовалась двоякая цѣль: владѣя французскимъ языкомъ далеко не въ совершенствѣ, что подтверждается сохранившимися въ архивахъ донесеніями его изъ Мадагаскара французскому правительству, Беньовскій, чтобы выправить свою рукопись [1]), долженъ былъ обратиться къ чужой помощи. Содѣйствіе Магеллана пришлось авантюристу тѣмъ болѣе кстати, что французскій астрономъ имѣлъ нѣкоторую извѣстность въ ученомъ мірѣ, такъ что мемуары, выходя подъ его редакціею, имъ какъ бы рекомендовались и могли чрезъ это разсчитывать на болѣе широкій сбытъ. Расчетъ Беньовскаго оправдался, и его записки, появившіяся первоначально на англійскомъ языкѣ, были вскорѣ переведены на французскій и

---

[1]) Окончательная редакція напечатанныхъ Беньовскимъ записокъ существенно отличается отъ первоначальнаго ихъ текста, сохранившагося въ колоніальномъ французскомъ архивѣ подъ заголовкомъ «Manuscrit de mr-Chevillart».

нѣмецкій и долгое время принимались на вѣру, по той причинѣ, что Японія, Формоза, Курильскіе и Алеутскіе острова являлись для европейцевъ почти совершенной terra incognita.

Поэтому Беньовскій могъ безнаказанно переплетать дѣйствительность съ досужими вымыслами, расписывая небылицы о жемчужныхъ островахъ, золотоносныхъ мысахъ и проч. проч. Дѣлалось это, впрочемъ, не безъ практическаго умысла, такъ какъ Беньовскій хотѣлъ разжечь своими похожденіями падкихъ на наживу англичанъ и, выдавая себя за знатока въ точности изученнаго имъ яко бы азіатскаго и африканскаго Востока, добивался снаряженія новой подъ его начальствомъ экспедиціи, чего наконецъ и достигъ при содѣйствіи цѣлой компаніи американскихъ аферистовъ.

Легенду, окружавшую подвиги пресловутаго венгерско-польскаго магната, впервые въ значительной степени опровергли безхитростныя поденныя записки одного изъ соучастниковъ Беньовскаго въ побѣгѣ съ Камчатки, канцеляриста И. Рюмина. Записки эти впервые получили огласку въ Россіи въ пересказѣ Берха (въ статьѣ, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» за 1821 г.).

Далѣе существенныя поправки въ фантастическую эпопею Беньовскаго внесло слѣдственное дѣло о камчатскомъ бунтѣ, подробно изученное и описанное въ 20-хъ годахъ графомъ Д. Н. Блудовымъ. Наконецъ по этому же предмету былъ собранъ любопытный матеріалъ г. Сгибневымъ, использованный имъ въ «Матеріалахъ для исторіи Камчатки», первоначально печатавшихся въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1869 годъ. Въ настоящее же время профессоръ колоніальной исторіи Франціи въ Сорбоннѣ Культрю, на основаніи архивныхъ документовъ французскаго морского министерства, далъ точное изложеніе похожденій Беньовскаго на Мадагаскарѣ.

Такимъ образомъ истинныя похожденія Беньовскаго, а равно и злосчастная судьба русскихъ бѣглецовъ изъ Камчатки, попавшихъ въ Макао, а затѣмъ во Францію и частью вернувшихся въ Россію, а частью послѣдовавшихъ за Беньовскимъ въ Африку, въ настоящее время вполнѣ достовѣрно выяснены по архивнымъ документамъ. Потому намъ кажется своевременнымъ ознакомить русскихъ читателей съ сущностью всѣхъ этихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что личность Беньовскаго и сама по себѣ интересна по причудливому смѣшенію авантюризма съ истиннымъ героизмомъ.

I.

Морицъ-Августъ Беньовскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что родился въ 1741 г. въ м. Вербовѣ, въ Венгріи, отъ отца кавалерійскаго генерала и матери изъ баронскаго рода Ревай. Въ 1772 г. въ Ильдефрансѣ Беньовскій объяснялъ губернатору Де

рошу, что по происхожденію онъ полякъ, а баронскій титулъ носитъ уже 13-ое поколѣніе его рода (хотя въ Польшѣ бароновъ не существовало), дѣдъ же его по приглашенію императора выселился въ Трансильванію, гдѣ и получилъ значительныя помѣстья.

Въ своихъ запискахъ Беньовскій глухо говоритъ, что до 14 лѣтъ воспитывался въ Вѣнѣ, предаваясь занятіямъ, принятымъ въ аристократическомъ кругу, а съ 14 лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ, вступивъ въ полкъ Зибенштейна, участвовавшій въ кампаніи противъ Пруссіи, и принималъ будто бы участіе въ сраженіяхъ при Лобовицѣ (8 октября 1756 г.), Прагѣ (16 мая 1757 г.) и Домштатѣ (1758 г.), состоя при генералѣ Лаудонѣ.

Въ это время Беньовскій будто бы былъ вызванъ своимъ дядею въ Польшу для принятія отъ него въ наслѣдство староства на Литвѣ. Внезапная смерть отца будто бы вызвала Беньовскаго въ Венгрію для унаслѣдованія отцовскихъ вотчинъ, но ихъ захватили его зятья. Рѣшительный въ дѣйствіяхъ и скорый на расправу, онъ собралъ преданныхъ слугъ и, вооруживъ ихъ, выгналъ своихъ зятьевъ изъ имѣнія. Они бросились искать защиты въ Вѣну, и, по распоряженію императрицы, имѣніе подверглось конфискаціи, а Беньовскій бѣжалъ обратно въ Польшу.

Питая будто бы врожденную склонность къ морю, Беньовскій передалъ литовское свое староство въ надежныя руки, а самъ отправился въ Данцигъ и плавалъ на судахъ въ Амстердамъ, Гамбургъ и Плимутъ, потомъ добрался до Мальты и собирался на галерахъ Мальтійскаго ордена совершить кругосвѣтное плаваніе въ Индію, но получилъ настоятельныя приглашенія отъ польскихъ магнатовъ примкнуть къ Барской конфедераціи, а потому немедленно же отправился въ Варшаву, гдѣ и сдѣлался душою задуманнаго его соотечественниками плана преобразованія Польской республики.

Въ декабрѣ 1767 г. Беньовскій, заручившись польскими рекомендаціями, ѣздилъ въ Вѣну, чтобы добиваться возстановленія своихъ правъ на владѣніе трансильванскими родовыми имѣніями, но его постигла неудача и, возвращаясь въ Польшу, онъ съ горя заболѣлъ, нашелъ пріютъ у помѣщика Генскаго, влюбился въ его дочь и тутъ же женился.

Съ самаго начала записки Беньовскаго строятся на фактахъ по меньшей мѣрѣ сомнительныхъ. Англійскій издатель мемуаровъ Беньовскаго Гасфильдъ Оливеръ, ссылаясь на выписку изъ метрическихъ книгъ вербовскаго прихода, опредѣляетъ годъ рожденія Беньовскаго въ 1746 году. Неоспоримость этой даты совершенно исключаетъ участіе малолѣтняго мальчика въ перечисленныхъ выше сраженіяхъ въ эпоху Семилѣтней войны. Утвержденіямъ этимъ противорѣчатъ и собственноручныя данныя о началѣ военной дѣятельности Беньовскаго, сохранившіяся во французскомъ колоніальномъ архивѣ. Изъ нихъ оказывается, что, вступивъ въ военную

службу въ австрійскій полкъ, Беньовскій повздорилъ съ командиромъ, вышелъ въ отставку, поселился въ Трансильваніи, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ, а по смерти отца перешелъ на военную службу въ Польшу, гдѣ съ 1763 по 1767 г. и находился въ рядахъ калишскаго кавалерійскаго полка. Несмотря на слабость дисциплины въ польской арміи, трудно допустить, чтобы субалтернъ-офицеръ могъ долго проживать за границею — поэтому разсказы Беньовскаго о морскихъ его путешествіяхъ падаютъ, какъ и вымыслы о генеральскомъ чинѣ, въ которомъ онъ будто совершалъ великія дѣянія, предводительствуя кавалеріею въ борьбѣ конфедератовъ противъ русской арміи, и былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла [1]). Вѣрнѣе предположить, что Беньовскій имѣлъ второстепенное начальствованіе надъ бандами Чарнецкаго и Пулавскаго, но польскіе источники вообще умалчиваютъ о какихъ-либо громкихъ его подвигахъ. Въ 1768 г. Беньовскій былъ взятъ въ плѣнъ Апраксинымъ и отпущенъ на честное слово, съ обязательствомъ не служить противъ нашихъ войскъ.—Беньовскій, однакоже, даннаго слова не сдержалъ и въ маѣ 1769 года былъ вторично захваченъ подъ Тарнополемъ полковникомъ Бринкеномъ. Генералъ князь Прозоровскій распорядился отправить Беньовскаго въ Кіевъ, откуда скоро былъ переведенъ на жительство въ Казань, вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ Адольфомъ Винбладомъ, тоже состоявшимъ на службѣ у конфедераціи.

Желая придать себѣ важности, Беньовскій разсказываетъ, будто въ Казани вступилъ въ тѣсную связь съ мѣстнымъ дворянствомъ и вскорѣ посвященъ былъ въ тайны заговора, который будто бы затѣвалъ. Заговоръ этотъ былъ составленъ дворянствами Казанской, Воронежской, Бѣлгородской, Кіевской и Московской губерній, недовольными деспотическою властью императрицы. Дворянство будто бы стремилось сбросить съ себя иго рабства и добиться свободы по примѣру просвѣщенныхъ народовъ. Беньовскій увѣряетъ, что заговоръ этотъ велся весьма дѣятельно и имѣлъ надежду на успѣхъ, такъ какъ русскія войска были заняты на западной границѣ, а духовенство было такъ же враждебно настроено противъ правительства, какъ и дворянство.

Заговорщики, въ довершеніе ко всему, разсчитывали на поддержку казанскихъ татаръ и политическихъ ссыльныхъ. Окруживъ себя конспиративнымъ ореоломъ, Беньовскій увѣряетъ, что раскры-

---

[1]) Домогаясь впослѣдствіи генеральскаго чина во Франціи, Беньовскій представилъ патентъ на чинъ генералъ-майора войскъ польской республики, подписанный маршаломъ-генераломъ Барской конфедераціи Михаиломъ Іеронимомъ Красинскимъ и маршаломъ генеральной литовской конфедераціи графомъ Михаломъ-Яномъ Пацомъ, но такъ какъ патентъ этотъ упоминаетъ о сибирской ссылкѣ и датированъ отъ 16 іюля 1772 г., то, очевидно, былъ выданъ Беньовскому эмигрантами, совершенно уже тогда не правомочными.

тіе заговора въ ноябрѣ 1769 г. побудило его вмѣстѣ съ майоромъ Винбладомъ къ побѣгу изъ Казани. Бѣглецы чрезъ Нижній, Владиміръ, Москву, Тверь и Великій Новгородъ пробрались 19 ноября въ Петербургъ; здѣсь они разсчитывали, при помощи голландскаго шкипера, съ которымъ ихъ свелъ такой же случайный ихъ знакомый нѣмецъ-аптекарь, моремъ бѣжалъ въ Голландію. Шкиперъ однакоже ихъ выдалъ, и Беньовскій подвергся заключенію въ Петропавловскую крѣпость и многочисленнымъ допросамъ, которые производились сначала Чичеринымъ, а потомъ графомъ Панинымъ.

По высочайшему повелѣнію 14 ноября 1769 г. Беньовскій и Винбладъ были высланы въ Камчатку, съ тѣмъ, чтобы кормились трудами рукъ своихъ.

Одновременно съ ними 4 декабря 1769 г. были туда же отправлены Пановъ (бывшій поручикъ гвардіи), Степановъ (бывшій капитанъ арміи), Батуринъ (бывшій полковникъ артиллеріи) и Софроновъ (секретарь московскаго сената), замышлявшіе свергнуть съ престола Екатерину II.

11 мая 1770 г. ссыльные, выѣхавъ изъ Томска черезъ Красноярскъ, доѣхали до Якутска. Здѣсь Беньовскій свелъ знакомство съ хирургомъ Гофманомъ, назначеннымъ въ Камчатку главнымъ хирургомъ и смотрѣвшимъ на эту командировку столь мрачно, что вызвался вмѣстѣ съ Беньовскимъ и его товарищами бѣжать въ Японію либо Китай, куда окажется удобнѣе, и даже пообѣщался купить для этого судно подъ предлогомъ занятія рыболовствомъ. 29 августа между Беньовскимъ и Гофманомъ, Винбладомъ, Пановымъ и Степановымъ состоялось полное соглашеніе насчетъ задуманнаго побѣга, и Беньовскій былъ избранъ въ руководители этого предпріятія.

Въ началѣ сентября ссыльные поѣхали изъ Якутска дальше, а Гофманъ долженъ былъ послѣдовать за ними вслѣдъ, но едва Беньовскій съ товарищами перебрались 3 сентября чрезъ Томь, какъ, по его разсказу, ихъ нагналъ нарочный и сообщилъ, что Гофманъ внезапно умеръ, а воевода при описи его имущества нашелъ какія-то бумаги, которыя шлетъ къ начальнику Охотскаго порта съ наказомъ не отправлять ссыльныхъ въ Камчатку. Заподозрѣвъ недоброе, Беньовскій напоилъ конвой и нарочнаго казака и, вскрывъ пакетъ съ бумагами, нашелъ будто бы бумагу якутскаго воеводы, гдѣ разсказывалось, что Беньовскій составилъ планъ побѣга изъ Камчатки, о чемъ Гофманъ предъ смертью-де извѣстился отъ ссыльныхъ. Поэтому воевода совѣтовалъ ссыльныхъ задержать въ Охотскѣ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій сената, которому онъ доноситъ о происшедшемъ. Бумагу эту Беньовскій уничтожилъ и замѣнилъ подложнымъ письмомъ, въ которомъ воевода, входя въ грустное положеніе ссыльныхъ, которые, по его наблюденіямъ, оказались людьми весьма достойными,

рекомендовалъ ихъ снисхожденію и попеченію начальника порта. Это письмо, будто бы, казакъ, проспавшись, и повезъ по назначенію.

Въ Охотскѣ ссыльные завели сношенія съ посторонними людьми, между прочимъ, съ прапорщикомъ охотской команды Норинымъ и штурманскимъ ученикомъ Софьинымъ, у котораго Батуринъ выманилъ деньги. Пользуясь благоволеніемъ командира порта Плениснера, но опасаясь дальнѣйшихъ разоблаченій со стороны якутскаго воеводы, ссыльные упросили Плениснера поскорѣе переправить ихъ на Камчатку. Описывая этотъ переѣздъ при сильномъ штормѣ, во время котораго всѣ потеряли голову, Беньовскій хвастается, что только благодаря его познаніямъ въ кораблевожденіи онъ спасъ экипажъ и не прочь былъ, завладѣвъ судномъ, направить его къ испанскимъ владѣніямъ, но за позднею порою года не рѣшился привести своего намѣренія въ исполненіе, а потому взялъ курсъ на Камчатку и благополучно привелъ галіотъ «Св. апостолы Петръ и Павелъ» къ устью рѣки Большой, 2 декабря 1770 года.

Камчатка, по смѣнѣ флота капитана Извѣкова, находилась подъ управленіемъ капитана Григорія Нилова,—человѣка нерадиваго и подверженнаго слабости пьянства. Онъ предоставилъ ссыльнымъ полную свободу, приказалъ выдать провизію на три дня съ предупрежденіемъ, что затѣмъ они уже сами должны снискивать себѣ пропитаніе. Въ то же время изъ казны ссыльнымъ было выдано каждому по ружью, по фунту пороха, по 4 фунта свинцу, по топору, ножу съ наборомъ плотничьихъ инструментовъ, при помощи коихъ ссыльнымъ и предлагалось выстроить себѣ избы на тѣхъ мѣстахъ, которыя они признаютъ наиболѣе удобными вблизи, отъ города [1]).

Съ первобытнымъ строемъ намѣчавшагося существованія, обезпеченіемъ для котораго являлся охотничій промыселъ, плохо вяжется дальнѣйшій разсказъ Беньовскаго, нагромождающаго съ невѣроятною быстротою одно удивительное событіе на другое.

5-го декабря 1770 г. между ссыльными уже составляется соглашеніе насчетъ побѣга. Беньовскій назначается главою этого предпріятія, и всѣ соучастники даютъ клятву слѣпо ему повиноваться. 6-го декабря губернаторъ Ниловъ ввѣряетъ Беньовскому воспитаніе сына и трехъ своихъ дочерей, изъ нихъ старшая, Аѳа-

---

[1]) По разсказамъ Беньовскаго, Ниловъ былъ подкупленъ въ его пользу тотчасъ по пріѣздѣ. По сходѣ ссыльныхъ на берегъ Ниловъ освѣдомился у Беньовскаго, кто онъ таковъ, на это Беньовскій отвѣчалъ: «Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ». По утвержденію Берха, основанному на показаніяхъ очевидцевъ, Беньовскій дѣйствительно сумѣлъ плѣнить Нилова, и тотъ съ нимъ почти не разлучался.

насія, тотчасъ же влюбляется въ Беньовскаго и впослѣдствіи бѣжитъ съ нимъ въ Макао [1]). Въ тотъ же день Беньовскій отправляется къ секретарю канцеляріи Новожилову и застаетъ его играющимъ въ шахматы съ казачьимъ атаманомъ Колосовымъ [2]). Беньовскій ввязывается въ игру, выигрываетъ у Колосова 1500 р. и тутъ же сговаривается съ новыми знакомцами систематически обыгрывать мѣстныхъ богатыхъ купцовъ; на ряду съ этимъ союзники договариваются открыть и школу, гдѣ бы дѣти мѣстныхъ жителей за 5 р. въ мѣсяцъ обучались языкамъ, ариѳметикѣ, географіи и другимъ наукамъ. Хотя такія предпріятія вмѣстѣ какъ будто плохо уживаются, тѣмъ не менѣе венгерскій магнатъ съ энергіею параллельно занимается любовью, шахматною игрою, педагогіею и заговоромъ.

10 декабря въ заговоръ вступаетъ еще 20 новыхъ заговорщиковъ, но Ниловъ, завороженный Беньовскимъ, назначаетъ его старостою надъ всѣми ссыльными, и 12-го Беньовскій вмѣстѣ съ 15 ссыльными отправляется охотиться на медвѣдей. Хотя русскіе охотники и камчадалы соблюдаютъ всѣ мѣры предосторожности въ охотахъ на этихъ опасныхъ звѣрей, для венгерскаго Немврода камчатскіе медвѣди оказываются какими-то безобидными зайцами, и онъ въ одинъ день убиваетъ 8 медвѣдей. 15 декабря 28 матросовъ судна, снаряженнаго для охоты на тюленей, предлагаютъ Беньовскому завладѣть ихъ судномъ и бѣжать за границу, забывая, что Камчатка окована полярными льдами и что морской побѣгъ осуществимъ лишь позднею весною. 8 января 1771 г. опять необычайная новость: Беньовскій получаетъ свободу за открытіе противоправительственнаго заговора, хотя, по удостовѣренію капитана Кинга, сопутствовавшаго капитану Куку въ его кругосвѣтномъ плаваніи, мѣстное начальство Камчатки настолько было ограничено въ своей компетенціи, что не имѣло права ни переводить ссыльныхъ изъ назначенныхъ имъ свыше мѣстопребываній, ни увеличивать ассигнуемаго имъ довольствія; тѣмъ не менѣе Ниловъ ради Беньовскаго не останавливался предъ превышеніями власти. Объявленному жениху Аѳанасіи предоставлялось устроить въ южныхъ предѣлахъ полуострова, на рѣкѣ Лопаткѣ земледѣльческую колонію для обезпеченія полуострова сельско-хозяйственными продуктами, доставлявшимися издалека [3]).

---

[1]) Берхъ по этому поводу замѣчаетъ: «Беньовскій наполнилъ многія страницы своего сочиненія разговорами съ женою Нилова и дочерью его Аѳанасіею, съ которою будто бы Беньовскій былъ и обрученъ. Но меня увѣряли, что жена Нилова съ дочерьми находилась въ Нижигѣ, ибо онъ посланъ былъ въ Большерѣцкъ только на время и имѣлъ при себѣ одного только сына».

[2]) Такого, кстати сказать, въ Большерѣцкѣ не было, а былъ сотникъ Черныхъ.

[3]) Еще до пріѣзда Беньовскаго, Ниловъ, затрудняясь продовольствованіемъ большерѣцкихъ жителей и предвидя въ 1770 г. голодъ отъ неудавшагося улова

Такое полезное для казны и камчадаловъ предпріятіе должно было открыть Беньовскому дальнѣйшіе пути къ возвышенію. Ниловъ прочилъ себя въ начальники Охотскаго порта, Новожиловъ предназначался въ начальники Камчатки, атаманъ Колосовъ намѣчался въ управляющіе особой колоніи, которая имѣла быть учреждена изъ Алеутскихъ островонъ, а Беньовскій соглашался сдѣлаться помощникомъ правителя Алеутской колоніи и бахвалился, что доберется до Калифорніи, выгонитъ оттуда испанцевъ и присоединитъ ее къ русскимъ владѣніямъ. Всѣ эти планы предполагалось осуществить на собственный страхъ и рискъ заинтересованныхъ и затѣмъ обратиться въ сенатъ для санкціонированія совершившихся фактовъ послѣ занятія Калифорніи. Желая достойнымъ образомъ отпраздновать соглашеніе на счетъ этого замысла, Беньовскій описываетъ заданный имъ Нилову и обыгранному большерѣцскому купечеству роскошный балъ, на которомъ онъ будто бы появился въ красномъ парчевомъ кафтанѣ, обшитомъ золотыми кружевами и поднесенномъ ему ссыльными, которые фигурировали на балу въ не менѣе роскошныхъ нарядахъ. По какому волшебству всѣ такія затѣи могли осуществляться въ захолустномъ Большерѣцкѣ ссыльными, нѣсколько недѣль тому назадъ получившими изъ казны скудные способы и средства для устройства жилья и занятія звѣринымъ промысломъ, про то вѣдало только расходившееся пылкое воображеніе венгерца.

На самомъ дѣлѣ обстановка и условія, въ какихъ былъ совершенъ побѣгъ Беньовскаго, по русскимъ источникамъ, представляется въ нижеслѣдующимъ видѣ.

Тогдашняя Камчатка, согласно описанію ея, сдѣланному въ 1773 году капитаномъ Тимоѳеемъ Шмалевымъ [1]), заключала въ себѣ четыре «правительства»: Большерѣцкъ, Тигильскую крѣпость, Нижній и Верхній Камчатскіе остроги. Главенствовалъ среди нихъ Большерѣцкъ, расположенный на Большой рѣкѣ, на тридцать верстъ вверхъ отъ Пенжинскаго моря. Въ Большерѣцкѣ имѣлись въ ту пору нижеслѣдующія деревянныя строенія: церковь Успенія Богородицы, камчатская большерѣцкая канцелярія, которая имѣла общую надъ упомянутыми правительствами команду, состоя сама въ подчиненіи канцеляріи Охотскаго порта. Далѣе въ Большерѣцкѣ находились казенный командирскій домъ, 4 кла-

---

рыбы, поручилъ разорившемуся спекулянту Рыжкову завести хлѣбопашество. Рыжкову были выданы изъ казны 1000 р. заимообразно; онъ посѣялъ рожь и ячмень, но всходы были побиты морозомъ. (Сгибневъ, «Матеріалы для исторіи Камчатки». «Морской Сборникъ» за 1869 г.

[1]) Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1774. Часть I, стр. 195—202.

довыхъ амбара, 23 купеческихъ лавки и 41 обывательскій домъ [1]).

Жители продовольствовались, добывая изъ рѣки Большой рыбу, съѣдобные коренья изъ земли и ягоды, затѣмъ изъ Охотска морскимъ путемъ привозились разные припасы, о дороговизнѣ коихъ можно судить по нижеслѣдующимъ цѣнамъ съ пуда:—мука ржаная обходилась отъ 3 до 5 р., пшеничная отъ 6 до 10 р., масло коровье отъ 10 до 16 р., солонина отъ 4 до 6 рублей.

Всѣ эти припасы доставлялись изъ Охотска на казенномъ суднѣ въ августѣ или сентябрѣ. Въ Большерѣцкѣ судно перезимовывало, а въ іюнѣ или іюлѣ забирало для отвоза въ Охотскъ ясачную и выдѣльную казну, мягкую рухлядь и пр.

Съ преобразованіемъ Нижне-камчатскаго острога въ городъ (въ 1783 г.) Большерѣцкъ началъ постепенно падать, а въ 1812 г. и совсѣмъ былъ уничтоженъ. Крашенниковъ въ Большерѣцкѣ насчитывалъ всего 30 обывательскихъ домовъ при 45 служивыхъ и 14 «казачьихъ дѣтяхъ» [2]).

Прибывшіе одновременно съ Беньовскимъ или съ Бейноскомъ (какъ его называютъ официальныя донесенія) ссыльные застали въ Большерѣцкѣ старыхъ ссыльныхъ и въ ихъ числѣ бывшаго камеръ-лакея правительницы Анны, Турчанинова, который въ 1742 г. участвовалъ въ заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны [3]), Семена Гурьева (сосланнаго въ 1762 г.), Хрущова (бывшаго капитана гвардіи) и Магнуса Мейдера (бывшаго адмиралтейскаго лекаря [4]).

Все это были люди болѣе или менѣе образованные, и среди нихъ особенно выдѣлялся Петръ Алексѣевичъ Хрущовъ; къ нему-то

---

[1]) Капитанъ Кингъ, посѣтившій Камчатку въ 1779 г., насчитываетъ мѣстный гарнизонъ изъ солдатъ и казаковъ въ 400 человѣкъ, распредѣленныхъ между Нижнимъ и Верхнимъ Камчатскомъ, Тигилемъ, Большерѣцкомъ и Петропавловскомъ; мѣстное инородческое населеніе понизилось съ 20 т. до 3 т. вслѣдствіе оспы, свирѣпствовавшей съ особенной силою въ 1767 г., а купечество было представлено компаніей въ 12 человѣкъ, ведшей торгъ пушниною и учрежденной по высочайшему повелѣнію.

[2]) Описаніе Камчатки. Спб. 1819. Т. II, гл. 5, стр. 391—393.

[3]) Въ 1742 г. камеръ-лакей Александръ Турчаниновъ, прапорщикъ Преображенскаго полка Ивашкинъ и сержантъ Измайловскаго полка Сновидовъ пытались составить заговоръ съ цѣлью захватить и умертвить императрицу Елизавету Петровну и великаго князя Петра Өедоровича и возвести на престолъ свергнутаго императора Ивана Антоновича. Всѣ трое были биты кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и языка у Турчанинова и сосланы въ Камчатку, гдѣ во время бунта Беньовскаго находились: Турчаниновъ въ Большерѣцкѣ, Ивашкинъ въ Верхнекамчатскомъ, а Сновидовъ въ Нижнекамчатскомъ острогахъ.

[4]) Въ 1762 г. съ тою же цѣлью—возведенія на престолъ Ивана Антоновича и низверженія Екатерины II—возникъ заговоръ подъ руководствомъ поручика Измайловскаго полка Семена Гурьева. Въ заговорѣ приняли участіе его братья, Иванъ и Александръ, и поручикъ того же полка Петръ Хрущовъ. Всѣ они сосланы въ Камчатку. Причина ссылки лекаря Мейдера неизвѣстна.

на квартиру и былъ помѣщенъ Беньовскій. Хрущовъ былъ человѣкъ отличнаго ума и съ большими познаніями. Планъ бѣгства изъ Камчатки обдумывался и составлялся при несомнѣнномъ содѣйствіи Хрущова.

Удачѣ затѣяннаго предпріятія способствовало то обстоятельство, что купецъ Холодиловъ отправилъ своего приказчика Чулочникова изъ Охотска въ 1770 г. на маломъ суднѣ въ 150 тоннъ на Алеутскіе острова для промысла. Чулочниковъ у береговъ Камчатки посадилъ судно на мель. Послѣ продолжительныхъ усилій судно добралось до Большерѣцка, чтобы тамъ зазимовать и пуститься въ дальнѣйшій рейсъ весною. Команда судна, состоявшая изъ людей, не привыкшихъ къ морю, послѣ постигшаго ее злоключенія вышла изъ повиновенія и хотя по жалобамъ Чулочникова мѣстному начальству была приведена въ повиновеніе, но осталась недовольна рѣшеніемъ начальства. Провѣдавъ, что Беньовскій подбираетъ охотниковъ на какое-то предпріятіе, команда Чулочникова отрядила къ нему выборнаго съ просьбою принять ее подъ свое покровительство. Беньовскій, опасаясь огласки, далъ посланцу двусмысленный отвѣтъ, который былъ истолкованъ командою въ благопріятную сторону, а Беньовскій сталъ еще осторожнѣе, когда присланный на смѣну Чулочникову приказчикъ Степанъ Торговкинъ принялся подтягивать команду.

Чтобы ловчѣе скрыть приготовленія къ отъѣзду и облегчить себѣ свободу дѣйствій, былъ выдвинутъ впередъ планъ объ устойствѣ земледѣльческой колоніи на р. Лопаткѣ и подъ предлогомъ осмотра мѣстности Беньовскій частенько ѣздилъ туда съ Пановымъ, Степановымъ и Винбладомъ. Одною изъ поѣздокъ онъ воспользовался, чтобы склонить на побѣгъ и прапорщика Ивашкина; тотъ сначала принялъ предложеніе, но впослѣдствіи открылъ заговоръ Нилову, который, однакоже, настолько былъ предубѣжденъ въ пользу Беньовскаго, что не повѣрилъ оговору Ивашкина и приказалъ ему немедленно же вернуться въ Нижне-Камчатскъ.

Въ концѣ февраля Беньовскій былъ пріятно пораженъ сообщеніемъ Хрущова, что тотъ успѣлъ склонить въ пользу заговора штурмана Чурина, командовавшаго казеннымъ галіотомъ «Св. Петръ», по обыкновенію зазимовавшимъ въ Большерѣцкѣ и имѣвшимъ уйти въ Охотскъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Чуринъ имѣлъ особенныя причины сочувственно откликнуться на предложенія Хрущова. Находясь еще на суднѣ капитанъ-лейтенанта Левашева, совершившаго путешествіе съ Креницынымъ, онъ былъ отданъ подъ судъ за неповиновеніе и, ведя въ Охотскѣ развращенную жизнь, надѣлалъ долговъ и опасался туда вернуться.

Постепенно заговоръ созрѣлъ. Кромѣ упоминавшихся ранѣе лицъ, къ нему были привлечены штурманскій ученикъ Бочаровъ,

священническій сынъ Уфтюжаниновъ, канцеляристъ Рюминъ, нѣсколько матросовъ и камчадаловъ.

Болѣе простодушныхъ людей Беньовскій и Хрущовъ морочили тѣмъ, будто недалеко отъ Камчатки лежитъ островъ, изобилующій настолько золотомъ, что имъ легко нагрузить все судно. «Мы,—разсказывали искусители,—доберемся туда послѣ короткаго плаванія, наполнимъ галіотъ золотомъ и тѣхъ, кто не пожелаетъ слѣдовать съ нами въ Европу, высадимъ опять на камчатскій берегъ». Людямъ болѣе развитымъ внушалось, будто Беньовскій и привезенные съ нимъ арестанты страждутъ невинно за великаго князя Павла Петровича. Беньовскій по секрету показывалъ единомышленникамъ зеленый бархатный конвертъ, будто бы, за печатью его высочества, съ письмомъ къ императору римскому о намѣреніи великаго князя вступить въ бракъ съ дочерью императора. Беньовскій увѣрялъ, будто сосланъ за тайное посольство, но сумѣлъ сохранить у себя драгоцѣнный залогъ высочайшей къ нему довѣренности и долженъ непремѣнно его доставить по назначенію. Тщетно склоняя на заговоръ Семена Гурьева, Беньовскій его поколотилъ [1]). Эта неосторожность чуть не испортила всего дѣла. Къ капитану Нилову былъ подосланъ сотникъ Черныхъ для настояній предъ командиромъ о необходимости принятія мѣръ противъ ссыльныхъ, которые-де, пожалуй, отважутся овладѣть острогомъ подъ начальствомъ Беньовскаго. За Беньовскимъ былъ отряженъ сержантъ съ приказаніемъ явиться къ Нилову. Беньовскій отъ явки уклонился, ссылаясь на болѣзнь. Снисходительность Нилова къ любимцу была такъ велика, что онъ рѣшилъ ждать Беньовскаго до слѣдующаго дня, но и 26 апрѣля Беньовскій упорно скрывался. Вечеромъ за нимъ былъ отряженъ для привода къ начальнику капралъ съ 6 солдатами, но ихъ обманно по одиночкѣ перехватали и связанныхъ посадили въ погребъ, а Беньовскій, видя, что дальше медлить нельзя, отдалъ единомышленникамъ приказъ изготовиться ночью къ нападенію.

Штурманскіе ученики Измайловъ и Зябликовъ, подслушавъ приказанія, отдаваемыя Беньовскимъ, кинулись въ большерѣцкую

---

[1]) Казусъ этотъ г. Сгибневъ по архивнымъ даннымъ объясняетъ такъ. Слухи о заговорѣ не составляли ни для кого секрета на Камчаткѣ, и нижнекамчатскій протопопъ вызвалъ къ себѣ ичикскаго прихода священника Уфтюжанинова, который по стоустой молвѣ будто бы участвовалъ въ заговорѣ, Беньовскій, воспользовавшись кончиною въ Большерѣцкѣ священника Ложкова, убѣдилъ Нилова вытребовать для похоронъ у протопопа присылку Уфтюжанинова и писалъ къ послѣднему, чтобы тотъ скорѣе ѣхалъ, такъ какъ все готово къ уходу. Письмо Беньовскаго попало въ руки къ протопопу, который и прислалъ вмѣсто Уфтюжанинова священника Семенова. Беньовскій, узнавъ о судьбѣ перехваченнаго письма, заторопился съ выполненіемъ плана побѣга и 25 апрѣля 1771 г. вмѣстѣ съ Винбладомъ пошелъ уговаривать Гурьева примкнуть къ заговорщикамъ; взбѣшенный угрозою Гурьева открыть все Нилову, Беньовскій избилъ Гурьева въ кровь.

канцелярію для объявленія о томъ караульнымъ, но тѣ, будучи пьяны, не повѣрили ихъ словамъ, тѣмъ болѣе, что и Измайловъ оказался пьянымъ. Пытались Измайловъ и Зябликовъ достучаться къ капитану Нилову, но также безуспѣшно.

Во второмъ часу ночи окрикъ часового поднялъ на ноги дежурныхъ и канцелярію, но слишкомъ поздно: Беньовскій, Винбладъ, Батуринъ, Пановъ, Хрущовъ, Чулочниковъ, крестьянинъ Кузнецовъ, матросъ Ляпинъ и многіе изъ «работныхъ» набросились на дневальныхъ и часовыхъ, обезоружили ихъ и посадили на гауптвахту. Затѣмъ заговорщики направились къ командирскому дому; тамъ въ передней комнатѣ спалъ сынъ Нилова и сержантъ Лемсаковъ, а въ слѣдующей комнатѣ пятидесятникъ Потаповъ, да въ черной избѣ—трое вѣстовыхъ и двое работниковъ-камчадаловъ. Мятежники громко застучали въ дверь, сержантъ первый услышалъ ихъ и разбудилъ сына Нилова «Что спишь? Вставай!» торопилъ онъ юношу «Тамъ пришли многіе люди и ломятся въ двери!» Пока Лемсаковъ старался удержать двери, закрытыя на крюкъ, сынъ Нилова бросился въ спальню къ отцу, который, какъ бы предчувствуя вѣчную разлуку съ сыномъ, прижалъ его крѣпко къ себѣ; тотъ съ трудомъ высвободился изъ объятій отца и скрылся въ отхожее мѣсто. Дверь уступила наконецъ подъ напоромъ заговорщиковъ, и они ворвались съ криками: «Имай, хватай, рѣжь, пали, вяжи!»

Ниловъ три раза успѣлъ крикнуть, призывая вѣстовыхъ, и замолкъ—ему изрѣзали ножомъ лѣвую руку, лицо подъ ухомъ пробили насквозь и нанесли глубокую рану въ ногу. Мертвое тѣло, покрытое кровоподтеками и кровью, выволокли въ сѣни и тамъ бросили. Сержанта и прочихъ людей перевязали и стащили на гауптвахту, кромѣ казака Дурынина, притаившагося подъ столомъ. Отсюда заговорщики, овладѣвъ казною, двумя пушками и военными припасами, направилась въ третьемъ часу ночи къ дому сотника Черныхъ, гдѣ натолкнулись на сопротивленіе: сынъ сотника, казакъ Никита Черныхъ, долго сдерживалъ толпу, а когда двери были выломаны, стрѣлялъ по нимъ изъ ружья. Въ отвѣтъ посыпалось болѣе 40 пуль чрезъ дверь и окна изъ ружей и пистолетовъ. Черныхъ былъ взятъ и посаженъ подъ стражу, жена съ дѣтьми и престарѣлый отецъ подверглись поруганію. Затѣмъ Беньовскій водворился въ присутствіи большерѣцкой канцеляріи, распоряжался дѣйствіями мятежниковъ на правахъ полнаго начальника, велѣлъ священнику Семенову похоронить капитана Нилова, а народъ привести къ присягѣ на вѣрность подданства государю Павлу Петровичу, что и было исполнено.

На слѣдующій день, 28 апрѣля, готовили паромы, а 29 апрѣля приступили къ погрузкѣ пушекъ, военныхъ снарядовъ и провіанта.

Судовщики, перепившись, кинулись грабить купеческіе дома и собирались умертвить приказчика Холодилова, Арсенія Кузнецова, но Беньовскій того отстоялъ. Грабежи настолько перепугали жителей, что многіе бѣжали и скрылись въ тундрахъ. 30 апрѣля вся шайка отправилась внизъ по Большой рѣкѣ до Чекавинской гавани. Тутъ она ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ «Св. Петръ», приготовила его къ походу, водрузила на немъ императорскій флагъ и приняла наименованіе «собранной компаніи для имени его императорскаго величества Павла Петровича». Всѣ заговорщики, число которыхъ Беньовскій опредѣлялъ въ 96, а Рюминъ въ 70 человѣкъ, дали присягу защищать прапоръ (знамя) до послѣдней капли крови, а Беньовскій, сверхъ того защищать присягнувшихъ тому прапору.

Изъ Чекавинской гавани Беньовскій отправилъ Панова и Батурина сдѣлать опись деньгамъ, хранившимся въ казначействѣ, и всѣмъ казеннымъ вещамъ, кои мятежниками забирались для плаванія.

Въ то же время Беньовскій чрезъ Рюмина потребовалъ изъ Большерѣцка провіантъ подъ угрозою жестокаго наказанія въ случаѣ неисполненія приказа. Рюминъ успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе и вернулся назадъ 7-го мая[1]).

Тѣмъ временемъ Беньовскій, сообща съ Степановымъ, составили объявленіе, которое за исключеніемъ Хрущова подписали всѣ главные зачинщики бунта и вмѣстѣ съ ними соликамскій посадскій Иванъ Кудринъ, Алексѣй Савельевъ и великоустюжскій купецъ Ѳедоръ Костроминъ (каждый за себя и девятерыхъ своихъ товарищей), штурманскіе ученики Бочаровъ, Зябликовъ и Измайловъ; устюжскій крестьянинъ Кузнецовъ за матросовъ-казаковъ Береснева, Семиченкова, Потолова, Ляпина, Софронова и Волынкина; далѣе своеручно за матросовъ казакъ Алексѣй Андреяновъ; въ должности приписного канцеляриста Спиридонъ Судейкинъ, казакъ Иванъ Рюминъ, капралъ Переваловъ за себя и за солдата Коростелева и священническій сынъ Уфтюжаниновъ также за себя и за подушнаго плательщика Ивана Панова.

Въ этомъ объявленіи, подписанномъ 11 мая, а 12 мая отправленномъ съ боцманомъ Сѣрогородскимъ въ большерѣцкую канцелярію для дальнѣйшаго направленія въ правительствующій сенатъ,

---

[1]) Изъ квитанцій, оставленныхъ Беньовскимъ въ Большерѣцкѣ, видно, что имъ взято 6.327 р. 20 к. казенныхъ денегъ, 217 рублей у казака Черныхъ и 199 казенныхъ соболей; кромѣ того, забрано 3 пушки, 1 мортира, 50 гранатъ, 600 пуль и картечей, 4 пуда пушечнаго пороху, 1 пудъ ружейнаго, 30 шпагъ, 25 ружей, 400 пудовъ провіанту и 11 флягъ вина. На квитанціяхъ Беньовскій подписался «Баронъ Морицъ Аладаръ де-Беневъ у пресвѣтлѣйшей республики польской дѣйствительный резидентъ и ея императорскаго величества камергеръ, военный совѣтникъ и регимендарь».

мятежники, изложивъ вкратцѣ, что законный государь Павелъ Петровичъ лишенъ престола, стараются выставить въ самомъ мрачномъ освѣщеніи главнѣйшія дѣйствія и мѣропріятія Екатерины II.

Мятежники утверждаютъ, что разорительная польская война ведется исключительно въ интересахъ Понятовскаго, что имѣющіе служить къ общему благу народному промыслы винный и соляной предоставлены на откупъ немногимъ; что отъ монастырей отобраны деревни ради воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей, тогда какъ законныя остаются безъ призрѣнія; что у созванныхъ для сочиненія законовъ депутатовъ отнята возможность разсуждать стѣснительнымъ наказомъ; что тяготы налагаются на народъ непомѣрныя и оброкъ взимается одинаково какъ съ увѣчныхъ и малыхъ, такъ и со здоровыхъ; что за неправосудіе штрафуются судьи только деньгами, а за правильный, если только при томъ что-либо возьмутъ съ тяжущихся, исключаются изъ рода человѣческаго; что добываніемъ золота и серебра пользуются одни царскіе любимцы; народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ и никто за истинныя заслуги не награждается; что наконецъ и камчатская земля разорена самовольствомъ начальниковъ.

По смыслу нѣкоторыхъ мѣстъ объявленія, замѣчаетъ графъ Д. Н. Блудовъ [1]), можно заключить, что изъ сообщниковъ Беньовскаго одинъ или два (вѣроятно, Пановъ и Степановъ) подверглись ссылкѣ за сопротивленіе наказу о сочиненіи уложенія.

Наконецъ, мятежники поясняли, что, желая пособить совѣтомъ 33 работнымъ, будто бы несправедливо осужденнымъ работать безъ платы своему компанейщику (Холодилову), они тѣмъ навлекли на себя негодованіе капитана Нилова, который велѣлъ взять ихъ подъ караулъ, что заставило ихъ вмѣстѣ съ угнетенными объявить себя въ службѣ законнаго государя. Это-то они и привели въ дѣйствіе, арестовавъ Нилова (коего отъ страха и пьянства разбилъ параличъ) и избравъ на его мѣсто достойнаго предводителя Беньовскаго [2]).

11 мая состоялась посадка на галіотъ «Св. Петръ», экипажа, который командиромъ распредѣленъ былъ такъ: Беньовскій—главноначальствующій, Хрущовъ его помощникъ.

Первое отдѣленіе или вахту составляли Пановъ, Кузнецовъ, Зябликовъ, Поповъ, Логиновъ, Чурикъ, Урбановскій, боцманъ и 29 охотниковъ. Въ составъ второго отдѣленія входили Винбладъ, Степановъ, Медеръ, Измайловъ, Боскаревъ, Костроминъ, Гурчининъ, Батуринъ и 28 частныхъ лицъ. Всего 75 человѣкъ.

---

[1]) «Бунтъ Беньовскаго въ Большерѣцкомъ острогѣ» (въ приложеніи къ сочиненію Ег. Ковалевскаго «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866).

[2]) Для правильной оцѣнки этой деклараціи надо ее сопоставить съ челобитіемъ русскихъ бѣглецовъ россійскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому (см. II главу).

Кромѣ того, галіотъ принялъ на бортъ 9 женщинъ и 12 пассажировъ, такъ что всего отправилось въ походъ 96 душъ.

Вооруженіе галіота, по свидѣтельству Беньовскаго, состояло изъ 8 пушекъ, 4 мортиръ, 120 ружей со штыками, 80 сабель, 60 пистолетовъ, 1600 ф. пушечнаго пороху, 200 ф. пуль, 800 ф. солонины, 1200 ф. соленой рыбы, 3000 ф. сушеной рыбы, 1400 ф. китоваго жиру, 200 ф. сахару, 500 ф. чаю, 40 ф. масла коровьяго, 113 ф. сыру, 6000 ф. желѣзныхъ издѣлій, 120 гранатъ, 900 ядеръ, 50 ф. сѣры, 200 ф. селитры, 36 боченковъ воды, 126 ящиковъ съ мѣхами, 14 якорей; достаточное количество запасныхъ парусовъ и канатовъ, шлюпка и лодка.

12 мая былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго экипажъ вновь далъ клятвенное обѣщаніе повиноваться Беньовскому, затѣмъ галіотъ снялся съ якоря и ушелъ въ море, держа курсъ на югъ [1]).

При отъѣздѣ Беньовскій отпустилъ въ Большерѣцкъ взятыхъ имъ съ собою заложниковъ на всякій случай для устраненія опасности нападенія со стороны гарнизона. Что же касается канцеляриста Судейкина, исправлявшаго должность секретаря при Ниловѣ, и подштурмановъ Бочарова, Зябликова и Измайлова, то они были забраны на судно силою въ наказаніе за содѣйствіе къ открытію заговора; въ вящшее наказаніе Судейкинъ былъ обращенъ къ исполненію поварскихъ обязанностей [2]).

По удаленіи мятежниковъ въ Чекавинскую гавань, Большерѣцкъ встрепенулся, Уже 30 апрѣля въ большерѣцкой канцеляріи отъ лица 83 приказныхъ, военныхъ и купеческихъ людей, оставшихся безъ начальника, было объявлено, что они, впредь до присылки новаго командира, избрали на эту должность штурманскаго ученика Софьина. Софьинъ не замедлилъ привести всѣхъ жителей къ присягѣ на вѣрность императрицѣ и съ выборными ото всѣхъ сословій произвелъ освидѣтельствованіе оставленнаго мятежниками казеннаго имущества. 30 же апрѣля положено было обо всемъ происшедшемъ отрапортовать въ Охотскъ, дать знать на суда и командующему въ Тигильской крѣпостцѣ Андрееву, а изъ верхне-камчатской избы просить средствъ къ защитѣ, за неимѣніемъ коихъ обезоруженные жители Большерѣцка были вынуждены безпрекословно удовлетворить требованія Беньовскаго о снабженіи его провіантомъ.

---

[1]) Voyages et mémoires de Maurice Auguste comte de Benyowsky. 2 vol. Paris; ed. Buisson. 1791. T. I, стр. 384—386.

[2]) Всѣ эти четыре арестанта впослѣдствіи благополучно вернулись въ Россію, а подштурманы Измайловъ и Бочаровъ, благодаря опытности, пріобрѣтенной въ навигаціи въ восточныхъ моряхъ, сослужили, по свидѣтельству Берха, полезную службу извѣстному Шелехову въ его путешествіяхъ.

Несмотря на дальность разстояній, вѣсть, пришедшая изъ Большерѣцка, всполошила всю Камчатку. Верхнекамчатская изба не замедлила выслать 2 орудія и 12 человѣкъ нерегулярной команды съ предписаніемъ остановиться въ Малкинскомъ острожкѣ и подойти къ Большерѣцку не прежде, какъ опознавъ навѣрное, что непріятеля тамъ уже нѣтъ. Изъ нижнекамчатской избы было вытребовано въ Большерѣцкъ 40 вооруженныхъ людей. Когда подоспѣлъ этотъ «сикурсъ», въ Большерѣцкѣ жизнь уже вошла въ обычную колею. 14 мая возвратившіеся изъ Чекавинской гавани, задержанные мятежниками въ аманатахъ, тотемскій купецъ Казариновъ, казакъ Никита Черныхъ, боцманъ Сѣрогородскій, сержантъ Даниловъ и другіе привезли извѣстіе, что Беньовскій ушелъ съ товарищами въ море, выражая сожалѣніе, что по ограниченности судна не можетъ забрать и остальныхъ, но обѣщалъ на пути попросить встрѣчныя судна и остальныхъ жителей Камчатки отвезти въ лучшія мѣста, такъ какъ Европа будто бы уговорилась съ Турціею произвести раздѣлъ Россіи на четыре части.

Для составленія подробнаго донесенія начальству въ большерѣцкой канцеляріи ежедневно производились опросы, которые окончены были лишь 13 іюня. Донесеніе было отправлено въ Охотскъ чрезъ сержанта Данилова на галіотѣ «Св. Екатерина», и съ этимъ же посланцемъ пошли доставленный отъ Беньовскаго запечатанный конвертъ на имя сената, окровавленная постель Нилова и вѣдомости расхищенному и уцѣлѣвшему казенному имуществу. Командованіе надъ Большерѣцкимъ острогомъ было сдано присланному отъ нижнекамчатскаго командира прапорщика Норина каптенармусу Ероѳею Рознину.

Донесеніе большерѣцкой канцеляріи достигло Охотска только 9 іюля, при чемъ съ галіотомъ «Св. Екатерина» въ Охотскъ прибыли и нѣкоторые очевидцы бунта (штурманскій ученикъ Софьинъ, купецъ Казариновъ и нѣсколько судовыхъ рабочихъ). Командиръ Охотскаго порта полковникъ Плениснеръ, добродушный и нерѣшительный старикъ, вмѣсто немедленнаго сообщенія въ Иркутскъ о происшедшихъ событіяхъ затѣялъ дополнить большерѣцкое слѣдствіе показаніями штурманскаго ученика Софьина, купца Казаринова и судовыхъ рабочихъ, пріѣхавшихъ по своимъ дѣламъ въ Охотскъ и бывшихъ очевидцами камчатскаго бунта. Только 26 августа отправилъ Плениснеръ свой рапортъ для сбереженія казеннаго интереса съ попутчикомъ, который замѣшкался въ Якутскѣ.

Благодаря этому медленному поспѣшенію иркутское губернское начальство до полученія еще оффиціальнаго рапорта извѣстилось о бѣгствѣ Беньовскаго чрезъ полковника Зубрицкаго, пріѣзжавшаго въ Охотскъ для разслѣдованія пререканій между Плениснеромъ и прежнимъ камчатскимъ командиромъ капитаномъ Извѣко-

вымъ. Зубрицкій, и самъ имѣвшій столкновенія съ Плениснеромъ, и желая ему подгадить, охотно принялъ доносъ отъ мѣстнаго копіиста Злыгостева о томъ, что командиръ Охотскаго порта искусственно затягиваетъ представленіе по начальству рапорта о бѣгствѣ Беньовскаго.

По всѣмъ этимъ причинамъ и иркутское начальство свой рапортъ въ сенатъ могло отправить только въ серединѣ октября.

Въ Петербургъ рапортъ этотъ пришелъ только въ январѣ 1771 г. послѣ того, какъ императрица, узнавъ окольнымъ путемъ о камчатскихъ происшествіяхъ, собственноручно отписала къ иркутскому генералъ-губернатору генералъ-лейтенанту Брилю слѣдующее:

«Какъ здѣсь извѣстно сдѣлалось, что на Камчаткѣ въ большерѣцкомъ острогѣ за государственныя преступленія вмѣсто смертной казни сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, въ противность нашей императорской власти осмѣлились людей многихъ къ присягѣ привести по своей вымышленной злодѣйской волѣ и потомъ, сѣвъ на судно, уплыли въ неизвѣстное мѣсто, того дня повелѣваемъ вамъ публиковать въ Камчаткѣ, что кто на морѣ или сухимъ путемъ вышереченныхъ людей или сообщниковъ ихъ изловитъ и приведетъ живыхъ или мертвыхъ, тѣмъ выдано будетъ въ награжденіе за каждаго по сту рублевъ. Есть ли или въ Охотскѣ или Камчаткѣ суда есть наемныя, то оными стараться злодѣевъ переловить, а есть ли нѣтъ, то промышленнымъ накрѣпко приказать, что есть ли сіи злодѣи гдѣ наѣдутъ, чтобы старались перевязать ихъ и при возвращеніи отдать оныхъ къ суду ближнимъ начальникамъ нашимъ, дабы съ ними поступать можно было, какъ по законамъ надлежитъ, бездѣльникамъ подобнымъ въ страхъ и примѣръ».

Въ особомъ рескриптѣ къ тому же генералу Брилю, отъ 1 января 1771 г., Екатерина II выражаетъ увѣренность, что хотя и не имѣетъ отъ генералъ-губернатора никакого извѣстія о камчатскихъ происшествіяхъ, онъ, конечно, уже все по возможности сдѣлалъ къ приведенію камчатскихъ дѣлъ въ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сама предлагаетъ ему разные совѣты по этому предмету.

7-го февраля 1771 г. полученъ былъ наконецъ въ сенатѣ второй рапортъ изъ Иркутска съ препровожденіемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла, доставленнаго наконецъ отъ Плениснера вмѣстѣ съ конвертомъ Беньовскаго на имя сената.

По докладѣ Екатеринѣ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, государыня 25 февраля повелѣла: «Плениснера отрѣшить отъ должности, поручивъ ее Зубрицкому; копіисту Злыгостеву дать чинъ и полугодовой окладъ жалованія; въ производимыхъ допросахъ не дѣлать притѣсненія

невиннымъ; отыскать и допросить священника Уфтюжанинова, котораго сынъ бѣжалъ съ мятежниками, а купца Казаринова, который самъ предъявилъ письмо сего священника къ Беньовскому, если содержится подъ арестомъ, освободить» [1]). Въ то время, какъ изъ Петербурга предписывались, а на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ предпринимались мѣры предосторожности и уловленія «бездѣльниковъ», они уже находились внѣ досягаемости для наказанія по законамъ на страхъ и примѣръ другимъ.

Обращаясь къ морской экспедиціи Беньовскаго, нельзя не отмѣтить особенно рѣзко выступающую недостовѣрность свѣдѣній, заключающихся въ его запискахъ. Не говоря уже о коробящемъ читателя заносчивомъ самохвальствѣ автора, который приписываетъ единственно себѣ и своей распорядительности тѣ дѣйствія, которыя обезпечили экипажъ отъ погибели въ теченіе четырехмѣсячныхъ скитаній по Тихому океану на суднѣ, имѣвшемъ всего 8 съ небольшимъ футовъ осадки, при отсутствіи астрономическихъ и математическихъ инструментовъ, кромѣ далеко не совершеннаго квадранта Дэвиса, еще больше недовѣрія къ повѣствованію Беньовскаго поселяютъ частыя противорѣчія, разсѣянныя въ его книгѣ: кого онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ капитаномъ, въ другомъ оказывается матросомъ; иного онъ хоронитъ сегодня, а чрезъ мѣсяцъ опять выводитъ на сцену, подъ одно число нерѣдко подводятся событія нѣсколькихъ дней; не менѣе часто проявляется полная сбивчивость съ суточныхъ счисленіяхъ. Такою же недостовѣрностью отмѣчены и описанія посѣщенныхъ Беньовскимъ странъ; такъ, напримѣръ, описаніе Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ сдѣлано имъ по матеріаламъ большерѣцкой канцеляріи, которая и сама имѣла очень скудныя свѣдѣнія по этому предмету; разсказы о Японіи, Ликейскихъ островахъ преисполнены небылицъ; прохожденіе галіота къ Берингову острову и проливу, отдѣляющему Азію отъ Америки, является чистымъ вымысломъ и т. д.

Обличеніемъ и провѣркою для небылицъ, нагроможденныхъ Беньовскимъ, являются безпритязательныя записки канцеляриста Ивана Рюмина, заслуживающія тѣмъ большей вѣры, что факты, въ нихъ приводимые, въ точности совпадаютъ съ дошедшими до насъ повѣствованіями подштурмана Бочарова и другихъ бѣглецовъ, въ концѣ концовъ вернувшихся въ Россію.

Поэтому въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ придерживаться записокъ Рюмина, текстъ коихъ, хранящійся въ Британ-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семенъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже претерпѣлъ отъ нихъ побои, императрица разрѣшила ему проживать въ калужскихъ деревняхъ братьевъ его, подъ ихъ присмотромъ, и ту же милость распространила на брата Семена Гурьева Ивана и двоюроднаго его брата Петра, поселенныхъ въ Якутскѣ безъ лишенія дворянства.

скомъ музеѣ, использованъ новѣйшимъ біографомъ Беньовскаго проф. Культрю, а въ русской литературѣ онѣ давно уже оцѣнены по достоинству Берхомъ и Блудовымъ.

Рюминъ повѣствуетъ, что, выйдя въ море 12 мая 1770 года, галіотъ послѣ благополучнаго плаванія, миновавъ нѣсколько острововъ, 18 мая подошелъ къ большому острову и, усмотрѣвъ способную ко входу гавань, бросилъ якорь.

«Бейсноскъ послалъ немедленно крестьянина Кузнецова (отправлявшаго при командирѣ адъютантскую должность) на берегъ провѣдать, есть ли здѣсь жители. Кузнецовъ, возвратясь, рапортовалъ, что ничего не могъ найти, и привелъ съ собою только собачку, по ошейнику которой дознались, что это 17-й курильскій островъ, именуемый по курильскому нарѣчію Икоза».

Тутъ канцеляристъ Рюминъ впадаетъ въ ошибку, ибо за шесть дней плаванія «Св. Петръ» не могъ пройти столь значительное разстояніе и гораздо вѣроятнѣе, какъ и штурманъ Измайловъ разсказывалъ капитану Куку при свиданіи на о. Уналашкѣ, что галіотъ приставалъ къ о. Марикану, или Манакрути (т. е. четвертому).

«На другой день, т. е. 19 мая, расшвартовали судно, занялись поправкою такелажа, печеніемъ хлѣбовъ и шитьемъ англійскаго флага и вымпела, которые тотчасъ и поставили. 29 числа сочинилъ Бейсноскъ письменное опредѣленіе и приказалъ въ силу онаго высѣчь кошками штурманскихъ учениковъ Измайлова, Зябликова, камчадала Паранчина съ женою и матроса Софронова». Это наказаніе было вызвано тѣмъ, что «люди сіи яко истинные сыны отечества» замыслили напасть ночью на бунтовщиковъ, перерѣзать ихъ и, овладѣвъ судномъ, вернуться назадъ въ Большерѣцкъ. Беньовскій Измайлова и Паранчина съ женою, какъ зачинщиковъ покушенія, снабдилъ провіантомъ и оставилъ на островѣ, а изъ боязни вызвать этою крутою мѣрою недовольство экипажа поспѣшилъ покинуть Икозу.

«Вышедъ 29 мая изъ гавани,—разсказываетъ Рюминъ,—продолжали мы путь нашъ съ благопріятными вѣтрами. 6 и 9 іюня видѣли воздушный огонь или свѣтъ, а 15-го встрѣтили неимовѣрное множество летучихъ рыбъ».

Беньовскій, въ свою очередь, разсказывалъ, что въ іюнѣ, когда жара значительно усилилась, спутники его начали требовать, чтобы онъ позволилъ имъ пустить кровь. «Полагая, что это не повредитъ ихъ здоровью, я приказалъ Мейдеру (врачу) удовлетворить ихъ желаніе и замѣтилъ, что почти всѣ чувствовавшіе тягость отъ несносной жары прибѣгли къ этому лекарству». Леченіе однакоже оказалось не изъ удачныхъ: пребываніе между тропиками въ лѣтнее время вызываетъ массу выдѣленій испарины, и организмъ безъ кровопусканія сильно разслабляется; въ результатѣ же кровопусканій въ экипажѣ открылись заболѣванія лихорадкою и

нервною горячкою, уменьшившія составъ команды на цѣлую четверть.

«Іюля 2-го,—пишетъ Рюминъ,—сдѣлался штормъ, который, продолжаясь съ непомѣрною жестокостью, грозилъ намъ опасностью потопнуть въ морскихъ волнахъ. 7-го увидѣли въ правой рукѣ большой островъ и, подошедъ къ оному, положили подъ вечеръ якорь.

«На другой день поутру увидѣли мы на берегу множество японцевъ, которые, махая руками, давали намъ знать, чтобы мы пошли въ море, но предводитель нашъ Бейсноскъ, не взирая на сіе, приказалъ спустить байдару и отправилъ на оной къ берегу Винбланда и Степанова. Когда байдара начала приступать къ берегу, то японцы старались не допускать нашихъ выходить на оный, но, видя, что всѣ угрозы тщетны, приняли они ихъ весьма ласково и, препроводя въ домъ, потчевали водкою [и пшеномъ. Потомъ два чиновные японца, приглася въ свою лодку Винбланда и Степанова, прибыли къ намъ на судно.

«Бейсноскъ, принявъ японцевъ сихъ весьма ласково, одарилъ разными вещами и просилъ показать ему удобную гавань, гдѣ бы можно было налиться водою. Японцы указали намъ къ сѣверу на томъ же островѣ бухту, давая знать, чтобъ мы перешли въ оную. Немедленно подняли у насъ на галіотѣ того же 8 числа якорь и, распустя паруса, пошли къ сѣверу. По приближеніи къ гавани встрѣтили насъ двѣ лодки, и съ одной изъ нихъ взошелъ на судно чиновный японецъ. Вскорѣ прибыли еще три лодки и по приказу чиновника своего ввели насъ буксиромъ въ гавань.

«Правый берегъ бухты состоитъ изъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, а въ сторонѣ отъ онаго видно японское селеніе наподобіе нашей россійской деревни—строеніе каменное и деревянное. Всѣ сіи зданія окружены невысокою каменною стѣною». Рюминъ замѣчаетъ, что Нагасаки отъ мѣста ихъ пребыванія находился верстахъ въ пятидесяти.

«Положа якорь,—продолжаетъ Рюминъ,— послали байдару за водою; но едва начала она приближаться къ берегу, то стоявшіе на ономъ японцы, не допуская нашихъ, махали руками и кричали, что ежели они позволятъ имъ выступить на землю, то всѣмъ имъ отрубятъ головы, и такъ байдара возвратилась къ судну. Вскорѣ послѣ сего прибыли къ намъ японцы и привезли пшена и воды. На ночь поставили около судна нашего двѣ лодки съ фонарями да и на берегу видны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огни.

«На другой день, 9 іюля, поѣхалъ предводитель нашъ на берегъ, но караульныя лодки опять заставили его воротиться на судно. Японцы посѣщали насъ, между тѣмъ, весьма часто и даже многіе, влекомые любопытствомъ, пріѣзжали нарочно изъ отдаленныхъ селеній. Бейсноскъ объявилъ себя голландцемъ и давалъ японцамъ знать, что онъ идетъ въ Нагасаки для торга. Дабы болѣе увѣрить

ихъ въ семъ, написалъ онъ письмо въ голландскую факторію и отдалъ имъ для доставленія, но видно, что японцы сему не вѣрили, ибо содержали насъ подъ самымъ строгимъ присмотромъ.

«11 числа налили японцы всѣ бочки наши водою, привезли нѣсколько пшена и цѣлый мѣшокъ соли, 12-го поутру приказалъ начальникъ нашъ подымать якорь, но едва принялись мы за работу сію, то японцы начали убѣждать Бейсноска провести здѣсь еще одну ночь. Видя же, что мы, не уважая желанія ихъ, готовимся выступить въ море, ухватились они за канатъ и препятствовали намъ убирать оный. Заключая изъ сего, что японцы имѣютъ противъ насъ дурной умыселъ, выпалили мы изъ пушки; тогда всѣ находившіеся въ лодкахъ, упали отъ страха, какъ мертвые, и, опомнясь, поплыли къ берегу».

Рюминъ вполнѣ основательно замѣчаетъ: «Вѣрно, они ожидали повелѣнія отъ начальства, какъ поступить съ нами, и ежели бы мы остались еще одну ночь, то бъ они насъ живыхъ не выпустили, ибо по прибытіи нашемъ въ Макао слышали мы, что они сожгли два испанскіе корабля и людей всѣхъ перерѣзали».

Слѣдующую IV главу своего разсказа Рюминъ начинаетъ такъ: «12 іюля, по выходѣ изъ японской гавани, слѣдовали моремъ и видѣли предъ нашимъ судномъ идущую большую японскую лодку, называемую буссъ. 19-го усмотрѣли въ правой рукѣ большой островъ, окруженный высокими каменными горами, а съ лѣвой другой, гораздо меньшей величины. 20-го поутру подошли мы къ большому острову и стали на якорь въ очень удобной бухтѣ».

Почти тотчасъ же къ галіоту прибыли миролюбивые жители Танао-Сима и привезли странникамъ картофеля, сарачинскаго пшена и живой рыбы.

Рюминъ съ особенною похвалою отзывается о добродушіи островитянъ, «которые такъ до насъ были ласковы, какъ бы уже съ нами многое время жили».

Покинувъ гостепріимный островъ 30 іюля, галіотъ поплылъ дальше. 7 августа, «увидѣвъ высокій островъ (Формозу), лавировали около онаго два дня и положили якорь въ недальнемъ разстояніи отъ берега. Бейсноскъ отправилъ немедленно на берегъ гребное судно, но едва находившіеся на ономъ люди прошли нѣсколько шаговъ по острову, то встрѣтили ихъ жители тучей стрѣлъ и ранили одного въ двухъ мѣстахъ». Неожиданность нападенія заставила высадившихся быстро вернуться на судно.

«Бейсноскъ снялся, скоро по возвращеніи людей своихъ, съ якоря и пошелъ искать удобной гавани въ южной сторонѣ». Послѣ нѣсколькихъ дней миролюбивыхъ сношеній, со стороны формозскихъ дикарей проявилась явная вражда—бывшій капитанъ Пановъ, юнга Поповъ и Логиновъ подверглись 17 августа умерщвленію на берегу, когда запасались водою. Беньовскій увѣряетъ,

что лишь по настояніямъ спутниковъ согласился учинить расправу съ дикарями для отомщенія за смерть товарищей; по подсчету Рюмина стычка эта завершилась смертью 1 туземца и нѣсколькими ранеными. 26 августа открылся китайскій берегъ, а 1 сентября галіотъ остановился на рейдѣ Ченъ-Чеу въ провинціи Кокіенъ. Дружелюбное обращеніе китайцевъ произвело пріятное впечатлѣніе на русскихъ бѣглецовъ, которые и получили лоцмана для провода судна къ португальскимъ владѣніямъ. Миновавъ Кантонъ 11 сентября, галіотъ прибылъ 12 сентября, послѣ четырехмѣсячнаго плаванія, въ Макао, гдѣ въ то время на рейдѣ стояло до 20 судовъ разныхъ націй.

В. И. Штейнъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ С. И. ВАСЮКОВА.

Редакція «Историческаго Вѣстника» понесла тяжелую утрату: скоропостижно скончался въ своемъ хуторѣ на кавказскомъ берегу Чернаго моря Семенъ Ивановичъ Васюковъ, такъ сблизившійся въ послѣдніе годы съ журналомъ и его литературной семьей, успѣвшій помѣстить на его страницахъ нѣсколько своихъ талантливыхъ беллетристическихъ произведеній, свое прекрасное описаніе поѣздки по Волгѣ и въ текущемъ году печатающій здѣсь чрезвычайно интересныя, колоритно написанныя воспоминанія «Былые дни и годы». Смерть Васюкова для насъ, его товарищей по перу, не только событіе печальное, но и въ высокой степени трагическое, поучительное: писатель не пережилъ крушенія своихъ надеждъ и вѣрованій, осуществленіе которыхъ онъ подготовлялъ столь долгимъ жизненнымъ процессомъ, не вынесъ грубаго прикосновенія къ нимъ грязной прозы жизни и отошелъ въ вѣчность полный еще силъ, но грустный, оскорбленный въ своихъ святая святыхъ и поруганный въ любви къ людямъ и своемъ идейномъ идеализмѣ. Этотъ кряжистый и сильный по внѣшнему виду человѣкъ оказался въ послѣдній моментъ своего земного существованія слишкомъ хрупкой духовной организаціей — она не вынесла подлости людской и разсыпалась вдребезги. Не стало трубадура черноморскаго побережья, которое онъ такъ красиво и съ такой любовью воспѣвалъ на всѣ лады и въ газетныхъ корреспонденціяхъ, и въ жур-

нальныхъ статьяхъ, и въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, которымъ онъ, что называется, прожужжалъ намъ всѣ уши и гдѣ мнилъ найти себѣ тотъ желанный пріютъ, гдѣ его недюжинный отъ природы литературный талантъ, подъ вліяніемъ чарующей природы юга, выросталъ, ширился и воспринималъ въ себя всѣ тѣ причудливые свѣтовые переливы, которые несъ ему прибой морскихъ волнъ. Васюковъ до переѣзда на Кавказъ и послѣ поселенія на черноморскомъ берегу въ литературномъ отношеніи рисуется разно. Случайность ли это, такъ ли предопредѣлено было судьбою, но фактъ остается фактомъ: Кавказъ принесъ ему извѣстность, ростъ, красоту таланта и ту изящность пера, которою, несомнѣнно, отмѣчены всѣ его позднѣйшія произведенія. Народникъ-беллетристъ, онъ въ послѣднія пять лѣтъ выростаетъ въ своемъ значеніи, какъ писатель, какъ журналистъ, какъ общественный дѣятель. Въ немъ совершается какъ бы переломъ, гдѣ прошлое, первая часть жизненной книги, является именно тѣмъ былымъ, которое «быльемъ поросло», съ которымъ кончено и которому онъ въ своихъ воспоминаніяхъ подвелъ итогъ. Повторять читателямъ этотъ итогъ мы не будемъ, онъ передъ нимъ на текущихъ страницахъ «Историческаго Вѣстника», а конецъ будетъ—въ ноябрьской книжкѣ [1]). Тутъ вся жизнь писателя въ ея бытовой суетнѣ, съ ея ошибками молодости, съ ея порывами, паденіями и борьбою, жизнь, разсказанная не только съ откровенностью широкой и увлекающейся натуры, каковою былъ Семенъ Ивановичъ, но и съ сердечною теплотою, которая все сильнѣе и сильнѣе захватывала въ послѣдніе годы покойнаго литератора. Задумавъ эти «воспоминанія», онъ писалъ въ 1906 году редактору «Историческаго Вѣстника»: «Думаю окунуться въ бездну воспоминаній, думаю вновь пережить отжитое, отдавъ ему долгъ, наблюденіе и сознательность. Напишу, какъ могу, подъ говоръ морской волны и подъ причудливые склоны зеленыхъ горъ. Стану на работу съ молитвою сердца! И страшно и хочется отдать себѣ отчетъ въ прошлыхъ годахъ, въ которыхъ такъ много было увлеченія и ошибокъ, но и много свѣтлаго и непосредственнаго. Кто знаетъ, можетъ быть, мои воспоминанія смягчатъ жесткія сердца и не бросятъ молодыя души въ прозу жизни!»

Такимъ образомъ интересующихся фактами изъ жизни автора «Края гордой красоты» остается лишь отослать къ его сердечной исповѣди, къ его откровенной автобіографіи, которую онъ писалъ для «Историческаго Вѣстника», какъ бы стоя на молитвѣ. Читатели изъ ознакомленія съ этимъ произведеніемъ, несомнѣнно, поймутъ, что передъ ними натура недюжинная, съ широкимъ жизненнымъ размахомъ, ищущая, бурлящая въ водоворотѣ бытовой повсе-

---

[1]) Къ послѣдней части «Воспоминаній» будетъ приложенъ и портретъ покойнаго писателя.

дневности и не могущая найти своей жизненной точки опоры. Таковою точкою опоры именно явился для него Кавказъ, въ который онъ влюбился, гдѣ онъ осѣлъ и съ которымъ тѣснѣйшимъ образомъ связалъ свое литературное перо и свои поиски «общественнаго дѣла». Кавказское черноморское побережье точно переродило его: онъ нашелъ здѣсь свою профессіональную тему, которая разрослась въ его обработкѣ въ длинную и красивую пѣснь съ ея переходами отъ радости къ горю, съ ея душу захватывающими мелодіями, стонами боли и криками восторга. Типичный русакъ-великороссъ, онъ, подобно былому новгородскому ушкуйнику въ его поискѣ обѣтованныхъ земель, облюбовалъ новый край и усмотрѣлъ здѣсь ту жемчужину, которою владѣть и притомъ владѣть крѣпко и неизмѣнно долженъ только родной ему народъ. И этотъ народъ онъ звалъ сюда, манилъ его громкою пѣснью и зорко слѣдилъ за протягивающимися къ облюбованной имъ жемчужинѣ руками всякихъ инородцевъ въ лицѣ представителей польской, еврейской и другихъ народностей. Если въ печатаемыхъ воспоминаніяхъ Васюкова читатель не найдетъ еще элементовъ великорусскаго патріотизма, то въ дѣятельности его, какъ колониста черноморскаго побережья, этотъ патріотизмъ весь налицо. Кавказская жизнь заставила его «порусѣть», вызвала въ немъ приливъ бывшихъ подъ спудомъ націоналистическихъ думъ и чувствъ и воскресила въ его лицѣ того коренного москвича, который, живя съ сосѣдомъ-инородцемъ въ наружномъ мирѣ и согласіи, остается твердо вѣренъ своимъ русскимъ думамъ съ яснымъ сознаніемъ наличія въ данномъ моментѣ жизни борьбы за національное существованіе. Это положеніе можно бы было подтвердить не одною выдержкою изъ писемъ Васюкова къ С. Н. Шубинскому, оно же до нѣкоторой степени усматривается и изъ тѣхъ его газетныхъ корреспонденцій, которыя за разными подписями появлялись въ послѣдніе два года въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ. Черноморскія степи, черноморское побережье поразили его воображеніе, и колонизація, правильная и справедливая и въ интересахъ переселенцевъ, и въ видахъ государственной полезности, сдѣлалась предметомъ многихъ его офиціальныхъ записокъ, поданныхъ своевременно министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Покойный В. К. Плеве и А. С. Ермоловъ, въ особенности послѣдній, когда онъ стоялъ во главѣ вѣдомства земледѣлія, охотно слушали Васюкова въ его предстательствахъ за облюбованный имъ край и мѣстныхъ жителей, возлагали на него разныя порученія и видѣли въ немъ того знатока мѣстныхъ вопросовъ, къ голосу котораго полезно прислушиваться и въ рѣчи котораго била искренность, правдивость и страстное, безкорыстное желаніе блага своей родинѣ. И мѣстные жители, напримѣръ, тамошніе сектанты, смотрѣли подъ такимъ же угломъ зрѣнія на Семена Ивановича, несли ему

охотно и довѣрчиво свои радости и горести, въ полномъ и справедливомъ убѣжденьи, что онъ передъ лицомъ бюрократическихъ канцелярій сумѣетъ явиться тѣмъ добровольнымъ ходокомъ-ходатаемъ, который своимъ горячимъ энергическимъ голосомъ «постоитъ» за ихъ интересы, насущныя надобности и доведетъ нелицепріятно о послѣднихъ до свѣдѣнія начальства. Писателю иногда удавалось видѣть благопріятные слѣды своихъ домогательствъ, своихъ исканій въ нѣдрахъ столичныхъ канцелярій; иногда, но не всегда, и въ письмахъ его къ товарищамъ по писательской профессіи сплошь и рядомъ можно найти слѣды горечи неудачъ и чувства неудовлетворенности. Неудовлетворенность какъ общественнаго дѣятеля, приступавшаго въ свое время къ своимъ начинаніямъ съ вѣрою въ ихъ быстрое осуществленіе, тяготила Семена Ивановича въ послѣдніе два года, а такъ называемое наше освободительное движеніе въ его провинціальныхъ проявленіяхъ вызывало въ немъ сплошь и рядомъ недоумѣніе и озлобленіе. Въ этомъ отношеніи очень интересно его письмо къ С. Н. Шубинскому въ исходѣ 1906 года, гдѣ онъ написалъ:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Пусть этотъ новый годъ принесетъ вамъ покой и здоровье! Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами и по душѣ поговорить. Правда, и есть о чемъ... На меня весь этотъ россійскій хаосъ, называемый освободительнымъ движеніемъ, произвелъ и производитъ тягостное впечатлѣніе по своей теоретичности и безпочвенности. Признаюсь, я боюсь за Россію. Выдержитъ ли она «эту марку» послѣ японской войны! И знаете почему: я не вѣрю въ народъ, какъ прежде. Да, онъ въ послѣднее время измѣнился и измѣнился въ дурную сторону, оставаясь невѣжественнымъ, но лишась своей непосредственности.

«Въ народѣ заговорили грубыя, эгоистическія стороны. Обстоятельства его столкнули съ пути до нѣкоторой степени своеобразнаго идеализма на путь матеріализма. Народъ задумался, но ничего выдумать не можетъ. Въ особенности въ политическомъ отношеніи; кромѣ того, онъ не знаетъ, кто его враги и кто—друзья? Это ужасно, если принять во вниманіе круглое невѣжество и быструю деморализацію. Кажется, Бокль сказалъ: «каковъ народъ, таково и правительство». И это вѣрно... И еще почему освободительное движеніе не имѣло успѣха и кѣмъ было побѣждено?

«Не висѣлицами и не пулеметами, а равнодушіемъ къ политикѣ массъ, которымъ нуженъ хлѣбъ, земля, и безсодержательностью самихъ революціонеровъ, которыхъ смѣло можно раздѣлить на двѣ части: 1) на безпочвенныхъ идеалистовъ, не знающихъ народа и во имя его дѣйствующихъ и погибающихъ, и 2) на карьеристовъ, даже жуликовъ, почуявшихъ отъ перемѣны для себя

выгоды и гешефты и ставшихъ на сторону движенія. Эти послѣдніе главнымъ образомъ и погубили дѣло манифеста 17 октября. Я знаю лично, что за элементы поднялись со знаменемъ свободы, и вижу и наблюдаю теперь, какъ они дѣйствуютъ... О, о! Даже вокругъ меня совершается нѣчто ужасное, когда три проходимца пріобрѣтаютъ вліяніе на народъ, ублажая его глупые, но хищные инстинкты и направляя на неизвѣстное будущее. Это не черносотенники, а революціонеры-карьеристы! Эти вреднѣе черносотенниковъ... Трудно мнѣ жить, Сергѣй Николаевичъ, вообще, теряя вѣру въ народъ русскій, да въ особенности еще далеко не въ молодыхъ годахъ. Хотѣлось бы что-нибудь сдѣлать, да не даютъ революціонеры съ администраторами».

Это письмо чрезвычайно характерно для бывшаго «политика» и народника и его нельзя отнести на счетъ настроенія опредѣленнаго только момента, ибо та же гамма чувствъ и мыслей развертывается и въ его письмѣ къ редактору «Историческаго Вѣстника» черезъ полгода послѣ написанія перваго. Въ іюнѣ 1907 года онъ писалъ:

«Какое удивительное время мы переживаемъ, время, которое, какъ птица на крыльяхъ, несетъ новыя мысли и непосредственныя идеи. Что сталось съ народомъ, среди котораго я живу, среди котораго я путешествовалъ цѣлый мѣсяцъ по степямъ Сѣвернаго Кавказа?.. Это только газетчики могутъ печатать о мужикѣ нелѣпыя небылицы, которыя послѣдній разсказываетъ панамъ нарочно. Гдѣ ихъ наблюдательность, развѣ она ушла впередъ отъ правительственной внутренней политики?!. или они къ ней подлаживаются? Это еще хуже въ такое, скажу по правдѣ, грозное время, когда народъ заговорилъ самъ о выборномъ правительствѣ и государственномъ учетѣ».

А черезъ нѣсколько времени онъ, возвращаясь все къ той же темѣ о народѣ, писалъ:

«Я живу плохо потому, что кругомъ разыгрывается народная, и притомъ дикая трагедія, и я положительно разочаровался «въ мужикѣ», въ которомъ не вижу свѣтлыхъ сторонъ, а одну тьму невѣжества, дикость и суевѣріе... Да, Толстой правъ... Проѣхалъ я почти весь югъ Россіи—и одно, одно впечатлѣніе, впечатлѣніе грознаго разложенія, полнаго упадка... Кажется, что работаютъ въ одномъ направленіи двѣ силы: сверху и снизу, и обѣ эти силы, равныя по дикости и по недоумѣнію, дѣлаютъ только дѣло разрушенія. Кажется, что идея разума, творчества оставила мою родину, надъ которой носится крылатый злобный ангелъ человѣческаго паденія... Кровь и кровь... и ничего въ перспективѣ!..»

Съ такими омраченными мыслями и чувствами появился въ началѣ текущаго года Семенъ Ивановичъ въ Петербургѣ, но трудовая энергія попрежнему била въ немъ ключомъ. Однако въ немъ замѣча-

лась и нѣкоторая перемѣна. Если прежде онъ съ особенною страстностью останавливался въ своихъ бесѣдахъ на мѣстныхъ дѣлахъ, то теперь онъ охотнѣе говорилъ о дѣлахъ личныхъ—семейныхъ и литературныхъ замыслахъ. Нѣсколько экспансивный въ своемъ изложеніи, онъ съ трогательною подробностью распространялся о своемъ маленькомъ сынѣ, въ котораго вкладывалъ настоящее обожаніе, ту горячую вѣру, которую прежде, какъ народникъ, онъ отдавалъ цѣликомъ народу. Рядомъ съ этою темою онъ горячо развивалъ свои планы будущихъ работъ, какъ въ газетахъ, такъ и въ журналахъ. На него явился спросъ; столичные газетные столбцы многихъ періодическихъ изданій, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, были къ его услугамъ — пиши только! Журналы не отставали отъ газетъ, и Семенъ Ивановичъ, уѣзжая въ свою Архипо-Осиповку, былъ полонъ стремленій вплотную засѣсть за литературу по разнообразнымъ отраслямъ беллетристическаго и публицистическаго творчества. Въ послѣдніе дни онъ успѣлъ сдать «Новому Времени» къ изданію нынѣ вышедшую уже книгу «Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье», отзывъ о которой читатели найдутъ въ отдѣлѣ критики, и заручиться принципіальнымъ согласіемъ «Вѣстника Европы» на принятіе большого бытового романа, а со стороны «Историческаго Вѣстника» на рядъ очерковъ. Съ этимъ онъ насъ покинулъ, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ изъ газетной телеграммы стало извѣстно, что писатель Васюковъ въ своемъ имѣніи сталъ жертвою отвратительной экспропріаціи. Небольшая корреспонденція въ «Новомъ Времени» изъ Джубгы вкратцѣ повѣдала, какъ произошло дѣло, а болѣе пространное письмо въ редакцію супруги Семена Ивановича добавило къ извѣстному уже нѣкоторыя подробности, а также вскрыло передъ нами то настроеніе, которое овладѣло нашимъ писателемъ послѣ пережитаго акта насилія. Вотъ что сказано въ письмѣ:

«3 мая вечеромъ пришелъ къ намъ одинъ крестьянинъ, сосѣдъ по имѣнію, онъ же исполняетъ и работы наши. Не успѣла я зажечь лампу и сказать нѣсколько словъ, какъ вдругъ безъ шума, быстрыми шагами входятъ три вооруженныхъ человѣка со словами: «руки вверхъ!» Это было такъ неожиданно, что мы даже не испугались и не встали со своихъ мѣстъ. Они потребовали отъ Семена Ивановича оружія, наставили на него кинжалъ и револьверы. С. И. не потерялъ присутствія духа, спокойно отдалъ ружье, но револьвера не отдалъ, говоря, что не имѣетъ; затѣмъ они взяли всѣ деньги, попросили 15 минутъ не выходить и скрылись. С. И. просилъ ихъ оставить ему хотя 10 рублей, на что одинъ изъ нихъ, [с]тоявшій около входной двери, отвѣтилъ: «вы себѣ выпишете, а [н]амъ деньги нужны, мы только что сорвались съ петли».

«Я была страшно возмущена этими словами и отвѣтила: «за [та]кія дѣла немудрено попасть въ петлю...» Мнѣ и пришедшему

крестьянину совершенно свободно было убѣжать въ дверь на террасу и поднять крикъ, но я не сдѣлала этого изъ боязни, чтобы они изъ мести не ранили, а то и прямо не убили Сем. Ив. А на улицѣ свѣтила во всей своей красѣ луна и масса дѣвицъ и хлопцевъ бѣгали и пѣли пѣсни въ двухъ [шагахъ отъ нашего дома! Все это произошло около 8 час. вечера. Взяли всего на 300 руб. Нѣтъ! они ограбили насъ не на 300 руб., а на тысячи! Они отняли у насъ покой и вѣру! Бѣдный Сем. Ив. настолько разстроенъ, что не можетъ писать!.. Чѣмъ мы гарантированы, что они не придутъ во второй, третій и т. д. разъ? Мы не можемъ ни спать спокойно, ни даже находиться дома... Одинъ изъ воровъ, державшій отточенный кинжалъ, нашъ Николай, у насъ работавшій, бывалъ у насъ, ѣлъ, пилъ съ нами за однимъ столомъ... Боже! да какъ же послѣ этого относиться къ людямъ! Сем. Ив. ему сказалъ: «не стыдно вамъ, вѣдь вы нашъ знакомый!..» Намъ не жалко денегъ, жаль покоя, мы почувствовали такую гадливость, такую гнусность къ этимъ людямъ. Какъ человѣкъ, которому не сдѣлали ничего плохого, могъ предводительствовать шайкой грабителей и въ случаѣ сопротивленія вспороть животъ отточеннымъ кинжаломъ!»

На это письмо редакторъ «Историческаго Вѣстника» поспѣшилъ съ словомъ утѣшенія и ободренія своему сотруднику, и вотъ его отвѣтъ отъ 30 мая, который и является его послѣднимъ словомъ, написаннымъ для «Историческаго Вѣстника»:

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Душевно благодарю за ваше хорошее письмо. Прошло немало времени, а я все не могу отдѣлаться не отъ впечатлѣнія страха, а отъ другого, болѣе сложнаго чувства: обиды и моего теперешняго положенія на побережьѣ.

«Надо все бросить и бѣжать!

«А вѣдь сколько труда и затратъ положено на участки, которыхъ у меня два[1]). Одна небольшая, но удобная дача въ Архипо-Осиповкѣ, стоившая мнѣ $3^1/_2$ тысячи съ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ. Другой участокъ около 13 десятинъ надъ моремъ. Тамъ я посадилъ 1 десятину фруктоваго сада, $^3/_4$ десят. виноградника, раскорчевалъ 1 десят. изъ-подъ лѣса земли, построилъ большой каменный сарай (1000 р.) и заготовилъ нѣкоторый матеріалъ для дома. Моя думка была, какъ выстрою тамъ домъ, то продать дачу и перейти уже на настоящее хозяйство, которое черезъ года три станетъ доходнымъ. Все-таки кое-что достанется и моему сыну.

«Теперь всѣ мечты къ чорту!

---

[1]) Всѣ затраты на пріобрѣтеніе имущества, стройку и хозяйство С. И. Васюковымъ произведены изъ литературнаго заработка.

«Надо продавать и уходить изъ этихъ мѣстъ. Можетъ быть, это непрактично, но я не могу здѣсь жить, потому что не могу работать. Конечно, нелегко найти покупателя.

«Задумалъ я и началъ для «Вѣстника Европы» писать романъ, но бросилъ... не могу! Немного спустя времени я напишу вамъ очеркъ этого разбоя въ связи съ мѣстной бюрократіей; ручаюсь, что онъ будетъ ярокъ.

«Живемъ мы теперь скверно, среди унынія и тоски. Наши нервы очень разстроены. Отчего «Новое Время» не помѣщаетъ моихъ корреспонденцій? Вслѣдствіе этого я сталъ помѣщать таковыя въ «Русскомъ Словѣ» за плату 15 коп. строка.

«Впрочемъ, теперь не до корреспонденцій, пропала охота наблюдать надъ мѣстными дѣлами!

«Простите, писать больше не могу.

«Книги («Типы и характеры») получилъ. Если въ «Историческомъ Вѣстникѣ» будетъ рецензія, то попросите Б. Б. Глинскаго выслать мнѣ оттискъ.

«Примите мое сердечное уваженіе. Крѣпко обнимаю и цѣлую васъ

«С. Васюковъ».

Это письмо пришло въ Петербургъ 4 іюня, а черезъ три дня, въ ночь на 7-е іюня, Семена Ивановича не стало. Его сердце, видимо, затосковало смертельною тоскою въ чувствѣ нанесенной обиды и остановилось навсегда въ своемъ біеніи. Кавказъ, которому Васюковъ отдалъ столько чувства, мѣстные люди, для которыхъ онъ такъ много поработалъ, не сумѣли его оцѣнить и сберечь. Пѣвецъ черноморскаго побережья, любвеобильный народникъ и энтузіастъ, какъ послѣднюю дань своему благородному чувству, встрѣтилъ себѣ здѣсь отвратительное оскорбленіе, надругательство надъ своимъ я и свой скорбный конецъ. Развѣ это не живая трагедія, не скорбная страница изъ нашей отечественной дѣйствительности? Тяжело, до слезъ обидно и грустно!

Б. Г.

АРТИСТЪ-САМОРОДОКЪ.

(Памяти П. И. Богатырева).

УМЕРЪ Павелъ Ивановичъ Богатыревъ. Когда-то знаменитый теноръ, кумиръ москвичей, онъ тихо угасъ на окраинѣ Москвы, почти всѣми забытый, полунищій, больной, изможденный старикъ. Украшеніе русской оперной сцены, артистъ Божіей милостію, подъ конецъ жизни долженъ былъ ради куска хлѣба подвизаться на ресторанныхъ и кафе-шантанныхъ подмосткахъ, снискивая себѣ скудное пропитаніе жалкими остатками нѣкогда дивнаго, чарующей красоты и мощи голоса.

Судьба этого человѣка поистинѣ замѣчательна. Родился онъ въ Москвѣ, въ Рогожской, въ 1849 году. Предки его, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, всѣ были старообрядцы: одни безпоповщинскаго толка, какъ говорили, по «Ильѣ Алексѣевичу», бывшему основателю Преображенскаго безпоповщинскаго кладбища въ Москвѣ, или «по Преображенскому», что тоже обозначало послѣдователей Ильи Алексѣевича Ковылина,—другіе предки были «по Рогожскому», т. е. послѣдователи старообрядцевъ-поповцевъ, но не пріемлющихъ священства отъ господствующей церкви. Въ его роднѣ, какъ онъ пишетъ самъ въ своей автобіографіи [1]), было много разныхъ безтолковыхъ толковъ. Отецъ его былъ крещенъ на Рогожскомъ кладбищѣ

---

[1]) Автобіографія П. И. Богатырева, озаглавленная имъ «На долгомъ пути» представляетъ собою рукописный матеріалъ, которымъ я случайно воспользовался для настоящей статьи. Къ сожалѣнію, автобіографія эта, представляющая огромный бытовой и историческій интересъ, покойнымъ не окончена.

Авт.

и уже потомъ перешелъ въ церковь, а мать перешла въ «новоблагословенную», т. е. къ старообрядцамъ, пріемлющимъ священство отъ нашихъ епископовъ. Такимъ образомъ, будучи «церковными», они и сына крестили въ церкви.

Отецъ П. И. былъ въ молодости извѣстнымъ кулачнымъ бойцомъ и, уложивъ разъ чуть не до смерти, въ полюбовномъ бою, серебряника въ кабакѣ на «Ромнѣ» у Горбатова моста, близъ Прѣсненскихъ прудовъ, бросилъ биться на кулачки и часто твердилъ сыну: «Бойся, Пашутка, своего кулака да Бога!» А «Пашутка» въ самомъ дѣлѣ, унаслѣдовавъ колоссальную отцовскую силу, по собственному своему признанію, «клалъ живую лошадь въ телѣгу, подлѣзши къ ней подъ животъ и, такимъ образомъ, поднимая ее».

Съ дѣтства ничто не предвѣщало Павлу Ивановичу артистической карьеры,—напротивъ, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ отца, который занимался «сырейнымъ» производствомъ. По описанію самого П. И., сырейное производство, или, въ просторѣчіи, «живодерство», заключалось въ слѣдующемъ. Покупали живыхъ и мертвыхъ лошадей, первыхъ убивали обухомъ топора въ лобъ и съ тѣхъ и съ другихъ снимали шкуру. Кости съ мясомъ закапывали въ землю, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ мясо сгнивало и кость оставалась чистою; ее выкапывали, жгли въ кострахъ и, насыпавъ порошокъ въ кули, продавали, а иногда продавали и сырую, но мелко изрубленную,—послѣдняя, говорятъ, шла въ Англію. Если же на лошадяхъ было сало, то мяса́ клались въ котлы съ надѣланными на нихъ изъ дерева верхами, чтобъ не прогорало мясо и сало было чище. Сало продавалось на мыловаренные заводы. «Мы драли не однѣхъ лошадей,—разсказываетъ П. И.:—но и быковъ, и коровъ, и собакъ, и свиней, вообще всякихъ животныхъ. Однажды даже слона ободрали. На «Трубѣ» былъ звѣринецъ, принадлежавшій частному лицу. Въ этомъ звѣринцѣ какъ-то разъ взбѣсился слонъ, и его не могли унять. Долго онъ стоялъ, окопанный канавой,—звѣринецъ уже уѣхалъ, а слонъ все стоялъ,—и вотъ начальство рѣшило покончить съ нимъ, и, вызвавъ солдатъ, приказало его убить. Въ слона было пущено 144 пули, какъ сообщалось въ тогдашнихъ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». Вызвали насъ, и вотъ, подъ наблюденіемъ опытныхъ людей, стали снимать со слона шкуру, которая такъ же, какъ и кости, была взята въ какой-то музей, а мясо и внутренности предложили намъ убрать. Всего этого оказалось вѣсомъ 250 пудовъ и сала было натоплено 7 пудовъ.

«Всѣ вообще «живодеры», — замѣчаетъ далѣе П. И.,—мы жили [illegible]ной, дружной семьей. Простота обращенія полная. У насъ чужихъ [illegible] было; если и бывали, то такіе, которымъ нигдѣ нельзя было быть больше, потому—у насъ свободно было, поживетъ, а по[illegible]мъ представится случай въ острогъ или въ арестантскія роты,

отсидѣлъ—опять къ намъ. У насъ на «живодернѣ» они были тихи и не позволяли себѣ «баловать». Живодерня была на Владимирскомъ шоссе, неподалеку отъ лѣса, называемаго «Звѣринецъ». Живодерня наша называлась также «Травлей». Называлась она такъ потому, что здѣсь травили медвѣдей, волковъ и быковъ меделянскими собаками. Возникновеніе «Травли» относится къ началу прошлаго столѣтія и находилась она за Тверской заставой, гдѣ теперь скаковой кругъ или «Скачки». Но въ 30-хъ годахъ, вслѣдствіе понадобившагося мѣста для скачекъ, она была переведена за Рогожскую заставу, по Старой дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Неизвѣстно, кто былъ первымъ основателемъ «Травли», но ее содержалъ еще мой дѣдъ, а потомъ она перешла къ отцу и при немъ процвѣтала; закрыли ее, какъ учрежденіе, не соотвѣтствовавшее духу времени. У отца было до двухсотъ меделянскихъ собакъ и мордашей, а меделянскія собаки были таковы, что вѣсили по 7 пудовъ, роста — аршинъ и полтора вершка, и длиною отъ ушей до хвоста—семь четвертей, и такая собака часто одна валила огромнаго медвѣдя. Травля происходила такъ. Въ Москвѣ много было охотниковъ тогда до этого рода охоты-зрѣлища, и вотъ, чтобъ увѣдомить ихъ, появлялась публикація. Обыкновенно это было Великимъ постомъ, и первая травля была въ первое и «сборное» воскресеніе. Публикація была въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и гласила слѣдующее:

«О ТРАВЛѢ ЗВѢРЕЙ».

«Ив. Ив. Богатыревъ, содержатель звѣриной травли за Рогожской заставой, имѣетъ честь симъ увѣдомить почтеннѣйшую публику, что въ амфитеатрѣ имѣетъ быть травля четырехъ медвѣдей лучшими меделянскими собаками и англійскими мордашками съ напускомъ по охотѣ. Въ заключеніе будетъ травиться молодой медвѣдь однѣми мордашками. Цѣна мѣстамъ: 1-ое мѣсто 1 р. 50 к., 2-ое 60 к., 3-е 30 к. Во время травли будетъ пѣть хоръ пѣсенниковъ Ильи Соколова.

«Примѣчаніе. Требованія зрителей относительно того, чтобы звѣрь былъ длиннѣе привязанъ, и чтобы собакамъ по охотѣ не дѣлать содѣйствія, исполняемы не будутъ».

Страшно подумать теперь, что происходило на этой травлѣ, гдѣ публики собиралось до четырехъ тысячъ человѣкъ, среди которыхъ находились и знатныя лица. Преобладали, разумѣется, мужчины, а женскій элементъ составляли разныя Амальхенъ, Иды, Розы и т. п. Дикіе, разнузданные инстинкты находили здѣсь полное удовлетвореніе. Когда медвѣдь выводился въ кругъ и привязывался къ врытому въ землю кольцу на четырехаршинномъ канатѣ, публика приходила въ ярость. Со всѣхъ сторонъ разда

вались крики: «длиннѣй, длиннѣй!» — это требовали, чтобъ звѣрь былъ длиннѣе привязанъ. Вотъ выходилъ въ своей лисьей шубѣ и становился въ срединѣ круга самъ И. И. Богатыревъ, руководившій травлей. Публика горячилась все больше и больше. Бѣшеные крики переходили въ сплошной ревъ. Нѣкоторые ожесточались до того, что, не довольствуясь травлей медвѣдя, вдругъ начинали орать во всю глотку: «Травить Богатырева!». Сотни голосовъ принимались имъ вторить, и это зловѣщее «травить Богатырева» гулко разносилось по всему полю. Кончалось иногда тѣмъ, что администрація травли вынуждена была обращаться за содѣйствіемъ къ крестьянамъ сосѣдней деревни (такъ называемой «Новой Деревни», близъ Рогожской заставы), которые быстро стекались къ мѣсту «происшествія» и довольно энергично принимались усмирять озвѣрѣвшую публику дубовыми кольями.

Трудно повѣрить, чтобы въ культурномъ, столичномъ центрѣ могли происходить столь дикія сцены всего какихъ-нибудь 35 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ свидѣтельство П. И. въ отношеніи безпристрастія, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Безусловной правдивостью дышатъ и тѣ страницы автобіографіи, въ которыхъ П. И. описываетъ свою школьную жизнь. Онъ отданъ былъ въ Рогожское городское училище на Александровской улицѣ, гдѣ учителемъ состоялъ Н. П. Шелонскій, «человѣкъ, выучившій грамотѣ болѣе половины рогожскихъ жителей». Но педагогическіе пріемы этого Шелонскаго прямо возвращаютъ насъ ко времени бурсы Помяловскаго. Вотъ что, напримѣръ, продѣлывалъ нашъ рогожскій «Песталоцци»: «за проступки онъ часто, бывало, подзоветъ къ себѣ, ласково, съ улыбочкой наклонитъ голову къ себѣ на колѣни и начнетъ щипать за маленькіе волосики на затылкѣ — боль получалась страшная, а онъ въ этомъ дѣлѣ дошелъ до совершенства и дѣлалъ это мастерски. Или билъ квадратикомъ по ладони до тѣхъ поръ, пока рука начинала горѣть, какъ въ огнѣ. Училъ онъ, однако, хорошо, и, несмотря на бурсацкіе пріемы, ученики любили его. «Дикіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ», говоритъ Кулагинъ въ «Грозѣ», — то же самое можно сказать и про Рогожскую; можетъ, этимъ и объясняется жестокость Шелонскаго: выбивать дикость, хоть будущую, изъ дѣтишекъ».

По окончаніи рогожскаго училища юный Богатыревъ поступилъ въ мѣщанское, содержавшееся московскимъ купеческимъ обществомъ, гдѣ учились тогда дѣти богатыхъ московскихъ купцовъ. Общее образованіе давалось тамъ слабоватое, какъ и въ большинствѣ тогдашнихъ школъ, но зато были прекрасные учителя: Басистовъ, составитель извѣстной хрестоматіи, Толстопятовъ и другіе, въ томъ числѣ и «геній чистописанія», незабвенный Градобоевъ. Градобоевскій ученикъ, по словамъ П. И., цѣнился

купцами высоко и такому ученику, не въ примѣръ прочимъ, полагались повышенные оклады жалованья. «Училище это не оставило во мнѣ хорошихъ воспоминаній,—признается Богатыревъ—грѣхъ помянуть его добромъ: потерянное время и только. По окончаніи курса, я ни разу не заглянулъ въ него, но милыхъ учителей своихъ помню и съ глубокимъ почтеніемъ отношусь къ ихъ памяти. Отъ нихъ все-таки что-то свѣтлое осталось,—отъ нихъ, а не отъ того, чему они насъ учили».

Отецъ П. И. былъ большой театралъ, особенно любилъ оперу и балетъ, которые частенько посѣщалъ и бралъ съ собою сына, благодаря чему у послѣдняго рано развилась любовь къ театру. Бывали они и въ Маломъ театрѣ, гремѣвшемъ въ то время именами Садовскаго, Шумскаго, Живокини, Васильевой, Колосовой, Акимовой. Въ оперѣ отличался тогда знаменитый басъ Лавровъ, смѣнившій не менѣе знаменитаго Бантышева. Разумѣется, Богатыревы пересмотрѣли весь оперный репертуаръ, состоявшій, впрочемъ, только изъ трехъ оперъ: «Жизни за Царя», «Русалки» и «Аскольдовой могилы», которая въ первый же сезонъ прошла 120 разъ подъ рядъ, такъ какъ принадлежала перу Верстовскаго, управлявшаго императорскими театрами. Иногда въ Москву пріѣзжали знаменитые иностранные гастролеры, въ родѣ, напримѣръ, Аделины Патти,—тогда театръ пріобрѣталъ сугубый интересъ. «Когда мы ѣхали мимо театра, — разсказываетъ П. И.,—хотѣлось шляпу снять, какъ передъ храмомъ. Да, тогда былъ театръ, театръ во всемъ своемъ огромномъ величіи. То былъ храмъ высочайшей поэзіи, и лучи ея освѣщали далеко, далеко... Что сказать объ Аделинѣ Патти? Ее и такъ знаетъ весь міръ... Когда я услышалъ ее въ первый разъ, я не былъ бы такъ пораженъ, если бъ при мнѣ мужикъ проглотилъ московскія Тріумфальныя ворота, какъ я былъ пораженъ ея пѣніемъ въ «Лючіи» Доницетти. Это какое-то сверхъестественное жонглерство звуками».

Кромѣ Патти, П. И. довелось слышать и другихъ знаменитыхъ итальянскихъ пѣвцовъ своего времени, какъ, напримѣръ: Маріо, Тамберлика, Тамбурино, Кальцоляри, которые всѣ гастролировали въ Петербургѣ. «Это были не только знаменитые артисты,—замѣчаетъ Богатыревъ: — но и люди съ великой душою», — и въ подтвержденіе этой мысли приводитъ нижеслѣдующій слышанный имъ разсказъ.

«Однажды въ Тиволи (въ Парижѣ) было назначено какое-то гулянье. Весь Парижъ собрался туда. Среди публики находились и артисты парижской оперы: г-жа Дамора-Чинти, г. Лаблашъ и еще кто-то. У входа въ Тиволи сидѣлъ слѣпецъ и пѣлъ что-то подъ аккомпаниментъ дѣвочки, игравшей на арфѣ. Друзья шли мимо, и Дамора-Чинти, заглянувъ въ чашку слѣпца, не нашла тамъ ни одного су. Немедленно она взяла у дѣвочки арфу и,

пригласивъ жестомъ товарищей, начала пѣть знаменитое тріо «Ломбарды». Мгновенно это облетѣло многотысячную толпу, и она бросилась къ великимъ пѣвцамъ. Вдохновляемые добрымъ христіанскимъ дѣломъ, можно себѣ представить, какъ пѣли эти чудные художники! Охваченная энтузіазмомъ, десятитысячная толпа (да еще толпа легко воспламеняющихся французовъ)—вообразите, что тутъ произошло! Пѣвица взяла чашку у слѣпца, бросила туда горсть золотыхъ, то же сдѣлали ея товарищи,—и вотъ добрая женщина пошла съ чашкой въ публику... Бѣдный слѣпецъ въ нѣсколько минутъ былъ не только обезпеченъ на всю жизнь, но и сталъ богатъ. Вотъ какіе это артисты!.. А мы, мы не доросли до нихъ!»

Въ ту эпоху, о которой вспоминаетъ П. И., и отношеніе публики къ артистамъ, да и вообще къ театру, было совершенно другое. Когда пѣли Патти, Нильсонъ, Мазини, роскошный залъ Большого театра былъ полонъ избраннымъ, блестящимъ обществомъ. «Какимъ-то уваженіемъ къ искусству былъ проникнутъ весь залъ, публика являлась для него (т. е. для искусства), а «себя показать» не было на первомъ планѣ. Себя показывали не брильянтами и изяществомъ туалетовъ, хотя и тѣмъ и другимъ блистало общество,—но тѣмъ отношеніемъ къ искусству, которое свойственно людямъ, умѣющимъ цѣнить его, какъ элементъ, наполняющій душу высокимъ духомъ, освѣжающій ее и воспитывающій благородное сознаніе, что я есть человѣкъ. Такое отношеніе публики къ театру поднимало его значеніе, и легко, поэтому, понять, какъ мы, простые люди изъ неподвижной, заскорузлой Рогожской, относились къ нему. Бывало, робѣешь до того, что и на лѣстницѣ-то жмешься къ стѣнкѣ, словно ждешь, что кто-нибудь крикнетъ: «А ты зачѣмъ здѣсь, живодеръ?»

Отецъ П. И., въ сущности, не любилъ «живодерства», несмотря на хорошую прибыль этого промысла. «Брось, Павлушка, наше дѣло!» часто говаривалъ онъ сыну и всячески стремился его направить къ какимъ-либо инымъ занятіямъ. «Но я любилъ не самое живодерство,—замѣчаетъ П. И.:—а ту безшабашность, удаль, смѣтливость, которыя иногда бывали здѣсь потребны». Впрочемъ, сама судьба вскорѣ указала юному Богатыреву путь, наиболѣе соотвѣтствовавшій его настоящему призванію.

Дѣло въ томъ, что, благодаря частому посѣщенію театровъ, П. И. пристрастился къ музыкѣ, къ музыкальнымъ инструментамъ, въ особенности къ скрипкѣ. «И вотъ,—разсказываетъ онъ:—однажды въ субботу я пришелъ изъ бани и, сѣвъ въ кухнѣ на ежанку, взялъ лучинку и началъ ею въ видѣ смычка водить по ытянутой, долженствующей изображать скрипку, лѣвой рукѣ. утъ случился дядя Петя и, увидѣвъ меня играющаго и вмѣсто крипичныхъ звуковъ подпѣвающаго себѣ, спросилъ меня: «Хо-

чешь учиться на скрипкѣ?» Я вскочилъ съ лежанки, бросился къ дядѣ и началъ его цѣловать. Мнѣ было тогда лѣтъ 14. «Ну, ладно,—сказалъ дядя:—я завтра скажу отцу!» Отецъ согласился. Взяли старичка-регента, жившаго по сосѣдству, который предложилъ давать уроки по 50 коп. за урокъ. Сторговались за 40 коп. Въ Рогожской, въ табачной лавочкѣ, купили скрипку за три рубля—и уроки начались».

Года черезъ два талантливый юноша сталъ брать уроки у солиста императорскихъ театровъ К. А. Кламрота, который сулилъ ему блестящую артистическую карьеру. Въ то время при «Артистическомъ кружкѣ» на Лубянкѣ игралъ любительскій оркестръ подъ управленіемъ балетнаго солиста, скрипача Гербера, который, по рекомендаціи Кламрота, принялъ въ число музыкантовъ и П. И. Богатырева. Между прочимъ, въ кружкѣ играли тогда впослѣдствіи пріобрѣвшіе большую славу: Макшеевъ, Садовскій, Лазарева (нынѣ О. О. Садовская). Спектакли шли подъ управленіемъ Вильде, актера холоднаго, котораго публика не любила за его безцвѣтную, деревянную игру. Такъ, во время его дебюта на сценѣ Малаго театра въ комедіи «Горе отъ ума», при произнесеніи имъ заключительной фразы въ четвертомъ актѣ: «Карету мнѣ, карету!»—весь театръ дружно крикнулъ: «съ Богомъ!»

Артистическій кружокъ въ значительной степени способствовалъ эстетическому развитію П. И. Богатырева, но карьерѣ его, какъ скрипача, здѣсь не суждено было упрочиться. Напротивъ, мысль объ этой карьерѣ вскорѣ была имъ совершенно оставлена, и онъ весь отдался тому самому искусству, которое составляло его истинное призваніе. Первый, кто занялся его голосомъ, былъ профессоръ московской консерваторіи Кашперовъ, а первымъ его антрепренеромъ, познакомившимъ Россію съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ пѣвцовъ, былъ нѣкій Бергеръ, подъ антрепризой котораго П. И. выступилъ впервые въ 1874 году. Молодой артистъ всюду имѣлъ колоссальный успѣхъ. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ его принимали, какъ европейскую знаменитость. Въ Харьковѣ, напримѣръ, была иллюминована гостиница, гдѣ онъ жилъ, а публика въ первый же спектакль устроила ему небывалую овацію, окончившуюся тѣмъ, что, когда онъ вышелъ изъ театра, студенты взяли его на руки, посадили въ карету, распрягли лошадей и сами отвезли его домой. Съ той поры артистическая слава Богатырева была прочно обезпечена не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ онъ выступалъ, напримѣръ, въ «Демонѣ» 150 разъ подъ рядъ. Опера «Жизнь за Царя» прошла съ его участіемъ 217 разъ; огромное количество разъ участвовалъ онъ также въ «Аидѣ», «Гугенотахъ» и въ другихъ популярныхъ операхъ.

П. И. былъ чрезвычайно строгъ и требователенъ къ себѣ, какъ артисту: онъ упорно работалъ надъ каждой оперной партіей, ста-

раясь достигнуть полнаго совершенства въ передачѣ любой ноты. «Вотъ вы, молодежь, — часто говаривалъ онъ уже въ старости, обращаясь къ кому-либо изъ пѣвцовъ, — привыкли, чтобы вамъ все даромъ доставалось, безъ хлопотъ, — а вотъ посмотрѣли бы вы, какъ приходилось работать нашему брату-чернорабочему... Вы и понятія не имѣете о такой работѣ... Вы на высокой-то нотѣ норовите на цыпочки приподняться, чтобъ вольготнѣе было, а мы не такъ дѣлали... Бывало, нарочно станешь на колѣнки, да возьмешь еще карандашъ въ зубы, да вотъ эдакимъ манеромъ какъ ахнешь верхнее «до»—чертямъ станетъ тошно въ аду!»

Обладая, повидимому, довольно большой силой воли, П. И. въ то же время раздѣлялъ участь многихъ талантливыхъ русскихъ людей, которые становились жертвою несчастной слабости къ вину. Въ этомъ отношеніи Богатыревъ не былъ похожъ на своего отца, о которомъ онъ же самъ передаетъ любопытный разсказъ, какъ тотъ пересталъ пить. «Шелъ онъ съ конной площади по Ивановской улицѣ, зашелъ въ кабакъ, заложилъ рукавицы и сказалъ: «въ послѣдній разъ выпью!» Выпилъ—и не пилъ уже до самой смерти, проживъ 68 лѣтъ». Столь сильнымъ характеромъ П. И., къ сожалѣнію, не обладалъ, и вотъ почему, какъ это можно предположить съ достаточною вѣроятностью, въ одинъ прескверный для него день трагически рушилась столь блистательно имъ начатая артистическая карьера. Онъ неожиданно «сошелъ со сцены». Здѣсь начинается одна изъ самыхъ загадочныхъ страницъ біографіи Богатырева, чувствуется какой-то пробѣлъ, который нѣтъ возможности заполнить на основаніи, такъ сказать, офиціальныхъ данныхъ. Если вѣрить болѣе или менѣе достовѣрнымъ слухамъ, то оказывается, что онъ долгое время обрѣтался гдѣ-то «на днѣ», въ компаніи «бывшихъ людей», что этотъ періодъ жизни какимъ-то образомъ совпалъ съ его духовнымъ просвѣтленіемъ, такъ какъ здѣсь, будто бы, онъ «нашелъ Бога», котораго тщетно искалъ всю жизнь. Какъ бы то ни было, но въ душѣ П. И. дѣйствительно произошелъ какой-то странный переломъ, приведшій его къ религіозно-мистическому міросозерцанію. Слѣды этого міросозерцанія особенно замѣтны въ предисловіи къ цитированной мною выше автобіографіи П. И. Богатырева. Предисловіе это настолько интересно, что я привожу его цѣликомъ:

«Мнѣ 53 года [1]). Жизнь явила мнѣ много разнообразія въ дни моего дѣтства, отрочества и юности; круто измѣнивъ свое теченіе, она направила меня на другую дорогу, совершенно мнѣ чуждую, неожиданную, но прекрасную. Много мнѣ пришлось слышать, видѣть, передумать, вообще пережить, но горькаго, больного я не видѣлъ для себя,—жизнь мнѣ улыбнулась свѣтлой улыбкой, при-

---

[1]) Автобіографія начата въ 1902 году. Авт.

шла свѣтлымъ праздникомъ. Теперь, на склонѣ дней моихъ, когда я оглядываюсь назадъ, я вижу, что праздникъ жизни—просто-напросто оказывается сѣренькими буднями, ибо ласки этой жизни не оставили въ душѣ никакого слѣда и душа моя такъ же узка, какъ и была, и не въ силахъ вмѣстить Божьей красоты, что дѣйствительно освящаетъ и освѣщаетъ и ширитъ ее. Некогда было заглянуть въ себя, а заглянулъ — и ужаснулся, и «болѣзнь въ сердцѣ моемъ день и ночь» (Пс. 12). Ушелъ бы куда-нибудь отъ пережитого, отъ душевной пустоты, какъ рабъ нерадивый, зарывшій въ землю талантъ. Не напиталъ души моей внѣшній блескъ жизни, ну, и Богъ съ нимъ, съ прошлымъ. Теперь, въ годы старости, когда ближе къ концу, когда случай еще разъ указалъ мнѣ иную дорогу, начинаешь разумѣть смыслъ жизни, хоть и поздно; но виноградарь заплатилъ ту же плату и тѣмъ рабочимъ, которые были наняты въ позднемъ часу, что и тѣмъ, которые были наняты раннимъ утромъ (Матѳ., 20). Я уже отжилъ, жизнь кончилась, надо начать «житіе». И здѣсь, только здѣсь можно обрѣсти ту радость, что освѣщаетъ не только самого себя, но и другихъ, соприкасающихся съ тобой. И кто знаетъ, можетъ, я кончу дни мои гдѣ-нибудь въ тишинѣ обители, въ скромной кельѣ, молясь Всемогущему Творцу за ниспосланныя мнѣ блага, за Его щедроты, и, припадши къ Нему, буду слезно просить, чтобъ Онъ даровалъ мнѣ тихій закатъ, какъ ярко гаснущая вечерняя заря, сливаясь съ темно-синимъ звѣзднымъ небеснымъ сводомъ, какъ будто указывающая на новое небо и новую землю. И теперь ласкаютъ меня воспоминанія, но это радость плотская, мгновенная, какъ дождевой пузырь, безъ слѣда. Какой отвѣтъ я дамъ Тому, чей образъ и подобіе ношу, за Его ко мнѣ милости, щедроты и долготерпѣніе? «Во свѣтлостяхъ святыхъ Твоихъ, како вниду недостойный? Аще дерзну совнити въ чертогъ, одежда обличаетъ мя, яко нѣсть брачна?» И стыдно, и горько... Пишу просто, какъ слова и мысли ложатся подъ перо, «не мудрствуя лукаво».

Въ общежитіи П. И. Богатыревъ былъ милѣйшимъ, простымъ, душевнымъ человѣкомъ Въ характерѣ его чувствовалось всегда какое-то удивительное благодушіе. Никто никогда не видѣлъ его мрачно настроеннымъ. Веселый, жизнерадостный, онъ вѣчно шутитъ, остритъ, разсказываетъ какіе-нибудь забавные анекдоты или веселыя приключенія изъ своей артистической «одиссеи». Отъ всей его крѣпко сшитой фигуры вѣяло чѣмъ-то истинно-русскимъ, какою-то молодецкой удалью и отвагой. Такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности,—лихимъ, удалымъ молодцомъ. Въ молодости, напримѣръ, онъ ѣздилъ верхомъ, какъ настоящій джигитъ: можно было поставить ему на голову стаканъ съ водой — вода не расплескалась бы. А физической силой обладалъ такою, что, пожалуй, могъ бы потягаться съ любымъ цирковымъ атлетомъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни П. И. много времени посвящалъ литературнымъ занятіямъ,—писалъ стихи и разсказы, которые печатались въ московскихъ газетахъ. Перу покойнаго принадлежатъ также двѣ вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ книги: «Ѳома Кручина» и «Скитницы древляго благочестія», представляющія собою нынѣ библіографическую рѣдкость.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ Богатырева на открытой садовой сценѣ омоновскаго «Акваріума». Жалкое это было зрѣлище! Преждевременно состарившійся, совсѣмъ лысый старичокъ сидѣлъ, согнувшись, на стулѣ и тренькалъ на гитарѣ, напѣвая какую-то грустную пѣсенку... Это все, что осталось отъ нѣкогда знаменитаго пѣвца, плѣнявшаго москвичей своимъ дивнымъ, чарующимъ голосомъ, а московскихъ дамъ вдобавокъ и красивой наружностью... Sic transit gloria mundi!

Князь Б. А. Щетининъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ [1].

(Историческіе очерки).

XXV.

ОДНОВРЕМЕННО съ появленіемъ въ столицѣ прокламацій, служившихъ вполнѣ опредѣленнымъ показателемъ извѣстнаго общественнаго настроенія, передъ правительствомъ совершенно неожиданно всталъ «вопросъ студенческій», сразу принявшій политическій отпечатокъ и бурное выраженіе. Мы уже знаемъ изъ прежнихъ главъ настоящихъ очерковъ, что въ стѣнахъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній отъ времени до времени вспыхивали разныя студенческія исторіи, источникъ которыхъ крылся въ «домашнихъ», такъ сказать, обстоятельствахъ и событіяхъ жизни учащихся и коллегіи профессоровъ, какъ равно въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Если не считать извѣстнаго уже читателямъ Герценовскаго кружка сороковыхъ годовъ съ проповѣдью въ немъ «сенъ-симонизма», то послѣдующій довольно долгій періодъ русской жизни не обнаруживаетъ въ студенчествѣ рѣзко обозначеннаго движенія въ сторону «политики», не рисуетъ намъ революціоннаго настроенія университетовъ. Даже исторія Петрашевскаго какъ-то слабо задѣла университетскую жизнь, и здѣсь въ роли разсадника «зловредныхъ идей» выступаетъ на первый планъ аристократическій привиле-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХII, стр. 633.

гированный Александровскій лицей. Чрезвычайно любопытно, что именно изъ лицея вышли нѣкоторые дѣятели, которые въ исходѣ глухихъ сороковыхъ годовъ въ лицѣ Буташевича-Петрашевскаго, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ лицѣ братьевъ Серно-Соловьевичей, А. Слѣпцова и др. стали въ первые ряды той активной оппозиціи, которая бросила вызовъ правительству, и немало поработая для революціонизированія русскаго общества. Этимъ набрасывается тѣнь на столь твердо установившуюся репутацію консерватизма и исключительной вѣрноподданнической преданности знаменитаго разсадника государственныхъ мужей. Петербургскій, московскій и провинціальные университеты въ этомъ отношеніи хронологически отстали отъ лицея, и если въ 1861 году студенчество демонстративно заявило о своемъ сочувствіи оппозиціи, о своей связи съ революціонными элементами, то лицейская семья, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ даровитыхъ членовъ, зарегистрировала въ лѣтописяхъ отечественной жизни свое революціонное выступленіе нѣсколько раньше. Второе наше привилегированное учебное заведеніе, училище правовѣдѣнія, такого выступленія въ своемъ общественно-послужномъ спискѣ не имѣетъ, и его значеніе въ русской исторической дѣйствительности иного характера: оно поставило нашей родинѣ немало дѣятелей прогрессивнаго порядка, которые поработали въ смыслѣ осуществленія и разработки либеральныхъ началъ, заложенныхъ въ реформаторскую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Молодая обновленная русская юстиція почерпнула, главнымъ образомъ, отсюда исполнителей и работниковъ на законодательной нивѣ. Русская революція не связана съ училищемъ правовѣдѣнія явными и крѣпкими нитями, чего нельзя сказать про Александровскій лицей, который въ 1861 году находился съ оформившимся уже къ тому времени революціоннымъ движеніемъ въ довольно тѣсной связи.

Что касается университетовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, то хронологическую послѣдовательность ихъ революціонизированія трудно прослѣдить—таковое находилось и совершалось параллельно и пропорціонально нарастанію революціонныхъ элементовъ во всей русской современности. Въ глухое николаевское время университетская каѳедра была тѣмъ амвономъ, съ котораго отъ времени до времени и въ подходящей для того формѣ раздавалась проповѣдь прогрессивныхъ и либеральныхъ ученій. Типичнымъ представителемъ такой проповѣди въ Москвѣ былъ Грановскій, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили. Эмансипаціонная эпоха усилила кадры такихъ проповѣдниковъ, и петербургскій университетъ въ этомъ отношеніи выдвигается на первое мѣсто среди родственныхъ ему прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но отъ либерализма до проповѣди революціи и воспитанія юношества въ духѣ революціи огромная пропасть, и ученая корпо-

рація въ данномъ случаѣ не несетъ на себѣ исторической отвѣтственности. Она готовила молодежь къ новой жизни, въ духѣ реформаціонныхъ началъ, въ увѣренности, что темпъ преобразованной отечественной жизни не задержится и послѣдняя будетъ развиваться въ томъ направленіи, какое намѣтила и формулировала передовая интеллигенція западнической окраски, имѣвшая къ тому времени уже достаточную возможность ясно высказаться, какъ на лекціяхъ съ ученыхъ каѳедръ, такъ и на страницахъ обще-литературныхъ и спеціальныхъ ученыхъ журналовъ. Но благодаря тому, что учебная жизнь въ тотъ періодъ обрѣталась въ явно-дезорганизованномъ видѣ, что правительство медлило съ реформами высшихъ учебныхъ заведеній и жизнь молодежи здѣсь не носила, какъ, напримѣръ, въ западно-европейскихъ университетахъ, опредѣленной организаціи,—связь между каѳедрою и аудиторіей была слишкомъ слаба, чтобы въ нужный для государства историческій моментъ эта каѳедра явилась тою руководящею силою, которая могла бы оказать на умы молодежи достаточно сильное и необходимое вліяніе. Сама каѳедра не пользовалась со стороны руководящихъ сферъ достаточнымъ довѣріемъ и уваженіемъ и ученой корпораціи не было предоставлено въ жизни страны того почетнаго и вліятельнаго положенія, которое ей было необходимо въ интересахъ воспитанія юношества и его политическаго руководительства. Положеніе дѣлъ сводилось къ той формулѣ, по которой профессоръ читаетъ лекцію, а студентъ таковую слушаетъ, и только. О духовномъ взаимодѣйствіи, внѣ зависимости отъ формальнаго регламента, не поднималось и рѣчи, и таковое, пожалуй, даже обрѣталось не въ авантажѣ; оставались въ наличіи лишь единичныя случайныя вліянія, въ зависимости отъ индивидуальности профессора, его талантливости, какъ равно экспансивности и воспріимчивости единичныхъ слушателей.

Отсюда — перевѣсъ вліянія на молодежь стороннихъ силъ, и чѣмъ эти силы были агрессивнѣе въ своемъ политическомъ учительствѣ, чѣмъ больше онѣ заключали въ себѣ дерзновенія, внѣшняго блеска и популярной доступности, тѣмъ вліяніе ихъ становилось рѣшительнѣе и безповоротнѣе. Конкурировать съ этими вліяніями представителямъ каѳедры было невозможно, и вотъ на протяженіи очень короткаго политическаго дня мы видимъ, что учащаяся молодежь уходитъ изъ-подъ профессорскаго вліянія и подпадаетъ цѣликомъ подъ воздѣйствіе наиболѣе радикальной печати — «Колокола», «Современника» и «Русскаго Слова»; не служители науки являются ея руководителями, а такіе представители печатнаго слова, какъ Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, и въ особенности Писаревъ, на литературномъ знамени которыхъ былъ ярко написанъ девизъ, призывающій къ борьбѣ съ правительствомъ во имя политическаго, соціальнаго и экономи-

ческаго обновленія Россіи. Призывъ издателя «Полярной Звѣзды» и «Колокола» къ молодежи, приглашавшій ее стать въ первые ряды борцовъ за свободу русскаго народа, палъ на благопріятную почву и въ удобный для того историческій моментъ. Студенчество скоро стало въ оппозицію и первое явило собою въ русской жизни образецъ активнаго и массоваго выступленія съ громкимъ заявленіемъ правительству своего недовольства, недовѣрія и съ опредѣленными требованіями, шедшими вразрѣзъ съ тогдашними начинаніями министерства народнаго просвѣщенія. Студенческіе безпорядки въ петербургскомъ университетѣ грянули на голову правительства неожиданно и явились въ тогдашней русской дѣйствительности тѣмъ моментомъ, съ котораго собственно и началась явная и массовая утечка наиболѣе энергичныхъ силъ въ ряды открытыхъ враговъ существующаго порядка вещей, въ станъ борцовъ, отдавшихъ себя на борьбу со всѣми вытекающими изъ такой неравной борьбы печальными послѣдствіями. Власть очутилась лицомъ къ лицу съ очень знаменательнымъ фактомъ русской жизни, отвѣтить на который, кромѣ мѣръ внѣшняго формальнаго порядка, она оказалась не въ силахъ. Но прежде, чѣмъ коснуться нѣсколько подробнѣе петербургскихъ событій въ осень 1861 года, необходимо отмѣтить тѣ нѣкоторыя страницы изъ жизни учащейся молодежи въ провинціальныхъ университетахъ, въ коихъ достаточно рельефно обрисовывается ея настроеніе и тяготѣніе къ политикѣ.

XXVI.

М. К. Лемке, извлекшій изъ разныхъ архивовъ (преимущественно сенатскаго) такъ много матеріала для исторіи революціоннаго движенія и опубликовавшій его сначала въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, а потомъ издавшій ихъ отдѣльными сочиненіями, въ очеркѣ «Молодость отца Митрофана» [1]), посвященномъ одному изъ раннихъ дѣятелей русской революціи въ ея подготовительной стадіи, приводитъ между прочимъ интересный документъ, обнаруживающій вполнѣ опредѣленно существованіе конспиративнаго политическаго кружка среди студентовъ харьковскаго университета. Документъ этотъ — записка сенатора Жданова, которому въ 1862 г. поручено было слѣдствіе «о дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія». Въ одной изъ частей этой записки подъ заглавіемъ: «О тайномъ обществѣ, открытомъ въ Харьковѣ», говорится: «Въ 1855 г. въ Харьковѣ кружокъ студентовъ тамош-

---

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

няго университета основалъ тайное политическое общество, цѣль котораго состояла въ перемѣнѣ существующаго образа правленія въ Россіи. Для прикрытія дѣйствій тайнаго общества и для большей возможности усилить оное новыми членами съ мятежными тенденціями, было основано, съ разрѣшенія университетскаго начальства, литературное общество.

«Въ тайныхъ собраніяхъ своихъ члены политическаго общества, разсуждая о необходимости государственнаго переворота въ Россіи, колебались въ своихъ заключеніяхъ между выборомъ конституціоннаго или республиканскаго правленія и однажды остановились на преступномъ убѣжденіи въ необходимости истребленія всей августѣйшей его императорскаго величества фамиліи. Въ собраніи этомъ были Завадскій, Ефименко, Муравскій, Ивковъ. Исполненіе этого злодѣйскаго намѣренія вызвался принять на себя одинъ изъ членовъ общества, студентъ Завадскій, для чего собирался ѣхать въ Петербургъ.

«Главные основатели и энергическіе двигатели этого противозаконнаго общества были студенты: Бекманъ, Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ. Кромѣ того, были прикосновенны къ дѣлу: Левченко, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій и другіе.

«Средствомъ къ достиженію цѣли полагали, между прочимъ, распространеніе либеральныхъ понятій между простымъ народомъ и раскольниками, какъ людьми болѣе другихъ склонными къ перевороту, по причинѣ недовольства своимъ положеніемъ. Въ виду этой цѣли члены общества признали необходимымъ заняться приготовленіемъ самихъ себя къ предстоящему назначенію и другихъ. Вначалѣ общество, какъ видно, не уяснило себѣ еще мысль о томъ, какимъ путемъ удобнѣе проводить между народомъ пропаганду своихъ преступныхъ идей, а предположеніе объ учрежденіи воскресныхъ школъ опредѣлительно еще не высказалось. Но уже и въ то̀ время ясно было заявлено намѣреніе — подъ видомъ распространенія грамотности подготовить простой народъ къ принятію участія въ осуществленіи преступныхъ цѣлей.

«Не ограничиваясь распространеніемъ печатаемыхъ за границею сочиненій возмутительнаго содержанія, одинъ изъ членовъ общества, Завадскій, тогда уже приготовлялъ статьи для распространенія между простымъ народомъ. Для сего имъ были составлены: замѣтки, въ видѣ сказки о происходящихъ для народа неудобствахъ отъ монархическаго правленія, и поученіе простому народу, въ коемъ, между прочимъ, сказано: «народу нужно знать, какіе порядки были у насъ въ старину, что въ нихъ хорошаго, что нужно перемѣнить и какъ бы это сдѣлать». Кромѣ того, для достиженія предложенныхъ цѣлей признавалось полезнымъ имѣть въ виду пользоваться св. Евангеліемъ, такъ какъ оно, по духу своему, противорѣчитъ самодержавію.

«Подготовляя такимъ образомъ преступное ученіе между простымъ народомъ, Завадскій тогда уже писалъ: «составился небольшой кружокъ студентовъ, который отчасти началъ трудиться надъ распространеніемъ грамотности; все это могло исполниться не иначе, какъ при возможной самостоятельности общества студентовъ, устранивъ всякое недобросовѣстное вмѣшательство начальства.

«Между тѣмъ, по поводу бывшаго въ 1858 г. волненія студентовъ харьковскаго университета[1]), нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, бывъ исключены изъ университета, переѣхали въ Кіевъ.

«Такимъ образомъ, дѣятельность членовъ тайнаго общества, ограничивавшаяся доселѣ только Харьковомъ, переноситъ свои возмутительныя идеи на новую почву, гдѣ съ тою же энергіею члены общества развиваютъ свои преступныя намѣренія и распространяютъ ихъ между новыми своими членами».

О дѣятельности въ Кіевѣ бывшихъ питомцевъ харьковскаго университета мы узнаемъ все изъ той же записки сенатора Жданова въ той ея части, которая носитъ наименованіе: «Учрежденіе первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ», гдѣ мы читаемъ:

«Соединившись въ Кіевѣ между собою въ тѣсный кружокъ, они вскорѣ увеличиваютъ личный составъ свой присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета. Въ этомъ кружкѣ впервые появляется отчетливое намѣреніе и сознательная мысль объ учрежденіи воскресныхъ школъ въ тѣхъ видахъ, чтобы обученіемъ простого народа имѣть въ немъ вліяніе и поддержку для осуществленія задуманныхъ цѣлей. Во главѣ этого предпріятія становится профессоръ Павловъ, начинается дѣятельная переписка съ членами тайнаго общества, находящимися въ Харьковѣ; устанавливаются сношенія, чрезъ того же профессора Павлова, со студентами московскаго и петербургскаго университетовъ. Наконецъ, получается разрѣшеніе начальства объ учрежденіи первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ.

«Профессоръ Павловъ, коему начальствомъ поручается главный надзоръ за воскресными школами, становится передовымъ дѣятелемъ и двигателемъ развитія и направленія этихъ будущихъ разсадниковъ народнаго образованія.

«Такимъ образомъ, ходомъ самыхъ обстоятельствъ слагается двойственная роль профессора Павлова: съ одной стороны, онъ является во главѣ новаго учрежденія, какъ агентъ правительства, съ другой—онъ становится центромъ, возлѣ котораго, въ качествѣ дѣятелей воскресныхъ школъ, группируются личности съ преступ-

---

[1]) О волненіи въ харьковскомъ университетѣ см. ст. Н. Н. Мазуренко «Первая харьковская университетская исторія. (Изъ воспоминаній стараго студента)». «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., сентябрь. Авт.

ными тенденціями, которыя ему не могли не быть извѣстными и которыхъ онъ, конечно, и самъ не былъ чуждъ.

«Ближайшая сокровенная цѣль и направленіе учреждающихся въ Кіевѣ воскресныхъ школъ весьма ясно высказывается даже въ темныхъ намекахъ и полувыраженныхъ мысляхъ, заявленныхъ главными дѣятелями въ ихъ письмахъ и прочихъ бумагахъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи слѣдственной комиссіи.

«Въ этомъ отношеніи будетъ небезполезно обратиться къ письмамъ и замѣткамъ самихъ авторовъ.

«Бекманъ пишетъ: «Настало другое время, открылось болѣе простора для общественной дѣятельности... подъ вліяніемъ этого времени основался кругъ студентовъ, въ которомъ исчезли всѣ враждебныя начала, раздѣлявшія нашъ университетъ. Среди этого круга родилась мысль объ учрежденіи воскресныхъ школъ».

«При извѣстіи въ Харьковѣ объ открытіи въ Кіевѣ воскресныхъ школъ Ляховскій пишетъ Муравскому: «Ура! ура! Митрофанъ Даниловичъ! поздравляю съ открытіемъ воскресныхъ школъ! Душевно радъ, что вы у берега».

«Левченко, принимавшій непосредственное участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, высказывается еще яснѣе; вотъ его слова: «Средствомъ къ распространенію въ массѣ простого народа либеральныхъ идей должны служить воскресныя школы». Онъ сочувствовалъ этому предпріятію въ особенности потому, что, такъ какъ при образованіи массы имѣлось въ виду распространеніе въ ней понятія о естественныхъ правахъ человѣка, то въ этомъ онъ видѣлъ задатокъ измѣненій въ будущемъ существующаго порядка. Между университетами, по мнѣнію Левченко, должны поддерживаться постоянныя сношенія передачею всего того, что дѣлается въ каждомъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, безъ опредѣленныхъ формъ, безъ названныхъ членовъ являлось бы общество, организованное единствомъ цѣлей, и сама собою должна была образоваться пропаганда, распространяя по возможности вездѣ либеральныя понятія».

Не касаясь пока исторіи развитія и дѣятельности воскресныхъ школъ и судьбы ихъ и допуская вмѣстѣ съ г. Пантелѣевымъ [1]), что записка сенатора Жданова излишне тенденціозна съ стремленіемъ во что бы то ни стало найти серьезные слѣды политической преступности въ дѣйствіяхъ и замыслахъ кіевскихъ и харьковскихъ студентовъ, должны однако констатировать чрезвычайно важный фактъ въ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній: уже на ранней зарѣ «эпохи реформъ» мы видимъ нѣкоторыхъ изъ представителей учащейся молодежи раздвигающими задачи своего пребыванія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и ставя-

---

[1]) Его письмо въ редакцію «Былого» за 1907 г., № 3

щими себѣ цѣли не только самообразованія, но и широкой общественной дѣятельности въ интересахъ политическаго преобразованія Россіи, согласно съ программами, установленными руководителями либеральныхъ и радикальныхъ теченій отечественной жизни. Молодежь не ограничивается интересами ученія и науки, интересами студенческаго бытія, но ставитъ вопросъ шире: о своемъ гражданскомъ служеніи родинѣ на поприщѣ ея политическаго развитія, и, въ союзѣ съ представителями каѳедры, намѣчаетъ способы такого служенія и средства осуществленія намѣченныхъ задачъ. Учительство и распространеніе въ необразованной массѣ началъ просвѣщенія выдвигается въ данномъ случаѣ на первый планъ. Такимъ образомъ учащаяся молодежь отозвалась на самую существенную потребность народа—его просвѣщеніе — и въ то время, какъ правительственная власть не проявляла въ кругу этой стороны государственной жизни никакой дѣятельности и не спѣшила занять здѣсь руководящей позиціи, студенчество пытается взять дѣло просвѣщенія, на первое по крайней мѣрѣ время городской массы, въ свои руки, связавъ вмѣстѣ съ тѣмъ это дѣло и съ задачами политической пропаганды. Бюрократія запаздываетъ и тутъ съ своимъ выступленіемъ и появляется на сценѣ жизни нѣсколько позже, когда вопросы просвѣщенія народныхъ массъ какъ бы заслонились вопросами политическими и цѣлями агитаціонными. Тогда власть, оставляя въ сторонѣ самое дѣло широкаго просвѣщенія народа, переходитъ на роль гасителя начавшагося то тамъ, то тутъ мѣстнаго пожара, устраняетъ предупредившихъ ея появленіе молодыхъ представителей общественности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не спѣшитъ замѣстить ихъ представителями своего круга. Въ результатѣ получается извѣстная борьба силъ съ ея неминуемыми жертвами, за которою самое дѣло народнаго просвѣщенія не подвигается ни на шагъ впередъ. Народная масса остается предоставленною самой себѣ, въ стихіи мрака невѣжества, а отечественная дѣйствительность—всякимъ случайностямъ, исключающимъ понятіе о планомѣрномъ развитіи ея сознательныхъ государственныхъ потребностей, сообразованныхъ съ историческимъ опытомъ болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей.

XXVII.

Если въ харьковскомъ и кіевскомъ университетахъ мы наблюдаемъ стремленіе студенчества къ политическимъ организаціямъ и къ выступленію на поприще общественнаго служенія родинѣ, то въ казанскомъ университетѣ въ 1861 г. замѣчается повышенное настроеніе умовъ учащейся молодежи, въ связи съ извѣстными уже читателямъ кровавыми событіями въ с. Безднѣ. Казанская интеллигенція либеральнаго направленія рѣшила почтить кресть-

янскую трагедію торжественною панихидою «о рабахъ Божіихъ, въ смятеніи убіенныхъ». Такая панихида въ присутствіи многочисленной толпы студентовъ университета и духовной академіи дѣйствительно и была отслужена въ кладбищенской церкви, причемъ молодежь составила изъ себя громкій хоръ, а профессоръ А. П. Щаповъ, по окончаніи службы, произнесъ съ амвона «полную горечью энтузіазма рѣчь» на событіе дня, освѣтивъ таковое подъ соотвѣтствующимъ политическимъ угломъ зрѣнія. Сообщеніе о такой политической демонстраціи немедленно было сдѣлано въ Петербургъ, результатомъ чего послѣдовало отрѣшеніе Щапова отъ каѳедры, арестъ и высылка изъ Казани; при этомъ во избѣжаніе какихъ-либо демонстративныхъ дѣйствій со стороны учащейся молодежи его арестъ и высылка были обставлены своего рода таинственными предосторожностями. Но «шила въ мѣшкѣ не утаишь», и хотя студенчество дѣйствительно удержалось отъ всякихъ безпорядковъ, но успѣло на прощаніе снять фотографію съ популярнаго и любимаго профессора и проводить его гурьбою на пароходъ. По случаю отъѣзда Щапова изъ Казани мѣстный поэтъ даже сочинилъ стихи, гдѣ изложилъ чувства талантливаго ученаго въ моментъ разлуки его съ роднымъ городомъ и мѣстнымъ обществомъ. Стихотвореніе это [1]) получило широкую популярность и долго ходило по рукамъ въ рукописныхъ экземплярахъ. Поэтъ писалъ:

Городъ сплетенъ, городъ пыли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя, ты сталъ мнѣ гадокъ!..
Восемь лѣтъ въ своихъ объятьяхъ,
Городъ, ты меня душилъ,
То въ мученьяхъ, то въ проклятьяхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ.
Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданья мужика,
Ты широкихъ думъ не понялъ
Сына бѣднаго дьячка.
Жалкій городъ! ты потѣхи
Ждалъ съ каѳедры отъ меня;
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя.
Нѣтъ! Не въ томъ мое призванье,
Чтобъ потѣхою служить:
Не хочу святое званье
Я учителя срамить.
Я открыто, прямо, ясно
Все сказалъ тебѣ, что могъ,
А теперь въ тебѣ я гласно
Отрясаю прахъ отъ ногъ.

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., № 2., ст. П. А. Юдинъ «Къ біографіи Щапова».

Спи же городъ сномъ глубокимъ.
До возстанья мужика.
Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
Сына бѣднаго дьячка.

«Широкая рѣчь» сгубила «сына бѣднаго дьячка», и хотя въ Петербургѣ онъ былъ выпущенъ на волю, даже пристроился къ службѣ, но карьера его была сломлена и, отставленный отъ любимаго дѣтища-каѳедры, онъ опустился и, подобно многимъ русскимъ талантливымъ натурамъ въ однородныхъ положеніяхъ, спился съ круга, опустился и погибъ еще полный силъ и въ цвѣтущемъ возрастѣ. Кромѣ Щапова, пострадали и девять человѣкъ студентовъ, принявшихъ на себя организацію панихиды. Они были по высочайшему повелѣнію исключены изъ университета. Щаповскій инцидентъ оставилъ свой слѣдъ въ жизни мѣстной учащейся молодежи, и съ того времени мы наблюдаемъ постоянное участіе казанскаго университета во всѣхъ прочихъ студенческихъ движеніяхъ съ неизмѣннымъ выдѣленіемъ изъ его стѣнъ активныхъ дѣятелей русскаго революціоннаго процесса.

Если студенты кіевскаго, харьковскаго и казанскаго университетовъ въ той или иной формѣ реагировали на событія тогдашняго политическаго дня и вступали на путь активной общественной дѣятельности, то не отставали отъ нихъ и ихъ товарищи по столичнымъ университетамъ. Такъ, въ Москвѣ студенты, заведя тайную типографію, печатали въ ней такія произведенія, которыя по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не могли увидать свѣта, какъ, напримѣръ, сочиненія Бюхнера, Фейербаха, Герцена, Огарева и др. Склады этихъ изданій сосредоточивались довольно открыто на студенческихъ квартирахъ, откуда они уже широкимъ потокомъ текли въ населеніе, служа опредѣленнымъ орудіемъ и средствомъ его распропагандированія и развитія въ немъ передовыхъ идей радикальнаго характера. О таковой дѣятельности московскаго студенчества митрополитъ Филаретъ счелъ долгомъ поставить государя въ личную извѣстность, результатомъ чего въ августѣ 1861 г. явились многочисленные обыски и аресты, повлекшіе за собою открытіе самой типографіи: создалось даже цѣлое дѣло «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», къ коему были привлечены отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, студенты Гольцъ-Миллеръ, Новиковъ, Петровскій-Ильенко, Сваричевскій, Сулинъ, Ященко и, главный руководитель всего издательскаго дѣла, Периклъ Агрипуло. Дѣло это тянулось до 1863, когда по рѣшенію сената, утвержденному государственнымъ совѣтомъ и конфирмованному государемъ императоромъ, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые въ Кавказскій корпусъ, а студенты приговорены къ заключенію въ смирительный домъ и администра-

тивной высылкѣ; студентъ Агрипуло не дождался конца суда, скончавшись въ 1862 г. въ одной изъ московскихъ больницъ.

Что касается петербургскаго университета, то онъ въ своемъ оппозиціонномъ настроеніи наиболѣе рѣзко заявилъ себя студенческой исторіей осенью 1861 года, которая послужила какъ бы сигналомъ къ возникновенію студенческихъ безпорядковъ во всѣхъ прочихъ университетахъ и явилась своего рода эрою въ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Новый (Головинскій) университетскій уставъ 1863 г. былъ конечнымъ отвѣтомъ правительства на эти безпорядки, внесшимъ въ жизнь студенчества и университетовъ болѣе разумныя форменныя начала, нежели послѣдній уставъ, но вслѣдствіе своего запозданія появленіемъ на свѣтъ оказавшійся безсильнымъ отвлечь молодежь отъ политики. Жертвы уже были принесены, значительный контингентъ недовольныхъ и «пострадавшихъ» выброшенъ за бортъ учебныхъ заведеній, коими общій кадръ оппозиціи значительно усилился. Ко времени появленія устава 1863 г. студенчество успѣло уже искуситься въ политическихъ конспираціяхъ, пріобщиться къ издательству нелегальной литературы и въ достаточномъ количествѣ своихъ представителей креститься въ казематахъ Петропавловской крѣпости и въ прочихъ тюрьмахъ Россійской имперіи. Волненія въ Польшѣ и постоянное стремленіе всѣхъ нашихъ политическихъ дѣятелей опредѣленнаго направленія, начиная съ декабристовъ и кончая Герценомъ и Бакунинымъ, связать «польское дѣло» съ обновленіемъ всего русскаго строя оказали и на русское студенчество безусловное вліяніе. Это вліяніе со стороны поляковъ, и учащихся и просто обывателей, на студенческую среду въ ея настроеніи бурленія несомнѣнно, что усматривается между прочимъ и изъ того воззванія, которымъ сигнализированъ былъ такъ называемый бунтъ въ петербургскомъ университетѣ. Изслѣдователь студенческихъ движеній въ эпоху 60-хъ годовъ, г. Ашевскій говоритъ по сему предмету [1]): «Въ общемъ итогѣ революціонная дѣятельность русскихъ студентовъ въ разсматриваемую эпоху ограничивалась печатаніемъ и распространеніемъ прокламацій и, самое большое, неудачными попытками взбунтовать крестьянъ посредствомъ печатныхъ воззваній и устной пропаганды. Польское возстаніе предоставляло русской учащейся молодежи возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ съ правительствомъ. Сочувствіе къ угнетенной Польшѣ среди русскаго студенчества было очень сильное. По словамъ Худекова, «почти вся молодежь открыто защищала поляковъ». Русская нелегальная пресса, между прочимъ «Колоколъ» и прокламаціи «Земли и Воли», во время польскаго возстанія старалась доказать, что кто борется за свободу Польши, тотъ борется за свободу Россіи. Итальянскіе сту-

---

[1]) «Современный Міръ». 1907 г., кн. 11.

денты въ началѣ 1863 г. прямо обратились къ русскому студенчеству съ горячимъ призывомъ вступиться за Польшу и начать открытую борьбу съ самодержавіемъ».

Близость и единомысліе студентовъ русскихъ и поляковъ особенно наглядно выразились въ тѣхъ демонстраціяхъ, которыя послѣдовали послѣ кровавыхъ событій въ Варшавѣ. Такъ, когда въ Петербургѣ въ католической церкви 1-го марта была отслужена панихида по полякамъ, убитымъ въ Варшавѣ во время уличной демонстраціи, на ней присутствовали многіе русскіе студенты и профессора, какъ, напримѣръ, Костомаровъ и Утинъ. Послѣ панихиды былъ пропѣтъ польскій національный гимнъ, поддержанный и русскими студентами. Когда разнесся слухъ, что слѣдствіе по поводу этой демонстраціи въ костелѣ 1-го марта имѣетъ въ виду привлечь къ отвѣту только польскихъ студентовъ, то русскіе ихъ сотоварищи составили въ университетѣ въ читальнѣ слѣдующее заявленіе, покрытое 300 подписей; «Мы, нижеподписавшіеся, были 1 марта на реквіемѣ въ память убитыхъ въ Варшавѣ, участвовали въ пѣніи національнаго польскаго гимна и потому просимъ считать насъ равно-отвѣтственными вмѣстѣ съ студентами изъ поляковъ». Такая же русско-польская демонстрація имѣла мѣсто и въ Москвѣ, причемъ студентами были произнесены зажигательныя рѣчи, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что и у русскихъ и у поляковъ единый общій врагъ—императорское правительство. Такое же братаніе національностей наблюдалось и на похоронахъ Шевченки.

Нѣсколько иная картина рисуется намъ въ кіевскомъ университетѣ, гдѣ до 1861 г. царило единство чувствъ и настроеній умовъ въ студенчествѣ, и лишь съ этого времени проявляется нѣкоторый антагонизмъ. Г. Ашевскій [1]) рисуетъ дѣло такъ: «До 1861 г. польскіе и русскіе студенты въ университетѣ св. Владимира дѣйствовали болѣе или менѣе солидарно, даже занимались совмѣстнымъ преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Когда же въ Кіевѣ, по примѣру Варшавы и Вильны, начинались полонофильскія демонстраціи: дамы стали носить глубокій трауръ съ польскими эмблемами, въ костелѣ стали исполнять польскій національный гимнъ, а въ театрѣ ставить тенденціозныя польскія пьесы — студенты-поляки, составлявшіе въ университетѣ большинство, захотѣли вовлечь въ это движеніе всю учащуюся молодежь. Во время чтенія на улицѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ студентъ Пеньковскій не снялъ шапки и за это подвергся аресту. На студенческой сходкѣ, вызванной этимъ инцидентомъ, студенты-поляки хотѣли провести петицію на имя генералъ-губернатора, въ которой порицались дѣйствія полиціи и требовались гарантіи для студенческой неприкосновенности. Такъ какъ петиція была составлена въ рѣзкихъ вы-

---

[1]) «Современный Міръ». 1907 г., кн. 9.

раженіяхъ, то русскіе студенты (украинцы и великоруссы) заподозрѣли въ ней заднюю мысль вызвать репрессіи со стороны правительства, чтобы еще болѣе усилить недовольство и общества и университетской молодежи. Руководимая кружкомъ наиболѣе «сознательныхъ студентовъ съ Драгомановымъ и В. Антоновичемъ во главѣ, русская молодежь отказалась дѣйствовать заодно съ польскими студентами и на частныхъ сходкахъ подняла вопросъ о тѣсномъ сліяніи всѣхъ русскихъ студентовъ для противодѣйствія преобладающему вліянію въ университетѣ поляковъ. Предположено было образовать три корпораціи изъ русскихъ студентовъ, а полякамъ предоставить право на образованіе двухъ корпорацій съ тѣмъ, чтобы при рѣшеніи общихъ дѣлъ каждая корпорація пользовалась однимъ голосомъ. Кромѣ того, русскіе студенты приняли участіе въ агитаціи въ пользу открытія университета въ Варшавѣ, чтобы отвлечь туда польскую молодежь. «Прошеніе объ этомъ,— по свидѣтельству Б. Юзефовича,—было уже подписано огромнымъ большинствомъ непольскихъ студентовъ».

«Попечитель Пироговъ, сочувствовавшій антипольскому движенію русскаго студенчества, навѣрное далъ бы ходъ прошенію о варшавскомъ университетѣ и согласился бы на учрежденіе студенческихъ корпорацій, но дни его попечительства были уже сочтены не безъ вліянія «польской интриги». Сначала онъ долженъ былъ запретить студенческія сходки, и молодежь не замедлила подчиниться этому распоряженію, такъ какъ, по словамъ Юзефовича, «личный авторитетъ Пирогова былъ сильнѣе его попечительской власти». А вскорѣ затѣмъ онъ былъ смѣщенъ съ должности попечителя и въ апрѣлѣ оставилъ Кіевъ послѣ торжественныхъ проводовъ, въ которыхъ принимали участіе и русскіе студенты.

Итакъ, польскій буксиръ въ студенческомъ движеніи 1861 года очевиденъ, и если послѣднее само по себѣ, какъ оно вылилось осенью въ Петербургѣ, не окрашено спеціально-политическомъ цвѣтомъ, то по входящимъ въ него мотивамъ, его составнымъ частямъ, стороннимъ на него вліяніямъ и сдѣланнымъ изъ него нашей революціонной печатью выводамъ, оно должно быть отнесено къ числу тѣхъ отечественныхъ общественныхъ движеній, которымъ должно быть отведено мѣсто въ настоящихъ очеркахъ.

XXVIII.

Дѣло народнаго образованія и реформа всего ученаго и бытового уклада высшихъ ученыхъ заведеній являлись во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ очереднымъ вопросомъ, требовавшимъ скораго и энергичнаго отвѣта. Но правительство, занятое ликвидаціей печальнаго наслѣдія Крымской войны, а главное—дѣ-

ломъ эмансипаціи крѣпостного режима, медлило съ неотложными вопросами просвѣщенія, вслѣдствіе чего между прочимъ получилось такое положеніе, что университеты, помимо какихъ-либо законодательныхъ актовъ, сами собою перешли отъ тѣсной жизни, установленной для нихъ николаевскимъ режимомъ, къ жизни широкой, бьющей самодѣятельностью и полной тѣхъ новыхъ началъ, которыя имъ не были даны даже послѣ устава 1863 г. Нѣкоторыя отдѣльныя высочайшія повелѣнія, главнымъ образомъ ставившія точку велѣніямъ предыдущаго царствованія, сыграли тутъ рѣшающую роль. Жизнь студенчества забурлила въ университетѣ и стала слагаться на основѣ широкаго самоуправленія, внѣ обязательнаго контроля педагогической среды и воздѣйствія на нее представителей науки, внѣ какихъ-либо уставовъ и правильно выработанныхъ формъ учебной дисциплины.

Начиная съ 1856 г., студенты, съ согласія начальства высшаго и своего мѣстнаго, добиваются права на изданіе собственныхъ органовъ печати («Сборниковъ»), мотивируя такое начинаніе тѣмъ, что «пришло время университетскому юношеству сказать свое слово»; они переходятъ отъ способа записыванія профессорскихъ лекцій въ системѣ изданія литографированныхъ курсовъ; организуютъ свои кружки (безъ уставовъ и внѣ тенденцій корпоративнаго устройства) главнымъ образомъ «на почвѣ осободительныхъ идей и общей готовности послужить дѣлу народнаго образованія»; принимаютъ самое дѣятельное и активное участіе въ созданіи и развитіи безплатныхъ «воскресныхъ школъ» для народа, занимаются преподаваніемъ въ ежедневныхъ школахъ, устраиваемыхъ тогда для бѣдныхъ дѣтей; организуютъ кассы взаимопомощи, библіотеки, читальни и развиваютъ начало сходокъ (митинговъ) съ ихъ бурными преніями, горячими рѣчами и отвлеченіемъ отъ научныхъ занятій; устанавливаютъ институтъ студенческаго суда съ его дисциплинарными рѣшеніями. По свидѣтельству одного изъ современниковъ, «въ тѣ шумные дни студенты учились мало, въ смыслѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій и прилежнаго заучиванія профессорскихъ записокъ, но чрезвычайно воспріимчиво и сильно мыслили, и высокими чувствами были преисполнены до того, что, казалось, и по землѣ ходили приподнятыми. Всестороннее возрожденіе Россіи, въ особенности благо народное были у всѣхъ не только на языкѣ, но въ умѣ и на сердцѣ». Историкъ петербургскаго университета, проф. В. В. Григорьевъ подводитъ такой суровый приговоръ дѣятельности студентовъ за тотъ періодъ [1]): «Все это,— говоритъ онъ,—дѣлалось такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы. Хлопоты по изданію сборника, хлопоты по дѣламъ кассы

[1]) В. В. Григорьевъ «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе перваго пятидесятилѣтія его существованія».

велись съ такою тратою времени на совѣщанія по всѣмъ этимъ предметамъ, что отнимали возможность заниматься, какъ бы слѣдовало, прямымъ ихъ дѣломъ—работою по предметамъ университетскаго преподаванія не только у всякаго рода распорядителей и депутатовъ, въ обиліи избиравшихся товарищами для каждаго изъ помянутыхъ предпріятій, но и у всей остальной массы студентовъ... Но мало того, что непроизводительнымъ образомъ тратилось время на всѣ помянутыя затѣи, имѣли онѣ еще и то печальное вліяніе, что пріучали университетскую молодежь смотрѣть на хлопоты по осуществленію ея предпріятій, какъ на нѣчто весьма серьезное, пріучали принимать слова и суетню за дѣло и такимъ образомъ мельчали и принижали въ нихъ нравственное и гражданское чувство, раздувая въ то же время мелочное тщеславіе самолюбивыхъ и какъ бы оправдывая въ нерадивыхъ отвращеніе ихъ отъ настоящей работы».

Широкій доступъ въ университетъ сторонней публикѣ, включая сюда и женщинъ на правахъ вольнослушательницъ, вторженіе «улицы» въ стѣны храма науки придавали его жизни и укладу еще большую шумность, суетивость и хаотичность, что вмѣстѣ съ прочими вышеуказанными напластованіями въ студенческой средѣ лишало университетъ того спокойнаго академическаго характера, который ему нуженъ былъ для полезнаго и плодотворнаго существованія. Академическая жизнь оказалась сдвинутою съ мѣста и втянутою въ водоворотъ общей тогдашней суетливости, которая по естественному историческому ходу вещей всегда сопутствуетъ переходныхъ стадіяхъ въ жизни народовъ, переходящихъ отъ періодовъ застоя къ эпохамъ реформъ. А выведенная изъ состоянія устойчивости университетская жизнь, въ связи съ независящими отъ нея общегосударственными теченіями и вѣяніями, рано или поздно должна была разыграться чѣмъ-нибудь шумнымъ и бурнымъ. И это бурное прорвалось наружу къ началу осеннихъ занятій въ 1861 году.

Мѣры регрессивнаго характера, внѣ предѣловъ творческаго характера съ цѣлью правильнаго построенія всего университетскаго уклада, но исключительно въ цѣляхъ ограниченія студенческихъ вольностей, «обузданія» молодежи и «оздоровленія» университетской жизни начали приниматься уже съ 1858 г. Первое ограниченіе заключалось въ томъ, что студенты лишены были права изъявлять публично своимъ профессорамъ знаки одобренія или порицанія; далѣе велѣно было имъ внушить, что «законы наши строго воспрещаютъ всякаго рода сборища и демонстраціи, а потому если студенты, не внявъ сему предостереженію, окажутся виновными въ какомъ-либо изъ означенныхъ проступковъ, то немедленно будутъ исключаемы изъ университетовъ, несмотря на то, каково бы ни было число виновныхъ». Въ 1859 году послѣ-

довало распоряженіе, что «внѣ университетскихъ зданій студенты пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи». Тогда же былъ повышенъ съ 16 на 18 лѣтъ возрастъ для поступленія въ университетъ, а въ слѣдующемъ году сокращенъ численный пріемъ желающихъ сюда поступать. Очень строгія правила были выработаны для московскихъ студентовъ, до обязательнаго говѣнія и причащенія включительно.

Всѣ эти распоряженія содѣйствовали росту оппозиціоннаго настроенія молодежи, результатомъ чего уже съ самаго начала 1861 г. были разныя вспышки «кипучихъ силъ» почти во всѣхъ нашихъ университетахъ, вспышки, о коихъ было уже говорено въ своемъ мѣстѣ. Серьезная попытка упорядочить студенческій бытъ была сдѣлана наиболѣе цѣлесообразно въ Петербургѣ по инициативѣ Кавелина и съ согласія тогдашняго попечителя И. Д. Делянова. Комиссія изъ профессоровъ, при участіи депутатовъ отъ студенчества, намѣтила проектъ правилъ о сходкахъ, объ университетскомъ судѣ. Весь планъ былъ разсчитанъ на то, что онъ окажется по плечамъ массѣ, состоящей изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, чѣмъ активныхъ. Однако этому проекту, съ уходомъ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, не суждено было осуществиться, а взамѣнъ того введены были ограничительныя правила 31 мая, по коимъ сходки безъ разрѣшенія начальства и какія-либо объясненія съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ безусловно запрещались, сокращался процентъ освобождаемыхъ отъ платы и воскрешалась извѣстная «инструкція деканамъ и ректорамъ» отъ 1851 г., гдѣ между прочимъ требовалось, чтобы въ профессорскихъ лекціяхъ «ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только это правило можетъ имѣть разсудительное примѣненіе, благоговѣніе къ святынѣ, преданность къ государю и любовь къ отечеству».

Вновь назначенный министръ, адмиралъ Путятинъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, призналъ эти правила недостаточными и въ теченіе лѣта усугубилъ ихъ новыми строгостями, гдѣ послѣдовательно провелъ систему запрещенія выборнаго начала. Комиссія изъ профессоровъ противопоставила этимъ правиламъ особо выработанныя, причемъ заимствовала изъ дерптскаго университета «матрикулы», особыя книжки, гдѣ должны были содержаться всѣ университетскія правила и какъ бы формулярный списокъ каждаго студента, обязательно долженствовавшаго имѣть при себѣ таковую книжку. Эти правила, однако, подверглись со стороны министерства значительной переработкѣ. Между университетскимъ совѣтомъ и министромъ создался, благодаря этому, конфликтъ, теченіе котораго обрисовано К. Д. Кавелинымъ въ его запискѣ о безпорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ такъ [1]:

---

[1]) «Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина», т. II.

«Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ, отвергло свидѣтелей въ судѣ, подчинило студенческую библіотеку полному распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря, требовало немедленнаго введенія билетовъ, отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, не выдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ не болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ дѣлалъ имъ замѣчанія за рѣзкость тона комиссіи, о послабленіи на экзаменахъ отозвался, какъ о нарушеніи обязанностей службы, циркулярное же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не въ правѣ. Затѣмъ министръ требовалъ, чтобы совѣтъ указалъ на профессора, который бы могъ, на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора временно, на годъ.

«Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженіе министерства отняло у новыхъ правилъ все смягчающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было разсчитывать, а, съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ, пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжкой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ. А управиться не было никакихъ средствъ, это видѣлъ всякій. Положеніе проректора, само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству, при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю [1]) въ совѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важ-

[1]) Генералъ-лейтенанту Филипсону, смѣнившему Делянова.

ныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны на этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловное ихъ выполненіе и выборъ проректора.

«Въ бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній положено было представить попечителю, что совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ.

«Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства—дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобы на него можно было пойти легкомысленно, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобы увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывы какъ сопротивленіе распоряженіямъ начальства и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора и инспектора студентовъ человѣка, не уважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятельнаго и трусливаго.

«Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной, прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще непонятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакихъ мѣръ для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству—изъ самыхъ нелѣпыхъ и противорѣчивыхъ слуховъ».

XXIX.

При такихъ смутныхъ обстоятельствахъ открылся осенній учебный семестръ 1861 г., и вся ненормальность университетскаго строя обнаружилась сразу со всѣми ея горькими послѣдствіями и въ самой бурной формѣ.

Уже весною, уѣзжая на каникулы, студенты ожидали репрессій, но осенняя дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Страсти вспыхнули сразу, стихійно, открылись сходки, появились воззванія. Большое объявленіе отъ студентовъ съ эпиграфомъ—

«Нашъ вѣкъ желѣзный, вѣкъ царей,
Штыковъ, законовъ бестолковыхъ,

Плодить безъ счету не людей —
Людишекъ дрянненькихъ, грошевыхъ».

гласило [1]):

«Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмотримъ, сколько наберется рыцарей, чтобы поднять ее. На словахъ ихъ очень много, куда ни обернешься—вездѣ красные, только какъ бы намъ не пришлось краснѣть за нихъ.

«Студенты буйствуютъ, студенты своевольничаютъ»,—брюзжатъ сѣдоволосые столпы отечества (прямые столпы), и вотъ являются передъ глазами публики декреты: впускать въ университетъ только платящихъ (выражаясь прямѣе: душить невѣжествомъ массу); запретить всякія сходки (т. е. divіdere et imperare, а какъ imperare—почувствуемъ впослѣдствіи). Вотъ покуда два образчика нѣжности.

«Этого мало? Да, конечно. Но это только цвѣточки. Но что же намъ дѣлать? Да ничего... молчать. И поэтому молчите, молчите, молчите...

«Русскій народъ давно отличался долготерпѣніемъ, били насъ татары—мы молчали, били цари—молчали и кланялись, теперь бьютъ нѣмцы—мы молчимъ и уважаемъ ихъ!.. Прогрессъ!.. Да въ самомъ дѣлѣ, что намъ за охота заваривать серьезную кашу? Мы вѣдь широкія натуры, готовыя на грязные полицейскіе скандальчики, подъ пьяную руку. Это только тамъ гдѣ-то, на Западѣ, есть такіе дурни, которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово—la gloire.

«Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ намъ сидѣть скромно на скамьяхъ, слушать цензированныя страхомъ лекціи, вести себя прилично, какъ слѣдуетъ въ классѣ, и требуютъ не разсуждать, слышите ли — не разсуждать!.. Ха, ха, ха...

«Но, господа, если паче чаянія взбредетъ намъ, что и мы тоже люди, что у насъ есть головы, чтобы мыслить, языкъ—чтобы не доносить, а говорить то, что мы мыслимъ, есть цѣлыхъ пять чувствъ—чтобы воспринимать ощущенія отъ правительственныхъ ласкъ и глазомъ, и ухомъ, и прочими благородными и неблагородными частями тѣла,—что если о всемъ этомъ мы догадаемся нечаянно? Какъ вы думаете, что изъ этого выйдетъ? Да ничего... Посмотрите на эпиграфъ и посмо́трите все, что выйдетъ.

«Всѣ данныя имѣются у насъ теперь, чтобы намъ обмануться въ нашихъ словахъ.

«Мы—легіонъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безчисленные кружки свободно мыслящихъ людей, Западная Европа, все лучшее, передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже, чѣмъ шпіоновъ. Стоитъ только показать, что насъ много. Теперь, кто же противъ насъ? Пять-шесть олигарховъ, тирановъ подлыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть господами; они теперь выворачиваютъ тулупы, чтобы пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей и чтобы еще болѣе уподобиться своей братьѣ-звѣрямъ; но бояться ихъ ничего, стоитъ только показать, что мы не боимся; потомъ противъ насъ нѣсколько тысячъ штыковъ, которые не смѣютъ направить противъ насъ. Вотъ все—что же тутъ страшнаго? Итакъ всѣ, кто не боится, пусть сплачиваются въ массу и... пусть будетъ, что будетъ. Худого не можетъ быть: мы не за худое.

«Главное, бойтесь разногласья и не трусьте энергическихъ мѣръ. Имѣйте въ головѣ одно: стрѣлять въ насъ не смѣютъ—изъ-за университета въ Петербургѣ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники твердятъ (покачивая головами): «Столица неспокойна».

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 116.

«На нашихъ мы менѣе надѣемся, чѣмъ на поляковъ. Въ нихъ болѣе благороднаго самоотверженія: они умѣли смѣло покушаться нѣсколько разъ на пріобрѣтеніе своей свободы, умѣли безъ страха итти на пытку, въ рудники, страдать за идею, и поэтому нашъ братскій призывъ къ нимъ принять самое дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, подѣлиться съ нами своею энергіею.

«Энергія, энергія, энергія!.. Вспомнимъ, что мы молоды, а въ это время люди бываютъ благородны и самоотверженны; не пугайтесь ничего, повторяемъ еще разъ, хотя бы пришлось итти всему университету въ келью богомольнаго монастыря.

«Судите!.. Но не напоминайте собою эпиграфа».

Это довольно легкомысленное произведеніе студенческаго пера, по существу затронутыхъ въ немъ вопросовъ, разсчитанное, однако, на самолюбіе читателей, произвело ожидаемый эффектъ: волна взбудораженныхъ чувствъ поднялась очень высоко, сходка получила страстный характеръ; Срезневскій, исполнявшій за отсутствіемъ Плетнева обязанности ректора, былъ прогнанъ съ каѳедры, гдѣ право рѣчи и сочувствіе слушателей сохранили лишь радикальные ораторы. Резолюція сходки, какъ и слѣдовало ожидать, получила рѣшительное направленіе отрицательнаго характера: новымъ правиламъ не подчиняться, пятидесяти рублей за право слушанія лекцій не платить, матрикуловъ и билетовъ для входа въ университетъ не брать. Изъ министерства послѣдовало распоряженіе о временномъ прекращеніи лекцій. Когда собравшіеся студенты явились на слѣдующій день въ университетъ, то нашли всѣ ходы запертыми. Составилась сходка во дворѣ, при чемъ ораторской трибуной послужила лѣстница; полились опять страстныя рѣчи и рѣшено было потребовать отъ попечителя объясненій, почему и надолго ли университетъ закрытъ. Филипсонъ, находившійся въ стѣнахъ университета, отозвался отсутствующимъ. Тогда студенты постановили отправиться всѣмъ наличіемъ сходки къ нему на квартиру на Колокольной улицѣ. Въ строгомъ порядкѣ двинулись студенты черезъ Дворцовый мостъ: «Былъ прекрасный сентябрьскій день, солнце ярко освѣщало длинную вереницу студенческой процессіи—описываетъ это движеніе г. Сорокинъ[1]), участникъ процессіи.—Дорогой къ намъ массами присоединились дѣвицы, слушательницы университетскихъ лекцій и множество молодыхъ людей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ студенчеству или просто намъ сочувствующихъ... При появленіи нашемъ около Морскихъ улицъ и далѣе, по Невскому, французскіе парикмахеры выбѣгали изъ своихъ магазиновъ и съ оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки, восклицали: «Revolution! Revolution!»

---

[1]) «Русская Старина» 1892 г., № 5.

Освѣдомленная заранѣе о предположенномъ движеніи полиція коннымъ и пѣшимъ строемъ, имѣя въ замкѣ генералъ-губернатора Игнатьева и оберъ-полицеймейстера Паткуля эскортировала процессію, не прибѣгая, однако, ни къ какимъ насиліямъ. На Колокольной процессію встрѣтили усиленные наряды полиціи, жандармовъ, пожарные съ топорами и часть стрѣлковаго батальона съ ружьями. Здѣсь чуть не произошла боевая схватка, но своевременно явившійся попечитель Филипсонъ устранилъ опасный моментъ, уговорилъ студентовъ вернуться въ университетъ для переговоровъ, и вся процессія тѣмъ же путемъ двинулась на Васильевскій островъ. По прибытіи въ университетъ съ разрѣшенія попечителя были избраны для переговоровъ депутаты, при гарантіи со стороны управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ ихъ неприкосновенности. Депутаты просили объ открытіи университета и отмѣнѣ новыхъ правилъ. По вопросу объ открытіи университета послѣдовалъ уклончивый, условный отвѣтъ, по вопросу о правилахъ—категорически отрицательный. Вкратцѣ дальнѣйшій ходъ событій изложенъ въ «Колоколѣ» [1]) такъ: «Между тѣмъ агенты Третьяго отдѣленія получили приказаніе отъ графа Шувалова разыскать зачинщиковъ безпорядковъ. Зачинщиковъ, по удостовѣренію сыщиковъ, оказалось 42 человѣка. По соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія ихъ положено было арестовать. Графъ Шуваловъ, прибывъ ночью съ 25 на 26 сентября къ оберъ-полицеймейстеру, гдѣ были собраны пристава и нѣкоторые изъ надзирателей, на которыхъ было возложено арестованіе студентовъ, объяснилъ имъ способъ арестованія, и спокойствіе болѣе полусотни домовъ было нарушено въ эту ночь.

«Аресты производились по запискамъ и указаніямъ управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ, и ни одинъ арестъ не былъ произведенъ на законномъ основаніи. Никому изъ арестованныхъ не предъявлено предписанія начальства о заарестованіи, никому не объявлена причина ареста; напротивъ того, арестованіе нѣкоторыхъ лицъ показываетъ полное самоуправство даже низшихъ полицейскихъ властей. Депутаты, личности которыхъ, согласно данному честному слову графомъ Шуваловымъ и Филипсономъ, были неприкосновенны, подверглись также аресту подъ именемъ зачинщиковъ. Студенты, пораженные ночными арестами и не постигая причины таковыхъ, собрались 27 сентября къ университету и обратились къ попечителю съ просьбою заступиться за товарищей. Генералъ Филипсонъ въ отвѣтъ на то потребовалъ, чтобы

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г. № 121. Болѣе подробно, съ деталями, на основаніи разныхъ источниковъ, вся университетская исторія изложена въ статьѣ г. Ашевскаго «Русское студенчество въ эпоху 60-хъ годовъ». «Современный Міръ» 1907 г. (Августъ).

они немедленно разошлись, и когда они этого не исполнили, то онъ офиціально отнесся къ военному генералъ-губернатору, прося его прекратить безпорядки посредствомъ городской полиціи. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, прибывъ въ университетъ, убѣдилъ толпу разойтись, и въ 10 минутъ всѣ разошлись, пославъ министру народнаго просвѣщенія депутацію, которую онъ однако не принялъ. Затѣмъ студенты собрались около университета 2 октября, и нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ лицами не принадлежащими университету (въ числѣ 30 человѣкъ) были арестованы.

«Въ то же время были арестованы на квартирахъ еще нѣсколько студентовъ и другія лица, не принадлежащія университету, нѣкоторые - за то, что они собрались депутатами отъ неизвѣстныхъ кружковъ 'своихъ товарищей толковать о новыхъ правилахъ; другіе по причинамъ никому неизвѣстнымъ (какъ это видно изъ офиціальныхъ бумагъ). Такимъ образомъ въ казематы петербургской крѣпости были препровождены подъ арестъ 97 человѣкъ. Для изслѣдованія безпорядковъ, происшедшихъ въ здѣшнемъ университетѣ, назначена была слѣдственная комиссія. Комиссія, приступивъ къ изслѣдованію, приняла въ руководство существующія законоположенія и потребовала отъ оберъ-полицеймейстера и управляющаго Третьимъ отдѣленіемъ доказательствъ виновности студентовъ, подвергнутыхъ аресту. Доказательствъ этихъ сообщено комиссіи не было, и вмѣсто того предписаніемъ, даннымъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ на имя предсѣдательствующаго въ комиссіи, измѣнено свойство возложеннаго на комиссію порученія, а именно: слѣдственный характеръ изслѣдованія отмѣненъ и комиссіи поручено только распредѣлить арестованныхъ по категоріямъ, по степени виновности. Для такого распредѣленія по категоріямъ, комиссіи слѣдовало отыскать степень виновности арестованныхъ лицъ. Данными въ этомъ случаѣ представлялись:

а) обвиненія, взводимыя правительствомъ,
б) собственныя показанія арестованныхъ и
в) отзывъ университетскаго начальства.

«Правительство обвиняло студентовъ: 1) что они противозаконно собирались на сходки въ университетѣ и внѣ стѣнъ онаго и, когда ихъ приглашали разойтись, не расходились, 2) что на этихъ сходкахъ были вывѣшены и читались возмутительныя прокламаціи, 3) что для одной изъ своихъ сходокъ (23 сентября) они силою вошли въ актовую залу, которой дверь была закрыта, что они, собравшись въ толпу, не разсѣялись, когда ихъ къ тому приглашали, и 4) что нѣкоторые изъ студентовъ принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ. Доказательствъ или уликъ по всѣмъ этимъ обвиненіямъ правительство никакихъ сообщить не могло.

«Студенты объяснили: 1) Что они дѣйствительно собирались на сходки, но что это не было противозаконно, потому что сходки

были необходимы, университетское начальство объ этомъ знало и не воспрещало, что на одной изъ сходокъ присутствовалъ даже самъ ректоръ, который не приглашалъ студентовъ разойтись (какъ это удостовѣряетъ правительство); равно начальство не объявило, что послѣдовало высочайшее повелѣніе о безусловномъ запрещеніи сходокъ. 2) Что возмутительныхъ прокламацій и рѣчей никто изъ студентовъ не произносилъ, что же касается двухъ прокламацій, которыя были вывѣшены въ одной изъ университетскихъ комнатъ, то они ихъ не одобряютъ и кто ихъ составлялъ, не знаютъ. 3) Что 23 сентября они дѣйствительно собрались на сходку въ актовую залу черезъ боковую дверь, но что дверь эта не была заперта и они никакой двери не ломали. 4) Студенты, обвиняемые въ участіи въ тайныхъ обществахъ, показали, что они ни къ какимъ таковымъ обществамъ не принадлежатъ. 5) Лица, арестованныя въ толпѣ 20 октября, удостовѣряютъ, что они попали въ оную случайно и не слыхали приглашенія полиціи разойтись.

«Университетское начальство, въ лицѣ исправлявшаго должность ректора Срезневскаго и ректора Плетнева, объяснило: 1) что студентамъ не было объявлено высочайшаго повелѣнія о безусловномъ запрещеніи сходокъ, 2) что 23 сентября, когда студенты собрались на сходку въ актовую залу, дверь въ оную не была сломлена, 3) что студентамъ не было предложено разойтись со сходки и 4) что были ли читаны и вывѣшены въ университетѣ какія-либо прокламаціи, университетскому начальству неизвѣстно.

«Между тѣмъ матрикулы для студентовъ были изготовлены, правительство объявило черезъ газеты, что желающіе принять оные могутъ подать прошеніе, тѣ же, которые не подадутъ прошенія въ недѣльный срокъ со дня объявленія, будутъ считаться уволенными изъ университета. Желающихъ принять матрикулы оказалось болѣе 600 человѣкъ; не принявшихъ же матрикулы правительство пригласило оставить столицу въ 48 часовъ.

«Такое расчлененіе студентовъ было причиною сборища около университета 12 октября. Студенты, не принявшіе матрикуловъ, прибыли въ университетъ съ цѣлію воспрепятствовать своимъ товарищамъ слушать лекціи. Полицейское начальство распорядилось о заарестованіи этихъ студентовъ, и когда воинскія команды выводили арестованныхъ со двора университета, то другая толпа студентовъ бросилась отбивать товарищей. Толпу эту также заарестовали и, вмѣстѣ съ первыми, препроводили сперва въ крѣпость, потомъ въ Кронштадтъ, для содержанія подъ арестомъ. Разборъ виновности сихъ послѣднихъ студентовъ порученъ особой комиссіи».

Таково довольно правдивое и краткое описаніе событій, послѣдовавшихъ послѣ демонстраціи къ квартирѣ попечителя.

XXX.

Университетскій инцидентъ произвелъ большое впечатлѣніе на общество и правительство. Онъ явился для начала сезона самымъ острымъ вопросомъ дня и рѣшительно заслонилъ собою всѣ остальные вопросы, тѣмъ болѣе, что событія въ Петербургѣ нашли себѣ сильное отраженіе въ Москвѣ, Казани и прочихъ университетскихъ городахъ, гдѣ равнымъ образомъ разразившіяся студенческія волненія взбудоражили сильно всю мѣстную жизнь во всѣхъ ея соціальныхъ напластованіяхъ. Остротѣ общественнаго настроенія содѣйствовало то, что не вездѣ эти волненія обошлись мирно, а сопровождались насиліемъ и кровавой расправой. Значеніе студенческой исторіи въ Петербургѣ было освѣщено Герценомъ въ «Колоколѣ» слѣдующимъ образомъ въ статьѣ «Исполинъ просыпается» [1]). Здѣсь сказано:

«Да, спящій «Сѣверный Колоссъ», «Исполинъ царю послушный» просыпается и вовсе не такимъ послушнымъ, какъ во времена Гавріила Романовича Державина.

«Добраго утра тебѣ—пора, пора! богатырскій былъ твой сонъ—ну, и проснись богатыремъ! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ, да и чихни—чтобъ спугнуть всю эту стаю совъ, воронъ, вампировъ, Путятиныхъ, Муравьевыхъ, Игнатьевыхъ и другихъ нетопырей; ты просыпаешься—пора имъ на покой. Есть нечистота движущаяся—всѣ эти прусаки, бого-мокрицы, насѣкомыя, лишенныя крылъ, но не лишенныя аппетита, несовмѣстныя съ дневнымъ свѣтомъ. Чихни, исполинъ,—и отъ нихъ слѣда не останется, кромѣ несмываемыхъ пятенъ польской и крестьянской крови!

«Господи, какой жалкій и смѣшной видъ у этого грознаго правительства! Куда дѣлась его вахмистрская наружность, его фельдфебельская выправка, гдѣ его сипло-армейскій голосъ, которымъ оно тридцать лѣтъ кричало: «Въ гробъ заколочу Демосѳена!»—Что, служивый, видимо, не тѣ времена, да и не тѣ силы, широкъ сталъ тебѣ мундиръ, насунулась каска на глаза... Ступай, кавалеръ, въ больницу, не то въ инвалиды!

«Да что же случилось, отчего оно такъ оторопѣло? Революція, что ли? Филаретъ взбунтовалъ Москву? Петръ Ольденбургскій провозглашенъ императоромъ въ школѣ правовѣдѣнія? Отгадайте! А пока, возьмите «Таймсъ» и читайте его превосходныя корреспонденціи...

«Грубое правительство, напуганное выжившимъ изъ ума Строгановымъ, рядомъ мелкихъ преслѣдованій и униженій начало

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 110.

оскорблять университеты: назначеніемъ Путятина, школьными стѣсненіями, бездушнымъ отталкиваніемъ неимущихъ. Студенты петербургскаго университета избрали депутатовъ и поручили имъ довести до начальства ихъ протестъ. Начальство поступило съ ними въ томъ родѣ, какъ поступали дикіе на Сандвичевыхъ островахъ съ парламентерами, въ томъ родѣ, какъ Петръ большой поступилъ съ Полуботкомъ, а Николай длинный съ депутатами отъ старорусскихъ солдатъ, то есть, вопреки всякому понятію чести и нравственному стыду, захватило ихъ. Студенты рѣшились просить освобожденія своихъ товарищей — и вотъ отчего Бистромъ-Сантеръ бунтовалъ солдатъ, натравляя ихъ на другія сословія, Паткуль надорвалъ двухъ лошадей, а Игнатьевъ-Мальковскій шепталъ Филипсону: «Все готово, можно начинать!» Что начинать? бойню юношей, рѣзню на университетскомъ дворѣ?.. Что къ этому прибавлять!

«Но гдѣ же былъ, что дѣлалъ, что сказалъ душеспасительнаго нашъ японецъ, нашъ океанидъ, бого и человѣкоугодникъ Путятинъ? Отчего онъ не ѣздилъ на шлюпкѣ съ Сергіевскимъ взадъ и впередъ по Невѣ и Мойкѣ въ то время, когда Паткуль замыловалъ второго жеребца? Онъ былъ гдѣ-то «подъ полой» скрытъ отъ глазъ паціента, какъ ножъ или пила передъ хирургической операціей. Какъ безвозвратно запятналъ себя этотъ человѣкъ, какъ быстро сѣлъ на мель грязи этотъ шкиперъ просвѣщенія!

«О Филаретъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ! Какой нехристіанскій совѣтъ далъ ты на старости святительства твоего кораблевождицѣ японской; безъ твоего архипастырскаго благословенія жилъ бы онъ себѣ мирно и небезвозмездно въ Лондонѣ коммиссіонеромъ и купчиною адмиралтейства и кротко возносилъ бы мольбы свои къ подножію престола Всевышняго между заказами снастей корабельныхъ и ихъ пріемомъ,—а теперь всѣхъ водъ, соленыхъ и прѣсныхъ, отъ бреговъ Синайскихъ до водохранилищъ мытищенскихъ, не довлѣетъ на омовеніе человѣка, принявшаго на себя величайшее преступленіе, преступленіе противъ духа, противъ просвѣщенія...

«Въ Россіи закрыты университеты—въ Польшѣ церкви сами закрылись, оскверненныя полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ впотьмахъ? Они сошли съ ума—долой ихъ съ козелъ, если не хотите съ ними грохнуться о землю? Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?.. Сказать вамъ куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, растетъ стонъ, поднимается ропотъ— что начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чревата бурями, послѣ страшно-утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ

Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!

«Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ проходитъ. Вы тайно еще печатаете дома, но явно протестуете. Хвала вамъ, младшіе братья, и наше дальнее благословеніе! О, если бъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься, когда мы читали о студенческомъ днѣ въ Петербургѣ».

Такъ взглянулъ на дѣло «съ того берега» знаменитый русскій эмигрантъ, подъ такимъ именно политическимъ угломъ зрѣнія онъ его освѣтилъ и такъ онъ опредѣлилъ его дальнѣйшее развитіе. Въ народъ! Отъ спеціально-студенческихъ неудовольствій и бурныхъ проявленій кипучихъ силъ по домашнимъ обстоятельствамъ къ дѣлу политической пропаганды на Волгѣ, на Дону, на Уралѣ... Совѣтъ, какъ увидимъ дальше, далъ свои результаты, и молодежь отвѣтила на указаніе своего политическаго наставника извѣстнымъ «крестовымъ походомъ» въ народъ въ семидесятыхъ годахъ, о чемъ рѣчь будетъ дальше.

На діаметрально противоположную точку зрѣнія сталъ въ вопросѣ другой видный представитель нашей общественности, И. С. Аксаковъ, обратившійся къ студентамъ въ своей газетѣ «День» съ слѣдующимъ совѣтомъ [1]):

«Бросьте всѣ ваши безполезные толки, волненіе безъ содержанія и безъ цѣли, безъ опредѣленнаго смысла! Сами вы знаете, нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ подобныя явленія не могутъ быть терпимы, какъ ненормальныя, безпорядочныя отправленія общественнаго организма. На крестьянскія сходки не допускаются крестьяне, которые еще не несутъ тягла. Вы также все еще не имѣете полныхъ правъ гражданскихъ, а слѣдовательно и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Съ какою цѣлью поступаете вы въ университетъ? Съ единственною цѣлью учиться; другой цѣли, другой заботы, другой дѣятельности у васъ и быть не можетъ и быть не должно! Подумайте о тѣхъ горестныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ навлечь на всѣхъ ваши поступки! Вы молодое поколѣніе Россіи, вы ея цвѣтъ, ея надежда, вы будущіе граждане, будущіе дѣятели на всѣхъ ея поприщахъ!—Вы должны запасаться силами и всякимъ духовнымъ оружіемъ для борьбы съ жизнью; вы должны пріобрѣтать знанія и развивать мышленіе, чтобы вести Россію по дальнѣйшему пути истиннаго прогресса. Вы должны изучить Россію и русскую народность, чтобы наполнить бездну, еще отдѣляющую насъ отъ народа, чтобы возстановить цѣльность всего общественнаго организма, чтобы дѣйствовать согласно съ духомъ народа! Посудите сами: какого же добра можетъ ожидать Россія отъ

---

[1]) «День» 1861 г., № 8.

незрѣлыхъ, недоученныхъ, недоношенныхъ въ умственномъ отношеніи сыновей своихъ? Только пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ! Любите ли вы Россію, любите ли вы народъ свой? Понимаете ли вы свое призваніе? Если любите, если понимаете, такъ займитесь дѣломъ, относитесь къ жизни посерьезнѣе, отрезвите себя крѣпкимъ умственнымъ трудомъ, воспитайте въ себѣ силу терпѣнья и могущество воли, развивайте мысль, возбуждайте дѣятельность сознанія, будьте безукоризненно честны и непоколебимо тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ, и вы дадите Россіи мужей, нужныхъ ей,—нужныхъ въ предстоящія ей трудныя времена испытанія. Не отнимайте же у себя силъ и способовъ для будущей дѣятельности!»

Таковъ былъ не могшій разсчитывать на успѣхъ и популярность въ тѣ дни общаго нервнаго возбужденія голосъ вождя славянофиловъ. Онъ не могъ снискать ему гула одобренія молодежи и даже болѣе горячо настроенныхъ представителей общественности, почему и былъ отнесенъ къ тѣмъ голосамъ, которые раздавались со стороны такъ называемой «крайней правой», гдѣ стояли Филаретъ, графъ Шуваловъ, графъ Строгановъ, Путятинъ и другіе. Крылатое слово Искандера-Герцена съ его образною рѣчью и шаржированными положеніями болѣе отвѣтствовало общему настроенію и являлось той барометрической стрѣлкой, которая своимъ уклоненіемъ влѣво опредѣляла наступающую политическую погоду.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДОНСКОЙ МУЗЕЙ.

(Въ городѣ Новочеркасскѣ).

I.

ВЪ НЕОБОЗРИМЫХЪ степяхъ области войска Донского нерѣдко можно встрѣтить такъ называемые «курганы»—могильныя насыпи скиѳскихъ и другихъ кочевниковъ,—то одиноко высящіеся среди равнины, то тянущіеся цѣлыми рядами. Кое-гдѣ еще и до сихъ поръ сохранились развалины старинныхъ укрѣпленій, относящихся къ временамъ греческаго и римскаго владычества. Наконецъ, самый край, съ его оригинальной ролью въ исторіи Русскаго государства, своеобразной культурой, разнообразнѣйшими рудными и минеральными богатствами, крупнымъ значеніемъ рыболовства, какъ теперь, такъ и, въ особенности, въ прежнее время — все это, казалось бы, уже давно должно было натолкнуть на мысль объ изученіи прошлаго этого края, его историческаго развитія и созданіи, въ качествѣ вспомогательнаго орудія, мѣстнаго музея. Но увлеченіе мѣстной администраціи исключительно стремленіемъ сохранить военный строй казачьей жизни, имѣвшій значеніе въ давно прошедшія времена, когда казачество служило оплотомъ Московскаго государства (а также и самого себя) отъ нашествій съ юга, ея косность, некультурность, отвращеніе ко всякимъ новшествамъ—съ одной стороны, и полнѣйшее отсутствіе самодѣятельности у мѣст-

наго населенія, придавленнаго суровымъ режимомъ жизни чуть ли не по военной командѣ,—съ другой, привело къ тому, что въ смыслѣ изученія края сдѣлано еще очень и очень мало, а музей, какъ вспомогательное орудіе при этомъ изученіи, существуетъ, строго говоря, только съ 1899 года, когда онъ былъ переведенъ въ собственное зданіе, значительно пополненъ и сдѣлался доступнѣе для публики.

II.

Исторію постепеннаго «собиранія» музея до перехода въ собственное зданіе прослѣдить довольно трудно, такъ какъ зачатки его различныхъ отдѣловъ были разбросаны по различнымъ же учрежденіямъ. «Формированіе, напримѣръ, доисторическаго и историческаго отдѣловъ музея началось съ 1884 года сначала при канцеляріи войскового наказнаго атамана, а съ 1888 года при областномъ правленіи войска Донского. Несмотря на неимѣніе опредѣленныхъ средствъ для пріобрѣтенія предметовъ древности и старины (по временамъ лишь отпускались небольшія суммы изъ средствъ войскового наказнаго атамана на вознагражденіе за поступавшіе предметы древности, да приходилось приплачивать изъ собственныхъ средствъ хранителя музея) [1]), благодаря содѣйствію органовъ окружнаго и станичнаго управленія, а равно членовъ и сотрудниковъ комиссіи по устройству музея, открытой въ 1890 году, и сочувствію частныхъ лицъ, коллекціи музея ко времени офиціальнаго открытія его, послѣдовавшаго 22 ноября 1899 года, представляли уже значительное количество сказанныхъ предметовъ» [2]).

Отдѣленіе естественно-историческое составляютъ коллекціи бывшаго музея управленія горною и соляною частями области войска Донского, переданныя въ Донской музей передъ открытіемъ его въ 1899 году. Какъ обращались тамъ съ отдѣльными предметами, можно судить хотя бы по слѣдующему факту. Передъ тѣмъ, какъ передать свои коллекціи Донскому музею, завѣдующіе музеемъ управленія горнаго и соляного выволокли громадную глыбу каменнаго угля, вѣсомъ въ 150 пудовъ, прямо во дворъ, гдѣ она и пребывала долгое время, подвергаясь дѣйствію атмосферическихъ явленій, вслѣдствіе которыхъ стала разлагаться, а затѣмъ дала трещину, и лежитъ теперь въ музеѣ, скрѣпленная желѣзной проволокой.

Формированіе библіотеки музея началось одновременно съ формированіемъ историческаго отдѣла путемъ покупки, пожертвованій и обмѣна съ другими подобными учрежденіями.

---

[1]) Изъ протокола засѣданія комиссіи по устройству Донского музея 4 ноября 1902 года.

[2]) До 100—200 рублей въ годъ—по словамъ завѣдующаго музеемъ Х. И Попова.

Основаніе историческому архиву было положено въ 1866 году, когда по порученію областного статистическаго комитета былъ командированъ теперешній завѣдующій музеемъ, Х. И. Поповъ, въ станицу Алексѣевскую для разборки и осмотра дѣлъ хоперскаго и нѣкоторыхъ станичныхъ архивовъ Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ.

Наконецъ, въ 1900 году, согласно указанію военнаго министра, въ музей переданы на храненіе войсковыя регаліи: высочайше пожалованныя грамоты, знамена и пр., для которыхъ отведено особое помѣщеніе, закрытое для доступа публики [1]).

III.

Въ настоящее время Донской музей помѣщается въ собственномъ двухъэтажномъ, довольно просторномъ зданіи, оконченномъ постройкой въ 1899 году и обошедшемся во внушительную сумму— 75 тысячъ рублей.

Состоитъ онъ изъ слѣдующихъ трехъ отдѣленій: а) доисторическаго, б) историческаго и в) естественно-историческаго. Затѣмъ идутъ: 1) особое отдѣленіе войсковыхъ регалій, 2) библіотека и 3) историческій архивъ.

а) Отдѣлъ доисторическій довольно обширенъ и содержитъ рядъ интересныхъ предметовъ. Кромѣ всевозможныхъ военныхъ и сельско-хозяйственныхъ орудій и различныхъ предметовъ домашняго обихода каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, онъ заключаетъ въ себѣ коллекціи скиѳо-сарматскаго періода и времени великаго переселенія народовъ, а также рядъ монетъ Босфорскаго царства, византійскихъ и Кіевскаго княжества. При раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстахъ древнихъ укрѣпленій и городовъ, какъ, напримѣръ, второго Танаида (близъ нынѣшняго хутора Недвиговскаго, при Мертвомъ Донцѣ), I—IV вѣка; городища, находящагося близъ станицы Цымлянской, IX—XII вѣка (быть можетъ, Саркела или Бѣловѣжи), и города Таны и возникшаго на томъ же мѣстѣ Азова (XII—XVII вѣка)—были найдены, помимо указанныхъ и подобныхъ предметовъ, еще и различные памятники и обломки камней съ надписями и украшеніями, а также предметы христіанской древности (кресты, образки херсонесскіе и кіевскіе и проч.).

Неизвѣстный древній городъ, находившійся близъ станицы Цымлянской, былъ въ свое время укрѣпленъ кирпичными стѣнами. Оригинальные образцы этого кирпича, большихъ размѣровъ, квадратной формы, тонкаго и очень крѣпкаго, также находятся въ музеѣ. Недурное представленіе о расположеніи этого города и отчасти о раскопкахъ даютъ двѣ большія картины, писанныя

[1]) Съ октября 1907 года доступъ въ музей вновь открытъ.

масляными красками членомъ комиссіи—художникомъ В. В. Часовниковымъ [1]).

Наиболѣе любопытнымъ предметомъ этого отдѣла является, пожалуй, глиняный сосудъ (изъ числа 16 одинаковыхъ, найденныхъ при раскопкахъ одного кургана въ станицѣ Великокняжеской, Сальскаго округа), наполненный вязкой и тягучей жидкостью буроватаго цвѣта.

Завѣдующій музеемъ нѣсколько разъ посылалъ содержимое этого сосуда въ различныя учрежденія для анализа, но опредѣленія были неодинаковы [2]). Кажется, и до сихъ поръ не удалось точно установить его происхожденіе, и пока остановились на асфальтовомъ лакѣ.

б) Отдѣленіе историческое занимаетъ два зала, но далеко не полно и содержитъ на ряду съ интересными предметами рядъ ничего не дающихъ для изученія края. Тутъ размѣщены предметы церковныхъ и религіозныхъ памятниковъ, нумизматики, медалей, орденовъ, портретовъ, рисунковъ, костюмовъ, стариннаго казачьяго оружія и проч. Болѣе другихъ интересны точная копія съ Остромирова Евангелія (1056—57 гг.), снимокъ со знамени покорителя Сибири атамана Ермака Тимоѳеевича, нѣсколько старинныхъ орудій, въ томъ числѣ одно маленькое—съ лодки, коллекція разнообразныхъ бумажныхъ и металлическихъ денегъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ, среди которыхъ есть и французскія времени великой революціи и Наполеона I. Изъ цѣлаго ряда медалей по поводу различныхъ военныхъ подвиговъ и крупныхъ событій можно отмѣтить нѣсколько любопытныхъ: на возвращеніе Петра I изъ-за границы съ надписью «Добродѣтель творитъ благодушна». Anno 1717 D. 20 Dez., на истребленіе стрѣльцовъ, на усмиреніе мятежниковъ въ 1718 г., въ память освобожденія Берлина отъ французовъ А. И. Чернышевымъ и др.

Старинныхъ мужскихъ казачьихъ костюмовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, но зато подъ стекломъ лежитъ «мундиръ флигель-адъютанта графа Петра Михайловича Орлова-Денисова, смертельно раненаго на приступѣ подъ Геокъ-Тепе 12 января и скончавшагося 26 января 1881 года. Пола мундира пробита пулей. Мундиръ обагренъ пролитой отъ раны благородной кровью», какъ значится въ надписи. Вмѣсто образцовъ старинныхъ казачьихъ національныхъ костюмовъ на стѣнахъ развѣшаны рисунки въ краскахъ съ этихъ костюмовъ XVIII и XIX вѣка. Зато есть женскіе казачьи костюмы: знаменитый кубилекъ, съ его оригинальными разукрашенными пуговицами, сарафанъ и головной уборъ казачекъ, такъ называе-

---

[1]) Потомъ іеромонахъ Авраамій.

[2]) По однимъ опредѣленіямъ—это горное масло, по другимъ—неочищенная нефть, по третьимъ—асфальтовая смола и т. п.

мый «колпакъ», съ чекиликами—жемчужными подвѣсками, спускающимися на уши. Костюмы эти висятъ въ шкапу, въ которомъ красуются и чучела громадныхъ и важныхъ пеликановъ, гораздо рѣже встрѣчающихся теперь въ области, чѣмъ въ прежнія времена.

Затѣмъ, кромѣ портретовъ донскихъ наказныхъ атамановъ и нѣсколькихъ картинъ, изображающихъ военные подвиги казаковъ, тутъ находятся еще различные предметы домашняго обихода, иногда довольно старинные и оригинальные. Въ первой залѣ—противъ главнаго входа—помѣщается бюстъ донского наказнаго атамана князя Н. И. Святополкъ-Мирскаго съ надписью: «Основателю Дон-

Донской музей.

ского музея князю Николаю Ивановичу Святополкъ-Мирскому (1882—1898 г.)».

Изъ раритетовъ этого отдѣленія можно указать на фуражку и трость генерала Р. А. Хрещатицкаго, хранящіяся подъ стекломъ.

в) Отдѣленіе естественно-историческое составляютъ, какъ уже было сказано, коллекціи бывшаго музея управленія горною и соляною частями области войска Донского, переданныя въ Донской музей передъ открытіемъ его въ 1899 году. Здѣсь можно видѣть образцы минераловъ, металлическихъ рудъ изъ Таганрогскаго и другихъ округовъ, органическихъ окаменѣлостей, антрацита и каменнаго угля Донской области. Въ витринахъ помѣщены образцы породъ каменноугольнаго періода, третичной и мѣловой формаціи, самосадочной соли изъ соляныхъ Манычскихъ озеръ, лежащихъ

въ Задонской степи, заготовленія 1867 года [1]), торфъ изъ Хоперскаго округа, близъ станицы Преображенской, и прочее.

Въ этомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе оригинальная полированная колонна изъ каменнаго угля, двѣ громадныя глыбы каменнаго угля въ 85 и 150 пудовъ, любопытный, какъ бы чешуйчатый, стволъ окамѐнѣвшаго дерева, сажени въ 2 длиной, къ сожалѣнію, разбитый на части при перевозкѣ въ теперешнее помѣщеніе музея. Большой интересъ представляетъ и картограмма развитія каменноугольной промышленности въ Донской области за пятьдесятъ девять лѣтъ (1840—1899 гг.), раздѣленная по пятилѣтіямъ. За это время производство антрацитовыхъ и каменноугольныхъ рудниковъ съ 25 тысячъ пудовъ достигло 197 милліоновъ пудовъ въ годъ.

Изъ раритетовъ весьма любопытны неуклюжіе, громоздкіе, грубой работы войсковые часы Старочеркасскаго собора XVIII столѣтія, перевезенные изъ станицы Старочеркасской [2]) въ городъ Новочеркасскъ и находившіеся на здѣшнемъ временномъ соборѣ съ 1810 по 1904 годъ, а теперь помѣщенные въ музей, и «манна», какъ значится на надписи, выпавшая въ какомъ-то голодномъ году въ области,—небольшіе грибообразные кусочки какого-то вещества[3]).

Къ отдѣленію естественно-историческому присоединяется подотдѣленіе палеонтологическое—ископаемые остатки первобытныхъ животныхъ (мамонта, носорога, оленя, быковъ) и животныхъ, существовавшихъ на Дону еще въ началѣ XIX столѣтія (оленя и лося), и др. Оно составилось отчасти изъ экземпляровъ, переданныхъ изъ горнаго управленія, а большая ихъ часть поступила и продолжаетъ поступать черезъ посредство комиссіи музея изъ различныхъ мѣстностей области параллельно съ археологическими находками.

Тутъ наиболѣе любопытны громадные мамонтовы клыки (бивни) и челюсти, черепа и рога гигантскаго оленя (cervus megauros) и два черепа съ рогами громадныхъ быковъ (bos primigenius и bos latifrons).

Въ этомъ же подотдѣленіи помѣщаются и древнія изваянія изъ камня, такъ называемыя, «каменныя бабы», въ числѣ 4 муж-

---

[1]) Теперь уже почти не добывается.

[2]) Бывшая столица области войска Донского.

[3]) Вѣроятно, манна лишайниковая, извѣстная подъ народными названіями «земляного» или «небеснаго» хлѣба—скопленія лишая Lecanora esculenta Eversm, встрѣчающіяся во многихъ степныхъ и пустынныхъ странахъ Средней и Малой Азіи, юго-восточной Европы и сѣверной Африки. Лишаи переносятся сильными вѣтрами и ураганами часто на далекія разстоянія, потомъ ниспадаютъ въ видѣ дождя манны, покрывающаго почву слоемъ, иногда до 15 и 20 сантиметровъ толщиной... Питательность манны весьма не велика... Тѣмъ не менѣе во время нужды, за отсутствіемъ лучшей пищи, ее ѣдятъ, смѣшивая, обыкновенно, съ нѣкоторымъ количествомъ муки.

скихъ и 3 женскихъ экземпляровъ, вопросъ о происхожденіи и значеніи которыхъ не рѣшенъ, кажется, опредѣленно и до сихъ поръ. Профессоръ Н. Веселовскій въ своей брошюрѣ «Мнимыя каменныя бабы» (Петербургъ, 1905 г.) говоритъ о нихъ такъ: «Послѣ неожиданнаго открытія тюркскихъ памятниковъ въ Монголіи, на берегу рѣки Орхона, среди которыхъ оказались и типичныя изваянія, называемыя «каменными бабами», съ надписью «балбалъ», уже нельзя сомнѣваться, что подобныя статуи принадлежатъ только народамъ тюркскаго племени и никому иному». Но такое заключеніе не получило, если мы не ошибаемся, всеобщаго признанія, и вопросъ о «каменныхъ бабахъ» все еще остается открытымъ. «Каменныя бабы» распространены исключительно по громадной полосѣ юга Россіи, почти на томъ же престранствѣ, что и курганы, преимущественно въ Донской области и сосѣдней Екатеринославской губерніи. Въ одной Донской области ихъ зарегистрировано до 500 штукъ (главнымъ образомъ, въ Таганрогскомъ округѣ), среди которыхъ, впрочемъ, немало поддѣльныхъ, и малое количество ихъ въ музеѣ объясняется недостаткомъ энергіи и средствъ на ихъ собираніе, а также нежеланіемъ нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ уступить свои, иногда очень любопытные экземпляры.

Кромѣ каменныхъ бабъ, существовали и деревянныя, съ которыхъ сохранились только рисунки[1]), такъ какъ самые оригиналы при извлеченіи ихъ изъ земли разваливались. Всего деревянныхъ бабъ (женскія и мужскія фигуры) было найдено 4 экземпляра при раскопкахъ у вершины балки рѣчки Аюлы въ 1 верстѣ на сѣверозападъ отъ зимовника Кутейникова Онѣ стояли рядомъ, плечомъ къ плечу, лицомъ къ сѣверо-востоку, а сзади нихъ находились кости собакъ и птицъ.

1) Въ отдѣленіи войсковыхъ регалій для историка представляютъ наибольшій интересъ Высочайшія грамоты. Въ брошюрѣ «Высочайшія грамоты и регаліи, пожалованныя войску Донскому»[2]) авторъ говоритъ о нихъ такъ: «Первою по времени считается грамота царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича о пожалованіи казакамъ р. Дона съ его притоками за участіе ихъ при покореніи Казани (въ 1552 г.). Но объ этой грамотѣ сохранилось только одно преданіе. Изъ сохранившихся же въ московскомъ государственномъ архивѣ списковъ грамотъ на Донъ принято считать первою грамоту Іоанна Васильевича отъ 3 января 1570 года, когда онъ, отправляя въ Царьградъ посла своего Новосильцова, писалъ донскимъ атаманамъ и казакамъ, чтобы они Новосильцова

---

[1]) Показанные мнѣ помощникомъ завѣдующаго музеемъ И. М. Сулинымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ различныхъ раскопкахъ по области.

[2]) Изданіе донского статистическаго комитета подъ редакціей члена комитета Х. И. Попова. Новочеркасскъ, 1887 года.

слушались во всѣхъ государевыхъ дѣлахъ и «тѣмъ бы вы намъ послужили,—говорится въ грамотѣ,—а Мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ». Вторая изъ сохранившихся грамотъ того же государя относится къ 1571 г. (августа 17). Изъ грамотъ царя Θеодора Іоанновича сохранились три: отъ 31 августа 1584 г., 21 марта 1592 г. и 20 апрѣля 1593 г. Въ этихъ грамотахъ писалось о томъ, чтобы донскіе атаманы и казаки провожали царскихъ пословъ, отправлявшихся въ Царьградъ и возвращавшихся оттуда, вмѣстѣ съ турецкими послами, въ первомъ случаѣ до Азова, а во второмъ—до Ряжска (въ нынѣшней Рязанской губерніи), бывшаго въ то время украиннымъ на рубежѣ «Поля». При всѣхъ послѣднихъ грамотахъ казакамъ было прислано царское жалованье: селитра, зелье и свинецъ, сукна и запасъ».

Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича отношенія государей къ донскимъ казакамъ при помощи грамотъ становятся непрерывными.

Кромѣ грамотъ, Высочайшія пожалованія войску Донскому составляютъ: знамена, перначъ, насѣка, бунчуки и другіе клейноды—знаки атаманскаго управленія, также знамена станичныя и полковыя, гербъ Новочеркасска и прочее.

Всѣ эти предметы представляютъ интересъ преимущественно для военныхъ, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Большинство грамотъ и почти всѣ регаліи, полученныя въ прежнее время, были уничтожены ужаснымъ пожаромъ, постигшимъ Черкасскъ въ 1744 году. Императрица Елизавета Петровна въ 1746 г. возобновила регаліи, начиная съ царствованія своего родителя, изложивъ въ грамотѣ своей полный текстъ грамоты Петра I отъ 21 февраля 1706 года (за участіе въ прекращеніи астраханскаго бунта въ 1705 году)

Изъ пожалованныхъ знаменъ нѣкоторыя довольно любопытны. Такъ, полку Михайлова пожаловано знамя съ надписью: «За отличный подвигъ при усмиреніи Трансильваніи въ 1849 году», или другое: «Нашего войска Донского атаманамъ и казакамъ, за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо которыя учинили въ 1705 году во время астраханскаго возмущенія, въ вѣчную и несмертельную память». «За подвиги войска Донского въ походѣ на усмиреніе Венгріи и Трансильваніи въ 1849 году» пожаловано также знамя съ соотвѣтствующей грамотой.

Доступъ публикѣ въ отдѣленіе войсковыхъ регалій совершенно закрытъ.

2) Формированіе библіотеки началось одновременно съ формированіемъ археологическаго и историческаго отдѣловъ. Частію книги историческаго и археологическаго содержанія пріобрѣтались покупкою, немало поступило книгъ отъ разныхъ лицъ и ученыхъ учрежденій въ даръ.

Въ настоящее время составъ библіотеки простирается, по словамъ завѣдующаго музеемъ Х. И. Попова, за 1.500 томовъ.

3) Первымъ основаніемъ историческаго архива, находящагося при музеѣ, послужили дѣла хоперскаго и нѣкоторыхъ станичныхъ архивовъ Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ, собранныя въ 1866 г. и составившія цѣнный историческій и бытовой матеріалъ за время конца XVII и начала XVIII столѣтія.

Послѣ этого собираніе различныхъ архивовъ по станицамъ продолжалось болѣе или менѣе регулярно, а въ настоящее время въ архивѣ музея сосредоточены уже дѣла 27 станичныхъ архивовъ, архивъ калмыцкаго правленія, а также журналы войсковой канцеляріи съ 1776 г. по 1836 г., дѣла атаманской канцеляріи съ 1756 по 1886 годъ и дѣла хоперскаго сыскного начальства съ 1741 по 1836 годъ. По мѣрѣ поступленія они приводятся въ порядокъ помощникомъ завѣдующаго музеемъ И. М. Сулинымъ, но работа эта далеко еще не закончена. Отъ частныхъ лицъ въ архивъ поступилъ цѣлый рядъ любопытныхъ документовъ, въ томъ числѣ отъ В. М. Себрякова изъ его фамильнаго архива большая связка старинныхъ актовъ начала XVIII столѣтія, состоящихъ изъ подлинныхъ войсковыхъ грамотъ и другихъ цѣнныхъ для исторіи документовъ, и отъ И. Н. Ефремова остатки архива и библіотеки войсковыхъ атамановъ Д. Е. и С. Д. Ефремовыхъ, составившіе также немалый историческій вкладъ.

Кромѣ того, въ историческій архивъ переданы: а) изъ войскового архива, журналы войскового гражданскаго правительства и войсковой канцеляріи съ 1776 по 1835 годъ включительно, заключающіе въ себѣ громаднѣйшій историческій матеріалъ за означенное время, и б) изъ архива войскового штаба послужные и другіе списки чиновъ войска Донского за 1775 — 1838 гг. включительно и дѣла военно-походной канцеляріи войскового атамана за 1774—1810 гг.

IV.

Комиссія по устройству Донского музея была сформирована въ 1886—87 годахъ, еще при войсковомъ наказномъ атаманѣ князѣ Н. И. Святополкъ-Мирскомъ, и существуетъ такъ и понынѣ. Состоитъ она изъ 13 членовъ и сотрудниковъ подъ предсѣдательствомъ И. М. Добрынина, младшаго помощника войскового наказнаго атамана по гражданской части. Въ числѣ сотрудниковъ находится, между прочимъ, и депутатъ 1 и 2 государственной думы отъ области В. А. Харламовъ, принимавшій участіе во многихъ раскопкахъ и немало сдѣлавшій для пополненія коллекцій музея.

Со времени офиціальнаго открытія комиссіи въ 1890 году дѣятельность ея была направлена на постоянное собираніе историче-

скаго и археологическаго матеріала, а съ 1894 года на нее была возложена и постройка зданія для музея. Уже въ 1890 году Донской музей имѣлъ возможность принять участіе въ VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, а въ 1893 г.—въ IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ. Въ 1900 году при музеѣ, по предложенію предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, было открыто донское отдѣленіе названнаго комитета, благодаря чему комиссія пріобрѣла много цѣннаго матеріала по археологіи, исторіи и этнографіи края и немало предметовъ археологической древности, поступившихъ въ собственность музея. Къ XII археологическому съѣзду комиссіей, въ составѣ донского отдѣленія предварительнаго комитета по устройству названнаго съѣзда, были выполнены нѣкоторыя довольно сложныя работы по программамъ комитета: произведены въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ археологическія раскопки, отчеты о которыхъ, напечатанные отдѣльными брошюрами, представлены на съѣздъ. Затѣмъ были представлены на съѣздъ: сводъ свѣдѣній по регистраціи находящихся въ Донской области памятниковъ древности—каменныхъ изваяній, или, такъ называемыхъ, каменныхъ бабъ, и коллекціи историческихъ и археологическихъ предметовъ съ каталогомъ и необходимыми объяснительными записками къ нимъ.

Въ томъ же 1900 г. на завѣдующаго музеемъ Х. И. Попова по распоряженію войскового наказнаго атамана было возложено составленіе краткаго историческаго очерка о войскѣ Донскомъ, о донскихъ монастыряхъ, нѣкоторыхъ станицахъ и городахъ для военнаго министра, а въ 1901 и 1902 годахъ—доставленіе въ главное управленіе казачьихъ войскъ различныхъ справокъ и матеріаловъ для историческаго очерка казачьихъ войскъ, приготовляемаго къ столѣтнему юбилею военнаго министерства, участіе въ редактированіи второго изданія «Историческаго описанія земли войска Донского» и, по порученію областного правленія, редактированіе сборника «Актовъ, относящихся къ исторіи войска Донского». Въ настоящее время, съ окончаніемъ всѣхъ упомянутыхъ работъ, заканчивается подготовленіе къ печати общаго указателя (каталога) музея, въ которомъ уже давно чувствуется нужда.

Такъ, или приблизительно такъ, описывается дѣятельность комиссіи въ протоколахъ ея засѣданій. На самомъ же дѣлѣ она не проявляетъ особенно энергичной дѣятельности, и если еще въ первые годы своего существованія она такъ или иначе давала о себѣ знать, то въ послѣднее время она, повидимому, даже не собирается, такъ какъ въ протоколахъ ея засѣданій послѣднимъ отмѣчено засѣданіе, бывшее въ ноябрѣ 1903 года [1]). Собиралась ли

---

[1]) Протоколы засѣданій комиссіи просмотрѣны лично пишущимъ эти строки въ началѣ 1907 года.

комиссія послѣ того, и что она дѣлала—изъ протоколовъ не видно. Такая бездѣятельность теперешняго состава комиссіи объясняется недостаткомъ въ ея средѣ энергичныхъ, дѣльныхъ и знающихъ сотрудниковъ, которые посвятили бы себя дѣлу улучшенія и расширенія музея, а также и недостаткомъ средствъ на пополненіе музея и приведеніе его въ порядокъ. Небольшія средства комиссіи составляются изъ слѣдующихъ суммъ. Положеніемъ военнаго совѣта, состоявшимся 3 мая 1897 года, съ разрѣшеніемъ достройки зданія для Донского музея на счетъ войскового капитала и съ зачисленіемъ этого зданія въ число войсковыхъ зданій войска Донского, опредѣлено отпускать музею изъ войсковыхъ суммъ ежегодно въ пособіе по 500 руб. въ годъ въ теченіе 5 лѣтъ, начиная съ 1898 года, и на содержаніе завѣдующаго музеемъ по 1.200 р. въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1899 года [1]).

Указанной суммы пособія, съ развитіемъ дѣятельности музея и постоянно увеличивающихся потребностей, на пріобрѣтеніе предметовъ древности и старины, на разработку собранныхъ историческихъ матеріаловъ и изданіе трудовъ комиссіи оказывается крайне недостаточно, и потому комиссія въ своемъ засѣданіи 1902 года 4 ноября постановила ходатайствовать объ увеличеніи пособія до 1.500 р., повторивъ это ходатайство еще разъ на засѣданіи 24 іюля 1903 года. О результатахъ этого ходатайства мнѣ не удалось узнать, но, что недостатокъ средствъ все еще ощущается, видно хотя бы изъ того, что завѣдующій музеемъ на покупку старинныхъ предметовъ для коллекцій музея расходуетъ часть получаемаго жалованья.

V.

О теперешнемъ состояніи музея много говорить не придется. Еще на засѣданіи комиссіи 11 января 1903 года предсѣдатель комиссіи И. М. Добрынинъ указалъ на недостатокъ обстановки музея по этнографическому отдѣлу казачьяго населенія Дона, напримѣръ, моделей казачьихъ домовъ со дворами, старинныхъ костюмовъ, орудій рыболовства, земледѣлія и пр. Съ мнѣніемъ И. М. Добрынина нельзя не согласиться, можно только еще добавить, что помимо почти полнѣйшаго отсутствія этнографическаго отдѣла казачьяго населенія Дона, въ музеѣ также очень мало предметовъ, относящихся къ жизни калмыковъ, которыхъ еще въ 1891 году числилось въ области около 30 тысячъ человѣкъ; нѣтъ ничего, относящагося къ виноградарству, играющему на Дону значительную роль; ничего, указывающаго на сильное развитіе фабрично-заводской промышленности, сдѣлавшей такіе крупные шаги въ

[1]) Кромѣ того, на расходы по зданію и его обслуживанію—937 р.

области за послѣднее время, и т. д. Нѣтъ также ничего, что говорило бы о господствующей на Дону въ настоящее время роли сельскаго хозяйства и все увеличивающемся примѣненіи сельско-хозяйственныхъ машинъ.

Во всякомъ случаѣ, работы по устройству музея предстоитъ еще очень и очень много, и остается только пожелать, чтобы этой работѣ не мѣшалъ ни недостатокъ работоспособныхъ и знающихъ силъ, ни отсутствіе денегъ, которое, напримѣръ, до сихъ поръ не позволило организовать естественное отдѣленіе и даже довести до конца коллекцію препаратовъ рыбъ, собранную ихтіологомъ Н. А. Бородинымъ и, кажется, такъ и погибшую.

В. Л.

МОГИЛА КОЧУБЕЯ И ИСКРЫ

Въ КІЕВѢ, на главномъ дворѣ Кіевско-Печерской лавры, шагахъ въ 20 противъ входа съ южной стороны въ лаврскій соборъ во имя Успенія Божіей Матери, у самаго входа въ братскую трапезу, находится могила казненныхъ въ 1708 году 15 іюля Кочубея и Искры.

Грустное впечатлѣніе произвело на меня мѣсто послѣдняго упокоенія двухъ невинно казненныхъ вѣрныхъ слугъ царскихъ.

Скромная желѣзная рѣшетка, когда-то, видно, окрашенная въ зеленую краску, съ частью обломанными, частью погнутыми остріями, съ подвязанною проволокою дверцею, отгораживаетъ у самой стѣны братской трапезы пространство длиною въ 3 аршина, шириною въ 3 съ половиной аршина. За рѣшеткою, въ уровень съ землею, находятся три совершенно одинаковыя чугунныя плиты, покрывающія: 1-я—ближайшая къ стѣнѣ—общую могилу сложившихъ на плахѣ свои головы Кочубея и Искры; 2-я—средняя—могилу полковника Флорова и 3-я—могилу полковника Краснощекова.

Рѣшетка стоитъ на кирпичномъ фундаментѣ. Плиты совершенно одинаковыя, чугунныя [1]), не окрашенныя и поэтому доста-

[1]) Плиты чугунныя, а не мраморныя, какъ сказано въ «Путеводителѣ по зятымъ мѣстамъ города Кіева», пріобрѣтенномъ мною въ лаврской книжной авкѣ; въ «Иллюстрированномъ же путеводителѣ по городу Кіеву и его окрестостямъ» изданія С. М. Богуславскаго 1906 г. сказано, что «гробы полковниовъ Кочубея и его друга Искры находятся подъ плитами бѣлаго камня». На амомъ же дѣлѣ плиты эти чугунныя.

точно заржавленныя, отлитыя, судя по надписи на третьей изъ нихъ, на Луганскомъ литейномъ заводѣ. Длина плитъ—2 аршина 14 вершковъ; ширина—16 вершковъ (толщину плитъ опредѣлить не удалось, такъ какъ онѣ лежатъ на землѣ). Въ верхнемъ концѣ каждой плиты находятся слѣдующія, выпуклыя на полдюйма, украшенія: въ серединѣ, окруженный сіяніемъ въ видѣ двадцатиконечной звѣзды—шестиконечный крестъ на подножіи; подъ крестомъ двѣ скрещенныя кости и мертвая голова; въ лѣвомъ верхнемъ углу, въ сіяніи въ видѣ десятиконечной звѣзды, солнце въ видѣ человѣческаго лица; въ правомъ верхнемъ углу, въ круглой розеткѣ—полумѣсяцъ (тоже съ изображеніемъ человѣческаго лица). Ниже креста помѣщаются надписи, которыя привожу не только съ сохраненіемъ орѳографіи, но и съ точнымъ расположеніемъ словъ въ строкахъ.

Разсматривая надписи и шрифтъ, видно полное сходство въ орѳографіи и шрифтѣ на 1-й и 2-й доскахъ. На 3-й же доскѣ шрифтъ болѣе мелкій, болѣе устарѣлый и по орѳографіи надпись эта рѣзко отличается отъ двухъ первыхъ. По наружному виду третья доска также кажется значительно старше другихъ. На всѣхъ трехъ плитахъ шрифтъ гражданскій, буквы выпуклыя.

Надпись на 1-й доскѣ:

Кто еси мимо грядый о насъ
невѣдущій,
Елицы здѣ естемо положены сущи
Понеже намъ страсть и смерть
повелѣ молчати
Сей камень возопіетъ о насъ ти
вѣщати
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ
нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.
Злуданьемъ Мазепы всѣ вѣчно
правы
Посѣчены заставше топоромъ во
главы
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери
Владычни
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ
животъ вѣчный.

Року 1708 мѣсяца іюля 15 дня,
посѣчены средъ Обозу Войсковаго
за Бѣлою Церквою на Борщаговцѣ

и Ковшевомъ Благородный
Василій Кочубей, Судья Генераль-
ный Іоаннъ Искра. Полковникъ
Полтавскій, привезены же тѣла ихъ
Іюля 17 въ Кіевъ и тогожъ дня въ
Обители Святой Печерской
на семъ мѣстѣ погребены.

Надпись на 2-й доскѣ:

Славнаго донскаго войска знатный
старшина и походный полковникъ
Ѳеодоръ Ивановичъ Флоровъ
въ Государственной службѣ подъ
городомъ Турецкимъ Хотинымъ
на генеральной баталіи Августа I
отъ непріятеля во главу усѣчеся.
Тщаніемъ Донскихъ Казаковъ гла-
ва его сыскана въ непріятельскомъ
разбитомъ лагерѣ въ шатрѣ
командующаго Сераскира и при
совокуплена къ тѣлу, которое
по его желанію здѣсь въ
Святой Лаврѣ погребеся

Сентября 18 1739 года.

Надпись на 3-й доскѣ.

Славнаго Донскаго войска достопочтѣнный господинъ армейскихъ полковъ полковникъ андрей ивановичъ краснощоковъ служившій всемилетнею прускую войну подкамандою тогда бывшаго генералъ порутчика графа петра александровича румянцова и при взятіи имъ крепости Колберха раненъ вногу откоторой раны впоследствіи времени вполскомъ городе торуне преставился 1760 г: а тело по его завещанію привезено въ Киевъ ипогребено на семъ мѣстѣ въ присудствіи приехавшей изъ дону плачевной супруги и мало летняго тогда сына павла которой сию доску вмѣсто испортившагося камня отъ ливши влуганскомъ литейномъ заводѣ ‑оложилъ 1826

дабудетъ ему вечная память.

15 іюля 1908 года истекаетъ 200 лѣтъ со дня смерти Кочубея и Искры, сложившихъ на плахѣ головы свои за вѣрность царю и Россіи, и хотѣлось бы думать, что день этотъ будетъ почтенъ хотя бы панихидою на могилѣ ихъ съ участіемъ войскъ отъ кіевскаго гарнизона.

Не мѣшало бы на могилѣ невинныхъ страдальцевъ и памятникъ поставить приличнѣе, чѣмъ заржавленная доска за разваливающейся рѣшеткою. Починъ по сбору средствъ на это могло бы положить вновь народившееся военно-историческое общество, пріурочивъ открытіе памятника ко дню празднованія Полтавской битвы или какого-либо другого событія изъ великой Сѣверной войны.

Н. Назаренко.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ ВОЛХОВА[1].

(Путевые очерки).

II.

ПОКАЗАЛАСЬ Старая Ладога, красиво блистая стѣнами и куполами монастырей. Ладога старѣйшій заселокъ, одинъ изъ первыхъ зачатковъ Руси. Еще нѣсколько минутъ, и на самомъ берегу, впереди Ладоги, выростаетъ сѣрая каменная крѣпость, отъ которой такъ и вѣетъ отдаленной эпохой, сѣдой стариной. Что-то могучее, что-то отрадное сказывается въ этомъ древнемъ памятникѣ. Думаешь, что наши предки отстаивали свою славу именно здѣсь, въ стѣнахъ; какія онѣ были при нихъ, такія сохранились и до насъ, разрушенныя временемъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ больше приковывается вниманіе къ этому памятнику, тѣмъ глубже онъ производитъ впечатлѣніе на созерцателя. Въ головѣ проносятся представленія о старыхъ бояхъ: какъ непріятель двигался водой и сухопутьемъ, дѣлалъ вылазки, ломился въ ворота, какъ его отражали наши засадники съ высотъ, подставляли груди въ проходахъ. И стоялъ ужасный стонъ, и лилась кровь рѣкой.

По Карамзину, Старая Ладога, какъ мѣстечко, лежавшее на пути сношеній Новгородской области съ Западной Европой, считалась важнымъ пунктомъ по торговлѣ и военнымъ дѣйствіямъ. Поэтому Рюрикъ, въ защиту отъ шведовъ и нѣмцевъ, построилъ сохранив-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXII, стр. 1017.

шуюся до насъ крѣпость и основалъ здѣсь свою столицу. Но существуетъ другое мнѣніе: крѣпость, будто бы, сооружена Олегомъ.

Въ Ладогѣ я отправился въ Николаевскій монастырь. Онъ стоитъ на самомъ берегу и красивыми постройками смотрится въ широкій Волховъ. Къ услугамъ пріѣзжихъ здѣсь гостиница, довольно чистая, опрятная; впрочемъ, она только что отремонтирована, даже приходилось итти внутри по дощечкамъ, чтобы не попортить выкрашеннаго пола. Тутъ имѣются номера въ одну комнату для одинокихъ и въ двѣ для семейныхъ. Первымъ дѣломъ, конечно, явился традиціонный самоваръ. Сидя за чаепитіемъ, я любовался, какъ все приноровлено для одного, точно въ свѣтской гостиницѣ: у стѣны одна койка, одинъ столъ, стулъ; чайный приборъ порціонный съ миніатюрнымъ самоваромъ и чайникомъ. Единственное окно выходило на фасадъ. Чрезъ него виднѣлась рѣка, даль противоположнаго берега, но картину эту омрачалъ мелкій, точно осенній, дождикъ. Изъ окна я увидѣлъ монаха, который объяснялся съ рабочими мостовщиками. Монахъ былъ на видъ съ небольшимъ 40 лѣтъ, здоровый, коренастый, краснощекій.

Послѣ чая я пошелъ къ настоятелю съ просьбой, чтобы онъ разрѣшилъ посмотрѣть достопримѣчательности монастыря. Вдругъ настоятелемъ рекомендуется знакомое лицо, тотъ самый монахъ, котораго я видѣлъ изъ гостиницы.

«Вотъ это кто былъ», подумалъ я и спросилъ:

— Ваше имя, батюшка?

— Игуменъ Арсеній.

— Очень пріятно, отецъ Арсеній,—привѣтствовалъ я, добавивъ о цѣли своего посѣщенія. Монахъ какъ-то неловко вырвалъ у меня руку, словно онъ былъ захваченъ врасплохъ, и засуетился.

Это происходило въ длинномъ коридорѣ, по которому направо и налѣво тянулись двери въ кельи. Игуменъ, очевидно, не рѣшался, куда вести меня, въ помѣщеніе ли братіи, или къ себѣ въ покои.

— Пожалуйте ко мнѣ,—вышелъ онъ, наконецъ, изъ неловкаго положенія и отворилъ двери въ раздѣвальную кельи.—Ахъ, какъ тутъ все разбросано!—восклицалъ игуменъ, хотя я ничего безпорядочнаго не находилъ.—Время такое суетное,—оправдывался онъ:—ремонтъ монастыря все лѣто, дѣлъ, знаете, по горло. Но у меня есть добропорядочная комната.

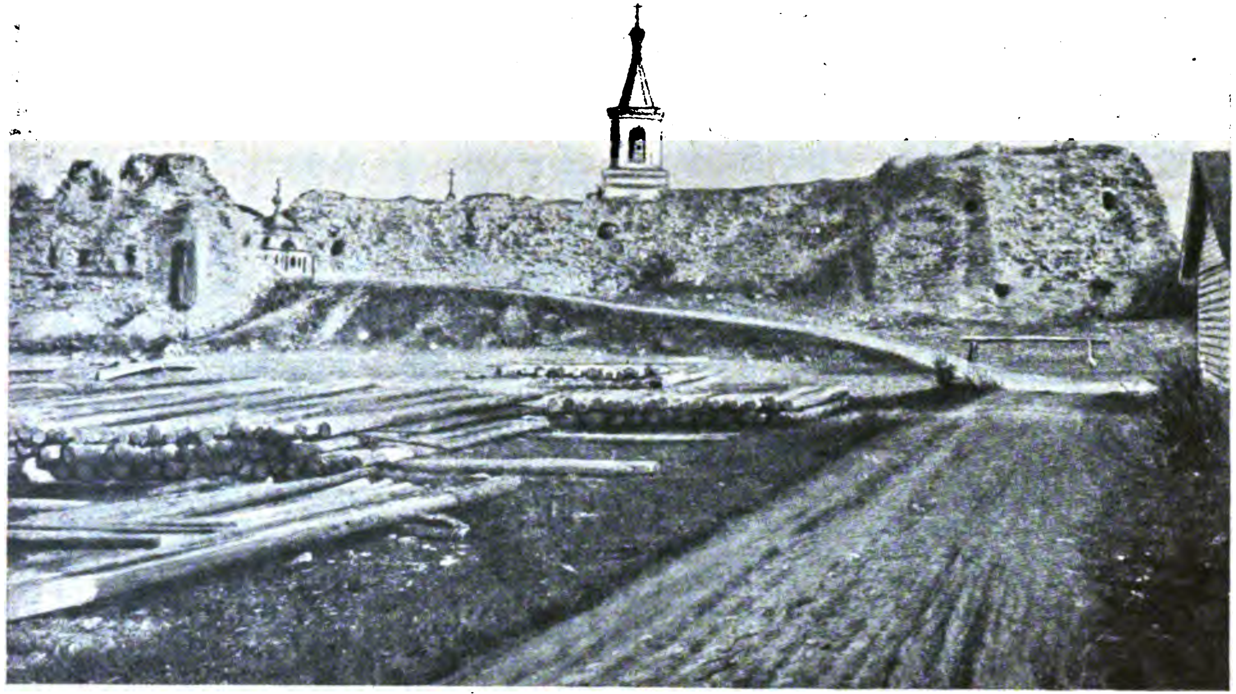
Мы прошли въ большую отличную комнату, обставленную просто, но на свѣтскую ногу.

— А ваши вещи?

— Остались въ гостиницѣ.

— Какъ можно!—удивился игуменъ и быстро исчезъ.

Я сразу подумалъ, что настоятель хочетъ переселить меня къ себѣ.



Рюриково городище.

— Сейчасъ принесутъ все,—объявилъ онъ, вернувшись.

Дѣйствительно, игуменъ предложилъ мнѣ хлѣбъ-соль и квартиру у себя. Я сказалъ, что въ Ладогѣ мнѣ придется пробыть не одинъ день.

— Сколько угодно, сколько угодно, — твердилъ онъ. — Только меня извините. Работы по всему монастырю идутъ, въ Ивановской ремонтъ, тамъ, въ приписной церкви, — махнулъ рукою въ пространство отецъ Арсеній и добавилъ:—вы пока съ дорожки оправьтесь, я пойду и сейчасъ назадъ.

Игуменъ не заставилъ себя долго ждать, скоро устроилъ свои дѣла и успѣлъ переодѣться.

Онъ вошелъ, шурша новой рясой, со словами:

— Мы такимъ гостямъ рады. Въ нашей Ладогѣ есть кое-что посмотрѣть.

— Древнее мѣсто.

— Чего древнѣе, какъ Рюриково городище, эта крѣпость самая. Въ срединѣ упраздненный монастырь св. Георгія, Дмитріевская церковь, деревянная все старина матушка. Не даромъ тутъ археологовъ было много, тысячи затратили на поддержаніе святыни. Да зачѣмъ говорить, тамъ священникъ привѣтливый, отецъ Георгій, онъ до нитки разскажетъ и покажетъ.

Подали вкусный обѣдъ, въ блюдахъ котораго преобладалъ традиціонный сигъ.

Самый обѣдъ и обстановка какъ-то исключали монастырское положеніе; чувствовалось, что сидишь въ какомъ-то барскомъ домѣ у благочестиваго помѣщика.

— Ну, а вашъ монастырь, батюшка,—заговорилъ я во время обѣда,—отдаленныхъ вѣковъ?

— Да, старый, но почти ничего не сохранилось отъ прежняго времени.

— Какъ же вамъ извѣстно, что онъ старый?

— По описаніямъ, да-съ, по описаніямъ. Люди пишутъ, а мы читаемъ.

— Что же о немъ пишутъ?

На этотъ вопросъ игуменъ разсказалъ вкратцѣ исторію монастыря. Онъ съ самаго начала былъ мужскимъ и именуется Староладожскимъ Николаевскимъ. По документамъ, сохранившимся на сторонѣ, гдѣ-то въ архивахъ, монастырь этотъ существовалъ еще до XV вѣка, но для точнаго опредѣленія времени основанія его документы темны. Между тѣмъ, мѣстное преданіе твердо указываетъ временемъ основанія 1241 годъ, когда Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ шведскимъ полководцемъ Боріеромъ. Ладожане, чтобы выразить за побѣду благоговѣйную благодарность Богу, соорудили священный памятникъ, въ лицѣ Николаевскаго монастыря. Въ шведскій погромъ его, какъ и всѣ монастыри, постигла одинаковая пе

Церковь св. Дмитрія Солунскаго.

чальная участь: онъ былъ разграбленъ и сожженъ. Долго стояли развалины, навѣвая уныніе на ладожанъ. Наконецъ явился какой-то благодѣтель Антипъ, скрывшій свое подробное имя, заново отстроилъ обитель, созвалъ братію, и жизнь въ ней снова блеснула. Монастырь крѣпъ и развивался въ теченіе 80 лѣтъ, пока не перешелъ изъ новгородской епархіи въ вѣдѣніе Александро-Невской лавры. Съ этихъ поръ начались тяжелые годы для монастыря; корыстное и небрежное управленіе довело его до полнѣйшаго упадка; онъ запустѣлъ, обветшалъ и въ началѣ царствованія Екатерины II былъ совсѣмъ упраздненъ.

Получилась прежняя грустная картина монастыря. При Александрѣ I купцы обратились съ просьбою къ владыкѣ о возстановленіи Староладожской обители, и имъ разрѣшили.

Завѣтная святыня ладожанъ опять воспрянула, начала обстраиваться и стала болѣе твердо на ноги, главнымъ образомъ съ того времени, когда на имя ея въ Петербургѣ купецъ Тумановъ воздвигъ часовню, которая съ подворьемъ приноситъ въ годъ до 10 т. р.

— Что же, монастырь былъ разоренъ до основанія?

— Нѣтъ.

— Такъ вѣдь на стѣнахъ живопись должна быть прежняя.

— Никакой. Облицовка-то стѣнъ была сильно попорчена. Какая ужъ тутъ живопись.

Однако изъ дальнѣйшихъ словъ отца Арсенія надо полагать, что стѣнописные слѣды исчезли сравнительно недавно, интересная древность монастыря, вѣроятно, покрыта позднѣйшимъ вовобновленіемъ, а, быть можетъ, и просто ремонтомъ, который производили невѣжественные украсители храмовъ.

Послѣ обѣда мы условились съ игуменомъ посмотрѣть монастырь утромъ, а пока я попросилъ его сообщить мнѣ устныя свѣдѣнія о хозяйствѣ, доходахъ, управленіи и вообще о бытѣ монастыря.

— Съ чего же вамъ начать о нашемъ житьѣ-бытьѣ?—пріятно улыбался настоятель.

— Съ того хотя бы, какой у васъ храмовой праздникъ?

— У насъ два крестныхъ хода: въ приписную Ивановскую церковь, гдѣ былъ когда-то монастырь, 24 іюня и въ Ильинскую пятницу—вотъ вамъ и праздники, самые скромные. Угощеній для себя особенныхъ не дѣлаемъ и людей пришлыхъ не кормимъ.

— Пріютить странничковъ не имѣете обыкновенія?

— Нѣтъ. Во-первыхъ, средствъ мало, а, во-вторыхъ, я смотрю на нихъ по нынѣшнему. Много ли ихъ отъ нужды-то ходитъ, все больше по своей винѣ, по лѣности, праздности; поощрять тунеядство и грѣхъ, и безполезно для самихъ странниковъ.

«Ну, монахъ», подумалъ я и вопросительно смотрѣлъ на игумена, какъ бы желая сильнѣе запечатлѣть его личность. Онъ продолжалъ:

— Помилуйте, надо своихъ накормить. Вѣдь у меня 20 монаховъ, да болѣе 15 проживающихъ на испытаніи и по паспортамъ. Доходъ же одинъ, какъ я говорилъ: одна петербургская часовня на Забалканскомъ.

— А земля?

— Доходъ отъ земли? Вотъ сказали..Вы спросите, сколько у насъ ея и какая она. Монастырскихъ угодій 500 десятинъ. Поль-

Церковь св. Дмитрія Солунскаго (реставрированная).

зуемся только 100 десятинами. Часть отдаемъ въ аренду за 70 р., а 30 десятинъ обрабатываемъ сами, но обработка обходится недешево, потому что цѣны здѣсь на рабочія руки высоки.

— А лѣсъ есть?

— Какъ не быть,—улыбнулся настоятель:—лѣсу—до 200 десятинъ. Въ одной дачѣ растетъ только кустарникъ, строевой вырубилъ подъ гребенку мой предмѣстникъ Германъ. Въ другой дачѣ

дѣйствительно есть дровяной лѣсокъ, но дача далеко, вывозка дороже стоимости матеріала, такъ и не возимъ своихъ дровъ, а покупаемъ на сторонѣ. Это будетъ безъ хлопотъ и дешевле.

— А церковные доходы?

— Такихъ сборовъ у насъ немного, къ намъ богомольцы почти не ходятъ. Благодѣтелей и жертвователей я сторонюсь.

— Почему же?

— Надо писать, ѣздить, просить; а это не въ моихъ убѣжденіяхъ. Многіе монахи живутъ такимъ образомъ, и многіе монастыри обстраиваются на чужой счетъ. По-моему, трудись самъ, лично добывай. Тогда будетъ и сердцу легко, и на душѣ пріятно.

«Совсѣмъ современный монахъ», снова мелькнуло у меня въ головѣ.

— А какъ насчетъ скотоводства?

— По землѣ и скотинка: 20 коровъ, 8 лошадей.

— Другой живности никакой?

— Было, было,—замахалъ руками игуменъ.—До моего настоятельства по монастырю гуляли куры, гуси. Отъ нихъ столько накопилось непріятности, что недѣлю вывозили грязь.

— Несмотря на скудныя средства, у васъ все-таки ремонты.

Игуменъ быстро соскочилъ со стула. Мнѣ представилось, что эта фраза его оскорбила, но вышло иное.

— Экономія, расчетъ, умѣнье концы сводить, — весьма убѣдительнымъ тономъ говорилъ игуменъ.—Я вамъ сейчасъ покажу свѣдѣнія, что подавалъ недавно ревизору о состояніи монастыря. Онъ отошелъ къ другому столу, порылся въ бумагахъ и поднесъ мнѣ листъ, указывая пальцемъ на одно мѣсто и торжественно говоря: «береженая копеечка».

Я прочиталъ: «Принято 28 т. Съ 1895 по 1902 годъ капиталъ увеличился на 40 т., но изъ нихъ израсходовано на благоустройство 30 тыс.

— Все въ мою бытность,—пояснилъ игуменъ, потомъ взялъ бумагу и прижалъ ее къ груди, спрашивая меня глазами: «какъ вамъ это покажется?»

— Дѣлаетъ вамъ честь,—заключилъ я.

— Еще долженъ вамъ сказать,—снова началъ игуменъ, садясь противъ меня:—по моимъ наблюденіямъ, нынѣ монастыри стали падать какъ-то нравственно. Монахи не ищутъ уединенія и постной жизни, а только денегъ. Вѣдь въ нашъ монастырь третьеклассный не пойдетъ монахъ изъ первокласснаго штатнаго. Зачѣмъ ему? Тамъ свободнѣе и бездѣльнѣе, а у насъ стѣснительно, работать заставляютъ, ну, и строгость нѣкоторая есть.

— А необходимо?

— Увидите почему.—Онъ опять подошелъ къ столу съ бумагами и принесъ тетрадь.—Вотъ, читайте въ концѣ.

Тамъ было написано: «Въ виду того, что обитель окружена со всѣхъ сторонъ населенными мѣстностями, а лѣтомъ здѣсь скопляется масса пришлыхъ рабочихъ, до 5000, то настоятель употребляетъ немало труда, заботы и энергіи удерживать братію въ границахъ правилъ монашеской дисциплины и охранять честь и достоинство обители во избѣжаніе нареканій отъ мірскихъ людей».

— Нелегко съ нынѣшнимъ народомъ—дополнилъ отецъ Арсеній, когда я кончилъ:—а успѣшно воздерживаю отъ соблазновъ.

— Дѣло доброе.

Вошелъ келейникъ и доложилъ, что каменщики спрашиваютъ расчетъ.

— Вотъ моя служба, на минуту покоя не даютъ. Туда, сюда, найми, разсчитай, по всему хозяйству одинъ. Вы ужъ извините меня. Онъ сведетъ васъ въ вашу комнату.—Игуменъ указалъ на келейника и, уходя, добавилъ:—управляющій я въ помѣстьѣ, а не настоятель.

Мнѣ отвели веселую, свѣтлую, безукоризненно чистую комнату со всѣми требованіями и удобствами, рядомъ съ настоятельскими кельями. Я закупорился въ этой свѣтелкѣ до самаго утра.

Когда я проснулся, мнѣ казалось, что въ окна проникаетъ не совсѣмъ еще полный утренній свѣтъ, между тѣмъ игуменъ, выбѣгая по своимъ дѣламъ, то и знай постукивалъ уже дверью.

Явился келейникъ и спросилъ, какъ я желаю пить чай: одинъ или сообща съ батюшкой?

— Конечно, съ батюшкой,—послѣдовалъ мой отвѣтъ.

За чаемъ игуменъ разсказывалъ, что утромъ онъ успѣлъ побывать на коровникѣ, въ конюшнѣ; смотрѣлъ малярныя работы въ гостиницѣ, планировалъ ограду сада, наблюдалъ за постановкой креста на куполъ. Перечисливъ всю суетню, игуменъ возмущался неумѣньемъ мастеровъ и высокой рядной суммой.

— Деньги берутъ, а дѣло портятъ,—говорилъ онъ авторитетно.— Водрузили крестъ — вижу некрасиво и непрочно. Велѣлъ снять и снова поставить. Да, многое не ладно.

— Вы обѣщали, батюшка, показать сегодня монастырь? — напомнилъ я игумену.

— А пожалуйте сейчасъ. Послѣ обѣда мнѣ, видите ли, надо съѣздить въ Ивановскую церковь. Тамъ у меня ремонтъ на 2.000 рублей, идутъ каменныя, штукатурныя работы, немножко расписываютъ куполъ.

— И меня возьмете?

— Съ полнымъ удовольствіемъ. Не смѣлъ предложить вамъ, — working скромничалъ игуменъ. — Отъ церкви недалеко курганы. Туда проѣдемъ.

— Отлично.

Прежде всего я осматривалъ храмъ Іоанна Златоуста. Внѣшне и внутренно храмъ возведенъ во вкусѣ базилики. Постройка его,

сравнительно недавняя, относится къ 1863 г. Ранѣе на этомъ мѣстѣ стоялъ древній храмъ, тоже во имя Златоуста, но онъ настолько разсыпался, что не осталось камня на камнѣ. Теперешній храмъ двухсвѣтный, представляетъ собою какъ бы двѣ коробки, входящія одна въ другую. На высокой коробкѣ двухскатная крыша, ниже два прикрышка, закрывающіе уступы широкой коробки. На концахъ крыши какъ бы маленькія часовни; въ каждой четыре арки, упирающіяся на низенькія колонки. Верхъ украшается куполомъ и крестомъ. Внизу и надъ самымъ прикрышкомъ ряды оконъ. При входѣ высокій портикъ; надъ нимъ крыша покрываетъ съ трехъ сторонъ арки, поддерживаемыя массивными колоннами. Внутренность храма составляетъ одно большое продолговатое помѣщеніе, только алтарь отдѣляется выпуклымъ золоченымъ иконостасомъ. Среди этой обширности стоятъ 4 сѣраго мрамора колонны. Есть хоры, но они безъ употребленія, забраны чугунными рѣшетками и даютъ мѣсто церковной библіотекѣ. Обращаетъ на себя вниманіе икона св. Іоанна Златоуста въ богатой серебряной ризѣ—единственный предметъ, сохранившійся отъ древняго храма.

— Какъ, на вашъ взглядъ, этотъ храмъ? — спросилъ меня игуменъ.

Я отвѣтилъ безъ всякой лести, что храмъ мнѣ очень понравился.

— Такое сооруженіе украшаетъ весь монастырь,—говорилъ я.— Его стиль, архитектура рѣдко примѣняется въ нашихъ храмахъ. Между тѣмъ базиличное устройство красиво и съ внѣшней стороны, и величественно съ внутренней.

Отсюда пошли въ Никольскій соборъ. Сначала были въ верхней церкви, а потомъ спустились въ нижнюю. Соборъ представляетъ рѣзкую противоположность Златоустовскому храму. Въ церквахъ мало свѣту: иконостасы невысокіе, своды низкіе. Все заново отдѣлано и расписано съ претензіей на блескъ и яркія краски. Встрѣчаются образа святителей, въ видѣ портретовъ, заключенные въ багетныя рамы. Иные исполнены съ нѣкоторою художественностью. Судя по сводамъ, толщинѣ стѣнъ, по общему виду, соборъ древній. Но гдѣ теперь найти въ немъ творчество старой иноческой кисти? Если оно сохранилось, то не иначе, какъ гдѣ-нибудь подъ штукатуркой или подъ мазками суздальскаго пошиба.

— Ну, какъ вы находите?—спросилъ игуменъ.

— Что жъ, красиво.

— Все мои хлопоты и заботы. Если теперь нѣтъ историческаго интереса, то, можетъ быть, будетъ спустя много лѣтъ. Какъ вы думаете?

— Пусть говорятъ иначе другіе—мнѣ все равно, но, по моему мнѣнію, батюшка, нынѣшнее письмо не будетъ имѣть такого интереса, какъ теперь древнее. Во-первыхъ, оно и не продержится долго въ первобытномъ состояніи. Вотъ давно ли въ московскомъ

Иконостасъ въ церкви св. Дмитрія Солунскаго.

храмѣ Спасителя писали картины на стѣнахъ извѣстные художники, брали тысячи, а ужъ трещины пошли, краска лупится—дѣло дрянь. Во-вторыхъ, у нынѣшняго письма мало религіознаго вдохновенія, чувства, призванія.

— А, пожалуй, вы вѣрно говорите.

— Что же касается вашего труда, то это все-таки вещь хорошая. Если онъ пройдетъ безслѣдно въ историческомъ отношеніи, то полезенъ въ современномъ быту, какъ чистота, опрятность и красота.

Вернувшись въ келью, я справился у отца Арсенія о томъ, нѣтъ ли при монастырѣ какихъ-либо просвѣтительныхъ учрежденій. Онъ повѣдалъ мнѣ о миссіонерствѣ.

— Бываютъ миссіонерскіе курсы, — разсказывалъ игуменъ.— Собираются крестьяне изъ раскольничьихъ мѣстъ и поучаются. Всѣ имѣютъ отъ монастыря даровое помѣщеніе и трапезу. Въ послѣдній разъ собралось восемь человѣкъ изъ Михаило-Архангельскаго и Гостинополья Курсы ведутся съ цѣлью поучать крестьянъ, чтобы они домой являлись своего рода миссіонерами.

— Кто же руководитъ курсами?

— Я самъ, лично. Обо мнѣ и въ газетахъ писали.

— Какая секта здѣсь?

— Поморская. Распространена во многихъ селеньяхъ по Волхову.

— Какъ она появилась?

— Вѣдь это было давно. Надо предполагать, что пришлый людъ занесъ ее. Нѣтъ, вы спросите, какимъ образомъ она держится до сихъ поръ. Монастыри по близости, церквей приходскихъ сколько угодно, а народъ все-таки впадаетъ въ ересь.

— А въ приходахъ бываютъ миссіонеры?

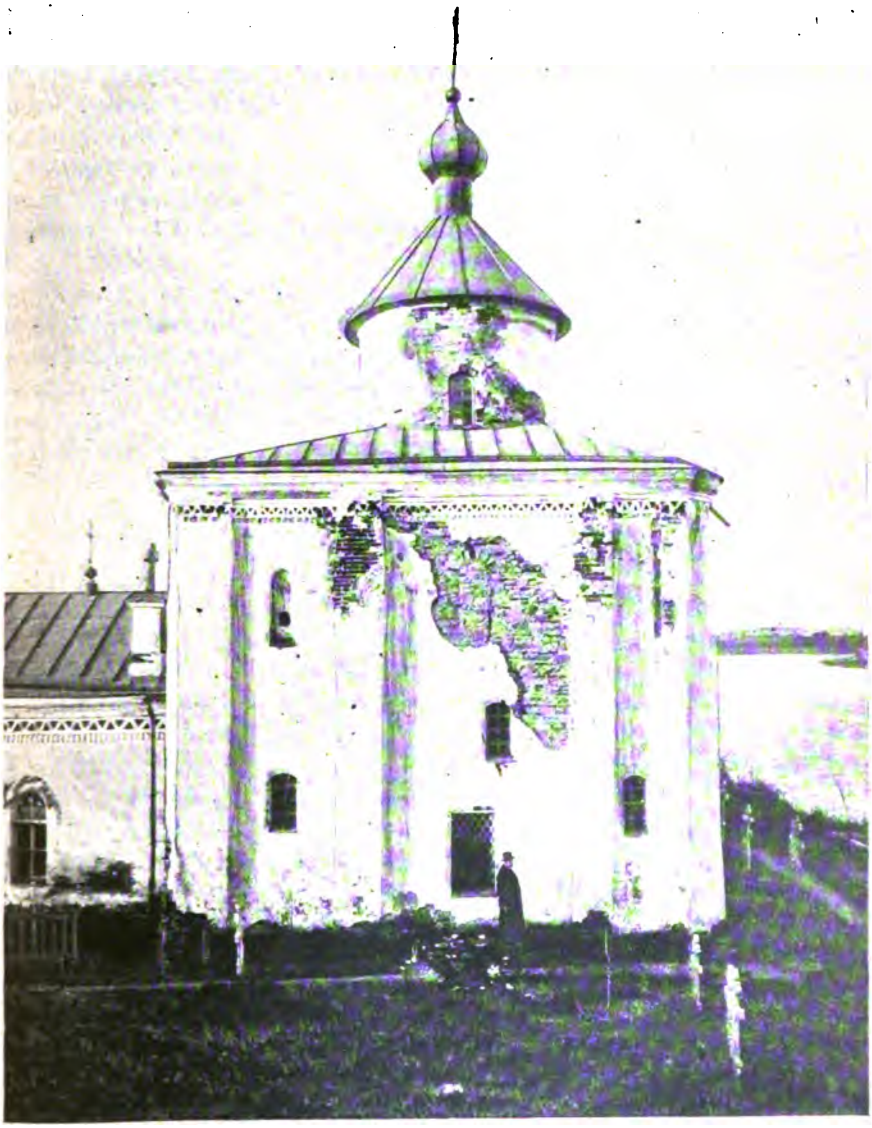
— Ѣздитъ одинъ нѣсколько разъ въ зиму, бесѣдуетъ, но возвращаетъ очень мало. Не туда онъ направляетъ свое противоядіе. Надо укрѣплять религіозный духъ въ несовратившихся, а онъ берется за самихъ раскольниковъ; тутъ толку будетъ мало. При такой мѣрѣ раскольники не переведутся.

— Чѣмъ же ваша мѣра можетъ окончиться?

— Очень полезнымъ.—Игуменъ съ минуту подумалъ и погладилъ свою русую красивую бороду.—Ужъ коли домъ горитъ, такъ спасать его нечего. Слѣдуетъ оберегать сосѣднія строенія На мѣстѣ пожара образуется пепелъ, а прочее останется въ цѣлости. Точно также и въ расколѣ. Не допускай совращенія, поддерживай вѣру въ тѣхъ, кто еще не заразился расколомъ, а раскольники вымрутъ, и секта сама по себѣ исчезнетъ.

— Да, борьба съ сектанствомъ вѣковая.

— Въ борьбѣ и грамотность помогла бы, не помѣшаетъ и поднятіе экономическихъ условій, потому что многіе изъ-за денегъ совращаются. Эхъ, много кое-чего потребуется для укрѣпленія религіи,—вздохнулъ настоятель и всталъ.



Церковь св. Георгія Побѣдоносца.

— А мы, батюшка, собирались въ отъѣздъ,—вдругъ перемѣнилъ я разговоръ и тоже всталъ.

— Отцы святые, я и забылъ. О ереси начали, такъ не быть добру.—Игуменъ заложилъ руки въ карманы подрясника и подбѣжалъ къ окну.—Да чего мы сидимъ, Никита ужъ и лошадь подалъ.

Мы собрались и поѣхали.

Дорога въ Ивановскую церковь лежитъ чрезъ Ладогу, а послѣ нея сейчасъ же поднимается въ гору; тамъ высоко-высоко стоитъ храмъ. Интересна площадь его. Представьте, на берегу возвышается громадныхъ размѣровъ совершенно правильный конусъ— это Мошевская гора. На усѣченномъ конусѣ и стоитъ съ XII вѣка церковь, оставшаяся отъ упраздненнаго монастыря и приписанная къ Николаевскому монастырю.

Когда мы вошли внутрь, сразу бросилось въ глаза, что старая эпоха здѣсь стерта въ конецъ, только толщина стѣнъ, эта твердыня, напоминала старину. Голыя стѣны, безъ образовъ, безъ письма, ослабляютъ впечатлѣніе храма, чувствуешь себя какъ будто въ башнѣ, подновленной въ цѣляхъ сохраненія. Простенькій деревянный иконостасъ не отличается ни въ художественномъ, ни въ историческомъ отношеніи.

Замѣтя, что барабанъ купола расписывается, я поднялъ голову, но былъ тотчасъ же предупрежденъ игуменомъ.

— Что смотрѣть, легонько пишутъ

— А, кажется, ничего.

— Нѣтъ, плохо. По цѣнѣ и работа.

Надо было съ удивленіемъ озираться, что въ такомъ большомъ древнемъ храмѣ нѣтъ ничего интереснаго, ничего занимательнаго—все пусто и мертво.

Вотъ на притворѣ я остановилъ ненадолго свое вниманіе. Онъ, вѣроятно, былъ усыпальницей чиновныхъ и знатныхъ людей своего времени. Лежатъ надгробныя плиты съ сильно попорченными надписями. На одной изъ нихъ я успѣлъ разобрать о погребеніи полковника Желтухина, скончавшагося въ 1794 году. Есть на стѣнѣ дощечка, гласящая о прахѣ какого-то князя Іоанна, умершаго въ 1702 году, но гдѣ его могила и плита—неизвѣстно. Несомнѣнно, что во время ремонта когда-нибудь княжеское мѣсто заложено и на утѣшеніе потомству прибита упомянутая дощечка. Выйдя изъ храма, игуменъ повелъ меня подъ гору со стороны Волхова.

— Видите? — указывалъ онъ мнѣ на пещеры, идущія подъ храмъ.—Здѣсь бывшій намѣстникъ Гермогенъ добывалъ песокъ и продавалъ на стеклянные заводы. Не соображалъ, чудакъ, что это можетъ повредить зданію.

— Но вѣдь онъ извлекалъ средства на нужды.

— Въ томъ-то и дѣло, что не на нужды,—съ сожалѣніемъ возразилъ отецъ Арсеній.—Онъ былъ изъ бессарабскихъ дворянъ, любилъ лошадей, держалъ конскій заводъ. Дѣла шли худо, а онъ не уны-

валъ и ничѣмъ не брезговалъ, лишь бы заполучить деньги для удовлетворенія своей прихоти. Ну, что онъ тутъ надѣлалъ!

— Да, вещь непоправимая.

Мы снова стали подниматься на высоту. Настоятель все время вздыхалъ и порицалъ Гермогена за пещеры.

На горѣ игуменъ отвелъ меня отъ храма въ сторону и сказалъ:

— Отсюда полюбуйтесь.

— Хорошъ,—повторялъ я:—хорошъ.

Дѣйствительно, круглый, обширный, съ пятью главами храмъ по наружному виду былъ привлекателенъ.

— Онъ многимъ нравится, особенно по мѣстоположенію.

— Но жалко, что кругомъ него какъ-то пустынно, безлюдно.

— Погодите!—радостно воскликнулъ игуменъ.—Жизнь будетъ здѣсь скоро. Рядомъ я отдалъ 2 десятины земли подъ церковно-приходскую школу. Вонъ и камень возятъ для основанія.

— Это прекрасно. Совсѣмъ подарили участокъ?

— Думаю, что навсегда.

— То есть какъ?

— Предоставилъ право владѣнія, пока будетъ существовать учебное заведеніе.

Мы подходили къ грудамъ камней, къ мѣсту, гдѣ долженъ возникнуть тоже храмъ, который нынѣ такъ же необходимъ народу, какъ и храмъ религіозный.

Какой удачный выбранъ пунктъ! Какая чудная открывается панорама! Все окружающее какъ на ладони, ни одинъ предметъ не ускользаетъ отъ взора.

Сзади тянутся безконечныя поля, скрываясь въ синевѣ лѣса. Съ одного бока холмы, съ другого разсыпались домики Ладоги, при томъ такъ отчетливо, что можно сосчитать ихъ до одного. А вотъ впереди еще красивѣе картина.

У подножія струится когда-то славный въ бояхъ Волховъ, вдали онъ дѣлаетъ колѣно и пропадаетъ за пригорками и высотами. За рѣкою даль, необозримая равнина луговъ; тамъ и сямъ вылѣзаютъ на берегъ деревушки, характерныя своею скученностью и соломенными крышами.

На рѣкѣ нельзя не замѣтить массу точекъ, плывущихъ внизъ попарно.

— Это вѣдь лодочки движутся по водѣ?—спросилъ я игумена.

— Сиговъ ловятъ поѣздами. Ловъ простой и выгодный. Два рыбака, два челна. Заѣзжаютъ они выше Ладоги и спускаются по теченію, между челнами же держатъ сѣтку.

— Небольшую, конечно.

— Легонькую. Этакъ въ аршинныхъ размѣрахъ: 5 длины и 3 ширины. Какъ попадетъ сигъ, сейчасъ рука почувствуетъ и сѣтку на вздымъ.

[illegible] чтобы [illegible]

[illegible] вообще о [illegible] Во [illegible]

[illegible] Сколько [illegible] это все [illegible] надо [illegible] спрячется [illegible]

[illegible] будетъ понятно. [illegible] войска.

Оставаться тутъ дольше не было никакой цѣли, къ тому же мнѣ не хотѣлось задерживать и настоятеля, у котораго своего дѣла было хоть отбавляй. Мы поѣхали домой.

Въ послѣдующіе дни я ѣздилъ по Ладогѣ одинъ на лошади, любезно предоставленной мнѣ игуменомъ. При каждомъ возвращеніи являлся съ какого-нибудь монастырскаго дѣла и настоятель, которому я передавалъ свои впечатлѣнія о видѣнномъ и слышанномъ.

Мои разсказы интересовали отца Арсенія, онъ слушалъ ихъ внимательно, часто соглашался съ моими доводами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о знакомой ему вещи, онъ дополнялъ и объяснялъ подробно. Такимъ образомъ ежедневно вечеромъ у меня съ нимъ происходили длинныя бесѣды и при томъ настолько поучительныя, что онѣ оставили глубокіе слѣды въ моей памяти. Этимъ я много обязанъ отцу Арсенію. Какъ-то заговорили о прежнихъ помѣщикахъ. Игуменъ предложилъ мнѣ побывать въ имѣніи Томилова и убѣдиться, хотя бы внѣшне, отнюдь не въ процвѣтаніи его, а въ томъ, какимъ млекомъ и медомъ текла въ крѣпостное время жизнь помѣщиковъ.

Когда я посмотрѣлъ имѣніе, то дѣйствительно не надо было много спрашивать у старожиловъ о томъ, какъ жилъ Томиловъ при зависимыхъ крестьянахъ.

Барскіе покои и дворъ занимали добрую десятину. Смотря на Волховъ, стоитъ длинный деревянный старинный домъ, съ большими и частыми переплетами въ окнахъ. Старичокъ какъ-то одряхлѣлъ, слегка покачнулся, вросъ въ землю, но, повидимому, построенъ крѣпко, надежно и простоитъ еще много лѣтъ, лишь бы не прикоснулась къ нему рука современнаго архитектора. Сколько въ этомъ домѣ должно быть комнатъ. И все были нужныя. Пріѣзжали семейно въ гости сосѣдніе помѣщики, пировали, веселились и ночевали по нѣсколько сутокъ. Да, какъ теперь въ немъ пустынно и мертво, такъ полвѣка тому назадъ было оживленно и людно!

По сторонамъ отъ дома тянутся амбары, сараи, конюшни, птичники, хлѣва, обрамляющіе дворъ. Сзади эти строенія соединяются оградой, подходящей давностью и вкусомъ къ барскимъ покоямъ.

Судя по обширности службъ, въ амбарахъ хранились сотни пудовъ хлѣба и сѣна. А сколько здѣсь въ былое время помѣщалось лошадей, разныхъ колымагъ, бричекъ. Я думаю, уцѣлѣла и та знаменательная въ помѣщичьемъ быту конюшня, въ которой такъ тяжко отбывали наказаніе зависимые люди.

Причудливыхъ сооруженій, вродѣ башенъ, обсерваторій, стеклянныхъ коридоровъ, павильоновъ не замѣтно, хотя нельзя примириться съ тѣмъ, что ихъ у такого богатаго помѣщика вовсе не

было. Надо полагать, все это, какъ хрупкое, давно уже развалилось, обрушилось и потеряло всякіе слѣды.

Двора уже некому топтать; теперь онъ одичалъ, заглохъ и представляетъ собою зеленый газонъ. За дворомъ я обратилъ вниманіе на каменныя зданія, съ полукруглыми окнами въ два ряда. Недоумѣвалось: зданія прочныя—и вдругъ покрыты соломой.

— Это что такое?—спросилъ я своего кучера Никиту.

— Помѣщичьи риги. Прежде хлѣбъ молотили и сушили.

— Навѣрно, у нихъ были крыши желѣзныя.

— Были во времена оны.

— Зачѣмъ же солома?

— А какая въ нихъ большая надобность; ну, лежитъ что-нибудь. Отошла имъ честь. Хоть соломой-то покрыли, будетъ съ нихъ и этого,—флегматично заключилъ Никита.

— Я полагаю, въ такомъ имѣніи большія угодья.

— Огромадныя. Кругомъ все земля помѣщика.

— Кто же владѣетъ имъ?

— Зять барина наслѣдствуетъ.

— Конечно, въ аренду отдается земля.

— Крестьяне разбираютъ по кусочкамъ. Самому хозяйничать гдѣ тутъ. Рабочаго народу не набраться на такую махину. Вонъ вчера я возилъ васъ съ батюшкой въ Ивановскую церковь—замѣтили, какую дорогу проѣхали.

— Да, порядочно,—согласился я, садясь въ повозку.

— Такъ мы ѣхали все по томиловскимъ полямъ. Гдѣ хозяйничать,—авторитетно добавилъ Никита, и мы тронулись въ обратный путь.

— А какъ же прежде управлялъ одинъ помѣщикъ?

— Управлялъ, коли свой народъ былъ, барщиной обрабатывали, а нонѣ найми, все дорого, да такую уйму людей и за деньги не купишь.

— Странно, людей не стало.

— Есть они, никуда не дѣвались, всѣ остались здѣсь, только приманить ихъ—одно горе. Въ прежнее время приказъ—и пошли на работу, а нонѣ мужикъ хочетъ идетъ къ барину, хочетъ—нѣтъ, одно слово воля—сами знаете.

— По-моему, крестьянинъ и помѣщикъ должны жить въ согласіи.

— Будетъ оно, да не скоро; самъ я вольный, знаю.

— Почему же не скоро?

— Старики есть еще, помнятъ барское тягло, ну, перемрутъ—дѣло другое.

Когда Никита замолчалъ, я подумалъ:

«Если допустить, что доводы этого крѣпостного человѣка вѣрны, то, значитъ, какую великую реформу переживаютъ наши крестья-

Видъ Староладожскаго монастыря.

нинъ и дворянинъ, реформу, которая, пожалуй, въ теченіе вѣка только можетъ вполнѣ созрѣть и окончательно окрѣпнуть.

Затѣмъ, по возвращеніи отецъ Арсеній посовѣтовалъ съѣздить въ Успенскій женскій монастырь, находящійся въ самой Ладогѣ.

— Развѣ интересный?—спросилъ я его.

— Видите ли, онъ былъ мѣстомъ ссылки Евдокіи Лопухиной, жены Петра Великаго. Ее изобличили въ заговорѣ противъ государя и заточили въ обители. Она жила подъ именемъ монахини Елены.

— Непремѣнно побываю, завтра же.

Оказалось, что игуменъ Арсеній состоитъ благочиннымъ Успенскаго монастыря и поэтому въ отчетахъ ему не разъ приходилось упоминать исторію обители. Этими свѣдѣніями онъ не замедлилъ подѣлиться и со мною вкратцѣ.

По словамъ игумена, Успенскій монастырь былъ извѣстенъ до XV вѣка, но когда именно основанъ, никакихъ данныхъ не существуетъ. Держится преданіе, что онъ когда-то былъ мужской. Отецъ Арсеній оспариваетъ это преданіе, говоря, что въ Ладожской области было достаточно мужскихъ монастырей. Между XII и XV вѣками здѣсь возникли монастыри: Георгіевскій, Николаевскій, Ивановскій, Семеновскій, Пречистенскій и Рождественскій. Но потребность иночества у женщинъ была такъ же сильна, какъ и у мужчинъ. Поэтому, хотя одинъ, но долженъ былъ быть монастырь женскій. Вначалѣ монастырь процвѣталъ, потомъ влачилъ жалкое существованіе: онъ то горѣлъ, то разорялся, то самъ по себѣ приходилъ въ запустѣніе, такъ что иногда насчитывалось до 10 сестеръ. Болѣе упроченное состояніе монастыря слѣдуетъ считать съ прошлаго столѣтія, когда управляла имъ игуменья Діонисія, пробывшая въ обители 43 года. Она привела въ новый видъ церкви, построила гостиницу для богомольцевъ, обнесла монастырь оградой. Чтобы престарѣлыя и больныя сестры имѣли общій надзоръ и правильную врачебную помощь, Діонисія соорудила каменный больничный корпусъ съ 20 кельями. Затѣмъ, заботясь о развитіи женскаго труда, она открыла рукодѣльный домъ, гдѣ бы сестры могли работать обще и поучать другъ друга ремеслу. Прежде существовалъ неудобный порядокъ снабженія сестеръ разными продуктами. Онѣ сами покупали дрова, матеріалъ для освѣщенія, приготовляли отдѣльно столъ. Діонисія все это отмѣнила и ввела полуобщежитіе, т. е., за исключеніемъ одежды, содержаніе на счетъ монастыря.

Когда я пріѣхалъ въ обитель и вошелъ внутрь ея, то представлялось, что это скорѣе небольшое богатое село, чѣмъ монастырь. Чистенькіе домики въ 3—5 оконъ, совершенно мірского характера, лѣпились по уклону до стѣны, за которой сейчасъ же и рѣка. Отдѣльные садики, палисадники, цвѣтники—все это пріятно, но не по монастырски, нѣтъ общаго, казеннаго.

Двѣ церкви. Одна, Успенская, съ высокой колокольней обычнаго типа, оштукатуренная и выбѣленная; другая же, Благовѣщенская, снаружи довольно странная. Если бы не маленькая глава съ крестомъ, то всякій подумаетъ, что это не храмъ, а обыкновенное домовое зданіе. На дворѣ для монастырскихъ жителей я сдѣлался просто мишенью. Въ меня стрѣляли глазами со всѣхъ сторонъ. Каждая сестра, проходя мимо, сокращала шаги, оглядывалась и смотрѣла на меня, какъ на заморское чудо. Но когда со мной заговорила монахиня, отрекомендовавшаяся письмоводительшей матушки, иныя сестры брали на себя смѣлость останавливаться и разглядывать меня ближе. Письмоводительша была молодая, очень любезная, и по рѣчи, и по дѣйствіямъ женщина нетороплива и обстоятельная.

— Нашъ монастырь многолюдный,—говорила она.

— Вообще женскіе монастыри многолюдны, такъ какъ числомъ ихъ меньше.

— Но женщинъ съ душеспасительностью больше,—ловко добавила монахиня.

Такое мнѣніе мнѣ показалось пристрастнымъ, и я посмотрѣлъ на монахиню недовѣрчиво. Она нѣсколько сконфузилась и продолжала:

— Такъ говорятъ. У насъ чистота, сестры трудятся, какъ муравьи.

— По домашнему обиходу?

— Вездѣ: на коровникѣ, на кухнѣ, въ прачечной, въ поляхъ.

— Въ поляхъ?—повторилъ удивленно я.—Можетъ быть, земля небольшая.

— Боюсь отвѣчать, господинъ, какъ бы не ошибиться. Вамъ не угодно ли съ матушкой побесѣдовать.

— Очень радъ. Но мнѣ хотѣлось бы и святыню посмотрѣть.

— Доброе дѣло. Такъ я доложу о васъ, а вы пойдете пока въ церковь.

— Какъ имя матушкѣ вашей?

— Игуменья Вріенна.

Я кивнулъ головой и отправился въ храмъ Успенія. Онъ большой, недавно отдѣланный. Ни въ куполѣ, ни на стѣнахъ письма нѣтъ, зато развѣшано много старинныхъ образовъ и болѣе позднѣйшихъ съ художественнымъ исполненіемъ. Между прочимъ заслуживаетъ вниманія образъ «Святое Семейство», писанный на холстѣ. Хотя это копія съ картины Рафаэля, но сдѣлана мастерски и точно. Копія—даръ помѣщика Томилова. Сохранились съ двухъ сторонъ прежніе хоры, но они давно уже потеряли настоящее назначеніе и обращены въ два придѣла. Есть въ ковчегѣ части мощей. Какая-то старая монахиня поименовала мнѣ всѣхъ святыхъ, отъ которыхъ взяты части, и заключила, что ихъ 82.

Къ этому храму примыкаетъ маленькое кладбище, гдѣ, судя по цѣннымъ памятникамъ, вѣчное упокоеніе предоставляется за плату. Могилы исключительно богатыхъ и, конечно, свѣтскихъ. Предъ однимъ мавзолеемъ я невольно остановился. Собственно говоря, на немъ была характерная надпись: «Отъ 2 дочерей, 12 внуковъ и 7 правнуковъ».

Въ Благовѣщенской церкви я не былъ, такъ какъ мнѣ сообщили, что она недавняя, по строительному и живописному искусству самая обыкновенная.

Начальница монастыря проживаетъ въ немудромъ деревянномъ домикѣ. Я шелъ къ ней какими-то темными коридорами. Но вотъ прихожая. Мнѣ низко, въ поясъ, кланялась келейница. Когда я раздѣлся, она, молча потупя взоры, провела въ воздухѣ рукою и указала на отворенную дверь. Я вошелъ. Въ кельяхъ игуменьи было очень просто, дешево, даже отчасти бѣдно. Изъ глубины послышался женскій голосъ, произносившій имя Маргариты. Несомнѣнно, что это игуменья звала свою служанку. Дѣйствительно, мимо меня прошмыгнула молоденькая послушница и налету бросила мнѣ: «сейчасъ матушка выйдетъ». Меня провели еще дальше, въ комнату, устланную старыми, потертыми коврами. Тамъ я увидѣлъ игуменью Вріенну. На видъ матушка не очень старая, но женщина сырая и рыхлая. Лицо у нея слегка желтое, съ большими складками, щеки отвисли, какъ будто она была еще толще, но теперь похудѣла.

Матушка Вріенна сначала безмолвствовала, очевидно, стѣснялась, какой задать мнѣ вопросъ.

— Вамъ надо свѣдѣнія о монастырѣ,—наконецъ спросила она, поправляя на груди наперсный крестъ.

— Будьте любезны, матушка.

— Небогато мы живемъ, — начала игуменья симпатичнымъ, добродушнымъ голосомъ.—Да по писаніямъ и завѣтамъ святыхъ отцовъ такъ и слѣдуетъ жить монастырямъ. Судите сами, у меня 200 сестеръ, сколько потребно одного хлѣба, не говоря уже о другихъ харчахъ.

— Пять кулей въ недѣлю идетъ, — вмѣшалась Маргарита, стоявшая у двери, вѣроятно, на случай какихъ-либо приказаній.

— Видите, почти куль въ день. А земли всего 200 десятинъ; тутъ и лѣсъ и кустарникъ, но дрова покупаемъ. Поэтому сестры дѣлаютъ все сами: работаютъ въ огородахъ, косятъ, жнутъ, молотятъ, грабятъ.

— А зимою чѣмъ занимаются?

— Трудятся по монастырю: пекутъ хлѣбъ, ходятъ за скотомъ; наберется много работы.

— А рукодѣлье? Изящная вышивка, плетенье.

- Этого дѣла мало.

Соборъ св. Николая въ Староладожскомъ монастырѣ.

— Помилуйте, такой большой штатъ монастыря.

— Да что штатъ, это ничего... У меня молодыхъ немного, больше старицы. Рукодѣлье знаютъ простое, дешевое.

— А кромѣ земли какіе доходы?

— Капиталъ въ 70 тысячъ, такъ проценты съ него. Потомъ церковные сборы: свѣчной, кошельковый, кружечный, просфорный. Мѣста продаемъ на кладбищѣ.

— Сколько же всего сбираете?

— Слишкомъ 5 тысячъ. Еще беремъ за кельи и 100 и 200 руб., если кто хочетъ въ монастырѣ пожить безъ послушанія, просто такъ.

— Кстати о кельяхъ. Почему это, матушка, у васъ отдѣльные домики, какъ мірскіе.

— Прежде, видите ли, не было общежитія, поступали въ монастырь съ условіемъ, чтобы строить собственную келью. Каждая сестра строила для себя, оттого домики и остались.

— А какъ же священство ваше живетъ?

— У нихъ приходъ есть въ 1.100 душъ. Жалованье получаютъ. Капиталъ имѣется отдѣльный, процентами пользуются.

— Маловато, я думаю, имъ.

— Охъ, лучше насъ живутъ!—воскликнула Маргарита.

Игуменья одобрительно посмотрѣла на нее и повторила:

— Конечно, лучше.

Я повернулъ на болѣе интересную тему.

— Въ вашемъ монастырѣ, матушка Вріенна, была царица заключена?

— Да, первая жена Петра,—какъ-то торжественно подтвердила игуменья.—Шесть лѣтъ томилась въ одиночествѣ. Государь сдѣлалъ ее молчальницей.

— Но въ самомъ монастырѣ о заточеніи царицы никакихъ не осталось воспоминаній?

— Позвольте...—Вріенна подняла вверхъ глаза и что-то припоминала.—Я здѣсь съ малолѣтства. Помню, въ молодости одну старицу. Она говорила, что жила въ монастырѣ дряхлая старушка Елизавета. Она была такъ преклонна, что сама не знала своихъ лѣтъ. Эта Елизавета разсказывала, что была свидѣтельницей заключенья. Келью обнесли высокимъ глухимъ заборомъ и строго-настрого запретили кому-нибудь входить. Будто бы царь пріѣзжалъ къ ней часто и заботился о ея удобствахъ, но только не дальше кельи.

— А какъ же она сдѣлалась монахиней!

— Навѣрно, она не была пострижена. Ее называли монахиней, чтобы скрыть царское имя.

— Вещей послѣ царицы никакихъ не осталось?

— Ее взяли въ новое заключеніе и все увезли, всякіе слѣды словно метлой замели. Должно быть, царица приняла большое горе

у насъ, потому не взлюбила, ненавидѣла нашу обитель. Когда она снова появилась при дворѣ, то хоть бы разъ вспомнила о своей роковой кельѣ, ничего не прислала въ обитель на память.

— Куда же исчезъ таинственный заборъ?

— Онъ обветшалъ при игуменьѣ Сусаннѣ. Она хотѣла его уничтожить, просила всѣхъ властей. Никто не смѣлъ дать разрѣшеніе на уничтоженіе, такъ какъ заборъ былъ построенъ по указу Петра.

— Но все-таки его нѣтъ.

— Значитъ, частнымъ образомъ растащили.

Оставалось только сожалѣть, что о такомъ важномъ и интересномъ событіи ходятъ одни только пересказы, которые съ каждымъ новымъ поколѣніемъ теряютъ уже свой первобытный колоритъ.

Вышелъ я другимъ ходомъ, какъ оказалось, параднымъ. До крыльца меня провожала сама игуменья во главѣ нѣсколькихъ монахинь, набѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ.

Я отъ души поблагодарилъ любезную матушку и уѣхалъ.

Послѣднимъ моимъ обозрѣніемъ въ Ладогѣ были Рюрикова крѣпость и храмы внутри ея, называемые застѣнными.

Прежде, чѣмъ доставить себѣ такое удовольствіе, мнѣ пришлось познакомиться съ настоятелемъ этихъ церквей, отцомъ Георгіемъ. Священникъ Георгій—совсѣмъ еще молодой человѣкъ, развитой, начитанный, любитъ церковную археологію и проявляетъ о ней большія заботы. Вообще такіе люди, какъ отецъ Георгій, стоящіе на стражѣ древнихъ памятниковъ, чрезвычайно желательны.

Я входилъ въ крѣпость съ какимъ-то благоговѣніемъ.

— Извольте посмотрѣть,—остановилъ меня батюшка, указывая на входъ. Онъ представлялъ собою деревянную раму, наверху конусообразную, съ крестомъ, вродѣ монастырскихъ воротъ.

— Это что?—спрашивалъ отецъ Георгій и самъ себѣ отвѣчалъ:— Тутъ была крѣпостная арка, воротная. Она существовала до XIX столѣтія, а теперь—полюбуйтесь.

Очутившись внутри крѣпости, я былъ крайне пораженъ ея печальнымъ положеніемъ. Боже, какія страшныя развалины, какое непостижимое разрушеніе—и все къ нашему стыду. Камни обвѣтриваются, размываются дождями и валятся, а мы изъ грудъ въ теченіе семи вѣковъ не могли поднять ни одного камешка, чтобы положить его на старое мѣсто.

Стѣны мѣстами выкрошились, мѣстами уцѣлѣли, и среди ямъ образовались горбы. А гдѣ же башни Стрѣлочная, Климентовская, Раскатная, Тайничная? Однѣхъ уже вовсе нѣтъ, а отъ другихъ торчатъ жалкіе остатки.

— Вы слыхали,—заговорилъ батюшка:—здѣсь недавно были раскопки.

— Читалъ гдѣ-то.

— Вышло большое изданіе, да жалко, дорогое—25 рублей.

— Должно быть, копатели для себя издавали.

— А знаете, во сколько обошлись эти раскопки и описаніе?

— Нѣтъ, не знаю.

— Въ 30 тысячъ. Я вамъ послѣ покажу это изданіе.

— Что же отрыли на этихъ раскопкахъ?

— Пушку, длиною съ аршинъ.

— А еще что?

— Кажется, ничего.

Я разсмѣялся.

— Вы шутите, батюшка.

— Право, больше не слыхалъ.

— Раскопки—въ принципѣ вещь хорошая, а вотъ реставрировать крѣпость было бы лучше.

— Хотятъ, петербургская археологическая комиссія хочетъ.

— Какимъ же образомъ—не знаете?

— Стѣны будутъ заливать, чтобы не обсыпались, потомъ, вмѣсто каменныхъ башенъ, поставятъ деревянныя.

— Насчетъ башенъ опять шутка?

— Конечно, смѣшно, но я такъ слышалъ.

— Здѣсь, батюшка, я думаю тайниковъ много?

— Говорятъ, что есть подземелье.

— Да, непремѣнно. Возьмите дѣтинецъ, что въ Новгородѣ. Тамъ тайники верхніе и подземные. Есть предположеніе, что одинъ тайникъ подъ Волховомъ проходитъ. Онъ велъ во дворецъ Мареы Посадницы. Нашли мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ, копали и нашли ходъ, но, къ сожалѣнію, дальнѣйшія работы заливала вода.

Отецъ Георгій слушалъ меня внимательно.

— Въ смутное и междоусобное время тайники были необходимы,—соглашался онъ.

— Тамъ же, въ Софійскомъ соборѣ есть стѣнные тайники, куда хоронили церковную утварь отъ враговъ.

— Объ этомъ читалъ.

— Быть можетъ, въ здѣшнихъ тайникахъ найдется оружіе древнее, драгоцѣнности?

— Богъ знаетъ,—пожималъ плечами отецъ Георгій?

Тутъ же, въ крѣпости, мы пошли въ церковь Дмитрія Солунскаго. Отецъ Георгій спѣшилъ впередъ меня и приговаривалъ:

— Старая, древняя.

Церковь деревянная, похожа на деревенскую избу. По словамъ батюшки, постройка ея въ прежнемъ видѣ и реставрація внутренности сдѣланы на средства купца Герасимова, подъ наблюденіемъ г. Романченки.

Иконостасъ въ Златоустовской церкви.

— Вотъ видите, и замокъ оставленъ старыхъ временъ,—говорилъ настоятель съ восторгомъ, что нашелъ во мнѣ любопытнаго обозрѣвателя.

Дѣйствительно, замокъ массивный, вѣковой, съ какими-то хитроумными затворами. Размѣръ церкви, притворъ, или сѣнцы, число, величина, расположеніе оконъ, балки, во всемъ соблюденъ старый порядокъ.

— Все чистенько, но первобытно,—говорилъ священникъ.— А вѣдь какое было запустѣніе—страшно подумать. Кругомъ заросло бурьяномъ, не пройти, не подступиться. Крыша и потолокъ провалились, на полу стояла вода, въ углахъ гнѣзда птицы свили,

— Иконостасъ бросается въ глаза своею древностью,—замѣтилъ я.

— Онъ интересенъ, видите ли, потому, что на немъ полочки, а на полочкахъ иконы. Прежде каждый молящійся ставилъ свой образъ и ему одному только молился.

На узенькихъ полочкахъ дѣйствительно стояли потемнѣвшіе отъ времени разныхъ величинъ образа и придавали иконостасу некрасивый безпорядочный видъ.

— Рѣдкій и странный обычай.

— Да, это было такъ. Вотъ оригинальныя царскія врата, замѣчательныя врата,—восторгался батюшка:—ихъ брали отчищать въ Петербургъ, а сзади онѣ такъ и остались нетронутыми—закоптѣли, почернѣли и побрызганы Богъ вѣсть когда бѣлилами.

Я долго и пристально разглядывалъ эти врата. На осѣненіи изображенъ Спаситель, передающій ученикамъ таинство Причащенія въ видѣ вина и хлѣба. Посрединѣ написаны три странника, зашедшіе къ Аврааму; на самыхъ вратахъ Благовѣщеніе, по бокамъ Богоматерь и архангелъ Гавріилъ. Ниже четыре евангелиста. Реставрація вратъ сдѣлана безъ пятенъ, царапинъ, крапинокъ, такъ удачно и умѣло, что мастеръ заслуживаетъ полной похвалы.

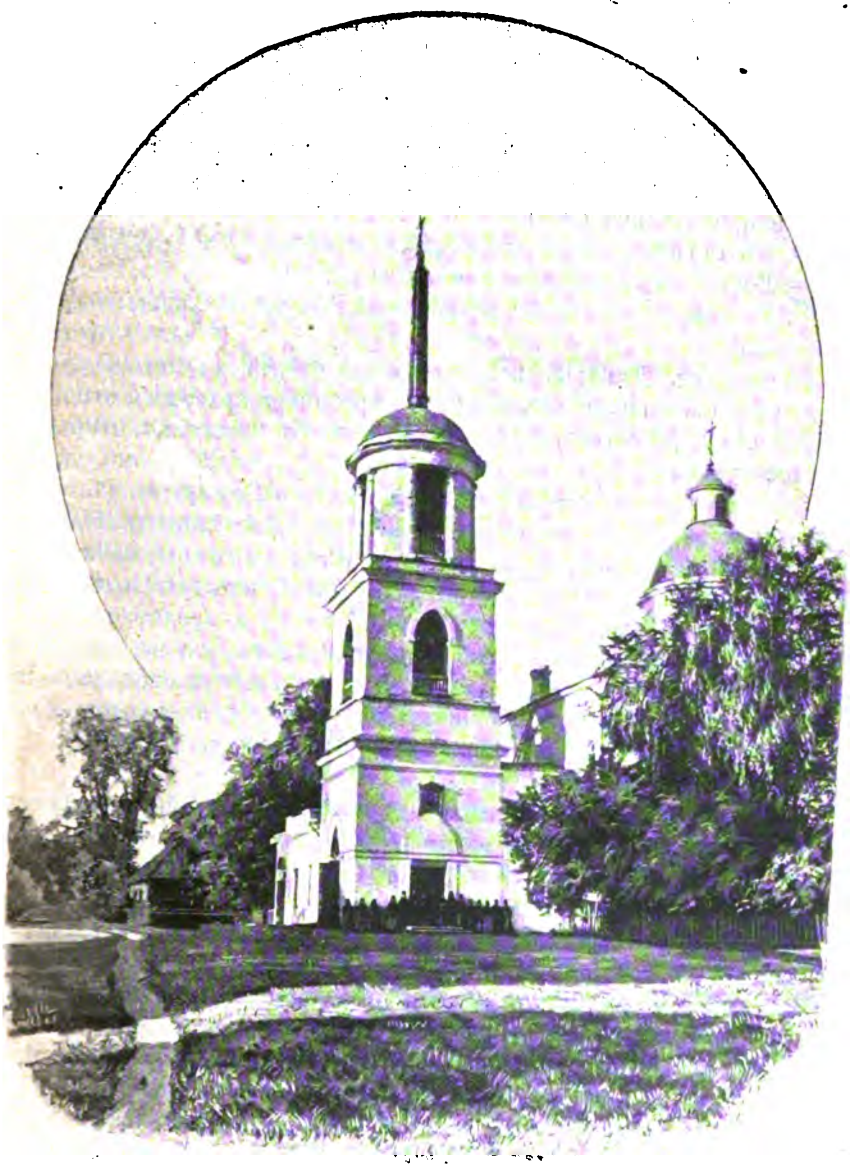
— Очень драгоцѣнная вещь и прекрасно отчищена,—заключилъ я.

— По три рубля съ вершка платили за реставрацію.

— А все возстановить сколько стоило?

— Пять тысячъ, и то не хватило докончить. Вонъ образъ Дмитрія и Василія Великаго остался неприкосновеннымъ. Найдутся и другіе не отчищенные. Разъ приходили посмотрѣть ихъ старовѣры. Какъ у нихъ разгорѣлись глаза на эти образа—страсть! Давали сотни рублей—только продай.

Въ церкви между прочимъ стоитъ шкапъ, изъ котораго отецъ Георгій вынималъ и показывалъ мнѣ древнія холстинныя набойчатыя ризы: четыре діаконскихъ стихаря, двѣ фелони съ красными оплечьями. Въ шкапу хранились также оловянные сосуды, ихъ принадлежности. Смотря на всю эту до крайности дешевую



Храмъ Успенія.

утварь и одежду, всякій невольно спроситъ себя: неужели прежній глубоко-религіозный русскій народъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ обставить храмъ болѣе цѣнными предметами? Теперь же такой скромности и простоты не встрѣтишь даже въ сельскомъ храмѣ.

Батюшка надѣвалъ на себя холщевую фелонь и наглядно доказывалъ мнѣ, какъ длинны были передa у древнихъ ризъ, почти безъ вырѣзки.

— А знаете, гдѣ мы нашли эти вещи при реставраціи?—спросилъ отецъ Георгій, снимая фелонь.

Я вопросительно смотрѣлъ на него.

— Въ стѣнахъ дыры были ими заткнуты.

— Ловко!—вырвалось у меня восклицаніе

— Не говоря уже о безобразіи,—вздохнулъ батюшка:—просто кощунство.

Рядомъ съ Дмитріевскою церковью стоитъ другая—Георгіевская. Она небольшая, каменная. Построеніе ея археологи относятъ къ XII вѣку. Дѣйствительно, планъ, способъ постройки, открытыя фрески—краснорѣчиво говорятъ, что Георгіевскій храмъ драгоцѣнный памятникъ церковной старины. По нѣкоторымъ даннымъ, здѣсь былъ когда-то монастырь, именуемый Застѣннымъ. Наверху есть маленькія клѣтушки, соединяющіяся какъ бы балкономъ. Говорятъ, что это были хоры. Внутри одной изъ стѣнъ къ нимъ поднимается лѣстница, до того узкая, что едва пролѣзаетъ человѣкъ бокомъ. Если тутъ находился монастырь, то не ведетъ ли эта характерная лѣстница въ клѣтушки-кельи, гдѣ спасались монахи, изнурявшіе себя одиночествомъ, тѣснотою и малымъ количествомъ воздуха. Когда я разсматривалъ иконостасъ, отецъ Георгій замѣтилъ мнѣ.

— Это елизаветинскій. Нѣтъ, вы обратите вниманіе на фрески. Всѣ археологи восторгаются ими. Посмотрите любопытное изображеніе Георгія.

Батюшка повелъ меня въ діаконникъ.

Совершенно вѣрно—стѣнное письмо очень оригинальное какъ по исполненію, такъ и по тѣнямъ красокъ. Побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ несется будто бы по воздуху. Подъ копытами драконъ, вродѣ рыбины, машетъ крыльями; голова животнаго съ громадными рогами. Дракона ведетъ на веревкѣ царица Александра. Вдали виднѣется теремъ, изъ котораго съ ужасомъ выглядываютъ царедворцы. Затѣмъ я обошелъ всѣ стѣны. Однѣ фрески обнажены съ изъяномъ, другія полуобнажены, попадались и пустыя мѣста, на которыя указывая, батюшка говорилъ:

— Не открыты; пробовали—неудачно.

— А кто открывалъ?—спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія, слѣдуя по пятамъ батюшки.

— Археологъ Бранденбургъ,—отвѣтилъ батюшка и многозначительно добавилъ:—нѣмецъ.

— Очевидно, всѣ стѣны были смазаны известью.

— Просто заштукатурены и выбѣлены; подъ этимъ слоемъ и скрывались фрески. Вотъ что единственно уцѣлѣло отъ штукатурки. Отецъ Георгій поднялъ руку, указывая на куполъ. Тамъ изображенъ Господь Вседержитель. Вокругъ него ангелы.

Изъ замѣчательныхъ иконъ слѣдуетъ упомянуть древнюю чудотворную Всѣхъ Скорбящихъ. Она въ серебряной ризѣ, написана пошибомъ, существовавшимъ при начаткахъ иконописнаго искусства на Руси.

Въ алтарѣ настоятель обратилъ мое вниманіе на патріаршій антиминсъ, который былъ замурованъ въ престолѣ и при передѣлкѣ найденъ подъ кирпичами. Антиминсъ, къ сожалѣнію, такъ истлѣлъ и выцвѣлъ, что разобрать имя патріарха нѣтъ никакой возможности.

Мы вышли, остановились и смотрѣли то на ту, то на другую церковь. Тутъ спросилъ меня отецъ Георгій:

— Говорятъ, что Дмитріевская церковь XVII вѣка, а какъ по-вашему?

— По-моему, это ошибочно; она старше.

— Но переписная книга ея не упоминаетъ.

— Ничего не значитъ.

— Вы полагаете, что въ ней старый иконостасъ и древнія иконы?

— И этого не думаю. Внутренность могла быть перенесена изъ Георгіевской церкви.

— Такъ почему же старше?

— Она, конечно, горѣла, разорялась, ветшала отъ времени, но тѣмъ не менѣе была и есть деревянная. Это несомнѣнный признакъ ея глубокой древности. Собственно сама-то она не разъ исчезала, но рожденіе ея относится къ XII вѣку. Возникла она вмѣстѣ съ Георгіевской церковью, такъ какъ предназначалась для зимней службы.

Настоятель молчалъ, какъ бы соглашаясь со мною въ душѣ.

Я оставилъ это мѣсто съ убѣжденіемъ, что подобные памятники военной и церковной старины невольно заставляютъ зрителя вспомнить отдаленную эпоху, ясно представляя ее себѣ.

Отсюда меня звалъ батюшка къ себѣ и обѣщалъ разсказать какое-то интересное дѣло.

Я отправился.

— Затѣваю я, видите ли, поучительную и прекрасную вещь,— началъ онъ таинственнымъ голосомъ.—Въ Новоладожскомъ уѣздѣ есть церкви, гдѣ старые образа и утварь просто валяются зря въ притворахъ, на чердакахъ. Иные образа расколоты и опалены шведами.

— Развѣ?

— Никому не дамъ сказать, самъ видѣлъ.—Батюшка слегка постучалъ себя въ грудь.

— Ну, и что же?

— Хочу въ Ладогѣ основать музей церковныхъ древностей. Буду просить владыку, чтобъ разрѣшилъ взять изъ сельскихъ церквей предметы, какіе понадобятся. Потомъ хорошо бы составить комиссію и опредѣлить, кому и куда ѣхать на поиски.

— А средства?

— Надо прибѣгнуть къ пожертвованіямъ, къ добрымъ людямъ.

Я одобрилъ проектъ отца Георгія. Въ самомъ дѣлѣ, устроить такой музей было бы интересно и полезно, если батюшка ручается, что недостатка въ древностяхъ не будетъ. Само собою разумѣется, что ломаться и валяться въ грязи предметамъ, которыхъ никто не видитъ, тогда какъ они представляютъ важность для науки и публики—непростительно. Нельзя допустить, чтобы владыка не поощрилъ начинаній музея въ Ладогѣ. Думается, найдутся и участники комиссіи. Наконецъ, есть у насъ и любители родной старины, не жалѣющіе средствъ на ея поддержаніе. Богъ въ помощь. Въ заключеніе отецъ Георгій показалъ мнѣ сочиненіе г. Бранденбурга. Особеннаго ничего нѣтъ: сухое, академическое изложеніе, съ не совсѣмъ точными и ясными выводами, миніатюрныя фотографіи, георгіевскія фрески, рисованныя г. Сусловымъ. Правда, бумага хороша и по внѣшности изданіе изящное. Но зато 25 р.! Какъ будто любителями археологіи только и могутъ быть состоятельные люди.

Я поблагодарилъ батюшку за любезность и на прощанье чистосердечно пожелалъ ему осуществить симпатичную мысль о музеѣ.

Вернувшись къ игумену Арсенію, я снова говорилъ съ нимъ немало на тему о ладожскихъ памятникахъ и уѣхалъ, обласканный его радушіемъ и внимательностью.

Немного ниже Старой Ладоги, этой русской колыбели, тамъ, гдѣ Волховъ вливается въ Ладожское озеро, стоитъ городокъ Новая Ладога, возникшая благодаря проведенію канала Петра I. Съ другой стороны протянулся впослѣдствіи еще каналъ Александра II и городокъ очутился теперь какъ бы на мысу, созерцая и луговыя пространства, уходящія къ Шлиссельбургу, и тихій, усталый послѣ пороговъ Волховъ, и поэтическую равнину озера, нерѣдко бурнаго, сердитаго, грознаго. Городокъ коварно подставилъ ногу своей старушкѣ Старой Ладогѣ, обративъ ее въ село; самъ же разросся, украсился, побогатѣлъ. Но не отъ мѣстнаго производства онъ развернулся; здѣсь по каналамъ плыветъ милліонный грузъ, стекаются десятки тысячъ рабочихъ, оставляя свои заработки въ харчевняхъ и трактирахъ. Его поднялъ на высоту экономическихъ условій чужой, пришлый людъ, о которомъ я, быть можетъ, поговорю въ слѣдующій разъ, когда побываю вообще на сѣверныхъ каналахъ.

Новая Ладога, послѣ замѣчательныхъ староладожскихъ памятниковъ, производитъ на путешественника слишкомъ слабое впечатлѣнiе въ историческомъ отношенiи, да и вообще она по этой части не имѣетъ ничего особеннаго, какъ мѣстечко съ недавнимъ прошлымъ. Поэтому изъ Новой Ладоги я скоро вернулся въ обратный путь.

Въ Дубовикахъ я позадержался съ фотографiей и прозѣвалъ «сарафанную почту», которая отправляется тотчасъ же почти по приходѣ парохода. Пришлось ѣхать на «вольныхъ» и не сожалѣлъ, потому что везъ меня 12-тилѣтнiй кучеръ, грамотный, веселый, словоохотливый мальчикъ Ваня, который все время занималъ меня разсказами.

Въ путь-дорогу насъ справлялъ какой-то здоровый, лохматый мужикъ. Кажется, все уже было готово, а онъ продолжалъ поправлять то шлею, то сѣделку.

— Ты, Ванюшка,—говорилъ мужикъ:—не сразу пой коня, погоди, пущай остынетъ.

— Это твой отецъ?—спросилъ я, когда мы тронулись.

— Мой отецъ померши,—отвѣчалъ шустрый мальчуганъ:—а это не родный. Мать выходила замужъ, такъ мнѣ было 4 года, а братану Васюткѣ 2. Отца взяли въ домъ съ дочкой.

— А новыя дѣти есть?

— Родился недавно сосунокъ, Генашкой назвали.

— Семья порядочная.

— Да, хлѣба надо немало.

— Вѣдь хлѣбъ свой.

— А то какъ же. Оставилъ отецъ паузку, двѣ сотни были даны, да продали.

— За сколько?

— Сорокъ цѣлковыхъ взяли,—вздохнулъ Ваня.

— Дешево.

— Такъ пришлось. Нонѣ этимъ дѣломъ неприбыльно заниматься. Коли паузишь, пашню отдай работникамъ, а чужiе люди худо вспашутъ, худо и хлѣбъ родится.

— Вотчимъ-то строгiй?

— Богъ послалъ смиреннаго, пальцемъ не дотронется.

— И хорошъ по хозяйству?

— О, дюжой,—протянулъ мальчикъ и потрясъ головой.

— Но работниковъ все-таки нанимаете?

— А зачѣмъ?—Ваня повернулъ ко мнѣ лицо и сдѣлалъ пресерьезное выраженiе.—Отецъ—первый работникъ, а я—второй.

— Мать навѣрно помогаетъ?

— Нездорова она, работаетъ, что поближе, ну, на сѣнокосъ прибѣжитъ, по огороду кое-что. Въ прошлую зиму она все воду носила коровамъ, помаялись. Воду-то я на конѣ вожу, а тутъ всю зиму въ лѣсу статья подошла.

— [illegible]?

— [illegible].

— Много ли у васъ?

— Свинья, двѣ коровы, конь—вотъ и все. Насчетъ коня моя забота. Утромъ сѣна дамъ, вечеромъ воды привезу, овса засыплю. Люблю я Чалаго. Ему 15 лѣтъ, потому ко мнѣ привыкши; другого кусит[illegible], а меня нѣтъ, не смѣетъ.

Я ловилъ слова юнаго разсказчика, останавливалъ лошадь и записывалъ въ книжечку. По дорогѣ, среди чахлаго лѣса, вдругъ что-то живое ринулось въ сторону и зашуршало въ травѣ.

— Стой, Ваня, никакъ звѣрь пробѣжалъ.

Ваня остановилъ Чалаго и заключилъ:

— А смотря, гадъ шастнулъ отъ коня; ихъ тутъ много полз[illegible]етъ.

Я отнесся къ этому явленію равнодушно и сталъ писать.

— Что ты все пишешь?—спросилъ меня мальчикъ, не разъ уже посматривавшій ранѣе на книжечку.

— Изъ твоихъ разсказовъ что поинтереснѣе,—отвѣтилъ я ему съ улыбкой.

— Ну, такъ знаешь, какую я штуку скажу?

— Какую?

— Занятную. Сей годъ баба изъ Вельца насбирала тутъ грибовъ и посолила. Ладно, грибы просолились, надо ѣсть. Немножко поѣли, дальше стали брать,—анъ, глядь, тамъ мѣдный змѣй, красный, яркій. Испугались, давай плеваться. Баба всѣ грибы вывалила, и кадку разбили. Вотъ потѣха.

Ваня засмѣялся тонкимъ серебрянымъ смѣхомъ.

Я записалъ.

— Хорошо, трогай.

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня одобрительнымъ взглядомъ и ударилъ вожжами Чалаго.

— А сиговъ ловишь съ отцомъ?

— Не занимаемся. На этомъ мѣстѣ ловятъ мужики отъ Петра и Павла.

— На сиголовняхъ или поѣздами?

— Тутъ ловятъ иначе. Выѣзжаютъ на челнокѣ; одинъ справляется съ быстриной, а другой сачитъ. А то одинъ въ суднѣ, стоитъ на якорѣ и сачитъ.

— Нынѣ много сиговъ?

— Что грязи. Иной выловитъ въ ночь 70 штукъ. Мужики отъ Петра и Павла сачатъ хорошо, у нихъ мѣсто запримѣчено, начинать вонъ отъ тѣхъ кумачей.

— Это что такое?

— А ворота по нашему прозываются. Смотри, мальчишки дрызнули изъ деревни отворять.

Проѣхали деревню. Стали попадаться курганы.

— Ты знаешь, откуда взялись эти горушки?—спросилъ меня Ваня.

— Знаю, древніе воины похоронены.

— Именно. Тутъ Литва воевала. На поляхъ много этихъ самыхъ горушекъ. Ишь, въ какую ширину она шла на насъ.

— Это ты въ школѣ выучился?

— Нѣтъ, старые люди говорятъ. Въ школѣ я по ариѳметикѣ былъ мастеръ.

— Ну?

— Вѣрно слово. Какъ начну щелкать задачи, такъ ужасть, скорѣе всѣхъ рѣшу. И теперь Васюткѣ показываю.

— Молодецъ ты.

— Меня и учитель любилъ за это.

— Добрый онъ былъ?

— Не ко всѣмъ. Кто урока не выучитъ, за вихры оттаскаетъ.

— Значитъ, злой.

— Или линейкой съѣздитъ. А какъ разсердится, всѣмъ потасовка; потомъ велитъ заскать до колѣнъ...

— Ну, Богъ съ нимъ,—перебилъ я его брезгливо.—Лучше скажи мнѣ, что ты дѣлаешь дома въ свободное время?

— А ничего. На гармошкѣ поигралъ бы, да не скопилъ еще денегъ.

— Много ли надо скопить?

— Два рубля. Говорилъ отцу: заведи лодку, буду народъ перевозить черезъ рѣку; лодку откуплю и на гармошку заработаю.

— А онъ что на это?

— Присматриваетъ,—радостно отвѣтилъ Ваня и погналъ Чалаго.

Виднѣлась пристань Гостинополье.

По пріѣздѣ, я заплатилъ юному возницѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, и сказалъ ему, чтобы излишекъ онъ положилъ въ скопъ на музыкальный инструментъ.

Выше Гостинополья снова потянулись невеселыя родныя картины: низкіе берега, отмели, голыя, мертвыя пространства, затонувшіе стога, зароды.

Какая разница съ тѣмъ, что осталось позади. Тамъ судоходство, тяга судовъ, рыболовство, ломка плитняка, жженіе извести. Значитъ нынѣшній Волховъ—кормилецъ лишь въ низовьяхъ.

А. Слезскинскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

I.

Поденныя записки Рауха объ экспедиціи въ Китай [1]).

АВТОРЪ, журналистъ и племянникъ графа Вальдерзее, нѣмецкаго главнокомандующаго экзекуціоннаго международнаго корпуса, сопровождалъ своего дядю въ Китай, въ качествѣ секретаря и завѣдующаго бюро иностранной прессы. Стоя близко къ главной квартирѣ, фонъ-Раухъ былъ хорошо освѣдомленъ о всемъ происходившемъ, по порученію Вальдерзее неоднократно вступалъ въ личныя сношенія съ китайскимъ канцлеромъ Ли-Хунгъ-Чангомъ и велъ въ теченіе экспедиціи поденныя записки, которыя прошли чрезъ редакцію Вальдерзее и снабжены его замѣчаніями и исправленіями.

Такимъ образомъ, записки Рауха носятъ характеръ офиціозный и сообщаютъ свѣдѣнія достовѣрныя, но именно потому, что писались при главной квартирѣ, съ большою тщательностью обходятъ все то, что могло бы задѣть описываемыхъ лицъ или правительства, по полномочью которыхъ дѣйствовалъ престарѣлый фельдмаршалъ.

Выѣздъ Вальдерзее съ многочисленною свитою, составлявшей главную его квартиру, состоялся изъ Берлина 14 августа 1900 г.

---

[1]) Fedor von Rauch. Mit Graf Waldersee in China. Tagebuchaufleichnungen. Berlin. Fontane. 1907.

Въ Римѣ къ путешественникамъ присоединился русскій военный агентъ князь Енгалычевъ, «интересный, бойкій собесѣдникъ, отъ котораго Раухъ всегда заимствовалъ занимательнѣйшія и поучительнѣйшія сообщенія».

Во время продолжительнаго переѣзда изъ Неаполя въ Таку (съ 22 августа по 27 сентября) на пароходѣ нѣмецкаго Ллойда «Sachsen», предоставленномъ въ распоряженіе фельдмаршала, между Вальдерзее и Раухомъ велись для практики въ англійскомъ языкѣ продолжительныя бесѣды на злободневныя темы. Вальдерзее и тогда уже выражалъ опасенія, что между Англіею, Японіею и Соединенными Штатами можетъ произойти тѣсное сближеніе, вредное интересамъ континентальной Европы. Вальдерзее особенныхъ надеждъ на значеніе предстоящей экспедиціи не возлагалъ—державы примкнули къ этому предпріятію неохотно. Италія и Австрія пошли на это только для того, чтобы поддержать свое значеніе великихъ державъ. Германія, какъ и Италія, относится съ недовѣріемъ къ затаеннымъ намѣреніямъ Японіи и мирнымъ увѣреніямъ стараго хитреца Ли-Хунгъ-Чанга. Японія за послѣдніе годы чрезмѣрно напрягалась, утратила кредитъ, связана въ денежномъ отношеніи, но питаетъ жадныя вожделѣнія на Корею. Россія относится вполнѣ естественно къ Японіи съ недовѣріемъ, но и она страдаетъ безденежьемъ, а между тѣмъ имѣетъ виды на южную часть Манчжуріи, которую помогла Китаю вернуть послѣ китайско-японской войны. Англія слишкомъ завязла въ африканскихъ предпріятіяхъ и въ сущности можетъ въ Китаѣ интересоваться лишь верховьями Янце-Кіанга. Что касается Америки, наконецъ, то она дѣйствуетъ лицемѣрно—то хвастается своимъ величіемъ, то проявляетъ большую уступчивость и превыше всего заинтересована уловленіемъ въ мутной водѣ выгодъ для своей торговли. Доставленныя главнокомандующему въ Пенангъ депеши еще болѣе его смутили. «Россія, повидимому, намѣрена эвакуировать свои войска изъ Пекина и Чилійской провинціи и оттянуть ихъ въ Манчжурію. Посланникъ Гирсъ, кажется, уже перенесъ резиденцію въ Тянцзинъ. Все это смахиваетъ на foul play (фальшивую игру). Правда, князь Енгалычевъ держитъ себя вполнѣ корректно и безобиденъ, но даже и слѣпецъ почувствовалъ бы, что тутъ что-то не въ порядкѣ. Шефъ не то чтобъ былъ опечаленъ и угнетенъ, но задумчивъ и неразговорчивъ. Для него шагъ, предпринятый Россіею, равносиленъ отнятію высшей власти, потому что его полномочія не распространяются на Манчжурію».

Въ Шанхаѣ Вальдерзее получилъ дальнѣйшія извѣстія. Россія за эвакуацію своихъ войскъ требуетъ, чтобы императоръ и императрица-мать китайскіе какъ можно скорѣе вернулись въ Пекинъ и назначили особаго уполномоченнаго для переговоровъ, такъ какъ полномочія Ли-Хунгъ-Чанга недостаточны. Съ русской стороны

китайскому правительству дано понять, что весь ходъ переговоровъ значительно бы упростился, если бы негоціаціи начались до пріѣзда главнокомандующаго въ Чили, когда офиціально будетъ приступлено къ военнымъ операціямъ или оккупаціи, кои соединенныя державы принуждены предпринять. Что русско-китайскіе переговоры дѣйствительно велись, не подлежало сомнѣнію и подтверждалось ходатайствомъ, обращеннымъ къ Вальдерзее отъ нѣмецкаго шанхайскаго торговаго союза, который выражалъ опасенія за безопасность нѣмецкой торговли и частной собственности нѣмцевъ, если получитъ осуществленіе намѣреніе Россіи эвакуировать Пекинъ до заключенія мира».

Высадка фельдмаршала состоялась въ Таку 27 сентября, гдѣ онъ былъ встрѣченъ парадомъ войскъ и привѣтствіями отъ начальниковъ военныхъ частей, и въ ихъ числѣ русскихъ—генерала барона Штакельберга, полковника Доносирова (Доможирова) и фонъ-Келлера. Здѣсь же Вальдерзее посѣтилъ русскій госпиталь, гдѣ былъ растроганъ долготерпѣливостью и привѣтливостью русскихъ раненыхъ солдатиковъ. «Въ теченіе многихъ недѣль здѣсь среди врачей, фельдшеровъ и духовенства безустанную и хлопотливую дѣятельность развиваетъ одна русская дама, представительница Краснаго Креста—если я не ошибаюсь, графиня Капнистъ, сестра русскаго посланника въ Вѣнѣ».

Поселившись вначалѣ въ Тянцзинѣ Вальдерзее началъ разнообразныя хлопоты о пріемахъ. 30 сентября Раухъ записываетъ торжественную передачу на парадѣ ордена Краснаго Орла II степени съ мечами и звѣздою генералу Стесселю («котораго здѣсь за его суровость прозвали генераломъ Канчуковымъ»).

Перваго октября, въ присутствіи Шварцгофа и Іорка и князя Енгалычева происходитъ свиданіе между шефомъ и пріѣхавшимъ изъ Пекина генераломъ Линевичемъ—разговоры вертятся главнымъ образомъ на соглашеніи по желѣзнодорожному вопросу. Линевичъ—старый вояка, очень сдержанъ и недоступенъ, но нѣсколько оттаиваетъ подъ вліяніемъ геніальныхъ пріемовъ графа Іорка. Какъ оказывается, русскія войска дѣйствительно покинули Пекинъ, но сосредоточиваются между Тянцзиномъ и Шанъ-Хай-Гуаномъ, гдѣ на нихъ возложены охрана и сооруженіе желѣзнодорожной вѣтви Янгтцунъ-Тонганъ-Шанъ.

5 октября Раухъ опять записываетъ:

«Поутру состоялось совѣщаніе съ генераломъ Линевичемъ и полковникомъ фонъ-Келлеромъ въ присутствіи Шварцгофа, Іорка и Енгалычева. Раздѣленіе работы намѣчено такимъ образомъ, что русскіе принимаютъ на себя устройство и эксплоатацію линіи Шанъ-Хай-Гуанъ—Янгтцунъ, а линія Янгтцунъ — Пекинъ поступаетъ въ распоряженіе главной квартиры; для послѣдней линіи русскіе соглашаются доставить балластный матеріалъ, а впо-

слѣдствіи и подвижной составъ. Далѣе устанавливается къ опредѣленному сроку передача зимняго императорскаго дворца въ Пекинѣ генералу фонъ-Генфнеру, дабы послѣдній приспособить для размѣщенія главной квартиры Вальдерзее. Линевичъ извивается, словно угорь, ссылаясь, что для этого (передачи дворца) долженъ еще испросить отъ своего правительства полномочія,—но эти отговорки не помогаютъ, и генералъ принужденъ faire bonne mine au mauvais jeu.

«Енгалычевъ при всемъ этомъ сидитъ невозмутимый, словно это его вовсе не касается и онъ только несетъ роль переводчика. Переговоры затянулись на полтора часа и, мнѣ кажется, по окончаніи этого упражненія всѣ облегченно вздохнули.

«Вечеръ я провелъ съ новыми знакомыми въ Astorhouse и между прочимъ познакомился съ штабсъ-капитаномъ Шишкинымъ, бывшимъ кавалергардомъ,—теперь онъ состоитъ адъютантомъ при Линевичѣ».

На слѣдующій день вечеромъ къ ужину главнокомандующаго были приглашены генералъ Линевичъ, князь Енгалычевъ, штабсъ-капитанъ Криксмейеръ и лейтенантъ Захарьинъ.

«7 октября поутру князь Енгалычевъ дѣлаетъ главнокомандующему подробный докладъ все по тому же злосчастному желѣзнодорожному дѣлу. Русское правительство путемъ дипломатическихъ уловокъ осложняетъ соглашеніе и, плодя замысловатыя оговорки, повидимому, не прочь подготовить главной квартирѣ затрудненія. Цѣль этого непонятна, но намѣреніе очевидно».

15 октября состоялось торжественное занятіе пекинскаго зимняго дворца главнокомандующимъ. «Центральная его часть прежними жильцами, русскими, частью подвергнута вандальскому разрушенію, частью приведена въ ужасный видъ. Въ обширномъ помѣщеніи театральной гардеробной были, напримѣръ, размѣщены казачьи лошади и за отсутствіемъ соломы на подстилку употреблялись драгоцѣнные костюмы. Этотъ примѣръ характеризуетъ все остальное».

По поводу посѣщенія лѣтняго императорскаго дворца 24 октябряРаухъ отмѣчаетъ:

«Благодаря тому, что русскіе сдали этотъ дворецъ двѣ недѣли тому назадъ, его оказалось возможнымъ привести въ порядокъ и вычистить. Въ большомъ залѣ, гдѣ въ свое время принцу Генриху былъ устроенъ пріемъ, англичане какъ въ кладовой помѣстили оставленную русскими драгоцѣнную фарфоровую посуду, бронзу, эмали и лаковыя вещи. Эти крохи, упавшія съ русскаго стола, представляютъ огромную цѣнность и первосортную музейную рѣдкость».

Подъ 12 декабря Раухъ отмѣчаетъ: «Былъ я въ русскомъ посольствѣ, куда переѣхалъ князь Енгалычевъ. Въ застекленной га-

лерейкѣ, которую онъ занималъ въ зимнемъ дворцѣ, оказалось очень ужъ неуютно и холодно. Отъ князя Енгалычева я узналъ о пріѣздѣ въ Пекинъ князя Ухтомскаго. Гласная цѣль его появленія здѣсь—пріумноженіе его знаменитой буддійской коллекціи».

На слѣдующій день (13 декабря) Раухъ записываетъ: «Въ 5 часовъ я поѣхалъ къ князю Енгалычеву на чай, куда званы князь Ухтомскій и посланникъ Гирсъ. Не желая показаться невѣждою, я заблаговременно попросилъ м-ра Патека ознакомить меня съ сущностью значенія коллекціи Ухтомскаго. По-настоящему, это оказалось совершенно излишнимъ, хотя наши разговоры начались съ буддизма, но вскорѣ перешли на злободневные вопросы. Гирсъ и Ухтомскій хотѣли меня прощупать à la Ли-Хунгъ-Чангъ и вывѣдать ближайшія намѣренія шефа. Моя сдержанность ихъ разочаровала, разговоръ быстро и ловко былъ переведенъ на другіе предметы и передо мною разрисовали въ блестящихъ краскахъ будущность Китая въ томъ случаѣ, если будетъ серьезно принято въ соображеніе и приступлено къ размежеванію Китая на особыя сферы интереса. У меня въ головѣ помутилось отъ переложенія на русскія мелодіи этой музыки будущаго, и я почувствовалъ облегченіе, когда наконецъ приличнымъ образомъ могъ откланяться.

«Это посѣщеніе подняло цѣлыя тучи пыли у иныхъ подозрительныхъ дипломатовъ».

19 января 1901 г. Раухъ отмѣчаетъ обѣдъ, устроенный главнокомандующимъ въ честь князя Енгалычева, получившаго новое назначеніе и замѣненнаго штабсъ-капитаномъ Криксмейеромъ.

20 марта Раухъ описываетъ неожиданное столкновеніе, нарушившее безмятежное теченіе жизни въ главной квартирѣ. «Россія вела съ Китаемъ переговоры относительно сепаратнаго соглашенія насчетъ оккупаціи Манчжуріи и управленія ею. Можетъ быть, при веденіи этихъ переговоровъ русскіе дипломаты обнаружили слишкомъ ужъ большой пылъ, а китайцы убоялись опасности расчлененія Срединной Имперіи, но до подписанія соглашенія не дошло. Когда просочились вѣсти о недоразумѣніяхъ между Россіею и Китаемъ, нѣкоторыя державы постарались обратить вниманіе Англіи на это положеніе вещей... Какъ бы ни было, столкновеніе интересовъ между Англіею и Россіею обострилось и нервничаніе нашло себѣ исходъ 17 марта въ притянутой за волосы случайности, разыгравшейся въ Тянцзинѣ, гдѣ на лѣвомъ берегу рѣки обѣ державы себѣ обезпечили концессіи. Англійское желѣзнодорожное управленіе затѣяло на станціонной территоріи перекладку путей. Эти послѣдніе врѣзались въ русскую концессію. Отсюда возникли безцѣльныя препирательства, рѣзкости, преждевременныя мѣропріятія и въ концѣ концовъ вооруженное столкновеніе сикковъ съ не менѣе бородатыми сибирскими стрѣлками.

Вызванный въ Пекинъ генералъ Вогакъ, благодаря осторожному посредничеству фельдмаршала и ловкому вмѣшательству генерала Шварцгофа, былъ примиренъ съ начальникомъ англійскаго штаба генераломъ Барроу и такимъ образомъ благополучно уладились недоразумѣнія между Англіею и Россіею.

II.

Георгъ Брандесъ. — Польша.— Этюдъ страны, ея обитателей и польской литературы [1]).

Вынесли ли поляки что-нибудь поучительное изъ роковыхъ уроковъ исторіи?—отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ небезынтересная книга извѣстнаго историка литературы и радикала Брандеса. Книга его обнимаетъ сводъ наблюденій, сдѣланныхъ авторомъ за время его многократныхъ посѣщеній Польши въ 1885, 1886, 1894 и 1899 г., и только въ послѣднее время, вслѣдствіе измѣнившихся цензурныхъ условій, сдѣлалась доступной русскимъ читателямъ.

Оставляя въ сторонѣ анекдотическія подробности, а порою и извращенія фактовъ, преподносившіяся Брандесу его польскими друзьями, которые не прочь чрезъ увеличительныя стекла, конечно, разсматривать проявленія «московскаго гнета», мы ограничимся лишь передачею общей характеристики польскаго общества, которую дѣлаетъ датскій писатель на основаніи долголѣтняго и близкаго знакомства съ представителями различныхъ общественныхъ классовъ.

Брандесъ при этомъ даже скорѣе питаетъ къ полякамъ симпатіи, чѣмъ антипатіи, и потому его оцѣнка не можетъ быть опорочена предлогомъ враждебности.

Слабою стороною польской государственности было то, что правящій классъ, осуществивъ свой идеалъ свободы, закоснѣлъ въ неподвижномъ консерватизмѣ.

Вплоть до половины XVIII в. польская шляхта взирала на самыя умѣренныя государственныя преобразованія, какъ на посягательство противъ ея вольностей. Идеи преобразованій большею частью французскаго происхожденія, поэтому пробивали себѣ путь въ польское общество чрезвычайно медленно, и соглашеніе насчетъ настоятельности реформъ, имѣвшихъ спасти самостоятельность Польши, явилось запоздалымъ. Конституція 3 мая 1791 г., устанавливавшая наслѣдственность королевской власти, отвѣтствен-

[1]) G. Brandes. Poland — a study of the land, people and literature. London. Wil. Heinemanns ed. 1906.

ность министровъ и отмѣну liberum veto, натолкнулась на враждебность польской аристократической группы, образовавшей тарговицкую конфедерацію. Очертивъ въ нѣсколькихъ словахъ второй раздѣлъ Польши и отчаянную попытку возстанія 1795 г., закончившагося пораженіемъ при Мацѣйовицѣ, Брандесъ подчеркиваетъ, что хотя Польша и утратила политическую самостоятельность, но польская нація сохранила свое бытіе; однако она, несмотря на блестящія и безполезныя качества рыцарскаго героизма, не обнаружила никакихъ гражданскихъ добродѣтелей. Поляки безпочвенные энтузіасты съ благородными порывами, но полагаться на нихъ нельзя,—они безнадежно легкомысленны, склонны къ роскоши, безразсудны, мотоваты, презрительно относятся къ тяжелому, утомительному будничному труду, тяготѣютъ къ изящнымъ и изощреннымъ чувственнымъ и умственнымъ наслажденіямъ, а превыше всего поклоняются независимости, которую сумѣли извратить въ безумную и антигосударственную формулу liberum veto.

Даже и послѣ утраты политической самостоятельности поляки сохранили свойственное имъ легковѣріе и самонадѣянность, побуждавшія ихъ рисковать жизнью и безумными военными похожденіями изъ-за неопредѣленныхъ посуловъ Наполеона. Ребяческій энтузіазмъ, проявленный поляками въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, отнюдь нельзя признать за опорный элементъ въ борьбѣ націй за ихъ существованіе въ промышленныя или въ воинственныя эпохи. Легкомысленная восторженность плохо уживается съ бережливостью, трудолюбіемъ, дисциплиною, умѣренностью и гражданскимъ благоразуміемъ, прочно обезпечивающими безмятежность существованія личности и государства.

Существенно аристократическую складку поляки сохранили и посейчасъ; идеалъ ихъ быть или слыть grand seigneur'омъ; они питаютъ истинное отвращеніе вести деньгамъ счетъ, проявлять бережливость и аккуратность въ сведеніи счетовъ.

Эту черту національнаго польскаго характера австрійское правительство въ свое время умѣло использовало, поощряя сомнительныя домогательства галиційскихъ помѣщиковъ на утвержденіе въ графскомъ достоинствѣ. Добившись признанія всѣхъ аристократическихъ притязаній, галиційскіе графы въ соотвѣтствіи съ новымъ рангомъ обставляли свой домашній бытъ и за два поколѣнія такъ разстроили свое состояніе, что утратили всякій вѣсъ и опасность для правительства.

По этой же причинѣ, тамъ, гдѣ полякамъ приходится входить въ состязаніе въ торговой и промышленной области съ нѣмцами, послѣдніе ихъ побиваютъ.

Въ общемъ, по отзыву Брандеса, поляки единственная, кажется, въ мірѣ нація, которая не претендуетъ на здравый смыслъ въ смыслѣ народнаго качества. Французы, нѣмцы, англичане, итальянцы,

датчане убѣждены въ томъ, что здравомысліе властно царитъ надъ ними, поляки же постоянно на собственныхъ бокахъ испытываютъ свою неспособность практически и умѣло использовать хотя бы и благопріятно для нихъ складывающіяся историческія обстоятельства.

Несмотря на пресловутый русскій гнетъ и доказанное якобы утѣсненіе польской самобытности, для Брандеса не подлежитъ сомнѣнію, что истинныя польскія сердца бьются только въ русской Польшѣ, такъ какъ только здѣсь польская нація сохранила въ чистотѣ свои національныя свойства.

Въ Познани и восточной Пруссіи польскіе помѣщики обѣднѣли и, благодаря стремленію Пруссіи германизировать эти провинціи съ помощью нѣмецкой колонизаціи, тамошніе помѣщики принуждаются различными искусственными правительственными мѣрами къ продажѣ своихъ имѣній и выселенію. Съ другой стороны, молодежь, проходя чрезъ германскія школы и университеты, постепенно онѣмечивается. Что касается поселянъ польскаго происхожденія, то они перемѣшиваются съ нѣмецкимъ населеніемъ, онѣмечиваются въ школахъ и, пользуясь матеріальнымъ благосостояніемъ, мало доступны политическимъ увлеченіямъ полонизмомъ.

Галиція бѣдная гористая страна и, несмотря на пользованіе свободою, интересамъ полонизма приноситъ, пожалуй, болѣе вреда, чѣмъ пользы. Населеніе, правда, здѣсь пользуется полною національною и гражданскою свободою, польскія пѣсни и польская рѣчь раздаются вездѣ невозбранно, но зато польское общество въ Галиціи раскололось на партіи, которыя борются другъ съ другомъ съ неугасимою ненавистью. Краковъ является твердынею клерикальнаго большинства, а Лембергъ оплотомъ либеральнаго меньшинства. Что касается галиційской прессы, то она много хуже русско-польской, ибо содержаніе ея исчерпывается сведеніемъ личныхъ счетовъ съ недругами на почвѣ партійной борьбы.

Единственно въ русской Польшѣ высшіе классы поставлены въ такія матеріальныя условія, которыя позволяютъ имъ вести широкій образъ жизни въ духѣ старинныхъ польскихъ традицій. Такъ какъ русская Польша, обладая плодородными землями, является житницею для средней Европы, то занятія сельскимъ хозяйствомъ обезпечиваютъ польскимъ помѣщикамъ широкій достатокъ.

Хотя русская Польша, Галиція и Познань связаны единствомъ языка и историческихъ воспоминаній, органическаго тѣснаго общенія между разорванными частями Польши не существуетъ.

Не находя ни поводовъ, ни удобныхъ способовъ для совмѣстныхъ политическихъ выступленій, отдѣльныя части бывшей Польши разъединены бытовыми условіями, законами и особенностями различныхъ государственностей настолько, что ни въ одной изъ частей

бывшаго Польскаго королевства не сумѣешь даже назвать дѣятеля, который бы объединялъ польскія народныя симпатіи.

Предпринять что-либо существенное для объединенія разрозненныхъ частей Польши поляки безсильны; остаются, значитъ, только способы идейные. Среди старшихъ поколѣній дѣйствительно и насчитывается группа идеалистовъ-патріотовъ. Эти отважные мечтатели постоянно снуютъ между русскою Польшою, Галиціею и Познанью и путемъ бесѣдъ и невинныхъ соглашеній насчетъ выставокъ, спеціальныхъ съѣздовъ и т. п. пытаются будить и поддерживать священный пылъ патріотизма.

Но топтаться все на томъ же мѣстѣ и размѣнивать всю жизнь на безплодныя сожалѣнія о прошломъ могутъ развѣ только старики. По увѣреніямъ Брандеса, нельзя закрывать глаза на то, что огромное большинство болѣе юныхъ поколѣній весьма рѣшительно отказывается отъ національныхъ надеждъ и съ полнымъ скептицизмомъ и даже, пожалуй, съ снисходительнымъ презрѣніемъ относится къ безпочвенной агитаціи сѣдовласыхъ могиканъ возрожденія Польскаго королевства.

Если вся умственная жизнь польской интеллигенціи середины XIX в. поглощалась разбираніемъ вопроса о томъ, возможно ли и какъ воскресить польскую національность, то требованія современной жизни предъявляютъ болѣе молодымъ поколѣніямъ польской интеллигенціи тревожные принципіальные запросы. Существуетъ ли Польша только какъ идеалъ, или можетъ быть возстановлена какъ дѣйствительность? Если Польша не смогла продолжать самобытное существованіе, когда обладала государственностью, то можетъ ли Польша возродиться теперь, когда она уже давно уничтожена въ смыслѣ цѣлаго.

Не есть ли та Польша, изъ-за которой нѣсколько поколѣній ломали себѣ жизнь и не щадили никакихъ жертвъ, ничто большее, какъ химера и абстракція? Стоитъ ли изъ-за осуществленія подобнаго призрака приносить все новыя безцѣльныя жертвы? Вѣдь, пожалуй, только искусственное воспитаніе и возлагавшіяся затѣмъ на алтарь идеала жертвы и придавали совершенно искусственно цѣнность мечтаніямъ о возстановленіи Польши.

Отъ такихъ разсужденій недалеко и до примиренія съ трезвою дѣйствительностью. Такое движеніе и слагалось въ послѣдніе годы въ извѣстныхъ кружкахъ польскаго общества, выражавшихъ желаніе протянуть руку русскому обществу и поставить крестъ надъ прежними распрями и недоразумѣніями, и будетъ очень жалко, если это движеніе замретъ и уступитъ мѣсто тѣмъ польскимъ вожделѣніямъ, которыя были взбудоражены извѣстнымъ кадетскимъ посольствомъ въ Варшаву и автономными бреднями, выставленными въ думѣ перваго и второго призыва.

III.

М. Р. Урсинъ. Соціальный вопросъ въ Финляндіи.

Книга Урсина въ положительной своей части, гдѣ трактуются современныя вѣянія рабочаго класса, особенной теоретической цѣнности не представляетъ. Финляндскій демагогъ здѣсь не даетъ ничего новаго, что бы не было выставлено ранѣе западно-европейскими марксистами разныхъ толковъ въ родѣ Бернштейна, Каутскаго, Зомбарта, Анселе и другихъ.

Гораздо бо́льшій интересъ имѣетъ первый отдѣлъ книги Урсина, гдѣ на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній статистики, законопроектовъ и трудовъ разныхъ комитетовъ, авторъ, по происхожденію принадлежащій къ финляндскому родовому дворянству, сообщаетъ много любопытнаго о безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, надѣленіи ихъ казенными землями, о положеніи промышленныхъ и ремесленныхъ рабочихъ и объ агитаціи въ пользу надѣленія ихъ политическими правами. Урсинъ чрезъ сопоставленіе фактовъ выводитъ, что казовое благополучіе Финляндіи, опираясь на шведскіе аристократическіе законы, упорно оберегаетъ интересы привилегированныхъ сословій, положеніе же рабочаго класса и бездомной сельской «голытьбы» оказывается, по выраженію Урсина, «допотопнымъ». Характерно и то, что авторъ, взывая къ соотечественникамъ о соціальныхъ преобразованіяхъ, неоднократно высказываетъ опасеніе, какъ бы «могущественное восточное сосѣднее государство» (понимай Россія) не воспользовалось угнетеннымъ положеніемъ сельской голытьбы и промышленныхъ рабочихъ и чрезъ предоставленіе имъ имущественныхъ льготъ въ порядкѣ управленія (т. е. помимо сейма) не завоевало симпатій у низшихъ классовъ въ ущербъ финскому сепаратизму. Опасенія такой политики, успѣшно использованной русскимъ правительствомъ въ Польшѣ (въ крестьянскомъ вопросѣ) и въ Финляндіи въ эпоху генералъ-губернаторства Бобрикова были не совсѣмъ призрачны, потому что генералъ-губернаторъ приступилъ къ надѣленію безземельныхъ поселянъ и торпарей казенными землями, но дальнѣйшія событія положили конецъ благимъ начинаніямъ великокняжеской власти.

Дѣло въ томъ, что обрабатываемыя въ Финляндіи сельскія угодья составляютъ владѣніе всего 100.000 собственниковъ. Сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ сравнительно небольшого круга владѣльцевъ объясняется тѣмъ, что по законодательству 1734 г., остающемуся въ силѣ и посейчасъ, раздробленіе владѣній на мелкіе участки прежде не допускалось вовсе, и хотя законы 1864 и 1895 г.г. допустили парцеллированіе земельныхъ угодій, но встрѣтили отпоръ отъ земельныхъ собственниковъ,

которые на эту операцію туго поддаются, предпочитая обезпечивать себѣ услуги батраковъ и торпарей.

Такимъ образомъ, изъ $2^1/_2$ милліоновъ населенія Финляндіи около 1 милліона душъ превратилось въ такъ называемое «свободное населеніе», т. е. такое, которое не прикрѣплено къ опредѣленному положенію и ищетъ себѣ заработковъ, гдѣ и какъ ихъ только можетъ найти.

Бездомная голытьба, которую финляндскіе законы нѣкогда обязывали наниматься въ годовые батраки, подъ угрозою въ случаѣ неисполненія этого предписанія обращать ихъ къ работѣ принудительно, постоянно возрастаетъ (на 20.000 душъ ежегодно) и доставляетъ главный контингентъ рабочихъ сельскому хозяйству и промышленности.

Подъ вліяніемъ европейскихъ примѣровъ (прусскаго рентнаго законодательства и англійскаго small holding act) изъ среды духовнаго сословія неоднократно дѣлались призывы къ сейму ассигновать нѣсколько милліоновъ марокъ для пріобрѣтенія земельной собственности отъ частныхъ владѣльцевъ и для нарѣзки ея на мелкіе участки съ цѣлью раздачи бездомному населенію подъ условіемъ погашенія стоимости пріобрѣтаемыхъ участковъ въ 50 лѣтъ изъ 3% годовыхъ. Сеймъ, однакоже, въ сессію 1897 г. отвергъ предложеніе пастора Бломберга, какъ «носящее соціалистическій и коммунистическій характеръ».

Помимо голытьбы сельское рабочее населеніе состоитъ изъ дворовой челяди, обслуживающей усадьбы, и торпарей, въ которыхъ можно видѣть арендаторовъ, но положеніе послѣднихъ крайне неопредѣленно, такъ какъ арендныя ихъ права на пользованіе землею обусловливаются договорными соглашеніями безъ опредѣленія срока.

Дворовые и батраки отъ сельскихъ хозяевъ получаютъ продовольствіе мало удовлетворительное, пользуясь столь же неудовлетворительнымъ кровомъ. Сельскіе рабочіе, отправляющіе даже наиболѣе тяжелыя работы, зарабатываютъ деньгами около 180—200 марокъ въ годъ, не считая довольствія ихъ натурою.

При подобныхъ условіяхъ, замѣчаетъ Урсинъ, болѣе чѣмъ понятно, что вопросъ объ экономическомъ положеніи бездомныхъ поселянъ и торпарей имѣетъ серьезное общественно-политическое значеніе. Ясно, почему, съ одной стороны, происходитъ массовый приливъ рабочихъ къ городскимъ центрамъ, гдѣ рабочіе разсчитываютъ найти высшій заработокъ, а съ другой, почему эмиграціонный отливъ финновъ за границу совершается въ значительныхъ размѣрахъ и внѣ зависимости отъ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію современнаго матеріальнаго и правового положенія промышленныхъ рабочихъ, Урсинъ изъ много-

численныхъ, взаимно провѣряющихъ другъ друга данныхъ выводитъ, что норма вознагражденія рабочимъ вертится около 3 марокъ въ день и держится довольно ненадежно, тогда какъ стоимость удовлетворенія первыхъ потребностей постепенно и сильно возрастаетъ. Если на фабрикахъ рабочій день рѣдко превышаетъ 12-часовую норму, то въ ремесленныхъ заведеніяхъ онъ значительно превосходитъ ее. Въ пекарняхъ, напримѣръ, юныя дѣвушки нерѣдко заняты свыше 18 часовъ; бываютъ такія вопіющія явленія, какъ трудъ въ теченіе 48 часовъ безъ перерыва и, при томъ, выполняемый даже въ возрастѣ менѣе 18 лѣтъ.

Въ цѣляхъ споспѣшествованія рабочему вопросу сеймъ въ 1900 году высказался за созданіе въ Финляндіи учрежденія на манеръ американскаго Departement of labour, мотивируя это предположеніе желаніемъ «направить дѣятельность рабочихъ на надлежащую стезю, такъ какъ на ряду съ естественными и законными стремленіями къ улучшенію экономическаго и общественнаго положенія рабочаго класса замѣчаются попытки къ пересажденію изъ заграничныхъ промышленныхъ центровъ началъ, которыя, отнюдь не отвѣчая недочетамъ въ отечественномъ бытѣ рабочихъ, лишь угрожаютъ вредно отозваться на дальнѣйшемъ развитіи нашего рабочаго движенія».

Сеймъ здѣсь намекалъ на развитіе въ средѣ финскаго рабочаго населенія соціалъ-демократическаго движенія, которое, постепенно разрастаясь, объединяетъ рабочихъ въ соціалистическія группы во всѣхъ промышленныхъ центрахъ отъ Або до Выборга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ не прочь былъ «въ интересахъ умственнаго развитія рабочихъ и ради устраненія тлетворнаго вліянія, оказываемаго на нихъ незрѣлыми тенденціями рабочихъ союзовъ», учредить образовательные курсы для взрослыхъ рабочихъ подъ наблюденімъ городскихъ общинъ.

Признавая однакоже, что «чрезмѣрное пріумноженіе знанія въ низшихъ общественныхъ кругахъ можетъ лишь послужить къ распространенію разрушительныхъ теорій», сеймъ въ сессію 1897 года отнесся отрицательно къ предложенію Уно Цигнеуса согласовать программы начальныхъ народныхъ школъ такъ, чтобы облегчить и ускорить питомцамъ ихъ переходъ въ высшія школы, дворянство и мѣщанство въ этомъ случаѣ встрѣтили полную поддержку и въ крестьянскомъ сословіи, такъ что проектъ Цигнеуса провалился окончательно.

Приведенные факты намекаютъ на преобладаніе въ пресловутомъ общественномъ строѣ Финляндіи далеко не «освободительныхъ» началъ. Это, впрочемъ, вполнѣ естественно вытекаетъ изъ наличныхъ условій финляндской общественности.

Народное представительство находитъ себѣ здѣсь выраженіе въ сеймѣ и построено на почвѣ равноправія государственныхъ

сословій—дворянства, духовенства, мѣщанства и крестьянства. Къ первымъ двумъ сословіямъ на сеймѣ принадлежатъ исключительно члены, дворянствомъ поставляемые по самому праву знатнаго своего происхожденія, а духовенствомъ по выборамъ, производимымъ въ средѣ духовной и учительской. Третье и четвертое сословія на сеймѣ представляются путемъ болѣе широкаго избранія изъ среды городскихъ и сельскихъ обывателей.

Избирательнымъ правомъ до послѣдняго времени пользовались въ городахъ лица, имѣвшія годовой доходъ отъ 400 до 800 марокъ, а въ сельскихъ округахъ—отъ 200 до 600 марокъ. Единичные избиратели, въ зависимости отъ размѣровъ собственности, въ городахъ соединяли по принципу плюральности нерѣдко до 25 голосовъ въ однѣхъ рукахъ, а въ сельскихъ округахъ—до $^1/_{15}$ всѣхъ прочихъ избирательныхъ голосовъ.

При преобладаніи въ сельскихъ округахъ мелкой поземельной собственности недостатки заповѣданной шведскими преданіями системы политическаго сословнаго представительства въ сельской куріи особенныхъ несообразностей не вносили. Зато въ куріи горожанъ значительная неравномѣрность въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ избирателей создавала въ области политическаго представительства своеобразные курьезы, оставляющіе далеко позади себя и злоупотребленія англійскихъ votten boroughs. Такъ, напримѣръ, Урсинъ указываетъ маленькій городокъ, насчитывающій 1.158 избирательныхъ голосовъ, но въ числѣ ихъ три отдѣльныхъ собственника обладаютъ 122 + 105 + 91 голосомъ, т. е. въ трехъ своихъ особахъ вмѣщаютъ свыше 25% голосовъ, а слѣдовательно и интересовъ всей городской общины. На ряду съ этимъ рабочее населеніе совершенно исключалось изъ избирательнаго права въ виду опредѣленія закона, не признающаго политическихъ правъ за тѣми, «кто состоитъ въ услуженіи другого или отправляетъ постоянно работу, занимается поденщиною, существуетъ на счетъ случайныхъ заработковъ, а равно отправляетъ ремесло для поддержанія собственнаго существованія».

Вл. Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. П. 1907 г.

ВЪ ЭТОЙ книгѣ излагаются выводы изслѣдованій, предпринятыхъ авторомъ по вопросу о феодальномъ порядкѣ въ древней Руси. Нѣкоторыя части этой книги представляютъ собой краткій пересказъ статей автора, уже печатавшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за время съ 1897—1905 г. Другія же части, именно глава о сеньоріальныхъ основахъ удѣльнаго порядка, сообщаютъ выводы недавно законченнаго г. Сильванскимъ изслѣдованія объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи, которое авторъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени.

Этимъ частямъ книги предпосланъ краткій обзоръ теорій русской исторіи, къ концу же присоединена глава о Русскомъ государствѣ XVI—XVIII вѣковъ.

Въ первой главѣ г. Сильванскій разбираетъ теоріи русской исторіи: славянофильскую, западническую, «соціологическую» теорію Соловьева, теоріи Милюкова и Ключевскаго. Подвергая ихъ критикѣ, г. Сильванскій заключаетъ, что «авторы ихъ роковымъ образомъ терпѣли болѣе всего неудачъ въ стараніяхъ выяснить отличительныя своеобразныя черты русскаго историческаго развитія». «Настаивая,—продолжаетъ г. Сильванскій,—по разнымъ соображеніямъ на коренномъ отличіи нашего средневѣковаго порядка, историки наши вмѣстѣ одни сознательно, какъ Соловьевъ, другіе безсознательно, какъ Ключевскій, выяснили существованіе у насъ нѣкоторыхъ основныхъ началъ феодальнаго строя».

Идя дальше по стопамъ прежнихъ историковъ, авторъ задается цѣлью показать, что какой-либо «своеобразности», «самобытности», «контраста и

существенныхъ отличій» русскій историческій процессъ не представляетъ. Напротивъ, изученіе отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, какъ община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и т. д., приводитъ къ выводамъ, что «эти учрежденія по существу своему, по своей природѣ представляютъ собой учрежденія тождественныя соотвѣтствующимъ учрежденіямъ феодальной эпохи» (38 стр.) Въ дальнѣйшемъ авторъ и выполняетъ свою задачу, сравнивая феодальныя учрежденія Запада съ учрежденіями удѣльной Руси и находя между ними не только «сходство,» но и «тожество.»

Въ прежнее время среди серьезныхъ историковъ даже не принято было говорить о феодализмѣ на Руси, до того они считали страннымъ такое предположеніе, но теперь нѣтъ болѣе модной темы среди русскихъ историковъ, какъ вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси. И въ этомъ—безусловно заслуга Н. П. Сильванскаго: благодаря его работамъ, вопросъ о феодализмѣ у насъ изъ сферы гаданій и предположеній былъ выдвинутъ въ рядъ теорій, научно обоснованныхъ. Другой вопросъ, насколько эта теорія признается правильной. Одни историки, какъ Сергѣевичъ (Древности, т. III.), Владимирскій-Будановъ (Обзоръ, 5-ое изданіе), допуская, что у насъ были элементы феодальнаго порядка, утверждаютъ, что самаго феодализма, какъ цѣльной системы, въ Россіи не было. Другіе, какъ Рожковъ и Тарновскій, частью Милюковъ, готовы согласиться съ г. Сильванскимъ и признать у насъ существованіе феодальныхъ порядковъ, въ существенныхъ чертахъ сходныхъ съ порядками Западной Европы. Вообще говоря, среди молодого поколѣнія историковъ эта теорія пользуется большимъ кредитомъ, чѣмъ среди поколѣнія историковъ болѣе почтеннаго возраста.

Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги. По вопросу объ общинѣ авторъ находитъ «у новыхъ историковъ рѣзкое противорѣчіе съ историками Запада» (46), наши новые историки, по словамъ г. Сильванскаго, не признаютъ общины, а западные, въ особенности германскіе, считаютъ ее исконной, предшествующей боярщинѣ-сеньоріи. Это не совсѣмъ такъ. Русскіе историки, даже новые, по вопросу объ общинѣ дѣлятся на двѣ группы: одни (Милюковъ, Сергѣевичъ) считаютъ, что община возникла очень поздно, подъ правительственнымъ вліяніемъ, другіе, какъ Владимирскій-Будановъ и Лаппо-Данилевскій, считаютъ, что община — явленіе исконное. Да и западные историки—не единомысленны: Фюстель-де-Куланжъ, напримѣръ, рѣшительно отрицаетъ существованіе на Западѣ общинныхъ порядковъ.

Затѣмъ наиболѣе важный вопросъ о феодализмѣ это тотъ, какое значеніе въ удѣльный періодъ принадлежитъ крупному землевладѣнію. По изображенію историковъ, какъ, напримѣръ, Люшера, Лампрехта, М. Ковалевскаго, Н. И. Карѣева, которыми пользуется авторъ, феодализмъ возникаетъ на основѣ крупной земельной собственности: «гдѣ ея нѣтъ, гдѣ *большинство* народа продолжаетъ владѣть землей на правахъ частныхъ или общинныхъ обладателей ея, тамъ нѣтъ необходимыхъ условій для развитія феодализма». Исходя изъ такого положенія, Н. П. Сильванскій въ концѣ книгѣ утверждаетъ, что въ Россіи съ XIII до половины XVI в. основное значеніе имѣетъ крупное землевладѣніе, княжеская и боярская вотчина, «центръ тяжести переходитъ

отъ міра къ боярщинѣ и крупному землевладѣнію, и на основѣ его развивается удѣльный феодальный порядокъ» (147). Это центральный пунктъ вопроса о феодализмѣ доказательствами въ строгомъ смыслѣ этого слова не обставленъ. Лишь сообщается, что «въ междурѣчьи между Волгой и Окой въ XVI в. мы находимъ полное господство крупнаго землевладѣнія», и что «въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ видна яркая картина полнаго господства боярщины» (61 стр.).

Но таково положеніе въ XVI в. или въ концѣ XV в., да и то въ В. Новгородѣ; а что было въ Новгородѣ, того могло не быть въ Москвѣ. Кромѣ того, порядки конца XV в. и начала XVI в. едва ли могутъ говорить о порядкахъ XIII в. Лѣтописи начинаютъ сообщать о «селахъ боярскихъ,» о «вотчинахъ», о княжескихъ имѣніяхъ, да и то не часто, лишь со второй половины XII в. (см. Корфъ, «Исторія Русскаго государ.», I, 130—8), видимо, боярщины-сеньоріи только что зарождались. Трудно отсюда вывести, что уже въ XIII в. крупное землевладѣніе составляло «основу», «центръ тяжести» общественныхъ отношеній. Думается, что автору нужно обставить свое положеніе болѣе вѣскими аргументами, съ которыми читатель могъ бы согласиться безъ всякихъ колебаній.

Той параллели, которую авторъ проводитъ между нашими крестьянами и сервами и вилланами Запада, не было: 1) отказъ нельзя приравнивать къ désaveu; у насъ свободный человѣкъ, отказываясь, осуществлялъ свои права свободнаго человѣка, а тамъ сервъ, находящійся въ крѣпостномъ, почти рабскомъ состояній, выходилъ на волю; 2) свадебныя пошлины на Западѣ шли въ пользу господина, а у насъ въ удѣльное время въ пользу кормленщика, намѣстника и волостеля; 3) права мертвой руки и наслѣдственныхъ пошлинъ обычныхъ на Западѣ, у насъ не было, что знаетъ и самъ авторъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать, что книга г. Сильванскаго представляетъ значительный интересъ для лицъ, занимающихся русской исторіей. Въ ней авторъ, отрѣшаясь отъ прежней манеры нашихъ историковъ противополагать русскіе порядки порядкамъ западно-европейскимъ, даетъ картину государственнаго и общественнаго быта древней Руси, постоянно сравнивая русскую жизнь съ жизнью западно-европейской, чѣмъ и доказываетъ, что русскій историческій процессъ не представляетъ собою чего-либо «особеннаго», своеобразнаго и «самобытнаго», но подчиненъ тому же общему теченію, которое замѣтно вырисовывается на исторіи Западной Европы.

К. М—въ.

Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе П. И. Якобія. Съ предисловіемъ пастора Я. Гурта и указателями. Спб. 1907.

Книга г. Якобія не заслуживала бы ровно никакого вниманія, если бы она не была издана авторитетнымъ ученымъ обществомъ (въ «Запискахъ» географическаго общества по отдѣленію этнографіи). Авторъ совершенно чуждъ той спеціальности, въ которую онъ вдается, и «изслѣдованіе» его — одно сплошное недоразумѣніе.

Задача автора—доказать, что древнерусское племя вятичей, потомки котораго населяють теперь рядъ нашихъ центральныхъ губерній и, въ частности, Орловскую,—было не славянскаго происхожденія, а финскаго. Главное доказательство этого г. Якобій усматриваетъ въ мѣстныхъ названіяхъ рѣчекъ, урочищъ и населенныхъ мѣстностей. Сравнивая географическія имена Орловской губерніи съ таковыми же именами нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ и поднесь живутъ финны, г. Якобій находитъ тутъ поражающее сходство, единственное объясненіе для котораго онъ и видитъ въ признаніи вятичей финнами. При этомъ авторъ совершенно не касается ни значенія разсматриваемыхъ имъ географическихъ именъ, ни ихъ лингвистической исторіи. Мало того, авторъ совершенно не отличаетъ восточныхъ финскихъ нарѣчій отъ западныхъ и даже латышскій языкъ (какъ всѣмъ извѣстно, индоевропейскій, нарѣчіе литовскаго языка) относитъ къ языкамъ финскимъ! Въ результатѣ—все лингвистическое «изслѣдованіе» г. Якобія оказывается основаннымъ на сыпучемъ пескѣ. Имена явно славянскаго корня (напримѣръ, Палецъ, Сучокъ, Улица, Сѣтное, Шумово, Обжи и т. д. и т. д.), а также имена неизвѣстнаго намъ народа (быть можетъ скиѳовъ?) и тюркскія авторъ огуломъ объясняетъ изъ финскаго языка.

Пользуясь манерою г. Якобія, безъ особеннаго труда можно будетъ доказать, что вятичи—монгольское племя или турецкое, или даже какое-нибудь мексиканское: случайныя созвучія въ огромной массѣ географическихъ именъ всѣхъ народовъ всегда найдутся.

Не считается г. Якобій и съ исторіею самихъ вятичей, которые, какъ извѣстно, поселились въ области финновъ уже на глазахъ исторіи, а значитъ и естественно могли сохранить нѣкоторыя дѣйствительно финскія географическія названія; послѣ же, во времена татарскаго ига и засилья крымцевъ, они принуждены были отхлынуть на сѣверъ, гдѣ вновь столкнулись съ полуобрусѣвшими тогда финнами.

Другія доказательства г. Якобія имѣютъ не большую цѣну. Курьезомъ звучитъ ссылка на то, что и вятичи и финны одинаково обнаруживаютъ особенную склонность къ психическимъ заболѣваніямъ. Хлыстовство, корень котораго г. Якобій почему-то видитъ въ Орловской губерніи, онъ отожествляетъ съ шаманизмомъ! Длинные чулки орловскихъ крестьянокъ дали г. Якобію основаніе увидѣть тутъ финское воззрѣніе, по которому ноги женщины считаются существеннымъ половымъ признакомъ.

Указанія г. Якобія на то, что въ теперешнемъ говорѣ орловскихъ крестьянъ сохраняются черты финскаго языка (указанія эти, кстати замѣтить, ввели въ заблужденіе покойнаго пастора Гурта), основаны на недоразумѣніи. Для человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ исторіею русскаго языка, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что черты эти развились на туземной почвѣ, безъ всякаго вліянія со стороны финскаго языка.

Но, быть можетъ, самая идея г. Якобія, хотя и не обоснованная имъ научно, заключаетъ въ себѣ зерно истины, а значитъ и задатки жизненности? Отнюдь нѣтъ. Достаточно въ доказательство ея несостоятельности указать хотя бы на такое соображеніе. Вятичи—одно изъ самыхъ многолюдныхъ древ-

не-русскихъ племенъ. Если ихъ считать финнами, то окажется прямо чудомъ, откуда взялся многомилліонный русскій народъ, а главное—какъ онъ могъ тогда ассимилировать себѣ всю эту массу финновъ, варяговъ и другихъ инородцевъ?

Предостерегая читателей отъ лишней затраты денегъ на покупку этой совершенно ненаучной книги и даже курьезной книги, мы не можемъ не выразить своего пожеланія, чтобы императорское географическое общество не покрывало впредь своимъ высокимъ авторитетомъ подобныхъ нелѣпыхъ «изслѣдованій». **Дм. Зеленинъ.**

Веселовскій, С. Б. Нѣсколько документовъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. М. 1907.

Въ книжечкѣ г. Веселовскаго 5 документовъ; всѣ они впервые были напечатаны въ «Чтеніяхъ», издаваемыхъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Первый документъ, «Челобитье заказного старосты дьякона Артемья съ жалобой на крестьянъ Устюжскаго уѣзда, не слушающихся духовныхъ властей и творящихъ всевозможныя безчинія», авторъ относитъ къ 1652 г. Любопытно, что это «челобитье» было подано не туда, куда слѣдуетъ, а въ устюжскую четь, которая вообще-то «не вѣдала духовныхъ дѣлъ». Это обстоятельство, по всей вѣроятности, объясняется, по мнѣнію г. Веселовскаго, «тѣмъ, что устюжане не обращали вниманія на запреты духовныхъ властей», что онъ усматриваетъ изъ слѣдующихъ словъ настоящей челобитной: «митрополитъ де вѣдаетъ началитъ поповъ и крылошанъ, а мы де люди государевы». Содержаніе «челобитья» вкратцѣ слѣдующее. «Ортемѣй дияконъ» извѣщаетъ царя Алексѣя Михайловича о «безчиніяхъ», которыя «издавна творятъ во всемъ Устюжскомъ по всемъ волостямъ», и проситъ его «страхъ свой имъ государевъ писать, чтобъ Церкви Божіи были не мятежны и о всемъ свой государевъ указъ учинить». Среди «безчиній» упоминаются такія, какъ, напр., «многія люди въ Сибирскую украину» ходятъ и, живя иногда «лѣтъ по десяти и больши и по пятнадцати», женятся, тамъ, между тѣмъ какъ ихъ прежнія жены, оставшіяся на родинѣ, ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ въ «сиротствѣ» своемъ. Случается, что и жены «немогуща терпѣть сиротства и вдовства, выходятъ замужъ». «И по прилучаю», говоритъ дьяконъ Артемій, «въ то время приходятъ прежніе ихъ мужы изъ дальнихъ украинъ и бьютъ челомъ десятильникамъ о прежнихъ женахъ своихъ, и попамъ, котороu вѣнчаютъ ихъ, чинятся отъ десятильниковъ продажи великія и убытки». Но болѣе всего дьякона Артемія возмущаютъ такіе факты, которые непосредственно оскорбляютъ церковь или церковное благочиніе. «Еще они и иное бесчиніе творятъ», говоритъ онъ: «Послѣ Рождества Христова и до Крещенія послѣ вечерни младые люди въ трапезахъ играютъ всякими играми и кощунаютъ, всякие словѣса бестыдно говорятъ; а запретить имъ некому», потому что церковныхъ настоятелей ставятъ ни во что. Когда же послѣдніе все-таки,

не будучи въ состояніи перенести подобное «бесчиніе», начинаютъ ихъ образумливать, то получаютъ рѣзкій отпоръ: «церковь де и трапеза строеніе наше, какъ де хотимъ, и играемъ». Второй документъ относится къ 10 марта 1659 г.; онъ содержитъ указъ государя «о соблюденіи чистоты у приказа и о вывозѣ изъ города нечистотъ», а третій касается покупки государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1664 г. «заграничнаго рогатаго скота». Указъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что разбиваетъ укоренившееся мнѣніе, будто первая выписка заграничнаго скота относится къ 1725 г. «Изъ приводимыхъ ниже документовъ,—говоритъ авторъ,—мы видимъ, что когда въ 1664 г. государь приказалъ купить для себя на Холмогорахъ нѣмецкихъ коровъ, то вовсе не было надобности выписывать ихъ изъ-за границы, такъ какъ многіе холмогорцы владѣли уже породистымъ заграничнымъ скотомъ». Четвертый документъ: «О кабакахъ и кружечномъ дворѣ въ 1651 г. въ Новгородѣ» касается реформы кабацкаго дѣла и содержитъ два «челобитья»: Никона и «откупщика Степашки Тимофѣева сына Тиханова», а пятый представляетъ собою «земскую уставную грамоту Усольскаго уѣзда отписной сошки Луцкой Пермцы, данную царемъ Иваномъ Васильевичемъ и подтвержденную Разстригой, въ 124 г. царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, въ 160 и 184 годахъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ 186 году Θеодоромъ Алексѣевичемъ, «которая приближается по своему содержанію къ суднымъ грамотамъ». Однако, хотя въ общемъ содержаніе данной «уставной грамоты» и сходно съ уже напечатанными, тѣмъ не менѣе «въ частностяхъ она представляетъ много интереснаго». Особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этой грамотѣ, по словамъ г. Веселовскаго, «широкое право прибѣгающихъ къ земскому суду отвода судей».

Я. Бирюковъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто двадцать четвертый. Юрьевъ. 1906.

Составляющія содержаніе настоящаго 124-го тома «Сборника» бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 г.г. выходятъ въ печати уже восьмымъ томомъ, «собранныя и изданныя подъ редакціею проф. А. Н. Филиппова».

Этотъ восьмой томъ, являющійся продолженіемъ 120 тома «Сборника», содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ за вторую половину 1738 года, за іюль—декабрь мѣсяцы. Въ составѣ министровъ тогда были: А. П. Волынскій, графъ А. И. Остерманъ и князь А. М. Черкасскій; изъ нихъ главными дѣятелями были А. П. Волынскій и графъ А. И. Остерманъ, выпускавшіе именные указы и высочайшія повелѣнія, вопреки указу 9 іюня 1735 г., за единственными своими подписями.

Ввиду того, что компетенція кабинета министровъ отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ, то естественно, что и резолюціи его журнала охватывали тогдашнюю жизнь съ весьма различныхъ сторонъ. Проф. А. Н. Филипповъ въ своемъ предисловіи приводитъ только нѣкоторые немногіе примѣры, характеризующіе дѣятельность этого учрежденія и общественные нравы того

времени. «Что касается содержанія VIII тома,—говоритъ онъ,—то въ немъ обращаютъ на себя вниманіе какъ словесныя высочайшія повелѣнія, объявленныя кабинету чрезъ А. П. Волынскаго, мнѣнія его и графа А. И. Остермана по различнымъ вопросамъ, такъ равно и резолюціи двухъ названныхъ лицъ по различнымъ вопросамъ. Изъ высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ А. П. Волынскимъ, укажемъ, напр., на повелѣніе о томъ, что всѣ подносимыя къ подписанію государыни резолюціи кабинета министры должны были сначала сами «контрасигнировать такъ, какъ патенты, и потомъ ея императорскому величеству докладывать и къ подписанію подносить». Здѣсь дѣлается интересная попытка формальнаго установленія отвѣтственности министровъ предъ носительницею верховной власти за подносимыя ей къ подписи резолюціи. Разсматривая же эти резолюціи по существу, надо замѣтить, что многія изъ нихъ составлялись весьма тщательно, при чемъ рѣшенія министровъ подробно мотивировались... Изъ указовъ, вышедшихъ въ 1738 г. изъ кабинета, весьма многіе касаются мѣръ противъ эпидемической болѣзни, свирѣпствовавшей тогда на югѣ Россіи. Изъ этихъ указовъ вполнѣ уясняются взгляды эпохи на леченіе эпидемій, на отношеніе населенія и властей къ мѣропріятіямъ кабинета и т. д. Весьма интересенъ также указъ, данный изъ кабинета на имя князя Трубецкого объ учиненіи «пробы» оговорнымъ людямъ, обученнымъ нѣкою Агаѳьею Дмитріевой «волшебному искусству». «Искусство» ея состояло въ томъ, что «она черезъ волшебство оборачивалась козою и собакою и нѣкоторыхъ людей злымъ духомъ морила».

Обученнымъ ею людямъ надлежало, по предписанію кабинета, учинить пробу, «чтобъ при присутствіи опредѣленныхъ къ тому судей въ козу или собаку оборотились». Кабинетъ-министры, очевидно, раздѣляли взгляды эпохи на указанное искусство «волшебницъ», если находили возможнымъ посылать изъ кабинета подобные указы. Для характеристики общественныхъ нравовъ времени заслуживаетъ упоминанія резолюція кабинетъ-министровъ объ осмотрѣ «чрезъ надежнаго человѣка ѣдущей изъ Сибири жены знаменитаго капитанъ-командора Витуса Беринга и ея спутниковъ. Резолюція эта послѣдовала на основаніи донесенія сибирскаго приказа, въ которомъ было указано, что будто бы знаменитая экспедиція въ Камчатку, во главѣ которой стоялъ Берингъ, «напросилась въ Сибирь ѣхать только для наполненія своего кармана и Берингъ уже и въ Якутскѣ великіе пожитки получилъ и не худо бы де было жену его, ѣдущую въ Москву, «по обычаямъ сибирскимъ», осмотрѣть, чтобъ явны были ихъ пожитки». Кабинетъ призналъ основательность этихъ «обычаевъ сибирскихъ» и велѣлъ опредѣлить «надежнаго человѣка» для осмотра жены Беринга и ея спутниковъ, чтобъ затѣмъ «всѣ такія вещи и пожитки, что изъ Сибири заказано вывозить, у нихъ отбирать въ казну и сколько чего взято будетъ—репортовать» (стр. XXXI—XXXIV).

«Бумаги», вошедшія въ этотъ томъ, состоятъ изъ 83 краткихъ «журналовъ» и «входящихъ» отъ извѣстнаго числа и подробныхъ «резолюцій», копій указовъ, протоколовъ и сообщеній, помѣщенныхъ въ видѣ «приложеній» къ «журналамъ».

В. Р—въ.

Павелъ Симони. Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ. Съ портретомъ А. Н. Пыпина, снимкомъ съ миніатюры изъ Макарьевскихъ Миней-Четьихъ XVI вѣка и 22 снимками съ полнаго текста «Повѣсти о горѣ и злосчастіи (по рукописи XVIII вѣка). Спб. 1907.

Первая часть седьмого выпуска «Памятниковъ стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII ст.», издаваемыхъ подъ редакціей П. К. Симони, вполнѣ опредѣляетъ палеографическій и библіографическій интересъ книги. Главная цѣнность ея это—снимки съ полнаго текста «Повѣсти» по единственной сохранившейся рукописи начала XVIII вѣка. Фотографическій снимокъ былъ исполненъ подъ личнымъ наблюденіемъ П. Симони въ Петербургѣ, а полное цинкографическое клише со всѣхъ страницъ рукописи—въ Варшавѣ, подъ наблюденіемъ проф. Е. Ѳ. Карскаго. Какъ видно, воспроизведеніе и изданіе «Повѣсти» потребовали немало времени и труда.

Тексту «Повѣсти» г. П. К. Симони предпосылаетъ небольшія и содержательныя статьи—исторію открытія «Повѣсти», объ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ ея и «подробное перечневое описаніе сборника № 1773 (гдѣ находится оригиналъ памятника) и статей, его составляющихъ». Небезынтересно вспомнить, что этотъ памятникъ былъ открытъ А. Н. Пыпинымъ совершенно случайно, въ погодинскомъ собраніи славяно-русскихъ рукописей. Открытіе произошло въ февралѣ или мартѣ 1856 года, въ одной изъ залъ Публичной библіотеки. Вмѣстѣ съ Пыпинымъ находился неизмѣнно и Н. И. Костомаровъ, занимавшійся въ библіотекѣ. Со свойственнымъ радушіемъ А. Н. Пыпинъ предложилъ Н. И. Костомарову полюбоваться неожиданной находкой. Костомаровъ съ первыхъ же строкъ «древняго стихотворенія» пришелъ въ такой восторгъ, что громко сталъ декламировать «Повѣсть»,—«какъ Александръ Николаевичъ ни внушалъ ему, что громогласное чтеніе здѣсь не допускается потому уже, что мѣшаетъ занятіямъ другихъ; наконецъ и дежурный чиновникъ подошелъ остановить его восторги, но Костомаровъ не унимался и старался объяснить ему, о чемъ идетъ дѣло». Пыпинъ безкорыстно предоставилъ Костомарову честь опубликованія памятника, и первое изданіе повѣсти появилось въ мартовской книжкѣ «Современника» 1856 года подъ заглавіемъ «Горе-Злосчастіе, древне-русское стихотвореніе». Подписано оно было однимъ Костомаровымъ. Впрочемъ, была одна выноска, подписанная А. П., т. е. Пыпинымъ. Въ замѣткѣ Пыпинъ говоритъ, что найденный имъ сборникъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что содержитъ «Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ, о дерзости и храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія» — интереснѣйшій памятникъ, который находился въ одномъ сборникѣ со «Словомъ о полку Игоревѣ» и считался потеряннымъ. О существованіи его можно было узнать только по немногимъ выпискамъ Карамзина, сдѣланнымъ по древнему списку. Передавая дальше схему «Дѣяній прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ», Пыпинъ съ увлеченіемъ говоритъ, что эта повѣсть вноситъ новый интересный фактъ въ исторію самостоятельнаго греческаго романа. Эта замѣтка изъ «Современника» цѣликомъ перепечатана П. Симони въ виду рѣд-

кости журнала,—точно такъ же, какъ и маленькая вводная статейка Костомарова о повѣсти. Не будемъ упоминать объ остальныхъ замѣткахъ по поводу «Горя-Злосчастія», — число ихъ достаточно обширно,—и интересующихъ отсылаемъ къ статьѣ г. Симони, гдѣ литература предмета нашла отраженіе.

Къ книгѣ приложенъ текстъ повѣсти съ отмѣтками акад. Ѳ. Е. Корша ритмическихъ особенностей и опытъ стихотворной реставраціи текста (въ рукописи повѣсть написана, конечно, прозой). Обращаетъ вниманіе тщательное воспроизведеніе рукописи памятника и миніатюры изъ Макарьевскихъ Миней-Четьихъ XVI вѣка—Адамъ и Ева въ раю, искушаемые змѣемъ.

Въ заключеніе П. К. Симони обѣщаетъ не замедлить и вторымъ выпускомъ заключительнаго отдѣла, который будетъ содержать дополнительныя объяснительныя замѣчанія, указанія параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ памятниковъ древне-русской письменности и произведеній устной народной поэзіи, поправки къ реставраціи текста и пр.

И. Александровъ.

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1908.

Отсутствіе хорошихъ изданій нашихъ писателей—наше больное мѣсто. Это надо сказать о большинствѣ писателей; только немногіе, самые значительные, находятся въ лучшемъ положеніи, и мы имѣемъ хорошія изданія ихъ сочиненій. Но цѣны этихъ изданій столь высоки, что недоступны совершенно широкой публикѣ. Напримѣръ, хорошее изданіе сочиненій Островскаго въ изданіи «Просвѣщенія» стоитъ 21 руб. Изданій же дешевыхъ и въ то же время полныхъ и хорошихъ у насъ почти нѣтъ, даже если мы возьмемъ крупныхъ писателей. Широкая публика связана средствами и должна въ силу этихъ обстоятельствъ довольствоваться рядомъ, правда, дешевыхъ, но крайне неудовлетворительныхъ изданій. Въ виду этого, мы не можемъ не привѣтствовать выхода новаго изданія всѣхъ сочиненій Гоголя, дешеваго, но въ то же время полнаго и хорошаго.

Новое изданіе стоитъ баснословно дешево—два рубля. Но оно далеко оставляетъ за собой такъ называемыя «дешевыя» изданія, такъ какъ является не только дешевымъ, но и хорошимъ. Редакторъ изданія, извѣстный библіографъ П. В. Быковъ очень внимательно отнесся къ своей задачѣ и выполнилъ ее удачно, давъ хорошій текстъ сочиненій Гоголя. Единственно, что можно поставить въ вину редактору, это то, что имъ не дано, хотя бы краткихъ, вступительныхъ замѣтокъ и примѣчаній. Вѣдь надо было имѣть въ виду, что изданіемъ будетъ пользоваться большое количество людей, не получившихъ систематическаго образованія. А для такой аудиторіи эти замѣтки сыграли бы хорошую службу, давъ, такъ сказать, основныя точки для правильнаго пониманія того или другого произведенія. Эти небольшія замѣтки не заняли бы много мѣста, а сильно бы повысили цѣнность изданія. Хотя въ началѣ книги данъ общій очеркъ жизни и творчества Гоголя, но онъ не достаточенъ, такъ какъ не даетъ необходимымъ замѣчаній объ от-

дѣльныхъ произведеніяхъ. А такія произведенія, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», непремѣнно требуютъ поясненій.

Но нашимъ замѣчаніемъ мы не хотимъ умалить значеніе изданія, а только указываемъ возможное его улучшеніе. Но и въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ теперь, изданіе заслуживаетъ вниманія и распространенія, и выходъ его нужно привѣтствовать, принявъ во вниманіе значеніе хорошихъ и дешевыхъ изданій сочиненій писателей для общества. **А. Ф—нъ**

В. Н. Кораблевъ. Литературныя замѣтки. Спб. 1907.

«Литературныя замѣтки» г. Кораблева выглядятъ весьма заманчиво обѣщаніемъ цѣлаго ряда критико-біографическихъ очерковъ по русской литературѣ. Между тѣмъ, по содержанію своему, книга не удовлетворяетъ и самымъ скромнымъ требованіямъ.

Въ обзорѣ классическихъ произведеній Гоголя, Достоевскаго и Жуковскаго авторъ повторяетъ все то, что извѣстно каждому изучавшему русскую литературу на школьной скамьѣ.

Что же касается разбора позднѣйшихъ писателей (Горькаго, Андреева, Брюсова, Бальмонта и др.), то авторъ производитъ неблагопріятное впечатлѣніе или примитивностью, или низменностью своихъ сужденій.

Разбирая пьесу Чирикова «Мужики», авторъ полагаетъ исключительное ея достоинство въ томъ, что изъ нея усматривается, какъ «темно еще наше крестьянство» и какъ «во всякую минуту отъ него можно ждать всякаго бунта» изъ-за неправильнаго пониманія мужикомъ правъ частной собственности и т. п.

Той же плоскостью мысли отличается авторъ, когда восхищается прозорливостью славянофиловъ въ томъ, что «Петербургъ—центръ самодержавія—тяжелъ для Россіи. Петербургъ—центръ конституціоннаго правительства—задавилъ бы ее окончательно». Что централизація власти тяжело отражается на провинціи—доказывать не приходится; но что «конституціонное правительство задавитъ Россію»,—къ этому опасенію до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Напротивъ, «Борьба за конституцію» (см. книгу Б. Глинскаго) доказываетъ иное. Съ одной стороны, должно же гдѣ-нибудь находиться фактически выборное конституціонное правительство (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ); съ другой—сама идея конституціоннаго правительства обусловливаетъ собою представительство всей земли. Такимъ образомъ исчезаетъ и существованіе «давящаго» правительства, а является одно народное.

Что касается критики г. Кораблева соціалъ-демократической теоріи въ связи съ именемъ Л. Н. Толстого, то она сама не выдерживаетъ никакой контръ-критики. Въ статьѣ «Л. Н. Толстой о соціализмѣ» г. Кораблевъ обнаруживаетъ не только искаженіе мыслей великаго писателя о соціализмѣ, но и полнѣйшее свое незнакомство съ рабочимъ вопросомъ и его разрѣшеніемъ.

Соціалисты говорятъ о правѣ трудящихся классовъ на орудія производства, а г. Кораблевъ утверждаетъ, что они хотятъ пріучить рабочихъ къ праздной и мечтательной жизни. «Когда это сбудется, когда черному дыму фабричной трубы поклонятся всѣ народы и европейскіе пролетаріи развратятся роскошью и женственными мелочами жизни,—восклицаетъ г. Кораблевъ:—тогда только вся смрадная гниль выступитъ наружу и «цивилизація» Европы погибнетъ, какъ погибли цивилизаціи римская, ассирійская, египетская, греческая и многія другія, основанныя на крови и рабствѣ другихъ».

Если бы авторъ провѣрилъ свои мысли фактами исторіи, то онъ увидѣлъ бы, что именно во всѣхъ указанныхъ имъ «цивилизаціяхъ» никогда не были осуществлены идеи соціализма и что онѣ погибли именно вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія мірскихъ благъ и кастоваго строя.

Между тѣмъ, г. Кораблевъ продолжаетъ фантазировать все въ томъ же духѣ: «Начнется это новое счастье на землѣ уничтоженіемъ частной собственности и упраздненіемъ наслѣдственнаго права, актомъ насильственнаго ограбленія: земля, промышленныя заведенія, орудія труда, деньги, жилища,—все это станетъ общимъ достояніемъ, а не отдѣльныхъ лицъ, какъ нынѣ. Существующая форма государственности претворится въ коммуну, гдѣ строжайше будетъ распредѣлено, что долженъ будетъ потреблять каждый изъ членовъ новаго государства, какъ одѣваться, какъ жить и какую работу нести за это. Семья, семейная жизнь сами собою исчезнутъ, такъ какъ даже воспитаніемъ дѣтей будутъ руководить уже не отецъ и не мать, а то же коммунистическое государство. Такимъ образомъ, будущая коммуна пообрѣжетъ крылья свободному человѣческому духу, наложитъ путы на всѣ его благороднѣйшіе порывы и стремленія».

Авторъ, очевидно, въ дѣлѣ логики чувствуетъ себя какъ въ лѣсу и въ критикѣ фантастическаго строя попадаетъ прямо въ комическое положеніе: съ одной стороны—«никто не обязанъ производить, т. е. трудиться», а съ другой—«все будетъ принадлежать всѣмъ и каждый можетъ брать изъ общей собственности все, что ему нужно и сколько захочетъ»...

Откуда возьмется общая собственность, если «никто не будетъ ничего производить», а дойдя въ своемъ развитіи до анархическаго строя, обречетъ себя на голодную смерть—все это остается на совѣсти г. Кораблева.

О представителяхъ «модернизма» въ литературѣ авторъ ничего новаго не сказалъ, но положительно утверждаетъ, что наши поэты, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Шевченко, выливали свои мысли и чувства въ слишкомъ однообразныя формы, тогда какъ «модернисты» (Брюсовъ, Бальмонтъ и др.) нашли для нихъ новые образы и символы: «при помощи искусственнаго сочетанія словъ они усиливаютъ музыкальность стиха, пріобрѣтающаго характеръ особой мелодіи. Путемъ сочетанія новыхъ, оригинальныхъ образовъ съ этой особенной музыкой поэты-модернисты достигаютъ необычайныхъ результатовъ: они умѣютъ передавать не только всѣ оттѣнки душевнаго настроенія—радость, тоску, покой, гнѣвъ, боль, но и многое въ окружающей природѣ—шумъ дождевыхъ капель, рокотъ волнъ, вѣяніе снѣжинокъ и т. д.

Неуловимая, причудливая музыка стиха выдвинута у нихъ на первый планъ»...

Восхваляя такимъ образомъ чисто художественныя силы «модернистовъ», г. Кораблевъ и въ этой области не догадывается, что «Пушкинскій сюжетъ» богатъ несравненно болѣе не только «причудливой музыкой стиха» и «сочетаніемъ новыхъ образовъ», но и правдивостью, и значительностью ихъ. Конечно, «Пушкинскій сюжетъ» долженъ итти за исторической жизнью Россіи и отражать въ литературѣ ея образы, но нельзя привѣтствовать искаженіе «Пушкинскаго сюжета» вычурностью языка, извращенностью вкусовъ, грязью авторскаго вымысла и клеветой на русскіе нравы. **А. М. Нечаева.**

Литературный календарь-альманахъ. Спб. 1908.

Составителю альманаха, г. Оскару Норвежскому, «неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что въ широкой массѣ читающей публики вкоренилось убѣжденіе, что писать свои автобіографіи, заявлять, такъ или иначе, о своей личной жизни имѣютъ право далеко немногіе. Это могутъ (будто бы) дѣлать Л. Толстой, Достоевскій,—но ни въ коемъ случаѣ молодой беллетристъ или поэтъ». Послѣднее время, по словамъ одного бойкаго критика, le dernier cric моды состоитъ въ томъ, чтобы бороться противъ «вкоренившихся предразсудковъ» или иначе—«посрамлять буржуазію»..

Князю Игорю въ походѣ на «поганыхъ» напророчило бѣду затменіе солнца. Страшно впасть въ суевѣріе, но не грозитъ ли походъ г. Оскара Норвежскаго «на посрамленіе буржуазіи» тоже окончиться неудачей? Только что онъ въ походъ собрался и... посрамилъ не проклятую буржуазію, а, должно быть, русскій языкъ. Кажется, еще Обломовъ ругался насчетъ этого проклятаго «что»,—такъ и лѣзетъ подъ перо. Ужъ такой этотъ русскій языкъ—что, что да тутъ еще кой подвернулся. «Чтобъ музыкантомъ быть—такъ надобно умѣнье...» Впрочемъ, вѣдь Крыловъ—«старый»,—отжилъ свой вѣкъ.

Но—все хорошо, что хорошо кончается. Споткнувшись раза два на «что» да перелетѣвъ черезъ «кой», г. Оскаръ Норвежскій все-таки добрелъ до конца и съ учтивой любезностью (по словамъ Тургенева, свойственной исключительно иностранцамъ) помогъ гг. «молодымъ» основательно заколотить послѣдній гвоздь въ неладно скроенный, но крѣпко сдѣланный курятникъ, гдѣ и разсѣлись чинно, благородно пестрыя хохлатки. Чтобы не спутать разноцвѣтныхъ насѣдокъ, къ каждой приложена собственноручная подпись—такая-то—и хохлатый портретъ en trois quart, en face и т. д. Размѣръ, конечно, необязателенъ,—какъ и принято въ поэзіи пеструшекъ.

Съ наивностью старѣющей кокотки гг. молодые любезно и, къ счастью, кратко сообщаютъ біографическія данныя о своей карьерѣ. Не будемъ касаться именъ—на то вѣдь и альманахи издаются, чтобы сообщить, что вотъ, молъ, есть такой русскій литераторъ Андрусонъ (Леонидъ Ивановичъ) или Муйжель (просто Викторъ). Давно сказали—nomina sunt odiosa... не въ буквальномъ смыслѣ, конечно. И вотъ несется безпокойное кудахтанье, т. е. откровенни-

чаютъ гг. молодые, «въ походъ собравшись на посрамленіе буржуазіи». Одни объясняютъ горделиво:—выгнали ихъ изъ трехъ гимназій, другіе—съ сокрушеніемъ, что—изъ одной, а третьи, краснѣя и проклиная себя, съ ужасомъ признаются, что кончили курсъ университета! Любятъ они свободу, море, женщинъ (цѣны послѣднихъ какъ-то забыли сообщить), любятъ также мюнхенское (или вѣнское) пиво и, пожалуй,—литературу. Пишутъ, что «напечатался» первый разъ тогда-то, но гдѣ—сказать стыдно,—должно быть, за редакцію и простоватыхъ читателей. Наконецъ, пишутъ: «Жизнь! Жизнь! Башня круглая. Башня тяжелая» и т. д., и съ недоумѣніемъ сознаются: «Когда умру—не знаю».

Да, имъ—молодымъ—все равно. Они не любятъ литературы. Ни одинъ изъ нихъ не обмолвился хотя бы случайно о дѣтской привязанности къ книгѣ, о тоскѣ по невѣдомому и прекрасному, о безсильныхъ, безплодныхъ и безцѣльныхъ мукахъ души, тщетно тоскующей, тщетно рыдающей въ сумеркахъ жизни. Со всѣхъ концовъ они собрались и сами усѣлись въ неуклюжій курятникъ. И оттого-то они такъ спокойны, оттого они гордо самодовольны: только орлы бѣшено мечутся въ тѣсной клѣткѣ и безвременной смертью платятъ за гордый порывъ къ небесамъ. «Орламъ случается и ниже куръ спускаться...» Гг. молодые нашли себѣ теплое мѣсто въ тепломъ курятникѣ, имъ не о чемъ плакать, нечего терять—потому что ничего у нихъ не было.

Съ участниками похода «для посрамленія буржуазіи» случилось то же, что съ нѣкіимъ храбрымъ воиномъ Мальбрукомъ. Теперь они прочно сидятъ въ своемъ убѣжищѣ. Ихъ первый приходъ былъ развязенъ и боекъ. Въ видѣ аванса ихъ почтили довѣріемъ. И они изо всѣхъ силъ птичьяго горла старались перекричать другъ друга и въ шумѣ прекрасныхъ по смыслу словъ скрыть отъ чужихъ взглядовъ коварно торчащія уши. Въ мертво спящемъ воздухѣ крикъ-кудахтанье все же прозвучало чѣмъ-то неожиданнымъ. Теперь—оказалось много шума изъ ничего. Но это не была комедія Шекспира, а лишь переводный фарсъ, фальшиво и неуклюже разыгранный бездарными доморощенными актерами. **А. Ивановичъ.**

Н. Котляревскій. Рылѣевъ. Спб. 1908. 213 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Какъ извѣстно, у декабристовъ поэзія пользовалась большимъ уваженіемъ, и среди нихъ было нѣсколько поэтовъ. При изученіи декабризма, а также при изученіи исторіи нашей литературы весьма важно изучить поэтовъ-декабристовъ. Поэзія всегда является въ той или другой мѣрѣ откликомъ личныхъ чувствъ и настроеній. Это относится даже къ такимъ поэтамъ, основную черту поэзіи которыхъ составляетъ чистый объективизмъ. Въ виду этого, изученіе поэзіи декабристовъ имѣетъ важное значеніе для обрисовки и пониманія идей и настроенія политическихъ дѣятелей 14 декабря. Но, кромѣ этого, изученіе поэтовъ-декабристовъ важно и для исторіи литературы. Декабристы были люди съ сильно развитымъ гражданскимъ чувствомъ. Интересно установить, насколько это отражалось на ихъ поэзіи, была ли она чистой лирикой, или въ ней, какъ доминирующій мотивъ, звучали боевые гражданскіе мотивы. Уста-

новленіе этого факта важно для исторіи нашей литературы именно потому, что тогда устанавливается преемственность гражданской музы Некрасова.

Но до сихъ поръ немногіе обращали вниманіе на изученіе поэзіи декабристовъ. Единственнымъ серьезнымъ изслѣдователемъ въ этой области является проф. Котляревскій. Онъ уже давно посвятилъ себя изученію этого предмета. Въ 1907 году вышла его книга, посвященная разсмотрѣнію и оцѣнкѣ поэзіи А. И. Одоевскаго и А. А. Бестужева. Теперь передъ нами солидная работа о наиболѣе талантливомъ поэтѣ изъ декабристовъ К. Ѳ. Рылѣевѣ. Она построена на хорошемъ основаніи. Именно, авторъ разсматриваетъ поэзію Рылѣева въ самой тѣсной связи съ его жизнью и политическими идеалами. Такое построеніе очень разумно: поэзія декабристовъ только и можетъ быть понята и оцѣнена, если ее разсматривать въ тѣсной связи съ ихъ жизнью и политическими мечтаніями. Благодаря такому построенію, значеніе книги расширяется. Она дѣлается не только обзоромъ литературной дѣятельности писателя, но въ то же время и его біографіей. И въ результатѣ получается монографія, дающая цѣльный портретъ Рылѣева, какъ политическаго дѣятеля, поэта и человѣка. Работа Н. А. Котляревскаго выполнена съ чрезвычайной тщательностью. Примѣчанія къ книгѣ даютъ представленіе о богатствѣ изученныхъ авторомъ источниковъ. Онъ очень тщательно изучилъ литературу о поэтѣ и можно смѣло сказать, что изслѣдователь не прошелъ мимо ни одной самой незначительной замѣтки. Это дало ему возможность составить довольно обстоятельную біографію Рылѣева.

Къ какимъ же выводамъ пришелъ изслѣдователь? Прежде всего, что представлялъ собою, по выводамъ Н. А. Котляревскаго, Рылѣевъ, какъ человѣкъ и политическій дѣятель? Былъ ли онъ настоящій политическій агитаторъ, цѣльная революціонная натура, или нѣтъ? На этотъ вопросъ изслѣдователь даетъ такой отвѣтъ. Рылѣевъ представлялъ собою прежде всего крайне экспансивную, увлекающуюся натуру, горячую и легко воспламеняющуюся. Это обстоятельство выдвинуло его въ первые ряды дѣятелей 14 декабря, но, кромѣ смѣлости, по мнѣнію автора, въ Рылѣевѣ не было никакихъ качествъ, присущихъ вождю, руководителю движенія. «Вся жизнь Рылѣева показываетъ намъ,—говоритъ Н. А. Котляревскій: — что мы имѣемъ дѣло не съ фанатикомъ, не съ принципіальнымъ революціонеромъ, не съ коварнымъ, не съ властолюбивымъ человѣкомъ, не съ вождемъ возстанія, а именно съ «пѣвцомъ» его, съ Тиртеемъ, съ сантиментальной натурой, легко воспламенимой, но крайне невыдержанной и нервной, которая вскипала и выкипала очень быстро». Что же касается Рылѣева, какъ поэта, то Н. А. Котляревскій, разсмотрѣвъ его поэзію, пришелъ къ выводу, что, какъ гражданскій поэтъ, Рылѣевъ не является у насъ новаторомъ. Авторъ указываетъ, что основной гражданскій мотивъ лирическихъ пѣсенъ и эпическихъ опытовъ Рылѣева въ общей сантиментальной и дидактической формѣ встрѣчался у Карамзина и Державина, а въ формѣ болѣе частной, какъ политическая проповѣдь,—въ такъ называемыхъ запрещенныхъ сочиненіяхъ. Относительно формы, въ которую воплощался основной мотивъ поэзіи Рылѣева, изслѣдователь держится того мнѣнія, что она большой художественной цѣнности не имѣетъ. Если и форма и

содержаніе стихотвореній Рылѣева, взятыя отдѣльно, не представляются автору чѣмъ-нибудь значительнымъ, то въ сочетаніи этой формы и этого содержанія, по мнѣнію изслѣдователя, заключается все значеніе произведеній поэта. «Рылѣевъ вездѣ желалъ быть гражданиномъ, — замѣчаетъ Н. А. Котляревскій, —не переставая быть поэтомъ, чего до него никто не дѣлалъ».

Авторъ смотритъ на свою работу, какъ на первый шагъ къ изученію поэзіи Рылѣева. Но если справедливо, что авторъ кладетъ лишь основанія изученія поэзіи декабристовъ, то необходимо признать заложенныя имъ основанія прочными и хорошими. Безъ сомнѣнія, онъ расчистилъ дорогу дальнѣйшимъ изслѣдователямъ. И въ этомъ его заслуга, и при томъ немалая.

А. Фоминъ.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ VII. М. 1907.

Неутомимый П. И. Щукинъ продолжаетъ изданіе своего интереснаго архива и выпустилъ недавно седьмой томъ «Щукинскаго Сборника». По обыкновенію «Сборникъ» полонъ интересныхъ матеріаловъ. Письма скончавшагося два года назадъ извѣстнаго генерала К. В. Церпицкаго къ Н. И. Гродекову, относящіяся къ 80-мъ и 90-мъ годамъ, раскрываютъ одинъ изъ уголковъ той глубокой деморализаціи, которая много лѣтъ въѣдалась въ нашу армію и готовила намъ манчжурскій позоръ. Вотъ завѣдывающій полковымъ хозяйствомъ офицеръ, который предлагаетъ новому командиру полка пять тысячъ «изъ негласныхъ суммъ» съ «правомъ» отдать, «когда будутъ деньги». Вотъ генералъ, который кричитъ на полкового командира: «наплевать мнѣ на всѣ ваши георгіевскіе кресты». Вотъ другой генералъ, обнаружившій «аппетитъ къ пріобрѣтенію всего нужнаго задаромъ» изъ казеннаго имущества. Интересенъ длинный рядъ писемъ покойнаго поэта-юмориста П. В. Шумахера къ П. И. Щукину. Они полны литературныхъ замѣчаній, остротъ, шутокъ и забавныхъ стиховъ и эпиграммъ, многіе изъ которыхъ еще не были нигдѣ напечатаны (за границей и въ Россіи были изданы два сборника стиховъ Шумахера). Въ одномъ мѣстѣ Шумахеръ говоритъ о скончавшемся недавно П. А. Ефремовѣ, отмѣчая равнодушіе къ нему русской публики: «удивляюсь трудолюбію и добросовѣстности французскихъ библіомановъ; намъ до подобныхъ изысканій далеко; у насъ есть Ефремовъ, но его никто не знаетъ». О Пругавинѣ Шумахеръ писалъ въ 1882 г.: «такихъ бы господъ надо приглашать въ засѣданія всякихъ совѣтовъ по народному дѣлу, а у насъ, я думаю, норовятъ, какъ бы его засадить». Интересно и забавно длинное сатирическое стихотвореніе 1882 г. «Вообще». Въ немъ есть строки, которыя стоитъ привести: «У насъ сановниковъ сажаютъ не по достоинству, а зря; они и пакостятъ, какъ знаютъ, скрывая правду отъ царя. Случалось, ихъ и уличали, да изъ уликъ родился пшикъ... Какихъ бы бѣдъ ни накачали, за все отдуется мужикъ... Мы втихомолку либеральны, а въявь—покорные сыны, и каждый бестія-квартальный напуститъ страху намъ въ штаны. Мы безо всякаго конфуза себя считаемъ первый сортъ, судачимъ нѣмца и француза, швыряемъ Англію за бортъ... Не шевеля ума и...., живемъ мы, не марая рукъ, на всемъ готовомъ

у Европы по части знаній и наукъ; и съ сквозниковскою манерой, за то, что мы ее доимъ,—въ глаза ей тычемъ нашей вѣрой и благочестіемъ своимъ...» Удачны и злы эпиграммы на А. А. Фета, С. В. Максимова, В. А. Кокорева. Отмѣтимъ письма И. С. Тургенева къ К. К. Случевскому съ откровенными и строгими отзывами о стихахъ молодого тогда поэта. Письма Тургенева полны ума. «Всѣ истинные отрицатели, которыхъ я зналъ, — читаемъ въ одномъ изъ нихъ,—безъ исключенія (Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей. И въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у дѣятелей, у отрицателей всякую тѣнь личнаго негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни». Замѣчательно по своей глубинѣ и вѣрности мнѣніе Я. П. Полонскаго о Писаревѣ, высказанное въ письмѣ къ К. К. Случевскому, которое находимъ ниже: «если бы Писаревъ былъ въ 20 разъ ученѣе и въ 100 разъ правдивѣе и логичнѣе, онъ и сотой доли не имѣлъ бы успѣха въ нашей публикѣ, если бы не былъ стилистомъ, если бы плавностью, воодушевленностью, мѣткостью и живописностью своихъ сравненій, точностью эпитетовъ—словомъ, языкомъ и художественной стороной не привлекалъ и не увлекалъ читателей... Писаревъ не только даровитый, но и убѣжденный, искренно и честно увлекающійся, чуть не до помѣшательства. Въ этомъ его обаяніе. Чтобы спорить съ Писаревымъ, мало знанія, добросовѣстности и смѣлости,—нуженъ литературный тактъ, т. е. нужно только знать, т. е. прочесть, Писарева и знать читателей...»

Въ письмѣ В. Савинова, 1825 г., любопытенъ разсказъ о знаменитой дуэли Новосильцова съ Черновымъ, вызвавшей первую общественную манифестацію тайнаго общества, незадолго до 14 декабря. Далѣе читаемъ письмо убійцы Лермонтова Н. С. Мартынова, приговореннаго къ пятнадцатилѣтнему церковному покаянію, къ Д. Г. Бибикову, съ просьбой объ уменьшеніи срока наказанія; просьба эта была исполнена. Кончается «Сборникъ» письмомъ какого-то Протасьева, сохранившимъ отголосокъ тѣхъ сплетенъ, которыя со дня женитьбы Пушкина окружали его семейную жизнь до кровавой развязки, да и до сихъ поръ еще не замолкли. «Пушкинъ,—пишетъ московскій сплетникъ,— наконецъ съ недѣлю тому назадъ женился на Гончаровой и на другой день, какъ говорятъ, отпустилъ ей слѣдующій экспромтъ...» Сообщивъ дурацкій экспромтъ, заключающійся совѣтомъ: «кто хочетъ быть въ аду—женись», пошлякъ ядовито замѣчаетъ: «счастливое супружество!» Исправляемъ одну ошибку: помѣщенные на 395 стр. польскіе стихи не написаны кн. П. А. Вяземскимъ, а только переписаны имъ: это стихи Мицкевича. Повторимъ обычный лейтъ-мотивъ всѣхъ нашихъ отзывовъ объ изданіяхъ П. И. Щукина: необходимо издать алфавитный и хронологическій указатель къ нимъ.

Н. Лернеръ.

С. Васюковъ. Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье. Съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. 303 стр. Ц. 1 р. 50 к.

За нѣсколько дней до смерти автора вышла настоящая книжка, о которой покойный писатель такъ мечталъ и на которую возлагалъ столько надеждъ. Не матеріальныхъ,—это былъ для него вопросъ не первостепенный и не главный. Онъ надѣялся, что, собравъ воедино напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ по поводу облюбованнаго имъ такъ горячо Черноморскаго побережья статьи, онъ этимъ самымъ какъ бы воздастъ должное этой, по его убѣжденію, жемчужинѣ Кавказа, выставивъ ее передъ читателями въ надлежащемъ свѣтѣ, освѣтивъ всѣ грани ея поверхности и заставивъ ее сіять тѣми причудливыми цвѣтами волшебной радуги, которыми одарилъ ее Творецъ міра. Переговоры объ изданіи «Кавказскаго черноморскаго побережья» происходили на нашихъ глазахъ, и Васюковъ просто выходилъ изъ себя, настоящимъ образомъ огорчался, когда видѣлъ, что это издательство не такъ быстро оформляется, какъ бы ему того хотѣлось. Въ этой медленности онъ видѣлъ своего рода недостаточное пониманіе извѣстныхъ жизненныхъ задачъ Россіи и употреблялъ все свое добродушное краснорѣчіе, чтобы доказать, что настоящая книжка нужна, выгодна издателямъ и что съ нею медлить нельзя. Кажется, въ благополучномъ разрѣшеніи вопроса его добродушіе и сыграло главную роль. Передъ нимъ спасовали торговые расчеты, и весь сіяющій Семенъ Ивановичъ явился въ редакцію «Историческаго Вѣстника» съ радостной вѣстью: его дѣтище скоро увидитъ свѣтъ, и мытарствамъ переговоровъ наступилъ конецъ. Вотъ и сбылась мечта писателя, а самого его уже нѣтъ на свѣтѣ... И перелистывая настоящую книжку, написанную съ такою любовью, съ такимъ знаніемъ мѣстныхъ вопросовъ, такъ красиво, просто и съ несомнѣннымъ наличіемъ недюжиннаго литературнаго таланта и поэтическаго подъема мысли и чувствъ,—становится ужасно грустно, что такъ рано ушелъ отъ насъ этотъ милый товарищъ, этотъ энергичный ходатай передъ обществомъ и правительствомъ за облюбованное имъ Черноморье, этотъ трубадуръ обѣтованной земли, который могъ бы еще много, много разсказать о красѣ волшебнаго края, его нуждахъ и запросахъ, о людяхъ, которые тамъ уже осѣли, о старожилахъ и новожилахъ, колонизовавшихъ его, о типахъ мѣстныхъ администраторовъ, кавказскихъ интеллигентахъ, народѣ, въ которомъ онъ, когда писалъ свои очерки, еще не успѣлъ разочароваться, о всемъ томъ, о чемъ читатель найдетъ его разныя повѣствованія въ настоящей книжкѣ и о чемъ онъ еще много собирался говорить, примѣняясь къ отечественной дѣйствительности послѣдняго времени. Многое имъ уже здѣсь сказано, зарегистровано, освѣщено и объяснено, какъ равно мѣстами брошенъ и тотъ его взглядъ на колонизацію Черноморскаго побережья, который въ послѣдніе дни его жизни все сильнѣе и сильнѣе его занималъ, а именно о необходимости борьбы съ тѣмъ инородческимъ элементомъ, который около новыхъ мѣстъ создаетъ гешефтъ и гадитъ его низменными чувствами, во

вредъ общегосударственнымъ задачамъ Россіи и законнаго владѣтеля края— русскаго народа. Такъ, на страницѣ 22-ой, въ очеркѣ «Петро Кисель» Васюковъ говоритъ: «Внимательно всматриваясь въ условія жизни на побережьѣ, условія новыя, чуждыя для русскаго, большею частью степного переселенца, я немало удивлялся, какъ быстро развивался этотъ русскій элементъ, несмотря на массу препятствій и препонъ. Русскіе, тѣмъ не менѣе, внесли въ новую страну лучшіе элементы: душевность, терпѣніе и надежду на свободное развитіе сельско-хозяйственной жизни. Они не принесли съ собою знаній. Но откуда имъ было ихъ взять? На родинѣ они оставили нужду и темноту. А здѣсь, кромѣ суровой, хотя и богатой природы, что здѣсь ихъ окружало? Старая, вредная привычка покровительствовать иностранцамъ выразилась въ новомъ краю съ особенной силой. Мѣстные администраторы воспылали горячей любовью къ полякамъ и французскимъ евреямъ, которые спекулировали во всю, скупая участки и устраивая заводы. Русскаго переселенца держали въ черномъ тѣлѣ, подъ усиленной опекой, не давая ему рѣшительно никакихъ указаній, сбивая его съ толка и смотря свысока на «глупаго мужика». Рядъ портретовъ этого «мужика», какъ равно и интеллигентовъ, мудрящихъ около него, читатель найдетъ въ книжкѣ живо выписанными и прекрасно очерченными. Останавливая свое главное вниманіе на живыхъ людяхъ, Васюковъ даетъ немало и любопытныхъ картинокъ изъ мѣстной природы, указываетъ въ беллетристическомъ повѣствованіи на условія тамошней жизни и знакомитъ съ тѣми отраслями хозяйства, которыя сейчасъ наиболѣе настоятельно требуютъ опытныхъ и свѣдущихъ рукъ. Вообще книга Васюкова, помимо ея общественнаго значенія, сообразованнаго съ государственными интересами, является для нашего книжнаго рынка единственнымъ пособіемъ для ознакомленія читателей съ постановкой дѣла заселенія Черноморскаго побережья и справочнымъ пособіемъ по разнымъ сторонамъ и вопросамъ мѣстной жизни. Всякому туристу, ѣдущему туда, необходимо въ настоящее время ознакомиться съ работой Васюкова и только тогда онъ можетъ сознательно отнестись къ тому, что ему придется видѣть и съ чѣмъ сталкиваться. Книга издана красиво, съ необходимыми иллюстраціями.

В. Г.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 38-й. Тифлисъ. 1908.

Настоящій 38-й выпускъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ заключаетъ статьи историческія и описательныя. Открывается онъ статьей Н. А. Караулова «Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ по Р. Хр. о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ», составляющей продолженіе его же статей, напечатанныхъ въ XXIX, XXXI и XXXII выпускахъ сборника. Статья эта сопровождается подробнымъ комментаріемъ съ объясненіемъ географической номенклатуры; къ ней же приложена составленная авторомъ карта Кавказа, которая можетъ служить пособіемъ и при чтеніи помѣщенныхъ раньше географовъ. Любопытно описаніе Ибнъ-Хаукелемъ страны хазаръ,

государственнаго ихъ устройства и обычаевъ. По Ибнъ-Хаукелю, языкъ хазаръ не похожъ на турецкій, и съ нимъ не сходенъ ни одинъ изъ языковъ извѣстныхъ народовъ. Вотъ почему потомковъ историческихъ хазаръ слѣдуетъ искать въ тѣхъ же ущельяхъ Кавказскихъ горъ, въ которыхъ сохранились авары и аланы. Интересно, что Мас'уди насчитываетъ въ горахъ Каохъ (Кавказскихъ) больше племенъ, чѣмъ Страбонъ,—72, а Ибнъ-Хаукель говоритъ даже о 360 народахъ. Мас'уди сообщаетъ о нападеніи русовъ на мѣстности, прилегающія къ Хазарскому (Каспійскому) морю, и о высадкѣ ихъ у нефтеноснаго побережья, извѣстнаго подъ именемъ Баку. О Тифлисѣ Ассъ-Мукаддасій и Мас'уди упоминаютъ вскользь. Болѣе подробно описываетъ теперешнюю столицу Закавказья Ибнъ-Хаукель, но онъ не знаетъ грузинъ. О грузинахъ упоминаетъ Мас'уди, который знаетъ также царство Салесаха-Сализхе и говоритъ о томъ, что Кура беретъ начало въ царствѣ джурджинъ—грузинъ. Подробно описаны у Ибнъ-Хаукеля Берда'а-Барда и Бабъ-уль-Абвавъ, т. е. Дербентъ.

Въ статьѣ того же автора «Болкары на Кавказѣ» данъ этнографическій очеркъ этого тюркскаго народца, живущаго въ ущельяхъ центральной части Кавказскихъ горъ между соплеменными ему корачаевцами и иранцами-осетинами.

Въ статьѣ А. Г. Передольскаго «Гагры» описывается съ точки зрѣнія врача-практика этотъ благоустроенный курортъ, недавно возникшій на берегу Чернаго моря и имѣющій, какъ санитарная станція, блестящую будущность.

Статья А. Володина «Трухменская степь и трухмены» даетъ обстоятельное и всестороннее описаніе этого небольшого народа тюркскаго происхожденія, затеряннаго въ Ставропольской губерніи. Къ статьѣ приложена составленная авторомъ карта. Въ статьѣ С. Фарфоровскаго «Кавказскія легенды объ Эльбрусѣ», рядомъ съ народными преданіями, изображена въ яркихъ штрихахъ и природа этой горы-великана.

Въ статьѣ В. И. Дѣвицкаго «Изъ поѣздокъ по Карской области» описывается этотъ отдаленный край Закавказья, который авторъ, въ роли піонера по насажденію школьнаго образованія, изъѣздилъ по всѣмъ направленіямъ.

Во второй отдѣлъ «Сборника» вошли статьи этнографическаго содержанія. «Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Наурской, Терской области», записанныя и положенныя на ноты П. Востриковымъ, служатъ продолженіемъ пѣсенъ, собранныхъ В. Пятирублевымъ и напечатанныхъ въ XV выпускѣ «Сборника матеріаловъ».

Нѣкоторыя изъ «Абхазскихъ пословицъ, загадокъ и скороговорокъ», записанныхъ Д. О. Гуліей, отличаются оригинальностью, и потому не имѣютъ среди другихъ народовъ своихъ параллелей.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены статьи: 1) Л. К. Розенберга «Нѣкоторыя своеобразныя и малопонятныя слова, вошедшія въ говоръ населенія станицъ Сѣвернаго Кавказа; пословицы и поговорки съ примѣчаніями, обозначающими значеніе нѣкоторыхъ словъ», и 2) А. Володина «Изъ трухменской народной

поэзія», составляющая одно цѣлое со статьей того же автора, помѣщенной въ I отдѣлѣ.

Въ отдѣлѣ третьемъ помѣщены «Замѣтки о кавказскихъ языкахъ Ф. Бопка», переведенныя съ нѣмецкаго языка А. М. Дирромъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ кавказскихъ языковъ.

Статья редактора «Сборника», Л. Г. Лопатинскаго, «Суффиксы русскаго языка, образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ», составляетъ продолженіе его статьи, напечатанной въ XXXI выпускѣ «Сборника». Въ этой статьѣ авторъ разсматриваетъ два суффикса—арь—(напр., пис—арь) и—б—(о) (е) б—а. Послѣдній имѣетъ сильное распространеніе не только въ русскомъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, но и въ грузинскомъ и въ другихъ кавказскихъ языкахъ (ср. друж-ба и груз. дзмо-б-а). Источникомъ для языковъ арійскихъ и картвельскихъ служитъ, по мнѣнію автора, языкъ адыгскій, въ которомъ этотъ суффиксъ сохранилъ еще жизненное свое значеніе.

А. Хах—овъ.

Д-ръ Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ ред. и со вступительной статей Н. В. Ястребова. Спб. 1907.

О книгѣ Кутшебы намъ приходится говорить въ третій разъ: первый разъ—о польскомъ изданіи, второй—о русскомъ въ переводѣ г. Я. Пашковичъ и наконецъ теперь о новомъ изданіи. Тотъ фактъ, что книга появляется въ двухъ независимыхъ другъ отъ друга изданіяхъ, наглядно указываетъ на созрѣвшую необходимость въ такихъ трудахъ, которые задѣлали бы досадную брешь въ пониманіи взаимныхъ интересовъ славянства. Но первый переводъ г. Я. Пашковичъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Не говоря уже о литературной неопытности переводчицы, г. Пашковичъ не могла успѣшно исполнить переводъ по отсутствію спеціальнаго знанія предмета. Вслѣдствіе этого многіе юридическіе термины переданы были переводчицей достаточно своеобразно, чтобы не сказать болѣе,—и это приводило къ частымъ курьезамъ. Незнаніе институтовъ, ученическіе пріемы въ передачѣ на русскій языкъ спеціально польскихъ терминовъ, наконецъ достаточно громоздкій языкъ перевода г. Пашковичъ,—все это заставляетъ съ тѣмъ большимъ интересомъ отнестись къ новому изданію книги Кутшебы, гдѣ переводъ сдѣланъ спеціалистомъ.

Неоднократно говоря о достоинствахъ и недостаткахъ Кутшебы и избѣгая повторенія, не будемъ касаться существа книги. Упомянемъ только, что помимо почти безукоризненнаго перевода, настоящее изданіе исторіи Кутшебы выгодно отличается отъ предыдущихъ еще переработкой матеріала. Авторъ пересмотрѣлъ свой трудъ нарочно для русскаго изданія, причемъ нѣкоторые главы и отдѣлы написаны вновь (о городахъ въ третьемъ періодѣ и др.). При появленіи этой книги на польскомъ языкѣ критика ея достигла солидныхъ размѣровъ. Наиболѣе выдѣлялись обстоятельныя статьи львовскаго профессора, историка польскаго права Освальда Бальцера. Въ настоящемъ

изданіи нѣкоторыя замѣчанія Бальцера были приняты Кутшебой во вниманіе и соотвѣтственно имъ сдѣланы дополненія. Кстати, переработка этихъ статей Бальцера въ видѣ отдѣльной книги уже сдѣлана для русскаго изданія и вышла изъ печати. Въ предисловіи къ настоящему русскому изданію г. Кутшеба говоритъ о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ возлагаетъ на взаимное ознакомленіе славянскихъ народностей путемъ научно освѣщеннаго историческаго матеріала. «Мое горячее желаніе,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы настоящій переводъ хотя сколько-нибудь помогъ взаимному пониманію двухъ самыхъ большихъ славянскихъ народовъ, которые въ настоящее время переживаютъ столь общія судьбы, а въ прошломъ имѣли столь различную исторію. Знакомство русскихъ читателей съ такой важной стороной польской исторіи, какъ строй общества и государства—хотя бы въ общихъ чертахъ, въ предѣлахъ руководства, — можетъ быть, разъяснитъ имъ многое не только въ прошломъ, но и въ современномъ положеніи польскаго народа. А взаимное знакомство—необходимая основа для соотвѣтствующаго упорядоченія взаимныхъ отношеній обоихъ народовъ».

Идея славянскаго единенія у насъ не въ модѣ, ироніей судьбы понятіе славянства у насъ связываютъ съ понятіемъ ретроградa и реакціонера. Изъ славянскаго міра, съ легкой руки Тургенева, мы знаемъ только славянскую распущенность. Во вступительной статьѣ къ книгѣ Кутшебы г. Ястребовъ справедливо указываетъ, что пора отъ славянской распущенности перейти къ реальной работѣ на почвѣ пониманія славянской культуры и прогресса. Книга Кутшебы, рисующая широкія картины судебъ польскаго народа, должна быть одной изъ первыхъ ласточекъ, дѣлающихъ весну и расцвѣтъ славянскаго самосознанія. Можно вполнѣ присоединиться къ пожеланіямъ, высказаннымъ по поводу русскаго изданія книги Кутшебы. Съ XVIII вѣка исторія польскаго народа тѣсно сплетается съ исторіей России. Вотъ почему — указываетъ г. Ястребовъ — «обязательное изученіе исторіи этого народа въ нашей средней, и тѣмъ болѣе высшей школѣ является очевиднымъ выраженіемъ уваженія къ достоинству и благу какъ польскаго, такъ даже и русскаго народовъ, и доказательствомъ заботы о практическомъ разрѣшеніи русско-польскаго вопроса (къ сожалѣнію,—добавляетъ г. Ястребовъ,—у насъ среди и сторонниковъ и противниковъ польской автономіи слишкомъ еще много людей, не знающихъ польской исторіи и не цѣнящихъ ея знанія)». Впрочемъ, книга Кутшебы, несомнѣнно, получитъ широкое распространеніе и помимо всякихъ благопожеланій: потребность въ общихъ руководствахъ слишкомъ ясно назрѣла, а внутреннія достоинства и хорошій переводъ идутъ не вразрѣзъ съ этими требованіями серьезнаго труда въ какой бы то ни было области славяновѣдѣнія.

Къ настоящему изданію приложенъ библіографическій указатель, имѣющій цѣлью «указать только важнѣйшіе, главнымъ образомъ болѣе новые труды, касающіеся исторіи строя Польши, а изъ болѣе старыхъ — такіе, которые еще и теперь обязательно нужно принимать во вниманіе». Библіографія занимаетъ болѣе десяти страницъ. **А. И. Яцимирскій.**

Д-ръ Освальдъ Бальцеръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей Н. В. Ястребова. Спб. 1908.

На польскомъ языкѣ такой книги нѣтъ. Въ основу русскаго перевода легли статьи О. Бальцера по поводу книги Кутшебы — «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши». Професоръ львовскаго университета, одинъ изъ лучшихъ современныхъ намъ историковъ польскаго права, О. Бальцеръ въ критическихъ статьяхъ подробно разбираетъ трудъ Кутшебы, и эти статьи, составившія теперь отдѣльную русскую книгу, являются прекраснымъ дополненіемъ къ небольшому по размѣрамъ и цѣнному по содержанію «Очерку» Кутшебы.

О. Бальцеръ занимаетъ въ польской исторіографіи особое положеніе. Онъ продолжаетъ дѣло, начатое Раковецкимъ, Мацѣевскимъ, Кухарскимъ въ эпоху польскаго конституціонализма при императорѣ Александрѣ I, и широко пользуется всѣми средствами для сближенія польской исторіи съ явленіями исторіи Венгріи, Германіи, скандинавскихъ народовъ, и главное—съ исторіей остальныхъ славянскихъ государствъ. Самъ историкъ права, проф. Бальцеръ думаетъ привести къ жизни методъ сравнительнаго изученія славянскихъ правъ и въ многочисленныхъ трудахъ неизмѣнно пытается вводить «идеи славизма» въ польскую исторіографію.

Признавая серьезное значеніе книги Кутшебы, проф. Бальцеръ указываетъ слѣдующіе недостатки ея. Въ исторической польской литературѣ, особенно за послѣднее десятилѣтіе, накопленъ громадный матеріалъ внѣшнихъ фактовъ. По мнѣнію Бальцера, Кутшеба не избѣгаетъ упрека въ поспѣшномъ разрабатываніи матеріала,— и это основной недостатокъ его книги. По этой причинѣ, Кутшеба, знакомый съ большинствомъ соотвѣтствующихъ трудовъ, не обратилъ вниманія на результаты ихъ, многихъ воззрѣній не понялъ, вступаетъ съ ними въ полемику, излишнюю по существу, и опускаетъ много частностей, имѣющихъ важное значеніе. Такъ, на ряду съ неоднократнымъ цифровымъ подсчетомъ количества сенаторовъ и пословъ сейма, въ книжкѣ Кутшеба нѣтъ никакого воззрѣнія на генезисъ Польскаго государства; въ первомъ изданіи не сказано о ленчицкомъ постановленіи о наслѣдованіи престола, о нѣшавскихъ постановленіяхъ относительно сеймиковъ. Эти частности, указываетъ далѣе Бальцеръ, обнаруживаютъ непропорціональность въ расположеніи матеріала. Упрекъ въ данномъ случаѣ едва ли заслуженъ Кутшебой. Въ общемъ, сжатомъ руководствѣ, какимъ является трудъ Кутшебы, вполнѣ естественно, что чѣмъ позднѣе періодъ, тѣмъ подробнѣе онъ излагается. Непонятно, почему Бальцеръ относитъ это къ минусамъ книги, самая цѣль которой—дать сжатое и догматичное общее руководство по исторіи польскаго народа.

Не будемъ останавливаться на остальныхъ упрекахъ Бальцера въ томъ, что книга Кутшебы страдаетъ непропорціональностью въ обработкѣ частностей, «неравномѣрнымъ трактованіемъ земель, соединенныхъ съ Польшей»,

«поспѣшнымъ рѣшеніемъ неясныхъ вопросовъ» и пр. На эти частности Бальцеръ обращаетъ слишкомъ усиленное вниманіе. Періодъ предварительной разработки историческаго матеріала у польскихъ ученыхъ можно считать въ значительной степени оконченнымъ. Пришло время заняться душой исторіи, ея философіей; факты накоплены—пора оживить ихъ творчествомъ вооруженнаго ума. Но напрасно искать у Бальцера такого отношенія къ книгѣ Кутшебы. Онъ только вскользь говоритъ о самостоятельномъ освѣщеніи Кутшебой внутренняго содержанія историческихъ явленій. Это отсутствіе творческаго проникновенія въ душу исторіи является характернымъ для всей критики Бальцера.

Во вступительной статьѣ къ своему переводу г. Ястребовъ указываетъ, что недавно Кутшеба выступилъ съ новымъ отвѣтомъ на статьи Бальцера. Не обосновывая своихъ положеній въ настоящее время, Кутшеба говоритъ, что онъ попрежнему остается при своемъ мнѣніи въ вопросѣ о развитіи общества, о сущности польскаго парламентаризма, въ особенности же о значеніи и содержаніи конституціи «Nihil novi», настаиваетъ и на своей «періодизаціи строя Польши», расходится съ Бальцеромъ и въ болѣе мелкихъ вопросахъ. Со своей стороны, и Бальцеръ остается при своихъ мнѣніяхъ. Желающихъ ознакомиться подробнѣе съ послѣдними отсылаемъ къ самой книгѣ Бальцера. Послѣдній упрекъ, какой можно сдѣлать русскому переводу, это—излишняя растянутость. Являясь во всѣхъ своихъ частяхъ отвѣтомъ на книгу Кутшебы, статьи Бальцера были бы гораздо больше на своемъ мѣстѣ въ сжатомъ видѣ въ приложеніи къ «Очерку» Кутшебы.

Во всякомъ случаѣ профессоръ Бальцеръ—достаточно крупная величина, чтобы можно было сожалѣть о знакомствѣ съ нимъ русскаго читателя, хотя бы и по журнальнымъ и написаннымъ только «по случаю» статьямъ.

А. И. Яцимирскій.

Соціалистическая исторія (1789—1900) подъ редакціей Жана Жореса Т. I. Учредительное собраніе (1789—1791). Спб. 1908.

Литература по исторіи французской революціи сама по себѣ можетъ составить цѣлую солидную библіотеку. На величайшемъ изъ событій новой исторіи скрестились всевозможныя мнѣнія и самыя разнообразныя чувства. Рядомъ съ панегиристами революціи въ родѣ Мишлэ стоятъ и строго научные объективные историки ея въ родѣ Тэна; одни разсматриваютъ ее съ явнымъ пристрастіемъ къ третьему сословію (Карно), другіе стараются выдвинуть рабочій пролетаріатъ (какъ Луи Бланъ, а затѣмъ въ позднѣйшее время Блосъ). Наконецъ одни подступаютъ къ изученію революціи съ экономической точки зрѣнія, другія съ точки зрѣнія двигавшихъ тогдашнимъ обществомъ идей. Есть сочиненія, гдѣ излагается исторія революціи исключительно съ дипломатической ея стороны, другія задаются чисто спеціальными вопросами въ родѣ того, какую роль играли въ этомъ событіи флотъ или кавалерія и т. п.

Какъ ни разнообразны, однако, масштабы, прикидываемые къ революціи, всѣ они взяты изъ дѣйствительной жизни, изъ того запаса жизненнаго опыта,

которымъ располагаетъ человѣчество. Никому до сихъ поръ не приходило въ голову судить о совершившемся въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ фактѣ съ точки зрѣнія «мечты», того туманнаго и сомнительнаго будущаго, «нравственный уровень котораго будетъ измѣряться, по выраженю Жореса, нравственною высотою отдѣльныхъ личностей нынѣ борющагося класса». Теперь и этотъ пробѣлъ, отсутствіе котораго, впрочемъ, какъ-то и не чувствовалось, рѣшено пополнить, и вождь французскихъ соціалистовъ предпринялъ съ товарищами написаніе особой «соціалистической исторіи» и положилъ ей начало собственноручной исторіей учредительнаго собранія.

Такъ какъ трудъ г. Жореса названъ имъ исторіей, хотя и съ ограничительнымъ этикетомъ «соціалистическая», то мы считаемъ себя обязанными прежде всего опредѣлить, чѣмъ отличается новый жанръ исторіи отъ исторіи обыкновенной, научной. Для этого представляется необходимымъ выяснить, какъ понимаетъ авторъ соціализмъ, какое онъ отмежевываетъ содержаніе для своей книги и какіе методы прилагаетъ онъ для обработки избраннаго имъ историческаго матеріала.

Соціализмъ, заявляетъ г. Жоресъ на стр. 2 своей «Исторіи»,—это источникъ богатства, красоты и радости на землѣ. Черезъ страницу читаемъ такое утвержденіе: «Отъ него (соціализма) ждутъ своего обновленія и освобожденія всѣ двигатели исторіи: трудъ, мышленіе, наука, искусство и даже религія—въ смыслѣ проникновенія человѣчества въ глубины міровой жизни». Не находя болѣе точныхъ и болѣе содержательныхъ опредѣленій ученія, долженствующаго, какъ видно, прежде всего всѣхъ обогатить, удовлетворимся пока хотя этими фразистыми и безсодержательными общими мѣстами. На стр. 205, говоря объ ужасахъ, творившихся чернью на улицахъ Парижа, авторъ новоизобрѣтеннаго сорта исторіи, цитируетъ между прочимъ письмо извѣстнаго главы «Заговора равныхъ» Бабефа, который, разразившись страстной филиппикой противъ жестокихъ нравовъ, въ концѣ письма обращается къ пролетаріямъ съ такими словами: «Помните, что жестокость — остатокъ рабства, потому что она свидѣтельствуетъ о присутствіи въ насъ самихъ варварства, присущаго угнетающему режиму».

Эти слова приводятъ г. Жореса въ восторгъ, и онъ патетически восклицаетъ: «Какъ хорошо понялъ и почувствовалъ это (т. е. что жестокія революціонныя убійства не что иное, какъ остатокъ варварства) нашъ добрый и великій Бабефъ! И какая гордость для насъ, какая отрадная надежда въ это безчеловѣчное время буржуазной революціи услышать человѣчныя и мудрыя слова того, кто создалъ современный коммунизмъ»!

Итакъ, соціализмъ—это источникъ богатства, красоты и радости на землѣ, которому чужда прежняя человѣческая жестокость и въ которомъ нравственный уровень измѣряется нравственностью отдѣльныхъ личностей нынѣ борющагося класса, изъ коихъ первый есть, конечно, г. Жоресъ. Къ сожалѣнію, практика тутъ расходится съ теоріей, и вотъ одинъ изъ многихъ тому примѣровъ, которые можно почерпнуть изъ разбираемой книги. 18 іюня III года Республики (такъ обозначено даже у г. Жореса) улицей овладѣла оргія политическихъ убійствъ, и для возстановленія хоть какого-нибудь порядка при-

шлось поневолѣ пустить въ ходъ вооруженную силу, національное собраніе увидѣло себя вынужденнымъ обуздать революціонныхъ демагоговъ и приняло законъ, карающій призывъ къ убійствамъ, грабежамъ, поджогамъ и неповиновенію законамъ. Казалось бы, что пророки соціализма, какъ источника «радостей на землѣ», не должны бы имѣть ничего противъ водворенія хотя бы относительнаго спокойствія въ залитомъ кровью городѣ, но посмотрите, какъ на стр. 591 и слѣд. г. Жоресъ обрушивается на этотъ законъ, якобы стѣсняющій народную свободу (при чемъ она тутъ?), какъ язвитъ онъ знаменитаго мэра Петіона за то, что тотъ не воспротивился этому закону, а ограничился лишь тѣмъ, что настоялъ на прибавкѣ слова «формально» къ глаголу «возбуждать». «Потокъ буржуазной реакціи увлекалъ съ собою все», горестно восклицаетъ Жоресъ.

Проповѣдывать наступленіе царства красоты и радости и въ то же время одобрять науськиваніе черни на уличныя убійства какъ будто и несовмѣстимо, но г. Жоресъ въ качествѣ «воинствующаго соціалиста» почувствовалъ на себѣ дѣйствіе соціализма, освобождающаго, между прочимъ, и мышленіе... очевидно, отъ обязанности быть послѣдовательнымъ.

Обратимся теперь къ содержанію книги и методамъ его разработки. На 600 страницахъ изложены лишь событія отъ зарожденія революціи до ареста короля въ Вареннѣ, рѣшившаго судьбу конституціонной монархіи во Франціи. Но если вы, читатель, этихъ событій не знаете, то книга Жореса въ этомъ отношеніи не придетъ вамъ на помощь. Правда, одолѣвъ первую сотню страницъ, вы подробно ознакомитесь съ положеніемъ рабочаго класса во Франціи наканунѣ революціи, но этимъ и кончается фактическая сторона книги. Остальное или собственныя разсужденія автора, образчикъ которыхъ мы привели выше, или выписки изъ отчетовъ о преніяхъ въ собраніи и изъ революціонныхъ газетъ того времени. Выписки эти дѣлаются при каждомъ случаѣ, когда рѣчь заходитъ такъ или иначе о рабочихъ. Написалъ другъ народа Маратъ въ своей газетѣ статью о петиціи рабочихъ—слѣдуетъ выписка изъ этой статьи съ разсужденіями самого изобрѣтателя «соціалистической исторіи». Затѣмъ вопросъ о предоставленіи всѣмъ права голоса безъ ограниченія этого права цензомъ—опять подробное изложеніе преній, которыя были вызваны этимъ вопросомъ въ національномъ собраніи, причемъ все сказанное въ пользу пролетаріевъ перепечатано г. Жоресомъ курсивомъ, а на все, что ему не понравилось, наброшено подозрѣніе въ эгоизмѣ и своекорыстіи, которыми, по мнѣнію автора, только и руководится политика противниковъ соціализма. Вотъ вамъ и всѣ методы новоизобрѣтенной исторіи! Эти методы давно знакомы изъ брошюръ соціалистической пропаганды. Даже жаргонъ тотъ же самый! Уличное политическое убійство именуется на этомъ соціалистическомъ эсперанто «казнью», «народомъ» называется исключительно пролетаріатъ и т. д. Буржуазія, конечно, гніетъ, и все спасеніе въ рабочихъ. Самымъ наивнымъ образомъ г. Жоресъ, перечисляя признаки приближающейся революціи, пишетъ, между прочимъ: «нравственное смятеніе буржуазной интеллигенціи, оскорбляемой въ ея лучшихъ чувствахъ меркантильнымъ и грубымъ обществомъ, подготовляетъ новую революцію, когда пролетаріи овладѣютъ властью, чтобы реорганизовать и собственность и мораль».

Итакъ, основная мысль новоизобрѣтенной исторіи въ томъ, что необходимо пустить къ власти фабричныхъ ремесленниковъ, которые реформируютъ на свой ладъ собственность и мораль, и тогда наступитъ царство красоты и счастья.

Такую же мечтательность обнаруживаетъ г. Жоресъ, предназначая свою книгу «для народа, для рабочихъ, для крестьянъ». Не знаемъ, можетъ быть, у французскаго «народа» и найдется столько досуга и терпѣнія, чтобы одолѣть эту скучную книгу, но сознаемся, что лично намъ было очень нелегко читать эту «соціалистическую исторію», въ ней нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ мыслей, ни даже блеска изложенія.

Въ заключеніе два слова о русскомъ переводѣ. Двѣ переводчицы и одинъ переводчикъ вполнѣ доказали свою усидчивость, переводя по частямъ увѣсистую книгу Жореса, но не согласовали между собою коллективный переводъ. Отъ этого одна и та же вещь въ разныхъ частяхъ книги называется по разному: то, напримѣръ, національная гвардія, то гражданская армія. Попадаются мѣстами и не совсѣмъ складные обороты, въ родѣ, напримѣръ, «издали, но хорошо освѣдомленные, они слѣдили» и т. д. (стр. 210), но такихъ мѣстъ немного.

А. В-овъ.

Проф. В. И. Никольскій. О русскомъ національномъ самосознаніи. Спб. 1907.

Національному вообще не везетъ въ Россіи: волею судебъ и нашими усиліями слово «русскій» стало у насъ синонимомъ чего-то, съ одной стороны, невѣжественнаго, некультурнаго, а съ другой, — несомнѣнно, ретрограднаго, глупо держащагося за старину. Когда говорятъ о простомъ «русскомъ» человѣкѣ, рѣчь идетъ въ большинствѣ случаевъ о субъектѣ изъ галереи типовъ Островскаго; «обыкновенная русская дѣвушка» значитъ неповоротливая деревенская тупица; собраніе, единогласно избравшее Плеве въ самый разгаръ его реакціонной дѣятельности почетнымъ членомъ, тоже носитъ названіе русскаго, революціонеры - ретрограды также именуются союзомъ русскаго народа и. т. д.

При такомъ обидномъ значеніи, которое выпало на долю слова «русскій», весьма важнымъ является разорвать эту ложную синонимическую связь и показать, въ чемъ именно заключается и долженъ заключаться истинный національномъ, эта, по выраженію Бѣлинскаго, личность народности. Поэтому попытку проф. Никольскаго можно было бы лишь привѣтствовать, если бы она не была испорчена поспѣшностью и непродуманностью въ тѣхъ частяхъ ея, которыя принадлежатъ автору.

Планъ его работы очень простъ. Сдѣлавъ маленькое введеніе съ ссылкою на такой подозрительный авторитетъ, какъ берлинскій журналистъ Клейновъ, г. Никольскій выписываетъ затѣмъ нѣсколько страницъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, цитируетъ на трехъ страницахъ каноническую для всѣхъ националистовъ книгу Данилевскаго «Россія и Европа» и наконецъ приводитъ не вполнѣ удачно подобранныя мѣста изъ сочиненій Вл. Соловьева, гдѣ онъ касается

національнаго вопроса въ Россіи. Это лучшія страницы въ брошюрѣ г. Никольскаго. Въ заключеніе авторъ подводитъ итогъ, въ результатѣ котораго оказывается, что русскому народу нужно только самосовершенствоваться, а реформы для него совсѣмъ не важны.

Поспѣшность, неотдѣланность, спутанность сказываются на каждомъ шагу, даже въ самомъ изложеніи, которое страдаетъ неуклюжестью. «Можно безконечное множество говорить и писать и при томъ, повидимому, очень много хорошаго и красиваго о всѣхъ предстоящихъ реформахъ» (стр. 1). «Если есть большая или меньшая доля правды во всемъ приведенномъ выше, а въ большей долѣ ея мы, конечно, не сомнѣваемся, то» и т. д. (стр. 8). «Война, что называется, становится невозможной» (ст. 34). На стр. 32 авторъ изобрѣтаетъ новое словцо «жальливость», котораго не знаетъ академическій словарь. Всѣ эти шероховатости, совершенно ненужныя, производятъ непріятное впечатлѣніе.

Подводя итоги, проф. Никольскій перечисляетъ характерные признаки свойственные, по его мнѣнію, русскому духу и между прочимъ говоритъ: «Народъ нашъ довольно равнодушенъ къ соціальнымъ идеямъ и общественнымъ дѣламъ», а черезъ нѣсколько строкъ, не замѣчая внутренняго противорѣчія своихъ словъ, добавляетъ: «народомъ вполнѣ усвоено значеніе государственности и тѣмъ обнаружена политическая дальновидность». Какая можетъ быть дальновидность, когда, сознавая важность государственности, народъ тѣмъ не менѣе апатиченъ къ проявленіямъ этой государственности? Нѣсколько ранѣе, описывая паденіе нравственныхъ началъ русской интеллигенціи, проф. Никольскій пишетъ: «Въ связи съ этимъ (денаціонализаціей) находится паденіе нравственныхъ началъ ея: русская вдумчивость, смиреніе, довольство малымъ становятся рѣдкими качествами. Говорятъ нынѣ очень много о «правахъ» и очень мало объ обязанностяхъ. Далѣе, чего стоитъ процвѣтаніе разрушительнаго духа «партійности», которая на русской почвѣ превращается, напр., въ психозъ политическій» (стр. 7). Въ этой цитатѣ, представляющей образчикъ разсужденій автора, что ни слово, то недоразумѣніе. Паденіе нравственныхъ началъ замѣчается вездѣ, и это есть не денаціонализація, а признакъ наступающаго крупнаго культурнаго перелома. То же самое, вѣдь, замѣчалось и при паденія древняго міра, и даже въ такіе сравнительно слабые кризисы, какъ время Возрожденія и французской революціи. О «правахъ» теперь, естественно, говорятъ больше, потому что до этого слишкомъ много говорили объ обязанностяхъ. Что касается психоза и партійности, то тутъ «русская почва» ни при чемъ, и въ эпохи, подобныя нашей, они процвѣтаютъ вездѣ и всегда.

Наконецъ комплексъ духовныхъ качествъ, приписываемыхъ авторомъ русской народной душѣ, взятъ на прокатъ изъ сочиненій старыхъ славянофиловъ, хотя жизнь показываетъ, что смиреніе, довольство малымъ и т. д. все это качества не врожденныя русской душѣ, а въ значительной мѣрѣ привитыя условіями существованія народа. Теперь надо бы уже сдѣлать поправки въ славянофильской схемѣ русской души, но для автора это табу и оттого его воззрѣнія не двинулись далѣе того, что было уже извѣстно полвѣка тому назадъ.

М.

А. Квитка. Дневникъ забайкальскаго казачьяго офицера. Русско-японская война 1904 — 1905 г.г. Фотографіи и рисунки автора. Изд. В. Березовскій. Спб. 1908.

Мемуаристика послѣдней войны обогатилась новымъ трудомъ А. Квитки, котораго звуки брани, послѣ двадцатилѣтней отставки, снова заставили вернуться въ строй.

Свой трудъ, украшенный многочисленными рисунками и весьма изящно изданный, авторъ посвящаетъ описанію своего путешествія до Ляояна, пребыванію въ восточномъ отрядѣ и у генерала Ренненкампфа, походу на Цзянъ-Чанъ, набѣгу на японскій тылъ, бою подъ Бэнсиху и на Чинхеченскихъ позиціяхъ и, наконецъ, пребыванію у генерала Мищенки. Наши мемуары о русско-японской войнѣ вообще грѣшатъ тѣмъ, что авторы, впадая въ модный и соблазнительный тонъ обличенія, не щадятъ уже никого. Воспоминанія г. Квитки, изложенныя поденно, отличаются отъ такого рода мемуаровъ своимъ спокойствіемъ, отсутствіемъ склонности къ сплетнямъ, выпадамъ изъ-за угла и инсинуаціямъ. Авторъ не перемываетъ грязнаго бѣлья и не любуется съ упоеніемъ на стекающую грязную воду: онъ строго слѣдитъ за собою, воздерживаясь отъ передачи того, во что не вѣритъ самъ и чего самъ не видѣлъ.

Однако искренность автора не переходитъ въ сплошной диѳирамбъ. Печальныя страницы и строки находятся и въ дневникѣ г. Квитки, но въ томъ умѣренномъ количествѣ, которое не обращаетъ мемуары въ сплошную муть или невылазную грязь. И эти печальные эпизоды пріобрѣтаютъ тѣмъ большую цѣну, чѣмъ болѣе убѣждается читатель въ нѣкоторой оптимистичности автора.

Полученіе генераломъ Мищенкой раны въ то время, когда онъ лично повелъ въ атаку на деревню спѣшенныхъ казаковъ, вызываетъ у автора замѣчаніе, что у начальниковъ было много личной храбрости—хоть отбавляй, но ощущался недостатокъ въ распорядительности. Инціатива обыкновенно предоставлялась мелкимъ начальникамъ, командирамъ ротъ или сотенъ; крупными отрядами командовали бездарности, дослужившіяся до большихъ чиновъ, и фавориты высшаго начальства, заслоняя способныхъ молодыхъ генераловъ (стр. 403). Констатируетъ также авторъ случаи симуляціи даже среди офицеровъ и говоритъ, что одинъ молодой офицеръ прибылъ на санитарный поѣздъ съ обвязанной головой и не позволялъ сестрѣ милосердія сдѣлать ему перевязку до отхода поѣзда; когда же поѣздъ тронулся, то подъ повязкой не оказалось даже царапины. Иронизируя, говоритъ авторъ, что «поѣздные врачи почтительно приняли и помѣстили у себя превосходительнаго коллегу, бѣжавшаго вслѣдствіе нервнаго потрясенія, причиненнаго слухами о нашемъ пораженіи,—такая впечатлительность объяснялась его краткосрочнымъ пребываніемъ въ арміи» (стр. 417). Откровенно разъясняетъ г. Квитка причины нашихъ неудачъ подъ Сандепу и, выставляя не въ образцовомъ свѣтѣ генерала Гриппенберга, ставитъ щекотливый вопросъ о томъ,

не вернетъ ли казнѣ этотъ генералъ часть той громадной суммы въ 120.000 рублей, которую онъ получилъ въ видѣ подъемныхъ, прогонныхъ и другихъ (стр. 410). Отмѣчаетъ г. Квитка поразительную медленность летучей почты: тридцать пять верстъ въ 21 часъ (стр. 349). Отрицательно отзывается онъ и о ватагѣ черногорскихъ головорѣзовъ, прибывшихъ въ армію съ Липовацомъ-Поповичемъ. Имъ приписывалась слава первыхъ въ мірѣ развѣдчиковъ, ибо, расположившись на вершинахъ горъ, они переговаривались другъ съ другомъ о положеніи непріятеля, подражая крику разныхъ птицъ и звѣрей. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Квитка, при современной стрѣльбѣ съ двух-трехверстнаго разстоянія бездымнымъ порохомъ нельзя ожидать чудесъ отъ развѣдочныхъ пріемовъ Запорожья, и японцы предпочтутъ примитивнымъ подражаніямъ крику совы, филина или сыча новѣйшіе пріемы сигнализаціи геліографами или электричествомъ (стр. 32). Вопреки установившемуся взгляду на необходимость изгнанія изъ воинскаго обученія отступленій, авторъ требуетъ включенія отступленія въ уставъ, ибо, по его мнѣнію, отступленіе будетъ производиться въ бою съ полнымъ спокойствіемъ, когда это войдетъ въ уставной пріемъ (стр. 106). Съ грустью, наконецъ, приходится читать про встрѣчу автора, эвакуированнаго въ Россію, съ воинскимъ поѣздомъ, который везъ на Востокъ людей на пополненіе убыли въ войскахъ. Солдаты были пьяны поголовно, безобразничали, врывались въ купе встрѣчнаго поѣзда, имѣли даже намѣреніе поломать вагоны (стр. 429).

Книга издана съ большимъ изяществомъ и, безъ сомнѣнія, будетъ прочитана съ интересомъ. **Мих. Соколовскій.**

Е. Поселянинъ. Святыя дѣти русскія и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при св. синодѣ. Спб. 1908.

Г. Поселянинъ — типическій духовный писатель и неподражаемый искусникъ во всякаго рода духовныхъ популяризаціяхъ. Специфическій духовный стиль, которымъ въ дѣйствительности никто не говоритъ, также какъ и стилемъ канцелярской бумажной переписки, доведенъ у него до совершенства, льется гладко и неудержимо, причемъ обычно употребляемыя слова и фразы такъ часто замѣняются здѣсь безжизненно-книжными оборотами, что послѣ сколько-нибудь продолжительнаго чтенія постепенно перестаешь чувствовать зависимость содержанія мысли отъ формы ея выраженія. Для каждаго случая и положенія имѣется у г. Поселянина особый трафаретъ, уже готовое клише, которое и пускается въ ходъ по мѣрѣ надобности. Лирическія вступленія и отступленія — это конекъ автора. Вотъ какъ онъ, напримѣръ, изображаетъ эпоху князей Бориса и Глѣба: «Мягкимъ, отраднымъ свѣтомъ озаренъ образъ этихъ двухъ братьевъ. Какъ счастлива была ихъ жизнь! То была благословенная пора, когда свѣжая, искренняя душа русскаго народа съ радостью принимала ученіе Христа. И какъ весело на весеннемъ солнцѣ зеленѣютъ изумрудомъ побѣги озимаго поля, такъ же радостно свѣтилась передъ Богомъ жизнь новыхъ христіанъ русской земли. Широкой вол-

ной въ ихъ души вливалась трогательная и самоотверженная любовь къ распятому Христу и доводила ихъ до того, что они сами жаждали участія въ его мукахъ, какъ эти юные князья». Или вотъ невозмутимо - напыщенное вступленіе къ жизнеописанію великаго князя Александра Невскаго: «Прошумѣла гроза, утихла буря, замолкли грозные раскаты грома, занялась на небѣ заря, и надъ мѣстностью, опустошенной стихійнымъ раздоромъ природы, медленно выплываетъ ясное солнце. И свѣтитъ оно на долины, залитыя водой, свѣтитъ на размытыя пашни, на поваленныя вѣтромъ строенія, льетъ тепло на деревья со сломанными вѣтвями, на погибшую жатву и на всѣ бѣдствія, принесенныя бурею людямъ. И свѣтитъ, свѣтитъ солнце, подымаясь все выше и выше. Все жарче лучи его грѣютъ землю, и подъ ихъ тепломъ воды впитываются въ почву, просыхаютъ дороги, прибитая трава выпрямляется, свернувшіеся листья развертываются, зеленѣя еще веселѣе, чѣмъ прежде, и люди бодро принимаются за работу, и исчезаютъ одинъ за другимъ слѣды пережитаго бѣдствія. А солнце все свѣтитъ, все свѣтитъ и грѣетъ и озаряетъ сочувственно и радостно жизнь людскую». Оказывается въ концѣ концовъ, что все изложенное имѣетъ отношеніе, по словамъ автора, къ св. князю Александру Невскому, образъ котораго авторъ рисуетъ затѣмъ такими яркими и конкретными чертами: «Александръ унаслѣдовалъ черты витязя кіевскаго времени: беззавѣтное мужество, трогательное мягкосердечіе, высокое довѣріе къ людямъ, безконечное состраданіе ко всему страдающему, голубиную кротость при орлиномъ полетѣ и не знающее удержу стремленіе къ славѣ родной земли». А конецъ жизнеописанія, въ соотвѣтствіе со всѣмъ предыдущимъ, заключается такимъ аккордомъ: «И не разомъ, не на плахѣ подъ топоромъ татарскихъ палачей, не въ грозной сѣчѣ битвы пришлось сложить ему молодецкую голову. Скорбь по родной землѣ высосала каплю за каплей кровь изъ его сердца; силу за силой положилъ онъ на труды для родного народа, пока не пала на него предсмертная слабость, до глубокаго дна испилъ онъ полную чашу униженій за родную Русь и тогда, сокрушенный невзгодьемъ, но не побѣжденный богатырь прилегъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ». И такъ почти въ каждомъ жизнеописаніи. Но полагаемъ, что приведеннаго достаточно для характеристики собственно литературной манеры г. Поселянина.

Не на болѣе высокомъ уровнѣ находится и педагогическій тактъ автора. Злоупотребляя дѣтской склонностью къ чудесному, г. Поселянинъ въ житіяхъ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, въ изобиліи приводитъ видѣнія и чудеса, не только сопровождающія жизнь описываемыхъ святыхъ, но даже предшествующія ихъ рожденію. Такъ, мать св. Петра, митрополита московскаго, имѣла до рожденія его слѣдующее видѣніе: «На разсвѣтѣ въ воскресенье ей снилось, что она держитъ на рукахъ ягненка, между рогами котораго растетъ пышное дерево съ многими цвѣтами и плодами; посреди же вѣтвей горятъ свѣчи, и отъ нихъ льется благоуханіе. Проснувшись, мать недоумѣвала, что значитъ этотъ необыкновенный сонъ. Только впослѣдствіи онъ объяснился. Какъ великое пышное дерево, какъ богатырь духовный, поднялся надъ Русью ея сынъ, и чудные плоды принесла его жизнь, и доселѣ благоуханіе святыни льется отъ его цѣльбоносныхъ мощей». Въ изображеніи жизни

описываемыхъ дѣтей авторъ не оставляетъ безъ вниманія проявленія ими благочестія и въ самомъ раннемъ возрастѣ. Такъ, о св. Кириллѣ, первоучителѣ славянъ, онъ пишетъ: «Еще въ дѣтствѣ его домашніе съ удивленіемъ замѣтили, что онъ не хотѣлъ принимать груди ни одной кормилицы, а питался молокомъ только своей матери. Это обстоятельство побудило его родителей еще строже, чѣмъ прежде, слѣдить за собою, и они стали вести съ тѣхъ поръ особенно чистую жизнь». О еще болѣе удивительныхъ въ этомъ отношеніи явленіяхъ сообщаетъ авторъ въ жизнеописаніяхъ преп. Евфросиніи Суздальской и преп. Сергія Радонежскаго; о послѣднемъ говорится: «Вскорѣ въ младенцѣ примѣтили одну необыкновенную черту,—въ среду и пятницу, а также и въ тѣ дни, когда мать его насыщалась тучною пищею, онъ вовсе не бралъ грудь. Сперва приписывали это болѣзни, но потомъ увидѣли, что дитя ничѣмъ не страдаетъ. Тогда поняли истинную причину и дивились, что въ столь раннемъ возрастѣ младенецъ уже знаетъ подвигъ поста». Авторъ старательно собираетъ черты постничества, стоящаго внѣ обычныхъ представленій объ отправленіяхъ человѣческаго организма. Такъ, въ жизнеописаніи преп. Александра Свирскаго приводятся его слова: «семь лѣтъ живу я здѣсь, не видя никого, ни разу не вкушалъ я хлѣба, а довольствовался травою; иногда же приходилось мнѣ ѣсть одну сырую землю». Равнымъ образомъ въ житіи св. Гурія сообщается, что когда онъ былъ заключенъ въ подземный срубъ, «поверхъ земли оставлено лишь малое оконце, въ которое, какъ скоту, ему бросали не человѣческую пищу: на пять дней по одному снопу овса и немного воды»; и на такой пищѣ пробылъ онъ въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ.

Эксплоатируя впечатлительность дѣтской натуры подборомъ такого чудеснаго элемента, авторъ, однако, нѣкоторыя черты подвижничества изображаетъ такъ, что даже со стороны юныхъ читателей вмѣсто сочувствія и преклоненія можетъ вызвать совсѣмъ иное отношеніе. Это особенно слѣдуетъ сказать, напримѣръ, о тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ изображается отношеніе юныхъ отшельниковъ къ своимъ родителямъ. Въ жизнеописаніи св. Ѳеодосія Печерскаго читаемъ: «Преп. Антоній, возвратясь въ пещеру, разсказалъ Ѳеодосію о разговорѣ его съ матерью (которая стремилась видѣть сына), и тотъ былъ сильно смущенъ, что не могъ отъ нея укрыться. Сколько ни уговаривалъ на другой день старецъ блаженнаго подвижника выйти изъ пещеры для свиданія съ матерью, онъ никакъ не соглашался»; послѣ новыхъ настояній матери «преп. Антоній съ великой грустью вернулся въ пещеру и сталъ умолять Ѳеодосія, чтобъ онъ не избѣгалъ свиданія. Уступая просьбѣ старца, Ѳеодосій рѣшился выйти къ матери». Еще болѣе характерно изображено отношеніе къ родителямъ со стороны преп. Макарія Желтоводскаго. Юноша Макарій тайно ушелъ изъ дому и поступилъ въ монастырь. Послѣ трехъ лѣтъ его пребыванія тамъ убитые горемъ родители случайно узнаютъ о его мѣстопребываніи. «Можно себя представить, съ какими чувствами спѣшилъ Іоаннъ (отецъ) въ Печерскій монастырь. Упавши къ ногамъ настоятеля, онъ умолялъ возвратить ему сына. Діонисій (настоятель) позвалъ наединѣ къ себѣ Макарія и сказалъ ему съ упрекомъ: «Тебя хочетъ видѣть твой отецъ, о которомъ ты

мнѣ ничего не открылъ». Юный подвижникъ отвѣчалъ: «Оставилъ я отца своего на землѣ и притекъ къ Небесному Отцу Господу нашему». Отецъ, стоявшій внѣ кельи, узналъ голосъ сына и съ плачемъ воскликнулъ: «Неужели же ты хочешь до конца печалить твоихъ родителей? Неужели я буду уговаривать тебя оставить избранный тобою путь спасенія? Покажи хотя лицо свое». Послѣ новаго отказа «скорбный отецъ, однако, не хотѣлъ и не могъ оторваться отъ кельи и заявилъ, что не выйдетъ изъ обители, пока не увидитъ сына, о которомъ пролилъ такъ много слезъ. Макарій все не соглашался. Тогда отецъ просилъ его, по крайней мѣрѣ, дать ему изъ окна руку. На это сынъ согласился и протянулъ ему изъ окна руку. Отецъ прижалъ ее къ сердцу и цѣловалъ, говоря съ плачемъ: «Чадо мое сладкое, спасайся и молись за родившихъ тебя, чтобъ и мы молитвами твоими получили спасеніе». Если это написано для назиданія, то, конечно, лишь при условіи большой и едва ли желательной пертурбаціи въ дѣтской психологіи. Результатъ назиданія получится, однако, совершенно иной, чѣмъ это входитъ въ планы автора, такъ какъ сочувствіе юныхъ читателей останется всецѣло на сторонѣ убитаго горемъ, глубоко любящаго отца, а не подвижника-сына.

Мы нѣсколько подробно остановились на настоящей книжкѣ исключительно потому, что она издана училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ и, слѣдовательно, предназначена для широкаго распространенія. **А. Л.**

Стоянъ Діобекирскій. Юбилейный путеводитель по священнымъ мѣстамъ-памятникамъ, воздвигнутымъ признательнымъ болгарскимъ народомъ. Посвящается гостямъ, поклонникамъ и посѣтителямъ священныхъ мѣстъ въ городахъ Плевенѣ, Бѣлѣ, въ селахъ Пордимѣ и Горной-Студенѣ. Софія. 1907.

Лѣтомъ минувшаго года Болгарія праздновала 30-лѣтіе своего освобожденія. Центромъ торжествъ были, конечно, Россія и ея представители, которыхъ признательные болгары чествовали съ небывалымъ энтузіазмомъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Болгаріи открыты были памятники, храмы-мавзолеи, дома-музеи и т. д., а описаніе всего этого вышло въ книгѣ, составленной на болгарскомъ языкѣ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ—предсѣдателемъ комитета имени Царя-Освободителя Александра II, г. Заимовымъ.

«Рѣдкій въ анналахъ человѣческой исторіи подвигъ великодушія и справедливости,—читаемъ въ предисловіи,—совершенный по волѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра II русскимъ народомъ въ періодъ 1877—78 гг.,—подвигъ, запечатлѣнный кровью десятковъ тысячъ героевъ-богатырей,—еще въ первые дни по освобожденіи вызвалъ въ массахъ болгарскаго народа мысль объ увѣковѣченіи памяти великодушнаго императора Александра II—Царя-Освободителя Болгаріи—и его сподвижниковъ-воиновъ, сложившихъ свои головы на поляхъ освобожденной ими болгарской земли. Признательные сыны и дщери Болгаріи, въ теченіе всѣхъ лѣтъ свободной жизни, спѣшили осуществить эту благородную мысль, и въ ковчегъ завѣтныхъ сбереженій

щедро полилась трудовая народная лепта. На эту лепту нынѣ признательная Болгарія въ лицѣ избраннаго ею комитета, названнаго «Комитетомъ въ память Царя-Освободителя Александра II», воздвигнула памятникъ императору Александру II въ Софіи, мавзолей и паркъ въ память М. Д. Скобелева въ городѣ Плевенѣ, въ мѣстахъ бывшаго расположенія императорской и главной квартиръ русской арміи—дома-музеи».

Особенно цѣнна въ нашихъ глазахъ та точка зрѣнія, съ которой смотрятъ болгары на великодушіе русскаго народа, даровавшаго свободу народу родственному. Тотъ небывалый подъемъ, которымъ характеризуются всѣ недавнія болгаро-русскія торжества,—просто и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пластично вылился въ дальнѣйшихъ словахъ предисловія, выясняющихъ значеніе разсматриваемой книжки. «Въ цѣляхъ доставить всѣмъ посѣтителямъ торжествъ возможность полнаго духовнаго участія въ предстоящемъ всенародномъ празднествѣ издается настоящій путеводитель по священнымъ мѣстамъ, содержащій какъ описаніе памятниковъ, такъ и тѣхъ впечатлѣній, какія возбуждаютъ эти величественные памятники въ душахъ посѣтителей, занесенныхъ на страницы «Золотыхъ книгъ», выставленныхъ для записи при домахъ-музеяхъ въ городахъ Плевенѣ и Бѣлѣ, въ селеніяхъ Пордимѣ и Горной-Студенѣ. Этотъ путеводитель, составленный на скорую руку, если и не вполнѣ удовлетворитъ задачѣ, все же поможетъ читателю обнять полнѣе чувства и мысли, коими преисполненъ признательный болгарскій народъ передъ величіемъ подвига освобожденія, и коими, несомнѣнно, преисполняются души всѣхъ тѣхъ, кому дорога идея славянскаго единенія».

Было бы желательно, чтобы книжка г. Заимова получила возможно широкое распространеніе среди русскихъ читателей, и чтобы реальнымъ результатомъ этого явились экскурсіи хотя бы русскихъ учащихся по Болгаріи. Такія экскурсіи вполнѣ возможны, а о моральномъ ихъ значеніи можно и не распространяться. **И. Александровъ.**

Отчетъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1907 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1908. Стр. 156.

Всякій, кому лишь мало-мальски дороги успѣхи науки и искусства, долженъ непремѣнно испытать чувство сильнѣйшаго смущенія и глубокаго недовольства при чтеніи первыхъ страницъ «Отчета московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1907 г., который представилъ ихъ директоръ г. министру народнаго просвѣщенія. Высокопросвѣтительное и богатѣйшее учрежденіе, болѣе 45 лѣтъ плодотворно служащее удовлетворенію высшимъ потребностямъ московскаго населенія, московскіе музеи въ настоящее время переживаютъ тяжелый кризисъ. Они нуждаются въ помѣщеніи настолько, что уже нѣсколько лѣтъ не могутъ ни разбирать, ни даже принимать въ свое зданіе вновь поступающія пожертвованія книгами и картинами и что читатели, изъ которыхъ многимъ даже отказываютъ во впускѣ въ читальную залу, должны помѣщаться въ коридорахъ и на окнахъ. Не имѣя помѣщенія, адми-

нистрація музеевъ крайне стѣснена и въ денежныхъ средствахъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей по обслуживанію библіотеки и читальной залы.

Много лѣтъ повторяющіеся возгласы и мольбы со стороны администраціи музеевъ въ московской городской думѣ и въ министерству народнаго просвѣщенія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Особенно странно и даже непонятно такое равнодушіе со стороны «просвѣщеннаго» министерства, которое на рядъ просьбъ объ исходатайствованіи нѣсколькихъ крайне необходимыхъ ежегодныхъ ассигновокъ въ 20,000 р. милостиво отпускаетъ лишь единовременно третью часть изъ просимаго. А между тѣмъ очень и очень близко время, когда изъ государственнаго казначейства отпускались по 20 и даже по 30 тысячъ рублей на ремонтъ казенной квартиры какого-либо министра и его товарищей или даже на переѣздъ ихъ изъ одного этажа въ другой. Нужды же музеевъ, несмотря на свою давнюю великость, а въ настоящее время полнѣйшую неизбѣжность въ осуществленіи, не вызвали вниманія великихъ міра сего и меньше всего заботили министровъ просвѣщенія.

Тяжелое и даже обидное впечатлѣніе вынесетъ читатель изъ первыхъ страницъ отчета, которое врядъ ли хотя бы отчасти может быть ослаблено дальнѣйшимъ изложеніемъ, гдѣ мы видимъ неудержимое стремленіе, особенно учащихся, къ свѣту и наукѣ и широкое сочувствіе общества, которое само создало это цѣнное хранилище и постоянно продолжаетъ его наполнять.

Сильно возрастающее число посѣтителей читальной залы доходило въ отчетномъ году до 12.627 человѣкъ, тогда какъ въ 1902 г. ихъ было всего 5.249, а въ 1904 г.—8.987 человѣкъ. Эти 12.627 человѣкъ вмѣстѣ съ посѣтителями другихъ отдѣленій: рукописнаго, изящныхъ искусствъ, Дашковскаго музея и отдѣленія древностей сдѣлали 187.093 посѣщенія, заявивъ требованій до 300.000, что, конечно, для своего обслуживанія, нуждается въ значительно большемъ составѣ служащихъ въ музеяхъ, нежели есть на самомъ дѣлѣ.

Наибольшее приращеніе въ отчетномъ году выпало на долю картинной галереи. И. П. Свѣшниковъ пожертвовалъ свое богатое собраніе (свыше 300 нумеровъ) картинъ русской и частью иностранной живописи; но администрація музеевъ не можетъ его принять за недостаткомъ помѣщенія.

Далѣе въ публичную библіотеку музеевъ поступила библіотека генерала Успенскаго, заключающая въ себѣ болѣе 3.500 томовъ книгъ—богословскаго, медицинскаго, военно-юридическаго и философскаго характера. Вторая пожертвованная въ томъ же 1907 году библіотека, С. С. Стрекалова, значительно меньшая по количеству, но замѣчательная по своему систематическому подбору рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ по искусству, археологіи, исторіи костюмовъ, утвари и вообще по внѣшней культурѣ.

Немало было пожертвованій и отдѣльными книгами, а равно и цѣнныхъ поступленій въ рукописное отдѣленіе и въ Дашковскій этнографическій музей, но многое изъ этого, за недостаткомъ помѣщенія, должно, къ великому сожалѣнію, оставаться неразобраннымъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что въ отчетномъ году, помимо труднѣйшей работы по разбору и каталогизаціи обширнаго матеріала музеевъ,

администрація успѣла выпустить въ свѣтъ новымъ изданіемъ и въ болѣе детальномъ обзорѣ коллекцій «Путеводитель по этнографическому музею,» состоящій изъ двухъ отдѣленій: 1) отдѣленія иностранной этнографіи и 2) Дашковскаго этнографическаго музея (Россія и славянскія земли). Каждому отдѣленію предпосланъ историческій очеркъ его, съ приложеніемъ портретовъ лицъ, болѣе всего содѣйствовавшихъ обогащенію коллекцій музея: графа Н. П. Румянцова, В. А. Дашкова и К. П. фонъ-Кауфмана, и вида-дома нынѣшняго Румянцовскаго музея по рисунку Clarke'а, около 1809 г., т. е. 100 лѣтъ тому назадъ.

В. Р—въ.

Nisbet Bain. Slavonic Europe. A political history of Poland and Russia from 1447 to 1796. Cambridge. 1908.

Подъ общей редакціей эдинбургскаго профессора Кротеро (состоящаго между прочимъ редакторомъ вліятельнаго журнала «Quarterly Review» типографіей кембриджскаго университета выпущенъ цѣлый рядъ объемистыхъ сочиненій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ или отдѣльныхъ эпохъ. Исторію Польши и нашего отечества взялъ на себя Низбетъ Бэнъ, помощникъ библіотекаря Британскаго музея. Онъ давно уже работаетъ въ этой области, и его труды о царствованіи первыхъ Романовыхъ, Петра III, Густава III шведскаго создали ему репутацію хорошаго знатока исторіи сѣверо-восточной Европы. Уже это одно обстоятельство говоритъ за то, что и на этотъ разъ изъ-подъ его пера вышло произведеніе, вполнѣ достигающее той цѣли, которую преслѣдуетъ Cambridge Historical Series. Издатели серіи, какъ указывается въ предисловіи къ данной книгѣ, прежде всего имѣютъ въ виду дать надежное руководство для начинающихъ, а затѣмъ и пособіе для тѣхъ студентовъ, которые уже освоились съ элементарными фактами извѣстнаго отдѣла исторіи. Передъ нами, такимъ образомъ, учебникъ русской и польской исторіи, предназначенный ближайшимъ образомъ для студентовъ кембриджскаго университета. Дѣйствительно, если перевести книгу Низбета Бэна на русскій языкъ, то получится весьма тщательно составленная и интересно написанная учебная книга, въ которой русская и польская исторія излагаются паралельно: одна глава посвящается исторіи Москвы, другая, сосѣдняя, исторіи Польши. Начиная историческое обозрѣніе обѣихъ странъ съ татарскаго нашествія, авторъ доводитъ его до смерти Екатерины и исчезновенія Польши, какъ самостоятельнаго политическаго тѣла. При составленіи этой книги авторъ пользовался, кромѣ существующихъ въ западной литературѣ трудовъ по общей исторіи Россіи и Польши и отдѣльнымъ ея вопросамъ, еще и польскими и русскими источниками, списокъ которыхъ приложенъ у него въ концѣ книги вмѣстѣ съ тремя прекрасными картами Польши и Литвы до и послѣ Люблинской уніи и Россіи отъ воцаренія Романовыхъ до смерти Екатерины II. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже буквально цитируетъ исторію Россіи Соловьева, что заставляетъ предполагать въ авторѣ знаніе русскаго языка.

Но, являясь хорошей исторической работой для англичанина, книга Бэна для русскаго историка представляется не свободной отъ нѣкоторыхъ упрековъ

съ точки зрѣнія современной исторической науки. Фактическихъ искаженій у него мы не найдемъ, если не считать нѣкоторыхъ, доброкачественныхъ, впрочемъ, опечатокъ въ родѣ Janza (очевидно, вмѣсто Jauza, т. е. Яуза) или Valmanovo вм. Вельеманово (родина патр. Никона). Зато поверхностность и отсталость сказываются на каждомъ шагу, особенно тамъ, гдѣ автору приходится имѣть дѣло съ явленіями внутренней жизни. Возьмемъ, напримѣръ, его изложеніе мѣстничества. Вѣрно указавъ внѣшнія очертанія этого института, акторъ совершенно не потрудился выяснить англійскому читателю, въ чемъ же былъ весь смыслъ этого страннаго и на первой взглядъ нелѣпаго учрежденія. Ни однимъ словомъ авторъ не обмолвился о томъ, что мѣстничество было своего рода оборонительнымъ союзомъ боярства противъ царя, противъ появленія фаворитовъ и временщиковъ, такъ пышно расцвѣтшихъ съ отмѣною мѣстничества. Внутренній смыслъ института остался въ тѣни, и англійскій читатель, несомнѣнно, пойметъ его, какъ продуктъ варварской спеси нашего боярства.

Еще чувствительнѣе другой недостатокъ книги, ея отсталость отъ уровня современныхъ историческихъ знаній. Мы не говоримъ о такихъ, напримѣръ, устарѣлыхъ промахахъ, какъ смѣшеніе лобнаго мѣста съ мѣстомъ казней (Lobnoje Myesto or public place of execution, говоритъ авторъ). Это еще полбѣды. Но худо то, что вслѣдъ за устарѣвшими русскими сочиненіями г. Бэнъ повторяетъ, напримѣръ, басню о мнимомъ прикрѣпленіи Борисомъ Годуновымъ крестьянъ къ землѣ въ царствованіе Ѳедора Іоанновича. Касаясь далѣе вопроса о появленіи перваго самозванца, Низбетъ Бэнъ добросовѣстно перечисляетъ всѣ циркулировавшія въ прежнихъ нашихъ историческихъ работахъ гипотезы о его происхожденіи, утверждаетъ, что онъ, несомнѣнно, былъ Григорій Отрепьевъ. «Наиболѣе выдающіеся критики лѣтописи,—прибавляетъ авторъ,—согласны въ томъ, что нѣтъ основаній сомнѣваться въ ея простомъ и искреннемъ разсказѣ». Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ и теперь какъ разъ беретъ верхъ взглядъ изслѣдователей, которые, совершенно расходясь съ офиціальными документами и другими источниками того времени, отстаиваютъ первоначальный карамзинскій взглядъ о томъ, что такъ называемый Самозванецъ былъ не кто иной, какъ подлинный сынъ Грознаго и Маріи Нагой. Этотъ промахъ тѣмъ замѣтнѣе въ книгѣ г. Бэна, что за послѣднее время на французскомъ языкѣ вышла по смутному времени прекрасная и обстоятельная работа г. Валишевскаго, имя котораго значится въ спискѣ пособій, которыми пользовался англійскій историкъ.

Несмотря на указанные нами недостатки, замѣтные русскому читателю книга Низбета Бэна въ общемъ является прекраснымъ учебнымъ пособіемъ для англійской учащейся молодежи, тѣмъ болѣе, что, какъ и подобаетъ настоящему ученому, авторъ нигдѣ не выступаетъ съ своими личными симпатіями и ограничивается ролью объективнаго повѣствователя.

А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЗАКОНЫ Гаммураби.—Извѣстный библейскій эпизодъ, въ которомъ нашъ праотецъ Авраамъ и его жена Сарра играли видную роль, вызывалъ до послѣдняго времени всевозможныя предположенія, критическія замѣчанія и даже отрицаніе дѣйствительнаго существованія Авраама. Ни одинъ историческій фактъ не возбуждалъ столькихъ споровъ, какъ поведеніе Сарры, въ виду безплодности лично предложившей мужу въ наложницы свою рабыню, египтянку Агарь, и хладнокровное отношеніе Авраама къ поступку жены, изгнавшей ее вмѣстѣ съ ея сыномъ по причинѣ ея заносчиваго съ ней обращенія. Одни хвалили Сарру, другіе—ее порицали. Корнелій говорилъ Лапиду въ защиту Сарры, что она дѣйствовала изъ чувства набожности, забывъ даже свое достоинство и желая лишь, чтобы свершилось обѣтованіе Бога дать Аврааму столько потомковъ, сколько звѣздъ на небѣ. Напротивъ, Кальвинъ, не принимая во вниманіе, что Авраамомъ, быть можетъ, руководили неизвѣстныя для Женевы XVII вѣка причины, порицалъ ея поведеніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя, по словамъ Филиппа Ренье, помѣстившаго въ «Nouvelle Revue» статью, посвященную этому вопросу,—неудобно перевести. Женевскій философъ обвинялъ Сарру въ оскверненіи супружескаго ложа и не находилъ извиненія Аврааму за то, что онъ послушался нечестивыхъ, безумныхъ совѣтовъ жены.

Ренанъ, не осуждая и не оправдывая Авраама, приводитъ лишь точную картину нравовъ патріарховъ. По его словамъ, патріархъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ въ одно и то же время двухъ женъ, одинаково благородной крови, иногда двухъ сестеръ, какъ, напримѣръ, Рахиль и Лію. Это влекло за

---

[1]) La Famille d'Abraham. Par Philippe Regnier. «La Nouvelle Revue» 1 Mars 1908 г.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Аврааму [illegible] Авраамъ [illegible]

[illegible] за пять [illegible] сказанія. [illegible] Кану китайцевъ [illegible] существуетъ столь же [illegible]

[illegible] вавилонскихъ законо- [illegible] тѣмъ же, тѣмъ и современныхъ, и рѣ-

шенія ихъ не отличались слишкомъ существенно отъ рѣшеній нашихъ законовѣдовъ. Англичанинъ Джонсъ даже рѣшилъ, что будто современный здравомыслящій европеецъ чувствовалъ бы себя лучше въ древнемъ Вавилонѣ, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ. Ренье же ограничиваетъ свои сравненія древне-вавилонскихъ законовъ съ современными не христіанскихъ народовъ, говоря, что послѣдніе не сдѣлали большого прогресса послѣ этой эпохи и немало бы выиграли, возвратясь ко многимъ пунктамъ законовъ древняго Вавилона. Особенно условія женскаго существованія было гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, у современныхъ магометанскихъ семитовъ.

Въ законахъ Гаммураби нѣтъ того религіознаго оттѣнка и предписаній быть милосерднымъ, какъ въ законахъ Моисея. Въ нихъ даже оказывается покровительство безнравственностямъ, за которыя Моисей строго осуждалъ, но зато законы о бракахъ—превосходны. Многоженство допускалось въ нихъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ и въ ограниченныхъ случаяхъ только для продолженія рода, когда жена была безплодна. Но страсть мужчины,—говоритъ Ренье,—когда ее не сдерживаютъ, ведетъ къ многоженству и разводу. Въ христіанской Европѣ къ этому вело ослабленіе религіознаго чувства; законы евреевъ о бракѣ были тоже далеко не идеальны и въ нихъ допускались разводы, какъ приведено у Матѳея: «по жестокосердію вашему позволилъ разводиться вамъ съ женами вашими, а сначала не было». По исходѣ изъ Египта, все, что возможно, въ нравахъ народа удержалось, но, вслѣдствіе ли пребыванія среди ханаанскаго и египетскаго народовъ, или, просто, вслѣдствіе склонности человѣческаго сердца, которымъ люди недостаточно владѣютъ, нѣкоторыя правила измѣнились. Такъ случилось и съ правилами о бракахъ.

Авраамъ явился изъ Халдеи. Его отецъ Ѳарра, оставивъ одного изъ своихъ сыновей, Нахора, отправился съ Авраамомъ и своимъ внукомъ Лотомъ вверхъ по долинѣ Евфрата до Гарана, гдѣ и умеръ. Причины этого переселенія мы не знаемъ, но исторія Авраама и божественныя обѣтованія разсказываются со смерти Ѳарры, его отца. Авраамъ велъ кочевую жизнь со своими стадами, окруженный многочисленными слугами, нигдѣ не останавливаясь подолгу. Онъ уже былъ женатъ на Саррѣ, своей единокровной сестрѣ, но у него не было дѣтей, и всѣ его помыслы стремились къ одному—имѣть потомство. Согласно библейскимъ сказаніямъ, его мольбы услышалъ Богъ и обѣщалъ ему безчисленное потомство. Сарра раздѣляла его сожалѣнія, что не имѣетъ потомства, и въ то же время онѣ ей внушали опасенія, такъ какъ, согласно вавилонскому закону, Авраамъ могъ нарушить законъ о единобрачіи по причинѣ ея безплодности и ввести въ домъ вторую жену, которая была бы хотя не на равномъ положеніи съ нею, но какъ бы морганатическая жена. Такимъ образомъ Саррѣ грозила опасность имѣть въ домѣ соперницу, вторую жену Авраама. Но у нея было средство не допустить вступленія въ домъ второй свободной женщины и когда она предлагала мужу свою служанку, говоря: «возьми мою рабыню, быть можетъ, черезъ нее будутъ у меня дѣти», то знала, что, если Авраамъ согласится на это, она навсегда избавится отъ грозящей опасности. Согласно вавилонскому закону, если мужчина же-

нился и жена дала ему въ наложницы рабыню, которая родила ему дѣтей, то ему не разрѣшается взять себѣ морганатическую жену. Поэтому Саррой руководило не безкорыстное чувство набожности, дабы исполнилось обѣтованіе Божіе насчетъ многочисленнаго потомства Авраама, но ея собственный расчетъ.

Рожденіе сына отъ Агари, Измаила, представляло для Сарры относительную безопасность: Агарь и ея сынъ не имѣли въ семьѣ равнаго съ нею положенія; Агарь не была, какъ свободная женщина, женою второго разряда, и ея дѣти не могли играть такой же роли, какую играли дѣти отъ первой жены. Сарра сумѣла извлечь для себя пользу изъ всего, что допускалось закономъ, а также и для сына, когда онъ у нея родился.

Что касается рабынь, то библейскіе разсказы совершенно соотвѣтствуютъ законамъ Гаммураби. Послѣдніе разрѣшали мужу, но только съ согласія жены, сдѣлать изъ рабыни жену на особыхъ условіяхъ, а это, какъ вообще предполагаютъ, не одно и то же, что конкубинство безъ уважительной причины. Ея сынъ получалъ часть наслѣдства, какъ и другія дѣти, но его положеніе въ семьѣ было не прочно. Какъ только Агарь почувствовала, что будетъ матерью, ея обращеніе съ Саррой сдѣлалось презрительнымъ. Это положеніе настолько естественно въ природѣ, что предусмотрѣно въ законахъ Гаммураби. Когда Сарра стала жаловаться Аврааму на несправедливое отношеніе къ ней Агари, то онъ отказался вмѣшаться и только сказалъ ей, что «твоя раба въ твоихъ рукахъ, дѣлай съ нею, что хочешь». Тогда Сарра стала дурно съ нею обращаться,—и та бѣжала. Всѣ эти подробности строго соотвѣтствуютъ вавилонскому закону, въ которомъ говорится, что если рабыня хочетъ сравняться съ госпожой, потому что она мать дѣтей господина, то госпожа не можетъ ее продать, но она можетъ ее заклеймить и поставить въ ряды рабынь. Какъ поступила съ Агарью жена Авраама—неизвѣстно, но можно предположить, что во всякомъ случаѣ положеніе Агари, вѣроятно, было невыносимо, если она рѣшилась бѣжать въ пустыню.

Осуждать Авраама за равнодушное отношеніе къ положенію Агари—тоже нельзя. Отвѣтъ, данный Саррѣ: «дѣлай съ нею, что хочешь», объясняется закономъ вавилонянъ, согласно которому рабыня была частной собственностью своей госпожи, имѣвшей право продать ее, заклеймить и отдать своему мужу. Вавилонскія свободныя женщины имѣли болѣе правъ, чѣмъ женщины многихъ современныхъ народовъ, и потому, отдавая судьбу Агари въ руки жены, Авраамъ только признавалъ за нею законныя права.

Какъ извѣстно изъ Библіи, Агарь вернулась въ шатеръ Ноя и вполнѣ подчинилась Саррѣ потому, что ангелъ обѣщалъ ей безчисленное потомство. Сарра имѣла на нее всѣ права, исключая продажи ее въ неволю, въ виду того, что она была матерью предполагаемаго наслѣдника своего господина. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ случилось важное событіе: у Сарры тоже родился сынъ Исаакъ. Съ этого момента положеніе Измаила измѣнилось: онъ уже не былъ единственнымъ наслѣдникомъ, такъ какъ главнымъ наслѣдникомъ теперь является Исаакъ, и отъ него зависитъ, какую долю изъ наслѣдства выдать Измаилу; сынъ наложницы рисковалъ даже совершенно

лишиться этой доли, что и случилось впослѣдствіи. Сарра не могла потерпѣть, чтобы у сына былъ сонаслѣдникъ: ей хотѣлось видѣть Исаака единственнымъ наслѣдникомъ Авраама. Однажды, замѣтя, что оба брата играютъ вмѣстѣ, она побѣжала къ Аврааму и сказала ему: «Выгони эту служанку съ ея сыномъ: сынъ служанки не можетъ быть сонаслѣдникомъ съ моимъ сыномъ». Такое явленіе, какъ совмѣстная игра двухъ дѣтей, законнаго и незаконнаго, на современный взглядъ не могло бы измѣнить вопроса о наслѣдствѣ, но въ Вавилонѣ на это смотрѣли иначе. «Если жена, — говорится въ 170 статьѣ законовъ Гаммураби,—дала мужу дѣтей, и если рабыня также родила ему дѣтей, и если при жизни отецъ скажетъ дѣтямъ рабыни: «вы мои дѣти», и будетъ считать ихъ какъ дѣтей жены, то если затѣмъ отецъ умираетъ, дѣти жены и рабыни раздѣляютъ поровну движимое имущество отчаго дома; дѣти отъ жены выберутъ свою долю и возьмутъ ее. Если же отецъ при жизни не сказалъ дѣтямъ рабыни: «вы мои дѣти!» то когда онъ умретъ, дѣти рабыни не раздѣлятъ движимаго имущества съ дѣтьми жены. Онъ освободитъ рабыню и ея дѣтей, и дѣти жены не могутъ вернуть въ рабство ни рабыни, ни ея дѣтей».

Теперь, зная эту статью закона, дѣлается ясно, почему Сарра взволновалась, увидя своего сына играющимъ вмѣстѣ съ сыномъ служанки Измаиломъ, какъ съ сыномъ дома, какъ съ братомъ. Ее не могло сильно раздражить то обстоятельство, что сынъ рабыни насмѣхается надъ ея сыномъ, какъ многіе объясняли ея поступокъ. Измаилъ не былъ рабомъ и ее тревожило именно то, что Измаилъ игралъ съ ея сыномъ, какъ сынъ и наслѣдникъ господина дома, и она хотѣла измѣнить положеніе вещей. Теперь, когда Агарь болѣе не заносилась предъ нею, она не могла ее изгнать, а потому принуждена была прибѣгнуть къ вмѣшательству Авраама. Патріархъ на этотъ разъ не отослалъ жены, какъ прежде, предоставляя ей дѣйствовать, согласно своему желанію, а лично вмѣшался, такъ какъ еще имѣлъ на это право. Согласно предшествовавшей статьѣ закона Гаммураби, изгнать сына можно, только если онъ совершилъ важный проступокъ. Приведенныя двѣ статьи—исключеніе изъ этихъ правилъ, и дѣло не въ томъ, признанъ ли сынъ рабыни, какъ сынъ господина, такъ какъ исключеніе изъ наслѣдства ставитъ его такъ же, какъ и его мать, въ исключительное положеніе: они должны быть свободны. Глава семьи совершаетъ освобожденіе рабыни и ея дѣтей, какъ говорится въ законѣ Гаммураби,—и Авраамъ отпустилъ Измаила, а съ нимъ освободилъ и Агарь.

По требованію Сарры, Авраамъ, давъ провизіи рабынѣ и сыну, велѣлъ имъ уйти изъ своего шатра, куда хотятъ. Хотя это намъ кажется слишкомъ грубо, но по тогдашнимъ законамъ этимъ фактомъ совершился актъ освобожденія. Аврааму кочующему и главѣ семьи и рабовъ не было другого способа освободить Агари съ сыномъ: оставаясь въ его шатрѣ, она не считалась бы освобожденной. Эта свобода для нея едва не оказалась роковою: она ушла въ пустыню и тамъ томилась отъ жажды. Когда ангелъ указалъ ей колодезь, то на этотъ разъ не назвалъ ее: «Агарь, раба Сарры», такъ какъ она уже была освобождена, и когда впослѣдствіи ея сынъ женился, то она сама нашла ему невѣсту въ своей странѣ, Египтѣ, безъ вмѣшательства Авраама, такъ какъ его сынъ уже не находился подъ его властью.

*) John Law of Lauriston. By Wiston-Glynn. London. 1905 г.

гдѣ онъ обольстилъ жену одного изъ англійскихъ придворныхъ эмигрантовъ, Ло былъ принужденъ предпринять четырехлѣтнее странствіе по большимъ городамъ Европы. Тутъ главною его цѣлью была азартная игра, и Вистонъ-Глинъ такъ характеризуетъ его, какъ игрока: «Для Ло игра не была необузданной страстью, и онъ не предавался ей безъ всякаго контроля, а выводилъ ее изъ строгихъ законовъ вѣроятности. Хотя успѣхъ не всегда ему улыбался, но онъ составилъ себѣ въ игрѣ серьезную систему, которая до такой степени была для него удачна, что онъ въ короткое время нажилъ себѣ состояніе. Замѣчательно хладнокровный и расчетливый, шотландецъ вскорѣ пріобрѣлъ репутацію ловкаго и счастливаго игрока. Удача такъ заманчиво ему улыбалась, что онъ перешелъ отъ роли игрока къ роли финансоваго спекулятора, и въ 1699 г., вернувшись въ Шотландію съ соблазнительными финансовыми планами, сталъ проповѣдывать основаніе земельнаго банка. Однако шотландскій парламентъ на это не согласился, и, въ виду изданія акта о соединеніи Англіи и Шотландіи, онъ долженъ былъ снова бѣжать на континентъ отъ возобновившагося уголовнаго процесса.

На этотъ разъ онъ отправился въ Голландію и въ Гаагѣ сталъ распространять систему бумажныхъ денегъ и государственныхъ лотерей. Вскорѣ, однако, голландцы убѣдились, что своей системой онъ самъ нажилъ большія деньги, а имъ не принесъ никакой выгоды; поэтому ловкому спекулятору предложено было уѣхать изъ Голландіи, и Ло еще разъ пришлось скитаться по большимъ европейскимъ городамъ, предаваясь, какъ всегда, азартной игрѣ, въ которой онъ попрежнему имѣлъ замѣчательный успѣхъ. Прежде всего онъ отправился въ Парижъ, говоритъ авторъ, гдѣ передъ нимъ открывалось богатое поле игры, и вокругъ него собирались многочисленные послѣдователи, среди которыхъ находился цвѣтъ французской аристократіи. Ло проводилъ все свое время въ домахъ самыхъ знатныхъ людей того времени, и его всюду принимали радушно, какъ пріятнаго, любезнаго гостя и счастливаго игрока. Любимой его игрой былъ фараонъ, и въ домахъ Пуассона, Дюкло и Жевра онъ держалъ часто банкъ, при чемъ пользовался особой популярностью за свое постоянное хладнокровіе въ игрѣ, все равно, везло ли ему, или нѣтъ. Однако, и въ Парижѣ Ло намекнули, что ему слѣдовало бы оттуда удалиться въ 24 часа, потому что онъ слишкомъ хорошо игралъ въ тогдашнія излюбленныя игры. Но теперь его странствія изъ города въ городъ были чѣмъ-то въ родѣ торжественнаго шествія. Всюду его принимали радушно, не какъ простого игрока, а какъ образованнаго и превосходнаго финансиста, способнаго спасти страну отъ разоренія. Особенно Франція смотрѣла на него такъ, но Людовикъ XIV не согласился поручить ему спасеніе государства, главнымъ образомъ потому, что онъ былъ еретикомъ, а не католикомъ. Ло попробовалъ тогда счастья въ Сардиніи, но сардинскій король также отъ него отвернулся, а посовѣтовалъ ему не отставать отъ Франціи. Такимъ образомъ Ло еще разъ вернулся въ Парижъ въ 1714 г. и, пользуясь покровительствомъ герцога Орлеанскаго, главнаго контролера и англійскаго посланника лорда Стэра, сталъ спокойно ожидать смерти стараго короля, попрежнему ведя разгульную жизнь игрока. Въ слѣдующемъ году наступила эта желанная минута, и Ло вступилъ въ эпоху своей ловкой финансовой дѣятельности.

Сначала «Богомъ данный финансистъ», какъ его называли, началъ дѣло очень скромно, съ небольшого частнаго акціонернаго банка, но потомъ онъ все болѣе и болѣе развивалъ свои спекуляціи, принявшія наконецъ самые чудовищные размѣры. Его банкъ превратился въ государственный, а онъ самъ былъ назначенъ главнымъ контролеромъ или министромъ финансовъ и учредилъ акціонерную компанію подъ названіемъ «Compagnie des Indes» для эксплоатаціи земель на Миссисипи, въ американской колоніи, тогда принадлежавшей Франціи. Эта индійская компанія была основана на системѣ самой чудовищной спекуляціи, и все дѣло шло на бумажныхъ деньгахъ, принявшихъ государственную валюту.

Четыре года процвѣтало это чудовищное предпріятіе, и многіе нажили себѣ колоссальныя состоянія, но еще большее количество разорилось. Одинъ англичанинъ, Джозефъ Гэджъ, серьезно предлагалъ королю польскому, а потомъ сардинскому, три милліона изъ состоянія, нажитаго имъ, благодаря участію въ спекуляціяхъ Ло, подъ условіемъ, чтобы одинъ изъ нихъ уступилъ ему свою корону. Чтобы обезпечить себѣ положеніе во Франціи, Ло принялъ католическую вѣру и тѣмъ прикрылъ скандальный характеръ спекулятивныхъ предпріятій, хотя въ сущности онъ никогда не сдѣлался искреннимъ католикомъ.

Наконецъ безумный ажіотажъ причинилъ страшное пониженіе денежнаго курса, и неимовѣрный мыльный пузырь лопнулъ въ 1719 г. Ло бѣжалъ въ Бельгію, а оттуда въ Данію, Англію и наконецъ въ Италію, гдѣ въ Венеціи умеръ совершеннымъ нищимъ, хотя все еще увѣреннымъ въ громадномъ успѣхѣ своей системы, которую онъ описалъ въ сочиненіи: «Money and trade»

— Воспоминанія герцогини Дино. Въ прошедшихъ двухъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» были помѣщены отзывы о первыхъ двухъ частяхъ «Воспоминаній» герцогини Дино, которую мы тогда называли внучкой Бирона. Эти воспоминанія окончились въ «Revue de Paris» бракомъ Доротеи Курляндской съ племянникомъ Талейрана, Эдмономъ Перигоромъ, и мы разстались съ нашей героиней 22 апрѣля 1809 года во Франкфуртѣ, гдѣ совершено было ея бракосочетаніе. На дняхъ вышло изъ печати отдѣльное изданіе этихъ «Воспоминаній» [1]), и къ всеобщему удивленію оказалось, что мемуары герцогини Дино прекратились именно на ея свадьбѣ, хотя только послѣ этого, лично для нея несчастнаго обстоятельства, начались самыя интересныя ея похожденія. Изъ Франціи, гдѣ герцогиня жила у Талейрана, дяди мужа, она вмѣстѣ съ нимъ ѣздила въ Вѣну на конгрессъ и въ Лондонъ во время его посольства. Послѣ же смерти Талейрана она перебралась въ Германію и воспользовалась титуломъ герцогини Саганъ, уступленнымъ ей сестрою; тамъ она прожила до глубокой старости и умерла въ 1862 году. Отчего ея мемуары, начатые въ 1822 году, не продолжались до дня ея смерти, а лишь обнимаютъ ея молодость — неизвѣстно, и даже трудно сказать, дѣйствительно ли вовсе не существуетъ ихъ продолженія, или это прекращеніе зависитъ отъ издателей мемуаровъ, ея внучки графини Кастелянъ и академика Этьена Лями.

---

[1]) Souvenirs de la duchesse de Dino. Paris. 1908.

О небольшомъ предисловіи графини Кастелянъ уже говорено ранѣе, а введеніе, написанное академикомъ Лями, не имѣетъ большого значенія, такъ какъ въ сущности оно составляетъ только сокращенную перефразировку воспоминаній герцогини Дино. Что же касается самихъ воспоминаній, то они заключаются въ перепечаткѣ повѣствованія ея молодости, напечатаннаго въ «Revue de Paris», и съ которымъ читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы, не считая четырехъ главъ въ началѣ мемуаровъ, гдѣ она разсказываетъ о предкахъ и своемъ дѣтствѣ.

Дѣтство Доротеи Курляндской не отличается ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, а о своихъ предкахъ она разсказываетъ еще менѣе любопытныя подробности. Ея отецъ, герцогъ Петръ Курляндскій, началъ свою жизнь въ Сибири, куда былъ сосланъ ея дѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Только при Петрѣ III съ Бироновъ сняли опалу и возвратили имъ герцогство Курляндское. Когда умеръ старшій герцогъ, то ему наслѣдовалъ его сынъ Петръ, которому пришлось, по случаю перваго дѣлежа Польши, продать Екатеринѣ Курляндію, отказавшись отъ своихъ владѣтельскихъ правъ. Впрочемъ, эта сдѣлка была для него очень выгодна, такъ какъ онъ получилъ за продажу Курляндіи 2.000.000 рублей, да еще пожизненной пенсіи 25.000 дукатовъ и большую пенсію женѣ въ случаѣ его смерти. Часть суммы, вырученной отъ продажи Курляндіи, герцогъ употребилъ на покупку цѣлаго ряда великолѣпныхъ имѣній въ Германіи: Саганъ, Нашодъ и Лобикау.

Доротеѣ было шесть лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, и ея три сестры остались самыми богатыми невѣстами въ Германіи. Поэтому онѣ скоро вышли замужъ: одна за герцога Людовика Роанъ, другая за герцога Гогенцоллернъ-Гехингенскаго, а третья за князя Ачеренца изъ знаменитаго рода Пиньятелли. Выдавъ замужъ старшихъ дочерей, герцогиня Курляндская едва сама не вышла замужъ за герцога Шведскаго, дядю короля. Увидавъ ее въ Карлсбадѣ, герцогъ до страсти въ нее влюбился, но въ то время Доротеѣ было только семь лѣтъ и она имѣла до того слабое здоровье, что доктора не совѣтовали увозить ее въ Швецію, опасную для нея своимъ суровымъ климатомъ. Поэтому герцогиня Курляндская ради дочери отказалась отъ блестящаго брака и рѣшилась для воспитанія ея проводить зиму въ Берлинѣ, а лѣто въ живописномъ Лобикау, въ Саксоніи. До сихъ поръ воспитаніе Доротеи заключалось въ бѣглой болтовнѣ на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Первому она научилась въ гостиной, второму—въ дѣвичьей, а третьему—отъ старой англичанки, вся педагогическая дѣятельность которой заключалась въ наказываніи ее розгами при всякомъ удобномъ случаѣ и леченіи холодной водою. Доротея сама увѣряетъ, что, благодаря такой безсмысленной системѣ воспитанія, она была ребенкомъ болѣзненнымъ, тщедушнымъ, сердитымъ, капризнымъ и упрямымъ. Свою мать она любила, но не очень, такъ какъ послѣдняя занималась ею немного, потому что слишкомъ любила свѣтскую жизнь: часто принимала у себя общество и выѣзжала въ гости.

На восьмомъ году жизни въ Доротеѣ совершился рѣзкій переворотъ: съ этихъ поръ, благодаря вмѣшательству барона Армфельта, фаворита шведскаго короля и близкаго пріятеля герцогини Курляндской, началось ея образованіе.

Онъ сжалился надъ Доротеей и принялся самъ обучать ее грамотѣ. Въ скоромъ времени почтенный шведъ достигъ успѣха и тогда онъ убѣдилъ герцогиню, что ей необходимо взять для дочери хорошую гувернантку и достойнаго воспитателя. Съ этою цѣлью онъ рекомендовалъ нѣмку, г-жу Гофманъ, и итальянскаго аббата Сципіона Піаттоли, который былъ секретаремъ и библіотекаремъ польскаго короля Станислава. Кромѣ этихъ двухъ педагоговъ, Доротеѣ взяли еще учительницъ рисованія, танцевъ и рукодѣлія. Десяти лѣтъ дѣвочка уже умѣла хорошо писать на трехъ языкахъ и научилась ариѳметикѣ, которую особенно любила. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Доротеѣ содѣйствовалъ особенно берлинскій астрономъ Бодэ, котораго она часто посѣщала въ мѣстной обсерваторіи. Кромѣ того, она читала много книгъ изъ библіотеки Піаттоли; что же касается религіи, то Доротея ей не обучалась и даже не знала никакихъ молитвъ.

Будущая герцогиня Дино была въ дѣтствѣ некрасива: маленькаго роста, худая, съ большими глазами. Одно только сглаживало ея недостатки: это подвижное, выразительное лицо. Проводя зимніе мѣсяцы въ Берлинѣ, она бывала часто въ обществѣ прусской королевской семьи и постоянно видѣлась съ такими замѣчательными людьми, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, пасторъ Ансильонъ и историкъ Мюллеръ. Они съ наѣзжавшимъ по временамъ Шиллеромъ составляли настоящій литературный салонъ въ домѣ герцогини Курляндской, гдѣ, по случаю частыхъ отлучекъ хозяйки, принимала ея малолѣтняя дочь Доротея. Быть можетъ, самыми интересными личностями для последней были знаменитая тогда актриса Унзельманнъ и великій актеръ Иффландъ. Они устраивали съ ея участіемъ любительскіе спектакли и часто возили ее въ театръ, гдѣ ей особенно нравились «Валленштейнъ» и «Король Лиръ».

Когда Доротеѣ минуло тринадцать лѣтъ, то начался уже знакомый читателямъ романъ съ Адамомъ Чарторыйскимъ, окончившійся ея бракомъ съ Эдмондомъ Перигоромъ. Эти событія подробно описаны въ послѣдующихъ шести главахъ «Воспоминаній герцогини Дино», въ отдѣльномъ изданіи. Кромѣ того, въ концѣ книги прибавлено нѣсколько дополненій, въ томъ числѣ и петербургскія письма аббата Піаттоли къ Доротеѣ, въ которыхъ, однако, нѣтъ ничего интереснаго, такъ какъ они наполнены педагогическими разсужденіями. Этимъ оканчиваются «Воспоминанія» герцогини Дино, къ сожалѣнію, не касающіяся самыхъ интересныхъ эпохъ ея жизни.

— Столѣтіе Жерара Нерваля.—Насколько строгъ къ тремъ французскимъ романтикамъ былъ нѣмецъ Оппельнъ-Бронниковскій въ своей статьѣ, отчетъ о которой былъ помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», настолько симпатично относится въ «Figaro» къ романтику Жерару де-Нервалю его соотечественникъ, французскій критикъ Антуанъ Альбаля. «Если романтизмъ болѣзнь,—говоритъ онъ:—то Жераръ де-Нерваль былъ ея самой плѣнительной жертвой. Не только талантъ Нерваля, но даже его жизнь была созданіем воображенія, искусственнымъ фантастическимъ созданіемъ, какъ сказка феи

22 мая исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія этого романтика, и , сихъ поръ его поклонники хранятъ о немъ память, какъ о существѣ само

симпатичномъ, чистомъ душою и добромъ. Жизнь Жерара де-Нерваля, за исключеніемъ двухъ печальныхъ страницъ —сумасшествія и самоубійства— такъ же занимательна, какъ любой романъ.

Жераръ Лабрюни, писавшій подъ псевдонимомъ Нерваля, родился въ 1808 г. и еще на школьной скамьѣ проявилъ недюжинный поэтическій талантъ. Восемнадцати лѣтъ онъ выступилъ на литературномъ поприщѣ съ своими «Національными Элегіями» во вкусѣ Казимира Делавиня и сразу пріобрѣлъ извѣстность. Онъ отличался чистотой прозы, его слогъ былъ мягкій, свободный, не натянутый, сохранявшій свою классическую легкость.

Послѣ перваго успѣха онъ написалъ въ слѣдующемъ году «Новыя Элегіи», а послѣ нихъ «Различныя поэзіи» и «Политическія сатиры». Этотъ восторженный приверженецъ романтической школы перевелъ такъ талантливо «Фауста», что привелъ въ восторгъ самого Гёте. Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ Нерваль занималъ въ литературномъ мірѣ почетное мѣсто и, по словамъ Альбаля, сохранилъ его среди своихъ соотечественниковъ до настоящаго времени. Онъ написалъ, совмѣстно съ Дюма-отцомъ, двѣ драмы: «Piquillo» и «Alchimiste», а съ Мэри: «Le chariot d'enfant» и «Imagier de Harlem».

Обладая замѣчательнымъ даромъ подражанія, Нерваль порою замѣнялъ Теофиля Готье въ «Presse», гдѣ велъ вмѣстѣ съ нимъ драматическіе фельетоны. Онъ такъ умѣлъ поддѣлаться подъ его манеру писать, что никто не могъ замѣтить обмана. Однажды Теофиль Готье пришелъ въ такой восторгъ отъ поддѣлки Нерваля, что, хлопнувъ его по плечу, воскликнулъ: «Браво! ты сдѣлалъ сегодня хорошаго Тео!» Ученый и много читавшій Нерваль писалъ красиво изслѣдованія, представлявшія смѣсь прелестныхъ парадоксовъ и поучительнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнаго чтенія. Такъ, онъ поддерживалъ одно время теорію Жозефа де-Мэстра относительно дикарей. Во второй бесѣдѣ своихъ «Soirées» Мэстръ высказалъ мысль, что человѣчество прежде начало съ цивилизаціи, но, быстро сдѣлавшись порочнымъ, опустилось и впало въ варварство, изъ котораго съ трудомъ вышло. «Эта деградація, — сказалъ онъ, — безпрерывно тяготѣя на потомкахъ, въ концѣ концовъ произвела такъ называемыхъ дикарей». Такое положеніе, проистекающее изъ первобытнаго грѣха и лишающее человѣка пещернаго существованія, очень понравилось Нервалю, и онъ его горячо и энергично защищалъ. Хотя Нерваль любилъ парадоксы и загадочное, но иногда его разсужденія отличались большимъ здравомысліемъ и практичностью.

Какъ-то однажды между Нервалемъ и его друзьями завязался большой споръ о проектѣ закона, которымъ устанавливался пятидесятилѣтній срокъ на право литературной собственности. Каждый высказывалъ свое мнѣніе: одни находили естественнымъ, если литературныя произведенія поступаютъ въ общее владѣніе послѣ смерти автора; другіе высказывали требованіе, чтобы права собственности остались даже за наслѣдниками Мольера и Седэна. Нерваль откровенно поддерживалъ права собственности за писателемъ. «Такъ зачѣмъ же въ наше время,—говорилъ онъ съ забавной ироніей:—когда писатель прославился въ литературѣ, онъ бросаетъ дорогія ему ежедневныя занятія, чтобы сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ? Затѣмъ, что въ политиче-

скомъ мірѣ человѣкъ можетъ нажить себѣ состояніе; онъ закладываетъ фундаментъ своему будущему, тогда какъ въ вашемъ противномъ литературномъ мірѣ и вы и я, всѣ мы живемъ случаемъ; мы растрачиваемъ свой умъ такъ же, какъ онъ къ намъ приходитъ—часъ въ часъ, день въ день, слишкомъ счастливые и слишкомъ гордясь тѣмъ, если наши самыя лучшія произведенія проживутъ завтрашній день одинъ часъ. Итакъ, господа, не противьтесь, чтобы искали какой-нибудь способъ дать нѣчто похожее на долговѣчность вашимъ произведеніямъ; признаюсь, что пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ много для васъ, но для публики это немного. Пятьдесятъ лѣтъ—это недурно для закона и если все хорошо разобрать, то когда вы умрете, вы не разсердитесь, что передъ вами впереди пятьдесятъ лѣтъ».

Работалъ Жераръ де-Нерваль своеобразно, гдѣ попало, вездѣ понемногу: на ходу, прогуливаясь, но особенно въ ресторанахъ. Онъ раскладывалъ на столѣ безчисленное множество замѣтокъ, которыми напихивалъ себѣ карманы, и садился съ невозмутимымъ спокойствіемъ писать. Ничто не прерывало его работы: ни разговоры, ни зрѣлища кулачныхъ расправъ, при которыхъ ему случалось присутствовать, посѣщая самые подозрительные кабачки.

Свою жизнь Нерваль не прожилъ, а промечталъ; его юность прошла романтически и сентиментально. Его любовь къ Адріеннѣ была неизлечима, и когда онъ впослѣдствіи нашелъ общія съ нею черты въ актрисѣ Женни Колонъ, то сталъ обожать послѣднюю безумно, страстно, и, чтобы забыть эту страсть, долженъ былъ уѣхать въ Италію. Мечтатель, создавшій себѣ иллюзію, Нерваль проявлялъ иногда забавныя эксцентричности, которыя объяснялъ совершенно основательно. Однажды онъ появился въ Пале-Роялѣ, таща за собою омара на голубой шелковой ленточкѣ. На замѣчаніе окружающихъ, онъ отвѣчалъ: «Почему омаръ смѣшнѣе собаки, кошки, газели, льва или другого животнаго, котораго водятъ съ собою?»

Дальнѣйшее его существованіе представляетъ смѣсь безумія и свѣтлыхъ проявленій ума, поражающихъ всякаго своей ясностью. Первые проблески безумія Жерара обнаружились 21 марта 1841 года. Пробывъ на излеченіи у доктора Бляншъ, Жераръ отправился въ Германію и оттуда не подавалъ признака жизни, такъ что его начали считать покончившимъ земное существованіе. Жюль Жанэнъ еще болѣе подтвердилъ эти предположенія, напечатавъ въ «Débats» трогательный длинный некрологъ, полный воодушевленія и фантазіи. Но вскорѣ въ Парижѣ появился самъ Жераръ, однако ненадолго, такъ какъ черезъ короткій срокъ онъ уѣхалъ на Востокъ. Объ этомъ путешествіи Нерваль разсказываетъ въ лучшей своей книгѣ «Voyage en Orient», напоминающей настоящій разсказъ изъ «Тысячи и одной ночи». Тамъ онъ женился на желтолицей восточной женщинѣ, ни слова не понимавшей по-французски, которая, согласно обычаю своей страны, развѣсила вокругъ кровати луковицы. Передъ своимъ отъѣздомъ во Францію Нерваль поручилъ ее одному марониту для обращенія въ католичество.

Возвратясь въ Парижъ, онъ опять повелъ жизнь богемы. Проживя состояніе матери, несмотря на то, что получалъ еще деньги за свои статьи, книги и пьесы, Нерваль остался нищимъ, какъ Іовъ. Ему случалось жить на пять-

десять франковъ по два мѣсяца. Когда его однажды спросили: «У васъ гдѣ-нибудь есть кредитъ?» то онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, я ѣмъ во время завтрака одинъ витой хлѣбъ, а на обѣдъ трачу 12 су». Ему случалось проводить ночи на рынкѣ, въ Монмартрѣ, въ плохихъ харчевняхъ и различныхъ конурахъ.

Несмотря на неприглядную обстановку, Нерваль попрежнему оставался мечтательнымъ, улыбающимся и честнымъ, попадалъ ли онъ въ руки полиціи, или проводилъ ночь въ ночлежномъ домѣ. Это былъ типичный представитель богемы, но благородной, идеальной, эпической. Однако такая жизнь не обошлась для его здоровья безслѣдно: его припадки участились. Во время безумія Нерваль выражалъ свои мысли еще яснѣе, а его стиль дѣлался легче, и за восемь дней до роковой развязки Жюль Жанэнъ встрѣтилъ его и видѣлъ корректурный листъ послѣдней его статьи въ «Illustration», гдѣ онъ выказалъ болѣе, чѣмъ когда, вдохновенія и живую, ясную мысль. По его словамъ, нельзя было предположить, что черезъ недѣлю Нерваль кончитъ жизнь самоубійствомъ. За нѣсколько времени до смерти ясность мысли проявлялась у него среди безумія и, бесѣдуя съ однимъ знакомымъ, онъ не разъ извинялся, что у него вырываются не совсѣмъ корректныя выраженія.

Онъ покончилъ съ жизнью 3 февраля 1855 г.; его нашли въ шесть часовъ утра въ одномъ изъ закоулковъ Парижа, на верху грязной лѣстницы какой-то трущобы. Трудно придумать болѣе трагическое положеніе: въ темную дождливую ночь, когда уже все спало, несчастный Нерваль, пробродивъ до шести часовъ утра съ двумя су въ карманѣ, не найдя крова, продрогшій отъ холоднаго вѣтра при 18 градусахъ холода, наконецъ нашелъ успокоеніе, повѣсившись на тесемкѣ отъ женскаго передника. Еще болѣе мрачности придавалъ всей этой обстановкѣ летающій вокругъ его трупа прирученный воронъ.

Нѣкоторые изъ его друзей находили, что эта смерть доказывала не безуміе поэта, а вѣрнѣе его просвѣтлѣніе. «Онъ повѣсился,—говорилъ докторъ Бланшъ,—потому, что увидѣлъ лицомъ къ лицу свое безуміе». Другіе, какъ Дюканъ и Готье, не вѣрили, что его убили, хотя съ него былъ снятъ его любимый арабскій бурнусъ, привезенный съ Востока и извѣстный всему Парижу. Исчезновеніе этого единственнаго богатства Нерваля дало поводъ подозрѣвать убійство. Очень возможно, что во время привычныхъ ночныхъ посѣщеній опасныхъ кварталовъ мазурики приняли его за полицейскаго шпіона и убили, захвативъ его бурнусъ.

Съ другой стороны, трудно допустить, что онъ убилъ себя, не найдя крова, такъ какъ всѣ его друзья встрѣтили бы его съ распростертыми объятіями.

— Окончаніе мемуаровъ графини де-Буань. Четвертый и послѣдній томъ [1]) интересныхъ мемуаровъ графини де-Буань имѣетъ оригинальную форму: въ немъ не разсказывается конецъ ея жизни въ полной обстоятельной связи, какъ въ прежнихъ томахъ, а подъ общимъ заглавіемъ «Fragments» (отрывки) приведены лишь любопытные эпизоды ея существованія отъ 1830 г. до февральской революціи. Эти эпизоды состоятъ изъ романическихъ похо-

[1]) «Mémoires de la comtesse de Boigne». Vol. IV. Paris 1908.

жденій герцогини Беррійской, праздниковъ въ Фонтенебло въ 1834 г., бракосочетанія герцога Орлеанскаго, смерти Талейрана, кончинъ принцессы Вюртембергской, герцога Орлеанскаго и принцессы Аделаиды Орлеанской и наконецъ паденія іюльской монархіи. Въ концѣ четвертаго тома своихъ мемуаровъ графиня де-Буань въ краткихъ выраженіяхъ упоминаетъ о смерти Людовика-Филиппа и королевы Маріи-Амаліи, но почти ни слова не говоритъ о революціи 1848 г. и о второй имперіи, хотя и дожила до 1866 г. Она заканчиваетъ свои мемуары 1862 годомъ, который, по ея словамъ, былъ самымъ роковымъ для нея, такъ какъ тогда умерли ея братъ Осмонъ и бывшій французскій канцлеръ Пакье, какъ она выражается, «ея лучшій другъ».

«Эта двойная потеря,—говоритъ графиня,—оставила мое сердце и умъ безъ поддержки, а мое слабое здоровье и преклонный возрастъ не внушаютъ мнѣ мысли, что я долго переживу дорогихъ мнѣ лицъ. Жизнь представляется мнѣ теперь въ очень мрачныхъ и однообразныхъ краскахъ; хотя я стараюсь не выказывать своего дурного настроенія другимъ и безъ ропота сносить волю Божію, но моя тоска отъ этого не уменьшается. Неизбѣжное прекращеніе столь дорогихъ и нѣжныхъ сношеній, а также ежедневной переписки, которая придавала особый интересъ событіямъ дня, заставило меня углубиться въ былыя времена, чтобы наполнить мое теперешнее праздное время: я взялась за перо, которое уже нѣсколько лѣтъ оставила, и опишу послѣднія минуты жизни принцессы Аделаиды и іюльскую монархію. Окончивъ это дѣло, я въ настоящее время разстаюсь съ своимъ перомъ навсегда. Мое существованіе слишкомъ тускло и я не питаю никакого интереса къ тому, что совершается на свѣтѣ, чтобы разсказывать о немъ». Такъ объясняетъ графиня де-Буань преждевременное окончаніе своихъ мемуаровъ, но французскіе и англійскіе критики истолковываютъ иначе это обстоятельство. По ихъ словамъ, причиной этого прекращенія было нежеланіе издателя ея рукописи, Шарля Николло, выпустить вполнѣ весь ея трудъ, какъ содержащій въ себѣ много слишкомъ рѣзкихъ, неблагопріятныхъ отзывовъ о нѣкоторыхъ историческихъ личностяхъ. Что же касается до самой графини де-Буань, то она принадлежала къ тому небольшому числу рѣдкихъ и высокообразованныхъ французскихъ женщинъ первой половины XIX столѣтія, которыя, какъ она сама, такъ и герцогиня Дино и княгиня Ливенъ, были руководительницами тогдашней международной политики и Эгеріями такихъ выдающихся государственныхъ людей Европы, какъ герцогъ Пакье, Талейранъ и Гизо.

Графиня де-Буань была очень самонадѣянна и даже иногда слишкомъ высоко цѣнила свои политическія мнѣнія, что ясно видно изъ ея взгляда на современную политику, выраженнаго ею въ концѣ IV тома мемуаровъ. «Съ достиженіемъ мною разумнаго возраста,—говоритъ она,—я видѣла гибель трехъ могущественнѣйшихъ правительствъ черезъ самоубійство и благодаря злоупотребленію принципами, ихъ создавшими. Я говорю объ имперіи, которая погибла отъ господства деспотизма и страсти къ войнѣ; о реставраціи, которую погубили неразумныя и несвоевременныя легитимистическія притязанія, и о іюльской монархіи, которая уничтожила сама себя нелѣпымъ страхомъ нарушить право и уваженіе къ парижской буржуазіи. Если моимъ современникамъ

суждено пережить паденіе второй имперіи, то я убѣждена, что они увидятъ свою гибель отъ стремленія управлять всѣмъ міромъ путемъ революціи, такъ какъ нельзя безнаказанно ласкать это кровожадное и мощное чудовище. Англія, пожравъ насъ, въ свою очередь, погибнетъ, благодаря ея роковому и злонамѣренному эгоизму. Но она просуществуетъ долѣе насъ, такъ какъ ея общественный духъ, черпаемый ею на своемъ островѣ и потомъ разносимый по всѣмъ частямъ свѣта, доставитъ ей возможность болѣе долгаго существованія».

Самымъ интереснымъ изъ эпизодовъ IV тома «Мемуаровъ» графини де-Буань составляютъ похожденія герцогини Беррійской въ 1832 г., которыя авторша считаетъ даже болѣе романтичными, чѣмъ любой историческій романъ Вальтеръ-Скотта. Хотя графиня де-Буань сама не участвовала въ этихъ интересныхъ событіяхъ, но она стояла очень близко къ нѣкоторымъ дѣятелямъ означенной драмы и потому знаетъ ее хорошо, если не изъ первыхъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ вторыхъ рукъ. Она была въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ тогдашними главнѣйшими государственными людьми: Пакье и Тьеромъ, которые ей сообщали всѣ подробности патетическихъ эпизодовъ драмы герцогини Беррійской. Относительно этой личности графиня де-Буань отзывается не очень сочувственно, какъ о слишкомъ легкомысленной, хотя отважной и мужественной женщинѣ, задумавшей возвратить французскій престолъ старшей линіи Бурбоновъ, но не въ лицѣ свергнутаго короля Карла X, а ея собственнаго сына Генриха V. Смѣло рискуя, она предприняла военную экспедицію на нарочно нанятомъ для этой цѣли итальянскомъ пароходѣ «Carlo Alberto», который высадилъ ее на французскомъ берегу, близъ Марселя. Тутъ начались для нея безконечныя романтическія странствія. Она надѣялась на старинныхъ роялистовъ и разсчитывала на возстаніе въ Вандеѣ, но оказалось, что сторонники бурбонской партіи, во главѣ съ маршаломъ Бурмономъ, отличались чрезвычайной осторожностью, даже трусливостью. Герцогинѣ Беррійской удалось собрать только нѣсколько сотенъ храбрыхъ крестьянъ и, въ концѣ концовъ, благодаря измѣнѣ еврея Дейтца, сына главнаго раввина Франціи, ей пришлось сдаться іюльскому правительству. Въ этой исторіи все имѣетъ патетическій характеръ: герцогиня Беррійская, скрытая въ потаенномъ помѣщеніи за каминомъ, была вынуждена выйти оттуда съ полуобгорѣлыми волосами, гордо восклицая: «Я — герцогиня Беррійская, прекратите ваши поиски». Палачомъ ея былъ назначенъ генералъ Бюжо, который, захвативъ въ плѣнъ свою знатную узницу, тотчасъ увѣдомилъ правительство о новой, еще болѣе драматической катастрофѣ, именно, что герцогиня Беррійская находилась въ интересномъ положеніи. Тутъ начинается новый эпизодъ, совершенно различно разсказанный ея современниками и историками позднѣйшаго времени. Такъ, графиня де-Буань держится одной версіи, а совершенно противоположную развиваетъ авторитетный французскій критикъ Анри Тирья на столбцахъ «Figaro» 25 апрѣля 1908 г., которому извѣстный ученый Сенаръ открылъ въ національномъ архивѣ кипу запечатанныхъ бумагъ, захваченныхъ въ Нантѣ въ 1832 г. и относящихся до второго брака герцогини Беррійской. Что касается разсказа графини де-Буань, то онъ основанъ на дан-

ныхъ, слышанныхъ ею отъ тогдашняго перваго министра Тьера, Пакье, королевской Орлеанской семьи, съ которой она находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, и многихъ общественныхъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ партіи, враждебной герцогинѣ Беррійской. Ее арестовали въ Блэ, и она тамъ родила дѣвочку, названную Розаліей. По увѣренію графини де-Буань, съ самаго начала никому не было извѣстно, кто отецъ ребенка, и Шатобріанъ, одинъ изъ немногихъ въ то время ярыхъ легитимистовъ, говорилъ: «Какъ, вы хотите, чтобы герцогиня повѣдала имя отца ребенка, когда она этого сама не знаетъ». А госпожа Шастлю, прежде вѣрная сторонница герцогини Беррійской, съ гнѣвомъ говорила графинѣ де-Буань: «Представьте себѣ, какая она нахальная, осмѣлиться назвать этого презрѣннаго ребенка дочерью Вандеи. Впрочемъ,— прибавила госпожа Шастлю тише:—въ одномъ отношеніи она права». Большинство партіи герцогини Беррійской предполагало, что невѣдомый отецъ ребенка былъ одинъ изъ ея сторонниковъ, Менаръ, съ которымъ она уже давно находилась въ близкихъ отношеніяхъ. Бретонцы этому не вѣрили и предполагали, что неизвѣстный былъ или адвокатъ Гибуръ, или Шареттъ, или сынъ маршала Бурмона. Во всякомъ случаѣ, по словамъ графини де-Буань, это было для всѣхъ загадкой.

Герцогиня Беррійская и король Карлъ X были очень озабочены пріисканіемъ подобающаго для первой мужа, и въ этомъ отношеніи имъ оказала большую услугу фаворитка Людовика XVIII, госпожа Кэйля. Послѣ долгихъ поисковъ выборъ палъ на графа Гектора Луккези, красиваго молодого человѣка, находившагося въ интимныхъ отношеніяхъ съ госпожою Кэйля. Само собою разумѣется, что поддѣлано было брачное свидѣтельство, подтверждавшее, что во время рожденія ребенка герцогиня Беррійская находилась, хотя и въ тайномъ, но законномъ бракѣ съ Луккези. Когда такимъ образомъ загадка была разгадана, то французское правительство освободило герцогиню Беррійскую и отправило ее въ Палермо, гдѣ находился король Карлъ X. Для полнѣйшаго доказательства достовѣрности своего разсказа, графиня де-Буань приводитъ письмо Нонэ, капитана корвета, на которомъ была отправлена герцогиня Беррійская. Въ письмѣ онъ подробно описываетъ это путешествіе, въ которомъ герцогиню сопровождалъ Луккези. Вотъ въ краткихъ выраженіяхъ исторія герцогини Беррійской, согласно разсказу графини де-Буань.

Совершенно иначе передаетъ все дѣло Анри Тирья въ «Figaro» отъ 25 апрѣля. Онъ удостовѣряетъ неоспоримыми документами, что герцогиня Беррійская вышла замужъ за Луккези въ Римѣ еще 14 декабря 1831 г. и, слѣдовательно, вся исторія о поискахъ ей мужа послѣ рожденія ребенка, родившагося отъ неизвѣстнаго лица,—ни на чемъ не основанная легенда. Графъ Луккези-Пали, неаполитанскій дипломатъ, былъ давно хорошо извѣстенъ герцогинѣ, съ которой онъ вмѣстѣ воспитывался при дворѣ короля неаполитанскаго. Пріѣхавъ изъ Франціи послѣ своихъ похожденій вмѣстѣ съ своимъ мужемъ Луккези, она была принята неаполитанской королевской семьей со всѣми почестями, подобающими ея званію. Въ слѣдующемъ году папа Григорій XVI принялъ ее также самымъ лестнымъ образомъ. Что же касается ребенка, о которомъ такъ шумѣли, то, если вѣрить графинѣ де-Буань, онъ умеръ въ Ливорно нѣсколько мѣсяцевъ спустя по прибытіи изъ Франціи.

Разсказъ о смерти Талейрана является въ IV томѣ «Мемуаровъ» наиболѣе любопытнымъ эпизодомъ послѣ похожденій герцогини Беррійской. Онъ надѣлалъ много шума и возбудилъ газетную полемику. Такъ, въ «Temps» отъ 30 апрѣля напечатано княгиней Радзивиллъ письмо герцогини Дино къ Дюпанлу съ подробнымъ объясненіемъ о раскаяніи великаго дипломата передъ смертью въ своемъ нечестивомъ прошломъ. Княгиня Радзивиллъ поясняетъ, что она печатаетъ это письмо, полученное ею отъ бабушки, какъ отвѣтъ на невѣрный разсказъ герцогини Дино о смерти герцога Беневентскаго. Но, въ сущности, между разсказами графини де-Буань и герцогини Дино нѣтъ никакого значительнаго различія; только первая выражается злобно о Талейранѣ, а вторая почтительно. Вообще въ разсказѣ графини де-Буань видно, что она не сочувствуетъ герцогинѣ Дино и при каждомъ возможномъ случаѣ старается ее уколоть.

Талейранъ, возвратившись изъ Лондона, гдѣ былъ въ то время посломъ въ первые годы іюльской монархіи, несмотря на свою старость, все еще хотѣлъ первенствовать въ политикѣ, стараясь получить назначеніе на постъ посланника въ Вѣнѣ. По этому случаю онъ писалъ: «Я далъ Лондонъ іюльскому престолу и хочу дать ему Вѣну, что мнѣ и удастся, если мнѣ предоставятъ это сдѣлать». Но этого Талейрану не удалось достигнуть, и онъ вмѣстѣ съ герцогиней Дино сталъ интриговать противъ перваго министра Брольи въ пользу Тьера, котораго они оба въ то время очень жаловали. Къ нимъ присоединилась и княгиня Ливенъ, чтобы, по словамъ графини де-Буань, «не терять времени и не дать заржавѣть рукамъ». Имъ повезло въ ихъ проискахъ, и Тьеръ былъ назначенъ первымъ министромъ. Но онъ не оправдалъ надеждъ Талейрана и осыпалъ его оскорбленіями. Послѣдній былъ принужденъ удалиться отъ власти, и назначеніе этого кабинета было, по словамъ графини де-Буань, послѣднимъ дѣломъ Талейрана передъ его смертью.

Въ продолженіе 1837 г. здоровье послѣдняго становилось все хуже и хуже, и герцогиня Дино со всѣми близкими къ нему лицами стала энергично хлопотать, чтобы онъ примирился съ церковью. Имъ помогалъ въ этомъ отношеніи аббатъ Дюпанлу, который однако находилъ, что общество, принимаемое Талейраномъ, было слишкомъ свѣтское и легкомысленное, а потому отказался посѣщать его. Тогда Талейранъ сказалъ герцогинѣ Дино: «Вы мнѣ рекомендовали этого человѣка какъ очень умнаго, но онъ просто дуракъ; онъ ничего не понимаетъ». Послѣ этого герцогиня Дино написала старику длинное письмо, убѣждая его во всякомъ случаѣ протянуть руку церкви. Талейранъ отвѣчалъ на это присылкой длинной деклараціи, которую онъ просилъ переслать Дюпанлу и парижскому архіепископу. Около этого времени, т. е. 10 марта 1838 г., онъ послѣдній разъ появился публично и произнесъ въ академіи рѣчь въ честь Рейнгарда. Хотя эта рѣчь была очень посредственна, но она имѣла большой успѣхъ среди слушателей, благодаря умѣнью Талейрана производить впечатлѣніе своими словами. Очень довольный этимъ успѣхомъ, онъ продолжалъ выѣзжать въ свѣтъ чуть не каждый день, пока наконецъ однажды, послѣ обѣда у англійскаго посланника, не упалъ на полъ въ обморокѣ и нѣсколько времени оставался въ безсознательномъ состояніи. Когда онъ при-

шелъ въ себя, то произнесъ: «Что это со мною случилось?» Возвратясь домой, онъ нѣсколько дней оставался въ постели и послѣ этого случая болѣе не выѣзжалъ, но у себя попрежнему принималъ гостей. Однако, по словамъ докторовъ, его положеніе было очень критическое, и герцогиня Дино стала еще болѣе приставать къ нему, прося его подписать отреченіе отъ своей нечестивой жизни. Ей это однако не удалось, и только, благодаря слезамъ и просьбамъ ея дочери, малолѣтней Полины, Талейранъ наконецъ согласился и подписалъ бумагу при Дюпанлу и докторѣ, которые сообщили объ этомъ фактѣ графинѣ де-Буань.

Въ тотъ же вечеръ больного посѣтилъ король съ своей сестрою Аделаидой, которыхъ очень изумило тяжелое положеніе Талейрана. Онъ уже почти не могъ говорить, но все-таки не потерялъ присутствія духа и оставался, какъ всегда, усерднымъ царедворцемъ и дипломатомъ. Когда король уѣзжалъ, онъ довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «Прекрасный день для этого дома, когда король вступилъ въ него». Затѣмъ онъ впалъ въ забытье, но когда принцесса Аделаида, оставшись еще нѣсколько времени, подошла къ постели умирающаго, то онъ крѣпко пожалъ ей руку и произнесъ: «Я васъ очень люблю». Вскорѣ послѣ этого аббатъ Дюпанлу, съ разрѣшенія папскаго нунція Гарибальди и парижскаго архіепископа, приступилъ къ совершенію таинства соборованія. Немного времени спустя, 17 мая 1838 г., въ четыре часа дня великаго дипломата не стало.

Остальная часть IV тома мемуаровъ графини де-Буань посвящена почти исключительно событіямъ іюльской монархіи, преимущественно свадебнымъ церемоніямъ и кончинамъ членовъ Орлеанской семьи. Графиня де-Буань начинаетъ свои разсказы со свадьбы герцога Орлеанскаго въ 1837 г. Празднество по этому случаю давалось въ Фонтенебло, куда и прибыла невѣста, принцесса Елена Мекленбургская. Вообще Фонтенебло было любимымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія Луи-Филиппа и его жены. Графиня де-Буань часто ихъ тамъ посѣщала и съ особымъ интересомъ вспоминаетъ, что во время одного изъ своихъ визитовъ въ 1834 г. она выразила королевѣ свое удовольствіе, что та совершенно примирилась со своимъ положеніемъ. «Нимало, моя милая,—отвѣчала Марія-Амалія:—ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, ни на одну минуту я не успокоилась и, какъ въ Парижѣ, такъ здѣсь и вездѣ, я сожалѣю о перемѣнѣ своего положенія». «Узурпація, какъ бы она ни была вынуждена,—замѣчаетъ графиня де-Буань,—какъ бы она ни была полезна—большое бремя. Я видѣла улыбки на каждомъ шагу, но онѣ скрывали только тяжелыя думы».

Въ томъ же году въ Тріанонѣ произошла довольно скромно, по семейному, свадьба дочери короля Маріи съ принцемъ Александромъ Вюртембергскимъ, племянникомъ русской императрицы Маріи Θеодоровны. Родители молодой очень желали, чтобы она съ мужемъ осталась жить при нихъ; но принцесса Марія такъ полюбила своего мужа и отличалась такимъ патріархальнымъ нравомъ, что предпочла скромно жить въ Готѣ, причемъ по утрамъ даже сама варила себѣ и мужу кофе.

Чрезъ два года начался при дворѣ печальный рядъ кончинъ; первой умерла принцесса Марія Вюртембергская въ Италіи, гдѣ она искала хорошаго кли-

мата для поправленія здоровья послѣ первыхъ родовъ. Послѣдними ея словами были: «Друзья мои, я совершенно счастлива и умираю вполнѣ довольная». Конечно, вся королевская семья была очень огорчена этой потерей, но съ ней не могло сравниться то отчаяніе, которое овладѣло всѣми, особенно королевой, по случаю неожиданной кончины въ 1842 наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго. Эта катастрофа была самая трагическая. Герцогъ ѣхалъ изъ Парижа въ Нёльи въ фаэтонѣ парой, и лошади, испугавшись чего-то, понесли и выбросили его изъ экипажа. При этомъ онъ получилъ тяжелый ударъ въ голову и лишился чувствъ; его перенесли въ сельскій кабачокъ и здѣсь на жесткомъ тюфякѣ онъ скончался въ тотъ же вечеръ въ присутствіи отца и матери. Жена его была въ это время въ отсутствіи, на водахъ. Этотъ страшный эпизодъ произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе не только на всю королевскую семью, особенно на королеву, но и на всѣхъ французовъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Орлеанскій былъ чрезвычайно популяренъ.

Послѣ траурныхъ событій въ семьѣ Орлеановъ снова наступила очередь трехъ свадьбъ: герцоговъ Жуанвильскаго, Омальскаго и Монпансье. Первая состоялась довольно романическимъ образомъ и не въ Парижѣ, а въ Ріо-Жанейро, гдѣ принцъ Жуанвильскій находился въ экспедиціи на своемъ фрегатѣ «Belle Poule». Онъ женился на сестрѣ бразильскаго императора донъ-Педро II, даже не дожидаясь разрѣшенія своего отца, и неожиданно вернулся со своей молодой женой въ Брестъ. Входя на берегъ, онъ сказалъ морскому населенію этого порта: «Ребята, я привезъ вамъ жену матроса; она большая красавица и уже любитъ васъ». Эта оригинальная свадьба понравилась всему Парижу, и даже не встрѣтила неудовольствія въ королевской семьѣ. Герцогъ Омальскій послѣдовалъ примѣру своего брата и, возвращаясь изъ Парижа домой, женился, но, согласно всѣмъ правиламъ дипломатическихъ статутовъ, на двоюродной сестрѣ неаполитанскаго короля, принцессѣ Маріи-Каролинѣ Салернской. Третья орлеанская свадьба имѣла политическій характеръ и едва не возбудила дипломатической распри съ Англіей: благодаря интригамъ Гизо, состоялась свадьба младшаго сына Луи-Филиппа, герцога Монпансье, съ испанской инфантой. Это обстоятельство возбудило негодованіе Англіи, такъ какъ Луи-Филиппъ обѣщалъ ей не совершать ничего подобнаго, но, поддавшись уговорамъ Гизо, нарушилъ свое слово. Какъ бы то ни было, но, такъ называемый, испанскій бракъ совершился въ 1846 г. и сопровождался въ Парижѣ пышными празднествами, какъ и первыя орлеанскія свадьбы. Графиня де-Буань не принимала въ нихъ участія по причинѣ болѣзни.

Въ слѣдующемъ году наканунѣ паденія іюльской монархіи умерла принцесса Аделаида—Эгерія Луи-Филиппа. По словамъ многихъ историковъ, если бы она не скончалась, то не случилось бы и революціи 1848 г. Съ этимъ мнѣніемъ графиня де-Буань несогласна, такъ какъ принцесса уже давно потеряла прежнее значеніе въ политическихъ дѣлахъ, благодаря своему болѣзненному состоянію и тяжелому впечатлѣнію, произведенному на нее смертью герцога Орлеанскаго. Дѣйствительно, въ первое время царствованія Людовика-Филиппа, принцесса Аделаида много помогала ему, старательно содѣйствуя всей его государственной, конституціонной дѣятельности. Между прочимъ по вечерамъ

она всегда присутствовала при подписываніи имъ бумагъ, что продолжалось около двухъ часовъ, при чемъ постоянно находилась и королева. Принцесса отличалась проницательнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, но съ лѣтами и болѣзнью она перестала содѣйствовать королю своими совѣтами, а убѣдившись все въ большей и большей его непогрѣшимости въ рѣшеніи вопросовъ, старалась только ни въ чемъ ему не противорѣчить и всячески его поддерживать. Вообще, графиня де-Буань замѣчаетъ, что въ послѣдніе годы своего царствованія Луи-Филиппъ, хотя и отличавшійся умомъ и здравымъ смысломъ, становился очень вспыльчивъ, сердился изъ-за всякаго пустяка и болталъ безъ умолку, не давая возможности министрамъ говорить съ нимъ о дѣлѣ. Первый министръ послѣдней эпохи іюльской монархіи, Гизо, замѣчаетъ графиня де-Буань, чрезвычайно гордился будто бы своимъ умѣньемъ управлять государствомъ, а въ сущности король былъ способнѣе его, и Гизо только придавалъ идеямъ Людовика-Филиппа красивую литературную оболочку. Какъ бы вліяніе Гизо на короля ни было роковымъ, но съ внѣшней стороны оно казалось столь привлекательнымъ, что даже принцесса Аделаида, прежде его не терпѣвшая, совершенно къ нему измѣнилась. «Хотя надменность Гизо мнѣ не нравится, —говорила она графинѣ де-Буань: — но онъ лучше всѣхъ понимаетъ короля».

Въ послѣдній разъ графиня де-Буань видѣлась съ принцессой Аделаидой 27 декабря 1847 года и, прощаясь съ нею, послѣдняя приглашала ее непремѣнно пріѣхать во дворецъ на первыхъ дняхъ новаго года. «Мы тогда,—говорила она,— выйдемъ изъ этого проклятаго года: я его ужасно ненавижу и надѣюсь, что скоро увижу его конецъ». Однако ей не суждено было до этого дожить: 30 декабря съ нею неожиданно сдѣлался ударъ и черезъ нѣсколько часовъ она умерла, не приходя въ себя.

Послѣ смерти принцессы Аделаиды въ Орлеанской семьѣ пошли безконечные безпорядки и, по словамъ графини де-Буань, революція 1848 г. въ сущности началась во дворцѣ. Герцогиня Орлеанская и принцъ Жуанвильскій стали интриговать противъ короля и королевы. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался и министерскій кризисъ: Гизо былъ принужденъ подать въ отставку, а назначенныя королемъ министерства, прежде Молэ, а потомъ Тьера и Одильона Барро,—не составились. Затѣмъ послѣдовала февральская революція, и король былъ вынужденъ подписать свое отреченіе по настоянію его сыновей, изъ которыхъ Монпансье, схвативъ его за руку, громко кричалъ: «Отрекитесь, государь, нѣтъ другого средства всѣхъ насъ спасти отъ смерти». Бѣгство королевскаго семейства въ Англію уже часто разсказывалось и потому необходимо только прибавить, что графиня де-Буань уѣхала въ Туръ вмѣстѣ со своимъ близкимъ большимъ другомъ канцлеромъ Пакье, гдѣ спокойно провела восемь мѣсяцевъ. Черезъ годъ послѣ смерти Луи-Филиппа королева Марія-Амалія увидѣлась въ Брюсселѣ съ графиней де-Буань, которую она называла своимъ самымъ старымъ другомъ. Тутъ въ послѣдній разъ графиня де-Буань попыталась принять участіе въ политикѣ; именно она посовѣтовала соединить Орлеанскую линію съ Бурбонской, но ей не удалось достичь цѣли, такъ какъ Марія-Амалія этому не сочувствовала.

Ранѣе здѣсь уже было упомянуто, что мемуары графини де-Буань, повидимому, окончены 1862 годомъ, а она сама умерла четыре года спустя.

— Независимая Норвегія.—Маленькая Норвегія, вызвавшая всесвѣтный восторгъ своимъ чуднымъ единодушіемъ въ рѣшительную минуту борьбы за независимость, теперь начинаетъ обнаруживать несогласія. Откинувъ всѣ распри, она на время слилась воедино и неудивительно, что, достигнувъ завѣтной цѣли, прежнія неурядицы партій снова вспыхнули. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ цѣль была вполнѣ достигнута, для другихъ же, какъ, напримѣръ, соціалистовъ, это было только этапомъ. Изъ письма, помѣщеннаго на страницахъ «Hebdo Débats» [1]), неизвѣстный корреспондентъ этой газеты слѣдующимъ образомъ рисуетъ положеніе дѣлъ теперешней независимой Норвегіи.

По его словамъ, министерство, гдѣ, со времени отставки Михельсона, главенствовалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Лёвландъ, сдало свои уполномочія королю. Послѣдній поручилъ лидеру оппозиціи, Гуннару Кнудзену, составить новый кабинетъ. Этотъ кризисъ ожидался уже нѣкоторое время, но многіе питали надежду, что стортингъ все-таки постарается его избѣжать, по крайней мѣрѣ до будущаго 1909 г., когда произойдутъ выборы. По этому случаю умы настроены неспокойно, и чтобы выяснить это настроеніе, слѣдуетъ вернуться къ событіямъ, предшествовавшимъ государственному перевороту 7 іюля 1905 г., когда произошло отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи.

Въ то время въ Швеціи существовали помимо соціалистовъ двѣ партіи— лѣвая и правая, иначе сказать—консерваторы и радикалы. Первые желали остаться вѣрными конституціи 1814 года, соединявшей Швецію и Норвегію воедино, подъ одной короной; другіе подготовляли понемногу ея независимость—идея, которая мало-по-малу укоренилась во всѣхъ сердцахъ и достигла того рѣдкаго единодушія въ норвежской націи въ рѣшительную минуту, которымъ восторгался весь свѣтъ. Во время этихъ событій Михельсонъ вступилъ въ министерство и составилъ въ началѣ 1905 года новый кабинетъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать при разрывѣ со Швеціей, при Карлстадской конвенціи и врученіи короны прежнихъ норвежскихъ королей принцу Карлу Датскому, Гаакону VII. Это былъ замѣчательный моментъ, который останется одной изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ въ исторіи современной Скандинавіи. Вся нація, единодушно соединяясь въ патріотическомъ чувствѣ, твердо поддерживала правительство, со своей стороны составившее вполнѣ объединенное цѣлое, въ которомъ не произошло никакого различія мнѣній.

Когда задача была исполнена, это цѣлое раздѣлилось. Однимъ изъ первыхъ отошелъ теперешній первый министръ, въ то время министръ финансовъ Гуннаръ Кнудзенъ, такъ какъ его республиканскіе принципы не позволяли ему поддерживать монархіи. На лонѣ государственной церкви тоже вспыхнули распри, вскорѣ произведя перемѣны и въ министерствѣ государственныхъ вѣроисповѣданій, и мало-по-малу люди 1905 года уступили мѣсто другимъ.

---

[1]) Lettre de Norvège. «Hebdo Débats». 10 Avril 1908.

Въ стортингѣ, въ свою очередь, послѣ общаго единодушія произошли досадныя неурядицы. Какъ только отдѣленіе отъ Швеціи совершилось, всѣ партіи исчезли: причины, которыя ихъ раздѣляли, перестали существовать, и меньшинство республиканцевъ было слишкомъ ничтожно, чтобы составить группу. Но человѣчество, замѣчаетъ корреспондентъ, не достаточно совершенно, чтобы столь полное согласіе могло длиться. Прежнія политическія несогласія не замедлили вспыхнуть, и совершенно незамѣтно снова составились партіи. Прежніе консерваторы сдѣлались либералами; лѣвые раздѣлились на лѣвыхъ независимыхъ и лѣвыхъ радикаловъ; соціалисты продолжали, какъ и прежде, составлять отдѣльную партію.

Михельсонъ предложилъ всѣмъ партіямъ лояльно сотрудничать для блага и процвѣтанія родины, взявъ основаніемъ программы лѣвыхъ. Пока онъ находился у власти, его вліяніе было достаточно, чтобы отразить всѣ нападки, которыя радикалы нѣсколько разъ пытались направить на его кабинетъ. Когда въ концѣ октября онъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе болѣзни, его преемникомъ былъ назначенъ Лёвландъ, сохранившій вмѣстѣ съ тѣмъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, и никто лучше его не могъ занять мѣста главы, которому онъ такъ энергично и умно помогалъ въ тяжелые для Норвегіи дни. Біографія этого государственнаго человѣка чрезвычайно любопытна. Въ юности онъ былъ пастухомъ, затѣмъ начальнымъ учителемъ и, наконецъ, благодаря личнымъ достоинствамъ, достигъ высшаго назначенія, о какомъ могъ только мечтать норвежскій гражданинъ.

Отъ министерства 1905 г. остались только онъ и Арктандеръ. Продолжая утверждать, что вѣрный пути, начертанному его предшественникомъ, онъ желаетъ обезпечить себѣ сотрудничество всѣхъ партій, Лёвландъ направилъ свою политику влѣво, и реформы, о которыхъ онъ говорилъ въ различныхъ своихъ правительственныхъ декларацiяхъ, были чисто радикальными. Онѣ касались отношеній церкви и государства, замѣны деревенскаго говора landsmaal классическимъ языкомъ ringsmaall, на которомъ всѣ теперь говорятъ. Этой замѣнѣ сочувствовалъ Лёвландъ, и особенно съ точки зрѣнія протекціонизма эти реформы открывали совершенно новую эру.

Въ министерство земледѣлія былъ призванъ человѣкъ, который во всѣхъ вопросахъ трезвости игралъ очень дѣятельную роль, для того, чтобы сдѣлаться президентомъ союза трезвенниковъ. Его назначеніе привѣтствовалось съ энтузіазмомъ всѣми сторонниками партіи новаго министерства. Аарестадъ не опасался объявить публично, что всѣ его усилія стремятся къ полному уничтоженію не только спирта, но и вина. Дѣйствительно, были представлены проекты закона, которые, если бы ихъ вотировали, совершенно разорили бы въ Норвегіи торговлю виномъ и, конечно, отозвались бы на вывозѣ вина изъ другихъ странъ.

Для удовлетворенія націоналистовъ правительство въ то же время выработало законы, которые имѣли цѣлью подготовленіе конфискаціи лѣсовъ и въ то же время воспрещеніе иностраннымъ капиталистамъ захватывать въ свои руки естественныя богатства страны, какъ, напримѣръ, руды и водопады. Относительно достиженія цѣли царила полная гармонія; когда же дѣло дошло

до способа достиженія, то это доброе согласіе нарушилось, и лѣвые радикалы, поддерживаемые частью соціалистами, открыли противъ кабинета Лёвланда походъ, который довелъ кабинетъ до паденія. Въ общемъ ничто не представляло необходимости этого кризиса въ настоящую минуту. Оппозиція рѣшилась слѣдовать политикѣ, тождественной той, которую продиктовали правительственные акты, а послѣдніе не были доведены до меньшинства ни въ какомъ вопросѣ. Соціалисты, голоса недовѣрія которыхъ присоединились къ радикаламъ, вызвали отставку Лёвланда и его коллегъ и выказали ту же непріязнь къ его предполагаемымъ преемникамъ. Общественное мнѣніе въ Норвегіи не очень пріязненно отнеслось къ пріемамъ, которые вынудили министерство подать въ отставку. Повидимому, моментъ для этого былъ выбранъ дурной, изъ чего можно предположить, что эта борьба ведется только изъ вопроса личнаго честолюбія.

Впрочемъ, Кнудзену предстояли большія затрудненія составить свой кабинетъ, и ничто не доказываетъ, что онъ удержитъ власть. Навѣрное онъ можетъ разсчитывать лишь на 53 членовъ своей группы. Члены независимой лѣвой, которые съ либералами составятъ оппозиціонный лагерь, наотрѣзъ отказались содѣйствовать ему. На десятокъ соціалистовъ онъ тоже не можетъ опереться, при чемъ и они могутъ дать ему лишь большинство трехъ голосовъ.

Однако думаютъ, что, ради избѣжанія новаго кризиса послѣ столь короткаго перерыва, независимые окажутъ поддержку кабинету до законодательныхъ выборовъ 1909 г. Но отъ этого положеніе министерства не сдѣлается болѣе прочнымъ, такъ какъ оно будетъ въ распоряженіи независимыхъ, съ которыми Гуннаръ Кнудзенъ и его партія такъ круто обращались и которые могутъ вернуть ему язвительное замѣчаніе, сказанное имъ своему предшественнику: «Вы здѣсь только терпимы».

Новое правительство, впервые явясь передъ стортингомъ, произнесло декларацію, которая была довольно безцвѣтна и ничего не говорила. Повидимому, Кнудзенъ совершилъ неосторожность, вызвавъ кризисъ, который привелъ его къ власти, и его роль перваго министра не должна быть такъ блестяща, какъ та, которую онъ игралъ въ качествѣ главы оппозиціи.

— Россія съ точки зрѣнія голландцевъ и французовъ.—Амстердамскій публицистъ Ванъ-Віикъ недавно посѣтилъ Россію и напечаталъ въ апрѣльскомъ нумерѣ журнала «Gids» свои путевыя воспоминанія. Съ самаго начала онъ напоминаетъ слова Достоевскаго: «Тогда произошло нѣчто неожиданное»,—и замѣчаетъ, что это неожиданное произошло въ Россіи и потрясло русскую душу. Тѣмъ, которые хорошо знаютъ русскаго человѣка и хорошо за нимъ наблюдаютъ, извѣстно, что онъ, а особенно русскій мужикъ, дремалъ уже давно. Иностранцу, путешествующему по Россіи, вспоминаются слова изъ «Мертвыхъ душъ»: «Господи, какъ Россія скучна!» Другая черта, поразившая Ванъ-Віика въ русскихъ, заключалась въ неустойчивости мнѣній большинства интеллигентовъ. «Можно сказать,—замѣчаетъ онъ:—что русскіе люди постоянно измѣняютъ свое умственное сознаніе». Авторъ сожалѣетъ, что въ Россіи только одинъ Толстой и что такое количество русскихъ не понимаетъ великаго руководителя человѣчества, живущаго въ Ясной Полянѣ.

Въ томъ же мѣсяцѣ въ «Revue des Deux Mondes» напечатано изслѣдованіе виконта Авенеля о богатствѣ Россіи. По его расчету, она получила отъ 1 января 1[illegible] года до 1 января 1[illegible] года всего 19 милліардовъ 204 милліона рублей, [illegible] отъ различныхъ займовъ и другихъ чрезвычайныхъ доходовъ. Въ тотъ же періодъ времени она израсходовала сверхъ обыкновенныхъ средствъ 19 милліардовъ 415 милліоновъ. Такимъ образомъ, разница равняется 211 милліонамъ. Долгъ Россіи доходитъ теперь до 9 милліардовъ [illegible] милліоновъ рублей, изъ которыхъ на военное министерство издержано 4 милліарда [illegible] милліоновъ, въ томъ числѣ на японскую войну 2 милліарда, на постройку и выкупъ желѣзныхъ дорогъ 3 милліарда, на ссуды крестьянскаго и дворянскаго банковъ 1.225 милліоновъ, на уплату сибирскихъ земель, принадлежавшихъ прежнимъ крѣпостнымъ, 2 милліарда. Крестьяне возвратили до 1906 года 2 милліарда, которые государство имъ одолжило около полувѣка тому назадъ. Бывшіе крестьяне должны были уплатить займы, сдѣланные ради взноса помѣщикамъ выкупныхъ суммъ. Правительство передъ русско-японской войной до 1904 года получило изъ этой суммы 81 милліонъ рублей, но теперь ничего не получаетъ. Аграрный кризисъ въ настоящее время господствуетъ надъ всѣми политическими заботами Россіи. Земельная площадь Россіи равняется 430 милліонамъ гектаровъ, изъ которыхъ казна, города, удѣлы и другія учрежденія владѣютъ 165 милліонами. По словамъ Авенеля, это количество земли такъ велико, что имъ можно было бы удовлетворить нуждающихся земледѣльцевъ. Но, въ сущности, у крестьянъ чувствуется недостатокъ не въ землѣ, а въ ея обработкѣ. Русскій крестьянинъ, по мнѣнію автора, владѣетъ землею въ большемъ количествѣ, чѣмъ какіе бы то ни было крестьяне на свѣтѣ, но онъ не умѣетъ на ней хозяйничать, и поэтому бѣднѣе ихъ. Авенель рисуетъ картину этого кризиса и считаетъ его не кризисомъ нищеты, а кризисомъ роста. Онъ говоритъ, что существуютъ двѣ Россіи: одна, которую видятъ сквозь дымъ бомбъ, и другая, которую не видятъ и которая заключаетъ въ себѣ массу людей, дремлющихъ на лонѣ своей страны.

Въ іюньскомъ нумерѣ «Revue des etudes franco-russe» помѣщена любопытная статья подъ заглавіемъ: «Екатерина II какъ ученица Шекспира», редактора этого журнала Шарля Ларивьера. Собственно говоря, авторъ заимствовалъ матеріалъ, послужившій основаніемъ для этюда, изъ статьи того же заглавія А. Лиронделя въ «Revue Germanique»; но онъ лично прибавилъ и свои данныя къ тому, что использовалъ Лирондель. Тотъ и другой, а преимущественно Ларивьеръ, сочувственно относятся къ драматическимъ сочиненіямъ Екатерины, въ которыхъ она старается подражать Шекспиру и, какъ бы шутя, въ продолженіе года создаетъ семь театральныхъ пьесъ. Эта страсть къ драматическому творчеству продолжалась у нея около пяти лѣтъ, отъ 1786 по 1790 годъ, и, по словамъ Ларивьера, ея сотрудниками были графы Сегюръ и Кобенцель, князь де-Линь и ея фаворитъ Мамоновъ.

Не зная англійскаго языка, Екатерина, по ея выраженію, «проглотила» девять томовъ Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ. «Эти подражанія Шекспиру,—пишетъ она своему другу Гримму:—очень удобны. Это ни трагедіи, ни комедіи и въ нихъ главное правило, чтобы пьеса не была скучна для зрите-

лей. Кромѣ того, наши пьесы, насколько возможно, сохраняютъ историческую точность. Кто ихъ видѣлъ, всѣ говорятъ, что онѣ интересны, и что бы вы ни сказали о нихъ, но онѣ забавляютъ, а это главное». Въ доказательство того, что она подражаетъ Шекспиру въ своихъ историческихъ пьесахъ, Екатерина въ первой изъ нихъ написала въ заглавіи: «Подражаніе Шекспиру безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ». Но это была только первая попытка, вторая же драма «Начало княженія Олега» чрезвычайно понравилась видѣвшему ее графу Валентину Эстергази, который пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Я не могъ судить о подробностяхъ этой пьесы, но я вполнѣ убѣжденъ, что она полна ума и что императрица вложила въ уста Олега великіе административные принципы».

Еще надо упомянуть о пьесѣ «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье», въ заголовкѣ которой начертано: «Вольное, но слабое переложеніе изъ Шекспира». Еще Екатерина свободно подражала «Тимону Аѳинскому» Шекспира; что же касается до «Шамана Сибирскаго», то хотя Храповицкій и Пыпинъ полагаютъ, что въ немъ замѣтно подражаніе Шекспиру, но врядъ ли это возможно, такъ какъ въ этой пьесѣ осмѣивается масонство и шарлатанство Каліостро. Отдавая должную честь Екатеринѣ, какъ ученицѣ Шекспира, оба, Лирондель и Ларивьеръ, признаютъ, что она немилосердно разрушала шекспировскія красоты и немилосердно попирала подъ ногами самые лучшіе изъ шекспировскихъ цвѣтовъ. Кромѣ того, Екатерина была хорошимъ прозаикомъ, но плохимъ поэтомъ, а Шекспира нельзя хорошо передавать безъ поэтическаго настроенія.

— Смерть графа Торніелли, Принетти, Стефана Тюрра, Франсуа Коппе и Гастона Буасье.—Въ послѣднее время дипломатическій міръ Италіи понесъ двѣ значительныя потери. Сначала умеръ графъ Джузеппо Торніелли Брузати-ди-Вергано въ Парижѣ, гдѣ покойный былъ долгое время итальянскимъ посломъ. Принадлежа къ извѣстной аристократической семьѣ, онъ родился въ Наваррѣ въ 1836 г. и 24-хъ лѣтъ дебютировалъ на дипломатическомъ поприщѣ. Сначала онъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ, въ 1863 г. былъ назначенъ въ Петербургъ секретаремъ посольства, а потомъ находился посланникомъ въ Аѳинахъ и Бухарестѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ занималъ видное мѣсто по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Римѣ, а послѣ состоялъ посломъ въ Мадридѣ и Лондонѣ. Наконецъ, въ 1895 г., Торніелли перешелъ въ Парижъ, гдѣ оставался до самой своей смерти. При министерствѣ Криспи Торніелли не очень сочувствовалъ Франціи, но потомъ долгіе годы былъ завзятымъ другомъ и сторонникомъ Французской республики. Онъ былъ женатъ на внучкѣ знаменитаго Ростопчина, графинѣ Ростопчиной, и чрезвычайно сочувствовалъ франко-русскому союзу.

9 іюня въ Римѣ скончался въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, довольно раннемъ для государственныхъ людей, маркизъ Джуліо Принетти. Онъ происходилъ изъ извѣстной ломбардской буржуазной семьи и, родившись въ Миланѣ въ 1851 г., получилъ образованіе въ инженерной школѣ и потому въ молодости занималъ мѣсто директора металлургическихъ заводовъ. Въ 1882 г. онъ былъ избранъ въ депутаты отъ парламентскаго округа Комо и засѣдалъ въ партіи правыхъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ онъ былъ назначенъ министромъ

общественныхъ работъ въ кабинетѣ Рудини и наконецъ въ 1901 г. Цанарделли сдѣлалъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ политикѣ онъ отличался сочувствіемъ къ Франціи и Англіи, но онъ такъ энергично занимался политическими дѣлами, что однажды, поднося королю къ подписи офиціальныя бумаги, былъ пораженъ апоплектическимъ ударомъ. Онъ однако сохранилъ всю ясность своего ума и, оправившись, возвратился въ парламентъ, гдѣ произносилъ замѣчательныя рѣчи. Въ вознагражденіе за его дипломатическіе труды король пожаловалъ ему титулъ маркиза Мерата.

Въ маѣ мѣсяцѣ съ политическаго небосклона исчезъ на 83 году жизни извѣстный венгерскій генералъ Тюрръ. Онъ родился въ Байѣ въ 1825 г. и участвовалъ въ нѣскольких войнахъ съ Австріей. Потомъ онъ содѣйствовалъ подвигамъ Гарибальди въ Сициліи и былъ назначенъ губернаторомъ Неаполя. Долгое время онъ агитировалъ въ пользу Кошута и послѣ многихъ лѣтъ борьбы съ Австріей помирился съ австрійскимъ дуалистическимъ правительствомъ. Въ это время онъ составилъ планъ франко-итальяно-австрійскаго союза; если бы онъ состоялся, то, вѣроятно, исходъ франко-прусской войны былъ бы совершенно иной. Кромѣ того, Тюрръ отличался ненавистью къ Пруссіи и Россіи и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытную его характеристику представляетъ Эдуардъ фонъ-Вертеймеръ, извѣстный австрійскій историкъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ французская академія теряетъ одного за другимъ своихъ безсмертныхъ. Такъ, въ концѣ мая мѣсяца она лишилась Франсуа Коппе, а 10 іюня — Гастона Буасье, знаменитаго латиниста и своего непремѣннаго секретаря. Хотя Франсуа Коппе былъ немного забытъ молодымъ поколѣніемъ и въ послѣдніе годы почти вовсе не писалъ, но, родившись въ 1842 г., онъ занималъ видное мѣсто въ современномъ Парнасѣ вмѣстѣ съ многими замѣчательными поэтами. Впрочемъ, Леконтъ де-Лиль былъ болѣе художественно-пластическимъ поэтомъ, Эредіа болѣе блестящимъ, а Сюлли Прюдомъ вдумчивымъ и серьезнымъ; но Коппе все-таки являлся самымъ популярнымъ парнасцемъ и поэтомъ, любившимъ скромную буржуазную жизнь. Родившись въ Парижѣ въ 1842 г., онъ воспитывался въ лицеѣ св. Людовика и въ молодости служилъ чиновникомъ въ военномъ министерствѣ. Кромѣ безконечныхъ поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе были «Les Humbles», «Le cahier rouge» и т. д., Коппе еще написалъ многочисленные разсказы и нѣсколько романовъ, изъ которыхъ имѣетъ автобіографическое значеніе «Toute une jeunesse». Наконецъ, Коппе является и недурнымъ, хотя и не первокласснымъ, драматургомъ. Чрезвычайно популярной была его пьеса: «Le passant», въ которой дебютировала Сарра Бернаръ, и большое вниманіе обратила на себя драма «Les Jacobits», въ которой играла впервые на сценѣ другая знаменитость, госпожа Сегонъ Веберъ. Кромѣ этого, въ сценическомъ отношеніи удивительное впечатлѣніе производитъ на всѣхъ языкахъ «La grève des forgerons», которую ставятъ на сценѣ какъ пьесу, хотя въ ней участвуетъ только одно лицо—старый герой стачки.

Гастонъ Буасье умеръ восьмидесяти пяти лѣтъ, но до послѣдняго дня жизни былъ веселымъ, одушевленнымъ и дѣловымъ человѣкомъ. Онъ исполнялъ уже много лѣтъ должность непремѣннаго секретаря академіи. Буасье

родился въ Нимѣ въ 1823 г., воспитывался въ Нормальной школѣ и былъ постепенно учителемъ и профессоромъ во многихъ провинціальныхъ и парижскихъ школахъ. Наконецъ, послѣ смерти Ренана, онъ былъ назначенъ директоромъ Французской коллегіи и главнымъ предметомъ его научныхъ занятій была классическая римская литература, а самыми замѣчательными его сочиненіями слѣдуетъ назвать «Ciceron et ses amis», «La fin du paganisme», «Promenade archeologique». Впрочемъ, кромѣ классицизма, Буасье занимался еще и французской литературой, написавъ «Madame de Sevygné» и «Saint Simon». Всю жизнь Буасье былъ чрезвычайно здоровъ и предъ смертью только три дня пролежалъ въ постели. Онъ умеръ очень спокойно отъ паралича сердца, безъ малѣйшей агоніи. О немъ отзывается съ большой похвалой итальянскій историкъ Гульельмо Ферреро, который считаетъ Буасье гораздо высшимъ историкомъ, чѣмъ знаменитый Момзенъ. По его мнѣнію, послѣдній только занимательный разсказчикъ, но далеко не историкъ-психологъ.

СМѢСЬ

ОТКРЫТІЕ памятника С. П. Боткину. 25 мая въ военно-медицинской академіи состоялось открытіе памятника профессору С. П. Боткину. Памятникъ былъ уже давно готовъ и поставленъ въ скверѣ, разбитомъ предъ терапевтическимъ отдѣленіемъ клиники баронета Виллie, гдѣ протекла научно-врачебная дѣятельность покойнаго профессора. Но событія послѣднихъ лѣтъ не дали возможности съ подобающимъ торжествомъ почтить память великаго русскаго клинициста до сихъ поръ. Къ 2 часамъ дня небольшая аудиторія терапевтическаго отдѣленія была переполнена выдающимися представителями столичнаго медицинскаго міра. Среди присутствовавшихъ находились родственники покойнаго, его сынъ почетный лейбъ-медикъ С. С. Боткинъ, сенаторъ С. М. Лукьяновъ, главный военно-медицинскій инспекторъ А. Я. Евдокимовъ, медицинскій инспекторъ флота В. С. Кудринъ, начальникъ военно-медицинской академіи А. Я. Данилевскій, директоръ дѣтской больницы принца Ольденбургскаго К. А. Раухфусъ, профессора лейбъ-отіатръ Н. П. Симановскій, академикъ В. М. Бехтеревъ, почетный лейбъ-хирургъ Круглевскій, лейбъ-медикъ А. Ю. Зуевъ, а также многіе другіе почетные гости, профессора, служащіе академіи, врачи и студенты. Собраніе открылось рѣчью профессора В. Н. Сиротинина (ученика С. П. Боткина), который въ задушевныхъ штрихахъ набросалъ величавую фигуру геніальнаго клинициста. Вопросъ объ открытіи памятника былъ возбужденъ конференціей академіи, которая для этой цѣли избрала особую комиссію. Расходъ по постановкѣ памятника былъ покрытъ изъ суммы, собранной среди бывшихъ учениковъ и почитателей С. П. Послѣ рѣчи В. Н. Сиротинина всѣ присутствовавшіе перешли въ скверъ передъ клиникой, гдѣ на площадкѣ на зеленомъ фонѣ распустившихся деревьевъ возвышался памятникъ. Здѣсь была отслужена панихида, по окончаніи которой начальникъ

военно-медицинской академіи А. Я. Данилевскій произнесъ небольшую прочувствованную рѣчь, посвященную памяти С. П. Сынъ покойнаго профессоръ С. С. Боткинъ выразилъ глубокую и искреннюю признательность отъ лица родныхъ покойнаго за то глубокое вниманіе, которое оказано памяти С. П. По случаю открытія памятника С. П. Боткину военно-медицинской академіей и С. С. Боткинымъ получены многочисленныя привѣтственныя письма и телеграммы. Памятникъ сдѣланъ изъ бронзы, по модели скульптора профессора В. А. Беклемишева, и изображаетъ покойнаго Сергѣя Петровича стоящимъ въ его характерной позѣ съ заложенными за спину руками, въ штатскомъ сюртукѣ, съ лицомъ, обращеннымъ къ зданію больницы. На гранитномъ пьедесталѣ золотомъ вырѣзана надпись: «Сергѣй Петровичъ Боткинъ. 1832—1889 годъ».

25-лѣтіе общества школьныхъ дачъ. 18-го мая общество школьныхъ дачъ для петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній торжественно отпраздновало 25-лѣтній юбилей своего существованія. Отрицательныя послѣдствія школьнаго режима для физическаго развитія вообще учащейся молодежи особенно тяжелы. И вотъ прійти на помощь дѣтямъ, сдѣлать эту помощь не случайной, а организованной, и задумалъ небольшой кружокъ лицъ, во главѣ котораго стояли: К. А. Раухфусъ, графъ П. Ю. Сюзоръ, пасторъ Жилотъ и умершіе нынѣ Гейлотъ и Осининъ. Душой этого общества со дня его основанія былъ К. А. Раухфусъ. Къ нему, собственно говоря, были обращены вчера, 18-го мая, всѣ привѣтствія. Депутаціи съ адресами были отъ собранія директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, отъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія; отъ общества охраненія народнаго здравія; отъ предсѣдателей родительскихъ комитетовъ, петровской женской гимназіи и многихъ другихъ. Бывшія воспитанницы г-жи Клопферъ, Лауэнштейнъ и докторъ Клопферъ также привѣтствовали К. А. Раухфуса и поднесли ему букетъ цвѣтовъ. К. А. Раухфусъ всѣмъ отвѣчалъ на привѣтствія и благодарилъ за горячія пожеланія. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Георгіевскій сообщилъ, что Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна въ ознаменованіе полезной дѣятельности общества соизволила принять это общество подъ свое высочайшее покровительство, а также дала свое согласіе на занятіе должности почетнаго предсѣдателя герцогомъ М. Г. Мекленбургъ-Стрелицкимъ. К. А. Раухфусъ прочелъ полученныя имъ поздравительныя телеграммы. Закрывая собраніе, герцогъ М. Г. Мекленбургъ-Стрелицкій сообщилъ, что при дѣятельномъ участіи графини Н. Ѳ. Карловой собранъ капиталъ въ 8000 руб., на который будутъ учреждены 4 стипендіи имени К. А. Раухфуса. На торжествѣ присутствовали: герцоги М. Г. и Г. Г. Мекленбургъ-Стрелицкіе, герцогиня Е. Г. Саксенъ-Альтенбургская, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, графиня Н. Ѳ. Карлова, директора гимназій: гг. Зоргенфрей, Карповъ, Кеннигъ, Якубовъ, протоіерей Вѣтвеницкій, контръ-адмиралъ Беклемишевъ и многіе другіе.

Юбилей П. А. Потѣхина. 25-го мая происходило торжественное чествованіе предсѣдателя городской училищной комиссіи П. А. Потѣхина по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности на пользу народнаго образованія. Боль-

ной залъ городского училищнаго дома имени императора Александра II переполненъ. Сюда явилась масса дѣтей, воспитывающихся въ городскихъ школахъ, масса учительницъ, учителей и публики, такъ или иначе причастной къ дѣлу народнаго образованія. Много священниковъ, военныхъ, педагоговъ, представителей вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. На эстрадѣ рядомъ съ юбиляромъ М. М. Стасюлевичъ, бывшій предсѣдатель городской училищной комиссіи, руководитель чествованія, директоръ народныхъ училищъ А. Л. Смирновъ, члены училищной комиссіи, члены управы, гласные Думы. Съ двухъ часовъ дня начались поздравленія, подношенія адресовъ, рѣчи и едва-едва закончились къ 5-ти часамъ, когда предсѣдатель юбилейнаго засѣданія М. М. Стасюлевичъ закрылъ собраніе. Отъ городского училищнаго совѣта юбиляра привѣтствовалъ товарищъ головы Д. П. Демкинъ, отъ комиссіи по народному образованію Г. И. Дурнякинъ. Предсѣдатель постоянной комиссіи по техническому образованію императорскаго техническаго общества А. Г. Небольсинъ выразилъ привѣтствіе отъ комиссіи по техническому образованію. Далѣе продефилировалъ рядъ депутацій отъ профессіональныхъ школъ, фребелевскаго общества, школьныхъ врачей, отъ городскихъ школъ, отъ учащихся въ городскихъ училищахъ. П. И. Вейнбергъ телеграммой привѣтствовалъ юбиляра отъ имени литературнаго фонда. Была получена масса телеграммъ отъ видныхъ общественныхъ дѣятелей изъ провинціи. Отъ г. Самары привѣтствовалъ П. А. Потѣхина членъ государственной думы Клюжевъ. Юбиляръ растроганно благодарилъ почтившихъ его поздравленіями, М. М. Стасюлевича и населеніе г. Петербурга. Дѣти, воспитанницы городскихъ школъ, привѣтствовали юбиляра торжественной кантатой, слова которой сочинилъ священникъ отецъ Лебединскій. Дирижировалъ хоромъ дѣтей авторъ музыки г. Тиняковъ. Дѣтскій хоръ былъ встрѣченъ восторженными аплодисментами и юбиляра, и публики.

Юбилей профессора И. А. Тиме. 31 мая исполнилось 50 лѣтъ служебной и ученой дѣятельности заслуженнаго профессора, горнаго инженера И. А. Тиме. Къ часу дня на квартирѣ юбиляра собрались: министръ торговли и промышленности И. П. Шиповъ, товарищъ министра Д. П. Коноваловъ, управляющій горнымъ департаментомъ Сучковъ, предсѣдатель ученаго горнаго комитета Н. А. Іосса, директора и профессора горнаго, технологическаго и политехническаго петербургскихъ институтовъ, инженеры и студенты, ученики юбиляра. Чествованіе открылъ министръ, въ длинной рѣчи указавшій на громадныя заслуги и значеніе полувѣковой дѣятельности И. А., затѣмъ говорили товарищъ министра и управляющій горнымъ департаментомъ. Вслѣдъ за этими рѣчами были поднесены многочисленные адреса. Н. А. Іосса прочелъ адресъ отъ имени ученаго горнаго комитета, профессоръ В. С. Федоровъ—отъ горнаго института, который постановилъ увѣковѣчить память юбиляра, поставивъ его портретъ въ находящуюся въ институтѣ галерею дѣятелей горнаго дѣла и посвятивъ ему ближайшій выпускъ «Извѣстій Института». Профессоръ А. С. Вороновъ привѣтствовалъ отъ технологическаго института. Привѣтственныя депутаціи съ адресами прислали: монетный дворъ, металлургическое отдѣленіе петербургскаго политехническаго инсти-

тута, екатеринославское высшее горное училище, императорское русское техническое общество, совѣтъ съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи, общество горныхъ инженеровъ, металлозаводчики сѣвера Россіи, земельно-заводскій отдѣлъ Кабинета Его Величества и другіе. За депутаціями слѣдовали рѣчи инспектора по горной части министерства торговли и промышленности И. Н. Урбановича, учениковъ юбиляра и т. д. Изъ учениковъ И. А. многіе сами уже давно профессорствуютъ, занимаютъ посты директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, видныя административныя мѣста. «Ихъ насчитываютъ тысячами,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ, опредѣлявшій громадное значеніе дѣятельности юбиляра:—И. А. Тиме принадлежитъ къ числу тѣхъ популярнѣйшихъ профессоровъ, имена которыхъ остаются, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе». На каждое привѣтствіе юбиляръ, уже почтенный, «старый, но не дряхлый» человѣкъ, какъ онъ про себя выразился,—отвѣчалъ теплымъ словомъ. Среди массы присланныхъ телеграммъ отмѣтимъ: отъ института инженеровъ путей сообщенія, отъ сходки студентовъ горнаго института, отъ горнаго отдѣленія томскаго технологическаго института, отъ алтайскихъ инженеровъ, инженеровъ Забайкальской области, В. И. Ковалевскаго, Бѣлелюбскаго и много другихъ.

Памятникъ Петру I. Государь Императоръ, 16-го сего мая, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе всероссійскаго сбора пожертвованій на сооруженіе на мѣстѣ Полтавской побѣды памятника императору Петру I и на учрежденіе для этой цѣли особаго комитета подъ предсѣдательствомъ полтавскаго губернатора въ составѣ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, предсѣдателя губернской земской управы, городского головы, начальника 9-й пѣхотной дивизіи, начальника казачьей дивизіи, начальника мѣстной бригады, управляющаго казенною палатою и одного изъ членовъ полтавской ученой архивной комиссіи, по ея выбору, съ предоставленіемъ губернатору права приглашать къ участію въ комитетѣ и другихъ лицъ, могущихъ принести пользу дѣлу.

Къ открытію памятника Н. В. Гоголю. 16 мая состоялось въ Москвѣ засѣданіе комитета по сооруженію памятника Н. В. Гоголю, на которомъ было рѣшено ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ открытіи памятника Гоголю 26 апрѣля 1909 года. Затѣмъ происходило соединенное совѣщаніе комитета съ Гоголевской комиссіей общества любителей россійской словесности и думской исполнительной по чествованію памяти Гоголя. На этомъ засѣданіи была установлена программа торжествъ, связанныхъ съ исполняющеюся 19 марта 1909 года столѣтнею годовщиной со дня рожденія Гоголя и съ открытіемъ памятника писателю. Въ день столѣтней годовщины предположено заупокойное богослуженіе въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ погребенъ Гоголь. На могилѣ будутъ произнесены рѣчи представителями московскаго университета, общества любителей россійской словесности и городского управленія, съ возложеніемъ вѣнковъ. Панихиды по писателѣ будутъ совершены во всѣхъ городскихъ школахъ, причемъ учащіеся освобождаются отъ занятій. Въ городскомъ народномъ домѣ предположено устроить спектакль, по-

священный памяти писателя. Въ день столѣтней годовщины 12 городскимъ училищамъ, открывающимся въ предстоящемъ академическомъ году, будетъ присвоено имя Гоголя. Къ этому же дню во всѣхъ городскихъ училищахъ будутъ помѣщены портреты Гоголя. Наконецъ, столѣтняя годовщина будетъ ознаменована открытіемъ читальни-библіотеки имени Гоголя. Существуетъ предположеніе подыскать для нея помѣщеніе въ районѣ Никитскаго бульвара, а впослѣдствіи и возвести спеціальное зданіе для библіотеки съ аудиторіей. Въ дни, предшествующіе открытію памятника, предположено въ народныхъ аудиторіяхъ и школахъ устроить чтенія съ свѣтовыми картинами, посвященныя памяти Гоголя. Въ день открытія памятника, 26 апрѣля, въ храмѣ Христа Спасителя предположена панихида по Гоголѣ; открытіе памятника писателю должно послѣдовать въ часъ дня, причемъ всѣ заботы по этому торжеству городское управленіе принимаетъ на себя. Въ 6 часовъ вечера должно состояться соединенное засѣданіе московскаго университета и общества любителей россійской словесности, съ привѣтствіями отъ депутацій и рефератами о Гоголѣ. 27 апрѣля общество любителей россійской словесности устраиваетъ торжественное засѣданіе и открываетъ Гоголевскую выставку. Днемъ же для учащихся устраиваются спектакли. Въ 5 часовъ вечера общество даетъ парадный обѣдъ депутатамъ и приглашеннымъ лицамъ. Вечеромъ предположены спектакли въ императорскихъ и частныхъ театрахъ; если таковые не состоятся, то общество любителей россійской словесности предполагаетъ устроить литературно-музыкальный вечеръ. 28 апрѣля общество любителей россійской словесности устраиваетъ литературно-музыкальное утро. Вечеромъ въ этотъ день предположенъ раутъ въ городской думѣ. Предположены народныя празднества въ честь Гоголя на Сокольничьемъ кругу и въ городскомъ манежѣ. Городское управленіе къ гоголевскимъ торжествамъ намѣрено выпустить избранныя сочиненія Гоголя въ 15.000 экземплярахъ. Общество любителей россійской словесности задалось мыслью издать альбомъ гоголевской иконографіи. Въ засѣданіи подробно обсуждался вопросъ о распредѣленіи ролей по намѣченнымъ торжествамъ между думской исполнительной коммиссіей и обществомъ любителей россійской словесности. Городское управленіе принимаетъ на себя приглашеніе должностныхъ лицъ, представителей сословныхъ и общественныхъ учрежденій, въ томъ числѣ депутатовъ отъ петербургскаго городского управленія, Полтавы и Миргорода. Общество любителей россійской словесности приглашаетъ къ участію въ торжествахъ дѣятелей литературы, науки и искусства, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Пріобрѣтеніе с.-петербургскаго университета. Библіотека с.-петербургскаго университета пріобрѣла у лондонскихъ книгопродавцевъ Кегана Пауля, Тренчъ, Трюбнера и К° полную серію «Записокъ азіатскаго японскаго общества въ Іокогамѣ» (Transactions of the Asiatic Society of Japan) и полную серію «Записокъ и протоколовъ японскаго общества въ Лондонѣ» (Transactions and proceedings of the Society of Japan). Обѣ серіи содержатъ много цѣнныхъ статей о Японіи во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ описанія ея природы и кончая описаніемъ ея почтовыхъ марокъ. Кромѣ того, библіотека пріобрѣла у той же фирмы довольно большую коллекцію англійскихъ

книгъ по изученіи Японіи, и въ томъ числѣ и солидное Basil Hall Chamberlain'a о японской каллиграфіи и «Каталогъ выставки японскаго оружія, устроенной въ Лондонѣ въ 1905 г.».

Отъ Высочайше утвержденнаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. По мысли императора Александра I воздвигнутъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя въ память двѣнадцатаго года, но до сего времени не осуществлена мысль и пожеланіе того же императора воздвигнуть другой памятникъ, имѣющій вещественную связь съ событіями Отечественной войны.

Нынѣ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія въ Москвѣ учрежденъ комитетъ по устройству музея 1812 года. Музей этотъ будетъ посвященъ памяти Отечественной войны. Все относящееся до участниковъ и свидѣтелей этой войны, все относящееся до пребыванія французской арміи и все связанное съ могучимъ подъемомъ народныхъ силъ въ эту знаменательную въ жизни Россіи годину,—все это должно найти себѣ мѣсто въ Москвѣ, въ стѣнахъ новаго хранилища народной славы. Предки наши принесли въ 1812 году безпримѣрныя жертвы для блага и спасенія родины. Наши жертвы должны явиться данью уваженія памяти ихъ великихъ дѣяній для увѣковѣченія славнѣйшихъ событій русской исторіи. Къ близящемуся столѣтію двѣнадцатаго года желательно видѣть музей оконченнымъ, заполненнымъ и открытымъ. Помощь нужна всяческая. Нужны и деньги прежде всего, дорога всякая копейка доброхотная, но и нужна помощь въ собираніи всякихъ вещей, книгъ, записокъ участниковъ войны, картинъ во всѣхъ ихъ видахъ и всего, имѣвшаго касательство до Отечественной войны. Если у кого лично ничего не найдется, то онъ, можетъ быть, укажетъ комитету, гдѣ у кого что сохранилось. Комитетъ покорнѣйше проситъ всѣ посылки и сообщенія направлять непосредственно по указанному ниже адресу, туда же проситъ онъ направлять и денежныя пожертвованія. Для удобства жертвователей деньги могутъ вноситься и во всѣ мѣстныя казначейства, отдѣленія государственнаго банка и государственныя сберегательныя кассы, на имя комитета. Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ публиковаться комитетомъ ежемѣсячно. Комитетъ помѣщается: Москва, Чернышевскій переулокъ, домъ московскаго генералъ-губернатора. Предсѣдатель комитета: генералъ-отъ-инфантеріи Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ. Перечень предметовъ, особо желательныхъ для музея 1812 года въ Москвѣ: 1) Портреты героевъ, военачальниковъ и дѣятелей 1812 года, русскихъ и иностранныхъ; 2) бюсты, статуи отдѣльныхъ лицъ, боевыя группы и другія скульптурныя произведенія; 3) военныя карты и планы полей сраженія и похода; 4) картины: масляныя, акварели, рисунки, эстампы, гравюры, литографіи сраженій и отдѣльныхъ эпизодовъ, а также виды мѣстности; 5) манекены воиновъ двѣнадцатаго года, русскихъ и иностранныхъ; 6) боевое оружіе и снаряды; 7) трофеи разнаго рода и модели памятниковъ; 8) вещественные памятники: ордена, медали, мундиры, предметы снаряженія, деньги и другіе предметы; 9) различныя воззванія, афиши и объявленія; ассигнаціи Наполеона; 10) рукописи, мемуары, письма, документы и записки, принадлежащіе участникамъ эпохи;

11) книги, брошюры, газеты русскія и иностранныя, атласы и вообще печатныя изданія эпохи; 12) карикатуры, лубочныя изданія, игральныя карты, посуда, стекло, фарфоръ съ изображеніями лицъ 1812 года и прочіе предметы, не вошедшіе въ предшествующіе пункты, но имѣющіе отношеніе къ эпохѣ приснопамятнаго года. Въ музей также принимаются предметы, относящіеся къ годамъ 1811, 1813 и 1814 и имѣющіе непосредственную связь съ Отечественной войной 1812 года. Членъ комитета секретарь В. Афанасьевъ.

Отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества. Вслѣдствіе постановленія императорскаго вольнаго экономическаго общества, состоявшагося 10 мая 1879 года, объявляется конкурсъ для представленія сочиненій на темы, касающіяся освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи. Сочиненія могутъ быть представляемы на общую тему и частныя. За признанное достойнымъ преміи сочиненіе на общую тему учреждается премія въ 5.000 рублей. За признанныя достойными премій сочиненія на частныя темы учреждаются преміи: одна въ 2.000 руб., одна въ 1.500 руб., одна въ 1.000 руб. и двѣ по 500 руб. Общая тема опредѣлена слѣдующимъ образомъ: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, его исторія, причины и послѣдствія» Выборомъ частныхъ темъ изслѣдователи не стѣснены въ предѣлахъ названной общей темы. Въ качествѣ же примѣрныхъ частныхъ темъ приводятся нижеслѣдующія: 1) «Понятіе о крѣпостномъ правѣ и вопросъ объ уничтоженіи его со времени императрицы Екатерины II до восшествія на престолъ императора Александра II; причины паденія крѣпостного права (положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: роль законодательства, общества, печати, самихъ крестьянъ и пр.)». 2) «Крестьянская реформа при императорѣ Александрѣ II до изданія Положенія 19 февраля 1861 года; роль правительства и общественныхъ силъ въ подготовкѣ реформы при императорѣ Александрѣ II». 3) «Проведеніе въ жизнь положеній 19 февраля». 4) «Преобразованіе быта крестьянъ некрѣпостныхъ (удѣльныхъ, государевыхъ, посессіонныхъ, казенныхъ и другихъ) въ царствованіе императора Александра II въ связи съ ихъ положеніемъ до крестьянской реформы 1861 года и съ паденіемъ крѣпостного права». 5) «Вліяніе паденія крѣпостного права на развитіе крестьянскаго хозяйства и на экономическій бытъ крестьянъ». 6) «Вліяніе отмѣны крѣпостного права на дворянское землевладѣніе и хозяйство въ связи съ измѣненіями въ крестьянскомъ хозяйствѣ».

НЕКРОЛОГИ.

Бентковская, С. Н. 15 мая скончалась Софья Николаевна Бентковская, урожденная Якимовская, одна изъ ученицъ класса А. Г. Рубинштейна. Окончила консерваторію въ 1891 году, получивъ рояль. Въ томъ же году она съ успѣхомъ выступила въ квартетномъ собраніи русскаго музыкальнаго общества (тріо C-moll Мендельсона). Въ 1892 г. поѣхала въ Дрезденъ къ А. Г. Рубинштейну, гдѣ еще продолжала работать подъ его руководствомъ, и тогда выступила по приглашенію Мошковскаго въ Бреславлѣ въ симфоническомъ концертѣ съ концертомъ G-dur Рубинштейна подъ управленіемъ автора и имѣла такой успѣхъ, что была приглашена съ этимъ же концертомъ въ шесть городовъ Германіи и въ Вѣну. Въ 1894 году играла въ Gewandhaus'ѣ въ Лейпцигѣ концертъ Шумана. Вездѣ ее сопровождалъ успѣхъ. Въ Россіи она участвовала въ нѣсколькихъ симфоническихъ и квартетныхъ вечерахъ, собственныхъ концертахъ и въ многихъ благотворительныхъ, а также въ концертахъ русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ и Кіевѣ подъ управленіемъ Сафонова и Виноградскаго. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ она съ успѣхомъ совершила концертное турнэ по Кавказу и два турнэ по Норвегіи. Въ ея чарующемъ звукѣ, теплой фразировкѣ, чуждой аффектаціи, легкой прозрачной техникѣ, чувствовалась благородная, чистая и нѣжная душа. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1908 г., № 11.561).

† **Билибинъ, В. В.** 30 мая скончался редакторъ-издатель журнала «Осколки» Викторъ Викторовичъ Билибинъ, авторъ нѣсколькихъ одноактныхъ пьесъ и фарсовъ. Покойный въ теченіе 25 лѣтъ сотрудничалъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ и провинціальныхъ изданіяхъ, преимущественно юмористи-

ческаго характера. Будучи еще студентомъ юридическаго факультета петербургскаго университета, онъ сталъ сотрудничать подъ псевдонимомъ «И. Грэкъ» въ «Стрекозѣ» и подъ этимъ псевдонимомъ выпустилъ въ 1882 г. сборникъ юмористическихъ статей «Любовь и смѣхъ». Въ «Осколкахъ» В. В. принималъ участіе съ 1883 г. и послѣ смерти Н. А. Лейкина сдѣлался редакторомъ-издателемъ этого журнала. Въ немъ онъ велъ еженедѣльный юмористическій фельетонъ «Осколки петербургской жизни». Кромѣ того, покойный писалъ въ 80-хъ годахъ въ «Петербургской Газетѣ» еженедѣльные сатирическіе и воскресные фельетоны «Вселенскія глупости» подъ псевдонимомъ «Жгучій глазъ». Съ 1887 г. сотрудничалъ въ «Новостяхъ» подъ псевдонимомъ «Діогенъ». Его наблюдательность болѣе всего охватывала смѣшныя стороны повседневной жизни и доставляла ему благодарный матеріалъ для юмористическихъ сценъ. Изъ его пьесъ «Револьверъ» и «Молчаніе» исполнялись въ 90-хъ годахъ на сценѣ Александринскаго театра, другія: «Цитварный ребенокъ», «Интересная больная», «Добродѣтельный чортъ», «Камера обскура», «Похищеніе Сильфиды», шли на частныхъ сценахъ. В. В. родился въ 1859 г., по окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, затѣмъ служилъ въ главномъ управленіи почтъ и телеграфовъ и въ послѣдніе годы былъ начальникомъ отдѣленія управленія по международнымъ почтово-телеграфнымъ сношеніямъ. Умеръ онъ 49 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11.575).

† **Кигнъ, В. Л.** Убитый писатель Владиміръ Людвиговичъ Кигнъ былъ хорошо извѣстенъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Дѣдлова. Имъ напечатано въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ: «Пчелѣ», «Наблюдателѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «Русскомъ Богатствѣ» и «Недѣлѣ», нѣсколько разсказовъ, повѣстей и путевыхъ очерковъ, имѣвшихъ въ свое всемя большой успѣхъ. Отдѣльно изданы литературные этюды «Мы», повѣсть въ трехъ частяхъ «Сашенька», современныя характеристики: «Варваръ, Эллинъ, Еврей», путевые замѣтки «Переселенцы и новыя мѣста», «Вокругъ Россіи», «Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ», «Замѣтки о Турціи», «Франко-русскія впечатлѣнія», «Письма съ парижской выставки». Произведенія покойнаго создали ему извѣстное имя въ литературѣ и читались съ интересомъ. Слогъ автора былъ живой и красивый, не лишенный юмора. В. Л. родился въ 1856 г. въ нѣмецко-польской семьѣ. Будучи еще студентомъ, онъ дебютировалъ разсказами въ «Недѣлѣ». Затѣмъ по окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета онъ почти всецѣло отдался журналистикѣ, сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Недѣли». Въ ней одно время онъ писалъ критическіе фельетоны и фельетоны общественной жизни. У покойнаго была страсть къ путешествіямъ. Онъ нѣсколько разъ былъ за границей, побывалъ въ Египтѣ и объѣхалъ Сибирь. Его наблюдательность отмѣчала въ яркихъ описаніяхъ многія характерныя явленія заграничной и нашей окраинной жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11.577).

† **Кеппенъ, Ѳ. П.** Скончался извѣстный натуралистъ, авторъ многихъ капитальныхъ изслѣдованій по сельскому хозяйству и лѣсоводству, Ѳедоръ

Петровичъ Кеппенъ. Покойный былъ сыномъ академика П. П. Кеппена, одного изъ выдающихся русскихъ этнографовъ и географовъ первой половины XIX столѣтія. Родился онъ въ 1833 году, образованіе закончилъ по камеральному разряду юридическихъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ и, послѣ защиты диссертаціи на степень доктора сельскаго хозяйства (1853 г.), первое время служилъ въ сельско-хозяйственномъ департаментѣ, а потомъ инспекторомъ сельскаго хозяйства на Югѣ. Въ серединѣ 60-хъ гг. покойный перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, а затѣмъ былъ командированъ для подготовки къ профессурѣ за границу; но однако, за неимѣніемъ вакансіи, каѳедры сельскаго хозяйства не получилъ и съ 1872 года опредѣлился библіотекаремъ въ императорскую публичную библіотеку, съ которой и не разставался уже до конца жизни. Кромѣ того, онъ состоялъ съ 1884 г. членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. Перу Ѳ. П. Кеппена принадлежало свыше 80 научныхъ работъ. Главный его трудъ: «Вредныя насѣкомыя», состоящій изъ трехъ томовъ (1881—83 гг.), изданъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности. Среди другихъ его изслѣдованій пользуются популярностью: «О саранчѣ и другихъ вредныхъ прямокрылыхъ, преимущественно по отношенію къ Россіи» (1870 г.), «Географическое распространеніе хвойныхъ деревъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ» (1885 г.) и обширный, недавно законченный имъ трудъ «Bibliotheca zoologica rossica». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдом.», 1908 г., № 125).

† **Никонъ, экзархъ Грузіи.** Православная русская церковь на Кавказѣ испытала страшное, неслыханное несчастье: 28 мая злодѣйски убитъ ея высшій представитель, экзархъ Грузіи Никонъ. Покойный архипастырь, въ мірѣ Николай Андреевичъ Софійскій, сынъ священника костромской епархіи, родился въ 1863 году. Получивъ образованіе въ солигаличскомъ духовномъ училищѣ и въ костромской семинаріи, онъ съ 1882 года занялъ мѣсто надзирателя макарьевскаго духовнаго училища, а затѣмъ, 20 февраля 1883 года, былъ рукоположенъ во священники въ село Мамонтово (Макарьевскаго уѣзда). Черезъ годъ ему пришлось похоронить свою жену, и онъ, для довершенія образованія, поступилъ въ петербургскую духовную академію, гдѣ въ 1887 году принялъ иноческое постриженіе. Выпущенный изъ академіи кандидатомъ богословія, съ правомъ на полученіе магистерской степени (1888 г.), іеромонахъ Никонъ занялъ должность инспектора въ петербургской семинаріи (1888—1891 гг.), а по возведеніи въ санъ архимандрита назначенъ ректоромъ владимирской семинаріи (1891—1898 гг.). Хиротонисанный въ архіерейскій санъ (8 марта 1898 года), онъ состоялъ епископомъ вольскимъ, викаріемъ саратовской епархіи (1898—1899 гг.), епископомъ нарвскимъ, викаріемъ петербургской митрополіи (1899—1901 гг.), епископомъ вятскимъ и слободскимъ (1901—1904 гг.), архіепископомъ владимірскимъ и суздальскимъ (1904—1906 гг.), наконецъ, на каѳедру экзарха Грузіи со званіемъ члена св. синода онъ былъ назначенъ съ 9 іюня 1906 года. Почившему іерарху Никону принадлежало «Слово при нареченіи во епископа», напечатанное въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1898 г., № 11). (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 124).

† **Перелешинъ, В. П.** 27 мая въ Одессѣ скончался генералъ-лейтенантъ Владимиръ Платоновичъ Перелешинъ, герой русско-турецкой войны и участникъ извѣстнаго боя «Весты», одного изъ блестящихъ эпизодовъ войны. Покойный послѣ войны въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ сначала помощникомъ начальника, а затѣмъ начальникомъ одесскаго торговаго порта. Въ восьмидесятыхъ годахъ при В. П. Одесса переживала расцвѣтъ своихъ морскихъ коммерческихъ операцій и щеголяла многомиліоннымъ вывозомъ хлѣба и кипучій одесскій портъ требовалъ усиленныхъ заботъ и опеки, а вскорѣ затѣмъ потребовалъ и значительнаго расширенія. Покойный В. П. стоялъ въ центрѣ портовой жизни Одессы, разрѣшалъ стекавшіяся къ нему безчисленныя портовыя дѣла, споры и недоразумѣнія портовой жизни и былъ чрезвычайно популяренъ среди портоваго рабочаго населенія Одессы, которое имѣло въ немъ заботливаго опекуна и въ важныхъ случаяхъ защитника своихъ интересовъ. Благодаря иниціативѣ и заботамъ В. П., въ одесскомъ портѣ создалась цѣлая сѣть учрежденій на пользу рабочаго люда: возникли столовыя, чайныя и при поддержкѣ казны и частной благотворительности возникъ даже недурно поставленный народный театръ. В. П., хорошо знавшій по личному опыту морской бытъ, явился насадителемъ въ Одессѣ многочисленныхъ учрежденій на пользу морской безопасности. Онъ былъ душою мѣстнаго довольно крупнаго и дѣятельнаго отдѣла общества спасанія на водахъ, покрывшаго берега одесскаго залива во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ рядомъ спасательныхъ станцій. Одна изъ большихъ станцій, по желанію жертвователей на это дѣло, была названа именемъ самого В. П. Лишь незадолго до смерти, находясь уже въ преклонныхъ годахъ (70 лѣтъ), В. П. оставилъ должность начальника порта и удалился на покой. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г.. № 11.571).

† **Римскій-Корсаковъ, Н. А.** Скончался Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ. Композиторъ родился въ 1844 г., слѣдовательно умеръ уже немолодымъ; но не всегда дѣло въ годахъ. Это была удивительно дѣятельная натура, съ неизсякаемымъ источникомъ творчества, обѣщавшимъ дать еще многое. Принадлежа къ старинному литовскому дворянскому роду, Николай Андреевичъ началъ свою карьеру на томъ поприщѣ, гдѣ получилъ извѣстность его прадѣдъ, вице-адмиралъ Воинъ Як. Римскій-Корсаковъ. Будущій авторъ «Снѣгурочки» поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, но настоящее его призваніе обнаружилось очень рано. Уже въ корпусѣ онъ написалъ свою первую симфонію. Она была исполнена на концертѣ безплатной музыкальной школы подъ управленіемъ М. А. Балакирева, сыгравшаго видную роль въ музыкальномъ развитіи нашего композитора. Скоро вслѣдъ за этой симфоніей появилась извѣстная музыкальная картина «Садко», поразившая весь русскій музыкальный міръ своей оригинальностью и блестящей оркестровкой. Кому неизвѣстны среди другихъ его симфоническихъ произведеній такія вещи, какъ «Антаръ», «Шехеразада», «Испанское каприччіо», «Воскресная увертюра» и т. д.? Не менѣе плодовитъ былъ Н. А. и въ области опернаго творчества. Первая его опера «Псковитянка» мало удовлетворила очень требовательнаго къ себѣ композитора и, поставленная на Маріинской сценѣ первый разъ 35 лѣтъ назадъ, впослѣдствіи подверглась коренной пе-

работкѣ. Вслѣдъ за нею одна за другой появились: «Майская ночь», «Снѣгурочка», «Млада», «Ночь передъ Рождествомъ», «Садко», «Царская невѣста» и «Сказаніе о славномъ градѣ Китежѣ». «Снѣгурочка» и «Садко», въ особенности первая, привлекли къ себѣ вниманіе далеко за предѣлами Россіи и сдѣлали имя ихъ автора славнымъ не только на его родинѣ. Трудно отыскать родъ музыкальныхъ произведеній, которыя не вошли бы въ кругъ творчества Н. А.: квартетъ и септетъ для струнныхъ инструментовъ, фортепіанный концертъ, хоры, романсы, духовныя произведенія—все одинаково легко давалось композитору, отличавшемуся огромной глубиной своего творчества, разнообразіемъ и поразительной колоритностью. Тѣмъ не менѣе онъ находилъ время и для другихъ работъ. Въ 1871 г. онъ занялъ каѳедру теоретическаго класса композиціи въ петербургской консерваторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ усердно работалъ въ безплатной музыкальной школѣ, гдѣ онъ былъ одно время директоромъ; въ теченіе 10 лѣтъ онъ занималъ мѣсто помощника управляющаго придворной пѣвческой капеллой. Особенно тѣсно связано его имя съ петербургской консерваторіей, гдѣ онъ былъ директоромъ. Нельзя въ заключеніе не отмѣтить его трудовъ, посвященныхъ посмертнымъ произведеніямъ другихъ композиторовъ. Только благодаря Н. А. увидѣлъ Божій свѣтъ «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго; дѣятельное участіе принялъ Н. А. и въ окончаніи оперы Бородина «Князь Игорь» и въ оркестровкѣ «Каменнаго гостя» Даргомыжскаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1908 г., № 11.580).

† **Толмачевъ, М. С.** 30 мая въ Боржомѣ схоронили одного изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ врачей московскаго губернскаго земства, Михаила Степановича Толмачева. Покойный родился въ Москвѣ въ 1859 году, учился въ одной изъ московскихъ гимназій и окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету въ 1884 г. Будучи еще студентомъ, М. С. исходилъ весь Московскій уѣздъ въ качествѣ земскаго оспопрививателя. Еще тогда прельщала его дѣятельность въ земствѣ, на пользу крестьянскаго населенія. По окончаніи университетскаго курса онъ поступилъ земскимъ врачомъ въ Покровскую губернскую лечебницу въ Рузскомъ уѣздѣ, а затѣмъ становится завѣдующимъ врачомъ губернской Воскресенской лечебницы. Онъ прослужилъ земству болѣе 20-ти лѣтъ, пользуясь постоянной любовью и уваженіемъ, какъ врачъ, человѣкъ и товарищъ, со стороны всей медицинской организаціи въ московскомъ земствѣ и мѣстнаго населенія. По своему характеру онъ отличался необыкновенной добротой, простотой и прямотой. Во время русско-японской войны М. С. вмѣстѣ съ д-ромъ П. И. Постниковымъ завѣдывалъ санитарнымъ отрядомъ московскаго дворянства по приглашенію уполномоченныхъ дворянства Н. А. Хомякова и князя П. Д. Долгорукова. Съ послѣднимъ онъ былъ въ Портъ-Артурѣ почти наканунѣ его блокады. Въ Харбинѣ М. С. организовалъ общество врачей и былъ его первымъ предсѣдателемъ. Съ войны онъ возвратился къ прежней должности врача Воскресенской больницы, чувствуя себя уже больнымъ. Отъ нервныхъ потрясеній у него развился діабетъ; несмотря на внимательное отношеніе къ болѣзни и крѣпкое здоровье, болѣзнь все усиливалась и свела его въ могилу. Покойный составилъ сводъ описаній земскихъ и фабричныхъ лечебницъ Московской губерніи, изданный на земскій

счетъ. Будучи гласнымъ рузскаго земства, онъ интересовался особенно вопросами объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства и издалъ обзоръ дѣятельности комиссіи по улучшенію сельскаго хозяйства. Отъ санитарнаго бюро московской губернской земской управы послана женѣ покойнаго въ Боржомъ телеграмма съ выраженіемъ соболѣзнованія о понесенной ею утратѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 124)

† **Толстопятовъ, А. А.** Скончался 18 мая одинъ изъ старѣйшихъ питомцевъ московскаго университета, позже состоявшій его библіотекаремъ, Алексѣй Александровичъ Толстопятовъ. Покойный родился въ 1828 году, въ Васильсурскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., воспитывался въ костромской гимназіи, затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1848 году, со званіемъ дѣйствительнаго студента. Посвятивъ себя педагогической дѣятельности, онъ первое время состоялъ учителемъ-воспитателемъ въ богатыхъ домахъ Новосильцовыхъ, Кошелевыхъ и Барановыхъ, послѣ чего былъ долгое время преподавателемъ географіи въ Николаевскомъ женскомъ институтѣ, коммерческомъ училищѣ, школѣ межевыхъ топографовъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ столицы. Должность библіотекаря московскаго университета покойный занималъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1891 по 1896 гг. А. А. не былъ чуждъ и литературной дѣятельности. Ужъ вскорѣ по окончаніи университетскаго курса онъ написалъ дѣтскую комедію (небольшую пьесу для домашнихъ спектаклей), о которой, между прочимъ, съ большою похвалой отзывался профессоръ С. П. Шевыревъ (см. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, Спб. 1896 г., стр. 742), но она такъ и осталась не напечатанной. Затѣмъ, его перу принадлежалъ переводъ обширнаго руководства М. Мори «Физическая географія моря» (Москва, 1861 г.). Послѣднія 12 лѣтъ, въ виду крайне болѣзненнаго состоянія, покойный велъ самый уединенный образъ жизни, отказавшись отъ всякихъ литературно-педагогическихъ занятій. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 119).

† **Филоновъ, А. Г.** 29 мая скончался членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по отдѣлу начальнаго образованія Андрей Григорьевичъ Филоновъ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ педагоговъ. Имъ составлена «Русская хрестоматія съ примѣчаніями» (4 тома), выдержавшая болѣе 8 изданій. Хрестоматія эта до сихъ поръ является однимъ изъ лучшихъ пособій въ учебныхъ заведеніяхъ при изученіи русской литературы. Кромѣ того, имъ составлены «Учебникъ по словесности», выдержавшій 7 изданій, «О преподаваніи словесности» и др., а также рядъ біографій русскихъ писателей («Дѣдушка Крыловъ», «Поэтъ Пушкинъ», «Ломоносовъ», «Гоголь»). Труды покойнаго замѣчательны полнотой свѣдѣній и тщательной отдѣлкой. А. Г. родился въ 1831 г. Сынъ понамаря, онъ по окончаніи курса въ смоленской духовной семинаріи, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ и здѣсь поступилъ въ главный педагогическій институтъ. Педагогическую дѣятельность началъ въ новочеркасской гимназіи, гдѣ былъ учителемъ латинскаго языка и словесности, затѣмъ учительствовалъ въ Петербургѣ: въ Маріинскомъ женскомъ институтѣ, въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Смольномъ институтѣ.

Съ 1873 г. по 1883 г. былъ инспекторомъ открытой на Выборгской Сторонѣ гимназіи, затѣмъ директоромъ новгородской гимназіи. Назначенный членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, А. Г. принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ особой комиссіи по разсмотрѣнію отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, въ отдѣлѣ по разсмотрѣнію книгъ для народа и въ комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Умеръ онъ 77 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.573).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

О графѣ Н. П. Стадницкомъ.

(Дополненіе къ «Воспоминаніямъ А. В. Эвальда»).

Въ воспоминаніяхъ А. В. Эвальда, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1895 г., приведено нѣсколько анекдотовъ изъ жизни юнкера Лейбъ-Кирасирскаго его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича полка графа Стадницкаго.

Изъ анекдотовъ этихъ и присоединеннаго къ нимъ описанія посѣщенія Стадницкаго Эвальдомъ читатель невольно приходитъ къ заключенію, что это личность въ высшей степени оригинальная и симпатичная: прежде всего человѣкъ доброй души, отдающій въ сильный морозъ старику-нищему шубу съ своихъ плечъ; затѣмъ человѣкъ съ большими средствами, юнкеромъ получающій 12.000 р. въ годъ и не имѣющій въ то же время никакихъ прихотей ни въ обстановкѣ квартиры, ни въ чемъ,—такъ какъ стоитъ въ сторонѣ отъ шумной жизни товарищей. Единственно, чѣмъ онъ развлекаетъ себя,—шалостями, какъ ихъ называли; шалости эти были остроумны, оригинальны, подчасъ до крайности рискованны; къ этому надо добавить, что онъ былъ силачъ и великолѣпный ѣздокъ... Такая личность, повторяю, невольно заставляетъ сосредоточить на себѣ вниманіе, заинтересоваться... Поэтому, когда г. Эвальдъ сообщаетъ, что Стадницкій, «соскучившись», выпросилъ себѣ переводъ на Кавказъ, и заключаетъ свѣдѣнія о немъ словами: «съ отъѣздомъ графа Стадницкаго я навсегда потерялъ его изъ виду и рѣшительно ничего не знаю о его дальнѣйшей судьбѣ» [1]), то многіе сказали навѣрно: «А интересно бы знать, чѣмъ кончилъ свою военную карьеру этотъ человѣкъ!»

Разбираясь недавно въ архивныхъ документахъ, я увидѣлъ дѣло съ заглавіемъ: «Объ увольненіи отъ службы за болѣзнью унтеръ-офицера графа Николая Стадницкаго» [2]).

Какъ живой всталъ передо мною любопытный образъ графа, несмотря на то, что прошло уже почти тринадцать лѣтъ, какъ я читалъ о немъ, и я

[1]) «Истор. Вѣстн.» 1895, августъ, стр. 306.

[2]) Москов. отд. общ. арх. гл. шт.—Опись инсп. д-та воен. м-ва, V от. 2 ст. 1850 г., св. 456/8, д. № 281.

рѣшаюсь попытаться удовлетворить интересующихся свѣдѣніями о его дальнѣйшей судьбѣ.

Документы, образующіе названное «дѣло», показываютъ, что Николай Петровичъ Стадницкій происходилъ изъ дворянъ «графскаго достоинства» Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда. Мѣстомъ жительства родителей его, имѣвшихъ 3014 душъ крестьянъ, было сельцо Марьяновка. На службу онъ поступилъ унтеръ-офицеромъ 23 мая 1846 года.

По переводѣ Стадницкій не отправился къ новому мѣсту службы, а получилъ съ высочайшаго соизволенія отпускъ для свиданія съ родственниками на шесть мѣсяцевъ, для отправленія въ который онъ былъ снабженъ отпускнымъ билетомъ изъ Лейбъ-Кирасирскаго полка отъ 29 ноября 1848 г. за № 1752. Получивши этотъ билетъ, Стадницкій легъ въ гатчинскій городовой госпиталь для леченія отъ послѣдствій удара, нанесеннаго лошадью, которая угодила ему копытомъ въ три последнихъ ложныхъ ребра и лѣвое бедро. Пробылъ въ госпиталѣ почти три мѣсяца и отправился 25 февраля 1849 г. подъ кровъ родительскій. Тамъ его продолжали безуспѣшно пользовать, какъ сказано въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, нѣсколько врачей съ барскимъ городовымъ врачомъ штабъ-лекаремъ Квятковскимъ во главѣ. «Пользованіе» продолжалось болѣе полутора года, такъ какъ только 27 ноября 1850 г. послѣдовало отъ начальника главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся, въ инсп. д-тъ представленіе о томъ, что Драгунскаго его королевскаго высочества наслѣднаго принца Вюртембергскаго полка [1]) унтеръ-офицеръ графъ Стадницкій «изъ отпуска къ полку по настоящее время не прибылъ и, находясь нынѣ въ могилевской градской больницѣ, прислалъ командиру полка прошеніе объ увольненіи по болѣзненному состоянію вовсе отъ службы», почему его и представляли къ увольненію по 1349 ст. [2]).

Послѣ продолжительной переписки по поводу провѣрки медицинскаго свидѣтельства и собранія свѣдѣній: нѣтъ ли «мѣстныхъ» препятствій къ увольненію его, какъ поляка, въ отставку съ дозволеніемъ жить на родинѣ, поднесенъ былъ всеподданнѣйшій докладъ отъ 7 марта 1851 г. № 51 объ увольненіи Стадницкаго отъ службы, но уже по новой причинѣ, несогласной ни съ его прошеніемъ, ни съ представленіемъ начальства, а потому, «что онъ не представилъ требуемыхъ департаментомъ герольдіи дополнительныхъ документовъ для доказательства своего дворянскаго происхожденія, безъ чего не могли быть опредѣлены права его по службѣ»... Вслѣдствіе этого испрашивалось, и получено было 8 марта 1851 г., высочайшее соизволеніе на увольненіе его безъ именованія воинскимъ званіемъ... Такимъ образомъ обратился графъ Стадницкій въ мирнаго гражданина.

В. П. Федоровъ.

---

[1]) Бывшаго «Нижегородскаго», получившаго новое наименованіе 22 января 1846 года.

[2]) Т. е. какъ дворянина, не дослужившаго до офицерскаго чина и за доказанной болѣзнью признаннаго начальствомъ безполезнымъ для службы.

Парижъ за торжествующими союзниками; другое, помѣченное изъ Фуръ-о-Муана, обнаруживало горькое разочарованіе: Гіацинта писала, что она возвращается въ Верденъ.

Божаръ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого возвращенія. Каждый день онъ бѣгалъ въ улицу Бель-Віержъ, но г-жа де-Ронъ не имѣла никакихъ извѣстій и говорила съ нимъ только о своихъ хлопотахъ.

Не унывая, онъ приходилъ на слѣдующій день. Берясь съ бьющимся сердцемъ за молотокъ, онъ увѣрялъ себя, что на этотъ разъ его примутъ и ободрятъ нѣжной улыбкой и такъ же, какъ наканунѣ, возвращался, разочаровавшись въ ожиданіяхъ, въ свою комнату постоялаго двора. Въ такія минуты онъ въ отчаяніи бросался въ кресло. Онъ обвинялъ себя въ подлости и горячо осыпалъ себя упреками въ своемъ поведеніи. Нѣтъ, его совѣсть не была такъ спокойна, какъ онъ хвастался передъ Жоржемъ. Его долгъ требовалъ, чтобы съ перваго же дня онъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ прусскими властями, но желаніе остаться близъ Гіацинты ослабило его энергію и поколебало его мужество. Мало-по-малу строгость его убѣжденій ослабѣвала подъ обворожительнымъ взглядомъ канониссы. Его героическое рѣшеніе откладывалось со дня на день. И въ этотъ часъ, когда онъ имѣлъ возможность покинуть Верденъ, онъ продолжалъ оставаться въ немъ, привлекаемый, несомнѣнно, къ двери Гіацинты. Почему не подражалъ онъ своему товарищу Терно и не поспѣшилъ оправдаться передъ комитетомъ общественной безопасности? Онъ проклиналъ свою слабость, онъ обѣщалъ себѣ немедленно покинуть этотъ роковой городъ, гдѣ онъ мало-по-малу терялъ свое достоинство... Но слѣдующій день заставалъ его на томъ же мѣстѣ, окрыленнаго надеждой, что записка отъ канониссы его призоветъ въ улицу Бель-Віержъ.

Гіацинта вернулась въ Верденъ 5 октября вечеромъ. Мечты ея были разбиты. Страдая всѣмъ своимъ существомъ, удрученная физически и нравственно, она безмолвно, неподвижно сидѣла между г-жею де-Ренъ, которая сокрушалась отъ невозможности вернуться домой, въ улицу Бургъ, и кавалеромъ де-Вандіеромъ, который лишился ногъ послѣ похода черезъ Аргонскіе лѣса.

Когда, на слѣдующее утро, она раскрыла окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и освѣжить свою горячую голову, она услышала, какъ подъ навѣсомъ лавочки какой-то рабочій громко говорилъ со своимъ товарищемъ и указалъ на нее пальцемъ:

— Вотъ еще одна эмигрантка, которая живетъ въ дружбѣ съ пруссаками... Но вѣтеръ подулъ въ другую сторону и ей достанется, если ея голова уцѣлѣетъ на плечахъ.

Она быстро захлопнула окно и заперлась у себя.

У нея не хватало болѣе мужества извѣстить Божара о своемъ возвращеніи. Оскорбленная гордость была въ ней сильнѣе нѣжности. Ей слишкомъ тяжело было выказать теперь свой позоръ и отчаяніе передъ человѣкомъ, который скомпрометировалъ себя ради нея и котораго она не могла вознаградить за его жертву, сдѣлавъ изъ него сообщника своихъ честолюбивыхъ плановъ. Она запиралась въ своемъ уединеніи, стараясь болѣе не думать, не обращая вниманія ни на жалобы тетки, ни на шумъ, доходившій извнѣ...

12 октября глухое броженіе охватило городъ. Утверждали, что было отдано приказаніе очистить больницы и походные госпитали и что Верденъ опять перейдетъ къ французамъ. Внезапная паника охватила эмигрантовъ и ихъ хозяевъ. Въ одно мгновеніе толпы обезумѣвшихъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ состояній закопошились на улицахъ. Лица носили слѣды изумленія, они разспрашивали другъ друга со страхомъ и разражались проклятіями на короля прусскаго. Тотъ, котораго недавно называли «новѣйшимъ Агамемнономъ», теперь былъ только «безчестіемъ государей».

Мало-по-малу площадь загромоздилась ящиками, разбросанной мебелью и телѣгами, стоившими теперь на вѣсъ золота. Виднѣлось нѣсколько каретъ съ гербами, которыя везли знатныхъ эмигрантовъ. Большая часть владѣльцевъ этихъ экипажей распродали своихъ лошадей, чтобы вести въ Верденѣ веселую жизнь, и теперь попали въ зависимость отъ лошадиныхъ барышниковъ, которые не преминули воспользоваться случаемъ.

Среди этой неурядицы канониссу увѣдомили, что принцъ Прусскій выразилъ настойчивое желаніе навѣстить ее. Гіацинта отдала приказаніе принять его. Молодой принцъ важно вошелъ въ ея скудно меблированную залу, гдѣ когда-то ему былъ представленъ бѣдный Данлупъ. Гіацинта встрѣтила его бурными восклицаніями:

— Принцъ! увѣряютъ, что король, вашъ отецъ, намѣренъ оставить Верденъ, и, конечно, эта непріятная новость не соотвѣтствуетъ дѣйствительности?

— Сударыня,—отвѣтилъ грустно молодой человѣкъ:—къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что это правда...

— А,—вскричала запальчиво Гіацинта:—такъ вотъ какъ короли держатъ свои обѣщанія?.. Дорога въ Парижъ свободна и въ этотъ моментъ думать объ отступленіи!.. Я почти склонна вѣрить тому, что говорятъ здѣсь о постыдномъ договорѣ, который заключенъ съ республиканцами!

— Вы ошибаетесь, сударыня, съ болью въ сердцѣ король отказался отъ дорогихъ ему плановъ... Онъ думаетъ, какъ и мы всѣ, конечно, что безполезно больше проливать кровь.

— Корпусъ эмигрантовъ жаждалъ сражаться, наши принцы испрашивали разрѣшеніе атаковать батареи Келлермана... Почему имъ отказали въ этомъ?

— Потому, что это ни къ чему бы не привело... Если бы мы рѣшились дать сраженіе, то мы, можетъ быть, его бы и выиграли... А дальше что?.. Несмотря на наши усилія, спасти короля все равно не удалось бы... Французы болѣе не хотятъ его.

— Какъ же, ваше высочество,—возразила Гіацинта,—можете вѣрить такой лжи?

— Я вѣрю тому, что я видѣлъ, сударыня. Я отправился въ качествѣ парламентера переговорить съ Дюмурье объ обмѣнѣ плѣнныхъ. Я проѣхалъ черезъ его армію. Тамъ болѣе не хотятъ короля: это офицеры, солдаты выражаютъ громкими криками... Мы слишкомъ бережемъ кровь нашихъ людей, чтобы упорствовать въ цѣли, которая для насъ недостижима...

Помолчавъ минуту, Гіацинта, глаза которой затуманились слезами, сказала глухимъ голосомъ:

— Итакъ, король и его семья приговорены къ смерти, все погибло, и мы должны отправиться въ изгнаніе?

— Такъ велитъ судьба, сударыня! — отвѣтилъ принцъ, между тѣмъ какъ его глаза слѣдили съ выраженіемъ вѣжливаго участія за этой прекрасной женщиной, окаменѣвшей, какъ Ніобея, въ своемъ нѣмомъ отчаяніи.—Тѣмъ не менѣе я думаю принять мѣры, чтобы смягчить трудность этого внезапнаго отъѣзда. Я счастливъ, что могу предоставить въ ваше распоряженіе двухъ своихъ лошадей и эскортъ изъ четырехъ уланъ. Они оградятъ васъ отъ непріятностей, неизбѣжныхъ при отступленіи арміи, и будутъ сопровождать васъ до границы.

Она не могла даже разжать губъ и ограничилась тѣмъ, что наклонила голову въ знакъ благодарности.

— Постарайтесь,—продолжалъ принцъ,—по возможности не отстать отъ нашего штаба, это будетъ вѣрнѣе... А теперь до свиданія, сударыня; не смѣю добавить: счастливый путь! Я сохраню драгоцѣнное воспоминаніе о нашемъ слишкомъ непродолжительномъ знакомствѣ, и если вамъ вздумается доѣхать до Берлина, вы и всѣ ваши друзья найдутъ самый лучшій пріемъ при дворѣ моего отца.

— До свиданья, принцъ,—пробормотала она, машинально протягивая ему руку.

Молодой человѣкъ прикоснулся почтительно губами къ этой атласной рукѣ, поклонился второй разъ и вышелъ.

Она осталась одна. Ея слезы, долго сдерживаемыя остаткомъ гордости, могли наконецъ свободно литься. Она бросилась на колѣни подлѣ качалки, зарыла голову въ подушки и дала волю слезамъ.

Въ тотъ же часъ Бокаръ былъ извѣщенъ прусскимъ штабомъ, что на слѣдующій день въ полдень городъ будетъ сданъ. Первая мысль была у него о Гіацинтѣ. Молодая женщина, конечно, постарается вмѣстѣ съ союзными войсками достичь границы и онъ больше ее не увидитъ! Страстное желаніе отправиться на ея поиски заставило его броситься изъ комнаты на улицу, гдѣ толпа въ страхѣ пробивала себѣ съ трудомъ путь среди телѣгъ и фургоновъ.

На первыхъ же шагахъ прокуроръ-синдикъ былъ остановленъ конвоемъ, который загородилъ улицу. Стараясь пробраться между лошадьми, онъ увидѣлъ капитана д'Эспондейлана, который выходилъ изъ сосѣдняго дома въ дорожномъ костюмѣ, въ сопровожденіи слуги, несшаго узелъ на концѣ палки. Капитанъ шелъ, печально опустивъ голову и едва передвигая ноги. Онъ прошелъ мимо Божара, не взглянувъ на него; тотъ собирался было догнать его въ надеждѣ получить онъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о канониссѣ, какъ замѣтилъ на противоположномъ углу улицы сгорбленную фигуру кавалера де-Вандіера.

Даніель вышелъ поразузнать новости, а также купить какойнибудь провизіи: въ этомъ городѣ, переполненномъ войсками, жить съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе.

Стоя на углу улицы, онъ осторожно ждалъ, пока проѣдутъ всѣ госпитальныя повозки. Худой кавалеръ въ мѣдной каскѣ и плащѣ орѣховаго цвѣта, который окутывалъ его совсѣмъ, съ хлѣбомъ подъ мышкой и съ бумажнымъ мѣшкомъ съ фруктами въ рукахъ представлялъ зрѣлище и забавное, и въ то же время весьма жалкое.

Божаръ перешелъ улицу и неожиданно подошелъ къ де-Вандіеру. Застигнутый врасплохъ бывшимъ депутатомъ при исполненіи своихъ домашнихъ обязанностей, кавалеръ покраснѣлъ и сабормоталъ:

— Я теперь самъ слуга, господинъ Божаръ...—Какъ видите, замъ хожу на рынокъ!.. Среди этой сумятицы всѣ служанки потеряли головы и пришлось самому итти за провизіей для этихъ особъ.

— Г-жа д'Эризель вернулась въ Верденъ? спросилъ нетерпѣливо Божаръ.

— Да, мы вернулись уже 6 дней тому назадъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ сжаться сердце Божара. Итакъ, канонисса была въ Верденѣ и въ то время, какъ его снѣдало безпокойство, она даже не подумала извѣстить его о своемъ возвращеніи. Онъ стоялъ пораженный, затѣмъ, поднявъ голову, спросилъ:

— Кавалеръ, мнѣ непремѣнно нужно видѣть г-жу д'Эризель, мнѣ нужно съ ней говорить безотлагательно... Соблаговолите меня проводить къ ней.

Взглянувъ на него боязливо, Даніель повелъ подбородкомъ. Такъ какъ переходъ по улицѣ былъ свободенъ, то онъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ идите.

Они молча направились къ переулку, который шелъ подъ гору. Когда подошли къ дому ла-Гериньеръ, кавалеръ ввелъ своего спутника на площадку перваго этажа:

— Подождите меня здѣсь, я предупрежу Гіацинту.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь открылась, и Божаръ вошелъ въ холодную залу съ закрытыми ставнями. Застигнутая Даніелемъ въ слезахъ, вызванныхъ посѣщеніемъ принца, Гіацинта едва успѣла привести въ порядокъ свой туалетъ: она вышла съ влажными глазами, волосы ея были поспѣшно собраны въ узелъ, грудь еще вздрагивала отъ рыданій, но все же она была прекрасна даже въ состояніи отчаянія.

— Гіацинта,—вскричалъ Божаръ, который отъ радости забылъ всѣ свои несчастія:—почему скрыли вы отъ меня свое возвращеніе?

— Простите меня, мой другъ!.. Я удручена, я въ отчаяніи... Пощадите меня!

— Какъ вы жестоки,—возразилъ онъ нѣжно.—Вамъ было тяжело, и вы не позвали меня!

— Къ чему?—возразила она съ оттѣнкомъ жестокости.—Послѣ столькихъ униженій и пораженій мнѣ стыдно было показаться... особенно вамъ, котораго я такъ сильно скомпрометировала, которому моя привязанность приноситъ всегда только несчастіе.

— Не будемъ говорить обо мнѣ. Я васъ нашелъ, и это меня вознаграждаетъ за все... Поговоримъ сначала о васъ... Знаете ли вы, что Верденъ будетъ сданъ республиканскимъ войскамъ?

— Да... завтра мы ѣдемъ, тетка, кавалеръ и я вслѣдъ за нѣмецкими войсками... Принцъ Прусскій даетъ намъ эскортъ изъ уланъ до границы...

Лицо Божара омрачилось. Гіацинта это замѣтила и вспомнила, что прокуроръ-синдикъ былъ въ подозрѣніи у республиканскаго правительства:

— Но вы, мой другъ,—вскричала она, занятая своимъ горемъ:—я забыла, что вы такъ же не въ безопасности, какъ и мы... Васъ обвиняютъ... Что вы будете дѣлать?

— О, мнѣ не трудно будетъ оправдаться и я безъ колебанія потребую отъ комитета общественной безопасности суда.

— Вы поѣдете въ Парижъ?

— Да, но прежде я долженъ увѣриться, что вы въ безопасности. Я поѣду въ Дамвилеръ къ прокурору коммуны Симону Лепажу, одному изъ моихъ старыхъ кліентовъ, которому я оказалъ когда-то услугу... Я буду скрываться тамъ, пока не получу

отъ васъ хоть одного слова о томъ, что вы благополучно перебрались черезъ границу.

Канонисса взглянула на него своими прекрасными глазами, которые стали еще прекраснѣе отъ признательности и нѣжности. Позабывъ свою гордость и страхъ, она кинулась на шею Божара и прижалась къ его груди.

— Ахъ,—вздохнула она,—ваше сердце лучше моего!..

Божаръ былъ не въ состояніи говорить. Онъ молча прижималъ къ себѣ это гибкое и теплое тѣло, впервые отдававшееся ему. Такое счастье его ошеломило, и его трепещущія губы не находили другого отвѣта, какъ медленно цѣловать эти бѣлокурые волосы и мокрыя вѣки молодой женщины. Она же, закрывъ глаза и полуоткрывъ ротъ, незамѣтно дрожала подъ этими любовными ласками и, казалось, потеряла голову отъ слишкомъ новыхъ и слишкомъ сильныхъ ощущеній.

При видѣ этой прекрасной головы, склонившейся на его плечо, чувствуя прикосновеніе этихъ нѣжныхъ рукъ и горячей груди, Божаръ былъ охваченъ сладостными мечтами. Онъ терялъ ясное представленіе о вещахъ. Ему хотѣлось шептать на ухо Гіацинтѣ: «Уѣдемъ вмѣстѣ за границу и будемъ любить другъ друга. На что намъ правосудіе, свобода и отечество; лишь бы мы были счастливы».

Стукъ фургоновъ, отъ котораго тряслись стѣны и стекла, отдаленный шумъ барабановъ самымъ рѣзкимъ образомъ заставили его вернуться къ дѣйствительности. Въ бреду страсти передъ нимъ предстали, словно при свѣтѣ молніи, усмѣхающіяся лица Ж. Ж. Ренара и его шайки, когда они узнаютъ, что патріотъ Божаръ эмигрировалъ вслѣдъ за пруссаками. При мысли, что его имя будетъ на ряду съ именемъ измѣнника Буйлье, все его существо возмутилось. Шумъ шаговъ на площадкѣ и осторожный стукъ въ дверь, раздавшійся въ этотъ моментъ, заставили канониссу содрогнуться. Она открыла глаза и пробормотала:

— Кавалеръ!

Тогда Божаръ, выпустивъ Гіацинту изъ объятій, усадилъ ее, всю трепещущую, на качалку. Едва она опустилась на нее, какъ дверь отворилась и появился Даніель де-Вандіеръ. Онъ растерянно глядѣлъ то на канониссу, которая не успѣла еще оправиться отъ смущенія, то на Божара, который поспѣшилъ отойти въ сторону. Бѣдный кавалеръ, повидимому, смутился не менѣе самихъ влюбленныхъ, которыхъ онъ потревожилъ въ ихъ уединеніи. Но если онъ и догадывался о чемъ-нибудь, то онъ былъ слишкомъ деликатенъ и не далъ бы что-нибудь замѣтить. Онъ ограничился тѣмъ, что тихо пробормоталъ:

— Я пришелъ сообщить вамъ, что все готово... Берлина будетъ у нашихъ воротъ рано утромъ, и унтеръ-офицеръ, который будетъ сопровождать насъ, спрашиваетъ, въ которомъ часу онъ долженъ привести лошадей и людей.

— Какъ только разсвѣтетъ,—отвѣтила слабымъ голосомъ канонисса.

Божаръ приблизился къ ней, нервно пожалъ ея руку и прошепталъ:

— Прощайте... завтра я буду смотрѣть, какъ поѣдетъ вашъ экипажъ. Затѣмъ онъ отвѣсилъ поклонъ кавалеру де-Вандіеру и вышелъ.

II.

Въ дорогѣ.

На слѣдующій день, 11 октября, утро было туманное. Франсуа Божаръ верхомъ стоялъ у городскихъ воротъ, пропуская мимо себя фургоны и экипажи, съ глухимъ стукомъ проѣзжавшіе подъ сводами. Экипажи тянулись долго. Разыгрывались раздирающія душу сцены. Госпитальныя повозки съ больными, двухколесныя телѣжки съ парусиннымъ навѣсомъ, кареты эмигрантовъ, экипажи военныхъ, все это слѣдовало въ безпорядкѣ. Посреди всей этой суматохи, стараясь пробить себѣ дорогу, подвигались съ трудомъ всадники и пѣшеходы: солдаты съ свирѣпыми лицами, въ грязныхъ мундирахъ, старые дворяне, согнувшись на своихъ худыхъ лошадяхъ, ѣхали верхомъ или шли пѣшкомъ по грязи. Неожиданныя на каждомъ шагу остановки приводили въ безпорядокъ эту подавленную толпу. Лошади пугались и брыкались, пѣшеходы жались вдоль домовъ. Злобныя ругательства, отчаянные призывы, крики напуганныхъ женщинъ смѣшивались со стонами раненыхъ, которые при толчкахъ кричали отъ боли.

Божаръ видѣлъ, какъ проѣхалъ мимо него принцъ Прусскій въ сопровожденіи своего штаба. Позади его ѣхали верхомъ Жаржей и Массенбахъ. Жаржей держалъ себя твердо и галантно раскланивался съ дамами, сидѣвшими въ каретахъ. Сгорбленный Массенбахъ съ недовольнымъ видомъ пожималъ плечами. Особенно волновалась въ своей берлинѣ съ гербами маркива де-Фрего: она то наклонялась къ дверцамъ, то высовывала свою напудренную голову съ пятнами отъ румянъ, бранила своего кучера, который, впрочемъ, ничего не могъ сдѣлать.

Наконецъ, когда вся эта вереница понемногу проѣхала сводчатыя ворота, показалась берлина, сопровождаемая четырьмя уланами. Изъ-подъ опущенной на половину шторы кто-то махалъ бѣлымъ платкомъ.

Глаза Божара и канониссы встрѣтились, и онъ постарался попасть въ хвостъ экипажей. За воротами происходила еще большая сумятица и смущеніе. Люди, лошади и повозки тѣснились по Этенской дорогѣ, очень узкой, окаймленной канавами, наполненными водой, гдѣ при малѣйшемъ поворотѣ экипажъ могъ опрокинуться. Густой туманъ еще болѣе усиливалъ безпорядокъ. Приподнимаясь на стременахъ, Божаръ старался не упускать изъ виду берлины и ея провожатыхъ, которые значительно его опередили, но въ такой путаницѣ слѣдить за берлиной было чрезвычайно трудно. Одно случайное обстоятельство сдѣлало это еще труднѣе. Госпитальная повозка, въ которой раненые были набиты, какъ сельди въ бочкѣ, ѣхавшая впереди прокурора-синдика, неожиданно загородила ему дорогу. Одна изъ лошадей упала; лежа на боку и ударяя копытами по дорогѣ, напрасно старалась она подняться. Раздались отчаянные вопли; чтобы освободиться отъ этого злополучнаго препятствія, обрѣзали постромки. Но оставшаяся лошадь не могла одна тащить эту тяжелую повозку. Подъ вліяніемъ страха экипажъ безъ всякаго сожалѣнія къ раненымъ былъ сброшенъ въ яму съ водой. На дорогѣ стало опять свободно, экипажи снова тронулись, давя своими колесами несчастное животное, оставшееся на дорогѣ.

Въ этой сумятицѣ Божаръ былъ оттиснутъ назадъ. Когда наконецъ ему удалось выбраться, онъ сталъ искать глазами берлину съ канониссой, но вслѣдствіе тумана различить ее было уже невозможно. Встрѣтивъ на пути деревянный мостъ, перекинутый черезъ канаву, онъ по примѣру нѣкоторыхъ всадниковъ направился въ обходъ къ полянѣ, расположенной ниже, надѣясь, что тамъ можно будетъ ѣхать скорѣй и увидѣть издали берлину, которая увозила въ изгнаніе царицу его сердца. Но и тамъ его ожидали непредвидѣнныя препятствія.

Проливные дожди, лившіе въ теченіе трехъ недѣль, наводнили поляну. Почва сдѣлалась мягкой и крайне вязкой. Неосторожные пѣшеходы вязли по колѣна и, чувствуя, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ, звали на помощь, испуская пронзительные крики. Но ихъ призывъ оставался безъ отвѣта, Чувство самосохраненія заглушало въ душѣ каждаго жалость, и каждый думалъ только о себѣ. Божаръ, одержимый желаніемъ въ послѣдній разъ увидѣть Гіацинту, оставался, какъ и всѣ, глухъ къ этимъ воплямъ отчаянія. Онъ достигъ подъема, гдѣ почва становилась болѣе твердой и, содрогаясь отъ ужаса, пробилъ себѣ дорогу среди труповъ лошадей, валявшихся тамъ и сямъ и указывавшихъ на расположеніе прусскихъ войскъ послѣ осады. Эти трупы, съ которыхъ голодные солдаты предварительно сняли мясистыя части, ужаснымъ образомъ зіяли своими скелетами, омытыми дождемъ. Сотни воронъ, невидимыхъ въ туманѣ, летали въ воздухѣ съ зловѣщимъ карканьемъ.

Лошадь Божара, насторожившъ уши, громко фыркала, становилась на дыбы и не хотѣла итти среди этихъ костей. Пришлось принуждать ее съ помощью хлыста и шпоръ. Наконецъ она ринулась впередъ и понесла своего всадника на другой конецъ поля, которое тянулось вдоль Мааса. Выѣхавъ на дорогу, Божаръ обернулся. Верденъ скрылся въ туманѣ. По направленію къ Этену слышался глухой шумъ отступавшей арміи, которая то показывалась, то скрывалась за возвышенностью почвы. Все было кончено, Гіацинта была теперь ужъ далеко, и одинокому Божару ничего не оставалось болѣе, какъ пуститься въ изгнаніе, которое онъ себѣ подготовилъ.

Тоска охватила его сердце въ то время, какъ онъ медленно поднимался къ де-Бра. Въ Вашеровилѣ онъ взялъ направленіе на Данвилеръ и пустилъ лошадь рысью.

Страна была еще подавлена ужасомъ передъ прусскимъ нашествіемъ. Деревни большею частью казались покинутыми. Лишь изрѣдка по опушкѣ лѣса можно было замѣтить четвероугольники недавно вспаханной земли, гдѣ крестьяне наскоро сѣяли. Радостная вѣсть о внезапномъ отступленіи врага, вѣроятно, уже достигла ихъ, и они съ новой отвагой принялись опять за свою прерванную работу.

Въ Флабасѣ Божаръ долженъ былъ остановиться, чтобы дать отдохнуть лошади и поѣсть чего-нибудь. Только къ вечеру онъ прибылъ въ Данвилеръ. Домъ Симона Лепажа находился при самомъ въѣздѣ на главную улицу. Онъ былъ въ одинъ этажъ и тянулся между ригами и конюшнями. Бывшій депутатъ слѣзъ съ лошади и постучалъ въ дверь, обвитую дикимъ виноградомъ.

Симонъ Лепажъ, бѣлокурый, плотный, съ краснымъ лицомъ, съ голубыми веселыми глазами, самъ открылъ ему дверь. Съ минуту онъ смотрѣлъ на этого неожиданнаго путешественника съ безпокойнымъ любопытствомъ, затѣмъ, узнавъ его, онъ снова вернулся къ веселому расположенію.

— Это, стало быть, вы, господинъ прокуроръ-синдикъ?

— Тише, Лепажъ,—пробормоталъ Божаръ, увлекая его въ глубину передней:—не слѣдуетъ называть меня этимъ именемъ, на которое я не имѣю болѣе права. Развѣ вы не знаете, мой другъ, того, что случилось?

— Нѣтъ, сударь, но каждый знаетъ, что вы дѣйствовали по принужденію, и у насъ вамъ нечего бояться.

— Все равно, я вамъ буду очень благодаренъ, если передъ посторонними мы меня попросту будете называть г-нъ Франсуа... А теперь, можете ли вы меня пріютить на сегодняшній вечеръ и на завтра?

— На сегодняшній вечеръ и на все время, на которое вы пожелаете. Тутъ только моя жена и свояченица, за скромность корыхъ я ручаюсь.

— Благодарю, товарищъ. Съ вашего позволенія мы дадимъ сначала овса моей лошади!

Они пошли вмѣстѣ къ конюшнѣ, которая сообщалась съ кухней боковою дверью, затѣмъ прокуроръ коммуны ввелъ своего гостя въ отдаленную комнату, гдѣ находилась его семья.

Кухня, выстланная кирпичомъ и выбѣленная известью, выглядѣла привѣтливо. Мѣдныя кастрюли и чугунные горшки, разставленные на полкахъ, блестѣли на огнѣ, горѣвшемъ въ высокомъ каминѣ. На крючкѣ надъ огнемъ висѣлъ котелокъ, гдѣ варился супъ изъ рѣпы и капусты, распространяя аппетитный запахъ. Подлѣ огня сидѣла молодая дѣвушка и слѣдила за котелкомъ, а двое мальчишекъ, уцѣпившись за ея юбки, вытараща глаза смотрѣли на новоприбывшаго въ то время какъ хозяйка жилища, чистенькая и привѣтливая, шла навстрѣчу, чтобы поздороваться съ гостемъ.

— Вотъ моя жена и свояченица,—сказалъ Симонъ Лепажъ...

— Ментина,—сказалъ онъ, обращаясь къ своей хозяйкѣ,—вотъ г-нъ Божаръ, о которомъ ты часто отъ меня слышала. Онъ хочетъ остановиться у насъ на нѣсколько дней, но желаетъ, чтобы здѣсь ничего не знали объ этомъ... Для нашихъ людей и для сосѣдей онъ только г-нъ Франсуа, торговецъ шерстью, пріѣхавшій изъ Стенэ... Понимаешь? Теперь, сударь, садитесь и высушите вашу одежду.

Сдѣлавъ реверансъ и приговоривъ нѣсколько привѣтствій, г-жа Лепажъ вышла приготовить комнату для гостя, а Божаръ сѣлъ къ огню, рядомъ съ прокуроромъ коммуны.

Мало-по-малу дѣти, привыкнувъ къ его обществу, подошли къ отцу и стали весело болтать съ нимъ. Божаръ ихъ приласкалъ, и, когда вернулась хозяйка дома, дружба между этой маленькой публикой и гостемъ уже установилась. Г-жа Лепажъ сняла съ крючка дымящійся котелокъ. Ея молоденькая сестра, поставивъ приборы на массивный буковый столъ, накрошила въ большую фаянсовую суповую миску хлѣба и налила туда супа. Г-жа Лепажъ положила на блюдо сало, овощи и баранью лопатку, затѣмъ пригласила всѣхъ кушать супъ. На ея зовъ явились двѣ служанки и работникъ. Всѣ сѣли за столъ, и сначала ѣли молча, затѣмъ по мѣрѣ того, какъ вино развязывало языки, стали говорить свободнѣе. Конечно, разговоръ вращался на вторженіи пруссаковъ.

— О, эти гадкія созданія,—вскричала г-жа Лепажъ,—причинили намъ много зла, когда они проходили здѣсь въ первый разъ. Богъ дастъ, на возвратномъ пути они будутъ держать себя порядочнѣе.

— Будь покойна, Ментина,—возразилъ Симонъ:—сначала они были горды и воображали себя нашими хозяевами, но сейчасъ они возвращаются, какъ побитыя собаки, поджавъ хвостъ. Все

равно, я посовѣтовалъ бы имъ не запаздывать въ дорогѣ, потому что тѣ, что путешествуютъ въ одиночку, могутъ подвергнуться немалымъ непріятностямъ.

— Пруссаки были очень злы,—замѣтила молодая дѣвушка:— но эмигранты еще хуже... Они не довольствовались тѣмъ, что уводили въ плѣнъ людей, они съ ними грубо обращались, заставляя только плакать.

— Если ихъ словятъ,—промолвилъ сквозь зубы Симонъ,—съ ними долго разговаривать не будутъ.

Когда встали изъ-за стола, дѣти пожелали всѣмъ покойной ночи, и обѣ женщины ихъ увели, а прислуга стала убирать посуду и уносить ее въ кухню. Франсуа Божаръ сѣлъ у камина, въ который Симонъ Лепажъ подбрасывалъ хворостъ. Прыгающее пламя отражалось на обитыхъ мѣдью дверцахъ шкаповъ. Снаружи въ передней жалобно вылъ октябрьскій вѣтеръ, а по стекламъ оконъ струился проливной дождь.

Среди этой деревенской тишины нервы Божара успокоились. Онъ наслаждался пріятнымъ покоемъ послѣ тяжелыхъ дневныхъ приключеній и безопасностью этого плотно запертаго жилища. Но тоска о берлинѣ, уносящей при вѣтрѣ и дождѣ въ изгнаніе женщину, которую онъ любилъ, продолжала надрывать его сердце. Мало-по-малу тепло очага и усталость произвели свое дѣйствіе. Его глаза уже слипались, а хозяинъ продолжалъ еще говорить. Онъ давалъ неопредѣленные и односложные отвѣты и воспринималъ этотъ разговоръ, какъ какое-то смутное бормотаніе. Онъ пробылъ такъ съ четверть часа въ состояніи полузабытья, какъ вдругъ внезапный стукъ открывшейся двери заставилъ его очнуться. Онъ повернулъ голову. Симонъ всталъ, а г-жа Лепажъ вела за собою молодого человѣка лѣтъ двадцати двухъ.

Его одежда была совершенно мокра отъ дождя. По разговору, Божаръ понялъ, что новоприбывшій принадлежалъ къ семейству Лепажа. Онъ былъ сильно взволнованъ и бросалъ подозрительные взгляды на незнакомца, сидящаго у окна. Сказавъ что-то на ухо Симону, онъ увелъ его въ смежную комнату. Ихъ бурный разговоръ и громкіе звуки голосовъ, доносившихся до прокурора-синдика, разогнали его дремоту. Минутъ черезъ двадцать молодой человѣкъ вернулся, и Божару показалось, что подъ его блузой было спрятано ружье. Онъ прошелъ черезъ кухню и вышелъ наружу, несмотря на дождь, который все усиливался. Когда онъ ушелъ, Симонъ подошелъ къ своему гостю и, угадывая въ его глазахъ нѣмой вопросъ, сказалъ:

— Это мой младшій братъ, простите, что не представилъ его вамъ... но онъ изъ партіи бѣшеныхъ; онъ принадлежитъ къ якобинской партіи, и я думаю, что я хорошо сдѣлалъ, не назвавъ ему васъ.

Божаръ горько усмѣхнулся. Онъ самъ выразилъ желаніе сохранить свое инкогнито, и эта осторожная предусмотрительность Лепажа втайнѣ очень огорчила его. Это впервые показало ему, насколько его ложное положеніе опасно. Онъ сталъ опаснымъ гостемъ для своихъ самыхъ преданныхъ друзей, попалъ въ число подозрительныхъ лицъ и принужденъ былъ скрывать свое имя и скрываться, какъ преступникъ.

Симонъ замѣтилъ печальное выраженіе своего бывшаго начальника и опять началъ говорить о возбужденномъ состояніи своего брата:

— Что подѣлаешь, въ двадцать два года въ насъ сидитъ дьяволъ... Въ настоящую минуту я увѣренъ, что этотъ молодецъ собирается сдѣлать какую-нибудь глупость, вмѣстѣ съ двумя или тремя вертопрахами въ родѣ его... Я достаточно старался его убѣдить, но эта молодежь очень вспыльчива, и онъ ничего не хотѣлъ слушать.

Эти послѣднія слова не только не успокоили Божара, но, казалось, еще болѣе увеличили его безпокойное настроеніе. Онъ продолжалъ быть мрачнымъ и машинально мѣшалъ уголья въ каминѣ. Лепажъ вообразилъ, что его удручала усталость, и зажегъ свѣчу:

— Вамъ необходимо отдохнуть, сударь... Я провожу васъ въ вашу комнату.

Онъ отвелъ его въ комнату нижняго этажа, которая выходила въ садъ, и пожелалъ ему спокойной ночи.

Оставшись одинъ, Божаръ открылъ окно и облокотился на подоконникъ. Спать ему не хотѣлось. Онъ выглянулъ наружу. Дождь мало-по-малу переставалъ. Изъ разогнанныхъ тучъ по временамъ выглядывала луна, освѣщая густую листву сада, расположеннаго на мѣстѣ прежняго рва. Отблески голубоватаго свѣта ложились тамъ и сямъ на мокрые кочны капусты, и капли дождя сверкали на фруктовыхъ деревьяхъ. За фруктовымъ садомъ почва шла въ гору, и на фонѣ яснаго неба вырисовывалась высокая церковь, крытая черепицей.

Божаръ думалъ о канониссѣ, и его мысли неслись вслѣдъ за ея берлиной, которую эскортировали уланы, по дорогѣ къ Лонгіону. Въ это мгновеніе она должна проѣзжать черезъ Спинкуръ, если съ ней не случилось какого-нибудь несчастья. И вдругъ его разгоряченному воображенію представилось, что съ нею непремѣнно что-то произойдетъ. Всю ночь его одолѣвали призраки и опасенія. Прокуроръ-синдикъ былъ въ томъ нравственномъ состояніи, когда каждый пустякъ сейчасъ же вызываетъ возбужденіе. Внезапное и таинственное появленіе брата его хозяина засѣло въ его головѣ гвоздемъ. Ему пришло теперь на умъ все, что Лепажъ говорилъ ему объ опасныхъ идеяхъ этого молодого

человѣка, и онъ теперь задавалъ себѣ вопросъ, почему Симонъ такъ настойчиво распространялся объ этомъ. Разстроенный этими размышленіями, онъ всматривался въ темноту сада и боязливо прислушивался. Долгое время онъ слышалъ только, какъ дождевыя капли стекали по жолобу крыши; вдругъ отдаленный звукъ выстрѣловъ заставилъ его вздрогнуть. Его сердце сильно забилось, словно предчувствуя какое-то несчастіе. Онъ приникъ къ окну, весь обратившись въ слухъ. Болѣе ничего не было слышно, въ деревнѣ опять наступила тишина. Долго онъ еще прислушивался съ стѣсненнымъ сердцемъ, полный мрачныхъ предчувствій. Затѣмъ, убѣдившись, что все спокойно, онъ рѣшилъ лечь въ постель.

Но только что онъ хотѣлъ закрыть окно, какъ вдругъ послышался какой-то необыкновенный шумъ. Божару показалось, что онъ слышитъ топотъ ногъ и звуки голосовъ снаружи. Скоро шумъ отворяющихся дверей, ходьбы взадъ и впередъ по коридору, неопредѣленныя восклицанія, все это убѣдило его, что въ домѣ происходитъ что-то необыкновенное. Онъ схватилъ свѣчу и открылъ дверь своей комнаты. Первое, что онъ увидѣлъ, войдя въ коридоръ, былъ Симонъ Лепажъ. Прокуроръ коммуны, одѣтый на скорую руку, казался озабоченнымъ и возбужденнымъ.

— Вы не ложились еще, господинъ Франсуа?

— Нѣтъ еще... Что случилось?—спросилъ Божаръ.

— О, дурацкая штука, отъ которой я бы уклонился съ удовольствіемъ... Какъ я вамъ уже разсказывалъ, мой младшій братъ просто сумасшедшій... Одинъ человѣкъ изъ Билли ему сообщилъ, что черезъ Мангіенскіе лѣса долженъ прослѣдовать экипажъ съ эмигрантами, эскортируемый уланами. И вотъ онъ съ пятью или шестью друзьями засѣлъ въ кустахъ. Они напали на конвой; одинъ изъ улановъ былъ убитъ, остальные ускакали, экипажъ былъ оставленъ на произволъ судьбы среди дороги, и вотъ эти молодцы привели ко мнѣ путниковъ для допроса и оставили ихъ у меня до утра... И вотъ теперь разбирайся въ этомъ глупомъ происшествіи.

По мѣрѣ того, какъ Симонъ говорилъ, Божаръ блѣднѣлъ все болѣе и болѣе.

— Въ экипажѣ были двѣ дамы, не правда ли?

— Дѣйствительно, двѣ дамы и старый господинъ... вы ихъ знаете?—спросилъ удивленный Лепажъ.

— Да я ихъ знаю; гдѣ они?

— Въ нашей кухнѣ.

— Одни?

— Одни только съ Ментиной, которая разводитъ для нихъ огонь. Обѣ дамы дрожатъ отъ холода и испуга. Прежде всего мы не дикари!.. Я отослалъ этихъ сумасшедшихъ спать, поручившись

за цѣлость плѣнниковъ, и послалъ свою хозяйку къ этимъ дамамъ, чтобы она позаботилась о нихъ и сдѣлала все, что только можетъ сдѣлать женщина.

— Могу я повидаться съ ними?

— Ничего не имѣю противъ этого, пожалуйста!

Симонъ Лепажъ отворилъ дверь въ кухню, и Франсуа Божаръ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ. Передъ огнемъ стояла канонисса между кресломъ, въ которомъ, съежившись, сидѣлъ Даніель, и другимъ кресломъ, на которомъ въ обморокѣ лежала г-жа де-Ронъ.

III.

Каноникъ.

Шумъ отворившейся двери заставилъ канониссу обернуться. Увидѣвъ прокурора-синдика, она испустила громкое восклицаніе.

— Гіацинта,—вскричалъ этотъ послѣдній, кидаясь къ ней.

— А, Божаръ,—простонала г-жа де-Ронъ:—само Провидѣніе посылаетъ васъ!

— Бѣдные мои друзья,—спросилъ онъ:—вы, значитъ, слѣдовали за отступающей арміей?

— Слѣдовали до Этена,—пробормотала канонисса:—тамъ мы хотѣли ее обогнать и доѣхать до Лонгви по проселочной дорогѣ...

— Противъ моего желанія,—вставилъ кавалеръ.

— Кучеръ увѣрялъ, что онъ знаетъ дорогу болѣе короткую, черезъ Мангіенъ, но онъ заблудился...

— Это измѣнникъ, онъ завезъ насъ въ лѣсъ, гдѣ мы попали въ засаду!

Во время этого быстраго обмѣна мыслей Симонъ Лепажъ держался въ сторонѣ. Озабоченнымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ обводилъ онъ по очереди трехъ собесѣдниковъ, сгруппировавшихся у очага, и прокурора-синдика, всѣ черты лица котораго носили отпечатокъ необычайнаго волненія.

— Извините меня, сударыни,—сказалъ важно Божаръ:—черезъ минуту я къ вашимъ услугамъ...

Онъ подошелъ къ Лепажу и взялъ его подъ руку:

— Мой другъ,—пробормоталъ онъ ему:—мнѣ необходимо поговорить съ вами наединѣ... Войдемте въ сосѣднюю комнату.

Молча, Симонъ зажегъ свѣчу и повелъ своего гостя въ смежную комнату.

— Милый мой,—сказалъ Божаръ, едва они остались одни:—я близко знаю этихъ трехъ лицъ, которыхъ несчастный случай отдалъ въ ваше распоряженіе. Самая старшая изъ нихъ г-жа де Ронъ.

вдова совѣтника изъ Баруа; младшая — ея племянница г-жа д'Эризель; господинъ, ихъ сопровождающій, ихъ родственникъ. Всѣ трое принадлежатъ не къ нашей партіи, но всѣ трое совершенно безобидны и заслуживаютъ самаго гуманнаго обращенія... Я полагаюсь на ваше сердце, мой другъ, и умоляю васъ оградить ихъ... Если когда-нибудь я былъ вамъ полезенъ, то окажите мнѣ теперь большую услугу... Помогите мнѣ ихъ спасти!

Симонъ Лепажъ стоялъ съ озабоченнымъ видомъ и почесывалъ себѣ затылокъ.

— Господинъ Божаръ,—сказалъ наконецъ онъ,—я вамъ очень обязанъ, и я никогда не забуду, что вы для меня сдѣлали, но то, о чемъ вы просите, сдѣлать трудно... Если завтра у меня не окажется этихъ эмигрантовъ, я рискую своимъ положеніемъ и даже головой... Когда имѣешь дѣтей, нельзя рисковать подобными вещами.

Соображеніе было весьма основательно, и Божаръ сознавалъ всю его правду. Сначала онъ ничего не возражалъ, подыскивая въ головѣ средства преодолѣть упорство своего хозяина. Наконецъ онъ нашелъ одно, которое ему подсказало его прежнее ремесло юриста.

— Берегитесь задерживать этихъ трехъ лицъ подъ арестомъ,— сказалъ онъ:—такъ какъ вамъ грозитъ болѣе существенная и грозная опасность... По условіямъ капитуляціи, республика обязалась не задерживать отступленіе непріятельской арміи. Кромѣ того, пруссаки еще въ нѣсколькихъ лье отсюда, въ Этенѣ и Манжіенѣ. Если они узнаютъ, что на экипажъ и эскортъ уланъ напали люди изъ Данвилера, они пришлютъ сюда батальонъ и предадутъ васъ военной экзекуціи. Для васъ будетъ лучше раздѣлаться съ этими опасными плѣнниками и избавиться такимъ образомъ отъ непріятнаго дѣла.

По смущенному выраженію лица крестьянина онъ понялъ, что его слова достигли цѣли.

— Сумасшедшіе,—продолжалъ онъ,—впутавшіе васъ въ это приключеніе, вздумаютъ, можетъ быть, обвинять васъ въ недостаточно хорошемъ наблюденіи, но вы имъ заткнете ротъ, объяснивъ имъ ужасныя послѣдствія ихъ глупой выходки.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ Симонъ Лепажъ,—въ этомъ есть доля правды... Подождите минутку... наша Ментина хорошій совѣтчикъ, и я хочу узнать ея мнѣніе.

Онъ вышелъ. Г-жа Лепажъ, имѣвшая чувствительное сердце, разжалобившись печальнымъ положеніемъ двухъ дамъ, очевидно, согласилась съ мнѣніемъ Божара, потому что черезъ четверть часа Симонъ явился съ фонаремъ и съ пожитками арестованныхъ.

— Слушайте, г-нъ Божаръ—сказалъ онъ:—меня не поблагодарятъ за это, но я закрываю на все глаза. Мы съ женой уйдемъ

въ свою комнату. Вотъ вамъ двѣ блузы, двѣ фуражки и чепцы крестьянокъ, устраивайтесь съ вашими друзьями. Вы найдете на конюшнѣ телѣжку, запрягите тамъ въ нее одну изъ моихъ лошадей, оставьте мнѣ взамѣнъ вашу и уѣзжайте потихоньку черезъ ворота. Выйдетъ, что вы стащите это у меня во время моего сна, и я ничего не видѣлъ. А теперь прощайте и желаю вамъ успѣха!

— Благодарю, мой другъ, у васъ доброе сердце!

— Прекрасно, поторопитесь! Ахъ, еще одинъ совѣтъ: нашъ домъ выходитъ на дорогу въ Верденъ, тамъ вы менѣе всего рискуете наткнуться на непріятность... Прощайте!

Онъ вышелъ, а Божаръ отправился въ кухню.

— Господа,—сказалъ онъ, кладя свертокъ на столъ:—этотъ честный малый предоставилъ мнѣ свободу дѣйствій, чтобы устроить ваше бѣгство.

— Другъ мой,—сказала канонисса,—было предопредѣлено, что еще разъ вы спасете насъ... Я приготовилась мужественно умереть, но я благодарна вамъ за мою тетку.

— Вы могли бы поблагодарить господина Божара и за меня,—грустно сказалъ кавалеръ.—Хотя я и въ рубищѣ, благодаря революціонерамъ, тѣмъ не менѣе рубище это мнѣ дорого, такъ какъ и я, какъ и вы, не желаю еще умереть!

— Не будемъ терять времени,—сказалъ Божаръ.—Вотъ крестьянское платье, надѣвайте его поскорѣе... а тѣмъ временемъ господинъ Вандіеръ поможетъ мнѣ запрячь лошадь.

Онъ отправился съ кавалеромъ въ конюшню и нашелъ тамъ повозку съ парусиннымъ навѣсомъ, въ которыхъ крестьяне возятъ на базаръ съѣстные припасы. Затѣмъ они впрягли въ нее одну изъ лошадей Симона и когда все было готово, вернулись за г-жею де-Ронъ и Гіацинтой. Онѣ уже переодѣлись. Канонисса надѣла чепчикъ, какіе носятъ въ Лотарингіи, и закуталась темной и толстой шерстяной накидкой. Божаръ и кавалеръ, въ свою очередь, нарядились въ блузы, а на голову надѣли пуховыя крестьянскія шапки. Всѣ четверо отправились въ конюшню, затѣмъ осторожно открыли ворота, и прокуроръ-синдикъ велъ шагомъ телѣгу до конца города. Остальные слѣдовали за нимъ въ тишинѣ. Когда послѣдніе дома города остались позади, г-жа де-Ронъ и Вандіеръ усѣлись подъ навѣсъ между снопами соломы, канонисса на переднемъ мѣстѣ, а Божаръ вскочилъ рядомъ съ ней и стегнулъ лошадь, которая пустилась рысью.

Прошло около часа, луна проглядывала еще сквозь тучи, а когда она заволакивалась, грязная дорога освѣщалась фонаремъ, прикрѣпленнымъ къ одной изъ перекладинъ телѣги.

— Намъ и думать теперь нечего,—сказалъ Божаръ канониссѣ,—добраться до границы, мы рискуемъ встрѣчей въ родѣ той, которая насъ чуть было не погубила: насъ могутъ задержать

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

АВГУСТЪ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1908 г.

(См. слѣд. стран.).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕЛГУНОВЪ.

Съ портрета (писан. маслян. красками) принадлежащаго его дочери.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1].

(Историческій романъ).

LXXIV.

На перепутьи.

НЕВЫНОСИМО гнетущее общее настроеніе удручало блестящій дворъ Потемкина въ Бендерахъ, этой «Капуѣ» генералъ-фельдмаршала всѣхъ россійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ исконнаго врага христіанства. Было начало декабря. Стояли холода. Извѣстно всѣмъ было бѣдственное и удрученное состояніе осаждающихъ Измаилъ. Духъ арміи падалъ со дня на день. Всѣ недоумѣвали: почему медлитъ свѣтлѣйшій начать рѣшительныя дѣйствія? «Опять, какъ подъ Очаковымъ!» говорили кругомъ. Между тѣмъ изъ столицы дошли извѣстія о чрезвычайномъ усиленіи новаго фаворита Зубова и безпредѣльномъ благоволеніи къ нему престарѣлой монархини. Вмѣстѣ съ братьями Зубовъ совокупилъ при дворѣ новый «соціететъ» и началъ увлекать Екатерину персидскими планами, помимо свѣтлѣйшаго и въ явное съ нимъ состязаніе. Съ Турціей Екатерина жаждала лишь скорѣйшаго почетнаго мира. Заключеніе его оканчивало стремленіе Потемкина къ Стамбулу и, завершая подвиги

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 5.

его, учиняло полководцемъ и дипломатомъ, на лаврахъ покоющимся. Между тѣмъ Зубовы развивали новую персидскую авантюру. Въ Эрмитажѣ играли персидскій маршъ, и сама государыня училась персидскому языку, выражаясь, что ей, какъ нѣмкѣ, это легко, ибо въ персидскомъ языкѣ весьма многія слова сходны съ нѣмецкими, о чемъ и самъ господинъ Вольтеръ удостовѣряетъ.

Свѣтлѣйшій пребывалъ въ жестокой «ногтоѣдѣ», не снималъ съ головы полотенца съ лавандой, не мылся, не чесался, не одѣвался, не выходилъ изъ спальной, никого не принималъ по дѣламъ службы и не подписывалъ рѣшительно никакихъ бумагъ. Еврея-каббалиста, приходившаго къ нему гадать, онъ вдругъ прогналъ и даже велѣлъ въ двадцать четыре часа выселить за предѣлы Новороссійскаго намѣстничества. Зато Павелъ Корнильевичъ сталъ ему постоянно нуженъ.

По приказанію свѣтлѣйшаго, молодой человѣкъ переселился въ фельдмаршальскій дворецъ, гдѣ отведены были ему особые покои, и теперь желтое лицо угрюмаго Митрофана часто мелькало между обшитой галунами челяди дворца. Въ этой новой средѣ Митрофанъ умѣлъ, однако, поставить себя на почетное положеніе, краткими, но выразительными разсказами о французской революціи интересуя всѣхъ.

Лакейство при дворѣ свѣтлѣйшаго состояло изъ лицъ рѣшительно всѣхъ націй Европы и даже многихъ народностей Азіи; однихъ чернокожихъ было пятнадцать человѣкъ обоего пола. Собранія въ служительскихъ просторныхъ флигеляхъ напоминали разноязычіемъ строеніе башни вавилонской. Митрофанъ объяснялся съ иностранцами на французскомъ діалектѣ.

Служба при свѣтлѣйшемъ для Павла Корнильевича, кромѣ необходимости по цѣлымъ ночамъ въ мундирномъ кафтанѣ дремать, сидя въ креслахъ въ сосѣднемъ со спальною покоѣ, къ чему онъ привыкъ на караулахъ, не составляла ничего труднаго. Свѣтлѣйшій часто звалъ его лишь для того, чтобы спросить, устремивъ на него ласковое единственное око свое:

— Хочется тебѣ спать, правдолюбъ? А мнѣ, братъ, не спится!..

Но самое это наименованіе «правдолюбъ» и довѣріе Потемкина какъ шипами терзало Павла Корнильевича. Сознавалъ онъ себя недостойнымъ ни этого довѣрія, ни этого наименованія. Нестерпимо гнела его тайна, которую обязался онъ хранить. А между тѣмъ въ разговорахъ во время безсонницы Потемкинъ постоянно касался осады Измаила, разспрашивая адъютанта о состояніи и духѣ войскъ. Какъ бы совѣщаясь съ нимъ, онъ высказывалъ всевозможныя предположенія о томъ, штурмовать ли крѣпость, или взять ее измором? И Павелъ Корнильевичъ много разъ готовъ былъ воскликнуть: «Штурмовать! Сейчасъ штурмовать!» И слова эти умирали на устахъ его.

Между тѣмъ, съ переселеніемъ во дворецъ къ свѣтлѣйшему, Павелъ Корнильевичъ сталъ постоянно видѣть и графиню Софію. Во всѣ часы дня призывала она его, давала разныя порученія, или просто оставляла въ своемъ присутствіи. Часто по ночамъ носилъ онъ графинѣ записки свѣтлѣйшаго. Также и она поручала ему передавать какъ устныя свои просьбы, такъ и нацарапанныя на аспидной доскѣ. Павелъ Корнильевичъ сознавалъ, что графиня Софія нарочно занимаетъ его около себя, чтобы не выпускать изъ очарованнаго круга своего вліянія. Однако отношеніе ея было совершенно равнодушное и не болѣе она занималась имъ, чѣмъ своей болонкой или графомъ Іосифомъ, мужемъ. Она только награждала его правомъ созерцать ее, любоваться безмолвно ея «прекрасными глазами», что онъ и дѣлалъ, изнывая въ безплодной страсти.

Но эта близость открыла Павлу Корнильевичу, какой лихорадочной дѣятельностью занята непрестанно гречанка. Видимо, безчисленныя нити дипломатическихъ интригъ сосредоточивались въ рукахъ ея. Всѣ послы, дипломатическіе агенты и курьеры, таинственные путешественники всѣхъ націй, постоянно появлявшіеся въ Бендерахъ и вновь исчезавшіе, непремѣнно являлись къ графинѣ, и съ ними на своемъ особенномъ французскомъ языкѣ, то казавшемся греческимъ, то турецкимъ, она болтала, повидимому, незначащія рѣчи, но явно полныя намековъ, понятныхъ только ей и ея собесѣднику. Изъ проживавшихъ въ Бендерахъ дипломатовъ особенно близки были къ Софіи австрійскій посланникъ Кобенцель и англійскій Гаррисъ. Обѣды и ужины у свѣтлѣйшаго совершенно прекратились. Многія дамы покинули Бендеры, между ними и Долгорукая, по совѣту самого свѣтлѣйшаго, и отправились въ Петербургъ. Надо думать, Потемкинъ поручалъ отъѣзжавшимъ дамамъ подготовить столичный высшій кругъ къ окончанію кампаніи и возвращенію ея тріумфатора. Питаніе повсечасно производилъ свѣтлѣйшій по-старому густыми кислыми щами. Впрочемъ, въ самое послѣднее время заговорилъ онъ опять о монашествѣ и о томъ, что, по завершеніи почетнымъ и выгоднымъ миромъ войны, удалится отъ дѣлъ и отъ міра, гдѣ всѣмъ пресыщенъ, и предастся жизни созерцательной. Въ ожиданіи того, принялся свѣтлѣйшій пить студеную воду, доставлявшуюся изъ ключей верстъ за тридцать отъ Бендеръ, и закусывать сіе пустынническое блюдо сухарями изъ чернаго хлѣба, посыпанными крупной солью.

Кобенцель и Гаррисъ часто теперь завтракали у графини Софіи. Тогда приглашаемъ былъ ею и Павелъ Корнильевичъ. Равно присутствовалъ и супругъ гречанки, графъ Іосифъ. Составлялась партія въ кабинетныя карточныя игры. И два дипломата, графъ Іосифъ и Павелъ Корнильевичъ усаживались за ломберный столъ. Толстый, неряшливый, огромный Кобенцель, какъ любитель грушъ, ставилъ передъ собою вазу съ этими плодами и жадно жевалъ,

чавкая и брызжа сокомъ, великолѣпные плоды, въ промежутки разсказывая вѣнскіе анекдоты преимущественно о любовныхъ похожденіяхъ съ бюргерскими женами и хорошенькими мѣщаночками. Иногда у графини Софіи собирались и на ужинъ. И тогда со своей половины являлся и свѣтлѣйшій, какъ былъ, конечно, немытый и нечесанный, въ извѣстномъ всѣмъ зеленомъ капотѣ. Гречанка усаживала его въ покойныя кресла подлѣ камина, гдѣ пылали душистыя чинаровыя дрова, а Поповъ приносилъ огромную чеканную серебряную кружку, украшенную миѳологическими фигурами Венеры и Вакха, дивное произведеніе художника эпохи Возрожденія, совершенно не соотвѣтствовавшее оргіастическими сюжетами прѣсному, студеному напитку, налитому внутри. Павлу Корнильевичу вручалось огромное блюдо съ горою черныхъ сухарей, при слѣдованіи свѣтлѣйшаго изъ собственной спальни въ столовую графини Софіи.

Принца де-Линь уже не было въ Бендерахъ. Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Чарли онъ получилъ назначеніе въ армію, дѣйствовавшую подъ Измаиломъ. Онъ удалился разсерженный, кипящій нетерпѣніемъ, жаждущій кроваваго боя, ужасовъ штурма, обиженный на свѣтлѣйшаго, не желавшаго внимать его совѣтамъ.

LXXV.

Гаданіе.

Однажды за ужиномъ у графини свѣтлѣйшій былъ въ особливо удрученномъ и мрачномъ состояніи.

Между тѣмъ гости старались проявлять самую непринужденную веселость. Кобенцель болталъ безъ умолку. Гаррисъ—вытянутая англійская фигура—деревянно смѣялся его выходкамъ. Но когда часы пробили двѣнадцать, Кобенцель принялъ таинственный видъ и навелъ рѣчь на опыты духовидѣнія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и на замѣчательныя предсказанія будущаго, которыми удивляла вѣнское общество недавно одна таинственная графиня—красавица собою, гадавшая на кофейной гущѣ.

Потемкинъ поднялъ львиную голову и внимательно воззрился въ австрійскаго дипломата.

— Предсказанія графини были изумительны,—продолжалъ Кобенцель.—Она читала въ прошломъ и будущемъ, какъ въ открытой книгѣ. Всѣ событія на четверть вѣка впередъ ею предсказаны были, и уже добрая половина ихъ исполнилась съ изумительной точностью.

— Что же именно исполнилось?—спросилъ Потемкинъ.

— Она говорила о преображеніи Европы, о смутахъ, войнахъ, кровопролитіи. Она говорила, что Востокъ занимается кровавой

зарей, и мощный сѣверный Медвѣдь низвергнетъ Луну когтистой лапой!

— Ну, это еще немного,—замѣтилъ Гаррисъ:—предсказаніе въ столь неопредѣленной формѣ могъ сдѣлать всякій, знакомый съ дипломатическими тайнами.

— Что графиня была посвящена во многія государственныя тайны, это несомнѣнно,—сказалъ Кобенцель:—а главное въ томъ, что графиня принадлежала къ египетскому масонству, учрежденному знаменитымъ Каліостро, котораго ваша свѣтлость, въ бытность его въ Петербургѣ, знавали?

— Какъ же, знавалъ, знавалъ этого промышленника и проходимца!—отозвался Потемкинъ.

— Конечно, это проходимецъ,—согласился Кобенцель:—однако одаренъ онъ былъ великими силами и посвященъ въ ученія древнихъ халдеевъ, маговъ и гимнософистовъ. Какъ великій кофта во всѣхъ восточныхъ и западныхъ частяхъ земли, основатель и гросмейстеръ великаго египетскаго масонства, Каліостро участвовалъ въ составленіи Tabula Mistica на десятилѣтіе съ 1777 по 1787 годъ. Вотъ почему всѣ предсказанія его, относящіяся къ этому десятилѣтію, сбывались совершенно точно.

— Намъ интереснѣе было бы знать тайны всемірной Tabula Mistica или главнаго чертежа европейскихъ преображеній на десятилѣтіе съ 1787 по 1797 годъ,—замѣтилъ Гаррисъ.

— Вѣнская графиня, о которой я вамъ говорю, въ совершенствѣ постигала именно чертежъ этого, интересующаго васъ десятилѣтія,— увѣрялъ Кобенцель.

— Много шарлатановъ и шарлатанокъ въ настоящее время выдаютъ себя за знатоковъ Tabula Mistica,—замѣтилъ Гаррисъ.— Европа кишитъ алхимиками, магами, предсказателями. Особенно Германія ими переполнена. Масоны, иллюминаты, тампліеры, розенкрейцеры опутали своими отраслями эту страну. Немало ихъ и въ Австріи.

— Позволю себѣ замѣтить, что Tabula Mistica составляется не въ Вѣнѣ и не въ Берлинѣ, а именно въ столицѣ вашего отечества, въ Лондонѣ,—замѣтилъ Кобенцель.

— Мой жидъ Исаакъ, котораго я недавно прогналъ,—сказалъ свѣтлѣйшій, — увѣрялъ, что Tabula Mistica нашего десятилѣтія изготовлена въ Авиньонѣ.

— Этотъ еврей мнѣ извѣстенъ,—возразилъ Гаррисъ. — Видно, онъ принадлежитъ къ авиньонской сектѣ сведенборгіанскихъ иллюминатовъ общества «Новый Израиль» или «Народъ Божій». Сіе преступное общество занимается вызываніемъ духовъ всѣхъ девяти чиновъ свѣтлыхъ ангеловъ, стражей лѣстницы, возводящей отъ земли къ небесамъ, такъ и демоновъ вѣчной тьмы, низводящихъ по ступенямъ и кругамъ адской воронки къ низверженному Люциферу.

— Да! да! Жидъ мой занимался въ моей землянкѣ за Днѣстромъ черной магіей,— сказалъ свѣтлѣйшій.— Онъ дерзнулъ тамъ вызывать самого Галилеянина, великаго назаретскаго пророка, какъ называетъ онъ Господа Славы, Спасителя нашего,—набожно крестя обнаженную, мохнатую грудь свою, говорилъ Потемкинъ.— Грязный жидъ смѣлъ увѣрять, что Спаситель міра явился и вошелъ съ божественной плотію своею чрезъ затворенныя двери, какъ нѣкогда двумъ ученикамъ въ Эммаусѣ. Послѣ такихъ наглыхъ увѣреній и явно обнаружившагося въ жидѣ кощунства, ибо показывалъ мнѣ кристальный флаконъ яко бы съ Пречистой Кровью, которую изъ прободеннаго бока явившійся ему нацѣдилъ, а по разслѣдованіи оказалось, что проклятый жидъ похитилъ ту Пречистую Кровь изъ дарохранительницы, въ моей здѣсь моленной, куда пробрался, доставъ у меня ключъ въ то самое время, когда я отъ выпитаго кофе, имъ свареннаго, впалъ въ столбнякъ и вмѣсто обѣщаннаго философическаго солнца видѣлъ въ трехъ отъ себя шагахъ очень темный, красно-кровавый квадратъ, а лучи отъ него были матовые и свѣтло-желтые. И больше ничего не видалъ. Хотя жидъ мнѣ много предсказалъ вѣрно, тутъ я его прогналъ. Слышалъ, однако, что Потоцкій-Щенсный пріютилъ его въ Тульчинскомъ своемъ замкѣ, предоставивъ ему свою библіотеку, обсерваторію и лабораторію.

— Да! да! Графъ Феликсъ Потоцкій самъ, кажется, изъ авиньонской секты,—сказалъ Гаррисъ.

— Авиньонъ! Avenio!—улыбаясь, сказалъ Кобенцель.—Не даромъ сложена пословица: Avenio ventosa, sine vento venenosa, cum vento fastidiosa! [1]).

— Въ юныхъ лѣтахъ искалъ я истиннаго, хорошаго масонства,— задумчиво говорилъ свѣтлѣйшій,— и нигдѣ не находилъ. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ токмо та истина, что масоны россійскіе иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится праздникомъ Вакху. Однако,— заключилъ Потемкинъ,— съ древности цари и полководцы не могутъ обходиться безъ обаятелей, чародѣевъ, гадателей и маговъ. Посему и я, прогнавъ моего жида, ощущаю потребность въ искусномъ кудесникѣ, который бы мнѣ хотя одинъ тотъ вопросъ разрѣшилъ—брать намъ Измаилъ штурмомъ сейчасъ, или подождать и когда именно крѣпость сія намъ будетъ сдана непріятелемъ?

---

[1]) Вѣтреный Авиньонъ, гдѣ дуетъ вѣтеръ не столь ядовитый, сколь гнусный.

Говоря это, свѣтлѣйшій зрячимъ своимъ глазомъ внимательно обводилъ всѣхъ присутствующихъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ спрашивая ихъ совѣта.

Когда взоръ свѣтлѣйшаго остановился на Павлѣ Корнильевичѣ, тотъ невольно смутился. Увы, онъ могъ со всею точностью отвѣтить на вопросъ Потемкина, но не смѣлъ, связанный обѣщаніемъ. Графиня Софія, очевидно, понимала его состояніе.

— Я все время молчала и слушала ваши рѣчи о гадателяхъ и какой-то вѣнской графинѣ, угадывавшей по гущѣ кофейной,— сказала она.—Слышу я, что вы, князь, жалѣете, прогнавъ этого грязнаго жида Исаака, отъ котораго всегда такъ дурно пахло. Онъ въ вашей землянкѣ готовилъ вамъ алхимическое золото и только кралъ серебряную вашу посуду. А знаете ли вы, что я отлично умѣю гадать на картахъ?

— Вы, графиня? Я этого не зналъ,—сказалъ свѣтлѣйшій.

— Бога ради, погадайте намъ всѣмъ, очаровательная графиня!— закричалъ Кобенцель.

— Я предскажу вамъ все, все, все! — увѣряла гречанка. — Искусство гаданія перешло ко мнѣ отъ предковъ моихъ — византійскихъ императоровъ, а ими наслѣдовано отъ древнихъ мистагоговъ.

— Но, кажется, — замѣтилъ Гаррисъ, — карты изобрѣтены въ средніе вѣка и въ древности ихъ не знали.

— На нашемъ островѣ въ Архипелагѣ,—возразила гречанка,— и не гадаютъ на картахъ, а на дубовыхъ листьяхъ. Но это все равно. Пусть принесутъ мнѣ карты, и я покажу вамъ всѣмъ мое искусство.

Карты были принесены. Графиня Софія сѣла за круглый столикъ и на драгоцѣнную мозаику его посыпались изъ прекрасныхъ ручекъ ея масти, располагаясь вѣеромъ.

Свѣтлѣйшій тоже подсѣлъ къ столику гречанки и пристально смотрѣлъ на ея быстрые пальцы и въ карты. Казалось, судьба Измаила въ самомъ дѣлѣ рѣшалась на столикѣ въ эту минуту.

— Вотъ посмотрите, князь, что говорятъ карты. Этотъ бубновый тузъ—молодой султанъ Селимъ. Этотъ валетъ — трехбунчужный паша Мегметъ-Айдалзи. Вотъ это—императоръ австрійскій, это—англійскій король. Смотрите, всѣ они вамъ благопріятствуютъ. Видите, черная масть облегла Измаилъ. Этотъ тузъ—письмо вамъ государыни. Вы должны его дождаться. Видите, въ вашъ лагерь одинъ за другимъ приходятъ три радостныхъ вѣстника. Это три недѣли. Смотрите, султанъ Селимъ желаетъ мира, чтобы продолжать начатыя имъ реформы. Видите около него совѣтниковъ. Это докторъ Лоренцо и Исаакъ-Бей. Оба убѣждаютъ его въ безполезности кровопролитія.

— А кто эта дама?—спросилъ свѣтлѣйшій.

— Это султанша-валиде. И она вамъ благопріятствуетъ. Князь, карты говорятъ совершенно ясно—подождите еще три недѣли, и крѣпость будетъ вамъ сдана.

— Такъ говорятъ карты?—переспросилъ свѣтлѣйшій.

— Такъ говорятъ карты.

Павелъ Корнильевичъ не могъ долѣе молчать. Какъ ни ослѣпила его безумная страсть, какъ ни угнетена была его воля, но долгъ честнаго человѣка въ сію минуту взялъ верхъ. Готовъ былъ онъ встать и заявить свѣтлѣйшему, что имѣетъ сдѣлать ему секретное сообщеніе относительно состоянія Измаила.

Но свѣтлѣйшій вдругъ поднялся самъ и сказалъ, обращаясь къ гречанкѣ:

— Графиня, я умѣю гадать лучше васъ. Мною уже послано корпуса праваго фланга генералъ-аншефу и кавалеру графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому приказаніе взять Измаилъ приступомъ, во что бы то ни стало. А сегодня утромъ и отвѣтъ отъ графа прибылъ.

И, доставъ изъ-за подкладки зеленаго своего капота кувертъ съ письмомъ генералъ-аншефа, онъ протянулъ его Павлу Корнильевичу, промолвивъ:

— А ну, правдолюбъ, прочитай-ка всѣмъ вслухъ, что пишетъ Рымникскій!

Если бы среди покоя внезапно появилось привидѣніе, то и оно не привело бы въ большее смущеніе посланниковъ и графиню Софію, какъ это неожиданное сообщеніе Потемкина. Кобенцель опрокинулъ себѣ на жабо полкубка вина, которое подносилъ къ устамъ. Графиня Софія совершенно поблѣднѣла и схватилась руками за столикъ, гдѣ еще разсыпаны были карты съ пророчествомъ, которое столь быстро опровергъ свѣтлѣйшій. Лицо Гарриса приняло зловѣщее выраженіе и онъ, видимо, собралъ всѣ силы, чтобы не выдать неосторожнымъ словомъ внутреннія свои ощущенія.

Только Павелъ Корнильевичъ испытывалъ полный восторгъ. Невыносимо тяжкое бремя свалилось съ души его.

— Боже, благодарю Тебя!—мысленно вознесъ онъ молитву, въ то время, какъ трепещущими руками вынималъ изъ куверта и развертывалъ письмо Суворова.

— Читай, правдолюбъ, читай! — весело говорилъ Потемкинъ, обводя всѣхъ сверкающимъ ироніей, пронзительнымъ окомъ своимъ.

«По силѣ повелѣній вашей свѣтлости прибывъ къ Измаилу,—читалъ взволнованнымъ голосомъ Павелъ Корнильевичъ,—удостовѣренъ я былъ, что прежде, нежели достигли вашей свѣтлости ордеры къ господину генералу-аншефу Гудовичу, генералъ-поручику Потемкину и генералъ-майору де-Рибасу, о препорученіи мнѣ команды надъ всѣми войсками, у Дуная находящимися, и о произведеніи штурма на Измаилъ, они рѣшились отступить, сіе рѣшеніе свое тѣмъ объясняя...»

— Хороши молодчики!—вставилъ Потемкинъ.—Отступить задумали безъ моего ордера! И племянникъ мой Павелъ туда же съ ними! Читай дальше, правдолюбъ!

«Сіе рѣшеніе свое тѣмъ объясняя, что молодые рекрута кровавымъ поносомъ мрутъ, осадной артиллеріи нѣтъ, кромѣ морскихъ орудіевъ на Дунайской эскадрѣ и у полевой артиллеріи одинъ комплектъ зарядовъ. Устроенныя съ фланговъ крѣпости батареи ненадежны. Гарнизонъ для блокады не имѣетъ достаточное пропитаніе и довольно дровъ на [каши и на обогрѣніе, но преимущественно топятъ камышомъ. Ежели же и приступить къ штурму, но какъ успѣхъ его сомнителенъ, по причинѣ истощенія людей, и хотя бы послѣдовалъ, то стать можетъ нѣсколькихъ тысячъ войскъ.

«А какъ я прибылъ къ Измаилу, то войски сближились на прежнія мѣста. Такъ безвременно отступить безъ особаго повелѣнія вашей свѣтлости почитается постыдно. У господина генералъ-поручика я засталъ планъ, который повѣрялъ. Крѣпость безъ слабыхъ мѣстъ. Снарядивъ только одинъ комплектъ, къ заготовленію осадныхъ матеріаловъ приступлено, къ слѣдующему штурму дней черезъ пять. Обѣщать нельзя. Божій гнѣвъ и милость зависятъ отъ Его Провидѣнія. Генералитетъ и войски къ службѣ ревностью пылаютъ».

— Ну, вотъ что, правдолюбъ,—сказалъ свѣтлѣйшій по окончаніи чтенія письма:—возьми бумагу и перо, садись къ столу и пиши мой Рымникскому отвѣтъ.

При общемъ безмолвіи присутствующихъ, Павелъ Корнильевичъ исполнилъ приказаніе и изготовился писать.

Потемкинъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Пиши,—сказалъ онъ: «Даруй Боже тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, счастіе, и здоровья желаю отъ искренняго сердца. Снарядовъ нѣтъ ли по близости, а я отсюда послалъ. Прости».

— Кончилъ? Подай сюда къ подписи.

— Князь,—возвысила тутъ голосъ графиня Софія:—если неотмѣнимо ваше рѣшеніе брать Измаилъ штурмомъ, то хотя прикажите Суворову пощадить женщинъ и дѣтей.

— Съ величайшей охотой исполню вашу просьбу, графиня. Хотя русскіе въ противность французамъ, которые при взятіи города сущія сладострастныя обезьяны, болѣе налегаютъ на провіантъ и цѣнныя вещи. Что же касается женщинъ, то сами онѣ такимъ героямъ ни въ чемъ отказать обыкновенно не могутъ. Ибо такова натура женщинъ всѣхъ націй—итти за побѣдителемъ. Впрочемъ, припиши: «Взявъ городъ, женщинъ не обижать прошу». Написалъ? Дай сюда. Вотъ такъ!

И князь начерталъ подъ лаконическимъ посланіемъ: «твой вѣрнѣйшій другъ князь Григорій Потемкинъ Таврическій».

— Съ этимъ письмомъ и поѣзжай ты къ Измаилу,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Павлу Корнильевичу.—А какъ родная графинина сестра находится въ гаремѣ паши, то и поручаю я тебѣ особливо, при взятіи города, охранить сераль, поставивъ кругомъ надежную стражу, а затѣмъ всѣхъ женъ паши бережно вывезти сюда, въ Бендеры.

LXXVI.

Горе побѣдителю!

Когда, вручивъ любимому адъютанту письмо къ Суворову и подтвердивъ приказаніе утромъ выѣхать къ Измаилу, свѣтлѣйшій удалился въ свои покои, оставшіеся дипломаты зловѣще переглянулись съ совершенно блѣдной и мрачной гречанкой. Залитый виномъ, неряшливый, огромный, мясистый Кобенцель сопѣлъ, и взоръ его теплился неукротимой злобой подъ густыми, клочковатыми, но бѣлобрысыми бровями на жирномъ, лоснящемся отъ сала и пота лбѣ. Англійскій агентъ Гаррисъ казался хищной птицей, у которой почти изъ когтей ускользнула добыча, но на тонкихъ губахъ его и въ складкахъ, образовавшихся около рта, трепетала саркастическая улыбка—истая facies Hippocratica—улыбка трупа. Графиня Софія являлась классическимъ воплощеніемъ прекраснаго до ужаса гнѣва; художникъ въ этотъ мигъ, глядя на нее, понялъ бы то воплощеніе ужаснаго, которое олицетворяла у древнихъ правильная маска въ змѣиныхъ кудряхъ Медузы. Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Затѣмъ, казалось, они хотѣли заговорить, но вмѣсто того разомъ обернулись въ сторону Павла Корнильевича. И въ то же мгновеніе онъ былъ свидѣтелемъ чудеснѣйшей перемѣны, едва ли доступной самымъ искуснымъ актерамъ; способность къ подобной быстротѣ полнаго преображенія получается только долгимъ пребываніемъ на сценѣ двора и дипломатіи, въ средѣ тѣхъ протеевъ международной политики, отъ одного неосторожнаго слова которыхъ зависитъ (или имъ кажется, что зависитъ?) судьба троновъ и династій.

Мгновенно опять взорамъ Павла Корнильевича предсталъ позабывчивый, нѣсколько безпутный добрякъ и какой-то дурашливый всеобщій дядя Кобенцель. Черты Гарриса приняли какое-то благочестиво-благородное выраженіе пресвитеріанскаго проповѣдника. Что касается Софіи, то лишь женственная прелесть безграничнаго состраданія сіяла въ ея огромныхъ очахъ, а уста приняли выраженіе испуганнаго ребенка. Такъ быстро и полно было это преображеніе, что Павелъ Корнильевичъ сталъ сомнѣваться, не показалось ли ему, подлинно ли онъ только что видѣлъ этихъ людей совсѣмъ съ иными чертами на зеркалѣ души? И когда говорило сіе зеркало истину? Тогда ли? Теперь ли? Юному, благородному

сердцу свойственно желать, вѣрить во все возвышенное и прогонять, какъ дурной бредъ, все темное. Итакъ, Павелъ Корнильевичъ повѣрилъ тѣмъ людямъ, которые теперь вдругъ заговорили, выражая самыя благородныя чувства.

— Штурмъ! Трупы! Кровь! Какой ужасъ!—вскричала графиня Софія.—Ради Бога, поспѣшите, господинъ адъютантъ!—взмолилась она, простирая ручки къ Павлу Корнильевичу.—Спасите несчастныхъ матерей, невинныхъ дѣвушекъ, дѣтей! Спасите, спасите честь моей бѣдной сестры, плачевной жертвы восточнаго деспотизма, жалкой плѣнницы гарема!

Она просила такъ, какъ будто Павлу Корнильевичу ничего не стоило охранить многотысячное женское населеніе Измаила, стоитъ только захотѣть.

Конечно, Павелъ Корнильевичъ поспѣшилъ выразить искреннѣйшую готовность употребить всѣ усилія и средства для охраны жизни и чести женщинъ и для безопасности дѣтей; еще ни разу не только не бывшій при какой-либо осадѣ, но прямо не отвѣдавшій боя и пороху, молодой человѣкъ довольно смутно представлялъ себѣ тѣ операціи, жертвою которыхъ черезъ немного дней долженъ стать турецкій городъ. Однако по описаніямъ онъ зналъ ужасы штурмовъ и общепринятаго во всѣхъ арміяхъ обычая того времени предоставлять взятый городъ на разграбленіе счастливымъ солдатамъ въ награду за ихъ подвиги. Обѣщаніе этой награды служило и немаловажнымъ средствомъ пробудить бранный пылъ въ воинахъ. Поэтому Павелъ Корнильевичъ выразилъ надежду, что извѣстный благородствомъ правилъ рымникскій герой съ своей стороны сдѣлаетъ все возможное, особенно имѣя въ виду желаніе свѣтлѣйшаго, выраженное имъ въ письмѣ къ генералъ-аншефу.

— Суварроу!—воскликнулъ, произнося на англійскій манеръ имя русскаго полководца и поднимая безцвѣтные глаза къ потолку, Гаррисъ.—Суварроу! Но, кажется, онъ любитъ кровь столько же, сколько англійскій альдермэнъ любитъ бычачій мозгъ...

— Или кровавый ростбифъ съ жгучими приправами!—причмокнувъ толстыми губами, подхватилъ Кобенцель.

— Суварроу доказалъ уже всему міру, что не обращаетъ особеннаго вниманія на слезы точно такъ же, какъ и на кровь,—продолжалъ Гаррисъ:—но, можетъ быть, въ виду желанія князя Потемкина, онъ и проявитъ въ отношеніи несчастныхъ женщинъ всю мягкость, на которую только способенъ калмыкъ.

Павелъ Корнильевичъ замѣтилъ, что генералъ-аншефъ Суворовъ природный русскій дворянинъ, а совсѣмъ не калмыкъ.

Тогда во всѣхъ домахъ держали въ дворнѣ калмыковъ, и саркастическое замѣчаніе Гарриса наивный сынъ россійской равнины понялъ въ томъ смыслѣ, что англичанинъ полагаетъ, будто генералъ-аншефъ Суворовъ выслужился изъ калмыковъ.

— Привычка закаляетъ сердца людей при видѣ страданій милліоновъ, особенно когда ремесло этихъ людей — рѣзня, — сказалъ Кобенцель съ видомъ благодѣтеля человѣчества, хотя собственное сердце его столь заплыло слоями сала, что едва ли зрѣлище страданій милліоновъ могло его тронуть. Но такъ какъ дѣло шло о штурмѣ русскими крѣпости, то оба дипломата такъ и сыпали возвышенными, гуманными и просвѣщенными взглядами.

— Я слышалъ, какъ генералъ Суворгоффъ,—на нѣмецкій ладъ коверкая нетрудную, казалось бы, фамилію героя, разглагольствовалъ Кобенцель:—я слышалъ, какъ онъ давалъ наставленія молодымъ военнымъ о правильномъ веденіи благороднаго искусства рѣзни. Людская плоть, по словамъ его, не болѣе, какъ грязь! Трудно ждать отъ послѣдователя восточнаго аскетизма утонченнаго отношенія къ чужой плоти, даже если эта плоть и не грязь, а прелестнѣйшее тѣло восточныхъ одалисокъ!

Толстыя губы Кобенцеля причмокнули смачно, и онъ проглотилъ слюну.

— Я на одно только разсчитываю, — прибавилъ онъ: — что, когда жажда крови и грабежа господствуетъ, бываетъ, обыкновенно, мало охоты къ совершенію болѣе утонченныхъ грѣховъ. Да, кромѣ того, Измаилъ—первоклассная крѣпость и гарнизонъ его значительно превосходитъ число осаждающихъ. Я полагаю, что торопливость князя Потемкина можетъ окончиться весьма печально, испортивъ всю кампанію. Вмѣсто того, чтобы дождаться положительныхъ результатовъ примирительнаго конгресса въ Бухарестѣ, онъ рѣшается на безполезное кровопролитіе!

— «Да будетъ свѣтъ!» сказалъ Богъ,—и бысть свѣтъ!—«Да будетъ кровь!» сказалъ человѣкъ,—и ея пролилось цѣлое море. О, глупые, глупые люди! Неужели опытъ прошлаго для васъ ничего не значитъ? И неужели для одного воображаемаго побѣднаго листка славы кровь и слезы должны будутъ всегда литься потоками?

Произнося эти благородныя сентенціи, Гаррисъ весь, казалось, выходилъ изъ себя отъ человѣколюбія.

— Да, глупые, глупые дикари!—подхватила гречанка.—Сколько я ни старалась цивилизовать нашего князя, онъ остался, какъ и былъ, татариномъ! Букарэшти! Что могутъ сдѣлать въ Букарэшти, когда князь не понимаетъ цивилизованныхъ пріемовъ международной жизни!

— Ужасно думать, въ самомъ дѣлѣ, что, несмотря на всѣ успѣхи цивилизаціи, дипломатія Европы безсильна воспрепятствовать уничтоженію цѣлаго города, гдѣ бились любовью тысячи сердецъ, процвѣтали тысячи привязанностей и чувствъ долга!— восклицалъ шепеляво оттого, что уже успѣлъ себѣ наполнить ротъ какимъ-то паштетомъ, Кобенцель.—Несчастный городъ! Несчастный Измаилъ!

— Несчастный, несчастный Измаилъ!—подхватила гречанка.—Несчастный городъ!

— Ужасный Суварроу!—оскаливая длинные, истинно англійскіе зубы, восклицалъ Гаррисъ.—Жизнь для него ровно ничего не стоящая вещь, жизнь—драгоцѣнный даръ Провидѣнія человѣку, данная для того, чтобы любить и благотворить! На слезы и рыданія цѣлой націи обращаетъ онъ столько же вниманія, какъ на гудѣніе вѣтра. Онъ и свою армію готовъ погубить, лишь бы достигнуть кровавой цѣли! Ужасно видѣть, что Востокъ съ его древней культурой наводняется тысячами людей ново-цивилизованной націи, имена которыхъ невозможно выговорить, и которые готовы лить кровь и все обратить въ развалины и пепелища, лишь бы имъ разрѣшили грабежъ!

Тутъ Павелъ Корнильевичъ не выдержалъ и вступился за русскихъ воиновъ, которыхъ воодушевляетъ честь и жажда воинской славы, а совсѣмъ не желаніе грабежа.

— Медали, чины, ленты, галуны, шитье и мундиры! Побрякушки суетнаго геройства!—презрительно отвѣтилъ Гаррисъ.—Все это можетъ щекотать самолюбіе нѣкоторыхъ испорченныхъ душъ среди цивилизованнаго человѣчества, но всецѣло владычествуетъ только въ станѣ варваровъ. Нѣтъ лакея, который, надѣвъ красную ливрею, не вообразилъ бы себя первымъ въ рядахъ славы.

— Но развѣ войска его величества англійскаго короля не носятъ мундировъ и орденовъ?—возразилъ Павелъ Корнильевичъ.—Развѣ европейцы не брали штурмомъ крѣпостей и не вели кровопролитнѣйшихъ войнъ?

— Да, но болѣе въ вѣка варварства,—небрежно отвѣтилъ дипломатъ.—Войны, достойныя человѣка, лишь тѣ, которыя ведутся за блага свободы! Лафайетъ и Вашингтонъ! Почва каждой данной ими битвы можетъ быть названа святою, потому что она говоритъ не о разрушенныхъ мірахъ, а о спасенныхъ народахъ, и эти имена останутся всегда лозунгомъ для будущихъ борцовъ за свободу.

Возмущенный лицемѣріемъ дипломата, Павелъ Корнильевичъ довольно рѣзко напомнилъ ему, что вѣдь и Вашингтонъ, и Лафайетъ сражались не на сторонѣ англійскаго короля.

Но дипломатъ отнесся къ этому замѣчанію такъ, какъ будто въ комнатѣ прожужжала самая обыкновенная муха.

Когда, отъѣзжая на другое утро подъ Измаилъ, Павелъ Корнильевичъ явился къ свѣтлѣйшему за послѣдними инструкціями, Потемкинъ освѣдомился, что говорили по его отбытіи наканунѣ дипломаты. Павелъ Корнильевичъ кратко передалъ ихъ нравоучительныя рѣчи.

Потемкинъ покачалъ головой.

— Да,—сказалъ онъ:—я имъ такую посадилъ вошь въ голову, какой они еще не имѣли. Но они мнѣ этого не спустятъ. Сча-

стливъ Суворовъ! Онъ возьметъ крѣпость—и правъ. Слава безсмертіемъ увѣнчаетъ чело его. А я, приказавшій взять Измаилъ, на мнѣ отвѣтъ и мнѣ всѣ терніи! Что дѣлалъ Потемкинъ? Ничего. Утопалъ въ Бендерахъ въ роскоши. Такъ скажетъ потомство. Никто не знаетъ и не узнаетъ, чего мнѣ стоилъ этотъ шагъ. Ради отечества я жертвую собою. Штурма Измаила мнѣ не простятъ. Подписавъ приказъ Суворову взять городъ, знаю, что подписалъ свой приговоръ. Ядовитыя жала подколодныхъ змѣй уже шипятъ противъ меня. Пестрый аспидъ уже выползаетъ изъ агатовой чаши... Замѣть, правдолюбъ, что скажу тебѣ. Древній вождь сказалъ: «Горе побѣжденнымъ!» Но въ Россіи Потемкинъ скажетъ тебѣ иное: «Горе! Горе! Горе побѣдителю!»

LXXVII.

Великодушіе императора Леопольда.

Когда Павелъ Корнильевичъ вышелъ отъ свѣтлѣйшаго, въ переходахъ дворца его настигла кокетливая Юзыся.

— Графиня проситъ васъ къ себѣ! — сказала она, опуская скромно глазки и лукаво улыбаясь.

Павелъ Корнильевичъ хорошо знакомыми путями направился въ покой гречанки.

Проходя по гостинымъ, въ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ неряшливую, большую, толстую фигуру австрійскаго посланника Кобенцеля и противъ него накрахмаленнаго Гарриса. Стоя около окна, дипломаты съ угрюмыми лицами озабоченно о чемъ-то шептались. Но едва они завидѣли Павла Корнильевича, какъ ихъ лица расцвѣли любезнѣйшей улыбкой, и они пошли къ молодому человѣку, привѣтливо протягивая къ нему руки.

— Мой молодой другъ!—заключая въ широкія, потныя ладони руку Радожицкаго, воскликнулъ Кобенцель.

— Милѣйшій господинъ Радожицкій!—оскаливъ англійскіе зубы и деревянно смѣясь, точно ржалъ, говорилъ Гаррисъ. — Какая благородная, истинно рыцарская обязанность возлагается на васъ при осадѣ, другъ мой!

— Спасти женщинъ отъ свирѣпыхъ варваровъ! Охранить невинность! Дѣвицъ! Отроковицъ!

— Защищать малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ! Млекопитательные сосцы матерей! Непорочность вѣрности вдовъ!

— Спѣшите, мой милѣйшій, спѣшите и не уставайте дѣйствовать на генерала Суварроу, дабы побудить его къ обузданію звѣрства солдатъ!

— О, когда наконецъ исчезнетъ война, истребительница народовъ!

— Убивать, жечь, грабить, насиловать—когда это ремесло перестанетъ считаться почетнымъ!

— О, человѣчество! Когда же наконецъ реляціи о битвахъ и штурмахъ положатъ въ одинъ картонъ со скорбными листами о язвахъ, смертоносныхъ заразахъ и голодѣ!

— О, благотвореніе! Когда же ты остановишь безумное кровопролитіе! Когда утрешь слезы несчастныхъ!

Оба дипломата, казалось, задыхались отъ благородства чувствъ.

— Идите, идите!—съ таинственнымъ сочувствіемъ заключилъ Кобенцель.—Графиня ждетъ васъ!

— Молодой счастливецъ!—прибавилъ Гаррисъ.—Спасти сестру прелестнѣйшей женщины—какая задача!

И дипломаты даже нѣсколько провели Павла Корнильевича подъ руки и препроводили его какими-то дружественно-игривыми легкими пинками и толчками къ прелестнѣйшей женщинѣ.

Но грустно встрѣтила его графиня Софія. Одѣтая вся въ черное, закутанная въ драгоцѣнныя черныя кружева, сквозь которыя, какъ мраморъ, бѣлѣла ея шея, грудь и руки, съ развившимися, небрежно подхваченными лентой локонами, она порывисто прошла нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ молодому человѣку и, прижавъ руки къ сердцу, подняла къ небу полные слезъ глаза. Въ рукахъ она держала длинный и узкій кувертъ съ большой печатью. Его и прижимала къ сердцу.

— Да благословитъ небо императора Леопольда!—воскликнула она.

Прекрасна была она. И прекрасной видѣлъ ее Павелъ Корнильевичъ. Но при чемъ тутъ императоръ Леопольдъ?

— Все спасено! — продолжала гречанка. — Штурма не должно быть, не можетъ быть, не будетъ! Спасены тысячи женщинъ, несчастныхъ дѣтей! Спасенъ цвѣтущій городъ!

— Какъ штурма не будетъ?—проговорилъ изумленный Павелъ Корнильевичъ.

— Не будетъ, если вы только передадите генералъ-аншефу Суворову вотъ это письмо императора Леопольда!—отвѣтила гречанка, подавая ему кувертъ.

— Но положительное приказаніе свѣтлѣйшаго...—все недоумѣвая, сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Замѣнить штурмъ—правильной, долговременной осадой—во власти генералъ-аншефа! Да, онъ можетъ и снять осаду совсѣмъ, если признаетъ это нужнымъ! Императоръ Леопольдъ, въ высокомъ попеченіи о счастіи двухъ имперій — своей и благороднаго, великодушнаго султана Селима—отвѣчаетъ за то, что Суворовъ не потерпитъ непріятностей!

— Счастье двухъ имперій! Но, графиня, вы забыли интересы третьей!—возразилъ Радожицкій.

— Третьей? Какой же это?—наивно спросила гречанка.—Если вы подразумѣваете Византійскую, то это неосуществимая мечта. Эллада будетъ счастлива подъ покровительствомъ его величества султана Селима и благороднаго императора Леопольда! Императоръ Леопольдъ...

— Я имѣю въ виду Россійскую имперію, графиня, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— Россійскую! Ахъ, вы, кажется, большой патріотъ? Неужели вы такъ далеки отъ великихъ истинъ вѣка? Интересы отдѣльныхъ странъ—что они передъ благомъ всей Европы, цивилизаціи, человѣчества! Послушайте! — порывисто взявъ молодого человѣка за руку и заглядывая ему въ глаза большими, темными, грустными и кроткими, какъ у лани, очами, сказала гречанка.—Ужели въ васъ нѣтъ сердца? Ужели нѣтъ просвѣщеннаго ума? Для русскихъ довольно ихъ побѣдъ. Штурмъ Измаила—капризъ Потемкина, безполезное кровопролитіе. И вы отказываетесь содѣйствовать благородному, высокому дѣлу?

— Графиня, великія истины философовъ нашего вѣка мнѣ извѣстны,—возразилъ гвардеецъ.—Благотворительность есть душа общежитія. Я—другъ человѣчества. Храмъ общаго благополучія по истиннымъ чертежамъ Премудраго Архитектора на всеобщей свободѣ и братствѣ воздвигнутъ быть имѣетъ! Въ семъ храмѣ не будетъ различій между племенами. Тамъ не будетъ ни русскаго, ни турка, ни эллина, ни іудея, святѣйшее изъ званій—человѣкъ—объединитъ всѣхъ. Но... для сего необходимо время, преуготовленіе. А пока... долгъ передъ отечествомъ, графиня, для меня священный долгъ!

— Итакъ, вы отвергнете слезы тысячъ женщинъ! Вы предадите поруганію женъ, матерей, дѣвушекъ! Вы бросите въ пламень пожара дѣтей, младенцевъ, грудныхъ младенцевъ! И послѣ такой жестокости, такого холоднаго безсердечія вы еще надѣетесь на мою любовь? Нѣтъ, прочь, прочь!

— Графиня, вѣдь штурмъ не отъ меня зависитъ, а свѣтлѣйш[illegible] распорядился о томъ, чтобы женщины были охранены, и ва[illegible] сестра...

— Я не о моей сестрѣ теперь говорю! Можетъ быть, в[illegible] сете ее. Я говорю о всемъ населеніи цвѣтущаго Измаил[illegible] васъ зависитъ спасти несчастный городъ! Передайте то[illegible] письмо генералъ-аншефу Суворову.

Но Павелъ Корнильевичъ не принималъ письма.

— Графиня! какъ же я смѣю безъ вѣдома свѣтл[illegible]

— Безъ вѣдома! Онъ ничего не долженъ знать! [illegible] вѣдома! Это совершенно частное письмо императора Леопол[illegible] [illegible]ршенно частное. О, если васъ, сѣвернаго варвара, не т[illegible] гибель тысячъ, можетъ быть, васъ тронутъ мои мол[illegible] [illegible]ите, я на колѣняхъ прошу васъ!

И графиня Софія въ самомъ дѣлѣ стала на колѣни предъ молодымъ человѣкомъ, простирая къ нему сквозь черную дымку кружевъ млечныя свои руки.

Крупныя слезы, какъ перлы, красиво выкатывались изъ ея очей и, пробѣжавъ по длиннымъ рѣсницамъ, сверкали на поблѣднѣвшихъ щекахъ. Эти слезы не искажали ея лица. Прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, являлась она.

— Графиня! Бога ради! — бросаясь поднимать колѣнопреклоненную красавицу, восклицалъ растерянно Радожицкій. — Дайте письмо! Я все исполню! Все, что вы только прикажете . . .

. . . .

Когда Павелъ Корнильевичъ выходилъ отъ гречанки, дипломаты встрѣтили его на томъ же мѣстѣ и пошли къ нему съ восторженными восклицаніями:

— Вотъ онъ—голубь съ оливковой вѣтвью мира, вылетающій изъ ковчега!

— Вотъ онъ — вѣстникъ спасенія чести тысячъ женщинъ и дѣвицъ!

— Щитъ невинности!

— Опора дѣвства!

— Поздравляемъ васъ, молодой человѣкъ, съ высокой миссіей, на васъ возложенной!

— Господинъ Радожицкій, вы можете быть увѣрены, — взявъ подъ руку Павла Корнильевича съ одной стороны, напѣвалъ ему Кобенцель, — вы совершенно можете быть увѣрены въ моемъ всегдашнемъ содѣйствіи, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Петербургѣ!

— Господинъ адъютантъ, мы васъ не забудемъ!—скаля зубы и деревянно похохатывая, бормоталъ англійскій агентъ съ другого бока.—Будьте увѣрены, что я рекомендую васъ съ лучшей стороны лорду Витворту, полномочному лондонскому послу въ Петербургѣ, и даже его величеству королю Георгу.

— Держитесь насъ, молодой человѣкъ! Въ Петербургѣ я помогу вамъ сдѣлать нѣсколько пріятнѣйшихъ и полезнѣйшихъ знакомствъ! говорилъ Кобенцель.

— Я познакомлю васъ съ сестрою Платона Александровича, госпожою Жеребцовой!—говорилъ Гаррисъ.

— Да! да!—подхватилъ Кобенцель.—Только въ салонѣ сестры братьевъ Зубовыхъ вы можете получить окончательную шлифовку.

— Не забудьте поклониться всей нашей колоніи подъ Измаиломъ!

— Да! да! Принцъ де-Линь! Рожеръ Дамасъ! Герцогъ Фронсакъ! Принцъ Гессенъ! Всѣ они тамъ. Всѣмъ наши теплѣйшія благопожеланія!

Дипломаты наперерывъ жали руку Павлу Корнильевичу, почти обнимали его и такъ проводили до выхода.

LXXVIII.

Вдовицына дщерь.

Павелъ Корнильевичъ вернулся въ свои покои, чтобы поспѣшно снарядиться и выѣхать. Но тамъ онъ увидѣлъ генералъ-майора Петра Ивановича Мелиссино.

Мастеръ ложи «Марса» сидѣлъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоялъ Митрофанъ и что-то ему, видимо обстоятельно и пространно, докладывалъ. Когда Павелъ Корнильевичъ вошелъ, Митрофанъ умолкъ и спокойно вышелъ изъ комнаты. Павелъ Корнильевичъ почтительно поклонился Мелиссино. Но масонъ не отвѣчалъ на привѣтствіе молодого человѣка, а устремилъ на него укоризненный взоръ. Важное лицо его было чрезвычайно печально.

— Только что возвратился я,—сказалъ онъ, помолчавъ,—изъ побывки въ Могилевской губерніи и, освѣдомившись, что и вы благополучно изъ парижской своей командировки возвратились, провѣдать васъ зашелъ.

При упоминаніи о родныхъ мѣстахъ сердце Павла Корнильевича сжалось. Отодвинутое отъ чувствъ и воображенія его разнообразными впечатлѣніями пережитаго за послѣдніе мѣсяцы вновь предъ нимъ воскресло. Родительскій домъ, старый розенкрейцеръ, графиня Анна — все это гармоніей чистыхъ воспоминаній поднялось въ душѣ.

— Не можете ли, генералъ, сообщить чего о батюшкѣ и матушкѣ?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— О батюшкѣ и матушкѣ? Могу, — холодно отвѣчалъ Мелиссино. — Почтенные родители ваши, въ бытность мою у нихъ, въ полномъ здравіи и благополучіи пребывали, но въ крайнемъ безпокойствѣ относительно васъ, поелику уже полгода, какъ писемъ не получали отъ столь заботливаго о спокойствіи ихъ сына. Между тѣмъ парижская ваша командировка, въ разсужденіи революціи, до крайности тревожила въ маститой старости алчущихъ покоя.

— Недавно я о всемъ подробно батюшкѣ отписалъ и, полагаю, долженъ онъ уже получить письмо мое, — смутившись, сказалъ молодой человѣкъ.

— Писали? Это похвально. А какъ путешествіе ваше окончилось счастливо и нужда въ данномъ мною вамъ нѣкоторомъ талисманѣ прошла, то не будете ли столь добры возвратить мнѣ его?

Павелъ Корнильевичъ разстегнулъ камзолъ и, снявъ съ шеи ленту съ таинственнымъ кольцомъ, протянулъ сей знакъ Петру Ивановичу.

— Вижу, что вы охотно возвращаете сію реликвію, — не принимая, сказалъ Мелиссино.—Кажется, столь же поспѣшно и охотно, какъ возвратили нѣкоторой особѣ портретъ ея.

— Какъ! Вы это знаете?—растерялся Павелъ Корнильевичъ.— Вы видѣли графа... графиню Анну? Она вамъ говорила... Что она говорила обо мнѣ? Очень гнѣвается она на меня?

Внимая взволнованнымъ, безпорядочнымъ вопросамъ молодого человѣка, Петръ Ивановичъ изучалъ игру чувствъ на лицѣ его. Укоризненно покачалъ онъ потомъ головой.

— Эти безпокойные вопросы ваши,—сказалъ онъ наконецъ,— всѣ эти вопросы явственно свидѣтели суть, что смущеніе овладѣваетъ духомъ вашимъ и сознаніе недостоинства поступковъ вашихъ относительно извѣстной особы. Какъ!—вдругъ громко и сердито воскликнулъ Мелиссино.—Какъ! Принятый въ домѣ почтеннѣйшаго человѣка и благороднѣйшаго вельможи, обласканный имъ, облагодѣтельствованный наставленіемъ, просвѣщеніемъ, сообщеніемъ великихъ истинъ и даже нѣкоторыхъ тайнъ, имѣете вы затѣмъ счастіе пріобрѣсти сердце дочери сего вельможи, сего старца, украшеннаго сѣдинами и добродѣтелями. Вы исторгаете у цѣломудренной невинности нѣжный вздохъ признанія. Вы даете обѣты и клятвы вѣрности. Вы принимаете изъ рукъ прелестной залогъ грядущаго союза. И что же потомъ? Безъ всякихъ объясненій вы имѣете наглость прислать врученный вамъ портретъ и повергаете въ горестное недоумѣніе, въ горе и слезы нѣжное созданіе, вамъ довѣрившееся. Это — гнусно, молодой человѣкъ! Это — преступно! Это... это—непозволительно!—притопывая ногой въ тяжеломъ ботфортѣ, грозно кричалъ Мелиссино.

— Ввергъ въ горе! въ слезы! — всплеснувъ руками, сознавая только теперь ясно, что должна была пережить графиня Анна, получивъ безмолвный знакъ разрыва, сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Но я сейчасъ напишу ей... Я объясню все! Я буду умолять о прощеніи... Постигнутый рокомъ, что могъ сказать я въ свое оправданіе? Какъ пристойно изъясниться? Но если горе, слезы, быть можетъ, недугъ причинилъ я безконечно чтимой мною нѣжной особѣ, то раскаяніе мое безпредѣльно!

— Слезы гнѣва и оскорбленнаго достоинства, сударь! Горе при видѣ недостойнаго и наглаго поступка неблагодарнаго!—строжайше остановилъ масонъ потокъ изъясненій молодого человѣка.—Но не воображайте себѣ, что имѣете дѣло съ обыкновенной дѣвичьей слезливостью и трепетаніемъ влюбленнаго слабаго дѣвичьяго сердца. Особа, удостоившая васъ своимъ сочувствіемъ, въ столь высокихъ правилахъ воспитана, что до гордости ея не могутъ досягнуть поползновенія ничтожнаго гвардіонца или петиметра. Презрѣніе, забвеніе — вотъ отвѣтъ сей особы вамъ, сударь. Но я предсталъ, чтобы особливыхъ отъ васъ потребовать объясненій. Извольте, сударь, отвѣчать, что побудило васъ къ столь внезапной перемѣнѣ намѣреній? Какъ согласовать изъясненныя вами въ быт-

ность въ домѣ графа чувства съ невѣроятнымъ поступкомъ и охлажденіемъ? Извольте все сіе мнѣ изъяснить, сударь.

— Но кѣмъ уполномочены вы на сей мнѣ допросъ? Сама ли особа, предъ которой благоговѣю и которая одна могла бы, чаятельно, понять меня и простить, она ли поручила вамъ потребовать сихъ объясненій?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ, котораго грубо-наставительный тонъ и неделикатность вмѣшательства начали задѣвать за самолюбіе.

— Никакъ, сударь мой. Высокая та особа не нуждается въ вашихъ изъясненіяхъ, ниже извиненіяхъ, ниже оправданіяхъ. Презрѣніе и забвеніе — вотъ, повторяю, отвѣтъ сей особы вамъ. И ужели вы не понимаете, что иного и не заслужили?

— Можетъ быть, я заслужилъ горшаго!—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Но могу ли допустить вмѣшательство сторонняго лица въ столь деликатныя отношенія, въ отношенія сердечныя къ женщинѣ? Повторяю, кто уполномочилъ васъ на сей допросъ?

— Священный орденъ, покровительство коего осѣнило и васъ, недостойный неофитъ! — указывая на бывшую въ рукахъ Радожицкаго ленту съ кольцомъ, сказалъ Мелиссино.

— Я благодаренъ ордену за сіе покровительство и всегда радъ чѣмъ-либо посильнымъ отблагодарить лицъ, мнѣ благопріятствовавшихъ,—холодно возразилъ Павелъ Корнильевичъ.—Но цѣною свободы чувствъ моихъ я не куплю сего покровительства и не могу допустить вмѣшательства агентовъ ордена въ область чувствъ моихъ.

— Вотъ какъ!—зловѣще сказалъ Мелиссино.—Вотъ какъ вы, сударь мой, поговаривать начали! Итакъ, полагаете вы, что можете безнаказанно оскорбить дѣвицу высокой крови и никто у васъ удовлетворенія потребовать не властенъ?

— Удовлетворенія! Я къ вашимъ услугамъ, генералъ! Назначьте мѣсто и время, когда бы свидѣтели наши могли условиться...

— Э, не то, сударь, не то совсѣмъ!—презрительно перебилъ Мелиссино.—Буду я драться съ мальчишкой! И думаете ли вы, что тяжкій проступокъ свой можете изгладить тѣмъ, чтобы совершить убійство — мерзостное передъ лицомъ Строителя Міровъ преступленіе? Сколь же еще далеки вы отъ истиннаго свѣта! Сколь мало даже и начатками великаго ученія проникнуты! Но дѣвица, дерзостнымъ вашимъ поведеніемъ оскорбленная, есть дщерь великой оной вдовицы, есть дщерь масона, высочайшими степенями въ орденѣ почтеннаго, дѣвица, знаменитая добродѣтелями, извѣстная лично всѣмъ вышнимъ ордена особамъ въ Европѣ. Итакъ, не токмо люди, но самый воздухъ мстителенъ повсюду явится тебѣ, дерзновенный! Трепещи, жалкій червякъ, въ прахѣ дольномъ лживые извивы влекущій! Ей, говорю тебѣ, трепещи!

Произнося сіи слова, масонъ простиралъ грозно руку, персты которой украшены были перстнемъ съ Адамовой головой, словно низводя на молодого человѣка молнію проклятія.

Но угрозы лишь вызвали наружу благородный закалъ души его.

— Генералъ, я трепещу лишь суда моей совѣсти!—твердо сказалъ онъ. — Такъ, она осуждаетъ поступокъ мой, признаю сіе. Тѣмъ не менѣе угрозы ваши собственно устрашить меня никакъ не могутъ. Примите эту ленту съ кольцомъ и оставьте меня слѣдовать за несчастной планетой моей, лишившей, знаю это, высокаго счастія меня, но вліяніе которой не въ силахъ я преодолѣть!

Казалось, слова эти смягчили Мелиссино, противъ ожиданія.

— Если признаете, что планета, васъ ведущая, несчастья лишь вашего будетъ причиной,—сказалъ онъ,—то сіе уже подаетъ надежду на возможность вашего спасенія. Оставьте при себѣ до времени охранительный сей талисманъ—кольцо и ленту. Знайте, что каждый шагъ вашъ на виду! Отвратя уста отъ чистаго источника, вы жадно припали къ пьяной и ядовитой нѣкоей сладости! Остановитесь, пока не поздно! Теперь же прощайте. Все же здѣсь сказанное, и особы, и предметы, все, конечно, да будетъ хранимо подъ розою—under the Rose! [1]) пояснилъ онъ по-англійски, всталъ и, не поклонившись, спокойно вышелъ.

LXXIX.

Суворовъ.

Одинъ изъ величайшихъ полководцевъ XVIII вѣка принцъ Евгеній Савойскій говаривалъ, что когда главнокомандующему ничего не хочется предпринять, то самое лучшее къ тому средство—собрать военный совѣтъ. Но главнокомандующаго подъ Измаиломъ не было. Онъ пребывалъ въ «Капуѣ»—въ Бендерахъ. Генералъ-аншефы безъ пользы проводили время и, мало имѣя снарядовъ, только тревожили порою турокъ «слабой бомбардирой», какъ бы въ надеждѣ—авось крѣпость и сама сдастся. Крѣпость, конечно, и не думала сдаваться. Духъ войскъ падалъ съ каждымъ днемъ. Восемь мѣсяцевъ войска не получали жалованья. Офицеры обносились и не имѣли бѣлья. «Каждый изъ насъ,—говорили они,—готовъ сложить голову на приступѣ, но

[1]) Роза—была цвѣткомъ, который древніе посвящали богу Молчанія—Гарпократу. Выраженіе—хранить что-либо «подъ розою» у тайныхъ обществъ XVIII вѣка—означало храненіе въ тайнѣ. Обыкновенно въ столовыхъ ложахъ или вѣшали надъ столомъ вѣнокъ изъ розъ, или на стѣнахъ писали розы; то было условнымъ знакомъ, что все, произнесенное за бокаломъ вина въ дружеской бесѣдѣ, должно быть сохранено въ тайнѣ.

животъ потерять отъ кроваваго поноса—обидно». Усиливалось роптаніе. А генералитетъ былъ въ недоумѣніи, чего желаетъ свѣтлѣйшій? Наконецъ, послѣ таинственнаго пріѣзда въ лагерь адъютанта свѣтлѣйшаго, пробывшаго три дня въ палаткѣ состоявшаго при бригадирѣ Вестфаленѣ господина Поппе, послѣ сношеній съ нимъ по поводу сего пріѣзда, сложилось у генераловъ мнѣніе, что свѣтлѣйшій самъ предпринять ничего не хочетъ, ни блокады, ни штурма, а предоставляетъ рѣшеніе генералитету. Памятуя слова регламента, что главныя великія дѣла и всякія начинанія, безъ консиліи генераловъ, собственнымъ своимъ изволеніемъ никогда чинити надлежитъ, и словесной консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ, отправлять должно, генералы Гудовичъ, Павелъ Потемкинъ и де-Рибасъ-и-Байотъ съѣхались въ виду Измаила въ побитыхъ морозомъ, шумящихъ камышахъ, и въ то время, какъ кони ихъ плясали и грызли удила и бурный, холодный вѣтеръ трепалъ перья на ихъ шляпахъ, рѣшили отступить главными силами отъ крѣпости и ограничиться однимъ наблюденіемъ за нею. Сіе рѣшеніе консиліума въ камышахъ войска начали приводить въ исполненіе на другой же день. Нѣкоторыя части начали отходить отъ крѣпости. Флотилія, стоявшая наготовѣ, чтобы въ случаѣ штурма подплыть и бомбардировать городъ съ Дуная, собиралась итти въ Галацъ къ Суворову. Старые солдаты, угрюмо отходя, сквозь суровыя слезы, выступавшія на глаза, думали невеселую думу и шопотомъ ругали командировъ. Второй разъ уже русскіе отходили отъ Измаила, понапрасну понеся труды и всякія лишенія. Заклятіе, что ли, положено на бусурманскій городъ?!... А турки, видя отступленіе русскихъ, предавались шумной радости на стѣнахъ Измаила, кричали и стрѣляли.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ расположеніи русскихъ войскъ подъ Измаиломъ, когда вдругъ раннимъ суровымъ декабрьскимъ утромъ къ лагерю подъѣхали два невзрачные всадника. Впереди ѣхалъ невысокаго роста сухой старичокъ лѣтъ шестидесяти, съ острымъ носомъ, съ большимъ ртомъ, съ выдающимися подъ сухой кожей личными костями, съ выраженіемъ всей птичьяго склада физіономіи довольно непріятнымъ, но со взоромъ огненнымъ, быстрымъ, пронизывающимъ, съ челомъ изборожденнымъ морщинами. Завидѣвъ сверкающій православный крестъ на походной церкви русскаго лагеря, старичокъ снялъ маленькую каску съ зеленой бахромой и набожно перекрестился. Тутъ видно было, что на головѣ его осталось немного сѣдыхъ клочковъ волосъ.

Этотъ невзрачный, сухенькій старичокъ былъ Суворовъ.

Рымникскій герой имѣлъ на себѣ камзолъ изъ бѣлаго канифаса съ зелеными китайчатыми обшлагами, лацканами и воротникомъ. Все это выцвѣтшее, полинялое, давно ношенное. Сапогъ

съ широкимъ раструбомъ выше колѣнъ, худо спитый, худо лакированный, исподница изъ бѣлаго же канифаса, бѣлый жилетъ, дополняли уборъ аншефа. По причинѣ же двухъ старыхъ, полученныхъ имъ въ колѣно и въ ногу ранъ, которыя къ холодной, вѣтреной погодѣ сильно его мучили, имѣлъ онъ именно только одинъ сапогъ на одной лишь ногѣ, другая же была въ туфлѣ, шлифныя пуговицы были разстегнуты и чулокъ опущенъ. Грудь Суворова украшалъ одинъ только андреевскій орденъ.

Сопровождалъ его казакъ и въ небольшомъ узелкѣ везъ все походное имущество генералъ-аншефа.

Появленіе всадниковъ передъ лагеремъ произвело мгновенно волшебное дѣйствіе. Забѣгали солдаты, офицеры стали выскакивать изъ палатокъ, на бѣгу пристегивая шпаги. Генералы черезъ минуту уже неслись на коняхъ къ подъѣзжавшему рымникскому герою. Бывшіе въ лагерѣ знатные иностранцы—принцъ-де-Линь, герцогъ Ришелье-Фронсакъ, кавалеръ Рожеръ Дамасъ, принцъ Гессенъ-Филипстальскій, прославившійся защитою Гаэты,—всѣ окружили и привѣтствовали Суворова. Раздалась привѣтственная пальба съ батарей. Всѣ сердца исполнились восторженной радостью и мгновенно облетѣло извѣстіе, что общая команда войсками ввѣряется свѣтлѣйшимъ Суворову, что отступленіе остановлено, отошедшія части вернутся назадъ и крѣпость будетъ взята штурмомъ. Въ томъ, что крѣпость будетъ взята, никто не сомнѣвался, разъ Суворовъ съ ними.

Немедленно по прибытіи Суворовъ началъ приготовленія къ штурму и развилъ самую кипучую дѣятельность. Собирали матеріалы, заготовляли фашины и лѣстницы, возводили батареи, обучали войска. Между тѣмъ отъ Галаца къ Измаилу шелъ любимый Суворова гренадерскій Фанагорійскій полкъ и спѣшили маркитанты съ продовольствіемъ. На обоихъ флангахъ Суворовъ приказалъ возводить фальшивыя батареи, чтобы обмануть турокъ и усыпить на время ихъ бдительность, заставивъ полагать, что городъ станутъ брать правильной ученой осадой. Разведеніемъ сихъ батарей Суворовъ занялъ принца де-Линь, не открывъ ему истиннаго ихъ назначенія.

Принца де-Линь не терпѣлъ Суворовъ и называлъ «фельдмаршаломъ съ острова Цитеры». Тотъ въ первый же день осадилъ Суворова планомъ правильной осады Измаила, составленнымъ еще въ Вѣнѣ имъ совмѣстно съ лучшими австрійскими военными знатоками. Чтобы занять принца и отъ него отвязаться, Суворовъ и поручилъ ему возведеніе ученыхъ батарей.

Между тѣмъ, производя ученье, Суворовъ объѣзжалъ полки и говорилъ съ солдатами, напоминая имъ прежнія съ нимъ побѣды. надъ турками подъ Козлуджи, подъ Кинбурномъ, при Фокшанахъ и Рымникѣ

— Видите ли эту крѣпость!—говорилъ быстрый, повертливый на конькѣ своемъ генералъ-аншефъ, озаряя солдатъ пламенемъ вѣщаго взора и указывая рукою на Измаилъ.—Крѣпость сія безъ слабыхъ мѣстъ; стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. Матушка-царица приказала!

— Съ тобой, отецъ нашъ, навѣрно возьмемъ!—кричали восторженно солдаты.

Быстро окончивъ всѣ приготовленія къ штурму, Суворовъ написалъ письмо къ Мегмету-Айдалзи-пашѣ, славному сераскиру Измаила, старцу бодрому тѣломъ и непреклонной души.

Письмо было краткое, Суворовское:

«Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе для сдачи и воли. Первые мои выстрѣлы уже неволя. Штурмъ—смерть. Чего оставляю вамъ на разсмотрѣніе».

Сіе «открытое цидуле», какъ называлъ письмо Суворовъ, въ оригиналѣ и въ копіяхъ послано было имъ къ четыремъ воротамъ Измаила, такимъ торжественнымъ порядкомъ.

Впереди трубачъ съ трубою; позади его казакъ безъ пики и на дротикѣ «цидуле». Трубачъ затрубитъ, а казакъ дротикъ съ письмомъ воткнетъ въ землю и отъѣдутъ ждать изъ крѣпости отвѣта. При нихъ офицеръ. При офицерѣ у особаго казака бѣлый знакъ.

Отъ всѣхъ четырехъ воротъ Измаила пришелъ одинаковый отвѣтъ сераскира Айдалзи-Мегметъ-паши:

«Висмиллахи'ррахъ мани'ррахимъ. Во имя Бога милостиваго, милосерднаго. Скорѣе Дунай остановитъ теченіе, скорѣе небо рушится на землю, скорѣе сердце тигра станетъ подобно сердцу ягненка, чѣмъ сдастся Измаилъ».

Въ тотъ же вечеръ Суворовъ, какъ должно было по регламенту, собралъ военный совѣтъ. Однако всякій, идя на сей совѣтъ, понималъ, что штурмъ рѣшенъ и ни въ какихъ совѣтахъ рымникскій герой не нуждается.

На совѣтѣ присутствовали, кромѣ Суворова: генералъ-поручики Александръ Самойловъ и Павелъ Потемкинъ, генералы Ласій, Львовъ, Арсеньевъ, Іосифъ де-Рибасъ, Мекнобъ, графъ Илья Безбородко, Тищевъ, Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ и бригадиры Платовъ, Орловъ и Вестфаленъ.

Вокругъ палатки, гдѣ происходилъ совѣтъ, толпились полковники и офицеры, съ нетерпѣніемъ ожидая приказа о штурмѣ.

— Господа,—началъ Суворовъ, открывъ совѣтъ.—Два раза русскіе подходили къ Измаилу и—два раза отступили они; теперь, въ третій разъ, остается намъ только — взять городъ, либо умереть. Правда, что затрудненія велики: крѣпость сильна, гарнизонъ — цѣлая армія. Но ничто не устоитъ противъ русскаго оружія.

Сильнымъ движеніемъ воинскаго одушевленія отвѣтили генералы и бригадиры на эти слова.

— Мы сильны и увѣрены въ себѣ,—продолжалъ рымникскій герой.—Напрасно турки почитаютъ себя безопасными за своими стѣнами. Мы покажемъ имъ, что наши воины и тамъ найдутъ ихъ. Если же мы покоримъ Измаилъ—кто осмѣлится противостать намъ? Мы откроемъ путь къ Константинополю и проливамъ. Монархиня наша учинится монархинею всего свѣта, и россійскій народъ вознесетъ своего орла и свои громы на ту вершину, на коей Римъ стоялъ и гордо колебалъ вѣсами вселенной. Господа генералы и бригадиры! я рѣшился, съ помощью Всемогущаго Бога, овладѣть этою крѣпостью, либо погибнуть подъ ея стѣнами.

Восторгъ охватилъ тогда все собраніе.

— Господинъ бригадиръ Платовъ!—сказалъ Суворовъ.—Вамъ, яко младшему въ совѣтѣ, первому слѣдуетъ подать голосъ.

Огненный по натурѣ, черноусый, чернобровый казакъ Платовъ вскочилъ и крикнулъ одушевленно:

— Штурмъ!

— Штурмъ! Штурмъ!—закричали всѣ остальные члены совѣта единодушно.

Суворовъ всталъ. Истово перекрестился. Обвелъ огненнымъ взоромъ все собраніе и сказалъ:

— И я приказываю штурмъ.

Затѣмъ Суворовъ вышелъ изъ палатки, въ сопровожденіи генералитета, къ толпившимся здѣсь, жаждавшимъ услышать радостную вѣсть полковникамъ, офицерамъ и старослужилымъ унтеръ-офицерамъ.

— Храбрые воины!—сказалъ полководецъ.—Приведите себѣ на память всѣ наши побѣды и докажите, что ничто не можетъ противиться силѣ оружія россійскаго. Намъ предлежитъ не сраженіе, которое бы въ волѣ нашей состояло отложить, но непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшитъ судьбу кампаніи и которое почитаютъ гордые турки неприступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала; намъ остается, въ третій разъ, или побѣдить, или умереть со славою. Поздравляю васъ съ штурмомъ!

— Ура! ура! ура!—восторженно закричали русскіе воины.—Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ! Ура! ура! ура!

LXXX.

Ормуздъ и Ариманъ.

Среди офицеровъ, внимавшихъ рѣчи великаго полководца, находился и Павелъ Корнильевичъ. Но чувства, наполнявшія его въ эту минуту, не имѣли ничего общаго съ тѣмъ восторгомъ, кото-

рымъ кипѣли русскіе герои. Напротивъ, нравственныя терзанія его были нестерпимы, именно потому, что въ эту минуту онъ не сливался въ общемъ одушевленіи со всею арміей; болѣе того, при немъ находилось роковое письмо, долженствовавшее остановить могучій порывъ и натискъ русской силы и сдѣлать его ничтожнымъ. И ему рокъ судилъ быть орудіемъ чужеземнаго вмѣшательства. Онъ именно и долженъ былъ передать письмо императора Леопольда. Злыя чары оковали его волю, разслабили его сердце, помутили разсудокъ. Онъ долженъ былъ исполнить порученіе, на него возложенное. Но онъ медлилъ исполнить его, отдалялъ это исполненіе. Онъ колебался. То софистическіе доводы склоняли его къ тому, что онъ, дѣйствительно, является спасителемъ тысячъ невинныхъ; что онъ — высшее орудіе мира и человѣколюбія и призванъ остановить безполезное кровопролитіе; но вслѣдъ за тѣмъ военный долгъ, правила чести, обязанности передъ отечествомъ просыпались въ немъ. Онъ чувствовалъ себя измѣнникомъ, агентомъ враговъ величія Россіи, завистливыхъ враговъ, не желавшихъ, чтобы Россія отворила ворота Востока, очистила себѣ путь къ Стамбулу и проливамъ, получила господство на Черномъ морѣ, вознесена была, какъ выразился въ своей рѣчи Суворовъ, на ту именно вершину міра, стоя на которой, древній Римъ диктовалъ свою волю народамъ.

— Не я, такъ другой!—утѣшалъ себя Павелъ Корнильевичъ.— Письмо все-таки было бы передано!—Но внутренній голосъ говорилъ ему: Да, но если это письмо попало именно въ твои руки, будь ты истиннымъ сыномъ своего отечества, оно никогда не было бы передано! Ты разорвалъ бы его и бросилъ клочья въ костеръ, на которомъ варится солдатская каша, что бы затѣмъ ни ожидало тебя!

Тѣмъ острѣе были незримыя муки и терзанія, какъ щипцами рвавшія грудь молодого человѣка, что Павелъ Корнильевичъ былъ отличенъ рымникскимъ героемъ, какъ адъютантъ свѣтлѣйшаго, привезшій отъ него «цидуле» и пользовавшійся его особымъ расположеніемъ. Миссія Радожицкаго — охранять женщинъ и дѣтей послѣ взятія города и вывезти затѣмъ женъ паши—встрѣтила глубокое сочувствіе Суворова. Онъ оставилъ Павла Корнильевича въ своей свитѣ. Вся иностранная «колонія», знакомая ему еще по «землянкѣ» за Днѣстромъ,—принцъ де-Линь и его сынъ Чарли, принцъ Гессенъ, Рожеръ Дамасъ, герцогъ Фронсакъ, всѣ встрѣтили Павла Корнильевича любезнѣйшимъ образомъ и наперерывъ восторгались рыцарской обязанностью, которая выпала ему. Принцъ де-Линь подробно также разъяснялъ ему составленный въ Вѣнѣ лучшими стратегами ученый планъ осады крѣпости съ наименьшей затратой силъ, хотя и долговременной, и жаловался на самонадѣянность Суворова, желающаго однимъ скачкомъ перепрыгнуть

черезъ стѣны Измаила и завалить рвы крѣпости трупами своихъ солдатъ. Ученый планъ, по мнѣнію принца, обезпечивалъ успѣхъ. Между тѣмъ штурмъ Суворова все ставилъ въ зависимость,—такъ казалось принцу,—отъ случая.

Павелъ Корнильевичъ находился въ свитѣ Суворова, состоявшей изъ многихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, когда полководецъ на поджаромъ донскомъ своемъ конькѣ подъѣзжалъ къ Измаилу на ружейный выстрѣлъ.

— Дабы каждый ближе ознакомился съ подступами къ крѣпости! — сказалъ Суворовъ. И въ то время, какъ турки стрѣляли по его свитѣ, онъ указывалъ мѣста крѣпости, на которыя должны быть направлены колонны, гдѣ штурмовать, и какъ взаимно поддерживать одна другую. Съ необычайнымъ чувствомъ смотрѣлъ Павелъ Корнильевичъ на твердыни турецкой крѣпости, возведенныя итальянскимъ зодчимъ, на крыши, купола и высокіе, стрѣлообразные минареты, казалось, рѣявшіе надъ обширнымъ городомъ. И ему представлялась ночь, когда онъ пробирался по узкимъ улицамъ Измаила, спящій дворецъ, таинственный покой и закутанная фигура сестры графини Софіи... И онъ не могъ взирать на городъ съ тѣмъ безчувствіемъ, съ какимъ смотрѣли всѣ эти генералы, полковники и бригадиры, толкуя, какъ лучше внести въ его стѣны смерть и разрушеніе... Но тамъ, гдѣ кипѣлъ духъ Суворова, не могло быть мѣста сомнѣніямъ. Незамѣтно для самого себя, слушая быстрыя, острыя, своеобразной солдатской присказкой сдобренныя рѣчи полководца, глядя на повертливую, постоянно какъ бы ускользавшую изъ-подъ выстрѣловъ, гремѣвшихъ со стѣнъ, и стремившуюся впередъ небольшую, сухую фигуру героя на донскомъ конькѣ, Павелъ Корнильевичъ начиналъ освобождаться отъ опутавшихъ его чаръ, воинскій духъ въ немъ просыпался и онъ почти готовъ былъ, вернувшись въ ставку, бросить въ огонь письмо императора Леопольда.

— Крѣпость безъ слабыхъ мѣстъ. Помилуй Богъ, какъ стѣны высоки. Штурмъ начать ночью,—говорилъ Суворовъ.

— Я не совсѣмъ понимаю сіе, — замѣтилъ принцъ де-Линь, страдавшій за отвергнутый планъ осады и одинъ, быть можетъ, только испытывавшій столь же сложныя чувства раздвоенія, какъ и Павелъ Корнильевичъ.—Если крѣпость будетъ взята ночью, то придется вести бой въ темнотѣ, въ нѣкоемъ подобіи древняго Дедала-лабиринта, гдѣ обиталъ Минотавръ, въ крѣпостныхъ верхахъ, въ узкихъ, восточныхъ улицахъ. Сіе не есть выгодно. Упорное сопротивленіе, которое мы встрѣтимъ...

— Упорное сопротивленіе не позволитъ намъ однимъ прыжкомъ перескочить черезъ стѣны,—перебилъ Суворовъ.—Темнота нужна для перваго удара. Тѣни прикроютъ глубины рвовъ, и сумракъ понизитъ валы. Бой же за стѣнами будетъ уже днемъ. Съ нами Богъ! Покоряйтесь, языцы!

— Въ которомъ же часу предполагается начало боя?—освѣдомился бригадиръ Платовъ.

— За два часа до разсвѣта по сигналу, поданному третьей ракетой. Пуля—дура! Штыкъ—молодецъ!

— Для одновременности атаки частей войскъ, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ,—замѣтилъ Кутузовъ,—весьма важно установить общій сигналъ, который не могъ бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Между тѣмъ, какъ показываетъ военная исторія, эти печальныя недоразумѣнія бываютъ весьма нерѣдко.

— Что правда, то правда,—согласился Суворовъ.—А посему, господа генералы и штабъ-офицеры, прошу васъ учредить на то карманные часы равнообразно, дабы единовременно на крѣпость напасть по данному сигналу, который послѣдуетъ въ пять часовъ. А какъ сія ракета можетъ непріятеля встревожить и уничтожить внезапность штурма, то приказываю ракетами пріучать басурманъ, пуская оныя въ каждую ночь, во всѣхъ частяхъ передъ разсвѣтомъ.

Приготовленія закончились. Диспозиція штурма была передана начальникамъ частей войскъ и колоннъ. Всѣ были ознакомлены точно, ясно, твердо, безповоротно со своими обязанностями. По Суворовскому правилу, каждый солдатъ зналъ свой маневръ и вся машина разрушенія и смерти по сигналу единодушно должна была прійти въ движеніе, не ослабѣвая, не перегоняя и не отставая въ частяхъ. Фашины, штурмовыя лѣстницы, шанцевый инструментъ были розданы заблаговременно. Начальники въ ночной темнотѣ должны были, сохраняя возможную тишину, подвести войска свои за триста шаговъ отъ контръ-эскарпа и тамъ положить. Но слишкомъ рано приводить войска Суворовъ запретилъ. Лишь за четверть часа до начала штурма люди должны были находиться на мѣстѣ.

— Чтобы не удручить воиновъ медленіями къ пріобрѣтенію славы!—объяснялъ Суворовъ.

Стрѣлки, шедшіе впереди колоннъ, должны были разсыпаться вдоль контръ-эскарпа и когда штурмующія колонны будутъ переходить ровъ и влѣзать на валъ, огнемъ поражать обороняющихся. Начавъ атаку, колонны нигдѣ не должны останавливаться напрасно. Когда взойдутъ на валъ, то не ходить внутрь города безъ приказанія и пока не будутъ отворены ворота и впущены резервы.

Когда же валъ будетъ занятъ и начнется движеніе внутрь города, стрѣлки должны были оставлять караулы въ пристойныхъ мѣстахъ на бастіонахъ, батареяхъ, у воротъ и на площадяхъ.

Особенно приказано беречься отъ пожара. Оружіемъ дѣйствовать только противъ защитниковъ крѣпости.

Отыскивать пороховые погреба и ставить къ нимъ караулы, чтобы воспрепятствовать непріятелю взорвать.

Безоружныхъ, женщинъ, дѣтей и христіанъ не предавать смерти.

Приготовленія закончились. Наступилъ канунъ дня, назначеннаго для штурма. Сходила темная, сырая и туманная декабрьская ночь. А Павелъ Корнильевичъ еще не сожегъ на бивачномъ огнѣ письма императора Леопольда и не передалъ его въ руки полководца. Нерѣшительность, колебанія его возрастали съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой... Съ отчаяніемъ въ душѣ стоялъ молодой человѣкъ у своей палатки и вглядывался въ непроглядную тьму. Въ ней только сверкали бивуачные огни русскаго стана, да вдали вспыхивали тамъ и сямъ огни отдѣльныхъ выстрѣловъ. Казаки рыскали кругомъ стѣнъ и тревожили непріятеля. Но въ крѣпости все было темно и тихо—доносился лишь глухой шумъ, обличающій признаки жизни, оклики часовыхъ, лай и вой собакъ. Все покоилось еще во мракѣ. Но Ормуздъ и Ариманъ боролись въ груди молодого человѣка за душу его. Онъ стоялъ и шепталъ горькія слова: «Почто, почто именно мнѣ выпало это на долю! Почто послало мнѣ Небо встрѣчу съ этой женщиной, рабомъ которой я сталъ! Я погубилъ мое счастье. Я оскорбилъ существо, предъ которымъ благоговѣлъ, чувства которой были полны святой невинности. И какъ невольникъ влачусь по слѣдамъ лукавой гречанки!.. Я устремился по пути чести, не искалъ случая, хотѣлъ прямой службы отечеству и воинскихъ, славныхъ трудовъ. Судьба избрала меня орудіемъ враговъ моего отечества... Да, но это друзья человѣчества! Они хотятъ остановить безполезное кровопролитіе!.. Что же мнѣ дѣлать? На что рѣшиться?»—такъ вопрошалъ онъ окружавшую мглу, и отвѣта не было. И онъ ни на что рѣшиться не могъ.

Вдругъ изъ мглы выдвинулась темная закутанная фигура и подошла къ нему вплотную. Глухой незнакомый голосъ назвалъ его по имени:

— Господинъ Радожицкій!

— Кто вы? Что вамъ нужно?—спросилъ Павелъ Корнильевичъ.

— Господинъ Радожицкій! — повторилъ незнакомецъ. — Я посланъ напомнить вамъ взятое вами на себя порученіе. Промедленіе ваше преступно!

— Кто вы? Почему я долженъ вамъ довѣряться? — спросилъ опять Павелъ Корнильевичъ.

— Горе лѣнивому рабу, положившему руку на плугъ и оборачивающемуся назадъ! Вы дадите отвѣтъ за преступное промедленіе,—не отвѣчая на вопросъ, произнесъ глухой голосъ подъ плащомъ.—Но время еще не упущено! Поторопитесь. Всего два часа осталось до штурма. Суворовъ идетъ теперь къ бивуачнымъ огнямъ. Поспѣшите! Вспомните, что отъ васъ зависятъ тысячи жизней, что сестра любимой вами женщины изнываетъ отъ ужаса въ

осажденномъ городѣ, вспомните обѣщаніе, данное вами, и сладость уготовленной вамъ награды!

— Кто ты, демонъ искуситель? — вскричалъ Радожицкій и бросился къ призраку, желая сдернуть плащъ съ лица его. Но тотъ отступилъ и въ складкахъ плаща сверкнулъ при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ во тьму изъ палатки, кинжалъ.

— Не подходи, или ты будешь мертвъ! Спѣши исполнить свой долгъ! Помни, земля и небо, вода и воздухъ насытятся мщеніемъ тебѣ, измѣнникъ, если ты уклонишься!

Проговоривъ это, незнакомецъ вдругъ пропалъ во мглѣ.

Воля молодого человѣка была сломлена. Онъ почувствовалъ себя во власти мрачной, грозной силы, противиться которой безполезно. Тысячи искръ завертѣлись въ окружавшей его тьмѣ. И какой-то свистящій шопотъ билъ въ его слухъ: «Ты долженъ! Ты долженъ! Ты долженъ!»

Онъ поспѣшно пошелъ къ бивуачнымъ огнямъ и скоро завидѣлъ Суворова, который быстро переходилъ отъ одной группы офицеровъ и солдатъ, которые стояли вокругъ огня, грѣлись и бесѣдовали о предстоявшемъ штурмѣ, вспоминали Очаковъ, — къ другой.

— Какой полкъ?—подходя, спрашивалъ Суворовъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть особенно, припоминалъ минувшіе дни, когда онъ вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ.

— Славные люди! Храбрые солдаты!—восклицалъ Суворовъ.— Тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя!

И эти слова воспламеняли воиновъ. Они рвались на штурмъ, клялись показать себя достойными похвалы великаго полководца. А Суворовъ уже шелъ дальше, къ слѣдующему огню.

И странно, Павелъ Корнильевичъ почти бѣжалъ вслѣдъ за нимъ и все никакъ не могъ его настигнуть. Едва онъ вступалъ въ освѣщенный кругъ одного костра, Суворовъ, какъ духъ, уже переносился къ другому. Мистическій ужасъ наполнилъ сердце Радожицкаго!.. Но вотъ полководецъ отдѣлился отъ послѣдняго костра и пошелъ навстрѣчу Радожицкому. Они почти столкнулись въ темнотѣ.

— Помилуй Богъ! Кто это?—вскричалъ Суворовъ.

— Адъютантъ свѣтлѣйшаго!—отвѣтилъ Радожицкій.

— А, это вы? Что вамъ угодно, господинъ адъютантъ?

— Я имѣю передать вашему высокопревосходительству письмо...

— Письмо? Идите сюда къ свѣту! — поворачивая къ одному изъ костровъ, сказалъ полководецъ. — Что за письмо такое? Отъ кого?

— Лично вамъ, privatissime отъ императора Леопольда!—отвѣтилъ, подавая кувертъ и кланяясь, Радожицкій.

— Помилуй Богъ, какъ не къ мѣсту!—принимая кувертъ, отвѣтилъ Суворовъ. — Ну, любезнѣйшій мой, читать сіе цидуле ни минуты времени не имѣю!

И, не распечатывая, Суворовъ засунулъ письмо въ карманъ своего бѣлаго, канифасоваго камзола.

— Послѣ штурма на свободѣ прочту!—замѣтилъ онъ.

Вдругъ взвилась первая сигнальная ракета, съ громомъ разорвалась высоко въ темномъ небѣ и посыпалась дождемъ искръ, на мгновеніе далеко озаривъ и русскій лагерь и твердыни Измаила.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! — снявъ шляпу и благоговѣйно крестясь, сказалъ Суворовъ.

Но послѣ вспышки ракеты тьма ночная стала еще гуще, еще непрогляднѣе. Ординарецъ съ донскимъ конькомъ вынырнулъ изъ тьмы. Полководецъ вскочилъ въ казацкое сѣдло и мгновенно съ бурнымъ топотомъ пропалъ во мглѣ . . . .

. . . .

Весь лагерь пришелъ въ движеніе. Офицеры разбѣжались къ своимъ частямъ отъ костровъ. Увлекаемый общимъ одушевленіемъ, позабывъ все, побѣжалъ къ своему мѣсту и Павелъ Корнильевичъ. Войска оставили лагерь и, перестроившись въ колонны, соблюдая возможную тишину, двинулись на приступъ по второй ракетѣ. Всѣ перестроенія, начатыя въ три часа пополуночи 11-го декабря 1790 года, къ пяти часамъ окончились. Небо, загроможденное тучами, висѣло низко надъ головами русскихъ воиновъ. Поднялся густой туманъ и совершенно скрылъ ихъ приближеніе къ наружнымъ валамъ крѣпости. Колонны шли на штурмъ съ трехъ сторонъ города. А въ то же время флотилія де-Рибаса подошла по Дунаю къ незащищенной со стороны рѣки части Измаила и высаживала людей на берегъ.

Мракъ, туманъ, глухіе звуки въ ночной тишинѣ увеличивали жуткую таинственность приступа. Но вдругъ громъ 250 орудій низвергъ огонь и гибель со стѣнъ крѣпости. А болѣе 500 съ русской флотиліи послали отвѣтный смерчъ огня, грома и смерти въ твердыни невѣрныхъ! Свѣтящіеся снаряды отражались въ остылыхъ водахъ Дуная и, окрашивая ихъ кровавымъ заревомъ, бороздили по всѣмъ направленіямъ темное небо и при громѣ и сверканіи канонады открылись русскія колонны. Теперь, еще за мгновеніе темная и безмолвная, турецкая крѣпость казалась вулканомъ, извергавшимъ пламя; казалось, адъ выслалъ всѣ стихіи разрушенія на борьбу съ крестоносной славянской ратью. Мужественно, въ стройномъ порядкѣ, рѣшительно наступали колонны; живо подходили ко рву, бросали въ него свои фишины, по двѣ въ рядъ,—спускались въ ровъ и спѣшили къ валу, у подошвы его ставили лѣстницы, лѣзли на валы и, опираясь на свои штыки, всходили на самый верхъ. Казалось, посторонняя сила двигала

ихъ и стремленіе было столь упорно, словно незримый вихрь поднималъ и возносилъ на верхъ рыгающей огнемъ и смертью твердыни эту людскую лаву. Въ каждой груди въ сей великій мигъ билось сердце героя. Люди не кричали, не суетились, не мѣшали другъ другу. Молча, сосредоточенно, они восходили въ обаяніи славы, и это чудесное, грозное восхожденіе наполнило ужасомъ храбраго, могучаго, достойнаго этихъ чудо-богатырей непріятеля.

LXXXI.

Штурмъ.

Подъ градомъ пуль и картечи, навстрѣчу сабель и ятагановъ бѣшено отбивавшагося врага, въ первой колоннѣ, въ озаряемомъ багровымъ заревомъ канонады туманѣ, шелъ и Павелъ Корнильевичъ. Люди падали вокругъ него. Но смерть щадила молодого воина. А внутреннія терзанія передъ штурмомъ сдѣлали его нечувствительнымъ къ опасности и совершенно безстрашнымъ. Онъ улыбался летящимъ на него съ пчелинымъ жужжаніемъ роямъ пуль. Празднично, свѣтло было на душѣ его. Колонну велъ генералъ Львовъ. Когда люди перебрались черезъ глубокій ровъ, Львовъ закричалъ: «Съ нами Богъ и Суворовъ! Впередъ!» И полѣзъ на крутой и высокій валъ. Воины ринулись за нимъ. Турки накидывались на лѣзшихъ людей, кроша ихъ саблями, поражая кинжалами, пронзая и низвергая копьями. Но остановить стремленіе колонны было невозможно. Тутъ шли апшеронскіе стрѣлки и фанагорійскіе гренадеры. Непріятель былъ сметенъ съ вала. Но за нимъ оказался второй, шире перваго, откуда вмѣстѣ съ потоками картечи ринулись свѣжія полчища турокъ съ саблями. Львовъ принялъ ихъ въ штыки. Фанагорійцы, любимцы Суворова, дрались, какъ львы, и опрокинули турокъ. Тутъ Львовъ и князь Лобановъ-Ростовскій, командовавшій апшеронцами, были ранены и вынесены изъ боя. Команду принялъ полковникъ Золотухинъ. Колонна шла вдоль стѣнъ, поражая штыками рвавшагося на него новыми и новыми толпами непріятеля. Занявъ одни ворота, пошли къ другимъ, такъ называемымъ Хотинскимъ. Къ этимъ воротамъ стремилась и вторая колонна, подъ начальствомъ Ласси. Бѣшеная рѣзня кипѣла здѣсь. Ворота были взяты, отворены, и кавалерія ринулась въ городъ... Во рвахъ, на валахъ, у воротъ, по берегу Дуная шла рѣзня. Янычары съ крикомъ «Алла!» терзали, крошили, сѣкли саблями устремлявшихся на нихъ русскихъ; но ихъ штыки все сметали, все опрокидывали. Кровь текла ручьями. Тѣла громоздились горами. Лавины раненыхъ и труповъ, мусульманъ и христіанъ, мгновенно нагроможденныя по откосу вала, вдругъ

обрушивались внизъ, и отрубленныя головы, какъ бильярдные шары, скакали по крутымъ склонамъ и падали въ лужи крови, стоявшія внизу, во рвахъ. Порою гдѣ-либо русскіе герои ослабѣвали; перебитые, порѣдѣвшей кучкой, они отступали. Но сейчасъ же слышался крикъ: «Суворовъ! Суворовъ!» И подкрѣпленіе подходило, какъ по волшебству. Суворовъ вдругъ появлялся на валу или подъ стѣнами, у воротъ, въ проломахъ и, указывая рукой на твердыню, ободрялъ ослабѣвающихъ, вдохновлялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ пламеннымъ взглядомъ. Но Павелъ Корнильевичъ замѣтилъ, что иногда въ двухъ противоположныхъ пунктахъ кричали: «Суворовъ! Суворовъ!» И потомъ изъ разсказовъ солдатъ оказывалось то чудесное обстоятельство, что Суворовъ являлся одновременно солдатамъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ духъ носясь вокругъ Измаила. Необъяснимое это явленіе никто и не старался ни себѣ, ни другимъ объяснить, но всѣ въ него непоколебимо вѣрили...

Съ флотиліи, которая спустилась по теченію Дуная, высаживались у западной оконечности крѣпости подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ. Принцъ де-Линь, выскочившій здѣсь на берегъ однимъ изъ первыхъ, былъ раненъ въ колѣно. Бригадиръ Марковъ, остановившись, приказалъ унести принца. Поднявшіе раненаго были всѣ мгновенно убиты. А бригадиръ Марковъ упалъ тутъ же, пораженный пулею въ ногу. Обоихъ вынесли, поминутно мѣняя падавшихъ людей. Колонну повелъ теперь подполковникъ Эммануилъ Рибасъ и быстро овладѣлъ назначенными ей батареями. Но часть колонны, подъ начальствомъ герцога Фронсака-Ришелье и Дамаса Рожера, устремилась на выстрѣлы на главный валъ и съ колонною Ласси проложила по грудамъ хлещущихъ кровью полумертвыхъ тѣлъ путь къ Хотинскимъ воротамъ.

Уже входя въ гулкую пустоту этихъ воротъ, Павелъ Корнильевичъ встрѣтилъ Фронсака и Дамаса, съ сабель которыхъ, какъ и съ его шпаги, лилась кровь, забрызганныхъ, оборванныхъ, воспламененныхъ и опьяненныхъ боемъ.

— Счастливая встрѣча!—закричалъ Дамасъ.

— Впередъ! Еще много будетъ работы въ городѣ! — кричалъ Фронсакъ.

— Удерживайте солдатъ! Удерживайте солдатъ!—кричалъ Ласси и, оборотясь спиной, шелъ въ городъ, махая на солдатъ шпагой и неистово ругаясь.

Но солдатъ трудно было удержать въ должномъ порядкѣ. Врываясь въ городъ стѣсненнымъ въ воротахъ потокомъ, вливаясь въ темныя ущелья восточныхъ улицъ, они разсыпались между домами, влекомые жаждой мести столь жестоко сопротивлявшемуся непріятелю, а нѣкоторые, въ особенности казаки, и обуявшей алчностью къ грабежу. Русскіе ворвались въ Измаилъ почти

одновременно со всѣхъ сторонъ, и тутъ можно было всюду видѣть эту борьбу долга съ стихійными чувствами озвѣрѣлыхъ солдатъ. На валы шли герои, въ ворота и проломы входили тоже герои; но лишь нога ихъ переступала линію смерти, истребленія и ужаса, лишь предъ ними раскрывались, беззащитные, повидимому, лабиринты улицъ и темныхъ домовъ, гдѣ представлялись имъ груды восточныхъ сокровищъ,—герои готовы были превратиться въ шайку грабителей. И всюду командиры, офицеры, спиной къ городу, уже, казалось, готовились рубить и колоть собственныхъ солдатъ, кидаясь на нихъ съ неистовыми ругательствами и убѣждая, приказывая, умоляя строиться, а не разбѣгаться. Но вдругъ, словно электрическій токъ прошелъ отъ воротъ къ воротамъ, и крикъ: «Суворовъ! Суворовъ!» загремѣлъ въ разныхъ мѣстахъ.

Суворовъ на донскомъ конькѣ, невредимый посреди тысячи смертей, въѣхалъ въ городъ.

И мгновенно солдаты приходили въ себя, подчинялись командѣ, строились.

Русскіе вошли въ Измаилъ. Но левъ отступилъ вглубь своего логовища, однако не былъ еще пораженъ смертельнымъ ударомъ.

Начало свѣтать. Утро пробилось сквозь туманъ, разрѣженный свѣжимъ дыханіемъ вѣтра. Окружающіе предметы стали выступать и обрисовываться. Валъ былъ взятъ. Русскія знамена развѣвались надъ крѣпостными верками, откуда непріятель былъ вытѣсненъ. Но все еще болѣе сильный, чѣмъ штурмующія войска, непріятель отступалъ во внутренность города. Предстояло брать каждую улицу, каждый домъ съ оружіемъ въ рукамъ. Предстояло за каждый шагъ платить потоками крови. Въ сумракѣ бросившіеся было въ улицы, не слушавшіе команды люди частью сейчасъ же были тамъ перебиты, частью воротились назадъ и стали въ ряды. Когда совсѣмъ стало свѣтло, русскіе съ изумленіемъ оглядывались на глубокіе рвы, на высокіе и крутые валы и мощныя стѣны, которыя были взяты ими въ темнотѣ ночи, подъ градомъ пуль и картечи, подъ изступленными саблями янычаръ, подъ кинжалами и пиками многочисленныхъ и отчаянныхъ защитниковъ мусульманской твердыни. Они теперь не понимали, какъ могли все это преодолѣть, и сказалась мудрость Суворова, скрывшаго мракомъ и туманомъ глубины и высоты отъ своихъ солдатъ. Раздумывать было некогда. Много еще работы предстояло впереди. По сравненію съ преодолѣнными трудностями—предстоящее казалось уже легче. Начальники только понимали, что это не такъ. Послѣ минутнаго отдыха колонны двинулись съ разныхъ сторонъ впередъ. Съ ружьями наперевѣсъ, съ музыкой, русскіе неудержимо шли къ центру города, опрокидывая все на пути.

LXXXII.

На улицахъ Измаила.

Новый бой, на жизнь и смерть, начался въ лабиринтѣ узкихъ восточныхъ улицъ и переулковъ. Въ каждой улицѣ многочисленный непріятель укрывался за наваленными грудами дерева и каменьевъ. Изъ каждаго дома стрѣляли. Каждое болѣе значительное зданіе превратилось въ отдѣльную крѣпость, наполненную изступленными защитниками. На всѣхъ площадяхъ приходилось принимать въ штыки хлещущихъ саблями, озвѣрѣлыхъ турокъ. Значительно меньшая съ самаго начала по числу, сравнительно съ непріятелемъ, русская сила уже оставила множество труповъ и раненыхъ во рвахъ, на валахъ и на стѣнахъ Измаила. Теперь же пришлось разбросать отрядъ по всему городу и сколько было улицъ—столько дралось отрядовъ. Почти каждый домъ приходилось брать съ бою. Въ переулкахъ часто груды быстро наваленныхъ перемѣшанныхъ труповъ служили туркамъ баррикадами. Иногда рука съ кинжаломъ, ятаганомъ или пистолетомъ высовывалась изъ горы тѣлъ и внезапно поражала русскаго героя. Раненые турки, лежа на землѣ, зубами впивались въ ноги наступавшихъ на нихъ воиновъ, и лишь ударъ штыкомъ въ грудь разжималъ ихъ челюсти. Женщины съ ножами и кинжалами въ рукахъ бросались изъ домовъ на русскихъ; отчаяніе превратило ихъ въ тигрицъ; онѣ испускали нечеловѣческіе вопли, и безжалостный штыкъ потрясеннаго, но вынужденнаго необходимостью, русскаго солдата проложилъ путь смерти не въ одну прекрасную грудь, рожденную для того, чтобы питать жизнь.

Сопротивленіе было изступленное. Какъ партизанская война внутри страны безконечно труднѣе занятія ея столицы и преодолѣнія отпора ея арміи, потому что разбрасывается на обширныя пространства и каждый защищаетъ свое имущество, свою родную околицу, свой домъ и могилы предковъ, такъ борьба внутри города труднѣе штурма внѣшнихъ ея укрѣпленій. Стѣны домовъ, очаги, гибель, грозящая женамъ и дѣтямъ на глазахъ отцовъ и мужей, все доводило храбрость и неистовство сопротивленія мусульманъ до нечеловѣческой силы. Но и русскіе звѣрѣли, опьяненные потоками льющейся крови, предварительно озлобленные невзгодами осаднаго времени, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ непріятеля, изрыгавшаго хулу, скрежетавшаго, впивавшагося ногтями и зубами, если оружіе выпадало изъ рукъ, плевавшаго кровью въ лицо побѣдителя, когда уже лежалъ, пронзенный штыками, на камняхъ мостовой. Въ темныхъ даже и теперь, при сіяніи дня, узкихъ улицахъ, русскіе проходили стремительной бурей, гибли подъ пулями, летѣвшими изъ оконъ и

дверей, подъ саблями бросавшихся на нихъ турокъ, смыкались, подкрѣпляемые новыми отрядами, но и сами все губили. Теперь ни одной мысли о сокровищахъ богатыхъ караванъ-сараевъ, обширныхъ домовъ богачей, ни одной мысли о прекрасныхъ одалискахъ гаремовъ не могло родиться въ склоненныхъ головахъ, молчаливыхъ страшнымъ молчаніемъ ангеловъ-истребителей, разившихъ солдатъ. Въ груди ихъ пылала лишь жажда мести за павшихъ товарищей, лишь одна свирѣпая воинская доблесть наполняла ихъ. Такъ! Побѣдитель не давалъ никому пощады. Но пощады и не просилъ достойный противникъ. Не даромъ юный султанъ всѣ надежды свои возлагалъ на несокрушимость Измаила. Лучшіе люди, послѣдніе герои разлагавшейся имперіи были здѣсь; доблестные янычары, славные паши и султаны. Они съ большими отрядами засѣли въ ханы, превративъ ихъ въ крѣпости. Но само населеніе Измаила отличалось доблестью. Такъ! Пощады никто не просилъ. И подъ ударами разсвирѣпѣвшихъ солдатъ гибли всѣ,—и упорно оборонявшіеся, и безоружные, и женщины, и даже дѣти. Увы, бѣдныя малютки гибли и въ пламени и дыму начавшихся пожаровъ. Горами лежали трупы. Кровь текла по стокамъ и скоплялась огромными лужами. Падали горящія крыши домовъ и погребали и защитниковъ, и побѣдителей. Непрестанная ружейная пальба, неистовые крики, вопли, визгъ, скрежетаніе смѣшивались съ гуломъ пожара. Тучи дыма, искръ, горящія головни летѣли по вѣтру. Люди проваливались въ погреба. Нѣсколько тысячъ лошадей, выскочившихъ изъ горящихъ конюшенъ, въ бѣшенствѣ мчались по улицамъ, расшибая копытами мертвыхъ и раненыхъ, увеличивая смятеніе. Около полудня Ласси, первымъ взошедшій на крѣпостной валъ, первымъ же достигъ и середины города.

Максудъ-Гирей, князь Чингисхановой крови, съ тысячью татаръ, вооруженныхъ длинными пиками, засѣлъ здѣсь въ стѣнахъ армянскаго монастыря. Свирѣпо защищался Максудъ-Гирей. Но ворота монастыря были выбиты. Егеря ворвались внутрь и перебили татаръ. Гирей сдался съ горстью оставшихся въ живыхъ. Колонны сходились къ центру города, но таяли въ улицахъ и переулкахъ, на площадяхъ, теряли людей чуть не у каждаго дома. Суворовъ понялъ, что безъ поддержки артиллеріей ихъ силы надломятся. Онъ приказалъ ввести въ городъ двадцать легкихъ орудій, которыя стали картечью очищать улицы и площади отъ турецкихъ скопищъ. Какъ метлой дернула картечь, какъ метлой мела и ужасно разила на близкомъ разстояніи. Тогда быстро умолкли и затихли цѣлые кварталы. Только груды труповъ лежали на мостовой. Пожаръ, дымя, треща, вспыхивая языками пламени, переходилъ съ одной постройки на другую. Въ домахъ все стало недвижно, тихо. Тамъ, пораженные картечью, ворвавшеюся въ окна, лежали трупы, а къ нимъ припали дѣти, женщины,

если только онѣ оставались живы. Прочистка улицъ картечью была ужасной необходимостью, но заставила содрогнуться въ первый разъ сердца побѣдителей, до той минуты не знавшихъ жалости. Но увы! Какъ будто вмѣстѣ съ этимъ разслабленіемъ сердецъ пробудились въ нихъ низменные инстинкты. Солдаты стали грабить.

Бой далеко не былъ конченъ. Непріятель засѣлъ въ крѣпкихъ зданіяхъ — ханахъ, казармахъ, мечетяхъ, — какъ въ цитаделяхъ.

Въ ханъ близъ Хотинскихъ воротъ отступилъ изъ сѣвернаго каменнаго бастіона непреклонный старецъ Айдалзи-Мегметъ, трехбунчужный, знаменитый паша, и съ нимъ двѣ тысячи отборныхъ, доблестнѣйшихъ янычаръ. Ханъ атаковалъ полковникъ Золотухинъ. Съ нимъ былъ одинъ батальонъ фанагорійскихъ гренадеръ. Бой длился два часа безуспѣшно, пока не подъѣхали орудія. Пушечными выстрѣлами ворота были выбиты. Гренадеры ворвались въ ханъ со штыками наперевѣсъ. Янычары и гренадеры дрались долго, дрались свирѣпо. Сабли янычаръ сносили головы, крошили, раскалывали черепа. Гренадеры поднимали на штыки, ломали грудныя клѣтки, разрывали брюшины, и дымящіяся внутренности валились въ кровь, стоявшую въ ханѣ по щиколотку. Около сотни лишь осталось въ живыхъ изъ янычаръ. Они окружили Айдалзи-Мегмета и сдались. Русскій офицеръ сталъ отбирать сабли. Сребробородый, грозный старецъ Айдалзи-Мегметъ, поднявъ глаза къ небу, прошепталъ стихъ корана и отдалъ саблю, съ лезвія которой текла ручьемъ кровь. Вдругъ какой-то солдатъ, замѣтивъ за поясомъ паши великолѣпно украшенный кинжалъ, подскочилъ и ухватился за кинжалъ, намѣреваясь овладѣть имъ. Стоявшій возлѣ янычаръ бѣшено заскрежеталъ зубами, выхватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ солдата, но пробилъ случайно черепъ офицеру, отбиравшему оружіе. Въ ярости, не дожидаясь команды, гренадеры ударили въ штыки и перекололи почти всѣхъ сдавшихся янычаръ. Между ними палъ и Мегметъ-паша. Его поразили шестнадцатью штыковыми ударами.

LXXXIII.

Военная добыча.

Городъ былъ взятъ.

Неприступный Измаилъ, оплотъ и надежда Стамбула, ворота турецкаго Востока, главнѣйшая мусульманская твердыня, палъ предъ несокрушимой доблестью русскаго солдата и геніемъ Суворова.

Измаилъ палъ.

И, согласно общему тогда обычаю и заранѣе данному Суворовымъ обѣщанію, былъ предоставленъ на три дня во власть солдатъ. Павелъ Корнильевичъ, войдя въ Хотинскія ворота съ головой ко-

лонны генерала Бориса Петровича Ласси, сквозь огонь и смерть, и получивъ первое боевое крещеніе во рвахъ и на валахъ Измаила, вмѣстѣ съ Дамасомъ Рожеромъ и герцогомъ Фронсакомъ, показавшимъ ему, улыбаясь, шляпу, пронизанную тремя пулями, которыя только подпекли букли его парика, подобно щипцамъ, но пощадили его черепъ, сталъ во главѣ одного изъ отрядовъ, углубившихся въ лабиринтъ улицъ. Совершенно опьяненный битвой, внимая ужасной симфоніи канонады, залповъ, воплей, стоновъ, визга, рева, свиста пламени пожаровъ, грома обрушивающихся крышъ, онъ среди всѣхъ ужасовъ кроваваго боя оставался невредимъ и такъ прошелъ къ срединѣ города. Когда сопротивленіе наконецъ было сломлено и положившая ранеными и трупами десять тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ четыреста, суворовская рать восторжествовала, переколовъ и разстрѣлявъ почти всѣхъ, кто только поднималъ оружіе на защиту Измаила,—а кто его не поднималъ въ этомъ городѣ мусульманскаго рыцарства!—Павелъ Корнильевичъ пришелъ въ себя, опустилъ окровавленную, упившуюся убійствомъ отцовскую шпагу, знавшую не одинъ бой, оглядѣлся и вспомнилъ о той высокой миссіи, которая была на него возложена свѣтлѣйшимъ. Увы! онъ сейчасъ же понялъ свое безсиліе вступиться за женщинъ и дѣтей! тѣ безтрепетные герои, которые шли съ нимъ, гибли, смыкались, шли дальше, разили, ни о чемъ не помышляя, кромѣ воинской славы, теперь разбѣгались во всѣ стороны по умиротвореннымъ картечью, подобнымъ кладбищамъ, безмолвнымъ кварталамъ, повинуясь проснувшейся жаждѣ грабежа...

Теперь можно было свободно устремиться за добычей, потому что двадцать шесть тысячъ турецкихъ труповъ устилали Измаилъ и пролившаяся изъ нихъ кровь стекла съ возвышеннаго берега, на которомъ расположенъ былъ городъ, и, влившись въ широкій Дунай, окрасила въ багровый цвѣтъ его обильныя, на полверсты въ ширину здѣсь текущія воды. Отъ испареній крови и быстро преданныхъ сыроватой туманной погодой тлѣнію труповъ, отъ этихъ испареній, смѣшанныхъ съ сѣрнымъ дымомъ огромныхъ количествъ сожженнаго пороха и съ дымомъ пожарищъ, ѣло глаза, першило въ горлѣ. Невѣроятная вещь: изъ всего турецкаго гарнизона спасся только одинъ человѣкъ! Онъ былъ легко раненъ на берегу Дуная, отбивая высадку русскихъ съ судовъ, и упалъ въ воду. Ему удалось ухватиться за плававшее бревно. На немъ онъ поплылъ по рѣкѣ и явился въ сосѣдній турецкій городъ, гдѣ и возвѣстилъ объ ужасной участи Измаила.

Итакъ, защитники Измаила были перебиты. Однако во всѣхъ частяхъ города раздавалась трескотня ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ. Солдаты могли проникнуть въ дома и лавки лишь по трупамъ уцѣлѣвшихъ хозяевъ, которые и теперь, когда все было потеряно, не хотѣли добровольно отдать врагу свое имуще-

ство. Грабежъ представлялъ отвратительное зрѣлище. Казаки небольшими отрядами на быстрыхъ коняхъ своихъ шныряли по улицамъ, поминутно прикладываясь и подстрѣливая выбѣгавшихъ изъ домовъ жителей. Затѣмъ, спѣшившись, они посылали въ двери и окна два-три залпа и, когда ничто уже не шевелилось внутри, осторожно проникали подъ кровлю и скоро появлялись, обремененные разнообразной добычей. Всѣ части, всѣ полки теперь перемѣшались. Еще за часъ это были герои. Теперь—банды хищниковъ. Тащили шелка, ковры, богатыя восточныя одежды, драгоцѣнное оружіе; ловили лошадей, вырвавшихся изъ конюшенъ, и выводили ихъ тамъ, гдѣ огонь не коснулся зданій. Повсюду слышались отдѣльные отчаянные вопли, плачъ дѣтей, крики женщинъ, хрипѣніе умирающихъ. Ужасающую, мерзостную картину попранія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ представлялъ покоренный городъ.

— Эге! какъ они ловко грабятъ!—весело сказалъ герцогъ Фронсакъ. Повидимому, онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ несшимся изъ всѣхъ улицъ раздирающимъ воплямъ, и картина хищенія нисколько его не возмущала.

— Да, богатства этого восточнаго города, говорятъ, неисчерпаемы,—подхватилъ Рожеръ Дамасъ.—Но лучшее сокровище Измаила—прелестныя гуріи, наполняющія серали! Я не прочь съ ними поскорѣе познакомиться!

Говоря это, французъ сладострастно раздувалъ ноздри и весь горѣлъ и дрожалъ отъ похоти.

Павелъ Корнильевичъ выразилъ свое отвращеніе къ картинѣ грабежа и напомнилъ, что на него возложена свѣтлѣйшимъ обязанность защиты женщинъ и дѣтей взятаго города.

— Надо же вознаградить солдатъ за ихъ лихую работу и труды осады!—пожимая плечами, презрительно отвѣтилъ герцогъ Фронсакъ.—Самъ я, конечно, не стремлюсь поживиться, однако и не откажусь отъ своей доли добычи. Что же касается дѣтей и женщинъ, то какъ охранять ихъ? Мы не имѣемъ для этого средствъ. Штурмъ есть штурмъ. При томъ же на землѣ женщинъ вообще гораздо больше, чѣмъ мужчинъ, а что касается дѣтей, то бравые солдатики надѣлаютъ ихъ сколько угодно, лишь бы имъ не мѣшали.

— Во всякомъ случаѣ необходимо охранить хотя бы дворецъ паши и женъ его гарема, между которыми находится сестра графини Софіи!—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.

— О, не безпокойтесь! Генералъ Ласси заблаговременно распорядился, чтобы переполненный сокровищами дворецъ паши не былъ ограбленъ простыми солдатами. Эта добыча не по ихъ рылу. Генералъ, вѣроятно, уже окружилъ дворецъ надежными людьми и поставилъ караулы у всѣхъ входовъ. Впрочемъ, я не прочь познакомиться съ сестрой нашей прелестной графини, вѣроятно, столь же привлекательной особой.

— Ну, а я предпочитаю поискать дѣвчонокъ въ этихъ переулкахъ!—щелкнувъ языкомъ и указывая окровавленной шпагой на городъ, сказалъ Дамасъ. — Эй! Падай намъ лошадка!—ломанымъ русскимъ языкомъ крикнулъ французъ двумъ солдатамъ, которые бѣжали, ведя каждый по парѣ великолѣпныхъ арабскихъ, бѣлоснѣжныхъ жеребцовъ, въ драгоцѣнныхъ сѣдлахъ и прочей сбруѣ.

— Да, какъ же, такъ и отдали!—отозвался одинъ изъ нихъ.— Это лошади нашего капитана!

— Подавай сей минутъ, каналья!—свирѣпо закричалъ Дамасъ и, подбѣжавъ, страшнымъ ударомъ желѣзнаго кулака положительно размозжилъ лицо солдату. Выпустивъ узду, тотъ схватился за окровавленное лицо, а Дамасъ вскочилъ въ сѣдло.

— Садитесь, господа! — крикнулъ онъ Фронсаку и Павлу Корнильевичу.

Необходимость заставила послѣдняго воспользоваться лошадьми.

— Всякаго успѣха, господа! — крикнулъ Дамасъ. — А ты со мной, маршъ!—приказалъ онъ другому солдату, со страхомъ и почтеніемъ подержавшему ему стремя, озираясь на товарища, стоявшаго склонивъ лицо, между тѣмъ какъ кровь ручьемъ лилась изъ раздробленнаго носа и рта его на мостовую.

— Нашъ другъ Рожеръ шутить не любитъ! — сказалъ съ явнымъ сочувствіемъ къ бравому соотечественнику герцогъ Фронсакъ, шагомъ проѣзжая съ Павломъ Корнильевичемъ по улицамъ ко дворцу, высокія зданія, башни и крыши котораго господствовали надъ городомъ и видны были издали.—Воображаю этого пѣтуха, когда онъ попадетъ въ обильный восточный курятникъ!

Павелъ Корнильевичъ молчалъ, испытывая глубочайшее, все нараставшее въ немъ отвращеніе. Оборотная сторона военныхъ подвиговъ предстала предъ нимъ въ ужасающей наготѣ.

Герцогъ сказалъ правду. Дворецъ паши уже охранялся надежными караулами, и когда всадники подъѣхали къ главнымъ его воротамъ, изъ нихъ выѣзжалъ рядъ закрытыхъ турецкихъ повозокъ, съ золоченой рѣзьбой неуклюжихъ кузововъ на парѣ огромныхъ колесъ. Въ нихъ, по приказанію генерала Ласси, были посажены жены покойнаго Мегметъ-паши; черные евнухи и сильный отрядъ конно-гренадеръ съ офицеромъ сопровождали поѣздъ, имѣя приказаніе вывезти женщинъ изъ преданнаго грабежу города. Павелъ Корнильевичъ предоставилъ Фронсаку знакомиться съ внутренностью восточнаго дворца, а самъ присоединился къ поѣзду, объяснивъ офицеру, что свѣтлѣйшимъ было именно ему поручено озаботиться о женахъ Мегметъ-паши. Вмѣстѣ пустились они въ путь, стараясь избѣжать охваченныхъ пожаромъ зданій и тѣхъ улицъ, гдѣ еще слышались выстрѣлы. Потрясенная канонадой атмосфера отягчилась парами облачныхъ массъ, и съ быстро

сходившими сумерками принялся сѣять на окровавленный и озаренный заревами пожаровъ городъ мелкій дождь. Зарево зловѣще окрашивало клубившіяся облака угрюмаго, низкаго неба. Кровавый Дунай отражалъ разрушенныя стѣны и пылавшія башни крѣпости, и, казалось, Измаилъ палъ въ рѣчное лоно и плавалъ тамъ въ крови. Часто, пробираясь по площадямъ и улицамъ, приходилось предварительно растаскивать мертвыя тѣла и стонавшихъ раненыхъ, чтобы пробраться между ними. Солдаты сквозь зубы бранились, оглядываясь съ завистью на улицы, гдѣ шныряли ихъ товарищи, сбирая добычу. И только увѣренія офицера, что свою часть они получатъ изъ общаго дѣлежа, успокаивали ихъ.

Въ повозкахъ, какъ онѣ ни колыхались на неровностяхъ восточной мостовой и на крутыхъ спускахъ улицъ, шедшихъ подъ гору, таившіяся женщины не подавали ни голоса, ни знака своего пребыванія тамъ. Офицеръ разсказывалъ, что онѣ по первому требованію покорно вышли и сѣли въ экипажи. Чернокожіе евнухи, изъ которыхъ старшій, огромный, жирный негръ былъ знакомъ Павлу Корнильевичу и даже оскалилъ зубы, увидѣвъ его, и, прижавъ руки къ груди, закивалъ ему, трусливо жались къ огромнымъ колесамъ, между тѣмъ какъ солдаты-фурманы вели лошадей подъ уздцы. Такъ благополучно выбрались они изъ города.

Но тутъ новая картина ужаса представилась глазамъ Павла Корнильевича.

Со всѣхъ сторонъ, отъ рвовъ и валовъ Измаила, шли, поддерживая и неся другъ друга, и ползли раненые. Всѣ они стонали, какъ бы объединяясь въ этихъ общихъ стонахъ и соединяясь въ сочувствіи другъ другу. По всѣмъ дорогамъ и тропамъ сумрачной равнины, стѣсненной мрачными горами, двигались окровавленныя, шатающіяся фигуры и какъ черви въ земномъ прахѣ ползли и ковыляли несчастные человѣческіе обрубки...

Среди тысячъ стонущихъ, съ заунывнымъ скрипомъ, колыхаясь, шагомъ двигались повозки съ притаившимися за золотой рѣзьбой и пестрыми занавѣсками женщинами. Негры, оглядываясь, расширенными отъ ужаса зрачками провожали озаренныя заревомъ твердыни разореннаго Измаила. Кровавый Дунай зловѣще блисталъ багрецомъ въ туманныхъ берегахъ. Выстрѣлы и крики неслись изъ города и вмѣстѣ съ дымомъ, тучами искръ и горящими головнями поднимались къ моросящему, клубящему озаренные пары небу, а земля кругомъ тонула въ сумеркахъ, и общій, непрерывный стонъ поднимался отъ нея.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

XIV.

Моя неудачная женитьба.—Назначеніе мое товарищемъ финляндскаго министра статсъ-секретаря.—Взглядъ на мою службу при графѣ Клейнмихелѣ.—Къ его характеристикѣ.

ГОДЫ 1848 и 1849 были эпохой перелома въ моей жизни: отношенія мои къ графу Клейнмихелю сдѣлались невыносимы; кредитъ князя Меншикова упалъ, а съ нимъ и мои надежды на лучшую мою будущность; женился я очень несчастливо, и почти противъ воли, и поселилъ такимъ образомъ въ своемъ домѣ сѣмена постояннаго раздора. Не стану записывать эпизоды этого несчастнаго времени: я ихъ не забуду, но теперь уже самъ перестаю вѣрить возможности такого случая, какой былъ со мною. Мнѣ минуло 40 лѣтъ; двоюродная сестра моя Эльвира стала уговаривать меня жениться; она говорила, что теперь я могу еще надѣяться поступить благоразумно и любить жену; лѣтъ черезъ 5 это будетъ уже очень трудно, а на старости рискую жениться на прачкѣ. Въ примѣръ приводила Грейга, женившагося на жидовкѣ, и Жандра, женившагося на солдатской дочери. Эти примѣры, особенно первый, поколебали меня. У тайнаго совѣтника Маркова была дочь, о которой мужъ кузины моей говорилъ, что это—ангелъ кротости; что онъ знаетъ Маркова 25 лѣтъ, а дочь его—отъ рожденья. Я сталъ

[1]) Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 50.

приговариваться къ Маркову узнать, угоденъ ли ему такой зять, какъ я, и что онъ намѣренъ дать дочери, причемъ просилъ его не говорить ничего своей дочери, ибо я еще не сватаюсь. Онъ просилъ меня заѣхать къ нему когда-нибудь переговорить о томъ, что принадлежитъ дочери; я поѣхалъ 23 апрѣля, въ день св. Александры. Стали толковать; онъ на какую-то мою фразу сказалъ мнѣ что-то грубое; на это я отвѣчалъ ему колкостью; онъ взбѣсился,—и я заключилъ, что при такомъ предисловіи я не могу надѣяться на домашнее счастье, отступаюсь отъ своего намѣренія, и прошу все бывшее между нами считать non avenu [1]). Марковъ замѣтилъ: «Tout est pour le mieux, mais savez vous qu' aujourd'hui est la fête de Sacha; est ce que vous n'entrerez pas au salon pour la féliciter» [2]). Я пошелъ въ гостиную; черезъ пять минутъ входитъ m-me Markoff, ведя за руку свою Сашеньку; сзади—гувернантка и нянька старая въ слезахъ; эти ревутъ: «какую вы у насъ берете!» Мать провозглашаетъ, что дочь согласна, и она насъ благословляетъ; дочка, потупя взоръ, отлично сыграла роль подстрѣленной голубки. Первая моя мысль была утѣшить семейство объявленіемъ, что я не думалъ брать ихъ сокровище,—но, совѣстясь поступка, который поставилъ бы дѣвушку въ унижающее положеніе,—я не рѣшился сказать ни слова, и черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ, а Марковъ поспѣшилъ повѣстить, что дочь его сговорена. Такъ я женился! Разсказывая это пріятелю своему Норову, я сконфузился, увидя въ сосѣдней комнатѣ сенатора Корнилова, умнаго и забавнаго человѣка.

— Не женируйтесь, Константинъ Ивановичъ,—сказалъ онъ:—меня женили точно такъ же!—и, едва договоривъ, спохватился:—а гдѣ жена?

— Наверху,—отвѣчалъ Норовъ.

— Ну, слава Богу! а я ужъ испугался!

Къ моему великому счастью, бѣшеный Мефистофель-отецъ самъ увезъ своего дьяволенка черезъ 8 мѣсяцевъ. Домъ мой пересталъ быть адомъ, но Марковъ выставлялъ свою «добродѣтельную» дочь мученицею моей злости и моего разврата и трогалъ мою репутацію. Ее исправила моя бывшая жена: она выманила у отца 60 тысячъ руб. и бѣжала съ помощью фальшиваго паспорта съ конторщикомъ, который обокралъ своего принципала; гордый отецъ ея не пережилъ скандала: онъ захворалъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ померъ, цѣловавъ руки мнѣ, когда я навѣщалъ больного богача, и обнималъ своего крѣпостного слугу за то, что онъ его не бросилъ. Онъ умеръ какъ нищій, увеличивъ правдою и неправдою свое богатство. У меня сохранилось письмо одного изъ

---

[1]) Недѣйствительнымъ.

[2]) Все къ лучшему; но знаете ли, сегодня именины Саши; развѣ вы не зайдете въ гостиную ее поздравить?

его сыновей, выражающее семейную картину проклятаго Богомъ семейства.

Пробывъ годъ членомъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія, я получилъ приглашеніе занять мѣсто товарища министра статсъ-секретаря финляндскаго (графа Армфельта). Такъ какъ мѣсто это по конституціи долженъ занимать финляндецъ, то, за нѣсколько дней до моего назначенія, повелѣно было внести меня въ число родовъ финляндскаго рыцарскаго дома; а чтобы это не могло служить какъ antécédent[1]), въ рескриптѣ сказано было, что это достоинство дается мнѣ въ возмездіе пользы, принесенной 17-лѣтними трудами по завѣдыванію финляндскими дѣлами. Графъ Армфельтъ хлопоталъ, чтобы при этомъ случаѣ я былъ возведенъ въ баронское достоинство, но я отклонилъ это, не желая быть незваннымъ пришельцемъ въ среду лицъ, гордящихся своимъ замкнутымъ положеніемъ. Такое вступленіе въ среду ихъ имѣло бы для меня скорѣе обидныя, чѣмъ почетныя послѣдствія, и за нихъ пришлось бы мнѣ еще заплатить 2000 руб. Впрочемъ, кузина моя до сихъ поръ не можетъ мнѣ простить этого отказа. Такъ я отдѣлился отъ морского вѣдомства (кромѣ кодификаціи), отъ русской службы и, къ сожалѣнію, отъ цесаревича. Должность правителя дѣлъ комитета желѣзныхъ дорогъ была совмѣстна съ должностью директора департамента, почему, подавъ прошеніе объ увольненіи меня отъ сей послѣдней, я счелъ обязанностью доложить объ этомъ его высочеству. Явясь въ 6 часовъ послѣ обѣда, я доложилъ, что 8 лѣтъ предъ симъ его высочество дозволилъ мнѣ представляться, когда я сочту это нужнымъ; что я не смѣлъ пользоваться тѣмъ безъ крайней надобности, и что эта надобность теперь настала: я пришелъ изъяснить мою скорбь, что, вынужденный оставить департаментъ желѣзныхъ дорогъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ лишаюсь счастья работать подъ его глазами. Наслѣдникъ спросилъ меня, отчего я оставляю департаментъ,—говоря откровенно. Я объяснилъ фальшивость моего положенія между закономъ и произволомъ. Наслѣдникъ очень милостиво сказалъ, что онъ очень жалѣлъ бы «разстаться со мной» и будетъ просить государя оставить меня правителемъ дѣлъ. Получивъ на это высочайшее соизволеніе, онъ самъ поѣхалъ передать его Клейнмихелю, однакоже прошло нѣсколько недѣль, а я не получалъ никакого о томъ увѣдомленія. Я написалъ къ оберъ-гофмаршалу Олсуфьеву, который доложилъ мое письмо цесаревичу и, именемъ его, объявлено мнѣ, что я остаюсь правителемъ дѣлъ, что я и внесъ въ свой формуляръ,—но Клейнмихель съ тѣхъ поръ ничего не вносилъ въ комитетъ. Только тогда, когда меня сдѣлали товарищемъ министра статсъ-секретаря, онъ внесъ кучу дѣлъ въ комитетъ и привезъ съ

---

[1]) Примѣръ въ прошедшемъ.

собою директора департамента, доложивъ комитету, что прежній правитель дѣлъ выбылъ изъ русской службы.

Обозрѣвая пройденное мною земное поприще, мои воспоминанія останавливаются передъ эпохою моего вступленія въ финляндскую службу въ званіи товарища министра статсъ-секретаря, какъ передъ эпохою, въ которую началось хотя кратковременное отдохновеніе моей усталой, разочарованной жизни. Послѣ младенчества грустнаго и отрочества безотраднаго, я провелъ около 7 лѣтъ въ моей духовной работѣ—періодъ тяжкій. Озабоченность и нерѣшимость въ дѣлахъ служебныхъ; неопредѣленность и неувѣренность въ отношеніяхъ общественныхъ; сердечныя муки, порожденныя неудовлетворенною страстью. Съ 27-лѣтняго возраста жизнь моя свѣтлѣетъ; самостоятельность труда, твердость надеждъ на будущее; пріятная семейная жизнь въ кругу княгини Гагариной; благосклонный пріемъ въ домахъ, съ которыми свела меня общественная дѣятельность; денежныя средства выше потребности; запасъ силъ, не истощаемый никакою работою, и молодость,—словомъ все, что могло бы сдѣлать меня счастливымъ, если бы меланхолическое настроеніе духа, проникнувшее всю мою натуру, не прерывало свѣтлаго теченія моей жизни. Попавъ въ директоры департамента 36-ти лѣтъ, я удовлетворилъ самолюбіе матери; она писала мнѣ изъ Николаева: «Ich danke dir für die Freuden, die ich durch dich geniese; sie vergelten mir die Sorgen und die Anruhe, die mich in deiner Kindheit um dein schwaches Leben gequält haben» [1]), но я самъ чувствовалъ, что попалъ въ чиновники; даже на свѣтскихъ моихъ отношеніяхъ отражался этотъ новый фазисъ моего бытія; до этого назначенія никто не зналъ, что̀ изъ меня будетъ; ожидали чего-то особеннаго и при каждой высокой вакансіи произносили мое имя; по назначеніи открылось для всѣхъ, что я иду по колеѣ, избитой и заплеванной, что эта колея имѣетъ два исхода: безвѣстная дорога въ безвѣстную отставку, или чиновническая поступь въ инвалидный сенатъ. Я никогда не былъ честолюбивъ; для меня скромное мѣсто было пріятнѣе, чѣмъ высокое, при обязанности дѣлать безпрестанные визиты. Поэтому я не жалѣю собственно о томъ, что меня не считаютъ уже восходящею звѣздою, но служебныя дрязги, убѣжденіе, что при первомъ невольномъ столкновеніи я долженъ буду преклонить голову передъ невеликодушнымъ министромъ,—опасеніе, что онъ можетъ оболгать меня передъ государемъ такъ, что я о томъ и знать не буду,—все это давило

---

[1]) Благодарю тебя за радости, которыми я чрезъ тебя наслаждаюсь; онѣ вознаграждаютъ меня за заботы и безпокойство, которыя меня мучили во время твоего дѣтства за твою слабую жизнь.

мой духъ, а несчастный бракъ довершилъ пораженіе. Съ выѣздомъ изъ дома князя Меншикова, гдѣ я жилъ 15 лѣтъ безмятежно и 5 лѣтъ благополучно,—звѣзда моя закатилась! Замѣчательно, что и его звѣзда тоже. Съ 1848 г. и онъ, и я стали предчувствовать неотрадную будущность. За мной оставалось только утѣшеніе, что по моей инициативѣ многіе достойные люди Финляндіи всплыли наверхъ, многія злоупотребленія прекращены, много принято мѣръ, полезныхъ для края; что департаментъ желѣзныхъ дорогъ, мною сформированный, слылъ первымъ явленіемъ въ исторіи россійской хозяйственной администраціи и что я спасъ многихъ отъ губительнаго произвола моимъ упорнымъ сопротивленіемъ, несмотря ни на грозу свыше, ни на укушенія пресмыкающихся, которымъ не нравилась моя офиціальная откровенность. Но утѣшеніе не есть счастье; утѣшеніе не нужно счастливому; оно только умѣряетъ душевныя боли. Такъ, вступая въ новый фазисъ службы для края, который я зналъ и любилъ, съ лицомъ, которое я чтилъ и любилъ не менѣе, я чувствовалъ радость, но изъ-за этой радости выглядывало другое чувство, и я мысленно восклицалъ голосомъ скорби и разочарованія: Et oleum et opera perdidi!..

Вырвавшись изъ грязной каши министерства путей сообщенія, въ которую увлеченъ былъ теченіемъ обстоятельствъ, я обратилъ свои взоры на прошедшія 8 лѣтъ, и изумился предъ картиною, рисуемою моими воспоминаніями. Клейнмихель и государь, двѣ личности противоположныхъ свойствъ, жили и работали вмѣстѣ, какъ должны бы жить и работать люди, единодушно мыслящіе и дѣйствующіе. Клейнмихель не былъ ни корыстолюбцемъ, ни злобнымъ по натурѣ, но подлость этой натуры вела его всегда къ подлымъ и нахальнымъ дѣйствіямъ. Наслышась объ его продѣлкахъ, но замѣтивъ лично, что онъ, вѣроятно, родился лучшимъ, что испортилъ его Аракчеевъ, что онъ еще не сдѣлался равнодушнымъ къ чести и желалъ слыть за человѣка честнаго, что онъ даже чтилъ людей честныхъ,—я притворился, что считаю его за благороднѣйшаго человѣка. Посредствомъ этой политики, я нѣсколько лѣтъ держалъ его въ кругѣ дѣйствій честнаго человѣка, но не менѣе того проглядывали его привычки. Онъ считалъ себя въ обязанности ставить себя настолько же выше своихъ подчиненныхъ, насколько онъ самъ стоялъ ниже своего государя, и для вѣрнѣйшаго расчета дистанцій подражалъ государю въ мелочахъ и въ проявленіяхъ дурныхъ его побужденій. Такъ, случилось разъ, что Адлербергъ, товарищъ военнаго министра, отнесся къ нему какъ-то начальственно. Онъ этимъ обидѣлся и написалъ Адлербергу, что самъ испроситъ по этому высочайшее повелѣніе. Адлербергъ понесъ этотъ отвѣтъ къ государю; государь написалъ на немъ:

«Какъ смѣлъ господинъ Клейнмихель ослушиваться моего повелѣнія, объявленнаго ему товарищемъ министра», и послалъ къ нему отвѣтъ его назадъ. Черезъ нѣсколько дней кто-то объявилъ полковнику Кролю приказаніе графа Клейнмихеля. Кроль отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ о томъ дѣлѣ графу. Получивъ о томъ донесеніе, графъ написалъ: «Какъ смѣлъ господинъ Кроль ослушиваться», и т. д., повторяя слово въ слово тотъ выговоръ, который самъ получилъ отъ государя. Когда Клейнмихеля назначили главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ поѣхалъ на другой день съ Р. Л. Девятинымъ, товарищемъ главноуправляющаго, осматривать учрежденія своего вѣдомства. Девятинъ, человѣкъ честолюбивый и вкрадчивый, на этотъ разъ опростоволосился; онъ старался блеснуть своимъ умомъ и своими познаніями, и въ этихъ видахъ, сидя въ коляскѣ съ графомъ, разсказывалъ ему многословно, какъ, что и для чего учреждено, съ намеками, что много хорошаго сдѣлано по его мыслямъ. Хуже онъ не могъ отрекомендовать себя. Онъ не разсчиталъ, что для невѣжды министра всевѣдущій товарищъ хуже чумы, что такой министръ будетъ совѣтоваться не съ товарищемъ, а съ людьми, не имѣющими никакого значенія, что, пользуясь ихъ совѣтами, онъ выдавать ихъ будетъ за собственныя мысли, увѣренный, что тѣ мелкіе совѣтники будутъ въ полномъ смыслѣ тайные совѣтники, не какъ я, у котораго никто ни тайныхъ, ни иныхъ совѣтовъ не спрашиваетъ. Не прошло недѣли, какъ Девятинъ переведенъ въ совѣтъ, а на его мѣсто назначенъ робкій, безгласный Рокасовскій, передъ которымъ Клейнмихель вовсе не церемонился. Когда время пришло подумать о подвижномъ составѣ, департаментъ представилъ ему расчетъ, по которому полагалось нужнымъ имѣть 180 локомотивовъ, 180 тендеровъ, 1800 пассажирскихъ вагоновъ и 5400 товарныхъ. Клейнмихель позвалъ моего вице-директора Кроля и спросилъ у него, что такое тендеръ; Кроль самъ этого не зналъ, но, струсивъ, отвѣчалъ наугадъ: это маленькій локомотивъ. «Врешь! — замѣтилъ ему Клейнмихель,—тендеръ морское судно; это выдумка этого канальи американца, на случай, что поѣздъ свалится въ воду; у меня такихъ безпорядковъ не будетъ; не нужно тендеровъ», — и вычеркнулъ. Ему очень хотѣлось заказать вагоны въ Бельгіи, потому что они дешевле; пріѣхалъ изъ Брюсселя какой-то аферистъ съ товарищемъ, Castillon и d'Hanetou; они увивались около Дестрема, который хлопоталъ за нихъ у графа, но я настаивалъ на томъ, чтобы подвижной составъ приготовлялся на нашемъ заводѣ, во что бы то ни стало, для того чтобы образовать собственныя мастерскія, хотя бы только для ремонта. Этого же мнѣнія были Чевкинъ и Бобринскій. Когда Александровскій заводъ былъ отданъ Harrisson et C° по контракту, требовавшему, чтобы подвижной составъ былъ заготовленъ тамъ изъ привознаго сырого

матеріала, но посредствомъ нашихъ казенныхъ рабочихъ, которыхъ были человѣкъ 500, Рокасовскій объявилъ графу, что этимъ контрактомъ графъ стяжалъ себѣ безсмертіе. Клейнмихель, стоя спиною у камина, съ раздвинутыми полами, отвѣчалъ нагло: «я этого и хотѣлъ!» Подчиненныхъ трактовалъ онъ хуже, чѣмъ своихъ лакеевъ. Пріѣхавъ отъ государя, онъ спросилъ о своемъ директорѣ канцеляріи Заикѣ у своего камердинера: «А гдѣ вонючій пёсъ?» Лакей отвѣчалъ: «Онъ въ канцеляріи!» Стало быть, это выраженіе слышалъ не въ первый разъ. Но тотъ же самый графъ Клейнмихель умѣлъ быть совершенно другимъ человѣкомъ; со мной онъ былъ не только вѣжливъ, но и уступчивъ, разумѣется, въ вопросахъ, гдѣ уступчивость исправляла только послѣдствія его безтолковаго деспотизма. У меня подъ начальствомъ служилъ почтенный старикъ-бухгалтеръ Мерцъ; ему предложили мѣсто въ опекунскомъ совѣтѣ, выгоднѣе того, которое онъ занималъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Онъ пришелъ просить меня убѣдительно не противиться его увольненію. Въ то же время секретарь Авдѣевъ просилъ отпуска на 4 мѣсяца для раздѣла имѣнія. Я представилъ графу ихъ просьбы при докладѣ, въ которомъ просилъ удовлетворить просьбамъ, такъ какъ Мерцъ мнѣ не нуженъ, а Авдѣева я не желалъ бы лишиться. Клейнмихель приказалъ въ просьбѣ Мерца отказать, а Авдѣева—вовсе уволить отъ службы. Прочитавъ эту резолюцію, я приказалъ написать другой экземпляръ доклада того же содержанія и поѣхалъ къ графу. Я объявилъ ему, что не могу показать его резолюцій моимъ подчиненнымъ, потому что въ нихъ выражается явно неудовольствіе противъ меня, что, не зная лично ни того, ни другого, графъ рѣшаетъ просьбы ихъ противоположно моему ходатайству, а потому если ему не угодно уничтожить докладъ съ резолюціею и написать на другомъ: «согласенъ», то я прошу уволить меня отъ званія директора. «Какой избалованный!» сказалъ графъ, разорвалъ первый докладъ и написалъ на второмъ: «согласенъ». Но едва ли не въ высшей степени нахальства дошелъ онъ въ отношеніи къ Брискорну. Когда Клейнмихель былъ дежурнымъ генераломъ, Брискорнъ, тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь, былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, — не только равный Клейнмихелю по іерархіи, но ему часто нужный. Тогда онъ въ Брискорнѣ заискивалъ. Управляя министерствомъ нѣсколько недѣль въ отсутствіе Чернышева, онъ сталъ на время начальникомъ Брискорна, но былъ съ нимъ попрежнему вѣжливъ, называя его превосходительствомъ и Максимомъ Максимычемъ. Возвысясь до главноуправляющаго путями сообщенія, Клейнмихель, встрѣтясь гдѣ-то съ нимъ, просилъ его къ себѣ по субботамъ, но когда Брискорнъ пріѣхалъ и, идя по залѣ, полной народа, поклонился и произнесъ: «Здравствуйте, ваше сіятельство», графъ закричалъ ему: «Здравствуй, Брискорнъ!» Этотъ

переконфузился, — да и что тутъ дѣлать: не браниться же съ хозяиномъ дома за то, что онъ грубъ. Зачѣмъ ѣхалъ къ грубіяну!

Государь же наводилъ на него такой трепетъ, что графъ терялъ голову, и я увѣренъ, что онъ часто лгалъ не съ намѣреніемъ, а оттого, что со страху не помнилъ себя и не зналъ, что говорить. Государь зналъ его. Одинъ разъ, встрѣтивъ Лярскаго у Нелидовой, онъ сказалъ ему:

— Клейнмихель тебя бранитъ.

Лярскій отозвался, что ему это извѣстно, но онъ никакой вины за собой не знаетъ, и удивляется, что графъ бранитъ его вслѣдъ за наградою, которую самъ ему исходатайствовалъ.

— Однако,—замѣтилъ государь, — совѣтую тебѣ остерегаться; лучше уйди отъ него, а то онъ тебя упечетъ.

Это говорилъ государь.

Въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ служилъ Марциновскій, дворянинъ западныхъ губерній, скромный, тихій молодой человѣкъ. На немъ выразилось самымъ уродливымъ образомъ свойство тогдашней системы политическаго надзора. Когда арестовали Петрашевскаго, оказалось, что въ числѣ его знакомыхъ былъ и Марциновскій. Вдругъ онъ пропалъ; перестаяъ являться въ департаментъ, не возвращался домой, и полиція не могла дознаться, куда онъ дѣвался. Мѣсяца через четыре онъ является въ департаментъ, и отказывается сказать, куда пропадалъ; спрашиваетъ его о томъ хозяинъ дома, квартальный надзиратель, — напрасно! Я потребовалъ его къ себѣ; онъ признался мнѣ, что былъ взятъ тайною полиціею, посаженъ въ крѣпость, допрашиваемъ и наконецъ выпущенъ съ подпискою, что никому не скажетъ, гдѣ онъ былъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Слѣдствіемъ того было, что домохозяинъ не соглашался держать его на квартирѣ, а департаментъ не могъ оставить его на службѣ; онъ подпалъ подъ остракизмъ, выгонявшій его не изъ отечества, но съ земного шара. Я написалъ Дубельту конфиденціальное письмо, въ которомъ спрашивалъ его, не можетъ ли онъ посредствомъ тайной полиціи узнать, гдѣ былъ Марциновскій, пропадавшій 4 мѣсяца и упорно отказывающійся отъ признанія. Дубельтъ понялъ нелѣпость подписки и увѣдомилъ меня обо всемъ, что было съ Марциновскимъ, прибавя, что это ни въ какой степени не должно быть предосудительно Марциновскому, оказавшемуся человѣкомъ скромнымъ и непричастнымъ ни къ какимъ польскимъ интригамъ. Не сказать объ этомъ происшествіи Клейнмихелю было невозможно; я сообщилъ ему при запискѣ копію съ моего письма къ Дубельту и его отвѣтъ. Клейнмихель возвратилъ ихъ мнѣ съ резолюціею: «уволъте эту каналью отъ службы». Я поѣхалъ къ нему и снова объявилъ ему, что не могу исполнить это приказаніе. Оно было взято назадъ.

Постоянная оппозиція моя разстроила мало-по-малу отношенія мои къ графу. Онъ все болѣе и болѣе поддавался интригамъ Мельникова, который, не будучи взяточникомъ, поступалъ съ подрядчиками хуже, чѣмъ взяточникъ; губилъ добросовѣстныхъ, поддерживалъ плутовъ. Инженеры тратили на счетъ подрядчиковъ баснословныя суммы и набивали себѣ карманы. Департаментъ долженъ былъ посылать къ нимъ деньги по ихъ требованіямъ, но, исполняя это, постоянно протестовалъ, отклоняя отъ себя отвѣтственность за противозаконныя приказанія министра. Между тѣмъ и министру было нехорошо. Государь охладѣлъ къ нему, и — о горе! — проѣзжая мимо дачи Клейнмихеля, который постоянно сидѣлъ на балконѣ, не взглянулъ на балконъ и не поклонился прежнему любимцу. Съ любимцемъ сдѣлалась рвота—хроническая. Графиня перепугалась и неутѣшно плакала. Это дошло, вѣроятно, черезъ Нелидову, до государя; онъ сжалился надъ своимъ рабомъ, поѣхалъ къ нему и, увидѣвъ у него въ пріемной Рокасовскаго, сказалъ ему, что онъ долженъ удалять отъ графа всякую непріятность и отвѣчаетъ ему за здоровье графа. Между тѣмъ графъ струсилъ, и когда департаментъ желѣзныхъ дорогъ представилъ ему о запутанностяхъ, возникшихъ изъ неправильныхъ дѣйствій инженеровъ на мѣстахъ работъ, графъ приказалъ департаменту, подъ собственною отвѣтственностью, дѣйствовать по закону и представить ему, кого онъ считаетъ виновнымъ въ его нарушеніи. Онъ воображалъ, что поставилъ его этою резолюціею въ безвыходное положеніе. Онъ ошибся. Департаментъ представилъ ему, что не можетъ непосредственно дѣйствовать по закону, потому что дѣла вышли изъ законной колеи и настолько отодвинулись отъ нея на путь произвола, что войти въ колею могутъ не иначе, какъ воротясь къ ней тѣмъ же путемъ произвола; что департаментъ дѣйствовалъ по резолюціямъ его сіятельства, представлялъ каждый разъ, когда онѣ казались ему несогласными съ договорами, но, за неуваженіемъ представленій, покорялся волѣ начальника, имѣя въ виду, что отвѣтственность за послѣдствія распоряженій, отъ него не зависящихъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ оставаться на департаментѣ. По прочтеніи этого доклада, на которомъ графъ наставилъ десятки колоссальныхъ восклицательныхъ знаковъ краснымъ карандашомъ, сдѣлалась съ нимъ жесточайшая рвота. Онъ разругалъ своего товарища Рокасовскаго за то, что онъ допустилъ представленіе доклада предъ его очи. «Такъ-то вы бережете меня! Такъ-то вы исполняете высочайшее повелѣніе!» кричалъ онъ ему. Рокасовскій перепугался; онъ просилъ позволенія взять докладъ и возвратить его мнѣ, — пріѣхалъ ко мнѣ, но я рѣшительно отказался взять обратно докладъ. Узнавъ объ этомъ, графъ еще болѣе взбѣсился, и рвота приняла размѣры ужасающіе. Графиня написала ко мнѣ по-французски слезное кисло-сладкое

письмо, говоря въ немъ, что ежели я не считаю себя въ обязанности быть почтительнымъ къ моему начальнику, и еще больному, то она проситъ меня принять по крайней мѣрѣ въ уваженіе озабоченность семейства моего начальника. Рокасовскій привезъ мнѣ это письмо съ моимъ докладомъ; я согласился перемѣнить въ немъ одинъ листъ, и то съ условіемъ оставить у себя замѣненный листъ съ графскими восклицаніями, доказывавшими, что листъ этотъ былъ у графа и что онъ его читалъ. Графинѣ отвѣчалъ я сладостно-кисловато, и черезъ недѣлю поѣхалъ сперва къ графинѣ, а потомъ къ графу. Онъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ по природѣ не злой человѣкъ, и даже не безчестный; онъ былъ испорченъ тиранствомъ Аракчеева, деспотизмомъ власти и ея прихотями. Откровенность честнаго человѣка находила въ немъ отголосокъ сочувствія, да онъ и злопамятенъ не былъ. Я былъ очень ласково принятъ, и самъ началъ разговоръ о докладѣ. «Напрасно вы на меня сердитесь, графъ!—сказалъ я ему.—Мельниковъ дѣйствуетъ незаконно во всѣхъ направленіяхъ, разоряетъ подрядчиковъ, разоряетъ казну, и во всемъ прикрывается вашими резолюціями. Придетъ время, когда контроль потребуетъ отчета въ милліонныхъ передержкахъ; когда подрядчики потребуютъ вознагражденія милліонныхъ потерь. За нихъ будете отвѣчать вы одни». Графъ встрепенулся, сталъ ходить безпокойно по комнатѣ, приговаривая: «Экой мошенникъ! Экая каналья». Мы разстались совершенно друзьями.

XV.

Мои отношенія къ графу Клейнмихелю. — Образованіе министерства путей сообщенія.—Организація его по системѣ Клейнмихеля.—Инженеры-архитекторы.—Инженерный аудиторіатъ.—Дѣятельность Клейнмихеля.—Институтъ путей сообщенія.—Мои проекты.—Герсфельдтъ.—Архитекторъ Тонъ.

Въ продолженіе восьми лѣтъ я не имѣлъ ни минуты времени оглянуться на самого себя: особыя порученія начальника морского штаба, управленіе канцеляріею свода морскихъ постановленій, дѣла по управленію финляндскаго генералъ-губернатора, департаментъ желѣзныхъ дорогъ, комитеты, гдѣ я былъ правителемъ дѣлъ, другіе, гдѣ я былъ членомъ, и въ особенности система и вся личность графа Клейнмихеля такъ завладѣли моимъ временемъ, моими мыслями и заботами, что я скорѣе похожъ былъ на бѣднаго рыбака, борющагося съ стихіей въ плохой лодочкѣ, чѣмъ на живущаго человѣка. Сдѣлавшись товарищемъ министра статсъ-секретаря финляндскаго, я вошелъ въ гавань, отдохнулъ, осмотрѣлся, взглянулъ впередъ: чисто и спокойно; обернулся назадъ: чепуха, такая чепуха, что и не измѣрить. Я уже изложилъ мои воспоминанія о крупныхъ, забавно-печальныхъ фактахъ, выражающихъ физіономію тогдашняго времени; мало-по-малу всплы-

ваютъ въ памяти и внутреннія дѣйствія моего духа, и откровеніе этой дѣятельности. Я было рѣшился не записывать этихъ воспоминаній, чтобы не заклеймить человѣка, который—повторяю—былъ все-таки ангеломъ въ сравненіи съ Чевкинымъ, съ Орловымъ, съ Гагаринымъ,—но вѣдь не для печати пишу я.

Когда я на новомъ поприщѣ встрѣтился, носъ къ носу, съ графомъ Клейнмихелемъ, я на минуту ужаснулся, но дѣлать было нечего, и я рѣшился употребить стратагему: принять видъ человѣка, воображающаго, что Клейнмихель самый благовоспитанный мужъ и рыцарь чести, и эта хитрость мнѣ удалась. Онъ такъ дорожилъ сохраненіемъ моихъ иллюзій, что не погнушался насиловать свою натуру, въ желаніи казаться мнѣ въ розовомъ свѣтѣ. Я старался пользоваться этимъ, чтобы дѣла наши шли благороднѣе, чѣмъ по постройкѣ Зимняго дворца, а иногда, долженъ сознаться, употреблялъ это искусственное настроеніе въ пользу, чтобы выйти изъ неловкаго положенія личнаго. Помню, какъ я просрочилъ въ Гельсингфорсѣ отпускъ; освѣдомясь, что графъ неоднократно изъявлялъ удивленіе, что я не ѣду, и желая предупредить какую-нибудь грубость, которая опять привела бы меня къ стычкѣ, я писалъ ему изъ Гельсингфорса о политическихъ новостяхъ... что-то о Монпансье—съ разсужденіями; зналъ почти навѣрное, что г. Монпансье былъ совершенно незнакомымъ лицомъ для моего государственнаго мужа, но писалъ въ убѣжденіи, что графъ не рѣшился бы на такія письма отвѣчать замѣчаніемъ за просрочку. Когда я пріѣхалъ, Клейнмихель принялъ меня очень любезно, благодарилъ за сообщеніе интересныхъ политическихъ извѣстій ему, ѣздившему въ глуши по шоссейнымъ работамъ, и прибавилъ, что Монпансье скотина—или что-то въ этомъ родѣ. Но искусственное состояніе не вѣчно: Мельниковъ такъ искусно развращалъ Клейнмихеля, что послѣдній наконецъ не выдержалъ,—какъ говорится, сорвался на скверный какой-то поступокъ въ отношеніи къ добросовѣстнымъ подрядчикамъ, и, сорвавшись разъ, уже потомъ не церемонился,—наподобіе тѣхъ слугъ, которые, нанимаясь, божатся, что не пьютъ,—и стараются, во имя божбы, скрывать порокъ; но если разъ господинъ поймаетъ ихъ en flagrant délit [1]), то напиваются послѣ того уже каждый день.

Въ періодъ лучшихъ отношеній нашихъ Клейнмихель просилъ меня сообщить свое мнѣніе насчетъ устройства главнаго управленія путей сообщенія, «которое онъ въ настоящемъ положеніи оставить не можетъ». Главный форсъ Клейнмихеля былъ всегда въ симметріи... на бумагѣ: списки съ множествомъ столбцевъ, озаглавленныхъ буквами разныхъ шрифтовъ и очерченныхъ самыми лучшими карминными чернилами,—гармонія цвѣта поля съ

---

[1]) На мѣстѣ преступленія.

цвѣтомъ надписи на ярлыкахъ и т. п.—въ этомъ заключалась его заслуга, выдвинувшая его въ передніе ряды по службѣ. Разумѣется, задумавъ переустройство управленія, онъ прежде всего остановился на симметріи, но и симметріи могутъ быть достигаемы разными системами. Какую принять?—that was the question! [1]) Я тогда не зналъ этого и сталъ ему предлагать такую систему, за которую онъ чуть не разссорился со мной.

— Нѣтъ, любезный Константинъ Ивановичъ, вы меня не поняли; пожалуй, по-вашему, можно ограничиться двумя департаментами! Что жъ это будетъ за министерство! Я хочу министерство полное, по крайней мѣрѣ 4 департамента, только не знаю еще, какіе лучше. Можно сдѣлать департаменты: 1) сухопутныхъ сообщеній, 2) водныхъ сообщеній, 3) желѣзныхъ дорогъ, 4) публичныхъ зданій,—или: 1) департаментъ проектовъ, 2) департаментъ искусственный, 3) хозяйственный, 4) счетный и, кромѣ того, департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ такомъ составѣ и образовалось министерство. Замѣчательно, съ какою послѣдовательностью портилось первоначальное учрежденіе этого управленія, которое, по моему мнѣнію, было совершенно раціонально. О шоссе въ то время еще не думали,—да и дѣло не мудреное; включать въ министерство созиданіе публичныхъ зданій тѣмъ менѣе приходило въ голову, что, съ одной стороны, и тогда уже наши инженеры успѣли доказать свою несостоятельность въ архитектурномъ дѣлѣ, съ другой,—Россія была богата архитекторами перваго разряда. Зимній дворецъ, дома Строганова, Бѣлосельскаго, Шереметева, соборъ Смольнаго монастыря и Казанскій—о томъ свидѣтельствуютъ; но, не говоря о Растрелли, эпоха Александра I представляетъ творенія нашихъ отечественныхъ художниковъ. Захаровъ построилъ адмиралтейство, Воронихинъ—Казанскій соборъ; при Николаѣ I Тонъ воздвигнулъ церкви, въ которыхъ одна кладка стѣнъ превосходитъ все, что сдѣлано офиціальными инженерами въ тяжелыхъ сырыхъ зданіяхъ, какъ казармы Конной гвардіи и проч.—Только гидротехника не имѣла въ государствѣ представителей, почему было благоразумно при устройствѣ управленія водныхъ сообщеній выписать инженеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить институтъ инженеровъ-гидротехниковъ. Такъ и было сдѣлано,—и, если память не измѣняетъ мнѣ, управленіе и институтъ были: водяныхъ путей сообщенія, и дѣла управленія сосредоточивались въ двухъ учрежденіяхъ: въ департаментѣ дѣла исполнительныя, въ комиссіи проектовъ и смѣтъ дѣла техническія. Когда началось построеніе шоссе, устройство администраціи осталось то же; никому не приходило въ голову раздроблять дѣла въ центрѣ управленія на

[1]) Это былъ вопросъ!

сухопутныя и водяныя, когда въ натурѣ они всегда совмѣстны. Администраціи вообще бываютъ двоякаго свойства: 1) такія, которыхъ предметы не имѣютъ взаимнаго соприкосновенія, напримѣръ, подушная подать, таможенныя пошлины, внутренніе акцизы, кредитная система и пр., и 2) такія, которыя завѣдываютъ предметами, тѣсно связывающимися, напримѣръ: мосты, каналы, шоссе. Первыя администраціи могутъ подраздѣляться по предметамъ, связываясь только въ головѣ министра финансовъ, который законодательнымъ путемъ обязанъ уравновѣшивать отдѣльныя части по мѣрѣ преобладающаго вліянія тѣхъ или другихъ на внутреннее народное хозяйство. Администраціи второго рода должны непремѣнно подраздѣляться не иначе, какъ по мѣстностямъ. Ежели раздѣлять управленіе путей сообщенія такъ, какъ было сдѣлано при Клейнмихелѣ, то по соединеніи въ каждой, даже самой ничтожной постройкѣ, частей: проектной, искусственной, хозяйственной и счетной, приходилось каждому переходить по всѣмъ департаментамъ и во время каждаго антракта заходить къ начальнику округа, т. е. каждая бумага по меньшей мѣрѣ имѣетъ урожай самъ-восьмой, а между тѣмъ свойство и потребности каждой мѣстности, т. е. самое главное не усвоивается ни одному департаменту; каждый видитъ только отдѣльный мостъ или дорогу, но всѣ они какъ будто плаваютъ въ воздухѣ: общей идеи нѣтъ. Ежели департаменты дѣлятся на водяные и сухопутные, то выходитъ та же несообразность съ натурой; въ натурѣ эти сооруженія срастаются. Положимъ, что насыпь на шоссе размылась и засорила проходящій подъ нимъ каналъ; въ натурѣ это событіе—un et indivisible [1]), а въ бюрократіи размывъ насыпи шоссе подлежитъ одному департаменту, а засореніе канала—другому! Выходитъ, какъ нѣмцы говорятъ: «Vor den Bäumen sieht man den Wald nicht» [2]). Первоначальное устройство было раціональнѣе: пути сообщенія раздѣлялись на дистанціи, которыя непосредственно наблюдали за исправностью сооруженій и за состояніемъ водъ. Дистанціи соединялись въ округахъ, которыхъ начальники, кромѣ надзора за всѣми, собирали свѣдѣнія о степени мѣстныхъ передвиженій, объ источникахъ пріобрѣтенія матеріаловъ и рабочихъ и о цѣнѣ ихъ. Эти свѣдѣнія сосредоточивались въ департаментѣ. Не знаю, какъ департаментъ дѣлился на отдѣленія: по свойству ли путей, или по мѣстностямъ; если не по мѣстностямъ, то это очень дурно, ибо статистика возможна только при средоточіяхъ мѣстностей. Если Клейнмихелю хотѣлось имѣть 4 департамента, то лучше бы онъ раздѣлилъ ихъ на департаменты Балтійскаго, Сѣвернаго, Черноморскаго и Каспійскаго бассейновъ, вмѣсто отдѣленій одного де-

---

[1]) Одно и нераздѣлимое.

[2]) Изъ-за деревьевъ не видно лѣсу.

партамента, такимъ образомъ разграниченныхъ,—чѣмъ дѣлить ихъ симметрически на бумагѣ, но нелогично на дѣлѣ. Комиссія, т. е. учрежденіе изъ подвижныхъ членовъ, для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ была тоже полезнѣе, чѣмъ бюрократическій департаментъ. Въ комиссію сзывались люди опытные по той части или мѣстности, о которыхъ шло дѣло; они не ограничивались повѣркою расчета сопротивленій или прокладкою итоговъ, но умѣли судить, въ какой мѣрѣ проектируемое сооруженіе могло быть полезно въ томъ именно мѣстѣ, или въ какой мѣрѣ оно возможно тамъ изъ проектированныхъ матеріаловъ. Впослѣдствіи назначались въ комиссію члены постоянные изъ офицеровъ, утратившихъ здоровье на работахъ въ болотной мѣстности или одряхлѣвшихъ отъ возраста: такимъ образомъ, эти ветераны сохраняли способы существованія, не переставая быть полезными государству. Все это разрушено. Еще при герцогѣ Вюртембергскомъ начали инженеры его пытаться расширить кругъ своего дѣйствія: пустились въ архитектуру и въ рѣшеніе вопросовъ политической экономіи,—это то же, какъ если бы фортепьянный мастеръ сталъ считать себя Моцартомъ, потому что у его инструментовъ тонъ хорошъ. Архитектура, однако, рѣшительно не далась имъ. Бетанкуру поручено было устроить мѣсто для ярмарки въ Нижнемъ, а онъ поставилъ пакгаузы такъ, что они каждую весну заливаются Волгою. Карбоньеръ построилъ не помню какое-то зданіе: оно провалилось. Дестремъ, или кто-то другой, устроилъ каналъ, въ который вода не согласилась течь. Мельниковъ устроилъ куполъ на Троицкомъ соборѣ, но первый вѣтеръ сорвалъ его какъ парикъ съ плѣшивой головы. Отучили они правительство поручать имъ дѣла, выходящія изъ ихъ гидротехнической спеціальности, и въ губернскихъ городахъ учреждены строительныя комиссіи, независимыя отъ управленія путей сообщенія. Клейнмихелю удалось, однако, поглотить эту часть въ главноуправленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій; но государь приставлялъ къ инженерамъ дядекъ изъ архитекторовъ; инженеры сохранили за собой только часть подрядную, наиболѣе жирную. Такъ, мало-по-малу, инженеры путей сообщенія стали въ роль мужей государственныхъ по кругу дѣйствія, военныхъ—по мундиру, лакомыхъ—по вкусу и богатыхъ—по ремеслу. Но всего болѣе жаль мнѣ комиссіи. Департаментъ проектовъ составленъ изъ начальниковъ отдѣленій—штабъ-офицеровъ, столоначальниковъ—капитановъ и помощниковъ столоначальниковъ—поручиковъ, не только не бывавшихъ на работахъ, но не умѣющихъ отличить сосновое бревно отъ еловаго, какъ Громовъ выражался. Отсюда вышло, что проекты разсматривались глупо; смѣты провѣрялись съ справочными цѣнами—плодомъ фантазіи письмоводителей магистратовъ; положеніе — съ урочнымъ положеніемъ, въ которомъ нѣтъ здраваго смысла (напри-

мѣръ, отвозка за 80 саженъ на лошадяхъ дешевле, чѣмъ на тачкахъ, а за 110 саженъ—первая дороже, а за 130 опять дешевле). Работа серьезная переродилась въ канцелярскую, которая была бы столь же несносна для департамента, сколько безполезна для правительства, если бы въ ней не попадались калифорнскія розсыпи. Вмѣстѣ съ серьезною работою исчезло и убѣжище престарѣлыхъ инженеровъ, которыхъ я еще засталъ. Чтобы не выбросить ихъ на улицу, стали сажать ихъ въ совѣтъ и во вновь учрежденный аудиторіатъ, а какъ это оказалось очень удобнымъ, то потомъ стали туда сажать и всякую сволочь. Что за совѣтъ! Боже мой, и я сидѣлъ въ немъ, и слышалъ собственными бѣдными моими ушами, какъ П. А. Языковъ протяжнымъ благоговѣйнымъ тономъ возглашалъ, что онъ «вчера имѣлъ счастіе играть у его сіятельства графа П. А. въ вистъ съ ея сіятельствомъ графиней К. П., что его сіятельство изволилъ подойти къ столу и сказать ему, что сегодня будетъ въ совѣтѣ дѣло такое-то, и что его сіятельство желаетъ, чтобы оно было разрѣшено такъ-то».

Аудиторіатъ! Отчего особое судилище для инженеровъ путей сообщенія? Отчего не особый тоже для министерства юстиціи, финансовъ и пр.?—Когда я объявилъ графу Клейнмихелю, что не желаю болѣе быть директоромъ департамента, то онъ шутя отвѣчалъ мнѣ, что меня не пуститъ; на замѣчаніе мое, что просьба моя написана на высочайшее имя (тоже шутя), что въ ней выражена и причина просьбы, и что государь, вѣроятно, признаетъ ее законною, онъ шутя же отозвался, что не понесетъ моей просьбы государю. На это я заявилъ шутя, что я напишу письмо государю, на что послѣдовала шутка, что онъ меня подъ судъ отдастъ; но я выразилъ ему убѣжденіе, все шутя, что судъ меня оправдаетъ. Тутъ Клейнмихель забылъ шутку. «Какъ? Мой аудиторіатъ васъ оправдаетъ? противъ меня? Этой наивности я отъ васъ не ожидалъ!» Сказалъ онъ очень серьезно, но я тоже серьезно отвѣчалъ, что я буду судимъ сенатомъ.—«Ну, Богъ съ вами! Какой упрямый!» заключилъ графъ и принялъ просьбу. Такъ вотъ польза особаго аудиторіата. Мудрено ли, что выходили положенія объ устройствѣ городовъ, въ которыхъ читаемъ, что въ Николаевѣ, Херсонской губерніи, деревянные дома дозволяется строить только въ заднихъ улицахъ, и что всѣ дома и улицы должны быть снабжены водосточными дождевыми трубами. Къ несчастію, это положеніе передалъ государь князю Меншикову, который и объяснилъ Клейнмихелю, что въ Херсонской губерніи деревянный домъ—необыкновенная роскошь, что въ Николаевѣ только одинъ деревянный домъ, и это домъ главнаго командира Черноморскаго флота, что на домахъ есть дождевые жолоба, но не для того, чтобы спускать воду въ водосточныя трубы, а для того, чтобы сберегать воду, что дождь тамъ рѣдкость, а вода—

сокровище. Вышло, что николаевское положеніе было списано съ кронштадтскаго, а какъ и Николаевъ и Кронштадтъ военные порты, то и казалось, что городовыя ихъ положенія должны быть симметричны.

Управленіе было принято Клейнмихелемъ въ довольно дурномъ составѣ: удивляюсь графу Толлю. Товарищемъ былъ Девятинъ, ловкій писака, говорунъ, но іезуитъ и такой эгоистъ, что польза службы была ему ни по чемъ; главное было—не попасться. Клейнмихель поѣхалъ съ нимъ въ коляскѣ осматривать учрежденія. Девятинъ, выигравшій у Толля бѣглымъ языкомъ и гладкими теоріями (въ родѣ Чевкина), думалъ блеснуть и передъ Клейнмихелемъ, но Клейнмихелю опасенъ былъ болтливый всезнай,—и на другой же день Девятинъ былъ замѣненъ кроткимъ и пугливымъ Рокасовскимъ. Затѣмъ Клейнмихель поѣхалъ осматривать водныя системы; тутъ онъ нашелъ смотрителей судоходства въ рубищахъ, иногда съ подозрительною краскою на носахъ, и, какъ ему разсказали, бравшихъ взятки. Онъ прогналъ всѣхъ этихъ смотрителей и замѣнилъ ихъ дистанціонными инженерами, по одному вмѣсто каждыхъ 5—10 смотрителей, и нанесъ тѣмъ смертельный ударъ рѣчной навигаціи. Смотрители дѣйствительно брали, брали подаянія, по 5—10 копеекъ съ барки, подаваемыхъ, какъ милостыня, этимъ бѣднякамъ, получавшимъ 80—100 рублей жалованья въ годъ; но эти смотрители были полезны. Живя въ будочкахъ, они неотлучно были на каналахъ, слѣдили ежеминутно за возвышеніемъ водъ; когда онѣ доходили до замѣтки, смотритель посылалъ къ начальнику системы рапортъ, на которомъ давалось разрѣшеніе пропустить столько-то судовъ, а чаще начальникъ пріѣзжалъ самъ и наблюдалъ, чтобъ по извѣстномъ пониженіи уровня шлюзы запирались въ ожиданіи главныхъ каравановъ. Этихъ стариковъ замѣнила молодежь въ эполетахъ, не имѣвшая понятія о важности сбереженія каждаго вершка воды; разъѣзжая по помѣстьямъ танцовать или обѣдать, запираясь въ своихъ покояхъ въ ненастье, они мало знали, что дѣлается въ каналахъ. Кромѣ того, выходили неурядицы отъ общей болѣзни нашихъ отечественныхъ дѣятелей; у насъ, стоитъ только поставить должностное лицо для услуги публики, чтобы оно вообразило себя не слугою, а начальникомъ публики; такъ всегда было въ почтамтахъ, въ банкахъ, въ казначействахъ; такъ вышло и здѣсь. Ихъ благородіе било по зубамъ судовщиковъ, грубіянило съ купцами или ихъ протежировало,—и, кажется, въ томъ же году вышла катастрофа; по протекціи пропустили караванъ, не дождавшись главнаго, выпустили воду,—и большая часть грузовъ зазимовала въ шлюзахъ. Цѣны на хлѣба ужасно вздорожали; въ Петербургѣ, на биржѣ, нѣмцы сочинили каламбуръ по случаю замѣны графа Толля Клейнмихелемъ, неурядицы въ каналахъ и смерти генералъ

губернатора Эссена: «Kleinmichel ist toll geworden und Petersburg hat kein Essen»[1]). Впослѣдствіи, конечно, не повторялись столь крупные промахи, но, въ общемъ характерѣ, рѣчная навигація пришла въ упадокъ, въ которомъ и доселѣ находится. Во время вояжа Клейнмихель ознакомился съ новыми личностями. Надменный, грубый и невѣжда, онъ взвѣшивалъ людей по низкимъ поклонамъ, по форменной вытяжкѣ и по болтовнѣ, — первые служили признакомъ усердія, вторая—представительницею порядка и дисциплины; болтовня свидѣтельствовала въ генералахъ—о людяхъ опасныхъ; въ поручикахъ—о талантѣ. Такъ выплыли Серебряковъ, Ераковъ и Адамовичъ. И у меня былъ такой баринъ—Клоковъ, офицеръ чрезвычайно способный, но мошенникъ,—и какая выдержка! зная, что я дѣлалъ расправу въ тотъ же день, расправу неумолимую, Клоковъ 8 лѣтъ былъ самаго неукоризненнаго поведенія, но когда я оставилъ департаментъ, онъ на той же недѣлѣ объявилъ подрядчикамъ, что квитанціи до тѣхъ поръ не будутъ повѣрены, пока не будетъ обѣщано чертежной—10 процентовъ.—Excusez du peu![2]).

Другой вопросъ, о которомъ совѣщался со мной графъ Клейнмихель, имѣлъ предметомъ институтъ путей сообщенія. Направленіе совѣсти было, по моему мнѣнію, такъ дурно ведено, что я не ожидалъ отъ этого училища вѣрныхъ слугъ отечества. Въ видахъ радикальнаго улучшенія я считалъ нужнымъ уничтожить однокашничество, то есть, другими словами, отмѣнить вовсе интерновъ и образовать открытую академію, въ которую принимать вольнослушающихъ съ гимназическими аттестатами, давать имъ даровое образованіе, но и безъ преимуществъ: безъ чиновъ и мундировъ. Нѣсколько лѣтъ спустя я предлагалъ то же въ отношеніи всѣхъ училищъ, дающихъ право на классный чинъ, а потомъ и въ отношеніи кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ, по моему проекту, были бы только открытые классы спеціальныхъ военныхъ наукъ, которыхъ успѣшное прохожденіе давало бы право на офицерскій чинъ. Ни одинъ изъ проектовъ не состоялся[3]), а графъ Клейнмихель ограничился тѣмъ въ отношеніи института путей сообщенія, что поставилъ надъ нимъ директора Энгельгардта, командовавшаго Волынскимъ полкомъ, давъ ему въ помощники Гогеля, командовавшаго ротою того же полка. Надо, впрочемъ, отдать спра-

---

[1]) Клейнмихель сдѣлался сумасшедшимъ, и Петербургъ не имѣетъ пищи (игра словъ на фамиліи Толля и Эссена).

[2]) Извините, что такъ мало.

[3]) За проектъ о привилегированныхъ школахъ принцъ Ольденбургскій разсердился, а о кадетскихъ корпусахъ князь Горчаковъ (Варшавскій) сказалъ мнѣ: «dans votre intérêt je voudrais que l'existence de votre projet reste à jamais ignorée. (Я бы желалъ въ вашихъ интересахъ, чтобы существованіе вашего проекта осталось навсегда неизвѣстнымъ).

ведливость Клейнмихелю, что онъ заботился объ истребленіи взятокъ, но только на свой манеръ. «Я затѣваю большое дѣло,—говорилъ онъ:—пишу самый подробный строительный уставъ; тамъ все будетъ. Какая бы ни была постройка, о каждой будетъ особая глава съ инструкціями и чертежами, и потомъ общее оглавленіе. Напримѣръ, нуженъ мостъ 5 саженъ ширины, 15 саженъ длины. Ищи въ оглавленіи: Мостъ, потомъ: такой-то длины и ширины, страница такая-то, а тутъ все и есть, какъ и что. Когда этотъ трудъ будетъ готовъ — прогоню всѣхъ каналій - инженеровъ». Не выдержалъ, однако, и Клейнмихель, и къ нему втерлись. Былъ какой-то полковникъ Романовъ, гренадерскаго роста, нахальной наружности, инспекторъ движенія Царскосельской желѣзной дороги. Графъ не любилъ его и обошелъ при производствѣ. Вдругъ онъ появляется въ гостиныхъ графа, по субботамъ, послѣ всенощной въ домашней церкви (Клейнмихель заявилъ уже передъ тѣмъ, что «Лютеръ—скотина»),—черезъ храмъ Божій къ мірскому преуспѣянію. На одномъ большомъ вечерѣ у графа въ то время, какъ графиня проходила мимо меня, Романовъ наклонился къ ней и вполголоса сказалъ ей на ухо: «Ваше сіятельство, честь имѣю доложить, что даетъ 1000 рублей».—«Merci!» [1]) былъ отвѣтъ съ благосклонной улыбкой. Вслѣдъ затѣмъ Романовъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ начальникомъ 1-го округа. Мнѣ сказывали, что Романовъ выпросилъ у Громова 1000 рублей въ пользу патріотическихъ школъ. Мельниковъ тоже овладѣлъ графомъ. Но когда я объяснилъ графу, какой имущественной отвѣтственности онъ подвергнуться можетъ, отпуская Мельникову, противъ закона, деньги для расхода на счетъ подрядчиковъ, то онъ-таки сердился, приговаривая, что Мельниковъ—каналья. Крафта онъ цѣнилъ выше: Крафтъ былъ у него только скотина, въ особенности за уклончивые отвѣты, или, какъ Клейнмихель выражался,—за аллегоріи.

Затѣмъ, proprio motu [2]), подавалъ я графу записку о смѣтныхъ цѣнахъ. Управляя департаментомъ, я замѣтилъ, какъ несообразна система составленія смѣтъ. Пусть проектъ утвержденъ въ февралѣ. Въ мартѣ собираются справочныя цѣны на овесъ, песокъ, камень, лѣсъ, перевозки etc., цѣны колоссальныя, оттого что время близится къ посѣву, амбары истощены, дороги непроходимы. Это цѣны весеннія, самыя дорогія; смѣта составляется лѣтомъ; въ октябрѣ идутъ торги, и въ ноябрѣ заключаются подряды. Подрядчикъ, спустивъ съ весеннихъ цѣнъ 5—10%, закупаетъ хлѣбъ тотчасъ по обмолотѣ, рубитъ лѣсъ зимой, перевозитъ зимой,—все за полцѣны, и благодаритъ Господа и инженеровъ, а эти послѣдніе

---

[1]) «Благодарю».

[2]) По собственному побужденію.

получаютъ награду за сбереженіе противъ смѣты. Или дѣлается напротивъ: зимой разсчитываютъ цѣнность сбора булыжника съ полей (изъ-подъ снѣгу)—обходится рублей 6, мужики собираютъ его охотно за безцѣнокъ, и опять подрядчикъ благодаритъ. Или пишется въ контрактѣ: «въ случаѣ сверхсмѣтныхъ работъ, подрядчикъ разсчитывается по справочнымъ цѣнамъ съ контрактною скидкою процентовъ». Тутъ, обогатить ли подрядчика, или зарѣзать (техническій терминъ),—справочныя цѣны на все готовы. Имѣя это въ виду, но не высказывая, я представлялъ, что для работъ по желѣзной дорогѣ лучше было бы: 1) обязать округи вести реестры цѣнамъ каждой мѣстности и особо за каждое время года, дѣйствительно состоявшимся на торгахъ; 2) предоставить департаменту собирать такія же свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ; 3) изъ обоюдныхъ свѣдѣній составлять каждый годъ, особо за каждый сезонъ, выводы среднихъ мѣстныхъ цѣнъ за минувшее трехлѣтіе, за исключеніемъ цѣнъ весьма спѣшныхъ работъ, и эти выводы брать въ основаніе смѣтъ, съ опредѣленіемъ въ контрактѣ, что цѣны каждаго времени года будутъ принимаемы, смотря по тому, въ какое время года производится работа. Клейнмихель отдалъ мою записку на разсмотрѣніе совѣта. Какая же буря поднялась въ совѣтѣ: au voleur! [1]) слышалось въ каждомъ переливѣ голосовъ. Написали протоколъ, въ которомъ совершенно извратили смыслъ моего мнѣнія и стали возражать на то, чего я не говорилъ. Правитель дѣлъ принесъ мнѣ журналъ къ подписанію,—весьма нужный, но я не подписалъ его, а приложилъ отзывъ, въ которомъ объяснялъ, что я говорилъ вовсе не то, что написано въ журналѣ. Рокасовскій поднесъ этотъ журналъ графу при рапортѣ, который остался для меня секретомъ,—и я получилъ только увѣдомленіе, что его сіятельство приказалъ считать дѣло конченнымъ.

Въ то же почти время стали внушать Клейнмихелю, какъ полезно было бы давать проценты съ смѣтныхъ сбереженій въ награду строителямъ. «Такъ, дескать, въ Англіи, а въ Англіи все хорошо». Все ли тамъ хорошо,—я не знаю, но только въ Англіи строители люди частные, не служащіе; они не получаютъ жалованья, наградъ, чиновъ, пенсіи; они не присягаютъ на службу; это профессіоналы, и контролируются они не однокашниками, не соучастниками, а соревнователями. У насъ не то; у насъ сегодняшній контролеръ самъ можетъ завтра быть строителемъ, и наоборотъ, слѣдовательно—«не плюй въ колодезь». Но не таковъ былъ Клейнмихель, чтобы поддаться на эту щедрость. Я всегда былъ того мнѣнія, что золотомъ не купить честности, что если вору дать 500 рублей жалованья, то онъ постарается украсть еще

[1]) Караулъ! грабятъ.

1500 рублей, а дай ему 5000 рублей жалованья, то онъ побрезгуетъ 1500 и возьметъ 15000 рублей. Клейнмихель шелъ далѣе меня: онъ говорилъ: «я прикажу быть честнымъ». Такъ онъ и приказывалъ, однако у всѣхъ инженеровъ являлись домы, и даже Шернваль, честный финнъ, скромныхъ претензій, бывшій бѣднымъ поручикомъ на желѣзной дорогѣ, удивилъ Финляндію своею милою виллою за Выборгомъ; у Серебрякова домъ, у Липина домъ; что у Еракова—не знаю, но это бандитъ. Одинъ былъ честный человѣкъ во всемъ смыслѣ слова: Бутацъ, перестраивавшій мостъ Аничковъ и бывшій у меня начальникомъ чертежной. Графъ не любилъ его; англичанинъ-каналья—было единственнымъ его титуломъ; Бенардаки переманилъ его въ Сибирь, и мнѣ пришлось удовольствоваться Клоковымъ. Былъ у меня еще честный человѣкъ: Зуевъ, начальникъ искусственнаго отдѣленія,—хорошій чиновникъ, вѣроятно, хорошій профессоръ, но не думаю, чтобы былъ инженеръ.

По смерти Рокасовскаго назначенъ товарищемъ Герстфельтъ, построившій Варшавскую желѣзную дорогу въ царствѣ Польскомъ необыкновенно дешево, кажется, въ 18 или 20 тысячъ верста. Насчетъ Герстфельта я призадумался. Разумъ человѣческій граненый, бываютъ въ немъ всѣ грани темныя и одна свѣтлая; бываетъ и наоборотъ—вотъ разница in extremis [1]) между идіотомъ и геніемъ; у одного все темно, у другого—все свѣтло, но и то и другое исключеніе. Я знавалъ Леопольда Мейера—оселъ во всемъ блескѣ,—а что за музыкантъ, какой вкусъ, какая теплота! Профессоръ Велланскій говорилъ про нѣкоторыхъ своихъ студентовъ: «Странная вещь! въ милліонъ разъ глупѣе меня, и играетъ въ бостонъ въ сто разъ лучше, а вѣдь тутъ нужна и тонкость и комбинація». Герстфельтъ вообще человѣкъ ограниченный, малограмотный, не наблюдателенъ, спокоенъ, безъ доктрины, и потому въ своемъ дѣлѣ практиченъ. Когда возникла мысль о С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, государь хотѣлъ поручить Герстфельту ея постройку, Клейнмихель предложилъ это ему какъ идею, отъ него самого исходящую, но Герстфельтъ поставилъ условіемъ sine qua non [2]), чтобы дистанціонныхъ начальниковъ позволили ему брать съ найма, а не офицеровъ. «Учености мнѣ не нужно,—говорилъ онъ,—въ мелкихъ исполнителяхъ; мнѣ нужны мастера, десятники. Офицеръ не умѣетъ различить, хорошо или дурно выкована шайба. Онъ не захочетъ и не сможетъ стоять въ ненастье съ утра до вечера на дорогѣ и смотрѣть, какъ вбивается костыль въ подушку,—а съ найма я найду людей, которые не сумѣютъ сдѣлать чертежъ, но которые

---

[1]) Въ предѣльной степени.

[2]) Необходимымъ.

отвѣчаютъ за точность работы». «Какъ можно,—закричалъ Клейнмихель,—при цѣломъ корпусѣ инженеровъ, который стоитъ милліонъ, брать наемныхъ!» Герстфельтъ не спорилъ, но отъ постройки отказался. Былъ у меня архитекторъ Желязевичъ, очень способный человѣкъ и charmant artiste [1]). Полякъ-каналья, въ глазахъ Клейнмихеля. Однако государь не согласился ввѣрить постройку столичныхъ станцій инженерамъ. Онъ назначилъ для этого Тона, который выпросилъ себѣ въ помощники Желязевича. Уморительны были сношенія Тона съ нашими техниками. Тонъ начертитъ планы и детали и сдѣлаетъ коротенькую смѣту безъ ссылокъ на урочное положеніе; онъ не писалъ въ смѣту: на устройство копровъ столько-то лѣсу, гвоздей; на вырытіе ямъ etc. По его смѣтамъ расцѣнивалась кубическая сажень фундамента, стѣнъ и пр. Входило дѣло въ техническую комиссію. Дестремъ объявлялъ, что нельзя повѣрить смѣтъ, потому что не по урочному положенію.

— А другихъ я составлять не умѣю,—говорилъ Тонъ:—зато у меня никогда не бываетъ передержекъ, а у васъ, господа, сверхсмѣтныхъ работъ болѣе, чѣмъ смѣтныхъ.

— По какому расчету сопротивленій вы положили зданіе въ 3 и 2 кирпича?

— А по такому,—отвѣчалъ Тонъ:—что моя Благовѣщенская церковь вѣка простоитъ съ тонкими стѣнами, а ваши шестикирпичныя конногвардейскія казармы и теперь уже прѣютъ.

Генералы представляли гнѣвные лики, которыхъ Тонъ не замѣчалъ, потому что все время ходилъ по залѣ, понуря голову и руки въ карманахъ. Whistler и я хохотали. C'était un enfant terrible [2]). «Я знаю, господа, вы говорите: Тонъ каменщикъ, а не художникъ. Ну-ка, вы, художники, сложите-ка мнѣ сводъ, какъ каменщикъ сложилъ въ Москвѣ... да-съ!»

Иногда Дестремъ обращался къ моей защитѣ: «M-r le directeur, vous êtes notre procureur, de grâce...» [3]), но когда я замѣчалъ Тону дружескимъ тономъ, что члены комиссіи обижаются, онъ громкимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Такъ пусть сами строятъ, я скажу государю—я и то даромъ работаю только для государя.

Тутъ les vieux bonnets притихали и одобряли проекты. По окончаніи главныхъ работъ по Московской желѣзной дорогѣ, я хотѣлъ преобразовать департаментъ, сократить хозяйственное и счетное отдѣленія и образовать новое контрольное, повѣряющее ежедневные сборы. Все было устроено, но какъ только я оста-

---

[1]) Прелестный артистъ.

[2]) Это былъ бѣдовый ребенокъ.

[3]) Господинъ директоръ, вы нашъ уполномоченный, пожалуйста...

вилъ департаментъ, контрольное отдѣленіе закрылось по совѣту Романова, напугавшаго графа Клейнмихеля угрозою, что государственный контроль будетъ къ нѣму привязываться, что гораздо лучше оставить сборъ на вѣру лица, котораго графъ самъ выберетъ и самъ будетъ контролировать. Согласно съ этимъ и назначенъ былъ инспекторомъ Московской желѣзной дороги самъ Романовъ, а начальникомъ станціи бандитъ Ераковъ.

Послѣ этого я былъ еще съ годъ членомъ совѣта,—какой-то сходки, въ которую посылались отъ Клейнмихеля и Ельчаниновъ, и Серебряковъ, и чортъ знаетъ кто. Сквернѣйшій годъ моей жизни!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА СЛУЖБѢ БОГУ [1].

(Очерки духовнаго быта)

IV.

ЖИЗНЬ въ Сосняковѣ шла своимъ чередомъ. Священникъ отецъ Ѳедоръ ничего не подозрѣвалъ и попрежнему справлялъ свою службу. Это былъ почтенный сельскій батюшка. Хотя дьяконъ и говорилъ о его престарѣлости, но назвать его такимъ было еще далеко нельзя. У него была семнадцатилѣтняя дочь Люба и сынъ Павелъ, вышедшій въ этомъ году изъ старшаго класса семинаріи по недоразумѣнію. Отцу Ѳедору было 58 лѣтъ. За свою ласковость и радушіе или «простоту», какъ говорятъ въ деревнѣ, отецъ Ѳедоръ пользовался искренней любовью прихода. Онъ всегда былъ готовъ итти навстрѣчу горю своихъ духовныхъ чадъ и матеріальною помощью и добрымъ совѣтомъ. Далеко за предѣлы своего прихода славился о. Ѳедоръ своимъ умѣніемъ врачевать тѣлесныя немощи и людей и животныхъ. Онъ съ малолѣтства выросъ среди природы и страстно любилъ ее. Обучаясь въ семинаріи, онъ проявилъ особую любовь къ ботаникѣ и охотно изучалъ о цѣлебныхъ свойствахъ травокъ Божьихъ. Извѣдавъ многократно эти свойства на себѣ лично и на домашнихъ съ несомнѣнною пользою, онъ сталъ помогать и темному

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII, стр. 71.

сельскому люду. Домашняя аптека о. Өедора была постоянно полна всякими самодѣльными медикаментами. Тутъ были и настойки, и эстракты, и мази, и порошки, и отвары, и всевозможные пластыри. Ранней весной батюшка ходилъ по лѣсамъ, полямъ, берегамъ ручейковъ, по горамъ и оврагамъ, которыми такъ обильно было Сосняково, и собиралъ древесную мочку, цвѣточные лепестки, листья и корни для своей аптеки. У него былъ устроенъ своеобразный дорожный ящичекъ, низъ котораго раскрывался на петляхъ и представлялъ рядъ гнѣздъ для бутылокъ. Подъ этими бутылями былъ выдвижной ящикъ для болѣе мелкихъ спецій. Въ откидной крышкѣ помѣщались корпія и бинты. Отправляясь съ требою, батюшка бралъ этотъ ларецъ съ собою и, исполнивъ духовную требу, принимался за исполненіе долга человѣколюбія. Такимъ образомъ Дубравинъ былъ «врачомъ душъ и тѣлесъ». Очень и очень многихъ спасъ доморощенный врачъ отъ преждевременной смерти. Помогалъ о. Өедоръ и въ болѣзняхъ скота. Сельскій людъ, угнетенный тяготою жизни въ эпоху крѣпостничества, въ которую еще пришлось служить о. Өедору, мало видѣлъ заботъ о себѣ и мало былъ избалованъ въ этомъ отношеніи. Среди общаго невѣжества врача замѣняло знахарство. Своего рода «знахаремъ» былъ и о. Дубравинъ. Любовное, истинно пастырское отношеніе къ себѣ со стороны священника-знахаря крестьяне очень цѣнили и платили добромъ за добро. Въ матеріальномъ отношеніи батюшка былъ всегда обезпеченъ. Большинство его сельскихъ работъ исполнялось по очереди прихожанами ради расположенія къ своему духовному отцу. Домъ о. Өедора нужды не видалъ, тѣмъ болѣе, что и семья была невелика. Съ матушкой Александрой Ивановной о. Өедоръ жилъ очень дружно. Одна слабость дѣйствительно была за о. Өедоромъ—слабость выпить, и она нѣсколько омрачала мирную жизнь семьи, но на дѣлѣ пастырства это какъ-то мало отражалось въ худую сторону. Даже наоборотъ, слабость батюшки сближала его съ прихожанами. Никто изъ прихожанъ никогда не думалъ обвинять своего священника въ нетрезвости, какъ будто не замѣчая этой небольшой слабости его. Домашнее хозяйство вела матушка. Самъ о. Өеоръ только изрѣдка принималъ участіе въ работахъ—или посѣнокоситъ или посѣетъ самъ.

Такъ же, какъ и отецъ, была ласкова и привѣтлива со всѣми Любаша, дочь отца Өедора. Мотылькомъ летала она по дому, желая всѣмъ помочь и услужить. Хозяйство она страстно любила и смала приглядывалась къ нему. У нея были свои любимцы и въ коровушкахъ, и въ ягняткахъ, и въ курочкахъ, за которыми она особенно ухаживала. По ея же настоянію о. Өедоръ на склонѣ горы къ рѣчкѣ противъ дома насадилъ липовый садъ и нѣсколько яблонь да кустовъ ягодника: малины, смородины и крыжовника. Эти деревца Люба сама поливала и подчищала. Воспитаніе дѣвица

получила домашнее. Грамотѣ она выучилась скоро и охотно, а далѣе было учиться негдѣ въ ту далекую и некультурную пору. Для дѣвицъ не существовало ни одной даже начальной школы. Зато Люба выучилась всевозможному рукодѣлью и вышивала себѣ «на приданое» рушники, сорочки и проч.; вязала салфетки, чулки и носки, даже иногда пряла и ткала съ работницами. Читать Любѣ приходилось мало и то болѣе изъ «душеполезнаго». Свѣтскихъ книгъ въ домѣ было немного. Чаще всего попадалъ подъ руку Любѣ «Словарь Поваренный, Приспѣшничiй, Кондитерскiй и Дистилаторскiй», откуда Люба почерпала свѣдѣнiя по кулинарному искусству. Изъ журналовъ, знакомившихъ съ современною жизнiю, отцомъ Ѳедоромъ выписывался «Воскресный Досугъ» выходившiй въ С.-Петербургѣ съ 1863 г. по 1873 г. по всеобъемлющей программѣ вплоть до былинъ, сказокъ, побасенокъ, пѣсней и загадокъ. Этотъ отдѣлъ особенно нравился Любѣ. Царскими указами, вѣстями изъ губернiй и изъ чужихъ земель и проч. она мало интересовалась, да и некому было руководить ей. Въ то доброе старое время интересы большинства даже образованныхъ людей не выходили изъ тѣснаго круга семейныхъ и дружественныхъ отношенiй. Только болѣе горячiя головы увлекались въ область политики и прочихъ мудреныхъ вещей, а простому обывателю жилось, какъ жилось— пó инерцiи, по традицiи, по теченiю. Такая жизнь звалась «хорошею, счастливою». Въ сужденiе о томъ, почему инымъ людямъ тяжело жить, почему не сладка жизнь цѣлыхъ сословiй вдумываться не давали,—это-де дѣло не наше, а правительства: оно обо всѣхъ печется... Тѣмъ болѣе дѣвицы были страшно неразвиты и потому дѣтски-наивны и во всемъ малосвѣдущи. Такова же была и Любаша. Она думала, что всѣ люди такъ же счастливы, какъ и она, и что всѣмъ должно быть такъ же легко жить, какъ и ей. Она дожила до 17 лѣтъ и все еще была ребенкомъ. Дни ея шли однообразно, походя одинъ на другой настолько, что для Любаши не было никакой нужды знать числа и мѣсяцы. Постные дни она помнила и помнила также праздники, особенно большiе, когда у нихъ бывали гости или когда сами Дубравины посѣщали сосѣдей-священниковъ. Съ этими днями были связаны и маленькiе секреты и сердечныя дѣла Любаши. Задушевнымъ другомъ ея была дочь дьякона Ивана Флегонтовича Ира. Съ нею Люба дѣлилась своими мечтами и сердечными тайнами. Подруги видѣлись по десять разъ на дню, и у нихъ разговоры не истощались.

— Ира, иди-ка ко мнѣ,—кричала Любаша со взъѣзда.

— Сейчасъ прибѣгу,—отвѣчала та, и черезъ минуту ея босыя ножки мелькали по лугу овинника.

— Ну, что у тебя?—запыхавшись спрашивала Ира.

— А вотъ что,—папа видѣлъ Александра Павловича.

— Гдѣ это?

— А онъ въ село къ управляющему почто-то пріѣзжалъ.

— А что ученіе-то у него кончилось?

— Какъ поди не кончиться,—Ивановъ день скоро.

— Въ которомъ классѣ-то онъ нынѣ.

— Да на будущій годъ кончитъ совсѣмъ...

— А ты все-то его не забыла?.. Спишь и видишь...

— А ты, поди, забыла своего кудряша?

Въ этомъ духѣ подолгу разговаривали дѣвицы. Одной нравился поповичъ ближайшаго села Ключевицъ Александръ Павловичъ Славскій, другая увлекалась сыномъ сосѣдней просвирни. Видаться съ симпатіями приходилось рѣдко, и при свиданіяхъ дѣвицы ничѣмъ не выражали своихъ чувствъ. Онѣ одинаково ровно обходились со всѣми и только украдкой бросали страстные взгляды на своихъ «предметовъ». Засѣвши за рукодѣлье, дѣвицы любили пѣть излюбленные романсы и пѣсни.

Новинки того времени, творенія Некрасова, черезъ семинарію проникли въ деревню и стали ея достояніемъ. Часто можно было услыхать некрасовскаго «Огородника», «Тройку». Изъ болѣе позднихъ пѣсенъ дѣвицы ничего не знали. Не знали они и вообще ничего о Некрасовѣ. Пушкина же, Лермонтова, Кольцова, Гоголя они читывали, получая отъ тѣхъ же семинаристовъ. Сердобольная Люба не могла равнодушно читать ни повѣстей, ни стиховъ съ печальнымъ концомъ и фабулой. Она со слезами на карихъ глазкахъ читала слова въ «Утопленницѣ»: «Парубокъ, найди мнѣ мою мачеху... мнѣ не было покою отъ нея на бѣломъ свѣтѣ, она мучила меня... она вывела румянецъ съ моего лица своими нечистыми чарами...» и проч. Послѣ страшныхъ разсказовъ Гоголя Люба подолгу не могла спать одна въ своей комнатѣ и боялась ходить на повить вечерами. Ира была храбрѣй и подшучивала надъ Любой. Дѣвицы клялись въ вѣчной дружбѣ и не шутя вѣрили въ возможность ея. Дѣлить имъ было нечего и поводовъ къ ссорамъ не было.

Но всему бываетъ на свѣтѣ конецъ,—насталъ онъ и Любиной дружбѣ.

По возвращеніи дьякона изъ города о. Ѳедоръ началъ замѣчать въ своемъ прежде кроткомъ и послушно-исполнительномъ дьяконѣ какой-то особый задоръ и злорадное ехидство.

— Что съ тобой, отецъ дьяконъ?—кротко спрашивалъ батюшка.

— Ничего,—грубо отвѣчалъ тотъ:—будетъ, не все коту масленица, довольно на мнѣ поѣздили: скоро моя очередь придетъ.

Отецъ Ѳедоръ ничего не понималъ до тѣхъ поръ, пока однажды не получилъ пакета отъ благочиннаго. Прочитавъ бумагу, онъ страшно поблѣднѣлъ и едва не упалъ.

— Что съ тобой, отецъ?—взволнованно спросила матушка.—Что это за бумага? Откуда?

Подошла Люба и съ недоумѣніемъ смотрѣла на родителей.

Отецъ Ѳедоръ молча подалъ женѣ бумагу. Александра Ивановна просмотрѣла ее и, опустивъ руки, проговорила упавшимъ голосомъ: «Боже мой, что же это?» Въ рукахъ ея былъ указъ духовной консисторіи съ извѣщеніемъ, что священникъ села Соснякова о. Ѳедоръ Дубравинъ за болѣзненностью и слабостью здоровья увольняется отъ настоящаго мѣста съ причисленіемъ къ соборной церкви уѣзднаго города, а на его мѣсто по прошенію опредѣляется дьяконъ онаго же села Иванъ Ростиславинъ. Только теперь понялъ о. Ѳедоръ, зачѣмъ недавно ѣздилъ въ городъ его дьяконъ и почему измѣнился въ отношеніи къ нему. Его мечты передать свое насиженное мѣсто дочери, дорогой Любѣ, были нежданно разбиты, разбита и вся его жизнь.

— Заштатный,—со слезами въ голосѣ шепталъ батюшка, и у него руки опускались. Пропала бывшая энергія, голосъ ослабъ, и замѣтно стали падать силы. Подкрадывавшаяся старость какъ-то вдругъ сказалась въ отцѣ Ѳедорѣ, но покорность своему начальству и преданность волѣ Божьей поддержали его. Онъ подбодрился и предъ чужими не показывалъ, насколько пораженъ нежданнымъ горемъ. Роптать онъ не хотѣлъ. Собственно матеріально онъ мало лишался, такъ какъ, съ одной стороны, при бережливости скопилъ себѣ на старость малую толику, съ другой,—надѣялся на пенсію и на помощь отъ прихожанъ. Для него невыносимо тяжелъ былъ ударъ нравственный, и особенно возмущалъ его низкій поступокъ дьякона, отплатившаго за многолѣтнее доброе дружеское отношеніе черной клеветой. Однако, о. Ѳедоръ затаилъ обиду въ своей душѣ и нашелъ даже силы пойти и поздравить о. дьякона съ полученіемъ радостной для того вѣсти. Такой поступокъ покоробилъ дьякона, совѣсть заговорила въ немъ, но онъ подавилъ свое волненіе и спокойнымъ тономъ отвѣчалъ на привѣтствіе, что этого онъ давно ждалъ за свое стараніе. Въ семьѣ дьякона началось нескрываемое ликованіе. Дьяконъ радостно и самодовольно говорилъ дѣтямъ:

— Ну, что, поповичи, довольны ли?

— Погоди еще, не посвященъ вѣдь,—говорила ему жена.

— Это дѣло какой-нибудь недѣли или двухъ—возражалъ тотъ.

Особенно радостна вѣсть о священствѣ отца была для дочерей,—то ли дѣло «поповны», и для жениховъ болѣе лестно.

— Теперь Любашкѣ-то поповой и нечего гордиться,—злорадно замѣчаетъ дочь дьякона Параша, вторая послѣ Иры.

— А, мама,—пристаетъ къ дьяконицѣ восьмилѣтній сынишка,—теперь лугъ-отъ на бѣлоусѣ нашъ будетъ?

— Нашъ, нашъ, дурашка,—отвѣчаетъ самодовольно мать.

— И садикъ липовый нашъ?—не унимается тотъ.

— И садикъ нашъ.

— Колька, а Колька, — обращается дьяконовичъ къ меньшому братишкѣ: — яблоки-то ужъ теперь не отца Ѳедора, а наши, ужъ, братъ, не забранишь, шишь возьми. Пойдемъ, посмотримъ, много ли, ихъ?

— Пойдемъ, Сяся,—отвѣчалъ пузырь... и братья побѣжали, не замѣченные въ увлеченіи ни отцомъ, ни матерью. Долго на радостяхъ разсуждали дьяконъ съ дьяконицей о перемѣнѣ, предстоящей въ ихъ жизни, и еще бы долго проговорили, но сильный плачъ и шумъ на улицѣ привлекли ихъ вниманіе. Всѣ бросились къ окну и увидѣли такую сцену.

На яблонѣ въ садочкѣ отца Ѳедора сидѣлъ ихъ Саша и визжалъ не своимъ голосомъ. Подъ яблоней стояла прислуга отца Ѳедора и хлестала мальчика по ногамъ пучкомъ крапивы, приговаривая: «не озорничай, не озорничай, пострѣлъ!» Саша оправдывался, говоря, что садъ-то ихъ, дьякона. Прислуга же ничего знать не хотѣла. Дьяконъ не утерпѣлъ и бросился отнимать своего Сашу. Началась перебранка, явился отецъ Ѳедоръ и его матушка. Прибѣжала и дьяконица. Скоро поднялся гвалтъ на все село. Изъ общаго шума рѣзко выдѣлялся крикливый и визгливый голосъ матери-дьяконицы.

— Погодите, я васъ допеку,—вопила она.—Покажу, какъ самоуправничать-то, зазнались, зажирѣли, съ дьяконскаго-то овса.

—Что ты, мать моя, опомнись! съ какого овса?—останавливала расходившую дьяконицу матушка.

— Я знаю, съ какого. Много вамъ надо, такъ жрите, а мы и такъ не помремъ.

— Чего—жрите? Что ты мелешь-то? — начинала выходить изъ себя и матушка.—Полушкой чужой мы не завладали.

— Не завладали! Кабы да такъ!—возражала неугомонная причетница:—а въ Рождество-то у дьякона овса-то цѣлаго мѣшка не дохватило противъ нонѣшняго. Кто сграбостилъ, какъ не вы?!

— Противъ васъ мы не виновны, — возражала Дубравина:—а вотъ вы такъ порядкомъ, какъ видно, наклепали на насъ.

— Того стоите, — кричала дьяконица, отходя къ своему дому съ плачущимъ Сашей. Во все время перебранки отецъ Ѳедоръ въ недоумѣніи смотрѣлъ то на одного, то на другого и кротко говорилъ:

— Будетъ вамъ, грѣховодники, будетъ...

Однако ссора не кончилась ни въ этотъ день, ни на другой и, помимо всякаго желанія Дубравиныхъ, она крѣпла и перешла въ открытый разрывъ. Въ будущемъ семьѣ заштатнаго нечего было ждать хорошаго.

Что касается отношеній между дѣвицами Ирой и Любой, то они долго оставались прежнія, хотя дьяконъ и говорилъ Ирѣ:

— Чего таскаешься-то къ нимъ? Что нашла хорошаго.

Но Ира отвѣчала:

— И худого-то я отъ нихъ не видѣла.

— Много ты видишь? А въ прошломъ году почему женихъ-то отъ тебя отсталъ?

— Почему отсталъ? Сами же говорили, что приданаго за мною мало.

— Нѣтъ, Ира. Не въ приданомъ дѣло,—жениха-то Любовь перебила.

— Какъ Любовь?... Ну да и Богъ съ нимъ,—не завиденъ и былъ,—спохватилась Ира. Разговоръ кончился, но намекъ дьякона подѣйствовалъ.

Между тѣмъ Ростиславинъ получилъ отъ архіерея предписаніе явиться къ посвященію на Петровъ день. Времени оставалось немного, и отецъ дьяконъ, запасшись вновь «маслицемъ», въ видѣ условленной мзды для Берилина, торжественно на парѣ земскихъ лошадей съ колокольчикомъ и бубенцами отбылъ въ губернскій городъ N. и подалъ прошеніе владыкѣ о назначеніи его къ посвященію. Владыка положилъ обычную ставленическую резолюцію: «къ допросу, а проситель назначается ходить въ Крестовую для участія въ богослуженіи».

Относительно порядка богослуженія владыка былъ очень строгъ и требователенъ. Пѣть, читать каждому нужно было не иначе, а какъ тутъ требовалось. Даже всѣ движенія должны были быть разсчитаны и размѣрены. Блюстителемъ порядка, обучавшимъ ставлениковъ богослужебной дисциплинѣ, былъ особый аргусъ, глуховатый старецъ, архіерейскій духовникъ отецъ Дмитрій. Это былъ своего рода типъ, но типъ опять-таки отрицательный. Кончивъ свою священническую службу и выйдя за штатъ, онъ случайно былъ возвеличенъ владыкой Павломъ до почетнаго званія духовника его преосвященства и съ честью несъ это званіе вотъ уже пять лѣтъ. Его преосвященство своего духовнаго отца держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и требовалъ отъ него во всемъ исправности и порядка. Въ поступкахъ и провинкахъ ставлениковъ былъ всегда виноватъ духовникъ. Послѣднему часто попадали выговоры и замѣчанія отъ владыки: «учи ты, учи ихъ, отецъ Дмитрій, вишь, они точно изъ лѣсу, и ступить-то не знаютъ какъ».

На этой почвѣ всегда разыгрывалась масса курьезовъ. О духѣ богослуженія, о проникновенности его внутреннимъ содержаніемъ, о благоговѣйности въ молитвѣ здѣсь не было рѣчи, лишь бы показная сторона была вполнѣ прилична. Дорожить святостью мѣста, уважать важность священныхъ богослужебныхъ моментовъ, какъ бы намѣренно, не хотѣлъ даже самъ владыка. Читаетъ, бывало, на клиросѣ испытуемый псаломщикъ канонъ дневному святому: «преподобне отче нашъ Парфеніе, моли Бога о насъ». Старательно выводитъ, громко, отчетливо. Вдругъ изъ алтаря на полцеркви слышится злобный крикъ: «не нашъ». Псаломщикъ повторяетъ:

— Преподобный отче нашъ Парфеніе, моли Бога о насъ.

— Тебѣ говорятъ: не нашъ,—несется изъ алтаря. На клиросѣ недоумѣнное молчаніе, пока не подскакиваетъ иподьяконъ и не объясняетъ, что нужно читать такъ: «преподобне отче Парфеніе, моли Бога о насъ»... Такихъ мелочныхъ придирокъ бывала масса. Владыка былъ крайне несдержанъ на словахъ и въ проявленіяхъ своего гнѣва. Этотъ гнѣвъ у него особенно почему-то проявлялся при богослуженіи. Лучшіе и болѣе чуткіе изъ духовенства мучались такимъ положеніемъ дѣла, но должны были молчаливо сносить выпавшее на ихъ долю испытаніе. Иподьяконы всегда облачали владыку съ трепетомъ, боясь получить рѣзкое движеніе владычней десницы, напоминавшее русскую зуботычину. Для этого требовалось не много. Случайное неловкое движеніе, случайный промахъ въ произношеніи и.... Особенно часты были выпацы со стороны владыки на словахъ. Заслужить «болвана», «неуча», «мужика» и прочіе лестные эпитеты было очень легко. Дошло до того, что духовенство даже свыклось съ такимъ обращеніемъ и носило его «вмѣсто бархату». За дисциплинарные проступки владыка много разъ «выпрягалъ» своихъ сослуживцевъ изъ-за служенія Богу любви и правды. Достаточно было дьякону перепутать прокименъ, ошибиться въ словѣ евангелія, и слышался грозный приказъ:

— Раздѣнься. — И діаконъ раздѣвался и уходилъ ивъ храма. Однажды къ посвященію явился одинъ семинаристъ съ красивой кудрявой шевелюрой волосъ. Владыка сталъ читать надъ нимъ молитву посвященія, и вдругъ его вниманіе было привлечено волосами. Владыка не стерпѣлъ и, теребя ставленика за волосы, проговорилъ:

— Мочи ты свои космы-то хоть изъ шайки.

— Буду, ваше преосвященство,—слышится окликъ оробѣвшаго подблагодарнаго. Владыка такимъ выпадамъ, очевидно, не придавалъ никакого значенія, но на богомольцевъ и на духовенство они дѣйствовали крайне тлетворно. Каждый прошедшій школу крестовскаго служенія открещивался при окончаніи и уходилъ съ чувствомъ страшнаго довольства къ мѣсту своего служенія, гдѣ можно и помолиться и послужить по надлежащему, гдѣ можно предаться искренной, сердечной молитвѣ Владыкѣ Небесному, не боясь неосторожнымъ движеніемъ и неправильнымъ словомъ прогнѣвить этого Владыку... Немудрено, поэтому, что духовникъ со своей стороны требовалъ точнаго исполненія своихъ указаній, и требовалъ не столько ради пользы дѣла и важности этихъ указаній въ священномъ ритуалѣ, а ради того, чтобы не прогнѣвить случайно замѣтившаго ошибку владыку. Но духовникъ, эта мелкая сошка, былъ еще болѣе требователенъ и откровененъ въ своихъ придиркахъ. Онъ кричалъ на всю Крестовую, заглушая голоса пѣвцовъ. И на фонѣ молитвенномъ рѣзкимъ диссонансомъ звучалъ этотъ выкрикъ.

— Дьяконъ, дьяконъ, — кричитъ отецъ Дмитрій: — говори эктенію-то!

— Я сказалъ, — робко говоритъ отецъ дьяконъ, но его голоса не слышитъ приглуховатый старецъ и еще громче кричитъ:

— Тебѣ говорятъ: говори эктенію-то!

Но дьяконъ, видя, что старецъ проспалъ цѣлую эктенію «Рцемъ вси», рѣшительно подходитъ къ царскимъ вратамъ и отверзаетъ ихъ для чтенія царской молитвы, а догадавшійся о своемъ промахѣ духовникъ уже мягко ворчитъ:

— Ну, ну, ну,—я ему говорю, а онъ и осердился.

Отецъ Дмитрій самъ по себѣ былъ старецъ добродушно незлобный и на него нельзя было сердиться, но его часто напрасные выкрики нарушали плавный ходъ богослуженія. Неловкій, угловатый и робѣющій отецъ дьяконъ Ростиславинъ былъ самъ не радъ, попавши въ руки архіерейскихъ приспѣшниковъ. Недѣля служенія была для него настоящей пыткой. Нужно было передѣлать всю его давнюю выправку. Здѣсь не были пригодны и эта съ перевальцемъ походка, и это движенія верха оряря, и тягучее провозглашеніе возгласовъ, и округлость фразъ въ ущербъ ясности, и обыкновеніе энергично откашливаться. Исправивъ одно, Ростиславинъ невольно погрѣшалъ въ другомъ.

— Легче молотить, чѣмъ въ Крестовой служить, — говорилъ Ростиславинъ на квартирѣ. Впрочемъ, выговоровъ отъ владыки ему не пришлось пока выслушивать. Владыка почему-то былъ къ нему внимателенъ и снисходителенъ. Посвященіе было назначено въ Петровъ день въ Петропавловской градской церкви. Прежде посвященія пришлось отцу дьякону поговѣть, дабы принять великій санъ іерейства чистымъ и достойнымъ. Вспомнилъ Иванъ Флегонтовичъ объ отцѣ Ѳедорѣ, но какъ-то быстро отогналъ докучливую мысль.... Послѣ раскаянія во всѣхъ грѣхахъ, содѣянныхъ за всю жизнь, духовникъ даетъ свое удостовѣреніе, что ставленикъ по состоянію своей совѣсти вполнѣ достоинъ быть посвященнымъ въ тотъ или другой санъ. Получилъ такое удостовѣреніе и Иванъ Флегонтовичъ наканунѣ Петрова дня. Одинъ только день теперь отдѣлялъ его отъ давно желаннаго момента.

«Будетъ, послужилъ дьякономъ, теперь, братъ, не отецъ дьяконъ, подымай выше: «отецъ Иванъ» буду; «ваше благословеніе», а то и «высокоблагословеніе», мечталъ Иванъ Флегонтовичъ.

И мечты его сбылись. Посвященіе состоялось на слѣдующій день. Голова шла кругомъ у посвящаемаго. Онъ совершенно терялся и не зналъ за посвященіемъ, что дѣлать и куда ступить. Протодьяконъ безцеремонно таскалъ его за рукавъ и, когда слѣдовало кланяться, довольно неделикатно подталкивалъ въ спину. За подобныя дружескія услуги Ивану Флегонтовичу пришлось послѣ службы преподнести протодьякону въ видѣ благодарности пятишницу, да

столько же иподьяконамъ на всю братію и пятишку же—пѣвчимъ. Для всѣхъ означенныхъ лицъ такая повинность со ставлениковъ была обычною доходною статьею. Николая Александровича Берилина пришлось угостить особо приличнымъ образомъ. И вотъ наконецъ Иванъ Флегонтовичъ дѣйствительный іерей, ничѣмъ не хуже попа Ѳедора. По окончаніи службы въ Петропавловскомъ храмѣ, при выходѣ новопосвященнаго изъ храма, къ нему наперерывъ потянулись сложенныя руки за «свѣженькимъ» благословеніемъ.. Пришлось послужить еще недѣльку, дабы навыкнуть въ священнослуженіи, и по минованіи этого срока отецъ Иванъ отправился восвояси, заручившись іерейской грамотой. Владыка напутствовалъ его пожеланіемъ:

— Трудись на нивѣ Христовой, помни его святыя заповѣди о любви къ ближнимъ, врачуй умѣлой рукой духовные недуги, возгрѣвай даръ Божьей благодати, воспринятой тобою. Помни, что іерею подобаетъ быти не пьяницѣ, не бійцѣ, не сварливу.... Не подражай примѣру недостойнаго предшественника, борись съ народнымъ невѣжествомъ, а не множь его.

Со слезами на глазахъ выслушалъ отецъ Иванъ наставленіе владыки, и совѣсть при воспоминаніи объ отцѣ Ѳедорѣ вновь уколода его; но онъ, подавивъ душевное волненіе, земнымъ поклономъ поблагодарилъ владыку за все полученное и отправился. Восторженная встрѣча ждала его дома. Всѣ семейники благоговѣйно подошли къ нему на благословеніе, и новопосвященный іерей истово осѣнилъ ихъ сложенными именословно перстами. Отецъ Ѳедоръ въ присутствіи благочиннаго передалъ на руки своего бывшаго дьякона все церковное имущество, документы и церковную печать съ великимъ душевнымъ волненіемъ. Ему приходилось теперь смотрѣть изъ чужихъ рукъ, какъ говорятъ. Даже при желаніе послужить онъ долженъ былъ терпѣть уколы самолюбія. По своему возрасту онъ имѣлъ право предстоятельствовать при воскресной службѣ, но отецъ Иванъ, какъ настоятель храма, не давалъ ему этого. Семьѣ отца Ѳедора тоже приходилось постоянно входить въ столкновенія съ семьей замѣстителя.

Поднялся вопросъ и относительно садика, и относительно построекъ. Отцу Ивану казалось естественнымъ, что онъ теперь полномочный распорядитель всего приходскаго достоянія, а садъ несомнѣнно приходское достояніе, такъ какъ стоитъ на причтовой землѣ. Какъ разъ эта-то земля и понадобилась отцу Ивану чтобы поставить новый сѣнной сарай. Только настоятельныя просьбы Любаши черезъ Иру подѣйствовали на батюшку, и онъ поставилъ сарай на другомъ мѣстѣ, но одно другого было не слаще. Сарай пришелся какъ разъ противъ оконъ отца Ѳедора и заслонилъ прежній прекрасный видъ на склонъ горы и окрестность. Но съ этимъ пришлось поневолѣ помириться. Такихъ мелкихъ непріят-

ностей много выпадало на долю «заштатнаго» іерея. Семья Дубравиныхъ все переносила замѣчательно благодушно. Истинно какъ Іовъ, отецъ Ѳедоръ повторялъ:

— Господь далъ, Господь и взялъ, — буди Его святая воля.

За такое терпѣніе Господь взыскалъ его самымъ нежданнымъ образомъ.

Отецъ Иванъ вполнѣ вошелъ въ роль настоятеля Глѣбовскаго храма, такъ какъ со дня посвященія прошло уже девять мѣсяцевъ. Но вотъ мирное теченіе сосняковской жизни вновь было нарушено. За истекшее время окончилъ курсъ ученія въ семинаріи Иринъ кудряшъ, просвирнинъ сынъ Егорушка Уромскій, и въ то же время скончался священникъ въ селѣ Урмѣ, не оставивъ ни дѣтей, ни ближайшихъ родственниковъ. Мѣсто было объявлено свободнымъ. Григорій Уромскій подалъ туда прошеніе и былъ опредѣленъ владыкой Павломъ безъ всякихъ обязательствъ въ пользу предмѣстника. Ира была въ страшномъ волненіи. Что-то предприметъ «ея» Гриша? А Гриша, дѣйствительно, задумывался надъ вопросомъ, кого сдѣлать подругой всей своей жизни. Гриша былъ симпатичный малый, простой и довѣрчивый. Старушка дьяконица посовѣтовала ему обратиться съ предложеніемъ къ отцу Ѳедору Дубравину, хваля Любашу, а Гриша намекалъ было на Иру.

— Что ты, Богъ съ тобой, ужель одно можно съ другимъ сравнять?—говорила старушка.—И говорить нечего,—поѣзжай къ Любашѣ, развѣ не пойдетъ, ну, тогда и къ Ирѣ можно.

Гриша послушался, и вотъ въ одно прекрасное утро къ старому домику Дубравиныхъ подкатилъ тарантасъ. Изъ него вышли Гриша и его мать. Въ домѣ отца Ѳедора сейчасъ сообразили, въ чемъ дѣло. Любаша зардѣлась и не хотѣла выходить, помня, какія чувства питаетъ къ Уромскому Ира, но мать настояла:

— Выйди, глупая, надо, а отклонить мы всегда можемъ, вѣдь тебѣ еще семнадцать лѣтъ... И Люба застѣнчиво вышла...

Между тѣмъ Ира рвала и метала, узнавъ о пріѣздѣ Гриши не къ ней, а къ Любашѣ.

— А что, какъ согласится,—думала она, и отчаянная досада боролась въ ней съ чувствомъ обиды. Она невольно озлобилась на Любашу-разлучницу, и сжатыя губы Иры шептали:

— Погоди, змѣя подколодная, я тебѣ этого не забуду.—Но не забывать ей было нечего. Въ это время явился къ нимъ отецъ Ѳедоръ и, помолясь Богу, обратился къ отцу Ивану съ такою рѣчью:

— Отецъ Иванъ, я въ новой роли являюсь, не бывалъ, а пришлось сватомъ стать,—Григорій Алексѣевичъ проситъ руки вашей дочери Ираиды и послалъ меня, старика, сватуномъ,—робѣетъ самъ-то, да и мать его, знаешь, скромница,—вступитесь, говорятъ, въ судьбу сироты...

— Что жъ, доброе дѣло, пусть явятся, побесѣдуемъ,—проговорилъ степенно отецъ Иванъ.

— А что же вы своей Любаши не устраиваете?—съ ехидствомъ произнесла матушка.

— Молода еще, рано, настрадаться успѣетъ,—кротко проговорилъ отецъ Ѳедоръ.

— Такъ итти имъ, что ль?—продолжалъ онъ.

— Идите, идите,—сказали въ голосъ оба, о. Иванъ съ матушкой.

Ира убѣжала одѣваться, твердя про себя:

— Принимай, Ираида Ивановна, благодѣянія Любкины, да радуйся.

Сватаніе состоялось, и вопросъ о свадьбѣ Иры былъ рѣшенъ тутъ же окончательно. Свадьбу рѣшили сыграть послѣ Пасхи, такъ какъ теперь было некогда. Приближался Великій постъ.

Матушка Александра Ивановна давно дала обѣщаніе побывать въ городѣ, поклониться мощамъ святыхъ, почивающихъ въ соборѣ. Въ нынѣшній столь скорбный годъ она надумала исполнить это обѣщаніе.

— Отецъ Ѳедоръ, а отправлюсь-ка я въ городъ теперь, поговѣю тамъ по пути?—спрашивала старушка мужа.

— Что жъ, отправляйся, вмѣстѣ анаѳемы послушаешь въ соборѣ,—отвѣчалъ тотъ.

Старушка отправилась, найдя попутную подводу.

V.

Въ каѳедральномъ соборѣ въ день православія служилъ владыка Павелъ. Народу собралось видимо-невидимо, какъ говорится. Пѣлъ полный хоръ соборныхъ пѣвчихъ подъ управленіемъ главнаго регента. Простой народъ началъ собираться въ городъ еще съ вечера, а теперь съ ранняго утра толпился около собора въ какомъ-то трепетно-нетерпѣливомъ ожиданіи анаѳемы.

Александра Ивановна рано забралась въ соборъ. Она облюбовала мѣсто въ углубленіи стѣны за лѣвымъ клиросомъ, откуда такъ хорошо было и молиться и наблюдать все совершающееся, начиная съ архіерейскаго облаченія. Начался предлитургійный благовѣстъ. Женщины, издалека пришедшія, съ любопытствомъ осматривали соборъ и дѣлились замѣчаніями. Александра Ивановна въ первый разъ видѣла владыку Павла, столь безжалостно отставившаго ея мужа за штатъ. Владыка былъ малъ ростомъ, худощавъ и невиденъ. По обыкновенію онъ, едва явился въ соборъ, какъ уже началъ проявлять признаки раздраженія. Будучи недоволенъ иподьякономъ, подавшимъ ему умываніе, владыка тотчасъ же «выпрягъ» его изъ стихаря и поставилъ въ алтарѣ на колѣни. Никто изъ духовенства не нашелъ возможнымъ пошу-

тить надъ провинившимся, такъ какъ самъ могъ въ каждую минуту подвергнуться такой же опалѣ. Молитвеннаго настроенія не было. Ключарь, одной рукой крестясь, другой что-то объяснялъ одному изъ дьяконовъ... Послѣ литургіи начался чинъ торжества православія, столь излюбленный въ то время. Протодьяконъ зычнымъ голосомъ выкрикивалъ: «не почитающимъ святыя иконы... анаѳема!» Хоръ пѣвчихъ отчаянно ревѣлъ: «анаѳема, анаѳема, анаѳема»,--ударяя на послѣднемъ слогѣ третьяго возглашенія. Между деревенскими женщинами слышался сдержанный шопотъ:

— Грянь-ко, дѣва, анаѳема-то какая маленькая въ свѣтлой шапкѣ...

Очевидно, большинство не понимало этого чина преданія враговъ православія на судъ Божій. Нѣкоторые съ вздохомъ говорили:

— Охъ! И насъ вѣдь проклинаютъ, Гавриловна, слышь, слышь,—не соблюдающимъ святые посты... анаѳема... Охъ, спаси, Христе, и помилуй!

Къ мѣсту, занатому матушкой Александрой Ивановной, еще въ началѣ службы пробралась какая-то важная барыня. Она безпокойно стала озираться, очевидно, не зная, куда ей стать поудобнѣй. Александра Ивановна, привыкшая дома услуживать другимъ, и въ данномъ случаѣ рѣшила пожертвовать своимъ удобнымъ мѣстомъ. Обращаясь къ барынѣ, она радушно сказала:

— Не угодно ли, сударыня, вамъ занять мое мѣсто?

— А вы-то какъ же, моя милая?—спросила та.

— А я ничего и позади стану.

— Очень, очень вамъ благодарна,—ласково проговорила барыня и заняла предложенное мѣсто.

По окончаніи службы барыня обратилась къ матушкѣ съ вопросомъ:

— Вы откуда, моя милая?

— Я деревенская,—отвѣчала та:—пріѣхала помолиться и посмотрѣть на чинъ православія.

— Вы какого званія?

— Сельская матушка, мой мужъ только что уволенъ за штатъ.

— По болѣзни уволенъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать, что по болѣзни, пожалуй, и сами не знаемъ, за что,—дѣло темное,—не рѣшалась высказать всего матушка.

— Жалко, жалко, дорогая. Да вотъ что, поѣдемте-ка ко мнѣ,—предложила барыня:—побесѣдуемъ, а я посмотрю, нельзя ли чѣмъ помочь вамъ.

Лучъ надежды запалъ въ душу Александры Ивановны, и она согласилась слѣдовать за барыней. У подъѣзда собора была по-

дана имъ прекрасная карета, и Александра Ивановна черезъ минуту уже мчалась на рысакахъ по улицамъ губернскаго города.

Одна изъ улицъ города N. носила названіе Дворянской, потому что на ней, главнымъ образомъ, стояли дома губернскихъ дворянъ. Здѣсь было немало прекрасныхъ особняковъ, построенныхъ со всѣми удобствами того времени. Каждый домъ занималъ чуть не полквартала. Близъ господскаго дома находились многочисленныя службы. Въ глубинѣ двора виднѣлся садъ съ роскошными, раскидистыми столѣтними деревьями. Это были насиженныя гнѣзда дворянъ,—своего рода тѣ же усадьбы въ маломъ масштабѣ. Сюда изъ уютныхъ деревенскихъ усадебъ пріѣзжали дворяне-помѣщики «по дѣламъ». Прошло еще только семь лѣтъ, какъ была объявлена воля. И результаты этой воли уже сказались на положеніи дворянства. Многіе даже крупные владѣльцы-помѣщики побросали свои земли въ уѣздахъ, ликвидировали свои дѣла и перешли на житье и на службу въ городъ. Опустѣли деревенскія усадьбы, но зато ожили городскіе особняки. Многіе господа стали жить въ нихъ безвыѣздно. Началось исподвольное обѣднѣніе дворянъ. Многіе за неимѣніемъ дѣла иждивали послѣднія крохи. Вопросъ о томъ, какъ существовать въ будущемъ, вставалъ предъ такими во всей своей остротѣ. Особенно тяжело было положеніе вдовъ-помѣщицъ, лишенныхъ возможности имѣть матеріальную поддержку въ казенномъ жалованіи по службѣ. Къ числу такихъ помѣщицъ относилась Анна Петровна Плеханъ-Кожухова. Имѣніе ея было заложено въ банкѣ. Послѣ объявленія воли она, распустивъ «подлецовъ», осталась почти безъ средствъ. Привычка требовала вести жизнь попрежнему широко, не стѣсняясь въ расходахъ, но она чувствовала, что капитала при такой жизни хватитъ ей ненадолго, и изыскивала источники побочнаго дохода. Такой источникъ ею былъ скоро найденъ.

Анна Петровна была коренная и урожденная N-ская помѣщица. При жизни мужа, игравшаго видную роль въ губернской жизни, Плеханъ-Кожуховы были извѣстны далеко за предѣлами N-ской губерніи, тѣмъ болѣе, что ихъ имѣнія были и въ другихъ губерніяхъ. Къ мѣстному губернатору, къ епископу и къ другимъ важнымъ лицамъ губерніи Плехановы были всегда очень близки. Вотъ этою-то близостью и нашла возможнымъ воспользоваться Анна Петровна для своей выгоды. Она взяла на себя роль ходатая по разнымъ дѣламъ и, нужно ей отдать справедливость, проводила эту роль прекрасно. Не было почти случаевъ, чтобы предпринятое ею дѣло не пришло къ желанному концу. При этомъ она, не стѣсняясь, брала круглыя суммы, но «не себѣ, Боже упаси, а на помощь сиротамъ», какъ она говорила. Нѣсколько та-

кихъ сиротъ дѣйствительно при ней жило. Такимъ невиннымъ способомъ Анна Петровна зарабатывала до нѣсколькихъ тысячъ въ годъ, что и служило ей своего рода «жалованіемъ». Къ этой-то барынѣ совершенно случайно и попала матушка Александра Ивановна. Карета быстро доставила и хозяйку и гостью на Дворянскую, къ уютному особняку Кожуховой. Онѣ вышли изъ кареты и направились въ домъ. Это былъ типичный дворянскій городской домъ. Толстыя каменныя стѣны его годились для крѣпости. Высокая колоннада украшала фасадъ. Во дворъ вели каменныя ворота съ массивною, высокою, толстою чугунною рѣшеткою. На рундукѣ подъѣзда красовались фигуры львовъ. Домъ былъ низменный, съ мезониномъ. На дворѣ и повсюду царилъ порядокъ, хотя онъ недешево теперь стоилъ. Но Аннѣ Петровнѣ «не хотѣлось запускать хозяйства», какъ она говорила. Въ комнатахъ особняка было довольно низко. Повсюду сохранилась старинная дворянская обстановка: массивные диваны, столы, кресла, зеркала, бюро и т. д. По стѣнамъ висѣли живописныя картины средней руки въ раззолоченныхъ широкихъ рамахъ и портреты фамильные. Хозяйка и гостья усѣлись въ гостиную, куда былъ поданъ кофе. Анна Петровна разспросила Александру Ивановну подробно про ея жизнь, про дѣятельность мужа и про отставку.

— Ахъ, моя милая,—восклицала помѣщица:—да это же явная несправедливость уволить безъ вины, безъ суда и слѣдствія. Что это сдѣлалъ владыка? я, право, никакъ не пойму. Хорошо, что вы еще нужды не терпите... вѣдь правда: не терпите?...

— Нѣтъ, мы сравнительно обезпечены...

— Ну, вотъ хорошо еще это... а огорченіе-то чего стоитъ? А эти придирки дьякона, т. е. какъ его?

— Отца Ивана.

— Ну, отца Ивана, и все такое... Нѣтъ, нѣтъ, я этого такъ не оставлю, я увижу владыку, я даже съѣзжу къ нему нарочно и все обскажу...

— Не знаю, какъ благодарить васъ, сударыня,—едва сдерживая слезы, говорила Александра Ивановна.

— Ой, что вы, милая, какая тутъ благодарность... Впрочемъ, вотъ на бѣдныхъ дать вы мнѣ, вѣроятно, не откажете...

— Съ удовольствіемъ,—поспѣшила увѣрить матушка.

Разспросивъ Александру Ивановну о томъ, гдѣ она остановилась, записавъ имя и фамилію отца Ѳедора, помѣщица отпустила матушку и просила побыть въ городѣ. Растроганная всѣмъ случившимся матушка возвратилась къ себѣ и стала ждать результатовъ. Результаты получились самые неожиданные.

Видя, что дѣло отца Өедора правое и все произошло отъ излишней довѣрчивости владыки, Анна Петровна тѣмъ охотнѣй взялась за хлопоты. Прежде всего ей нужно было получить свѣдѣнія о жизни самого отца Өедора. Въ духовной консисторіи у нея былъ не одинъ «свой человѣкъ» изъ ея же ставлениковъ, готовыхъ за свою благодѣтельницу хоть куда. Одному изъ нихъ Анна Петровна написала записку съ просьбою доставить точную копію съ послужного списка священника Өедора Дубравина, уволеннаго за штатъ. Въ тотъ же день былъ полученъ желаемый списокъ. Анна Петровна убѣдилась въ томъ, что за отца Өедора можно похлопотать. Службу онъ проходилъ исправно, удостоенъ набедренника, скуфьи и благодарности начальства за противораскольническую дѣятельность. Данныхъ для увольненія никакихъ не было. Анна Петровна рѣшила навѣстить владыку. Въ слѣдующій же день послѣ вечерни въ Крестовой церкви она отправилась къ преосвященному Павлу.

— А-а! заступница всѣхъ скорбящихъ,—пошутилъ владыка, встрѣчая свою посѣтительницу:—давно не бывали, видно, на землѣ горя поубавилось съ вашей легкой руки.

— Какое, владыко, убавилось. Едва ли убавится, когда сами наши владыки его прибавляютъ.

— Какъ такъ? — удивленно спросилъ владыка: — надѣюсь, не про меня рѣчь?

— Именно про ваше преосвященство,—невиннаго обидѣли...

— А вы сейчасъ и въ защиту... Ахъ вы, добрая душа! Ну, скажите же, въ чемъ дѣло, авось исправимъ ошибку.

Анна Петровна видѣла, что дѣло приняло хорошій оборотъ, и заранѣе ликовала. Владыка легко убѣдился ея доводами въ томъ, что сдѣлалъ промахъ, уволивъ священника за штатъ безъ вины и прошенія и даже безъ его вѣдома.

— Вижу, вижу, Анна Петровна,—говорилъ владыка:—вы правы, а я виноватъ и готовъ загладить вину. Дѣти-то есть у отца Өедора?

— Дочь невѣста есть, ваше преосвященство.

— Чего жъ лучше, вотъ я ей и дамъ мѣсто, кстати и мѣсто хорошее есть въ Подозерьѣ.

— Нѣтъ, владыка, жалко ихняго гнѣзда родового,—вѣдь домъ, хозяйство бросать придется. Лучше вы попа-то Ивана за клевету переведите, а мѣсто въ Соснякахъ оставьте за дочерью отца Өедора Любой.

— Быть по вашему, добрая душа, — весело проговорилъ владыка, любившій исправлять свои погрѣшности, и дѣло было рѣшено въ пользу отца Өедора.

Между тѣмъ отецъ Ѳедоръ и Любаша давно безпокоились о томъ, почему долго не ѣдетъ матушка Александра Ивановна. Они никакъ не могли понять, что ее задержало въ городѣ. Наконецъ она явилась сіяющею и повеселѣвшею, какою давно ее не видали родные. Подѣлились радостью, но затаили ее до полученія офиціальнаго извѣстія. Послѣднее прійти не замедлило. Отецъ Иванъ нежданно-негаданно, прослуживъ около года въ Сосняковѣ, былъ переведенъ въ Заозерье, а мѣсто его зачислено за «дочерью заштатнаго священника онаго села Ѳедора Дубравина дѣвицею Любовью». Страшная ненависть прямо душила Ростиславиныхъ. Всякое дружеское отношеніе было порвано. Послѣ Пасхи должна была состояться свадьба Иры. Люба не получила на нее приглашенія, да ей было и не до того—ея собственная жизнь была на переломѣ.

Воспитанная въ правилахъ полнаго повиновенія родительской волѣ, Люба все-таки страшно болѣла душой, ожидая рѣшенія своей участи. Прошло время беззаботной жизни или, вѣрнѣй, счастливаго дѣтства, наступала сама настоящая жизнь. Любаша тревожно думала о будущемъ. Ея судьба была ввѣрена слѣпому року. «Кто-то согласится назвать меня своей женой, сочетаться со мною навѣки, сочетаться собственно не ради меня самой, а ради доходнаго мѣста. Мѣсто за мною въ приданомъ, или я въ приданое къ мѣсту», соображала Люба. Грезы невольно уносили мысли ея къ дорогому, милому образу,—какъ живой представлялся ей Александръ Павловичъ Славскій, ключевицкій поповичъ, и слезы нависали невольно на ея черныхъ рѣсницахъ. Ея, Любаши, мѣсто было уже вывѣшено на объявленіи въ консисторіи и недостатка въ предложеніяхъ не было. Женихи одинъ за другимъ наѣзжали въ Сосняково, но отецъ Ѳедоръ, видя къ нимъ нерасположеніе Любаши, отклонялъ предложенія, не желая неволить своей дорогой дочери.

Время между тѣмъ шло. Прошла Святая недѣля. Запахло весной. На горахъ Глѣбовки быстро сбѣгалъ снѣгъ и просыхали проталины.

Однажды вечеромъ Любаша вышла въ садикъ посмотрѣть на свои любимыя деревья, не попортили ли ихъ за зиму зайцы. Вдругъ ее кто-то тихо позвалъ:

— Любовь Ѳедоровна, а Любовь Ѳедоровна!

Люба испуганно встрепенулась, и первымъ ея движеніемъ было бѣжать, но голосъ вновь ласково остановилъ ее:

— Любовь Ѳедоровна, не бойтесь,—это я, Славскій; позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ.

Люба, зардѣвшись, остановилась. Потупя глаза, она подошла къ тыннику и сквозь его протянула похолодѣвшую руку нежданному гостю.

Александръ Ивановичъ, задержавъ ея руку, съ волненіемъ въ голосѣ произнесъ:

— Я васъ давно люблю,—сейчасъ ваше мѣсто свободно и вамъ предоставленъ выборъ замѣстителя на обычныхъ условіяхъ. Я ни на комъ не женюсь, если не согласитесь вы. Я готовъ итти во іереи давно, но только подъ тѣмъ условіемъ, если согласны вы. Скажите же свое послѣднее слово. Оно для меня все. Если да — я пойду къ вашимъ роднымъ; если нѣтъ,—то простите.

Любаша быстро громкимъ шопотомъ произнесла: «да», и, порывисто вырвавъ руку у Александра Ивановича, убѣжала домой. Въ этотъ вечеръ въ домѣ отца Ѳедора Люба была запросватана за Славскаго. Отецъ Ѳедоръ помолодѣлъ на десять лѣтъ, шутилъ и смѣялся, какъ никогда. Онъ понялъ сердцемъ, что судьба подарила счастье его дочери, и отъ души благодарилъ за то Создателя.

Владыка Павелъ вообще былъ отзывчивъ къ горю своего духовенства. Онъ очень охотно оставлялъ мѣста священнослужителей за ихъ родственниками. Въ его резолюціяхъ весьма часто можно было встрѣтить такія фразы: «проситель увольняется за штатъ, а его мѣсто оставляется за дочерью его», или за внучкой, или даже за одной изъ сестеръ его жены. Подобныя замѣщенія были весьма обычны, и мѣста изъ рода въ родъ переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Прихожане всегда довольствовались тѣми священнослужителями, какихъ давалъ имъ епископъ. Власть епископовъ въ данномъ случаѣ была неограниченной и безконтрольной. На этой почвѣ бывало немало несправедливостей, какъ въ описанномъ случаѣ, но немало было сдѣлано и добра сиротамъ и вдовамъ духовенства. Во всякомъ случаѣ на священнослужительскія мѣста и владыки и духовенство всегда смотрѣли съ точки зрѣнія матеріальной, не болѣе. Апостольской ревности, желанія именно послужить на пользу паствы, къ ея духовному оздоровленію замѣчалось мало, хотя каждый проситель писалъ въ прошеніи: «желая послужить Господу Богу и Его Святой Церкви»... Это служеніе по большей части понималось, какъ требоисполненіе. Духовенство, сойдясь между собою, нерѣдко касалось вопроса о положеніи приходовъ, но внутреннее состояніе паствы опять-таки обсуждалось съ точки зрѣнія матеріальной.

— А что, каковы тамъ прихожане-то?—спрашивалъ одинъ.

— Ничего. Народъ скромный, — отвѣчалъ другой: — батюшекъ уважаютъ. За требы платится хорошо... Руга сбирается... даютъ помногу...

О настроеніи прихода, о его внутреннемъ состояніи, о врачеваніи духовныхъ язвъ, о мѣрахъ воздѣйствія на паству, болѣе пригодныхъ въ томъ или другомъ случаѣ, рѣдко заходила рѣчь. Столкновенія съ прихожанами поэтому рѣдко возникали на почвѣ пастырскаго воздѣйствія, а болѣе при матеріальныхъ расчетахъ. Скудное обезпеченіе и болѣе или менѣе широкія жизненныя потребности заставляли духовенство нормировать и таксировать

плату за требы. Между тѣмъ такая опредѣленность платы была не всѣмъ подъ силу. Иной, состоятельный, легко подчинялся ей, а другой, бѣдный, страшно тяготился иозлоблялся на поповъ, упрекая ихъ въ жадности, корыстолюбіи, придирчивости. Это являлось исконнымъ источникомъ ненависти къ духовному сословію, породило массу позорящихъ духовенство разсказовъ, анекдотовъ поговорокъ и т. п. Приведемъ болѣе характерныя изъ нихъ, возникшія на почвѣ денежныхъ отношеній:

«Деньга попа купитъ и Бога обманетъ».

«У попа не карманы, а мѣшки».

«Родись, крестись, женись, помирай,—за все попу деньги подавай».

«Попъ и тѣстомъ беретъ».

«Поповій норовъ себѣ норовитъ».

«Завистливъ, что поповскіе глаза».

«Поповское брюхо не набьешь».

«Вдовая попадья всему міру надокучитъ».

Отсюда возникли другія пословицы о порочности и ограниченности духовенства вообще:

«Смѣлаго ищи въ тюрьмѣ, а глупаго—въ попахъ».

Наконецъ, благодаря матеріальнымъ отношеніямъ, народъ даже самую встрѣчу съ попомъ сталъ считать недоброю:

«Съ попомъ недобрая встрѣча».

«Къ бѣдѣ—попа, дѣвку да порожнія ведра встрѣтить».

Тѣ же ненавистныя народу черты мы встрѣчаемъ въ характеристикѣ духовенства сказками, скороговорками и т. д.

Въ такомъ положеніи дѣла не виноватъ, пожалуй, бѣднякъ, забитый судьбою крестьянинъ. Онъ искони всю жизнь боролся ради куска насущнаго хлѣба и привыкъ страшно дорожить каждымъ грошомъ. Скорѣй виноваты тѣ условія воспитанія, поступленія на мѣсто и прохожденія службы духовенствомъ, какія исторически сложились у насъ.

Александръ Павловичъ Славскій составлялъ счастливое исключеніе. Онъ шелъ во іереи съ полнымъ сознаніемъ всей важности принимаемаго на себя служенія, не смотрѣлъ на него какъ на средство прокормиться и устроиться. Онъ искренно несъ свое чистое сердце на служеніе брату-крестьянину. Онъ вѣрилъ, что можетъ дать этимъ дѣтямъ деревни истинный хлѣбъ, а не камень... Зналъ Славскій взглядъ народа на поповъ, возникшій ради денежныхъ расчетовъ, и заранѣе рѣшилъ никогда не сталкиваться съ приходомъ на этой почвѣ. Что же, говорилъ онъ, есть пословицы и про другія сословія, и про самого крестьянина, также далеко не лестныя:

«Мужикъ глупъ, какъ ворона, и хитеръ, какъ чортъ».

«Кабы мужикъ на печи не лежалъ,—корабли бы за море снаряжалъ».

«Хвали рожь въ стогу, а барина въ гробу»... и т. д.

Александръ Павловичъ хотѣлъ пересоздать мужика и поднять въ глазахъ его авторитетъ духовенства своимъ справедливымъ, дружески-братскимъ отношеніемъ. Славскій подалъ владыкѣ нѣсколько необычное прошеніе. Онъ написалъ владыкѣ: «Соглашаясь взять въ замужество дочь священника Ѳедора Дубравина, испрашиваю вашего архипастырскаго соизволенія на назначеніе мое куда-либо во іереи, по усмотрѣнію вашего преосвященства, буде признаете меня таковаго сана достойнымъ».

Владыка съ удовольствіемъ назначилъ Славскаго въ Сосняково. Скоро была сыграна свадьба, и состоялось посвященіе Славскаго во іерея. Въ домѣ отца Ѳедора молодая жизнь забила ключомъ. Старики не могли нарадоваться на молодыхъ. Весьма довольны перемѣной іерея были и прихожане, такъ какъ отецъ Ростиславинъ за недолгое время своего служенія успѣлъ показать далеко не съ хорошей стороны. Онъ былъ неласковъ, необщителенъ и жаденъ до денегъ... Съ поступленіемъ на мѣсто отца Александра жизнь прихода пошла по другому руслу. Это было въ 1868 году.

С. Лазаревъ.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XXX.

Раздумье.—А. Н. Энгельгардтъ.—Поѣздка въ Батищево.

МОЕ положеніе при городскомъ статистическомъ отдѣленіи, какъ видѣлъ читатель, было тяжкое и неопредѣленное. Какая работа и какія отношенія?! Прямо возмутительныя. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось замѣчать среди земскихъ статистиковъ, которые цѣнили и охраняли человѣческое достоинство и товарищескія отношенія. Какъ бы то ни было, но мои нервы разстроены были до крайности. Что теперь дѣлать? Гдѣ и какъ найти работу, именно работу, пусть самую тяжелую, дьявольскую, но лишь бы безъ оскорбленій и такихъ пошлыхъ отношеній и къ дѣлу и къ людямъ, какія мнѣ приходилось то время испытывать.

Гдѣ найти? Я продаю свой трудъ, но только не душу. И я думалъ и не зналъ, что дѣлать... Я чувствовалъ, какъ болѣзненно ныло мое сердце, какъ напряженно работалъ умъ, и ничего не выходило. Отъ тревоги и неопредѣленности я заболѣлъ: ни сна, ни одной покойной минуты, и этотъ жгучій вопросъ: что же дѣлать?! Именно дѣлать, а не болтать и не обсуждать безконечно программы дѣятельности. Нѣтъ, этого довольно!

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII, стр. 93.

Тогда я совершенно случайно напалъ на «Письма изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Живой литературный языкъ, деревенская будничная жизнь и работа, безъ прикрасъ и какой-либо тенденціи,— все это произвело на меня сильное впечатлѣніе, и я думалъ: «Вотъ она жизнь, настоящая, тяжелая, быть можетъ, но отъ нея вѣетъ такой свѣжестью, такимъ сильнымъ покоемъ, что... можно бы попробовать, да и рѣшить наконецъ на мѣстѣ свои отношенія къ мужику. Да, стать съ нимъ на работу, раздѣлить всѣ условія его жизни. Я молодъ, широкъ въ плечахъ, силы много. Неужели не выдержу? Я рѣшилъ и написалъ покойному Энгельгардту письмо, на которое вскорѣ получилъ отвѣтъ. Это были по пунктамъ условія, на которыхъ принимались интеллигентные рабочіе въ Батищево. Какъ жаль, что это письмо у меня не сохранилось! Но я хорошо помню, что долженъ работать всякую работу, на которую поставятъ, въ первый мѣсяцъ не получая жалованья, которое назначается по истеченіи этого времени самимъ хозяиномъ. Я долженъ былъ жить вмѣстѣ съ рабочими въ их помѣщеніи, харчиться тоже вмѣстѣ. Долженъ имѣть при себѣ надлежащій документъ и проч.—однимъ словомъ, жить на положеніи батрака. «По мнѣ все равно,—писалъ Энгельгардтъ:—что князь, что мѣщанинъ, для меня одинаково: назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ».

Я читалъ это письмо и радовался: мнѣ именно это и нужно! Я оживился, успокоился, какъ человѣкъ, который нашелъ наконецъ то, чего онъ искалъ. Сборы мои были недолги. Если что было для меня непріятно, это огорченіе моей матери, которая грустно говорила: «столько учиться, получить образованіе и въ концѣ концовъ пойти на обыкновенную мужицкую работу. Что же это такое?»

— А развѣ настоящая русская интеллигенція не должна близко стоять къ народу? а что же можетъ быть ближе, если я съ нимъ плечо о плечо работаю одну и ту же работу и вмѣстѣ съ нимъ живу одной жизнью. Да наконецъ, мать, не навѣкъ же я ухожу въ народъ!..

— Можетъ быть, ты и правъ,—сказала она со вздохомъ:—дѣлай такъ, какъ тебѣ подсказываетъ сердце!..

И я поѣхалъ, не сказавъ никому изъ своихъ знакомыхъ, куда и зачѣмъ. Въ послѣднее время я чувствовалъ одиночество среди людей идейныхъ и интеллигентныхъ, у которыхъ, несмотря на ихъ нѣкоторыя достоинства, недоставало чего-то важнаго и необходимаго въ каждомъ человѣкѣ. Послѣ я понялъ, чего именно недоставало: сердечности и искренности.

Какъ это? Служить народу и даже всему человѣчеству, жертвовать если не своей жизнью, то разными удобствами и будущимъ и быть самолюбивымъ и черствымъ человѣкомъ?!

— Онъ не совсѣмъ подходящій для дѣла,—говорили обо мнѣ:— онъ слишкомъ простой и искренній человѣкъ.

Вообще такое опредѣленіе похвала человѣку, но въ ихъ устахъ это было порицаніе. А, по-моему, такіе люди проваливали всякое дѣло или не за то брались, что надо. Я не открывалъ своихъ намѣреній еще вотъ почему: «Письма изъ деревни» произвели на меня впечатлѣніе своей жизненностью, авторъ, что бы ни говорили, нашелъ возможность стать довольно близко къ народу, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, а попросту на основаніи чисто хозяйственныхъ отношеній, придавая сельскому хозяйству важное и первенствующее значеніе, такое, которое этому дѣлу придавалъ и придаетъ всегда земледѣльческій народъ. Въ традицію нашего далеко не культурнаго хозяйства А. Н. Энгельгардтъ хотѣлъ внести научные пріемы, насколько было возможно и насколько они были пріемлемы при трехпольѣ и народной темнотѣ. Задача была трудная, но благородная: показать примѣрно, образно, какъ выгоднѣе и лучше обрабатывать землю, что, кромѣ «хлѣба», садить и сѣять и въ какомъ порядкѣ.

Мужики приглядывались, совѣтовались и не прочь были принять другіе пріемы, насколько, конечно, позволяло общинное землевладѣніе.

— Кабы всѣ, значитъ, пошли на травосѣяніе, тогда и говорить нечего, а вотъ...—замѣчали хозяйственные крестьяне.

А. Н. Энгельгардтъ понималъ это положеніе. Онъ не былъ противъ общиннаго хозяйства, которое тогда взяла подъ свое покровительство прогрессивная часть нашего общества и даже соціалисты, находя, что переходъ отъ общины къ націонализаціи или соціализаціи земель легче и проще можетъ быть совершенъ, нежели при частномъ мелкомъ крестьянскомъ землевладѣніи.

Вотъ этою-то частью нашего общества хозяйственная пропаганда покойнаго Энгельгардта считалась буржуазною, пропагандой усовершенствованія частнаго хозяйства. А на такое дѣло не стоило тратить силъ. Но странная вещь, реакціонеры и помѣщики возненавидѣли Энгельгардта за то, что онъ наглядно доказывалъ, что при болѣе или менѣе толковой организаціи частновладѣльческихъ хозяйствъ послѣднія всегда принесутъ доходъ и будутъ прогрессировать. Помѣщики не вѣрили Энгельгардту, считая его выводы совершенно необоснованными, даже цифры невѣрными, и позволяли себѣ смѣяться надъ талантливымъ русскимъ хозяиномъ, бывшимъ профессоромъ лѣсного института. Это былъ смѣхъ злобный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкій, это было сердитое безсиліе. Революціонеры тоже относились къ покойному Энгельгардту отрицательно.

— Что это? Кто онъ такой?—говорили они.—Проповѣдникъ кулачества, сытаго крестьянства! человѣкъ паліативныхъ мѣръ!

Такимъ образомъ недюжинная личность Александра Николаевича заняла положеніе особенное, совершенно самостоятельное

среди разныхъ группъ и партій. Послѣ, когда я познакомился и узналъ А. Н., я удивился его живой способности проводить въ жизнь научную теорію такъ просто и ловко, что это (выгода) было понятно для мужика. Я думаю, что если бы покойный занималъ въ то время положеніе министра земледѣлія въ Россіи, то принесъ бы несомнѣнную и существенную пользу, его реформы во всякомъ случаѣ были бы не безпочвенны, не составляли бы продуктовъ бюрократической лабораторіи.

А. Н. былъ человѣкъ труда и иниціативы, притомъ широкой. Не странно ли, что такой человѣкъ пребывалъ въ домашней административной ссылкѣ?

Всматриваясь въ народную жизнь послѣднихъ столѣтій и въ пріемы руководящихъ сферъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что труднѣе всего жить въ Россіи людямъ практическаго дѣла въ государственномъ и народномъ его смыслѣ. Бюрократія очень недружелюбно и косо смотритъ на такихъ людей, не преклоняющихся передъ «бумагой» и могущихъ дѣйствительно, не откладывая въ долгій ящикъ, сдѣлать нѣчто такое, что подниметъ производительность какой-нибудь мѣстности, упорядочитъ экономическія и другія отношенія. Насколько въ Европѣ цѣнятъ такихъ людей, настолько въ Россіи относятся къ нимъ равнодушно. Мнѣ кажется, именно къ такимъ людямъ принадлежалъ А. Н. Энгельгардтъ, для котораго государственная, общественная польза составляла все, а личная буржуазная выгода ничего. Послѣдняя, конечно, не могла удовлетворить натуры кипучей, широкой и талантливой. Къ такому человѣку я ѣхалъ работать и учиться и никогда не жалѣю, что такъ поступилъ. Энгельгардту и обстановкѣ, совершенно трудовой, я обязанъ многимъ, въ томъ числѣ моимъ реальнымъ знакомствомъ съ мужикомъ и условіями и характеромъ его труда, и какъ онъ къ послѣднему приспособляется.

На станціи Дорогобужъ я вышелъ изъ вагона и теперь считалъ, что мои сношенія съ интеллигентнымъ міромъ прекратились. Надолго ли? я не могъ отвѣтить. Я вступалъ въ другую жизнь съ нѣкоторымъ страхомъ и большимъ интересомъ. Отъ станціи до Батищева было 15 верстъ. Я скоро подыскалъ возчика, молодого парня, и мы не спѣша поѣхали перелѣсками и луговинами. Было начало апрѣля, природа просыпалась, но дремалъ и ко всему, повидимому, былъ равнодушенъ мой парень, вяло погонявшій свою пару тощихъ лошадей. На мои вопросы онъ отвѣчалъ до крайности коротко, а мнѣ такъ хотѣлось многое узнать о мѣстной жизни. Молча ѣхали и также молча доѣхали до усадьбы, которая мало чѣмъ отличалась по внѣшности отъ средняго помѣщичьяго хутора. Постройки были обыкновенныя, ничто не указывало, что здѣсь кипитъ работа, что я вступилъ на территорію образцоваго хозяйства. Вяло во дворѣ залаяли собаки. Вышла какая-то женщина, спросившая, что мнѣ надо.

— Хозяина,—отвѣчалъ я,—Александра Николаевича.

— Его нѣтути! Онъ въ Петербургѣ... Подождите, я скажу барышнѣ.

Она ушла, а я остался въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать, куда дѣваться съ вещами.

Женщина скоро вернулась.

— Вы на работы пріѣхали?—спросила она.

— Да, работать...

— Тогда вещи сложите вонъ въ ту избу, налѣво дверь, а потомъ я провожу васъ къ барышнѣ.

Послѣдовавъ указанію женщины, я умылся, привелъ себя съ дороги въ нѣкоторый порядокъ и отправился къ барышнѣ, т. е. дочери профессора Вѣрѣ Александровнѣ, въ отсутствіи отца завѣдывавшей хозяйствомъ.

— Мнѣ говорилъ отецъ, что вы пріѣдете,—такими словами встрѣтила меня молодая хозяйка.—Вамъ извѣстны условія? документъ позвольте получить для заявленія полиціи... у насъ по этой части строго,—засмѣялась Вѣра Александровна:—особенно по отношенію «тонконогихъ».

— Тонконогихъ!—повторилъ я, не понимая.

— А вы не знаете, что васъ, т. е. интеллигентовъ, народъ называетъ тонконогими и даже тонконожками.

— А гдѣ же Александръ Николаевичъ? надолго онъ уѣхалъ?

— Отецъ теперь въ Петербургѣ, и я не знаю, когда вернется. Онъ поѣхалъ хлопотать о братѣ Михаилѣ, который задержанъ и арестованъ по дѣлу террористовъ. Отецъ надѣется получить его на поруки, такъ какъ съ министромъ Игнатьевымъ знакомъ.

«Чудно право,—думалъ я:—сынъ въ тюрьмѣ, отецъ въ ссылкѣ и съ разрѣшенія начальства отправился въ столицу хлопотать объ освобожденіи».

— Такъ что вы,—улыбнулась хозяйка,—нѣкоторое время будете находиться подъ моимъ начальствомъ... Нечего дѣлать, потерпите!

— Что вы, помилуйте! я очень радъ...

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! Надѣюсь, сегодня не будете работать, да и поздно. Я распоряжусь, чтобы вамъ дали закусить... скоро будемъ чай пить... а теперь устраивайтесь!

Очень милое впечатлѣніе произвела на меня Вѣра Александровна, и я почувствовалъ себя спокойнѣе и пересталъ волноваться. Выбравъ себѣ на лавкѣ свободное мѣсто, я положилъ туда подушку, а подъ лавку небольшой чемоданъ. Въ усадьбѣ была тишина, всѣ работали въ полѣ и на огородѣ. Дворъ былъ порядочный, барскій домъ, деревянный, старый, съ огромной кухней и длиннымъ столомъ и скамейками. Здѣсь обѣдали и ужинали рабочіе вмѣстѣ съ хозяевами. Помѣщеніе для рабочихъ во дворѣ

было новое, а другое, старое, находилось въ иномъ мѣстѣ неподалеку.

Всѣ хозяйственныя постройки помѣщичьяго характера концентрировались во дворѣ и неподалеку отъ послѣдняго, только обширный скотный дворъ помѣщался отдѣльно, скота было много, и молоко сбывалось на сыроварню по тридцать копеекъ ведро.

Близился вечеръ. Пришелъ староста Иванъ Павловичъ, почтенныхъ лѣтъ человѣкъ, завѣдывавшій хозяйственной частью. Онъ побесѣдовалъ со мной, освѣдомился, удобно ли я устроился, сказавъ, что имѣется и другое помѣщеніе, но это чище. У Энгельгардта старостъ было двое: второй, Сидоръ, приставленный для надзора за рабочими. Это былъ еще молодой человѣкъ, сильный и ловкій работникъ, лучшій пахарь и косецъ. Сидоръ каждый вечеръ получалъ приказанія отъ самого хозяина, кого и на какія работы поставить, что робить? Сидоръ строго выполнялъ наказъ дня и рабочимъ отлынивать отъ работъ не давалъ. Очень глазастый и быстрый былъ этотъ Сидоръ!

Пришли наконецъ рабочіе, между которыми былъ одинъ интеллигентъ и интеллигентка. Первый былъ развязный малый и, какъ скоро выяснилось, малообразованный человѣкъ. Цѣлью его поступленія въ батраки было научиться хозяйству, добыть отъ А. Н. какое-либо свидѣтельство и найти себѣ теплое мѣстечко управляющаго. Вторая была красивая, плотная женщина, впрочемъ, не располагающая въ свою пользу: ни привѣтливости, ни вдумчивости въ этомъ лицѣ съ холоднымъ, недовольнымъ выраженіемъ не было.

Рабочіе меня оглядывали, нѣкоторые здоровались, но никакого особеннаго вниманія на меня не обратили. Семену развѣ понравились мои сапоги, и онъ спросилъ ихъ цѣну.

— Дорого,—сказалъ онъ:—но сапоги важнецкіе!

Сѣли ужинать. Мнѣ кухарка предложила выбрать ложку, сдѣлать на ней замѣтку и класть въ опредѣленное мѣсто,—тогда ложка станетъ моей и никто касаться ея не будетъ. Я замѣтилъ теперь, что чистота и порядокъ въ кухнѣ были почти образцовые. Ужинало человѣкъ 25, а послѣ, въ страду, рабочихъ въ экономіи Энгельгардта было 42 человѣка. Ѣдоковъ было немало, Вѣра Александровна ужинала вмѣстѣ съ нами. Рабочіе держали себя просто и не шумно, одинъ только «тонконогій»—назову его N—острилъ и старался смѣшить компанію, что, впрочемъ, ему не особенно удавалось. Ужинъ былъ неважный, но хлѣбъ прекрасный и квасъ недурной.

Когда вышли изъ-за стола, Вѣра Александровна предложила мнѣ прогуляться. Скоро мы разговорились, и я видѣлъ, какъ эта тактичная и милая дѣвушка осторожно выспрашивала меня о томъ, о другомъ, чтобы выяснить, что именно представляетъ

собой моя особа, какія обстоятельства заставили меня итти въ батраки.

— Работы у насъ трудныя,—говорила она:—отецъ безпощаденъ къ тонконогимъ, никакой жалости! Впрочемъ, увидите сами. Я распорядилась, и завтра Сидоръ поставитъ васъ на работу Покойной ночи!

XXXI.

На работѣ.—Мое самочувствіе.—«Тонконогіе» и «толстоногіе».

Помню, какъ разбудилъ меня Сидоръ, далъ мнѣ грабли, и мы пошли за парнемъ Иваномъ, который велъ лошадь со шведскимъ плугомъ. Я былъ назначенъ на пахоту. «При чемъ тутъ грабли?» думалъ я, но не спрашивалъ, не обнаруживалъ ненужнаго любопытства. Пришли. Поле было усыпано болѣе или менѣе равномѣрно навозомъ, который я долженъ былъ, идя за плугомъ, загребать граблями въ свѣжія борозды. Ловко и быстро показалъ Сидоръ, какъ нужно работать, и поспѣшно ушелъ.

Мы съ Иваномъ принялись за работу: онъ пахалъ, я загребалъ. Иванъ пахалъ легко и посвистывалъ. Я черезъ какіе-нибудь полчаса усталъ и шелъ далеко позади товарища. Мои руки начинали дрожать, глаза уставали, и я порой спотыкался, особенно когда спѣшилъ. Мнѣ было нѣсколько совѣстно. Иванъ посмотрѣлъ назадъ разъ, посмотрѣлъ два, остановилъ въ концѣ борозды лошадь и сказалъ: «давай покуримъ, парень!»

Я съ удовольствіемъ согласился, и мы усѣлись около плуга.

— Работать пріѣхалъ?—спросилъ меня Иванъ.—Откелѣ?

— Изъ Москвы.

— Не вре, парень?

— Что тутъ врать,—отвѣчалъ я.—Говорю, изъ Москвы!

— Москва большой городъ, тамъ богато живутъ,—говорилъ совершенно добродушно мой товарищъ:—а тебѣ плохо было?

— Нѣтъ, ничего.

— А чѣмъ ты займался?

— Работалъ... писалъ, считалъ...

— Эвона!—развелъ онъ руками.—Писалъ? А сколько получалъ за эсто?

— Пятьдесятъ рублей,—отвѣчалъ я.

— Въ годъ... какъ Ѳаддей, значитъ, получаетъ!..

— Не въ годъ, а въ мѣсяцъ,—поправилъ я Ивана...

Послѣдній отвернулся въ сторону, плюнулъ, потомъ, обративъ ко мнѣ свое лицо, онъ очень хитро поглядѣлъ на меня, разсмѣялся и совершенно убѣдительно проговорилъ: «Ну, таперь вре парень... Бери грабли, пойдемъ!»

Взявшись за плугъ, онъ обернулся ко мнѣ и вновь со смѣхомъ произнесъ: «Ну, и вре же, парень! пятьдесятъ рублей... въ мѣсяцъ... ишь ты!»

Я не спорилъ и не возражалъ, что было совершенно неумѣстно. Получать въ годъ шестьсотъ рублей и пріѣхать сюда, чтобы ходить за Иваномъ, загребая навозъ, конечно, по его мнѣнію, нелѣпо и быть этого не можетъ, слѣдовательно, я вру, хвалюсь передъ нимъ.

Шестьсотъ рублей! помилуйте! какая сумма въ родѣ почти милліона! Парень въ своей жизни не только не имѣлъ, но и никогда не видѣлъ ста рублей. «Баютъ, что у батюшки отца Петра есть такая бумажка, толстая, большая, а на ней патретъ грознаго царя!»—это онъ мнѣ говорилъ послѣ.

Все-таки я не ожидалъ такой наивности, которую продолжалъ далѣе обнаруживать Иванъ. Дорогобужскій уѣздъ не особенно далекъ отъ Московской губерніи, въ которой такихъ парней Ивановъ не найдешь. Правда, смоленскій крестьянинъ вообще наивенъ, простодушенъ и безпредметно задумчивъ. О чемъ? а такъ себѣ... ничего! Въ сущности онъ не думаетъ и ни о чемъ не грустить. Онъ просто отдыхаетъ, онъ слился съ природой, ушелъ въ нее, а смоленская природа такая грустная, сѣрая: лѣса да перелѣски, болотца да полянки, и эти рѣчки, грустныя, тихія, задумчиво будто текутъ по лѣснымъ берегамъ.

Мы работали до обѣда, когда пришелъ Сидоръ, осмотрѣлъ сдѣланное, ничего не сказалъ, позвавъ насъ обѣдать. Я усталъ порядочно и мнѣ было не до ѣды, хотѣлось отдохнуть, и я былъ радъ, что такой отдыхъ полагался. Немного въ угнетенномъ настроеніи я шелъ съ Сидоромъ и разсѣянно бесѣдовалъ и въ то же время думалъ: «Какъ? на такой легкой работѣ и такъ устать! а что же будетъ, когда стану за плугъ или пойду съ косой?» Пообѣдали, отдохнули, и я снова съ Иваномъ, съ которымъ бесѣдовалъ попрежнему, но не говорилъ о себѣ. Иванъ же продолжалъ дивиться тому, что я говорилъ.

— И откелѣ ты все знаешь?—повторялъ онъ.—Пра, больше нашихъ стариковъ!

Такъ прошло дня два, я уже привыкнулъ и механически загребалъ навозъ въ борозды. Вечеромъ Вѣра Александровна мнѣ сказала: «Съ завтрашняго дня вы будете пахать! довольно вамъ стоять на бабьей работѣ... А что, скажите по правдѣ, вѣдь трудно было сначала?»

— Даже очень,—подтвердилъ я.

— Такъ и всякая работа, пока не привыкнешь и не войдешь во вкусъ ея... Многіе долго мучатся, а иные и совсѣмъ не могутъ перетерпѣть!

Да, трудно, мучительно трудно это перетерпѣть. Охъ, какъ я помню первую пашню, помню и вторую. Такого волненія, та-

кой ломки всего организма я не испытывалъ никогда. Было и стыдно и больно! Особенно ломило поясницу, но доставалось всему, и рукамъ и ногамъ. Бывало, слезы на глазахъ стоятъ и застилаютъ шагавшую кое-какъ лошадь. Плохого пахаря и лошади не слушаются, онѣ словно насмѣхаются надъ нимъ. Хлестнешь, она въ сторону... опять налаживай плугъ. Трудно! а работать надо весь день! А сколько сдѣлано? смѣшно посмотрѣть. Вотъ пришелъ Сидоръ, покачалъ головой, взялся за плугъ, вожжами тронулъ лошадь—и какая прелесть! Какъ игрушка потянулся плугъ; бодро, качая весело головой, пошла лошадь, поспѣшно и правильно отваливалась сырая земля! Вотъ бы мнѣ такъ пахать! нѣтъ, никогда не достигнуть мнѣ такого искусства... и думать нечего!..

— Что? плохо выходитъ?—говорилъ Сидоръ, передавая мнѣ плугъ.—Ничего, обтерпитесь!

И мнѣ стыдно и я молчу, такой большой и сильный. Стыдно еще и потому, что загребать навозъ за моими бороздами пришла Вѣра Александровна, которая учитъ меня и пахать. Силъ моихъ нѣтъ («мочей нѣтъ»), руки и ноги дрожатъ, вотъ скривилъ борозду, точно рвется изъ рукъ плугъ, и я терплю, мучаюсь, градомъ бѣжитъ съ меня потъ, мнѣ душно, жарко, а вѣдь холодный сѣрый день!..

Но впередъ! Да, нечего сказать, хорошо «впередъ» со слезами въ глазахъ!

Не скрою, что были минуты, когда я подумывалъ бѣжать. Позорно, не правда ли? бѣжать, не повидавшись даже съ хозяиномъ? Но всему бываетъ конецъ, и я обтерпѣлся. Насталъ день, вѣрнѣе часъ, когда неожиданно для меня вдругъ плугъ пошелъ ровно и совершенно послушно, точно перемѣнилась рука, ставшая твердой. Я попалъ, стало быть, въ точку. Я помню мою радость въ то время, когда сознатъ себя въ нѣкоторомъ родѣ работникомъ. То же было и съ косьбой и даже, пожалуй, хуже, ибо дѣло не налаживалось дольше и терпѣть приходилось больше... Но и эту трудность перетерпѣлъ. Косьба мнѣ такъ понравилась, въ эту работу я такъ втянулся, что косилъ третьимъ въ артели.

Крестьяне не говорятъ: научился работать, пахать и прочее, нѣтъ, они говорятъ: вытерпитъ всякую работу, т. е. способенъ, умѣетъ все дѣлать и робить.

Терпѣніе это самое главное и первое качество сельскаго работника, терпѣніе это основа характера русскаго мужика, безъ терпѣнія его называютъ шелавымъ, никуда негоднымъ работникомъ.

Но надо нѣсколько вернуться назадъ, когда пріѣхалъ А. Н. Энгельгардтъ съ сыномъ Михаиломъ, выпущеннымъ изъ-подъ ареста. Это былъ возбужденный, пылкій юноша, смотрѣвшій на агрономическія затѣи отца съ пренебреженіемъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали заниматься безсмысленнымъ дѣломъ?— какъ-то сказалъ онъ мнѣ.—Ну, скажите, пожалуйста, какая цѣль?

— Думаю завести небольшое хозяйство и жить попросту, своимъ трудомъ!—отвѣчалъ я.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся и не сказалъ ничего. Помню его споры съ отцомъ, который хотѣлъ сына перевести въ свою народническую вѣру. Профессоръ водилъ его по сосѣднимъ деревнямъ и знакомилъ съ пріятелями, мужиками дѣйствительно умными, хотя и кулаковатыми.

Покойный дѣйствительно по хозяйству увлекался до крайности, доказывая, что умный мужикъ, при настоящихъ условіяхъ хозяйства, всегда будетъ стоять на собственныхъ ногахъ, а дуракъ и не работникъ разорится.

Въ то время, вскорѣ по пріѣздѣ А. Н. съ сыномъ, почти каждый день пріѣзжали интеллигенты, большею частію студенты, на работу. Пріѣзжали и барышни. Ихъ ставили на пашню, на покосъ и проч., они не выдерживали, ругались, называя хозяйство Энгельгардта эксплоататорскимъ, и уѣзжали. Въ это лѣто такихъ было человѣкъ двадцать, а можетъ быть болѣе. Остались всего три человѣка: я, Страховъ и ветеринаръ Иннокентій Михайловичъ. Эти двое были крѣпыши и очень хорошіе, оригинальные люди. Страховъ пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня. Когда я возвращался съ работы къ обѣду, мнѣ сказали, что пріѣхалъ «тонконогій».

— Гдѣ же онъ?—спросилъ я.

— Купается въ рѣчкѣ,—засмѣялись рабочіе.

«Однако!—подумалъ я.—Вѣдь только апрѣль въ серединѣ»...

Скоро онъ пришелъ и молча сѣлъ обѣдать. На нѣкоторые вопросы отвѣчалъ коротко, глядѣлъ волчкомъ, былъ молодъ и хорошо сложенъ.

— Откуда вы пріѣхали?--спрашивалъ я.

— Съ Волги, изъ Саратовской губерніи.

И больше ничего! Молчитъ Страховъ, не знаю да и не умѣю и я поддерживать разговора. Познакомились и сошлись мы черезъ долгое время. А до того Страховъ дивилъ меня, рабочихъ и даже Энгельгардта своей силой и ловкостью. Несомнѣнно, онъ былъ лучшій, самый проворный работникъ въ Батищевѣ. Бывало не работаетъ, а играетъ! Иногда мнѣ казалось, что онъ нарочно мучилъ и истязалъ себя... онъ почему-то напоминалъ мнѣ Рахметова. Что-то было таинственное и во всякомъ случаѣ загадочное въ пріемахъ этого русскаго молодого богатыря. Откуда у него эта грусть? Почему нѣмой упрекъ въ выраженіи и добраго и капризнаго лица?

Другой, пріѣхавшій за Страховымъ дня черезъ два, Иннокентій Михайловичъ былъ ветеринаръ. Черноватый, нѣсколько полный, съ широкимъ лицомъ и сѣрыми добрыми глазами, онъ былъ мечтателемъ и религіознымъ человѣкомъ. Онъ вносилъ нравственные

принципы въ пеструю среду тонконогихъ и толстоногихъ. Достаточно было одного его слова, произнесеннаго мягкимъ басомъ, какъ сальная острота разлеталась, какъ дымъ отъ вѣтра, отъ его простого слова: «не надо, Михайло!»

Рабочіе инстинктивно понимали и чувствовали чистое, деликатное сердце Иннокентія и повторяли: «не надо»! Онъ не сердился, былъ всегда необыкновенно ровенъ и ласковъ со своимъ взоромъ, устремленнымъ, съ мягкой улыбкой, куда-то вдаль. Работалъ онъ прекрасно, но не спѣша, не рвался и не металъ, какъ Страховъ.

Однажды вечеромъ при лунѣ, когда не шелохнулъ вѣтеръ и съ рѣки доносились какіе-то тихіе, нѣжные звуки, Иннокентій, вздохнувъ глубоко, сказалъ мнѣ: «Вы не повѣрите, какъ я счастливъ, что вѣрую въ Бога и познаю безконечность»! Въ другой такой же вечеръ, во время нашей прогулки въ праздникъ, онъ произнесъ съ разстановкой: «понимаете, смерти нѣтъ... нѣтъ»! и его взоръ, освѣщенный трепетной луной, былъ такой восторженный, такой необыкновенный! Да, благородный товарищъ, для великой души, которая живетъ въ Богѣ, нѣтъ смерти въ вѣчности безконечнаго!

Объ остальныхъ тонконогихъ я не упоминаю, ибо въ нихъ ровно ничего не было интереснаго. Они были революціонеры неопредѣленнаго содержанія, будущее выражалось у нихъ въ протестѣ противъ существующаго, взамѣнъ котораго мечты, образы неясные, неоформленные. Они были молоды и неустойчивы. Зачѣмъ они сюда пріѣхали, и сами не знали, да и работать не могли, ибо переживали періодъ милой болтовни и безтолковой конспираціи. Но были и другіе, сильные вѣрой и духомъ, которые тоже не могли работать.

Помню праздничный вечеръ до ужина. Мы сидѣли на крыльцѣ у кухни. Въ нашей компаніи былъ и Александръ Николаевичъ. Говорили и смѣялись, начинали было пѣть, но какъ-то не выходило. Во дворѣ показалась женская фигура небольшого роста, съ котомкой за плечами. Не разберешь, кто, молодая или старая, приближалась къ намъ усталой походкой.

Мы притихли. Кто бы это былъ?

— Мнѣ надо хозяина, Энгельгардта?—надорваннымъ голосомъ сказала неизвѣстная, прислонившись къ лѣстницѣ.

Мнѣ показалось, что она закачалась, вѣроятно, отъ усталости.

— Я къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ А. Н.—Что вамъ угодно?

— Мнѣ нужно переговорить съ вами наединѣ,—довольно твердо произнесла незнакомка.

— О-о! — засмѣялся хозяинъ, — секреты! Что жъ дѣлать... пожалуйте!..

И они ушли въ комнаты, а мы остались на крыльцѣ, заинтересованные незнакомкой. Въ самомъ дѣлѣ, кто такая? Вся въ пыли, въ лаптяхъ, бѣдно одѣтая, она была еще молодая дѣвушка, лѣтъ

восемнадцати. Худая, съ маленькими ручками, огромными черными глазами, не то съ изумленіемъ, не то со страхомъ смотрѣвшими на насъ, она произвела на всѣхъ впечатлѣніе. Нѣчто монашеское, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, таилось въ маленькой фигуркѣ незнакомки. Секретная бесѣда скоро прекратилась. Вышла незнакомка, направившись въ женское отдѣленіе рабочаго помѣщенія, за ней Энгельгардтъ, усѣвшійся попрежнему на верхней ступенькѣ.

— Видѣли?—спросилъ А. Н.

— Видѣли... что же?—отвѣчали мы.

— Хороша работница, — продолжалъ онъ. — Руки-то какія, плечи... да вѣдь она на ладонъ дышитъ, говоритъ и задыхается!.. Ну, что я съ ней стану дѣлать? Развѣ казачкомъ со мной на бѣгункахъ по работамъ будетъ ѣздить?—смѣялся онъ.

Мы молчали.

— Подумайте,—говорилъ хозяинъ:—вѣдь изъ Черниговской губерніи пѣшкомъ пришла! Я спрашиваю: что же, у васъ денегъ совсѣмъ нѣтъ, что ли? Нѣтъ,—говоритъ,—деньги есть, я и въ вагонѣ могла бы проѣхать. Такъ зачѣмъ же мучить себя?—Рабочіе люди пѣшкомъ ходятъ, а я отреклась... Я засмѣялся и спрашиваю: отъ чего отреклись?—Отъ отца, матери и ихъ жизни и ушла... Вотъ какая прыткая, а отецъ, повидимому, со средствами... Пришла вотъ и хочетъ работать!..

Разсказъ А. Н. произвелъ на насъ какое-то странное впечатлѣніе, я помню, мнѣ не понравилось, что Энгельгардтъ смѣялся, а Иннокентій Михайловачъ своимъ мягкимъ басомъ на этотъ разъ довольно сурово спросилъ: «Что вы, А. Н., думаете дѣлать? Надѣюсь, не прогоните ее?»

— Я не знаю, что съ ней дѣлать!—отвѣчалъ Энгельгардтъ:— но пусть живетъ! Вѣдь не объѣстъ же она насъ! Кстати, Иннокентій Михайловичъ, пригласите ее ужинать да поговорите съ ней... Вы, вѣроятно, сумѣете лучше меня выяснить...

— Хорошо!—отвѣчалъ послѣдній и направился въ рабочую избу.

Мы стали обсуждать, на какую бы работу поставить этого слабаго ребенка. Она пришла ужинать. Сидѣла звѣрькомъ, ничего не говорила и съѣла только кусокъ хлѣба съ солью.

Впослѣдствіи выяснилась ея фанатичность. Она пробовала быть учительницей, что ея не удовлетворило, и рѣшила, что надо жить съ народомъ и работать, отказавшись отъ всякихъ другихъ, кромѣ народной работы, средствъ. И вотъ пришла. И не могла по физической слабости работать и страдала отъ этого. Ушла, настрадавшись, и застрѣлилась въ Москвѣ.

Съ ней долго возился Иннокентій Михайловичъ, который о ней какъ-то выразился: «святая душа!»

И немало было такихъ душъ въ народническомъ движеніи, много было достоевщины, ненужныхъ страданій, этого наслѣдства,

и [illegible] [illegible] крѣпостного права. Дѣти [illegible] и [illegible] [illegible] за [illegible] [illegible] [illegible]. Екатерина Волынская [illegible] [illegible] въ такой [illegible].

Теперь нѣсколько словъ о работникахъ-батракахъ, которые нанимались обыкновенно на лѣтнюю пору, до [illegible] мѣсяца. Въ общемъ они не представляли собой ничего интереснаго. Работали недурно, вели себя хорошо, съ нами дружили и не спрашивали и не разспрашивали, почему мы пришли работать.

Я обрисовалъ парня Ивана. Онъ простодушенъ, теменъ, настоящее дитя смоленской деревни. Михайло, среднихъ лѣтъ женатый крестьянинъ, пошелъ въ батраки, потому что въ домъ принялъ брата-солдата, который съ малымъ хозяйствомъ управится, а онъ, Михайло, заработаетъ къ осени деньгу: вѣдь своего-то хлѣба не хватитъ! Крѣпышъ, приземистаго роста. Михайло всегда ровенъ и веселъ. А кажись отъ чего бы? Что это? добродушіе или легкомысліе? Мнѣ кажется, смѣсь того и другого. Михайло любитель выпить, но не пьяница, умѣетъ во время сдержаться, не какъ Семенъ, который напивается въ доску, до того, что на другой день работать не можетъ. Это онъ на фабрикѣ научился!

— Пойдешь, Семенъ, опять на фабрику?—спрашиваетъ Михайло.

— Ну ее къ чорту!—отвѣчаетъ съ похмелья Семенъ.

— А голова болитъ?—продолжаетъ допрашивать Михайло.

— Болитъ!—а тебѣ, чорту, что нужно?

— Чего орешь, обалдѣлый! на пятакъ, иди на мельницу.

Семенъ, съ недоумѣніемъ разсматривая мѣдную монету, слѣзаетъ съ лавки и вмѣсто благодарности говоритъ: «ишь ты!»

На мельницѣ арендаторъ-жидъ торгуетъ потихоньку виномъ, настоеннымъ на махоркѣ. Крѣпкое вино!

Сѣнокосъ. Блещетъ яркое солнце, освѣщая пестрые наряды бабъ. Весело, хотя и трудно, возиться съ сѣномъ: больно жаркій выдался день. А тутъ березовая роща, около опушки которой такъ хорошо и прохладно. Мы сѣли втроемъ: я, Михайло и одна интеллигентка изъ Москвы, недавно пріѣхавшая. Разговоръ идетъ между дѣвушкой и мной. Михайло слушаетъ, и это, видимо, ему надоѣло.

— Пойду работать,—говоритъ онъ, вставая.

Мы тоже поднимаемся.

— Нѣтъ, нѣтъ, отдыхайте!...—предупредительно убѣждаетъ Михайло.—Я и за васъ поработаю... вамъ надо поговорить... ишь дѣла у васъ! Не безпокойтесь, я гукну, когда староста али хозяинъ.

Не правда ли, совсѣмъ по-товарищески! и это: «я и за васъ поработаю». Одно было плохо,—Михайло позволялъ себѣ иногда сальности и довольно грубыя, но при Иннокентіи Михайловичѣ всегда сдерживался.

Наконецъ Ѳаддей, лѣтъ сорока пяти, первый работникъ и прекрасный человѣкъ. Это былъ мой душевный пріятель, котораго я искренно и непосредственно уважалъ. Да и нельзя было относиться иначе къ этому благородному мужику! Деликатная, серьезная доброта была основой его ровнаго характера. Его разумѣніе было земледѣльческое. Онъ какъ-то, наивно разсказывая намъ о городѣ Смоленскѣ, хваля порядки и «сладкое житье», добавилъ, что самъ онъ «ни вовѣкъ» не согласился бы тамъ жить и работать, потому задохнуться можно и «голова слабой становится». Я говорилъ, что Ѳаддей былъ ровенъ, что являлось результатомъ его цѣльной натуры. Я присматривался къ нему внимательно въ его сношеніяхъ съ людьми. Съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, всегда одинаковъ Ѳаддей: съ хозяиномъ ли Энгельгардтомъ, съ работникомъ или попросту съ ребенкомъ,—все тотъ же вылитый Ѳаддей! Когда я мучился и терялъ надежду научиться работать, какъ настоящій «мужикъ», я повѣрялъ свои мученія и сомнѣнія только одному Ѳаддею, и онъ меня утѣшалъ, что пройдетъ это, перетерпѣть надо и я буду работать такъ же легко, какъ и онъ.

— Не можетъ быть?—восклицалъ я.

— Вѣрно тебѣ говорю, Иванычъ, терпи!

Ѳаддея уважали рѣшительно всѣ. Никто ему не позволялъ сдѣлать дерзость, хозяинъ повысить тонъ. Это чудный и умный работникъ, который умѣлъ все дѣлать. А какъ онъ косилъ? не косилъ,—брилъ траву!

— Вотъ этотъ кусочекъ навѣрно сбрилъ Ѳаддей,—говорилъ А. Н., показывая на артистически скошенное мѣсто. За столомъ Ѳаддей рѣзалъ хлѣбъ, и никто лучше его не могъ этого сдѣлать, онъ же распредѣлялъ мясо, когда оно бывало, по кускамъ каждому, и никто не могъ распредѣлить правильнѣе Ѳаддея, и каждый былъ доволенъ отрѣзаннымъ имъ кускомъ.

Ѳаддей былъ кровный земледѣлецъ. Но отчего онъ въ батракахъ, а не при своемъ хозяйствѣ? Я спросилъ его объ этомъ.

— Видишь, Иванычъ, по веснѣ у меня лошадь пала, добрая была коняга! да и неурожай Господь послалъ... и надо итти стало въ люди! На жену съ малымъ сыномъ оставилъ хозяйство. Куда итти? въ чужихъ людяхъ я не работалъ... Прослышалъ про Альярдово [1]) хозяйство, что больно оно дошлое и строгое. Ну, и пошелъ сюда, потому безъ строгости какое же хозяйство, а тутъ и научиться есть чему нашему брату-мужику!

---

[1]) Мѣстные крестьяне называли Энгельгардта Альярдомъ.

XXXII.

Вліяніе труда и природы. — Пѣсня и музыка. — Непріятныя вѣсти. — Мои скитанія.

Къ концу лѣта я совершенно поправился и моего нервнаго пессимистическаго настроенія какъ не бывало. Я сталъ спокоенъ, тихо наблюдателенъ, смѣлъ, но не самонадѣянъ. Научившись терпѣніемъ и опытомъ взвѣшивать и распоряжаться своими физическими силами, я медленнѣе и осторожнѣе подходилъ къ своимъ умственнымъ выводамъ. Кромѣ обстановки и труда, природа, да еще смоленская, не раздражала, а умиротворяла своей сѣрой тишиной и ласковостью. Не отъ природы ли такой ласковый и деликатный народъ смоленскій? Вы не слыхали его старинныхъ народныхъ напѣвовъ, когда бабы начинаютъ на низкихъ нотахъ свои пѣсни и выдержанно и стройно доводятъ ихъ до конца. Это не пѣсни московскія или рязанскія съ визгомъ да вскрикиваніемъ, нѣтъ—это суровые и печальные отзвуки старины, пережитыхъ народныхъ думъ и чувствъ. Бывало, при наступавшемъ тихомъ вечерѣ, когда западъ освѣщенъ багровымъ закатомъ, изъ-за лѣса стройной волной пронесется по полямъ и лугамъ дружная пѣсня, еще и еще... То стихаютъ, то замираютъ звуки, чтобы съ новою силою подняться вверхъ къ поднебесью и тихо спуститься на землю и умереть, колыхнувъ нѣжно головки васильковъ. Близится пѣсня, близятся люди, а пѣсня то плачется, то смѣется. Хорошо! душа живетъ, и сердце прислушивается.

Да, оригинальны мотивы смоленскіе, сохранились они отъ старины глубокой и неизвѣстны русской интеллигенціи. Но записать мотивы были попытки, объ одной изъ которыхъ я разскажу.

Пахалъ я какъ-то облогъ близъ дороги и вижу—идетъ кучка людей: хозяинъ, его дочка и какая-то незнакомая дама плотнаго сложенія. Я направилъ плугъ отъ дороги, но кричатъ, зовутъ, машутъ руками. Дѣлать нечего, кое-какъ оправилъ свой костюмъ, подошелъ и меня представили дамѣ. Это была Сѣрова, вдова извѣстнаго композитора, автора «Рогнѣды» и другихъ музыкальныхъ произведеній. Госпожа Сѣрова наговорила мнѣ кучу комплиментовъ въ родѣ того, что какъ пріятно видѣть интеллигентнаго человѣка за плугомъ и вообще среди трудовой жизни народа. А. Н. Энгельгардтъ объяснилъ мнѣ цѣль пріѣзда госпожи Сѣровой, которая рѣшила записывать для предполагаемой оперы народныя пѣсни и мотивы и потому проситъ меня помочь ей въ этомъ дѣлѣ.

— Какимъ образомъ?—удивился я.

— Вечеромъ соберите бабъ и дѣвокъ,—продолжалъ А. Н.:—вы вѣдь всѣхъ знаете, которыя поютъ пѣсни... и устроимъ музыкальный вечеръ, разумѣется, съ угощеніемъ!

При послѣднихъ словахъ госпожа Сѣрова вынула изъ кошелька трехрублевую ассигнацію и, передавая ее мнѣ, прибавила: «пожалуйста, я прошу васъ... а это на угощеніе, распорядитесь, какъ знаете!»

Я держалъ въ рукахъ бумажку и, по правдѣ сказать, былъ смущенъ. Дни были будніе, къ вечеру всѣ отъ работъ уставали, было ли имъ до пѣнія?

— Я думаю и мужчинъ пригласить,—замѣтилъ я.

— Да, да, непремѣнно, мы на васъ надѣемся,—говорила композиторша.

— Берите лошадь и кончайте работу!—приказалъ хозяинъ.— Займитесь, чтобы собрать; вѣдь для этого госпожа Сѣрова пріѣхала къ намъ.

Дѣлать нечего, я долженъ былъ организовать концертъ, который рѣшилъ устроить на деревнѣ, гдѣ и мѣсто было подходящее. Впрочемъ, налаживаніе шло туго, и, если бы не заманчивое угощеніе (для мужчинъ водка, для женщинъ наливка), не вышло бы ничего.

Наступилъ вечеръ, собирались плохо. Интеллигенція съ хозяиномъ во главѣ сидѣла на крыльцѣ избы, пѣвцы и пѣвицы, подходя, становились около. Имъ сверху по стаканчику подавали водку и наливку, обходя насъ съ Энгельгардтомъ, какъ непьющихъ.

— А что же вы, Александръ Николаевичъ, Семенъ Ивановичъ?—спрашивалъ народъ.

— Имъ вредно,—отвѣчала Вѣра Александровна,—да кромѣ того они не умѣютъ пѣть...

— Какъ такъ? въ артели запоютъ...

Устроенный съ трудомъ вечеръ принималъ совершенно нежелательный казенный характеръ. Для меня было ясно, что ничего не выйдетъ.

— Пойте, пойте, господа! Или еще хотите по стаканчику?— предлагали дамы.

«Господа» сурово молчали, дѣвки конфузились, Сѣрова ходила по площадкѣ крылечка съ бумагой и карандашомъ въ рукѣ, готовая писать, записывать. Но дѣло совсѣмъ не клеилось: начнутъ пѣсню и на второй строфѣ смолкнутъ. Опять начнутъ... и ничего! И скучно, и нудно, и нелѣпо! Наконецъ произошелъ инцидентъ хозяина съ дамами, которыя, обидясь, ушли.

А. Н. послалъ старосту за водкой, что-то сказалъ простое, веселое, и настроеніе перемѣнилось. Принесли водки, хлѣба, огурцовъ, и пошла круговая, стали «гулять» по настоящему. Подходили люди еще, и наконецъ грянула стройная пѣсня, другая, захотѣлось попросту пѣть, захотѣлось высказаться по душѣ... До зари гуляли, а композиторша спала сладкимъ сномъ. Я пробовалъ записывать слова, а не мотивы пѣсенъ, но и это было трудно.

Я помню большой пожаръ въ селеніи Прилѣпы, когда среди сумятицы и борьбы съ огнемъ послышалась какъ бы пѣсня. Я не обратилъ вниманія, предположивъ, что плакали бабы. Но это была дѣйствительно пѣсня на случай пожара, и кружокъ бабъ пѣлъ печальныя слова подъ надрывающій сердце мотивъ. Строфы этой пѣсни были полны мрачной, безнадежной поэзіи, картины были кратки, одно слово давало цѣлое представленіе горя народнаго. Я крайне жалѣю, что, благодаря моимъ постояннымъ переѣздамъ съ мѣста на мѣсто, я утерялъ записанныя пѣсни, жаль, очень жаль! Съ трудомъ я записалъ пѣсню «пожарную» и то при помощи дьячихи. Дѣло въ томъ, что пѣвица сказать словъ не умѣетъ, можетъ только пѣть, и не одна, а хоромъ, когда слова припоминаются при народѣ.

Такъ прошло лѣто, наступила осень. Работамъ я научился, совершенно привыкъ къ мужицкому труду и очень благодаренъ А. Н. Энгельгардту за выучку, за очень серьезно поставленное хозяйство, гдѣ баловства не полагалось, а человѣку наблюдательному и желающему научиться можно было многому,—дѣйствительно Батищево было образцовое (средняго размѣра) хозяйство для средней полосы Россіи, и хозяйство было выгодное, дававшее доходы при батрацкомъ трудѣ.

Помню, въ то время въ нѣкоторыхъ газетахъ хозяйство Энгельгардта называлось эксплоататорскимъ, а А. Н. величали «кулакомъ», который выѣзжалъ на даровомъ трудѣ интеллигентовъ, завлекая ихъ на работы для своей выгоды. Совершенная неправда. Интеллигенція, за нѣкоторыми исключеніями, работать не могла и мужицкаго труда не выдерживала, и такихъ людей, говоря вульгарно, хозяинъ Батищева «просилъ о выходѣ». Что говорить, трудно было работать у А. Н., но зато можно было стать настоящимъ работникомъ. Вотъ когда послѣднее я созналъ и почувствовалъ, то ушелъ изъ Батищева и нанялся работникомъ къ мужику средняго достатка, снявшему порядочный покосъ. Какая была разница! работать у Энгельгардта или у Ивана Простого! У перваго трудно и подчасъ тяжело, а у второго вольготно и легко! Положимъ, страда миновала и подходила осень, но все-таки не тѣ были отношенія между хозяиномъ и батракомъ. Работали ровно, не спѣша, какъ старые, такъ и малые и, чего нельзя скрывать, любили поговорить на отдыхѣ. «Работа въ лѣсъ не убѣжитъ»—пословица точно для нашей малой артели изобрѣтена.

Покосъ, снятый у сосѣдняго помѣщика Иваномъ Простымъ, огибалъ болота, захватывалъ кочки. Это неважный былъ покосъ, но собрать сѣна было можно порядочно, невысокаго, впрочемъ, качества.

Семья состояла изъ хозяина, лѣтъ сорока человѣка, его отца, больше шестидесяти годовъ, еще вполнѣ бодраго старика, и хо-

зяйки Дарьи, ловкой, проворной и симпатичной женщины съ сѣрыми глазами и роскошными темнорусыми волосами. Подростокъ сынъ и лѣтъ тринадцати дѣвочка дополняли составъ семьи. Дружная и нетребовательная была эта семья, вѣроятно, потому и счастливая. Ровный ея строй ничѣмъ не нарушался, и мнѣ никогда послѣ не довелось испытывать такого покоя.

Не спѣша поднимались рано, и каждый принимался за свою работу. Мы съ дѣдомъ, забравъ съ собой хлѣба и огурцовъ, отправлялись косить до обѣда. Работали тихо, тоже не спѣша, и дѣдъ частенько предлагалъ передохнуть. Происходило это не то чтобы отъ усталости, а изъ любопытства къ моимъ разсказамъ. Дѣдъ очень любилъ города, дальнія страны и тѣ порядки, какіе тамъ существуютъ. Самъ онъ провелъ всю свою жизнь въ деревнѣ и только одинъ разъ посѣтилъ городъ Смоленскъ. Это была эпоха въ его жизни. Все, и путешествіе по желѣзной дорогѣ, и двухдневное пребываніе въ городѣ,—все оставило неизгладимое впечатлѣніе, и онъ говаривалъ: «Да, живутъ люди, здорово живутъ! Торгуютъ важно! купцы все богатые...

И дѣдъ страшно интересовался торговлей. Городъ, по его мнѣнію, это торговля, базаръ.

Бывало, сядемъ покурить.

— А въ святомъ Кіевѣ градѣ бывалъ?—спроситъ дѣдъ и смотритъ мнѣ прямо въ ротъ. Именно въ ротъ, а не въ глаза.

— Бывалъ,—отвѣчаю я.

— Что же, святыни много?

— Монаховъ много, обитель богатая, а богомольцевъ страсть...

— Тысячу?

— Куда?—отвѣчаю я.—Десятки, сотни тысячъ!

— И, и!..—разводитъ руками дѣдъ.—И хватаетъ хлѣба для столькихъ людей? Да вѣдь это, Боже мой... Торговля, значитъ, огромадная, купцовъ множество?!

— Евреи торгуютъ больше...

— Какъ, во святомъ-то градѣ Кіевѣ?!

Особенно разспрашивалъ дѣдъ про Петербургъ, гдѣ живетъ государь и царская свита, гдѣ, разумѣется, процвѣтаетъ торговля и продается самый лучшій пшеничный хлѣбъ. Въ такихъ, можно сказать, географическихъ разговорахъ проводили мы время на отдыхѣ и дома вечерами. Тихо, покойно жилось мнѣ въ этой семьѣ, хотя тянуло въ Москву, хотѣлось уже культурной жизни, хотѣлось иныхъ, не сѣрыхъ впечатлѣній.

Къ этому времени относится полученіе мною въ нѣкоторомъ родѣ рокового письма, а именно отказа мнѣ въ той суммѣ денегъ, которая была обѣщана на покупку клочка земли, гдѣ я хотѣлъ устроиться самостоятельно, какъ хуторянинъ и работникъ. Признаюсь, было тяжело, когда планы мои рушились и вновь пред-

стояло интеллигентное пролетарство. Я загрустилъ, занедужилъ! Мои хозяева это видѣли и перестали будить рано на молотьбу. Добрые люди! Бывало, проснешься и слышишь, какъ молотятъ, тра-та!.. та!.. бѣжишь, едва одѣвшись, и берешься за свой цѣпъ, неловко, даже совѣстно дѣлается, а Дарья говоритъ: «ужъ оченно сладко ты спалъ, Иванычъ, дѣдъ баетъ: не буди его чуть!» И хозяинъ улыбается, а мой цѣпъ не ладится, задѣвая за другіе.

Отжилъ мѣсяцъ и ушелъ отъ хорошихъ людей. Куда? Пошелъ на погрузку осеннюю на Волгу, хотѣлось присмотрѣться къ бурлакамъ. Работа трудная, спѣшная, артели незнакомыя, грубость, разгулъ, дикость и молодечество, дурныя и хорошія качества—все перемѣшано и вывернута на изнанку крестьянская душа. Вспоминаются все больше мрачныя картины, отъ которыхъ позволь мнѣ уклониться, читатель, а то и такъ мои очерки затянулись, а мнѣ надо перейти къ литературнымъ воспоминаніямъ...

С. И. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТЕПИ.

> **Ахъ ты, степь моя,**
> **Степь привольная!**
> **Широко ты, степь, пораскинулась,**
> **Къ морю Черному понадвинулась!**

ДАВНО, давно я промѣнялъ приволье степей на тѣсноту городской жизни.

Въ этомъ году я посѣтилъ мои родныя степи, вдыхалъ воздухъ родины, рвалъ цвѣты, растущіе на могилахъ... Это было во второй половинѣ іюня. Трава на низкихъ мѣстахъ еще не была скошена, и степь развернулась предо мной во всемъ своемъ пышномъ уборѣ. Уходящія въ даль желто-зеленоватыя нивы пшеницы, свѣтло-желтыя ячменя и ржи, голубовато-зеленыя овса чередовались съ пестрыми коврами сѣнокосовъ. Горячее южное солнце обливаетъ яркимъ свѣтомъ зеленое море, но жаръ его смягчается прохладнымъ, ласкающимъ вѣтромъ, несущимъ ароматы цвѣтовъ и травы. Въ это время года степь обворожительно прекрасна. Это точно море. Всюду виденъ горизонтъ, даже воздухъ какой-то особенный, напоминающій морской, а заходящее солнце золотитъ поверхность земли, и, кажется, утопаетъ, сливая небо съ землею. Надъ головою раздается пѣніе жаворонка, вдали перекликаются перепела. Дышится легко... за плечами вырастаютъ крылья, уносящія въ далекое прошлое, къ временамъ невозвратнаго дѣтства. «Все здѣсь мнѣ на память приводитъ былое», и эти милые цвѣты,—они остались такими же, такъ же раскрываютъ они свои лепестки навстрѣчу жаркимъ лучамъ

солнца. Вотъ заря, вотъ холодокъ, вотъ душистый горошекъ, вотъ перекати-поле, вотъ колокольчики...

Колокольчики мои, цвѣтики степные,
Что глядите на меня, темноголубые?
И о чемъ звените вы въ день веселый мая,
Средь некошенной травы головой качая?

И они разсказали мнѣ, какъ измѣнилась степь, какъ исчезаетъ цѣлина, обращаемая въ нивы, какъ богатый, казалось, безконечно плодородный, черноземъ постепенно истощается и начинаетъ требовать удобренія, невѣдомаго прежде, и о многомъ другомъ прозвенѣли колокольчики, о тѣхъ временахъ, когда мы жили здѣсь, не думая о будущемъ, уходили отсюда, не сознавая, какое зло мы тѣмъ причиняемъ родинѣ, не предчувствуя, какія страшныя времена она будетъ переживать.

Степь пересѣкается балками. Издали ихъ не видно; все сливается въ одну сплошную равнину, по которой лишь дорожки «вьются темно-сѣрою змѣей», да возвышается «зеленѣющихъ кургановъ убѣгающая цѣпь»; лишь изрѣдка, какъ островки, разбросаны небольшіе степные поселки, образовавшіеся только въ послѣднее время, а прежде и ихъ не было. Но когда вы спуститесь пониже и подойдете къ краю балки, картина сразу измѣняется. Въ глубинѣ балки блеститъ вода, зеленѣютъ сады, разбросаны деревни, хутора, имѣнія; слышенъ шумъ людской жизни; здѣсь умъ и сердце степи.

Мы на берегу рѣчки Терсы[1]). Когда-то Терса въ прадѣдовскія времена была порядочной рѣкой, но такою я ее не зналъ никогда. Насколько я ее помню, лѣтомъ она всегда пересыхала, превращаясь въ рядъ «ставковъ» (прудовъ). Теперь Терса стала еще меньше, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде была вода, тамъ нынѣ луга съ прекрасной травой. По теченію Терсы было много небольшихъ имѣній; въ одномъ изъ нихъ я бѣлый свѣтъ увидѣлъ, и теперь, черезъ много, много лѣтъ, я посѣтилъ его. Меня охватилъ цѣлый рой воспоминаній, когда я вступилъ на родную почву. Вспомнилъ я нашъ маленькій деревянный домъ подъ камышевой крышей съ двумя фронтонами, окруженный небольшимъ палисадникомъ, гдѣ деревья, стоявшія на юру, открытыя всѣмъ вѣтрамъ, росли плохо; по бокамъ дома были амбары съ колоннами, а дальше конюшня, сараи и прочія службы; нигдѣ не было деревьевъ, лишь за конюшней росло 2—3 бузинныхъ куста, да подальше отъ дома въ такъ называемомъ «байракѣ»—кусты терновника, вишни, бересклетъ; все это было переплетено и обвито ежевикой и хмелемъ. Начитавшись и наслушавшись страшныхъ сказокъ, я уходилъ въ

[1]) Павлоградскаго у. Екатеринославской губерніи.

байракъ и воображалъ, что нахожусь въ страшномъ, дремучемъ лѣсу, гдѣ на каждомъ шагу могутъ встрѣтиться опасность и даже разбойники; встрѣчалъ же я тамъ лишь много змѣй, съ которыми велъ безпощадную войну. И теперь съ ужасомъ вспоминаю, съ какимъ безстрашіемъ я нападалъ на этихъ опасныхъ гадовъ. Все это я живо представилъ себѣ, хотя дѣйствительность была совсѣмъ иная. Отъ прежняго остался одинокій кустъ бузины, пощаженный временемъ и новымъ временемъ какъ бы для того, чтобы быть нѣмымъ свидѣтелемъ прошедшаго. «Къ тебѣ, милое деревцо, каждый годъ возвращается весна, а прошлое, а молодость ужъ не вернется никогда»,—невольно подумалъ я, перефразируя слова одной малороссійской пѣсни. Отъ дома и отъ амбаровъ остался лишь слѣдъ, въ видѣ небольшихъ возвышеній почвы. Новый владѣлецъ предусмотрительно перенесъ усадьбу на другое мѣсто, поближе къ водѣ, поглубже въ балку, гдѣ болѣе защиты отъ вѣтра; балки онъ перегородилъ плотинами и вырылъ въ нихъ обширные пруды, гдѣ водятся теперь даже крупные карпы; у насъ же, кромѣ небольшихъ карасей, ничего не было; около дома онъ развелъ отличный фруктовый садъ, гдѣ и цвѣтамъ отведено мѣсто, а дальше въ сторону балки выросла цѣлая тѣнистая роща (почва здѣсь чудесная) широко и густо разросшихся грабовъ, кленовъ и другихъ деревьевъ; роща постепенно увеличивается, захватывая все большее пространство берега; когда я осматривалъ ее, я нашелъ новое мѣсто, уже огороженное и приготовленное для посадки 4 тысячъ березъ; березы, несомнѣнно, будутъ здѣсь прекрасно расти, благодаря обилью почвенной влаги. Усадьба обстроена некрасиво, но прочно и основательно. Если отъ этой усадьбы кинуть взоръ въ одну и въ другую сторону по теченію Терсы, то увидишь рядъ такихъ же усадебъ, и все это нѣмцы, нѣмцы и нѣмцы!

Прежде здѣсь жили помѣщики, вели свое хозяйство допотопными способами, сами мало работали, еще меньше знали; пріѣзжали въ свои вотчины, кто съ войны, кто изъ канцеляріи, любили поэзію, не прочь были выпить, поиграть въ картишки, приходили въ восторгъ отъ ржаного поля, совершенно синяго отъ васильковъ, ни о какой агрономіи слыхомъ не слыхали, въ урожайные годы ликовали и чаще ѣздили въ городъ за покупками, въ неурожайные—экономные ограничивали свои потребности, а расточительные дѣлали долги, ничему сами не учились и никого своимъ примѣромъ научить не могли. Пока существовало крѣпостное право, помѣщики благодушествовали; съ отмѣной его настали другія времена, другія вѣянія. И всѣмъ этимъ неприспособленнымъ къ активной дѣятельности людямъ пришлось плохо. Рѣдкій изъ нихъ сумѣлъ понять, что нужно дѣлать, чтобы сохранить за собою имѣніе, а большинство рѣшило, что хозяиничать больше нельзя, а тутъ явились нѣмцы, стали сначала брать имѣнія въ аренду, а затѣмъ и

покупать, и пошли имѣнія одно за другимъ. Первыя продажи были сдѣланы по 25—30 рублей за десятину; потомъ цѣны стали расти съ безумной быстротой. Сейчасъ за десятину платятъ около 300 рублей. Тотъ, кто купилъ землю по 25 рублей, нынѣ получаетъ только аренды въ годъ 15 рублей за десятину и не лучшей земли. Все это совершилось въ какихъ-нибудь 35—40 лѣтъ! Даже тѣ изъ помѣщиковъ, которыхъ крѣпостное право застало молодыми, съ запасомъ энергіи, съ рутиннымъ по крайней мѣрѣ знаніемъ хозяйства и съ способностью приспособиться къ новымъ условіямъ, ничего не могли сдѣлать противъ общаго разгрома. Они боролись и работали не безъ успѣха, пока были силы. Пришла старость, не стало силъ, и пришлось ликвидировать дѣло, такъ какъ некому было замѣнить ихъ: молодое поколѣніе готово было приняться за любой городской трудъ, по бѣжало деревенскаго. Если бы наши помѣщики, и особенно молодое поколѣніе, сумѣли понять великое значеніе земли и пріобрѣтали знанія для работы въ деревнѣ, а не бѣжали изъ нея, оставляя ее на произволъ судьбы, въ добычу всякаго рода хищникамъ, то мы не переживали бы теперь всѣхъ современныхъ ужасовъ; Россія совершала бы постоянный культурный ходъ, народъ вышелъ бы изъ дикости и вступилъ бы на дорогу истиннаго знанія, даже деревенская жизнь при обиліи образованныхъ землевладѣльцевъ, соединенныхъ общими интересами и цѣлями, утратила бы скучный характеръ какого-то добровольнаго уединенія. Подобное мы видимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Тамъ помѣщики живутъ въ своихъ имѣніяхъ; заботясь о своихъ личныхъ выгодахъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ работаютъ для общей пользы, оттого и деревенская жизнь ихъ полна разнообразія и интереса.

При отмѣнѣ крѣпостного права большинство здѣшнихъ крестьянъ подъ вліяніемъ такихъ же разговоровъ, какъ и теперь, отказалось принять надѣлъ, и ограничилось полученіемъ даровой земли въ количествѣ $1^3/_4$ десятины на душу. Такъ было и у моего отца. Одно семейство получило даровую землю около самой усадьбы, въ лучшей части имѣнія, на берегу рѣки. Я хорошо помню эту семью. Она состояла изъ старика-отца, матери и трехъ сыновей; одинъ изъ нихъ былъ сверстникомъ моихъ дѣтскихъ игръ. Глава семьи былъ малоспособенъ, всѣмъ управляла умная и энергичная жена «рябая Явдоха». Теперь я посѣтилъ эту семью. Меня окружила цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ. Старикъ уже умеръ давно, давно, но энергичная Явдоха только три года назадъ ушла въ страну, «откуда путникъ къ намъ не возвращался», умеръ также младшій изъ сыновей, мой сверстникъ, но живы еще два старшихъ брата и многочисленное ихъ потомство. Мнѣ было отрадно слышать, съ какимъ добрымъ чувствомъ они вспоминали моихъ родителей и благословляли ихъ за прекрасную землю, полученную

ими. Одинъ изъ внуковъ мнѣ сказалъ: «500 рублей даютъ нѣмцы намъ за десятину, но мы ни за что не уйдемъ отсюда». Я посмотрѣлъ на ихъ хозяйство, на ихъ жизнь, и пришелъ въ восторгъ. Какой порядокъ, какая чистота! Просторныя, красивыя хаты, снабженныя вполнѣ приличной мебелью и посудой въ особомъ шкапу; въ хатахъ чисто, ни малѣйшаго запаха; около хатъ всѣ необходимыя службы, гдѣ я увидѣлъ плуги, бороны, жатвенную машину, однимъ словомъ, все, что нужно для современнаго маленькаго хозяйства; за хатами сады, особенно у одного изъ братьевъ, самаго старшаго, который, очевидно, болѣе другихъ любитъ это занятіе; въ садахъ порядокъ, чистота, земля вырыхлена, подъ деревьями ни травинки, совсѣмъ какъ у нѣмцевъ; отличные сорта фруктовыхъ деревьевъ, даже цвѣты и душистыя травы: мята, кануферъ и прочее. На мой вопросъ, какъ они живутъ, получился отвѣтъ: «живемъ, слава Богу, нужды не знаемъ; насъ 30 дворохозяевъ, купили 200 десятинъ земли, да маловато намъ этого; а аренду трудно достать,— нѣмцы неохотно отдаютъ свою землю въ аренду, а если и отдаютъ, то худшую; купили бы еще, и деньги есть, да опасаемся, какъ бы не прогадать, потому что разное люди болтаютъ». Что этими словами хотѣлъ сказать мой собесѣдникъ, онъ толкомъ не объяснилъ, но смыслъ его словъ понятенъ самъ собою: какъ бы не заплатить деньги за то, что можно будетъ получить даромъ. «Эхъ, если бы паны остались,—продолжалъ онъ свою рѣчь:—мы бы и не такъ еще жили, да кто же могъ знать, что все такъ измѣнится». Одинъ изъ внуковъ при этомъ добавилъ: «бабушка наша не разъ говорила: если бы вашъ старый дѣдъ всталъ изъ гроба, да посмотрѣлъ кругомъ, да увидѣлъ огнедышащую колесницу, идущую по желѣзнымъ путямъ, то онъ махнулъ бы рукой и снова ушелъ бы въ могилу». Такъ поражено было воображеніе энергичной Явдохи колоссальнымъ измѣненіемъ жизни послѣ отмѣны крѣпостного права, она не допускала возможности воспринять эту перемѣну внезапно. И права была Явдоха. Старый дѣдъ привыкъ видѣть медленное движеніе воловъ, а тутъ чугунка съ ея паромъ, дымомъ и огнемъ, быстро мчащая десятки вагоновъ. Могъ ли бы онъ жить на свѣтѣ, гдѣ происходятъ такія страшныя вещи? Желѣзная дорога прошла по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ пролегалъ старый Крымскій шляхъ, по которому тянулись безконечныя вереницы чумаковъ въ Крымъ «по силь». Я живо помню этихъ загорѣлыхъ людей въ засмоленной одеждѣ. Они часто останавливались на нашей землѣ, чтобы пасти своихъ «волівъ круторогихъ», а иногда и поили ихъ въ нашемъ прудѣ; за это они платили по 2—3 копейки отъ пары воловъ, и мнѣ, тогда мальчику 6—7 лѣтъ, изрѣдка приходилось по порученію старшихъ собирать съ нихъ дань, и не было случая, чтобы они не уплатили слѣдуемаго или обсчитали меня. Таковы были нравы тогда, и какіе теперь? Описанное мною крестьянское

хозяйство вовсе не представляетъ исключенія. Я видѣлъ другое хозяйство въ сосѣднемъ имѣніи. Тамъ три брата владѣютъ 15 десятинами купленной земли. Младшій, холостой, служитъ, а женатые хозяйничаютъ и. кромѣ собственной земли, обрабатываетъ еще арендуемую ими отъ нѣмцевъ, платя 15 рублей аренды за десятину. Одинъ изъ братьевъ-хозяевъ довольно мрачнаго вида, неразговорчивый, а другой, напротивъ, любитель садоводства (вишневенькій садокъ) и пчелъ, вноситъ поэзію въ прозу деревенской жизни. Разговоры этого деревенскаго поэта о хозяйствѣ, о жизни, о трудѣ вызвали во мнѣ представленіе объ идилліи. Домъ ихъ полная чаша, но вмѣстѣ съ тѣмъ сберегательная касса не забывается ими.

Вообще внѣшній видъ степной деревни за послѣднія 20 лѣтъ страшно измѣнился, прежнія мазанки съ крошечными подъемными оконцами постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто хорошенькимъ бѣлымъ домикамъ подъ камышевой, деревянной и рѣже желѣзной крышей съ большими окнами и даже ставнями; о нѣмецкихъ колоніяхъ и говорить нечего. Это совсѣмъ города и препорядочные; недостаетъ только мостовыхъ да уличныхъ фонарей. Примѣръ великое дѣло, и этимъ примѣромъ для окружающихъ крестьянъ послужили нѣмцы, но не колонисты, а тѣ, что засѣли въ дворянскихъ гнѣздахъ. Крестьянинъ видѣлъ, какъ нѣмецъ работалъ, не покладая рукъ, какъ онъ примѣнялъ къ хозяйству всевозможныя улучшенія, пріобрѣталъ машины, заводилъ хорошій скотъ и малопо-малу превращалъ запущенное имѣніе въ цвѣтущее. Крестьянинъ видѣлъ, какъ нѣмецъ настойчиво идетъ къ поставленной цѣли, какъ онъ остороженъ въ выборѣ средствъ, и пошелъ за нимъ, убѣдившись на опытѣ въ всепобѣждающей силѣ труда. Ничто не остается безъ измѣненія въ этомъ мірѣ, и нѣмцы, оказавшіе вліяніе на окружающихъ ихъ людей, сами измѣнились подъ вліяніемъ новыхъ условій. Первые нѣмцы, пришедшіе сюда и купившіе имѣнія, были люди уже вполнѣ сложившіеся. Это былъ грубый, рабочій народъ; одѣвались они и ихъ жены въ самодѣльные, уродливые костюмы; нѣмки были простыя бабы съ мозолистыми руками; съ трудомъ объяснялись по-русски, съ крестьянами, конечно, ни въ какіе разговоры вступать не могли. Богатѣя, они мало сами измѣнялись по внѣшности и образу жизни, но дѣти ихъ росли уже въ другой обстановкѣ; они стали лучше говорить по-русски, начали одѣваться нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ отцы, подъ вліяніемъ хорошей жизни и богатства у нихъ появились нѣкоторыя привычки барства; микробъ дворянскихъ гнѣздъ, куда они забрались, на нихъ уже сталъ оказывать вліяніе, и жены ихъ изъ простыхъ бабъ превратились въ барынь. Но вотъ на смѣну имъ приходитъ третья генерація. Это уже совсѣмъ другіе люди и по языку и по внѣшности. Говорятъ они совершенно свободно по-русски, не съ нѣмецкимъ, а съ малороссійскимъ акцентомъ и выраженіями, они

получили нѣкоторое образованіе, а многіе изъ нихъ стали совсѣмъ образованными людьми, дѣвицы ихъ играютъ на фортепіано и говорятъ, что имъ скучно въ деревнѣ, однимъ словомъ, дворянскій микробъ сталъ дѣйствовать во всю. Богатые окружили себя комфортомъ, завели парадные выѣзды, держатъ въ домѣ массу прислуги, критикуютъ правительство и говорятъ: «у насъ въ Россіи все такъ»; иные пошли еще дальше: стали швырять деньгами, какъ отставные гусары добраго стараго времени, и довели себя до полнаго разоренія. Микробъ торжествовалъ! Говорятъ они и до сихъ поръ въ своей средѣ на нѣмецкомъ простонародномъ языкѣ, съ массой русскихъ или малорусскихъ германизованныхъ словъ; литературнымъ же нѣмецкимъ языкомъ владѣютъ только образованные изъ нихъ, въ нѣкоторыхъ семьяхъ на ряду съ нѣмецкимъ употребляется русско-малороссійскій языкъ, который молодому поколѣнію кажется совсѣмъ роднымъ: такъ, одна семья побывала за границей и при обратномъ переѣздѣ русской границы маленькій сынъ, обращаясь къ своей матери, сказалъ: «ну, теперь уже скоро будемъ дома, слава Богу, можно говорить по-своему, а то мнѣ страшно надоѣли эти проклятые пруссаки». Даже въ нѣмецкихъ колоніяхъ и тамъ вы слышите совершенно правильную русскую рѣчь и по внѣшности съ трудомъ можно отличить малорусскаго парня отъ парня нѣмецкаго. Меня везъ ямщикъ, и я былъ увѣренъ, что это великороссъ, а между тѣмъ это былъ нѣмецъ-колонистъ. Что касается костюмовъ, то произошло взаимное вліяніе нѣмецкаго на малорусскій и малорусскаго на нѣмецкій. Костюмъ современнаго сельскаго рабочаго совершенно измѣнился: синяя или цвѣтная рубашка, запущенная въ штаны, подпоясанная кожанымъ поясомъ съ пряжкой, и малороссійская соломенная шляпа (бриль), иногда русская фуражка. Если между рабочими встрѣчается великороссъ, то онъ одѣтъ попрежнему въ свой костюмъ и вліянію нѣмцевъ не подается. Костюмъ нѣмца: пиджакъ, малороссійская или русская рубаха, соломенная шляпа (бриль) или русская фуражка; богатые и барствующіе носятъ общеевропейскій костюмъ. Старинныя малороссійскія свитки, сермяги съ водлогой (капюшономъ) и казакины совершенно выходятъ изъ употребленія, возбуждая насмѣшки, хотя въ чисто-малороссійскихъ губерніяхъ, чуждыхъ иноземнаго вліянія, они еще въ полномъ ходу.

Нѣмцы дали толчокъ, они возбудили самодѣятельность крестьянства, но необразованная масса ихъ, конечно, не могла руководить даже экономическимъ прогрессомъ. Такая широкая задача была бы по плечу соединеннымъ усиліямъ образованныхъ, любящихъ родину землевладѣльцевъ, непосредственно и путемъ участія въ работѣ земства. Какое широкое поле дѣятельности на необъятныхъ нивахъ матушки Россіи, еще почти нетронутыхъ, но для этой работы нужна любовь къ деревнѣ и способность упорно и долго

ждать результата своихъ усилій! То ли дѣло сразу перевернуть все вверхъ дномъ! На это у насъ охотниковъ довольно... Захотѣло земство устроить образцовое хозяйство въ своемъ имѣніи и пригласило ученаго агронома. Казалось бы, вотъ тутъ развернуться и показать окружающему населенію, какъ надо обрабатывать землю, какъ извлекать изъ нея наибольшую сумму дохода,—ничуть не бывало: о хозяйствѣ ученый агрономъ и не подумалъ,—ему некогда было, такъ какъ онъ все время былъ занятъ распространеніемъ среди населенія такъ называемой «нелегальной литературы». Очевидно, ученый агрономъ разсуждалъ такъ: пока крестьяне сдѣлаются хорошими хозяевами, пройдетъ много времени, а при помощи литературы онъ сдѣлаетъ ихъ счастливыми въ одинъ мѣсяцъ и, конечно, предпочелъ кратчайшій путь, ведущій къ счастью.

Надо отдать справедливость, что по крайней мѣрѣ екатеринославское уѣздное земство сдѣлало и дѣлаетъ очень много для народа. Первѣйшее условіе культурнаго существованія это хорошія дороги, и земство ихъ устроило: балки замощены, черезъ нихъ перекинуты желѣзо-каменные, желѣзо-бетонные мосты; особенно хороши послѣдніе по своей легкости и прочности. Я никакъ не ожидалъ, что сдѣланный изъ толстой проволоки столбъ, набитый цементомъ, смѣшаннымъ съ мелкими камешками, превращается въ монолитъ, который забиваютъ въ землю какъ деревянную сваю. Земскія школы поставлены отлично; при многихъ имѣются учебные сады, гдѣ школьники знакомятся съ основами садоводства. Земство вообще очень заботится о ремесленномъ образованіи и заводитъ школы, какъ мужскія, такъ и женскія (ткачества и рукодѣлій). Слесарно-кузнечная школа выпускаетъ прекрасныхъ мастеровъ. Я видѣлъ работы учениковъ, и онѣ поразили меня своей тщательной и тонкой отдѣлкой. Нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ слесарно-кузнечную школу, при помощи земства на артельныхъ началахъ устраиваетъ мастерскую земледѣльческихъ орудій, и крестьянское общество охотно дастъ имъ для этой цѣли 5 десятинъ земли. 12 лѣтъ тому назадъ въ уѣздѣ было только 2 больницы, теперь 11, и больницы имѣютъ все необходимое и содержатся въ полномъ порядкѣ. Для поднятія сельско-хозяйственной культуры земство рѣшило устроить образцовое имѣніе; предпріятіе это только еще въ самомъ началѣ, и будетъ ли отъ него толкъ, трудно сказать: чтобы имѣніе дѣйствительно принесло пользу населенію, нужно, чтобы имѣніемъ завѣдывалъ человѣкъ, преданный дѣлу всей душой, а такого найти не такъ-то легко. Такова работа земства; результаты ея сказываются годами, и для тѣхъ, кто видитъ эту работу ежедневно, она совсѣмъ незамѣтна; но таковъ всякій благотворный трудъ, прокладывающій путь для спокойнаго шествованія культуры. Говорить громкія рѣчи, все подвергать критикѣ и рисовать на словахъ великія перспективы

очень легко, но дѣлать даже маленькое дѣло куда труднѣе. Къ несчастью, у насъ гораздо болѣе людей, готовыхъ однимъ почеркомъ пера осчастливить все человѣчество, чѣмъ способныхъ на дѣлѣ внести лучъ свѣта и тепла въ жизнь своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Въ заключеніе маленькая экскурсія въ область степной фауны. При осмотрѣ лѣса въ земскомъ имѣніи, расположенномъ на берегу Днѣпра, у Змѣинаго порога, приказчикъ имѣнія сказалъ мнѣ: «А знаете,—въ этомъ лѣсу водятся желтобрюхи» [1]). Я былъ очень удивленъ, когда услышалъ о существованіи этихъ змѣй; я считалъ ихъ давно истребленными; даже въ раннемъ моемъ дѣтствѣ я находилъ въ степи лишь гадюкъ, мѣдяницъ да живородящихъ полозовъ, но желтобрюховъ никогда не встрѣчалъ, хотя слышалъ о нихъ страшные разсказы, какъ они нападаютъ на людей, и какъ отъ нихъ можно спастись, убѣгая противъ солнца; впрочемъ, однажды пахари принесли къ намъ въ усадьбу одного убитаго ими желтобрюха огромныхъ размѣровъ. Приказчикъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію: «Три дня тому назадъ одинъ нашъ мужичокъ выходилъ изъ этого лѣса на овсяное поле, какъ вдругъ онъ слышитъ странный шумъ; не успѣлъ онъ осмотрѣться, чтобы узнать причину шума, какъ мимо него проползла огромная змѣя въ руку толщиною, по словамъ мужичка; замѣтивъ его, змѣя быстро метнула въ сторону и съ такой силой ударила его, что онъ упалъ; въ пасти змѣи была какая-то птица». Можно себѣ представить, какихъ размѣровъ и какой силы было это чудовище! Приказчикъ добавилъ, что онъ издали видѣлъ эту сцену; змѣи не видѣлъ, но слышалъ крикъ мужика и видѣлъ его паденіе. Заинтересованный этимъ разсказомъ, я вмѣстѣ съ приказчикомъ и остальными спутниками обошелъ весь лѣсъ, но никакихъ желтобрюховъ не встрѣтилъ. Это какая-то полумиѳическая змѣя. Существуетъ масса о ней разсказовъ, но въ послѣднія тридцать лѣтъ ни одна не была убита. Въ прошломъ году въ имѣніе моихъ родственницъ прибѣжали въ страшномъ испугѣ двѣ женщины и разсказали, что когда онѣ проходили мимо глинистаго обрыва, на нихъ бросилась огромная змѣя, у которой голова была похожа на голову жабы. Онѣ едва могли убѣжать отъ нея, побросавъ свои ноши. Немедленно были посланы на указанное мѣсто люди; осмотрѣли всю окружающую мѣстность и весь обрывъ, нашли брошенныя женщинами ноши, но змѣи не нашли и не видѣли. Съ одной стороны, трудно допустить, чтобы женщины все выдумали, или чтобы змѣя была только въ ихъ воображеніи, а съ другой стороны,—куда же дѣвалась эта странная змѣя?

Г. А.

---

[1]) Желтобрюхи или желтопузы—крупная порода змѣй, родъ степного удава.

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИНЪ.

НЕ БУДЕТЪ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что Николай Васильевичъ Шелгуновъ занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей общественности. Но, несмотря на это, ни личность его, ни литературная физіономія не выяснены, литературная дѣятельность не оцѣнена, не указано то мѣсто, которое онъ занимаетъ на ряду съ представителями нашей общественной мысли, наконецъ, у насъ нѣтъ даже болѣе или менѣе подробной его біографіи,

Задачей нашей статьи мы ставимъ заполнить этотъ пробѣлъ, въ общихъ чертахъ обрисовать личность Шелгунова, указать главнѣйшіе факты его жизни и подвести итогъ его литературной дѣятельности. Это сдѣлать теперь уже возможно; наша русская жизнь движется впередъ съ такой головокружительной быстротой, движеніе идей у насъ такъ стремительно, что мы можемъ сдѣлать оцѣнку того, что было 10—15 лѣтъ назадъ: несмотря на короткій промежутокъ времени, мы ушли далеко отъ этого момента, и на Шелгунова въ силу этого можно уже посмотрѣть въ исторической перспективѣ, хотя онъ умеръ недавно, въ 1891 году.

I.

Обратимся сначала къ біографіи Шелгунова. Мы не собираемся обрисовывать его жизнь во всѣхъ деталяхъ, а остановимся лишь на наиболѣе важныхъ фактахъ.

Богатый матеріалъ для біографіи Шелгунова и для характеристики его личности даютъ дневникъ писателя, относящійся къ концу сороковыхъ годовъ [1]), его письма и воспоминанія жены [2]). Наконецъ, очень цѣнный матеріалъ представляютъ воспоминанія самого Шелгунова [3]). Эти-то матеріалы мы и беремъ въ основу нашей работы.

Николай Васильевичъ Шелгуновъ родился въ 1824 году; отецъ его былъ чиновникъ. Онъ умеръ, когда сыну было три года, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства заставили мать Шелгунова отдать горячо любимаго сына четырехъ лѣтъ въ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ. Ему не исполнилось еще девяти лѣтъ, какъ мать перевела его въ лѣсной институтъ. Строй этого учебнаго заведенія въ первые годы пребыванія въ немъ Шелгунова рѣзко отличался отъ строя, господствовавшаго въ школахъ николаевскаго времени. По свидѣтельству Шелгунова, въ лѣсномъ институтѣ царила семейная обстановка, дѣтямъ жилось хорошо и свободно. Въ воспоминаніяхъ Шелгунова о первыхъ годахъ жизни въ училищѣ, по его словамъ, «осталось общее впечатлѣніе чего-то очень свободнаго, свѣтлаго и хорошаго» [4]).

Уже въ лѣсномъ институтѣ была заложена въ Шелгуновѣ любовь къ литературѣ. Благотворное вліяніе на расширеніе его кругозора и интересовъ оказали два преподавателя русскаго языка, Сорокинъ и Комаровъ, другъ Бѣлинскаго. «Комаровъ и Сорокинъ,— говоритъ Шелгуновъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—были для насъ источникомъ свѣта, нитью, связывающею съ внѣшнимъ міромъ и его интересами, раздвигавшими каменныя стѣны нашихъ классныхъ комнатъ и выгонявшими изъ нихъ учебную духоту. Какъ люди литературные, Комаровъ и Сорокинъ вносили къ намъ и интересъ литературный» [5]).

---

[1]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XI—XII.

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой».

[3]) «Воспоминанія» послужили поводомъ къ аресту въ 1891 году II тома «Сочиненій Шелгунова», изданнаго Ф. Павленковымъ. Послѣ этого «Воспоминанія» были помѣщены въ страшно изуродованномъ цензурой видѣ съ выпускомъ цѣлыхъ главъ. Мы имѣли возможность пользоваться однимъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ уничтоженія въ 1891 году экземпляровъ «Сочиненій Шелгунова». Считаемъ долгомъ выразить благодарность Василію Ивановичу Семевскому, любезно предоставившему намъ этотъ экземпляръ и давшему возможность использовать такой въ высшей степени цѣнный для насъ документъ, какъ «Воспоминанія» писателя въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Пользуясь случаемъ, выражаемъ также свою благодарность дочери Николая Васильевича, г-жѣ Лукиной, любезность которой позволила намъ приложить къ статьѣ лучшій и малоизвѣстный портретъ писателя.

[4]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 625. Изд. 1891 г.

[5]) Тамъ же, стр. 627.

Строй института рѣзко перемѣнился, когда Николай I переформировалъ его въ военно-учебное заведеніе. Сорокинъ и Комаровъ были уволены, воспитателями были назначены офицеры, стала господствовать военная дисциплина, и вмѣстѣ съ этимъ воцарилась удушливая атмосфера. Это обстоятельство, по словамъ Шелгунова, очень неблагопріятно отразилось на нравахъ воспитанниковъ и въ то же время создавало извѣстное настроеніе, озлобленіе въ юныхъ сердцахъ. «Что для насъ было закрыто чтеніе, это, конечно, предохраняло насъ отъ «идей»,—говоритъ Шелгуновъ:— но въ то же время постоянно подавляемое чувство свободы и жизнь подъ мелочными запрещеніями вызывали въ насъ самую опасную идею неповиновенія, а съ нею будили и инстинктъ разрушенія» [1]. Строй института, тлетворно вліяя на воспитанниковъ, по словамъ Шелгунова, развивалъ лишь одну хорошую черту — чувство товарищества. Въ виду спеціальнаго назначенія института воспитанники пріучались ухаживать за лѣсомъ, садить деревья и т. п. Въ этихъ занятіяхъ были, по свидѣтельству Шелгунова, элементы, благопріятные для развитія самостоятельности и независимости. Описывая практическія занятія воспитанниковъ лѣсного института, Шелгуновъ въ послѣднемъ неоконченномъ «Очеркѣ русской жизни», напечатанномъ спустя много времени послѣ его смерти, говоритъ: «Все это — были очень благопріятныя условія для воспитанія въ дѣтскомъ чувствѣ ощущенія независимости, которое потомъ уже закрѣплялось привычкой» [2].

Такимъ образомъ, мы видимъ, что школа, съ одной стороны, возбудила въ Шелгуновѣ любовь къ литературѣ, съ другой—закаляла его характеръ, вырабатывала независимость и самостоятельность.

Окончивъ курсъ лѣсного института по первому разряду со званіемъ лѣсного таксатора и чиномъ подпоручика, Шелгуновъ занялъ мѣсто въ лѣсномъ департаментѣ въ Петербургѣ. Ему постоянно приходилось разъѣзжать по командировкамъ; но, несмотря на это, онъ находилъ время для научныхъ занятій лѣснымъ дѣломъ, результатомъ чего были статьи по лѣсоводству. Первая изъ нихъ была напечатана въ «Сынѣ Отечества». Въ 1845 году Шелгуновъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей по лѣсоводству въ «Библіотекѣ для чтенія». Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ института Шелгуновъ вынесъ интересъ къ научной разработкѣ своей спеціальности. Къ этому времени относится увлеченіе Шелгунова своей двоюродной племянницей, Л. П. Михаэлисъ. Лѣтомъ 1849 года Шелгуновъ былъ посланъ по дѣламъ службы въ Мелекесъ Самарской губерніи, а зимою его оставили на службѣ при тамошнемъ управленіи казенными землями, находившемся въ Самарѣ.

---

[1] «Изъ прошлаго и настоящаго». «Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 631.
[2] «Русская Мысль», 1903, кн. VI, стр. 36.

Въ Самарѣ Шелгуновъ попалъ въ благопріятную обстановку. «Самарскій край,—разсказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— въ пятидесятыхъ годахъ отличался особенно счастливымъ составомъ администраціи, какого, конечно, не было ни въ одной изъ губерній въ Россіи. Тонъ управленія давала самарская удѣльная контора, въ которой съ управляющаго и до послѣдняго чиновника всѣ отличались какой-то легендарной, идеальной добросовѣстностью. Добросовѣстность эта являлась не вслѣдствіе хорошаго содержанія или процентовъ съ общественныхъ запашекъ, которые получали чиновники, а она была новымъ общественнымъ чувствомъ, первымъ выраженіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ шестидесятыхъ годахъ превратились въ общественный энтузіазмъ... Товарищъ прокурора, губернскій стряпчій, даже управляющій откупами были новыми людьми, и не только новыми, но и совсѣмъ молодыми. Новая молодежь проникала во все управленіе и давала всему тонъ» [1]). Знакомство съ этими людьми, конечно, не могло не отразиться съ лучшей стороны на Шелгуновѣ.

Въ маѣ 1850 года онъ пріѣхалъ на время въ Петербургъ и женился на Л. П. Михаэлисъ, послѣ чего опять возвратился съ женой въ Самару.

Судя по отзывамъ жены, жизнь Шелгунова шла въ Самарѣ довольно счастливо. Въ то время онъ работалъ надъ трудомъ по лѣсному законодательству, который подготовлялъ къ печати. «Денегъ у насъ, — пишетъ Л. П. Шелгунова, — было такъ мало, что мы должны были соблюдать экономію во всемъ, но это нисколько не мѣшало намъ веселиться» [2]). Въ 1851 году Шелгунову удалось перевестись снова въ Петербургъ, въ лѣсной департаментъ. Въ 1854 году онъ выпустилъ большой трудъ — «Исторію русскаго лѣсного законодательства». Эта работа, очевидно, обратила на себя вниманіе начальства, и въ 1856 году Шелгунову было предложено мѣсто профессора въ Лисинскомъ учебномъ лѣсоводствѣ. Не чувствуя себя подготовленнымъ на этотъ постъ, Шелгуновъ просилъ разрѣшенія поѣхать на свой счетъ за границу для усовершенствованія, что ему и было разрѣшено. Въ мартѣ 1856 года онъ выѣхалъ изъ Россіи.

Шелгуновъ посѣтилъ Берлинъ, довольно долго жилъ въ саксонской деревнѣ Вернсдорфъ, изучая лѣсоводство, затѣмъ былъ въ Лейпцигѣ, Эмсѣ, гдѣ познакомился съ докторомъ Ловцовымъ, который возбудилъ въ немъ интересъ къ сочиненіямъ Герцена, Швейцарію, наконецъ, нѣкоторое время жилъ въ Парижѣ, гдѣ

---

[1]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 635. Изд. 1891 г.

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 47.

познакомился съ нѣсколькими французскими писателями и популярной въ то время поборницей женской эмансипаціи д'Эрикуръ. Путешествіе имѣло громадное вліяніе на Шелгунова. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу: «Въ жизни каждаго бываетъ моментъ, когда одно новое слово, одно новое понятіе производятъ крутой переломъ и все старое выкидывается за бортъ; и чѣмъ старательнѣе производится эта очистка, тѣмъ становится пріятнѣе и дышится легче. Точно желѣзные кандалы сваливаются съ ногъ и пудовыя гири съ плечъ. Моментомъ такого перелома была для меня поѣздка за границу. И какъ же я жадно вглядывался во всѣ мелочи германской жизни и по большимъ дорогамъ изъ оконъ вагоновъ, и на мѣстѣ, въ глухихъ центрахъ, въ медвѣжьихъ глухихъ углахъ. Все было тутъ мнѣ ново и любопытно... Поѣздка за границу была для меня первымъ нагляднымъ урокомъ общественной гуманности и порядочности простого, будничнаго обихода. Я въ первый разъ увидѣлъ свободныхъ людей, которые безъ палки и самовластія живутъ однако гораздо лучше и богаче насъ» [1]).

По возвращеніи изъ-за границы, лѣтомъ 1857 года, Шелгуновъ былъ назначенъ сопровождать министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьева, во время ревизіи по разнымъ городамъ Россіи. Во время этой поѣздки Шелгунову приходилось много работать, что не могло не отражаться на его здоровьи. «Бываетъ, что дѣлается въ головѣ такой жаръ,– пишетъ онъ женѣ изъ Москвы 25 іюля 1857 года, — налегаетъ такой туманъ, что кажется—такъ вотъ и свалишься,—а ничего, работаешь» [2]). Муравьевъ былъ доволенъ Шелгуновымъ, цѣнилъ его знанія и работоспособность и въ октябрѣ того же года сдѣлалъ его начальникомъ одного изъ отдѣленій лѣсного департамента. Тутъ еще болѣе пришлось ему работать. «Николай Васильевичъ, будучи начальникомъ отдѣленія, — разсказываетъ Л. П. Шелгунова, — проводилъ въ департаментѣ цѣлыя утра до поздняго обѣда, затѣмъ занимался, какъ редакторъ газеты «Лѣсоводство и Охота», да еще, кромѣ того, зачастую, когда всѣ мы ложились спать, то часа въ три вдругъ раздавался звонокъ и оказывалось, что Муравьевъ, очень мало спавшій, требовалъ къ себѣ Николая Васильевича для разъясненія какого-нибудь вопроса. Такая жизнь не могла не разстроить нервы Шелгунова, и онъ настолько сталъ хворать, что, не чувствуя никакой особенной болѣзни, нерѣдко по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кабинетѣ на диванѣ» [3]). Болѣзнь заставила Шелгунова просить

---

[1]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 642—643. Изд. 1891 г.

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 73.

[3]) Тамъ же, стр. 83.

опять отпускъ за границу, который онъ и получилъ. Въ маѣ 1858 года Шелгуновъ уѣхалъ за границу.

Въ это путешествіе Шелгуновъ посѣтилъ Франценсбадъ, гдѣ лечился довольно продолжительное время. Въ началѣ 1859 года Шелгуновъ отправился въ Парижъ, куда пріѣхала и жена его, лечившаяся въ Крейцнахѣ, и М. Л. Михайловъ. Въ февралѣ они выѣхали въ Лондонъ къ Герцену. За границей Шелгуновы были годъ; обратный путь онъ совершилъ черезъ югъ, отправивъ жену прямой дорогой. Въ это время, судя по письмамъ, Шелгуновъ остылъ къ лѣсному дѣлу и рѣшилъ покинуть службу. По возвращеніи изъ-за границы, Шелгуновъ читаетъ лекціи въ лѣсномъ институтѣ по лѣсному законодательству. По письмамъ видно, что это дѣло его увлекаетъ и интересуетъ. Результатомъ поѣздки было составленіе проекта новаго лѣсного устава. Муравьевъ остался доволенъ работой Шелгунова, но не далъ ей хода. Тогда онъ просилъ разрѣшенія напечатать свой трудъ, что ему было разрѣшено, и работа была напечатана въ 1861 году въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ: «Матеріалы для лѣсного устава». Въ томъ же году Шелгуновъ печатаетъ рядъ статей въ томъ же журналѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Законы о лѣсахъ Западной Европы».

Это были послѣднія статьи Шелгунова по лѣсоводству. Еще въ 1859 году онъ вступаетъ въ «Русское Слово» статьею «Одна изъ административныхъ кастъ». Вступленіемъ въ «Русское Слово» начинается новый періодъ жизни Шелгунова; онъ входитъ въ литературные круги, сближается съ Чернышевскимъ. «Съ этого года (1859) мои личныя воспоминанія, — говоритъ Шелгуновъ, — получаютъ другой характеръ. Я вступаю въ сношеніе съ людьми, память о которыхъ связана съ лучшими годами моей жизни. И какая же это память, какая благоговѣйная память и какъ она дорога мнѣ! Самая широкая гуманность и великодушныя чувства нашли въ этихъ людяхъ лучшихъ своихъ поборниковъ. Если у меня, старика, у котораго уже нѣтъ будущаго, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты въ жизни, то только въ воспоминаніяхъ о нихъ» [1]).

Осенью 1860 года Л. П. Шелгунова серьезно заболѣла, у нея сдѣлался параличъ ногъ. Лѣтомъ 1861 года Шелгуновы вмѣстѣ съ Михайловымъ поѣхали за границу для поправленія здоровья Шелгуновой. Сначала они жили въ Наугеймѣ, а потомъ Шелгуновы поѣхали въ Парижъ, а Михайловъ въ Лондонъ. Вернулись Шелгуновы въ сентябрѣ. Въ слѣдующемъ 1862 году лѣтомъ Шелгуновъ былъ арестованъ и подвергся суровой карѣ.

---

[1]) «Изъ прошлаго и настоящаго». «Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 658. Изд. 1891 года.

Вопросъ о томъ, что повлекло за собой арестъ Шелгунова, былъ до сихъ поръ совершенно не выясненнымъ; только теперь, благодаря опубликованію матеріаловъ, относящихся къ процессамъ Михайлова и Чернышевскаго, мы имѣемъ возможность нѣсколько выяснить данный вопросъ. Необходимо прежде всего въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться этихъ дѣлъ, съ которыми арестъ Шелгунова стоитъ въ тѣсной связи.

Въ августѣ 1861 года въ Москвѣ была обнаружена тайная типографія, при чемъ къ дѣлу среди другихъ былъ привлеченъ корнетъ В. Костомаровъ. Въ этомъ дѣлѣ заподозрѣли участіе Михайлова, узнавъ о знакомствѣ его съ Костомаровымъ. 1-го сентября былъ произведенъ обыскъ у Михайлова, жившаго съ Шелгуновыми, но ничего компрометирующаго найдено не было. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Петербургѣ [1]) стала обращаться прокламація—«Къ молодому поколѣнію». Ее получилъ по почтѣ даже начальникъ Третьяго отдѣленія, графъ Шуваловъ. Прокламація произвела переполохъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ это время въ руки Третьяго отдѣленія попалось письмо упомянутаго В. Костомарова къ графу Ростовцеву, написанное еще до ареста. Въ этомъ письмѣ Костомаровъ проситъ графа Ростовцева узнать адресъ «М. Мих.» и предупредить его, чтобы онъ принялъ мѣры къ уничтоженію «М. П.» [2]). Третье отдѣленіе сразу догадалось, что подъ «М. Мих.» скрывается Михайловъ, а подъ «М. П.»—«Къ молодому поколѣнію» 14 сентября у Михайлова былъ произведенъ второй обыскъ, но опять-таки ничего не было найдено, но тѣмъ не менѣе онъ былъ арестованъ. Ему было показано письмо Костомарова къ графу Ростовцеву и послѣ непродолжительныхъ запирательствъ Михайловъ показалъ, что, будучи въ Лондонѣ у Герцена, онъ высказалъ однажды по поводу цензурныхъ стѣсненій мысль, что смягченію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ Россіи. Когда, по показаніямъ Михайлова, разговоръ перешелъ къ возможности печатать за границей изданія, съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Россіи, Герценъ предложилъ ему для опыта написать статью съ этою цѣлью. Но написанная Михайловымъ статья, по его словамъ, не понравилась Герцену, но тѣмъ не менѣе онъ ее взялъ. Когда Герценъ представилъ Михайлову напечатанные экземпляры, то онъ увидѣлъ, что изъ написаннаго имъ было сохранено лишь очень немногое, все же остальное было написано вновь. Кѣмъ именно это было измѣнено, Михайловъ показалъ, что онъ не знаетъ. Г. Лемке придаетъ вѣру показанію Михайлова [3]). Совер-

---

[1]) По свидѣтельству Л. Ф. Пантелѣева, и въ провинціи. («Нелишнее разъясненіе».—«Былое», 1906, кн. II, стр. 290).

[2]) Лемке. «Дѣло Михайлова».—«Былое», 1906, кн. I, стр. 103.

[3]) Тамъ же, стр. 102.

шенно противоположное говоритъ г. Пантелѣевъ въ своей книгѣ «Изъ воспоминаній прошлаго»,—именно, что прокламація была написана Шелгуновымъ, Михайловъ лишь отпечаталъ ее и привезъ въ Россію заклеенною въ дно чемодана, каковую операцію произвелъ Шелгуновъ въ Парижѣ [1]). Герценъ же, по словамъ г. Пантелѣева, не одобрилъ прокламаціи и никакого участія въ ея печатаніи не принималъ [2]). Послѣ того, какъ г. Лемке, на основаніи опубликовываемыхъ имъ показаній Михайлова, призналъ утвержденіе г. Пантелѣева ошибочнымъ, послѣдній вновь подтвердилъ сказанное, заявивъ, что онъ основывается на запискѣ самого Шелгунова, которую г. Пантелѣевъ получилъ въ 1901 году отъ Михайловскаго [3]). Въ пользу достовѣрности утвержденія г. Пантелѣева служатъ и слова самого Шелгунова, который въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Герценъ не одобрялъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» [4]). Тотъ фактъ, что Михайловъ показалъ неправду, г. Пантелѣевъ объясняетъ вполнѣ правдоподобно: будучи преданъ Шелгуновымъ, Михайловъ постарался отвести подозрѣніе отъ нихъ.

Такимъ образомъ, Шелгуновъ остался въ сторонѣ и его не привлекли къ дѣлу, но Третье отдѣленіе очень подозрительно смотрѣло на писателя, зная его близкую дружбу съ Михайловымъ. Принявъ живое участіе въ судьбѣ Михайлова, въ снаряженіи его въ путь въ Сибирь, о чемъ Шелгуновъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ еще болѣе скомпрометировалъ себя. Но тѣмъ не менѣе, онъ оставался на свободѣ, тѣмъ болѣе, что обыскъ у него не далъ ничего [5]).

Послѣ ареста Михайлова начальство Шелгунова стало смотрѣть на него очень подозрительно. «Послѣ дѣла Михайлова Николая Васильевича не оставляли въ покоѣ,—разсказываетъ Л. П. Шелгунова,—и въ министерствѣ рѣшено было какимъ бы то ни было образомъ выпроводить его изъ Петербурга. Министръ Зеленый упрашивалъ, именно упрашивалъ его ѣхать въ Астрахань. Министръ Зеленый былъ добрый человѣкъ и потому уговаривалъ Шелгунова не выходить въ отставку, зная, что съ неслужащимъ церемониться не будутъ. Николай Васильевичъ, однакоже, ѣхать въ Астрахань не согласился, а подалъ въ отставку» [6]). Въ это время онъ уже твердо рѣшилъ посвятить себя литературѣ, его

---

[1]) «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330.

[2]) Тамъ же, стр. 333.

[3]) «Нелишнее разъясненіе».—«Былое», 1906, кн. II, стр. 290.

[4]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 706. Изд. 1891 г.

[5]) «Дѣло Михайлова».—«Былое», 1906, кн. I, стр. 103.

[6]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 115—116.

литературныя дѣла шли хорошо. Въ 1861 году онъ напечаталъ въ «Современникѣ» свою большую статью, обратившую на себя вниманіе общества,—«Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и Франціи» [1]), положеніе его въ «Русскомъ Словѣ» было прочное. Въ 1862 году, въ мартѣ онъ подалъ въ отставку и вышелъ со службы съ чиномъ полковника. По выходѣ въ отставку Шелгуновъ рѣшилъ отправиться въ Сибирь къ Михайлову. Весной онъ выѣхалъ изъ Петербурга, описавъ это путешествіе впослѣдствіи въ статьѣ «Сибирь по большой дорогѣ». Шелгуновъ направился въ Нерчинскъ, въ Казаковскій пріискъ, въ которомъ жилъ Михайловъ. Пріискъ принадлежалъ его брату. Но здѣсь Шелгуновымъ пришлось прожить недолго. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ прибытія ихъ въ Казаковскій пріискъ, какъ туда прибылъ изъ Петербурга жандармскій полковникъ, который и арестовалъ Шелгунова и его жену. Шелгуновымъ было предложено отправиться въ Верхнеудинскъ, но Шелгунова заявила, что она больна, и послѣ освидѣтельствованія доктора, который подтвердилъ это, Шелгуновы были переведны за 15 верстъ, въ Удинскую слободу. Здѣсь Шелгуновымъ жилось сравнительно свободно, они были подъ домашнимъ арестомъ и надзоромъ полиціи. Въ январѣ 1863 года Шелгуновы были переведены въ Иркутскъ. «Въ Иркутскѣ,—пишетъ Л. П. Шелгунова,—насъ посадили въ двѣ комнаты и держали неимовѣрно строго. Даже не позволяли выходить гулять по дворику» [2]). Вскорѣ Шелгуновъ былъ увезенъ въ Петербургъ, гдѣ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Арестомъ Шелгуновъ, какъ теперь опредѣленно можно судить, былъ обязанъ тому же Костомарову, который игралъ видную роль въ процессѣ Михайлова. 21-го января 1862 года состоялся приговоръ по дѣлу «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», по которому былъ привлеченъ Костомаровъ. Онъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ былъ обязанъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Какъ можно судить болѣе или менѣе вѣроятно, Костомаровъ вступилъ въ сношенія съ Третьимъ отдѣленіемъ и предложилъ ему услуги. Въ концѣ февраля онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, пробывъ въ ней всего только мѣсяцъ, и былъ отправленъ съ жандармскимъ офицеромъ на Кавказъ. По дорогѣ, въ Тулѣ Костомаровъ пишетъ письмо къ одному своему знакомому,

---

[1]) Михайловскій («Сочиненія» т. V, стр. 368) считаетъ эту статью первой по рабочему вопросу въ нашей литературѣ, но это не вѣрно, такъ какъ нѣсколько лѣтъ ранѣе писалъ объ этомъ В. Милютинъ (См. «Вѣстн. Евр.», 1891, кн. V, стр. 236).

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 117—120.

которое перехватываетъ сопровождавшій его жандармскій офицеръ. Это письмо представляло доносъ на Чернышевскаго и Шелгунова. Сопровождающія обстоятельства даютъ основанія предполагать, что письмо было написано съ согласія Третьяго отдѣленія. Въ этомъ письмѣ Костомаровъ пишетъ своему знакомому, что воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ», за составленіе и печатаніе котораго былъ привлеченъ Костомаровъ, написано не имъ, а Чернышевскимъ, причемъ участіе принимали и Михайловъ съ Шелгуновымъ. Особенно раздѣлялъ, по словамъ Костомарова, мысли Чернышевскаго Шелгуновъ. «Шелгуновъ, присутствовавшій при чтеніи,— пишетъ Костомаровъ,— скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ предъ ковчегомъ Завѣта». Далѣе слѣдовало обвиненіе Шелгунова въ составленіи прокламаціи «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей», которую онъ будто бы передалъ для печатанія Костомарову. Написанное Шелгуновымъ, по словамъ Костомарова, не понравилось ему и Михайлову, и они написали, въ свою очередь, но ихъ прокламаціи были еще неудачнѣе Шелгунова. «За неимѣніемъ лучшаго,—пишетъ Костомаровъ,—приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шелгунова. Между тѣмъ, самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, «что нужно солдату». И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобы посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано—сдѣлано. Шелгуновъ пошелъ въ однѣ казармы, меня послали въ другія. Сговорились сойтись въ какой-то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удальствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Шелгуновъ со своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Шелгуновымъ, подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Шелгуновъ заносился, солдаты были такіе глупые, глупые, пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе, не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія,—и я скоро уговорилъ Шелгунова уйти изъ харчевни... Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Но потомъ Шелгуновъ, вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Михайловъ поубавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы,—и я взялъ рукопись съ собой». По словамъ Костомарова, эта прокламація напечатана не была [1]). Это письмо, какъ извѣстно, сыграло большую роль въ судьбѣ Чернышевскаго,

---

[1]) Лемке. «Дѣло Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ».—«Былое», 1906, кн. III, стр. 139—140.

оно, какъ можно судить съ извѣстной вѣроятностью, было причиной и ареста Шелгунова. Трудно объяснить ненависть Костомарова къ Шелгунову и чѣмъ былъ вызванъ доносъ на него. «Лично у меня съ Костомаровымъ,—говоритъ Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—почти не было никакихъ отношеній и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ. А между тѣмъ именно я сталъ главнымъ «объектомъ» его фантазіи и озлобленія. Такъ этотъ вопросъ и остался для меня темнымъ» [1]). Можно еще предположить, что въ арестѣ Шелгунова играло нѣкоторую роль и слѣдующее обстоятельство. Въ іюлѣ 1862 года былъ арестованъ Н. А. Серно-Соловьевичъ по одному политическому дѣлу. Всѣ письма, получаемыя послѣ ареста на его имя, вскрывались. Среди этихъ писемъ были получены и письма отъ Шелгунова и Шелгуновой, присланныя ими изъ Сибири. Такимъ образомъ, было установлено близкое знакомство Шелгунова съ Серно-Соловьевичемъ [2]).

Остановимся на показаніяхъ. Чернышевскій показалъ 16 марта 1863 года, что знакомство его съ Шелгуновымъ было «слишкомъ неблизкое» и «ограничивалось собственно журнальными дѣлами». «Подъ журнальными дѣлами,—прибавляетъ Чернышевскій,—которыя я имѣлъ съ Шелгуновымъ, я разумѣю то, что Шелгуновъ приносилъ мнѣ свои статьи». Относительно воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» Чернышевскій показалъ: «Ни съ Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ ничего подобнаго не говорилъ и никакихъ статей для тайной печати не писалъ. О воззваніи «Къ русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей» я ничего не знаю» [3]). Серно-Соловьевичъ показалъ: «Съ Шелгуновымъ я знакомъ потому, что онъ нанималъ квартиру въ домѣ моей матери, которымъ я завѣдывалъ». Какія-либо сношенія съ Шелгуновымъ, кромѣ чисто внѣшняго характера, Серно-Соловьевичъ отрицалъ [4]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Михайловъ, Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ держали себя благородно и ничего компрометирующаго Шелгунова не показали. Самъ Шелгуновъ показалъ, что онъ знаетъ и Чернышевскаго, и Костомарова, и Михайлова, и братьевъ Серно-Соловьевичей. «Николая Серно-Соловьевича, какъ домохозяина, у котораго я квартировалъ, и какъ содержателя книжнаго магазина. Александра Серно-Соловьевича, какъ изда-

---

[1]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 708. Изд. 1891 г.

[2]) Лемке. «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніи съ лондонскими пропагандистами».—«Былое», 1906, кн. X, стр. 93—94.

[3]) Лемке. «Дѣло Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ».—«Былое», 1906, кн. IV, стр. 136—137.

[4]) Лемке. «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніи съ лондонскими пропагандистами».—«Былое», 1906, кн. XI, стр. 200—201.

теля на русскомъ языкѣ перевода «Всемірной исторіи» Шлоссера; Николая Чернышевскаго, какъ редактора «Современника», въ которомъ я помѣщалъ свои статьи. Михайлова зналъ очень давно, и онъ у меня жилъ на квартирѣ; наконецъ, В. Костомарова видѣлъ раза два у Михайлова; мои отношенія къ этимъ лицамъ были такого рода: къ Николаю Серно-Соловьевичу, какъ къ домохозяину; Александра Серно-Соловьевича видѣлъ разъ зимой 1861—1862 гг. у Михайлова и потомъ, по переѣздѣ въ домъ его брата, получилъ отъ него работу—переводъ исторіи Шлоссера. Съ Чернышевскимъ имѣлъ отношенія исключительно по поводу статей моихъ, помѣщавшихся въ «Современникѣ». Зналъ Чернышевскаго, какъ литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, но знакомства съ нимъ не имѣлъ, посѣщая его исключительно по своимъ литературнымъ дѣламъ. По какому случаю, какъ познакомился съ Михайловымъ, не припомню, ибо знакомство наше давнее. Всеволода Костомарова я видѣлъ у Михайлова въ концѣ 1860 г. или въ началѣ 1861 г., раза два, но знакомъ съ нимъ не былъ. Знакомыхъ въ Петербургѣ и внѣ онаго, кромѣ лицъ, съ которыми я находился въ служебныхъ отношеніяхъ, не имѣлъ. Представленное мнѣ комиссіею воззваніе къ солдатамъ мнѣ неизвѣстно и рукопись его я никогда не передавалъ Всеволоду Костомарову, и какое участіе въ составленіи его принималъ Чернышевскій, Костомаровъ и Михайловъ, мнѣ неизвѣстно. Участія въ составленіи воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» не принималъ и, читалось ли оно въ квартирѣ Михайлова Костомаровымъ, не знаю, потому что при этомъ не былъ. Что касается до обстоятельствъ его написанія, т. е. кѣмъ, когда и по какому случаю оно написано, я не знаю». Разсказъ Костомарова, что Шелгуновъ велъ пропаганду въ харчевнѣ среди солдатъ, онъ призналъ вымышленнымъ. Послѣ очной ставки съ Костомаровымъ Шелгуновъ замѣтилъ: «показывая голословно, Костомаровъ не указываетъ на казармы или солдатъ, съ которыми я говорилъ или куда я ходилъ, на харчевню, въ которой меня видѣлъ. Помня такъ хорошо разныя мелочныя подробности, онъ эти болѣе крупныя не помнитъ» [1]).

Очевидно, никакихъ уликъ противъ Шелгунова не было, но, считая его опаснымъ и желая сослать въ Сибирь, Третье отдѣленіе для формы выставило слѣдующія обвиненія: 1) что онъ находился «въ сношеніи съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ», 2) что онъ «велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровымъ» и 3) что онъ «имѣетъ вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурой статьей» [2]). Послѣ

---

[1]) Лемке. «Дѣло Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ».—«Былое», 1906, кн. IV, стр. 146—147.

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 196.

такой формулировки обвиненій Шелгуновъ, просидѣвъ болѣе года въ крѣпости, въ концѣ ноября 1864 года былъ высланъ въ городъ Тотьму Вологодской губерніи. Высылка Шелгунова, безъ сомнѣнія, является актомъ административнаго произвола, такъ какъ обвиненія крайне шатки съ юридической стороны, что ясно для каждаго. Несостоятельность ихъ раскрыта самимъ Шелгуновымъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ. Относительно перваго обвиненія, что имѣлъ «сношеніе съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ», Шелгуновъ замѣчаетъ: «Но я былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, т. е., яснѣе, видѣлся и въ Петербургѣ съ разрѣшенія князя Суворова; въ Сибири видѣлся тоже съ разрѣшенія начальства. Отчего же дозволенное въ Петербургѣ не дозволено въ Сибири?». О второмъ обвиненіи, что «велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровымъ», Шелгуновъ замѣчаетъ: «Но, во-первыхъ, переписку съ рядовыми у насъ не запрещено вести, а, во-вторыхъ, я никогда не велъ переписки съ рядовымъ Костомаровымъ, а писалъ къ нему всего одно письмо изъ Наугейма, когда Костомаровъ былъ еще офицеромъ. Пусть справятся въ дѣлѣ. Тутъ, очевидно, ошибка». Наконецъ, по поводу третьяго обвиненія, что онъ «имѣетъ вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурой статьей», Шелгуновъ говоритъ: «Самъ по себѣ образъ мыслей, не проявившійся никакимъ внѣшнимъ актомъ, не можетъ составлять вины; а если обвинять за статьи нецензурныя, то есть ли хоть одинъ литераторъ, статьи котораго не запрещались бы иногда цензурой. Вотъ если бы статья явилась въ печати, дѣло другое. Да и то, при существованіи цензуры, виноватъ не авторъ» [1]).

Дѣло Шелгунова тянулось, какъ мы знаемъ, очень долго; въ это время онъ сидѣлъ въ крѣпости. Ему было разрѣшено писать, и онъ пишетъ статьи, переводитъ. Въ то же время онъ горячо интересуется вопросами воспитанія вообще и воспитаніемъ своего сына въ частности, постоянно спрашивая въ письмахъ къ женѣ о сынѣ, проситъ слѣдить ее за его развитіемъ, посылаетъ ему сказки. Онъ задумываетъ различныя изданія для дѣтей; эта идея занимаетъ его очень серьезно, онъ вырабатываетъ планъ даже цѣлой энциклопедіи для дѣтей. «Я вижу,—пишетъ Шелгуновъ женѣ 11 апрѣля 1864 года,—въ дѣтскихъ изданіяхъ дѣло такой великой важности, которое затмеваетъ всѣ остальныя» [2]).

Шелгуновъ строитъ множество плановъ, вдается даже въ изобрѣтенія, придумывая новую мостовую (торцовую), не гніющую и

---

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 196.

[2]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой». Всѣ слѣдующія выдержки изъ писемъ Шелгунова взяты нами изъ этой же книги.

требующую ремонта разъ въ десять лѣтъ, и новой системы пушку. Задумываетъ онъ заняться послѣ крѣпости книгоиздательствомъ, предлагаетъ Благосвѣтлову, редактору «Русскаго Слова», издавать вмѣстѣ переводную беллетристику и т. п.

Крѣпость подавляюще вліяла на состояніе духа Шелгунова, разстраивала его здоровье, организмъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ ожидать своего освобожденія въ очень отдаленномъ будущемъ, я впалъ въ апатію,—пишетъ Шелгуновъ женѣ изъ крѣпости 4 января 1864 года,—голова пуста и не хочетъ ничего дѣлать, только бы лежалъ цѣлый день. Глупое и унизительное состояніе». Въ другомъ письмѣ изъ крѣпости 15 января Шелгуновъ пишетъ: «Я, какъ мнѣ кажется, такъ поглупѣлъ, что не въ состояніи писать оригинальныхъ статей. Отъ однообразной жизни, лишенной всякихъ развлеченій, голова у меня ужасно устала». Особенно крѣпость повліяла на разстройство нервной системы. «Нервы мои сильно ослабѣли,—сообщаетъ Шелгуновъ своей женѣ 16 февраля 1864 года,—придется цѣлый годъ лечиться».

Обстановка крѣпости сильно вліяла на занятія Шелгунова литературой. «Въ моемъ положеніи, — пишетъ онъ женѣ 29 апрѣля 1864 года,—особеннаго богатства матеріаловъ и даровитости, или, вѣрнѣе, плодовитости, ожидать отъ меня нельзя. Я удивляюсь еще, что у меня достало силъ даже на то, что я написалъ до сихъ поръ, и начинаю бояться, что скоро недостанетъ ни матеріаловъ, ни способностей писать дальше. Не думай, что я хочу рисоваться этими словами: люди исписывались даже на свободѣ, люди съ большими талантами; а мои средства весьма ограничены. Понятно, что я имѣю полное основаніе бояться, что черезъ два мѣсяца, а можетъ и раньше, мнѣ писать будетъ нечего. Теперь у меня голова совершенно пуста, что совершенно понятно, если обратить вниманіе на то, что при умственномъ трудѣ нуженъ большій отдыхъ и большее разнообразіе жизни, чѣмъ при трудѣ физическомъ».

Въ серединѣ декабря 1864 года Шелгуновъ прибылъ въ Тотьму. Крѣпость совершенно расшатала его здоровье. «Мнѣ кажется, что я очень постарѣлъ; по крайней мѣрѣ, физически я такъ слабъ, какъ никогда не былъ прежде»,—пишетъ онъ женѣ по пріѣздѣ въ Тотьму. Очевидно, ничего опредѣленнаго о своей дальнѣйшей судьбѣ Шелгуновъ не зналъ и срокъ высылки ему не былъ объявленъ, потому что въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ: «высылку изъ Петербурга считаю вѣчной, и оттого болитъ мое сердце». Перемѣна обстановки, общеніе съ живыми людьми на первыхъ порахъ благотворно повліяли не только на состояніе его духа, но и на здоровье. «Я здоровъ,—пишетъ онъ женѣ 4 января 1865 года,—принялся за работу. Работается легче и умнѣе, чѣмъ въ равелинѣ». Но скоро Шелгуновъ опять впадаетъ въ песси-

мистическое настроеніе; оторванность отъ семьи вліяетъ на него угнетающе. Вредно сказывается на его организмѣ и климатъ Тотьмы.

Кромѣ статей для «Русскаго Слова», Шелгуновъ задумалъ въ Тотьмѣ написать большой романъ, планъ и содержаніе котораго онъ сообщаетъ женѣ. Шелгуновъ предполагалъ обрисовать отношенія между мужемъ и женой, основанныя на разумныхъ началахъ. Жена, узнавъ о любви мужа къ молодой дѣвушкѣ, встрѣчаетъ это очень разумно. «До сихъ поръ въ романахъ,—пишетъ Шелгуновъ,—напримѣръ, «Подводный камень», «Полинька Саксъ», отличались разумностью такой мужчины, я хочу, чтобы въ моемъ выпала эта доля на женщину». Романа, въ концѣ концовъ, Шелгуновъ не написалъ.

Навѣрное, худое дѣйствіе климата Тотьмы заставило Шелгунова просить перевода въ Великій Устюгъ. Ему было разрѣшено, и въ началѣ апрѣля онъ жилъ уже на новомъ мѣстѣ. Здѣсь Шелгуновъ попрежнему много работаетъ для «Русскаго Слова», но настроеніе его не мѣняется, онъ чувствуетъ себя одинокимъ и тоскуетъ. «Ты меня совсѣмъ не узнала бы,—пишетъ Шелгуновъ женѣ изъ Устюга 19 августа 1865 года,—милая моя Людя, я такой спокойный, кроткій и тихій,—точно и не я, а всему причиной продолжительное заключеніе, которое совсѣмъ измѣнило меня, т. е. разбило и обезсилило, такъ что вышелъ изъ меня почти весь перецъ и тотъ черноземъ, который меня портилъ». Въ началѣ іюля жена, чтобы избавить Шелгунова отъ томительнаго одиночества, прислала къ нему сына Николая. Ребенокъ сосредоточиваетъ на себѣ всю любовь Шелгунова, скрашиваетъ во многомъ его однообразную жизнь.

Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ, въ серединѣ 1865 года, Шелгуновъ пишетъ: «Въ моемъ положеніи самое худое то, что меня постоянно мучитъ мысль, что я непроченъ въ Устюгѣ; я нахожусь совершенно въ положеніи человѣка на почтовой станціи. Я больше ничего не хочу, какъ только того, чтобы меня оставили въ покоѣ. Ужъ примирился съ мыслью, что я пробуду въ ссылкѣ лѣтъ десять, и хочу только одного, чтобы меня не переводили изъ города въ городъ, какъ это дѣлаютъ съ другими. Но это желаніе Шелгунова не выполнилось. Столкновеніе съ мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ чисто личнаго свойства повлекло переводъ Шелгунова въ Никольскъ, въ началѣ января 1866 года.

Съ 1861 года политическая реакція все усиливалась, наконецъ, въ 1866 г., она дошла до кульминаціонной точки. Печать преслѣдовалась. Особенно нападки сыпались на «Русское Слово». Ждали только предлога, чтобы закрыть его. Этимъ предлогомъ послужила между прочимъ статья Шелгунова—«Честные мошенники», въ виду того, что въ ней, по мнѣнію цензурнаго комитета, «пред-

лагается оправданіе и даже дальнѣйшее развитіе коммунистическихъ идей, причемъ усматривается возбужденіе къ осуществленію названныхъ идей». Шелгуновъ остался безъ заработка. Это сильно повліяло на него. «Литературное дѣло, которое я сначала такъ полюбилъ,—пишетъ Шелгуновъ женѣ изъ Никольска 7 іюня 1866 года,—начинаетъ мнѣ теперь противѣть. Я бы съ удовольствіемъ промѣнялъ его на такое занятіе, гдѣ видишь, что дѣлаешь, и будь я въ большомъ городѣ, я постарался бы пріискать что-нибудь. Въ Никольскѣ нельзя найти никакого дѣла. Здѣсь не нужны даже лакеи. Въ минуту горькихъ размышленій и безнадежности я рѣшилъ просить казенное содержаніе, которое дается ссыльнымъ: четыре рубля пятьдесятъ копеекъ на ѣду и рубль пятьдесятъ копеекъ на квартиру въ мѣсяцъ... Я не хочу писать больше ни по лѣсоводству, ни по технологіи, ибо я сказалъ все, что зналъ, и новаго больше ничего сказать не могу. На повторенія же, особенно, когда они никому не нужны, не поднимается рука. Однимъ словомъ, моя лѣсоводственная литературная дѣятельность кончилась, и воскреснуть ей невозможно. Всякой вещи свое время... Такъ какъ жизнь вышибла меня изъ колеи, то нужно мнѣ опять создать себѣ дорогу, опять взобраться на гору и подготовить тебѣ и себѣ спокойную старость, а Колѣ и Мишѣ дать образованіе. Вступилъ я было на литературный путь и даже утвердился на немъ, такъ что если бы не было помѣхъ, можно бы итти и устроить свое будущее. Но съ этого пути обстоятельства меня сбили. Нужно покинуть журнальное поприще. Итакъ, съ двухъ путей я уже сбитъ—служба и журналистика. Куда итти? гдѣ искать и пробовать еще?». Въ отчаяніи Шелгуновъ не знаетъ, на что рѣшиться. Онъ даже думалъ одно время сдѣлаться докторомъ, поступить въ акцизъ. Литературу бросить онъ рѣшается твердо.

Но вскорѣ Благосвѣтловъ началъ издавать вмѣсто «Русскаго Слова» «Дѣло», и Шелгуновъ снова началъ писать статьи. Но цензура немилосердно относилась къ новому журналу, чуть ли не половина изъ написаннаго Шелгуновымъ пропадала, и поэтому ему приходилось работать вдвойнѣ. Непосильная работа надламливала его силы. «Не забывай, что крѣпость унесла у меня на десять лѣтъ силы и здоровья», пишетъ Шелгуновъ женѣ 22 ноября 1866 года.

Въ концѣ декабря 1866 года Шелгуновъ былъ переведенъ въ Кадниковъ, куда пріѣхала возвратившаяся изъ-за границы жена, пробывшая тамъ три года. «Въ Кадниковѣ жизнь наша шла спокойно, однообразно и страшно скучно,—пишетъ Л. П. Шелгунова.—Исправникъ тамъ былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, выслужившійся изъ почтальоновъ, и вотъ такой-то человѣкъ долженъ былъ цензуровать статьи Николая Васильевича передъ

отправкой ихъ въ редакцію. Тѣ вечера, въ которые Николай Васильевичъ ходилъ къ исправнику читать свои статьи, походили на операціонные сеансы. Я ждала возвращенія уже совершенно обезсиленнаго, больного человѣка. Каждая фраза въ статьяхъ казалась исправнику подозрительной, или, лучше сказать, что онъ не пропускалъ того, чего не понималъ, а онъ не понималъ очень многаго, и Николай Васильевичъ часа три объяснялъ ему, что статья эта пойдетъ въ цензуру, и что цензоръ не пропуститъ ничего мало-мальски подозрительнаго. Такой трехчасовой разговоръ съ почтальономъ могъ уложить и болѣе здороваго, чѣмъ Шелгуновъ, человѣка»[1]).

Во время жизни Шелгунова въ Кадниковѣ черезъ этотъ городъ проѣзжалъ князь Суворовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, извѣстный своею гуманностью. Жена его была подругой по институту съ матерью жены Шелгунова, и Суворовъ зналъ лично Шелгунова. Когда Шелгуновъ явился къ Суворову, онъ поцѣловалъ его и обошелся съ нимъ весьма любезно. Это происходило на глазахъ мѣстной администраціи. Послѣ этого, по свидѣтельству Л. П. Шелгуновой, отношеніе къ Шелгунову администраціи перемѣнилось, и онъ былъ переведенъ въ Вологду.

Въ Вологдѣ Шелгунову пришлось ужасно бѣдствовать: Благосвѣтловъ не высылалъ ему своевременно денегъ, не присылалъ книгъ для статей, не отвѣчалъ даже на письма. Для обрисовки положенія и душевнаго состоянія Шелгунова приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ. «Ты знаешь,—пишетъ Шелгуновъ женѣ 23 сентября 1867 года,—по личному опыту, что значитъ писать, какъ въ яму, не получая никакихъ извѣстій. Подобная исторія повторяется со мной въ сей моментъ. Григорій Евлампіевичъ (т. е. Благосвѣтловъ) нѣмъ, какъ рыба, а я въ такомъ безденежьи, что черезъ мѣсяцъ приходится закладывать и продавать вещи... Мнѣ кажется, что отъ тревоги я сойду, наконецъ, съ ума». «Заѣдаетъ меня безденежье,—пишетъ Шелгуновъ въ другомъ письмѣ отъ 18 ноября 1867 года,—никогда еще я не былъ такъ бѣденъ, какъ въ нынѣшнемъ году». «Я задолжалъ кругомъ, теперь у меня налицо ровно два рубля, — пишетъ Шелгуновъ 9 декабря.—Черезъ три дня они выйдутъ, и мнѣ даже занять не у кого. Придется обратиться къ ростовщикамъ и заложить часы. Если мои дѣла пойдутъ, какъ теперь, то я долго тянуть не стану. Такая жизнь невыносима. Я никогда не задумывался и не былъ разсѣянъ, а теперь сталъ. Я прежде спалъ, какъ сурокъ, теперь же ворочаюсь съ бока на бокъ часовъ до двухъ или трехъ. Хуже жизни не было».

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 203.

По возвращеніи Л. П. Шелгуновой изъ Швейцаріи въ Петербургъ она усиленно хлопотала о разрѣшеніи Шелгунову возвратиться ближе къ центральнымъ городамъ. Только въ концѣ апрѣля 1869 г. ему было разрѣшено переѣхать въ Калугу, въ 1874 г. въ Новгородъ, а вскорѣ въ Выборгъ. Но Шелгунову не понравилось въ Выборгѣ и онъ вновь просилъ разрѣшенія переѣхать въ Новгородъ, что ему и позволили. Вскорѣ ему было разрѣшено переѣхать въ Петербургъ, и послѣ смерти Благосвѣтлова онъ былъ даже утвержденъ редакторомъ «Дѣла» (1881—2 гг.). Въ концѣ декабря 1883 г. Шелгуновъ былъ высланъ изъ Петербурга въ Выборгъ. Здѣсь произошла курьезная ошибка. 6 декабря состоялся въ Петербургѣ балъ студентовъ-технологовъ, на которомъ были Михайловскій и Шелгуновъ. Михайловскій говорилъ рѣчь, Шелгунова обвинили въ томъ же, хотя онъ не говорилъ ея. Ихъ обоихъ выслали въ Выборгъ. По свидѣтельству Михайловскаго, Шелгуновъ бодро выдержалъ новый ударъ, заставившій его покинуть редакторство и разстроившій его матеріальныя дѣла. «Мнѣ было бы легче,—говоритъ Михайловскій:—если бы онъ хоть пожаловался на судьбу, которая послѣ долголѣтнихъ мытарствъ сдѣлала его совершенно безвиннымъ участникомъ моей бѣды. Но не только ни единой такой жалобы не слыхалъ я отъ него хотя бы въ намекѣ, а еще онъ же утѣшалъ меня, придумывалъ отвлеченія и развлеченія» [1]). Только черезъ довольно продолжительное время,—по свидѣтельству Михайловскаго, черезъ полгода,—Шелгунову было разрѣшено переѣхать въ Царское Село и выѣхать за границу. По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ очень недолго, Шелгунову снова пришлось вынести ударъ судьбы. Едва только онъ переступилъ границу и прибылъ на русскую территорію, какъ былъ арестованъ и заключенъ вновь въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ. Мотивомъ его ареста было—знакомство съ революціонерами-террористами и печатаніе въ «Дѣлѣ» во время редактированія его имъ статей, написанныхъ ими.

На этотъ разъ Шелгуновъ пробылъ въ крѣпости недолго. Почему обвиненіе не повлекло за собою болѣе суровой кары, намъ выяснить не удалось: это дѣло совершенно неизвѣстно и до сихъ поръ скрыто въ правительственныхъ архивахъ. Въ воспоминаніяхъ г. Н. Р. мы находимъ свѣдѣнія о томъ положеніи, которое занялъ въ русскомъ обществѣ послѣ 1 марта Шелгуновъ. По свидѣтельству г. Н. Р., Шелгуновъ былъ близокъ къ народовольцамъ и сочувствовалъ имъ. «Въ шесть часовъ вечера,—разсказываетъ г. Н. Р. о днѣ 1 марта 1881 г.,—я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ

---

[1]) Вступительная статья къ «Сочиненіямъ Шелгунова», стр. LIV. Изд. 1895 г.

революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренне доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самые радужные планы... Революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно поразобрать промежъ себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время... Николай Васильевичъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ записными литераторами, «лишь сочувствовавшими движенію».

«Шелгуновъ,—продолжаетъ разсказывать г. Н. Р. о первыхъ мѣсяцахъ послѣ 1 марта,—употреблялъ всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима. И отчасти благодаря его стараніямъ, которыя опирались на подобную же тактику писателей-соціалистовъ и чистыхъ народовольцевъ, составлявшихъ тогда радикальную коалицію «Дѣла», «Слова» и «Отечественныхъ Записокъ», литераторы соціалистическаго и революціоннаго направленія временно разобрали между собою въ печати роли либеральнаго репертуара. Въ «Дѣлѣ», кромѣ Шелгунова, Станюковича и еще кое-кого изъ молодыхъ писателей краснаго оттѣнка, видное мѣсто въ выработкѣ плана этой кампаніи игралъ Тихомировъ, писавшій подъ псевдонимомъ И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда въ публикѣ эти иниціалы истолковывались такъ: «Исполнительный Комитетъ». «Отечественныя Записки» защищали позицію народовольцевъ въ лицѣ Михайловскаго, который писалъ въ то время и въ органѣ партіи... «Слово» было совершенно въ рукахъ Николая Александровича Зыбина (псевдонимъ одного революціонера, имя котораго приводить Н. Р. считаетъ нежелательнымъ)... Опираясь на это ядро болѣе или менѣе спѣвшихся толстыхъ журналовъ, Шелгуновъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ уже упомянутаго плана воздѣйствія на общественное мнѣніе и давленія на правительство въ печати. Было рѣшено, что такъ какъ русскіе либералы, въ силу своей тогдашней политической неразвитости, не умѣли какъ слѣдуетъ выразить свои требованія, то радикальные и революціонные писатели придутъ къ нимъ на помощь. Не компрометируя себя писаніемъ статей подъ своими собственными именами, они должны были надѣть на себя временно маски «таинственныхъ незнакомцевъ» чисто либеральнаго лагеря. Въ результатѣ получился тотъ знаменательный фактъ, что лучшія статьи въ газетахъ этого направленія, заговорившихъ тогда о конституціи, были написаны соціалистами и кое-какими нелегальными» [1]).

---

[1]) Н. Р. «Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ».—«Былое», 1906, кн. III, стр. 44—46.

Лѣто 1884 г. Шелгуновъ прожилъ около Петербурга на дачѣ въ Парголовѣ. Здоровье его было очень плохо, «Дѣло» падало, и матеріальныхъ средствъ у Шелгунова недоставало. Михайловскій приводитъ письмо Шелгунова къ сыну отъ іюня 1884 г. изъ Парголова: «Самое скверное, что у меня ни гроша и до сихъ поръ я не получалъ еще гонорара за майскую книжку. Скверно это потому, что мнѣ не на что уѣхать; а уѣхать я рѣшилъ на мельницу, ибо не ходить же по улицамъ и протягивать руку. Въ Петербургѣ мнѣ и мѣста нѣтъ и дѣлать нечего. Начну молоть муку, разводить пчелъ да сажать капусту. Огорчаться всѣмъ этимъ нечего, ибо каждому человѣку наступаетъ въ жизни пора отставки. Ну, и въ нынѣшнемъ 1884 г. наступаетъ моей журнальной службѣ ровно 25 лѣтъ. Все это, какъ видишь, въ порядкѣ вещей и даже по закону» [1]). Конецъ 1884 г. и начало 1885 г. Шелгуновъ жилъ въ селѣ Воробьевѣ, Смоленской губерніи. «Дѣло» онъ оставилъ и опредѣленнаго заработка не имѣлъ. Наконецъ, въ 1885 г. Шелгуновъ получилъ приглашеніе писать въ «Русской Мысли» и началъ свои «Очерки русской жизни», которые привлекли всеобщее вниманіе. Несмотря на то, что болѣзнь все развивалась, Шелгуновъ сразу какъ-то помолодѣлъ, оживился, съ юношескимъ пыломъ отдался работѣ. Но болѣзнь точила писателя. Въ 1890 г. онъ поѣхалъ на Кавказъ. «Увидѣвъ его,—говоритъ Михайловскій, котораго Шелгуновъ посѣтилъ на возвратномъ пути,—я изумился и испугался. Примѣрно за годъ, что мы не видѣлись, онъ страшно исхудалъ и поблѣднѣлъ. Что-то мертвенное уже и тогда лежало на его лицѣ. Но это былъ все тотъ же мужественно-нѣжный Николай Васильевичъ, бодрый духомъ, полный общественныхъ интересовъ, занятый планами литературныхъ работъ» [2]). Шелгуновъ страшно мучился: у него былъ ракъ въ желудкѣ. «Болѣзнь его была мучительно ужасна,—говоритъ Михайловскій.—Съѣвъ что-нибудь, онъ по прошествіи нѣкотораго времени чувствовалъ страшныя боли, которыя прекращались лишь только выполаскиваніемъ желудка, т. е. выведеніемъ изъ него только что принятой пищи. Такимъ образомъ, онъ постоянно былъ либо голоденъ, либо страдалъ отъ боли, и если бы не случайное воспаленіе легкихъ, ему грозила бы голодная смерть со всѣми ея ужасами» [3]). Но, несмотря на ужасныя физическія страданія, Шелгуновъ былъ бодръ духомъ. Н. К. въ своихъ воспоминаніяхъ о Шелгуновѣ [4]) говоритъ о замѣчательномъ его воодушевленіи въ 1890 г. То же самое подтвер-

---

[1]) Н. К. Михайловскій. «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. I, стр. 103.

[2]) Вступительная статья къ «Сочиненіямъ Шелгунова», стр. LIV. Изд. 1895 г.

[3]) Тамъ же, стр. LV.

[4]) «Нѣсколько словъ о Н. В. Шелгуновѣ».—«Приазовскій Край», 1901, № 106.

ждаетъ и Михайловскій. «Шелгуновъ былъ веселъ, спокоенъ, читалъ, писалъ, а когда не могъ отъ физической слабости писать, диктовалъ, строилъ планы на будущее,—разсказываетъ Михайловскій.—Его умственная жизнь сохранилась во всей полнотѣ и силѣ, до самаго конца властно управляя изможденной плотью. Среди жестокихъ физическихъ мукъ онъ только и мечталъ о дальнѣйшей литературной дѣятельности. О смерти онъ, можно сказать, до послѣднихъ минутъ не думалъ. Онъ не зналъ, что его точитъ неизлечимая болѣзнь, вѣрилъ, что скоро поправится, и если говорилъ о своей смерти, то такъ, мимоходомъ, къ слову, какъ всѣмъ и здоровымъ случается говорить. Онъ думалъ, что для него только еще наступаетъ періодъ настоящей старости, и за какую-нибудь недѣлю до смерти говорилъ, что устроитъ свою старость «по молодому»,— подлинное его выраженіе. Это значило, что онъ будетъ работать усиленнѣе, чѣмъ когда-нибудь, соединивъ въ работѣ житейскій опытъ старости съ горячностью молодости. «Зрѣлый возрастъ нехорошъ,—говорилъ онъ:—много соблазновъ, много чисто личной жизни. Въ старости ничего этого нѣтъ, надо только ее устроить по молодому». Старый, больной, неимущій, онъ чувствовалъ себя молодымъ, здоровымъ, богатымъ» [1]).

Много способствовали бодрости Шелгунова тѣ знаки вниманія, которые выражало ему общество. Со всѣхъ концовъ Россіи присылались телеграммы, письма съ выраженіемъ чувствъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ на Шелгунова адресъ петербугскихъ рабочихъ: онъ былъ удивленъ, что они его знаютъ [2]). Въ виду интереса адреса для характеристики отношенія къ Шелгунову революціонныхъ круговъ въ лицѣ рабочихъ приведемъ его:

«Дорогой учитель Николай Васильевичъ! Читая ваши сочиненія, научаешься любить и цѣнить людей, подобныхъ вамъ. Вы первый признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и капиталистами. Вы познакомили насъ съ положеніемъ братьевъ-рабочихъ въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ тоже эксплоатируютъ и давятъ. Картина, которую вы нарисовали, пробудила интересъ сначала не въ рабочихъ, а въ другихъ классахъ; да и не для рабочихъ вы писали. Русскіе рабочіе принуждены такъ много и постоянно работать, чтобы

---

[1]) Вступительная статья къ «Сочиненіямъ Шелгунова», стр. LVI—LVII. Изд. 1895 г.

[2]) Свѣдѣнія о томъ, какъ былъ выработанъ адресъ и какъ поднесенъ, можно найти въ статьяхъ—М. С. Александрова «Группа народовольцевъ» («Былое», 1906, кн. XI, стр. 11—12) и В. С. Голубева «Страничка изъ исторіи рабочаго движенія» («Былое», 1906, кн. XII, стр. 119—120).

только жить, что имъ некогда читать. Да большая часть и не умѣетъ читать, а если кто изъ нихъ и умѣетъ,—что онъ найдетъ въ книгахъ, написанныхъ для рабочихъ? Никто не учитъ насъ, какъ выбираться изъ жалкаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Намъ твердятъ о терпѣніи, о молчаніи, о томъ, чтобы мы не давали воли выраженію нашихъ страданій, а за это обѣщаютъ награду въ будущемъ. Только благодаря людямъ, которые, по вашимъ собственнымъ словамъ, имѣютъ несчастье смотрѣть выше общаго уровня или выше классовыхъ интересовъ, научились мы понимать ваши сочиненія и узнали, какъ наши товарищи-рабочіе въ Западной Европѣ добились правъ, борясь за нихъ и соединяясь вмѣстѣ. Мы поняли, что намъ, русскимъ рабочимъ; подобно рабочимъ Западной Европы, нечего разсчитывать на какую-нибудь внѣшнюю помощь, помимо самихъ себя, чтобы улучшить свое положеніе и достигнуть свободы. Тѣ рабочіе, которые поняли это, будутъ бороться безъ устали за лучшія условія. Вы выполнили вашу задачу,—вы показали намъ, какъ вести борьбу. Можетъ быть, ни вы, ни мы не доживемъ до того, чтобы увидѣть будущее, къ которому стремимся и о которомъ мечтаемъ. Можетъ быть, не одинъ изъ насъ падетъ жертвой борьбы. Но это не удержитъ насъ отъ стараній достигнуть нашей цѣли» [1]).

Шелгуновъ умеръ 12 апрѣля 1891 года, въ 8 часовъ вечера. Болѣзнь ужасно изнурила Шелгунова. «Мнѣ рѣдко приходилось,—говоритъ г. Засодимскій,—видѣть мертвеца до того исхудавшаго, какъ Шелгуновъ. Казалось, оставались буквально лишь кости да кожа» [2]).

На похоронахъ Шелгунова присутствовало громадное количество народа. Рабочіе принесли вѣнокъ изъ темнозеленыхъ дубовыхъ листьевъ съ надписью: «Указателю пути къ свободѣ и братству отъ петербургскихъ рабочихъ». Похороны ознаменовались столкновеніемъ публики съ полиціей и высылкой Михайловскаго, Засодимскаго, говорившаго рѣчь, нѣсколькихъ рабочихъ и учащихся.

II.

Обрисовавъ жизнь Шелгунова, мы теперь обратимся къ характеристикѣ и оцѣнкѣ его литературной дѣятельности. Но такъ какъ сочиненія находятся въ тѣсной связи съ личностью писателя, то постараемся сначала охарактеризовать личность Шелгунова. Богатый матеріалъ для этого даютъ, какъ мы уже отмѣтили, дневникъ, относящійся къ концу сороковыхъ годовъ, и письма.

---

[1]) В. С. Голубевъ. «Страничка изъ исторіи рабочаго движенія».—«Былое», 1906, кн. XII, стр. 120.

[2]) «Изъ воспоминаній».—«Историческій Вѣстникъ», 1904, кн. IX. Здѣсь можно найти подробныя свѣдѣнія о похоронахъ Шелгунова.

Мы видѣли, что Шелгуновъ росъ вдали отъ семьи, въ нездоровой атмосферѣ николаевской школы. Но въ то время, какъ она нравственно уродовала большинство своихъ питомцевъ, Шелгуновъ вышелъ изъ нея невредимый, съ чистой, неотравленной душой. Говоря въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ увлеченія товарищей порнографіей, Шелгуновъ замѣчаетъ, что это ему «не помѣшало потомъ плакать надъ Библіей и мечтать сдѣлаться проповѣдникомъ» [1]). Громадное вліяніе среды на выработку личности ребенка не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ же надо объяснить то обстоятельство, что Шелгуновъ вышелъ изъ школы чистымъ, нравственно-нетронутымъ? Тутъ можетъ быть лишь одно объясненіе, что Шелгуновъ по природѣ былъ нравственной натурой, что природа заложила въ него такіе элементы, которые не могла расплавить вредная атмосфера школы. Говоря о школьныхъ годахъ Шелгунова, Михайловскій замѣтилъ: «Шелгуновъ былъ спасенъ благородствомъ и чистотой своей натуры» [2]). Это утвержденіе — совершенно правильно. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по природѣ Шелгуновъ былъ нравственной натурой. Выйдя изъ лѣсного института, Шелгуновъ-юноша очень много думаетъ, пытается анализировать окружающее, выработать нравственные устои. Свидѣтелемъ этого въ высшей степени интереснаго внутренняго процесса являются дневникъ и письма. Уже одинъ фактъ страстнаго исканія юношей истины, когда большинство современнаго ему общества не задавалось вопросами высшаго нравственнаго порядка, обнаруживаетъ въ юношѣ мыслящую и чувствующую душу, показываетъ, что въ нравственномъ отношеніи онъ стоялъ много выше большинства общества. Замѣчательно свѣтлой, чистой личностью вырисовывается по дневнику и письмамъ Шелгуновъ, привлекая своей прямотой, благородствомъ, юношескимъ энтузіазмомъ и восторженностью.

Въ дневникѣ очень ярко выступаетъ религіозность Шелгунова, граничащая почти со слѣпой, дѣтской вѣрой въ Бога. Постоянно встрѣчаются сообщенія о томъ, что онъ былъ въ церкви, молился, просилъ Бога о томъ или другомъ и т. п. «Сейчасъ вспомнилъ,— пишетъ Шелгуновъ: — что я не молился сегодня, а потому я попросилъ у Бога прощенія и помолился ему» [3]). «Пришелъ отъ обѣдни,—записываетъ Шелгуновъ въ другомъ мѣстѣ дневника:— тепла, непритворна была моя молитва, было нѣсколько минутъ, когда глазамъ моимъ становилось тепло, и я чувствовалъ, что готовъ плакать» [4]). Въ это время, судя по дневнику, Шелгуновъ

[1]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 630. Изд. 1891 г.

[2]) «Сочиненія», т. V, стр. 365. Изд. 1897.

[3]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XI, стр. 20.

[4]) Тамъ же, стр. 12.

сильно увлекается Евангеліемъ и Библіей, считая ихъ высшими руководителями жизни. «Зачѣмъ вы не хотите читать Евангеліе?— пишетъ Шелгуновъ невѣстѣ:—это значитъ, что вамъ и безъ него хорошо, однако не мѣшаетъ его читать, оно благодѣтельно дѣйствуетъ на душу и укрощаетъ сердце» [1]). Относительно Библіи Шелгуновъ замѣчаетъ: «Непростительно человѣку, желающему понимать вещи, жизнь и людей, читать романы и не знать Библіи» [2]). Увлеченіе Библіей и Евангеліемъ прекрасно характеризуетъ наличность въ то время нравственныхъ запросовъ у Шелгунова.

Не менѣе ярко, чѣмъ религіозность, выступаетъ въ письмахъ и дневникѣ удивительная нравственная чистота Шелгунова. Особенно это обнаруживается въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ говоритъ о женщинѣ, о супружескихъ отношеніяхъ. Приведемъ два наиболѣе характерныхъ отрывка. «Супружескія обязанности, налагаемыя Богомъ и закономъ людей на супруговъ, меня пугаютъ,—пишетъ Шелгуновъ невѣстѣ 2 октября 1849 года,—я слишкомъ уважаю невинность и дѣвственную чистоту и полагаю, что первое сближеніе супруговъ, которое, по моему физическому и нравственному устройству, никогда не можетъ меня лишить сознанія и отуманить совершенно мою голову, испугаетъ меня; мнѣ кажется, что это сближеніе, требуемое законами божескими и человѣческими, оскорбитъ нѣкоторымъ образомъ женщину не въ ея собственныхъ понятіяхъ, а во взглядѣ на нее мужчины, который видитъ въ ней не женщину-человѣка, а женщину-ангела; матеріальное сближеніе прямо говоритъ: эта женщина плоть, а не женщина-духъ, а я ищу духа, а не плоти. Что дѣлать мнѣ? Какъ согласить свое понятіе съ законами? А между тѣмъ, не забудьте борьбу духа и плоти, которую мнѣ придется испытывать постоянно. Не надобно быть пророкомъ, чтобы угадать, что плоть восторжествуетъ надъ духомъ, и тогда, что тогда? и тогда нужно понимать непремѣнно, что связь супруговъ выражается хотя и въ матеріальномъ ихъ сближеніи, положенномъ Богомъ, однако духовность— начало, причина и вина всего: нужно помнить, что не духъ живетъ для плоти, а плоть для духа, и сближеніе совершается не для лица, а для выполненія закона божескаго, слѣдовательно, для цѣли болѣе высшей, чѣмъ обыкновенное безсознательное сближеніе многихъ людей и всѣхъ животныхъ. Людинька, я не извиняюсь предъ вами за сегодняшній журналъ, потому что я пишу къ вамъ не какъ къ Людинькѣ-дѣвственницѣ, а какъ къ Людинькѣ-женѣ. Вамъ должны быть извѣстны мои взгляды на бракъ, цѣль котораго заключается въ высокой обязанности человѣка—произвести себѣ подоб-

---

[1]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898 г., кн. XI, стр. 16.
[2]) Тамъ же, кн. XII, стр. 73.

наго и сдѣлать его достойнымъ имени человѣка, существа духовно-разумнаго» [1]).

«Людинька,—пишетъ Шелгуновъ въ дневникѣ, — я люблю васъ крѣпко, и вотъ доказательство тому: я сохраняю свое цѣломудріе въ полной мѣрѣ самаго строгаго понятія о нравственности, я смотрю на женщинъ, какъ гляжу на ледъ или каменныя красивыя зданія, ни одна мысль, ни одно чувство, начало котораго тѣло или земля, не являются ни въ головѣ, ни въ сердцѣ моемъ. Даже сцены, разговоры и разныя тѣлодвиженія женщинъ, способныя разжечь воображеніе мужчинъ, скользятъ по мнѣ безъ всякаго впечатлѣнія. Во мнѣ нѣтъ тѣла въ смыслѣ тенденціи къ сенсуальности, и причиной тому мое твердое, неизмѣнное правило отношеній моихъ къ женщинамъ, мои понятія о нравственности и цѣломудріи, и мои основанія жизни: я уже не холостой человѣкъ, я мужъ, но не освященный еще закономъ, и потому я вѣренъ той женщинѣ, которую люблю и для которой живу» [2]).

Натуры благородныя, нравственныя и чистыя бываютъ всегда очень трѣбовательны къ окружающимъ ихъ людямъ, требуютъ отъ всѣхъ честности и благородства. Эта черта обнаруживается и въ Шелгуновѣ. Малѣйшее уклоненіе его знакомыхъ отъ нравственныхъ нормъ его возмущаетъ. При выборѣ знакомыхъ онъ руководствуется такимъ правиломъ: «мнѣ нужны люди,—замѣчаетъ онъ,—которые были бы людьми по человѣческому образу, по способности понимать себя и другихъ; всякій же, не понимающій этого, оскорбляетъ мое человѣческое значеніе, и я не хочу имѣть его своимъ знакомымъ» [3]).

Характерна и та вѣра въ людей, въ наличность въ нихъ добра, которая выступаетъ въ письмахъ и въ дневникѣ. «Какъ бы человѣкъ въ глубинѣ души ни былъ черенъ,—пишетъ Шелгуновъ невѣстѣ въ маѣ 1848 года,—онъ всегда назоветъ подлецомъ человѣка, который поступаетъ дурно, и если не говоритъ ему этого въ глаза, то въ душѣ всегда гнушается гадкаго, грязнаго, низкаго» [4]).

Шелгуновъ мучается, что ему будетъ трудно исповѣдывать въ жизни свои убѣжденія, такъ какъ онъ предвидитъ, что они всегда будутъ становиться въ конфликтъ съ дѣйствительностью. Возможность конфликтовъ онъ рѣшительно отвергаетъ, твердо рѣшаетъ не измѣнять себѣ. Всякое малѣйшее уклоненіе отъ принциповъ онъ безпощадно бичуетъ. «Сегодня,—пишетъ Шелгуновъ въ дневникѣ,—я нашелъ въ себѣ громадный недостатокъ—слѣдствіе

---

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 38.

[2]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898 г., кн. XII, стр. 60.

[3]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XI, стр. 6.

[4]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 24.

ложнаго направленія понятія о вѣжливости; я заразился имъ еще отъ полированной петербургской молодежи, это—слабость угождать человѣку, имѣющему больше меня значенія. Мнѣ ужасно стыдно за себя, потому что подобные поступки суть маленькая подлость. Человѣкъ, который говоритъ съ другимъ и улыбается какъ-то сладко, подобострастно, повѣрьте, подличаетъ. Странно—я гордъ, и даже очень гордъ, и хотя рѣдко, но все-таки оскорблялъ значеніе свое подобострастной улыбкой. Полезно углубляться въ себя, полезно, читая книги и видя разные характеры, сравнивать себя съ ними, безпристрастно, въ глубинѣ своей души, человѣкъ всегда найдетъ какую-нибудь черноту и когда человѣкъ хочетъ быть человѣкомъ, онъ сотретъ ее, какъ пятно съ зеркала» [1]).

Важно отмѣтить, что уже въ это время Шелгуновъ воплощаетъ въ жизнь свои убѣжденія, что слово и дѣло не находятся въ разладѣ. Очень характеренъ одинъ фактъ, обрисовывающій съ самой лучшей стороны Шелгунова. Вотъ что онъ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника: «Съ сегодняшняго дня у меня нѣтъ денегъ,—пишетъ Шелгуновъ,—и вотъ по какому случаю. Павелъ—(слуга Шелгунова) крѣпостной,—онъ желаетъ откупиться на волю, но не имѣетъ денегъ, я обѣщалъ Павлу дать въ долгъ двѣсти цѣлковыхъ въ будущемъ году. Сегодня, по случаю необходимости перемѣны паспорта Павла, у насъ зашла рѣчь о будущей вольной; я видѣлъ, какъ Павлу хотѣлось быть скорѣе свободнымъ и если можно, то въ нынѣшнемъ году, потому что на будущій годъ Павелъ не слишкомъ полагается; мнѣ стало жаль Павла, и я отдалъ ему послѣдніе свои сто цѣлковыхъ, обѣщавъ необходимые еще семьдесятъ цѣлковыхъ (у Павла есть своихъ тридцать) занять въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ у лѣсничаго. Вслѣдствіе этого распоряженія, у меня при надеждѣ на будущее осталось въ карманѣ ровно ничего. Я поступилъ, какъ всѣ горячіе люди, по первому впечатлѣнію, поступилъ такъ потому, что на дѣйствительное чужое горе не умѣю смотрѣть хладнокровно, и въ случаѣ, когда моя помощь возможна, готовъ отдать кусокъ своего сердца. Были, однако, минуты, когда я какъ будто бы жалѣлъ о сдѣланномъ; я знаю, что это худо, и потому теперь не жалѣю, а увѣренъ, что отданные мною Павлу сто рублей не сдѣлаютъ меня бѣднѣе... Когда я обѣщалъ Павлу деньги, сердце говорило мнѣ, что я поступаю хорошо и что Богъ поможетъ мнѣ и пошлетъ мнѣ деньги и на тарантасъ и на поѣздку въ Петербургъ» [2]).

Если во многихъ взглядахъ Шелгунова, высказанныхъ въ дневникѣ и письмахъ, относящихся къ концу сороковыхъ годовъ, нельзя еще видѣть Шелгунова эпохи сотрудничества въ «Русскомъ

[1]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XI, стр. 21.
[2]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XII, стр. 67.

Словѣ» и «Дѣлѣ», если нѣкоторыя черты душевнаго склада, напримѣръ, религіозность, нѣкоторая доля сентиментальности, исчезли впослѣдствіи, то, внѣ сомнѣнія, общій нравственный обликъ Шелгунова выработался до шестидесятыхъ годовъ, и онъ сохранилъ его на всю жизнь. Постоянными элементами нравственнаго облика писателя были: благородство, мягкость, отзывчивость къ людямъ и честность. Въ этомъ отношеніи замѣчательно вѣрны слова его жены Л. П. Шелгуновой, сказанныя по поводу одного его письма: «что писалъ двадцатитрехлѣтній юноша, могъ бы написать и старецъ Шелгуновъ» [1]). Михайловскій, близкій другъ Шелгунова, познакомившійся съ нимъ уже во вторую половину его жизни, говоритъ, что Шелгуновъ обладалъ замѣчательно нѣжной и чуткой душевной организаціей, представлялъ удивительно свѣтлую и благородную личность. «Если бы я и раньше не успѣлъ приглянуться къ Шелгунову,—говоритъ Михайловскій,—то одного совмѣстнаго житья въ Выборгѣ было бы достаточно, чтобы проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ и любовью къ этому человѣку. Я былъ такъ счастливъ, что встрѣчалъ въ жизни немало истинно прекрасныхъ людей, но одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой дорогой для меня картинной галлереѣ принадлежитъ Шелгунову... Въ Шелгуновѣ совмѣщались лучшія стороны мужского и женскаго типа. Судьба не баловала его и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея иногда жесточайшіе удары... Прибавьте къ этому истинно женскую нѣжность сердца не просто добраго, а ласковаго, участливаго, тонко деликатнаго, и въ цѣломъ получится нѣчто столь же рѣдкое, какъ и привлекательное, настоящій, цѣльный человѣкъ. Сочетаніе мужественной силы и женской нѣжности придавало какое-то особенное изящество всему обиходу Шелгунова, удерживая его отъ уклоненій какъ въ сторону грубости, которая иногда свойственна силѣ, такъ и въ сторону слабости, которая часто сливается съ нѣжностью» [2]). Эта характеристика вполнѣ согласна съ отзывами другихъ лицъ, знавшихъ лично Шелгунова.

Изученіе шестидесятыхъ годовъ приводитъ насъ къ заключенію, что здѣсь надо разграничить старшее и младшее поколѣніе: это были два психологически различные душевные облики, что, однако, не мѣшало имъ имѣть одно міросозерцаніе. Наиболѣе яркимъ представителемъ перваго былъ Чернышевскій, второго — Писаревъ. Анализъ душевнаго облика Шелгунова приводитъ насъ къ заключенію, что по душевному складу онъ стоялъ ближе къ Чернышевскому, хотя работалъ въ группѣ младшаго поколѣнія,

---

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 25.

[2]) Вступительная статья къ «Сочиненіямъ Шелгунова», стр. LIII. Изд. 1895 г.

писаревскаго. Мы изучали Чернышевскаго, изученіе теперь Шелгунова обнаружило чуть ли не тождественность ихъ душевныхъ организацій.

Если мы сравнимъ дневникъ Шелгунова и недавно опубликованный дневникъ Чернышевскаго, относящіеся приблизительно къ одному и тому же времени, то поразимся тождественностью настроенія и нѣкоторыхъ взглядовъ. Особенно это относится къ взглядамъ Шелгунова и Чернышевскаго на женщину, жену, супружескія отношенія: та же чистота, та же восторженность, присутствіе одного и того же сентиментальнаго чувства. Эта связь душевныхъ обликовъ Чернышевскаго и Шелгунова, такъ ярко обнаружившаяся въ молодости, не нарушилась и впослѣдствіи: какъ тотъ, такъ и другой всю жизнь оставались мягкими, женственными натурами, между которыми было много общаго.

По своимъ воззрѣніямъ, Шелгуновъ былъ типичнымъ «мыслящимъ реалистомъ», проповѣдникомъ рѣшительныхъ мѣръ, активной борьбы, стоялъ въ оппозиціонномъ лагерѣ. Онъ былъ близко знакомъ съ многими революціонными дѣятелями и во многомъ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнны воспоминанія г. Н. Р., свидѣтельствующаго, что Шелгуновъ былъ близокъ къ народовольцамъ, сочувствовалъ имъ. «Шелгуновъ былъ убѣжденный соціалистъ и убѣжденный революціонеръ,—говоритъ г. Н. Р.—Онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринятая революціонной партіей, можетъ сдѣлать удивительно много въ соціалистическомъ смыслѣ» [1]). Въ нашей статьѣ о Чернышевскомъ [2]) мы отмѣтили внутреннее противорѣчіе между его убѣжденіями и душевнымъ обликомъ:—съ одной стороны, проповѣдникъ активной политической борьбы, рѣшительный и суровый общественный боецъ, съ другой, — женственно-нѣжная натура, любящая и гуманная, требующая женской любви и ласки. Такое же противорѣчіе между убѣжденіями и душевнымъ обликомъ мы видѣли сейчасъ и у Шелгунова: нѣжная душевная организація, женственная натура стоитъ во внутреннемъ разладѣ съ революціонностью и радикальностью воззрѣній, съ твердостью убѣжденій.

Но подобно тому, какъ противорѣчіе между душевнымъ обликомъ и убѣжденіями не вели Чернышевскаго къ расхожденію слова и дѣла, такъ и Шелгуновъ всегда неуклонно слѣдовалъ тому, что проповѣдывалъ. Этотъ фактъ крайне интересенъ съ чисто психологической стороны.

---

[1]) «Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ».—«Былое», 1906, кн. III, стр. 42.

[2]) «Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли».—«Историч. Вѣстн.», 1907, кн. VI.

III.

Какъ мы видѣли, жизнь Шелгунова можно раздѣлить на три періода, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Первый періодъ простирается до шестидесятыхъ годовъ, это—время занятія лѣсоводствомъ и служба по лѣсному вѣдомству. Второй періодъ, шестидесятые и семидесятые годы,—сотрудничество въ «Русскомъ Словѣ» и «Дѣлѣ» и, наконецъ, третій, восьмидесятые годы,—сотрудничество въ «Русской Мысли».

Если мы обратимся къ дневнику и письмамъ Шелгунова, относящимся къ концу сороковыхъ годовъ, то увидимъ, на ряду съ возвышенностью чувствъ его, отсутствіе въ немъ потребности къ воплощенію въ жизнь своей общественной стоимости. «Все счастье моей жизни,—пишетъ Шелгуновъ,—будетъ заключаться въ любви моей жены... Я не знаю, какъ другіе смотрятъ на жизнь, но для меня цѣль моего созданія заключается въ назначеніи меня природой для супружества, и счастье моей жизни заключается въ бракѣ и въ любви жены, да и что можетъ быть для меня нужно болѣе этого?» [1]) Это отмежеваніе себя отъ общественнаго служенія выступаетъ во всемъ дневникѣ. Если въ первый періодъ жизни, какъ мы видѣли, уже опредѣлился душевный складъ Шелгунова, то его взгляды, общественныя симпатіи еще не оформились. Общественные вопросы еще не захватываютъ его всецѣло, на первомъ планѣ для него пока еще стоятъ вопросы личной жизни. Поѣздка за границу въ 1856 году расширила его общественныя воззрѣнія, подготовила почву для перехода въ опредѣленный лагерь.

Наступаютъ шестидесятые годы, эпоха общественнаго подъема, эпоха возрожденія русскаго общества. До этого времени спавшая непробуднымъ сномъ, Россія просыпается. Прежде, въ николаевскую эпоху, всякая дѣятельная, честная и чувствующая личность пребывала въ пассивномъ состояніи: ни своихъ силъ, ни своихъ знаній она обнаружить, куда-либо примѣнить, не могла. И личность жила одиноко, много думая и чувствуя. Въ шестидесятые годы положеніе мѣняется: общественныя силы призываются къ созидательной работѣ, личности открывается обширное поле дѣятельности. И личность изъ пассивнаго состоянія переходитъ въ активное.

Этотъ переходъ изъ пассивности въ активность произошелъ и въ Шелгуновѣ. Въ немъ еще ранѣе, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, выработался извѣстный душевный складъ, въ самыхъ общихъ чертахъ опредѣлились воззрѣнія, но обществен-

---

[1]) «Изъ дневника Шелгунова».—«Міръ Божій», 1898, кн. XI, стр. 18.

ная жизнь того времени не давала ему возможности проявить себя во всей величинѣ, его интересы пока еще сосредоточиваются на личной жизни, на службѣ, на занятіяхъ спеціальнымъ лѣснымъ дѣломъ. Шестидесятые годы даютъ толчокъ Шелгунову, окончательно рѣшаютъ его жизненный путь, у него является непреодолимая потребность осуществить свою общественную стоимость. Мы не можемъ быть судьей спеціальныхъ работъ Шелгунова по лѣсному дѣлу, но, насколько намъ извѣстно, онѣ пользуются почетомъ въ данной спеціальности и представляютъ весьма солидные труды. Но, несмотря на то, что Шелгуновъ, несомнѣнно, былъ склоненъ къ наукѣ и могъ дать въ данной области много, ему кажется, что онъ исписался, ему, какъ мы видѣли, дѣлается противной узкая спеціальность. Въ чемъ заключалась причина этого? Шестидесятые годы открыли дорогу широкой общественной работѣ, это было время «большихъ дѣлъ», «великихъ задачъ». Мыслящіе люди могли удовлетворяться узкой спеціальностью лишь до тѣхъ поръ, пока они ни къ чему болѣе широкому приложить своихъ силъ не могли,—явилась возможность, и силы пошли въ сторону широкихъ задачъ. Врачъ Пироговъ, составившій себѣ міровое имя въ хирургіи, идетъ въ педагоги, отдается журналистикѣ. Фактъ—весьма характерный для шестидесятыхъ годовъ. Тотъ же психологическій мотивъ имѣетъ мѣсто въ переходѣ Шелгунова изъ лѣсничихъ въ писатели: всякій мыслящій человѣкъ не могъ тогда оставаться чуждымъ общественнымъ вопросамъ, они выступали на первое мѣсто. И Шелгуновъ отдается съ тѣхъ поръ всецѣло журналистикѣ, служитъ ей честно и доблестно болѣе тридцати лѣтъ, служитъ въ полномъ смыслѣ слова до гроба.

Такимъ образомъ, Шелгуновъ былъ всецѣло продуктомъ того переворота, который произошелъ въ общественномъ организмѣ послѣ 1856 года. Общая атмосфера властно наложила на него руку, окончательно опредѣлила его взгляды и симпатіи, онъ всецѣло былъ созданъ общественнымъ возбужденіемъ шестидесятыхъ годовъ. Шелгуновъ работалъ въ шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы, въ моменты исторіи общества, различные по своему характеру, но, несмотря на это, остался навсегда типичнымъ шестидесятникомъ. Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что Шелгуновъ былъ неподвиженъ, что онъ не прислушивался къ голосу жизни, что въ его воззрѣніяхъ не было эволюціи. Мы только хотимъ сказать, что по своему общему умственному и душевному складу онъ былъ шестидесятникъ, продуктъ того историческаго момента, который призвалъ его на общественное служеніе.

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ сочиненія Шелгунова, то увидимъ, что во всѣхъ статьяхъ его красной нитью проходитъ безграничная вѣра въ могучую силу знанія. Эта черта свойственна всѣмъ шестидесятникамъ, которые искренно вѣрили, что все

зло земное происходитъ оттого, что знаніе—удѣлъ немногихъ, и полагали, что нужно только, чтобы знанія разлились въ широкихъ массахъ, и тогда жизнь пойдетъ по другому руслу, исчезнутъ многіе наросты на тѣлѣ человѣчества. Этою вѣрою былъ всецѣло проникнутъ и Шелгуновъ. Весьма характерна въ этомъ отношеніи статья—«Убыточность незнанія», въ которой Шелгуновъ указываетъ, что главнѣйшія бѣдствія человѣчества—рабство, война и бѣдность — результатъ малаго распространенія знаній. Въ силу этого Шелгуновъ возстаетъ противъ стремленія правящихъ классовъ препятствовать распространенію просвѣщенія среди трудящихся массъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію Шелгунова, хорошо показываетъ, что привилегированные классы ясно сознаютъ, что ихъ владычество и народное невѣжество—элементы неотдѣлимые; какъ только уничтожится одинъ—пропадетъ и другой. «Препятствія,—говоритъ Шелгуновъ,—которыя дѣлаютъ правящіе классы распространенію знаній и идей, есть главная причина того невѣжества населенія, которое поражаетъ вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ государствахъ. Но скрывать знанія—то же, что заставлять людей пить мутную, гнилую воду и воображать, что только для нѣкоторыхъ людей здорова свѣжая вода. Этого мало: человѣчество имѣетъ на истину право неотъемлемой собственности, потому что создавало и создаетъ ее всей своей жизнью; слѣдовательно, не только нельзя лишать людей того, что принадлежитъ имъ; напротивъ, наука, какъ складъ истинъ, должна быть открыта для всѣхъ: пусть всякій идетъ и беретъ, что ему нужно» [1]). Такимъ образомъ, одна изъ главнѣйшихъ причинъ человѣческихъ бѣдствій, несовершенства соціальнаго строя, по мнѣнію Шелгунова, есть невѣжество. «Знаніе,—говоритъ онъ,—объясняетъ причину зла, указываетъ путь къ спасенію». Говоря это, Шелгуновъ прибавляетъ, что «измѣненія ожидать нельзя, пока знающіе люди не составятъ большинства».

Въ статьѣ «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи» Шелгуновъ устанавливаетъ тождественность знаній и нравственности. «Злой человѣкъ всегда безразсуденъ,—говоритъ Шелгуновъ,—точно такъ же, какъ безразсудный всегда золъ. Поэтому злого человѣка безъ ошибки можно назвать глупымъ, какъ глупаго злымъ» [2]). Нравственность, по мнѣнію Шелгунова, есть продуктъ мысли, образованности и тѣсно слита съ ней, на основаніи нравственности даннаго народа въ данный моментъ можно составить сужденіе о степени образованія народа и обратно. Такимъ

---

[1]) «Убыточность незнанія».—«Сочиненія Шелгунова», т. I, стр. 60. Изд. 1895 г.

[2]) «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи».—«Сочиненія Шелгунова», т. I, стр. 90. Изд. 1895 г.

образомъ, въ прогрессѣ громадную роль играетъ личность, просвѣщеніе ея. «Ясно,—замѣчаетъ Шелгуновъ:—что людямъ становилось тѣмъ лучше, чѣмъ они дѣлались умнѣе, и нравственность, какъ кодексъ для частной и общественной жизни, получала все лучшую и лучшую разработку по мѣрѣ увеличивающейся разсудительности людей. Поэтому идеальная нравственность, о которой хлопочутъ моралисты, не есть причина цивилизаціи, а, напротивъ, результатъ ея» [1]). Кромѣ «разсудительности», по мнѣнію Шелгунова, въ прогрессѣ играютъ большую роль способности большинства. «Какъ только способности станутъ лучше,—говоритъ онъ:—чѣмъ онѣ теперь, улучшится и весь бытъ, и моралистамъ придется обращаться къ другимъ занятіямъ, потому что нравственные идеалы осуществятся на практикѣ. Такимъ образомъ, основа всей цивилизаціи, т. е. улучшенія быта каждаго отдѣльнаго человѣка, а слѣдовательно и всѣхъ, заключается въ улучшеніи человѣческихъ способностей. Въ этомъ корень всѣхъ успѣховъ мысли, изобрѣтеній, открытій и всякихъ знаній, которыя служатъ только внѣшнимъ проявленіемъ тѣхъ перемѣнъ, какія случились въ человѣкѣ, и, въ свою очередь, способствуютъ дальнѣйшему его усовершенствованію» [2]).

Итакъ, историческій прогрессъ Шелгуновъ ставитъ въ тѣсную связь съ личностью, съ расширеніемъ ея умственнаго кругозора, съ улучшеніемъ способностей. «Наше время,—говоритъ онъ,—установило, что единственный элементъ прогресса есть свободная личность» [3]).

Являясь горячимъ сторонникомъ личности, говоря, что она есть единственный элементъ прогресса, Шелгуновъ не менѣе опредѣленно указываетъ и на роль въ ходѣ историческаго прогресса экономическаго фактора. Значеніе его онъ выдвигаетъ въ статьѣ «Европейскій Западъ», которая въ собраніи сочиненій помѣщена первой, и которую Шелгуновъ называетъ въ предисловіи къ первому изданію—«введеніемъ для всего послѣдующаго изложенія». Новый порядокъ, утвердившійся во Франціи послѣ революціи и провозгласившій лозунгъ: «свобода, равенство и братство», по мнѣнію Шелгунова, не разрѣшалъ еще вопроса, онъ упускалъ изъ виду, что политическое равенство не создаетъ еще счастья народа, что остается еще экономическая сторона, что политическое равенство еще не уничтожаетъ главнаго зла—экономическаго неравенства. Шелгуновъ склоняется на сторону коммунистическихъ идей Бабефа, утверждавшаго, что революція не приведетъ къ же-

---

[1]) «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи».—«Сочиненія Шелгунова», т. I, стр. 91. Изд. 1895 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 92.

ланнымъ результатамъ, пока равенство будетъ ограничиваться правовой и политической областью и не будетъ распространено и на область имущественную и экономическую. «Власть человѣка надъ человѣкомъ,—говоритъ Шелгуновъ,—не ограничивается одною областью исключительно политическихъ отношеній; но гораздо больше зависитъ отъ отношеній, на которыя указываетъ Бабефъ, т. е. отъ соціально-экономическихъ условій, въ которыхъ и лежитъ источникъ политической и юридической власти» [1]). Въ этой статьѣ опредѣленно выступаетъ мысль, что прогрессъ человѣчества тѣсно связанъ съ экономическимъ развитіемъ, что экономическій факторъ играетъ большую роль въ историческомъ процессѣ. Еще болѣе опредѣленно выступаетъ эта мысль въ статьѣ «Соціально-экономическій фатализмъ». Шелгуновъ говоритъ, что есть могучая стихійная сила, которая движетъ прогрессъ, даже независимо отъ человѣчества, независимо отъ его отношенія къ жизненнымъ явленіямъ. «Не станемъ мы дѣйствовать и думать сознательно,—говоритъ Шелгуновъ,—уведетъ насъ впередъ соціально-экономическій фатализмъ и не устоимъ мы на мѣстѣ, какъ бы сильно ни упирались. Соціально-экономическій фатализмъ есть сила роковая; ничто не можетъ устоять противъ нея: какъ она вела человѣчество до сихъ поръ, такъ поведетъ она его впередъ и въ будущемъ» [2]). Стихійная сила, соціально-экономическій фатализмъ движетъ человѣчество, но, если мы хотимъ, чтобы результатъ этого движенія былъ цѣненъ, мы должны замѣнить фаталистическую силу силой сознающаго ума. «Тогда на помощь прогрессивнаго фатализма,—говоритъ Шелгуновъ,—явится новый элементъ, который выразится въ руководящемъ принципѣ, и вотъ тотъ пунктъ, съ котораго совершится поворотъ умственной жизни человѣчества. Темная фаталистическая сила смѣнится сознаніемъ» [3]). Нужно, по мнѣнію Шелгунова, чтобы число людей, способныхъ сознательно перестраивать соціально-экономическую жизнь, какъ можно больше увеличилось. «Постепеннымъ увеличеніемъ ихъ числа,—замѣчаетъ Шелгуновъ,—облегчаются условія прогресса и расширяется вліяніе и размѣръ элементовъ, дѣйствующихъ въ направленіи общаго блага». Хотя, какъ мы видимъ, Шелгуновъ въ этой статьѣ въ концѣ концовъ выдвигаетъ громадное значеніе человѣческой личности въ ходѣ историческаго прогресса, но тѣмъ не менѣе онъ придаетъ большое значеніе и экономическому фактору.

Если мы обратимся къ статьѣ «Цивилизація Китая», то встрѣтимъ тамъ такое утвержденіе. Разсматривая жизнь Китая, Шел-

---

[1]) «Европейскій Западъ».—«Сочиненія Шелгунова», т. I, стр. 18. Изд. 1895 г.
[2]) «Соціально-экономическій фатализмъ»,—тамъ же, т. II, стр. 254.
[3]) Тамъ же, стр. 282.

гуновъ доказываетъ, что бѣдность широкихъ массъ населенія обусловлена всѣмъ общественно-политическимъ строемъ Китая. «Экономическій бытъ народа,—говоритъ Шелгуновъ,—зависитъ отъ его политическихъ учрежденій, а эти учрежденія отъ степени умственнаго развитія населенія и его міровоззрѣнія» [1]). Такимъ образомъ, Шелгуновъ здѣсь устанавливаетъ зависимость экономическаго строенія общества отъ политическихъ учрежденій, а послѣднихъ отъ умственнаго развитія общества, степени распространенія знаній.

Окидывая общимъ взглядомъ воззрѣнія Шелгунова на сущность историческаго процесса, мы видимъ въ нихъ неясность. Съ одной стороны, онъ признаетъ громадную роль личности въ историческомъ процессѣ; съ другой, утверждаетъ, что есть сила, которую онъ называетъ «соціально-экономическимъ фатализмомъ», которая движетъ жизнь впередъ, даже если этому препятствуютъ личности. Придавая такую важную роль въ ходѣ прогресса соціально-экономическому фатализму, Шелгуновъ въ то же время говоритъ, что экономическій бытъ зависитъ отъ политическихъ учрежденій, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ степени умственнаго развитія общества, отъ степени образованности входящихъ въ него личностей. Высказывая мысль, что болѣе совершенныя политическія формы являются результатомъ просвѣщенія общества, Шелгуновъ настойчиво выдвигаетъ мысль, что только измѣненіе политическихъ условій повлечетъ культурные успѣхи общества.

Такая же неясность обнаруживается во взглядахъ Шелгунова на личность и общество. Критеріемъ при оцѣнкѣ фактовъ и явленій жизни Шелгуновъ, какъ шестидесятникъ, ставитъ благо личности. Но, ставя на первый планъ благо личности, придавая ей громадное значеніе въ историческомъ процессѣ, Шелгуновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утверждаетъ, что исторію движутъ массы, что личность лишь является выраженіемъ ихъ желанія, что благо общества должно быть высшимъ критеріемъ.

Не трудно вскрыть и другія противорѣчія, въ которыя впадалъ Шелгуновъ. Анализъ его взглядовъ обнаруживаетъ нѣкоторую неясность его теоретическаго міросозерцанія.

Шелгуновъ писалъ статьи, главнымъ образомъ, общественно-экономическаго характера, удѣляя мало вниманія чисто литературнымъ вопросамъ. Статей критическихъ по литературѣ имъ написано лишь нѣсколько. Какихъ-либо оригинальныхъ взглядовъ онъ не высказалъ, и его статьи въ этой области не представляютъ особенной цѣнности. Говоря о статьяхъ Шелгунова по литературѣ, г. Венгеровъ замѣчаетъ, что они малоцѣнны и что онъ «не имѣлъ

---

[1]) «Цивилизація Китая».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 165.

опредѣленныхъ эстетическихъ воззрѣній» [1]). Если съ первымъ положеніемъ г. Венгерова можно согласиться, то со вторымъ нельзя. Шелгуновъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ именно опредѣленныя эстетическія воззрѣнія, но они не были продуктомъ его собственной личности, а онъ механически принялъ критерій, который выдвинули шестидесятые годы, и, оцѣнивая литературныя произведенія, подходилъ къ нимъ съ опредѣленнымъ мѣриломъ. Обращаясь къ критическимъ статьямъ Шелгунова, мы видимъ, что главнымъ критеріемъ онъ ставитъ общественное значеніе произведенія, его соціальную мысль. Весьма характерна для обрисовки взглядовъ Шелгунова, какъ критика, статья объ «Обрывѣ» Гончарова, озаглавленная—«Талантливая безталантность», въ которой очень ярко выразились взгляды Шелгунова на задачи писателя. Указывая правдивость, наблюдательность Гончарова, Шелгуновъ все-таки отнесся къ нему отрицательно. «Писателю,—говоритъ онъ,—кромѣ таланта, нужно имѣть еще н ѣ ч т о и это н ѣ ч т о важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу... Это н ѣ ч т о есть пониманіе жизни, пониманіе общественныхъ потребностей и соціальныхъ стремленій. Это н ѣ ч т о есть смыслъ руководящій; это н ѣ ч т о есть умъ. Если у автора нѣтъ свѣтлаго, прогрессивнаго ума,—его не спасетъ никакой талантъ» [2]). Можно ли быть талантомъ безъ мысли? задаетъ вопросъ Шелгуновъ, и отвѣчаетъ на него отрицательно. Онъ считаетъ, что общественныя убѣжденія автора, соціальная мысль произведенія, есть основная сила таланта. «Не силой поэтическаго творчества,—говоритъ Шелгуновъ,—опредѣляется размѣръ таланта, а силой воодушевляющей его мысли, силой ея соціальной прогрессивной полезности» [3]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Шелгуновъ всецѣло принялъ въ области критики положеніе Писарева. Мы остановились на критическихъ статьяхъ Шелгунова лишь для того, чтобы отмѣтить, что въ этой области онъ являлся типичнымъ шестидесятникомъ.

Есть еще одна черта въ Шелгуновѣ, очень ярко обнаруживающая самую тѣсную связь его съ шестидесятыми годами,—увлеченіе педагогическими вопросами [4]). Эти вопросы были въ шестидесятые годы глубоко общественными, общество удѣляло имъ очень много вниманія, интересъ къ нимъ опредѣленно выступаетъ у Добро-

---

[1]) Венгеровъ. «Очерки по исторіи русской литературы», стр. 108. Изд. I-е.

[2]) «Талантливая безталантность».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 333. Изд. 1895 г.

[3]) Тамъ же, стр. 339.

[4]) Результатомъ интереса къ педагогическимъ вопросамъ явились извѣстныя «Письма о воспитаніи». Шелгуновъ очень любилъ дѣтей и много заботился о воспитаніи своихъ сыновей. Съ какимъ вниманіемъ Шелгуновъ слѣдилъ за ихъ воспитаніемъ, прекрасно видно изъ его записокъ, напечатанныхъ въ «Новомъ Словѣ» (1895, кн. X—XI), относящихся къ жизни въ Кадниковѣ.

любова и Писарева. Если мы обратимся къ анализу взглядовъ шестидесятниковъ на воспитаніе и разсмотрѣнію воззрѣній на этотъ вопросъ Шелгунова, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, мы можемъ сказать, что взгляды Шелгунова были въ полной гармоніи со взглядами на педагогическіе вопросы этой эпохи. Здѣсь Шелгуновъ выступаетъ типичнымъ шестидесятникомъ: тѣ же свѣтлые гуманные взгляды, которые проповѣдывали въ это время, съ одной стороны, педагогическая мысль въ тѣсномъ смыслѣ слова—Пироговъ, Ушинскій и Стоюнинъ, съ другой,—общественная мысль въ лицѣ Добролюбова и Писарева. Прежде всего, тогда было ясно и опредѣленно высказано, что задача воспитанія состоитъ не въ выработкѣ узкаго спеціалиста, а въ выработкѣ человѣка въ широкомъ смыслѣ слова, что прежде всего нужно выработать въ ребенкѣ правильный взглядъ на окружающее, нравственные принципы, а потомъ уже думать о его спеціальности. Обращаясь къ взглядамъ Шелгунова на воспитаніе, мы видимъ, что чрезъ всѣ его статьи красной нитью проходитъ эта основная мысль шестидесятниковъ. Но не только въ этомъ основномъ положеніи Шелгуновъ сходился съ шестидесятниками, но и въ большинствѣ другихъ. Говоритъ ли Шелгуновъ о дисциплинѣ, о необходимости развитія въ ребенкѣ личности, о вліяніи среды, о соотношеніи школы и семьи, школы и государства и т. д.,—вездѣ виденъ шестидесятникъ, отголосокъ тѣхъ свѣтлыхъ идей, которыя выдвинула общественно-педагогическая мысль въ ту эпоху.

Если по своимъ основнымъ воззрѣніямъ Шелгуновъ былъ шестидесятникъ, то есть вопросы, въ рѣшеніи которыхъ онъ расходился съ ними. Напримѣръ, это надо сказать о взглядѣ его на роль въ жизни ума и чувства и на ихъ взаимное отношеніе. Въ противоположность Писареву, провозгласившему авторитетъ ума въ ущербъ чувства, Шелгуновъ указываетъ и на значеніе послѣдняго. Наиболѣе опредѣленно это высказано въ статьѣ—«Право и свобода». Здѣсь Шелгуновъ говоритъ, что нельзя считать умъ единственнымъ средствомъ соціальнаго преуспѣянія. «Умъ,—говоритъ Шелгуновъ,—какъ руководящій свѣточъ, такъ же легко заводитъ въ болото, какъ и выводитъ на просторную свѣтлую дорогу» [1]). На каждомъ шагу, указываетъ писатель, встрѣчаются у насъ люди, созидающіе весьма логическія построенія неотразимой доказательности, и тѣмъ не менѣе жизнь мало измѣняется къ лучшему. Дѣло здѣсь въ томъ, по мнѣнію Шелгунова, что въ обществѣ мало людей, проникнутыхъ высокими благородными чувствами. Только гармоническое сочетаніе ума и чувства, на его взглядъ, приведетъ къ улучшенію жизни. Эта мысль еще болѣе опредѣленно развита Шелгуновымъ въ «Письмахъ о воспитаніи». Одной изъ важныхъ

---

[1]) «Право и свобода».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 435. Изд. 1895 г.

задачъ воспитанія, по мнѣнію писателя, является—способствовать гармоничному развитію въ ребенкѣ ума и чувства. Природу человѣка Шелгуновъ сравниваетъ съ часовымъ механизмомъ: какъ въ часахъ нельзя указать, какое колесо первое, какое послѣднее, вынуть хоть одно, чтобы механизмъ не остановился, такъ и въ природѣ человѣка нельзя отдѣлить умъ и чувство, сказать, что важнѣе,—они двѣ части одного цѣлаго. Шелгуновъ указываетъ на громадную роль чувства въ созидательной и критической работѣ мыслителей: «Не сердцемъ, а головой строили они свои логическія системы,—говоритъ онъ,—и думали они, конечно, не чувствомъ, а умомъ. Но тотъ же Кантъ, который видѣлъ въ чувствахъ и страстяхъ помѣху свободному, независимому мышленію, развѣ не въ чувствахъ почерпалъ свою силу? Развѣ не страсть одушевляла мыслителей, когда они отдавали идеѣ, которую преслѣдовали, всѣ свои силы? Развѣ Аристотель, Платонъ, Сократъ, Галилей, Ньютонъ, Бэконъ, Макіавелли, Кантъ, Гегель, Контъ—эти, повидимому, преимущественно головные организмы, не были самыми страстными людьми?» [1]).

Хотя были нѣкоторые вопросы, по которымъ Шелгуновъ расходился съ шестидесятниками, тѣмъ не менѣе онъ былъ типичнымъ шестидесятникомъ. Всѣ основныя черты ихъ воззрѣнія обнаруживаются и у Шелгунова: преклоненіе предъ личностью, предъ точными науками, отрицаніе метафизической философіи, проповѣдь въ области этики матеріалистическаго утилитаризма, выставленіе въ критикѣ общественной стоимости, какъ главнаго критерія при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, и т. д.

Еще при жизни Шелгунова г. Скабичевскій такъ опредѣлилъ его: «Не внося въ работу шестидесятыхъ годовъ какихъ-нибудь своихъ рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—Шелгуновъ впиталъ въ себя весь духъ того времени». Эту формулу принимаетъ и Михайловскій [2]). Намъ кажется, трудно болѣе удачно опредѣлить Шелгунова, чѣмъ это сдѣлать г. Скабичевскій. Нужна лишь одна поправка въ эту формулу, которую и сдѣлалъ самъ Шелгуновъ. Послѣ смерти писателя, въ 1903 году, напечатанъ послѣдній неоконченный имъ «Очеркъ русской жизни» [3]). Этотъ очеркъ могъ бы быть весьма цѣннымъ, такъ какъ онъ посвященъ Шелгуновымъ самоопредѣленію, но, къ сожалѣнію, смерть не дала окончить этотъ очеркъ писателю и онъ прерывается на интересномъ мѣстѣ. Разбирая въ этомъ очеркѣ мнѣніе г. Скабичевскаго, Шелгуновъ дѣлаетъ поправку къ нему и говоритъ, что совокупность чертъ, присущихъ шестидесятымъ годамъ, и соста-

---

[1]) «Письма о воспитаніи»,—тамъ же, т. I, стр. 734.
[2]) «Сочиненія», т. V, стр. 386. Изд. 1897 г.
[3]) «Русская Мысль», 1903, кн. VI.

вляетъ его индивидуальность. И дѣйствительно, нельзя сказать, что Шелгуновъ рѣшительно во всемъ механически воспринялъ идеи шестидесятыхъ годовъ и не имѣлъ своей индивидуальности: онѣ прошли черезъ его умственную лабораторію, перерабатывались настолько, что являлись собственнымъ кровнымъ достояніемъ. Поправка Шелгунова по существу дѣла не нарушаетъ правильности опредѣленія г. Скабичевскаго. Если и признать въ Шелгуновѣ индивидуальность, то, на нашъ взглядъ, остается фактомъ, что онъ ничего не внесъ своего въ общее умственное богатство шестидесятыхъ годовъ: мы отмѣчали выше неясность теоретическаго міросозерцанія Шелгунова. Но надо помнить, что онъ не ставилъ своей цѣлью теоретическую разработку соціально-экономическихъ вопросовъ, а у него была совсѣмъ другая задача. Какъ чуткій публицистъ, Шелгуновъ, касаясь различныхъ вопросовъ жизни, конечно, не могъ не затронуть такихъ вопросовъ, какъ роль личности въ историческомъ процессѣ; какъ отношеніе личности къ обществу и т. п., но онъ затрагивалъ ихъ мимоходомъ и никогда не претендовалъ на имя теоретика, сознавая лучше, чѣмъ ктолибо, свою силу и безсиліе. «Я знаю,—говоритъ онъ,—что не долженъ писать такъ называемыхъ теоретическихъ статей, ибо вслѣдствіе плохого воспитанія я не умѣю думать въ строгой послѣдовательности, а думаю афоризмами. Этотъ недостатокъ, при внимательномъ чтеніи, легко замѣтить въ каждой моей статьѣ. Къ сожалѣнію, бываютъ случаи, когда писать хочется, а нечего, и оттого согрѣшишь иногда такой статьей, какой писать не слѣдовало бы» [1]).

Но изъ того факта, что Шелгуновъ не внесъ ничего своего въ умственную сокровищницу шестидесятыхъ годовъ, еще не слѣдуетъ, что у него, какъ у дѣятеля шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, не было своихъ довольно крупныхъ заслугъ предъ современнымъ ему обществомъ, въ исторіи русской общественности. Въ общественномъ организмѣ нельзя отдѣлить рѣзко первыхъ, вторыхъ и третьихъ его членовъ: работа совершается общими силами, величины разной стоимости находятся въ закономѣрномъ соотношеніи. Обращаясь къ шестидесятымъ годамъ, какъ извѣстному историческому моменту, нельзя сказать, что во всемъ, что пріобрѣло отъ этихъ годовъ русское общество, оно обязано лишь Чернышевскому, Добролюбову и Писареву—первымъ величинамъ эпохи. Извѣстную роль, безъ сомнѣнія, играли и второстепенныя величины. Всякая умственная цѣнность, къ которой пришла первая величина, только тогда войдетъ въ сознаніе общества, если цѣлый рядъ работниковъ широко распространитъ ее, единоличное достояніе сдѣлаетъ общественнымъ. И поэтому, на нашъ взглядъ, нельзя отрицать извѣст-

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 144.

ныхъ заслугъ Шелгунова въ исторіи русской общественности. Правда, онъ не внесъ ничего своего въ духовную сокровищницу той эпохи, но онъ явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ распространителей новыхъ идей среди широкихъ слоевъ общества. Въ одной изъ своихъ статей Шелгуновъ говоритъ: «Журналистика существуетъ не для того, чтобы предлагать читателямъ учебники, изъ которыхъ они выросли. Журналистъ — не возница науки и исторіи, онъ не рудокопъ, онъ рабочій монетнаго двора. Слитки сокровищъ, добытыхъ рудокопами, могутъ пролежать десятки и сотни лѣтъ безъ всякой пользы. Среди сокровищъ въ глыбахъ можно умереть съ голода, если слитки не могутъ быть пущены въ обращеніе. Сколько есть людей, которые не могутъ пользоваться сокровищами именно потому, что сокровища эти не вычеканены въ монету. Вотъ эту-то монету, удобную для обращенія, и выдѣлываетъ изъ слитковъ журналистика» [1]). Эти слова Шелгунова можно вполнѣ отнести къ его литературной дѣятельности, здѣсь онъ очень вѣрно далъ самъ себѣ оцѣнку. Шелгуновъ былъ «рабочимъ монетнаго двора», популяризаторомъ, и въ этомъ его заслуга, и, прибавимъ, немалая. Какъ одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ популяризаторовъ, Шелгуновъ, безъ сомнѣнія, принесъ громадную пользу обществу, пустивъ въ обращеніе не одну вычеканенную имъ изъ слитковъ монету.

Въ популяризаціи, какъ и всѣ шестидесятники, Шелгуновъ видѣлъ великое дѣло. Онъ не заботился, какъ мы уже сказали, о теоретической разработкѣ какого-либо вопроса, а все свое вниманіе сосредоточивалъ на томъ, чтобы путемъ знанія внести ясность въ общественное сознаніе. Въ этомъ отношеніи интересны мотивы, вызывавшіе появленіе тѣхъ или иныхъ его статей. «Въ 1863 году,— разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ,—мнѣ довольно часто приходилось бесѣдовать съ офицерами, моими судьями. Въ одну изъ подобныхъ бесѣдъ разговоръ коснулся Стеньки Разина, и одинъ изъ членовъ суда, морякъ капитанъ-лейтенантъ, выразилъ большое изумленіе, услыхавъ о подвигахъ Разина. Это было, конечно, тѣмъ изумительнѣе, что монографія Костомарова была уже въ продажѣ. Тѣмъ не менѣе капитанъ-лейтенантъ слышалъ имя Стеньки Разина первый разъ. Послѣ этой бесѣды я принялся за популярную статью по русской исторіи: «Россія до Петра Великаго» [2]).

Вотъ еще мотивъ, вызвавшій появленіе другой статьи: «Въ майской и іюньской книжкахъ «Русскаго Слова» ты найдешь мое

---

[1]) «Первый нѣмецкій публицистъ».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 464. Изд. 1895 г.

[2]) «Изъ прошлаго и настоящаго».—«Сочиненія Шелгунова», т. II, стр. 730. Изд. 1891 г.

«Женское бездѣлье», — пишетъ Шелгуновъ женѣ. — Статью эту я задумалъ писать потому, что, читая живую книгу русской жизни, я увидѣлъ, что русская женщина не знаетъ ровно ничего; что ей неизвѣстны самыя простыя, основныя житейскія понятія, и что только повѣсти и романы удостаиваются ея вниманія. Между тѣмъ экономическія понятія составляютъ основную сущность всѣхъ остальныхъ соціальныхъ понятій и съ ними нельзя познакомиться въ романахъ и повѣстяхъ. Это навело меня на мысль написать «Женское бездѣлье» [1]).

Мы сказали выше, что шестидесятые годы наложили свой отпечатокъ на міросозерцаніе Шелгунова, теперь прибавимъ, что они опредѣлили и характеръ его литературной дѣятельности. Всего удачнѣе назвать Шелгунова — писатель-гражданинъ. Главной его цѣлью было служить обществу, это опредѣляло, какъ мы видѣли, и характеръ его статей и выборъ имъ темъ для нихъ. Всего важнѣе въ то время для общества Шелгуновъ считалъ знанія и онъ сталъ популяризировать ихъ, видя въ этомъ выполненіе своего гражданскаго долга, общественное служеніе.

Шестидесятые годы нерѣдко обвиняютъ въ дилетанствѣ, въ томъ, что дѣятели ихъ были способны лишь на популяризацію. Этимъ обвиненіемъ обнаруживается неспособность людей, критикующихъ шестидесятые годы, оцѣнивать явленія въ исторической перспективѣ. Шестидесятники отдавали такъ много силъ популяризаціи знаній не потому, что были неспособны на что-либо другое, а потому, что въ популяризаціи видѣли великую, огромную по важности общественную задачу. Что представляло современное имъ общество въ своемъ большинствѣ? Оно еще пребывало въ крѣпостническомъ кругѣ понятій, оно жило еще старыми идеалами. Крѣпостничество пало официально, но было очевидно, что его однимъ ударомъ нельзя уничтожить, что оно прочно засѣло въ обществѣ. Не менѣе ясно было, что нужно вытравить изъ общества всѣ остатки крѣпостничества, гдѣ бы они ни обнаруживались — въ общественныхъ, въ семейныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей и т. п., что только тогда можно надѣяться на дальнѣйшее развитіе. Отсюда предъ журналистикой стояла опредѣленная задача—путемъ популяризаціи знаній внести въ сознаніе общества новыя идеи, пробудить въ немъ мысль, дать то, что повело бы за собой расширеніе общественнаго кругозора.

Многое изъ того, что говорили въ своихъ статьяхъ шестидесятники, кажется намъ теперь слишкомъ элементарнымъ, азбучнымъ; шестидесятниковъ нерѣдко обвиняютъ въ отсутствіи глубины, что они только и были способны на высказываніе азбучныхъ

---

[1]) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 176.

истинъ. Здѣсь опять крупная ошибка. Нельзя забывать, что если высказываемое шестидесятниками теперь кажется намъ элементарными истинами, то это произошло благодаря работѣ шестидесятыхъ годовъ, въ то же время мысли, высказываемыя тогда литературой и журналистикой, для общества далеко не были элементарными.

Все то, что мы сказали о шестидесятыхъ годахъ, приложимо къ Шелгунову: его нельзя обвинять въ томъ, что онъ былъ популяризаторомъ, что онъ не шелъ дальше элементарныхъ истинъ, если мы хотимъ быть объективны, оцѣнивать явленія съ исторической точки зрѣнія.

Шелгуновъ являлся дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Слова» и «Дѣла» — журналовъ, стоявшихъ въ шестидесятые и семидесятые годы на крайнемъ лѣвомъ флангѣ русской мысли. Тутъ были сплочены типичные «разночинцы», люди, проникнутые непримиримой ненавистью къ русской дѣйствительности, люди большей частью горячіе, рѣшительные, не останавливавшіеся надъ сокрушеніемъ всеобщихъ авторитетовъ, разъ только они становились въ конфликтъ съ ихъ идеями. Это обстоятельство, конечно, отражалось на журналахъ, придавало имъ особый отпечатокъ, полемика была проникнута страстностью, была рѣзка, иногда грубовата. Какъ мы уже указали, Шелгуновъ по своему душевному складу ближе примыкалъ къ Чернышевскому, чѣмъ къ Писареву. Это была женственная натура, всякая рѣзкость была чужда ему, онъ не носилъ въ своей душѣ той непримиримой ненависти къ окружающему, какой были проникнуты большинство дѣятелей «Русскаго Слова» и «Дѣла». Шелгунову была чужда рѣзкость, та полемическая ругань, которая наполняла нашу журналистику второй половины шестидесятыхъ годовъ. Отрицательное отношеніе его къ этому особенно хорошо выразилось въ одномъ изъ писемъ къ женѣ. «Отечественныя Записки», — пишетъ онъ 5 ноября 1864 года, — обрушились на «Русское Слово» и всѣхъ его сотрудниковъ назвали «безсмысленными наборщиками», а про Писарева сказали, что онъ «отличался неподдѣльной глупостью». Я думаю, что браниться въ такой степени совсѣмъ не расчетъ, ибо рискуешь прослыть или глупцомъ, или сумасшедшимъ» [1]). Своей мягкостью, отвращеніемъ къ рѣзкимъ выраженіямъ Шелгуновъ выдѣлялся изъ «Русскаго Слова» и «Дѣла», въ его статьяхъ нѣтъ той рѣзкости, бравурности, желчности, что придаетъ опредѣленный цвѣтъ этимъ журналамъ. Эту особенность Шелгунова признавали самые рѣшительные противники того направленія, къ которому примыкалъ онъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ отзывъ о Шелгуновѣ

---

[1]) Л. П. Шелгунова.—«Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой», стр. 154.

критика идеалистическаго лагеря г. Волынскаго, относящійся къ началу девятидесятыхъ годовъ. Г. Волынскій даже противопоставляетъ Шелгунова другимъ представителямъ того же направленія. Окидывая общимъ взглядомъ сочиненія Шелгунова, критикъ говоритъ: «Въ статьяхъ Шелгунова мысль всегда развивается послѣдовательно, ясно, безъ кричащихъ эффектовъ, безъ ненужной искусственной помпы. Скромно, тихо, безъ фельетоннаго задора и комическихъ прибаутокъ, Шелгуновъ твердо и неуклонно ведетъ свою публицистическую линію съ первыхъ же дней своей литературной карьеры. Что-то теплое и мягкое вѣетъ надъ всѣми произведеніями этого писателя. Непоколебимость, смягченная сердечнымъ отношеніемъ къ человѣческимъ заблужденіямъ, придаетъ лучшимъ статьямъ Шелгунова чрезвычайно симпатичную окраску. Шелгуновъ писатель правдивый, честный и въ высшей степени осторожный. Въ статьяхъ Шелгунова нѣтъ холоднаго резонерства, блестящихъ, но дешевыхъ фразъ, нѣтъ грубаго издѣвательства надъ чужою личностью ради мишуры, ради собственныхъ выгодъ. Это достойно вниманія, особенно потому, что Шелгуновъ прошелъ ту самую литературную школу, изъ которой нѣкоторые другіе почтенные писатели вынесли нѣсколько развязные пріемы и черезчуръ бравурныя замашки. Любителямъ пикантнаго и забористаго публицистическаго чтенія Шелгуновъ удовольствія не доставитъ, но зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что имя Шелгунова сохранится въ исторіи нашей журналистики рядомъ съ другими лучшими именами шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ... Спокойный стиль, простота мысли, какое-то примиряющее сіяніе придаютъ всѣмъ вообще произведеніямъ Шелгунова чрезвычайно симпатичный, гуманный характеръ, возвышающій ихъ надъ нѣкоторыми другими произведеніями того же направленія, но не того же нравственнаго и умственнаго изящества» [1]).

Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ, такіе крупные таланты, затмевали Шелгунова въ шестидесятые годы, рѣзкія полемическія выходки дѣлали извѣстными имена Зайцева, Ткачева, Соколова и другихъ, о нихъ говорили больше, чѣмъ о Шелгуновѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что по таланту онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева.

IV.

Если въ шестидесятые и семидесятые годы Шелгуновъ особенно не выдѣлялся, то совершенно другое надо сказать о восьмидесятыхъ годахъ, когда онъ сталъ печатать въ «Русской Мысли» свои «Очерки

---

[1]) Волынскій. «Историкъ шестидесятыхъ годовъ». — «Сѣверн. Вѣстн.», 1891, кн. III, отд. II, стр. 150, 151 и 161.

русской жизни». «На склонѣ лѣтъ,—говоритъ г. Протопоповъ,— Шелгуновъ сталъ писать лучше, нежели онъ писалъ въ молодости. Перейдя за шестидесятилѣтній возрастъ, онъ какъ будто помолодѣлъ духомъ, его талантъ какъ будто бы сбросилъ съ себя какія-то цѣпи или путы, и въ статьяхъ Шелгунова, прежде только живыхъ и удобопонятныхъ, появилась неподдѣльная увлекательность и чисто юношеская страстность» [1]). Со сказаннымъ г. Протопоповымъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, мы наблюдаемъ очень интересное явленіе: развитіе таланта подъ старость. «Русское Слово» и «Дѣло» не давали возможности Шелгунову проявить весь запасъ душевныхъ силъ, вся его богатая натура не могла проявиться въ популярныхъ статьяхъ, она могла только обнаружиться, когда онъ въ восьмидесятые годы перешелъ къ руководящей публицистикѣ, когда онъ сдѣлался обозрѣвателемъ русской жизни. Прежде второстепенная величина, въ восьмидесятые годы Шелгуновъ занимаетъ первое мѣсто въ журналистикѣ, къ голосу его начинаетъ прислушиваться русское общество, онъ дѣлается общественнымъ руководителемъ. «Очерки русской жизни»,—свидѣтельствуетъ Михайловскій,—читались съ жадностью» [2]).

Чтобы понять причину громадной популярности Шелгунова въ восьмидесятые годы, нужно сказать нѣсколько словъ о ходѣ русской жизни, о той общественной обстановкѣ, въ которой протекли послѣдніе годы литературной дѣятельности Шелгунова.

Свѣтлые годы дружной работы правительства и общества, начавшіеся съ вступленіемъ на престолъ Александра II, продолжались недолго. Уже въ 1861 году ясно выступаетъ поворотъ правительства на старый курсъ, оно снова начинаетъ слѣдовать своей прежней политикѣ—подавлять общественную мысль, общественное сознаніе. Съ каждымъ годомъ реакція все усиливается и усиливается, печать преслѣдуется рѣшительнѣе, общественная иниціатива стѣсняется. Съ 1881 года правительство окончательно повернуло на путь реакціи, признавъ, что оно сдѣлало крупную историческую ошибку, призвавъ въ шестидесятые годы общество къ совмѣстной созидательной, творческой работѣ. Восьмидесятые годы — одна изъ самыхъ ужасныхъ реакцій. Лучшіе элементы русскаго общества должны были оставить вновь мечту объ осуществленіи своей общественной стоимости, общественная работа стала немыслима. Общественныя условія, историческая атмосфера находятся въ тѣсной связи съ умственными теченіями, идеалами общества. Реакція восьмидесятыхъ годовъ, когда «смолкли смѣлые, доблестно павшіе», порождаетъ въ обществѣ опредѣленныя умственныя те-

---

[1]) Протопоповъ. «Н. В. Шелгуновъ». — «Русская Мысль», 1891, кн. VII, стр. 104.

[2]) Вступительная статья къ «Сочиненіямъ Шелгунова», стр. LIX. Изд. 1895.

ченія. Умы начинаетъ покорять теорія Толстого «непротивленія злу», на историческую сцену выступаетъ такъ называемая «абрамовщина». Она представляла очень интересное теченіе въ исторіи русскаго общества, въ исторіи русской общественной мысли. Представители этого теченія группировались около журнала «Недѣля». Она была основана въ 1866 году и до восьмидесятыхъ годовъ представляла народническій органъ, умѣренно-прогрессивнаго характера, но въ восьмидесятые годы она дѣлается органомъ крайне односторонняго народничества и выступаетъ съ проповѣдью такъ называемыхъ «малыхъ дѣлъ». Въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, Юзова-Каблица и Абрамова, имя котораго и получило это теченіе, «Недѣля» начинаетъ учить, что общество должно оставить стремленіе къ «большимъ дѣламъ», къ «великимъ задачамъ»—пересозданію общественнаго строя, а должно сосредоточить все свое вниманіе на «малыхъ дѣлахъ» на «незамѣтной культурной работѣ»—итти въ учителя, земскіе врачи и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ «Недѣля» проповѣдуетъ преклоненіе передъ народомъ, что интеллигенція должна воспринять «міросозерцаніе деревни», усвоить «правду мужика», такъ какъ онъ выше интеллигенціи въ нравственномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что идеалы, выдвинутые въ восьмидесятые года, были въ полномъ противорѣчіи съ идеалами шестидесятыхъ годовъ, когда было время «великихъ задачъ», когда общество преклонялось предъ «интеллигентной личностью», когда только путемъ политическихъ и соціальныхъ реформъ думали пересоздать общество въ моральномъ отношеніи. Всѣ шестидесятники отличались удивительной стойкостью убѣжденій, они до конца жизни не измѣняли своимъ идеаламъ. Эта стойкость убѣжденій была присуща и Шелгунову, какъ типичному шестидесятнику. Когда въ восьмидесятые годы выступила теорія «малыхъ дѣлъ», «абрамовщина», Шелгуновъ вступилъ въ рѣшительную борьбу: все, что проповѣдывала «Недѣля», было органически ненавистно Шелгунову. Тотъ юношескій жаръ, съ которымъ старецъ выступилъ на защиту поруганныхъ идеаловъ молодости, придавалъ удивительную силу его статьямъ, выдвигалъ его на первый планъ. Здѣсь Шелгуновъ обнаружилъ всѣ тѣ богатыя духовныя силы, которыя въ немъ таились, обнаружилъ всю красоту, всю чистоту своего душевнаго облика.

Въ «Очеркахъ русской жизни» очень ярко выступаетъ опредѣленное общественное міросозерцаніе Шелгунова. Въ проповѣди личнаго усовершенствованія, «малыхъ дѣлъ» онъ видитъ проповѣдь общественнаго застоя, такъ какъ «малыя дѣла», по его мнѣнію, отодвигаютъ общество отъ самой его главной задачи—созданія новаго государственнаго строя. Пока онъ не будетъ созданъ, пока не измѣнятся общественныя условія, на взглядъ

Шелгунова, никакія «малыя дѣла», «тихая культурная работа», не приведутъ къ желаннымъ результатамъ. «Какъ бы ни было сильно въ отдѣльныхъ людяхъ стремленіе къ гражданской и общественной справедливости, — говоритъ онъ, — одного этого стремленія еще мало, нужно, чтобы въ самыхъ формахъ жизни имѣлся достаточный просторъ для проявленія каждаго отдѣльнаго личнаго стремленія»[1]). Шелгуновъ горячо доказываетъ, что общество движется впередъ не моральнымъ усовершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей, а реформами, перемѣной общественнаго строя. Такъ же горячо возставалъ Шелгуновъ противъ другого положенія, проповѣдуемаго «Недѣлей», что народъ по цѣлостности своего міросозерцанія и нравственнымъ устоямъ выше интеллигенціи, что она въ силу этого не имѣетъ права навязывать народу свои взгляды, что общественный прогрессъ возможенъ лишь тогда, когда интеллигенція восприметъ «правду мужика», проникнется ею. Шелгуновъ доказываетъ, что демократизмъ понятъ «Недѣлей» односторонне, что ея проповѣдь ведетъ къ полной пріостановкѣ культурнаго развитія, такъ какъ требуетъ отрѣшенія интеллигенціи отъ всего культурнаго богатства. Въ противоположность «Недѣлѣ», Шелгуновъ выдвигаетъ громадное руководящее значеніе интеллигенціи въ общественномъ прогрессѣ. Ее онъ понимаетъ, какъ внѣсословную и внѣклассовую группу, и даетъ ей соціально-этическое опредѣленіе. «Интеллигенція,—говоритъ Шелгуновъ,—есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую, властную силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это—умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое... Интеллигенція не образуетъ собой никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой она служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть, это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и лежатъ камни и мели. И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго

---

[1]) «Очерки русской жизни», стр. 680.

разрѣшенія только въ общемъ»[1]). Придавая такую этическую цѣнность интеллигенціи, Шелгуновъ указываетъ, что прогрессъ возможенъ лишь тогда, когда деревня проникнется идеалами интеллигенціи, какъ носительницы прогресса, а не наоборотъ, когда интеллигенція восприметъ «правду мужика», какъ утверждала «Недѣля». «Нужно не интеллигенціи итти въ деревню,—говоритъ Шелгуновъ,— нужно, чтобы деревня подошла къ интеллигенціи, чтобы она сама заполнила раздѣляющую ихъ пустыню, сама создала то посредствующее звено, котораго пока еще недостаетъ въ русской жизни между ея умственными верхами и народными низами, нужно, чтобы не богатство и власть кулака были идеаломъ деревни, а кое-что другое, что именно дѣлаетъ интеллигента интеллигентомъ и отсутствіе чего и составляетъ раздѣляющую пустыню»[2]).

Для своего времени «Очерки русской жизни» имѣли громадное значеніе: раскрывая несостоятельность «абрамовщины», всю односторонность ея лозунговъ, Шелгуновъ будилъ въ восьмидесятые годы общественную мысль, не давалъ ей замерзнуть въ общественномъ индифферентизмѣ, къ чему вела проповѣдь «малыхъ дѣлъ «Недѣли». Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Шелгуновъ въ это время пользовался большимъ уваженіемъ среди передовыхъ представителей общества, въ которыхъ реакція не убила стремленія къ воплощенію въ жизнь широкихъ идеаловъ соціальнаго равенства и общественнаго блага.

Особенно способствовали вліянію «Очерковъ русской жизни» на общество та нравственная сила, то благородство, страстное стремленіе указать истинную дорогу, чѣмъ были проникнуты они. Это заставляло уважать Шелгунова даже тѣхъ людей, которые были принципіальными его противниками и группировались около «Недѣли». Мы просмотрѣли этотъ журналъ за восьмидесятые годы и нигдѣ не встрѣтили, чтобы въ пылу ожесточенныхъ полемическихъ споровъ было высказано рѣзкое сужденіе о личности Шелгунова, заподозрѣны его искренность и благородство; въ рѣзкихъ нападкахъ на него, какъ на представителя противоположнаго общественнаго теченія, вездѣ сквозитъ уваженіе къ нему, какъ честному, искреннему писателю. Въ этомъ отношеніи интересно мнѣніе о Шелгуновѣ «Недѣли» предъ самой смертью писателя въ 1891 году. Въ мартовской книгѣ мы находимъ статью о Шелгуновѣ г. Яковенки—«Публицистъ трехъ десятилѣтій», въ которой онъ стремится раскрыть противорѣчія міросозерцанія писателя. Умаляя значеніе Шелгунова, какъ мыслителя-теоретика, г. Яковенко, тѣмъ не менѣе, съ большимъ уваженіемъ относится къ личности Шелгунова, говоря, что въ его статьяхъ «все, каждая фраза, каждое

---

[1]) «Очерки русской жизни», стр. 853.

[2]) Тамъ же, стр. 591.

слово являются выраженіемъ добраго чувства, какое неутомимый публицистъ питаетъ къ людямъ, и его добрыхъ пожеланій». Къ статьѣ г. Яковенки редакція «Недѣли» сдѣлало такое примѣчаніе: «Намъ кажется, что одно «доброжелательное чувство», которое авторъ настоящей статьи противопоставляетъ неопредѣленности теоретическаго міросозерцанія Н. В. Шелгунова, далеко не исчерпываетъ привлекательныхъ и сильныхъ сторонъ дѣятельности почтеннаго писателя. Къ доброжелательному чувству нужно еще прибавить глубокую искренность, горячее сердце и высокую настроенность мысли, не говоря уже о прекрасномъ, всегда одушевленномъ изложеніи, чтобы объяснить то значеніе, какое имѣлъ и особенно имѣетъ въ настоящее время Н. В. Шелгуновъ въ русской публицистикѣ» [1]).

Въ девятидесятые годы, послѣ долгой реакціи, какъ извѣстно, снова наступаетъ общественный подъемъ. Связь его съ той общественной проповѣдью, которую проповѣдывалъ Шелгуновъ въ «Очеркахъ русской жизни» въ восьмидесятые годы, несомнѣнна. Эту связь прекрасно понялъ г. Струве, который говоритъ, что «есть какая-то не случайная, а органическая идейная связь между послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Шелгунова и послѣдующимъ умственнымъ и общественнымъ движеніемъ девятидесятыхъ годовъ» [2]). Дѣйствительно, уже не говоря о томъ, что своимъ бодрымъ настроеніемъ въ эпоху реакціи восьмидесятыхъ годовъ, постояннымъ страстнымъ призывомъ общества къ общественному служенію, Шелгуновъ подготовлялъ подъемъ общественной бодрости въ девятидесятые годы, связь его съ ними выступаетъ и во взглядахъ: девятидесятые годы всецѣло становятся на платформу Шелгунова, опредѣленно заявивъ, что прежде всего нужно сосредоточить общественныя силы на политической борьбѣ, на организаціи трудящихся массъ, что прогрессъ есть слѣдствіе измѣненія общественно-политическихъ условій. За все это, какъ мы видѣли, горячо ратовалъ Шелгуновъ. Если между нѣкоторыми взглядами Шелгунова и девятидесятыхъ годовъ лежитъ пропасть, то есть и такіе взгляды, которые тѣсно сближаютъ его съ этими годами. Къ числу первыхъ принадлежитъ взглядъ на интеллигенцію. Мы видѣли, что ей Шелгуновъ придавалъ громадное, руководящее значеніе въ общественномъ организмѣ, въ историческомъ прогрессѣ. Девятидесятые годы держались совершенно противоположнаго взгляда. Сближаетъ же девятидесятые годы и Шелгунова слѣдующее обстоятельство. Въ эти годы возникшимъ марксизмомъ опредѣленно было выдвинуто значеніе экономическаго фактора въ историческомъ процессѣ, было выставлено экономическое истолко-

---

[1]) «Книжки «Недѣли», 1891, кн. III, стр. 64.

[2]) «На разныя темы».—«Міръ Божій», 1901, кн. VI, стр. 23.

ваніе общественной эволюціи. Мы видѣли, что Шелгуновъ еще въ шестидесятые и семидесятые годы обратилъ вниманіе на экономическій факторъ въ исторіи, въ «Очеркахъ русской жизни» онъ неоднократно отмѣчалъ культурные успѣхи Россіи, вызванные ходомъ экономическаго развитія. Это дѣлаетъ его предшественникомъ марксизма, который заявилъ себя въ исторіи русской общественной мысли въ девятидесятые годы.

Обозрѣвая литературную дѣятельность Шелгунова перваго періода, въ шестидесятые и семидесятые годы, мы назвали его—писатель-гражданинъ. Этотъ эпитетъ вполнѣ можно сохранить за Шелгуновымъ и во второй періодъ его литературной дѣятельности, въ періодъ «Очерковъ русской жизни». «Писатель-гражданинъ»—вполнѣ опредѣляетъ Шелгунова, для котораго журналистика была всецѣло средствомъ общественнаго воспитанія, руководительницей общества. Въ шестидесятые и семидесятые годы онъ видѣлъ задачу момента—въ популяризаціи знаній и онъ отдался весь этому дѣлу, въ восьмидесятые годы онъ посвятилъ себя руководящей публицистикѣ, чутко уловивъ опять задачу момента. Шелгуновъ былъ въ полномъ смыслѣ слова писатель-гражданинъ, чутко прислушивающійся къ біенію пульса русской жизни. Въ восьмидесятые годы перемѣнилось его амплуа, но идея, руководившая имъ, осталась та же — служить прогрессу, обществу, способствовать расширенію его кругозора, сознанія. Въ силу этого, значеніе Шелгунова всецѣло въ томъ моральномъ воздѣйствіи, которое онъ оказывалъ на общество: не какъ теоретикъ-мыслитель, а какъ писатель-публицистъ цѣненъ онъ. Сила его не въ теоретическихъ построеніяхъ, а въ горячемъ чувствѣ, возвышенномъ душевномъ настроеніи, чѣмъ проникнута каждая написанная имъ страница: онъ умѣлъ возбудить мысль читателя, желаніе осмыслить жизнь, разобраться въ тѣхъ вопросахъ русской дѣйствительности, которые, точно волны, шли другъ за другомъ, наступали, требовали немедленнаго разрѣшенія.

А. Г. Фоминъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

I.

Семейное дѣло.

РЫЦАРСКАЯ черта характера императора Николая I, выражавшаяся въ постоянной готовности заступиться за слабаго и внести такимъ образомъ нѣкоторое равновѣсіе въ борьбу двухъ неравныхъ противниковъ, общепризнана. Но любопытно привести малоизвѣстный эпизодъ, для того, чтобы лишній разъ подчеркнуть указанную черту,—эпизодъ, касающійся супруговъ Шаховскихъ. Здѣсь императору Николаю пришлось выступить въ качествѣ посредника между мужемъ и женой.

Жена полковника князя Шаховскаго, вслѣдствіе разногласій съ мужемъ, жила отдѣльно отъ него. Вечеромъ, въ десятомъ часу, 14 сентября 1834 г., въ подвалѣ подъ ея кабинетомъ, гдѣ она постоянно находилась, произошелъ пороховой взрывъ. Человѣческихъ жертвъ взрывъ, къ счастью, не принесъ, такъ какъ княгиня находилась не въ кабинетѣ; силою же взрыва лишь приподняло полъ въ кабинетѣ, сорвало съ петель дверь и разбило нѣсколько оконныхъ стеколъ. Княгиня подала заявленіе въ с.-петербургскій земскій судъ, и началось слѣдствіе, которое обнаружило подозрѣніе въ совершеніи взрыва на самого князя Шаховского; послѣдній былъ по высочайшему повелѣнію арестованъ. Между тѣмъ, военный министръ, усмотрѣвъ отсутствіе военнаго депутата при слѣдствіи, произве-

денномъ исправникомъ, потребовалъ переслѣдовать дѣло, что и было исполнено.

Разслѣдованія обнаружили, что княгиня Шаховская не можетъ, строго говоря, указать на виновника взрыва; правда, сбѣжавшіеся на взрывъ люди передавали ей, что, возвращаясь домой, они встрѣтили по большой дорогѣ, у самой дачи, шедшаго черезъ мостъ офицера, съ черными усами, въ шинели съ краснымъ воротникомъ, въ фуражкѣ, въ сопровожденіи дрожекъ, запряженныхъ парою темныхъ лошадей, и кучера въ бѣломъ армякѣ, причемъ одинъ изъ свидѣтелей утверждалъ, что этотъ таинственный офицеръ—былъ князь Шаховской. Домашніе княгини Шаховской ничего въ слѣдствіе не внесли; сторожъ дома заявилъ, что дворовыя собаки не лаяли. Полковникъ князь Шаховской показалъ, что онъ никогда «не питалъ злонамѣренности» противъ княгини, «нынѣ же возводимая на него нелѣпая и ужасная клевета вымышлена единственно для поддержанія бракоразводнаго дѣла, заведеннаго женою его»; кромѣ того, князь Шаховской, ссылаясь на врачей Лихтенштета и Бланка, говорилъ, что онъ за мѣсяцъ до 14 сентября заболѣлъ и къ этому дню болѣзнь его настолько усилилась, что ему была пущена кровь. Домашніе князя Шаховского подтвердили его показанія, ровно какъ и лечившіе его доктора; физикатъ же удостовѣрилъ, что изъ аптекъ отпускались лекарства для князя Шаховского 21 августа, 14, 16, 18, 20 и 27 сентября, 2 и 3 октября; однако первоначально физикатъ сообщалъ, что отпускъ лекарствъ былъ произведенъ не 14, а 13 сентября, и лишь при представленіи княземъ Шаховскимъ подлиннаго рецепта онъ призналъ, что лекарства отпускались, дѣйствительно, 14 сентября. Были затребованы также свѣдѣнія изъ артиллерійской лабораторіи о лицахъ, коимъ былъ продаваемъ порохъ съ 1 іюля по 15 сентября; такихъ покупателей было шесть человѣкъ, причемъ 11 іюля одинъ изъ покупателей назвался дворовымъ человѣкомъ князя Шаховского Герасимомъ Федоровымъ; однако у арестованнаго князя Шаховского человѣка съ такимъ именемъ и такою фамиліею не оказалось.

Вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ были арестованы сторожъ княгини и ея дворовая, имѣвшая лѣтомъ какой-то таинственный разговоръ съ княжескимъ кучеромъ, а также многіе крѣпостные князя.

Не усматривая достаточныхъ основаній къ обвиненію князя Шаховского, с.-петербургскій военный губернаторъ графъ Эссенъ, 3 февраля 1835 г., писалъ военному министру объ обращеніи всего дѣла, по отношенію лишь къ гражданскимъ лицамъ, въ уѣздный судъ.

Генералъ-аудиторіатъ, въ своемъ заключеніи къ слѣдствію, полагалъ, что подозрѣніе на князя Шаховскаго, «при всей стро-

гости произведенныхъ изслѣдованій, не подкрѣпилось ни малѣйшими доводами, а напротивъ того, невинность его въ семъ случаѣ доказана въ полной мѣрѣ и самымъ удовлетворительнымъ образомъ». Поэтому, по мнѣнію генералъ-аудиторіата, надлежало князя Шаховского отъ ареста освободить, также какъ и его казеннаго денщика, о прочихъ лицахъ гражданскаго вѣдомства предоставить сдѣлать законное распоряженіе военному генералъ-губернатору и замѣтить с.-петербургскому физикату о неосмотрительномъ отзывѣ его объ отпускѣ лекарства князю Шаховскому не 14 сентября, а 13-го.

Казалось бы, участь князя Шаховского была предрѣшена, и онъ могъ разсчитывать выйти вполнѣ безнаказаннымъ изъ всего этого темнаго дѣла. Но въ недоразумѣніяхъ между супругами Шаховскими пожелалъ стать посредникомъ императоръ Николай, принявшій сторону слабѣйшаго, т. е. княгини Шаховской. 30 марта 1835 г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ сообщилъ генералъ-аудиторіату, что, «хотя его императорское величество и не находитъ въ произведенномъ слѣдствіи юридическихъ доказательствъ къ обвиненію полковника князя Шаховского, не менѣе того по предшествовавшей зазорной супружеской его жизни и по многократнымъ враждебнымъ противу жены своей поступкамъ, его величество признаетъ необходимымъ принять мѣры къ огражденію ее отъ оныхъ на будущее время и вслѣдствіе того повелѣть соизволилъ полковника князя Шаховского перевесть на службу въ одинъ изъ полковъ Кавказскаго отдѣльнаго корпуса, выславъ его немедленно изъ С.-Петербурга».

II.

Превышеніе губернаторомъ власти.

Страшное зарево озарило Кострому въ ночь на 6 сентября 1847 г., пожаръ начался въ третьемъ часу ночи, на Александровской ул.: и жертвами огня стали болѣе сотни зданій, въ томъ числѣ Богоявленскій монастырь, гауптвахта, двѣ фабрики; убытку пожаръ принесъ почти на полмилліона рублей. Красный пѣтухъ не оставлялъ Костромы, и пожары произошли еще 9, 10 и 11 сентября.

Уже a priori можно было заключить, что пожары явились слѣдствіемъ поджоговъ; а тутъ еще были подброшены записки съ предвѣщеніемъ пожаровъ.

Время было строгое. Разговоровъ тогда не любили. Полиціи нужно было дѣйствовать, и дѣйствовать рѣшительно. Безъ большихъ церемоній было арестовано 54 человѣка, въ томъ числѣ и нижніе чины: 12 человѣкъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона, 4 че-

ловѣка Суздальскаго пѣхотнаго полка и одинъ инвалидъ. Поводомъ къ аресту послужили: «какія-нибудь слова относительно пожаровъ, бытность въ питейномъ домѣ и хожденіе по городу въ пьяномъ видѣ, имѣніе при себѣ табаку, трубокъ, сигаръ, фосфорическихъ спичекъ по нѣсколько штукъ, или цѣльными коробочками».

При первомъ пожарѣ гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ находился въ Макарьевѣ, но, получивъ свѣдѣніе о пожарѣ, 8 сентября явился въ Кострому, гдѣ тотчасъ назначилъ комиссію для производства слѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ отдалъ распоряженіе объ арестованіи чиновниковъ-поляковъ, состоявшихъ на службѣ въ Костромѣ, причемъ были отправлены въ мѣстный тюремный замокъ врачъ Ходоровичъ, губернскій архитекторъ Кудоровскій, его братъ лѣсничій Кудоровскій, гражданскій инженеръ Свѣнцицкій, коллежскій секретарь Султановъ, отставной штабсъ-ротмистръ Свирщевскій, дворяне Кучаровскій, Бѣляновичъ и Кондрацкій. Поводомъ къ такому арестованію послужило общественное мнѣніе костромитянъ, видѣвшихъ въ полякахъ поджигателей. По этой же причинѣ губернаторъ вошелъ въ сношеніе съ военными властями о томъ, чтобы нижніе чины изъ поляковъ были отдѣлены отъ остальныхъ военнослужащихъ, состояли подъ надзоромъ начальства и отнюдь не наряжались въ караулъ.

Какъ доносилъ губернаторъ на высочайшее имя, «уныніе, наведенное поджигательствомъ, столь велико, что не только погорѣвшіе, но и жители домовъ уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ выбрались на берегъ Волги, гдѣ ночуютъ подъ открытымъ небомъ».

Вскорѣ отыскался мальчикъ Богомоловъ, явившійся свидѣтелемъ разговора о якобы сдѣланномъ въ кружкѣ мѣстныхъ поляковъ заговорѣ на поджогъ. Богомоловъ удостовѣрялъ, что онъ слышалъ слова Кондрацкаго къ Кучаровскому: «надо же помянуть Сусанина», а также вопросъ Ходоровича на обѣдѣ: «когда же начнемъ поминать Сусанина?» Этотъ же свидѣтель показалъ, что къ Кучаровскому часто заходилъ унтеръ-офицеръ Ярошевичъ, которому тотъ совѣтовалъ уговаривать нижнихъ чиновъ «выжечь» Кострому. Съ другой стороны, кантонистъ Степановъ показалъ, что поляки раздавали солдатамъ спички, свѣчи и деньги и рѣшили «сдѣлать поджогъ вблизи памятника Ивана Сусанина»; при этомъ Степановъ указалъ на рядового Щепковскаго, какъ на перваго человѣка, произведшаго поджогъ. Наконецъ, служившая у Ходоровича женщина Мельникова подтвердила существованіе польскаго заговора.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Открывался какой-то польскій заговоръ. Различныя власти увѣдомляли центральные органы, что въ поджогахъ подозрѣваются поляки. Нуженъ былъ въ слѣдственной комиссіи вѣрный и безпристрастный человѣкъ. Такимъ

оказался адъютантъ дежурнаго генерала главнаго штаба капитанъ Огаревъ, который и былъ командированъ въ Кострому. Туда же былъ отправленъ и флигель-адъютантъ фонъ-Бринъ, съ пособіемъ въ 7.500 р. въ пользу пострадавшихъ; послѣдній также сталъ принимать участіе въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ.

Съ прибытіемъ свѣжихъ лицъ, свободныхъ отъ слуховъ стоустной молвы и отъ мелкаго мірка глухой провинціи, слѣдствіе повернуло свое теченіе. Эти новыя лица установили, что нижніе чины принимали дѣятельное участіе въ тушеніи пожара; они обнаружили, что «губернаторъ былъ самъ увлеченъ молвою» и что Ярошевичъ и Щепковскій, въ надеждѣ «исторгнуть у нихъ признаніе», были при допросахъ наказываемы розгами, а Ходоровичъ былъ водимъ по городу, подъ конвоемъ солдатъ и жандармовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, былъ крайне возмущенъ дѣятельностью губернатора. Въ силу справедливости, забывъ польское возстаніе, государь принялъ сторону поляковъ и на рапортѣ флигель-адъютанта Брина, 28 октября 1847 г., положилъ резолюцію: «представить сегодня же въ комитетъ министровъ и послать фельдъегеря арестовать губернатора и привезть сюда, гдѣ и отдать военному суду подъ арестомъ». Въ то же время въ управленіе губерніей вступилъ генералъ-адъютантъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, внукъ знаменитаго Суворова.

Продолжая слѣдственныя дѣйствія, флигель-адъютантъ Бринъ, замѣтивъ на очныхъ ставкахъ, что кантонистъ Степановъ говорилъ неувѣренно, обнаруживалъ робость и блѣднѣлъ, сталъ усовѣщевать его показывать одну только правду. На другой день Степановъ, явившись въ комиссію, показалъ, что онъ ложно оговорилъ Ходоровича, такъ какъ на первомъ допросѣ у губернатора онъ былъ наказанъ розгами и очень испугался. Черезъ нѣсколько дней отреклась отъ своихъ прежнихъ показаній и свидѣтельница Павлова. По донесеніи о семъ государю, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ опубликованіи всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій въ мѣстной губернской газетѣ.

Выяснившаяся фальшивость направленія слѣдствія, вызванная излишнею довѣрчивостью губернатора къ циркулировавшимъ въ Костромѣ слухамъ, оправдывалась, по донесенію князя Суворова, тѣмъ, что Григорьевъ имѣлъ «ложно-направленное усиліе отыскать виновниковъ непостижимыхъ бѣдствій города»; личной же непріязни губернаторъ не питалъ ни къ одному арестованному.

Военно-судная комиссія приговорила губернатора Григорьева къ содержанію подъ арестомъ на четыре мѣсяца и къ отставленію отъ службы. Дѣло поступило на заключеніе генералъ-аудиторіата, который призналъ, что губернаторомъ Григорьевымъ «безвинно подвергнуты были тюремному заключенію и позору многія лица

изъ польскихъ уроженцевъ по неосновательному подозрѣнію въ злонамѣренныхъ зажигательствахъ, а двое изъ нижнихъ чиновъ тѣлесному наказанію въ видѣ пытки, строго воспрещенной закономъ, и что эти несообразныя дѣйствія его утвердили въ народѣ заблужденіе о существованіи между поляками заговора на зажигательство». Поэтому генералъ-аудиторіатъ полагалъ «написать» дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ рядовые и опредѣлить на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аудиторіатъ установилъ наличность обстоятельствъ, могущихъ служить въ облегченіе участи подсудимаго Григорьева — наличность безпорочной службы, высокихъ нравственныхъ его качествъ, разумныхъ его распоряженій послѣ пожара учрежденіемъ комитета для сбора пособій и нарядомъ для охраны имущества карауловъ; кромѣ того, нужно было принять во вниманіе долговременное, болѣе года, содержаніе Григорьева подъ арестомъ. Въ виду изложеннаго, генералъ-аудиторіатъ полагалъ вмѣнить Григорьеву въ наказаніе бытность подъ судомъ.

9 декабря 1848 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціей: «вмѣнить судъ въ наказаніе, г. Григорьева уволить отъ службы, а въ прочемъ быть по сему».

Вотъ какимъ образомъ разсѣялся призракъ мнимаго польскаго заговора. Губернаторъ, введенный въ заблужденіе слухами и сильно повѣрившій пословичному афоризму: «гласъ народа—гласъ Божій», превысилъ свою власть и очутился подъ строгимъ военнымъ судомъ, кончившимся въ общемъ для него благополучно.

III.

Высочайшій выговоръ генералъ-губернатору.

Въ 1839 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири состоялъ князь П. Д. Горчаковъ. Если вообще въ тогдашней Россіи административный произволъ не былъ рѣдокъ, то онъ былъ болѣе частъ въ тогдашней Сибири, отдаленной отъ царскихъ глазъ и контроля общественнаго мнѣнія. Тамъ, въ глухой Сибири, составлявшей, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, полумиѳическую окраину для Европейской Россіи, царило безпорядочное веденіе дѣлъ; денежная отчетность велась запутанно; бюрократическое колесо, приносящее пользу лишь при правильномъ движеніи, вертѣлось медленно, вяло, сонливо. Князь Горчаковъ былъ строгій администраторъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на дѣлопроизводство табольскаго губернскаго правленія и 3 марта 1839 г. вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ удаленіи со службы тобольскаго гражданскаго губернатора статскаго совѣтника Повало-Швыйковскаго.

Однако представленіе генералъ-губернатора было предупреждено: виновный гражданскій губернаторъ, до полученія представленія Горчакова, 17 апрѣля былъ уволенъ отъ службы. Объ этомъ увольненіи князю Горчакову писалъ 8 іюля министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ А. Г. Строгановъ; послѣдній между прочимъ сообщалъ: «При семъ случаѣ доведено было до высочайшаго свѣдѣнія о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ вашихъ насчетъ упущеній сего чиновника»; дальнѣйшаго же хода дѣлу о Повало-Швыйковскомъ графъ Строгановъ не далъ, «тѣмъ болѣе—какъ писалъ онъ—что въ случаѣ, если бы оказались явныя со стороны его злоупотребленія, принятіе въ отношеніи къ нему, какъ и ко всякому другому чиновнику, законныхъ мѣръ зависитъ отъ усмотрѣнія вашего»; далѣе графъ Строгановъ, въ опроверженіе мнѣнія князя Горчакова о томъ, что виновникомъ упущеній былъ единственно гражданскій губернаторъ, приводилъ соображеніе: «какъ вы изъяснили, что безпорядки въ семъ управленіи вкрались съ давняго времени, то они столько же могутъ относиться къ предмѣстникамъ его, какъ и къ главнымъ мѣстнымъ начальствамъ, коимъ ст. 1195, 1197 и 1198 II т. св. зак. постановлено въ обязанность предотвращать безпорядки сего рода ежегодною ревизіею и обозрѣніемъ мѣстныхъ управленій». Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Строгановъ отклонялъ просьбу князя Горчакова объ исходатайствованіи учрежденія двухъ новыхъ «столовъ» во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ тобольскаго губернскаго правленія, предлагая командировать туда чиновниковъ изъ другихъ мѣстъ.

Князь Горчаковъ очень обидѣлся на министерское письмо. «Не знаю,—писалъ онъ въ отвѣтномъ письмѣ графу Строганову 12 августа:—какъ принять это заключеніе ваше: угрозой, въ случаѣ несогласія моего, или прямымъ обвиненіемъ; только увѣренъ, что вы, милостивый государь, не позволили бы себѣ этихъ словъ, если бы, приведя мнѣ на видъ 1195, 1197 и 1198 ст. II т. св. зак., угодно было вамъ поближе вникнуть въ обстоятельства дѣла, въ предписываемое законами о порядкѣ взаимнаго между ними отношенія и собственно въ обязанность сибирскихъ генералъ-губернаторовъ. Одно примѣчаніе къ 1677 ст. II т. св. зак. достаточно указало бы вамъ, что тамъ, гдѣ гражданскимъ губернаторамъ, по обширности края, разрѣшается обозрѣвать присутственныя мѣста одинъ только разъ въ два года, нельзя неудобоисполнимыми требованіями, ни на чемъ не основанными, обременять главнаго начальника, управляющаго тремя пространными областями и командующаго отдѣльнымъ корпусомъ». «Впрочемъ,—продолжалъ Горчаковъ:—если бы со стороны моей и было что упущено (въ чемъ я нисколько не сознаюсь), то позвольте привесть вамъ, что вы ни мнѣ, ни моимъ предмѣстникамъ не начальникъ и не судья, что нѣтъ закона, подчиняющаго генералъ-губернаторовъ вашему сіятельству, между тѣмъ какъ (788 ст. I т.) положительно признаются они лицами, равно-

степенными съ министрами, что само главное управленіе по составу и кругу своего дѣйствія, объемлющему всѣ части администраціи совокупно, составляя изъ себя часть министерскаго постановленія, дѣйствующую на мѣстѣ (1775 ст. II т.), подчинено одному только правительствующему сенату (1338 ст. II т.); точно такъ же, какъ и сами министерства (1776 ст. II т.); наконецъ, что я чиномъ выше васъ; а потому покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, на будущее время предоставить сужденіе о моей службѣ его императорскому величеству, коему я имѣю счастіе ежегодно непосредственно подносить отчетъ о моихъ дѣйствіяхъ, государю, слишкомъ справедливому, чтобы взыскать съ меня за то, что, устроивъ уже многое, при ничтожныхъ средствахъ, въ моемъ распоряженіи находящихся, не успѣлъ я довесть до совершенства всѣхъ отраслей ввѣреннаго мнѣ многосложнаго управленія». Предполагая, что графъ Строгановъ представитъ цитированное письмо государю, князь Горчаковъ просилъ, въ заключеніе, представить также и письмо его, Строганова.

Слѣдовательно, произошло довольно крупное недоразумѣніе между двумя высокопоставленными лицами, министромъ и генералъ-губернаторомъ. Встрѣтились двѣ власти, представлявшія два начала—централизаціи и децентрализаціи. Нужно было выйти изъ труднаго положенія и успокоить всколыхавшееся бюрократическое море.

Какъ же поступилъ здѣсь императоръ Николай?

Графъ Строгановъ представилъ государю письмо князя Горчакова, и императоръ положилъ резолюцію: «пришлите мнѣ копію съ вашего отношенія къ князю Горчакову, о которомъ здѣсь рѣчь, и возвратите мнѣ и сію бумагу». Ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, государь поручилъ генералъ-адъютанту Чернышеву объявить высочайшій выговоръ князю Горчакову. Опытному царедворцу, какимъ былъ А. И. Чернышевъ, показалось порученіе столь отвѣтственнымъ и щекотливымъ, что онъ рѣшилъ представить государю проектъ своего письма князю Горчакову, ранѣе его отправленія. Государь одобрилъ проектъ резолюціей: «хорошо», и письмо съ надписью «секретно» было отправлено въ далекую Сибирь, неся непріятную вѣсть генералъ-губернатору.

«Прочитавъ внимательно бумагу эту,—писалъ Чернышевъ 3 октября,—содержащую единственно мнѣніе графа Строганова по предмету, до дѣла службы относящемуся, и изложенное притомъ въ выраженіяхъ самыхъ приличныхъ и уважительныхъ, государь императоръ не могъ не признать съ тѣмъ большимъ и съ самымъ крайнимъ неудовольствіемъ отношеніе ваше выходящимъ изъ круга всякихъ приличій, оскорбительнымъ и совершенно неумѣстнымъ въ отношеніи къ лицу, занимающему столь важную въ государствѣ должность и облеченному особенной высочайшей довѣренностью. Ограничиваясь на сей разъ объявленіемъ вашему сіятельству строжайшаго за сей несообразный поступокъ вашъ выго-

вора, его величество изволитъ ожидать, что на будущее время вы не выйдете изъ границъ, обязанностями и достоинствомъ службы и самимъ приличіемъ предписываемыхъ; въ противномъ случаѣ вы неминуемо подвергнетесь справедливому гнѣву его величества и взысканію по всей строгости законовъ».

Таковы небезынтересныя подробности объявленія высочайшаго выговора генералъ-губернатору.

IV.

«Генеральный» военный судъ.

9 февраля 1853 г. послѣдовалъ приказъ о преданіи «генеральному» военному суду трехъ полныхъ генераловъ, одного адмирала и двухъ генералъ-лейтенантовъ. Это были: бывшій предсѣдатель комитета, высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 г. (нынѣ Александровскій комитетъ о раненыхъ) генералъ-отъ-инфантеріи Ушаковъ 1 и члены комитета адмиралъ Колзаковъ, генералы-отъ-инфантеріи Мандерштернъ 1 и Арбузовъ 1 и генералъ-лейтенанты Граббе 1 и Зассъ 1. Эти заслуженные генералы были преданы суду, какъ формулировано въ высочайшемъ приказѣ, за «бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго ущерба»; четверо изъ нихъ, кромѣ Мандерштерна, были арестованы, Мандерштернъ же оставленъ на свободѣ «въ томъ уваженіи, что, состоя комендантомъ С.-Петербургской крѣпости, директоромъ Чесменской военной богадѣльни и членомъ военнаго совѣта, онъ, при исполненіи сихъ обязанностей, не могъ принимать равнаго съ прочими членами комитета постояннаго въ дѣйствіяхъ онаго участія». Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій, а членами—полные генералы арміи, адмиралы флота и члены генералъ-аудиторіата.

Разсмотрѣніе дѣла привело къ заключенію, что въ суммахъ комитета оказался недочетъ въ 1.108,546 р. $1^3/_4$ к., которые были присвоены бывшимъ директоромъ канцеляріи, умершимъ до открытія суда, тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ. Хищеніе началось еще съ октября мѣсяца 1837 г., къ 1848 г. «захватъ Политковскимъ суммъ простирался» до 438,571 р. $42^3/_4$ к., а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1851 г. этотъ захватъ возросъ до 930,000 р. Похищаемыя комитетскія деньги Политковскій «скрывалъ» тѣмъ, что «показывалъ ихъ въ числѣ процентовъ, наросшихъ на билеты кредитныхъ учрежденій, исключалъ ихъ по мѣсячнымъ вѣдомостямъ изъ суммъ, поступавшихъ въ то время въ комитетъ, и, наконецъ, не записывалъ по книгамъ на приходъ полученные изъ кредитныхъ установленій на капиталы комитета проценты по билетамъ». Совершенію же подобныхъ преступленій способствовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ. Срочныя повѣрки денежныхъ комитетскихъ суммъ про-

изводились не по шнуровымъ книгамъ, а по фальшивымъ вѣдомостямъ казначея. Затѣмъ денежныя суммы комитета не отсылались въ комиссаріатскій департаментъ, какъ это совершалось въ первые годы существованія комитета, а оставались въ самомъ комитетѣ. Далѣе, противно положенію, суммы изъ кредитныхъ установленій требовались канцеляріей комитета. Наконецъ, въ денежный ящикъ комитета былъ допускаемъ казначей въ отсутствіе члена комитета. Съ 1842 г. дѣйствія государственнаго контроля распространены на денежныя операціи комитета, но такъ какъ ревизія контроля производилась не по подлиннымъ книгамъ, а по составленнымъ изъ нихъ генеральнымъ отчетамъ, то и никакихъ злоупотребленій по денежной отчетности комитета не было обнаружено; лишь при ревизіи денежнаго отчета за 1847 г. были вытребованы подлинныя шнуровыя книги, причемъ были усмотрѣны нѣкоторыя частичныя упущенія, о которыхъ контроль сообщилъ комитету, но послѣдній не принялъ никакихъ мѣръ къ отвращенію усмотрѣнныхъ упущеній. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи шнуровыхъ книгъ за 1850, 1851 и 1852 годы, оказались безпорядки; для примѣра можно указать, что встрѣчались подписи генераловъ Граббе и Засса подъ статьями даже и за то время, когда они еще не состояли членами комитета.

Расхищеніе суммъ, притомъ имѣвшихъ гуманное назначеніе и въ крупномъ объемѣ, совершилось, и заслуженные генералы русской арміи, изъ которыхъ пятеро носили званіе государева генералъ-адъютанта, попали на скамью подсудимыхъ. Роковое довѣріе къ Политковскому привело ихъ туда. Конечно, генералы не были участниками въ этой милліонной растратѣ. Но они обвинялись въ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ столь гибельныя послѣдствія.

Предъ судомъ дали отвѣты всѣ шесть подсудимыхъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Ушаковъ, между прочимъ, показалъ, что, вступивъ въ члены комитета въ 1846 г., онъ нашелъ неограниченное довѣріе, которымъ пользовался Политковскій въ комитетѣ. Онъ былъ «живая исторія» комитета. Онъ былъ «руководителемъ» членовъ комитета, выйдя изъ скромнаго положенія докладчика. Никакого подозрѣнія на него генералъ Ушаковъ не имѣлъ и не могъ имѣть, такъ какъ Политковскій сыздавна былъ облеченъ довѣріемъ комитета. Признавая однако себя виновнымъ въ бездѣйствіи власти, генералъ Ушаковъ считалъ «долгомъ совѣсти, оставшейся безъ упрека въ теченіе 53-лѣтняго служенія, объяснить, на чемъ основывалось его неограниченное довѣріе къ человѣку, преступленіе котораго сдѣлало несчастіе послѣднихъ дней, оставшихся ему, Ушакову, прожить съ горькимъ сознаніемъ неоправданнаго высочайшаго довѣрія».

Адмиралъ Колзаковъ объяснилъ, что, по своемъ назначеніи въ члены комитета, прежде всего онъ обратился къ своду военныхъ постановленій съ цѣлью ознакомиться съ обязанностями

его новаго званія. Освѣдомившись, что комитетъ имѣетъ назначеніе пещись о судьбѣ раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ, онъ принялъ новое званіе съ тою «большою радостію, что новая должность вполнѣ соотвѣтствовала и его способностямъ, и наклонностямъ его души». При этомъ онъ не упомнитъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалась на него и отвѣтственность за отчетность по крупнымъ денежнымъ суммамъ комитета. «Вовсе неприготовленный ни воспитаніемъ, ни прежнею долголѣтнею службою къ дѣламъ счетнымъ и тѣмъ болѣе къ контролю дѣйствій и счетовъ завѣдывающихъ денежными кассами лицъ», онъ считалъ однако обязанностью принимать, наряду съ прочими членами, участіе въ повѣркѣ кассы. Всякое наказаніе, «если не за вину своей совѣсти, то за вину невѣдѣнія и непредусмотрительности», онъ готовъ принять безъ ропота, какъ должное.

Генералъ-отъ-инфантеріи Мандерштернъ объяснилъ, что, будучи членомъ комитета по занимаемой имъ должности директора Чесменской богадѣльни и бывъ поэтому совершенно подчиненъ самому комитету, онъ не считалъ себя въ правѣ предлагать какія-либо нововведенія, а вся его заботливость сосредоточивалась на благоустройствѣ богадѣльни. По своимъ преклоннымъ лѣтамъ, онъ не могъ вникнуть во всѣ подробности, «особенно въ отчетность, которая требуетъ времени и совершеннаго знанія бухгалтеріи». По выраженію Мандерштерна, «злодѣйскій поступокъ Политковскаго вовлекъ и его, съ большимъ семействомъ, въ самое гибельное положеніе, ибо не только чрезъ то подвергъ 48-лѣтнюю безпорочную службу его уничтоженію, но непомраченное до сихъ поръ доброе имя его, чрезъ передачу многочисленными голосами газетъ и журналовъ,—всемірному посрамленію».

Генералъ-отъ-инфантеріи Арбузовъ показалъ, что онъ при назначеніи его въ члены комитета былъ убѣжденъ о совершеніи въ немъ дѣлъ «на точномъ основаніи узаконенныхъ правилъ» и поэтому не позволялъ себѣ отступать по ревизіи отъ ранѣе установленнаго порядка. Онъ никогда «не дерзалъ» мыслить о возможности «подобнаго вѣроломства и даже до сихъ поръ не постигаетъ, какія утонченныя средства употреблялъ Политковскій». Въ заключеніе онъ ставилъ вопросъ: «могъ ли онъ, Арбузовъ, и всѣ прочіе члены комитета, назначенные въ это званіе съ самаго недавняго времени, открыть зло, теперь лишь обнаруженное смертію его виновника, если правительственныя власти, располагавшія всѣми средствами не только для открытія, но и для предупрежденія его, при всѣхъ своихъ средствахъ, не только не предупредили и не открыли зла, но и вообще сами довѣряли Политковскому и освятили эту довѣренность семнадцатью годами и многими наградами?» Изъ показаній того же генерала Арбузова видно, что Политковскій, тотчасъ по назначеніи директоромъ комитетской канцеляріи, сталъ вести открытую жизнь; столь быстрое обогащеніе

его объяснялось крупнымъ карточнымъ выигрышемъ, но и это обстоятельство, по мнѣнію Арбузова, было бы достаточнымъ, чтобы признать Политковскаго нетерпимымъ не только на его должности, а и вообще на всякой службѣ.

Генералъ-лейтенантъ Граббе, между прочимъ, показалъ, что, когда ему были предъявлены къ подписи шнуровыя книги за весь 1852 г. сразу, онъ увидалъ въ нихъ уже сдѣланныя подписи предсѣдателя и старшихъ членовъ; при этомъ Граббе выразилъ пожеланіе представленія для подписи этихъ книгъ ежемѣсячно.

Наконецъ, генералъ-лейтенантъ Зассъ объяснилъ, что, «привыкнувъ съ дѣтскихъ лѣтъ къ военной дисциплинѣ, онъ безпрекословно подписывалъ всѣ тѣ статьи, которыя были подписаны предсѣдателемъ и членами». Благородная цѣль комитета исключала у Засса мысль о рѣшимости кого-либо «ограбить» комитетъ. При самомъ вступленіи въ комитетъ онъ, найдя денежный сундукъ безъ часового, обнаружилъ свое удивленіе, но Политковскій объяснилъ, что прежде сундукъ находился въ офицерской караульнѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, а теперь онъ по высочайшему разрѣшенію перевезенъ въ помѣщеніе комитета.

Генеральный военный судъ поинтересовался узнать, чѣмъ руководился генералъ Ушаковъ при представленіяхъ Политковскаго къ наградамъ. Генералъ Ушаковъ отвѣчалъ, что онъ, «зная обширность и сложность занятій директора, представленіе Политковскаго къ наградамъ считалъ исполненіемъ обязанности начальника»; къ тому же онъ засталъ Политковскаго уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ и кавалеромъ орденовъ св. Станислава 1 ст., св. Владимира 3 ст. и св. Анны 2 степени.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, судъ призналъ, что «въ допущеніи» Политковскаго «къ расхищенію комитетскихъ суммъ, свыше милліона рублей серебромъ, со стороны членовъ комитета не было умысла и даже тѣни подозрѣнія о существовавшемъ злоупотребленіи», что это расхищеніе началось еще до 1840 г., что Политковскій, «вкравшись въ неограниченную довѣренность предсѣдателей и членовъ, какъ прежняго, такъ и послѣдняго состава, комитета, употреблялъ самые хитрые извороты и обманы, чтобъ поддержать эту довѣренность до степени совершеннаго невѣдѣнія о его хищничествѣ», и что, наконецъ, Политковскій дѣйствовалъ въ сообщничествѣ съ казначеями и старшими чиновниками счетнаго отдѣленія канцеляріи комитета. Однако подсудимые генералы, по мнѣнію суда, не могли «не подлежать отвѣтственности по законамъ за недостаточную со стороны ихъ осмотрительность и неисполненіе установленныхъ для освидѣтельствованія и повѣрки комитетскихъ суммъ правилъ, при соблюденіи коихъ преступленіе не могло бы совершиться и которыя упущены ими изъ виду, по неизвинительному невѣдѣнію о существованіи оныхъ, въ чемъ и сами они признаютъ себя нынѣ виновными». Болѣе прочихъ

былъ признанъ виновнымъ генералъ Ушаковъ, имѣвшій, какъ предсѣдатель, болѣе, чѣмъ члены комитета, «средствъ и возможности ознакомиться съ ходомъ дѣлъ, проникнуть крывшееся зло и остановить его развитіе до настоящаго размѣра», а также адмиралъ Колзаковъ, какъ состоявшій членомъ комитета съ 1847 г.

На этомъ основаніи судъ приговорилъ: генерала Ушакова—къ исключенію изъ службы, съ выдержаніемъ, сверхъ того, подъ арестомъ въ крѣпости въ теченіе шести мѣсяцевъ; адмирала Колзакова—къ исключенію изъ службы, по вмѣненіи ему въ наказаніе бытности подъ судомъ и арестомъ; генераловъ Арбузова, Граббе и Засса—по уваженію къ недавнему поступленію ихъ въ члены комитета, къ аресту въ крѣпости на три мѣсяца каждаго, по вмѣненіи имъ въ наказаніе бытности подъ судомъ и арестомъ; наконецъ, генерала Мандерштерна—по уваженію къ тому, что онъ имѣлъ еще обязанности по другимъ должностямъ, къ аресту въ крѣпости на одинъ мѣсяцъ, также по вмѣненіи ему въ наказаніе бытности подъ судомъ. Растраченныя суммы судъ постановилъ взыскать съ имущества всѣхъ подсудимыхъ.

Приговоръ былъ повергнутъ на высочайшую конфирмацію императора Николая Павловича, которая и послѣдовала 10 апрѣля 1853 г.

Приводимъ текстъ этой конфирмаціи:

«Приговоръ суда касательно генерала Ушакова нахожу правильнымъ; но считаю гораздо виновнѣе въ томъ, что дозволилъ себѣ дерзко настаивать въ награжденіи Политковскаго, несмотря на мои отказы, тогда какъ отличія нисколько съ его стороны не было, но, напротивъ того, ежели бъ Ушаковъ исполнилъ свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось; потому приговоръ суда утверждаю во всей силѣ. Адмирала Колзакова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе, уволить отъ службы. Генерала Мандерштерна, вмѣнивъ судъ въ наказаніе, возвратить къ прежней должности коменданта. Генерала Арбузова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе и принявъ въ соображеніе малое нахожденіе въ наличности при комитетѣ за командировкой къ командованію гренадерскимъ корпусомъ, избавить отъ дальнѣйшаго взысканія и возвратить къ должности инспектора гвардейскихъ и гренадерскихъ резервныхъ и запасныхъ батальоновъ. Генералъ-лейтенантовъ Граббе и Засса признаю виновными только въ томъ, что, усумнясь въ правильности существовавшаго порядка въ комитетѣ, не довели объ этомъ, какъ генералъ-адъютанты, до моего свѣдѣнія, за что объявить имъ строжайшій выговоръ и отъ дальнѣйшаго взысканія освободить».

Михаилъ Соколовскій.

ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ЛѢТЪ А. Н. ПЫПИНА.

СРЕДИ ученыхъ людей послѣдняго времени покойный академикъ Александръ Николаевичъ Пыпинъ занималъ едва ли не самое почетное мѣсто по своимъ солиднымъ трудамъ и многостороннимъ познаніямъ. Это былъ человѣкъ строго уравновѣшенный, педантичный до мелочей, благодаря, какъ можно думать, своему воспитанію и духовному развитію съ малыхъ лѣтъ. Къ умѣренности и аккуратности привыкъ онъ съ дѣтства, разсказываетъ и понынѣ здравствующая въ Саратовѣ сестра его Евгенія Николаевна Пыпина. И эта черта осталась за нимъ на всю жизнь. Всякое письмо, всякую записочку, каждый клочокъ исписанной бумаги А. Н. берегъ до послѣднихъ дней своихъ съ рѣдкой аккуратностью и собственноручно самъ подкладывалъ ихъ по отдѣламъ и эпохамъ. Переписки съ частными людьми, своими друзьями и общественными дѣятелями онъ сортировалъ въ особыя папки въ хронологическомъ порядкѣ. Въ его архивѣ, говоритъ Е. Н., должно быть много интереснаго и для русской исторіи и для характеристики многихъ петербургскихъ и провинціальныхъ дѣятелей конца прошлаго и начала текущаго столѣтій.

Часть этихъ матеріаловъ включена покойнымъ въ его «замѣтки» (печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1905 годъ, февраль и мартъ), гдѣ онъ коснулся отчасти и своей родословной, дѣтскихъ лѣтъ своей жизни и времени ученичества. Но, должно быть, у него было мало подъ руками данныхъ этого періода, что нѣкоторые случаи А. Н. пропустилъ, а другіе не совсѣмъ точны съ дѣйствительностью.

Думая, что въ жизни такого недюжиннаго человѣка всякій малѣйшій фактъ можетъ имѣть значеніе, я рѣшаюсь сообщить нѣсколько свѣдѣній изъ первыхъ лѣтъ его существованія по разсказамъ старожиловъ и архивнымъ документамъ, какимъ-то чудомъ сохранившимся на его родинѣ, въ городѣ Саратовѣ.

Предки А. Н. были не очень высокаго происхожденія. Его дѣдъ, Димитрій Кузьмичъ Пыпинъ, «изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей», служилъ сначала въ Тамбовѣ, а потомъ въ Аткарскѣ, гдѣ, дослужившись до чина губернскаго секретаря, согласно существовавшихъ узаконеній, былъ зачисленъ, постановленіемъ саратовскаго депутатскаго собранія 2 мая 1825 года, вмѣстѣ съ сыновьями Василіемъ, Михаиломъ и Николаемъ (отецъ писателя), въ число дворянъ «со внесеніемъ въ дворянскую родословную книгу Саратовской губерніи» [1]).

Послѣ него осталось небольшое (въ 300 десятинъ) имѣніе въ Аткарскомъ уѣздѣ, которое потомъ перешло къ младшему сыну Николаю.

Старшій сынъ, Василій, по примѣру отца, началъ свою службу (24 лѣтъ отъ роду) въ аткарскомъ уѣздномъ судѣ (съ 17 іюня 1825 года), откуда канцеляристомъ 9 января 1829 года переведенъ въ саратовскую палату гражданскаго суда. Онъ былъ женатъ на Маріи Өедоровнѣ, урожденной Курбатовой. Чета эта, очевидно, жила въ довольствѣ и достаткѣ, потому что послѣ смерти въ 1853 году Василія Димитріевича (умершаго въ чинѣ коллежскаго ассесора, бездѣтнымъ) осталось движимаго имущества по казенной оцѣнкѣ на сумму свыше $2^1/_2$ тысячъ рублей.

Михаилъ служилъ въ саратовской палатѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ дослужился (въ 1858 году) до чина коллежскаго совѣтника, а младшій братъ, Николай Дмитріевичъ, родившійся въ маѣ 1808 года, поступилъ на службу (20 лѣтъ) въ саратовскую казенную палату канцеляристомъ. Въ 1830 году онъ женился на вдовѣ офицера Котляревскаго, Александрѣ Егоровнѣ, бывшей на два года старше его, и поселился съ женой на Гимназической улицѣ, въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ тестя, священника Сергіевской церкви Голубева.

Съ первыхъ же дней Пыпины не имѣли большихъ достатковъ, такъ какъ получаемаго Н. Д. жалованья едва хватало на самое необходимое. Оставшіяся послѣ тестя (умершаго въ 1817 году) кое-какія деньжонки были давно прожиты, домъ же приносилъ очень незначительный доходъ. А тутъ на другой же годъ ихъ супружеской жизни пошли дѣти. Въ 1831 году родилась дочь Варвара. Два года спустя, 23 марта 1833 года, появился на свѣтъ

---

[1]) Дѣло саратовскаго губернскаго архива, за 1835 г.. № 894.

Божій сынъ Александръ [1]). Такъ какъ, по своимъ скуднымъ средствамъ, большого знакомства они не могли имѣть, при томъ же рожденіе первенца пришлось въ Великій постъ, то крестины будущаго писателя были отпразднованы на другой день, 24 марта, очень скромно въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Воспріемниками новорожденнаго отъ купели были: дядя его по матери, протоіерей Сергіевской церкви Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій и жена учителя саратовской духовной семинаріи Ларисса Өедоровна Розонова [2]).

Семья у Пыпиныхъ была большая,—кромѣ дочери и сына Александра, были еще дѣти: Евгенія (родившаяся въ 1835 году), Пелагея (въ 1837 году), Сергѣй (въ 1838 году), Петръ (впослѣдствіи докторъ), Екатерина (въ 1847 году) и Михаилъ (родился въ 1851 году). Воспитаніемъ и образованіемъ ихъ занималась сама мать Александра Егоровна, которой помогали въ этомъ сестра Евгенія Егоровна и ея мужъ протоіерей Чернышевскій.

Какъ разсказываетъ Е. Н. Пыпина, Евгенія и Александра Егоровны остались послѣ смерти священника Голубева, не получивши никакого образованія. Е. Е. выходила замужъ за Гавріила Ивановича молоденькой (на 15-лѣтнемъ возрастѣ), неопытной дѣвушкой, еще «съ куклами въ рукахъ». А сестрѣ ея Александрѣ въ то время было всего 9 лѣтъ. Первымъ дѣломъ послѣ женитьбы Чернышевскій занялся образованіемъ обѣихъ сестеръ и достигъ того, что впослѣдствіи Александра Егоровна свободно читала на латинскомъ языкѣ классиковъ и давала по этому предмету уроки своему племяннику, извѣстному потомъ публицисту Николаю Гавриловичу Чернышевскому, пока не подросли свои дѣти.

Такъ какъ оба семейства жили рядомъ на одномъ даже дворѣ по Гимназической улицѣ, то молодой Чернышевскій и Александръ Пыпинъ были постоянно вмѣстѣ. «Часто вечерами дѣти собирались кругомъ Александры Егоровны, которая разсказывала имъ что-нибудь занимательное изъ исторіи. Но мы,—говоритъ Е. Н.,—мало интересовались этимъ, а больше занимались играми. Только братъ Александръ и Николай съ жадностью слушали каждое слово разсказчицы» [3]).

---

[1]) Изъ метрической книги о родившихся Сергіевской церкви за 1833 г. Между тѣмъ въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ день рожденія А. Н. Пыпина указывается 25 марта.

[2]) Мужъ ея, кандидатъ московской духовной академіи Яковъ Андреевичъ Розоновъ преподавалъ въ семинаріи (съ 1832 г.) физико-математическія науки и нѣмецкій языкъ.

[3]) Подробности о дѣтскихъ годахъ А. Н. Пыпина см. въ нашей статьѣ: «Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1905 г., XII, 870—871).

До девяти лѣтъ А. Н. находился дома. Въ августѣ 1842 года онъ былъ отданъ въ первый классъ гимназіи, когда его другъ и братъ Чернышевскій перешелъ изъ духовнаго училища въ семинарію; но совмѣстныя занятія ихъ продолжались попрежнему съ тѣмъ же характеромъ отношеній старшаго къ младшему [1]). Очевидно, благодаря этому, руководимый братомъ, А. Н. учился такъ хорошо и въ гимназіи, что уже черезъ годъ, при переходѣ изъ I класса во II, былъ награжденъ (по постановленію педагогическаго совѣта 7 сентября 1843 г.) похвальнымъ листомъ и книгой [2]).

Въ то время (какъ и теперь) гимназія помѣщалась въ двухъэтажномъ зданіи, купленномъ у бывшаго саратовскаго губернатора А. Д. Панчулидзева (1808—1826), на Гимназической улицѣ, всего въ какихъ-нибудь 100 шагахъ отъ дома Пыпиныхъ. А. Н—чу поэтому не составляло большого труда пробѣжать такое разстояніе. «Случалось однако нерѣдко,—разсказываетъ его сестра:—что воспитанники, играючи, переносили его въ ненастную погоду на рукахъ черезъ грязныя немощеныя улицы». Покойный писатель въ дѣтскихъ годахъ былъ столь маленькимъ, худымъ, тщедушненькимъ, что по своему росту казался какимъ-то заморышемъ среди своихъ сверстниковъ. А такъ какъ къ тому же онъ велъ себя скромно и ни съ кѣмъ не ссорился, напротивъ, при случаѣ помогалъ своими знаніями плохоуспѣвавшимъ одноклассникамъ, то товарищи его любили и наперерывъ старались угодить ему.

Въ ту пору саратовская гимназія въ нравственномъ и научномъ отношеніяхъ стояла высоко, въ казанскомъ округѣ считалась едва ли не первой, почему оканчивающимъ въ ней курсъ воспитанникамъ было предоставлено право переходить въ университетъ безъ экзамена.

По обычаямъ того времени, и въ ней царилъ суровый режимъ. Карцеръ и розги были, какъ и вездѣ, неизмѣнной принадлежностью обученія. Но особенно было тягостно житье воспитанникамъ-пансіонерамъ. Каждую недѣлю ихъ водили къ богослуженію въ Александро-Невскій соборъ (такъ какъ своей церкви въ то время въ гимназіи еще не было), подъ наблюденіемъ комнатныхъ надзирателей, двухъ желчныхъ нѣмцевъ Югкурта и Блосфельда, постоянно и зло даже въ присутствіи постороннихъ издѣвавшихся надъ бѣдными воспитанниками. Гимназическое начальство не только не преслѣдовало за это надзирателей, но и само не прочь было принимать крутыя расправы даже съ невиновными. Горечь пансіонскаго житья до нѣкоторой степени услаждалъ только добрѣй-

[1]) Хованскій, «Очерки по исторіи гор. Саратова», 1884, стр. 153.

[2]) Судя по сохранившимся въ гимназическомъ архивѣ перепискамъ, Пыпинъ переходилъ ежегодно въ слѣдующіе классы съ наградами; такъ, въ 1846 г. при переходѣ въ 5 кл. онъ получилъ похвальный листъ и «Русскую исторію» и въ 1847 г. награду 1-й степени.

шій Николай Ѳомичъ Троицкій, докторъ медицины, товарищъ по медико-хирургической академіи извѣстнаго А. Ф. Леопольдова, который считался лучшемъ врачомъ въ Саратовѣ. Онъ часто, какъ говорятъ, «вызволялъ» воспитанниковъ отъ наказаній, приписывая имъ тѣ или иныя болѣзни, требовавшія отправки въ лазаретъ.

Незавидной участи пансіонскаго житья едва не подвергся и А. Н. Въ іюнѣ 1844 г. отецъ его, губернскій секретарь Пыпинъ, обратился къ директору Круглову съ прошеніемъ, въ которомъ, представляя свидѣтельство саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, «удостовѣряющее о невозможности моей содержать обучающагося нынѣ во 2-мъ классѣ гимназіи сына Александра своекоштно», просилъ принять его «на казенное воспитаніе» въ пансіонъ Но, къ счастью А. Н—ча, въ это время свободныхъ мѣстъ въ пансіонѣ не оказалось [1]). И такимъ образомъ миновала его горькая чаша ѣсть несладкій казенный хлѣбъ.

При поступленіи Пыпина въ гимназію директоромъ ея былъ натурализовавшійся на русской почвѣ французъ, Василій Ѳедоровичъ Гине, человѣкъ честный, прямодушный, но крайне самолюбивый. Онъ отличался нѣкоторыми странностями и въ жизни и въ обращеніи съ учениками: не сѣкъ и не бранилъ ихъ, но и мало о нихъ заботился. Жилъ довольно открыто, не по средствамъ, благодаря чему залѣзъ въ долги и растратилъ нѣсколько тысячъ гимназическихъ денегъ. Ему грозила поэтому отдача подъ судъ. Гордый французъ не хотѣлъ дожить до такого позора и незадолго до святокъ 1843 года скрылся изъ Саратова неизвѣстно куда. Наряженные полиціей поиски не привели ни къ какимъ результатамъ. Онъ точно въ воду канулъ.

О случаѣ этомъ, конечно, было донесено въ округъ, и на мѣсто Гине былъ присланъ изъ Пензы инспекторъ тамошняго дворянскаго института кол. сов. Любимъ Петровичъ Кругловъ, сначала исправляющимъ должность директора, а потомъ утвержденный въ этомъ званіи 23 декабря 1843 года.

Дворянинъ по происхожденію, Кругловъ представлялъ собой типъ русскаго барина, любившаго хорошо пожить, выпить и покушать, такъ какъ къ тому же онъ имѣлъ свои довольно значительныя средства. Но онъ мало вникалъ въ гимназическія дѣла, проводя время больше за картами и среди губернской аристократіи. Гимназіей фактически управлялъ инспекторъ, заядлый полякъ, строгій и мстительный, Иванъ Антоновичъ Ганусовичъ, который въ страхѣ держалъ всю гимназію, проводя, по обычному въ то время въ учебныхъ заведеніяхъ режиму, въ жизнь школы розги, карцеръ и шпіонство. Его смѣнилъ въ 1847 г. желчный, болѣзненный и раздражительный инспекторъ Тимофѣевъ, добивавшійся, по

[1]) Дѣло гимназическаго архива за 1844 г., № 127.

примѣру своего предшественника, главенства въ гимназіи, хотя это ему не удалось. Назначенный на мѣсто Круглова[1]) 13 ноября 1847 г. директоромъ кол. сов. Лубкинъ былъ, какъ говорится, самъ тертый калачъ, умѣвшій держать подчиненныхъ въ ежевыхъ рукавицахъ[2]). На этой почвѣ между ними начались недоразумѣнія. Какъ гласятъ офиціальныя данныя, Тимофѣевъ «противился распоряженіямъ директора». Чтобы покончить съ послѣднимъ всякія сношенія, инспекторъ сначала притворился больнымъ, а потомъ 18 февраля слѣдующаго года подалъ попечителю округа прошеніе о переводѣ его, по случаю болѣзни, въ другую гимназію. Изъ округа ему отвѣтили что соотвѣтствующихъ вакансій не имѣется. Разобиженный отказомъ Тимофѣевъ, покинулъ гимназію и послалъ въ округъ на директора доносъ въ слабой постановкѣ въ гимназіи учебно-воспитательнаго дѣла. Попечитель генералъ Молоствовъ распорядился по военному. На мѣсто Тимофѣева былъ назначенъ учитель математики Иванъ Михайловичъ Глѣбовъ, а по доносу была наряжена ревизія. Командированный для этой цѣли изъ Казани инспекторъ казенныхъ училищъ Антроповъ дѣйствительно нашелъ кое-что несоотвѣтствующее воспитательнымъ задачамъ.

По произведенному имъ слѣдствію оказалось, что хотя учащіеся были очень нравственными, вели себя прилично и, повидимому, учились старательно, но, благодаря болѣе чѣмъ халатному отношенію учителей къ преподаванію, многіе изъ нихъ не являлись въ гимназію, «дисциплина отсутствовала». Учащіе были далеко не на высотѣ своего призванія какъ въ умственномъ и научномъ отношеніяхъ, такъ и по духовному развитію. Нѣкоторые изъ нихъ вели жизнь нетрезвую, кутили, безобразничали; одинъ изъ учителей обвинялся даже въ уголовномъ преступленіи самаго безнравственнаго свойства. На успѣшное преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ вліяли и другія причины. Напримѣръ, неуспѣхи учениковъ младшихъ классовъ по латинскому языку происходили оттого, что преподаватель этого предмета А. А. Левашевъ, «по семейнымъ несчастіямъ, не пользовался спокойствіемъ духа». Познанія въ латыни воспитанниковъ старшихъ классовъ также «требовали усовершенствованія». Здѣсь причиной неуспѣшности было то, что «учитель Бауэръ не довольно свыкся съ преподаваніемъ». Лучше успѣвали гимназисты въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя довольно слабо дѣлали переводы съ русскаго, несмотря на то, что учитель Карлъ Андреевичъ Гаагъ «обнаруживалъ способности» въ преподаваніи.

---

[1]) Кругловъ умеръ отъ холеры 24 августа 1847 г.

[2]) Лубкинъ былъ перемѣщенъ въ Саратовъ изъ Астрахани, гдѣ занималъ должность директора училищъ тамошней губерніи съ 10 декабря 1848 г., будучи назначенъ туда изъ инспекторовъ оренбургской (въ г. Уфѣ) гимназіи.

Французскій же языкъ страдалъ «отъ неусердія учителя Вульферта». Очень хорошо и основательно преподавался въ гимназіи лишь греческій языкъ, по которому ученики «переводили безостановочно и грамматическое правописаніе излагали бойко». Учителемъ этого предмета былъ извѣстный составитель греческаго словаря Иванъ Ѳедоровичъ Синайскій, несмотря на свой громадный ростъ, человѣкъ добродушный, мягкосердечный и истинно преданный своему дѣлу [1]), которое «велъ весьма усердно».

Разсказываютъ, что И. Ѳ. всегда былъ готовъ много и долго говорить по объясненію какой-либо филологической тонкости любимаго имъ предмета, чѣмъ не упускали случая пользоваться учащіеся въ своихъ цѣляхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ искренней любознательностью. Чтобы отвлечь И. Ѳ. отъ спрашиванія заданнаго урока, они, при входѣ его въ классъ, приступали къ нему съ разспросами по поводу того или иного недоумѣнія, встрѣченнаго ими въ греческомъ языкѣ. И. Ѳ. никогда не отказывалъ ученикамъ исполнить ихъ требованіе и часто до того увлекался въ разъясненіи особенностей языка, что забывалъ задавать урокъ къ слѣдующему классу. А если воспитанники просили его прочесть что-нибудь изъ греческихъ классиковъ, то тутъ Синайскій совсѣмъ перерождался, забывалъ на свѣтѣ все, можно безъ преувеличенія сказать, что онъ переживалъ тогда самыя блаженныя въ своей жизни минуты. Онъ весь уходилъ въ чтеніе до того, что, случись въ это время какое-либо происшествіе, даже грозящее его жизни, онъ все-таки не всталъ бы со стула, пока не окончилъ бы чтенія; послѣ чего, наклонивъ голову, заключалъ глубокомысленно: «да, вотъ какъ, господа!»

Хорошо еще преподавались въ гимназіи математическія науки— учителями Колесниковымъ и Ефремовымъ, «съ особеннымъ усердіемъ исполнявшимъ свое дѣло», и географія—преподавателемъ Мартыновымъ. Нѣсколько хромала всеобщая и русская исторія, хотя старшій учитель Н. Г. Немолотышевъ зналъ свой предметъ въ совершенствѣ «и по усердію своему и точности, какъ доносилъ ревизоръ, заслуживалъ вниманія».

Законъ Божій при А. Н. Пыпинѣ преподавалъ сначала протоіерей каѳедральнаго собора о. Ѳедоръ Степановичъ Вязовскій, а съ 1846 г. священникъ Введенской церкви магистръ богословія о. Павелъ Смирновъ, оставившій по себѣ память человѣка умнаго, развитого, глубоко-религіознаго и преданнаго своему дѣлу. Это былъ по истинѣ пастырь добрый, который умѣло влагалъ въ впечатлительныя дѣтскія души сѣмена добра и правды. И всѣ учащіеся искренно его любили.

---

[1]) Одновременно онъ преподавалъ греческій языкъ въ саратовской духовной семинаріи, въ которую былъ переведенъ изъ пензенской семинаріи въ 1830 г.

При преподаваніи въ младшихъ классахъ русскаго языка, учителемъ грамматики Д. А. Андреевымъ, по словамъ ревизора, была «избрана не столько строгая система, сколько извѣстная рутина, въ которой недоставало отчетливости въ передачѣ законовъ языка, разборчивости между правилами основными и случайными и живости изложенія, которыя бы внушали къ преподавателю довѣренность. Благодаря этому, успѣхи учащихся не достигали надлежащей степени совершенства». Такая же «устарѣвшая метода» была констатирована ревизоромъ и въ преподаваніи «риторики», «піитики» и исторіи литературы въ старшихъ классахъ учителемъ словесности Ѳ. П. Волковымъ, хотя учившіеся у него воспитанники основательно вызубривали «всѣ правила и примѣры по даннымъ руководствамъ».

Антроповъ замѣтилъ недостатки и въ прикладныхъ занятіяхъ— рисованіи и черченіи, гдѣ учитель А. С. Годинъ ограничивался только копировкой съ оригиналовъ, не пріучая гимназистовъ къ черченію и рисованію съ натуры.

Въ преподаваніи саратовскихъ учителей не было ни самостоятельности, ни новизны. Все дѣлалось по заранѣе установившемуся шаблону. Преподаватели, какъ канцелярскіе чиновники, отсиживали въ классахъ положенное число часовъ и спѣшили домой, ничуть не заботясь о томъ, принесли ли они пользу учащимся, или нѣтъ.

Нѣкоторое развитіе для молодыхъ людей давали такъ называемыя «литературныя бесѣды», куда учениками VI и VII классовъ представлялись сочиненія на избранныя ими темы, которыя тамъ прочитывались и обсуждались. Послѣ этого сочиненія, снабженныя замѣчаніями преподавателей, отсылались въ учебный округъ, гдѣ имъ дѣлалась надлежащая оцѣнка, и лучшія сочиненія удостоивались одобренія самого попечителя. Конечно, получить похвалу въ предписаніи окружнаго начальства очень льстило самолюбію молодежи. Поэтому для составленія своихъ произведеній, предназначенныхъ на «бесѣды», гимназисты ревностно готовились, кое-что читали уже не изъ сухой педагогической стряпни, а болѣе интересныя и лучшія произведенія отечественной литературы и науки. Темы были самыя разнообразныя, потому что въ выборѣ ихъ воспитанниковъ не стѣсняли. Такъ, напримѣръ, на «бесѣды» въ январѣ и февралѣ 1848 года были представлены: ученикомъ Мачинскимъ—сочиненіе «О русскихъ народныхъ пѣсняхъ», Ликаонскимъ — «Нѣсколько словъ о критикѣ», Сергѣемъ Захарьинымъ (братомъ извѣстнаго профессора) — «Разборъ поэмы Лермонтова «Хаджи-Абрекъ», Лебединскимъ (Павломъ) — «Нѣсколько словъ о честолюбіи», Павломъ Ровинскимъ (впослѣдствіи небезызвѣстнымъ славистомъ) — «Нѣсколько словъ объ изящномъ», Вакуленко — «О нашествіи монголовъ на Россію» и, наконецъ, Александромъ

Пыпинымъ — «О вліяніи варяговъ на бытъ славянъ». Самымъ лучшимъ сочиненіемъ округъ призналъ послѣднее произведеніе. Помощникъ попечителя Лобачевскій (въ отношеніи отъ 17 декабря 1848 г., № 5198) далъ о немъ такой отзывъ: «Сочиненіе заслуживаетъ похвалу по мыслямъ, изложенію, подробности и трудолюбію автора» [1]).

Въ 1849 году Пыпинъ кончилъ курсъ гимназіи первымъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ. Онъ хотѣлъ поступить въ петербургскій университетъ, куда его звалъ Чернышевскій. Но какъ разъ въ это время состоялось извѣстное распоряженіе объ ограниченіи въ университетахъ комплекта студентовъ тремястами. Отчасти это обстоятельство, такъ какъ трудно было разсчитывать попасть въ столицу, куда стремились многіе, но главнымъ образомъ, кажется, недостатокъ у отца средствъ, которыя послѣдній могъ бы удѣлять сыну отъ огромной семьи для существованія въ Петербургѣ, заставили А. Н. перемѣнить свое намѣреніе. Въ судьбѣ его принялъ очень близкое участіе директоръ Лубкинъ, который 14 іюня 1849 года сдѣлалъ слѣдующее интересное «представленіе» попечителю округа:

«Желая предоставить университетское образованіе кончившему нынѣ съ особеннымъ отличіемъ курсъ ученику VII класса изъ дворянъ Александру Пыпину, 16 лѣтъ, имѣю честь ходатайствовать предъ вашимъ превосходительствомъ о принятіи его въ число студентовъ казанскаго университета. Но какъ родители Пыпина, по бѣдности своей, не имѣютъ никакихъ средствъ къ отправленію и содержанію его въ Казани, то, принимая въ уваженіе отличные его успѣхи по всѣмъ предметамъ и способности при похвальномъ поведеніи, покорнѣйше прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ выдать ему прогонныя деньги отъ Саратова до Казани и по-

---

[1]) Не такъ охарактеризовалъ почтенный геометръ работу Ровинскаго, которая, по его мнѣнію, представляла «самый странный сборъ самыхъ разнообразныхъ мыслей, то справедливыхъ до пошлости, то ложныхъ до нелѣпости, и трудно понять, какъ эти мысли могли встрѣтиться въ статьѣ съ подобнымъ названіемъ». А между тѣмъ, въ выданномъ въ этомъ же 1848 году аттестатѣ объ окончаніи гимназическаго курса значилось, что Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій, сынъ майора, 17 лѣтъ, обучавшійся въ гимназіи съ 9 августа 1842 г. по 4 іюня 1848 г., «во все время ученія поведенія былъ отличнаго», въ наукахъ оказалъ успѣхи: по закону Божію, священной и церковной исторіи, физикѣ и нѣмецкому языку — хорошіе, русской грамматикѣ и словесности, математикѣ, исторіи (всеобщей и русской), географіи, латинскому, греческому и французскому языкамъ — отличные, рисованію, черченію и чистописанію — достаточные.

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что вмѣстѣ съ Пыпинымъ обучались въ саратовской гимназіи (кромѣ Д. Л. Мордовцева) Александръ А. Клаусъ и Гр. А. Захарьинъ, два закадычныхъ друга. На выпускномъ экзаменѣ въ 1847 г. они получили круглыя пятерки. Сочиненія ихъ на заданную тему, подъ названіемъ «Волга (письмо къ другу)», были признаны лучшими. Эти сочиненія сохранились въ дѣлѣ гимназическаго архива 1847 г., № 64.

мѣстить его на пансіонерное содержаніе въ университетѣ съ платою за сіе изъ суммъ, собранныхъ за ученіе въ саратовской гимназіи, впредь до зачисленія его въ число казенныхъ студентовъ» [1]).

Генералъ Молоствовъ (въ отвѣтѣ отъ 27 іюля № 2876), «на основаніи § 19 положенія о взиманіи платы за ученіе, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія 15 іюня 1845 г.»,— согласился на выдачу Пыпину прогоновъ. «Что же касается помѣщенія его на казенное содержаніе, то такое принятіе не могло быть сдѣлано съ 1-го курса, на основаніи предписанія министра 3 марта 1849 г. за № 2222. Равнымъ образомъ,—писалъ далѣе попечитель,— въ настоящее время не могу изъявить согласія на помѣщеніе его въ число пансіонеровъ на счетъ суммъ саратовской гимназіи, впредь до окончанія Пыпинымъ вступительныхъ испытаній, отъ успѣховъ которыхъ будетъ зависѣть оказать ему просимое пособіе» [2]).

А. Н. блестяще выдержалъ экзаменъ на историко-филологическій факультетъ, удививъ всѣхъ профессоровъ своими обширными познаніями и солидной подготовкой. Всѣ были поражены, что въ головѣ такого тщедушнаго юноши заключено столько знаній. Съ его маленькимъ ростомъ даже произошелъ курьезъ. Прослушавши его отвѣтъ по исторіи, профессоръ Ивановъ полушутливо спросилъ его:

— Не потомокъ ли вы Пипина Короткаго (французскаго короля)?..

По словамъ сестры, А. Н. уѣхалъ въ Казань, не дождавшись прогоновъ, которые ему были высланы туда потомъ. Въ казанскомъ университетѣ онъ пробылъ годъ, живя на свои средства. А въ слѣдующемъ году, по совѣту Н. Г. Чернышевскаго, перешелъ въ петербургскій университетъ.

П. Юдинъ.

---

[1]) Дѣло гимназическаго архива за 1849 г., № 66—14.

[2]) Такимъ образомъ, слѣдовательно, А. Н. держалъ экзаменъ при поступленіи въ университетъ. Между тѣмъ И. Ф. Хованскій («Очерки по исторіи г. Саратова», 1884, стр. 153) увѣряетъ, что Пыпинъ поступилъ въ казанскій университетъ «безъ экзамена, по праву воспитанника саратовской гимназіи, которой въ тѣ годы дано было это преимущество». Какъ можно судить по фактамъ, это преимущество было отнято у саратовскихъ воспитанниковъ послѣ вышеуказанной ревизіи гимназіи Антроповымъ въ 1848 г., по которой успѣхи учащихся въ ней оказались далеко не соотвѣтствующими предъявляемымъ требованіямъ.

ПАМЯТИ ПЕТРА ИСАЕВИЧА ВЕЙНБЕРГА.

Изъ рядовъ русской интеллигенціи выбыла крупная дѣятельная сила. Въ ночь на 3 іюля скончался Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ представителей писательской корпораціи, имя котораго такъ часто попадалось на страницахъ газетъ въ связи съ тѣми или иными моментами нашей литературной и научной жизни. Можно сказать, что за послѣднія 25—30 лѣтъ ни одно литературное торжество, ни одно литературное начинаніе въ его широкой общественной постановкѣ не обходились безъ ближайшаго участія въ нихъ Петра Исаевича, при чемъ часто и очень часто именно онъ стоялъ въ ихъ главѣ въ роли организатора и устроителя.

Вейнбергу суждено было принять на себя своего рода подвигъ — бремя заботы о нуждахъ писательскаго сословія, которое онъ и несъ съ удивительно трогательной любовью и бережностью. Будучи дѣятельнѣйшимъ членомъ литературнаго фонда и многіе годы его предсѣдателемъ, онъ буквально въ своей личности сосредоточилъ все обиліе горя, нужды и печали, которыя такъ часто сопутствуютъ жизни писательскаго сословія. Онъ былъ вѣчнымъ ходатаемъ передъ обществомъ за это сословіе, устраивая въ его пользу концерты, спектакли, чтенія, привлекая сюда выдающіяся артистическія силы, хлопоча о величинѣ сборовъ, дабы имѣть возможность какъ можно шире прійти на помощь человѣческой бѣдѣ, какъ можно полнѣе отвѣтить запросамъ голода и нужды. Въ

этомъ отношеніи его заслуги передъ писательской средой неизмѣримы—своими начинаніями такого рода онъ за свою жизнь собралъ очень большія средства, которыя скрасили горькіе часы жизни очень многихъ тружениковъ пера. Пользуясь въ городѣ большими связями и знакомствами, занимая видное общественное положеніе, онъ имѣлъ возможность приходить на помощь нуждающимся и въ иной формѣ. Петръ Исаевичъ постоянно за кого-нибудь хлопоталъ въ томъ или иномъ мѣстѣ: то нужно было на условіяхъ благотворенія и льготы помѣстить въ учебное заведеніе ребенка какого-нибудь скончавшагося ученаго или литератора, то нужно хлопотать о похоронахъ, то предстательствовать передъ администраціей за арестованныхъ и ссыльныхъ. И этотъ глубокій старикъ, съ оригинальной наружностью и длинной сѣдой бородой, часто хворый и занятый кучей собственныхъ дѣлъ и заботъ, находился постоянно въ движеніи, спѣша на извозчикѣ то въ ту, то въ иную часть города въ своихъ заботахъ о чужомъ горѣ. Да и былая квартира его, на Фонтанкѣ у Аничкова моста, которую знала чуть не вся научно-литературная Россія, постоянно была центромъ, куда люди шли за совѣтомъ, съ просьбою, за помощью и поддержкою.

Удивительная это была квартира! Жилъ здѣсь Петръ Исаевичъ одиноко, но тѣсно окруженный громадной семьей изъ представителей западно-европейской и отечественной образованности; всѣ стѣны сверху донизу увѣшаны были портретами дѣятелей науки, литературы, искусства, всѣ столы сплошь уставлены карточками тѣхъ, для кого онъ такъ много работалъ и перомъ и дѣломъ. Казалось, что сюда собралась интеллигенція всѣхъ временъ и народовъ, чтобы постояннымъ личнымъ присутствіемъ засвидѣтельствовать, что обитатель квартиры-музея дѣйствительно выдающійся дѣятель на поприщѣ просвѣщенія, плодотворно на своемъ долгомъ вѣку поработавшій въ интересахъ этого просвѣщенія, во имя гуманизма и распространенія знанія. А Петръ Исаевичъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно много сдѣлалъ и оставилъ въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія большую по себѣ память главнымъ образомъ какъ популяризаторъ у насъ западно-европейскихъ классиковъ.

Родился Вейнбергъ въ 1830 году въ Николаевѣ, сначала учился въ одной изъ одесскихъ гимназій, затѣмъ поступилъ въ Ришельевскій лицей на юридическій факультетъ, но за полгода до выпуска оставилъ его и перешелъ въ харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который и кончилъ въ 1855 году со степенью кандидата. Свою литературную дѣятельность онъ началъ еще на школьной скамьѣ, въ 1851 году, выступивъ съ переводомъ драмы Жоржъ-Зандъ «Клодій», а на слѣдующій годъ появилось и его первое оригинальное стихотвореніе «Молитва объ всѣхъ» (подражаніе Виктору Гюго). Литературная его работа сразу пошла такъ успѣшно, что еще до окончанія курса въ университетѣ онъ

успѣваетъ издать (въ 1854 году) цѣлый сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній. Въ первый періодъ жизни, по окончаніи университета, мы видимъ его въ глухой провинціи, въ роли чиновника особыхъ порученій при тамбовскомъ губернаторѣ, но такого рода дѣятельность оказалась ему не по душѣ, и уже въ

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

1858 году онъ является на берегахъ Невы, чтобы цѣликомъ посвятить себя сначала литературной профессіи, а потомъ и педагогической. Онъ становится виднымъ сотрудникомъ знаменитой «Искры», помѣщая здѣсь рядъ пародій, шаржей, шуточныхъ и обличительныхъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя получили самую широкую популярность, какъ, напримѣръ:

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь;
Онъ робко въ любви объяснялся,
Она прогнала его прочь.

Пошелъ титулярный совѣтникъ
И пьянствовалъ съ горя всю ночь—
И въ винномъ туманѣ носилась
Предъ нимъ генеральская дочь [1]).

Или:

Къ укротителю въ звѣринецъ
Онъ привелъ свою супругу—
И сказалъ онъ: «Крейцбергъ старшій,
Окажи ты мнѣ услугу!

«Ты владыка надъ звѣрями:
Укрощаешь львовъ, шакаловъ;
Ты смиряешь крокодиловъ
И съ сигарами нахаловъ.

«Укроти мою супругу
Взглядомъ, голосомъ, хлыстами;
Докажи, что ты волшебникъ
И начальникъ надъ скотами!»

Посмотрѣлъ ей въ очи Крейцбергъ,
Опустилъ свой хлыстъ любимый
И промолвилъ тихо, робко:
«Это звѣрь неукротимый!»

Такого рода легкія шутливыя произведенія шаловливой музы, подписанныя по большей части псевдонимами «Гейне изъ Тамбова», «Синеусовъ», «Камень Виногоровъ» (Pierre Weinberg) дали молодому поэту широкую популярность и создали на него большой спросъ въ литературѣ; передъ нимъ сотрудникомъ раскрываются двери редакцій «Библіотеки для чтенія», «Иллюстраціи», «Современника» и другихъ журналовъ. Но, конечно, не сатирическая литература была центральнымъ мѣстомъ его журнальной работы. Онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній лирическаго характера и подарилъ публикѣ въ прекрасномъ переводѣ и звучныхъ стихахъ почти всѣхъ главнѣйшихъ западноевропейскихъ классиковъ. Гейне, Фаллерслебенъ, Гервегъ, Ша-

[1]) По разсказу мнѣ самого Петра Исаевича, онъ описалъ тутъ случай своего увлеченія дочкой тамбовскаго губернатора.

миссо, Ленау, Гуцковъ и др. нашли въ Петрѣ Исаевичѣ своего популяризатора въ Россіи. Въ 1864 г. онъ приступилъ къ переводу Шекспира и далъ читателямъ девять его пятиактныхъ пьесъ: «Отелло», «Генрихъ VIII», «Тимонъ Аѳинскій», «Венеціанскій купецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно», «Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ», «Виндзорскія проказницы», «Комедія ошибокъ» и «Безплодныя усилія любви». Рядомъ съ этимъ имъ даны переводы: «Сарданапалъ» Байрона, «Ченчи»—Шелли, «Уріэль Акоста»—Гуцкова, «Школа злословія»—Шеридана, «Іуда Бенъ Галеви» и «Биминн»—поэмы Гейне, «Евангелина»—Лонгфелло, «Жижка»—Ленау и много другихъ произведеній европейской музы.

Отдавшись съ такимъ рвеніемъ переводу драматическихъ произведеній, Петръ Исаевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ близокъ къ театру, результатомъ чего явилась его усиленная рецензентская дѣятельность въ газетахъ по отдѣлу театра, а также его участіе въ комитетѣ по пріему новыхъ театральныхъ пьесъ. Близость же къ артистическому міру помогла ему легко привлекать представителей этого міра къ тѣмъ благотворительнымъ концертамъ и представленіямъ, о коихъ говорено выше.

Въ числѣ капитальныхъ изданій, тѣсно связанныхъ съ его именемъ, надлежитъ упомянуть изданіе подъ его редакціей шести томовъ сочиненій Гёте, восьми томовъ Гейне и двухъ томовъ Берне. Работая для ознакомленія русской публики съ европейской литературой, онъ, кромѣ этихъ переводныхъ и редакціонныхъ трудовъ, выпустилъ научные этюды—«Людвигъ Берне», «Менцель-Французѣндъ», о В. Гюго и Фрейлигратѣ.

Всѣ переводы, имъ сдѣланные, отличаются большой добросовѣстностью, глубокимъ изученіемъ подлинниковъ, чистотою и изяществомъ рѣчи. Въ этомъ отношеніи его можно считать прямо-таки образцовымъ представителемъ родного переводнаго труда. Нельзя того же сказать о его оригинальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ: они написаны нѣсколько тяжело, вяло и не производятъ должнаго эффекта, котораго можно было бы ожидать отъ такого очаровательнаго, остроумнаго и блестящаго собесѣдника, какимъ былъ въ жизни покойный. Онъ раздѣлялъ тутъ судьбу тоже блестящаго представителя нашей общественности—покойнаго В. А. Гольцева. Оба они были незамѣнимыми веселыми собесѣдниками и ораторами и оба скучно писали. Но если проза Вейнберга не останавливаетъ на себѣ нашего вниманія своими особыми качествами, то нельзя того же сказать про его поэзію. Въ ней много достоинствъ, и для ознакомленія съ нею, кромѣ отмѣченной уже сатирической, приведу два характерныхъ образца. Вотъ его знаменитое «Море», которое онъ такъ любилъ читать на литературныхъ вечерахъ и которое всегда покрывалось шумными знаками одобренія публики:

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!

Я пришелъ на берегъ милый
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.

Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбою ужъ не спорю;
Что бороться долѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно поклонился
Безобразной долѣ.

Но когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ,

Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою,—
Все во мнѣ затрепетало
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—

За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За утрату силы
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы!

Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Погубное бремя,
И врагу, съ отвагой твердой,
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...

А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все быстрѣй впередъ летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы!

А вотъ стихотвореніе въ иномъ родѣ:

Каждый разъ, какъ только въ сердце,
Въ сердце я твое взгляну—
Вижу солнце, вижу розы,
Вижу свѣтлую весну.

Каждый разъ, какъ ты запрешься
Въ строгой логикѣ ума—
Предо мной и снѣгъ, и холодъ,
И мертвящая зима.

Ахъ, дитя мое, на свѣтѣ
Зябну я и безъ того;
Что жъ ты прячешь въ мозгъ холодный
Солнце сердца твоего?

Работая на разныхъ поприщахъ литературы какъ рядовой работникъ, Петръ Исаевичъ, укрѣпившись въ журнальномъ мірѣ и пріобрѣтя себѣ здѣсь друзей и единомышленниковъ, дѣлалъ попытки и самостоятельнаго издательства. Такъ, въ сотрудничествѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ онъ въ 1860 г. предпринялъ изданіе журнала «Вѣкъ», существованіе котораго ознаменовалось извѣстнымъ эпизодомъ, о которомъ онъ такъ остроумно разсказалъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [1]) въ статьѣ «Безобразный поступокъ «Вѣка». Жизнь этого «Вѣка» была недолга—всего годъ. Въ журналѣ не было нужной для успѣха въ тѣ годы яркости политическаго характера, и онъ прекратился. Вторично Вейнбергъ издавалъ ежемѣсячный журналъ «Изящная Литература», посвященный главнымъ образомъ переводамъ лучшихъ иностранныхъ произведеній, но и тутъ не имѣлъ успѣха, и черезъ два года долженъ былъ его прекратить, понеся, кажется, порядочные убытки. Человѣкъ вообще большой жизненной практики, Петръ Исаевичъ въ своихъ издательскихъ начинаніяхъ оказывался, однако, очень неумѣлымъ и неудачливымъ, почему впослѣдствіи всегда относился со свойственнымъ ему юморомъ къ молодымъ писательскимъ мечтаніямъ объ издательствахъ отрица-

[1]) 1900 г., т. LXXX, май.

тельно, говоря: «Всѣ молодые писатели дѣлаютъ постоянно въ жизни двѣ ошибки: издаютъ журналы и женятся и въ каждомъ случаѣ неудачно».

Такова была разнообразная и кипучая литературная дѣятельность покойнаго. Но ею не исчерпалась его жизненная задача; въ ней важное мѣсто заняла практика педагогическая, къ которой онъ обратился въ 1868 г., опредѣлившись профессоромъ исторіи русской литературы въ варшавскую главную школу, преобразованную потомъ въ варшавскій университетъ. Однако черезъ пять лѣтъ онъ покинулъ Западный край и занялъ мѣсто инспектора коломенской женской гимназіи, а также преподавателя литературы на женскихъ педагогическихъ курсахъ. Какъ инспекторъ гимназіи, Вейнбергъ явилъ собою типъ выдающагося педагога, сумѣвшаго оживить въ ввѣренномъ ему учебномъ заведеніи преподавательское дѣло, привлечь сюда лучшихъ представителей нашей тогдашней педагогики и поднять среди учащихся интересъ къ изученію всеобщей и русской литературы. Въ этихъ цѣляхъ онъ устраивалъ въ гимназіи литературные вечера, съ участіемъ въ нихъ выдающихся русскихъ писателей, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Ап. Майковъ, Григоровичъ и др. Эти вечера были чрезвычайно интересны, поучительны и учащаяся гимназическая молодежь сохранила о годахъ, проведенныхъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія при инспекторствѣ Петра Исаевича наилучшія теплыя воспоминанія, какъ о годахъ, когда, только благодаря его популярности и вліятельности въ литературныхъ кружкахъ столицы, имъ была дана возможность встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми, кто составлялъ гордость и славу русской земли.

Кромѣ названныхъ учебныхъ заведеній, Вейнбергъ одно время состоялъ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета и довольно долго читалъ на драматическихъ курсахъ театральнаго училища. Послѣ смерти Я. Г. Гуревича онъ занялъ мѣсто директора гимназіи и реальнаго училища его имени. Ближайшимъ слѣдомъ его педагогическихъ занятій были составленные имъ сборники съ характеромъ учебныхъ пособій, какъ, напр., «Европейскій театръ», «Русскіе писатели въ классѣ», «Русская исторія въ поэзіи», «Европейскіе классики».

Въ послѣдніе годы Петръ Исаевичъ, во вниманіе къ его большимъ заслугамъ передъ роднымъ просвѣщеніемъ на поприщѣ науки и литературы былъ избранъ академіей наукъ ея почетнымъ академикомъ.

До послѣдняго года онъ, хотя и прихварывалъ иногда, былъ однакоже удивительно бодръ, жизнедѣятеленъ, энергиченъ и не покладалъ рукъ въ своей общественной работѣ на пользу литературнаго сословія. Имъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ устроенъ большой спектакль въ пользу дорогого его сердцу ли-

тературнаго фонда, для котораго онъ столько лѣтъ неустанно трудился. Но вотъ весною прошелъ слухъ, что Вейнбергъ захворалъ, пріемы на его новой квартирѣ на Николаевской улицѣ прекратились, а къ началу лѣта стали поговаривать, что онъ и совсѣмъ свалился. Вотъ какъ описываетъ хроникеръ «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]) ходъ болѣзни Петра Исаевича и его послѣдніе часы:

«Болѣлъ онъ уже сравнительно давно... съ 28-го мая... Тогда у П. И. появилось болѣзненное ощущеніе въ колѣнѣ. Были приглашены врачи, которые констатировали воспаленіе. Была сдѣлана операція Кадьяномъ съ его ассистентами Были наложены повязки. Вскорѣ появилось значительное улучшеніе. Повязки были сняты, но черезъ нѣкоторое время П. И. сталъ жаловаться вновь на боль въ колѣнѣ. Одновременно онъ все время мучился и волновался, опасаясь вторичной операціи.

«Какъ ни мало было первое оперативное вмѣшательство,—былъ сдѣланъ только проколъ и выпущена жидкость,—вторичной операціи П. И. ни за что не желалъ.

«Послѣдніе дни онъ былъ слабъ, чувствовалъ себя чрезвычайно измученнымъ и страдалъ.

«Еще 2 іюля вечеромъ больного посѣтила его дочь. Были доктора. Но опять-таки какихъ либо грозныхъ признаковъ нельзя было уловить.

«Вечеромъ еще къ нему обращались съ вопросами, не желаетъ ли Петръ Исаевичъ, чтобы былъ вызванъ младшій сынъ, находящійся въ Финляндіи, но онъ этого не пожелалъ.

«Въ теченіе дня нѣсколько разъ онъ дремалъ.

«Когда къ нему обращались съ различными вопросами онъ отвѣчалъ:

«— Оставьте меня спать!..

«Вечеромъ онъ выпилъ чашку бульона, поговорилъ съ дочерью, съ близкими, и затѣмъ снова задремалъ.

«Позже Петра Исаевича спрашивали, не желаетъ ли онъ чего-либо съѣсть. Больной раздраженно отвѣчалъ:

«— Не надоѣдайте мнѣ съ ѣдой!..

«Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на боль въ боку, такъ какъ онъ лежалъ не на спинѣ. Позвали человѣка, который за нимъ ухаживалъ. Положили на спину. Это была его привычка: всю жизнь спать на спинѣ.

«Около 10 час. вечера онъ сталъ тяжело дышать. Это встревожило близкихъ. Петра Исаевича спросили, что съ нимъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

«Больной отвѣтилъ:

«— Я тяжело дышу, вѣроятно, потому, что долго лежалъ на боку...

«Затѣмъ онъ сталъ кашлять, хрипло, тяжело...

---

[1]) «Биржевыя Вѣдомости» № 10.585 отъ 8 іюля.

«— Я хочу сѣсть!..

«Около 12 час. ночи хриплый кашель сталъ все усиливаться. Спросили, не нужно ли П. И. положить, такъ какъ кашель, можетъ быть, происходитъ оттого, что онъ сидитъ.

«Это было около трехъ четвертей двѣнадцатаго.

«Къ нему обратились снова съ этимъ вопросомъ.

«Петръ Исаевичъ отвѣтилъ:

«— Да, сейчасъ...

«Это были послѣднія слова дорогого всему литературному міру П. И. Вейнберга.

«Произнеся ихъ, онъ закрылъ глаза... Близкимъ показалось, что онъ заснулъ или задремалъ. Хрипъ исчезъ. Дыханіе затихло.

«Но онъ заснулъ навѣки...

«Лицо его было совершенно спокойно. Выраженіе почти не измѣнилось.

«Все-таки сонъ показался подозрительнымъ. Замѣтили, что дыханіе исчезло. Кинулись за близъ живущими врачами. Позвали д-ра Корицкаго. Пришлось констатировать тяжелую правду: П. И. Вейнберга не стало...»

Такъ отошелъ въ вѣчность непрестанный печальникъ литературной братіи, которому она столь многимъ была обязана. Глухая лѣтняя пора не позволила отдать ему послѣднихъ поминальныхъ почестей въ той широкой торжественной обстановкѣ, которой онъ заслужилъ. Только немногіе представители литературнаго и ученаго сословія получили возможность сказать послѣднее «прости» дорогому Петру Исаевичу на Новыхъ мѣстахъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ онъ выразилъ категорическую волю быть похороненнымъ. Осенью или зимою его память, несомнѣнно, будетъ почтена въ соотвѣтствующей формѣ, и литературный и ученый міръ сумѣютъ громкимъ и согласнымъ хоромъ пропѣть торжественную «вѣчную память» своему заслуженному собрату, который столько лѣтъ бодро и достойно являлся его представителемъ передъ лицомъ всего русскаго общества.

Б. Г.

ПАМЯТИ Н. А. ПОПОВА.

ТЕКУЩАГО года 27 іюня скончался въ Петербургѣ, въ Петропавловской больницѣ, писатель-ветеранъ Николай Ардальоновичъ Поповъ. Современному поколѣнію писателей это имя ничего не говоритъ: оно его не знаетъ. Но его знаютъ немногіе, оставшіеся въ живыхъ, старики-идеалисты, хранители лучшихъ завѣтовъ литературы, въ кружкахъ которыхъ онъ вращался. Характерная фигура, «Тургеневскаго типа», въ высшей степени корректная, изящная, памятна его современикамъ. Военный человѣкъ по образованію, съ хорошими наслѣдственными средствами, помѣщикъ Тульской губ., онъ ищетъ разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ въ литературѣ своего времени. Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Григоровичъ, Писемскій и другіе представители разсвѣта русской литературы дѣлаются его руководителями на жизненномъ пути, съ которыми онъ впослѣдствіи и знакомится. Послѣ потери жены онъ ѣдетъ за границу, близко сходится съ Гарибальди; корреспондируетъ въ газеты о политической жизни Запада; знакомится съ Герценомъ; пишетъ романъ объ «оргіи папъ» и романъ-автобіографію, описываетъ «русскихъ фланеровъ за границей»; увлекается агрономіей и спортомъ, или, какъ онъ выражался, «игрой въ лошадки»... Наконецъ жизнь, полная треволненій, изжита... Здоровье стало сдавать. Вслѣдствіе неудачной глазной операціи въ Одессѣ, Н. А. теряетъ совершенно зрѣніе.

Послѣднимъ тихимъ пристанищемъ, переходнымъ этапомъ къ смерти былъ домъ писателей на Карповкѣ, въ Петербургѣ. Средняя,

довольно комфортабельная комната во второмъ этажѣ «англійскаго коттеджа», съ окномъ въ садъ. Старческая фигура, съ античнымъ профилемъ, рослая, хорошо сложенная, переживающая безпросвѣтную ночь. Мальчикъ-поводырь, въ красной рубашкѣ, читáетъ вслухъ.

— Костя,—говоритъ старецъ:—возьми-ка листикъ бумаги; я подиктую...

Костя беретъ бумагу, перо, и стѣны комнаты оглашаются медленнымъ диктантомъ старца—точно «въ кельѣ Чудова монастыря»: «Еще одно, послѣднее сказанье...»

Лучше не переживать этотъ старческій періодъ, перевалившій за 80 лѣтъ. Но жизнь такъ прекрасна, потому что она—жизнь, которая миритъ даже съ этимъ медленнымъ умираніемъ. Да и что такое, въ сущности, самая жизнь, какъ не медленное умираніе?..

Внезапно раздается стукъ въ дверь.

— Войдите!—слышится въ отвѣтъ голосъ слѣпца.

Передъ нимъ небольшая, компактная фигура живого «русскаго американца», бывшаго опернаго пѣвца, жившаго долго въ Италіи и видѣвшаго свѣтъ, теперь плодовитаго беллетриста, прекрасно знающаго и изображающаго страну апельсиновъ...

— Добрый день, синьоръ Николай Ардальоновичъ!—привѣтствуетъ по-итальянски пѣвецъ-писатель.

— Кто это?

— Я, N.

— А! Добрый день, синьоръ N!

— Простите, я помѣшалъ вамъ... Я скоро уйду... Зашелъ узнать о вашемъ здоровьѣ?..—продолжаетъ онъ на чистомъ итальянскомъ языкѣ.

Лицо слѣпца, при звукахъ итальянской рѣчи, оживляется. Онъ мысленно переносится въ прошлое—невозвратное... одухотворяется имъ... Рѣчь посѣтителя близка его сердцу: онъ самъ невольно увлекается ею... Вспоминается Верди, который страшно торговался на базарѣ въ Миланѣ... «Итальянцы всѣ скупые»!..

Кладбище въ Новой Деревнѣ... Многіе петербуржцы не знаютъ такого кладбища. Я самъ, старожилъ Петербурга, не подозрѣвалъ о его существованіи. Я направился на Стародеревенское кладбище, которое стоитъ на рубежѣ Новой Деревни съ Старой, гдѣ похороненъ Сергѣй Атава съ братомъ. Тамъ никакого покойника не оказалось.

— Это вы прошли...—объяснили мнѣ на кладбищѣ.—Отъ Старой «Ливадіи», гдѣ теперь строительно-художественная выставка, будетъ переулокъ, который выводитъ на поле... Тамъ и будетъ новодеревенское Серафимовское кладбище... Оно недавно открыто: въ память св. Серафима Саровскаго...

Такъ и оказалось. Обширное поле, простирающееся верстъ на шесть въ окружности. Мѣсто довольно живописное. Часть поля

отведена подъ кладбище, только начинающее заселяться вѣчными обитателями. Небольшая, деревянная, не обшитая еще тесомъ, церковь. Петровъ день. Сѣренькая погода, съ накрапывающимъ дождемъ. Пестрая праздничная толпа на паперти...

Въ церкви 5—6 гробовъ. По срединѣ простой сосновый гробъ, который, послѣ отпѣванія, открыли. Характерный профиль не измѣнился; покойникъ въ старомъ сюртукѣ и въ ночной новой рубашкѣ, безъ галстука: по домашнему явится на тотъ свѣтъ!.. Послѣ «вѣчной памяти» гробъ понесли довольно далеко отъ церкви, въ одинъ изъ послѣднихъ рядовъ. Два-три сосѣда по дому писателей да два-три постороннихъ лица—вотъ и всѣ провожающіе покойника на вѣчное упокоеніе. Гробъ опустили въ могилу. Ни помпы, ни толпы, ни рѣчей. Брошено благоговѣйно нѣсколько комковъ земли на гробъ забытаго, затерявшаго «мудреца», и тѣмъ былъ «покончен о жизни вопросъ»...

Теперь предоставимъ слово двоюродному брату покойнаго, присутствовавшему на похоронахъ, Владиміру Дмитріевичу Черкасову, любезно сообщившему намъ письменныя свѣдѣнія о жизни усопшаго писателя:

«Николай Ардальоновичъ Поповъ, изъ дворянъ Тульской губ., родился въ 1828 г. Воспитаніе получилъ въ дворянскомъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ и затѣмъ опредѣлился на военную службу юнкеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, откуда, въ началѣ 50-хъ годовъ, вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, и поселился въ Москвѣ, въ семействѣ Надежды Дмитріевны Половцевой и занялся приведеніемъ въ порядокъ ея довольно разстроенныхъ, послѣ смерти мужа, дѣлъ и имѣній въ Воронежской и Самарской губерніяхъ (имѣніе Майно въ Ставропольскомъ уѣздѣ). Здѣсь же, въ Москвѣ, слушалъ въ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, лекціи, по медицинскому факультету. Въ 1858 г. переселился, вмѣстѣ съ Н. Д. Половцевой, въ Крымъ, въ Ѳеодосію, гдѣ пытался устроить виноградарство и овцеводство, но неудачно. Вскорѣ затѣмъ женился на дочери Н. Д., Маріи Михайловнѣ, съ которою однако прожилъ недолго. Она умерла въ Одессѣ, простудившись послѣ какого-то бала зимою.

«Послѣ кончины жены Н. А. отправился въ Италію, гдѣ близко сошелся съ Гарибальди и началъ писать, подъ псевдонимомъ «Stauiero», фельетоны въ русскія газеты («Петербургскія Вѣдомости», ред. В. Ѳ. Корша и «Новое Время») о политическихъ событіяхъ въ Италіи и жизни русскихъ за границей, фельетоны—очень сочувственно встрѣченные публикой. Въ 1881 г. эти фельетоны были изданы Ф. Павленковымъ отдѣльной книгой: «Русская тля за границей» и «Русскіе фланеры за границей». Вернувшись въ началѣ 70-хъ годовъ въ Россію, поселился въ Москвѣ и принималъ участіе въ устройствѣ нѣкоторыхъ спортивныхъ предпріятій, какъ

бывшій кавалеристъ. Плодомъ этихъ занятій явилась книга «Игра въ лошадки».

«Въ срединѣ 70-хъ годовъ Н. А. снова очутился въ Италіи и встрѣтился тамъ съ княжной Аделаидой Петровной Ухтомской, которая, послѣ окончанія курса петербургской консерваторіи и нѣкоторыхъ дебютовъ въ кіевской оперѣ, направилась въ Италію, съ цѣлью усовершенствованія въ пѣніи. Н. А., будучи еще ранѣе знакомъ съ нею, усердно помогалъ ей упрочить положеніе въ оперномъ мірѣ и въ концѣ концовъ женился на ней.

«Оперныя дѣла рожденной княжны Ухтомской, по сценѣ Баронелли, въ Петербургѣ, на Маріинской сценѣ, шли неважно. Пришлось принять частный ангажементъ въ оперную труппу Медвѣдева и кочевать то въ Нижній, на ярмарку, то въ Казань. Вмѣстѣ съ финансовыми затрудненіями начались домашніе нелады и раздоры съ родственницами жены, княжнами Ухтомскими, и супруги разошлись. Н. А. переселился въ Петербургъ и занялся исключительно литературнымъ трудомъ. Кромѣ постояннаго участія въ повременныхъ изданіяхъ, онъ за это время написалъ довольно большой романъ-хронику, касавшійся преступленій и оргій папъ, который былъ изданъ Павленковымъ отдѣльно, подъ видомъ перевода съ итальянскаго, Э. Постери, подъ заглавіемъ: «Подъ маской благочестія». Вслѣдъ за этимъ романомъ появился новый романъ «Почти знаменитость», имѣющій автобіографическое значеніе: подъ именемъ княжны Липочки Захорузловой изображена Баронелли. Этотъ романъ также изданъ отдѣльной книгой В. В. Комаровымъ въ 1892 году.

«Около этого времени Н. А. уѣхалъ въ Одессу, гдѣ проживалъ въ домѣ писателей, а затѣмъ снова переселился въ Петербургъ, въ такой же домъ на Карповкѣ. Проживъ тутъ года три, онъ тяжко заболѣлъ и умеръ въ Петропавловской больницѣ отъ старческой дряхлости и воспаленія легкихъ».

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что жизнь предъявляла свои требованія, и слѣпому престарѣлому писателю приходилось работать, напрягая силы до изнеможенія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что ему случалось получать рукописи обратно, разочаровываться въ лучшихъ ожиданіяхъ.

— Вотъ прислали рукопись назадъ... Не подходитъ... Устарѣли мы: отстали отъ современныхъ возвышенныхъ вкусовъ!..—иронически роптал онъ.

— О чемъ вы написали?

— О похищеніи главной одалиски султана изъ его гарема...

— Захотѣли вы! Теперь вопросы чистаго искусства отодвинуты на второй планъ...

— Да, теперь вопросы грубости, неотесанности и низменности на первомъ планѣ!.. Теперь не нужно никакой солидной подготовки,

но бери перо и пиши... И будутъ тебѣ платить по 1000 руб. за листъ или по золотому за «стихъ», какъ платилъ Смирдинъ Пушкину...

Хотя это говорило оскорбленное самолюбіе и нужда, но въ этихъ скорбныхъ словахъ нельзя не признать доли правды. Пробовалъ онъ посылать статьи въ спортивные журналы, но тамъ ничего не платятъ...

— Я самъ, имѣю честь доложить вамъ, не пользуюсь и не пользовался даровымъ трудомъ и свои труды даромъ не отдаю,—съ негодованіемъ отвергалъ онъ такія предложенія, отъ которыхъ ему не было легче.—Это называется на обухѣ рожь молотить!..

Теперь его уже не волнуютъ эти житейскіе вопросы...

Поздно!.. О жизни поконченъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!..

Черезъ день послѣ похоронъ Н. А. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» появилась его посмертная, или предсмертная статья: «Герценъ и Гарибальди»—послѣдняя дань его любвеобильной души этому бренному свѣту.

К. Максимовъ.

ЭПОХА РЕФОРМЪ [1].

(Историческіе очерки).

XXXI.

ЕСЛИ радикальная печать такъ сочувственно отнеслась къ петербургской студенческой исторіи, усматривая въ ней главнымъ образомъ элементъ явнаго «протеста» и считая ее началомъ «новой эпохи», которою открывается жизнь Россіи, то правительство отнеслось къ движенію молодежи строго и надъ участниками сходокъ, засаженными частью въ Петропавловскую крѣпость, частью въ Кронштадтъ, были наряжены слѣдственныя комиссіи, а въ комитетѣ министровъ всему студенческому вопросу были посвящены особыя засѣданія, о которыхъ Герценъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія [2]: «26 октября былъ... собранъ особый совѣтъ министровъ. Государь открылъ засѣданіе тѣмъ, что совѣщанія совѣта по закону должны быть секретны, а между тѣмъ всему городу извѣстно, что говорится въ государственномъ совѣтѣ и въ совѣтѣ министровъ. Государь выразилъ желаніе, чтобы впредь совѣщанія совѣта сохранялись какъ дѣйствительныя государственныя тайны и не были разглашаемы. Спичъ государя подѣйствовалъ—и дня три члены совѣта отмалчивались, а потомъ начали попрежнему кто проговариваться, а кто и просто болтать.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 216.

[2]) «Колоколъ», 1861 г., № 116.

«Путятинъ въ совѣтѣ изложилъ весь ходъ университетскаго дѣла въ самомъ превратномъ смыслѣ. Его стали останавливать, опровергать и доказывать, что онъ извращаетъ всѣ факты, извѣстные министрамъ по запискѣ Кавелина. Между прочимъ Путятинъ увѣрялъ, что оппозиція правительству, съ характеромъ политическимъ, распространена между всѣми студентами и всѣми профессорами; въ доказательство послѣдняго онъ привелъ фактъ, что «правительство хотѣло увеличить жалованье профессорамъ, но что они отказались отъ этого по одному духу оппозиціи».

«Милютинъ заставилъ его признаться, что профессора не отказывались отъ увеличенныхъ окладовъ, но отвергли съ негодованіемъ циркуляръ Путятина, въ которомъ онъ, по случаю увеличенія окладовъ, вмѣнилъ имъ въ обязанность: впредь преподавать науки въ духѣ, соотвѣтствующемъ видамъ правительства.

«Когда же онъ изложилъ свой планъ о преобразованіи университетовъ въ нѣчто подобное семинаріямъ, то государь сказалъ прямо, что это нелѣпо. Съ того времени Путятинъ, очевидно, приговоренъ къ паденію, но паденіе его совершается медленно, изъ ложнаго административнаго приличія.

«Между тѣмъ обѣ слѣдственныя комиссіи дѣйствуютъ. Петербургъ находится подъ предсѣдательствомъ Волянскаго, въ Кронштадтѣ предсѣдатель Пущинъ. Обѣ комиссіи находятъ то, что есть, что студентовъ не въ чемъ винить. Въ докладной запискѣ петербургской комиссіи даже очень рѣзко указано на всѣ ошибки министерства народнаго просвѣщенія...

«Вотъ это-то и приводитъ правительство въ смущеніе. Какъ согласиться, что напрасно выслали гвардію противъ студентовъ и напрасно ее благодарили на Царицыномъ лугу, напрасно разослали до 300 молодыхъ людей изъ Петербурга, напрасно посадили до 600 въ крѣпость. Какъ скоро будетъ новый министръ народнаго просвѣщенія, то ждутъ пересмотра устава университетскаго. Нынѣ петербургскій университетъ номинально открытъ, но въ дѣйствительности никто не ходитъ, и лекціи не читаются...

«Въ четвергъ 2 ноября было опять длинное засѣданіе... Особенно замѣчательна въ этомъ засѣданіи была рѣчь Милютина, который сказалъ откровенно, что Россія нуждается въ образованіи, которое должно всячески поддержать, что на новыя правила вся образованная Россія и вся заграничная пресса смотритъ не безъ основанія, какъ на мѣру реактивную, какъ на поворотъ съ пути реформъ, что принятіе этихъ правилъ составитъ ошибку правительства и что пересмотръ уставовъ университета необходимъ.

«Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ: какимъ путемъ рѣшить участь захваченныхъ студентовъ? Милютинъ предлагалъ путь законный: т. е. послѣ слѣдствія—судъ. Игнатьевъ предложилъ отдать всѣхъ бунтовщиковъ въ солдаты—для примѣра. Шуваловъ, раздувшій

всю эту исторію, предложилъ полную амнистію, желая съ успѣхами при дворѣ соединить популярность. Всѣ три мнѣнія были отвергнуты. Рѣшено: по окончаніи слѣдствія рѣшить дѣло административно, въ совѣтѣ министровъ, т. е. рѣшили не стѣсняться ничѣмъ въ полицейскомъ произволѣ... Между тѣмъ... Кавелинъ подалъ въ отставку, и вслѣдъ за нимъ Спасовичъ и Стасюлевичъ (послѣдній читаетъ между тѣмъ у наслѣдника). Кромѣ того, подалъ прошеніе Плетневъ и собираются подать Утинъ, Пыпинъ и Костомаровъ».

Изъ этой краткой справки намъ обрисовывается въ достаточной полнотѣ финалъ студенческой исторіи. Молодежь потерпѣла, но участь ея значительно была впослѣдствіи смягчена, причемъ со стороны всевозможныхъ общественныхъ элементовъ, включая сюда и учащихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по ея адресу были выказываемы явные и шумные знаки сочувствія до матеріальной помощи включительно. Министерство Путятина сметено и рядомъ съ этимъ въ правительственныхъ сферахъ обозначается прогрессивное теченіе, которое, въ лицѣ Милютина, громко подымаетъ свой голосъ за необходимость развитія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ и разгромъ петербургскаго университета, который временно подвергается закрытію и лишается нѣсколькихъ выдающихся научныхъ силъ, что́ сыграло въ развитіи нашей общественности очень опредѣленную роль.

Вспоминая объ этомъ уходѣ профессоровъ изъ университета, покойный Спасовичъ въ статьѣ о Кавелинѣ говоритъ [1]): «Въ теченіе двухъ недѣль, съ 25 сентября по 12 октября, профессорскій кружокъ, числомъ отъ 12 до 15 человѣкъ, къ которому въ рѣшительные моменты присоединялись и всѣ остальные профессора, собирался почти ежедневно для совѣщанія на частныхъ квартирахъ, то у одного, то у другого изъ профессоровъ. Кавелинъ, безъ всякаго избранія и предварительнаго соглашенія, былъ нашимъ руководителемъ, а въ препреканіяхъ съ начальствомъ, такъ сказать, застрѣльщикомъ. Онъ рѣшалъ своимъ вѣскимъ голосомъ наши сомнѣнія и колебанія. Ему мы обязаны тѣмъ, что мы такъ послѣдовательно и до конца изображали собою въ нѣкоторомъ родѣ Кассандру, предсказывающую паденіе Иліона, не сходя вмѣстѣ съ тѣмъ съ пути самой строгой законности и устраняясь отъ солидарности съ сталкивающимися двумя силами: съ начальствомъ, дѣйствующимъ, опираясь на солдатъ, и со студенчествомъ... Мы совсѣмъ не искали популярности и отлично понимали, что если бы наши услуги были приняты, и намъ бы была предоставлена власть въ университетѣ, то, укрощая расходившихся студентовъ, мы не

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. II. Вступительная статья В. Д. Спасовича.

остановились бы передъ самыми энергическими мѣрами для установленія того нормальнаго университетскаго порядка, какой былъ у насъ на умѣ. Когда университетъ опустѣлъ, не бывъ даже офиціально закрытъ, то Кавелинъ первый рѣшилъ, что оставаться дольше въ этомъ университетѣ онъ не можетъ, но не вмѣняетъ никому изъ насъ въ обязанность послѣдовать его примѣру. На эту рѣшимость Кавелина, которой онъ никому не навязывалъ, откликнулись только четыре профессора: М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ и я. Во избѣжаніе всякаго вида стачки или коллективной демонстраціи мы рѣшили, что наши прошенія будутъ поданы не одновременно и нѣсколько позже прошенія Кавелина. Они послѣдовали одно за другимъ въ теченіе ноября 1861 г.».

Позднѣе ихъ примѣру послѣдовалъ и Н. И. Костомаровъ.

Впослѣдствіи эта группа покинувшихъ университетъ профессоровъ собралась въ особый кружокъ вокругъ М. М. Стасюлевича, положившаго въ 1866 г. основаніе извѣстному журналу «Вѣстникъ Европы», которому въ политической жизни Россіи суждено было сыграть видную роль, какъ органу, систематически проводившему въ общественное сознаніе идеи «правового порядка». Лишившись офиціальной каѳедры по доброй волѣ, петербургскіе ученые сумѣли создать себѣ вліятельныя трибуны, съ которыхъ ихъ голосъ широко разносился по всей родной землѣ.

Студенческая исторія взбудоражила все столичное общество, привела въ движеніе самые разнообразные его элементы и безусловно въ сильной степени содѣйствовала укрѣпленію того оппозиціоннаго настроенія, которое назрѣвалось передъ тѣмъ. Студенты показали примѣръ активнаго протеста, и этотъ примѣръ имѣлъ свои послѣдствія: оппозиція стала дружнѣе, сплоченнѣе и агрессивнѣе. Событія въ Петербургѣ гулко отозвались и въ прочихъ университетскихъ центрахъ Россіи, и всюду послѣдствія были одинаковы: волна общественнаго недовольства вздымается и опредѣленный кругъ политическихъ идей получаетъ свое расширеніе и углубленіе.

XXXII.

Особенно крупно и шумно разыгрались событія въ Москвѣ. Въ корреспонденціи въ «Колоколъ» изъ Москвы по сему предмету сказано [1]: «При вѣсти о закрытіи петербургскаго университета взволновался и московскій. Студенты московскаго университета рѣшили подать адресъ государю. Нашлось 500 подписей, а потомъ выступила на сцену партія, совѣтующаяся съ Тучковымъ; правитель его канце-

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 112.

ляріи Рудзевичъ перемѣнилъ адресъ на прошеніе къ Путятину. Подписавшіеся подъ адресомъ къ государю отказались, польскіе студенты тоже сказали, что къ прошенію не присоединятъ своихъ подписей, тогда какъ прежде соглашались, если найдется большое число русскихъ,— и вотъ уже 3 дня дѣло идетъ, кажется, ни къ чему. Въ послѣднее время, когда увидали, что дѣло пошло очень дурно, изъ 500 подписавшихся 300 взяли свои подписи назадъ. 4 октября было происшествіе нѣсколько поотраднѣе: человѣкъ 600 студентовъ отправились изъ университета на могилу Т. Н. Грановскаго. Впереди несли корзину цвѣтовъ и вѣнки. Народъ снималъ шапки и крестился, но когда замѣчалъ, что всѣ въ фуражкахъ и въ корзинѣ даже Бога не видно, снова надѣвалъ.

«На кладбищѣ, разумѣется, появилась полиція въ солдатской формѣ и переодѣтая. Во время другой рѣчи послѣ панихиды взошелъ за рѣшетку оберъ-полицеймейстеръ Крейцъ. Сдѣлался взрывъ, слышалось: «здѣсь вамъ не мѣсто» и т. п. въ этомъ родѣ; одинъ изъ студентовъ вскочилъ: «Г.г.! ради могилы Т. Н. Грановскаго не дѣлайте скандала, тише!»— и все утихло. Крейцъ повернулъ налѣво кругомъ и ушелъ. «На возвратномъ пути совершенно спокойно, не обращая вниманія, студенты прошли мимо выстроившихся жандармовъ; въ сторонѣ за зданіемъ стояло около 150 будочниковъ, неизвѣстно съ какой цѣлью собранныхъ».

Панихида была отслужена и пока все обошлось благополучно. Тѣмъ временемъ не прекращались и хлопоты объ адресѣ государю, текстъ котораго собственно не содержалъ въ себѣ ничего дерзкаго, но заключалъ въ себѣ главнымъ образомъ пожеланіе относительно нѣкоторыхъ сторонъ студенческой жизни въ смыслѣ автономныхъ правъ, относительно безплатнаго обученія бѣдныхъ, а также ходатайство за петербургскихъ товарищей. Дѣло съ адресомъ подвигалось туго и, наконецъ, 13 октября приняло бурный, кровавый оборотъ. Корреспондентъ Герцена описалъ ходъ событій такъ [1]): «Въ послѣдніе дни студенты были очень обезкуражены. Адресъ подписывали туго. Человѣкъ 200 самыхъ горячихъ и энергическихъ послали депутатовъ къ попечителю просить его объ открытіи 1 и 2 юридическихъ курсовъ [2]) и принять адресъ къ государю. Онъ отказался отъ того и другого. Тогда студенты силою вошли въ профессорскую залу. Въ дверяхъ удерживали ихъ минутъ пять профессора Ешевскій и Бодянскій, но студенты наконецъ оттѣснили ихъ и взошли къ попечителю. Пришелъ полицеймейстеръ Крейцъ, но его не впустили. Студенты разошлись вечеромъ, а ночью начались аресты, схвачены были между прочими и больные, лежавшіе больше недѣли дома.

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 113.

[2]) Оба курса были закрыты по случаю бывшихъ тутъ безпорядковъ.

На другой день толпа студентовъ собралась въ саду и, узнавъ, что многіе взяты,— рѣшились итти къ генералъ-губернатору; въ числѣ двухсотъ пошли по Тверской. Лишь только вышли они на площадь, раздались свистки, и со всѣхъ сторонъ изъ засады показались жандармы.

«Тутъ произошла схватка. Многіе защищались, но всѣ были взяты; иные бѣжали, но тогда тулупы, народъ, кинулись на нихъ съ криками: «бейте поляковъ, они пришли рѣзать губернатора!» Съ яростью они брали студентовъ за воротники, валили, давили, полиція спасала ихъ и говорила прохожимъ: «Мы спасаемъ! народъ рветъ на части бунтовщиковъ!» Это показалось страннымъ—съ чего? Какъ? Но скоро штука была открыта; это были переодѣтые будочники и солдаты, и они-то съ криками бросились на студентовъ, желая увлечь народъ. Два купца первые открыли это, узнавъ будочника своего квартала переодѣтымъ въ тулупъ. Всѣ тулупы были съ усами, но безъ бородъ и кланялись начальству, подымая руку къ шапкѣ. Все это играло роль народа и душило студентовъ, которыхъ полиція спасала; пока это было на площади, по улицамъ происходили неслыханныя вещи. Разъяренные, какъ звѣри, жандармы пускали во весь опоръ своихъ лошадей, давили и скакали на ловлю студентовъ. Они бросались на всякаго, у кого была форма студенческая. Хватали всѣхъ безъ различія. Раевскаго, который ѣхалъ стричься къ парикмахеру, вытащили изъ коляски, другого вытащили изъ магазина; напали на шедшихъ въ клинику. Одинъ студентъ былъ гувернеромъ и ѣхалъ съ дѣтьми; его вытащили изъ экипажа, дѣти съ испугу выскочили и разбѣжались, и ихъ потомъ искалъ отецъ цѣлый день. Вытаскивая студентовъ изъ экипажа, ихъ волочили по землѣ, разбивая имъ лицо. Одного буквально удавили на шарфѣ и его замертво подняли на бульварѣ двѣ дамы и сами свезли въ клинику. Жандармы его тащили за два конца cache-nez и, думая, что онъ ужъ мертвъ, бросили. За его жизнь Захарьинъ не отвѣчаетъ. Другого, Кореньина, жандармъ ударилъ палкой по головѣ; онъ упалъ замертво, но скоро приподнялъ голову, другой жандармъ наѣхалъ на него лошадью и раздавилъ его! Его унесли, и онъ, говорятъ, умеръ. Пока шла эта ловля и травля по всей Москвѣ, студентовъ, взятыхъ на площади, загнали на большой дворъ Тверской части, что противъ дома генералъ-губернатора и гдѣ гауптвахта. Тамъ голодные и холодные (съ нихъ стащили шинели и украли ихъ) стояли они съ 11 часовъ утра до часу ночи. Толпа около была большая, и въ ней судили и рядили разно. Однако народу всѣ почти объясняли, что это не бунтовщики и рѣзать они никого не хотѣли. Этотъ слухъ вышелъ отъ переодѣтыхъ, которые распространяли разныя возмущающія вещи, чтобы увлечь за собою настоящій народъ».

Такова въ общихъ чертахъ картина происшедшаго избіенія студентовъ въ Москвѣ. Въ результатѣ ея нѣкоторые студенты потерпѣли кару за «бунтъ», но въ общемъ московская исторія, при всемъ мрачномъ ея колоритѣ, не имѣла для судьбы московскаго университета тѣхъ послѣдствій, какія мы видѣли въ Петербургѣ. Студентамъ удалось даже подать черезъ Рылѣева адресъ государю, принести жалобу на дѣйствія московской администраціи и выразить свои pia desideria исключительно въ области своихъ студенческихъ нуждъ. Правда, эта подача не прошла имъ даромъ, но во всякомъ случаѣ фактъ личнаго сношенія студенчества съ государемъ получилъ свое реальное осуществленіе и, весьма возможно, сыгралъ добрую роль въ относительно слабыхъ послѣдствіяхъ для молодежи проявленія ихъ оппозиціоннаго настроенія.

Вслѣдъ за Петербургомъ и Москвою прошумѣли студенческіе безпорядки въ Казани и Кіевѣ, хотя и не въ столь широкомъ масштабѣ, но также съ печальными результатами для судьбы молодежи. За бортомъ учебныхъ заведеній оказалось въ итогѣ немало молодыхъ силъ, которыя потомъ и наполнили собою революціонные кадры, отдавъ себя всецѣло на активную борьбу съ правительствомъ. Не называя тѣхъ, кто сталъ впослѣдствіи въ ряды легальной оппозиціи, укажемъ Гижицкаго, Войнаральскаго, Эльпидина и Каракозова, чьи имена тѣсно связаны со всѣмъ ходомъ русской революціи. Они приняли свое первое «боевое» крещеніе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г. и отсюда понесли свои бурныя силы въ ту пучину борьбы, гдѣ ихъ ожидали самыя крайности человѣческой судьбы до смертной казни включительно.

XXXIII.

Во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ 1861 г. принимали близкое и горячее участіе студенты-поляки. Въ нѣкоторыхъ университетахъ это участіе было сильнѣе, въ другихъ слабѣе, но такъ или иначе польскій элементъ вездѣ былъ въ той или иной степени налицо, и историкъ студенческой жизни въ эпоху 60-хъ годовъ, С. Ашевскій, ограничивая это участіе до минимума, тѣмъ не менѣе говоритъ [1]): «Безспорно, что поляки, готовясь къ возстанію противъ русскаго владычества, не были особенно разборчивы въ средствахъ для ослабленія своего врага»; и въ другомъ мѣстѣ: «Несомнѣнно только одно, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ студенты-поляки принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ новыхъ университетскихъ правилъ, хотя вели себя такъ осторожно, что почти избѣжали сколько-нибудь серьезныхъ наказаній. Во всякомъ

[1]) «Современный Міръ», 1907 г., № 10.

случаѣ, въ спискахъ пострадавшихъ студентовъ гораздо больше даже нѣмецкихъ именъ и фамилій, чѣмъ польскихъ. Что касается побужденій, заставлявшихъ поляковъ участвовать въ студенческихъ волненіяхъ, Ешевскій [1]) прекрасно объясняетъ это участіе болѣе матеріальными, чѣмъ политическими причинами. «Прежде,—говоритъ онъ,—бѣднякъ шелъ преимущественно на медицинскій фа-

М. А. Бакунинъ.

культетъ, часто вопреки своимъ наклонностямъ, вопреки отвращенію къ медицинскимъ занятіямъ, а ради вѣрнаго куска хлѣба по выходѣ изъ университета. Теперь еще большее обезпеченіе представлялъ факультетъ юридическій. Университетъ получалъ без-

[1]) Профессоръ московскаго университета. Его статьи о студенчествѣ той эпохи были напечатаны въ «Русской Старинѣ».

престанно вызовы желающихъ получить мѣста судебныхъ слѣдователей на весьма выгодныхъ условіяхъ... А впереди представлялись адвокатура, гласное судопроизводство и другія реформы. Особенно велико было число поляковъ и польскихъ уроженцевъ западныхъ губерній, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ. Для нихъ, по особымъ обстоятельствамъ, еще болѣе, чѣмъ для русскихъ, карьера юриста казалась самой обезпеченной. Большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ московскомъ университетѣ отличалось крайней бѣдностью. Оно могло существовать только благодаря освобожденію отъ платы за лекціи, стипендіямъ и помощи со стороны товарищей... На поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній и обрушилось всею тяжестью новое постановленіе (о немедленномъ взносѣ денегъ за обученіе и объ освобожденіи отъ платы не болѣе двухъ студентовъ на каждую губернію московскаго учебнаго округа)... Этимъ объясняется какъ участіе всего польскаго студенчества въ университетскихъ безпорядкахъ, такъ и то, что эти безпорядки начались на юридическомъ, а не на другомъ факультетѣ. Разумѣется, нельзя отвергать другихъ, чисто-національныхъ побужденій польскихъ студентовъ принять участіе въ этихъ волненіяхъ и направить ихъ уже къ своей цѣли, но приложеніе высочайшаго повелѣнія немедленно дало возможность полякамъ и русскимъ дѣйствовать единодушно, чего не было прежде. Мѣра правительства падала одинаково тяжко и на тѣхъ, и на другихъ, хотя, быть можетъ, еще тяжелѣе на поляковъ, чѣмъ на русскихъ, и, соединяя ихъ подъ однимъ знаменемъ для общей цѣли, на защиту бѣдныхъ товарищей, эта мѣра давала огромный перевѣсъ полякамъ надъ русскими во всѣхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ. Дѣло было общее, а польская община была крѣпко организована, дѣйствовала единодушно, повиновалась извѣстнымъ предводителямъ и, очевидно, должна была брать верхъ надъ разрозненными, часто безсознательными, необдуманными стремленіями русскихъ студентовъ».

Приведя эту цитату изъ работы Ешевскаго, авторъ отъ себя прибавляетъ: «Можно, вообще, спорить о томъ, какую цѣль преслѣдовали польскіе студенты, участвуя въ волненіяхъ 1861 г.: думали ли они доставить затрудненія русскому правительству въ интересахъ своей отчизны, или же просто вели совмѣстную борьбу за академическую свободу, или, наконецъ, имѣли въ виду и то и другое. Во всякомъ случаѣ, ихъ провокаторская роль въ студенческихъ волненіяхъ, если не можетъ быть всецѣло отнесена въ разрядъ патріотическихъ миѳовъ, то все же должна быть ограничена самой минимальной дозой».

Мы нарочно, во избѣжаніе нареканій, привели наиболѣе благопріятные для поляковъ мнѣнія и отзывы, чтобы констатировать опредѣленный фактъ: поляки сыграли въ студенческомъ движеніи

очень опредѣленную роль, и эта роль согласовалась какъ нельзя болѣе съ тою общею политикою, которой поляки держались въ виду готовившихся и разыгрывавшихся событій въ Варшавѣ. А тамъ скоплялись тучи, и русское правительство, сбитое въ достаточной мѣрѣ съ своей позиціи внутренними, чисто-домашними дѣлами, съ тревогою озиралось на западную окраину, откуда неся зловѣщій шумъ и надвигалась сильная гроза. Во имя этой грозы шла подспудная работа по всѣмъ этапамъ русской жизни, и однимъ изъ результатовъ этой работы можно считать и бѣгство Бакунина изъ Сибири, удавшееся, какъ теперь это достаточно выяснено [1]), благодаря польской роднѣ со стороны своей супруги. Бакунинъ, бѣжавъ изъ Сибири, помимо того, что усилилъ революціонную проповѣдь «Колокола», внесъ еще, кромѣ того, сюда огромную страсть защиты «польскаго дѣла» и кличъ на весь міръ во имя польской революціи.

Уже въ началѣ 1862 г. онъ въ интересахъ своей проповѣди выступаетъ съ широкимъ воззваніемъ: «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», которое помѣщаетъ въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ «Колоколу» [2]). Здѣсь онъ между прочимъ говоритъ: «И да будетъ опозоренъ тотъ изъ русскихъ, у кого въ настоящую минуту, когда русскія войска рѣжутъ польскій народъ, топчутъ польскихъ дѣтей и женщинъ, достанетъ духу сказать хоть одно слово упрека героическимъ и благороднымъ дѣтямъ этой мученической, но далеко не подавленной страны. Не подавленной, нѣтъ: Jescze Polska nie zginęła! И мы съ восторгомъ и съ умиленіемъ привѣтствуемъ дивное возрожденіе великаго славянскаго народа, безъ котораго славянскій міръ былъ бы не полонъ, ощутилъ бы ничѣмъ не замѣстимую пустоту, былъ бы лишенъ своего вѣнка. Да, мы любимъ поляковъ, мы удивляемся имъ, мы вѣримъ въ ихъ высокую будущность, неразрывно связанную съ будущностью всѣхъ славянъ, мы вѣримъ въ ихъ братство съ нами».

Положеніе правительства къ исходу 1861 г. было такимъ образомъ чрезвычайно трудное. Прокламаціи, аресты въ писательской, средѣ, студенческія волненія, агитація поляковъ противъ правительства, усиленіе эмиграціи и взятіе ею подъ защиту польскаго дѣла, волненіе въ Варшавѣ, общее броженіе въ интеллигенціи—вотъ сумма данныхъ, которыми заключался 1861 годъ. Положеніе дѣлъ, такимъ образомъ, становилось очень труднымъ особенно если принять во вниманіе еще крупную заботу о благополучномъ установленіи новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, что̀, какъ мы уже видѣли, далеко не вездѣ протекало

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., кн. 12, ст. С. А. Казаринова.

[2]) «Колоколъ», 1861 г., № 122—123.

благополучно. Озабочивало правительство и настроеніе дворянства, которое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ принимало явно конституціонное теченіе и грозило новыми осложненіями, съ которыми приходилось серьезно считаться. И дѣйствительно, уже въ самомъ началѣ 1862 г. тверское дворянство выступило съ черезвычайно любопытнымъ адресомъ, который мы приводимъ, какъ интересный историческій памятникъ, цѣликомъ.

XXXIV.

Дворянство обратилось къ государю съ словами [1]):

«Ваше императорское величество
«Всемилостивѣйшій государь!

«Собравшись въ первый разъ послѣ обнародованія законоположеній 19 февраля 1861 г., тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и къ искорененію всякой неправды на землѣ русской. Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ начинаніямъ вашего императорскаго величества и готово слѣдовать за вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа. Въ доказательство нашей готовности и полнаго довѣрія къ лицу вашего императорскаго величества, мы рѣшаемся представить на ваше благоусмотрѣніе откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

«Манифестъ 19 февраля, объявившій волю народу, улучшилъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, но не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, рожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной в. в. воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій.

«Народъ видитъ, что онъ со временемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ оставаться вѣчнымъ оброчникомъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками.

«Государь! мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставитъ все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству.

«Что же можетъ устранить его?

«Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 126.

считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

«Мы просимъ привести эту мѣру въ исполненіе общими силами государства, не полагая всей тяжести ея на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи этого права.

«Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ.

«Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ в. в. разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго.

«Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

«Всемилостивѣйшій государь! мы твердо увѣрены, что вы искренно желаете блага Россіи, и потому считаемъ священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ в. в. существуетъ странное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію вашихъ благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной воли, сановники изобрѣли временнообязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, они изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которая грозитъ довести до крайняго разоренія и крестьянъ и помѣщиковъ; нынѣ они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣненія.

«Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что мы стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не только для удовлетворенія, но даже и для указанія народныхъ потребностей.

«Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса воли народа. Созваніе

выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля.

«Представляя на разсмотрѣніе в. в. всеподданнѣйшее прошеніе о созваніи земскаго собранія, мы надѣемся, что искреннее желаніе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованію.

«Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастіе именоваться

В. И. В. вѣрноподданные
(слѣдуетъ 112 подписей)

Кромѣ этого адреса, тверское дворянство подписало въ томъ же духѣ протоколъ, гдѣ выразило пожеланіе относительно введенія независимаго гласнаго суда, установленія гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія и категорически высказалось за необходимость «собранія выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій» въ интересахъ «свободныхъ учрежденій».

Такого рода «адресъ» для Новаго года былъ большимъ сюрпризомъ правительству и показалъ ему, что политическое движеніе идетъ быстрыми шагами вширь и что русская жизнь явно сдвинулась съ своего стараго пути помимо воли администраціи и вопреки ея велѣнію. Вліятельное сословіе выставляло почтительное, но твердое пожеланіе, эмиграція входила все въ болѣе тѣсныя сношенія съ домашними вліятельными общественными элементами, и среди послѣднихъ ужъ созрѣвали тайныя организаціи, въ цѣляхъ упорной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей. Правительство начинало напрягать свои силы, чтобы захватить въ свои руки нити организацій и при содѣйствіи агентовъ выяснить тотъ кругъ лицъ, который стоитъ въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ редакціи «Колокола».

XXXV.

А въ Петербургѣ, на глазахъ у не успѣвшаго еще сорганизоваться правительства, шла дѣйствительно бойкая агитація въ пользу политическаго сплоченія и образованія конспиративныхъ кружковъ. Таковыхъ, повидимому, къ этому времени народилось много и въ самыхъ разнообразныхъ составахъ. Однимъ изъ важныхъ центровъ такого политическаго собиранія силъ былъ «шахматный клубъ», библіотека Серно-Соловьевича и другія мѣста; явились на сцену и новыя прокламаціи, которыя и распространялись въ населеніи въ значительномъ количествѣ. Изъ числа послѣднихъ, относящихся именно къ началу 1862 г., обращали на себя вниманіе—«Земская Дума» и «Русская Правда». Первая касалась лишь

вопроса о необходимости созыва представителей народа, вторая же главнымъ образомъ имѣла въ виду польскій вопросъ. Въ «Земской Думѣ» говорилось [1]): «Чтобы измѣнить существующій порядокъ управленія, основанный на насиліи, беззаконіи и произволѣ, разоряющій Россію, развращающій народъ, образовалась партія—*земская дума*. Цѣль ея:

«Полное освобожденіе крестьянъ со всею владѣемою ими землею и

«Созваніе земской думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій для составленія новаго «Уложенія» и опредѣленія размѣровъ и способовъ вознагражденія помѣщиковъ средствами всего государства.

«На дняхъ бывшее общее собраніе думы изъ депутатовъ отъ всѣхъ областныхъ кружковъ дало намъ возможность счесть свои силы, опредѣлить программу дѣйствія и выступить какъ организованная партія.

«Крайнимъ срокомъ мирной агитаціи для распространенія своихъ убѣжденій мы назначаемъ день «тысячелѣтія»Россіи. Къ этому сроку мы надѣемся предъявить правительству—въ совершенной наспособности котораго мы глубоко убѣждены—свои требованія въ такой формѣ, предъ которой оно должно будетъ уступить.

«Чѣмъ меньше разумныхъ силъ останется къ этому времени на сторонѣ правительства, тѣмъ меньше будетъ оно въ состояніи противиться законнымъ требованіямъ народа, тѣмъ меньше жертвъ будетъ стоить переходъ къ новому порядку. Поэтому, рѣшивъ во что бы ни стало достигнуть предположенной цѣли, мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ съ просьбою и совѣтомъ итти заодно съ нами и не поддерживать существующаго порядка. Присоединяться къ намъ мы просимъ организованные кружки и лицъ, полагающихся на свои силы».

А вотъ что говорилось въ заключительной части № 1 «Русской Правды» [2]): «Братья поляки! когда-то вы писали на своихъ знаменахъ: «за нашу и вашу свободу». Тогда немногіе еще понимали вашъ великодушный вызовъ, но теперь познаніе свободы овладѣло сердцами всѣхъ честныхъ людей, теперь на вашъ откликъ явятся тысячи. Братья! забудемъ и простимъ другъ другу все прошлое; впереди же насъ нѣту тучъ, которыя могли бы омрачить нашъ святой союзъ: свободный голосъ рѣшитъ все, а гдѣ свобода—тамъ и истина! Тутъ споровъ быть не можетъ! Правительство наше въ своей апатіи теперь, какъ и прежде, говоритъ вамъ: будьте послушны и кротки, и мы дадимъ вамъ конституцію. Братья! будьте послушны и кротки, какъ ягненки, и васъ остригутъ, какъ барановъ! Горько говорить это намъ, вашимъ палачамъ, хотя палачамъ невольнымъ, — мы сознаемъ это, и лучше пусть каждый сознаетъ честно свои преступленія, чтобы

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г.», № 139.

[2]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ».

легче было забыть и простить ихъ. Простите же насъ, братья! Дайте намъ вашу руку, потому что настанетъ часъ, когда мы вмѣстѣ станемъ подъ однимъ знаменемъ, знаменемъ свободы. Мужество и постоянство пусть будутъ нашимъ девизомъ! Умираютъ люди; но идея, всѣми сознанная и прочувствованная, не умретъ, не достигнувъ высоты своего осуществленія.

«Свобода, свобода!—раздается со всѣхъ концовъ міра. Это пробужденная проповѣдь нашего Спасителя; подъ ея звуки и враги должны подать другъ другу руки, забывая все прошлое и проливая благодарныя слезы передъ алтаремъ Христа, который снова просвѣтляетъ человѣка своимъ забытымъ святымъ ученіемъ.

«Братья! такихъ словъ не заглушить громомъ пушекъ; такихъ слезъ не смыть нашимъ врагамъ и потоками нашей крови. Пусть льется она! Она еще больше скрѣпитъ нашъ свободный братскій союзъ, и каждая ея капля, по словамъ пророка, родитъ новаго мученика свободы».

Не менѣе фантастически кончался и № 2 «Русской Правды», гдѣ авторъ въ паѳосѣ восклицалъ: «Что понялъ народъ, то подавно поняло и войско, и—горе всѣмъ чужеземнымъ утѣснителямъ русской свободы, когда ненависть, тлѣющая въ груди каждаго русскаго гражданина, каждаго русскаго воина, вырвется наружу съ крикомъ: «смерть нѣмцамъ! да здравствуетъ свобода!»

Мы намѣренно привели образцы этой странной нелегальщины, чтобы показать, какая между прочимъ «литература» наводняла рынокъ, очевидно, находя своихъ потребителей. Конечно, отъ серьезныхъ группъ эти листки исходить не могли, и являлись продуктомъ творчества случайныхъ любителей политики, не состоявшихъ въ составѣ какой-нибудь дѣйствительно серьезной организаціи.

Иначе обрисовывается дѣло, когда мы подходимъ къ такимъ организаціямъ, какъ общество «Земли и Воли», возникшее приблизительно тоже въ началѣ 1862 г. и въ дѣятельности котораго приняли участіе такіе серьезные общественные дѣятели, какъ Н. Г. Чернышевскій и Н. А. Серно-Соловьевичъ. Здѣсь мы впервые послѣ извѣстныхъ уже намъ обществъ декабристовъ встрѣчаемся съ началомъ правильной организаціи, съ широко поставленными программами и съ планами, которые могли доставить правительству немало хлопотъ. Съ этого общества и начинается собственно настоящая исторія развитія революціоннаго движенія въ Россіи и наше близкое ознакомленіе съ этимъ движеніемъ, поскольку современная литература выяснила событія, сюда относящіяся.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САМОЗВАННЫЙ ИМПЕРАТОРЪ МАДАГАСКАРСКІЙ [1].

(М. А. Беньовскій).

II.

ПО ПРИБЫТІИ въ Макао, гдѣ Беньовскій былъ очень привѣтливо принятъ португальскимъ губернаторомъ Сальданьи, авантюристъ не замедлилъ снестись съ кавалеромъ де-Робіеномъ, представлявшимъ въ Кантонѣ интересы французской индійской компаніи, ходатайствуя о принятіи его подъ покровительство французскаго короля и о поднятіи надъ галіотомъ французскаго флага.

Необычайная постройка небольшого судна, бѣдственное положеніе экипажа, изъ числа коего всего восемь человѣкъ пользовались удовлетворительнымъ здоровьемъ, отважность мореплавателя, который чуть ли не первый ознакомился съ Японскимъ архипелагомъ на всемъ протяженіи—все это придавало незаурядный интересъ личности Беньовскаго. Молва о любопытныхъ и важныхъ открытіяхъ, якобы сдѣланныхъ путешественникомъ, привлекала къ нему всѣхъ директоровъ, управлявшихъ въ Макао торговыми компаніями. Голландцы особенно заискивали у Беньовскаго, изъ опасенія, чтобы онъ не согласилъ торговыя компаніи другихъ національностей на торговлю съ Японіею. Въ свою очередь, и директора англійской остъ-индской компаніи дѣлали Беньовскому весьма заманчивыя предложенія, а пока тотъ колебался, кому вы-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII, стр. 176.

годнѣе продать свои услуги, Степановъ возбудилъ предъ городскими властями жалобу, обвиняя Беньовскаго въ томъ, будто онъ увезъ обманомъ товарищей изъ Камчатки, а потому и просилъ китайское правительство чрезъ голландскихъ резидентовъ захватить Беньовскаго, какъ бѣглаго преступника. Возможно, что эта жалоба была подстроена голландцами, а затѣмъ использована англичанами, но истинною подкладкою ея являлось то, что положеніе русскихъ бѣглецовъ оказалось весьма тяжелымъ. Послѣ продолжительнаго питанія недоброкачественною корабельною провизіею и обезсиленные непривычнымъ морскимъ путешествіемъ, русскіе бѣглецы набросились съ жадностью и безъ разбора на свѣжую пищу и поплатились почти всѣ нездоровьемъ; изъ нихъ тринадцать человѣкъ умерли въ первый же день по прибытіи, а черезъ нѣсколько дней умерли еще трое.

Самъ Беньовскій съ полнымъ удобствомъ помѣстился у губернатора и, какъ отмѣчаетъ Рюминъ: «судно наше со всѣмъ такелажемъ... продалъ предводитель нашъ португальскому губернатору, а за какую цѣну—неизвѣстно».

Беньовскій увѣрялъ, что галіотъ проданъ за 4,500 піастровъ, что экипированіе бѣглецовъ ему обошлось въ 8.000 піастровъ, а содержаніе ихъ ежемѣсячно стоило до 6.000 піастровъ, на каковой предметъ и разошлись 28.440 піастровъ, вырученные отъ продажи мѣховъ, вывезенныхъ съ Камчатки [1]); но всѣ обороты по продажамъ и расходамъ онъ производилъ безконтрольно, и на почвѣ денежныхъ расчетовъ у него и возникли недоразумѣнія съ товарищами. Сначала съ нимъ разссорились ближайшіе его пособники Винбладъ и Степановъ, а позднѣе жалобы всего уже экипажа Беньовскій сумѣлъ опорочить и оклеветалъ всѣхъ въ злоумышленномъ намѣреніи произвести бунтъ и овладѣть городомъ. Экипажъ былъ взятъ подъ стражу, разсаженъ по тюрьмамъ и такимъ образомъ былъ вынужденъ смириться, кромѣ Степанова, который предпочелъ заключеніе выдачѣ подписки въ покорности Беньовскому.

Отъ всѣхъ этихъ передрягъ Беньовскій, по его словамъ, даже заболѣлъ и, опасаясь ввести бывшихъ товарищей окончательно въ задоръ, помирился съ ними, сдѣлавъ командѣ нижеслѣдующую декларацію:

«Баронъ Морицъ-Августъ Аладаръ де-Беневъ, его императорскаго величества обристъ и его высочества принца Альберта герцога Саксенъ-Тешенскаго дѣйствительный камергеръ и совѣтникъ, его же высочайшаго кабинета директоръ и пр. всѣмъ господамъ офицерамъ и всей компаніи.

---

[1]) Беньовскому приходилось вѣрить на слово, когда онъ утверждалъ, что въ 126 ящикахъ съ пушниною оказалось всего 748 бобровъ, 268 лисицъ и 1900 соболей.

«Дошло до меня извѣстіе о вашемъ противъ меня роптаніи и сборѣ, который между вами самими несогласіе приводитъ, мнѣ и государю моему въ нечесть служитъ и въ послѣднее всю учрежденную компанію разрушаетъ.

«Для чего я, узнавши сборщиковъ дѣла сего, хотѣлъ для вашего благополучія взять подъ караулъ, но понеже вы сами вашею просьбою сдѣлали, что я отъ таковаго намѣренія отступилъ, и больше ихъ одобрили: ибо я отъ одного изъ оныхъ получилъ ругательное письмо, которое меня въ огорченіе приводитъ.

«Вы знаете искренность мою, изъ того одного заключить можете, что я, будучи еще въ чужомъ государствѣ, всѣ надобности для васъ заопатрилъ. Вы то, что я вамъ обѣщалъ, можете требовать у меня, когда я въ моемъ отечествѣ буду. А здѣсь хитрость заводить смѣшно и вамъ самимъ вредно. Я симъ письмомъ напоминаю вамъ: образумьтеся, не давайте себя въ обманъ людямъ, которыхъ лукавство вамъ уже извѣстно. Послѣднее есть, что я вамъ пишу. Есть ли вы меня искренно любить и почитать будете, то вамъ клянусь передъ Богомъ, что моя горячность къ вамъ ежедневно доказана будетъ; ежели, напротивъ, я увижу, что ваши сердца затвердѣли и меня больше почитать не будете, то сами вы заключить можете, чего отъ меня тоже ожидать надлежитъ».

Обдумывая свое затруднительное положеніе и опасаясь дальнѣйшихъ интригъ со стороны недруговъ, Беньовскій, чрезъ посредство епископа Мителополиса, сблизился съ служившимъ во французской остъ-индской компаніи капитаномъ де-Сентъ-Илеромъ и при его посредничествѣ заключилъ съ директоромъ той же компаніи де-Робіеномъ тайное условіе на перевозку его и товарищей въ Европу за 11.500 турскихъ ливровъ (въ 20 су).

Обезпечивъ переѣздъ бѣглецамъ, Беньовскій примирилъ ихъ съ собою и 26-го ноября писалъ имъ уже въ болѣе дружелюбномъ духѣ:

«Любезные дѣти!

«Вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствія и что я до послѣдняго опредѣлилъ васъ защищать, а для вашего благополучія всѣ старанія приложить, въ томъ вы увѣрены быть можете.

«Правда есть, что съ немалымъ оскорбленіемъ слушалъ я ваше роптаніе и противленіе противъ меня, но какъ я теперь уже увѣдомленъ, что вы обмануты лестію и ложнымъ обо мнѣ предсказаніемъ, и такъ я васъ болѣе не виню и дѣло сіе поминать не хочу.

«Имѣйте усердіе ко мнѣ! Я буду съ Божіею помощью вамъ защитою, никакого оскорбленія вамъ не будетъ. Пища и одежда вамъ будетъ честная, и ежели Богъ, Всевышній владыка, насъ въ Европу принесетъ, то я вамъ обѣщаюсь, что вы вольные будете

и со всякимъ удовольствіемъ, хотя во весь вѣкъ вашъ, содержаны что писавши рукою своею подтвердилъ».

Послѣ того, какъ въ Макао перемерло 15 русскихъ бѣглецовъ и въ ихъ числѣ Турчениновъ, Чуринъ и Зябликовъ, а Степанову была выдана тысяча піастровъ и онъ въ наказаніе за свои происки былъ брошенъ въ Макао (и вскорѣ умеръ отъ нищеты въ Батавіи), Беньовскій съ остальными русскими бѣглецами отплылъ 4 января 1772 г. на французскомъ фрегатѣ «Дофинъ», состоявшемъ подъ командою капитана де-Сентъ-Илера, который съ нѣкоторымъ ужасомъ отзывался о поведеніи и дикости нравовъ русскихъ пассажировъ.

Прибывъ 4 марта въ портъ Людовика, мѣсто резиденціи губернатора французскихъ владѣній на островѣ св. Маврикія и Ильдефранса, Беньовскій отправился знакомиться съ кавалеромъ Дерошемъ. Аббатъ Ротонъ свидѣтельствуетъ, что Беньовскій былъ одѣтъ въ генеральскую форму съ многочисленными орденами, а штабъ его состоялъ изъ многихъ офицеровъ, одѣтыхъ въ богатые мундиры (вѣроятно, похищенные въ Большерѣцкѣ). На кавалера Дероша гость произвелъ обаятельное впечатлѣніе своимъ умомъ и бойкостью рѣчей. Дерошъ писалъ по начальству: «Онъ покрытъ ранами и иныя изъ нихъ обезображиваютъ его походку, которая сильно затруднена [1]). Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ здоровье и физическія силы и обладаетъ пріятною наружностью, отражающей большой умъ. Онъ очень разсудителенъ и сдержанъ... Мнѣ кажется, что онъ естественно склоненъ къ гордости и властности, но разъ онъ кого-нибудь даритъ довѣріемъ, то относится къ тому съ чрезвычайною любезностью... Поверхностно онъ знакомъ чуть ли не со всѣми науками, и знанія, вполнѣ чуждыя его первоначальному военному ремеслу, несомнѣнно, помогали ему въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни». Съ такою лестною рекомендаціею къ будущимъ парижскимъ покровителямъ Беньовскій 24 марта отплылъ изъ Ильдефранса и прибылъ въ Лоріанъ 18 іюля 1772 года.

Вскорѣ по прибытіи во Францію, Беньовскій уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ спутниковъ при лоріанскомъ гарнизонѣ, гдѣ они получали отъ французской казны все довольствіе. Въ Парижѣ Беньовскій напечаталъ въ газетахъ широковѣщательную рекламу о своихъ великихъ подвигахъ и географическихъ открытіяхъ, а кстати осыпалъ русское правительство всевозможными обвиненіями и укоризнами, стараясь опровергнуть помѣщенное въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстіе о его побѣгѣ изъ Камчатки и утверждая, между прочимъ, будто онъ большерѣцкую крѣпость

---

[1]) Беньовскій, повидимому, былъ раненъ въ правую ногу, которая чрезъ это укоротилась на четыре дюйма.

взялъ приступомъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, оказаннаго гарнизономъ крѣпости и ея начальникомъ.

Сильный рекомендаціями де-Робіена и кавалера Дероша, Беньовскій предлагалъ французскому правительству свои услуги по завоеванію Формозы, обѣщая употребить къ сему дѣлу русскихъ, но постепенно предложеніе это видоизмѣнилось въ томъ смыслѣ, чтобы Беньовскому дѣйствовать въ Мадагаскарѣ для расширенія и упорядоченія тамошнихъ французскихъ колоніальныхъ владѣній. Пока Беньовскій велъ переговоры въ Парижѣ, русскіе бѣглецы, покинутые въ Лоріанѣ, начали роптать и безпокоиться послѣ смерти, постигшей пятерыхъ ихъ товарищей въ лоріанскомъ госпиталѣ, и написали слезное моленіе командиру, а въ отвѣтъ получили нижеслѣдующее письмо отъ 1 февраля:

«Ребята! я ваше письмо получилъ. До моего пріѣзду ваша командировка отмѣнена есть. Послѣ всякій мнѣ свое намѣреніе скажетъ. До моего пріѣзда живите благополучно. Я есмь вашъ пріятель. Баронъ де-Беневъ».

Вернувшись въ Лоріанъ 19 марта 1773 г., Беньовскій убѣдилъ 11 человѣкъ изъ команды послѣдовать за нимъ въ невѣдомую экспедицію. Въ числѣ этихъ удальцовъ оказались священническій сынъ Уфтюжаниновъ, бывшій приказчикъ Холодилова Чулошниковъ, два матроса, Андреяновъ (съ женою) и Потоловъ, и шесть бывшихъ «работныхъ» Холодилова. Изъ остальныхъ сотоварищей по странствію шведъ Винбладъ остался въ Лоріанѣ и позднѣе уѣхалъ въ Швецію, Хрущовъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ—поручикомъ, а Мейдеръ лекаремъ; остальные же 14 или 18 русскихъ бѣглецовъ, извѣрившись въ Беньовскомъ, выразили упорное намѣреніе вернуться на родину и были отпущены командиромъ съ нижеслѣдующимъ аттестатомъ:

«Nous Maurice baron de Beniowsky, colonel, commandant le corps des volontaires de notre nom, au service de France, certifions à tous ceux qu'il appartiendra, que le nommé Jean Sibaéff est de bonne vie et moeurs, qu'il a servi très fidèlement près de nous en qualité de volontaire, que désirant se rétirer en Hongrie, sa patrie, prions tous ceux qui sont à prier de lui prêter tous secours et assistance, pour lesquels nous serons reconnaissant.

«En foi de quoi, lui avons delivré le présent certificat pour servir à ce que de raison et avons fait approser en marque le sceau de nos armes.

«A Lorient ce 4 Avril 1773.

«Baron de Beniowsky» [1]).

---

[1]) Мы, Маврикій, баронъ Беньовскій, полковникъ и командиръ корпуса волонтеровъ, носящаго наше имя и состоящаго на службѣ Франціи, свидѣтель-

Повидимому, командиръ не снабдилъ самозванныхъ волонтеровъ на прощаніе достаточными средствами, и имъ изъ Лоріана пришлось добираться до Парижа пѣшкомъ. Претерпѣвъ тамъ великую нужду, они прибѣгли къ россійскому резиденту Хотинскому, умоляя его исходатайствовать имъ прощеніе, и представили написанный рукою Судейкина журналъ всего ихъ морского путешествія, карту пути отъ Камчатки до Макао и списокъ всей «собранной компаніи для имени его императорскаго высочества Павла Петровича».

Въ безхитростной челобитной, поданной Хотинскому, бѣглецы объясняютъ просто и ясно всѣ перипетіи своихъ злоключеній.

«Несчастіе наше оттого,—пишутъ они:—что мы, слыша объ имени наслѣдника государя Павла Петровича, желали показать ему усердіе, но въ томъ мы обмануты такимъ посредствомъ.

«Въ 1770 году присланы были изъ Петербурга пять человѣкъ арестантовъ, изъ нихъ двое чужестранцевъ, а какіе они люди, указа объявлено не было, и мы не знали, а сказывались они, что сосланы въ Камчатку за государя Павла Петровича.

«Изъ чужестранцевъ одинъ назвался барономъ, и всѣ его почитали, а особливо присланные и командиръ его отмѣнно предпочитали.

«А мы искали ото всѣхъ помоги, онъ познакомился съ нами и старался за насъ у командира, а между тѣмъ изъ нашей компаніи одному объявилъ, что онъ несчастливъ за то, что вашъ-де государь желаетъ сочетаться бракомъ изъ фамиліи римскаго императора, а я посланъ былъ съ письмами, а государь до того не допускается. Отъ государыни приставленъ къ нему караулъ, а меня, взявши съ товарищами, послали въ Камчатку, но тѣмъ счастливъ, что могъ сохранить данный мнѣ конвертъ отъ вашего государя (которому я вѣрнѣйшій слуга) къ римскому императору, а теперь вы имѣете случай показать своему законному государю услугу, за что получите особливую милость, а при томъ вы отъ притѣсненія здѣшняго избавитесь, я хотя стараюся объ васъ, но ничто не успѣвается.

ствуемъ предъ всѣми, кому вѣдать надлежитъ, что предъявитель сего Иванъ Сибаевъ, хорошей нравственности, служитъ вѣрно съ честью и отличіями при насъ въ качествѣ волонтера. Такъ какъ онъ пожелалъ возвратиться къ себѣ на родину, въ Венгрію, то мы просимъ всѣхъ, кого надлежитъ, оказывать Сибаеву всяческую помощь и содѣйствіе, за что будемъ признательны.

«Въ удостовѣреніе мы Сибаеву и выдали настоящій аттестатъ для пользованія въ чемъ слѣдуетъ, съ приложеніемъ герба нашего печати.

«Лоріанъ, 4 апрѣля 1773 г.

«Баронъ де-Беньовскій».

Аттестаты одинаковаго содержанія выданы: Ивану Сибаеву, Спиридону Судейкину, Дмитрію Бочарову, Егору Ловцову, Кондратію Пятчинину, Алексѣю Мухину, Ивану Казакову, Егору Брехову, Василію Лапину, Петру Софронову, Якову Серебрянникову и другимъ.

«И какъ мы про сіе узнали, то по простосердечію своему требовали отъ него, чрезъ какое средство можемъ мы государю услужить, а между тѣмъ отъ присланныхъ объ немъ спрашивали, а особливо у Степанова, который съ нимъ былъ, казалося намъ, дружнымъ, и ему мы вѣрили, а всѣ одинаково увѣряли насъ, что онъ знатный человѣкъ, и будто имъ клялся предъ Богомъ, что подлинно присланъ былъ отъ императора къ государю Павлу Петровичу.

«И на томъ мы утвердилися.

«Напослѣдокъ отъ называемаго барона объявлено было намъ, что мы имѣемъ судно, то какъ совсѣмъ готово будетъ, то насъ можетъ взять, а я до европейскихъ мѣстъ выпровожу, оттудова вы скорѣе въ свое отечество возвратиться можете; мы охотно на то согласились, а въ сохраненіи тайны мы и всѣ присланные государю Павлу Петровичу присягли, а къ пущему нашему несчастію прежде того времени компанейщикъ усилился, просилъ начальника, чтобъ насъ высѣкъ, а мы на него челобитную подали, а присланные присовѣтовали, чтобы штурмана Чурина просили о защищеніи, а онъ насъ безотговорочно принялъ, а зато командиръ штурмана Чурина и арестантовъ велѣлъ взять подъ караулъ, они не далися и призвали насъ и сказали, что дѣло открылося, то-де худо съ нами воспослѣдуетъ, а больше, что государь будетъ огорченъ; мы не знали, что начинать, а сказали: какъ вы изволите, а мы слушаться рады и за государя померечь готовы; они начали командовать, о чемъ въ Петербургъ писано, что взято въ вояжъ и велѣли называться собранная компанія для имени его императорскаго высочества Павла Петровича.

«По претерпѣніи столь дальняго и труднѣйшаго вояжа, какова мы не воображали, намъ сказали, что близко, а вмѣсто того находились въ превеликой опасности, но, пріѣхавъ въ Макао, называвшійся баронъ въ губернаторѣ усилился, началъ насъ бить, офицеровъ бранить, не велѣлъ молиться образамъ и по нашему креститься, велѣлъ называться униграми, — мы все терпѣли; наконецъ сталъ государя поносить, а сказывалъ про какова-то принца Альберта, что онъ вашъ государь, а ту-де присягу ни во что не считаю. Мы не знали, что дѣлать, но изъ русскихъ присланныхъ— назывался капитанъ Степановъ—ему всегда противорѣчилъ, а наконецъ объявилъ намъ, что все то, видно, обманъ: въ Гишпанію хотѣлъ ѣхать, а нынѣ отмѣнилъ; ѣдетъ съ французами, а французы имѣть будутъ войну съ англичанами и потому французамъ люди надобны, а притомъ отдастъ журналъ, то-де вредъ нанесутъ нашему отечеству, да и съ пріятелями драться своего отечества дурно, а вы неумышленно изъ Камчатки бѣжали и обмануты, въ чемъ государыня, какъ она великодушна и разсудительна, конечно, проститъ, а когда противъ отечества станете воевать, то можно ли

надѣяться о милости, и показать глазъ будетъ нельзя, а вы люди вольные—властны съ нимъ ѣхать и властны не ѣхать.

«Послѣ сего онъ (Беньовскій) товарища своего, который назывался майоромъ фонъ Винблатъ, разругалъ и посадилъ подъ караулъ, а между тѣмъ изнасильничалъ дѣвку, камчадалку-работницу Чурина, то люди за насиліе стали роптать, а майоръ объявилъ капитану (т. е. Степанову), а капитанъ намъ, что онъ его знатнымъ человѣкомъ не зналъ, а зналъ его капитаномъ гусарскимъ и по своимъ обманамъ онъ-де и его довелъ до несчастія; онъ отъ императора и посыланъ вовсе не былъ, а одна выдумка, чтобъ избавиться, и васъ увѣрялъ и эту компанію хочетъ въ Венгріи поселить на порожіе. Тутъ мы просили майора, чтобъ онъ насъ отъ его рукъ избавилъ. Онъ хотя чужестранецъ, но, видно, честный человѣкъ, обѣщался такъ, какъ онъ клялся, стараться о нашей вольности и о возвратѣ въ отечество и объяснился онъ о томъ англичанамъ, а называемый баронъ хотѣлъ взять журналъ, то мы не дали, и капитанъ сказалъ, чтобъ не отдавать до тѣхъ поръ, покуда изъ сената Макао кто будетъ для того, чтобъ всѣмъ о такомъ насиліи было извѣстно, и потому-де губернаторъ принужденъ будетъ отослать насъ всѣхъ къ королю въ Португалію, а тамъ переводчика сыщемъ и сможемъ объяснить сдѣланный обманъ.

«А вмѣсто того рѣшилося тѣмъ, соперникъ нашъ всклепалъ на насъ, что мы хотимъ городомъ завладѣть, то собрался весь городъ брать насъ подъ караулъ, въ томъ числѣ и капитана и майора взялъ съ собой епископъ, а на другой день пришелъ называемый баронъ въ квартиру, сказалъ намъ, что всѣхъ въ тюрьмѣ поморю и перепытаю, ежели не дадите подписки, что вы идете подъ защиту императора римскаго, а капитана и майора сошлю въ ссылку. Мы видѣли, что его губернаторъ слушаетъ, мы, испужавшися, дали подписку, какую онъ хотѣлъ, то всѣхъ изъ-подъ караула выпустилъ и губернаторъ отдалъ насъ ему въ команду, а майора содержалъ два мѣсяца подъ карауломъ, а капитанъ заупрямился, съ нимъ не поѣхалъ и остался въ Макао и потому насильно принужденъ животъ свой мучить.

«А нынѣ имѣли случай найти васъ, какъ національнаго русскаго человѣка, покорнѣйше просимъ подать намъ руку помощи, избавить отъ насилія, и мы желаемъ возвратиться въ отечество, знаемъ великодушіе государыни, что за нашу простоту помилуетъ, а ежели и накажетъ, то намъ лучше претерпѣть отъ своей государыни, нежели отъ врага нашего отечества» [1]).

Не менѣе любопытныя по полнотѣ и точности свѣдѣнія заключаетъ и упоминавшаяся выше «вѣдомость коликое число отпра-

---

[1]) Дѣло Беньовскаго. Рукоп. Имп. Публ. Библіотеки. Коллекція автографовъ и грамотъ, № 138,$_{6}$.

вилось изъ Камчатки на суднѣ галіотѣ «Св. Петръ» съ венгерцемъ Беневскимъ въ морской вояжъ людей и кто именно и изъ того числа кто гдѣ и какимъ случаемъ выбыли и затѣмъ нынѣ налицо состоятъ». Гласитъ она такъ:

<table>
<tr><th>Кто именно:</th><th>Кто, гдѣ и какимъ случаемъ остался и затѣмъ индѣ налицо состоитъ.</th></tr>
<tr><td colspan="2">Присланные въ ссылку:</td></tr>
<tr><td>1. Венгерецъ Бейсноскъ (что индѣ баронъ Беніовскій). . . . .</td><td>Въ службѣ французской полковникомъ.</td></tr>
<tr><td>2. Шведъ Винбладъ (что индѣ майоръ фонъ-Винблатъ) (сосланный по указу 18 іюля 1770 г.). . . . .</td><td>Остался въ портѣ Луи за болѣзнію (уѣхалъ въ Швецію).</td></tr>
<tr><td colspan="2">Россійскіе ссыльные:</td></tr>
<tr><td>3. Бывшій гвардіи капитанъ Петръ Хрущовъ (сосланный по указу 6 декабря 1763 года). . . . .</td><td>Въ службѣ французской капитаномъ (женился на вдовѣ штурманской Ульянѣ Захарьевой).</td></tr>
<tr><td>4. Шведъ адмиралтейскій лекарь Магнусъ Мейдеръ (сосланный по указу 6 декабря 1765 года). . . . .</td><td>Въ службѣ французской лекаремъ же.</td></tr>
<tr><td>5. Устюжскій крестьянинъ Григорій Кузнецовъ . . . .</td><td>Въ той же службѣ поручикомъ.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Компаніи тотемскаго купца Өедора Холодилова приказчики и работные:</td></tr>
<tr><td>6. Приказчикъ тотемскій купецъ Алексѣй Чулошниковъ. . . . .</td><td>Остался въ командѣ Беньовскаго.</td></tr>
<tr><td>7. Никита Косинцовъ. . . . .
8. Леонтій Поповъ . . . .
9. Андрей Козаковъ . . . .
10. Василій Рыбниковъ . . . .
11. Алексѣй Андреяновъ. . . . .
12. Иванъ Кудринъ . . . .
13. Степанъ Новожиловъ . . . .
14. Иванъ Устюжниковъ. . . . .
15. Охотскій матросъ Василій Потоловъ.</td><td>Остались въ портѣ Луи въ командѣ Беньовскаго своею охотою.</td></tr>
</table>

Кто именно:	Кто, гдѣ и какимъ случаемъ остался и затѣмъ индѣ налицо состоитъ.
16. Иванъ Москалевъ	Пришелъ въ Парижъ.
17. Штурманская жена Ульяна Захарьина.	Осталась въ портѣ Луи—вышла замужъ за Хрущова.
18. Алексѣя Андреянова жена камчадалка Агаѳья Егорова	Осталась при мужѣ въ портѣ Луи.

Отпущенные отъ венгерца Беневскаго:

Кто именно:	Кто, гдѣ и какимъ случаемъ остался и затѣмъ индѣ налицо состоитъ.
19. Камчатской канцеляріи канцеляристъ Спиридонъ Судейкинъ	Находятся въ Парижѣ налицо.
20. Штурманскій ученикъ Дмитрій Бочаровъ	
21. Казакъ Иванъ Рюминъ (канцеляристъ, приговоренный къ лишенію правъ). .	
Купца Холодилова работные:	
22. Яковъ Серебрянниковъ.	
23. Кондратій Пятчининъ	
24. Иванъ Шебаевъ	
25. Егоръ Лоскутовъ	
26. Алексѣй Мухинъ.	
27. Иванъ Козаковъ.	
28. Корякъ Егоръ Бреховъ.	
29. Камчадалъ Прокофій Поповъ.	
(матросы изъ Охотскаго)	
30. Василій Ляпинъ	
31. Петръ Софроновъ	
32. Герасимъ Бересневъ	Гдѣ оные находятся, неизвѣстно.
33. Тимофей Семичевъ.	
34. Ивана Рюмина жена Любовь Савина.	Въ Парижѣ при мужѣ.
35. Козма Облупинъ.	Оставленъ въ Мориціи за болѣзнью, нынѣ пришелъ въ Парижъ.
36. Присыльный арміи капитанъ Ипполитъ Степановъ (сосланный по указу 7 іюня 1770 года)	Оставленъ въ г. Макао подъ арестомъ.
37. Охотской команды штурманскій ученикъ Герасимъ Измайловъ	Оставлены на Курильскомъ острову.
38. Камчадалъ Алексѣй Паранчикъ . . .	
39. Жена его Лукерья Иванова.	

Кто именно:	Кто, гдѣ и какимъ случаемъ остался и затѣмъ индѣ налицо состоитъ.

Умерщіе выбыли:

Кто именно	Кто, гдѣ и какимъ случаемъ
40. Присыльный гвардіи поручикъ Василій Пановъ (сосланный по указу 7 іюня 1770 года).	Убиты на Формозѣ острову индѣйцами 17 августа 1771 г.
41. Иванъ Логиновъ.	
42. Иванъ Поповъ	
43. Штурмана Чурина жена Степанида Федорова	Умре въ Макао.
44. Алеутъ Захаръ Поповъ	
45. Охотской команды штурманъ Максимъ Чуринъ	
46. Штурмана Чурина дѣвка Настасья Федорова	
47. Большерѣцкой регул. команды капралъ Михайло Переваловъ	
48. Охотскій матросъ Григорій Волынинъ	
49. Кондратъ Козаковъ	
50. Иванъ Самойловъ	
51. Ссыльный Александръ Турченинъ (сосланный по указу 22 сентября 1757 г.).	
52. Иванъ Новожиловъ	
53. Матвѣй Пановъ	
54. Охотской команды штурманскій ученикъ Филиппъ Зябликовъ	
55. Камчадалъ Мартынъ Попковъ. . . .	
56. Ученика Бочарова жена Прасковья Михайлова	
57. Иванъ Машинской	
58. Бывшій колодникъ артил. полков. Асафъ Батуринъ . . . . (сосланный по указу 13 іюня 1770 года)	Умерли на суднѣ при переходѣ изъ Кантона въ Морицію.
Купца Холодилова работные:	
59. Петръ Сарахановъ	
60. Петръ Поповъ.	
61. Николай Громовъ	
62. Андрей Оборинъ.	Оставлены въ Мориціи въ гошпиталѣ, гдѣ и умерли отъ цынги.
63. Михаилъ Чулошниковъ.	
64. Яковъ Кузнецовъ	
65. Сидоръ Красильниковъ.	
66. Ефремъ Трапезниковъ	Умре въ Лоріанской гошпиталѣ.
67. Андрей Пятчанинъ.	
68. Яковъ Рудаковъ.	

Кто именно:	Кто, гдѣ и какимъ случаемъ остался и затѣмъ индѣ на лицо состоитъ.
69. Большерѣцкой команды солдатъ Дементій Коростелевъ	Умре въ Лоріанской гошпиталѣ.
70. Федоръ Костроминъ	

Итого всѣхъ изъ Камчатки отправилось мужска и женска пола 70 человѣкъ [1]).

Хотинскій не преминулъ послать императрицѣ донесеніе о повинной, принесенной камчатскими бѣглецами, о судьбѣ коихъ, впрочемъ, Екатерина была освѣдомлена и раньше изъ донесенія иркутскаго губернатора сенату (въ августѣ 1772 г.); пограничный комиссаръ Игумновъ, сопровождавшій въ Китай духовную нашу миссію, прослышалъ тамъ отъ миссіонера Августина о пребываніи лѣтомъ 1771 г. въ Макао корабля, на которомъ было, будто бы, около 110 человѣкъ и начальникъ коего, сносясь съ мѣстными властями по-латыни, утверждалъ, что они поляки и ѣдутъ съ русскими товарами съ рѣки Амура въ восточную Индію. Еще позднѣе, освѣдомившись о томъ, что французское правительство вооружаетъ для новой экспедиціи Беньовскаго фрегатъ, государыня распорядилась, 26 марта 1773 г., дать секретную инструкцію незадолго предъ тѣмъ назначенному главнымъ командиромъ Камчатки премьеръ-майору Бему объ усиленіи мѣръ осторожности на случай какихъ-либо покушеній Беньовскаго противъ Камчатки.

Что касается русскихъ бѣглецовъ съ Камчатки, то по высочайшему повелѣнію ихъ изъ Парижа доставили въ Петербургъ.

Препровождая къ генералъ-прокурору письмо о бѣглецахъ резидента Хотинскаго, императрица писала князю Вяземскому 2 октября 1773 года:

«Семнадцать человѣкъ изъ тѣхъ, кои бездѣльникомъ Беньовскимъ были обмануты и увезены, по моему соизволенію, нынѣ сюда возвратились и имъ отъ меня прощеніе обѣщано, которое имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и помучивъ свой животъ на морѣ

[1]) Самъ Беньовскій показываетъ число бѣжавшихъ съ нимъ въ 96 человѣкъ и, въ томъ числѣ, называетъ не значащихся въ вѣдомости вовсе:

1. Князя Гераклія Задскаго, находившагося 6 л. въ ссылкѣ.
2. Шведа Юлія Брандорпа » » » »
3. Андрея Пятчанина (ссыльнаго).
4. Казимира Бѣльскаго, старосту польскаго, находившагося 15 лѣтъ въ ссылкѣ.
5. Егеря Ивана Волкова.
6. Егерскаго капитана Ивана Сибаева.
7. Сына протопопа Леонтія Попова.

и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна. Итакъ, чтобъ судьбину ихъ рѣшить наискорѣе и доставить имъ спокойное житье, не мѣшкавъ извольте ихъ требовать отъ графа Панина, ибо они теперь въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи, которая имъ нанимаетъ квартиру, приведите ихъ вновь къ присягѣ вѣрности и спросите у каждаго изъ нихъ, куда они желаютъ впредь свое пребываніе имѣть, окромѣ двухъ столицъ, и, отобравъ у нихъ желаніе, отправьте каждаго въ то мѣсто, куда самъ изберетъ. Естьли же всѣ желали ѣхать паки въ Камчатку, тѣмъ бы и лучше, ибо ихъ судьба была такова, что прочихъ удержать отъ подобныхъ предпріятій (можетъ); что же имъ денегъ и кормовыхъ на дорогѣ издержите, то сіе возьмите изъ суммы тайной экспедиціи».

Вслѣдствіе ясно выраженной державной воли канцеляристъ Судейкинъ и лишенный правъ канцеляристъ, а затѣмъ казакъ Иванъ Рюминъ съ женою Любовью Савиною были устроены въ Тобольскѣ; а штурманскій ученикъ Бочаровъ—въ Иркутскѣ, матросы Ляпинъ и Бересневъ опять поступили на службу въ Охотскомъ портѣ, матросъ Софроновъ получилъ отставку и поселился въ Охотскѣ, равно какъ камчадалъ Поповъ и корякъ Бреховъ, бывшіе же «работные» Холодилова вступили въ иркутское купечество. Вся партія отправлена была по назначенію 5 октября 1773 г. и въ концѣ того же года прибыла въ избранныя мѣста поселенія.

Почти одновременно съ этимъ, въ октябрѣ, иркутское губернское начальство донесло о завершеніи дополнительнаго слѣдствія, производившагося въ большерѣцкой канцеляріи капитанами Шмалевымъ и Перовымъ.

Какъ оказалось, покинутые Беньовскимъ на Алеутскихъ островахъ штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Паранчинъ съ женою, обходя необитаемый островъ, чрезъ три дня натолкнулись на приставшихъ къ берегу работныхъ купца Протодьяконова, а вскорѣ на островъ пріѣхалъ купеческій сынъ Никоновъ, отправляясь далѣе на промыселъ морскихъ звѣрей. Никоновъ забралъ съ собою Паранчина и его жену, а на обратномъ пути (въ іюнѣ 1772 г.) и Измайлова, который тѣмъ временемъ проживалъ на островѣ одинъ-одинешенекъ, питаясь ракушками, морскою капустою и кореньями.

Позднѣе, 31 декабря 1773 г., къ генералъ-губернатору поступило и послѣднее донесеніе иркутской губернской канцеляріи съ допросами, снятыми уже въ Иркутскѣ, съ Измайлова и Паранчина и, согласно высочайшему повелѣнію отъ 25 февраля 1771 г., съ священника Уфтюжанинова, а равно и съ объясненіями полковника Пленіснера, обвинявшагося въ слабости надзора за пре-

ступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и въ промедленіи въ донесеніяхъ по начальству о происшедшемъ бунтѣ.

Измайловъ и Паранчинъ показали, что были взяты Беньовскимъ насильно и много отъ него претерпѣли за желаніе возвратиться въ отечество, а священникъ Уфтюжаниновъ объяснялъ, что свелъ съ Беньовскимъ знакомство у командира Нилова, а тринадцатилѣтняго своего сына отдалъ венгерцу въ обученіе, но отнюдь не для побѣга.

Сверхъ того, изъ очевидцевъ камчатскаго бунта и лицъ, имѣвшихъ касательство къ бѣглецамъ, подверглось передопросамъ до 36 человѣкъ. Иные изъ солдатъ при допросахъ были сѣчены кнутомъ, а всѣ вообще допрашиваемые долгое время протомились подъ крѣпкимъ карауломъ, нѣкоторые болѣе двухъ лѣтъ. При этомъ мѣстное начальство озаботилось увезенную мятежниками казну во что бы то ни стало возмѣстить путемъ взысканій съ мѣстныхъ жителей, хотя мятежники предъ выѣздомъ роздали всего 1000 руб. казенныхъ денегъ за разграбленное у отдѣльныхъ лицъ судовщиками имущество.

31 марта 1774 г. генералъ-прокуроръ, по докладѣ императрицѣ объ окончательномъ слѣдствіи по бунту Беньовскаго, объявилъ нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе: 1) Измайлова и Паранчина съ женою отъ отвѣтственности освободить; 2) хотя священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но, какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ сыномъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе; 3) полковника Плениснера, какъ уже отрѣшеннаго отъ должности, оставить безъ взысканія за его поступки, въ которыхъ не видно умысла, а только оплошность; 4) Норину, Софьину и подмастерью Дементьеву объявить прощеніе и опредѣлить ихъ вновь на службу; 5) священнику Симеонову и прочимъ 27 человѣкамъ, не соблюдшимъ долга своего, вмѣнить въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе и снова привести къ присягѣ; 6) розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать; 7) полковнику Зубрицкому замѣтить, что тѣлесное при слѣдствіяхъ наказаніе дѣлаетъ подсудимыхъ болѣе упорными, и предписать, чтобы впредь старался открывать истину посредствомъ приличныхъ вопросовъ, не употребляя воспрещенныхъ ея величествомъ истязаній, и 8) никого болѣе къ слѣдствію не привлекать и все дѣло предать забвенію.

По полученіи этого высочайшаго повелѣнія въ Иркутскѣ 31 мая 1774 г. всѣ заключенные получили свободу.

Что касается злосчастныхъ «унгровъ», ввѣрившихъ свою судьбу «по своей охотѣ» Беньовскому, то, по свидѣтельству Берха, «штурманъ Бочкаревъ разсказывалъ, что съ Беньовскимъ отправилось

на Мадагаскаръ 12 человѣкъ россіянъ, но кто они таковы были (это мы знаемъ изъ приведенной выше вѣдомости) и какой постигъ ихъ жребій, о томъ не могъ я получить ни малѣйшихъ свѣдѣній. Вѣроятно, сдѣлались они тамъ жертвою климата или свирѣпыхъ жителей. М. М. Булдаковъ сказывалъ мнѣ, что сынъ протопопа Алексѣя (Уфтюжанинова, вѣроятно) воротился по убіеніи Беньовскаго съ Мадагаскара въ Сибирь около 1782 г. и служилъ впослѣдствіи при нерчинскихъ горныхъ заводахъ» [1]).

Если о рядовыхъ участникахъ въ мадагаскарскомъ предпріятіи исторія умалчиваетъ, то о похожденіяхъ Беньовскаго архивные документы, разработанные профессоромъ Культрю [2]), дѣлаютъ столь же нелицепріятныя разоблаченія, какъ за болѣе ранній періодъ дѣятельности венгерскаго авантюриста—записки Ивана Рюмина.

По прибытіи въ Лоріанъ, 18 іюля 1772 г., Беньовскій обратился къ начальнику порта де-Вина Бюисону съ просьбою немедленно же озаботиться отсылкою письма барона къ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу д'Эгильону. Въ этомъ письмѣ Беньовскій, рекомендуясь вассаломъ его апостолическаго величества и региментаріемъ республики польской, испрашивалъ у министра разрѣшенія прибыть ко двору для сообщенія важной тайны, касающейся заключенія секретнаго трактата между англичанами и московитами.

Своимъ письмомъ Беньовскій настолько заинтересовалъ герцога д'Эгильона, что чрезъ морского министра графа де-Бойна было тотчасъ же сдѣлано распоряженіе принять содержаніе русскихъ бѣглецовъ въ Лоріанѣ на счетъ морского министерства впредь до открытія кредита по министерству иностранныхъ дѣлъ, а самъ Беньовскій былъ вызванъ въ Компіень. По началу версальскій дворъ, однакоже, не предполагалъ воспользоваться услугами барона, хотя Беньовскій и утверждаетъ, будто ему съ самаго начала предлагалось командованіе полкомъ. Денежную субсидію, впрочемъ, авантюристъ тотчасъ же выпросилъ, что позволило ему чрезъ особаго нарочнаго и выписать изъ Венгріи въ Версаль жену и свояченицу, г-жу Генскую. Нашелся у Беньовскаго во Франціи и родственникъ въ лицѣ ветерана-гусара де-Бершини, занимавшаго должность коменданта города и крѣпости Баръ-Ле-Дюкъ. Беньовскій сумѣлъ убѣдить французскихъ министровъ, что было бы неблагоразумно не воспользоваться обширными познаніями, вынесенными отважнымъ путешественникомъ по азіатскому Востоку, и если завоеваніе Формозы, предложенное Беньовскимъ, выходило за предѣлы торговыхъ интересовъ Франціи, то отвага и предпріим-

---

[1]) Побѣгъ графа Беньовскаго изъ Камчатки во Францію. Отрывокъ изъ исторіи географическихъ открытій россіянъ, сочиняемой г. Берхомъ. Журналъ «Сынъ Отечества» за 1821 г., ч. 71, №№ 27 и 28.

[2]) P. Cultru. Un empereur de Madagascar au XVIII siècle. Benyowszky. Paris. 1906.

вѣсть путешественника наталкивали д'Эгильона и де-Бойна на мысль ввѣрить ему осуществленіе давнишнихъ французскихъ плановъ насчетъ колонизаціи и экономическаго использованія Мадагаскара.

Уже въ концѣ декабря 1772 г. графъ де-Бойнъ представилъ королю докладъ, удостоившійся высочайшаго утвержденія: на барона Беньовскаго возлагалось образованіе корпуса волонтеровъ и ввѣрялась миссія мирно и постепенно занять Мадагаскаръ, просвѣтить туземцевъ и обезпечить новый рынокъ французскимъ товарамъ въ обмѣнъ на мѣстные продукты. Жалованіе Беньовскому, первоначально опредѣленное въ 8,000 ливровъ въ годъ, уже 1 апрѣля 1773 г. было со всѣми добавочными доведено до 19,000 ливровъ, а ближайшими помощниками по военной части, по его настояніямъ, были назначены майоръ Винбладъ, капитанъ Хрущовъ, Ковачъ (?), а корпуснымъ хирургомъ былъ назначенъ шведъ Мейдеръ; изъ нихъ Винблада еще до выѣзда изъ Франціи разбилъ параличъ, и герцогъ д'Эгильонъ исхлопоталъ ему пенсію, а какой пользы можно было ожидать отъ хирурга Мейдера, которому было 79 лѣтъ отъ роду, про то вѣдалъ только Беньовскій.

Въ мартѣ 1773 г. Беньовскій получилъ предписаніе отправиться изъ Лоріана съ волонтерами по назначенію на фрегатѣ «Маркиза де-Марбефъ».

Инструкціи, данныя Беньовскому отъ графа де-Бойна, отличались удивительною неопредѣленностью вопреки первоначальному докладу: съ одной стороны, выходило такъ, будто онъ подчиненъ губернатору Ильдефранса; а съ другой,—предоставленное ему право непосредственно сноситься съ министромъ и требовать отъ управленія африканскихъ колоній нужные для Мадагаскара денежныя суммы и запасы, отчитываясь въ расходованіи ихъ непосредственно предъ морскимъ министерствомъ, позволило Беньовскому создать себѣ въ Африкѣ независимое положеніе. Насколько неосмотрительно было ввѣрять иностранцу, плохо даже владѣвшему французскимъ языкомъ и ничѣмъ не заявившему ни своихъ талантовъ, ни добросовѣстности, устройство колоніи на мало обслѣдованномъ островѣ, о которомъ Беньовскій и представленія не имѣлъ, хотя на его усмотрѣніе предоставлялась вся распорядительная часть по оборудованію колонизаціи, то показала развязка африканскихъ похожденій Беньовскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что предоставленіе командиру корпуса волонтеровъ широкихъ полномочій безъ опредѣлительнаго установленія административныхъ взаимоотношеній между нимъ, губернаторомъ Ильдефранса и морскимъ министерствомъ было промахомъ министерской канцеляріи. Графъ де-Бойнъ, очевидно, подписалъ инструкцію, не придавая особеннаго значенія тому, какъ сложится при помощи 200—300 случайныхъ завоевателей, вѣрнѣе бродягъ, предпринимаемое

на ихъ рискъ возобновленіе опыта колонизаціи Мадагаскара. Правда, Тюрго, смѣнившій въ концѣ 1773 г. де-Бойна въ управленіи морскимъ министерствомъ, изъ донесеній, полученныхъ отъ Беньовскаго, заключилъ, что тотъ совершенно не понимаетъ своего положенія и, стремясь къ фантастическимъ завоеваніямъ и расширенію колоній упускаетъ истинную цѣль назначенія Мадагаскара служить для существующихъ уже французскихъ африканскихъ владѣній опорною базою для товарообмѣна съ туземцами.

Эти указанія Тюрго, изложенныя въ его предписаніи Беньовскому, за послѣдовавшимъ назначеніемъ министра на постъ генералъ-контролера, завалялись въ картонкахъ министерства, а замѣнившій Тюрго морской министръ Сартинъ, не освѣдомленный въ дѣлахъ, позволилъ Беньовскому и дальше самопроизвольно распоряжаться на Мадагаскарѣ. Пустившись въ плаваніе 22 апрѣля 1773 г. и достигнувъ Ильдефранса только 21 сентября, Беньовскій воспользовался досугами переѣзда, чтобы сочинить, не видавъ еще Мадагаскара, цѣлый и «законченный планъ обширной и могущественной колоніи, имѣвшей служить оплотомъ противъ недруговъ Франціи въ Индіи».

Закидывая министерство донесеніями, Беньовскій съ обстоятельною точностью описывалъ, гдѣ и какіе форты устраиваетъ, какія болота осушаетъ,—онъ сооружаетъ цѣлые города, проводитъ дороги и въ подтвержденіе шлетъ планы, акты о пріемкѣ отстроенныхъ зданій, подробные расчеты, сколько для тѣхъ или другихъ работъ употреблено поденщиковъ и фуръ; мало того, онъ доставляетъ въ министерство копію соглашенія со всѣми мадагаскарскими туземными князьками, по которому они отдавались подъ высокую руку французскаго короля; онъ ожидаетъ приказаній отъ его величества, что ему затѣмъ предпринять въ краѣ, окончательно замиренномъ послѣ побѣдоносныхъ экспедицій, имъ совершенныхъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 17 августа 1774 г. по октябрь 1776 г., Беньовскій выводитъ въ расходъ затребованные изъ Ильдефранса товары и матеріалы на сумму 1.799,100 ливровъ, наличными деньгами получаетъ на расходъ 336,416 ливровъ, траттъ для оплаты выдаетъ на 315,706 ливровъ и настолько дурачитъ Сартина, что тотъ испрашиваетъ у короля назначеніе при Беньовскомъ особаго совѣта управленія и предоставленіе ему званія «командующаго именемъ короля на Мадагаскарѣ и прилежащихъ островахъ». Наконецъ при помощи покровителей, которыхъ Беньовскій себѣ создалъ въ канцеляріяхъ министерства, Сартину преподносится докладъ о предоставленіи въ распоряженіе Беньовскаго сразу 1.000,000 ливровъ и 600 колонистовъ для поселенія на Мадагаскарѣ; только тутъ недоумѣнія, вызванныя этими крупными цифрами, заставили министра воспользоваться отъѣздомъ двухъ

вновь назначенныхъ въ индійскія французскія колоніи генеральныхъ комиссаровъ, чтобы поручить имъ кстати и попутно осмотрѣть и мадагаскарскія владѣнія.

Результатъ инспекціи получился неожиданный и плачевный: всѣ пресловутыя капитальныя сооруженія, будто бы созданныя Беньовскимъ, оцѣнивались самое большее въ десятки тысячъ, отношенія къ туземцамъ, запуганнымъ насиліями волонтеровъ, оказались обостренными и испорченными, а когда отъ Беньовскаго были потребованы разъясненія насчетъ произведенныхъ расходовъ, то онъ заявилъ, что, въ качествѣ военнаго человѣка, онъ мало освѣдомленъ въ коммерческихъ и финансовыхъ дѣлахъ и если по этой части произошла путаница въ отчетности, то виноватъ-де кстати умершій бухгалтеръ, который былъ ему отряженъ на помощь администраціею Ильдефранса.

Объясненія, представленныя Беньовскимъ ревизорамъ, стояли въ вопіющемъ противорѣчіи со всѣми его прежними донесеніями. Мадагаскаръ, по его завѣреніямъ, окончательно имъ завоеванный и замиренный, былъ имъ даже не объѣханъ, французы подвергались нападеніямъ въ самыхъ ихъ факторіяхъ; великія войны, которыя онъ краснорѣчиво описывалъ, никогда имъ не велись, а города, крѣпости и капитальныя постройки существовали только въ его воображеніи,—зато понесенныя французскою казною издержки, или, вѣрнѣе, растраты, представляли внушительную цифру въ 2 милліоновъ ливровъ. Беньовскій, повидимому, нисколько не смущался позорнѣйшими отклоненіями отъ истины, которыя выяснялись изъ объясненій его съ ревизорами. Лаперузъ, на суднѣ котораго прибыли комиссары, разговорившись съ Беньовскимъ, замѣтилъ, что пребываніе его на Мадагаскарѣ къ особенной пользѣ для Франціи не послужило. Беньовскій на это хладнокровно заявилъ, что безполезная затрата 2 милліоновъ составляетъ вовсе недорогой урокъ, который авось-де научитъ министровъ, что въ Мадагаскарѣ въ маломъ масштабѣ ничего предпринимать нельзя. Пусть Беньовскому дадутъ 2 милліона ливровъ въ годъ и отрядъ въ 600 человѣкъ, ежегодно пополняемый при убыли новобранцами (отъ 400 до 500 человѣкъ), и тогда онъ покажетъ, что въ 20 лѣтъ можно создать изъ Мадагаскара.

Ревизоры писали Сартину: «Чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ донесенія г. барона Беньовскаго, тѣмъ менѣе мы понимаемъ, какъ могло довѣренное лицо, которому министръ оказывалъ столь много знаковъ вниманія, удостовѣрять успѣшность и выгодность предпріятія, ему ввѣреннаго, тогда какъ на каждомъ шагу мы усматриваемъ убыль въ людяхъ, растрату денегъ и товаровъ, присылаемыхъ и покупаемыхъ за королевскій счетъ, безпорядки и путаницу во всѣхъ служебныхъ отправленіяхъ, недовольство и нападенія со стороны туземцевъ».

Всего же удивительнѣе во всемъ этомъ, что, несмотря на приведенный выше форменный обвинительный актъ противъ Беньовскаго, ревизоры дальше отзываются о немъ такъ: «Трудно найти болѣе необычайнаго по замысламъ и воззрѣніямъ человѣка, чѣмъ г. баронъ Беньовскій. Властолюбіе и деспотизмъ, повидимому, являются господствующими его страстями. Стремленіе воевать и пускать въ ходъ саблю охватываетъ его порою, точно припадокъ, и ultima ratio regum (девизъ, которымъ украшены его пушки) является излюбленнымъ его правиломъ. Къ этимъ естественнымъ у г. Беньовскаго склонностямъ присоединяется удивительная сила темперамента и закаленность. Если мы вспомнимъ его прошлое— подготовленіе къ духовному поприщу, отправленіе обязанностей пажа и юнги, его служеніе императору, королю польскому и конфедераціи, его ссылку въ Сибирь и удивительный способъ, которымъ онъ изъ нея освободился, и наконецъ то счастіе, которое позволило ему побороть опасности здѣшняго климата, то во истину слѣдуетъ признать, что венгерскій полковникъ, насчитывающій всего 37 лѣтъ отъ роду, предназначенъ для великихъ дѣяній».

Способность привлекать къ себѣ расположеніе людей и заставлять ихъ прощать ему неблаговидные поступки сказывается и на дальнѣйшей судьбѣ Беньовскаго. Онъ получаетъ отпускъ для поправленія разстроеннаго здоровья (на Мадагаскарѣ у него развился скорбутъ), уѣзжаетъ во Францію, требуетъ и получаетъ орденъ св. Людовика, чинъ бригадира, возмѣщеніе произведенныхъ имъ расходовъ и недополученнаго жалованья и получаетъ въ общей сложности 152,000 ливровъ, а сверхъ него еще и пожизненную пенсію въ 4,000 ливровъ.

Послѣ этого графъ де-Верженнъ испрашиваетъ у австрійскаго правительства помилованіе Беньовскому и возвращеніе ему хоть части родовыхъ имѣній. Авантюристъ возвращается на родину, во время войны за баварское наслѣдство, въ 1777 г. командуетъ гусарскимъ полкомъ Чекели, а въ 1780 г. затѣваетъ обширное коммерческое предпріятіе въ Фіуме, разоряется, уѣзжаетъ въ 1782 г. въ Америку, оттуда на Санъ-Доминго, возвращается въ 1783 г. во Францію и послѣ неудачной попытки чрезъ графа де-Верженна взять крупную казенную поставку для снабженія африканскихъ французскихъ колоній мясомъ, рисомъ и невольниками-неграми, переселяется въ Лондонъ.

Бывшій губернаторъ Ильдефранса Дюма осенью 1783 г. предостерегалъ графа де-Верженна относительно дальнѣйшихъ покушеній авантюриста на французскія владѣнія въ Мадагаскарѣ. «Беньовскій,—писалъ Дюма,—скопировалъ свои заданія съ примѣра Теодора Нейгофа, который при помощи англичанъ добился провозглашенія его королемъ Корсики и обладай онъ только упорствомъ воли Беньовскаго, то, конечно, достигъ бы признанія сво-

ихъ державныхъ правъ Европою. Беньовскій старается раздобыть средства въ Англіи въ надеждѣ на позднѣйшую независимость. Я имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ по возвращеніи его изъ Америки, онъ много мнѣ разсказывалъ о Мадагаскарѣ, и его проекты à la Нейгофъ сквозили изо всѣхъ его рѣчей и выступали изо всѣхъ его поръ».

Частью изъ англичанъ, частью изъ американцевъ Беньовскій образовалъ торговую компанію, о которой участникъ ея, кавалерійскій ротмистръ Пашке, состоявшій на службѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, разсказываетъ слѣдующее:

«Такъ какъ предложеніе графа Беньовскаго [1]) создать торговое общество въ Мадагаскарѣ было отклонено версальскимъ и лондонскимъ дворами, то Беньовскій вступилъ въ соглашеніе съ частными лицами г-ми Пети (сыномъ), полковникомъ Эйссеномъ де-Магеллапомъ, капитаномъ Гратеролемъ, Броссаромъ, братьями Тексье, Кюрталемъ и Генскимъ, принадлежавшими къ разнымъ народностямъ. Общество образовалось въ Лондонѣ, но такъ какъ собранныхъ фондовъ оказалось для снаряженіи экспедиціи недостаточно, то большая часть участниковъ предпріятія, въ маѣ 1784 г., отправилась въ Америку. Предпріятіе обѣщало значительныя выгоды и составъ участниковъ пріумножился чрезъ привлеченіе балтиморскихъ коммерсантовъ Цолликофера и Мейсонье, барона Адельсгейма, майора Колеруа, г.г. Бенфольоли, Сандоса, Луиджини, Мишеля и меня».

Беньовскій предъявилъ товарищамъ постановленіе кабара (сходки) 62 старѣйшинъ мальгашскихъ племенъ, состоявшееся будто бы 17 августа 1776 года, которымъ Беньовскій былъ признанъ за «ампансакабе», т. е. верховнымъ властелиномъ населенія о. Мадагаскара. Ссылаясь на то, будто онъ сохранилъ обширныя земельныя владѣнія на Мадагаскарѣ, которыя ввѣрены управленію его интенданта, Беньовскій увѣрилъ компаньоновъ, что, основавшись въ Мадагаскарѣ, они займутся въ обширныхъ размѣрахъ вывозомъ съ острова и продажею чернокожихъ невольниковъ.

Экспедиція отправилась изъ Балтиморы 21 октября 1784 г. на суднѣ «Intrepide», вмѣстимостью въ 600 тоннъ и съ грузомъ общею цѣнностью въ 5000 ф. ст. Въ концѣ іюня судно достигло южнаго побережья Мадагаскара и пристало къ берегу у мыса св. Себастьяна. Беньовскій вошелъ въ сношенія съ мѣстнымъ князькомъ Ламбуиномъ, заключилъ съ нимъ кровный союзъ и, произведя выгрузку товаровъ, приступилъ къ сооруженію жилища и амбаровъ.

---

[1]) Подъ конецъ жизни Беньовскій неизвѣстно по чьему пожалованію внезапно изъ бароновъ превращается въ графа, хотя этотъ титулъ столь же апокрифиченъ, какъ многое другое въ этомъ сказочномъ существованіи.

Недовѣріе къ авантюристу у товарищей, продолжавшихъ оставаться на суднѣ, возрастало, потому что Беньовскій постоянно измѣнялъ планы предполагаемой эксплоатаціи островныхъ богатствъ и вмѣсто торга невольниками предлагалъ заняться вывозомъ то риса, то драгоцѣнныхъ породъ лѣса.

Перваго августа къ Беньовскому явились гонцы отъ короля сакалавскаго племени Буэни, возвѣщавшаго свой пріѣздъ для переговоровъ. Такъ какъ Беньовскій отправился на свиданіе съ дикарями лишь съ небольшою свитою, то когда раздались выстрѣлы и между авантюристомъ и туземцами произошла стычка, послѣ которой наступило гробовое молчаніе, то капитанъ Дэвисъ, прождавъ тщетно нѣсколько часовъ Беньовскаго, рѣшилъ, что онъ погибъ, и поспѣшилъ съ судномъ отплыть въ Мозамбикъ, гдѣ «Intrepide» былъ проданъ и участники предпріятія отправились восвояси. Между тѣмъ Беньовскій вовсе не погибъ, а только отдалился отъ берега. Брошенный товарищами, онъ съ помощью дружественныхъ племенъ постепенно на туземныхъ пирогахъ перевезъ покинутые экспедиціею на берегу товары вдоль восточнаго берега въ Антонгильскую бухту и основалъ внутри острова укрѣпленный поселокъ — будущую свою столицу «Маурицію».

Въ началѣ 1786 года Беньовскій изъ укрѣпленнаго лагеря въ Ангоитси отправилъ къ губернатору французскихъ колоній де-Сульяку письмо, въ которомъ заявлялъ, что французы вольны безпрепятственно посѣщать его владѣнія для торга, но впредь должны отказаться отъ закупокъ невольниковъ, такъ какъ, заключивъ кровный союзъ съ туземными племенами и избранный ими верховнымъ властителемъ, онъ не потерпитъ такого торга, нарушающаго мирное спокойствіе острова. Декларація эта была подписана «Mauritius Augustus Dei gratia Ampansacabé de Madagascar».

Такимъ образомъ, бывшій «командующій именемъ короля на островѣ Мадагаскарѣ» открылъ свои карты, и французскому колоніальному управленію не оставалось ничего иного, какъ признать Беньовскаго вѣроломнымъ недругомъ. Въ маѣ 1786 г. де-Сульякъ снарядилъ подъ начальствомъ капитана Ларшера экспедицію и при нападеніи французовъ 24 мая на укрѣпленія Мауриціи Беньовскій палъ, сраженный шальною пулею, и туземцы не замедлили изъявить покорность французамъ.

При освидѣтельствованіи тѣла Беньовскаго при немъ былъ найденъ портфель съ любопытными документами, а именно съ грамотой, очевидно, поддѣльною, за подписью австрійскаго императора Іосифа II, уполномачивающаго Беньовскаго на завоеваніе Мадагаскара подъ покровительствомъ Австріи, и приговоромъ мальгашскаго кабара, о которомъ уже упоминалось выше. Въ портфелѣ, кромѣ того, оказалась грамота на имя де-Магеллана, датирован-

ная отъ 28 марта 1784 г., которою ампансакабе Беньовскій назначалъ Магеллана своимъ европейскимъ уполномоченнымъ для веденія съ правительствами, обществами и частными лицами переговоровъ о торговлѣ, переселеніи и поставкахъ для Мадагаскарскаго государства; другая же грамота, датированная отъ августа 1785 г. въ лагерѣ при Анкуру, за подписью «Божьею милостью» Маврикія-Августа и за скрѣпою канцлера Гратероля возводила кавалера Генскаго въ рангъ государственнаго секретаря и намѣстника Мадагаскара. Трудно сказать, гдѣ мистификація переходила въ дѣйствительность. Разумѣется, избраніе въ «ампансакабе» напоминаетъ такое же предложеніе, сдѣланное Беньовскому въ Формозѣ, и вызываетъ тѣмъ большій скептицизмъ, что дѣятельность его на Мадагаскарѣ подъ французскимъ знаменемъ едва ли могла привлечь къ нему сердца туземцевъ; съ другой же стороны, неоспоримые факты свидѣтельствуютъ, что Беньовскій, покинутый съ 6—8 европейцами на южной оконечности Мадагаскара въ теченіе полугода, не только не погибаетъ, но собираетъ подъ свое знамя нѣсколько туземныхъ племенъ, устраиваетъ поселокъ, дѣлаетъ французамъ вызовъ и всерьезъ начинаетъ разыгрывать ту роль, которую, можетъ быть, и принялъ на себя самозванно, возведя себя собственною властью въ мадагаскарскіе императоры. Не измѣни ему счастіе въ послѣднюю минуту, почемъ знать, можетъ быть, дипломатическія памятныя книжки насчитывали бы одною экзотическою династіею больше и Беньовскій не слылъ бы за мистификатора и авантюриста.

Но судьба распорядилась иначе и существованіе закончилось довольно-таки безрезультатно для несомнѣнно талантливаго человѣка, далеко не разборчиваго на средства въ достиженіи непомѣрнаго честолюбія. Пусть Беньовскій и страдалъ маніею величія, но намѣчалъ онъ въ своихъ планахъ хотя и грандіозно, но осуществимыя предпріятія — это между прочимъ подтверждается и тѣмъ, что еще въ 30-хъ годахъ въ серьезныхъ англійскихъ журналахъ трактовался, далеко не на смѣхъ, вопросъ о завоеваніи Формозы по указаніямъ, оставленнымъ Беньовскимъ.

Жена Беньовскаго, сопровождавшая мужа во время его трехлѣтняго губернаторства въ Мадагаскарѣ, а затѣмъ ѣздившая съ нимъ и въ Америку, скончалась въ Венгріи, въ родовомъ имѣніи Беньовскаго Вецкѣ 4 декабря 1825 года.

В. И. Штейнъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

———

Новое есть только хорошо
забытое старое.

НАСТУПИВШЕЕ въ настоящее время общее успокоеніе отразилось замѣтно и на жизни археологическихъ учрежденій. Центральные органы, какъ мы уже упоминали въ одной изъ предыдущихъ статей, работали безостановочно, но сотрудники на мѣстахъ въ послѣдніе тревожные годы несравненно слабѣе проявляли интересъ къ сохраненію, разысканію и изслѣдованію мѣстныхъ памятниковъ старины. Но уже истекшій академическій годъ показалъ, что тяжелыя времена для археологовъ миновали. Работа налаживается, интересъ къ историко-археологическимъ занятіямъ, къ охранѣ и собиранію памятниковъ старины и разработкѣ архивовъ растетъ съ новой силой.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся событій истекшаго года былъ состоявшійся въ Петербургѣ съѣздъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Комиссіи, созданныя въ 1884 году сенаторомъ Н. В. Калачевымъ, переживаютъ канунъ своего 25-лѣтняго юбилея. Пора подвести итоги ихъ дѣятельности и устранить выяснившіеся недочеты въ ихъ «положеніи» 1884 года, весьма краткомъ и неопредѣленномъ; оно давно уже отстало отъ требованій неизмѣнно движущейся впередъ жизни. Правительство, въ лицѣ предсѣдателя совѣта министровъ, въ бесѣдѣ съ директоромъ императорскаго археологическаго института, профессоромъ Н. В. Покров-

скимъ, весьма сочувственно отнеслось къ реформѣ комиссій. П. А. Столыпинъ обѣщалъ свое содѣйствіе и матеріальную поддержку, путемъ внесенія соотвѣтствующихъ законопроектовъ въ наши законодательныя учрежденія. Наступалъ, такимъ образомъ, наиболѣе благопріятный моментъ для созыва всероссійскаго съѣзда представителей ученыхъ архивныхъ комиссій. И съѣздъ былъ созванъ директоромъ императорскаго археологическаго института. На съѣздѣ присутствовало 35 представителей комиссій и нѣсколько представителей ученыхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Петербурга. Вновь переработанъ первоначальный проектъ новаго положенія о комиссіяхъ, намѣченный еще въ 1903 году тверскимъ областнымъ археологическимъ съѣздомъ, а впослѣдствіи одобренный особымъ совѣщаніемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Главныя цѣли, главное значеніе комиссій составляютъ возбужденіе интереса къ архивному дѣлу среди мѣстныхъ любителей старины, а затѣмъ охрана и описаніе мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Основатель комиссій, убѣжденный архивистъ Н. В. Калачевъ, всю свою жизнь болѣлъ сердцемъ о печальномъ положеніи архивнаго дѣла въ Россіи, всю жизнь мечталъ и стремился къ кореннымъ реформамъ въ этой области. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ усилія его, реформы остаются до сихъ поръ дѣломъ будущаго, остаются завѣтною мечтою всѣхъ убѣжденныхъ въ важномъ значеніи своего дѣла архивистовъ. Тѣмъ не менѣе крупными реальными успѣхами Калачева остаются: постоянно поддерживающая интересъ къ архивному дѣлу среди русскихъ ученыхъ секція архивовѣдѣнія на всероссійскихъ и областныхъ археологическихъ съѣздахъ, а равно возбуждающія интересъ къ археологическимъ занятіямъ въ провинціи—губернскія ученыя комиссіи. Комиссіи созданы были правительственно-общественными учрежденіями. Это значительно облегчало имъ путь къ архивамъ. Какъ правительственныя учрежденія, комиссіи, при посредствѣ губернаторовъ, требуютъ присылки для просмотра описей архивныхъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и затѣмъ, оставляя часть этихъ дѣлъ, обогащаютъ свои историческіе архивы массою интереснаго въ историко-бытовомъ отношеніи матеріала. Безъ комиссій дѣла эти давно погибли бы безвозвратно для русской исторіи. Новый проектъ поэтому оставляетъ комиссіи также правительственно-общественными учрежденіями, въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ цѣляхъ облегченія дѣятельности комиссій мѣстный губернаторъ является непремѣннымъ попечителемъ комиссіи. Вопросъ о вѣдомствѣ, которому должны принадлежать комиссіи, давно уже былъ назрѣвшимъ вопросомъ. Положеніе 1884 года настолько неопредѣленно, что, напримѣръ, тверская ученая архивная комиссія еще недавно считала себя принадлежащею къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Члены комиссій, дѣйствительные и сотрудники, попреж-

нему избираются самими комиссіями. Новое положеніе предоставляетъ комиссіямъ право образовать институтъ корреспондентовъ, которые изъ различныхъ глухихъ уголковъ губерніи могли бы доставлять комиссіямъ цѣнныя данныя о мѣстныхъ памятникахъ старины, а также результаты своихъ этнографическихъ наблюденій. Отчеты о дѣятельности комиссій поступаютъ въ особое совѣщаніе, учреждаемое въ Петербургѣ изъ представителей вѣдомствъ и правительственныхъ археологическихъ учрежденій, въ академію наукъ и императорскій археологическій институтъ. Традиціонная связь, установленная положеніемъ 1884 года съ императорскимъ археологическимъ институтомъ, единодушнымъ рѣшеніемъ съѣзда сохранена и въ новомъ положеніи. Директору института предоставлено, между прочимъ, право инициативы въ возбужденіи вопроса объ открытіи новыхъ комиссій. Новымъ положеніемъ самое названіе комиссій измѣняется: онѣ превращены въ губернскія ученыя архивно-археологическія комиссіи. Н. В. Калачевъ, учреждая комиссіи, надѣялся, что онѣ привлекутъ къ себѣ настолько много работниковъ, интересующихся мѣстною стариною, что, удовлетворивъ спеціально архивныя задачи комиссіи, останутся еще свободныя руки. Для нихъ и введены въ «положеніи» 1884 года объ архивныхъ комиссіяхъ задачи чисто археологическаго характера: охрана, описаніе и изслѣдованіе мѣстныхъ памятниковъ старины, раскопка кургановъ и городищъ. Жизнь показала обратное. Излишнихъ рукъ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе археологическія работы ведутся большинствомъ комиссій, а нѣкоторыми изъ нихъ даже ставятся «во главу угла» своей дѣятельности. Поэтому названіе «архивныя комиссіи» уже устарѣло и совершенно не соотвѣтствуетъ точному опредѣленію занятій комиссій. Наиболѣе важнымъ и существеннѣйшимъ нововведеніемъ въ жизни комиссій будетъ правительственная субсидія, въ размѣрѣ 2000 рублей каждой комиссіи. 24 года комиссіи, несмотря на свое официальное положеніе въ губерніи, существовали лишь на случайныя подачки частныхъ лицъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій. Главнѣйшимъ руководителямъ комиссій, помимо привлеченія безкорыстныхъ работниковъ, постоянно необходимо было заботиться о помѣщеніи для комиссій, о привлеченіи необходимыхъ матеріальныхъ пожертвованій. Такое неопредѣленное и ненормальное положеніе не могло не отражаться и на успѣхахъ ученыхъ работъ комиссій. Съ новымъ положеніемъ комиссіи получаютъ опредѣленныя директивы и поддержку авторитетнаго центральнаго учено-административнаго учрежденія въ Петербургѣ, объединяющаго дѣятельность всѣхъ комиссій, а также матеріальныя средства. Въ то же время комиссіи остаются совершенно самостоятельными въ своей внутренней жизни, въ своихъ ученыхъ занятіяхъ, въ выборѣ новыхъ членовъ и не теряютъ традиціонной связи съ императорскимъ петербургскимъ археологическимъ институтомъ. Было

бы весьма желательно, чтобы вопросъ объ утвержденіи новаго положенія о комиссіяхъ получилъ возможно скорѣйшее разрѣшеніе. Время не ждетъ, масса историческихъ документовъ гибнетъ всюду и въ особенности въ глухихъ уголкахъ нашего отечества. Уѣздные архивы упраздненныхъ правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій, составляя обузу канцелярій существующихъ учрежденій, уничтожаются, или, переносясь съ чердака на чердакъ и изъ сарая въ сарай, гибнутъ во время этихъ перевозокъ, а также отъ сырости и пожаровъ.

Выдающимся событіемъ, взволновавшимъ въ истекшемъ году петербургскихъ ученыхъ, было извѣстіе о намѣреніи извѣстнаго собирателя древностей Египта В. С. Голенищева, создавшаго единственный въ своемъ родѣ частный музей по египтологіи,—продать это собраніе за границу. Событіе это вызвало экстренное чрезвычайное общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества, которое, ознакомившись детально съ драгоцѣннѣйшими предметами музея и выслушавъ докладъ извѣстнаго египтолога профессора Б. А. Тураева и спеціалиста по римскимъ древностямъ профессора М. И. Ростовцева, рѣшило возбудить чрезъ своего августѣйшаго предсѣдателя великаго князя Константина Константиновича ходатайство предъ Государемъ Императоромъ о пріобрѣтеніи музея для Императорскаго Эрмитажа. В. С. Голенищевъ на составленіе своего удивительнаго по богатству и разнообразію предметовъ музея затратилъ 30 лѣтъ жизни, громадный трудъ и колоссальныя средства. Коллекція его обладаетъ многими уникам, какъ въ области археологіи древняго Египта, такъ и христіанской эпохи. Пріобрѣтеніе ея для Россіи дало бы многимъ молодымъ русскимъ ученымъ возможность изучать египетскія древности у себя на родинѣ и избавило бы ихъ отъ дорогихъ и связанныхъ съ большими трудностями ученыхъ экскурсій въ Египетъ. Въ случаѣ же, если ходатайство императорскаго русскаго археологическаго общества не будетъ удовлетворено, богатѣйшая коллекція русскаго собирателя В. С. Голенищева будетъ распродана по частямъ въ Англію и Америку.

Перейдемъ теперь къ московскимъ археологическимъ учрежденіямъ. Археологическая дѣятельность въ Москвѣ за послѣднее время значительно оживилась, благодаря переходу туда на службу искренняго любителя нашей родной старины, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, нынѣ помощника командующаго войсками московскаго военнаго округа, члена императорскаго петербургскаго археологическаго института, генерала-отъ-инфантеріи В. Г. Глазова. Благодаря его авторитетной помощи, а также энергіи и настойчивости директора института А. И. Успенскаго, созданъ былъ въ Москвѣ, чуть ли не въ теченіе одного года, московскій археологическій институтъ. Успѣхъ вполнѣ оправдалъ ожиданія. Ни тре-

вожное время, ни полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ не отняли мужества у инициаторовъ дѣла и у вдохновителя его А. И. Новое начинаніе не заглохло. Въ своихъ стѣнахъ московскій археологическій институтъ, подобно своему старшему собрату императорскому петербургскому археологическому институту, собралъ лицъ самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и состояній. Число слушателей и слушательницъ въ первый же годъ доходитъ до 240 человѣкъ. Преподаваніе ведется 24 профессорами и преподавателями, выдающимися знатоками въ своихъ специальностяхъ. Лекціи читаются по слѣдующимъ предметамъ: первобытной археологіи, христіанской археологіи бытовымъ древностямъ, всеобщей исторіи искусства, исторіи русскаго искусства, исторіи русской архитектуры, нумизматикѣ, сфрагистикѣ, музеевѣдѣнію, архивовѣдѣнію, библіотековѣдѣнію, греческой палеографіи, славянорусской палеографіи, эпиграфикѣ, дипломатикѣ, метрологіи и хронологіи, геральдикѣ, генеологіи, исторіи русскихъ учрежденій, юридическимъ древностямъ, исторіи русской литературы, исторіи русскаго языка, исторической географіи и этнографіи. Къ этимъ предметамъ неутомимый директоръ института предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ добавить еще новую каѳедру: исторіи русскаго театра. Печатнымъ органомъ института являются его «труды». Вышли первый и второй томы. Труды содержатъ капитальную работу А. И. Успенскаго: «Царскіе иконописцы и живописцы XVII столѣтія» и статью Филимонова о журналахъ сената, извлеченную изъ матеріаловъ архива министерства юстиціи, а также нѣсколько мелкихъ статей. Лекціи своихъ профессоровъ институтъ также печатаетъ. Такъ, намъ пришлось нѣсколько ознакомиться съ двумя крупными, уже заканчивавшимися въ печати курсами, читавшимися директоромъ института А. И. Успенскимъ и преподавателемъ первобытной археологіи В. А. Городцовымъ. Библіотека института достигаетъ 10000 экземпляровъ. В. Н. Семенковичемъ пожертвовано значительное количество книгъ по археологіи и исторіи, В. И. Чернопятовымъ— около 2000 томовъ чрезвычайно рѣдкихъ изданій по исторіи искусства. Широко льются пожертвованія и въ музей института: такъ, г. Арендъ пожертвовалъ 300 монетъ, русскихъ, византійскихъ и средневѣковыхъ. Императорское московское археологическое общество прислало въ даръ институту 50 таблицъ первобытныхъ древностей каменнаго періода, 8 витринъ и большую коллекцію иконъ; отъ г. Клейна поступила коллекція мѣдныхъ литыхъ иконъ (складней), собранныхъ въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Средства института составляются главнымъ образомъ изъ платы за ученіе въ размѣрѣ 80 рублей ежегодно и изъ добровольныхъ пожертвованій, успѣшно привлекаемыхъ, благодаря энергіи директора института и авторитетной поддержкѣ попечителя института генерала В. Г. Глазова. Средствъ настолько достаточно, что опла-

чивается трудъ профессоровъ и издаются труды института. Оказавъ содѣйствіе открытію института и проведя уставъ его чрезъ законодательныя инстанціи, В. Г. Глазовъ остается попечителемъ института, горячо интересуясь его успѣхомъ. Кромѣ предсѣдательства въ совѣтѣ института, В. Г. Глазовъ состоитъ предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, предсѣдателемъ высочайше учрежденнаго комитета по устройству музея въ память Отечественной войны и предсѣдателемъ же вновь открытаго въ Москвѣ отдѣленія военно-историческаго общества. Присутствуя на засѣданіяхъ комитета и отдѣленія военно-историческаго общества, я вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія и полную увѣренность въ будущихъ успѣхахъ этихъ еще не вылившихся въ опредѣленныя и ясныя формы начинаній. Онѣ находятся въ организаціонномъ періодѣ. В. Г. съ глубокимъ тактомъ старается объединить взгляды присутствующихъ привлеченныхъ имъ людей науки и молодыхъ силъ, сгладить всѣ противорѣчія и шероховатости. Московское отдѣленіе военно-историческаго общества организуется пока по секціямъ. Первою практическою работою является ознакомленіе съ имѣющимися въ Москвѣ богатыми архивными матеріалами. Комитетъ по устройству музея въ память Отечественной войны озабоченъ постройкой или приспособленіемъ помѣщенія, которое достойно было бы вмѣстить памятники великой эпохи. Историческая выставка 1812 года также является одною изъ заботъ комитета. Здѣсь желательно собрать по возможности всѣ предметы, относящіеся до 1812 года: картины, портреты и автографы дѣятелей, газеты, фальшивыя ассигнаціи, выпущенныя Наполеономъ. Для привлеченія къ участію въ устройствѣ музея и выставки комитетомъ выпущено воззваніе ко всѣмъ любителямъ родной старины, сочувствующимъ дѣлу созданія историческаго музея.

Говоря о московскихъ археологическихъ учрежденіяхъ, нельзя не остановиться на московскомъ историческомъ музеѣ, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться Москва. За послѣднее время историческій музей обогатился крупными пожертвованіями, сдѣланными императорскою археологическою комиссіею и императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ. Предметы древности распредѣлены въ музеѣ по географической системѣ. Такъ, отдѣльный залъ посвященъ памятникамъ каменнаго періода, другіе залы—памятникамъ бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Особенный интересъ представляютъ бронзовые предметы, образующіе вполнѣ самостоятельный отдѣлъ, для изученія постепеннаго развитія формъ орудій. Относительно разстановки предметовъ желѣзнаго вѣка нельзя не отмѣтить, что, на ряду съ доисторическими коллекціями находятся предметы историческаго времени. Это невольно бросается въ глаза и заставляетъ сожалѣть, что пред-

меты исторической эпохи не находятся въ залахъ, имъ соотвѣтствующихъ: Кіевской, Новгородской, Владимирской. Въ будущемъ приготовляются къ открытію для публики еще 4 зала. Залы эти посвящены будутъ древностямъ: эпохѣ Василія Ивановича, Ивана Грознаго, Θеодора Ивановича и Смутнаго времени. Въ залѣ Іоанна Грознаго сооружается тронъ съ оригинала Успенскаго собора, а также копіи современной металлической посуды. Наиболѣе полно представленъ будетъ залъ Смутнаго времени, гдѣ находятся драгоцѣнные предметы изъ замка Вишневецкихъ и оригиналы: картины «вѣнчаніе на царство Дмитрія Самозванца» и портретовъ Дмитрія Самозванца и Марины Мнишекъ. Изъ вещей любопытны люстры князя Пожарскаго, обширная коллекція предметовъ изъ лагеря тушинскаго вора, въ составъ которой входятъ: оружіе, различныя бытовыя вещи, монеты и прочее.

Заканчивая свой обзоръ, не могу не упомянуть о крупныхъ трудахъ въ дѣлѣ разработки матеріаловъ, относящихся до исторіи русскаго дворянства, помощника предводителя московскаго уѣзднаго дворянства Л. М. Савелова и о созданномъ по его иниціативѣ въ Москвѣ московскомъ историкородословномъ обществѣ. Въ теченіе 4-лѣтняго существованія общество сгруппировало въ своемъ составѣ до 180 членовъ, выпустило рядъ изданій. Къ сожалѣнію, болѣзнь глазъ вдохновителя и предсѣдателя общества Л. М. остановила на время продолженіе научноисторическихъ его занятій.

Итакъ, работа русскихъ археологовъ въ Петербургѣ и Москвѣ идетъ ровно и дружно. Интересъ къ археологіи среди публики замѣтно растетъ и можно надѣяться, что предстоящій XIV всероссійскій археологическій съѣздъ въ Черниговѣ, IV областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ и утвержденіе новаго устава архивно-археологическихъ комиссій еще болѣе усилятъ этотъ интересъ и въ недалекомъ будущемъ пополнившійся кадръ работниковъ-археологовъ дастъ намъ новые богатые архивные и археологическіе матеріалы—камни фундамента для будущаго стройнаго зданія русской исторической науки.

А. Мироновъ.

СТАРАЯ ЛАДОГА И ЕЯ КАМЕННОЕ ГОРОДИЩЕ.

Введеніе. — Современное мѣстоположеніе Старой Ладоги. — Происхожденіе ея названія. — Легенды, связанныя съ ея возникновеніемъ. — Картина древней Ладоги по историческимъ документамъ: территорія, сословія, промыслы, управленіе, политическая жизнь. — Каменное городище. — Значеніе крѣпости въ археологическомъ и историко-бытовомъ отношеніи. — Храмъ св. Георгія. — Фресковая живопись храма. — Церковь св. Дмитрія Солунскаго. — Небрежность ея реставраціи.

Лѣтомъ 1906 года пришлось мнѣ случайно посѣтить Старую Ладогу — одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по своей глубокой древности и чисто русскому духу, а потому заслуживающее обстоятельнаго изслѣдованія, поддержки и разумной реставраціи. Къ сожалѣнію, оно мало извѣстно, рѣдко посѣщается любителями древности и, если реставрируется, то крайне небрежно, въ ущербъ цѣльности памятниковъ родного прошлаго. Между тѣмъ, посѣщая Старую Ладогу, любитель старины найдетъ въ ней много интересныхъ историческихъ памятниковъ, живо рисующихъ забытое прошлое, а любители природы найдутъ живописнѣйшія мѣста своей родины.

Гдѣ же находится этотъ забытый уголокъ съ вѣкодавнимъ прошлымъ? Какимъ представляется онъ въ настоящее время? Какова его исторія? Вотъ тѣ вопросы, которые невольно напрашиваются при мысли о Старой Ладогѣ и находящемся въ ней Каменномъ городищѣ. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ надѣюсь отвѣтить на всѣ эти вопросы, подѣлившись съ читателемъ, какъ личными впечатлѣніями, такъ и добытыми мною историческими свѣдѣніями о прошломъ Старой Ладоги.

Послѣдуемъ за путникомъ, направляющимся въ Старую Ладогу. Оставивъ далеко за собою Балтійское море, а затѣмъ и широкое теченіе Невы, мы вступаемъ въ тихія воды канала Александра II. У Шлиссельбурга и далѣе, у Новой Ладоги, раскрывается передъ нами величественное зрѣлище—безбрежная даль Ладожскаго озера. Каналъ приводитъ насъ къ устью Волхова, по которому и лежитъ нашъ дальнѣйшій путь.

Однообразны и непривѣтливы вначалѣ берега Волхова! Сплошь покрытые дюнными песками, съ угрюмо растущими на нихъ со-

Старая Ладога.

снами, они занимаютъ мѣсто когда-то плескавшагося здѣсь Ладожскаго озера, отступившаго впослѣдствіи въ свои нынѣшніе предѣлы [1]).

Мѣстность понемногу подымается, дѣлается холмистою, и вскорѣ нашему взору представляются два уединенно стоящихъ кургана—слѣды мѣстныхъ доисторическихъ поселеній. За ними рѣка дѣлаетъ короткій, но крутой поворотъ на западъ. На томъ же берегу открывается еще цѣпь кургановъ, и между ними одинъ огромныхъ размѣровъ. Онъ поражаетъ своей выдающейся величавостью, не имѣя далеко кругомъ себѣ соперниковъ: при взглядѣ на него невольно

[1]) Бранденбургъ. «Курганы южнаго Приладожья».

припоминаешь поэтическую легенду новогородской лѣтописи о смерти и погребенiи въ окрестностяхъ на Волховѣ Олега Вѣщаго. Близъ подножья этой огромной насыпи рѣка снова принимаетъ свое прежнее направленiе, и за поворотомъ уже виднѣются кресты на главахъ Успенскаго женскаго монастыря, еще далѣе бѣлѣютъ на темной зелени строенiя Николаевскаго мужского монастыря, а между ними, на почтительномъ разстоянiи отъ обоихъ, картинно обрисовывается на возвышенiи во всей оригинальной новогородской архитектурѣ — древняя Рюрикова крѣпость; передъ нами — Старая Ладога.

Небольшое грязное селенiе верстахъ въ 12-ти отъ озера, прилѣпившееся между двумя монастырями на лѣвомъ берегу Волхова и замѣчаемое лишь, когда къ нему подъѣдешь, — вотъ что нынѣ представляетъ Ладога, когда-то составлявшая конечный пунктъ плаванiя варяговъ, извѣстный торговый этапъ средневѣковой Ганзы и пограничную твердыню Новгорода. Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ разочарованнымъ взоромъ нашимъ обрисовывается на берегу и другая картина: рядомъ съ убогимъ селенiемъ гордо выдвигаются во всей своей величавой красѣ вѣкового запустѣнiя остатки каменныхъ развалинъ древней Рюриковой крѣпости (XII в.). Пять многоэтажныхъ башенъ съ зiяющими въ нихъ бойницами соединены остатками кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ стѣнъ и окружаютъ прiютившуюся среди нихъ древнюю церковь св. Георгiя и вмѣстѣ съ нею сразу переносятъ насъ въ далекiя времена сѣдой старины, въ эпоху «Господина Великаго Новгорода». Съ особымъ чувствомъ вступаемъ мы на эти освященныя древностью мѣста, и даже самое убожество современной панорамы селенiя нѣсколько смягчается подъ приливомъ новыхъ впечатлѣнiй. Передъ нами устья рѣчки Ладожки, почти перпендикулярно впадающей здѣсь въ Волховъ и прежде раздѣлявшей городъ на двѣ половины. Нынѣ селенiе тѣснится только на сѣверной сторонѣ рѣчки, отдѣляющей его отъ развалинъ крѣпости, лежащей на южной. Обѣ стороны соединяются перекинутымъ мостомъ, какъ, вѣроятно, было и въ древности; у этого моста, по словамъ мѣстныхъ сторожиловъ, когда-то въ старину былъ рынокъ. Въ недалекомъ разстоянiи за нимъ рѣчка развѣтвляется на двѣ: собственно Ладожку и Заклюку, которыя, расходясь въ противоположныя стороны, омываютъ своимъ теченiемъ границы Ладоги. Сѣвернымъ краемъ селенiе примыкаетъ къ древнему Успенскому монастырю (XV в.), ограда котораго когда-то служила мѣстомъ суроваго заточенiя Евдокiи Лопухиной — первой супруги Петра Великаго. По разсказамъ здѣшнихъ монахинь, Евдокiя жила въ особой деревянной кельѣ, вокругъ которой она насадила липы; изъ нихъ остались только три; келью же давно сняли по причинѣ ея ветхости. Въ самомъ селенiи сохранились одни обломки сѣдой старины — остатки двухъ каменныхъ

Общій видъ Староладожской крѣпости.

церквей, изъ коихъ одна стояла на берегу Волхова, другая на берегу Ладожки. Недавно ихъ отрыли изъ-подъ курганообразныхъ насыпей. Народною памятью онѣ отмѣчены стоящими на этихъ насыпяхъ старыми полуразвалившимися часовенками.

Перейдя черезъ мостъ и повернувъ на берегъ Волхова, мы приближаемся къ жемчужинѣ Ладоги—къ величайшимъ развалинамъ ея бывшей крѣпости, на которую народная легенда перенесла преданіе о призваніи варяжскихъ князей, наименовавъ ее Рюриковой крѣпостью и пріурочивъ къ ней пребываніе этого перваго князя земли Русской. Устланная щебнемъ и свалившимися сверху валунами дорожка ведетъ вдоль грандіозной стѣны въ среднюю башню и во внутрь самаго городища. Вездѣ кругомъ печать давняго разрушенія: полуразсыпавшіеся своды, каменные массивы, грозящіе ежеминутнымъ паденіемъ, изгрызанные вѣками гребни стѣнъ и башенъ, все это среди общаго безмолвія дышитъ смертью, дышитъ чѣмъ-то давно отжившимъ; впечатлѣніе усугубляется множествомъ могильныхъ крестовъ мѣстнаго Георгіевскаго погоста, занимающаго внутренность городища, и лишь маленькій храмъ св. Георгія, пріютившійся съ вѣкодавнихъ временъ въ стѣнахъ городища, кажется свѣтлымъ бликомъ на этой унылой картинѣ.

Миновавъ этотъ храмъ, подходимъ къ южному фасу городища, представляющему крутой спускъ въ глубокую балку или ложбину, которая сбѣгаетъ въ Волховъ и образуетъ родъ огромнаго вала на южной сторонѣ крѣпости. Среди мѣстнаго населенія ложбина носитъ названіе тайника, въ которомъ крылатая народная фантазія создала существованіе скрытыхъ подземныхъ ходовъ.

Поднявшись на другой берегъ балки, мы вступаемъ въ разстилающуюся далѣе возвышенность, омываемую Волховомъ, а передъ нашими глазами открывается однообразное зрѣлище какого-то стихійнаго разрушенія: вся поверхность на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ изборождена глубокими отвѣсными провалами, на днѣ которыхъ мѣстами виднѣются фрагменты каменныхъ массивовъ; а нѣсколько далѣе, въ сторону отъ рѣки, тянется рядъ какихъ-то насыпей, и среди всего этого доживаютъ послѣдніе дни остатки развалинъ деревянной часовни, на мѣстѣ бывшей здѣсь церкви св. Климента.

Безжалостное время стерло здѣсь же слѣды когда-то занимавшаго эту площадь другого укрѣпленія прежней Ладоги, которое носило въ XVII в. названіе Деревяннаго или Земляного городища и оставило на память о немъ только рядъ упомянутыхъ насыпей.

Судя по общимъ топографическимъ условіямъ (близость каменной твердыни, вода въ окружности, сосѣдство съ храмомъ), культурнымъ слѣдамъ, обнаруженнымъ на значительной глубинѣ подъ почвою [1]), допускаютъ, что первоначальное мѣстоположеніе древней Ладоги было именно здѣсь.

---

[1]) Бранденбургъ. «Курганы южнаго Приладожья».

Немного далѣе, на самомъ берегу Волхова, живописно расположился Николаевскій монастырь (XV в.), помнящій времена независимости Новгорода.

Верстахъ въ десяти отъ монастыря начинаются волховскіе пороги. По нимъ въ эпоху Ганзы совершались бойкія сношенія

Успенскій монастырь.

Новгорода съ Готландомъ и нѣмцами, а ранѣе того, безъ сомнѣнія, пробирались и варяги, производя здѣсь перегрузку судовъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Въ настоящее время сообщеніе по волховскимъ порогамъ прекращено.

Таково, стало быть, въ нѣсколькихъ словахъ, общее мѣстоположеніе современной намъ Старой Ладоги, лежащей всего

въ 160 верстахъ отъ Петербурга и обратившейся нынѣ въ глухой, забытый уголъ, куда развѣ случайно забредетъ путникъ, а между тѣмъ эти драгоцѣнные остатки глубокой старины должны быть дороги и близки русскому сердцу!

Обращаясь къ краткому изложенію исторіи Старой Ладоги, необходимо, однако, прежде выяснить ея названіе. По этому предмету существуетъ цѣлый рядъ научныхъ теорій. Наиболѣе вѣроятна теорія Буткова [1]). Онъ сближаетъ Ладогу со словомъ Ладугордъ (Lodugård), означающимъ въ Швеціи и Финляндіи — привилегированную хозяйственную усадьбу при королевскихъ замкахъ или рыцарскихъ мызахъ. По его мнѣнію, Ладога и составляла въ началѣ своемъ Рюрикову Ладугордъ, т. е. Рюриковъ животный дворъ или хозяйственную усадьбу. Этимъ объясняется названіе, данное крѣпости народной фантазіей, которая, окрестивъ ее именемъ Рюрика, совершила анахронизмъ и забѣжала впередъ на цѣлыхъ три столѣтія.

Переходя къ моменту возникновенія Старой Ладоги, необходимо коснуться легендъ, связанныхъ съ ея происхожденіемъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» въ разсказѣ о пресловутомъ призваніи варяжскихъ князей говорится, что Рюрикъ по прибытіи своемъ (862 г.) имѣлъ первоначальное пребываніе именно въ Ладогѣ, а не въ Новгородѣ [2]).

Далѣе лѣтописная легенда связываетъ Ладогу съ именемъ Вѣщаго Олега, перенося мѣсто дѣйствія поэтическаго разсказа о кончинѣ князя въ окрестности Ладоги, вопреки сказаніямъ южнорусскимъ, которыя тотъ же эпизодъ пріурочиваютъ къ Кіеву [3])

Наконецъ, въ одной изъ скандинавскихъ сагъ [4]), называющихъ Ладогу Альдейгаборгомъ, указывается, что она была отдана Ярославомъ Мудрымъ (XI в.) брату жены—Рогвольду—въ управленіе и по старости его перешла на короткое время къ его сыну; но потомъ навсегда вышла изъ-подъ чужой власти и сдѣлалась пригородомъ Новгорода.

Отсюда можно предположить, что мѣстность эта была обитаема уже въ IX, X и XI вѣкахъ.

Болѣе достовѣрными свидѣтелями древности ладожскаго поселенія являются разбросанные около Ладоги курганы двухъ типовъ погребенія: обычнаго и по способу трупосожженія отъ IX—XIв. [5]).

---

[1]) Бутковъ. «Объ Альдейгаборгѣ».

[2]) «И избрашася тріе брата съ роды своими и придоша къ словѣномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу и сѣде старѣйшій въ Ладогѣ Рюрикъ».

[3]) «Иде Олегъ къ Новгороду и оттуда въ Ладогу, — говоритъ лѣтописецъ подъ 922 г.,—друзи же сказаютъ яко идущю ему за море и уклюну зміа въ ногу и съ того умре; есть могыла его въ Ладогѣ».

[4]) Бѣляевъ. «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной».

[5]) Кондаковъ и Толстой. «Русскія древности».

Видъ на крѣпость съ моста.

То же подтверждается и нумизматическими находками, сдѣланными въ курганахъ этого края. Такъ, найдены монеты VIII, IX и X вв., не истертыя отъ употребленія,—слѣдовательно, время потери близко ко времени чеканки [1]).

Достовѣрная исторія застаетъ наконецъ Ладогу однимъ изъ мѣстныхъ центровъ Вотской Пятины Новгородскаго края: «Городъ Ладога въ Вотской Пятинѣ на рѣцѣ на Волховѣ», гласитъ писцовая новгородская книга подъ 1500 годомъ (первый изъ дошедшихъ до насъ историческихъ документовъ о Ладогѣ). Она же отмѣчаетъ территорію ладожской земли того времени, указывая ея границы (Успенскій монастырь, Ладожка и Заклюка, Николаевскій монастырь и Волховъ) и мѣста ея общественныхъ сооруженій (крѣпость, храмъ св. Георгія, монастыри Николаевскій и Успенскій и пр.). Передъ нами, слѣдовательно, Ладога въ томъ же объемѣ, въ какомъ мы видимъ ее и понынѣ.

Отмѣченная нами новгородская писцовая книга 1500 г. характеризуетъ и составъ населенія современной ей Ладоги: военнослужилый классъ, торгово-промышленный или купечество и духовенство. Присутствіе этихъ сословій въ Ладогѣ прекрасно объясняется, какъ ея мѣстоположеніемъ, такъ и ея общественными учрежденіями. Ужъ одна наличность каменной твердыни — Рюриковой крѣпости — молчаливо свидѣтельствуетъ о неизбѣжной крѣпостной службѣ на защиту Новгорода, а, слѣдовательно, и о необходимости военно-служилаго сословія въ ней.

Большое количество храмовъ, церквей и монастырей указываетъ, съ одной стороны, на религіозное настроеніе ладожанъ и раннее воспріятіе ими христіанства (нѣкоторыя церкви относятся къ XII в.), а съ другой—на присутствіе въ населеніи элемента духовнаго.

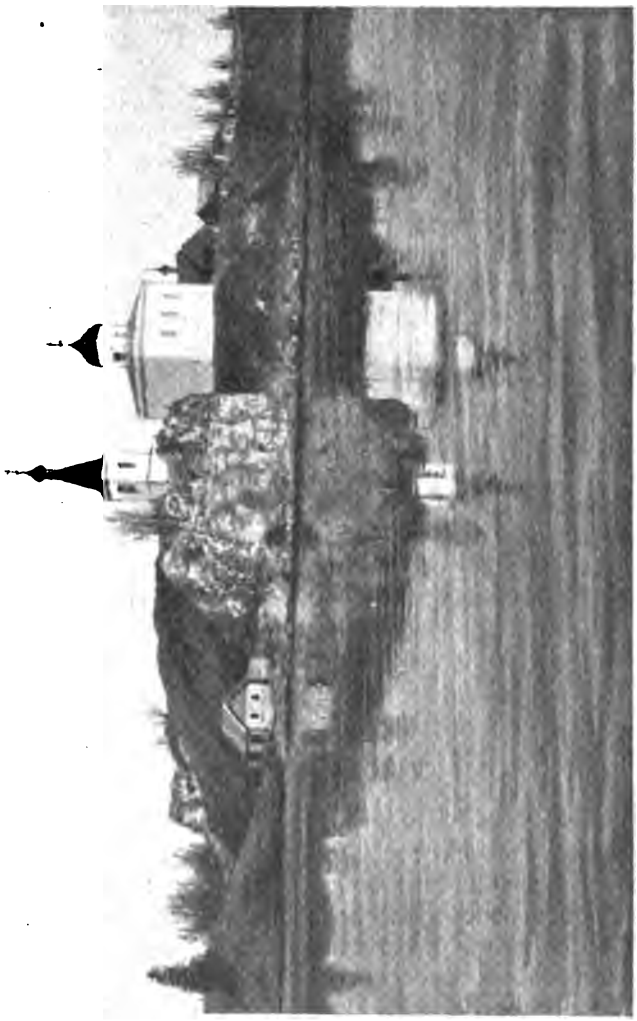
Выгодное мѣстоположеніе Ладоги (она находилась, какъ извѣстно, на Великомъ водномъ пути, по которому велась усиленная торговля Новгорода съ Западомъ), несомнѣнно, должно было способствовать развитію въ ней торговли и промышленности. Отсюда выводимъ, что въ составъ мѣстнаго населенія входили люди торговые.

То же мѣстоположеніе Ладоги способствовало развитію въ ней промысловъ. Не трудно догадаться, что главнымъ изъ нихъ было рыболовство. Обиліемъ рыбы Ладога отличается и понынѣ. Мнѣ пришлось наблюдать современный способъ ловли сиговъ, когда рыбаки высматриваютъ ихъ и подхватываютъ небольшими сачками, стоя въ кожаныхъ одеждахъ среди стремнины.

Наравнѣ съ рыболовствомъ культивировалась въ древней Ладогѣ и другая не менѣе видная отрасль промышленности, а именно—

[1]) Прохоровъ. «Христіанскія древности». 1871.

пчеловодство. Оно, какъ извѣстно, составляло одну изъ важнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ, ибо оброкъ съ него шелъ въ казну князя. Кромѣ того, самый медъ, какъ напитокъ, имѣлъ издревле широкое распространеніе. Въ торговыхъ договорахъ нов-



Южный фасадъ городища.

городцевъ [1]) мы читаемъ слѣдующее: «а въ Ладогу княже слати осетрникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава».

Наконецъ, еще однимъ изъ видовъ промышленныхъ занятій древнихъ ладожанъ было лоцманство. Въ тѣхъ же договорахъ

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

упоминается о наймѣ лоцмановъ для сопровожденія судовъ черезъ волховскіе пороги и обратно.

Что касается управленія Ладоги, то, будучи пригородомъ Новгорода, она находилась въ полной зависимости отъ послѣдняго и управлялась его посадниками. Когда Новгородъ лишился самостоятельности и въ его пригороды были назначены намѣстники,—Ладога и управлялась ими [1]). При Іоаннѣ IV намѣстника смѣнилъ воевода [2]).

Относительно внѣшней жизни древней Ладоги слѣдуетъ замѣтить, что въ качествѣ пограничнаго пункта ей уже съ самыхъ раннихъ временъ неоднократно приходилось видѣть непріятеля, какъ въ своихъ окрестностяхъ, такъ и непосредственно самой выносить всю тяжесть подобныхъ нашествій [3]). Начиная съ X вѣка, Ладога часто терпѣла разоренія отъ вторженій новгородцевъ и шведовъ, однако самой тяжелой эпохой для нея былъ исходъ XVI вѣка (войны Іоанна Грознаго) и все XVII столѣтіе — время смутъ и междуцарствій. Ладога подверглась погрому и опустошенію, побывавъ дважды въ рукахъ непріятеля. Чувствовался ея конецъ, какъ города; дѣйствительно, въ XVIII вѣкѣ по указу Петра Великаго большинство жителей было переведено на устье Волхова, гдѣ въ видахъ проведенія Ладожскаго канала и большихъ удобствъ для судоходства была основана Новая Ладога, къ которой перешло административное значеніе Ладоги прежней, получившей съ этихъ поръ названіе Старой.

Таково, приблизительно, прошлое Ладоги; нынѣ же она представляетъ забытый уголъ, простое селеніе, въ которомъ однѣ величавыя развалины ея древняго Каменнаго городища съ пріютившимся въ немъ маленькимъ храмомъ св. Георгія, современнымъ городищу, молчаливо свидѣтельствуютъ объ исторіи ея прошлаго, о многихъ вѣкахъ, надъ ней пронесшихся, и напоминаютъ случайному путнику о далекихъ временахъ, за которыми теряется документальная исторія нашего отечества!

Мѣстность, занимаемая Каменнымъ городищемъ, представляетъ небольшой возвышенный, слегка покатый къ сѣверу мысъ, образуемый впаденіемъ рѣчки Ладожки въ Волховъ. Съ южной стороны своей мысъ отдѣляется большой поперечной къ Волхову ложбиной, такъ что площадь мыса почти со всѣхъ сторонъ представляется изолированной, и только юго-западной своей частью незамѣтно сливается съ прилегающею мѣстностью. Являясь, такимъ образомъ, пунктомъ выгоднымъ въ фортификаціонномъ отношеніи для занятія его болѣе или менѣе сильнымъ укрѣпленіемъ, упомя-

---

[1]) Писцовая книга 1500 г.

[2]) Списки ладожскихъ воеводъ.

[3]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей.

Николаевскій монастырь.

нутый мысъ представляетъ извѣстныя удобства для того же и по своимъ грунтовымъ условіямъ, ибо подножіе его составляетъ плотный унгулитовый песчаникъ,—естественный фундаментъ для громадныхъ массивовъ крѣпости. Очертанія городища вполнѣ совпадаютъ съ контуромъ мыса, занятаго постройкой, почему и сама крѣпость получила своеобразную форму растянутаго трехугольника или гигантскаго утюга, обращеннаго острымъ концомъ внизъ по теченію Волхова. Кругомъ этого мыса возведены пять башенъ, изъ коихъ три круглыя и расположены по угламъ (Стрѣлочная, Раскатная и Климентовская), а остальныя двѣ, четыреугольныя находятся на серединѣ боковыхъ, фасовъ (Тайничная и Воротная).

Названія всѣхъ ихъ не носятъ характера случайнаго, а вытекаютъ изъ тѣхъ или другихъ условій, присущихъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, напримѣръ, въ зависимости отъ мѣстоположенія. Такъ, Стрѣлочная башня получила свое названіе отъ положенія своего на мысѣ, имѣющемъ форму стрѣлки. Климентовская башня присвоила себѣ это названіе по причинѣ близкаго сосѣдства съ древней церковью св. Климента, находящейся на другой сторонѣ ложбины. Она является «проходною», то есть имѣетъ потаенный выходъ наружу крѣпости, а также и лѣстницы внутри, которыя однако сохранились довольно плохо, съ значительными трещинами въ сводахъ и поврежденіями ступеней, такъ что сообщеніе по нимъ становится затруднительнымъ и небезопаснымъ. Эти проходы и внутреннія лѣстницы, встрѣчающіеся какъ въ Климентовской, такъ и въ Раскатной башняхъ, дали поводъ толкамъ о тайникахъ и подземныхъ ходахъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Тайничная башня получила названіе, вѣроятно, въ зависимости отъ своей своеобразной конструкціи: въ ней находится скрытый ходъ (тайникъ) къ водяному резервуару или колодцу для снабженія гарнизона крѣпости водою. Также и названіе Раскатной башни обусловлено существованіемъ на ней «раската» или мѣста для помѣщенія орудія.

Воротная башня получила свое названіе отъ назначенія для проѣзда.

Нѣкоторыя названія башенъ указываютъ на ихъ позднѣйшее сооруженіе: напримѣръ, Раскатная башня, получившая свое названіе отъ находящагося на ней мѣста для орудія, повидимому, была построена по появленіи огнестрѣльнаго оружія въ древней Руси. Также и Климентовская башня, названная въ честь сосѣдней церкви св. Климента, возможно, была сооружена позже, такъ какъ церковь возникла 40 лѣтъ по построеніи крѣпости.

Башни соединяются полуразрушившимися каменными стѣнами, увѣнчанными рядомъ зубцовъ; рядъ бойницъ со сводчатыми надъ ними амбразурами расположенъ въ одну линію на протяженіи

стѣнъ ограды, и цѣлая система ихъ устроена въ различныхъ этажахъ всѣхъ пяти башенъ.

Матеріаломъ для сооруженія крѣпости послужили необдѣланные валуны, изъ которыхъ и сложена вся громада послѣдней.

Стрѣлочная башня.

Глядя на эти гигантскіе каменные массивы, поражаешься усиліями и энергіей, которыя пошли на сооруженіе подобной твердыни. Какое огромное количество матеріала надо было доставить и сколько тяжкаго труда затратить на втаскиваніе этихъ каменныхъ глыбъ

при кладкѣ стѣнъ и башенъ крѣпости. Мѣстная плита, которой изобилуютъ берега Волхова, повидимому, употреблена на облицовку всей постройки и на выводъ сводовъ. Связующимъ цементомъ служитъ известковый растворъ. Имъ въ изобиліи залита вся кладка; по твердости своей онъ мало уступаетъ камню. Въ настоящее время можно видѣть въ полуразрушенныхъ стѣнахъ крѣпости почти висящіе на воздухѣ валуны, удерживаемые на своемъ мѣстѣ, единственно благодаря прочности скрѣпляющаго ихъ раствора.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ планъ и конструкція всей постройки, сооруженіе которой, вѣроятно, не обошлось безъ участія иностранныхъ мастеровъ господствовавшей тогда на Западѣ романской школы. Дѣйствительно, пятибашенная каменная твердыня нѣсколько напоминаетъ характеръ древнихъ итальянскихъ укрѣпленій съ ихъ башнями по угламъ и по серединѣ длинныхъ фасовъ.

Въ зависимости отъ условій климатическихъ, а также и отъ историческихъ событій сооруженная твердыня съ очень давняго времени, однако, начала клониться къ упадку. Воздвигнутая въ XII вѣкѣ, во времена княженія новгородскаго князя Мстислава: «томъ же мѣстѣ Павелъ посадникъ ладожскій заложи городъ камянъ», говоритъ лѣтописецъ подъ 1114 годомъ,—Рюрикова крѣпость, вѣроятно, уже въ XII, XIII и XIV вѣкахъ подвергалась разрушенію: вспомнимъ, что въ это время сама Ладога много разъ была выжигаема непріятелемъ, что безусловно должно было отразиться и на состояніи самой крѣпости. Начало процесса разрушенія ладожской крѣпости выслѣживается по лѣтописямъ уже съ XV столѣтія. Къ этому времени относятся первые ея ремонты, продолжавшіеся въ XVI и XVII столѣтіяхъ [1]). Въ послѣднемъ донесеніи мы читаемъ (подъ 1698 г.): «тотъ городъ, башни и прясла, всѣ стоятъ безъ кровли и безъ починки многіе годы, и на башняхъ кровлей и въ башняхъ мостовъ нѣтъ; отъ дождя и снѣга все сгнило безъ остатку и провалилось и нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великою нуждою!» Когда же въ XVIII вѣкѣ Ладога потеряла значеніе административнаго и торговаго центра и населеніе переселилось въ Новую Ладогу, то, понятно, никому и дѣла не было до реставраціи и починки прежней твердыни, и лишь въ XIX вѣкѣ, когда сознательное, критическое отношеніе къ нашей родной старинѣ проявилось съ большей силой, Рюрикова крѣпость подверглась серьезному изслѣдованію, сначала отдѣльныхъ личностей (напримѣръ, Прохорова), и, наконецъ, въ 1883 г. императорскимъ археологическимъ обществомъ было предпринято обстоятельное изслѣдованіе крѣпости, результатомъ котораго и былъ трудъ одного изъ членовъ общества—Бранден-

[1]) Бранденбургъ «Старая Ладога».

бурга—«Старая Ладога», давшій мнѣ руководящія идеи въ настоящемъ изложеніи.

Искренно сочувствуя археологическому обществу, изслѣдовавшему старую каменную твердыню, нельзя не выразить сожалѣнія,

Раскатная башня.

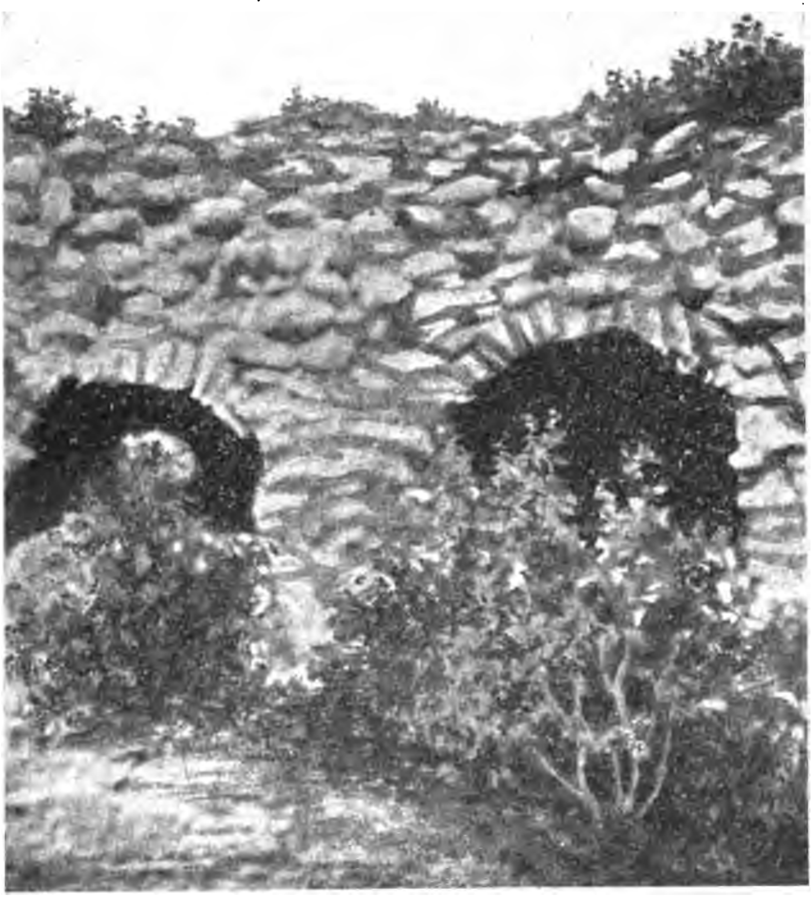
что оно не позаботилось о ея починкѣ, реставраціи, не заботится объ этомъ и теперь. Грустно смотрѣть, какъ при малѣйшемъ толчкѣ отъ шаговъ посѣтителя отдѣльные валуны отцѣпляются отъ массивовъ стѣнъ и грузно падаютъ къ ихъ подножью; также поне-

многу разрушаются и своды внутреннихъ лѣстницъ и проходовъ Раскатной, Климентовской башенъ. Оставленная на произволъ судьбы, бывшая каменная твердыня черезъ нѣсколько десятилѣтій, пожалуй, совсѣмъ распадется, оставивъ по себѣ лишь смутную память въ потомствѣ. Между тѣмъ она, безспорно, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ военнаго зодчества въ древней Руси. Воздвигнутая въ началѣ XII вѣка, новгородская твердыня эта имѣетъ первенствующее значеніе какъ памятникъ, который сохранился до нашихъ дней безъ капитальныхъ измѣненій первоначальной конструкціи и пострадавшій лишь отъ тяжести семи вѣковъ. Подобное явленіе, столь рѣдкое въ наше время, можно объяснить: 1) величавымъ циклопическимъ характеромъ этого сооруженія и своеобразностью его устройства. Такъ, простота конструкціи городища, построеннаго въ эпоху, задолго предшествовавшую появленію огнестрѣльнаго оружія, дѣлала самую крѣпость все болѣе и болѣе несоотвѣтственной развившимся требованіямъ военнаго искусства, а между тѣмъ устройство въ ней соотвѣтственныхъ приспособленій или измѣненій въ самомъ начертаніи крѣпости представляло большія техническія затрудненія,—въ силу чего она и продолжала сохранять свой первоначальный типъ. 2) Неприкосновенности этого древняго памятника должно было много способствовать и топографическое его положеніе. Утративъ въ послѣднее время значеніе пограничнаго пункта и очутившись въ глухомъ, забытомъ углу, крѣпость окончательно обратилась въ заброшенныя развалины, къ которымъ не прикасалась ничья рука съ цѣлью ихъ для чего-либо утилизировать. (Новгородскія стѣны, напримѣръ, въ позднѣйшее время были приспособлены, какъ извѣстно, къ военнымъ цѣлямъ).

Отсюда понятно важное значеніе этого памятника въ археологическомъ отношеніи, какъ древнѣйшаго и, къ счастью, не искаженнаго позднѣйшею передѣлкою.

Какъ бытовой историческій памятникъ, крѣпость уже съ давнихъ временъ, повидимому, представляла глубокій интересъ для нашего народнаго самосознанія. Окутывая, какъ мы видѣли, эти развалины фантастическими преданіями о ея происхожденіи, оно назвало ее—Рюриковой, пріурочивъ къ ней первоначальное пребываніе перваго князя земли русской. Оно же создало цѣлый циклъ поэтическихъ вымысловъ о существованіи въ крѣпости таинственныхъ подземныхъ ходовъ, разныхъ тайниковъ и подземелій, которые будто вели изъ внутренности крѣпости къ различнымъ окрестнымъ пунктамъ. Народныя преданія о происхожденіи крѣпости, какъ выше сказано, имѣли свое основаніе, хотя и были далеки отъ дѣйствительности. Что же касается разсказовъ о тайникахъ, то фактическое существованіе многихъ сводчатыхъ оборонительныхъ приспособленій, входовъ и помѣщеній въ заваленныхъ

снаружи и внутри стѣнахъ и башняхъ крѣпости, существованіе нѣсколькихъ каменныхъ спусковъ или лѣстницъ (въ южномъ фасадѣ, Раскатной и Климентовской башняхъ), зіявшія кое-гдѣ мѣ-



Климентовская башня.

стами загадочныя отдушины—все это, конечно, съ успѣхомъ могло питать народное воображеніе. Однако, произведенныя здѣсь археологическія изслѣдованія (1884 — 85 г.), выяснившія конструктивныя подробности крѣпости, вполнѣ обнаружили несостоятельность

существованія въ ней подземныхъ ходовъ, подземелій и прочее [1]). Если даже эти легенды и не имѣютъ фактической достовѣрности, то онѣ все же, безусловно, интересны и имѣютъ значеніе, какъ характеристика извѣстнаго отношенія мѣстнаго населенія къ тому памятнику, къ которому онѣ пріурочены. Съ этой точки зрѣнія, стоитъ отмѣтить разсказы темнаго староладожскаго люда, голословно повторяющаго небылицы, слышанныя имъ отъ отцовъ и дѣдовъ.

Одинъ изъ такихъ разсказовъ переданъ Прохоровымъ [2]). Разсказъ заключаетъ въ себѣ показаніе нѣкоего мѣщанина Ананьева 70-ти лѣтъ, который въ дѣтствѣ своемъ сопровождалъ отца при попыткѣ послѣдняго проникнуть въ какой-то тайникъ староладожской крѣпости.

Другой разсказъ («Думы на развалинахъ тысячелѣтняго города», помѣщенный въ «Гражданинѣ» 1884 г.) отличается поэтическими подробностями и заключаетъ позднѣйшій пересказъ сочиненнаго авторомъ задолго передъ тѣмъ повѣствованія о похожденіяхъ цѣлой экспедиціи изъ трехъ лицъ, рискнувшихъ проникнуть въ таинства Рюриковой крѣпости. Авторъ разсказа передаетъ слѣдующее:

«Подъ юго-восточною угловою башнею замка уцѣлѣла до сихъ поръ низкая, ветхая дверь по направленію къ рѣкѣ съ желѣзнымъ засовомъ и цѣпью на замкѣ, черезъ которую наши путешественники, получивъ ключъ отъ двери у священника Георгіевской церкви и запасшись фонаремъ, лопатами и ломомъ, отправились на осмотръ любопытнаго прохода. Скоро путникамъ пришлось съ опасностью пробираться въ полумракѣ между рыхлыми отъ сырости и нависшими каменными сводами подводной галереи; стѣны послѣдней были покрыты густой массой блѣдно-зеленой плѣсени, въ которую уходили руки, не встрѣчая ничего твердаго для опоры. Воздухъ становился удушливымъ, надъ головами стоялъ гулъ отъ перекатывавшихся волнъ; кругомъ раздавалось шлепанье отъ движенія отвратительныхъ гадинъ; все это угнетало мозгъ до того, что терялось соображеніе и вязнувшія въ грязной тинѣ ноги отказывались служить. Наконецъ, отъ спертости атмосферы погасъ огонь въ фонарѣ и спички не загорались...

«Смѣлые искатели приключеній едва-едва, гдѣ сгибаясь, гдѣ ползкомъ, выбрались изъ мрачныхъ и душныхъ переходовъ подземелья чрезъ ту же дверь; оказалось, что они протомились въ немъ около часа и, насколько можно предположить по странствованію ихъ въ извилинахъ хода, они заключили, что прошли только нѣсколько саженъ отъ крѣпости, удовлетворяясь однимъ этимъ опытомъ и выводя изъ него дѣйствительность существованія древняго сообщенія крѣпости чрезъ прорытый подъ водою ходъ».

---

[1]) Бранденбургъ. «Старая Ладога».

[2]) Прохоровъ «Христіанскія древности и археологія». 1871 г.

Внутренность церкви св. Георгія.

Итакъ, разсказъ, какъ видимъ, отличается весьма реальными подробностями; но, къ сожалѣнію, какъ онъ, такъ и ему предшествовавшій не составляютъ изложенія личныхъ впечатлѣній и наблюденій самихъ изслѣдователей, а оба передаются изъ вторыхъ рукъ и писаны много лѣтъ спустя послѣ совершенія упомянутыхъ экскурсій.

Возможно, конечно, что будущія раскопки покажутъ наличность тайниковъ; пока же вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно на основаніи сдѣланныхъ въ крѣпости изслѣдованій археологическаго общества.

Въ заключеніе описанія староладожскаго городища остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ древнихъ памятникахъ, ютящихся и понынѣ среди его развалинъ, именно о двухъ храмахъ во имя святыхъ великомучениковъ Георгія и Дмитрія. Каменная церковь во имя св. Георгія представляетъ драгоцѣнный историческій памятникъ, постройка котораго относится къ XII в., т. е. признается современнымъ городищу. На это ясно указываютъ замѣчательныя фрески и древнія надписи XII в., сохранившіяся на стѣнахъ храма. Георгіевскій храмъ является памятникомъ, вполнѣ гармонирующимъ съ окружающими его древними развалинами городища. Наружный видъ церкви въ византійскомъ вкусѣ: четырехугольная, объ одномъ куполѣ, она построена изъ дикаго камня со смѣсью кирпича; стѣны толстыя и еще очень прочныя. Внутренность темная, освѣщенная небольшими продолговатыми окошками; на хорахъ и въ куполѣ окна имѣютъ круглую форму. Своды выведены полукружіемъ и въ такомъ видѣ они расположены до высоты купола; по стѣнамъ продѣланы углубленія въ родѣ нишъ. Надъ входомъ устроена каменная лѣстница, по узкому и темному проходу ведущая на колокольню [1]).

Много измѣненій потерпѣлъ внѣшній видъ храма. Прохоровъ [2]) указываетъ, что въ разныя времена принимались передѣлывать окна, часто прорубая ихъ въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ нерѣдко искажались древнія фрески. Онъ же указываетъ, что въ XV в. была сдѣлана пристройка къ западной сторонѣ церкви, такъ называемая «трапеза», которая [3]) при немъ была перестроена въ другую, длинную теплую церковь съ двумя алтарями и уродливой колокольней, существующей и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, имѣвшая вначалѣ форму обычнаго квадрата, церковь превратилась теперь въ нѣсколько удлиненный четырехугольникъ, и къ одному алтарю съ тремя полукруглыми выступами прибавлены теперь еще

---

[1]) А. Терещенко. «О древностяхъ въ Старой Ладогѣ» (С.-Петербургскія Губернскія Вѣдомости» 1849 г., № 22).

[2]) Прохоровъ. «Христіанскія Древности».

[3]) Романченко. «Святыни и древности Ладоги».

два. Изъ этого мы можемъ заключить, что если древній видъ храма измѣнился во многомъ, то не столько подъ тяжестью пережитыхъ вѣковъ, сколько отъ темнаго усердія своихъ же почитателей. Сюда же отнесемъ и судьбу драгоцѣнной по своей глубокой древности фресковой живописи, покрывавшей когда-то всю внутренность Георгіевской церкви. Существованіе фресокъ впервые было обнаружено въ концѣ XVIII в. преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новогородскимъ. Хотя въ то время онѣ скрывались подъ слоемъ неизвѣстно когда наведенной на нихъ штукатурки, однако находились еще въ цѣлости. Далѣе, въ первой половинѣ IX в. наложили на нихъ руки новѣйшіе ревнители храмоваго благолѣпія, рѣшившіе по случаю производившагося ремонта церкви отбить множество фресокъ и заштукатурить стѣны вновь, что и было осуществлено съ полнымъ успѣхомъ, а немногія уцѣлѣвшія затѣмъ изображенія были забѣлены известью. Слухъ объ этомъ дошелъ до духовной консисторіи, которая въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія распорядилась очисткою оставшихся фресокъ и предписала охранить ихъ отъ всякихъ поврежденій. Къ этому времени и относится работа Прохорова надъ фресками Георгіевскаго храма. Прохоровъ съ большою тщательностью очистилъ немногія уцѣлѣвшія фрески, срисовалъ ихъ и вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ самой церкви помѣстилъ въ своемъ изданіи. Положительно больно читать тѣ строки, которыя Прохоровъ посвящаетъ описанію того состоянія фресокъ, въ которомъ онъ ихъ засталъ «Во время исправленія церкви,—пишетъ онъ,—фрески погибли самымъ варварскимъ образомъ, топорами и ломами разбили почти всѣ эти фрески и свалили эту драгоцѣнность, какъ негодный мусоръ, въ одну изъ полуразвалившихся башенъ крѣпости. Только случайно нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и то были именно тѣ, которыя штукатуры не считали необходимымъ отбивать и заштукатурили. По счастью, въ куполѣ фрески остались нетронутыми. Нѣкоторыя изъ нихъ отъ сырости подернулись земляною плѣсенью».

Наилучше сохранившаяся фреска находится въ дьяконникѣ и изображаетъ патрона церкви св. Георгія Побѣдоносца. Мы видимъ на фрескѣ и спасенную имъ царевну и побѣжденное имъ же чудовище, которое царевна ведетъ за собою на лентѣ, и даже башню, гдѣ помѣщаются зрители совершившагося чуда. Георгій изображенъ въ воинскихъ доспѣхахъ, верхомъ на свѣтломъ конѣ. Изъ предметовъ церковнаго обихода, принадлежавшихъ когда-то Георгіевскому храму, сохранился лишь одинъ и находится нынѣ въ императорскомъ Эрмитажѣ. Онъ представляетъ родъ небольшого желѣзнаго ящика съ искривленнымъ прорѣзомъ наверху, привѣшеннаго на цѣпи къ размыкающемуся кольцу, которое, видимо, надѣвалось на шею, при чемъ весь приборъ, вѣроятно,

предназначался служить чемъ-то вродѣ церковной кружки для сбора подаянія.

Другой храмъ въ городищѣ—маленькая деревянная церковь во имя св. Дмитрія Солунскаго—находится рядомъ съ Георгіевскимъ храмомъ. Онъ, вѣроятно, прежде игралъ роль теплой церкви и предназначался для зимнихъ богослуженій [1].

О времени построенія церкви св. Дмитрія свѣдѣній точныхъ не имѣется, но, судя по тому, что о ней умалчивается въ переписной книгѣ 1500 г. и что въ 1730 г. ее пришлось разобрать за ветхостью, можно заключить, что она сооружена въ началѣ XVII столѣтія, такъ какъ предполагать, что она построена въ XVI столѣтіи трудно, ибо въ смутное время при занятіи крѣпости непріятелемъ ей невозможно было спастись отъ разоренія [2]). Извѣстно также, что Дмитріевскій храмъ въ началѣ XVIII в. сталъ разрушаться, былъ раза два поправляемъ; однако, процессъ паденія шелъ своимъ чередомъ, такъ что Бранденбургъ въ 1896 г. описываетъ его состояніе въ слѣдующихъ краскахъ:

«Дмитріевскій храмъ находится уже въ состояніи полнаго разрушенія, такъ какъ, поддерживаемый ремонтомъ, представляетъ только печальную руину, ежечасно грозящую паденіемъ».

А между тѣмъ въ 1901 г. на средства частнаго лица Дмитріевскій храмъ возобновляется подъ руководствомъ гражданскаго инженера Н. Ф. Романченко, который въ своей статьѣ «Святыни и древности Старой Ладоги» указываетъ на свою заслугу. Однако мнѣ лично грустно было смотрѣть на эту реставрацію; дѣйствительно, что же осталось отъ древняго храма? Однѣ лишь царскія врата, которыя по своему характеру и живописи относятся къ началу XVI в. Н. Ф. Романченко построилъ совсѣмъ новый срубъ, уничтоживъ окончательно старый остовъ церкви и не сохранивъ въ цѣлости остатка нашей дорогой старины! Дмитріевская церковь въ томъ возобновленномъ состояніи, въ которомъ мы видимъ ее теперь, съ ея вылощеннымъ новымъ срубомъ и аккуратно спиленными досками, представляетъ полную дисгармонію съ окружающими вѣкодавними развалинами Каменнаго городища и фресками XII ст. въ храмѣ св. Георгія.

Мы уже не можемъ болѣе присоединиться къ восторженному отзыву г-на Тюменева [3]) о той картинѣ, которая представилась ему при взглядѣ на церковь Дмитрія Солунскаго (Тюменевъ посѣтилъ Старую Ладогу въ 1893 г.): «Мы вошли въ городище,—пишетъ онъ,—и ахнули отъ восторга: предъ нами во всей своей прелести открылась картина сѣдой нетронутой старины. На пригоркѣ, окру-

---

[1]) Романченко. «Святыни и Древности Ладоги».

[2]) Изъ бумагъ Георгіевской церкви.

[3]) Тюменевъ. «Изъ Варягъ въ Греки» («Историческій Вѣстникъ» 1893 г., апрѣль).

женная молодыми деревцами и высокими кустами пышной зелени, стояла небольшая деревянная церковь св. Дмитрія Солунскаго со старымъ характернымъ куполомъ и еще болѣе характернымъ обветшалымъ крылечкомъ!».

И въ данномъ случаѣ приходится присоединиться къ всеобщему, хотя и пресловутому воплю о небрежности нашей реставраціи. Невольно при этомъ вспоминается фреска Софійскаго собора въ Кіевѣ, изображающая святыхъ Вѣру, Надежду, Любовь и Софію, по ошибкѣ воспроизведенныхъ на мѣстѣ древней фрески «жертвоприношеніе Исаака».

Итакъ, надо надѣяться, что подобные горькіе примѣры заставятъ насъ, русскихъ, встрепенуться и съ большимъ благоговѣніемъ относиться къ памятникамъ своего прошлаго и этимъ самымъ воздѣйствовать, какъ на археологовъ, предающихъ разрушенію остатки родной старины, такъ и на реставраторовъ, искажающихъ до неузнаваемости ихъ первоначальный видъ!

Н. Девель.

ИСТОРІЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦЕНЗУРЫ ВЪ С. ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(Соціологическій очеркъ).

ПО СТРАННОЙ игрѣ судебъ впервые писать исторію американской литературной цензуры доводится человѣку русскаго происхожденія и образованія. Если вообще нелегко пролагать новую тропу даже въ родной и извѣданной землѣ, то сколь много труднѣе пролагать ее въ странѣ чужой, а тѣмъ болѣе въ странѣ такого соціальнаго хаоса и такого моральнаго омута, какіе составляютъ главную и неотъемлемую особенность «страны свободы». Поэтому авторъ позволяетъ себѣ надѣяться на благосклонное снисхожденіе русскаго читателя къ тѣмъ промахамъ и недостаткамъ, какіе могутъ оказаться въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, посвященномъ предмету столь же важному, сколь и неизвѣстному, неизвѣстному не только цивилированному міру вообще, но даже и самимъ американцамъ. Конечно, найдется въ этой такъ называемой «странѣ свободнаго и жилищѣ храбраго», какъ любятъ величать себя сами американцы, около дюжины наиболѣе передовыхъ писателей или, точнѣе говоря, публицистовъ, которымъ въ большей либо меньшей степени знакома исторія, главнымъ образомъ современная исторія американской цензуры. Однако эти «вѣдущіе» не составляютъ даже и капли въ морѣ почти восьмидесятимилліоннаго народа. Почему именно никто изъ этихъ столь намногихъ вѣдущихъ до сего времени не взялся написать хотя бы краткую исторію американской цензуры, сказать очень трудно. Повидимому, человѣческая природа по всему земному шару одинакова, и мудрая русская пословица «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится»

представляется равно приложимой и къ американцу. До тѣхъ поръ, пока цензоръ «страны свободы» не нажималъ черезчуръ сильно, изъ сыновъ ея, отличающихся вообще колоссальнымъ терпѣніемъ, даже наиболѣе передовые писатели не «разглагольствовали» по этому предмету и не особенно надъ нимъ задумывались. Что же касается остальной части «народа Соединенныхъ Штатовъ» или, точнѣе говоря, всего американскаго народа за изъятіемъ небольшой горсточки наиболѣе передовыхъ его писателей, то онъ настолько занятъ погоней за «всемогущимъ долларомъ» (Almighty Dollar) и настолько поглощенъ поклоненіемъ сему своему божеству, что по немъ хоть трава не расти и онъ относится съ совершеннымъ безразличіемъ къ «подавленію» (suppression) какихъ бы то ни было литературныхъ произведеній. Единственнымъ печатнымъ словомъ, «подавленіе» котораго могло бы его встревожить и расшевелить, является текстъ акцій, облигацій и кредитныхъ билетовъ, да, пожалуй, еще въ мѣстностяхъ съ населеніемъ болѣе чистаго англійскаго происхожденія—библія. Неудивительно поэтому, что такой предметъ, какъ эволюція американской литературной цензуры, до сего времени остается безъ своего лѣтописца.

Американская цензура ведетъ свое начало съ 1873 года. Историческая объективность вынуждаетъ насъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, по крайней мѣрѣ, объ интеллектуальномъ и моральномъ обликѣ того конгресса, который провелъ законъ, явившійся зачаткомъ и краеугольнымъ камнемъ современной американской литературной цензуры. Обликъ этотъ находитъ свое наилучшее отраженіе въ печати того времени. По поводу его закрытія извѣстная газета «New York Herald» въ нумерѣ отъ 2 марта 1873 года говоритъ: «Схватка по поводу предложенія объ увеличеніи членамъ конгресса окладовъ жалованья, разыгравшаяся въ сегодняшнемъ засѣданіи нижней палаты, была положительно смѣхотворной, благодаря образу дѣйствій ея членовъ. Всѣ они сгорали желаніемъ добиться увеличенія жалованья, но боялись это высказать, зная превосходно, что нынѣ именно конгрессъ не пользуется уваженіемъ народа настолько, чтобы считаться заслуживающимъ увеличенія жалованья... Этотъ конгрессъ, создатель обмановъ Credit Mobilier, былъ занятъ до поздняго часа сегодня утромъ, подготовляясь къ оставленію жизни, имѣющей прерваться завтра во мракѣ безславія... Сенаторы заняты были пропускомъ бюджетныхъ назначеній, которыхъ обманный и грабительскій характеръ не можетъ быть обнаруженъ впопыхахъ послѣднихъ часовъ законодательной дѣятельности и которыя иногда остаются тайной для всѣхъ, кромѣ заинтересованныхъ сторонъ. Въ палатѣ представителей сумятица и возбужденіе были еще большими, нежели въ сенатѣ, и, безъ сомнѣнія, среди безпорядка и подъ покровомъ патріотизма и честности учинены были обычныя позднечасовыя воровства». Другая извѣст-

ная американская газета «New York Sun» въ нумерѣ отъ 4 марта 1873 года говоритъ: «Существуетъ ли какая-либо безчестность, какой конгрессъ не оправдаетъ и не одобритъ, какая-либо гнусность, какую каждая палата не усвоитъ смѣло, какъ свою собственную? Существуетъ ли какой-либо предѣлъ для этого хода публичнаго офиціальнаго униженія? Одно лишь негодованіе народа въ состояніи дать надлежащее разрѣшеніе этой задачѣ... Въ теченіе послѣднихъ ста пятидесяти лѣтъ были болѣе славныя законодательныя собранія, нежели настоящее, но мы не припоминаемъ болѣе безславнаго. Были совѣстливые люди какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ, но съ перваго же взгляда положеніе дѣлъ говоритъ противъ означенныхъ учрежденій въ ихъ цѣлокупностяхъ и впредь до конца нынѣшняго столѣтія принадлежность къ этому конгрессу будетъ возлагать на каждаго изъ членовъ его обязанность доказать предъ лицомъ общественнаго мнѣнія, что онъ не есть человѣкъ безчестный. Вся сессія этого конгресса ознаменована рядомъ позорныхъ дѣяній, не имѣющихъ себѣ параллели въ исторіи... Это конгрессъ, который какимъ-либо Маколеемъ будущаго столѣтія будетъ признанъ болѣе позорнымъ, нежели тотъ англійскій парламентъ, который создалъ знаменитую махинацію Low по отношенію къ Мисиссипи, и болѣе продажнымъ, нежели тѣ англійскіе парламенты, которыхъ Walpole обыкновенно покупалъ точно такъ же, какъ овецъ-мериносовъ и фландрскихъ жеребцовъ для разведенія въ своемъ имѣніи въ Sussex». Третья извѣстная американская газета «New York Tribune» въ нумерѣ отъ 4 марта 1873 говоритъ: «Конгрессъ этотъ цѣликомъ характеризовался небывалой небрежностью въ отношеніи общественныхъ дѣлъ въ раннихъ стадіяхъ своей сессіи и сумятицей въ исходѣ своемъ. Сенатъ отличался духомъ препятствованія, партійностью и небывалой продажностью. Принимая во вниманіе малочисленность членовъ сего послѣдняго, онъ оказался выдающимся по своей безнравственности». Наконецъ четвертая изъ наибольшихъ и наиболѣе распространенныхъ американскихъ газетъ «New York Times», въ нумерѣ отъ 5 марта 1873 года говоритъ: «Никто, кто читалъ даже лишь относительно краткія сообщенія Associated Press, не могъ не замѣтить поспѣшности и хаоса, какіе царствовали въ послѣдніе часы конгресса. Безполезно отрицать, что подобное положеніе вещей даетъ большіе шансы на учиненіе всяческихъ обмановъ и представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что шансы эти использованы. Однако если бы даже конгрессъ состоялъ въ обѣихъ вѣтвяхъ своихъ изъ вполнѣ непорочныхъ людей, то и въ такомъ случаѣ было бы невозможно избѣжать большого вреда для интересовъ общественныхъ при существующихъ методахъ вершенія дѣлъ. Законопроекты, скопляющіеся въ концѣ сессіи, суть именно тѣ, которые должны были бы быть тщательно обсуждены, которыхъ цѣль и дѣйствіе наименѣе возможно ура-

зумѣть путемъ быстраго просмотра. Сорокъ второй конгрессъ, закрывшійся вчера въ полдень, въ теченіе своей сессіи участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ событій нашей новѣйшей исторіи. Общественное вниманіе привлечено нынѣ къ тѣмъ бурнымъ и прискорбнымъ сценамъ, среди которыхъ онъ закончилъ свою карьеру». Вся американская печать того времени, безъ различія партій и оттѣнковъ политическихъ убѣжденій, отзывается о сорокъ второмъ конгрессѣ въ выраженіяхъ, полныхъ осужденія, болѣе или менѣе смѣшаннаго съ негодованіемъ.

Обстоятельство это представляется важнымъ для освѣщенія способа проведенія закона, создавшаго литературную цензуру въ Соединенныхъ Штатахъ. За рѣдкими исключеніями законы проводятся въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» лицами, «заинтересованными» въ томъ или иномъ «мѣропріятіи». Такимъ образомъ частный, а не общественный, интересъ является одухотворяющей и движущей силой американскаго законодательства. Законъ 3 марта 1873 года проведенъ былъ группой частныхъ лицъ, заявившихъ себя оберегателями и блюстителями «общественной нравственности», большая часть которыхъ до сего времени занимаетъ платныя должности въ волонтерской полицейской ассоціаціи, извѣстной подъ именемъ «общества для подавленія порока» (Society for the Suppression of Vice). Главное изъ этихъ частныхъ лицъ, нѣкій Anthony Comstock, являвшійся послѣдовательно агентомъ, секретаремъ и наконецъ предсѣдателемъ сего частнаго полицейскаго общества, существуетъ исключительно на получаемое имъ отъ сего послѣдняго жалованье и получаетъ сверхъ таковаго еще особые «сборы» отъ каждаго возбужденнаго имъ «дѣла». Другое изъ лицъ этихъ—это извѣстный американскій ханжа, публично заявившій, что онъ вѣруетъ въ «обманъ всякаго рода» для достиженія «благихъ цѣлей». Третье наконецъ изъ лицъ этихъ, состоя засимъ предсѣдателемъ сего пресловутаго «общества», было изобличено публично, т. е. путемъ печати, въ явномъ и скандальномъ нарушеніи того самаго закона, къ проведенію котораго было приложено имъ столько стараній и избѣгло судебнаго за означенное нарушеніе преслѣдованія лишь благодаря тугой мошнѣ и связямъ. При подобныхъ обстоятельствахъ представляется высокознаменательнымъ, что законъ, явившійся краеугольнымъ камнемъ нынѣшней системы американской цензуры печати и искусства, прошелъ чрезъ конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ въ два часа по полуночи въ ночь со 2 на 3 марта 1873 года безо всякаго обсужденія и какихъ бы то ни было дебатовъ среди подавляющаго множества разныхъ иныхъ законовъ, по преимуществу о смѣтныхъ назначеніяхъ.

Законъ 3 марта 1873 года, вообще носящій въ Соединенныхъ Штатахъ наименованіе «комстоковскаго закона», по имени главнаго его старателя, проводителя, осуществителя и примѣнителя, выше-

помянутаго Anthony Comstock, нынѣ является въ видѣ статьи 3893 свода законовъ Соединенныхъ Штатовъ, которая гласитъ: «Всякая неприличная, порочная либо похотливая книга, брошюра, картина, газета, письмо, печатный листъ либо какое бы то ни было изданіе непристойнаго свойства не допускаются къ пересылкѣ по почтѣ, и всякое лицо, которое сознательно сдастъ на почту либо распорядится сдать на почту что бы то ни было, настоящей статьей объявленное неподлежащимъ почтовой пересылкѣ и не допускаемымъ къ таковой, подвергается за всякое нарушеніе подобнаго рода въ судебномъ порядкѣ штрафу до 5000 долларовъ либо тюремному заключенію, сопряженному съ тяжкими работами, до 5 лѣтъ либо обоимъ вышепомянутымъ наказаніямъ вмѣстѣ, по усмотрѣнію суда». Способы и характеръ примѣненія этого закона на практикѣ наилучше обнаруживаются изъ главнѣйшихъ дѣлъ этого рода, возникавшихъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ его дѣйствія, къ изображенію которыхъ мы поэтому и переходимъ.

Въ городкѣ Industry штата Kansas проживалъ долгіе годы нѣкій книгопродавецъ Jacob Wise, являвшійся, несомнѣнно, самымъ почтеннымъ его гражданиномъ. Будучи человѣкомъ весьма начитаннымъ, Вайзъ однажды въ 1882 году пустился дебатировать съ мѣстнымъ проповѣдникомъ о. H. B. Vennum вопросъ о происхожденіи священнаго писанія. Въ то время, какъ о. Виннумъ, выражая полное свое изумленіе тому, что гражданинъ столь почтенный и солидный, какъ книгопродавецъ Вайзъ, ударился въ вольнодумство, настаивалъ на несомнѣнности божественнаго происхожденія Библіи во всемъ ея составѣ, Вайзъ отрицалъ, что всѣ части священнаго писанія являются равно выраженіемъ божественнаго откровенія, утверждая, что многія изъ таковыхъ имѣютъ чисто историческій характеръ. Продолжительные дебаты по этому вопросу, происходившіе въ присутствіи всѣхъ именитыхъ гражданъ городка, въ концѣ концовъ склонились къ полной побѣдѣ книгопродавца. Желая завершить свой диссертаціонный тріумфъ рѣшительнымъ ударомъ, книгопродавецъ Вайзъ послалъ о. Виннуму открытое письмо, все содержаніе котораго ограничивалось единственно воспроизведеніемъ стиха 12 главы 36 книги пророка Исаіи, съ указаніемъ, конечно, источника цитаты и страницы Библіи. Будучи окончательно побитъ, взбѣшенный протестантскій священникъ возбудилъ противъ велемудраго книгопродавца уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ пересылкѣ по почтѣ неприличнаго письма. Будучи по вышеозначенному обвиненію преданъ суду, такъ называемому большому суду присяжныхъ (американская обвинительная камера), Вайзъ отпечаталъ циркулярное письмо ко всѣмъ гражданамъ своего графства (низшая административная единица, соотвѣтствующая уѣзду) и всей страны, въ которомъ онъ между многими иными вещами говоритъ:

«Я обращаюсь къ вамъ, сограждане, потому, что я не намѣренъ быть законопаченъ въ тюрьму безъ того, чтобы мои сограждане и соотечественники знали, изъ-за чего все это произошло.

«Этотъ проповѣдникъ, будучи побитъ въ диспутѣ, впалъ во гнѣвъ и постарался подобнымъ воровскимъ образомъ, при посредствѣ этого позорнаго закона, отомстить противнику, котораго мыслительныя способности оказались для него слишкомъ большими.

«Онъ претендуетъ слѣдовать велѣніямъ Христа, отъ котораго исповѣдуемая имъ религія получила свое наименованіе, а между тѣмъ въ то время, какъ Христосъ училъ: «я былъ боленъ и въ темницѣ и вы навѣстили меня» (Матѳея, XXV, 31—46), этотъ современный христіанинъ ввергаетъ ближняго своего въ темницу, пользуясь позорнымъ закономъ, единственно для удовлетворенія своего низкаго озлобленія по поводу своего побитія въ диспутѣ.

«Если велѣніе Христа «взыскуйте писанія» имѣетъ какое-либо значеніе, то примѣнимо ли оно ко всему священному писанію, или же лишь къ тѣмъ его частямъ, которыя выберетъ современный христіанинъ, какъ не заключающія въ себѣ неприличій?

«Если неприлично для гражданина списать одинъ лишь стихъ изъ Библіи, то сколь неприличнѣе публиковать всю Библію, въ которой имѣется много подобныхъ стиховъ, и насколько неприличіе такое увеличивается и усугубляется путемъ изданія Библіи въ тысячахъ экземпляровъ и разсылки оныхъ по всей странѣ?

«Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ примѣнять законъ о неприличіи къ крупнымъ издателямъ, публикующимъ Библію прежде, чѣмъ нападать на единичную личность, дѣйствіе которой, если только сіе послѣднее можетъ быть признано проступкомъ, представляется столь ничтожнымъ?»

Несмотря, однако, на всѣ свои доводы, Вайзъ былъ осужденъ и приговоренъ къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 50 долларовъ. При всей видимой своей неважности процессъ этотъ не можетъ не представляться изумительнымъ для всякаго сколько-нибудь способнаго мыслить. Такъ какъ съ точки зрѣнія чисто христіанской священное писаніе представляется божественнымъ откровеніемъ, т. е. словомъ самого Всевышняго, то осужденіе книгопродавца Вайза за буквальное списаніе одного стиха изъ книги пророка Исаіи оказывается, несомнѣнно, осужденіемъ самого Творца вселенной въ распространеніи неприличной литературы. Осужденіе такое представляется тѣмъ болѣе достопримѣчательнымъ, что обвиненіе, являвшееся въ сущности обвиненіемъ того, кто признается христіанскимъ ученіемъ авторомъ Библіи, было предъявлено и ведено служителемъ Божіимъ, христіанскимъ священникомъ. Дальнѣйшіе комментаріи къ этому процессу или, точнѣе говоря, литературному процессу, мы считаемъ съ нашей стороны излишними и предоставляемъ русскому читателю самому судить о достоинствахъ какъ его самого, такъ и того закона, на которомъ онъ основывался.

Walter Whitman является не только величайшимъ изъ американскихъ поэтовъ, но точно также и однимъ изъ величайшихъ поэтовъ всего человѣчества. Наиболѣе замѣчательное изъ поэтическихъ его твореній (онъ писалъ точно также и прозой), томъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Листья Травы» (Leaves of Grass) впервые изданъ былъ въ 1855 году. Твореніе это было встрѣчено единодушнымъ и горячимъ одобреніемъ со стороны выдающихся ученыхъ, писателей и критиковъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Европѣ. Такіе крупные персонажи того времени, какъ Торо, Сомнеръ, Буррохсъ, Розетти, профессоръ Clifford, профессоръ Tyrell, Фрейлигратъ, Рескинъ и наконецъ Эмерсонъ, слали автору «Листьевъ Травы» свои привѣтствія и похвалы. Въ особенности заслуживаетъ вниманія безусловное и въ высокой степени искреннее одобреніе Эмерсона. Знаменитый англійскій поэтъ, поклонникъ Rabelais, Montaigne и Shakspeare, въ особомъ письмѣ къ Walter Whitman выражаетъ свое мнѣніе о его твореніи, являющееся по существу признаніемъ со стороны одного великаго таланта произведенія другого великаго таланта. Эмерсонъ именуетъ поэму «Листья Травы» самымъ выдающимся образчикомъ разума и мудрости, какой только Америка до того времени производила, поздравляетъ автора со свободой и силой его мышленія и цитируетъ тѣ мѣста, которыя привели его въ особое восхищеніе. При всемъ томъ однако всегда было въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» поразительное множество людей неспособныхъ разумѣть глубины мысли, самобытности взгляда, оригинальности и изящества литературнаго слога. Со стороны этого «большинства» величайшій изъ поэтовъ американскихъ подвергался всяческимъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Однако послѣ цѣлой четверти вѣка преслѣдованій и страданій Walter Whitman получилъ отъ извѣстной въ то время издательской фирмы Osgood & Co предложеніе выпустить его книгу въ свѣтъ новымъ изданіемъ. Изданіе бостонской издательской фирмы вскорѣ появилось и стало расходиться съ неимовѣрной быстротой, какъ вдругъ лѣтомъ 1882 нѣсколько газетныхъ кропателей, отчасти вслѣдствіе наущенія, отчасти благодаря подкупу со стороны нѣсколькихъ духовныхъ, подняли вой о «неприличіи» знаменитой поэмы или, точнѣе говоря, собранія поэмъ. Та же группа лицъ припугнула бостонскаго почтмейстера и его канцелярскихъ служителей, и въ результатѣ «доброму сѣдовласому поэту» предложено было «выпустить» извѣстныя мѣста изъ его книги. На предложеніе это, имѣвшее характеръ требованія или, точнѣе говоря, оффиціальнаго требованія, Whitman отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Тогда бостонскій прокуроръ Oliver Stevens обратился къ издателямъ книги съ письмомъ, въ которомъ требовалъ отъ нихъ прекращенія продажи книги подъ угрозой возбужденія противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія «на основаніи законовъ о неприличной литературѣ». Вслѣдъ за тѣмъ, хватив-

шись однако, что онъ зашелъ черезчуръ далеко, прокуроръ видоизмѣнилъ свое требованіе въ томъ смыслѣ, что если они желаютъ продолжать изданіе книги, то должны выпустить изъ нея извѣстныя мѣста, счетомъ 20, имъ приводимыя. Представляется высокознаменательнымъ, что въ числѣ 20 мѣстъ книги, бостонскимъ прокуроромъ приводимыхъ, какъ неприличныя и подлежащія выпуску въ будущихъ ея изданіяхъ, оказывается цѣлыхъ 14 тѣхъ именно, которыя знаменитый англійскій поэтъ и критикъ Эмерсонъ призналъ созданіями творческаго генія и перлами поэтическаго творчества. Однако издатели струхнули и прекратили изданіе книги, тѣмъ самымъ нарушивъ свой контрактъ съ престарѣлымъ поэтомъ. Въ этотъ моментъ однако выступаетъ на сцену дѣйствія человѣкъ необычайнаго интеллекта и еще болѣе необычайнаго, по крайней мѣрѣ для «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», гражданскаго мужества. Таковымъ оказался нѣкій Benjamin P. Tucker, редакторъ газеты «Liberty». Онъ не только сталъ систематически объявлять о продажѣ книги «Листья Травы» самой редакціей, но и сверхъ сего опубликовалъ въ своей газетѣ открытое письмо нижеслѣдующаго содержанія:

«Оливеру Стивенсу, прокурору графства Сюффолькъ; Джорджу Мэрстону, генеральному прокурору штата Массачусетсъ; И. С. Тоби, бостонскому почтмейстеру; Антонію Комстоку, секретарю и генеральному агенту общества для подавленія порока, и всѣмъ прочимъ противникамъ газеты «Свобода», до которыхъ сіе можетъ относиться.

«Всѣ вы вообще, а вы, Оливеръ Стивенсъ, въ особенности симъ опредѣлительно поставляетесь въ извѣстность, что имѣю въ своемъ владѣніи и нынѣ пускаю въ продажу экземпляры вышепоименованнаго сочиненія. Если всѣ вы, либо одинъ изъ васъ, полагаете либо прикидываетесь полагающими, что, продавая вышеобъявляемую книгу, я нарушаю законъ и совершаю незакономѣрное дѣйствіе, то вы приглашаетесь испробовать, найдется ли во штатѣ Массачусетсъ двѣнадцать человѣкъ, надлежащимъ образомъ избранныхъ по жребію, которые были бы настолько ханжами, либо отличались бы такою нетерпимостью, либо являлись бы такими слѣпцами, чтобы раздѣлять либо притворяться раздѣляющими вашъ взглядъ либо притязаніе на взглядъ. При этомъ, дабы избѣжать излишнихъ хлопотъ и сдѣлать доказательство продажи полнымъ и неоспоримымъ, я предлагаю, по полученіи отъ кого бы то ни было изъ васъ заказа на экземпляръ сего сочиненія, доставить таковой самолично, собственной своей особой, въ такое мѣсто въ Бостонѣ, какое вамъ угодно будетъ назначить и получить причитающуюся за оный плату.

«Вашъ непочтительнѣйше
«Benjamin R. Tuckér».

Несомнѣнно, русскому читателю вышеприведенное письмо не покажется особо смѣлымъ. Между тѣмъ представлялось и понынѣ представляется въ подобныхъ случаяхъ 90 шансовъ на 100, что эти двѣнадцать присяжныхъ засѣдателей, будучи сбиты съ толку краснорѣчіемъ прокурора, торжественностью судебной процедуры, ухищреніями невѣжественнаго и недобросовѣстнаго судьи (какихъ въ «странѣ свободы» подавляющее большинство) и наконецъ собственными предразсудками, вынесли бы обвиняемому въ продажѣ «Листьевъ Травы» обвинительный приговоръ. Поэтому вызовъ, брошенный Веньяминомъ Токеромъ, былъ актомъ истиннаго и неподдѣльнаго героизма. Будучи поддержанъ могущественными голосами изъ Англіи, онъ заставилъ представителей «общества для подавленія порока» или, точнѣе говоря, Антонія Комстока, являющагося американскимъ Торквемадой, и должностныхъ лицъ, сначала было его поддерживавшихъ, отрезвиться и прекратить дѣло. Такимъ образомъ лишь послѣ цѣлыхъ двадцати семи лѣтъ преслѣдованія удалось наконецъ престарѣлому поэту Walter Whitman добиться права безпрепятственнаго изданія главнаго изъ своихъ произведеній, являющагося однимъ изъ величайшихъ поэтическихъ твореній на англійскомъ языкѣ и однимъ изъ крупнѣйшихъ твореній литературы всемірной.

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе, въ хронологическомъ порядкѣ, разныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» на почвѣ закона о почтовой цензурѣ произведеній литературы и искусства, прошедшаго, какъ сказано уже выше, такъ сказать, воровскимъ манеромъ въ 1873 году, слѣдуетъ отдать дань справедливости той незначительной горсточкѣ американскаго интеллигентнаго класса, которая понимала дѣйствительную цѣль сего закона и ту бездну злоупотребленій, какимъ онъ открывалъ широкій путь. Такъ, столь давно, какъ еще въ 1876 г., и такое даже изданіе, какъ «New York Methodist», изданіе вѣроисповѣдное, журналъ методистской церкви въ Соединенныхъ Штатахъ, подвергаетъ означенный законъ самой серьезной критикѣ. Въ нумерѣ этого изданія отъ 12-го февраля 1876 года читаемъ:

«Принимая на себя пересылку почты, правительство не можетъ въ то же время принимать на себя какой бы то ни было отвѣтственности въ томъ, что именно идетъ по почтѣ. Обольстители, воры и убійцы употребляютъ почтовыя сообщенія въ цѣляхъ обмана, хитросплетенія и погубленія. Такимъ образомъ, согласно логикѣ нѣкоихъ людей, каждое правительство помогаетъ развращать женщинъ, вламываться въ банки и отымать человѣческую жизнь. Вѣдь сообщенія, влекущія за собой подобные результаты, безпрерывно доставляются почтовыми властями. Всякія пресѣченія, которыя согласуются со свободой, мы искренне одобряемъ Однако мы не можемъ признать въ то же время, чтобы самомалѣй-

шая отвѣтственность могла падать на правительство за тѣ грѣхи, которые совершаются посредствомъ пользованія его услугами этого рода.

«Испрашиваемой властью, несомнѣнно, будутъ злоупотреблять. Мы помнимъ, какъ южные почтмейстеры отказывались отъ доставленія газеты «Tribune» ея подписчикамъ на томъ основаніи, что она представляла собой «воспламеняющее содержаніе». Незачѣмъ объяснять кому бы то ни было, что въ теченіе всякой выборной кампаніи политическая партія, находящаяся у кормила правленія, стала бы употреблять свою власть для воспрепятствованія противной политической партіи вести выборную дѣятельность и что неприкосновенность частной корреспонденціи подвергалась бы зависимости отъ потребностей партизановъ либо прихотей невѣжественныхъ или разнузданныхъ почтмейстеровъ. Инспекція почтоваго мѣшка является знаменіемъ самого чудовищнаго деспотизма. Подобная вещь была доведена до такого вульгарнаго безстыдства въ Италіи, что путешествующіе по этой странѣ, являвшіеся въ ея почтовыя учрежденія за своей корреспонденціей, получали безстыдный отвѣтъ, что таковая не была еще прочитана почтовыми властями.

«Зло должно быть пресѣкаемо иными путями. Свобода имѣетъ свои собственныя вредныя стороны, однако она во сто кратъ цѣннѣе наилучшаго деспотизма. Люди, которые желали бы пресѣчь грѣхъ грубой силой, полагаютъ, что они такимъ обрязомъ пресѣкаютъ только лишь грѣхъ. Папа Пій IX воображалъ, что онъ подавлялъ грѣхъ лишь, управляя самымъ порочнымъ и невѣжественнымъ населеніемъ на всемъ пространствѣ итальянскаго полуострова. Хотя деспотизмъ и можетъ въ источникѣ своемъ имѣть благія стремленія, онъ становится однако развращеннымъ и подкупнымъ много ранѣе, нежели онъ достигнетъ массъ, подъ нимъ пребывающихъ. Бороться со зломъ надо главнымъ образомъ посрѣдствомъ распространенія религіознаго и нравственнаго воздержанія. Кое-что можетъ быть сдѣлано въ свободной странѣ въ этомъ направленіи посредствомъ ея законовъ и это кое-что мы одобряемъ. Однако мы не желаемъ пожертвовать свободой корреспонденціи и свободой печати или даже подвергнуть таковыя опасности для какой бы то ни было цѣли».

Два года спустя группа передовыхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, подъ предводительствомъ знаменитаго американскаго писателя-агностика Robert G. Ingersoll, подала въ конгрессъ петицію объ отмѣнѣ закона 3 марта 1873 г. Хотя петиція эта и была подписана нѣсколькими тысячами американскихъ гражданъ, по американской мѣркѣ это «ничто». Комиссія палаты представителей 1 мая 1878 года внесла въ палату докладъ, сущность коего сводится къ нижеслѣдующему:

«Комиссія о пересмотрѣ законовъ, въ которую передана была петиція Robert G. Ingersoll и прочихъ, ходатайствующая объ отмѣнѣ либо измѣненіи статей 1785, 3778, 3893, 5389, 2491 и иныхъ свода законовъ, подвергла вышеозначенное ходатайство обсужденію и выслушала просителей обстоятельнымъ образомъ. По мнѣнію комиссіи, почтовое вѣдомство не было учреждено для того, чтобы пересылать орудія порока либо неприличныя писанія, непристойныя картины и порочныя книги. Сія комиссія полагаетъ, что вышеприведенныя узаконенія не составляютъ нарушенія конституціи Соединенныхъ Штатовъ и не должны быть измѣнены, а потому и рекомендуетъ прошеніе вышепомянутыхъ просителей оставить безъ послѣдствій».

Предоставляя русскому читателю самому судить о степени логичности вышеприведеннаго доклада, утвержденнаго конгрессомъ, дабы дать, однако, ему возможность основывать свое сужденіе о степени конституціонности обжалованныхъ законовъ на твердыхъ основаніяхъ, мы приводимъ здѣсь статью конституціи Соединенныхъ Штатовъ, относящуюся къ этому предмету, которая гласитъ:

«Конгрессъ не можетъ издать закона, устанавливающаго какую-либо религію, или же воспрещающаго свободное отправленіе какой-либо религіи, либо ограничивающаго свободу слова или свободу печати, либо ограничивающаго право населенія мирно собираться и ходатайствовать предъ правительствомъ объ облегченіи его тягостей».

Прежде, чѣмъ перейти къ продолженію изложенія американскихъ цензурныхъ дѣлъ и цензурныхъ процессовъ, позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь нѣкоторый характерный литературный эпизодъ, бросающій массу свѣта на истинный характеръ и дѣйствительныя цѣли американской почтовой литературной цензуры. Нѣкій докторъ Фультонъ написалъ книгу, изобличающую римско-католическое духовенство въ злоупотребленіи исповѣдью женскаго пола. Коротко говоря, главная часть книги воспроизводитъ актъ прелюбодѣянія, учиняемый римско-католическимъ священникомъ съ одной изъ своихъ исповѣдницъ въ самомъ алтарѣ. Барышни-наборщицы запротестовали противъ необходимости набирать подобный текстъ. Нѣсколько струхнувшій авторъ бросился къ Антонію Комстоку, дабы посовѣтоваться съ самимъ цензоромъ насчетъ допустимости книги къ пересылкѣ по почтѣ и т. д. Предсѣдатель «общества для подавленія порока», являющійся генеральнымъ цензоромъ «страны свободы», увѣрилъ струхнувшаго автора, что, такъ какъ книга его воспроизводитъ «общеизвѣстные факты, грѣхи католическаго духовенства», то она и допустима къ печатанію, распространенію въ публикѣ и пересылкѣ по почтѣ. Между тѣмъ всякая книга, преслѣдовавшаяся Антоніемъ Комстокомъ какъ до вышеописаннаго эпизода, такъ и по таковомъ, заключаетъ

въ себѣ факты во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительные, нежели прелюбодѣянія, учиняемыя католическими священниками въ самыхъ алтаряхъ. Дѣло въ томъ, что «общество для подавленія порока», или, точнѣе говоря, его воплощеніе и исполнительное агентство, Антоній Комстокъ, относится различно къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ и различнымъ убѣжденіямъ, карая одни и поощряя другія. Около того же времени, какъ онъ одобрилъ и, такъ сказать, пропустилъ книгу доктора Фультона, въ годовомъ отчетѣ своемъ (за 1878 годъ) онъ хвастается «подавленіемъ свободомыслящихъ и проповѣдниковъ свободной любви». Такимъ образомъ, спустя всего лишь пять лѣтъ по изданіи закона о недопущеніи къ пересылкѣ по почтѣ «неприличной» литературы, частное полицейское общество «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», его проведшее, открыто (въ годовомъ отчетѣ) и съ восхитительнымъ хвастовствомъ сознается, что подъ «неприличной» литературой разумѣетъ оно литературу «свободомыслящихъ и проповѣдниковъ свободной любви».

Уголовное преслѣдованіе извѣстнаго американскаго писателя Ezra Hoar Heywood по обвиненію въ распространеніи «неприличной» литературы является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ американскихъ цензурныхъ процессовъ. Въ 1876 году впервые выпуская въ свѣтъ многоизвѣстное сочиненіе свое «Ярмо Купидона», Heywood предпослалъ таковому довольно обширное предисловіе, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ:

«Факты брачной и одинокой жизни явно представляются достаточно изумительными для того, чтобы убѣдить всѣхъ серьезномыслящихъ людей въ настоятельной необходимости ихъ изслѣдованія. Въ особенности представляется долгомъ молодыхъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ удѣлить религіозно-серьезное вниманіе высоковажнымъ вопросамъ полового знанія. Однако на порогѣ благихъ намѣреній въ этомъ отношеніи они встрѣчаются съ установленнымъ невѣжествомъ, имъ воспрещающимъ изслѣдовать. Считается даже опаснымъ обсуждать этотъ предметъ вообще. Въ семьяхъ, школахъ, проповѣдяхъ и газетахъ его искреннее разсмотрѣніе столь старательно изъято, что какъ дѣти, такъ и взрослые не знаютъ о немъ положительно ничего, кромѣ того, что они почерпаютъ изъ своей больной жизни и больного воображенія да грязныхъ закоулковъ общественности. Многіе благородные юноши и дѣвушки, которыхъ немногія свѣдѣнія, ими полученныя отъ своихъ естественныхъ попечителей, родителей и учителей, спасли бы, нынѣ являются полными инвалидами какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Что касается Антонія Комстока, дѣйствительнаго автора закона о «неприличной» литературѣ, то о немъ я не могу имѣть хорошаго мнѣнія. Въ письмѣ своемъ къ достоуважаемому C. L. Merriam отъ 18 января 1873 года онъ

говоритъ: «2-го прошлаго марта существовало четыре издателя сочиненій по этому предмету, а нынѣ трое изъ нихъ находятся въ гробу. Ихъ друзья обвиняютъ меня въ томъ, что я причиненіемъ имъ безпрерывнаго безпокойства свелъ ихъ въ могилу. Пусть будетъ такъ или иначе, а только я увѣренъ, что свѣтъ находится въ лучшемъ положеніи безъ нихъ». Это—несомнѣнно духъ, возжигавшій костры инквизиціи. Будучи опредѣленъ особымъ инспекторомъ почтъ Соединенныхъ Штатовъ, сектантской нетерпимостью возведенный въ званіе цензора мнѣній людей въ наиважнѣйшемъ источникѣ ихъ взаимныхъ сообщеній, онъ извѣстенъ главнымъ образомъ своими усиліями подавлять газеты и ввергать въ тюрьмы редакторовъ, разъ эти послѣдніе готовы обсуждать этотъ соціальный вопросъ. Въ ноябрѣ 1872 года онъ добился ареста и осужденія Викторіи Вудгулъ и ея редакторскихъ помощниковъ за опубликованіе предварительнаго освѣщенія извѣстнаго «бруклинскаго скандала», который вслѣдъ за тѣмъ наполнилъ собой страницы американскихъ газетъ. Засимъ онъ добился присужденія къ семимѣсячному тюремному заключенію Джорджа Трэйна за напечатаніе въ своей газетѣ извѣстныхъ цитатъ изъ Библіи, относящихся къ тому самому «скандалу», который замѣшанныя въономъ церкви желали замять. Въ то время, какъ я пишу эти строки, я получаю письмо отъ иной жертвы его мщенія, Джона Ланта, помѣченное въ мѣстѣ предварительнаго заключенія въ улицѣ Людловъ города Нью-Іорка 10-мъ декабря 1875 года. Въ письмѣ этомъ Лантъ говоритъ: «сегодня судья Бенедиктъ присудилъ меня къ тюремному заключенію на полтора года. Я постараюсь прислать вамъ копію сего рѣшенія, ибо оно стоитъ для всѣхъ насъ столько же, сколько стоитъ оно для меня». Отношеніе Комстока къ г-ну Ланту, равно какъ къ г-жѣ Вудгулъ и г-ну Трэйну, является отношеніемъ мономаньяка, котораго ошибочная воля конгресса и развращенный фанатизмъ общества христіанскихъ молодыхъ людей снабдили властью употреблять федеральные суды для подавленія свободнаго изслѣдованія. Лучшій смыслъ американскаго народа побуждаетъ отмѣнить національный законъ о заткнутіи глотки, нынѣ имъ примѣняемый, и всяческій интересъ какъ частной, такъ общественной нравственности требуетъ всесторонняго обсужденія вопроса, которое сектантская гордость и нетерпимость нынѣ стараются отложить».

Писатель Heywood, такимъ образомъ бросившій открытый вызовъ волонтерско-полицейскому обществу «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», былъ преслѣдуемъ въ уголовномъ порядкѣ цѣлыхъ четыре раза. Въ первый разъ, въ 1877 г., онъ былъ за пересылку по почтѣ своей книги «Ярмо Купидона» и классическаго сочиненія Trall «Физіологія половой жизни» приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Однако по истеченіи менѣе

шести мѣсяцевъ его заключенія президентъ Соединенныхъ Штатовъ Rutherford B. Hayes, усматривая въ его дѣлѣ преслѣдованіе за извѣстный образъ мыслей и принимая во вниманіе разныя несуразности самаго процесса, даровалъ ему помилованіе. Въ 1882 году онъ былъ снова арестованъ и преданъ суду по обвиненію (тѣмъ же агентомъ «общества для подавленія порока» Антоніемъ Комстокомъ) въ пересылкѣ по почтѣ той же книги своей «Ярмо Купидона» и особаго приложенія къ издававшемуся имъ журналу «Слово» (The Word), которое заключало въ себѣ перепечатку нѣсколькихъ поэмъ вышепомянутаго славнаго американскаго поэта Walter Whitman. Обвиненіе заключало въ себѣ четыре пункта, первые два изъ которыхъ гласили, что книга «Ярмо Купидона» и особое приложеніе къ журналу «Слово» суть «столь страшно неприличны, развратны и порочны, что содержаніе оныхъ было бы оскорбительнымъ для суда и неподходящимъ для занесенія въ протоколъ судебнаго засѣданія». Однако судья Nelson, обладая собственнымъ мнѣніемъ (что между американскими судьями не часто встрѣчается), объявилъ эти два пункта обвиненія явно безосновательными, замѣтивъ, что «судъ достаточно здоровъ, дабы выдержать все, что только содержится въ этой книгѣ». По исключеніи такимъ образомъ двухъ пунктовъ обвиненія, Heywood самъ защищалъ себя по двумъ другимъ и былъ оправданъ. Такой же точно результатъ имѣло и третье обвиненіе, противъ него возбужденное въ 1884 году, по предмету пересылки по почтѣ одной изъ его брошюръ. Наконецъ, четвертое и послѣднее обвиненіе было возбуждено противъ этого автора, публициста и редактора въ 1889 году за напечатаніе въ своемъ журналѣ «Слово» произведенія «Материнское письмо», представляющаго собой искренній и трогательный призывъ къ надлежащему наставленію молодежи обоего пола въ предметахъ, относящихся къ проявленіямъ и феноменамъ половой жизни. Послѣ горячихъ судебныхъ дебатовъ вышепомянутое литературное произведеніе, высоконравственная цѣль котораго сквозитъ изъ каждой его строчки, было признано «неприличнымъ» вслѣдствіе употребленія одного лишь слова и Heywood присужденъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Противъ приговора поднялись протесты по всей странѣ. Между таковыми представляется въ особенности достопримѣчательнымъ протестующее письмо извѣстнаго американскаго писателя Julian Hawthorne, появившееся въ журналѣ «Двадцатый Вѣкъ» и заканчивающееся нижеслѣдующимъ образомъ:

«Я не особенно желаю считаться раздѣляющимъ теоріи господина Heywood и я вовсе съ нимъ не знакомъ. Однако предки мои были въ числѣ тѣхъ, которые прибыли въ эту страну 250 лѣтъ тому назадъ, дабы наслаждаться правомъ именовать свои души и свои тѣла своими собственными. Съ другой стороны, иные изъ

нихъ помогали сжигать колдуновъ. Сочувствуя первому изъ вышепоименованныхъ дѣйствій и глубоко сожалѣя о второмъ, я пишу это письмо и подписываю подъ онымъ мое имя».

Несмотря однако на всѣ эти протесты, писателю и редактору Heywood пришлось отбыть свое наказаніе полностью. Необычайныя тягости американскаго тюремнаго заключенія, совершенно непостижимыя для европейца, свели его въ преждевременную могилу.

Въ 1890 году редакторъ «Айовскаго Медицинскаго Журнала» и одинъ изъ такъ называемыхъ «попечителей» университета штата Айова, докторъ медицины Kime отряженъ былъ совѣтомъ попечителей для производства экзаменовъ на медицинскомъ факультетѣ сего университета. Докторъ Kime обнаружилъ изумительную массу безпорядковъ и злоупотребленій, въ числѣ коихъ не послѣднее мѣсто занимало крайне пошлое и оскорбительное обращеніе нѣкоторой, довольно значительной части студентовъ со студентками, тогда являвшимися еще новизной на американскихъ медицинскихъ факультетахъ. Такъ какъ факультетъ всемѣрно старался потушить скандалъ и въ этомъ своемъ стремленіи дошелъ до обвиненія доктора Kime во лжи, а равно и до объявленія студенткамъ, чтобы на будущій годъ онѣ вовсе не являлись въ зданія факультета, который болѣе не станетъ допускать женщинъ къ полученію медицинскаго образованія, то докторъ Kime, въ интересахъ справедливости опубликовавъ всю исторію въ своемъ медицинскомъ журналѣ, опубликовалъ въ таковомъ точно также и текстъ крайне скандальнаго и для женщинъ оскорбительнаго рецепта, однимъ изъ студентовъ-грубіяновъ написаннаго на классной доскѣ для чтенія всему курсу. «Мы думали сначала,—говоритъ медицинскій редакторъ этотъ,—воздержаться отъ опубликованія сего рецепта вслѣдствіе крайней его вульгарности. Мы полагаемъ однако, что мы обязаны изобразить положеніе вещей, какъ оно есть въ дѣйствительности, и предоставить каждому врачу судить самому о справедливости заявленнаго мной противъ такого положенія протеста». За напечатаніе означеннаго рецепта докторъ Kime былъ преданъ суду по обвиненію въ распространеніи «неприличной» литературы. Несмотря на то, что медицинскіе журналы, какъ журналы спеціальные, обыкновенно не читаемые общей публикой, всегда пользовались въ Соединенныхъ Штатахъ извѣстной свободой въ выборѣ матерьяла и что противъ преданія доктора Kime суду поступило въ печать великое множество протестовъ, онъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа въ 25 долларовъ и судебныхъ издержекъ въ 250 долларовъ, а всего 275 долларовъ, въ случаѣ неуплаты коихъ долженъ былъ бы подвергнуться тюремному заключенію на полтора года.

Въ 1887 году редакторъ многоизвѣстнаго прогрессивнаго американскаго еженедѣльнаго журнала «Lucifer, The Lightbearer»

(Люциферъ-Свѣтоносецъ), въ то время выходившаго въ городкѣ Valley Falls штата Канзасъ, вмѣстѣ съ двумя своими редакціонными помощниками арестованъ былъ по обвиненію въ распространеніи по почтѣ «неприличныхъ писаній. Сущность дѣла заключалась въ нижеслѣдующемъ. Нѣкій законный супругъ «страны свободы», по имени Markland,—отличался такимъ половымъ звѣрствомъ, такой супружеской необузданностью, что буквально насиловалъ свою жену во всякое время дня, даже на одрѣ болѣзни, не стѣсняясь присутствіемъ какъ собственныхъ дѣтей, такъ и постороннихъ лицъ. Дѣяніямъ супруга сего, коему, несомнѣнно, мѣсто должно было быть въ сумасшедшемъ домѣ либо по крайней мѣрѣ обыкновенномъ госпиталѣ, а не въ семейномъ домѣ, прогремѣвшимъ на весь штатъ, «Люциферъ-Свѣтоносецъ» посвятилъ особую, въ формѣ письма, статью, въ которой въ горячихъ выраженіяхъ доказывалъ, что дѣянія эти являются актами обыкновеннаго изнасилованія, что супружество въ данномъ случаѣ ничуть не измѣняетъ существа дѣла и что если бы послѣдствіемъ таковыхъ явилась смерть больной жены, то это было бы актомъ обычнаго убійства, а не чѣмъ инымъ. «Неужели,—такъ заканчивается это достопримѣчательное письмо,—женщина, убиваемая развратническимъ насиліемъ, имѣетъ менѣе права на надлежащую защиту, нежели женщина, являющаяся жертвой пули либо кинжала, единственно потому, что убійца является ея законнымъ супругомъ?» Уголовное преслѣдованіе редактора журнала «Lucifer, the Lightbearer», г-на Moses Harman, за напечатаніе вышеозначеннаго письма, въ которомъ онъ столь ревностно выступаетъ на защиту естественныхъ правъ женщины, продолжалось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Послѣ безконечной судебной волокиты редакторъ Harman за напечатаніе вышеозначеннаго письма, волонтерскимъ обществомъ для «подавленія пороковъ» и находящимися въ распоряженіи сего послѣдняго почтовыми властями Соединенныхъ Штатовъ признаннаго «неприличнымъ», въ маѣ 1890 года приговоренъ былъ къ тюремному заключенію на пять лѣтъ и уплатѣ денежнаго штрафа въ 500 долларовъ. Прежде, однако, чѣмъ приговоръ этотъ могъ быть приведенъ въ исполненіе, онъ отмѣненъ былъ высшимъ федеральнымъ судомъ на томъ единственно основаніи, что въ немъ послѣ словъ «къ тюремному заключенію на пять лѣтъ» не были проставлены слова «тяжелыхъ работъ». По возвращеніи приговора сего, вызвавшаго негодованіе въ независимой части печати какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Англіи, въ судъ низшей инстанціи, его постановившій, для «поступленія согласно законамъ», онъ былъ попросту спрятанъ подъ сукно. Между тѣмъ редакторъ Moses Harman былъ снова преданъ суду за напечатаніе въ своемъ журналѣ иныхъ «неприличныхъ» статей и на этотъ разъ приговоренъ къ тюремному за-

ключенію на одинъ годъ. По отбытіи имъ четырехъ мѣсяцевъ своего наказанія и этотъ приговоръ былъ точно также отмѣненъ высшимъ федеральнымъ судомъ по чисто техническимъ основаніямъ, и Moses Harman освобожденъ изъ тюрьмы. Такъ какъ для русскаго читателя подобная судебная эквилибристика можетъ показаться положительно невѣроятной, то считаемъ необходимымъ пояснить здѣсь, что американскій процессъ, какъ уголовный, такъ и гражданскій, или же, точнѣе говоря, американское правосудіе представляетъ собой рядъ крючковъ и зацѣпокъ, въ которыхъ неминуемо суждено запутаться правдѣ. Сверхъ сего, цѣлью всей этой процедуры со стороны преслѣдователей было не наказаніе редактора и публициста Harman, а вынужденіе его прекратить свое изданіе.

Говоря объ исторической эволюціи американской литературной цензуры, нельзя ни на минуту упускать изъ виду, что таковая распространяется не только на слово печатное, т. е. книги, брошюры, журналы, газеты и листки, но точно также на слово писанное, т. е. частную корреспонденцію. Приводимъ здѣсь лишь два наиболѣе достопримѣчательныхъ случая задержанія частной корреспонденціи по соображеніямъ «общественной нравственности» (таковая часто задерживается въ Соединенныхъ Штатахъ за признаніемъ ея почтовыми властями «обманной»).

Въ городкѣ Snowville штата Virginia проживаетъ нѣкая Elmina Slenker, нынѣ глубокая старуха. Въ 1885 году она стала публиковать въ журналѣ «Word», что, будучи хорошо знакома со страданіями женщинъ вслѣдствіе общественныхъ предразсудковъ, она готова дѣлиться пріобрѣтенными ею по этому предмету обширными свѣдѣніями какъ съ прогрессивными женщинами, такъ равно и со здравомыслящими и просвѣщенными мужчинами. Въ результатѣ этихъ объявленій возникла у нея обширная переписка со множествомъ лицъ, повлекшая за собою образованіе мѣстныхъ кружковъ для обмѣна наблюденій, теорій и дѣйствительныхъ фактовъ, относящихся до взаимнаго влеченія между лицами различныхъ половъ, симпатій и антипатій, любви и ея проявленій и т. д., а равно и обсужденія таковыхъ. Къ кружкамъ такимъ принадлежали лица различныхъ положеній и сословій, молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя, состоящія въ супружествѣ и не состоящія въ таковомъ, университетскіе профессора, адвокаты, судьи, священники, сельскіе хозяева, купцы, богобоязненныя участницы обществъ трезвости и т. п. на ряду съ порхающими мотыльками сомнительнаго поведенія. Все шло преблагополучно и ко всеобщему удовольствію, какъ вдругъ въ 1886 году случился нѣкій неожиданный казусъ, для основательницы всѣхъ сихъ «обсужденій» повлекшій крайне важныя послѣдствія. Гдѣ-то въ предѣлахъ штата Индіана почтовый мѣшокъ, заключавшій въ себѣ туго набитый

конвертъ, адресованный госпожѣ Slenker, будучи брошенъ съ извѣстной высоты на землю на захолустной желѣзнодорожной станціи, упалъ съ такой силой, что означенный конвертъ разорвался и отзывы десяти членовъ одного изъ мѣстныхъ кружковъ, въ немъ заключавшіеся, разлетѣлись внутри мѣшка. Мѣстный почтмейстеръ вмѣсто того, чтобы склеить конвертъ и отослать его по назначенію, что онъ обязанъ былъ сдѣлать по закону, прочелъ всѣ десять писемъ и, увидѣвъ, что въ нихъ обсуждаются отношенія между полами, отослалъ ихъ въ министерство почтъ въ Вашингтонѣ. Это послѣднее переслало эти частныя письма агенту «общества для подавленія порока» Антонію Комстоку. Два отряженныхъ имъ помощника вступили съ госпожой Slenker въ продолжительную переписку, притворяясь, конечно, крайне заинтересованными ея наставленіями и ей сочувствующими. Въ результатѣ шестидесятилѣтняя старуха эта была предана суду по обвиненію въ пересылкѣ по почтѣ «неприличныхъ» писемъ. Несмотря на благородное поведеніе судьи въ этомъ процессѣ, въ величайшей демократіи на земномъ шарѣ» довольно рѣдкое, захолустный судъ присяжныхъ, состоявшій изъ людей грубыхъ и невѣжественныхъ, призналъ «просвѣтительницу» виновной. Тогда представители обвиненія объявили осужденной, что они вовсе не желаютъ женщину ея лѣтъ и ея достоинства подвергать какимъ-либо мученіямъ и готовы освободить ее отъ наказанія, если она выдастъ своихъ соучастниковъ, которыхъ ожидаетъ страшное наказаніе. Не успѣла осужденная отклонить это предложеніе (въ американскихъ судахъ весьма обыкновенное), какъ изъ толпы поднялся одинъ мужчина, вызванный въ качествѣ свидѣтеля, и безо всякаго страха публично заявилъ, что онъ писалъ всѣ почти эти письма. Вмѣсто того, чтобы тутъ же схватить этого страшнаго преступника, судъ подвергнулъ его перекрестному допросу и, не принимая въ отношеніи его никакихъ мѣръ, постановилъ объявленіе приговора отложить на неопредѣленное время. Этимъ все дѣло и кончилось. Представляется характернымъ, что въ теченіе этого процесса присяжные засѣдатели, стоя въ отелѣ, проводили вечера свои во взаимномъ повѣствованіи и обмѣнѣ съ собравшейся въ пріемныхъ комнатахъ отеля публикой повѣствованіями самаго грубо-скабрезнаго свойства.

Другой случай задержанія частной корреспонденціи и обвиненія за пересылку оной по почтѣ, случай гораздо болѣе поздній (1892 г.), представляется еще болѣе характернымъ, если только къ подобнымъ фактамъ можетъ быть примѣнимо подобное выраженіе. Нѣкій Jesse N. Lee, ветеранъ гражданской войны и членъ организаціи, извѣстной подъ именемъ «большой арміи республики», состоялъ въ перепискѣ съ далеко немолодой уже вдовой, проживавшей въ иномъ городѣ, съ которой завелась у него любовь.

Вслѣдствіе нѣкоторой ошибки въ адресѣ одно изъ писемъ, вдовой сей адресованное своему «предмету», не было доставлено по назначенію и попало въ такъ называемое «отдѣленіе умершихъ писемъ» (dead letter office) вашингтонскаго министерства почтъ. Будучи прочтено однимъ изъ канцелярскихъ служителей, оно было передано одному изъ многочисленныхъ сыщиковъ министерства для «оборудованія дѣла». Сыщикъ нагрянулъ на вдову въ ея родномъ городѣ, запугалъ ее угрожающими ей наказаніями и обѣщалъ «замять дѣло» подъ условіемъ, чтобы она вручила ему письма г-на Lee къ ней, что запуганная женщина и исполнила. Однако по доставленіи этой пачки частныхъ писемъ въ Вашингтонъ оказалось, что отсутствіе конвертовъ, въ которыхъ таковыя пересылались, сдѣлаетъ уголовное преслѣдованіе Lee крайне шаткимъ. Тогда группа сыщиковъ почтоваго вѣдомства, принявъ тонъ дружбы и расположенія къ автору писемъ, объявила ему объ обнаруженіи его переписки и обѣщала ему полное освобожденіе ото всякой отвѣтственности его возлюбленной и «незначительныя непріятности» для него самого, если только онъ признаетъ себя виновнымъ предъ подлежащимъ судьей. Стремясь избавить отъ наказанія любимую женщину, рыцарственно настроенный ветеранъ гражданской войны послѣдовалъ совѣту сыщиковъ. Въ результатѣ онъ присужденъ былъ къ тюремному заключенію на полтора года, а его возлюбленная къ штрафу въ 200 долларовъ. Если принять во вниманіе то особое уваженіе, какимъ пользуются въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ вообще ветераны междоусобной войны, дравшіеся на сторонѣ «Союза» и нынѣ составляющіе вышеупомянутую организацію «большую армію республики», то подобное законопаченіе Lee въ тюрьму представляется особо поучительнымъ.

Переходимъ засимъ къ изображенію американскихъ цензурныхъ дѣлъ и процессовъ послѣдняго времени, дѣлъ и процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ нынѣшнемъ, двадцатомъ вѣкѣ. На дальнемъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ, у береговъ Тихаго океана, въ предѣлахъ штата Вашингтонъ существуетъ небольшая колонія американской интеллигенціи, соотвѣтствующая нашимъ толстовскимъ колоніямъ. Колонія издаетъ собственную небольшую еженедѣльную газетку подъ наименованіемъ «Discontent», нынѣ переименованную, впрочемъ, въ «Demonstrator». Несмотря на то, что съ принципами личной свободы означенная колонія соединяетъ принципъ полнаго и абсолютнаго невмѣшательства въ чужія дѣла, духовенство и кумушки сосѣднихъ деревень, мѣстечекъ и городишекъ и въ особенности ближайшаго значительнаго города Tacoma сильно недолюбливаютъ колонію, именуемую «Home» (жилище). Этого достаточно было для мѣстныхъ инспекторовъ почтоваго вѣдомства Соединенныхъ Штатовъ, чтобы неусыпно слѣдить за аме-

риканскими толстовцами, дабы раскрыть въ ихъ образѣ жизни и въ особенности въ ихъ образѣ мыслей какую-либо вину. Въ мартѣ 1902 года четыре члена колоніи «Home» преданы были суду, совмѣстно съ мѣстной почтмейстершей, по обвиненію въ разныхъ преступленіяхъ противъ почтовыхъ правилъ и общественной нравственности. Такъ, колонистъ и редакторъ еженедѣльнаго изданія «Discontent», господинъ Charles L. Govan, совмѣстно съ сотрудниками своими Larkin и Adams обвинялись въ пересылкѣ или, точнѣе говоря, въ разсылкѣ по почтѣ нумера изданія, въ которомъ напечатана была статья подъ заглавіемъ «Полезное сравненіе», почтовыми властями признаваемая «неприличной». Въ то же время Adams обвинялся въ пересылкѣ «неприличнаго» частнаго письма нѣкоему John Howard. Дѣло по этимъ двумъ обвиненіямъ, по ходатайству самой обвинительной власти слитымъ въ одно, слушалось предъ судомъ присяжныхъ въ томъ же мартѣ. Обвиняемые были счастливы однако на сей разъ попасть въ руки судьи, для «страны свободы» совершенно необычайнаго. По возобновленіи слушанія дѣла послѣ полуденнаго перерыва, судья Hanford, къ великому изумленію всѣхъ присутствовавшихъ и въ особенности обвиненія, внезапно заявилъ, что онъ прочелъ статью, составляющую предметъ обвиненія, весьма старательно въ теченіе перерыва и не находитъ ее ни неприличной, ни неподлежащей пересылкѣ по почтѣ. Засимъ послѣ непродолжительныхъ дебатовъ судья объявилъ присяжнымъ, что, хотя въ дѣлахъ этого рода рѣшеніе вопроса о наличности неприличія въ литературномъ произведеніи предоставляется обыкновенно присяжнымъ засѣдателямъ, однако настоящее дѣло представляется настолько исключительнымъ по полному отсутствію доказательствъ неприличности, что ему приходится выйти за обычные предѣлы своей судейской роли. Статья—разсуждалъ судья—содержитъ въ себѣ радикальные взгляды по предмету брачныхъ отношеній, но въ то же время не только не поощряетъ развратности, а, наоборотъ, рѣшительно осуждаетъ таковую, почему онъ, судья, и рекомендуетъ присяжнымъ засѣдателямъ вынести приговоръ о невинности подсудимыхъ. Обвиняемые были оправданы и притомъ не на основаніи какихъ-либо техническихъ процессуальныхъ соображеній, а по самому существу дѣла.

Дѣло по другимъ двумъ обвиненіямъ, возбужденнымъ почтовыми властями Соединенныхъ Штатовъ противъ членовъ колоніи «Home», слушалось въ іюлѣ того же 1902 года. Госпожа Lois Waisbrooker въ издаваемомъ ею мѣсячномъ журнальчикѣ подъ наименованіемъ «Окутанная Солнечнымъ Сіяніемъ («Clothed with the Sun») напечатала статью подъ заглавіемъ: «Ужасная судьба падшихъ женщинъ». Въ то время, какъ вышепоименованный журнальчикъ посвященъ былъ проповѣди экономической и нрав-

ственной эмансипаціи женщины, вышеназванная статья всецѣло проникнута гуманитарными идеями и соображеніями общественнаго долга и высшей справедливости. Однако мѣстнымъ почтовымъ инспекторомъ статья эта признана была «неприличной» и «безнравственной» и редакторша-издательница Lois Waisbrooker была предана суду по 3893 статьѣ свода законовъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ обвиненіе это втянута была и почтмейстерша колоніи «Home», госпожа Mattie Penhallow нижеслѣдующимъ образомъ. Мѣстный почтовый инспекторъ, будучи недоволенъ независимымъ образомъ мыслей подчиненной ему почтмейстерши, самъ подписался на журнальчикъ «Окутанная Солнечнымъ Сіяніемъ» подъ фиктивнымъ именемъ и вскорѣ засимъ подъ тѣмъ же именемъ послалъ своему мѣстному почтмейстеру письменную жалобу на неполученіе имъ, подписчикомъ такимъ-то, того именно нумера журнальчика, въ коемъ напечатана была статья, имъ избранная, какъ основаніе обвиненія. Получивъ отъ мѣстнаго почтмейстера сообщеніе о жалобѣ подписчика такого-то на неполученіе нумера такого-то сего журнальчика, почтмейстерша, дабы обезпечить доставленіе утраченнаго нумера, вложила другой, нарочно полученный отъ редакціи нумеръ въ офиціальный конвертъ почтоваго вѣдомства и отослала таковой вышеозначенному почтмейстеру для врученія содержащагося въ немъ нумера жаловавшемуся подписчику, фиктивность котораго была ей, конечно, совершенно неизвѣстна. Такимъ образомъ она была буквально «впутана» въ дѣло о нарушеніи почтовыхъ законовъ и правилъ Соединенныхъ Штатовъ. Во время слушанія дѣла заключеніе судьи склонялось въ пользу оправданія обвиняемой Waisbrooker, девяностолѣтней старухи. Несмотря на то, однако, она была присяжными признана виновной и судьей, вопреки собственному его убѣжденію, присуждена къ штрафу въ 100 долларовъ, минимальному, къ слову сказать, наказанію въ дѣлахъ этого рода. Что касается почтмейстерши Mattie Penhallow, то она была присяжными оправдана.

Такъ какъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ дѣйствія закона 3 марта 1873 года о почтовой цензурѣ литературныхъ произведеній и частной корреспонденціи судъ надъ редакторомъ и редакторскимъ помощникомъ еженедѣльнаго журнала «Discontent», нами выше уже описанный, представляется единственнымъ случаемъ оправданія обвиняемыхъ въ пересылкѣ по почтѣ «неприличныхъ» и «безнравственныхъ» литературныхъ произведеній по существу дѣла, а не по соображеніямъ процессуальнымъ, чисто техническимъ, то мы и считаемъ необходимымъ посвятить этому процессу еще нѣсколько словъ. Протесты противъ преданія суду вышепоименованныхъ колонистовъ появились даже въ англійской печати. Такъ, въ лондонской «Reynold's Newspaper» появилось

(въ январѣ 1902 года) нижеслѣдующее письмо къ редактору: «Милостивый государь! Нѣсколько изъ моихъ американскихъ корреспондентовъ, непоколебимые демократы, обратили мое вниманіе на попытку правительства Соединенныхъ Штатовъ вмѣшаться въ дѣла колонистовъ колоніи «Home», штата Washington, на основаніи ненавистнаго комстоковскаго закона. Считаю нужнымъ обратить особое вниманіе вашей газеты на это дѣло. Эти колонисты являются мужчинами и женщинами, которые спокойно удалились въ свое собственное обиталище, гдѣ они стремятся вести спокойную и производительную жизнь подалѣе отъ шума и обмана обыкновенныхъ городовъ. Главный узелъ, ихъ связующій со внѣшнимъ миромъ, есть ихъ журналъ «Discontent». Въ нѣкій неосторожный моментъ одинъ изъ его сотрудниковъ подвергнулъ критикѣ существующіе законы о брачномъ союзѣ,—что многіе люди дѣлали уже раньше,—и бюрократія Соединенныхъ Штатовъ ухватилась за эту возможность на нихъ обрушиться подъ предлогомъ, что означенная статья «неприлична».

«Для всякаго, кто видѣлъ эту статью, трудно вѣрить, чтобы это было болѣе чѣмъ простой предлогъ вторгнуться въ колонію, и многіе, которые слѣдили за новѣйшими дѣяніями янки, убѣждены, что маленькіе тираны штатовъ пускаютъ въ ходъ это изобрѣтеніе слишкомъ часто. Процессъ колоніи «Home» предстоитъ въ мартѣ и собираются средства для дѣятельной защиты въ благородномъ дѣлѣ свободы обсужденія. Я посылаю этимъ колонистамъ свою лепту чрезъ недѣлю, и если кто-либо изъ вашихъ читателей готовъ съ своей стороны удѣлить что-либо въ пользу этого благороднаго дѣла, то я буду радъ сберечь имъ почтовые расходы, пославъ ихъ суммы вмѣстѣ съ моей.

«Искренно вашъ William Platt».

Несравненно большій интересъ представляетъ собой, конечно, рѣшеніе судьи окружнаго суда Соединенныхъ Штатовъ вашингтонскаго округа по настоящему дѣлу, которое гласитъ:

«Совершенно справедливо, что вообще вопросъ о томъ, представляется ли данная статья неприличной, непристойной, порочной либо развратной, долженъ рѣшаться присяжными засѣдателями. Тѣмъ не менѣе однако судъ долженъ рѣшать вопросъ о достаточности доказательствъ, ибо, по моему мнѣнію, вопросъ о томъ, заключаетъ ли представленная статья достаточныя доказательства для обвиненія въ пересылкѣ по почтѣ неприличной либо непристойной вещи, есть вопросъ права, не вопросъ факта. Конечно, необходимо должно существовать мѣрило, должна быть установлена разграничительная линія между тѣмъ, что можетъ быть пересылаемо по почтѣ и что не подлежитъ такой пересылкѣ, согласно этому закону. Никоимъ образомъ не можетъ быть признано, что

всякое произведеніе либо всякое изданіе, которое какимъ бы то ни было образомъ касается отношеній между полами, по тому самому является уже неприличнымъ, непристойнымъ, развратнымъ либо порочнымъ. Подобное допущеніе возложило бы на суды колоссальное бремя отдѣлять немногія вещи, дозволяемыя къ пересылкѣ по почтѣ, отъ массы и бо̀льшей части печати, которая такимъ образомъ оказалась бы недозволяемой къ пересылкѣ. Статья, за которую обвиняемые преданы суду, по моему мнѣнію, проповѣдуетъ выводы, которые огромнымъ большинствомъ считаются неправильными. Я не думаю однако, чтобы кто-либо изъ порядочныхъ людей не согласился съ авторомъ этой статьи въ осужденіи того, что представляется дурнымъ, а онъ, повидимому, пытается оправдать принципы свободной любви путемъ сравненія съ тѣмъ, что оправдывается нынѣшними брачными законами и брачными обычаями цивилизованныхъ народовъ. Я могъ бы согласиться съ прокуроромъ въ его аргументаціи, если бы статья эта подъ свободной любовью понимала то самое, что понимаемъ мы подъ свободной любовью. Если бы въ понятіяхъ автора не существовало опредѣленныхъ признаковъ сей послѣдней, указываемыхъ самой статьей, я могъ бы сказать, что таковая должна быть подвергнута разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей. Свободная любовь, проповѣдуемая въ статьѣ, за которую преданъ суду г-нъ Govan, опредѣляется вообще какъ свобода женщины избрать себѣ какое бы то ни было лицо противоположнаго пола, съ которымъ она желаетъ удовлетворять свою страсть, и предлагать такимъ образомъ ей избранному такое удовлетвореніе, продолжая такія отношенія до тѣхъ поръ, пока таковыя представляются обоюдно пріятными, а засимъ прекратить таковыя и вступить въ подобныя же отношенія съ другими мужчинами. Иными словами, это есть, согласно этому опредѣленію, защита безпорядочнаго удовлетворенія половыхъ страстей. Между тѣмъ авторъ этой статьи, очевидно, стремится дать понять, что существуетъ извѣстный критерій непорочности и чистоты между тѣми, кто понимаетъ принципы свободной любви. Въ чемъ именно заключаются эти принципы, онъ не поясняетъ. Тѣмъ не менѣе однако статья его далеко не составляетъ проповѣди либо оправданія безпорядочнаго удовлетворенія половыхъ страстей. Часть статьи этой, которую прокуроръ читалъ въ засѣданіи съ такимъ удареніемъ на ней, показываетъ, по моему мнѣнію, тѣ именно признаки, какіе присущи свободной любви въ понятіяхъ автора. Онъ говоритъ:

«Въ доказательство моего положенія, я выдвигаю утвержденіе, что нѣтъ ничего дурного въ свободной любви и не можетъ быть въ ней ничего дурного, чего мы не находили бы точно также и въ брачномъ союзѣ».

«Это—вовсе не защита безпорядочнаго любодѣянія либо прелюбодѣянія. Это—просто указаніе на то, что нѣтъ ничего дурного

въ одной системѣ, чего не было бы въ другой. Часть статьи, читанная прокуроромъ въ связи съ изложеніемъ предмета, непосредственно ей предшествующимъ, по моему мнѣнію, отнюдь не представляется болѣе нечистой либо болѣе безнравственной по своей тенденціи, нежели то, что мы можемъ найти въ дюжинѣ книгъ почти во всякой библіотекѣ. Цѣлью статьи этой является, повидимому, осужденіе злоупотребленій. Связь этой части, читанной прокуроромъ, съ непосредственно ей предшествующимъ должна, по моему мнѣнію, быть принята во вниманіе, какъ нѣчто разъясняющее всю статью:

«Самое жестокое злоупотребленіе и злодѣяніе санкціонируются, если только таковыя носятъ подобіе и печать законности. Самое грубое, грязное и чувственное животное можетъ сообщаться съ женщиной, если онъ ея мужъ. Какъ таковой, онъ можетъ обращаться съ ней самымъ звѣрскимъ образомъ, какимъ только мужчина можетъ обращаться съ женщиной, можетъ заразить ее венерической болѣзнью, пока вся ея система не наполнится гнилью, тѣмъ не нанося однако никакого вреда ея добродѣтели. Ея здоровье, ея счастье и даже ея жизнь могутъ быть разстроены. Такимъ образомъ брачное свидѣтельство выполняетъ разомъ двѣ функціи: оно является разрѣшительнымъ свидѣтельствомъ для него и покровомъ добродѣтели для нея».

«За симъ слѣдуетъ вышеприведенная цитата. Такимъ образомъ здѣсь выдвигаются недостатки и злоупотребленія одной системы и сравниваются—съ чѣмъ именно? Связь эта представляется нелогичной. Авторъ, повидимому, не сознаетъ, что именно здѣсь онъ понимаетъ, или же онъ понимаетъ, что имѣются злоупотребленія и несправедливости точно также и въ другой системѣ,— вотъ и все. Я не думаю, чтобы онъ утверждалъ либо пытался утверждать, что зло одной системы не существуетъ въ другой и что разсмотрѣніе другой системы даетъ лишь хорошія и здоровыя картины. Быть можетъ, онъ имѣлъ это на мысли, однакоже изъ его статьи это ничуть не обнаруживается. Я полагаю, что чрезъ всю статью проходитъ признаніе, что между тѣмъ, кто вѣруетъ въ свободную любовь и практикуетъ таковую, можетъ существовать точно также безнравственное и неприличное поведеніе, и что авторъ точно также осуждаетъ таковое, какъ и неприличіе въ бракѣ. Весь кругозоръ и цѣль этой статьи настолько отличны отъ таковыхъ же, осужденныхъ ранѣе въ иныхъ дѣлахъ этого рода, что я не думаю, чтобы это дѣло должно было быть предложено на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей.

«Поэтому я соглашаюсь съ ходатайствомъ защиты о дачѣ со стороны суда наставленія присяжнымъ засѣдателямъ по предмету существа имѣющаго ими быть вынесеннымъ приговора.

«Господа присяжные, по настоящему дѣлу судъ поручаетъ вамъ избрать одного изъ своей среды въ качествѣ старшины для подписанія и врученія суду въ качествѣ вашего по дѣлу рѣшенія нижеслѣдующаго приговора:

«Мы, присяжные судьи по вышеозначенному дѣлу, находимъ подсудимыхъ по оному невиновными въ преступленіи, по которому они преданы суду, руководствуясь въ своемъ приговорѣ предложеніемъ суда».

Въ заключеніе сего возможно краткаго разсмотрѣнія двухъ судебныхъ процессовъ надъ членами колоніи «Home» слѣдуетъ сказать, что тотчасъ же вслѣдъ за вышеописаннымъ оправданіемъ редактора и двухъ редакторскихъ помощниковъ журнала «Discontent» почтовое отдѣленіе этой колоніи по распоряженію министра почтъ было закрыто и такимъ образомъ колонія лишилась возможности имѣть правильныя сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ нѣкоторое оправданіе сего распоряженія министра слѣдуетъ сказать однако, что закрытіе такое было ему рекомендовано тѣмъ самымъ такъ называемымъ большимъ судомъ присяжныхъ (американская обвинительная камера), которымъ обвиняемые были преданы суду по обвиненію въ пересылкѣ по почтѣ «неприличныхъ» и «безнравственныхъ» литературныхъ произведеній.

Е. Н. Матросовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. П. Лихачевъ. Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908.

ВЪ СКРОМНОМЪ по виду рукописномъ сборникѣ второй половины XVI вѣка авторъ, онъ же и владѣлецъ этой рукописи, нашелъ «Слово о великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ Тверскомъ» — памятникъ, до сихъ поръ неизвѣстный и представляющій глубокій историческій интересъ.

Инокъ Ѳома вообще не скупится на похвалы, увѣряетъ, что изъ дальнихъ странъ приходили люди въ Тверь, чтобы только увидать замѣчательнаго князя, самое лицо котораго свѣтилось «паче камени сапфира и темпазія», и каждый изъ приближенныхъ князя исполнялся веселія, глядя на него. Конечно, въ этихъ словахъ—крупная доля риторики; но изъ дальнѣйшихъ чертъ характеристики Бориса Александровича выясняется реальная почва, на которой дѣйствительно могли возникнуть искренній восторгъ автора «Слова» предъ своимъ великимъ княземъ, сравненія его со Львомъ Премудрымъ, Константиномъ Великимъ, Птоломеемъ, Юстиніаномъ и т. д.—и каждое изъ такихъ сравненій находитъ для себя реальную почву въ фактахъ, описанныхъ авторомъ независимо отъ книжныхъ источниковъ. Передавать всѣ эти извѣстія о военныхъ, дипломатическихъ и культурныхъ дѣяніяхъ прославляемаго князя мы не будемъ. Для насъ важна одна подробность: говоря о флорентійскомъ соборѣ, Ѳома не безъ намѣренія влагаетъ въ уста никейскаго митрополита намекъ на униженіе Москвы въ пользу Твери.

Ближайшую связь обнаруживаетъ тенденція «Слова» съ извѣстной «Похвалой благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси», гдѣ рѣчь идетъ о томъ же флорентійскомъ соборѣ, гдѣ авторъ «Похвалы» превозноситъ «боговѣнчаннаго царя» Василія, подчеркиваетъ созданное имъ торжество православія на Руси, гдѣ преемникомъ византійской власти и царственнаго достоинства «второго Рима» считается московскій князь—«боговѣнчанный православно царь всея Руси». Москва становится «третьимъ Римомъ»—фактъ, повторяемъ, общеизвѣстный.

«Припоминая всѣ величанія инокомъ Ѳомою князя Бориса Александровича:—«государь», «великій самодержецъ», «второй Константинъ», «царскимъ вѣнцемъ увязеся, «воистину достоинъ вѣнцу царьскому» и т. д., мы не можемъ не замѣтить сродства «Слова» съ «Похвалою»,—говоритъ Н. П. Лихачевъ.—Теперь мы имѣемъ основаніе думать, что отклоненіе Византіи отъ православія, немедленнымъ послѣдствіемъ котораго было избраніе митрополита Іоны въ 1448 году, отразилось не въ одномъ Московскомъ княжествѣ. Если великіе князья московскіе постепенно дошли до «братства» съ византійскими императорами, если митрополитъ Іона въ посланіяхъ величаетъ великаго князя Василія Васильевича «царемъ русскимъ», то изъ этого само по себѣ не слѣдуетъ, чтобы московскіе князья были общепризнанными властителями всей русской земли—даже теоретически».

«Въ половинѣ XV столѣтія еще продолжалось давнее соперничество Москвы съ Тверью,—продолжаетъ авторъ.—Идея о царствѣ и царскомъ наслѣдіи коснулась и Тверской области. Былъ какъ разъ необыкновенно благопріятный моментъ. Москва раздирается усобицами, законный князь то въ плѣну, то изгнанъ, потомъ ослѣпленъ. Только помощью Твери утверждается онъ на прародительскомъ столѣ, заключивъ союзный и брачный договоры. Во главѣ княжества Тверского стоитъ дѣятельный и талантливый человѣкъ. Временное процвѣтаніе Твери оживляетъ заглохшую былую славу. Даже послы великой «Шавруковой» орды идутъ въ Тверь и минуютъ Москву. Изъ Византіи же приходятъ печальныя вѣсти, послѣ моральнаго паденія на нечестивомъ латинскомъ соборѣ распространяются слухи о постепенномъ утѣсненіи Царьграда агарянами. 29 мая 1453 года Царьградъ палъ, православная вселенская монархія кончилась. Есть у латинянъ могучіе цари, сильныя царства, но не можетъ благодатное наслѣдіе царя Константина перейти къ впавшимъ въ ересь. Только на одной Руси сіяетъ православіе, кому же въ русской землѣ принадлежитъ наслѣдіе царства? И вотъ въ «богоспасаемой» Твери раньше московскаго «Слова» появилось «тверское». Не князь московскій, а боговѣнчанный царь Борисъ Александровичъ тверской настоящій наслѣдникъ Византійской имперіи и «второй Константинъ», благовѣрный православный самодержецъ, несмотря на отношенія къ Золотой ордѣ. Тверское «Слово» инока Ѳомы не столь опредѣленно и категорично, какъ московское, но зато оно первая, робкая попытка. Увы! черезъ нѣсколько десятилѣтій Твери не стало, какъ политическаго организма. Поневолѣ забыты горделивыя мечтанія, и московскіе книжники позаботились, чтобы твореніе тверского публициста стало рѣдкостью». Такова политическая тенденція драгоцѣннаго памятника.

По мнѣнію Н. П. Лихачева, «Слово» написано Ѳомой около 1453 года. Кто былъ авторомъ «Слова»—этотъ вопросъ онъ оставляетъ открытымъ. Возможно, что авторъ «Слова» находился подъ литературнымъ вліяніемъ извѣстнаго Пахомія Логоѳета, несомнѣнно, былъ близокъ къ прославленному имъ князю, имѣлъ доступъ къ офиціальнымъ документамъ и т. д., но для другихъ предположеній, съ точки зрѣнія Н. П. Лихачева, нѣтъ почвы. Прочитавъ внимательно полный текстъ «Слова», мы лично убѣждены въ томъ, что авторъ «Слова» Ѳома и посолъ великаго князя Бориса на флорентійскомъ соборѣ— одно и то же лицо. Не говоря уже о необыкновенной точности въ передачѣ какъ пути во Флоренцію, такъ и въ передачѣ рѣчей на соборѣ, — въ тождествѣ этихъ двухъ лицъ насъ убѣждаетъ еще фраза: «и ту наѣхалъ есми папу римскаго Евгенія». Это—не случайная описка, а невольно прорвавшееся реальное выраженіе. Все время читателю кажется, что Ѳома намѣренно скрываетъ себя и не всегда даже умѣло говоритъ о себѣ, какъ о послѣ, въ третьемъ лицѣ. Намѣренно же онъ говоритъ, что прочиталъ («почетшу») «онѣхъ отецъ похваленія» (т. е. привѣтственныя рѣчи митрополитовъ во Флоренціи), а посолъ Ѳома приказалъ записать ихъ и привезъ съ собой на Русь. Занимаясь Григоріемъ Цамбланомъ, принявшимъ впослѣдствіи схиму и также тщательно скрывавшимъ свое прошлое, мы имѣли случай встрѣчаться съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ фактовъ и на всю мнимую двойственность автора «Слова» и тверского посла во Флоренцію смотримъ лишь какъ на нерѣдкій литературный пріемъ. **А. И. Яцимирскій.**

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1908 годъ. Томъ XIII, книжка I. Спб. 1908. Стр. 464. Цѣна 1 р. 50 к.

Настоящая первая книжка XIII тома «Извѣстій» отдѣленія русскаго языка и словесности отличается, по обычаю, богатымъ и разнороднымъ содержаніемъ. Нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ нее четырнадцати статей, по своей полнотѣ, новизнѣ матеріаловъ и новымъ научнымъ выводамъ, представляютъ собою самостоятельное изслѣдованіе, вносящее цѣнный вкладъ въ науку. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ статья В. Ѳ. Миллера—«Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ».

«Въ первые годы текущаго столѣтія,—такъ начинаетъ авторъ свою работу,—благодаря поѣздкамъ въ Архангельскую губернію господъ Маркова, Григорьева и Ончукова, число былинныхъ варіантовъ нѣкоторыхъ сюжетовъ нашего народнаго эпоса возросло настолько, что изслѣдователямъ эпоса приходится неизбѣжно пересматривать вновь прежніе отвѣты на многіе вопросы, казавшіеся раньше вполнѣ уясненными. Въ нижеслѣдующемъ я попытаюсь подвергнуть такому пересмотру два былинныхъ сюжета—Илья Муромецъ и Идолище и Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ,—надъ разборомъ которыхъ останавливались покойный академикъ А. Н. Веселовскій, профессоръ Халанскій, покойный академикъ Дашкевичъ и отчасти я самъ». Подвергнувъ

разбору всѣ наличные варіанты указанныхъ былинныхъ сюжетовъ и «отношенія былиннаго Алеши Поповича къ лѣтописнымъ извѣстіямъ о храбрѣ XIII вѣка Александрѣ Поповичѣ» и затѣмъ довольно подробно остановившись на «Сказаніи о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ», на основаніи котораго академикъ А. Н. Веселовскій построилъ свою гипотезу объ эволюціи и взаимномъ отношеніи былинъ объ Ильѣ и Идолищѣ и Алешѣ и Тугаринѣ, В. Ѳ. Миллеръ внесъ рядъ существенныхъ поправокъ въ предположенія покойнаго академика Веселовскаго и Е. В. Барсова и пришелъ къ убѣжденію, что «былина объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ послужила прототипомъ былины, по которой Илья Муромецъ убиваетъ Идолище въ Царьградѣ», что «въ XVI вѣкѣ, въ которомъ могли сложиться былины объ Ильѣ въ Царьградѣ и сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, Илья Муромецъ занималъ первое мѣсто среди русскихъ богатырей, былъ ихъ предводителемъ и затмилъ собою какъ древняго Добрыню, придворнаго богатыря, такъ и Поповича Алешу, стариннаго ростовскаго богатыря», и что «основной причиной такого возвышенія Ильи являются сословныя отношенія и классовая борьба».

Далѣе, наиболѣе цѣннымъ является изслѣдованіе А. А. Шахматова, носящее скромное заглавіе: «Предисловіе къ начальному Кіевскому своду и Несторова лѣтопись». Въ немъ даровитый академикъ, первый столь подробно остановившійся на разборѣ названнаго памятника, съ точностью устанавливаетъ, что временемъ составленія «предисловія» были 1093—1096 годы (стр. 226), и что даваемыя прежними изслѣдователями объясненія заключительныхъ словъ предисловія—«отъ Михаила царя до Александра и Исакья» совершенно неправильны: подъ именами—«Александра и Исакья», признаваемыхъ раньше за императоровъ Алексѣя и Исаакія Ангеловъ, «разумѣются современники составителя предисловія, работавшаго въ концѣ XI вѣка: Алексѣй I Комнинъ императоръ и его братъ Исаакій севастократоръ» (стр. 232). Установивъ эти положенія, онъ приходитъ и къ другимъ, строго вытекающимъ изъ предыдущаго, окончательнымъ выводамъ: «въ 1093—1096 годахъ былъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ начальный Кіевскій сводъ, доведенный до 1093 года. Въ 1113—1116 годахъ была составлена Несторова лѣтопись, положившая въ свое основаніе предшествующій сводъ и дополнившая его событіями до 1113 года. Эта Несторова лѣтопись вскорѣ подверглась передѣлкѣ (сокращенію) и дополненію со стороны нѣкоего Василія. Въ 1116 году составлена игуменомъ Сильвестромъ первая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; кромѣ источниковъ нелѣтописныхъ, имъ использованы Несторова лѣтопись и Василіева лѣтопись; разсказъ доведенъ до 1116 года. Въ 1117 году была составлена вторая редакція «Повѣсти временныхъ лѣтъ» дополнявшая первую нѣсколькими вставками и изложеніемъ событій 1111—1117 годовъ» (стр. 259).

Н. К. Кульманъ въ статьѣ «Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» старается доказать, что иниціаторомъ общества, задуманнаго группой противниковъ крѣпостничества, былъ князь П. А. Вяземскій, мыслью котораго воспользовался Н. И. Тургеневъ, составившій знаменитую записку 5 мая 1820 года, и что

доселѣ державшееся мнѣніе о принадлежности этой записки Н. Н. Каразину не имѣетъ «рѣшительно никакихъ основаній».

Затѣмъ наибольшее вниманіе привлекаютъ статьи: «Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ»—г. Александра Грушевскаго, который съ увѣренностью приписываетъ эту «Исторію Руссовъ» Полетикѣ-сыну; «Сказанія объ урочищахъ Овручскаго уѣзда и былины о Вольгѣ Святославичѣ» г. Н. И. Коробка, и «Кормилецъ, воевода, тысяцкій» А. Е. Преснѣкова, собравшаго почти всѣ данныя по затронутому имъ вопросу и удачно выяснившаго названные термины.

Слѣдовало бы остановиться еще и на другихъ работахъ, вошедшихъ въ разсматриваемую книжку академическихъ «Извѣстій», но недостаточность мѣста, отводимаго для журнальной замѣтки, заставляетъ насъ ограничиться лишь приведеніемъ ихъ заголовковъ. Вотъ эти работы: академика А. И. Соболевскаго—«Неизвѣстные труды Софронія Врачанскаго» и «Нѣсколько словъ о лицевыхъ рукописяхъ»; П. К. Симони—«Памятники старинной русской лексикографіи по рукописямъ XV—XVII столѣтій»; В. И. Шерныщева—«Народные говоры селеній, расположенныхъ отъ Боровска до Москвы по старому московскому тракту»; Б. П. Китермана—«Явленія диссимиляціи согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ»; Д. В. Айналова—«Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. І. Два примѣчанія въ «Слову Даніила Заточника»; Г. А. Ильинскаго—«Мануйловскій апостолъ XIII вѣка»; А. Н. Петрова—«Къ лѣтописному сказанію о славянской грамотѣ».

В. Рудаковъ.

Профессоръ И. Бердниковъ. Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода. Спб. 1907 [1]).

Вопросъ объ организаціи православныхъ приходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ оживленіи и возрожденіи приходской жизни на началахъ устройства древне-русскихъ православныхъ приходовъ, послѣднее время обратилъ на себя особое вниманіе какъ церковной, такъ и гражданской власти и вызвалъ рядъ изслѣдованій по этому предмету въ духовной и свѣтской печати [2]).

---

[1]) Изслѣдованіе профессора Бердникова печаталось въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1907 г., а теперь вышло отдѣльнымъ изданіемъ.

[2]) Въ послѣднее время появился цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросу о церковномъ приходѣ. Профессоръ Бердниковъ, кромѣ приведеннаго выше сочиненія, напечаталъ еще слѣдующія работы: «Комментаріи г. Папкова и К° на сужденіе предсоборнаго присутствія по вопросу о реформѣ православнаго прихода». «О протестантскомъ и православномъ приходахъ въ Финляндіи». По тому же вопросу написаны: изслѣдованіе протоіерея Благоразумова «Къ вопросу о возрожденіи православнаго русскаго прихода»; рядъ статей въ «Новомъ Времени» и «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» г. Папкова; Л. Тихомирова «Современное положеніе приходскаго вопроса»; профессора священника Чельцова «Православный приходъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней» (къ вопросу о возрожденіи нашего прихода) и мног. друг.

И это весьма понятно, такъ какъ вопросъ о надлежащемъ благоустроеніи прихода—вопросъ первостепенной важности, пронизывающій всю русскую жизнь «до самаго дна» и наиболѣе захватывающій основное сословіе русскаго народа—крестьянство, и доселѣ крѣпко привязанное къ своему приходскому храму, живущее въ тѣсной связи съ жизнью церкви.

Въ своемъ обширномъ трудѣ (156 + II стр.) нашъ извѣстный канонистъ И. С. Бердниковъ даетъ обстоятельный отвѣтъ на поставленный въ заглавіи этой работы вопросъ: «Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?» Для этого, говоритъ онъ, въ настоящее время требуется прежде всего и больше всего, чтобы прихожане стали добрыми христіанами, а пастыри усугубили бы свою ревность о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи и преуспѣяніи своихъ пасомыхъ. «Слабость здоровья православнаго русскаго прихода,—по мнѣнію автора,—зависитъ не отъ мѣстнаго поврежденія или заболѣванія, а отъ общаго недомоганья въ организмѣ русской церкви. Тѣ неблагопріятные признаки, какіе замѣчаются въ состояніи здоровья прихода, присущи всему организму нашей церкви. Главной исторической причиной указаннаго порядка вещей нужно считать приниженное состояніе органовъ церковной власти предъ свѣтской властью, введенное реформою Петра I. Великій преобразователь Россіи желалъ поставить церковную іерархію въ государствѣ такъ, чтобы она пребывала въ кротости. Желаніе его исполнилось къ нашему времени въ самомъ лучшемъ видѣ. Но необходимымъ результатомъ такого порядка явилось пассивное отношеніе представителей церковной іерархіи къ своимъ паствамъ и формальное веденіе церковныхъ дѣлъ.

«Надо надѣяться, что государство, если оно еще сохранило память объ историческихъ основахъ своего бытія, теперь сознаетъ ошибочность своей прежней двухвѣковой системы недовѣрчиваго, невнимательнаго отношенія къ органамъ церковной власти и устраненія ея отъ вліянія на общественныя дѣла и измѣнитъ его на болѣе цѣлесообразную съ точки зрѣнія общественной пользы» (стр. 4—5).

Полезно допустить, замѣчаетъ профессоръ Бердниковъ, болѣе дѣятельное участіе прихожанъ въ приходскихъ дѣлахъ (съ наблюденіемъ за расходованіемъ церковнаго имущества и за благотворительными заведеніями, въ правѣ участвовать въ выборѣ кандидатовъ въ священники, клирики и друг.

Но весьма рѣзко высказывается профессоръ Бердниковъ противъ коренной ломки нынѣ существующей организаціи прихода на началѣ самоуправленія, заимствованномъ изъ устава протестантскихъ приходовъ, какъ это предлагается г. Папковымъ и другими, а высказывается лишь за нѣкоторыя измѣненія въ частностяхъ нынѣшняго устройства прихода. «Православный русскій приходъ,—говоритъ онъ,— имѣетъ канонически правильное и цѣлесообразное устройство и поэтому нѣтъ никакихъ законныхъ основаній предпринимать какую-нибудь ломку его строя. Обновленіе его желательно. Но оно зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пробужденія энергіи въ духовенствѣ и поднятія религіозности въ самомъ православномъ народѣ. Можно сдѣлать и нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующей практикѣ приходской жизни посредствомъ привлеченія прихожанъ къ болѣе дѣятельному участію въ дѣлахъ прихода, пре-

доставленія ему права участвовать въ выборѣ достойныхъ и желаемыхъ кандидатовъ въ священники и клирики, права наблюденія за направленіемъ школъ, находящихся въ предѣлахъ прихода, попеченія о соблюденіи тишины и благоговѣнія въ храмѣ Божіемъ, и посредствомъ расширенія права участія въ веденіи церковнаго хозяйства. Мысль г. Папкова о необходимости радикальнаго переустройства православнаго прихода на новыхъ началахъ ни на чемъ не основана и есть плодъ его излюбленной теоріи, навѣянной демократическимъ духомъ времени и примѣромъ протестантской приходской практики».

Трудъ профессора Бердникова, написанный съ присущею автору вдумчивостью и осторожностью, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ, кто интересуется важнымъ, но въ то же время весьма сложнымъ и труднымъ для разрѣшенія, вопросомъ о возрожденіи русскаго церковнаго прихода.

Профессоръ М. Красноженъ.

Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, сообщенныхъ О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, И. А. Линниченко, С. Л. Пташицкимъ и И. Режабкомъ. Съ 10 таблицами. Изд. императорской академіи наукъ. Спб. 1907.

Сборникъ статей о Болеславѣ-Юріи—одинъ изъ печальныхъ памятниковъ безалаберной техники покойнаго академика А. Куника, начинавшаго одновременно десятки работъ и не умѣвшаго доводить ихъ до конца. Въ складѣ академической типографіи до послѣдняго времени была даже особая «Куниковская» комната, гдѣ хранился наборъ его незаконченныхъ изслѣдованій и изданій. Понемногу теперь все это ликвидируется, кое-что уже выпущено, кое-что готовится къ выходу, а еще больше, по всей вѣроятности, такъ и останется въ готовыхъ листахъ или же въ корректурѣ. Болеславомъ-Юріемъ II Куникъ заинтересовался еще въ началѣ 50-хъ годовъ, затѣмъ началъ печатать матеріалы, рѣшилъ присоединить къ своей работѣ работы другихъ историковъ,—ихъ статьи припечатывались, черезъ извѣстные промежутки времени авторы дѣлали дополненія и поправки и т. д., а готовые листы накопились въ «Куниковской» комнатѣ типографскаго склада. Только благодаря энергіи академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, сборникъ, наконецъ, вышелъ въ свѣтъ, хотя очень многое изъ него спокойно могло бы не выходить вовсе. Въ результатѣ у читателя получается довольно-таки смутное представленіе о послѣднемъ князѣ Малой Руси второй четверти XIV вѣка. Полемика выясняетъ лишь безсиліе историковъ разобраться во всей путаницѣ источниковъ, отчасти скудость матеріала; «дополнительныя замѣчанія» не даютъ возможности разобраться въ противорѣчіяхъ даже спеціалисту, а многое написано просто «по поводу» Болеслава-Юрія II, хотя и не лишено интереса.

Перечень статей лучше всего охарактеризуетъ сборникъ и судьбу его постепеннаго возникновенія: С. Л. Пташицкій—«Библіографическое обозрѣніе новѣйшей литературы о Юріи II, послѣднемъ князѣ «всея Малыя Руси» (и его же

«дополнительныя замѣтки»), И. Режабекъ—«Юрій II, послѣдній князь всея Малыя Руси» (и особо «прибавленіе къ статьѣ Режабка»), О. Гонсіоровскій—«Прибавленіе къ статьѣ проф. И. Режабка», «Хронологическая таблица» къ той же статьѣ И. А. Линниченко, «Замѣчанія на статьи проф. И. Режабка и дополненія къ нимъ» (отдѣльно еще «дополнительныя замѣчанія»), А. А. Куникъ—«Объяснительное введеніе къ грамотамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ, касающимся исторіи Червонной Руси въ XIV в., съ приложеніемъ подлинныхъ текстовъ», А. С. Лаппо-Данилевскій—«Дополнительныя замѣтки» и «Печати послѣднихъ галичско-владимирскихъ князей и ихъ совѣтниковъ». Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ издательской дѣятельности академіи наукъ, мы все-таки должны отмѣтить слишкомъ небывалый видъ изданія.

Наиболѣе цѣннымъ выводомъ въ статьѣ Режабка, напечатанной по-чешски еще въ 1883 году, слѣдовательно, 25 лѣтъ назадъ, является отождествленіе Юрія и Болеслава, которыхъ раньше иногда принимали за разныя лица. Пересмотръ немногихъ историческихъ свидѣтельствъ и сравнительно богатой литературы вопроса приводитъ автора къ такимъ заключеніямъ: «Юрій II, занявши галичско-владимирскій столъ около 1325 г., былъ потомкомъ Романовичей лишь по женской линіи, причемъ предшественникъ его Андрей I приходился ему дядей по матери». «Болеславъ Тройденовичъ вступилъ на престолъ Романовичей также около 1325 г. и притомъ тоже послѣ смерти своего дяди, въ виду чего неизбѣженъ тотъ интересный выводъ, что Юрій II и Болеславъ Тройденовичъ есть одно и то же лицо,—говоритъ И. Режабекъ.—Дѣло это объясняется крайне просто: Болеславъ Тройденовичъ, при переходѣ въ православіе, принялъ новое имя Юрія, и такъ какъ онъ подъ этимъ именемъ вступилъ на галичско-владимирскій столъ, то удержалъ его даже послѣ того, какъ вернулся въ лоно католической церкви. Но въ Польшѣ, а особенно въ Плоцкѣ продолжали употреблять его первоначальное имя, и оно естественнымъ образомъ перешло въ польскіе историческіе памятники. Что имена Юрій и Болеславъ Тройденовичъ принадлежали одному и тому же галичско-владимирскому князю, прямо вытекаетъ изъ извѣстія Іоанна изъ Чарнкова о походѣ польскаго короля Казимира на Галичъ, предпринятомъ въ 1340 г. съ цѣлью отмщенія за насильственную смерть Болеслава Тройденовича. Названный лѣтописецъ разсказывалъ, что походъ былъ предпринятъ «послѣ смерти знаменитаго князя Казимира, называемаго Юріемъ, князя всего русскаго королевства, сына мазовецкаго князя Тройдена, который и наслѣдовалъ русскій княжескій престолъ своему дядѣ». Имя Казимиръ, употребленное два раза подъ рядъ, находится, правда, во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ 9-ти рукописяхъ хроники Чарнковскаго, но оно, повидимому, попало во всѣ списки лишь по ошибкѣ. У мазовецкаго князя Тройдена былъ, правда, младшій сынъ Казимиръ, но онъ умеръ лишь въ 1354 или въ 1355 году естественною смертью на плоцкомъ княженіи; здѣсь же рѣчь идетъ о сынѣ Тройдена, отравленномъ на Руси, а таковымъ былъ старшій сынъ названнаго князя, Болеславъ, какъ это вполнѣ достовѣрно извѣстно по другимъ источникомъ. Что въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ хроники Чарнковскаго дѣйствительно слѣдуетъ читать Болеславъ вмѣсто Казимиръ, видно, впрочемъ, и изъ другого мѣста той же хро-

ники, въ которомъ разсказывается о походѣ польскаго короля на Владимиръ, предпринятомъ въ 1349 году. По этому случаю Чарнковскій опять упоминаетъ объ отравленномъ сынѣ Тройдена и правильно называетъ его Болеславомъ. Поэтому не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Болеславъ Тройденовичъ носилъ также имя Юрія, и этимъ вопросъ о происхожденіи Юрія II рѣшенъ окончательно» (стр. 22—24). Дѣйствительно, впослѣдствіи онъ не поднимался.

Несмотря, однако, на цѣлыя наслоенія «дополнительныхъ замѣтокъ», никто изъ новѣйшихъ участниковъ сборника или же редакторъ не обратилъ вниманіе на слѣдующую крупную ошибку А. Куника. На стр. 158—160 имъ перепечатано интересное «Письмо короля Казимира къ папѣ Иннокентію VI, до апрѣля 1354 года», и издатель не понялъ выраженія въ этой супплике: «Fiat B.», принявъ его за «fiat bulla»!

Изъ изслѣдованія Н. П. Лихачева «Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве», не говоря уже о его предшественникахъ по разработкѣ папскихъ актовъ, можно было бы узнать, что B есть подпись папы Иннокентія VI.

А. И. Яцимирскій.

Лѣтопись екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ третій (Выпускъ IV). Издается подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи А. Синявскаго. Екатеринославъ. 1908.

Въ составъ разсматриваемаго нами четвертаго выпуска «Лѣтописи» екатеринославской архивной комиссіи вошли слѣдующія статьи: 1) «Екатеринославская земская милиція 1806—1807 г. (къ столѣтію учрежденія)», И. Вертоградова; 2) «Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ (изъ архива екатеринославской духовной консисторіи)», В. А. Бѣднова; 3) «Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ», Я. П. Новицкаго; 4) «Орнаментъ и его первичные элементы», А. А. Скрыленко; 5) «Перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ (страница изъ прошлаго екатеринославской епархіи)», В. А. Бѣднова; 6) «Свѣдѣнія объ архивѣ екатеринославской духовной консисторіи (документы XVIII вѣка)», его же; 7) «Краткія свѣдѣнія объ архивѣ Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря» (находящагося въ 28 верстахъ отъ Екатеринослава), его же, и 8) «Дѣтская комедія въ Екатеринославѣ (сто лѣтъ назадъ)», В. В. Данилова.

Наибольшій интересъ и значеніе изъ всего перечисленнаго имѣетъ, конечно, обширная работа Я. П. Новицкаго, собиравшаго малорусскія историческія пѣсни въ теченіе тридцати лѣтъ и раздѣлившаго ихъ въ своемъ сборникѣ на четыре отдѣла: 1) «Времена борьбы съ татарами, поляками и турками» (наиболѣе обширный отдѣлъ), 2) «Пѣсни, связанныя со временемъ паденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья», 3) «Запорожскія вирши.—Сатира.—Аллегорія» и 4) «Крѣпацкія. (Время крѣпостной зависимости)». Въ «приложеніи» къ этимъ пѣснямъ, имѣющимъ много новыхъ варіантовъ, помѣщена «Рождественская вірша». Въ виду того, что этотъ интересный сбор-

никъ, вѣроятно, уже вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и вызоветъ особую и спеціальную рецензію, мы о немъ здѣсь ограничимся сказаннымъ.

Слѣдующимъ крупнымъ вкладчикомъ въ «Лѣтопись» екатеринославской архивной комиссіи является В. А. Бѣдновъ, который наиболѣе серьезное значеніе придаетъ слѣдующей своей работѣ: «Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ». Здѣсь онъ напечаталъ въ строго хронологическомъ порядкѣ тринадцать дѣлъ изъ архива екатеринославской духовной консисторіи, за время съ 1766 по 1775 г., касающихся почти исключительно построенія или освященія новой церкви и рукоположенія во священника или діакона.

Задавшись цѣлью воспроизвести не использованные или мало пользованные документы извѣстнымъ историкомъ екатеринославской епархіи епископомъ Ѳеодосіемъ Макаревскимъ, г. Бѣдновъ нигдѣ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ, пользовался или нѣтъ приводимыми имъ документами преосвященный Ѳеодосій.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ поверхностную и малопригодную для «Лѣтописи» статью г. Скрыленко объ «Орнаментѣ и его первичныхъ элементахъ», мы остановимъ вниманіе читателей только на разборѣ В. В. Данилова написанной для дѣтей неизвѣстнымъ авторомъ и напечатанной въ Екатеринославѣ въ 1806 г. комедіи: «Осмѣянное Чародѣйство». Малоизвѣстная комедія эта составлена въ духѣ Карамзина, давалась на Благородномъ екатеринославскомъ театрѣ артистами-любителями и заключаетъ нѣкоторые штрихи для характеристики тогдашнихъ нравовъ и понятій мѣстнаго дворянства.

В. Рудаковъ

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ III. Вятка. 1908 г. Стр. 16+23+95+113.

Въ отдѣлѣ «Историческихъ матеріаловъ» разсматриваемаго выпуска находимъ прежде всего продолженіе «Грамотъ и актовъ вятскаго архіерейскаго дома», сообщаемыхъ А. С. Верещагинымъ, а затѣмъ рядъ другихъ документовъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляютъ «Наказы» депутатамъ въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія 1767 г., числомъ пять, отъ жителей городовъ Хлынова и Слободского съ уѣздами.

Изъ остальнаго содержанія выпуска привлекаютъ наибольшее вниманіе письма вятскаго купца К. А. Анфилатова къ графу Н. П. Румянцову, отъ 1805—1810 гг. Крестьянинъ по происхожденію, купецъ по роду дѣятельности, нѣсколько разъ выбираемый въ бургомистры слободского магистрата, К. А. Анфилатовъ былъ однимъ изъ учредителей въ 1802 г. въ Лондонѣ «Россійской купеческой конторы на всѣхъ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, каковыми пользуются англичане въ Россіи», и основателемъ «Бѣломорской компаніи», съ цѣлью усовершенствованія и распространенія на сѣверѣ сельдяныхъ и китоловныхъ промысловъ. Онъ первый изъ русскихъ купцовъ завелъ въ 1806 г. непосредственныя торговыя сношенія съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, откуда вывозилъ на своихъ трехъ корабляхъ, благодаря покровительству

графа Н. П. Румянцова, бывшаго въ то время министромъ коммерціи, всѣ товары безпошлинно, и около 1809 г. основалъ въ городѣ Слободскомъ общественный банкъ. Скончался, однако, въ бѣдности, 58 лѣтъ отъ роду. Письма его найдены Г. А. Замятинымъ въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ въ дѣлахъ государственной коммерцъ-коллегіи.

Въ заключеніе укажемъ на приведенные въ разсматриваемомъ выпускѣ «Формулярные списки о службѣ М. Е. Салтыкова за 1851 — 1855 гг.» и на замѣтку священника Н—ва, который справедливо выражаетъ свое сомнѣніе по поводу разсказовъ Л. Н. Спасской (въ I выпускѣ «Трудовъ» вятской комиссіи 1905 г. и «Календарѣ Вятской губерніи на 1908 г.»), приписывающей освобожденіе М. Е. Салтыкова изъ Вятки заступничеству Н. Н. Ланской, по первому браку Пушкиной.

В. Р—въ.

Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописный отдѣлъ библіотеки императорской академіи наукъ въ 1904 году. Спб. 1907 г.

Между тѣмъ, какъ каталоги рукописей, пріобрѣтаемыхъ Румянцовскимъ музеемъ или Публичной библіотекой, съ каждымъ годомъ дѣлаются все тоще и тоще,—рукописный матеріалъ въ библіотекѣ академіи наукъ необыкновенно возрастаетъ. Краткія свѣдѣнія о немъ за 1904 годъ занимаютъ огромный томъ въ 400 страницъ большого формата, а не такъ еще давно, меньше десяти лѣтъ назадъ, немногіе знали даже о существованіи такого собранія. И такое замѣчательное увеличеніе рукописныхъ богатствъ въ библіотекѣ академіи наукъ, наблюдаемое за послѣдніе годы, мы должны приписать исключительно дѣлу директора русскаго отдѣленія библіотеки, академика А. А. Шахматова.

Въ разсматриваемомъ томѣ «Свѣдѣній» весь матеріалъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ. Изъ нихъ особенно цѣненъ и интересенъ пушкинскій отдѣлъ имени Л. Н. Майкова, въ которомъ собраны автографы поэта, его переписка и копіи нѣкоторыхъ произведеній, а также матеріалы для его біографіи, именно «дѣло о высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію коллежскаго секретаря Пушкина» 1824—1825 гг. и «дѣло о прибывшемъ въ Грузію стихотворцѣ Александрѣ Пушкинѣ» 1829 г.; послѣднее состоитъ изъ двухъ офиціальныхъ бумагъ о секретномъ надзорѣ за А. С. Пушкинымъ и распоряженія И. Ф. Паскевича.

Изъ другихъ крупныхъ пожертвованій обращаютъ на себя вниманіе архивъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ, принесенный въ даръ П. Н. Тургеневымъ (въ настоящее время разбирается спеціальной комиссіей съ академикомъ В. М. Истринымъ во главѣ), собраніе писемъ Л. Н. Толстого къ графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, пожертвованное послѣдней, подаренное А. К. Хитрово собраніе автографовъ А. К. Толстого, пожертвованное М. М. Стасюлевичемъ собраніе автографовъ И. С. Тургенева и матеріаловъ для его біографіи. Въ послѣднемъ обращаютъ на себя вниманіе записныя книги матери писателя, Варвары Петровны, ярко рисующія ея мелочно-мѣщанскую черствую натуру; заглавіе одной изъ этихъ книгъ, данное самой обладательницей, является

очень характернымъ для нея: «1846 года 23 ноября. Книга для записыванія неисправностей моихъ людей, за что будитъ имъ вычитатца изъ жалованье, за исправное же поведеніе будитъ награжденье».

Далѣе не менѣе интересны еще два крупныхъ пожертвованія: коллекція рукописей въ 46 названій, собранная Н. Е. Ончуковымъ во время его командировки отъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ Архангельскую губернію лѣтомъ 1903 года, и обширное собраніе рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ для біографій русскихъ писателей и дѣятелей на другихъ общественныхъ поприщахъ, вышедшихъ изъ народа.

Перечисленными рукописными приношеніями далеко не исчерпываются богатства, пріобрѣтенныя академіей въ 1904 году. Всѣ ихъ перечислить невозможно, и мы укажемъ лишь, что они по своему характеру распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Напримѣръ, есть рукописи историко-юридическія, по церковной исторіи, литературныя, богослужебныя, научныя, напримѣръ, по математикѣ, медицинѣ, языкознанію и т. д. Наиболѣе интересными являются матеріалы историко-юридическіе, представляющіе: 1) западно-русскія грамоты XV—XVI вв., 2) грамоты, касающіяся Якутскаго края, 1656—58 гг., 3) указъ Петра Великаго 1702 года къ псковскому окольничему и воеводѣ Бухвостову о допросѣ лицъ, взявшихъ въ оброкъ покосы, 4) сводное уложеніе въ послѣдней четверти XVIII в., 5) приходо-расходная книга, выданная новоладожскимъ духовнымъ правленіемъ старостѣ староладожской Георгіевской церкви Петрову на 1784 г., 6) бумаги по дѣлу о крестьянинѣ Евстифеевѣ, задавленномъ экипажемъ флигель-адъютанта князя Василія Андреевича Долгорукова (интересно въ томъ отношеніи, что оно повело за собой открытіе цѣлаго ряда злоупотребленій въ полицейскомъ управленіи Петербурга въ 1836 году), 7) доклады петербургскаго городского головы купца Жукова и офиціальныя письма къ нему, заключающія въ себѣ много важныхъ фактовъ, рисующихъ бытъ рабочихъ и ремесленниковъ Петербурга и др. Большое значеніе имѣетъ также архивъ вольнаго общества любителей россійской словесности, заключающійся въ 103 переплетенныхъ томахъ. Въ нихъ между прочимъ помѣщены отчетъ общества соревнователей просвѣщенія и благонравія за 1816 и 1817 гг., отчетъ общества любителей россійской словесности за 1818 — 1823 гг., входящія бумаги, журналъ, дѣло по части секретаря общества, все приблизительно за тотъ же періодъ, и многіе другіе.

Изъ печатныхъ изданій и снимковъ, которые занимаютъ въ томѣ «Свѣдѣній» ничтожное мѣсто, упомянемъ о книгахъ церковной печати, XVIII и XIX вв., напримѣръ, «Знаменія пришествія Антихристова» (Москва, 1803 г.), «Повѣсть о раскольницѣхъ» (Будимъ, 1848 г.), «Святцы старообрядческіе» (мѣсто изданія не обозначено, но заграничное, повидимому, 1862 года) и др. Изъ книгъ гражданской печати пріобрѣтенъ академіей лишь одинъ календарь (Спб., 1723). Въ библіотеку академіи попало много изданій старообрядческихъ гектографированныхъ, литографированныхъ и печатныхъ. Изъ снимковъ пожертвованы литографированный портретъ Н. П. Слѣпцова, три портрета старообрядческихъ дѣятелей, Ѳ. С. Мельникова, Иннокентія, епископа нижегородскаго и костромского, и Іоанна, архіепископа московскаго, фотогра-

фическіе снимки съ древнихъ рукописей, хранящихся въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ и др., а затѣмъ два рисунка: портретъ карандашомъ И. И. Панаева — рисунокъ И. С. Тургенева, портретъ карандашомъ П. Віардо-Гарсіо—рисунокъ Е. Я. (1844 г.), оба подаренные М. М. Стасюлевичемъ. Къ книгѣ приложенъ именной и предметный указатель, облегчающій пользованіе заключающимся въ ней матеріаломъ. **А. Я.**

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. Стр. 180. М. 1908. Цѣна 1 р. 25 к.

Какъ критикъ, г. Айхенвальдъ занялъ у насъ за послѣднее время совершенно особое мѣсто. Прежде всего, написанное имъ по своей формѣ рѣзко отличается отъ написаннаго другими критиками. Особенность эта заключается въ томъ, что онъ пишетъ коротенькіе портреты писателей,—какъ онъ ихъ удачно называетъ, силуэты. Но эти коротенькія характеристики даютъ гораздо болѣе, чѣмъ иная книга. Г. Айхенвальдъ обладаетъ особой способностью къ синтезу, двумя-тремя штрихами онъ умѣетъ схватить самое существенное въ психикѣ и литературной физіономіи писателя. Душевная организація писателя является иногда столь сложной, что нужна громадная вдумчивость, чтобы схватить ея характерную особенность, чтобы разобраться въ сложныхъ душевныхъ коллизіяхъ. Не менѣе трудно схватить основную сущность литературнаго таланта писателя, его литературной физіономіи. О многихъ нашихъ писателяхъ написано очень много, но мы не можемъ похвастаться, что нами разгадана ихъ литературная физіономія, что нами вскрыта ея сущность. Г. Айхенвальдъ обладаетъ способностью преодолѣвать обѣ эти трудности: онъ умѣетъ мастерски схватить какъ сущность психической организаціи, такъ и основныя черты литературной физіономіи писателя. Чтобы схватить сущность психики и литературнаго облика писателя, нужно сумѣть обнаружить, вскрыть существенное, иначе говоря, нужна большая способность къ анализу. Но чтобы все то, что мы видѣли существеннаго, обобщить въ одно цѣлое, нужна еще способность къ синтезу. Такимъ образомъ, въ г. Айхенвальдѣ уживаются двѣ способности въ одинаковой мѣрѣ, что весьма рѣдко встрѣчается въ жизни. Это обстоятельство выдѣляетъ г. Айхенвальда изъ ряда современныхъ критиковъ и дѣлаетъ его замѣтнымъ. Хотя критику не всегда удается дать въ двухъ-трехъ штрихахъ обликъ писателя и нѣкоторые силуэты у него блѣдны, но это обстоятельство выкупается рядомъ мастерскихъ характеристикъ: два-три штриха—а въ результатѣ получается что-то законченное, единое, гармоничное, иногда чрезвычайно рельефное и ясное.

Отличительной чертой силуэтовъ г. Айхенвальда является еще то, что въ нихъ много философскаго элемента. Видно, что мысль автора воспиталась на философіи, въ области отвлеченныхъ вопросовъ, такъ какъ въ силуэтахъ есть значительная доля философіи, особенно это постоянное стремленіе вникнуть въ самую сущность таланта, проникнуть въ самые глубокіе тайники души писателя. Мелкія детали, частности не существуютъ для автора, они отсту-

паютъ, какъ что-то мелкое, незначительное, предъ другой, большой задачей— стремленіемъ проникнуть въ сущность, найти основу, первопричину.

Въ силуэтахъ есть что-то женственное, мягкое. Мысли автора облечены въ прекрасную художественную форму, до всего онъ дотрагивается нѣжно, осторожно, видно, что критикъ свою личность не отдѣляетъ отъ разсматриваемыхъ писателей, что все написанное имъ продумано и прочувствованно. Эта чуткость къ чужой душевной боли, эта способность понимать разнообразныя душевныя эмоціи, эта осторожность, съ которой авторъ подходитъ къ душевнымъ коллизіямъ писателей, производятъ весьма благопріятное впечатлѣніе, еще болѣе выдвигаютъ автора среди нашихъ критиковъ, подчасъ рѣзкихъ, озлобленныхъ, нетерпимо настроенныхъ, неспособныхъ понять чужихъ переживаній, на противорѣчія посмотрѣть съ точки зрѣнія психологической. Чтобы быть хорошимъ критикомъ, нужны не только умъ, не только пониманіе общественныхъ потребностей, но и чуткость женщины, отзывчивость ребенка. Иначе критика будетъ однобокой и можетъ впасть въ глубокую ошибку. Эта чуткость и отзывчивость большое достоинство г. Айхенвальда. Оттого-то ему такъ понятны писатели со сложной психической организаціей, личности которыхъ сотканы изъ противорѣчій, во внутреннемъ мірѣ которыхъ происходили никогда не умолкавшія революціи духа. **А. Фоминъ.**

Н. Денисюкъ. Н. Г. Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія. Стр. VI+196. Москва. 1908. Цѣна 50 коп.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что ни одинъ изъ крупныхъ русскихъ писателей не изученъ со стороны біографіи такъ мало, какъ Чернышевскій: до сихъ поръ цѣлыя полосы его жизни остаются въ тѣни. Причина этому цензурныя условія. Такъ какъ до 1904 года для цензуры одно уже имя Чернышевскаго представляло нѣчто опасное, могущее потрясти основы, то матеріаловъ для біографіи писателя пока еще опубликовано очень мало. Несмотря на это, г. Денисюкъ въ настоящей книгѣ пытается дать обстоятельную біографію писателя. Авторъ считаетъ, что для такой работы въ настоящее время матеріала опубликовано вполнѣ достаточно. «Въ послѣднее время,—говоритъ онъ въ предисловіи, — рѣдкая книжка журнала обходится безъ статьи о жизни и дѣятельности Чернышевскаго. Такимъ образомъ, въ сравнительно быстрый срокъ накопился вполнѣ достаточный матеріалъ для составленія біографіи отца русскаго соціализма». Заявивъ это, г. Денисюкъ доказалъ въ своей книгѣ совершенно обратное, именно, что матеріала для составленія болѣе или менѣе обстоятельной біографіи Чернышевскаго въ распоряженіи біографа очень мало. Написанная г. Денисюкомъ біографія писателя носитъ какой-то схематическій характеръ, авторъ набрасываетъ лишь штрихи, лишь канву для біографіи. Такъ, цѣлые періоды жизни Чернышевскаго, напримѣръ, пребываніе его въ Астрахани, обрисованы въ самыхъ общихъ чертахъ на нѣсколькихъ страничкахъ. Когда же въ распоряженіи біографа было матеріала больше, то онъ говоритъ о данномъ фактѣ пространнѣе. Такъ случилось съ арестомъ и дѣломъ

Чернышевскаго. Имѣя много матеріала, опубликованнаго въ «Быломъ», авторъ подробно останавливается на этомъ вопросѣ въ ущербъ другимъ. Въ результатѣ получается непланомѣрность книги. Указывая схематичность работы, мы не хотимъ винить въ этомъ автора, такъ какъ неполнота біографіи зависитъ отъ скудости пока еще опубликованныхъ матеріаловъ. Заявленіе г. Денисюка, что матеріала достаточно, крайне поражаетъ. Неужели онъ, составляя біографію, не видѣлъ обратнаго, не чувствовалъ, что его работа схематична!

Но если многіе факты полно обрисовать нельзя было за недостаткомъ матеріала, то оставленіе въ сторонѣ многихъ вопросовъ біографіи Чернышевскаго, для которыхъ матеріалъ есть, нельзя не поставить въ вину автору. Такъ, г. Денисюкъ очень мало удѣляетъ вниманія обрисовкѣ нравственной личности Чернышевскаго, а между тѣмъ безъ этого нельзя понять многаго въ идеяхъ и жизни писателя. Въ рядѣ воспоминаній о немъ, въ его дневникѣ заключается достаточный матеріалъ для этого. Очень мало сказано также объ отношеніи Чернышевскаго къ родителямъ, особенно къ матери, о женитьбѣ его, а между тѣмъ матеріалъ для этого есть. Составляя біографію Чернышевскаго, обойти эти вопросы нельзя, такъ какъ они имѣютъ важное значеніе для уразумѣнія внутренняго міра писателя.

Всякій серьезный біографъ понимаетъ, что біографія не можетъ свестись къ чисто формальной сторонѣ, лишь къ обрисовкѣ фактовъ внѣшней жизни, что необходимо, наряду съ этимъ, выяснить, какъ подъ вліяніемъ жизненныхъ условій складывалась личность писателя, какъ эволюціонировало его міросозерцаніе. Ничего этого мы не найдемъ въ книгѣ г. Денисюка. Онъ біографъ старой формаціи, сводящій работу къ изложенію внѣшнихъ фактовъ жизни писателя. Если авторъ и касается взглядовъ Чернышевскаго, то далѣе простой и поверхностной ихъ обрисовки не идетъ. Что же касается такихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ біографіей, какъ, напримѣръ, какимъ образомъ изъ мирно настроеннаго человѣка Чернышевскій обратился въ «разрушителя», насколько его психика была въ соотвѣтствіи съ проповѣдываемыми имъ идеями, насколько онъ по своему душевному складу былъ «шестидесятникъ» и т. п.,—то они оставлены г. Денисюкомъ въ тѣни.

Что же касается характеристики воззрѣній Чернышевскаго, то она, хотя и поверхностна, но въ общихъ чертахъ вѣрна. То же самое нужно сказать и объ оцѣнкѣ значенія писателя. Но если подходить къ работѣ г. Денисюка съ этой стороны, то необходимо указать, что въ ней нѣтъ, за небольшими исключеніями, собственныхъ мыслей автора: онъ большей частью повторяетъ сказанное другими. Особенное вниманіе г. Денисюкъ удѣлилъ нашей статьѣ о Чернышевскомъ, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1907 г., кн. V—VI). Не говоря уже о томъ, что онъ взялъ у насъ цѣлый рядъ мыслей, заимствованы у насъ даже тѣ цитаты, которыя приводили мы изъ другихъ авторовъ (см. особенно стр. 51—53). Если читатель полюбопытствуетъ и сравнитъ нашу статью и работу г. Денисюка, то онъ увидитъ справедливость нашихъ словъ. Мы не имѣемъ противъ этого ничего, такъ какъ заимствованіе широко практикуется, но не можемъ не выразить удивленія, что авторъ нигдѣ даже не упомянулъ о нашей работѣ.

Трудъ г. Денисюка не выдерживаетъ критики, если подойти къ нему съ серьезными требованіями, которыя мы предъявляемъ къ историко-литературнымъ изслѣдованіямъ. Но, если посмотрѣть на него, какъ на книгу, авторъ которой не задавался никакими серьезными задачами, то, принявъ во вниманіе, что у насъ не было сколько-нибудь связнаго обзора жизни Чернышевскаго, приходится пожелать работѣ г. Денисюка распространенія среди широкой публики, очень мало знакомой съ жизнью такого виднаго представителя русской мысли.

А. Фоминъ.

Кнутъ Гамсунъ. Царица Тамара. Переводъ А. Эйгесъ. Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1908.

Сюжетъ драмы заимствованъ изъ грузинской исторіи, именно эпохи царицы Тамары (1184—1213). Ея царствованіе одна изъ блестящихъ эпохъ въ жизни грузинскаго народа. Жизнь и дѣятельность царицы, о которой даютъ богатыя свѣдѣнія грузинскіе и иностранные источники, полна глубокаго историческаго интереса. Не одну драму можно было бы написать изъ грузинской исторіи XII в., опираясь на подлинныя событія и легендарныя сказанія, въ вихрѣ которыхъ живо обрисовываются историческіе персонажи. Къ сожалѣнію, Кнутъ Гамсунъ, при выдающемся литературномъ талантѣ, обнаруживаетъ слабое знакомство съ эпохой царицы Тамары, что и отразилось на его драмѣ.

Какъ ни свободенъ авторъ историческихъ драмъ и романовъ въ комбинированіи эпизодовъ и лицъ, въ перетасовкѣ и переоцѣнкѣ ихъ, однако внесеніе явно вымышленныхъ событій, при томъ съ участіемъ въ нихъ такихъ дѣятелей, общій обликъ которыхъ не соотвѣтствуетъ исторической эпохѣ, нарушаетъ наше представленіе объ исторической правдѣ. Въ пьесѣ Кнута Гамсуна историческій элементъ ограничивается именованіемъ героини—царицей Тамарой и героя—мужемъ ея, княземъ Георгіемъ. Историческія имени носятъ также дѣти ихъ: Русудань и Георгій. Тонъ и колоритъ исторической обстановки и сложившейся характеристики героевъ драмы представляютъ вымыселъ автора, не подкрѣпляемый ни однимъ фактомъ подлинной исторіи и даже народной легенды. Даже личная жизнь Тамары раскрыта недостаточно острымъ взоромъ, сколько-нибудь согласнымъ съ ея историческимъ образомъ. Напротивъ, все, что внесъ авторъ съ исторической окраской, не соотвѣтствуетъ установившимся выводамъ научной критики. Извѣстно, что грузинская царица Тамара изъ династіи Багратидовъ послѣ перваго неудачнаго брака съ русскимъ княземъ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, вышла за осетинскаго правителя Давида Сослани, также по происхожденію Багратида. Кнутъ Гамсунъ почему-то мужа царица Тамары Георгія сдѣлалъ Багратидомъ. Это смѣшеніе двухъ личностей повлекло за собою рядъ другихъ несообразностей: на слабаго изгнанника Георгія перенесены черты любимаго царицей храбраго полководца Давида Сослани, при чемъ Тамарѣ приписаны чуждыя ей чувства ревности къ Георгію, а отождествленіе послѣдняго съ Давидомъ привело къ тому, что счастливый супругъ царицы представленъ въ ложномъ освѣщеніи, легкомысленнымъ ловеласомъ, открыто ухаживающимъ за фрейлинами съ наруше-

ніемъ всѣхъ нашихъ представленій о грузинскихъ нравахъ средневѣкового періода.

Не говоря о второстепенныхъ лицахъ драмы, напр., о священникѣ и настоятелѣ, историческая роль которыхъ авторомъ искажена, сама «богоравная» царица Тамара, предметъ вдохновенныхъ диөирамбовъ ея придворныхъ поэтовъ—Руставели, Шавтели и Чахрухадзе,—намѣчена настолько блѣдно и неопредѣленно, что читатель оставляетъ книгу безъ уясненія ея характера. Она въ одно и то же время очерчивается тщеславной женщиной, желающей склонить чарами своей красы плѣннаго товинскаго хана (?!) къ переходу въ христіанство, съ другой стороны, она является столь слабохарактерной, что безъ протеста выслушиваетъ отъ своей фрейлины-мусульманки хулу на христіанскаго Бога. Еще болѣе несообразнымъ съ исторіей и личностью царицы представляется романическій эпизодъ взаимныхъ отношеній Тамары и товинскаго хана, равно и фантастическій планъ дѣйствій Георгія плѣненіемъ своей супруги въ неприступномъ замкѣ вернуть къ себѣ ея расположеніе. Словомъ, образъ Тамары въ драмѣ остается до конца тусклымъ и неправдоподобнымъ.

А. Хахановъ.

Д. Г. Тюменевъ. Новѣйшія изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія. Воронежъ. 1908.

Небольшая (29 стр.) брошюра г. Тюменева посвящена вопросу о загадочной личности перваго самозванца. Авторъ не располагаетъ какими-либо новыми данными, могущими пролить новый свѣтъ на этотъ таинственный иксъ русской исторіи. Задача автора — изложить и подвергнуть критическому разбору мнѣнія по этому вопросу, высказанныя различными учеными, главнымъ образомъ новѣйшими. Особенно подробно изложены взгляды трехъ изслѣдователей: А. С. Суворина, который, какъ извѣстно, склоненъ считать Лжедимитрія дѣйствительнымъ сыномъ царя Грознаго; Е. Н. Щепкина и о. Павла Пирлинга. Самъ г. Тюменевъ согласенъ съ мнѣніемъ Пирлинга.

Д. З.

П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изданіе второе. Спб. 1908.

Второе изданіе книги нынѣ покойнаго П. И. Вейнберга не является лишнимъ. Хотя она вышла въ 1872 году, но до сихъ поръ не утратила ни цѣнности, ни интереса. Въ своемъ трудѣ изслѣдователь съ замѣчательной тщательностью разсмотрѣлъ историческія пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ и выяснилъ, какъ смотрѣлъ народъ на грознаго царя, какія черты его личности сохранились въ народной памяти. Детальная и тщательная разработка темы соединена съ живымъ изложеніемъ, что дѣлаетъ книгу интересной не только для спеціалистовъ, но и для широкой публики, которая до сихъ поръ не перестаетъ интересоваться личностью Іоанна Грознаго. Очень хорошо, что ко второму изданію изслѣдователь приложилъ наиболѣе важные варіанты тѣхъ пѣсенъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ.

Ф.

Г. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Часть первая. XVII и XVIII в. Казань. 1908.

Культурное, государственное значеніе театра еще очень мало сознано въ русскомъ обществѣ. По выраженію одного публициста, театръ любятъ, какъ зрѣлище, но вовсе равнодушны къ его исторіи, а книгъ о театрѣ почти не читаютъ. Какая разница съ Западомъ! Въ то время, какъ русскій читатель едва отыщетъ нѣсколько книжекъ о театрѣ, въ большинствѣ случаевъ компилятивнаго содержанія, на Западѣ театру посвящена огромная литература, да и не только театру вообще, но и его разновидностямъ, какъ-то: театру народному, школьному и т. д. При такихъ условіяхъ всякая попытка вывести театръ изъ области пріятнаго времяпрепровожденія и сдѣлать его предметомъ научнаго обозрѣнія должна быть особенно привѣтствуема. Профессоръ Варнеке давно извѣстенъ за талантливаго и добросовѣстнаго популяризатора нашей театральной старины. Въ настоящее время онъ собралъ и систематизировалъ лекціи, читанныя имъ на драматическихъ курсахъ Петербурга и Казани, и издалъ подъ общимъ заглавіемъ «Исторія русскаго театра» (часть I). Послѣднее названіе немножко смущаетъ. Какъ бы ярко ни были выражены основные моменты развитія извѣстной идеи, все же это не исторія ея. Конспектъ, программа, но не исторія. Особенно подобная точка зрѣнія примѣнима къ театру, который по своей сути совмѣщаетъ въ себѣ всѣ виды искусства. Я думаю, что почтенный авторъ не станетъ спорить, что одному младенческому періоду русской драмы (XVI и XVII в.) можно посвятить приблизительно книгу такого же объема, какъ его первая часть. А кіевская школьная драма, а театръ московской Руси, а золотой вѣкъ Екатерины II? Что ни эпоха, то новый томъ убористаго шрифта! Но за всѣмъ этимъ, трудъ г. Варнеке является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о театрѣ. Смѣло рекомендуемъ его русскому обществу, въ надеждѣ, что подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ ссылокъ на прошлое русскій человѣкъ сознательнѣе отнесется къ потребностямъ и стремленіямъ своего театра. **Баронъ Н. В. Дризенъ.**

К. Головинъ. Мои воспоминанія. Т. I. (до 1881 г.). Спб. 1908 г. 396 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Воспоминанія извѣстнаго писателя К. Головина должны быть отнесены къ числу воспоминаній той категоріи, къ которой относятся и извѣстныя воспоминанія кн. В. Мещерскаго. Въ нихъ тѣ же картинки свѣтской жизни, портреты бюрократической среды, выходки по ея адресу, справки изъ своей служебной карьеры въ связи съ нѣкоторыми моментами изъ нашей общественной и государственной жизни и т. д., и т. д. Панорама, развертывающаяся въ книжкѣ г. Головина, пестра, слишкомъ пестра, и въ данномъ отношеніи воспоминанія кн. Мещерскаго отличаются большею стройностью и порядкомъ. Г. Головинъ черезчуръ увлекается личными страницами жизни, воспоминаніями о своихъ друзьяхъ, родныхъ и знакомыхъ, которые при всей почтен-

ности ихъ представляютъ, однако, слишкомъ мало интереса для читателей, еще менѣе имѣютъ они значенія въ общемъ круговоротѣ русской жизни, которую онъ старается обрисовать за двадцать слишкомъ лѣтъ, и которые, введенные въ его повѣствованіе, только расхолаживаютъ общее впечатлѣніе и безъ всякой надобности пестрятъ общую представленную имъ картину пореформенной Россіи. Увлекаясь ненужными деталями, онъ поэтому часто слишкомъ поверхностно останавливается на такихъ явленіяхъ жизни, которыя заслуживали бы съ его стороны большаго вниманія. Въ этомъ отношеніи кн. Мещерскій, какъ лѣтописецъ той же эпохи и той же среды, сумѣлъ стать въ болѣе выгодное положеніе и обрисовать болѣе рѣзкими штрихами и сочными красками существенное и достойное литературной регистраціи.

Несмотря на отмѣченный недостатокъ авторскаго пера, нельзя не отмѣтить, что для исторіи русской общественности воспоминанія г. Головина имѣютъ все же извѣстное значеніе и вносятъ въ наши познанія о времени главнымъ образомъ семидесятыхъ годовъ кое-что новое и интересное. Имъ сообщено немало любопытныхъ данныхъ относительно нѣкоторыхъ свѣтскихъ салоновъ и ихъ представителей, жизни русскихъ за границею, относительно русско-турецкой кампаніи и революціоннаго движенія у насъ, которое онъ отмѣчаетъ и съ фактической стороны его проявленія и его отраженія въ пониманіи и чувствахъ той среды, къ которой онъ принадлежалъ отъ рожденія. Какъ человѣкъ, награжденный отъ природы тонкимъ наблюдательнымъ умомъ, авторъ далъ на протяженіи книги немало интересныхъ замѣчаній относительно жизни провинціи, поскольку она развивалась и эволюціонировала послѣ эмансипаціонной эпохи, и отмѣтилъ, каковы были тѣ органы власти, въ чьи руки была отдана жизнь внутренней Россіи. Здѣсь г. Головинъ далъ нѣсколько мѣтко обрисованныхъ портретовъ нашихъ губернаторовъ, какъ, напримѣръ, «желчнаго орловскаго губернатора» и «веселаго тульскаго» и др. Знакомитъ онъ насъ и съ первыми шагами своего литераторства и своими связями изъ литературнаго міра. Книга заканчивается описаніемъ постигшей его тяжкой болѣзни съ ея трагическимъ исходомъ — полною потерею зрѣнія навсегда. Такимъ образомъ воспоминанія г. Головина, если не могутъ быть отнесены къ числу перворазрядныхъ источниковъ для изученія жизни пореформенной Россіи, то во всякомъ случаѣ будущій лѣтописецъ той эпохи найдетъ у него нѣкоторыя детали, которыми небезполезно воспользоваться въ общемъ сводѣ и освѣщеніи событій, сюда относящихся. **В. Г.**

Седьмой годъ дѣятельности «Маяка», общества содѣйствія нравственному, умственному и физическому развитію молодыхъ людей, состоящаго подъ почетнымъ попечительствомъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Съ 22 сентября 1906 г. по 22 сентября 1907 года.

Общество «Маякъ», задавшееся цѣлью оказывать содѣйствіе лицамъ мужского пола отъ 17-лѣтняго возраста въ достиженіи нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія, просуществовало уже семь лѣтъ и, судя по

отчету за послѣдній годъ, несомнѣнно, выполняетъ свою задачу съ большимъ успѣхомъ. Какое значеніе имѣетъ это общество и какой его характеръ, ясно видно изъ слѣдующихъ словъ отчета: «Общество «Маякъ» по идеѣ своего учрежденія представляетъ собою пересаженную на русскую почву организацію разсѣянныхъ по всему земному шару—отъ Америки до Японіи—обществъ извѣстнаго типа, носящихъ въ англо-саксонскихъ странахъ названіе—Joung Men's Christian Association, въ латинскихъ странахъ названіе—Union Chrétienne de jeunes gens, т. е. въ русскомъ переводѣ «Христіанская ассоціація молодыхъ людей». Согласно замыслу своему, общества эти, хотя и не могутъ быть отнесены, по существу, къ обществамъ чисто религіознымъ, тѣмъ не менѣе въ принципѣ они покоятся въ общемъ на основахъ христіанской церкви. Такой характеръ носятъ эти общества не только въ христіанскихъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, но таковыми они являются даже и въ нехристіанскихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Японіи, въ Китаѣ, въ Индіи. Этотъ общій христіанскій характеръ присущъ также и нашему «Маяку» и проявляется у насъ прежде всего въ организаціи чтеній и бесѣдъ на религіозно-нравственныя темы подъ руководствомъ церковныхъ пастырей».

Основатель «Маяка», какъ извѣстно, американецъ Джемсъ Стоксъ, онъ же не только его покровитель, но и самый крупный жертвователь: за семь лѣтъ существованія общества онъ вложилъ въ него до 150 тысячъ рублей, тогда какъ въ Россіи пожертвованій собрано всего лишь 54 тысячи рублей, изъ которыхъ Э. Л. Нобелемъ дано 26 тысячъ рублей (стр. 36 отчета). Можно безусловно посѣтовать на русскихъ людей, не умѣющихъ оцѣнить значеніе этого несомнѣнно полезнаго учрежденія, вліяющаго очень благотворно на своихъ посѣтителей и при томъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, какъ это видно изъ того же отчета и цифръ, приведенныхъ въ немъ.

Задачамъ умственнаго развитія въ «Маякѣ» служатъ: а) чтеніе лекцій, б) вечерніе курсы, в) библіотека съ читальной комнатою и г) образовательныя экскурсіи. По буднямъ три раза въ недѣлю читаются систематическія лекціи по болѣе крупнымъ областямъ знанія, какъ-то: по нравственной философіи, по естествознанію, по исторіи, по общественнымъ наукамъ и по литературѣ. Воскресныя лекціи посвящены отдѣльнымъ темамъ.

Лекціи эти имѣютъ постоянныхъ слушателей-посѣтителей «Маяка» отъ 100 до 250. Всѣхъ лекцій вмѣстѣ съ духовными бесѣдами (70) въ отчетномъ году было 274.

На вечернихъ курсахъ преподавались въ отчетномъ году языки: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій; ариѳметика, бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, алгебра, выразительное чтеніе, каллиграфія, стенографія и работа на пишущихъ машинахъ. Общее число посѣтителей курсовъ было 971 человѣкъ. Болѣе всего обучалось нѣмецкому языку—216 человѣкъ. Двое изъ нихъ, проявившіе особые успѣхи въ этомъ предметѣ, были отправлены за счетъ общества въ Берлинъ для усовершенствованія въ разговорной рѣчи, на что было ассигновано 300 рублей. Посѣтители вечернихъ курсовъ держатъ, по желанію, соотвѣтствующіе экзамены. Всѣхъ державшихъ экзамены было около 70 человѣкъ.

Образовательныхъ экскурсій было сдѣлано 29 подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ.

Библіотека общества состоитъ изъ 1724 томовъ, пользовалось ею 1200 человѣкъ. Библіотека имѣетъ 28 газетъ, 31 журналъ на русскомъ языкѣ и 11 иностранныхъ періодическихъ изданій.

Для эстетическаго развитія посѣтителей «Маяка» служитъ музыкальный отдѣлъ. Здѣсь преподаются хоровое пѣніе, какъ духовное, такъ и свѣтское, сольное пѣніе, игра на отдѣльныхъ инструментахъ и учреждены особые регентскіе классы. Общество имѣетъ свои хоры, духовный и свѣтскій, свой окрестръ, духовой и великорусскій. Въ отчетномъ году общество устроило при содѣйствіи выдающихся артистическихъ силъ 22 концерта, въ которыхъ, конечно, участвовали и собственныя силы.

Для физическаго развитія къ услугамъ посѣтителей «Маяка» имѣется большой спеціальный гимнастическій залъ, гдѣ они упражняются подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, организуются лѣтнія экскурсіи, катанья зимою на лыжахъ и наونькахъ, всевозможныя спортивныя упражненія и развлеченія... Но всего нѣтъ возможности перечислить въ этой замѣткѣ изъ того, что дѣлается обществомъ. Можно пожелать лишь ему дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько цифръ изъ отчета. Во-первыхъ, общество обладаетъ бюджетомъ почти въ 40 тысячъ рублей. Въ отчетномъ году расходъ общества при собственномъ обширномъ домѣ на Надеждинской улицѣ въ Петербургѣ выразился въ суммѣ 39,027 руб. 60 коп., а приходъ въ 38,209 руб. 28 к., получился дефицитъ въ 818 руб. 32 к., покрытый изъ запасного капитала (14,701 руб. 61 коп.). Общество въ правѣ жаловаться на равнодушіе русскихъ къ его дѣятельности: Америка тратитъ на организацію подобныхъ обществъ 80 милліоновъ въ годъ; Японія и даже Китай опередили насъ въ этомъ отношеніи. По свидѣтельству г. Ричарда Морза, члена «Христіанской ассоціаціи молодыхъ людей въ Америкѣ», посѣтившаго нашъ «Маякъ», даже въ Кореѣ императоръ выдалъ на учрежденіе подобной ассоціаціи 10 тысячъ іенъ.

У насъ въ отчетномъ году было собрано пожертвованій 17,075 рублей; изъ нихъ его императорское высочество великій князь Михаилъ Александровичъ пожертвовалъ 1000 рублей.

Всѣхъ посѣтителей «Маяка» было 1451 человѣкъ (православныхъ 1196); преобладающій возрастъ 17—20 лѣтъ (566 посѣт., т. е. 38,92%), по профессіямъ болѣе всего служащихъ въ магазинахъ—401 человѣкъ (т. е. 27,58%).

В. Пинчукъ.

Проф. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб. 1907.

Книга принадлежитъ перу виднаго львовскаго историка и общественнаго дѣятеля проф. М. С. Грушевскаго. Она представляетъ сборникъ статей и замѣтокъ историко-публицистическаго характера, посвященныхъ выяс-

ненію тѣхъ «злобъ дня», которыя связаны съ освобожденіемъ Россіи и украинскимъ вопросомъ. Въ освѣщеніи этихъ злобъ дня авторъ проводитъ слѣдующую руководящую идею: «Россія—имперія народовъ, среди которыхъ государственная народность составляетъ только меньшинство,—не можетъ развиваться свободно и успѣшно, пока въ этомъ переустройствѣ не будетъ обезпечено свободное и нестѣсненное существованіе и развитіе ея составныхъ частей—ея народовъ; пока въ ея развитіи, движеніи, прогрессѣ эти народы не будутъ видѣть залога своего развитія и прогресса». Такова общая программа автора, и спорить можно только относительно отдѣльныхъ пунктовъ ея выполненія.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ авторъ обращается къ украинской интеллигенціи съ характернымъ напоминаніемъ не бросать работы національнаго возрожденія своего народа. Онъ говоритъ, что «на ряду съ разрѣшеніемъ общихъ вопросовъ политическаго и соціальнаго освобожденія Россіи, украинскій народъ ж д е т ъ (курсивъ нашъ) отъ своей интеллигенціи, чтобы она д о б и л а с ь и с о з д а л а для него условія культурнаго и политическаго существованія, при которыхъ онъ пересталъ бы быть пассивнымъ и безучастнымъ зрителемъ совершающагося,—условія нестѣсненнаго культурнаго и общественнаго національнаго развитія». Здѣсь характерно и самое напоминаніе, свидѣтельствующее, что часть украинской интеллигенціи, и притомъ наиболѣе прогрессивная, что-то забыла,—и указаніе, что народъ ждетъ національнаго возрожденія, но не борется за него... Ясно, что профессоръ Грушевскій—типичнѣйшій идеологъ интеллигенціи, оторванной отъ простого народа, но считающей себя выразительницей его чаяній и стремленій. И это обстоятельство рельефно сказалось въ томъ, что исходный пунктъ программы, приверженцемъ которой является авторъ сборника,—слишкомъ идеалистиченъ: онъ основывается болѣе на историческихъ притязаніяхъ, съ одной стороны, и на стремленіяхъ незначительной части украинскаго народа, съ другой. Обыкновенно противъ этого возражаютъ, что «реальная политика» требуетъ прежде всего, чтобы за нее была дѣйствительность.

Такимъ образомъ, не соглашаясь въ исходномъ и главномъ пунктѣ міровоззрѣнія профессора Грушевскаго, тѣмъ не менѣе, мы признаемъ многое изъ того, что онъ пропагандируетъ, особенно—въ области политическихъ и соціальныхъ реформъ. Кромѣ того, его книгу можно рекомендовать, какъ прекрасный источникъ, дающій стройное и вполнѣ законченное знакомство съ тѣмъ теченіемъ мысли украинской интеллигенціи, взгляды которой прекрасно выражены авторомъ. Въ III и IV статьяхъ дается историческій очеркъ украинской народности, затѣмъ статьи V—VIII трактуютъ о постановкѣ и желательномъ разрѣшеніи украинскаго вопроса въ смыслѣ національномъ. Небольшія замѣтки IX—XIV характеризуютъ движеніе украинскаго вопроса въ 1905—1906 гг. «до снятія запрещенія съ украинскаго слова включительно»; въ статьяхъ XV—XIX читатель найдетъ освѣщеніе деталей конституціоннаго строя, вопросовъ аграрнаго, еврейскаго, университетскаго съ украинской точки зрѣнія; наконецъ, въ 3 послѣднихъ статьяхъ разбирается

жгучій вопросъ—польско-украинскія отношенія въ Россіи и Австріи. Какъ и всѣ статьи профессора Грушевскаго, онѣ написаны съ полнымъ знаніемъ дѣла, убѣдительно и довольно сильно. **И. Александровъ.**

Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Подъ редакціею орд. акад. И. В. Ягича. Выпускъ 12. Спб. 1908.

На предварительномъ съѣздѣ русскихъ филологовъ въ апрѣлѣ 1903 года было выражено желаніе издать энциклопедію по славяновѣдѣнію и былъ выработанъ проектъ этого изданія. Первый—по времени своего появленія въ свѣтъ (а по порядку программы—двѣнадцатый)—выпускъ этого грандіознаго изданія вышелъ изъ печати въ февралѣ 1908 года.

По принятому плану, славянская энциклопедія будетъ вполнѣ соотвѣтствовать извѣстнымъ нѣмецкимъ «Grundriss'амъ» германской и романской филологіи, т. е. будетъ состоять изъ систематическаго ряда отдѣльныхъ статей по всѣмъ отраслямъ славянской филологіи, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Все изданіе энциклопедіи разсчитано на шесть громадныхъ (по 80—100 печатныхъ листовъ въ каждомъ) томовъ и будетъ состоять изъ общаго введенія и трехъ главныхъ отдѣловъ: лингвистическаго, историко-литературнаго и этнографическаго. Лингвистическій отдѣлъ, раздѣляющійся, въ свою очередь на три главныхъ части (1. Общеславянскіе вопросы въ области языка. 2. Отдѣльные славянскіе языки въ грамматическомъ отношеніи. 3. Сношенія славянскихъ языковъ между собою и съ неславянскими языками; отраженіе вліянія на лексикѣ и синтаксисѣ), выйдетъ въ печати первымъ. Часть его составляетъ и разсматриваемый двѣнадцатый выпускъ энциклопедіи, одинъ изъ пяти выпусковъ, посвященныхъ собственно русскому языку.

Энциклопедія должна отразить въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, современное состояніе науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ она «преслѣдуетъ цѣль объединенія науки въ стройную систему», «оберегаетъ науку отъ лишнихъ разливовъ, подобно плотинѣ, регулирующей теченіе рѣки» (слова редактора, академика Ягича).

Найти сотрудниковъ для этого громаднаго труда оказалось, по словамъ редактора, дѣломъ не легкимъ. Редакторъ объясняетъ это обстоятельство недостаточностью «научной солидарности» среди ученыхъ славистовъ; «замѣчается скорѣе большая разрозненность, проистекающая отчасти отъ взаимнаго незнакомства, при общеизвѣстной трудности книжнаго сообщенія, отчасти отъ натянутости въ сношеніяхъ, проникающей даже въ область науки».

Сотрудниковъ лингвистическаго отдѣла энциклопедіи названо въ «проспектѣ» болѣе 60; въ томъ числѣ болѣе 20—русскіе ученые.

Разсматриваемый, двѣнадцатый, выпускъ энциклопедіи заключаетъ въ себѣ, кромѣ предисловія редакціи и «проспекта» энциклопедіи съ перечнемъ сотрудниковъ, статью профессора Е. Ѳ. Будде «Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ)». Авторъ выясняетъ эле-

менты и стихіи, вошедшія въ составъ современнаго русскаго литературнаго языка—стихію церковно-славянскую, иностранную и народную. Въ теченіе XIX-го вѣка «весь обликъ нашего литературнаго языка измѣнился и обновился»; «современный намъ литературный русскій языкъ настолько проникся въ общемъ своемъ составѣ народной русской стихіей, что можетъ справедливо считаться національнымъ выразителемъ мыслей русскаго образованнаго общества, хотя сама русская литература еще и до сихъ поръ далеко не объединила русскаго образованнаго общества и русскаго народа въ ихъ понятіяхъ и служитъ отраженіемъ далеко не общенародныхъ интересовъ и думъ».

Нужно надѣяться, что славянская энциклопедія сдѣлается настольною книгою не только ученыхъ филологовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся славянствомъ. **Д. З.**

Я. И. Рудневъ. Очерки странъ и народовъ Азіи. Съ рисунками и картами въ текстѣ. Выпускъ первый и второй. Спб. 1907 г.

Два выпуска очерковъ г. Руднева написаны живо и просто. Приближаясь по типу къ формѣ учебниковъ, они не содержатъ только сухой статистическій перечень географическихъ названій и свѣдѣній. Описаніе Малой Азіи, Арменіи, Курдистина, Сиріи и Палестины, Афганистана, Белуджистана (первый выпускъ) даютъ хорошо скомпанованную картину этихъ странъ, съ краткими свѣдѣніями по культурной и политической исторіи ихъ. Для примѣра приведемъ хотя бы характеристику государственнаго строя и управленія Персіи. Такъ, «губернаторы и чиновники собираютъ съ народа подати и творятъ надъ нимъ судъ и расправу по своему произволу, такъ какъ законовъ, которые опредѣляли бы права и обязанности подданныхъ, въ Персіи почти не существуетъ. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, народу въ Персіи приходится много терпѣть отъ лихоимства и произвола губернаторовъ и другихъ чиновниковъ и непосильныхъ податей. Вымогательство и взяточничество чиновниковъ въ Персіи обычное явленіе, причемъ низшіе чины дѣлятся своими незаконными доходами съ высшими, въ особенности съ людьми, вліятельными при дворѣ. Судъ въ Персіи скорый и равный для всѣхъ, но далеко не всегда справедливый и очень немилостивый. Всякій, даже самый высшій сановникъ, можетъ подвергнуться казни, пыткамъ, тюрьмѣ и публичному наказанію розгами, плетьми или палками по пяткамъ...» Несомнѣнно, для впечатлительнаго ума маленькихъ учениковъ будетъ не безполезно узнать о такихъ ужасахъ персидскихъ. Но авторъ далѣе успокаиваетъ: «Въ Персіи введена конституція!» Впрочемъ, конституція, какъ слово иностранное, подвергнуто остракизму (кто выростетъ, тотъ въ университетѣ изъ государственнаго права узнаетъ о чужеземной гостьѣ) Но все-таки упоминается палата депутатовъ, или—въ скобкахъ—меджилисъ. И все-таки, «чтобы новое государственное устройство Персіи не осталось мертвой буквой, а возродило страну, необходимо персамъ долго и упорно поработать на всѣхъ поприщахъ жизни и прежде всего позаботиться объ усвоеніи европейскаго просвѣ-

щенія» (стр. 97—99). Такъ сказать, конституція-то и останется конституціею, да на чужой каравай, и т. д.

Неожиданной или, вѣрнѣе, давножданной новинкой второго выпуска является введеніе въ курсъ географіи свѣдѣній о Китаѣ, Манчжуріи, Кореѣ и даже Японіи. Послѣдней отведено чуть ли не почетное мѣсто—около 50 страницъ. Характеристика японцевъ сдѣлана безпристрастно. Правда, у нихъ (не въ укоръ будь сказано) «небольшой ростъ и короткія ноги» (стр. 175), но зато «на улицѣ у нихъ не услышишь уличной брани, не увидишь драки и пьяныхъ, такъ какъ японецъ считаетъ позоромъ появиться на улицѣ въ пьяномъ видѣ» (стр. 177). Однако и восхищаться особенно японскими порядками не слѣдуетъ: «Знатоки Японіи говорятъ» много нехорошаго о странѣ Восходящаго Солнца. Такъ, «налоги все растутъ, поглощая треть, а то и половину валового дохода съ хозяйства. Чтобы достать денегъ для уплаты податей, японскій крестьянинъ продаетъ дешево хлѣбъ, запутывается въ долгахъ и часто теряетъ за долги свой земельный надѣлъ. Земля мало-по-малу переходитъ къ богатымъ людямъ, а прежніе крестьяне - собственники превращаются въ арендаторовъ, или въ наемныхъ батраковъ» (стр. 185 — 186). Итакъ, въ мѣру: что хорошо—то хорошо, а остальное отъ дьявола.

Оба выпуска чуть не на каждой страницѣ иллюстрированы. Тутъ и сирійцы, и долина въ южно-аравійской пустынѣ, и белуджистанскій ханъ, и бедуинки въ шатрѣ — до дженерикши, статуи Будды и рисовыхъ полей на островѣ Явѣ включительно. Въ заключеніе, можетъ быть, читатель будетъ даже пріятно удивленъ, узнавъ изъ послѣдней фразы «Очерковъ», что «въ Манильѣ есть большія сигарныя фабрики, но главнымъ образомъ городъ живетъ торговлей». «Всяко бываетъ», скажетъ философски какой-нибудь Монтигомо Ястребиный Коготь (псевдонимъ)—бываетъ, что и на «но» спотыкнешься...

Изящная внѣшность, хорошая содержательность очерковъ, значительно дополненныхъ противъ первоначальнаго вида (печатались прежде въ видѣ приложеній къ «Народному Образованію»),—все это, въ связи съ доступной цѣной, позволяетъ пожелать имъ распространенія. **И. Александровъ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Труды по археологіи.—Было время, когда людямъ, хотя и образованнымъ, но не строго и спеціально ученымъ, археологія казалась однимъ изъ самыхъ скучныхъ и безполезныхъ предметовъ, и они оказывали ей полное пренебреженіе. Между тѣмъ, результаты работъ археологовъ, порою столь неожиданные, сулятъ заманчивыя перспективы для опредѣленія давности нашей планеты, оцѣнки современной цивилизаціи посредствомъ сравненія съ прежними, разрѣшенія спорныхъ религіозныхъ вопросовъ чрезъ провѣрку фактовъ, приведенныхъ въ Библіи, съ тождественными фактами, упомянутыми въ документахъ, найденныхъ при раскопкахъ, наконецъ, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ о происхожденіи тѣхъ или другихъ народовъ и даже, кто знаетъ, для окончательнаго выясненія тайны нашего бытія. Все это такъ заманчиво, тѣмъ болѣе, если археологи съ упорнымъ стремленіемъ въ глубину нѣдръ нашей планеты совмѣщаютъ даръ живо и образно передавать отчеты о результатахъ своихъ трудовъ, какъ французы Гэйе и Масперо. Послѣдній, искренно и страстно увлекающійся археологъ, даже выражаетъ сожалѣніе, что не родился на пятьдесятъ лѣтъ позже, чтобы насладиться блестящими результатами археологіи, которая только къ тому времени будетъ въ самомъ разгарѣ успѣха по открытію тайнъ героической эпохи и даже тайнъ народовъ, о существованіи которыхъ мы и не подозрѣваемъ.

Въ послѣднее время археологическія открытія дали кое-что почти во всѣхъ упомянутыхъ областяхъ знанія, и мы начнемъ наше обозрѣніе съ Египта, почва котораго такъ благопріятна для сохраненія предметовъ сѣдой

старины и служитъ неистощимымъ источникомъ новыхъ находокъ документовъ, относящихся до первыхъ временъ цивилизаціи. Первыя раскопки въ ней открыли міру тайны Египта фараоновъ съ его письменами, храмами, царями и божествами, затѣмъ явился Египетъ Птоломеевъ, давшій намъ мало-по-малу всѣ образцовыя произведенія греческой литературы; оставался переходный Египетъ, Египетъ персидскихъ царей, который, казалось, представлялъ мало интереса и поэтому привлекалъ мало вниманія. Но первая же попытка съ раскопками дала неожиданные результаты, подаривъ археологамъ серьезные документы, относящіеся до Библіи, и въ будущемъ обѣщаетъ еще болѣе заманчивыя открытія.

Когда-то Ренанъ говорилъ, что самая замѣчательная вещь въ Луврскомъ музеѣ—это письмена фараона Мезы. Профаны проходили мимо этой мраморной плиты съ непонятными для нихъ іероглифами, тогда какъ для изучающаго исторію восточныхъ народовъ эта надпись имѣла важное значеніе. Въ то время это былъ единственный древній документъ, въ которомъ говорилось объ одномъ изъ фактовъ, упоминаемыхъ въ Библіи, такъ какъ, кромѣ Ветхаго Завѣта, ничего не существовало и никакого свидѣтельства относительно царствованія Давида и Соломона еще не было найдено. Съ тѣхъ поръ археологія обогатилась кое-какими свѣдѣніями, и съ 1868 г. современные ученые уже имѣли въ своихъ рукахъ официіальное свидѣтельство самого царя моавитовъ относительно войны, которую онъ велъ противъ Іорама, царя израильскаго. Эта война вся разсказана въ св. писаніи, и фактъ, который былъ извѣстенъ лишь изъ Книги Царей, такимъ образомъ подтверждался свѣдѣніями еще изъ другого источника, подлинность котораго никогда не вызывала сомнѣній.

Въ наше время памятникъ, такъ восхищавшій Ренана, потерялъ свое исключительное значеніе. Онъ болѣе не представляетъ необыкновенной важности, такъ какъ значеніе его затмили новыя находки. Въ 1906 г. англичане Сэйсъ и Коалэй обнародовали текстъ десяти папирусовъ, найденныхъ въ Ассуанѣ, а въ прошедшемъ году докторъ Рубенсонъ добылъ при раскопкахъ въ Элефантинѣ другіе три папируса, еще болѣе интересные, о которыхъ профессоръ Захау сообщилъ ученому міру. Германъ Гункель, разсматривающій обѣ эти серіи открытій въ «Deutsche Rundschau», говоритъ, что ассуанскіе папирусы, которые принадлежали къ семейнымъ архивамъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на религіозную жизнь и нравы еврейской колоніи, поселившейся со временъ фараоновъ на южной границѣ Верхняго Египта, пользовавшейся нѣкоторыми привилегіями во время владычества персидскихъ царей, послѣ завоеванія Камбиза. Изученіе этихъ документовъ, относящихся ко времени Ксеркса, Артаксеркса I и Дарія, т. е. съ 471 г. до 411 г. до Р. Х., особенно интересно ученымъ, которые ищутъ разрѣшенія извѣстной части задачъ по лингвистикѣ и исторіи права восточныхъ народовъ.

Открытія, сдѣланныя въ древнемъ Іевѣ, названномъ впослѣдствіи греками Элефантиной,—такъ какъ этотъ городъ былъ главнымъ рынкомъ слоновой кости,—имѣютъ гораздо большее значеніе. Исторія этого храма, воздвигнутаго Іаве, Богу Неба, на границѣ Египта и Эѳіопіи, не только бросаетъ свѣтъ на религіозную политику персидскихъ царей относительно покоренныхъ наро-

довъ, но показываетъ, насколько древни были споры по поводу двухъ самыхъ существенныхъ принциповъ Книги Второзаконія, которая, согласно всѣми принятому мнѣнію, вызвала сомнѣнія только пять или шесть вѣковъ спустя.

Колонія Іевъ, говоритъ авторъ статьи въ «Deutsche Rundschau», построила храмъ, не походившій на храмъ Соломона, и въ эпоху, когда начато было это предпріятіе, евреи, остававшіеся вѣрными Богу своихъ предковъ, не допускали существованія другого святилища внѣ Іерусалима. Книга Второзаконія, содержащая это предписаніе, была той же даты, что и эпоха, въ которую основатели колоніи Іевъ удалились изъ Палестины для водворенія въ южномъ Египтѣ, и они не придавали большого значенія новому закону.

Говоря о тѣхъ же элефантинскихъ раскопкахъ въ журналѣ «Expositor», г. Марголіутъ высказываетъ взглядъ, насколько теперь становится труднымъ поддерживать доктрины, которыя до сего дня разсматривались, какъ неоспоримыя. Согласно обширному труду Веллгаузена, говоритъ онъ, евреи и самаритяне перваго вѣка нашей эры одинаково признавали существованіе единаго Бога, которому можно было поклоняться только въ одномъ храмѣ; теперь же, офиціальнымъ документомъ 471 г. до Р. Х., доказано, что евреи не только приносили жертвы внѣ Іерусалима, но что они даже ходатайствовали у іерусалимской общины о поддержкѣ и помощи, чтобы воздвигнуть храмъ и поставить жертвенникъ въ Элефантинѣ.

Въ этой же колоніи Іевъ вѣчный вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ разрѣшенъ самымъ либеральнымъ образомъ. «Для іудейскаго народа,—говоритъ авторъ статьи,—было крайне важнымъ дѣломъ заключать браки съ женщинами иноземнаго происхожденія. Такіе союзы, запрещенные Второзаконіемъ и осужденные Книгой Ездры, судя по найденнымъ документамъ» не были запрещены въ Іевѣ».

Такимъ образомъ, труды археологовъ дали цѣнный матеріалъ для изученія Библіи и провѣрки нѣкоторыхъ фактовъ, приведенныхъ въ ней. Теперь остается извлечь изъ нѣдръ земли писанія пророковъ и тексты Моисеевыхъ законовъ, которые, очевидно, хранятся въ іевскомъ храмѣ.

Чрезвычайно интересныя открытія продолжаетъ дѣлать въ Антиноѣ французскій археологъ Гэйе, живо изложившій на страницахъ «Figaro» [1]) подробности о своей послѣдней находкѣ. Послѣ найденной имъ гробницы съ муміей жрицы Изиды, Лейкіоне, съ золотыми вѣками и со всѣми символами культа Солнца, посвященной во всѣ тайны магіи, Гэйе открылъ на слѣдующую зиму усыпальницу Миритисы, также обладавшей этими волшебными секретами, изъ которыхъ при ней находились воззваніе къ божествамъ ада и формулы, заставлявшія ихъ появляться передъ тѣми, которые умѣли произносить ихъ настоящее имя. Съ появленіемъ на свѣтъ муміи этой жрицы, по выраженію Гэйе, какъ бы воскресла цѣлая страница языческой жизни, однако ничто еще не говорило о панегирикахъ въ честь Антиноя. Но въ февралѣ 1906 г., какъ мы уже сообщали, была вскрыта могила пѣвицы Кельмисы, жрицы Озириса Антинойскаго, съ ея театромъ маріонетокъ. Затѣмъ были найдены

---

[1]) «Une Prêtresse d'Antinoïis», «Figaro». Supplement littéraire. 4 Juillet 1908.

муміи другихъ жрицъ и между прочимъ Слитіасы, одѣвальщицы священныхъ изображеній Озириса Антинойскаго, вакханки священныхъ оргій и пророчицы оракула Озириса, наконецъ «носительницы зеркала». «Предъ нами,—говоритъ Гэйе въ своемъ отчетѣ о раскопкахъ,—появился новый миражъ, болѣе молодой, болѣе мистичный и въ то же время болѣе загадочный, чѣмъ предыдущіе»: «носительницы зеркала», какъ гласитъ надпись, окончаніе которой стерлось, но это, по его словамъ, не важно.

Мумія неизвѣстной религіозной куртизанки покоилась въ маленькомъ сводчатомъ склепѣ на склонѣ Антинойской горы. Въ него вела такая узкая и низкая дверь, что проникнуть туда пришлось ползкомъ. Стѣны, безъ всякихъ украшеній фресками, были слегка и грубо оштукатурены, и вокругъ гробницы находились кое-какіе предметы. Тѣло муміи было обернуто двѣнадцатью пеленами, перевязанными рыжеватой тесьмой. Зеркало прикрывало ея лицо, а на шеѣ красовалось священное ожерелье изъ плодовъ смоковницы.

Теперь эта бѣлокурая мумія уже хранится подъ стекломъ въ музеѣ Гиме и поражаетъ всѣхъ замѣчательно сохранившимися формами, несмотря на семнадцативѣковой періодъ времени. Хотя зеркало, отъ слишкомъ крѣпко перетянутыхъ бинтовъ, придавило ея черты лица, все же ихъ ясно можно различить. Когда съ муміи сняли пелены, ея тѣло казалось совсѣмъ чернымъ отъ покрывавшаго его состава, который предохранялъ отъ вліянія неумолимаго времени. Въ настоящее время ея полная, упругая, чувственная грудь, гибкіе члены, тонкія связки, изящныя руки и ноги, съ блестящими ногтями, какъ будто вчера отполированными, выставлены безъ пеленъ. Такъ и представляется, говоритъ Гэйе, что на устахъ муміи играетъ улыбка, скрывающая какую-то тайну, и это возбуждаетъ въ умѣ баснословныя легенды прошедшихъ вѣковъ, особенно одну: о разрушеніи человѣка по волѣ боговъ, связанную съ культомъ, жрицей котораго была найденная мумія. Созданные владыкой, создателемъ вещей, Ра, Солнцемъ, люди въ своей неблагодарности оскорбили, прогнѣвили его. Тогда онъ послалъ на землю свою дочь Гатору, богиню съ прекраснымъ лицомъ, истребить человѣческій родъ. Въ продолженіе цѣлыхъ девяти дней она омывала свои ноги въ человѣческой крови отъ самаго Геліополя, города Солнца, до Хаканинсутена, священнаго города. Эту кровь собрали въ девять кувшиновъ и предложили въ жертву богу Ра, который затѣмъ объявилъ, что теперь вполнѣ удовлетворенъ и рѣшилъ пощадить остальное человѣчество. Но Гаторой овладѣло чувство опьяненія человѣческой кровью, и она продолжала истреблять родъ людской. Тогда ея отецъ собралъ совѣтъ боговъ, на которомъ они рѣшили прибѣгнуть къ уловкѣ для отвлеченія Гаторы отъ чрезмѣрной кровожадности. Однажды ночью всѣ девять кувшиновъ были опрокинуты, и кровь разлилась по дорогѣ, гдѣ должна была пройти Гатора, такъ что путь ей былъ пресѣченъ лужею крови. Ей пришлось остановиться и взглянуть на кровяную поверхность, въ которой отразилось ея прекрасное лицо. Увидя, какъ она красива, Гатора залюбовалась собою, и ея гнѣвъ стихъ: женское кокетство одержало побѣду, и она болѣе не думала объ уничтоженіи людей. Слово «зеркало» по-египетски было тождественно слову «жизнь» и

въ то же время было ея символомъ. Быть носительницей зеркала значило быть носительницей жизни, и потому его рукоятка всегда украшалась изображеніемъ богини Гаторы. Греки удержали этотъ миѳъ, но у нихъ Гатора отожествлялась съ Венерой, хотя они ее всегда смѣшивали съ Изидой, и зеркало Гаторы сдѣлалось зеркаломъ Афродиты; Плутархъ дѣлалъ то же, когда повѣствовалъ о прибытіи въ Спарту бѣлокурой дѣвы Океана, а также историкъ Бекри, говоря о зеркалахъ Сакки Венеріи, которыя служили для оцѣнки цѣломудрія женщины, въ частности же долговѣчности каждаго. Такое смѣшеніе продолжалось до византійской эпохи.

Магическое ожерелье изъ нарѣзанныхъ кружками плодовъ смоковницы свидѣтельствуетъ, что носительница зеркала была жрицей Венеры Астарты; и оно имѣло свою легенду. На праздникѣ Тамузы участники въ мистеріи, также какъ и вакханки, украшали себя такими магическими ожерельями. Это было, впрочемъ, только подражаніе древне-египетскимъ ритуаламъ, воспоминаніе о деревѣ Ашъ, произраставшемъ въ далекой долинѣ, подъ сѣнью котораго Изида отыскала сердце Озириса. Согласно этой легендѣ, умершій, душа котораго послѣ безконечныхъ дней должна съ нимъ соединиться, начиналъ съ того, что долго шелъ по мрачнымъ дорогамъ, пока наконецъ не достигалъ того мѣста, гдѣ находилось священное дерево... Здѣсь начиналось его возрожденіе. Вотъ почему плоды этого дерева употреблялись для магическихъ ожерелій, какъ эмблема жизни, восторжествовавшей надъ смертью. Отсюда этотъ непонятный ритуалъ перешелъ въ ритуалъ Астарты, которая, какъ и Гатора, была создательница и истребительница человѣческой жизни. Праздникъ смерти и воскресенія Адониса, по мнѣнію Гэйе, быть можетъ, являлся подражаніемъ страстямъ Озириса. Гэйе выражаетъ надежду, что въ одинъ прекрасный день въ Антиноѣ найдутся слѣды города Афродиты и, кто знаетъ, не есть ли бѣлокурая носительница зеркала жрица Изиды, что очень вѣроятно, такъ какъ греки смѣшивали Гатору и Изиду въ одну личность. Кромѣ того, Гэйе тамъ же нашелъ на могилахъ второстепенныхъ лицъ одежды этой египетской Греціи: нижнія платья, плащи, вышитыя ткани чудныхъ рисунковъ, головныя сѣтки, еще вполнѣ мягкія, кольца, гребни, украшенія, вѣнки и т. д. Въ тотъ же музей Гиме онъ доставилъ множество портретовъ, нарисованныхъ въ большинствѣ случаевъ на гипсовыхъ маскахъ. Они превосходны и служатъ цѣннымъ образцомъ живописи той эпохи, которая до сихъ поръ была для насъ тайной. Британская археологическая школа въ Аѳинахъ, въ свою очередь, ведетъ раскопки, стараясь найти остатки древняго города. Въ 1906 г. она откопала жертвенникъ и развалины храма, стиль котораго археологи относятъ къ VI вѣку до христіанской эры. По ихъ словамъ, это во всякомъ случаѣ не первоначальное святилище Артемиды, потому что Цицеронъ, Плутархъ и Павзаній относили культъ этой богини къ первымъ годамъ Спарты. При дальнѣйшихъ раскопкахъ археологи увидѣли, что во избѣжаніе бѣдъ отъ наводненія храмъ выстроенъ на искусственной насыпи отъ трехъ до четырехъ футовъ изъ песка и гравія, доставленныхъ съ береговъ Евфрата. Подъ этой почвой они нашли среди остатковъ различныхъ даровъ и ex voto второй жертвенникъ и

мостовую. Нѣкоторые изъ даровъ болѣе древняго стиля, повидимому, принадлежатъ къ первому дорическому періоду. Они состоятъ изъ гончарныхъ и бронзовыхъ предметовъ, украшенныхъ геометрическими фигурами, аграфовъ и рѣзныхъ вещицъ изъ слоновой кости. Послѣднія доставили археологамъ случай для очень удачныхъ сравненій. Особенно ихъ заинтересовали аграфы, такъ какъ они представляютъ типъ, какой встрѣчается только въ Австріи, въ Альпійской области, и который относится къ желѣзновѣковью. Такое сходство еще разъ подтверждаетъ теорію, согласно которой дорійцы, во время вторженія, извѣстнаго въ миѳологіи подъ названіемъ «возвращенія Гераклидовъ», спустились въ Грецію съ сѣвера полуострова. Оно также укрѣпляетъ древнюю традицію, по которой культъ Артемиды и ея дикіе ритуалы были занесены въ Пелопоннезъ изъ другой страны.

Продолжая раскопки, англійскіе археологи нашли подъ слоемъ угля и обгорѣлыхъ костей остатки третьяго святилища, которое на этотъ разъ, кажется, оказалось первоначальнымъ святилищемъ, выстроеннымъ на дѣвственной почтѣ. По словамъ археологовъ, это самый древній храмъ Греціи, и обѣтные дары вокругъ его развалинъ даютъ самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о доисторической эмиграціи народовъ чрезъ Европу.

— Новое сочиненіе русскаго профессора въ Англіи.—Въ послѣдніе годы въ оксфордскомъ университетѣ происходило странное, диковинное событіе: именно занятіе каѳедры древней исторіи Англіи русскимъ ученымъ—Павломъ Гавриловичемъ Виноградовымъ. Нашъ соотечественникъ не только чрезвычайно популяренъ въ Англіи, но считается однимъ изъ выдающихся историковъ средневѣковья, преимущественно англійскаго. Родившись въ Москвѣ въ 1854 г., онъ окончилъ курсъ въ мѣстномъ университетѣ въ 1875 г. и занимался спеціально исторіей среднихъ вѣковъ. Спустя пять лѣтъ Виноградовъ защитилъ диссертацію на степень магистра, взявъ темой происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лонгобардской Италіи, а затѣмъ докторскую, по спеціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. Получивъ званіе экстраординарнаго, а затѣмъ ординарнаго профессора по средней исторіи, онъ читалъ лекціи не только въ московскомъ университетѣ, но и на женскихъ курсахъ Герье. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ много историческихъ статей въ журналахъ, между прочимъ о Ранке и американской республикѣ. Въ 1891 г. Виноградовъ былъ вынужденъ прекратить чтеніе лекцій въ Москвѣ и, уѣхавъ въ Англію, занялъ каѳедру исторіи въ оксфордскомъ университетѣ, такъ какъ великолѣпно зналъ англійскій языкъ. Такимъ образомъ онъ подвизался въ продолженіе многихъ лѣтъ въ качествѣ профессора исторіи въ одномъ изъ первоклассныхъ англійскихъ университетовъ и только въ настоящемъ году снова назначенъ сверхштатнымъ профессоромъ московскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Во время своего пребыванія въ Англіи Виноградовъ издалъ три капитальныхъ ученыхъ труда о великомъ поземельномъ, кадастровомъ изслѣдованіи Англіи (Doomesday book) во время норманской эпохи. Изъ этихъ трудовъ самый замѣчательный—«Вилэны въ Англіи», вышедшій въ 1892 г., и только что появившееся продолженіе перваго труда—«Англійское общество

въ XI столѣтіи». Въ этомъ почтенномъ и строго научномъ трудѣ авторъ исполняетъ свое обѣщаніе—изслѣдовать еще болѣе раннюю и темную эпоху англійской исторіи. Хотя изучаемое имъ время обозначено XI вѣкомъ, но по временамъ Виноградовъ касается гораздо болѣе глубокой старины и представляетъ блестящее собраніе матеріаловъ объ англійскомъ древнемъ кадастрѣ. Всюду онъ выказываетъ необыкновенныя способности въ изслѣдованіи различныхъ научныхъ свѣдѣній о «Doomesday book» и другихъ, касающихся ее, документовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ни рабъ какой-либо системы, ни ученикъ какой-либо узкой школы, и, по мнѣнію англичанъ, его школа знанія самая широкая и здравая. Второе заглавіе его новаго сочиненія, или шмуцъ-титулъ: «Очерки англійской средневѣковой исторіи», гораздо точнѣе, чѣмъ первое: «Англійское общество въ XI вѣкѣ». Соціальная исторія является для Виноградова тѣмъ же, чѣмъ для нѣмецкаго историка Лампрехта и его школы, — высоко техническимъ, спеціальнымъ и абстрактнымъ изслѣдованіемъ. Онъ не пытается рисовать картины обычаевъ и нравовъ, и когда у него главный интересъ сосредоточивается не на юридическомъ элементѣ, то онъ господствуетъ въ экономическомъ; но преимущественно Виноградовъ объясняетъ, какъ относились англичане къ своимъ лордамъ и какъ они жили.

Новый ученый трудъ русскаго профессора дѣлится на двѣ части; первая озаглавлена: «Правительство и общество» и трактуетъ о политическомъ и общественномъ элементахъ; вторая же: «Земля и народъ», обращаетъ вниманіе преимущественно на экономическій и юридическій элементы. При этомъ образованія англійской городской жизни Виноградовъ почти избѣгаетъ. Одинаково онъ очень мало распространяется о церковномъ элементѣ, который онъ совершенно подчиняетъ гражданскому элементу. Англійскіе критики и преимущественно анонимный сотрудникъ «Atheneum»[1]) съ самымъ большимъ сочувствіемъ относятся въ книгѣ Виноградова, и авторъ послѣдняго журнала, повидимому, не подозрѣвая объ отъѣздѣ профессора изъ Англіи въ прежнее его отечество, отзывается объ «Англіи, какъ странѣ, которую авторъ выбралъ для напечатанія своихъ трудовъ».

Не мѣшаетъ прибавить, что въ Россіи Виноградовъ издалъ подъ своей редакціей два перевода: «Исторія цивилизаціи» Гизо и «Основы государственнаго права Англіи» Дайси, а въ Англіи, въ 1891 г., онъ прочелъ въ Оксфордѣ публичныя лекціи о славянофилахъ и западникахъ, впослѣдствіи напечатанныя въ русскомъ переводѣ.

— **Парижъ въ 1717 г. и первый между Россіей и Франціей трактатъ.** — Въ послѣднее время стали часто появляться на французскомъ языкѣ книги о Петрѣ Великомъ. Послѣ недавно вышедшаго IV тома ученаго труда Пирлинга «La Russie et le Saint Siège», въ которомъ довольно подробно описано пребываніе Петра Великаго въ Парижѣ, на дняхъ появилось сочиненіе виконта де-Гишэна, бывшаго перваго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ, озаглавленное: «Pierre le Grand et le premier traité

---

1) English Society in the Eleventh Century. «The Athenaeum». June 20. 1908.

franco-russe» [1]), гдѣ также цѣлая глава посвящена поѣздкѣ Петра Великаго во Францію. Предисловіемъ къ этой послѣдней книгѣ служатъ нѣсколько страницъ, написанныхъ барономъ де-Курселемъ, извѣстнымъ французскимъ дипломатомъ, бывшимъ посланникомъ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Хотя онъ утверждаетъ, что книга Гишэна очень интересна, и даже увѣряетъ, что послѣдній привезъ изъ Петербурга извѣстное количество документовъ, къ которымъ впослѣдствіи прибавились свѣдѣнія, заимствованныя изъ французскихъ архивовъ и библіотекъ, но это сочиненіе значительно разнится отъ труда Пирлинга, отличающагося знаніемъ, глубиной изслѣдованія и талантливымъ изложеніемъ. Что же касается книги Гишэна, то въ ней почти ничего нѣтъ новаго и только оригинальны ссылки на парижскіе архивы и газеты этого времени: «Mercure de France» и «Gazette de France». Вообще библіографическій списокъ тѣхъ книгъ, которыми пользовался авторъ, не отличается полнотой и, къ сожалѣнію, въ немъ ничего не упомянуто объ извѣстныхъ трудахъ Мартенса и Пирлинга, а, напротивъ, есть ссылки на легкомысленные и поверхностные источники.

Прежде, чѣмъ начать свой разсказъ о посѣщеніи Петромъ Франціи, Гишэнъ, очень кратко и далеко не съ живымъ интересомъ, сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Франціей до Петра Великаго. Что же касается самаго путешествія Петра по Франціи, то, кромѣ обычныхъ и всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи, въ книгѣ Гишена заслуживаютъ вниманія только отрывки изъ различныхъ документовъ парижскаго архива объ этомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, амьенскій королевскій управляющій, Бернажъ пишетъ: «Вы, быть можетъ, не повѣрите, что царь проѣхалъ черезъ этотъ городъ и я не имѣлъ чести его видѣть. Мы съ маркизомъ Неллемъ и де-Либуа ожидали его въ архіепископскомъ домѣ, потому что онъ не хотѣлъ, чтобы къ нему являлись навстрѣчу, и я разсчитывалъ, что онъ по крайней мѣрѣ зайдетъ выпить легкаго прохладительнаго и перемѣнитъ лошадей, какъ вдругъ намъ сказали, что онъ послалъ своего курьера за лошадьми и что онъ сѣлъ въ мою коляску у городскихъ воротъ; онъ уже проѣхалъ чрезъ городъ въ дилижансѣ, не пожелавъ остановиться въ Амьенѣ и никого видѣть. Очень возможно, что амьенскій епископъ не много жаловался, такъ какъ я, чтобы не потерять моего угощенія, пригласилъ здѣшнихъ дамъ раздѣлить ужинъ, приготовленный для царя, и моя жена послѣ того дала большой балъ въ томъ же епископскомъ домѣ».

То же разочарованіе встрѣтилъ и епископъ Бовэ, приготовившій Петру ночлегъ. «Для помѣщенія царя и части его свиты,—пишетъ съ грустью епископъ-графъ,—я приготовилъ самымъ удобнымъ образомъ мой домъ,который отличается великолѣпіемъ; я также устроилъ концертъ, вокальный и инструментальный, иллюминацію и фейерверкъ; онъ нашелъ бы въ различныхъ мѣстахъ дома свои гербы, а въ аппартаментѣ, гдѣ онъ долженъ былъ ночевать, я повѣсилъ портреты матери и отца царя. Но всѣ эти приготовленія, а также при-

[1]) Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Par vicomte de Guichen. 1908. Paris.

пасенная для царя пища были ни къ чему». Свита царя, по словамъ «Mercure de France», состояла изъ князя Куракина, посланника въ Англіи и Голландіи, Шафирова, Ягужинскаго, Макарова, Долгорукова, Бутурлина, Толстого и др. Одинъ только Толстой, по увѣренію сотрудника французской газеты, объяснялся по-французски довольно правильно. Либуа увѣряетъ, что этотъ маленькій дворъ былъ очень измѣнчивъ, непостояненъ и часто предавался гнѣву. Другой представитель Франціи, Нелль, говоритъ, что «русскій дворъ весь предавался безпросыпному пьянству за исключеніемъ царя». Послѣднее замѣчаніе совершенно не точно, такъ какъ Петръ пилъ не менѣе своихъ приближенныхъ. Царь просилъ регента, явившагося къ нему послѣ его пріѣзда въ Парижъ, чтобы онъ избавилъ его отъ всякихъ церемоній, и заявилъ, что желаетъ видѣть только арсеналы, госпитали, фабрики и заводы.

Малолѣтній король Людовикъ XV со своимъ наставникомъ Вильруа самъ посѣтилъ Петра, который нѣсколько разъ его поцѣловалъ и, по замѣчанію кардинала Дюбуа въ его мемуарахъ, каждый разъ прибавлялъ: «Ваше величество, это будетъ не поцѣлуй Іуды». Кромѣ того, всѣ представители муниципалитета явились къ царю въ парадныхъ экипажахъ, и старшій изъ нихъ произнесъ рѣчь, которая была немедленно переведена царю переводчикомъ. Съ этого дня, по увѣренію кардинала Дюбуа, царь, одѣтый простымъ буржуа, началъ посѣщать всѣ мѣста, которыя онъ находилъ достойными его вниманія, причемъ всѣ замѣчали, насколько разнообразны его познанія, прекрасны сужденія и велика жажда все знать. Наконецъ Петръ отдалъ визитъ королю и, по словамъ Дюбуа, сказалъ: «Мой братъ, я давно желалъ видѣть короля французовъ во всей его славѣ». Сегодня я имѣю удовольствіе видѣть молодого короля, который обѣщаетъ повторить все то, что сдѣлали его предки. Я знаю нѣсколько языковъ, но хотѣлъ бы ихъ всѣ забыть и говорить только по-французски, чтобы поговорить съ вами. Государь, вы начинаете свое царствованіе, а я свое оканчиваю: поэтому я надѣюсь, что вы окажете свою дружбу моему преемнику».—«Развѣ вы такъ стары,—отвѣчалъ король:—погодите, чтобы ваши волосы посѣдѣли такъ же, какъ у моего дѣдушки, чтобы назвать себя старикомъ». — «Увы, — сказалъ тогда царь,— я боюсь, что не кончу своей задачи. Что же касается васъ, государь, то я предсказываю, что вы превзойдете своего дѣда умомъ, славой и могуществомъ». — «Я надѣюсь, но не вѣрю этому», произнесъ Людовикъ XV.

Изъ всѣхъ учрежденій Парижа больше всего понравилась Петру мануфактура гобеленовъ; онъ долго разговаривалъ съ рабочими чрезъ переводчика и между прочимъ сказалъ: «Господа, вы содѣйствуете славѣ вашего короля». Вообще царь съ любопытствомъ осматривалъ всѣ фабрики и заводы, а, напротивъ, отправившись въ оперу, заснулъ. На вопросъ кардинала Дюбуа, не наскучилъ ли ему спектакль, онъ отвѣчалъ: «Нисколько, но я предпочелъ не видѣть скандала». Подъ словомъ скандалъ онъ, вѣроятно, подразумѣвалъ балетъ и уже больше не посѣщалъ оперы. Относительно пьянства Петра авторъ говоритъ, что онъ очень предавался ему; часто приходилось отвозить его домой со всей его свитой въ экипажахъ, да еще однажды онъ наговорилъ столько непріятностей регенту, что послѣдній грозилъ отправить

его въ Бастилію. Описаніе посѣщенія Петромъ парламента и академіи наукъ Гишэнъ заимствуетъ изъ «Mercure de France». Въ то время парижскій парламентъ былъ судебнымъ трибуналомъ, и генералъ-прокуроръ Ламуаньонъ, докладывая дѣло, подлежавшее разсмотрѣнію суда, прибавилъ: «Нѣсколько разъ въ эту палату обращались за совѣтами по важнымъ государственнымъ вопросамъ; но чтобы монархъ столь далекой страны и одинаково могущественный въ Европѣ и Азіи, захотѣлъ бы присутствовать при нашемъ засѣданіи— рѣдкій примѣръ и заслуживаетъ быть сохраненнымъ для потомства». Послѣ окончанія засѣданія Петръ поклонился сенаторамъ, которые засѣдали въ красныхъ мантіяхъ, и предсѣдателямъ, на которыхъ были накинуты мѣховые плащи, что практиковалось только при Карлѣ V. Выходя изъ залы, царь былъ въ восторгѣ отъ представителей правосудія и воскликнулъ: «Законы нуждаются въ поддержкѣ, но ихъ уважають настолько, насколько почитаютъ ихъ представителей».

Академія наукъ приняла Петра съ большою почестью и показала ему нѣсколько любопытныхъ машинъ, причемъ президентъ академіи, аббатъ Гиньонъ, выразилъ желаніе, чтобы русскій царь былъ выбранъ въ члены академіи. Но это совершилось не тотчасъ, а послѣ полученія Биньономъ письма отъ старшаго доктора русскаго царя по его возвращеніи въ Петербургъ. Въ этомъ письмѣ докторъ отъ имени царя благодарилъ за любезный пріемъ и выражалъ удовольствіе, что Петра хотѣли сдѣлать членомъ академіи. Вслѣдъ за полученіемъ письма академія единогласно рѣшила признать русскаго царя академикомъ, о чемъ и увѣдомила его. Во французской академіи хранится благодарственное письмо Петра отъ 11 февраля 1721 г. Оставшись въ Парижѣ шесть недѣль, Петръ Великій уѣхалъ оттуда, увидавъ за это время, по словамъ Голикова, болѣе, чѣмъ другой человѣкъ видѣлъ въ теченіе года.

Пока Петръ Великій осматривалъ Парижъ, въ Гаагѣ происходили засѣданія комиссіи изъ русскихъ и французскихъ дипломатовъ по поводу заключенія трактата между Россіей, Франціей и Пруссіей. Со стороны первой представителями были: графъ Головкинъ, канцлеръ имперіи, баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ, и князь Куракинъ, посланникъ въ Голландіи; со стороны второй—графъ Шатонефъ, французскій посланникъ при Нидерландскихъ Штатахъ, и со стороны Пруссіи баронъ Книпгаузенъ. Всѣ эти лица подписали трактатъ между тремя государствами 15 августа 1717 г. въ Амстердамѣ; но, въ сущности, главнымъ французскимъ дипломатомъ, руководителемъ переговоровъ былъ маршалъ Тэсэ, котораго назначилъ регентъ, герцогъ Орлеанскій. Что же касается самаго трактата, приведеннаго Гишэномъ, то онъ уже давно извѣстенъ изъ книги Мартенса и трудовъ русскаго историческаго общества. Трактатъ, подписанный въ 1717 г., можетъ служить основаніемъ для болѣе тѣснаго союза, говорилъ въ нотѣ, врученной французскому правительству, баронъ Шленицъ, русскій посланникъ при версальскомъ дворѣ въ 1721 г. Но французскій кабинетъ нимало не сочувствовалъ означенному трактату, и въ продолженіе долгаго времени оба государства и послѣ трактата находились далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ.

— **Серія публичныхъ лекцій академика Леметра о Расинѣ.**— Въ зимніе и весенніе мѣсяцы нынѣшняго года въ Парижѣ вошли въ моду публичныя чтенія, которыя общество конференцій устраивало въ залѣ географическаго общества. Особенный успѣхъ имѣли лекціи о Наполеонѣ и о Расинѣ, которыя, въ количествѣ десяти, прочиталъ академикъ Жюль Леметръ и затѣмъ напечаталъ въ «Revue Hebdomadaire»; на дняхъ же онѣ появились въ отдѣльномъ изданіи [1]). По словамъ Леметра, замѣчательный французскій драматургъ при жизни былъ любимцемъ своихъ современниковъ, но затѣмъ его предали забвенію на долгое время, и только недавно литературная критика возстановила его имя въ первомъ ряду французскихъ драматурговъ. Теперь Жюль Леметръ окончательно увѣнчалъ его лаврами, какъ самаго чистаго и гармоничнаго драматическаго поэта человѣческой любви, какъ нѣжной, такъ и страстной.

Жизнь Расина, по словамъ Леметра, одна изъ самыхъ трогательныхъ его трагедій; авторъ подробно напоминаетъ въ своихъ лекціяхъ ея главнѣйшія черты, которыя отличаются особой свѣжестью и простотой. Юность Расина протекла въ янсенистскомъ центрѣ, Поръ-Роялѣ, въ изученіи греческаго языка, изъ котораго онъ вынесъ наивное умиленіе передъ Гомеромъ; затѣмъ онъ посвятилъ всю свою жизнь театру, а въ 38 лѣтъ неожиданно повелъ уединенную жизнь, раскаиваясь въ своихъ прежнихъ распутствахъ и въ унизительной связи съ актрисой дю-Паркъ. Кромѣ этого, въ жизни Расина замѣчательны его скромная семейная жизнь съ женою, Екатериной Романэ, частіе въ драматическихъ представленіяхъ въ Сенъ-Сирскомъ женскомъ училищѣ, по просьбѣ г-жи Ментенонъ, и продолжительная дружба съ королемъ Людовикомъ XIV, который, однако, подъ конецъ лишилъ его своихъ милостей, вслѣдствіе того, что Расинъ подалъ ему записку о жалкомъ положеніи народа, обремененнаго податями. Еще слѣдуетъ упомянуть объ участіи Расина въ извѣстномъ процессѣ о ядахъ, въ которомъ знаменитая Вуазенъ, признанная виновной и затѣмъ казненная, увѣряла, что Расинъ отравилъ свою любовницу дю-Паркъ. Но, согласно показаніямъ Буало, послѣдняя умерла въ родахъ, и всякое подозрѣніе короля и Лувуа относительно Расина исчезло. Предавшись въ послѣдніе годы своей жизни чрезмѣрной набожности и искренней любви къ своей женѣ и семерымъ дѣтямъ, знаменитый драматургъ умеръ въ Парижѣ въ 1699 года.

Что касается литературно-драматической дѣятельности Расина, то онъ былъ соперникомъ Корнеля и другомъ Мольера. Несмотря на ложно-классическую форму его произведеній, нельзя отрицать въ немъ драматическаго таланта, и главныя его произведенія: «Андромаха», отличающаяся простымъ реально-психологическимъ содержаніемъ, «Британникъ», гдѣ онъ впервые затронулъ римскіе сюжеты, «Митридатъ», коснувшійся политическихъ стремленій, «Тяжущіеся», единственная комедія Расина, «Федра», лучшая его пьеса по живости сюжета, «Гофолія», одно изъ трогательнѣйшихъ его произ-

[1]) «Jean Racine», par J. Lemaître, recueil de dix leçons, faites sous les auspices de la Société des conférences. Paris. 1908.

веденій, и многія другія—вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Вообще Леметръ въ своихъ лекціяхъ отдаетъ полную справедливость Расину, какъ искусному лирическому драматургу, который соединяетъ въ своихъ трагедіяхъ «двадцать пять вѣковъ культуры и реальное искреннее чувство».

Новый итальянскій историкъ Джульельмо Ферреро по случаю лекцій Леметра написалъ въ «Figaro» очень основательную, хотя краткую характеристику историческаго значенія Расина, подъ заглавіемъ: «Racine et l'histoire romaine». По его словамъ, уже давно римская исторія для многихъ служитъ источникомъ драматическихъ авторовъ и, напримѣръ, часто говорятъ, что Шекспиръ проницательнѣе всѣхъ историковъ Рима, такъ какъ его «Юлій Цезарь» стоитъ многихъ римскихъ исторій, написанныхъ учеными профессорами. Но, по мнѣнію Ферреро, римская исторія кажется негодной для сцены, такъ какъ для полнаго успѣха римскихъ сюжетовъ необходимо было бы обставлять ихъ обстоятельствами великой общественной борьбы, разрывавшей вѣчный городъ. А, напротивъ, драматурги, и самые великіе, всегда пытаются изобразить въ своихъ пьесахъ семейную драму или личную трагедію, слѣдовательно, постоянно кончается тѣмъ, что римская исторія уродуется въ самомъ своемъ существѣ; такъ поступаетъ Шекспиръ въ «Антоніи и Клеопатрѣ», а Расинъ въ «Британникѣ», превращая великую политическую трагедію въ простую драму любви. Впрочемъ, Ферреро полагаетъ, что изъ всѣхъ римскихъ трагедій «Вероника» наиболѣе близка къ исторической правдѣ, такъ какъ тутъ Расинъ замѣчательно соединилъ политическую драму съ личной. Поэтому, по его мнѣнію, въ ней правда психологическая соединяется съ правдой исторической. Вообще онъ считаетъ, что изъ всѣхъ драматурговъ и поэтовъ Расинъ всѣхъ болѣе понималъ смыслъ римской исторіи, тогда какъ Шекспиръ, несмотря на весь интересъ его пьесъ съ сюжетомъ изъ римской жизни, придаетъ имъ очень мало римскаго характера.

— Нотаріусъ Луи-Филиппа.—До послѣдняго времени во французскихъ журналахъ ничего не говорилось о Филиппѣ Дантанѣ, сынѣ Антуана-Филиппа Монпансье. Между тѣмъ эта личность находилась при дворѣ Луи-Филиппа, хотя и не играла тамъ большой роли, стараясь оставаться скромно въ тѣни. Поэтому появленіе въ «Revue» статьи «Un Orléans ignoré» [1]) Поля Риссона представляетъ своего рода интересъ. Ровно вѣкъ назадъ въ окрестностяхъ Лондона умеръ герцогъ Монпансье, родившійся 2 іюля 1775 г. отъ Аделаиды Бурбонъ-Пентьевръ и герцога Орлеанскаго, называвшагося во время революціи Филиппомъ Эгалитэ. Воспитаніемъ его занималась г-жа Жанлисъ, также какъ его братьевъ и сестеръ, а затѣмъ онъ служилъ въ республиканской арміи. Послѣ измѣны Дюмурье онъ навлекъ на себя подозрѣніе, подвергся аресту въ Ниццѣ, въ главной квартирѣ итальянской арміи, и по приказанію комитета общественной безопасности былъ заключенъ въ марсельскую тюрьму въ апрѣлѣ 1793 г. Здѣсь впервые онъ былъ влюбленъ и, по словамъ автора, «быть можетъ, единственный разъ».

Со времени паденія Робеспьера и въ то время, какъ Филиппъ Эгалите кончилъ жизнь на эшафотѣ, Монпансье пользовался сравнительно большой сво-

---

[1]) Un Orléans ignoré. Par P. Risson. «La Revue». 1 mai 1908.

бодой: въ его камерѣ не было рѣшетокъ у оконъ, онъ могъ ходить гулять, купаться въ морѣ, располагать небольшими деньгами, которыя ему присылала мать, и принимать знакомыхъ. Среди посѣщавшихъ его лицъ была молодая женщина лѣтъ тридцати, на девять лѣтъ старше его, по словамъ однихъ современниковъ, прачка, являвшаяся каждую недѣлю съ бѣльемъ въ тюрьму, по свидѣтельству другихъ лицъ, швея или служанка. Также разнятся свидѣтельства объ ея имени. Въ однихъ документахъ она названа Міеттъ Дантанъ, въ другихъ Луиза и Франсуаза. Въ дѣйствительности это была Франсуаза Барбару, уроженка Марселя, вышедшая замужъ за часовыхъ дѣлъ мастера, швейцарца Дантана. Ея сближеніе съ принцемъ послѣдовало при обстоятельствахъ, различно разсказанныхъ современниками. По одной версіи, когда она начала брать въ стирку бѣлье принца, то молодые заключенные, оба брата герцоги Орлеанскіе, сначала болтали съ нею и шутили, когда она приходила къ нимъ, а затѣмъ младшій принцъ, герцогъ Монпансье, въ концѣ концовъ сблизился съ нею, и результатомъ этого сближенія было появленіе на свѣтъ ребенка. Эта связь длилась во все время заключенія принца. По другой версіи, Франсуаза была поденная швея, являвшаяся къ нимъ для приведенія въ порядокъ бѣлья и одежды. На одной старинной литографіи изображена въ костюмѣ Шарлотты Корде молодая женщина съ большими черными глазами, маленькимъ ротикомъ и правильнымъ оваломъ лица. Преданіе говоритъ, что это—Франсуаза Дантанъ.

Нѣкій виконтъ Катлинъ слышалъ отъ Жюля Лушъ, ученаго марсельскаго аббата, который самъ объ этомъ узналъ отъ адвоката Ларгье, находившагося вмѣстѣ съ принцемъ въ тюрьмѣ, что Луиза Дантанъ была дѣйствительно любовницей принца и родила отъ него сына. Въ мемуарахъ принца есть на это намекъ. Въ сентябрѣ, говорилось тамъ, заключенный съ нимъ братъ, графъ Божоле, взяли себѣ лакея и служанку, Луи и Франсуазу. Послѣдняя послѣ долгихъ колебаній, помогла имъ устроить бѣгство. Она говорила только по-провансальски, но принцъ зналъ этотъ языкъ: «Ахъ, Боже мой,—упорствовала она сначала,—вы свернете себѣ шею, а меня гильотинируютъ». Однако въ послѣдній моментъ она сдалась. Божоле спустился благополучно изъ окна по веревкѣ, принцу же не суждено было обойтись безъ приключеній: веревка, по которой онъ спускался, оборвалась, и несчастный, упавъ съ высоты девяти метровъ на песокъ, ранилъ себѣ бедро и правую ногу. При этомъ Франсуаза воскликнула: «Боже! онъ умеръ, бѣдное дитя!» и упала въ обморокъ. Если бы между ними были отношенія слуги и господина, то даже при фамильярности, свойственной южанамъ, она не была бы настолько потрясена. За раненымъ Монпансье, опять возвращеннымъ въ тюрьму, ухаживала Франсуаза, и ихъ сближеніе укрѣпилось.

Въ августѣ 1794 г. директорія, болѣе человѣчная, чѣмъ конвентъ, сдалась на просьбы герцогини Орлеанской и освободила узниковъ, подъ условіемъ, чтобы они уѣхали въ Америку, и старшій братъ, графъ Божоле, тѣмъ болѣе опасный, что онъ былъ въ Америкѣ на свободѣ, подольше не возвращался бы оттуда. Въ октябрѣ Божоле и Монпансье было разрѣшено ужинать въ городѣ, веселиться въ театрѣ и въ продолженіе ноября жить у

американскаго консула Каталана, который былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Наконецъ, послѣ сорока трехъ мѣсяцевъ заключенія, узниковъ освободили. Въ тотъ день бѣдная Франсуаза проводила ихъ на корабль, на которомъ они должны были отправиться въ Америку, и, прощаясь съ принцемъ, она заливалась горькими слезами. Черезъ годъ послѣ своего водворенія въ качествѣ служанки у принцевъ, въ октябрѣ 1796 г., она родила мальчика. При крещеніи его назвали Жаномъ-Антуаномъ-Филиппомъ, и воспріемниками были мужъ и жена Каталанъ. Принцъ, очевидно, не сомнѣвался, что виновникъ предстоящаго появленія на свѣтъ маленькаго существа не кто иной, какъ онъ, такъ какъ поручилъ Каталану о немъ заботиться. Съ этой цѣлью онъ оставилъ ему кругленькую сумму и до дня своей смерти высылалъ по третямъ деньги на содержаніе мальчика. Эта выдача прекратилась вслѣдствіе смерти принца отъ чахотки, и для мальчика началась горькая жизнь бездомнаго бродяги, такъ какъ мужъ Франсуазы не захотѣлъ его болѣе держать дома, не имѣя отъ него выгоды. Такая крутая перемѣна не повліяла на мальчика дурно ни физически, ни нравственно. Попрежнему здоровый, цвѣтущій, бѣлокурый, кудрявый и розовый, гордо поводя своимъ бурбонскимъ носомъ, мальчикъ принялся исполнять обязанности то комиссіонера, то чистильщика сапогъ, то газетчика, весело выкрикивавшаго «Voilà», какъ назывались въ Марселѣ дешевыя газеты во время первой имперіи.

«Фелипо», чистильщику сапогъ, было 17 лѣтъ, когда въ 1814 г. герцогиня Орлеанская, его бабушка, въ сопровожденіи Луи-Филиппа, вернулась изъ изгнанія. Быть можетъ, самъ принцъ посвятилъ мать въ тайну брата, или герцогиня узнала объ этомъ отъ Каталана, но какъ только она пріѣхала въ Парижъ, тотчасъ же приказала разыскать мальчика. Маркизъ Альберта, префектъ Роны, не заставилъ себя долго просить и самъ привелъ къ ней мальчика. Въ ожиданіи, пока будетъ приготовленъ дворецъ герцогини, «Фелипо» жилъ въ меблированной квартирѣ въ улицѣ Грандъ Батиньоль, а потомъ вмѣстѣ съ Орлеанами перебрался во дворецъ. О Франсуазѣ свѣдѣній никакихъ не имѣется, и только говорится, что она умерла раньше мужа.

Филиппъ Дантанъ вполнѣ былъ достоинъ счастливой судьбы, которая ему выпала на долю. Надѣленный недюжинными способностями, онъ сумѣлъ воспользоваться даннымъ ему герцогиней воспитаніемъ и впослѣдствіи сдѣлался нотаріусомъ короля.

Герцогиня съ удовольствіемъ слѣдила за превращеніемъ своего внука изъ грубоватаго марсельца въ утонченнаго классика, который выказалъ такія качества, что привелъ въ восторгъ своихъ благодѣтелей. Окончивъ классическое образованіе, онъ принялся готовиться на кандидата правъ и въ два года ему удалось добиться диплома. Въ теченіе девяти лѣтъ, посвященныхъ ученію, онъ вернулъ потерянное время, пріобрѣтя много познаній, и его тетка, принцесса Аделаида, продолжала заниматься его воспитаніемъ, несмотря на то, что рисковала навлечь на себя злыя сплетни и клеветы. Сторонники законнаго короля, или Наундорфа, сочиняли на ея счетъ пѣсенки, въ которыхъ говорили, что это ея сынъ, и называли генерала Аталена, адъютанта герцога Орлеанскаго, его отцомъ. Она страдала отъ подозрѣній и ненависти враговъ, но продолжала

заботиться о племянникѣ; наконецъ, 26 іюня 1829 г., купила ему въ Парижѣ контору, бывшую нотаріуса Кристи, такъ какъ въ то время быть нотаріусомъ даже сыну принца было не позорно, въ виду того, что, начиная съ эпохи Карла VII, нотаріусы занимали въ буржуазномъ обществѣ значительное положеніе. Сначала Дантанъ былъ просто нотаріусомъ и игралъ второстепенную роль въ исторіи. Но когда герцогъ Орлеанскій сдѣлался королемъ Луи-Филиппомъ, то по статьѣ 20 закона 8 ноября 1830 г. все его личное имущество съ этихъ поръ дѣлалось общимъ достояніемъ государства. Желая заблаговременно обезпечить своихъ дѣтей, онъ поспѣшилъ пригласить двухъ нотаріусовъ: Ноэля и Дантана. Такимъ образомъ, революція, коронуя дядю, улучшила положеніе племянника, и съ этихъ поръ Дантанъ сдѣлался первымъ нотаріусомъ короля.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ онъ исполнялъ эту должность, но не добивался выдающагося положенія при дворѣ, на которое онъ имѣлъ право по своему происхожденію; вообще Дантанъ былъ застѣнчивъ и скроменъ и у него не было честолюбія. Довольствуясь своимъ положеніемъ королевскаго нотаріуса, онъ, кромѣ того, имѣлъ другихъ кліентовъ изъ высшаго избраннаго общества, которое его любило, какъ осторожнаго и опытнаго совѣтчика. Авторъ приводитъ доказательство расположенія къ нему кліентовъ, разсказывая, что однажды его жена съ дочерью, путешествуя у подножья Пиренеевъ, встрѣтились въ вагонѣ желѣзной дороги съ какой-то дамой, которая, узнавъ ихъ фамилію, на первой же станціи вышла изъ вагона въ садикъ начальника станціи и лихорадочно стала обрывать цвѣты. Затѣмъ она засыпала ими все отдѣленіе вагона, гдѣ сидѣла г-жа Дантанъ съ семействомъ.

Дантанъ оставилъ по себѣ память человѣка добраго; какъ только его положеніе улучшилось послѣ того, какъ онъ попалъ къ бабушкѣ, герцогинѣ Орлеанской, первымъ его дѣломъ было вспомнить о своихъ бѣдныхъ пріятеляхъ, о паріяхъ Марселя, съ которыми онъ познакомился, ведя бродячую жизнь. Онъ посылалъ имъ денегъ, и его домъ былъ для нихъ всегда открытъ, стоило имъ только «къ нему постучаться», какъ говоритъ Желю въ своей пѣснѣ «Фелипо». Король принималъ его у себя съ удовольствіемъ, приглашалъ на семейные обѣды и обращался съ нимъ, какъ съ родственникомъ; королева также относилась къ нему любезно. 26 марта 1846 г. Дантанъ женился, и когда у него родилась первая дочь, то воспріемниками ея были герцогиня Аделаида, устроившая его бракъ съ дѣвицей Пэнгре-де-Фрикуръ, наслѣдницей старинной, богатой пикардійской семьи, и герцогъ Монпансье, сынъ короля. Вторая дочь была менѣе счастлива въ этомъ отношеніи, такъ какъ родилась нѣсколько дней спустя послѣ паденія и изгнанія Луи-Филиппа.

Рожденіе дочери обрадовало Дантана и онъ какъ бы помолодѣлъ. Не бросая своего дѣла нотаріуса, онъ однако предпочиталъ жить въ имѣніи, подаренномъ ему Луи-Филиппомъ, которое принадлежало раньше аббатству Лоншанъ, основанному Изабеллой, сестрой короля св. Людовика, и разрушённому въ концѣ XVIII вѣка. Дантанъ построилъ тамъ роскошную виллу, богато ее меблировалъ и принималъ въ ней друзей. Дѣла его процвѣтали, но теперь онъ

больше любилъ охоту, лошадей, хорошія сигары, вино и вкусный столъ. Не было лучшей похвалы для Дантана, какъ та, что у него столъ лучше, чѣмъ въ Тюльери. Однако, катастрофа въ февралѣ 1848 г. нарушила его спокойное существованіе. Наполеонъ III конфисковалъ всѣ имѣнія, принадлежавшія Орлеанамъ, но Дантана пощадилъ. Однако, это великодушіе было временное, и въ 1857 г. его имѣніе, а также его сосѣда, были отобраны подъ предлогомъ расширенія Булонскаго лѣса и имъ обоимъ выплатили 1 055 622 франка 35 сантимовъ за 74 225 кв. метровъ земли. Сначала Наполеонъ предназначилъ его домъ для новорожденнаго сына, но затѣмъ подарилъ барону Гаусману, префекту Сены. Теперь этотъ домъ принадлежитъ извѣстному коллекціонеру Шошару. Опечаленный отпрыскъ Орлеанскаго дома, состарѣвшійся отъ горя и заботъ, поселился въ наемной квартирѣ. Изъ имѣній у него уцѣлѣли только принадлежавшее женѣ помѣстье въ Пикардіи и пріобрѣтенныя имѣнія въ Марселѣ, куда онъ любилъ ѣздить.

Дантанъ безъ шума исчезъ со сцены жизни, также какъ и появился на ней, и ни въ однихъ мемуарахъ его современниковъ ничего о немъ не говорилось. Онъ умеръ 5 марта 1858 г., и ни одна газета не обмолвилась о его происхожденіи. Его жена никогда не говорила, кто были его отецъ и мать, и эта тайна долго не разоблачалась. Г-жа Дантанъ умерла въ 1889 г. въ Парижѣ и похоронена на кладбищѣ Père Lachaise, гдѣ покоится и ея мужъ.

— Гейне въ Парижѣ.—Литература о Гейне ежегодно обогащается новыми данными о его жизни, которыя хотя не могутъ затмить его геніальной славы, но, къ сожалѣнію, набрасываютъ на него тѣнь, какъ на человѣка. Недавно появилась еще одна книга, подъ заглавіемъ: «Нѣмецкія изслѣдованія» [1]), содержащая въ себѣ превосходныя монографіи Геснера, Германа Гримма и Макса Нордау, а также касающаяся личности Гейне. Авторъ ея, Эдуардъ Марсье, разсказываетъ о дружбѣ Гейне съ извѣстнымъ журналистомъ Берномъ, съ которымъ первый познакомился въ 1827 г. въ Германіи. Удалясь вмѣстѣ съ поэтомъ во Францію, гдѣ они оба отстаивали идею космополитическаго либерализма, Берне дѣлалъ все возможное для искорененія нравственныхъ недостатковъ Гейне, до самой смерти восторгавшагося имъ. Послѣ смерти Берне, Гейне по словамъ автора, неожиданно и безъ всякой причины написалъ ужасную клевету противъ него и одной его подруги, репутація которой считалась безупречной. Оскорбленный мужъ вызвалъ Гейне на дуэль, секундантомъ при которой былъ Теофилъ Готье. Въ отвѣтъ на эти нападки дама напечатала въ 1840 г. брошюру, въ которой помѣстила мнѣніе Берне о Гейне. Вотъ этотъ именно документъ впервые перевелъ Марсье и привелъ его въ своей книгѣ. Это — замѣтки, которыя Берне записывалъ изо дня въ день во время пребыванія Гейне въ Парижѣ, замѣтки, свидѣтельствующія, какое презрѣніе питалъ онъ къ Гейне, и послѣдній не могъ этого ему простить всю жизнь.

Берне, послѣ каждаго свиданія или разговора съ Гейне, передавалъ на бумагѣ свои впечатлѣнія о немъ, и потому его записки представляютъ любопытное психологическое изслѣдованіе характера Гейне, хотя, быть можетъ, не безпри-

---

[1]) Etudes allemandes Par. E. Marsier. Paaris. 1908.

страстное. По мѣрѣ того, какъ Берне все чаще и чаще видѣлся съ Гейне, въ немъ зарождалось и росло чувство негодованія противъ Гейне, «лицемѣра, у котораго не было души, а только злой умъ». Берне выражаетъ удивленіе, что Гейне въ тридцать лѣтъ выказываетъ столько цинизма въ развратѣ, онъ не скрываетъ, что торгуетъ своимъ перомъ, что его покупаютъ и что онъ готовъ измѣнять мнѣнія для того, кто ему больше заплатитъ. «Гейне признавался мнѣ разъ двадцать, что ему платили,—пишетъ Берне:—это негодяй». Затѣмъ Берне объявляетъ, что никогда не встрѣчалъ «такой подлой души». «Онъ—сама подлость; онъ мнѣ въ этомъ самъ сознался,—пишетъ Берне.—Это увядшій листокъ, который треплется вѣтромъ и который обратится въ навозъ. Это самый тщеславный, самый подлый изъ людей. Онъ мнѣ двадцатый разъ признавался, что поддается на подкупъ и наживается. Я не знаю человѣка болѣе достойнаго презрѣнія. Онъ открыто прогуливается со шпіонами и играетъ роль доносчика, и все это, конечно, ради денегъ».

Такой суровый приговоръ, очевидно, преувеличиваетъ недостатки Гейне, но вообще нѣмецкіе современники относились къ поэту слишкомъ строго, и Альтонъ Шее въ своихъ мемуарахъ говоритъ, будто во Франціи у Гейне было немного друзей и что естественными плодами его ума были хитрость и садизмъ. Правда, что г-жа Жуберъ, единственный другъ, которому Гейне выказывалъ искреннюю преданность, тоже говоритъ, что злоба и жестокость поэта долго приводили ее въ отчаяніе и удерживали отъ привязанности къ нему. Но героизмъ, съ которымъ онъ выносилъ адскія физическія страданія, заставили ее искренно предаться Гейне, и неисправимый иронистъ на этотъ разъ оцѣнилъ эту дружбу: только одна г-жа Жуберъ умѣла обезоружить его адскій умъ. Несчастный поэтъ, лежа на полу на двухъ тюфякахъ, чтобы избѣгать малѣйшаго движенія, истребляя въ годъ на 500 франковъ морфія для усыпленія болей, все-таки могъ напечатать въ Германіи враждебные стихи противъ Мейербера, которымъ онъ прежде восхищался и который былъ его другомъ. Но этотъ поступокъ былъ вызванъ ревностью, такъ какъ Гейне обожалъ свою жену, хотя эта женщина была ничтожною личностью и настолько пустой, что однажды во время страшнаго припадка его страданій она воскликнула: «Нѣтъ, ты не умрешь. Ты сжалишься надо мною. Сегодня утромъ я лишилась попугая. Если и ты умрешь, я буду слишкомъ несчастна».—«Это былъ приказъ, — замѣчалъ Гейне иронически. — Я повинуюсь и продолжаю жить, когда мнѣ представляютъ основательныя причины».

Равнодушное отношеніе друзей къ его болѣзни Гейне принималъ безразлично, и когда Берліозъ навѣстилъ его, то это его не тронуло и онъ иронически воскликнулъ: «Вы пришли ко мнѣ, вы... вы всегда оригиналъ»...

Впрочемъ, въ Гейне иногда пробуждались добрыя чувства, по крайней мѣрѣ относительно своей жены и матери; напримѣръ, послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ обезпеченію будущности жены и всячески старался скрыть отъ матери свою болѣзнь. Что же касается друзей, то до послѣдняго дня жизни они не могли обезоружить его злобный умъ, и, какъ они ни славили Гейне, его язвительное отношеніе къ нимъ не измѣнилось. Такъ, однажды онъ сказалъ посѣтителямъ: «Я долженъ вамъ казаться скучнымъ, но, когда вы входили

сюда, нашъ другъ только что вышелъ отсюда, и я съ нимъ обмѣнялся мыслями». Этотъ другъ, надъ которымъ онъ такъ иронизировалъ, только что оказалъ ему дружески-литературную услугу.

Въ заключеніе Марсье, защищая Гейне, обвиняетъ во всемъ Парижъ съ его бульварами; по его мнѣнію, онъ отравилъ поэта и былъ для него смертеленъ.

— Сорокадвухлѣтняя дѣятельность газетнаго репортера въ англійской нижней палатѣ.—Недавно состоялся въ Лондонѣ прощальный обѣдъ, данный членами парламента, журналистами и литераторами въ честь Бернарда Бюсси, одного изъ парламентскихъ репортеровъ, по случаю окончанія его репортерской карьеры. Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю Бальфуромъ, бывшимъ премьеромъ торійскаго кабинета, обратилъ на себя вниманіе совѣтъ, данный престарѣлому Бюсси,— написать мемуары. Онъ послѣдовалъ ему и напечаталъ въ августовской книжкѣ «Pall Mall Magazine» первую статью о своихъ парламентскихъ воспоминаніяхъ, которыя обѣщаютъ быть чрезвычайно интересными и полными любопытныхъ анекдотовъ.

Бюсси началъ свою репортерскую дѣятельность въ 1866 г., при второмъ министерствѣ лорда Джона Росселя, и окончилъ ее въ осеннюю сессію 1907 г., такъ что онъ безпрерывно исполнялъ свои обязанности парламентскаго репортера въ продолженіе сорока двухъ лѣтъ. Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ Бюсси, касается оскорбленія либеральнымъ депутатомъ Робертомъ Ло королевы Викторіи въ палатѣ общинъ. Дѣло было въ томъ, что Дизраэли предложилъ признать Викторію императрицей Индіи, и Ло, одинъ изъ самыхъ ярыхъ либераловъ, позволилъ себѣ замѣтить, что, вѣроятно, сама королева была причастна къ этому предложенію. Эти слова произвели на всю палату сильное впечатлѣніе, и на другой день Дизраэли, вставъ со своего мѣста, вынулъ изъ кармана письмо и, произнося: «Я получилъ отъ ея величества»... неожиданно остановился на этихъ словахъ, вспомнивъ, что не слѣдуетъ упоминать въ преніяхъ палаты имя государя безъ разрѣшенія всей палаты. Дизраэли спряталъ въ карманъ письмо и сѣлъ на свое мѣсто. «Продолжайте!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Тогда Дизраэли снова всталъ и холоднымъ, внушительнымъ тономъ прочелъ письмо королевы, рѣшительно отвергавшей то обвиненіе, которое взвелъ на нее Ло. Всѣ члены нижней палаты были возмущены выходкой передового либерала, уже нѣсколько разъ бывшаго министромъ въ либеральныхъ министерствахъ, и потребовали, чтобы онъ извинился передъ королевой въ палатѣ. Безъ долгихъ колебаній онъ принужденъ былъ произнести это неизбѣжное «mea culpa», что особенно поразило всѣхъ его товарищей, которые до тѣхъ поръ боялись его гордой личности. Вскорѣ послѣ этого Робертъ Ло перешелъ въ палату пэровъ, съ титуломъ виконта Шербрука, и совершенно потерялъ свою прежнюю популярность, какъ краснорѣчивый ораторъ. По словамъ Бюсси, онъ даже сталъ рѣдко появляться въ верхней палатѣ и присутствовалъ на засѣданіяхъ пэровъ чаще всего въ женской галереѣ, причемъ часто, не обращая вниманія на пренія, вполголоса насвистывалъ.

Во времена Бюсси на скамьяхъ нижней палаты одной изъ замѣчательныхъ фигуръ былъ слѣпой на оба глаза либеральный депутатъ, а при Гладстонѣ

начальникъ почтъ Генрихъ Фосэтъ. Въ молодости на охотѣ его отецъ случайно выстрѣлилъ въ него и лишилъ его обоихъ глазъ. Замѣчательно, что онъ всю жизнь не обращалъ вниманія на свою слѣпоту и даже ѣздилъ верхомъ и плавалъ, былъ въ университетѣ профессоромъ и не только депутатомъ, но и государственнымъ человѣкомъ. Онъ лишь не могъ вступить въ кабинетъ, такъ какъ ему пришлось бы читать государственныя бумаги съ помощью секретаря, а по англійскимъ законамъ министры и члены кабинета даютъ присягу не нарушать тайны государственныхъ бумагъ, причемъ происходитъ любопытная церемонія передачи шкатулки съ текущими государственными бумагами. Пишущему эти строки случилось присутствовать въ нижней палатѣ при любопытномъ случаѣ, когда къ нѣсколькимъ министрамъ, среди засѣданія, поочередно подносили секретную бумагу въ шкатулкѣ, запертой на ключъ, которую каждый изъ нихъ отпиралъ хранящимся у него отдѣльнымъ ключомъ и, прочитавъ бумагу, опять запиралъ. Оказалось, что эта бумага касалась неожиданной смерти въ странѣ зулусовъ молодого сына Наполеона III, и это обстоятельство сильно взволновало всѣхъ министровъ. Фосэтъ, несмотря на свой физическій недостатокъ, былъ удивительно добродушенъ и даже веселъ; онъ часто говорилъ въ коридорахъ парламента, что утѣшается въ своей слѣпотѣ незнаніемъ, сколько у него слушателей: вся ли палата, или нѣсколько человѣкъ. Недостатокъ зрѣнія замѣнялся у него необыкновенной памятью, благодаря которой въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ онъ приводилъ наизусть длиннѣйшія выдержки изъ офиціальныхъ документовъ.

Другимъ калѣкой въ палатѣ общинъ былъ старый богатый ирландскій депутатъ Каванакъ, который родился безъ ногъ и безъ рукъ, но онъ такъ ловко обходился безъ этихъ членовъ, что ѣздилъ верхомъ и спокойно писалъ. Конечно, въ палату его приносили въ креслахъ и дозволяли подавать свой голосъ въ самой палатѣ, не прибѣгая къ обыкновенному способу подачи голосовъ, посредствомъ выхода изъ залы и возвращенія черезъ опредѣленныя двери, обозначающія «да» или «нѣтъ». Бюсси пробылъ въ палатѣ общинъ при одиннадцати парламентахъ и восьми министерствахъ, и считаетъ, что замѣчательнѣйшей личностью во все это время былъ Гладстонъ, хотя по популярности недалеко отъ него отставалъ Дизраэли. «Оба они,—говоритъ Бюсси,—были казуистами, но Гладстонъ безсознательно, а Дизраэли—потому, что ему это нравилось». Гладстонъ со всѣми его великолѣпными способностями, громаднымъ знаніемъ, богатымъ риторическимъ даромъ и глубокими религіозными чувствами, имѣлъ въ то же время очень холодный темпераментъ. Однако онъ любилъ человѣчество теплымъ и благороднымъ чувствомъ, но онъ любилъ его въ общей массѣ, а не въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Дизраэли, напротивъ, придерживался совершенно другого метода, онъ никогда не терялъ ни одного принадлежавшаго ему голоса, потому что у каждаго депутата старательно освѣдомлялся, какъ здоровье его жены и хорошо ли учатся его дѣти. Гладстонъ же считалъ подобныя мелочи слишкомъ ничтожными для его возвышенныхъ идей. Дизраэли былъ настолько вкрадчивъ, что даже относительно своего великаго соперника Гладстона говорилъ: «Мой благородный другъ, если только онъ позволитъ мнѣ называть себя такъ»; а Глад-

стонъ всегда холодно отвѣчалъ: «На слова благороднаго джентльмена, сидящаго противъ меня, и т. д.»...

— Федерализмъ въ Испаніи.—Тщетныя усилія испанскаго правительства, которое въ теченіе трехъ вѣковъ старается слить воедино всѣ свои провинціи, вызываетъ въ испанской печати цѣлый рядъ статей. Между ними одна въ «Nuestro Tiempo» Сантона-и-Валля довольно подробно знакомитъ съ положеніемъ этого вопроса въ Испаніи, и мы ее вкратцѣ приведемъ.

Желаніе сохранить за собою свои національныя особенности, характеръ, нравы, обычаи, ту особую окраску, которая неизбѣжно встрѣчается въ природѣ какъ всякаго существа, такъ и народа, заставляетъ народы испанскаго государства вести упорную и почти непрерывную борьбу съ правительствомъ въ теченіе долгаго періода. Изгнаніе Филиппомъ II своего бывшаго министра, Антонія Переца, сторонника свободы Арагоніи, не помогло окастилить арагонцевъ. Точно также попытка абсолютизма герцога Оливареса была неуспѣшна въ Каталоніи, которая призвала на помощь Францію. Во время войны Испаніи достаточно было Кастиліи стать на сторону Филиппа Анжуйскаго, чтобы кастильцы, шестьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ бывшіе франкофилами, превратились въ франкофобовъ, фанатическихъ сторонниковъ австрійскаго эрцгерцога. Правда, въ XIX вѣкѣ баски и наварцы проливали кровь за двухъ донъ-Карлосовъ, но это было потому, что послѣдніе объявили себя бойцами за провинціальныя свободы, традиціонными фуеросами, противъ режима административной централизаціи по французскому образцу, который воплощали въ себѣ Христина и Альфонсъ XII. Если главари республиканцевъ сорокъ лѣтъ назадъ и собрали столько сторонниковъ, то лишь объявивъ себя федералистами. Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ старыя страсти партикуляристовъ проявились съ новой энергіей во многихъ испанскихъ провинціяхъ. Кастильцы, игравшіе въ Испаніи нѣсколько тождественную роль, какъ пруссаки въ Германіи и пьемонтцы въ Италіи, были, естественно, наименѣе остальныхъ испанцевъ партикуляристами—и ихъ національныя традиціи—единство; андалузцы, избавленные отъ мусульманскаго ига, благодаря кастильскимъ арміямъ, еще менѣе выказываютъ склонности къ партикуляризму; то же можно сказать объ эстрамадурахъ, которые держатъ себя очень спокойно.

Напротивъ, Галиція хранитъ сильныя провинціальныя традиціи, особенно деревенскіе жители продолжаютъ говорить только на своемъ языкѣ, совершенно отличномъ отъ кастильскаго діалекта и очень сродномъ съ португальскимъ. Но этотъ провинціализмъ у галицкихъ крестьянъ остается инстинктивнымъ, болѣе или менѣе безсознательнымъ, и потому движеніе у нихъ не приняло опредѣленной формы: у Галиціи нѣтъ ни главарей, ни органовъ.

Иное дѣло въ Валенсіи. Тамъ происходитъ любопытное движеніе, аналогичное тому, какое совершилось полвѣка назадъ въ Ирландіи, Богеміи, Кроаціи и т. д. Первые подали знакъ къ движенію избранные люди, умственная аристократія: профессора, литераторы и журналисты, воскресивъ провинціальныя традиціи, нравы и языкъ старой Валенсіи. Народъ отъ души послѣдовалъ по ихъ стопамъ, и теперь движеніе въ Валенсіи чрезвычайно дѣятельно и могущественно. У этой провинціи даже нѣтъ отдѣльнаго названія,

такъ какъ «Валенсія»—названіе ихъ столицы; надо было заполнить этотъ пробѣлъ, и они дали своей странѣ, по выраженію автора, помпезное названіе «Валентиніи». Литературная жизнь въ Валенсіи дѣятельно развивается, и въ первомъ ряду занимаютъ мѣсто націоналистскіе писатели: поэтъ Теодоро Лоренте и историкъ Буа. На мѣстномъ языкѣ выходятъ слѣдующія газеты: «La Rat Penat», «Valencia Nova», «La Crit de la Patria», и еженедѣльный журналъ «Renaixemente».

Но особенно замѣтное, единодушное національное пробужденіе проявилось собственно въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ Каталоніи и провинціяхъ басковъ, движеніе не только партикуляристское, но, какъ говоритъ авторъ, «истинно націоналистское, ясно выраженное и стойко поддерживаемое». Здѣсь это не теорія или вдохновеніе, болѣе или менѣе утопическое, или движеніе, нѣсколько искусственно поднятое группами интеллигентовъ, какъ въ Валенціи, а настоящій потокъ общественнаго мнѣнія, стремительный и общій, увлекающій за собою понемногу всѣ народные классы, что подтверждается постоянно фактами, и сильно отзывающійся на соціальной и политической жизни этихъ провинцій.

Баски сознаютъ, что принадлежатъ къ расѣ совершенно отличной отъ испанской расы и укоренившейся издавна на иберійской почвѣ. Какъ извѣстно, ихъ языкъ не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ европейскимъ языкомъ. Нѣкоторые ученые хотѣли приблизить его къ санскритскому. Баски называютъ свой языкъ euzkarra, свою страну Euzkadi или Euzkal Erria, себя—Zelkides и смѣшиваютъ испанцевъ всѣхъ другихъ провинцій подъ общемъ названіемъ Maketas. Борцы за національмъ басковъ, bizcaitarras, или euzkotarras, чрезвычайно многочисленны, дѣятельны и пылки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Люисъ и Сабино Арана, неутомимые апостолы націонализма, объединили народъ и сгруппировали его для защиты языка, традицій euskarienn. Баски глубоко религіозны, и всѣ націоналистскія группы имѣютъ въ этихъ провинціяхъ чисто католическій характеръ. Всегда они отождествляютъ защиту религіи и добрыхъ нравовъ съ защитой своихъ фуэросъ и своей національности.

Ихъ націоналисты организовались въ мѣстные комитеты batsakis. Они основали большое количество журналовъ и обозрѣній, конечно, на языкѣ euzkarra. Главные изъ нихъ «Zel», еженедѣльный и очень литературный, «Aberri», «Euskaldyna», еженедѣльный, который печатается въ Бильбоа, «Gipuzkoarra», еженедѣльный, выходящій въ Санъ-Себастьяно. Большинство наварцевъ примыкаетъ къ національному движенію euzkari и они будутъ вскорѣ имѣть свой журналъ «Napartarra». Баски и наварцы всегда соединялись въ одну партію и во время двухъ карлистскихъ войнъ бились бокъ о бокъ за Rey netto и за свободы провинцій.

Особенно блестящій прогрессъ націонализма замѣтенъ въ Каталоніи за послѣдніе годы; здѣсь онъ гораздо основательнѣе организованъ и проявился съ большей силой.

Въ послѣднее время каталонизмомъ занималось общественное мнѣніе не только въ Испаніи, но и въ Европѣ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ оно

приняло опасный характеръ и можно было бояться чисто сепаратистскаго движенія. Во всѣ времена каталонцы выказывали кастильцамъ чрезвычайно ничтожную симпатію и присоединились къ французамъ въ 1840 г. и къ австрійцамъ въ 1702 г., чтобы сражаться противъ кастильцевъ; барселонцы всегда были соперниками мадридцевъ, и между ними часто вспыхивали экономическіе конфликты, которые возбуждали ненависть расъ и политическую непріязнь. Каталонцы отличались отъ другихъ испанцевъ нравами, характеромъ, оборотомъ ума; они также глубоко разнятся между собою своимъ языкомъ, мало похожимъ на кастильскій языкъ. Въ послѣднія тридцать лѣтъ Каталонія сильно развила свою торговлю и промышленность; она разбогатѣла, и ея благоденствіе стало мало-по-малу превосходить всѣ другія провинціи; она сознала свою силу и стала все упорнѣе требовать автономіи. Иногда воображаютъ, что Барселона одна каталонистская, но это неточно, и всѣ другіе города и даже деревни выказываютъ такую же пылкость, какъ и сама столица. Національное движеніе не прекращается; оно переходитъ даже за границы Каталоніи. Чтобы убѣдиться, насколько оно распространилось, достаточно бросить взглядъ на безконечный перечень журналовъ и каталонскихъ обозрѣній, печатающихся въ стольких большихъ и маленькихъ городахъ между Пюисерда и Тортозой. Каталонцы хотятъ національзировать у себя все; они хотятъ имѣть не только каталонскую литературу, но и каталонское искусство, и даже науку; у нихъ своя школа геологовъ, натуралистовъ, а также живописи и скульптуры. Извѣстный ученый Фон-и-Саго посвятилъ себя національзаціи науки своей родины; онъ предпринялъ обширное геологическое изслѣдованіе на каталонской почвѣ, въ которомъ принимаютъ участіе и другіе ученые этой провинціи, и совершенно преобразовалъ барселонскій естественно-историческій музей. Гораздо счастливѣе басковъ каталонцы, которые обладаютъ богатой національной литературой, сокровища которой ежедневно увеличиваются съ появленіемъ новыхъ книгъ. Авторъ вскользь упоминаетъ о каталонскихъ литераторахъ и даже пропускаетъ поэта Варгера, произведеніе котораго «Atlantide» между тѣмъ считается крупной эпопеей.

Всѣ представители Каталоніи въ парламентѣ—опредѣленные каталонисты, не исключая стараго политика-республиканца Сальмерона, который перешелъ къ новой доктринѣ. Двѣ главныя группы націоналистовъ называются: каталонская націоналистская ассоціація и каталонскій союзъ, къ которому примкнуло множество каталонцевъ, живущихъ за границей, особенно въ Америкѣ. Теперь въ Барселонѣ есть институтъ каталонскихъ наукъ и множество другихъ ученыхъ группъ, а также организуется конгрессъ каталонскаго языка. Въ этомъ году съ большимъ торжествомъ справляется семисотлѣтіе рожденіе Іакова I, короля арагонской Каталоніи, покорителя Валенсіи. Говорятъ, что каталонцы пригласятъ на эти празднества муниципалитеты всѣхъ областей которыя когда-то составляли Арагонское королевство; они берутъ на себя иниціативу арагонскаго юбилея и смотрятъ на Арагонію, какъ бы на простую каталонскую провинцію. Этотъ праздникъ, по словамъ автора, будетъ грандіознымъ апоѳеозомъ націоналистовъ, можно почти сказать—«имперіалистовъ» Каталоніи.

— Политическія, общественныя и литературныя торжества въ Европѣ и Америкѣ.—Нынѣшнее лѣто ознаменовалось въ различныхъ странахъ народными празднествами по случаю юбилеевъ, открытій статуй въ память замѣчательныхъ людей и т. д. Прежде другихъ, въ маѣ мѣсяцѣ, начала справлять торжества Испанія, когда исполнилось сто лѣтъ со времени войны за независимость. Самой замѣчательной чертой этихъ празднествъ было полное сближеніе прежнихъ враговъ и теперешнихъ друзей—французовъ и испанцевъ. По этому случаю въ Сарагоссѣ, подъ звуки «Марсельезы» и при крикахъ: «да здравствуетъ Франція!» была открыта испано-французская выставка, а на Майоркѣ, въ память французовъ, убитыхъ во время войны за независимость, состоялось офиціальное шествіе къ мѣсту ихъ могилъ, причемъ французскій консулъ Альдеберъ и алькадъ Пальмы Беэнъ произносили пламенныя рѣчи въ память жертвъ острова Капреры.

2 мая въ Мадридѣ состоялась торжественная процессія представителей всѣхъ испанскихъ провинцій, въ томъ числѣ Андалузіи, Кастиліи и пр., при чемъ всѣ они появились въ историческихъ костюмахъ. Изъ всѣхъ празднествъ особенно отличалось одно, въ сосѣдней съ столицей деревнѣ Мостолэсъ, гдѣ была поставлена статуя алькаду Таррехону, простому герою-крестьянину, который сто лѣтъ тому назадъ одинъ объявилъ войну Наполеону и, такимъ образомъ, возбудилъ пламя возстанія во всей Испаніи. Всѣ испанскіе города слѣдовали примѣру Мадрида и Сарагоссы, празднуя съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ этотъ народный юбилей.

Въ первыхъ числахъ іюля Мадридъ справилъ, если не народный юбилей, то чисто народное торжество по случаю открытія памятника одному изъ величайшихъ патріотовъ второй половины XIX столѣтія, Эмиліо Кастеляру. Онъ родился въ 1832 г. и въ началѣ своей карьеры прославился, какъ романистъ, писатель и историкъ. Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ на каѳедру исторіи въ мадридскомъ Атенеѣ и читалъ публичныя лекціи о цивилизаціи первыхъ пяти вѣковъ христіанской эры. Въ то же время онъ дебютировалъ въ политикѣ, напечатавъ книгу: «Демократическія идеи» и принявъ участіе въ республиканской газетѣ «Разсужденія». Его ярое политическое направленіе заставило Кастеляра покинуть каѳедру и онъ принялъ участіе въ революціи 1866 г. Послѣ побѣды маршала Серрано, Кастеляра приговорили къ смертной казни, и онъ бѣжалъ въ Парижъ, откуда вернулся въ Испанію только въ 1868 г., когда была изгнана изъ Мадрида королева Изабелла, и пламенно защищалъ республику, но тщетно, такъ какъ герцогъ Аостскій былъ избранъ королемъ подъ именемъ Амедея I. Это царствованіе продолжалось недолго, и черезъ три года Амедей отказался отъ престола. Снова была провозглашена республика, и во главѣ правленія всталъ Фигуерасъ, другъ Кастеляра, а послѣдній сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ кортесами президентомъ исполнительной власти, съ диктаторскими полномочіями. Но онъ такъ энергично дѣйствовалъ не только противъ карлистовъ, но и противъ южныхъ федералистовъ, что республиканцы признали его измѣнникомъ, и въ 1874 г. онъ подалъ въ отставку, а затѣмъ уѣхалъ за границу, гдѣ и оставался до восшествія на престолъ Альфонса XII. Тогда

Кастеляръ явился въ свое отечество и хотя не покидалъ республиканскихъ убѣжденій, но примирился съ конституціонной монархіей и сталъ во главѣ поссибилистовъ. Въ 1899 г. онъ умеръ въ Санъ-Педро-Пинандарѣ. Въ послѣднее время своей жизни онъ отказался отъ политической дѣятельности, снова отдавшись литературѣ. Изъ его сочиненій всего замѣчательнѣе: «Исторія республиканскаго движенія въ Европѣ» и «Историческіе очерки средневѣковья». Какъ писатель, онъ отличался блестящимъ изложеніемъ своихъ идей, а въ качествѣ оратора былъ необыкновенно и пламенно краснорѣчивъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ чествовался шестидесятилѣтній юбилей австрійскаго императора Франца-Іосифа, и особой пышностью и красотой отличалось грандіозное шествіе по улицамъ столицы, изображавшее главнѣйшіе эпизоды исторіи Габсбургской династіи. Всѣ костюмы участвовавшихъ въ процессіи аристократовъ, офицеровъ и солдатъ строго соотвѣтствовали эпохамъ изображенныхъ эпизодовъ. Начиная съ основателя династіи, Рудольфа Габсбургскаго, изображеннаго графомъ Эльцемъ, шли группы, представлявшія: Рудольфа, строителя собора св. Стефана, свадьбу внучки императора Максимиліана I, эпоху Маріи-Терезіи, осаду Вѣны турками, отбитую польскимъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ, Тридцатилѣтнюю войну, наполеоновскія побѣды, Вѣнскій конгрессъ и всѣ замѣчательныя событія австрійской исторіи до послѣдняго времени. Послѣ этой исторической части процессіи, продолжавшейся три часа, имѣла мѣсто не менѣе великолѣпная этнографическая часть празднества. Представители всѣхъ составныхъ элементовъ Австрійской имперіи были костюмированы по національностямъ. Этнографіи было также предоставлено три часа, въ продолженіе которыхъ старый императоръ выслушивалъ привѣтствія всѣхъ народностей на ихъ родномъ языкѣ. Конечно, самая восторженная рѣчь вылилась изъ устъ бургомистра Вѣны. Въ торжествѣ приняли участіе двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а зрителями были сотни тысячъ вѣнцевъ и пріѣзжихъ провинціаловъ и иностранцевъ.

Съ Вѣной соперничала въ нынѣшнемъ году Англія, относительно историческихъ костюмированныхъ шествій, которыя въ послѣдніе два года вошли въ большую моду въ Лондонѣ и англійскихъ провинціальныхъ городахъ. Въ этомъ году празднества въ столицѣ были отложены, такъ какъ не хватило времени приготовить все необходимое для изображенія всевозможныхъ эпизодовъ изъ исторіи Лондона; поэтому пришлось довольствоваться торжествами въ городахъ Дудлеѣ, Чельси, Винчестерѣ и Дуврѣ. Эти народныя шествія начались въ Дудлеѣ и продолжались нѣсколько дней. Затѣмъ наступила очередь празднествъ въ Чельси, и процессія отличалась особой торжественностью и необыкновеннымъ блескомъ. Было поставлено десять группъ, изображавшихъ эпизоды мѣстной исторіи, начиная отъ перехода римлянъ черезъ Темзу при Цезарѣ, кончая событіями изъ средневѣковья и эпохи XVI вѣка, царствованій Генриха VIII, королевы Елизаветы, Карла II, королевы Анны и Георга II. Въ послѣдней группѣ изображался праздникъ въ саду Ранеля, на которомъ присутствовали Георгъ II, Вальполь, Гаррикъ и другія замѣчательныя лица. Если въ Чельси шествіе имѣло характеръ историческій, то въ Винчестерѣ оно носило чисто національный оттѣнокъ; церемонія началась съ короля Альфреда

и кончилась временемъ Карла II. Особенно эффектенъ былъ эпизодъ королевы Елизаветы, причемъ представлялась казнь сэра Вальтера Ралэя въ Винчестерскомъ замкѣ. Въ Дуврѣ торжество было на половину англійское, на половину французское, такъ какъ дѣйствующими лицами являлись король Артуръ и Вильгельмъ Завоеватель, а также Генрихъ VIII и Карлъ I.

Въ настоящее время въ Лондонѣ играетъ значительную роль особое народное торжество: франко-британская промышленная и художественная выставка, при открытіи которой присутствовалъ президентъ Фальеръ. Она устроена въ одной изъ окрестностей Лондона, извѣстной подъ именемъ Sheferd's Buch, и на громадномъ пространствѣ расположено около двадцати громадныхъ дворцовъ, въ которыхъ помѣщается международная выставка. Самое любопытное зрѣлище этой выставки—древній Лондонъ, съ его соборомъ св. Павла въ древности и стариннымъ лондонскимъ мостомъ съ построенными на немъ многоэтажными домами. Что же касается до увеселительной части выставки, то особенно эффектны фонтаны при вечернемъ электрическомъ освѣщеніи.

Парижъ въ настоящее лѣто праздновалъ преимущественно литературныя торжества. Они начались съ открытія памятника Анри Беку, одному изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ драматурговъ, пьеса котораго «La Parisienne» пользуется большой популярностью. По обыкновенію, подобное торжество сопровождалось блестящими рѣчами различныхъ офиціальныхъ лицъ и литераторовъ. Вечеромъ въ театрѣ «Одеонъ» были представлены главныя пьесы Бека, причемъ играли г-жа Режанъ, Ферроди и Антуань; о шумномъ успѣхѣ представленія и говорить нечего: онъ разумѣется самъ собой. Черезъ два дня послѣ парижскихъ ликованій по случаю торжества Бека происходило еще большее празднество въ честь перенесенія останковъ Золя въ Пантеонъ. По несчастію, это торжество было отчасти омрачено покушеніемъ на жизнь Дрейфуса, присутствовавшаго на церемоніи. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не могло помѣшать популярному празднованію всѣмъ Парижемъ этого торжества. Остальныя двѣ статуи, воздвигнутыя въ Парижѣ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, были посвящены памяти Эженя Манюэля, парижскаго педагога и автора извѣстной комедіи въ стихахъ: «Les ouvriers», а также свободомыслителю Мишелю Сервэ, знаменитой жертвѣ папистовъ, которые сожгли его живымъ на кострѣ. Что касается Манюэля, то, хотя онъ умеръ недавно, но о немъ всѣ забыли въ Парижѣ, кромѣ педагогическаго міра, такъ какъ онъ былъ генералъ-инспекторомъ народнаго просвѣщенія и написалъ, кромѣ своей маленькой замѣчательной комедіи «Рабочіе», нѣсколько поэтическихъ сборниковъ и книгъ о путешествіяхъ. Его старинный другъ, директоръ театра «Французской Комедіи», Жюль Кларети, произнесъ на торжествѣ открытія памятника пламенную, краснорѣчивую рѣчь, въ которой онъ припомнилъ много анекдотовъ изъ жизни добродушнаго, но строгаго къ себѣ и своимъ ученикамъ Манюэля. Ему чрезвычайно хотѣлось попасть во французскую академію, и онъ безконечно хлопоталъ о полученіи титула безсмертнаго, но ему никакъ не удавалось этого добиться, и онъ, наконецъ, однажды сказалъ: «Если меня не выберутъ — я умру». Но его постоянно не выбирали, и онъ все-таки продолжалъ ходатайствовать о титулѣ «безсмертнаго». Наконецъ извѣстный

водевилистъ Лабишъ какъ-то воскликнулъ: «Нечего за него хлопотать: онъ не держитъ своего слова и не умеръ».

Въ тотъ же день парижане, преклоняющіеся предъ свободой совѣсти и одной изъ жертвъ инквизиціи, Мишелемъ Сервэ, воздвигли ему статую, по иниціативѣ Анри Рошфора, который при этомъ произнесъ великолѣпную рѣчь, несмотря на свой престарѣлый возрастъ. Кромѣ литературныхъ и одного политическаго торжества, справленныхъ въ Парижѣ, на этихъ дняхъ праздновали столѣтіе Сенъ-Сирскаго военнаго училища, переведеннаго Наполеономъ въ 1808 г. въ зданіе, гдѣ находился нѣкогда женскій институтъ г-жи де-Ментенонъ. Хотя Наполеонъ далъ военнымъ ученикамъ Сенъ-Сира знамя съ надписью: «Они учатся, чтобы побѣждать», но послѣ войны 1840 г. была найдена другая, болѣе подходящая надпись: «Они учатся, чтобы защищать отечество». Но эта послѣдняя надпись исчезла съ ихъ знамени черезъ десять лѣтъ. Изъ воспитанниковъ Сенъ-Сира замѣчательны три маршала: Пелисье, Канроберъ и Макъ-Магонъ. Но все же ихъ школу до сихъ поръ называютъ «нервымъ батальономъ Франціи».

Въ концѣ іюля мѣсяца приготовляется невыразимо-блестящее народное торжество съ грандіозной исторической процессіей въ Квебекѣ (Канада), по случаю трехсотлѣтія его основанія. На этихъ американскихъ празднествахъ будетъ присутствовать принцъ Уэльскій. Пока еще не совершились эти празднества въ Квебекѣ, въ Нью-Іоркѣ отпраздновано столѣтіе основанія католической епархіи. Эта епархія въ настоящее время необыкновенно развилась и въ ней увеличилось количество епископовъ отъ одного до сорока восьми. Неудивительно, что католическое духовенство съ неимовѣрнымъ блескомъ праздновало свое торжество, тѣмъ болѣе, что, по словамъ нѣкоторыхъ клерикальныхъ журналовъ, католики чрезвычайно популярны среди американцевъ, и, по ихъ словамъ, Рузевельтъ на дняхъ сказалъ: «Лучшій гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ—католическій патеръ».

— **Смерть Іонаса Ли, профессора Шрадера, графа Мерода, Михаила Миличевича и Божизича.**—Въ послѣднихъ числахъ іюня умеръ въ Христіаніи хорошо извѣстный поэтъ и романистъ Іонасъ Ли. Всѣ въ Скандинавіи называли его великимъ старикомъ, и онъ объединялъ всѣхъ писателей Норвегіи глубоко-жизненнымъ реализмомъ своихъ произведеній. Теперь въ великой литературной семьѣ норвежцевъ остается только Бьернсонъ. Іонасъ Ли родился въ 1833 г. въ Драммен̀ѣ и былъ по происхожденію лапландецъ. Тридцати лѣтъ онъ началъ писать стихи и выпустилъ первый свой сборникъ поэзіи, а затѣмъ въ 1840 г. написалъ свою первую повѣсть «Пророкъ». Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Римъ и провелъ тамъ два года, а впослѣдствіи прожилъ въ Парижѣ около десяти лѣтъ. Въ это время онъ напечаталъ цѣлый рядъ романовъ и драмъ, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе: «Адамъ Шрадеръ», «Фаустина Строцци», «Ніобея» и «Мальштремъ». Причиной его пребыванія въ Парижѣ были его республиканскія идеи, которыхъ онъ придерживался до самой своей смерти, хотя и получалъ отъ правительства пенсію. О немъ разсказываютъ любопытный анекдотъ, что, обѣдая недавно у короля Гаакона VII въ числѣ другихъ литераторовъ, на вопросъ короля: «На-

дѣюсь, и вы были за избраніе меня королемъ», онъ отвѣчалъ: «Къ сожалѣнію, меня никто не спрашивалъ». Незадолго до его смерти король прислалъ пригласить его на чашку кофе, но онъ отказался и отвѣчалъ: «Королевскій кофе слишкомъ крѣпокъ для моего старческаго желудка». Этимъ онъ намекнулъ на то, что король дѣлается все болѣе и болѣе преданъ придворному этикету, а это не въ обычаѣ демократической Норвегіи. Всю жизнь Іонасъ Ли прожилъ очень замкнуто и уединенно. Онъ умеръ семидесяти пяти лѣтъ, и на дняхъ его сынъ, Эрикъ Ли, также романистъ, выпустилъ его подробную біографію. Въ жизни Ли было много неожиданностей. Такъ, въ дѣтствѣ онъ мечталъ сдѣлаться оружейникомъ, отецъ же отдалъ его въ обученіе переплетному мастерству; потомъ онъ желалъ поступить въ морское училище, но отецъ помѣстилъ его въ школу правовѣдѣнія. Сдѣлавшись адвокатомъ, Ли сталъ заниматься лѣснымъ дѣломъ, а обанкрутившись — предался литературѣ. Жена Ли, вѣрный его другъ и помощникъ, умерла только за два мѣсяца до его смерти.

Почти въ то же время германскій ученый міръ лишился берлинскаго профессора Шрадера, который занималъ каѳедру ассиріологіи. Ранѣе этого онъ былъ въ университетахъ Цюриха, Гессена и Іены профессоромъ древней библейской исторіи и написалъ нѣсколько сочиненій о Ветхомъ Завѣтѣ и о клинописи. Въ послѣднее время нездоровье мѣшало ему серьезно заниматься, и онъ умеръ на семьдесятъ третьемъ году своей жизни.

12 іюля новаго стиля скончался въ Лозаннѣ графъ Генрихъ Меродъ, одинъ изъ извѣстныхъ государственныхъ людей Бельгіи. Старинный аристократъ по происхожденію, онъ родился въ Парижѣ въ 1856 г. и, по примѣру своихъ предковъ, игралъ значительную роль въ современной бельгійской исторіи. Замѣчательно, что его дѣдъ былъ предложенъ кандидатомъ въ бельгійскіе короли въ 1830 г., но отказался и со своей стороны выставилъ въ кандидаты сына Луи-Филиппа, герцога Немурскаго, а потомъ принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, который и былъ избранъ. Что же касается только что умершаго графа Мерода, то онъ занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ и въ послѣднее время былъ предсѣдателемъ сената, всѣми уважаемымъ за свою прямоту, безпристрастіе и просвѣщенный патріотизмъ.

13 іюля умеръ въ Лондонѣ одинъ изъ самыхъ популярныхъ европейскихъ дипломатовъ Михаилъ Миличевичъ. Родившись въ 1869 г. и рано поступивъ на дипломатическую службу, онъ былъ секретаремъ сербскаго посольства въ Берлинѣ, потомъ частнымъ секретаремъ королей Милана и Александра и наконецъ посланникомъ въ Бухарестѣ, Лондонѣ и Берлинѣ. Въ 1906 г. онъ вернулся въ Лондонъ и съ тѣхъ поръ оставался тамъ, пользуясь всеобщими политическими и свѣтскими симпатіями. На послѣдней конференціи въ Гаагѣ Миличевичъ являлся представителемъ Сербіи. Кромѣ способности къ дипломатіи, Миличевичъ обладалъ еще музыкальнымъ талантомъ.

Недавно славянскій литературный міръ лишился ученаго далматинца, Валтазара Божизича. Онъ родился въ 1837 г. близъ Рагузы и учился въ Венеціи, а окончилъ свое образованіе въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Гиссенѣ, гдѣ получилъ званіе доктора философіи. Въ 1864 г. онъ держалъ въ Вѣнѣ экзаменъ

на доктора правъ и занимался преимущественно славянскимъ правомъ. Черезъ четыре года онъ былъ назначенъ инспекторомъ пограничныхъ школъ въ Далмаціи и написалъ на кроатскомъ языкѣ первое свое сочиненіе «Обычное право славянъ» и затѣмъ на нѣсколькихъ славянскихъ языкахъ — «Инструкція, какъ собирать еще существующіе юридическіе обычаи». Эти труды обратили на себя вниманіе русскаго правительства, которое назначило Бозижича на каѳедру славянскаго законодательства въ одесскомъ университетѣ, но онъ не понравился студентамъ и былъ уволенъ въ отпускъ, оставаясь на русской службѣ. Въ 1877 г. онъ былъ отправленъ въ Болгарію на помощь князю Черкасскому и принялъ участіе въ организаціи новаго княжества. Впослѣдствіи русское правительство отправило его въ Черногорію въ виду того, что князь черногорскій хотѣлъ кодифицировать законы своей страны. Онъ напечаталъ въ Парижѣ новый кодексъ Черногорскаго княжества и перевелъ его на французскій языкъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ состоялъ министромъ юстиціи въ Черногоріи и въ этомъ званіи игралъ роль въ переговорахъ о свадьбѣ итальянскаго наслѣднаго принца, нынѣ короля Виктора-Эмануила III, съ княжной Еленой Черногорской. Когда Божизичъ освобождался отъ офиціальныхъ занятій, то болѣе всего жилъ въ Парижѣ, гдѣ собралъ замѣчательную славянскую библіотеку. Онъ много писалъ на сербо-кроатскомъ, итальянскомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ, считался корреспондентомъ парижской академіи, нравственныхъ и политическихъ наукъ, и всего замѣчательнѣе изъ его книгъ были: «Письменные законы южныхъ славянъ» и «Народныя сербскія пѣсни». Кромѣ того, онъ извѣстенъ, какъ авторъ многихъ юридическихъ трудовъ на сербскомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ.

Созывъ профессіональнаго съѣзда писателей всегда составлялъ ихъ давнишнюю мечту, и вопросъ о такомъ всероссійскомъ съѣздѣ былъ даже поставленъ въ свое время на очередь извѣстнымъ «союзомъ писателей». Съ закрытіемъ, послѣдняго, казалось, по разнымъ государственнымъ соображеніямъ вопросу этому надолго суждено будетъ заглохнуть и горячимъ пожеланіямъ писательскаго сословія не видѣть осуществленія. Но вотъ настали дни «свободъ» съ ихъ революціонными раскатами, и писатели, какъ и прочія профессіональныя группы, осуществили два съѣзда, однако съ цѣлями исключительно «политическими», гдѣ ставился вопросъ о государственномъ, соціальномъ, экономическомъ переустройствѣ всей русской жизни: вопросы же профессіональные совершенно не были задѣты и, какъ будничные и узко-сословные, даже не поставлены на программу обсужденія. Атмосфера стояла тогда иная, и въ аудиторіяхъ слышались лишь громкія рѣчи о свободѣ, о царствѣ демократіи и пр., и пр. Жизнь опрокинула иллюзіи, и будни черезъ кровавый смерчъ вступили въ свои права. Надъ Россіей взошла новая заря обновленнаго государственнаго строя, при наличіи котораго, какъ-никакъ, а стало возможнымъ осуществлять такія начинанія, которыя еще лѣтъ пять тому назадъ въ легальной формѣ казались неосуществимыми. Къ числу этихъ начинаній долженъ быть отнесенъ и созывъ съѣзда представителей повременной печати въ іюнѣ текущаго года въ Петербургѣ.

Съѣздъ ведетъ свое происхожденіе изъ слѣдующаго почина. Задумано было, какъ извѣстно, всемірное чествованіе великаго писателя земли русской по случаю исполнившагося осенью текущаго года восьмидесятилѣтія его жизни. Образовался особый комитетъ почина этого чествованія, каковой комитетъ и привлекъ къ обсужденію вопроса о праздникѣ всей русской земли и

представителей печати, которые и избрали изъ своего состава временное бюро. Какъ разъ въ разгаръ самаго обсужденія задуманнаго торжества великій старецъ въ самой категорической формѣ заявилъ, что онъ никакого чествованія своего таланта и своей личности не приметъ и проситъ не ставить объ этомъ вопроса. Волѣ Льва Николаевича, конечно, пришлось подчиниться, но остался въ наличности кружокъ лицъ, который задался цѣлью осуществить общество имени Л. Н. Толстого, а рядомъ съ этими лицами продолжало функціонировать и «временное бюро» представителей печати, на которое было возложено разработать вопросъ, какъ должна вся пресса отозваться на день рожденія великаго писателя, что предпринять въ этихъ видахъ и какъ столковаться по сему предмету. Изъ такой задачи возникла необходимость созыва съѣзда представителей всей печати, въ программу занятій котораго, между прочимъ, включены были и вопросы профессіональнаго характера: о дѣйствіи постояннаго суда чести въ писательской средѣ, о выборѣ самихъ судей чести, объ организаціи этого суда; объ авторскомъ правѣ; о выборѣ вмѣсто «временнаго бюро» постояннаго комитета, какъ для организаціи всего чествованія печатью Л. Н. Толстого, такъ и для организаціи и созыва будущихъ съѣздовъ печати и руководства дѣлами, съ этими съѣздами связанными. Вотъ въ общихъ чертахъ исторія того, какъ возникъ имѣвшій мѣсто въ іюнѣ «первый съѣздъ представителей печати».

Во всей исторіи дѣла усматривается нѣкоторая двойственность: съ одной стороны, — Л. Н. Толстой, желаніе ему славы и почести, съ другой, — вопросы профессіональные, въ центрѣ которыхъ положено стремленіе внести во всю обширную нынѣ писательскую среду начало профессіональной организаціи, распространяющійся на всю Россію, съ очень серьезными вытекающими отсюда послѣдствіями. Такая постановка работы съѣзда, конечно, требовала привлеченія къ ней возможно большаго числа лицъ, какъ участниковъ предстоящаго съѣзда, усиленной подготовительной организаціонной работы и умѣнія выдвинуть значеніе такого съѣзда въ глазахъ общества, какъ это обыкновенно практикуется при созывахъ всѣхъ съѣздовъ крупнаго общественнаго значенія. Однако гг. члены временнаго бюро оказались на слабой высотѣ своего призванія, а ихъ подготовительная работа очень незначительнаго достоинства. Въ составъ «бюро» вошло много лицъ, какъ-то: М. М. Ѳедоровъ (предсѣдатель), Г. К. Градовскій (секретарь), Н. Ѳ. Анненскій, К. В. Аркадакскій, К. К. Арсеньевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, І. В. Гессенъ, И. В. Жилкинъ, А. А. Измайловъ, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. А. Мануйловъ, П. Н. Милюковъ, А. М. Скабичевскій, Л. З. Слонимскій, В. М. Соболевскій, А. А. Столыпинъ, П. Б. Струве, князь Е. Н. Трубецкой, О. А. Шапиръ, И. Л. Щегловъ.

Изъ всего сонма этихъ почтенныхъ именъ дѣйствующими пружинами оказались всего двое — издатель «Слова» М. М. Ѳедоровъ и извѣстный публицистъ Г. К. Градовскій, на долю которыхъ, повидимому, и выпало вести все дѣло на буксирѣ. Поэтому съ самаго начала и оказалось, что при такомъ недостаткѣ рабочихъ силъ собственно ничто не было организовано въ

обычномъ смыслѣ организаціи всякаго съѣзда; «провинція» очень слабо отозвалась на «праздникъ печати», делегировавъ своими представителями по большей части все тѣхъ же петербургскихъ писателей, а для пріема прибывшихъ съ мѣстъ ничего не было сдѣлано, и они бродили, какъ въ потемкахъ. Видимо, провинцію не сумѣли расшевелить и привлечь къ дѣлу съ достаточной настойчивостью. Не явились также очень многіе представители и столичныхъ органовъ изъ категоріи нейтральной и правой печати. Для «представительства» съѣзда еще менѣе того было сдѣлано, и онъ какъ-то конфузливо ютился то въ помѣщеніи «общественныхъ дѣятелей» на Моховой, то въ думскомъ залѣ рядомъ съ шумнымъ собраніемъ ремесленниковъ. Для встрѣчи представителей печати какими-либо общественными учрежденіями и корпораціями, какъ они того заслуживали бы, ничего тоже не было придумано, и еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ засѣдавшій «съѣздъ судовладѣльцевъ» заявлялъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ съ гораздо большимъ представительствомъ и внушительностью. Все было точно скомкано, забито въ тѣсные углы, сдѣлано наспѣхъ и... спустя рукава. Благо «братья-писатели» оказались людьми невзыскательными и были рады и тому, что хоть какъ-нибудь удалось собраться и провести совмѣстно пару-другую дней, положить начало тѣмъ организаціямъ, которыя были намѣчены, познакомиться другъ съ другомъ и мирно разъѣхаться по домамъ, въ упованіи, что когда-нибудь и на ихъ «улицѣ» будетъ настоящій «праздникъ», который они такъ заслужили своей многотрудной жизнью и отвѣтственной работой на пользу русской государственности и общественности.

Прежде, чѣмъ перейти къ краткому изложенію хода занятій съѣзда, нельзя не отмѣтить и еще одной странности съѣзда—его состава. Послѣдній опредѣлялся тѣмъ положеніемъ, что на съѣздъ имѣлъ право являться не писатель какъ таковой, а какъ представитель опредѣленной редакціи съ правомъ голоса именно отъ этой редакціи. На практикѣ оказалось, что нѣкоторыя редакціи, стоявшія близко къ главнымъ дѣятелямъ «временнаго бюро», делегировали на съѣздъ нѣсколькихъ своихъ представителей, а другія имѣли всего по одному таковому. По нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся, напримѣръ, чествованія Толстого, принимали участіе въ баллотировкѣ всѣ присутствовавшіе по праву званія писателей, по другимъ вопросамъ — выборнымъ, они подавали свои бюллетени въ качествѣ представителей редакцій. Такимъ образомъ, единства въ построеніи резолютивныхъ частей работъ съѣзда не было, что придавало ему характеръ юридической неустойчивости и административной неорганизованности. Явившись на съѣздъ представителями періодическихъ изданій, весьма многіе участники его настойчиво проводили мысль, что считаютъ для себя оскорбительнымъ быть таковыми представителями, а настаиваютъ на своемъ правѣ присутствованія по праву своего литераторства. Не входя въ разсмотрѣніе справедливости такого мотива протеста по существу, нельзя и тутъ не отмѣтить, что онъ придавалъ всему съѣзду странный колоритъ и вносилъ во всю его организацію какую-то непослѣдовательность и элементъ недоразумѣнія. Были на съѣздѣ и представители литературныхъ организацій, чьи уполномочія не были провѣрены и могли подвергнуться сильному сомнѣнію.

Желаніе участвовать въ съѣздѣ выразило свыше ста изданій, столичныхъ и провинціальныхъ, но сколько ихъ фактически участвовало, врядъ ли съ точностью можно установить, потому что записи (входныя) производились крайне неправильно и неаккуратно. Открытіе съѣзда состоялось 22 іюля, а наканунѣ участники были приглашены на предварительное собраніе въ клубъ общественныхъ дѣятелей для ознакомленія другъ съ другомъ и для обмѣна мнѣніями. Но уже на этомъ вечернемъ собраніи многія положенія оказались предрѣшенными, и предсѣдатель временнаго бюро велъ собраніе не въ духѣ простого товарищескаго совѣщанія, а въ направленіи принятія опредѣленныхъ резолюцій, которыя на слѣдующій день открытія съѣзда и были объявлены, какъ уже принятыя и одобренныя кануннымъ собраніемъ.

Было предположено устроить три засѣданія всего, съ такимъ распредѣленіемъ занятій, что первыя два будутъ посвящены вопросу о чествованіи Льва Николаевича, а послѣднее — профессіональнымъ. Впослѣдствіи ходъ занятій видоизмѣнилъ программу, и состоялось всего 5 засѣданій, причемъ одинъ день былъ пропущенъ и предназначенъ на товарищескій обѣдъ, прогулку по островамъ и посѣщеніе строительной выставки.

Почетными предсѣдателями съѣзда были объявлены К. К. Арсеньевъ, А. Ѳ. Кони и В. Г. Короленко.

Предсѣдателями дѣловыхъ общихъ засѣданій были избраны записками М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ и М. М. Ѳедоровъ, товарищами ихъ В. В. Водовозовъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и С. А. Венгеровъ. Безъ баллотировки, подъ дружные, долго не смолкавшіе аплодисменты присутствовавшихъ, генеральнымъ секретаремъ объявленъ Г. К. Градовскій. Въ секретари были избраны: г-жа Волькенштейнъ, гг. Могилянскій, Изгоевъ, Хижняковъ, Хирьяковъ, Рыкачевъ, Ещинъ, Немановъ и Поссе, кандидатами: Ашешовъ, Либровичъ и Балабановъ.

Съѣздъ открылъ его иниціаторъ М. М. Ѳедоровъ, послѣ котораго на каѳедру взошелъ первый предсѣдатель текущаго дѣлового засѣданія М. М. Ковалевской, произнесшій программную рѣчь, давшую «тонъ» съѣзду и опредѣлившую его общественное значеніе. Онъ сказалъ:

«Счастливъ, что первый профессіональный съѣздъ русскихъ журналистовъ собирается для того, чтобы отъ лица всего русскаго общества выразить великому Толстому, воспитателю стольких поколѣній, сердечное спасибо за его славную дѣятельность. Стать подъ знамя, на которомъ написано: «миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе»,—а кому неизвѣстно, что эти евангельскія слова какъ нельзя лучше передаютъ основную мысль Толстого,—для русской періодической печати равносильно признанію, что изъ-за преслѣдованія партійныхъ интересовъ она никогда не будетъ терять изъ виду общаго блага какъ русскаго народа, такъ и всего прогрессирующаго человѣчества. Толстой въ теченіе всей своей жизни училъ и продолжаетъ учить не только своими писаніями, но и личнымъ поведеніемъ, что ему всего дороже возбужденіе въ людяхъ добрыхъ чувствъ. Недавно его отказъ отъ мірового чествованія по случаю наступающаго 80-лѣтія со дня его рожденія исключительно вызванъ былъ нежеланіемъ породить въ комъ бы то ни было раздраженіе и злобу. Мы

преклонились передъ его волей, передъ великимъ примѣромъ, имъ намъ преподаннымъ,—примѣромъ добровольнаго самоотреченія отъ того, что для большинства писателей, даже самыхъ великихъ, является вѣнцомъ ихъ литературной карьеры. Мы отказались придать нашему восторгу, нашему преклоненію передъ геніемъ Толстого обычную форму юбилейныхъ чествованій и остановились на мысли ознаменовать радостный день его 80-лѣтія актами, направленными къ тому, чтобы увѣковѣчить его славное имя какимъ-нибудь общеполезнымъ дѣломъ. Нашъ съѣздъ и вызванъ къ жизни этимъ желаніемъ, одинаково живо сознаваемымъ и столичной и провинціальной печатью. Имѣя въ виду посвятить указанному вопросу большую часть нашего времени, мы намѣреваемся вмѣстѣ съ тѣмъ показать себя вѣрными послѣдователями толстовскаго ученія, ставящаго самоусовершенствованіе высшей задачей жизни. Мы рѣшили поэтому включить въ нашу программу обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыми наша печать могла бы и на будущее время обезпечить себѣ ту заслуженную репутацію нелицепріятнаго голоса общественной совѣсти, какую создали ей въ разное время Новиковъ и Карамзинъ, Полевой и Аксаковы и длинная плеяда ея вождей вплоть до Корша и Салтыкова. Я упоминаю только имена покойниковъ, не считая себя призваннымъ судить моихъ современниковъ и товарищей по перу.

«Говоря о томъ, что наша печать пользуется вполнѣ заслуженнымъ добрымъ именемъ, я имѣю въ виду, что наши періодическія изданія никогда не давали серьезнаго повода къ обвиненію, что они закабалены тѣмъ или другимъ имущественнымъ классомъ и являются односторонними глашатаями ихъ заинтересованныхъ требованій. Лѣтъ 30 тому назадъ Карлъ Марксъ, авторъ «Капитала», въ бесѣдѣ со мной шутя объяснилъ эту, какъ онъ выражался, «честность» русской печати ея сравнительно слабымъ вліяніемъ. Она честна, говорилъ онъ, такъ какъ ни для кого нѣтъ расчета ее подкупать. Времена, когда голосъ печати оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, къ счастью, отошли въ прошедшее. При представительномъ образѣ правленія печать необходимо становится повсюду руководительницей общественной мысли, а потому и законодательной дѣятельности. Одни могутъ радоваться этому, другіе—печалиться, но никто этого не можетъ отрицать, а если такъ, то понятно, что вопросъ о сохраненіи за русской печатью репутаціи безсребренной служительницы высшимъ интересамъ родины и народному благу неразрывно связанъ со здоровымъ развитіемъ нашей народной самодѣятельности, нашего какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго самоуправленія. Я полагаю поэтому, что устроители настоящаго съѣзда хорошо сдѣлали, включивъ въ его программу вопросъ о судѣ чести.

«Отъ правильной постановки этого суда и того довѣрія, какое онъ сумѣетъ внушить къ себѣ, во многомъ зависитъ будущее нашей печати, т. е. сохраненіе за нею роли воспитательницы призванныхъ къ политической жизни слоевъ русскаго общества.

«Открывая первый съѣздъ русскихъ журналистовъ, я призываю васъ, господа, къ всестороннему и по возможности безстрастному обсужденію включенныхъ въ его программу вопросовъ. Ваши рѣшенія не только дадутъ воз-

можность достойнаго Толстого и русской націи ознаменованія наступающаго какъ русскаго, такъ и міроваго праздника литературы, но и положатъ начало нравственному контролю всѣхъ посвящающихъ себя журнальной и газетной дѣятельности за профессіональной добросовѣстностью и добропорядочностью. Вступая на путь усовершенствованія путемъ самокритики, мы усилимъ руководящее вліяніе при нашемъ обновленномъ политическомъ строѣ».

Послѣ этой рѣчи приступлено было къ дебатамъ по вопросу о чествованіи великаго писателя русскою печатью. Исходнымъ пунктомъ преній первой стадіи можно принять докладъ В. Я. Богучарскаго съ его предложеніемъ объ основаніи литературнаго дома-музея имени Льва Николаевича въ Петербургѣ наподобіе существующихъ за границею—дома Шекспира, дома Гёте.

По этому предмету было сказано множество рѣчей самаго подчасъ страннаго характера, отъ дѣлового, серьезнаго до фантастическаго, меркантильнаго и предосудительнаго включительно. Въ заключеніе вопросъ былъ переданъ въ особую комиссію изъ 16 ораторовъ, которая и вынесла слѣдующую резолюцію, одобренную съѣздомъ:

«Съѣздъ выражаетъ пожеланіе соорудить въ Петербургѣ литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого. Въ домѣ этомъ, кромѣ музея, желательно имѣть и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкихъ круговъ населенія. На ряду съ этимъ съѣздъ выражаетъ пожеланіе, чтобы были приняты мѣры для изданія, по мысли В. Г. Черткова, всего того, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣднія 25 лѣтъ его жизни, а также для удешевленія его сочиненій. Для осуществленія этихъ предположеній съѣздъ выражаетъ пожеланіе открыть повсемѣстный сборъ съ тѣмъ, чтобы собранныя суммы были централизованы въ рукахъ общества имени Л. Н. Толстого, а до его утвержденія въ рукахъ имѣющаго быть избраннымъ на съѣздѣ взамѣнъ временнаго бюро постояннаго комитета».

Слѣдующимъ интереснымъ моментомъ изъ жизни съѣзда въ его отношеніяхъ къ Льву Николаевичу былъ вопросъ объ изданіи сборника его имени, предложенный І. В. Гессеномъ.

М. М. Ковалевскій вполнѣ присоединился къ мнѣнію І. В. Гессена о необходимости изданія такого сборника. Въ сборникѣ этомъ должны быть собраны отзывы крупныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей о Толстомъ. Такіе отзывы будутъ имѣть громадное значеніе для оцѣнки міровой роли Л. Н. Предложеніе о включеніи въ сборникъ преимущественно библіографическихъ свѣдѣній о Толстомъ М. М. Ковалевскій счелъ невыполнимымъ, такъ какъ литература о Толстомъ чрезмѣрно разрослась. Онъ не согласенъ съ І. В. Гессеномъ, что въ сборникъ могло бы быть включено все то лучшее, что уже написано или будетъ написано о Л. Н. ко дню его юбилея. Онъ находитъ, что въ сборникъ должны войти только новыя статьи о Л. Н. Для этого г. Ковалевскій предложилъ обратиться къ корифеямъ литературы и крупнымъ мыслителямъ не только Россіи, но и всего міра, съ просьбой дать хотя бы краткіе отзывы о томъ, что они думаютъ о Львѣ Николаевичѣ.

По предложенію нѣкоторыхъ ораторовъ, съѣздъ единогласно постановилъ, чтобы приглашеніе принять участіе въ сборникѣ было обращено къ

корифеямъ науки, искусства и философіи и къ выдающимся представителямъ разныхъ общественныхъ соціальныхъ и государственныхъ теченій всего міра, безъ различія направленія.

Горячую поддержку вызвало и предложеніе М. М. Ковалевскаго, чтобы сборникъ не носилъ исключительно характеръ панегирика.

— У Льва Николаевича,—заявилъ онъ,—мы можемъ это съ увѣренностью сказать, нѣтъ самолюбія. Въ сборникѣ его имени поэтому могутъ быть помѣщены статьи и хвалебнаго и порицательнаго характера.

Предложеніе это было принято единогласно; далѣе съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы постоянный комитетъ пригласилъ въ редакціонную комиссію по составленію сборника представителей всѣхъ теченій русской мысли.

Статьи иностранныхъ авторовъ рѣшено въ сборникѣ напечатать въ переводѣ на русскій языкъ.

Этими резолюціями съѣздъ исчерпалъ всѣ главнѣйшія свои благопожеланія относительно чествованія Льва Николаевича, возложивъ такимъ образомъ на избранный впослѣдствіи комитетъ очень трудную и широкую задачу, приведеніе въ исполненіе которой остается подъ большимъ сомнѣніемъ возможности во всей ея полнотѣ и законченности.

Вопросъ о Л. Н. Толстомъ былъ исчерпанъ только на 4-мъ засѣданіи съѣзда, такъ что для вопросовъ профессіональныхъ, и въ сущности самыхъ насущныхъ, оставалось всего лишь одно засѣданіе, почему оно и проведено было упрощеннымъ порядкомъ. Вопросъ о судѣ чести былъ изложенъ въ статьѣ К. К. Арсеньева, напечатанной въ «Словѣ», которая и была прочитана въ утреннемъ (4-мъ) засѣданіи. Не сходясь въ частностяхъ, всѣ ораторы, однако, принципіально высказались за учрежденіе такого института; ставился вопросъ лишь о его функціяхъ и компетенціи, и въ результатѣ большинствомъ голосовъ было постановлено, что одновременно съ постановленіемъ объ учрежденіи суда чести опредѣляется и минимальный кругъ лицъ, изъ числа голосовавшихъ за него, для которыхъ судъ этотъ признается нравственно обязательнымъ. Онъ организуется на тѣхъ же началахъ, на какихъ таковой судъ существовалъ при союзѣ писателей до 1901 г.

Противъ суда чести вполнѣ опредѣленно высказался лишь представитель «Новаго Времени», М. Н. Мазаевъ, суть возраженій котораго сводилась къ тому, что нельзя сравнивать роль и значеніе суда чести, какъ то сдѣлано въ докладѣ К. К. Арсеньева, съ ролью и значеніемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Судъ чести является инстанціей безапелляціонной, а совѣты присяжныхъ повѣренныхъ находятся подъ контролемъ коронннаго суда—судебныхъ палатъ. Защитники суда чести выдвигаютъ, какъ особое его достоинство, постоянство, но и коронный судъ вѣдь перманентенъ. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ дѣло съ однородной массой лицъ. Еще болѣе преимуществъ въ этомъ отношеніи имѣетъ офицерскій судъ, объявляющійся судомъ единой корпораціи или, вѣрнѣе, касты. Нашъ же контингентъ литераторовъ и журналистовъ далеко не однороденъ. Нельзя судить однимъ судомъ Л. Н. Толстого и составителя отрывного календаря. Нельзя искусственно соединять въ одну корпорацію и выдающагося художника, и маляра только по одному признаку: оба работаютъ кистью.

Наконецъ, г. Мазаевъ полагалъ совершенно невозможнымъ, чтобы судъ чести могъ приступить къ разбору дѣлъ безъ согласія обѣихъ сторонъ.

Послѣ принятія рѣшенія объ учрежденіи суда чести были произведены и выборы въ составъ судей.

Избранными въ члены суда абсолютнымъ большинствомъ оказались (по порядку полученныхъ голосовъ): К. К. Арсеньевъ (63), В. Г. Короленко (59), С. А. Муромцевъ (46), Н. Ф. Анненскій (45), Г. К. Градовскій (42), С. А. Венгеровъ (35) и Н. А. Морозовъ (33).

При выборахъ 3 кандидатовъ при первой баллотировкѣ абсолютное большинство получилъ только В. Д. Набоковъ.

При вторичной баллотировкѣ кандидатами избраны: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и В. И. Семевскій.

Одновременно съ выборомъ суда чести былъ произведенъ и выборъ постояннаго комитета будущихъ съѣздовъ. Оказались избраны единогласно: П. Н. Милюковъ и Н. Ф. Анненскій и абсолютнымъ большинствомъ: В. Г. Короленко, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Я. Богучарскій, В. В. Водовозовъ, М. М. Ѳедоровъ и М. А. Стаховичъ. Кандидатами избраны абсолютнымъ большинствомъ голосовъ: В. А. Пѣшехоновъ и К. В. Аркадакскій, относительнымъ большинствомъ—А. А. Столыпинъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, І. В. Гессенъ и С. Н. Прокоповичъ.

Выборы кончились поздно ночью. Вопросъ объ авторскомъ правѣ рѣшено было отложить до будущаго съѣзда. Предсѣдатель заключительнаго засѣданія П. Н. Милюковъ произнесъ предъ закрытіемъ съѣзда краткую рѣчь, въ которой привѣтствовалъ работы съѣзда и подчеркнулъ громадное значеніе, которое онѣ имѣютъ для объединенія тружениковъ печати. Горячо привѣтствовалъ онъ принятое съѣздомъ рѣшеніе учредить судъ чести. Закончилъ предсѣдатель свою рѣчь выраженіемъ надежды, что русскіе писатели будутъ высоко держать знамя, во имя традицій, завѣщанныхъ имъ ихъ предшественниками, лучшими представителями литературы.

Г. К. Градовскій произнесъ нѣсколько словъ и выразилъ пожеланіе, чтобы на Руси, возможно скорѣе, настало время, когда можно будетъ, наконецъ, свободно издавать, печатать, читать произведенія Л. Н. Толстого и не будетъ больше у насъ ужасовъ смертныхъ казней.

Таковы въ главныхъ чертахъ итоги съѣзда и ходъ его занятій. Съѣздъ положилъ починъ нѣкоторымъ литературнымъ организаціямъ, и теперь весь вопросъ лишь въ томъ, какое положеніе эти организаціи займутъ въ жизни писателей и сумѣютъ ли избранные люди повести порученное имъ дѣло въ интересахъ всей прессы и ея представителей, безъ соображеній партійной односторонности.

Г. Л. И.

СМѢСЬ.

Археологическія раскопки въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ происходятъ крайне важныя для исторіи русской церкви и церковнаго искусства археологическія раскопки въ районѣ Десятинной церкви. При проведеніи траншеи вдоль алтарной стѣны Десятинной церкви въ той части площади древней церкви, которая была занята алтарнымъ абсидомъ, найдено древнее погребеніе. Въ деревянномъ истлѣвшемъ гробу, сколоченномъ грубыми гвоздями, лежалъ костякъ. Въ гробу находился еще не большой деревянный боченокъ, обтянутый желѣзными обручами, и при немъ деревянный черпакъ въ серебряной обдѣлкѣ. На груди покойника лежали серебряный медальонъ скандинавскаго типа и византійская золотая монета X в. Археологи признаютъ, что это—славянско-языческое погребеніе X вѣка, совершенное за нѣсколько десятилѣтій до крещенія Руси и сооруженія Владимиромъ Святымъ Десятинной церкви. Раскопки, кромѣ того, производятся въ усадьбѣ г. Петровскаго, недалеко отъ Десятинной церкви. Раскопки эти дали новыя указанія на то, что въ этомъ мѣстѣ находились всѣ устроенныя мастерами, вызванными Владимиромъ изъ Херсонеса, мастерскія для скульптурнаго, ювелирнаго, эмалеваго и изразцоваго производства. Въ найденныхъ при прошлогоднихъ раскопкахъ печахъ г. Хвойкой были обнаружены мастерскія ювелирная, эмалевая, изразцовая во вполнѣ оборудованномъ видѣ: найдены были горнъ, формы, готовые и только что приготовленные для посадки въ формы изразцы. Производящаяся въ настоящее время офицерами, членами военно-историческаго общества, въ усадьбѣ г. Петровскаго съемка предпринята съ цѣлью установить точный планъ древняго вала, остатки котораго недавно обнаружены въ этой усадьбѣ. Изъ находокъ послѣднихъ дней выдѣляются костяной гребешокъ византійской работы и какое-то оружіе, сдѣланное въ формѣ лошади.

Славянскій музей. Въ Петербургѣ возникла мысль объ учрежденіи особаго славянскаго музея. Иниціативу въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ взяла на себя княгиня М. А. Лобанова-Ростовская. Во время недавняго путешествія по славянскимъ землямъ княгинѣ немало пришлось слышать о тѣхъ обидахъ и страданіяхъ, которыя переноситъ особенно населеніе Македоніи или Старой Сербіи отъ мусульманъ. Русскіе люди иногда безучастно смотрятъ на эти страданія своихъ родственныхъ по крови собратьевъ. Для болѣе тѣснаго духовнаго сближенія съ южными славянами, княгиня Лобанова-Ростовская и намѣрена открыть музей. Въ этомъ музеѣ будутъ храниться коллекціи рукописей, книгъ, гравюръ, одеждъ и разныхъ вещей, имѣющихъ то или иное отношеніе къ виднымъ представителямъ сербскаго народа, достопамятнымъ святителямъ и т. п. Въ собираніи предметовъ музея княгинѣ обѣщали содѣйствіе митрополитъ сербскій Димитрій и бывшій сербскій посланникъ въ Петербургѣ Стоянъ Новаковичъ, извѣстный исторіографъ и знатокъ этнографіи. Для музея предположено соорудить спеціальное зданіе на одномъ изъ участковъ Каменнаго острова, принадлежащихъ княгинѣ. Въ настоящее время учредительница музея обратилась къ петербургскому духовному начальству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи поставить во всѣхъ церквахъ петербургской епархіи кружки для сбора пожертвованій на постройку въ Петербургѣ музея. Такъ какъ въ музеѣ будетъ храниться значительное количество церковныхъ вещей, то основательница его желаетъ впослѣдствіи передать зданіе музея въ вѣдѣніе святѣйшаго синода. Нѣкоторыя подготовительныя работы къ сооруженію музея уже сдѣланы. Планъ постройки утвержденъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.

Къ устройству геологическаго музея въ Петербургѣ. Директоръ геологическаго комитета Ѳ. Н. Чернышевъ осматривалъ зданіе упраздненнаго общежитія для студентовъ политехническаго института въ Лѣсномъ съ цѣлью опредѣленія пригодности его для перевода туда всѣхъ учрежденій, связанныхъ съ геологическимъ комитетомъ въ видѣ музея, библіотеки, вновь учреждаемаго бюро для прикладной геологіи и т. п. Громадное, недавно выстроенное зданіе общежитія, вмѣщающее въ себѣ до 500 комнатъ, по осмотрѣ оказалось весьма пригоднымъ для намѣченной цѣли. Централизація всего геологическаго комитета будетъ имѣть громадное значеніе, какъ чисто научное, такъ и педагогическое, такъ какъ дастъ возможность пользоваться коллекціями и библіотекой студентамъ политехническаго института. Кромѣ того, это перемѣщеніе имѣетъ и чисто практическое значеніе, такъ какъ значительно сократитъ расходъ по найму помѣщеній подъ геологическія коллекціи, которыя въ данное время находятся въ трехъ наемныхъ помѣщеніяхъ по большей части въ заколоченныхъ ящикахъ, причемъ за наемъ этихъ помѣщеній ежегодно уплачивается свыше 20 тысячъ рублей.

Открытіе подземнаго хода. Нѣсколько дней назадъ въ одномъ изъ флигелей городской Ново-Знаменской больницы по Петергофскому шоссе, на 17 верстѣ отъ Петергофа, при производствѣ ремонтныхъ работъ для укрѣпленія фундамента, обнаруженъ подземный подъ зданіемъ ходъ, длиною въ 3 саж., высотою въ $1^1/_2$ саж. Въ концѣ хода оказалась комната въ 4 кв. саж., стѣны

которой оштукатурены цементомъ, своды укрѣплены желѣзными балками. Въ одной стѣнѣ комнаты имѣется ниша, засыпанная землей. Объ открытіи извѣщена городская управа, сдѣлавшая распоряженіе о продолженіи дальнѣйшихъ раскопокъ.

Третьяковская галерея. Совѣтъ Третьяковской городской галереи принялъ пожертвованіе вдовы художника Борисова-Мусатова—картину «Реквіемъ» и пріобрѣлъ у нея «Изумрудное ожерелье» за 7.000 руб. и «Осень» за 1000 руб. Совѣтъ не призналъ возможнымъ купить слѣдующіе картины и портреты: художника Неффа «Пробужденіе» за 600 руб., «Дѣдъ» художника К. П. Брюлова за 1500 руб., Айвазовскаго «Лодка въ морѣ» за 400 руб., портретъ художника И. И. Шишкина работы Крамского за 5.000 руб. (совѣтъ предлагалъ 2.000 руб.), Судковскаго «Восходъ солнца» за 7.000 руб., Наумова «Послѣдніе дни Бѣлинскаго». Точно также совѣтъ отклонилъ предложеніе И. Е. Рѣпина пріобрѣсти картины художника В. В. Верещагина, находя ихъ излишними для галереи.

Юбилей инженера дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. В. Салова. Въ залѣ института инженеровъ путей сообщенія праздновался 50-лѣтній юбилей службы инженера д. т. с. В. В. Салова, предсѣдателя инженернаго совѣта, высшаго въ Россіи техническаго учрежденія. Въ залъ, убранный тропическими растеніями и украшенный на эстрадѣ портретомъ юбиляра, писаннымъ масляными красками, собрались многочисленные почитатели и сослуживцы юбиляра. Въ первыхъ рядахъ заняли мѣста дамы, во главѣ ихъ были супруги министра путей сообщенія и юбиляра. Каждому входившему выдавались брошюры: біографія и обзоръ дѣятельности юбиляра, съ его портретомъ. Было совершено молебствіе, и институтскій священникъ сказалъ слово. Затѣмъ на эстрадѣ заняли мѣста министръ путей сообщенія ген.-лейт. Шауфусъ, товарищъ министра т. с. Мясоѣдовъ-Ивановъ, юбиляръ, возлѣ него предсѣдатель юбилейнаго комитета т. с. Ададуровъ и другой юбиляръ, инженеръ Вяземскій. Среди присутствовавшихъ находились: членъ государственнаго совѣта ген. Петровъ, министръ торговли и промышленности, членъ государственной думы А. И. Гучковъ, дворцовый комедантъ свиты ген. Дедюлинъ, товарищъ министра юстиціи д. с. с. Чаплинъ, сенаторъ Шрейберъ, всѣ высшіе чины инженернаго вѣдомства, почетный опекунъ Ермоловъ и др. Министръ сказалъ привѣтствіе юбилярамъ, причемъ были прочитаны приказы по министерству, и затѣмъ министръ прочиталъ Высочайшій рескриптъ на имя В. В. Салова, послѣ чего дважды былъ исполненъ пѣвчими народный гимнъ. Юбиляръ благодарилъ министра теплой рѣчью. Предсѣдатель юбилейнаго комитета т. с. Ададуровъ привѣтствовалъ юбиляра и сообщилъ объ утвержденіи и исполненіи ходатайства комитета о сборѣ на премію за лучшее сочиненіе по желѣзнодорожному дѣлу, постановкѣ портретовъ юбиляра въ залѣ инженернаго совѣта и залѣ института путей сообщенія, о поднесеніи золотой медали юбиляру и бронзовыхъ—его почитателямъ, о предоставленіи юбиляру безплатнаго проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Россіи. Министръ торговли привѣтствовалъ юбиляра, какъ выдающаго ученаго, труды котораго служили также на пользу русской торговли и промыш-

ленности. Горячо было привѣтствіе института. Инженерный совѣтъ въ адресѣ указалъ на рядъ ученыхъ заслугъ юбиляра и на то, что юбиляръ первый ввелъ удешевленныя постройки узкоколейныхъ дорогъ. Говорилъ привѣтствіе членъ государственнаго совѣта инженеръ-генералъ Петровъ, высказавшій, что работа юбиляра «по мѣстнымъ путямъ» есть источникъ будущаго богатства Россіи, и онъ вѣритъ, что найдутся средства для осуществленія широкихъ плановъ юбиляра. Затѣмъ слѣдовали адреса отъ управленія желѣзныхъ дорогъ, отъ военныхъ сообщеній; гофмейстеръ Копыткинъ привѣтствовалъ юбиляра отъ инспекціи императорскихъ поѣздовъ; отъ города былъ и. д. городского головы г. Демкинъ и депутація городской думы, длинный рядъ адресовъ и привѣтствій читали представители желѣзнодорожныхъ съѣздовъ, управленій желѣзныхъ дорогъ (въ числѣ привѣтствовавшихъ былъ и членъ государственной думы Марковъ 1-й), отъ различныхъ инженерныхъ учрежденій, сухопутныхъ, портовыхъ, отъ кассъ эмеритальныхъ и вспомоществованія инженерамъ, отъ бюро русскихъ цементныхъ техниковъ и заводчиковъ. Изъ постороннихъ вѣдомствъ была интересна рѣчь архитектора графа Сюзора отъ императорскаго техническаго общества. Ораторъ, обращая вниманіе на громадныя заслуги юбиляра также въ области техники, остановился на томъ фактѣ, что теперь техника нужна вездѣ — и на морѣ и на сушѣ — она ведетъ воиновъ къ побѣдѣ, а между тѣмъ среди государственной думы и государственнаго совѣта есть представители земледѣлія, торговли и купечества, но нѣтъ представителей міра техниковъ, а громадное значеніе техники растетъ съ каждымъ днемъ, и ораторъ пожелалъ юбиляру быть именно избраннымъ представителемъ техники въ области нашихъ законодательныхъ учрежденій. Прочитанъ былъ рядъ телеграммъ, чуть ли не со всѣхъ концовъ Россіи, отъ инженеровъ, желѣзныхъ дорогъ и разныхъ учрежденій, были тутъ и привѣтствія министра финансовъ статсъ-секретаря Коковцова, бывшихъ министровъ князя Хилкова и Немѣшаева, начальника генеральнаго штаба ген. Палицына, почетнаго опекуна графа Гейдена, статсъ-секретаря Танѣева, отъ знаменитаго инженера Кербедза и друг. Неутомимый юбиляръ на каждое привѣтствіе отвѣчалъ словами благодарности. Товарищъ министра т. с. Мясоѣдовъ-Ивановъ прочиталъ поздравленіе генерала Богдановича, работавшаго когда-то, какъ иниціаторъ Сибирскаго пути, вмѣстѣ съ юбиляромъ. Е. В. Богдановичъ, выразивъ сожалѣніе, что недугъ помѣшалъ ему лично привѣтствовать В. В., припомнилъ время, какъ сорокъ лѣтъ назадъ онъ вошелъ въ сношенія съ тѣмъ вѣдомствомъ, «украшеніемъ котораго В. В. Саловъ давно уже служитъ». А затѣмъ 1880 годъ, когда онъ былъ назначенъ членомъ временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, предсѣдателемъ котораго вскорѣ сдѣлался В. В. Саловъ. «Какъ сейчасъ помню картину: читаетъ докладъ всѣми почитаемый инженеръ-генералъ Николай Павловичъ Петровъ. Вы не пропускаете ни одного слова доклада и дѣлаете ему блестящее резюме по окончаніи, но во время доклада васъ безпокоятъ справа и слѣва ваши подчиненные, и вы успѣваете, не теряя вниманія къ интересному докладу, сразу дѣлать нѣсколько дѣлъ: писать резолюціи, отвѣтныя телеграммы, давать справки, дѣлать распоряженія... Колоссальная работоспособность, рѣдкая корректность и удивитель-

ное знаніе дѣла и тогда отличали васъ и поражали другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего съ такимъ успѣхомъ закончены были состоявшіяся по вашей иниціативѣ мои командировки на Уральскую, Полѣсскія, Харьково-Николаевскую и Екатерининскую желѣзныя дороги для санитарныхъ осмотровъ и улучшенія быта эксплоатируемыхъ подрядчиками рабочихъ, а на послѣдней дорогѣ для борьбы съ свирѣпствовавшимъ тамъ тифомъ? Оттого, что я былъ сочувствующимъ исполнителемъ вашихъ гуманныхъ идей, проводникомъ одушевлявшихъ насъ обоихъ идей народнаго блага, добрыхъ заботъ о рабочемъ классѣ... Это участіе, всегда разумно-гуманное и дѣятельное, одушевляло меня и моихъ товарищей по дѣлу, давало намъ энергію и силы на борьбу съ желѣзнодорожниками-капиталистами того времени, которые громко сочувствовали всѣмъ нашимъ мѣрамъ лишь до той поры, пока имъ не приходилось раскрывать кошельки на пользу народа...» Свое письмо Е. В. Богдановичъ заключилъ остроумно выраженнымъ пожеланіемъ В. В. Салову дождаться празднованія столѣтія дня его рожденія. «Я сказалъ «столѣтіе» и боюсь, не мало ли я пожелалъ? Когда митрополиту Исидору минуло 94 года и на празднествѣ по этому случаю одинъ изъ епископовъ пожелалъ ему дожить до ста лѣтъ, маститый іерархъ не на шутку обидѣлся... Онъ охотно прожилъ бы и 150 лѣтъ!..» Министръ ген. Шауфусъ закончилъ теплое и радушное празднество теплымъ словомъ, высказавъ, что настоящее торжество въ стѣнахъ института путей сообщенія будетъ имѣть выдающееся нравственное значеніе, освѣжающее и ободряющее, воспитательное для молодежи, а обаятельная личность В. В., его плодотворная дѣятельность по вѣдомству путей сообщенія составляетъ и останется навсегда нашей гордостью.

Собраніе комитета славянской взаимности. 11 іюля въ клубѣ общественныхъ дѣятелей было созвано первое общее собраніе учрежденнаго Н. А. Хомяковымъ, барономъ П. Л. Корфомъ и Ю. Н. Милютинымъ комитета славянской взаимности. Цѣль этого заявленнаго въ установленномъ порядкѣ у градоначальника пока еще безуставнаго общества заключается въ слѣдующемъ: 1) объединять людей, безъ различія ихъ политическаго направленія, признающихъ необходимость сближенія славянскихъ народностей при полномъ уваженіи къ каждой, и 2) содѣйствовать всѣми законными способами распространенію этого убѣжденія, а также лучшему знакомству и болѣе живымъ сношеніямъ съ другими славянами. Общество должно дѣйствовать въ С.-Петербургѣ, отдѣльные же члены его могутъ содѣйствовать его цѣлямъ по мѣсту своего нахожденія. Въ собраніи предсѣдательствовалъ Н. А. Хомяковъ. Докладъ объ организаціи общества сдѣлали М. М. Федоровъ и Ю. Н. Милютинъ. Послѣдній заявилъ, что фактическими основателями общества были 39 извѣстныхъ дѣятелей, которые привлекли до сихъ поръ 144 человѣка, такъ что всѣхъ членовъ въ настоящее время 183. Послѣ прочтенія ихъ списка приступили къ выбору правленія, при чемъ на первыхъ порахъ рѣшено ограничиться 10 членами. Избранными оказались: Н. А. Хомяковъ, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, М. В. Красовскій, Н. П. Кондаковъ, Ю. Н. Милютинъ, С. Н. Шидловскій, В. М. Петрово-Соловово, графъ В. Э. Олизаръ, К. Я. Гротъ. По организаціоннымъ вопросамъ возникли пренія. В. П. Сватковскій предлагалъ вербовку

новыхъ членовъ поставить на самую широкую демократическую почву по примѣру чешскаго общества «Соколъ» или всенѣмецкаго союза съ его 25,000 членовъ, навербованныхъ въ 10 лѣтъ. Для этого необходимо назначить минимальный членскій взносъ не болѣе одного рубля. Соглашаясь въ принципѣ съ этой мыслью, собраніе по предложенію Ю. Н. Милютина опредѣлило членскій взносъ до конца года въ 5 рублей. Въ заключеніе Н. А. Хомяковъ прочелъ нѣсколько сочувственныхъ телеграммъ, между прочимъ отъ извѣстнаго слависта А. С. Будиловича.

Конгрессъ исторической науки. Международный конгрессъ исторической науки состоится 6—12 августа въ Берлинѣ. Въ выпущенномъ недавно организаціоннымъ комитетомъ спискѣ членовъ конгресса изъ русскихъ ученыхъ значатся: П. Виноградовъ (отъ оксфордскаго университета), А. Веселовскій изъ Москвы и М. Ростовцевъ изъ Петербурга.

Собираніе дѣтскихъ рисунковъ. Общество учителей рисованія въ Петербургѣ, общество нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи и комитетъ психо-педологическаго института приступили къ собиранію дѣтскихъ рисунковъ. Матеріалъ этотъ важенъ для выясненія картины постепеннаго развитія дѣтской души, а также эстетическаго чувства въ дѣтяхъ. Имѣютъ большое значеніе всѣ попытки ребенка къ рисованію, начиная съ самыхъ раннихъ каракулей его. Названныя общества выработали программу собиранія дѣтскихъ рисунковъ. Слѣдуетъ собирать лишь тѣ рисунки, которые были задуманы и сдѣланы дѣтьми по собственному ихъ побужденію, безъ вмѣшательства постороннихъ лицъ. Рисунки каждаго ребенка должны быть собраны за возможно продолжительное время и представлены вмѣстѣ со свѣдѣніями о возрастѣ, полѣ, семейной обстановкѣ и т. д. Въ настоящее время общества уже получаютъ коллекціи дѣтскихъ рисунковъ. Въ ближайшемъ будущемъ приступлено будетъ къ ихъ сортировкѣ и изученію.

Курсы по искусству. Осенью нынѣшняго года въ Москвѣ предполагается сдѣлать первый опытъ организаціи систематическихъ общеобразовательныхъ курсовъ по искусству и его исторіи. Курсы эти возникаютъ въ видѣ совершенно самостоятельнаго учрежденія при «курсахъ драмы» артиста художественнаго театра Адашева. Предполагается открыть эти курсы не только для молодежи, посвящающей себя тому или другому искусству, но и вообще для всѣхъ интересующихся театромъ, живописью и другими искусствами, въ виду чего и большая часть лекцій предполагается вечеромъ. Курсы будутъ состоять изъ чтенія лекцій съ демонстраціями на экранѣ волшебнымъ фонаремъ и экскурсіями по галереямъ и музеямъ и обнимутъ исторію внѣшней культуры народовъ вообще съ исторіей искусствъ: архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и сцены; затѣмъ—исторію внутренней культуры, народовъ съ исторіей ихъ міровоззрѣній и литературы, эстетику и психологію. Судя по тому, что въ числѣ лекторовъ упоминаются имена: писателя Волынскаго, художниковъ Александра Бенуа, Новаковскаго и Рериха, знатока русскаго стариннаго искусства Горностаева, А. Блока, историка Тарасова, Сергѣя Глаголя и т. п., предпріятіе это обѣщаетъ несомнѣнный интересъ. Это будетъ первый опытъ создать маленькую свободную академію искусства, а при изобиліи теперь вся-

кихъ курсовъ, начиная съ юридическихъ и кончая чертежными, это начинаніе обѣщаетъ пополнить ощутительный пробѣлъ въ области эстетическаго образованія.

Московская цензурная статистика. Главный инспекторъ по надзору за типографіями и книжной торговлей А. К. Тарновскій составилъ отчетъ о числѣ учрежденій, находящихся въ его вѣдѣніи. Частныхъ типографій въ Москвѣ оказалось 169, казенныхъ—31, словолитенъ и складовъ—103, фотографій—63, фотографическихъ заведеній—43, книжныхъ магазиновъ и лавокъ—552, публичныхъ библіотекъ—64, народныхъ читаленъ—70, множительныхъ аппаратовъ въ распоряженіи частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій—591.

Рукописи Л. Н. Толстого. Въ рукописномъ отдѣлѣ императорской публичной библіотеки имѣются слѣдующія произведенія Л. Н. Толстого въ рукописяхъ: 1) О народномъ образованіи. 2) Краткое изложеніе Евангелія (писарская копія съ поправками автора). 3) Вторая черновая редакція «Декабристовъ». 4) Три письма къ Е. П. Ковалевскому. 5) Бабья доля. (Рукопись неизвѣстной руки съ поправками автора). 6) Письмо, 1857 года, къ П. В. Анненкову. 7) «Анна Каренина» (въ витринѣ). 8) «Что такое искусство». 9) Предисловіе къ статьѣ Карпентера «Современная наука», и 10) Письмо къ В. В. Стасову. Перечисленными рукописями нельзя будетъ пользоваться при жизни Толстого и заинтересованныхъ лицъ. Въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ, хранятся рукописи Л. Н. Толстого въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ императорской публичной библіотекѣ. Больше же всего рукописныхъ произведеній Л. Н. Толстого—въ Англіи, въ «Чертковскомъ музеѣ».

Отъ комитета съѣзда повременной печати. Комитетъ, избранный въ іюнѣ с. г. съѣздомъ періодической печати въ СПБ., приступаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени къ исполненію постановленія съѣзда о созданіи въ Петербургѣ музея имени Льва Николаевича Толстого. Комитетъ считаетъ въ высшей степени желательнымъ собрать въ музеѣ, между прочимъ, всѣ юбилейные нумера, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, а также всѣ книги и брошюры, которыя будутъ посвящены Л. Н. Толстому. Пока Толстовскій музей не открытъ и не имѣетъ своего помѣщенія, всѣ письма и посылки для него слѣдуетъ адресовать въ редакцію журнала «Минувшіе Годы» (Лиговка, 44.) Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдатель — М. М. Ковалевскій, товарищи предсѣдателя — П. Н. Милюковъ и М. М. Ѳедоровъ, секретари—В. В. Водовозовъ и М. А. Стаховичъ, члены—Н. Ѳ. Анненскій, К. В. Аркадакскій, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, І. В. Гессенъ, Г. К. Градовскій, В. Г. Короленко, С. Н. Прокоповичъ, А. В. Пѣшехоновъ, А. А. Столыпинъ.

НЕКРОЛОГИ.

АГРЕНЕВЪ-Славянскій, Д. А. Умеръ Славянскій. Въ послѣдніе годы Дмитрій Александровичъ хворалъ не разъ и весьма серьезно. Еще передъ Рождествомъ, когда онъ находился въ Ялтѣ, здоровье его внушало серьезныя опасенія, но силы его превозмогли и онъ отправился въ путешествіе по австрійскимъ и по балканскимъ землямъ. Путешествіе это, которое должно было ознаменовать его пятидесятилѣтнюю дѣятельность, оказалось для него послѣднимъ. Оно должно было кончиться въ Россіи, гдѣ онъ предполагалъ выступить зимою въ Петербургѣ, отпраздновавши тутъ свой 50-лѣтній юбилей. Но судьба рѣшила иначе. Поѣздка его по славянскимъ землямъ была въ самомъ дѣлѣ тріумфальной. Старый пѣвецъ, пропагаторъ русской пѣсни, которую такъ любилъ и для которой перенесъ столько лишеній всякаго рода, могъ быть доволенъ послѣдними мѣсяцами своей жизни. Его цѣнили всегда и вездѣ интересовались имъ, гдѣ бы онъ ни появлялся, хотя бы въ далекой Америкѣ. Но послѣдніе мѣсяцы въ артистическомъ и національномъ смыслѣ проходили для него особенно хорошо. Вездѣ слышались только самые искренніе и теплые привѣты по его адресу. На Западѣ уважаютъ и цѣнятъ трудъ, и этотъ свыше чѣмъ 70-лѣтній старикъ, весело и бодро входившій на эстраду послѣ ночей, проведенныхъ въ безпокойномъ вагонѣ, не искавшій отдыха, а постоянно работавшій, вызывалъ къ себѣ невольное уваженіе. Самое имя его, имя апостола русской и славянской пѣсни, было такъ извѣстно, что даже враги славянства встрѣчали и отзывались о немъ и объ его дѣлѣ съ полнымъ уваженіемъ. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ артистовъ, этотъ артистъ, въ своей скромной, казалось бы, дѣятельности, сдѣлалъ для прославленія Россіи въ сферѣ искусства, всѣмъ яснаго, понятнаго и безспорнаго. Нѣтъ, кажется, части свѣта, за

исключеніемъ Австраліи, гдѣ онъ не побывалъ бы, всюду говоря: «Благословите, братцы, сказать про старину нашу русскую». И всюду слушали про старину народа, часто совсѣмъ чуждаго слушателямъ, слушали съ сердечнымъ вниманіемъ, невольно направленнымъ столько же въ сторону этой чужой Россіи, сколько и по адресу пѣвца. Нѣтъ, большое дѣлалъ дѣло покойный Д. А., и только въ послѣдніе годы его жизни мы оцѣнили смыслъ и размѣры послѣдняго. Теперь, послѣ его смерти невольно задумаешься, найдутся ли еще подражатели ему и продолжатели. Очень можетъ быть, что и не найдутся. Его дѣло трудное, требующее, кромѣ таланта, и незаурядной энергіи, которою не всякій располагаетъ и которой было много у почившаго. Мы можемъ быть благодарными ему за трудъ всей его жизни, отданной цѣликомъ для распространенія русской пѣсни, и не станемъ обращать вниманія на какія-либо сдѣланныя имъ тутъ ошибки или промахи. Пусть другіе сдѣлаютъ то, что онъ сдѣлалъ. Они заслужатъ общую нашу признательность. Память о Славянскомъ надолго не заглохнетъ у насъ (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11614).

† **Бернгардъ, А. Р.** 24 іюня въ Дрезденѣ скончался Августъ Рудольфовичъ Бернгардъ, бывшій директоръ петербургской консерваторіи. Онъ былъ предмѣстникомъ теперешняго директора г. Глазунова и оставилъ консерваторію три года назадъ, во время начавшихся тамъ безпорядковъ, совпавшихъ съ освободительнымъ движеніемъ. Онъ не пользовался тѣмъ артистическимъ авторитетомъ, который имѣли нѣкоторые изъ его предшественниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ слабымъ, уступчивымъ характеромъ, и такимъ образомъ онъ не могъ совладать съ начавшимися въ консерваторіи волненіями и предпочелъ передать бразды правленія другимъ, подавши въ отставку. Онъ былъ послѣднимъ директоромъ, назначеннымъ на основаніи старыхъ порядковъ, а не по выбору художественнаго совѣта, какъ установлено теперь, послѣ того, какъ консерваторія получила автономію. Какъ директоръ, онъ не отличался ни положительными, ни отрицательными качествами и легко поддавался всякимъ вліяніямъ. Какъ и его непосредственный предшественникъ, Ю. И. Іогансенъ, онъ не имѣлъ индивидуальности, хотя Іогансенъ при всей слабости своего характера могъ вліять на учащихся по крайней мѣрѣ своимъ авторитетомъ выдающагося теоретика, чего нельзя было сказать о покойномъ. Онъ родился 3 января 1850 года въ Петербургѣ. Общее образованіе получилъ въ здѣшнемъ университетѣ по юридическому факультету, а музыкальное—въ консерваторіи, гдѣ былъ ученикомъ Іогансена (по теоріи), директорское мѣсто котораго занялъ впослѣдствіи (1898 г.). По окончаніи консерваторіи (въ 1878 г.) онъ былъ оставленъ тамъ преподавателемъ гармоніи и сольфеджіо. Музыкальныхъ трудовъ у него было мало и они мало извѣстны. Владѣя хорошо нѣмецкимъ языкомъ, онъ перевелъ на него немалое число романсовъ русскихъ авторовъ, а также оперы: «Майская ночь», «Снѣгурочка», «Царь Салтанъ», «Моцартъ и Сальери» Римскаго-Корсакова, «Каменный гость» Даргомыжскаго, «Евгеній Онѣгинъ» и «Пиковая дама» Чайковскаго. Въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ происходившихъ въ консерваторіи безпорядковъ, здоровье его пошатнулось, хотя ничто не заставляло предполагать близости его кончины. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11597).

† **Виноградовъ, А. И.** 31 мая въ губернскомъ гор. Владимирѣ скончался на 74 году жизни настоятель каѳедральнаго собора протоіерей Александръ Ивановичъ Виноградовъ. Сынъ діакона владимирской епархіи, покойный началъ свою дѣятельность въ 1855 году, когда, окончивъ курсъ владимирской семинаріи однимъ изъ первыхъ студентовъ, онъ былъ опредѣленъ и посвященъ въ священники къ резервному егерскому полку 7-ой пѣхотной дивизіи, квартировавшему въ Ново-Георгіевской крѣпости, а потомъ въ Варшавѣ. По расформированіи резервовъ, въ ноябрѣ 1857 года, онъ назначенъ былъ на священническое мѣсто при соборѣ въ гор. Покровѣ Владимирской губерніи. Въ 1870 году перешелъ во владимирскій каѳедральный Успенскій соборъ. Въ 1876 году былъ опредѣленъ настоятелемъ киржачскаго собора съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Въ 1881 году перемѣщенъ на должность ключаря владимирскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Въ 1903 году назначенъ настоятелемъ того же собора. На всѣхъ мѣстахъ своего служенія протоіерей А. И. Виноградовъ показалъ себя ревностнымъ блюстителемъ благоговѣйнаго совершенія богослуженія, неустаннымъ проповѣдникомъ и воодушевленнымъ, общительнымъ и вліятельнымъ пастыремъ. Кромѣ собственно пастырскихъ обязанностей, онъ въ теченіе своей службы много потрудился и на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ законоучителя различныхъ учебныхъ заведеній, и въ сферѣ епархіальнаго управленія, въ качествѣ благочиннаго и члена владимирской духовной консисторіи. Особенно же много трудовъ положено имъ при производствѣ наружной и внутренней реставраціи замѣчательнаго по своей архитектурѣ, древности и святынямъ владимирскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Въ отчетѣ о возобновленіи владимирскаго Успенскаго собора, читанномъ въ собраніи императорскаго московскаго археологическаго общества дѣйствительнымъ членомъ его И. Е. Забѣлинымъ, сказано: «Непосредственнымъ попечителемъ всего дѣла реставраціи собора былъ высокопреосвященнѣйшій Ѳеогностъ, архіепископъ владимирскій, а усерднымъ исполнителемъ его попеченій, неустанно и, можно сказать, ежеминутно, во всѣхъ подробностяхъ и хозяйственной и технической стороны, былъ отецъ ключарь собора Александръ Ивановичъ Виноградовъ, все время проживавшій при работахъ въ особой кельѣ. Этимъ, поистинѣ достопамятнымъ, лицамъ императорское московское археологическое общество обязано тѣмъ, что замѣчательнѣйшій памятникъ древне-русскаго зодчества былъ обновленъ съ такою осмотрительностью и осторожностью, съ такимъ въ высокой степени точнымъ соблюденіемъ археологическихъ требованій, что это обновленіе во всѣхъ отношеніяхъ можетъ служить примѣромъ и образцомъ для будущихъ другихъ случаевъ возстановленія памятниковъ древняго зодчества въ ихъ первобытномъ видѣ». Свой досугъ покойный о. протоіерей посвящалъ письменнымъ трудамъ. Его перу принадлежатъ: «Исторія владимирскаго каѳедральнаго Успенскаго собора», вышедшая недавно третьимъ изданіемъ, «Святыня владимирскаго Успенскаго собора, историческое значеніе его и реставрація», «Страннопріимный домъ при владимирскомъ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ», «Краткая исторія упраздненнаго Благовѣщенскаго киржачскаго монастыря», «Бесѣды о надеждѣ христіанской», «Житіе преподобнаго Але-

ксандра, обители неусыпающихъ первоначальника» и друг. За свои труды въ области археологіи протоіерей А. И. Виноградовъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго московскаго археологическаго общества и владимирской и нижегородской архивныхъ комиссій. Учрежденное по его инипіативѣ общество хоругвеносцевъ при владимирскомъ каѳедральномъ соборѣ почтило его поднесеніемъ золотого съ украшеніями креста. Дѣятельность его почтена также вниманіемъ Монарха и св. синода. Послѣдними наградами его были: крестъ изъ кабинета Его Величества и орденъ св. Владимира 3 степени. 20 іюля 1896 года покойный удостоенъ былъ принятія отъ Государя Императора и Государыни Императрицы составленной имъ «Исторіи владимирскаго каѳедральнаго Успенскаго собора».

† **Зеленогорскій, Ѳ. А., профессоръ.** Скончался на 70-мъ году жизни хорошо извѣстный въ ученомъ мірѣ заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ философіи, Ѳедоръ Александровичъ Зеленогорскій. Покойный отмѣтилъ свою долголѣтнюю ученую дѣятельность цѣлымъ рядомъ капитальныхъ трудовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть, какъ главнѣйшіе: «Ученіе Аристотеля о душѣ, въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона» (Спб., 1871 г.), «О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства» (Харьковъ, 1877 г.), «Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени» (Зап. Харьковскаго университета, 1882 г.), «Греческіе трагики и софисты. Изъ исторіи греческой философіи» (Харьковъ, 1890 г.) и «Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ» (Харьковъ, 1892 г.). Кромѣ того, послѣдніе годы Ѳ. А. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала «Вѣра и Разумъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 166).

† **Игнатьевъ, Н. П., графъ.** 20-го іюня въ своемъ имѣніи Круподерницы, Кіевской губерніи, скончался членъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантъ графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ. Покойный родился въ 1832 году. Отецъ его былъ директоромъ пажескаго корпуса, а впослѣдствіи предсѣдателемъ комитета министровъ, получившимъ графское достоинство въ 1877 году. Графъ Н. П. получилъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ и въ академіи генеральнаго штаба, въ которой окончилъ курсъ въ 1851 году. Послѣ кратковременной военной службы, покойный вступилъ на дипломатическое поприще, занявъ мѣсто военнаго агента въ Лондонѣ. Въ 1856 г. онъ участвовалъ при заключеніи Парижскаго мира. Затѣмъ ему было поручено начальство надъ военно-дипломатическою миссіею въ Хиву и Бухару. Въ Бухарѣ ему удалось освободить всѣхъ русскихъ, томившихся въ неволѣ, и заключить договоръ съ ханомъ. Въ мартѣ 1859 году, 27 лѣтъ отъ роду, графъ Н. П. былъ произведенъ въ генералы и назначенъ уполномоченнымъ въ Китай, который не желалъ признать Айгунскаго договора. Послѣ продолжительныхъ усилій ему удалось добиться того, что китайское правительство ратификовало въ Пекинѣ Айгунскій договоръ, по которому за Россіей закрѣпленъ какъ лѣвый берегъ Амура, такъ и Уссури, со всѣми приморскими гаванями до бухты Посьета и съ маньчжурскимъ берегомъ до Кореи. Успѣшное заключеніе договора съ Китаемъ доста-

вило графу Н. П. званіе генералъ-адъютанта. Въ 1861 году Н. П. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, а въ 1864 году занялъ постъ чрезвычайнаго посланника при Оттоманской Портѣ. Сдержанный образъ дѣйствій графа Н. П. возстановилъ наше вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Защита славянскихъ народностей создала покойному громадную извѣстность не только среди славянскихъ земель, но и во всей Европѣ; на него стали смотрѣть какъ на главнаго представителя славяно-русскаго націонализма. Во время русско-турецкой войны графъ Н. П. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и состоялъ въ свитѣ государя. Ему пришлось заключать съ турками Санъ-Стефанскій миръ. По окончаніи войны покойный занялъ постъ нижегородскаго генералъ-губернатора. Въ 1881 году онъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, оставаясь на этомъ посту недолго. Затѣмъ графъ Н. П. состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, смѣнивъ графа Лорисъ-Меликова и отвергнувъ многія положенія его политической программы. На этомъ важномъ и отвѣтственномъ посту онъ пробылъ только до 30 мая 1882 года. Съ 1884 года графъ Н. П. состоялъ президентомъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, а съ 1886 года—предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго общества; кромѣ того, онъ состоялъ еще въ послѣднее время предсѣдателемъ общества улучшенія народнаго труда въ память императора Александра II. Покойный графъ Н. П. былъ человѣкомъ русскаго закала и постоянно держался въ своей политической дѣятельности того направленія, которое прежде всего имѣетъ въ виду интересы русскихъ, въ ихъ сочетаніи съ общеславянскими. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдом.» 1908 г., № 145).

† **Кириловъ, Н. С.** Въ Нѣжинѣ, въ психіатрической больницѣ, 17 іюня скончался бывшій наставникъ студентовъ института князя Безбородки, Николай Стратониковичъ Кириловъ. Покойный родился въ 1850 году, въ гор. Красноярскѣ, Енисейской губ., учился въ томской гимназіи и въ петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Учительствовалъ въ петербургской 6-ой гимназіи. Въ 1875 году онъ поступилъ въ Нѣжинскій институтъ наставникомъ студентовъ, и здѣсь же много лѣтъ кряду преподавалъ греческій языкъ. По своей спеціальности издалъ два печатныхъ труда: «Греческіе элегики и ямбографы» и «Иліада» Гомера, I — IV книги, съ примѣчаніями». Въ 1900 г. по болѣзни покинулъ службу. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11. 597).

† **Лебедевъ, А. П., профессоръ.** Скончался почетный членъ московской духовной академіи и заслуженный профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ церковной исторіи, Алексѣй Петровичъ Лебедевъ. Почившій, сынъ сельскаго священника Московской губерніи, родился 2 марта 1845 г. Послѣ домашняго воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ продолжалъ свое дальнѣйшее образованіе въ перервинскомъ духовномъ училищѣ и московской духовной семинаріи, откуда въ 1866 г. поступилъ въ московскую духовную академію и здѣсь окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ магистровъ въ 1870 г. Въ томъ же году онъ былъ оставленъ при академіи для подготовки къ профессурѣ по каѳедрѣ (древней) церковной исторіи и уже въ 1871 г., по утвер-

жденіи въ степени магистра, получилъ званіе доцента. Талантливое преподаваніе предмета и плодовитая, неутомимая учено-литературная дѣятельность молодого доцента скоро обратили на него общее вниманіе: въ концѣ 1874 г. онъ избирается экстра-ординарнымъ профессоромъ и тогда же становится членомъ общихъ собраній совѣта академіи, затѣмъ, послѣ утвержденія въ степени доктора богословія, въ 1879 г. занимаетъ каѳедру ординарнаго профессора, продолжая быть и членомъ совѣта. За свои выдающіеся ученые труды онъ получилъ въ разное время много премій отъ академіи. Съ 1 сентября 1895 г. покойный переходитъ ординарнымъ профессоромъ на ту же каѳедру церковной исторіи въ московскій университетъ и не разстается уже съ нимъ до конца своихъ дней, высоко держа до кончины знамя чистой, чуждой всякихъ партійныхъ счетовъ, науки. Академія, со своей стороны, отдала дань его трудолюбію и таланту избраніемъ его въ 1899 г. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Можно съ полной увѣренностью сказать, что давно уже у насъ не было такого профессора, который бы за 30 лѣтъ дѣятельности успѣлъ написать и напечатать такую массу цѣнныхъ, капитальныхъ трудовъ, какъ покойный А. П. Его многочисленныя изслѣдованія и статьи подраздѣляются на три обширные отдѣла: 1) апологетическія, 2) критико-библіографическія и 3) собственно церковно-историческія. Изъ нихъ первыя тѣсно примыкаютъ къ его работамъ по магистерскому сочиненію, а вторыя и третьи по преимуществу относятся къ разработкѣ предмета его каѳедры. Среди перваго рода изслѣдованій и статей можно отмѣтить: 1) «Выводы матеріализма въ вопросѣ о происхожденіи міра предъ судомъ строго-научнаго естествознанія» (1872 г.); 2) «Ученіе Дарвина о происхожденіи міра органическаго и человѣка» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» 1873 г., т. CVI); 3) «Принципы матеріалистическаго міровоззрѣнія новѣйшаго времени» (1873 г.); 4) «Имѣли ли древніе язычники ясное понятіе о сотвореніи міра?» (1873—74 гг.); 5) «Философско-богословское и естественно-научное истолкованіе библейскаго догмата о сотвореніи міра» (1874 г.); 6) «Пантеизмъ XIX вѣка» (1875 г.) и др. Изъ критико-библіографическихъ трудовъ, кромѣ обстоятельныхъ отзывовъ о новѣйшихъ церковно-историческихъ сочиненіяхъ, слѣдуетъ выдѣлить, какъ главнѣйшіе: «Новый методъ изслѣдованія церковно-историческихъ вопросовъ» (1873 г.) и рядъ послѣдовательныхъ обзоровъ церковно-исторической литературы, помѣщавшихся въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» и «Богословскомъ Вѣстникѣ». Наконецъ, что касается церковно-историческихъ трудовъ собственно, то ихъ рядъ непрерывно тянется съ 1873 г. и по настоящее время. Эти большаго или меньшаго объема и значенія труды появлялись въ «Душеполезномъ Чтеніи», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и др. Выходили они отдѣльными книгами, часто составляя собой обширные капитальные сборники. Не перечисляя всего множества ихъ, отмѣтимъ лишь, какъ наиболѣе крупные и извѣстные: «Церковь Римская и Византійская въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и спорахъ съ IX по XI вв.» (1875 г.), «Исторія послѣднихъ четырехъ вселенскихъ соборовъ» (1876 г.), «Очерки внутренней исторіи Византійской восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ (1878 г.), «Обзоръ догматической дѣятельности вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ

въ связи съ направленіемъ школъ Антіохійской и Александрійской» (докторская диссертація; 1879 г.), «Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи, съ XVI по XIX гг.» (1881 г.), «Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ» (дополненіе къ докторской диссертаціи, 1882 г.), «Разсказы изъ исторіи христіанской аскетической жизни» (1884 г.), «Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ» (1885 г.), «Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка» (1888 г.), «Греческіе церковные историки IV по VI вв.» (1890 г.), «Очерки исторіи Византійско-Восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка» (1892 г.), «Греко-восточная церковь подъ владычествомъ Оттоманской Порты» (1895—1901 г.), «Исторія вселенскихъ соборовъ VI, VII и VIII вѣковъ» (1897 г.), «Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX» (1898 г.), «Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ» (1900 г.) и др.

Своими учено-литературными трудами покойный, какъ видно уже изъ заглавій, обнялъ не только исторіографію своего предмета, но и почти всю область самаго предмета, при чемъ труды его всегда отличались живымъ интересомъ мысли и изложенія, научною основательностью, обширностью эрудиціи, детальностью и широтой взгляда. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 165).

† **Остроумовъ, А. А.** 11-го іюля скончался профессоръ московскаго университета Алексѣй Александровичъ Остроумовъ. Кончина эта—невознаградимая потеря для московскаго университета, который теряетъ въ лицѣ покойнаго талантливаго профессора и выдающагося ученаго, для Москвы, гдѣ покойный былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ врачей, для многихъ и многихъ, глубоко цѣнившихъ громадныя медицинскія познанія и опытъ покойнаго и искавшихъ его искусной помощи. Научныя занятія А. А. начались еще въ 70-хъ годахъ. За диссертацію «О происхожденіи перваго тона сердца» въ 1873 г. А. А. былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1879 онъ былъ назначенъ доцентомъ, а затѣмъ черезъ годъ профессоромъ терапевтической клиники московскаго университета. Съ этого времени начинается стяжавшее громкую славу плодотворное служеніе покойнаго наукѣ и обществу. Неустанно работая надъ практическимъ изученіемъ области внутреннихъ болѣзней, А. А. создаетъ цѣлую школу и научное медицинское міровоззрѣніе, которое создаетъ ему славу выдающагося ученаго біолога и опытнаго діагноста. Обладая блестящимъ преподавательскимъ талантомъ, А. А. своими лекціями, въ которыхъ слушатели видѣли «откровеніе», создалъ цѣлую плеяду учениковъ, продолжавшихъ по мѣрѣ своихъ силъ дѣло своего учителя. Труды покойнаго не ограничивались предѣлами его клиники и аудиторіи. Изданныя имъ научныя работы по діагностикѣ внутреннихъ болѣзней пріобрѣли широкую извѣстность въ медицинскомъ мірѣ и всеобщее признаніе въ виду ихъ громаднаго научнаго значенія. Но громкая всероссійская извѣстность и слава А. А. пріобрѣтена не только тѣмъ, что онъ былъ выдающійся ученый и опытнѣйшій врачъ, но и потому, что онъ былъ крайне отзывчивый и живой человѣкъ и въ наукѣ, и жизни. Педантизмъ и научный догматизмъ были менѣе всего свойственны А. А. Онъ былъ не только теоретикъ, но прежде всего проникновенный на-

блюдатель. Въ своихъ блестящихъ діагнозахъ онъ, какъ художникъ, возстановлялъ съ поразительной ясностью и конкретностью ходъ заболѣваній. Въ этомъ и заключалась тайна его поразительной силы и успѣха, какъ значительнаго діагноста. И слава его ширилась и росла, привлекая къ нему со всѣхъ концовъ Россіи «страждущихъ» и «недужныхъ». Признанные безнадежно больными люди хватались, какъ за послѣднюю надежду, за возможность найти совѣтъ и помощь у московскаго профессора. Имя покойнаго долго будетъ жить въ памяти русскаго общества. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 162).

† **Петрово-Соловово, В. М.** Въ лицѣ только что скончавшагося члена государственной думы отъ Тамбовской губерніи Василія Михайловича Петрово-Соловово сошелъ со сцены одинъ изъ выдающихся нашихъ общественныхъ дѣятелей, преданность котораго конституціоннымъ идеямъ всегда была неоспорима. Покойный родился въ 1850 г., окончилъ историко-филологическій факультетъ московскаго университета, состоялъ затѣмъ гласнымъ тамбовскихъ уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній, а потомъ тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ наиболѣе мрачныя времена русской реакціи, въ министерства Дурново, Горемыкина, Сипягина и Плеве, покойный выступалъ убѣжденнымъ сторонникомъ либеральныхъ реформъ и старался проводить либеральные взгляды въ своей земской дѣятельности. Онъ принималъ участіе въ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 гг. и примкнулъ затѣмъ къ союзу 17-го октября. Въ исторіи государственной думы навсегда останется памятной рѣчь, сказанная имъ въ засѣданіи 13-го ноября 1907 г. при обсужденіи текста думскаго всеподданнѣйшаго адреса. Несравненно рѣшительнѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ другихъ ораторовъ фракціи октябристовъ, нынѣ покойный депутатъ подчеркивалъ истинный смыслъ манифеста 17-го октября, разсматривалъ его, какъ основу конституціоннаго строя въ Россіи. Высказываясь противъ внесенной правыми поправки и противъ солидарности съ правыми, В. М. заявилъ: «Депутатъ Пуришкевичъ призывалъ къ тому, чтобы итти вмѣстѣ съ нимъ. Нѣтъ, господа, мы не можемъ этого сдѣлать. Мы, члены союза 17-го октября, пойдемъ своей дорогой, со своимъ знаменемъ 17-го октября. Мы его толкуемъ въ смыслѣ конституціоннаго акта и отъ этого толкованія не отступимъ». Утрата В. М. особенно будетъ ощутительна въ третьей государственной думѣ, въ средѣ руководящей партіи которой на его долю выпала почетная, но и трудная роль. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 145).

† **Постниковъ, В. Е.** 14-го іюня на Пятницкомъ кладбищѣ въ Москвѣ похоронено тѣло Владимира Ефимовича Постникова, изслѣдователя малорусской общины, крестьянскаго хозяйства юга Россіи и автора извѣстной книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» (М. 1891 и 1907 гг.). Составленная на основаніи изученія земско-статистическихъ работъ и личныхъ наблюденій автора, книга В. Е. представляетъ цѣнный источникъ при изученіи крестьянскаго хозяйства юга Россіи. Книга эта въ свое время была удостоена московскимъ университетомъ преміи имени Самарина. В. Е. родился въ 1849 г. въ Воронежской губ. Образованіе получилъ сначала въ воронежскомъ Михайловскомъ

кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ на математическомъ факультетѣ, откуда В. Е. съ 4-го курса перешелъ въ бывшую петровскую земледѣльческую академію. По окончаніи послѣдней В. Е. былъ оставленъ при академіи; затѣмъ былъ преподавателемъ въ двухъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ. Большая эрудиція, рѣдкій по мягкости и добротѣ характеръ и педагогическія способности В. Е. привлекали къ нему его юныхъ учениковъ, вызывая въ послѣднихъ восторженное отношеніе къ своему учителю. Однако плохое здоровье В. Е. вынуждаетъ его прекратить въ высшей степени полезную педагогическую дѣятельность. В. Е. поступаетъ на должность лѣсного ревизора въ Таврической губ., гдѣ въ его поѣздкахъ по дѣламъ службы и началось его знакомство съ положеніемъ крестьянскаго хозяйства юга Россіи. Однако свою работу по описанію хозяйства этого района В. Е. сдѣлалъ уже съ поступленіемъ въ кіевское отдѣленіе крестьянскаго поземельнаго банка. Затѣмъ В. Е. занималъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при бывшемъ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а конецъ своей жизни, будучи уже совсѣмъ больнымъ старикомъ, не служилъ нигдѣ. Съ ранняго возраста В. Е. отличался страстною любовью къ книгамъ. За эту-то любовь къ книгамъ В. Е. и поплатился своимъ здоровьемъ. Разсказываютъ, что послѣ смерти своего отца В. Е. перестал получать изъ дому деньги на книги и задолжалъ книгопродавцу 11 руб. Книгопродавецъ обратился съ жалобою къ начальству кадетскаго корпуса, гдѣ въ то время учился В. Е. Отъ такой «большой» траты на книги начальство пришло въ ужасъ и рѣшило наказать мальчика, посадивъ его въ карцеръ «на хлѣбъ и на воду», по числу задолженныхъ книгопродавцу 11 р., на 11 дней. Изъ карцера мальчикъ вышелъ съ болѣзнью сердца и съ испорченнымъ на всю жизнь здоровьемъ. Научная и литературная дѣятельность В. Е. не исчерпывается его книгой «Южнорусское крестьянское хозяйство». В. Е. написалъ еще цѣлый рядъ научныхъ и публицистическихъ статей, корреспонденцій въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ и газетахъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что тяжелая болѣзнь, а затѣмъ смерть прекратили въ высшей степени полезную работу этого высокообразованнаго и талантливаго человѣка, большого знатока крестьянскаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ скромнаго труженика, каковымъ въ теченіе всей своей жизни былъ В. Е. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдом.» 1908 г., № 142).

† **Панкѣевъ, К. М.** 11 іюля въ Москвѣ отъ аневризма аорты скончался Константинъ Матвѣевичъ Панкѣевъ. Покойный былъ человѣкомъ сильной воли и недюжиннаго ума; онъ умеръ слишкомъ рано, 48-ми лѣтъ, полный силъ и стремленій поучаствовать въ борьбѣ за лучшее будущее. Къ сожалѣнію, его жизнь сложилась далеко не такъ, какъ мечталъ юноша-Панкѣевъ. Въ 1881 году, вскорѣ по окончаніи петербургскаго университета, онъ отправился на земско-статистическія изслѣдованія въ Рязанской губ. и горячо, вдумчиво отдался изученію хозяйственной жизни крестьянъ. Послѣ почти двухлѣтнихъ мѣстныхъ изслѣдованій Панкѣевъ блестяще обработалъ часть собранныхъ имъ матеріаловъ по четвертному владѣнію землей въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Его статьи тогда же появились въ «Русской Мысли»;

онѣ были одной изъ первыхъ серьезныхъ работъ, основанныхъ на мѣстномъ изслѣдованіи вопроса, и обратили на себя вниманіе яркимъ освѣщеніемъ этого, тогда еще мало извѣстнаго, вида крестьянскаго землевладѣнія. К. М. Панкѣева всегда влекла къ себѣ серьезная литературная работа, но болѣзнь отца, владѣльца крупнаго мѣстечка на Югѣ Россіи (Каховки), заставила К. М. взяться за это обширное хозяйственное дѣло, надолго поглотившеее всѣ его силы и отвлекшее отъ любимыхъ имъ литературныхъ занятій. Однако уже съ начала 1900-хъ годовъ онъ и самъ участвуетъ въ одесскихъ и кіевскихъ прогрессивныхъ періодическихъ изданіяхъ, и сближается съ соотвѣтствующими кружками литературныхъ работниковъ, а съ 1904 г. становится редакторомъ-издателемъ одесскаго журнала «Южныя Записки». Для характеристики этого изданія достаточно упомянуть, что въ немъ принимали участіе Вл. Короленко, Лучицкій, Овсянико-Куликовскій, А. Серафимовичъ и др. Въ послѣднее время К. М. сталъ душой новаго литературнаго дѣла, которому онъ придавалъ большое значеніе: недавно вышелъ № 1-й неперіодическаго сборника «Зарницы», вмѣстившій въ себѣ не только беллетристику, но и обобщающія статьи по разнообразнымъ вопросамъ русской общественной жизни, а К. М. уже усиленно хлопоталъ о дальнѣйшихъ выпускахъ «Зарницъ», и ему было обѣщано самое дѣятельное участіе въ этомъ изданіи наиболѣе прогрессивныхъ и талантливыхъ дѣятелей обновляющейся Россіи... (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1908 г., № 165).

крестьяне, или на насъ нападутъ бродяги, которые по пятамъ слѣдуютъ за отступающей арміей. Самое безопасное—это, пользуясь ночью, попасть черезъ Консанвуа въ долину Мааса; непріятель оставилъ ее нѣсколько времени тому назадъ, а республиканскія войска еще не успѣли занять ее. Мы перейдемъ рѣку у Шарни и, оставивъ Верденъ налѣво, раннимъ утромъ достигнемъ лѣса Сульи; какъ только мы очутимся въ густомъ лѣсу, мы будемъ спасены. Я васъ поведу на принадлежащую мнѣ ферму, которая находится въ глубинѣ лѣса, ея обитатели преданы мнѣ, и вы можете оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не явится возможность пройти границу безъ всякаго риска... Годится ли для васъ мой планъ?

— Другъ мой,—сказала нѣжно, приближаясь къ нему, Гіацинта:— я готова слѣдовать за вами съ закрытыми глазами куда угодно... Я счастлива, что могу себя ввѣрить вамъ.

Онъ искалъ ея руки подъ темнымъ плащомъ и, сжавъ ее въ своей, уже не выпускалъ.

Повозка катилась теперь къ Консанвуа, межъ двухъ лѣсныхъ откосовъ. Дорога была пустынна, но на каждомъ шагу встрѣчались печальные слѣды отступающей арміи: пушечные лафеты, увязшіе въ грязи, сломанныя повозки, возбуждавшія отвращеніе лошадиныя туши, блѣдные трупы солдатъ, разлагавшіеся подъ дождемъ. Лошадь становилась на дыбы и артачилась. Божаръ вынужденъ былъ сойти съ повозки и вести ее подъ уздцы. У опушки лѣса лошадь снова рѣзко шарахнулась въ сторону, и Гіацинта увидѣла на краю дороги черную массу фургоновъ и запряженныхъ лошадей. Сначала она подумала, что это засада, и прижалась къ Божару.

— Мы погибли,—прошептала она.

Луна, выглянувъ изъ-за тучъ, ярко освѣтила эти странныя повозки, и нашимъ путникамъ представилось потрясающее и мрачное зрѣлище: неподвижно застыли въ оглобляхъ лошади, однѣ стоя, другія на колѣняхъ, уткнувъ морду въ задъ передней повозки. Ничто не шевелилось, но задняя часть лошадей была выклевана воронами и отвратительный запахъ гнили исходилъ отъ этихъ призраковъ, которыхъ смерть навсегда сдѣлала неподвижными.

— Это трупы,—сказалъ Божаръ, хлестнувъ лошадь, которая пустилась крупной рысью.

День начинался пасмурно и дождливо, когда они достигли моста въ Шарни. Вдругъ у въѣзда на мостъ они замѣтили караулъ національной гвардіи.

— Куда ѣдешь, гражданинъ?—крикнулъ крестьянинъ въ синей блузѣ съ красными обшлагами и въ фуражкѣ полицейскаго. Въ то же время онъ приставилъ ружье къ головѣ лошади.

— Это не трудно узнать,—отвѣтилъ Божаръ на провинціальномъ жаргонѣ:—мы ѣдемъ съ женсй на базаръ въ Верденъ съ провизіей для храбрыхъ патріотовъ, которыхъ эти черти-пруссаки оставили ни съ чѣмъ.

— Отлично, товарищъ, можешь ѣхать,—сказалъ крестьянинъ, довѣрившись жаргону кучера и отнимая ружье.

Божаръ не заставилъ повторять себѣ разрѣшеніе и поѣхалъ рысью.

Хотя всѣ эти тревоги и леденили кровь въ его жилахъ, тѣмъ не менѣе даже среди этихъ опасностей онъ испытывалъ неизъяснимое блаженство отъ этого опаснаго путешествія рядомъ съ канониссой. Радостное ощущеніе прикосновенія ея плеча, пожатіе руки украдкою отъ кавалера и г-жи де-Ронъ, которые дремали подъ навѣсомъ, необходимость раздѣлить между собою послѣдній кусокъ хлѣба, стаканъ вина, изъ котораго они оба пили по очереди, всѣ эти мелочи дѣлали ихъ бѣгство по полямъ и лѣсамъ рядомъ блаженныхъ минутъ.

Дождь совсѣмъ прошелъ. Туманъ понемногу поднимался надъ лѣсомъ, на половину уже обнажившимся отъ листьевъ, щебетаніе ласточекъ, едва виднѣвшихся въ облакахъ, неслось сверху, какъ звонкій дождикъ. При слабомъ свѣтѣ окружающая мѣстность сливалась въ одни неясные цвѣта: блѣдно-желтыхъ сжатыхъ полей, зелено-пепельной воды и красно-желтыхъ-буковыхъ рощъ. Эти осеннія краски, нѣжныя и въ то же время грустныя, соотвѣтствовали мыслямъ и чувствамъ обоихъ путниковъ, ихъ тоскливому и тревожному настроенію и кратковременнымъ радостямъ ихъ любви. Они говорили между собою, какъ бы боясь нарушить мимолетное счастье, которое на минуту остановилось надъ ними, какъ мотылекъ съ вѣчно трепещущими крылышками, зато ихъ взоры встрѣчались постоянно, и эти горячія встрѣчи повергали ихъ въ безконечное блаженство.

Когда повозка въѣхала уже въ глубь лѣса и опасность встрѣтить враговъ стала меньше, г-жа де-Ронъ съ кавалеромъ вылѣзли изъ-подъ соломы и подняли навѣсъ, чтобы перевести духъ. Уединеніе влюбленныхъ было нарушено, и разговоръ, сдѣлавшись общимъ, вертѣлся на новомъ убѣжищѣ, куда Божаръ везъ своихъ друзей.

Ферма Шануа, расположенная въ глубинѣ лѣса Сульи, принадлежала съ давнихъ поръ семейству прокурора-синдика. Тамъ онъ и провелъ свое дѣтство. Фермеры прежде были слугами въ семьѣ Божаровъ. Аделина Ролэнъ выкормила Франсуа Божара, мужъ ея Коко Ролэнъ, славный старикъ скромнаго нрава, находившійся въ полномъ подчиненіи у жены, имѣлъ одинъ недостатокъ—въ базарные дни онъ пилъ больше, чѣмъ надо. Двадцатилѣтняя дочь Зелія и сынъ, малый лѣтъ 35, помогали родителямъ обра-

батывать землю. Всѣ четверо благоговѣли передъ прокуроромъ. Ихъ преданность и то обстоятельство, что ферма была спрятана въ самой глубинѣ лѣса, дѣлали изъ Шануа лучшее убѣжище для людей, которымъ нужно было скрыться. Божаръ прибавилъ къ старымъ постройкамъ домикъ, который долженъ былъ служить мѣстомъ сбора во время охоты и имѣлъ сообщеніе съ кухней фермы. Въ этой пристройкѣ было нѣсколько комнатъ и она какъ разъ подходила для трехъ лицъ, желающихъ уйти отъ любопытныхъ взоровъ рѣдкихъ посѣтителей фермы.

Пока Божаръ разсказывалъ о фермѣ, лѣсъ сталъ рѣже и дорога спускалась подъ уклонъ, откуда виднѣлась узкая воронкообразная долина. Мѣста, свободныя отъ деревьевъ, были заняты посадками, въ глубинѣ на лугу извивался ручеекъ, надъ пожелтѣвшими верхушками тополей выглядывали темныя крыши, надъ которыми вился голубоватый дымокъ.

— Вотъ и Шануа,—сказалъ канониссѣ прокуроръ-синдикъ.

Вскорѣ громкій лай собакъ возвѣстилъ близость фермы. И дѣйствительно, завернувъ за рядъ тополей, экипажъ черезъ широкія крытыя ворота въѣхалъ во дворъ. Стукъ колесъ и лай собакъ привлекли вниманіе Коко Ролэна, который и появился на кухонной лѣстницѣ съ засученными рукавами.

Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, приземистый, крѣпкій, съ сѣрыми глазами, морщинистыми вѣками, красными губами и приплюснутымъ носомъ. При появленіи экипажа онъ приложилъ руку къ глазамъ, чтобы лучше разглядѣть пріѣзжихъ. Узнавъ прокурора, который сошелъ первымъ, онъ подбѣжалъ, размахивая руками.

— Боже мой! Васъ ли я вижу, г. Божаръ? Радъ вамъ служить, господа... Эй, Аделина!..

Едва онъ крикнулъ, какъ появилась фермерша и кинулась въ объятія своего питомца.

— Ахъ,—вскричала она на своемъ провинціальномъ жаргонѣ,— наконецъ-то я вижу васъ здѣсь, у себя. Боже мой, какъ долго я васъ не видѣла, дитя мое!.. Къ вашимъ услугамъ, господа. Милости просимъ обогрѣться.

Живая какъ порохъ, худая, такого же маленькаго роста, какъ и ея мужъ, Аделина Ролэнъ отличалась выпуклымъ упрямымъ лбомъ и живыми темными глазами. Губы ея постоянно улыбались изъ-подъ ситцеваго чепчика. Пока мужъ ея уводилъ лошадь въ конюшню, она стала просить гостей войти въ кухню.

Въ комнатѣ съ узкими, завѣшенными краснымъ ситцемъ окнами бросалась въ глаза большая печь, стѣнные часы, полки для посуды, четырехугольный столъ и въ углу кровать съ навѣсомъ, гдѣ спали супруги. Ихъ двое дѣтей, сидѣвшихъ за супомъ, бросили ложки и поднялись навстрѣчу гостямъ. Сынъ Евгеній, или, какъ

его звали уменьшенно, «Нашъ Генiй», не попалъ въ солдаты благодаря своей хромотѣ. Зелiя была похожа на отца, у нея были чудные голубые глаза, толстый ротъ, а лицо ея было покрыто веснушками.

Аделина разставила стулья кругомъ камина, бросила въ него охапку хвороста, взяла съ полки тарелки, разставила ихъ на столѣ и въ радостномъ волненiи сказала скороговоркой:

— Прошу подвигаться ближе къ огню, вы, навѣрно, порядкомъ намерзли... и ничего, вѣроятно, не ѣли съ утра?.. Зелiя, бѣги скорѣе, возьми изъ курятника яицъ.

— Подождите минутку! — вставилъ Божаръ, видя входящаго Коко Ролэна:—такъ какъ вы всѣ, мои друзья, здѣсь въ сборѣ, то позвольте мнѣ вамъ объяснить причину моего прiѣзда сюда... Эти двѣ дамы и господинъ—мои родственники... Бѣдствiя войны заставляютъ ихъ скрываться, и я желалъ бы скрыть ихъ въ пристройкѣ... Аделина, надо сейчасъ же привести комнаты въ порядокъ... а теперь слушайте меня всѣ хорошенько: что бы ни случилось, никто не долженъ знать о ихъ пребыванiи здѣсь, поэтому прошу васъ удалять отсюда всѣхъ любопытныхъ и болтливыхъ. Могу ли я разсчитывать на васъ?

— Не бойтесь, мой сынокъ,—вскричала пылко Аделина:—вы можете на меня разсчитывать, всѣ мы будемъ молчать. Что касается Коко, у котораго иногда языкъ бываетъ длиненъ, если онъ промолвитъ слово лишнее—въ жизни его больше не увижу! Слышишь ты?—прибавила она, грозя мужу пальцемъ.

— Замолчи, Аделина, — возразилъ Коко, щуря свои маленькiе глазки:—тебѣ нечего меня учить скромности, хитеръ будетъ тотъ, кто заставитъ меня сказать то, чего я не захочу.

— Ну, ладно, ладно, доброе предостереженiе чего-нибудь да стоитъ.

Во время завтрака Аделина приготовила комнаты въ пристройкѣ. Черезъ полчаса она пришла сказать, что все готово, и проводила гостей въ ихъ убѣжище.

«Нашъ Генiй» ушелъ въ поле, Зелiя помогала матери; Божаръ остался одинъ съ Коко.

Старикъ казался озабоченнымъ и, ворочая угли, задавалъ своему хозяину пытливые вопросы:

— Итакъ, г. Божаръ, эти дамы ваши родственницы?

— Да.

— Не со стороны ли покойнаго отца?

— Нѣтъ.

Тонъ, которымъ прокуроръ-синдикъ ему отвѣчалъ, не поощрялъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ, но Коко отъ этого не унимался.

— Г-нъ Божаръ, — сказалъ онъ: — кажется, конвентъ не шутитъ съ бывшими дворянами, знаете ли вы послѣднiй законъ объ эмигрантахъ?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ вынулъ изъ кармана газету и продолжалъ:

— Вы разбираете печатное, такъ взгляните на это... Для меня это тарабарщина, но мнѣ говорили, что этотъ декретъ караетъ смертью эмигрантовъ, которые возвратятся во Францію... Мэръ изъ Сульи предполагаетъ даже, что и тѣ, кто даетъ имъ пріютъ, рискуютъ своей головой.

Божаръ взялъ въ руки газету и быстро пробѣжалъ ее. Онъ узналъ, что по предложенію Бизо, поддержанному Дантономъ, конвентъ изгонялъ на вѣчныя времена эмигрантовъ изъ предѣловъ республики.

— Гмъ!..—продолжалъ Коко, пока прокуроръ-синдикъ оканчивалъ чтеніе. — Это нагнало на васъ страха, г. Божаръ?

Франсуа понялъ, къ чему клонились намеки фермера, и, смотря ему прямо въ глаза, произнесъ рѣзко:

— Коко, вы забываете, что домикъ въ Шануа принадлежитъ мнѣ, и если я въ немъ помѣщу моихъ друзей, то отвѣтственность за это падаетъ на меня. При томъ эти дамы, которымъ я его отдаю, не эмигрантки. Будьте покойны и не бойтесь того, чего нѣтъ.

Онъ вынулъ изъ портфеля связку ассигнацій и, протягивая ихъ Коко, сказалъ:

— Вотъ вамъ на покрытіе расходовъ, которые вызоветъ нашъ пріѣздъ.

Послѣ нѣкотораго сопротивленія фермеръ рѣшился спрятать ассигнаціи въ свой карманъ, отвѣчая хвастливо:

— Мнѣ бояться?.. Извините, я не боюсь ничего, г. Божаръ... Это я сказалъ для вашей же пользы, но разъ эти лица здѣсь, знайте, что они будутъ въ безопасности.

— Отлично. Дай Богъ!

Старикъ ушелъ въ конюшню дать корма скотинѣ, а Франсуа, оставшись одинъ, вышелъ, въ свою очередь. Онъ прогуливался около домика, пока дамы и кавалеръ отдыхали отъ усталости и пережитыхъ ночью тревогъ. Декретъ возбудилъ въ немъ новыя опасенія. До сихъ поръ онъ разсчитывалъ поѣхать въ Парижъ и оправдаться тамъ, но теперь, зная, что законъ о смертной казни виситъ каждую минуту надъ головой Гіацинты, онъ не чувствовалъ себя въ силахъ оставить эту мѣстность и разстаться съ канониссой на нѣсколько мѣсяцевъ. Весьма возможно, что комитетъ общественной безопасности лишитъ его свободы, а слѣдствіе будетъ тянуться безконечно. Въ это время могутъ узнать Гіацинту и посадить ее въ тюрьму. И онъ ничего этого не будетъ знать! Нѣтъ, сердце его дрогнуло отъ одной мысли оставить ее. Не лучше ли самому остаться и быть готовымъ защищать ее?

Не переставая обдумывать оба эти предположенія, онъ шелъ тихими шагами по саду, который тянулся сзади домика. Этотъ заборъ доходилъ до самой опушки лѣса и былъ ему знакомъ съ ранняго дѣтства. Эти аллеи съ прямыми углами распланировалъ его отецъ, онъ же насадилъ и эти вязы. Франсуа зналъ всѣ закоулки сада, кусты, фруктовыя деревья, обросшія мхомъ, и солнечные часы посреди сада. Тихая грусть охватила его при мысли, что Гіацинта будетъ каждый день прогуливаться въ этомъ саду, гдѣ онъ такъ много оставилъ своего *я*, и вдругъ мысль о разлукѣ съ канониссой больно сжала его сердце. Видъ падающихъ листьевъ, завядшихъ цвѣтовъ, лужковъ, усыпанныхъ остатками сухихъ вѣтокъ, всѣ эти признаки того, что свѣтлые дни уже миновали, усилили тягостное чувство предстоящей разлуки и вызвали слезы на его глаза.

Онъ услышалъ легкіе шаги позади себя и увидѣлъ канониссу. На ней былъ еще крестьянскій чепчикъ, изъ-подъ котораго выбивались ея золотистые кудри. Скабіозы, цвѣты траура и поздняго сезона, красовались у ея пояса. Она сразу замѣтила волненіе Божара.

— О чемъ вы думаете, мой другъ? — спросила она, пожимая ему руку.

— О васъ, — отвѣтилъ онъ: — о вашемъ пребываніи въ этой глуши, гдѣ я выросъ и гдѣ былъ бы счастливъ жить съ вами! Увы! въ то самое время, когда я могъ бы жить около васъ, я долженъ съ вами разстаться.

— Разстаться?.. Такъ скоро?.. Я понимаю, вы стремились въ Парижъ, чтобы себя оправдать?

— Нѣтъ, я поѣду туда не раньше, чѣмъ удостовѣрюсь въ вашей безопасности, до тѣхъ поръ я не оставлю этой мѣстности. Я скроюсь въ окрестностяхъ.

— Почему же не здѣсь... не съ нами?

— Потому, что я подвергся самъ проскрипціи и, оставаясь здѣсь, я рискую привлечь вниманіе и на это единственное мѣсто, гдѣ вы можете быть въ безопасности. Не надо наводить моихъ враговъ на мысль искать меня здѣсь, и моимъ первымъ дѣломъ послѣ разлуки съ вами будетъ направить ихъ на ложный слѣдъ. Не бойтесь за меня, я найду вблизи васъ пристанище, откуда буду извѣщать васъ о себѣ и буду получать извѣстія о васъ.

— Увы! сколько несчастья принесла вамъ моя дружба, къ какимъ опасностямъ она приводитъ васъ!

— Не стоитъ говорить объ этомъ!.. Я перенесу мужественно всѣ испытанія, если буду знать, что вы помните обо мнѣ.

— Всѣ мои мысли съ этой минуты будутъ о васъ!..

— Правда?..

— Клянусь вамъ!..

— Позвольте же, Гіацинта, просить васъ объ одной милости... Намъ предстоитъ долгая разлука, я, быть можетъ, жестокія испытанія... Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ разстаться съ вами въ увѣренности, что вы моя, такъ же, какъ и я принадлежу вамъ...

Она взглянула на него своими большими удивленными глазами, въ которыхъ выражался вопросъ.

— Конечно, мы не можемъ дать клятву вѣрности передъ алтаремъ или гражданскою властью, но обручимся духовно передъ лицомъ этого темнаго неба и этихъ лѣсовъ, которые я такъ люблю, Поклянемся въ вѣрности другъ другу до гробовой доски. Дайте мнѣ вашу руку, Гіацинта, и, если вы меня любите, скажите, что отдаете ее безъ сожалѣнія.

— Вотъ она, другъ мой, я подаю ее вамъ отъ всего сердца.

Въ порывѣ нѣжнаго чувства она прижалась къ его груди. Онъ обнялъ ее.

— Гіацинта, я люблю тебя безумно!

— Что за несчастная у васъ невѣста!.. Но какъ ни бѣдно мое приданое, я его вамъ даю съ радостью и горжусь тѣмъ, что принадлежу вамъ!

Онъ сжалъ ее еще нѣжнѣе въ своихъ объятіяхъ и подъ сѣрымъ небомъ, среди увядшихъ и падающихъ листьевъ, ихъ уста слились въ долгомъ обручальномъ поцѣлуѣ. Легкій шорохъ заставилъ ихъ обернуться, и они увидѣли Аделину Ролэнъ, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ въ недоумѣніи и смущеніи. Добрая женщина пришла въ садъ за капустой къ обѣду и, помимо своего желанія, стала свидѣтельницей объясненія своихъ гостей.

— Извините меня...—пробормотала она въ смущеніи, стараясь уйти.

— Нѣтъ, останься!—сказалъ внушительно Божаръ:—ты здѣсь не лишняя. Ты меня вскормила своимъ молокомъ, Аделина, и я до нѣкоторой степени твое дитя!

Онъ схватилъ руку канониссы.

— Вотъ моя невѣста, — прибавилъ онъ: — она моя жена по сердцу, и когда настанутъ времена поспокойнѣе, она будетъ моей женой по закону. Я ее оставляю на твоемъ попеченіи, позаботься о ней, какъ бы обо мнѣ самомъ, ея жизнь дороже моей собственной.

— Ахъ, дитя мое,—вскричала Аделина Ролэнъ, утирая передникомъ слезы:—будьте покойны, скорѣе пройдутъ по моему трупу, чѣмъ упадетъ волосъ съ головы ея. Пресвятая Матерь Божія! какъ она хороша и какъ я буду молиться за ваше счастье!

— Спасибо, кормилица, а теперь пошлите мнѣ пообѣдать въ домикѣ. Въ послѣдній разъ пообѣдаю съ этими дамами и сегодня же вечеромъ уѣду.

IV.

Зимніе дни.

Несмотря на свое отвращеніе къ военной службѣ, Юліусъ-Юніусъ Ренаръ не могъ избѣжать набора, объявленнаго послѣ прибытія Дюмурье въ Аргонъ. Отправленный съ другими рекрутами Мааса и Ардона въ Шарлевиль, здѣсь онъ провелъ недурно четыре мѣсяца, развлекаясь въ казармахъ писаніемъ писемъ, въ которыхъ изображалъ себя новымъ Овидіемъ въ изгнаніи у сарматовъ.

«Я терплю много горя, — писалъ онъ Жилотъ: — испытываю бездну лишеній, мнѣ кажется, что снисхожу въ преисподнюю всякихъ бѣдствій».

Эти малодушныя жалобы тронули Нанину. Она сама не такъ легко падала духомъ, какъ ея любовникъ. Со свойственнымъ ей чутьемъ она угадала, что прежняя департаментская администрація не переживетъ законодательнаго собранія, и приготовилась воспользоваться будущимъ политическимъ движеніемъ, съ цѣлью добиться освобожденія Ренара.

Дѣйствительно, лишь только собрался конвентъ и была провозглашена республика, сейчасъ же приступили къ реформѣ мѣстной администраціи. Нанина дѣйствовала такъ ловко, что 24 сентября 1792 года, съ выборомъ новаго генеральнаго совѣта департамента Мааса, Ренаръ былъ избранъ секретаремъ департамента. Слѣдовательно, этому честному патріоту не было больше повода томиться въ казармахъ Шерлевиля. Дѣла администраціи требовали его присутствія въ Баръ-сюръ-Орненъ. Дюмурье уважилъ просьбу директоріи и вернулъ генеральному совѣту этого солдата, тѣмъ болѣе, что начальство признало его негоднымъ къ военной службѣ.

Очутившись у дѣлъ, Ренаръ ловко провелъ въ совѣтъ своихъ пріятелей и сдѣлался тамъ полнымъ воротилой. Благодаря его апломбу и неистощимому краснорѣчію, онъ рѣшалъ дѣла, какъ ему было угодно. Дѣлами администраціи онъ занимался мало, но зато былъ въ постоянномъ сношеніи съ обществомъ якобинцевъ и съ главными политическими дѣятелями Горы. Его считали личнымъ другомъ Максимиліана Робеспьера и боялись его.

Въ октябрѣ конвентъ прислалъ въ Маасскій округъ делегата Бо съ порученіемъ принять энергичныя мѣры для прекращенія всякихъ сношеній между внутренними заговорщиками и внѣшними врагами.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа Бо былъ у якобинцевъ, которые ему указали на Ренара, какъ на молодого человѣка, все-

цѣло преданнаго революціи. Первымъ человѣкомъ, котораго онъ увидѣлъ, слѣзая съ почтовой повозки, былъ Ренаръ, стоявшій у дверецъ экипажа съ подобострастнымъ видомъ. Онъ явился, по его словамъ, отъ имени своихъ коллегъ привѣтствовать пріѣздъ депутата Горы и подкрѣпить себя личными сношеніями съ настоящимъ санкюлотомъ. Бо былъ польщенъ усердіемъ и подобострастіемъ этого яраго якобинца и скоро подпалъ совсѣмъ подъ его вліяніе. Въ этотъ же вечеръ Ренаръ пригласилъ его отужинать у Жилотъ. Свободныя манеры и привлекательная внѣшность Нанины, ея острый умъ и вызывающее лицо окончательно покорили депутата. Возбужденный виномъ и плотнымъ обѣдомъ, онъ увлекся Наниной и даже нашелъ, что она много выше умомъ и красотой, «чѣмъ эта нелѣпая гражданка Роланъ». Однимъ словомъ, къ концу недѣли Ренаръ сдѣлался правой рукой члена конвента Бо; депутатъ исполнялъ его указанія, поручилъ ему редактировать свои донесенія, называлъ его офиціально своимъ делегатомъ, и въ началѣ декабря они вмѣстѣ поѣхали въ Верденъ, гдѣ Бо долженъ былъ познакомиться съ настроеніемъ умовъ и о результатѣ доложить конвенту.

Роль проконсула въ миніатюрѣ льстила тщеславію Ренара. Онъ ликовалъ, когда, во время ихъ проѣзда въ почтовой каретѣ по деревнямъ и городкамъ, національная гвардія выстраивалась шпалерами и провожала ихъ шумными криками. Какъ оселъ, везущій на себѣ мощи, Юліусъ-Юніусъ большую часть этихъ возгласовъ принималъ на свой счетъ. Онъ гордо сидѣлъ рядомъ съ своимъ патрономъ, подражая ему въ костюмѣ и дѣловитой осанкѣ. Онъ носилъ, какъ и тотъ, трехцвѣтный поясъ и саблю черезъ плечо крестообразно и украсилъ шляпу кокардою національныхъ цвѣтовъ.

Въ такомъ видѣ предстали они однажды утромъ передъ Божаромъ, который замѣтилъ ихъ изъ слухового окна въ амбарѣ. Бывшій прокуроръ-синдикъ вздрогнулъ, узнавъ рядомъ съ депутатомъ конвента молодого Ренара, который былъ его заклятымъ врагомъ, и подозрѣвая, что они оба ѣдутъ по направленію къ Сульи. Онъ вспомнилъ, съ какой дикой ненавистью преслѣдовалъ канониссу этотъ племянникъ священника изъ Шалада. Этотъ ярый якобинецъ былъ злопамятенъ, и если бы въ настоящую минуту ему удалось только открыть убѣжище Гіацинты, онъ показалъ бы себя такимъ жестокимъ и мстительнымъ, какъ никогда, и на этотъ разъ Божаръ не имѣлъ бы даже возможности спасти ее.

Покинувъ Шануа, Франсуа сначала отправился въ Верденъ, гдѣ онъ посѣтилъ своего стараго коллегу Жоржа. Этотъ послѣдній принялъ его дружески, но прямо заявилъ ему, что, не будучи увѣренъ въ членахъ своей семьи, онъ не можетъ оказать ему гостепріимство. Вечеромъ Божаръ вновь пустился на поиски себѣ

убѣжища. Въ этой части департамента у него было немало друзей, но чувство самосохраненія и страха охладило сердца и ослабило самые нѣжныя узы дружбы.

Тогда-то Божару пришлось узнать непріятности полной треволненій жизни изгнанника, страхъ ночныхъ похожденій въ поискахъ за ненадежнымъ угломъ, пребываніе подъ дождемъ въ ожиданія пріюта, который хозяева даютъ неохотно, а иногда и отказываютъ безжалостно; лихорадочные, безпокойные сны подъ открытымъ небомъ въ какой-нибудь лачугѣ башмачника или подъ сводомъ кирпичныхъ сараевъ, необходимость укрываться по разнымъ угламъ, гдѣ нужно бояться собственныхъ шаговъ и сдерживать желаніе чихнуть, испугъ малодушныхъ друзей, которые предлагаютъ ночью же удалиться отъ нихъ и, отказавъ въ пріютѣ, подло бѣгутъ тутъ же съ доносомъ.

Иногда онъ, измученный, изнуренный, падалъ на краю дороги. Мало-по-малу на той степени изнуренія, когда нѣтъ болѣе силъ двигаться и только неотступно преслѣдуетъ мысль, какъ бы поскорѣе покончить съ собою, у него явилось было намѣреніе пойти къ жандармамъ и выдать себя. Но дорогое воспоминаніе о скрытой въ Шануа Гіацинтѣ, для которой онъ былъ единственной защитой, боготворимый имъ образъ той, которую онъ любилъ, какъ свою жену, удерживали его отъ этого отчаяннаго рѣшенія и придавали ему новую энергію.

Между тѣмъ канонисса на фермѣ Ролэновъ мало-по-малу оправлялась отъ пережитыхъ волненій. Спокойная, правильная деревенская жизнь произвела на ея вѣчно вспугнутое воображеніе успокаивающее дѣйствіе. Только неизвѣстность о судьбѣ Божара нарушала это полное спокойствіе. Посторонніе люди заходили въ Шануа очень рѣдко, въ особенности въ это время года. Если случайно туда заходилъ какой-нибудь крестьянинъ изъ Рекура или Сульи съ провизіей, то Зелія, работавшая въ полѣ, замѣчала его еще на опушкѣ лѣса и предупреждала о его приходѣ пѣсенкой, служившей сигналомъ, чтобы эмигранты скорѣе прятались въ домикъ и закрывались ставнями. Г-жа де-Ронъ, впрочемъ, всегда охотно запиралась въ своей комнатѣ, предпочитая ея уединеніе толкотнѣ въ столовой. «Нашъ Геній», Зелія, Аделина и въ особенности Коко Ролэнъ казались старой дамѣ слишкомъ вульгарнымъ обществомъ, и ихъ разговоры скоро ей надоѣдали. Кавалеръ раздѣлялъ ея отвращеніе, но, не имѣя силъ сидѣть въ одиночествѣ, упорно предпринималъ безконечныя прогулки въ лѣсу. У него была одна опасная страсть. Если онъ шелъ по какой-нибудь тропинкѣ, то, охваченный какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ, онъ непремѣнно доходилъ до ея конца и потому нерѣдко возвращался поздней ночью, когда въ домѣ уже начинали думать, что онъ или упалъ въ какую-нибудь яму, или его схватили жандармы.

Гіацинта чаще всего проводила дни съ Аделиной. Ее влекла особенная симпатія къ этой бодрой маленькой женщинѣ, рѣзвой, какъ коза, съ ея золотымъ сердцемъ и прямымъ характеромъ.

Она съ удовольствіемъ слѣдила за ея хлопотами по кухнѣ. Думая всегда только о другихъ, всегда въ движеніи, Аделина бѣгала отъ печки къ спальнѣ, гдѣ за длинными краснаго ситца занавѣсками возвышалась постель супруговъ. Чистя овощи или снимая сливки съ жирнаго молока, она болтала, не скупясь на острыя словечки и съ неутомимымъ жаромъ. Божаръ былъ постояннымъ предметомъ ихъ безконечныхъ разговоровъ.

Гіацинта слушала и разспрашивала ее безъ устали. Картинныя и вдохновенныя описанія бодрой женщины вызвали передъ ея глазами образъ Божара съ задумчиво печальнымъ, серьезнымъ и нѣжнымъ выраженіемъ лица. Иногда въ самый разгаръ воспоминаній вдругъ наступало безмолвіе. Глаза обѣихъ женщинъ наполнялись слезами, страхъ за него сжималъ ихъ сердца, и онѣ тихо спрашивали другъ друга, гдѣ находится и по какой дорогѣ бродитъ теперь тотъ, о комъ постоянно съ такой нѣжной настойчивостью онѣ бесѣдовали.

— Ахъ, бѣдное дитя мое,—вздыхала Аделина:—столько развелось теперь злыхъ людей, какъ бы не случилось съ нимъ какой бѣды!

— Скоро мѣсяцъ, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ,—продолжала Гіацинта:—а мы не имѣемъ объ немъ никакихъ вѣстей. Это меня пугаетъ.

Однажды вечеромъ Коко Ролэнъ вернулся съ базара навеселѣ. Глаза его блестѣли, онъ болталъ громко и съ увлеченіемъ.

Аделина безпокойно поглядывала на него, догадавшись по веселымъ шуточкамъ и сдвинутой на бокъ шапкѣ, что его говорливость происходитъ отъ того, что онъ слишкомъ засидѣлся въ кабачкѣ «Coq Hardi».

— Нечего и спрашивать, откуда ты вернулся,—сказала она, грозя мужу пальцемъ:—ты выпилъ больше, чѣмъ это тебѣ полагается.

— Э... э...—промычалъ, заикаясь, старикъ,—ты ошибаешься, Аделина!..

— Ладно, глаза-то у меня не въ карманѣ вѣдь. Я вижу хорошо и по твоему носу, что ты былъ въ кабакѣ.

— Какъ можно такъ говорить? Я только присѣлъ тамъ на минуту, чтобы выпить наперстокъ съ Дуду, чтобы согрѣться да узнать новости.

— И что же вы узнали, Ролэнъ?—спросила Гіацинта съ сердечнымъ трепетомъ.

— О!—отвѣтилъ фермеръ, щуря свои маленькіе глазки,—вещи, которыя не всѣмъ придутся по вкусу. Во-первыхъ, конвентъ отдалъ подъ судъ Людовика Капета...

— Что?..—высокомѣрно вскричала канонисса:—вы забываетесь, Ролэнъ!

— Извините,—пролепеталъ фермеръ:—я хотѣлъ сказать... Людовика XVI.

— Надо было,—пролепетала свирѣпо Аделина,—напиться какъ губка, чтобы говорить подобнымъ образомъ. Не перекривился бы у тебя ротъ, если бъ ты выражался почтительнѣе о королѣ.

У Гіацинты не было даже силъ негодовать. Она сидѣла неподвижно, блѣдная, опустивъ голову и сложивъ на колѣняхъ руки. Итакъ, народъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ безумія; онъ таскалъ по судамъ своего короля, какъ простого преступника. Можетъ быть, былъ уже и эшафотъ, и внукъ Людовика XIV подвергнется участи Карла I, короля англійскаго. Почва уходила изъ-подъ ея ногъ, и она уже предчувствовала свою гибель. Безчувственная, съ омертвѣвшимъ умомъ, она не слушала Коко Ролэна, который продолжалъ болтать о новостяхъ, слышанныхъ въ кабачкѣ «Coq-Hardi»...

— Конвентъ послалъ въ Верденъ одного изъ своихъ представителей, гражданина Бо, настоящаго санкюлота. Онъ теперь задаетъ всѣмъ этимъ такъ называемымъ аристократамъ, которые пировали съ пруссаками, и, конечно, аристократамъ теперь надо держать ухо востро...

— Имъ легче будетъ держать ухо востро, чѣмъ тебѣ, во всякомъ случаѣ,—отвѣтила съ бѣшенствомъ Аделина:—убирайся лучше отсюда и проспись... Мнѣ стыдно имѣть мужа, который не умѣетъ себя держать внѣ дома.

Едва онъ ушелъ, она, несмотря на это, постаралась оправдать его передъ канониссой.

— Онъ недурной человѣкъ,—сказала она:—но когда выпьетъ, то не отстаетъ отъ компаніи и языкъ его слишкомъ быстро ворочается... вотъ это послѣднее обстоятельство меня очень безпокоитъ.

Вскорѣ послѣ этого случая погода перемѣнилась, дождь смѣнился сильными холодами, затѣмъ выпалъ снѣгъ. Густой слой снѣга покрылъ поля, сравнялъ дороги, засыпалъ деревья и отдѣлилъ Шануа отъ окружающихъ деревень.

Въ продолженіе двухъ недѣль, благодаря снѣгу, дѣлающему дороги непроходимыми, гости Аделины жили въ полной безопасности. Потомъ небо прояснилось, морозъ скрѣпилъ дороги, и сообщеніе возстановилось.

Однажды утромъ, въ то время, когда Аделина занималась одна въ кухнѣ, кто-то постучалъ въ дверь, и передъ ней предсталъ въ открытыхъ дверяхъ незнакомый молодой человѣкъ, одѣтый въ фуфайку и мѣховую шапку. Лицо его внушало довѣріе. Таинственнымъ голосомъ онъ спросилъ:

— Эта ли ферма гражданина Божара?

— Да,—отвѣтила осторожно Аделина:—но самого Божара здѣсь нѣтъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ,—возразилъ онъ съ довѣрчивой улыбкой:—такъ какъ я пришелъ отъ него. Вы ли Аделина Ролэнъ, его кормилица?

— Можетъ быть, но кто мнѣ поручится, что вы приходите отъ него?

— Вотъ это,—сказалъ молодой человѣкъ, доставая записку изъ кармана:—это письмо отъ гражданина Божара, которое я долженъ вручить только Аделинѣ Ролэнъ.

— Давайте сюда скорѣе!—вскричала нетерпѣливо Аделина,—и войдите обогрѣться!

Она взяла письмо, перевернула его съ видомъ человѣка, который не умѣетъ читать, и рѣшилась прибѣгнуть къ помощи Зеліи, которая была въ школѣ и умѣла читать.

Надпись гласила: «Аделинѣ Ролэнъ, для передачи моей женѣ». Въ то время, какъ Зелія угощала посланнаго обѣдомъ, Аделина побѣжала въ домикъ и сунула письмо въ руку канониссы. Через часъ она вернулась обратно съ запиской, которая была написана наспѣхъ карандашомъ.

— Вотъ отвѣтъ, мой милый,—сказала она шопотомъ:—спрячьте ее получше въ карманъ и скажите тому, кто васъ прислалъ, что онъ можетъ положиться на Аделину и что здѣсь о немъ думаютъ денно и нощно.

Согрѣвшись отъ хорошаго угощенія, посланный исчезъ такъ же незамѣтно, какъ и явился. А канонисса, вся блѣдная отъ волненія, перечитывала съ трепетомъ письмо Божара.

«Моя обожаемая Гіацинта,—писалъ онъ,—наконецъ-то я нашелъ себѣ убѣжище, гдѣ могу безопасно выжидать хода событій. Скитаясь, какъ бродяга, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, я наконецъ нашелъ для себя убѣжище, гдѣ я буду удобно укрываться, такъ такъ никто не догадается искать меня тамъ. Однажды ночью я постучался въ двери главнаго привратника стариннаго замка, гдѣ засѣдаетъ генеральный совѣтъ. Этотъ привратникъ Юліусъ Кюрель, старый слуга моихъ родителей, который благодаря мнѣ и поступилъ въ департаментъ и занимаетъ тамъ съ женой и сыномъ отдѣльныя помѣщенія. Я былъ увѣренъ въ преданности этого честнаго человѣка. Когда я постучалъ въ двери департамента, онъ открылъ мнѣ ее самъ. Въ немногихъ словахъ я ему разсказалъ обо всемъ и спросилъ его, можетъ ли онъ меня укрыть на нѣсколько недѣль. Онъ впустилъ меня къ себѣ и, посовѣтовавшись съ женой, которая меня боготворитъ, устроилъ меня въ комнатѣ, служащей складомъ вещей и смежной съ ихъ комнатой. Дверь, ведущая къ этому убѣжищу, давно уже была заставлена шкапомъ, который былъ отодвинутъ въ одну минуту. Кюрель поставилъ

тамъ кровать, и вотъ я почти двѣ недѣли безвыходный гость этого мрачнаго угла, куда входъ на день заставляется дубовымъ шкапомъ.

«Въ этомъ заточеніи, гдѣ ночь царствуетъ 18 часовъ, единственное мое занятіе и счастіе—думать о тебѣ, моя дорогая. Я мечтаю о пережитыхъ вблизи тебя радостяхъ и о тѣхъ, которыя насъ ждутъ впереди. Совѣтую тебѣ быть чрезвычайно осторожной, такъ какъ самое важное для насъ это—выиграть время. Я здѣсь хорошо укрытъ и обдумываю, какъ спасти тебя и остальныхъ. У меня здѣсь есть кое-какія связи и я разсчитываю получить для васъ паспортные бланки на выѣздъ за границу. А пока береги себя, думай обо мнѣ и люби меня такъ, какъ я люблю тебя. Отвѣть мнѣ съ этимъ же посланнымъ—это сынъ моего хозяина, и успокой меня поскорѣе насчетъ своего здоровья и безопасности. Особенно побольше сиди въ пристройкѣ и посовѣтуй кавалеру такъ же, какъ и теткѣ, вести себя съ величайшей осторожностью. Якобинцы всюду выслѣживаютъ эмигрантовъ. Юліусъ-Юніусъ Ренаръ въ настоящее время рыщетъ въ окрестностяхъ Вердена. Отъ этого человѣка съ мстительной низкой душей и инстинктами сыщика можно ожидать всего. Будь увѣрена, дорогая моя, что ты единственная голубая полоса на моемъ бурномъ и грозномъ небѣ и что жизнь безъ тебя для меня немыслима».

V.

Коко Ролэнъ.

Предчувствіе не обмануло Божара. Пребываніе въ Верденѣ вмѣстѣ съ депутатомъ Бо разбудило злобныя воспоминанія въ душѣ Ренара. Съ самаго пріѣзда, доносы мѣстныхъ якобинцевъ указывали делегату на дружбу бывшаго прокурора-синдика съ канониссой и на ея политическую роль при прусскомъ принцѣ. Неизвѣстность мѣста пребыванія этихъ двухъ бѣглецовъ на нѣкоторое время отсрочила его мщеніе. Онъ предполагалъ, что они перешли границу вслѣдъ за союзными войсками, и уже отчаялся ихъ поймать. Но предпринятая имъ поѣздка въ Дамвильеръ разубѣдила его въ этомъ. Президентъ мѣстнаго клуба разсказалъ ему о засадѣ, которая была устроена въ Манджіенскомъ лѣсу, и о задержаніи кареты съ тремя эмигрантами. Далѣе онъ разсказалъ, что арестованные были доставлены прокурору коммуны, но при благосклонномъ участіи Божара исчезли ночью. Описаніе наружности молодой эмигрантки и ея двухъ компаньоновъ не оставляло на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Это была Гіацинта д'Эризель, которая, очевидно, скрылась подъ охраной бывшаго члена учредительнаго собранія.

Ренаръ продолжалъ усердно свои поиски и напалъ на слѣдъ, указывавшій, что канонисса и ея другъ уѣхали въ Шарни. Подстрекаемый этимъ открытіемъ, онъ пошелъ по слѣду дальше и узналъ, что Божаръ перешелъ Варенъ. Доносы ложныхъ друзей, отказавшихъ изгнаннику въ убѣжищѣ, указывали вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ въ Клермонѣ и Бозе. Но онъ туда вернулся одинъ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ оставить Гіацинту гдѣ-нибудь въ этой мѣстности. Ренаръ сначала думалъ о Фуръ-о-Муанѣ и, вытребовавъ отрядъ національной гвардіи, тщетно обыскивалъ стеклянный заводъ, не обращая вниманія на протесты Гертруды де-Сентъ-Андре. Взбѣшенный неудачей, онъ вернулся изъ Клермона въ Бозе и однажды явился въ Сульи, гдѣ кто-то видѣлъ бывшаго генеральнаго прокурора. Мэръ и мировой судья, которыхъ онъ къ себѣ потребовалъ, увѣряли всѣмъ святымъ, что гражданинъ Божаръ не ступалъ ногой въ Сульи.

— Во-первыхъ,—заявилъ мэръ,—всѣ бы это знали, такъ какъ онъ былъ бы замѣтенъ здѣсь такъ же, какъ бѣлый волкъ. Онъ здѣсь родился, выросъ въ Шануа, гдѣ у него даже своя ферма.

— Вотъ какъ! у него невдалекѣ отсюда есть ферма?—замѣтилъ Ренаръ, для котораго это было цѣлымъ открытіемъ.

— Да, въ чащѣ лѣса... но искать тамъ значитъ напрасно трудиться... я увѣренъ, что его тамъ нѣтъ,—подтвердилъ мэръ:—тѣмъ болѣе, что недѣлю тому назадъ я былъ въ Шануа и видѣлъ только фермера съ семьей.

Ренаръ качалъ головой, думая: «Возможно, что Божара тамъ и нѣтъ,—онъ слишкомъ ловокъ и не будетъ прятаться въ собственномъ имѣніи, но возлюбленную свою онъ могъ помѣстить туда».

— Какъ зовутъ фермера изъ Шануа?

— Коко Ролэнъ. Впрочемъ,—прибавилъ судья,—завтра базарный день, и Коко привезетъ на рынокъ деревенскіе продукты; если вы желаете его видѣть, мы его вамъ приведемъ въ кабачокъ «Coq Hardi». Двумя или тремя рюмочками вина вы вытянете у него съ языка все, что вамъ угодно будетъ знать.

Ренаръ велѣлъ имъ держать языкъ за зубами и разстался съ ними.

На слѣдующій день около полудня мэръ ввелъ Коко Ролэна въ отдѣльную комнату кабачка, гдѣ Ренаръ доканчивалъ свой обѣдъ.

— Вотъ Коко Ролэнъ, гражданинъ делегатъ,—сказалъ представитель муниципальной власти—представляю вамъ чистѣйшаго санкюлота, преданнаго вѣрнымъ принципамъ.

— Что касается этого, то это вѣрно,—подтвердилъ Коко, снимая шляпу.

Вытаращивъ глаза, онъ смотрѣлъ съ восторгомъ на безбородаго молодого человѣка въ голубомъ фракѣ и офиціальномъ шарфѣ, въ сапогахъ съ отворотами и клѣтчатыхъ трехцвѣтныхъ чулкахъ. Важный видъ и форма делегата внушали Коко Ролэну особенное почтеніе.

— Хорошо, гражданинъ мэръ,— отвѣтилъ Ренаръ отрывисто:— оставь насъ, но не уходи далеко!.. Подойди-ка сюда, мой милый, продолжалъ онъ, обращаясь къ Ролэну сладкимъ голосомъ:—я слышалъ о тебѣ, какъ о прямомъ патріотѣ, и хотѣлъ съ тобой познакомиться. Не выпьешь ли со мною рюмочку?..

— Конечно, — пробормоталъ Коко: — въ такой волчій холодъ нельзя отказываться.

На столѣ стояли двѣ запыленныя бутылки и тарелки съ бисквитами. Ренаръ налилъ два стаканчика и одинъ изъ нихъ протянулъ крестьянину.

— Садись и выпьемъ за республику. Какъ тебѣ нравится это вино?

Коко выпилъ, прищелкнувъ языкомъ.

— Замѣчательное. Ласкаетъ горло точно бархатъ.

— Въ такомъ случаѣ еще рюмочку... не стѣсняйся, бодрѣе вернешься домой... Далеко отсюда твоя ферма?

— Самое большое одна миля, — заявилъ Коко, опоражнивая стаканъ залпомъ. Глаза его блестѣли, а языкъ развязался.—Впрочемъ, у меня здѣсь бричка, а кобыла летитъ какъ вѣтеръ. Разумѣется, ночевать мнѣ здѣсь не слѣдуетъ, такъ какъ Аделина не стерпитъ этого.

— Это твоя жена?

— Да, и самая лучшая изъ всѣхъ въ здѣшней мѣстности. Она работаетъ, какъ волъ.

— Есть у тебя семья? Много васъ въ Шануа?

— Достаточно, — продолжалъ Коко, сдѣлавшись развязнымъ послѣ трехъ стакановъ вина:—Аделина, во-первыхъ, «Нашъ Геній», мой сынъ, дочь Зелія и еще...

— И еще кто?

— Еще, — пролепеталъ Коко, который понялъ, что сказалъ лишнее: — да тутъ всѣ.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ? — спросилъ строго делегатъ, всматриваясь въ него холодно и испытующе.

— Гм...—подумалъ Коко:—этотъ дьяволъ знаетъ, пожалуй, больше моего... Тѣмъ хуже. Не подвергать же мнѣ себя непріятности!

— Сейчасъ, подождите,—сказалъ онъ быстро.—Еще у насъ живетъ кузина жены, вдова, которую разорили пруссаки и которую мы пріютили у себя.

— Какъ зовутъ твою кузину?

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

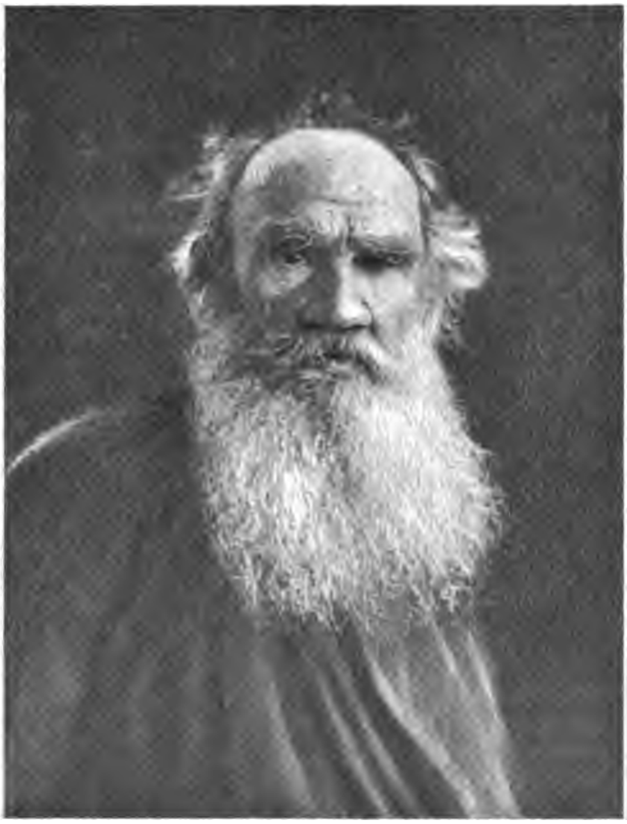
СЕНТЯБРЬ, 1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1908 г.

(См. слѣд. стран.).

1828 — 1908.



Левъ Толстой.
17 Іюля, 1908.

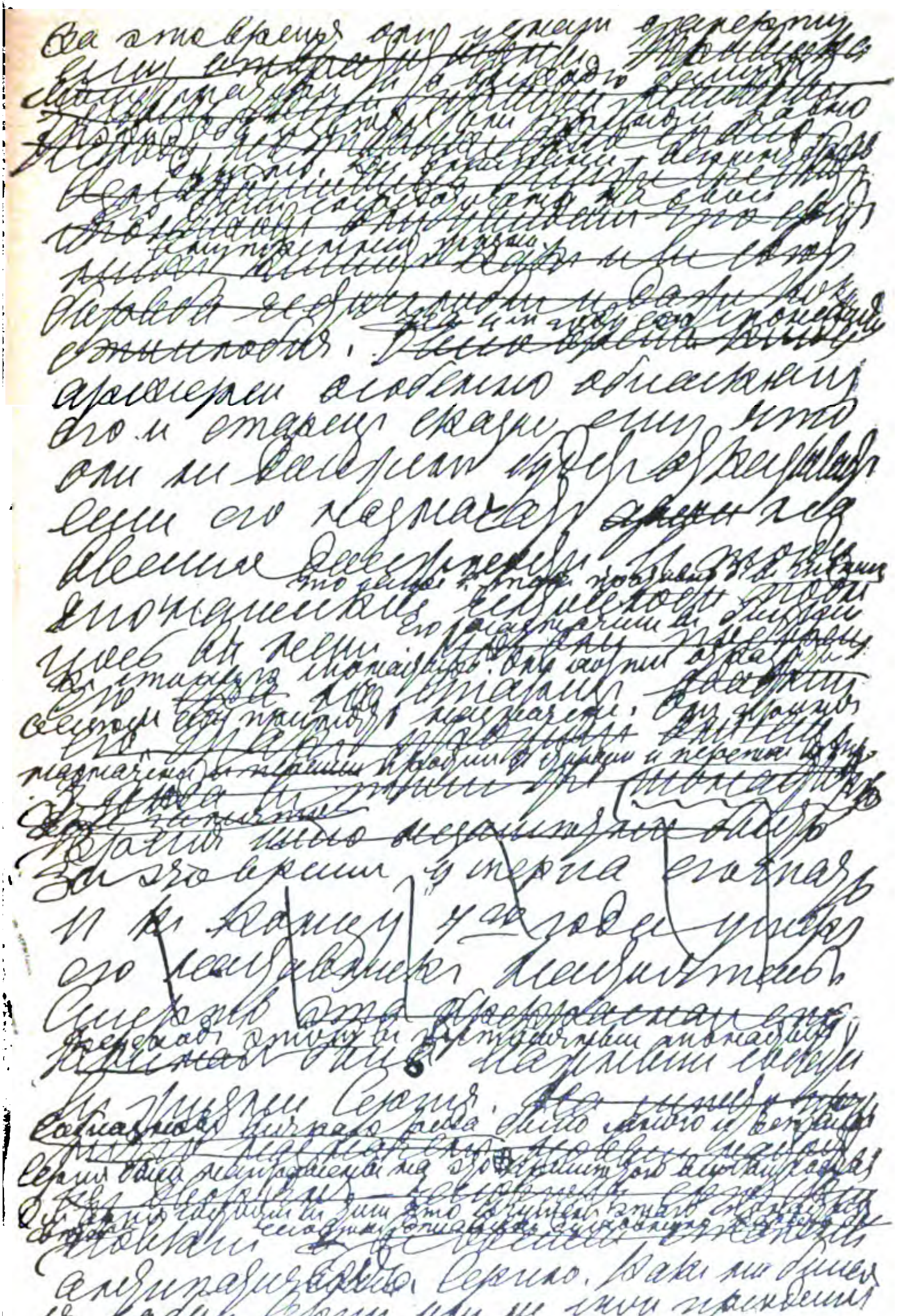
ВОСЬМИДЕСЯТИЛѢТІЕ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО.

КАКЪ уже читателямъ «Историческаго Вѣстника» извѣстно[1]), 28 августа сего года графу Льву Николаевичу Толстому исполняется восемьдесятъ лѣтъ жизни. Эту знаменательную годовщину въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской интеллигенціи было рѣшено отмѣтить всероссійскимъ и даже всемірнымъ чествованіемъ великаго писателя. Въ такомъ направленіи были уже сдѣланы соотвѣтствующіе шаги и приняты опредѣленныя рѣшенія, на которыя широкіе круги читателей и почитателей Льва Николаевича поспѣшили сочувственно отозваться. Печать приняла готовящійся праздникъ русской жизни подъ свое попеченіе и, казалось, можно было ожидать, что задуманному чествованію суждено будетъ протечь свѣтло и радостно, съ добрыми отсюда послѣдствіями для роста отечественнаго самосознанія и укрѣпленія въ русскомъ народѣ любви и уваженія къ его виднѣйшему представителю, воплотившему въ своемъ геніальномъ творчествѣ славу русской земли. Но такъ могло только казаться; дѣйствительность опровергла ожиданія, и вмѣсто готовившагося тихаго и свѣтлаго праздника, гдѣ всѣ призывались къ общенію въ мирѣ и любви, на авансцену выступили нехорошіе инстинкты, и русская жизнь обогатилась новою печальною страницею общаго разброда и ша-

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., № 7. «Первый всероссійскій съѣздъ повременной печати».

танія отечественной мысли и чувства. Когда печать оповѣстила о готовящихся торжествахъ, то изъ нѣкоторыхъ слоевъ общества послышались возгласы протеста съ личнымъ обращеніемъ даже къ графу Толстому, гдѣ говорилось, что его чествованіе является своего рода оскорбленіемъ религіознаго чувства большинства православнаго народа. Левъ Николаевичъ, и по натурѣ своей и согласно всему своему жизненному исповѣданію, врагъ всякой суеты, показной декораціи и дѣланной внѣшности, только что незадолго передъ тѣмъ съ трудомъ согласившійся подъ давленіемъ близкихъ ему людей на принятіе готовящагося ему торжества, услыхавъ голоса, полные вражды, испугался поднявшейся мутной общественной волны и, не желая, чтобы около его имени вспыхнули дурныя страсти, категорически отказался отъ всякаго чествованія, прося оставить его въ покоѣ и дать ему возможность провести остатокъ дней своихъ вдали ото всего, что можетъ лично ему грозить непріятностями, ненужными волненіями и созерцаніемъ новыхъ проявленій человѣческой злобы.

Просьбѣ геніальнаго писателя нужно было подчиниться— рѣшено было и въ «комитетѣ почина», и на съѣздѣ писателей оставить его лично внѣ теченій и фактовъ, имѣющихъ осуществиться въ связи съ днемъ 28 августа, но самый этотъ день все же былъ принятъ, какъ день, когда русское общество должно такъ или иначе проявить свои чувства къ автору «Войны и Мира» и ознаменовать его тѣми или иными начинаніями, полезными для родины и долженствующими увѣковѣчить въ памяти потомства имя великаго человѣка. Но и такая постановка вопроса о днѣ 28 августа не удовлетворила противниковъ Льва Николаевича, какъ учителя жизни и мыслителя опредѣленнаго направленія, и вотъ на нашихъ глазахъ стали развертываться слѣдующія явленія: имя его, всю его общественную дѣятельность, его личную жизнь, жизнь его близкихъ повлекли по пыльной дорогѣ и окружили густымъ туманомъ недобрыхъ словъ, мыслей и чувствъ. Человѣка великой, всемірной славы, дожившаго до глубокой старости, больного и страждущаго, притянули къ грубымъ допросамъ и обрушились на него потоками осужденій и укоровъ, причемъ въ хорѣ этихъ голосовъ приняли участіе самые разнообразные представители нашей общественности. Всѣхъ громче прозвучалъ здѣсь голосъ дѣятелей церкви, изъ числа бѣлаго и чернаго духовенства, сумѣвшихъ вызвать сочувствіе къ своей грозной рѣчи у значительныхъ группъ населенія, откуда и посыпались коллективные фанатическіе протесты противъ чествованія нашего писателя. Сюда присоединились и нѣкоторые представители административнаго свѣтскаго вѣдомства, наложившіе также свое veto въ подчиненныхъ имъ сферахъ на готовившійся здѣсь праздникъ русской печати, руководствуясь въ данномъ случаѣ соображеніями государственнаго порядка и опа-



Автографъ рукописи гр. Л. Н. Толстого.

(«О. Сергій»).

саясь, чтобы «разрушительныя» идеи Толстого не получили широкаго распространенія и не оказали вреднаго вліянія главнымъ образомъ на подрастающее поколѣніе. Въ это теченіе отрицательнаго характера вплелись и элементы недоразумѣній, неделикатности и безтактности со стороны лицъ, недостаточно взвѣсившихъ значеніе готовившагося праздника русскаго слова и безъ достаточнаго повода поставившихъ для общественнаго суда и осужденія такіе больные личные вопросы, которые на закатѣ жизни Льва Николаевича и въ виду его состоянія духа и здоровья лучше было бы не ставить, особенно имѣя въ виду ясно обнаружившіяся въ наши дни неблагопріятныя ему вѣянія, шедшія изъ офиціальныхъ вѣдомствъ—церковнаго и свѣтскаго.

Короче, тамъ, гдѣ готовился свѣтлый день русской жизни, получился неприглядный разбродъ общественныхъ силъ, и Россія еще разъ показала всему міру свою культурную неорганизованность и отсутствіе національнаго духовнаго единства. Въ то время, когда Франція нѣкогда около имени и личности Виктора Гюго, недавно Польша около имени Сенкевича сумѣли объединить мысли и чувства населенія и воздать должное ихъ талантамъ и заслугамъ передъ родиной, мы, по какому-то злосчастному року, настойчиво насъ преслѣдующему на протяженіи всей нашей исторіи, оказались въ силахъ создать только историческую страницу общественной неурядицы, обнаруживающей нашу духовную немощь и неспособность подыматься до умѣнія бережно хранить и оберегать тѣхъ, кто составляетъ нашу національную гордость и красу. Мы не сберегли Пушкина и Лермонтова, отравили горечью и страданіями жизнь Гоголя, Бѣлинскаго, Достоевскаго и, наконецъ, въ наши дни, когда русскій геній въ лицѣ графа Толстого достигъ въ средѣ цивилизованныхъ народовъ своего высшаго сіянія, спѣшимъ забросать его грязью, наложить на него густую тѣнь и отравить послѣдніе дни его земного существованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что лица и общественныя группы, выдвинувшія мысль о чествованіи Льва Николаевича, были руководимы въ своемъ начинаніи наилучшими побужденіями, но они не сообразовались съ настроеніемъ момента и не приняли во вниманіе ту эволюцію, которую, несомнѣнно, сейчасъ переживаетъ Россія. Послѣ «краснаго» революціоннаго смѣха по странѣ нынѣ пробѣгаетъ «черный» ропотъ, который ищетъ жертвъ и намѣчаетъ тѣхъ, на кого можно излить свою тоску, гнѣвъ и ненависть, съ кѣмъ настало время посчитаться и отъ кого потребовать расплаты за слова и дѣйствія, направленныя противъ старыхъ устоевъ отечественной жизни. Многіе и очень многіе тутъ на счету, а въ томъ числѣ и нашъ геніальный писатель. О, онъ слишкомъ больно и слишкомъ многихъ задѣлъ своими обличеніями, слишкомъ сильно потрясъ громомъ своей вдохно-

венной рѣчи общественныя основы, въ нерушимости которыхъ заинтересовано столько народа изъ всѣхъ элементовъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нитямъ руководства и управленія современнымъ соціальнымъ, политическимъ и экономическимъ строемъ нашего земного бытія! Толстой съ неимовѣрной силой наглядности обнаружилъ язвы этого строя, выяснилъ ихъ болѣзненность, указалъ на причины ихъ и бросилъ на весь свѣтъ грозный крикъ: такъ жить нельзя! Толстой, можно сказать, кинулъ перчатку всему міру, гордо отошелъ въ сторону, сталъ въ положеніе изолированное и исключительное и объявилъ себя не признающимъ ни условій нашей жизни, ни основъ, на которыхъ она зиждется, ни цѣлей, для которыхъ она созидается. Русскій по происхожденію и крови, по мѣсту своей писательской дѣятельности, по всему своему душевному и умственному строю, онъ и облекъ свои перуны обличеній въ русскую плоть и кровь и, имѣя въ виду все человѣчество во всей его совокупности, главнымъ образомъ, однако, привлекъ къ своему суровому суду и отвѣту русскую жизнь, поскольку она непрестанно давала поводы для его грозной рѣчи. Эта отечественная жизнь во всѣхъ ея пластахъ и элементахъ была имъ освѣщена и анализирована въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, воспроизведена въ образахъ историческихъ и бытовыхъ и осуждена главнымъ образомъ въ тѣхъ ея соціальныхъ напластованіяхъ, гдѣ лежитъ власть надъ народомъ, руководительство имъ, жизнь за его счетъ, гдѣ сосредоточены богатства и дары культуры, гдѣ царитъ отчужденіе отъ народа и полная противоположность его задачамъ, цѣлямъ и средствамъ жизни. Такимъ образомъ, привилегированныя сословія, командующій классъ, въ лицѣ официальной церкви со всѣмъ ея вѣроученіемъ и обрядами, въ лицѣ государства со всѣми его установленіями, законами и методами управленія народомъ и воздѣйствія на него, въ лицѣ интеллигенціи со всѣми ея потребностями, идеалами жизни и повседневнымъ обиходомъ, — все это подверглось со стороны графа Толстого самому строгому суду, итогъ котораго получился совершенно отрицательный: церковь, государство, привилегированное общество — это вредные наросты на тѣлѣ народномъ, высасывающіе во имя эгоистическихъ и своекорыстныхъ побужденій его силы, не дающіе имъ Богомъ указаннаго роста и развитія, а потому подлежащіе ликвидаціи, послѣ чего должна наступить истинная свобода для всѣхъ и каждаго съ возвращеніемъ имъ права жить, согласно Божескимъ законамъ, въ любви, мирѣ, согласіи и трудѣ. Форма, въ которую должна вылиться жизнь человѣческаго общества,—христіанско-земледѣльческая община и христіанско-земледѣльческое братство, гдѣ всѣ равны, гдѣ всѣ одинаково трудятся и пользуются дарами природы и всѣми цѣнностями духовной жизни.

Такой суровый выводъ, обоснованный писателемъ на конкретныхъ примѣрахъ, почерпнутыхъ изъ живой дѣйствительности, вызвалъ противъ него сильное движеніе въ разныхъ отечественныхъ сферахъ и создалъ множество враговъ, которые всей силою своей власти и вліянія и ополчились противъ него. Всѣ эти сферы достаточно опредѣленно нынѣ высказались, и отсюда и вытекло все теперешнее движеніе, сочувственное и несочувственное великому писателю, которое и застаетъ его наканунѣ празднованія восьмидесятилѣтней годовщины его рожденія. Но прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію роли графа Толстого въ современной жизни, необходимо дать хотя бы самыя краткія свѣдѣнія о его жизни въ связи съ литературнымъ творчествомъ.

Графъ Л. Н. Толстой родился 28 августа 1828 г. въ селѣ Ясная Поляна Тульской губерніи. Предки и родители его были аристократами чистой крови, передавъ нашему писателю всѣ свойства своего независимаго и гордаго рода. Въ романѣ «Война и миръ» въ лицѣ Болконскихъ и Ростовыхъ мы встрѣчаемъ многія черты характеровъ, которыя можно прослѣдить и на духовномъ обликѣ Льва Николаевича. Рано лишившись отца и матери, онъ вмѣстѣ съ тремя братьями и сестрой сначала получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ родственницы Ергольской, причемъ дѣтямъ приходилось перекочевывать изъ Москвы въ Ясную Поляну и обратно. По свидѣтельству близкихъ лицъ, молодой Толстой «въ дѣтствѣ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался странностью и иногда неожиданностью поступковъ, живостью характера и прекраснымъ сердцемъ». Въ повѣсти «Дѣтство и отрочество» имъ даны дивно нарисованныя страницы изъ ранней жизни, гдѣ передъ нами развертываются во всѣхъ подробностяхъ обстановка и условія,его окружавшія,среди которыхъ слагались характеръ, наклонности и влеченія нашего писателя. Въ 1843 году онъ поступилъ сначала на факультетъ восточныхъ языковъ Казанскаго университета, откуда перешелъ на юридическій факультетъ, который, однако, не окончилъ, получивъ уже впослѣдствіи (въ 1848 году) званіе кандидата отъ петербургскаго университета. До 1851 года онъ безъ опредѣленныхъ занятій живетъ въ Ясной Полянѣ, а затѣмъ поступаетъ юнкеромъ въ 44-ю батарею 20-й артиллерійской бригады, расположенной на рѣкѣ Терекѣ, въ станицѣ Старо-Медвѣдовской, гдѣ остается до начала турецкой кампаніи, когда переходитъ въ ряды защитниковъ Севастополя.

Жизнь на Кавказѣ, среди его живописной природы, такъ сильно дѣйствующей на чувство, пробуждаетъ въ Толстомъ литературныя силы и даетъ толчокъ его художественному творчеству. Въ этотъ кавказскій періодъ онъ пишетъ: «Дѣтство», «Набѣгъ», «Отрочество», «Казаки», «Утро помѣщика». Пребываніе въ дѣйствующей арміи подъ Севастополемъ даетъ ему возможность создать серію

военныхъ разсказовъ: «Севастополь въ декабрѣ», «Севастополь въ маѣ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ августѣ». Раннія произведенія его пера, гдѣ уже общій обликъ писателя понемногу начинаетъ обрисовываться, сразу обратили на него вниманіе критики и читателей. Двери журнальныхъ редакцій передъ нимъ гостепріимно раскрываются, и онъ тогда же становится своимъ человѣкомъ среди корифеевъ современной литературы, равноправнымъ ихъ товарищемъ по извѣстности и достоинствамъ пера. По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку, жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, гдѣ велъ шумную, свѣтскую жизнь, полную увлеченій, взрывовъ страстей и участія въ тогдашнихъ общественныхъ явленіяхъ. Въ 1857 году Толстой совершилъ заграничное путешествіе, во время котораго, между прочимъ, посѣщалъ и разсадники высшаго европейскаго просвѣщенія. Со времени войны и по 1861 г. имъ данъ литературѣ рядъ разсказовъ, какъ «Записки маркера», «Два гусара», «Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова—Люцернъ», «Семейное счастье», «Мятель», «Три смерти», «Холстомѣръ». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ можно найти много личнаго, автобіографическаго, изъ изученіи котораго постепенно опредѣляется слагавшееся уже тогда его оригинальное міровоззрѣніе, тотъ умственный standpunkt, который впослѣдствіи превратилъ его изъ беллетриста въ обличителя человѣческихъ пороковъ и своеобразнаго проповѣдника правды народной, правды Божіей. Въ 1861 году Левъ Николаевичъ вернулся въ Ясную Поляну, осѣлъ въ своемъ родовомъ гнѣздѣ и отдалъ себя всецѣло земской службѣ въ должности мірового посредника и народному образованію, системы котораго передъ тѣмъ онъ спеціально изучилъ въ Европѣ, куда вторично съ этою цѣлью ѣздилъ. Тогда же онъ сталъ издавать свой знаменитый педагогическій журналъ «Ясная Поляна», гдѣ помѣщалъ наблюденія надъ организованной имъ деревенской школой и высказывался въ рядѣ статей по вопросамъ образованія и воспитанія вообще. «Свободная» школа, имъ созданная и руководимая, явилась крайне оригинальнымъ явленіемъ не только русской, но и общечеловѣческой жизни, ибо въ ней царилъ принципъ дѣйствительно неограниченной свободы, при наличіи которой учащіеся учились чему хотѣли, какъ хотѣли и сколько хотѣли. Наставникъ училъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ учился у нихъ, принимая въ соображеніе для руководства и собственными поступками и въ дѣлѣ своего литературнаго творчества голоса «малыхъ силъ», ихъ слова, замѣчанія и указанія. Построенная на началахъ типичной педагогической анархіи, ясно-полянская школа просуществовала всего три года, послѣ чего она закрылась, умерла, такъ сказать, естественной смертью, не оставивъ въ сущности для исторіи нашего народнаго образованія особенно значительнаго слѣда, но зато давъ возможность

творцу школы близко сойтись съ крестьянскимъ міромъ черезъ посредничество его младшихъ представителей.

Въ 1862 г. Левъ Николаевичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью московскаго доктора Берса, Софьей Андреевной, найдя для своей личной жизни въ этомъ супружескомъ союзѣ полноту семейнаго счастья. Его жена явилась его помощникомъ, другомъ, ангеломъ-хранителемъ, ставшимъ на стражѣ жизни своего геніальнаго мужа, его покоя, здоровья, работы и общественной дѣятельности. Крѣпко сколоченная семейная жизнь дала полноту счастья нашему писателю, ту полноту, гдѣ все ясно, спокойно, полно любви, взаимнаго пониманія и уваженія. Съ годами семья росла, и въ настоящее время у Льва Николаевича 9 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ пять сыновей. Младшій сынъ у него родился, когда ему шелъ уже 63 годъ жизни.

Въ 1864 г. графъ Толстой началъ писать свой знаменитый романъ «Война и миръ», который, печатаясь предварительно частями, вышелъ полностью лишь въ 1869 г. Эта нынѣ всѣми признанная «Иліада» русской жизни создала автору широкую извѣстность, которая, правда, пришла къ нему не сразу, но которая все же главнымъ образомъ связана своимъ происхожденіемъ именно съ этимъ произведеніемъ. Послѣ этого романа онъ занялся временно вновь педагогикой, выпустивъ въ свѣтъ свою извѣстную «азбуку» и нѣсколько книгъ для народа. Въ 1873 году онъ задумалъ романъ «Анна Каренина», который и печатался на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ 1875—1876 гг. Это новый бытовой романъ, который до нѣкоторой степени, имѣя въ виду ходъ построенія и развитія мыслей автора и выясненіе его общаго міросозерцанія, долженъ быть разсматриваемъ какъ непосредственное продолженіе предыдущаго его творенія. Появленіе «Анны Карениной» хронологически совпадаетъ съ переломомъ, кризисомъ его жизни, который протекъ у него очень болѣзненно (до мысли о самоубійствѣ включительно) и который завершился въ немъ отреченіемъ отъ всего прошлаго и перерожденіемъ къ новой жизни.

Въ своей извѣстной «Исповѣди» онъ говоритъ по сему предмету: «Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ и, за исключеніемъ 14—15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то есть не соціалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія вѣры. Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа, и жизнь моя вдругъ перемѣнилась: мнѣ перестало хотѣться того, чего прежде хотѣлось, и стало хотѣться того, чего прежде не хотѣлось. То, что прежде казалось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Случилось со мной то, что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ и вдругъ рѣшилъ дорогой, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно, и повернулъ домой. И

все, что было справа, стало слѣва, что было слѣва, стало справа: прежнее желаніе быть какъ можно дальше отъ дома перемѣнилось на желаніе быть какъ можно ближе отъ него. Направленіе моей жизни— желанія стали другими: и доброе и злое перемѣнились мѣстами». Свое выздоровленіе, указаніе на новый путь жизни онъ обрѣлъ изъ изученія народной жизни: «Благодаря, — говоритъ онъ, — какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидѣть, что онъ не такъ глупъ, какъ мы думаемъ, — я чуялъ, что, если я хочу понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые утеряли его и хотятъ убить себя, а у тѣхъ милліардовъ живущихъ и отжившихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромныя массы людей, жившихъ вокругъ меня», оглянулся и нашелъ у нихъ правду Божію, Христовъ завѣтъ, который впослѣдствіи онъ и облекъ въ оригинальное и стройное ученіе, положенное въ основаніе всѣхъ его сужденій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ жизни. Принявъ въ основу жизни идею религіозную, какъ единую истинную и практичную, онъ пришелъ къ непосредственному выводу, что современное ученіе міра противорѣчитъ ученію Христа, которое сводится къ двумъ главнѣйшимъ заповѣдямъ: люби ближняго и помогай ему и не противься злу міра насиліемъ и зломъ. Изъ этихъ положеній вытекаютъ и всѣ дальнѣйшіе его выводы, какъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ, такъ и практическихъ, поскольку послѣдніе соотвѣтствуютъ или противорѣчатъ его общему міровоззрѣнію и вызываютъ въ немъ настоятельную необходимость по нимъ высказаться въ печати.

Съ этого періода графъ Толстой все рѣже обращается къ чисто-беллетристическому творчеству, и хотя послѣ «Анны Карениной» читатели все же получили отъ него такіе шедевры пера, какъ «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвѣщенія», «Крейцерову соноту», «Хозяинъ и работникъ», «Воскресеніе», но не въ нихъ главнымъ образомъ сосредоточилъ авторъ свое новое, проповѣдническое призваніе и дѣло служенія интересамъ народа. Правда, и въ перечисленныхъ произведеніяхъ онъ настойчиво и послѣдовательно проводитъ излюбленныя идеи, однако главная сила его литературной работы отнынѣ отдана статьямъ публицистическимъ, религіозно-философскимъ и спеціальнымъ разсказамъ и очеркамъ для народа, которому онъ этимъ способомъ, такъ сказать, отплачиваетъ за то возрожденіе къ новой жизни, которое онъ у него обрѣлъ. Къ числу произведеній послѣднихъ названныхъ категорій должны быть отнесены: «Мое евангеліе», «Въ чемъ моя вѣра», «Что такое искусство», «Современная наука», «Такъ что жъ намъ дѣлать», «Въ чемъ счастье», «Чѣмъ люди живы», «Свѣчка», «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ»

и т. д., и т. д. Такихъ религіозно-философскихъ работъ, брошюръ, небольшихъ статей по конкретнымъ случаямъ имъ написано за текущую четверть вѣка множество, при чемъ весьма многія изъ нихъ по цензурнымъ условіямъ не могли появиться въ печати у насъ, а были напечатаны и изданы за границею. Вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой тогда же очень ярко выступаетъ, какъ общественный дѣятель въ періодъ извѣстной московской переписи и въ голодные годы, когда на его долю выпала роль организатора народныхъ столовыхъ для голодающаго населенія.

Учительство Толстого и борьба за индивидуализмъ создали ему громадную извѣстность на весь міръ, извѣстность, передъ которой нѣсколько померкла даже его извѣстность, какъ геніальнаго романиста, создавшаго «Иліаду» русской жизни, гдѣ послѣдняя во всѣхъ ея проявленіяхъ, историческихъ и бытовыхъ, получила такое художественное изображеніе, равнаго которому очень и очень немного можно найти въ литературахъ всѣхъ народовъ и вѣковъ. Учительство Льва Николаевича такимъ образомъ какъ бы заслонило его славу какъ художника, и онъ въ самое короткое время сдѣлался тѣмъ умственнымъ центромъ, тою общественною совѣстью, куда современники со всего свѣта стали обращаться за совѣтами, указаніями, съ своими сомнѣніями, радостями и горестями. Изъ основъ его ученія о трудѣ и опрощеніи родились, между прочимъ, надѣлавшія въ свое время немало шума «интеллигентныя колоніи» и «интеллигентные скиты», которые въ своемъ конечномъ результатѣ не дали никакихъ реальныхъ результатовъ, разсыпались сами собою, оставивъ въ участникахъ чувство неудовлетворенности и разочарованія. Техника печатнаго дѣла, способы сообщенія между народами и средства передачи мыслей сыграли въ дѣятельности и популярности Толстого выдающуюся роль: онъ при жизни сталъ крупнѣйшею міровою извѣстностью, и притомъ явленіемъ исключительнымъ въ исторіи человѣчества, такимъ легендарнымъ образомъ, который какъ бы высится надъ всѣми и къ которому невозможно подойти съ обыденными мѣрками критики, разсужденія и требованій.

Изъ такого совершенно исключительнаго положенія и родились тѣ въ высшей степени знаменательныя отношенія, которыя опредѣляются словами: Толстой и церковь, Толстой и государство, Толстой и общество.

Исходя изъ идеи религіозной и объявивъ себя послѣдовательнымъ ученикомъ Христа, Левъ Николаевичъ отринулъ существующую церковь и бросилъ ей вызовъ, объявивъ ея догматы, обряды, молитвословія не имѣющими ничего общаго съ закономъ Божьимъ о любви. Представители церкви приняли вызовъ философа изъ Ясной Поляны и отвѣтили ему страшнымъ актомъ отлученія (20—22 февраля 1901 г.), актомъ, который насъ обращаетъ къ давно забытымъ средневѣковымъ папскимъ булламъ. Графъ Толстой отвѣтилъ также св. си-

ноду, признавъ его постановленіе «незаконнымъ», «произвольнымъ», «неосновательнымъ» и съ характеромъ «подстрекательства» къ «дурнымъ чувствамъ и поступкамъ», такъ какъ оно, по его словамъ, «вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ озлобленіе и ненависть къ нему» [1]). Въ заключительной части отвѣта Толстой говоритъ: «Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, котораго понимаю какъ Духъ, какъ любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ Немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка—Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться, считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступили съ ними, какъ и сказано въ Евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка поэтому только въ увеличеніи въ себѣ любви, что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой къ все большему и большему благу, даетъ послѣ смерти тѣмъ большее благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ Царства Божія, т. е. такого строя жизни, при которомъ царствующіе теперь раздоры, обманы и насиліе будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собой. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва, не молитва общественная въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѳ. VI, 5—13), а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога». Послѣднія строки письма гласятъ: «Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія, потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадала для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это христіанство и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу, спокойно и радостно приближаюсь къ смерти».

Иная картина обрисовывается передъ нами, когда мы знакомимся съ положеніемъ вопроса о борьбѣ и спорѣ графа Толстого съ государствомъ. Онъ тѣсно связываетъ государственность съ церковностью и ставитъ первую въ смыслѣ преемства идей въ подчиненное положеніе второй. Правители, по его мнѣнію, усвоили ученіе «жрецовъ», т. е.

[1]) И постановленіе св. синода и отвѣтъ Л. Н. Толстого напечатаны полностію въ книгѣ покойнаго Е. Соловьева (Андреевича) «Л. Н. Толстой».

служителей церкви, и, принимая его за законъ, «устанавливаютъ на основаніи его уже прямо противоположныя закону взаимности государственныя постановленія и подъ угрозой наказанія требуютъ отъ всѣхъ людей исполненія ихъ». Эти постановленія—законы уголовные и гражданскіе, системы податей, всякихъ повинностей и пр. и пр., что именно является функціями отправленія государственной власти,—онъ считаетъ зломъ и преступленіемъ противъ свободы народа и противъ закона о любви, даннаго Богомъ. Отсюда его отрицательное отношеніе ко всѣмъ дѣйствіямъ предержащей власти и въ особенности къ дѣйствіямъ принудительнымъ и карательнымъ, которыя онъ съ особенною силою въ связи съ извѣстными событіями послѣдняго времени осуждаетъ.

Власть, съ своей стороны, рѣшила не карать философа Ясной Поляны, оставить его лично совершенно въ покоѣ, игнорировать и тѣмъ самымъ не увѣнчивать всего зданія его вѣроученія ореоломъ мученичества и гоненія, но наложила за то свое запрещеніе на его сочиненія, гдѣ имѣются антигосударственныя и антицерковныя тенденціи со всѣми вытекающими изъ запрещенія карательными послѣдствіями для распространителей сочиненій нашего писателя.

Что касается отношенія Толстого къ обществу, т. е. привилегированнымъ и интеллигентнымъ классамъ, то и оно, исходя изъ отправной точки его жизненнаго вѣроученія и всего развитія его мыслей, вполнѣ отрицательное. Какъ нѣкогда библейскіе пророки громили современниковъ за ихъ неправедную и пустую жизнь, за пороки, такъ и въ настоящемъ случаѣ весь стоящій надъ народомъ классъ оказался у него подъ судомъ и безъ всякой надежды на оправдательное рѣшеніе. Все то, что мы считаемъ нашимъ матеріальнымъ и духовнымъ богатствомъ (комфортъ, наука, искусство), даннымъ намъ цивилизаціей, признано имъ великимъ заблужденіемъ, неправдой, зломъ, и всему этому имъ произнесенъ суровый, безпощадный приговоръ съ приглашеніемъ немедленнаго покаянія, опрощенія и возвращенія къ тому состоянію, которое въ свое время проповѣдывалъ во Франціи Руссо, но только съ ярко подчеркнутой идеей религіозной, которая должна быть базисомъ и цѣлью этого состоянія.

Нельзя не признать, что многое изъ того, въ чемъ насъ изобличаетъ Левъ Николаевичъ, дѣйствительно великое зло, что дѣйствительно наша жизнь личная, политическая и общественная не выдерживаетъ строгой критики и полна давящихъ насъ предразсудковъ, условностей и излишковъ, но... формы жизни и даже ея содержаніе не такъ-то легко и просто мѣняются и совершенствуются, и самъ великій философъ, озирая обстановку и условія своего личнаго существованія, безъ сомнѣнія, вполнѣ это сознаетъ...

И тѣ, противъ кого съ этой стороны направлены обличенія геніальнаго писателя, къ какому бы политическому лагерю они ни

принадлежали и какое бы научно-философское ученіе ни исповѣдывали, никоимъ образомъ не могутъ обижаться на него, претендовать за горькія истины, имъ такъ откровенно и сильно высказанныя. Напротивъ, только чувствомъ глубокой признательности можно отвѣтить на его требованіе нашего самоусовершенствованія, возвращенія къ евангелическимъ завѣтамъ дѣятельной любви къ ближнему и пожелать, чтобы восьмидесятая година его жизни принесла ему здоровье, покой и ту неизмѣнную любовь, проявленія которой онъ, несомнѣнно, увидитъ въ день 28 августа, какъ у себя на родинѣ, такъ и среди другихъ народовъ. Они также считаютъ Льва Николаевича своимъ, ибо онъ своею любовью и своимъ горячимъ словомъ объялъ все человѣчество и сталъ не только «великимъ писателемъ земли русской», какъ наименовалъ его незадолго до своей смерти И. С. Тургеневъ, но и всего цивилизованнаго міра.

ІЕРОНИМЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ЛИТОВСКІЙ.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КОЛОССЪ [1]).

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

LXXXII.

Въ Брильянтовой залѣ.

ЕКАТЕРИНА принимала пословъ и дипломатическій корпусъ въ Брильянтовой залѣ. Эта зала Зимняго дворца носила такое наименованіе потому, что въ особыхъ стеклянныхъ ларцахъ въ ней хранились брильянтовыя императорскія регаліи. Громадныя окна залы, выходившія на Неву, были открыты, такъ какъ апрѣльское тихое, солнечное утро было прелестно. Чрезвычайно рано освободившаяся въ 1791 году отъ ледяныхъ оковъ Нева вся кипѣла шлюпками и катерами. Весь Петербургъ, казалось, былъ на водѣ. Далеко по величавой водной шири неслись пѣсни гребцовъ, и сладко гремѣла гармоничная роговая музыка нѣсколькихъ катавшихся вельможъ. На снастяхъ иностранныхъ кораблей трепетали, играли пестрые флаги. Петербургъ спѣшилъ на острова и на взморье, любоваться лиловыми огнями весенняго солнца, играющаго на груди Нептуна,—какъ выражались на классическомъ языкѣ просвѣщенные обыватели,—и при разгрузкѣ кораблей съ дарами Меркурія лакомиться тонкими рыбинами заморскими, прямо изъ вы-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII, стр. 885.

катываемыхъ тутъ же боченковъ; запивать портеромъ, золотистыми винами и сладкими итальянскими выжимками въ толстомъ стеклѣ, оплетенномъ травою. Веселые звуки неслись въ окна Брильянтовой залы, блестки воды играли по стѣнамъ и потолку ея; бурное, но теплое и ласковое, пропитанное терпковатымъ запахомъ моря, свѣжей хвои и набухающихъ березовыхъ почекъ, вѣяніе колебало страусовыя перья на шлемахъ выстроившихся въ двѣ шеренги, блиставшихъ серебряными панцырями съ золотыми орлами, неподвижныхъ, какъ изваянія, рослыхъ, холеныхъ, пудреныхъ красавцевъ-кавалергардовъ. Въ то время, какъ шелъ торжественный, но быстрый по обычаю Екатерины обрядъ аудіенціи, блестящая толпа придворныхъ кавалеровъ и дамъ по обѣ стороны залы за рядами монолитовыхъ колоннъ, которыя поддерживали грандіозный, расписной, великолѣпный потолокъ ея, безшумно передвигалась, кланялась, присѣдала, шелестѣла и лепетала по-французски съ такимъ глубокомысліемъ, словно отправляла и не вѣсть какія государственной важности обязанности. Здѣсь находился и Павелъ Корнильевичъ Радожицкій. Большинство сихъ особъ хорошо были извѣстны ему по прежней дворцовой службѣ, и могъ онъ убѣдиться, что за три года его отсутствія всѣ эти дамы и кавалеры почти не измѣнились, тѣмъ болѣе, что пудра, притиранья, мушки, парики, все скрадывало черты, налагаемыя на нихъ безпощадной рукой времени; а если у одного слабѣе стали ноги, у другой погнулся станъ, то все это затѣнялось механичностью движеній сихъ придворныхъ маріонетокъ. Они играли старую, затверженную роль; ихъ интересы не расширились отъ міровыхъ событій, развернувшихся за это время, и попрежнему вращались около тонкихъ интригъ и подкоповъ другъ подъ друга, маленькихъ романовъ, благосклонныхъ и неблагосклонныхъ взоровъ и словъ императрицы, великихъ князей, «малаго двора» цесаревича Павла Петровича, поступковъ фаворита, его братьевъ, Потемкина и его племянницъ... И Павелъ Корнильевичъ, который своими глазами видѣлъ революціонный Парижъ и крушеніе версальскаго двора, который по ночамъ просыпался отъ страшныхъ видѣній штурма Измаила, съ страннымъ чувствомъ вглядывался въ толпу придворныхъ Протеевъ, и она казалась ему, въ этихъ кружевахъ, брильянтахъ, шелкѣ и бархатѣ всевозможныхъ отливовъ какой-то игрой цвѣтныхъ тѣней за колоннами грандіозной залы. Но когда онъ обращалъ взоръ на золотые карнизы, каріатиды, зеркала, гоблены залы, на монолиты колоннъ, на горѣвшія малиновыми огнями въ ларцахъ регаліи, на колебавшійся лѣсъ страусовыхъ перьевъ кавалергардовъ, на важныя полныя лица первыхъ вельможъ, на стараго графа Шувалова, подводившаго къ монархинѣ дипломатовъ, на оберъ-церемоніймейстеровъ съ жезлами и затѣмъ на величавую, полноводную Неву, суда,

шлюбки, набережныя, полныя вѣжливымъ, довольнымъ народомъ, то и все пережитое за три года отсутствія изъ Петербурга казалось сновидѣніемъ. Между тѣмъ фортуна и случай явно клонили вѣсы въ сторону Павла Корнильевича. Когда онъ проходилъ «за кавалергардовъ», то среди уборныхъ сержантовъ видѣлъ нѣсколькихъ прежнихъ товарищей. Онѝ привѣтствовали его улыбкой и едва замѣтнымъ мановеніемъ глазъ подъ шлемами своими. Могъ считать себя въ завидномъ положеніи относительно товарищей-сержантовъ Павелъ Корнильевичъ, уже адъютантъ свѣтлѣйшаго, съ лучшей стороны имъ рекомендованный государынѣ и ей представленный, какъ спаситель измаильскихъ женъ знаменитаго старца, трехбунчужнаго Айдальзи-Мегметъ-паши, столь трагично погибшаго отъ шестнадцати штыковыхъ ударовъ въ ханѣ близъ Хотинскихъ воротъ.

— Роль ваша при сей губительной осадѣ весьма была благородна!—сказала тогда государыня, съ видимымъ удовольствіемъ останавливая взоръ на стройной, рослой фигурѣ молодого человѣка и удивительно цвѣтущихъ, бѣлыхъ и розовыхъ щекахъ его.

— Къ несчастію, невозможно было предотвратить гибель многихъ женщинъ и дѣтей, государыня,—отвѣчалъ Павелъ Корнильевичъ.—Вывезены были только женщины гарема паши, но тысячи другихъ претерпѣли всѣ ужасы, когда городъ оставался три дня въ распоряженіи солдатъ нашихъ.

— Я весьма тотъ обычай не одобряю, чтобы взятый городъ еще и грабить,—сказала Екатерина.—Однако турки сами съ христіанскими, подвластными имъ народами поступаютъ весьма жестоко и среди глубокаго даже мира исторгаютъ женщинъ и дѣвицъ и заточаютъ въ свои гаремы. То долгъ платежомъ красенъ.

Послѣ сихъ словъ государыня обратилась къ другимъ.

Но въ это утро старый графъ Шуваловъ съ особой пріятностью сказалъ нѣсколько одобрительныхъ французскихъ словъ молодому человѣку, и послѣ того придворные любезно съ нимъ обошлись, предлагая мѣсто въ переднихъ рядахъ. Павелъ Корнильевичъ могъ судить, насколько наружно измѣнилась за три года Екатерина, когда серебристый перезвонъ колоколовъ дворцовой церкви возвѣстилъ окончаніе обѣдни и кортежъ появился обычнымъ порядкомъ—камергеры, кавалеры, по два въ рядъ, младшіе впереди. Какъ всегда, непосредственно передъ государыней шествовалъ свѣтлѣйшій, до того изукрашенный золотымъ шитьемъ и залитый брильянтами, что самъ казался какой-то живой регаліей. Но онъ шелъ грузно, тяжелымъ шагомъ. Лицо его болѣзненно обрюзгло, и желчная желтизна проступала даже сквозь пудру, а глаза смотрѣли угрюмо и устало.

Екатерина сильно пополнѣла, но она еще не вовсе утратила моложавость. Ея походка, ея движенія, вся ея особа попрежнему

полны были достоинствомъ и элегантностью. Невысокаго скорѣе роста женщина, она и при грузной престарѣлости была подвижна и стройна. Ни единаго рѣзкаго жеста; все было въ ней просто, важно и благородно. И все еще то была рѣка, все увлекающая за собой въ половодьи разлива. Черты лица ея, несмотря на морщины, полны были живого выраженія могущественнѣйшаго генія. Столь знакомая Павлу Корнильевичу, вѣчная невыразимо привѣтливая и привлекательная улыбка трепетала на губахъ Екатерины, какъ всегда, и голубые глаза ея не утратили блеска. Однако, привыкнувъ къ первому впечатлѣнію, нельзя было не замѣтить тяготѣющихъ надъ нею трудовъ и годовъ. Да, это все еще была царственная могучая рѣка, увлекавшая Европу за собою, полноводная, какъ сама Нева, украшеніе сѣверной столицы, но какая-то тяжесть сказывалась въ волнахъ этой рѣки. Заботы, обманчивые расчеты, неожиданныя осложненія, невзгоды, неудачи, политическія затрудненія, вмѣстѣ съ настигавшимъ шестидесятилѣтнюю императрицу одряхлѣніемъ, окружали ея престолъ. Среди быстрыхъ, благосклонныхъ вопросовъ, то тому, то другому, когда улыбка порхала на устахъ Екатерины, внезапно голубыя очи ея темнѣли, и унылая, угрюмая усталость проглядывала въ нихъ, гармонируя съ пасмурнымъ видомъ тріумфатора-Потемкина. Фортуна излила всѣ дары свои на ангальтъ-цербстскую принцессу. Нынѣ царствованіе ея было уже на ущербѣ.

LXXXIII.

Кабріолетъ.

Среди пословъ, которые представлялись Екатеринѣ, не было цесарскаго. Графъ Августъ Кобенцель отсутствовалъ. Большая, неряшливая даже и въ парадномъ одѣяніи, столь знакомая высшему петербургскому обществу фигура австрійскаго посла не украшала дипломатическаго корпуса. Однако онъ былъ близко. Стоило лишь внимательно прослѣдить за мелькавшими въ грандіозныхъ окнахъ экипажами, проѣзжавшими мимо Зимняго. Черезъ опредѣленные промежутки времени то со стороны набережной, то съ площади въ окнахъ появлялся профиль художественнаго кабріолета на высочайшихъ колесахъ, запряженнаго парой розовыхъ лошадей въ серебряной чеканеной сбруѣ. Въ кабріолетѣ сидѣлъ Кобенцель и правилъ, а рядомъ съ нимъ въ греческомъ нарядѣ, въ шальварахъ и остроносыхъ туфелькахъ, прекрасная, какъ богиня весны, античная Харита, сидѣла графиня Софія. Во все продолженіе пріема посолъ возилъ гречанку вокругъ Зимняго дворца, и появленіе ея сіяющаго, смѣющагося, прекраснаго силуэта каждый разъ заставляло многія головы въ залѣ поворачиваться въ сто-

рону плѣнительнаго видѣнія. Между ними, конечно, былъ и Павелъ Корнильевичъ. Дорого бы далъ онъ, чтобы вмѣсто скучной, торжественной церемоніи быть рядомъ съ Софіей, и мучительно онъ завидовалъ мясистому цинику Кобенцелю, совершенно равнодушно сидѣвшему въ кабріолетѣ, небрежно кивавшему почтительно кланявшимся встрѣчнымъ знакомымъ и, видимо, все вниманіе и интересъ сосредоточившему на лошадяхъ, которыми мастерски правилъ, какъ опытнѣйшій берейторъ. Безобразіе посла, его обрюзглыя щеки съ испорченной гримировкою кожей,—такъ какъ, будучи страстнымъ театраломъ, онъ, если не игралъ въ комедіи, то наединѣ, костюмированный, ежедневно почти упражнялся въ прохожденіи ролей,—этотъ грушевидный носъ, рыжія косматыя брови, совиные глаза въ дряблыхъ складчатыхъ вѣкахъ, потный и лоснящійся саломъ, прыщеватый, нечистый лобъ, красныя, огромныя ладони посла—все составляло разительную противоположность съ классической прелестью гречанки, истой розы Эллады, и выгодно оттѣняло ея поражающую красоту. Даже здѣсь, въ сѣверномъ городѣ, въ равнодушной и замкнутой петербургской толпѣ появленіе Софіи вызывало невольныя восклицанія восторга и удивленія. Не даромъ Парижъ, Варшава, Вѣна, Римъ всѣ великія столицы Европы устраивали тріумфы красавицѣ. Не даромъ тамъ каждое ея появленіе на улицахъ производило волненіе, и толпы всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній за нею устремлялись. А въ Брильянтовой залѣ путешествія графини Софіи съ Кобенцелемъ кругомъ Зимняго вызывали шопотъ въ толпѣ придворныхъ. Дѣло въ томъ, что по особымъ настояніямъ свѣтлѣйшаго, который привезъ гречанку въ Петербургъ съ собою, государыня изволила дать ей аудіенцію, допустила на общій пріемъ лицъ малозначительныхъ, но того, чего затѣмъ добивался Потемкинъ—придворнаго званія и права постояннаго пріѣзда ко двору,—Екатерина не дала прекрасной авантюристкѣ. Неотступно ухаживавшій за нею Кобенцель сталъ тогда во время пріемовъ катать гречанку кругомъ Зимняго, и такимъ образомъ, не присутствуя въ Брильянтовой залѣ, она все же находилась въ виду Екатерины и ея двора. Такія продѣлки Кобенцеля заставляли всѣхъ шептаться, улыбаться, переглядываться. Но государыня, казалось, ничего не замѣчала,—ни того, что кесарскій посолъ вмѣсто участія въ аудіенціи упражняется подъ окнами Зимняго въ искусствѣ конскаго ристателя, ни упорнаго мельканія въ грандіозныхъ окнахъ дворца прелестнаго образца красавицы, которую сравнивали съ весеннимъ мотылькомъ, летящимъ на окна и вьющимся кругомъ жилища. Разъ государыня такъ держалась, то и вельможи ея ничего не видѣли. Поощренный Кобенцель продолжалъ свою продѣлку; а въ петербургскихъ гостиныхъ, гдѣ посолъ слылъ смѣшнымъ добрякомъ и милымъ, чудаковатымъ шалуномъ, говорили съ улыбкой

о выходкахъ его и чести, имъ оказываемой гречанкѣ. Впрочемъ, прекрасная женщина всѣ права имѣетъ на обожаніе, тѣмъ болѣе, что въ жилахъ ея,—объ этомъ всѣ увѣренно говорили,—струится кровь византійскихъ императоровъ. Молодые щеголи-петиметры столицы считали высокимъ тономъ верхомъ сопровождать красавицу во время ея прогулокъ вокругъ Зимняго и щеголять передъ нею конями, уборомъ, осанкой и умѣньемъ держаться въ сѣдлѣ. Такимъ-то образомъ около Зимняго устраивалось нѣчто вродѣ гулянья и карусели, если не на копьяхъ и мечахъ, то на страстныхъ взглядахъ... Затѣмъ слѣдовалъ отъѣздъ графини Софіи домой, въ великолѣпное палаццо, тутъ же недалеко на Невской набережной купленное, отдѣланное роскошно и подаренное ей съ огромнымъ штатомъ прислуги и полными конюшнями—свѣтлѣйшимъ, влюбленнымъ Геркулесомъ, какъ всѣ доброжелатели его прозвали въ этотъ пріѣздъ въ столицу, или влюбленнымъ Циклопомъ, какъ выражались насмѣшники... Дома графиня Софія угощала Кобенцеля утонченнымъ завтракомъ и любимыми имъ ароматическими грушами. Когда же пріемъ въ Зимнемъ кончался, то начинался таковой въ палаццо графини Софіи. Всѣ послы, весь дипломатическій корпусъ—считали необходимымъ прямо почти изъ Зимняго нанести визитъ авантюристкѣ, и набережная передъ ея домомъ наполнялась экипажами. Наконецъ являлся и свѣтлѣйшій и непремѣнно съ какимъ-либо подаркомъ—драгоцѣннымъ и стоившимъ огромныхъ денегъ отъ себя, а иногда и со скромнымъ сувениромъ въ видѣ камэ изъ картузной бумаги, силуэта или цвѣтка изъ раскрашенныхъ древесныхъ стружекъ, зато работы самой государыни, ею посылаемымъ прелестной греческой розѣ. Такое вниманіе императрицы, конечно, усугубляло восторженное рвеніе въ ухаживаніи, которымъ окружали послы и вельможи Софію.

Во время описываемаго нами пріема появленія гречанки въ кабріолетѣ съ австрійскимъ посланникомъ подъ окнами Зимняго вызывали однако недовольство нѣсколькихъ лицъ въ Брильянтовой залѣ. Явно гнѣвался, хмурился и отворачивался отъ оконъ при появленіи въ нихъ плѣнительнаго силуэта цесаревичъ Павелъ Петровичъ, находя въ высшей степени дерзкимъ и неприличнымъ поведеніе авантюристки и выходку австрійскаго посла. Въ ближайшемъ кругу «малаго двора» въ Гатчинѣ цесаревичъ высказывался откровенно, что подлое ласкательство и всеобщее преклоненіе передъ какой-то грекоской, купленной на константинопольскомъ рынкѣ и знатное происхожденіе коей ничѣмъ не удостовѣрено, явной авантюристки и пройдохи,—разительная черта низости и безстыдства вѣка. За цесаревичемъ всѣ это повторяли въ Гатчинѣ, но извѣстно было уже, что «малый дворъ» во всемъ и всегда противорѣчилъ «большому двору», а цесаревичъ, нена-

видя свѣтлѣйшаго, дурно отзывался о всѣхъ, съ нимъ бывшихъ въ сношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ, однако, цесаревичъ нашелъ сочувствіе въ самыхъ близкихъ къ свѣтлѣйшему особахъ—въ его племянницахъ. Рожденныя сестры Энгельгардтъ, изъ которыхъ двѣ — прекрасная Екатерина Васильевна, супруга графа Павла Мартыновича Скавронскаго, и Александра Васильевна, жена короннаго гетмана польскаго Ксаверія Петровича Браницкаго,—присутствовали по придворному званію своему фрейлинъ государыни въ Брильянтовой залѣ; дочери родной сестры Потемкина, онѣ крайне огорчены были увлеченіемъ ихъ свѣтлѣйшаго дяди, тратившаго громадныя суммы на всевозможные подарки противной авантюристкѣ, часто появлявшейся на обѣдахъ и праздникахъ, непрестанно даваемыхъ въ этотъ пріѣздъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ; при этомъ гречанка держала себя надменно и вызывающе по отношенію племянницъ свѣтлѣйшаго. Онѣ же всюду говорили, что гречанка обираетъ ихъ дядю, а между тѣмъ вульгарна, необразована и вовсе не такъ прекрасна собой, какъ кричитъ о ней молва и какъ представляется ослѣпленнымъ сею хитрою Цирцеей. Племянницы свѣтлѣйшаго утверждали, что гречанка уже и не первой молодости, и прошла столько рукъ, что свѣжія розы ея расцвѣта давно увяли; онѣ разбирали до мельчайшихъ подробностей всѣ прелести авантюристки и находили множество изъяновъ и недостатковъ. Наконецъ, онѣ разсказывали скандальную лѣтопись парижскихъ и варшавскихъ приключеній Софіи и сообщали о ея чудовищной безнравственности разительныя повѣсти.

Къ облитымъ желчью рѣчамъ и полнымъ презрѣнія и ненависти взорамъ, которые кидали племянницы свѣтлѣйшаго въ сторону скользящаго въ окнахъ дворца безмятежнаго силуэта ненавистной соперницы, присоединялись еще и точащія ядъ прекрасныя польскія уста и горѣвшія гнѣвомъ прекрасныя польскія очи, тоже фрейлины государыни, графини Жозефины изъ Мнишковъ Потоцкой. И было ей за что ненавидѣть гречанку. Непосредственно у кабріолета, гдѣ она покоилась въ складкахъ бѣлоснѣжной фустанеллы и золотисто-розовыхъ шальварахъ, сквозь шелкъ которыхъ просвѣчивали ея ноги, въ расшитой перлово-аметистоваго цвѣта рубашкѣ, облипавшей грудь прелестницы, и въ осыпанномъ брильянтами, смарагдами, дивной бюрюзой, изумрудами и аметистами вычурномъ фигаро, съ обнаженной шеей и руками, съ которыхъ сбѣгали къ плечамъ широкіе, воздушные, разрѣзные рукава «джелики», въ огромномъ тюрбанѣ, перевитомъ нитью длиною въ три аршина изумительныхъ жемчуговъ, — этотъ нарядъ опустошилъ двѣ богатѣйшихъ шкатулки драгоцѣнностей свѣтлѣйшаго,—такъ непосредственно за громадными красными колесами кабріолета, на арабскомъ жеребцѣ съ золотой уздой, изукрашен-

нымъ черпакомъ и въ сѣдлѣ, когда-то принадлежавшемъ султану Солиману Великолѣпному, въ польскомъ богатѣйшемъ нарядѣ, отдѣланномъ мѣхами, съ играющими за спиной откидными рукавами, гарцовалъ супругъ графини Жозефины, знаменитый магнатъ графъ Феликсъ Потоцкій-Щенсный. Поминутно старался онъ поровняться съ гречанкой и, склонясь съ сѣдла, улыбаясь, говорилъ ей на розовое ушко, видимо, что-то до послѣдней степени пріятное и любезное, потому что гречанка каждый разъ кивала ему тюрбаномъ и благодарила нѣжнымъ взглядомъ «прелестныхъ глазъ». Послѣ того Щенсный отставалъ, молодецки расправлялъ волнистые усы свои и озирался съ гордой и довольной осанкой на всѣ стороны. Супружеская вѣрность и нѣжность почитались въ безнравственномъ XVIII вѣкѣ за нѣчто, если не постыдное, то во всякомъ случаѣ смѣшное и неприличное для человѣка не изъ мѣщанскаго круга, но изъ свѣта высшаго, дворянина и въ особенности придворнаго. Къ тому же Потоцкіе уже были старыми супругами и давно освободили другъ друга отъ долга Гименею. Но такое явное ухаживанье предъ глазами двора и всего Петербурга за авантюристкой не могло не возмущать графиню Жозефину. Потоцкій вѣдь тратилъ и огромныя суммы на угожденія гречанкѣ, въ этомъ отношеніи состязаясь съ княземъ Таврическимъ. И если послѣдній объяснялъ всѣмъ, что графиня оказала огромныя услуги Россіи, то Потоцкій называлъ ее хранительницей Польши. Три магната—Потоцкій, Браницкій и Ржевускій—составляли могущественный тріумвиратъ, въ предчувствіи назрѣвавшихъ событій въ Варшавѣ, гдѣ король Станиславъ Понятовскій, ненавидѣвшій Потемкина и боявшійся его честолюбія и покушенія на престолъ королевства, наружно во всемъ повинуясь Екатеринѣ, составлялъ злодѣйскіе заговоры вмѣстѣ съ бискупомъ виленскимъ Игнатіемъ княземъ Масальскимъ. Магнаты, съ своей стороны, готовили конфедерацію въ Подоліи. Въ ихъ планахъ графиня Софія играла видную роль. Между тѣмъ принцъ де-Линь, раненый при штурмѣ Измаила, уѣхалъ съ своимъ сыномъ Чарли въ Варшаву, гдѣ предстояло бракосочетаніе молодого человѣка съ племянницей бискупа виленскаго Игнатія, прелестной княжной Масальской, воспитанной въ Парижѣ, ни слова не знавшей по-польски и обладавшей приданымъ въ десять милліоновъ. На ряду съ матримоніальными планами, австрійскій агентъ работалъ и надъ политическими. А Кобенцель, съ которымъ принцъ де-Линь постоянно сносился криптограммами, возилъ графиню Софію въ кабріолетѣ вокругъ Зимняго дворца. Графъ Феликсъ Потоцкій и Ксаверій Браницкій, конечно, объясняли супругамъ, что ухаживать за гречанкой ихъ побуждаетъ долгъ предъ несчастнымъ, страждущимъ отечествомъ, но это супругъ не удовлетворяло и не успокаивало. И посреди этой сложнѣйшей игры страстей и столкновенія интересовъ судьба

бросила Павла Корнильевича Радожицкаго, быть можетъ, одного искренно и безумно любившаго роковую женщину изъ всѣхъ, кто только за нею волочился. Какъ любимый, ближайшій адъютантъ свѣтлѣйшаго, онъ постоянно находился въ его покояхъ и каждый день являлся съ различными порученіями къ графинѣ Софіи отъ свѣтлѣйшаго и отъ нея, въ свою очередь, получалъ разнообразнѣйшіе ордеры. Племянницы Потемкина, въ свою очередь, отличали молодого человѣка, и ему приходилось постоянно обходить грозившіе подводные камни и мели, уклоняясь отъ сужденій о гречанкѣ. Но племянницы съ женской зоркостью быстро разгадали истинныя чувства молодого человѣка и что онъ смѣшно «растрепанъ» отъ коварной Цирцеи. Сочувствіе къ молодому человѣку побуждало ихъ предостеречь отъ сѣтей, въ коихъ онъ запутался. Къ тому же раненый при штурмѣ Измаила генералъ Мелиссино лечился въ Петербургѣ, проживая при строившемся новомъ домѣ Потемкина, около конно-гвардейскихъ казармъ. Племянницы свѣтлѣйшаго много совѣщались о судьбѣ Павла Корнильевича съ достопочтеннымъ мастеромъ ложи «Марса» въ Яссахъ. Прибавить должно, что однажды въ такомъ совѣщаніи принималъ участіе и вѣрный хранитель Радожицкаго, важный и полный собственнаго достоинства Митрофанъ.

LXXXIV.

Малый дворъ.

Аудіенція кончилась. Екатерина удалилась во внутренніе покои. Толпа вельможъ, пословъ и придворныхъ, покидая Зимній, еще сходилась въ гостиныхъ, обмѣниваясь послѣдними привѣтствіями, ухаживая за дамами, бросая другъ другу по видимости незначительныя слова въ быстрыхъ діалогахъ, но часто привѣшенныя къ важному, многолѣтне обдуманному плану. Тутъ къ Павлу Корнильевичу подошелъ камеръ-юнкеръ гатчинскаго «малаго двора» графъ Ростопчинъ и передалъ ему милостивое желаніе цесаревича узнать отъ него нѣкоторыя подробности о пребываніи въ Парижѣ, преданномъ во власть «якобинской ракальи».

— Ея высочеству цесаревнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ тоже угодно о семъ васъ разспросить, такъ какъ пожаръ революціи уже бросилъ головню въ Франшконте и превратилъ въ обгорѣлыя развалины древній Монтбельяръ, замокъ родителя цесаревны!—прибавилъ графъ Ростопчинъ, скользя между придворными и направляя Павла Корнильевича къ той гостиной, гдѣ находился цесаревичъ.

Графъ Ростопчинъ, утонченно образованный и воспитанный, ѣдкій и насмѣшливый, «esprit indépendant et caustique», самолюбивый и презирающій человѣчество, сей россійскій Альцестъ, недавно лишь пріобрѣлъ расположеніе цесаревича Павла Петровича

и занялъ выдающееся мѣсто при «маломъ дворѣ», благодаря особому обстоятельству. Будучи въ Берлинѣ, выигралъ онъ у одного офицера значительную сумму. Не имѣя наличныхъ, тотъ предложилъ своему кредитору въ уплату долга чести драгоцѣнную коллекцію, полученную имъ отъ покойнаго отца—оружія, головныхъ уборовъ, щитовъ, одѣяній войскъ всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ, и, что особенно было замѣчательно, армію художественно сработанныхъ солдатиковъ, размѣромъ въ мизинецъ, благодаря остроумному механизму, превосходно исполнявшихъ всевозможныя эволюціи. Когда Ростопчинъ привезъ эту коллекцію въ Петербургъ, ему пришла счастливая мысль поднести ее цесаревичу Павлу Петровичу. Ознакомившись съ сокровищемъ, цесаревичъ бросился на шею Ростопчину и сейчасъ же назначилъ его камеръ-юнкеромъ гатчинскаго двора.

Цесаревичъ и цесаревна стояли среди прелестной бѣлой гостиной и поражали противоположностью: насколько хороша была, какъ роза, освѣженная утренней росой, открывшая лепестки утреннему солнцу, Марія Θеодоровна, настолько, въ старо-прусскомъ зеленоватомъ кафтанѣ и съ косичкой, карикатурна была фигурка Павла Петровича, сухая, худая, нескладная, съ длинной шеей, обернутой платкомъ съ бантомъ, съ глубоко сидящими въ орбитахъ курносаго, страннаго лица, печальными, сѣрыми глазами. Но эта меланхолія разлилась поэтической дымкой и въ свѣтлыхъ чертахъ цесаревны и отразилась въ нѣсколько утомленныхъ различными артистическими работами и близорукихъ, но дивныхъ голубыхъ очахъ вюртембергской принцессы. А воспитанное изящество обхожденія быстро смягчало первое невыгодное впечатлѣніе отъ фигуры и сиповатаго голоса Павла Петровича.

Когда графъ Ростопчинъ ввелъ Радожицкаго въ гостиную, Марія Θеодоровна оживленно бесѣдовала съ Лебрехтомъ, придворнымъ медальеромъ, и съ итальянскимъ композиторомъ, писавшимъ музыку для оперъ и балетовъ эрмитажнаго театра императрицы и дававшимъ цесаревнѣ уроки на клавесинѣ, маэстро Паэзіелло. Между тѣмъ цесаревичъ прогуливался по гостиной съ графомъ Валентиномъ Эстергази, однимъ изъ версальскихъ бѣглецовъ, агентомъ, какъ говорили, графовъ Прованскаго и д'Артуа, при надменной и брезгливой внѣшности, преднамѣренно грубоватой откровенности и маленькомъ ростѣ таившимъ высокую утонченность придворнаго и дипломата, вмѣстѣ съ фанатизмомъ и мечтательностью истаго лигитимиста. Онъ былъ при этомъ весьма пріятный собесѣдникъ, и государыня частенько заставляла его исполнять шаловливыя пѣсенки стараго французскаго двора. То въ Гатчинѣ, то въ Эрмитажѣ графъ Эстергази постоянно мелькалъ съ неизмѣнной бѣлой кокардой, съ отраженіемъ той печали въ чертахъ, которую накладываетъ только гибель цѣлаго строя отечества, шутя сквозь

незримыя слезы и стараясь заинтересовать плачевнымъ положеніемъ трона св. Людовика то императрицу, то цесаревича. Яраго противника встрѣтилъ онъ въ великомъ князѣ Александрѣ, воспитанномъ самой государыней и швейцарцемъ Лагарпомъ въ республиканскихъ идеяхъ. Говорили, что именно въ угоду Александру была подстроена каверза Валентину Эстергази: на одной придворной охотѣ онъ убилъ огромную свинью, зашитую въ медвѣжью шкуру...

Графъ Ростопчинъ представилъ цесаревичу Павла Корнильевича.

— Очень радъ познакомиться съ вами, сударь!—сказалъ Павелъ Петровичъ.—Marie, это адъютантъ господина Потемкина, бывшій около года въ плѣну у парижской ракальи.

Марія Өеодоровна милостиво улыбнулась и протянула ручку свою для поцѣлуя интересовавшему ее молодому человѣку.

— Ахъ, разскажите намъ, разскажите про этихъ ужасныхъ людей! Бѣдный король! Несчастная Антуанета! Можно ли было думать, видя прекрасное, безоблачное начало ихъ царствованія, что буря такъ близка!

Говоря это, Марія Өеодоровна обращалась къ графу Валентину Эстергази, который кивалъ головой, подымалъ глаза къ небу, касаясь бѣлой кокарды, хмурилъ брови и выражалъ горесть на старо-французскомъ носатомъ лицѣ своемъ.

— Ваше высочество изволили выразиться, что я около года находился въ плѣну у парижскаго муниципалитета, — сказалъ Павелъ Корнильевичъ, смягчая слова цесаревича.—Но собственно я былъ только задержанъ съ цѣлію, какъ мнѣ объяснялъ генералъ Лафайетъ...

— Генералъ Лафайетъ! Богъ Морфей, усыпляющій бдительность вѣрныхъ слугъ королевства и самого короля! Генералъ Лафайетъ—измѣнникъ и предатель!—рѣзко перебилъ графъ Валентинъ Эстергази.

— Генералъ Лафайетъ и мэръ города Парижа объяснили мнѣ,—продолжалъ спокойно Павелъ Корнильевичъ:—что они только хотятъ нѣсколько задержать меня, до полнаго успокоенія, чтобы показать счастливаго короля среди вѣрнаго ему, любящаго народа!

— C'est excellent! ха! ха! C'est excellent! ха! ха! ха!—разражаясь страннымъ, рѣзкимъ хохотомъ и схватывая за руку Валентина Эстергази, вскричалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ.—Счастливый король среди любящаго народа!

— Скажите точнѣе: несчастный плѣнникъ во власти разнузданныхъ кровожадныхъ звѣрей!—говорилъ Эстергази.

— Могу одно только засвидѣтельствовать,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ:—что король присутствовалъ на празднествѣ федераціи 14 іюля прошлаго года, и все было весьма торжественно и мирно.

— Да, но именно послѣ сего мирнаго празднества графы д'Артуа и Прованскій удалились изъ несчастной Франціи въ Туринъ и рѣшились обратиться къ властелинамъ Европы, передавая имъ судьбы короны святого Людовика!—все похлопывая себя по бѣлой кокардѣ, красный, взъерошенный, сердитый, взволнованный, говорилъ Эстергази.

— Оставь его, Валентинъ! не забывай, что предъ нами адъютантъ господина Потемкина, который столь былъ друженъ съ покойнымъ Мирабо-бочкой!—сказалъ цесаревичъ.

— Я не зналъ, ваше высочество, что графъ Мирабо умеръ,— невольно замѣтилъ пораженный Радожицкій.—Я имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ въ Версалѣ, именно въ ночь наканунѣ переѣзда короля въ Парижъ.

Ему припомнились слова Потемкина, что судьба его связана съ судьбою графа Мирабо, и что онъ не переживетъ знаменитаго человѣка.

— Извѣстіе о кончинѣ графа Мирабо пришло сегодня,—сказалъ графъ Ростопчинъ:—и хотя чудовищные пороки его вызываютъ отвращеніе, нельзя не признаться, что умолкли краснорѣчивѣйшія уста національнаго собранія.

— Пусть разскажетъ о праздникѣ федераціи! Пусть разскажетъ!— остановилъ цесаревичъ.

— Празднество происходило на Марсовомъ полѣ, на открытомъ воздухѣ и было весьма внушительно,—разсказывалъ Павелъ Корнильевичъ.—Король, парижская гвардія, національное собраніе и депутаты отъ восьмидесяти трехъ департаментовъ присягали конституціи. Духовенство освятило восемьдесятъ три знамени департаментовъ.

— Слышишь, Валентинъ! Они присягали госпожѣ Конституціи! C'est excellent!—потирая руки, кривляя длинной шеей, пыхтя и отдуваясь, произнесъ цесаревичъ.

— Собачья комедія!—проскрежеталъ Эстергази.

— Ваше высочество, сцены, которыя я наблюдалъ наканунѣ переѣзда короля въ Парижъ, были дѣйствительно ужасны,—сказалъ Павелъ Корнильевичъ.—Разнузданная толпа, оборванцы Гревской площади, вопли, головы гвардейцевъ, вздѣтыя на пики...

При этихъ словахъ Марія Ѳеодоровна поблѣднѣла и подняла въ ужасѣ къ небу полныя слезъ голубыя очи.

— Но зато на празднествѣ федераціи мнѣ удалось видѣть иныя картины,—поспѣшилъ сказать Павелъ Корнильевичъ, дабы смягчить впечатлѣніе ужасныхъ образовъ, вызванныхъ его словами въ воображеніи ихъ высочествъ.—Я видѣлъ, какъ предводитель бретонской депутаціи, преклонивъ одно колѣно, подалъ королю свою шпагу и сказалъ: «Государь, отдаю въ ваши руки вѣрную шпагу храбрыхъ бретонцевъ». Король поднялъ его, поцѣловалъ и,

возвращая шпагу, отвѣчалъ: «Ей не можетъ быть лучшаго мѣста, какъ въ рукахъ моихъ дорогихъ бретонцевъ; я никогда не сомнѣвался въ ихъ чувствахъ и вѣрности; увѣрьте ихъ въ томъ, что я—отецъ, братъ, другъ всѣхъ французовъ». «Государь,—сказалъ депутатъ,—и всѣ французы нѣжно любятъ васъ и будутъ неизмѣнно любить за то, что вы—король-гражданинъ!»

— Собачья комедія! — опять проскрежеталъ графъ Эстергази, щипля кокарду.

— И вы защищаете чудовищъ революціи!—съ величайшимъ упрекомъ и негодованіемъ сказала Радожицкому цесаревна Марія Ѳеодоровна.

— Я лишь докладываю вашимъ высочествамъ, что видѣлъ и слышалъ,—смиренно возразилъ молодой человѣкъ.

Но Марія Ѳеодоровна не могла долѣе сдерживать волненіе, и оно вылилось въ быстрой рѣчи. Она заговорила о страшной опасности, угрожающей всей Европѣ, алтарямъ и тронамъ, семьямъ всѣхъ монарховъ, дворянству всѣхъ странъ, всему святому, прекрасному, возвышенному. Она говорила о томъ, какъ разнузданный народъ Франшконте въ запрошломъ году поднялся и вооруженныя банды стали истреблять лѣса сеньеровъ, жечь, разрушать и грабить замки. Бунтъ бушевалъ у дверей самаго Монтбельяра, замка, гдѣ Марія Ѳеодоровна родилась и провела чудные годы первой юности, и родитель ея, престарѣлый принцъ Вюртембергскій, своими глазами видѣлъ, какъ возставшіе рудокопы разрушали соляныя копи, принадлежавшія принцу, и которыя приносили дохода до 40,000 ливровъ въ годъ!... Угрожаемый со всѣхъ сторонъ, онъ покинулъ свое маленькое княжество, гдѣ мирно и счастливо царствовалъ двадцать лѣтъ, обожаемый всѣми подданными, у которыхъ крестилъ дѣтей и всѣхъ почти зналъ по имени... Старецъ принужденъ былъ покинуть свои сады, парки, прелестный Этюпъ! И революціонное варварство все это превратило въ обгорѣлыя развалины! Все! Все!

И Марія Ѳеодоровна, обращаясь за сочувствіемъ поочередно къ супругу, графамъ Ростопчину и Эстергази, медальеру Лебрехту, маэстро Паэзіелло и Павлу Корнильевичу, безмолвно внимавшимъ цесаревнѣ въ уваженіи къ ея горести, описывала огромныя мощныя зданія—соединеніе монастыря съ крѣпостью—замка Монтбельяра, надъ старымъ городомъ графства. Она вспоминала мощные ливанскіе кедры, которые окружали замокъ. Они выросли изъ сѣмянъ, привезенныхъ изъ Святой Земли графомъ Монтбельяромъ въ 1400 году, и кора ихъ хранила имена, замѣчательныя даты и событія ряда поколѣній графовъ Монтбельяръ и принцевъ Вюртембергскихъ! Вспоминала и огромные столѣтніе каштаны и березы, дававшіе столько тѣни въ широкихъ дворахъ внутри замка! И всѣ эти историческія деревья были варварски срублены дикарями, напавшими на замокъ!

Цесаревна перечисляла достопримѣчательности Этюпа, изящнаго, милаго Этюпа—лѣтней резиденціи! Вспоминала оранжерею, считавшуюся лучшей въ Германіи; бесѣдку изъ розъ съ высокими штамбами, образующими храмъ; ея ароматный сводъ былъ самымъ плѣнительнымъ мѣстомъ въ мірѣ, чтобы тамъ читать или болтать! А молочная въ видѣ швейцарскаго домика, гдѣ были великолѣпныя фаянсовыя вазы, poterie XVI-го столѣтія, грубо расписанныя красками, но высоко цѣнившіяся знатоками! А гроты Этюпа! Они были полны искусственными сталактитами, при свѣтѣ факеловъ сверкавшими брильянтовыми огнями! Все это погибло, истреблено, разрушено, разбито вдребезги, сожжено. И престарѣлый родитель цесаревны принужденъ покинуть родину, измѣнить свои привычки, жить среди новой обстановки, во дворцѣ, выстроенномъ чужими руками для чужихъ вкусовъ! Это ужасно!

— Но разрушенное безумной чернью теперь вновь воскресаетъ въ паркахъ прелестной Гатчины,—сказалъ графъ Ростопчинъ, желая отвлечь мысли цесаревны отъ столь тягостныхъ и волнующихъ представленій, какъ расколотыя «poterie» и перебитые искусственные сталактиты Этюпа.—И сколь бы ни бушевала революція за предѣлами Россіи, къ намъ она не придетъ! Здѣсь мудрость и мужество верховной власти полагаютъ предѣлъ развращенію умовъ и хотя даруютъ подданнымъ свободу, но въ уздѣ страстей.

— Утѣшительная мысль! — вскричалъ графъ Эстергази. — Но ахъ!—все не то!

— Почему же, однако, и не то? — обидѣлся самолюбивый Ростопчинъ.

— А потому, братецъ, что ни то, ни се! — сиповато сказалъ цесаревичъ.

— Пожаръ, объявшій несчастную Францію, могутъ потушить лишь соединенныя силы всѣхъ монарховъ Европы! — вскричалъ графъ Эстергази.—Лишь силы новаго крестоваго похода могутъ низвергнуть и затоптать факелъ безбожія, безумія, разврата, измѣны и преступленія, поднятый парижскимъ муниципалитетомъ и клубами! Обнажайте, обнажайте мечъ, монархи Европы! Сѣкните главу змію, свившему гнѣздо въ несчастной Франціи!

Чувство невольнаго отвращенія къ фанатику, накликавшему на свое отечество союзныя силы Европы, поднялось въ груди Павла Корнильевича, и онъ понялъ въ эту минуту, почему великій князь Александръ велѣлъ выгнать къ Эстергази на охотѣ зашитую въ медвѣжью шкуру свинью...

Эстергази сталъ развивать планъ коалиціи Европы съ цѣлію подавленія революціи во Франціи и освобожденія короля Людовика XVI-го изъ парижскаго плѣна и для возвращенія наслѣдственныхъ земель и замковъ изгнанной и бѣжавшей на чужбину французской аристократіи. Россія и Австрія должны скорѣе за-

ключить миръ съ Турціей, чтобы покончить дѣла на Востокѣ и освободить себѣ руки. Затѣмъ Англія вступитъ въ коалицію, ибо мистеръ Питтъ, первый министръ его величества короля Георга, ненавидитъ за американскіе подвиги генерала Лафайета. Пруссія всегда рада дать занятіе праздной арміи и слишкомъ хорошо понимаетъ опасность революціоннаго пожара для абсолютизма. Германскіе князья должны возстановить феодальныя права свои въ Эльзасѣ. Наконецъ, въ коалиціи примутъ участіе всѣ государи изъ дома Бурбоновъ. Между тѣмъ французскіе эмигранты, цвѣтъ древняго рыцарства Бѣлой Лиліи, уже собрались въ армію принца Конде въ Вормсѣ и подъ начальствомъ графа д'Артуа въ Кобленцѣ. Походъ не представитъ ни малѣйшей трудности. То будетъ военная прогулка, не болѣе. Франція безъ арміи, безъ военачальниковъ. Все способное нести знамя ушло изъ несчастной страны, преданной бунту, безначалію, разоренной, брошенной въ бездну раздора. Кто будетъ сопротивляться сеньоріи и рыцарству Франціи и монархамъ Европы? Національное собраніе болтуновъ? Клубы? Сволочь Гревской? Грязная, воняющая пóтомъ чернь? Лавочники, переодѣтые въ мундиры милиціи? Тамъ, гдѣ погибли честь, долгъ, вѣра и вѣрность, можно ли ждать воинской доблести?

Павелъ Корнильевичъ не могъ не видѣть всего легкомыслія грандіознаго плана эмигрантовъ. Онъ не удержался и представилъ вниманію цесаревича свои наблюденія надъ военнымъ духомъ, воспламеняющимъ Парижъ, національную гвардію и все населеніе. Онъ разсказалъ объ усиленной охранѣ Парижа, о сѣти кордегардій и гауптвахтъ, гдѣ постоянно имѣются бдительные отряды; о желѣзной строгости, проявляемой муниципалитетомъ; о томъ, что каждый домовладѣлецъ, каждый хозяинъ лавки въ Парижѣ превращенъ въ вооруженнаго гражданина и по ночамъ стоитъ посмѣнно съ сосѣдями на постахъ своей улицы; онъ говорилъ о превосходно организованномъ шпіонствѣ и бдительныхъ доносахъ гражданъ на всякаго подозрительнаго, о суровой безпощадности революціоннаго суда... Графъ Эстергази сталъ презрительно улыбаться, пожимать плечами и мѣрять уничтожающимъ взоромъ съ высоты маленькой фигурки своей на красныхъ каблукахъ рослаго адъютанта. Марія Ѳеодоровна стала показывать крайнюю холодность Павлу Корнильевичу. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ сталъ пыхтѣть, передергивать плечами, барабанить маршъ пальцами по рукояткѣ шпаги, показывалъ знаки нетерпѣнія и явной немилости. Ростопчинъ умными глазами слѣдилъ за всей сценой, и тонкая улыбка трепетала на его ядовитыхъ устахъ. Лебрехтъ и Паэзіелло присутствовали, храня почтительный нейтралитетъ артистовъ, равнодушныхъ ко всему, что выходитъ изъ предѣловъ ихъ искусства. Замѣтивъ невыгодное впечатлѣніе, произведенное словами его и что явно провалился при «маломъ дворѣ», Павелъ

Корнильевичъ смутился, сбился и умолкъ. Цесаревичъ фыркнулъ, круто повернулся налѣво кругомъ, подалъ руку Маріи Өеодоровнѣ и быстро пошелъ изъ гостиной, не прощаясь. Особы «малаго двора» послѣдовали за августѣйшей четой, съ такимъ видомъ обходя Павла Корнильевича, словно среди гостиной дворца оказался какой-то дурно пахнущій предметъ. На нѣсколько минутъ Радожицкій остался одинъ. Но вдругъ изъ другой двери показался графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, сопровождаемый Кобенцелемъ, англійскимъ посланникомъ, графомъ Феликсомъ Потоцкимъ и нѣсколькими своими приверженцами.

LXXXV.

Полдникъ у графъ Зубова.

Кобенцель и Потоцкій уже проводили до дому графиню Софію и возвратились въ Зимній, такъ какъ гречанка объявила, что пріема у ней не будетъ,—она утомлена весеннимъ вѣтромъ, блескомъ солнца и воды, суетой народа на набережной и хочетъ побыть одна.

Замѣтивъ Павла Корнильевича, въ печальномъ раздумьи и смущеніи стоявшаго среди гостиной, Кобенцель дружески ударилъ его по плечу.

— Графъ Платонъ!—сказалъ онъ съ обычной ему фамильярной грубоватостью,—представляю вамъ моего новаго ученика.

Надменный фаворитъ пріостановился на мгновеніе въ быстромъ прохожденіи гостиныхъ на свою половину—въ тѣ покои, которые обычно занимали очередные фавориты, лишь отдѣлывая ихъ каждый по своему вкусу и вывозя при отставкѣ всѣ картины, статуи, гоблены, мебели и прочія цѣнныя вещи, которыя очередной фаворитъ сейчасъ же и замѣнялъ новыми по выбору собственной прихоти. Графъ Платонъ Александровичъ пріостановился въ изысканной позѣ посланца Минервы, задержаннаго крылатыми башмачками между землею и Олимпомъ, и милостиво обратилъ взоръ къ рекомендованному ему «ученику» австрійскаго дипломата.

— Ученикъ такого мастера, какъ вы, любезный графъ Августъ,—сказалъ онъ,—можетъ надѣяться преуспѣть въ утонченномъ искусствѣ международныхъ соотношеній.

Послѣднія слова фаворитъ произнесъ съ величайшимъ глубокомысліемъ и въ носъ. Вслѣдъ затѣмъ, давъ знакъ Павлу Корнильевичу присоединиться къ сопровождавшимъ его, графъ Платонъ прослѣдовалъ дальше. Павелъ Корнильевичъ былъ уже раньше представленъ всемогущему фавориту и каждый двунадесятый праздникъ, по настоянію самого Потемкина, являлся въ его гостиныя поутру, чтобы вмѣстѣ съ огромной толпой вельможъ,

придворныхъ и чиновниковъ безмолвно присутствовать при туалетѣ Зубова.

Въ пудермантелѣ, на особомъ возвышенномъ помостѣ передъ огромными венеціанскими зеркалами, поставленными такъ, что фигура его отражалась и спереди, и въ профиль, и даже съ затылка, фаворитъ сидѣлъ и, казалось, не замѣчалъ той почтительной толпы, которая тоже отражалась, утроялась и учетверялась въ зеркалахъ, отвѣшивала ему въ спину пренизкіе поклоны, едва улавливала въ тѣ же зеркала скользящій, незрящій взоръ его. Парикмахеръ чесалъ его волосы, чиновники и курьеры подавали то пакетъ, то депешу. Онъ важно читалъ, дѣлалъ распоряженія, при чемъ непремѣнно взглядывалъ на свитокъ полуразвернутой большой карты Россіи, лежавшей около него на особомъ столикѣ. Иногда подносили ему огромную чернильницу и орлиное, очиненное перо, и онъ подписывалъ какую-либо бумагу. Вообще казался управляющимъ всею Россіей. Когда причесываніе кончалось, вставалъ, кивалъ всѣмъ въ зеркало, что вызывало такое низкое согбеніе спинъ, словно бурный вѣтеръ пролетѣлъ по зыбкой нивѣ, и удалялся. Казалось, фаворитъ вовсе и не интересовался тѣми, кто именно посѣщали его уборную. Однако опытомъ дознано было, что если кто-либо слишкомъ значительное время не отражалъ своей фигуры въ зубовскихъ зеркалахъ, сейчасъ же это начинало сказываться на придворныхъ его успѣхахъ въ худую сторону, и обратно—усердное созерцаніе зубовскихъ зеркалъ и поклоненіе спинѣ фаворита иногда устилало розами путь прилежнаго искателя.

Теперь рекомендація австрійскаго посла доставила Павлу Корнильевичу возможность присутствовать на полдникѣ графа Платона Александровича Зубова. Это было далекое отъ церемоннаго визита собраніе интимныхъ лицъ, составлявшихъ дружескій кружокъ фаворита. Зубовъ, придя въ свои аппартаменты, въ присутствіи гостей переодѣлся въ покойный рединготъ и небрежно, съ утомленнымъ видомъ разлегся въ откидномъ креслѣ. Камердинеръ, парикмахеръ, гардеробмейстеръ, камеръ-лакей, калмыченокъ, арабченокъ—черный, улыбающійся, курчавый миньенъ—безшумно суетились около господина во время переодѣванья и успокоенія членовъ его въ креслѣ. Они исчезли. И въ покой, гдѣ разлитъ былъ мягкій свѣтъ, смягченный прозрачными шелками занавѣсокъ въ окнахъ, гармоничными тонами ковровъ, гобленовъ, мебели; гдѣ взоръ радовали античные мраморы, вазы; гдѣ великолѣпно переплетенные въ алый, изумрудный, сиреневый сафьянъ золотообрѣзные волюмы на столахъ, въ шкапахъ, на этажеркахъ доказывали любовь хозяина къ наукамъ,—въ интимный покой фаворита скороходы въ шапочкахъ съ развѣвающимися павлиньими перышками внесли столъ, уставленный севромъ, серебряными вазами съ фруктами, корзинами,

откуда глядѣли головки бутылокъ, и кушаньями въ блюдахъ, закрытыхъ золочеными колпаками. Столъ былъ поставленъ такъ, что кресло, гдѣ возлежалъ фаворитъ, пришлось посреди его. Скороходы удалились, подкативъ къ столу кресла, по числу гостей. Хозяинъ далъ знакъ садиться и самъ приступилъ къ насыщенію. За полдникомъ не полагалось слугъ, въ виду интимности бесѣды, и каждый бралъ и наливалъ, что хотѣлъ, съ полной непринужденностью. Вдругъ меланхоличные, нѣжные и сладострастные звуки незримой флейты разлились въ покоѣ. Они то умолкали, то вновь звучали. Фаворитъ порою преклонялъ распомаженную, раздушенную и распудренную широколобую голову къ мягкому изголовью кресла и, держа бокалъ съ виномъ, нѣжился, слушая незримаго артиста, любуясь цвѣтомъ ароматной влаги, прихлебывая и смакуя вино чувственными припухшими губами. Графъ Зубовъ объяснялъ, что обычай сопровождать флейтой интимную бесѣду онъ заимствовалъ у Плутарха. Именно въ жизнеописаніи Кая Гракха разсказывается, что, обладая горячимъ и вспыльчивымъ характеромъ, трибунъ страдалъ отъ того: во время публичной рѣчи его часто охватывало чувство раздраженія, онъ возвышалъ голосъ, начиналъ ругаться, терялъ нить и забывалъ, что говорилъ. Съ цѣлью помочь этому недостатку, онъ ставилъ позади себя своего умнаго раба Люцинія съ музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ. Когда тотъ замѣчалъ, что Гракхъ во время рѣчи подымаетъ голосъ, раздражается, онъ издавалъ на инструментѣ нѣжный звукъ. Кай Гракхъ тотчасъ-же приходилъ въ себя, говорилъ тише и затѣмъ становился спокойнымъ. Хотя и самъ графъ Платонъ Зубовъ и его гости мало напоминали защитника народа Кая Гракха, но вино и откровенная бесѣда часто заставляли ихъ повышать нестройно голоса. Тогда незримая флейта начинала звучать особенно сладостно и, въ самомъ дѣлѣ, это успокаивало разгоряченныхъ собесѣдниковъ, голоса понижались и входили въ русло мѣры. Но въ этотъ разъ, сколько ни свисталъ флейтистъ, гости, сразу начавшіе весьма рѣзко отзываться о Потемкинѣ, какъ будто испытывая преданность находившагося между нихъ приближеннаго адъютанта свѣтлѣйшаго, не обращали вниманія на призывъ гармоніи. Самъ хозяинъ поощрялъ эти желчныя рѣчи. Только графъ Августъ Кобенцель не участвовалъ въ общей бесѣдѣ. Онъ жевалъ, чмокалъ, сосалъ, глоталъ, пилъ, проливалъ, брызгалъ, капалъ на себя, на столъ, съ обычной неряшливостью и въ то же время потчевалъ своего, неожиданно въ званіе сіе пожалованнаго имъ, «дипломатическаго ученика». Порою, наклоняясь къ уху Павла Корнильевича, когда замѣчалъ по выраженію лица адъютанта, что тому непріятны рѣзкіе, сплетническіе отзывы о свѣтлѣйшемъ, Кобенцель шепталъ ему:

— Не обращайте вниманія. Мы всегда бранимъ всѣхъ рѣшительно, кто намъ мѣшаетъ!

Потомъ, улыбаясь, посолъ начиналъ шептать Павлу Корнильевичу, что графиня Софія во время сегодняшней прогулки вокругъ Зимняго нѣсколько разъ начинала о немъ говорить; что сквозь окна дворца она видѣла его фигуру въ толпѣ придворныхъ, что она утомлена и не такъ здорова и потому проситъ его непремѣнно явиться къ ней вечеромъ, провести съ нею часокъ, другой у камина, почитать ей «Элоизу» Руссо.

— Счастливый, счастливый молодой человѣкъ!—загадочно вздыхая, говорилъ Кобенцель и опять принимался жевать, сосать, разливать, сорить и капать.

Тутъ Павелъ Корнильевичъ вслушался въ шумный разговоръ гостей.

— Князь, сюда пріѣхавши, инымъ не занимается, какъ обществомъ женщинъ, ища имъ нравиться и ихъ дурачить и обманывать.

— Да, въ отношеніи къ женщинамъ онъ нарушаетъ всѣ правила благоприличія, за встрѣченными на пути прелестными врывается въ ихъ дома, мужья же, робѣя передъ нимъ, не препятствуютъ!

— Подлинно послѣдняя слабость его—влюбляться во всѣхъ женщинъ и прослыть повѣсою!

— Влюбился, какъ обязьяна! Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ—пренебрегла его сердце. Онъ мечется, какъ угорѣлый.

Тутъ Кобенцель, расплескавъ кубокъ съ канарскимъ, шепнулъ на ухо Павлу Корнильевичу:

— Какая бы это женщина и ради кого пренебрегла сердце могущественнѣйшаго вельможи? Какъ вы думаете, молодой мой ученикъ?

Павелъ Корнильевичъ ничего не думалъ. Приглашеніе Софіи прійти къ ней провести вечеръ, переданное посломъ, ударило ему въ голову, какъ самое крѣпкое вино. Онъ не слушалъ злословія кліентовъ фаворита. Незримая флейта запѣла нѣжно, какъ грустный призывъ любовнаго томленія, и онъ весь отдался этимъ сладостнымъ звукамъ, казалось, перелагавшимъ въ гармонію тѣ чувства, которыми полно было его юное сердце.

Между тѣмъ, поощряемые улыбками и покиваніями головы фаворита, гости продолжали злословить насчетъ Потемкина.

— Онъ ни о чемъ не мыслитъ болѣе, какъ о составленіи веселостей!

— Образъ жизни надменнаго превосходитъ все, что только можно вообразить!

— Онъ таковъ же, какъ и всегда!

— Самые роскошные обѣды устраиваетъ въ постъ, не взирая на ропотъ народа!

— Недавно одна уха стоила 1300 рублей. Подали въ серебряной ваннѣ.

— Въ ваннѣ?!.

— Да, въ которой, можетъ быть, племянница его Екатерина купалась...

— Ну, теперь, вѣроятно, въ той, въ коей прекрасная фанаріотка омываетъ свои прелести!

— Не на той ли и водѣ?!.

— На дняхъ пріѣхалъ къ разгрузкѣ англійскаго корабля и накупилъ устрицъ на триста, а фруктовъ на тысячу червонцевъ.

— А у насъ два лѣта подъ рядъ неурожай и подданные истощены военными поборами и рекрутчиной для его же авантюры въ новороссійскихъ пустыряхъ.

— За люстры заплатилъ 40,000 рублей!

— За диванъ—42,000 рублей!

— Какъ сюда изъ арміи ѣхалъ, разставленныя повсюду при дорогѣ дегтярныя бочки въ ночное время пылали, для освѣщенія пути сему князю тьмы.

— Здѣсь по Лѣтнему саду ѣздитъ съ пышностью, съ превеликою свитою, изъ множества генераловъ, офицеровъ и плѣнныхъ пашей составленною!

— Является при дворѣ брильянтами осыпанный, въ блескѣ и со свитою государя!

— Презираетъ всѣхъ и все. Съ вельможами обращается гордо, надменно, обнаруживая презрѣніе, иногда цѣлые часы заставляетъ ихъ ждать въ своей передней, иногда ихъ и вовсе къ себѣ не допускаетъ!

— Пороки Аннибала, пороки Александра видимъ, безъ ихъ великихъ дарованій.

— До сихъ послѣднихъ труднѣе достигнуть, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ!

— Кичится завоеваніями своими. Между прочимъ вообразить должно всѣ способы, что мы имѣли для нынѣшней войны и какъ, напротивъ, турки были слабы.

— Вмѣсто удара, навѣкъ сокрушительнаго, мы еще и того не достигли, что произвели въ предыдущую войну.

— Вождь здѣсь—пошли побѣды! Князь Репнинъ бьетъ да бьетъ турокъ. На что же нуженъ князь Потемкинъ, если дѣла въ его отсутствіе ведутся не только не хуже, но, напротивъ, несравненно лучше и рѣшительнѣе?!.

— Впрочемъ, гдѣ же храбрость видна была? Гдѣ случалась драка въ равныхъ или меньшихъ съ нашей стороны силахъ, тамъ не онъ присутствовалъ. Взялъ Аккерманъ и Бендеры, точно. Да какъ? Приведши съ собою 80,000 одной пѣхоты и многія сотни пушекъ. Числомъ и задавилъ. Турки напугались и сами сдались.

— Онъ, кромѣ дѣйствующей арміи, содержитъ еще на свой счетъ второй комплектъ солдатъ. На что бы это?

— Укомплектовалъ громадный полкъ изъ 11,000 человѣкъ и 20 орудій. Назвалъ сіе «Великой Гетманской Булавой». Къ чему бы сіе?

— На сей счетъ разныя есть догадки, прямой же цѣли никто не постигаетъ.

— Говорятъ, хочетъ быть королемъ польскимъ!

— Всячески привлекая къ себѣ молдаванъ и валаховъ, желаетъ отложиться отъ Россіи и сдѣлаться въ томъ краѣ независимымъ господаремъ!

— Будто желаетъ Крымъ въ независимое царство обратить, и тамъ ханомъ будетъ!

— Онъ имѣетъ инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ!

—Его поминаютъ за выносомъ съ прибавленіемъ его арміи военной!

— Онъ все создаетъ и все уничтожаетъ!

— Онъ приводитъ въ безпорядокъ все!

— Когда его нѣтъ—всѣ говорятъ лишь о немъ! Когда онъ въ столицѣ, никого не замѣчаютъ, кромѣ него!

— Всѣ говорятъ, что отъ гордости, яко Навуходоносоръ, сошелъ съ ума!

— Подлинно съ ума сошелъ: на пустырѣ близъ конногвардейскихъ казармъ въ неотстроенномъ домѣ государынѣ праздникъ дать хочетъ!

LXXXVI.

Въ конногвардейскомъ домѣ.

Свѣтлѣйшій прибылъ въ Петербургъ дѣйствительно въ столь странномъ состояніи духа, что поступками своими, рѣчами и видомъ, превосходя тѣ чудачества, которыя всѣ знали, иногда въ самомъ дѣлѣ давалъ подтвержденіе упорно разсѣеваемой врагами молвѣ о его помѣшательствѣ. Послѣ взятія Измаила, когда, повидимому, могущество Потемкина достигло наивысшей точки, онъ впалъ, наоборотъ, въ полное уныніе, вялость, слабость, нерѣшительность. Всѣ привыкли къ повременному мрачному сплину свѣтлѣйшаго, къ его «ногтоѣдѣ» и головнымъ болямъ, но прежніе такого рода припадки считали болѣе притворствомъ; отъ всѣхъ удаляясь, Потемкинъ копилъ силы, обдумывалъ ходы и вдругъ, однимъ ударомъ достигалъ желаемаго и восходилъ на новую ступень могущества, славы, успѣха. Тогда весь онъ преображался и наружно и внутренно, одѣвался роскошно, въ орденахъ, лентахъ, брильянтахъ являлся трепещущимъ и пресмыкающимся кліентамъ, и орлиный взоръ его сверкалъ геніемъ, дѣло кипѣло въ его рукахъ. Но послѣ

взятія Измаила Потемкинъ казался смертельно раненымъ оленемъ или слабымъ ребенкомъ; въ полномъ изнуреніи проводилъ дни и недѣли; какъ-то метался, слѣпо устремлялся то къ одному лицу, то къ другому, внезапно пускался въ откровенность, болталъ много и нескладно; письма его къ императрицѣ, несмотря на постоянные милостивые ея отвѣты, присылаемые подарки, полны были слезливыхъ жалобъ. Долго не рѣшался онъ ѣхать въ столицу, несмотря на разрѣшеніе Екатерины. Наконецъ явился въ Петербургъ. Пріемъ свѣтлѣйшаго, можно сказать, начался еще съ Могилева, продолжался въ Москвѣ и увѣнчался тріумфомъ за Нарвскими воротами столицы и потомъ все возрасталъ въ пышности и великолѣпіи до самаго Зимняго Дворца. Но и сплинъ, слабость, изнуреніе, томленіе и безпорядочность мятущагося духа всю дорогу не оставляли князя, и онъ производилъ видомъ своимъ столь тягостное впечатлѣніе, что потомъ уже только мчали его въ закрытой каретѣ мимо всякихъ транспарантовъ, пирамидъ, арокъ, депутацій, хоровъ, оркестровъ, горящихъ павильоновъ и смоляныхъ бочекъ и всякихъ иныхъ измышленій усердія начальствъ и обывателей къ высокой его особѣ. Лишь въ Зимнемъ привѣтъ Екатерины на нѣсколько дней отогналъ злого духа, овладѣвшаго новымъ Сауломъ. Рыдая, палъ на колѣни князь Таврическій, цѣлуя руки великой жены и обливая ихъ слезами. Екатерина сама плакала. Потемкинъ нѣсколько дней былъ при дворѣ счастливъ, свѣтелъ, болѣе остроуменъ, болѣе любезенъ, чѣмъ когда-либо, и въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа. Потомъ вдругъ опять погрузился въ уныніе, въ задумчивость не развлекаемую, въ скучныя предчувствія. Стали встрѣчать его на лѣстницахъ Зимняго, нечесанаго, въ зеленомъ «капотѣ», съ раскрытой, волосатой грудью. Пошли слухи, якобы на основаніи разспросовъ одного изъ младшихъ камердинеровъ свѣтлѣйшаго Ѳедюка Секретарева, служившаго въ Зимнемъ при покояхъ князя и присутствія котораго будто бы не стѣснялись императрица и Потемкинъ, по незначительности и добродушію его,—такъ говорили, что у князя съ государыней вдругъ вышла размолвка и посреди безоблачной радости первыхъ дней свиданія явно оказалось кроющееся какое-то тайное въ сердцѣ императрицы подозрѣніе противъ Потемкина, или имъ недовольство, или еще что, невѣдомо что именно, но будто бы Ѳедюкъ слышалъ, прибирая, какъ князь кричалъ гнѣвно на горько плакавшую императрицу, вскакивалъ съ мѣста, скорыми, порывистыми шагами направлялся къ двери, съ сердцемъ отворялъ ее и такъ ею хлопалъ, что даже стекла дребезжали и тряслась мебель. Будто бы свѣтлѣйшій требовалъ, чтобы императрица графу Платону Александровичу изволили фаворъ окончать. И будто бы государыня изволили отвѣчать свѣтлѣйшему, что графъ Платонъ Александровичъ для нихъ удобенъ, какъ онѣ

уже женщина немолодая и къ нему привыкли. Однако послѣ того тутъ же свѣтлѣйшій на колѣни у ея императорскаго величества ножекъ пали и плакали и просили прощенія. То учинился миръ, но остуда осталась. И свѣтлѣйшій послѣ того, какъ бы повредились въ умѣ, стали часто допьяна напиваться и, заѣзжая къ женщинамъ, почти имъ незнакомымъ, говорятъ несвязно всякую нелѣпицу. Трудно было, конечно, повѣрить, сколько правды имѣлось въ сихъ слухахъ, но достовѣрно то знали, что свѣтлѣйшій англійскаго повѣреннаго лорда Витворта озадачилъ совершенною безцеремонностью, съ которой съ нимъ говорилъ о дѣлахъ, и лордъ Витвортъ именно и нашелъ въ рѣчахъ князя проявленіе умственнаго недуга и ослабленія душевныхъ его силъ, докладывалъ о семъ императрицѣ, и она совѣщалась о томъ съ придворнымъ своимъ докторомъ Роджерсономъ и племянницами свѣтлѣйшаго, тоже встревоженными состояніемъ ихъ дяди, сорившаго свыше мѣры огромными суммами, покупавшаго по чудовищнымъ цѣнамъ ненужныя вещи и въ особенности потратившагося на гречанку, коей даже собирался въ завѣщаніи оставить свое имѣніе въ могилевскомъ намѣстничествѣ, Кричевъ. Когда о послѣднемъ дошло до графа Платона Александровича Зубова, то онъ говорилъ, что именно это имѣніе, заселенное двѣнадцатью тысячами душъ крестьянъ, Кричевъ, которое за его заслуги сама государыня ему сказала, что даритъ, Потемкинъ ловкой каверзой у него перехватилъ.

— Посему Потемкинъ главная причина тому, что я не вдвое богаче,—заключалъ разсказъ свой Зубовъ.—По этому можно судить, каковъ для меня злодѣй былъ Потемкинъ, когда съ такою наглостью лишилъ меня двѣнадцати тысячъ душъ! А теперь думаетъ Кричевъ завѣщать прекрасной фанаріоткѣ и тѣмъ родню свою смутилъ и противъ себя вооружилъ. Явно въ умѣ помѣшанъ отъ гордости, яко древній Навуходоносоръ!

Въ поступкахъ свѣтлѣйшаго можно было замѣтить желаніе задарить и закормить всѣхъ, кого только можно, и отвратить отъ себя какую-то страшную опасность, которую однако князь только самъ и прозрѣвалъ, а другіе ея не видѣли. Но и князь, видимо, слѣпо метался, словно съ завязанными глазами ощупывая все окружающее. Поэтому въ его милостяхъ не замѣчалось порядка и смысла. Точно онъ подозрѣвалъ опасность за каждой дверью, повсюду, точно хотѣлъ откупиться отъ судьбы, спѣшно растрачивая неизмѣримыя свои богатства, дѣлая новые и новые долги и позаимствованія изъ разныхъ государственныхъ учрежденій, общій итогъ которымъ могъ знать одинъ только правитель дѣлъ его, генералъ Поповъ.

Послѣдній слухъ, переданный на полдникѣ у графа Платона Александровича, какъ новое доказательство сумасшествія свѣтлѣйшаго, что онъ на пустырѣ близъ конногвардейскихъ казармъ,

въ неотстроенномъ домѣ хочетъ дать праздникъ государынѣ, былъ совершенно вѣренъ.

Сама императрица, когда дошло до свѣдѣнія ея о намѣреніи свѣтлѣйшаго, въ недоумѣніи спросила: «Какъ же это онъ въ неотстроенномъ домѣ меня принимать будетъ?» Изъ всѣхъ придворныхъ лишь одинъ слѣпо и неизмѣнно приверженный особѣ князя Таврическаго камергеръ Чертковъ убѣжденно при дворѣ повторялъ: «И приметъ, въ лучшемъ, чортъ побери, видѣ приметъ! Не только въ неотстроенномъ, а прямо въ нестроенномъ домѣ окажется у него всякое убранство. И, Боже мой, есть ли для сего волшебника что невозможное? Бендеры взялъ! Измаилъ взялъ! По веснѣ, чортъ побери, возьметъ Константинополь! А тамъ и Вѣну, и Парижъ, и Римъ! Ей Богу, только бы захотѣлъ, ничего для сего изумительнаго Протея нѣтъ невозможнаго!»

Когда же говорили, что въ конногвардейскомъ домѣ свѣтлѣйшаго еще не настланы потолки и полы, а кругомъ лежитъ мусоръ, лѣса еще не убраны вокругъ зданія, штукатурка не просохла, а какъ празднество свѣтлѣйшій хочетъ устраивать въ началѣ мая то времени нѣтъ завершить всѣ сіи работы, камергеръ Чертковъ только улыбался и продолжалъ твердить свое. Дѣйствительно, скоро не только день празднества точно назначенъ былъ, но уже свѣтлѣйшій сталъ приглашать молодыхъ знатныхъ особъ обоего пола участвовать въ кадриляхъ и разныхъ забавахъ, пѣніи и концертахъ на его празднествѣ и предупреждалъ, что репетиціи будутъ происходить у него въ новомъ конногвардейскомъ домѣ по особымъ билетамъ, отъ него имѣющимъ быть присланными.

Императрица радовалась, такъ какъ устройство необыкновеннаго праздника заняло совершенно свѣтлѣйшаго и въ хлопотахъ отложилъ онъ прочь свою «ногтоѣду» и безпричинное уныніе.

— Изъ сего заключить можно,—выразилась государыня:—что великій духъ князя Григорія Александровича безъ дѣятельности и чрезвычайныхъ предпріятій ни единаго дня пробыть не можетъ, долженъ изобрѣтать, достигать, одолѣвать препятствія, иначе томится и скучаетъ.

LXXXVII.

Великія приготовленія.

Новый огромный домъ - дворецъ, строившійся для свѣтлѣйшаго, получилъ наименованіе конногвардейскаго по той причинѣ, что былъ по близости казармъ Конной гвардіи. Мѣстность эта составляла дальнюю окраину столицы, и, кромѣ немногихъ дачъ вельможъ, въ обширныхъ садахъ сокрытыхъ, здѣсь лѣпились только домишки и хижины всякой мелкоты, ничтожныхъ чиновниковъ и бѣдняковъ. Не говоря уже о службахъ и флигеляхъ, самое глав-

ное зданіе новой усадьбы свѣтлѣйшаго, впослѣдствіи получившее наименованіе Таврическаго дворца, было окончено лишь вчернѣ. Въ главной овальной залѣ, именно надъ тѣмъ ея полукружіемъ, гдѣ долженъ былъ устроиться зимній садъ, не настлали еще потолокъ и видны были балки и стропила изъ лиственничныхъ мачтовыхъ деревьевъ. Свѣтлѣйшій приказалъ затянуть полотномъ и расписать по полотну плафонъ хороводомъ танцующихъ нимфъ. Множество всякихъ художниковъ и мастеровъ явилось съ предложеніями услугъ своихъ. Французы, нѣмцы, итальянцы, промышленники всѣхъ націй, садовники, декораторы, живописцы, скульпторы—толпились въ прихожихъ Потемкина. Князь входилъ самъ во всѣ мельчайшія подробности и съ такимъ тщаніемъ подготовлялъ празднество, какъ будто было то дѣло государственной важности. Кажется, послѣднюю турецкую кампанію онъ. съ меньшимъ тщаніемъ обдумывалъ. Работы по отдѣлкѣ и украшенію дома велись день и ночь сотнями рабочихъ. Этому помогали бѣлыя, свѣтлыя весеннія ночи. Но, кромѣ главнаго зданія, предстояло соорудить нѣсколько временныхъ пристроекъ и флигелей прямо изъ теса, но такъ искусно расписанныхъ, чтобы казались солидной постройкой. Обширный пустырь, на которомъ воздвигнутъ былъ домъ, пересѣкали прямыя канавы съ грязной водой. Кромѣ того, мѣсто не было спланировано, покрытое ямами и буграми и заросшее безпорядочными рощами деревьевъ, еще помнившихъ Петровское время, и кустарникомъ. Предстояло все это превратить въ великолѣпный паркъ, съ дорожками, аллеями, куртинами, боскетами, пригорками, бесѣдками, перспективами, свѣтлыми прудами, прихотливо извивающимися ручейками. Подъ руководствомъ француза-садовника и его многочисленныхъ помощниковъ, надъ этой задачей трудились артели смоленскихъ землекоповъ изъ имѣній свѣтлѣйшаго. Кромѣ того, весь обширный садъ предстояло такъ обставить декораціями зданій, храмовъ, дворцовъ и всякихъ строеній, чтобы онѣ скрыли совершенно домишки и лачуги, которыми застроена была эта окраина, отъ гуляющихъ въ саду. Должно было такъ расположить декораціи, чтобы казалось, будто конногвардейскій домъ находится среди какого-то, волшебствомъ воздвигнутаго, новаго, дотолѣ незнакомаго, великолѣпнаго города. Декораціи строили плотники, между тѣмъ какъ по разостланнымъ и расчерченнымъ полотнищамъ ходило множество маляровъ, длиннѣйшими кистями покрывая ихъ красками.

Внутреннее убранство дома потребовало толпы обойщиковъ, Изъ лавокъ взято было напрокатъ до двухсотъ люстръ и множество зеркалъ, кромѣ тѣхъ, которыя были привезены съ зеркальнаго завода князя. Обширное поприще дѣятельности открылось тутъ и знаменитому «генералу отъ-пиротехніи» Пушкову съ его дѣятельнымъ сотрудникомъ Вандурой, хотя на него воз-

ложено было спеціальное порученіе князя—приготовить для освѣщенія главной залы десять тысячъ свѣчей и двадцать тысячъ стаканчиковъ съ воскомъ. Цѣлый гвардейскій полкъ занятъ былъ приготовленіемъ сей части, съ которой генералъ Пушковъ могъ наилучше справиться, уже имѣвъ опытъ на Могилевской дорогѣ съ приготовленіемъ «галереи». Для шкаликовъ требовался воскъ. Съ собственныхъ его свѣтлости пчельниковъ доставлены были пчелинцами огромныя глыбы воска. Оказалось мало. Отъ придворной конторы затѣмъ принято еще четыреста пудовъ заимообразно. И того оказалось недостаточно. Тогда опустошены были запасы епархіальнаго свѣчного завода и даже по соборамъ и церквамъ собирали воскъ, такъ что въ народѣ прошелъ неблагопріятный для Потемкина слухъ, что для суетной забавы обобраны имъ церковные свѣчные ящики, такъ что и свѣчи Богу, Пречистой Его Матери и угодникамъ нельзя теперь поставить. Слухъ, конечно, преувеличенный. Взяты были запасы и свѣчные огарки.

Собственно по пиротехнической части для фейерверка и иллюминаціи въ саду дѣйствовали соперники Пушкова, нѣмецкіе искусники, братья Францъ и Антонъ Брандстетеры, самой фамиліей, казалось, предназначенные отличаться на поприщѣ огненной забавы. При столѣ и во всѣхъ частяхъ дома огромная требовалась услуга. Для ужина сооружены были кухни въ тесовыхъ временныхъ пристройкахъ и опредѣлено къ нимъ поваровъ и поварятъ множество, подъ начальствомъ оберъ-повара и оберъ-провіантмейстера. Сооружены были погреба, ледники. Со всѣхъ сторонъ, изъ разныхъ мѣстностей Россіи, изъ заморскихъ странъ везли рѣдчайшихъ рыбъ, раковъ, дичь, паштеты, овощи, плоды, конфекты, соленья, моченья, печенья, вина, квасы, пива, меды, настойки, наливки, шиповки, грибы, трюфеля. Для ста человѣкъ прислуги были сдѣланы новыя богатыя ливреи. А еще полкъ лакеевъ, конюховъ, казачковъ! А горничныя, дѣвушки разныхъ національностей, чтобы говорили на разныхъ языкахъ, миловидныя, чистоплотныя, расторопныя, и швейки, искусныя мастерицы, которыя могли бы что нужно зашить въ уборахъ дамъ!

Предстояло, кромѣ того, расширить площадь передъ конногвардейскимъ домомъ, чтобы открыть фасадъ зданія и дать просторъ ему; наконецъ, на площади передъ дворцомъ сооружался амфитеатръ для народнаго празднества, съ жаренымъ быкомъ и фонтанами, бьющими пивомъ, квасомъ и легкимъ виноградным виномъ, съ лавками и палатками, наполненными различными вещами для даровой раздачи народу, открытыми сценами для музыкантовъ, плясуновъ, фигляровъ, фокусниковъ. Для того необходимо было сломать и снести много деревянныхъ строеній, домиковъ и хижинъ, садишекъ и огородишекъ обывателей, ютившихся кругомъ дворца. Свѣтлѣйшій приказалъ купить за хорошія деньги

всѣ эти мѣшавшіе его дворцу домишки. Большинство обывателей не только не противились рѣшенію свѣтлѣйшаго, но даже обрадованы были продать по дорогой цѣнѣ усадьбы свои тароватому вельможѣ-сосѣду. Но тутъ начались злоупотребленія конторы свѣтлѣйшаго, дѣлавшей чрезмѣрно низкую оцѣнку отчуждаемому имуществу. Къ тому же владѣльцевъ гнали, не давая имъ времени устроить свои дѣла. Являлись рабочіе, плотники, имущество владѣльца выбрасывали вонъ, причемъ многое пропадало или ломалось и портилось; затѣмъ принимались ломать дома, вырубать садишки; трескъ, громъ, пыль столбомъ, плачъ и крики выселяемыхъ, собиравшихъ и защищавшихъ пожитки свои, все составляло разительную картину какого-то непріятельскаго нашествія.

Между прочимъ, нашелся одинъ владѣлецъ, который ни за что не хотѣлъ уступить большую, крѣпкую, старинную усадьбу свою, строенную изъ матерой березы, обнесенную частоколомъ и охраняемую свирѣпыми псами и многочисленными работниками и приказчиками. То былъ чрезвычайно богатый купецъ, по слухамъ, придерживавшійся скопческой ереси и чуть ли не являвшійся главой общины «бѣлыхъ голубей», особливо размножившихся въ послѣдніе годы. Впрочемъ, купца того никто въ лицо не видывалъ, и самый дворъ его такъ былъ выстроенъ, что, кромѣ тесовыхъ крышъ за частоколомъ, ничего видно не было, а ворота день и ночь стояли на запорѣ, и хотя населеніе усадьбы было значительно, не замѣчалось тамъ никакого движенія и услѣдить было невозможно, когда и какъ изъ дома выходятъ и опять въ него входятъ. Посланный отъ правителя дѣлъ свѣтлѣйшаго Попова не былъ даже впущенъ на дворъ, а вышелъ къ нему безбородый, желтолицый старичокъ и, выслушавъ предложеніе немедленно очистить усадьбу, надобную свѣтлѣйшему, сказалъ, что «батюшка» съ нимъ сейчасъ отвѣтъ пришлетъ и свое рѣшеніе. Подлинно, черезъ полчаса тотъ же самый старичокъ явился къ Попову и заявилъ, что «батюшка» никакъ свою усадьбу продавать не желаютъ, покинуть ее не хотятъ, а просятъ ради ихъ тѣлесной слабости, престарѣлости и недуговъ не тревожить ихъ сиротства.

— Но свѣтлѣйшій приказалъ непремѣнно купить,—объяснялъ Поповъ. Усадьба ваша занимаетъ нужнѣйшую для гулянья часть площади, подъ нее опредѣленной, и портитъ всю картину.

— Охъ! охъ! — сказалъ, пригорюнясь, тонкимъ голосомъ старичокъ.—Какая-то будетъ намъ картина, какъ улучитъ насъ бѣсъ крюкомъ за ребро да не мимо! Олѐ, безумія и скаканія, и злосладкаго игранія! Прилѣпилися къ пагубной лѣпости, играютъ въ трубы и сопѣли кругомъ огненной купели. Бѣсы огнь вѣчный распаляютъ, въ злосмрадную бездну пихаютъ, тамъ потѣшные огни показуютъ, что муки вѣчныя насъ не минуютъ. Тако міръ насъ прельщаетъ и по спасенному пути не допущаетъ, и пространнымъ

житіемъ утѣшаетъ, а смерть насъ внезапу восхищаетъ, и своего прихода никому не возвѣщаетъ. Охъ! Охъ! Великъ мой Богъ! Великъ! Великъ!

— Ты эти прибаутки, любезный, для себя прибереги,—разсердился Поповъ.—Воля свѣтлѣйшаго окончательная есть. Немедленно очищайте усадьбу, а за нее, и за землю, и за безпокойство будетъ уплачено по вашей цѣнѣ.

— А нашего батюшки на то воли нѣтъ. Потемкинъ Григорій Александровичъ у себя въ домѣ князь, а нашъ батюшка на своей усадьбѣ князь, и владыка, и всему альфа и омега, даже и лѣтошняго снѣга. Силой берите. Только рукъ не обожгите. А добровольно не отдадимъ свою великую рѣку. Сладимъ.

— Старый шутъ!—разозлился совсѣмъ Поповъ.—Что ты вирши прибираешь! Хочешь, чтобы силою взяли,—возьмемъ.

— А берите, насилуйте, — воздохнувъ, отвѣтилъ старичокъ.— Бѣдные сиротушки—кроткіе агнцы. А вы берите и разоряйте. Только сатана въ аду сказалъ бѣсу: растоплю олово намѣсто пуншту, чтобы вамъ промочить скаредную и жадную душу. А еще скажу: нашъ батюшка жаловаться будетъ цесаревичу свѣтъ-Павлу свѣтъ-Петровичу. Онъ, голубчикъ нашъ, не оставляетъ дѣтушекъ своихъ, защищаетъ людей Божіихъ.

— Очень даже вы, любезнѣйшіе, глупы,—презрительно сказалъ Поповъ,—если задумали съ великимъ вельможей и столь сильнымъ человѣкомъ, предъ которымъ самые вражескіе города и крѣпости преклоняются, бороться! Ступай и одумайся съ безмозглымъ батюшкой своимъ. Я же о семъ принужденъ доложить свѣтлѣйшему. И при семъ то еще помнить должно вамъ всѣмъ, исказителямъ своей природы, что вы только по матернему милосердію государыни здѣсь покойно существуете, между тѣмъ какъ за членовредительство себѣ и другимъ и за явную ересь надлежало бы давно гнѣздо ваше разорить, а васъ самихъ, по наказаніи кнутомъ, разослать въ холодные края. О семъ свѣтлѣйшій только слово скажетъ господину Шешковскому, то и возьмутъ васъ всѣхъ и съ батюшкою вашимъ въ тайную, и покажутъ тамо, какъ ругаться надъ божескими и человѣческими законами! Послѣдній разъ говорю: воля свѣтлѣйшаго есть окончательная. Усадьба ваша ему нужна, то какое можетъ быть разсужденіе? Одумайтесь.

Упрямые скопцы не одумались однако. Несмотря на то, что свѣтлѣйшій нѣсколько разъ на дню посылалъ уговаривать и сулилъ огромныя деньги, старикъ уперся и стоялъ на своемъ. Усадьба торчала на самомъ ходу, весь видъ портила и всему мѣшала. Свѣтлѣйшій приказалъ изготовить приказъ объ отчужденіи сей усадьбы по цѣнѣ владѣльца для государственной надобности, лично желая поднести его потомъ въ свободную минуту къ подписанію госуда-

рынѣ, въ увѣренности, что она въ такой бездѣлицѣ не откажетъ. А плотниковъ для сноса усадьбы приказалъ послать къ скопцу немедленно, вмѣстѣ съ ротой вооруженныхъ гвардейцевъ.

LXXXVIII.

Генеральная репетиція.

Камергеръ Чертковъ не ошибся въ своей неколебимой вѣрѣ, что для чародѣйства князя Таврическаго нѣтъ ничего невозможнаго. Назначена была генеральная репетиція кадрилей, хоровъ, балета и музыкальной части торжества въ малыхъ залахъ и гостиныхъ конногвардейскаго дома. На эту репетицію вельможи и знатныя обоего пола особы наперерывъ старались раздобыться билетцемъ. Общее любопытство было доведено до крайней нетерпѣливости. Хотѣлось посмотрѣть, что уже успѣлъ свѣтлѣйшій учинить съ своимъ домомъ, который между прочимъ былъ и освященъ іеромонахами изъ Невской лавры, но безъ всякихъ гостей, въ присутствіи лишь князя и его родныхъ. Кромѣ того, извѣстно было, что на празднествѣ имѣетъ танцовать особая кадриль изъ знатнѣйшихъ фамилій имперіи молодыхъ людей и дѣвицъ, въ двадцать четыре пары, въ которой примутъ участіе великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, фрейлина «малаго двора», пріятельница цесаревича Павла Петровича, «хорошенькая дурнушка», остроумная, изящная, лучшая ученица знаменитой балерины Сантини, Екатерина Ивановна Нелидова, и принцъ Карлъ Вюртембергъ-Штутгардтскій, младшій братъ цесаревны Маріи Ѳеодоровны. Эта кадриль изъ двадцати четырехъ паръ высокихъ и избраннѣйшихъ обоего пола особъ должна была танцовать весьма трудный, прекрасный балетъ, изображая двадцать четыре часа сутокъ, изобрѣтенія балетмейстера государыни Ле-Пика, подъ руководствомъ котораго балетъ изучался.

Итакъ, генеральная репетиція привлекла большой съѣздъ каретъ, кабріолетовъ и верховыхъ въ окрестности конногвардейскаго дома въ майское ясное утро. Подъѣхать съ фасада еще было невозможно. Тамъ стучали топоры, визжали пилы, рубили, ломали, устраивая амфитеатръ для народнаго гулянья и расчищая площадь изъ-подъ отчужденныхъ обывательскихъ домиковъ. Хозяинъ поэтому принималъ съ бокового проѣзда на малое крыльцо. Точно также и въ главной залѣ еще было столпотвореніе: тесали, красили, приколачивали. Однако къ услугамъ съѣхавшихся особъ оказалась цѣлая амфилада великолѣпно убранныхъ малыхъ залъ и просторныхъ гостиныхъ. Изъ нихъ былъ ходъ и въ паркъ, почти законченный, гдѣ только производилась спѣшная разсадка дра-

гоцвѣнныхъ цвѣтущихъ деревъ, кустовъ и великолѣпныхъ цвѣтовъ, а также пиротехники братья Брандстетеры заготовляли иллюминацію. Къ услугамъ гостей были уже раззолоченные съ рѣзными навѣсами шлюпки и гондолы съ гребцами. Фонтаны били; водопады гремѣли, ручейки журчали; стаи лебедей и разныхъ заморскихъ породъ водяныя птицы плавали въ прозрачныхъ водахъ, тамъ, гдѣ еще три недѣли тому назадъ въ грязныхъ канавахъ еле сочилась смрадная гуща. Неоконченнаго было много. Всюду кипѣла работа. Но самые крики, звонъ топоровъ, какъ синіе огни, то вспыхивавшихъ, то потухавшихъ въ рукахъ безчисленныхъ плотниковъ, весь этотъ дѣятельный гамъ и шумъ и непрестанная планомѣрная вокругъ, на землѣ и въ воздухѣ, дѣятельность всѣмъ внушали увѣренность, что работы къ сроку закончатся, и новый домъ свѣтлѣйшаго окажется во истину чертогомъ чудесъ и чародѣйства.

Блестящее общество, собравшееся на репетицію, прелестнѣйшія дѣвушки и женщины были очарованы любезностью свѣтлѣйшаго, ухаживавшаго за всѣми ними. Картина сихъ ухаживаній даже побудила присутствовавшаго среди гостей поэта Державина сочинить стихи, которымъ онъ далъ наименованіе «Анакреонъ въ собраніи»:

> Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
> О пѣвецъ любви и нѣги!
> Ты когда бы лишь увидѣлъ
> Столькихъ нимфъ и столькихъ милыхъ,
> Безъ вина бы и безъ хмеля
> Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился...

Стихотвореніе найдено было всѣми весьма благозвучнымъ и нѣжнымъ; между прочимъ въ немъ Державинъ впервые прибѣгъ къ утонченности изысканнаго вкуса—ни разу не употребилъ рокочущей грубой россійской буквы «рцы».

Послѣ репетицій, изъ которыхъ первою шла кадриль, высокіе гости закусывали въ богатѣйшемъ и изобильнѣйшемъ буфетѣ. Великіе князья засимъ отбыли. Прочія же особы нѣкоторое время гуляли въ волшебномъ саду конногвардейскаго дома и катались на лодкахъ при звукахъ гдѣ-то спрятанной нѣжной роговой музыки. Всѣ непрестанно выражали удивленіе и восхищеніе и поздравляли хозяина. Замѣчено было, что графиня Софія на репетицію не прибыла, приславъ своего карлика съ запиской о нездоровьѣ, мѣшающемъ ей пріѣхать. Зато были всѣ племянницы свѣтлѣйшаго, и, можно сказать, всѣхъ плѣнила графиня Екатерина Скавронская золотыми кудрями, голубыми очами и привѣтливымъ обхожденіемъ. Племянницы ухаживали за всемогущимъ дядюшкой своимъ и старались ему услужить. Въ свою очередь, поэтъ Державинъ каждой изъ племянницъ свѣтлѣйшаго поднесъ по «ана-

креонтической» одѣ; тутъ же написанныя имъ, оды эти, по словамъ злыхъ языковъ, были тщательно дома заготовлены Гавріиломъ Романовичемъ.

Не присутствовалъ на репетиціи Павелъ Корнильевичъ, и это было замѣчено. О немъ передавали съ улыбкой сочувствія, что молодой человѣкъ совершенно «растрепанъ» отъ прекрасной гречанки, которая не то чтобы особенно поощряла его исканія, но и не отпускаетъ отъ себя, такъ что послѣднюю недѣлю онъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ дежуритъ у прелестной, исполняя ея порученія. Но, кромѣ молодого адъютанта, ту же роль пажей при ней играютъ графъ Феликсъ Потоцкій-Щенсный и посолъ графъ Августъ Кобенцель. Это тріо неизмѣнно сопутствуетъ гречанкѣ, гдѣ бы она ни появлялась. Передавали также шопотомъ, что въ послѣдніе дни свѣтлѣйшій какъ бы нѣсколько укротился въ своихъ исканіяхъ у графини Софіи, охладѣлъ, что ли; это, надо полагать, объясняетъ отсутствіе послѣдней на генеральной репетиціи въ конногвардейскомъ домѣ, а также удовольствіе племянницъ, не знавшихъ, какъ только угодить милому дядюшкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда наконецъ знатныя обоего пола особы разъѣхались съ репетиціи, племянницы озаботились успокоить дядю, утомленнаго хлопотами. Одна принесла зеленый «капотъ» и помогла дядѣ освободиться отъ фіолетоваго, расшитаго золотомъ кафтана и облечься въ обычный его нарядъ; другая—туфли; третья подкатывала кресло и подставляла скамеечку для ногъ. Любимая племянница Екатерина собственноручно варила дядѣ кофе. Александра несла чашку и бріоши. Хлопоты свои около свѣтлѣйшаго дядюшки онѣ сопровождали самыми нѣжными рѣчами и поцѣлуями. Однако князь Григорій Александровичъ не могъ предаться безпечному кейфу. Именно на вопросъ его Попову, вдругъ имъ позванному: улажено ли съ домомъ непріятнаго сосѣда? — Поповъ почтительнѣйше доложилъ, что съ этимъ дѣломъ онъ уже на свой страхъ осмѣлился нѣсколько повременить.

— Что такое? Какъ это—повременить? Если я приказываю!..— распалился свѣтлѣйшій, изумленный такимъ ослушаніемъ всегда исполнительнаго Попова.

— Хозяинъ дома, назначеннаго къ сносу, осмѣливается просить аудіенціи у вашей свѣтлости, представляя, что онъ государю-цесаревичу извѣстенъ.

— Вотъ какъ! Что же, братецъ, думаешь, принять надо его?— спросилъ свѣтлѣйшій, усмѣхаясь и какъ бы недоумѣвая.

— Хотя лицо весьма ничтожное, однако лучше не откажите принять, въ разсужденіи, что оный скопецъ неоднократно ссужаетъ безпроцентно деньгами малый дворъ, почасту въ томъ нуждающійся,—доложилъ Поповъ.

— Ну, будь по-твоему. Введи сего изувѣра-исказителя нужной своей природы,—сказалъ свѣтлѣйшій.—А вы, милыя племяннушки, удалитесь. Вамъ и видѣть неприлично сего каженника и живого мертвеца.

LXXXIX.

Живые мертвецы.

Любопытство племянницъ возбудилось до крайности именно этимъ предупрежденіемъ свѣтлѣйшаго. Онѣ просили, если уже нельзя все время присутствовать при объясненіи, то хотя увидѣть это необыкновенное и невиданное существо.

— Хорошо, останьтесь на нѣкоторое время,—согласился свѣтлѣйшій дядя.—На востокѣ евнухи сторожатъ женщинъ, а мы все-таки страна восточная.

Итакъ, племянницы остались.

Непокорный владѣлецъ усадьбы, нужной Потемкину, введенъ былъ Поповымъ, но вошелъ не одинъ, а съ двумя ассистентами. Одинъ былъ тотъ безбородый старичокъ, который приходилъ къ Попову объясняться раньше. Другой—юноша, съ длинной шеей и русыми, жидкими кудерками.

Ассистенты, старичокъ и юноша, были одѣты единообразно—въ сѣрые долгополые кафтаны. Но стоявшій посреди нихъ «батюшка» одѣтъ былъ въ широкую одежду, родъ восточнаго халата, изъ великолѣпнаго левантина, въ колпакѣ и сафьянныхъ сапогахъ. Входя, всѣ трое полуприкрывали лица платками, бывшими у нихъ въ рукахъ.

Трудно было бы даже и придумать нарочно большую противоположность между всей обстановкой со свѣтлѣйшимъ, окруженнымъ племянницами, и вошедшими тремя безполыми. Все въ гостиной дышало роскошью и нѣгой, той «лѣпостью», которую прокляли «бѣлые голуби», пройдя чрезъ «огненное крещеніе , попалившее ихъ «ключи отъ бездны». Плафонъ расписанъ былъ животворящею кистью самого Фрагонара въ Парижѣ, равно какъ и простѣночныя картины. Такъ какъ исполнена была живопись на особливыхъ хрупкихъ матеріалахъ, то за нею во Францію послана была особливая артель крѣпостныхъ свѣтлѣйшаго, искусныхъ переносчиковъ. Они перенесли произведенія Фрагонара изъ Парижа въ Петербургъ на собственныхъ головахъ своихъ. Плафонъ изображалъ Пиршество Всемірнаго Изобилія. На простѣночныхъ картинахъ написаны были сцены на островѣ Любви. Вездѣ прелестное, мягкое и сладостное сочетаніе облачныхъ красокъ, цвѣтовъ, плодовъ, лиственныхъ просвѣтовъ лѣсныхъ чащъ, рощицъ, розы и гроздья винограда, юноши и дѣвушки, млѣющіе въ блаженствѣ

обожанія, голубки, барашки и овцы, празднующіе весенніе дни, радуга, играющая въ струяхъ ручьевъ, въ брызгахъ фонтановъ и обнаженное, цвѣтущее тѣло богинь, нимфъ, амуровъ, обучающихъ неопытную невинность смѣлымъ наслажденіямъ. О счастьи, могуществѣ, нѣгѣ и блаженствѣ земного упоенія говорили всѣ предметы въ гостиной—ковры, мягкія, прихотливо изогнутыя мебели, бронза, мраморныя вазы. Огромныя окна отъ самаго почти полу до потолка, но узкія сравнительно съ высотою выходили въ цвѣтущій паркъ, и потоки весенняго теплаго свѣта лились въ гостиную, чуть смягчаясь и разлагаясь на окрашенные блики и полутѣни прозрачными шелками тончайшихъ занавѣсокъ.

Свѣтлѣйшій покоился въ креслахъ, раскинувъ привольно могучее свое тѣло, и въ эту минуту косматая голова его напоминала льва, отдыхающаго послѣ сытной трапезы въ пустынѣ, царя звѣрей, рыканіе котораго поражаетъ ужасомъ всѣ живыя существа. Наполненный удовольствіемъ, благодаря удачной репетиціи празднествъ, съѣзду знаменитѣйшихъ особъ, расточавшихъ похвалы и удивленіе волшебной быстротѣ созиданія великолѣпнаго дворца, князь забылъ тяжелыя предчувствія и весь жилъ пріятной минутой, сознавая себя сильнѣйшимъ, богатѣйшимъ, удачливѣйшимъ изъ смертныхъ. Мягкія ухаживанія любимыхъ племянницъ разнѣжили екатерининскаго колосса. Все упояло чувства и духъ его. Самый воздухъ въ обширномъ, высокомъ покоѣ дышалъ весенними ароматами, плодотворящей свѣжестью, разымчивой истомой. Князь покоился, и полножизненное мгновеніе счастья, которое онъ впивалъ, казалось, остановилось, звеня и сверкая на незримой кристальной сферѣ, служащей подножіемъ слѣпой Фортуны; это мгновеніе казалось негибнущимъ, казалось князю, что нѣтъ ни прошлаго, ни грядущаго, что все тихо и гармонично вращается вокругъ прекраснаго мгновенія и онъ не бодрствуетъ и не грезитъ, но вкушаетъ прелестный сонъ наяву и явь чудеснѣе видѣній Магометова рая. Племянницы, цвѣтущія красотой, молодостью, счастьемъ, роскошью, знатностью, богатствомъ, окружали могущественнаго дядю и тѣмъ слаще было ихъ почти боготвореніе любимаго человѣка, что въ немъ родственная близость неуловимо сливалась съ близостью чувственной.

Вступивъ въ покой, три «бѣлыхъ голубя» стали рядышкомъ, низко поклонились князю Таврическому и, не поднимая глазъ, отняли отъ лицъ платки, которыми ихъ прикрывали. И князь, и его племянницы невольно содрогнулись. Старичокъ, и раньше приходившій объясняться съ Поповымъ, въ наружности своей, впрочемъ, не имѣлъ ничего особенно поражающаго. Но двое другихъ глянули, какъ два живыхъ трупа—одинъ былъ трупъ молодой, другой—престарѣлый. Юноша съ длинной шеей, на которой трепеталъ вздувавшійся, словно яйцо, кадыкъ, имѣлъ почти младен-

ческое, пухлое лицо, съ тончайшей кожей, нѣжной, восковой желтизны. Одутловатыя щеки, круглый носъ, круглый подбородокъ, отдувшіяся губы, — все было въ порѣ дѣтства, но, задержанное искусственно, казалось мертвымъ. Тончайшія, какъ птичья пленка, лиловатыя вѣки прикрывали въ безбровныхъ впадинахъ глазныя его яблоки, казавшіяся глазами восковой куклы. Онъ ровно, но часто дышалъ, стоя совершенно неподвижно и прижимая къ жирной груди отекшаго тѣла младенческіе, пухлые кулачки.

Младенцемъ, но престарѣлымъ младенцемъ, казался и самъ «батюшка». Только всѣ черты лица его расплылись, щеки обвисали и переходили въ дряблый жиръ шеи, въ свою очередь потонувшей въ жирѣ плечъ. Отдѣльные, длинные, сѣдые волосики росли на подбородкѣ и трепетали тощимъ, прозрачнымъ вѣеромъ вокругъ лица его. Выше лицо приняло коричневатый оттѣнокъ. Глаза чернѣли синеватыми пятнами. Но всего ужаснѣе была улыбка, трепетавшая на одутловатыхъ губкахъ «батюшки», та именно невыразимая улыбка высшей степени скорби и вмѣстѣ блаженства, которая на дѣтскихъ трупахъ появляется на второй день разложенія. Могилой и головокруженіемъ смрада ея пахнуло на великолѣпнаго князя и цвѣтущихъ грѣхомъ племянницъ его, и невольное восклицаніе ужаса вырвалось изъ устъ ихъ. Сейчасъ же свѣтлѣйшій далъ имъ знакъ выйти вонъ изъ покоя и оставить его одного съ страшными гостями. Онѣ вышли поспѣшно, толкая другъ друга въ смятеніи, но все же болѣзненное любопытство нѣсколько разъ заставило ихъ обернуться и посмотрѣть еще на ужасающихъ «каженниковъ». Такъ человѣкъ заглядываетъ въ устрашающую бездну, на днѣ которой лежитъ разбитое тѣло неосторожнаго, трепеща и чувствуя въ то же время, что его тянетъ самого кинуться внизъ.

XC.

Государь-батюшка.

Когда племянницы исчезли, свѣтлѣйшій приподнялся въ креслахъ, оперъ голову о руку, упертую въ колѣно, и нѣсколько мгновеній безстрашно вглядывался въ лицо улыбающагося «батюшки». Отвращеніе дрожью сотрясло огромное тѣло вельможи и, желая преодолѣть непріятныя чувства, онъ топнулъ ногою и почти закричалъ:

— Вамъ сказано Поповымъ, что за усадьбу и за безпокойство будетъ заплачено по вашей цѣнѣ? Почему не очищаете усадьбы! Почему перечите моей волѣ?

Улыбка «батюшки» стала еще необыкновеннѣе, растворясь несказанной сладостью, губы расклеились, и тонкій, нѣжный и сиповатый сопрано сказалъ:

— Князь Григорьюшко свѣтъ-Александровичъ! Пожалѣй сиротство наше. Не безпокой насъ. Чѣмъ мы чертогамъ твоимъ, сударь, помѣшали? Дворъ твой пространенъ цѣлый свѣтъ не вмѣщаетъ, а наше смиреніе внутреннимъ чертогомъ обладаетъ, чертогъ тотъ свѣтелъ, преукрашенъ, нѣтъ въ немъ крѣпкихъ стѣнъ и высокихъ башенъ, да врагу рода человѣческаго онъ престрашенъ! Кругомъ того чертога зеленый садъ—пресладкій виноградъ, во саду зеленомъ великое древо отъ земли до неба. На немъ птицы-голубицы витаютъ, звонки, громки пѣсни воспѣваютъ, безначальному Государю, Свѣту нашему, Батюшкѣ родному, полному Духа Сударю святому!

— Старикъ, полно прибирать вздоръ!—угрюмо и строго сказалъ князь Потемкинъ.—Исполните мою волю. Очистите усадьбу. Живъ не хочу быть, если сіе желаніе мое не исполнится! — притопывая ногой, кричалъ Потемкинъ.

— Да невозможно, Григорьюшко-сударь, сему желанію твоему исполниться!—кротко, тончайшимъ, сладкимъ голоскомъ возразилъ улыбающійся скопецъ.—Не въ твоей мы, сударь, волѣ состоимъ, но въ Божьей волѣ, вовѣки нерушимой. Отпустилъ мя на волю вовѣки Всевышній Господинъ и Создатель Богъ единъ. И данъ мнѣ пашпортъ отъ Града Вышняго, Бога нашего святого Свѣта пышнаго. И приложено множество святыхъ рукъ—ежебы боятися страшныхъ мукъ. А чрезъ меня дана вѣчная свобода для всего избраннаго народа, для чистыхъ голубей, милліонами, билліонами. Написаны имъ примѣты и лѣта — жизнь и радость будущаго вѣка.

— Очисти усадьбу! Я хочу, чтобы ты очистилъ усадьбу! Я хочу! Я хочу!—упорно, однотоннымъ голосомъ повторилъ нѣсколько разъ свѣтлѣйшій.

Скопецъ склонилъ, улыбаясь, голову на бочекъ, какъ бы удивляясь дѣтской настойчивости князя, и платочкомъ обтеръ остренькій и бѣлый носикъ. Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— Я хочу!—опять сказалъ князь.

— Да не возможно тому быть, Григорьюшко! — возразилъ скопецъ.—Развѣ силой насъ погонишь, а сами не пойдемъ. Сложатъ голубочки крылышки бѣлыя, посядутъ на шестокъ подъ родимую застрѣшну,—гони, выгоняй, хоть со всѣхъ сторонъ поджигай.

— И выгоню,—угрюмо огрызнулся Потемкинъ.

— Ахъ, нѣтъ, сударь! Невозможно!

— Почему? Я развѣ не властенъ васъ подъ судъ отдать? Сейчасъ препоручу васъ еретиковъ и членовредителей господину Шешковскому!—грозно сказалъ князь. Долгое сопротивленіе его волѣ поднимало въ немъ темную злобу, и если онъ длилъ эту бесѣду, то лишь потому, что, будучи всѣмъ уже пресыщенъ, любилъ чего-либо желать.

— Господина Шешковскаго мы знаемъ очень хорошо!—пропѣлъ скопецъ.—Но того не угодно государю нашему, батюшкѣ, сиротъ Божіихъ милостивому защитнику! Противъ воли государевой тебѣ, князь Григорьюшко, никакъ не пойти.

— Мнѣ Поповъ говорилъ, что вы государю цесаревичу Павлу Петровичу и супругѣ его Маріи Θеодоровнѣ ссужаете по нуждѣ деньги, такъ надѣетесь на ихъ защиту. Но мною уже заготовленъ приказъ объ отчужденіи усадьбы вашей для казенной надобности, и государыня по одному слову моему подпишетъ. Но васъ сейчасъ драгуны выставятъ со всѣмъ вашимъ кораблемъ, а плотники мои къ вечеру усадьбу вашу снесутъ.

— Не о государѣ-цесаревичѣ, свѣтъ-Павлѣ свѣтъ-Петровичѣ, рѣчь идетъ,—возразилъ скопецъ.—Хоть онъ, нашъ милостивецъ, кроткаго духа къ людямъ Божіимъ исполненъ. Но не въ немъ главная наша опора и защита, а въ батюшкѣ, въ государѣ Петрѣ Θеодоровичѣ!

Произнеся это, скопецъ въ первый разъ поднялъ вѣки и устремилъ тускло сверкающій, какъ натертый ртутью мѣдный грошъ, взоръ на князя Таврическаго.

Дѣйствіе словъ его на Потемкина было мгновенно и страшно. Онъ вдругъ поднялся во весь свой богатырскій ростъ и, широко раскинувъ руки, ступилъ шагъ къ говорившему. Освобожденные отъ ленты и кошелька длинные волосы его встали кругомъ большой головы его. Онъ поблѣднѣлъ смертельно, и нѣсколько мгновеній дрожащія его губы издавали только рокотанье и не могли проговорить ни слова.

— Бродяга!—наконецъ загремѣлъ онъ.—Какъ смѣлъ ты при мнѣ... Какъ смѣлъ ты... это имя... имя произнесть! Въ кандалы тебя!.. бродягу!.. въ Шлиссельбургѣ сгною тебя!.. бродягу... Голосъ его прервался.

Скопецъ смотрѣлъ спокойно, не отрываясь отъ лица князя. Только ассистенты вдругъ подхватили его подъ руки и стали поддерживать. Затѣмъ произошла странная, безмолвная сцена. Нѣсколько разъ Потемкинъ порывался броситься на скопца съ поднятыми кулаками, шатаясь изъ стороны въ сторону, и каждый разъ отступалъ, при чемъ и скопецъ шатался, какъ бы противопоставляемый поддерживавшими его всякому движенію князя. Наконецъ тотъ отступилъ и обрушился назадъ въ кресло, закрывъ лицо руками.

— Силенъ, батюшка, твой Богъ, ахъ, силенъ! — прошепталъ благоговѣйно старичокъ, поддерживавшій правую руку скопца въ левантиновомъ халатѣ.—Такого прегордаго и шумнаго славой мірскою дуба подъ корень подсѣкъ и обрушилъ!

«Батюшка» отиралъ платочкомъ съ лица мелкія бисеринки выступившаго на немъ холоднаго пота.

Свѣтлѣйшій сталъ метаться въ креслахъ. Сталъ рвать на себѣ воротъ кружевной рубашки, задыхаясь.

— Развѣ онъ живъ?! Развѣ онъ можетъ быть живъ?!... Сумасшествіе! Сумасшествіе!—восклицалъ онъ.

— Успокой духъ въ себѣ, Григорьюшко-свѣтъ!—нѣжно пропѣлъ «батюшка».—А насчетъ того не сумлѣвайся, что государь нашъ Петръ Ѳеодоровичъ подлинно живъ и не умиралъ и умереть не можетъ!

— Дуракъ! Кому ты говоришь?—крикнулъ Потемкинъ.—Не я ли въ Ропшѣ на часахъ стоялъ, все видѣлъ, все слышалъ?... Можетъ ли онъ послѣ того быть живъ? То басни бабьи, дурацкія!

— Ахъ, нѣтъ, не басни, Григорьюшко, не басни! Живъ нашъ искупитель батюшка, государь Петръ Ѳеодоровичъ. Скрывался онъ, отецъ нашъ, въ пустыняхъ Сибирскихъ, въ лѣсахъ кедровыихъ, на Саянъ-горѣ высокой, а та гора—всему міру крыша. И присылалъ онъ, батюшка, вѣсточки сыну своему государю Павлу Петровичу, свѣту нашему, крестьянскому защитничку, присылалъ съ гонцами съ голубочками. Удостовѣрялъ онъ, государь сударь Петръ Ѳеодоровичъ, сиротъ своихъ, дѣтушекъ: не сумлѣвайтесь, скоро къ вамъ вернусь со славою и силою отъ страны восточныя, возсяду на всероссійскомъ престолѣ, открою всеобщій судъ, правый, скорый, да милостивый!

— Сумасшествіе! Бабьи басни!—повторялъ свѣтлѣйшій, метался въ креслѣ и терзалъ на себѣ одежды.

— А что о Ропшѣ изволишь говорить, Григорьюшко, то самъ знаешь, какъ дѣло было, что искупитель батюшка, государь земскій царь Петръ Ѳеодоровичъ платьемъ съ часовымъ смѣнялся съ простымъ, да не простымъ, солдатикомъ, чистымъ голубкомъ жертвеннымъ. И въ солдатскомъ одѣяніи государь батюшка скрылся, а его работничекъ, жертвенный голубокъ, въ Ропшѣ остался. И такъ-то вы, Григорьюшко, въ тѣ поры обмишенились!

— Довольно я слушалъ бредни твои, старый бродяга! На цѣпь тебя посажу въ безумномъ домѣ,—поднимаясь и садясь въ креслахъ, заговорилъ Потемкинъ.—Холодную воду на башку тебѣ капать велю. Смущаете народъ, бѣсноватые, и распущаете злую молву! Вѣдь ужъ приходилъ разъ вашъ Петръ Ѳеодоровичъ! Что жъ, не привезли ли его въ клѣткѣ въ Москву! И по указу благодѣтельницы моей государыни императрицы онаго обманщика, бродягу и самозванца четвертовали!

— Четвертовали вы точно, Григорьюшко, буйную казацкую головушку, Емельянушку, кабацкаго вольнаго постояльца, да не Петра Ѳеодоровича. Но сударь батюшка опять отъ васъ ушелъ, цѣлъ и невредимъ. А нынѣ онъ, батюшка, самъ персоною своею къ намъ катитъ, скоро вѣрныхъ слугъ своихъ златомъ, сребромъ

одарить, безсчетнымъ, за страданія-дарованія, крупна, скатна жемчуга, и съ пресвѣтлыми брильянтами.

— Ты лжешь, собака! И меня дразнишь! Ты наглый воръ и бродяга клейменый, и тебя на кобылѣ мастера кнутами драли еще при Елизаветъ Петровнѣ!—въ бѣшенствѣ закричалъ Потемкинъ, поднимаясь и подступая къ скопцу.—Гдѣ онъ? Гдѣ? Откуда катитъ? Покажи мнѣ его! Покажи мнѣ его!

Голосъ свѣтлѣйшаго гремѣлъ и рокоталъ подъ плафономъ покоя.

Но скопецъ только еще слаже улыбнулся и, конфузливо опустивъ вѣки, проворковалъ:

— А вглядись попристальнѣе, Григорьюшко, можетъ быть, и узнаешь!

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, до послѣдней степени пораженный словами изувѣра и какъ бы очарованный имъ, устремилъ зрячее око свое на темножелтое, одутловатое лицо скопца, и было ли то дѣйствіе разстроеннаго воображенія, или въ самомъ дѣлѣ въ чертахъ лица изувѣра имѣлось нѣчто общее съ голштинскимъ принцемъ, погибшимъ тридцать лѣтъ назадъ въ Ропшѣ, но только, пристально вглядѣвшись, онъ сталъ улавливать больше и больше проступавшій сквозь старость знакомый обликъ несчастнаго властелина...

— Петръ Третій!—вдругъ отчаянно закричалъ князь и рухнулся на полъ.

Скопцы посмотрѣли нѣсколько мгновеній на поверженнаго колосса, повернулись и неторопливо пошли вонъ изъ покоя, тихонько и согласно напѣвая тонкими, сладкими и сиповатыми голосами:

> Дай намъ, Господи, Ісуса Христа!
> Дай намъ Сына, Государь Божій!
> И помилуй, Сударь, насъ!
> Съ нами Духъ Государь Святый!
> Господь, помилуй, Сударь, насъ!
> Пресвятая Богородица!
> Проси свѣта объ насъ, Сына твоего,
> Бога нашего святого!
> Свѣтъ тобой спасенъ!
> Государь души нашей!
> Свѣтъ души нашей!
> Сударыня многогрѣшныхъ на земли,
> На сырой, Сударь, земли
> Свѣтъ на матушкѣ, на кормилицѣ...

Они безпрепятственно прошли амфиладой пустыхъ покоевъ и никѣмъ не замѣченные вышли изъ дворца. Поповъ въ эту минуту захлопотался съ тысячами дѣлъ по постройкѣ. Племянницы свѣтлѣйшаго хотя сидѣли въ сосѣдней гостиной, но не слышали ни

криковъ дяди, ни шума его паденія. Окна были открыты, и стукъ топоровъ, визгъ пилъ, крики сотенъ работниковъ, спѣшившихъ съ устройствомъ амфитеатра передъ дворцомъ для народнаго гулянья, все заглушали

Потемкинъ самъ очнулся и охая приподнялся и съ трудомъ добрался до кресла, поддерживая сильно разбитую голову. Отдышавшись, онъ дернулъ сонетку колокольчика. Поповъ явился мгновенно. Измѣнившимся, слабымъ голосомъ князь распорядился не трогать усадьбы скопцовъ, а только обставить ее такъ декораціями, чтобы совершенно скрыть отъ взоровъ. Затѣмъ онъ позвалъ племянницъ и, жалуясь на нездоровье, внезапно приключившееся, охая и еле двигаясь, съ ихъ помощью перебрался во временную спальню свою, устроенную въ достраиваемомъ домѣ въ отдаленномъ овальномъ покоѣ. Племянницы пришли въ полное отчаяніе отъ нездоровья за полчаса бодраго и веселаго князя, хлопотали около него и послали за придворнымъ докторомъ Роджерсономъ, хотя дядя ихъ и не вѣрилъ въ докторовъ. Что касается Попова, то онъ безъ всякаго удивленія выслушалъ перемѣну воли свѣтлѣйшаго. Но когда онъ удалился, то покачалъ головой и сильно задумался. Потомъ поздно ночью видѣли старичка изъ усадьбы «бѣлыхъ голубей», пробиравшагося въ контору къ правителю дѣлъ свѣтлѣйшаго. Этому никто значенія не придалъ, полагая, что за исхлопотаніе отмѣны распоряженія насчетъ сноса усадьбы старичокъ несетъ господину Попову приличную благодарность. Племянницы, впрочемъ, спрашивали дядю, не разстроили ли его изувѣры и уроды безбородые.

Но свѣтлѣйшій запретилъ имъ даже и упоминать о семъ неприличномъ предметѣ [1]).

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Основаніемъ для этихъ сценъ романа послужили подлинныя скопческія легенды XVIII столѣтія.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА [1].

XVI.

Таможенный вопросъ въ Финляндіи. — Моя аудіенція у государя. — Разговоръ по этому поводу съ княземъ Меншиковымъ. — Изученіе шведскаго языка. — Проектъ Ростовцева. — Отъѣздъ князя Меншикова. — Интриги его бывшихъ подчиненныхъ. — Моя аудіенція у великаго князя Константина Николаевича. — Неудовольствіе его на меня и непріятное объясненіе. — Наговоры государю на князя Меншикова. — Краббе. — Мѣры къ оборонѣ Финляндіи. — Клевета на меня. — Мнѣ удается не допустить объявленія Финляндіи на осадномъ положеніи. — Предложеніе мнѣ мѣста финляндскаго генералъ-губернатора и мой отказъ. — Вопросъ объ устройствѣ училищъ въ Финляндіи. — Холодный пріемъ у цесаревича. — Кончина императора Николая. — Характеристика приближенныхъ къ нему лицъ. — Наслѣдіе, оставленное новому царствованію. — Дѣло Война ховича. — Графъ Орловъ. — Мое назначеніе сенаторомъ.

Въ МИНУТУ вступленія моего въ должность товарища министра статсъ-секретаря наткнулся я на критическое обстоятельство.

За годъ до этого времени государь приказалъ снять таможенный кордонъ между Финляндіею и С.-Петербургскою губерніею и, вмѣсто того, охранять берегъ Финляндіи русскою таможенною стражею отъ вторженія контрабанды. Эта мысль привела въ ужасъ министра финансовъ, финляндскаго генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и барона Гартмана,—всѣхъ по разнымъ воззрѣніямъ и опасеніямъ. Сначала всѣ они высказывали слегка неудобства такой мѣры, или старались проволочить дѣло, надѣясь, что государь самъ отстанетъ отъ своей мысли, но когда замѣчанія ихъ остались безъ успѣха, и государь сталъ твердо настаивать на скорѣйшемъ исполненіи, они стали протестовать сильнѣе.

[1] Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 426.

На это былъ, конечно, самый способный Гартманъ. Вронченко, котораго интересы наиболѣе страдали, самъ парализовалъ свой вѣсъ, называя государя министромъ финансовъ, а себя—секретаремъ. Государь, очевидно, не уважалъ его. Вронченко самъ разсказывалъ своимъ подчиненнымъ, какъ государь закричалъ ему при докладѣ: утри носъ!—выводя изъ этого заключеніе, что нюхать табакъ опасно. Куда же ему послѣ этого оспаривать виды царскіе? Графъ Армфельтъ не имѣлъ прямого повода начинать споръ. Онъ, по своему званію, прежде всего докладчикъ представленій сената, не имѣющій собственной инициативы. Князь Меншиковъ боялся рѣзкихъ выраженій, и потому никогда не выражалъ съ должною яркостью своихъ мыслей. Я съ нимъ часто спорилъ объ этомъ, но онъ увѣрялъ меня, что я не знаю государя. Гартманъ имѣлъ искусство говорить весьма сильно и серьезно, не выражая страсти своимъ голосомъ, и съ почтительными тономъ и осанкою,—но съ нѣкоторыхъ поръ его убѣжденія не производили прежняго дѣйствія, и онъ потерялъ самоувѣренность; въ дѣлахъ, разрѣшаемыхъ чувствомъ вкуса или дипломатической тонкости, этого довольно, чтобы сдѣлать промахъ,—такъ точно, какъ мы всего болѣе краснѣемъ, когда боимся покраснѣть. Гартманъ говорилъ государю что-то про правà Финляндіи; цесаревичу онъ сказалъ между прочимъ «que le sang coulerait» [1]). Вышло, что онъ указывалъ на конституцію, какъ на право, а на послѣдствія, какъ на угрозу. Слова Армфельта были только внушенія. Князь Меншиковъ часто возвращался къ опроверженіямъ, но всегда такъ, какъ будто подъ нимъ двигался грунтъ. Вронченко вздумалъ говорить о финансахъ; государь отвѣчалъ ему: «что ты смыслишь», или что-то въ родѣ этого.

При такомъ положеніи таможеннаго вопроса приказано мнѣ было, въ воскресенье послѣ обѣдни, представиться государю; но не черезъ оберъ-камергера, а прямо черезъ князя Меншикова. Отсюда произошло, что и самое представленіе мое не пошло обыкновеннымъ путемъ. Въ ротондѣ я нашелъ рядъ лицъ представлявшихся, а я сталъ у входа. Государь прошелъ мимо меня въ коридоръ къ цесаревнѣ, бывшей тогда нездоровою. Только что государь вышелъ, графъ Шуваловъ объявилъ мнѣ, что представленіе кончено; я отвѣчалъ ему, что я еще не представлялся и явился по высочайшему повелѣнію, почему и могу уйти не иначе, какъ по такому же повелѣнію. Онъ отошелъ отъ меня, завидя государя, который, идя по коридору съ княземъ Меншиковымъ, разсказывалъ ему что-то объ австрійскомъ императорѣ. Проходя мимо меня, онъ спросилъ князя: Qui est ça? [2]) Я былъ названъ.—

[1]) Что кровь прольется.

[2]) Кто это?

слѣдовательно, первый актъ пріема совершился. Но потомъ Шуваловъ опять сказалъ мнѣ, что тутъ я не могу стоять, и указалъ мнѣ на ширму, стоявшую за дверьми, ведущими изъ ротонды въ залу, которая предшествовала кабинету государеву. Въ залѣ былъ Орловъ. Я было и сталъ за ширмы, но, услышавъ, что государь въ той же комнатѣ остановился говорить съ Орловымъ, я вышелъ оттуда на прежнее мѣсто, замѣтивъ Шувалову, что за ширмой дѣлаюсь я подслушивающимъ разговоръ его величества. Онъ опять ко мнѣ привязался, но тутъ вышелъ Орловъ отъ государя и сказалъ мнѣ, что государь меня ожидаетъ у себя въ кабинетѣ. Я былъ принятъ очаровательно ласково. Затѣмъ государь принялся разсказывать мнѣ дѣло о таможенномъ кордонѣ. Это былъ просто великолѣпный докладъ дѣла, всей его исторіи и настоящаго положенія. Государь говорилъ превосходно! При разсказѣ дѣла онъ коснулся положенія Финляндіи.

— Финляндія благоденствуетъ, — сказалъ онъ, прибавя съ горькою улыбкою:—если меня не обманываютъ.

Я прервалъ государя, сказавъ, что его не обманываютъ.

— Слава Богу!—продолжалъ государь и опять воротился къ вопросу. Кончивъ тономъ послѣдняго слова, т. е. твердой воли, онъ сдѣлалъ было шагъ ко мнѣ, когда я началъ говорить:

— Государь! цѣль ваша не можетъ быть не понята, но едва ли она можетъ быть исполнена.

Государь вдругъ покрылся сильнымъ румянцемъ, приподнялъ голову, расширилъ глаза и выпустилъ изъ нихъ пукъ молній такъ, какъ онъ одинъ умѣлъ высыпать ихъ изъ своего взора; еще одна секунда, и послѣдовалъ бы страшный взрывъ, но я продолжалъ говорить спокойно, смотря смѣло ему въ глаза, и видѣлъ, какъ улегалась буря, какъ выступало солнце на его выразительномъ лицѣ. Въ первый разъ я имѣлъ случай провѣрить слова Гартмана: «La figure de l'Empereur est une harpe éolienne, qui vibre au moindre souffle,—et c'est pourquoi je lui parle sans me déconcerter. Si je profère un son, qui lui donne une vibration forte,—je la vois à l'instant; je change de diapason, et je vois l'effet de chaque parole. Je contemple sa belle figure comme on écoute une belle musique» [1]). Что касается меня, je n'ai pas changé de diapason [2]); я докладывалъ государю, что географическое положеніе препятствуетъ устройству таможеннаго надзора въ другомъ мѣстѣ, что протяженіе финляндскаго берега составляетъ 1500 верстъ, и прибрежье

---

[1]) Лицо императора это Эолова арфа, которая дрожитъ при малѣйшемъ дуновеніи, и вотъ почему я съ нимъ говорю не смущаясь. Если я издаю звукъ, который даетъ ему сильное дрожаніе, я это сейчасъ вижу; я мѣняю объемъ голоса и вижу дѣйствіе каждаго слова. Я разсматриваю его прекрасное лицо, какъ слушаютъ прекрасную музыку.

[2]) Я не измѣнилъ объема голоса.

усѣяно безчисленными шхерами; что если на каждый островокъ поставить по одному стражу, то потребуется цѣлая дивизія, а стражъ ничего не сдѣлаетъ, потому что въ проходахъ между шхерами таможенные катера будутъ становиться на мель тамъ, гдѣ челнокъ контрабандиста плыветъ свободно; что Финляндія представляетъ воронку, обращенную широкимъ отверстіемъ къ морю, а узкимъ—къ Систербеку.

— Да,—сказалъ государь, — географическое положеніе! вотъ первая основательная причина, которую я слышу, а то всѣ говорятъ мнѣ вздоръ. Гартманъ сидитъ верхомъ на конституціи; Меншиковъ «финтитъ». Но,—прибавилъ онъ нерѣшительно, — я буду имѣть это въ виду; я переведу туда дивизію...

Подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, г. Фишеръ, благодарю васъ за будущую вашу службу; я ее знаю по вашей прошедшей.

Когда я поцѣловалъ ему плечо, онъ спросилъ меня: говорю ли я по-шведски; на отвѣтъ мой, что понимаю только шведскія бумаги,—государь прибавилъ:

— Прошу васъ говорить по-шведски; мнѣ это нужно! — и съ улыбкой:—Скоро ли вы надѣетесь выучиться?

— Государь! утверждать не смѣю, но, говоря по-нѣмецки и по-англійски, думаю, что могу говорить черезъ годъ или черезъ два и по-шведски.

— Стало быть, черезъ годъ! Смотрите же я васъ спрошу черезъ годъ,—сказалъ государь съ улыбкой, и опять пожалъ мнѣ руку.

Когда я вышелъ отъ государя, Шуваловъ смотрѣлъ на меня какъ на заморскаго звѣря. Князь Меншиковъ ждалъ меня въ коридорѣ. Увидя меня, онъ вполголоса, но съ жаромъ, спросилъ:

— Qu'avez vous donc fait là-bas pendant trois quarts d'heure? cela a fait sensation! Qu'avez vous pu dire?

— Mon prince, c'est l'empereur qui a parlé,—je ne l'ai fait que pendant cinq minutes; l'empereur m'a rapporté l'affaire des douanes, et parfaitement rapporté!

— Chut! ne parlez pas ici; mettez-vous dans ma voiture, et racontez moi le tout [1]).

Въ каретѣ я все пересказалъ. Князь слушалъ меня съ безпокойствомъ, и когда я кончилъ, сказалъ:

— Mon cher, vous avez joué gros jeu!

---

[1]) — Что же вы тамъ дѣлали цѣлыя три четверти часа? Это произвело впечатлѣніе! Что вы могли говорить?

— Князь, говорилъ императоръ, а я не болѣе пяти минутъ; императоръ разсказалъ мнѣ о таможенномъ дѣлѣ, и разсказалъ превосходно!

— Тише! не говорите здѣсь; садитесь въ мою карету и разскажите мнѣ все.

— Peut être que je l'ai joué,—отвѣчалъ я,—mais il parait que je ne l'ai pas perdu [1]).

Князь съ этимъ не соглашался, увѣрялъ меня, что государь мнѣ не проститъ этого, и обѣщалъ въ среду, при докладѣ, завести обо мнѣ рѣчь, чтобы узнать, какое впечатлѣніе осталось въ государѣ. Въ среду князь сказалъ мнѣ, что заводить обо мнѣ рѣчь не было надобности, что первыя слова государя были:

— Я видѣлъ Фишера; онъ мнѣ очень понравился; благородный, откровенный характеръ.

Меншиковъ оставался все-таки при томъ убѣжденіи, что такъ нельзя противорѣчить государю, что то, что мнѣ сошло благополучно, не сошло бы ему; а я допускалъ, что послѣ 25-тилѣтняго царствованія, князь Меншиковъ не могъ вдругъ перемѣнить свой образъ объясненій съ государемъ, но доказывалъ, что если бы съ самаго начала своихъ сношеній онъ говорилъ откровенно, безъ обиняковъ, то вреда не было бы.

— Вы не знаете государя,—заключилъ онъ.

— А я полагаю, что знаю его лучше, чѣмъ ваша свѣтлость.

Давъ государю слово выучиться по-шведски, я тотчасъ принялся за исполненіе. Это казалось мнѣ легче, чѣмъ научиться чистописанію, чтобы съѣздить за границу; запасся газетами и книгами и всю зиму прилежно читалъ, сперва сочиненія, которыхъ содержаніе было мнѣ извѣстно, а потомъ, когда усвоилъ себѣ аналогію словъ шведскихъ съ нѣмецкими и англійскими, перешелъ и къ другимъ. Такъ я составилъ себѣ значительный запасъ словъ, и понималъ уже безъ затрудненія, что читалъ своими глазами. Гораздо труднѣе было научить ухо. Самыя простыя фразы въ устахъ шведа были непонятны для моего уха; я слышалъ звуки, замолкавшіе прежде, чѣмъ слухъ мой умѣлъ разграничивать ихъ. Весной сѣлъ я въ коляску, взялъ съ собой чиновника, умѣвшаго говорить по-нѣмецки, пригласилъ его отвѣчать мнѣ всегда по-шведски, и отправился въ Финляндію. При въѣздѣ въ каждый приходъ являлись ко мнѣ ленсманы; я дѣлалъ имъ вопросы. Ихъ шведскіе отвѣты скороговоркой отзывались въ моихъ ушахъ, какъ шумъ катящихся съ горы каменьевъ,—какъ «въ стѣну горохъ». Черезъ недѣлю я началъ уже слышать, гдѣ оканчивается одно слово и гдѣ начинается другое; на обратномъ пути я понималъ уже порядочно, что мнѣ говорили, но самъ говорить не могъ, потому что слова, мнѣ нужныя, прятались такъ глубоко въ моемъ складѣ, что долго надо было рыться въ памяти, чтобы отыскать то, что нужно. Г. Мелартинъ оказался чрезвычайно глупымъ; онъ вообразилъ, что моя соображательная способность стояла на уровнѣ

---

[1]) — Любезный, вы играли большую игру!
— Можетъ быть, что я и игралъ, но кажется, что я не проигралъ.

моей шведской діалектики, и принялъ на себя роль дядьки. Финляндца понимать гораздо труднѣе, чѣмъ шведа; первый глотаетъ всѣ согласныя; второй, какъ бы наслаждаясь гармоніей своего языка, съ кокетствомъ произноситъ каждую букву. Шведъ произноситъ Hvad är det (Qu'est-ce?) [1]) точно такъ, какъ пишетъ; финляндецъ говоритъ: Waëde? Черезъ два мѣсяца поѣхалъ я опять въ Финляндію на мѣсяцъ, въ сопровожденіи г. Хелле́на, — и къ сроку понималъ и говорилъ по-шведски. Это ни мнѣ, ни государю не понадобилось.

Служба моя въ статсъ-секретаріатѣ была необыкновенно пріятна. Графъ Армфельтъ, просвѣщенный, умный, добрый, рѣдкой симпатичности; въ вѣжливости онъ не уступалъ кн. Меншикову, но въ его вѣжливости была теплота, которой не имѣлъ Меншиковъ. Въ немъ нѣтъ столько ума, какъ въ князѣ Меншиковѣ, но гораздо болѣе сердца. Отношенія наши были наилучшія. Каждое лѣто 4 мѣсяца я былъ свободенъ, и ѣздилъ или въ деревню, или за границу. У князя Меншикова я сохранялъ прежнія занятія, по дружбѣ. Различіе нашего возраста сглаживалось временемъ. Когда я познакомился съ Меншиковымъ, мнѣ было 22 года, и я начиналъ службу, а ему за 40 лѣтъ, и онъ былъ генералъ-адъютантъ; теперь мнѣ было 45 лѣтъ, а ему 63; онъ былъ министръ,—я товарищъ министра: дружба была между нами возможна. Въ такомъ положеніи засталъ меня Восточный вопросъ, разлучившій меня съ княземъ Меншиковымъ.

Передъ его отъѣздомъ представился непріятный случай, гдѣ Меншиковъ въ первый разъ забылъ свою обыкновенную преувеличенную осторожность и поступилъ непростительно. Въ Фридрихсгамѣ есть финляндскій кадетскій корпусъ, содержащійся на финляндскія суммы, но, какъ военно-учебное заведеніе, зависѣвшій отъ штаба военно-учебныхъ заведеній подъ главнымъ начальствомъ цесаревича, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ канцлеромъ гельсингфорсскаго университета. Ростовцевъ сочинилъ бумагу, совершенно достойную его купеческаго происхожденія. Онъ писалъ, что учителя и офицеры корпуса, получающіе 300 р. содержанія за преподаваніе въ классахъ, даютъ по 200 и 300 часовыхъ уроковъ въ годъ, слѣдовательно имѣютъ отъ 1 р. до $1^1/_2$ р. за урокъ; коллеги въ финляндскихъ гимназіяхъ получаютъ столько же, но преподаютъ по 150 или 200 часовъ, а профессора Александровскаго университета получаютъ 1000 р. и даютъ не болѣе 100 уроковъ, т. е. имѣютъ по 10 р. за урокъ. Развѣсивъ труды на вѣсахъ, какъ взвѣшиваютъ пеньку, сало или сахарный песокъ, Ростовцевъ, съ полнымъ знаніемъ первоначальной ариѳметики, вывелъ, сколько должны получать учителя въ корпусѣ и сколько

---

[1]) Что это?

для сего нужно прибавить къ штатной суммѣ. Эту бумагу подсунулъ онъ къ подписанію цесаревича, давъ ей форму рескрипта финляндскому генералъ-губернатору. Князь переслалъ ко мнѣ это письмо при запискѣ: «Admirez l'éloquence du moderne Demosthène et donnez du relief à toutes ces absurdités» [1]).

Я написалъ соображеніе, въ которомъ, разобравъ подробно ошибки и нелѣпости, сказалъ между прочимъ, что трудъ умственный нельзя мѣрить часами, что если бы это было правильно, то ротный командиръ долженъ бы былъ получать болѣе содержанія, чѣмъ главнокомандующій,—что низводить профессоровъ на степень поденщиковъ менѣе всего удобно канцлеру, защитнику и покровителю университета, что посему генералъ-губернаторъ проситъ написать ему другое отношеніе, которое онъ могъ бы передать въ канцелярію, и просить только о прибавкѣ суммы, съ умолчаніемъ доводовъ, представленныхъ его высочеству штабомъ военно-учебныхъ заведеній. Цѣль этой записки была объяснить партикулярно цесаревичу, въ какіе промахи вводитъ его Ростовцевъ, и предостеречь отъ впечатлѣнія, какое произведено было бы рескриптомъ на Финляндію, и повредило бы его популярности. Я доложилъ князю, что моя бумага не можетъ имѣть ни подписи, ни номера, что это не иное что, какъ словесное объясненіе, что не угодно ли ему повидаться съ цесаревичемъ и объяснить ему изустно все, что я написалъ,—оставя у него записку лишь въ томъ случаѣ, если цесаревичъ, выслушавъ замѣчанія князя, пожелаетъ имѣть письменное ихъ изложеніе. Условились. Меншиковъ положилъ записку въ бѣлый не запечатанный конвертъ и поѣхалъ къ наслѣднику. Не заставъ его высочества, Меншиковъ оставилъ этотъ пакетъ адъютанту, прося передать его цесаревичу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело чтеніе этой неожиданной бумаги, безъ всякой предварительно разъясненной цѣли ея. Ростовцевъ, на котораго бумага эта была исключительно направлена, постарался, разумѣется, усилить ея колоритъ и объяснить ея цѣль по-своему. Цесаревичъ, по свойственной ему кротости, не разсердился, но огорчился. Онъ говорилъ Армфельту, что, душевно уважая Меншикова и всегда показывая ему свое уваженіе, онъ тѣмъ болѣе огорчается злобною, ироническою бумагою, которую князь такъ безцеремонно ему передалъ, даже не лично. Армфельтъ отвѣчалъ, что намѣренія со стороны князя допустить невозможно, что Фишеръ долженъ знать близко заднюю мысль и что если его высочество допуститъ Фишера къ аудіенціи, то онъ увѣренъ, что недоразумѣніе объяснится. Цесаревичъ отвѣчалъ: «je ne demanderais pas mieux» [2]). Къ несчастію, я былъ въ это время въ отсутствіи,

---

[1]) Подивитесь краснорѣчію новаго Демосѳена и оттѣните всѣ эти нелѣпости.
[2]) Я не желалъ бы лучшаго.

а по моемъ пріѣздѣ Армфельтъ напомнилъ обо мнѣ цесаревичу, однако я не былъ призываемъ. Вѣроятно, Ростовцевъ, въ интересахъ котораго не было мое объясненіе, принялъ противъ этого какія-либо свойственныя его характеру мѣры.

Не успѣлъ князь Меншиковъ выѣхать изъ столицы, и великій князь Константинъ принять морское министерство, какъ всѣ, имъ выведенные, имъ облагодѣтельствованные, стали выпытывать, какое положеніе принять въ отношеніе къ прежнему начальнику. Мелиховъ, служившій обоюднымъ шпіономъ въ Николаевѣ, въ 1828 году, теперь уже вице-адмиралъ, болѣе всѣхъ сталъ чернить князя и, какъ его спутника, и меня, остававшагося при морской кодификаціи по просьбѣ князя, который, надѣясь воротиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, упросилъ меня не сдавать канцеляріи до его пріѣзда. Воры, которыхъ князь обходилъ чинами, вмѣсто того, чтобы выгонять изъ службы, платили ему за это, какъ подобаетъ ворамъ. Про меня Мелиховъ сказалъ, что я получаю 20 лѣтъ 10 т. р. за канцелярію свода морскихъ постановленій и ничего не сдѣлалъ, а великій князь повторялъ это, на вѣру Мелихова. Всѣ управлявшіе отдѣльными частями приглашены подать «откровенные» отчеты о состояніи ихъ частей, и если онѣ въ дурномъ положеніи, «откровенно» сказать, что тому причиною. Какъ поняли эту откровенность управлявшіе, утверждать не могу; я же подалъ отчетъ, въ которомъ изобразилъ громадность труда и скудость средствъ, выразивъ при этомъ, что сводъ постановленій, работа, въ умственномъ смыслѣ ничтожная, требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ начертаніе новаго положенія, ибо послѣднее диктуется умомъ, а первое требуетъ цитатъ, которыхъ иногда нельзя пріискать ни въ одномъ архивѣ. Великому князю растолковали, что это стрѣла, пущенная въ него, ибо онъ издалъ одинъ отдѣлъ новаго морского устава. Когда я принесъ свой отчетъ, великій князь принялъ меня изрядно и, услышавъ, что я старался въ особенности исполнить его волю въ отношеніи къ откровенности,—даже очень хорошо; благодарилъ меня, объявилъ мнѣ, что онъ «juge compétent» [1]), и что прочитаетъ мой отчетъ со вниманіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, долгъ благодарности на моей сторонѣ,— сказалъ я.—Ваше высочество изволите увидѣть, что я ничего не получалъ за эту канцелярію, работалъ 12 лѣтъ безвозмездно, и сдѣлалъ довольно много.

Слова мои были приняты неблагосклонно. По прочтеніи же отчета я получилъ приказаніе явиться къ его высочеству.

— Какъ вы смѣли написать, что сочиненіе новаго устава не стоитъ труда, когда вы знаете, что я написалъ уставъ?

---

[1]) Полноправный судья.

— Я излагалъ откровенно свои убѣжденія!—отвѣчалъ я.

— Такъ вы не видѣли, что я перечиталъ французскіе и англійскіе уставы?

— Ваше высочество! я далекъ былъ отъ мысли критиковать новый уставъ; я привелъ свое разсужденіе только для оправданія собственной моей медленности; мнѣ приходилось перечитывать десятки томовъ только для того, чтобы убѣдиться, что закона не было, что правило введено произвольно и укрѣплено практикою.

— Такъ я вамъ покажу, что я кончу дѣло въ годъ.

— Ваше высочество! я никогда не равнялъ себя съ вами, ни въ способностяхъ, ни въ средствахъ, и смѣю думать, что лучшій успѣхъ дѣла подъ вашимъ руководствомъ не можетъ послужить мнѣ укоромъ: вы въ совершенно другомъ положеніи.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ повѣстку не являться къ его высочеству безъ приказанія, и если имѣю надобность въ личномъ докладѣ, то чтобы испрашивалъ разрѣшенія. Эта повѣстка была предметомъ роскоши, потому что я никогда не являлся къ его высочеству.

Въ маѣ я получилъ по докладу гр. Армфельта отпускъ за границу, о чемъ донесъ его высочеству и просилъ его соизволенія отправиться такого-то числа; на докладѣ написано: «согласенъ», и я уѣхалъ. Прибывъ въ Петербургъ, я получаю приказаніе явиться къ его высочеству.

— Какое право имѣете вы уѣзжать не сказавшись?—этимъ встрѣтилъ меня великій князь.

— Я уѣхалъ съ вашего согласія,—отвѣчалъ я.

— Вы обязаны были ко мнѣ явиться!

— Я не могъ этого сдѣлать, потому что получилъ запрещеніе являться безъ приказанія.

— Вы считаете себя равнымъ мнѣ, пожалуй, по вашему званію! Вообще странно, что вы сохраняете за собой мѣсто въ морскомъ вѣдомствѣ.

— Ваше высочество! я не такъ безразсуденъ, чтобы равняться съ вами, а въ морскомъ вѣдомствѣ я остаюсь по просьбѣ князя Меншикова. Это для меня не милость, а жертва.

— Мое почтеніе!—сказалъ великій князь, и я вышелъ.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ извѣщеніе великаго князя, что онъ поручилъ кодификацію, не помню, 4-мъ или 5-ти комиссіямъ изъ контръ-адмираловъ, капитановъ и гражданскихъ чиновниковъ каждая, всего человѣкъ 25 (у меня было 3 чиновника), которые однако и до сихъ поръ не сдѣлали свода. Я написалъ о томъ князю, и получилъ въ отвѣтъ отъ 17 октября 1853 г.:

«Le Grand Duc ne m'a transmis aucune information sur le morullement de la chancellerie de codification en divers comités, dont le personnel, tel que vous me l'avez désigné, n'est pas des plus

heureuz. Un des membres serait une spécialité pour l'administration des ports; il y a fait ses preuves en volant á Cronstadt 2500 poudes de goudron. Par prévision, j'avais écrit une lettre particulière au Grand Duc, où je lui disais, que s'il comptait proposer des changements dans l'administration de la marine, dont il sera probablement bientôt le chef immédiat, je le priai d'attendre mon retour pour que je puisse lui transmettre personnellement différentes améliorations que j'avais déjà en vue. Il m'a répondu que c'est ainsi qu'il l'entendait». [1])

Послѣ перехода непріятельскихъ войскъ на южную сторону Севастополя государь сказалъ одному офицеру, отправлявшемуся туда, что фельдмаршальскій жезлъ князя Меншикова у него на столѣ, пусть князь кончитъ дѣло и пріѣдетъ взять его. Это нанесло послѣдній ударъ. Многіе, окружившіе престолъ, которыхъ я имѣлъ случай видѣть, и впереди ихъ Орловъ, не могли скрыть, что они гораздо болѣе страшились явки Меншикова на приглашеніе государя, чѣмъ разбитія нашей арміи; дисциплину разрушали всѣми средствами. Инкерманское дѣло князь не могъ возобновить оттого, что у него не было пороху. Меншиковъ, котораго умъ цѣнилъ императоръ Александръ и доселѣ Николай, прослылъ глупымъ; герой 1828 и 1829 года оказался въ 1854 г. совершенно неспособнымъ въ глазахъ придворныхъ; человѣкъ, который надоѣдалъ своею вѣжливостью, и звалъ къ себѣ моего писаря на чай за то, что онъ имѣлъ обязательность принять изъ казначейства его арендныя деньги, прославленъ грубіяномъ, являющимся въ пальто къ султану. Наконецъ, женская интрига изобрѣла оружіе еще болѣе мѣткое: говорили государю sans nier ses mérites, que Menchikoff était sa mauvaise étoile [2]).

Въ 1855 г. 12 февраля, за недѣлю до кончины государя, Меншиковъ писалъ мнѣ изъ Севастополя: «Je vous remercie pour vos bonnes lettres du 25 décembre, 2 et 9 janvier; les lettres qu'on reçoit de ses amis sont un véritable baume de consolation, quand l'on se trouve, comme moi, calomnié et presque honni, tant par la cour que par la capitale. Je ne vous entretiendrai pas de tout ce que

---

[1]) «Великій князь не передавалъ мнѣ никакого извѣщенія о преобразованіи канцеляріи кодификаціи во многіе комитеты, составъ которыхъ, такой, какъ вы мнѣ его изобразили, но изъ удачныхъ. Одинъ изъ членовъ годился бы особенно для завѣдыванія портами; онъ доказалъ въ этомъ свои способности, укравъ въ Кронштадтѣ 2500 пудовъ смолы. Предусматривая это, я написалъ великому князю частное письмо, въ которомъ ему сказалъ, что если онъ разсчитываетъ предложить перемѣны въ управленіи флота, котораго онъ будетъ, вѣроятно, скоро непосредственнымъ начальникомъ, я прошу его подождать моего возвращенія, чтобы я могъ лично передать ему различныя улучшенія, которыя я имѣлъ уже въ виду. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ такъ и предполагаетъ.

[2]) Не отрицая его достоинствъ, что Меншиковъ былъ его несчастливой звѣздой.

j'èprouve, et de la difficulté de ma position. Le porteur de cette lettre vous en fera le récit» [1]).

Le porteur [2]) былъ Краббе, адъютантъ князя Меншикова. Князь сблизилъ его съ своимъ домомъ еще въ мичманскомъ чинѣ, потому что отецъ его служилъ на Кавказѣ, въ который князь былъ рѣшительно влюбленъ. Краббе былъ тогда, какъ и теперь, величайшій невѣжда, едва умѣвшій писать, но остроумный, расторопный и фигляръ. Потомъ князь сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, но на службу сталъ употреблять его дѣятельно только по выбытіи изъ адъютантовъ смышленаго и неутомимаго Васильева, — на службу, поколику она не требовала ни познаній, ни грамоты. Князь Меншиковъ давно уже тяготился директоромъ своей канцеляріи А. А. Жандромъ; говорилъ всѣмъ, что желалъ бы какъ-нибудь отъ него избавиться, адъютантамъ, секретарямъ, знакомымъ, но только не ему самому. Во всемъ домѣ повторяли отзывъ князя на вопросъ, сдѣланный ему: «Comment va votre gendre?» [3]) (Вадковскій, лежавшій въ лихорадкѣ).

— Lequel? j'en ai deux, mais aucun ne m'a réussi [4]).

Но Жандръ имѣлъ свою философію и продолжалъ наслаждаться преимуществами своего мѣста. Наконецъ, около 1850 года, онъ сталъ ему не въ мочь. Князь предложилъ мнѣ его мѣсто, но я отвѣчалъ, что это уже слишкомъ поздно. Въ 1852 году, или нѣсколько ранѣе, я совѣтовалъ князю назначить Краббе директоромъ канцеляріи, находя, что для переписки, которая въ канцеляріи не мудреная, онъ можетъ имѣть грамотныхъ начальниковъ отдѣленія, но что онъ пользуется репутаціею обязательнаго человѣка и не будетъ становиться ширмою между княземъ и флотомъ. Князь одобрилъ эту мысль, однакоже посовѣстился, и просилъ меня «поучить» Краббе, дабы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, написать записочку лучше П. А. Колзакова. Его прикомандировали ко мнѣ въ канцелярію, а между тѣмъ услали князя въ Константинополь. Краббе былъ нѣсколько разъ присылаемъ сюда изъ Севастополя съ донесеніями и держалъ себя въ отношеніи къ князю Меншикову очень хорошо. Не вдаваясь въ полемику о достоинствахъ нашей крымской арміи, которая была прескверная, онъ очень ловко аттестовалъ ее; такъ, разсказавъ Орлову подроб-

---

[1]) Благодарю васъ за ваши добрыя письма отъ 25 декабря, 2 и 9 января; письма, которыя получаешь отъ своихъ друзей, настоящій бальзамъ утѣшенія, когда бываешь, какъ я, оклеветанъ и почти опозоренъ, какъ дворомъ, такъ и столицею. Я не пишу вамъ обо всемъ, что я испытываю, и о затруднительности моего положенія. Податель этого письма вамъ все разскажетъ.

[2]) Податель.

[3]) Какъ поживаетъ вашъ зять?

[4]) Который? У меня ихъ два, и ни одинъ не удался.

ности Инкерманскаго дѣла и выслушавъ злорадныя сожалѣнія Орлова, Краббе прибавилъ:

— Но это дѣло имѣло и хорошія послѣдствія!

— Какія?—спросилъ Орловъ.

— Всѣ полковые командиры перебиты!—отвѣчалъ пресерьезно Краббе.

Это разсказывалъ мнѣ самъ А. Ѳ. Орловъ.

Въ другой разъ, когда великій князь Константинъ сталъ чернить князя Меншикова, Краббе всталъ и просилъ его высочество не говорить такъ о князѣ: «онъ мнѣ благодѣтель; я не могу слушать слова, ему оскорбительныя!» Это говорилъ мнѣ Краббе, и я ему вѣрю,—но когда онъ, за эту доблесть, сталъ ближе къ великому князю, политика его измѣнилась; онъ сталъ порицать Меншикова съ тою же смѣлостью, съ какою прежде заступался за него,—и замѣчательно! быстрота его повышеній совпадала съ яростью его нападокъ на репутацію Меншикова! Теперь онъ управляющій морскимъ министерствомъ, со всѣми почестями и преимуществами званія, но онъ можетъ откровеннѣе и вѣрнѣе сказать великому князю, чѣмъ Врончепко говорилъ государю: «Какой же я министръ? я секретарь вашего высочества!» прибавя къ слову секретарь: не умѣющій писать.—Да Богъ съ нимъ!

Кн. Меншиковъ оставилъ въ Финляндіи экономію, почти равняющуюся двухлѣтней бюджетной суммѣ статнаго дохода. Съ наступленіемъ весны 1854 г. генералъ-адмиралъ взялъ на себя устроить морскую оборону; придумалъ какихъ-то вольныхъ матросовъ; наняли купеческія суда, набрали по найму тысячи бродягъ въ должность матросовъ на эти суда. Не знаю, чего стоила эта флотилія Петра Пустынника государственному казначейству, но знаю, что эти защитники почти всю слѣдующую зиму грабили проѣзжихъ по петергофскому шоссе и что вся финляндская экономія истрачена. Исправлявшій должность генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Рокасовскій доносилъ государю, что денегъ въ финляндской казнѣ остается на нѣсколько недѣль и что необходимо сдѣлать «секретный заемъ». Баронъ Гартманъ, соглашаясь въ томъ, что денегъ недостанетъ, оспаривалъ форму займа, предложенную Рокасовскимъ, и предлагалъ публичный внутренній заемъ. Государь приказалъ послать меня въ Финляндію съ тѣмъ, чтобы я, по взаимномъ совѣщаніи, привезъ ему свое заключеніе, какой заемъ лучше. Хитрый, самолюбивый Гартманъ уѣхалъ изъ Гельсингфорса; Рокасовскій просилъ меня торопиться, потому что въ кассѣ только 150 т. руб. (мѣсячная бюджетная сумма). Я позвалъ помощника начальника финансовой экспедиціи Борна, составилъ самъ форму вѣдомости и поручилъ Борну дать мнѣ свѣдѣніе о рессурсахъ, составленное по этой формѣ. Оказалось, что касса имѣетъ еще милліонъ рублей. Воротясь въ Петербургъ, я

донесъ государю, что займа никакого не нужно; деньги еще есть; что если опять понадобятся экстраординарные расходы, то правительство можетъ употребить фонды, назначенные на ссуды фабрикамъ, во-1-хъ, потому, что правительство не обязано давать ссуды, когда само не имѣетъ денегъ, и, во-2-хъ, потому, что въ военное время неумѣстно распространеніе новыхъ фабрикъ на занятыя деньги, и что подобныя спекуляціи кончились бы банкротствомъ; въ этомъ же докладѣ я намекалъ о неосторожности одобрять проекты прежде расчета, во что они обойдутся и можетъ ли край вынести такой расходъ. Государь утвердилъ мое мнѣніе, но финляндскій сенатъ вошелъ съ новымъ представленіемъ, въ которомъ опровергалъ мои основанія. Тогда я вошелъ съ вторичнымъ докладомъ, и побѣда осталась за мною.

На меня были давно сердиты: судебныя высшія власти — за законъ о викаріяхъ; расточители—за законъ о прекращеніи взаимныхъ личныхъ поручительствъ; литераторы—за законъ о финскихъ брошюрахъ; винокуры—за проектъ о наказаніяхъ за корчемство. Теперь разсердился и весь сенатъ, за fiasco [1]) его финансовыхъ плановъ. Нашли средство повредить мнѣ; увѣрили Ростовцева, что пасквиль на его предположеніе о финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ—моя штука, что князь Меншиковъ не зналъ содержанія бумаги, понесенной имъ къ цесаревичу, и что онъ вообще подписываетъ все, что я подаю ему, не читая (таковскій!). Ростовцевъ пересказалъ это наслѣднику. Я не знаю, какъ принялъ это наслѣдникъ, но могу себѣ представить: онъ оказывалъ мнѣ благоволеніе выше заслугъ моихъ, а я — заплатилъ за это подлымъ, ядовитымъ дѣйствіемъ! Таковъ былъ бы смыслъ его впечатлѣній, если бы то, что ему сказали, не было клеветою. Я могъ скорбѣть, могъ сердиться за то, что цесаревичъ повѣрилъ такому обо мнѣ разсказу, ибо мои правила обозначились уже всею моею службою, но, допустивъ возможность вѣры клеветѣ, — я не могъ имѣть сомнѣнія и о томъ свѣтѣ, въ какомъ я ему представляться долженъ. Это все было въ октябрѣ 1854 г.

Въ ноябрѣ возникли затрудненія насчетъ управленія Финляндіей. Государь нашелъ, что Рокасовскій неспособенъ къ оборонѣ Финляндіи, и предложилъ Н. Н. Муравьеву командованіе войсками въ Финляндіи. Рокасовскій не хотѣлъ оставаться при половинѣ прежнихъ правъ, а Муравьевъ затруднялся принять на себя гражданское управленіе. Этотъ вопросъ не интересовалъ меня, но въ то же время государь приказалъ объявить Финляндію въ осадномъ положеніи. Повелѣніе это, еще не объявленное, но уже извѣстное, произвело тревожное дѣйствіе на финляндскія власти;

[1]) Неудачу.

всѣ были убѣждены, что это можетъ имѣть весьма печальныя слѣдствія, но знали и то, что вмѣшиваться въ эту сферу царскихъ распоряженій было чрезвычайно опасно. Я рѣшился высказать государю правду; написалъ записку, въ которой доказывалъ, что въ Финляндіи осадное положеніе и опасно и ненужно; что тамъ администрація такъ устроена, что главнокомандующій не потеряетъ нисколько времени, обращаясь съ своими требованіями къ ординарнымъ властямъ, а не прямо къ обывателямъ,—и, для большаго убѣжденія, приложилъ и программу отношеній военнаго начальства къ гражданскому. Армфельтъ, какъ финляндецъ, желалъ, чтобы мое мнѣніе было извѣстно, но, какъ добрый человѣкъ, опасался за меня и уговаривалъ меня взять докладъ назадъ. Я на это не согласился: Fais ce que dois, arrive que pourra [1]). Армфельтъ передалъ мой докладъ цесаревичу, а его высочество, довольно нерѣшительно, подалъ его государю. Узнавъ, въ чемъ дѣло, государь взялъ бумагу съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, сталъ читать ее, успокоился, просвѣтлѣлъ и, написавъ на докладѣ: совершенно справедливо, пожаловалъ мнѣ орденъ Владимира 2-й степени. Ни военнаго, ни осаднаго положенія въ Финляндіи не было.

Между тѣмъ Муравьевъ рѣшительно отказался отъ командованія войсками въ Финляндіи, и оно ввѣрено генералъ-адъютанту Бергу. Государь, слѣдуя моей программѣ, приказалъ Армфельту представить ему списокъ лицъ, изъ которыхъ онъ могъ бы выбрать финляндскаго генералъ-губернатора, не командующаго войсками. Армфельтъ сталъ читать ему съ разстановкою имена. По третьему имени, государь сказалъ:

— Vous n'avez qu'à lire, mais j'ai mon candidat: c'est Fischer; allez immédiatement chez lui et priez le de ma part d'accepter cette place: dites lui, que je l'en prie! [2])

Армфельтъ пріѣхалъ ко мнѣ и пересказалъ мнѣ все. Я тутъ же написалъ письмо къ нему, въ которомъ, изъясняя глубочайшую признательность государю, приводилъ слабость моего здоровья въ видѣ препятствія принять мѣсто, и какъ здоровье мое всего плоше лѣтомъ, то я находилъ, что interregnum [3]), могущее произойти отъ моей болѣзни лѣтомъ, въ разгаръ военныхъ дѣйствій, можетъ имѣть весьма неблагопріятное вліяніе на ходъ внутренняго управленія.

— Voilà, m-r le comte,—сказалъ я, отдавая ему письмо,—ma réponse officielle! Si Monseigneur l'Héritier vous demande les raisons réelles, qui m'empechèrent d'accepter une place aussi honorable,

---

[1]) Исполняй свой долгъ, несмотря ни на какія послѣдствія.

[2]) Вы можете прочитать, но у меня есть свой кандидатъ: это Фишеръ; отправьтесь непосредственно къ нему и попросите его отъ меня принять это мѣсто: скажите ему, что я прошу его объ этомъ.

[3]) Междуцарствіе.

veuillez lui dire, qu'elles reposent dans la personne du général Berg. Je sais qu'il est d'un caractère inquiet, et qu'il brigue la place de gouverneur général. Je crains qu'il ne m'adresse des demandes, dont l'éxécution ruinerait le pays. Si j'y acquiesce,—le pays me maudira; si je m'y oppose—le general portera plainte, et en cas d'échec militaire jettera toutes ses fautes sur moi,—et j'aurai le malheur de perdre la bonne opinion que l'Empereur a de moi jusqu'à ce moment [1]).

Совершенно забылъ, было ли это въ 1854 г. и совпадало ли съ назначеніемъ Берга главнокомандующимъ. Припоминаю, что онъ командовалъ уже, когда англичане бомбардировали берега. Впрочемъ, такъ какъ я пишу не для исторіи, и факты остаются фактами, то и оставляю числа безъ дальнѣйшей повѣрки.

Въ январѣ опять вышелъ расколъ въ вопросѣ объ устройствѣ училищъ. Сенатъ былъ одного мнѣнія, епископы другого, князь Меншиковъ третьяго.

Для рѣшенія этого вопроса государь опять приказалъ послать меня въ Гельсингфорсъ. Между тѣмъ цесаревичу напѣли, будто проектъ Меншикова мой (что̀ такъ и было), будто я такой самонадѣянный, что не допускаю никакой чужой мысли; согрѣли опять исторію объ окладахъ финляндскаго кадетскаго корпуса, словомъ, сдѣлали все, что можно, чтобы уронить меня во мнѣніи наслѣдника, не смѣя говорить противъ меня государю, ибо государь вывелъ бы все на чистую воду.

Съѣздивъ въ Гельсингфорсъ, переговоривъ съ педагогами и съ епископомъ въ Борго, я изложилъ въ моей запискѣ свое мнѣніе насчетъ училищъ; я опровергалъ мнѣніе сената, предлагавшаго реальныя гимназіи, тѣмъ, что онѣ уничтожили бы серьезное и религіозное направленіе преподаванія; я находилъ противъ мнѣнія епископовъ, что исключительное подчиненіе имъ всѣхъ училищъ не оправдалось опытомъ, ибо епископы потворствовали своимъ коллегамъ-богословамъ и вовсе не заботились о дисциплинарномъ положеніи училищъ; я предпочиталъ оставить гимназіи классическія, съ нѣсколькими высшими техническими классами, и присоединить къ епископскому надзору совмѣстный надзоръ губернато-

[1]) Вотъ, графъ, мой официіальный отвѣтъ! Если государь наслѣдникъ спроситъ васъ о дѣйствительныхъ причинахъ, которыя помѣшали мнѣ принять столь почетное мѣсто, то благоволите ему сказать, что онѣ основываются на личности генерала Берга. Я знаю, что у него безпокойный характеръ, и что онъ домогается мѣста генералъ-губернатора. Я боюсь, что онъ будетъ обращаться ко мнѣ съ просьбами, исполненіе которыхъ разоритъ край. Если я соглашусь на нихъ — страна меня будетъ проклинать; если я имъ буду сопротивляться — генералъ будетъ жаловаться, и въ случаѣ военной неудачи свалитъ всѣ свои ошибки на меня, — и я буду имѣть несчастіе потерять хорошее мнѣніе, которое до сихъ поръ имѣетъ обо мнѣ императоръ.

ровъ. Въ особой запискѣ я говорилъ, что, какъ ни сильно мое убѣжденіе, полезно было бы составить изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ комитетъ, которому сообщить всѣ три проекта, не называя ихъ авторовъ, съ тѣмъ, чтобы комитетъ сказалъ, который изъ нихъ лучше, не стѣсняясь іерархическими уваженіями.

Я воротился въ Петербургъ за три дня до кончины государя. Не знавъ въ то время о наговорахъ, противъ меня сдѣланныхъ, я былъ смущенъ холодностью пріема цесаревича. Зная, что его высочеству поручено уже было управленіе дѣлами имперіи, я не смѣлъ обременять его вовсе неспѣшнымъ дѣломъ, и потому оставилъ портфель у двери въ кабинетъ на стулѣ. Цесаревичъ спросилъ меня сухо, отчего у меня нѣтъ доклада объ исполненномъ порученіи, — и на мой отзывъ, что я не представляю его по несвоевременности, цесаревичъ такъ же сухо объявилъ мнѣ, что онъ не видитъ препятствій. Доложивъ, что докладъ у меня за дверью, я изложилъ свои мысли объ училищахъ и, какъ видно было, получилъ одобреніе, ибо наслѣдникъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ раздѣляетъ мои мысли и сейчасъ доложитъ мою записку государю.

— Государю сегодня гораздо лучше!—прибавилъ онъ.

Я осмѣлился отозваться.

— Ваше высочество! дозвольте мнѣ говорить съ полною откровенностью!

Получивъ дозволеніе, я продолжалъ:

— Ваше высочество! юношество есть самое драгоцѣнное достояніе родителей, на которое правительство имѣетъ гораздо меньше права, чѣмъ на всякое другое частное достояніе. Поэтому неосторожно бы было распорядиться участью дѣтей на основаніи какого-нибудь личнаго соображенія. Я говорилъ объ училищахъ по убѣжденію, но мое убѣжденіе можетъ быть ошибочно. Спросите лучше у родителей или ихъ повѣренныхъ, чего они желаютъ для назиданія дѣтей своихъ! Повѣренными я называю духовенство и лучшихъ педагоговъ, такихъ, къ которымъ родители отдаютъ своихъ дѣтей преимущественно. Ихъ нетрудно узнать; въ Гельсингфорсѣ, напримѣръ, рядомъ съ гимназіей, гдѣ преподаваніе безвозмездно, стоитъ пансіонъ Бакмана, въ которомъ за слушаніе лекцій платятъ 100 рублей. Гимназія даровая пуста, а дорогой пансіонъ Бакмана переполненъ. Слѣдовательно, Бакманъ есть повѣренный всѣхъ родителей, которыхъ дѣти у него учатся. Прикажите, ваше высочество, составить изъ такихъ людей комитетъ и поручить ему пересмотрѣть всѣ проекты.

Цесаревичъ, казалось, былъ удивленъ моею рѣчью, но пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Это дѣлаетъ вамъ честь! Отдайте мнѣ записки!

Думалъ ли я, что черезъ два дня великій князь, съ которымъ я говорилъ, будетъ моимъ государемъ! Черезъ два дня скончался Николай Павловичъ!

Николай Павловичъ служилъ Россіи такъ усердно, какъ не служилъ ей ни одинъ изъ его подданныхъ; онъ трудился добросовѣстно, но ошибался въ системѣ, и былъ обманываемъ съ отвратительнѣйшимъ цинизмомъ. Онъ былъ несчастливъ въ выборѣ людей. Шефомъ жандармовъ назначилъ Бенкендорфа. Не говоря о ложности этой системы полиціи, нельзя было упрекнуть государя за выборъ Бенкендорфа. Образованный человѣкъ, добраго сердца, благороднаго характера, неустрашимый,—чего же болѣе?—а что дѣлалось при Бенкендорфѣ! Родной братъ генералъ-лейтенанта Эттера, командовавшаго дивизіею въ Финляндіи, высокій, черноволосый, очень красивой наружности, знакомый съ Бибиковыми и графинею Клейнмихель, чуть не сосланъ на каторгу по распоряженію Третьяго Отдѣленія, какъ бѣглый съ каторги грабитель церкви, который былъ малаго роста, худощавъ и рыжъ. Князь Меншиковъ не могъ разувѣрить Бенкендорфа, что его обманываютъ, и Бенкендорфъ только тогда оставилъ Эттера въ покоѣ, когда Меншиковъ погрозилъ, что доложитъ обо всемъ государю. Говорили тогда, что это затѣялъ начальникъ Третьяго Отдѣленія Мордвиновъ изъ ревности! Когда я былъ директоромъ канцеляріи комиссіи постройки желѣзной дороги, я близко узналъ Бенкендорфа. Зная, что не поймаю предсѣдателя на долгое время въ Петергофѣ, я сдѣлалъ краткій реестръ бумагамъ, поступившимъ въ комиссію, и противъ номера каждой написалъ проекты резолюцій. Когда графъ Бенкендорфъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ кипу бумагъ, онъ сказалъ мнѣ: «Mon cher! je ne puis vous donner qu'une petite demi-heure». «Je ne vous demanderai, m-r le comte, qu'un quart d'heure» [1]). Прочиталъ ему содержаніе каждой бумаги и проектированную резолюцію и сказалъ: «Если ваше сіятельство согласны, не угодно ли подписать этотъ реестръ». Когда онъ подписалъ его и увидѣлъ, что я укладываю бумаги, онъ спросилъ:

— Какъ? все?

— Все, графъ.

— Молодецъ! и скоро, и хорошо!

Когда я приносилъ ему бумаги къ подписанію и собирался читать ихъ, онъ говорилъ: «не нужно», бралъ всю кипу, выдвигалъ изъ стола съ лѣвой руки длинный ящикъ съ поперечными перегородками, подписывалъ бумаги, не читая, клалъ каждую подписанную бумагу въ ящикъ, въ 1-е, 2-е, 3-е отдѣленіе его по порядку, такъ что на первую бумагу ложилась шестая или пятая,

---

[1]) — Мой дорогой! я вамъ могу дать только полчаса.
— Я у васъ попрошу, графъ, только четверть часа.

а между тѣмъ на первой подсыхалъ его замысловатый парафъ. Какія страшныя бумаги могли проходить такъ черезъ его подпись изъ Третьяго Отдѣленія или корпуса жандармовъ! Но могъ ли знать государь, что Бенкендорфъ такъ безпеченъ! Передъ нимъ и всѣ другіе и онъ принимали видъ неистощимой попечительности,—а за глазами государь не видѣлъ. Если бы Меншиковъ, Бибиковы и Клейнмихель сказали государю, что Третье Отдѣленіе хотѣло сдѣлать съ Эттеромъ, онъ распорядился бы,—чему былъ и опытъ. Государь, приказалъ графу Бенкендорфу написать Уварову, что его величество крайне недоволенъ направленіемъ журналистики и не можетъ не приписать этого невнимательности министерства. Мордвиновъ же написалъ Уварову выговоръ отъ себя. Уваровъ пожаловался государю, приложивъ письмо Мордвинова, и сей послѣдній былъ немедленно смѣненъ. Мои личные опыты доказываютъ, что государю можно было говорить правду и что онъ переносилъ противорѣчіе, если оно было сказано откровенно, безъ боязни и безъ обходовъ. Виновны тѣ, кто, имѣя къ нему доступъ, занимали его пустяками и умалчивали о важныхъ дѣлахъ, изъ мелочныхъ опасеній или расчетовъ. За исключеніемъ Клейнмихеля, нельзя упрекнуть государя и въ томъ, чтобы онъ замѣщалъ должности по прихоти. Лица, имъ избранныя, соединяли большею частію блестящія наружныя качества: Бенкендорфъ, Орловъ, Воронцовъ. Государь имъ ввѣрился, но какъ отплатили они ему за его довѣріе? Бенкендорфъ все забылъ въ пользу своей безпечности; Орловъ вмѣшивался въ грязныя спекуляціи; Воронцовъ оклеветалъ Муравьева, лучшаго русскаго генерала; Панинъ сдѣлалъ все, что могъ, къ униженію сената; Меншиковъ не обманывалъ государя, но ни одной правды не умѣлъ сказать, не обинуясь. Если я рисковалъ говорить ему прямо, что думаю, то не могу простить имъ, что они были трусливѣе меня. Душевно сожалѣю Меншикова, но не могу не винить его самого, что онъ палъ. Сознаю ошибки государя, но не могу не уважать его и не жалѣть о немъ. Что должна была выстрадать его могучая натура, когда онъ увидѣлъ, что во всемъ ошибся и во всемъ его обманывали; когда севастопольскіе бастіоны, которые величались въ отчетахъ военнаго министра «несокрушимыми твердынями», разсыпались въ порошокъ подъ непріятельскими ядрами; когда войска его бѣжали цѣлыми бригадами, бросая въ полѣ раненыхъ командировъ! Патріотизма не было ни въ комъ изъ его окружающихъ; главнокомандующаго лишали средствъ обороны изъ страха, чтобы онъ не сдѣлался фельдмаршаломъ; слово, сказанное имъ по секрету своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, разглашалось и черезъ два дня доходило до французскаго главнокомандующаго Канробера. Десять лѣтъ прошло со времени его кончины, но я скорблю еще о немъ. Онъ тяжко искупилъ свои невольныя ошибки,

но безупреченъ былъ въ помышленіяхъ, патріотъ, труженикъ и честный человѣкъ! Льстецы его и обманщики сошли со сцены: Клейнмихель, впавшій въ дѣтство отъ своего ничтожества; Орловъ, считавшій себя въ безуміи свиньею; Воронцовъ въ процессѣ съ публицистомъ, закидавшимъ грязью его предковъ; Панинъ, осмѣянный всею Россіею; только Долгоруковъ благоденствуетъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра Николаевича являются другіе дѣятели. Князь Меншиковъ уволенъ не только отъ званія главнокомандующаго, но и отъ всѣхъ прочихъ должностей; Клейнмихель тоже, а впослѣдствіи Бибиковъ. Князь Паскевичъ и Нессельродъ недолго пережили покойнаго государя. Хрущовъ, Милютинъ, Оболенскій, Головнинъ стали вождями партій; откуда ни взялись, выступили изъ подполья разныя партіи: славянофилы, соціалисты, сепаратисты. Національности и секты подняли головы; поляки надѣялись на возвращеніе правъ; балтійскія губерніи ждали особаго сената; финноманы мечтали о какой-то самостоятельности. Всѣ газы, порожденные разложеніемъ силъ государственныхъ въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Николая, газы, сдерживавшіеся его энергическою личностью, выступили наружу, какъ только онъ закрылъ свои грозные глаза. Задача правительства усложнилась. Въ государствѣ, какъ въ тѣлѣ органическомъ, одинъ недугъ поддерживаетъ другой, и оба усиливаются взаимно; чѣмъ грубѣе ошибки политическія, тѣмъ сильнѣе внутреннее разстройство, и чѣмъ сильнѣе это разстройство, тѣмъ легче впасть въ ошибки политическія. Подготовка новаго царствованія не обѣщала Россіи спокойнаго развитія; въ ней успѣли уже окрѣпнуть дурные элементы, съ которыми трудно справиться и опытному правителю,—элементы, изъ которыхъ самый вредный—элементъ канцелярскій.

Канцелярская наглость составляла изстари хроническую язву Россіи,—гангрену, портившую ея соки и поглощавшую ея силы. Давно уже, со временъ татарщины, земскіе и уѣздные суды, полиція въ городахъ, хозяйственныя и казенныя управленія грабили съ неимовѣрною дерзостью; еще въ младенчествѣ я слышалъ отъ своего крестнаго отца сарказмы на ордена; онъ объяснялъ буквы С. В. на владимирскомъ орденѣ, какъ надпись: смѣлѣе воруй. Эта наглость не касалась только двухъ частей: политики и училищъ, гдѣ лица, окружающія престолъ, берегли еще свою честь, хотя и не всегда были чисты. Потомъ эта грязь, облѣпившая нижнія ступени іерархической лѣстницы, стала подниматься вверхъ, просасываясь сквозь связи административнаго механизма. При Николаѣ эта наглость стала принимать правильныя формы, несмотря на строгость императора. Прежде эта наглость дѣйствовала посредствомъ нарушенія законовъ; теперь она стала чертить законы, способствующіе воровству. Прежде произволъ

исходилъ отъ людей сильныхъ, теперь онъ вооружилъ людей канцелярскихъ. Первыми образцами такой наглости были Позенъ и Мордвиновъ. Позенъ, съ изумительнымъ нахальствомъ, писалъ наказы и правила, въ видѣ опытовъ, приводившіе въ систему колоссальное воровство. Мордвиновъ совершалъ оружіемъ Третьяго Отдѣленія злодѣйства инквизиціи. Исторія Эттера поражаетъ своею неслыханностью. Сколько лицъ, менѣе извѣстныхъ, погибло, можетъ быть, отъ подобнаго злодѣйскаго произвола! Но Позенъ и Мордвиновъ дѣйствовали за ширмами; Чернышевъ, вѣроятно, самъ не зналъ въ точности, какія вредныя сѣмена сѣялъ онъ, нося къ государю позенскіе проекты, Бенкендорфъ навѣрное не зналъ, какія бумаги подписывалъ. Затѣмъ, деморализація оставалась еще въ подпольѣ; канцелярскія крысы, во тьмѣ ночной, грызли государственную машину. Наконецъ выступаетъ наглость высшаго рода, гдѣ высокіе сановники принимаютъ иниціативу и берутъ канцелярскую сволочь въ свои сообщники. Родоначальникомъ этой высшей наглости былъ Киселевъ. Онъ сочинилъ цѣлые томы положеній, гдѣ каждый параграфъ — шарлатанство; онъ окружилъ себя людьми низкими, чтобы слышать отъ нихъ только то, что ему было нужно; его чиновникамъ, разсылаемымъ по всей Россіи, давались напередъ внушенія, что они должны писать, и изъ этихъ донесеній на заказъ составлялись отчеты государю, опутывавшіе его, какъ паутина. Съ какою цѣлью дѣйствовалъ онъ съ такимъ іезуитизмомъ? Не какъ патріотъ ли предъ заблуждающимся, строптивымъ государемъ? Не какъ либералъ ли, увлеченный своею доктриною? По моему убѣжденію, — ни то, ни другое! По моему убѣжденію, Киселевъ былъ золъ и деспотъ — больше ничего! Послѣ польскаго мятежа пріѣзжала въ Петербургъ жена его хлопотать за Потоцкаго, мятежника. Государь разсердился и сказалъ Киселеву, что если жена его не выѣдетъ изъ Петербурга въ три дня, то онъ вышлетъ ее съ фельдъегеремъ. Киселевъ, бывшій тогда другомъ князя Меншикова, изливалъ ему свою ярость на государя, сказавъ: «Tôt ou tard, il me le payera!» [1]) И вотъ онъ началъ подкапывать престолъ разрушеніемъ дворянства, зная, что оно одно можетъ и желаетъ отстаивать самодержавіе. Что онъ былъ грубый деспотъ — это знаютъ всѣ его чиновники. Когда Карнѣевъ, начальникъ 4-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, пришелъ благодарить Киселева за пожалованіе его въ статсъ-секретари, министръ отвѣчалъ ему:

— Ахъ ты дуракъ! Неужели ты думаешь, что я для твоей рожи исходатайствовалъ это званіе? Мнѣ нужно было, чтобы мой подчиненный былъ статсъ-секретарь, — а ты ли, или другая скотина, это мнѣ все равно!

---

[1]) Рано или поздно, я отомщу ему за это.

Другой великій обманщикъ государя — Орловъ. За нимъ не прятались канцелярскія крысы: онъ за нихъ прятался. Онъ опирался на нахаловъ, какъ Бутковъ, Суковкинъ и Гвоздевъ. Буткова ставлю я въ этотъ рядъ только по сверстничеству; въ нравственномъ отношеніи онъ выше ихъ. Вступивъ на сцену канцелярскаго владычества, онъ дѣйствовалъ отъ себя и на свой страхъ; разрабатывалъ съ безпредѣльнымъ нахальствомъ бездарность своихъ начальниковъ; лѣзъ впередъ съ необыкновенною дерзостью, не раболѣпствуя передъ тѣми, которые давали ему дорогу; выпрашивалъ съ отвратительною наглостью оклады и награды, но не обкрадывалъ казны и не бралъ взятокъ, какъ Орловъ (шефъ жандармовъ), Суковкинъ (статсъ-секретарь) и Гвоздевъ (директоръ департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). Словомъ, Бутковъ обыгрывалъ, — но безъ шуллерства. Орловъ началъ съ того, что со всѣхъ почти акціонерныхъ обществъ бралъ деньги за покровительство; онъ входилъ и въ другія спекуляціи, напримѣръ, въ дѣло Войцеховича. По смерти матери Войцеховича осталось, или, вѣрнѣе, предъявлено завѣщаніе очень подозрительнаго вида, которымъ мать, имѣя родныхъ сыновей, оставляла своей сестрѣ большія имѣнія, дома въ Кіевѣ и богатую движимость. Войцеховичъ, не смѣя начинать процессъ о подлинности завѣщанія, оспаривалъ лишь то, что въ числѣ завѣщанныхъ имѣній было родовое; его мать была урожденная Сулима, а имѣніе сотни лѣтъ называлось Сулимовка; стало быть, самое имя обличало, что имѣніе родовое. Оно ему отдано, однакоже черезъ нѣсколько лѣтъ начался процессъ, о которомъ Орловъ хлопоталъ всѣми средствами, засылалъ жандармовъ во всѣ судебныя мѣста, гдѣ дѣло разсматривалось, разсказывалъ въ городѣ и у двора разныя небылицы, помрачавшія имя Войцеховича,—такъ что прежде, чѣмъ дошло до высшихъ инстанцій, Войцеховичъ былъ уже замаранъ въ общемъ мнѣніи. Департаментъ сената рѣшилъ въ его пользу, но Панинъ далъ предложеніе, и дѣло перешло въ общее собраніе; тамъ большинство было въ его же пользу, а Панинъ перенесъ дѣло въ государственный совѣтъ, гдѣ только трое, Меншиковъ, Киселевъ и князь Васильчиковъ, остались на сторонѣ Войцеховича. При докладѣ мнѣнія государственнаго совѣта государь спросилъ:

— Отчего такое простое дѣло дошло до государственнаго совѣта?

— Оттого, что въ общемъ собраніи сената было разногласіе,— отвѣчалъ Васильчиковъ.

— Отчего оно дошло до общаго собранія?

— Оттого, что министръ юстиціи далъ предложеніе.

— Отчего онъ далъ предложеніе?

— Этого, государь, я не знаю!

— А я знаю! — сказалъ государь, и рѣшилъ дѣло въ пользу Войцеховича.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Орловъ выпросилъ у государя золотые пріиски Мясникова, «въ случаѣ, если они окажутся принадлежащими казнѣ». Заручившись высочайшимъ согласіемъ на такой небывалый даръ, Орловъ возбудилъ искъ отъ казны и самъ сдѣлался казеннымъ адвокатомъ, какъ будущій владѣлецъ. Дѣло это сопровождалось возмутительными эпизодами, пока дошло до государя. Орловъ увѣрилъ его, что онъ вовсе не знаетъ подробностей и только номинально участвуетъ въ кампаніи. Государь замѣтилъ ему, что и имя его не должно быть въ такомъ грязномъ дѣлѣ. Несмотря на подобные намеки, Орловъ сталъ эксплоатировать раскольниковъ; съ одной стороны, мѣстныя начальства прижимали ихъ, съ другой—сообщники Орлова, Суковкинъ и Гвоздевъ, предлагали имъ покровительство шефа жандармовъ. Войцеховичъ узналъ объ этомъ, сказалъ какому-то главѣ раскольниковъ, что они понапрасну платятъ деньги, переговорилъ съ Бибиковымъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ), убѣдилъ его просить у государя особое отдѣленіе канцеляріи его величества по дѣламъ раскольниковъ. Онъ самъ предполагалъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и управлять тѣмъ отдѣленіемъ. Орловъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ государю, что Войцеховичъ причиною жестокаго преслѣдованія раскольниковъ, что если дать волю ему, то нельзя отвѣчать за внутреннее спокойствіе, и что посему онъ проситъ или удалить Войцеховича, или уволить его отъ должности шефа жандармовъ. Разумѣется, удаленъ Войцеховичъ! (это послѣднее Орловъ самъ мнѣ разсказывалъ). Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ была Россія при кончинѣ Николая I.

Какъ обо мнѣ хлопотали мои финляндскіе друзья, видно было изъ выраженія новаго государя: «On a beau dire, on ne saurait lui refuser de la capacité» [1]). Черезъ мѣсяца два государь сказалъ про меня при Армфельтѣ: «Je persiste à dire que c'est l'homme pour nos finances» [2]). Армфельтъ пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, но я прошелъ уже черезъ школу жизни; я тотчасъ написалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу «afin de prévenir un nouveau déchainement de la calomnie» [3]), говорилъ я доброму графу. Какъ ни поторопился я, клевета уже стала дѣйствовать. Воротясь изъ-за границы, я нашелъ и Армфельта въ иномъ настроеніи. Онъ жаловался мнѣ на свое затруднительное положеніе и сталъ думать объ отставкѣ. Я сталъ думать, что̀ со мною будетъ, когда онъ уйдетъ. Министромъ статсъ-секретаремъ хорошимъ я не могу быть: это мѣсто политическое, требующее,

---

[1]) Что бы ни говорили, ему нельзя отказать въ способности.

[2]) Я упорствую въ своемъ мнѣніи, что вотъ человѣкъ для нашихъ финансовъ.

[3]) Чтобы отвратить новое неистовство клеветы.

или тогда требовавшее, близкихъ связей съ Швеціею, а товарищемъ другого мнѣ быть не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что почти всѣ кандидаты были мои креатуры. Я написалъ письмо къ государю, въ которомъ излагалъ, что финляндцы не могутъ забыть, что я не финляндецъ, что я не желалъ бы быть une incompatibilité politique [1]), и потому просилъ назначить меня въ правительствующій сенатъ. Эта просьба (1856 г.) исполнена; я назначенъ въ сенатъ.

Боссюэтъ говорилъ о смерти: «la beauté n'est qu'un songe, la gloire n'est qu'un nom, car tout ce que nous appellons bonheur, gloire, beauté,—tout va se confondre dans ce vaste océan, où il n'y a plus ni gloire, ni beauté» [2]). Мнѣ сдается, что про нашъ сенатъ можно было бы сказать почти то же, — но я усталъ, и этотъ океанъ мнѣ нравился. Я мечталъ, что отдохну тамъ! Я не зналъ, что внѣшнія вліянія будутъ меня тревожить и въ этомъ полуживомъ тѣлѣ.

XVII.

Придворная атмосфера, окружающая государей. — Императрица Екатерина II.— Императоръ Александръ I. — Карьера благодаря умѣнью чинить перья. — Наказаніе камердинера за нюханіе табака.—Императоръ Николай I.—Характеристика его.—Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.—Генералъ Левашовъ.

Властителей нельзя судить такъ, какъ частныхъ людей. Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu est [3]), говорятъ французы. Частный человѣкъ живетъ съ людьми, и потому изъ него образуется человѣкъ; онъ видитъ свѣтъ собственными глазами, видитъ его вѣрно или криво, смотря по глазамъ, но все же видитъ самъ. Коронованныя особы не имѣютъ естественнаго роста: это тепличныя растенія, для которыхъ другіе приготовляютъ почву, другіе даютъ ему обстановку и окружаютъ призматическими стеклами, сквозь которыя міръ представляется въ ложномъ и, что еще хуже, въ радужномъ свѣтѣ. На престолѣ продолжается та же фантасмагорія; вокругъ него маскарадъ; всѣ являются или замаскированные въ условленномъ характерѣ, или стереотипные съ вѣчною подобострастною улыбкою на устахъ; если между ними попадаются лица искреннія, они, въ пестрой маскарадной средѣ, кажутся чудаками или непокорными. Такъ все нравственное развитіе продолжаетъ итти путемъ ненормальнымъ. Когда вступилъ

---

[1]) Политическая несовмѣстность.

[2]) Красота—это только сонъ, слава—это одно названіе, потому что все, что мы называемъ счастьемъ, слава, красота,— все смѣшается въ этомъ обширномъ океанѣ, гдѣ болѣе нѣтъ ни славы, ни красоты.

[3]) Съ кѣмъ хлѣбъ-соль водишь, на того и походишь.

на престолъ Александръ II, всѣ стали судить его будущее царствованіе по свойствамъ его личности. Подождите: наслѣдникъ не то, что царь; царь въ первый годъ правленія не то, что въ десятый, и не то черезъ двадцать лѣтъ.

Екатерина II, одаренная великимъ умомъ отъ природы, родилась въ Штеттинѣ, въ маленькомъ казенномъ домѣ, который въ 1835 г. былъ слишкомъ тѣсенъ для аптекаря; она пріѣхала въ Россію съ полудюжиною бѣлья; мужъ билъ и унижалъ ее; словомъ, она жила и страдала: сильный урокъ для царствованія. Она какъ великая княгиня не была окружена китайскою стѣною, не сидѣла въ славянскомъ теремѣ, потому что была не наслѣдницею престола, а женою наслѣдника, ее не любившаго. Не опасная царицѣ, она свободно сообщалась съ людьми государственными, а такихъ людей было много. Такимъ образомъ, она начала царствовать человѣчески, и, думаю, царствовала бы еще лучше, если бы тронъ не стоилъ ей преступленія.

Императоръ Александръ I, воспитанный мудрою бабкою, вынесъ много уроковъ изъ своей четырехлѣтней жизни въ качествѣ наслѣдника престола, рядомъ съ братомъ своимъ цесаревичемъ, котораго отецъ, видимо, предпочиталъ старшему сыну. Катастрофа, возведшая его на престолъ, была тоже довольно поучительна, и притомъ люди Екатерининской школы были всѣ налицо. Если бы Павелъ процарствовалъ не 4, а 24 года, Александру было бы труднѣе управиться съ государствомъ. Но надолго ли онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ? Воспитанникъ Лагарпа, либералъ XVIII вѣка съ примѣсью славянскаго двуличія, онъ велъ дѣла государственныя умно въ общемъ смыслѣ до своей апогеи, до 1815 года; съ 1815 года онъ былъ уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ вступилъ на престолъ: подозрителенъ, мелоченъ до ребячества, мистификаторъ и мистикъ. Князь Меншиковъ до сихъ поръ не забылъ тѣхъ мелочей, съ которыми надобно было бороться людямъ, имѣющимъ съ нимъ дѣла. Ежели листъ бумаги, на которомъ написанъ былъ докладъ, казался государю на $1/8$ дюйма больше или меньше обыкновеннаго, онъ сердился какъ на важное злоупотребленіе. Если первый взмахъ пера не выдѣлывалъ во всей точности начала буквы А, въ вершинѣ тонкое, какъ волосокъ, внизу широкое, какъ слѣдъ кисти, онъ бросалъ перо и не подписывалъ указа. Ермоловъ говорилъ, что Александръ I страдалъ наслѣдственною хроническою болѣзнью, и эту болѣзнь называлъ симметріею. Очинка пера составляла государственное дѣло. Былъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ нѣкто Миллеръ, человѣкъ неважнаго званія и ограниченнаго ума. Государь, подписавъ какой-то указъ, сказалъ: «Voilà une plume admirablement taillée» [1]). Министръ подхватилъ

[1]) Вотъ перо, дивно очиненное.

это драгоцѣнное перо, сдѣлалъ тщательный розыскъ, кто чинилъ его: оказалось, что это былъ Миллеръ; съ этихъ поръ Миллеръ сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ дипломатіи; онъ сопровождалъ министра во всѣ конгрессы и былъ осыпаемъ наградами. Иностранные властители думали, вѣроятно, что это былъ русскій Генцъ, и награждали его, какъ Генца. Онъ умеръ тайнымъ совѣтникомъ, украшенный звѣздами. Я былъ знакомъ съ его семействомъ. Старшая дочь изъясняла мнѣ пренаивно: «какіе странные и сокровенные вкусы бываютъ иногда у умныхъ людей: по смерти папà нашли у него въ бюро около сотни перочинныхъ ножей! На что были ему нужны эти ножи? Странно!» Въ двадцатыхъ годахъ открылся въ государѣ мистицизмъ; къ дѣятелямъ какъ Миллеръ, присоединилась m-me Krüdener; но мистицизмъ не мѣшалъ капризамъ истерическаго свойства; въ государѣ нельзя было узнать великаго умиротворителя Европы. М. М. Брискорнъ, ѣздившій на конгрессы съ военно-походною канцеляріею, разсказывалъ мнѣ, что, не помню во время какого конгресса, получено было извѣстіе о бунтѣ Семеновскаго полка, разстроившее государя очень сильно. Въ этотъ день государю показалось, что отъ его камердинера пахнуло нюхательнымъ табакомъ, предметомъ сильнаго отвращенія государя.

— Ты нюхалъ табакъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше величество!

— Нюхалъ!

— Воля ваша, не нюхалъ!

Государь подошелъ къ нему носъ къ носу и опять закричалъ:

— Нюхалъ, признайся.

— Не нюхалъ, ваше величество!

Государь вынулъ изъ кармана носовой платокъ, всунулъ палецъ, обвернутый платкомъ, въ носъ своего камердинера, повертѣлъ въ носу и, вытащивъ платокъ, придвинулъ его къ глазамъ испуганнаго слуги.

— А это что?

— Виноватъ, ваше величество! никогда не нюхаю; сегодня церковный сторожъ попотчевалъ.

— Подъ арестъ! — и посадили, не знаю куда, подъ арестъ камердинера и инвалида, бывшаго при походной церкви.

Въ сумерки пришелъ къ государю докторъ Виллье.

— Какъ чувствуете себя, государь?

— Нехорошо!

— Что у васъ?

— Весь разстроенъ!

Въ это же время Виллье вынимаетъ изъ кармана табакерку, медленно беретъ изъ нея табакъ, еще медленнѣе укладываетъ его въ носъ и пошариваетъ пальцами въ табакеркѣ.

— Ты смѣешься надо мной?—закричалъ взбѣшенный государь.

— Нѣтъ, государь, я не смѣюсь, я плачу; посмотрите въ окно!

Государь подошелъ къ окну и видитъ вокругъ своего жилища толпу народа.

— Что это значитъ?—спросилъ съ ужасомъ государь.

— Они хотятъ посмотрѣть,—отвѣчалъ Виллье:—какъ поведутъ сѣчь кнутомъ камердинера и церковнаго прислужника за то, что нюхали табакъ.

Государь охранялъ съ величайшею ревностью личную свою репутацію и былъ мастеръ этого дѣла; мелочныя вспышки его оставались величайшимъ секретомъ; люди, его окружавшіе, были слишкомъ умны и хорошо воспитаны, чтобы выносить изъ избы соръ, да и знали тяжкія послѣдствія нескромности. Немудрено, что тактика Виллье произвела колоссальное дѣйствіе. Недаромъ говорятъ: il n' y a pas de grand homme pour son valet de chambre [1]). Съ двадцатыхъ же годовъ государь пересталъ заниматься внутреннимъ управленіемъ имперіи и ввѣрилъ его Аракчееву; въ 1823 году онъ удалилъ отъ себя князя Меншикова, какъ зачинщика мысли объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ,—тотъ самый государь, который только и думалъ объ освобожденіи ихъ при вступленіи на престолъ. Что значитъ царствовать 25 лѣтъ!

Николай Павловичъ, вступивъ на престолъ, началъ съ того, что въ десять разъ уменьшилъ сумму, назначенную на императорскую трапезу. Онъ говорилъ, что ему ничего болѣе не нужно, какъ тарелка щей и котлета съ картофелемъ. Говоря о финансахъ, онъ выразился: «Я не финансистъ, но здравый разсудокъ говоритъ мнѣ, что лучшая финансовая система есть бережливость. Этой системѣ я и буду слѣдовать»,—а умеръ, оставя неоплатные долги на государствѣ: опять слѣдствіе 30-лѣтняго царствованія. Николай Павловичъ, не обладалъ мудростью своей бабки и не получилъ воспитанія, какъ старшій братъ его, однако обстановка его была невыгодна. 14-е декабря послужило ему, съ перваго дня, великимъ урокомъ. Правленіе Аркачеева вдвинуло въ правительственныя сферы нѣсколько человѣкъ, болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, однако много оставалось и дѣльныхъ и опытныхъ помощниковъ государю, людей, видѣвшихъ собственными глазами великія событія начала XIX вѣка и участвовавшихъ лично въ этихъ событіяхъ: Воронцовъ, Дибичъ, Толль, Ермоловъ, Паскевичъ—испытанные въ бояхъ; Новосильцовъ, Кочубей, Нессельродъ—опытные въ дѣлахъ государственныхъ; Канкринъ—умный министръ финансовъ; Васильчиковъ — честный и прямой совѣтникъ, и пр. Съ такими людьми можно было многое сдѣлать. И они и другіе, менѣе способные, были прежде всего озабочены тѣмъ, чтобы точнѣе испол-

---

[1]) Для лакея его баринъ не бываетъ великимъ человѣкомъ.

нить волю государя; никому не приходило въ голову проводить, вопреки этой волѣ, собственныя доктрины. Николай Павловичъ и не потерпѣлъ бы этого, но все же большое преимущество дѣйствовать съ помощью людей, которые желаютъ исполнять царскую волю и не помышляютъ о водвореніи мимо царя своей личной политики. У государя была нѣжная мать; безъ замѣчательнаго ума, она многое видѣла, многое пережила и жизнію пріобрѣла то, что называютъ тактомъ и что несравненно лучше, чѣмъ кривой умъ или умъ вверхъ ногами. У Николая Павловича былъ братъ, человѣкъ ограниченный, но душою преданный брату и государю своему, вѣрнѣйшій подданный изъ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Екатерина приказала коменданту Рылѣеву сдѣлать чучело изъ Сутерланда (околѣвшей ея любимой собаки), и онъ чуть не содралъ кожу съ банкира Сутерланда. Если бы Николай Павловичъ приказалъ Михаилу сдѣлать что-нибудь несогласное съ мыслями послѣдняго, онъ исполнилъ бы волю государя добросовѣстно. Къ такой выгодной обстановкѣ присоединялся и личный характеръ государя, честный, твердый, отчетливый, однако и онъ измѣнялся на императорскомъ тронѣ. Посвятивъ 10 лѣтъ на приведеніе въ порядокъ Россіи, онъ во второе десятилѣтіе сталъ уже запутываться, и третье десятилѣтіе представляло уже періодъ разложенія.

Въ періодѣ разложенія нашелъ Россію нынѣшній государь, не одаренный ни силою воли, ни проницательностью, но въ то же время кроткій, спокойный и ничѣмъ не обнаруживавшій ни стремленій, ни свойствъ, изъ которыхъ выходятъ великія реформаціи. Обстановка его была далеко не такова, какъ отца его.

Покойный императоръ, какъ всѣ коронованные отцы взрослыхъ сыновей, держалъ своего сына вдали отъ дѣлъ государственныхъ. Министры не только не ѣзжали къ нему для бесѣды о дѣлахъ государства, но даже не смѣли входить въ подобные разговоры. Я не министръ, но мнѣ досталось за то, что я употребилъ въ бумагѣ имя цесаревича. Дѣло шло о снисхожденіи къ залогодателю, котораго залогъ былъ арестованъ за долги виннаго откупщика; комитетъ, котораго я былъ правителемъ дѣлъ, имѣлъ въ своей программѣ именно снисхожденіе къ залогодателямъ, если они того заслуживали. Этотъ залогодатель, имени не помню, заслуживалъ снисхожденія, потому что былъ въ походахъ и о службѣ его свидѣтельствовалъ съ отличной стороны цесаревичъ по званію бригаднаго командира; въ этомъ смыслѣ я сослался на свидѣтельство его высочества въ журналѣ комитета, однако государь разсердился и сказалъ Орлову: «Прошу его императорское высочество не мѣшаться въ дѣла мои». Орловъ, опасаясь непріятностей, доложилъ государю, что цесаревичъ писалъ ему партикулярно о службѣ этого офицера, не ходатайствуя прямо объ оказаніи ему милости, и что, можетъ быть, не слѣдовало бы помѣщать это въ журналѣ. «Такъ скажи Фишеру, что онъ упомянулъ о цесаревичѣ совершен-

но неумѣстно». Все участіе наслѣдника въ дѣлахъ государственныхъ заключалось въ томъ, что онъ присутствовалъ при докладахъ министровъ и въ государственномъ совѣтѣ. Присутствуя при докладахъ, онъ могъ видѣть только осанку государя передъ своими министрами,—болѣе ничего. Онъ не имѣлъ права ни дѣлать вопросовъ докладчику, ни выражать своего мнѣнія государю. Министры не смѣли возражать государю при цесаревичѣ, даже и тѣ, которые позволяли себѣ возраженія съ государемъ глазъ-на-глазъ. Я не разъ слышалъ отъ Меншикова: «это я передоложу, когда государь будетъ одинъ; при наслѣдникѣ я не могъ противорѣчить». Чему же и могъ бы онъ научиться. Покойный государь думалъ, что наслѣдникъ, вслушиваясь въ его резолюціи, научится государственной мудрости механическимъ путемъ, какъ губка напитывается водою посредствомъ одного прикосновенія; онъ полагалъ, что, видя осанку государя, наслѣдникъ научится быть самостоятельнымъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ покойный государь усиливался, посредствомъ внѣшнихъ обрядовъ, достигнуть того, что пріобрѣтается только духовною работою. Государь не подумалъ, что у него были тоже критики; что, не смѣя высказывать ему самому свои убѣжденія, они шептали ихъ наслѣднику, который и самъ не смѣлъ высказывать отцу свои мнѣнія. Такъ, слыша пересуды, видя событія ненормальныя, онъ вбиралъ въ себя впечатлѣнія, не имѣя ни въ самомъ себѣ, ни вокругъ себя пробнаго камня, указывающаго достоинство тѣхъ или другихъ воззрѣній; онъ, что называется, становился втупикъ; вѣрилъ то въ одинъ принципъ, то въ другой, то одному совѣтнику, то другому, то есть не вѣрилъ окончательно никому и ничему, потому что ни одно довѣріе его не имѣло твердаго основанія. Онъ не могъ не сознавать, что дѣла идутъ плохо, но не научился распознавать средства ихъ исправленія: самое опасное состояніе для начинающаго царствовать; приметъ онъ мѣру, рекомендованную совѣтникомъ коварнымъ или безразсуднымъ, и, увидя, что послѣдствія не тѣ, какихъ ожидалъ, приметъ другую, часто худшую, и т. д. Такъ человѣкъ, на котораго напалъ рой пчелъ, сначала старается поражать тростью тѣхъ, которыя ближе къ лицу его, но, не попадая ни въ одну и чувствуя жало каждой, начинаетъ размахиваться безотчетно, ударяя по головамъ своихъ друзей и минуя своихъ враговъ. Это à peu près [1]) исторія новѣйшихъ реформъ и новѣйшаго перемѣщенія личностей. Наслѣдникъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, но что за составъ совѣта. Засѣданія могли быть полезны молодому человѣку, когда предсѣдателемъ былъ честный Васильчиковъ, членами Нессельродъ, Канкринъ, Дашковъ. Но ихъ уже не было. За Васильчиковымъ послѣдовалъ Левашовъ, котораго князь Меншиковъ очень мѣтко назвалъ

[1]) Почти.

государственнымъ жеребцомъ, напыщенный фразеръ безъ мысли. Административная сила его обрисована очень художественно въ разсказѣ пріятеля моего Войцеховича, ѣхавшаго съ нимъ изъ Кіева. Полицеймейстеръ ѣхалъ на дрожкахъ за коляской генералъ-губернатора. Замѣтивъ покривившійся фонарный столбъ, Левашовъ закричалъ: «Господинъ полицеймейстеръ, это что значитъ?» Полицеймейстеръ соскочилъ съ дрожекъ, приложилъ руку къ шляпѣ, побѣжалъ рысью подлѣ коляски и доложилъ, что столбъ покривился ночью и будетъ исправленъ. Левашовъ проговорилъ на это съ неподражаемою скороговоркою и энергическимъ crescendo: «Господинъ полицеймейстеръ! честь имѣю доложить, что я васъ подъ судъ отдамъ, ошельмую, уничтожу; затѣмъ, съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга», — доведя до нельзя хриплую энергію голоса на послѣднемъ слогѣ рѣчи. У заставы бросилась на колѣни бѣдная жидовка. Левашовъ кричитъ: «Стой, что вамъ угодно, г-жа еврейка?» Она просила о пособіи. «Г-жа еврейка! честь имѣю доложить, что я васъ посажу въ острогъ, привяжу, закую. Затѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга. Пошелъ!» Выѣхавъ изъ города, говоритъ разсказчикъ, мы поскакали адскимъ карьеромъ; лошади валились направо и налѣво и тотчасъ замѣнялись на подставахъ; на станціяхъ ямщики работали съ лихорадочною живостью въ совершенномъ безмолвіи. Въ Могилевской губерніи скачка въ карьеръ прежняя; въ Витебской—тоже, но безъ ужаса на станціонной прислугѣ; въ Псковской Левашовъ сказалъ уже одинъ разъ: «тише!» Въ Петербургской онъ сталъ такой смирненькій, добренькій, ласковый; отъ Луги сталъ вздыхать; далѣе сказалъ со вздохомъ: «Какъ приметъ меня государь?» а въ Царскомъ Селѣ сталъ жаловаться на тягость положенія генералъ-губернатора.

За нимъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто Чернышевъ, который подарилъ Россіи государственнаго секретаря Буткова. Въ лексиконѣ Boiste Чернышевъ опредѣленъ двумя словами: aventurier russe! [1]) Бутковъ имѣетъ такое же право на этотъ титулъ. Съ этихъ поръ воцарилось въ государственномъ совѣтѣ канцелярство; хлопотали уже не о томъ, какъ разрѣшить вопросъ получше, а о томъ, какъ бы спустить дѣло поскорѣе, какъ бы угодить пріятелю или фавориту, какъ бы насолить врагу или опальному,—а въ присутствіи вмѣсто рѣчей Канкрина и Дашкова слышались болтовня Блудова, софизмы Панина или то бѣ или не бѣ Вронченки. Хороша школа наслѣднику престола! Полезнѣе было бы ему присутствовать въ сенатѣ. Въ сенатѣ такіе же люди, какъ и въ совѣтѣ, да положеніе другое. Иной очень охотно покривилъ бы душою, если бы надобно было удержаться на хорошемъ мѣстѣ, или была бы въ виду кандидатура на улыбающееся мѣсто, но какъ на дверяхъ сената чи-

---

[1]) Русскій искатель приключеній

тается Lasciate ogni speranza[1]), то хлопотать не о чемъ, и люди, fautè de mieux[2]), становятся самостоятельными. Около наслѣдника были два начальника его штабовъ, Ростовцевъ и Витовтовъ, оба невѣжды, но первый былъ хитрый и ловкій невѣжда, а послѣдній — добрякъ-невѣжда. У Александра II и въ семействѣ нѣтъ той опоры, какую находилъ себѣ отецъ его. Великій князь Константинъ Николаевичъ ученый, но неопытенъ, впечатлителенъ и самонадѣянъ слишкомъ. Великая княгиня Елена Павловна, безспорно, умная и просвѣщенная, но не знаетъ Россіи; ея просвѣщеніе книжное, одностороннее; но если бы служили государю, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ, они могли бы быть ему полезны. Къ несчастію, они болѣе заботились о проведеніи своихъ личныхъ теорій, чѣмъ о сохраненіи историческаго государственнаго строя; они не помогали государю, но противодѣйствовали ему; имъ Россія обязана тѣми новѣйшими дѣятелями, которые сдѣлали изъ Россіи, какъ князь Меншиковъ выразился, une macédoine[3]). Я не вѣрю, будто они дѣйствовали съ намѣреніемъ повредить самодержавію; они очень хорошо знаютъ, что съ перемѣною формы правленія утратятся широкія права всѣхъ членовъ императорскаго дома. Я убѣжденъ, что оба были жертвою дурныхъ совѣтчиковъ, но все-таки не оправдываю ихъ дѣйствій. Дѣйствіе по убѣжденію тогда только законно, когда оно предпринимается на свой страхъ, но проводить именемъ другого свои воззрѣнія, съ честью для себя, если дѣло удастся, и съ отвѣтственностью другого за послѣдствія вредныя, значитъ чужими руками жаръ загребать, и ни въ какомъ случаѣ не подобаетъ честному человѣку и вѣрноподданному. Въ такой обстановкѣ и съ другими силами нелегко управиться съ государствомъ, котораго корни уже издавна подгнивали.

Мнѣ тотчасъ показалась будущность какъ-то невѣрною; я предвидѣлъ движеніе умовъ, притязанія національностей, усложненіе государственныхъ вопросовъ, перетасовку личностей и, вспомнивъ Цицероново: «Beatus ille qui procul negoties...»[4])—попросилъ въ 1855 г. отпуска за границу, а въ 1856 г.—назначенія меня въ сенаторы, считая, что занятіе второго мѣста финляндскаго управленія русскимъ уроженцемъ есть политическая несовмѣстность. Такъ оставилъ я Финляндію, къ великой радости генерала Берга.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Оставьте всякія надежды.

[2]) За неимѣніемъ лучшаго.

[3]) Смѣсь.

[4]) Блаженъ тотъ, кто, удалившись отъ дѣлъ, воздѣлываетъ... (свои отеческія нивы).

СРЕДИ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

(Разсказъ).

I.

ЛѢТЪ ПЯТЬ тому назадъ мнѣ пришлось прожить около мѣсяца въ одной башкирской деревушкѣ.

Цѣлые дни я бродилъ по полямъ, обмѣривая землю, а по праздникамъ скучалъ въ одиночествѣ.

Какъ-то разъ, въ воскресенье утромъ, около дома Валлетши, у котораго я жилъ, остановился старомодный экипажъ съ деревяннымъ кузовомъ, съ какими-то необыкновенно высокими козлами, ржавыми рессорами и съ сидѣньемъ, похожимъ на гитару. Въ экипажъ была впряжена пара гнѣдыхъ лошадей. На козлахъ сидѣли черноволосый кучеръ въ бархатной безрукавкѣ и низенькій субъектъ въ пиджакѣ и шляпѣ котелкомъ.

Когда громко тарахтѣвшій на всю улицу экипажъ остановился у избы Валлетши, низенькій субъектъ соскочилъ съ козелъ и подалъ мнѣ черезъ окно письмо. Я вскрылъ пакетъ и прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь! (извиняюсь—не имѣю чести знать вашего имени и отчества). Не пожелаете ли пріѣхать сегодня ко мнѣ, старику, на обѣдъ. Буду очень доволенъ. Нѣсколько лѣтъ не выѣзжаю изъ своей усадьбы. У меня къ вамъ есть одно дѣльце по вашей спеціальности, хочу посовѣтоваться. До моей усадьбы всего пять верстъ, и къ вашимъ услугамъ экипажъ на рессорахъ.

Былъ бы очень радъ, если бы вы не отказали, а прямо сѣли бы да и поѣхали. Землевладѣлецъ Сергѣй Вощининъ».

Я прочелъ письмо, посмотрѣлъ въ лицо низенькаго человѣка и сказалъ:

— Что жъ, ѣдемъ! Я черезъ пять минутъ готовъ.

Человѣкъ въ котелкѣ раскланялся и поспѣшилъ занять свое мѣсто на козлахъ.

По гладкой, хорошо наѣзженной дорогѣ мы ѣхали паровымъ полемъ. Солнце припекало, несмотря на сѣрыя пушистыя облака, ползавшія по небу. Вдали пестрѣли яровыя поля, налѣво зеленѣли луга съ извилинами узкой рѣчушки.

Мои спутники оказались людьми молчаливыми. Кучеръ все время старательно подгонялъ лошадей, а господинъ въ котелкѣ, склонивъ голову, смотрѣлъ лошадямъ подъ ноги, и когда я, при поворотѣ головы, видѣлъ его правую щеку и глазъ, мнѣ казалось, что онъ занятъ какой-то своей упорной думой.

Отъѣхавъ версты три отъ деревни, я спросилъ его:

— А какъ зовутъ вашего барина?

— Сергѣй Николаевичъ Вощининъ,—поспѣшно отвѣтилъ онъ и посмотрѣлъ на меня.

— А что у него за дѣло такое, и почему онъ меня приглашаетъ?

Человѣкъ въ котелкѣ окончательно повернулъ ко мнѣ лицо и отвѣтилъ:

— Видите ли, господинъ землемѣръ, по одной межѣ къ землѣ Сергѣя Николаича подходятъ башкирскіе луга... Деревня Карангулова прозывается, гдѣ эти башкиры живутъ... И каждый годъ у насъ грѣхъ съ этими башкирами. По правдѣ-то говоря, они неправильно, совершенно неправильно косятъ и каждый годъ забираются въ нашу землю. Всего больше я непріятностей имѣю. Я приказчикомъ у Сергѣя Николаича состою, и мое дѣло—слѣдить за порядкомъ. Если, примѣрно, нынѣшнюю весну мы выкосили траву, а башкиры пріѣдутъ да и заберутъ скошенное. Что, говорю, вы, собаки, дѣлаете? «Это, говорятъ, наше»... А какое тамъ ихнее! Наше это, Сергѣя Николаича, сѣно, споконъ вѣка его!

Онъ перевелъ духъ, посмотрѣлъ куда-то въ даль полей и замолчалъ.

— А почему бы господину Вощинину судомъ не возстановить своихъ правъ, если вы говорите, что башкиры незаконно захватываютъ ваше сѣно?

— Сергѣй Николаичъ никогда не хотятъ судиться... Во всю свою жизнь никогда не судились...

Онъ произнесъ эту фразу такимъ тономъ, какъ будто я чѣмъ-то обидѣлъ его барина.

— Я вотъ теперь тридцать пять лѣтъ служу у Сергѣя Николаича, съ малолѣтства въ ихъ усадьбѣ, тутъ и родился, да и отецъ

мой покойный у нихъ служилъ, и до сего дня не было такого случая, чтобы кого-нибудь въ судъ потянули. У насъ такіе порядки, что, если въ поле зайдутъ чужія лошади, такъ Сергѣй Николаичъ приказываетъ отвести ихъ къ хозяину. Въ лѣсу ли кого поймалъ лѣсникъ, то и тогда долженъ того человѣка доставить къ самому барину. Посмотритъ баринъ на лѣсоруба, потолкуетъ съ нимъ, да и отпуститъ съ миромъ, а если кто изъ-за нужды пришелъ въ лѣсъ, такъ и дерево-то срубленное ему отдаетъ. Конечно, порядокъ отъ всего этого плохой, совершенно плохой, а что подѣлаешь—такъ ужъ установлено!

Вдали на пригоркѣ показалась усадьба.

Изъ-за какихъ-то низенькихъ, густо разросшихся кустовъ мелькнули бѣлыя стѣны дома съ мезониномъ. Лучи солнца отражались въ окнахъ мезонина, и помѣщичій домъ представлялся мнѣ похожимъ на какое-то большое животное съ парою горящихъ глазъ.

Дворъ усадьбы Вощинина былъ обнесенъ рѣшетчатой изгородью. Въ чертѣ двора виднѣлись высокія постройки амбаровъ, хлѣвовъ, завозней и каретниковъ.

По изогнутому дугою деревянному мостику мы перебрались черезъ узенькую рѣчушку и въѣхали въ усадьбу.

II.

Расположенная на пригоркѣ, усадьба Вощинина выглядѣла опрятнымъ и уютнымъ гнѣздышкомъ. Весь дворъ сплошь былъ покрытъ густой зеленѣющей травой. У крыльца съ бѣлыми колоннами былъ разсыпанъ и разровненъ граблями песокъ, на ступеняхъ лежали чистыя цыновки.

Я поднялся по скрипучимъ ступенямъ, а человѣкъ въ котелкѣ быстро юркнулъ куда-то за уголъ дома и черезъ минуту отперъ мнѣ дверь и попросилъ войти въ узкую прихожую.

Обширная зала, съ кисейными гардинами на окнахъ, была уставлена старинной мебелью. Въ переднемъ углу стоялъ кожаный диванъ со столомъ, на стѣнахъ висѣли какія-то картины, завѣшанныя марлей, налѣво, у двери, каминъ съ зеркаломъ, на каминѣ старинные бронзовые часы подъ стекляннымъ футляромъ. Мое вниманіе остановили два большихъ шкапа, изъ-за стеколъ которыхъ виднѣлись корешки книгъ.

«Въ глуши провинціи такое богатство книгъ», подумалъ я.

Въ сосѣдней комнатѣ, очевидно, служившей столовой, приказчикъ попросилъ меня «присѣсть» у длиннаго стола подъ бѣлой клеенкой, а самъ куда-то исчезъ.

Черезъ минуту за притворенной дверью въ сосѣднюю комнату послышались шаги, дверь эта раскрылась, и ко мнѣ вышелъ чело-

вѣкъ высокаго роста, въ мягкомъ лѣтнемъ пиджакѣ, сѣрыхъ панталонахъ и въ бѣлой сорочкѣ съ большимъ «стариннымъ» воротничкомъ и въ темномъ галстукѣ шарфомъ.

Голова вошедшаго была совершенно сѣдая, съ крутымъ залысившимся лбомъ. Лицо его было худощавое, съ маленькой сѣденькой бородкой и коротко подстриженными усами. Особенное же мое вниманіе остановили глаза Вощинина. Большіе, голубые, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ, они пристально всматривались въ меня и точно ласкали своимъ мягкимъ лучистымъ взглядомъ, немного щурились и улыбались.

Опираясь на палку, Вощининъ протянулъ мнѣ руку и тихимъ, но внятнымъ голосомъ сказалъ:

— Простите меня за безпокойство! Если бы я могъ выѣзжать изъ усадьбы, я первый бы пріѣхалъ къ вамъ, но...

Онъ смолкъ, еще разъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку и усадилъ меня въ глубокое кресло у окна.

Опустившись на маленькій диванчикъ по другую сторону стола, онъ продолжалъ:

— Я не могу ѣздить на лошадяхъ—задыхаюсь... Но дѣло не въ этомъ... Вы, вѣроятно, не прочь закусить?

Я отклонилъ предложеніе.

— Намъ сейчасъ подадутъ,—не обращая вниманія на мой отказъ, продолжелъ онъ:—у насъ въ усадьбахъ безъ закуски никакихъ дѣловыхъ разговоровъ не ведется. Такъ ужъ изстари...

Онъ съ секунду внимательно разсматривалъ меня съ прежнимъ мягкимъ и радушнымъ выраженіемъ въ глазахъ и молчалъ.

Я вкратцѣ передалъ ему разговоръ съ приказчикомъ по поводу луговъ, на которые претендуютъ башкиры, и спросилъ:

— Отчего же вы не обратитесь въ судъ? Вамъ выслали бы казеннаго землемѣра, возобновили бы межевые признаки, и никакихъ недоразумѣній никогда не было бы.

— Ахъ, нѣтъ! Какой тутъ судъ! Мнѣ не хочется возиться съ этимъ. Я, вотъ, хотѣлъ бы просить васъ помочь мнѣ кончить это дѣло полюбовно. Мы попросимъ прійти на межу довѣренныхъ карангуловскаго общества и еще какихъ-нибудь стариковъ, и все это дѣло устроимъ. Если они претендуютъ на луга, то пусть ужъ за ними они и останутся, а то каждое лѣто мнѣ мой милый Николай, приказчикъ, страшно надоѣдаетъ съ жалобами да кляузами. Кто знаетъ, можетъ быть, они и правы, вѣдь, я не знаю, гдѣ наша настоящая граница.

— Ну, а планы,—вставилъ было я.

— Планы... Планы есть... При царѣ Горохѣ какіе-то чиновники составили ихъ, разукрасили разными красками, а дѣлу все это не помогаетъ...

На его губахъ мелькнула мимолетная ироническая усмѣшка, и онъ снова смолкъ.

III.

Послѣ завтрака Сергѣй Николаевичъ провелъ меня въ кабинетъ. Впрочемъ, комната, куда мы вошли, скорѣе походила на библіотеку. Вдоль стѣнъ тянулись высокіе шкапы, переполненные книгами; старательно установленныя рядами книги помѣщались и на этажеркахъ, и на столикахъ, и на подоконникѣ.

У одного окна стоялъ небольшой письменный столъ съ скромной чернильницей и единственной ручкой; на столѣ также грудами лежали книги въ перёплетахъ и въ свѣжихъ обложкахъ, будто ихъ только что перенесли изъ книжнаго магазина въ эту отдаленную глушь Башкиріи.

Сергѣй Николаевичъ принесъ изъ сосѣдней комнаты пыльные свертки плановъ и послѣ долгихъ поисковъ остановился на одномъ изъ нихъ.

— Вотъ здѣсь всѣ мои владѣнія,—говорилъ онъ, водя рукою по ветхому плану.—Вся эта сѣверная часть нашей дачи продана еще моими братьями, эту, среднюю полосу, я самъ продалъ, и у меня всего осталось что-то около четырехсотъ десятинъ. Спорный луговой участокъ вотъ здѣсь, около рѣчки Вощинки.

Я разсматривалъ указанныя спорныя мѣста на планѣ и высказывалъ свои соображенія Вощинину.

Онъ довольно равнодушно выслушивалъ мои соображенія и предположенія и, когда я замолчалъ, онъ замѣтилъ:

— Прекрасно... Вы будете добры устроить мнѣ такъ, какъ найдете лучше, только, Бога ради, сдѣлайте такъ, чтобы карангуловцы были удовлетворены и больше ужъ не безпокоили моего Николая, а то, вѣдь, онъ такой человѣкъ, что и ночи не спитъ и все мучается, если башкиры свезутъ къ себѣ домой мою, по его соображеніямъ, охапку сѣна.

Онъ взялъ изъ моихъ рукъ планъ, свернулъ его и положилъ на сосѣднюю этажерку.

— Не хотите ли на террасу?

Мы двинулись къ двери.

— Какая масса у васъ книгъ!—невольно вырвалось у меня съ языка.

— Да, это мое единственное богатство!—отвѣтилъ онъ.—Здѣсь еще не все, тамъ, въ спальнѣ, столько же. У насъ, вѣдь, здѣсь родовая библіотека, цѣлыя столѣтія собиралась, еще мой дѣдъ положилъ основаніе. Правда, многое изъ нея и поразвезли милые сосѣди, но что же съ ними подѣлаешь?—возьмутъ и зачитаютъ... На этотъ счетъ, вѣдь, вездѣ одно правило, одна нравственность... Теперь, впрочемъ, я отказываю, да, признаться, и сами мои кліенты неохотно просятъ. Беллетристику всю и легонькое чтеньице пораз-

везли, а что осталось, то ихъ не интересуетъ. Да и то сказать, тридцать лѣтъ люди пользовались книгами изъ нашей библіотеки, а не поумнѣли и не стали лучше: какъ дикарями родились—такими же и умрутъ!

Мы пришли на террасу. Сергѣй Николаевичъ, сославшись на боль въ ногахъ, опустился въ кресло и придвинулъ ко мнѣ стулъ.

— Садитесь, пожалуйста... Я, вѣдь, очень рѣдко вижу здѣсь свѣжаго человѣка. Иногда, вотъ, заѣдутъ ко мнѣ изъ города старые друзья и потолкуемъ, а то у насъ здѣсь страшная глушь. Ближайшіе сосѣди-землевладѣльцы меня не жалуютъ; если когда заѣдетъ становой приставъ или земскій начальникъ, такъ мы съ ними говоримъ больше на офиціальномъ языкѣ. Въ прошломъ году частенько завертывалъ ко мнѣ нашъ докторъ, но минувшей зимою мы съ нимъ поспорили, и онъ больше уже не заглядываетъ. Такъ что живу здѣсь вдали отъ людей и, представьте себѣ,—не скучаю!

Онъ произнесъ послѣднюю фразу какимъ-то громкимъ голосомъ и развелъ руками.

— Сижу, вотъ, цѣлыми днями и вечерами и перечитываю свои книги,—началъ онъ снова.—Въ нашемъ губернскомъ городѣ меня зовутъ за это занятіе сумасшедшимъ, а это меня не стѣсняетъ: на всѣхъ, вѣдь, не угодишь.

Онъ перемѣнилъ позу, предложилъ мнѣ папиросу, закурилъ самъ и тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— Странно устроены люди, по крайней мѣрѣ у насъ, въ губернскомъ городѣ. Когда я былъ, такъ сказать, у жизни и работалъ—меня также называли сумасшедшимъ; когда я ушелъ отъ нихъ—то и тутъ меня не оставляютъ въ покоѣ. А почему это такъ вышло? можетъ быть, спросите вы. Да только потому, что я отсталъ отъ жизни. Слишкомъ глубоко внѣдрились въ меня правила нашей старой жизни. Я съ 25 лѣтъ началъ служить народу, и программа моей дѣятельности—вотъ: эти книги, которыя вы видите. Я понималъ служеніе народу безъ компромиссовъ, а они всѣ, нынѣшніе его радѣтели, внесли въ свою работу поправку: они меня не понимаютъ, и я не понимаю ихъ.

Онъ говорилъ тихимъ пѣвучимъ голосомъ и съ такимъ спокойствіемъ и безстрастіемъ въ глазахъ, какъ будто люди, считающіе его сумасшедшимъ и оттолкнувшіе его отъ себя, ничего дурного ему не сдѣлали. Спокойный, тихій голосъ его какъ-то успокоительно дѣйствовалъ на мои нервы, и я готовъ былъ слушать его разсужденія долго.

IV.

Послѣ обѣда, когда мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ сидѣли на террасѣ и пили красное вино, случилось довольно-таки неожиданное происшествіе.

Прежде всего гдѣ-то за угломъ дома громко затявкали собаки и подняли неистовый лай, потомъ послышались голоса и громкіе окрики.

Сергѣй Николаевичъ забезпокоился, но не успѣлъ подняться съ кресла, какъ къ террасѣ быстро подскакалъ всадникъ. Это былъ сухощавый человѣкъ съ длинными ногами, которыя какъ-то смѣшно свѣшивались съ боковъ маленькой гнѣденькой лошаденки. Всадникъ былъ одѣтъ въ темныя и узкія брюки, запущенныя за голенища сапогъ, и въ бѣлый чесунчовый пиджакъ. На головѣ его была одѣта бѣлая англійская фуражка съ прямымъ козырькомъ. Изъ-подъ бортовъ фуражки выбивались курчавые темные волосы, а тѣнь отъ большого козырька падала на безусое и безбородое лицо съ сильно запавшими щеками.

Отмахиваясь арапникомъ отъ лающихъ собакъ, всадникъ злобно выкрикивалъ что-то бранное и, когда гнѣденькая лошаденка остановилась у самой террасы, вновь прибывшій господинъ довольно громко выкрикнулъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое, Сергѣй Николаевичъ, ваши лошади опять потоптали мои овсы. Ужъ вы какъ хотите, а заплатите мнѣ за потраву!..

— Голубчикъ, Степанъ Иванычъ... да, пожалуйста, получите, сколько слѣдуетъ,—тихимъ голосомъ заявилъ Сергѣй Николаевичъ, опершись рукою въ перила.—А только вы напрасно горячитесь... Пріѣхали бы часомъ раньше, пообѣдали бы съ нами, а потомъ, вотъ, у насъ и винцо есть красненькое. Пожалуйте-ка, а овсы ваши не пострадаютъ: въ конторѣ вамъ заплатятъ, сколько надо.

Видимо, обезкураженный такимъ тономъ, Степанъ Иванычъ сконфузился и молча слѣзъ съ лошади. Привязавъ коня къ дереву, одиноко стоявшему посреди двора, онъ вошелъ на террасу и поздоровался съ хозяиномъ и со мною.

— А, вѣдь, я имѣлъ честь видѣть васъ, когда вы съ этимъ проклятымъ башкирьемъ по лугамъ проходили,—сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ, и усѣлся къ столу.

Когда онъ снялъ съ головы фуражку, темные кудри его волосъ разсыпались.

Своимъ внѣшнимъ видомъ Степанъ Ивановичъ напоминалъ какую-то большую общипанную птицу, и носъ его былъ крючкомъ, и шея длинная съ хорошо развитымъ кадыкомъ.

Онъ подробно разсказалъ исторію потравы овсовъ вощининскими лошадьми, и когда кончилъ разсказъ, уже не упомянулъ о деньгахъ, но Сергѣй Николаевичъ недовольнымъ тономъ повторилъ:

— Отлично, вамъ заплатятъ въ конторѣ... Бога ради, только не загоняйте лошадей къ себѣ.

— Я пригналъ ихъ къ Березовому колку и вашему Мирошкѣ сдалъ.

— Отлично... отлично... Ну, а теперь выпьемъ винца... Можетъ быть, кушать хотите? А?

Степанъ Ивановичъ пилъ вино маленькими глотками и съ видомъ знатока похваливалъ напитокъ.

Когда онъ узналъ изъ разговора, ради чего я появился въ усадьбѣ Вощинина, въ глазахъ его вспыхнулъ огонекъ, и я видѣлъ, съ какимъ трудомъ онъ воздерживался отъ того, чтобы не высказать какой-то новой, вдругъ озарившей его мозгъ мысли. Потомъ онъ провелъ рукой по волосамъ, приподнялся со стула и снова занялъ прежнее мѣсто.

— А знаете что, Сергѣй Николаевичъ, заодно бы ужъ попросить ихъ и у насъ тамъ на Березовомъ увалѣ межу пройти. Право... Тоже грѣха немало у меня съ вашими работниками бываетъ...

— Степанъ Иванычъ, вѣдь мы съ вами уже выяснили границу, чего же еще?—началъ было спокойно Сергѣй Николаевичъ, но сосѣдъ его перебилъ:

— А все же, мнѣ думается, что межа та невѣрная, вправо ее надо подать. Жена говоритъ, что она еще дѣвчонкой помнитъ, какъ тамъ дорога проходила, а по дорогѣ надо считать и межу...

— Да сдѣлайте одолженіе... я и не противорѣчу, обойдемъ границу и по вашему участку, если вотъ они ничего не будутъ имѣть противъ этого...

Мнѣ почему-то показалось, что претензіи Степана Иваныча несостоятельны, почему я и поспѣшилъ отвѣтить:

— Виноватъ, но я едва ли смогу это сдѣлать. Вѣдь у меня своя работа.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не откажите, — просилъ Степанъ Ивановичъ молитвенно-скорбнымъ тономъ. Къ моему изумленію, къ его просьбѣ присоединился и Сергѣй Николаевичъ, которому я уже никакъ не могъ отказать.

Черезъ часъ Степанъ Ивановичъ уѣхалъ, взявъ съ меня слово, что я непремѣнно побываю у него на хуторѣ.

— Удивительно недобросовѣстный сосѣдъ!—началъ Сергѣй Николаевичъ послѣ отъѣзда Степана Ивановича.

— Кто онъ?

— Это, я вамъ скажу, интересный экземпляръ. Я знаю его съ мальчиковъ,—отвѣтилъ со вздохомъ Сергѣй Николаевичъ. — Родился онъ въ селѣ Ефимовѣ, въ семьѣ одного крестьянина, Иваномъ Сапожниковымъ прозывался его отецъ. Кончилъ онъ въ земской школѣ и проявилъ большія способности, а потомъ мы, — я говорю про земскую управу,—а потомъ мы его отдали въ учительскую семинарію. Кончилъ онъ блестяще и семинарію, а потомъ опредѣлился учителемъ въ своей же Ефимовкѣ. Лѣтъ 6 — 7 проучительствовалъ, а потомъ приглянулась ему поповна одна, онъ

я женился и получилъ въ приданое двѣсти десятинъ земли, участокъ въ смежности съ моей землей. Теперь вотъ и живетъ на своемъ хуторѣ и занимается хозяйствомъ, и, знаете, такой кулакъ! такой міроѣдъ! Ужасъ! Башкиры два раза у него хлѣба сжигали, да и до хутора-то добираются.

Сергѣй Николаевичъ на минуту смолкъ, уставившись неподвижными глазами куда-то въ даль полей, и устало, прежнимъ тономъ прибавилъ:

— Когда-то я его усиленно тянулъ въ учителя, помогалъ, чѣмъ могъ, и думалъ, что изъ него выйдетъ честный человѣкъ, а оказалось... Ошибка вышла, большая ошибка!

— Да-а,—немного помолчавъ, добавилъ онъ:—думалъ дать Ефимовкѣ учителя изъ ея же среды, а вышло вонъ что—кулака для нихъ сдѣлалъ, далъ ему образованіе, оперилъ его... Теперь ефимовцы же и клянутъ его, «своего мучителя жизни...» Такъ, вѣдь, и называютъ его—«мучитель жизни». Я для нихъ старался дать учителя жизни, а изъ него вышелъ мучитель... Вотъ вѣдь, тоже времена наступили; сѣешь пшеницу, а уродится лебеда!

Я посмотрѣлъ въ лицо Сергѣя Николаевича, и мнѣ стало жаль старика. Послѣднюю фразу онъ произнесъ съ печалью въ глазахъ и съ дрожью въ голосѣ. Онъ, видимо, страдалъ за свою ошибку, но исправить ее, конечно, былъ безсиленъ.

V.

На другой день утромъ мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ отправились на межу, забравъ съ собою планы и межевыя книги. На лугахъ, на берегу рѣчки Вощинки, мы застали довольно густую толпу башкиръ: тутъ были степенные старики съ сѣдыми бородами и съ темными землистыми лицами, тутъ были и молодые башкиры и даже подростки. Вся эта разнолицая толпа о чемъ-то усиленно галдѣла, окружая приказчика Николая, который стоялъ на болотной кочкѣ и, размахивая своимъ котелкомъ, старался въ чемъ-то убѣдить собесѣдниковъ. Когда мы вылѣзли изъ экипажа на пригоркѣ, толпа смолкла.

Сергѣй Николаевичъ подошелъ къ башкирамъ, поздоровался съ ними, и я видѣлъ, съ какимъ уваженіемъ старики подходили къ Вощинину и здоровались съ нимъ за руку.

— Ну, что жъ, старики, межа дѣлать будемъ,—ломая слова, началъ Вощининъ.

— Ай, межа! межа! Сергѣй Николаисъ! Порядки надо дѣлать, а то сапсѣмъ не хороша!—тонкимъ голосомъ выкрикивалъ одинъ изъ толпы, старикъ-башкиръ деревни Карангуловой.

— Безпорядки-то вы учиняете,—проворчалъ приказчикъ:—съ малолѣтства я помню—межа вотъ гдѣ шла, а эта рѣчка въ «но-

винѣ» себѣ, по лугамъ дорогу себѣ проложила... Нешто же это можно!

— Погоди, Николай, пусть они сами говорятъ, — остановилъ его Сергѣй Николаевичъ.

— Сева зря говоришь, Миколай,—началъ староста, — минъ да тоже шестой десятокъ живемъ, мала-мала знаемъ.

Толпа снова заволновалась и загудѣла.

Сергѣй Николаевичъ обратился ко мнѣ съ просьбой осмотрѣть межу. При осмотрѣ рѣчки и сравненіи ея границы съ обозначеніями ея урочища на планѣ, нетрудно было выяснить, что претензіи башкиръ неосновательны. Быстрая степная рѣчушка Вощинка очень часто измѣняетъ свое русло именно по границѣ башкирской земли, и благодаря этой перемѣнчивой «живой» границѣ всѣ недоразумѣнія и возникаютъ. Но для всѣхъ ясно прежнее русло рѣки, которое, собственно, и должно считаться правильной границей. Башкиры, однако, этого не признаютъ и считаютъ границу ихъ владѣнія по линіи новаго русла.

— Да она, рѣчка-то, почитай, что каждый годъ мѣняетъ русло, каждый годъ ты и будешь мѣнять границу,—закричалъ, весь красный отъ волненія, приказчикъ Сергѣя Николаевича.

— Несява тебѣ говорить, Миколай, бульно ты хорошо знаешь,— возразили ему башкиры.

Толпа заговорила разомъ, и мнѣ стоила большихъ усилій защита интересовъ Сергѣя Николаевича. Я показалъ башкирамъ планы Сергѣя Николаевича, сравнивалъ ихъ съ планами, имѣющимися у башкиръ. Но мои увѣренія, что претензіи шумливыхъ сосѣдей Сергѣя Николаевича неправильны,—не убѣдили стариковъ, и они продолжали настаивать на своемъ.

— Ну, пусть ихъ, В. В.,—обратился ко мнѣ Сергѣй Николаевичъ.—Нарѣжьте ужъ имъ, какъ они показываютъ, да и кончимъ вопросъ!

Замѣчаніе Сергѣя Николаевича прервалъ своимъ выкрикомъ приказчикъ Николай.

— Сергѣй Николаичъ! Этого никакъ невозможно! Это будетъ бѣда! Они обижаютъ васъ!—говорилъ онъ, волнуясь.

— Ну, пусть, пусть...

Я установилъ границы такъ, какъ показывали башкиры, и мы двинулись въ обратный путь.

Но не успѣли мы сѣсть въ экипажъ, какъ со стороны степи послышался чей-то окрикъ.

Мы всѣ устремились глазами въ сторону деревни и увидѣли двухъ всадниковъ, скачущихъ въ нашу сторону. Въ одномъ изъ нихъ легко было узнать Степана Ивановича, а вторымъ всадникомъ оказался богатый башкиръ Салимъ-Гирей, котораго всѣ въ округѣ называли коршуномъ. Онъ твердо сидѣлъ въ роскошномъ

казачьемъ сѣдлѣ и, тяжело дыша и раскраснѣвшись, осадилъ своего коня у самаго экипажа. На немъ была одѣта роскошная шелковая безрукавка (зилень), на головѣ—богатый тюбитей, шитый позументомъ, и мерлушковая шапка. При приближеніи Салимъ-Гирея въ толпѣ башкиръ послышался говоръ, и я замѣтилъ, что многіе изъ толпы весьма недружелюбными взглядами встрѣчали своего однообщественника.

— Здравствуйте, Сергѣй Николаичъ! — началъ Салимъ-Гирей первымъ, довольно хорошо говоря по-русски. За нимъ слѣдомъ съ нами поздоровался и Степанъ Ивановичъ.

— Ай-ай, помѣщикъ Сергѣй Николаичъ! — развелъ руками Салимъ-Гирей, увидя башкиръ, роющихъ ямы на мѣстахъ, установленныхъ полюбовнымъ соглашеніемъ.—Твоя, вѣдь, земля пошла, Сергѣй Николаичъ! Ай-ай-ай! Это не хороша!

И онъ сталъ что-то быстро говорить по-башкирски, обращаясь къ толпѣ. По безпорядочному выкрику многихъ башкиръ изъ толпы и по лицамъ говорившихъ можно было судить, что разговоръ между богатѣемъ и бѣдняками былъ не изъ миролюбивыхъ.

Какъ вскорѣ выяснилось, сосѣдній участокъ земли, примыкающій къ землѣ Сергѣя Николаевича и къ башкирскимъ лугамъ, принадлежалъ Салимъ-Гирею. Въ его участкѣ рѣчка Вощинка также измѣнчива въ своемъ руслѣ, и между купцомъ-башкиромъ и башкирами-карангуловцами происходятъ постоянныя недоразумѣнія. Салимъ-Гирей понялъ, что если Сергѣй Николаевичъ уступилъ спорщикамъ, то и ему придется повозиться съ этимъ непріятнымъ дѣломъ, почему онъ открыто высказалъ свое неудовольствіе по поводу того, что рѣшился сдѣлать Сергѣй Николаевичъ.

— Своя земля отдавалъ, Сергѣй Николаевичъ, своя земля,— говорилъ онъ, волнуясь.—Что же это, и моя земля надо отдавать? Башкиръ, бить (вѣдь), разбойный народъ! Сапсѣмъ разбойный!

И Салимъ-Гирей обратился къ башкирамъ съ страстными ругательствами.

— Разумѣется, Сергѣй Николаевичъ, вы сдѣлали ошибку. Теперь и Салимъ-Гирея они съѣдятъ, — счелъ своимъ долгомъ высказать мнѣніе и Степанъ Ивановичъ, считавшійся большимъ другомъ богатаго башкира. Споръ между Салимъ-Гиреемъ и башкирами разгорался, и мы рѣшили уѣхать. Салимъ-Гирей издали погрозилъ въ сторону Сергѣя Николаевича нагайкой и снова принялся браниться съ башкирами.

— Теперь ужъ ко мнѣ на межу заодно,—предложилъ Степанъ Ивановичъ, все время не слѣзавшій со своего коня.

— Ну, что жъ, поѣдемте и туда, — охотно согласился Сергѣй Николаевичъ.—Только, Бога ради, Степанъ Иванычъ, покончимъ этотъ вопросъ сегодня, и больше уже не будемъ къ нему возвра-

щаться: установимъ межевые знаки — и конецъ спорамъ и недоразумѣніямъ!

Мы выѣхали на большую дорогу и двинулись быстрѣе. За экипажемъ, болтая длинными ногами, быстро скакалъ на утомленной лошади Степанъ Ивановичъ.

— И вотъ это опять, Сергѣй Николаичъ, неправильно,—началъ хмурый и злой Николай:—развѣ это возможное дѣло, чтобы межу сдѣлать такъ, какъ Степанъ Иванычъ показываетъ. Никогда тамъ межа и не проходила. Это все онъ неправильно показываетъ.

— Ну, будетъ, Николай, пусть его, — остановилъ приказчика Сергѣй Николаевичъ.

— Этакъ всю землю, Сергѣй Николаевичъ, имъ, глотамъ, отрѣжете... Вонъ онъ какой хапунъ, да и тотъ-то, Салимъ-Гирей-то, хорошъ коршунъ!

И недовольный приказчикъ злобно посмотрѣлъ въ сторону Степана Ивановича.

Когда межа владѣнія Степана Ивановича была установлена такъ, какъ онъ показывалъ, Сергѣй Николаевичъ добродушно спросилъ домогавшагося сосѣда:

— Ну, довольны?

— Мерси, Сергѣй Николаевичъ. Только... вотъ въ одномъ мѣстѣ будто не такъ... Ну, да это все равно...

— Еще недовольны! Еще недовольны! Эхъ!—сорвалось съ языка Николая, и онъ злобно выругался и хлестнулъ кнутовищемъ по голенищу своего сапога,

— Ну, а теперь, милый сосѣдъ, поѣдемте закусить,—обратился къ Степану Ивановичу Сергѣй Николаевичъ.

Сапожниковъ согласился, и за все время завтрака пріятно улыбался и говорилъ Сергѣю Николаевичу комплименты. Старикъ добродушно посмѣивался и подливалъ въ стаканъ умиротвореннаго сосѣда вино.

VI.

Дня черезъ три, въ воскресенье, мнѣ удалось побывать и у Сапожникова.

Бывшій народный учитель самъ заѣхалъ за мною и, какъ я ни отговаривался, ссылаясь на жару, все же почти насильно усадилъ меня въ свою «плетенку», и мы поѣхали.

— А то мнѣ все казалось, что вы чуждаетесь меня, — говорилъ онъ.

— Позвольте! По какому же поводу?

— Да, ужъ знаю я... Меня всѣ тутъ зовутъ кулакомъ, а башкиришки проклятые такъ совсѣмъ за звѣрюгу почитаютъ. А сами, мерзавцы, обкрадываютъ меня со всѣхъ сторонъ.

Онъ немного помолчалъ и добавилъ:

— Спуску я имъ не даю, чертямъ, вотъ они меня и считаютъ такимъ. Другое дѣло—наши ефимовскіе мужики. Спросите-ка кого хотите изъ нихъ, и всякъ вамъ скажетъ, что Степанъ Иванычъ строгъ, но справедливъ.

— Говорятъ, вы когда-то учительствовали?—спросилъ я.

— Да, имѣлъ такую глупость!

Онъ сплюнулъ въ сторону, какъ будто его прежняя профессія отозвалась теперь какимъ-то непріятнымъ вкусовымъ впечатлѣніемъ.

— Почему же глупость? Развѣ вы отрицаете пользу школы?

— Пользу школы я не отрицаю, а свою работу не признавалъ: потому, что отъ самой природы не гожусь я въ учителя—терпѣнія нѣтъ. Мнѣ чтобы такъ—сразу! Сразу и науку познай, сразу и человѣкомъ будь, да и за работу. А это невозможно!

Дома Сапожниковъ засадилъ меня прямо за обѣдъ. Супруга его Ольга Петровна, дама лѣтъ тридцати, оказалась необычайно полной, съ краснымъ носомъ и лицомъ и съ заплывшими глазами. Она была одѣта по праздничному и, когда ходила по комнатѣ и по террасѣ, гдѣ мы обѣдали, ея шелковое платье и туго накрахмаленная юбка очень шумѣли.

— А Степанъ Иванычъ говорилъ, что вы насъ гнушаетесь, потому и не хотите пріѣхать, — начала она, встрѣтивъ меня въ зальцѣ.

Мнѣ снова пришлось увѣрять и уѣздную даму, что предположенія ея, какъ и предположенія ея мужа, не имѣютъ основанія.

— Теперь-то я вижу!—кокетливо улыбнулась она, и какъ-то особенно повела глазами.

Обѣдъ Ольги Петровны оказался вкусный и сытный. Начали мы съ водки, а кончили мадерой, причемъ и сама хозяйка выпила рюмки двѣ, и еще больше раскраснѣлась.

— Мы здѣсь въ глуши живемъ, не видимъ и людей-то,—говорила она, когда мы втроемъ сидѣли на террасѣ.

— А зачѣмъ тебѣ людей-то? И какихъ еще людей?—возразилъ супругъ.—Людей здѣсь много, только поспѣвай руки прятать, а то, не ровенъ часъ, попадутъ кому пальцы въ ротъ, тотъ и откуситъ.

У Степана Иваныча такъ мило вышло это признаніе! Выходило такъ, что самому ему безбоязненно можно было класть въ ротъ цѣлую руку, а всѣмъ остальнымъ и палецъ положить опасно.

Полчаса спустя онъ водилъ меня по хутору и показывалъ свое хозяйство.

Всѣ хуторскія постройки у Степана Ивановича носили какой-то необычайный видъ. Дворъ скорѣе походилъ на площадь какого-нибудь торговаго села. По срединѣ его, подъ узкимъ навѣсомъ, по-

мѣщались двѣ пары вѣсовъ съ громадными шкалами и гирями. Усадьба со всѣхъ сторонъ была обнесена амбарами и завознями. Я насчиталъ шесть громадныхъ амбаровъ съ тесовыми крышами и съ большими замками на дверяхъ. Съ правой стороны дворъ замыкали конюшни, каретники и людскія избы.

Провелъ меня хозяинъ и въ свой обширный огородъ. Въ концѣ огорода я снова увидѣлъ амбаръ.

— Боже мой, сколько у васъ амбаровъ!—воскликнулъ я.

— Да, есть-таки. А нельзя, потому хозяйство. Вѣдь я за зиму-то не одинъ десятокъ тысячъ пудовъ хлѣба скуплю, надо же куда-нибудь все это размѣстить. А тамъ-то,—указалъ онъ въ конецъ огорода,—тамъ у меня сѣновалы.

Пока мы обходили усадьбу, насъ окружала стая собакъ. Псы были всѣ громадные, лохматые и внушали страхъ.

— Сколько у васъ собакъ!—не утерпѣлъ и удивился я.

— Нельзя безъ собакъ въ нашихъ краяхъ! Разбойники люди! Чуть что не поладилъ съ ними—такъ сейчасъ въ темную ночь и подпустятъ тебѣ краснаго пѣтуха! А враговъ тутъ у меня въ околоткѣ, по правдѣ сказать, много. Всѣ меня бранятъ, что я хлѣбъ скупаю и сѣно и всю живность. Такъ—чудакъ человѣкъ!—не продавай! А коли продаешь, такъ, значитъ, тебѣ не надо! Смѣшно, право: сердятся на меня за то, что я торговлей занимаюсь. За что? Какое же мое въ этомъ преступленіе?

Онъ говорилъ тономъ такого искренняго недоумѣнія, что мнѣ начинало казаться, что въ его дѣятельности, дѣйствительно, ничего предосудительнаго нѣтъ.

— Можетъ быть, вы ужъ очень большой процентъ наживаете, вотъ они на васъ и сердятся,—вставилъ я, улыбаясь.

— Процентъ законный, а законный процентъ всякій человѣкъ любитъ, право, кто бы онъ ни былъ, первый ли богатѣй, послѣдній ли работникъ.

— Такъ вотъ, работники-то ваши, можетъ быть, и сердятся на васъ за то, что не получаютъ законнаго процента,—старался я поддержать разговоръ.

— Работнику моему, кромѣ чашки щей, хлѣба да осьмушки нюхательнаго, ничего не надо. Вотъ его процентъ — и будь доволенъ! Чего эти работники понимаютъ? Жрать дашь ему—и живъ онъ, и работаетъ, какъ волъ. А башкирье это проклятое за осьмушку чая и кусокъ сахару душу свою отдадутъ. «Только, Степанъ Иванысь, сяйку давай, а то...»

Онъ такъ энергично махнулъ рукою, что у меня уже пропала охота поддерживать споръ.

Когда я уѣзжалъ отъ Степана Иваныча, онъ вызвался проводить меня самъ. Весь день мнѣ казалось, что гостепріимный хозяинъ только затѣмъ и затащилъ меня въ свою усадьбу, что ему

надо обдѣлать какое-то дѣльце. Мнѣ такъ все время казалось, и я не ошибся.

Когда мы ѣхали по дорогѣ отъ его усадьбы и щурились отъ яркихъ лучей заходящаго солнца, онъ началъ:

— У меня къ вамъ большая просьба.

— Что такое? Говорите.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Вы, вѣроятно, и сами убѣдились, что Сергѣй Николаичъ плохой хозяинъ. Помилуйте, ну, что же это за хозяйство: кому не лѣнь, тотъ отъ него и тащитъ, что понравится. Опять же исторія съ этими межами. Ну, что же это такое? Я давно говорю: Сергѣй Николаичъ продайте вы свое имѣніе, а сами уѣзжайте на покой въ городъ. Ничѣмъ не уговорю: упрямый старикъ. Не хочется ему разстаться съ роднымъ гнѣздомъ, «дворянскимъ гнѣздомъ», видите ли, а отъ этого гнѣзда-то теперь только воняетъ. Ну, вотъ, я и говорю ему, чтобы онъ продалъ имѣніе, а онъ не хочетъ.

Степанъ Иванычъ пріумолкъ на секунду, и, словно собравшись съ силами, продолжалъ:

— Посовѣтовали бы вы Сергѣю Николаевичу продать имѣніе...

— То есть какъ посовѣтовать! Я-то тутъ при чемъ?

— Онъ послушался бы васъ. Онъ такъ хорошо отзывается о васъ, говоритъ, что такіе, какъ вы, люди встрѣчаются не часто.

— Спасибо ему,—вставилъ я:—но... вамъ я не сумѣю помочь. Сергѣй Николаевичъ—человѣкъ взрослый и самъ знаетъ, что дѣлать.

Но Степанъ Иванычъ не унимался.

— Посовѣтуйте вы ему продать это имѣніе мнѣ. Ну, что вамъ стоитъ сказать, что имѣніе его никуда не годно, да и хозяйство-то такъ вести нельзя. А? Право? Я бы васъ ужъ отблагодарилъ за это: законный процентъ за комиссію получите...

Я молчалъ, а Степанъ Иванычъ долго еще продолжалъ уговаривать меня, склоняя къ содѣйствію при покупкѣ имѣнія. При этомъ онъ долго говорилъ о «законномъ» процентѣ вознагражденія мнѣ.

Бывшій учитель, однако, не убѣдилъ меня, и мы разстались сухо.

Черезъ двѣ недѣли я распрощался съ Сергѣемъ Николаевичемъ и увезъ съ собою изъ «дикой Башкиріи» самыя лучшія о немъ воспоминанія.

VII.

Какъ-то недавно я былъ остановленъ на Невскомъ сѣденькимъ старичкомъ въ большой мохнатой шубѣ и въ шапкѣ, какія носятъ въ степной Башкиріи.

На меня пахнуло чѣмъ-то роднымъ и близкимъ.

— Здравствуйте! Вы меня не узнаете?—обратился ко мнѣ старичокъ.—А вотъ я такъ узналъ васъ!

Я смотрѣлъ въ лицо старика, улавливая въ немъ знакомыя черты, но рѣшительно не могъ припомнить, кто предо мною.

— Сергѣй Николаичъ Вощининъ. Снова представляюсь вамъ,— сказалъ старикъ, и этого имени было достаточно, чтобы броситься къ старику съ дружескими объятіями.

— Сергѣй Николаичъ!—воскликнулъ я:—вотъ ужъ васъ-то я не предполагалъ встрѣтить здѣсь!

— И самъ я не думалъ, что на старости лѣтъ придется перебраться въ Питеръ, а вотъ, подите, да и поспорьте съ судьбою!

Вощининъ немного помолчалъ, осматриваясь по сторонамъ шумнаго проспекта, а потомъ добавилъ:

— Имѣніе мое сожгли крестьяне, а меня выпроводили вонъ! Въ прошломъ году это было, и теперь я могъ бы возвратиться домой... но, знаете ли, не хочется глазъ показать: ужъ очень грубо и глупо все это вышло!

Я пожалѣлъ старика, но онъ прервалъ нить моихъ фразъ сожалѣнія и твердымъ голосамъ сказалъ:

— Не жалѣйте меня—со мной ничего особеннаго не случилось. Они меня не тронули, со слезами выпроваживали изъ усадьбы, а не могли не сдѣлать этого. «Любили мы, говорятъ, тебя, Сергѣй Николаичъ, и теперь любимъ, а только вышла ужъ такая линія: не жить тебѣ тутъ, будетъ, пожилъ, а теперь мы поживемъ». Вывезли меня изъ усадьбы, а службы всѣ и домъ сожтли.

— Но зачѣмъ же все это?—сорвался у меня неожиданно наивный вопросъ.

— А затѣмъ, что мы съ вами всю жизнь пробыли около мужика, жалѣли его и все прочее, а главнаго-то и не запримѣтили. Мы не замѣтили, какъ въ этомъ мужикѣ постепенно выростала своя, совсѣмъ своя философія жизни!

Какимъ-то особенно мягкимъ тономъ сказалъ все это Сергѣй Николаичъ и не раскрылъ въ себѣ ничего для меня новаго: и раньше онъ всѣ недоразумѣнія съ крестьянами объяснялъ какъ-то такъ, что вся вина за эти недоразумѣнія раскладывалась на барина и на мужика, причемъ на долю перваго приходилась большая часть вины.

Въ жарко натопленномъ номерѣ гостиницы Сергѣй Николаевичъ разсказалъ мнѣ исторію своего выдворенія изъ родной усадьбы.

Аграрные безпорядки въ Б—скомъ уѣздѣ вспыхнули въ прошломъ году вскорѣ послѣ роспуска второй думы. Движеніе началось въ сосѣднемъ уѣздѣ и даже въ сосѣдней губерніи и постепенно, какъ пожарище, захватывало все большую и большую площадь. Въ началѣ весны мѣстныя власти предполагали установить порядокъ

собственными средствами, но потомъ вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ старымъ средствамъ, включительно до вызова войскъ.

Въ началѣ движенія крестьяне увозили съ полей помѣщичій хлѣбъ. Въ то же время башкиры производили кражу скота и въ особенности лошадей. Наконецъ, распространились слухи о сожженныхъ усадьбахъ гдѣ-то въ сосѣднихъ губерніяхъ. Никто эти слухи не повѣрялъ, и они перепутывались, какъ нити, и запутывали темныя головы изголодавшагося крестьянства.

Наконецъ запылали усадьбы землевладѣльцевъ и въ Б—скомъ уѣздѣ, и первой взлетѣла на воздухъ въ пламени и дымѣ усадьба Степана Иваныча.

— Вы, навѣрное, помните его?—спрашивалъ меня Вощининъ.— Знаете, длинный такой, сосѣдъ мой, изъ земскихъ учителей? Теперь онъ здѣсь, въ Петербургѣ, съ женой пріѣхалъ и кутитъ...

Я припомнилъ Степана Иваныча безъ особеннаго раздумья, такъ какъ до сихъ поръ еще не забылъ просвѣщеннаго кулака изъ народныхъ низовъ, появленіе котораго возможно только у насъ въ глуши провинціи.

Я высказалъ желаніе повстрѣчаться съ нимъ.

— Повстрѣчаетесь, онъ часто ко мнѣ заходитъ и все волнуется и бранитъ жизнь... «Не дали, говоритъ, мнѣ развернуться во всю, а то я показалъ бы себя!»

Передъ пожаромъ въ Степана Иваныча стрѣляли, но онъ остался невредимъ, даже растерялся не сразу. Съѣздилъ онъ въ городъ, накупилъ оружія и изъ всѣхъ своихъ работниковъ образовалъ нѣчто вродѣ дружины, которая за приличное вознагражденіе поклялась оберегать имущество щедраго землевладѣльца

— Много горя хлебнулъ онъ съ этими стражниками!—говорилъ про Степана Иваныча Вощининъ.

— Что такъ?

— Сообразили они, что ихъ хозяинъ перетрусилъ не на шутку, и какъ проходитъ недѣля, такъ они къ нему. «Такъ и такъ, молъ, Степанъ Иванычъ, работа наша тяжелая, ужъ вы не пожалѣйте еще прибавочки». Сначала Степанъ Иванычъ охотно прибавлялъ, а потомъ видитъ, что дѣло изъ этого выходитъ не подходящее. Проходитъ дня три, а стражники опять приходятъ и просятъ прибавки. Совсѣмъ извелся человѣкъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Я ему говорю: «Что, Степанъ Иванычъ, приходитъ конецъ намъ».—«Ну, говоритъ, еще посмотримъ! Такъ-то я не сдамся, душъ десятокъ положу на мѣстѣ, а потомъ, что Богъ дастъ!» А все же смирился и ночью потихоньку удралъ.

О своемъ несчастіи Сергѣй Николаевичъ говорилъ не особенно охотно, какъ будто ему совѣстно было разсказывать дурное о крестьянахъ-сосѣдяхъ, ради которыхъ онъ когда-то такъ беззавѣтно работалъ.

Темной ночью окружили ефимовскіе крестьяне усадьбу Вощинина. Изъ толпы выдѣлились выборные старики, честь-честью вошли въ уютное зальце степного помѣщика и въ молчаніи подождали, пока къ нимъ вышелъ баринъ.

А когда Сергѣй Николаичъ появился, депутаты поклонились и сказали:

— Къ твоей милости, Сергѣй Николаичъ! Ужъ прости насъ, стариковъ, а только отъ міра мы, выборные. Порѣшили мы выселить тебя изъ усадьбы!

«И выселили...»

Съ горькими нотами въ голосѣ произнесъ Сергѣй Николаичъ эти роковыя слова, а въ глазахъ его оставалась запечатлѣнной прежняя безграничная любовь къ тѣмъ же мужикамъ, его гонителямъ.

Я прислушивался къ тихому голосу степного помѣщика, и онъ представлялся мнѣ большимъ человѣкомъ, сумѣвшимъ сохранить цѣльность души, несмотря на козни жизни.

Только люди пореформеннаго уклада, помѣщики періода возрожденія деревни могли сохранить такую свѣжесть чувствъ. Судьбою обиженными считаютъ они своихъ деревенскихъ сосѣдей, крестьянъ, прощая имъ, повторяя великія слова: «Господи, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ».

Пожимая старческую руку Сергѣя Николаевича, на прощанье я спросилъ его:

— Долго ли проживете въ Петербургѣ?

— И самъ не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Хлопочу, вотъ, о нихъ...

— О комъ?

— Да о ефимовцахъ. Хочется мнѣ, чтобы простили ихъ и тамъ, въ судѣ. Простилъ я имъ, пусть и они простятъ.

И въ голосѣ старика, какъ вѣчный аккордъ всепрощенія, прозвучали великія слова, которымъ тѣсно на землѣ: «пусть и они простятъ».

Вас. Брусянинъ.

БЫЛЫЕ ДНИ И ГОДЫ [1].

XXXIII.

Опять ссылка.—Мценскъ.—Усадьба Смоленской губерніи.— Московскій генералъ-губернаторъ князь Долгорукій и оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ.

ЕДВА только послѣ «мужицкихъ» работъ я устроился на квартирѣ въ Москвѣ, какъ мною была получена странная телеграмма. Говорю странная, потому что она была адресована изъ охраннаго отдѣленія.

Непріятно! это добромъ не пахнетъ!

Отправился. Но гдѣ охранное отдѣленіе? Спрашиваю у городовыхъ — не знаютъ. Пошелъ въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, тамъ сказали, улыбнувшись. Тогда,—дѣло было передъ коронаціей Александра III,— охранное отдѣленіе помѣщалось у Страстного монастыря, въ частной квартирѣ. Когда я подалъ телеграмму чиновнику, вышелъ жандармскій офицеръ, любезно предложившій мнѣ выѣхать изъ Москвы въ двадцать четыре часа.

— Куда?—спросилъ я невольно.

— Куда вамъ будетъ угодно!—галантно отвѣчалъ жандармъ.

— А не могу попросить у васъ отсрочки?

— Я не въ правѣ. Оберъ-полицеймейстеръ можетъ разрѣшить! послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

«Куда въ самомъ дѣлѣ я поѣду?» думалъ я, отправляясь къ оберъ-полицеймейстеру, который мнѣ разрѣшилъ пробыть три дня.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 468.

«И страшный же я человѣкъ, чортъ возьми!»

Мать, конечно, была разстроена и упрекала меня, не зная за что! У нея, между прочимъ, я встрѣтилъ инженера Д., начальника дистанціи Московско-Курской желѣзной дороги, который проживалъ въ Мценскѣ. Онъ предложилъ поѣхать къ нему. Я охотно согласился. Прощай, Москва! прости, пріютъ! Охъ, этотъ Мценскъ! Онъ еще тогда былъ усиленно-черносотеннымъ. Его жители, преимущественно хлѣбные маклаки, угрюмые потребители водки, ловко и нахально обманывали крестьянъ, привозящихъ на продажу хлѣбъ въ городъ. Они ихъ обмѣривали. Всѣ почти женщины-мѣщанки занимались кружевнымъ промысломъ. Они ходили, разговаривали и вязали кружева. Сбытъ всегда былъ обезпеченъ, но товаръ цѣнился скупщиками крайне дешево; были отличныя мастерицы, исполнявшія тонкую, паутинную работу. Послѣ мнѣ говорили, что работа послѣднихъ шла за заграничную и продавалась въ столицахъ крайне дорого, а производительницы получали гроши.

Въ Мценскѣ было очень много трактировъ, гдѣ пили водку. Но какъ пили? Изъ чайниковъ и чашекъ подъ видомъ чаепитія. Такіе чаевники выходили обыкновенно изъ «заведеній», что называется, безъ заднихъ ногъ. Не отличались трезвостью и мѣстныя женщины. Бывали случаи во время моего краткаго пребыванія въ этомъ нечистоплотномъ городкѣ, когда почтенныя жены обывателей бѣгали по улицамъ въ припадкахъ бѣлой горячки.

Надо прибавить, что въ Мценскѣ находилась большая тюрьма для пересыльныхъ, куда нѣкоторое время препровождались политическіе ссыльные. И вотъ когда съ желѣзнодорожнаго вокзала вели въ тюрьму арестантовъ, то обыватели встрѣчали ихъ обыкновенно грубыми насмѣшками и даже плевками по ихъ направленію. Не правда ли, остроумно?

Мнѣ было тяжело жить среди этихъ «проломленныхъ головъ», хотя семья инженера относилась ко мнѣ радушно.

Гуляя какъ-то по вокзалу, я встрѣтилъ изъ Москвы поѣздъ. Товарные вагоны были наполнены людьми. Женщины и дѣти плакали, мужчины хмуро выглядѣли и сквозь зубы отвѣчали на разспросы. Это были переселенцы Полтавской губерніи, распродавшіе свои земли, постройки и скарбъ и насильно (административно) возвращаемые на родину. Что они тамъ будутъ дѣлать и какъ жить? Переселяясь въ Сибирь, они доѣхали до Москвы, откуда ихъ повернули обратно. Какая, подумаешь, внутренняя политика! Несчастные люди! Я далъ имъ всѣ мои маленькія деньги и написалъ статью-корреспонденцію, которую отправилъ въ «Русскія Вѣдомости», гдѣ она и была напечатана. Это было въ 1883 году, когда въ ту же газету я корреспондировалъ изъ Смоленской и Орловской губерній.

Тянулись томительные дни въ Мценскѣ, коронація благополучно кончилась, но мнѣ нельзя было возвратиться, такъ какъ я лишенъ былъ права жить въ столицахъ. Почему? я и самъ не зналъ и до сихъ поръ не знаю. Я уѣхалъ въ Смоленскую губернію, въ роскошную усадьбу С. В. Пенскаго, гдѣ и прожилъ около десяти мѣсяцевъ. Одинокій помѣщикъ былъ радъ мнѣ, и мы съ нимъ жили припѣваючи, какъ дай Богъ всякому.

Да, это была хорошая ссылка!

Роскошная кухня, старыя (добрыя) французскія вина и охота, охота безъ конца. Мѣста богатыя какъ лѣсной, такъ и болотной дичью. И какія мѣста! На сѣромъ колоритѣ, то угрюмыя, то ласковыя, манящія, но дѣвственныя и поэтичныя своей непосредственностью. Не только я привыкъ, но сдружился съ смоленской природой, находясь въ ея постоянной близости и въ созерцательномъ настроеніи. Правда, ни работы, ни какихъ-либо обязательствъ у меня не было—я просто жилъ!

Помню, въ то время меня тянуло писать. Несмотря на молодость, я успѣлъ весьма много пережить, а главное перечувствовать, и немудрено, что меня влекло изложить образно мои чувства на бумагѣ. Тогда я написалъ первое мое беллетристическое произведеніе «Отщепенецъ», напечатанное черезъ годъ въ журналѣ «Наблюдатель».

Въ усадьбѣ была порядочная библіотека, и я, если не охотился, то читалъ, читалъ безъ конца, поглощая книгу за книгой. И все-таки, несмотря на такую роскошную, панскую жизнь, меня, пролетарія-интеллигента, тянуло на трудовую, свободную жизнь. Но крылья мои были связаны!

Наступали короткіе осенніе дни, тоска стала посѣщать чаще и чаще мое сердце. Бывало, шумятъ старыя липы парка, слегка дробитъ дождь по стекламъ оконъ, туманной завѣсой подернутъ горизонтъ, и ползутъ безъ начала и конца сѣрыя тучи, когда меня точитъ неотвязная дума покинуть роскошный домъ, привольное житье, простыхъ и милыхъ людей и быть свободнымъ и жить тамъ, непремѣнно въ столицахъ. Тогда казалось, что именно тамъ и жизнь, и радость, и трудъ!

Надо же наконецъ создавать свою жизнь, за свой страхъ и отвѣтственность! Вѣдь здѣсь я гость и притомъ невольный, странный гость! И вотъ, подумавъ и сообразивъ, я противо-административно поѣхалъ въ Москву, гдѣ познакомился съ совѣтникомъ губернскаго правленія (потомъ московскимъ вице-губернаторомъ) княземъ В. В. Оболенскимъ, супруга котораго приходилась родственницей московскому генералъ-губернатору князю Долгорукому.

Покойный князь Оболенскій былъ превосходный, сердечный человѣкъ. Ко мнѣ онъ отнесся просто и искренно. Я, конечно, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ помочь моей бѣдѣ.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ онъ:—дѣло устроится! Нашъ князь превосходный человѣкъ.

— Но мнѣ надо скоро,—говорилъ я:—права жительства въ Москвѣ не имѣю и меня могутъ арестовать.

— Завтра я васъ увѣдомлю,—успокоилъ меня Василій Васильевичъ.

И дѣйствительно, на другой день я получилъ отъ него записку, что генералъ-губернаторъ приметъ меня въ такой-то день на общемъ пріемѣ.

Не безъ волненія готовился я къ этому дню. Одѣлся вполнѣ прилично, нанялъ извозчика и подкатилъ къ парадному входу генералъ-губернаторскаго дома на Тверской. Но тутъ произошелъ нѣкоторый курьезъ. Внизу, въ раздѣвальной находились, кромѣ швейцаровъ, жандармы и полицейскіе чиновники, которые остановили меня вопросомъ: «куда и зачѣмъ»?

— Къ генералъ-губернатору, чтобы подать ему просьбу лично!

— Нельзя!.. прошенія принимаются канцеляріей,—строго говорилъ полицейскій.

Я началъ спорить. Произошелъ шумъ, на который сверху вышелъ на лѣстницу адъютантъ князя Долгорукаго.

— Въ чемъ дѣло? что такое?—спрашивалъ онъ.

Чиновникъ почтительно объяснилъ.

— Ваша фамилія?—спросилъ меня адъютантъ.

Я назвалъ себя.

— Пожалуйте... раздѣвайтесь!..—проговорилъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Какъ разбойники бросились на меня швейцары и въ моментъ освободили отъ верхняго платья. Полицейскій офицеръ любезно сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ, когда я, не спѣша, зашагалъ по ступенямъ въ пріемную, которая помѣщалась въ бельэтажѣ.

Народа было порядочно. Много дамъ и военныхъ, среди которыхъ мелькали фраки. Я въ своемъ скромномъ сюртукѣ усѣлся въ уголокъ. Ко мнѣ подошелъ находившійся здѣсь оберъ-полицеймейстеръ Козловъ. Я показалъ ему свое прошеніе. Онъ прочелъ и со словами: «я ничего не имѣю противъ», возвратилъ мнѣ обратно.

Я сталъ разсматривать обстановку. Сравнительно небольшая, хотя и длинная комната была меблирована недурно, но и не особенно. Мое вниманіе обратили шкапы со стеклянными дверцами. Въ этихъ шкапахъ было очень много золотыхъ и серебряныхъ вещей: разныя блюда, солонки, вызолоченые, съ дорогими украшеніями бокалы, чарки и наконецъ многочисленные въ ризахъ образа. Все это были подарки отъ благодарныхъ москвичей дѣйствительно любимому ими генералъ-губернатору.

Покойный князь пользовался большой популярностью въ Москвѣ, которую заслужилъ своей доступностью и несомнѣнной, природ-

ной добротой. Пока я разсматривалъ подарки, начался пріемъ. Адъютантъ съ карандашомъ и записками, стоя у портьеры, выкликалъ по фамиліи, и поименованное лицо быстро скрывалось за занавѣсой.

Я думалъ, что меня вызовутъ послѣднимъ. Но, къ удивленію, ошибся. Раздвинулась портьера, и я очутился въ маленькой комнатѣ, ярко меблированной, съ небольшимъ столомъ, полнымъ красивыхъ бездѣлушекъ. Передъ столомъ стоялъ крохотный изящный диванъ. Князь Долгорукій небольшого роста довольно плотный старикъ, съ восковой кожей на лицѣ, съ оттопыренными, подстриженными усиками стоялъ передо мной съ вопрошающимъ видомъ.

Я подалъ ему прошеніе.

Князь, повидимому, удивился, сѣлъ на диванчикъ, посадилъ меня рядомъ. Его маленькіе сѣрые глаза смотрѣли на меня вопросительно-добродушно. Я сталъ на словахъ говорить, что было написано въ прошеніи. Князь оживился и, повидимому, вспомнилъ.

— А, вы опасный человѣкъ,—сказалъ онъ, тронувъ меня за талію.—Да, да! мнѣ говорилъ князь Оболенскій!

Я молчалъ. Генералъ-губернаторъ, положивъ мою «бумагу» на столикъ и посмотрѣвъ на меня, улыбнулся.

— А вы не будете разрушать наше государство?—говорилъ князь.—Что съ вами, молодежью, дѣлать! Вѣдь у васъ кровь горячая, кипитъ, волнуется...

— Мнѣ, ваше сіятельство, разрѣшите жить въ Москвѣ.

— Не отъ меня зависитъ, голубчикъ, я бы радъ, но о васъ имѣется распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

— Какъ же быть?—невольно проговорилъ я, огорченный.

— Надо просить,—отвѣчалъ князь.—Я напишу, а вы пока живите... только не прописывайтесь!

Я крайне удивился.

— Значьтесь тамъ, гдѣ вы теперь жили.

— Въ Смоленской губерніи?

— Ну да, въ Смоленской,—отвѣчалъ князь, вставая и любезно раскланиваясь.

Я сталъ проживать въ Москвѣ «секретно», пока, кажется, мѣсяца черезъ два, былъ вызванъ къ оберъ-полицеймейстеру.

А. А. Козловъ прочелъ мнѣ «бумагу», въ которой предписывалось мнѣ объявить, что я могу жить въ столицахъ и что съ меня снимается полицейскій надзоръ.

Этотъ день былъ однимъ изъ пріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, мое неопредѣленное положеніе не только не давало мнѣ работать, но томило, разстраивая нервы.

А. А. Козловъ въ этотъ разъ былъ со мной весьма любезенъ, не такъ молчаливъ и серьезенъ, какъ прежде. Впослѣдствіи съ

генераломъ Козловымъ приходилось мнѣ встрѣчаться и всегда выносить простое впечатлѣніе отъ краткихъ бесѣдъ умнаго человѣка.

Отлично помню, а это было недавно, когда А. А. Козловъ назначенъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и когда москвичи не скрывали своей радости во время его, къ сожалѣнію, кратковременной службы.

XXXIV.

Москва.—Мои первыя литературныя начинанія.—Газета «Русскій Курьеръ».

Снова въ Москвѣ, но что дѣлать? Мнѣ предлагали должность управляющаго имѣніемъ одного важнаго лица. Я не согласился, хотя могъ поставить хозяйство, но я вовсе не затѣмъ работалъ, мучился, чтобы моими трудами и практическими знаніями пользовался какой-то господинъ, весело проживающій русскія деньги въ Парижѣ. Нѣтъ, я работалъ и учился для себя и окружающаго (если бы я жилъ на своемъ хуторѣ) меня народа, которому я на примѣрѣ, на работѣ показалъ бы и пріемы и высшую зерновую культуру. Мечты остались мечтами, а вѣдь онѣ были такъ просты, такъ осуществимы!

Искать работы интеллигентному человѣку не то, что простому рабочему. Столяръ или слесарь идетъ туда, гдѣ находится такое производство, гдѣ онъ нуженъ. Хорошій слесарь, столяръ всегда найдутъ работу. Но честный, идейный интеллигентъ кому, какому учрежденію онъ нуженъ? Я думаю, что ошибки не будетъ, если отвѣтить на такой вопросъ отрицательно. Мало того, такіе люди нежелательны; они неохотно подчиняются, держатся особнякомъ и даже заставляютъ чувствовать свое нравственное и умственное превосходство. Ну, нѣтъ, это совсѣмъ нежелательно, даже вредно для дѣла, поставленнаго и дѣйствующаго традиціонно. Итти въ чиновники? Изъ батраковъ да въ губернскіе секретари и вмѣсто земли обрабатывать «бумагу»—мнѣ казалось совсѣмъ нелѣпо. Оставалось пристроиться къ земской статистикѣ, тѣмъ болѣе, что шансы мои въ этомъ отношеніи поднялись, благодаря практическому знакомству съ мужикомъ.

Но дѣло устроилось иначе.

Я былъ хорошо знакомъ съ артисткой М. Н. Ермоловой, вышедшей замужъ за присяжнаго повѣреннаго Н. П. Шубинскаго. Я бывалъ въ ихъ семьѣ, и они, конечно, знали мои трудныя обстоятельства. Безусловно чуткій человѣкъ, Марія Николаевна хотѣла искренно помочь мнѣ устроиться. Ея мужъ въ то время принималъ участіе въ газетѣ «Русскій Курьеръ», издаваемой богатымъ московскимъ купцомъ Н. П. Ланинымъ, человѣкомъ довольно оригинальнымъ, о которомъ разскажу въ свое время. Тогда редакто-

ромъ газеты былъ графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, товарищъ по университету Н. П. Шубинскаго. Послѣдній повелъ меня въ редакцію, гдѣ познакомилъ съ графомъ, принявшимъ меня очень любезно въ своемъ кабинетѣ.

— Пишите намъ пожалуйста!—говорилъ редакторъ.—Вы знаете народъ, его экономическое положеніе, земельныя условія... Въ статьяхъ такого характера мы нуждаемся, и онѣ съ удовольствіемъ будутъ напечатаны, если... если, конечно, будутъ подходить къ направленію газеты. Вы читаете «Курьеръ»?

— Да, прочитывалъ, я не особенно давно въ Москвѣ.

— Позвольте вашъ адресъ, и вы будете получать газету. Итакъ, я жду статей,—кончилъ редакторъ, вставая.

Задача была трудная, написать статью, да еще экономическую. Было страшно, и я полагалъ, что ничего изъ этого не выйдетъ. Я сидѣлъ за столомъ въ своей комнатѣ и думалъ: «ну, какой я экономистъ?» Въ это время взоръ мой упалъ на недавно купленную мной брошюру г. Голохвастова объ А. Н. Энгельгардтѣ, брошюру хвастливую, обнаружившую полное незнакомство автора съ предметомъ. Я пробѣжалъ еще разъ эту книжку и сталъ писать. Мало-по-малу увлекшись, я написалъ небольшую, но содержательную вещицу по свѣжему знакомству съ хозяйствомъ Энгельгардта. Когда графъ Кутузовъ прочелъ, онъ улыбнулся и сказалъ: «вы написали съ огнемъ, какъ опытный публицистъ!»

Конечно, это былъ комплиментъ, но мнѣ было пріятно.

— А теперь,—продолжалъ графъ,—на завтра у насъ нѣтъ подходящей передовой статьи, и я васъ прошу написать изъ экономической сферы. Мой кабинетъ къ вашимъ услугамъ, а мнѣ нужно часа на два кое-куда съѣздить.

— Помилуйте, что вы, графъ? я, право, не знаю!

Но редакторъ, махнувъ рукою, ушелъ, а я остался одинъ, совершенно смущенный и взволнованный. Написать передовую статью экономическаго характера?! Помилуйте! И мнѣ казалось, что таковая статья должна быть крайне мудреная, написанная непремѣнно мудреными, учеными и не всѣмъ понятными фразами. Я не умѣлъ такъ писать и не былъ ученымъ человѣкомъ. Что дѣлать?

Передо мною открывалась свободная профессія публициста, работа и обезпеченный кусокъ хлѣба... И все это зависитъ отъ этихъ минутъ, во время которыхъ надо написать серьезную и интересную, по крайней мѣрѣ, содержательную статью... Однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ гамлетовскаго «быть или не быть?» Написать или бѣжать? Но я никогда не былъ трусомъ. Моя голова страшно заработала, и вдругъ мелькнула мысль, яснѣй, опредѣленнѣй... Только что недавно въ трехъ губерніяхъ было произведено разслѣдованіе земскими статистиками: какой процентъ идетъ на разо-

реніе крестьянъ отъ пьянства. Помню, въ Московской 3%, Саратовской или Самарской 2%, большій же процентъ, кажется, 20—30 падаетъ на общія причины. И вотъ на основаніи тогда еще свѣжихъ цифръ я написалъ статью, которая была готова, когда редакторъ возвратился въ свой кабинетъ.

— Ну, что, написали?—былъ его первый вопросъ.

— Написалъ, но не знаю...

— Давайте!

Графъ Кутузовъ быстро пробѣжалъ матеріалъ, такъ же быстро сдѣлалъ помѣтку и позвонилъ разсыльнаго, которому нервно приказалъ: «въ типографію!» Затѣмъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ заняться экономическимъ отдѣломъ.

Такимъ образомъ я вступилъ въ число сотрудниковъ московской газеты «Русскій Курьеръ» народнически-либеральнаго направленія. Черезъ нѣкоторое время мнѣ было поручено вести отдѣлъ «среди газетъ и журналовъ».

Съ тѣхъ поръ, а это было въ 1884 году, я сталъ литераторомъ и тяну эту трудную лямку по сіе время. Литературная среда въ прежнее время была чище, идейнѣе, да и газеты тоже. Газетами въ то время просвѣщались люди, и сотрудники и представители прессы не позволяли себѣ ничего рекламнаго, торговаго. За идеи, за принципы держались крѣпко, и убѣжденіями, взглядами не торговали. Слишкомъ близки были отъ нашего времени идеалы 60-хъ годовъ, и расцвѣтъ нашей художественной и публицистической литературы. Не какіе-нибудь Горькіе-Скитальцы освѣщали нашъ тернистый путь, а великія имена Гоголя, Бѣлинскаго и другихъ русскихъ высокихъ талантовъ были для насъ свѣточами и вдохновителями.

Газета «Русскій Курьеръ» [1]) существовала недавно, но уже имѣла свою исторію. Первымъ ея редакторомъ, опредѣленно поставившимъ этотъ органъ печати, былъ Ф. Д. Нефедовъ, извѣстный писатель-беллетристъ. По прикосновенности къ дѣлу Нечаева, въ сущности только за знакомство съ нимъ, Нефедовъ, будучи редакторомъ, былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Выпущенный изъ заключенія, онъ уже не возвращался къ редакторской дѣятельности, несмотря на просьбы товарищей-сотрудниковъ. Издатель Ланинъ отличался, какъ вообще московскіе купцы, большой трусостью и ни подъ какимъ видомъ не соглашался поставить во главѣ своей газеты какого ни на есть, а все-таки «петропавловца». Впрочемъ, составъ сотрудниковъ, организованный Нефедовымъ, не распадался, и послѣ его ареста редактированіе взялъ на себя сотрудникъ В. А. Гольцевъ, нынѣ тоже покойный. Газета велась хорошо

---

[1]) Первый ея нумеръ вышелъ въ Пушкинскіе дни, въ 1880 году.

и «забивала» тогдашнія «Русскія Вѣдомости», будучи болѣе живой и отзывчивой, чѣмъ послѣднія со своей сухой протокольностью. Но съ Ланинымъ было трудно ладить, онъ позволялъ себѣ порой вмѣшиваться въ веденіе газеты, и потому Гольцевъ, не терпѣвшій этого, бросилъ редакторство и совсѣмъ ушелъ изъ состава сотрудниковъ. Это была большая потеря, ибо профессоръ хотя и не былъ талантливымъ, но безусловно полезнымъ публицистомъ.

Мѣсто Гольцева занялъ графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, который оставался тоже недолго и ушелъ по случаю конфликта съ сотрудниками, о чемъ я разскажу подробно. Собственно говоря, послѣ Нефедова газета падала съ народнической окраски до либеральной, причемъ либерализмъ ея становился прозрачнѣе, а при Кутузовѣ и совсѣмъ поблѣднѣлъ. Большая часть сотрудниковъ, особенно постоянныхъ, оставалась прежняя. Репортеромъ былъ Консиндентовъ (по прозванію «Коша», описанный мною въ одномъ изъ очерковъ), хроникеромъ Ф. А. Митропольскій, нынѣ состоящій постояннымъ сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей», И. Г. Совѣтовъ или «Чижиково Горе», какъ прозвалъ его Нефедовъ, Стороженко, Веселовскій и другіе. Кутузовъ почему-то относился не совсѣмъ дружелюбно къ Нефедову, а слѣдовательно и къ его друзьямъ. Такимъ образомъ, между нѣкоторой и даже большей частью сотрудниковъ и редакторомъ существовали не совсѣмъ товарищескія отношенія.

Въ эту осень происходили въ университетѣ студенческіе совсѣмъ невинные безпорядки, не похожіе на нынѣшніе съ требованіемъ соціальной республики. Нѣтъ, молодежь волновалась, потому что кровь бурлила, а кругомъ было такъ нерадостно, такъ уныло. Либеральная пресса молчала, однѣ «Московскія Вѣдомости» по обыкновенію метали громъ и молнію на увлекающуюся молодежь.

Тогда графъ Кутузовъ рѣшилъ напечатать нѣчто подобное послѣдней газетѣ. Я говорилъ съ нимъ по этому поводу, и онъ, повидимому, согласился со мной. Помню, на другой день редакція волновалась, ибо Коша узналъ, что статья противъ студентовъ уже въ наборѣ, но подъ секретомъ. Я опять имѣлъ съ графомъ бесѣду, предупреждалъ его, что подобнаго рода статьи не въ традиціи газеты и даже самъ Ланинъ, какъ ни на есть, считаетъ себя либераломъ.

— Мнѣ наплевать на вашего Ланина... Кто онъ? несчастный купчишка!

На другой день, проснувшись и по обыкновенію взявши въ руки свою газету, я прежде всего увидѣлъ фельетонъ графа о студентахъ, рѣзкій и безтактный. Едва выпивъ стаканъ чая рано, совсѣмъ не во время, я отправился въ редакцію. Къ моему удивленію, я засталъ тамъ весь наличный составъ сотрудниковъ. Всѣ

были взволнованы, говорили, спорили и требовали рѣшительныхъ мѣръ.

— Господа!—кипятился молодой юристъ Сахаровъ.—Мы не должны этого терпѣть! уйдемъ, уйдемъ всѣ... и больше ничего!

— Надо сговориться серьезно!—отвѣчалъ другой юристъ, Баудеръ.

— Я больше работать не могу!—рѣшительно заявилъ Коша.— Я лучше...—и, не сказавъ ничего, репортеръ, махнувъ рукой, заплакалъ.

Признаюсь, послѣднее заявленіе хорошаго человѣка на меня произвело большое впечатлѣніе. «Да, надо уйти!—думалъ я.—Уйти, потому что дѣло не общее и газета такъ не можетъ существовать, она будетъ бездушная!»

Время шло, волненіе продолжалось. Всѣ были въ нервномъ, приподнятомъ настроеніи. Наконецъ пришли къ рѣшенію: а) потребовать удаленія редактора графа Кутузова, а въ случаѣ отказа издателя уйти всѣмъ составомъ, б) пригласить редакторомъ газеты Ф. Д. Нефедова. Для переговоровъ съ Н. П. Ланинымъ выбрали двухъ делегатовъ, меня и И. Н. Сахарова. Издатель скоро пригласилъ насъ въ свои аппартаменты. Мы категорически заявили Ланину требованія товарищей. Онъ задумался.

— Господа,—сказалъ Николай Петровичъ:—я доволенъ вами, вы работаете горячо и мнѣ трудно съ вами разставаться... Графъ дѣйствительно пошелъ противъ нашего направленія. Вы, надѣюсь, знаете мои убѣжденія?—спросилъ гордо Ланинъ.

Намъ немного было смѣшно, но мы молчали. Издатель сѣлъ къ столу и, написавъ текстъ телеграммы, далъ намъ прочесть объ удаленіи графа отъ обязанностей редактора. Мы были удовлетворены.

— Что касается Нефедова,—твердо заявилъ Ланинъ:—то я несогласенъ.

— Что же теперь дѣлать? Нельзя же быть газетѣ безъ редактора?—въ свою очередь спросили мы.

— Выберите изъ своей среды,—сказалъ издатель:—и кого изберете всѣмъ составомъ сотрудниковъ, тотъ и будетъ редакторомъ... выборнымъ,—добавилъ онъ.

Мы передали товарищамъ предложеніе издателя. Съ одной стороны, было грустно, что въ составъ редакціи не войдетъ опытный и уважаемый Ф. Д. Нефедовъ, съ другой, мы были все-таки побѣдители, а предстоящіе выборы льстили нашему самолюбію. Послѣдніе были назначены въ тотъ же вечеръ въ квартирѣ одного изъ сотрудниковъ, Серебрякова, какъ человѣка семейнаго и занимавшаго порядочную квартиру. Помню, собралось четырнадцать человѣкъ. Всѣ были серьезно настроены. Рѣшили выбирать записками, на которыхъ писать фамилію желательнаго изъ насъ

редактора. На столъ положили чью-то шляпу, которая скоро наполнилась клочками бумаги. Я написалъ фамилію Баудера, человѣка солиднаго и очень выдержаннаго. И что же? На тринадцати запискахъ была проставлена моя фамилія: стало быть, я былъ выбранъ единогласно. Признаюсь, я былъ смущенъ и взволнованъ страшно. Не говоря о той высокой чести, которую мнѣ сдѣлали сотрудники, я отлично понималъ свою отвѣтственность передъ товарищами. Остальную часть вечера мы провели въ бесѣдахъ о нашей будущей работѣ. Какая была дружеская и благородная компанія! Коша больше всѣхъ радовался, и я не узнавалъ этого мрачнаго репортера, такъ онъ былъ милъ и остроуменъ.

— Да ты прямо молодецъ, Коша!—говорилъ его другъ Ф. Н. Митропольскій.

О, молодость съ ея вѣрой и надеждой!

Помню, я не спалъ почти всю ночь. Планы и мечты не давали успокоиться нервамъ. Какъ тогда хотѣлось жить и работать, работать до устали, до истомы! Не могу въ заключеніе не разсказать объ утреннемъ визитѣ къ Н. П. Ланину, которому я лично долженъ былъ объявить результатъ вчерашнихъ выборовъ.

— Вотъ и прекрасно,—говорилъ мнѣ издатель:—искренно васъ поздравляю! Я очень доволенъ, ваши статьи мнѣ нравятся и очень подходятъ къ газетѣ, подписчиками которой состоятъ большею частію труженики, люди небогатые, интересы которыхъ вы ставите на первомъ планѣ.

Мнѣ оставалось только кланяться и благодарить.

— Теперь перейдемъ къ условіямъ,—продолжалъ хозяинъ.—Кутузовъ у меня получалъ 250 рублей въ мѣсяцъ жалованья, но онъ, во-первыхъ, графъ, и я платилъ ему 50 рублей за титулъ, стало быть, 50 рублей надо скостить. Во-вторыхъ, по правдѣ сказать, вы еще очень молоды!..—и Ланинъ задумался.—За молодость 25 рублей, итакъ, вы будете получать 175 рублей въ мѣсяцъ. Согласны?

Я, конечно, не возражалъ, хотя мнѣ странно было слышать эти скащиванія. Да, купецъ сказывался въ издателѣ, самый обыкновенный торгашъ. Надъ послѣднимъ эпизодомъ посмѣялись, конечно, въ редакціи, но никто не сердился, и наша работа шла, какъ говорится, по маслу.

На первыхъ порахъ издатель не вмѣшивался совершенно, и газету мы вели свободно, безъ всякаго съ его стороны давленія. Правда, Ланинъ доставлялъ иногда свои статьи, которыя я редактировалъ, какъ находилъ нужнымъ, и онъ нисколько не обижался. Помню такой случай, что я вмѣсто его содержанія поставилъ свое, то есть по тому вопросу написалъ свою статью, которую Ланинъ призналъ собственной и помѣстилъ оную въ своемъ сборникѣ. Все это было наивно и, пожалуй, смѣшно, но на общемъ дѣлѣ не отражалось. Газета «Русскій Курьеръ» имѣла безусловный

успѣхъ, и подписка росла, увеличивалась. Но спокойные дни работы были сочтены, и съ появленіемъ молодого юриста-карьериста С. совсѣмъ покончены.

У насъ въ редакціи служили двѣ женщины, изъ которыхъ одна занимала мѣсто секретаря, а другая, Вербицкая, теперь писательница, завѣдывала иностраннымъ отдѣломъ, держала себя прекрасно, по-товарищески. Этого нельзя было сказать о секретарѣ, вхожемъ въ домъ издателя и принимавшемъ участіе въ семейныхъ дѣлахъ Ланина. Семья Ланиныхъ была огромная, причемъ было нѣсколько дѣвицъ-невѣстъ. Вотъ въ качествѣ жениха и сотрудника былъ введенъ секретаршей упомянутый выше С. Съ тѣхъ поръ и пошли безпокойные дни. Этотъ С. былъ еще молодой, только кончившій студентъ, но весьма нахальный человѣкъ.

Потомъ выяснилось, что карьеристъ, разсчитывая на газету «Русскій Курьеръ», какъ на приданое, дѣйствовалъ слишкомъ смѣло, если не дерзко. Безъ моей редакціи появлялись замѣтки, я волновался, приходилось имѣть объясненія съ издателемъ, шли по поводу всего этого разговоры съ сотрудниками. Въ самомъ дѣлѣ, какое безпокойство и смуту можетъ внести въ живую и плотную организацію одинъ негодный человѣкъ.

Наконецъ, чаша моего терпѣнія переполнилась, самолюбіе было сильно затронуто не какъ человѣка, а какъ редактора, тѣмъ болѣе выборнаго. Наканунѣ, покидая редакцію, я сдалъ метранпажу небольшой матерьялъ женщины-врача объ умершемъ ея товарищѣ-докторѣ, который на нужды народнаго образованія завѣщалъ земству свой небольшой капиталъ. Несомнѣнно, личность покойнаго, фамилію котораго я забылъ, была благородная. И что же? мною редактированная замѣтка была вторично и безграмотно снова редактирована и въ такомъ видѣ напечатана. Это было несомнѣнное хулиганство, которое прямо позорило редакцію. По наведенному слѣдствію продѣлку эту позволилъ женихъ С-б-въ. Тогда, переговоривъ съ сотрудниками, я потребовалъ серьезнаго объясненія съ издателемъ, который отвѣтилъ, что приметъ меня черезъ два часа. Потомъ оказалось, что почтенный купецъ Ланинъ ѣздилъ въ это время покупать револьверъ, такъ какъ безъ оружія объясняться со мной не рѣшался. Объясненіе дѣйствительно было горячее. Я потребовалъ, чтобы безъ моего вѣдома и согласія не было въ газетѣ ни одной строки не только сотрудника, но и самого издателя.

— Но вѣдь я хозяинъ!—кричалъ Ланинъ.

— Этого никто не отрицаетъ!—отвѣчалъ я.—Но поймите, я редакторъ, выбранный товарищами-сотрудниками, и своими правами не поступлюсь ни на іоту.

— Развѣ я не могу нанять редактора?—шумѣлъ Ланинъ.—Развѣ я не хозяинъ?

— Прощайте, господинъ хозяинъ!

Я покинулъ купеческую газету, ушла со мной вмѣстѣ и добрая часть сотрудниковъ. Ланинъ рѣшилъ вести газету самъ при участіи С. и «Чижикова Горя» и, разумѣется, провалилъ живой и порядочный органъ. Провалилъ съ позоромъ, напечатавъ въ своей газетѣ стихотвореніе (присланное П. И. Кичеевымъ) съ акростихомъ: «Ланинъ дуракъ».

Впрочемъ, вскорѣ послѣ этого Н. П. Ланинъ умеръ весьма странною смертью: онъ помѣшался на томъ, что съѣлъ весь хлѣбъ въ Россіи, почему народъ голодаетъ.

XXXV.

Ф. Д. Нефедовъ.—Журналъ «Россія» и его сотрудники.—Л. И. Пальминъ.

Я, конечно, познакомился на первыхъ же порахъ моего сотрудничества въ «Русскомъ Курьерѣ» съ бывшимъ его редакторомъ Ф. Д. Нефедовымъ, который близко принималъ къ сердцу судьбу поставленнаго имъ на ноги литературнаго органа.

Нефедовъ былъ хорошій человѣкъ, въ которомъ я цѣнилъ искренность и глубокое его отношеніе къ русской литературѣ и ея вліянію. Онъ принадлежалъ душой къ эпохѣ освобожденія и былъ либералъ и народникъ, что въ то время было понятно, такъ какъ литераторъ Нефедовъ легальнымъ путемъ проводилъ въ народъ освободительныя и гуманныя идеи. Его знаніе народной жизни было безусловно, потому что онъ самъ вышелъ изъ народа, а наблюденія надъ фабричной жизнью были превосходны, ибо онъ свое дѣтство и часть юности провелъ въ фабричномъ городѣ Ивановѣ-Вознесенскѣ.

Былъ ли онъ талантливъ? Несомнѣнно, но талантъ его не принадлежалъ къ первоклассныиъ, не былъ яркимъ, иногда съ несомнѣнными потугами писательства, но тѣмъ не менѣе Ф. Д. былъ самостоятельнымъ беллетристомъ, памятуя всегда русскихъ и иностранныхъ классиковъ, но отнюдь не «направленіе» въ литературѣ, благодаря которому появилось столько бездарностей, которыя съ гордостью говорили: «мы печатаемъ свои вещи въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Мысли» или «Русскомъ Богатствѣ», что не мѣшало «этимъ вещамъ» быть безсердечными, сухими и лишь только тенденціозными.

Нефедовъ былъ писатель сердца, ставившій въ беллетристикѣ на первый планъ подъемъ чувствъ и ту совокупность настроенія, которую въ той или иной степени долженъ перечувствовать читатель.

Въ то время популярностью пользовался М. Е. Щедринъ-Салтыковъ, пожалуй, Г. Успенскій и Н. Н. Златовратскій. Нефедовъ держалъ себя въ сторонѣ отъ кружка «Отечественныхъ Записокъ», помѣщая свои очерки въ скромномъ журналѣ «Наблюдатель» Пятковскаго и иногда въ «Вѣстникѣ Европы». Впрочемъ, впослѣдствіи, когда Златовратскій переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, Нефедовъ до самой своей смерти былъ съ Н. Н. въ добрыхъ и искреннихъ отношеніяхъ.

Нефедовъ всегда шелъ навстрѣчу молодымъ, начинающимъ писателямъ, онъ возился съ ними, теряя свое трудовое время, воспитывалъ ихъ и дѣйствительно ставилъ на литературную дорогу. Ему отчасти обязанъ я по пути беллетристики, когда прочелъ первый свой разсказъ «Отщепенецъ» и онъ его отправилъ со своимъ письмомъ Пятковскому, который и напечаталъ разсказъ въ «Наблюдателѣ» въ 1884 году.

Другого молодого человѣка, А. Соколинскаго, Нефедовъ совсѣмъ сдѣлалъ литераторомъ, и онъ въ настоящее время живетъ литературой, вѣроятно, памятуя завѣты покойнаго Ф. Д. Имя Соколинскаго я встрѣчаю въ газетѣ «Русское Слово», и его маленькіе очерки недурны.

Хорошо помню то время, когда, работая болѣе полусутокъ въ «Русскомъ Курьерѣ», я бывало ходилъ отдыхать на Страстной бульваръ. Сижу какъ-то на скамейкѣ, около меня совсѣмъ молодой человѣкъ, съ которымъ я разговорился. Скоро выяснилось, что онъ, Соколинскій, проживаетъ въ такъ называемой «Лапинкѣ» и голодаетъ.

— Не можете ли найти мнѣ какой работы?—обратился онъ ко мнѣ, сконфуженно и заикаясь.

— Нѣтъ, гдѣ же я найду вамъ работу?—отвѣчалъ я печально.

Молодой человѣкъ молчалъ. Мнѣ было грустно и жаль его, но какъ помочь? Вдругъ мелькнула мысль.

— Жили ли вы когда въ деревнѣ?—спросилъ я случайно знакомаго.

— Да, жилъ,—отвѣчалъ онъ.—Жилъ съ отцомъ!..

— Не было ли тогда въ деревнѣ какого-нибудь случая, который произвелъ бы на васъ впечатлѣніе?

— Видѣлъ утопленника на берегу рѣчки и испугался.

— Знаете что,—сказалъ я ему серьезно:—напишите все это... Какъ вы видѣли утонувшаго, что съ вами произошло... опишите это мѣсто. Но напишите правду, одну только правду!

Соколинскій недоумѣвалъ. Я разсказалъ ему, кто я, гдѣ работаю и какъ ему могу быть полезенъ.

— Вѣдь я никогда ничего не писалъ,—говорилъ молодой человѣкъ въ смущеніи.—Я не знаю, какъ къ такому дѣлу и приступить.

— Попробуйте, — сказалъ я, прощаясь и вручая ему свой адресъ.

На другой или на третій день Соколинскій посѣтилъ меня и принесъ небольшую рукопись, подъ заглавіемъ «Мертвое тѣло». Я прочелъ очеркъ, который мнѣ понравился своей непосредственной искренностью и нѣкоторой даже художественностью. Были, конечно, шероховатости, которыя легко поддавались исправленію. Однимъ словомъ, я напечаталъ очеркъ въ «Русскомъ Курьерѣ» въ отдѣлѣ фельетона, прочелъ его М. Н. Ермоловой и Ф. Д. Нефедову, которымъ онъ тоже понравился, чему я былъ крайне доволенъ. Нефедовъ пожелалъ съ Соколинскимъ познакомиться и принялъ въ судьбѣ начинающаго автора живое участіе.

Г. Соколинскій живъ, работаетъ и, вѣроятно, помнитъ это старое доброе время.

Нефедовъ жилъ по-студенчески въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ въ коридорахъ и разныхъ куткахъ хранились его огромные сундуки съ книгами. Знакомство у него въ Москвѣ было обширное, особенно въ университетской средѣ. Привѣтливый, почти постоянно веселый, Ф. Д. всѣхъ привлекалъ къ себѣ открытымъ характеромъ.

Когда инциденты съ Ланинымъ у насъ, сотрудниковъ, приняли обостренный характеръ, то совѣщанія происходили въ маленькой квартирѣ Нефедова, который всѣ силы употреблялъ, чтобы спасти газету, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно, ибо съ московскимъ купцомъ, да еще на литературной почвѣ, каши не сваришь...

Я всегда съ удовольствіемъ проводилъ время въ скромной обстановкѣ литературной богемы и до сихъ поръ помню дѣльныя и серьезныя бесѣды писателя-народника, о которомъ сохранилась память, такая свѣтлая, теплая. Въ тотъ годъ моей неудачной и вмѣстѣ съ тѣмъ удачной публицистической дѣятельности я тѣмъ не менѣе не могъ оставить литературной дѣятельности, разъ окунувшись въ которую всякій, вѣроятно, человѣкъ себя чувствуетъ, внѣ ея среды, больнымъ и несчастнымъ субъектомъ, рыбой, отнятой отъ воды, птицей безъ вольнаго воздуха. Ежедневная нервная дѣятельность прекратилась, но умъ и сердце работаютъ въ томъ же направленіи, точка зрѣнія наблюдательная и мысль требуетъ скораго осуществленія путемъ печатнаго слова. Когда человѣкъ сжился съ публицистикой, когда онъ въ литературную дѣятельность окунулся съ головой и, прибавлю, съ горячимъ сердцемъ, то мучительно трудно ему остаться безъ каѳедры, совершенно такъ же, какъ настоящему артисту безъ сцены.

Куда итти? что дѣлать?

Я дѣйствительно одно время, именно когда сталъ свободенъ отъ работы, переживалъ болѣзненное состояніе, выражавшееся въ

тоскѣ и безсонницѣ. Вотъ тогда я увлекся беллетристикой, работая маленькіе очерки и воспроизводя впечатлѣнія крымской жизни. Еженедѣльный журналъ «Россія» былъ происхожденія купеческаго и возникъ довольно оригинально. Богатая московская купчиха вышла замужъ за отставного лихого гусара, по обыкновенію прожившаго безпечно состояніе и продавшаго свою свободу за капиталы. Но простакъ-гусаръ наткнулся на купчиху-кремень, которая капиталы берегла крѣпко и мужу давала только карманныя деньги. Какая въ самомъ дѣлѣ непріятная штука: и есть и нѣтъ денегъ!

Правда, жена заплатила долги, можно надѣлать новыхъ, но все это не то! И вдругъ у бывшаго гусара, человѣка отчасти образованнаго, мелькнула и окрѣпла мысль сдѣлаться издателемъ художественнаго хорошаго журнала, пригласить хорошихъ сотрудниковъ, извѣстныхъ художниковъ и склонить къ этому дѣлу жену. Тогда, обогативъ родину вполнѣ литературно-художественнымъ журналомъ, ставъ котораго хозяиномъ, онъ не будетъ постоянно обращаться къ женѣ за маленькими деньгами и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторомъ родѣ и самъ займетъ почетное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, предпріятіе благородное. Неужели жена не согласится дать денегъ? Жена согласилась. Нашелся редакторъ, не совсѣмъ опытный, но хорошій человѣкъ. Это былъ В. А. Скрипицынъ изъ Саратова, по спеціальности юристъ, но крайне приверженный къ литературѣ и главнымъ образомъ къ художественной. Художники были приглашены молодые, но дѣйствительно талантливые, потомъ сдѣлавшіе карьеру: Неврѳвъ, Лебедевъ, Симоновъ и др. Сотрудниками были Филипповъ (беллетристъ), Линевъ, Ермиловъ, Пальминъ (поэтъ), графъ Сальясъ и др. Сотрудники находились между собою въ очень дружескихъ и искреннихъ отношеніяхъ, собирались очень часто на совѣщанія, хлопотали, чтобы журналъ былъ не только вполнѣ приличнымъ, но и интереснымъ. На все это, разумѣется, требовались немалыя деньги, почему и происходили довольно частые инциденты съ издателемъ. Кончала дѣло обыкновенно его супруга, съ неудовольствіемъ выплачивая деньги по настоянію редактора, котораго она уважала.

Конечно, при такихъ сложныхъ обстоятельствахъ журналъ не могъ долго существовать и года черезъ два прекратился. Но нельзя не вспомнить безъ удовольствія всю эту милую компанію, такъ дружно работавшую съ преданностью общему дѣлу. Мягкія, гуманныя отношенія между собою, товарищество, конечно, въ положительномъ смыслѣ, вліяли на веденіе самого литературнаго дѣла. Насколько мнѣ извѣстно, почти всѣ бывшіе сотрудники «Россіи» живы и работаютъ въ литературѣ. Привѣтъ имъ! Но талантливый поэтъ Л. И. Пальминъ давно уже въ могилѣ, и я теперь, пользуясь случаемъ, хочу о немъ сказать нѣсколько словъ.

Странный былъ человѣкъ Ліодоръ Ивановичъ! Не говоря о томъ, что онъ слишкомъ былъ привержен къ напиткамъ и велъ порядокъ жизни странный. У него не было дѣтей, жена была необразованная, простая и замѣчательно гостепріимная хозяйка. Когда Пальминъ жилъ не на дачѣ, а въ Москвѣ, то все-таки въ его квартирѣ находились куры и пѣтухъ, которые вскакивали на столъ, били тарелки съ закуской, уже не говоря о той грязи, которую вносили въ квартиру; птицѣ все прощалось, и ни хозяинъ, ни хозяйка нисколько не раздражались поведеніемъ своихъ сожителей. Я уже не упоминаю о собакахъ, кошкѣ—это обыденныя комнатныя животныя, но на кухнѣ обыкновенно проживали и утки.

Въ таковой обстановкѣ я засталъ его рано утромъ, часовъ въ восемь, за обильнымъ завтракомъ. Чего только не было за столомъ? и грибки, и маринованныя рыбки, и печенка въ сметанѣ, и очень вкусные пирожки! Всевозможныя настойки присутствовали тоже среди снѣди. Куры и пѣтухъ клевали крошки, вдали крякали утки. Идиллія, да и только, если бы не воздухъ!..

— Мы ѣдимъ, когда намъ захочется,—говорилъ поэтъ.—У насъ нѣтъ опредѣленнаго времени для обѣдовъ, завтраковъ!

— А когда вы работаете? и не мѣшаютъ вамъ эти господа?—спросилъ я, показывая на куръ.

— Работаю рано утромъ и поздно вечеромъ,—отвѣчалъ Л. И.:—а эти? Петька, поди сюда!..

Пѣтухъ вскочилъ къ хозяину на колѣни и хотѣлъ прослѣдовать на столъ, но былъ брошенъ на полъ, гдѣ, захлопавъ крыльями, какимъ-то сиплымъ, надтреснутымъ голосомъ пропѣлъ «ку-куре-ку».

Отрицать таланта Пальмина, надѣюсь, никто не станетъ, писалъ онъ стихи быстро, но въ темахъ иногда нуждался. Сотрудничалъ Пальминъ во многихъ газетахъ, еженедѣльныхъ и толстыхъ журналахъ. Ни съ какимъ направленіемъ не считался: его стихи одновременно появлялись въ «Московскомъ Листкѣ» и «Русской Мысли». Въ «Осколкахъ» онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ и очень любилъ этотъ журналъ.

Пальминъ жилъ съ курами, утками и ни въ какую политику не вмѣшивался, говоря: «Богъ съ ней! политика это страшное дѣло, я очень боюсь полиціи!..»

— Боже спаси и сохрани отъ такой напасти!—подтверждала его супруга, крестясь и боязно оглядываясь по сторонамъ.

Не забуду я одного случая, когда онъ въ страхѣ прибѣжалъ ко мнѣ посовѣтоваться, какъ ему быть. Дѣло было такое: въ обычномъ концертѣ студентовъ-техниковъ участвовала съ огромнымъ успѣхомъ М. Н. Ермолова. Апплодисментамъ, оваціямъ конца

не было, а также и повтореніямъ, на которыя артистка отвѣчала новыми стихотвореніями. М. Н. Ермолова, повидимому, была въ духѣ, а студенты просто неистовствовали отъ восторга. Наконецъ Ермолова продекламировала:

> Не рыдайте надъ трупами павшихъ борцовъ,
> Умершихъ съ оружьемъ въ рукахъ...
> . . . .
> Отдайте имъ лучшій почетъ,
> Шагайте безстрашно по мертвымъ тѣламъ,
> Несите ихъ знамя впередъ!

Тогда произошло нѣчто невозможное: гудѣла волна человѣческихъ не то стоновъ, не то голосовъ, трещали и ломались стулья, звенѣли гдѣ-то стекла... Хаосъ былъ невообразимый! Администрація принуждена была прекратить концертъ, и на другой день М. Н. Ермолова была вызвана въ жандармское управленіе, гдѣ ее спросили: «Какіе такіе вы читали вчера стихи въ студенческомъ концертѣ?»

— Стихи Пальмина на смерть Некрасова,—отвѣчала артистка и прибавила:—сотрудника «Московскаго Листка».

Жандармы посмотрѣли томикъ стихотвореній Л. И. Пальмина, нумера «Листка» со стихотвореніемъ за его же подписью, пожали плечами и вѣжливо проводили артистку съ обычными извиненіями. Вотъ по этому-то поводу и пришелъ ко мнѣ Ліодоръ Ивановичъ.

— Я рѣшилъ сегодня же бѣжать въ Варшаву,—говорилъ онъ.— Тамъ у знакомой портнихи скроюсь, а чуть что—и за границу... оттуда недалеко!

— Что вы, Ліодоръ Ивановичъ, помилуйте?! ничего не будетъ... перестаньте волноваться!

— Вы думаете?—говорилъ поэтъ.—Мы и куръ и утокъ по знакомымъ роздали... жена мѣста отъ страха не найдетъ!.. Всѣ мои стихи, которые я за недѣлю написалъ, на мелкіе клочки разорвала... просто, взбѣсилась баба!

Я все-таки успокоилъ поэта, и онъ въ Варшаву не уѣхалъ. Не совсѣмъ пріятный инцидентъ случился съ Пальминымъ въ редакціи «Россіи», но онъ въ этомъ не виноватъ: его подвелъ А. П. Чеховъ. Было какое-то редакціонное собраніе, на которое пришелъ Пальминъ въ сопровожденіи Чехова, не бывшаго сотрудникомъ «Россіи». Пальминъ попросилъ допустить подъ его поручительствомъ Антона Павловича, съ которымъ познакомилъ сотрудниковъ. Кончили засѣданіе и по обыкновенію пошли закусывать въ ресторанъ Саврасенкова. Чеховъ и Пальминъ сопутствовали... Все было мило и превосходно! Но черезъ недѣлю въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни», гдѣ сотрудничалъ А. П. Чеховъ, появился его очеркъ, въ которомъ довольно зло посмѣялся авторъ и надъ

засѣданіемъ, и надъ сотрудниками, надъ ихъ собственно наивностью.

— Это подвохъ! какая мерзость! воспользоваться нашимъ гостепріимствомъ и довѣріемъ!.. поднять насъ въ шуточномъ журналѣ на смѣхъ... Чортъ возьми! — говорили въ азартѣ сотрудники «Россіи» и постановили исключить изъ своего состава Л. И. Пальмина.

Но онъ былъ, право, не виноватъ и совершенно не ожидалъ для себя такихъ послѣдствій.

С. И. Васюковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНѢ.

(Изъ записокъ русскаго чиновника).

I.

Дрянскія впечатлѣнія. — Равноправность свинокъ. — Отцы города о фонаряхъ.— Хлопоты горожанъ о гимназіи и сказка про бѣлаго бычка.

Волею судьбы и по распоряженію начальства я неожиданно попалъ, въ 1903 году, въ городъ Дрянскъ (будемъ такъ называть это жалкое мѣстечко Сѣверо-Западнаго края) и безвыѣздно провелъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ.

Дрянскъ по мѣстоположенію одинъ изъ красивыхъ городовъ М—ской губерніи. Подъѣзжая къ нему со станціи «Починокъ» Московско-Брестской желѣзной дороги, вы издали видите высокій живописный холмъ, густо покрытый растительностью, на которомъ и расположились «городскія» строенія.

Названіе «городъ», конечно, столь же соотвѣтствуетъ Дрянску, сколько, напримѣръ, слово «дворецъ» отвѣчаетъ понятію объ убогой избенкѣ. Для человѣка, совсѣмъ не подготовленнаго къ сюрпризамъ русской провинціальной дѣйствительности, да еще на нашей жалкой, обнищалой, злополучной сѣверо-западной окраинѣ, видъ этихъ пресловутыхъ «городовъ» долженъ производить впечатлѣніе неожиданнаго холоднаго душа: до такой степени поразительно то, что

открывается въ этихъ ужасающихъ трущобныхъ захолустьяхъ вашему удивленному взору.

Когда, трясясь на грязной, твердой подушкѣ двухмѣстнаго неуклюжаго и громоздкаго «шарабана» и утопая въ невылазной, невообразимой грязи неровной дороги, изъ которой бѣдныя, тощія лошаденки съ трудомъ вытягивали меня и моего возницу, я, замѣтивъ въ ночной темнотѣ какія-то низенькія строенія, спросилъ моего ямщика: «а скоро мы въ самый городъ въѣдемъ?» то мой бѣлоруссъ, къ моему удивленію, отвѣтилъ нараспѣвъ:

— Да вотъ же онъ, баринъ, городъ Дрянскъ и есть!

Я по наивности и неопытности предполагалъ, что мы ѣдемъ пригородомъ и что самый городъ еще впереди.

— Да гдѣ же онъ, городъ-то?—настаивалъ я у возницы.

— А вотъ!—и онъ ткнулъ кнутомъ направо, а потомъ налѣво.

Вокругъ торчали какія-то маленькія постройки,—жалкіе домишки въ два-три окна, насколько я могъ разсмотрѣть при фонаряхъ шарабана.

На другой день, подъ яркимъ мартовскимъ солнцемъ, я чуть не ахнулъ, выйдя на воздухъ изъ мѣстнаго заѣзжаго дома, носящаго названіе «Гостиница Парижъ», гдѣ я остановился съ дороги.

Передъ моими глазами ютились, по обѣимъ сторонамъ невообразимо грязной и почти непроходимой для простого пѣшехода, немощеной улицы маленькіе, почти исключительно одноэтажные, деревянные домишки на курьихъ ножкахъ, жалкіе, покосившіеся, сплошь не крашенные и принявшіе поэтому отъ насѣвшей на нихъ пыли и грязи неприглядный, сѣровато-бурый цвѣтъ.

По срединѣ «города», свободно умѣщающагося на протяженіи любого петербургскаго переулка, на площадкѣ виднѣлся четырехугольный городской садикъ, а около лучшія городскія зданія—каменный соборъ, передѣланный изъ бывшаго костела; двѣ мѣстныя, тоже каменныя церкви, каменный домъ купца-еврея, нижній этажъ котораго былъ подъ лавками, и еще тоже каменный домъ, гдѣ внизу помѣщался дрянскій клубъ, а наверху уѣздный съѣздъ. Было еще два-три небольшихъ каменныхъ строенія, но уже не въ центрѣ.

Все остальное—деревянное, сѣренькое, жалкое, среди ужасающей непролазной грязи, съ «тротуарами», замѣненными простыми узенькими деревянными мостками, и, къ довершенію прелести ландшафта, съ жирными, безцеремонно хрюкающими свиньями, важно разгуливающими по городу Дрянску, въ качествѣ мѣстныхъ полноправныхъ гражданъ.

Вотъ гдѣ мнѣ пришлось жить и служить довольно продолжительное время...

Даже въ сравненіи съ крохотнымъ уѣзднымъ городишкомъ изъ нѣсколькихъ улицъ Духовщиной, въ сосѣдней Смоленской губер-

нiи, пресловутый Дрянскъ безусловно проигрывалъ, такъ какъ миніатюрная Духовщина перещеголяла Дрянскъ каменными постройками.

— Отчего это у васъ всюду все одно дерево?—спрашивалъ я у горожанъ.

— Лѣсу у насъ, знаете, много, камень дорогъ...

— Но, вѣдь, это прежде, теперь же дороги желѣзныя повсюду, провозъ чего хотите страшно облегченъ.

— Это какъ сказать, а лѣсъ подъ рукой у насъ.

— Но пожары развѣ васъ не пугаютъ?

— Конечно, случается, но мы, знаете, привыкши...

Это говорили русскіе граждане двадцатаго столѣтія, почти наканунѣ государственной думы, въ то время, какъ въ сѣверной столицѣ, съ одной стороны, судили и рядили о народномъ представительствѣ, а съ другой—на тайныхъ митингахъ кричали зажигательныя рѣчи съ обѣщаніемъ поднять весь народъ «на баррикады».

— Ну, а вотъ насчетъ... свинокъ,—продолжалъ я допрашивать моего новаго знакомаго, мѣстнаго городского голову, полуграмотнаго мѣщанина-огородника изъ бѣлоруссовъ.—Насчетъ свинокъ вотъ вы мнѣ скажите: неужели же это нельзя уничтожить?

Мэръ города Дрянска посмотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ.

— Что уничтожить?

— Да вотъ, чтобы свиньи по улицамъ не бѣгали...

— А кому онѣ мѣшаютъ?

— Да вѣдь это безобразіе!

— Какое же, помилуйте, безобразіе? Вѣдь, вотъ собаки, али вотъ, къ примѣру, коровы по улицамъ же ходятъ, а свинья, значитъ, чѣмъ же ихъ хуже?

Заставьте дрянскаго «мэра», взгляды котораго вообще ничуть не составляли исключенія въ томъ душномъ закоулкѣ, гдѣ онъ родился и дѣйствовалъ, всецѣло проникнуться задачами государственной думы или поставьте его на баррикады!

Ни того, ни другого вы не достигнете, такъ какъ въ богоспасаемыхъ Дрянскахъ—совершенно все то же, что было при безсмертномъ Гоголѣ, котораго поминутно и невольно вспоминаешь, живя въ сосѣдствѣ съ подобными субъектами.

Дрянская городская управа была, при мнѣ, подъ руководствомъ сказаннаго «мэра» и свою общественную дѣятельность понимала совершенно своеобразно.

Городъ, конечно, по ночамъ тонулъ во тьмѣ, такъ какъ фонарей (конечно, самыхъ примитивныхъ, керосиновыхъ) почти не было.

Много разъ поднимался вопросъ на засѣданіяхъ управы о желательности улучшить городское освѣщеніе.

— Зачѣмъ намъ это самое освѣщеніе?—возражалъ на это бывшій городской голова, членъ управы Окрошка:—мы по вечерамъ дома сидимъ, незачѣмъ намъ никуда шляться, и бабы наши дома сидятъ! А это все модницы, жены чиновниковъ, колобродятъ, чтобъ по гостямъ вольготнѣе таскаться! Не нужно намъ освѣщенія—пусть дома сидятъ!

Наконецъ, гласные «прогрессисты» настояли, и вотъ управа, послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, рѣшила увеличить городское освѣщеніе... двумя фонарями!

Не смѣйтесь, это совсѣмъ не анекдотъ изъ комедіи А. Н. Островскаго, а самая настоящая дѣйствительность, такъ какъ на этомъ приснопамятномъ засѣданіи я лично присутствовалъ.

Вопросъ о гимназіи въ Дрянскѣ тоже не безъ курьезовъ. Виноваты въ нихъ, впрочемъ, не одни дрянцы, а весь складъ нашей провинціальной жизни.

Въ этомъ несчастномъ городишкѣ было лишь одно городское да духовное училище, а до губернскаго города приходилось тащиться, и къ тому же по невозможной дорогѣ, сто съ чѣмъ-то верстъ.

Мѣстные помѣщики рѣшили поэтому имѣть у себя свою собственную мужскую классическую гимназію и начали хлопотать объ этомъ, но крайне неудачно и неумѣло. Сносились для чего-то не прямо съ Вильной, гдѣ находился попечитель округа, а съ губернскимъ городомъ—съ дирекціей народныхъ училищъ, при чемъ зачѣмъ-то просили директора народныхъ училищъ, медленно умиравшаго старца, расположить попечителя въ пользу открытія мужской гимназіи въ Дрянскѣ.

Директоръ обѣщалъ, но не только ничего не исполнилъ, а еще напуталъ, вообразивъ, по старости и разсѣянности, что дѣло идетъ о женской гимназіи, и вотъ изъ округа вдругъ началась переписка съ дрянцами о женскомъ учебномъ заведеніи вмѣсто мужского.

Въ тотъ годъ, когда я очутился въ Дрянскѣ, вопросъ о гимназіи обострился. Горожане съ помѣщиками рѣшили, наконецъ, «энергично» взяться за дѣло, тѣмъ болѣе, что одна мѣстная богатая землевладѣлица (нынѣ уже умершая) пожертвовала на постройку гимназіи сорокъ тысячъ рублей.

Говорили объ этомъ очень много и долго, при чемъ было составлено и разослано мѣстнымъ помѣщикамъ воззваніе съ просьбой также пожертвовать что-либо въ пользу дрянской гимназіи.

Воззваніе было принято мѣстными дворянами вполнѣ сочувственно: они единодушно постановили обложить себя десятипроцентнымъ сборомъ въ пользу затѣваемой гимназіи. Гимназію рѣшили, какъ и прежде, просить 8-классную, классическую.

Я посовѣтовалъ попробовать снестись съ попечителемъ учебнаго округа непосредственно, чрезъ предводителя дворянства, оста-

вивъ разсѣяннаго и вѣчно болящаго директора народныхъ училищъ въ покоѣ... Такъ и сдѣлали.

Попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ тогда В. А. Поповъ. Онъ внялъ, противъ ожиданія, мольбамъ дрянцевъ и даже самъ пріѣхалъ къ нимъ, въ іюнѣ 1903 года, по пути къ себѣ въ имѣніе, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ вопроса.

Встрѣча была самая торжественная. Залъ городской думы, гдѣ обычно царилъ соръ, а полъ мылся разъ въ три года, былъ начисто убранъ, а на длинный столъ думскихъ засѣданій былъ положенъ даже кусокъ краснаго сукна.

Попечитель пріѣхалъ, надѣлъ вицъ-мундиръ и явился въ думу, гдѣ его уже ожидали отцы города, кое-кто изъ помѣщиковъ и мѣстное чиновничество. Сѣли за столъ и начали разсуждать. Пресловутый городской голова, который за недѣлю готовился къ этому дню, запинаясь и конфузясь, выразилъ отъ лица города готовность пожертвовать строевого лѣса на будущій домъ гимназіи, причемъ указалъ на самообложеніе дворянъ уѣзда въ пользу гимназіи, а также на вышеупомянутый щедрый даръ въ 40.000 рублей.

Тутъ же выяснилось, что первые три класса гимназіи можно было бы открыть сейчасъ же, въ самой думѣ, домъ которой городская управа охотно уступала временно подъ гимназію.

Казалось бы, чего же лучше? Попечителю лишь оставалось поддержать желаніе города и мѣстнаго дворянства, дающихъ на гимназію всѣ необходимыя средства, и все было бы давно готово, но не тутъ-то было!

Попечитель, къ великому изумленію собранія, сталъ вдругъ отговаривать дрянцевъ отъ похвальной мысли обзавестись классической гимназіей и пытался всѣми силами плѣнить ихъ воображеніе другими «типами» учебныхъ заведеній.

Въ то время въ нашемъ злополучномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ издавна уже привыкли терпѣливо упражняться въ плодотворной работѣ Даная и гдѣ періодически придумывались всевозможныя «реформы» учебныхъ заведеній, никогда не достигающія своихъ цѣлей и не приносящія славы ихъ изобрѣтательнымъ авторамъ,— кипѣла работа надъ разными проектами «новыхъ типовъ средней школы» и между прочимъ предполагались зачѣмъ-то и 6-классныя гимназіи, съ урѣзаннымъ курсомъ, безъ древнихъ языковъ, что-то вродѣ реальныхъ училищъ.

Вотъ этими 6-классными гимназіями попечитель и пытался было очаровать бѣдныхъ дрянцевъ, но они не сдавались и грудью стояли за «гимназію какъ, значитъ, слѣдуетъ быть».

Остатокъ вечера попечитель провелъ у знакомыхъ, а на другой день, рано утромъ, напившись чаю и скушавъ цыпленка, отбылъ изъ Дрянска къ себѣ въ имѣніе.

Вопросъ не подвинулся ни на шагъ впередъ. Опять потянулась безконечная переписка. Изъ округа сообщили, что вопросъ объ открытіи въ Дрянскѣ классической гимназіи отложенъ до выясненія вопроса о наиболѣе подходящемъ для сего города учебномъ заведеніи.

Словомъ, началась сказка про бѣлаго бычка, котораго такъ чтутъ въ Россіи, и все повернулось къ тому, съ чего началось при самомъ возникновеніи мысли о гимназіи въ Дрянскѣ, т.-е. къ канцелярской путаницѣ и взаимному непониманію.

А между тѣмъ пошли запросы отъ губернатора, совершенно не интересовавшагося гимназіей и находившаго даже ее «излишней», на любопытную тему о томъ, сколько именно лѣса предполагаетъ Дрянскъ пожертвовать на будущій домъ подъ гимназію?

Дрянскіе думцы стали глубокомысленно отмѣривать площадь прилегающаго къ городу лѣса и отмѣчать чуть не каждое дерево, чтобы въ точности сообразить, какой лѣсъ они даютъ подъ постройку.

Дѣло дѣлалось вполнѣ по-русски, — «съ прохладцей», неуклюже и неумѣло, такъ что вопросъ съѣхалъ на подсчетъ матеріала для будущаго дома подъ гимназію, «если ее разрѣшатъ».

Все это происходило въ 1903 году. Чрезъ полтора года я навсегда покинулъ Дрянскъ, а мѣстные думцы все еще глубокомысленно пересчитывали и записывали деревья своего лѣса, изъ которыхъ они надѣялись выстроить когда-нибудь домъ для гимназіи, «если ее разрѣшатъ».

Теперь у насъ уже 1908 годъ, а гимназія въ Дрянскѣ открылась, наконецъ, только въ самое послѣднее время. Не давалась она Дрянску, какъ заповѣдный кладъ!

А женскую гимназію Дрянску все-таки изъ округа навязали: она-таки тамъ существуетъ, хотя ея вовсе не просили.

Все это тоже похоже на анекдотъ, но такихъ «анекдотовъ» на святой Руси не оберешься!..

II.

«Институтъ» земскихъ начальниковъ и его непригодность. Мѣстные типы земскихъ начальниковъ. — Земскій начальникъ - драчунъ. — Земскій начальникъ съ колокольчиками. — Драка земскаго начальника съ клоуномъ цирка. — Крестьяне о земскихъ начальникахъ.

Дрянскій уѣздный съѣздъ довольно комфортабельно помѣщался въ верхнемъ просторномъ этажѣ трехъэтажнаго каменнаго дома, составляющаго одну изъ рѣдкостей всецѣло деревяннаго Дрянска. Во второмъ этажѣ было «дрянское общественное собраніе»—тоже великій курьезъ въ своемъ родѣ, о которомъ рѣчь впереди, а въ самомъ низу, въ подвальномъ этажѣ, пріютилась народная чайная.

Съѣздъ, замѣнившій собой прежнее допотопное «уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе», собирался разъ въ мѣсяцъ на сессію и въ потѣ лица разбиралъ безконечную вереницу крестьянскихъ жалобъ на «господъ земскихъ начальниковъ», поставившихъ себѣ, кажется, исключительной задачей какъ можно чаще и безшабашнѣе нарушать какой ни на есть законъ и быть настоящимъ пугаломъ своего участка.

Земскій начальникъ—искусственный и горькій фруктъ, неуклюже посаженный въ русскую многострадальную деревню всесильной въ свое время волею бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, изощрявшагося всю свою вредоносную для Россіи жизнь надъ тѣмъ, чтобы какъ можно лучше и вѣрнѣе затормозить у насъ самые малѣйшіе признаки какого бы то ни было прогресса и общественной мысли.

Желая всячески задержать, изъ боязни «крамолы», развитіе крестьянской массы, Толстой изобрѣлъ пресловутаго «земскаго начальника», этого непрошеннаго и насильно навязаннаго крестьянамъ опекуна, который постоянно тыкалъ въ носъ мужику свой барскій кулакъ, сажалъ его подъ арестъ по произволу и увѣрялъ его, что онъ, мужикъ,—малое дитя и не можетъ жить и дѣйствовать безъ него, добраго и милаго земскаго начальника, выдуманнаго заботливымъ начальствомъ для всяческой пользы и для блага русскихъ мужичковъ.

Этотъ добрый геній крестьянъ держалъ себя съ ними, какъ прежній помѣщикъ-крѣпостникъ, и ничуть не церемонился то и дѣло нарушать уставъ, такъ какъ прекрасно понималъ, что онъ и былъ, въ сущности, водворенъ въ русскую жизнь именно для того, чтобы продолжать напоминать собою о прежнемъ крѣпостничествѣ и всѣми мѣрами выколачивать изъ народа самое малѣйшее проявленіе воли и самодѣятельности.

Что такое наши пресловутые земскіе начальники въ реальной жизни,—конечно, не можетъ знать петербуржецъ, смотрящій на Россію изъ оконъ канцелярій и судящій о ней за столикомъ ресторана, съ газетой въ рукахъ.

Чтобы понять всю прелесть «земскаго», нужно жить въ провинціальной глуши, гдѣ все виднѣе и проще.

Одно изъ величайшихъ золъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что личный составъ земскихъ начальниковъ заставляетъ желать очень многаго. Это, въ большинствѣ, бывшіе военные, оставившіе почему-либо свои войсковыя части, мѣстные помѣщики, часто безъ высшаго образованія, люди, ушедшіе со службы по разнымъ «непріятностямъ», и другіе тому подобные субъекты, стоящіе далеко не на высотѣ задачи, выпавшей на ихъ долю. О неудовлетворительномъ личномъ составѣ земскихъ начальниковъ

у насъ много говорилось и писалось, и въ самое послѣднее время контингентъ этихъ должностныхъ лицъ нѣсколько, какъ будто, освѣжился и улучшился; но это только нѣсколько, а въ общемъ все пока остается попрежнему.

Въ Дрянскѣ и его уѣздѣ при мнѣ было четыре земскихъ участка.

Одинъ изъ «земскихъ» окончилъ курсъ только въ пажескомъ корпусѣ и служилъ раньше въ гвардейскомъ полку.

Другой, молодой и богатый мѣстный помѣщикъ, «маменькинъ сынокъ» изъ бывшихъ правовѣдовъ, больше заглядывался на красивыхъ деревенскихъ молодухъ, чѣмъ заглядывалъ въ свою камеру, гдѣ орудовалъ опытный писарь.

Изъ двухъ остальныхъ—первый, убитый недавно по ошибкѣ въ Смоленскѣ, на концертѣ, какимъ-то «соціалистомъ», цѣлившимъ въ мѣстнаго полицеймейстера, былъ, при достойныхъ качествахъ души, самымъ настоящимъ «бариномъ» добраго стараго времени, врядъ ли смотрѣвшимъ на сѣраго мужика, какъ на такого же, какъ онъ самъ, человѣка, а второй состоялъ нѣкогда товарищемъ прокурора, затѣмъ съ большой исторіей, облетѣвшей газеты, былъ уволенъ со службы за одну весьма крупную провинность и долгое время не могъ нигдѣ «пристроиться»...

Читатель видитъ, что персоналъ не изъ блестящихъ... Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что дрянскіе земскіе начальники, въ общемъ, держали себя добропорядочно и тихо.

Въ губерніи же были въ этомъ отношеніи типы замѣчательные. Одинъ, напримѣръ, земскій начальникъ выходилъ въ камеру чуть ли не въ одномъ бѣльѣ, кричалъ, ругался и во время разбирательства вдругъ сходилъ со своей трибуны, подходилъ къ субъекту, который, по его мнѣнію, держалъ себя недостаточно тихо въ камерѣ, и тутъ же при всѣхъ хлопалъ его куда попало, а затѣмъ вновь торжественно садился за столъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, творить судъ праведный. Конечно, онъ могъ нарваться, но гдѣ же нашему забитому мужику тягаться съ земскимъ начальникомъ! Того и гляди засудятъ...

Былъ еще земскій начальникъ, который, хотя и состоялъ на службѣ, но держалъ себя какимъ-то невмѣняемымъ. Онъ подвязывалъ, напримѣръ, къ своимъ лошадямъ такую массу разныхъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, что, когда куда-нибудь ѣхалъ, то можно было подумать, что гдѣ-то вдали звонятъ въ церковь или на пожаръ. Сначала такъ всѣ и думали: не горитъ ли гдѣ, или не благовѣстъ ли? Потомъ крестьяне къ этому привыкли и, какъ только заслышатъ издали трезвонъ, то ужъ такъ и знаютъ, что это «земскій чортъ куда-то лупитъ!»

Одинъ изъ земскихъ начальниковъ почти не занимался разборомъ дѣлъ, всю переписку отдалъ на руки писаря, а когда ему

дѣлались замѣчанія по случаю застоя въ дѣлахъ, то онъ чистосердечно обижался, такъ какъ искренно считалъ, что онъ въ своемъ участкѣ воленъ дѣлать все, что ему взбредетъ въ голову, все равно, какъ вздорный баринъ крѣпостной эпохи у себя въ усадьбѣ.

Нельзя не упомянуть здѣсь кстати о надѣлавшей большую сенсацію, въ 1904 году, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края ссорѣ одного земскаго начальника въ желѣзнодорожномъ буфетѣ съ клоуномъ цирка изъ-за какихъ-то сущихъ пустяковъ, которая неожиданно окончилась тѣмъ, что оскорбленный незаслуженно земскимъ начальникомъ клоунъ, отличавшійся большой физической силой, жестоко избилъ земскаго начальника на глазахъ у всѣхъ, въ буфетѣ, при громадномъ стеченіи публики.

Но довольно: приведенныхъ примѣровъ достойныхъ подвиговъ земскихъ начальниковъ, просящихся подъ перо водевилиста, я думаю, достаточно!

По обязанностямъ службы мнѣ постоянно приходилось близко соприкасаться съ крестьянами. Я не упускалъ случая спрашивать ихъ мнѣнія о земскихъ начальникахъ, и всякій разъ получалъ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Какой отъ него прокъ, отъ земскаго? Пріѣдетъ, кричитъ, бранится, ногами топаетъ; я, говоритъ, васъ въ бараній рогъ согну, я, говоритъ, вамъ покажу, какъ начальство слушать надо; подъ арестъ, при волости, зря сажаетъ, дѣла вершитъ кое-какъ: все равно, знаетъ, въ съѣздъ жаловаться будемъ, да при томъ больше писарь за него работаетъ, а самъ все больше разъѣзжаетъ избочась да народу кулаки кажетъ! Какая, сударь, отъ энтаго самаго польза произойти можетъ? Одно навожденіе!..

Дѣйствительно, «навожденіе»...

При В. К. Плеве «институтъ» земскихъ начальниковъ, разумѣется, процвѣталъ. Земскимъ отдѣломъ управлялъ при немъ вполнѣ подходившій къ нему по масти, получившій теперь вмѣстѣ съ Лидвалемъ и «Эстеръ» всероссійскую извѣстность В. І. Гурко.

Когда, по служебнымъ дѣламъ, я въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ имѣлъ грустную необходимость побывать у Гурко, то сразу понялъ, почему всякія жалобы на самоуправство земскихъ начальниковъ должны оставаться при немъ совершенно безнаказанными и даже поощряемыми, въ подтвержденіе пословицы «каковъ попъ — таковъ и приходъ».

Со времени извѣстнаго указа сенату, въ исходѣ 1904 года, намѣтившаго длинный рядъ либеральныхъ реформъ въ нашей государственной жизни, въ печати и обществѣ стали толковать о скоромъ упраздненіи пресловутаго «института» земскихъ начальниковъ, насажденнаго въ Россіи въ глухую пору и въ недобрый

часъ. Однако, до сихъ поръ все осталось попрежнему, и земскіе начальники продолжаютъ усердно опекать крестьянскую массу, являясь самыми тяжелыми тормозами на пути ея развитія и прогресса.

Это очень и очень прискорбно, такъ какъ, если зло отъ уродливой опеки земскихъ начальниковъ надъ народомъ вездѣ въ Россіи вообще весьма ощутительно, то на сѣверо-западной окраинѣ, съ большой дозой инороднаго и иновѣрнаго элемента, оно особенно ощутительно и рельефно. Здѣсь земскіе начальники, своими постоянными нарушеніями закона, произволомъ, безтактностью, а часто прямо безобразіями, роняютъ въ глазахъ культурнаго польскаго и бѣлорусскаго населенія престижъ правительственной власти и тѣмъ наносятъ трудно поправимый вредъ правильной постановкѣ весьма сложнаго и деликатнаго у насъ окраинскаго вопроса.

III.

Какъ развлекаются въ Дрянскѣ. — Общественное собраніе. — Банкъ. — Веселый акцизный. — Карлъ Карловичъ. — Дружескія бесѣды въ буфетѣ. — Милые бранятся — только тѣшатся.

— Что же вы не заглянете въ нашъ клубъ, въ общественное собраніе?—спрашивали меня на первыхъ же порахъ моего пріѣзда въ Дрянскъ мои товарищи по службѣ и новые знакомые. — Тамъ у насъ теперь новая буфетчица, просто прелесть какъ все вкусно!

Я пошелъ.

По забухшимъ, оледенѣлымъ ступенькамъ невысокаго крыльца поднялся я кое-какъ въ сѣни и, повернувъ направо, вошелъ въ переднюю мѣстнаго «общественнаго собранія».

Въ довольно большой, пыльной и грязной передней, скудно освѣщаемой одной маленькой, вонючей керосиновой лампочкой съ закоптѣвшимъ, разбитымъ стекломъ, виднѣлось на вѣшалкахъ много верхняго платья.

Было воскресенье—танцовальный вечеръ съ дамами.

Въ прихожей никого не было, а на старомъ ларѣ налѣво спалъ безмятежнымъ сномъ какой-то оборванный, грязный и старый субъектъ, выдѣлывая носомъ своеобразныя рулады...

Я снялъ самъ пальто и вошелъ въ залу.

Это была большая, довольно высокая комната въ три окна. Въ глубинѣ стоялъ рояль. Какой-то пожилой господинъ съ патріархальной сѣдой бородой и пріятнымъ лицомъ, которое портила громадная бородавка на лбу, надъ глазомъ, игралъ красивый вальсъ Штрауса. Нѣсколько паръ быстро кружились по крашеному и неровному полу.

Когда музыка замолкла, меня подвели къ игравшему.

— Позвольте познакомить васъ съ нашимъ старшиной, Карломъ Карловичемъ... Онъ у насъ постоянно объединяетъ общество.

Мы вмѣстѣ прошли въ слѣдующую комнату — гостиную. Посрединѣ и на углахъ, за зелеными столиками, уже играли въ карты. На длинномъ столѣ, близъ двери, горѣла высокая лампа и были разложены кое-какіе газеты и журналы.

Всюду по стѣнамъ были развѣшены печатные бланки, предупреждающіе, что, на основаніи такой-то статьи устава, въ азартныя игры въ дрянскомъ общественномъ собраніи играть строго воспрещается.

За гостиной слѣдовала бильярдная, а дальше буфетъ, но что за буфетъ!

Это была грязная-прегрязная, узенькая комната съ давно полинявшими, испачканными, мѣстами отставшими отъ стѣны и висѣвшими надъ головой желтыми обоями, отбивавшими всякую охоту ѣсть что-нибудь въ этой пыльной норѣ.

На буфетномъ столѣ стояли графины съ водкой и какая-то скудная холодная закуска.

Въ буфетѣ шелъ очень оживленный разговоръ. Нѣсколько человѣкъ спорили и подымали тонъ все выше и выше. Мѣстный помѣщикъ съ подвязанной щекой что-то возражалъ высокому брюнету съ густой бородой, зычнымъ голосомъ и дикими глазами.

— Это докторъ, пріѣзжій, здѣсь изъ сосѣдняго уѣзда, выпить любитъ, а лечитъ на славу,—объяснили мнѣ потихоньку.

Споръ принималъ очень шумный характеръ.

По счастью, въ комнату вошелъ дежурный старшина Карлъ Карловичъ и сталъ примирять спорщиковъ.

— Господа, господа,—твердилъ онъ нѣсколько заплетающимся языкомъ (это былъ его недостатокъ), — нельзя же такъ спорить! Ну, поговорили, и довольно! Милости прошу въ залу — сейчасъ танцовать будутъ... Дамы ждутъ кавалеровъ!

Въ залѣ опять загремѣлъ рояль и закружились пары.

Тѣмъ временемъ за однимъ изъ карточныхъ столовъ въ гостиной голоса стали раздаваться громче и свободнѣе.

— Тройка!

— Взяла!

— Тузъ!

— Битъ!

— Десятка!

— Взяла!

— Дама!

— Опять бита!

— Это что же такое?!—изумленно спросилъ я у моего сосѣда.

— А это въ банчикъ, знаете, по маленькой,—сконфуженно объяснилъ тотъ:—а то иногда въ макашку...

— Какъ? А объявленія на стѣнахъ?

— Конечно, но кто же, посудите сами, на это смотритъ? Вѣдь, право, только по маленькой, — и притомъ-съ все, вѣдь, свои люди...

Игра «по маленькой» шла crescendo. На столѣ безпрерывно брядали монеты. Лица игроковъ раскраснѣлись, глаза горѣли, хриплые голоса выпаливали развязныя рѣчи, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ дамъ, скромно игравшихъ здѣсь же въ преферансъ за сосѣднимъ столикомъ.

— На, подавись!

— Ишь, загребаетъ деньгу!

— Смотри, лопнешь!

Какой-то красный, какъ ракъ, старичокъ, толстенькій и въ самомъ веселомъ расположеніи духа, вдругъ разстегнулъ жилетку... до самой послѣдней пуговицы...

— Фу, какая тутъ жара! Степанъ, принеси сельтерской!

Степанъ оказался тотъ самый субъектъ, который спалъ на ларѣ, когда я пришелъ въ клубъ.

Это былъ лакей поистинѣ Гоголевскаго типа. Такихъ захолустныхъ слугъ я еще нигдѣ не видывалъ! Отъ него несло водкой и лукомъ, а его сюртукъ былъ такъ просаленъ и заношенъ, что давно обратился въ заразное гнѣздо всякихъ бациллъ и міазмовъ.

Изъ опасенія, что веселый старичокъ (который оказался пріѣзжимъ акцизнымъ ревизоромъ) станетъ продолжать разстегиваться, дамы перестали играть и поскорѣе перешли въ залу.

Было далеко за полночь.

Банкъ шелъ во всю.

— Десятка!

— Бита! Бита!

— Какъ бита? Врешь!.. Ты это что же дѣлаешь?!..

Поднялся страшный шумъ и споръ. Кто-то кого-то называлъ нелестнымъ эпитетомъ, доказывая неправильность въ игрѣ.

— Господа, господа!—несвязно лепеталъ добрѣйшій Карлъ Карловичъ, подлетая къ играющимъ.—Развѣ можно такъ?.. Ну, поиграли, поспорили и довольно!..

— Да, вотъ, видите ли, Карлъ Карловичъ...—и игроки, нѣсколько придя въ себя, стали объяснять старшинѣ, изъ-за чего вышелъ споръ.

Въ это время въ тѣсной столовой, куда опять засѣлъ «пріѣзжій докторъ» съ дикими глазами, проворно уничтожая рюмку за рюмкой, крикъ и шумъ усиливались.

Докторъ объяснялъ, какъ нужно лечить грыжу, причемъ густо басилъ и стучалъ кулаками по столу, такъ что дрожала посуда, а его собесѣдникъ, мѣстный учитель-семинаристъ, тоненькимъ голоскомъ что-то возражалъ, быстро и безъ передышки, словно сыпалъ горохъ.

— Вы, сударь, не знаете ме-ди-цы-ну!—вопилъ докторъ, вращая бѣлками и ероша бороду, при чемъ вдругъ ухватился за пустой стулъ и громко стукнулъ имъ объ полъ.

— А вы-съ, господинъ докторъ, отъ медицинской науки изволили отстать-съ, ибо, можно выразиться, въ глуши обрѣтаетесь и за сочиненіями по медицинской части слѣдить не можете-съ, да и при томъ-съ слѣдуетъ принять въ соображеніе, такъ сказать, еще и то-съ, что...

— Ка-акъ?! Я отсталъ?!—и докторъ еще разъ неистово стукнулъ стуломъ.

Ихъ стали успокаивать, но въ это время изъ гостиной къ нимъ уже бѣжалъ съ развѣвающейся сѣдой бородой патріарха тотъ же Карлъ Карловичъ, спасительный миротворецъ и «объединитель общества».

— Господа! господа!—лепеталъ онъ, махая руками по воздуху:— развѣ можно такъ горячиться? Вы, докторъ, вашъ споръ оставьте: кто же, подумайте, съ вами о лекарствахъ спорить можетъ? Пойдемте-ка лучше—я вамъ интересную статейку въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» покажу,—и, схвативъ доктора подъ руку, онъ увлекъ его вонъ изъ столовой.

Было около двухъ часовъ ночи...

Музыка давно стихла. Дамы и барышни, не желая присутствовать при раздѣваніи веселаго акцизнаго, благоразумно поторопились разойтись по домамъ, а танцоры шли гурьбой въ буфетъ ужинать.

Пріѣзжій докторъ на этотъ разъ мирно жевалъ цыпленка; низенькій и плѣшивый городской судья, вдругъ сдѣлавшись излишне веселъ, безконечно повторялъ все одну и ту же фразу: «я ва-асъ понимаю, но... не согла-сенъ»; хитрый толстячекъ — податной инспекторъ—разсказывалъ какой-то анекдотъ; худой, какъ палка, съ желтоватой козлиной бородкой и впалой грудью юный судебный слѣдователь, захолустный донъ-Жуанъ, меланхолически мечталъ о дамѣ сердца надъ стаканомъ чая, а недавніе спорщики за банкомъ, только что чествовавшіе другъ друга отборной руганью, уже пили за здоровье одинъ другого, какъ самые искренніе друзья.

Гдѣ-то вдали пробило три часа...

«Вотъ она какая настоящая-то глушь наша матушка!» грустно размышлялъ я, осторожно бредя домой по скользкимъ, сплошь покрытымъ подмерзшей грязью деревяннымъ мосткамъ, замѣнявшимъ въ Дрянскѣ тротуары.

IV.

Подгородный монастырь. — Матушка Анатолія и отецъ Порфирій. — Монастырскія продѣлки. — Духовные типы. — Іеродіаконъ Ипполитъ. — Покушенье на игумена. — Веселые монахи.

Какъ-то въ праздничный день я отправился къ обѣднѣ въ женскій Т—скій монастырь, лежащій на окраинѣ Дрянска. Къ монастырю вела аллея столѣтнихъ вязовъ, почти вся варварски вырубленная и лишь напоминавшая собой о прежней красотѣ мѣста.

Посреди просторнаго двора, обведеннаго высокой каменной оградой, возвышался новый каменный же храмъ, обширный и красивой архитектуры, а тутъ же вблизи виднѣлась и прежняя монастырская церковь, низенькая, деревянная.

Богослуженіе шло въ новомъ каменномъ храмѣ, биткомъ переполненномъ народомъ. Мѣстные крестьяне бѣлоруссы чинно стояли въ своихъ свѣтлыхъ свиткахъ, бабы и дѣвки тѣснились въ яркихъ, свѣтлыхъ цвѣтовъ душегрѣяхъ и шушунахъ съ своеобразнымъ головнымъ уборомъ изъ красиво перевитыхъ и кокетливо спущенныхъ бахромой на лобъ платковъ мѣстной работы.

Обѣдню служилъ низенькій, сутулый старичокъ, монастырскій священникъ.

Молодыя монашенки звонко и стройно пѣли и читали, сверкая направо и налѣво бойкими глазками изъ-подъ черныхъ покрываль и безобразныхъ шапочекъ. Старушки апатично двигались, смотря на окружающее безстрастнымъ взоромъ, пріобрѣтеннымъ отъ долгаго затворничества и безцѣльной, однообразной жизни на чужихъ харчахъ.

Внутри храмъ былъ отдѣланъ очень нарядно.

Обѣдня кончилась. Я получилъ приглашеніе откушать чай у «матушки игуменьи».

Мать Анатолія помѣщалась въ прекрасномъ уютномъ домикѣ близъ ограды. Флигель былъ одноэтажный, штукатуренный, съ маленькимъ палисадникомъ.

Внутри просторно и комфортабельно, — мягкая мебель, растенія, половички. Въ столовой зачѣмъ-то красовался большой граммофонъ. На мой скромный вопросъ у матери казначеи, зачѣмъ граммофонъ неожиданно попалъ въ покои игуменьи, — я не получилъ отвѣта ни тогда, ни послѣ.

Настоятельница приняла меня очень любезно. Это была уже пожилая, толстоватая женщина изъ простонародья, какъ и большинство нашей монашествующей братіи, но съ большой дозой природнаго здраваго смысла и практическихъ талантовъ, въ чемъ я вскорѣ лично убѣдился.

Къ намъ присоединился и монастырскій священникъ, сладкорѣчивый о. Порфирій, а также еще нѣсколько человѣкъ изъ мѣстнаго общества.

Разговоръ шелъ главнымъ образомъ о недавно устроенной монастыремъ амбулаторной лечебницѣ, о скорѣйшемъ утвержденіи ея устава и упорядоченіи ея положенія, такъ какъ она была тогда только что открыта и существовала не на прочныхъ основаніяхъ.

Незадолго передъ тѣмъ я побывалъ въ дрянской городской больницѣ и порадовался устройству монастырской амбулаторіи, такъ какъ то, что я увидѣлъ въ этой больницѣ, не поддается никакому описанію. Въ четырехъ грязныхъ, душныхъ, должно быть, никогда не освѣжаемыхъ, низенькихъ каморкахъ лежали и сидѣли, на грязныхъ же койкахъ, какіе-то худые, испитые, оборванные субъекты, напоминающіе собой скорѣй наказуемыхъ преступниковъ, чѣмъ пользующихся врачебной помощью больныхъ. Прибавьте къ этому, что заразные (сифилитики) помѣщались тутъ же вмѣстѣ съ прочими больными, безъ всякихъ мѣръ предосторожности для этихъ послѣднихъ...

— Это не больница, куда принимаютъ людей для исцѣленія, а самый настоящій очагъ заразы, гдѣ можно загубить послѣдній остатокъ здоровья! — сказалъ я городовому врачу послѣ знакомства съ дрянской больницей.

Онъ не сталъ даже спорить.

— Это правда,—согласился онъ:—но что же подѣлаешь, когда намъ упорно не даютъ средствъ? У насъ не хватаетъ денегъ на лекарства и прокормленіе больныхъ, а ужъ объ улучшеніяхъ разныхъ въ ихъ обиходѣ можно ли и говорить? Да вы не удивляйтесь, вѣдь городскія больницы въ провинціи всѣ вообще такія же...

— Такіе же очаги заразы?

— Именно!

— Прекрасное утѣшеніе!..

Вотъ почему я порадовался монастырской амбулаторіи, помѣщающейся въ принадлежащемъ монастырю сосѣднемъ домикѣ, чисто содержимой и прилично оборудованной, гдѣ ежедневно по утрамъ принималъ одинъ изъ городскихъ врачей, опытный и внимательный докторъ.

Прощаясь, я похвалилъ настоятельницѣ импозантный видъ монастыря.

— Обитель, однако, очень, очень нуждается,—возразила она.

— Какъ нуждается?

— Да, весьма нуждается. Обитель наша бѣдная...

Я не сталъ спорить. «Это просто монашеская скромность», подумалъ я тогда.

Съ того времени прошло мѣсяца три, и вдругъ въ одинъ прекрасный лѣтній день нашъ добрѣйшій клубный старшина Карлъ Карловичъ принесъ мнѣ, съ возмущеніемъ, нумеръ мѣстныхъ «М—скихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ была помѣщена цѣлая большая статья о Т—скомъ монастырѣ въ Дрянскѣ, рисующая положеніе этого монастыря въ самомъ плачевномъ видѣ: монастырь, будто бы, деревянный, жалкій, еле-еле влачащій свое существованіе. Статья кончалась слезными мольбами о пожертвованіяхъ въ пользу погибающей на сѣверо-западной окраинѣ православной обители, съ предусмотрительнымъ указаніемъ, что деньги жертвователи благоволятъ отправлять въ Дрянскъ, матушкѣ Анатоліи. Вся статья была цѣликомъ перепечатана изъ издающихся въ Петербургѣ «Церковныхъ Вѣдомостей».

Въ Дрянскѣ этой завѣдомой и дерзкой ложью были всѣ возмущены, такъ какъ корыстная цѣль статьи, взывающей о помощи погибавшему, будто бы, монастырю, тогда какъ онъ былъ въ завидномъ положеніи, была ясна для каждаго. Оставалось только удивляться, какъ мѣстныя «Вѣдомости», которыя, кажется, должны бы знать о состояніи своихъ монастырей, позволили себѣ перепечатать такой непозволительный вымыселъ.

Кто былъ авторъ этой пресловутой замѣтки, угадать было не трудно...

При первомъ же свиданіи съ о. Порфиріемъ я задалъ ему вопросъ, безъ всякихъ приготовленій.

— Зачѣмъ, батюшка, вы позволяете распространять о вашей обители ложныя свѣдѣнія?

— Какія?

— А вотъ тѣ, что только что напечатаны въ «М—скихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ говорится, что деревянная церковь Т—скаго монастыря грозитъ разрушеніемъ, что въ обители скоро негдѣ будетъ совершать богослуженія, что монастырскія службы разваливаются отъ ветхости, что монахини голодаютъ и т. п. не соотвѣтствующіе истинѣ факты.

— Это наше дѣло!—рѣзко возразилъ мнѣ монастырскій батюшка, чувствуя себя, очевидно, очень неловко и смотря въ сторону.

— Какъ же вы, мать игуменья, допустили помѣстить такую неправду?—обратился я къ смущенной настоятельницѣ.

Мать Анатолія стала запутанно объяснять, что статья собственно относилась къ прежнему времени, когда монастырь, дѣйствительно, терпѣлъ недостатки.

— Но въ статьѣ говорится о теперешнемъ времени, когда обитель вовсе не бѣдствуетъ и вмѣсто деревяннаго выстроенъ каменный храмъ.

— Это недоразумѣніе!..

Никакого «недоразумѣнія», конечно, и въ поминѣ не было, а просто надо было же сказать что-нибудь въ свое оправданіе, когда достойная затѣя раскрылась.

Между тѣмъ указанная статья произвела въ уѣздѣ въ высшей степени непріятное впечатлѣніе, особенно среди польскихъ помѣщиковъ, весьма чуткихъ до всего, что касается православнаго духовенства въ краѣ.

Посыпались разные разспросы, почему да отчего появилось такое странное воззваніе, приглашающее жертвовать такому состоятельному монастырю, вовсе ни въ чемъ не нуждающемуся? Пошли по адресу престарѣлой матери Анатоліи и столь же ветхаго днями о. Порфирія разныя сплетни, въ высшей степени нежелательныя и прискорбныя въ отношеніи ихъ духовнаго сана и ихъ положенія.

Польскій элементъ въ уѣздѣ очень усердно злословилъ по адресу этихъ лицъ, разсказывая въ клубѣ, безъ всякаго стѣсненія, разные пикантные о нихъ анекдоты, совершенно забывая, что только что передъ тѣмъ переведенный изъ Дрянска въ одинъ изъ приходовъ Сибири еще не старый ксендзъ С—чъ былъ настолько ревностнымъ поклонникомъ прекраснаго пола, что ловко похитилъ изъ одного учебнаго заведенія одну юную воспитанницу, что врядъ ли можетъ служить въ пользу духовному пастырю, котораго поскорѣе и перевели въ Сибирь, чтобъ онъ съ успѣхомъ могъ охладить тамъ свою излишне пылкую кровь. Конечно, въ данномъ случаѣ паны съ злорадствомъ замѣчали щепки въ глазахъ другихъ, не видя бревенъ въ собственныхъ, но что же можно было все-таки возражать по существу?

Предводитель дворянства подробно написалъ обо всемъ губернатору, и чрезъ двѣ-три недѣли въ тѣхъ же «М—скихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилась офиціозная замѣтка по поводу Т—скаго монастыря, опровергающая первую и, очевидно, инспирированная губернскимъ начальствомъ. Эта вторая статья заявляла, что печальныя свѣдѣнія о Т—скомъ монастырѣ, напечатанныя въ такомъ-то нумерѣ «Вѣдомостей», были помѣщены по недосмотру и что монастырь нынѣ находится въ благопріятномъ положеніи, въ чемъ лично убѣдился губернаторъ, при посѣщеніи города Дрянска въ февралѣ 1903 года.

Вообще представители нашего духовенства въ М—ской губерніи не отличались, къ сожалѣнію, достоинствами.

Гуляя какъ-то разъ вечеромъ по скверу, единственному городскому садику въ Дрянскѣ, на площади возлѣ собора, я былъ совершенно ошеломленъ неожиданной встрѣчей. Ко мнѣ по аллеѣ быстро шагалъ, съ непокрытой головой и развѣвающимися по вѣтру полами черной рясы, не то священникъ, не то монахъ, еще не старый брюнетъ съ густой всклокоченной шапкой волосъ на

головѣ и столь же взъерошенной бородой. Сзади бѣжали еврейскіе мальчишки (Дрянскъ въ чертѣ осѣдлости и почти сплошь населенъ евреями) и громко хихикали надъ столь необычнымъ гостемъ городского сквера.

— Позвольте представиться,—завопилъ хриплымъ басомъ чернorизецъ, поровнявшись со мной:—іеродіаконъ Ипполитъ, изъ П—скаго монастыря!.. Не дадите ли, сударь, пятачокъ на графинчикъ?

— Вамъ бы въ монастырь поскорѣе вернуться,—возразилъ я, дѣлая видъ, что не слышу послѣдней фразы.—Васъ тамъ навѣрно ищутъ...

— Ну, ужъ это оставьте! Пусть себѣ ищутъ вѣтра въ полѣ! Нельзя же вѣкъ взаперти сидѣть. Надо же и на людей посмотрѣть! А пятачокъ дадите? Ну, три копейки...

Отъ говорившаго сильно пахло спиртомъ.

Я старался уговорить моего собесѣдника поскорѣе вернуться въ обитель, расположенную вблизи Дрянска, гдѣ, конечно, его ищутъ, но это было напрасно. Онъ желалъ получить нѣсколько копеекъ, чтобы купить водки.

Я не зналъ, что бы мнѣ предпринять, такъ какъ ни за что не хотѣлось оставлять веселаго монаха одного на улицѣ на посмѣшище прохожимъ. По счастью, мнѣ помогъ проходившій мимо полицейскій надзиратель. Мы стали вдвоемъ уговаривать брата Ипполита вернуться домой, и намъ, наконецъ, удалось склонить его къ этому, но для того, чтобы онъ не передумалъ, или не убѣжалъ съ дороги, я упросилъ надзирателя лично проводить его до монастырской ограды, на что тотъ любезно согласился, вполнѣ раздѣляя мои опасенія отпустить его одного.

Такъ и сдѣлали,—наняли дрожки и возвратили бѣглеца братіи.

На слѣдующій день я получилъ любезное письмо отъ игумена съ благодарностью, что во время позаботился о несчастномъ инокѣ.

Дѣйствительно, это былъ несчастный человѣкъ. Неглупый, добрый и сердечный отъ природы, обладающій къ тому же прекраснымъ голосомъ, что давало ему возможность быть регентомъ монастырскаго хора, іеродіаконъ Ипполитъ имѣлъ несчастное пристрастіе къ вину и разъ или два въ годъ тайкомъ убѣгалъ изъ монастыря и пропадалъ нѣсколько дней, предаваясь своей пагубной страсти.

Въ помянутомъ монастырѣ братія далеко не отличалась нравственной жизнью. Одинъ изъ келейниковъ архимандрита, слабый, горбатый субъектъ, принесъ жалобу, что онъ былъ предметомъ насилія одного изъ молодыхъ монаховъ южнаго происхожденія. Не получившій сана іеродіакона монахъ стрѣлялъ въ настоятеля, мстя за то, что тотъ, будто, категорически обѣщалъ его повысить,

но не исполнилъ этого. По счастью, покушеніе не удалось. Помянутый Ипполитъ то и дѣло собирался бѣжать изъ П—скаго монастыря въ другой и открыто грубилъ игумену, періодически напиваясь...

Въ главномъ монастырѣ въ губернскомъ городѣ М—вѣ иноки проводили время отмѣнно весело. Когда денегъ на выпивку какъ-то не хватило, то, какъ мнѣ передавали, однажды одинъ изъ предпріимчивыхъ монаховъ потащилъ на головѣ тяжелый деревянный столъ изъ своей келіи на базаръ, чтобы тамъ продать его и купить «сатанинскаго» зелья.

Преосвященный м—скій о. Мисаилъ, замѣненный впослѣдствіи епископомъ Стефаномъ, отличался крайнею бездѣятельностью, распустилъ епархію и проводилъ время въ своихъ покояхъ, наслаждаясь far niente и жалуясь на болѣзнь ногъ.

Все это было, конечно, на глазахъ у католическаго элемента края и возбуждало по адресу представителей нашей церкви справедливыя и громкія нареканія, на которыя нельзя было, къ сожалѣнію, возражать и приходилось молча выслушивать.

Конечно, женолюбивый ксендзъ, о которомъ я сказалъ выше, вдругъ «потерявшій» къ тому же пожертвованную одной набожной помѣщицей на новыя окна въ дрянскомъ костелѣ тысячу рублей, которую онъ слишкомъ старательно берегъ у себя въ столѣ,— явленіе, тоже не вызывающее одобренія, но, однако, сказаннаго ксендза, какъ я уже замѣтилъ, поспѣшили перевести въ другую и весьма отдаленную епархію, а между тѣмъ мать Анатолія и отецъ Порфирій продолжали поживать въ уютномъ Т—скомъ монастырѣ и творить на глазахъ у всѣхъ величайшія безтактности, чтобы не сказать большаго...

V.

Сѣверо-западное земство В. К. Плеве.—Комитеты по дѣламъ земскаго хозяйства.—Земскій маскарадъ.—Чиновники въ роли земцевъ.—Губернаторъ—вершитель земскихъ дѣлъ. —Гласные по назначенію и ихъ безгласіе.

Лѣтомъ 1903 года въ Сѣверо-Западномъ краѣ введено особое, специфическое, укороченное, обрѣзанное земство, подъ названіемъ «земскаго хозяйства». Этотъ необычайный бюрократическій фруктъ русской жизни, горькій, безплодный и рѣшительно никому и ни на что не нужный, былъ насажденъ тамъ покойнымъ министромъ В. К. Плеве, который любилъ воспроизводить надъ Россіей всевозможные эксперименты, въ ряду которыхъ его таинственный приспѣшникъ, знаменитый попъ Гапонъ, сыгралъ такую роковую роль.

Наудачные эксперименты окончились гибелью ихъ изобрѣтателя, а между тѣмъ его кривобокое дѣтище, «земское хозяйство», доселѣ

влачить свое жалкое существованіе на нашей сѣверо-западной окраинѣ.

Съ 1863 года, съ печальныхъ событій въ Польшѣ, Сѣверо-Западный край, какъ извѣстно, находится на особомъ и весьма тяжеломъ положеніи. Мѣстное населеніе все еще подъ подозрѣніемъ и за нимъ зорко слѣдятъ. Отъ него отнято, между прочимъ, дворянское представительство, замѣненное предводителями по назначенію министерства, землевладѣніе затруднено, земство искони отсутствовало. Естественно, что всѣ эти досадные изъяны давно раздражали общественные круги нашей западной окраины и тамъ постоянно домогались расширенія рамокъ мѣстной жизни.

Конечно, въ краѣ давно желали и ждали земства.

— Чѣмъ же мы хуже будемъ земцевъ другихъ губерній, внутри Россіи?—говорили на западной окраинѣ, и имъ постоянно отвѣчали въ Петербургѣ:

— Погодите немножко, и на вашей улицѣ будетъ праздникъ!

Что повліяло на еще недавняго вершителя судебъ Россіи, Плеве, трудно сказать, но только онъ рѣшилъ вдругъ обрадовать Сѣверо-Западный край введеніемъ «земства»... но какого?!...

Въ пресловутомъ земскомъ отдѣлѣ, подъ руководствомъ тяжелой руки «самого» А. С. Стишинскаго, было «выработано» это злополучное «земство» и введено пока, «для опыта», въ трехъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края—Витебской, Минской и Могилевской.

Учреждены были губернскіе и уѣздные «комитеты по дѣламъ земскаго хозяйства», играющіе роль «земскихъ собраній», и губернскія и уѣздныя «управы по дѣламъ земскаго хозяйства». Комитеты губернскіе поставлены подъ предводительство губернаторовъ, губернскія управы—особыхъ, по назначенію администраціи, предсѣдателей, а уѣздные комитеты и управы—мѣстныхъ предводителей дворянства.

Насколько земство можетъ быть земствомъ, когда его дѣятельностью всецѣло распоряжается, «по усмотрѣнію», начальникъ губерніи, всякому понятно: это столь же невозможно, какъ скрестить параллельныя линіи подъ прямымъ угломъ.

Попробуйте—скрестите!

Изъ кого же состоитъ персоналъ этихъ удивительныхъ комитетовъ и управъ?

Громадное большинство членовъ—мѣстные представители разныхъ вѣдомствъ и, какъ капля въ морѣ, идутъ уже затѣмъ представители мѣстнаго населенія—своеобразные «гласные» но..., конечно, не по выбору населенія, а по назначенію его превосходительства начальника губерніи, по два человѣка отъ каждаго уѣзда.

Вотъ при какой невѣроятной, но фактически существующей водевильной обстановкѣ дѣйствуетъ нынѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ «земство г. Плеве»!

Я имѣлъ несчастіе дважды присутствовать на засѣданіяхъ губернскаго комитета, и всякій разъ мнѣ было какъ-то стыдно чувствовать себя среди, по виду, взрослыхъ и какъ будто серьезныхъ людей, которые по нѣсколько часовъ въ день въ теченіе недѣли и болѣе считали для себя пріятнымъ забавляться совершенно безплодными словопреніями подъ строгимъ и зоркимъ дирижерствомъ губернатора, отъ которыхъ никому не было ни тепло, ни холодно, такъ какъ все равно тамъ всѣ «земскіе» вопросы рѣшались такъ, какъ признаетъ «желательнымъ» все тотъ же «его превосходительство» г. губернаторъ.

Въ Могилевѣ, напримѣръ, эти печальныя «земскія» засѣданія заключались буквально въ томъ, что тогдашній губернаторъ М. Н. Клингенбергъ «проводилъ» самъ всѣ вопросы и его хриплый голосъ только и раздавался въ унылой залѣ комитета. Всѣ прочіе больше молчали за исключеніемъ нѣсколькихъ особо ретивыхъ говоруновъ, любителей переливанья изъ пустого въ порожнее, такъ что при голосованіяхъ все всегда рѣшалось исключительно по желанію г. Клингенберга. «Гласные» пробовали было сначала возражать, но это было совершенно безполезно: ихъ мнѣнія игнорировались подавляющимъ большинствомъ, составленнымъ предусмотрительно изъ мѣстнаго чиновничества, всегда и вездѣ угодливо послушнаго голосу «хозяина губерніи». Нашъ дрянскій «гласный», панъ Валенсъ С—скій, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, независимымъ, честнымъ характеромъ и гражданскимъ мужествомъ отстаивать свои мнѣнія, велъ упорную, но безплодную борьбу съ вожделѣньями могилевскаго Олимпа и только вооружилъ противъ себя губернатора, не разъ дававшаго это замѣтить гласному, не желавшему быть безгласной куклой. Другой «гласный», В. П. С—цкій, не желая играть на этихъ засѣданіяхъ недостойную роль статиста, публично заявилъ объ этомъ на одномъ изъ засѣданій комитета изумленному такой «дерзостью» губернатору и съ негодованіемъ сложилъ съ себя обязанности «гласнаго».

Зачѣмъ и кому понадобился этотъ возмутительный и вовсе неостроумный земскій маскарадъ, на которомъ губернаторы вдругъ неуклюже и противъ воли заиграли роль «земцевъ», при чемъ повелительно диктуютъ земскому собранію то, что имъ заблагоразсудится, при рабскомъ послушаніи своихъ чиновниковъ и полномъ безсиліи безгласныхъ «гласныхъ» изъ мѣстныхъ людей провести самостоятельно тотъ или другой вопросъ, если это не «угодно» губернатору?

Вся хозяйственная часть губерній вѣдалась въ краѣ раньше губернскими правленіями, а теперь дѣлается все то же самое, но только въ театральной обстановкѣ какого-то опереточнаго «земства».

Можетъ ли быть поэтому хоть какая-нибудь дѣйствительная польза для дѣла, когда все осталось, въ сущности, попрежнему, а на прежнее старье наклеили новыя этикетки съ другими кличками, придуманными г. Плеве? Совершенно ясно, что вся эта мертворожденная, ненужная, неумѣлая затѣя, получившая свое зачатіе въ золотушныхъ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не могла никого удовлетворить и существуетъ до сихъ поръ, вѣроятно, просто по инерціи, въ ожиданіи, что на эту аномалію обратитъ наконецъ вниманіе наше общество и государственная дума.

С. У.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АРХІЕПИСКОПЪ ІЕРОНИМЪ.

(Опытъ характеристики).

Вы, КАЖЕТСЯ, думаете, что въ Вильнѣ пріятно положеніе православнаго архіерея,—замѣтилъ мнѣ однажды, во время нашего свиданія, архіепископъ Іеронимъ:— пойдемте-ка сюда!.. Я вамъ кое-что разскажу...

Мы бесѣдовали съ владыкой въ угловой комнатѣ виленскаго архіерейскаго дома, на Большой улицѣ, и, говоря такъ, придерживая любезно подъ локоть, подвелъ онъ меня къ окну, выходившему на площадку передъ каѳедральнымъ соборомъ.

— Видите ли вы,—продолжалъ онъ,—тротуаръ, идущій мимо собора и архіерейскаго дома?.. Ну, вотъ... Стою я на дняхъ у этого самаго окна. Дѣло было рано утромъ... Вижу, бѣжитъ по тротуару молодая женщина, несомнѣнно, полька, съ «кшенжечкой» (молитвенникомъ) въ рукахъ. Разсмотрѣла она меня, оглянулась по сторонамъ и, убѣдившись, что свидѣтелей нѣтъ... съ яростью плюнула по направленію къ окну, у котораго я стоялъ, т. е. попросту говоря, въ меня...

— Что же вы сдѣлали, владыко?—спросилъ я, невольно улыбнувшись, — настолько разсказанное мѣтко характеризовало и въ наши дни отношеніе въ Вильнѣ «девотокъ» къ православному духовенству.

— О, я отомстилъ этой фанатичкѣ по-христіански,—съ хитрой усмѣшкою сказалъ Іеронимъ: — въ отвѣтъ на ея оскорбленіе я взялъ да и благословилъ ее изъ окна, сверху, широкимъ, право-

славнымъ крестомъ... Надо было видѣть сначала ея изумленіе, а потомъ конфузъ! Покраснѣвъ, бросилась она по тротуару подъ архіерейскій домъ...

И владыка весело, громко расхохотался. Разсмѣялся и я.

Невольно припомнился мнѣ только что приведенный разговоръ, когда въ ноябрѣ 1905 г. узналъ я о кончинѣ въ Варшавѣ высокопреосвященнаго Іеронима, такъ какъ подобное прощающее, уступчивое, снисходительное отношеніе къ воинствующимъ на религіозной почвѣ иновѣрцамъ было, на взглядъ мой, одною изъ симпатичныхъ, цѣнныхъ чертъ характера почившаго. Мнѣ извѣстны и другіе случаи, когда дѣйствительно въ жизни своей на обиду иновѣрца отвѣчалъ онъ или любовью, или забвеніемъ.

Вѣротерпимость, глубокое уваженіе къ чужой религіи, даже нехристіанской, красными нитями проходятъ черезъ всю дѣятельность архіепископа Іеронима, пока былъ онъ въ Вильнѣ, т. е. въ теченіе почти четырехъ лѣтъ моего съ нимъ знакомства. Знаю, по слухамъ, что такимъ же остался онъ и до конца жизни. Недаромъ, когда перевели Іеронима изъ древней столицы Литвы въ несимпатичную ему Варшаву, обставивъ переводъ этотъ самыми лестными для самолюбія его мотивами, такъ тепло отзывались о немъ многіе поляки и евреи, особенно изъ нуждающихся, что самому мнѣ доведось часто слышать...

При поѣздкахъ своихъ по обширной, разновѣрной литовской епархіи не гнушался владыка, по приглашенію, заходить въ захолустные костелы и синагоги, выслушивать тамъ привѣтствія ксендзовъ и раввиновъ, отвѣчать на нихъ экспромтами въ духѣ примиренія, христіанской любви, даже принимать милостиво хлѣбъ-соль отъ иновѣрцевъ.

Въ только что указанномъ направленіи это былъ какъ разъ такой архипастырь, какой нуженъ на западныхъ окраинахъ со смѣшаннымъ населеніемъ.

Особенно почувствовалось это, когда Вильна получила, затѣмъ, Ювеналія — сухого, книжнаго, узко-православнаго миссіонера-монаха, полнаго вѣроисповѣдной нетерпимости и фанатизма.

По нынѣшнимъ временамъ, когда «русское», а тѣмъ болѣе «православное» — въ извѣстныхъ кругахъ нашего расшатаннаго, безпринципнаго общества—не въ модѣ, смерть архіепископа Іеронима, конечно, прошла почти незамѣтно: два-три короткихъ некролога да офиціальныя телеграммы въ газетахъ — вотъ все, чѣмъ почтили память владыки... До того ли, впрочемъ, намъ въ тѣ дни было: вѣдь мы «дѣлали» революцію на манеръ французской!!..

Но, пожалуй, иному русскому человѣку, а тѣмъ болѣе видному дѣятелю, пріятно сойти теперь въ могилу по примѣру Іеронима, т. е. незамѣтно. Часто, бесѣдуя въ Вильнѣ съ покойнымъ, зная беззавѣтный, искренній патріотизмъ его, любовь къ вѣковымъ,

историческимъ устоямъ русской жизни, горе его при видѣ перемѣнчивости на окраинахъ русской политики, убѣжденъ я и въ томъ, что въ послѣдній годъ земного существованія почившій самъ былъ радъ поскорѣе, незамѣтно уйти изъ этого мятущагося, залитаго братской кровью, обезумѣвшаго міра, гдѣ на глазахъ его постепенно подтачивалось сознательно, иногда родными же руками, многое, чему, какъ русскій, православный человѣкъ, молитвенно онъ до того поклонялся...

Вернусь, однако, къ моимъ воспоминаніямъ...

Первое же появленіе Іеронима въ 1894 году въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ, на торжественномъ богослуженіи, на которомъ присутствовалъ и я, пишущій эти строки, произвело сильное впечатлѣніе на новую его паству: дѣйствительно, давно не видѣлъ нашъ городъ такого элегантнаго, такого прямо «шикарнаго» по внѣшности, красиваго архіерея...

Высокій, стройный, хотя и старикъ, но бодрый, съ глазами (несмотря на болѣзнь одного изъ нихъ), сверкающими порой, въ минуты особаго одушевленія, изъ-за темныхъ очковъ, изъ-подъ густыхъ, сѣдѣющихъ, нависшихъ бровей, блескомъ молодости, съ важной осанкою ветхозавѣтнаго патріарха, подающій возгласы чистымъ, звучнымъ, высокимъ теноромъ (точно все время поющій), такъ что каждое слово расплывалось по всему огромному храму, неся въ медленныхъ, какъ бы разсчитанныхъ на эффектъ, движеніяхъ своихъ, нѣчто театральное, хотя и внушительное, прибывшій сразу же завоевалъ себѣ симпатіи виленскаго православнаго общества, особенно дамской части послѣдняго... Неудивительно, поэтому, что немедленно же началась на него атака представительницъ такъ называемаго «слабаго пола», конечно, чисто платоническая, безопасная. А тутъ еще подоспѣла легенда о какомъ-то великосвѣтскомъ романѣ въ недалекомъ прошломъ владыки, будто бы продолжающемся и на склонѣ лѣтъ...

Если прибавить ко всему этому свѣтскую любезность архіепископа Іеронима, особенно съ дамами, влеченіе его къ частной бесѣдѣ за стаканомъ чаю, слухи о большихъ средствахъ, тайно присылаемыхъ ему на дѣла благотворительности изъ источниковъ, о которыхъ мѣстныя кумушки всѣхъ ранговъ и положеній передавали другъ другу по секрету разныя сплетни, — то нечего удивляться, если исключительное поклоненіе женскаго элемента скоро окружило владыку туманомъ легендъ, догадокъ, предположеній...

Архіерей съ «романомъ»!.. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы вскружить слабые умы такъ называемыхъ въ провинціи «женъ-мироносицъ» (поклонницъ владыкъ, вѣчно враждующихъ между собою за счастье слыть ближайшимъ, интимнымъ ихъ другомъ)... И на богослуженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ

Іеронимъ, въ пріемной архіерейскаго его дома, начали, одно время, мелькать все тѣ же, хорошо знакомыя лица.

Какъ человѣкъ наблюдательный, при томъ не безъ кокетства, Іеронимъ это отлично видѣлъ, а въ кружкѣ знакомыхъ и добродушно посмѣивался: онъ привыкъ къ поклоненію женщинъ задолго до Вильны, служа еще въ Кіевѣ, и не скрывалъ этого.

Однажды при мнѣ разсказывалъ онъ о томъ, какъ, будучи сравнительно нестарымъ архіереемъ, въ кіевской епархіи, долго не могъ онъ избавиться отъ назойливыхъ преслѣдованій такихъ же мѣстныхъ психопатокъ, яко бы во имя спасенія душъ своихъ требовавшихъ свиданій съ нимъ, при томъ непремѣнно наединѣ,—свиданій, напрасно отнимавшихъ у него дорогое время, пока наконецъ въ голову ему не пришла удачная мысль—назначать всѣмъ посѣтительницамъ общій часъ для пріема: только тогда поклонницы оставили его въ покоѣ.

Кстати будетъ замѣтить, что Іеронимъ умѣлъ подхватить слабыя стороны человѣческой личности, наблюдать незамѣтно за окружающими и не прочь былъ подшутить надъ ними. Сопоставленія его часто носили мѣткій оттѣнокъ; въ критикѣ нравовъ бывалъ онъ безпощаденъ, особенно когда рѣчь заходила о духовныхъ.

Помню, какъ разсказывалъ онъ мнѣ о томъ, что, живя въ Вильнѣ, любилъ онъ тайкомъ слѣдить изъ того же окна архіерейскаго дома, о которомъ упомянулъ я въ началѣ этихъ воспоминаній, за поведеніемъ проходящаго по улицѣ православнаго духовенства. Огорчало, при этомъ, искренно владыку то, что многіе «батюшки», идя мимо каѳедральнаго собора, бесѣдуя у храма, курятъ при народѣ, на улицѣ, папиросы, а въ то же время и не подумаютъ снять шляпу, перекреститься... Но вдругъ — видитъ владыка — спѣшитъ по тротуару молодой ксендзъ; прошелъ было, а затѣмъ, вѣроятно, вспомнивъ о томъ, что православный храмъ ранѣе былъ католическимъ костеломъ, снялъ шапку и набожно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Вѣдь вотъ не сдѣлалъ же этого свой, русскій! — съ сокрушеніемъ вздыхалъ архіепископъ. — Эхъ, мы, русскіе!!..

По пріѣздѣ въ Вильну высокопреосвященнаго Іеронима, сталъ я понемногу къ нему въ довольно близкія отношенія,—сначала по благотворительнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ, какъ секретарь, съ нимъ сталкивался, а затѣмъ по частнымъ дѣламъ и, наконецъ, просто, какъ знакомый. Кромѣ того, владыка зналъ, что въ тѣ дни ко мнѣ былъ расположенъ сердечно генералъ-адъютантъ В. Н. Троцкій, командующій войсками округа, а затѣмъ (по смерти генерала Оржевскаго) и генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края. Подобное же обстоятельство значило многое въ глазахъ владыки, вѣчно мечтавшаго жить въ ладу, даже путемъ уступокъ, не только съ высшимъ начальствомъ, но и съ лицами, такъ или иначе близко

къ этому начальству стоявшими. Если на дерзкій плевокъ польской фанатички отвѣтилъ онъ крестнымъ знаменіемъ, какъ убѣжденный христіанинъ, то въ столкновеніяхъ своихъ со власть имущими, съ ихъ свитой, всегда уступалъ дорогу сознательно, съ расчетомъ, какъ чиновникъ, не желающій портить себѣ карьеру... Грустно было видѣть порою маститаго архіепископа въ подобной жалкой роли!..

Глубоко заблуждался, конечно, Іеронимъ, надѣясь купить такимъ поведеніемъ въ Вильнѣ спокойствіе. Онъ забывалъ общежитейское правило, одинаково примѣнимое какъ къ цѣлымъ государствамъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ, въ силу котораго, для того, чтобы жить мирно съ сосѣдями, надо каждую минуту быть вооруженнымъ для войны съ ними же...

Много разъ бывалъ я у гостепріимнаго владыки и въ городскомъ его домѣ, гдѣ, несмотря на помѣстительность, обиліе свѣта, картинъ, растеній, вѣяло скукой казенной обстановки, и на загородной архіерейской дачѣ, въ живописно-очаровательномъ «Тринополѣ», который вообще дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ. Часто оживленно бесѣдовали мы съ нимъ глазъ-на-главъ. Но напрасно, въ отвѣтъ на жалобы его по поводу отношеній къ нему высшей мѣстной администраціи, пытался я иногда заставить покойнаго вступить въ борьбу, поднять перчатку, брошенную ему свѣтской властью, какъ представителю господствующей церкви: владыка не былъ рожденъ отважнымъ, рискующимъ борцомъ; политика «мира» въ офиціальныхъ отношеніяхъ попрежнему упрямо стояла у него на первомъ планѣ. Тутъ онъ былъ пугливо-твердъ и непоколебимъ, хотя, видимо, и сознавалъ по временамъ неудобство, ложность своего положенія...

Во всемъ остальномъ въ характерѣ его проглядывала какая-то женственная измѣнчивость настроеній, зыбкость, нерѣшительность. Неудивительно, поэтому, что жили мы съ нимъ то дружелюбно, то въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ.

И тѣмъ не менѣе въ памяти моей преобладаютъ симпатичныя черты усопшаго, а недостатки его какъ бы сами собою отходятъ въ сторону. Не потому ли, что доброта сердца въ этомъ человѣкѣ такъ очаровывала, плѣняла, а дурное, странное, мало-симпатичное, почти всегда было навѣяно извнѣ, при чемъ безошибочно можно было угадывать и вдохновителей?..

Ясно представляется мнѣ гостиная архіерейскаго дома въ Вильнѣ, единственно уютная, имѣющая жилой видъ комната съ мягкой мебелью; драгоцѣнныя четки на красивой, холеной, словно выточенной изъ слоновой кости, рукѣ владыки; шорохъ дорогой, шелковой его рясы; пріятный, пѣвучій голосъ; громкій, почти дѣтскій смѣхъ; симпатичная манера—цѣловать посѣтителя въ високъ. У владыки только что передо мною была барыня; ароматъ тон-

кихъ духовъ остался еще въ воздухѣ, мѣшаясь съ едва уловимыми запахами лампаднаго масла и воска... За окнами шумитъ Большая улица.

Представляется мнѣ владыка и въ Тринополѣ, идущій по аллеѣ архіерейскаго сада, подъ зыбкой тѣнью, падающей на него отъ молодой зелени, одѣтый въ свѣтлый подрясникъ, съ сѣдыми волосами, туго заплетенными въ косички. А недалеко—бѣлый, двухъэтажный каменный домъ-дача смотритъ открытыми настежь окнами на садъ, на медленно протекающую Вилію, на окрестности, млѣющія подъ вешнимъ солнцемъ. Тишина прерывается лишь журчаньемъ невидимаго ручья, щелканьемъ соловьевъ и трелями малиновокъ по кустамъ у пруда. И вдругъ навстрѣчу мнѣ звучитъ знакомый, пріятный голосъ: «Добро пожаловать!.. Это вы?!.. А я думалъ, кто это вспомнилъ меня въ деревнѣ!..»

Несмотря на нѣсколько чопорную, суровую внѣшность, любилъ высокопреосвященный, въ подходящемъ обществѣ, пошутить, разсказать анекдотъ, какой-либо курьезъ изъ собственнаго прошлаго. Въ присутствіи его въ такія минуты быстро забывалось положеніе, которое занималъ онъ въ жизни, чувствовался только добрый, задушевный, радушный хозяинъ, ставящій у себя въ домѣ непосредственное общеніе съ людьми выше архіерейскаго этикета.

Такимъ же радушіемъ вѣяло и отъ служки владыки, докладывавшаго о вашемъ прибытіи, вводившаго васъ затѣмъ въ покои. Вотъ ужъ по истинѣ можно было сказать: каковъ попъ—таковъ и приходъ...

Былъ бы я радъ, если бы настоящая замѣтка вызвала другія, болѣе цѣнныя воспоминанія о покойномъ со стороны лицъ, ближе и дольше меня къ нему стоявшихъ. Вотъ одна изъ главныхъ цѣлей, по которой набрасываю ее. Правъ почтенный А. Ф. Кони, говорящій о томъ, что нравственная обязанность каждаго изъ насъ, рядовыхъ смертныхъ, сталкивавшагося съ крупной единицею общества, сообщить о ней потомству личныя наши впечатлѣнія, сколь бы ни были они бѣглы, отрывочны, даже односторонни. И надо торопиться съ подобными мемуарами, пока живы еще въ памяти настроенія минуты, краски, звуки... Сухіе документы, офиціальные протоколы не удовлетворяютъ болѣе современниковъ: за ними рѣдко видна душа человѣческая, съ достоинствами ея и недостатками. Только замѣтки очевидцевъ, набросанныя при томъ на свѣжую память, съ цѣлью сказать одну правду, безъ боязни задѣть родныхъ и пріятелей, одухотворяютъ формулярные списки, казенные некрологи, офиціальныя бумаги. А объ архіепископѣ Іеронимѣ, къ тому же, многое можно сообщить хорошаго, пожалуй, и поучительнаго...

Въ откровенной бесѣдѣ, нерѣдко даже съ мало знакомыми, случайными посѣтителями, не стыдился, напримѣръ, владыка разска-

зывать о своей бѣдной родинѣ, о своемъ болѣе чѣмъ скромномъ прошломъ, привести подробности изъ жизни собственныхъ своихъ дѣтей, недостатки которыхъ не скрывалъ.

Надо замѣтить, что покойный вообще любилъ дѣтвору всѣхъ возрастовъ, умѣлъ съ нею говорить, внушая къ себѣ какое-то особенное довѣріе. Неудивительно, что и дѣти, въ свою очередь, тянулись къ ласковому, добродушному, красивому «дѣдушкѣ», у котораго, на случай подобныхъ встрѣчъ, всегда были наготовѣ—и сердечное, понятное слово, и гостинцы, и просфора... Самъ Іеронимъ передавалъ мнѣ о томъ, что, задолго до перемѣщенія его на каѳедру въ Вильну, многіе родители приводили къ нему для религіозно-нравственныхъ собесѣдованій своихъ дѣтей, особенно готовящихся къ первой исповѣди.

Неустанно заботившійся о благолѣпіи храмовъ, щедро жертвовавшій на нужды церквей, часто, по пріѣздѣ въ Вильну, скорбѣлъ владыка, видя убогую обстановку большинства приходовъ бѣдной литовской епархіи. Помню, что при первыхъ же выѣздахъ на ревизію въ уѣзды задѣвали его, какъ свѣжаго человѣка, картины, къ которымъ мы, давно живущіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вполнѣ привыкли: высокіе, горделивые, каменные костелы и рядомъ съ ними—жалкія, вросшія въ землю, обветшалыя, деревянныя православныя церкви, точно терпимыя въ такомъ сосѣдствѣ только ради приличія; упитанный, вкрадчивый, съ приличными манерами, хорошо одѣтый ксендзъ, увѣренно ѣдущій въ гости къ сосѣду-помѣщику на сытыхъ, бойкихъ лошадкахъ, и—забитый, приниженный, одичавшій отъ прозябанія въ деревенской глуши, отъ нужды, иногда оборванный, неряшливо-одѣтый, мало развитой «батюшка». Не забуду, какъ больно, до слезъ, задѣлъ, оскорбилъ даже владыку однажды упрекъ, высказанный ему безтактнымъ великосвѣтскимъ визитеромъ, пріѣхавшимъ въ Вильну изъ центра Россіи, не знавшимъ исторіи того, при какихъ условіяхъ нарождалась, гибла и возрождена была на Литвѣ православная вѣра, который, обративъ лишь вниманіе на убогую внѣшность мѣстныхъ православныхъ храмовъ, поспѣшилъ подѣлиться съ владыкой своими впечатлѣніями...

Въ постоянной заботѣ о благолѣпіи церквей умѣлъ архіепископъ Іеронимъ находить и въ Вильнѣ, и внѣ ея благотворителей... Въ этомъ отношеніи кошелекъ его казался прямо неизсякаемымъ источникомъ субсидій.

Впрочемъ, не однѣ лишь нужды храмовъ привлекали къ себѣ вниманіе покойнаго, щедро откликался онъ и на горе ближняго. Съ бѣдняками, обращавшимися къ нему съ просьбами о пособіи, умѣлъ онъ быть кротокъ, доступенъ, особенно съ иновѣрцами, прямо очаровывая своимъ обращеніемъ.

Тѣмъ страннѣе казалась мнѣ въ этомъ человѣкѣ, сынѣ бѣднаго сельскаго священника (Тихона Экземплярскаго), одна мало-симпа-

тичная черта характера—подчасъ слишкомъ небрежное, грубое, свысока отношеніе къ тому же бѣдному подчиненному духовенству епархіи. Недаромъ избалованные предшествовавшими владыками «отцы» Вильны звали его «архіерей-баричъ».

Бывало сидишь у Іеронима въ гостиной, давно перейдя, по его почину, отъ дѣла, изъ-за котораго пришелъ на нѣсколько минутъ, къ продолжительной частной бесѣдѣ, а въ пріемной давно ждутъ, робко ходя изъ угла въ уголъ, не смѣя присѣсть, деревенскіе «батюшки». Напомнишь о нихъ деликатно владыкѣ, а тотъ—въ отвѣтъ: «Ничего! Ничего!.. Подождутъ... Посидите еще!» И мы продолжаемъ съ нимъ бесѣдовать.

Часто при мнѣ для свѣтскаго посѣтителя перебивалась очередь духовныхъ лицъ.

Непріятное впечатлѣніе производило и то, что въ критикѣ нравовъ сельскаго духовенства бывалъ архіепископъ Іеронимъ подчасъ неумолимо-строгъ и не всегда справедливъ. Кому изъ насъ не извѣстно, изъ какихъ условій слагается жизнь захолустнаго многосемейнаго священника! Хотѣлъ бы бросить въ иного «отца» камень осужденія, да какъ узнаешь всю горькую истину о прошломъ его, о настоящемъ, то языкъ не поворачивается...

Но архіепископъ Іеронимъ не любилъ вникать въ мѣлочи, далеко держалъ себя отъ быта подчиненныхъ. Для бѣднаго, деревенскаго «попа» не хватало у него частенько ласковаго, ободряющаго слова, привѣтливой улыбки, а кошелекъ оставался закрытымъ. Для ксендза же фанатика, заманившаго владыку въ свой костелъ, лились у него щедрыя рѣчи...

Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ поступалъ такъ Іеронимъ и въ цѣляхъ православной политики, для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на народъ. Этого и самъ онъ не скрывалъ...

Надо сознаться, что наблюденія владыки, которыми не стѣснялся онъ дѣлиться съ посѣтителями, относительно духовенства, нерѣдко отличались присущимъ ему юморомъ.

Такъ, интересенъ былъ разсказъ его изъ прошлаго, про одного «іерея» (владыка самъ такъ назвалъ въ насмѣшку «отца», подчеркивая умышленно слово «іерей»), который, будучи вдовъ, живя въ преступной связи съ женой своего псаломщика (или причетника—не помню), прижилъ съ нею незаконныхъ дѣтей, а по смерти мужа ея выдалъ свою любовницу за новаго псаломщика (или причетника), самъ совершивъ обрядъ бракосочетанія, и продолжалъ съ нею связь... Когда Іеронимъ разстроилъ, наконецъ, такой предосудительный союзъ, то «іерей» сдѣлалъ на него доносъ оберъ-прокурору св. синода, что̀ даже вызвало запросъ изъ Петербурга. Владыка потребовалъ тогда къ себѣ впервые для личныхъ объясненій доносчика и, къ изумленію своему, увидѣлъ, что тотъ—

старъ, едва передвигаетъ ноги, съ краснымъ носомъ и съ физіономіей въ угряхъ...

— Съ такой-то рожей да амурами заниматься!—шутилъ, закончивъ повѣствованіе свое, архіепископъ.

Будучи, въ общемъ, скупъ въ матеріальной поддержкѣ подчиненному духовенству, отличался Іеронимъ удивительной доступностью, щедростью въ сношеніяхъ со свѣтскими просителями, при чемъ не дѣлалъ тутъ разницы между православными, католиками, евреями. Также широко жертвовалъ онъ благотворительнымъ учрежденіямъ, обращавшимся къ нему за помощью.

Однажды заявилъ я ему о вопіющей нуждѣ польки, по рожденію принадлежавшей когда-то къ богатой, аристократической фамиліи. Дѣвушка дошла до того, что стала даже протягивать руку за милостыней, обращаясь почти исключительно къ русскимъ, такъ какъ, по словамъ ея, извѣрилась въ польское общество. Владыка, иногда, точно въ силу какого-то предчувствія, недовѣрчиво относившійся къ попрошайкамъ, которыхъ не зналъ, выразилъ сомнѣніе, не надуваетъ ли меня эта особа?

— Почему тянетъ ее къ намъ, русскимъ? Почему отшатнулись отъ нея свои, католики?—соображалъ онъ.

Я успокоилъ его, сославшись на разсказы о К. священника Никольской церкви Померанцева, хорошо ее знающаго, и, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что К., узнавъ про занятія этого священника французскимъ языкомъ, пишетъ ему съ нѣкоторыхъ поръ просительныя письма по-французски.

— Вотъ опять и французскій языкъ смущаетъ...—недовѣрчиво вслушивался Іеронимъ въ мои объясненія:—не проще ли было бы ей писать православному священнику по-русски?!...

И тутъ же, со словъ другихъ, передалъ онъ мнѣ про случай, когда предшественникъ его по литовской каѳедрѣ архіепископъ Донатъ, также положившійся на частную рекомендацію, долго выдавалъ пособіе другой виленской полькѣ, въ виду ея бѣдности, а въ концѣ концовъ случайно обнаружилось, что та.... содержитъ домъ терпимости. По пріѣздѣ въ Вильну Іеронима, и онъ получилъ отъ этой «дамы» просьбу о помощи, а когда отказалъ, то та подкараулила его у подъѣзда, въ моментъ, когда садился онъ въ карету, обругавъ его всенародно, что и вызвало вмѣшательство полиціи...

Понимая, въ виду приведеннаго примѣра, причину колебаній владыки, я принесъ ему удостовѣреніе знакомаго мнѣ врача о болѣзни К., послѣ чего Іеронимъ назначилъ моей бѣдной пособіе— по 3 рубля ежемѣсячно. Пенсія эта продолжалась довольно долго.

Вдругъ экстренно вызываетъ меня къ себѣ владыка. И, къ стыду моему, узнаю, что, по справкамъ, наведеннымъ у сосѣдей человѣкомъ архіепископа, который носилъ деньги К., та оказалась

обманщицею, ведущей предосудительную жизнь, а, слѣдовательно, я, хотя и невольно, да поставилъ владыку въ положеніе Доната, котораго такъ осуждалъ онъ за излишнюю довѣрчивость. Выдача пособія, конечно, прекратилась; я написалъ К. соотвѣтствующее письмо. Но долго еще Іеронимъ не могъ забыть мнѣ этого происшествія; я же сталъ воздерживаться безпокоить его просьбами о вспомоществованіяхъ...

Тѣмъ не менѣе, даже подобныя ошибки не озлобляли владыку: рука его не переставала попрежнему, до послѣднихъ дней пребыванія въ Вильнѣ, оказывать посильную помощь иновѣрцамъ.

Я нарочно долго остановился на эпизодѣ съ К.,—эпизодѣ, скорѣй анекдотическаго, чѣмъ серьезнаго характера, такъ какъ онъ прекрасно иллюстрируетъ главный недостатокъ натуры архіепископа Іеронима,—при всей природной недовѣрчивости, поддаваться чужому вліянію. Недаромъ же враги владыки распускали слухи, что будто бы къ сердцу его, равно какъ и къ его кошельку, можно было добраться ловкимъ людямъ безъ особаго труда, даже.... черезъ его слугу—келейника.

Нечего, поэтому, удивляться, что скоро послѣ пріѣзда въ Вильну Іеронимъ попалъ подъ опеку двухъ людей съ сильными, опредѣленными характерами—генерала-губернатора П. В. Оржевскаго и секретаря литовской духовной консисторіи Ф. К. Смирнова.

Рѣзче всего вліяніе генерала Оржевскаго на колеблющуюся, нерѣшительную личность владыки сказалось при разработкѣ вопроса о томъ, гдѣ поставить въ Вильнѣ памятникъ графу М. Н. Муравьеву.

Большинство русскихъ въ краѣ, особенно тѣ, кто сами пережили всѣ ужасы возстанія 1863 года, подавленнаго благодаря Муравьеву, стояли за то, что монументъ долженъ быть воздвигнутъ на самой людной площади—именно противъ православнаго каѳедральнаго собора и архіерейскаго дома, на Большой улицѣ. Но генералъ Оржевскій и виленскій губернаторъ баронъ Гревеницъ—оба ненавидѣли даже память о Муравьевѣ, осуждая, въ принципѣ, самую идею постановки памятника, а Оржевскій запретилъ приближеннымъ, во время дѣловыхъ докладовъ, ссылаться на «диктатора». Трудно было, поэтому, ожидать отъ этихъ двухъ вліятельныхъ лицъ, принимавшихъ, къ тому же, участіе въ трудахъ комиссіи по устройству и постановкѣ памятника, исполненія горячихъ желаній русскаго большинства.

По вопросу о мѣстѣ постановки монумента во дворцѣ генералъ-губернатора состоялось, наконецъ, историческое засѣданіе. Въ засѣданіи этомъ долженъ былъ принять участіе, въ качествѣ члена комиссіи, и Іеронимъ, голосъ котораго, какъ православнаго архіепископа, т. е. представителя духовенства, столь обязаннаго Муравьеву, имѣлъ бы огромное, а, пожалуй, и рѣшающее значеніе.

Зная, по опыту, уступчивость владыки, одинъ изъ видныхъ дѣятелей Вильны К. (самъ мнѣ потомъ передавшій все нижеизложенное), убѣждалъ его или уклониться отъ предстоящаго засѣданія подъ предлогомъ болѣзни и нахожденія на отдыхѣ въ отдаленномъ отъ города Тринополѣ, или, если ужъ ѣхать во дворецъ, то, въ случаѣ избранія мѣста для памятника у этого дворца (а, значитъ, и возлѣ сумасшедшаго дома Бонифраторовъ, — чему такъ радовались заранѣе поляки), остаться при особомъ мнѣніи. Владыка обѣщалъ сдѣлать все такъ, какъ ему совѣтовали, и поѣхалъ въ засѣданіе съ твердымъ намѣреніемъ—отстоять для монумента площадь у собора. Но вышло то, чего такъ опасался К.

Вотъ что самъ же Іеронимъ разсказывалъ затѣмъ сконфуженно своему совѣтчику, вернувшись изъ города въ Тринополь, и что тотъ, въ свою очередь, передалъ мнѣ, а я занесъ, по свѣжей памяти, въ дневникъ.

Когда засѣданіе открылось и когда генералъ Оржевскій указалъ авторитетно мѣсто для статуи Муравьева—площадку у дворца, какъ самую, по мнѣнію его, подходящую, то архіепископъ, вѣроятно, робко, неувѣренно, какъ это всегда съ нимъ бывало при столкновеніяхъ съ высшимъ начальствомъ, заявилъ, что «мѣсто это—глухое». Тогда Оржевскій подвелъ его къ окну и, указывая на скверъ, разбитый на площадкѣ противъ дворца, сталъ приводить доводы къ тому, что мѣсто совсѣмъ не глухое, а вполнѣ удобное—по разнымъ соображеніямъ—для памятника, между прочимъ и потому еще, что напротивъ генералъ-губернаторскій дворецъ: пусть, молъ, начальники края, глядя на монументъ и вспоминая прошлое, поучаются, какъ надо въ Вильнѣ служить родинѣ. Оржевскій, тонкій, опытный дипломатъ, конечно, хорошо зналъ, чѣмъ можно усыпить совѣсть владыки. Присутствовавшій при разговорѣ этомъ губернаторъ баронъ Гревеницъ поспѣшилъ сказать, что постановка памятника графу Муравьеву у собора вызоветъ необходимость наряда особаго городового, тогда какъ въ Вильнѣ силы полиціи у него, губернатора, и безъ того слабы. Въ томъ же духѣ велась съ Іеронимомъ и остальная бесѣда. Видя, что и Оржевскій и Гревеницъ (кстати замѣтить, ненавидѣвшіе другъ друга) противъ его проекта, владыка болѣе не сопротивлялся, промолчалъ, а затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми членами комиссіи, покорно подписалъ протоколъ—о постановкѣ памятника у дворца. Впрочемъ, какъ бы въ оправданіе своего малодушія, онъ говорилъ К., что, въ сущности, и «самъ хорошо не знаетъ, какъ все это случилось».

Подобная уступка, однако, камнемъ лежала на его совѣсти: онъ раздражался, когда впослѣдствіи при немъ рѣчь заходила о памятникѣ, о неудачномъ мѣстѣ, выбранномъ для постановки послѣдняго. А это бывало часто...

И ранѣе П. В. Оржевскій, человѣкъ умный, хитрый, проницательный, но черствый, рѣзкій и властолюбивый, на каждомъ шагу старавшійся подчеркнуть, что въ Вильнѣ онъ—«все», изучивъ характеръ архіепископа Іеронима, будучи съ нимъ наружно любезенъ, въ сущности относился къ нему нѣсколько свысока. Подъ конецъ же совмѣстной службы ихъ генералъ-губернаторъ сталъ явно пренебрегать ходатайствами и заявленіями владыки, попросту (какъ ходили слухи) бросая большинство изъ нихъ въ корзину и даже не всегда отвѣчая на письма. Недаромъ же Іеронимъ жаловался знакомымъ на то, что онъ болѣе никогда ни о чемъ не проситъ Оржевскаго, заранѣе зная, что тотъ—«вспыльчивъ, какъ порохъ»...

Пользуясь вліяніемъ своимъ на архіепископа, генералъ-губернаторъ по временамъ сталъ даже вмѣшиваться и въ дѣла, казалось бы, не входящія въ кругъ административнаго его вліянія.

Передавали, напримѣръ, что, когда угасалъ императоръ Александръ III, Оржевскій съ неудовольствіемъ согласился на особое архіерейское молебствіе въ соборѣ—объ исцѣленіи государя—лишь потому, что иниціатива этого богослуженія исходила отъ Іеронима. Присланнаго къ нему для переговоровъ по этому поводу владыкой священника генералъ принялъ крайне недружелюбно, почти грубо, допрашивая его, почему это понадобилось архіепископу какое-то особое моленіе?

— Развѣ не молятся за здравіе государя за обѣдней? — говорилъ раздраженно Оржевскій, добавивъ ядовито:—По такому вопросу, какъ вопросъ объ особомъ молебствіи, я, съ своей стороны, не рѣшился бы безпокоить владыку...

Когда государь скончался, вновь произошелъ расколъ между высшими свѣтской и духовной властями: заупокойныя службы совершались одновременно и въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дворца, и въ соборѣ.

Все это, разносясь изъ Вильны по краю, вмѣстѣ съ другими случаями пренебрежительнаго, даже въ офиціальной обстановкѣ, отношенія къ владыкѣ, роняло значеніе послѣдняго въ глазахъ населенія... Настало время, когда при Оржевскомъ на архіепископа Іеронима стали смотрѣть лишь какъ на источникъ подачекъ и благотворительныхъ доходовъ да на высшую духовную инстанцію, къ которой приходится обращаться по необходимости.

Только съ переходомъ генералъ-губернаторской власти въ руки Троцкаго поднялось снова и значеніе владыки, но не надолго, такъ какъ скоро состоялся переводъ архіепископа въ Варшаву.

Неосторожный на слово, въ частной бесѣдѣ не всегда умѣлъ скрыть Іеронимъ непріязненныя чувства свои къ генералу Оржевскому, что, конечно, доходило до послѣдняго окольными путями, часто въ извращенномъ видѣ. Зато всегда тепло отзывался архіе-

пископъ о супругѣ генералъ-губернатора Наталіи Ивановнѣ Оржевской, о добротѣ ея къ нему, отдавая полную дань доступности, природной обворожительности ея, состраданію къ ближнимъ, точно желая тѣмъ еще болѣе подчеркнуть несимпатичныя черты въ характерѣ ея мужа.

И чѣмъ высокомѣрнѣй, грубѣе былъ самъ Оржевскій съ робкимъ, запуганнымъ владыкою, тѣмъ любезнѣе, предупредительнѣй относилась къ послѣднему Наталья Ивановна. Говорю это со словъ самого архіепископа Іеронима.

Кстати будетъ замѣтить, несмотря на только что указанныя натянутыя отношенія съ высшей властью, несмотря на разныя непріятности по епархіи, владыка былъ доволенъ пребываніемъ своимъ въ Вильнѣ, говоря, что и здѣсь нашелъ онъ много истинно-русскихъ людей. По крайней мѣрѣ искренно радовался онъ, когда удалось ему отказаться отъ предложеннаго ему перевода въ Ригу.

Особенно полюбилъ владыка Тринополь, его тѣнистые сады, тринопольскую церковь, куда выходилъ изъ дома своего на хоры, не будучи замѣтнымъ для молящихся, во время богослуженій.

Помню, какъ однажды, посѣтивъ его лѣтомъ на этой дачѣ, вслушивался я въ доносившееся сюда громкое пѣніе католическихъ паломниковъ, кочевавшихъ въ расположенныхъ по сосѣднему лѣсу каплицахъ «Кальваріи». Пѣніе рѣзко напоминало о боевомъ положеніи, которое занимаетъ въ Вильнѣ православіе. А Іеронимъ былъ, какъ я уже отмѣтилъ, вообще слабый, уступчивый, робкій боецъ. Недаромъ такъ хвалили его ксендзы. И не всегда деревенскій батюшка, даже правый въ своихъ поступкахъ, находилъ у него поддержку въ столкновеніи съ сосѣдями—воинствующимъ ксендзомъ и паномъ-помѣщикомъ...

По прибытіи въ Вильну, самъ для себя незамѣтно, очутился Іеронимъ и подъ вліяніемъ секретаря консисторіи Смирнова, человѣка честнаго, нравственнаго, быть можетъ, даже добродѣтельнаго въ частной и семейной жизни, но по службѣ какъ бы застывшаго на буквѣ консисторскаго устава, циркуляровъ, казуиста въ сферѣ служебной своей дѣятельности, ревниво оберегавшаго исключительное положеніе многолѣтняго докладчика при литовскихъ владыкахъ.

Не разъ случалось мнѣ видѣть вмѣстѣ двухъ этихъ людей, представлявшихъ собою, и по наружности, и по внутреннему содержанію, полную противоположность. Но, въ сущности, плѣненіе Флегонтомъ Кузьмичемъ архіепископа Іеронима, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ характеромъ послѣдняго, было вполнѣ понятнымъ.

Пріѣхавъ въ Литву, по неопытности и незнакомству съ исторіей края, долго не могъ разобраться вновь назначенный владыка во многихъ запутанныхъ мѣстныхъ вопросахъ (въ чемъ и самъ

добродушно сознавался). Таковы, напримѣръ, вопросы о смѣшанныхъ бракахъ между православными и католиками, о постановкѣ крестовъ населеніемъ при дорогахъ, о тайной анти-православной пропагандѣ ксендзовъ, о положеніи въ краѣ православнаго духовенства, объ уніатахъ, о погребеніи православныхъ на католическихъ кладбищахъ и тому подобные. На все это первоначально смотрѣлъ Іеронимъ съ довольно либеральной точки зрѣнія, то есть терпимо, готовый, при случаѣ, на компромиссы, уступки. Но передъ нимъ сейчасъ же стала изъ прошлаго вѣковая борьба въ краѣ двухъ главныхъ религій, въ особенности же пребываніе здѣсь графа Муравьева, Іосифа Сѣмашки и другихъ русскихъ дѣятелей, глядѣвшихъ на тѣ же вопросы черезъ очки политики. Для того, чтобы не пойти во многомъ съ администраціей разными дорогами, пришлось познакомиться со старыми дѣлами, съ прежними указаніями высшей духовной и свѣтской власти, съ циркулярами, съ еще не отмѣненными секретными инструкціями. Вотъ тутъ-то и появился на помощь къ Іерониму, какъ совѣтчикъ, Смирновъ съ его основательнымъ знаніемъ не только консисторской премудрости, но и архивныхъ тайнъ недавняго прошлаго. Скоро ничто не могло дѣлаться въ епархіи, по церковнымъ и вѣроисповѣднымъ вопросамъ, безъ явнаго или негласнаго его вліянія. Незамѣтно, затѣмъ, это вліяніе перешло и на отношенія Іеронима къ подчиненному духовенству.

Страдательнымъ элементомъ, при подобномъ положеніи вещей, сдѣлались прежде всего деревенскіе «отцы», особенно тѣ изъ нихъ, которые не имѣли въ Вильнѣ заручки, а затѣмъ просители, по дѣламъ своимъ вынужденные обращаться къ архіепископу. Пойти непосредственно къ Іерониму въ извѣстныхъ вопросахъ, минуя г. Смирнова, значило почти навѣрное получить отказъ, а то нарваться и на непріятности. Это не стало, въ непродолжительномъ времени, ни для кого секретомъ, почему къ Смирнову забѣгали обыкновенно съ поклономъ ранѣе, чѣмъ къ владыкѣ.

Бесѣдуя, при случаѣ, съ получившимъ высшее духовное образованіе, развитымъ Флегонтомъ Кузьмичемъ, невольно изумлялся я той холодной разсудочности, тому туману чиновничьихъ увертокъ, справокъ, ссылокъ на консисторскій уставъ, съ которыми подчасъ подносилъ онъ архіепископу Іерониму рѣшеніе, повидимому, несложнаго вопроса, касавшагося тѣхъ или иныхъ личныхъ интересовъ просителя. Точно у этого пожилого, скромнаго по наружности, молчаливаго, набожнаго человѣка въ вицъ-мундирѣ, самого прошедшаго тяжелую лямку канцелярской волокиты, вмѣсто живого сердца, давно застывшаго въ груди, благодаря мертвящей практикѣ консисторской службы, лежалъ сухарь, поджаренный на лампадномъ маслѣ...

Бывало, какъ ни пытается, въ первое время дѣятельности своей въ Вильнѣ, высокопреосвященный Іеронимъ, съ увѣрен-

ностью власть имущаго, внести духъ милосердія, снисходительности, любви въ подлежащій разрѣшенію вопросъ, явится въ архіерейскихъ покояхъ своей безшумною, вкрадчивой походкою «правая рука» его—Смирновъ, крестясь попутно на иконы, заговоритъ тихо, вкрадчиво, не улыбаясь, пересыпая рѣчь подобострастными «какъ прикажете, владыко», «власть ваша», «ваша воля»,—откроетъ въ концѣ концовъ опытнымъ жестомъ заранѣе заложенныя бумажками страницы консисторскаго устава, подсунетъ циркуляръ, разъясненіе, подтвержденіе, и — смотришь — владыка, навѣрное вздыхая, украсилъ уже прошеніе резолюціей, отъ которой такъ и вѣетъ несвойственнымъ ему безсердечіемѣ формализма. Конечно, всякій, мало-мальски знакомый съ Іеронимомъ, узнавалъ тутъ стиль, духъ всесильнаго консисторскаго временщика. Но отъ этого не становилось легче.

Вначалѣ, пользуясь архіерейскимъ правомъ своимъ—вершить то, что не указано съ ясностью въ законѣ, пробовалъ было владыка дѣлать по-своему. Смирновъ не протестовалъ, покорно гнулъ спину и благоговѣйно лобызалъ архіерейскую руку. Но затѣмъ, какъ грибы послѣ дождя, на рѣшеніяхъ Іеронима стали расти недоразумѣнія. Владыка же, какъ я уже упомянулъ, боялся скандаловъ, столкновеній, неудовольствій свыше... И вотъ на выручку, для поправки путаницы, сталъ все чаще вызываться имъ Флегонтъ Кузьмичъ...

Хотя дѣла, при руководствѣ послѣдняго, наружно налаживались, хотя епархія при Іеронимѣ, по первому впечатлѣнію, представляла собой сравнительно сонное, спокойное болото, но, въ сущности, далеко не все въ ней было благополучно. Люди, близко стоявшіе къ духовенству, съ горечью увѣряли, что въ царствованіе Іеронима процвѣтаютъ, даже культивируются доносы, что въ доносахъ этихъ тайно поощряются въ Вильнѣ молодые, пронырливые священники, получающіе затѣмъ лучшія мѣста по епархіи; что въ дѣлахъ литовской духовной консисторіи—анархія, произволъ, такъ какъ владыка часто не читаетъ докладовъ, а, довѣрившись съ головой Смирнову, кладетъ, подъ диктовку его, странныя, не всегда справедливыя, резолюціи; что деревенское, нищее духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, безправно, принижено, не можетъ подчасъ добиться у архіерея личной аудіенціи только потому, что этого не желаетъ почему-либо Смирновъ. Вспыльчивый по натурѣ Іеронимъ, вдохновляемый послѣднимъ, все чаще покрикивалъ на тѣхъ изъ духовныхъ «отцовъ», которые успѣвали-таки къ нему дорваться съ жалобами—помимо временщика...

Впрочемъ, на себѣ самомъ испыталъ я и слабохарактерность архіепископа и значеніе секретаря его консисторіи, по двумъ случаямъ.

Въ имѣніи жены моей «Лабардзи» (Ковенской губерніи, Россіенскаго уѣзда), надъ склепомъ, въ которомъ покоится прахъ преж-

нихъ владѣльцевъ имѣнія, Пузыревскихъ, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія построена была небольшая деревянная церковь, которую освящалъ епископъ ковенскій Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій); при поѣздкахъ въ Лабардзи владыка этотъ служилъ панихиды о друзьяхъ своихъ, усопшихъ помѣщикахъ, и, какъ передавали мнѣ, даже плакалъ... Лабардзи перешли затѣмъ къ дѣду жены моей, извѣстному профессору виленскаго университета П. В. Кукольнику—цензору, историку, поэту, который, будучи человѣкомъ глубоко-религіознымъ, много позаботился объ украшеніи храма. Долго потомъ никто изъ владѣльцевъ не жилъ въ имѣньи; изъ года въ годъ оно отдавалось въ аренду и, понятно, разорялось. Впервые посѣтивъ Лабардзи, нашелъ я церковь развалившейся, а имущество ея, когда-то сложенное въ одной изъ комнатъ барскаго дома, самовольно взятымъ въ россіенскую церковь православнымъ духовенствомъ, подъ предлогомъ, что въ домѣ живетъ арендаторъ-католикъ. Скоро оказалось, что болѣе цѣнныя вещи украдены уже изъ россіенской церкви, въ которой даже не поминаютъ усопшихъ владѣльцевъ имѣнья. Какъ юриста, меня возмутило столь безцеремонное распоряженіе чужой собственностью, и я рѣшилъ добиться права—взять вещи изъ Россіенъ, передавъ ихъ, по усмотрѣнію собственниковъ, въ какую-либо бѣдную сельскую церковь. Имѣя же въ виду, что на 50 верстъ въ окрестностяхъ Лабардзей не живетъ почти никого изъ православныхъ, а на возобновленіе полуразрушеннаго храма нѣтъ матеріальныхъ средствъ, я поднялъ вопросъ о немедленномъ сносѣ церковныхъ развалинъ съ сохраненіемъ, однако, могильнаго каменнаго склепа.

Въ такомъ именно смыслѣ въ іюлѣ 1894 г. подалъ я лично соотвѣтствующее прошеніе архіепископу Іерониму.

Выслушавъ устныя мои дополнительныя объясненія и узнавъ, что я желаю находящейся въ Россіенахъ утварью лабардзевской церкви украсить бѣдную деревню, владыка встрѣтилъ ходатайство мое очень любезно, упрекнувъ меня даже за то, что съ подобнымъ предложеніемъ обращаюсь я къ нему столь поздно.

— Мы рады тѣмъ православнымъ, которые идутъ къ намъ,— возразилъ онъ:—и боимся, сторонимся тѣхъ изъ нихъ, кто идетъ отъ насъ... Вы же идете къ намъ!

Изъ предосторожности поспѣшилъ я предупредить его о томъ, что имѣлъ уже разговоръ по этому вопросу съ секретаремъ консисторіи Смирновымъ и что тотъ открыто возсталъ противъ моего намѣренія, сказавъ, что планъ мой никогда не осуществится.

— А вы не слушайте Смирнова!—немного краснѣя и, видимо, задѣтый за живое тѣмъ преувеличеннымъ значеніемъ, которое придаю я взглядамъ подчиненнаго ему секретаря, замѣтилъ въ отвѣтъ Іеронимъ:—Смирновъ—законникъ, придерживающійся буквы... Это мнѣ въ немъ даже нравится. Архіерей же можетъ рѣшать такъ

или иначе, принявъ во вниманіе мѣстныя условія: ему на то дана власть... А секретарь ничего самъ рѣшать не можетъ, не долженъ. Иначе Богъ вѣсть какія дѣла пошли бы твориться въ епархіи!..

Долго распространялся владыка на эту тему.

Затѣмъ пообѣщалъ онъ въ точности исполнить мою просьбу о церкви, о церковномъ имуществѣ, потребовавъ лишь предварительно кое-какія справки о прошломъ храма,—и я уѣхалъ успокоенный, хотя и былъ увѣренъ, что Ф. К. Смирновъ не проститъ мнѣ того, что послѣ спора съ нимъ и категорическаго его заявленія я позволилъ себѣ непосредственно обратиться къ владыкѣ. Въ то же время я былъ убѣжденъ, что дѣло еще болѣе обострится, когда по природной болтливости своей Іеронимъ выдастъ меня, передавъ секретарю, что я на него даже жаловался.

Такъ и случилось.

Черезъ нѣсколько времени ѣду къ Іерониму въ Тринополь, чтобы узнать объ окончательной резолюціи его по моему прошенію.

Вижу, выходитъ ко мнѣ владыка или въ смущеніи, или недовольный—сразу не разберешь,—принимаетъ сухо, сдержанно; густыя брови его сурово сдвинуты; какъ бы избѣгаетъ глядѣть прямо въ глаза; нервничаетъ... Въ рукахъ книга—уставъ духовной консисторіи, хорошо мнѣ знакомая по внѣшности: не разъ видѣлъ я ее на столѣ кабинета Смирнова; въ книгѣ заложены бумажками нѣкоторыя страницы.

Послѣ обычныхъ привѣтствій владыка начинаетъ первый:

— Вотъ, видите ли, полковникъ... Къ сожалѣнію... по закону вы не въ правѣ распоряжаться имуществомъ лабардзевской церкви... Согласно консисторскаго устава...

— Да вѣдь сами же вы, владыко, не такъ давно высказались уже по тому же вопросу въ опредѣленномъ смыслѣ!—вырывается у меня довольно рѣзкое восклицаніе.

— Я одумался... Вижу, что не въ правѣ... И уставъ гласитъ иное...

Іеронимъ раскрываетъ книгу и вслухъ читаетъ мнѣ какую-то туманную статью, которую можно понимать какъ угодно. Пробую, съ краснорѣчіемъ и убѣдительностью юриста, опровергнуть произвольное толкованіе имъ статьи (т. е. скорѣе Смирновымъ, несомнѣнно, подсунувшимъ архіепископу уставъ); но владыка нерѣшительно мнется, въ видѣ отступленія говоритъ, что, «впрочемъ, не видѣлъ еще доклада консисторіи», не клалъ окончательной резолюціи на моемъ прошеніи, что онъ подумаетъ, сообразитъ, взвѣситъ всѣ «за» и «противъ», приметъ, конечно, во вниманіе и мои доводы, дастъ отвѣтъ...

Было ясно, что дѣло мое прогораетъ. Приходилось перенести борьбу на иную почву...

— Не будете ли вы, ваше высокопреосвященство, на меня въ претензіи,—спрашиваю осторожно:—если впослѣдствіи обжалую я вашъ отказъ?

— О, нисколько, нисколько! Жалуйтесь себѣ...

При послѣднихъ словахъ Іеронимъ еще болѣе жмется, краснѣетъ. Вижу, обидѣлъ, встревожилъ его мой вопросъ. Сейчасъ же переводитъ онъ разговоръ на другую тему, довольно долго удерживаетъ меня у себя и благосклонно, послѣ угощенія чаемъ съ просфорою, отпускаетъ. Окончу повѣствованіе тѣмъ, что мнѣ такъ и не удалось отстоять права распоряжаться имуществомъ лабардзевской церкви, но снести самую церковь, за ветхостью ея, разрѣшили.

Отъ бывшаго храма, между тѣмъ, остался большой чугунный крестъ, вѣнчавшій куполъ его. Возникъ вопросъ, что съ нимъ дѣлать?

Ѣду снова къ Іерониму, прошу позволенія укрѣпить крестъ надъ навѣсомъ, который я сдѣлалъ временно для прикрытія склепа, а въ самомъ склепѣ—помѣстить икону, давъ мнѣ на все это письменное разрѣшеніе.

Долго колебался владыка, высказывая опасенія, какъ бы, при такой обстановкѣ, могила не превратилась въ часовню. Послѣ долгихъ разсужденій, на словахъ, разрѣшено было мнѣ все устроить по желанію, но категорически отказано выдать на это офиціальный документъ.

— Тогда,—прошу владыку,—дайте мнѣ хотя бы частную, за вашей подписью, разрѣшительную записку!.. Надо же мнѣ имѣть какое-либо доказательство... Пожалуй, придерется задѣтое россіенское духовенство...

Но и на это владыка не согласился, видимо, опасаясь снова впасть въ противорѣчіе съ консисторскимъ уставомъ, или, вѣрнѣе сказать, со Смирновымъ, котораго при бесѣдѣ нашей не было.

Исторія съ лабардзевской церковью сдѣлала для меня изъ Флегонта Кузьмича злѣйшаго врага, что я еще разъ испыталъ на себѣ, хотя въ болѣе рѣзкой формѣ...

Если я привожу подобные, въ сущности сами по себѣ незначительные факты, то главнымъ образомъ потому, что они иллюстрируютъ ярко какъ характеръ Іеронима, такъ и ненормальную служебную обстановку, которая окружала его въ Вильнѣ.

Въ 1895 году посѣтилъ я, тоже впервые, другое имѣнье жены, находящееся въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губерніи — «Богданово». Въ сосѣдней съ имѣньемъ церкви села Верхняго покоится прахъ предковъ жены, помѣщиковъ Снитко, уніатовъ, много лѣтъ тому назадъ бывшихъ ктиторами храма. По слухамъ, я зналъ уже, что надъ могилой Снитко, въ самой церкви, должно стоять старинное, художественной работы, надгробіе съ польской надписью

и фамильнымъ гербомъ. Каково же было мое изумленіе, когда, при осмотрѣ церкви, надгробіе это оказалось перенесеннымъ далеко съ мѣста, на которомъ стояло полстолѣтія, изъ него сдѣланъ свѣчной ящикъ, надпись заклеена бумагой; ограду же, съ трехъ сторонъ окружавшую надгробіе, выбросили, и она попала къ мѣстному жиду-шинкарю, украсивъ его стойку. Тутъ же, въ храмѣ, сопровождавшіе меня мужички села Верхняго разсказали, что могилу разорилъ мѣстный батюшка С., что затѣмъ въ хату шинкаря ударила молнія, ее спалившая, какъ увѣряли разсказчики, «отъ Бога» — за поруганіе могилы Снитко, добрая память о которыхъ еще жила въ народѣ.

Не посѣтивъ дерзкаго священника, возмущенный подобнымъ произволомъ, по возвращеніи въ Вильну написалъ я архіепископу Іерониму, пока еще въ сдержанномъ тонѣ, письмо, прося возстановить надгробное сооруженіе въ прежнемъ его видѣ, т. е. разрѣшить мнѣ смыть съ польской надписи бумагу, а самый ящикъ поставить къ тому мѣсту стѣны, гдѣ лежитъ прахъ Снитко.

Письмо мое, для справокъ, конечно, попало въ руки Смирнова и, по его иниціативѣ, консисторія сдѣлала запросъ священнику села Верхняго С. — черезъ глубокскаго благочиннаго. Сельскій «отецъ», изобличенный въ столь неблаговидномъ поступкѣ, имѣвшій «руку» въ Вильнѣ, прислалъ въ консисторію огромный доносъ, въ которомъ лживо, грязно очертилъ отношенія къ верхнянскому храму родныхъ моей жены, выставивъ ихъ чуть ли не грабителями. Въ доносѣ имѣлись гадкія вылазки и по моему адресу. Смыслъ доноса былъ тотъ, что если могила Снитко и разорена, то бѣда въ томъ не велика, такъ какъ ни покойники, ни ихъ наслѣдники, какъ жертвователи храма, не стоятъ вниманія. Безъ сомнѣнія, писавшій разсчитывалъ на тайну. Онъ, конечно, не предвидѣлъ того, что произведеніе это въ точной копіи немедленно же очутится у меня въ рукахъ—при помощи доброжелателя, служившаго въ консисторіи и ненавидѣвшаго Смирнова, который устроилъ всю эту непріятную для меня исторію.

Доносъ свой священникъ С. ловко закончилъ соображеніемъ, почему бы мнѣ, русскому человѣку и офицеру, вмѣсто стараго надгробія съ польской надписью не поставить металлическую доску, снабдивъ ее надписью на русскомъ языкѣ?..

Умышленно скрывъ отъ архіепископа Іеронима ту часть бумаги священника, въ которой заключался доносъ, не подозрѣвая про имѣющуюся у меня копію, Смирновъ—для доклада владыкѣ—поднесъ лишь заключительное соображеніе доносчика. Іеронимъ же, по обыкновенію своему, довѣрившійся докладчику и не давшій себѣ труда просмотрѣть лично всю переписку, положилъ на докладѣ консисторіи слѣдующую резолюцію:

«Сообщивъ полковнику Жиркевичу мнѣніе священника С. и глубокскаго благочиннаго, просить его, не найдетъ ли онъ возможнымъ согласиться съ означеннымъ мнѣніемъ, чѣмъ оказана была бы, съ его стороны, и несомнѣнная услуга благолѣпію верхнянской церкви».

Резолюцію эту, какъ предупредилъ меня тотъ же доброжелатель, держали пока почему-то отъ меня въ секретѣ.

Не выдавая, конечно, источника, изъ котораго получилъ я справки, пользуясь тѣмъ, что у меня снова установились съ архіереемъ добрыя отношенія, отправился я къ нему 10 февраля 1896 г. за объясненіями.

Владыка принялъ меня, однако, сдержанно, былъ какъ бы на сторожѣ, а когда, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ съ его стороны, спросилъ я его (притворившись, будто бы ничего не знаю), исполнена ли просьба моя относительно возстановленія разоренной могилы Снитко, то Іеронимъ сталъ что-то припоминать и, видя, наконецъ, что отступленія нѣтъ, заявилъ, что мнѣ въ просьбѣ моей отказано.

Между нами затѣмъ произошелъ разговоръ, который воспроизвожу по дневнику и по памяти.

— Почему же отказано?—спросилъ я возможно спокойнѣе.

— Какъ почему?!—вспыхнулъ Іеронимъ:—развѣ обязанъ я давать отчетъ, почему сдѣлалъ такъ, а не иначе?!

Тутъ вспыхнулъ и я, быстро поднимаясь съ кресла, на которомъ сидѣлъ, и заявилъ:

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается лишь откланяться вашему высокопреосвященству... Я не думалъ, что здѣсь, въ моемъ дѣлѣ, какая-то тайна, что мой вопросъ можетъ показаться неумѣстнымъ!..

Слова мои, произнесенныя рѣзко и рѣшительно, произвели-таки на владыку должное впечатлѣніе: онъ усадилъ меня почти насильно, прося успокоиться и сказавъ, что самъ хорошо всего изъ дѣла моего не помнитъ, но что будто бы ему кто-то говорилъ о просьбѣ моей въ смыслѣ необходимости отказать...

— Вѣроятно, секретарь вашей консисторіи Смирновъ?.. — подсказалъ я:—знаю, что въ лицѣ его имѣю злого врага...

Архіепископъ, какъ умѣлъ, сталъ и на этотъ разъ выгораживать своего тайнаго вдохновителя, увѣряя, что тотъ не имѣетъ никакого вліянія на результаты консисторскихъ докладовъ.

Но такъ какъ Іеронимъ вообще не умѣлъ гладко лгать, почему всякая неправда, увертка выходили у него шитыми бѣлыми нитками, то я и тутъ видѣлъ, что онъ скрываетъ отъ меня правду. Тѣмъ не менѣе, оба успокоившись, разстались мы довольно дружелюбно.

Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ только что описаннаго свиданія, вызванъ былъ я офиціально въ консисторію, гдѣ Смир-

новъ, дѣлая видъ, что ему ничего неизвѣстно о визитѣ моемъ къ архіепископу, но и не въ силахъ будучи скрыть торжества своего, предложилъ мнѣ расписаться въ прочтеніи журнала консисторіи, куда цѣликомъ вошла выше приведенная резолюція владыки со ссылкой на мнѣніе отца С. Такимъ образомъ, мнѣ устраивалась ловушка — офиціальной подпискою согласиться съ доносомъ на родственниковъ моей жены!..

Надо замѣтить, что къ тому времени были уже у меня въ рукахъ документы, вполнѣ опровергавшіе клевету священника и удостовѣрявшіе, какъ много дѣлала фамилія Снитко для верхнянскаго храма. Вотъ почему рѣшилъ я на этотъ разъ дать хорошій урокъ и отцу С., и Смирнову, и консисторіи, да и самому архіепископу, кладущему резолюціи, безъ провѣрки того, что подносится ему для подписи...

Поступокъ владыки относительно разоренной могилы тѣмъ болѣе возмутилъ меня, обидѣлъ, что ранѣе лично мнѣ самъ же Іеронимъ высказывался въ томъ смыслѣ, что не одобряетъ даже просто небрежнаго отношенія къ иновѣрческимъ могиламъ, нашедшимъ себѣ пріютъ въ православныхъ храмахъ, передѣланныхъ изъ костеловъ и уніатскихъ церквей. Не онъ ли, какъ бы въ подтвержденіе словъ своихъ, разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ подтянутъ былъ имъ сельскій батюшка, который вздумалъ не пускать въ склепъ церкви, передѣланной изъ костела, потомковъ похороненнаго тамъ католика?. И вдругъ такой крутой переворотъ во взглядахъ!.. Вмѣсто того, чтобы уничтожить беззаконіе и однимъ росчеркомъ пера исполнить просьбу мою, владыка позволяетъ безнаказанно наносить мнѣ оскорбленія!.. Вопросъ шелъ теперь для меня уже не только о разрушенной могилѣ, но и о поруганной правдѣ... Оставалось бороться до конца.

При письмѣ отъ 1 іюня 1896 г. (сохранившемся у меня въ черновикѣ), препровождая архіепископу Іерониму, для свѣдѣнія, въ точной копіи скрытый отъ него консисторіей доносъ священника С. и доказательства, это произведеніе опровергающія, очертивъ съ нравственной стороны всю неблаговидность поступка «батюшки», я въ самой рѣзкой формѣ выражалъ изумленіе тому, что низшее духовенство позволяетъ себѣ безнаказанно представлять въ консисторію подобную сомнительную литературу, что консисторія даетъ ей ходъ, а затѣмъ въ умышленно-извращенномъ видѣ подноситъ ее ему, владыкѣ, для резолюцій. Далѣе, сообщалъ я, что нога моя, конечно, не будетъ никогда въ верхнянской церкви, пока тамъ распоряжается доносчикъ, пока могила Снитко стоитъ въ обезображенномъ видѣ; что болѣе, чѣмъ когда-либо, настаиваю я именно теперь, получивъ подобное незаслуженное оскорбленіе, на томъ, чтобы возстановлена была вполнѣ прежняя, т. е. польская надпись; что прежде я просилъ, а въ настоящую минуту уже требую, какъ справедливости...

«Мало уцѣлѣло бы въ Западной Россіи древнихъ памятниковъ—писалъ я, между прочимъ, Іерониму:—если бы сельскому духовенству, часто совершенно несвѣдущему въ вопросахъ археологіи и искусства, предоставлено было право безнаказанно разрушать, по примѣру настоятеля верхнянской церкви, памятники старины... И я помню, какъ вы, владыко, говорили мнѣ, что не поощряете подобнаго вандализма, преслѣдуете его».

Подъ впечатлѣніемъ минуты, еще ранѣе, чѣмъ обратиться съ такимъ вызывающимъ письмомъ къ архіепископу, написалъ я пріятелю моему, поэту Я. П. Полонскому, прося его обратить вниманіе оберъ-прокурора св. синода Побѣдоносцева на произволъ въ данномъ случаѣ духовенства литовской епархіи.

Часть письма Якова Петровича, составляющая отвѣтъ на просьбу мою, настолько интересна, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ее въ настоящей замѣткѣ цѣликомъ. Вотъ она:

«Глубокоуважаемый и дорогой Александръ Владимировичъ!—писалъ мнѣ маститый писатель.—Вы зовете меня на борьбу во имя правды, религіозной свободы и человѣчности. Но все, что вы пишете—увы!—доказываетъ только одно, что наше православіе, до сихъ поръ совершенно чуждое политикѣ, выступило на борьбу съ чисто-политическими цѣлями... Это явленіе новое... Но что же именно вызвало это возмутительное явленіе?—Католицизмъ, иначе сказать, политика, облеченная въ религіозныя, якобы христіанскія, формы и догмы... Ясно, что мы дѣлаемся учениками Запада, учениками католическихъ государствъ, и даже протестантскихъ. Мы вѣдь видимъ, что дѣлается, напримѣръ, въ Венгріи, какъ систематически и безжалостно преслѣдуютъ тамъ славянъ, наклонныхъ къ православію: у хорватовъ похищаются дѣти и передаются на воспитаніе въ мадьярскія семьи съ тѣмъ, чтобы они забыли родной языкъ и во что бы то ни стало сдѣлались мадьярами. Древнія названія славянскихъ селъ и городковъ переиначиваются и превращаются въ мадьярскія. Въ Босніи и Герцеговинѣ удаляются всѣ болѣе или менѣе вліятельные православные священники. Іезуиты всюду играютъ первенствующую роль. Да всего и не перечислить,—всего того, что творятъ наши наставники, наставляющіе насъ, какъ намъ поступать съ тѣми, которые зовутъ насъ не иначе, какъ схизматиками. Да и хорошо ли живется русскимъ въ Вильнѣ? Развѣ жиды и поляки не стараются ихъ вытѣснить? Нечего намъ церемониться съ тѣми, кто съ нами ничуть не церемонится!... Вотъ, я полагаю, что думаютъ всѣ тѣ, на которыхъ вы жалуетесь. Я, по духу своему, всеконечно, не могу быть солидаренъ съ такого рода борцами. Да и вы, подобно мнѣ, не можете сочувствовать неправдѣ, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась. Я только теперь понялъ, отчего все это происходитъ. И, понявши всю суть такой недостойной поли-

тики, чувствую, что я тутъ безсиленъ. Не знаю, на какой точкѣ зрѣнія стоитъ г-нъ Побѣдоносцевъ и даже не знаю, какія будутъ послѣдствія вашей справедливой жалобы... Дадутъ ли выговоръ священнику села Верхняго, или наградятъ его—словомъ, самъ ли по себѣ дѣйствуетъ вашъ архіепископъ, или по внушенію изъ Петербурга. Я тутъ ровно ничего не буду въ силахъ сдѣлать. Никуда не выѣзжая, я вижусь съ К. П. Побѣдоносцевымъ только тогда, когда онъ ко мнѣ заходитъ, т. е. раза два въ годъ, не больше. Тутъ нѣтъ возможности вполнѣ раскусить его или проникнуть въ тайники души его. Одно я слышалъ, что онъ усталъ, мало занимается дѣлами и довѣряется другимъ, болѣе молодымъ и дѣятельнымъ сослуживцамъ по синоду. Предчувствую, что письмо мое васъ не удовлетворяетъ и не утѣшаетъ—это меня самого не удовлетворяетъ и не утѣшаетъ. Пишите Константину Петровичу сами отъ себя. Онъ письмо ваше передастъ на обсужденіе другихъ и выслушаетъ ихъ мнѣніе. Моего же мнѣнія онъ и выслушать не захочетъ. Эхъ!—скажутъ—ввязывается не въ свое дѣло, ничего не знаетъ самъ, и только повторяетъ, что скажутъ другіе!..»

Получивъ такой уклончивый, странный отвѣтъ, я убѣдился, что на поддержку изъ Петербурга разсчитывать нечего. Къ тому же я одумался настолько, что считалъ неудобнымъ прибѣгать далѣе въ столь правомъ дѣлѣ къ протекціямъ. Приходилось продолжать борьбу на свой рискъ, собственными средствами... Я и написалъ архіепископу Іерониму вышеприведенный ультиматумъ...

11 іюня отъ личнаго секретаря владыки получилъ я занумерованную записку, въ которой тотъ увѣдомлялъ, что архіепископъ Іеронимъ приглашаетъ меня «пожаловать» къ нему въ Триноколь 13-го или 14-го въ промежутокъ времени отъ 11 ч. утра до часу пополудни, «для бесѣды по содержанію» послѣдняго моего письма.

«Ѣхать или отвѣтить молчаніемъ?—думалось мнѣ.—Долженъ же дать отвѣтъ на бумагѣ архіепископъ!.. Но что можетъ онъ возразить противъ вопіющихъ фактовъ?..»

И я рѣшился ѣхать, надѣлъ мундиръ и 13 іюня, въ указанный промежутокъ времени, былъ уже въ Тринополѣ. Въ пріемной владыки, по обыкновенію, ожидали очереди много представлявшихся, и городскихъ, и сельскихъ «батюшекъ». Наконецъ, ко всѣмъ намъ вышелъ архіепископъ Іеронимъ, хотя ему доложено было о моемъ прибытіи и ранѣе въ такихъ случаяхъ меня принимали особо, въ кабинетѣ или гостиной, при томъ всегда внѣ очереди. Это уже указывало на враждебное ко мнѣ настроеніе хозяина. Не обращая вниманія на остальныхъ присутствующихъ, отвѣсившихъ ему, какъ по командѣ, поясной поклонъ, сурово сдвинувъ брови и поджавъ губы, владыка двинулся прямо на меня и, не подходя близко, выжидательно, молча противъ меня остановился.

Видя столь нелюбезный пріемъ, я изъ осторожности и для того, чтобы не уронить достоинства, остался на мѣстѣ, не подойдя къ нему подъ обычное благословеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ минуты гнѣва, вообще при надобности, Іеронимъ умѣлъ придать лицу своему внушительное выраженіе. И на этотъ разъ видъ у него дѣйствительно былъ грозный.

— Вы требовали меня, владыко?—началъ я первый, видя, что архіепископъ умышленно молчитъ:—вы хотѣли со мной объясниться...

— Я васъ, полковникъ, не требовалъ, а просилъ къ себѣ,— послѣдовалъ холодный отвѣтъ, съ подчеркиваніемъ слова «просилъ».

— Извините, ваше в—во!.. Черезъ секретаря своего указали вы мнѣ даже время и мѣсто, куда я долженъ къ вамъ явиться... А такъ какъ разница въ общественномъ положеніи, въ возрастѣ между нами большая, то я счелъ долгомъ своимъ явиться... Что прикажете?!

Должно быть, Іеронимъ, въ виду моего спокойствія, почувствовалъ себя не совсѣмъ пріятно, тѣмъ болѣе, что на меня съ нимъ уставились, въ ожиданіи скандала, прислушиваясь, «батюшки». Онъ сбавилъ тону, заговорилъ въ общихъ фразахъ—о моемъ письмѣ, попробовалъ затѣмъ принять шутливый тонъ и даже назвалъ меня полунасмѣшливо «горячимъ полковникомъ».

— Ваше письмо ко мнѣ такое горячее,—пояснилъ онъ сейчасъ же:—что я далъ ему полежать въ столѣ, чтобы оно остыло. Думаю себѣ... пусть остынетъ и мой горячій полковникъ...

На это я, попрежнему со сдержанностью, отвѣтилъ, что письмо мое, конечно, могло и остыть въ его бумагахъ, но самъ-то я, «полковникъ», не остылъ, такъ какъ считаю себя не только правымъ, но и несправедливо оскорбленнымъ.

Тутъ владыка протянулъ мнѣ милостиво руку, которую я и поцѣловалъ, пригласивъ меня молчаливымъ жестомъ за собою въ комнаты. По обыкновенію, «отцы», задолго до меня съѣхавшіеся въ Тринополь, такъ и остались ждать конца нашей послѣдовавшей затѣмъ бурной бесѣды.

— Я не привыкъ получать подобныя письма! — началъ Іеронимъ, кипятясь и краснѣя, едва закрылась за нами дверь и мы, безъ свидѣтелей, усѣлись другъ противъ друга.—Вы, очевидно, забыли, къ кому пишете!..

— Нисколько!.. Но и вы, владыко, забыли, съ чѣмъ, черезъ консисторію, т. е. при свидѣтеляхъ, предложили мнѣ согласиться!.. Наконецъ, у меня, какъ у военно-служащаго, есть начальство. Вы можете пожаловаться... Безъ сомнѣнія, заявленію вашему придадутъ вѣсъ...

— Я никому не могу показать подобнаго письма!—воскликнулъ онъ чуть не съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Почему же?!..

— Да оно полно дерзостей! Вы, къ тому же, браните мою консисторію, а, значитъ, и меня!.. Что мнѣ дѣлать съ такимъ документомъ?!...

— Дайте ходъ ему, т. е. уважьте мою законную просьбу о возстановленіи надгробія съ польской надписью!..

— При чемъ тутъ польская надпись?!

И Іеронимъ сталъ убѣждать меня снова (я такъ и слышалъ за его рѣчью слова подсказывавшаго, хотя и отсутствовавшаго, Смирнова), что никто не мѣшаетъ мнѣ сдѣлать хоть мраморную доску съ русской надписью, повѣсить икону надъ мѣстомъ, гдѣ покоится прахъ родственниковъ моихъ, зажечь передъ иконой лампаду и т. п.

— Такъ что вы, владыко, еще разъ повторяете, въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, рецептъ священника С?!. Пусть же все это и дѣлаютъ на свой счетъ разорившіе могилу, а не я!.

— Но почему такъ стоите вы именно за польскую надпись?—снова загорячился Іеронимъ, видя, что я не иду на компромиссы, сдѣлавъ удареніе на словѣ «польская».

— Я стою, владыко, не за польскій языкъ, а за возстановленіе того, что уже десятки лѣтъ существовало ранѣе... Духовенство, по закону, не смѣетъ уничтожить польскія надписи, сохранившіяся въ церквахъ, разорять могилы. Такія же надписи видѣлъ я въ Троицкомъ монастырѣ... Однако, ихъ тамъ никто не трогаетъ...

Затѣмъ бесѣда наша, принявшая окончательно мирный характеръ, перешла на личность священника С. Владыка, по словамъ его, вызывалъ уже къ себѣ для объясненій этого «батюшку», и тотъ произвелъ на него дурное впечатлѣніе. Онъ готовъ бы былъ, въ угоду мнѣ, убрать изъ Верхняго безтактнаго священника въ другой приходъ; но всякій переводъ изъ подобнаго, мало доходнаго, села будетъ для С. только повышеніемъ. Хотѣлъ бы онъ, владыка, взыскать съ виновнаго и за ложное представленіе фактовъ, за дерзость...

Я поспѣшилъ замѣтить, что судьба верхнянскаго батюшки для меня безразлична, но что посѣщать церковь села Верхняго, пока тамъ обезображена могила и настоятельствуетъ С., ни я, ни мои родственники, конечно, не будемъ по понятнымъ побужденіямъ.

И снова коснулся я секретаря консисторіи Смирнова, котораго, какъ всегда, энергично сталъ защищать архіепископъ, увѣряя, что я отношусь къ этому чиновнику съ предвзятой мыслью.

Въ концѣ концовъ Іерониму ничего болѣе не оставалось, какъ пообѣщать мнѣ исполнить мои желанія, отмѣнивъ опредѣленіе консисторіи и давъ въ ближайшемъ будущемъ категорическій отвѣтъ. Тутъ же просилъ онъ у меня позволенія уничтожить мое

«горячее посланіе». Я замѣтилъ, что предоставляю ему дѣлать съ письмомъ моимъ что угодно, если просьба моя будетъ удовлетворена, что тогда я даже готовъ извиниться за самое содержаніе письма.

Неоднократно, во время собесѣдованія, звалъ меня владыка, въ шутку, «горячимъ полковникомъ», а на прощанье нѣсколько разъ цѣловалъ и благословлялъ, проводивъ при духовенствѣ черезъ всю пріемную до двери.

Но я зналъ, что Смирновъ, затѣявшій скандалъ и, безъ сомнѣнія, уже имѣвшій съ Іеронимомъ довольно непріятныя объясненія, не сойдетъ такъ скоро съ позиціи, а владыка будетъ еще долго колебаться и искать болѣе почетнаго, удачнаго выхода изъ неловкаго положенія, въ которое попалъ такъ неосторожно...

Дѣйствительно, 16 іюня пришелъ ко мнѣ въ городъ изъ Тринополя секретарь архіепископа и сказалъ, что его прислалъ послѣдній съ просьбою, чтобы я подалъ его высокопреосвященству новое прошеніе о возобновленіи въ прежнемъ видѣ могилы, потому что владыка до сихъ поръ не знаетъ, какъ поступить съ письмомъ моимъ, которое, въ виду формы его и содержанія, стѣсняется, даже прямо не можетъ, передать въ консисторію.

Я написалъ коротенькое официіальное прошеніе.

Скоро опять появился тотъ же секретарь съ требованіемъ архіепископа приписать къ прошенію жалобу на священника С. за ложный доносъ.

Въ энергичной формѣ я отказался это сдѣлать, попросивъ секретаря не безпокоить болѣе меня по поводу могилы.

Господинъ этотъ, между прочимъ, при объясненіяхъ со мною сообщилъ, что владыка очень удрученъ происшедшимъ недоразумѣніемъ, намѣренъ сдѣлать строгій выговоръ отцу С., а письмо мое рѣшилъ, не передавая въ консисторію, хранить пока у себя, въ частномъ своемъ архивѣ.

— Это все меня не касается,—отвѣтилъ я.

Чувствовалось, что пробуютъ еще почву, ожидая, не пойду ли я на уступки...

Твердость моя, однако, возымѣла-таки свое дѣйствіе: скоро вызвали меня снова въ консисторію, гдѣ уже не самъ Флегонтъ Кузьмичъ, а одинъ изъ чиновниковъ предложилъ мнѣ расписаться въ прочтеніи новаго журнальнаго опредѣленія консисторіи, которымъ отмѣнялось первое, оскорбительное для меня, опредѣленіе— и разрѣшалось возстановить надгробіе Снитко въ прежнемъ его видѣ, т. е. съ надписью на польскомъ языкѣ, что я и сдѣлалъ въ непродолжительномъ времени.

Для характеристики среды, съ которой долженъ былъ имѣть дѣло архіепископъ Іеронимъ въ литовской епархіи, небезполезно будетъ замѣтить, что верхнянскій настоятель, какъ ни въ чемъ

не бывало, прислалъ мнѣ затѣмъ льстивое письмо, предлагая услуги свои по возстановленію могилы, на что, разумѣется, я ему не отвѣтилъ. Секретарь же Смирновъ, какъ и ранѣе всегда наблюдалось въ частныхъ нашихъ отношеніяхъ, продолжалъ любезно мнѣ улыбаться, жать руку, а когда перевели изъ Вильны Іеронима, то даже искалъ случая, чтобы поговорить со мною на темы о злобахъ дня. Правда, и роль его при новомъ архіереѣ потеряла прежнее значеніе...

Со времени только что описаннаго столкновенія моего съ архіепископомъ Іеронимомъ сталъ я какъ бы ближе къ послѣднему, а онъ, въ глаза и за глаза, звалъ меня въ шутку «горячимъ полковникомъ».

Этой же кличкою, которую по отношенію ко мнѣ не разъ лично слышалъ онъ отъ владыки въ разговорахъ,—«горячему полковнику» — извѣстный дѣятель Сѣверо-Западнаго края Ю. Ѳ. Крачковскій подписалъ подаренную мнѣ на память свою фотографію.

Теперь ни Крачковскаго, ни архіепископа Іеронима, ни другихъ лицъ, перечисленныхъ въ этихъ замѣткахъ, давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Живо въ душѣ моей лишь воспоминаніе о прошедшемъ. Да въ литовской консисторіи лежатъ еще кое-какіе документы...

Любили ли архіепископа Іеронима въ Вильнѣ среди православныхъ?

Отвѣчу на этотъ вопросъ: и «да», и «нѣтъ»...

Огромное большинство православнаго духовенства, испытывавшее на себѣ перемѣнчивость настроеній владыки, его нерѣшительность, нервность, способность легко поддаваться чужому, иногда дурному, вліянію, бранило его, а нѣкоторые «отцы» даже клеветали на него, особенно когда уѣхалъ онъ въ Варшаву. Побранивали Іеронима зачастую и въ свѣтской средѣ, главнымъ образомъ во времена генералъ-губернатора Оржевскаго, когда владыка былъ не въ фаворѣ при мѣстномъ дворѣ.

Но при самомъ отъѣздѣ архіепископа, какъ и надо было ожидать заранѣе, полились рабскія слезы, раздались напутственныя, благопожелательныя рѣчи, подносились иконы...

«Подлое стадо!» занесъ я тогда же въ мой дневникъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, по поводу подобной лжи, коснувшись отношеній русскаго общества къ отъѣзжавшему: вѣдь я слишкомъ хорошо зналъ тѣхъ, кто при этомъ іезуитствовалъ!..

Были, конечно, и въ средѣ православнаго духовенства личности, искренно любившія владыку, вздыхавшія тревожно при его переводѣ. Ихъ замѣчалось сравнительно немного, и всѣ они до сихъ поръ

хранятъ объ архіепископѣ свѣтлую, благодарную память—какъ въ томъ я имѣлъ случай не разъ убѣдиться.

Болѣе громко говорятъ о почившемъ храмы Вильны, на поддержку которыхъ давалъ онъ щедрые вклады...

Иллюстраціей тому, какъ относилось иногда къ Іерониму подчиненное ему духовенство литовской епархіи, можетъ служить слѣдующій фактъ, изъ времени пребыванія владыки въ Вильнѣ, который заношу въ эти воспоминанія со словъ достовѣрныхъ очевидцевъ.

Какъ-то вызвалъ къ себѣ архіепископъ для «разноса» сельскаго священника—пьяницу, развратника, взяточника. Владыка встрѣтилъ провинившагося въ общемъ пріемѣ, при многочисленномъ духовенствѣ, недружелюбно, рѣзкими окликами.

— Что-это про тебя, отецъ, говорятъ, будто бы ты пьянствуешь, ведешь развратную жизнь, берешь взятки?...

Священнику, видимо, терять болѣе было нечего, и онъ, при всѣхъ же, дерзко отвѣтилъ, глядя прямо въ глаза начальству:

— Мало ли что про кого говорятъ, владыко!.. Увѣряютъ же, напримѣръ, что вы живете съ...

И наглый попъ, повторивъ извѣстную сплетню о романѣ Іеронима, назвалъ при этомъ одно громкое имя.

Архіепископъ, какъ ужаленный, отскочилъ отъ него, замахавъ сконфуженно руками и крича:

— Что ты!?... Что ты?!... Опомнись!...

Про исходъ этой характерной сцены передавали потомъ различно: по словамъ однихъ, Іеронимъ будто бы сослалъ грубіяна на покаяніе въ монастырь; по увѣренію же другихъ, испугавшись отчаянной его рѣшимости, онъ перевелъ его въ другой, даже лучшій, приходъ.

И то, и другое, при личныхъ качествахъ владыки, было весьма правдоподобнымъ...

Весной 1898 года, когда по дѣламъ «Бѣлаго Креста» былъ я у архіепископа Іеронима, сообщилъ онъ мнѣ съ горечью и негодованіемъ о только что состоявшемся назначеніи въ Варшаву, высчитывая, что съ этимъ переводомъ уменьшатся на нѣсколько тысячъ рублей архіерейскіе его доходы; жаловался на то, что ему наскучило вѣчно устраивать запущенныя епархіи, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ переводили его на новое мѣсто; передавалъ, что генералъ-адъютантъ Троцкій телеграфировалъ К. П. Побѣдоносцеву, прося оставить его въ Вильнѣ, на что въ телеграммѣ же получилъ уже отказъ...

Отвѣтъ оберъ-прокурора Троцкій переслалъ владыкѣ съ такой любезною собственноручной надписью, что Іеронимъ, по словамъ

его, рѣшилъ сохранить этотъ документъ, увезя въ Варшаву, до конца жизни.

Архіепископа пугали—переводъ въ незнакомый край, перспектива служить съ княземъ Имеретинскимъ, котораго считалъ онъ «полякующимъ». Ему не хотѣлось въ то же время разставаться съ добрымъ, благороднымъ, истинно-русскимъ человѣкомъ—В. Н. Троцкимъ. Какой-то усталостью, испугомъ, растерянностью, даже малодушнымъ уныніемъ, вѣяло въ тотъ день отъ бесѣды, жалобъ Іеронима—точно ѣхалъ онъ въ чужую страну, какъ въ ссылку, обрекая себя тамъ заранѣе на невзгоды. Владыкѣ казалось, что изъ Варшавы живымъ ему не выбраться. Онъ былъ прямо жалокъ—со слезами на потухшихъ отъ горя глазахъ, съ дрожью въ голосѣ...

Надо замѣтить, что ко времени перевода въ Варшаву сталъ архіепископъ замѣтно дряхлѣть физически, хандрить, тяготиться долгими докладами, посѣтителями; чаще и чаще приходилось заставать его въ нервномъ, раздражительномъ настроеніи. Не было вь немъ уже той общительности, жизнерадостности, энергіи, какъ въ первый годъ прибытія въ Вильну. Зрѣніе его тоже значительно ослабѣло. Старость вообще давала себя чувствовать... Неудивительно, что пугало его и предстоящее ознакомленіе съ новымъ мѣстомъ службы, предстоявшее прилаживанье къ новымъ людямъ... Ему бы на покой или дожить свои дни въ Вильнѣ... А его вытягиваютъ на трудъ, который уже не подъ силу!...

Таково было содержаніе этой бесѣды со мною, въ концѣ которой въ комнату безъ доклада вошелъ Смирновъ, при чемъ въ послѣдній разъ былъ я свидѣтелемъ того, какъ продолжалъ этотъ чиновникъ владѣть умомъ и сердцемъ даже покидавшаго литовскую епархію владыки...

Чуть ли не въ тотъ же день сожалѣніе свое о разлукѣ съ архіепископомъ Іеронимомъ выразилъ мнѣ, при свиданіи, В. Н. Троцкій. Нѣсколько позднѣе передавалъ мнѣ генералъ о томъ, что вслѣдъ за телеграммою получилъ онъ собственноручное письмо отъ Побѣдоносцева, въ которомъ тотъ, въ крайне лестной для Іеронима формѣ, объяснялъ, почему именно необходимъ переводъ послѣдняго въ Варшаву. Троцкій добавилъ при этомъ, что бывшій у него наканунѣ владыка жаловался на отношеніе къ нему—въ виду его отъѣзда—мѣстнаго духовенства, выразившись даже такъ: «виленскіе попы не дали мнѣ еще остыть для Вильны, какъ дѣлаютъ уже пакости»...

Въ чемъ заключались эти «пакости»,—я не спрашивалъ у Троцкаго, да, по правдѣ сказать, меня онѣ и мало интересовали...

Съ отъѣздомъ изъ Вильны архіепископа Іеронима поддерживались у меня съ нимъ—на письмахъ—добрыя отношенія, между которыми не могъ уже стать Ф. К. Смирновъ. Часть писемъ владыки куда-то затерялась; но кое-что нашелъ я у себя въ бумагахъ, когда задумалъ набросать эту замѣтку о почившемъ.

Едва напомнилъ я уѣхавшему владыкѣ объ обѣщаніи его прислать для школы «Бѣлаго Креста» икону, какъ онъ откликнулся слѣдующимъ письмомъ изъ Варшавы (отъ 5 августа 1898 г.):

«Искренно благодарю васъ за напоминаніе! Въ хлопотахъ неожиданнаго и нежеланнаго перемѣщенія многое перепуталось и забылось. Съ удовольствіемъ исполняю свое обѣщаніе, посылая св. икону для новоорганизованной военной школы. Осѣняя мысленно издалека святою иконой всѣхъ участниковъ въ дѣлѣ устройства школы и будущихъ ея учениковъ, призываю Божіе благословеніе на доброе и полезное дѣло и молитвенно, отъ всей души желаю полнаго ему успѣха. Богъ въ помощь и покровъ Царицы Небесной да пребудетъ надъ школою неотступно!»

Кстати замѣтить, что школа «Бѣлаго Креста» въ Вильнѣ пользовалась всегда особымъ вниманіемъ архіепископа.

Вь другомъ письмѣ (отъ 6 мая 1899 г.), по поводу того же учрежденія, высокопреосвященный отвѣчалъ мнѣ:

«Ваше высокородіе, достоуважаемый А. В.! Я такъ опоздалъ съ отвѣтомъ на ваше любезное письмо, что стыдно уже и писать. Но въ надеждѣ, что вы, по словамъ церковной пѣсни, «Простимъ вся воскресеніемъ», не откажете въ прощеніи сознающему свою провинность ради Христова Воскресенья, рѣшаюсь загладить свою оплошность. Прошу принять хоть запоздалый, но истинный отвѣтъ на пасхальное ваше привѣтствіе. Что касается надписи на иконѣ, то прошу васъ сдѣлать это по своему усмотрѣнію. Предположеніе устроить пріютъ для дѣтей бѣдныхъ офицеровъ, особенно для сиротъ, отъ всей души привѣтствую и благословляю. Да поможетъ вамъ Господь достигнуть желаннаго! Съ своей стороны, прилагаю братскую лепту съ самыми искренними благопожеланіями. Да хранитъ васъ Господь въ здравіи и благополучіи. Вашъ усердный богомолецъ и доброжелатель архіепископъ Іеронимъ».

При письмѣ на мое имя присланы были 25 рублей.

Не со мной однимъ, по отъѣздѣ изъ Вильны, продолжались у владыки сердечныя отношенія и переписка, даже съ однимъ изъ высокопоставленныхъ иновѣрцевъ.

Кромѣ того, въ первые годы послѣ перевода, случится ли съ кѣмъ въ Вильнѣ бѣда, появится ли необходимость починить бѣдный сельскій храмъ литовской епархіи, или воздвигнуть новый — летятъ, бывало, въ Варшаву письма, мольбы о помощи, въ отвѣтъ на которыя часто и присылалось просимое.

Впрочемъ, время брало-таки свое, отношенія съ виленцами постепенно ослабѣвали, собственноручныя письма владыки Іеронима

стали замѣняться написанными секретаремъ его и лишь имъ подписанными, а нѣкоторыя посланія изъ Вильны нерѣдко оставались безъ отвѣта. Болѣе близкія нужды стучались на новомъ мѣстѣ служенія въ не ослабѣвавшее къ милостыни сердце архіепископа, а болѣзни старости подтачивали физическія его силы...

Въ маѣ 1900 г. просилъ я Іеронима помочь субсидіей комитету по устройству Муравьевскаго музея въ Вильнѣ — для того, чтобы можно было приступить къ печатанію изданій послѣдняго. Въ отвѣтномъ письмѣ владыка, хотя и выразилъ полное сочувствіе свое задачамъ комитета, но писалъ уклончиво, что у него нѣтъ въ виду «лица, которое можно было бы расположить къ пожертвованію». Въ концѣ же стояла такая фраза: «не могу прійти на помощь и личными средствами по неимѣнію потребной суммы».

Отъ письма явно вѣяло усталостью, уныніемъ. Мнѣ чудилось, въ то же время, что, написавъ о Муравьевскомъ музеѣ, я, быть можетъ, разбередилъ лишній разъ въ архіепископѣ непріятное воспоминаніе объ участіи его въ вопросѣ о мѣстѣ постановки памятника графу Муравьеву...

На этомъ сношенія наши сами собою кончились. Однажды только знакомый, въ числѣ поклоновъ архіепископа другимъ, привезъ мнѣ изъ Варшавы и его привѣтъ.

Тѣмъ не менѣе до Вильны доходили слухи о томъ, что и въ Варшавѣ, несмотря на уменьшеніе архіерейскихъ доходовъ, продолжаетъ Іеронимъ помогать, по мѣрѣ возможности, неимущимъ, въ томъ числѣ и иновѣрцамъ, что, хотя здоровье и стало еще болѣе измѣнять владыкѣ, но что голосъ его при богослуженіи звучитъ все такъ же хорошо, какъ и прежде.

Вспоминая объ Іеронимѣ, часто думалъ я: кто-то въ Варшавѣ забралъ его въ руки и направляетъ по-своему его дѣятельность?..

Особенно оцѣнила «свѣтская» Вильна, православная и неправославная, уѣхавшаго Іеронима, когда познакомилась съ замѣстителемъ его—архіепископомъ Ювеналіемъ. Знакомство же это произошло чрезвычайно быстро, такъ сказать, на практикѣ.

Вновь прибывшій немедленно, воспользовавшись свѣдѣніями, данными ему Смирновымъ, принялся за ревностное гоненіе всѣхъ тѣхъ изъ духовныхъ, кого отличалъ Іеронимъ, съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участи, на каждомъ шагу въ то же время выметая изъ литовской епархіи то, что могло напоминать о предмѣстникѣ. До крайности, напримѣръ, выводили изъ себя Ювеналія просьбы о вспомоществованіяхъ, со ссылкою, что архіепископъ Іеронимъ давалъ уже на тѣ же нужды столько-то, а также

ссылки на рѣшенія Іеронима по разнымъ вопросамъ служебнаго характера.

— Мало ли что у васъ дѣлалось тутъ при высокопреосвященномъ Іеронимѣ! — раздраженно обрывалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ докладчика.

Скоро при немъ стали поминать уѣхавшаго владыку или по забывчивости, или тогда, когда избѣжать этого было невозможно.

Въ первые же дни пріѣзда въ Вильну Ювеналія одна высокопоставленная барыня, Е. А. Сергіевская, бывшая во главѣ крупнаго благотворительнаго учрежденія, разлетѣлась къ владыкѣ съ просьбою разрѣшить ей кружечный сборъ по церквамъ на голодающихъ. Сама же она и передала мнѣ потомъ впечатлѣнія свои, вынесенныя изъ этого свиданія.

Небольшого роста, истощенный воздержаніемъ въ пищѣ и молитвами, едва передвигающій слабыя ноги, съ желто-блѣдными, точно налитыми воскомъ, руками, тихо говорящій, болѣе помалчивающій, сухо-офиціальный, съ непривѣтливымъ выраженіемъ благообразнаго, худощаваго лица,—встрѣтилъ ее Ювеналій крайне непривѣтливо; узнавъ же, въ чемъ дѣло, категорически заявилъ, что разрѣшить подобный сборъ не можетъ, даже не въ правѣ, такъ какъ объ этомъ у него нѣтъ сообщенія синода.

— Тогда, ваше высокопреосвященство, напишите въ синодъ!.. Дѣло неотложное, святое!.. настаивала, избалованная общимъ вниманіемъ дама, еще такъ недавно широко пользовавшаяся въ подобныхъ же вопросахъ уступчивой любезностью Іеронима:—прошу васъ!

— Не могу... послѣдовалъ спокойный, холодный отвѣтъ:—это—частный случай, до всей литовской епархіи не касающійся... Я не буду писать въ синодъ...

— Но, владыко... Вѣдь сравнительно недавно еще, съ благословенія архіепископа Іеронима, помимо синода, устроенъ былъ въ Вильнѣ по церквамъ благотворительный сборъ въ пользу «Бѣлаго Креста»!.. Почему же нельзя сдѣлать этого для нашего учрежденія?!..

— То было при Іеронимѣ, — не мѣняясь въ лицѣ, не повышая голоса, сухимъ тономъ отвѣчалъ Ювеналій.—А я разрѣшить безъ синода не могу...

— Это, владыко, ваше послѣднее слово?

— Послѣднее...

— Такъ и прикажете сообщить предсѣдателю мѣстнаго учрежденія общества, генералъ-адъютанту Троцкому?!

— Такъ и сообщите...

Затѣмъ послѣдовало продолжительное молчаніе, краснорѣчиво намекающее посѣтительницѣ на то, что аудіенція кончена. Приходилось уйти.

Такъ и не сумѣла властолюбивая барыня отвлечь новаго архіепископа отъ буквы циркуляровъ на почву живого дѣла. По словамъ ея, «вылетѣла» она изъ дома владыки, «какъ ошпаренная»...

Но про это свиданіе всѣ въ обществѣ какъ-то сразу узнали и почувствовали, что времена Іеронима, котораго недавно еще такъ бранили, осуждали, критиковали по городу, между прочимъ и за его излишнюю доступность, безвозвратно прошли, канули въ воспоминанія.

Правда, сдѣланы были еще двѣ-три попытки выпросить поддержку у новаго владыки, да и тѣ не увѣнчались успѣхомъ... А на выдачу пособій былъ Ювеналій скупъ, хотя впослѣдствіи изъ некролога узналъ я, что онъ помогалъ, насколько могъ, тайно, а въ душѣ не былъ такимъ человѣконенавистникомъ, какимъ казался... Но Вильна не успѣла познакомиться съ вновь прибывшимъ, какъ съ человѣкомъ, и могла судить о немъ постольку, поскольку сталкивалась съ нимъ офиціально. Въ живомъ же, частномъ, внѣ службы, общеніи съ паствой онъ, повидимому, не нуждался—въ полную противоположность Іерониму.

Скоро архіепископа Ювеналія стали прямо бояться; на свиданіе къ нему по неотложнымъ дѣламъ шли со страхомъ, крестясь, заранѣе предвкушая возможность какой-либо рѣзкой выходки, оскорбленія. Дѣйствительно, сдѣлать непріятное, оборвать, отказать въ грубой, обидной формѣ въ самыхъ, казалось бы, легко удовлетворимыхъ ходатайствахъ, которыя не противорѣчили закону и для исполненія которыхъ достаточно было бы сердечнаго, по-человѣчески, отношенія къ просителю, повидимому, приносило этому монаху-аскету особое наслажденіе... Съ однажды принятаго рѣшенія сдвинуть его было немыслимо: ни высокое положеніе, ни слезы, ни ссылки на прошлое литовской епархіи не помогали, а словно еще болѣе закаляли это сердце... На все у него былъ одинъ отвѣтъ, произнесенный беззвучнымъ, ровнымъ голосомъ: «Не могу... не въ правѣ»... Тѣмъ же тономъ говорились порой и самыя обидныя для просителя вещи... Придраться, при такой обстановкѣ, къ владыкѣ было трудно. Зато публика понемногу стала избѣгать утруждать его просьбами, а пріемная архіерейскаго дома, при Іеронимѣ иногда столь многолюдная, оживленная, оставалась теперь по недѣлямъ молчаливою, какъ могила.

Если при новомъ архіепископѣ утратилъ свое вліяніе на дѣла секретарь консисторіи Смирновъ, то другое лицо, уже въ рясѣ, заполонило новаго владыку. Про Флегонта же Кузьмича такъ и стали говорить: «Слинялъ нашъ всесильный Флегонтъ».

Началась перекройка, ломка литовской епархіи—и опять страдательнымъ элементомъ явилось безправное, забитое, приниженное сельское духовенство, только на этотъ разъ та часть его, къ которой благоволилъ Іеронимъ.

Скоро на себѣ испыталъ я благовоспитанность (въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ) и пристрастіе Ювеналія, хотя всячески избѣгалъ съ нимъ личныхъ сношеній, зная, что онъ особенно ищетъ случая сдѣлать непріятность тѣмъ, къ кому благоволилъ его предшественникъ по епархіи: дѣлая непріятность мнѣ, онъ мѣтилъ въ другое, высокопоставленное лицо... Отношенія новаго архіепископа къ мѣстнымъ властямъ сразу же приняли мертвенный, бумажно-казенный, сухой оттѣнокъ. То, что еще не такъ давно рѣшалось въ нѣсколько минутъ во время частной бесѣды съ Іеронимомъ, ложилось теперь въ основаніе долгой переписки между вѣдомствами. Но и наступать себѣ на ногу Ювеналій не позволялъ, особенно въ офиціальныхъ сношеніяхъ, подчеркивая, гдѣ нужно, высокое свое положеніе. Заискивать онъ тоже не умѣлъ.

Съ одной стороны—смиреніе, аскетизмъ, скромность, съ другой—вѣчная боязнь, какъ бы не уронить своего сана. Бывало и не разберешь, въ чемъ тутъ суть, какъ уживаются мирно въ одномъ и томъ же человѣкѣ подобныя противорѣчія.

Неудивительно, что не взлюбилъ архіепископа Ювеналія простой, чуждый офиціальныхъ эффектовъ, церемоніала генералъ Троцкій, въ душѣ, котораго къ тому же не изгладилась еще скорбь по разлукѣ съ Іеронимомъ. И антипатію свою къ вновь назначенному Виталій Николаевичъ выказывалъ нерѣдко, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ... Тѣмъ же, хотя и въ болѣе сдержанной, дипломатической формѣ, платилъ ему и Ювеналій. Видѣлись они очень рѣдко, только по крайней необходимости.

Однажды, когда я былъ у Троцкаго съ обычнымъ докладомъ по «Красному Кресту», генералъ показалъ мнѣ присланныя черезъ него архіепископомъ деньги на два мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденія «Доброхотную Копейку» и «Красный Крестъ», спросивъ, полушутя, полусерьезно, сколько полагается вносить въ каждое изъ нихъ членскаго взноса?

— Спрашиваю васъ объ этомъ,—пояснилъ генералъ съ добродушной улыбкою на лицѣ, видя мое изумленіе при заданномъ вопросѣ:—на случай... не далъ ли нашъ новый владыка... по недоразумѣнію... чего-либо лишняго...

Злою ироніей звучали эти слова. Оказалось,что деньги дѣйствительно присланы въ обрѣзъ.

— Я такъ и предполагалъ,—добавилъ Виталій Николаевичъ, вспомнивъ тутъ же Іеронима, который, присылая членскій взносъ, всегда что-либо прибавлялъ отъ себя на нужды благотворительныхъ учрежденій.

Только что описанный разговоръ отлично характеризуетъ отношеніе высшей власти въ краѣ къ владыкѣ Ювеналію.

Но послѣдняго не смущали натянутыя отношенія. Его, видимо, поддерживали изъ Петербурга. Онъ продолжалъ дѣлать по-своему,

замыкаться въ сферу консисторскаго устава, избѣгать общенія съ живыми людьми, раздражаться холодностью къ нему виленскаго общества, изнурять себя воздержаніемъ въ пищѣ, молитвами, службами. Все неумолимѣе сталъ онъ преслѣдовать иновѣрцевъ, запрещать хоронить католиковъ на православныхъ кладбищахъ и православныхъ на католическихъ и лютеранскихъ, даже при близкомъ родствѣ. Узкій фанатизмъ особенно сказался въ воспрещеніи православному духовенству молиться за командующаго войсками, католика Гурчина.

Къ архіепископу Іерониму, при каждомъ удобномъ случаѣ, въ частныхъ письмахъ, неслись изъ Вильны жалобы на Ювеналія. Но въ то время, когда послѣдній или игнорировалъ съ презрительнымъ равнодушіемъ его взгляды, или клалъ нелестную тѣнь на его прошлую репутацію, ни разу не бросилъ Іеронимъ камнемъ осужденія въ своего замѣстителя,—по крайней мѣрѣ, письменно.

Въ этомъ благородствѣ сказалась рѣзко разница между обоими владыками...

Смерть еще разъ напомнила въ Вильнѣ о положительныхъ чертахъ личности архіепископа Іеронима... Но не было уже тамъ въ живыхъ, къ этому времени, многихъ изъ тѣхъ, кто зналъ его лично и любилъ... Да и до него ли было въ томъ безумномъ кровавомъ хаосѣ пресловутой революціи, который постепенно охватывалъ уже Россію.

А. Жиркевичъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННО-СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ [1].

V.

Дѣло подпоручика Б—ва.

Въ числѣ нововведеній главнаго военнаго прокурора князя Имеретинскаго была установлена заочная оцѣнка приговоровъ военно-окружныхъ судовъ. Для осуществленія этой мѣры, по окончаніи судебныхъ засѣданій по офицерскимъ и другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, военные прокуроры обязаны были, не выходя изъ залы, составлять особыя записки, въ которыхъ излагались предметы обвиненій по обвинительному акту и резолюція суда, съ указаніемъ, будетъ ли поданъ по дѣлу протестъ. Такія записки въ тотъ же день отправляли въ Петербургъ на имя главнаго военнаго прокурора, который, не имѣя въ рукахъ ни дѣла, ни приговора въ окончательной формѣ и упуская изъ виду, что судебное слѣдствіе нерѣдко совершенно измѣняетъ доказательства, обнаруженныя на предварительномъ слѣдствіи, послужившія основаніемъ для квалификаціи преступленій, руководствовался однимъ своимъ воззрѣніемъ на недостаточность уголовной репрессіи и по телеграфу требовалъ подать протестъ, хотя бы военный прокуроръ и не предполагалъ подавать таковой.

Такіе протесты часто оставлялись главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія, въ тѣхъ же случаяхъ, когда, по разнымъ соображе-

[1]) См. «Истор. Вѣстн.», т. CXII, стр. 531.

ніямъ, отмѣняли приговоры, при новомъ разбирательствѣ дѣла судъ обыкновенно не усиливалъ наказанія, а, наоборотъ, смягчалъ таковое, если во время кассаціоннаго производства подсудимый содержался подъ стражей.

Настоящій очеркъ познакомитъ читателей съ послѣдствіями, которыя влекла за собою указанная заочная оцѣнка приговоровъ.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на границѣ съ Афганистаномъ, при бухарскомъ городкѣ Карки, выстроенно было наше укрѣпленіе, около котораго возведены казармы на бригаду пѣхоты, батарею артиллеріи и казачій дивизіонъ. При постройкѣ казармъ упущенъ изъ виду высокій подъемъ воды во время разливовъ рѣки Аму-Дарьи, а потому въ іюнѣ 1889 года вода затопила площадь, на которой построены казармы, и, постепенно прибывая, угрожала самимъ зданіямъ.

Къ борьбѣ съ наводненіемъ былъ призванъ весь наличный гарнизонъ и каждая рота отстаивала свою казарму, дѣлая плотины, отводныя канавы, фашинныя загражденія и т. п. Жара стояла невыносимая, болѣе 50-ти градусовъ по Реомюру, работать приходилось по поясъ въ холодной, стекавшей съ снѣговыхъ горъ водѣ. Часть гарнизона, болѣвшая лихорадками, не принимала участія въ работахъ, и въ ротахъ налицо было не болѣе одного офицера и половины нижнихъ чиновъ.

Одной изъ ротъ линейнаго батальона, за болѣзнью ротнаго командира, временно командовалъ юноша, только что выпущенный изъ училища, подпоручикъ Б. Казармамъ этой роты угрожала наибольшая опасность отъ наводненія, и подпоручикъ Б. съ девяти часовъ утра до пяти пополудни непрерывно работая во главѣ нижнихъ чиновъ, отстоялъ помѣщеніе.

Распустивъ людей и приказавъ имъ переодѣться и итти обѣдать, Б. надѣлъ чистый китель, на послѣднія деньги послалъ купить водки и пошелъ въ столовую, гдѣ уже находились нижніе чины. Здѣсь юноша, воображая себя Суворовымъ, обратился къ командуемой имъ ротѣ съ слѣдующими словами: «Спасибо, ребята, славно поработали, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ, пью ваше здоровье, ура», при чемъ осушилъ до дна поданную ему чарку водки. Фельдфебель провозгласилъ тостъ за ротнаго командира, а нижніе чины по очереди подходили къ водкѣ и выпивали по стакану, послѣ чего съ котелками шли въ кухню за пищей. Когда ушли нижніе чины, Б. собралъ въ канцеляріи фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ и обратился къ нимъ со словами: «Вамъ особенное мое спасибо, вы служили примѣромъ для солдатъ, съ такими старшими и на войнѣ и въ мирное время не пропадешь, пью ваше здоровье. Ура, молодцы!» добавилъ онъ, осушая чарку. Пока унтеръ-офицеры выпивали по стакану и благодарили подпоручика, послѣдній, никогда, не пившій вина, къ тому же утомлен-

ный отъ работы и страшной жары, почти безъ сознанья опустился на скамью. Фельдфебель и два унтеръ-офицера осторожно донесли его до палатки, гдѣ раздѣли и уложили въ постель. Ночью Б. заболѣлъ жестокой лихорадкой.

Вечеромъ того же 29 іюня пять унтеръ-офицеровъ этой роты отлучились изъ казармъ въ слободку, гдѣ помѣщались дома терпимости, перепились тамъ, вмѣстѣ съ нижними чинами другихъ командъ, разнесли нѣсколько домовъ, причинивъ побои и раны какъ женщинамъ, такъ и посѣтителямъ.

Произведено предварительное слѣдствіе, на которомъ выяснено, что обвиняемые, при отлучкѣ изъ казармъ, были уже въ нетрезвомъ видѣ отъ выпитой передъ обѣдомъ командирской водки.

При разсмотрѣніи предварительнаго слѣдствія военно-прокурорскимъ надзоромъ дано было заключеніе, что подпоручикъ Б. не только угостилъ нижнихъ чиновъ, но и самъ пилъ съ ними, напившись до безпамятства, а потому съ разрѣшенія командующаго войсками округа дѣло о немъ выдѣлено въ особое производство и, послѣ привлеченія къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемаго, Б. былъ преданъ военному суду за пьянство съ нижними чинами, предусмотрѣнное 2-ю частью 192 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій.

Дѣло это, въ числѣ другихъ, было назначено къ слушанію въ открытомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, временномъ военномъ судѣ въ укрѣпленіи Карки, куда я и отправился въ началѣ сентября 1889 года.

Командировки въ Карки и Петро-Александровскъ, вдоль рѣки Аму-Дарьи сопряжены были тогда съ большими неудобствами. Выдадутъ вамъ отъ Чарджуя прогоны на вьючныхъ верблюдовъ, не справляясь, есть ли эти верблюды, и путешествуйте, какъ знаете, по пескамъ, въ одинъ конецъ около пятисотъ верстъ, въ другой около двухсотъ. Всего проще было воспользоваться пароходами аму-дарьинской флотиліи, состоявшей изъ двухъ пароходовъ— «Царя», ходившаго вверхъ по рѣкѣ до Карки, и «Царицы»,—внизъ по Дарьѣ до Петро-Александровска; но на успѣшное плаванье на этихъ пароходахъ, при срочныхъ командировкахъ, нельзя было разсчитывать; часто мѣняющійся фарватеръ былъ плохо изслѣдованъ, и пароходы цѣлыми недѣлями сидѣли на мели, заносимые песками до такой степени, что для откапыванія ихъ нанимались сотни рабочихъ-туземцевъ.

Въ 1888 г., при командировкѣ въ Петро-Александровскъ, я нанялъ хивинскій каюкъ (длинная, около пятнадцати саженъ, лодка), устроилъ на немъ каюту, обтянутую войлокомъ и парусиной для себя, такую же большую каюту для остальныхъ чиновъ суда, а на кормѣ помѣщалась кухня съ плитой, жилъ взятый съ собой поваръ и хранился запасъ разной провизіи и живности въ видѣ куръ, утокъ, молодыхъ барановъ и т. п. На своемъ кораблѣ мы

шли внизъ по рѣкѣ семь сутокъ, а обратно, вверхъ, насъ тащили бечевой восемнадцать сутокъ. Это былъ самый надежный способъ передвиженія и тѣ, которые жалѣли довольно большихъ денегъ на устройство каюка и наемъ рабочихъ, испытывали въ пути большія неудобства.

Добравшись до Чарджуя, я на этотъ разъ встрѣтилъ большія затрудненія къ дальнѣйшему слѣдованію въ Карки. Пароходъ «Царь» прочно сидѣлъ на мели верстахъ въ сорока выше Чарджуя, всѣ каюки были наняты интендантствомъ для срочной перевозки провіанта, фуража и снарядовъ; для той же цѣли заподряжены почти всѣ бухарскія арбы, а оставшіяся были запряжены такими плохими лошадьми, что нанимать ихъ для тяжелаго пути по пескамъ было крайне рисковано. Выручилъ насъ командиръ 3-го туркестанскаго линейнаго батальона милѣйшій полковникъ Михаилъ Николаевичъ Масловъ, который по телеграфу снесся съ командиромъ расположенной въ Карки батареи, моимъ товарищемъ по корпусу полковникомъ Рѣшетинымъ, прося послѣдняго выставить для временнаго военнаго суда подставы до половины пути, а другую половину мы ѣхали на обозныхъ лошадяхъ 3-го батальона, которыхъ, вмѣстѣ съ легкими экипажами, намъ далъ Масловъ. Переѣздъ этотъ совершенъ въ теченіе сутокъ. Первая часть пути не представляла большихъ затрудненій; дорога была ровная, хорошо наѣзженная, пески попадались рѣдко, неширокими полосами, а сытыя лошади везли насъ крупною рысью. При перепряжкахъ мѣстные жители-бухарцы приглашали на дастарханы — завтраки или обѣды, состоявшіе изъ множества сладкихъ блюдъ, шурмы, или супа изъ курицы съ снятой по обычаю кожей, сильно приправленнаго перцемъ, и неизбѣжнаго на Востокѣ пилава, приготовленіемъ котораго славятся бухарцы.

Къ одиннадцати часамъ ночи прибыли въ кишлакъ, расположенный на половинѣ пути между Чарджуемъ и Карки. Здѣсь насъ ожидали экипажи и лошади 4-й батареи. Сопровождавшій ихъ фейерверкеръ доложилъ, что для избѣжанія ѣзды по пескамъ при дневной жарѣ необходимо выѣхать сейчасъ же, что лошади выкормлены, люди выспались, отдохнули и поужинали, а потому не прикажу ли я немедленно запрягать лошадей. Я согласился, и мы ночью продолжали путь. Дорога была тяжелая, по песчанымъ барханамъ, но сильныя, втянутыя въ работу артиллерійскія лошади пятерикомъ шутя везли легкій тарантасъ. Два раза мы мѣняли лошадей и къ девяти часамъ утра уже подъѣзжали къ Карки.

При въѣздѣ я обратилъ вниманіе на большое кладбище, усѣянное новыми деревянными крестами, и спросилъ сидѣвшаго на козлахъ фейерверкера, кто похороненъ подъ этими крестами.

— Все пѣхотные солдатики, не выдержали сердечные этого климата; мучаетъ, мучаетъ лихорадка, ни хина, ни другія лекар-

ства не помогаютъ, глядишь черезъ мѣсяцъ человѣка не стало. Въ первое время каждый день хоронили человѣка по три, теперь обтерпѣлись и гораздо рѣже помираютъ.

— Изъ вашей батареи много убыло?

— У насъ за всѣ три года умерло только два человѣка и то отъ другихъ болѣзней. Нашъ командиръ какъ родной отецъ заботится о солдатахъ, а командирша—докторъ; чуть солдатъ заболѣетъ, сама его лечитъ; даетъ коньякъ съ молокомъ, дорогое крѣпкое вино, на своей кухнѣ готовитъ ему укрѣпляющую пищу, и больной скоро поправляется; всѣ солдаты у насъ красномордые, вотъ такіе, какъ эти,—указалъ онъ на кучера и форейтора, которые добродушно ухмылялись.

Помѣщеніе мнѣ отвели во дворцѣ бека. Оно состояло изъ двухъ большихъ комнатъ, стѣны которыхъ были увѣшаны великолѣпными бухарскими и текинскими коврами, при чемъ самый малый изъ этихъ ковровъ имѣлъ девять аршинъ длины и шесть ширины. Говорятъ, что два, а иногда и три женскихъ поколѣнія туземокъ работаютъ надъ такими огромными коврами. Купить ихъ почти невозможно и если они попадаются у постороннихъ лицъ, то какъ подарки эмира или бековъ, которые, въ видѣ налога, получаютъ ихъ отъ населенія. Кругомъ комнатъ стояли покрытые коврами диваны, съ шелковыми на нихъ подушками, и, въ видѣ уступки европейскимъ обычаямъ, для меня поставленъ добытый гдѣ-то плохенькій письменный столъ и нѣсколько вѣнскихъ стульевъ.

Не знаю, какъ теперь, но въ мое время войска туркестанскаго военнаго округа были очень внимательны къ пріѣзжимъ чинамъ своего военно-окружнаго суда. Командированнымъ отводились квартиры въ военныхъ собраніямъ или въ другихъ казенныхъ зданіяхъ, присылалась опытная прислуга и приказомъ по гарнизону ежедневно по очереди отъ войсковыхъ частей наряжались экипажи въ распоряженіе предсѣдателя суда. Въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи я засталъ двухъ вѣстовыхъ, которые быстро разоблачили меня, вычистили сапоги и платье, подали умыться и немедленно принесли самоваръ съ чайнымъ приборомъ и дастарханомъ, присланнымъ бекомъ. У подъѣзда стояла коляска, запряженная тройкой.

Напившись чаю и одѣвшись, первый визитъ сдѣлалъ я беку, во дворцѣ котораго остановился. Почтенный бекъ въ чинѣ датхи (генералъ-лейтенанта) принялъ очень любезно и умолялъ сдѣлать смотръ батальону бухарскихъ войскъ, квартирующему въ нижнемъ этажѣ его дворца. Я обѣщалъ сдѣлать смотръ на другой день, испросивъ на это разрѣшеніе у начальника гарнизона, который старше меня въ чинѣ. Едва я вошелъ къ себѣ, какъ послѣдовалъ отвѣтный визитъ датхи, который продолжался ровно столько времени, сколько я пробылъ у него. «Таковъ обычай,—объяснилъ мнѣ

переводчикъ:—если бы датха пробылъ меньше времени, вы могли считать себя обиженнымъ; если больше, онъ уронилъ бы свое достоинство». Проводивъ бека, я поѣхалъ представиться начальнику гарнизона, обязанности котораго исполнялъ начальникъ линейной бригады, мой старый варшавскій знакомый генералъ-майоръ Василій Васильевичъ Христіани. Человѣкъ недюжиннаго ума, отличный офицеръ генеральнаго штаба, Христіани и въ молодости придерживался чарочки, здѣсь же въ Карки онъ, какъ самъ выразился, отъ скуки спился съ круга. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ свѣжимъ человѣкомъ, долго не отпускалъ и во время завтрака смѣшилъ разными юмористическими разсказами, при чемъ самъ оживился и увѣрялъ, что сейчасъ сброситъ мѣховое одѣяло, въ которое были закутаны его больныя ноги, и выйдетъ на улицу. Когда я простился съ нимъ и былъ уже въ передней, онъ позвалъ меня и таинственнымъ голосомъ сказалъ: «Нехорошо, товарищъ, увозить чужую серебряную ложку». Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, усомнившись въ его умственныхъ способностяхъ, но вспомнилъ, что двадцать лѣтъ назадъ, въ Варшавѣ, онъ замѣчательно ловко дѣлалъ разные фокусы, и теперь, вѣроятно, напроказилъ. Въ лѣвомъ карманѣ моихъ шароваръ дѣйствительно оказалась столовая серебряная ложка, которую, прощаясь, онъ незамѣтно вложилъ туда. Послѣ того я сдѣлалъ визиты всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ частей, оставшись обѣдать у стараго товарища по корпусу, полковника Рѣшетина.

На другой день были выданы обвинительные акты унтеръ-офицерамъ и подпоручику Б.; разсмотрѣніе обоихъ дѣлъ я назначилъ въ одномъ засѣданіи, сначала объ унтеръ-офицерахъ, потомъ о Б.

По окончаніи занятій поѣхали осматривали бухарскій городъ Карки и пресловутое русское укрѣпленіе, выстроенное близъ города. Послѣднее поражало миніатюрностью размѣровъ, незначительностью профилей и мнѣ, какъ старому артиллеристу, казалось, что никакого препятствія наступающему непріятелю оно оказать не можетъ. Бывшіе въ укрѣпленіи офицеры разсказывали, что, несмотря на дороговизну постройки, болѣе четырехсотъ тысячъ, укрѣпленіе это нужно считать игрушкой и что во время практической стрѣльбы выяснилась недостаточность площадей обстрѣла, въ промежутки между которыми цѣлая армія можетъ безнаказанно подойти къ укрѣпленію и взять его штурмомъ; внутренніе же размѣры таковы, что гарнизонъ состоитъ изъ одной роты, а при стрѣльбѣ орудія, откатываясь, ударяютъ хоботомъ лафета въ противоположный брустверъ.

Возвратясь домой, засталъ выстроенный на площади бухарскій батальонъ, которому, съ разрѣшенія Христіани, сдѣлалъ смотръ. Обходя линію фронта, былъ пораженъ пестротою обмундированія. Солдаты одѣты въ русскіе пѣхотные, артиллерійскіе и казачьи

мундиры, съ красными, бѣлыми, синими и желтыми погонами; ружья разныхъ системъ, начиная отъ кремневыхъ до берданокъ включительно, содержатся очень небрежно, у многихъ недостаетъ курка, половины приклада или штыка. Сопровождавшій меня командиръ батальона объяснилъ, что все предполагается исправить, по полученіи разрѣшенія отъ эмира израсходовать на ремонтъ необходимую сумму денегъ; послѣдуетъ ли разрѣшеніе въ этомъ году, онъ не знаетъ. Послѣ обхода я предложилъ сдѣлать ружейные пріемы и батальонное ученье. Всѣ пріемы должны производиться по русскому уставу, но каждый исполняетъ команду по-своему и притомъ не единовременно, часто роняя ружье и поднимая его съ земли. Ученіе окончилось знаменитою сквозною атакою, которой ихъ обучилъ покойный Церпицкій. Построеніе это считалось очень труднымъ, но надежнѣйшимъ, противъ котораго никакой непріятель не устоитъ. Исполнили они его слѣдующимъ образомъ: батальонъ построился въ двухротную колонну для атаки воображаемаго противника и, подъ оглушительную туземную музыку и подъ турецкій барабанъ первая шеренга пошла въ атаку, вслѣдъ за нею двинулась вторая шеренга передней роты, послѣ чего пошла первая, а потомъ вторая шеренга задней роты; догоняя впереди идущихъ, шеренги протискивались въ интервалы между людьми, при этомъ роняли ружья, сбивали съ ногъ впереди идущихъ, и въ концѣ концовъ, когда достигли предполагаемаго противника, всѣ четыре шеренги составили огромную кучу, половина которой валялась на землѣ, мѣшая дѣйствовать стоявшимъ на ногахъ. Я подумалъ, что съ такими вояками далеко не уйдешь и все ученье можно уподобить только дѣтской игрѣ въ солдатики.

Послѣ этой знаменитой атаки, во время которой многіе были ушиблены, я поблагодарилъ батальонъ за смотръ и на мое «спасибо, ребята», весь батальонъ неистово громко отвѣтилъ: «рады стараться». Кажется бухарскіе солдаты знаютъ только эти русскія слова, да еще «здравія желаемъ».

По возвращеніи съ смотра бекъ прислалъ переводчика, который отъ его имени просилъ дать хорошій отзывъ объ обученіи батальона, который онъ перешлетъ къ эмиру въ Бухару.

Я категорически отказался написать подобный аттестатъ каркинскому батальону и предложилъ переводчику передать беку на словахъ, что изъ такого матерьяла, при надлежащемъ обученіи, со временемъ могутъ выйти хорошіе и выносливые солдаты. Кажется, онъ остался доволенъ и такимъ отзывомъ, который записалъ въ свою книжку по-бухарски.

Обѣдать поѣхалъ я опять къ Рѣшетину, куда пришелъ и генералъ Христіани. Послѣдній раздѣлялъ мое мнѣніе относительно полной негодности выстроеннаго укрѣпленія, крайне возмущался

существующими распорядками, при наличности которыхъ возможны такія постройки; не могъ онъ помириться и съ аму-дарьинской флотиліей, оставляющей гарнизонъ Карки на произволъ судьбы, если бы хивинцы и бухарцы отказались перевозить провіантъ, фуражъ и огнестрѣльные припасы. Выстроили пароходы, желѣзныя баржи, говорилъ онъ, упустивъ изъ виду, что Дарья не Маркизова лужа, по которой могутъ плавать подобныя посудины, и что здѣсь паровыя суда должны удовлетворять вѣками испытаннымъ качествамъ туземныхъ каюковъ, которые и теперь являются самыми надежными орудіями передвиженія. Выстройте на Дарьѣ нѣсколько десятковъ большихъ паровыхъ каюковъ, которые всѣ вмѣстѣ будутъ стоить менѣе двухъ пароходовъ, доказывалъ онъ, и перевозка войскъ, доставка провіанта, возможность быстро сосредоточивать войска въ угрожаемомъ пунктѣ будутъ вполнѣ обезпечены.

Радушная наша хозяйка, женщина-врачъ перваго выпуска Марья Петровна, вышедшая за Рѣшетина замужъ во время прохожденія медицинскихъ курсовъ, когда и онъ былъ въ артиллерійской академіи, и съ тѣхъ поръ вѣрная его спутница, раздѣлявшая всѣ лишенія мужа во время службы его на далекихъ окраинахъ, пригласила насъ къ столу и угостила, какъ говорится, на славу.

Съ слѣдующаго дня начались судебныя засѣданія по готовымъ къ слушанію дѣламъ и приходилось работать цѣлые дни и часть ночей, чтобы къ концу недѣли окончить назначенныя къ разсмотрѣнію дѣла, исключая упомянутыхъ двухъ дѣлъ, по которымъ не истекъ еще установленный для приготовительныхъ къ суду распоряженій срокъ.

Наконецъ дошла очередь и до этихъ двухъ дѣлъ. Сначала разсмотрѣли дѣло объ унтеръ-офицерахъ: двухъ изъ нихъ, признанныхъ виновными въ нанесеніи тяжкихъ увѣчій, приговорили къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, остальныхъ трехъ—за буйство и нанесеніе легкихъ ранъ—заключили въ военную тюрьму на разные сроки. Приступили къ разбору дѣла о подпоручикѣ Б. На вопросъ мой, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ пьянствѣ съ нижними чинами, въ которомъ ему предъявлено обвиненіе по обвинительному акту. Б. взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, отвѣтилъ, что виновнымъ себя не признаетъ; если онъ выпилъ по чаркѣ вина за здоровье солдатъ командуемой имъ роты и за унтеръ-офицеровъ, то называть это пьянствомъ нельзя; все это дѣлаютъ командиры частей, старшіе начальники, и даже Государь Императоръ при полковыхъ праздникахъ удостоиваетъ воинскія части, выпивая чарку вина за ихъ здоровье и благоденствіе.

— Я впалъ въ безсознательное состояніе,—продолжалъ юноша,—не отъ выпитаго вина, а оттого, что уже заболѣлъ лихорадкой,

отъ которой потомъ лечился цѣлый мѣсяцъ, но признаю, что мнѣ не слѣдовало выпивать чарокъ до дна, такъ какъ, не употребляя спиртныхъ напитковъ, я могъ предвидѣть, что при возникающей болѣзни онѣ, несомнѣнно, повредятъ мнѣ. За такую неосмотрительность судите меня, и я съ радостью отбуду назначенное наказаніе.

Судебное слѣдствіе продолжалось недолго, такъ какъ оно было повтореніемъ первой половины только что разсмотрѣннаго дѣла объ унтеръ-офицерахъ. Прокуроръ, не отказываясь отъ обвиненія, поддерживалъ его условно, предоставивъ суду рѣшить вопросъ, можно ли считать дѣяніе подсудимаго пьянствомъ съ нижними чинами; при отрицательномъ отвѣтѣ онъ просилъ назначить взысканіе по 1 ч. 192 ст. за непредусмотрительность, послѣдствіемъ которой было нарушеніе воинскаго благочинія.

Въ блистательной рѣчи защитникъ, капитанъ Бушенъ, доказывалъ какъ полную несостоятельность преданія молодого офицера суду за закономѣрное дѣяніе, случайнымъ послѣдствіемъ котораго была потеря сознанія въ присутствіи подчиненныхъ, такъ и голословность предъявленнаго обвиненія въ пьянствѣ съ нижними чинами. Защитникъ ходатайствовалъ о полномъ оправданіи подсудимаго.

Въ числѣ судей былъ командиръ отдѣльнаго батальона, въ которомъ Б. состоялъ на службѣ. Отлично аттестовавъ подсудимаго, онъ, между прочимъ, разсказалъ намъ, что когда Б. выздоровѣлъ, ему сдѣлано было только внушеніе на будущее время не пить вредно дѣйствующаго на него вина, особенно въ присутствіи нижнихъ чиновъ. Никакого уголовно-наказуемаго дѣянія въ поведеніи его 29 іюня полковникъ не усмотрѣлъ, съ чѣмъ согласился начальникъ бригады и командующій войсками области. Преданіе суду главнымъ начальникомъ округа, помимо непосредственнаго начальника, было такою неожиданностью, что начальникъ области запросилъ окружный штабъ, чѣмъ вызвано подобное ограниченіе его правъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ штабъ увѣдомилъ, что преданіе суду главнымъ начальникомъ округа послѣдовало, согласно заключенія военнаго прокурора, для того, чтобы успѣть разсмотрѣть дѣло въ открытой уже сессіи военнаго суда въ Карки.

Отвергнувъ обвиненіе въ пьянствѣ съ нижними чинами, судъ призналъ Б. виновнымъ въ неосмотрительности, послѣдствіемъ которой было нарушеніе воинскаго благочинія, выразившееся въ томъ, что послѣ выпитыхъ двухъ чарокъ водки онъ свалился на скамью въ присутствіи подчиненныхъ, въ предполагаемомъ послѣдними состояніи опьянѣнія, а потому, примѣняя 1-ю часть 192 ст. XXII кн., приговорилъ его къ дисциплинарному взысканію—аресту на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ. Въ юридической части приговора въ

окончательной формѣ я подробно мотивировалъ невозможность примѣненія къ признанной виновности закона, карающаго за пьянство съ нижними чинами, указавъ, что обвиненіе это не только опровергнуто на судебномъ слѣдствіи, но и въ выводахъ обвинительнаго акта не указано фактическаго состава преступленія, произвольно замѣненнаго выраженіемъ: «пьянствовалъ съ нижними чинами».

Послѣ прочтенія резолюціи прокуроръ изъ зала засѣданія послалъ главному военному прокурору установленную записку, въ которой помѣстилъ предметы обвиненія, резолюцію суда и опредѣленное наказаніе, добавивъ, что протеста не будетъ. Записка эта въ тотъ же день была сдана на почту, но изъ Карки въ Петербургъ она могла попасть не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, т. е. тогда, когда приговоръ не только войдетъ въ законную силу, но большая его часть уже будетъ приведена въ исполненіе.

Обратный путь изъ Карки въ Чарджуй мы сдѣлали на хивинскихъ каюкахъ, которыхъ къ тому времени было такое изобиліе, что за два каюка съ насъ взяли всего двадцать рублей. Мнѣ устроена прекрасная каюта; Рѣшетины въ изобиліи снабдили провизіею, не забыта была и содовая вода, такъ какъ аму-дарьинскую воду, прекрасную на вкусъ, можно пить только послѣ продолжительнаго отстаиванія, въ обыкновенномъ же видѣ она представляетъ изъ себя жидкій глиняный кисель.

Быстро шли каюки по теченію и на другой день, часу въ седьмомъ вечера, открылись электрическіе фонари на чарджуйскомъ желѣзнодорожномъ мосту, т. е. оставалось не болѣе двухъ часовъ пути. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Послѣ заката солнца поднялся легкій вѣтерокъ съ сѣверо-востока, который сопровождавшіе насъ хивинцы называли «шаманъ яманъ», т. е. дурной вѣтеръ. Черезъ полчаса разразилась ужасная песочная буря. Каюкъ несся съ головокружительной быстротой, второй нашъ каюкъ—прокурора и защитника—мы потеряли изъ виду. Насъ прибило въ маленькую бухточку, въ берегъ которой лодочники-хивинцы вколотили всѣ свои длинные шесты и къ нимъ крѣпкими волосяными веревками прикрутили судно; съ подвѣтренной стороны на каюты мою и секретаря натянули смоляные брезенты, которыми прикрываются товары, и намъ сообщили, что буря продолжится не менѣе «каркъ садъ», т. е. сорока часовъ.

Кто не испыталъ песочной бури, тотъ не можетъ себѣ представить всѣхъ ужасовъ этого явленія природы. Мельчайшій, несущійся съ бархановъ (песочные холмы) противоположнаго берега рѣки песокъ проникаетъ всюду: имъ наполняются запертые чемоданы, завернутая провизія, уши, глаза, ротъ и носъ, хотя вы сидите въ закрытой каютѣ, обтянутой войлокомъ, парусиной и прикрытой брезентомъ. Туземцы и не пытаются бороться съ бурей,

они ложатся на животъ, прикрываютъ голову халатами и вскорѣ представляютъ изъ себя песчаные холмики; только изрѣдка встряхиваютъ они накинутые на голову халаты, чтобы возобновить необходимый для дыханія воздухъ. Разсказываютъ, что при продолжительныхъ буряхъ застигнутые въ пескахъ караваны бываютъ заживо погребены, когда выбившіеся изъ силъ верблюдовожатые не успѣваютъ отгребать песокъ отъ головъ невозмутимыхъ и неподвижно лежащихъ верблюдовъ. Немало бѣдствій испытали и мы, около двухъ сутокъ отстаиваясь у берега. Къ довершенію бѣды ночью сдѣлалось страшно холодно; въ каютѣ, при постоянно горѣвшей лампѣ-кухнѣ, температура не превышала трехъ градусовъ тепла, снаружи было столько же холода. Послѣ полуночи ко мнѣ перебрался секретарь, легкая каюта котораго не выдержала и была опрокинута вѣтромъ. Поставили на огонь чайникъ и цѣлую ночь согрѣвались чаемъ; перенесли къ себѣ и большой глиняный кувшинъ съ отстоявшеюся водой, поминутно промывая глаза, носъ и уши. Къ утру буря усилилась, каюкъ накренился на лѣвый бокъ, съ правой стороны его засосало и уже образовался наносъ песку, доходившій до борта. Наши лодочники усердно отгребали песокъ, чтобы онъ не засыпалъ внутренность лодки, и поминутно слышались ихъ восклицанія: «яманъ, яманъ». Захотѣлось ѣсть, но корзинка съ ростбифомъ, цыплятами и пирожками, стоявшая подъ моей желѣзной кроватью, была занесена пескомъ, а когда ее откопали и открыли, вся провизія оказалась пропитанной песочною пылью. Для того, чтобы воспользоваться ею, пирожки и отрѣзанные куски мяса обмывали въ водѣ и тотчасъ насухо вытирали. Запасовъ намъ хватило до вечера, осталось только сгущеное молоко и чай, вышла и отстоявшаяся вода. Съ большимъ трудомъ хивинцы, по нанесенному сыпучему песку, среди котораго стояла наша лодка, добрались до воды и наполнили глиняные кувшины бурой жидкостью, которая часа черезъ четыре превратилась въ превосходную воду; керосинъ былъ на исходѣ и его нужно было беречь для согрѣванія воды. Попытка лодочниковъ сварить рисъ на кострѣ не удалась, вѣтеръ немедленно тушилъ огонь, и бѣдные хивинцы питались исключительно прѣсными лепешками, размоченными въ водѣ.

Ночь мы провели одѣтыми, закрывшись всѣмъ, чѣмъ было можно; въ каютѣ термометръ показывалъ градусъ ниже нуля, снаружи, при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, морозъ достигалъ четырехъ градусовъ. Утромъ пили чай съ молокомъ и остатками черствыхъ булокъ; угостили чаемъ перемерзшихъ лодочниковъ, которые умоляли позволить имъ сварить на керосинкѣ небольшой котелокъ рису. Хотя керосину оставалось очень мало и мы рисковали, если буря продлится еще сутки, остаться безъ чая, но просьбу ихъ удовлетворили.

Въ 12 часовъ дня вѣтеръ почти моментально стихъ, выглянуло солнце, и наши каюкчи быстро прорыли въ нанесенномъ пескѣ каналъ, по которому протащили свою лодку до воды и немедленно двинулись въ дальнѣйшій путь. Буря, какъ предсказывали хивинцы, продолжалась сорокъ часовъ. Спутники наши были отнесены бурею на версту ниже насъ и претерпѣвали еще большія бѣдствія, такъ какъ у нихъ не было керосинки, а находившійся на лодкѣ очагъ не удалось развести.

Въ Чарджуй прибыли за полчаса до отхода поѣзда, на которомъ доѣхали до Самарканда, а оттуда въ двое сутокъ на почтовыхъ доѣхали до Ташкента.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ моего возвращенія изъ Карки; приговоръ по дѣлу Б. приведенъ въ исполненіе и самое дѣло сдано въ архивъ. Однажды, уже въ декабрѣ, прихожу въ судъ и встрѣчаю нашего почтеннаго предсѣдателя, Алексѣя Семеновича Володимерова, въ сильномъ волненіи. Къ числу странностей этого очень хорошаго человѣка была крайняя нелюбовь его къ Петербургу и въ особенности къ получаемымъ изъ петербургскихъ канцелярій бумагамъ. Убѣжденный, что въ этихъ бумагахъ ничего не можетъ быть хорошаго, онъ обыкновенно откладывалъ ихъ въ сторону, чтобы познакомиться съ ними по окончаніи текущихъ дѣлъ, въ концѣ присутствія. На этотъ разъ полученную наканунѣ бумагу онъ распечаталъ только сегодня и, прочитавъ ее, разсердился. Передавая мнѣ предписаніе начальника главнаго управленія, онъ сказалъ: «Васъ касается, требуютъ объясненія по дѣлу Б.,—наслаждайтесь».

Содержаніе бумаги было слѣдующее: «Военный министръ предлагаетъ вашему превосходительству запросить предсѣдательствовавшаго по дѣлу Б. полковника Мордвинова, когда, по его мнѣнію, можно отставить офицера отъ службы, если подпоручикъ Б., пьянствовавшій съ нижними чинами, столь милостиво приговоренъ къ аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ. Отвѣтъ свой полковникъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, пусть представитъ въ главное военно-судное управленіе. Подписано: Генералъ-адъютантъ Имеретинскій».

Не такъ запросъ, очевидно, сдѣланный вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ, по краткой запискѣ прокурора, и лишь убѣждающій въ безполезности этихъ записокъ, какъ самую форму его, выражающую недовѣріе къ суду и сомнѣніе въ пониманіи предсѣдательствующимъ значенія воинскихъ преступленій, я считалъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ и, несмотря на убѣжденія Володимерова отложить отвѣтъ до другого дня, потребовалъ дѣло изъ архива и написалъ слѣдующее объясненіе:

1) Подпоручикъ Б. оправданъ по обвиненію въ пьянствѣ съ нижними чинами, а потому нельзя было примѣнить законы, опредѣляющіе наказаніе за это преступленіе.

2) По моему мнѣнію, офицеръ подлежитъ отставленію отъ службы тогда, когда онъ признанъ виновнымъ въ преступленіи, за которое въ законѣ это наказаніе опредѣлено. Въ настоящемъ дѣлѣ высшимъ наказаніемъ по 1 ч. 192 ст. установлено содержаніе на гауптвахтѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, не влекущее отставленія отъ службы.

Къ этому объясненію я приложилъ копію съ юридической части приговора и въ тотъ же день, при рапортѣ, представилъ его начальнику главнаго военно-суднаго управленія; при этомъ рѣшилъ, если не получу полнаго удовлетворенія, выйти въ отставку съ половинной пенсіей и, поступивъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, заняться адвокатурой.

Черезъ три мѣсяца начальникъ главнаго военно-суднаго управленія, по приказанію военнаго министра, потребовалъ выслать въ Петербургъ подлинное дѣло; а въ іюлѣ 1890 г. возвратилъ все производство при сообщеніи на имя предсѣдателя слѣдующаго содержанія:

«Прошу объявить полковнику Мордвинову, что военный министръ, разсмотрѣвъ дѣло Б., призналъ приговоръ суда правильнымъ и назначенное подсудимому наказаніе вполнѣ соотвѣтствующимъ винѣ».

Такимъ образомъ болѣе восьми мѣсяцевъ тянулась безполезная переписка, которая лишній и уже не въ первый разъ доказала несостоятельность заочной оцѣнки судебныхъ приговоровъ.

Тѣмъ не менѣе я не считалъ себя удовлетвореннымъ, находя, что по закону такая форма запросовъ предсѣдательствующихъ недопустима и, при предстоящей поѣздкѣ въ Петербургъ, полагалъ доложить объ этомъ военному министру.

30 августа я былъ произведенъ въ генералъ-майоры, получилъ двухмѣсячный отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Представляясь начальнику главнаго военно-суднаго управленія, я доложилъ ему, что по случаю производства въ генералы завтра буду являться военному министру и спрошу его, могу ли, послѣ выказаннаго мнѣ по дѣлу Б. недовѣрія, оставаться въ должности судьи.

— Кто выказалъ вамъ недовѣріе?

— Вы, ваша свѣтлость, по приказанію военнаго министра.

— Не помню, разскажите, въ чемъ дѣло?

Я напомнилъ дѣло Б. и подписанное имъ предписаніе предсѣдателю суда, копію съ котораго и вручилъ ему.

— Писалъ это такой-то (назвалъ онъ фамилію чиновника), вѣроятно, былъ въ желчномъ настроеніи и бумага вышла ядовитая,

я же, подписывая, не обратилъ вниманія на редакцію, не придавая значенія этому запросу. Чего же вы теперь хотите? Военный министръ призналъ приговоръ правильнымъ, велѣлъ васъ объ этомъ увѣдомить, послѣ того вы произведены въ генералы, о дѣлѣ всѣ забыли, къ чему вамъ опять возбуждать его?

— Хотя никакого матерьяльнаго вреда я не потерпѣлъ, но въ бумагѣ выражено сомнѣніе въ способности моей правильно оцѣнивать важность воинскихъ преступленій, а потому я хочу спросить военнаго министра, могу ли я, при возможности и въ будущемъ получать надобные написанные желчными чиновниками запросы, оставаться въ должности судьи.

— Какъ хотите, но я бы на вашемъ мѣстѣ не возбуждалъ этого вопроса, военный министръ можетъ счесть его за излишнюю строптивость.

Въ четвергъ утромъ я поѣхалъ въ канцелярію военнаго министра. Въ пріемной, противъ обыкновенія, было очень мало представляющихся, всего три генерала, старше меня. Когда я вошелъ въ кабинетъ министра и доложилъ, что представляюсь по случаю прибытія въ отпускъ въ Петербургъ и производства въ генералъ-майоры, министръ, поздравивъ съ производствомъ, предложилъ сѣсть противъ него и, узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Туркестана, сталъ подробно разспрашивать о службѣ войскъ, не распущены ли нижніе чины и какія преимущественно совершаются ими преступленія?

Послѣ моихъ отвѣтовъ министръ поинтересовался узнать, какія отношенія возникли между переселенцами и туземными жителями края изъ-за оросительныхъ работъ, производимыхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Я случайно зналъ дѣло, возникшее по этому поводу, и энергическія мѣры, предпринятыя генералъ-губернаторомъ для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ русскихъ переселенцевъ, и разсказалъ о нихъ министру. Затѣмъ зашелъ разговоръ о нашихъ укрѣпленіяхъ на отдаленныхъ окраинахъ и когда я хотѣлъ познакомить его съ укрѣпленіемъ Карки, онъ перебилъ меня.

— Знаю, знаю, недавно здѣсь былъ Христіани, который и на словахъ и чертежами доказалъ мнѣ полную негодность укрѣпленія, при чемъ раздѣлалъ подъ орѣхъ строителей-инженеровъ. Слава Богу, что пограничные вопросы улажены, а то пришлось бы немедленно или перестраивать укрѣпленіе, или возвести впереди его новые форты.

Пользуясь хорошимъ настроеніемъ генералъ-адютанта Ванновскаго, я доложилъ ему содержаніе сдѣланнаго по его приказанію запроса, которымъ я крайне удрученъ, считая себя незаслуженно оскорбленнымъ.

— По какому дѣлу?

— По дѣлу подпоручика Б., разсмотрѣннаго подъ моимъ предсѣдательствомъ въ Карки.

— Помню, это тотъ юнецъ, который, выпивъ чарку за здоровье роты, свалился съ ногъ. Я поинтересовался этимъ дѣломъ потому, что князь доложилъ мнѣ, что офицеръ пьянствовалъ съ солдатами, за что приговоренъ къ не установленному въ законѣ дисциплинарному взысканію; что приговоръ уже исполненъ и что онъ полагаетъ, сверхъ того, уволить офицера въ административномъ порядкѣ отъ службы. Вслѣдствіе такого доклада, для выясненія дѣла, я предложилъ запросить судъ, какими соображеніями онъ руководствовался, назначая столь слабое наказаніе, а начальнику области предписалъ дать подробную аттестацію офицера. Вашъ отвѣтъ и подлинный приговоръ, въ связи съ полученной отъ начальства аттестаціей, убѣдили меня, что прокуроръ перестарался и что не слѣдовало предавать суду, а подвергнуть лишь взысканію по усмотрѣнію начальства, съ чѣмъ согласился и князь, и я тогда же просилъ сообщить суду, что взглядъ его на дѣло признаю правильнымъ и назначенное дисциплинарное взысканіе соотвѣтствующимъ винѣ.

— А между тѣмъ запросъ сдѣланъ былъ не суду, а лично мнѣ, и при томъ въ оскорбительной формѣ: подъ впечатлѣніемъ этого запроса я былъ болѣе восьми мѣсяцевъ, считая дальнѣйшую службу въ военно-судебномъ вѣдомствѣ невозможной,—сказалъ я, подавая министру злополучную копію съ отзыва.

Онъ прочиталъ, пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Запросъ этотъ совершенно не соотвѣтствуетъ моему указанію; признаю, что вы могли считать себя незаслуженно оскорбленнымъ. Оставьте бумагу у меня, я переговорю съ княземъ. О недовѣріи къ вашей служебной дѣятельности не можетъ быть рѣчи, прошу васъ продолжать службу и забыть этотъ инцидентъ.

Получивъ полное удовлетвореніе, я послѣ того прослужилъ еще шестнадцать лѣтъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и подобныхъ запросовъ не получалъ.

Н. В. Мордвиновъ.

ПОХОРОНЫ И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Страничка изъ воспоминаній).

Въ ТЕКУЩЕМЪ году исполнилось двадцать пять лѣтъ со смерти Ивана Сергѣевича Тургенева. Этимъ печальнымъ событіемъ открылся осенній сезонъ 1883 г. и сразу придалъ ему особый отпечатокъ, гдѣ интересы общественнаго и, пожалуй, политическаго порядка выдвинулись съ особенною силою. Послѣ мертваго и гнетущаго 1882 года, когда силы общественныя отодвинулись далеко на задній планъ, уступивъ во всемъ мѣсто силамъ бюрократическимъ, сразу почуялось, что наступилъ моментъ, хотя, правда, и печальный, когда общество въ той или иной формѣ получаетъ возможность сказать свое слово, заявить, что оно еще не совсѣмъ раздавлено. Послѣ приснопамятнаго февраля 1881 г., когда интеллигенція такъ ярко заявила о себѣ на похоронахъ Ѳ. М. Достоевскаго, наступилъ новый день—своего рода смотра рядамъ интеллигенціи. Послѣдняя, точно понимая и оцѣнивая значеніе этого смотра, употребила всѣ силы, чтобы явиться къ вокзалу Варшавской желѣзной дороги, куда должно было прибыть изъ-за границы тѣло любимаго писателя, въ возможно большемъ своемъ составѣ и съ блестящей помпой, позабывъ хоть на единый мигъ свои кружковые, «приходскіе» распри и раздоры.

И студенчество, къ которому я тогда принадлежалъ, шедшее всегда въ авангардѣ всякихъ общественныхъ явленій жизни, понятно, не

замедлило отозваться на похороны автора «Записокъ охотника», чтобы засвидѣтельствовать покойному писателю всю глубину чувства почтенія, какъ борцу за освобожденіе крестьянъ и властителю въ теченіе долгаго періода времени передовыхъ думъ и чаяній русской интеллигенціи. Выступленіе молодежи на похоронахъ Тургенева въ возможно большемъ количествѣ и въ наиболѣе видной формѣ сознавалось и какъ необходимость, которою навсегда покрывались недоразумѣнія между этою молодежью и отошедшимъ въ вѣчность историкомъ русскаго общества, возникшія въ свое время послѣ появленія его романа «Отцы и дѣти» и послѣ того литературнаго шума, который около этого романа создался и гдѣ автору было брошено обвиненіе «въ клеветѣ на молодежь». Правда, еще при жизни, въ свой послѣдній пріѣздъ въ Россію, Тургеневъ имѣлъ возможность убѣдиться вполнѣ осязательно, что былыя печальныя недоразумѣнія уже отошли въ даль забвенія, но, во всякомъ случаѣ, присутствіе молодежи на его похоронахъ въ роли горячихъ данниковъ его заслугамъ передъ родиною сознавалось учащимися, какъ ихъ обязанность передъ памятью великаго учителя. Поэтому вѣсть о кончинѣ Ивана Сергѣевича вызвала во всѣхъ здѣшнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сильный подъемъ чувствъ и желаніе явиться на его похороны,—которыя по всѣмъ даннымъ, почерпаемымъ изъ газетныхъ извѣстій, должны были совершиться очень торжественно,—въ наиболѣе представительной формѣ. Въ этомъ отношеніи петербургскій университетъ, гдѣ И. С. Тургеневъ состоялъ слушателемъ, занялъ особое положеніе, и здѣшнее студенчество дѣйствительно обратило своимъ появленіемъ на похоронахъ на себя общее вниманіе.

Занятія въ университетѣ въ 1883 г. начались по какимъ-то причинамъ съ опозданіемъ и только въ серединѣ сентября аудиторіи и длинный верхній коридоръ огласились гуломъ молодыхъ голосовъ. Знаменитое зданіе петровскихъ двѣнадцати коллегій послѣ лѣтняго отдыха шумно ожило, жизнь забила горячимъ ключомъ, со всѣми отзвуками въ ней тѣхъ общественныхъ настроеній, которыя назрѣли къ тому времени за порогомъ учебнаго заведенія. А главное вниманіе общества въ тѣ дни сосредоточилось на извѣстіяхъ, шедшихъ изъ Парижа и связанныхъ съ именемъ только что скончавшагося писателя. Кончина Ивана Сергѣевича послѣдовала 22 августа, и съ того дня газеты изо дня въ день твердили читателямъ о значеніи для Россіи покойнаго писателя, сообщали подробности о его жизни и кончинѣ, помѣщали о немъ оригинальныя критическія статьи, дѣлали извлеченія изъ статей о немъ иностранной литературы, оповѣщали намѣченный церемоніалъ его похоронъ на Волковомъ кладбищѣ. Всѣ, тогда очень немногочисленныя, общественныя корпораціи принимали, въ связи съ предстоящимъ печальнымъ торжествомъ, тѣ или иныя рѣше-

нія. Газетное извѣщеніе въ отдѣлѣ хроники, сообщавшее, что городское управленіе, по предложенію М. И. Семевскаго, рѣшило, между прочими видами почитанія автора «Записокъ охотника», учредить и стипендію его имени при нашемъ университетѣ, произвело самое благопріятное впечатлѣніе въ средѣ молодежи. Имена Семевскаго, Стасюлевича, Гайдебурова и др., принимавшихъ наиболѣе близкое и горячее участіе въ предстоящемъ похоронномъ церемоніалѣ, стали на то время особенно популярными и къ нимъ со всѣхъ сторонъ обращались съ запросами, за совѣтами и указаніями. Короче, общественная среда была приведена въ надлежащее движеніе, атмосфера соотвѣтственно повышена и было очевидно, что Петербургу готовится зрѣлище, которое должно превзойти то, которое ему представилось на похоронахъ автора «Братьевъ Карамазовыхъ». Правда, тамъ, два съ половиною года назадъ, все совершилось экспромтомъ, само собою, стихійно, почему и вышло такъ грандіозно, такъ внушительно; здѣсь же имѣла мѣсто организаціонная подготовка и, какъ всякая таковая, особенно растянувшаяся на долгое время (Тургеневъ скончался 22 августа, а похороны намѣчались на конецъ сентября), она впитывала въ себя нѣкоторый элементъ официальности и внѣшней регламентаціи.

Сознаніе необходимости университетскому студенчеству явиться на похороны въ наиболѣе торжественной обстановкѣ сознавалась всѣми твердо, и въ этомъ направленіи сразу же, когда открылись передъ нами университетскія двери послѣ лѣтнихъ каникулъ, начались толки, совѣщанія, споры. Въ результатѣ довольно многочисленной группой товарищей было рѣшено взять всю организацію представительства на похоронахъ въ свои руки, а пишущему эти строки вручить бразды правленія. Нѣкоторый опытъ по устройству студенческихъ обѣдовъ, баловъ, литературныхъ вечеровъ и лекцій уже имѣлся за мной, а потому избравшіе меня были увѣрены, что все дѣло пойдетъ гладко и съ должнымъ успѣхомъ.

Я бросилъ въ коридорѣ кличъ: «Въ одиннадцатую аудиторію!» куда вскорѣ стеклась многочисленная толпа, и гдѣ было объявлено, что отъ студентовъ университета предположенъ особый роскошный вѣнокъ на гробъ Тургенева и сдѣлано воззваніе о сборѣ денегъ. Вскорѣ шапка оказалась переполненною деньгами, а послѣ обхода и прочихъ аудиторій въ моемъ распоряженіи оказалась уже значительная сумма, на которую можно было соорудить дѣйствительно нѣчто изящное. Мысль о серебряномъ вѣнкѣ была мною отклонена, и по совѣщаніи съ фотографомъ Шапиро [1]) (нынѣ

---

[1]) Шапиро былъ высокообразованный человѣкъ, составившій себѣ выдающееся имя среди единовѣрцевъ, какъ еврейскій поэтъ, знавшій въ совершенствѣ древне-еврейскій языкъ и на немъ свободно писавшій. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Ивана Сергѣевича.

покойнымъ) я рѣшилъ соорудить громадный щитъ изъ цвѣтовъ и на него возложить въ черной траурной рамкѣ портретъ покойнаго писателя; и щитъ и портретъ должны были быть гарнированы лентами съ соотвѣтствующими на нихъ надписями. Шапиро согласился уступить для этого траурнаго трофея великолѣпно выполненный имъ портретъ Ивана Сергѣевича съ значительной уступкой. Когда цвѣточный магазинъ представилъ приблизительную смѣту, то оказалось, что въ моемъ распоряженіи остается еще порядочная денежная сумма. На остатокъ я рѣшилъ соорудить, какъ дополненіе къ щиту, двѣ громадныя хоругви, изъ свѣтло-голубой матеріи, обшитой золотыми шнурами и съ таковыми же массивными кистями. По замыслу вся декорація должна была имѣть внушительный видъ.

И вотъ, когда мое распорядительское воображеніе работало во всю и я чувствовалъ, что организаторская волна несетъ меня неудержимо къ выполненію намѣченнаго плана, я получаю поздно вечеромъ повѣстку отъ инспекціи съ предложеніемъ явиться въ слѣдующее утро къ ректору для объясненій. Не подозрѣвая ничего дурного, являюсь по повѣсткѣ въ университетъ, иду въ канцелярію и прошу сторожа доложить ректору о моемъ приходѣ. А. Н. Бекетовъ, тогдашній ректоръ, былъ въ отпуску, изъ котораго еще не успѣлъ вернуться къ началу занятій, а должность его исполнялъ нѣсколько суровый на видъ и крутой въ своихъ формальныхъ отношеніяхъ деканъ юридическаго факультета, извѣстный статистикъ Ю. Э. Янсонъ. Встрѣтилъ онъ меня непривѣтливо и сразу перешелъ къ угрозамъ.

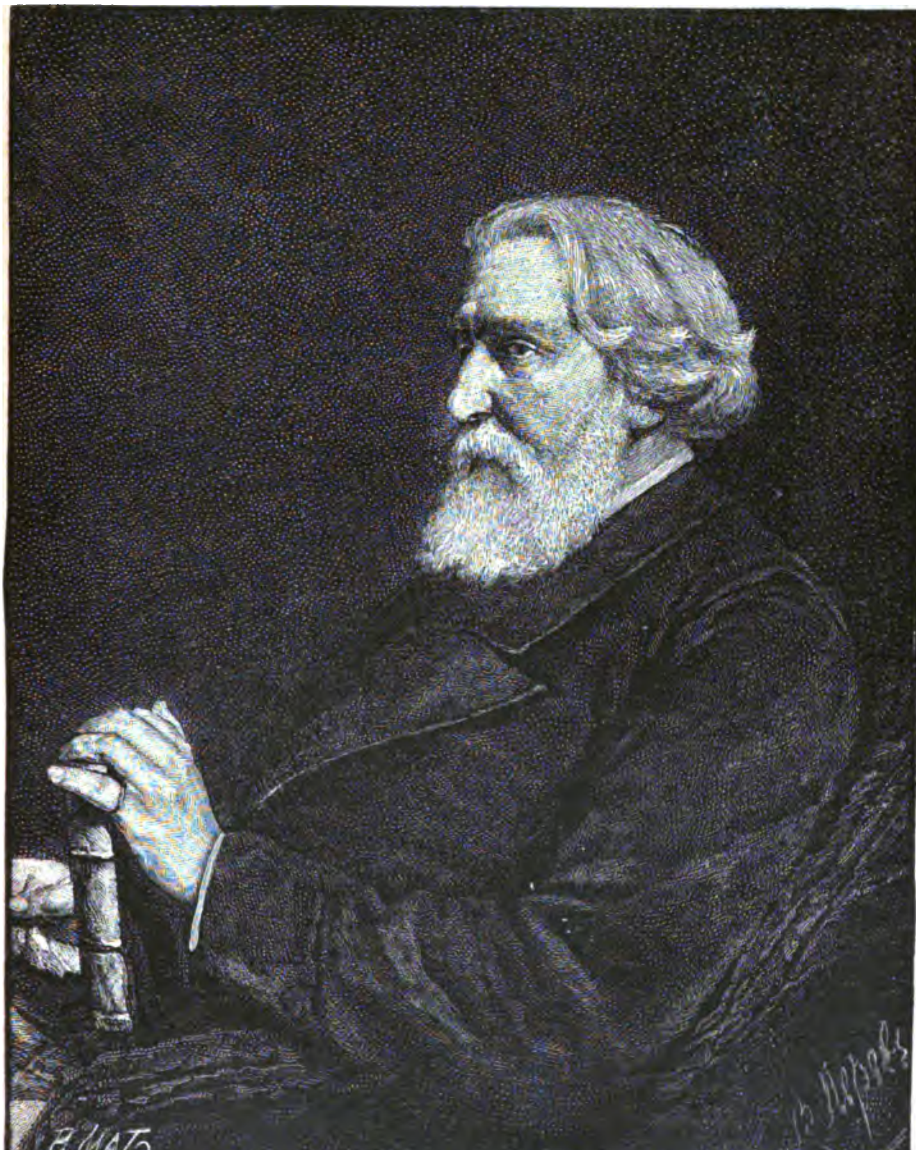
— До моего свѣдѣнія дошло, что вы безъ разрѣшенія университетскаго начальства производите сборъ денегъ на вѣнокъ Тургеневу отъ имени студентовъ?

— Такъ точно.

— Ну, такъ знайте же, что отъ студентовъ никакого вѣнка быть не должно. Будетъ вѣнокъ отъ университета, и только. Студенты не представляютъ собою никакой организаціи, а потому на общественномъ торжествѣ не имѣютъ права представительства.

— Но почему же въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начальство не встрѣчаетъ препятствій къ разрѣшенію вѣнковъ...

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до другихъ учебныхъ заведеній. Я говорю вамъ про университетъ и прибавлю еще,—уже значительно повышая свой рѣзкій голосъ, продолжалъ Янсонъ:—что если вы не прекратите вашихъ сборовъ и хлопотъ о вѣнкѣ, то будете въ 24 часа высланы изъ Петербурга, Я имѣю на это указаніе высшаго начальства, и его распоряженіе будетъ исполнено. Имѣйте



Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(Гравюра В. В. Матэ).

это въ виду, а теперь можете итти. За вами будетъ установленъ надзоръ.

Я въ полномъ недоумѣніи покинулъ грознаго ученаго. Со мною вмѣстѣ вышелъ изъ комнаты и тогдашній инспекторъ студентовъ Цивильковъ, многозначительно улыбавшійся.

— А что вы вѣнокъ-то ужъ заказали? — вкрадчиво началъ инспекторъ свой допросъ.

— Заказалъ,—хмуро пробурчалъ я.

— Поторопились, поторопились. А гдѣ онъ заказанъ?

Въ это время кто-то отозвалъ моего допросчика въ сторону, а я, воспользовавшись этимъ моментомъ, скрылся въ толпѣ и поспѣшилъ къ товарищамъ за совѣтомъ, какъ быть? Останавливать прихототовленія цвѣточнаго магазина было бы рискованно; затрачены были уже большія деньги на покупку всѣхъ декоративныхъ принадлежностей, молва о вѣнкѣ обѣжала значительные круги — могла получиться въ результатѣ своего рода каша, послѣдствія которой могли быть достаточно печальныя и для меня лично, какъ отвѣтственнаго лица за собранныя деньги, и для всѣхъ студентовъ, учебная жизнь которыхъ съ самаго начала года осложнялась совершенно ненужнымъ инцидентомъ, могшимъ разжечь страсти и сыграть на руку тѣмъ, въ программу кого входило постоянное волненіе университетовъ. Надо было во что бы то ни стало потушить начинавшуюся исторію и сохранить за студентами нашего университета то право, котораго никто не лишалъ слушателей прочихъ учебныхъ заведеній, до гимназій включительно. На нашемъ совѣщаніи рѣшено было апеллировать къ популярнымъ профессорамъ, стоявшимъ наиболѣе близко къ молодежи—И. Е. Андреевскому, О. Ѳ. Миллеру, а главное къ Н. С. Таганцеву, тогдашнему ревностному дѣятелю литературнаго фонда, являвшемуся однимъ изъ организаторовъ предстоявшихъ печальныхъ торжествъ. Отвѣтъ получился таковой: подождать до слѣдующаго дня, когда Бекетовъ долженъ вернуться изъ отпуска и вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Онъ посмотритъ на дѣло иначе и сумѣетъ отстоять права студенчества и тѣмъ болѣе, что самому Андрею Николаевичу предстоитъ на похоронахъ видная роль, какъ первому намѣченному оратору на могилѣ Ивана Сергѣевича.

Дѣйствительно, такъ и вышло. Бекетовъ призналъ за нами наши скромныя права, разрѣшилъ сооруженіе вѣнка и отнесся къ нашимъ планамъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, какъ человѣкъ высоко просвѣщенный и близкій литературѣ. Но тутъ возникло новое недоразумѣніе. Когда выяснилось, что мы явимся на похороны не съ простымъ вѣнкомъ, а съ декораціей въ три предмета, требующей для своего несенія довольно значительнаго количества лицъ, то тутъ ужъ запротестовалъ Н. С. Таганцевъ. По его словамъ, каждая депутація имѣетъ для участія въ

похоронахъ свой нумеръ [1]) и по этому нумеру ей предоставлено право явиться съ однимъ вещнымъ предметомъ, для несенія котораго допускается депутація всего изъ шести человѣкъ. Такъ установлено церемоніаломъ по соглашенію съ полиціей. Мы же собираемся явиться съ тремя вѣнками (на каждой хоругви прикрѣплялся особый вѣнокъ, внутри котораго помѣщались даты рожденія и кончины), чрезвычайно громоздкими и тяжелыми, для несенія которыхъ потребуется своего рода толпа, принимая во вниманіе необходимость нѣсколькихъ смѣнъ. Такое нарушеніе церемоніала недопустимо, и наши хоругви должны быть пожертвованы установленному организаторами процессіи порядку. Но съ такой постановкой вопроса уже мы, студенты, не соглашались, и никоимъ образомъ не желали жертвовать дѣйствительно эффектными хоругвями. Опять-таки Бекетовъ и тутъ выручилъ. Онъ посовѣтовалъ не настаивать на своемъ, взять нумерной билетъ и явиться на похороны, какъ мы желаемъ.

— Понятно,—говорилъ онъ:—ни Таганцевъ, ни фондъ васъ не прогонятъ съ торжества. Я лично тамъ буду. Берегитесь только полиціи, чтобы она не заарестовала вашихъ регалій. Какъ ужъ это сдѣлать, не берусь совѣтовать. Не шумите, а дѣйствуйте осторожно.

Совѣтъ заслуженнаго ректора былъ выполненъ. Наканунѣ похоронъ, назначенныхъ на 27 сентября, я засѣлъ на цѣлый день въ глубинѣ магазина Эйлерса на Невскомъ, гдѣ шла отдѣлка нашей декораціи, а въ самый день печальнаго торжества къ подъѣзду подъѣхалъ ломовой, на котораго незамѣтно для сторонняго глаза я и нагрузилъ самый щитъ съ портретомъ и хоругви, сверху все покрылъ рогожами и въ видѣ простого смертнаго, перевозящаго вещи на новую квартиру, тронулся одиноко въ путь къ Технологическому институту, гдѣ меня должна была встрѣтить толпа студентовъ. Студенческой формы тогда еще не было, и мой штатскій видъ не могъ возбудить ничьего подозрѣнія. Такъ оно и случилось, какъ по писанному, и въ 9 часовъ утра я былъ уже на мѣстѣ безъ всякихъ приключеній и задержекъ. Выгрузка вѣнковъ не представила затрудненій, полиція покосилась, однако не создала никакихъ затрудненій, и вскорѣ наша обширная депутація заняла на Забалканскомъ проспектѣ надлежащее мѣсто. Картина получилась дѣйствительно эффектная: большой портретъ Тургенева, обрамленный массивной черной рамкой, покоящейся на фонѣ изъ цвѣтовъ, поднятый высоко подпорками, выглядѣлъ красиво и осязательно знакомилъ толпы народа, стекшагося посмотрѣть процессію, съ

[1]) Студенты петербургскаго университета были въ церемоніалѣ похоронъ помѣщены подъ № 76, между какой-то кіевской гимназіей и новороссійскимъ университетомъ

личностью того, въ честь котораго протекаетъ печальное торжество. Подъ лучами сентябрьскаго солнца нѣжно-голубыя хоругви, взвившись высоко въ воздухѣ, съ ихъ дубовыми вѣнками, золотыми кистями и позументной обшивкой производили внушительное впечатлѣніе. Наша депутація растянулась въ ширину всей улицы и явилась въ соединеніи со студентами новороссійскаго университета центральнымъ пунктомъ процессіи. Всѣ считали долгомъ подойти полюбоваться нашей группой, отдать честь нашему творчеству и организаціи. Фотографы спеціально снимали это мѣсто печальной процессіи [1]), а репортеры на слѣдующій день остановились на ней съ особенною подробностью, отмѣтивъ, что изъ 200 вѣнковъ слишкомъ, представленныхъ на похоронахъ, нашъ студенческій въ особенности обращалъ на себя вниманіе своей грандіозностью и изяществомъ.

Въ 10 ч. 20 м. къ перрону Варшавскаго вокзала подошелъ траурный вагонъ съ гробомъ Ивана Сергѣевича, а въ 11 часовъ вся процессія тронулась въ путь, растянувшись почти на двѣ версты. Около катафалка пѣлъ хоръ русской оперы, а въ серединѣ процессіи печальныя слова «Вѣчной памяти» были подхвачены образовавшимся нашимъ студенческимъ хоромъ и, чередуясь съ опернымъ, мы съ пѣніемъ подвигались къ воротамъ Волкова кладбища. Въ половинѣ только третьяго удалось доставить гробъ съ дорогими останками въ церковь, причемъ когда убранный парчею катафалкъ подвигался по внутренней кладбищенской дорогѣ къ храму, изъ депутацій составился широкій коридоръ, и вѣнки салютовали славному гражданину русской земли, земно кланяясь ему отъ имени народа, для котораго онъ такъ много поработалъ.

Согласно заранѣе объявленному порядку, на могилѣ допущены были только рѣчи избранныхъ представителей нашей общественности. Таковыми оказались—нашъ ректоръ А. Н. Бекетовъ, профессоръ московскаго университета С. А. Муромцевъ, писатели Д. В. Григоровичъ и А. Н. Плещеевъ. Этотъ выборъ ораторовъ и съ внѣшней стороны и по ихъ значенію въ нашемъ обществѣ былъ чрезвычайно удачный. Все это были люди, заслужившіе себѣ уже широкую популярность, почтенные въ своемъ общественномъ служеніи и видные своей представительной наружностью, что для роли оратора на блестящемъ торжествѣ всегда имѣетъ большое значеніе.

Первымъ говорилъ А. Н. Бекетовъ. Этотъ видный старикъ съ шапкою сѣдыхъ кудрей на головѣ далъ краткую оцѣнку творчества покойнаго писателя съ научно-философской точки зрѣнія; за нимъ говорилъ С. А. Муромцевъ, тогда жгучій брюнетъ, плѣнитель женскихъ сердецъ и видный представитель либеральной

---

[1]) Въ «Нивѣ» впослѣдствіи она была воспроизведена.

Москвы. Онъ подошелъ къ Тургеневу съ общественной точки зрѣнія и далъ оцѣнку его гражданскихъ заслугъ передъ Россіей. Рѣчь Д. В. Григоровича обнимала собою личность скончавшагося, какъ человѣка и писателя, съ которымъ онъ на зарѣ жизни много лѣтъ тому назадъ вступилъ одновременно на литературное поприще. Эта рѣчь произвела большое впечатлѣніе на публику и была даже покрыта шумными знаками одобренія, противъ чего, однако, послышались протесты, сводившіеся къ тому, что на похоронахъ не можетъ быть мѣста аплодисментамъ и крикамъ «браво». Послѣднимъ выступилъ съ прощальнымъ стихотвореніемъ А. Н. Плещеевъ; пѣвучимъ, нѣсколько тихимъ голосомъ декламировалъ онъ:

И нѣтъ тебя!.. Недуга злого
Ты жертвой палъ въ странѣ чужой!..
Но до прощанья рокового
Все сердцемъ рвался въ край родной.

Его любилъ ты безконечно,
Какъ тотъ—другъ юныхъ дней твоихъ —
Знаменоносецъ правды вѣчной
И мыслей сѣятель благихъ,

Кого такъ рано смерть сразила,
Но чья пророческая рѣчь
Ужъ славы лучъ тебѣ сулила,
И съ кѣмъ желалъ ты рядомъ лечь [1]).

И, вотъ, со всѣхъ концовъ прощальный
Тебѣ привѣтъ отчизна шлетъ,
И много въ этотъ день печальный
Слезъ о тебѣ она прольетъ...

«Да, человѣкъ онъ былъ!» словами
Поэта скажетъ край родной,
Съ благоговѣніемъ цвѣтами
Вѣнчая холмъ могильный твой.

Въ половинѣ пятаго кончился актъ погребенія. Усталая публика начала разъѣзжаться, а оставшаяся молодежь, преимущественно изъ представительницъ слабаго и прекраснаго пола, во всю работая локтями, ринулась разорять образовавшійся цвѣточный курганъ. Дорогія серебряныя и металлическія вѣнки предусмотрительно были унесены, а отъ прекрасныхъ цвѣтовъ осталась на могилѣ

[1]) В. Г. Бѣлинскій.

лишь помятая куча зелени. Я съ трудомъ спасъ портретъ Тургенева, успѣвъ снять его со щита и передавъ одному изъ товарищей, прибывшему на похороны въ каретѣ; равнымъ образомъ съ значительными усиліями удалось срѣзать золотые шнуры и кисти съ хоругвей. Все остальное было предоставлено вандализму «поклонницъ» Тургенева. Если портретъ писателя удалось передать въ безопасное мѣсто, то съ кистями и шнурами, очень массивными, дѣло не обошлось столь благополучно и они послужили для меня источникомъ маленькой непріятности. За неимѣніемъ какой-нибудь салфетки, куда бы я могъ уложить всю гарнитуру, пришлось ее одѣть на себя и преобразиться въ своего рода камергера, залитаго золотомъ. И вотъ въ такомъ-то раззолоченномъ видѣ я попалъ въ ближайшій къ Волкову кладбищу мѣстный трактиръ, куда собралось студенчество «помянуть» писателя.

Проголодавшись съ ранняго утра, мы приступомъ взяли стойку буфета, и скоро трактиръ обратился въ своего рода сходку, на которой появились ораторы, послышались споры, кое-гдѣ въ углу и пѣсенки. Покойникъ былъ забытъ, и на сцену выступила повседневная студенческая жизнь со всѣми ея заботами и злобами. Водка и пиво дѣлали свое дѣло—атмосфера подымалась... Вдругъ ко мнѣ озабоченно подходитъ одинъ изъ студентовъ и таинственно сообщаетъ, что въ трактирѣ не все благополучно. Появились какіе-то подозрительные «незнакомцы», повидимому, не изъ учащагося міра и раздаютъ прокламаціи съ воззваніемъ къ борьбѣ съ правительствомъ, къ безпорядкамъ и проч.

— Васъ многіе здѣсь знаютъ, примите мѣры. Это провокація, стремящаяся во что бы то ни стало создать конфликтъ. Прокламаціи на разгоряченныя виномъ головы создадутъ бѣду.

Обращаюсь къ студенту У., имѣвшему нѣкоторое касательство къ революціоннымъ организаціямъ, и получаю отъ него твердое увѣреніе, что ни «молодая партія народной воли», ни какая-либо иная революціонная организація къ раздаваемымъ прокламаціямъ непричастна и что, повидимому, это дѣло стороннихъ рукъ.

Надо было рѣшиться на какое-нибудь дѣйствіе и, когда мнѣ указали на одного изъ распространителей подозрительныхъ листковъ, я въ компаніи съ еще двумя студентами подошли къ нему и заявили:

— Немедленно убирайтесь съ своей литературой изъ трактира. Если же не послушаетесь, то мы выбросимъ васъ изъ окна на мостовую.

Незнакомецъ отъ такого натиска опѣшилъ, пробовалъ довольно заносчиво протестовать, но наше рѣшеніе было непоколебимо: или убирайся по добру, по здорову въ дверь, или избитымъ прыгай со второго этажа въ окно. Незнакомецъ подчинился требованію и благоразумно избралъ первый способъ исчезновенія. Этимъ инци-

дентъ былъ исчерпанъ, и впослѣдствіи мнѣ такъ и не удалось узнать, что это были за таинственныя прокламаціи и отъ кого онѣ исходили.

Наступила уже ночь. Пора было по домамъ. Вдоль Обводнаго канала замелькали огоньки фонарей, трактиръ сталъ пустѣть. Разсчитавшись за свою компанію и отправивъ ослабѣвшихъ домой на извозчикахъ, я бодро зашагалъ, нагруженный золотомъ, по глухой мѣстности. Вскорѣ въ проулкѣ попался «Ванька», я вскочилъ на него, но каково же было мое удивленіе, когда, вмѣсто указанной ему дороги, онъ вдругъ сталъ, сильно погоняя лошадь, забирать куда-то въ сторону, по направленію къ глухому старообрядческому кладбищу. На крикъ: «стой! куда везешь!» мой возница не обратилъ никакого вниманія, а только усиленно принялся подгонять своего рысака. Я понялъ, что «мое золото» играетъ въ выборѣ имъ для меня дороги извѣстную роль и, ослабивъ стягивавшій меня и соблазнившій извозчика золоченый шнуръ, размахнулся внушительной кистью и сбилъ своего возницу съ козелъ. Вслѣдъ затѣмъ я соскочилъ съ дрожекъ и бросился бѣжать по направленію настоящей дороги. Конечно, столь блестяще и въ изобиліи представленной на похоронахъ русскаго писателя полиціи нигдѣ по дорогѣ уже не оказалось: благополучіе и безопасность обывателей, видимо, не входили въ кругъ ея обязанностей, и оставалось только Бога благодарить, что находчивость помогла собственными средствами выйти изъ опаснаго положенія. Слѣдомъ моей расправы съ извозчикомъ осталась только расколотая кисть. А онъ, какъ я издали увидалъ, почесывая затылокъ, спокойно снова взгромоздился на козлы и углубился въ даль.

На слѣдующій день всѣ похоронныя регаліи мною были переданы въ студенческую читальню, гдѣ на стѣнѣ и удалось соорудить очень живописное тургеневское мѣсто: портретъ писателя, убранный остатками декорацій отъ вѣнка и хоругвей. Когда въ 1887 г. читальня была закрыта, то исчезъ куда-то и портретъ Тургенева. Я пытался дознаться, куда его дѣла инспекція, но мой вопросъ остался безъ отвѣта. Очевидно, его причислили къ вещественнымъ доказательствамъ политической неблагонадежности студентовъ восьмидесятыхъ годовъ.

Б. Г.

ПО ПОВОДУ СТИХОТВОРЕНІЯ ЖЕМЧУЖНИКОВА „ДРУГУ“.

ВЪ ЧИСЛѢ первыхъ произведеній покойнаго дяди моего Алексѣя Михайловича Жемчужникова есть стихотвореніе «Другу». Оно относится къ 1855 г. и имѣетъ несомнѣнное значеніе для духовной характеристики поэта и брата его Николая Михайловича, къ которому онъ обращается съ этими стихами:

> Тебѣ, познавшему отраду тайныхъ слезъ
> И посѣщенному глубокой, скорбной думой,
> Я съ возрожденіемъ привѣтствіе принесъ:
>   Воскресни къ жизни,—плачь и думай!
> Не говори: «мнѣ дней самозабвенья жаль;
> «Забавъ безпечныхъ рой меня покинулъ рано».
> Полюбишь ты свою разумную печаль,—
>   Возненавидишь блескъ обмана.
> Живи! Теперь ты жить достоинъ! Свѣтскихъ нѣгъ
> Пришла пора стряхнуть мертвящія оковы.
> Къ тебѣ весна идетъ; холодный таетъ снѣгъ,—
>   Подъ нимъ цвѣты расцвѣсть готовы.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (май, 1908) г. Б. Г., рисуя литературный портретъ Алексѣя Михайловича, упоминаетъ о братьяхъ поэта Александрѣ и Владимірѣ. У него было еще два брата, здравствующіе нынѣ—Николай, слѣдующій за нимъ по возрасту, и младшій—Левъ. Между прочимъ, долженъ замѣтить, что, говоря объ Александрѣ и Владимірѣ, г. Б. Г. путаетъ ихъ характеристики. Репутаціей «неисправимаго повѣсы, остроумнаго весельчака и школьника», по заслугамъ пользовался Александръ,

а не Владимиръ. Но тонкiй юморъ, жизнерадостность и мѣткая критика всего дутаго, чваннаго и ограниченнаго составляли свойства всѣхъ братьевъ, и общей ихъ веселостью и наблюдательностью создался безсмертный типъ Кузьмы Пруткова.

Вращаясь въ кругу высшаго свѣта, молодые люди невольно увлекались водоворотомъ разгульной и беззаботной жизни. Николай Михайловичъ—красивый, изящный, обладавшiй всѣми данными для успѣха въ свѣтѣ, отдавался обаянiямъ этого успѣха съ беззавѣтностью возраста, когда «новы всѣ впечатлѣнья бытiя». Если иногда въ душѣ его поднималось возмущенiе противъ пустоты и лживости празднаго веселья, новое увлеченiе, новая забава подавляли голосъ разсудка. Но... «не всегда жъ онъ могъ beef-steaks и страсбургскiй пирогъ шампанской поливать бутылкой»; къ тому жъ и средства, которыя давалъ ему отецъ, не могли удовлетворить широкаго размаха разраставшихся требованiй. Трезвыя думы все болѣе и болѣе пробуждали недовольство собой и чувство брезгливости къ образу жизни, ставшему для него обычнымъ. Внутренняя борьба приняла острый характеръ и доводила его почти до отчаянья. Онъ искалъ человѣка, съ которымъ могъ бы подѣлиться своей душевной драмой, въ которомъ могъ бы найти поддержку въ тяжелыя минуты разлада со своей совѣстью. И вотъ все, что волновало и мучило его, онъ излилъ въ откровенномъ письмѣ къ своему крестному отцу, Петру Александровичу Курбатову, котораго глубоко любилъ и уважалъ. П. А. Курбатовъ, мужъ родной тетки Николая Михаиловича, принадлежалъ къ представителямъ той свѣтлой части русскаго общества начала XIX в., которая ознаменовала эту эпоху подъемомъ мысли и духа въ борьбѣ съ мракомъ и застоемъ, обусловленными невѣжествомъ, грубостью нравовъ и широкимъ произволомъ фаворитизма. П. А. Курбатовъ горячо отозвался на исповѣдь племянника и крестника въ письмѣ отъ 15 февраля 1855 г. Оно написано по-французски, и мы приводимъ его здѣсь для удобства читателей въ точномъ переводѣ.

Я получилъ ваше письмо, дорогой Николай, и спѣшу на него отвѣтить. Чувства, которыя васъ волнуютъ, доставляютъ мнѣ большое удовольствiе. Вы говорите, что вы недовольны самимъ собой—тѣмъ лучше; это значитъ, что вы сознаете ваши ошибки, ваши несовершенства, желаете стать лучше, испытываете чувство смиренiя; значитъ, вы нравственно очень хорошо настроены, такъ какъ нельзя видѣть свои ошибки и сознавать ихъ, не будучи озареннымъ лучомъ *Божественной благодати.* Богъ противится гордымъ, но посылаетъ милость смиреннымъ. *Смиренныхъ наставляетъ на истину и научаетъ ходить путемъ Его.* (Пс. 24. 9—19). Самая вѣрная дорога та, которую открываетъ вамъ Господь. Вы жалѣете, что не можете быть полезнымъ настолько, насколько вамъ бы этого хотѣлось; это чувство, конечно, похвально, но нѣтъ положенiя въ мiрѣ, гдѣ мы живемъ по волѣ Провидѣнiя, въ которомъ не представлялось бы возможнымъ быть полезнымъ нашимъ ближнимъ; для этого не надо ни высокаго положенiя, ни богатства. Всякая тварь въ природѣ содѣйствуетъ цѣли, начертанной Прови-

дѣніемъ, но человѣкъ, надѣленный свободной волей и мыслящій, долженъ стараться во всякомъ положеніи (съ помощью благодати) стать орудіемъ добра. Чтобъ было можно этого достигнуть, существуетъ Божественный законъ, открытый въ Словѣ; если мы будемъ читать его съ намѣреніемъ просвѣтиться, Онъ намъ послужитъ вожатымъ во всѣхъ случаяхъ жизни и мы почерпнемъ въ немъ истину и утѣшеніе; если мы будемъ читать его съ предубѣжденіемъ и мудрствованіемъ, мы почерпнемъ заблужденіе и невѣріе. Надо пропускать все, на что не находишь въ себѣ отзыва, и воспользоваться всѣмъ, на что отзываешься; надо отказаться отъ побужденій самолюбія: начать съ вѣры, чтобы достигнуть знанія. Такъ во всемъ: чтобы научиться читать, надо сначала повѣрить, что А это А, Б это Б. Вы говорите: *если я возрожусь, я получу вѣру и буду спасенъ.* Возрожденіе это дополненіе къ нашему спасенію на небѣ, Богъ хочетъ, чтобы основаніе было положено при нашемъ существованіи на землѣ. Посмотрите, путемъ какихъ долгихъ преобразованій природа дошла до своего окончательнаго развитія, сколько борьбы выдержала она со стихіями. Такъ и мы; но Господь сказалъ: *моей благодати для тебя довольно; сила моя, въ немощи совершается. 2 Кор.* Итакъ, смѣлѣй, дорогой Николай! Просвѣщайтесь читая, моля Бога, чтобъ Онъ далъ вѣру, которая тоже даръ Божій, и чтобъ Онъ укрѣпилъ васъ выполнить Его волю. Видите, какое длинное посланіе я вамъ написалъ. Прощайте.

П. Курбатовъ.

Это письмо прекрасно подѣйствовало на разстроенное состояніе духа молодого человѣка. Отчаянье, которое готово было его охватить, смѣнилось надеждой на возможность все еще измѣнить; предъ нимъ лежала цѣлая жизнь, а въ душѣ зрѣло рѣшеніе разумнымъ и правдивымъ отношеніемъ къ людямъ и дарамъ Божіимъ исправить прежнія заблужденія и ошибки. Въ это время его посѣтилъ братъ-поэтъ. Много лѣтъ спустя въ письмѣ къ Николаю Михайловичу отъ 6 декабря 1901 г. Алексѣй Михайловичъ такъ вспоминаетъ это посѣщеніе: «Воскресни къ жизни, — плачь и думай!»—мой стихъ. Онъ находится въ стихотвореніи, озаглавленномъ въ моемъ сборникѣ: «Другу», а это означаетъ—тебѣ. Ты жилъ тогда въ домѣ Фохта—въ большой комнатѣ окнами на дворъ. Я былъ у тебя днемъ; нашелъ тебя въ глубоко грустномъ настроеніи, ты плакалъ. Мы другъ съ другомъ говорили и разстались очень дружески. Я нашелъ, что грусть твоя была очень серьезна и вдумчива. И въ память нашего тогдашняго разговора я написалъ стихотвореніе «Другу», которое, сколько мнѣ помнится, тебѣ послѣ принесъ и вручилъ». Объ этомъ стихотвореніи Алексѣй Михайловичъ еще разъ вспоминаетъ въ письмѣ къ брату отъ 31 августа 1906 г.: «Прошу тебя написать мнѣ, какъ начинается мое стихотвореніе—«Въ альбомъ», которое ты хотѣлъ бы видѣть въ печати? Не есть ли это стихотвореніе, уже напечатанное въ собраніи моихъ стихотвореній подъ заглавіемъ — «Другу» въ 1-мъ томѣ, страница 7-я? «Другу» это тебѣ». Духовный переломъ, который совершился въ жизни Николая Михайловича, пережилъ и самъ поэтъ. Онъ говоритъ о немъ въ своей автобіографіи: «Въ первомъ періодѣ моей жизни я убилъ много времени даромъ.

Жизнь чувственная часто преобладала надъ духовною. Не столько служба, но свѣтская жизнь нерѣдко засасывала меня, какъ болото. Проявлялись, конечно, и тогда болѣе или менѣе свѣтлые промежутки. Они-то и подготовили возможность совершившейся со мной перемѣны». Но перемѣна въ жизни поэта совершилась позже. Онъ говоритъ о ней въ своемъ стихотвореніи «Возрожденіе», написанномъ уже въ 1859 году. Этотъ годъ, очевидно, и надо считать рубежомъ, отдѣляющимъ беззаботнаго баловня судьбы и свѣта отъ вдумчиваго пѣвца и отзывчиваго выразителя жизни со всѣми ея горестями и тревогами.

Михаилъ Жемчужниковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ.

(Отрывокъ изъ записокъ).

МНОГОЕ было сказано, разсказано и писано о покойномъ Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, но все, что по сей день появилось въ печати нашей и иностранной, касается болѣе сторонъ и эпизодовъ его боевой жизни и дѣятельности политической и административной; но никогда не было говорено о сердечныхъ проявленіяхъ великой души Михаила Дмитріевича.

Мнѣ пришлось съ 1875 по 1877 годъ служить въ Средней Азіи съ покойнымъ Скобелевымъ при тоже, увы! покойномъ блаженной памяти Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ. Отношенія, существовавшія между мною и Скобелевымъ, были съ давнихъ лѣтъ искренно дружескія. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ столкновеній во время экспедиціи 1875 г. на поляхъ кокандскихъ, столкновеній чисто боевого свойства, послѣ которыхъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, каждый остается твердо убѣжденнымъ въ своей правотѣ, отношенія между нами совершенно измѣнились, обострившись до того, что мы, оба въ высшей степени порядочные люди, въ душѣ глубоко уважая другъ друга, дали себѣ обоюдное слово чести никогда и нигдѣ не встрѣчаться въ военное время на одномъ и томъ же театрѣ дѣйствій, въ какихъ бы служебныхъ положеніяхъ ни находились въ будущемъ.

Прошло болѣе года, Скобелевъ правилъ Ферганой на славу Россіи, на страхъ Средней Азіи; Индія и Англія за нимъ слѣдили

зорко. Я же жилъ въ Ташкентѣ, состоя въ это самое время въ распоряженіи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана.

Въ 1876 году состоялась Алайская экспедиція, окончившаяся совершенно мирно, безъ выстрѣла; характеръ экспедиціи былъ скорѣе ученый. Въ горной экспедиціи на Алай приняли участіе незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшія изъ Петербурга два лица, принадлежащія къ высшему свѣту столицы, члены яхтъ-клуба, имѣвшія, кромѣ того, далеко незаурядное положеніе при высочайшемъ дворѣ. Такъ или иначе, но господа эти не поладили съ Михаиломъ Дмитріевичемъ, а быть можетъ и—наоборотъ. О причинахъ возникнувшихъ неладовъ говорить я не намѣренъ, но въ итогѣ нелады эти тяжело отозвались, временно, разумѣется, на служебномъ положеніи Скобелева, пошатнувъ его такъ блестяще начатую карьеру, омрачивъ ее проходящей грозовой тучей царской опалы; сказываю и повторяю—проходящей, такъ какъ турецкимъ гранатамъ и штыкамъ суждено было въ не далекомъ будущемъ быстро и навѣки ее окончательно разсѣять, озаривъ нашего славнаго генерала яркими лучами восходящей и неувядаемой славы.

Въ февралѣ 1877 года разразился громовой ударъ надъ головою Скобелева. Телеграммою изъ Петербурга отъ бывшаго военнаго министра генералъ-адъютанта графа Дмитрія Алексѣевича Милютина на имя генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, безъ объясненія причинъ, вызывающихъ подобную строгую, почти безпримѣрную мѣру, приказывалось свиты его величества генералъ-майору Скобелеву немедленно сдать должность ферганскаго военнаго губернатора и выѣхать безостановочно въ Петербургъ, для полученія новаго назначенія.

Въ три дня область была сдана, на четвертый день Скобелевъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, на шестой онъ скакалъ сломя голову на перекладныхъ въ Петербургъ, удрученный тяжкими думами, въ новой неизвѣстности того, что его ожидало.

Внезапность сдачи области и поѣздки въ Петербургъ застала Скобелева врасплохъ и безъ гроша денегъ. Когда онъ пріѣхалъ изъ Маргелана въ Ташкентъ, у него было въ карманѣ около 400 рублей, на поѣздку же отъ Ташкента въ Петербургъ онъ получилъ однѣ двойныя прогонныя деньги. Вотъ итогъ сбереженій, сдѣланныхъ Михаиломъ Дмитріевичемъ за время пребыванія его въ Средней Азіи.

Узнавъ лично отъ покойнаго генерала Кауфмана содержаніе вышеупомянутой телеграммы, а также о выѣздѣ Скобелева изъ Маргелана въ Ташкентъ, я замѣтилъ тотчасъ, къ великому моему прискорбію, что къ пріему Михаила Дмитріевича обычныхъ приготовленій не дѣлалось и что вообще какъ-то вѣяло ослинымъ ляганьемъ въ только что свергнутаго кумира, и потому телеграфировалъ ему въ Ходжентъ, прося его остановиться запросто у меня

и принять послѣднюю туркестанскую хлѣбъ-соль. Михаилъ Дмитріевичъ принялъ предложеніе и 9 февраля въ первомъ часу ночи прибылъ въ Ташкентъ ко мнѣ. Встрѣча и свиданіе были самыя радушныя, многое въ прошлыхъ недоразумѣніяхъ быстро стало яснымъ для обоихъ.

Закончивъ дѣла, явленія и прощанія, 13 февраля Скобелевъ выѣхалъ тихо, безъ проводовъ, безъ блеска, яркая звѣзда туркестанская закатилась, казалось, навсегда, все было кончено для него, впереди надеждъ мало, мрачныя облака заволокли горизонтъ.

Послѣ скромной домашней трапезы, завершившейся вѣчнымъ стаканомъ шампанскаго за здоровье отъѣзжающаго боевого сотоварища, Скобелевъ и я выѣхали верхами; день былъ теплый, весенній, кони шли шагомъ, понуря голову; разнородныя мысли, смѣняющія одна другую, цѣлыми роями гнѣздились въ напряженномъ мозгу обоихъ путниковъ. Вдругъ Скобелевъ, въ минуту сердечнаго порыва, быстро поднявъ голову, убѣдительно, какъ онъ это одинъ умѣлъ дѣлать, началъ просить забыть прошлыя между нами недомолвки и ѣхать съ нимъ въ случаѣ войны на Дунай или на Кавказъ, такъ какъ онъ во всякомъ разѣ разсчитывалъ попасть на тотъ или другой театръ приближавшихся тогда военныхъ дѣйствій. На сдѣланное предложеніе не послѣдовало моего согласія. Тогда Скобелевъ, какъ будто озаренный какимъ-то вдохновеніемъ, сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: «Другъ мой, ты напрасно упрямишься и скоро будешь раскаиваться въ твоемъ упрямствѣ, я знаю, что ты твердо вѣришь въ мое счастье, въ мою звѣзду, повѣрь, ты скоро пожалѣешь, что не поѣхалъ со мною, клянусь тебѣ именемъ моей матери, я это чувствую, я это знаю, не пройдетъ года, и мой портретъ будетъ висѣть въ любой крестьянской избѣ».

Верстахъ въ десяти отъ города ожидала перекладная, запряженная тройкою съ колокольчиками. Нѣсколько офицеровъ 1-го стрѣлковаго туркестанскаго батальона, который покойный Скобелевъ ставилъ выше всѣхъ войскъ Туркестана, выѣхавшіе будто прогулки ради, такъ какъ всякіе офиціальные проводы Скобелева были воспрещены, спѣшились около скромнаго почтоваго экипажа, стоявшаго посреди большой дороги, откуда-то явилось нѣсколько бутылокъ шампанскаго, пробки съ трескомъ взлетѣли на воздухъ, и послѣдній посошокъ былъ выпитъ тихо, скромно, съ тоскою въ душѣ за исчезающаго кумира.

Нѣсколько дней спустя получены были мною съ дороги два письма отъ Скобелева, каковыя письма прилагаю. Письма эти, какъ можетъ убѣдиться читатель, не требуютъ комментаріевъ; въ нихъ свѣтло и ясно обрисовываются сердечные оттѣнки души нашего Бѣлаго генерала.

I.

«Дорогой другъ!

«Благодарю васъ отъ всего сердца за сердечность и любезность, которыя вы мнѣ оказывали въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Ташкентѣ; я сохраню объ этомъ навсегда счастливое воспоминаніе. Попросите Троцкаго поблагодарить отъ меня господъ офицеровъ 1 батальона. Я глубоко тронутъ памятью, которую они обо мнѣ сохранили. Дорога невозможная. Bongenu и Етрисъ заставили насъ потерять цѣлый нынѣшній день. Въ Елмкентѣ пришлось выждать, такъ какъ переправа черезъ эти рѣчки ночью невозможна. То же самое теперь въ Акъ-Мула, куда прибылъ вечеромъ. Дорогу такъ размыло, что отказываются везти въ темнотѣ. Передъ нами повезли почту днемъ; она застряла въ 4-хъ верстахъ и продолжаетъ торчать. Я не знаю ничего ужаснѣе, какъ путешествовать въ это время года.

«Преданный Михаилъ Скобелевъ».

«Акъ-Мула
«18 $\frac{17}{II}$ 77. 8 ч. вечера.

II.

«Ст. Кара-Тугай
«18 $\frac{23}{II}$ 77.

«Дорогой другъ!

«Вотъ я со вчерашняго вечера на станціи, не имѣя возможности двинуться; не знаю, кто мнѣ болѣе ненавистенъ—Кузнецовъ [1]) со всѣми своими въ полномъ смыслѣ слова безобразіями, или враждующая противъ меня природа. Такихъ разливовъ, такой распутицы, такой ужасной дороги я никогда еще не встрѣчалъ; если къ этому прибавить недостатокъ вовсе лошадей, а когда таковыхъ даютъ, то полная ихъ негодность, то картина нашихъ бѣдствій будетъ достаточно полная. Хотя съ трудомъ, но мы въ шесть дней добрались до Ф. 2,—но тутъ стопъ. Вчера отъ 2 Ф. до станціи 35 верстъ мы ѣхали съ 8 часовъ утра до 1 часу ночи 23 февраля; бросили тарантасъ, наняли верблюдовъ, нагрузили на нихъ вещи и поплелись караваннымъ способомъ. Шутка показалась намъ, однако, слишкомъ тяжелой. Масловъ убѣжденъ, что отъ напряженія жилъ съ нимъ приключится «ведерическая». Я тоже охотно вѣрю. На Кара-Тугаѣ опять бѣда — лошади есть и

[1]) Содержатель тракта.

сносныя; зато не оказалось перекладной — всѣ брошены по пути въ грязи. Теперь 9 часовъ утра 23 февраля; сижу на станціи въ ожиданіи повозки и, когда уѣду, не знаю; еще меньше—когда доберусь до Казалинска; часть вещей двинулъ на верблюдахъ. Яфимовичу повезло—проскочилъ какъ разъ во время. Говорятъ, въ степи отличный зимній путь—это слава Богу, — но какъ до него добраться. Благодарю васъ еще разъ, дорогой графъ, за прелестныя воспоминанія, которыя вы сумѣли соединить съ памятью о васъ, я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя вы мнѣ доставляли каждый разъ, какъ судьбѣ угодно было насъ сводить вмѣстѣ. Попросите Троцкаго поблагодарить еще разъ господъ офицеровъ 1 батальона. Что сдѣлаетъ В. и компанія съ конными стрѣлками, этимъ несравненнымъ войскомъ (полкомъ), которое если уничтожить, то вновь уже не переформировать. Яфимовичъ привезъ мнѣ бинокль и какія-то вещи. Прошу ихъ отправить; если возможно, то немедленно, адресуя въ управленіе императорской главной квартиры, тамъ меня найдутъ. Подъѣхала бричка — наконецъ-то въ путь.

«Прощайте, дорогой графъ, не забывайте меня и извѣщайте меня о Ферганѣ.

«Преданный М. Скобелевъ».

Графъ Ю. А. Борхъ.

ПОЭТЫ ШЕНОА И ЗМАЙ-ІОВАНОВИЧЪ.

Въ 1906 году исполнилась 25-лѣтняя годовщина смерти славнаго хорвата, Августа Шенои, въ будущемъ 1909 году истекаетъ пятый годъ со дня кончины не менѣе знаменитаго серба, Ивана Змай-Іовановича. Оба они принадлежали къ двумъ талантливымъ вѣтвямъ славянскаго племени (къ сожалѣнію, пребывающимъ въ постоянномъ соперничествѣ) и родственны другъ другу по многимъ оттѣнкамъ своихъ разнообразныхъ дарованій.

Пользуюсь случаемъ напомнить русскимъ читателямъ объ этихъ двухъ выдающихся личностяхъ сербско-хорватской литературы, тѣмъ болѣе, что сходство ихъ внутренняго «я» даетъ возможность объединить данныя объ ихъ жизни и дѣятельности въ одномъ очеркѣ.

I.

Хорватскій народъ, несмотря на раздробленность въ административномъ отношеніи, имѣетъ достаточно высоко развитую культуру.

Періодъ книжной литературы у хорватовъ—довольно старый. Поэтическія произведенія начали появляться у нихъ еще въ XIV столѣтіи, въ XVI и XVII вѣкѣ въ Дубровницкой республикѣ уже процвѣтали въ широкихъ размѣрахъ драма, лирика и эпосъ. Съ паденіемъ политическаго значенія Дубровника поблекла и его литературная мощь, и только съ тридцатыхъ годовъ прошлаго сто-

лѣтія литература хорватовъ стала вновь итти къ возрожденію, но на этотъ разъ въ иномъ политическомъ центрѣ, въ Загребѣ. Съ каждымъ годомъ выступали свѣжія, молодыя силы въ области поэзіи, заслуживающія серьезнаго изученія и вниманія.

Среди нихъ Августъ Шеноа (1838 — 1881) занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Небольшой хорватскій народъ, достигшій на просвѣтительномъ поприщѣ такихъ значительныхъ успѣховъ, гордится имъ, какъ своимъ достойнѣйшимъ представителемъ.

Идеализируя народную жизнь и стремясь пробуждать національное чувство, онъ всегда былъ воодушевленъ мыслью о величіи сплотившагося сербско-хорватскаго племени и, такимъ образомъ, вполнѣ можетъ быть причисленъ къ дѣятелямъ эпохи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ «иллиризма» (Гай, Вразъ, Боговичъ, Нѣмчичъ, Кукульевичъ и другіе).

Какъ романистъ, онъ, несомнѣнно, стоитъ во главѣ беллетристовъ Сербіи и Хорватіи, какъ поэтъ-стихотворецъ,—нѣсколько уступаетъ Змай-Іовановичу.

Его писательская дѣятельность была всесторонней (между прочимъ, онъ положилъ основаніе хорватскому фельетону своими письмами изъ Праги въ 1862 году) и, хотя Шеноа умеръ сравнительно рано, имѣя всего 43 года,—труды его оказали громадныя услуги хорватскому народу.

Проза Шенои гораздо цѣннѣе его стиховъ. Онъ написалъ цѣлый рядъ большихъ историческихъ романовъ и бытовыхъ повѣстей и разсказовъ изъ современной ему жизни, изъ которыхъ многіе переведены на славянскіе и западно-европейскіе языки. Всѣ они отличаются одинаковыми достоинствами и недостатками: изяществомъ и богатствомъ языка, свойственными вообще иллирійскимъ писателямъ, вѣрностью и живостью описаній, строго-патріотической тенденціей, чуткостью настроеній, хорошимъ знаніемъ внутренняго быта страны, но при этомъ страдаютъ неизмѣнно отсутствіемъ психологическаго и соціальнаго анализа. Знакомство автора съ польской, чешской, итальянской и другими литературами западной Европы обогатилось слишкомъ поздно изученіемъ русскихъ писателей, реализмъ которыхъ не успѣлъ оказать на него сколько-нибудь существеннаго вліянія.

Изъ крупныхъ прозаическихъ вещей Шенои слѣдуетъ отмѣтить: «Дочь ювелира», «Крестьянскій бунтъ», «Діогенъ», «Клятва», «Берегись руки защитника отечества», изъ болѣе мелкихъ: «Другъ Лаврентій», «Гвоздика на могилѣ пѣвца», «Нищій Лука».

Субъективный лиризмъ съ рѣзко выраженной романтической окраской проглядываютъ почти въ каждомъ стихотвореніи Шенои. Многія его любовныя и патріотическія пѣсни положены на музыку и сдѣлались достояніемъ крестьянскаго населенія, а баллады на

мотивы изъ славянской исторіи—любимый предметъ изученія и декламаціи мѣстной молодежи, напримѣръ: «Смерть Петра Свачича»[1]), послѣдняго короля хорватскаго. У хорватовъ въ поэзіи преимущественно преобладаетъ все же патріотическое настроеніе, и каждый видный поэтъ считаетъ своимъ долгомъ воспѣть какого-нибудь древняго героя. Упомянутая баллада о Петрѣ Свачичѣ пользуется наибольшимъ успѣхомъ. Широкая популярность этой пьесы легко можетъ дать понятіе о тѣхъ романтико-патріотическихъ грезахъ, которыми живетъ значительная часть хорватской интеллигенціи, если только мечты о міровыхъ вопросахъ и о народѣ, какъ избранномъ носителѣ судебъ человѣчества, не навѣяны на Шеною польскими поэтами-мессіанистами, прекрасно имъ усвоенными: Мицкевичемъ, Красинскимъ, Словацкимъ, не говоря уже о мистикѣ Товянскомъ.

Шеноа вложилъ въ уста «вилы» (славянской феи) и умирающаго витязя Свачича гордыя слова, свидѣтельствующія о томъ, что хорвату суждено со временемъ сыграть великую роль освободителя:

> «Гляди, мой сынъ, на этомъ полѣ
> Рѣшится міровой вопросъ...
> Хорваты ждутъ все лучшей доли...
> Былого счастья—тѣнь одна...
> Но вспыхнетъ день... заря видна...
> Заблещетъ солнце надъ горами,
> И люди новые пойдутъ
> И надъ погибшими отцами
> Хвалу свободѣ воздадутъ».

Вотъ еще отрывокъ:

> «О, нарождайся, день прекрасный,
> Когда не будетъ ранъ въ сердцахъ,
> Когда забудутъ часъ ужасный,
> Какъ бѣдный людъ страдалъ въ тискахъ!
> Пусть вѣрность будетъ неизмѣнной,
> Пусть честь за родину стоитъ,
> И въ славѣ яркой и нетлѣнной
> Хорватъ окрѣпнетъ, какъ гранитъ!»

Когда турецкія звѣрства создали въ Болгаріи подобіе кровавой бани и переполнили чашу терпѣнія Россіи, въ апрѣлѣ 1877 года русская армія перешла Дунай, а затѣмъ по Санъ-Стефанскому договору (30-лѣтіе его какъ разъ исполнилось въ этомъ году 19 февраля) въ Болгаріи былъ образованъ новый порядокъ вещей; тутъ Шеноа привѣтствовалъ возрожденный народъ чисто по-братски задушевными звучными стихами:

---

[1]) Переводы этого и другихъ стихотвореній Шенои и Змай-Іовановича см. въ сборникѣ В. Уманова-Каплуновскаго «Славянская муза» (3 изданіе 1904 г.).

«Чу... пушка... въ высяхъ загремѣло;
Проснулся левъ Балканскихъ горъ...
Великое, святое дѣло,—
Воскресъ народъ, стряхнувъ позоръ!
Свобода рабство побѣдила
И бьетъ ключомъ живая сила;
Съ побѣдой шествуетъ къ намъ въ землю
Страны славянской исполинъ;
Болгаринъ-рабъ, съ отрадой внемлю,
Теперь—свободный славянинъ!
. . . .
Проходятъ скорби человѣка,
И прежнихъ стоновъ нѣтъ какъ нѣтъ;
Изъ крыльевъ будущаго вѣка
Пробьется правды чистый свѣтъ,
И воцарятся по вселенной
Законы истины нетлѣнной...
Тиранства памятникъ безславный
Да сгинетъ, братъ пусть брата чтитъ!
Молись! Одинъ судья державный!
Самъ Богъ—твоей свободы щитъ!»

Есть у Шенои и кристальный родникъ дѣтской поэзіи, трогающій юныя сердца непосредственностью искренняго чувства. Привожу цѣликомъ лучшее изъ этого цикла: «Три слова», приближающееся по своимъ достоинствамъ къ нѣжнымъ лирическимъ акварелямъ Змай-Іовановича:

«Храни, дитя мое, три слова
Завѣтныхъ въ памяти своей,—
И въ дни страданья рокового
Они блеснутъ тебѣ яснѣй.
Пока въ тебѣ таятся силы,
Ты вѣруй въ нихъ, какъ въ Божій гласъ,
Носи ихъ въ сердцѣ до могилы,
Пока не пробилъ смертный часъ.
Сочти свѣтилъ живые хоры,
Взгляни на пышные луга,
На ниву дѣвственную, горы,
На зыбь морей и берега...
Повсюду чудныя явленья,
Вездѣ краса!.. Но кто же могъ
Создать столь дивныя творенья?
Дитя, все создалъ это—Богъ.
Для птицы нѣтъ гнѣзда пригоже;
Къ улью привязана пчела;
Кроту нора всего дороже
И хлѣвъ отраденъ для вола.
Ужели грустною мечтою
Отрады не найдешь ни въ чемъ!
Скажи, чтó любишь ты душою?..
Дитя, любить ты долженъ — домъ.

А кто, такъ нѣжно глядя въ очи,
Тебя ласкаетъ, знаешь ты?
Хранитъ заботливо средь ночи,
Лелѣя свѣтлыя мечты?
Кто можетъ каждое мгновенье
Тебя отъ сердца утѣшать?
Кто чувствъ священныхъ воплощенье?..
Дитя, ты знаешь, это — мать.
Богъ, мать и домъ—святыхъ три слова!
Храни ихъ въ памяти вовѣкъ!
Въ часы страданья рокового
Къ нимъ прибѣгаетъ человѣкъ.
Они въ сердцахъ горятъ звѣздою.
Останься вѣренъ имъ всегда,
И будетъ жизнь твоя рѣкою
Течь мирно многіе года».

II.

Змай Іовановичъ (1833—1904), какъ сербскій поэтъ-лирикъ,— звѣзда первой величины, и въ этой области чудные образцы его изящной музы, безъ преувеличенія, могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими произведеніями европейскихъ писателей.

Нѣжная, мечтательная поэзія, проникнутая теплотою искренняго чувства, неизмѣнно служила благороднымъ, чистымъ идеаламъ, какъ и у Шенои, — любви къ отечеству, къ свободѣ, примиренію сербовъ съ хорватами. Все это — качества, высоко поднявшія значеніе Іовановича, который вполнѣ заслуженно пользовался всенароднымъ уваженіемъ. Миролюбивый голосъ поэта такъ былъ необходимъ странѣ, терзаемой постоянными междоусобными смутами и несогласіями!..

И его всѣ любили, даже дѣтвора, для которой онъ создалъ такъ много прелестныхъ стихотвореній. «Дядя Ваня» («чика Іова»),— иначе не называли сербскія дѣти своего милаго стараго друга-поэта. Врядъ ли найдется въ Сербіи хоть одинъ школьникъ, не знающій, напримѣръ, пѣсенокъ: «Вѣтеръ», «Маленькій Іова», «Пчелка», «Кто лучше».

Вотъ послѣдняя [1]) изъ нихъ:

«Жилъ на свѣтѣ мальчикъ,
Скучный и угрюмый
(Онъ всему дурному
Подчинялся думой).
Спрашивалъ онъ часто
Среди мыслей жгучихъ:
— «Почему нѣтъ розы
Безъ шиповъ колючихъ?»

---

[1]) Переводъ Сергѣя Штейна («Славянскіе поэты». Спб. 1908).

Другъ былъ у малютки,
Рѣзвый и веселый,
Вовсе не знакомый
Съ горестью тяжелой.
Оттого, повѣрьте,
Съ грустью онъ не знался,
Что повсюду видѣть
Доброе старался.
Такъ и здѣсь онъ молвилъ:
— «Брось пустыя слезы!
Радуйся, что въ тернѣ
Можно встрѣтить розы».

Мягкій романтикъ съ оттѣнкомъ тонкаго реализма, онъ, какъ и Шеноа, одинаково понятенъ и читателю изъ низшихъ слоевъ, и образованному кругу общества. Сюжеты его обнимаютъ послѣдній полувѣковый періодъ жизни сербскаго народа какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, давая галерею въ высшей степени яркихъ политико-бытовыхъ картинъ.

Іовановичъ много переводилъ съ англійскаго (Теннисонъ, Лонгфелло), нѣмецкаго (Гейне, Гёте, Лессингъ), мадьярскаго (Петэфи, Оронь, Мавръ Іокай), французскаго (Беранже), русскаго (Пушкинъ, Лермонтовъ, Майковъ, Добролюбовъ, Некрасовъ, Полонскій), и переводы его, прозаическіе и стихотворные, всегда отличались достоинствами оригинала.

Съ рѣдкимъ совершенствомъ удалась ему хорошо знакомая всѣмъ европейскимъ литературамъ «Человѣческая трагедія», поэма венгерца Мадача, посвященная изображенію людскихъ судебъ, символизованныхъ въ образахъ Адама и Евы, а монологъ Петэфи (Стефанъ Пéтровичъ) «Сумасшедшій» переданъ Іовановичемъ въ такихъ блестящихъ неувядаемыхъ стихахъ, что перевоплощенье превзошло достоинство подлинника.

Какимъ зловѣщимъ сарказмомъ звучатъ 5-я и 8-я строфа этого удивительнаго полубреда—полупророчества, пропитаннаго ядомъ безутѣшной скорби и презрѣнія къ пошлости современной жизни:

«Глядите, я смѣюсь, я веселъ,
Хотя давно пора заплакать,
Постылый міръ облить слезой...
Самъ Богъ и Тотъ за тучей тайно плачетъ:
Жаль,—жаль Ему, что создалъ этотъ міръ.
Но что̀ въ святыхъ слезахъ? Какая польза въ нихъ?
Земля нечистая ихъ приметъ,
Да грѣшники попрутъ кощунственной ногой,
А бѣлый свѣтъ и безъ того — въ грязи...
Ха-ха-ха-ха!

. . . .

Когда созрѣетъ плодъ, —
Сорвется, упадетъ...
И ты, — и ты, земля, созрѣла, —
Катись, катись!

Но въ силахъ ждать, терпѣнье истощилось..
О, солнце, заходи скорѣй!..
Часъ роковой пробьетъ и, лишь заря заблещетъ,
Тогда—всему конецъ!
Начнется свѣтопреставленье,
А не начнется, — все равно!
Я ничего не пожалѣю,
Самъ землю проверчу до огненной средины
И порохомъ набью, какъ трубку табакомъ,
И запалю!..
Пускай взорветъ ее повыше,
Зато отмщеннымъ буду я!..
Ха-ха-ха-ха!»

При чтеніи этого монолога какъ-то невольно вспоминаются слова Позднышева изъ «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого: «А жить зачѣмъ? Если нѣтъ цѣли никакой, если «жизнь для жизни намъ дана, незачѣмъ жить. И если такъ, то Шопенгауэры и Гартманы, да и всѣ буддисты — совершенно правы. Ну, а если есть цѣль жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цѣль. Такъ оно и выходитъ. Вы замѣтьте,—если цѣль человѣчества—благо, добро, любовь, какъ хотите, если цѣль человѣчества есть то, что сказано въ пророчествахъ, что всѣ люди соединятся воедино любовью, что̀ раскуютъ копья на серпы и т. д., то, вѣдь, достиженію этой цѣли мѣшаетъ что̀? Мѣшаютъ страсти».

Изъ другихъ переводныхъ трудовъ Іовановича заслуживаютъ вниманія: «Восточный бисеръ», сборникъ пѣсенъ Гафиза и «мирзы Шаффи» (по Ф. Боденштедту).

Бытовая комедія «Карпъ», долго не сходившая со сцены, незначительные разсказы («Славуевъ До» «Соловьиная долина», «Нашъ Любоміръ») и сельская повѣсть «Видосава Бранковичъ» (изъ преданій о битвѣ на Коссовомъ полѣ) исчерпываютъ прозаическія сочиненія Іовановича. Зато какой богатый поэтическій матеріалъ даютъ его оригинальныя стихотворенія!

Циклъ элегій, посвященныхъ памяти рано умершихъ жены, Евфросиніи Ружицъ, и дочери, Смильи, «Увянувшія розы», представляетъ собою лирическую поэму трогательныхъ образовъ и грезъ высокопоэтической души, умѣвшей заглушать прошедшее страданье свѣтлыми надеждами будущаго. Неуловимо-грустныя ноты, звенящія минутной печалью, постепенно переходятъ у него, подъ вліяніемъ философскихъ размышленій, въ примиряющіе аккорды:

«Средь шума слышится мнѣ часто
Знакомый дѣтскій голосокъ:
«Люби дѣтей, какъ насъ любилъ ты!
Малютка—тотъ же голубокъ».
И въ этомъ звукѣ столько силы
И утѣшенья столько въ немъ,

Что думы черныя сползають,
И радость на челѣ моемъ.

. . . .

Плету вѣнокъ моимъ умершимъ;
Въ душѣ тревоги прежней нѣтъ,
И сердце чуткое слагаетъ
Грядущей юности привѣтъ».

Не менѣе хороши у Іовановича «Горемычная мать»—мрачный эпизодъ изъ временъ владычества турокъ въ Босніи, и «Три гайдука»—баллада о христіанахъ, замученныхъ турецкимъ пашою Ферузомъ,—стихотворенія, полныя глубокаго, прямо потрясающаго драматизма.

Въ первомъ изъ нихъ—незабвенный образъ матери, лишившейся, благодаря «турецкому змѣю», Гаврану, и трехъ сыновей-«соколовъ», и дочери-«голубицы». Въ безмолвную ночь блуждаетъ она между холодными тѣлами, призывая къ отмщенью:

«Что-жъ ты, сербъ? Очнись живѣе!
Иль не бьется ретивое?..»—

Звучитъ какъ набатъ, призывное слово поэта, будящее уснувшія каменныя сердца, и оно можетъ служить девизомъ всей прекрасной литературной дѣятельности Змая, направленной къ одной великой правдѣ.

Въ «Трехъ гайдукахъ» выведены герои-мученики, молящіеся Богу о помилованіи врага; мстителемъ же выступаетъ могучее нравственное начало—угрызенія совѣсти самого паши.

Достойны вниманія «Крестъ»—обращеніе къ Черногоріи, возставшей противъ турецкаго ига, «О чемъ молится сербъ», «Раненые» (памяти павшихъ юнаковъ).

Іовановичъ былъ правъ, когда такъ искренно говорилъ:

«Пролетая тихо бѣлымъ свѣтомъ,
Всѣхъ порадуй пѣснь моя привѣтомъ,—
И того, кто гордо торжествуетъ,
И чье сердце любитъ и тоскуетъ». [1])

Все, волновавшее сербскій народъ во вторую половину минувшаго вѣка, воплощено поэтомъ въ художественныхъ краскахъ. Онъ такой же поэтъ-историкъ Сербіи, какъ Шеноа—поэтическій хроникеръ Хорватіи.

Псевдонимъ Іовановича «Змай» (змѣй) происходитъ отъ имени его сатирическаго журнала, въ которомъ онъ помѣстилъ немало юмористическихъ и обличительныхъ стиховъ, заслужившихъ не меньшую славу, чѣмъ лирическіе и поэмы (хотя бы шуточное, но

---

[1]) Пер. Сергѣя Штейна («Славянскіе поэты»).

довольно язвительное посланіе «Русской дипломатіи» на Берлинскомъ конгрессѣ, которая, по его словамъ, отнеслась къ сербамъ, какъ мачеха, и «миромъ» назвала въ сущности ихъ «гибель», «Пѣснь о Максимѣ»,—«Обскурантамъ», «Желѣзо» и др.).

Остается еще сказать нѣсколько словъ о самомъ поэтѣ.

Онъ родился въ венгерскомъ городѣ Новомъ Садѣ и съ дѣтскихъ лѣтъ уже наслушался отъ своей тетки Мики древнихъ юнацкихъ пѣсенъ, запавшихъ въ его чуткую душу. Пройдя курсъ юридическихъ наукъ въ трехъ университетахъ (пештскомъ, прусскомъ и вѣнскомъ), онъ поступилъ на службу въ магистратъ, а затѣмъ, переѣхавъ въ Пештъ и женившись, вновь записался тамъ въ число студентовъ-медиковъ. Получивъ дипломъ врача, онъ уже не возвращался на государственную службу; если не считать его кратковременнаго пребыванія въ должности директора королевскаго народнаго театра въ Бѣлградѣ, и обогатилъ науку серьезными работами по гигіенѣ и естествознанію.

Кромѣ журнала «Змај», Іовановичъ издавалъ и другіе еженедѣльники и ежемѣсячники, имѣвшіе громадное воспитательное значеніе для общества: литературный журналъ «Јавор», (яворъ) «Невен» (настурція), юмористическій «Жижа» (огонь), а во время русско-турецкой войны «Иллюстрированную военную хронику».

Въ 1874 г. исполнился его 25-лѣтній юбилей, и по этому случаю князь черногорскій Николай I наградилъ его, какъ своего литературнаго собрата, орденомъ Даніила, а впослѣдствіи подарилъ ему помѣстье «Змаевацъ». Въ рѣдкомъ единогласіи принимали участіе въ торжествѣ всѣ безъ исключенія сербскія народности.

Въ 1889 г. 40-лѣтіе его писательской дѣятельности чествовалось уже не только сербами, но и мадьярской интеллигенціей.

Наконецъ, въ 1899 г. праздновался третій его юбилей, 50-лѣтній, на этотъ разъ въ Загребѣ, гдѣ участвовали всѣ слои сербскаго общества и его ученыя учрежденія и организаціи, даже венгерская академія и пештскій университетъ. Прислала адресъ и русская академія наукъ. Къ сожалѣнію, свѣтлый праздникъ поэзіи завершился столкновеніемъ политическихъ партій, которое послужило началомъ дальнѣйшихъ неурядицъ.

Новый Садъ почтилъ семидесятилѣтняго старца (1903 г.) также чествованіемъ въ день его рожденія и на этомъ послѣднемъ выступили поздравителями (знаменательное явленіе!)хорваты, относившіеся до сихъ поръ достаточно враждебно ко всему исходившему изъ Сербіи.

Черезъ годъ (1904 г.) поэтъ умеръ въ Каменицѣ.

Смерть Іовановича, конечно, незамѣнимая утрата для славянской литературы, такъ какъ въ его лицѣ она лишилась крупнаго художественнаго выразителя сербской народности.

Принимая имена Пушкина, Мицкевича и Шевченка за исходные пункты поэзіи для русскихъ, поляковъ и украинцевъ,—въ исторіи зарубежнаго славянства мы должны выдѣлить имена: Прешириа (словинецъ), Штура (словакъ), Змай-Іовановича (сербъ), Прерадовича и Шенои (хорваты), Святополка Чеха (чехъ), Вазова (болгаринъ).

Отъ нихъ исходитъ новая творческая сила въ лицѣ другихъ поэтовъ, можетъ быть, большихъ или меньшихъ по таланту, но во всякомъ случаѣ зажженныхъ ихъ животворными лучами.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЭПОХА РЕФОРМЪ [1].

(Историческіе очерки).

XXXVI.

НАСТУПИВШІЙ 1862 годъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ годъ чрезвычайно знаменательный для политической жизни Россіи. Въ этотъ періодъ мы наблюдаемъ усиленную мобилизацію общественныхъ силъ въ ихъ натискѣ на правительство съ цѣлью вырвать у него наибольшую сумму реформъ, побудить его ликвидировать старый полицейско-бюрократическій строй и вступить на путь созыва народныхъ представителей съ задачами «учредительнаго собранія». Рядомъ съ этимъ обнаруживается достаточная организованность правительственной власти, которая изъ состоянія нерѣшительности и нѣкотораго разброда переходитъ въ наступленіе противъ явно обнаружившейся оппозиціонной общественности, обрушивается на нее, производитъ въ ней значительныя опустошенія, полагая, что съ устраненіемъ опредѣленныхъ единицъ масса придетъ въ спокойное состояніе и революціонному движенію будетъ положенъ конецъ. Въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ началу административному дается преимущество надъ началомъ правосудія. Вмѣстѣ съ такими методами «пресѣченія и наказанія» правительство приходитъ

---

[1] Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 582.

къ окончательному рѣшенію о необходимости вступить на путь реформъ, которыя намѣчаются, хоть и внѣ содѣйствія для ихъ осуществленія со стороны совокупныхъ силъ страны, однако согласно минимуму либеральной программы и при нѣкоторомъ участіи, правда, очень слабомъ, свѣдущихъ людей по выбору самой бюрократіи. Такимъ способомъ разрабатываются подъ покровомъ глубокой канцелярской тайны реформы университетская и судебная. Отсутствіе здѣсь гласности и упорное нежеланіе обнаружить передъ страною свои реформаторскія намѣренія влечетъ за собою очень печальныя послѣдствія въ видѣ утраты всякаго довѣрія къ правительству со стороны видныхъ и вліятельныхъ представителей отечественной общественности и ихъ нежеланія какимъ-либо способомъ содѣйствовать осуществленію намѣченныхъ преобразованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же обнаруживается новое теченіе въ молодой русской оппозиціи—разладъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между «отцами и дѣтьми», разладъ не идейно-философскій, какъ это было, напримѣръ, въ исходѣ 50 годовъ, а въ отношеніи минимума и максимума политическихъ требованій. При этомъ «отцы» отчасти подъ вліяніемъ «сыновъ», отчасти подъ давленіемъ практическаго опыта и изученія реальной отечественной дѣйствительности переходятъ отъ программъ съ характеромъ компромисса къ программамъ болѣе радикальнымъ въ смыслѣ ихъ агрессивности и въ отношеніи опредѣленныхъ конституціонныхъ требованій. Такая эволюція наблюдается въ дѣятельности Герцена и Чернышевскаго, въ особенности у послѣдняго, который къ тому времени переходитъ отъ теоріи къ практикѣ и становится тайнымъ вождемъ революціоннаго движенія въ Россіи, почему на него, хотя и безъ достаточныхъ къ тому формальныхъ и конкретныхъ данныхъ, и обораченвается особенная ненависть правительственной власти, которая заживо его хоронитъ въ Сибири и пресѣкаетъ ему возможность воздѣйствовать на умы современниковъ.

Какъ уже отмѣчено выше, среди общественныхъ организацій, преслѣдовавшихъ цѣли политическія, наиболѣе серьезною и вліятельною явилась организація общества «Земли и Воли», возникшаго около начала этого года. Въ точности время основанія общества, его составъ, районы распространенія и дѣйствій и болѣе или менѣе обстоятельная программа, положенная въ его основу, до сихъ не выяснены въ нашей литературѣ. Болѣе всего данныхъ о немъ мы почерпаемъ изъ извѣстной уже читателямъ «Историческаго Вѣстника» книги Л. Ф. Пантелѣева «Изъ воспоминаній прошлаго», объ обоихъ томахъ которой мы въ разное время давали отзывы. Но и то, что сообщаетъ г. Пантелѣевъ, всего болѣе относится ко второму періоду жизни общества, когда оно цѣликомъ попало во власть молодежи, въ лицѣ самого Л. Ф. Панте-

лѣева, Н. Утина и другихъ; что же касается перваго періода, то о немъ и самъ авторъ воспоминаній говоритъ поверхностно, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго матеріала для болѣе обстоятельнаго повѣствованія. Быть можетъ, со временемъ мы и узнаемъ нужныя подробности, когда, напримѣръ, выйдетъ хотя бы часть записокъ покойнаго А. А. Слѣпцова, бывшаго дѣятельнаго члена «Земли и Воли», котораго Пантелѣевъ такъ зло и карикатурно изобразилъ подъ наименованіемъ «господина съ пенснэ» [1]). О существованіи начала этихъ записокъ имѣется указаніе въ литературѣ съ отмѣткою, что продолженію ихъ помѣшала смерть автора, такъ что остается только пожелать, чтобы въ интересахъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи хоть это начало скорѣе появилось въ печати. Не даютъ намъ нужныхъ свѣдѣній о «Землѣ и Волѣ» ни опубликованные до сихъ поръ матеріалы о Чернышевскомъ, ни даже опубликованный нынѣ г. Лемке «процессъ 32» или «дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», гдѣ центральною фигурою являлся Н. А. Серно-Соловьевичъ, самый активный дѣятель народившагося политическаго общества, о каковомъ обществѣ, однако, въ процессѣ не встрѣчается указаній. Вообще организація «Земли и Воли» въ обоихъ ея періодахъ, относящихся къ шестидесятымъ годамъ, прошла мимо вѣдѣнія правительственныхъ агентовъ и офиціально не была зарегистрирована какимъ-либо процессомъ или дознаніемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ общество успѣло выпустить нѣсколько прокламацій, создать провинціальные отдѣлы, черезъ посредство которыхъ вело пропаганду въ интеллигентныхъ слояхъ населенія, собрать болѣе или менѣе значительныя средства и положить краеугольный камень и почпнъ такимъ политическимъ организаціямъ, которыя проявили въ слѣдующемъ десятилѣтіи необыкновенную энергію борьбы сначала надъ тѣмъ же знаменемъ «Земли и Воли», а потомъ, послѣ раскола здѣсь, подъ знаменами «Чернаго передѣла» и «Народной воли».

[1]) Что покойный А. А. Слѣпцовъ и «господинъ съ пенснэ» лица тождественныя, о томъ автору настоящихъ очерковъ говорилъ тоже нынѣ покойный С. Н. Кривенко, разсказывавшій, что Слѣпцовъ былъ очень обиженъ своимъ изображеніемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера г. Пантелѣева, и собирался ему отвѣчать, но со времени появленія книги г. Пантелѣева этого отвѣта не появилось и, вѣроятно, онъ и вошелъ въ ненапечатанныя пока воспоминанія Слѣпцова. Этотъ высокопоставленный дѣятель министерства народнаго просвѣщенія и кавалеръ всяческихъ орденовъ до конца своихъ дней оставался отчаяннымъ радикаломъ, относившимся даже къ такимъ «пострадавшимъ» политикамъ, какъ С. Н. Кривенко, нѣсколько свысока и именуя его полупрезрительно «либераломъ». Въ дни свободъ 1905 года авторъ встрѣтилъ на одномъ изъ митинговъ Слѣпцова и былъ просто пораженъ его сіяющимъ видомъ, съ которымъ онъ внималъ ультра-радикальнымъ рѣчамъ, передъ которыми реплики нашихъ патентованныхъ, но все же умѣренныхъ коноводовъ освободительнаго движенія казались слабыми и не достигающими цѣли. Слѣпцовъ, видимо, стоялъ на сторонѣ первыхъ, слыша въ ихъ словахъ элементъ анархіи и непримиримости.

Отсюда мы въ правѣ заключить, что въ тѣ дни сыскная агентура еще была слабо организована и главное вниманіе правительства обращено на связь домашнихъ оппозиціонныхъ элементовъ съ штабъ-квартирой Герцена, Огарева и Бакунина на берегахъ Темзы. Всѣ нити революціоннаго зла усматривались именно здѣсь, и домашнее броженіе понималось исключительно, какъ отраженіе заграничной пропаганды. Правительство какъ бы замерло на суммѣ данныхъ, ему извѣстныхъ съ конца 50-хъ годовъ, еще не оріентировалось въ ходѣ событій, которыя назрѣвали дома, и не понимало, что обаянію лондонскихъ эмигрантовъ уже наступилъ конецъ. Ихъ «отсталость», за исключеніемъ развѣ Бакунина, который все больше становился интернаціональнымъ героемъ, была вопросомъ болѣе или менѣе рѣшеннымъ въ глазахъ новаго поколѣнія, которое все сильнѣе и громче провозглашало новыя требованія и выставляло болѣе рѣшительныя и радикальныя программы для преобразованія политическаго, соціальнаго и экономмическаго уклада Россіи. Черезъ очень короткое время это народившееся поколѣніе, частію вышедшее изъ студенческаго движенія 1861 года, частію воспитанное отрицательными теченіями тогдашней литературы и частію вышедшее изъ разночинническихъ нѣдръ, не связанныхъ традиціями и преданіями съ столь еще недавнимъ дворянскимъ прошлымъ, уже объявило Герцена менѣе всего политическимъ дѣятелямъ, а только «поэтомъ, художникомъ, артистомъ, разсказчикомъ, романистомъ, олицетвореніемъ эффекта, театральныхъ подмостковъ, крика». Этотъ назрѣвавшій разладъ, начало которому усматривается въ 1862 году, особенно послѣ выхода прокламаціи «Молодая Россія», не былъ достаточно взвѣшенъ и оцѣненъ правительствомъ и по энерціи 50-хъ годовъ все его вниманіе, какъ сказано выше, сосредоточивалось на берегахъ Темзы. Отсюда, какъ намъ кажется, его неумѣніе распознать, что творилось на берегахъ Невы и невѣдѣніе относительно организаціи «Земли и Воли». И если мы видимъ съ его стороны рѣзкій и рѣшительный ходъ по адресу Чернышевскаго, то онъ скорѣе и все болѣе исходилъ не изъ освѣдомленности полицейскихъ силъ относительно его причастности къ организаціи молодого политическаго сообщества, а изъ своего рода сыскного чутья, для оправданія и подтвержденія котораго, какъ видно будетъ далѣе, потребовались фальсификація документовъ и созданіе криминальныхъ апокрифовъ.

XXXVII.

Читатели благоволятъ вспомнить требованія, выставленныя въ прокламаціи «Великоруссъ» (гл. XX): «требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія,—сказано здѣсь.—Для выбора представителей нужны:

свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики». Въ этомъ же порядкѣ мыслей высказалась и прокламація «Земская Дума», которая нами приведена выше (гл. XXXV) и которая, согласно нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ, исходила изъ той же организаціи, что и организація «Великорусса»; а въ прокламаціи

Н. А. Серно-Соловьевичъ.

«Свобода» [1]) (№ 2) мы имѣемъ уже прямое указаніе, что «Великоруссъ», прекратившій свои изданія на третьемъ номерѣ, слился съ обществомъ «Земля и Воля» «во имя одной общей цѣли». Такимъ образомъ, преемственная связь «Великорусса», «Земской Думы» и «Свободы», какъ выразительницы взглядовъ «Земли и Воли», не подлежитъ сомнѣнію. Если организація «Великорусса», разъ таковая дѣйствительно была въ смыслѣ правильной организаціи, успѣла какъ никакъ, а выпустить три номера нелегальнаго изданія, то «Земля и Воля» до второй половины 1862 г. не проявила себя

[1]) «Былое» 1906 г., августъ.

никакимъ печатнымъ документомъ и, очевидно, обрѣталась въ стадіи формаціи съ ея необходимымъ нащупываніемъ почвы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, съ вербовкой членовъ и выработкой детальной политической программы. Нельзя въ точности опредѣлить, стоялъ ли во главѣ новообразовавшагося общества центральный комитетъ и изъ кого онъ состоялъ. Активную дѣятельность проявляли лишь бывшіе лицеисты братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слѣпцовъ, нѣкто Рымаренко—студентъ медико-хирургической академіи. Съ этими именами, по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемся въ воспоминаніяхъ г. Пантелѣева, какъ съ именами лицъ, участвовавшихъ въ привлеченіи молодыхъ силъ къ составу общества. Затѣмъ, согласно косвеннымъ указаніямъ, можно съ большей или меньшей вѣроятностью предположить, что идейнымъ вдохновителемъ организаціи являлся именно Н. Г. Чернышевскій, державшійся, однако, чрезвычайно замкнуто, сдержанно и таинственно, не участвовавшій въ переговорахъ съ молодежью и даже уклонявшійся отъ всякихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, когда эта молодежь обращалась къ нему съ запросами и за указаніями. Онъ былъ близокъ и къ Н. А. Серно-Соловьевичу, и къ А. А. Слѣпцову, и его участіе въ составленіи прокламаціи «Великорусса» въ настоящее время почти установлено. Отсюда по необходимости дѣлается выводъ, что его участіе и въ «Землѣ и Волѣ» отнюдь не можетъ считаться невѣроятнымъ и тѣмъ болѣе, что къ тому времени относятся его извѣстныя уже читателямъ «Письма безъ адреса» (гл. VIII), гдѣ въ его дѣятельности прямо замѣтна нѣкоторая эволюція отъ прежняго чистаго теоретизма къ практицизму. Послѣдній элементъ можно прослѣдить и въ нѣкоторыхъ другихъ его работахъ, обнаруживающихъ работу мысли и полетъ чувства писателя за то время. А однажды Чернышевскій вступилъ на путь активной борьбы съ правительствомъ, то по всему, что намъ извѣстно о его личности, и той репутаціи, которая за нимъ уже установилась, можно смѣло заключить, что не во вторыхъ рядахъ дѣятелей ему суждено было оставаться, а, конечно, на первомъ мѣстѣ, какъ духовному вождю и руководителю окружающаго. До нѣкоторой степени вѣроятія можно предположить, что если не прямыми участниками, то во всякомъ случаѣ людьми освѣдомленными относительно политической организаціи «Земли и Воли» могли быть и нѣкоторые сотрудники «Современника», какъ, напримѣръ, Г. З. Елисеевъ, а также Н. В. Шелгуновъ, Н. А. Энгельгардтъ, П. Л. Лавровъ, нѣкоторые представители военнаго сословія изъ академіи артиллерійской и генеральнаго штаба, которые въ тѣ дни принимали живое участіе въ политической жизни страны, въ сильной мѣрѣ были затронуты революціонной пропагандой и состояли подъ несомнѣннымъ вліяніемъ польскаго революціоннаго движенія. Вообще необходимо отмѣтить, что, со времени разгрома декабристовъ и послѣ долголѣтняго затишья, мы съ 1862 г. наблюдаемъ рядъ явленій въ жизни арміи,

показывающихъ, что политическая пропаганда здѣсь успѣла уже получить права гражданства и нѣкоторые офицеры и нижніе чины подвергаются даже судебному преслѣдованію за держаніе и распространеніе въ войскахъ противоправительственныхъ изданій, за явно выражаемое сочувствіе польскому движенію и за непочтительное и отрицательное отношеніе къ верховной власти [1]).

Итакъ, свѣдѣнія о первомъ періодѣ существованія «Земли и Воли» очень скудны и намъ извѣстны лишь въ общихъ чертахъ (прокламаціи «Великоруссъ», «Земская Дума») ея принципіальныя desiderata. Когда въ іюлѣ 1862 былъ арестованъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, то въ его бумагахъ, между прочимъ, былъ найденъ проектъ конституціи, чрезвычайно любопытный, который послѣ извѣстныхъ проектовъ Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля является первымъ образцомъ послѣдовательно развернутой политической мысли въ ея примѣненіи къ государственному строительству нашей родины. Былъ ли этотъ проектъ результатомъ единоличной работы автора, или онъ отражалъ на себѣ умственную работу всего того политическаго сообщества, въ которомъ онъ вращался—что всего вѣроятнѣе,—такъ или иначе но этотъ документъ настолько интересенъ, что приводимъ его полностью, какъ первый подробно разработанный проектъ русской конституціи во вторую половину XIX в. Въ знакомыхъ ужъ намъ прокламаціяхъ намѣчены лишь принципы, общія мѣста, а здѣсь имѣется наличность детальной работы практическаго характера и значенія. Этому проекту конституціи подъ наименованіемъ «Проектъ уложенія Александра II» предшествовало начало письма къ государю, изъ котораго усматривается, что Серно-Соловьевичъ дѣйствительно собирался поднести свой проектъ Александру II, подобно тому, какъ онъ еще въ 1858 г. подавалъ ему записку о крестьянскомъ вопросѣ, за которую получилъ даже, не взирая на свою государственную службу (онъ былъ тогда чиновникомъ канцеляріи государственнаго совѣта), признательность государя, выразившуюся въ резолюціи: «Призовите его и поблагодарите его отъ моего имени. Скажите ему, что я не только на него не сержусь, но искренно благодарю за откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣла, хотя пылкость юношества и повела его, можетъ быть, слишкомъ далеко. Пусть онъ не оставляетъ службы и, надѣюсь, докажетъ свое усердіе и преданность. Въ этомъ молодомъ поколѣніи много хорошаго и истинно благороднаго. Россія должна отъ него много ожидать».

Очевидно, въ смутной надеждѣ, что и новая его записка не повлечетъ за собою грустныхъ послѣдствій, Серно-Соловьевичъ и намѣревался представить ее при письмѣ лично императору Але-

---

[1]) «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», подъ редакціей В. Богучарскаго, т. I.

ксандру II. Весь его проектъ дѣлится на 4 отдѣла и обнимаетъ собою 59 параграфовъ; нельзя не отмѣтить, что нѣкоторыя положенія проекта конституціи не потеряли значенія и для нашихъ дней и, во всякомъ случаѣ, обнаруживаютъ въ авторѣ недюжинный государственный умъ творческаго характера.

XXXVIII.

Вотъ этотъ проектъ полностью [1]).

ПРОЕКТЪ УЛОЖЕНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Положенія общія.

1) Верховная власть въ Россіи принадлежитъ государю императору, особа котораго считается священною и неприкосновенною. Порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется сообразно доселѣ дѣйствовавшимъ законамъ. Сумма на содержаніе государя императора и августѣйшаго дома опредѣляется ежегодно его величествомъ.

2) Верховная власть составляетъ высшую ступень управленія государствомъ, подъ ея вѣдѣніемъ дѣйствуютъ власти: законодательная, исполнительная и сулебная.

3) Основами дѣйствій всѣхъ этихъ властей должны быть: правда милосердіе, добросовѣстное исполненіе законовъ, честность, уваженіе къ человѣку.

4) Законодательная власть принадлежитъ по всему государству народному собранію, а по губерніямъ—губернскимъ собраніямъ.

5) Народное собраніе и губернскія собранія состоятъ изъ выборныхъ отъ дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей.

6) Въ народное собраніе дворянство каждой губерніи посылаетъ отъ себя по два выборныхъ. Городскіе жители по 1-му выборному на каждые 50.000. Сельскіе жители по 1-му на каждыя 100.000. (Выборы въ народное собраніе на первое время могутъ быть произведены въ губернскихъ собраніяхъ).

Губернское собраніе состоитъ изъ 9 выборныхъ отъ каждаго уѣзда 3 отъ дворянъ, 3 отъ городскихъ, 3 отъ сельскихъ обывателей.

7) Въ губернское собраніе дворянство выбираетъ своихъ выборныхъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ производитъ выборы въ настоящее время а городскіе и сельскіе жители порядкомъ, указаннымъ въ особыхъ инструкціяхъ.

8) Выборы въ народное собраніе производятся губернскимъ собраніемъ отдѣльно по сословіямъ.

Инструкція городскихъ выборовъ.

Выборы отъ городскихъ жителей происходятъ слѣдующимъ порядкомъ:

Столицы и губернскіе города, имѣющіе болѣе 50 тысячъ жителей, составляютъ каждый избирательный округъ и посылаютъ своихъ выборныхъ, соотвѣтственно населенію, по одному на 50.000.

[1]) Мих. Лемке. «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ»

Губернскіе и уѣздные города, имѣющіе меньше 50 тысячъ жителей, соединяются въ избирательные округи по стольку, чтобы ихъ общее населеніе составило 50.000.

Предварительно избранія выборныхъ избираются выборщики. Для сего каждый городъ раздѣляется на избирательные участки, число которыхъ опредѣляется населеніемъ.

Въ опредѣленный день всѣ обыватели участка, имѣющіе въ городѣ осѣдлость и достигшіе совершеннолѣтія, собираются въ назначенное мѣсто и выбираютъ выборщиковъ: въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100 тысячъ по 1 на 1000; болѣе 50 тысячъ—по 2 на 1000, а менѣе 50 тысячъ—по 3 на 1000.

Тутъ же составляется списокъ кандидатовъ въ выборные. Выборщики всего округа сходятся вмѣстѣ и изъ назначенныхъ кандидатовъ избираютъ одного выборнаго (а въ большихъ городахъ надлежащее число выборныхъ) по большинству голосовъ.

Участковыми и окружными выборами заправляютъ сперва лица, особо на сей предметъ назначенныя высочайшею властью, а впослѣдствіи лица, на которыхъ эта обязанность будетъ возложена народнымъ собраніемъ.

Выборы производятся шарами, закрытою баллотировкою. Они должны быть совершенно свободны.

9) Выборный долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія условія. быть совершеннолѣтнимъ, окончить курсъ: отъ дворянъ въ высшемъ, отъ городскихъ обывателей въ среднемъ, отъ сельскихъ въ низшемъ учебномъ заведеніи, не состоять на государственной службѣ и не быть опороченнымъ по суду.

10) Выборные избираются на три года.

11) Каждый выборный представляетъ только одно мѣсто. Выбывающій по какому бы ни было случаю замѣняется другимъ.

12) Собранія открываются и закрываются по окончаніи года или срока выборовъ государемъ.

13) Народное собраніе, собравшись, выбираетъ 2 кандидатовъ на должность предсѣдателя и вице-предсѣдателя и затѣмъ приступаетъ къ повѣркѣ выборовъ. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель утверждаются высочайшею властью. Предсѣдатель, а въ отсутствіе его вице-предсѣдатель представляютъ рѣшенія собранія на высочайшее утвержденіе.

14) По разсмотрѣніи правильности выборовъ, народное собраніе раздѣляется на комиссіи по числу министерствъ.

15) Всякій вопросъ, поступающій на разсмотрѣніе собранія, предворительно обсуждается комиссіей и представляется собранію ея докладчикомъ. Члены комиссіи, не согласившіеся съ большинствомъ, представляютъ свои мнѣнія.

16) На разсмотрѣніе собранія дѣла поступаютъ: 1) по высочайшему повелѣнію; 2) по представленію министровъ; 3) по представленію выборныхъ, какъ отъ губернскихъ собраній, такъ и отъ своего лица.

17) Каждый городъ, каждая деревня имѣютъ право входить въ собраніе съ прошеніями, чрезъ посредство своихъ выборныхъ.

18) Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. При равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Министры присутствуютъ и подаютъ голоса наравнѣ съ выборными.

19) Подача голосовъ бываетъ или закрытая, шарами, или открытая, подачею. Собраніе при каждомъ вопросѣ рѣшаетъ способъ подачи голосовъ.

20) Вѣдѣнію собранія подлежитъ: 1) постановленіе новыхъ законовъ или отмѣна старыхъ по всѣмъ частямъ управленія, касающагося всего

государства; 2) разсмотрѣніе государственнаго бюджета и смѣтъ министерствъ; 3) разрѣшеніе займовъ, выпуски кредитныхъ билетовъ и установленіе налоговъ; 4) вопросы внѣшней политики, представленные собранію высочайшею волею; 5) разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ министерствъ; 6) разсмотрѣніе жалобъ на министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ и на дѣйствія губернскихъ собраній; 7) всѣ дѣла, возлагаемыя на него высочайшею властію; 8) пересмотръ прежнихъ рѣшеній народнаго собранія.

21) Засѣданія собранія производятся публично. Отчеты о нихъ печатаются.

22) Съ 15 мая по 15 августа засѣданій не бываетъ.

23) Высочайшая власть имѣетъ право распустить во всякое время собраніе, назначивъ тотчасъ же новые выборы.

24) Народное собраніе собирается въ Москвѣ, куда переносится и столица, для имперіи, въ Варшавѣ для царства Польскаго, въ Иркутскѣ для Сибири, въ Тифлисѣ для Кавказа и Грузіи, въ Гельсингфорсѣ для Финляндіи, въ Ригѣ для остзейскихъ губерній. Въ Варшавѣ верховную власть представляетъ вице-король, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Финляндіи и Остзейскомъ краѣ — намѣстники. Жителямъ литовскихъ губерній предоставляется посылать депутатовъ или въ Москву, или въ Варшаву.

25) Выборные неприкосновенны, пока состоятъ въ этомъ званіи. Выборный можетъ быть лишенъ званія до истеченія срока, на который выбранъ, только по опредѣленію суда, за уголовныя преступленія.

26) Выборные получаютъ содержаніе отъ пославшихъ ихъ населеній.

Губернское собраніе.

27) Губернское собраніе въ законодательномъ порядкѣ вѣдаетъ всѣ вопросы, касающіеся его губерніи или имѣющіе значеніе общегосударственныхъ вопросовъ.

28) Внутреннее устройство и порядокъ сужденій въ губернскихъ собраніяхъ тотъ же, что и въ народномъ собраніи.

29) Подробное опредѣленіе круга дѣйствій народнаго и губернскихъ собраній составитъ предметъ особаго закона.

Исполнительная власть.

30) Исполнительная власть сосредоточивается: общая для всего государства—въ министерствахъ, мѣстная—въ губернскихъ собраніяхъ и у губернатора.

31) Министерства суть слѣдующія: 1) народнаго просвѣщенія, 2) финансовъ, 3) торговли и промышленности и народнаго благосостоянія, 4) внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, 5) иностранныхъ дѣлъ, 6) военное, 7) морское.

Примѣчаніе. Управленіе дворами августѣйшаго дома составляетъ особое вѣдомство, непосредственно подвѣдомственное высочайшимъ особамъ.

Пути сообщенія вѣдаются министромъ торговли; почта—министерствомъ народнаго просвѣщенія; государственныхъ имуществъ—министерствомъ финансовъ. Государственный контроль, переходя къ собраніямъ, упраздняется.

32) Министры назначаются государемъ императоромъ. Одинъ изъ нихъ носитъ званіе перваго министра и предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ.

33) Министры дѣйствуютъ на основаніи инструкцій народнаго собранія, которому даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Инструкціи опредѣляютъ кругъ дѣйствій и пространство власти каждаго министра и составъ министерствъ.

34) Каждое должностное лицо дѣйствуетъ въ силу законовъ и отвѣтствуетъ за свои дѣйствія.

35) Каждый членъ народнаго собранія имѣетъ право просить у министра объясненій въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ министерства.

36) Въ губерніяхъ исполнительная власть принадлежитъ губернскому собранію и губернатору; въ городахъ—думамъ и головамъ, въ волостяхъ—волостнымъ сходамъ и волостнымъ старостамъ, въ селахъ—міру и деревенскому старостѣ.

37) Въ губернскомъ собраніи дѣлятся на комиссіи, по числу министерствъ, и каждая комиссія вѣдаетъ въ губерніяхъ свои дѣла въ кругѣ, опредѣленномъ закономъ.

38) Назначеніе въ должности зависитъ отъ комиссіи, увольненіе—отъ губернскаго собранія.

39) Органами министерствъ въ губерніяхъ служатъ: министерства финансовъ и народнаго благосостоянія — общественный банкъ; министерства внутреннихъ дѣлъ — губернаторъ. Всѣ казенныя училища состоятъ въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, а завѣдываніе училищами въ губерніи принадлежитъ ректору университета, когда ихъ нѣтъ—ректору гимназіи. Въ вѣдѣніи военнаго министерства состоятъ всѣ военныя силы.

40) Общественный банкъ производитъ всѣ банковыя операціи, содѣйствуетъ развитію промышленности и вообще народнаго благосостоянія и сбираетъ всѣ подати. Банкомъ управляютъ директоры по выбору губернскаго собранія. Кругъ дѣйствій банка опредѣляется закономъ.

41) Директоры училищъ выбираются губернскимъ собраніемъ.

42) Судебная власть сосредоточивается въ судѣ присяжныхъ, дѣйствующемъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Сверхъ того въ каждой мѣстности избираются жителями мировые посредники, къ которымъ тяжущіяся стороны имѣютъ право обратиться за разбирательствомъ въ дѣлахъ гражданскихъ и въ обидахъ. Рѣшеніе мирового посредника, къ которому обратились обѣ стороны, получаетъ законную силу, жалобы на него приносятся присяжнымъ. Мировые посредники избираются только изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

43) Присяжные чередуются изъ лицъ, имѣющихъ право быть избирателями.

44) Уголовныя дѣла разбираются на мѣстѣ совершенія преступленія, а гражданскія—въ мѣстѣ жительства истца, куда вызывается и отвѣтчикъ.

45) Жалобы на рѣшенія присяжныхъ приносятся въ губернскій судъ, состоящій изъ выборныхъ губернскимъ собраніемъ.

46) Высшая судебная инстанція — судебный сенатъ, состоящій изъ лицъ, на половину избранныхъ народнымъ собраніемъ, на половину назначенныхъ верховною властью.

47) Смертная казнь безусловно отмѣняется.

48) Тѣлесное наказаніе отмѣняется. Оно замѣняется въ надлежащихъ случаяхъ арестомъ или денежною пенею.

49) Верховная власть имѣетъ право уменьшать мѣру наказаній, положенную судебнымъ сенатомъ.

Общія права.

50) Всѣ русскіе люди, коего бы пола, чина, званія и состоянія ни были, равны передъ закономъ и передъ судомъ. Всѣ они пользуются въ равной степени покровительствомъ законовъ, исполнять которые всѣ должны въ равной степени. Всѣ они пользуются въ одинаковой степени правами, въ настоящемъ уложеніи предоставленными.

51) Никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ по рѣшенію суда. Уголовные преступники могутъ быть арестованы съ тѣмъ, чтобы дѣла о нихъ были разсмотрѣны не далѣе, какъ въ теченіе семи дней.

52) Всякій русскій или водворившійся въ Россіи на постоянное житье имѣетъ право на владѣніе 4 десятинами земли. Отводъ земли дѣлается по сношеніи лицъ съ подлежащимъ вѣдомствомъ народнаго благосостоянія.

53) Всякій живущій въ Россіи имѣетъ право безпрепятственно придерживаться своего религіознаго вѣрованія и отправлять богослуженіе по ученію своей церкви.

54) Всякій обязанъ уплачивать налогъ по мѣрѣ своихъ средствъ порядкомъ, поставленнымъ въ особомъ законѣ.

55) Рекрутская система замѣняется добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу за опредѣленное вознагражденіе. Въ случаѣ опасности отъ непріятеля всѣ должны являться къ призыву на защиту отечества, по возможности съ оружіемъ.

56) Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ немедленно прекращаются. Бывшіе помѣщичьи крестьяне уравниваются. Крестьяне удерживаютъ за собою свои надѣлы и облагаются подушными въ казну, соразмѣрно съ повинностями государственныхъ крестьянъ. Размѣръ и степень вознагражденія помѣщиковъ опредѣляются народнымъ собраніемъ.

57) Всѣ подробности высказанныхъ здѣсь началъ будутъ обсуждены и развиты народнымъ собраніемъ.

Таковъ проектъ политическаго преобразованія Россіи, найденный при обыскѣ у Н. А. Серно-Соловьевича и могущій быть разсматриваемымъ до нѣкоторой степени, какъ голосъ опредѣленной партіи, перешедшей отъ изложенія общихъ принциповъ въ краткихъ летучихъ прокламаціяхъ къ разработкѣ жизненныхъ вопросовъ государства въ ихъ реальной постановкѣ. Этому проекту, если сравнить его съ конституціонными проектами декабристовъ, нельзя отказать въ практичности и въ умѣніи въ краткихъ формулахъ разрѣшать тѣ спорныя стороны отечественной жизни, которыя и по сію пору, даже въ нашемъ обновленномъ государственномъ строѣ, остаются еще не разработанными и не рѣшенными.

XXXIX.

Не считая найденныхъ у Н. А. Серно-Соловьевича еще нѣкоторыхъ рукописей, обнаруживающихъ его политическое profession de foi, это все, что намъ извѣстно болѣе или менѣе существеннаго

относительно плановъ и намѣреній общества «Земля и Воля» въ первый періодъ его существованія, когда его составъ опредѣлялся участіемъ здѣсь «отцовъ». Болѣе обстоятельно мы знакомимся съ обществомъ съ момента входа сюда молодыхъ силъ, которымъ черезъ полгода и пришлось стать вершителями этой распадавшейся политической организаціи, отъ ея имени выпускать прокламаціи и поддержать престижъ русскаго революціоннаго движенія. Бокъ о бокъ съ ними дѣйствовали также небольшіе кружки въ составѣ тоже по большей части учащихся, но значеніе послѣднихъ было блѣднѣе, хотя московской организаціи подъ главенствомъ Аргиропуло и Зайчневскаго пришлось достаточно прошумѣть, создать цѣлый политическій процессъ и навести нѣкоторый страхъ и не только на круги правительственные и консервативные, но даже либеральные. Но объ этомъ нѣсколько далѣе.

Нѣкоторые представители молодежи, участвовавшіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г., «пострадавшіе» и принимавшіе живѣйшее участіе во всѣхъ университетскихъ событіяхъ, обратили на себя вниманіе старшаго поколѣнія, стоявшаго близко къ революціонной политикѣ. Изъ числа этой молодежи, повидимому, особеннаго вниманія заслужили Н. Утинъ и Л. Ф. Пантелѣевъ, воспоминаніями котораго мы и пользуемся для изложенія хода событій, относящихся къ судьбѣ «Земли и Воли» [1]). По свидѣтельству автора, Утинъ не разъ заводилъ разговоръ на тему, что время требуетъ болѣе строгой организаціи, чѣмъ та, которую представляютъ собою студенческіе кружки, что пора выйти изъ рамокъ чисто студенческихъ интересовъ. На это г. Пантелѣевъ ничего не возражалъ, но указывалъ, что починъ долженъ выйти изъ круговъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ. Однажды, въ первой половинѣ 1862 г. Утинъ заѣхалъ къ г. Пантелѣеву съ приглашеніемъ заѣхать къ нему. «Приходи ко мнѣ завтра вечеромъ; будутъ два господина съ очень серьезнымъ разговоромъ; кромѣ тебя, я никого не звалъ,—повѣствуетъ г. Пантелѣевъ.—Я догадался, о чемъ предстоитъ собесѣдованіе, и коротко отвѣчалъ: — хорошо, приду. На другой день въ назначенный часъ являюсь. Въ кабинетѣ наглухо спущены всѣ драпировки, Утинъ, видимо, въ приподнятомъ нервномъ состояніи; я самъ испытывалъ ощущеніе въ родѣ того, какъ бы вступалъ въ нѣкое заповѣдное святилище. Черезъ короткое время раздался звонокъ, и вошли двое мнѣ незнакомыхъ. Сейчасъ же Алексѣю (лакей Утина) былъ отданъ приказъ никого болѣе не принимать и подавать чай. Насъ взаимно представили; одинъ былъ высокій, нѣсколько плотный блондинъ; ему не было и 30 лѣтъ, но смотрѣлъ онъ старше: я буду называть его госпо-

[1]) Л. Ф. Пантелѣевъ. «Изъ воспоминаній прошлаго», книга первая.

динъ съ пенснэ [1]); другой моложе, небольшого роста, со впалой грудью и поразительно добрыми глазами, хотя и былъ въ штатскомъ платьѣ, оказался студентомъ медико-хирургической академіи Рымаренко. Послѣ непродолжительнаго сторонняго разговора усѣлись за столъ, на которомъ уже стоялъ чай.—Можно приступить къ дѣлу?—спросилъ господинъ съ пенснэ тономъ человѣка, не привыкшаго понапрасну терять время.—Пожалуйста.

«Нарисовавъ картину тогдашняго положенія нашихъ внутреннихъ дѣлъ, указавъ на всеобщее недовольство, господинъ съ пенснэ обратилъ наше вниманіе на то, что никакихъ настоящихъ реформъ нельзя ждать отъ правительства.—Вся исторія, — сказалъ онъ,—учитъ, что дѣйствительныя реформы всегда исходили изъ народа, а не преподносились ему. Но народъ не организованъ; единичныя же усилія, какимъ бы героизмомъ они ни отличались, ничего не могутъ дать. Поэтому нужна организація. Что должно стоять на ея знамени?—«Земля», т. е. возвращеніе народу того, что ему по праву принадлежитъ, и «Воля», т. е. созваніе земскаго собора, который долженъ перестроить всю нашу государственную жизнь на новыхъ народно-демократическихъ и федеративныхъ началахъ. Затѣмъ господинъ съ пенснэ заявилъ, что начало такой организаціи уже положено. Вся Россія,—продолжалъ онъ,—въ революціонномъ отношеніи, въ силу естественныхъ и историческихъ условій, распадается на районы: сѣверный, тамъ есть еще мѣста, гдѣ въ народѣ до сихъ поръ сохранилась память о вѣчевомъ строѣ; волжскій, гдѣ Стенька Разинъ и Пугачевъ навсегда заложили сѣмена ненависти къ существующему строю; уральскій съ его горнозаводскимъ населеніемъ; средне-промышленный, казачій. Что касается до Литвы и Малороссіи, то здѣсь должны дѣйствовать свои собственныя организаціи; съ ними великорусская организація, конечно, обязательно входитъ въ тѣсныя отношенія, но какъ равная съ равными.—Далѣе мы были посвящены въ нѣкоторыя детали организаціи; помнится, все дѣло сводилось на цѣлую іерархію пятерокъ [2]). Въ Петербургѣ имѣется центральный комитетъ (ораторъ и его сотоварищъ были не болѣе, какъ скромные агенты центральнаго комитета, даже сами не знали, которой степени,—такъ строго выдерживается въ организаціи тайна!); въ каждомъ районѣ свой комитетъ, но, понятно, главное руководительство принадлежитъ центральному комитету. Вся эта рѣчь длилась, можетъ быть, съ часъ; говорилъ господинъ съ пенснэ складно, съ дипломатической выдержкой, какъ бы взвѣшивая каждое слово, мѣстами, правда, темновато, когда, напримѣръ, шла рѣчь объ отношеніяхъ централь-

---

[1]) Т. е. А. А. Слѣпцовъ.

[2]) Организація пятерокъ нашла свой откликъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго. Авт.

наго комитета къ областнымъ; но мы понимали, что онъ и не обязанъ былъ выкладывать передъ нами всѣ карты. Въ заключеніе намъ былъ предложенъ вопросъ: желаемъ ли мы вступить въ организацію?

«Мы не колеблясь выразили свое согласіе. Не помню, что говорилъ Утинъ, но я сказалъ приблизительно слѣдующее: понятно, что всякая организація должна выдерживать принципъ строжайшей тайны, и для удовлетворенія личнаго любопытства я не счелъ бы себя въ правѣ предъявить какіе-нибудь нескромные вопросы; но такъ какъ придется привлекать къ участію въ организаціи, то весьма существенно знать: находится ли «Земля и Воля» въ самомъ зародышевомъ состояніи, или уже она опирается на какія-нибудь силы? Вѣдь этотъ вопросъ можетъ предъявить всякій, кому будетъ предложено вступить въ общество.—«Земля и Воля»,— отвѣчалъ господинъ съ пенснэ,—находится еще въ первомъ, подготовительномъ періодѣ развитія; впрочемъ, во всѣхъ крупныхъ центрахъ уже началась группировка. Независимо отъ этого организація можетъ разсчитывать на поддержку одного полка и одной батареи.

«Послѣднія слова были сказаны такъ просто и скромно, что, признаюсь, произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе; несмотря на то, что прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, я ихъ точно сейчасъ слышу. Даже и безъ того, что говорилъ господинъ съ пенснэ, я самъ догадывался, что «Земля и Воля» врядъ ли существуетъ болѣе полугода, и уже успѣла заручиться полкомъ и батареей! Впрочемъ, дѣло возможное,—я самъ имѣлъ нѣкоторыя знакомства между военными, и настроеніе ихъ было благопріятное.

«Въ концѣ бесѣды господинъ съ пенснэ вошелъ въ нѣкоторыя конспиративныя детали и, между прочимъ, сообщилъ рецептъ химическихъ чернилъ для переписки. Его далъ Маццини. Если ссылкой на знаменитаго заговорщика онъ хотѣлъ въ финалѣ усугубить эффектъ, то сильно ошибся. Да это всякій аптекарь можетъ посовѣтовать,—подумалъ я, тоже и Утинъ.

«Но вотъ мы съ Утинымъ остались вдвоемъ.—Ну, что ты скажешь?—спросилъ онъ меня.

— «Да теперь уже поздно говорить; мы заявили, что присоединяемся къ «Землѣ и Волѣ».

— «Я не о томъ говорю. Вотъ это, другъ мой, люди! А тонкая штука господинъ съ пенснэ, ни одного лишняго слова не проронилъ».

Такова жизненная картинка, нарисованная г. Пантелѣевымъ, откуда мы узнаемъ, каковы были способы того времени для распропагандированія молодежи и пріобщенія ея къ революціонному теченію. Тутъ и убѣжденія, и игра на самолюбіе, и эффектъ— полкъ, батарея, Маццини!—и таинственность... Хоть моментами и

съ сомнѣніями въ душѣ, но въ общемъ молодежь радостно отозвалась на зовъ и отдала себя на служеніе революціонному дѣлу. Тщетно только пытались неофиты проникнуть въ тайну организаціи центральнаго комитета и его функціи—здѣсь передъ ними спадала тяжелая завѣса, за которою оставалась неизвѣстность. Кромѣ Слѣпцова, Рымаренко, отчасти Н. А. Серно-Соловьевича, они не имѣли возможности ни съ кѣмъ переговорить, никого допытать. Что-то смутное подсказывало имъ, что гдѣ-то дѣйствуетъ невидимая рука Н. Г. Чернышевскаго, но эта была лишь догадка, не подтверждаемая ничѣмъ реальнымъ, и это обстоятельство, повидимому, придавало ихъ служенію «дѣлу» прелесть таинственности и наполняло ихъ души «возвышающимъ обманомъ». Такъ или иначе, но молодежь принялась энергично за возложенное на нихъ дѣло и приступила къ вербовкѣ въ общество новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа учащихся. Вскорѣ имъ представилась и болѣе отвѣтственная задача: командировка и агитація въ провинціи.

«Въ одинъ прекрасный день совершенно неожиданно приходитъ ко мнѣ господинъ съ пенснэ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣевъ.

«— Не можете ли вы рекомендовать кого-нибудь для поѣздки въ Уральскій казачій край? Тамъ надо установить отдѣлъ нашей организаціи.

«Какъ разъ у меня была для этого совершенно подходящая личность.—Могу, отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго чувства удовольствія, и назвалъ фамилію, дополнивъ ее надлежащей характеристикой.—Ничего лучше быть не можетъ,—сказалъ господинъ съ пенснэ:—а теперь вотъ еще что: очень важно весь сѣверъ и частью сѣверо-востокъ связать въ одно цѣлое и установить мѣстный комитетъ; не возьмете ли вы это на себя?—Но я же никого тамъ не знаю, только въ Вологдѣ есть у меня кое-какія знакомства.—И отлично, въ Вологдѣ же находится Бекманъ, вотъ, значитъ, Вологда и обезпечена; оттуда поѣзжайте въ Петрозаводскъ; тамъ войдите въ сношеніе съ Рыбниковымъ, черезъ него вамъ будетъ открытъ весь Олонецкій край, да навѣрное и Новгородскій. Проѣзжая черезъ Москву, непремѣнно познакомьтесь съ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго; надо ихъ во что бы то ни стало ввести въ наше общество; это одинъ изъ самыхъ энергическихъ кружковъ и съ большими связями. Отъ нихъ, конечно, можете получить указанія на Владиміръ, Кострому и другіе города.—Тоже не знаю ни Аргиропуло, ни Зайчневскаго.—Вы получите къ нимъ письма. Постранствуйте по большимъ волжскимъ торговымъ селамъ; вы и въ этомъ случаѣ можете разсчитывать на кружокъ Аргиропуло и Зайчневскаго, но, главное, пріобщите ихъ къ нашему дѣлу».

II.

Деньги на поѣздку по провинціи съ цѣлью политической агитаціи были вручены г. Пантелѣеву Серно-Соловьевичемъ, а рекомендательныя письма въ Вологду къ мѣстному губернатору ему вручилъ со свойственнымъ ему добродушнымъ благожелательствомъ петербургскій генералъ-губернаторъ Суворовъ. Однако, эта революціонная командировка оказалась не изъ удачныхъ, и результаты ея совсѣмъ ничтожными. Единственно, въ чемъ онъ могъ убѣдиться, что какъ никакъ, а въ провинціи, при всей ея сонливой неподвижности, уже начинаютъ обозначаться элементы будущей оппозиціи и нарастаніе будирующаго настроенія. Въ Москвѣ посланецъ Слѣпцова и Серно-Соловьевича познакомился съ указанными ему Зайчневскимъ и Аргиропуло, которые къ тому времени оказались уже арестованными [1]), но къ которымъ онъ, однако, нашелъ доступъ. Тутъ онъ впервые прочелъ прокламацію «Молодая Россія», о которой придется говорить далѣе и которая на него не произвела благопріятнаго впечатлѣнія. Рекомендацій въ провинцію онъ отъ нихъ никакихъ не получилъ и убѣдился, что московскій кружокъ очень незначителенъ, хотя кипитъ юношескимъ избыткомъ силъ и дѣлаетъ попытки завязать политическія связи съ Петербургомъ и Чернышевскимъ въ особенности.

Пребываніе въ Вологдѣ тоже не дало желанныхъ результатовъ. Онъ познакомился лишь съ пребывавшими здѣсь въ политической ссылкѣ поляками и Бекманомъ, участникомъ тайной политической студенческой организаціи на югѣ, о которой мы упоминали въ XXVI главѣ настоящихъ очерковъ. Бекманъ тоже не могъ ничѣмъ пособить Пантелѣеву въ его миссіи, но далъ очень характерную обрисовку тогдашней провинціальной среды въ смыслѣ ея воспріимчивости къ пропагандѣ революціонныхъ ученій и пріобщенія къ обществу «Земля и Воля». «Въ Вологдѣ,—сказалъ онъ,—плохая почва, можетъ быть, человѣка два найдете, которыхъ стоитъ привлечь. Правда, здѣсь чуть не на рукахъ носятъ поляковъ.. особенно увлекается ими прекрасный полъ, но вѣдь это ничего не значитъ. Какъ и вездѣ въ провинціи, въ Вологдѣ исподоволь ругаютъ правительство, этимъ, однако, не надо обманываться. Вотъ Петръ Петровичъ чуть не красный, потому что вмѣсто губернаторства ему предложили выйти въ отставку; Иванъ Николаевичъ тоже недоволенъ, думалъ, что по случаю 19 февраля дадутъ генерала; но его протекторъ Ростовцевъ умеръ ранѣе, и онъ остался ни при чемъ. И у всякаго

[1]) Аргиропуло во время ареста скончался, а Зайчневскій, обвиненный въ печатаніи запрещенныхъ сочиненій и въ попыткѣ возмущенія крестьянъ въ имѣніи отца, былъ сосланъ въ Сибирь, откуда въ началѣ 70-хъ годовъ вернулся. Въ 80-хъ гг. онъ снова былъ сосланъ, но скончался въ 1895 г. въ Смоленскѣ.

есть какой-нибудь чисто личный мотивъ. Если вамъ придется встрѣтить Александра Михайловича, прислушайтесь,—чистый якобинецъ, когда заговоритъ о правительствѣ: у него, видите ли, отняли крестьянъ, да еще заставили землю имъ дать; и хотя онъ отвелъ имъ болота, но кричитъ, что его ограбили. Но такъ какъ имъ (т. е. дворянамъ) удалось смѣстить двухъ губернаторовъ, то теперь какъ-то меньше говорятъ о земскомъ соборѣ. Впрочемъ, есть здѣсь два князя, вотъ это настоящіе революціонеры,—отъ огромнаго состоянія у нихъ остается равно настолько, чтобы, умирая, было на что похорониться съ подобающимъ церемоніаломъ».

Характеристика дворянской провинціи и мотивы, по коимъ она готова пѣть въ униссонъ вожакамъ революціоннаго движенія, сдѣлана мѣтко и правильно: мотивы личные вотъ тотъ камертонъ, который создавалъ общее настроеніе. Вѣрноподданничество, «вѣрность престолу», обожаніе монарха и «преданность исконнымъ началамъ»—все это были красивые аксессуары для торжественныхъ адресовъ и нужныхъ выступленій по командѣ мѣстной администраціи; въ остальные же моменты жизни вездѣ царила индифферентная косность, которая пробуждалась и приходила въ движеніе только по соображеніямъ личнаго характера и внѣ всякихъ импульсовъ идейнаго порядка. И какъ это ни печально, но нужно сознаться, что такая характеристика сохранила свое право гражданства на долгое время, если не сохраняетъ такового въ значительномъ процентѣ и понынѣ. Личности, личныя побудительныя причины и личныя вожделѣнія, — вотъ что заслоняетъ собою образъ Россіи, какъ государства, нуждающагося въ патріотическомъ содѣйствіи привилегированнаго класса, въ интересахъ міроваго могущества, экономическаго расцвѣта и культурнаго преуспѣянія отечества. Отсюда въ значительной степени и вытекъ впослѣдствіи успѣхъ революціонной пропаганды и натискъ на правительство со стороны террора, которому привилегированное сословіе не только не рѣшалось и не было въ силахъ дать соотвѣтствующій отпоръ, но который подчасъ слишкомъ часто находилъ здѣсь себѣ тайное сочувствіе и поддержку по соображеніямъ личнаго свойства. Петры Петровичи, Иваны Николаевичи, Александры Михайловичи, о которыхъ упомянулъ въ своей бесѣдѣ Бекманъ,—это въ конкретныхъ образахъ вся тогдашняя и, пожалуй, въ сильной мѣрѣ и нынѣшняя Россія...

Ни съ чѣмъ вернулся г. Пантелѣевъ въ Петербургъ осенью, когда надъ сѣверной столицей прошумѣли событія, приведшія интеллигенцію въ достаточно угнетенное состояніе: запрещеніе двухъ руководящихъ журналовъ, «Современника» и «Русскаго Слова», закрытіе «Шахматнаго клуба», закрытіе безплатныхъ воскресныхъ школъ, аресты Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Серно-Соловьевича, Д. А. Писарева (послѣдняго въ связи съ дѣломъ о про-

кламаціи «Молодая Россія)», а вмѣстѣ съ ними аресты цѣлаго ряда молодыхъ представителей учащагося міра, таинственные «пожары», грозившіе Петербургу огненнымъ моремъ, столь поразившіе воображеніе населенія, особенно въ его низшихъ слояхъ... Видимо было, что сыскная агентура работала усиленнымъ темпомъ, какъ бы стараясь наверстать упущенное и вырвать съ корнемъ всякіе слѣды явной и тайной оппозиціи. Казематы Петропавловской крѣпости послѣ долгой пустоты оказались заполненными; здѣсь нашли себѣ заключеніе учащіеся, писатели, тверскіе помѣщики, требовавшіе конституціи, здѣсь засѣдали слѣдственныя комиссіи, сюда постоянно пріѣзжали представители власти и закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ повышенное еще весною общее настроеніе, нѣсколько опустившееся въ злополучный лѣтній пожарный періодъ, снова какъ будто начало подниматься.

Г. Пантелѣевъ и Утинъ послѣ обхода видныхъ общественныхъ дѣятелей и послѣ опроса ихъ пришли къ убѣжденію, что никакого слѣда комитета имъ не найти (Рымаренко, Серно-Соловьевичъ арестованы, а Слѣпцовъ куда-то уѣхалъ), и тогда они рѣшили образовать свой собственный комитетъ, который отъ имени «Земли и Воли» продолжалъ бы давать обществу революціонный тонъ и держать его въ убѣжденіи, что политическая организація, несмотря на разгромъ интеллигенціи, продолжаетъ существовать и заявлять о своей жизненности. Образовался небольшой комитетъ, гдѣ главными руководящими силами были именно Утинъ и Пантелѣевъ; наняли дачу, изъ числа молодежи небольшаго петербургскаго кружка Судакевича и Островскаго взяли рабочія силы, а шрифты и все прочее необходимое для типографской работы получили отъ О. И. Бабста, молодого и популярнаго издателя, имѣвшаго свою типографію. Послѣ того ими была выпущена прокламація «Къ образованнымъ классамъ», прошедшая, благодаря своей идейной незначительности, довольно незамѣченной. Вскорѣ на ихъ горизонтѣ объявился и «господинъ съ пенснэ», который и вступилъ въ кружокъ, несмотря на свои притязанія главенствовать, онъ занялъ здѣсь положеніе простого члена организаціи. Выпущены были вслѣдъ за симъ и еще три номера прокламацій въ теченіе 1863 г. подъ наименованіемъ «Свобода», при чемъ № 2 [1]) былъ главнымъ образомъ направленъ противъ сочувственныхъ государю адресовъ отъ консервативнаго дворянства и противъ репрессивныхъ мѣръ правительства въ области внутренней политики, недостаточной его заботливости объ экономическомъ благосостояніи народа и его дѣйствій по подавленію польскаго возстанія. Этимъ собственно и ограничилась дѣятельность комитета, если не считить его безплодныхъ переговоровъ съ дѣятелями польскаго повстанія, не

[1]) «Былое» 1906 г., августъ.

давшихъ полякамъ, однако, никакого осязательнаго результата. Въ концѣ концовъ уже осенью 1863 г. было рѣшено закрыть организацію, какъ недостаточно активную и неспособную внести въ русское общество какую-либо новую струю. Такое рѣшеніе было постановлено при слѣдующей обстановкѣ и обстоятельствахъ, какъ то рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Пантелѣевъ. «Лѣто 1863 г. прошло безъ всякой сколько-нибудь замѣтной дѣятельности «Земли и Воли» въ Петербургѣ,—повѣствуетъ онъ:—а что дѣлалось въ провинціи, мы почти не знали, господинъ съ пенснэ дѣйствительно въ 1862 г. былъ въ Нижнемъ, Казани, Саратовѣ, заводилъ тамъ кое съ кѣмъ изъ молодежи разговоры о «Землѣ и Волѣ», но прочныхъ и дѣятельныхъ связей съ тамошними кружками не установилось. Въ Петербургѣ, послѣ майскихъ экзаменовъ, старая студенческая среда совсѣмъ разрѣдѣла; московскій кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Мо—овъ, былъ заарестованъ; осенью дѣла польскаго возстанія круто пошли на убыль, дипломатическое вмѣшательство свелось къ нулю, реакціонное настроеніе все болѣе и болѣе крѣпло. Осень пріѣхалъ въ Петербургъ Р—кій. Я съ нимъ откровенно заговорилъ о положеніи дѣлъ «Земли и Воли» и поставилъ прямо вопросъ:—Вы знаете провинцію, человѣкъ вы житейски опытный (ему было уже за 30 лѣтъ), скажите по совѣсти—что дѣлать? Со одной стороны, изъ-за границы нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а съ другой—въ здѣшнихъ членахъ начинаетъ замѣчаться апатія, новыхъ членовъ не прибываетъ, а убыль, напримѣръ, въ Москвѣ, не знаешь кѣмъ замѣстить.—Я думаю, отвѣчалъ Р—кій, надо всѣмъ заявить, что организація закрывается до болѣе благопріятнаго времени; безцѣльно и опасно продолжать такъ дѣло.

«Я съ нимъ согласился. Собрали нашъ комитетъ... [1]) Р—ій говорилъ такъ убѣдительно, представилъ такую живую картину печальнаго положенія дѣлъ «Земли и Воли» въ провинціи, что рѣшеніе о закрытіи «Земли и Воли» въ провинціи было принято безъ большихъ возраженій, хотя и съ оговоркой, что при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ комитетъ опять примется за старое дѣло; на этомъ особенно настаивалъ Судакевичъ. Такъ какъ Р—кій не оставался въ Петербургѣ, то его просили побывать въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ пунктахъ и тамъ вездѣ передать о закрытіи «Земли и Воли».

---

[1]) Утинъ бѣжалъ къ тому времени за границу, такъ какъ на немъ лежало подозрѣніе въ распространеніи подложнаго манифеста на Волгѣ съ цѣлью поднять тамъ возстаніе крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ это было дѣло исключительно поляковъ, надѣявшихся такимъ способомъ занять правительственныя силы, отвлечь ихъ отъ Западнаго края и создать внутреннія затрудненія русской администраціи. На бѣгство Утину было дано комитетомъ 3.000 руб., которыя были впослѣдствіи возвращены отцомъ молодого эмигранта.

Такъ закончила свое существованіе первая конспиративная политическая организація, возникшая при очень таинственныхъ обстоятельствахъ, слабо проявившая свою дѣятельность, но все же успѣвшая заложить и въ провинціи и въ столицѣ ячейки будущихъ серьезныхъ политическихъ кружковъ, до нѣкоторой степени выяснить наличіе силъ, могущихъ посвятить себя политической дѣятельности, и создать въ обществѣ смутное предчувствіе, что рядомъ съ офиціальнымъ правительствомъ изъ обывательской среды всегда могутъ выйти такія конспиративныя общества, которыя съ большой настойчивостью и жертвами готовы поддерживать революціонные лозунги и создавать администраціи немалыя затрудненія.

Б. Глинскій.

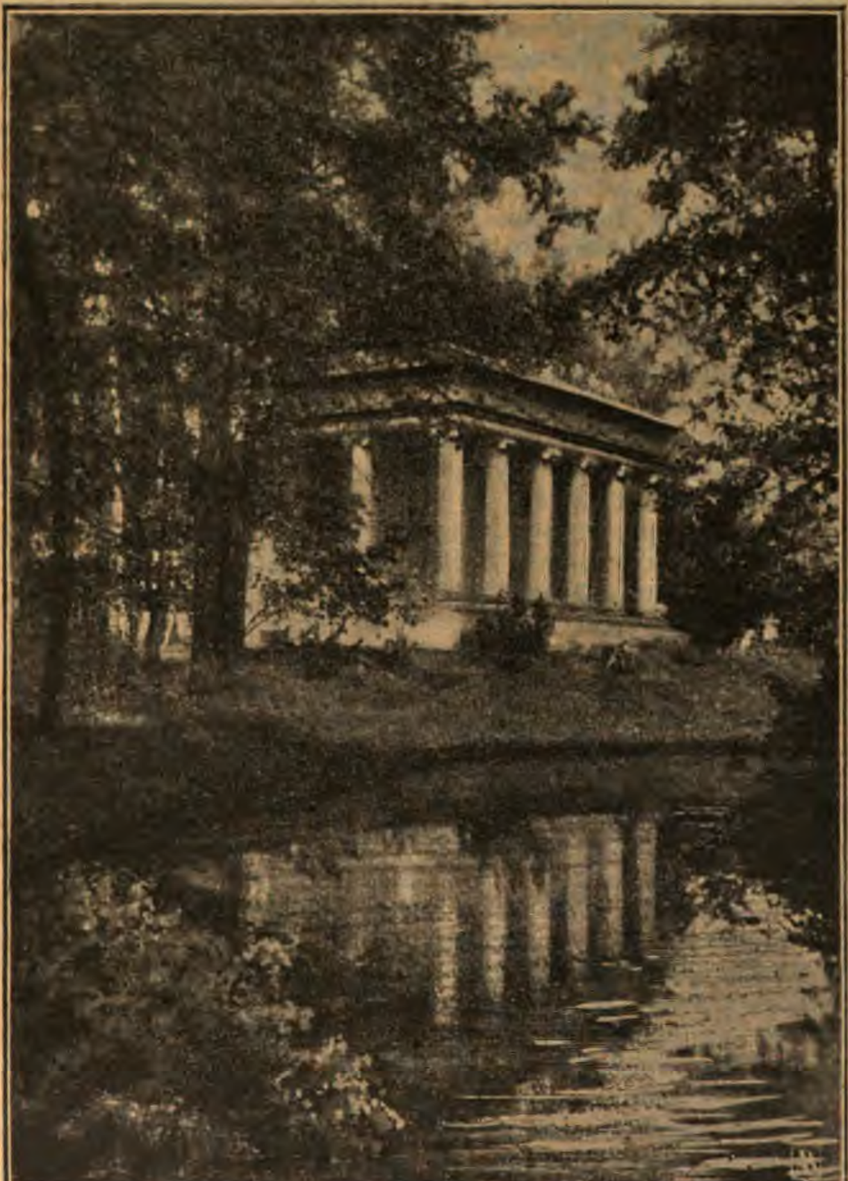
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МУЗЕЙ ВЪ СЕЛѢ АКШУАТѢ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЧАСТНЫЙ музей, притомъ же не въ крупномъ культурномъ центрѣ, а въ маленькомъ селѣ, представляетъ у насъ явленіе едва ли не исключительное, заслуживающее быть отмѣченнымъ въ печати. Правда, нерѣдко можно встрѣтить и въ деревенской глуши старыя помѣщичьи гнѣзда, въ которыхъ время и привязанность къ родной старинѣ владѣльцевъ сберегли для потомства кое-какія коллекціи предметовъ домашняго обихода, запрятанныя въ сундуки и шкатулки или развѣшенныя по стѣнамъ, имѣющія значеніе лишь для самихъ обитателей по фамильнымъ преданіямъ и воспоминаніямъ. Музей же, о которомъ здѣсь рѣчь, представляетъ собою нѣчто разсчитанное на общественный интересъ, на научныя цѣли и даже на спеціализацію внѣшней постановки дѣла.

Этотъ историко-археологическій музей основанъ землевладѣльцемъ при с. Акшуатѣ, Корсунскаго уѣзда, В. Н. Поливановымъ. Обозрѣніе его доступно для всякаго, отъ ученаго спеціалиста до простого крестьянина.

Посѣтитель входитъ въ роскошный паркъ, заботливо воздѣланный на пространствѣ 70 десятинъ. При экономіи существуетъ обширный питомникъ хвойныхъ, декоративныхъ и плодовыхъ деревьевъ, а потому паркъ изобилуетъ всевозможными растеніями, какія только способны переносить данныя климатическія условія. По аллеямъ, причудливо извивающимся подъ нависшими лапами елей и кедровъ, по мостамъ, живописно переброшеннымъ черезъ рѣчки и пруды, посѣтитель выходитъ на средину парка, гдѣ на веселой зеленой



Музей въ Акшуатѣ.

полянѣ открывается передъ нимъ зданіе музея, бѣлѣющее изъ зеленой чащи своимъ фасадомъ съ колоннами, отражаясь въ зеркальной поверхности пруда. Это зданіе спеціально выстроено и приспособлено для музея. Оно на высокомъ основаніи, каменное, въ формѣ древне-греческихъ храмовъ, въ стилѣ іоническаго ордена. Четырехугольный и продолговатый корпусъ зданія окруженъ со всѣхъ сторонъ колоннами, покрытыми каннелюрами и украшенными вверху завитками-волютами. Подножіемъ колоннады служитъ высокій постаментъ въ шесть ступеней. На фронтонѣ значится 1890 годъ основанія музея. Внутренность зданія состоитъ изъ одной просторной залы, освѣщаемой небольшими высоко пробитыми окнами. Потолокъ разбитъ на квадраты и украшенъ римскимъ гвоздемъ.

При обозрѣніи музея посѣтитель пользуется любезностью самихъ хозяевъ, дающихъ объясненія по поводу выставленныхъ предметовъ, или руководится печатнымъ каталогомъ, изданнымъ для этой цѣли. Впрочемъ, часть предметовъ, поименованныхъ въ каталогѣ, по нѣкоторымъ причинамъ и соображеніямъ, хранится не въ музеѣ, а въ господскомъ домѣ, находящемся въ томъ же паркѣ и равно доступномъ для обозрѣнія.

Все содержимое музея раздѣляется по роду предметовъ на отдѣлы: художественный, историко-археологическій, минералогическій, палеонтологическій, книжный, отдѣлы предметовъ быта и рукописей, и т. д.

Краткія выборки изъ каталога по отдѣламъ могутъ дать представленіе о характерѣ и цѣнности коллекцій музея.

Въ археологическомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе «Муранскій могильникъ», обширно представленный предметами изъ роскопокъ, произведенныхъ самимъ В. Н. Поливановымъ. Какъ видно изъ подробныхъ поясненій каталога, этотъ могильникъ открытъ въ Симбирской губерніи, на берегу впадающей въ Волгу рѣки Усы, недалеко отъ села Муранки, Сенгилеевскаго уѣзда. Изъ добытыхъ тамъ находокъ представляетъ большой интересъ для оріенталистовъ надгробная каменная плита съ татарской надписью. Длина ея 3 аршина, ширина 1 аршинъ и толщина 5 вершковъ. Общій вѣсъ до 60 пудовъ. По породѣ камень принадлежитъ къ бѣлому песчанику, легко поддающемуся обработкѣ, и напоминаетъ своей формой обыкновенныя татарскія намогильныя плиты съ изреченіями изъ Корана. Эта плита вдѣлана стоймя въ стѣну прямо противъ входа. Изъ такого же камня сдѣлана другая муранская находка — подобіе ступки круглой формы съ діаметромъ до аршина и выдолбленнымъ углубленіемъ до 6 вершковъ. Далѣе, имѣются изъ того же могильника вещи похороннаго ритуала, головные уборы, украшенныя женскія косы, ткани, обувь, серебряные или изъ сплава браслеты, перстни, кольца, серьги, шейныя и ручныя украшенія, домашняя утварь, оружіе и монеты.

По строенію человѣческихъ череповъ, муранскій могильникъ долженъ считаться финскимъ и, по мнѣнію г. Поливанова, долженъ быть отнесенъ къ чувашской народности. Находящіяся въ музеѣ древности могильника рисуютъ довольно полно бытъ оставившей ихъ народности. Начиная съ вѣрованій въ загробную жизнь, мы знакомимся здѣсь и съ нѣкоторыми бытовыми особенностями населенія, на которыя указываютъ находимыя кости домашнихъ птицъ въ горшкахъ, уборъ женскихъ косъ, формочки для отливки изъ металла, и т. д.

Въ томъ же отдѣлѣ есть предметы, добытые на мѣстѣ знаменитыхъ болгарскихъ развалинъ на Волгѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ селѣ Болгары. Изъ этихъ предметовъ особенно выдѣляются двѣ большія каменныя цистерны (водоемы), составлявшія принадлежность мусульманскихъ бань. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить богатыя коллекціи оружія и вооруженія: кольчуги, сабли, мушкеты, ружья, пистолеты, копья, пики, и т. д. Есть также предметы древнихъ эпохъ, римской и греческой, а также древности Херсонеса Таврическаго.

Не менѣе богатъ художественный отдѣлъ скульптуры, картинъ и старинныхъ гравюръ. Скульптура представлена главнымъ образомъ въ бюстахъ, гипсовыхъ и металлическихъ, выдающихся людей (Петръ I, Крыловъ, Языковъ, Пушкинъ и т. д.). Есть двѣ гипсовыя посмертныя маски Пушкина и Бѣлинскаго. Въ числѣ живописныхъ портретовъ встрѣчаются портреты царя Алексѣя Михайловича, Іоанна Грознаго, Яна Собѣсскаго, Н. И. Новикова и представляющая особый интересъ по выполненію и оригинальности миніатюра-уника 1795 года, работы извѣстнаго Бекона, изображающая генералиссимуса Суворова. Въ коллекцію многочисленныхъ живописныхъ картинъ входятъ работы, въ оригиналахъ или въ лучшихъ копіяхъ, художниковъ Рембрандта, Худякова, Болотова, Рубенса, Якобія, Левитана, Писемскаго, Клевера, Крачковскаго, Греза, Крыжицкаго, и другихъ.

Въ отдѣлѣ рукописей собраны подлинныя письма Н. В. Гоголя въ числѣ 16 (всѣ напечатаны), Н. М. Языкова нѣсколько сотъ еще нигдѣ не изданныхъ писемъ, рукописи не изданныхъ разсказовъ графа Соллогуба (автора «Тарантаса»), отдѣльныя письма, записки и автографы Наполеона I-го, императора Вильгельма, Людовика XVI, Екатерины Великой, Вольтера, Беранже, Лермонтова, Шатобріана, Жуковскаго, Пушкина, императора Павла I, Берліоза, Галеви, Виктора Гюго, Жоржъ-Зандъ, Эмиля Зола, Карамзина, и т. д.

Въ отдѣлѣ гравюръ останавливаютъ вниманіе старинныя гравюры заграничной работы, представляющія рядъ главныхъ моментовъ извѣстной трогательной любви Элоизы и Абеляра, а также Вертера и Шарлотты.

Въ отдѣлѣ книгъ есть весьма рѣдкія и цѣнныя изданія, отечественныя и заграничныя.

Но самый богатый въ количественномъ отношеніи—это отдѣлъ предметовъ русскаго быта, каковы кустарныя издѣлія, иконы, женскія украшенія, старинная посуда, и проч.

Нельзя не выразить пожеланія, чтобы это собраніе интересныхъ и цѣнныхъ коллекцій, собранныхъ любителемъ въ своемъ родовомъ имѣніи, не осталось укрытымъ навсегда въ деревенскомъ уголкѣ, доступное ограниченному числу посѣтителей, а на тѣхъ или иныхъ условіяхъ было перенесено въ болѣе населенный центръ въ интересахъ широкой публики.

П. А—ъ.

ВЪ ИСПАГАНЬ И ОБРАТНО.

(Путевыя замѣтки.)

I.

Вотъ уже кончились степи. Пассажиры прильнули къ окнамъ и напряженно вглядываются въ синюю даль. Показались Кавказскія горы.

Дама, уроженка Кавказа, со слезами на глазахъ любуется величественнымъ Бештау. Мнѣ вспомнилось заученное въ дѣтствѣ разсужденіе Карамзина о любви къ отечеству, гдѣ онъ разсказываетъ о человѣкѣ, который, переселившись изъ Россіи въ Швейцарію и живя среди всевозможной роскоши на берегу Женевскаго озера, мучительно тосковалъ по родинѣ, бѣдную природу которой онъ не могъ забыть даже въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ міра. И я понялъ эту даму. Какъ не заплакать отъ радости, когда послѣ туманной мглы Петербурга видишь родной Кавказъ съ его величественными цѣпями горъ и яркой зеленью дремучихъ лѣсовъ!

Мои сосѣди, батюшка и помѣщикъ, тоже не отрываются отъ оконъ.

Еще день—и я уже буду плыть по Каспію.

Какъ-то жутко дѣлается, когда подумаешь, что три мѣсяца будешь оторванъ отъ Россіи и не услышишь ничего о томъ, что творится въ ней. А три мѣсяца въ переживаемое нами время много значатъ.

Вездѣ и во всемъ чувствуется какое-то тревожное настроеніе, ожиданіе чего-то. И сейчасъ въ разговорахъ пассажировъ слышатся отзвуки этого безпокойнаго настроенія.

Помѣщикъ разсказываетъ о крестьянскихъ бунтахъ.

— Вѣрите ли, я постарѣлъ за этотъ годъ. Все думаешь, вотъ убьютъ, вотъ сожгутъ. Всѣ кругомъ пораспродали свои имѣнія. Я держусь только благодаря черкесамъ, которыхъ нанялъ для охраны. Ихъ крестьяне боятся. Но чего это стоитъ! Вѣдь каждому черкесу приходится платить 40 рублей въ мѣсяцъ. Безъ нихъ же нельзя: разнесутъ и убьютъ. А все оттого, что власть слаба.

— Всѣ безпорядки разрастались на моихъ глазахъ. Въ моихъ деревняхъ крестьяне не испытываютъ нужды въ землѣ, ни отъ какихъ притѣсненій не страдаютъ, нечего и говорить о какомъ-нибудь сознаніи необходимости государственныхъ реформъ. А бунтовать все-таки начали, просто потому, что по-своему поняли свободу, увидѣли, что можно поозорничать.

— И замѣтьте, сразу они себѣ ничего не позволяютъ серьезнаго. Сначала порубятъ два-три дерева. Если это сошло, рубятъ больше. Еще сошло, рубятъ цѣлый лѣсъ. А потомъ уже лѣзутъ и въ усадьбу. Понемногу мы распустили народъ, а теперь уже трудно бороться. Я не говорю, конечно, что вездѣ крестьянамъ хорошо живется, знаю, что нужно много всякихъ реформъ. Но реформы—реформами, а власть должна быть сильная.

Батюшка жаловался на распространеніе католичества въ Виленской губерніи со времени указа о вѣротерпимости.

— Нашему брату тамъ всегда было тяжело, а теперь прямо не знаешь, что дѣлать. Католическое духовенство и раньше энергично распространяло свою вѣру, а теперь удвоило свои старанія. Папа даже прислалъ какого-то особенно ловкаго проповѣдника. Ксендзы не останавливаются ни передъ какими средствами: соблазняютъ деньгами, обманываютъ, запугиваютъ, гдѣ можно, и имѣютъ большой успѣхъ. Напримѣръ, недавно на моихъ глазахъ окатоличилась цѣлая деревня. Раньше тамъ было православныхъ больше, чѣмъ католиковъ. Теперь, благодаря искусству ксендзовъ, нѣтъ уже ни одного православнаго. Одинъ только старикъ ни за что не хотѣлъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. Когда убѣдились, что никакъ нельзя его заставить перейти въ католичество, разграбили его добро, сожгли домъ, а самого убили. Случаи перехода въ католичество повторяются все чаще и чаще, а мы ничего не можемъ сдѣлать. Ни отъ кого никакой поддержки. И что обиднѣе всего, нѣтъ этой поддержки даже въ такихъ случаяхъ, когда намъ по закону обязаны были бы помогать и оказать защиту. Тяжелое время...

Бештау скрылся, и поѣздъ мчится вдоль берега Каспійскаго моря.

Слѣва, за узкой полосой каменистой земли, кое-гдѣ поросшей кустарникомъ, напоминающимъ можжевельникъ, голубовато-зеленой лентой тянется море. Справа—яркая зелень дубовъ и тополей, потомъ горы, то нѣжно-голубыя, то фіолетовыя. А надъ всѣмъ этимъ тонкое кружево какъ снѣгъ бѣлыхъ облачковъ, лежащихъ на горахъ и плывущихъ въ нѣжнѣйшей синевѣ неба.

Шумъ поѣзда поднимаетъ стаи какихъ-то птицъ, которыя, блеснувъ своими ярко-зелеными и красноватыми крыльями, скрываются въ безконечномъ кустарникѣ.

У самыхъ оконъ вагона кружатся бабочки, желтыя и коричневыя. Увлекаемыя вѣтромъ, онѣ быстро проносятся передъ окнами.

Высокихъ деревьевъ нѣтъ, а все низкая, густая заросль дубовъ, ивъ и камыша. Иногда она подходитъ къ самой дорогѣ и далеко разстилается великолѣпнымъ изумруднымъ ковромъ. Изрѣдка среди зелени виднѣются блестящіе на солнцѣ бѣлыя стѣны домовъ.

Далекія горы громоздятся въ самыя причудливыя группы, окрашенныя разнообразнѣйшими оттѣнками. Вершины ихъ сливаются съ ажурными облаками.

Все это такъ нѣжно, краски такія мягкія, ласкающія. Смотришь, и какъ-то легко дѣлается на душѣ и не можешь глазъ оторвать.

Дербентъ пріютился у подножія высокой голой горы. Со станціи стѣны древней крѣпости и низкіе дома кажутся игрушками, красиво разставленными на крутомъ склонѣ горы.

За Дербентомъ горы и море скрылись. Поѣздъ идетъ среди роскошнаго дубоваго густо заросшаго лѣса. Мѣстами на ярко-зеленомъ фонѣ листвы дубовъ выступаютъ колоссальные свѣтло-сѣрые стволы тополей. Изрѣдка встрѣчаются виноградники и поля, засѣянныя пшеницей.

Но недолго ѣхали мы среди зелени лѣсовъ. Скоро исчезла всякая растительность. Кругомъ—пустынные холмы. Стали попадаться вереницы верблюдовъ.

Чѣмъ ближе къ Баку, тѣмъ пейзажъ становился все безотраднѣе.

Самъ городъ Баку производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и его окрестности. Проѣзжая по его пыльнымъ, скучнымъ улицамъ, чувствуешь, что это городъ коммерческихъ дѣльцовъ, разнаго рода промышленниковъ и рабочихъ. Кажется, только дѣла и служба могутъ заставить тутъ жить. Особенно мрачный отпечатокъ придаетъ городу полное отсутствіе зелени.

Мнѣ пришлось остановиться въ гостиницѣ, такъ какъ пароходъ отходилъ въ Энзели на другой день вечеромъ. Я воспользовался остановкой, чтобы сдѣлать послѣднія приготовленія для далекаго путешествія: надо было купить консервы, чайникъ, спиртъ и другія мелочи, необходимыя въ дорогѣ.

На пароходѣ со мной въ каютѣ помѣстился агентъ одного страхового общества, часто бывшій въ Персіи и хорошо ее знающій. Мнѣ интересно было поразспросить его о странѣ и жителяхъ. Оказалось, что онъ былъ о персахъ далеко не высокаго мнѣнія.

— Пока вы не имѣете дѣла съ персомъ—онъ прекрасный человѣкъ, любезный, гостепріимный. Но не дай Богъ имѣть съ нимъ какія-нибудь дѣла—онъ будетъ мошенничать всѣми возможными способами и самымъ безстыднымъ образомъ.

Отлично выспавшись, я утромъ любовался чудной панорамой Ленкоранскихъ горъ, покрытыхъ лѣсами и залитыхъ лучами утренняго солнца. Прозрачное свѣтло-зеленое море, свѣжая роскошная зелень, за нею гребни синѣющихъ горъ—все это было очаровательно.

Я ѣздилъ на берегъ. Мѣстечко Ленкорань расположено у самаго моря. Небольшіе домики, раскинутые въ садахъ, выглядѣли какими-то заброшенными, мертвыми. На широкихъ улицахъ никого но было видно. Только въ жалкихъ лавчонкахъ сидѣли купцы—армяне, татары и персы — и бесѣдовали съ посѣтителями. Растительность Ленкорани великолѣпна. Черезъ загородки садовъ свѣшиваются огромныя вѣтви грецкихъ орѣховъ, мимозъ и фиговыхъ деревьевъ. Послѣ нашей сѣверной флоры поражаешься разнообразіемъ и пышностью растеній. Особенно хороши были гранатовыя деревца съ ихъ пурпурными, только что распустившимися цвѣтками.

Простоявъ часа два въ Ленкорани, мы продолжали путь и вечеромъ были въ пограничномъ мѣстечкѣ Астарѣ. Небольшая рѣчка тутъ отдѣляетъ нашу территорію отъ персидской. Общій видъ мѣстечка съ моря очень похожъ на Ленкорань.

Но горы здѣсь выше, ихъ вершины, окутанныя облаками, на фонѣ вечерняго неба были грандіозны.

Въ Энзели пароходъ пришелъ рано утромъ. Замѣтивъ недостроенный мостъ, я спросилъ кого-то изъ пассажировъ, когда его окончатъ. Пассажиръ съ какой-то усмѣшкой отвѣтилъ:

— Теперь никто не знаетъ когда. Наши русскіе инженеры начали строить, истратили милліоны, да и остановились. Вотъ уже два года постройка не двигается.

Едва я сошелъ на берегъ, какъ ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ высокой барашковой шапкѣ, на которой красовался русскій серебряный орелъ. Этотъ человѣкъ ломанымъ русскимъ языкомъ сказалъ мнѣ, что онъ гулямъ [1]) русскаго консульства въ囗囗штѣ и что до почтовой станціи мнѣ лучше всего ѣхать на баркасѣ, въ которомъ повезутъ консульскую почту. Я очень обрадовался этому предложенію и, показавъ свои вещи въ таможнѣ, отпра-

[1]) Курьеръ или лакей.

вился съ гулямомъ на баркасъ, въ которомъ надо было проѣхать большой заливъ и версты двѣ-три по рѣкѣ.

Итакъ, я въ Персіи.

Кругомъ говорятъ на чужомъ языкѣ, физіономіи у всѣхъ темныя, у мужчинъ на головахъ высокія черныя шапки, у женщинъ закрытыя лица—все это даетъ чувствовать, что я попалъ въ чужую страну.

Я помѣстился въ кормовой части баркаса подъ балдахиномъ, сдѣланнымъ изъ красной и бѣлой матеріи. Противъ меня сѣлъ гулямъ съ почтой, которая была сложена у него въ ногахъ. Волосы на головѣ и борода у него были выкрашены ярко-рыжей краской, той самой, которою на Востокѣ красятъ ногти и которая называется «хэнна». Этой краской были выкрашены ногти у всѣхъ, сидящихъ на баркасѣ. Я затруднялся опредѣлить, сколько лѣтъ гуляму. По лицу ему можно было дать и 40 и 60. Во всякомъ случаѣ волосы его были навѣрно сѣдые.—Это было видно по недокрашеннымъ клочкамъ бороды. Одѣтъ онъ былъ въ черный костюмъ, состоявшій изъ закрытаго жилета, панталонъ и кафтана, очень напоминающаго нашу поддевку. Такой костюмъ, какъ я узналъ потомъ, очень распространенъ въ Персіи. Его носятъ и слуги, и интеллигентные персы. Только у послѣднихъ онъ бываетъ изъ хорошаго сукна или изъ какой-нибудь хорошей свѣтлой матеріи; кафтанъ у нихъ отличается отъ нашего обыкновеннаго сюртука только тѣмъ, что сзади вмѣсто пуговицъ сдѣлано нѣсколько складокъ.

Гулямъ досталъ изъ своего мѣшка огурцы, зеленые пучки мяты, хлѣбъ и сталъ завтракать.

— Вкусна ли мята?—спросилъ я его.

— Очень вкусна, не хотите ли попробовать? — отвѣтилъ онъ, улыбаясь и подавая мнѣ свѣжій зеленый пучокъ.

Хотя мнѣ и хотѣлось узнать, правда ли вкусна эта трава, но попробовать я не рѣшился.

Шесть гребцовъ изо всѣхъ силъ дружно взмахиваютъ веслами. Упираясь ногами въ дно, они, какъ одинъ, поднимаются надъ сидѣньями и одновременно опускаются. На нихъ надѣты только панталоны, засученныя выше колѣнъ. Шапокъ на головахъ нѣтъ. Верхняя часть головы гладко выстрижена, и черные волосы висятъ только съ боковъ и сзади. Несмотря на это, ихъ лица съ правильными чертами довольно красивы.

На носу кирджима [1]) помѣстилось цѣлое семейство: мужчина, двѣ женщины и двое дѣтей. Женщины закрыты съ ногъ до головы черной матеріей; только на лицахъ бѣлое полотно съ двумя круглыми сѣтками для глазъ. Дѣти очень красивы. Они съ любо-

[1]) Кирджимъ—большая плоскодонная лодка.

пытствомъ смотрятъ на меня своими большими черными плутоватыми глазами.

Проѣхавъ часа два по заливу и потомъ по рѣкѣ среди высокихъ камышей, мы приближались къ пристани. Гребцы дышали все тяжелѣй и тяжелей. Каждый разъ, когда они опускались на скамейки, раздавался тяжелый, громкій вздохъ. По темнымъ тѣламъ ихъ текли цѣлые потоки пота. Но ни одинъ изъ нихъ не отставалъ, и они попрежнему дружно и сильно ударяли веслами.

Хозяинъ кирджима, сидѣвшій у руля, властно посматривалъ на нихъ и подбодрялъ какими-то возгласами.

Выйдя на берегъ, я роздалъ «на чай» всѣмъ гребцамъ и ихъ хозяину, сѣлъ въ хорошій экипажъ, который оказался даже на резиновыхъ шинахъ, и покатилъ въ Рештъ, до котораго 7 верстъ по хорошей шоссейной дорогѣ.

Въ Рештѣ я отдохнулъ нѣсколько часовъ, воспользовавшись гостепріимствомъ русскаго консула, и отправился въ Тегеранъ въ коляскѣ, которая возитъ русскую почту въ нашу миссію..

Рештъ соединенъ съ Тегераномъ прекраснымъ шоссе, построеннымъ русской акціонерной компаніей при поддержкѣ русскаго правительства. Движеніе на немъ было открыто въ 1900 году. По словамъ г. Риттиха, участника экспедиціи въ Персію и Белуджистанъ, организованной В. А. Саханскимъ въ 1900 году, эксплоатація этого шоссе въ первое время послѣ его открытія имѣла много недостатковъ.

«Лошади [1]) совершенно не съѣзжаны, — говоритъ онъ:—взяты изъ-подъ вьюка и потому имѣютъ дурную привычку ходить по самому краю пропасти. Для вьючнаго животнаго это необходимо, чтобы давать дорогу встрѣчному каравану, но для фаэтона, запряженнаго четверкой, это болѣе чѣмъ рискованно.

«Къ тому же почти всѣ ямщики изъ мѣстныхъ обывателей, которые не только отродясь не правили четверкой, но даже и въ глаза не видѣли колесныхъ повозокъ и экипажей.

«Въ результатѣ, на протяженіи 196 верстъ колесо нашего экипажа три раза обрывалось въ пропасть, и мы положительно какимъ-то чудомъ не летѣли въ преисподнюю».

Теперь, повидимому, сдѣланы значительныя улучшенія. Завелись вполнѣ объѣзженныя лошади и умѣлые ямщики, да и шоссе, вѣроятно, улучшено сооруженіемъ парапетовъ и уширеніемъ. Впрочемъ, несмотря на это, и теперь возможны несчастные случаи. Разсказываютъ, что годъ или два назадъ погибъ главный инженеръ дороги, когда ѣхалъ встрѣчать новаго русскаго посланника.

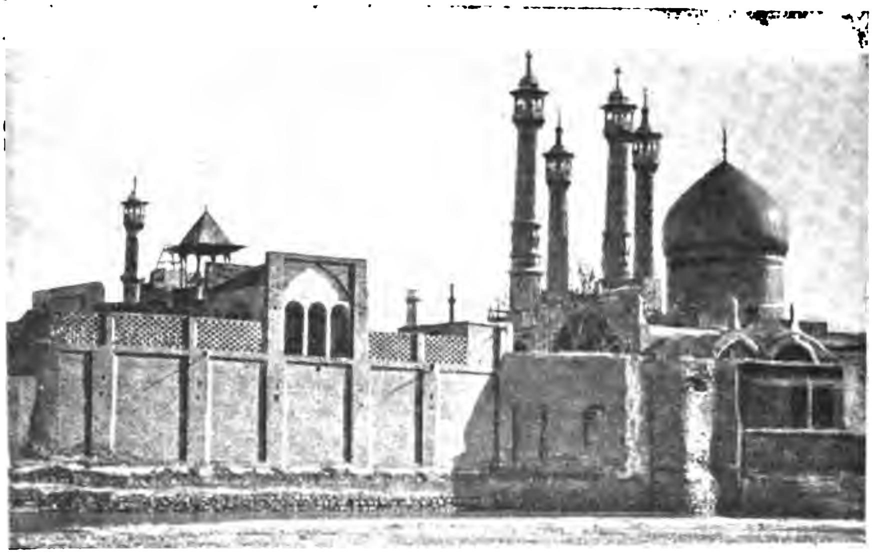
---

[1]) П. А. Риттихъ. Поѣздка въ Персію и Белуджистанъ въ 1900 году. СПБ. 1903. г.

Лошади понесли, и онъ вмѣстѣ съ ними и каретой свалился съ кручи и былъ убитъ. Затѣмъ, говорятъ, пострадала одна русская дама, ѣхавшая, вѣроятно, въ миссію или какое-либо консульство.

Русскую почту возитъ въ экипажѣ персъ, служащій въ русской миссіи. Экипажъ этотъ такой большой, что, положивъ между сидѣньемъ и скамейкой чемоданъ, можно свободно лежать, протянувъ ноги къ козламъ. Запрягается онъ четверкой перекладныхъ лошадей, которыя вездѣ находятся въ довольно приличномъ состояніи.

Я выѣхалъ изъ Решта подъ вечеръ. По обѣ стороны дороги богатѣйшая растительность. Поля риса смѣняются плантаціями



Кумъ. Мечеть съ могилой дочери Магомета, Фатьмы-Непорочной.

тутовыхъ деревьевъ и фруктовыми садами. Огромные тополи, дубы, платаны обвиты плющемъ и хмелемъ, иногда такъ густо, что совершенно не видно ни стволовъ, ни сучьевъ. Густыя широкія шапки изящныхъ мимозъ покрыты розовыми цвѣтами. Въ лѣсахъ въ естественномъ видѣ растутъ грецкіе орѣхи, гранатовыя и фиговыя деревья. Къ сожалѣнію, я не могъ долго любоваться роскошною природой Гиляна, такъ какъ скоро стало темнѣть.

Наступила ночь. Кругомъ, какъ въ сказкѣ, то поднимаются, то исчезаютъ черныя массы горъ, вырастаютъ силуэты гигантскихъ деревьевъ. Но посмотрите, ужъ и въ самомъ дѣлѣ не сказочный ли это сонъ?...

Въ густой, непроглядной чащѣ зажглась удивительная иллюминація: кусты у дороги усѣяны свѣтящимися точками; однѣ изъ

нихъ блестятъ неподвижно, другія двигаются. Это свѣтящіеся жучки, которыхъ весной можно видѣть и у насъ на Кавказѣ. Я никогда ихъ не видалъ и долго не могъ повѣрить, что это не обманъ зрѣнія, а дѣйствительно живая иллюминація.

Съ наступленіемъ ночи стали часто встрѣчаться караваны. Они избѣгаютъ двигаться днемъ вслѣдствіе жары.

Вотъ издали доносится звонъ колокольчиковъ. Понемногу онъ становится громче и громче и наконецъ дѣлается оглушительнымъ. Мелкими шажками тѣсной кучей идутъ нагруженные ослики. Чарвадары [1]) съ громкими криками отгоняютъ ихъ въ одну сторону, чтобы дать намъ дорогу, и они прижимаются другъ къ другу. Потомъ звонъ удаляется, стихаетъ, но сейчасъ же вдали слышатся колокольчики другого каравана. Экипажъ нашъ то мчится съ кручи, то тяжело тянется въ гору.

Вотъ среди лѣса домъ. У огня сидятъ въ кружокъ персы, поджавъ ноги, и курятъ неизмѣнный кальянъ. Вотъ опять караванъ. Важно и медленно ступая и мѣрно покачивая головами, длинной вереницей идутъ верблюды. И все время оглушительный звонъ, то приближающійся, то удаляющійся.

Скоро сонъ сталъ одолѣвать. Я силился заснуть, протянувъ ноги на чемоданъ и упершись головой въ спинку сидѣнья. Но заснуть трудно; трясетъ ужасно, особенно, когда несемся подъ гору, да и колокольчики мѣшаютъ. Спать такъ и не пришлось. Я только дремалъ и видѣлъ то пароходъ и зеленыя волны моря, то бритыя головы гребцовъ на кирджимѣ, то миріады свѣтящихся точекъ въ темной лѣсной чащѣ

... Нѣтъ больше зеленыхъ полей и непролазныхъ лѣсовъ съ цвѣтущими мимозами и дубами, обвитыми плющемъ. Кругомъ голыя скалы. Никакой жизни. Рѣдко-рѣдко увидишь на телеграфномъ столбѣ какую-то голубую птицу да иногда зеленую ящерицу, сидящую на раскаленномъ камнѣ. Роскошными лѣсами покрыты только сѣверные склоны горъ Гиляна, обращенные къ Каспійскому морю, а южные, на которые мы перебрались къ утру, не имѣютъ никакой зелени. Лишь у станцій можно увидѣть нѣсколько жидкихъ деревьевъ и небольшое поле пшеницы, орошаемое горнымъ ручейкомъ. Цѣлый день все одинъ пейзажъ: скалы, камни и телеграфные столбы.

Жара давала себя чувствовать. Отъ ослѣпительнаго солнца пришлось надѣть темныя очки съ сѣтками по бокамъ, защищающими глаза отъ пыли. Я думалъ, что въ такихъ очкахъ нуждаются только заѣзжіе европейцы, но потомъ увидѣлъ, что ихъ носятъ

---

[1]) Погонщики муловъ.

въ дорогѣ и многіе персы. Вслѣдствіе безсонной ночи и отчаянной тряски чувствую себя совсѣмъ разбитымъ.

Къ вечеру горы стали разступаться. Чувствовалось, что мы выѣдемъ скоро на открытое мѣсто. Послѣдній перевалъ былъ очень высокъ. Сдѣлалось холодно, когда мы стали приближаться къ высшей точкѣ, поверхъ кителя пришлось надѣть суконную куртку. У дороги вмѣсто песка и камней появились поля пшеницы. Тутъ было легко дышать. Долго мы тащились въ гору, все выше и выше. Наконецъ подъемъ кончился. Проѣхавъ немного по ровному мѣсту, мы стали спускаться. Прямо внизу разстилаются безконечные, сливающіеся съ небомъ пески Иранскаго плоскогорья. Среди нихъ, какъ острова въ безбрежномъ океанѣ, кое-гдѣ темнѣютъ зеленыя пятна—это оазисы. Налѣво вдоль дороги тянется высокая гряда горъ со снѣжной вершиной. Направо далеко-далеко туманныя горныя цѣпи убѣгаютъ вдаль и исчезаютъ, сливаясь съ горизонтомъ.

Величественная и прекрасная панорама эта поражаетъ необыкновенной нѣжностью красокъ. Пески—свѣтло-желтые, горы и небо—нѣжно-голубые.

Такъ вотъ онъ Иранъ. На зарѣ исторіи человѣчества тутъ кипѣла жизнь. Отсюда Киръ совершалъ побѣдоносные походы къ берегамъ Эгейскаго моря и границамъ Индіи; ища новыхъ побѣдъ, тутъ проходила армія Александра Великаго; одно за другимъ тутъ мѣнялись царства арабовъ и турокъ и проносились дикія полчища монголовъ.

Долго боролись персы въ этомъ водоворотѣ на пути движенія народовъ изъ Европы въ Азію, а тѣмъ временемъ центръ міровой цивилизаціи отъ нихъ все удалялся, передвигаясь по полуостровамъ—изъ Анатоліи въ Грецію, изъ Греціи въ Италію, потомъ въ Испанію. И Персія, уставъ въ многовѣковой борьбѣ, потерявъ въ ней лучшія свои силы, погрузилась въ состояніе глубокаго застоя, изъ котораго не можетъ выйти и до настоящаго времени.

Теперь для нея наступаетъ новый періодъ исторіи. Вслѣдствіе ея географическаго положенія и сосѣдства англійскихъ и русскихъ владѣній она не можетъ дольше пребывать въ состояніи варварства и европейская культура неизбѣжно должна въ нее проникнуть. Найдетъ ли она сама въ себѣ силы для своего возрожденія, или купитъ его цѣной своей независимости, подчинившись всецѣло вліянію могущественныхъ сосѣдей, — это покажетъ очень близкое будущее.

Такъ думалъ я о судьбѣ Персіи, спускаясь съ горы и приближаясь къ городу Казвину. По дорогѣ стали встрѣчаться деревни. Онѣ поразили меня своимъ печальнымъ видомъ и полнымъ отсутствіемъ жизни. Я былъ очень удивленъ, когда гулямъ сказалъ мнѣ, указывая на песчаныя стѣны, мимо которыхъ мы проѣзжали, что это деревня. Мнѣ невольно вспомнилась русская деревушка:

на косогорѣ, покрытомъ зеленѣющими и желтѣющими полосами хлѣбовъ, раскинуты избы; небольшія оконца ихъ привѣтливо глядятъ изъ-подъ соломенныхъ крышъ; бабы съ коромыслами идутъ къ колодцу; бѣгаютъ ребятишки; за околицей на зеленомъ лугу пасутся спутанныя лошади. Здѣсь не то: среди желтыхъ песковъ пустыни уныло стоятъ песчаныя стѣны и какъ въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ не видно и не слышно никакой жизни; нѣтъ ни людей, ни животныхъ; лишь нѣсколько высокихъ платановъ да ручеекъ, бѣгущій по раскаленнымъ пескамъ, оживляютъ печальную картину.

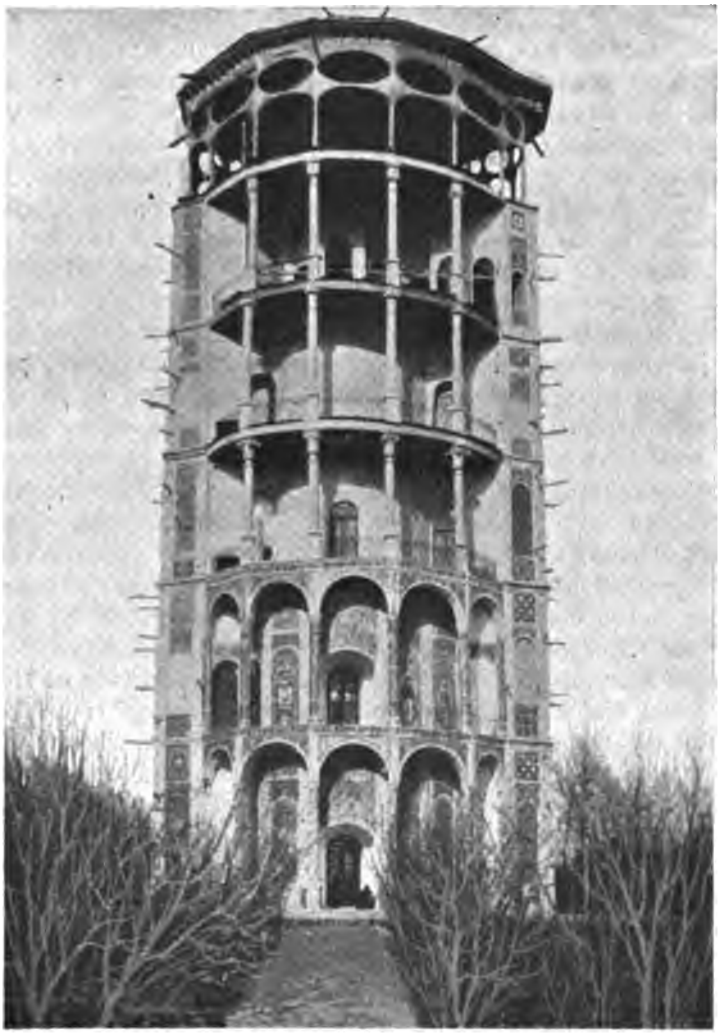
Куда скрылись жители, что они дѣлаютъ,—этого я никакъ не могъ постичь.

Мы въѣзжали въ Казванъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. На улицахъ былъ полный мракъ и тишина. Нельзя было заподозрѣть, что мы уже въ городѣ съ сорокатысячнымъ населеніемъ. Свѣтъ показался только тогда, когда мы выѣхали на главную улицу. Въ большихъ нишахъ, освѣщенныхъ лампами и фонарями, сидѣли, поджавъ ноги, купцы. Оживленія никакого.

Караванъ-сарай, въ которомъ мы остановились, имѣлъ большую чистую комнату для проѣзжающихъ. Пришелъ хозяинъ съ сыномъ и спросилъ, не хочу ли я заказать какое-нибудь горячее кушанье. Я попросилъ приготовить что-нибудь поскорѣе, такъ какъ въ дорогѣ очень проголодался. На станціяхъ можно было доставать только хлѣбъ и яйца. Персидскій хлѣбъ имѣетъ видъ большихъ блиновъ, дѣлается изъ какой-то сѣроватой муки; съ непривычки я не могъ его ѣсть, а другого хлѣба достать нельзя. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ, когда мнѣ подадутъ бифштексъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но каково было мое разочарованіе, когда мнѣ вдругъ подали на огромномъ листѣ персидскаго хлѣба кусочки жареной баранины, сильно пропахшіе дымомъ и такіе твердые, что при всемъ аппетитѣ я никакъ не могъ разжевать ни одного куска.

Сынъ хозяина имѣлъ сильное желаніе меня угостить и, замѣтивъ мои тщетныя попытки съѣсть мясо, предложилъ приготовить еще что-нибудь, но пришлось отказаться, такъ какъ лошади были уже готовы и надо было ѣхать.

Утромъ я ѣхалъ уже по улицамъ Тегерана, закрывая платкомъ носъ и глаза отъ облаковъ мельчайшей пыли, которую поднимали наши лошади и встрѣчные всадники. Я ожидалъ увидѣть эффектный восточный городъ съ оригинальными дворцами восточной архитектуры. Но никакихъ дворцовъ незамѣтно. Можетъ быть, и есть красивыя зданія, но они закрыты огромными песчаными стѣнами. Лучшія постройки—дома европейцевъ. Впрочемъ, если бы и было что-нибудь интересное на улицахъ, я не могъ бы разсмотрѣть, такъ какъ все время глаза застилала отвратительная, все проникающая пыль.



Башня въ Энзели, гдѣ останавливается шахъ, когда ѣдетъ въ Европу.

Въ Тегеранѣ я не останавливался, а прямо проѣхалъ въ наше посольство, находящееся лѣтомъ въ дачномъ мѣстѣ Зергенде, въ 8 верстахъ отъ столицы. Тамъ меня очень любезно приняли. Я хорошо отдохнулъ два дня и затѣмъ возвратился въ Тегеранъ, чтобы, переночевавъ въ немъ, продолжать свое путешествіе.

II.

Чѣмъ дальше ѣду, тѣмъ все худшее и худшее впечатлѣніе производятъ на меня персы. Въ Тегеранѣ приходилось говорить со многими русскими, и всѣ они отзывались о нихъ не лучше, чѣмъ агентъ страхового общества—мой попутчикъ по Каспійскому морю. Нѣкоторые не могутъ говорить о нихъ безъ озлобленія. Одинъ нашъ соотечественникъ далъ имъ такую характеристику: «Народъ гадость, нѣтъ ни одного честнаго человѣка, всѣ только и смотрятъ, какъ бы обмануть, смошенничать, украсть. Пока персъ знаетъ, что можетъ получить отъ васъ какую-нибудь выгоду, онъ лебезитъ передъ вами и способенъ на какія угодно униженія, а когда получитъ все, что можно, надуетъ какъ слѣдуетъ, тогда и смотрѣть на васъ не станетъ и васъ же назоветъ дуракомъ. По понятіямъ персовъ, мы, европейцы, существуемъ здѣсь для того, чтобы они насъ всячески эксплоатировали; они презираютъ насъ и за особенную доблесть считаютъ надуть или обокрасть. Вы смѣетесь, но вотъ увидите сами. Я не встрѣчалъ еще европейца, который, поживъ въ Персіи, не проклиналъ бы эту поганую страну».

Интересный разсказъ пришлось слышать о томъ, какъ выступала на дняхъ сотня казаковъ персидской казачьей бригады для усмиренія возставшаго принца Солеруда-Доуле. Разсказъ этотъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о постановкѣ военнаго дѣла въ Персіи.

Казачья бригада—единственная воинская часть Персіи, находящаяся въ порядкѣ и обученная. Она организована была по просьбѣ шаха Насръ-Эддина русскими офицерами-инструкторами, и теперь ею командуетъ русскій полковникъ генеральнаго штаба съ четырьмя помощниками, русскими офицерами.

Такъ вотъ этотъ полковникъ получаетъ недавно бумагу съ требованіемъ выслать немедленно сотню казаковъ въ тѣ мѣста, гдѣ находится Солерудъ-Доуле. Полковникъ отвѣчаетъ, что не можетъ выслать сотню, такъ какъ она еще не получила денегъ, необходимыхъ для довольствія. Присылаютъ запросъ: сколько надо денегъ? Полковникъ составляетъ расчетъ и отсылаетъ властямъ. Начинается торговля. Власти спрашиваютъ, нельзя ли уменьшить требуемую для сотни сумму. Полковникъ отвѣчаетъ: нельзя. Тогда предлагаютъ, чтобы сотня выступила изъ города, и обѣщаютъ послать деньги вслѣдъ за нею. Полковникъ пишетъ на это, что сотня выступитъ только послѣ полученія денегъ.

Тогда наконецъ правительство, исчерпавъ всѣ способы выпроваживанія казаковъ безъ денегъ, уплачиваетъ, что слѣдуетъ, и сотня выступаетъ.

Интересно, что когда въ Тегеранѣ съ такимъ трудомъ выступала несчастная сотня для усмиренія принца Солеруда, телеграммы

русскихъ газетъ извѣщали о сраженіи какихъ-то шахскихъ войскъ и о пораженіи мятежниковъ. На самомъ дѣлѣ никакого сраженія не могло быть, такъ какъ Солеруду не съ кѣмъ было сражаться, и, вѣроятно, источникомъ этихъ телеграммъ были какіе-нибудь слухи, ходившіе на базарахъ Тегерана.

Положеніе «царя царей» въ настоящее время далеко незавидное. Престижъ его палъ до крайности. Разсказываютъ, что сейчасъ онъ не можетъ переѣхать на дачу по той причинѣ, что не имѣетъ денегъ на переѣздъ. Надо перевозить 600 слугъ, гаремъ, массу вещей, а денегъ нѣтъ даже расплатиться съ разными поставщиками въ Тегеранѣ; теперь забастовали булочники; не хотятъ поставлять хлѣбъ, пока шахъ не уплатитъ долгъ.

Вещи никто не хочетъ везти, не получивъ денегъ за перевозку впередъ. Конечно, шахъ не такъ бѣденъ, какъ можно подумать, у него есть запасы золота, и можетъ быть очень большіе, но онъ не хочетъ ихъ тратить ни подъ какимъ видомъ, предпочитаетъ занимать деньги гдѣ угодно подъ огромные проценты и доставать ихъ какими угодно способами. Теперь онъ не платитъ даже жалованья въ казачью бригаду, и на ея содержаніе даетъ деньги русскій банкъ. Говорятъ, уже занято для нея полтора милліона.

Отъ Тегерана я поѣхалъ съ персидской почтой. Она приходитъ въ Испагань на пятыя сутки. Для услугъ въ дорогѣ въ посольствѣ мнѣ дали перса, служащаго въ русскомъ консульствѣ въ Испагани. Онъ пріѣхалъ въ Тегеранъ съ секретаремъ испаганскаго консульства, ѣхавшимъ въ отпускъ, и теперь ему надо возвращаться.

Повозка, въ которой возятъ почту, представляетъ собою большую телѣгу съ полотнянымъ верхомъ. Едва тронулся я въ путь, какъ вспомнилъ совѣты всѣхъ опытныхъ людей, которые говорили, что лучше ѣхать верхомъ съ караваномъ, чѣмъ съ почтой. Для путешествія верхомъ надо было бы нанять трехъ лошадей—для себя, проводника и для вьюка, и переѣздъ можно было бы сдѣлать въ 10—12 дней. Мнѣ казалось, что этотъ способъ передвиженія требуетъ большихъ хлопотъ и, кромѣ того, не хотѣлось терять 5—7 дней: поэтому я и предпочелъ ѣхать съ почтой. Теперь мнѣ стало ясно, что этого не слѣдовало дѣлать.

Въ телѣгѣ набралось столько пассажировъ, что, сѣвъ по-турецки и прижавшись къ боковымъ доскамъ, я не могъ пошевельнуться, хотя мнѣ было устроено особое сидѣнье. Напротивъ въ такомъ же положеніи сидѣлъ мой гулямъ; дальше расположились четыре перса, изъ которыхъ одинъ ѣхалъ въ Кумъ, одинъ въ Кашанъ, и остальные два въ Испагань. Спереди, рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ сарбазъ, везшій почту. Долго сидѣть по-турецки въ первый разъ въ жизни было очень трудно. Скоро ноги устали, захотѣлось измѣнить положеніе, но не тутъ-то было—сѣсть какъ-

нибудь иначе не было никакой возможности. Я съ ужасомъ думалъ, что придется высидѣть такимъ образомъ четверо сутокъ. Ногамъ было больно, а по спинѣ немилосердно колотили доски.

Опять я въ пустынѣ: опять пески, камни и телеграфные столбы. Грандіозная цѣпь Эльбруса и колоссальный конусъ Демавенда, на половину покрытый снѣгомъ, остались свади. Впереди далеко синѣется гряда горъ, которую мы должны переѣхать ночью.

Попрежнему только у станцій есть кое-какая растительность. Станціи всѣ похожи одна на другую. Издали видишь одну огромную песчаную стѣну безъ дверей и оконъ. Она окружаетъ большой дворъ съ конюшнями и жилищемъ содержателя станціи. Рядомъ съ аркой, черезъ которую можно попасть во дворъ, находится комната, въ которой проѣзжіе персы курятъ кальянъ и пьютъ чай. Комната эта очень похожа на пещеру, такъ какъ въ ней нѣтъ оконъ, а стѣны, потолокъ и полъ все изъ того же песка, смѣшаннаго съ какимъ-то навозомъ. Нѣкоторыя станціи имѣютъ удивительно мертвый видъ. Иногда кругомъ нѣтъ никакой растительности и не видно никакихъ живыхъ существъ. Въ темной конурѣ сидитъ у грязнаго самовара хозяинъ, куритъ кальянъ или опіумъ и ждетъ путешественниковъ. Какъ онъ живетъ, гдѣ его семья, дѣти—нельзя догадаться. Какъ жалка должна быть жизнь этихъ несчастныхъ людей, заброшенныхъ въ мертвыхъ пустыняхъ вдали отъ какихъ бы то ни было поселеній.

Въ первый же день путешествія за Тегераномъ мнѣ пришлось ощутить недостатокъ въ ѣдѣ. Оказалось, что тутъ на станціяхъ нельзя достать даже яицъ. Значитъ, мнѣ предстояло питаться консервами и хлѣбомъ. Но персидскій хлѣбъ я ѣлъ съ трудомъ, а консервовъ не могъ съѣдать больше коробки въ день. Одна надежда была, что достану что-нибудь поѣсть въ Кумѣ и Кашанѣ.

Солнце быстро опустилось за горы, когда мы начали преодолѣвать два перевала, не очень большихъ, но довольно чувствительныхъ для лошадей.

Я снялъ очки, пробковый шлемъ и пробовалъ заснуть, но безуспѣшно. Почта останавливается только для смѣны лошадей, а во время движенія спать нѣтъ никакой возможности. Сидишь какимъ-то вопросительнымъ знакомъ, со всѣхъ сторонъ жметъ. Время отъ времени впадаешь въ забытье, но ненадолго, такъ какъ скоро чувствуешь боль въ отдавленной рукѣ или ногѣ, или просыпаешься отъ страшнаго грохота, когда повозка несется съ горы.

Къ утру мы выѣхали на южный склонъ горной цѣпи. Когда начали спускаться, я увидѣлъ впереди прямую ленту шоссе, протянувшуюся до самаго горизонта, и влѣво отъ него на ярко-желтомъ фонѣ огромное пятно густого темно-синяго цвѣта. Это было соляное озеро Кумъ. Картина, развернувшаяся передъ нами, была совершенно мертвая, но грандіозная и замѣчательно интересная

своими необыкновенными красками: небо — блѣдное, изжелта-голубое, даль—фіолетовая, величественныя скалы—зеленоватыя и мѣстами красноватыя, а озеро — синее, темнѣющее въ пустынѣ, какъ пятно пролитыхъ чернилъ.

Часовъ въ 11 мы были въ Кумѣ. Этотъ городъ извѣстенъ своей священной мечетью, въ которой находится могила дочери пророка, Фатьмы Непорочной. На поклоненіе этой святынѣ сюда стекаются ежегодно богомольцы со всѣхъ концовъ Персіи.

Я расположился отдыхать въ большой комнатѣ караванъ-сарая, который тутъ устроенъ хорошо, такъ какъ въ немъ останавливаются многочисленные паломники; онъ имѣетъ много чистыхъ комнатъ. Прямо передъ караванъ-сараемъ садъ, въ которомъ стоитъ

Домъ богатаго перса въ Испагани.

бесѣдка, построенная въ память посѣщенія Кума шахомъ Насръ-Эддиномъ. За садомъ видна почитаемая мечеть. Главный куполъ ея покрытъ вызолоченными кирпичами, а четыре минарета красиво отдѣланы изразцами, выкрашенными преимущественно зеленой краской.

Говорятъ, что Кумъ сохраняетъ еще значеніе города только благодаря паломникамъ и своему положенію на перекресткѣ дорогъ, удобныхъ для колесной ѣзды, изъ которыхъ одна направляется въ Султанабадъ, а другая въ Испагань. Можетъ быть, это и такъ, но во всякомъ случаѣ городъ, кажется, большой. Мы очень долго ѣхали подъ темными сводами безконечныхъ базаровъ; можно было подумать, что заблудились въ какомъ-то подземномъ лабиринтѣ.

Отъ Кума дорога идетъ сначала по безплодной пустынѣ, между невысокими горами, а въ 8 фарсарахъ [1]) отъ Кашана начинаютъ попадаться поля хлопка, табака и пшеницы. Вторую ночь я провелъ такъ же, какъ и первую. На третій день утромъ прибыли въ Кашанъ. Почта остановилась у самаго базара. Я отправился искать пристанища, въ которомъ можно бы было безъ любопытныхъ зрителей что-нибудь поѣсть и напиться чаю. Кругомъ ходили и кричали разные торговцы. Одинъ продавалъ абрикосы, другой — орѣхи, третій сладости и шербетъ. Тутъ же проѣзжали на ослахъ и лошадяхъ. Располагаться завтракать среди всей этой сутолоки было не очень пріятно, и я уже подумывалъ отложить завтракъ до ближайшей станціи, какъ вдругъ въ окнѣ второго этажа базара увидѣлъ двѣ фигуры съ европейскими физіономіями, дѣлавшія мнѣ знаки зайти къ нимъ. Я съ радостью поднялся по узкой лѣстницѣ, которую мнѣ указалъ высланный сверху персъ. Въ небольшой комнаткѣ сидѣли два человѣка въ европейскихъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ кое-какъ могъ говорить по-русски, и я узналъ отъ него, что онъ армянинъ, проѣзжій, а комната эта его знакомаго—здѣшняго зубного врача, тоже армянина. Врачъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, на видъ ему нельзя было дать больше 19 лѣтъ. Комната, въ которой мы сидѣли, служила ему и пріемной и кабинетомъ. Все убранство ея состояло изъ небольшого стараго ковра, трехъ стульевъ и двухъ столиковъ, на которыхъ лежали челюсти, щипцы и стояли пузырьки съ разными жидкостями. Многіе изъ этихъ пузырьковъ были открыты, и вообще было видно, что врачъ не считалъ нужнымъ содержать въ чистотѣ предметы зубного врачеванія. Большое окно было открыто, и черезъ него комната наполнялась всѣми запахами персидскаго базара.

Я разговорился съ хозяиномъ. Онъ понималъ по-русски и отвѣчалъ на странномъ діалектѣ, въ которомъ слышались русскія, персидскія и армянскія слова.

— Много ли у васъ паціентовъ?—поинтересовался я.

— Я недавно пріѣхалъ сюда изъ Тегерана и сначала ко мнѣ рѣдко заходили; потомъ стали приходить больше и больше, и теперь у меня много работы.

— А зубныхъ врачей много въ городѣ?

— Есть нѣсколько человѣкъ, но теперь у меня паціентовъ больше, чѣмъ у нихъ, и всѣ богатые персы приходятъ ко мнѣ.

«Значитъ, подумалъ я, это лучшій зубной врачъ Кашана, города, въ которомъ считается 30 тысячъ жителей».

— Вы долго будете въ Персіи?—спросилъ врачъ.

— Мѣсяца полтора—два.

---

[1]) Фарсаръ—отъ 6 до 7 верстъ.

— Какой вы счастливый.

— А вамъ скучно здѣсь?

— Да, невесело. Городъ такой веселый, что сюда ссылаютъ изъ Тегерана. Вотъ теперь много понаѣхало богатыхъ персовъ.

— За что же ихъ сослали?

— Да какъ всегда: вѣроятно, не дали денегъ, когда съ нихъ требовали.

III.

Путешественнику нужны только двѣ вещи: хорошій кошелекъ и хорошая сабля; первый, чтобы достать все необходимое, вторая, чтобы защитить себя отъ нападеній.

(Изъ персидскихъ надписей на стѣнахъ караванъ-сарая).

Изъ Кашана мы выѣхали подъ вечеръ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него дорога стала подниматься. Долго тащились мы въ гору и наконецъ взобрались на высокое плато. Воздухъ здѣсь былъ удушливый. До сихъ поръ ночи были прохладныя, и съ заходомъ солнца можно было отдыхать отъ дневной жары, забывая, что мы ѣдемъ въ центральной Персіи, по сосѣдству со страшными пустынями, о близости которыхъ лишь изрѣдка напоминалъ дувшій съ нихъ горячій вѣтеръ. Но тутъ, на этомъ плато, несмотря на наступленіе ночи, воздухъ былъ горячій и тяжелый; было трудно дышать. Дорога ровная; по обѣ стороны ровное мѣсто, усѣянное мелкими камнями; кое-гдѣ торчатъ клочки травы, которую ѣдятъ верблюды. Вправо видны горы, а влѣво на разстояніи полуверсты тянется высокій и ровный валъ желтыхъ песковъ. Это пески пустыни, готовой, кажется, занести ими дорогу и самый городъ Кашанъ.

Утромъ мы выѣхали въ долину между двумя высокими хребтами горъ. Эти горы въ теченіе многихъ тысячелѣтій вывѣтривались, омывались дождями, высушивались горячимъ солнцемъ, и теперь стоятъ обнаженныя, какъ бы только что вынесенныя какимъ-то чудомъ изъ самыхъ нѣдръ земного шара и застывшія тяжелыми и безконечно разнообразными громадами. Смотря на нихъ и на пески, покрытые камнями, я часто думалъ, что именно такой мертвый пейзажъ увидѣли бы мы, если бы попали на луну.

Скоро въ долинѣ показался оазисъ. Послѣ удушливой атмосферы плоскогорья, которое мы проѣзжали ночью, пріятно было освѣжиться прохладой оазиса, яркая зелень котораго радовала глазъ. Селеніе было окружено полями пшеницы и ячменя и садами съ густыми тутовыми деревцами.

Въ трехъ фарсарахъ отъ этого оазиса живописно раскинулось мѣстечко Кохрудъ, утопающее въ зелени садовъ, орошаемыхъ ручейками, весело бѣгущими съ горъ. На послѣдней станціи передъ этимъ мѣстечкомъ намъ дали такихъ лошадей, которыя почему-то понесли, когда мы еще не успѣли выѣхать изъ узкихъ улицъ селенія. Съ большимъ трудомъ ихъ удалось остановить у крутого поворота, когда я уже приготовился выскочить изъ повозки. Въ двухъ-трехъ фарсарахъ отъ Кохруда лошади опять загорячились. Кучеръ не затормозилъ колеса, когда мы спускались съ горы; повозка стала толкать лошадей: тѣ поскакали.

Теперь уже не остановишь, подумалъ я, присматриваясь, куда бы выскочить. Впередъ невозможно—лошади; назадъ далеко—надо лѣзть черезъ двухъ людей; по сторонамъ же повозка закрыта полотномъ, да и все равно направо—скала, а налѣво—обрывъ. Впереди, у самой дороги была груда камней, о которую мы неминуемо должны были разбиться, но все-таки лошадей какимъ-то чудомъ успокоили передъ самыми камнями, и мы благополучно стали спускаться въ долину.

Слава Богу, это послѣдній день путешествія по этой дикой странѣ. Ночь какъ-нибудь перетерплю, а утромъ буду уже въ Испагани.

Но что это? На гребнѣ горы, на которую впереди подымается дорога, показались четыре всадника. Они выросли сразу, какъ одинъ, шагахъ въ пяти другъ отъ друга. Въ рукахъ у нихъ блестѣли ружья.

«Не разбойники ли?» промелькнуло у меня въ головѣ. Гулямъ и сарбазъ, поблѣднѣвъ, схватились за револьверы. Меня такъ увѣрили, что никакихъ нападеній въ дорогѣ не бываетъ, что револьверъ свой я спряталъ въ корзину, чтобъ онъ не мѣшалъ мнѣ. Впрочемъ, все равно стрѣлять было бы безполезно. Мы не успѣли опомниться, какъ всадники въ карьеръ спустились съ горы и окружили повозку. Одинъ скакалъ спереди, одинъ сзади, двое по бокамъ. Передній, повернувшись въ сѣдлѣ, громко говорилъ что-то кучеру. Кучеръ ударилъ по лошадямъ... Лошади рванулись... Раздался выстрѣлъ... «Сейчасъ разстрѣляютъ», подумалъ я. Но это сообразилъ и кучеръ. Онъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ повозки и повелъ съ дороги нашу четверку за переднимъ разбойникомъ.

Что же будетъ дальше? Направивъ на насъ ружья, разбойники слѣдятъ за каждымъ нашимъ движеніемъ, зловѣще сверкая страшными глазами...

Нѣтъ сомнѣнья... заведутъ въ горы, ограбятъ и убьютъ... Неужели такъ дико придется покончить жизнь неизвѣстно за что и для чего? Всѣ мы смертны; умирать когда-нибудь придется, но обидно умереть тутъ, въ этой пустынѣ, отъ руки разбойника...

Какъ только мы свернули съ дороги, изъ-за бугра прискакали еще трое разбойниковъ, которые были, очевидно, въ резервѣ.

Съ полчаса ѣхали мы безъ дороги и остановились въ узкой долинѣ. Намъ предложили выйти изъ повозки. Мы вышли и стали по одну сторону ея, а разбойники по другую.

Рядомъ со мной стали два перса, одинъ изъ которыхъ былъ съ двумя дѣтьми. Гулямъ и сарбазъ объяснялись со старымъ разбойникомъ, ѣхавшимъ впереди, который, повидимому, руководилъ набѣгомъ. Два разбойника заняли посты на сосѣднихъ холмахъ, а четверо стали въ рядъ противъ насъ, держа наготовѣ ружья и слѣдя за нашими движеніями.

Старый разбойникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-персидски, чтобы я отдалъ деньги и часы. Я отдалъ ему кошелекъ и снялъ

Шахская площадь, дворецъ и шахская мечеть въ Испагани.

браслетъ съ часами. Послѣ этого онъ приступилъ къ осмотру моихъ вещей.

Сначала осмотрѣли мой чемоданъ, въ которомъ были разныя дорожныя вещи; ихъ не взяли. Потомъ ножами взломали мою корзину и стали все въ ней перебирать. Старшій разбойникъ взялъ широкій сѣрый поясъ отъ костюма laun-tennis и захотѣлъ его тутъ же надѣть. Но, несмотря ни на какія усилія, поясъ не сходился. Видимо, онъ очень понравился, такъ какъ въ концѣ концовъ разбойникъ даже снялъ свой патронташъ; но все-таки поясъ не сошелся и онъ бросилъ его къ себѣ въ мѣшокъ. Каждую вещь внимательно разсматривали, вертѣли и обдумывали, стоитъ брать,

или нѣтъ. Ящикъ съ красками открыли, посмотрѣли и, рѣшивъ, что онъ не пригодится,—бросили обратно. Не взяли и фотографическаго аппарата. Когда его увидѣли, спросили гуляма, что это такое, и, кажется, долго не могли понять его объясненій.

«Убьютъ или не убьютъ?» вертѣлось у меня въ головѣ... Вотъ идетъ ко мнѣ одинъ изъ молодыхъ разбойниковъ, вертя огромный ножъ въ рукѣ. «Сейчасъ зарѣжетъ», подумалъ я. Но онъ, подойдя близко ко мнѣ, потребовалъ денегъ. Я объяснилъ ему, какъ умѣлъ, по-персидски и знаками, что деньги я отдалъ уже.

Покончивъ съ моими вещами, принялись за почту. Каждый мѣшокъ вскрывали, вынимали изъ него деньги, потомъ бросали.

Я разглядывалъ разбойниковъ. По костюму было видно, что они принадлежали къ племени бахтіаровъ. На головахъ у нихъ были характерныя черныя войлочныя шапки, очень высокія, изъ-подъ которыхъ по бокамъ висѣли космы густыхъ, вьющихся волосъ.

Двое были одѣты очень легко; на нихъ ничего не было, кромѣ рубашекъ и оружія. Костюмы остальныхъ состояли изъ рубашекъ, бѣлыхъ съ черными полосками, черныхъ широкихъ панталонъ и черныхъ же кафтановъ съ широкими рукавами. Я обратилъ вниманіе, что въ одеждѣ у нихъ не было другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго и бѣлаго. Это, вѣроятно, особенность ихъ вкуса, вслѣдствіе которой, разбирая мое бѣлье, они не взяли у меня цвѣтныхъ рубашекъ.

Когда все осмотрѣли, сарбазъ попросилъ возвратить ему часы. Просьбу его исполнили, а потомъ ко мнѣ подошелъ опять разбойникъ, взявшій мои часы, и спросилъ, какъ ихъ вынуть изъ браслета. Я вынулъ, и онъ предложилъ мнѣ взять ихъ обратно.

Это меня нѣсколько успокоило. Если бы думали убивать, то зачѣмъ возвращать часы. А вдругъ предложатъ ѣхать съ ними? Посмотрѣть, какъ они живутъ, конечно, интересно, но такого рода поѣздка въ кочевье бахтіаровъ совсѣмъ не входила въ планы моего путешествія.

Наконецъ, погрузивъ добычу въ мѣшки, приторoченные къ сѣдламъ, разбойники вскочили на своихъ легкихъ коней и крупнымъ галопомъ умчались въ горы. На одномъ изъ нихъ живописно развивалась моя простыня съ красными мѣтками А. М., у другого болтались концы моего полотенца съ тѣми же буквами.

У всѣхъ вырвался тяжелый вздохъ. Персы опустились на колѣни и, подымая руки къ небу, благодарили Аллаха за спасеніе.

Надо было торопиться, чтобы найти засвѣтло дорогу. Кучеръ взялъ правильное направленіе, и скоро мы выѣхали на дорогу, почти на то самое мѣсто, съ котораго свернули съ разбойниками.

Сначала всѣ мы ѣхали молча. Персъ, ѣхавшій съ дѣтьми, кажется, все еще читалъ про себя молитвы. Сарбазъ обдумывалъ, что и какъ разсказать въ Испагани объ ограбленіи ввѣренной ему почты.

Потомъ какъ-то сразу всѣ заговорили.

— А часы-то мнѣ отдали, и вамъ тоже отдали,—говорилъ сарбазъ, повернувшись ко мнѣ.—Вся темная и масляная физіономія его сіяла отъ удовольствія.

— А мои часы вотъ гдѣ были, сказалъ гулямъ, вытаскивая изъ башмака часы, которые онъ успѣлъ спрятать, когда увидалъ разбойниковъ.

У всѣхъ было радостное настроеніе, всѣ весело смѣялись.

Прибывъ на станцію, мы усѣлись въ кружокъ въ тѣсной каморкѣ станціоннаго смотрителя и пили чай. Старикъ-хозяинъ станціи сочувственно покачивалъ сѣдой головой, слушая разсказы потерпѣвшихъ. Почтительно кланяясь, онъ подалъ мнѣ чай и спросилъ, не хочу ли я ѣсть? Я поблагодарилъ и сказалъ, что хочу только пить.

Ужъ не во снѣ ли я все это вижу? Какъ я очутился здѣсь, въ этомъ сараѣ, стоящемъ въ пустынѣ, среди какихъ-то грязныхъ людей съ темными лицами, тускло освѣщенными фонаремъ, поставленнымъ на полъ. Неужели все это дѣйствительность: эти странныя, безжизненныя скалы, эти разбойники, безпокойно слѣдящіе за мной своими страшными, воспаленными отъ солнца и вѣтра глазами.

— Мы будемъ тутъ ночевать, — сказалъ мнѣ гулямъ. — Торопиться некуда. Не угодно ли посмотрѣть, гдѣ вамъ лучше будетъ спать.

Торопиться, дѣйствительно, нечего. Разбойниковъ все равно не поймаютъ, а мы не спали три ночи и послѣ всего пережитаго въ этотъ день чувствовали большую потребность поспать.

Поблагодаривъ хозяина, я вышелъ къ повозкѣ. Можно было расположиться спать въ ней, но для этого пришлось бы переставлять вещи, а я такъ усталъ, что не хотѣлось долго устраиваться, и потому легъ на коверъ, разостланный на землѣ подъ открытымъ небомъ.

«А вѣдь не убили—думалъ я, засыпая.—Можетъ быть, они тутъ гдѣ-нибудь, сейчасъ прискачутъ... Но тихо все въ пустынѣ. Не слышно никакого звука... Нѣтъ, теперь уже не нападутъ... Какъ хорошо, что я невредимъ и могу смотрѣть на это темное небо, усѣянное яркими звѣздами; никогда не казалось оно мнѣ прекраснѣе, чѣмъ сейчасъ».

Съ восходомъ солнца мы тронулись въ путь и черезъ нѣсколько часовъ подъѣзжали къ Испагани.

IV.

> **Что нужно Испагани со всѣмъ ея богатствомъ. Ей нужно только хорошихъ людей. Все въ ней было бы хорошо, если бы не было испаганцевъ.**
>
> **(Изъ стихотв. персидскаго поэта).**

Нѣкогда на мѣстѣ Испагани было два города: Джей и Яхудія. Время основанія перваго точно неизвѣстно; есть свѣдѣнія, что онъ существовалъ уже при Александрѣ Македонскомъ, который обнесъ его стѣнами и назвалъ Шехрестаномъ. Второй же возникъ при Навуходоносорѣ изъ поселенія евреевъ, приведенныхъ въ Персію послѣ разрушенія Іерусалима. Изъ сліянія этихъ двухъ городовъ образовался одинъ большой городъ, получившій названіе Испагани.

Испагань расположена въ длинномъ оазисѣ, окруженномъ невысокими горами съ трехъ сторонъ: восточной, западной и южной. По остаткамъ зданій видно, что раньше городъ располагался равномѣрно по обѣ стороны рѣки Зенде-Руда. Теперь же онъ тянется главнымъ образомъ на сѣверъ отъ этой рѣки, а на югъ отъ нея находится только армянская часть города, Джульфа, да нѣсколько обширныхъ садовъ.

Благодаря плодородной почвѣ окрестностей и прекрасному климату, Испагань всегда былъ обширнымъ городомъ и имѣлъ большое населеніе. Онъ быстро оправился послѣ нашествія Тамерлана, который избилъ въ немъ 70 тысячъ жителей, и въ XVI столѣтіи, сдѣлавшись столицей Персіи, имѣлъ уже болѣе 200 тысячъ населенія.

Извѣстный французскій путешественникъ Шарденъ, бывшій въ Испагани въ 1667 году, говоритъ, что городъ Испагань, вмѣстѣ съ предмѣстьями, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ міра и имѣетъ не менѣе 25 миль въ окружности. Относительно числа жителей Шарденъ не могъ собрать точныхъ свѣдѣній. Ему давали самыя разнообразныя показанія: одни считали въ Испагани милліонъ 100 тысячъ жителей, другіе—600 тысячъ. Но, судя по числу зданій, которыхъ было около 38 тысячъ, возможно, что жителей было отъ 200 до 300 тысячъ. Для того времени и эта цифра очень значительна.

Теперь населеніе Испагани не больше 60—70 тысячъ, хотя все-таки по торговлѣ и промышленности она и теперь занимаетъ видное мѣсто среди городовъ Персіи.

Испагань пользуется прекраснымъ климатомъ. Она расположена очень высоко (1432 м.) и, благодаря этому, лѣтняя жара, доходящая до 50 градусовъ, переносится легко. Я измѣрялъ темпе-

ратуру днемъ въ іюнѣ и іюлѣ. Въ іюнѣ было отъ + 40 до 44, въ іюнѣ—отъ + 44 до 50. Послѣ дневной жары обыкновенно была прохладная ночь. Зима бываетъ очень мягкая, снѣгъ выпадаетъ на нѣсколько дней. Съ конца апрѣля и до августа, а часто и до сентября, не бываетъ ни одного дождя. Несмотря на это, поля и сады не терпятъ отъ недостатка влаги, такъ какъ ихъ орошаютъ многочисленные горные источники и каналы рѣки Зенде-Рудъ.

Почему приходится сильно удобрять, но, удобренная, она даетъ прекрасные урожаи. Удобряютъ ее городскими отбросами и голубинымъ пометомъ, который собирается въ особыхъ башняхъ. Если не ошибаюсь, башни эти выстроены при Аббасѣ Великомъ. Съ полей собираютъ ячмень, маисъ, хлопокъ, табакъ, макъ и разнаго рода овощи. Въ садахъ особенно хороши абрикосы, много айвы, гранатовъ, миндаля и грушъ.

Богатство Испагани заключается въ производствѣ хлопка, опіума, табака, камеди, миндаля и сухихъ фруктовъ.

Размѣры производства главнѣйшихъ продуктовъ Испаганской провинціи можно опредѣлить приблизительно такъ:

Хлопокъ.	175	т. пудовъ
Опіумъ	1000—2000	харваровъ [1])
Камедь	200—300	»
Миндаль.	70—100	»

Харваръ составляетъ почти 20 пудовъ.

Хлопокъ Испагани нѣкогда славился на Востокѣ, но теперь не имѣетъ прежнихъ достоинствъ. Въ послѣднее время производство его увеличилось вслѣдствіе появленія русскихъ покупателей. Изъ сырья, вывозимаго въ Россію изъ Испаганскаго округа, хлопокъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Всѣ операціи съ нимъ производятся исключительно русскими фирмами: московской—«Братья Арзумановы», лодзинской—«Адамъ Оссеръ» и «Прохоровской трехгорной мануфактурой въ Москвѣ». Ежегодный вывозъ хлопка 140 т. пудовъ [2]).

Опіумъ добывается изъ головокъ мака, которыя изъ надрѣзовъ даютъ сокъ. Производство опіума уменьшается вслѣдствіе истощенія почвы.

Камедь получается посредствомъ надрѣзовъ изъ растенія, которое персы называютъ гайваномъ. Сборъ камеди начинается въ іюнѣ и продолжается около мѣсяца. Производство ея ежегодно

---

[1]) Perse. Voyage d'exploration commerciale dans les villes du centre de la Perse par M. M. T. Serstevens ministre résident accrédité en qualité d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire. Bruxelles. 1906.

[2]) Хлопководство въ Испаганскомъ округѣ. Сборникъ консульскихъ донесеній 1905, вып. VI.

увеличивается. Ее вывозятъ въ Лондонъ черезъ Буширъ и въ Нижній-Новгородъ черезъ囗囗囗Рештъ.

Культура табака уменьшается въ послѣдніе годы вслѣдствіе того, что муллы запретили его сѣять. Причиной этого запрещенія, вѣроятно, было то, что табакъ болѣе зависитъ отъ дождя и требуетъ больше заботъ, чѣмъ хлопокъ. Три четверти всего сбора вывозится.

Производство миндаля ежегодно увеличивается. Его вывозятъ въ Лондонъ и Россію.

Общій видъ улицъ Испагани, если и измѣнился со временъ Аббаса Великаго, то очень незначительно. Шарденъ ихъ описываетъ такъ [1]): «Улицы не мощены, такъ же, какъ и въ другихъ городахъ Персіи. Но нѣтъ ни грязи, ни пыли, какъ въ нашихъ странахъ, такъ какъ, съ одной стороны, воздухъ очень сухъ, а съ другой—всѣ жители поливаютъ передъ собой утромъ и вечеромъ. Есть три другихъ неудобства, довольно значительныхъ: во-первыхъ, на улицахъ, построенныхъ на сводахъ подземныхъ каналовъ, которые проходятъ по всѣмъ мѣстамъ города, иногда встрѣчаются обвалы, и люди, ѣдущіе верхомъ, рискуютъ сломать себѣ шею; во-вторыхъ, на улицахъ есть прикрытые зеленью колодцы, въ которые можно легко попасть, если не смотрѣть хорошо передъ собой; третье неудобство очень непріятное, оно состоитъ въ томъ, что всѣ нечистоты домовъ сваливаются въ ямы, которыя видны на улицахъ черезъ дыры, сдѣланныя въ стѣнахъ».

Все это можно видѣть и теперь. Какъ 300 лѣтъ назадъ, улицы не мощены и теперь, но онѣ не поливаются уже жителями, и потому всякій проѣзжій подымаетъ облака отвратительной пыли. Такъ же можно рисковать сломать себѣ шею въ ямахъ и колодцахъ и такъ же непріятны нечистоты, словомъ, въ отношеніи благоустройства городъ, повидимому, мало измѣнился и не только не лучше, но, пожалуй, хуже, чѣмъ былъ въ средніе вѣка. Зато сильно измѣнился онъ въ другомъ отношеніи: постройки, которыми украсилъ его Аббасъ Великій, или уже разрушены и растасканы по кирпичамъ, или постепенно разрушаются.

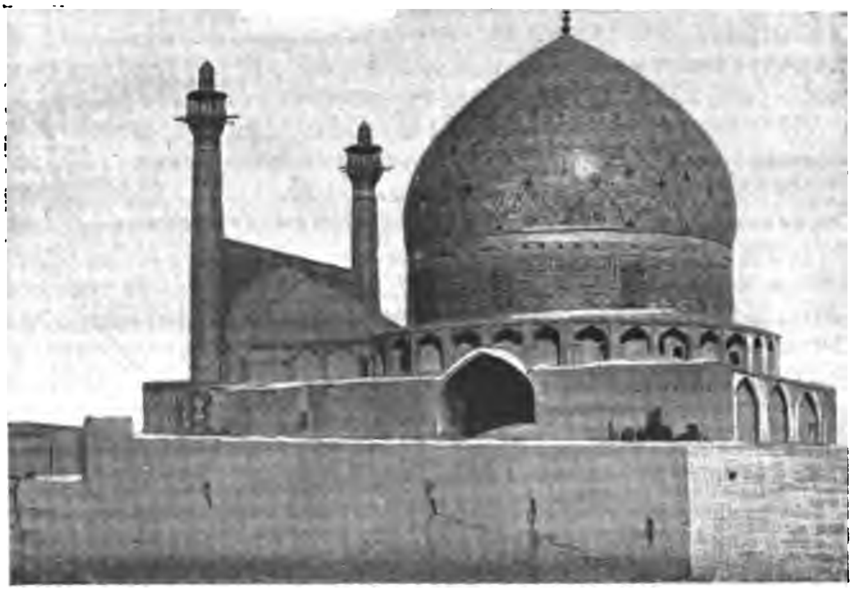
Аббасъ Великій, избравъ Испагань своей столицей, захотѣлъ украсить ее роскошными зданіями и онъ строилъ ихъ въ теченіе всего сорокалѣтняго царствованія своего. Появились великолѣпные дворцы, мечети, караванъ-сараи, колоссальные мосты. Остатки этихъ прекрасныхъ сооруженій представляютъ собою единственные памятники иранскаго стиля. Послѣ Аббаса I персидское искусство пришло въ полный упадокъ. Позднѣйшія постройки не представляютъ ничего оригинальнаго и изящнаго. Въ Тегеранѣ не видно ни одного интереснаго сооруженія. Съ большими претензіями построены городскія ворота, украшенныя эмальированными изразцами.

---

[1]) Voyages du chevalier Chardin en Perse. Paris. 1811 T. 8.

Но Э. Реклю напрасно говоритъ, что они доказываютъ, «что персіяне сохранили свою художественную оригинальность». Орнаментъ изразцовъ на этихъ воротахъ очень грубъ и не имѣетъ никакого стиля. Его нельзя даже сравнивать съ орнаментомъ мечетей и дворцовъ Испагани.

Несмотря, однако, на такую цѣнность сооруженій Испагани, они, какъ я сказалъ, частью уже совершенно уничтожены, а частью разрушаются, но все-таки по уцѣлѣвшимъ остаткамъ ихъ можно судить о томъ, какъ высоко былъ нѣкогда развитъ художественный вкусъ персовъ. Я разскажу о тѣхъ сооруженіяхъ, которыя еще уцѣлѣли и которыя я успѣлъ осмотрѣть.



Шахская мечеть въ Испагани.

Къ наиболѣе интереснымъ изъ нихъ относятся тѣ, которыя выходятъ на огромную, такъ называемую Шахскую площадь: шахскій дворецъ, главная мечеть и два колоссальныхъ караванъ-сарая.

Зданія шахскаго дворца раньше занимали пространство окружностью въ одну милю. Теперь отъ нихъ осталась только высокая часть съ великолѣпнымъ порталомъ, выходящимъ на Шахскую площадь, и дворецъ, извѣстный подъ названіемъ «Чихиль-Сутунъ». Часть построекъ, прилегавшихъ къ площади, говорятъ, еще недавно была разрушена бывшимъ губернаторомъ, принцемъ Зилли-Султаномъ. Среди грудъ песка, оставшихся отъ нихъ, кое-гдѣ виднѣются куски украшеній изъ эмальированныхъ изразцовъ.

Я не рѣшался итти смотрѣть дворецъ, такъ какъ слышалъ, что въ немъ теперь какіе-то военные склады. Рядомъ съ главнымъ входомъ стояли часовые. Это меня окончательно убѣдило, что проникнуть туда нельзя. Но когда я искалъ удобнаго мѣста, съ котораго можно было бы писать красками большую мечеть, одинъ персъ посовѣтовалъ мнѣ пойти на веранду дворца и предложилъ проводить туда. Оказалось, что караулъ охраняетъ низкую пристройку къ большому зданію, въ которой теперь дѣйствительно находятся склады, а огромный дворецъ пустуетъ и охраняется однимъ старымъ сторожемъ. Это было для меня цѣлое открытіе. Я сейчасъ же полѣзъ съ этимъ сторожемъ и сопровождавшимъ меня русскимъ казакомъ на веранду и тамъ удобно расположился изображать мечеть. Правда, отсюда не было видно нѣкоторыхъ деталей ея, но зато тутъ никто не мѣшалъ, и потолокъ, поддерживаемый колоннами, защищалъ меня отъ палящаго солнца.

Я попросилъ сторожа показать весь дворецъ. Сначала мы осмотрѣли веранду и прилегавшія къ ней комнаты.

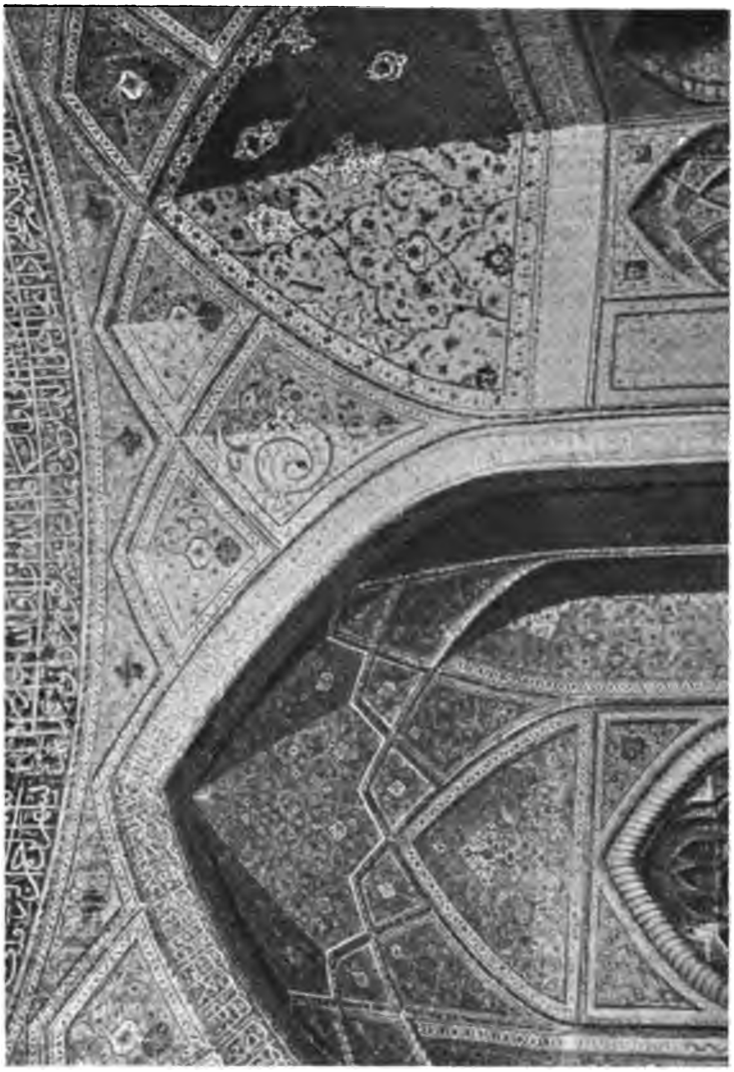
18 колоннъ веранды сдѣланы изъ дерева. Снаружи онѣ обшиты досками, выкрашенными въ темно-красный цвѣтъ, капители ихъ голубыя. Потолокъ весь расписанъ арабскимъ орнаментомъ красной и желтой краской. Часть его уже обрушилась и, вѣроятно, скоро не замедлитъ обрушиться и остальная часть. Веранда имѣетъ 20 шаговъ въ ширину и 35 въ длину. Въ одномъ наружномъ углу сдѣлано небольшое возвышеніе; съ него шахъ смотрѣлъ на проходившія по площади войска. Стѣна, выходящая на веранду, расписана замѣчательно изящнымъ орнаментомъ персидскаго стиля, сдѣланнымъ одной красно-коричневой краской. Я очень жалѣлъ, что не имѣлъ времени зарисовать этотъ прелестный орнаментъ. Со мной былъ фотографическій аппаратъ, но у меня не вышло, къ сожалѣнію, ни одного снимка, такъ какъ я раньше никогда фотографіей не занимался.

На веранду выходитъ три двери. Средняя, съ большой аркой, выходитъ въ залу со сводчатымъ потолкомъ, а боковыя—въ небольшія комнаты, изъ которыхъ можно подняться наверхъ и спуститься внизъ. Стѣны и потолки залы расписаны тонкимъ орнаментомъ красноватаго и золотистаго цвѣта. По рисункамъ и краскамъ этотъ орнаментъ очень похожъ на тотъ, который теперь дѣлаютъ на персидскихъ занавѣсахъ. По узкой винтовой лѣстницѣ мы поднялись на крышу веранды, поддерживаемую колоннами. Отсюда открылся обширный видъ, былъ виденъ весь городъ и его окрестности. Комнаты верхняго этажа отдѣланы чрезвычайно оригинально. Всѣ стѣны и сводчатые потолки испещрены маленькими нишами, расписанными орнаментомъ; каждая изъ нихъ имѣетъ форму футляра для какого-нибудь музыкальнаго инструмента. Сто-

рожъ увѣрялъ, что онѣ сдѣланы для резонанса и что въ этихъ комнатахъ въ торжественныхъ случахъ игралъ оркестръ.

Когда я захотѣлъ подняться еще выше, старикъ запротестовалъ:

— Туда нельзя, оттуда вы можете увидѣть эндерунъ [1]).



Деталь армянской церкви, построенной при Аббасѣ, въ Испагани.

Я увѣрялъ, что меня эндерунъ нисколько не интересуетъ и что я не буду смотрѣть въ ту сторону, гдѣ онъ находится.

— Нѣтъ, нельзя, насъ могутъ увидѣть, и тогда бѣда.

[1]) Т. е. гаремъ.

Въ концѣ концовъ я все-таки съ помощью казака уговорилъ провести насъ выше, и мы, нагибаясь за перилами, чтобъ насъ не замѣтили снизу, прошли на ту сторону верхней площадки, которая выходитъ на площадь. Весь оазисъ Испагани былъ виденъ, какъ на ладони. Ничего интереснаго наверху не оказалось. Когда мы спускались по лѣстницѣ внизъ, я сосчиталъ ступени. Ихъ оказалось 107. По этому можно судить о высотѣ дворца, которая особенно обращаетъ на себя вниманіе въ городѣ, состоящемъ изъ низкихъ построекъ, не имѣющихъ болѣе двухъ этажей.

Шахская мечеть сооружена Аббасомъ Великимъ на 25 году его царствованія (1612—1613). Она сохранилась лучше всѣхъ другихъ сооруженій Испагани, такъ какъ была реставрирована нѣсколько разъ въ XVIII вѣкѣ.

Огромный куполъ этой мечети, стѣны ея внутреннихъ дворовъ, арка надъ главнымъ входомъ и четыре минарета, все это покрыто голубыми и темно-синими эмальированными изразцами. Изразцы купола расписаны прелестнымъ орнаментомъ желтыхъ оттѣнковъ. Этотъ орнаментъ идетъ параллельными полосами, которыя, уменьшаясь къ верхушкѣ, все время мѣняютъ свой рисунокъ. Арка надъ входомъ украшена съ большимъ вкусомъ орнаментами и изреченіями изъ корана, написанными на изразцахъ. Кромѣ четырехъ большихъ минаретовъ, есть еще небольшая деревянная башня, съ которой мулла призываетъ къ молитвѣ. Она устроена была потому, что персы не могли допустить, чтобы мулла, всходя на высокій минаретъ, могъ видѣть сверху гаремы. «Невообразимая ревность персовъ,—говоритъ Шарденъ,—не уважаетъ ничего».

Царскій базаръ представляетъ собою цѣлый лабиринтъ крытыхъ улицъ. Теперь во многихъ мѣстахъ онъ разрушается и содержится очень грязно, но еще кое-гдѣ на стѣнахъ виднѣются остатки прежнихъ украшеній.

Хорошо отдѣланы изразцами и имѣютъ чистый видъ только магазины какихъ-то крупныхъ англійскихъ фирмъ. Главный входъ базара находится въ сѣверной части площади. Онъ былъ великолѣпно отдѣланъ живописью и орнаментами разныхъ цвѣтовъ. По сторонамъ большой арки этого входа наверху были роскошныя помѣщенія, украшенныя яшмой, порфиромъ и живописью. Тутъ находились мѣста для торговли ювелировъ, которые выставляли золотыя издѣлія, драгоцѣнности и рѣдкости. Теперь отъ этихъ помѣщеній остались жалкія руины безъ слѣдовъ какихъ-либо украшеній.

Базаръ, главный входъ котораго на восточной сторонѣ площади, былъ выстроенъ однимъ купцомъ. Шарденъ разсказываетъ интересную исторію сооруженія этого базара.

Шахъ Аббасъ [1]), задумавъ украсить свою столицу различными постройками, предлагалъ всѣмъ богатымъ жителямъ и своимъ

---

[1]) Voyages du chevalier Chardin en Perse. Paris. 1811. T. 7.

сановникамъ соорудить на свои средства нѣсколько общественныхъ зданій для украшенія и удобствъ города. Узнавъ про одного торговца, что онъ очень богатъ, шахъ отправился къ нему однажды въ лавку и сказалъ: «Уже давно я слышалъ о васъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ и богатомъ. Несомнѣнно, Богъ наградилъ васъ такъ щедро за вашу честность. Я буду очень доволенъ, если такой добродѣтельный старецъ, какъ вы, меня усыновитъ. Я васъ буду считать своимъ отцомъ, а вашихъ сыновей своими братьями. Сдѣлайте меня наслѣдникомъ вмѣстѣ съ ними, или, если хотите, вмѣсто этого постройте нѣсколько зданій для украшенія города». Купецъ предпочелъ послѣднее и выстроилъ великолѣпный базаръ.

Мостъ Алла-Верди-хана въ Испагани.

Главный входъ его былъ роскошно отдѣланъ. На изразцахъ были написаны интересныя изреченія. Одно изъ нихъ слѣдуетъ и теперь хорошо помнить всѣмъ путешествующимъ по Персіи. Шарденъ его переводитъ такъ:

«Il ne faut pas principalement à un voyageur que deux choses, une bonne bourse et une bonne épée; celle-là pour lui fournir ses besoins; celle-ci pour le garantir de toutes insultes» [1]).

---

[1]) Каждому путешественнику нужно имѣть, главнымъ образомъ, двѣ вещи: хорошій кошелекъ и хорошую шпагу. Первый, чтобы доставлять ему все необходимое, и вторую, чтобы обезпечить его отъ всякихъ нападеній.

Дворецъ «Чихиль-Сутунъ» сохранился еще довольно хорошо. Портикъ его имѣетъ 20 такихъ же колоннъ, какъ и дворецъ на Шахской площади. Высокая ниша надъ входомъ выложена зеркалами. Главную часть дворца составляетъ зала, въ которой шахъ дѣлалъ торжественные пріемы. Сводчатый потолокъ его расписанъ очень интереснымъ по рисунку и краскамъ орнаментомъ, а стѣны украшены большими картинами. На двухъ изъ нихъ изображены Аббасъ I и Аббасъ II. Они сидятъ въ роскошныхъ костюмахъ, расшитыхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, окруженные придворными; предъ ними разставлены кувшины съ виномъ и фрукты на золотыхъ блюдахъ. Написаны эти картины для того времени очень недурно. Двѣ среднія картины, огромныхъ размѣровъ, изображаютъ сраженія. На одной изъ нихъ Надиръ сражается съ индійскими войсками. На остальныхъ двухъ картинахъ два шаха,—какіе именно, я не узналъ,—сидятъ въ такой же обстановкѣ, какъ и Аббасы I и II.

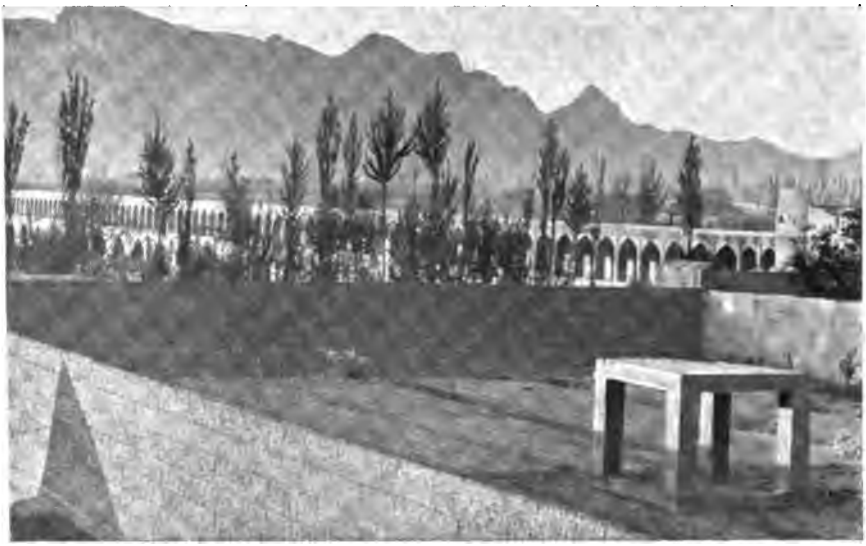
Однимъ изъ лучшихъ украшеній Испагани въ XVI столѣтіи была аллея «Чахаръ-Багъ», т. е. «Четыре Сада», названная такъ потому, что нѣкогда на ея мѣстѣ было четыре виноградника. Аббасъ Великій такъ интересовался сооруженіемъ этой аллеи, что не позволялъ сажать ни одного дерева безъ своего позволенія. Аллея существуетъ и теперь, но, конечно, въ очень запущенномъ видѣ. Въ садахъ, выходящихъ на нее, стояли роскошные дворцы. Изъ нихъ сохранился лишь одинъ, принадлежащій теперь принцессѣ Бануе-Узма. Онъ находится въ Большомъ саду, называемомъ «Садомъ Ласточекъ», потому что въ немъ былъ павильонъ, въ которомъ разводили ласточекъ.

Дворецъ же назывался «Амаратъ-Бехештъ», что въ переводѣ приблизительно значитъ: домъ райскихъ наслажденій; его называютъ еще «Хештъ-Бахештъ», т. е. «Восьмой рай». Онъ небольшихъ размѣровъ, но очень изящный. Удивительно хорошъ орнаментъ кофейнаго цвѣта на стѣнахъ и легкихъ колоннахъ. Нѣкогда дворецъ этотъ былъ обставленъ съ фантастической роскошью. Всюду блестѣло золото и зеркала, которыми были выложены цѣлыя комнаты. Много было картинъ, отличавшихся игривостью содержанія. Мебель была самая разнообразная. Шарденъ былъ въ восторгѣ отъ этого дворца и, описавъ его подробно, говоритъ [1]: «Je ne puis m'empêcher de dire que quand on se promène dans cet endroit fait exprès pour les délices de l'amour, et qu'on passe par ces cabinets et par toutes ces niches, on sort toujours de là malgré soi. Le climat, sans doute, contribue fort à mettre les gens dans cette disposition amoureuse; mais assurément ces lieux-là, quoique'à quelqu'égard ce ne soient que des châteaux de carte, sont pourtant plus rians et plus agréables que nos palais les plus somptueux».

---

[1]) Voyages du chevalier Chardin en Perse. T. 8.

Аллея «Чахаръ-Багъ» кончается у большого моста черезъ рѣку Зенде-Рудъ. Этотъ мостъ построенъ любимымъ полководцемъ Аббаса Великаго Алла-Верди-ханомъ и носитъ его имя. Онъ представляетъ собою великолѣпное произведеніе архитектуры. Построенъ онъ очень прочно и прекрасно сохранился до сихъ поръ. Верхняя часть его состоитъ изъ двухъ стѣнъ, въ которыхъ сдѣлано по 34 арки; между этими арочными стѣнами идетъ широкая дорога для экипажей. Посреди моста сдѣланы двѣ комнаты, изъ которыхъ по лѣстницамъ можно спуститься къ водѣ. Хорошо сохранились изразцы, которыми украшены верхнія и нижнія арки моста.



Мостъ черезъ р. Зенде-Рудъ въ Испагани, построенный Аббасомъ-Великимъ.

На аллею «Чахаръ-Багъ» выходитъ прекрасная мечеть, которая была въ Испагани главной до постройки Шахской мечети. Входъ въ нее и арки, прилегающія ко входу, отдѣланы изразцами съ прелестнымъ орнаментомъ очень тонкаго рисунка и изящнаго колорита. Къ сожалѣнію, эти изразцы осыпаются и сейчасъ уже отъ нихъ остались лишь небольшіе куски. Съ минаретовъ они уже осыпались совершенно, а на большомъ куполѣ еще держатся клочки у самаго основанія купола; по нимъ можно судить, что куполъ былъ голубой съ великолѣпнымъ чернымъ орнаментомъ. По описанію Шардена, вся мечеть и стѣны во внутреннемъ дворѣ были покрыты эмальированными плитами, за исключеніемъ нижней части, которая на 6 аршинъ отъ земли была выложена прекраснымъ

порфиромъ, который Аббасъ Великій хотѣлъ взять для новой мечети на Шахской площади, но не взялъ вслѣдствіе просьбъ духовенства. Въ какомъ состояніи эти внутреннія украшенія, я не могъ увидѣть.

Осматривая всѣ эти остатки древнихъ сооруженій Испагани, я часто удивлялся, какъ они еще уцѣлѣли до сихъ поръ, оттого что не видно, чтобы кто-нибудь заботился объ ихъ сохраненіи. Въ залѣ Чихиль-Сутуна окна, сдѣланныя у самаго пола, давно уже безъ рамъ и забиты кое-какъ досками; значитъ, живопись на стѣнахъ подвержена всякимъ атмосфернымъ вліяніямъ и, несмотря на это, краска даже не потрескалась. Удивлялся я и равнодушію персовъ, на глазахъ которыхъ исчезаютъ единственные памятники ихъ художественнаго творчества въ области архитектуры и живописи. Даже религіозный фанатизмъ не можетъ побудить набожныхъ испаганцевъ поддержать старыя мечети.

Такое отношеніе персовъ къ памятникамъ своего славнаго прошлаго, въ которыхъ отразились лучшія проявленія ихъ національнаго духа, наглядно показываетъ полное вырожденіе персидской націи. Народъ, не дорожащій такими памятниками, не жизнеспособенъ и не имѣетъ будущаго.

Изъ современныхъ зданій Испагани, кажется, ни одного нѣтъ сколько-нибудь интереснаго. Я былъ съ управляющимъ нашимъ консульствомъ у принца Измаила-Мирзы и видѣлъ дворецъ его отца, бывшаго испаганскаго губернатора принца Зилли-Султана, который извѣстенъ, какъ самый богатый человѣкъ Персіи. Дворецъ ничего интереснаго не представляетъ; снаружи это самая обыкновенная постройка, а внутри хороши только персидскіе ковры, все же остальное—множество зеркалъ въ грубыхъ золотыхъ рамахъ, разные стеклянные подсвѣчники и лампы, мебель — все это показываетъ только смѣшную претензію обставить комнаты съ европейской роскошью.

V.

Въ Испагани я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ. Наше консульство любезно предоставило мнѣ комнату. Консулъ нашъ князь Д. былъ въ отпуску, и его замѣщалъ г. Л., который оказалъ мнѣ радушное гостепріимство.

Обширное помѣщеніе консульства, благодаря заботамъ консула, прекрасно устроено и обставлено. Все оно вмѣстѣ съ двумя садами и надворными постройками обнесено стѣной, которая имѣетъ только одинъ большой входъ, охраняемый карауломъ персидскихъ солдатъ. Кромѣ этого караула, консульство охраняется еще 15-ю русскими казаками, выписанными изъ Россіи, когда въ Персіи начались безпорядки.

По утрамъ я занимался персидскимъ языкомъ, гулялъ въ тѣнистомъ консульскомъ саду; по вечерамъ, т. е. часовъ съ пяти до восьми, осматривалъ городъ или писалъ этюды красками. Я сказалъ: часовъ съ пяти, чтобы читатель не подумалъ, что я имѣю въ виду наши вечера, начинающіеся въ восемь и кончающіеся въ полночь. Тутъ въ восемь часовъ наступаетъ уже ночь; на улицахъ водворяются тишина и мракъ. Но какъ же, скажете вы, есть же какія-нибудь развлеченія—театры, концерты? Ничего подобнаго нѣтъ. Единственное развлеченіе у персовъ — это кофейни, гдѣ уличные ораторы говорятъ имъ рѣчи и гдѣ можно поболтать о политикѣ и городскихъ происшествіяхъ. На улицѣ нѣтъ никакого освѣщенія, такъ что, если вы хотите прогуляться, то должны брать съ собою фонарь, чтобы не провалиться въ какую-нибудь яму или не столкнуться съ осломъ, на которомъ какой-нибудь запоздавшій персъ возвращается съ поля. Кстати, здѣсь считается особымъ шикомъ, чтобы фонарь, которымъ освѣщаютъ дорогу, былъ огромныхъ размѣровъ, онъ долженъ быть тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе особа, передъ которой его несутъ. Когда управляющему консульствомъ и мнѣ случалось выходить вечеромъ, то передъ нами несли бумажный фонарь въ ростъ человѣка.

Предъ отъѣздомъ мнѣ пришлось увидѣть интересное празднество. Возвращаясь съ вечерней прогулки, я обратилъ вниманіе, что на улицахъ въ лавкахъ выставлено множество лампъ и среди нихъ цвѣты въ вазахъ. Персы вообще очень любятъ лампы, и всегда въ лавкахъ нѣсколько лампъ стоятъ среди разложеннаго товара. Въ этомъ, я думаю, сказываются слѣды древняго культа огнепоклонства. Но теперь были воздвигнуты цѣлыя пирамиды изъ всевозможныхъ лампъ. Казакъ, сопровождавшій меня, спросилъ о причинѣ этихъ приготовленій. Оказалось, что вечеромъ будетъ иллюминація по случаю того, что шахъ подписалъ новый законъ о меджлисѣ. Несчастный народъ вѣритъ, что меджлисъ выведетъ его на путь обновленія, и радуется каждому новому успѣху его.

Вечеромъ г. Л., я и казаки вышли посмотрѣть иллюминацію. Весь базаръ былъ уставленъ зажженными лампами. Своды его оглашались невообразимымъ гамомъ. Въ разныхъ мѣстахъ пѣли пѣсни, говорили рѣчи, прерываемыя громкими одобрительными криками толпы. Мы не хотѣли обращать на себя вниманіе, думали только взглянуть издали на праздникъ, но, какъ только насъ замѣтили, толпа разступилась, для насъ вынесли скамейку и предложили сѣсть, изъ кофейни, находившейся вверху, вынесли шербетъ. Дѣлать было нечего, пришлось пить шербетъ и посидѣть. Кругомъ царило веселье и оживленіе. Персы, какъ дѣти, радовались, вѣроятно, сами не понимая хорошо почему. Муллы внушили имъ, что меджлисъ спасетъ страну, и они радуются, не разбираясь въ томъ, есть ли въ дѣйствительности у меджлиса какія-нибудь

средства провести серьезныя реформы и вообще сдѣлать что-нибудь полезное.

Не подумайте, что вниманіе, оказанное намъ на базарѣ, служитъ доказательствомъ расположенія персовъ къ европейцамъ. Въ Испагани и раньше къ нимъ относились хуже, чѣмъ вездѣ, а теперь проявляется иногда прямо враждебное отношеніе.

Недавно, напримѣръ, былъ такой случай. По наущенію муллъ за что-то былъ избитъ одинъ изъ гулямовъ, т. е. лакеевъ, англійскаго консульства. Англійскій консулъ потребовалъ наказанія виновныхъ. Это справедливое требованіе вызвало огромное неудовольствіе, и на одномъ собраніи ораторы говорили:

— Довольно слушать проклятыхъ европейцевъ, вѣдь насъ, персовъ, 30 милліоновъ (!) и мы можемъ ихъ всѣхъ выгнать.

Возбужденіе противъ европейцевъ растетъ и въ другихъ городахъ. Такъ, когда я ѣхалъ обратно, въ гор. Казвинѣ толпа была настроена противъ русскихъ. Тамъ находится управленіе русскаго шоссе. Случилось такое несчастье: ѣхалъ на ослѣ персидскій мальчикъ и встрѣтилъ машину, которая утрамбовываетъ шоссе; оселъ испугался и сбросилъ мальчика; тотъ попалъ подъ машину и былъ убитъ. Этотъ несчастный случай послужилъ поводомъ къ сильному возбужденію народа въ Казвинѣ противъ всѣхъ русскихъ. Стали грозить разнести все управленіе и большого труда стоило успокоить возбужденную толпу.

Обратное мое путешествіе не обошлось безъ крупныхъ приключеній. Когда мнѣ надо было собираться въ обратный путь, въ Испагань пріѣхалъ изъ Бушира драгоманъ бупирскаго консульства г. М. Онъ направлялся въ отпускъ въ Россію. Съ нимъ ѣхалъ казакъ, который былъ въ Бушерѣ въ числѣ казаковъ, охраняющихъ консульство, и который возвращался теперь на родину по окончаніи срока службы.

Мы рѣшили съ г. М. ѣхать вмѣстѣ. М. имѣлъ много вещей и потому хотѣлъ отправить ихъ отдѣльно почтой. Почта приняла вещи и по настоянію М. обязалась отправить ихъ изъ Испагани наканунѣ нашего отъѣзда. Зная цѣну словамъ и обѣщаніямъ персовъ, М. не хотѣлъ выѣзжать раньше отправки вещей.

Въ день, назначенный для отъѣзда, казакъ, разбудивъ меня, сообщилъ, что вещи не отправлены и что лошадей намъ не даютъ, потому что разбойники только что ограбили почту и проѣхать нельзя. Мы позвали почтоваго чиновника, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Чиновникъ повторилъ то же, что сказалъ казакъ, и наотрѣзъ отказался отправлять вещи.

— Лошадей я вамъ могу дать,—говорилъ онъ:—а почту съ вещами отправить нельзя, такъ какъ разбойники заняли дорогу.

— Ну, а если разбойники цѣлый годъ будутъ стоять на дорогѣ, такъ вы и совсѣмъ не отправите моихъ вещей?—спросилъ М.—

Вѣдь по условію вы должны были отправить ихъ еще вчера и доставить въ Тегеранъ раньше моего пріѣзда; теперь я сегодня выѣзжаю, а вещи вы отправлять не желаете, значитъ онѣ пріѣдутъ позже меня. Вы взялись ихъ доставить, такъ и охраняйте, какъ хотите, а если отказываетесь доставить, то я найму подводу, охрану къ ней и взыщу съ васъ стоимость перевозки.

Послѣ долгихъ пререканій чиновникъ согласился отправить вещи вслѣдъ за нами. Тогда управляющій консульствомъ обратился къ губернатору съ требованіемъ охраны для насъ и для почты. Губернаторъ отвѣтилъ, что намъ можетъ дать нѣсколько человѣкъ, а до почты ему дѣла нѣтъ и что ему некого послать противъ разбойниковъ, такъ какъ у него есть всего только 10 человѣкъ казаковъ персидской казачьей бригады. Было условлено, что къ тремъ часамъ придутъ трое казаковъ для сопровожденія насъ. Но въ три часа они не явились, а пришелъ человѣкъ и предложилъ намъ уплатить стоимость обратнаго переѣзда охраны. Мы отвѣтили, что намъ даетъ эту охрану персидское правительство и что насъ не касается, какъ она будетъ возвращаться: если бы мы хотѣли ее нанимать, то не обращались къ губернатору, а наняли бы ее сами.

Очевидно, начиналась обычная торговля, и ясно было, что мы не скоро уѣдемъ, если вступимъ въ переговоры. Ждать, когда придетъ извѣстіе, что разбойники очистили дорогу, было бы наивно послѣ того, какъ губернаторъ заявилъ, что ему некого послать и что нападенія на почту его не касаются, хотя они происходятъ въ его провинціи и въ какихъ-нибудь 75 верстахъ отъ его резиденціи.

Дѣлать было нечего. Оставалось только ѣхать съ нашимъ единственнымъ русскимъ казакомъ. Да еще вопросъ, думали мы, есть ли разбойники. Можетъ быть, на почтѣ по какой-нибудь причинѣ сочинили всю исторію; можетъ быть, почтальонъ самъ ограбилъ почту и разсказалъ про разбойниковъ. Тутъ все возможно.

Что-то будетъ, думалъ я, бросая прощальный взглядъ на большой голубой куполъ, возвышающійся среди садовъ и улицъ Испагани.

Хорошо, если разбойники, ограбивъ почту, уѣхали въ горы, а если они еще тамъ, и нападутъ? Что можемъ мы съ ними сдѣлать. Мы успѣемъ ранить одного или двухъ, а они насъ въ одинъ мигъ разстрѣляютъ. У казака была казенная винтовка, у М. охотничье ружье, а у меня револьверъ.

Сзади насъ поѣхала почтовая телѣга съ вещами М. Въ ней сидѣло человѣкъ 15 персовъ.

— Смотрите,—сказалъ я:—вѣдь у нихъ нѣтъ никакого оружія.

— У васъ есть ружья?—крикнулъ М.

— Нѣтъ, зачѣмъ намъ они: если мы будемъ стрѣлять, то разбойники насъ убьютъ, а такъ не тронутъ, только ограбятъ.

Персы эти ничѣмъ не рисковали. Стрѣлять не будутъ, да и ѣдутъ сзади насъ, слѣдовательно, могутъ успѣть во время повернуть обратно.

Въ полночь мы пріѣхали на станцію, за которой слѣдующая Низамабадъ, та самая, на которой я спалъ послѣ нападенія разбойниковъ, когда ѣхалъ въ Испагань. До Низамабада дорога идетъ по ровной мѣстности, а дальше входитъ въ горы. Тамъ напали на меня и тамъ нападаютъ, по слухамъ, теперь. На станціи очень удивились, что мы ѣдемъ, и подтвердили, что разбойники дѣйствительно заняли дорогу, ограбили одного путешественника-француза и обстрѣливали почту, которая должна была возвратиться.

Мы рѣшили ѣхать до Низамабада и тамъ узнать толкомъ все отъ почты, видѣвшей разбойниковъ.

Однако и до Низамабада ѣхать было небезопасно. Мы должны были скоро проѣзжать то мѣсто, на которомъ мнѣ показывали, когда я ѣхалъ въ Испагань, большое пятно крови, оставшееся отъ убитыхъ лошадей почты, подвергшейся тогда нападенію разбойниковъ. Надо было быть наготовѣ. Казакъ вынулъ ружье изъ бурочнаго чехла, я взялъ револьверъ, М.—свое ружье. Ночь была темная. Напряженно вглядывались мы въ темноту.

Вотъ что-то черное у дороги... Мы всѣ прицѣливаемся... Но напрасно—это кустъ. Если бы разбойники, выскочили вдругъ на такомъ разстояніи, на какомъ мы замѣтили этотъ кустъ, то намъ плохо пришлось бы.

Я сталъ держать револьверъ почти на вытянутой рукѣ, положивъ палецъ на спусковой крючокъ.

— Ваше благородіе, что-то движется,—проговорилъ казакъ, прицѣливаясь.

Мы опять насторожились... Но это ѣхалъ мирный персъ на ослѣ; онъ и не подозрѣвалъ, что на него были направлены ружья.

Такъ ѣхали мы всю ночь, озираясь по сторонамъ, стараясь что-нибудь увидѣть или услышать. Но тихо было въ пустынѣ и ничего не видно на разстояніи 10—20 шаговъ.

Неужели, думалось мнѣ, меня убьютъ. Такъ благополучно отдѣлался я отъ разбойниковъ, когда ѣхалъ сюда, и вдругъ теперь не возвращусь? А казакъ, бѣдняга. Вѣрно, вспоминаетъ свою казачку, которая ждетъ его теперь, не дождется; не хочется вѣдь и ему умирать.

Стало разсвѣтать. Все ярче розовѣли легкія сѣрыя облачка, все яснѣе вырисовывались туманныя горы на розовомъ фонѣ неба. Слава Богу, ночь прошла благополучно. Теперь, пока не въѣхали въ горы, далеко видно кругомъ. Всматриваясь въ безконечную даль, я замѣтилъ у самыхъ горъ нѣсколько черныхъ точекъ, которыя, казалось, двигались.

— Посмотрите, что это тамъ,—сказалъ М.

Мы обернулись на повозку съ персами. Тѣ машутъ руками и показываютъ въ ту сторону, гдѣ мы увидѣли точки, и дѣлаютъ

знаки, чтобы мы скорѣе ѣхали. До станціи оставалось версты 4. Если это разбойники, все равно не успѣемъ. Точки увеличивались... Вдругъ онѣ разсыпались цѣпью... уже можно ихъ сосчитать... Ихъ не меньше 12—15... Онѣ быстро растутъ... Конечно, это скачутъ разбойники.

— Ну, Бѣлань,—говоримъ мы казаку:—надо стрѣлять. Сколько, ты думаешь, будетъ шаговъ. Пожалуй, прицѣлъ надо поставить на 2500.

Мы приготовились къ сраженію, въ которомъ я могъ принять участіе только тогда, когда разбойники приблизятся шаговъ на 40—50, дальше стрѣлять изъ револьвера безполезно. Но цѣпь остановилась. Потомъ стала уменьшаться,—видимо, повернули обратно. Увидѣвъ двѣ повозки и на второй массу людей, подумали, вѣроятно, что сзади насъ ѣдетъ охрана.

На станціи вышли насъ встрѣчать. Дѣйствительно, ѣхавшіе съ почтой разсказывали, что въ нихъ стрѣляли и они должны были повернуть обратно. Ѣхать дальше было рискованно. Но все-таки нельзя же было оставаться тутъ на неопредѣленное время. Рѣшено было сдѣлать послѣднюю попытку получить охрану. Съ этой цѣлью мы послали въ Испагань письмо, въ которомъ просили, чтобы губернаторъ выслалъ человѣкъ десять вооруженныхъ людей.

Отправивъ письмо съ персомъ, который долженъ былъ отводить лошадей назадъ на свою станцію, мы улеглись спать. Черезъ нѣсколько часовъ насъ разбудили и сказали, что изъ Тегерана пришла почта, благополучно миновавъ опасное мѣсто. Мы заключили изъ этого, что разбойниковъ сейчасъ нѣтъ вблизи дороги, и рѣшили отправиться сейчасъ же. Опять приготовили мы свое оружіе и поѣхали. Хотя почта и прошла благополучно, но мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ изъ-за бугра покажутся знакомыя физіономіи со страшными, сверкающими глазами. Проѣзжая то мѣсто, гдѣ нѣкогда остановили меня, мы увидѣли на пескѣ свѣжіе слѣды лошадиныхъ копытъ и колесъ. Видно было, что недавно повозка сворачивала съ дороги въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ мѣсяцъ назадъ свернулъ я съ разбойниками.

На слѣдующей станціи мы успокоились. Дальше уже не было случаевъ нападенія. Все-таки всю дорогу я уже не пряталъ револьвера и хватался за него, когда казакъ, замѣтивъ что-нибудь подозрительное, поспѣшно сбрасывалъ чехолъ съ своего ружья.

Памятно мнѣ будетъ это путешествіе. Когда я ѣхалъ уже на пароходѣ вдоль береговъ Кавказа и смотрѣлъ на тихое море съ золотой искрящейся полосой, которую бросала луна, мнѣ все мерещились скалы, камни, розовый восходъ солнца въ пустынѣ и туманная даль, въ которую я всматривался, сжимая револьверъ.

А. М.

ИСТОРІЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦЕНЗУРЫ ВЪ С. ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ [1].

(Соціологическій очеркъ).

Едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ американскихъ цензурныхъ процессовъ представляетъ судъ надъ г-жой Ida C. Craddock. Женщина нѣжная, чувствительная, благородная, экзальтированная, въ моментъ послѣдняго своего ареста и уголовнаго преслѣдованія противъ нея сорока пяти лѣтъ отъ роду, женщина, вѣровавшая, что она имѣетъ въ жизни свое особое назначеніе, свой особый долгъ, свою спеціальную миссію, г-жа Craddock происходила изъ интеллигентной и уважаемой семьи филадельфійскихъ квакеровъ, обыкновенно себя именующихъ «друзьями». Будучи авторшей, лекторшей, «наставницей въ божественной наукѣ», священницей восточнаго культа іога и т. д., г-жа Craddock, всегда пребывавшая въ безбрачіи, не только не была особой радикальнаго образа мыслей, даже въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этого слова, а, совершенно наоборотъ, ревностно проповѣдывала всяческое воздержаніе во всѣхъ его видахъ, въ особенности въ отношеніяхъ между полами, ратовала за необходимость брачнаго союза, осуждала всякую фамильярность между мужчинами и женщинами, требовала необычайной «чистоты» отъ своихъ послѣдователей и т. д., хотя взгляды ея на извѣстные предметы и не согласовались съ общераспространенными въ «странѣ свободы». Языкъ ея лекцій и произведеній чрезвычайно изященъ, изумительно чуждъ всякой скаб-

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIII., стр. 650.

резности и сомнительной вульгарности, отличается религіозно-торжественнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ ея точка зрѣнія представляется агрессивно враждебной всякой чувственности. Поэтому преслѣдованіе литературныхъ произведеній г-жи Craddock «обществомъ для подавленія порока» представляется положительно соціальнымъ и моральнымъ абсурдомъ, объясненіе коему мы постараемся дать ниже. Предметами возбужденнаго противъ г-жи Craddock обвиненія были двѣ ея книжонки подъ заглавіями: «Правильная супружеская жизнь» и «Свадебная ночь», являющіяся, слѣдуетъ пояснить здѣсь, не очерками либо разсказами, какъ читатель можетъ ошибочно заключить по ихъ заглавіямъ, а изслѣдованіями. Будучи безповоротно убѣждена, что человѣчество черезчуръ много страдаетъ вслѣдствіе невѣжества своего по части разныхъ предметовъ и вопросовъ, относящихся до любви и супружескихъ отношеній, г-жа Craddock считала своимъ долгомъ своими лекціями и книгами разсѣять такое невѣжество и тѣмъ самымъ увеличить сумму человѣческаго счастья и довольства. Такимъ образомъ, цѣль ея была чисто гуманитарной.

Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія Антоніемъ Комстокомъ противъ г-жи Craddock отличалось особой наглостью и ненужной жестокостью. Прежде всего, 4-го февраля 1902 г. была она арестована за распространеніе своего сочиненія «Свадебная ночь», на основаніи закона 3 марта 1873 г., т. е. закона федеральнаго, а засимъ, нѣсколько дней спустя, по представленіи поручительства по обвиненію, вторично арестована за имѣніе у себя и продажу того же сочиненія, согласно законамъ штата Нью-Іорка, т. е. за то же самое преступленіе. Вслѣдъ за преданіемъ Айды Краддокъ суду по обвиненію въ распространеніи «неприличной» и «безнравственной» литературы извѣстный англійскій писатель и журналистъ William T. Stead, редакторъ многоизвѣстнаго лондонскаго журнала «Review of Reviews», прислалъ ей нижеслѣдующее письмо:

«Мой дорогой другъ! Я въ высокой степени опечаленъ, услыхавъ о томъ несчастіи, какое постигло васъ. Такъ какъ вы, можетъ быть, нуждаетесь въ деньгахъ, я прилагаю при семъ маленькій чекъ на 10 фунтовъ, который прошу васъ отъ меня принять для нуждъ вашихъ въ теченіе сего процесса.

«Какъ вы отлично понимаете, зная о чудовищности лжетолкованія, на какую способны партизанство и предразсудки въ подобныхъ дѣлахъ, я не особенно желаю, чтобы мое имя было впутано въ этотъ процессъ. Тѣмъ не менѣе, однако, не могу позволить какому бы то ни было соображенію этого рода мнѣ воспрепятствовать написать вамъ нѣсколько словъ, которыя будутъ, можетъ быть, вамъ полезны въ защитѣ вашей.

«Мнѣ неизвѣстны въ точности тѣ фразы, на которыхъ основывается возбужденное противъ васъ уголовное преслѣдованіе. Однако-

же, какъ человѣкъ, для котораго работали вы два года во время пребыванія вашего въ Англіи семь лѣтъ тому назадъ и который съ того времени считалъ своимъ преимуществомъ и за честь для себя именовать васъ своимъ другомъ, я нимало не колеблюсь засвидѣтельствовать самымъ наирѣшительнѣйшимъ образомъ высоту вашей нравственной личности, которая представляется не обвиненной и не обвиняемой, а равно и тѣ высокіе религіозные мотивы, какіе побудили васъ предпринять вашу пропаганду.

«Если въ различныя времена я пробовалъ присоединить мой голосъ къ голосу вашей превосходной матери, убѣждая васъ ограничить рвеніе ваше предѣлами, начертанными житейскимъ благоразуміемъ, то въ отказѣ вашемъ внять совѣтамъ нашимъ я всегда признавалъ ту неспособную ни къ какимъ компромиссамъ преданность принципу и то самое религіозное убѣжденіе въ обязанности своей свидѣльствовать о вѣрѣ своей, какія составили славу квакеровъ, вашихъ предковъ.

«Охотно предоставляю вамъ показать письмо это вашему защитнику либо друзьямъ вашимъ и моимъ, въ поддержкѣ которыхъ можете вы нуждаться для вашей защиты.

«Искренно вашъ William T. Stead».

«P. S. То, что вы, которая посвятила всю свою жизнь, пренебрегая всѣмъ личнымъ рискомъ, распространенію того, что, согласно глубокому убѣжденію вашему, правильному или неправильному, признаете вы критеріемъ морали высшимъ, нежели общепринятый, могли быть преслѣдуемы въ уголовномъ порядкѣ, какъ умышленная развратительница общественной нравственности и распространительница непристойной литературы, хотя бы нѣкоторыя изъ выраженій вашихъ и были неудачны, представляется для меня злодѣяніемъ, попирающимъ принципы религіозной свободы и уничтожающимъ свободу печати, гарантированную американской конституціей».

10-го октября 1902 года Айда Краддокъ предстала предъ судомъ присяжныхъ и предсѣдательствующимъ судьей Edward B. Thomas въ окружномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ восточно-нью-іоркскаго округа. Поведеніе судьи въ этомъ дѣлѣ было самое возмутительное. Тотъ, кто никогда не жилъ въ Америкѣ и вообще въ странахъ «англійской рѣчи», не можетъ себѣ представить бездну произвола, наглости и беззаконія, какіе дозволяютъ себѣ судьи, въ особенности американскіе. Хотя согласно процессуальнымъ законамъ Соединенныхъ Штатовъ вопросъ о томъ, является ли данное произведеніе «неприличнымъ, непристойнымъ, похотливымъ либо порочнымъ», долженъ рѣшаться, какъ вопросъ факта, а не права, присяжными засѣдателями, судья Thomas самъ рѣшилъ вопросъ этотъ въ утвердительномъ смыслѣ, предоставивъ присяж-

нымъ рѣшить лишь вопросъ о томъ, дѣйствительно ли г-жа Craddock сдала данный экземпляръ книги «Свадебная ночь», перехваченный почтовыми властями, на почту для пересылки, чего обвиняемая сама не отрицала. Продѣлавъ подобный судебный фарсъ, закончившійся, конечно, признаніемъ присяжными обвиняемой виновной «согласно обвинительному акту», а въ чемъ именно—въ сдачѣ ли книги на почту, или же въ безнравственности книги—они того вовсе не понимали, судья Thomas, по общепринятому правилу, предоставилъ себѣ нѣсколько дней на написаніе и объявленіе приговора, т. е. наказанія, къ коему виновная присуждается. Во время разбирательства дѣла прокурору, собственно говоря, нечего было дѣлать. Судья Thomas самъ обвинялъ подсудимую, именуя книгу ея чрезвычайно опасной, болѣе опасной, чѣмъ могло бы быть грубое и открыто вульгарное произведеніе. Подобное произведеніе можетъ оттолкнуть читателя, между тѣмъ какъ ея произведеніе, написанное съ искусствомъ и тонкостью, непремѣнно должно привлечь и прельстить. Произведеніе,—продолжалъ судья,—является въ законномъ смыслѣ непристойнымъ, похотливымъ и порочнымъ въ томъ случаѣ, когда оно по тенденціи своей въ состояніи развратить мысли и воображеніе тѣхъ, въ чьи руки оно попадаетъ, и согласно этому законному опредѣленію книги г-жи Краддокъ «Правильная брачная жизнь» и «Свободная ночь» являются непристойными, будучи въ то же время крайне опасными. Процессъ представлялъ собой изумительное зрѣлище. Женщина, въ понятіяхъ которой, опредѣлительно выраженныхъ въ ея книжонкахъ и лекціяхъ, Богъ являлся дѣйствующей силой во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, представляющихся чистыми и благодѣтельными, физическая природа человѣка должна быть управляема природой «духовной», бракъ являлся учрежденіемъ божественнымъ и т. д., женщина, выражавшая и защищавшая эти свои понятія во время судебнаго разбирательства, женщина, во всѣхъ отношеніяхъ съ церковной точки зрѣнія правовѣрная, «священница», «наставница въ божественной наукѣ» и т. д., женщина, все отличіе которой отъ обыкновенныхъ представителей и учителей христіанскихъ исповѣданій заключалось лишь въ томъ, что она открыто и ясно говоритъ о существѣ отношеній, проистекающихъ изъ такого «божественнаго» учрежденія, какъ бракъ, и прочихъ сродныхъ предметахъ, о которыхъ прочіе «вѣроучители» говорятъ лишь полунамеками, женщина эта была изобличаема, терзаема и нравственно истязуема людьми, которые являлись здѣсь и заявляли себя представителями, защитниками и поборниками христіанской религіи и христіанской нравственности, между тѣмъ какъ защищали ее люди радикальнаго образа мыслей, люди, съ которыми она идейно ничего общаго не имѣла, люди, дѣйствовавшіе въ данномъ случаѣ единственно ради принципа свободы слова и свободы печати. Въ заключеніе судебнаго разбирательства

подсудимая покинула залу судебнаго засѣданія, напутствуемая мрачной угрозой судьи законопатить ее въ тюрьму на «долгій, долгій, долгій срокъ». Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что незадолго предъ этимъ разбирательствомъ она отбыла уже трехмѣсячное тюремное заключеніе, на нее наложенное полицейскимъ судомъ города Нью-Іорка за нарушеніе законовъ штата Нью-Іоркъ, воспрещающихъ «имѣніе у себя и продажу» книгъ, подобныхъ вышепомянутымъ двумъ ея литературнымъ произведеніямъ. Поэтому угроза судьи являлась въ сущности угрозой вторичнымъ и несравненно болѣе тяжкимъ наказаніемъ за преступленіе, за которое она понесла уже одно наказаніе.

Угрозѣ этой не суждено было, однако, осуществиться. Она занимала комнату на четвертомъ этажѣ огромнаго дома въ западной двадцать третьей улицѣ города Нью-Іорка. На входной двери этой комнаты была прибита такъ называемая дѣловая, т. е. профессіональная, карточка, гласившая: «Айда Краддокъ, наставница въ божественной наукѣ». 17-го октября 1902 года, въ часъ дня должна была она явиться въ вышепомянутый окружный судъ Соединенныхъ Штатовъ для восточнаго района штата Нью-Іоркъ для выслушанія приговора. Мать ея, глубокая старуха, секретарь филадельфійскаго женскаго общества трезвости, рѣшила сопровождать осужденную для такого выслушанія. Когда, однако, эта послѣдняя въ назначенное время не явилась, старуха сама отправилась на квартиру дочери. Дверь ея комнаты оказалась запертой, и оттуда исходилъ сильнѣйшій запахъ свѣтильнаго газа. Сознавая разыгравшуюся трагедію и едва стоя на ногахъ, старуха послала за полицейскимъ. Ближайшій постовой городовой взломалъ дверь, и на постели оказалось бездыханное тѣло авторши «Правильной брачной жизни», «Свадебной ночи» и ряда лекцій. Весь полъ оказался усѣяннымъ безпорядочно разбросанными книгами и газетами. Очевидно, послѣдніе часы своей жизни покойная провела въ писаніи писемъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ. Газовая трубка, лежавшая сбоку трупа, указывала на родъ самоубійства, хотя изрѣзанныя груди показывали, что первоначально покойною дѣланы были попытки покончить жизнь иными способами. Нѣсколько писемъ, старательно написанныхъ на пишущей машинѣ и адресованныхъ редакторамъ извѣстныхъ газетъ, были всѣ одного и того же содержанія: «Я посылаю вмѣстѣ съ симъ моему адвокату Edward W. Chamberlain, нумеръ 111, западная сорокъ вторая улица, заявленіе публикѣ по поводу рѣшеннаго мной самоубійства, которые вы пожелаете, быть можетъ, представить своимъ читателямъ». Засимъ найдены были на столѣ два обширныхъ письма: одно—къ публикѣ, а другое—къ матери. Оба письма эти являются столь полнымъ и столь превосходнымъ отраженіемъ нынѣшней американской общественности, что мы приводимъ оба

ихъ здѣсь цѣликомъ. Для уразумѣнія этого послѣдняго, т. е. письма къ матери, необходимо имѣть въ виду, что признаніе обвиняемаго либо осужденнаго сумасшедшимъ часто практикуется въ американской судебной практикѣ, какъ средство избѣжанія наказанія, хотя признаніе такое и можетъ повлечь содержаніе фиктивнаго сумасшедшаго въ домѣ для умалишенныхъ на всю жизнь. Вотъ текстъ обоихъ писемъ.

«Дорогая, дорогая мать. Я знаю, вы будете печалиться о томъ, что я сама покончила собственную жизнь... Моя дорогая, дорогая мать, о, какъ мнѣ жаль нанести вамъ ударъ, какимъ, я знаю, явится для васъ мой поступокъ. Но, о мать, я не могу и не хочу согласиться быть помѣщенной въ сумасшедшій домъ, куда вы, очевидно, стараетесь меня помѣстить. Я знаю, это значитъ вѣчное на всю жизнь заключеніе, если я либо не отрекусь отъ моихъ религіозныхъ убѣжденій, либо не притворюсь ханжескимъ образомъ, будто бы я отъ нихъ отреклась. Я не могу заставить себя согласиться принять какую бы то ни было изъ этихъ трехъ альтернативъ. Я настаиваю на правѣ моемъ умереть, какъ я и жила свободной женщиной, не запуганной до совершеннаго молчанія какимъ бы то ни было человѣческимъ существомъ. Съ другой стороны, если судья Thomas запретъ меня въ тюрьму на долгое, долгое время, что, какъ вамъ хорошо извѣстно, онъ жаждетъ и намѣревается со мной сдѣлать, и такимъ образомъ тюремное заключеніе должно стать моимъ удѣломъ, что будетъ практически моимъ смертнымъ приговоромъ, то жизненный трудъ мой покончена, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это относится къ сей, земной жизни. Мои книги начали расходиться; онѣ были одобрены врачами и иными уважаемыми гражданами. Однако свѣтъ еще не готовъ къ воспріятію возвышенныхъ ученій, которыя я должна преподать ему. Но иные люди возьмутся когда-либо за мою работу, возьмутся именно тамъ, гдѣ я покинула ее, начнутъ именно съ того, на чемъ оборвалась она, и поведутъ ее лучше, нежели они оказались бы въ состояніи вести, если бы я не начала ея. Когда-либо вы не будете стыдиться меня либо моего труда. Когда-либо вы будете мною гордиться. Вы поймете тогда, что все, что дѣлала я, дѣлала я потому, что вы и мой отецъ приготовили меня для такой именно пропаганды человѣчеству. Вы можете спросить, почему я не оставила этой дѣятельности и не вернулась домой, дабы жить съ вами, снова усвоивъ мое имя «Miss Craddock» и взявшись за иную работу. Но, дорогая мать, я не могла бы быть дѣйствительной для васъ помощницей вслѣдствіе той тѣни порицанія, какую набросили на меня слѣпые изувѣры и люди нечистыхъ мыслей. Я была бы лишь помѣхой вашей уважаемости. Сверхъ сего и моя личность имѣетъ нѣкоторыя права. Я не могу отречься отъ моихъ убѣжденій и отбросить принципъ, ради кото-

раго я трудилась и боролась девять лѣтъ, даже ради матери, которая мнѣ дорога.

«Не печальтесь же, дорогая мать: повѣрьте мнѣ, тотъ міръ за предѣлами гроба гораздо болѣе дѣйствителенъ и существенъ, нежели міръ, въ которомъ мы нынѣ живемъ. Эта земная жизнь, которую индусы въ теченіе столѣтій именовали «майя», т. е. иллюзія, есть именно иллюзія. Категорія людей, къ которой я принадлежу, увѣряетъ меня, что ихъ міръ есть дѣйствительный, объективный, матеріальный міръ. Настоящій міръ есть неупорядоченный, несовершенный міръ. Вы и я сойдемся снова въ томъ иномъ чудномъ мірѣ и познаемъ другъ друга какъ отдѣльныя личности точно такъ же, какъ познаемъ мы здѣсь, но только много больше. Я не знаю, будетъ ли для меня возможнымъ вернуться къ вамъ, но, если я буду въ состояніи, я вернусь. Помните лишь, что вы должны соблюдать пять правилъ яснаго мышленія и правильной жизни, которыя люди моей категоріи преподали мнѣ. Такъ какъ вы могли ихъ позабыть, я преподаю ихъ вамъ здѣсь снова:

«1) Выполняйте свои повседневныя земныя обязанности, не ожидая ниоткуда никакой помощи.

«2) Управляйте собой и старайтесь быть болѣе любезной и любящей каждый день.

«3) Ожидайте и выжидайте лучшаго.

«4) Избѣгайте эгоистическаго стремленія къ покою.

«5) Соблюдайте чистоту, не только просто чистоту нравственную, но точно также и чистоту физическую, а тѣмъ болѣе чистоту умственную, т. е. свободу отъ всяческихъ предразсудковъ.

«Любите всѣхъ людей, даже тѣхъ, которые нанесли вамъ несправедливость, если вы желаете получить явственную вѣсть изъ-за предѣловъ сего земного существованія. Быть можетъ, я приду къ вамъ, какъ я уже сказала. Я не знаю. Однако во всякомъ случаѣ не можетъ оставаться еще много времени, пока вы встрѣтитесь со мной тамъ, въ лучшемъ мірѣ, и я буду наготовѣ привѣтствовать васъ, дорогая, дорогая мать, когда вы придете.

«О, если бы только я могла ранѣе склонить васъ дать мнѣ жить дома и вести свою пропаганду подъ вашимъ видоизмѣняющимъ совѣтомъ, то этой прискорбной необходимости вовсе не существовало бы, и я могла бы жить еще много лѣтъ, продолжая вести умѣренную, много менѣе грубoрадикальную пропаганду, нежели я вела. У меня не было никого, кто былъ бы на моей тороне и помогалъ бы мнѣ. Я должна была сама прорѣзывать себѣ дорогу, не имѣя никакихъ предшественниковъ, которые могли бы служить мнѣ руководствомъ.

«Вы найдете 40 долларовъ въ моемъ сундукѣ. Я написала г-ну Chamberlain сей же ночью сообщить вамъ, гдѣ вы ихъ найдете. Я не знаю, кто будетъ читать это письмо ранѣе, нежели

вы его получите, а потому и соблюдаю необходимую предосторожность.

«Вы не сочтете за бремя отослать по назначенію нѣсколько книгъ, которыя я заадресовала сейчасъ же? Вы вѣдь знаете, что я была не въ состояніи отослать ихъ, какъ я надѣялась. Вѣдь транспортная контора Adams находится въ этой самой улицѣ, лишь черезъ нѣсколько домовъ отсюда.

«Дорогая, дорогая мать, помните, что я люблю васъ и всегда буду любить васъ. Даже если вы получите фантастическія сообщенія изъ области на рубежѣ двухъ міровъ, помните, что дѣйствительная Айда не тамъ.

«Дѣйствительная Айда, ваша собственная дочь, любитъ васъ и ожидаетъ, что вы скоро придете и сойдетесь съ ней въ чудномъ и благословенномъ мірѣ за предѣлами гроба, гдѣ неизвѣстны Комстоки, подкупные судьи и нечисто мыслящіе люди. Мы нѣкогда будемъ очень счастливы, дорогая мать, я и вы, для насъ обѣихъ наступитъ наконецъ благословенная дѣйствительность. Я люблю васъ, дорогая мать: никогда этого не забывайте. А любовь никогда не умираетъ: она есть не мечта, а дѣйствительность. Мы будемъ такими же личностями тамъ, какими мы являемся здѣсь, однако съ расширенными качествами. Прощайте, дорогая мать, хотя бы на короткое время. Я всегда люблю васъ. Я никогда не забуду васъ, это невозможно, а равно и вы никогда не забудете меня. Не думайте, что будущій міръ есть лишь неосуществимая мечта; онъ такъ же матеріаленъ, какъ и настоящій; даже еще болѣе, чѣмъ настоящій. И мы встрѣтимся тамъ, дорогая мать. Ваша любящая дочь

Айда Краддокъ.

«Къ обществу. Я покончиваю съ собой потому, что судья, по настоянію Антонія Комстока, призналъ меня виновною въ преступленіи, котораго я не совершала, а именно—въ распространеніи непристойной литературы, и объявилъ свое намѣреніе засадить меня въ тюрьму на продолжительное время.

«Книга моя была удостоена хорошихъ отзывовъ со стороны солидныхъ медицинскихъ журналовъ и одобрена заслуженными врачами. Высокопреподобный докторъ Raiksford, обыватель сего города, въ двухъ письмахъ своихъ ко мнѣ отчасти одобрилъ эту книгу и высказался, что если бы вся молодежь читала ее, то избѣгнуто было бы много несчастій», страданій и разочарованій, и за такую книгу подвергнуться аресту, какъ Комстокъ продѣлалъ со мной, является дѣломъ смѣхотворнымъ. Эта необыкновенная книжка «Свадебная ночь» и ея сверстница-брошюра «Правильная брачная жизнь» были подвергнуты обращенію съ одобренія женщинъ-членовъ «Общества общественной чистоты», членовъ «Женскаго христіанскаго общества трезвости», священниковъ и заслуженныхъ врачей.

Различные врачи заказывали мнѣ эти книги для своихъ паціентовъ, либо посылали своихъ паціентовъ ко мнѣ для полученія таковыхъ либо даже болѣе обстоятельныхъ словесныхъ наставленій. Уважаемыя замужнія женщины покупали ихъ у меня для своихъ дочерей, мужья для своихъ женъ, жены для своихъ мужей и молодыя женщины для своихъ нареченныхъ. Со всѣхъ сторонъ эти маленькія книги вызывали похвалы и одобренія за ихъ чистоту, ихъ душевно-возвышающее вліяніе, ихъ прочный здравый смыслъ въ разсмотрѣніи способовъ достиженія здоровыхъ и счастливыхъ отношеній между мужьями и женами.

«Вопреки всей этой массѣ свидѣтельствъ въ ихъ чистотѣ и полезности платный доносчикъ, снискивающій себѣ средства къ жизни путемъ возбужденія преслѣдованій противъ безнравственныхъ книгъ и картинъ, предъявилъ жалобу противъ одной изъ моихъ книгъ въ томъ, что таковая является «непристойной, похотливой, порочной», и разсчитываетъ добиться преданія меня суду за вторую книгу нѣсколько позже, дабы такимъ образомъ навалить на меня вторично законныя наказанія. Человѣкъ этотъ, Антоній Комстокъ, который преисполненъ ханжества, прикидывается увѣреннымъ, будто бы я вручаю эти книги лицамъ несовершеннолѣтнимъ, даже маленькимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, для развращенія ихъ нравственности. Онъ не представилъ, однако, до сего времени ни единаго несовершеннолѣтняго лица, которое подверглось бы вредному вліянію моихъ книгъ. Равнымъ образомъ ни одинъ отецъ, мать либо опекунъ не заявлялъ жалобы на то, что какое-либо несовершеннолѣтнее лицо подверглось хотя бы вѣроятности быть испорченнымъ какой-либо изъ этихъ книгъ. Равнымъ образомъ онъ не заявилъ даже адреса какого бы то ни было лица, которое принесло бы ему жалобу подобнаго рода. Въ дополненіе ко всему этому онъ умышленно лгалъ по этому предмету. Онъ заявилъ судьѣ окружнаго суда Соединенныхъ Штатовъ г-ну Thomas (секретно, а не въ засѣданіи суда), будто бы я вручила одну изъ своихъ книгъ маленькой дочери дворничихи того дома, въ которомъ помѣщается моя контора. Между тѣмъ въ домѣ этомъ вовсе не имѣется ни дворничихи, ни маленькой дѣвочки, имѣющей какое-либо отношеніе къ таковой. Всѣ наниматели комнатъ въ этомъ домѣ по моей просьбѣ подписали письменное свидѣтельство по этому предмету, которое мой защитникъ представилъ судьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ представлено было сему послѣднему и свидѣтельство моего домовладѣльца, который готовъ былъ подтвердить таковое присягой у публичнаго нотаріуса. Однако все это не возымѣло никакого дѣйствія на судью, и онъ все еще твердо убѣжденъ (но собственному его заявленію), что Комстокъ безусловно правдивый человѣкъ.

«Въ прошлую пятницу, 10-го сего октября, я предстала передъ судомъ, что предполагался быть справедливымъ и безпристраст-

нымъ судомъ присяжныхъ. Вмѣсто того судъ этотъ былъ судомъ самымъ несправедливымъ, глубоко предубѣжденнымъ судомъ, въ исходѣ коего судья уничтожилъ мое право быть судимой присяжными по главному вопросу, а именно вопросу о заявленной безнравственности книги «Свадебная ночь». Мой защитникъ не получилъ разрѣшенія представить въ качествѣ судебнаго по дѣлу доказательства циркуляры мои, которые показывали, что такъ давно тому назадъ, какъ въ 1898 и 1899 годахъ, я обыкновенно объявляла публично, что всѣ, желающіе получить словесныя наставленія по предмету брачнаго союза и не достигшіе двадцати одного года, должны представить письменное удостовѣреніе своихъ родителей либо попечителей на полученіе ими такого наставленія. Мои доказательства были почти совершенно исключены. Ни я, ни мой защитникъ не были допущены до представленія аргументовъ, оправдывающихъ существованіе моей книги. Что онъ позволялъ лишь мнѣ дѣлать, такъ это читать выдержки изъ моей книги безо всякихъ комментаріевъ, если выдержки эти могутъ бросить свѣтъ на тѣ части, которыя являлись предметомъ обвиненія. Даже при столь ничтожныхъ шансахъ я сдѣлала столь хорошее употребленіе изъ этой возможности дѣйствовать предъ присяжными, что судья Thomas, который былъ явно заранѣе противъ меня предубѣжденъ, равно какъ и противъ моей книги, увидѣлъ, что онъ не можетъ рисковать предоставить рѣшеніе дѣла присяжнымъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ можетъ оказаться не въ состояніи меня осудить. Поэтому онъ объявилъ, что вопросъ о характерѣ книги онъ рѣшитъ самолично, объясняя, что существуетъ рѣшеніе верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, предоставляющее ему право такого рѣшенія.

«Онъ объявилъ, что онъ не дозволитъ вопросъ этотъ рѣшать присяжнымъ засѣдателямъ, а самъ онъ признаетъ книгу «непристойной, похотливой, порочной, грязной». Онъ добавилъ, что онъ дозволитъ присяжнымъ рѣшать лишь вопросъ факта: отправила ли подсудимая книгу по почтѣ? Между тѣмъ обвиненіе состояло въ «отправленіи по почтѣ непристойной книги». Онъ сказалъ: «Господа судьи, вопросъ, который вы должны рѣшить, состоитъ лишь въ томъ, послала ли обвиняемая книгу по почтѣ. Вы знаете, что она признаетъ, что она послала таковую. Поэтому объявите свое рѣшеніе. Я не думаю, что для постановленія сего рѣшенія вы покинете залъ судебнаго засѣданія». И эти бѣдные, маленькіе, запуганные присяжные ничего не могли сдѣлать, какъ только робко повиноваться настояніямъ неправосуднаго судьи и порѣшить своей баллотировкой: «Виновна въ отсылкѣ книги по почтѣ». Это, однако, вовсе не преступленіе.

«Я вполнѣ ожидала, что печать города Нью-Іорка надлежащимъ образомъ отмѣтитъ это въ высокой степени замѣчательное попра-

ніе правъ народа путемъ уничтоженія суда присяжныхъ. Однако, насколько мнѣ извѣстно, печать наша сохраняла полное по сему предмету молчаніе.

«Очевидно, что политическое вліяніе партіи, покровительствующей Антонію Комстоку, черезчуръ сильно для того, чтобы какая бы то ни была газета въ Нью-Іоркѣ отважилась запротестовать, видя, какъ по подстрекательству этого ex officio доносчика, невинная женщина, занятая похвальнымъ трудомъ преобразованія отношеній между полами, одобреннымъ уважаемыми гражданами, арестована на основаніи ложнаго доноса и лишена права быть судимой присяжными засѣдателями.

«Начиная съ прошлой пятницы, люди вліятельные и уважаемые писали судьѣ въ мою пользу и имѣли съ нимъ личныя свиданія. Однако онъ высказываетъ свое непоколебимое рѣшеніе отправить меня въ тюрьму, при этомъ злобно прибавляя: «на долгій, долгій срокъ». Я—«очень опасная женщина», заявляетъ онъ. Г-нъ Комстокъ, молъ, сообщилъ ему потрясающія въ отношеніи меня вещи; не на судѣ, однако, ибо этотъ платный доносчикъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы открыто заявить подобную ложь въ лицо своей жертвѣ.

«Въ моемъ возрастѣ (мнѣ исполнилось сорокъ пять лѣтъ въ прошломъ августѣ) заключеніе при суровыхъ условіяхъ тюремной жизни равняется смертному приговору. Судья, конечно, это долженъ понимать и разъ онъ, очевидно, порѣшилъ не только пресѣчь мою дѣятельность, но и сверхъ сего спровадить меня въ такое мѣсто, откуда одна лишь смерть можетъ освободить меня, то я и нахожу для себя полное основаніе самой избрать для себя, подобно Сократу, родъ своей смерти. Я предпочитаю умереть уютно и мирно въ моей собственной постелькѣ, въ моей собственной комнатѣ, нежели на тюремной койкѣ.

«Я дѣлаю это заявленіе обществу потому, что я желаю обратить общественное вниманіе на выдающіяся черты комстокизма, надѣясь, что общество можетъ быть побуждено такимъ образомъ низвергнуть эту разрастающуюся опасность вольностямъ нашего народа.

«Какъ я высказалась недавно въ газетѣ «Boston Traveler», если чтеніе нечистыхъ книгъ и смотрѣніе на нечистыя картины развращаетъ, растлѣваетъ и извращаетъ умъ, что, мы знаемъ, таковое дѣйствительно производитъ, то, разъ мы примемъ въ соображеніе, что самъ Антоній Комстокъ читалъ, по всей вѣроятности, болѣе непристойныхъ книгъ и смотрѣлъ на болѣе порочныя картины, нежели какой бы то ни было иной человѣкъ въ Соединенныхъ Штатахъ, что должны мы думать о состояніи воображенія г-на Комстока по части отношеній между полями?

«Этотъ человѣкъ есть половой выродокъ. Онъ представляетъ собой то, что врачи именуютъ садистомъ, т. е. лицомъ, въ кото-

ромъ совмѣстно со взрывомъ полового возбужденія родится приливъ звѣрства. Садистъ испытываетъ величайшее наслажденіе въ нанесеніи физическихъ либо нравственныхъ истязаній и униженій источнику означеннаго возбужденія. Онъ находитъ удовольствіе точно также раскрашивать возможныя искушенія и ихъ послѣдствія для другихъ. Я полагаю, что г-нъ Комстокъ испытываетъ большое удовольствіе въ разрисовываніи словесной картины, въ особенности предъ многочисленнымъ собраніемъ, сихъ ужасныхъ перспективъ развращенія нравственности невинной молодежи.

«Человѣкъ этотъ служитъ двумъ господамъ: онъ находится, съ одной стороны, на службѣ у общества для подавленія порока и отъ этого послѣдняго получаетъ жалованье, а, съ другой стороны, состоитъ на службѣ у правительства Соединенныхъ Штатовъ въ качествѣ почтоваго инспектора безъ жалованья. Такимъ образомъ онъ въ состояніи употреблять по желанію свое офиціальное положеніе для достиженія приватныхъ цѣлей и выгодъ, какъ общества, такъ и своихъ собственныхъ. Ex officio доносчики со своими сподручными, шпіонами и вовлекателями были всегда въ теченіе всей исторіи многоизвѣстнымъ средствомъ къ эксплоатаціи правительства для частныхъ и безнравственныхъ цѣлей.

«Свыше девяти лѣтъ боролась я сама одна и собственными средствами противъ комстокизма. Снова и снова была я прижимаема къ стѣнѣ, книги мои были схватываемы и сожигаемы и сама я была поносима въ печати Костокомъ и комстоковцами какъ распространительница непристойной литературы. Между тѣмъ эта самая литература была все время спокойно подвергаема обращенію между мужчинами и женщинами, пользующимися высокимъ уваженіемъ, отличающимися исключительной чистотой своей жизни, и съ одобренія сихъ послѣднихъ, отъ которыхъ я получила множество писемъ, свидѣтельствующихъ объ отмѣнной цѣнности этихъ книгъ моихъ.

«Но это не все. Комстокизмъ можетъ быть употребляемъ, какъ была употребляема иногда средневѣковая инквизиція, въ качествѣ средства удовлетворенія личной злобы, ибо приносящій жалобу не обязанъ являться въ судъ. Такъ было поступлено со мной въ Филадельфіи по той причинѣ, что, занимая маленькое мѣсто канцелярскаго служителя въ бюро проѣзжихъ дорогъ, я отказывалась платить политическія обложенія партіи сенатора Quay. Цѣлые мѣсяцы его приверженцы слѣдовали за мной денно и нощно, куда бы я ни пошла, въ надеждѣ обнаружить что-либо, бросающее тѣнь на мою нравственность, и въ концѣ концовъ, не находя никакихъ иныхъ средствъ подорвать мою репутацію, они состряпали преданіе меня суду за пересылку по почтѣ безнравственной литературы.

«Въ одной изъ своихъ политическихъ рѣчей John Wanamaker высказалъ однажды, что партія Quay была неутомима въ своемъ

преслѣдованіи тѣхъ, кто отказывался платить политическія обложенія. Они слѣдуютъ за подобнымъ лицомъ даже въ томъ случаѣ, когда оно перейдетъ на службу къ иному работодателю, и не оставятъ камня на камнѣ, чтобы разорить его въ послѣдующіе годы. Я не знаю, насколько это справедливо въ собственномъ моемъ дѣлѣ. Я знаю однако, что, когда я вслѣдъ затѣмъ переселилась въ Вашингтонъ, противъ меня предъявлена была тайная жалоба полиціи. Мой обвинитель никогда не сошелся со мной лицомъ къ лицу на судѣ. Я сама защищала себя по этому дѣлу предъ полицейскимъ судьей, спасла одинъ экземпляръ книги («Правильная брачная жизнь») и удостоилась похвалъ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ на судѣ за возвышающій характеръ моей защиты. Однако я была затѣмъ изгнана изъ города.

«Всякій разъ, какъ я была арестуема, я избѣгала дальнѣйшихъ послѣдствій посредствомъ компромисса. Когда, однако, я переселилась въ Нью-Іоркъ, я порѣшила, что если я снова подвергнусь нападенію со стороны комстокизма, то болѣе не уступлю и буду сражаться не на жизнь, а на смерть. Быть можетъ, смерть моя болѣе, чѣмъ моя жизнь, заставитъ американскій народъ разслѣдовать то ужасное положеніе вещей, которое даетъ возможность этому помазанному половому ханжѣ, Антонію Комстоку, жирѣть и преисполняться наглостью и попирать права народа, вторгаясь въ мое дѣло и нарушая въ таковомъ какъ мое право на свободу религіи, такъ равно мое право на свободу печати. Существуетъ одно лишь законное извиненіе для вторженія общества во чью-либо религію либо во-чье-либо изданіе въ Америкѣ, а именно если эта религія либо это литературное произведеніе нарушаетъ право иныхъ лицъ на жизнь, свободу либо стремленіе къ жизненному довольству. Въ моемъ дѣлѣ не было представлено никакихъ доказательствъ въ томъ, что мной совершено было подобное нарушеніе чужихъ правъ. Доказательства обвиненія противъ меня заключаются единственно въ «я такъ говорю» платнаго доносчика.

«Всякая фраза въ преданной суду «Свадебной ночи» является результатомъ совѣщаній, какія вела я со знаменитыми врачами, и объясненій, какія имѣла я съ моими учениками. Я заглядывала въ сердца сотенъ мужчинъ и женщинъ въ теченіе девяти лѣтъ моей дѣятельности на поприщѣ преобразованія отношеній между полами, и душа моя болѣетъ, видя, какъ страдаютъ мужья и жены и что почти всѣ страданія эти могли бы быть прекращены, если бы Антоній Комстокъ не вводилъ общество въ обманъ, будто бы всякія свѣдѣнія объ отношеніяхъ между полами въ видѣ печатныхъ произведеній должны быть у него отымаемы ради предохраненія нравственности молодежи. Несомнѣнно, понятія г-на Комстока о существѣ супружескихъ отношеній должны быть исключительно нечистыми, если онъ отваживается притязать, что таковыя не

должны быть извѣстны молодымъ особамъ, достаточно созрѣвшимъ для того, чтобы искать просвѣщенія!

«Въ судахъ, однако, по процессамъ о распространеніи неприличной литературы установился процедентъ, по которому обвиняемый не допускается до представленія свидѣтелей въ пользу обвиняемой книги, такъ что мнѣ не было дозволено вызвать врачей для свидѣтельства о качествахъ моей книги.

«Благодаря этому и инымъ судебнымъ процедентамъ, которые создаютъ для защиты по дѣламъ о неприличной литературѣ такія препятствія, какія не практикуются ни въ какихъ иныхъ процессахъ; благодаря такому глубокому невѣжеству и предразсудкамъ, какіе существуютъ въ отношеніи научнаго, открытаго обсужденія вопросовъ половой жизни и, наконецъ, болѣе всего благодаря настоятельной лжи г-на Комстока и его изобрѣтательности по части воспроизведенія тѣхъ ужасныхъ послѣдствій для нравственности молодежи, какія повлечетъ за собой допущеніе ея до прочтенія просвѣщающихъ литературныхъ произведеній насчетъ нормальныхъ, здоровыхъ, чистыхъ супружескихъ отношеній, благодаря всему этому дѣло нынѣ дошло до того, что нынѣ достаточно лишь обвинить какое-либо лицо въ пересылкѣ по почтѣ такъ называемой «неприличной» литературы для того, чтобы достигнуть его осужденія. Такъ какъ не допускается никакихъ свидѣтелей для свидѣтельствованія о томъ вліяніи, какое произвела книга на нихъ самихъ, либо ихъ сыновей, либо ихъ дочерей, или же, если свидѣтели врачи, на ихъ паціентовъ, то ни судья, ни присяжные не въ состояніи узнать дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла. Нынѣ же въ состоявшемся надо мной процессѣ дѣйствіями судьи окружнаго суда Соединенныхъ Штатовъ Thomas установленъ прецедентъ, по которому не только не допускаются никакія въ пользу обвиненной книги свидѣтельскія показанія, но и сверхъ сего ни подсудимый, ни его защитникъ не допускаются до попытокъ объяснить основанія для напечатанія изобличаемыхъ фразъ, либо надлежащими доказательствами оправдать изданіе всей книги. Сверхъ сего этотъ же процедентъ, посредствомъ процессуальной уловки, уничтожаетъ право обвиняемаго по дѣламъ этого рода быть судимымъ судомъ присяжныхъ, а подобное уничтоженіе этого «права» истинными патріотами всегда считалось серьезной угрозой вольностямъ народа.

«Въ дополненіе ко всему этому въ моемъ дѣлѣ представляется точно также преслѣдованіе за мои религіозныя убѣжденія. Хотя вопросъ о таковыхъ не возникалъ предъ судьей Thomas непосредственно, тѣмъ не менѣе, однако, изъ періода, который дозволено было прочесть изъ моей книги безо всякихъ комментаріевъ и который я прочла на судѣ, должно было быть для суда совершенно очевиднымъ, что книга моя заключаетъ въ себѣ религіозную про-

паганду и что религіозное ученіе является главнымъ ея содержаніемъ, которому ученію физіологическое является въ ней совершенно подчиненнымъ.

«Но на судѣ надо мной согласно законамъ штата Нью-Іоркъ въ прошломъ мартѣ предъ тремя судьями вопросъ религіозный возникъ непосредственно. Членъ этого суда судья Mckean настолько забылъ принятую имъ при вступленіи въ должность присягу вершить судъ и расправу безпристрастно и безъ лицепріятія, что горячо порицалъ и поносилъ мою книгу, какъ «богохульственную» (потому, по всей вѣроятности, что она проводитъ ученіе о долгѣ и наслажденіи общенія съ Богомъ въ супружескихъ отношеніяхъ, которое и дѣлаетъ бракъ таинствомъ). Конечно, подобный образъ дѣйствій сего судьи представляется незаконнымъ. Никакой судья не имѣетъ права поносить обвиняемаго потому, что онъ не раздѣляетъ религіозныхъ убѣжденій сего послѣдняго.

«Я искренно надѣюсь, что американское общество почувствуетъ наконецъ ту опасность, какая угрожаетъ ему со стороны комстокизма, и потребуетъ, чтобы Комстоку не было дозволяемо болѣе подавлять книги о половой жизни. Американскій народъ имѣетъ право искать знанія о правильной жизни въ супружествѣ и получать таковое въ печатномъ либо словесномъ видѣ безо всякихъ притѣсненій со стороны этого наемнаго доносчика либо кого бы то ни было иного.

«Дорогіе сограждане Америки! въ теченіе девяти долгихъ лѣтъ терпѣла я общественный остракизмъ и опасности преслѣдованія Комстокомъ ради васъ. Я располагала прекраснымъ евангеліемъ правильной жизни во бракѣ, которымъ я желала съ вами подѣлиться. Ради васъ боролась я съ подавляюще превосходящими силами непріятеля; ради васъ дошла я до такого положенія, что я должна положить душу мою за васъ либо въ темницѣ, либо внѣ таковой. Сдѣлаете ли вы теперь что-либо для меня?

«Вотъ что я желаю, чтобы сдѣлало для меня американское общество. Одна лишь изъ книгъ моихъ «Свадебная ночь» находится нынѣ подъ законнымъ запретомъ. Книга же «Правильная брачная жизнь», являющаяся изъ этихъ двухъ книгъ много болѣе важной и заключающая въ себѣ существо моего ученія, пока еще не была предана суду. Если на книгу эту поступятъ значительныя общественныя требованія и въ особенности если требованія эти найдутъ для себя отголосокъ въ печати, онъ не осмѣлится напасть на эту книгу въ судахъ. Сдѣлаете ли вы это для меня, тѣ изъ васъ, которые пользуются общественнымъ вліяніемъ? Помните, что ради васъ и дѣтей вашихъ вела я эту борьбу въ теченіе девяти лѣтъ. И хотя я ухожу въ лучшую и болѣе счастливую страну, однако я все-таки буду глядѣть внизъ на всѣхъ васъ, остающихся здѣсь, и жаждать, жаждать и жаждать, чтобы вы могли знать кое-

что о той радужно счастливой и святой жизни, какая представляется возможной для каждой супружеской четы, если она слѣдуетъ этому ученію. Даже въ раю я не могу быть счастливой настолько, насколько это будетъ для меня возможно, если вы не будете раздѣлять со мной этого познанія.

«Я прошу васъ ради собственнаго вашего блага и будущаго счастья тѣхъ молодыхъ особъ, которыя вамъ дороги, защищать мою книжку «Правильная брачная жизнь».

Я имѣю преподать еще впослѣдствіи новыя ученія о супружествѣ. Я написала книгу, отъ 450 до 500 страницъ объемомъ, о «Супружествѣ», въ которой ученіе мое изложено съ большой полнотой. Книга эта, въ формѣ манускрипта, въ настоящее время находится на храненіи въ дружескихъ рукахъ и надежномъ мѣстѣ. Она не будетъ дана обществу до тѣхъ поръ, пока общество не покажетъ себя готовымъ къ ея воспріятію и готовымъ защищать эту болѣе полную и болѣе откровенную книгу отъ уголовнаго преслѣдованія. Между тѣмъ покамѣстъ «Правильная брачная жизнь» остается еще не преданной суду. Книга эта несетъ евангеліе супружества, какого не проповѣдуетъ никакой иной учитель въ Америкѣ. Ея ученія сдѣлаютъ супружескія жизни ваши болѣе здоровыми, болѣе счастливыми и болѣе связными. Объявите ли вы публично требованіе ваше на эту книжку «Правильная супружеская жизнь» и станете ли вы защищать ее противъ Антонія Комстока?

«Айда Краддокъ».

Айда Краддокъ была погребена въ Филадельфіи, своемъ родномъ городѣ, лишь въ присутствіи немногочисленныхъ друзей и почитателей. Смерть ея или, точнѣе говоря, трагическая смерть ея, которая во всякой иной цивилизованной и даже полуцивилизованной странѣ взволновала бы широкіе общественные круги, въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» не произвела особаго впечатлѣнія. Когда юный купеческій саврасъ, пропивъ послѣдній «сорванный» либо «урванный у папеньки» долларъ, крупнымъ револьверомъ взрываетъ свой пустой черепъ среди бутылочныхъ батарей въ присутствіи нѣсколькихъ кокотокъ, то вся «Америка» говоритъ о немъ, и американская печать посвящаетъ ему множество столбцовъ; когда банковый президентъ, кассиръ либо конторщикъ, обокравъ свой банкъ на десятки тысячъ долларовъ и пустивъ по міру сотни тысячъ семействъ, всаживаетъ въ ротъ конецъ газовой трубки и испускаетъ духъ въ нумерѣ фешенебельнаго отеля, то вся «Америка» и ея безчисленные такъ называемые органы печати безконечно болтаютъ о немъ, какъ о человѣкѣ, «искупившемъ» свое злодѣяніе. Когда одинъ изъ безчисленныхъ игроковъ въ ручной либо ножной мячъ или же кулачныхъ бойцовъ сподобится переломать ребра или же сломитъ себѣ шею,

вся «Америка» страшно волнуется и скорбитъ о судьбѣ, постигшей «общественнаго героя» (popular hero), а американскія газеты и еженедѣльныя изданія поютъ ему пространные диѳирамбы. Когда же какая-то тамъ женщина, всю жизнь что-то писавшая и боровшаяся изъ-за какихъ-то убѣжденій, умираетъ въ тиши своей конуры изъ-за принципа, американское общество это не въ состояніи ни должнымъ образомъ замѣтить, ни сколько-нибудь оцѣнить. Грубый, площадный, опошленный и развращенный интеллектъ американца абсолютно не въ состояніи постигнуть какихъ-либо дѣйствій, а тѣмъ болѣе самопожертвованій ради принципа. Поэтому лишь немногочисленные крайне жидкіе кружки американской передовой интеллигенціи, гнѣздящіеся или, точнѣе говоря, прячущіеся въ крупнѣйшихъ городахъ страны, какъ-то: Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Чикаго, Бостонѣ и т. д., помянули теплымъ словомъ покойную Айду Краддокъ. Одинъ лишь Нью-Іоркъ оказался въ состояніи навербовать столь много, какъ около тысячи лицъ, собравшихся отдать посмертный долгъ женщинѣ, вѣровавшей, что она имѣетъ въ жизни особую миссію, миссію улучшить и возвысить супружескія отношенія и тѣмъ способствовать счастію какъ нынѣшнихъ, такъ и грядущихъ поколѣній. Собраніе состоялось въ Handel Hall 26-го того же октября. Говорили на немъ три оратора, врачъ г-жа Alice B. Stockham, врачъ г-жа Juliet Séverance и г-жа Loomis изъ Бостона. Указавъ на то, что покойная съ вѣрой подвижницы и мученицы отдала все свое время, весь свой талантъ, весь свой жаръ и весь свой энтузіазмъ дѣлу просвѣщенія мужчинъ и женщинъ, начиная съ ранней молодежи, онѣ объявили, что она, несомнѣнно, понесла мученичество за свободу слова. Прочіе ораторы выразили требованіе, чтобы честная мысль, выраженная съ честной цѣлью, была покровительствуема, а не преслѣдуема властями.

Еженедѣльный журналъ «Люциферъ Свѣтоносецъ», объ одномъ преслѣдованіи котораго въ уголовномъ порядкѣ было уже говорено мною выше, съ 1896-го года издается въ городѣ Чикаго. Съ перенесеніемъ этого изданія въ этотъ городъ оно было оставлено въ покоѣ почтовыми властями Соединенныхъ Штатовъ, которыя вплоть до іюня 1905 года ограничивались лишь случайной конфискаціей того либо иного его нумера. Употребляя терминъ «конфискація», мы считаемъ нужнымъ разъяснить русскому читателю американскій смыслъ таковаго примѣнительно къ литературнымъ произведеніямъ. Находя ту или иную книгу, сданную на почту для пересылки, либо тотъ или иной нумеръ газеты или журнала «не подлежащимъ почтовой пересылкѣ», почтовыя власти, т. е. мѣстный почтмейстеръ, по собственному ли усмотрѣнію, или же по предписанію министерства почтъ въ Вашингтонѣ, просто отсылаетъ такую книгу или такой нумеръ въ особый отдѣлъ означеннаго министерства, именуемый «отдѣломъ мертвыхъ писемъ»

(dead letter office), куда представляются всѣ недоставленныя почтовыя отправленія вообще. О такой отсылкѣ его изданія въ отдѣлъ недоставленныхъ писемъ издателю не дается никакого увѣдомленія, и онъ впервые узнаетъ о подобномъ отправленіи изданной имъ книги, брошюры, журнала или газеты въ мѣсто вѣчнаго упокоенія лишь тогда, какъ покупатели либо подписчики станутъ приносить ему свои жалобы на неполученіе и онъ наведетъ надлежащія по сему предмету справки. Съ іюня 1905 года нумера журнала «Lucifer Lightbearer» стали подвергаться систематической конфискаціи. Редакторъ-издатель онаго Moses Harman, едва ли не самый старшій по возрасту между всѣми американскими редакторами, издателями и редакторами-издателями, ведя свой журналъ исключительно на подписныя деньги, ибо въ немъ не имѣется почти никакихъ объявленій, въ иныхъ американскихъ изданіяхъ составляющихъ около половины всего печатнаго текста, ясно понялъ, что почтовыя власти Соединенныхъ Штатовъ стремятся къ закрытію его журнала. Лишь послѣ безчисленныхъ объясненій съ чикагскимъ почтмейстеромъ и безконечной переписки съ министерствомъ почтъ въ Вашингтонѣ удавалось ему, нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ спустя по конфискаціи, узнать, за какія именно статьи нумеръ конфискованъ. Отсюда русскій читатель не преминетъ замѣтить, что американскій порядокъ конфискаціи книгъ и періодическихъ изданій совершенно отличается отъ такового же какой бы то ни было изъ цивилизованныхъ странъ. Въ чемъ именно заключается такое отличіе, мы предоставляемъ ему судить самому. Дабы онъ могъ судить, однако, о характерѣ тѣхъ литературныхъ произведеній, за которыя чикагскій «Люциферъ» подвергался систематической конфискаціи, приводимъ здѣсь тѣ три выдержки изъ трехъ различныхъ и конфискованныхъ нумеровъ, которыя повлекли за собой такую конфискацію.

«Женщина собирается настаивать на томъ, что она должна быть свободна, и изъ свободы своей сдѣлаетъ она такое употребленіе, что она будетъ выбирать отца для своихъ дѣтей. Она не будетъ связуема болѣе со всякимъ жалкимъ образчикомъ посредственности либо всякимъ пьянымъ либо больнымъ мерзавцемъ. Если ей будетъ отказано въ свободѣ въ этомъ отношеніи, она откажется вовсе имѣть дѣтей. Такимъ образомъ это болѣе не «женскій вопросъ» лишь, а «вопросъ національный». Матери націи должны избирать отцовъ націи». (Изъ подлинной статьи г-жи Dora Foster въ «Люциферѣ»).

«Доброе здоровье никогда не можетъ быть достигнуто, пока мы не разслѣдуемъ двухъ великихъ, животрепещущихъ вопросовъ: вопроса о пищѣ и вопроса о половыхъ отношеніяхъ. Самая здоровая пища однако не сдѣлаетъ насъ здоровыми, если половой вопросъ не будетъ разрѣшенъ надлежащимъ образомъ и воспослѣдовавшее

рѣшеніе не будетъ примѣняемо. Во имя здоровья я умоляю мужчинъ и женщинъ поразмыслить надъ этимъ великимъ вопросомъ и дружно выдвигать его впередъ при всякой возможности. Въ Америкѣ британская женщина Dora Foster написала замѣчательную брошюру подъ заглавіемъ: «Половой радикализмъ». Брошюра эта издана г-номъ M. Harman, талантливымъ редакторомъ журнала «Люциферъ Свѣтоносецъ», 500, улица Фультонъ, Чикаго, Соединенные Штаты Сѣверной Америки. За изданіе такое американское правительство угрожаетъ ему преслѣдованіемъ. Брошюра эта стоитъ одинъ шиллингъ съ пересылкой. Я совѣтую прочесть ее всѣмъ, кто въ состояніи пріобрѣсть ее, ибо она показываетъ, что думаетъ и говоритъ о половомъ вопросѣ передовой элементъ Америки, о вопросѣ, который важнѣе всѣхъ прочихъ для здоровья, силы и счастья, а слѣдовательно и для народнаго возрожденія. Хотя я не соглашаюсь съ авторшей этой замѣчательной брошюры во всѣхъ пунктахъ, я заодно съ ней во многихъ ея положеніяхъ и пожеланіяхъ» (Изъ перепечатки въ «Люциферѣ» статьи извѣстной англійской писательницы Lady Florence Dixie подъ заглавіемъ «Здоровье и полъ», появившейся въ шотландскомъ журналѣ «Шотландскій Преобразователь Здоровья и Проповѣдникъ Разумной Жизни»).

«На основаніи закона о воспрещеніи распространенія неприличной литературы путемъ почтовой пересылки все изданіе одного чикагскаго журнала было конфисковано и уничтожено за перепечатку выдержекъ д-ра Alice B. Stockham «Діэтетика и гигіена материнства»! Т. е. изданіе это было прихлопнуто номинально за то, что въ немъ перепечатаны были такія выдержки, но въ дѣйствительности потому, что наши почтовыя власти не одобряютъ взглядовъ редактора по женскому вопросу. Вышепомянутая «Діэтетика и гигіена материнства» находилась въ обращеніи и продажѣ многіе годы безъ всякихъ со стороны властей возраженій. Предметомъ этой книги является преподаніе будущимъ матерямъ діэтетическихъ и гигіеническихъ совѣтовъ, способныхъ уменьшить боли при дѣторожденіи... Въ иномъ нумерѣ того же журнала г-жа Moore говоритъ: «Представляется естественнымъ и разумнымъ, чтобы мать въ теченіе беременности была избавлена отъ половыхъ отношеній», и засимъ она развиваетъ и аргументируетъ это положеніе, однако безо всякой грубости выраженій. Врядъ ли возможно, чтобы какіе бы то ни были осмысленные присяжные засѣдатели, буде соглашающіеся или не соглашающіеся съ такимъ взглядомъ, признали языкъ ея неприличнымъ. Но г-нъ Harman не имѣлъ возможности подвергнуть вопросъ этотъ разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей» (Изъ перепечатки въ «Люциферѣ» изъ безыменной статьи, появившейся въ американскомъ «Женскомъ Журналѣ»).

Изъ приведенныхъ выдержекъ читатель не могъ не замѣтить, что нумера «Люцифера» были конфискуемы исключительно почти за перепечатку такихъ вещей, которыя безпрепятственно появлялись въ иныхъ изданіяхъ, какъ англійскихъ, такъ и американскихъ. Обыкновенно послѣ каждой подобной конфискаціи редакторъ Moses Harman спѣшилъ обнаружить причину оной и выпускалъ въ свѣтъ тотъ же нумеръ съ пропускомъ и замѣной осужденныхъ почтовой цензурой Соединенныхъ Штатовъ статей. Такимъ образомъ «Люциферъ» сталъ журналомъ въ полномъ смыслѣ слова подцензурнымъ и долгое время выходилъ даже съ пропечатаніемъ подъ наименованіемъ журнала крупнымъ шрифтомъ нижеслѣдующаго подзаглавія: «Цензуруется почтовыми властями ранѣе доставленія подписчикамъ».

Вышеописанныя событія скоро замѣчены были въ Англіи. Такъ, въ первомъ іюльскомъ нумерѣ своемъ лондонскій еженедѣльный журналъ «The Freethinker» говоритъ: «Ничего не можетъ быть ниже, ничего не можетъ быть презрѣннѣе, какъ преслѣдованіе издателей непопулярныхъ мнѣній за неприличіе. Это—трусливое воззваніе къ народнымъ предразсудкамъ и страстямъ. Книга является неприличной лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлью ея является возбужденіе похоти. Подобныя произведенія всегда настолько же дороги, насколько они ни къ чему негодны. Книга же, разсматривающая супружество, либо половые вопросы, либо вопросы о народонаселеніи, не есть неприлична, а впихнутіе двѣнадцати малообразованныхъ, безсмысленныхъ людей въ мѣста для присяжныхъ засѣдателей, дабы они сказали, что она—неприлична, еще не дѣлаетъ ее таковой. Не можетъ существовать неприличнаго мнѣнія. Сама подобная идея абсурдна. Неприличіе должно заключаться либо въ языкѣ, либо въ способѣ изложенія. Это приводитъ насъ къ нашему первоначальному опредѣленію. Писатель является неприличнымъ въ томъ лишь случаѣ, когда цѣлью его явственно является возбудить похоть либо создать развращеніе. Слова и выраженія писателя не должны быть извращаемы и передергиваемы рукой злобы, на глазахъ у изувѣрства, дабы сфабриковать то, что именуется толковательнымъ преступленіемъ. Это—преслѣдованіе, выступающее въ маскѣ правосудія, и таковое представляется однимъ изъ самыхъ гнусныхъ злодѣяній, какому законный судъ можетъ дать свою санкцію».

Въ іюльской книжкѣ лондонскаго журнала «Review of Reviews» многоизвѣстный редакторъ онаго W. T. Stead говоритъ: «Американскій законъ, уполномачивающій почтоваго чиновника рѣшать, что составляетъ и что не составляетъ неприличнаго литературнаго произведенія, предоставляетъ безапелляціонную власть неизвѣстному цензору, которая не была бы терпима ни единой минуты въ Англіи. Комстоковскій законъ, какъ законъ этотъ обыкновенно

именуется, настолько, очевидно, способенъ къ злоупотребленiю онымъ, что отъ времени до времени люди, которые раздѣляютъ убѣжденія Мильтона въ отношеніи свободы печати, протестовали противъ предоставленія подобной абсолютной власти какому бы то ни было должностному лицу. Если бы въ настоящее время этотъ невѣдомый бюрократъ вздумалъ рѣшить, что Пѣснь Пѣсней царя Соломона, либо библія, либо произведенія Шекспира суть неприличны, то всякій, кто послалъ бы библію либо томъ Шекспира по почтѣ, былъ бы отправленъ въ мѣсто заключенія по обвиненію въ употребленіи почты для обращенія неприличной литературы. Въ недавнемъ процессѣ этого рода, который повлекъ за собой трагическую смерть одного изъ моихъ друзей, судья опредѣлительно отказался выслушивать какія бы то ни были доказательства нравственнаго характера книги, являвшейся предметомъ обвиненія. Разъ почтовое вѣдомство—такъ направилъ это дѣло означенный судья—рѣшило, что какое бы то ни было печатное произведеніе неприлично, дѣломъ суда является единственно лишь удостовѣриться, сдѣлана ли была или нѣтъ попытка переслать книгу по почтѣ. Законъ этотъ предоставляетъ почтовому чиновнику абсолютную власть включить какое бы то ни было литературное произведеніе, какое ему заблагоразсудится, въ гораздо болѣе ужасный Index Expurgatorius, нежели таковой въ Римѣ. Существованіе подобнаго закона въ свободной странѣ составляетъ временную аномалію и нетерпимый анахронизмъ».

Тотчасъ же по возникновеніи почтово-цензурныхъ притѣсненій редактора «Люцифера» нѣкоторыя сливки ньюіоркской интеллигенціи поспѣшили образовать такъ называемую «лигу свободы слова» и въ качествѣ представителя сей послѣдней послали въ Вашингтонъ д-ра Immanuel Pfeiffer для объясненій съ высшими чинами министерства почтъ. Послѣ разныхъ мытарствъ докторъ Pfeiffer сведенъ былъ лицомъ къ лицу съ юрисконсультомъ министерства, такъ называемымъ помощникомъ генеральнаго повѣреннаго для почтоваго вѣдомства (нѣчто соотвѣтствующее товарищу министра юстиціи, откомандированному въ качествѣ юрисконсульта въ министерство почтъ) г-номъ R. P. Goodwin. Не будучи въ состояніи опровергнуть законныхъ доводовъ доктора Pfeiffer, г-нъ Goodwin прямо объявилъ ему: «Всякое обсужденіе половыхъ вопросовъ представляется неприличнымъ, и единственнымъ случаемъ для каковыхъ бы то ни были разговоровъ на эту тему является частная бесѣда врача съ паціентомъ». Получивъ подобное объясненіе, о достоинствѣ котораго предоставляемъ судить самому читателю, преслѣдуемый журналъ «Люциферъ» на столбцахъ своихъ сталъ указывать почтовому вѣдомству на изданія министерства земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ, которыя возбуждали тѣ же самые вопросы и проводили тѣ же самыя идеи по отношенію

къ домашнимъ животнымъ, какіе возбуждалъ и проводилъ журналъ этотъ по отношенію къ людямъ, либо непосредственно, либо путемъ перепечатокъ изъ иныхъ изданій, требуя отъ означеннаго вѣдомства возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ министра земледѣлія за распространеніе по почтѣ неприличныхъ литературныхъ произведеній. Въ то время какъ почтовое вѣдомство не находилось, что отвѣчать на подобное требованіе, какъ бы въ довершеніе затруднительнаго его положенія американское національное общество для улучшенія породъ скота и лошадей опубликовало циркуляръ, коимъ объявлялось, что, не ограничиваясь своей первоначальной задачей, общество это предпринимаетъ отнынѣ точно также и изученіе способовъ улучшенія человѣческой породы путемъ улучшенія условій родительства, т. е. тѣмъ именно путемъ, какъ долгіе годы проповѣдывалъ въ «Люциферѣ» редакторъ Harman. Такъ какъ американское національное общество для улучшенія породъ скота и лошадей состоитъ подъ особымъ покровительствомъ министерства земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ, секретаремъ сего общества нынѣ является товарищъ министра Willet M. Hays и результаты его дѣятельности публикуются обыкновенно въ изданіяхъ министерства, то предпринятіе имъ изслѣдованій по тому именно предмету, за обсужденіе коего былъ систематически конфискуемъ и преслѣдуемъ въ судебномъ порядкѣ журналъ «Люциферъ», бросало крайне невыгодную тѣнь на дѣятельность почтоваго вѣдомства Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ направленіи. Въ то же время на страницахъ журнала стали появляться письма разныхъ подписчиковъ, уполномочивающія редактора возбудить противъ вашингтонскаго министра почтъ и всѣхъ его подчиненныхъ по отдѣлу пересылки почтовыхъ отправленій такъ называемаго второго класса, до чикагскаго почтмейстера включительно, уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ ограбленіи проходящихъ почтъ, извлеченіи изъ оныхъ принадлежащихъ имъ нумеровъ журнала и уничтоженіи этой ихъ собственности. Тутъ министерство почтъ хватилось наконецъ, послѣ многолѣтней практики этого рода, что оно заходило черезчуръ далеко и поспѣшило не только возвратить редактору-издателю перехваченныя изданія разныхъ нумеровъ его журнала, отправленныя въ отдѣлъ недоставленной корреспонденціи для уничтоженія, но и дать чикагскому почтмейстеру предписаніе впредь изданія отдѣльныхъ нумеровъ, признанныхъ «не подлежащими почтовой пересылкѣ», возвращать издателю.

Между тѣмъ, не довольствуясь вышеописанными конфискаціями, министерство почтъ Соединенныхъ Штатовъ возбудило противъ редактора-издателя журнала «Люциферъ», г-на Moses Harman, уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ пересылкѣ по почтѣ «неприличной, похотливой и порочной» литературы. Престарѣлый

редакторъ былъ преданъ суду 15-го мая 1905 г., а 22-го того же мая долженъ былъ предстать предъ судьей окружнаго суда Соединенныхъ Штатовъ г-номъ Kenesaw Mountain Landis, дабы, согласно американскимъ процессуальнымъ правиламъ, признать себя виновнымъ либо невиновнымъ въ томъ преступленіи, за которое преданъ суду. Въ видахъ разъясненія смысла подобнаго процессуальнаго пріема русскому читателю слѣдуетъ сказать, что преданный суду, признавшій себя виновнымъ, не подвергается суду присяжныхъ засѣдателей, а сразу присуждается судьей къ наказанію безо всякаго судебнаго надъ нимъ процесса. Предметами возбужденнаго противъ редактора «Люцифера» обвиненія, по которому онъ и былъ засимъ преданъ суду такъ называемымъ большимъ судомъ присяжныхъ (американская обвинительная камера), явились двѣ статьи. Одна изъ таковыхъ, озаглавленная «Вопросъ объ отцовствѣ», была напечатана въ нумерѣ журнала отъ 26 февраля 1903 г., т. е. болѣе чѣмъ за два года до преданія суду, а другая, подъ заглавіемъ «Еще нѣсколько мыслей о половой наукѣ», появилась въ нумерѣ таковаго отъ 8 декабря 1904 г. Первая изъ преданныхъ суду статей «Вопросъ объ отцовствѣ», подписанная иниціалами T. U. A., стремилась доказать, что, въ интересахъ будущности человѣчества, женщина, желающая стать матерью, имѣетъ нравственное и общественное право избирать возможно наилучшія условія для зарожденія своего дитяти. Языкъ статьи— серьезный, строго научный, и по характеру своему она много напоминаетъ лучшія страницы извѣстнаго сочиненія Чарльза Дарвина «О происхожденіи человѣка». Другая статья, «Еще нѣсколько мыслей о половой наукѣ», подписана небезызвѣстной Sara Crist Campbell, старухой семидесяти лѣтъ. Взрастивъ обширный кругъ дѣтей и внуковъ, г-жа Campbell знала по собственному опыту, насколько человѣчество и въ особенности женщины страдаютъ вслѣдствіе поразительнаго невѣжества по отношенію къ существу и назначенію половыхъ функцій. Беря близко къ сердцу благо ближняго, г-жа Campbell и порѣшила подѣлиться съ человѣчествомъ своими познаніями по сему предмету. Насколько серьезенъ и далекъ ото всякой вульгарности языкъ авторши, можно судить по выдержкѣ изъ этой статьи, той именно выдержкѣ, которая приводится въ обвинительномъ актѣ, какъ основаніе обвиненія, и которую приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Зло, проистекающее изъ злоупотребленія половой природой, болѣе, чѣмъ что бы то ни было, приводитъ меня къ убѣжденію, что не существуетъ высшей интеллектуальной силы, нежели мужчина и женщина. Никакая интеллектуальная сила не создала бы человѣчество и надѣлила бы его половой природой, а затѣмъ допустила бы его до пользованія этой природой для возсозданія идіота, сумасшедшаго, убійцы, вора, глухого, нѣмого, слѣпого, урода и иныхъ человѣческихъ неудачниковъ.

«Нѣтъ никакой интеллектуальной силы выше человѣка. Однако эволюція, эта непреодолимая сила въ природѣ, которой человѣчество составляетъ лишь часть, со временемъ создастъ новое небо и новую землю, въ которой воцарится правда, и человѣчество, нынѣ надѣленное разумомъ, должно быть свободно разрѣшить всѣ задачи жизни».

Конечно, строго религіозный читатель въ вышеприведенныхъ строкахъ можетъ обнаружить нѣчто, не согласующееся съ его воззрѣніями. Онъ не долженъ забывать однако, что предметомъ обвиненія являлась въ данномъ случаѣ не ересь, а «неприличіе».

22 мая 1905 г., представъ предъ федерально-окружнымъ судьей города Чикаго, г-номъ Kenesaw Mountain Landis, обвиняемый редакторъ Moses Harman не признаетъ себя виновнымъ въ преступленіи, за которое былъ онъ преданъ суду, заявивъ: «Я не виновенъ. Я признаю напечатаніе статей, но отрицаю, чтобы онѣ были неприличны». По подобномъ заявленіи, заключавшемъ въ себѣ признаніе напечатанія, обвинитель, съ своей стороны, заявилъ, что ему нечего болѣе дѣлать и дѣло должно продолжаться въ узаконенномъ порядкѣ. Будучи спрошенъ, что желаетъ онъ сказать въ свое оправданіе, обвиняемый Harman заявилъ: «Мое имя—Moses Harman. Я проживаю въ домѣ подъ нумеромъ 500-мъ Фультонъ улицы, въ городѣ Чикаго, штата Иллинойсъ. Я родился семьдесятъ четыре года тому назадъ въ графствѣ Пендлетонъ штата Западная Вирджинія. Я—издатель тѣхъ изданій, о которыхъ идетъ рѣчь. Я посвятилъ много своего времени изученію того предмета, который нынѣ получаетъ наименованіе сексологіи. Я не признаю статей, о которыхъ идетъ рѣчь, порочными, похотливыми либо неприличными». [На перекрестномъ допросѣ, засимъ послѣдовавшемъ, подсудимый отвѣчалъ, что онъ издавалъ свой журналъ «Люциферъ» въ штатѣ Канзасъ съ 1880 г. по 1896 г., что онъ въ штатѣ томъ былъ осужденъ за напечатаніе статей, признанныхъ неприличными, что онъ отбылъ вслѣдствіе такого осужденія четырехмѣсячное тюремное заключеніе въ гражданской тюрьмѣ города Lansing и пятимѣсячное таковое же въ военной тюрьмѣ форта Leavenworth; что въ 1896 г. онъ переселился въ городъ Чикаго и сталъ издавать съ того времени свой журналъ «Люциферъ» въ семъ городѣ. «Я извѣстенъ,—продолжалъ онъ,—своимъ порицаніемъ закона о такъ называемомъ неприличіи. Порицаніе такое основывается на томъ, что невозможно опредѣлить, что такое неприличіе. Всякій человѣкъ имѣетъ свой собственный критерій, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы могло существовать какое-либо согласіе во мнѣніяхъ по сему предмету. Имѣются извѣстныя слова и извѣстныя зрѣлища, которыя могутъ быть названы неприличными въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, но только лишь въ такихъ сочетаніяхъ. Для изслѣдователя же, который стремится обнаружить все то, что

можетъ быть извѣстно въ отношеніи даннаго предмета, не существуетъ неприличныхъ словъ. Да, именно, не существуетъ неприличія для изслѣдователя». Будучи спрошенъ, продолжаетъ ли онъ изданіе журнала «Люциферъ», за которое онъ былъ уже осужденъ двукратно, для того, чтобы показать неуваженіе къ закону, подсудимый отвѣчалъ: «Не для этого именно, не изъ неуваженія именно, однакоже, между прочимъ, одной изъ цѣлей журнала является достиженіе полной свободы печати и воспитаніе человѣческаго рода на болѣе широкихъ основаніяхъ, нежели тѣ, какія преподаются церковью и государствомъ, или, точнѣе говоря, обществомъ, какія именуются приличными, какъ, напримѣръ, въ публичныхъ школахъ. Я обнаружилъ, что преподаваніе это представляется весьма недостаточнымъ по части человѣческой физіологіи и гигіены. Ученіе о полѣ совершенно выпускается. Я протестовалъ противъ такого выпусканія, полагая, что половая гигіена и половая физіологія представляются самыми важными, такъ какъ предметы эти имѣютъ большое вліяніе на благополучіе человѣческаго существа. Воспитательная задача журнала является самой важной и стоитъ на первомъ планѣ, а между прочимъ преслѣдуется имъ и задача достиженія отмѣны законовъ о неприличіи, которые считаю я пережиткомъ старинныхъ законовъ о колдовствѣ и богохульствѣ». Засимъ подсудимый предъявилъ, чрезъ своего защитника, ходатайство о допущеніи къ дѣлу въ качествѣ свидѣтелей извѣстныхъ врачей и женщинъ-врачей, которые могли бы свидѣтельствовать о томъ, являются ли обвиненныя статьи неприличнымъ словоизверженіемъ, или же цѣнными обсужденіями по предмету большой важности, именуемому половой гигіеной. Въ ходатайствѣ этомъ было ему отказано. Тогда защитникъ его сталъ пытаться разъяснить присяжнымъ, что произведенія Германа и его сотрудниковъ никоимъ образомъ не могутъ быть признаны непристойными; что та самая прямота рѣчи и ясность выраженій, какія составляютъ достоинство и славу произведеній этого писателя, нынѣ предъ ними предстоящаго въ качествѣ подсудимаго, составляютъ отличительную черту наилучшихъ произведеній американской литературы, а между тѣмъ о сихъ послѣднихъ никто не думаетъ ничего дурного, если его невѣжественные предразсудки не пробуждены преднамѣреннымъ обманомъ; что если произведенія, составляющія предметъ настоящаго дѣла, признать непристойными, то въ такомъ случаѣ окажутся точно также въ числѣ непристойныхъ произведеній Библія, произведенія Pain и Ingersoll либо творенія Шекспира. Равнымъ образомъ онъ, защитникъ, обращаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на то обстоятельство, что существеннымъ признакомъ преступленія, извѣстнаго подъ именемъ опубликованія непристойныхъ литературныхъ произведеній, представляется намѣреніе воспламенить воображеніе и т. д., каковаго

мотива въ данномъ случаѣ, очевидно, не имѣется. Въ концѣ концовъ судья далъ присяжнымъ пространное наставленіе, въ русскомъ уголовномъ процессѣ вообще именуемое «предсѣдательскимъ резюмэ». Наставленіе это было явно пристрастнымъ, ибо, хотя судья и держался того мнѣнія, что опредѣленіе вопроса о томъ, представляется инкриминируемое литературное произведеніе непристойнымъ, или не представляется, относится къ компетенціи присяжныхъ, а не его собственной, онъ давалъ имъ понять однако, что онъ, судья, считаетъ литературныя произведенія, составляющія предметъ дѣла, непристойными. Въ особенности въ «наставленіи» этомъ обращаютъ на себя вниманіе нижеслѣдующія мѣста:

«Я поясняю вамъ, что вамъ нѣтъ надобности въ настоящемъ дѣлѣ тревожиться о томъ, что придетъ время, когда осужденіе настоящаго подсудимаго повлечетъ за собой недопущеніе къ пересылкѣ по почтѣ священнаго писанія. Судъ рѣшитъ этотъ вопросъ, когда таковой возникнетъ. Равнымъ образомъ не тревожьтесь насчетъ произведеній Пэйна, Ингерсоля либо Шекспира. Эти вопросы не находятся нынѣ передъ вами для разрѣшенія».

«При опредѣленіи вопроса о намѣреніи вы имѣете право принять въ соображеніе тотъ фактъ, что человѣкъ этотъ былъ уже ранѣе осужденъ за то же самое преступленіе, т. е. за нарушеніе того же самаго закона».

«Я разъясняю вамъ, что согласно закону мотивъ, изъ-за котораго дѣйствовалъ подсудимый, не долженъ быть принимаемъ во вниманіе при опредѣленіи вопроса, представляются ли инкриминируемыя статьи порочными».

Присяжные признали подсудимаго Moses Harman виновнымъ «согласно обвинительному акту». Приступая 29 того же іюня къ постановленію, согласно такому рѣшенію, судебнаго приговора, судья почему-то не задалъ ему обычнаго въ такомъ случаѣ вопроса, не имѣетъ ли онъ представить какихъ-либо основаній, въ силу коихъ о немъ не должно быть постановляемо приговора. Хотя подобный процессуальный пріемъ является вообще простой формальностью, однако въ американскихъ судахъ всяческія процессуальныя формальности, даже самыя устарѣлыя и завѣдомо нелѣпыя, соблюдаются съ неукоснительной, можно сказать, религіозной точностью. Сверхъ сего, судья не могъ не понимать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ подсудимый сдѣлаетъ именно ядромъ и центромъ своей защиты. Нельзя поэтому, въ особенности принимая во вниманіе всѣ подробности поведенія судьи въ настоящемъ дѣлѣ, не заключить, что онъ сознавалъ истинный характеръ своей роли и постарался избѣжать предоставленія подсудимому единственной возможности открыть присяжнымъ глаза на сущность дѣла. Редакторъ Harman приговоренъ былъ къ годичному тюремному заключенію въ тюрьмѣ

Joliet штата Illinois. Хотя на приговоръ этотъ и принесена была апеляція, однако какъ подсудимый, такъ и его защитникъ, такъ и всѣ друзья его превосходно понимали, что изъ таковой никогда ничего не выйдетъ, или же, выражаясь словами «Люцифера», апелляціонная жалоба эта «могла имѣть лишь такіе же точно результаты, какъ и дѣло о колдовствѣ въ стародавнія времена въ Новой Англіи». 4 января 1906 года дѣло слушалось въ апелляціонномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ въ томъ же городѣ Чикаго, 4 февраля жалоба объявлена оставленной безъ послѣдствій, а 26 февраля редакторъ-издатель «Люцифера» очутился въ извѣстной тюрьмѣ Joliet, расположенной въ предѣлахъ того же штата Illinois.

Тюремное заключеніе Moses Harman, несмотря на его почти семидесятишестилѣтній возрастъ, отличавшееся особой суровостью, если не въ общественныхъ, то въ литературныхъ или, точнѣе говоря, литераторскихъ кругахъ Соединенныхъ Штатовъ произвело большое впечатлѣніе, безъ всякаго сравненія большее, нежели вышеописанная трагическая кончина Айды Краддокъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что, какъ никакъ, а «Люциферъ» издается имъ уже двадцать шесть лѣтъ, а слѣдовательно успѣлъ установить для себя нѣкоторыя отношенія по крайней мѣрѣ хотя съ нѣкоторыми болѣе приличными органами разнузданной, прислужнической, торгашеской и продажной повседневной печати «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Засимъ, незадолго предъ его осужденіемъ организовавшаяся «лига свободы слова» горячо приняла къ сердцу его ввержение въ темницу и подняла въ его пользу цѣлый походъ въ видѣ печатныхъ циркуляровъ, всю весну обращавшихся по всей странѣ. Между прочимъ означенная «Лига» разослала тысячи экземпляровъ печатной петиціи на имя президента Соединенныхъ Штатовъ о дарованіи заключенному помилованія—для подписанія и отсылки на имя президента, либо чрезъ центральное управленіе лиги въ Нью-Іоркѣ, либо непосредственно. Вотъ текстъ этой петиціи:

«Петиція о дарованіи помилованія Мозесу Герману.

«Уважаемому Теодору Рузвельту, президенту Соединенныхъ Штатовъ.

«Moses Harman, редакторъ, обыватель города Чикаго, нынѣ отбываетъ годичное тюремное заключеніе въ тюрьмѣ Joliet штата Illinois, къ которому приговоренъ онъ былъ судьей Landis въ окружномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ для сѣвернаго округа штата Jllinois 29 іюня 1905 года. Господинъ Harman осужденъ былъ 16 іюня 1905 года по обвиненію въ пересылкѣ по почтѣ неприличной литературы и приговоръ этотъ былъ утвержденъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Приговоренный началъ отбывать свой приговоръ 1 марта сего 1906 года.

«Мы нижеподписавшіеся, нынѣ просимъ о скоромъ дарованіи ему помилованія по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

«Во-первыхъ. Господинъ Harman, нынѣ человѣкъ уже 75 лѣтъ отъ роду, не въ состояніи выдерживать ненужное и незаслуженное наказаніе и таковое является для него бременемъ лишеній, которое, по всей вѣроятности, будетъ стоить ему жизни. Приговоръ надъ нимъ представляется чрезмѣрнымъ или же во всякомъ случаѣ черезчуръ превосходитъ всяческій возможный вредъ, какой осужденный причинилъ почтовому вѣдомству либо какому бы то ни было человѣческому существу.

«Во-вторыхъ. Онъ представляется прирожденнымъ преобразователемъ. Въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ былъ онъ послѣдовательно учителемъ, проповѣдникомъ, редакторомъ и преобразователемъ. Онъ является искреннимъ, честнымъ, послѣдовательнымъ и непоколебимымъ человѣкомъ гаррисоновскаго типа и несомнѣнно и очевидно страдаетъ нынѣ, какъ страдали сотни людей ранѣе него, «за свои убѣжденія». Мы полагаемъ, что пора бы уже «странѣ свободы» перестать производить жертвы свободы печати.

«Въ-третьихъ. Господинъ Harman никогда не угождалъ похотливымъ вкусамъ и болѣзненнымъ умамъ въ поискахъ за непристойнымъ: его изданія обладаютъ большимъ достоинствомъ и интересуютъ немногихъ серьезныхъ людей, изучающихъ важныя не разрѣшенныя еще задачи соціологіи.

Въ-четвертыхъ. Не было представлено никакихъ доказательствъ тому, что изданія его причинили какой бы то ни было дѣйствительный вредъ какому-либо мужчинѣ, женщинѣ либо дитяти: предполагаемый вредъ этотъ представляется вполнѣ фиктивнымъ и проблематическимъ.

«Въ-пятыхъ. Господинъ Harman убѣжденъ въ примѣнимости научныхъ методовъ къ дѣлу размноженія человѣческой породы въ видахъ ея усовершенствованія: убѣжденіе такое и выраженіе онаго не составляютъ бóльшаго преступленія, нежели изданія министерства земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ, имъ публикуемыя для распространенія между скотоводами и разводителями лошадей и ежедневно разсылаемыя по почтѣ. Не допускать изданій Harman къ пересылкѣ по почтѣ и заключать его въ тюрьму за перепечатку офиціальныхъ изданій Соединенныхъ Штатовъ, между тѣмъ какъ должностныя лица Соединенныхъ Штатовъ продолжаютъ разсылать таковыя по почтѣ попрежнему, хотя они и «осуждены» почтовымъ вѣдомствомъ, какъ наприличныя, представляется несправедливымъ и пристрастнымъ лицепріятіемъ.

«Въ-шестыхъ. Господинъ Harman третируется какъ упорный, нераскаянный преступникъ, между тѣмъ какъ онъ твердо убѣжденъ, что онъ отстаиваетъ извѣстное важное право и извѣстную важную обязанность.

«Въ-седьмыхъ. Никто не долженъ быть наказываемъ на основаніи закона, который представляется настолько неопредѣленнымъ.

что виновность зависитъ отъ предположительныхъ соображеній присяжныхъ насчетъ психическихъ наклонностей, какъ это выяснилось въ имѣвшихъ до сего времени мѣсто процессахъ о распространеніи путемъ почтовой пересылки неприличныхъ литературныхъ произведеній. Изъ закона этого никто не можетъ видѣть, представляется ли данное литературное произведеніе преступнымъ или не представляется, такъ какъ законъ этотъ не указываетъ намъ, каково будетъ мнѣніе присяжныхъ насчетъ психическихъ наклонностей, не даетъ обществу либо суду присяжныхъ какого либо критерія для сужденія по этому предмету.

«Въ-восьмыхъ. Осужденія, подобныя осужденію господина Harman, служатъ въ большой степени къ подрыву уваженія къ отправленію правосудія. Поэтому просимое помилованіе должно было бы быть даровано настолько же скоро и по тѣмъ самымъ причинамъ, по которымъ президентъ Mc Kinley даровалъ помилованіе Charles G. Moore, редактору журнала «Blue Grass Blade», осужденному въ городѣ Цинциннати подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ «неприличія» при подобныхъ же условіяхъ, а ровно и по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ президентъ Mc Kinley точно также даровалъ помилованіе господину Leroy Berrier, осужденному по такому же самому обвиненію въ городѣ Миннеаполисѣ.

«Въ-девятыхъ. Заключеніе этого престарѣлаго преобразователя въ тюрьму представляется неправильнымъ примѣненіемъ закона, поворомъ для нашей республики и главной ея цѣли—«оберегавія свободы». Поэтому мы почтительнѣйше просимъ президента прекратить этотъ позоръ по возможности безъ замедленія».

Въ то же время независимо отъ вышеприведенной петиціи, посланной президенту множествомъ американскихъ гражданъ какъ непосредственно, такъ и чрезъ центральное управленіе «лиги свободы слова» въ Нью-Іоркѣ, извѣстный американскій профессоръ Thaddeus Burr Wakeman, нѣкогда пользовавшійся личнымъ знакомствомъ и личной дружбой съ нынѣшнимъ президентомъ, послалъ ему нижеслѣдующее письмо, опубликованное въ нѣсколькихъ американскихъ изданіяхъ помимо «Люцифера», а затѣмъ отпечатанное отдѣльной брошюркой и разосланное по всей странѣ:

«Уважаемому Теодору Рузвельту, президенту Соединенныхъ Штатовъ.

«Господинъ президентъ. Какъ согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ, такъ и въ дѣйствительности вы являетесь не только «исполнительнымъ органомъ» народа Соединенныхъ Штатовъ, но точно также и ихъ предсѣдательствующимъ должностнымъ лицомъ, какъ показываетъ самый вашъ титулъ, равно и ихъ главнымъ представителемъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Отдѣльныя лица у насъ равны въ ихъ правахъ и преимуществахъ, потому что жизнь наша зиждется на парламентарномъ законѣ, котораго вы являетесь

примѣнителемъ, будучи въ то же время защитникомъ всего нашего политическаго тѣла или «дома». По «вопросу преимущественному» къ вамъ можетъ обратиться всякій гражданинъ, членъ дома, который узнаетъ, что надвигается серьезная опасность, дабы вы могли принять мѣры къ тому, чтобы «не пострадала республика»—политическое тѣло,—какъ обыкновенно выражались римскіе декреты.

«Обстоятельства заставляютъ меня чувствовать и даже знать, что надвигаются опасности, которыя даютъ право каждому гражданину, знакомому съ фактами, представить этотъ преимущественный вопросъ вамъ, вопросъ, который требуетъ выполненія съ вашей стороны чрезвычайныхъ конституціонныхъ обязанностей, компетенцій и мѣръ для огражденія народа въ его личныхъ правахъ, вольностяхъ и благоденствіи.

«Наибольшія опасности для государствъ являются результатомъ медленнаго и почти незамѣтнаго накопленія и возрастанія, подобно горнымъ обваламъ и подобно симъ послѣднимъ обрушиваются внезапно вслѣдствіе ничтожной случайности или перемѣны.

«Случайностью такой было изданіе такъ называемыхъ комстоковскихъ почтовыхъ законовъ въ 1873 и послѣдующихъ годахъ, а ровно и прецеденты и осужденія, на основаніи законовъ этихъ имѣющіе мѣсто и закончившіеся недавними уголовными преслѣдованіями и осужденіями въ городѣ Чикаго женщины-врача Alice B. Stockham, приговоренной къ уплатѣ штрафа въ 500 долларовъ и судебныхъ издержекъ, и Moses Harman, семидесятишестилѣтняго редактора «Люцифера Свѣтоносца», приговореннаго къ годовому тюремному заключенію, сопряженному съ тяжкими работами, что практически является для него смертнымъ приговоромъ. Приговоры эти воспослѣдовали за созданное законами «преступленіе» отправленія по почтѣ такъ называемаго ненадлежащаго или же «неприличнаго» изданія чрезъ чикагскую почтовую контору. Уголовное преслѣдованіе это сопровождалось захватомъ и конфискаціей цѣлыхъ изданій отдѣльныхъ нумеровъ журнала безо всякаго увѣдомленія собственника, редактора либо подписчиковъ, на основаніи единственнаго лишь мнѣнія какого-то почтоваго чиновника, а мнѣніе это оказалось нижеслѣдующимъ: «Всякое обсужденіе полового вопроса представляется неприличнымъ, а потому и не подлежащимъ почтовой пересылкѣ. Единственнымъ случаемъ для разговоровъ по этому предмету является частное объясненіе врача съ паціентомъ». Что такъ именно выразился этотъ чиновникъ, ясно доказано, и что это его мнѣніе приводилось въ дѣйствіе снова и снова, представляется неоспоримымъ фактомъ. Можетъ быть отрицаемо, что вышеприведенныя слова были формальнымъ правиломъ либо «рѣшеніемъ», однако такого отрицанія со стороны почтовыхъ властей дѣлаемо не было. Дѣйствіе на ихъ основаніи и согласно ихъ смыслу представляется правиломъ и прецедентомъ,

и что это именно такъ, это обнаружилось много разъ какъ изъ этого, такъ и изъ иныхъ уголовныхъ преслѣдованій. Мнѣніе это практически усвоено судами Соединенныхъ Штатовъ (какъ обнаруживается изъ предсѣдательскаго наставленія судьи Bethea, ниже сего приводимаго), и усвоеніе такое дѣлаетъ судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей простымъ фарсомъ, простымъ принятіемъ этого мнѣнія отъ «суда».

«Эти законы, преслѣдованія, мнѣнія, прецеденты и приговоры сдѣлались роковой опасностью для республики и народа, которую конгрессъ, суды, прокуроры и почтовыя власти уклоняются остановить, почему и представляется необходимымъ воззвать къ «президенту» о принятіи имъ мѣръ чрезвычайныхъ для устраненія оной, какъ выше и ниже сего обстоятельно разъясняется. Не имѣется никакого иного уврачеванія, избѣжанія либо облегченія для народа, почему и пишется настоящее письмо.

«Первой и большой трудностью является понять характеръ и размѣры этой новой, но въ дѣйствительности реакціонной революціи, которая повсюду возросла незамѣтнымъ образомъ и сдѣлала всѣ органы правительства, за исключеніемъ нашего президента, безсильными.

«Оглянитесь на единую минуту назадъ, на пламенные, но въ то же время и колеблющіеся дебаты въ штатныхъ конвенціяхъ, которыми (1787—1789) принята была конституція Соединенныхъ Штатовъ? Предполагалось ли хоть на единую минуту, что невинно выглядывающій почтовый параграфъ «установить почтовыя учрежденія и почтовыя дороги» дастъ федеральному правительству власть неограниченной цензуры печати и почтовыхъ отправленій и уголовную юрисдикцію неограниченно наказывать за отправленіе по почтѣ литературнаго произведенія либо какого бы то ни было отправленія, которое оно можетъ объявить не подлежащимъ почтовой пересылкѣ, отправленій, которыя могутъ быть предназначены для цѣлей нравственныхъ, общественныхъ, политическихъ и иныхъ помимо цѣлей чисто почтовыхъ, то есть пересылочныхъ, каковы «обманы», «лоттереи», «анархія», ненадлежащая литература, все то, что именуется «неприличнымъ», все то, что какъ бы то ни было относится къ половымъ либо брачнымъ отношеніямъ либо дѣламъ, или же наконецъ все то, что относится къ какому бы то ни было предмету, который «конгрессъ» можетъ вообразить вреднымъ либо непріятнымъ? Если бы предполагалось что-либо подобное, думаете ли вы, что конституція Соединенныхъ Штатовъ была принята штатными конвенціями? Нѣтъ! Такъ же вѣрно, какъ солнце на небѣ, что она была бы ими отвергнута. Подобная уголовная юрисдикція сдѣлала бы голосъ Patrick Henry торжествующимъ въ конвенціи, когда онъ наименовалъ эту конституцію «гробомъ вольностей народа». Утвержденіе Hamilton какъ въ его журналѣ

«Federalist», такъ и въ конвенціи, что федеральное почтовое вѣдомство является «только лишь дѣломъ общественнаго удобства», было бы встрѣчено насмѣшливыми, укоризненными и презрительными повторительными возгласами: «только лишь!»

«Самый фактъ, что федеральная почтовая бюрократія нынѣ примѣняетъ русскій уголовный «административный порядокъ» ко всѣмъ вышеисчисленнымъ предметамъ и такимъ образомъ обладаетъ юрисдикціей, о которой никогда даже не мечталось и которой тѣмъ болѣе не было никогда намѣренія предоставить почтовымъ властямъ въ то время, когда эта опредѣленная и «ограниченная компетенція» имъ предоставлялась отдѣльными штатами и народомъ, самый фактъ этотъ долженъ заставить насъ остановиться немедленно и возвратиться къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, какою было намѣреніе сдѣлать таковую, т. е. какою она была и какова она есть.

«Конституція предназначена была и принята, дабы «обезпечить» совершенно противоположное всему этому, а именно «благодать свободы намъ и потомкамъ нашимъ», а между всѣми этими «благодатями» и «правами» права личной свободы, свободы слова, свободы печати и свободныхъ, равныхъ и неприкосновенныхъ почтовыхъ сношеній были самыми главными. Ближайшими къ этимъ правамъ были права на трудъ и право честно пріобрѣтенной собственности. Въ этихъ почтовыхъ преслѣдованіяхъ всѣ эти права были безъ раскаянія и даже съ торжествомъ попраны и уничтожены.

«Почтовыя учрежденія дѣйствительно стали все болѣе и болѣе «общественнымъ удобствомъ» и существенной необходимостью цивилизаціи. Однако этой прямой, ясной, явной узурпаціей «высшей власти», сопряженной со шпіонствомъ, вовлеченіемъ и цензурой и неограниченной уголовной юрисдикціей, основанной на сей послѣдней, почтовое вѣдомство разрушаетъ нынѣ самую цѣль цивилизаціи. Оно стало «троянской лошадью», скрытно ввозящей въ самую цитадель нашихъ вольностей старинныхъ враговъ нашей республики и ихъ союзниковъ. Безъ этихъ вольностей и правъ благоденствіе, независимость и преуспѣяніе нашего народа представляются невозможными. Они представляются существомъ всего того, что является высшимъ въ англійской и американской натурѣ, всего того, что дѣлаетъ ихъ руководителями человѣческаго рода. Вольности и права эти достигаютъ до самаго основанія всего того, что дѣлаетъ жизнь желанною для народа, который желаетъ быть свободнымъ. Они настолько священны, что ихъ утрата является утратой самой цѣли жизни, которая никогда не будетъ отторгнута, пока остаются еще признаки жизни.

«Изумленіе, съ какимъ глядятъ за границей на подобное возрастаніе непослѣдовательнаго деспотизма въ сердцѣ великой рес-

публики, представляется замѣчательнымъ и поучительнымъ. Однако у насъ это изумленіе за границей тщательно скрывается, какъ будто бы оно точно также представляется «неприличнымъ» либо не годится намъ «видѣть себя такими, какими видятъ насъ другіе». Однако присмотрѣться къ этому изумленію представляется полезной обязанностью, и послѣднія выраженія г-на W. T. Stead, англійскаго редактора, автора и преобразователя и господина G. Bernard Shaw, знаменитаго ирландскаго автора и драматурга, могутъ дать намъ возможность судить о томъ положеніи, какое занимаемъ мы въ мірѣ вкуса и интеллекта.

«Въ іюньской книжкѣ своего лондонскаго «Review of Reviews» господинъ Stead говоритъ:

«Американскій законъ, уполномачивающій почтоваго чиновника рѣшать, какія литературныя произведенія представляются приличными и какія не представляются, предоставляетъ безапелляціонную власть неизвѣстному цензору, что не было бы терпимо въ Англіи ни на единую минуту. Такъ называемый комстоковскій законъ столь явственно способенъ влечь за собой злоупотребленія, что отъ времени до времени люди, вмѣстѣ съ Мильтономъ вѣрующіе въ свободу печати, протестовали противъ предоставленія подобной абсолютной власти какому бы то ни было должностному лицу. Если бы въ настоящій моментъ этотъ неизвѣстный бюрократъ порѣшилъ, что Пѣснь Пѣсней царя Соломона либо творенія Шекспира представляются неприличными, то всякій, кто послалъ бы по почтѣ экземпляръ Библіи или томъ Шекспира, былъ бы посаженъ въ мѣсто заключенія по обвиненію въ пользованіи почтовыми сообщеніями для распространенія неприличныхъ литературныхъ произведеній. Въ недавнемъ процессѣ этого рода, который повлекъ за собой трагическую смерть одного моего друга, судья опредѣлительно отказался выслушать свидѣтелей или допустить какія бы то ни было доказательства насчетъ нравственности книги, составлявшей предметъ обвиненія. Разъ почтовое вѣдомство,— такъ распорядился означенный судья,—признало книгу неприличной, задача суда ограничивается лишь установленіемъ факта, сдѣлана ли была, или нѣтъ попытка послать книгу по почтѣ. Подобный законъ предоставляетъ почтовому чиновнику абсолютную власть включать всякое литературное произведеніе, какое только ему заблагоразсудится, въ Index Expurgatorius, гораздо болѣе ужасный, нежели таковой же римскій. Существованіе подобнаго закона въ свободной странѣ представляется временной аномаліей и нетерпимымъ анахронизмомъ».

«Къ сему одинъ лондонскій критикъ присовокупляетъ: «Комстоковскій законъ и его примѣненіе иллюстрируютъ то, что Whitman назвалъ «безконечной дерзостью выборныхъ людей». Онъ могъ сказать точно также и «назначенныхъ людей». Какъ только дается

человѣку власть надъ его ближнимъ, онъ въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста начинаетъ употреблять эту власть незаконно, если только возможно».

Статья господина Shaw въ отношеніи «комстокизма», который, по его словамъ, является «постоянной шуткой міра насчетъ Соединенныхъ Штатовъ, отпечатана въ нумерѣ газеты «New York Times» отъ 26-го истекшаго сентября, а отвѣтъ на нее Комстока появился въ нумерѣ той же газеты отъ 28-го того же сентября. Вмѣстѣ взятыя, статьи эти составляютъ весьма интересное и поучительное чтеніе. Господинъ Shaw останавливается на дѣлѣ Harman въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

«Единственное убѣжище, нынѣ остающееся въ свѣтѣ для неограниченной разнузданности, есть супружество. Это обстоятельство является позорнымъ объясненіемъ того факта, что одинъ журналъ былъ въ Америкѣ конфискованъ и редакторъ его заключенъ въ тюрьму за утвержденіе, что замужняя женщина должна быть ограждена отъ принужденія къ выполненію супружескихъ обязанностей въ теченіе беременности. Если бы этотъ самый человѣкъ пополнялъ свой журналъ возбуждающими похоть портретами и такими же разсказами насчетъ лицъ, надлежащимъ образомъ обрученныхъ, то онъ былъ бы нынѣ состоятельнымъ и почтеннымъ гражданиномъ.

«Въ Англіи и Европѣ, гдѣ имѣется одно лишь законодательное собраніе, существуетъ единство церкви и государства и не существуетъ раздѣленія правительства на штатное и федеральное, комстокизмъ является въ самомъ дѣлѣ смѣшной тайной. Для Соединенныхъ же Штатовъ предметъ этотъ представляется черезчуръ дѣйствительнымъ и черезчуръ опаснымъ для того, чтобы быть подвергаемымъ какому бы то ни было иному разсмотрѣнію, кромѣ серьезнаго.

«Мы указали уже на то, что онъ является прямой узурпаціей со стороны федеральнаго правительства въ томъ отношеніи, что это послѣднее злоупотребляетъ почтовымъ вѣдомствомъ для пріобрѣтенія юрисдикціи по отношеніи къ «высшимъ предметамъ», которые отнюдь не являются почтовыми и вѣданіе коихъ прямыми словами конституціи Соединенныхъ Штатовъ удержано и сохранено за штатами и народомъ, а слѣдовательно опредѣлительно не дозволено федеральному правительству. Все дѣло это было разсмотрѣно и рѣшено уже по существу въ 1836 году по поводу распространенія по почтѣ литературы объ «уничтоженіи рабства». Henry Clay и Daniel Webster первенствовали въ обсужденіи этого вопроса въ сенатѣ. Сенаторъ Webster заявилъ, что всякая попытка изъять извѣстныя вещи изъ пересылки по почтѣ либо наказывать за такую пересылку на основаніи «смысла этихъ вещей» представляется «явно и опредѣлительно противоконституціонной». Се-

натъ, тогда наполненный «великими сенаторами», а равно вся страна, включая въ то число г-на Calhoun и президента Jackson'a, съ этимъ заявленіемъ согласились и оставили подобное домогательство. Прецедентъ этотъ окончательно рѣшилъ вопросъ этотъ и, подобно миссурійскому компромиссу, онъ долженъ былъ оставаться поконченнымъ. Чего однако не могло сдѣлать рабство, то комстокизмъ, въ слѣпомъ невѣжествѣ своего добронамѣреннаго рвенія, успѣлъ обольстить предпринять наше федеральное правительство. Какъ обнаружилось въ обсужденіи этого вопроса по поводу литературы объ уничтоженіи рабства, не имѣется никакой надобности дѣлать почтовое вѣдомство Соединенныхъ Штатовъ нашимъ генеральнымъ цензоромъ и инквизиторомъ, снабженнымъ властью наказывать своихъ жертвъ до предѣловъ, указываемыхъ собственнымъ его усмотрѣніемъ. Всякій штатъ имѣетъ собственные свои законы по этой части, какіе онъ признаетъ нужными и достаточными, а равно и суды присяжныхъ съ прочими властями для примѣненія таковыхъ. Зло и преступленіе заключается не въ отправленіи по почтѣ, а въ обращеніи нежелательныхъ вещей въ предѣлахъ штатовъ. Должна ли такая нежелательная вещь быть пресѣчена къ обращенію, надлежащими тому судьями являются законодатели, суды и присяжные засѣдатели каждаго даннаго штата. Если для обращенія такого употребляются почтовыя сообщенія, то почтовые чиновники и служители всегда находятся налицо для свидѣтельствованія по этому предмету, если только въ томъ встрѣтится надобность. Вотъ какъ все это должно бы быть. Одна общая цензура является пагубной и губительной для всякой свободной мысли, изслѣдованія, прогресса, свободы и самобытности. Что представляется дозволительнымъ и здравымъ въ Vermont либо New York, можетъ быть признано противоположнымъ въ Louisiana либо Texas. Пусть народъ каждаго штата самъ объ этомъ судитъ. Это —конституціонный способъ обезпеченія безопасности, мира и здравія.

«Это все, что необходимо сказать объ этой узурпаціи въ ея законныхъ, конституціонныхъ и политическихъ проявленіяхъ. Нынѣ спрашивается, каковы ея результаты—религіозные, нравственные и общественные и, наконецъ, какое отъ нея можетъ быть найдено уврачеваніе?

«Результатомъ первымъ является единство церкви и государства, тайно, тѣмъ не менѣе однако дѣйствительно достигнутое по предметамъ наиболѣе важнымъ и щекотливымъ, въ отношеніи которыхъ таковое лишь можетъ существовать.

Всѣ комстоковскіе законы, начиная съ 1872 —78 года, были теологическаго вдохновенія и происхожденія. Въ своей первоначальной редакціи и своей первоначальной цѣли они заключали въ себѣ «богохульство» и свободомысліе наравнѣ съ неприличіемъ и безнрав-

ственностью. Однако впослѣдствіи лишь два послѣднихъ выраженія признаны были необходимыми, ибо, дѣлая смыслъ ихъ эластическимъ, они включаютъ въ себѣ все необходимое для упроченія цензуры и контроля надъ литературой народа, а слѣдовательно надъ его мыслями, чувствами и поведеніемъ. Однимъ словомъ, это воскрешеніе инквизиціи въ ея цѣляхъ и методахъ въ нашей чисто свѣтской, чисто политической республикѣ достигнуто путемъ теологической узурпаціи федеральнаго правительства.

«Союзъ церкви съ государствомъ, намѣренный или ненамѣренный, представляется тормозомъ и препятствіемъ для всякаго общественнаго, нравственнаго и интеллектуальнаго прогресса народа. Прогрессъ въ его происхожденіи и его существѣ является эволюціей современнаго знанія насчетъ старой теологіи, которая не принимаетъ его за что-либо иное, какъ вражеское вторженіе. Вы должны быть знакомы съ трудами профессоровъ Дрэпера и Уайта по этому предмету и съ тѣмъ ретрограднымъ положеніемъ, какое заняла эта теологія по отношенію къ усиліямъ нашего народа достигнуть свободы и большаго благосостоянія въ борьбѣ за уничтоженіе рабства и борьбѣ рабочаго класса. У насъ, какъ и повсюду, теологія эта была союзникомъ развращенной, эгоистической и угнетательной плутократіи, съ которой дѣлится оно добычей и которой поэтому является она освятителемъ и совѣстью. Теологія эта покоится на предполагаемыхъ откровеніяхъ, традиціяхъ и догматахъ прошлыхъ временъ, къ которымъ всегда обращено ея лицо. Это прошлое представители теологіи пробуютъ удержать и навязать народу, который ужé его переросъ и для котораго оно является распятіемъ. Теологія эта является истиннымъ бурбономъ, «она не научается и не забываетъ», а ея будущее нынѣ и впослѣдствіи является призрачной мечтой, полная несбыточность которой доказана знаніемъ. Однако она все еще не научилась, что система Коперника унесла прочь навсегда ея небо и ея адъ, а съ ними вмѣстѣ всю ея сущность и все ея основаніе. Она не сознаетъ, что «мысли людей распатаны движеніемъ солнца» и что религія, нравственность и жизнь подъ воздѣйствіемъ науки и гуманитаризма преобразуются въ новый міръ, вѣчность котораго является здѣсь и нынѣ и «небо» котораго есть его собственное безпрерывное развитіе на этой землѣ.

«Согласно съ этимъ президенты республикъ Мексики и Франціи были вынуждены, дабы спасти свои страны, вывести свой народъ изъ-подъ теологическаго контроля по отношенію къ ихъ образованію, нравственности и религіи и ввести его въ нашъ истинный міръ, намъ открытый знаніемъ, съ судьбой и удѣломъ человѣка въ этомъ мірѣ. Единственной дѣйствительной побѣдой старой теологіи въ наши дни является завоеваніе нашего федеральнаго правительства, нашего образовательнаго дѣла, нашей печати

и нашей плутократіи комстоковскими законами и ея фальшивыми притязаніями на особую правду и особую добродѣтель. Какъ можетъ быть истиннымъ и хорошимъ то, что представляется позади вѣка, «анахронизмомъ» и внѣ всякаго отношенія къ развитію и прогрессу народа? Какъ можетъ научить и сдѣлать другихъ вѣрными, добрыми и патріотическими то, что само не представляется ни тѣмъ ни другимъ? Оно противодѣйствуетъ нынѣ всякому шагу прогресса. Всякая побѣда знанія являлась побѣдой потому именно, что была одержана надъ ней.

«Подобно змію, но далеко не съ голубиной невинностью, эти духовные наслѣдники тѣхъ, кто сжегъ Бруно и Серветуса, нынѣ подали другъ другу руки и сплотились воедино, дабы завѣдывать нашей республикой, освящать нашу плутократію, воспитывать наше юношество, цензуровать наше почтовое вѣдомство и наблюдать за нашей нравственностью!

«По вышеизложеннымъ причинамъ обскуранты эти являются самыми послѣдними людьми, которымъ могли бы быть ввѣрены подобныя функціи, если бы даже таковыя были необходимы. Въ частности двѣ послѣднихъ функціи, т. е. воспитаніе и цензура, являются просто лишь образчиками прошлаго, и мы должны присоединиться къ Мексикѣ и Франціи въ допущеніи таковыхъ оставаться прошлымъ лишь. Напримѣръ, въ области нравственности мы сталкиваемся невольно съ обсужденіемъ половыхъ отношеній, которое для старыхъ чугунныхъ интеллекта и совѣсти этой теологіи является просто наглымъ «неприличіемъ». Въ этой области они желали бы навязывать силою и примѣнять просто авторитетъ, повиновеніе, невѣжество и молчаніе, подъ предсѣдательствомъ священника и врача и подъ охраной со стороны Комстока и федеральныхъ судовъ, которые должны ввергать въ тюрьмы либо доводить до самоубійства всѣхъ не повинующихся подъ музыку: «повинуйтесь!» и «нѣтъ развода!» Этого именно сорта теологическая музыка и угнетеніе женщины, связанное съ пресѣченіемъ обсужденія всякихъ половыхъ вопросовъ, сдѣлала «Люцифера Свѣтоносца» необходимостью. Изданіе это помѣчается хронологическими показаніями «новой эры», эры знанія и человѣка, начинающейся съ 1600 года, которая открылась оповѣщеніемъ коперниковской астрономіи и теологическимъ сожженіемъ Джіордано Бруно за его участіе въ опубликованіи, что старый свѣтъ «созданный» и «небо» кончили свое существованіе. Пиша въ «новую эру» (положимъ, 1-го сентября 305 года эры человѣка), редакторъ Harman глубоко убѣжденъ, что нынѣ, когда рабство и сопряженные съ таковымъ рабочіе вопросы покончены и разрѣшены, находятся на очереди къ разрѣшенію половыя затрудненія и ненормальныя явленія и что уврачеваніе сихъ послѣднихъ можетъ быть достигнуто лишь свободнымъ ихъ обсужденіемъ съ общественной, т. е. научной, точки зрѣнія. Первымъ шагомъ въ

этомъ направленіи должно быть, по его мнѣнію, изгнаніе принужденія и изнасилованія изъ супружескаго союза. Онъ говоритъ, что «рабство и бракъ по принужденію, для принужденія и черезъ принужденіе (подобно многоженству) суть просто» близнецы-остатки теологическаго варварства. Онъ утверждаетъ, что изнасилованіе подъ благословеніемъ священника и санкціей свѣтскаго закона не только является такимъ же точно великимъ преступленіемъ, какъ и таковое же, учиняемое при всякихъ иныхъ обстоятельствахъ, но сверхъ сего еще и такимъ, за какое всѣ мы лично представляемся отвѣтственными, если мы не предпринимаемъ все отъ насъ зависящее, дабы положить ему конецъ. Онъ отнюдь не отвергаетъ брачнаго союза или супружества, но настаиваетъ лишь, что таковое должно быть свободно, ибо можетъ существовать лишь либо свободная любовь, либо никакой любви. Женщина будетъ тогда свободна и обезпечена въ распоряженіи собственной своей личностью, а слѣдовательно и обладать правомъ развода, если она считаетъ таковой необходимымъ. Такой свободный бракъ, по его убѣжденію, дастъ Соединеннымъ Штатамъ лучшій домъ и лучшихъ дѣтей, нежели бракъ рабскій, а равно и менѣе разводовъ и злоупотребленій, именуемыхъ свободной любовью, равно какъ и менѣе проституціи со всѣми ея опасностями и ужасами. Такова сущность его ученія. Когда пройдетъ нѣкоторое время, наступитъ безконечное изумленіе и безпредѣльное сожалѣніе, что онъ былъ осужденъ и приговоренъ за свое ученіе въ этой «свободной» странѣ. Я почти совершенно незнакомъ съ этимъ человѣкомъ, однакоже его изданіе, его поведеніе и его личность хорошо извѣстны. Онъ является просто убѣжденнымъ и готовымъ на всякія жертвы преобразователемъ и ни въ немъ, ни въ его журналѣ не имѣется никакого неприличія въ надлежащемъ либо законномъ смыслѣ этого слова. Журналъ этотъ обращается и читается съ совершенно противоположной цѣлью. Точно также обстоитъ дѣло и съ женщиной-врачомъ Alice B. Stockham, съ которой я лично вовсе незнакомъ. Она является обыкновеннымъ врачомъ, практикующимъ и публикующимъ въ великому облегченію и благодѣянію для своего пола и представляется, пожалуй, наиболѣе рѣшительнымъ, дѣйствительнымъ и уважаемымъ оппонентомъ «самоубійства націи» въ нашей странѣ. Со времени ея арестованія я просмотрѣлъ ея книги, и эти послѣднія, равно какъ ея личный характеръ, ея жизненная цѣль и ея портретъ въ каталогѣ ея изданій опровергаютъ ея обвиненіе въ неприличіи, какъ п о з о р н о е для обвинителей

«Ни одна изъ этихъ жертвъ преслѣдованія вовсе не знаетъ, что я пишу вамъ, а слѣдовательно никакой вины въ такомъ написаніи имъ не должно быть приписываемо. Мое упоминаніе о нихъ здѣсь сдѣлано исключительно ради того, чтобы показать и иллюстрировать, что это старое чугунное правило «такъ сказалъ Го-

сподь» и этотъ старый чугунный взглядъ на современную мысль и современную нравственность абсолютно некомпетентны быть назначенными цензоромъ и распорядителемъ нашего народа въ настоящее время. Взглядъ этотъ представляется статическимъ и неподвижнымъ, а не динамическимъ и прогрессивнымъ. Поэтому онъ не въ состояніи различить то доброе и улучшающее въ обсужденіи и изложеніи половыхъ предметовъ, которое «ведетъ ко правотѣ», благоденствію и счастію народа, отъ дурного и неприличнаго, которое ведетъ къ противоположнымъ результатамъ и употребляется для оскверненія, униженія, неправильнаго употребленія и напрасной затраты половой природы и любви, покамѣстъ таковыя не «станутъ грязной, отталкивающей, отравляющей непріятностью. Существуетъ латинская пословица, гласящая: «Лишь развращеніе наилучшихъ можетъ привести къ наихудшему». Противъ подобнаго развращенія и его грубости, ненадлежащаго показыванья, вреда и непріятностей (каковыя всѣ являются въ дѣйствительности результатомъ той же теологіи) Штаты имѣютъ уже надлежащіе законы—дайте же имъ примѣнять ихъ. Наше «теологическое почтовое вѣдомство» является наихудшимъ посредническимъ судьей и обвинителемъ въ подобныхъ щекотливыхъ дѣлахъ, какого только возможно найти. Обязанность передвиженія и распредѣленія почтовыхъ отправленій не дѣлаетъ еще кого-либо экспертомъ по части соціологіи, литературы и нравственной прозорливости. Подбавленіе теологическаго комстокизма и цензорства къ дѣлу означеннаго передвиженія и распредѣленія дѣлаетъ всякіе законы, даже надлежащіе законы отдѣльныхъ Штатовъ кажущимися пристрастными, невѣжественными, нетерпимыми. Подумайте лишь о томъ, что суды Соединенныхъ Штатовъ приводятъ въ дѣйствіе подобное невѣжество и подобное цензорство тамъ, гдѣ необходимо наивысшее разумѣніе, и въ странѣ, которая должна быть самой свободной и самой просвѣщенной республикой въ свѣтѣ! Неудивительно, что мы являемся посмѣшищемъ для всего свѣта!

«Такъ, напримѣръ, судья Соединеныхъ Штатовъ Bethea въ своемъ предсѣдательскомъ резюмэ присяжнымъ засѣдателямъ въ дѣлѣ госпожи Stockham провелъ вполнѣ ясное и опредѣлительное различіе между закономъ и нравственностью знанія и таковыми же теократіи въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

«Старомодное понятіе по отношенію ко многимъ вещамъ состояло въ томъ, что дѣти и молодыя особы ничего не должны знать о таковыхъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ они способны ихъ понимать, а равно и что по отношенію ко многимъ вещамъ лучше для всего народа, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, отказаться думать о нихъ или же что-либо знать о нихъ».

«О брошюрѣ этой говорится, что она является медицинскимъ изслѣдованіемъ, безъ иллюстрацій и превосходно и просто изло-

женнымъ въ осторожныхъ, опрятныхъ и здравыхъ выраженіяхъ. Въ талантливой защитѣ защитникъ утверждалъ, что представляется разумнымъ наставлять всѣхъ насчетъ назначеній и функцій человѣческаго тѣла, тѣмъ предупреждая въ то же время противъ злоупотребленія таковыми, и что поэтому знаніе законовъ жизни и трудъ этого рода не могутъ быть признаны неприличными. Однако согласно дѣйствующимъ законамъ нашей страны, какъ указываетъ даже здравый смыслъ и какъ законы эти являются въ сводѣ законовъ, законодательство наше, по моему мнѣнію, держится въ дѣлахъ этого рода и при такихъ обстоятельствахъ, какія уже отмѣчены, того взгляда, что изслѣдованіе такое является нарушеніемъ закона. Поэтому и судъ держится такого взгляда и поручаетъ присяжнымъ засѣдателямъ признать обвиняемую виновной». Это безсвязное предсѣдательское резюмэ превосходно иллюстрируетъ, какъ согласно законамъ, диктуемымъ и приводимымъ въ исполненіе теологіей, невѣжество является приводимымъ въ дѣйствіе «закономъ страны» по тѣмъ именно предметамъ, знаніе которыхъ для человѣческихъ существъ представляется самымъ важнымъ. Соединенные Штаты никогда не должны бы дозволить, чтобы ихъ законы пресѣкали путь тѣмъ, кто предпочитаетъ знаніе невѣжеству. «Ни въ чемъ нѣтъ мудрости, здравія и безопасности, кромѣ правды», говоритъ мудрѣйшій изъ современныхъ людей. Для нашей республики пресѣчь всякій источникъ знанія и правды отъ своего народа является въ одно и то же время тираніей надъ нимъ и измѣной по отношенію къ нему. Это—удаленіе солнца съ небесъ. Всѣ злодѣянія этихъ такъ называемыхъ преступниковъ являются ничтожными по сравненію съ подобнымъ преступленіемъ. Вредныя послѣдствія принудительнаго невѣжества неисчислимы. Комстокизмъ обманнымъ образомъ хвастается тысячами арестовъ и тоннами конфискованной литературы. Между тѣмъ дѣйствительное зло, до какого онъ добрался, могло бы легко быть устранено властями полицейскими, если бы предметъ этотъ былъ оставленъ Соединенными Штатами въ ихъ вѣдѣніи вмѣсто того, чтобы исключать изъ ихъ вѣдѣнія таковые, согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ вовсе не относящіеся къ вѣдомству сихъ послѣднихъ. Невѣжество, обманъ и жестокость являются результатомъ такой узурпаціи. Народъ нашъ не можетъ совѣтоваться съ врачами и священниками насчетъ необходимой истины, если бы онъ и былъ даже въ состояніи, чего не представляется въ дѣйствительности. Сообщеніе такой истины и такого знанія путемъ печати является общественной необходимостью. Какой обманъ и какой позоръ именовать подобную литературу «неприличной», а авторовъ подобныхъ литеретурныхъ произведеній «преступниками»! И убивательная жестокость эта есть наша

жестокость, если мы не протестуемъ и не дѣлаемъ всего отъ насъ зависящаго для ея прекращенія. . . . . ».

«Вашъ искренній, преданный доброжелатель и покорный слуга

«Thaddeus Burr Wakeman.

«Октября 7-го 1905-го года (эры знанія и человѣка 305-го)».

Несмотря, однако, ни на довольно обильныя петиціи, поступившія къ президенту либо непосредственно, либо чрезъ центральное управленіе «лиги свободы слова», ни на блестящее письмо профессора Wakeman, вскорѣ по отправленіи его президенту опубликованное въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, редакторъ «Люцифера Свѣтоносца» Мозесъ Германъ не былъ удостоенъ помилованія. Въ пестромъ американскомъ арестантскомъ костюмѣ, съ тяжелымъ молотомъ въ рукахъ, въ сообществѣ разбойниковъ, грабителей, воровъ, фальшивыхъ монетчиковъ, мошенниковъ, совершителей разныхъ подлоговъ и т. п., по преимуществу чернокожихъ, этотъ семидесятишестилѣтній и довольно хилый старикъ дробилъ камень въ окрестностяхъ тюрьмы Joliet штата Illinois. Его тюремные товарищи, въ особенности молодые негры, жестоко издѣвались надъ «стариной».

Удѣлъ его раздѣляетъ иной, также небезызвѣстный въ «странѣ свободы» человѣкъ, осужденный почти въ то же самое время, хотя и въ иномъ штатѣ. Виднѣйшимъ членомъ медицинскаго факультета извѣстнаго Хэмлинскаго университета, процвѣтающаго въ городѣ Миннеаполисѣ штата Миннесота, былъ въ теченіе многихъ лѣтъ докторъ медицины Charles William Malchow, деканъ одного изъ отдѣловъ факультета, членъ и предсѣдатель множества медицинскихъ обществъ. Въ 1904 году выпустилъ онъ въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ: «Половая жизнь. Діэтетика и гигіена половыхъ отношеній. Для подготовленныхъ изучателей и профессоровъ». Посвящая книгу свою своей матери и въ предисловіи къ таковой сѣтуя на то, что по предмету столь важному не имѣется въ библіотекахъ ничего, кромѣ вульгарныхъ произведеній и скабрезныхъ повѣствованій, профессоръ Malchow заявляетъ, что лица, изучающія извѣстный предметъ всю жизнь свою, должны имѣть право говорить о немъ, почему онъ и выпускаетъ въ свѣтъ это свое произведеніе для блага людей. Книга представляется трудомъ вполнѣ научнымъ, чисто профессорскимъ. За опубликованіе таковой профессоръ Malchow въ 1905 году, почти одновременно съ редакторомъ Harman, приговоренъ былъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, которое нынѣ и отбываетъ въ тюрьмѣ города St.-Paul. Незачѣмъ объяснять, что осужденіе воспослѣдовало за распространеніе по почтѣ «неприличнаго» литературнаго произведенія. Прошлой весной огромная делегація именитѣйшихъ гражданъ штата Миннесота, подъ водительствомъ сенаторовъ Соединенныхъ

Штатовъ господъ Nelson и Clopp, являлась къ президенту въ Бѣлый Домъ съ петиціей о дарованіи профессору Malchow помилованія, но президентъ отказалъ наотрѣзъ. Пробѣжавъ наскоро первыя страницы книги въ своемъ кабинетѣ, онъ по выходѣ своемъ объявилъ ошеломленной делегаціи нижеслѣдующее: «сожалѣю, что не могу надбавить ему еще два годика». Осужденіе профессора, доктора медицины Malchow, являющееся цензурнымъ процессомъ современнымъ, представляется особо достопримѣчательнымъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это первое, насколько мы могли это выяснить, присужденіе къ тюремному заключенію, а не штрафу лишь, за произведеніе этого рода члена медицинской профессіи, а не простого автора и литератора и, во-вторыхъ, ходатайство о помилованіи приговореннаго и отбывающаго наказаніе въ данномъ случаѣ предъявлено было предъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ не какими-то тамъ «свободомыслящими», къ которымъ какъ американскія власти, такъ и заурядный американскій гражданинъ относятся подозрительно, а собраніемъ именитѣйшихъ гражданъ штата подъ водительствомъ обоихъ сенаторовъ отъ своего штата въ федеральномъ конгрессѣ, т. е. самыхъ высокопоставленныхъ официальныхъ лицъ въ странѣ за исключеніемъ лишь самого президента. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что профессоръ Malchow, нынѣ вмѣсто производства клиническихъ сѣченій и операцій въ пестромъ арестантскомъ халатѣ тяжелымъ молотомъ дробящій камень въ окрестностяхъ города St.-Paul своего же штата, много моложе редактора и литератора Harman, производящаго такую же работу.

Мы изложили, въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, исторію и современное состояніе американской почтово-литературной цензуры. Для цѣлей такого изложенія мы воспроизвели лишь наиважнѣйшіе и наитипичнѣйшіе американскіе почтово-цензурные дѣла и процессы. Кромѣ таковыхъ, имѣется еще однако цѣлый рядъ иныхъ, которыхъ мы за недостаткомъ мѣста не могли изобразить, даже въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Сюда относятся немаловажные процессы литераторовъ и редакторовъ Bennett, Moore и Mc Fadden, процессы разныхъ книгопродавцевъ, осужденныхъ за продажу ранѣе обращавшихся безпрепятственно книгъ, впослѣдствіи признанныхъ непристойными, похотливыми либо порочными, процессы издателей картинъ и крупныхъ иллюстрированныхъ афишъ. Всѣ процессы эти представляютъ немалый, а нѣкоторые изъ нихъ даже и прямо крупный литературный и общественный интересъ. Ограничимся здѣсь поэтому лишь замѣчаніемъ, что редактору Bennet пришлось отбыть свое годовое тюремное заключеніе, несмотря на то, что подъ петиціей на имя президента о дарованіи ему помилованія подписалось свыше 100,000 лицъ. Редакторъ-издатель извѣстнаго нью-іоркскаго журнала «Физическое развитіе» Barnarr

Mc Fadden прошлой осенью (1905 года) преданъ былъ суду за расклейку по городу объявленій объ устраиваемой имъ «выставкѣ физическаго развитія», снабженныхъ изображеніями самыхъ чудныхъ и роскошныхъ человѣческихъ формъ, когда-либо выходившихъ изъ-подъ фототипографской машины. За объявленія эти, являющіяся одной лишь изъ многихъ сторонъ производимой имъ въ его журналѣ пропаганды «божественности формъ человѣческаго тѣла», поддерживаемой несравненными и безподобными иллюстраціями, весной 1906 года былъ онъ признанъ виновнымъ въ «выставкѣ для публики неприличныхъ картинъ». Однако одинъ изъ трехъ судей полицейскаго суда, въ которомъ слушалось это дѣло, не призналъ картинъ неприличными, а за разногласіемъ судей приговоръ, по американскому выраженію, былъ «пріостановленъ объявленіемъ». Наконецъ, процессы разныхъ книгопродавцевъ интересны въ томъ отношеніи, что они обыкновенно вовлекаются въ совершеніе «преступленія» продажи одинокаго экземпляра книги, *впослѣдствіи* признаваемой судомъ «неприличной, похотливой либо порочной», самыми же агентами «общества для подавленія порока», для сей цѣли дѣйствующими подъ вымышленными именами.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ. Воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было выводовъ изъ изложеннаго и разставаясь съ нашимъ благосклоннымъ читателемъ, мы предоставляемъ ему сдѣлать таковые самому. Не можемъ не отмѣтить здѣсь однако одного факта, по нашему мнѣнію, заслуживающаго особаго вниманія. Какъ въ почтово-цензурныхъ дѣлахъ и процессахъ «страны свободы», такъ и въ годовыхъ отчетахъ «общества для подавленія порока» все больше и больше фигурируютъ и все чаще и чаще упоминаются «свободомысліе» и «богохульство», все болѣе и болѣе вытѣсняя и отодвигая на совершенно задній планъ «неприличіе, похотливость и порочность».

Е. Н. Матросовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Vicomte de Guichen. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Paris. 1908. 5 fr.

ОБЪЕМИСТАЯ книга, названіе которой мы выписали, принадлежитъ перу бывшаго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ, пожелавшаго, по примѣру Ганото, изъ дипломата сдѣлаться историкомъ. Гишанъ начинаетъ свой трудъ съ перечисленія всѣхъ случаевъ, когда Россія и Франція приходили между собою въ непосредственное соприкосновеніе, начиная съ брака Генриха I съ дочерью Ярослава Мудраго Анною. Сношенія эти особенно усилились ко времени царя Алексѣя Михайловича, но въ правленіе Софьи налаживавшія было отношенія чуть было не испортились окончательно. Дѣло въ томъ, что въ 1687 г. Софья отправила во Францію нарочное посольство во главѣ съ княземъ Яковомъ Долгоруковымъ и княземъ Яковомъ Мышецкимъ, которымъ поручено было склонить Людовика XIV къ союзу съ Россіей, Австріей, Польшей и Венгріей противъ турецкаго султана. Прибывъ во Францію, русскіе послы знать не хотѣли мѣстныхъ обычаевъ, настойчиво потребовали свиданія съ руководителями французскими дѣлами и наотрѣзъ отказались дозволить въ парижской таможнѣ осмотрѣть ихъ вещи. Таможенный чиновникъ, вздумавшій было обойтись въ этомъ случаѣ безъ ихъ позволенія, былъ ими жестоко избитъ. За такія «продерзости» пословъ велѣно было выслать изъ Франціи, но они рѣшительно отказались вернуться на родину, не исполнивъ возложеннаго на нихъ порученія. Волею-неволею Людовику пришлось принять ихъ въ Версалѣ. Столкновеніе въ таможнѣ получило широкую европейскую огласку, такъ какъ послы, возвратившись домой, представили все дѣло въ такомъ свѣтѣ, что виноваты оказались одни французы. Для оправданія себя Людовикъ вынужденъ былъ отправить въ Польшу и Германію особыя посольства.

Русское посольство, съ своей стороны, не осталось въ долгу и когда въ Россію явились два іезуита д'Авриль и Бовулье съ письмомъ отъ Людовика XIV, въ которомъ онъ просилъ въ интересахъ распространенія евангелія пропустить миссіонеровъ черезъ русскіе предѣлы въ Китай, ихъ безъ всякой церемоніи выпроводили обратно за границу.

При такой взаимной враждебности русскіе, конечно, не пользовались во Франціи ни малѣйшей популярностью, и когда Петръ Великій во время перваго своего путешествія въ 1697 году изъ Англіи далъ знать Людовику XIV о своемъ желаніи посѣтить французскій дворъ, изъ Парижа приказано было вѣжливо отклонить его отъ этого намѣренія: Россія была еще слишкомъ мелкою пѣшкой на шахматной доскѣ европейской дипломатіи, такъ что Петръ Великій до 1716 года даже не значился въ числѣ европейскихъ монарховъ въ спискѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Лишь побѣда подъ Полтавою сразу измѣнила въ пользу Россіи соотношеніе силъ на сѣверѣ и заставила французовъ не только итти навстрѣчу желаніямъ Петра, но и стремиться къ союзу съ нимъ. Въ Москву былъ отправленъ Балюзъ, родомъ полякъ, которому подъ предлогомъ заключенія торговаго договора поручено было разузнать поподробнѣе о силахъ Петра. Только что успѣлъ выѣхать Балюзъ изъ Россіи, какъ Петръ въ 1705 году отправляетъ въ Парижъ Матвѣева хлопотать о двухъ русскихъ торговыхъ судахъ, захваченныхъ у Дюнкирхена корсарами. Турецкая война, въ которой Петръ не безъ основанія увидѣлъ интригу Франціи, опять разстроила франко-русскія отношенія, и вторично явившагося Балюза Петръ въ 1711 году приказалъ выслать изъ предѣловъ Россіи. Черезъ четыре года въ Петербургѣ является новый посланецъ изъ Франціи, флотскій капитанъ Лави, съ формальнымъ торговымъ трактатомъ и съ тайною цѣлью склонить Петра вступить въ союзъ съ Франціей и Пруссіей. По мысли французскаго правительства, союзъ этотъ долженъ былъ гарантировать Франціи точное исполненіе Утрехтскаго договора, а царь, такъ сказать, вводился во владѣнія землями, отвоеванными имъ у Швеціи.

Лави, впрочемъ, оказался плохимъ дипломатомъ: онъ велъ въ Петербургѣ распущенный образъ жизни, впалъ въ долги и наконецъ былъ удаленъ своимъ правительствомъ.

Когда въ 1717 г. царь снова выразилъ желаніе посѣтить Парижъ, регентъ Филиппъ Орлеанскій и руководитель французской внѣшней политики кардиналъ Дюбуа съ радостью схватились за эту мысль, Петру готовилась торжественная встрѣча, но Петръ, высадившись 22 апрѣля въ Дюнкирхенѣ, отвергъ всѣ офиціальныя торжества, усѣлся вмѣсто заложеннаго экипажа въ простую повозку и поѣхалъ по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ. Онъ передвигался изъ города въ городъ такъ быстро, что привыкшіе къ пышнымъ церемоніямъ короля-Солнца чиновники впали въ отчаяніе и уныло сообщали въ Парижъ, что невозможно даже предвидѣть, когда царь вдругъ туда явится.

Подробности пребыванія Петра достаточно извѣстны, и намъ нѣтъ надобности повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что Гишанъ въ этомъ отношеніи не даетъ почти ничего новаго.

Укажемъ лишь на окончательный результатъ пребыванія царя во Франціи. 15 августа 1717 г. въ Амстердамѣ былъ заключенъ первый франко-русско-

прусскій договоръ, подписанный со стороны Россіи Головкинымъ, Шафировымъ и Куракинымъ. Представителемъ Франціи былъ Шатонефъ, Пруссія была представлена Книпгаузеномъ. Трактатъ этотъ ставилъ цѣлью для трехъ монарховъ поддерживать исполненіе условій Утрехтскаго договора и умиротвореніе всей Сѣверной Европы. Въ частности между Россіей и Франціей онъ устанавливалъ впервые оформленныя торговыя сношенія. Видимымъ результатомъ этого амстердамскаго трактата была посылка въ Петербургъ Кампердона въ качествѣ полномочнаго французскаго посла, и Виллардо, на котораго были возложены обязанности французскаго генеральнаго консула въ Россіи.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги виконта Гишана. Оно не блещетъ новизною фактовъ, хотя автору удалось вновь извлечь кое-какіе документы изъ національнаго архива. Нельзя даже сказать, чтобы работа историка-дипломата отличалась исчерпывающей фактическою полнотою: многіе источники свѣдѣній ему, очевидно, неизвѣстны. Онъ пользуется по преимуществу сочиненіями старыми, а иногда цитируетъ и вещи, не имѣющія никакого научнаго значенія, въ родѣ исторіи Петра Великаго Вольтера, но новѣйшая литература имъ не затронута. Такъ, онъ пользуется сочиненіями Леклерка 1783 года, Мовилльона «Исторія Петра Великаго» 1742 г., Левека и т. п. и, повидимому, не знаетъ даже такой капитальной вещи, какъ работа барона дю-Шейля: «Le czar à Dunkerque» (Dun. 1902 г.), гдѣ указаны почти всѣ журнальныя статьи, посвященныя пребыванію царя во Франціи. Виконтъ Гишанъ беретъ трудъ Валишевскаго «Vie de Pierre le Grand», трудъ общаго характера, и проходитъ безъ вниманія мимо спеціальной статьи того же автора «Pierre le Grand à Paris «Revue de Paris». 1896, oct.). Неполнота источниковъ, несомнѣнно, невыгодно отражается на разсматриваемой нами книгѣ, которая вслѣдствіе этого мѣстами пріобрѣтаетъ характеръ какого-то отрывистаго изложенія.

А. В—ловъ.

Корфъ, С. А., баронъ. Исторія русской государственности. Т. I. Спб. 1908.

Въ этой книгѣ авторъ поставилъ себѣ задачей—«дать изучающему наши юридическія древности общую схему и руководящую нить происхожденія и дальнѣйшаго развитія Русскаго государства, согласуя и приводя въ соотвѣтствіе данныя, добытыя не только наукой исторіи русскаго права, но и другими научными дисциплинами и современными изслѣдованіями».

Въ основу своего труда авторъ, по его словамъ, положилъ «тѣ великіе результаты, которые достигнуты изслѣдованіями профессора В. И. Сергѣевича и на началахъ которыхъ воспитывались» цѣлый рядъ поколѣній русскихъ юристовъ. Въ содержаніе перваго тома вошли четыре главы: первая посвящена вопросу о происхожденіи Русскаго государства, вторая трактуетъ о второмъ (удѣльномъ) періодѣ нашей исторіи, третья—о монгольскомъ игѣ, четвертая—о Великомъ Новгородѣ.

Слѣдя за развитіемъ русской государственности, г. Корфъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на древне-русскомъ народоправствѣ. Народоправ-

ству онъ отводитъ главнѣйшее мѣсто въ созданіи и дальнѣйшей судьбѣ русскихъ волостей. По его изображенію, начиная съ VIII в., вѣча были центрами политической жизни. Вѣче было «верховнымъ органомъ нашего молодого государства-волости; оно рѣшало судьбы народа, оно и управляло и законодательствовало (если можно примѣнить этотъ современный терминъ къ той отдаленной эпохѣ) въ волости. Всѣ остальныя должностныя лица, всякая власть производили свои полномочія отъ народа». Ко времени появленія князей славянская волость-государство представляла собой уже законченное цѣлое, нѣчто единое, самостоятельное, исторически сложившуюся соціальную единицу. Когда появились князья, то первоначально они были «лишь защитниками волости, военачальниками, но не правителями, и пользовались своею властью только по волѣ народной, а не въ силу собственнаго права, будь то родового или наслѣдственнаго». «Только постепенно, съ теченіемъ времени къ прежнимъ обязанностямъ по защитѣ волости отъ внѣшнихъ враговъ стали пристегиваться все новыя, что, въ свою очередь, незамѣтно мѣняло и характеръ княжеской власти, сосредоточивая въ ея рукахъ и другія области управленія». Разбирая отношенія, складывавшіяся между княземъ и волостью съ вѣчемъ во главѣ, авторъ говоритъ, что «волость была сама по себѣ, князь же самъ по себѣ, входя во временныя отношенія лишь какъ самостоятельные и независимые субъекты договорнаго права».

И во второмъ удѣльномъ періодѣ «верховнымъ органомъ волости попрежнему оставалось вѣче; князь же по-старому княжилъ въ волости лишь въ силу призванія, т. е. согласія народа». Лишь впослѣдствіи, когда князья дѣлаются осѣдлыми, а въ особенности со времени татарскаго ига, княжеская власть усиливается, благодаря поддержкѣ со стороны хана; благодаря финансовымъ полномочіямъ, по которымъ князья сами стали собирать татарскую дань. Князь «постепенно и незамѣтно сталъ превращаться изъ придаточнаго внѣшняго органа въ органъ постоянный, необходимый элементъ государства, къ которому стало переходить изъ рукъ вѣча осуществленіе верховной власти». Но и въ періодъ монгольскаго ига «князьямъ еще было далеко до положенія единодержавцевъ; не могло у нихъ быть и стремленія къ собиранію земли»; «забота о собственной шкурѣ должна была поглощать всѣ прочія цѣли жизни».

На примѣрѣ Великаго Новгорода авторъ рисуетъ типичный образчикъ древне-русской волости съ ея вѣчемъ, съ ея народоправскимъ началомъ государственнаго устройства. Если въ Новгородѣ жизнь принимала нерѣдко своенравныя, буйныя формы, то въ этомъ причинна новгородская торговля, сообщавшая жизни болѣе энергичный, мѣняющійся темпъ, но въ основѣ и въ Новгородѣ было то же, что и во всей остальной Руси.

Такова главная идея книги г. Корфа. Если имѣть въ виду общую схему ея построенія, то нельзя не отмѣтить, что она построена довольно оригинально и имѣетъ систематически продуманный видъ, хотя, съ другой стороны, слѣдуетъ указать, что г. Корфъ преувеличиваетъ значеніе вѣча и уменьшаетъ значеніе князя. По изображенію другихъ изслѣдователей, «князь—необходимый элементъ въ составѣ государственной власти всѣхъ русскихъ земель» (Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и государственнаго строя», I, 137); въ устройствѣ

нашихъ древнихъ княжествъ «мы встрѣчаемся съ смѣшанной формой правленія, въ которой участвуютъ два элемента, а именно: монархическій въ лицѣ князя и народный демократическій, въ лицѣ вѣча» (Сергѣевичъ, Лекціи, 130).

Отмѣтимъ нѣкоторые недочеты: авторъ далеко не всегда точно и ясно, какъ подобало бы профессору, излагаетъ свои мысли. Такъ, напримѣръ, на стр. 22 читаемъ: «дружина всегда была классомъ подвижнымъ, не прикрѣплявшимся къ самой волости». Это неправильное утвержденіе самъ же авторъ черезъ двѣ страницы въ примѣчаніи опровергаетъ указаніемъ, что впослѣдствіи «князья съ ихъ дружинами стали превращаться... въ осѣдлый и постоянный элементъ волости». Съ какого времени начался этотъ процессъ превращенія—на это у г. Корфа находимъ три различные отвѣта: съ XI вѣка (стр. 65), съ XII (стр. 127) со времени постепеннаго прекращенія татарскаго ига, т. е. съ XIV вѣка (стр. 24) Такъ же сбивчиво трактуетъ авторъ и о городской старѣйшинѣ, о старцахъ градскихъ: въ одномъ мѣстѣ онъ въ противовѣсъ мнѣнію профессора Владимірскаго-Буданова утверждаетъ, что градскіе старцы не были земельной аристократіей», «такого класса на Руси въ тѣ времена не существовало и не могло существовать» (стр. 20), въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «у градской старѣйшины такъ же, какъ и у прочихъ классовъ населенія, могли быть имѣнія, т. е. земельная собственность» (132).

Невѣрно утвержденіе автора, что княжескія имѣнія «стали появляться къ концу лишь XII вѣка» (135). Упоминанія о княжескихъ имѣніяхъ встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ весьма рано. Еще княгиня Ольга имѣла «ловища по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ и есть село ее Ольжичи и доселе», говоритъ лѣтопись (Лаврент., 947). Русская Правда знаетъ у князей сельскихъ и ратайныхъ старостъ (въ изданіи В. И. Сергѣевича, стр. 5, ст. 6), упоминаетъ о княжей борти (ib., ст. 13). У князей времени Ярослава и его сыновей были загородные охотничьи дворы и мѣста для ловли звѣрей и птицъ. А съ XII вѣка въ памятникахъ встрѣчается цѣлый рядъ указаній на существованіе княжескихъ селъ и имѣній. Въ срединѣ XII вѣка сѣверо-восточные князья, какъ, напримѣръ, Андрей Боголюбскій, довольно прочно усѣлись въ своихъ волостяхъ, владѣя значительной земельной собственностью. Значитъ, имѣнія у князей появились гораздо раньше, чѣмъ думаетъ авторъ. Можно и еще привести рядъ неудачныхъ мѣстъ изъ книги. Такъ, по автору, младшіе дружинники, лѣтописные «вои», новгородскіе ушкуйники—все это «молодцы», «предпріимчивая молодежь». Извѣстныя неурядицы въ Галицкой Руси, разсказываемыя въ лѣтописи подъ 1173 г., авторъ называетъ «споромъ Ярослава Осмомысла съ женой, разбиравшимся на вѣчѣ» (стр. 107), тогда какъ никакого «спора, разбиравшагося вѣчемъ», тамъ не было (см. П. С. Р. Л., II, 564).

Несмотря на указанные недочеты, книга г. Корфа при прочтеніи принесетъ несомнѣнную пользу всякому начинающему изучать русскую исторію. Написана она систематически, освѣщена одной главной идеей; изложена она хорошимъ литературнымъ языкомъ, читается съ интересомъ.

М. К—въ.

Ю. С. Карцовъ. За кулисами дипломатіи. 69 стр. Ц. 1 р. Спб. 1908.

Дать правдивую, безпристрастную оцѣнку историческому событію—дѣло далеко нелегкое. Каждый изъ современниковъ разсказываетъ его по-своему, съ точки зрѣнія того или другого эпизода, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, и въ этомъ случаѣ походитъ на человѣка, который, желая разглядѣть монументальное сооруженіе, вмѣсто того, чтобы стать на соотвѣтствующее разстояніе, подходитъ къ нему вплотную. Правительство, въ свою очередь, желая оправдать свой образъ дѣйствій передъ общественнымъ мнѣніемъ, обнародываетъ лишь то, что ему нужно. Такъ же поступаютъ и политическія партіи, болѣе или менѣе сознательно подтасовывая факты и придавая имъ желательное освѣщеніе. Между тѣмъ народная масса, тяготясь бременемъ анализа, испытываетъ неодолимую потребность скорѣйшихъ выводовъ, хотя бы шаблонныхъ и преждевременныхъ. И вотъ событіе быстро окрашивается въ одинъ цвѣтъ, главные его дѣятели сортируются на козлищъ и овецъ, на сторонниковъ реакціи и поборниковъ прогресса, на патріотовъ, не-патріотовъ и т. п. Возникаетъ историческая легенда, которая всасывается народомъ съ молокомъ матери, и выбить ее изъ народнаго сознанія становится дѣломъ, сопряженнымъ съ величайшей трудностью. Таковы, напримѣръ, легенды о великой французской революціи и объ Отечественной войнѣ 1812 года.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., по своей яркости и живописности событія, поразила народное воображеніе и весьма естественно создала легенду. Смыслъ ея въ нѣсколькихъ словахъ таковъ: Россія, желавшая освободить единовѣрныхъ ей турецкихъ христіанъ, подняла за нихъ мечъ, но жестоко ошиблась въ своихъ сосѣдяхъ—Австро-Венгріи и Германіи и вынуждена была остановиться на полпути. Подобное объясненіе, выдвигая на первый планъ великодушныя свойства русскаго народа, снимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность съ русскаго правительства, которое виновато-де лишь въ томъ, что слишкомъ довѣрилось своимъ западнымъ сосѣдкамъ. Версію эту поддерживаетъ, повидимому, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ, подъ эгидою котораго еще недавно вышла въ свѣтъ книга г. Горяинова «Босфоръ и Дарданеллы». Но какъ ни заманчива такая легенда, безпристрастная исторія ее откинетъ, предпочтя ей голую, хотя и не столь приглядную правду. Цѣлый рядъ вышедшихъ за послѣднее время трудовъ по этой эпохѣ, хотя и не въ полной степени, но все-таки даютъ ключъ къ пониманію событій въ истинномъ свѣтѣ. Таковы книги: покойнаго историка С. С. Татищева «Исторія императора Александра II». Т. 2-ой, «Описаніе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», изданное военно-исторической комиссіей; затѣмъ изъ мемуаровъ особенно важными являются «Воспоминанія генерала П. Д. Паренсова» и «Дневникъ генерала Газенкампфа». Къ числу такого рода изслѣдованій относится и только что вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ (прежде печатавшаяся въ «Русской Старинѣ») книга Ю. С. Карцова «За кулисами дипломатіи».

Основнымъ матеріаломъ автору служила частная переписка родственника его, недавно скончавшагося Андрея Николаевича Карцова, занимавшаго въ 1876 году постъ нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ. Къ этимъ

даннымъ авторъ присовокупилъ и свои личныя воспоминанія, а также личныя объясненія, которыя давали ему въ разное время главные политическіе дѣятели этой эпохи: гр. Н. П. Игнатьевъ, Е. П. Новиковъ, С. С. Татищевъ, М. Г. Черняевъ, Н. Н. Ладыженскій и др. Попутно авторъ даетъ рядъ интересныхъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, слѣдуя доброму правилу древнихъ: amicus Plato, sed magis amica veritas.

Въ подлинныхъ письмахъ, впрочемъ, лица эти сами себя отражаютъ словно въ зеркалѣ: такъ, Н. П. Игнатьевъ является въ нихъ со свойственною ему горячностью и импульсивностью; напротивъ, Н. К. Гирсъ проявляетъ присущую ему чрезвычайную осторожность: высказавъ слово, онъ тотчасъ спѣшитъ оговориться и т. д.

Фактъ увлеченія русскаго общества авторъ объясняетъ соображеніями внутренняго характера: оно требовало продолженія реформъ 1861 года и его недовольство правительствомъ нашло себѣ исходъ въ движеніи 1876 года. «Сербія и Черногорія,—говоритъ г. Карцовъ,—не заботились о судьбѣ турецкой райи, а домогались расширенія своей территоріи. Ратуя за турецкихъ славянъ, русское общество давало понять своему правительству, что пора бы и съ него снять опеку и дать ему права народнаго представительства. Выходило, что у каждаго былъ свой опредѣленный умыселъ и что возстаніе босногерцеговинское было только подходящею почвою и предлогомъ для разнородныхъ требованій» (стр. 18).

Императоръ Александръ II войны не хотѣлъ, поэтому вначалѣ онъ противился движенію, а затѣмъ, когда война все-таки вспыхнула, онъ старался ее локализировать и не дать ей характера европейскаго конфликта. Напротивъ того, такъ называемая «партія Аничкина дворца», т. е. императрица Марія Александровна и цесаревичъ Александръ Александровичъ въ искренность движенія вѣрили и считали его національнымъ. Отсюда начало раздвоенія въ правительствѣ: одно офиціальное въ Зимнемъ дворцѣ, т. е. царь и его министры, другое въ Аничковскомъ дворцѣ. Послѣднее дѣйствовало энергично, держась политики совершившихся фактовъ; оно, напримѣръ, отправило Черняева въ Сербію, вызвало объявленіе Сербіей войны и т. д. Дипломатія, съ царедворцемъ-канцлеромъ во главѣ, играла на двѣ стороны, стараясь угодить обѣимъ партіямъ. Собираясь воевать въ Турціи, Горчаковъ заботился, какъ бы не повторился 1855 годъ, т. е. Англія еще разъ не появились въ водахъ Чернаго моря. Подготовляя съ Австріей сепаратное соглашеніе, онъ обласкалъ Англію, причемъ правая рука его не вѣдала, что творила лѣвая: генералъ Игнатьевъ въ тайну вѣнскихъ махинацій (обѣщанная уступка Австріи Босніи и Герцеговины) посвященъ не былъ до конца, и только случайная фраза генерала Обручева раскрыла ему глаза. Когда же наши военныя дѣйствія пошли успѣшно, кн. Горчаковъ попробовалъ не выполнить главнаго условія сепаратной конвенціи и въ такъ называемый Парадимскій проектъ не включилъ пункта о Босніи и Герцеговинѣ. Австрія естественно сочла себя обманутою и протянула руку Англіи. Въ результатѣ положеніе русской побѣдоносной арміи, опустившейся на самое дно стратегическаго мѣшка, который представляетъ собою Балканскій полуостровъ, сдѣлалось отчаяннымъ.

Занятіе Константинополя или даже Босфора въ виды нашего правительства не входило. Государь далъ слово Англіи Константинополя не занимать и обѣщаніе свое намѣренъ былъ исполнить въ точности. Телеграмма, посланная по совѣту генерала Игнатьева главнокомандующему о занятіи пункта на среднемъ Босфорѣ, запоздала и на ходъ событій вліянія не имѣла. Переходъ Австріи во враждебный лагерь лишилъ русскую армію безопасности сообщеній сухопутныхъ, а временное перемиріе воспрепятствовало намъ завладѣть морскою коммуникаціей.

Въ общемъ, какъ ни плохъ былъ Берлинскій трактатъ, но, принявъ во вниманіе безвыходность нашего положенія, онъ все-таки былъ выходомъ довольно почетнымъ. Если Германія прямой помощи намъ и не оказала, то во всякомъ случаѣ нашему движенію на Ближній Востокъ она открывала широкій просторъ, но возможностью довести дѣло до конца мы, къ сожалѣнію, не воспользовались. Таковы выводы, къ которымъ приводитъ чтеніе небольшого, но чрезвычайно богатаго цѣнными матеріалами очерка г. Карцова.

К. Военскій.

Бернгеймъ, проф. Введеніе въ историческую науку. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. Н. Прокоповича. М. 1908. Стр. 135. Цѣна 60 коп.

Профессоръ Бернгеймъ, авторъ обстоятельнаго труда «Руководство исторической методы», переработалъ его для лицъ, не имѣющихъ спеціальной подготовки. Въ результатѣ получилась книжка съ приведеннымъ выше названіемъ, переведенная на русскій языкъ подъ редакціей проф. С. Е. Сабинина.

Работа Бернгейма начинается характеристикой главнѣйшихъ этаповъ, пройденныхъ въ своемъ развитіи исторической наукой. Сперва не знали другой исторіи, кромѣ повѣствовательной, потомъ ее вытѣснила исторія поучающая и, наконецъ, теперь получила первенство исторія генетическая, или эволюціонная. Не въ мѣру усердные эволюціонисты, съ фанатизмомъ защищающіе свое историческое credo и презрительно третирующіе остальные типы историческихъ изслѣдованій, пожалуй, назовутъ Бернгейма «ненаучнымъ» за его реабилитацію повѣствовательной и поучающей исторіи.

А между тѣмъ нѣмецкій профессоръ оказывается совершенно правымъ, говоря, что та и другая исторія далеко еще не изгнаны изъ храма исторической науки. Первая всегда будетъ удовлетворять «потребность познать достойныя вниманія судьбы человѣка и на ихъ изображеніи воспитать эстетическое чувство»; вторая же «для подрастающаго поколѣнія и для народной массы» «всегда будетъ представлять драгоцѣнный образовательный матеріалъ».

Переходя далѣе къ обозрѣнію соперничающихъ между собою системъ современной исторической науки, Бернгеймъ разсматриваетъ дуалистическо-теократическую философію исторіи, матеріялистическое направленіе, развѣтвленное имъ на біологическій и экономическій матеріализмъ, далѣе послѣдо-

вателей Конта (позитивизмъ), потомъ школу нѣмецкихъ идеалистовъ и, наконецъ, гуманитарную философію исторіи.

Дуалистическо-теократическое направленіе исторіи, съ котораго авторъ начинаетъ свой обзоръ, ведетъ происхожденіе еще отъ блаженнаго Августина. Этому отцу церкви весь смыслъ исторіи представлялся въ видѣ борьбы царства Бога съ царствомъ діавола. Говоря о современныхъ послѣдователяхъ этого направленія, какъ въ католическомъ, такъ и въ протестантскомъ мірѣ, Бернгеймъ совершенно напрасно замалчиваетъ Карлейля. Это, безспорно, самый интересный, наиболѣе вліятельный и болѣе всѣхъ читаемый историкъ этого направленія. «Настоящій, единственный и глубочайшій смыслъ исторіи міра, къ которому сводятся всѣ ея явленія,—писалъ онъ,—заключается въ столкновеніи невѣрія съ вѣрой».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря объ экономическомъ матеріализмѣ, Бернгеймъ допускаетъ одну очень грубую, но въ высшей степени характерную ошибку. Характерна она тѣмъ, что ярко свидѣтельствуетъ, какъ плохо знакома нѣмецкимъ профессорамъ истинная сущность с.-демократіи. С.-демократическое воззрѣніе, говоритъ нашъ авторъ, совершенно отвергаетъ дарвинизмъ, поскольку его принципы примѣняются къ соціальной жизни. Эту нелѣпость у насъ въ Россіи опровергнетъ безъ всякаго труда любой рабочій, мало-мальски захваченный партійной пропагандой.

Продолжая классификацію направленій философіи исторіи, подводя великихъ историковъ подъ ту или другую рубрику, Бернгеймъ совершенно не упоминаетъ такихъ яркихъ именъ, какъ, напримѣръ, Маколея, Тэна и Ренана. Надо замѣтить, что вообще авторъ вращается главнымъ образомъ въ атмосферѣ нѣмецкой исторической мысли.

Первую главу своей книги Бернгеймъ заканчиваетъ анализомъ задачъ исторической науки. На эту тему ломалось и ломается много перьевъ. Съ одной стороны, мы видимъ историковъ, стремящихся обобщить историческіе факты, вывести изъ нихъ соціологическіе законы и такимъ образомъ довести исторію до точности естествознанія, что, по ихъ мнѣнію, должно являться идеаломъ исторической науки. Въ качествѣ полной и типичной противоположности такимъ историкамъ можно указать на философа Рикерта. «Задача исторіи,—говоритъ этотъ послѣдній,—въ противоположность естествознанію, направленному къ изслѣдованію общаго, къ открытію законовъ, заключается въ изображеніи эмпирической дѣйствительности во всемъ ея безконечномъ разнообразіи. Исторія не должна пытаться изучать дѣйствительность съ точки зрѣнія общаго, но должна изображать лишь частности, потому что только послѣднія являются дѣйствительно сущими». Точка зрѣнія Бернгейма между этими двумя крайностями. «Не существуетъ,—говоритъ онъ,—«настоящей исторической науки», занимающейся массовыми положеніями и движеніями, такъ же какъ не существуетъ «ненаучной исторіи», повѣствующей объ индивидуумахъ и отдѣльныхъ событіяхъ; существуетъ только единая наука, которой нераздѣльный, равномѣрный объектъ изученія составляетъ и та и другая форма проявленія дѣятельности людей».

Во второй главѣ своего труда Бернгеймъ разсматриваетъ «область исторической науки». Сперва онъ говоритъ объ отношеніяхъ исторіи къ другимъ научнымъ областямъ, а потомъ объ историческихъ матеріалахъ и ихъ подраздѣленіи. Въ этой главѣ авторомъ собрано много полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній, но они изложены такъ сухо, что манерой изложенія напоминаютъ краткій энциклопедическій словарь. Тутъ опять приходится имѣть дѣло съ уже отмѣченнымъ недостаткомъ автора, упорно обходящимъ молчаніемъ всю не нѣмецкую историческую литературу. Около шести страницъ этой же главы заняты обширными библіографическими указателями. Механически переведенная съ нѣмецкаго, безъ всякихъ добавленій и указаній для русскаго читателя, вся колоссальная библіографія Бернгейма въ московскомъ изданіи его книги является ненужнымъ баластомъ.

Третья и послѣдняя глава книги нѣмецкаго профессора посвящена «методикѣ исторической науки». Она вводитъ насъ въ лабораторію современнаго историка. Не побывавъ въ ней, каждый читатель не спеціалистъ врядъ ли пойметъ, какую колоссальную работу долженъ выполнить историкъ прежде, чѣмъ написать серьезное и самостоятельное изслѣдованіе. Первымъ его дѣломъ, разъ подъ рукой уже имѣются необходимые историческіе матеріалы, должна быть критика. Взвѣшивая, сопоставляя и провѣряя историческіе факты, историкъ, путемъ долгой, требующей напряженнаго вниманія и немалой усидчивости работы, наконецъ-то имѣетъ передъ собой нѣсколько безспорныхъ истинъ. Когда съ историческимъ анализомъ покончено, можно приступить къ еще болѣе трудному дѣлу историческаго синтеза. Тутъ на основаніи безусловно достовѣрнаго матеріала, зачастую совершенно скуднаго, историку предстоитъ возсоздать картину прошлаго, подобно тому, какъ палеонтологи по нѣсколькимъ костямъ вымершихъ животныхъ реставрируютъ фауну далекаго прошлаго. Для обѣихъ частей исторической работы, какъ для анализа, такъ и для синтеза, одного прилежанія и упорнаго труда мало.

Историки типа Вагнера («Фаустъ»)—рядовые чернорабочіе исторической науки и не ими она двигается впередъ. «Тотъ не историкъ,—писалъ когда-то Грановскій,—кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ». «Тотъ не историкъ, кто...»—сколько разъ можно повторить эту фразу, давая ей разныя окончанія! Тотъ не историкъ, кто въ угоду кому-нибудь или чему-нибудь фальсифицируетъ прошлое, кто не можетъ подняться надъ историческими мелочами, кто не одаренъ тѣмъ историческимъ тактомъ и чутьемъ, съ которымъ родятся и которому нельзя научиться.

Въ общемъ книжка Бернгейма безусловно полезна и интересна, какъ была полезна и интересна вышедшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ книжка Сеньобоса. «Введеніе въ изученіе исторіи». Но Сеньобосъ не нашелъ читателей и, вѣроятно, та же судьба постигнетъ Бернгейма. Ввести неподготовленную публику въ историческую науку у насъ почему-то предлагаютъ то французу, то нѣмцу. Это самое съ гораздо большимъ успѣхомъ могъ бы сдѣлать кто-нибудь изъ русскихъ ученыхъ, введя въ свой трудъ примѣры изъ русской исторіографіи и давъ библіографическіе указатели русскихъ книгъ.

Пант.

Труды В. Г. Васильевскаго. Томъ I. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1908. Стр. V+401. Цѣна 2 р.

Въ 1889 года академикъ А. А. Куникъ въ своемъ докладѣ академіи наукъ указывалъ на настоятельную необходимость переизданія трудовъ В. Г. Васильевскаго, печатавшихся обыкновенно на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Еще раньше возбудили вопросъ о томъ же самомъ ученики и почитатели покойнаго историка; но къ осуществленію этого крайне важнаго въ научномъ отношеніи намѣренія приступлено только въ настоящемъ году, изданіемъ въ свѣтъ перваго тома «Трудовъ В. Г. Васильевскаго», предпринятымъ историко-филологическимъ отдѣленіемъ академіи наукъ, которое, читаемъ въ предисловіи, имѣло въ виду «такимъ изданіемъ оказать услугу русской исторической наукѣ и достойно почтить память своего знаменитаго сочлена». Образованная для этого при отдѣленіи особая комиссія на первую очередь поставила переизданіе тѣхъ трудовъ В. Г. Васильевскаго, «которые имѣютъ предметомъ исторію Византіи и ея отношеній къ Россіи и славянамъ», и при этомъ рѣшила держаться въ размѣщеніи ихъ «той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ періодическихъ изданіяхъ», что дастъ, конечно, возможность читателю прослѣдить развитіе и той науки, для которой такъ много сдѣлалъ покойный изслѣдователь, и его собственнаго таланта. При этомъ редакторы сочли возможнымъ внести въ новое изданіе и нѣкоторыя болѣе отчетливыя поправки, какія дѣлалъ В. Г. Висильевскій на своихъ печатныхъ оттискахъ, и кой-какія собственныя «исправленія опечатокъ и описокъ» и указанія на новые источники и пособія

Въ разсматриваемый первый томъ вошли слѣдующія двѣ крупныя работы покойнаго академика: «Визанія и Печенѣги (1084—1094)» и «Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ». Какъ бы въ дополненіе къ нимъ помѣщенъ отвѣтъ его Д. И. Иловайскому—«О варяго-руссахъ». Несмотря на то, что названныя работы были напечатаны еще въ 1872—74 годахъ, ихъ научное значеніе нимало не поколеблено и по настоящее время. Ихъ редакторы—академикъ В. Э. Регель и профессора Ѳ. А. Браунъ и Н. Я. Марръ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ отнесшіеся къ своей работѣ, вынуждены были ограничиться двумя-тремя замѣчаніями, вносящими поправки и дополненія по существу. Поэтому всѣ интересующіеся родной исторіей должны съ особымъ удовольствіемъ и благодарностью привѣтствовать предпринятое академіею наукъ изданіе трудовъ В. Г. Васильевскаго, которые, къ тому же, при всей своей научности и чисто академической точности, отличаются живымъ, прекраснымъ изложеніемъ и прямо-таки захватываютъ вниманіе читателя. Остается только пожелать, чтобы и дальнѣйшія работы покойнаго академика появились въ печати по возможности въ скоромъ времени и изданныя такъ же прекрасно, какъ и прочія академическія изданія трудовъ покойныхъ академиковъ.

В. Р—въ.

Н. П. Лихачевъ. Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы. Спб. 1907.

При знакомствѣ съ каждымъ новымъ трудомъ Н. П. Лихачева рецензентъ, слѣдящій за развитіемъ разныхъ дисциплинъ археологіи, бываетъ прежде всего пораженъ не только необычайной работоспособностью, но и выдающейся эрудиціей автора. Этого мало. Рецензентъ долго не въ состояніи отдать преимущество одной изъ столь трудно совмѣстимыхъ въ дѣйствительности особенностей Н. П. Лихачева, какъ ученаго: глубинѣ или же разносторонности. Казалось бы, одна русская дипломатика — область настолько обширная, что разработки всѣхъ ея вопросовъ хватитъ на нѣсколько поколѣній, но почтенный изслѣдователь не въ состояніи сосредоточиться на изученіи памятниковъ одной русской дипломатики и, постепенно расширяя свой кругозоръ изъ желанія проникнуть глубже въ суть дѣла,—обращается то къ западной или византійской, то къ ассирійской или иной восточной дипломатикѣ. И къ каждой новой области изученія онъ подходитъ не какъ ученикъ, не какъ начинающій, а какъ солидный спеціалистъ Свободно оріентируется онъ среди массы новыхъ матеріаловъ, открываетъ новые документы, соперничая этимъ съ западными археологами, а иногда даетъ и новое имъ освѣщеніе. Таковы капитальные труды по археологіи Н. П. Лихачева, съ которыми читатели имѣли случай познакомиться по библіографическому отдѣлу «Историческаго Вѣстника» за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ.

И новый трудъ его, тонущій, быть можетъ, среди остальныхъ, но самъ по себѣ представляющій законченную монографію, за которую любой западный университетъ далъ бы высшую ученую степень, оправдываетъ мнѣніе, сложившееся въ ученыхъ кругахъ о Лихачевѣ. Въ названной монографіи рѣчь идетъ о глиняныхъ таблеткахъ небольшого размѣра, найденныхъ впервые около 15 лѣтъ тому назадъ въ развалинахъ узкихъ галерей около бывшаго дворца древней Ширпурлы (или Лагаша) въ Мессопотаміи. Затѣмъ послѣдовали новыя раскопки, а за археологами къ развалинамъ нѣкогда великолѣпнаго дворца потянулись мѣстные арабы, и изъ ихъ рукъ эти древности перешли уже къ частнымъ собирателямъ старины. Нѣсколько экземпляровъ принадлежатъ и Н. П. Лихачеву. Вся эта масса таблетокъ—болѣе 60.000 экземпляровъ—относится приблизительно къ XXIII столѣтію до Рождества Христова, къ эпохѣ второй династіи Ура или же къ династіи царей Агадэ. Находки оказались далеко не случайными остатками какого-нибудь архива, какъ бываетъ довольно часто. Это—прекрасно сохранившійся архивъ, гдѣ оказались даже такіе незначительные по своему практическому назначенію документы, которые въ нашихъ архивахъ не хранятся: списки рабочихъ, инвентари имуществъ, перечни жертвоприношеній, мелкія юридическія сдѣлки частныхъ лицъ и т. д.

Часть таблетокъ заключены въ особыя оболочки, тоже глиняныя, на которыхъ, какъ на всякихъ дипломахъ, повторяется въ сокращеніи текстъ документа, и снабжены онѣ художественно исполненными печатями чиновниковъ. Послѣднимъ оріенталисты придаютъ особое значеніе, такъ какъ по печатямъ возстановляются важныя историческія данныя, по другимъ источникамъ неиз-

вѣстныя. Особенное вниманіе Н. П. Лихачева останавливаютъ на себѣ эти оболочки-футляры. Вопреки англійскимъ ученымъ, принимавшимъ ихъ за квитанціи чиновниковъ-пріемщиковъ (писцовъ-секретарей), русскій изслѣдователь смотритъ на ихъ назначеніе шире. Отпечатки въ архивѣ Ширпурлы, по его мнѣнію, представляютъ собой древнѣйшія въ мірѣ глиняныя буллы, вислыя и прикладныя печати. По своему значенію, онѣ могутъ быть приравнены развѣ извѣстнымъ царскимъ цилиндрамъ Египта. Между прочимъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображенъ орелъ, и есть основаніе считать это изображеніе однимъ изъ отдаленныхъ первоисточниковъ нашего россійскаго герба. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Н. П. Лихачевъ дѣлаетъ необыкновенно тщательный пересмотръ этихъ рѣдкихъ памятниковъ сфрагистики съ точки зрѣнія дипломатики, искусства, этнографіи и исторіи.

На отдѣльныхъ пяти большихъ таблицахъ и въ текстѣ изданы лучшіе экземпляры древнѣйшихъ въ мірѣ буллъ, и часть ихъ принадлежитъ, какъ уже упоминалось, самому изслѣдователю.

И. Александровъ.

Баронъ Н. Н. Врангель. Обзоръ Русскаго музея императора Александра III. Спб. 1907.

Въ маленькомъ введеніи баронъ Н. Врангель объясняетъ, что цѣль его краткихъ очерковъ состоитъ въ выясненіи взаимной связи и значенія предметовъ искусства, находящихся въ музеѣ.» Но, къ сожалѣнію автора, обзоръ «въ историческомъ порядкѣ» затрудненъ, «въ виду отсутствія въ музеѣ системы въ размѣщенія картинъ». Не имѣя претензіи выдумывать своей, чтобы не уподобиться барону Мюльгаузену, — баронъ Врангель упоминаетъ «только вскользь о художникахъ, произведенія которыхъ недостаточно обрисовываютъ ихъ направленіе». И потому, «настоящее изданіе, отнюдь не претендуя на роль руководителя для изученія русскаго искусства, имѣетъ лишь цѣлью выдѣлить въ Русскомъ музеѣ, въ исторической послѣдовательности (все-таки!), тѣ произведенія, которыя наиболѣе характерны» (стр. XIII). Но, къ сожалѣнію, — на этотъ разъ уже не автора, а читателя и рецензента, баронъ Врангель скромно умалчиваетъ о томъ критеріи, собразно которому одни произведенія будутъ характерны для византолога, напримѣръ, а какія совершенно нехарактерны для средняго обывателя вообще.

Первый обзоръ — «Иконопись.» Любители древняго искусства найдутъ здѣсь немало полезныхъ свѣдѣній о нерасцвѣтшемъ цвѣткѣ этой отрасли древняго искусства. Особенно полезно это будетъ для учениковъ средней школы; они узнаютъ, какъ надо различать школы иконописанія — новгородскую, московскую и строгановскую, и найдутъ перечень иконъ каждой школы въ музеѣ. Кое-что дадутъ и странички, посвященныя рѣзьбѣ по дереву, предметамъ роскоши, ювелирнымъ и финифтянымъ издѣліямъ. Слѣдующій большой обзоръ — «Живопись». Здѣсь краткія общія свѣдѣнія о русской живописи, начиная съ портретистовъ XVIII вѣка, академіи и классицизма, романтизма александровской эпохи и кончая «идейнымъ реализмомъ», религіозной живо-

писью и современнымъ искусствомъ. Сѣровъ, Врубель, Лансере, Рерихъ, Бакстъ Бенуа—всѣ они удостоены нѣсколькихъ строчекъ характеристикъ, а Сомовъ не попалъ въ музей—поэтому и не получилъ ничего.

Характеристики не безъ новаго стиля, сдѣланы удачно. Вотъ хотя бы нѣсколько словъ о Врубелѣ: «Въ современной жизни много болѣзненнаго и страннаго. Не всѣ наслаждаются жизнью, а многіе совсѣмъ въ сторонѣ ея. Для такихъ отшельниковъ міра — сонъ кажется жизнью, а жизнь — сонъ о насъ, который снится кому-то чужому (О. Уайльдъ). Для нихъ природа фантастична и загадочна. Для нихъ нѣтъ ничего обыденнаго,—а во всемъ неразгаданная тайна (стр. 59). Общій выводъ о современномъ искусствѣ — «на ряду съ поэтами жизненной правды стоятъ одинокіе мечтатели-фантасты, и эти художники самые характерные представители русской живописи конца XIX вѣка». Но, можетъ быть, — хочется прибавить,—не все то золото, что блеститъ. Послѣдній обзоръ—«Скульптура».

Несмотря на малый размѣръ (70 стр.), «Обзоръ» содержитъ много фактическаго матеріала, и было бы очень желательно, чтобы передъ ученическими экскурсіями книжечка барона Врангеля попала въ руки готовящихся посѣтить музей. **А. Я.**

В. Добронравовъ. Іеромонахъ Клеопа, строитель Введенской пустыни владимирской епархіи. (1760—1778 гг.). Губ. г. Владимиръ. 1908. Стр. 67.

Почтенные дѣятели владимирской ученой архивной комиссіи прежде всего подвергли разбору и привели въ должный порядокъ очень цѣнные архивы переславской и суздальской духовной консисторій. Это обстоятельство дало имъ въ руки много новаго, неизвѣстнаго доселѣ матеріала, главнымъ образомъ въ области церковной исторіи мѣстнаго края. На такомъ-то новомъ матеріалѣ основана и только что отпечатанная работа г. В. Добронравова о «іеромонахѣ Клеопѣ, строителѣ Введенской пустыни». Изъ многочисленныхъ «строителей» этой пустыни за XVIII и XIX вв. имя іеромонаха Клеопы чтилось въ народѣ и чтится до сихъ поръ болѣе другихъ. «Богомольцы,—пишетъ въ предисловіи авторъ,—посѣщающіе пустынную обитель, считаютъ всегда своимъ долгомъ помолиться у его могилы, отслужить по немъ панихиду. У надгробнаго камня почившаго строителя всегда теплится лампада, и нерѣдко возжигаются благочестивыми чтителями свѣчи». При этомъ они обнаруживаютъ благоговѣйное вниманіе къ сообщаемымъ фактамъ изъ жизни старца Клеопы. До послѣдняго времени главнымъ источникомъ свѣдѣній объ его жизни служили «Записки о. Ѳеофана», архимандрита Кирилло-Новоезерскаго монастыря, бывшаго при немъ послушникомъ. Новыя данныя во многомъ исправили сообщенія о. Ѳеофана, но еще болѣе подтвердили справедливость народнаго почитанія этого истиннаго инока, строгаго и въ то же время гуманнаго и справедливаго сподвижника-управителя, который во время своего 16-лѣтняго управленія обителью дважды бѣжалъ, ища уединенія, и каждый разъ по настоятельнымъ просьбамъ братіи и міранъ-«вкладчиковъ», вновь

возстановлялся въ своемъ званіи епископомъ переславскимъ, рѣшившимся за первый побѣгъ подвергнуть его даже строгому «караулу». Особенно любопытны приводимыя впервые авторомъ письма Клеопы къ преосвященному и братіи, которыя онъ писалъ въ объясненіе своего бѣгства, а также и самый уставъ или «вѣдомость, како церковное положенье Введенской островной пустыни исправляется», которая составлена Клеопою и помѣщена авторомъ въ приложеніи, со всѣми примѣчаніями на нее еп. переславскаго Ѳеофилакта.

Истинный инокъ, отшельникъ, Клеопа, уроженецъ Малороссіи, вышедшій изъ-за границы Аѳонской горы Зографскаго монастыря, рѣзко отличался отъ многихъ «строителей» и тѣмъ еще, что постоянно отказывался отъ жертвованій землею, рыбными ловлями и проч., признавая связанныя съ ними «мірскія» занятія не соотвѣтствующими дѣйствительной иноческой жизни.

Болѣе фактически обоснованной и въ то же время возбуждающей глубокое чувство почитанія біографіи «строителя» Клеопы еще не было, да, пожалуй, и навсегда работа г. В. Добронравова останется единственной.

В. Р—въ.

Георгій Вольскій. Слово о полку Игоревѣ. Пересказъ въ стихахъ и другія стихотворенія. Одесса. 1908. Ц. 75 к.

Небольшая (104 страницы), но изящно изданная книжка стихотвореній г. Вольскаго вполнѣ заслуживаетъ быть отмѣченною на страницахъ историческаго русскаго журнала, такъ какъ относится столько же къ области изящной литературы, сколько и къ области нашей исторіи: это, въ большинствѣ, стихотворенія, воспроизводящія событія легендарной и исторической жизни Кіевской Руси. На нихъ мы главнымъ образомъ и остановимся въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Почти треть сборника занимаетъ стихотворный пересказъ «Слова о полку Игоревѣ», раздѣленный у г. Вольскаго на слѣдующія 12 пѣсенъ: I. Запѣвъ. II. Вѣщее затменіе. III. Побѣда. IV. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ. V. Пораженіе. VI. Плачъ пѣвца. VII. Сонъ Святослава. VIII. Воззваніе къ князьямъ. IX. Воспоминаніе о минувшемъ. X. Плачъ Ярославны. XI. Бѣгство Игоря. XII. Возвращеніе. Для того, чтобы дать представленіе о характерѣ и стихотворномъ размѣрѣ этого пересказа, приводимъ нѣсколько начальныхъ строфъ:

Но начать ли намъ сказъ,—но на этотъ ужъ разъ
Не на ладъ стародавнихъ преданій,—
Про князь-Игоря бой съ половецкой ордой,
Полный сердце щемящихъ страданій?
  Про былину тѣхъ дней, про удалыхъ князей
  Мы разскажемъ не словомъ Баяна:
  Онъ былъ вѣщій пѣвецъ, думы пылкихъ сердецъ
  Увлекалъ онъ то въ гущи тумана,
То въ сѣнь темныхъ лѣсовъ, то въ гряду облаковъ
Уносилъ онъ на крыльяхъ орлиныхъ,
То слѣдъ волка слѣдилъ среди чуждыхъ могилъ,
То блуждалъ среди тропей звѣриныхъ.

А когда старина вспоминалъ времена
Прежнихъ первыхъ усобицъ кровавыхъ,
Будто соколъ лѣсной средь выси голубой,
Настигалъ лебедей бѣлоглавыхъ; и т. д.

Тѣмъ же размѣромъ пересказана и вся остальная поэма, кромѣ только «Плача Ярославны», гдѣ поэтъ оставляетъ анапестическій тетраметръ и переходитъ къ шестистопному трохаическому стиху:

Утренней зарею горлицей лѣсною
Стонетъ Ярославна на градской стѣнѣ;
Стонетъ и рыдаетъ, друга поминаетъ,
Мечется и стонетъ въ тяжкомъ полуснѣ.
«Бѣлою зигзицей, вольнолюбой птицей
«Къ свѣтлому Дунаю быстро полечу,
«И рукавъ бобровый шубоньки шелковой
«Я въ рѣкѣ Каялѣ тихо омочу.
«И, творя молитвы, къ полю бранной битвы,
«Гдѣ лежитъ мой милый, повесусь стрѣлой,
«И водой живою раны я обмою,
«И полью своею горькою слезой, и т. д.

Уже изъ этихъ двухъ отрывковъ можно видѣть, что г. Вольскій владѣетъ стилемъ и техникою стиха. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ и другимъ, быть можетъ, еще болѣе драгоцѣннымъ качествомъ: горячею любовью къ родному прошлому, къ той романтической эпохѣ русской исторіи, какая рисуется намъ въ словѣ старорусскаго пѣвца и въ полной свѣжести поэзіи народныхъ сказаній и былинъ. Въ историческихъ стихотвореніяхъ г. Вольскаго ясно чувствуется глубокій и искренній патріотизмъ, придающій особенную прелесть его изображенію славныхъ историческихъ и легендарныхъ дѣятелей родной старины. Однимъ изъ любимыхъ героевъ г. Вольскаго является воинственный и доблестный Святославъ, которому поэтъ посвящаетъ особую «балладу», написанную прекрасными, звучными стихами:

Не соколъ степной надъ равниной земли
На крыльяхъ распущенныхъ рѣетъ;
Не грозная туча, собравшись вдали,
Гоняетъ по морю ладьи-корабли
И брызгами влажными вѣетъ,—
То князь Святославъ поднялся на походъ
Съ дружиной своей удалою;
Гонцовъ посылаетъ къ врагу онъ впередъ,
Чтобъ весь выходилъ басурманскій народъ
Готовиться къ смертному бою, и т. д.

Цѣлый рядъ стихотвореній посвященъ также сюжетамъ былиннаго цикла, которые авторъ разнообразитъ мѣстами намеками на современныя намъ событія, дѣлая это, однако, настолько искусно, что колоритъ эпохи отъ этого не страдаетъ и эти вставки и намеки не кажутся натяжкою, не производятъ впечатлѣнія тенденціозности, а гармонически сливаются съ сюжетомъ стихотворенія. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что этому много помогаетъ то обстоятель-

ство, что нынѣ, какъ и въ ту далекую эпоху, дѣло идетъ о защитѣ родины, угрожаемой внѣшними и внутренними бѣдствіями, и такимъ образомъ задача поэта облегчается сходствомъ положенія. Но поэтъ не отчаивается: онъ вѣритъ въ родной народъ и въ его конечное торжество.

Можно было бы остановиться еще на чисто лирическихъ стихотвореніяхъ г. Вольскаго, среди которыхъ есть рядъ весьма недурныхъ, но они выходятъ уже за предѣлы исторической группы. Отмѣтимъ, что одно изъ нихъ («Фантазіи») сильно напоминаетъ Надсона, другое («Сколько ихъ»)—Хомякова.

На этомъ закончимъ нашу бѣглую замѣтку, надѣясь, что симпатичное дарованіе г. Вольскаго, впервые, какъ кажется, выпустившаго собраніе своихъ стиховъ, обратитъ на себя вниманіе любителей исторической поэзіи и что отмѣченный нами сборникъ не будетъ единственнымъ въ литературномъ наслѣдіи поэта, который, по собственному признанію, нашелъ свою пѣснь въ излюбленныхъ имъ «богатыхъ равнинахъ родной старины».

Ив. Дусинскій.

Горнфельдъ. Книги и люди. Литературныя бесѣды. Спб. 1908. Стр. 342. Цѣна 1 р. 25 к.

Подъ такимъ заглавіемъ г. Горнфельдъ выпустилъ книгу, въ которой перепечаталъ сорокъ своихъ литературныхъ фельетоновъ, напечатанныхъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ газетахъ «Наша Жизнь» и «Товарищъ». Газетныя статьи по литературѣ обыкновенно носятъ слишкомъ поверхностный характеръ, бываютъ отрывочны, незаконченны, и перепечатка ихъ спустя извѣстное время въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого смысла. Рѣдкое исключеніе изъ этого общаго правила представляютъ замѣтки г. Горнфельда, и мы можемъ лишь только поблагодарить его за то, что онъ собралъ свои многочисленные очерки въ одно цѣлое.

Г. Горнфельдъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть причисленъ къ лучшимъ нашимъ критикамъ настоящаго времени. Хорошо образованный, вдумчивый, онъ обладаетъ еще однимъ большимъ достоинствомъ: онъ совершенно самостоятеленъ. Къ каждому литературному таланту, явленію, произведенію онъ всегда стремится подойти самостоятельно, и на оцѣнки его не вліяетъ мнѣніе той или другой партійной группы. Эта независимость, это отмежеваніе собственнаго пониманія отъ пониманія группового довольно рѣдкое явленіе въ современной критикѣ. Нужно обладать большимъ талантомъ и вдумчивостью, чтобы устоять на своемъ мѣстѣ. Кромѣ этого, г. Горнфельдъ замѣчательно отзывчивъ: каждое новое литературное явленіе, талантъ вызываетъ откликъ въ критикѣ. Изъ всего сказаннаго становится ясно значеніе его книги. Разбросанныя въ газетахъ въ теченіе трехъ лѣтъ, замѣтки могли бы затеряться,—собранныя вмѣстѣ, онѣ позволяютъ прослѣдить, какъ двигалась за послѣдніе три года наша литература, какія теченія въ ней нарождались, расцвѣтали, умирали, какую эволюцію пережила она за это время: вѣдь не забудемъ отмѣченную уже нами чуткость и отзывчивость критика. Прибавимъ, что мы имѣемъ наблюденіе не простого наблюдателя, но талантливаго, вдумчиваго,

образованнаго, и при томъ совершенно самостоятельнаго. Для каждаго, кто захочетъ оглянуться на послѣдніе три года жизни нашей литературы, подвести итоги, разобраться въ впечатлѣніяхъ и отдать себѣ отчетъ, книга г. Горнфельда окажетъ громадную услугу, принесетъ большую пользу. Какъ мы уже упомянули, газетныя статьи слишкомъ отрывочны, бѣглы. Такой характеръ носятъ и замѣтки г. Горнфельда. Но онѣ отличаются отъ большинства газетныхъ статей тѣмъ, что авторъ сумѣлъ въ отрывочныхъ замѣткахъ бросить немало цѣнныхъ мыслей, высказать рядъ трезвыхъ соображеній, приговоровъ и мѣткихъ наблюденій. Современная изящная русская литература представляетъ столь сложное явленіе, что для многихъ не подъ силу разобраться, гдѣ красота, гдѣ уродство, гдѣ искусство, гдѣ порнографія, гдѣ новое, свѣжее, гдѣ упадочное: все смѣшалось такъ плотно. Книга г. Горнфельда, помогающая разобраться во всемъ этомъ, трезво взглянуть, имѣетъ особенную цѣнность въ данное время. Въ настоящую эпоху, когда происходитъ переоцѣнка цѣнностей, когда общество стоитъ на перепутьи старыхъ и новыхъ литературныхъ вкусовъ, не зная, куда склониться окончательно, когда оно совершенно сбито массою новыхъ литературныхъ сюжетовъ, художественныхъ трактовокъ, нужны трезвые критики, нужны тѣ, кто могъ бы указать, разъяснить, разсѣять тотъ или иной обманчивый миражъ. Г. Горнфельдъ именно и является такимъ критикомъ, это натура трезвая, не идущая за толпой, за ея мимолетными настроеніями. Эта трезвость, самостоятельность, большая доля критицизма особенно ярко обнаружились въ сужденіяхъ автора о декадентствѣ и увлеченіи нѣкоторыхъ современныхъ писателей трактовкой половыхъ вопросовъ.

Говоря все это, мы, конечно, не хотимъ сказать, что приговоры и взгляды г. Горнфельда—безапелляціонны, что они должны быть приняты за неоспоримую истину. Съ нимъ можно спорить, не соглашаться, но это не обезцѣниваетъ этой умной книги, польза которой несомнѣнна. **А. Фоминъ.**

Сборникъ «Молодой Польши». Подъ редакціей Евг. Троповскаго. Спб. 1908.

Почти вся новѣйшая польская литература любитъ поражать красивыми эффектами. Своеобразіе замысла, неожиданные изломы мысли, причудливый блескъ слога, каскады капризныхъ мечтаній—все это дѣлаетъ почти невозможнымъ удовлетворительный переводъ произведеній «молодыхъ» польскихъ писателей. Въ ремесленной передачѣ именно легко усилить эффектныя пятна, и тамъ, гдѣ въ оригиналѣ была, можетъ быть, странная, но цѣльная гармонія,—въ переводѣ окажутся только кричащія краски и напыщенная громоздкость. Въ результатѣ произведеніе оставитъ досадное чувство неудовлетворенности, лирическій паѳосъ, столь свойственный польской поэзіи, будетъ непонятенъ, а капризная манера письма современныхъ намъ беллетристовъ легко можетъ показаться безсиліемъ искусственно взвинчиваемаго бездарнаго ума.

Беллетристика чрезвычайно благодарна въ томъ отношеніи, что она позволяетъ прибѣгать къ звучнымъ и торжественнымъ словамъ. Но она жестоко мститъ, если громъ ударитъ не изъ тучи. Звуки фанфаръ оглушаютъ только первое мгновеніе, а затѣмъ пріѣдаются до смертельной тошноты. Если знакомство съ «Молодой Польшой» по настоящему сборнику и не вызываетъ рѣзко отрицательнаго отношенія, то во всякомъ случаѣ, хотя громъ взятъ какъ будто изъ настоящей грозовой тучи, но, по неопытности или неумѣнію механика, этотъ громъ оказался довольно жидкимъ даже для захудалаго провинціальнаго театра.

Не будемъ говорить о переводѣ, оставляющемъ желать многаго или ничего не оставляющемъ. Даже безукоризненный, онъ не спасъ бы составителя отъ нареканій прежде всего за неудачный выборъ произведеній. «Молодая Польша» ограничена въ сборникѣ всего десятью авторами. Наиболѣе удачно представленъ Стефанъ Жеромскій въ разсказѣ «Докторъ Петръ». Разсказы «Тріумфъ» Тетмайера и «Предъ разсвѣтомъ» Влад. Реймонта, символическая фантазія Густава Даниловскаго «Поѣздъ», парабола Андрея Немоевскаго «Люди съ повязками»—все это далеко не является характернымъ, не говоря уже лучшимъ, у названныхъ беллетристовъ. Исключая развѣ «Тріумфъ» сильной, не останавливающейся даже передъ убійствомъ воли въ разсказѣ Тетмайера,—остальныя «фантазіи» и «параболы» относятся скорѣй къ дидактическимъ упражненіямъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать представленія о неунывающемъ борцѣ за «новый міръ»—Даниловскомъ или соціалистѣ-романтикѣ Немоевскомъ.

Наконецъ подходимъ къ самымъ блестящимъ представителямъ польскаго модернизма. Два Станислава— Пшибышевскій и недавно умершій «второй Мицкевичъ» Выспянскій—представлены совершенно неудачно. Короткій драматическій эпилогъ Пшибышевскаго «Гости» содержитъ много психологической запутанности и слишкомъ мало художественной цѣльности. «Эта жизнь ужасна,—говоритъ достаточно скучный гость.—Какъ смѣшно, что люди такъ любятъ жизнь: смерть добрая, тихая... Ничтожная капля счастья, этотъ призракъ, этотъ дьявольскій миражъ... Это опьянѣніе своей силой, цѣлями, это убѣжденіе, будто ты великъ, будто тебѣ нужно еще такъ много сдѣлать: все это пустяки, это приманка, на которую жизнь ловитъ людей. Смерть, смерть, вотъ одно—плюнешь жизни въ лицо и говоришь: меня не обманешь! И идешь съ гордымъ величіемъ къ смерти!» Ахъ, блѣдныя и неискреннія рѣчи... Намъ кажется—не голосъ могильщика унылой серенадой зоветъ на кладбище «Молодую Польшу»; смерть, смерть—вѣчно старая, вѣчно новая исторія. Есть величіе въ смерти. Но нѣтъ величія въ безсильныхъ рѣчахъ и призывахъ къ ней. Пшибышевскій усталъ жить,—но хочетъ ли нирваны цѣлый народъ?—Неискренность, минутная усталость—это ли «Молодая Польша»?

Въ началѣ литературной дѣятельности у Выспянскаго былъ періодъ увлеченія античнымъ міромъ. Плодомъ явились нѣсколько трагедій въ классическомъ духѣ. Составитель сборника выбралъ одну изъ нихъ—«Мелеагръ». Она не является результатомъ настоящаго творчества Выспянскаго. Она навѣяна и выдумана. «Всѣ роды поэзіи, кромѣ скучнаго»... Выспянскій и его

«Свадьба»—это одно и то же: здѣсь художникъ показалъ себя въ расцвѣтѣ творчества. Но «Свадьбы» нѣтъ въ сборникѣ.

Оставляя въ сторонѣ ученическій разсказъ Жулавскаго «Послѣ торжества», упомянемъ еще слишкомъ растянутый фантастичный разсказъ Вацлава Грубинскаго—«Пиръ Валтасара». Грубинскій слишкомъ еще молодъ, чтобы можно было составить о немъ опредѣленное мнѣніе.

Общее впечатлѣніе отъ сборника—случайность выхваченнаго наудачу художественнаго багажа. «Молодая Польша» должна была и могла быть представлена болѣе яркими, болѣе живыми красками. Ихъ много въ новѣйшей польской литературѣ. Вина неудачнаго выбора ложится, конечно, цѣликомъ на редактора сборника, а не на литературу. **А. И. Яцимирскій.**

Михаилъ М—скій. Отъ бурсы до снятія сана. Спб. 1908. Стр. 159. Ц. 1 р.

Подъ такимъ нѣсколько неточнымъ заглавіемъ вышла очень интересная книжка автора, скрывшагося за иниціалами. Въ виду того, однако, что онъ по какимъ-то соображеніямъ не пожелалъ назвать себя полнымъ именемъ, мы и не будемъ расшифровывать поставленныхъ въ заголовкѣ литеръ, ограничившись замѣчаніемъ, что онъ, авторъ,—лицо, повидимому, вышедшее дѣйствительно изъ духовнаго сословія, компетентное въ той отрасли жизни, которую такъ ярко описываетъ. Выше сказано, что заглавіе нѣсколько неточно; дѣйствительно, г. М—скій не только останавливается на моментѣ снятія сана, но касается и послѣдующихъ страницъ жизни, которыя посвящены событіямъ, вытекшимъ изъ послѣдствій снятія этого сана, той драмѣ, которая создалась около этого факта и которая привела его въ толпу, слѣдовавшую за процессіей Гапона 9 января 1905 г., и подъ выстрѣлы и залпы войска по этой толпѣ. Такимъ образомъ, пожалуй, правильнѣе было бы дать иное заглавіе книгѣ, если только этому заглавію въ краткихъ словахъ непремѣнно надлежитъ обнять собою ея содержаніе, напримѣръ: «Отъ бурсы черезъ священство и снятіе сана къ борьбѣ и разочарованію въ прежнихъ идеалахъ». Можетъ, такое заглавіе было бы нѣсколько неуклюже и длинно, а потому, на немъ не настаивая, а ограничившись указаніемъ отмѣченной неполноты, обратимся къ самому содержанію.

Авторъ придалъ своему повѣствованію форму дневника и дневника очень обстоятельнаго, отъ котораго вѣетъ подлинной жизнью, такъ что легко допустить, что это дѣйствительно настоящій дневникъ, нѣсколько приведенный въ порядокъ, литературно обработанный и подготовленный къ печати. Первая его часть посвящена описанію жизни «бурсы», не семинаріи, какъ именуются разсадники производства нашихъ духовныхъ пастырей, а именно «бурсы», каковою мы ее знаемъ еще со временъ Помяловскаго. Какъ у послѣдняго, такъ и у нашего автора учебное заведеніе, воспитывающее духовныхъ вождей русскаго народа, выставлено въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ со

стороны воспитательной, учебной, такъ и со стороны всѣхъ бытовыхъ и административныхъ условій жизни. Правда, мы видимъ, что бурса г. М—скаго значительно ушла впередъ отъ «бурсы» Помяловскаго, по крайней мѣрѣ со стороны жизненныхъ запросовъ и идеаловъ учащихся, но тѣмъ не менѣе становится совершенно непонятнымъ, какъ на рубежѣ XIX и XX вѣковъ могутъ существовать столь уродливыя организаціи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ заведеніяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ выпускать въ жизнь дѣятелей, на которыхъ возлагается дѣло и задачи громадной важности.

Вторая часть охватываетъ собою жизнь и дѣятельность автора въ санѣ діакона, и здѣсь передъ нами развертываются картинки изъ быта духовенства, до нѣкоторой степени знакомыя намъ изъ разсказовъ и повѣствованій Лѣскова, Потапенки, Непеина, но только въ условіяхъ нынѣшней современности и съ деталями интимнаго характера. Когда читатель знакомится со всѣмъ ходомъ мыслей и чувствъ героя дневника, то уже изъ страницъ, сюда относящихся, онъ начинаетъ предчувствовать, что впереди его ожидаетъ драма, настоящая драма, отъ которой вѣетъ не вымысломъ, а настоящими слезами и кровью. И дѣйствительно, если первую часть можно назвать прологомъ, а вторую первымъ актомъ драмы, гдѣ авторъ только намѣчаетъ завязку, то третья часть подъ заглавіемъ «Молодымъ священникомъ» захватываетъ уже васъ цѣликомъ и ставитъ лицомъ къ лицу съ такими коллизіями, гдѣ вчужѣ становится страшно за человѣка, очутившагося между молотомъ и наковальней, между паствой и церковнымъ начальствомъ, откуда ему не выйти не только побѣдителемъ, но даже цѣлымъ и невредимымъ. И дѣйствительно, день за днемъ, часъ за часомъ несутъ ему горе и разочарованіе. Дѣйствуя въ бѣдномъ приходѣ, въ эпидемію, среди народнаго мора и голода, онъ, полный идеальныхъ порывовъ, но съ моментами паденія, созерцая, по образному выраженію Достоевскаго, «двѣ бездны», оказывается совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ прозою жизни съ ея грязною и глупою повседневностью, съ упорною и косною рутиною. Если въ извѣстной повѣсти И Потапенки «На дѣйствительной службѣ» священникъ становится героемъ, то въ дневникѣ г. М—скаго его герой подавленъ обстоятельствами и всѣмъ окружающимъ людомъ, какъ мірскимъ, такъ и церковнымъ, и вся его энергія, вся его идеалистическая дѣятельность сводится на нуль. А тутъ еще злая судьба наноситъ ему жестокій ударъ: онъ лишается жены, съ которой не безъ извѣстной борьбы только что наладилъ тихое и теплое семейное счастье, и становится «священникомъ-вдовцомъ».

Тутъ уже драма развертывается своимъ полнымъ ходомъ, и передъ нами обрисовывается дѣйствительно несчастный человѣкъ и въ личной жизни и какъ общественный дѣятель. Грязныя волны захлестываютъ его, и нѣтъ среди окружающихъ такой руки, которая бы не постаралась, чтобы къ его измученному тѣлу присталъ еще комъ грязи и рясу его покрыло бы лишнее сальное пятно. Нѣтъ поддержки ни въ родственной семьѣ, ни среди окружающихъ — всѣ толкаютъ его на путь потери священической чести и чистоты, и въ душу его закрадывается смутное чувство, касающееся вопроса о снятіи сана. Онъ переживаетъ борьбу и разладъ, слѣды которыхъ остаются запечатлѣнными въ дневникѣ: «Паденія ужасаюсь, снятія сана тоже — пишетъ онъ. — Земное счастье устроить — не считаю дѣломъ возможнымъ. Исходъ одинъ:

подвижничество. А я къ нему и не думалъ еще готовиться: люблю поѣсть, поболтать... Пока не тревожатъ блудные помыслы. Почему? По заступничеству жены?.. Намѣренно діаволъ оставляетъ въ покоѣ, чтобы потомъ потрясти, уничтожить?!. Господи! Я слабъ, развратенъ, грѣшенъ, но хочу быть съ тобою. Боже, Отче! Не оставь меня сквернаго!» И черезъ мѣсяцъ: «Ночью во снѣ явилась жена и съ такимъ выраженіемъ сострадающей любви поцѣловала меня, что я чуть было не задохнулся. Всякое добро рѣшилъ дѣлать въ память ея. Эхъ! Кабы знать, что ей тамъ хорошо!» и далѣе: «Благочинный, учитель и учительница совѣтуютъ мнѣ снять санъ и жениться. Никогда! Какъ снять, если я люблю Христа, если я хочу служить Ему, а въ минуты особеннаго подъема духа готовъ, кажется, и душу свою положить за Него? Священнику вторично жениться нельзя, да если бы и можно, я никогда не нашелъ бы себѣ жены — послѣ покойной, и за меня не пойдетъ на семерыхъ малыхъ ребятъ. И такъ нельзя оставаться: дѣти требуютъ ухода».

Такое отсутствіе ухода влечетъ за собою печальныя послѣдствія—одинъ за другимъ нѣсколько дѣтей умираютъ. Это переполняетъ чашу терпѣнія, и послѣ долгой внутренней борьбы онъ становится попомъ-разстригою и вступаетъ съ встрѣтившейся ему на жизненномъ пути и понравившейся ему сельской учительницей во «второй бракъ». Если въ предыдущей части авторъ съ удивительной подробностью и въ яркихъ краскахъ обрисовалъ намъ положеніе и душевное состояніе вдоваго священника, то теперь мы знакомимся съ печальной судьбой міряннна, вынужденнаго вслѣдствіе совокупности цѣлаго ряда печальныхъ обстоятельствъ индивидуальнаго и общественнаго порядка снять санъ. Онъ оказывается снова въ безвыходномъ положеніи и не находитъ примѣненія своимъ силамъ; свѣтская жизнь не склонна широко раскрыть передъ нимъ двери, и надъ нимъ и его семьей нависаетъ грозный призракъ заправскаго голода. Одну работу ему не даютъ, къ другой (литературной, въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ) онъ оказывается не приспособленнымъ и не готовымъ. Онъ мечется и вотъ въ такомъ-то состояніи безпомощности бывшій священникъ попадаетъ въ столицу въ дни агитаціи покойнаго нынѣ Гапона и является свидѣтелемъ всего происходившаго на улицахъ и на площади 9 января. Эти событія окончательно перевернули его міросозерцаніе, и онъ занесъ въ свой дневникъ: «Я чувствовалъ, что во мнѣ совершается важный психологическій процессъ. Залпами этого дня во мнѣ былъ смертельно пораженъ самодержавникъ-абсолютистъ. Съ утра я былъ одинъ человѣкъ, крайній правый, теперь же совершенно другой». На этомъ собственно кончается автобіографія бывшаго бурсака, причемъ нельзя не отмѣтить, что «эпилогъ» автобіографіи нѣсколько искусственно притянутъ къ дѣлу и въ интересахъ художественности и силы повѣствованія, въ интересахъ рельефности предыдущихъ частей онъ безъ всякаго ущерба могъ бы быть опущенъ. Авторъ, повидимому, погнался за популярностью и подпустилъ «политики». Но и въ этой части имѣются страницы, заслуживающія вниманія, и именно тѣ, которыя посвящены повѣствованію относительно митрополита с.-петербургскаго Антонія и извѣстнаго нынѣ, въ особенности послѣ миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ, епископа волынскаго, преосвященнаго Антонія. Онъ приводитъ свои бесѣды съ ними, изъ коихъ довольно живо обрисовываются взгляды обоихъ

видныхъ представителей церкви на нѣкоторые вопросы изъ духовной жизни нашего отечества.

Оставляя на отвѣтственности г. М-скаго правдивость его разоблаченій изъ жизни и быта нашего духовенства «отъ бурсы до снятія сана», не можемъ въ заключеніе не отмѣтить, что уже давно въ нашей литературѣ не появлялось такого сочиненія, гдѣ бы въ живой формѣ, на явленіяхъ повседневной жизни и съ ссылками на живыхъ людяхъ были бы затронуты животрепещущіе вопросы, которымъ рано или поздно придется стать на судъ людей и самой жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что книга г. М-скаго вызоветъ сильныя возраженія и градъ нападокъ со стороны представителей того сословія, которому она посвящена и для которыхъ разоблаченія автора являются въ значительной мѣрѣ обстоятельствомъ скандальнаго свойства. Но такъ или иначе онъ поставилъ на обсужденіе и рѣшеніе рядъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, на которые литература, и свѣтская и духовная, должны дать отвѣты, ибо съ ними связано необходимое и очередное обновленіе всего строя жизни нашего клира, въ чемъ наше отечество безусловно такъ настоятельно нуждается и отъ чего въ значительной степени зависитъ оздоровленіе народной жизни во всей ея совокупности. В. Г.

Отчетъ виленской публичной библіотеки и музея за 1907 годъ. Вильна. 1908 г.

Виленская публичная библіотека, какъ извѣстно, принадлежитъ къ богатѣйшимъ русскимъ книжнымъ сокровищницамъ и является одною изъ первыхъ и выдающихся просвѣтительныхъ центровъ Сѣверо-Западнаго края. Въ отчетномъ 1907 году она пережила сорокалѣтіе своего существованія, но, къ сожалѣнію, въ нашей печати мало кто вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ. Семнадцать залъ библіотеки всѣ переполнены, такъ что является неотложная необходимость расширить ея помѣщеніе, особенно въ виду ежегоднаго поступленія новыхъ книгъ въ размѣрѣ 2300—2400 экземпляровъ. Въ находящійся при библіотекѣ и состоящій изъ двухъ отдѣленій: историко-археологическаго и естественно-историческаго музей въ отчетномъ году былъ, между прочимъ, пожертвованъ цѣнный альбомъ съ фотографическими портретами служащихъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, поднесенный попечителю округа Н. А. Сергіевскому при оставленіи имъ должности и являющійся, по словамъ составителя «Отчета», «единственною въ своемъ родѣ справочною книгою для некрологовъ, біографій и историческихъ очерковъ учебныхъ заведеній».

Стоящая во главѣ библіотеки и музея «временная комиссія» (всего изъ 6 лицъ), помимо каталогизаціи предметовъ музея, новыхъ книгъ и періодическихъ изданій, описанія рукописей и старопечатныхъ книгъ и труда по удовлетворенію многочисленныхъ читателей, съ успѣхомъ занимается еще изданіемъ своихъ работъ; такъ, въ отчетномъ году ею напечатаны: «Отчетъ виленской публичной библіотеки и музея за 1906 годъ», «Четвертое прибавленіе къ систематическому каталогу русскаго отдѣленія» библіотеки, «Ви-

ленскій календарь на 1908 годъ», наполненный цѣлымъ рядомъ историческихъ статей членовъ комиссіи, и «Полное библіографическое описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ».

Послѣднее «Описаніе», составленное членомъ комиссіи А. И. Миловидовымъ, вошло въ видѣ приложенія къ разсматриваемому нами «Отчету», подъ заглавіемъ: «Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной библіотеки (1491—1800)». Коллекція этихъ книгъ, изъ которыхъ наибольшую часть составляютъ произведенія западно-русскихъ типографій XVI—XVIII вв., хотя и немногочисленна, всего въ 204 полныхъ экземпляра, но богата рѣдкостями. Она уже дважды была описана: первый разъ Я. Ѳ. Головацкимъ въ 1874 г., и второй—И. Кастеринымъ; но ни тотъ, ни другой составитель описаній не исчерпалъ вполнѣ ея содержанія и, конечно, не касался позднѣйшихъ поступленій. Настоящее же «Описаніе» г. Миловидова является самымъ полнымъ и исчерпывающимъ до послѣднихъ дней.

Древнѣйшая старопечатная книга виленской публичной библіотеки— «Часословецъ имѣя и нощную и дневную службы по уставу иже въ Іерусалимѣ великія Лавры, иже во святыхъ отца нашего Саввы. Напечатанъ въ Краковѣ 1491 г. Швайпольтомъ Фѣолемъ». За нимъ слѣдуютъ 15 книгъ, напечатанныхъ въ XVI вѣкѣ, изъ которыхъ наиболѣе рѣдкія и цѣнныя— слѣдующія: первопечатный «Апостолъ» Франциска Скорины (1525); «Апостолъ», начатый печатаніемъ во Львовѣ 25 февраля 1573 г. и оконченный 15 февраля 1574 г. московскимъ первопечатникомъ Иваномъ Ѳедоровымъ «Москвитинымъ», и «Статутъ Литовскій» (Вильна, 1588), оцѣниваемый свыше 350 р. Отъ XVII вѣка цѣннѣйшими признаются: «Книга служебникъ» (1617), «Зерцало богословія» (1618), «Требникъ»—первый виленскаго изданія (1618), «Псалтирь» (1623), «Акаѳисты» (1628), «Брашно духовное, сирѣчь псалмы, молитвы...» (1639), «Грамматика россійская, соч. Генриха Вильгельма Лудольфа на русскомъ и латинскомъ языкахъ» (Оксфордъ, 1696), «Молитвенникъ» Матвѣя Дивковича на хорватскомъязыкѣ (Венеція, 1698) и другихъ.

Болѣе 100 остальныхъ книгъ относятся къ XVIII в и изъ нихъ, кромѣ рѣдкаго петербургскаго изданія «Библіи» (1751 г.), задуманнаго еще Петромъ Великимъ, заслуживаютъ особаго упоминанія впервые описываемыя г. Миловидовымъ книги: «Гебдомадаръ, си есть Седмичный пѣснословецъ...» (1737), «Послѣдованіе молебна за болящаго» (Москва, 1747), «Тріодіонъ» (1747), «Трифологіонъ» (1748), «Псалтирь» (Кіево-Печерская Лавра, 1752), «О св. тайнахъ» (Львовъ, 1753), «Молитвословъ» (Львовъ, 1768) и «Собраніе общихъ и естественныхъ поученій христіанскаго благочестія» (Львовъ, 1786).

Въ приложеніи къ своему «Описанію» г. Миловидовъ помѣстилъ нѣсколько образцовъ шрифтовъ и орнаментовъ виленской, троицкой (уніатской) и супрасльской типографіи (XVII—XVIII вв.), воспроизведенныхъ по подлиннымъ клише этихъ типографій, хранящимся въ музеѣ древностей при виленской публичной библіотекѣ.

В. Рудаковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Гробницы французскихъ королей во время террора.—Въ Парижѣ недавно вышла въ свѣтъ книга «Les tombeaux des rois», въ которой ея авторъ, докторъ Бильяръ, очевидный врагъ революціи, приводитъ не лишенные интереса факты изъ террористической эпопеи, происходившей въ мірѣ мертвыхъ, въ соборѣ Сенъ-Дени. Авторъ еще въ предисловіи предупредилъ, что его трудъ не напоминаетъ повѣствованій большихъ историковъ революціи, а что онъ, какъ простой разсказчикъ и скромный собиратель анекдотовъ, только добылъ свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ и по нимъ составилъ точный пересказъ одной изъ страницъ этой мрачной эпопеи.

Изливъ свое негодованіе на живыхъ представителей власти, революціонеры перенесли свою месть на мертвыхъ членовъ королевскихъ домовъ Франціи и, чтобы увѣковѣчить 10 августа 1792 года, годовщину уничтоженія французскаго трона, Бареръ предложилъ разрушить знаменитые мавзолеи въ Сенъ-Дени, гдѣ покоились останки французскихъ королей. «Въ монархіи, — прибавилъ онъ,—даже сами могилы научились льстить королямъ; королевскія надменность и чванство не могутъ смягчиться даже на театрѣ смерти, и короли, надѣлавшіе столько зла Франціи и человѣчеству, даже въ могилѣ гордятся исчезнувшимъ величіемъ. Могучая рука республики должна безжалостно уничтожить великолѣпныя эпитафіи и разрушить эти мавзолеи, которые пробуждаютъ ужасныя воспоминанія о короляхъ».

Останки французскихъ королей покоились въ 5 километрахъ отъ Парижа, въ соборѣ аббатства Сенъ-Дени, основанномъ въ концѣ V в. на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ похороненъ св. Діонисій.

Св. Женевьева сначала построила здѣсь скромную часовню, которую. вѣкъ спустя, замѣнила уже болѣе богатая церковь; но настоящая королевская пышность началась тамъ лишь въ царствованіе короля Дагобера. Пипинъ Короткій построилъ на этомъ мѣстѣ новый храмъ, оконченный къ XIII в. Обычай воздвигать мавзолей для каждаго умершаго государя или принца тотчасъ послѣ его смерти держался до эпохи Генриха III и послѣднимъ изъ памятниковъ была часовня Валуа. Съ тѣхъ поръ всѣ представители Бурбоновъ, въ количествѣ пятидесяти четырехъ, начиная съ Генриха IV, убитаго въ 1610 г., до дофина, старшаго сына Людовика XVI, хоронились въ общей усыпальницѣ. Рядомъ съ ней погребали нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, преданныхъ монархіи.

Согласно обычаю, умершаго короля не помѣщали въ склепъ тотчасъ же, а ставили на ступеняхъ подземелья до момента прибытія его умершаго преемника, и только тогда опускали въ подземелье, а на его мѣсто ставили вновь прибывшій гробъ, котораго ожидала та же участь. Послѣднимъ изъ королей. дожидавшихся своего погребенія, былъ Людовикъ XV, но въ склепѣ не оставалось болѣе свободнаго мѣста, и правительство уже подумывало объ устройствѣ новаго помѣщенія, когда наступила революція.

6 августа 1793 г. съ утра соборъ въ Сенъ-Дени переполнился солдатами, рабочими, вооруженными молотками, и толпою, жадною до зрѣлищъ. Первый ударъ молотка, по странной случайности, былъ нанесенъ гробницѣ короля Дагобера. Любопытной чертой пламенно возбужденной толпы было уваженіе къ искусству: уничтожая статую короля въ лежачемъ положеніи, толпа пощадила боковыя статуи его жены Нантильды и сына Хлодвига II, а также трехъэтажный барельефъ, изображающій легендарныя видѣнія одного отшельника, касавшіяся короля. И это снихожденіе со стороны террористовъ было оказано потому, что эти предметы могли послужить матеріаломъ для исторіи. Въ тотъ день толпа не открыла гробницы, а сдѣлала это позже, въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Перейдя къ гробницамъ Хлодвига и Карла Мартела, террористы не уничтожили ихъ статуй, а только открыли гробницы, гдѣ нашли немного пепла и остатки костей, которыя едва можно было узнать. Съ гробницы перваго короля Каролинговъ, Пипина Короткаго, была снята статуя и вскрытъ гробъ, въ которомъ, послѣ тысячелѣтняго періода, оказалось лишь нѣсколько золотыхъ нитокъ отъ одежды и немного пепла. Затѣмъ толпа перешла къ могиламъ Карломановъ, и найденную въ гробу Констанціи Кастильской серебряную печать передала въ муниципалитетъ.

На другой день рабочіе сняли мраморныя статуи Филиппа Смѣлаго и Изабеллы Арагонской, но черной мраморной доски съ надписью не тронули. Изъ этихъ могилъ извлекли свинцовые ящики въ три фута длины и 8 вершковъ вышины и отнесли ихъ въ городскую ратушу. Въ ящикахъ оказались хорошо сохранившіяся кости. На третій день продолжалось разрушеніе гробницъ, но это было только вступленіемъ, главное же уничтоженіе началось 12 октября. Количество разрушенныхъ памятниковъ доходило до 51; въ три дня, по выраженію автора, была уничтожена работа двѣнадцати вѣковъ. «Кости когда-

то могущественныхъ королей, по словамъ Шатобріана, были обращены маленькими дѣтьми въ игрушки; соборъ Сенъ-Дени опустѣлъ, а на разбитыхъ алтаряхъ выростала трава». Останки королей и королевъ были отнесены въ общую яму, прилегающую къ сѣверной части церкви, которая называлась «дворомъ» или «кладбищемъ Валуа». Въ XVI вѣкѣ на этомъ мѣстѣ была выстроена великолѣпная часовня въ видѣ ротонды, которая въ 1719 году угрожала превратиться въ развалины и поэтому была разобрана; часть ея коринѳскихъ колоннъ послужила для устройства развалинъ въ паркѣ Монсо, которыя и теперь приводятъ въ восторгъ публику, не подозрѣвающую ихъ происхожденія. Металлическіе памятники, согласно особому декрету, предназначались для отлитія пушекъ съ цѣлью отраженія враговъ республики. Памятники Людовика XII, Франциска I, Генриха II и Тюренна оставались въ соборѣ еще нѣсколько недѣль не тронутыми, а впослѣдствіи они были снесены на кладбище и помѣщены рядомъ съ другими, частью совершенно разрушенными, частью испорченными. Многіе изъ памятниковъ были совершенно уничтожены, какъ, напримѣръ, короля Гуго Капета, другіе же были взяты для устроенной противъ портала собора символической горы, на вершинѣ которой красовалась статуя Свободы.

Большая часть статуй уцѣлѣла, благодаря археологу Александру Ленуару, который, какъ представитель комиссіи искусствъ, присутствовалъ при разрушеніи памятниковъ въ Сенъ-Дени и впослѣдствіи даже рисковалъ жизнью, отстаивая мавзолей кардинала Ришелье.

Разрушеніе могилъ Меровинговъ и Каролинговъ не произвело на народъ достаточнаго впечатлѣнія: эпохи царствованія Людовика II и Пипина Короткаго были столь отдаленны, что казались толпѣ миѳомъ. Гораздо болѣе сильное впечатлѣніе произвели октябрьскія разрушенія, когда уничтожались гробницы Бурбоновъ, Генриха IV и всего его потомства. Въ субботу 12 октября тѣ же рабочіе, на этотъ разъ въ сопровожденіи комиссара въ черномъ фракѣ, въ шляпѣ съ трехцвѣтной кокардой, спустились въ подземную галерею. Проникнуть въ склепъ Бурбоновъ было дѣломъ нелегкимъ, въ виду того, что со стороны склепа стѣна была задѣлана кирпичами, въ которой, впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ рабочіе открыли брешь. Въ склепѣ находилось пятьдесятъ четыре дубовыхъ гроба, обтянутыхъ бархатомъ или муаромъ и стоявшихъ на желѣзныхъ, покрытыхъ ржавчиной пьедесталахъ. Когда склепъ освѣтила лампа, то увидѣли гробъ послѣдняго умершаго короля, стоявшій на цоколѣ, въ ожиданіи прибытія своего преемника. Первый гробъ, открытый революціонерами, принадлежалъ Генриху IV, скончавшемуся 14 мая 1610 г., пятидесяти семи лѣтъ отъ роду. Тѣло короля прекрасно сохранилось отъ вліянія времени, а черты лица были настолько живы, что казалось, будто онъ спитъ. Гробъ прислонили къ колоннѣ въ стоячемъ положеніи, и онъ оставался такъ до 14 октября, и всѣ могли приходить смотрѣть на него. Одинъ солдатъ подъ вліяніемъ воинственнаго воодушевленія приблизился къ побѣдителю лиги и, послѣ долгаго молчаливаго созерцанія саблей отрѣзалъ у него длинную прядь бороды, еще совершенно свѣжей, и приложилъ ее къ своей верхней губѣ. «Теперь я увѣренъ,—сказалъ онъ:—что одержу побѣду надъ врагами; я иду

къ побѣдѣ». Одна женщина подошла къ останкамъ короля и съ выраженіемъ ненависти протянула къ нему кулакъ и ударила его съ такой силой, что трупъ упалъ на землю. Кто-то изъ присутствующихъ вырвалъ у него два зуба, а другой, оторвавъ рукавъ королевской рубашки, протащилъ его по церкви, какъ солдатъ, завоевавшій знамя. Бывшій среди зрителей скульпторъ снялъ съ короля гипсовую маску, которая, несмотря на 184 года, протекшіе послѣ его смерти, оказалась, удачной. Наконецъ, въ понедѣльникъ, въ два часа дня, тѣло короля было отнесено въ громадную общую яму, вырытую на кладбищѣ Валуа.

Людовикъ X сохранился хуже другихъ, но его можно было узнать по тонкимъ, темнымъ, приподнятымъ усамъ. У Людовика XIV лицо было черно, какъ чернила, но на немъ сохранилось суровое выраженіе, еще полное величія, хотя послѣднее, какъ говоритъ Бильяръ, не устрашило рабочихъ, и король все-таки былъ брошенъ въ общую яму, причемъ упалъ на грудь трупа Маріи Медичи. Марія Медичи, Анна Австрійская, Марія-Тереза, сынъ Людовика XIV и дофинъ вслѣдствіе процесса гніенія превратились въ черную жидкость. Въ среду 15 октября, въ 7 часовъ утра были вскрыты гробы Маріи Лещинской, Маріи-Анны-Христины-Викторіи Баварской, жены дофина Людовика и 19 принцевъ и принцессъ Бурбонскаго дома, останки которыхъ должны были слѣдовать въ общую яму. Подъ каждымъ гробомъ находился свинцовый ящикъ въ формѣ сердца, въ которомъ хранились внутренности и сердце покойнаго. На крышкѣ гроба было придѣлано покрытое эмалью сердце, а надъ нимъ корона. Эти эмблемы были отнесены въ муниципалитетъ, а гробы — въ одинъ изъ угловъ кладбища. Самое отвратительное впечатлѣніе представлялъ разгромъ, произведенный 15 октября; большинство труповъ подверглось процессу полнаго гніенія и, по словамъ одного очевидца, надъ ними поднимался черный густой паръ, отвратительнаго запаха. Его старались уничтожить при помощи куренья уксусомъ и пороха, но это мало помогало, и у рабочихъ появилось разстройство желудка и лихорадка, впрочемъ, не имѣвшія дурныхъ послѣдствій. Особенно ночью картина разгрома была ужасна; зажженные факелы освѣтили эту массу раскрытыхъ гробовъ, надъ которыми работали полуодѣтые рабочіе, среди адскаго шума молотковъ и поднимавшихся вверхъ зловонныхъ испареній.

Въ тотъ самый моментъ, когда Марія-Антуанетта поднималась на эшафотъ, былъ извлеченъ гробъ Людовика XV, но вскрыли его только на кладбищѣ у самой могилы. При первыхъ же ударахъ молотка изъ-подъ свинцовой оболочки хлынула такая волна міазмовъ, что присутствовавшіе невольно отступили. Когда трупъ весь былъ вынутъ изъ гроба, то на первый взглядъ показался прекрасно сохранившимся: кожа имѣла нѣжный цвѣтъ, носъ казался фіолетовымъ, а щеки — красными, какъ у новорожденнаго ребенка. Тѣло не было набальзамировано обыкновеннымъ способомъ и плавало въ водѣ, образовавшейся отъ разложенія морской соли, которою покрыли трупъ. Но когда съ него сняли одежду, то оказалось, что произошелъ процессъ полнаго гніенія и запахъ былъ настолько невыносимъ, что оставаться было невозможно. Опять прибѣгли къ пороху, и солдаты дали нѣсколько залповъ, чтобы хотя немного

очистить воздухъ. Поэтому трупъ короля Людовика XV живо бросили въ яму, на слой негашеной извести, покрывъ его нѣсколькими лопатами земли, но сама яма оставалась открытой до слѣдующаго дня, для продолженія работы. Въ виду слишкомъ большого количества гробовъ, занявшихъ много мѣста, въ углу двора была устроена плавильная печь, для превращенія ихъ въ слитки. При вскрытіи гробовъ Карла V, умершаго въ 1380 г., и его жены, Изабеллы Бурбонской, а также его внука, Карла Французскаго, оказалось, что ихъ скелеты хорошо сохранились. Найденныя въ гробахъ эмблемы были отправлены въ муниципалитетъ. Теперь яма была совершенно полна и пришлось выкапывать вторую. Особенность бальзамированія трупа Карла VII обратила на себя вниманіе и состояла въ томъ, что было насыпано много ртути, вполнѣ сохранившей свойственное ей жидкое состояніе. Останки Альфонса Пуатье, брата св. Людовика, превратились въ пепелъ, но волосы остались совершенно не тронутыми временемъ. Въ гробахъ Карла VII и Маріи Анжуйской сохранились остатки серебряной вызолоченной короны и скипетра; останки короля Дагобера и его жены представляютъ лишь кости, завернутыя въ матерію. Открытіе склепа Франциска I, Луизы Савойской и ея матери, Клодины Французской, было чрезвычайно затруднительно и непріятно вслѣдствіе невыносимаго запаха, такъ какъ съ трупами происходилъ процессъ гніенія и они превратились въ жидкообразное состояніе. Особенно всѣхъ поразилъ Францискъ I своими необычайно громадными размѣрами. Всѣ гробы изъ этого склепа были освобождены отъ останковъ только въ общей ямѣ, и когда ихъ перевозили на кладбище, то изъ щелей разбитыхъ гробовъ текла на телѣги черная зловонная жидкость. На прекрасно сохранившемся трупѣ умершаго 28 лѣтъ Филиппа Долгаго, преждевременную смерть котораго народъ считалъ карой Божьей за то, что онъ ударилъ Бонифація III, уцѣлѣла корона съ драгоцѣнными камнями.

11 октября 1793 г. въ соборѣ Сенъ-Дени оставался нетронутымъ только, одинъ гробъ—Тюренна, побѣдителя при Синцгеймѣ, Ладенбургѣ и Тюркгейми, возвращеніе котораго въ Версаль привѣтствовали выстрѣлами. Его останкѣ особенно интересовали рабочихъ. По словамъ Бильяра, они были очень удивлены, найдя бывшаго героя настолько хорошо сохранившимся, что его черты совершенно не измѣнились и онъ походилъ на высохшую мумію свѣтлобураго цвѣта. Судьба останковъ этого полководца подвергалась различнымъ измѣненіямъ: рабочіе уже хотѣли бросить его въ общую яму, когда вліятельныя лица распорядились отдать кладбищенскому сторожу Госту, человѣку методичному и аккуратному, который сумѣлъ извлечь изъ нихъ себѣ пользу. Онъ положилъ останки Тюренна въ деревянный ящикъ и болѣе восьми мѣсяцевъ показывалъ ихъ публикѣ за небольшую плату, такъ что до іюля 1794 г. любопытные со всѣхъ концовъ Франціи съѣзжались къ нему посмотрѣть на бывшаго героя. Мало того, онъ еще ухитрился продать его зубы и одинъ палецъ. Такое благополучіе длилось для Госта до тѣхъ поръ, пока одинъ профессоръ ботаники, Дефонтенъ, пораженный удивительно сохранившимися останками, потребовалъ эту историческую вещь въ кабинетъ естественной исторіи. Снова Тюренну пришлось пуститься въ путь; теперь онъ попалъ въ отдѣлъ рѣдкихъ животныхъ и былъ помѣщенъ между слономъ и носорогомъ, привлекая къ

себѣ массы любопытныхъ. Этимъ еще не окончились его странствія: 2 августа 1796 г. депутатъ отъ Изеры, Дюмоляръ, произнесъ на трибунѣ Совѣта Пятисотъ рѣчь, въ которой пристыдилъ конвентъ за неуваженіе къ національному герою и просилъ помѣстить Тюренна въ болѣе подходящее для вего мѣсто— Музей французскихъ памятниковъ. Снова останки Тюренна были перевезены на новое мѣсто, но и этимъ не окончилась его одиссея. Черезъ два года, 22 сентября 1800 г., пушки въ домѣ Инвалидовъ извѣстили о торжественномъ перемѣщеніи туда этихъ злополучныхъ останковъ. Такое распоряженіе было сдѣлано по иниціативѣ перваго консула, и та же толпа, которая хотѣла бросить останки этого героя въ общую яму, теперь его привѣтствовала почтительными возгласами.

Еще болѣе странная судьба выпала на долю Луизы Лотарингской. Однажды, очищая необходимыя въ каждомъ домѣ мѣста, которыя англичане называютъ въ соединеніи со словомъ water, рабочіе наткнулись на громадный металлическій ящикъ. Когда его вытащили и очистили отъ приставшихъ къ нему нечистотъ, то увидѣли на мраморной доскѣ надпись: «Cy gist Louyse de Lorraine royne de France et de Pologne и т. д.». Въ тотъ же день такая странная находка подняла на ноги всѣхъ антикваріевъ и археологовъ Парижа, которые поспѣшно явились на мѣсто, гдѣ произошло это событіе, заткнувъ носы ватой и завязавъ рты платками, и принялись ее осматривать. Извѣщенное объ этомъ правительство собрало совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Наполеона, который, впрочемъ, въ это время былъ занятъ иными вопросами. Поэтому наскоро было рѣшено купить два квадратныхъ метра на кладбищѣ Père Lachaise и похоронить тамъ королеву. Впослѣдствіи объяснилось, какимъ образомъ тѣло королевы очутилось въ столь неподходящемъ мѣстѣ: часовня, гдѣ покоилась королева, была продана, и на ея мѣстѣ владѣлецъ выстроилъ домъ, мѣста уединенія котораго пришлись какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была прежде часовня.

Но этимъ дѣло не кончилось, и останкамъ королевы, какъ и Тюренну, пришлось еще разъ перемѣнить мѣсто послѣдняго успокоенія, когда пала имперія и возвратились Бурбоны. Людовикъ XVIII въ первый же моментъ своего воцаренія озаботился перенести останки Людовика XVI и Маріи-Антуанетты съ кладбища Магдалины въ Сенъ-Дени. Затѣмъ, когда онъ хотѣлъ опять собрать въ Сенъ-Дени останки своихъ предковъ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, то вспомнилъ о Луизѣ Лотарингской, и 16 января 1817 г., въ три часа дня ее торжественно перенесли со всѣми королевскими почестями въ Сенъ-Дени.

Что касается драгоцѣнностей, которыхъ, по словамъ Бильяра, во время революціи находилось въ соборѣ Сенъ-Дени несмѣтное количество, то ихъ перевезли въ конвентъ. Это перемѣщеніе было обставлено довольно торжественно. 12 ноября 1793 г. граждане всего Парижа съ веселыми патріотическими пѣснями собрались у воротъ Сенъ-Дени. Шесть телѣгъ съ ящиками, украшенныя трехцвѣтными флагами и предшествуемыя гражданиномъ въ широкомъ шарфѣ національныхъ цвѣтовъ и мэромъ коммуны, верхомъ на ослѣ, покрытомъ священными облаченіями, двинулись къ конвенту въ 10 часовъ утра. Здѣсь происходили сцены, если вѣрить Бильяру, чрезвычайно любопытныя по

своему цинизму. Толпа, собравшаяся въ конвентѣ, съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія драгоцѣнностей, и вскорѣ произошло слѣдующее. Прежде всего явилась депутація отъ Франсіада, какъ члены конвента переименовали св. Діонисія, согласно декрету конвента, нашедшаго, что это имя—св. Діонисій—напоминаетъ феодализмъ. При видѣ этой депутаціи, одѣтой по-республикански, проявленіе восторга толпы не знало границъ, и громовыя рукоплесканія огласили залъ. Депутація выложила дароносицы, чаши, мечъ Іоанны Орлеанской, золотыя и серебряныя статуи. Тогда ораторъ депутаціи приблизился къ трибунѣ, держа въ рукахъ черепъ св. Діонисія, вынутый изъ золотой раки, и произнесъ: «Чудо заставило пропутешествовать изъ Монмартра въ Сенъ-Дени голову святого, которую мы вамъ приносимъ. Другое чудо, еще больше и современнѣе,—чудесное перерожденіе мнѣній—привело эту голову въ Парижъ. Между этими перемѣщеніями существуетъ разница: святой, согласно легендѣ, почтительно цѣловалъ свою отсѣченную голову при каждомъ положеніи своего тѣла, мы же не пытались цѣловать этой вонючей реликвіи. Этотъ черепъ и священная ветошь, которая его сопровождаетъ, наконецъ перестанутъ быть смѣшными предметами почитанія народа и пищей для лжи и фанатизма. Золото и серебро, которыя служатъ имъ оболочкой, пойдутъ на подкрѣпленіе власти разума и свободы». Затѣмъ, обращаясь не къ присутствующимъ, а къ святымъ, онъ произнесъ: «Орудія фанатизма, святые, святыя, всякаго рода блаженные, будьте же наконецъ патріотами; поднимитесь всѣ и двиньтесь на помощь родинѣ, ступайте на монетный дворъ и не можете ли помочь намъ создать на этомъ свѣтѣ то счастье, которое вы обѣщаете намъ на томъ свѣтѣ. Доставляю вамъ, граждане,—сказалъ онъ толпѣ,—всю золоченую гниль, какая существуетъ во Франсіадѣ: мы наполнили ею шесть телѣгъ. Тамъ остался лишь золотой престолъ, который мы не могли перевезти. Просимъ васъ распорядиться въ комиссіи памятниковъ, чтобы насъ отъ него немедленно избавили; нельзя найти лучшаго эскорта для блаженныхъ, какъ мэръ нашей общины, который одинъ изъ первыхъ священниковъ округа пожертвовалъ для философіи священническими ошибками, разстригшись и женившись. Клянусь именемъ всѣхъ гражданъ города Франсіады не признавать никакого иного культа, какъ культъ свободы, равенства и братства». При этомъ онъ запѣлъ революціонный гимнъ, и всѣ выпили круговую чашу изъ дароносицы, послѣ чего вся депутація прошла мимо перилъ, приплясывая и распѣвая «аллилуйя».

Въ послѣдній разъ обѣдню служили въ Сенъ-Дени въ 1792 г. Этотъ соборъ въ теченіе 11 вѣковъ служилъ усыпальницей королей. Невыносимое зловоніе изъ разрытыхъ могилъ не позволяло впослѣдствіи совершать священнодѣйствія, и соборъ, въ которомъ происходило столько коронованій и прочихъ торжествъ, послѣдовательно превращался въ складъ для артиллерійскихъ снарядовъ, балаганъ и складъ фуража. Соборъ былъ весь покрытъ свинцомъ, который увезли въ 1795 г. въ Парижъ; тогда храмъ обратился въ рынокъ, а затѣмъ въ фабрику; одно время на этомъ мѣстѣ даже хотѣли сдѣлать улицу. Казалось, что судьба собора была уже рѣшена, но появленіе Наполеона ее измѣнило: было рѣшено обратить его въ военный госпиталь, который существовалъ въ теченіе десяти лѣтъ. Наполеонъ не думалъ возвратить останки

королей на прежнее ихъ мѣсто, но хотѣлъ увѣковѣчить память объ нихъ, воздвигнувъ тамъ серію статуй.

Возвратившійся Людовикъ XVIII при торжественной обстановкѣ перенесъ прахъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты опять въ Сенъ-Дени, а нѣсколько времени спустя королевскимъ декретомъ былъ закрытъ историческій музей и статуи съ гробницами были перенесены туда же, въ Сенъ-Дени, одинаково какъ и большинство другихъ мавзолеевъ, находившихся на кладбищѣ.

— Отрывки изъ записокъ Станислава-Августа Понятовскаго.— Записки послѣдняго короля польскаго, Станислава-Августа Понятовскаго болѣе ста лѣтъ хранились въ петербургскомъ государственномъ архивѣ и до послѣдняго времени были недоступны для историковъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году они появились на свѣтъ. С. Горяиновъ познакомилъ съ ними не только русскую, но и французскую публику, помѣстивъ отрывки изъ нихъ въ Россіи въ «Вѣстникѣ Европы», а въ Парижѣ въ «Revue Hebdomadaire» [1]). Этихъ записокъ имѣется всего десять томовъ, но Горяиновъ напечаталъ по-французски только отрывки изъ перваго тома, касающагося посѣщенія Понятовскимъ Парижа и Лондона въ 1753—54 гг., а по-русски—изъ второго тома о пребываніи его въ Петербургѣ при Елизаветѣ Петровнѣ. Что же касается остальныхъ томовъ мемуаровъ Понятовскаго, то Горяиновъ лишь вскользь упоминаетъ объ нихъ, и третій томъ кончается избраніемъ Понятовскаго на польскій престолъ въ 1764 г.; остальныя же пять частей относятся къ исторіи Польши въ царствованіе Понятовскаго по 1795 г. По словамъ Горяинова, кромѣ вышеупомянутыхъ томовъ, существуютъ еще два тома записокъ и бумагъ Станислава-Августа, касающихся послѣднихъ лѣтъ его жизни, проведенныхъ снова въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ по приглашенію императора Павла, но они до сихъ поръ не разысканы.

Въ предисловіи Горяинова къ отрывкамъ мемуаровъ Понятовскаго въ «Revue Hebdomadaire» вкратцѣ говорится о дѣтствѣ и молодости будущаго фаворита Екатерины и короля Польши. Онъ родился въ 1732 г. и былъ сыномъ графа Станислава Понятовскаго и его жены Констанціи Чарторыйской, которая старательно занималась его воспитаніемъ. Такимъ образомъ Понятовскій сдѣлался высокообразованнымъ юношей и двѣнадцати лѣтъ даже пристрастился къ богословскимъ вопросамъ и метафизикѣ. По мнѣнію его отца, самой лучшей школой для молодого человѣки была военно-походная жизнь, и потому въ 1748 г. Понятовскаго послали въ русскую армію, отправлявшуюся на помощь Австріи. Но едва онъ достигъ Аахена, какъ подписаны были предварительныя условія мира, закончившаго войну за австрійское наслѣдство. Понятовскому ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться путешествовать по Германіи, и онъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ познакомился съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Чарльзомъ Генсбюри Уильямсомъ, который очень къ нему привязался и впослѣдствіи взялъ его себѣ въ секретари во время своего посольства въ Петербургѣ. Еще ранѣе Уильямсъ ѣздилъ съ нимъ въ Дрезденъ,

[1]) Stanislas-Auguste Poniatowski. Extraits de ses mémoires inédits publiés par M. Serge Goriainow. «La Revue Hebdomadaire» 11, 18, 25 Juliet 1 août 1908.

Вѣну и Голландію, гдѣ послѣдній былъ представителемъ своего государства. «Моезнакомство съ англійскимъ посланникомъ,—пишетъ въ своихъ мемуарахъ Понятовскій,—послужило во многомъ тому, что въ высшемъ обществѣ я пріобрѣлъ уваженіе и значеніе вліятельнаго человѣка, вовсе несвойственное моему возрасту и моему малому росту, который увеличился только въ этомъ году». Въ 1752 г. Понятовскій явился въ Парижъ и оставался тамъ цѣлый годъ.

Благодаря значительному количеству полученныхъ отъ своего отца и Уильямса рекомендательныхъ писемъ къ знатнымъ особамъ обоего пола, Понятовскій сразу очутился въ высшемъ аристократическомъ кругу Парижа. Особенно милостиво отнеслась къ нему извѣстная г-жа Жоффренъ, которая, хотя происходила изъ буржуазной семьи и была замужемъ за богатымъ коммерсантомъ, но имѣла салонъ, гдѣ собирались всѣ знаменитости, знатные иностранцы, писатели, художники и т. д. Она чрезвычайно полюбила Понятовскаго и обращалась съ нимъ, какъ съ сыномъ. Даже впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался польскимъ королемъ, г-жа Жоффренъ постоянно переписывалась съ нимъ и даже однажды посѣтила его въ Варшавѣ. «Эта необыкновенная женщина,—пишетъ Понятовскій,—въ теченіе сорока лѣтъ пользовалась уваженіемъ почти всѣхъ лицъ, замѣчательныхъ по своимъ способностямъ, талантамъ или красотѣ, и этимъ она обязана своему уму, а также оказываемымъ ею безконечнымъ услугамъ. Теперь ей уже семьдесятъ лѣтъ и она походитъ на Нинонъ де-Ланкло, хотя совершенно въ другомъ родѣ: она ходитъ пѣшкомъ, пишетъ, ухаживаетъ за своими друзьями, ворчитъ на нихъ и даже тиранитъ ихъ, точно ей не больше тридцати лѣтъ. Понятовскій встрѣчался у нея съ такими замѣчательными людьми, какъ Монтескье, и часто обѣдалъ съ учеными, въ томъ числѣ Фонтенелемъ. Г-жа Жоффренъ, однако, избѣгала приглашать къ себѣ Понятовскаго, когда у нея собирались артисты. Это странное обстоятельство онъ объяснялъ тѣмъ, что она боялась уронить себя въ его глазахъ, такъ какъ артисты вели себя съ нею свободно и позволяли себѣ возражать ей, противорѣчить и даже оспаривать ея мнѣнія, тогда какъ Понятовскому она сама не разъ дѣлала выговоры и обучала его свѣтскимъ обычаямъ. Ея наставленія относительно свѣтскихъ приличій были для Понятовскаго полезны, такъ какъ молодой человѣкъ не умѣлъ ни льстить, ни облекать свои мысли въ стильную оболочку и потому часто попадалъ въ неловкое положеніе. Однажды онъ встрѣтился въ обществѣ со старымъ герцогомъ Ноэлемъ, близкимъ знакомымъ своего отца, и на его вопросъ: «Что говорятъ о нашемъ братѣ, министрѣ Франціи, въ странѣ, откуда вы пріѣхали?»—отвѣтилъ: «Прикажете быть искреннимъ?»—«Да, я приказываю, я этого требую!» Понятовскій сказалъ, что всѣ уважали герцога за прямоту и считали его джентльменомъ, слову котораго можно довѣрять. Не разобравъ, что герцогъ только изъ свѣтскаго такта упомянулъ вообще о министрахъ и интересовался знать мнѣніе только о себѣ одномъ, добавилъ: «И я слышалъ отъ тѣхъ же людей почти то же самое и о маркизѣ Пюизье». Герцогъ ничего не отвѣтилъ, перемѣнилъ разговоръ и вышелъ изъ комнаты, оставивъ Понятовскаго въ комнатѣ съ своей дочерью, графиней де-ла-Маркъ, и г-жою Бранка. Понятовскій замѣтилъ, что обѣ женщины о чемъ-то тихо, но очень оживленно разговариваютъ.

Затѣмъ графиня принялась его упрекать за нетактичное сравненіе господина съ лакеемъ: «Развѣ вы не знаете,—прибавила она:—что Пюизье всѣмъ обязанъ маршалу Ноэлю, и онъ не созданъ быть въ одномъ ряду съ нимъ?» Понятовскій извинился, увѣряя, что не хотѣлъ сказать ничего непріятнаго герцогу. Но чѣмъ болѣе онъ извинялся, тѣмъ больше она бранила его, пока не вмѣшался самъ герцогъ, сказавъ, что Понятовскій сдѣлалъ это безъ умысла. Когда черезъ три дня Понятовскій явился къ г-жѣ Жоффренъ, то былъ удивленъ, увидя, что она приблизилась къ нему со сжатыми кулаками и съ гнѣвомъ спросила: «Знайте, глупая тварь, что когда человѣкъ спрашиваетъ: «что обо мнѣ говорятъ?» онъ хочетъ, чтобы хвалили его одного». Понятовскій подчинился требованіямъ г-жи Жоффренъ и, по его словамъ, старался привыкнуть къ различнымъ стилямъ въ обращеніи, къ которымъ она сама прибѣгала согласно обстоятельствамъ, хотя ему это удавалось съ трудомъ.

Французская королева Марія Лещинская приняла его, какъ принимала всѣхъ поляковъ,—радушно. Несмотря на то, что Польшу будущая королева покинула съ колыбели, она умѣла говорить по-польски и въ бесѣдѣ съ соотечественниками объяснялась на своемъ родномъ языкѣ. Впрочемъ, хотя она относилась къ полякамъ любезно, но эта любезность не приносила имъ существенной пользы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она, впавъ въ ханжество, отдалила отъ себя короля. По словамъ Понятовскаго, король любилъ ее одну и когда въ его присутствіи хвалили другую женщину, онъ спрашивалъ: «Красивѣе ли она королевы»? Онъ завелъ себѣ любовницъ лишь съ того момента, когда королева повела аскетическій образъ жизни. О маркизѣ Помпадуръ Понятовскій говоритъ, что она была въ то время во всемъ блескѣ красоты, хотя уже нѣсколько лѣтъ жила съ королемъ. Но молодому поляку не удалось слышать ея голоса и даже видѣть ее, исключая одного раза, когда онъ былъ ей представленъ. Понятовскому одна личность показалась очень странной — это шестидесятилѣтній герцогъ Жеврскій, губернаторъ Парижа. Будучи храбрымъ генераломъ и энергичнымъ государственнымъ дѣятелемъ, въ частной жизни онъ отличался совершенно женскими наклонностями: спалъ до двѣнадцати часовъ въ женскомъ чепцѣ съ лентами, завязанными бантомъ подъ подбородкомъ.

Несмотря на старанія г-жи Жоффренъ, Понятовскому еще не разъ приходилось дѣлать прегрѣшенія противъ свѣтскихъ уставовъ. Между прочимъ его представили Луизѣ-Аннѣ Бурбонской, которую назвали при рожденіи мадемуазель де-Сенъ, а впослѣдствіи мадемуазель де-Шаролэ. Эта красавица не давала безплодно пропадать своей красотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалась одной изъ самыхъ почетныхъ особъ хорошаго тона, которую посѣщали самыя набожныя дамы, хотя она имѣла у себя въ домѣ любовника. Въ тотъ же день, когда Понятовскаго представили г-жѣ де-Шаролэ и всѣ гости пошли съ хозяйкой въ садъ, она обратилась къ нему со словами: «Сударь, принесите мнѣ мой к....» Понятовскій въ изумленіи молчалъ. Тогда принцесса нетерпѣливо повторила просьбу. На это онъ отвѣтилъ: «Я думалъ, что онъ всегда слѣдуетъ за вами!» Раздался хохотъ, и ему объяснили, что принцесса такъ называетъ подушку, которую подвязывала себѣ позади, чтобы

имѣть ее всегда наготовѣ, когда хотѣла сѣсть. Съ этихъ поръ молодой полякъ заслужилъ расположеніе принцессы и пользовался имъ до тѣхъ поръ, пока опять не совершилъ проступка противъ свѣтскихъ обычаевъ. Эта особа собирала деньги на монастырь, и Понятовскій, видя, что нѣкоторые французы, шутя, скупились на лепту, вздумалъ имъ подражать, чѣмъ вызвалъ недовольство г-жи Шаролэ. Узнавъ объ этомъ поступкѣ, г-жа Жоффренъ три недѣли ворчала на него. Молодой полякъ былъ недоволенъ царившимъ въ Парижѣ этикетомъ, который затруднялъ доступъ въ свѣтскіе дома. Ему приходилось встрѣчаться съ людьми по нѣсколько разъ, обѣдать и ужинать вмѣстѣ, даже бесѣдовать съ ними, но когда онъ просилъ кого-нибудь представить его въ домѣ этихъ лицъ, то всегда слышалъ одинъ отвѣтъ: «Прежде надо попросить у нихъ разрѣшенія». Въ Польшѣ Понятовскій къ этому не привыкъ, и этотъ парижскій обычай ему не нравился.

Проведя болѣе года въ шумномъ Парижѣ, онъ поѣхалъ въ февралѣ 1754 г. въ Лондонъ. Одно изъ первыхъ его посѣщеній англійскихъ государственныхъ учрежденій было въ палату пэровъ, помѣщеніе которой ему показалось гораздо скромнѣе польскаго сената. Онъ очень жалѣлъ, что не понималъ, какъ говорили лорды по-англійски, хотя, читая Шекспира, почти все разбиралъ. Предсѣдатель палаты, лордъ канцлеръ графъ Гардвигъ, съ сыномъ котораго онъ познакомился въ Голландіи, принялъ молодого поляка чрезвычайно любезно и представилъ его многимъ знатнымъ лицамъ. Между прочимъ къ нему подошелъ какой-то незнакомецъ и, назвавъ себя Станлеемъ, сказалъ, что ему говорила объ немъ г-жа Жоффренъ и просила оказать молодому поляку всевозможныя услуги въ Англіи. Этотъ Станлей, впослѣдствіи лордъ Дэрби, былъ чрезвычайно полезенъ Понятовскому въ отношеніи знакомства съ англійскимъ обществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ познакомилъ его съ оригинальнымъ спортомъ — пѣтушинымъ боемъ, на которомъ присутствовало до четырхсотъ человѣкъ самыхъ разнообразныхъ классовъ, начиная съ сына короля, герцога Кумберландскаго, до простыхъ носильщиковъ. Кромѣ того, Станлей сопровождалъ Понятовскаго въ театръ, гдѣ давали трагедіи Шекспира, которыя показались поляку во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно странными.

Тогдашній англійскій король Георгъ II принялъ Понятовскаго чрезвычайно любезно, такъ какъ Уильямсъ говорилъ ему о немъ ранѣе. Король разспрашивалъ его между прочимъ о дѣлѣ князей Острожскихъ, касавшемся ихъ помѣстій въ Волыни, и которое въ то время интересовало многихъ англичанъ. «Изъ всего, что я слышалъ объ этомъ королѣ,—писалъ Понятовскій,—можно заключить, что онъ отличался здравымъ смысломъ и давалъ дѣламъ необходимое направленіе, не фантазируя безъ всякой причины. Его любили одинаково какъ министры, такъ и придворные слуги, но многіе англичане его не терпѣли, какъ ганноверца, и въ этомъ отношеніи ему особенно вредили лордъ Болинброкъ, поэтъ Попэ и сатирикъ Свифтъ. Если бы не они, то уваженіе всего англійскаго народа, выказанное впослѣдствіи къ королю, проявилось бы пятнадцать лѣтъ ранѣе. Незадолго до посѣщенія Понятовскимъ Англіи умеръ первый министръ, сэръ Генри Пельгамъ, и его замѣстилъ старшій братъ герцогъ Ньюкэстль. По словамъ Понятовскаго, этотъ человѣкъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ любо-

пытный и оригинальный англичанинъ. Такъ, напримѣръ, онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, имѣя двадцать пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода, а вышелъ изъ него, имѣя только 19 милліоновъ. Въ этомъ отношеніи герцогъ Ньюкэстль, по увѣренію молодого поляка, составлялъ поразительный контрастъ другимъ государственнымъ людямъ, какъ, напримѣръ, знаменитому министру Вальполю, оставившему своимъ дѣтямъ состояніе гораздо большее, чѣмъ онъ получилъ отъ отца.

Въ числѣ другихъ государственныхъ людей Англіи Понятовскій не разъ видалъ Вильяма Питта, лорда Чатама, также прославившагося своимъ патріотизмомъ и безкорыстіемъ. Но Понятовскому не приходилось съ нимъ разговаривать, онъ только сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ высокомъ, худощавомъ, съ орлиной физіономіей, походившемъ на бюстъ Юлія Цезаря. Еще очень сочувственно отзывается Понятовскій о двухъ англійскихъ лордахъ: Честерфильдѣ и Гренвилѣ, изъ которыхъ первый прекрасно говорилъ по-французски, какъ настоящій парижанинъ, а второй питалъ такое пристрастіе къ испанскому языку, что издалъ на свой счетъ подлинникъ «Донъ-Кихота».

Наконецъ въ іюнѣ 1754 г. двадцатилѣтній полякъ былъ вызванъ родителями въ Варшаву, гдѣ онъ видѣлся съ Уильямсомъ, который взялъ съ него слово ѣхать съ нимъ въ Россію, когда онъ будетъ назначенъ въ Петербургъ посланникомъ. Это состоялось въ слѣдующемъ году, но Понятовскій не успѣлъ его догнать, такъ что онъ одинъ отправился въ это долгое путешествіе, а Понятовскій прибылъ въ русскую столицу въ концѣ іюня 1755 г.

На этомъ оканчивается первый томъ его мемуаровъ. Въ Петербургѣ же онъ пребывалъ два раза при императрицѣ Елизаветѣ, сначала секретаремъ Уильямса, а потомъ польскимъ посланникомъ. При этомъ въ обоихъ случаяхъ онъ былъ фаворитомъ Екатерины, тогда еще великой княгини, жены будущаго Петра III.

— **Мемуары актрисы Жоржъ.**—Одинъ изъ парижскихъ стряпчихъ, П. Шерами, большой любитель театра и другъ обоихъ Дюма, отца и сына, случайно купилъ на публичномъ аукціонѣ записки извѣстной госпожи Жоржъ. Недавно, выйдя въ отставку, Шерами занялся пересмотромъ и классификаціей этихъ мемуаровъ, которые были написаны госпожою Жоржъ въ 1857 г., когда ей было 70 лѣтъ. Онъ издалъ ихъ только въ настоящемъ году, но они уже появились въ пяти изданіяхъ. Шерами предпослалъ этой книгѣ [1]) краткое предисловіе, въ которомъ объясняетъ, какимъ образомъ появились на свѣтъ эти мемуары и, кромѣ того, прибавляетъ еще введеніе, содержащее въ себѣ краткую характеристику жизни и театральной дѣятельности г-жи Жоржъ. Хотя, по словамъ издателя, мемуары Жоржъ отличаются интересомъ и на каждомъ шагу въ нихъ замѣтны слѣды великой актрисы и добродушной женщины, но, въ сущности, эти записки, доходящія только до ея отъѣзда въ Россію, сто лѣтъ тому назадъ, въ 1808 г.—любопытны лишь по воспоминаніямъ о ея отношеніяхъ

---

[1]) Mémoires inédits de mademoiselle George publiés d'arpès le manuscrit original par P. A. Cheramy. Paris. 1908.

къ Наполеону. Что касается пятилѣтняго пребыванія Жоржъ въ Россіи, то въ появившихся мемуарахъ говорится объ этой эпохѣ, интересной особенно для насъ, лишь на двухъ страницахъ. Вообще о послѣдующемъ существованіи и театральной дѣятельности г-жи Жоржъ упоминается только въ нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ. Кромѣ того, издатель прибавилъ въ концѣ книги извлеченія изъ отзывовъ о знаменитой актрисѣ различныхъ извѣстныхъ авторовъ: Александра Дюма, Виктора Гюго, Теофила Готье, Вакри и т. д.

Мемуары г-жи Жоржъ начинаются съ ея біографіи. Она родилась въ Байе, 23 февраля 1787 г. въ артистической семьѣ. Ея отецъ, по происхожденію нѣмецъ, Веймеръ, былъ сначала капельмейстеромъ, а потомъ директоромъ провинціальной театральной труппы, въ которой ея мать играла роли субретокъ. Въ пять лѣтъ маленькая Мими, подъ псевдонимомъ Жоржъ, оставшимся за нею на всю жизнь, дебютировала въ одноактной оперѣ «La petite victoire». Затѣмъ въ Амьенѣ она перешла на драматическія роли, и мать замѣтила, что десятилѣтняя Мими была лучше въ трагическихъ роляхъ, чѣмъ въ комическихъ. Тамъ съ нею познакомилась находившаяся проѣздомъ извѣстная актриса изъ «Французской Комедіи», госпожа Рокуръ, полюбила ее за красоту и сценическія дарованія, уговорила ея мать пріѣхать въ Парижъ и отдать маленькую актрису къ ней въ обученіе. Госпожѣ Рокуръ было поручено министерствомъ найти молоденькую, способную дѣвушку и подготовить ее себѣ въ замѣстительницы. Еще до ея дебюта ей было предложено годовое содержаніе въ 1200 франковъ. Съ самаго начала г-жа Рокуръ дала ей выучить роль Эмиліи въ «Циннѣ»; молодая дѣвушка принялась за изученіе съ неимовѣрной энергіей. Кромѣ того, ей и матери давали даровые билеты въ театръ «Французской Комедіи» и она скоро познакомилась съ лучшими актерами и актрисами того времени: Тальмой, госпожою Марсъ, Лафономъ и т. д.

Кромѣ театральныхъ знакомствъ, Жоржъ еще сблизилась со многими друзьями г-жи Рокуръ, между прочимъ съ Жозефиной, въ то время женой перваго консула, и со всѣмъ его семействомъ. Жозефина особенно любезно обращалась съ ученицей г-жи Рокуръ и, выслушавъ впервые ея декламацію въ роли Идемы въ «Китайской сиротѣ», была такъ взволнована, что расплакалась и промолвила: «Мое дитя, у васъ талантъ на роли матерей: вы совершенно взволновали мое сердце». Жоржъ продолжала старательно учиться, и наконецъ 29 ноября 1802 г. наступилъ ея дебютъ во «Французской Комедіи», въ роли Клитемнестры въ «Ифигеніи въ Авлидѣ». Успѣхъ Жоржъ былъ большой, и первый консулъ, присутствовавшій со своей семьей въ театрѣ, принималъ участіе въ общихъ рукоплесканіяхъ. Еще блестящѣе былъ ея второй дебютъ въ роли Аменаиды въ «Танкредѣ». Затѣмъ слѣдовали одна за другой: «Китайская сирота», «Цинна» и наконецъ «Федра». По предсказанію Жозефины и по совѣту г-жи Рокуръ, она выбирала себѣ роли молодыхъ принцессъ, королевъ и матерей. Она сама въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что любила эти роли и чувствовала себя въ нихъ непринужденно.

Слава молодой актрисы все росла, и, кромѣ ея сценическаго успѣха, она пріобрѣтала большую популярность, какъ замѣчательная красавица, несмотря на то, что ей шелъ тогда только шестнадцатый годъ. По ея словамъ, у нея было много

поклонниковъ, но молодая дѣвушка вела себя чрезвычайно степенно, скромно и цѣломудренно. Въ числѣ ея платоническихъ поклонниковъ находился польскій магнатъ, князь Сапѣга, который дѣйствительно любилъ ее платонически, безъ примѣси страсти. Онъ устроилъ для нея роскошную квартиру съ богатой обстановкой, давалъ ей, кромѣ денегъ на прожитіе, еще и богатые подарки. Наконецъ въ томъ же 1802 г. началась новая эпоха въ жизни г-жи Жоржъ: она сблизилась съ Наполеономъ. По словамъ всѣхъ историковъ, онъ имѣлъ страстную натуру, и его отношенія ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Жозефины, Маріи-Луизы, графини Валевской и г-жи Жоржъ, отличались грубой чувственностью. Фредерикъ Массонъ разсказываетъ, что обыкновенно, пригласивъ къ себѣ актрису или кого-либо изъ придворныхъ дамъ, Наполеонъ, по прибытіи ея во дворецъ, сначала приказывалъ ей дожидаться, потомъ раздѣваться и наконецъ, занятый дѣлами, онъ преспокойно говорилъ: «Пусть ее убирается». Когда же онъ отправлялся на свиданіе, то чаще всего, по словамъ Стендаля, оно оканчивалось въ три минуты. Его временныя фаворитки, пѣвица госпожа Бронино, актрисы Дюшенуа и Бургоэнъ, а также придворныя дамы, удостоенныя его минутной милостью, говорили съ ужасомъ: «О чудовище! О жестокій тиранъ!» Съ г-жою Жоржъ Наполеонъ обращался совершенно иначе и не только пламенно привязался къ ней, но и страстно влюбилъ ее въ себя. Близкія отношенія между Наполеономъ и юной актрисой продолжались шесть лѣтъ, и хотя, быть можетъ, она преувеличиваетъ въ своихъ мемуарахъ его любезность, добродушіе и нѣжность къ ней, но все-таки ея разсказъ объ этой эпохѣ ея жизни—чрезвычайно интересенъ.

Первое свиданіе Наполеона съ г-жою Жоржъ произошло совсѣмъ для нея неожиданно: онъ прислалъ къ ней своего камердинера Констана съ приглашеніемъ пріѣхать въ Сенъ-Клу вечеромъ и дать ему возможность лично поздравить ее со сценическими успѣхами. Она, какъ почти всѣ женщины въ Парижѣ, восхищалась Наполеономъ, а потому выразила свое согласіе. Первый консулъ встрѣтилъ ее очень любезно и съ самаго начала просилъ позволенія называть ее Жоржиной. Этимъ именемъ ее называлъ впослѣдствіи не только Наполеонъ, но и все его семейство. «Я послалъ вамъ за прекрасное исполненіе роли Эмиліи въ «Циннѣ» три тысячи франковъ,—сказалъ онъ:—но вы даже не поблагодарили меня, гордая красавица». Жоржъ скромно отвѣчала, что она не смѣла безпокоить его своимъ посѣщеніемъ, не получивъ приглашенія. Послѣ этого Наполеонъ началъ ее разспрашивать о подробностяхъ всей ея жизни, и такимъ образомъ, до 5 часовъ утра они занимались невинными разговорами. «Не сегодня,—говорила юная актриса, когда консулъ приставалъ къ ней со своими ласками:—я обѣщаю вамъ пріѣхать въ другой разъ». Но и на слѣдующій день она упросила Наполеона отстрочить исполненіе его желаній. «Я васъ очень люблю,—говорила она:—но боюсь, что моя любовь будетъ слишкомъ пылкая, и я стану отъ этого несчастна. Вы великій человѣкъ и не можете любить никого, кромѣ вашей славы. Вы слишкомъ скоро забываете бѣдныхъ женщинъ; для васъ онѣ только игрушки, которыя вамъ болѣе или менѣе нравятся только короткое время; а хотя вы и первый консулъ, но я не хочу быть вашей игрушкой».—«Но если вы будете моей любимой игрушкой, то развѣ вамъ

этого недостаточно,—отвѣчалъ онъ:—не будьте недовѣрчивы, Жоржина». Въ доказательство своей глубокой привязанности къ ней, Наполеонъ согласился подождать до слѣдующаго дня. Наступило это ожидаемое третье свиданіе, и его желанія наконецъ осуществились. При этомъ, по словамъ Жоржъ, великій человѣкъ, который былъ извѣстенъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ женщинами, отличался въ отношеніи молодой актрисы самой нѣжной любовью и даже юношеской деликатностью. Онъ весело и добродушно исполнялъ обязанности горничной и помогалъ ей въ седьмомъ часу утра прибрать комнату, чтобы скрыть произведенный безпорядокъ.

Слѣдующія затѣмъ двѣ недѣли они оба были счастливы, какъ нельзя болѣе, и Жоржъ особенно восхищалась тѣмъ, что Наполеонъ самъ разувалъ и обувалъ ее, хотя у нея были грубыя большія ноги, въ вознагражденіе за что она отличалась красивыми аристократическими руками. Въ эту эпоху ихъ общаго блаженства Наполеонъ упросилъ г-жу Жоржъ пріѣхать въ Сенъ-Клу утромъ и отправиться съ нимъ гулять. Эта прогулка оказалась очаровательной, и храбрый полководецъ съ нѣжностью склонялся передъ красавицей, очищая ей дорогу отъ различныхъ препятствій изъ боязни, чтобы она не поранила себѣ ногъ. Во время другихъ свиданій онъ игралъ съ нею, какъ настоящій ребенокъ, и они оба валялись на коврѣ. Онъ осыпалъ ее драгоцѣнными подарками и давалъ ей безъ конца денегъ, но всегда лично. Однако съ теченіемъ времени ихъ свиданія становились рѣже и рѣже, и наконецъ онъ объявилъ ей, среди безконечныхъ нѣжныхъ ласкъ, что онъ долго съ нею не увидится, и причиной этому было его коронованіе. Затѣмъ прошло пять недѣль, и императоръ по обыкновенію послалъ Констана за г-жою Жоржъ. Обиженная долгой разлукой, она сначала не хотѣла ѣхать, но кончила тѣмъ, что явилась на зовъ императора, разодѣвшись съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Онъ принялъ ее со своимъ обычнымъ добродушіемъ, но сказалъ ей: «Какъ ты нарядна, Жоржина, но ты совершенно измѣнилась и стала манерничать; будь прежней, какой ты всегда была, простой и доброй женщиной». Она отвѣчала, что не могла не измѣниться, такъ долго не видавъ его, что была естественно разочарована и желала перемѣнить воздухъ, хотя, конечно, будетъ являться къ его величеству, когда онъ того пожелаетъ. Однако Жоржъ не исполнила своего обѣщанія и 7 мая 1808 г. неожиданно исчезла изъ Парижа, гдѣ она должна была играть роль Манданы въ «Артаксерксѣ». Причиной ея разрыва съ Наполеономъ была ревность: сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ рѣдко съ нею видѣться и, по ея словамъ, завелъ другихъ фаворитокъ, въ томъ числѣ госпожу Дюшатель. Кромѣ того, въ Парижѣ ей было чрезвычайно скучно и грустно, хотя она находилась въ самомъ модномъ обществѣ, и, наконецъ, ей необходимы были деньги, а просить у императора она не хотѣла. Между тѣмъ русскій посланникъ графъ Толстой сталъ уговаривать ее поѣхать въ Россію, гдѣ она будетъ принята съ восторгомъ. То же говорилъ ей флигель-адъютантъ Александра, графъ Бенкендорфъ, который неожиданно сдѣлался ея любовникомъ и обѣщалъ на ней жениться, но прежде своей свадьбы онъ, какъ увѣряетъ издатель мемуаровъ Шерами, хотѣлъ представить ее своему государю. Слѣдствіемъ всего этого было ея бѣгство въ Петербургъ.

По дорогѣ она заѣхала въ Вѣну и познакомилась тамъ съ княгиней Багратіонъ, которую она нашла «молодой, красивой и прелестной женщиной», настолько ей понравившейся, что она разсталась съ ней съ сожалѣніемъ. Въ Петербургѣ ее ожидалъ самый радушный пріемъ, какъ при дворѣ, такъ и въ аристократическомъ обществѣ. Только, къ сожалѣнію, мемуары Жоржъ оканчиваются съ ея отъѣздомъ изъ Парижа въ 1808 г., т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о ея жизни и сценической дѣятельности почерпаются изъ отдѣльныхъ отрывковъ ея воспоминаній, корреспонденцій и т. д. Она провела въ Петербургѣ пять лѣтъ и дебютировала въ роли Семирамиды, имѣвшей громадный успѣхъ. Императоръ Александръ послѣ представленія зашелъ къ ней въ ложу поздравить съ успѣхомъ. «Сударыня,—сказалъ онъ ей,—вы носите корону лучше, чѣмъ носила ее наша великая Екатерина».—«Ваше величество,—отвѣчала она:—это потому, что моя корона не такъ тяжела, какъ всероссійская». Спустя нѣсколько дней императоръ прислалъ ей великолѣпную корону, сдѣланную по образцу той, которую носила Екатерина II. Еще до полученія этого драгоцѣннаго подарка Александръ сказалъ Жоржъ со слезами на глазахъ: «Это первый разъ, что я плачу съ тѣхъ поръ, какъ посѣщаю театръ». Во все время пребыванія актрисы Жоржъ въ Петербургѣ императоръ окружалъ ее вниманіемъ и роскошными подарками, но придворныя интриги, по наущенію императрицы-матери, выписавшей Жоржъ съ цѣлью отвлечь Александра отъ Маріи Антоновны Нарышкиной и сдѣлать фавориткой Александра, не удались. Въ мемуарахъ Коленкура говорится о близкихъ отношеніяхъ Жоржъ, кромѣ графа Бенкендорфа, еще съ актеромъ юДпоромъ и мужемъ Маріи Антоновны. Кромѣ того, по увѣренію всѣхъ современниковъ, она была постоянно окружена русской аристократической молодежью. По словамъ современниковъ, г-жа Жоржъ одерживала побѣды не только надъ мужчинами, но и надъ женщинами. Такъ, русскій генералъ баронъ Левенштернъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что однажды вечеромъ во время бала у княгини Мещерской онъ засталъ г-жу Жоржъ въ саду въ гротѣ съ княгиней Голицыной и въ такой позѣ, какая напоминала Ифигенію и Ахилла. Шерами считаетъ этотъ разсказъ гнусной клеветой, но все-таки полагаетъ, что Жоржъ, какъ ученица Рокуръ, могла заимствовать у нея образцы утонченнаго разврата. Наконецъ въ 1812 г. наступили роковыя бѣдствія Наполеона и французской арміи; г-жа Жоржъ пришла въ отчаяніе, и когда русская полиція приказала ей иллюминовать окна по случаю Бородинской битвы, она наотрѣзъ отъ этого отказалась. «Она права,—сказалъ Александръ:—я не хочу, чтобъ ее безпокоили: она ведетъ себя, какъ хорошая француженка». Но вскорѣ оставаться въ Россіи ей было невыносимо, вслѣдствіе позора французовъ, и 28 января 1813 г. она уѣхала въ Швецію, гдѣ Бернадотъ и г-жа Сталь, бывшая въ то время тамъ, приняли ее очень любезно. Г-жу Жоржъ сопровождала часть французской труппы, а потому она дала нѣсколько представленій въ Стокгольмѣ, между прочимъ «Мэропу». Въ скоромъ времени она присоединилась въ Дрезденѣ къ французской арміи и по желанію Наполеона играла вмѣстѣ съ Тальмой и труппой «Французской Комедіи». Императоръ видѣлся со своей прежней фавориткой каждый день и разговаривалъ съ нею и

съ Тальмой о французскомъ театрѣ, Корнелѣ, Расинѣ и т. д. Наканунѣ Лейпцигской битвы императоръ подписалъ декретъ, возвращавшій г-жѣ Жоржъ всѣ права ея прежняго званія, какъ члена труппы «Французской Комедіи» и даже приказалъ уплатить ей накопившееся за время ея отсутствія все жалованье. Такимъ образомъ она снова явилась на своей прежней сценѣ, но не надолго, такъ какъ при Бурбонахъ ее преслѣдовали, какъ ярую бонапартистку. Въ теченіе Ста Дней она представила Наполеону очень важные документы, доставшіеся ей отъ герцога Отрантскаго. Узнавъ отъ Коленкура, что Жоржъ нуждалась въ деньгахъ, Наполеонъ приказалъ выдать ей изъ своей личной казны 20.000 франковъ. Когда же онъ окончательно погибъ и былъ сосланъ на островъ св. Елены, то, по словамъ Дюма-отца, она предложила императору послѣдовать за нимъ въ заточеніе, что приводитъ въ восторгъ Шерами.

При второй реставраціи Людовикъ XVIII имѣлъ достаточно ума, чтобы опять пригласить ее во «Французскую Комедію», но она оставалась на своей прежней сценѣ недолго, благодаря интригамъ актрисы Дюшенуа и недоброжелательству всей труппы. Черезъ нѣкоторое время наступила новая эпоха сценическихъ торжествъ г-жи Жоржъ въ романтическихъ драмахъ Фредерика Сулье, Александра Дюма-отца, Альфреда Делавиньи, Виктора Гюго и другихъ. Особымъ успѣхомъ она пользовалась въ труппѣ своего долговременнаго любовника Гареля, на сценѣ театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ, въ пьесахъ «Tour de Nesles» Дюма и «Лукреціи Борджіа», а также «Маріи Тюдоръ» Виктора Гюго.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ г-жа Жоржъ снова предприняла сценическое путешествіе въ Россію и, конечно, одержала большія побѣды. Затѣмъ она играла въ Парижѣ на нѣсколькихъ сценахъ, и въ 1849 г. ей былъ устроенъ прощальный бенефисъ, въ которомъ она исполняла роль Лукреціи Борджіа. Въ послѣдніе годы своей жизни знаменитая актриса была инспектриссой консерваторіи и умерла въ Пасси 11 января 1867 г. на 84 г. жизни. Похороны ея были приняты Наполеономъ III на казенный счетъ.

— Романъ въ жизни Байрона.—Драматическій эпизодъ, омрачившій семейную жизнь Байрона, а именно его близкія отношенія съ его полукровной сестрой и послѣдовавшій по этой причинѣ разводъ съ женой, оставался не выясненнымъ еще три года тому назадъ. Враги великаго поэта старались придать самую мрачную окраску нравственной личности Байрона, и только благодаря внуку его жены, Ральфу Мильбэнку, графу Ловласу, напечатавшему «Астарту, отрывки правды о Байронѣ», эта драма становится болѣе ясной. Собравъ въ семейномъ архивѣ переписку своей бабушки, Анны-Изабеллы Мильбэнкъ, онъ напечаталъ ее, добавивъ къ ней комментаріи и, какъ онъ увѣряетъ, вполнѣ установилъ виновность Байрона, котораго когда-то въ томъ же обвиняла американская романистка Генріетта Бичеръ-Стоу. Авторъ доказываетъ, что поэтъ дѣйствительно находился въ интимной связи со своей полукровной сестрой отъ другой матери, и отъ этой связи у нихъ родилась дочь. Жена Байрона стойко переносила этотъ сердечный ударъ, пока у мужа и его сестры не родился ребенокъ; только послѣ этого событія она возмути-

лась: эта связь уже слишкомъ нарушала общественныя приличія. Книга Ловласа однако не попала въ продажу и вскорѣ послѣ своего появленія была изъята изъ обращенія, такъ что въ настоящее время осталось небольшое количество экземпляровъ, ревниво оберегаемыхъ ихъ собственниками. По этой причинѣ особенно интересна недавно появившаяся въ «Neue Rundschau» статья нѣмецкаго критика Макса Мейерфельда, въ которой онъ разбираетъ «Astarte» и дѣлаетъ изъ нея извлеченія.

Полукровная сестра Байрона, Августа, родилась въ 1784 г., отъ перваго брака капитана Джона Байрона, а черезъ четыре года послѣ ея рожденія его жена по второму браку родила будущаго поэта. Лишившись матери, дѣвочка воспитывалась у бабушки и не имѣла случая встрѣтиться съ братомъ. Въ 1807 г. она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, капитана Лій. Этотъ бракъ не былъ счастливъ, и въ іюнѣ 1813 г. Августа, покинувъ мужа, попросила брата, жившаго тогда въ Лондонѣ, пріютить ее у себя на неопредѣленное время. Въ слѣдующемъ же году поведеніе Байрона съ сестрою вызвало въ окружающихъ подозрѣніе. Байронъ публично высказывалъ довольно скандальный взглядъ на отношенія между братьями и сестрами. Тѣмъ временемъ появилась на свѣтъ его поэма «Абидосская Невѣста», героиней которой была не кто иная, какъ г-жа Лій. Роль, данная ей Байрономъ, еще болѣе увеличила въ окружающихъ подозрѣнія, и неблагопріятные толки усилились, тѣмъ болѣе, что поэтъ имѣлъ неосторожность въ своихъ письмахъ намекать на существующую между ними близость. Наконецъ 15 апрѣля 1814 г. у нихъ родилась незаконная дочь Елизавета-Медора.

Эта связь съ сестрой не помѣшала Байрону настойчиво ухаживать за молодой дѣвушкой, Анной-Изабеллой Мильбэнкъ. Онъ уже нѣсколько разъ дѣлалъ ей предложеніе, но она всегда ему отказывала. Наконецъ въ началѣ января 1815 г., благодаря своей настойчивости, поэтъ одержалъ побѣду. Однако, уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы на горизонтѣ ихъ брачной жизни показалось первое облако: въ сердце молодой женщины запали первыя подозрѣнія относительно близкихъ отношеній между братомъ и сестрой, когда въ апрѣлѣ 1815 г. г-жа Лій поселилась у молодыхъ на десять недѣль. Байрону, повидимому, очень нравилось это двоеженство, но обѣ женщины переживали страшныя мученія, которыя проявились съ особенной силой, когда 10 декабря того же 1815 г. у лэди Байронъ родилась дочь, Августа-Ада. Это событіе вызвало ужасныя сцены: Байронъ въ присутствіи родильницы предавался самому яростному гнѣву. Наконецъ во время одной самой ужасной вспышки гнѣва, 3 января 1816 г., поэтъ послѣ бурной сцены покинулъ семейный очагъ, чтобы не только никогда въ него не возвращаться, но даже никогда не видѣть своей жены и дочери. Со своей стороны, лэди Байронъ начала дѣло о разводѣ, и въ актахъ процесса ея адвокатъ намекалъ на отношенія Байрона и его сестры. Общественное мнѣніе настолько было настроено противъ него, что въ апрѣлѣ 1816 г. ему пришлось покинуть Англію. Тѣмъ временемъ между женой поэта и его сестрой завязалась переписка, и въ письмахъ отъ іюня, іюля и августа послѣдняя съ искреннимъ раскаяніемъ откровенно признавалась въ своемъ и Байрона проступкѣ. Взволнованная ея нравственной скорбью, лэди Байронъ

сжалилась надъ Августой и старалась вырвать ее изъ-подъ вліянія соблазнителя. Несмотря на разлуку, Байронъ не забылъ сестры и писалъ ей страстныя письма, умоляя пріѣхать къ нему. Онъ угрожалъ ей, говоря, что самъ отправится къ ней въ Англію, если она не пріѣдетъ къ нему. Августа между тѣмъ вооружилась всѣмъ своимъ хладнокровіемъ для борьбы со своей страстью къ брату. Она показывала лэди Байронъ письма, которыя получала отъ поэта, и послѣдняя ее успокаивала и утѣшала. Такимъ образомъ между обѣими женщинами установилась самая искренняя дружба, которая пережила самого Байрона. Поэтъ между тѣмъ не прерывалъ переписки съ женою и благодарилъ ее за дружбу къ его сестрѣ.

Несмотря на приведенныя лордомъ Ловласомъ доказательства виновности Байрона, нельзя еще положительно утверждать, что они вполнѣ справедливы, такъ какъ до сихъ поръ всесвѣтная критика была въ пользу неосновательности этого обвиненія противъ великаго поэта. Во всякомъ случаѣ, если доводы лорда Ловласа окажутся вполнѣ основательными, они нисколько не уменьшатъ славы Байрона, какъ поэта, одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ людей новѣйшей цивилизаціи и борца за свободу народовъ.

— Девять крупныхъ собственниковъ Лондона. — Ввиду создавшагося въ Англіи принципа феодальной тайны, сохранившагося до сихъ поръ, никто изъ англичанъ не могъ добиться, скольким ъ землевладѣльцамъ принадлежитъ Лондонъ. Только благодаря изученію старинныхъ картъ Лондона и его окрестностей, а также справкамъ у частныхъ лицъ, Артуру Доллингу удалось этого достигнуть, о чемъ онъ сообщаетъ въ «Strand Magazine». Оказывается, что весь Лондонъ находится въ рукахъ девяти частныхъ владѣльцевъ, не считая муниципальныхъ и коронныхъ владѣній, а также такихъ крупныхъ собственниковъ, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожныя общества, которымъ удалось вырвать землю изъ рукъ ихъ владѣльцевъ только дорогою цѣною. Во главѣ девяти владѣльцевъ стоитъ герцогъ Вестминстерскій, обладающій самой важной частью города. Эта земля досталась ему вслѣдствіе брака его предка Томаса Гросвенора съ Мэри Дэвисъ въ 1676 г., которая принесла съ собой въ видѣ приданаго Эбургское помѣстье, и теперь еще называющееся попрежнему Grosvenor Estate, за исключеніемъ парковъ, находящихся въ немъ и теперь обратившихся въ коронное имущество. Въ то время даже не подозрѣвали, какъ высоко подымется цѣнность этого помѣстья, окруженнаго фермами, и гдѣ еще сто лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ теперешняго Belgrave Square, охотились на бекасовъ. Въ настоящее время Grosvenor Estate занимаетъ 160 гектаровъ, расположенныхъ въ приходахъ св. Георгія, Ганноверскаго сквера, св. Іоанна и Вестминстера. На сѣверѣ эти земли граничатъ съ Оксфордской улицей, на югѣ—Букингамской дворцовой дорогой, на западѣ—паркомъ Ланъ, а на востокѣ — Слёнскимъ скверомъ. Затѣмъ слѣдуютъ владѣнія лорда Кадогана въ 120 гектаровъ, заключающіяся въ Кадоганскомъ скверѣ, Сфанской площади, улицахъ Пондъ и Слёнъ. Эти земли перешли въ собственность нынѣшняго владѣльца отъ одного генерала временъ королевы Анны. Затѣмъ по количеству земли слѣдуетъ виконтъ Портмэнъ, обладающій 100 гектарами на сѣверѣ, начиная отъ Оксфордской улицы между Эджверской дорогой и Верхней ули-

цей до Ридженскаго канала. На этой территоріи находилась мыза кавалеровъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которую верховный судья Портмэнъ получилъ въ даръ отъ королевы Маріи въ 1532 году.

На западъ отъ владѣній Портмэна находится земля лорда Говарда Вальдена, болѣе извѣстная подъ названіемъ Портландскаго помѣстья. Она простирается отъ Оксфордской улицы до Реджентскаго парка и на сѣверѣ отъ этого парка еще захватываетъ обширную землю, извѣстную подъ именемъ Портландскаго городка, между Веллингтонской улицей и Примрозской горой. Все вмѣстѣ составляетъ 100 гектаровъ, которые въ настоящее время принадлежатъ тридцатилѣтнему лорду и достались ему по наслѣдству отъ дочери герцога Портландскаго. Между этими двумя владѣніями находится земля семейства Эйръ, и на ней помѣщается станція большой центральной желѣзной дороги. Недалеко отъ этихъ владѣній находится земля, извѣстная подъ названіемъ «Гампстида», принадлежащая сэру Спенсеру Маріонъ-Уильситу; она прилегаетъ къ территоріи лорда Саутгэмптона, извѣстной подъ названіемъ Камденскаго и Кентскаго городковъ. Тотъ же лордъ владѣетъ также землей Тотенгамъ, черезъ которую проходитъ Юстонская дорога.

Но цѣннѣе всѣхъ этихъ владѣній земля герцога Бедфорда, главы семейства Рёссель. Сначала его владѣнія не превышали 100 гектаровъ земли, но затѣмъ они увеличились посредствомъ покупки коронныхъ земель, и въ настоящее время эти владѣнія состоятъ изъ трехъ частей. Первая изъ нихъ находится въ приходѣ св. Панкратія, на сѣверъ отъ станціи Юстонъ, вторая — гдѣ Британскій музей и Рёссельскій скверъ: она простирается отъ Нью-Оксфордской улицы до Эндслейскихъ садовъ, между улицами Тотенгамской и Саутгэмптонской. Третья часть занимаетъ наименьшую площадь, но даетъ дохода болѣе, чѣмъ первыя двѣ, вмѣстѣ взятыя, такъ какъ на ней находится Ковенгарденскій кварталъ съ нѣсколькими театрами. Ее подарилъ графу Вильяму Бедфорду въ 1674 г. король Карлъ II, одинаково какъ и права на Ковенгарденскій рынокъ, который уже въ то время имѣлъ нѣкоторое значеніе. Теперь эти права приносятъ милліоны ежегоднаго дохода съ закрытаго рынка и столько же за стоянку экипажей въ районѣ рынка, на протяженіи полумили.

На западъ отъ Бедфордскихъ земель расположены владѣнія лорда Нордгэмптона, заключающіяся въ приходахъ Сентъ-Джемсъ, Клеркенвелль и Сентъ-Мэри, занимающія около 80 гектаровъ, а на востокъ—лорда Эмерсте, состоящія изъ 120 гектаровъ.

На южномъ берегу Темзы находятся земли лорда Лангатока, въ которыя входятъ предмѣстья Саутваркъ, Камбервель и Невингтонъ.

Въ общемъ эти девять землевладѣльцевъ обладаютъ въ англійской столицѣ площадью около восьми квадратныхъ километровъ. Эти земли сданы въ аренду на 99 лѣтъ съ правомъ возвращенія черезъ этотъ срокъ собственнику. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе населенныхъ, доходъ съ этихъ имѣній достигаетъ 15.000 франковъ съ квадратнаго метра; слѣдовательно, ихъ общую стоимость можно опредѣлить въ нѣсколько милліардовъ. Еще при жизни королевы Викторіи ее причисляли къ значительнымъ землевладѣльцамъ Лондона, но неизвѣстно, кому изъ ея наслѣдниковъ достался послѣ ея смерти этотъ

лакомый кусокъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что девятеро крупныхъ собственниковъ Лондона владѣютъ до сихъ поръ самыми ужасными лондонскими трущобами, съ которыхъ они получаютъ большой доходъ.

— Трехсотлѣтніе юбилеи поэта Мильтона и города Квебека.— Хотя Мильтонъ родился 9 декабря 1608 г., но кэмбриджскій университетъ, гдѣ онъ воспитывался, поторопился 10 іюля отпраздновать его юбилей торжественнымъ банкетомъ и параднымъ представленіемъ аллегорическихъ сценъ «Комусъ». На парадномъ обѣдѣ предсѣдательствовалъ профессоръ Пейль, а другой профессоръ того же университета, Маккайль, произнесъ блестящую рѣчь, въ которой представилъ біографическую характеристику юбиляра. Онъ напомнилъ, что Мильтонъ происходилъ изъ состоятельной протестантской семьи и учился въ лондонской школѣ св. Павла, а затѣмъ прошелъ курсъ кэмбриджскаго университета, гдѣ и получилъ ученую степень. Несмотря на то, что онъ могъ имѣть притязанія на богословскую или юридическую карьеру, Мильтонъ не выбралъ ни той, ни другой, а просто изъ университета вернулся въ домъ отца, гдѣ около пяти лѣтъ занимался греческими и латинскими поэтами. Въ это время онъ написалъ нѣсколько поэтическихъ произведеній на англійскомъ и латинскомъ языкахъ въ классическомъ стилѣ. Кромѣ того, онъ сочинилъ аллегорическія сцены подъ названіемъ «Комусъ». По смерти матери онъ путешествовалъ въ 1637 г. по Италіи и познакомился съ Гроціемъ и Галилеемъ. По возвращеніи же въ Англію Мильтонъ принялъ участіе въ революціонныхъ событіяхъ своей страны и написалъ нѣсколько памфлетовъ въ радикальномъ республиканскомъ духѣ. Тридцати пяти лѣтъ онъ женился на Мэри Поваль, но этотъ бракъ не былъ счастливымъ, такъ какъ его жена слишкомъ любила веселиться и на второй мѣсяцъ послѣ свадьбы сбѣжала отъ мужа. Несмотря на всѣ его убѣжденія, она не вернулась обратно, и Мильтонъ напечаталъ четыре письма, въ которыхъ отстаивалъ разводъ по совѣсти и по желанію одного изъ супруговъ. Однако, впослѣдствіи, во время республики, жена вернулась къ нему, но затѣмъ вскорѣ умерла, оставивъ ему трехъ дочерей. Послѣ появленія его знаменитаго памфлета «Ареопагетика» въ пользу свободы печати, республиканская партія назначила его секретаремъ государственнаго совѣта. Послѣ казни Карла I онъ выпустилъ въ свѣтъ новый памфлетъ, въ которомъ оправдывалъ эту казнь. Этотъ памфлетъ имѣлъ громадный успѣхъ, но на него отвѣчалъ на латинскомъ языкѣ Сомэзъ и заслужилъ съ стороны Мильтона блестящій отвѣтъ подъ названіемъ: «Защита англійскаго народа». Въ немъ онъ доказалъ, что свобода—прирожденное право народа и что народъ имѣетъ право судить и карать измѣнниковъ. Когда на престолъ былъ возведенъ Карлъ II, то Мильтона арестовали, но вскорѣ освободили. Около того же времени онъ ослѣпъ, и дочери ему читали вслухъ на различныхъ языкахъ. Вторично онъ женился на Екатеринѣ Вудкокъ, но и она вскорѣ умерла, и Мильтонъ женился въ третій разъ на Елизаветѣ Миншуллъ. Больной и слѣпой, онъ на старости лѣтъ написалъ свою знаменитую поэму «Потерянный рай», которая считается всѣми критиками одной изъ лучшихъ поэмъ всесвѣтной литературы. Несмотря на совершенство этой поэмы, по словамъ профессора Маккайля, онъ не создалъ школы въ англійской литературѣ и умеръ въ 1674 г. 60 лѣтъ отъ роду.

Вслѣдъ за юбилейной рѣчью была прочитана поэтомъ Добсономъ поэма въ честь Мильтона, котораго онъ провозгласилъ англійскимъ Гораціемъ. Вечеромъ въ кэмбриджскомъ театрѣ любителями былъ поставленъ «Комусъ» и имѣлъ шумный успѣхъ, несмотря на его болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю давность. Вся публика однако сожалѣла, что «Комусъ» давался въ четырехъ стѣнахъ, а не на чистомъ воздухѣ, такъ какъ аллегорическія сцены Мильтона происходятъ среди садовъ и парковъ, да къ тому же представленіе этой пьесы въ садовой или лѣсной обстановкѣ тѣмъ болѣе было бы кстати, что время стояло лѣтнее.

Въ концѣ іюля праздновалась трехсотлѣтняя годовщина основанія Квебека, бывшей столицы Канады. Какъ извѣстно, Канада была открыта французами, и Квебекъ основанъ также французами, которые потомъ потеряли свою крупную американскую колонію, благодаря нерадѣнію Людовика XV и военнымъ побѣдамъ Англіи. Съ теченіемъ времени въ англійскомъ «Канадскомъ владѣніи» изъ 6 милліоновъ 400 тысячъ туземцевъ осталось 1 милліонъ 800 тысячъ французовъ, и оба національныхъ элемента совершенно примирились, такъ что въ настоящее время первый министръ Канады В. Лорье или по-англійски сэръ Вильфридъ Лорьеръ—французъ. Англійскій же генералъ-губернаторъ лордъ Грей предполагаетъ въ честь юбилея поставить при въѣздѣ въ Квебекъ колоссальную статую Міра, вродѣ гигантской статуи Свободы при входѣ въ нью-іоркскую гавань. Поэтому въ юбилейныхъ торжествахъ приняли одинаковое участіе и французы и англичане, совершенно позабывъ, что они нѣкогда были врагами, и при этомъ героями торжества являются французы, а не англичане. Для усиленія квебекскихъ празднествъ въ нихъ принялъ участіе принцъ Уэльскій, а со стороны Соединенныхъ Штатовъ явился вице-президентъ. Конечно, и французское правительство не отстало отъ Англіи и Америки, откомандировавъ въ Квебекъ на эти празднества свою эскадру и достойныхъ представителей.

Вся суть квебекскихъ торжествъ заключалась въ великолѣпномъ историческомъ шествіи, изображавшемъ эпизоды трехсотлѣтней исторіи города. Естественно, шествіе началось съ открытія Канады французскимъ шкиперомъ Жакомъ Картье, первымъ европейцемъ, вступившимъ на берегъ рѣки св. Лаврентія. Затѣмъ слѣдовала группа, въ которой Картье представлялся французскому королю, окруженный многочисленными краснокожими индѣйцами, взятыми имъ въ плѣнъ. Самой центральной изъ всѣхъ группъ было, конечно, основаніе въ 1608 г. города Квебека Самюэлемъ Шамплэномъ, назначеннымъ губернаторомъ со стороны Франціи. Вслѣдъ за этимъ шелъ длинный рядъ эпизодовъ изъ исторіи французскаго владѣнія Канадой до окончательнаго взятія Квебека англичанами, причемъ погибли главнокомандующіе обѣихъ сторонъ, англійскій генералъ Вольфъ и французъ маркизъ Монкальмъ. Финаломъ великолѣпной процессіи было нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи уже англійскаго владѣнія Канадой.

— Иностранно-русскія литературныя новинки. — Въ настоящее время за границей двояко интересуются Россіей: о ней пишутъ иностранцы, а русскіе профессора выпускаютъ въ свѣтъ на иностранномъ языкѣ свои уче-

ные труды. Такъ, недавно въ Лондонѣ вышла довольно интересная книга Брэлея Годжета о русскомъ дворѣ въ XIX вѣкѣ, а въ Бреславлѣ Людвигъ Шлезингеръ издалъ очень интересное сочиненіе: «Россія въ XX столѣтіи». По случаю недавняго ревельскаго свиданія, въ августовской книжкѣ французскаго журнала «Correspondant» Пьеръ Моранъ очень кстати помѣстилъ статью о посѣщеніи въ 1824 г. французской военной эскадрой Ревеля и Кронштадта. Наконецъ профессоръ классической литературы петербургскаго университета Ѳ. Зелинскій напечаталъ въ Берлинѣ ученый трудъ «О Цицеронѣ».

Извѣстный публицистъ Гэджэтъ, хорошо знающій Россію и не разъ посѣщавшій ее, посвятилъ два тома русскому двору въ XIX столѣтіи. Хотя приводимые имъ во множествѣ анекдоты и отзывы объ историческихъ событіяхъ и лицахъ не представляютъ ничего новаго, но хорошо составленная имъ монографія заслуживаетъ полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ не отличается чрезмѣрнымъ притязаніемъ на авторитетность, а ограничивается лишь скромными здравыми взглядами. Между прочимъ онъ даетъ живую характеристику великой княгини Елены Павловны, какъ руководительницы умѣренно-либеральной партіи въ Россіи, чего доселѣ не встрѣчалось въ иностранныхъ сочиненіяхъ объ этой эпохѣ.

Книга Шлезингера «Россія XX столѣтія» служитъ какъ бы продолженіемъ сочиненія Годжэта, но она представляетъ совершенно оригинальное и основательное описаніе современной Россіи, такъ какъ авторъ посѣтилъ не только Петербургъ, Москву и главнѣйшіе города Россіи, но и Кавказъ и средне-азіатскія владѣнія, а также присутствовалъ при событіяхъ войны съ Японіей. Его характеристика послѣднихъ политическихъ событій въ Россіи отличается также одинаково точными подробностями. Особенно сочувственно онъ говоритъ о вопросѣ народнаго образованія, относительно котораго его наиболѣе занимаетъ допущеніе женщинъ въ университеты.

Въ своей современной и любопытной статьѣ Пьеръ Моранъ разсказываетъ подробно о первомъ посѣщеніи Ревеля французской эскадрой при Александрѣ I. Онъ говоритъ, что хотя русскій государь и Людовикъ XVIII не заключили между собой формальнаго трактата, но оба желали обоюднаго сближенія Россіи и Франціи. Съ этой цѣлью французское правительство отправило въ Балтійское море шесть военныхъ судовъ подъ начальствомъ барона Лекупэ. Въ то время реставрація намѣревалась создать настоящій флотъ и потому поручила адмиралу не ограничиваться только однѣми любезностями, но и собрать полезныя свѣдѣнія о русскомъ флотѣ и русскихъ портахъ, при чемъ сдѣлать гидрографическіе промѣры и изслѣдованія. Что касается до взаимныхъ отношеній и этикета, то было рѣшено не дѣлать излишнихъ шаговъ къ дружбѣ и не заискивать у русскихъ, а только отвѣчать на ихъ любезности. По прибытіи въ Кронштадтъ французской эскадры, русское морское начальство увѣдомило французское, что оно вполнѣ согласно принять ее радушно, и когда, по ошибкѣ, одно изъ французскихъ судовъ, салютуя, прибавило одинъ лишній выстрѣлъ, то русскія власти отвѣчали тѣмъ же. Въ Петербургѣ императоръ Александръ принялъ французовъ какъ нельзя лучше и лично осмотрѣлъ французскую эскадру, что подало поводъ къ нескончаемымъ оваціямъ. Фран-

цузскій посланникъ, Лаферронэ понялъ, какъ неосторожно было при такихъ отношеніяхъ вызвать въ русскихъ подозрѣніе въ шпіонствѣ, и потому просилъ Лекупэ отказаться отъ всякихъ гидрографическихъ промѣровъ. Адмиралъ послѣдовалъ совѣту посланника и возвратился во Францію со славой хорошаго политика, но неважнаго гидрографа.

Ученый трудъ профессора Ѳ. Зелинскаго «О Цицеронѣ» вполнѣ подтвердилъ его извѣстность, какъ изслѣдователя классической литературы. Онъ выступилъ противникомъ историка Момзена, который, какъ извѣстно, не одобрялъ Цицерона. Зелинскій же, напротивъ, въ своихъ взглядахъ на Цицерона высказываетъ, по словамъ англійскихъ критиковъ, самый тонкій психологическій анализъ и чрезвычайно умѣло защищаетъ великаго классика. При этомъ онъ обнаруживаетъ, кромѣ силы доводовъ, еще художественность въ изложеніи.

— Смерть маркизовъ Вега-де-Армихо и Рудини, Отто Флейдерера, Лукануса и Артюра Ранка.—Нынѣшнее лѣто унесло изъ политической среды двухъ государственныхъ дѣятелей и бывшихъ первыхъ министровъ Испаніи и Италіи, маркизовъ Вего-де-Армихо и Рудини. Первый изъ нихъ родился въ Мадридѣ въ 1826 г. и былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Испаніи второй половины XIX вѣка. Вступивъ въ политическую карьеру въ 1854 г., какъ либеральный депутатъ въ кортесахъ, онъ два раза занималъ выдающійся постъ въ либеральныхъ министерствахъ, но черезъ пять лѣтъ долженъ былъ покинуть Испанію, вслѣдствіе торжества реакціи. Онъ возвратился на свою родину при государственномъ переворотѣ въ пользу республиканцевъ, произведенномъ Серрано. Съ тѣхъ поръ онъ энергично дѣйствовалъ на политической аренѣ, былъ посланникомъ въ Парижѣ и послѣ королевской реставраціи нѣсколько разъ занималъ мѣста министра и предсѣдателя сената, являясь однимъ изъ представителей передовыхъ прогрессистовъ въ Испаніи. Послѣ радикальнаго премьера Каналехасы, Армихо наконецъ сдѣлался первымъ министромъ, но не надолго, и его замѣнилъ консервативный премьеръ Мора.

Маркизъ Антоніо Старабла ди Рудини родился въ 1839 г. въ Сициліи и 26 лѣтъ былъ назначенъ синдикомъ Палермо, должность котораго онъ исполнялъ съ удивительной энергіей, чѣмъ заслужилъ посты палермскаго префекта и министра внутреннихъ дѣлъ при премьерѣ генералѣ Менабреа. Но онъ вовсе не зналъ парламентской дѣятельности, не засѣдалъ ранѣе въ палатѣ, и его дебютъ на поприщѣ государственной дѣятельности былъ такъ неудаченъ, что онъ долженъ былъ подать въ отставку черезъ нѣсколько недѣль. Онъ рѣшился, однако, во что бы то ни стало, загладить свое пораженіе. Съ этой цѣлью онъ вступилъ въ парламентъ прежде отъ малоизвѣстнаго сицилійскаго округа, а потомъ отъ Сиракузъ, и мало-по-малу сдѣлался главой обновленной правой парламента. Онъ поддерживалъ первыхъ министровъ Депретиса и Криспи, но когда послѣдній слишкомъ грубо сталъ обращаться со своими сторонниками, то Рудини, бывшій уже главою парламентскаго большинства, свергнулъ министра и занялъ его мѣсто. Онъ оставался у власти только двадцать пять мѣсяцевъ, послѣ чего Джіолитти лишилъ его премьерства. Криспи снова замѣнилъ Джіолитти, а Рудини наслѣдовалъ Криспи во второй разъ. Теперь онъ

провелъ въ Италіи новую политику—соглашеніе съ Франціей – и въ іюнѣ 1898 года уступилъ свою должность генералу Пеллу. Съ тѣхъ поръ онъ не занимался болѣе активной политикой, но посвятилъ себя управленію своими громадными имѣніями въ Сициліи. Предъ смертью онъ написалъ своей женѣ и дѣтямъ замѣчательное письмо, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: «Я видѣлъ Италію несчастной и въ рабскомъ положеніи, теперь я умираю, видя ее славнымъ и свѣтлымъ королевствомъ, котораго она, я надѣюсь, никогда не лишится. Да здравствуетъ единая Италія! Sursum corda!»

Въ концѣ іюля въ Берлинѣ умерли извѣстный профессоръ систематическаго богословія Отто Флейдереръ и еще болѣе знаменитый германскій бюрократъ, фонъ Луканусъ. Родившись въ 1839 г. въ Штеттинѣ, близъ Канштадта, Флейдереръ обучался богословію и философіи въ Тюбингенѣ, профессоромъ же сдѣлался сначала въ Іенѣ, а потомъ въ 1875 г. въ Берлинѣ, гдѣ состоялъ однимъ изъ выдающихся представителей протестантскаго богословія. Его сочиненія «Wesen der Religion», «Paulinismus» вышли въ нѣсколькихъ изданіяхъ и имѣли значительный успѣхъ. Въ Оксфордѣ и Лондонѣ онъ читалъ лекціи «О вліяніи апостола Павла на развитіе христіанства» и «О философіи». Кромѣ того, онъ написалъ «Богословіе въ Германіи со временъ Канта и въ Великобританіи съ 1825 г.» и «Первое познаніе Христа».

Фонъ-Луканусъ стоялъ во главѣ германскаго бюрократизма съ самаго начала царствованія Вильгельма II и занималъ почетное мѣсто директора гражданскаго кабинета императора. Онъ родился въ 1831 г. и находился въ продолженіе почти шестидесяти лѣтъ на прусской гражданской службѣ. При восшествіи на престолъ Вильгельма II въ 1888 г. онъ былъ назначенъ на занимаемый имъ отвѣтственный постъ и покинулъ его только за нѣсколько времени до своей кончины, семидесяти лѣтъ. Ровно двадцать лѣтъ онъ состоялъ наперсникомъ императора и главнымъ режисеромъ бюрократическаго персонала. Являясь на политическую сцену въ критическую минуту, когда удаляли въ отставку министровъ, на его долю выпало вручить эту роковую пилюлю даже канцлерамъ Бисмарку, Каприви и Гогенлоэ. Поэтому оппозиціонные карикатуристы изображали его всегда палачомъ, но, несмотря на эту роль, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою постоянную любезность.

29 іюля въ Парижѣ скончался либеральный дѣятель и журналистъ Артюръ Ранкъ. Происходя изъ Пуату, онъ прибылъ въ Парижъ очень молодымъ человѣкомъ и слушалъ лекціи въ школѣ правъ. Политика очень рано завербовала его въ свои ряды, и двадцати трехъ лѣтъ онъ былъ сосланъ въ Ламбессу, откуда бѣжалъ пѣшкомъ черезъ весь Алжиръ и чрезъ Италію, добрался до Швейцаріи, гдѣ сдѣлался профессоромъ. Описаніе его одиссеи составляетъ одно изъ лучшихъ сочиненій Ранка. Возвратясь въ Парижъ въ 1859 г., онъ поступилъ въ типографскіе корректоры и сдѣлался сотрудникомъ газетъ «Courrier du Dimanche» и «Journal de Paris». Послѣ революціи 4 сентября 1870 г. онъ, какъ извѣстный республиканецъ, былъ назначенъ на постъ одного изъ парижскихъ мэровъ и послѣдовалъ съ Гамбеттой въ Туръ, также на воздушномъ шарѣ. Здѣсь сдѣлался директоромъ полиціи. Избранный

депутатомъ отъ города Парижа, онъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ Гамбеттой, ради протеста противъ заключенія мира, и былъ избранъ въ члены коммуны, отъ предсѣдательствованія въ которой отказался. Вообще онъ оставался въ коммунѣ только нѣсколько дней, что не помѣшало правительству Тьера приговорить его къ смерти. Однако ему удалось бѣжать въ Бельгію, гдѣ онъ продолжалъ сотрудничать въ «République Française». Въ это время Ранкъ прославился двумя громкими дуэлями съ журналистами Жаномъ де-Вестиномъ и Полемъ Кассаньякомъ. По провозглашеніи въ Парижѣ амнистіи, онъ вернулся на родину въ 1879 г. и съ тѣхъ поръ сотрудничалъ въ «Voltaire» подъ руководствомъ Гамбетты. Наконецъ онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ «Petite République Française», а впослѣдствіи былъ сотрудникомъ «Matin», «Paris», «Radical» и наконецъ «Aurore», которымъ онъ руководилъ послѣдніе три года своей жизни по удаленіи Клемансо. Его политическая карьера продолжалась въ нижнемъ парламентѣ и наконецъ въ сенатѣ, куда онъ былъ избранъ сначала департаментомъ Сены, а потомъ Корсикой. Онъ въ особенности отличался пламенными республиканскими убѣжденіями и ненавистью къ клерикализму и іезуитамъ.

СМѢСЬ.

Археологическія раскопки въ Кіевѣ. Археологическія раскопки на погостѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ становятся все интереснѣе. Въ послѣднее время въ третьей ямѣ траншеи, проведенной вдоль сѣверной стѣны древняго храма Владимира, открытъ при выемкѣ земли саркофагъ на глубинѣ приблизительно $1^1/_2$ аршина. Мѣсто нахожденія саркофага нѣсколько лѣвѣе сѣвернаго крыльца теперешняго храма, съ сѣверной стороны открытаго рва, гдѣ заложенъ былъ фундаментъ сѣверной стѣны древняго храма; саркофагъ находится немного выше подошвы древняго фундамента. Предполагается, что здѣсь было погребеніе княгини Ольги. Кругомъ открытой стѣнки саркофага видны кирпичи и цементная заливка. Нужно думать, что это тотъ самый саркофагъ, который открытъ былъ когда-то при раскопкахъ архитекторомъ Ефимовымъ въ 1820 годахъ, занесшимъ на планъ раскопокъ мѣстонахожденіе открытаго имъ саркофага; приблизительно въ этомъ мѣстѣ и найденъ при теперешнихъ раскопкахъ саркофагъ, но, съ другой стороны, онъ производитъ впечатлѣніе нетронутаго. Съ большими предосторожностями была поднята одна изъ двухъ шиферныхъ плитъ-досокъ (сѣверная), составляющихъ крышку гробницы. Въ гробницѣ оказался скелетъ, кости котораго сдвинуты съ мѣста. Гробница эта была ограблена во время прежнихъ раскоповъ. Поэтому никакихъ предметовъ въ ней не найдено, кромѣ истлѣвшихъ кусковъ шелковой матеріи. На нѣкоторыхъ кускахъ сохранился даже красивый рисунокъ. У ногъ скелета лежатъ куски кожи отъ обуви. Гробница имѣетъ въ длину 2 аршина 12 вершковъ, она очень глубока. На южной плитѣ крышки саркофага три четырехконечныхъ византійскихъ креста, три креста и на боковой стѣнкѣ гробницы; на плитѣ крышки красивый орнаментъ. Красота орнамента говоритъ за то, что

гробница помѣщалась гдѣ-либо въ склепѣ или храмѣ, а затѣмъ уже спрятана въ землю, обложена кирпичомъ и залита цементомъ. Дно гробницы стоитъ на фундаментѣ. Въ верхней части стороны гробницы соединены желѣзными скрѣпами. При снятіи двухъ плитъ крыши, южная, лопнувшая по срединѣ, распалась на двѣ части. Все содержимое въ гробницѣ было бережно вынуто, разложено на кускахъ бумаги и перенесено въ Десятинную церковь. Нѣкоторые куски шелковой матеріи еще относительно уцѣлѣли и даютъ полную картину ткани матеріи и красиваго рисунка византійской работы. Одежды на покойномъ были безусловно богатыя, но ни одной вещи въ гробницѣ не найдено. По срединѣ дна гробницы оказалось выдолблено углубленіе съ тремя сквозными небольшими дырочками, очевидно, сдѣланными для стока жидкостей при разложеніи трупа, а также могущей проникнуть внутрь гробницы влаги. Будетъ произведено детальное изслѣдованіе костей, частей одежды и самой гробницы, также будетъ разрѣшенъ вопросъ—оставить ли гробницу на мѣстѣ и устроить на ней навѣсъ, или возможно будетъ какъ-нибудь отдѣлить ее отъ кирпичной кладки и перенести въ церковь; возможно, что гробница перенесена будетъ вмѣстѣ съ фундаментомъ. Кости будутъ по изслѣдованіи положены въ обыкновенный деревянный гробъ и погребены на мѣстѣ нахожденія. По поводу того, кто погребенъ былъ въ открытой гробницѣ, дѣлается нѣсколько предположеній. Нѣкоторые врачи склонны думать, что это женское погребеніе, и опредѣляютъ даже, что покойная погребена въ возрастѣ лѣтъ 40. По лѣтописямъ извѣстны на погостѣ Десятинной церкви два женскихъ погребенія—княгини Ольги (бабки Владимира) и Анны (жены Владимира), но могли быть и другія женскія погребенія, напримѣръ, дочерей Владимира, о которыхъ никѣмъ не упомянуто.

Археологическія раскопки на Дону. А. А. Миллеръ закончилъ свои раскопки кургановъ и изслѣдованіе городища въ окрестностяхъ станицы Елисаветовской. Несмотря на то, что раскопки дали массу предметовъ большого археологическаго значенія, вопросъ о мѣстонахожденіи древняго Танаиса остался такимъ же темнымъ, какимъ былъ и до сихъ поръ. Всѣ археологическія изслѣдованія и случайныя находки въ низовьяхъ Дона не дали до сихъ поръ ни одного предмета, который могъ бы быть безусловно отнесенъ къ классической греческой культурѣ. Такимъ образомъ, обширная и цвѣтущая когда-то греческая колонія Танаисъ, конкурировавшая съ Пантикапеей, исчезла какъ бы безъ всякаго слѣда. Раскопки А. А. Миллера показали, что культура Елисаветовскаго городища современна съ культурой обширнаго курганнаго могильника вокругъ и можетъ быть пріурочена къ сарматскому періоду (IV в. по Р. Х.).

Скиѳскія вазы. На четвертой верстѣ отъ станціи Дебальцево-Сортировочной, при разработкѣ выемки, рабочими на глубинѣ 1$^1/_2$ аршина найдены двѣ бронзовыхъ вазы, имѣющія форму чаши на низенькихъ подставкахъ. Въ одной изъ вазъ оказалось 3 желѣзныхъ удила, 1 желѣзная пряжка, лезвіе, кожа, 4 мѣдныхъ подвѣски, мѣдный трехугольникъ и бронзовое кольцо, изображающее фантастическую птицу. Найденные предметы, несомнѣнно, скиѳскаго происхожденія, представляютъ собою чрезвычайно рѣдкую и цѣнную

археологическую находку. «Южная Заря» приглашаетъ археологовъ обратить серьезное вниманіе на окружающую мѣстность, гдѣ найдены древности. Настоящая находка доставлена въ екатеринославскій областной музей.

Скопческій отдѣлъ музея Александра III. До конца минувшаго года въ особо учрежденномъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ архивѣ хранились всевозможныя иконы, книги и богослужебныя принадлежности, разновременно отобранныя у старообрядцевъ при уничтоженіи ихъ молитвенныхъ домовъ, открытыхъ безъ разрѣшенія правительства. Въ виду того, что въ дѣлахъ не было указаній, у какихъ именно старообрядцевъ отобраны названныя вещи, распредѣленіе этихъ предметовъ было возложено на особую комиссію, состоящую изъ чиновъ министерства и представителей главныхъ старообрядческихъ согласій. Всѣ имѣвшіяся въ архивѣ иконы, книги, церковныя одѣянія и т. д., признанныя старообрядцами за отобранныя у когонибудь изъ ихъ предковъ-раскольниковъ, были имъ подъ расписки возвращены. Послѣ такого распредѣленія, въ архивѣ министерства все же остались нѣкоторыя вещи сектантовъ (скопцовъ) и не подлежащія возвращенію. Въ виду историко-художественнаго и бытового интереса, какой представляютъ эти вещи, было сдѣлано сношеніе съ музеемъ императора Александра III о передачѣ ему всей коллекціи. Нынѣ сданы въ этнографическій отдѣлъ музея слѣдующіе предметы: 14 портретовъ основателя скопческой секты Кондратія Селиванова, изъ коихъ два портрета на деревѣ художественной работы, 3 портрета неизвѣстныхъ лицъ, 5 портретовъ императора Петра III (двѣ гравюры); картины: «Изліяніе благодати», «Христіанинъ на пути добродѣтели», «Борьба христіанина съ бѣсомъ Аполліономъ» и «Борьба христіанина съ плотью и міромъ», «Добрый пастырь», «Распятіе плоти». Акварели: «Воскресеніе императора Павла I», «Апоѳеозъ императора Павла I», «Разговоръ смерти съ діаволомъ», паспортъ хлыстовъ (бѣгуновъ, странниковъ), портретъ скопческаго предтечи Ивана Шилова, складень и нѣсколько вещей изъ служебныхъ одѣяній. Всѣ эти предметы относятся большею частью къ позднѣйшему времени, нѣкоторые къ XVII, XVIII вѣкамъ и представляютъ большой интересъ.

Къ устройству выставки стараго Петербурга. Въ залахъ императорской академіи художествъ за послѣднее время идутъ дѣятельныя приготовленія къ устройству въ нихъ выставки «стараго Петербурга», открытіе которой намѣчено 15 сентября; надъ моделями работаютъ: кн. В. Н. Аргутинскій, И. А. Фоминъ, Л. П. Ильинъ, Ф. Г. Бернштамъ, А. Н. Бенуа и другіе. Въ Рафаэлевскомъ залѣ академіи въ данный моментъ производится реставрація весьма рѣдкихъ моделей русскихъ историческихъ зданій, добытыхъ выставочнымъ комитетомъ изъ царскосельскаго дворца и архива императорской академіи художествъ (въ общемъ до 30 штукъ). Масса чертежей фасадовъ приводится въ систему, причемъ они временно взяты изъ министерства императорскаго двора, министерства внутреннихъ дѣлъ, архивовъ академій наукъ и художествъ, а также и другихъ хранилищъ. Тутъ собраны работы знаменитыхъ Растрелли, А. Брюллова, Стасова, Бренна, Ринальди, Росси, Волкова, Фельтена, Михайлова, Захарова и Тона.

Къ сооруженію русскаго военно-историческаго музея. Весьма широко задуманная идея сооруженія музея, въ которомъ будутъ собраны картины выдающихся событій и подвиговъ, портреты военныхъ дѣятелей и вообще реликвіи и предметы военнаго прошлаго русской вооруженной силы, за время свыше тысячелѣтней жизни Россіи, въ настоящее время получила существенную поддержку со стороны многихъ русскихъ археологовъ и любителей старины. Составъ судей по премированію представленныхъ въ намѣченный срокъ проектовъ будетъ объявленъ лишь въ декабрѣ текущаго года, причемъ въ эту комиссію войдутъ также по одному представителю: отъ инженернаго комитета, техническаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, императорской академіи художествъ, императорскаго общества архитекторовъ, общества гражданскихъ инженеровъ и общества архитекторовъ-художниковъ. 28 іюля въ Петергофѣ, по представленію предсѣдателемъ комитета по устройству русскаго военно-историческаго музея шести проектовъ фасада зданія музея, Государю Императору благоугодно было одобрить и избрать къ постройкѣ проектъ академика фонъ-Гогена. Того же числа послѣдовало Высочайшее соизволеніе на назначеніе членами комитета: начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба, отставного по флоту г.-л. Кроткова и члена отъ министерства финансовъ. Того же 28 іюля послѣдовало Высочайшее соизволеніе на осуществленіе комитетомъ предположеннаго расширенія Суворовской церкви устройствомъ придѣла. Въ этомъ придѣлѣ будутъ помѣщены иконы всѣхъ святыхъ, имена которыхъ чествуются въ дни важныхъ военныхъ событій русской военной исторіи, и копіи образовъ, наиболѣе почитаемыхъ въ войскахъ и во флотѣ.

Разрушеніе памятника Петра Великаго. Одному изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ столицы и гордости Петербурга, монументу Петра Великаго, грозитъ опасность. Такъ какъ памятникъ императора Петра I уже давно переданъ въ хозяйственное распоряженіе городского общественнаго управленія и охрана его лежитъ на отвѣтственности города, то 7 августа назначена была для осмотра особая комиссія изъ скульпторовъ профессора Чижева, Обера и академика А. Н. Бенуа, съ участіемъ техниковъ городского общественнаго управленія. Между прочимъ, приглашенъ былъ владѣлецъ бронзо-литейнаго завода г. Моранъ. Отъ городской управы былъ назначенъ представителемъ въ комиссію И. П. Медвѣдевъ. Въ фундаментѣ памятника не найдено никакихъ дефектовъ. Монументъ простоялъ 130 лѣтъ и не далъ никакой осадки. Только при осмотрѣ бронзовой фигуры лошади и статуи императора Петра I въ нѣсколькихъ мѣстахъ оказались въ толщѣ бронзы глубокіе свищи. При заполненіи водою и морозахъ, когда вода въ нихъ будетъ превращаться въ ледъ, свищи могутъ вліять на разрушеніе бронзоваго изваянія, и потому вся комиссія высказалась за задѣлку свищей. Эта работа возложена на г. Морана, который указалъ, что художественной цѣльности памятника эта задѣлка не нарушитъ. Она не будетъ даже замѣтна.

Къ открытію памятника императору Александру III. Конная фигура съ всадникомъ, изображающимъ императора Александра III, долженствующая

быть установленной на заканчиваемый отдѣлкой пьедесталъ памятника на Знаменской площади, уже доставлена на мѣсто нахожденія памятника и установлена временно въ особо выстроенное помѣщеніе, гдѣ будетъ находиться до окончанія пьедестала. Вѣсъ всей фигуры, вылитой изъ лучшаго качества бронзы, немного превышаетъ девятьсотъ пудовъ. Отливка статуи, производившаяся спеціалистомъ итальянцемъ Спирати, производилась столь продолжительное время потому, что форму для нея пришлось изготовлять съ восковой модели, представляющей для подобнаго рода работы немалыя затрудненія. Отливка фигуры производилась цѣликомъ, а не по частямъ, какъ предполагалось вначалѣ. Литейщикъ Спирати, уже получившій за отливку крупный гонораръ, въ виду полнаго окончанія своей работы выѣхалъ изъ столицы вслѣдствіе полученнаго имъ отъ аргентинскаго правительства предложенія выполнить такую же работу по отливкѣ памятника. Съ 6 августа работы по закладкѣ фундамента закончены, и приступлено къ укладкѣ гранитныхъ плитъ для пьедестала, которыя доставляются уже отполированныя изъ Ганге обществомъ «Гранитъ». На мѣстѣ фундамента производится только ихъ пригонка и сглаживанье швовъ. Пьедесталъ длиной достигаетъ шести саженъ, а шириной около пяти. Начаты одновремено работы по устройству ограды. Послѣдняя вылита изъ чугуна, покрытаго мѣдью, и будетъ держаться на гранитномъ цоколѣ. Панель около ограды также изъ гранита. Въ данное время для начатыхъ работъ по устройству ограды нанято 45 человѣкъ рабочихъ, по установкѣ пьедестала ихъ работаетъ всего 15 человѣкъ. Установка статуи на пьедесталъ будетъ произведена въ первыхъ числахъ сентября текущаго года. Какъ и ранѣе, высшей инстанціей по производству работъ по устройству памятника является комитетъ Сибирской ж. д., на средства котораго и воздвигается памятникъ; въ связи съ этимъ надпись на пьедесталѣ памятника: «Державному основателю Великаго Сибирскаго пути».

Памятникъ А. П. Чехову въ Баденвейлерѣ. Четыре года тому назадъ русской колоніи въ Берлинѣ, еще при жизни Чехова почтившей его устройствомъ библіотеки-читальни его имени, пришлось встрѣчать и провожать гробъ Чехова, слѣдовавшій изъ Баденвейлера и остававшійся нѣсколько часовъ на Силезскомъ вокзалѣ. Группа русскихъ студентовъ, нѣсколько представителей официальной колоніи и священникъ посольской церкви собрались на перронѣ вокзала, подлѣ траурнаго вагона, чтобы отдать послѣднюю дань любимому писателю. На покойнаго Г. Б. Іоллоса пали на первыхъ порахъ главныя хлопоты по улаженію всѣхъ формальностей для перевозки тѣла, по сношеніямъ съ нѣмецкими властями и Россіей и необходимой поддержкѣ безпомощной, застигнутой и убитой горемъ вдовы писателя. Чеховъ въ средѣ нѣмецкихъ читателей пользуется самыми глубокими симпатіями, пережившими всѣ прочія, подчасъ даже сенсаціонныя увлеченія другими русскими современниками Чехова. Еще по сіе время его разсказы, точно новинки, то и дѣло печатаются и перепечатываются въ нѣмецкихъ журналахъ и литературныхъ приложеніяхъ газетъ. Понятно поэтому, что и нѣмецкая печать съ глубокой скорбью отозвалась тогда на преждевременную кончину Чехова, какъ

своего родного писателя. Теперь она со скорбнымъ чувствомъ снова вспомнила о Чеховѣ по случаю постановки ему памятника на мѣстѣ его кончины. Особенно подробныя и прочувствованныя описанія этого торжества мы находимъ въ баденскихъ газетахъ. Тамъ, пишетъ одна изъ этихъ газетъ, гдѣ восторженнымъ взорамъ туриста открываются далекія, точно сплошнымъ садомъ усѣянныя и до самыхъ Вогезъ удаляющіяся поля Рейнской долины, на одномъ изъ возвышенныхъ пунктовъ баденвейлерскаго парка возвышается теперь скромный памятникъ одному изъ лучшихъ сыновъ русскаго народа. Развалины стараго замка служатъ художественнымъ фономъ, прекрасно оттѣняющимъ самый памятникъ, и уже послѣ того, какъ солнце за вершинами горъ погружается въ море безконечности, его послѣдніе лучи еще озаряютъ бюстъ геніальнаго художника... Гранитная скала, прекрасно сдѣланная мюльгейскимъ скульпторомъ Швабомъ, представляетъ собою тотъ могучій пьедесталъ, на которомъ воздвигнутъ бронзовый бюстъ писателя. Памятникъ сооруженъ на средства земляковъ Чехова, главнымъ образомъ русскихъ паціентовъ въ Баденвейлерѣ, и изготовленъ художественно-одареннымъ россійскимъ вице-консуломъ въ Штуттгартѣ г. Шлейферомъ. Газеты отмѣчаютъ большое сходство бюста съ покойнымъ Чеховымъ и вообще называютъ весь памятникъ произведеніемъ искусства въ истинномъ смыслѣ слова. Торжественный актъ открытія и освященія памятника совершенъ былъ въ присутствіи многочисленныхъ русскихъ, живущихъ теперь въ Баденвейлерѣ, и при живомъ участіи всего курорта. Изъ Баденъ-Бадена прибылъ въ Баденвейлеръ русскій священникъ съ церковнымъ хоромъ, исполнявшіе духовную часть программы торжества. Баденскій министръ внутреннихъ дѣлъ не могъ лично явиться, и потому представителемъ отъ баденскаго правительства былъ фрейбургскій губернаторъ Ференбахъ. Изъ прочихъ офиціальныхъ представителей присутствовали комиссаръ курорта докторъ Келлеръ, главный врачъ Баденвейлера, гофратъ докторъ Швереръ, мѣстный бургомистръ Веришъ. Подъ торжественные звуки молитвы священника и хорового пѣнія пала завѣса съ памятника, на которомъ значатся слова: «А. Чеховъ, умеръ въ Баденвейлерѣ въ 1904 году». Прибывшій изъ Карлсруэ русскій посланникъ г. Эйхлеръ обратился затѣмъ съ русской рѣчью къ присутствовавшимъ землякамъ, выразивъ свою радость по поводу сооруженія памятника. Значеніе Чехова для русской литературы и оцѣнку самыхъ произведеній покойнаго писателя послѣ того въ русской рѣчи отмѣтилъ московскій профессоръ Веселовскій. Въ качествѣ третьяго русскаго оратора выступилъ П. Д. Боборыкинъ. Онъ указалъ на тотъ отрадный фактъ, что произведенія Чехова нашли себѣ признаніе не только въ Россіи, но пріобрѣли широкую популярность и за границей, особенно же въ Германіи. Чеховъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—жилъ въ такое время, когда въ Россіи все рвалось къ преобразованіямъ и новымъ условіямъ быта; онъ жилъ въ очень тяжелую пору, живо интересовался жгучими вопросами времени и страстно ждалъ разрѣшенія назрѣвшихъ проблемъ... Директоръ московскаго Художественнаго театра Станиславскій въ чрезвычайно прочувствованныхъ словахъ вспоминалъ о своемъ покойномъ другѣ. Онъ го-

ворилъ о безпримѣрной скромности Чехова, который съ удивленіемъ спросилъ бы, зачѣмъ этотъ памятникъ, но все же сильно радовался бы, что русское искусство нашло себѣ въ Германіи такое почетное признаніе. На торжествѣ присутствовала также вдова Чехова. Русскій посланникъ еще разъ въ нѣмецкой рѣчи обратился съ благодарственными словами къ представителямъ баденскаго правительства. Въ отвѣтъ на это г. Ференбахъ объявилъ, что беретъ памятникъ подъ покровительство баденскаго государства. Произведенія такого крупнаго художника,—сказалъ онъ,—не могутъ быть достояніемъ одного только родного ему народа, но обогащаютъ литературныя сокровища всего образованнаго міра, и въ этомъ отношеніи для баденскихъ властей является радостнымъ долгомъ хранить этотъ прекрасный памятникъ. Послѣ офиціальной части торжества русскій посолъ далъ небольшой банкетъ. Вечеромъ того же дня въ мѣстномъ театрѣ былъ устроенъ концертъ съ исключительно русской программой, и подъ конецъ мѣстной нѣмецкой труппой былъ разыгранъ чеховскій «Медвѣдь».

Памятникъ адмиралу С. О. Макарову. Въ морскихъ кружкахъ возникла мысль о сооруженіи памятника вице-адмиралу С. О. Макарову, погибшему въ Портъ-Артурѣ во время минувшей войны. Въ Кронштадтѣ, уже начались поступленія въ фондъ для осуществленія этой цѣли и возбуждается ходатайство объ открытіи всероссійской подписки на памятникъ герою-адмиралу.

30-лѣтіе пастырской службы протоіерея о. А. П. Мальцева. 3-го августа исполнилось 30-лѣтіе служебной дѣятельности одного изъ самыхъ видныхъ заграничныхъ пастырей — настоятеля Князь-Владимирской церкви при императорскомъ россійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, протоіерея о. Алексѣя Петровича Мальцева. Протоіерей Мальцевъ — уроженецъ Ярославской губерніи, высшее богословское образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи, курсъ которой онъ окончилъ въ 1878 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же году, 3-го августа, былъ опредѣленъ преподавателемъ петербургской духовной семинаріи. Въ слѣдующемъ году получилъ степень магистра богословія. Затѣмъ въ 1882 году рукоположенъ былъ во священника къ церкви при училищѣ и дирекціи петербургскихъ императорскихъ театровъ. Послѣднія 12 лѣтъ (съ 1896 г.) онъ состоитъ настоятелемъ берлинской посольской церкви въ санѣ протоіерея. От. Мальцевъ принадлежитъ къ выдающимся церковно-общественнымъ дѣятелямъ и виднымъ духовнымъ писателямъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ трудовъ, а также переводовъ нашихъ богослужебныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ. Какъ видный заграничный пастырь, протоіерей А. П. Мальцевъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ предсоборнаго присутствія. Не разъ выставлялась его кандидатура въ ректоры петербургской духовной академіи. Среди высшихъ наградъ по духовному вѣдомству почтенный пастырь имѣетъ митру, украшенный брильянтами крестъ изъ Кабинета Его Величества и орденъ св. Анны 1-й степени. Кромѣ того, ему же разрѣшено носить множество заграничныхъ орденовъ и другихъ знаковъ отличій.

Художественная галерея въ гор. Острогожскѣ имени И. Н. Крамского. Острогожскъ—родина нашего извѣстнаго художника И. Н. Крамского. По поводу семидесятилѣтія со дня его рожденія и двадцатилѣтія со дня кончины (1837—87 гг.), при мѣстной общественной библіотекѣ была основана небольшая художественная галерея въ память Ивана Николаевича, которая быстро пополнилась хорошей коллекціей картинъ. На призывъ правленія острогожской библіотеки сочувственно откликнулись наша академія художествъ, ея профессора и многіе изъ художниковъ, приславшіе свои картины, эскизы и этюды. Маленькая картинная галерея въ одинъ годъ пополнилась цѣлымъ рядомъ художественныхъ произведеній. Великій князь Константинъ Константиновичъ прислалъ въ даръ библіотекѣ фотографическіе снимки съ портретовъ, писанныхъ И. Н. Крамскимъ, академія художествъ—картины Лебедева, Дубовскаго, Феддерса, Ивковскаго, Шильдера и три конныхъ статуэтки барона Клодта. Въ галереѣ есть произведенія И. Е. Рѣпина, професора Кошелева, Е. Е. Волкова, В. Д. Полѣнова, Е. М. Бемъ, Я. И. Бровара, М. Н. Чулкова, Горохова, Сафонова и другихъ художниковъ. И. Я. Гинсбургъ далъ статуэтку Льва Толстого, пишущаго за столомъ. С. Н. Крамская подарила галереѣ нѣсколько работъ своего покойнаго мужа, когда онъ былъ еще ученикомъ академіи, и писанные имъ портреты съ членовъ его семьи. Художникъ М. Л. Щербатовъ доставилъ портретъ И. Н. Крамского. Словомъ, галерея настолько обогатилась въ короткое время, что въ нынѣшнемъ году съ 25 іюня при библіотекѣ была уже открыта выставка картинъ, которая охотно посѣщалась публикой. Самое помѣщеніе библіотеки оказалось тѣснымъ, и явилась мысль объ устройствѣ собственнаго зданія. Былъ открытъ сборъ пожертвованій на постройку дома для библіотеки и ея художественной галереи. И на этотъ разъ правленіе библіотеки встрѣтило общее сочувствіе. Пожертвованія были сдѣланы великимъ княземъ Георгіемъ Михаиловичемъ, профессоромъ А. И. Куинджи, А. С. Суворинымъ, гласными острогожскаго земства и другими мѣстными учрежденіями. Такимъ образомъ маленькая галерея въ память И. Н. Крамского должна вырасти въ цѣлый художественный музей. Характерно не только общее сочувствіе къ художественной идеѣ, возникшей въ городѣ Острогожскѣ, но это столь рѣдкое у насъ культурное пробужденіе провинціи, стремящейся увѣковѣчить память такихъ своихъ дѣятелей, какъ И. Н. Крамской.

Рѣдкая экскурсія. Въ Кисловодскѣ закончилась научно-педагогическая экскурсія въ верховья Кубани и Теберды, предпринятая 16 учителями-спеціалистами для изслѣдованія ихъ въ естественно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Участниками ея, учителями 14 гимназій и реальныхъ училищъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья (Хони, Карсъ, Кутаисъ, Поти, Тифлисъ, Баку, собраны зоологическія, ботаническія и минералогическія коллекціи, обработка которыхъ дастъ матеріалъ для издаваемой, по распоряженію мѣстнаго попечителя округа, книги. Руководителемъ экскурсіи, директоромъ тифлисской 3-й мужской гимназіи, произведены давшія цѣнный археологическій матеріалъ раскопки, отно-

сяцiя найденные предметы къ IX и X в. по Р. X. Между прочимъ найдена въ могилѣ въ Сентинскомъ храмѣ золотая монета эпохи византiйскихъ императоровъ Константина и Василiя и нашего Владимира Святого. Раскопки даютъ интересныя данныя для рѣшенiя вопроса о древнѣйшихъ насельникахъ бассейна верхней Кубани и распространенiи племени аланъ. Экскуранты сдѣлали пѣшкомъ и верхомъ около 250 верстъ; побывали на 6 перевалахъ. Экскурсiя совершена на средства гимназiй, реальныхъ училищъ и учебнаго округа, по инициативѣ попечителя коего организовано это трудное, но крайне полезное путешествiе, полагающее начало ряду аналогичныхъ экскурсiй, знакомящихъ руководителей кавказскихъ дѣтей и юношей съ настоящимъ и прошлымъ Кавказа и его обитателей. Съѣхавшись въ Екатеринодарѣ, гдѣ было сдѣлано нѣсколько предварительныхъ совѣщанiй, экскурсанты доѣхали до станцiи Невинномысской, откуда пѣшкомъ прошли черезъ Хумари, Сенты, Теберду (ущелье Теберды) на Клухроскiй перевалъ, произведя по пути рядъ развѣдокъ, раскопокъ и изслѣдованiй. Отсюда черезъ два трудныхъ перевала спустились къ истокамъ Кубани въ Большой Карачай, а затѣмъ черезъ плоскогорiя Бечесынъ и Бермамытъ прибыли благополучно въ Кисловодскъ. Весь путь былъ ими совершенъ въ 21 сутки. Въ техническомъ отношенiи экскурсанты были обставлены по образцу заграничныхъ альпинистовъ. Заболѣванiй не наблюдалось, несмотря на ледниковый холодъ, градъ и дождь, временами набѣгавшiй на путешественниковъ. Экскурсiей добыты зерна кефира, родиной котораго считается Карачай, собраны интересныя мѣстныя преданiя объ его происхожденiи, записаны способы его приготовленiя. Во многихъ пунктахъ Карачая констатировано нахожденiе полезныхъ ископаемыхъ.

Лѣтнiе курсы для народныхъ учителей въ Петербургѣ. Въ началѣ iюля закончились лѣтнiе курсы для народныхъ учителей, организованные петербургскимъ профессоромъ А. К. Бороздинымъ. Мысль раскрывать на лѣтнее время аудиторiи обѣихъ столицъ для народныхъ учителей встрѣтила въ средѣ послѣднихъ горячiй откликъ. Съ разныхъ концовъ Россiи, изъ ея крайнихъ предѣловъ съѣхались народные учителя, чтобы пополнить и расширить свое образованiе. Курсы для народныхъ учителей въ Петербургѣ открылись 5 iюня, и въ теченiе цѣлаго мѣсяца шла одушевленная и дружная работа. Видныя научныя силы приняли участiе въ преподаванiи, и съ этой стороны курсы были обставлены блестяще. Достаточно назвать имена М. М. Ковалевскаго, читавшаго курсъ по всеобщей исторiи, Н. П. Павлова-Сильванскаго (русская исторiя), Лапшина (психологiя), Будде (языкознанiе), Васильева и Савича (математика), Генкеля (ботаника) и много другихъ. Кромѣ чтенiя лекцiй (обычно отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ дня), велись занятiя и бесѣды по вечерамъ (начиная съ 5-ти часовъ). Въ остающееся свободное время въ праздники совершались экскурсiи и осмотръ достопримѣчательностей. Всѣ лекторы отмѣчаютъ глубокое вниманiе и интересъ слушателей, ихъ живую любознательность, большую работоспособность. Въ настоящее время предпринята анкета, которая должна выяснить интересныя подробности, а также подробно характеризовать всѣ отличительныя

особенности жизни и быта учителей народной школы. Одно несомнѣнно и ясно безъ всякихъ анкетъ и опросовъ, это—тяжелое экономическое положеніе «сѣятеля просвѣщенія». Обычное жалованье едва позволяетъ сводить концы съ концами человѣку холостому, люди же семейные находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. И тѣмъ еще цѣннѣе подчеркнуть ту жажду знанія, которая заставляетъ учителей на свой скудный заработокъ ѣхать въ столицу, записываться на курсы. Правда, въ Петербургѣ были сдѣланы попытки облегчить устройство прибывшихъ курсистовъ, но все же столичная дороговизна чувствительно давала себя знать. 5-го іюля курсы закончились, но слушатели уѣхали съ надеждой пріѣхать снова черезъ годъ. Въ бюро курсовъ все время подавались заявленія съ просьбами объ устройствѣ курсовъ на будущій годъ.

НЕКРОЛОГИ.

Бѣлогрицъ-Котляревскій, Л. С. 27 іюля, послѣ тяжкой болѣзни скончался профессоръ кіевскаго университета св. Владимира Леонидъ Сергѣевичъ Бѣлогрицъ-Котляревскій. Покойному было всего 53 года. Карьеру ученаго онъ началъ въ ярославскомъ лицеѣ въ 1880 г., а затѣмъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ и оставался на своемъ посту до послѣднихъ дней своей жизни. Покойный былъ спеціалистомъ по уголовному праву. Его учебникъ уголовнаго права пользовался среди учащейся молодежи большой популярностью и выдержалъ нѣсколько изданій. Среди научныхъ трудовъ покойнаго выдѣляются его изслѣдованія: «Преступленія противъ религіи» и «О воровствѣ—кражѣ по русскому праву». Покойный профессоръ былъ не чуждъ и общественной дѣятельности: въ послѣдніе годы онъ состоялъ гласнымъ кіевской городской думы, принимая посильное участіе въ трудахъ ея. (Некрологъ его: «С.-Петерб. Вѣдом.» 1908 г., № 173).

† **Денисовъ, А. П. (Малышевъ).** Въ пятницу, 8-го августа, отъ кровоизліянія въ кишкахъ скончался авторъ многихъ облетѣвшихъ всю Россію цыганскихъ романсовъ и пѣсенъ А. П. Денисовъ (по настоящей фамиліи—Малышевъ). Происходя изъ старой аристократической семьи,—сынъ извѣстнаго въ былые годы артиста Александринскаго театра,—покойный А. П. послѣ широкой, бурной жизни съ прожиганіемъ наслѣдства закончилъ свою карьеру скромнымъ мѣстомъ номинальнаго управляющаго садомъ «Фарсъ». Совершилась маленькая, обыденная, сѣрая драма, одна изъ тѣхъ, какихъ такъ много и незамѣтно случается въ русской жизни! Отцвѣлъ не успѣвшій расцвѣсть талантъ,—отцвѣлъ преждевременно и попусту... Талантливый человѣкъ въ

борьбѣ съ жизненными условіями сдѣлался распорядителемъ «человѣковъ» садоваго ресторана! Жгучая мелодія цыганскаго романса потонула въ обычномъ распивочномъ гулѣ... Рѣдко кто изъ посѣтителей «Фарса» зналъ, что подъ «Лешей Малышевымъ» скрывается Денисовъ, съ чьими мелодіями такъ сроднился нашъ слухъ и чьи невыплаканныя слезы, слезы неудавшейся жизни, такъ страстно звучали въ заунывной пѣснѣ, за душу хватающей своимъ призывомъ къ недающемуся счастью. Малышевъ умеръ и 11 августа его хоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, но надолго его переживетъ Денисовъ своими «Голубка моя», «Къ чему скрывать», «Въ часъ печали, тоски и волненья» и массой другихъ романсовъ и пѣсенъ, столь популярныхъ и въ центрахъ и въ далекихъ медвѣжьихъ углахъ. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости» 1908 г., № 10650).

† **Петровскій, А. Г.** 5-го августа въ возрастѣ около 55-ти лѣтъ скончался отъ туберкулеза завѣдующій врачебно-санитарною частью московскаго городского общественнаго управленія д-ръ Александръ Григорьевичъ Петровскій. Покойный пробылъ на городской службѣ около 25-ти лѣтъ. Въ 1884 году онъ поступилъ въ московское городское управленіе на должность городского санитарнаго врача, затѣмъ состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при городскомъ головѣ и свыше 10-ти послѣднихъ лѣтъ завѣдывалъ врачебно-санитарною частью. До поступленія на городскую службу А. Г. былъ военнымъ врачомъ и принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой кампаніи. Покойный не былъ чуждъ и литературной дѣятельности. Нѣсколько его статей было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Скончался А. Г. въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ., гдѣ проводилъ лѣто, пользуясь отпускомъ по случаю болѣзни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд.» 1908 г., № 183).

† **Петріевъ, В. М.** 26-го іюля въ Карлсбадѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ преподавателей Новороссійскаго университета, заслуженный профессоръ по каѳедрѣ технической химіи Василій Моисеевичъ Петріевъ. Покойный пользовался большой популярностью и уваженіемъ въ Одессѣ какъ преподаватель и общественный дѣятель. Родился В. М. въ 1843 году; происходилъ онъ изъ духовнаго званія, и родители предназначали его для священнической дѣятельности. Окончивъ семинарію, В. М. рѣшилъ однако пойти въ университетъ. По окончаніи естественнаго отдѣленія на физико-математическомъ факультетѣ въ новороссійскомъ университетѣ В. М. получилъ заграничную командировку, въ 1874 г. защитилъ магистерскую диссертацію и черезъ четыре года былъ избранъ профессоромъ по каѳедрѣ технической химіи, когда за свою работу «О моно- и диоксималоновыхъ кислотахъ» былъ удостоенъ докторской степени. Съ введеніемъ автономіи высшихъ учебныхъ заведеній В. М. былъ единогласно избранъ въ деканы физико-математическаго факультета. Съ устраненіемъ въ началѣ истекшаго академическаго года ректора П. М. Занчевскаго, покойный явился замѣстителемъ ректора, но вскорѣ по распоряженію министерства освобожденъ былъ отъ своихъ новыхъ обязанностей. Въ августѣ В. М. предполагалъ подать въ отставку и по должности декана, такъ какъ былъ слишкомъ утомленъ отъ «недоразумѣній», ареной

которыхъ сдѣлался за послѣднее время новороссійскій университетъ. Покойный былъ членомъ конституціонно-демократической партіи. Особенной любовью онъ пользовался среди студентовъ, оказывая широкую помощь нуждающейся молодежи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1908, № 179).

† **Радченко. К. Ѳ.**, Сошелъ недавно въ могилу, всего на 36-мъ году жизни, талантливый профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, блестящій знатокъ славянскихъ древностей, Константинъ Ѳедоровичъ Радченко. Покойный родился 20 мая 1872 г., среднее свое образованіе получилъ въ первой кіевской гимназіи, откуда, по окончаніи курса съ золотою медалью, поступилъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра. Еще въ бытность студентомъ онъ написалъ обширное изслѣдованіе, удостоенное тогда же золотой медали, подъ заглавіемъ «Досиѳей Обраддовичъ и его литературная дѣятельность», а послѣ оставленія при университетѣ для подготовки къ профессурѣ, уже въ 1896 г. блестяще сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ въ столицы для занятій славянскими рукописями, хранящимися въ московскихъ и петербургскихъ библіотекахъ. Плодомъ этой поѣздки явился новый трудъ К. Ѳ. (Кіевъ, 1896 г.), представлявшій цѣлый рядъ опытовъ по изученію разныхъ историческихъ памятниковъ вродѣ: Болгарскаго сборника 1345 г., древнихъ житій святыхъ и т. п. Дальнѣйшей разработкой всѣхъ этихъ матеріаловъ были его книги: «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ» (1898 г.) и «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ» (1899 г.). Послѣдняя книга, принятая университетомъ св. Владиміра въ качествѣ диссертаціи и прекрасно защищенная авторомъ на диспутѣ, доставила покойному степень магистра славянской филологіи. Вслѣдъ за этимъ, осенью 1898 г. К. Ѳ. получилъ съ научною цѣлью двухгодичную командировку за границу, а по возвращеніи на родину, въ 1900 г., былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго института на каѳедру славянской филологіи, при чемъ одновременно соединилъ чтеніе лекцій и по исторіи русской словесности. Работа со студентами, выработка и установленіе курсовъ поглотили почти всецѣло время молодого ученаго. Онъ не переставалъ мечтать о томъ, чтобы закончить свою докторскую диссертацію, но масса текущихъ институтскихъ занятій не позволяла ему довести до конца этотъ, уже начатый имъ, обширный трудъ, и онъ имѣлъ возможность выпускать лишь сравнительно небольшія, хотя весьма цѣнныя, отличающіяся мѣткимъ выборомъ изъ собраннаго за границей матеріала, изслѣдованія, какъ, напримѣръ: «Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской библіотеки» (гдѣ, между прочимъ, приведены два любопытные апокрифическіе разсказа о началѣ и концѣ міра, 1903 г.), «О перґаментномъ сборникѣ XIV вѣка Вѣнской придворной библіотеки» (1904 г.), «Апокрифическое житіе самарянки по прологамъ Бѣлградской народной библіотеки» (1906 г.), «Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ» (1902 г.), «Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству» (1904 г.) и «Видѣніе пророка Исаіи въ пересказахъ катаровъ-богомиловъ» (1906 г.). (Некрологъ см.: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 186).

† **Смирнова, А. П.** 24-го іюля похоронена на Митрофаніевскомъ кладбищѣ Анна Петровна Смирнова, бывшая дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Музыка и Пѣніе», а равно нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданій. Хорошій работникъ, чудный человѣкъ, она скончалась всего двадцати девяти лѣтъ отъ роду отъ разрыва сердца. (Некрологъ ея: «Петербургскій Листокъ» 1908 г., № 202).

† **Тархановъ, князь И. Р.**, Смерть скосила одного изъ выдающихся русскихъ физіологовъ и общественныхъ дѣятелей, князя Ивана Романовича Тарханова. Въ области физіологическихъ изслѣдованій имя покойнаго пользовалось заслуженной репутаціей не только у насъ, но и за границей. Въ бытность профессоромъ военно-медицинской академіи имъ произведено множество опытовъ, пролившихъ свѣтъ на многіе темные вопросы физіологіи и давшихъ ему возможность сдѣлать рядъ интереснѣйшихъ выводовъ. Разставшись въ 1895 г. съ академіей, онъ продолжалъ свои изслѣдованія въ собственномъ физіологическомъ кабинетѣ. Объектомъ его опытовъ чаще всего были животныя, рѣже человѣческій организмъ. Путемъ послѣдовательныхъ опытовъ и наблюденій онъ внесъ много новаго въ изслѣдованія психомоторныхъ центровъ, отправленій органовъ чувствъ, психическаго вліянія на колебанія гальваническихъ кожныхъ токовъ, вліянія музыки на животный организмъ, гипнотизма, вліянія иксъ-лучей на животныхъ, вліянія растительной и животной пищи и пр. Цѣнны его изслѣдованія нормальнаго сна и отправленій спинного мозга. Кромѣ того, покойный являлся однимъ изъ извѣстнѣйшихъ популяризаторовъ знаній. Онъ многократно выступалъ публичнымъ лекторомъ, чаще всего въ Педагогическомъ музеѣ, и въ послѣдніе годы редактировалъ многіе популярные научно-медицинскіе журналы и изданія для самообразованія: «Домашній докторъ», «Литературно-медицинскій журналъ» и пр. И. Р. — сынъ боевого генерала, потомокъ стариннаго княжескаго грузинскаго рода. Родился онъ въ Тифлисѣ въ 1846, дѣтство провелъ въ гористой мѣстности, окружающей гор. Нуху (Шемахинской губ.). Отецъ готовилъ его къ кавказской боевой жизни, но на мальчика, получившаго хорошее домашнее образованіе, оказалъ большое вліяніе извѣстный писатель Дюма (отецъ), посѣтившій Кавказъ. Подъ его вліяніемъ юный Тархановъ сталъ мечтать о писательской дѣятельности и убѣдилъ своего отца отправить его въ Петербургъ. Здѣсь онъ выдержалъ въ 1863 г. во 2-й гимназіи экзаменъ на атестатъ зрѣлости и поступилъ въ петербургскій университетъ, откуда вскорѣ перевелся въ медико-хирургическую академію. По окончаніи курса былъ оставленъ при академіи для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1870 году сдалъ докторскій экзаменъ и защитилъ диссертацію. Избравъ своей спеціальностью физіологію, онъ произвелъ рядъ самостоятельныхъ физіологическихъ работъ: о вліяніи тепла и холода на сердечно-задерживающіе центры блуждающаго нерва, объ иннерваціи селезенки и др. Въ 1872 году онъ былъ командированъ за границу для усовершенствованія, посѣтилъ почти всѣ главнѣйшія физіологическія лабораторіи Европы, занимался у Гоппе-Зейлера и Гольца въ Страсбургѣ, у Клода Бернара, Ранвье и Марея въ Парижѣ. За границей же произвелъ рядъ изслѣдованій объ иннерваціи сосудовъ, о красящемъ веществѣ желчи, о вліяніи ку-

раре на кровь и лимфу и пр. Въ 1875 году былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ физіологіи въ медико-хирургической академіи, въ слѣдующемъ году избранъ экстраординарнымъ и въ 1877 году ординарнымъ профессоромъ физіологіи. Съ военно-медицинской академіей дѣятельность его была связана въ теченіе двадцати лѣтъ, до 1895 года. Онъ широко поставилъ физіологическіе опыты въ своей лабораторіи и, какъ хорошій лекторъ и руководитель, пользовался общими студенческими симпатіями. Конференція академіи отмѣтила цѣнность его физіологическихъ изслѣдованій присужденіемъ ему званія академика. Одновременно онъ былъ секретаремъ академіи. Съ 1895 г. И. Р. читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи въ петербургскомъ университетѣ по біологіи и общей физіологіи. Перу его принадлежитъ множество научныхъ работъ. Изъ отдѣльно изданныхъ назовемъ: «О ядахъ въ организмѣ животныхъ и человѣка и о борьбѣ съ ними». «Простуда», «О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ», «О закаливаніи человѣческаго организма», «Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей». Въ послѣднее время онъ состоялъ членомъ врачебнаго совѣщанія вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, членомъ ученаго комитета министерства торговли и промышленности, былъ предсѣдателемъ совѣта общества тѣлеснаго воспитанія «Богатырь», товарищемъ предсѣдателя совѣта всероссійскаго общества народныхъ университетовъ, а также принималъ дѣятельнѣйшее участіе во многихъ другихъ общественныхъ организаціяхъ. Умеръ онъ 62 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память и почетное имя. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908, № 11,645).

† **Траппъ, Ю. К.**, 20-го іюля въ Гунгербургѣ скончался извѣстный фармакологъ, академикъ и заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи Юлій Карловичъ Траппъ. Съ именемъ Ю. К. связана реформа аптечнаго дѣла въ Россіи. Онъ первый вывелъ аптечное дѣло изъ того положенія, въ которомъ оно находилось у насъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Ю. К. восполнилъ существенный пробѣлъ, служившій долгое время непреодолимымъ препятствіемъ для проявленія индивидуализаціи отечественной фармаціи, написавъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ по фармакопеѣ, фармаціи и судебной химіи. Параллельно съ этимъ Ю. К. принималъ живѣйшее практическое участіе въ медицинскомъ совѣтѣ, а также въ военно-медицинскомъ комитетѣ. Здѣсь за Ю. К. имѣются также большія заслуги въ дѣлѣ разрѣшенія какъ чисто-научныхъ задачъ, такъ и практическихъ вопросовъ. Ю К. родился въ Маріамполѣ въ 1815 г. Окончивъ гимназію въ Тильзитѣ, онъ поступилъ для практическаго изученія въ аптеку. Въ 1836 г. онъ успѣшно выдерживаетъ экзаменъ на аптекарскаго помощника и повторяетъ, затѣмъ, этотъ экзаменъ въ Варшавѣ, гдѣ посѣщалъ фармацевтическую школу. Въ 1839 году проф. Ю. К. поступаетъ въ медико-хирургическую академію въ С.-Петербургѣ; здѣсь онъ довершаетъ свое фармацевтическое образованіе и, не долго спустя, выдерживаетъ экзаменъ на степень магистра фармаціи. Въ 1843 г. Ю. К. былъ назначенъ адъюнктъ-лаборантомъ химіи и фармаціи; черезъ четыре года онъ выдерживаетъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора, а въ 1856 г. назначается ординарнымъ профессоромъ фармаціи.

Перу Ю. К. принадлежитъ много трудовъ, въ томъ числѣ: «Химическое изслѣдованіе невской воды, а также воды Ладожскаго озера и трехъ каналовъ», «О свинцовыхъ водопроводахъ», «Изслѣдованіе эѳирнаго масла», «Первыя пособія при отравленіяхъ и химическое изслѣдованіе ядовъ» и мн. др. Скончался Ю. К. 93 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1908, № 165).

† **Шубертъ, В. А.** 1 августа послѣ тяжелой болѣзни скончался въ Царскомъ Селѣ заслуженный профессоръ петербургской консерваторіи (по классу гобоя) Василій Антоновичъ Шубертъ. Онъ былъ чехъ, но вполнѣ обрусѣлый, такъ что даже свое имя Вильгельмъ перемѣнилъ на русское—Василій. Окончивъ двадцатилѣтнимъ юношею пражскую консерваторію, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1858 г. поступилъ въ оркестръ Большого театра. Тогда въ этомъ театрѣ были выдающіеся виртуозы на всѣхъ инструментахъ, начиная съ Венявскаго, Давыдова, Пиккеля, Каваллини, Цабеля и др. В. А., игра котораго отличалась рѣдкою мягкостью и чистотою тона, оказался достойнымъ товарищемъ этихъ первоклассныхъ виртуозовъ. При основаніи консерваторіи Рубинштейнъ пригласилъ его туда преподавателемъ, и съ того времени онъ не оставлялъ ея. Онъ далъ множество учениковъ казеннымъ и военнымъ оркестрамъ. Кромѣ службы въ театрѣ и преподаванія, В. А. занимался и композиторской работою. Онъ написалъ нѣсколько увертюръ, фортепіанныхъ сочиненій легкаго характера, а также пьесъ для своего инструмента, представляющихъ извѣстный вкладъ въ литературу послѣдняго ввиду ея ограниченности. Покойный отличался рѣдкою любезностью и доброжелательствомъ и потому пользовался любовью всѣхъ знавшихъ его. В. А. родился въ 1836 году. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.648).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Замѣтка о предсмертномъ письмѣ К. Ѳ. Рылѣева.

Письмо поэта Кондратія Ѳедоровича Рылѣева отъ 13 іюля 1826 г. къ женѣ Натальѣ Михайловнѣ, рожденной Тевяшевой, написанное въ Петропавловской крѣпости за нѣсколько часовъ до приведенія надъ нимъ въ исполненіе смертнаго приговора и начинающееся словами: «Богъ и государь рѣшили участь мою, я долженъ умереть и умереть смертію позорною», неоднократно появлялось въ печати. Послѣдній разъ оно опубликовано Н. Котляревскимъ въ книгѣ, недавно изданной, подъ заглавіемъ: «Рылѣевъ». Въ примѣчаніи къ стр. 184 авторъ, приведя текстъ письма, въ опроверженіе возникавшихъ сомнѣній относительно его подлинности ссылается на свидѣтельства Д. Кропотова, Е. Оболенскаго и барона А. Розена. Къ сожалѣнію, авторъ привелъ письмо съ нѣкоторыми сокращеніями и не сослался на источникъ, изъ кото-

раго его извлекъ, тогда какъ у Д. Кропотова оно приведено цѣликомъ, причемъ Кропотовъ, чрезъ 42 года по смерти Рылѣева, удостовѣрилъ, что сохранившіяся письма поэта онъ читалъ въ подлинникахъ и что Гречъ, въ «Запискахъ», напечаталъ предсмертное письмо Рылѣева въ искаженномъ видѣ («Русск. Вѣстн.» 1869 г., кн. III). Имѣя подъ рукою принадлежащую Л. И. Курисъ копію интересующаго насъ письма Рылѣева на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1825 г., снятую, слѣдовательно, вскорѣ по смерти Рылѣева, и сличивъ эту копію съ текстомъ, приведеннымъ въ статьѣ Кропотова, я пришелъ къ убѣжденію, что Кропотовъ изложилъ текстъ письма съ буквальною точностью. Въ нашей копіи недостаетъ приписки о деньгахъ («У меня осталось здѣсь 530 руб., можетъ быть, отдадутъ тебѣ»), пропущены двѣ фразы и испорчено нѣсколько словъ малообразованнымъ переписчикомъ. Зато довольно важныя мѣста, пропущенныя, повидимому, неумышленно, біографомъ Рылѣева Н. Котляревскимъ, приведены въ ней согласно съ Кропотовымъ. Вотъ эти мѣста. Въ серединѣ: «Катеринѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М. П.; не я его вовлекъ въ общую бѣду; онъ самъ это засвидѣтельствуетъ». Въ концѣ, предъ словами: «Прощай, велятъ одѣваться»:— «Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность». Прасковья Васильевна—бабка Кропотова, состоявшая въ дружескихъ отношеніяхъ съ матерью Рылѣева. Кстати отмѣчу еще одну несообразность въ искусно составленномъ Н. Котляревскимъ біографическомъ очеркѣ. Онъ сообщаетъ, что Рылѣевъ женился на Натальѣ Михайловнѣ 22 января 1820 г. (стр. 29). Это невѣрно. Самъ Рылѣевъ въ письмѣ 13 іюля 1826 г. благодаритъ жену, что она «осчастливила его въ продолженіе восьми лѣтъ». Нельзя допустить, чтобы Рылѣевъ ошибся на цѣлыхъ два года, находясь, какъ увѣряетъ, «въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи», что не могъ и выразить женѣ. «Это дивное спокойствіе,—писалъ Рылѣевъ,—порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки»... Все письмо проникнуто такимъ глубокимъ чувствомъ и естественнымъ тономъ, такъ психологически вѣрно отражаетъ въ себѣ душевное состояніе поэта, прощающагося навсегда съ дорогимъ ему существомъ, что о поддѣлкѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія отвергать подлинность предсмертнаго письма Рылѣева къ женѣ и препровожденія по принадлежности, засвидѣтельствованнаго Кропотовымъ и др. Мнѣніе о подложности письма создано предположеніемъ, что оно заключаетъ въ себѣ «раскаяніе» Рылѣева, и отрицаніемъ, будто бы, его женою факта полученія такого письма (Герценъ). Въ письмѣ смертный приговоръ Рылѣевъ считаетъ «судомъ Божіимъ», совѣтуетъ не роптать на государя и, умирая истиннымъ христіаниномъ, онъ въ теплыхъ выраженіяхъ проситъ у всѣхъ своихъ близкихъ прощенія. Это не вяжется съ раскаяніемъ, какое, очевидно, разумѣлъ Герценъ, т. е. раскаяніемъ въ политическомъ преступленіи. Котляревскій полагаетъ, что Герценъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ (прим. на стр. 184). Можно думать, что Герценъ просто смѣшалъ упомянутое письмо Рылѣева съ прошеніемъ Рылѣева на имя государя, около 12 іюня 1826 г., въ коемъ онъ отрекался отъ поли-

тическихъ заблужденій и правилъ, обвиняя во всемъ одного себя и умоляя помиловать товарищей. «Казни меня одного,—писалъ Рылѣевъ,—и благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе, и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противъ власти верховной». Сравнивая прошеніе съ показаніями Рылѣева на судѣ, Котляревскій, хотя и рѣшается признать его безспорную подлинность, однако усматриваетъ въ немъ лишь повтореніе всего, что Рылѣевъ говорилъ предъ судьями и въ первомъ своемъ письменномъ обращеніи къ императору (стр. 168, 172 и 185). Судьямъ же онъ заявилъ, что, раскаявшись въ своемъ преступленіи и отрекшись отъ прежняго образа мыслей своихъ, съ самаго начала показалъ все, что почиталъ необходимымъ. **А. В. Лонгиновъ.**

II.

Къ воспоминаніямъ о князѣ К. А. Бебутовѣ.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» н. г. помѣщены интересныя воспоминанія А. Е. К. о скончавшемся въ прошломъ году кавказскомъ журналистѣ и общественномъ дѣятелѣ, князѣ К. А. Бебутовѣ, съ портретомъ послѣдняго, кстати сказать, очень удачно исполненнымъ.

Авторъ «Воспоминаній», приводя изъ написаннаго мною некролога о кн. Бебутовѣ [1]) строки, относящіяся къ его аресту въ Петербургѣ, въ 1900 г., излагаетъ мотивы ареста совсѣмъ иначе, чѣмъ я. У меня было сказано:

«Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда бывшій главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ кн. Голицынъ представилъ въ комитетъ министровъ записку о кавказскихъ дѣлахъ, К. А. Бебутовъ добылъ эту записку и опубликовалъ въ англійскихъ газетахъ. За этотъ смѣлый, по тогдашнему времени, шагъ князь сильно пострадалъ: онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ былъ освобожденъ съ обязательствомъ не жить въ предѣлахъ Россіи».

По словамъ А. Е. К., кн. Бебутовъ сидѣлъ не въ тюрьмѣ, а въ домѣ предварительнаго заключенія, а затѣмъ, еще до воспрещенія ему въѣзда въ Россію, онъ былъ сосланъ въ Москву (первоначально предполагалось сослать его въ Вятку). Не возражая противъ этихъ несущественныхъ поправокъ, не могу оставить безъ возраженія дальнѣйшаго разсказа А. Е. К.

По его словамъ, кн. Бебутовъ былъ арестованъ не вслѣдствіе напечатанія имъ отчета кн. Голицына въ англійскихъ газетахъ, а потому, что онъ, кн. Бебутовъ, не пожелалъ назвать правительству лицо, которое доставило ему упомянутый отчетъ. Отчетъ этотъ, по разсказу кн. Бебутова, передаваемому

---

[1]) Некрологъ былъ напечатанъ въ прошломъ году въ газ. «Закавказье» и перепечатанъ въ «Истор. Вѣстн.» и въ 3-ей книгѣ моихъ «Характеристикъ и воспоминаній» (въ послѣдней съ значительными дополненіями.

авторомъ «Воспоминаній», былъ доставленъ ему, кн. Бебутову, уже послѣ того, какъ появился онъ въ англійскихъ газетахъ.

«Я не только не знаю, — говорилъ кн. Бебутовъ г-ну А. Е. К., — кѣмъ былъ помѣщенъ въ англійскихъ газетахъ отзывъ объ этомъ отчетѣ, но до сихъ поръ не знаю (это онъ твердилъ еще въ послѣдніе дни своей жизни), появлялось ли въ тѣхъ газетахъ что-нибудь объ немъ. Въ моемъ упорномъ нежеланіи назвать фамилію земляка, принесшаго мнѣ отчетъ, видѣли или хотѣли видѣть стремленіе съ моей стороны скрыть какое-либо мое преступное участіе въ этомъ пустомъ дѣлѣ».

Не отрицая, но и не подтверждая, что кн. Бебутовъ именно такъ передавалъ автору «Воспоминаній» инцидентъ съ его арестомъ, какъ выше изложено,—я все же убѣжденъ, что кн. Бебутовъ, а не кто другой, опубликовалъ въ англійскихъ газетахъ отчетъ кн. Голицына. Мое убѣжденіе основано на свидѣтельствѣ покойнаго армянскаго журналиста, Абг. Іоанисіани, сотрудникомъ котораго кн. Бебутовъ долго состоялъ (по газ. «Ардзаганкъ») и который вообще былъ очень близокъ къ нему. Покойный Абг. Іоанисіани весьма категорически передавалъ мнѣ, что именно кн. Бебутовъ сообщилъ въ англійскія газеты отчетъ кн. Голицына и что именно за это онъ пострадалъ, хотя, быть можетъ, не это выставлялось правительствомъ официальной причиной его ареста. Это же подтвердили мнѣ теперь нѣкоторые кавказцы, жившіе въ то время (въ 1900 г.) въ Петербургѣ и очень близко ставшіе къ кн. К. А. Бебутову.

Вообще я нахожу неправильнымъ то освѣщеніе, которое даетъ А. Е. К. политической физіономіи кн. К. А. Бебутова. Онъ слишкомъ подчеркиваетъ консерватизмъ послѣдняго и совсѣмъ умалчиваетъ о самой существенной чертѣ его дѣятельности. Кн. К. А. Бебутовъ, несмотря на весь свой консерватизмъ, до конца жизни стоялъ въ рѣзкой оппозиціи ко всѣмъ тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ (въ томъ числѣ и къ кн. Г. С. Голицыну), которые держались политики механической руссификаціи окраинъ.

Вотъ что, напримѣръ, писалъ кн. Бебутовъ мнѣ, въ 1897 г., о кн. Голицынѣ, по случаю его назначенія на Кавказъ:

«Лично въ немъ никакихъ симпатій къ туземцамъ нѣтъ. Малое знакомство съ краемъ позволяетъ ему питаться иллюзіями относительно возможности сдѣлать Кавказъ этнографически русскимъ, посредствомъ заселенія переселенцами... Думаю, что насъ ожидаетъ эпоха полнаго безправія. Въ головахъ нынѣшнихъ правителей никакихъ задерживающихъ правовыхъ центровъ нѣтъ. Вѣроятно, администрацію будутъ обновлять — замѣняя уже насытившихся блохъ голодными» [1]).

Съ такою же суровостью кн. Бебутовъ относился, напримѣръ, къ покойному графу И. Д. Делянову [2]), несмотря на все благожелательное отношеніе послѣдняго лично къ нему.

---

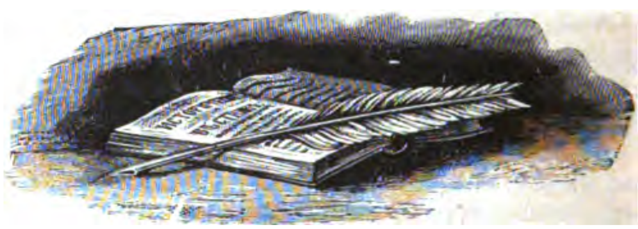
[1]) См. третью книгу моихъ «Характеристикъ и воспоминаній», 1908 г., стр. 54—55.

[2]) Ibid., стр. 58.

Вообще настоящею сферою кн. Бебутова были юморъ и сарказмъ, а н выработка положительныхъ идеаловъ. Въ немъ громче всего говорила жилка фельетониста, а не теоретика-публициста. Популярность его зиждилась имен на остроуміи его, а не на тѣхъ или иныхъ его положительныхъ политическихъ идеалахъ. Вотъ почему я полагаю, что г. А. Е. К. напрасно стремится доказать чрезмѣрную лояльность и консерватизмъ кн. Бебутова. Послѣдній и въ политической дѣятельности, по натурѣ своей, былъ скорѣе боецъ, чѣмъ охранитель.

Жаль, что никто изъ почитателей памяти кн. Бебутова до сихъ поръ не собралъ и не издалъ его статей и писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были бы интересны и въ данный моментъ. Тогда его литературная и политическая физіономія, быть можетъ, не возбуждала бы тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждаются теперь.

Г. Тумановъ.



— Ее зовутъ... Дезире,—отвѣтилъ Коко послѣ минутнаго колебанія...

— Этотъ человѣкъ хитрая каналья,—подумалъ онъ:—но я еще хитрѣе, онъ меня не поймаетъ...

Отъ тіокурскаго вина, которое Ренаръ усердно ему подливалъ, мысли его стали путаться. Онъ больше не соображалъ того, что говорилъ: почувствовавъ себя въ ударѣ, онъ самъ наслаждался своей смѣлостью.

— Конечно,—настаивалъ Ренаръ: — весь твой домъ преданъ республикѣ?

— За это я отвѣчаю. Посмотрѣлъ бы я, кто бы у меня позволилъ имѣть противореволюціонные взгляды... всѣ мы стоимъ за равенство и уважаемъ конвентъ. Наша Зелія выйдетъ замужъ только за санкюлота. «Нашъ Геній», если бъ мы его не удерживали, былъ бы каждый вечеръ въ клубѣ Сульи. Что же касается Аделины, то она ненавидитъ аристократовъ стараго режима. Однимъ словомъ,—продолжалъ онъ, утирая себѣ губы:—на 10 миль въ окружности нѣтъ семьи болѣе патріотичной, чѣмъ моя!

— Отлично!—воскликнулъ Ренаръ, чокаясь съ нимъ вновь,—я восхищенъ тѣмъ, что ты мнѣ разсказалъ, и очень желалъ бы посѣтить твое жилище, гдѣ воздвигаютъ алтарь свободѣ и революціи. Не запряжешь ли свою повозку?

— Да, гражданинъ делегатъ,—отвѣтилъ Коко съ видомъ облегченія. Теперь, когда бутылка была пуста, онъ былъ радъ убраться поскорѣе домой.

— Итакъ, я ѣду съ тобой. Хочу доставить себѣ удовольствіе посмотрѣть на семью истыхъ патріотовъ, привѣтствовать твою жену и расцѣловать дѣтей. Гражданинъ Ролэнъ, я постараюсь, чтобы конвентъ не забылъ тебя, и онъ уже позаботится о тебѣ. Иди, запрягай лошадь, я сейчасъ къ тебѣ выйду.

— Но,—возразилъ Роленъ свирѣпо,—моя повозка слишкомъ тряска и не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано, васъ здорово въ ней растрясетъ, гражданинъ!

— Настоящій республиканецъ пренебрегаетъ удобствами и чувствуетъ себя хорошо всюду, гдѣ есть люди свободные. Сейчасъ я надѣну свой плащъ и буду къ твоимъ услугамъ.

Ренаръ вышелъ изъ комнаты и, отыскавъ мэра, сказалъ ему строгимъ тономъ:

— Во имя закона приказываю тебѣ вооружить своихъ національныхъ гвардейцевъ, самыхъ ловкихъ. Когда я выѣду съ этимъ фермеромъ, ты ихъ поведешь самъ, безъ барабана и безъ музыки, къ границѣ Шануа, гдѣ и размѣстишь ихъ въ кустахъ, ожидая моихъ приказаній. Ты понялъ, не такъ ли? А теперь надо дѣйствовать осторожно и быстро: дѣло идетъ о твоей головѣ.

Четверть часа спустя Юліусъ-Юніусъ, закутанный въ свой длинный плащъ, ѣхалъ въ повозкѣ Коко. Тотъ, уже немного вытрезвившійся, стегалъ кобылу, какъ человѣкъ, желающій на другихъ сорвать свое дурное расположеніе духа. Въ величайшемъ смущеніи онъ спрашивалъ себя, какъ понравится сердитой Аделинѣ несвоевременный пріѣздъ делегата. Но отъ одной мысли о гнѣвѣ своей жены у него дѣлались рѣзи. Когда, проѣхавъ лѣсъ, они были уже у долины Шануа, Коко почесалъ затылокъ и пустилъ шагомъ свою клячу.

— Гражданинъ делегатъ, — сказалъ онъ, — меня безпокоитъ одинъ вопросъ.

— Что такое?

— Я боюсь, что жена окажетъ вамъ плохой пріемъ.

— Почему же?.. Ты увѣрилъ меня, что она искренняя республиканка?

— Конечно, но, между нами говоря, у нея чертовскій характеръ... Она не любитъ, когда къ ней гости падаютъ съ неба, не предупредивъ ее, а когда она сердита, она не смотритъ ни на кого. Не лучше ли намъ вернуться въ Сульи?

— Что ты, мокрая курица! Развѣ ты не хозяинъ у себя. Хлестника лошадь. Мнѣ любопытно взглянуть на женщину, и я обѣщаю тебѣ, что сумѣю обуздать ее.

Въ отчаяніи Коко со всей силы хлестнулъ лошадь, и бричка катилась въ Шануа...

Въ это самое время Гіацинта сидѣла у печки, а Аделина приготовляла ужинъ. Шелканье бича не потревожило ихъ.

— Вотъ и мужъ возвращается съ базара,—сказала Аделина:— лишь бы только онъ сдержалъ слово и не побывалъ въ кабакѣ.

Когда лошадь показалась на дворѣ, Аделина, бросивъ нечаянно взоръ на повозку, увидѣла Ренара, слѣзающаго съ нея.

— Господи Боже мой, Коко привезъ сюда какого-то незнакомца, бѣгите скорѣе.

Но было уже поздно. Новоприбывшій уже отворялъ дверь, Гіацинта успѣла только спрятаться за кроватью, задернувъ за собою спускающуюся до полу занавѣску.

Блѣдная, но владѣющая собою, Аделина пошла навстрѣчу незнакомцу.

— Аделина,—промычалъ Коко развязно,—я привезъ сюда гражданина Ренара, департаментскаго делегата, который мнѣ оказалъ массу вниманія и который захотѣлъ посѣтить наше жилище.

— Да, гражданка,—сказалъ сладко Ренаръ:—мужъ твой такъ тебя расхвалилъ, что я пожелалъ съ тобой познакомиться.

Въ отвѣтъ Аделина неуклюже поклонилась и наблюдала за делегатомъ.

Худощавый и невзрачный, этотъ безбородый молодой человѣкъ не понравился ей какъ своими острыми глазами, такъ и своимъ

слащавымъ голосомъ. Подъ его накидкой она замѣтила трехцвѣтную перевязь и ей стоило много усилія, чтобы скрыть свой ужасъ.

— Вы, навѣрно, озябли,—пробормотала она:—обогрѣйтесь, пока я приготовлю вамъ покушать и согрѣю вино.

Она усадила его у очага спиной къ кровати. Между тѣмъ Коко, стараясь избѣгнуть свирѣпыхъ взглядовъ жены, поторопился спуститься въ погребъ.

— Гражданинъ Ролэнъ мнѣ говорилъ о вашихъ дѣтяхъ, гдѣ же они?

— Они вовятъ навозъ,—отвѣтила Аделина, бросая хворостъ въ очагъ:—грѣйтесь же, гражданинъ, и будьте какъ дома.

Она раздувала уголья; наблюдая украдкой за занавѣсками алькова, она съ ужасомъ замѣтила, что бѣлые башмаки Гіацинты выглядывали изъ-подъ нихъ. Ренаръ, вполнѣ владѣя собою, подмѣтилъ въ глазахъ Аделины безпокойный огонекъ и рѣшилъ про себя, что она навѣрно кого-то здѣсь спрятала.

Между тѣмъ Коко принесъ бутылку стараго вина. Аделина, съ виду вся поглощенная своимъ дѣломъ, влила вино въ котелокъ, придвинула къ пламени, нарѣзала ломти хлѣба и поставила ихъ на рѣшеткѣ въ печь. Коко съ пристыженнымъ видомъ мылъ кружки и ставилъ ихъ на маленькій столикъ около делегата. Тотъ же съ притворной любезностью продолжалъ свои вопросы:

— Ваши дѣти, гражданка, вѣроятно, какъ и вы, добрые патріоты?

— Что касается меня и Зеліи, гражданинъ делегатъ, то мы женщины и больше заняты чинкой бѣлья, чѣмъ политикой. Что касается «Нашего Генія», то онъ любитъ свое отечество, какъ и подобаетъ, но желаетъ трудиться въ полѣ.

— У васъ есть еще родственница, какъ сказалъ мнѣ вашъ мужъ.

Аделину опять всю передернуло. Значитъ, Коко выболталъ. Этотъ якобинецъ его навѣрно напоилъ и вытянулъ за языкъ... Ахъ, если бъ никого не было, какую пощечину влѣпила бы она ему. Но надо себя не выдавать и, преодолѣвая страхъ, дѣлать видъ, что она весела и любезна.

— Дѣйствительно,—пробормотала она, разливая теплое вино въ стаканчики,—съ нами живетъ родственница, но какъ разъ сегодня, пользуясь хорошей погодой, она ушла въ Бенуатъ-Во. Пейте же, гражданинъ, пока вино не простыло.

— Очень жаль,—сказалъ съ невиннымъ видомъ Ренаръ:—очень жаль, что ея нѣтъ... Какъ ее зовутъ?

— Викторія,—отвѣтила смѣло Аделина:—Викторія Макаръ.

— Какъ же это,—сказалъ Ренаръ, вглядываясь въ пришибленнаго Коко:—ты мнѣ сказалъ, что ее зовутъ Дезире.

— Возможно,—пролепеталъ несчастный Коко:—Викторія ея крестное имя, а Дезире это обыкновенное прозвище... Вы ничего не пьете, гражданинъ... За ваше здоровье!

— За республику!—съ паѳосомъ произнесъ Ренаръ, поднимая свой кубокъ и оглядывая взглядомъ сыщика кухню:—за конвентъ и предстоящее осужденіе Людовика Капета.

Онъ замѣтилъ, какъ занавѣска незамѣтно задрожала, и, слѣдя за ней сверху донизу, замѣтилъ бѣлые башмаки.

— Она тамъ,—подумалъ онъ,—и въ моихъ рукахъ...

Онъ поставилъ свой стаканъ на столикъ и посмотрѣлъ на часы.

— Какъ идетъ быстро время,—воскликнулъ онъ:—друзья мои, я долженъ васъ оставить... Не причиняй себѣ безпокойства, гражданинъ Ролэнъ, дорога суха, и я ее знаю. Я пойду назадъ пѣшкомъ.

Онъ застегнулъ свой плащъ, съ позволенія Аделины расцѣловалъ ее и, наговоривъ сладкихъ любезностей, вышелъ съ Коко, который рѣшилъ его проводить до конца долины.

Какъ только Аделина увидѣла въ окно взбирающагося на горку Ренара и возвращающагося Коко, она подошла къ альковy и вытащила оттуда блѣдную и безчувственную Гіацинту.

— Ну, слава Богу, счастливо же мы отдѣлались!..

— Аделина,—прошептала Гіацинта:—мы пропали. Человѣкъ этотъ мой злѣйшій врагъ. Онъ подозрѣваетъ, что я здѣсь, и онъ вернется, будьте увѣрены!..

Фермерша старалась ее подбодрить самыми нѣжными, почти материнскими словами.

— Во всякомъ случаѣ онъ не вернется сегодня, моя дорогая, а за это время мы найдемъ возможность тебя укрыть въ другомъ мѣстѣ; пока что, подкрѣпитесь и выпейте стаканчикъ теплаго вина. Гіацинта сѣла; волненіе, ее охватившее, было такъ велико, что она лишилась почти сознанія и не имѣла силъ подняться съ мѣста.

Пока она сидѣла убитая въ своемъ креслѣ, а Аделина начала пробирать злодѣя-мужа, дверь съ трескомъ открылась, и Зелія показалась въ ней, блѣдная, взволнованная.

— Мама, ферма окружена солдатами.—Скорѣе, сударыня, бѣгите въ пристройку!

Увы, было уже поздно. За Зеліей вслѣдъ бѣжалъ Ренаръ въ сопровожденіи отряда національной гвардіи. Глаза его торжествовали, а злая улыбка играла на устахъ.

— Гражданка Гіацинта Эризель,—сказалъ онъ, показывая свой шарфъ: — именемъ закона я арестую васъ!.. Четыре человѣка останутся здѣсь сторожить арестантку,—добавилъ онъ, обращаясь къ гвардейцамъ:—остальные пусть осмотрятъ ферму и пристройку сверху донизу и приведутъ мнѣ всѣхъ, кого отыщутъ.

Аделина, не помня себя, съ волосами, разсыпанными по вѣтру, бросилась между стражей и канониссой.

— А я,—вскричала она, грозя кулакомъ,—думаю, что вы ее не уведете. Вы всѣ изъ Сульи, мои товарищи, вы такіе же крестьяне, какъ и мы, вы не послушаетесь этого измѣнника съ омерзительной физіономіей. Ты меня знаешь, ты, Дуду Жакенъ, и ты тоже,

Николай. Вы знаете, что Аделина честная женщина и у которой живутъ только честные люди. Вамъ будетъ стыдно поступить такъ вѣроломно и подчиняться этому негодяю, который Богъ знаетъ откуда явился!

— Довольно! схватите и эту бѣсноватую!—вскричалъ Юніусъ-Юліусъ въ припадкѣ злости.

Въ это время появились національные гвардейцы, толкая впереди себя г-жу де-Ронъ и Вандіера.

— Гражданинъ делегатъ,—сказалъ гвардеецъ въ фуфайкѣ,— вотъ вся дичь, которую мы поймали...

— Ха-ха,—закатился Ренаръ,—тутъ все знакомые... Не даромъ провелъ я денекъ!...

Въ это время появился Коко Ролэнъ, растерянный и убитый.

— Негодяй!—закричала ему Аделина въ отчаяніи:—подойди и наслаждайся дѣлами твоихъ рукъ.

— Да,—отвѣтилъ Коко, плача и подымая руки къ потолку,—да, я злодѣй и никогда себѣ этого не прощу.

— Молчи, дуракъ!—сказалъ Ренаръ:—во имя закона, требую твоихъ лошадей и повозки для перевозки этихъ аристократовъ въ Баръ... Живо въ конюшню!...

Канонисса отыскала силы утѣшать свою тетку, а кавалеръ, блѣдный и ошеломленный, молитвенно сложилъ свои руки, одна Аделина, зеленая отъ злости, продолжала ругать Коко, а Зелія заливалась слезами.

Эта потрясающая сцена длилась четверть часа, затѣмъ телѣга, запряженная парой лошадей, съ соломой для сидѣнья, остановилась у дверей.

— Въ дорогу!—скомандовалъ Ренаръ.

Гвардейцы толкнули трехъ женщинъ и кавалера во дворъ Когда Коко увидѣлъ, что Аделину тоже уводятъ, его отчаянію не было границъ, и онъ разразился отчаянными восклицаніями:

— Да это же невозможно, Боже мой, вы не отымете у меня жену, повозку, лошадей и все! Лучше убейте меня тутъ же, убійцы, это будетъ лучше!...

— Заставьте замолчать этого крикуна,—закричалъ Ренаръ, пока гвардейцы усаживали ихъ на соломѣ.

— Въ двѣ шеренги, впередъ маршъ! — скомандовалъ начальникъ отряда.

И между двухъ рядовъ національныхъ гвардейцевъ съ ружьями на плечахъ телѣга тронулась въ путь къ Сульи.

VI.

Тюрьма Soeurs Claires.

Полученный отъ канониссы отвѣтъ влилъ въ душу Божара новую энергію; записка, написанная наскоро карандашомъ, проникнута была теплотой, любящая горячо душа Гіацинты вся выли-

лась въ ней. Рука Гіацинты прикасалась къ этой сѣроватой бумагѣ, быть можетъ, она ее цѣловала. Ему доставляло облегченіе уже одно то, что онъ держитъ ее въ своихъ рукахъ, и ея нѣжныя и теплыя слова онъ выучилъ наизусть. Въ темнотѣ своей комнаты, гдѣ онъ провелъ въ заточеніи весь день и часть ночи, онъ повторялъ ихъ съ восторгомъ, ему казалось, что онъ слышитъ ихъ изъ устъ Гіацинты и видитъ ея зеленоватые блестящіе глаза, овалъ нѣжнаго и продолговатаго ея личика, съ приподнятыми уголками губъ. Это была галюцинація въ своемъ родѣ; онъ представлялъ себѣ, какъ она сидитъ около высокаго камина въ Шануа и, смотря въ окно на дорогу, которая дѣлаетъ поворотъ у опушки лѣса, бесѣдуетъ съ Аделиной.

При мысли о снѣгѣ, который теперь засыпалъ всѣ дороги, онъ все больше успокаивался насчетъ ея. Снѣгъ этотъ былъ нѣкоторой защитой для гостей фермы, онъ препятствовалъ пока недобрымъ людямъ пробраться въ Шануа, а между тѣмъ онъ придумаетъ способъ облегчить побѣгъ трехъ изгнанниковъ.

Благодаря дружескому участію Юстина Кюрель, бывшій прокуроръ-синдикъ добылъ уже паспортный бланкъ, подписанный президентомъ генеральнаго совѣта, и хранилъ его бережно, въ ожиданіи, когда Кюрель добудетъ ему два другихъ для госпожи де-Ронъ и г. Вандіера, которые подъ видомъ купца съ женою и дочерью перебираются въ сосѣднее пограничное село. Подготовить все для побѣга Гіацинты было единственной его заботой и она помогала ему легче переносить томительно долгіе часы заточенія.

Комната, гдѣ онъ жилъ взаперти, выходила узкимъ окномъ на холмъ. Пыль и паутина покрывали стекла точно сѣрой вуалью, вслѣдствіе чего свѣтъ едва проникалъ въ него и читать можно было въ продолженіе какихъ-нибудь часовъ двухъ, такъ какъ въ этой комнатѣ почти сейчасъ же послѣ полудня наступали сумерки. Божаръ изъ предосторожности не зажигалъ лампы и жилъ во тьмѣ, столь же мрачной, какъ и его думы.

Единственнымъ его развлеченіемъ было прислушиваться къ уличному шуму. То слышались крики, привѣтствовавшіе членовъ бюро революціоннаго комитета, которые выходили изъ залы засѣданій, то доносилось пѣніе толпы, которая жгла на площади при подобающей торжественной обстановкѣ портреты Людовиковъ XV и XVI. Три раза въ недѣлю, около 6 часовъ вечера, въ тишинѣ и темнотѣ улицъ раздавался снизу холма протяжный голосъ, монотонно выкрикивавшій новости которыя собирались мѣстной республиканской газетой издававшейся Ренаромъ и его друзьями. Съ чувствомъ страха ожидалъ Божаръ появленія этого глашатая, который для него служилъ связью съ живыми людьми и приносилъ извѣстія, то радостныя, то страшныя, то смѣшныя, которыя давали пищу для его ночныхъ размышленій.

Такимъ образомъ онъ узналъ о завоеваніяхъ въ Бельгіи, о судѣ надъ Людовикомъ XVI, о раздорахъ жирондистовъ съ монтаньярами. Однажды вечеромъ онъ услышалъ даже одну подробность, которая касалась его лично, а именно, что его имя внесено во второй списокъ эмигрантовъ департамента. Рѣшеніе это, давая ему большую безопасность, тѣмъ не менѣе причинило ему горькое разочарованіе. Полагая, что онъ перешелъ границу Франціи, его не станутъ искать въ департаментѣ, но, съ другой стороны, его предполагаемое бѣгство усиливало его вину.

Внесеніе его въ списокъ эмигрантовъ лишало его гражданскихъ правъ, и ему казалось, что его насильно отрываютъ отъ родины. Эпитетъ эмигранта налагалъ на него несмываемое пятно. Болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ рѣшилъ предать себя судебной власти, какъ только канонисса переступитъ французскую границу.

Увы! Этотъ же глашатай съ визгливымъ голосомъ, появлявшійся въ извѣстное время съ точностью часовъ, отнялъ у осужденнаго и эту послѣднюю надежду.

За нѣсколько дней до Рождества Божару показалась, что въ воздухѣ, гдѣ отъ снѣга звуки раздавались глуше, онъ различилъ въ не совсѣмъ явственныхъ фразахъ глашатая знакомое имя. Онъ сталъ жадно прислушиваться и уловилъ явственно слѣдующія слова, раздавшіяся въ тишинѣ: «Покупайте «Республиканца», настоящую газету санкюлотовъ! Читайте подробности объ измѣнѣ бывшей канониссы Эризель, арестѣ этой брауншвейгской шпіонки и ея отправкѣ въ тюрьму Soeurs Claires.

Пораженный, какъ громомъ, Божаръ упалъ на кровать. Онъ страдалъ немилосердно, какъ будто какое-то остріе пронзило его сердце. Виски его какъ бы сжали клещами. А въ это время въ его ушахъ раздались, какъ погребальный звонъ, слова газетчика: «Величайшая измѣна Эризель... ея арестъ и заключеніе въ тюрьму».

Мало-по-малу выкрики газетчика прекратились, и зловѣщія слова затерялись въ улицахъ верхняго города.

— «Погибла!.. Она погибла»!.. Эти слова звучали въ немъ съ правильностью маятника, и каждый разъ сердце его готово было разорваться отъ боли.

Ночь провелъ онъ ужасно.

На слѣдующій день Юстинъ, который поспѣшилъ все разузнать, сообщилъ ему ужасную развязку событій. Арестъ былъ дѣломъ рукъ Ренара. Гіацинта съ теткой были заключены въ тюрьму Soeurs Claires, тогда какъ Вандіера посадили въ Кармъ, туда отправляли людей лишь подозрительныхъ.

Бывшій монастырь Soeurs Claires, превращенный теперь въ тюрьму для женщинъ, былъ расположенъ въ концѣ улицы нижняго города, которая съ 1792 года до сего времени носитъ имя Вольтера. Благодаря мстительному характеру и шпіонскимъ наклонностямъ Ренара, который, забравъ депутата Бо въ свои руки,

разыгрывалъ изъ себя прокурора, обширныя монастырскія зданія скоро были переполнены арестантками. Онъ отправлялъ въ эту тюрьму цѣлые транспорты подозрительныхъ лицъ подъ эскортомъ жандармовъ. Тутъ были люди всякихъ возрастовъ и положеній: дамы, простолюдинки, бывшія монахини, крестьянки, благородныя родственницы эмигрантовъ и буржуазки, принадлежащія къ республиканскимъ семьямъ, на которыхъ падало обвиненіе въ умѣренности. Бѣдныя арестантки, сбитыя въ кучу въ нижнемъ этажѣ, содержались на счетъ тѣхъ, которыя считались богатыми.

Послѣднія были размѣщены какъ попало въ спальняхъ и кельяхъ второго этажа. Тѣ, кто имѣлъ возможность захватить съ собою матрацы, кое-какъ могли еще спать. Благодаря нѣсколькимъ ассигнаціямъ привратникъ Шампіонъ, мужъ одной изъ подругъ Жилотъ, добывалъ имъ столы и стулья? Тѣ же, у кого не было денегъ, довольствовались кучкой соломы.

Шампіонъ продавалъ вино, угли, посуду и давалъ обѣдъ и ужинъ, смотря по тому, сколько ему платили. Гіацинта и г-жа де-Ронъ сохранили, къ счастью, всѣ свои деньги при себѣ, а Аделина унесла съ собой въ тюрьму пачку денегъ, которую ей далъ Божаръ на продовольствіе бѣглецовъ.

Такимъ образомъ на слѣдующій же день послѣ заключенія въ тюрьму онѣ получили матрацы и одѣяла.

Г-жа де-Ронъ, разбитая волненіями и дорогой, схватила лихорадку и на другой же день слегла въ постель. Канонисса, которую поддерживали молодость и нервная сила, тоже начинала падать духомъ. Она отказалась бороться съ жестокой судьбой, которая бросала ее, какъ сухой листъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по опаснымъ дорогамъ. Она часами просиживала на одномъ мѣстѣ, униженная и погруженная въ свое горе, почти не чувствуя настоящихъ страданій. Одна Аделина Ролэнъ выказала умѣнье приспособляться ко всякимъ положеніямъ и сохранила свою живость и деревенскую энергію. Она заботилась о матеріальной сторонѣ ихъ жизни, ссорилась съ привратникомъ, покоряя его своимъ увлеченіемъ и колкими шуточками. Ея веселый характеръ и своеобразныя манеры дѣйствовали ободряюще на смѣшанное общество арестантокъ верхняго этажа.

Тамъ были непримиримыя, надменныя аристократки, монахини съ испуганными лицами и опущенными очами, обывательницы съ открытымъ смѣлымъ взглядомъ на вещи, наконецъ какія-то женщины съ вкрадчивыми манерами, относительно которыхъ существовало подозрѣніе, что онѣ посажены сюда для того, чтобы шпіонить за другими арестантками. Мало-по-малу всѣ раздѣлились на кружки, группируясь по своему соціальному положенію и родственнымъ связамъ. Арестованныя сживались съ тюрьмой и начинали заботиться о своемъ туалетѣ. Онѣ дѣлали и отдавали другъ

другу визиты и со свѣтскимъ легкомысліемъ начинали устраивать пикники, на которые разсылались церемонныя приглашенія.

Въ буржуазномъ и республиканскомъ лагерѣ двѣ дѣвицы Аугенбергъ, дочери одного патріота изъ Этена, распѣвали куплеты, положенные на мотивы модной комической оперы.

Однажды по полудни, въ то время, какъ кружокъ подслащалъ свой скудный обѣдъ поэзіей и музыкой, послышался стукъ отодвигаемыхъ запоровъ и лязгъ связки ключей. Вошелъ тюремный помощникъ и закричалъ:

— Гражданинъ Юліусъ-Юніусъ Ренаръ желаетъ провѣдать заключенныхъ.

Вслѣдъ за нимъ явился и секретарь-делегатъ, важно поднявъ свою крошечную головку на слишкомъ высокихъ для нея плечахъ. На ней красовался бѣлый парикъ. Онъ былъ одѣтъ франтомъ и старался придавать себѣ видъ свѣтскаго человѣка, хотя лицо его и сохраняло въ то же время подозрительность и наглость. Онъ быстро прошелъ спальню, ища глазами направо и налѣво.

— Сколько васъ здѣсь?—спросилъ онъ сухо.

— Пятьдесятъ, — отвѣтила смѣло Аделина Ролэнъ:—для насъ всѣхъ не хватаетъ воздуха и мы задыхаемся.

— Еще бы не задыхаться, — сказалъ саркастически делегатъ, глядя на дѣвицъ Аугенбургъ,—Если богатыя кутятъ, то онѣ должны содержать бѣдныхъ; и я пришелъ сюда для возстановленія равноправія.., Гмъ, — обратился онъ къ Аделинѣ, глядя на ея деревенскую прическу:—если у тебя есть какія-либо жалобы на этихъ аристократокъ, говори, не стѣсняйся.

— Мнѣ не на кого жаловаться—возразила Аделина, поднимаясь на цыпочки:—развѣ только на тѣхъ, кто меня оторвалъ отъ нашей фермы въ Шануа, гдѣ, я увѣрена, теперь идетъ все вкривь да вкось.

Ренаръ пристально посмотрѣлъ на эту маленькую женщину и узналъ въ ней Аделину Ролэнъ.

— А, ты жена этого болвана изъ Шануа... Гдѣ твоя барыня, бывшая канонисса Эризель?

— Она тамъ съ своей теткой, я провожу васъ къ ней.

Она повела его къ углу, гдѣ около г-жи де-Ронъ задумчиво сидѣла Гіацинта, сложивъ на колѣняхъ руки.

— Вотъ онѣ!—воскликнула Аделина.—Одна больна, а другая не лучше ея. Вотъ куда привезла ихъ ваша повозка!

— Мы не тигры,—сказалъ Юліусъ-Юніусъ, смягчая свой голосъ и поворачиваясь нарочно къ Гіацинтѣ:—мы не хотимъ быть варварами относительно аристократовъ. Имѣете ли что-нибудь заявить?

Канонисса покачала головой.

— Ничего,—сказала она тихо, не глядя на него.

— Не слушайте ее, гражданинъ делегатъ!—возразила Аделина.— Эти дамы очень нуждаются въ болѣе здоровомъ и спокойномъ

помѣщеніи... Госпожу де-Ронъ бьетъ лихорадка, я уже заявляла объ этомъ привратницѣ, но она и разговаривать со мной не стала.

— Гражданка,—сказалъ сладко Ренаръ, напрасно стараясь уловить взглядъ Гіацинты:—вы плохо дѣлаете, пренебрегая моимъ заступничествомъ. Я стою за умѣренную строгость правосудія. Завтра я пришлю вамъ тюремнаго доктора, и если его заключеніе будетъ признано уважительнымъ, вамъ дадутъ другое помѣщеніе. До свиданія!

Онъ ушелъ, досадуя, что не произвелъ своимъ появленіемъ большого эффекта. Тѣмъ не менѣе онъ сдержалъ свое слово. Докторъ въ этотъ же вечеръ осмотрѣлъ г-жу де-Ронъ, и на слѣдующій день обѣихъ женщинъ перевели въ двѣ камеры рядомъ.

Черезъ нѣсколько дней Ренаръ снова явился въ тюрьму, какъ будто съ цѣлью убѣдиться, что всѣ его распоряженія исполнены. Въ той камерѣ, которая была побольше, поставлены были кровати госпожи де-Ронъ и Аделины. Канонисса же выбрала для себя другую, поменьше, дверь которой выходила прямо въ коридоръ, гдѣ прогуливались арестованныя. Вотъ въ этой-то комнатѣ секретарь-делегатъ и предсталъ неожиданно передъ Гіацинтой.

Она стояла у окна, выходившаго на югъ. Отсюда видны были дома верхняго города, поднимавшіеся амфитеатромъ, колокольни Сенъ-Пьера, около которыхъ кружились стаи галокъ, башни съ часами и черепичная кровля зданія, гдѣ засѣдалъ генеральный совѣтъ. Гіацинта представляла себѣ, какъ Божаръ живетъ тамъ въ глубинѣ своего скрытаго убѣжища и съ наслажденіемъ смотрѣла на голубоватый дымъ надъ черепичной крышей стараго замка.

Стукъ внезапно открываемой двери заставилъ ее повернуть голову, и она увидѣла передъ собою Ренара. Его щегольской костюмъ былъ наряднѣе, чѣмъ обыкновенно. Здороваясь съ канониссой, онъ старался придать себѣ видъ услужливаго участія.

— Гражданка,—сказалъ онъ слащавымъ голосомъ,—департаментъ снизошелъ къ твоему положенію и устроилъ тебя лучше...

— По какому праву вы говорите со мною на ты?—возразила она надменно:—или это способъ дать мнѣ понять, что я въ рукахъ якобинцевъ, за школьное ученіе которыхъ платила моя тетка Сентъ-Андре.

— Всѣ граждане равны—продекламировалъ Юліусъ-Юніусъ,—и употребленіе въ разговорѣ слова «ты» есть признакъ равенства.

Тѣмъ не менѣе онъ прибавилъ, возвращаясь къ обычаю стараго режима:

— Вы напрасно напускаете на себя такую надменность, я рекомендовалъ бы вамъ быть болѣе покладистой, даже въ интересахъ людей, вамъ дорогихъ.

Гіацинта подумала, что онъ намекаетъ на Божара, и задрожала.

— Тѣ, кто мнѣ дорогъ,—отвѣчала она,—знаютъ, чего имъ ожидать отъ васъ... ваши полныя ненависти преслѣдованія насъ болѣе не пугаютъ.

Несмотря на этотъ отпоръ, она поблѣднѣла. Ренаръ, обладавшій проницательностью, догадался, что она говорила о бывшемъ прокурорѣ-синдикѣ.

— Вы, навѣрно, знаете, гдѣ укрывается вашъ другъ Франсуа Божаръ?—сказалъ онъ саркастически.

— Неужели вы допускаете, что я вамъ это открою? — возразила она пренебрежительно:—это довольно-таки наивно со стороны такого полицейскаго таланта, какъ вы.

— Правосудіе не нуждается въ вашихъ указаніяхъ,—отвѣтилъ Ренаръ съ холоднымъ бѣшенствомъ: — мы напали на его слѣдъ... Прежде, чѣмъ безпокоиться о немъ, подумайте лучше о своей собственной безопасности и не доводите меня до крайности... Судьба ваша въ моихъ рукахъ, не забывайте этого. До свиданія, гражданка!

Такой пріемъ не спугнулъ, однако, делегата, онъ возобновилъ свои посѣщенія, но успѣхъ былъ все тотъ же. Гіацинта отворачивалась отъ него и замыкалась въ высокомѣрномъ молчаніи.

Эти частыя появленія въ тюрьмѣ Soeurs Claires обратили на себя вниманіе жены тюремщика, и она сочла нужнымъ предупредить объ этомъ Нанину Жилотъ. Не питая особаго довѣрія къ Ренару, та взволновалась этими слишкомъ уже частыми визитами. Вспомнивъ какъ много ей говорили о прелестной наружности бывшей канониссы, она захотѣла ее повидать и сама явилась въ Soeurs Claires въ то время, когда арестованные второго этажа гуляли на дворѣ. Глядя украдкой въ окно г-жи Шампіонъ, она могла вполнѣ разсмотрѣть Гіацинту и нашла, что она очень красива. Съ прозорливостью, которая обострялась еще и завистію, она угадала скрытую причину такого поведенія Ренара.

Ея подозрѣнія были основательны. Съ нѣкотораго времени въ мозгу делегата возникла дерзкая мысль. Человѣкъ, болѣе зрѣлый и менѣе тщеславный собственными заслугами, тотчасъ понялъ бы, что его планы неосуществимы, и заглушилъ бы ихъ въ зародышѣ, но Ренаръ былъ интриганомъ довольно наивнымъ, и честолюбивый замыселъ улыбался его низкой натурѣ. Когда онъ кончилъ семинарію, его голова была набита «Новой Элоизой» и «Исповѣдью». И теперь онъ вздумалъ играть около Гіацинты такую же роль, какую игралъ Ж. Ж. Руссо при госпожѣ Варенъ. Извѣстно, какія раны причиняла его самолюбію эта задорная мысль. Когда онъ въ Шануа увидѣлъ Гіацинту, красивую, высокомѣрную и обворожительную, его мечты ожили. Онъ считалъ себя неотразимымъ, тѣмъ болѣе, что теперь Гіацинта была въ полной его власти. Въ эту смутную эпоху у него были передъ глазами примѣры браковъ съ революціонными чиновниками настоящихъ аристократокъ, которыя такою цѣною покупали себѣ свободу. Ренаръ при соединеніи упрямства съ узостью ума и низостью души рѣшилъ воспользоваться своей властью и принудить канониссу выйти за него замужъ.

Однажды послѣ полудня онъ явился вновь въ камеру Гіацинты. Исполненный наглости и желаній, онъ рѣшился на все. Встрѣтивъ обычный молчаливый и презрительный пріемъ, онъ не смутился пренебреженіемъ Гіацинты и съ перваго слова заговорилъ громко и твердо, не подозрѣвая, что одна изъ женщинъ, предназначенныхъ для шпіонства, приложила ухо къ дверямъ и подслушивала, по порученію Жилотъ, его разговоръ.

— Гражданка! — началъ онъ рѣзкимъ и властнымъ тономъ:— слѣдствіе по вашему дѣлу закончено, и членъ конвента Бо распорядился перевести васъ въ одну изъ тюремъ Парижа, гдѣ вы будете содержаться, пока не предстанете передъ революціоннымъ трибуналомъ. Я считаю нужнымъ предупредить васъ объ этомъ.

Гіацинта отвернулась и оставалась спокойной.

— Вашъ переводъ не за горами... и васъ разлучатъ съ теткой и друзьями, можетъ быть, даже завтра.

Отвѣтомъ было прежнее молчаніе.

Юліусъ-Юніусъ замѣтилъ только, какъ слегка дрогнули плечи молодой женщины.

— Тѣмъ не менѣе знайте, что отъ меня зависитъ отложить вашъ отъѣздъ и даже больше... вернуть вамъ свободу... Бо дѣйствуетъ по моимъ указаніямъ... я могу васъ спасти... подъ условіемъ... хотите его знать?

Гіацинта обернулась и, презрительно смѣривъ его съ головы до ногъ взглядомъ, сказала:

— Вы хотите мнѣ предложить какую-нибудь гадость?

— Нѣтъ! Этимъ способомъ избавленія безъ всякихъ колебаній уже воспользовались нѣкоторыя дамы вашего круга. Если вы выйдете замужъ за безупречнаго республиканца, то не будете болѣе въ подозрѣніи у республиканцевъ... Если бъ вы согласились, напримѣръ, сдѣлаться женой Ренара, вы были бы завтра же свободны.

Въ глазахъ Гіацинты блеснуло негодованіе.

— Довольно!—вскричала она: — я угадала... Отъ васъ ничего, кромѣ гадости, услышать нельзя.

— Итакъ, вы отказываетесь?

— Скорѣе умру!—прошептала она съ отвращеніемъ и, топнувъ нервно ногой, добавила:—если бъ вы только знали, до какой степени вы мнѣ гадки, то, конечно, не пришли бы сюда. Уходите отсюда.

Она высокомѣрно подошла къ нему съ угрожающимъ видомъ. Ренаръ отступилъ.

— Даю вамъ 24 часа на размышленіе,—сказалъ онъ дерзко:— утро вечера мудренѣе. До свиданія, гражданка!

Въ тотъ же вечеръ, разстроенный неожиданнымъ сопротивленіемъ аристократки, онъ возымѣлъ несчастную мысль посѣтить Жилотъ. Нанина только что вернулась отъ своей подруги, жены тюремнаго сторожа, и уже знала о неудачной попыткѣ своего

коварнаго любовника. Она приняла его холодно, что еще болѣе усилило его дурное расположеніе духа.

— Что съ тобой? чѣмъ ты недовольна? — спросилъ онъ ее съ раздраженіемъ.

— Позволь мнѣ самой знать, чѣмъ, — отвѣчала Нанина: — если тебѣ здѣсь не нравится, то отправляйся обратно въ тюрьму Soeurs Claires.

— Что такое?.. Что это значитъ?

— Это значитъ, что я не позволю надъ собой надсмѣхаться... Я еще не такъ стара, чтобы меня сдать въ архивъ, а также не желаю служить ширмами для твоей дуры канониссы.

— Я ничего не понимаю, — пробормоталъ Ренаръ, кусая себѣ губы.

— Зато я все понимаю... я выведу тебя на свѣжую воду, лицемѣръ... Теперь, когда ты взобрался на высоту, ты меня хочешь бросить въ уголъ, какъ гнилой апельсинъ. Онъ теперь желаетъ жениться на одной изъ этихъ... Ну, нѣтъ, мой милый, знай сверчокъ свой шестокъ. Если ты и достигъ кое-чего, то еще не поднялся такъ высоко, чтобы Жилотъ не могла тебя достать и столкнуть съ лѣстницы, куда тебя посадила.

— Ты говоришь глупости, Нанина, опомнись!

— Нечего лгать, мнѣ все извѣстно!.. Я знаю твои навѣдыванія въ тюрьмѣ, гдѣ, одѣтый щеголемъ, ты ухаживалъ за этой Эризель, она же тебя принимаетъ, какъ собака палку. Я предупреждаю тебя, что если завтра же твоя канонисса не будетъ отправлена въ Парижъ, я пойду въ революціонный клубъ, попрошу слова и разскажу твоимъ друзьямъ, какъ ты обращаешься съ аристократками и предлагаешь имъ выходить за тебя замужъ... Я тебя прямо предупреждаю и посмотримъ, чья возьметъ...

— Нанина, клянусь тебѣ...

— Полно врать!.. Канонисса завтра утромъ должна уѣхать, или же завтра вечеромъ я тебя выведу на свѣжую воду передъ цѣлымъ клубомъ. Теперь же, — добавила она, открывая дверь лавки, — убирайся прочь, ты мнѣ противенъ...

Очутившись на улицѣ, Ренаръ, взволнованный и злой, сталъ обдумывать непріятное положеніе, въ которое онъ такъ неловко попалъ. Онъ былъ закоренѣлый эгоистъ и не поколебался въ выборѣ рѣшенія. Взбѣшенный, съ одной стороны, презрительнымъ отношеніемъ Гіацинты, а съ другой — боясь угрозъ Нанины, онъ рѣшилъ пожертвовать своими мечтами.

Подъ вліяніемъ одновременно злобы и боязни онъ бросился къ Бо и заставилъ его подписать приказъ о переводѣ канониссы въ Парижъ.

Въ то время, какъ все это происходило, Божаръ не терялъ еще надежды. Благодаря содѣйствію г-жи Кюрель, онъ имѣлъ возможность изъ глубины своего убѣжища сообщаться съ Гіацинтой

и съ нетерпѣніемъ ожидалъ свою покровительницу, которая должна была съ вѣрнымъ человѣкомъ доставить Гіацинтѣ его письмо.

Когда наступила ночь, онъ услыхалъ три удара въ дверь своей комнатки. Это былъ условный знакъ. Божаръ поспѣшно открылъ дверь. Въ темнотѣ слышно было усиленное дыханіе запыхавшагося, онъ узналъ г-жу Кюрель и прошепталъ со страхомъ:

— Передалъ ли вашъ посланный мое письмо?

— Увы, нѣтъ, господинъ Божаръ.

— Значитъ, онъ не могъ проникнуть въ тюрьму?

— Совсѣмъ нѣтъ, но госпожи д'Эризель тамъ уже не было. Ее увезли въ Парижъ на телѣгѣ вмѣстѣ съ другими арестованными.

Извѣстіе это потрясло Божара, и онъ съ минуту стоялъ въ полномъ оцѣпенѣніи.

— Это вѣрно?—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Болѣе, чѣмъ вѣрно,—подтвердила Кюрель:—пришедшій съ женою слышали, какъ Ренаръ докладывалъ объ этомъ генеральному совѣту.

— Въ такомъ случаѣ сегодня же ночью я поѣду въ Парижъ.

— Какъ можно думать объ этомъ, г. Божаръ... вѣдь вы рискуете своей головой.

— Я хочу ѣхать... Я воспользуюсь паспортомъ, которымъ вы меня снабдили, и внесу туда первое попавшееся имя. Дайте мнѣ только возможность поскорѣе попасть въ столицу.

— Я знаю только одно средство: переодѣться въ Комблѣ, дождаться экипажа комиссіонера Гароделя, который отправляется въ Парижъ. Вы сядете въ его повозкѣ подъ видомъ крестьянина, отправляющагося по своимъ дѣламъ... Но вы очень рискуете, г. Божаръ!

Но Франсуа не слушалъ уже ея возраженій. Если канонисса отправлена туда, то ничто не задерживало его теперь въ Барѣ. Ему оставалось только передать себя въ комитетъ общественной безопасности. Можетъ быть, ему удастся попасть въ одну съ ней тюрьму. Во время заточенія у него отросла борода, Кюрель надѣлъ на него фуфайку, панталоны съ трехцвѣтными лентами, а на голову нахлобучилъ мѣховую шапку. Въ такомъ нарядѣ Божаръ былъ неузнаваемъ.

Около 10 часовъ вечера онъ вышелъ отъ своихъ покровителей, расцѣловавъ ихъ. Проходя по садику, покрытому снѣгомъ, Кюрель вырвалъ лозу съ грядки и сунулъ ее въ руки Божару.

— Васъ такимъ образомъ будутъ принимать за винодѣла.

Открывъ калитку, онъ увѣрился, что улица была пуста. Наскоро пожали они другъ другу руки, и Франсуа Божаръ исчезъ въ ночной темнотѣ, направившись по дорогѣ къ Парижу.

VII.

Любовь и смерть.

Комиссіонеръ, которому было поручено доставить Божара въ Парижъ, употребилъ на этотъ переѣздъ цѣлыхъ десять дней, десять тяжкихъ дней, во время которыхъ изгнанника била лихорадка отъ медленности путешествія, отъ страха быть узнаннымъ и арестованнымъ по дорогѣ, отъ неизвѣстности о томъ, что его ждетъ въ будущемъ. Наконецъ 6 февраля утромъ повозка Гароделя въѣхала въ ворота С. Дени и направилась къ гостиницѣ «Моряковъ», гдѣ квартировалъ комиссіонеръ. Стоялъ густой туманъ, который сгущался по мѣрѣ приближенія къ Сенѣ. Божаръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, разставшись со своимъ спутникомъ недалеко отъ городского рынка, направился сквозь туманъ къ своему земляку Клоду Гарнье, котораго онъ разсчитывалъ застать еще въ постели. Этотъ членъ конвента жилъ въ улицѣ Сентъ-Оноре возлѣ клуба якобинцевъ, и Божаръ съ лихорадочной поспѣшностью прошелъ пространство, отдѣлявшее его отъ квартиры его прежняго друга.

Дверь ему отворилъ самъ Гарнье въ одной рубашкѣ. Онъ собирался было бриться. При видѣ Божара на его длинномъ лицѣ отразилось изумленіе, смѣшанное съ жалостью.

— Какъ!—тихо воскликнулъ онъ.—Это ты, несчастный! Ты хочешь броситься въ волчью пасть?

— Да,—отвѣчалъ Божаръ:—я усталъ скрываться, и я явился на судъ конвента.

— Ну, это довольно смѣло. Я не сомнѣваюсь въ твоей невинности, я знаю, какъ все произошло. Но твое имя внесено въ проскрипціонный списокъ и здѣсь убѣждены, что ты виновенъ. Почему ты такъ долго замѣшкался?

— Гарнье, я вѣрю въ твою порядочность и могу объяснить тебѣ причины, по которымъ я тамъ остался.

И затѣмъ въ краткихъ словахъ Божаръ повѣдалъ ему о своей любви къ д'Эризель и своемъ желаніи спасти ее, о своихъ напрасныхъ усиліяхъ скрыть ее отъ якобинскихъ шпіоновъ. Онъ разсказалъ далѣе о томъ, какъ арестовали канониссу и какъ ее перевезли въ Парижъ.

— Милый другъ;—продолжалъ онъ:—я открылъ тебѣ свое сердце. Могу ли я просить тебя оказать мнѣ послѣднюю услугу?

— Говори.

— Прежде, чѣмъ попасть въ распоряженіе комитета общественной безопасности, я хотѣлъ бы знать, въ какую тюрьму помѣщена д'Эризель. Какъ милости я прошу, чтобы меня заключили въ той же тюрьмѣ, гдѣ заключена и она.

Клодъ Гарнье съ недовольнымъ видомъ нахмурилъ свои густыя брови.

— Да вѣдь ты сильно скомпрометируешь себя! — возразилъ онъ.—Согласно донесенію члена конвента Бо, эта женщина находилась въ сношеніи съ принцемъ Прусскимъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ несчастныхъ, которыя ухаживали за Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Юлій Ренаръ донесъ на тебя, что ты также ухаживалъ за этой интриганкой. Требуя, чтобы тебя помѣстили въ одну съ нею тюрьму, ты добьешься только того, что подозрѣнія противъ тебя усилятся. Подумай о томъ, какъ спасти свою голову и предоставь канониссу ея собственной судьбѣ!

— Ея судьба будетъ и моей! Повторяю тебѣ, я люблю ее, и мы были бы уже мужемъ и женой, если бы не помѣшали событія. Ты великодушный человѣкъ, Гарнье, докажи мнѣ это и помоги мнѣ добиться милости, о которой я прошу...

Клодъ Гарнье продолжалъ качать головой и хмурить брови, но его глаза навыкатѣ стали влажными. Видно было, что онъ тронутъ.

— Пусть будетъ по-твоему,—сказалъ онъ, обтирая свой намыленный подбородокъ.—Но сначала позавтракаемъ, а затѣмъ пойдемъ вмѣстѣ въ комитетъ.

Онъ позвонилъ, и служанка, пока онъ одѣвался, принесла кофе. Завтракъ длился не долго и прошелъ молча. Божаръ, хотя и не ѣлъ со вчерашняго дня, съ трудомъ заставлялъ себя глотать.

— Идемъ!—вдругъ сказалъ Гарнье, надѣвая свой широкій редингогъ.

Итти имъ пришлось не долго. Комитетъ общественной безопасности засѣдалъ въ клубѣ фельяновъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собранія.

— Подожди меня здѣсь,—сказалъ Гарнье, входя въ обширную переднюю, въ которой стоялъ столъ и скамейки, покрытыя кожей.—Вооружись терпѣніемъ. Я хочу поговорить о твоемъ дѣлѣ съ членами комитета.

Божаръ, весь дрожа, опустился на скамейку. Но, не имѣя силъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, онъ всталъ и подошелъ къ окну, изъ котораго виденъ былъ Тюльерійскій садъ. Сквозь незанавѣшенныя стекла онъ машинально смотрѣлъ на высокія деревья, побѣлѣвшія отъ инея, и затуманившіяся аллеи, по которымъ прохожіе скользили, какъ тѣни. Мало-по-малу гостиная наполнилась просителями всѣхъ возрастовъ и положеній: тутъ были и старики въ напудренныхъ парикахъ, обитатели предмѣстій въ своихъ карманьолахъ, блѣдныя молодыя женщины, дрожавшія въ своихъ мѣховыхъ шубахъ. Безпрестанно раздавались звонки, писцы, заложивъ перо за ухо, пробѣгали черезъ пріемную съ дѣловымъ видомъ. Двери распахивались, и оттуда время отъ времени слышались голоса членовъ комитета, которые сильно спорили между собою.

— Дѣло идетъ обо мнѣ,—подумалъ Божаръ, у котораго тяжело сжималось сердце. Минуты казались ему необычайно долгими.

Наконецъ черезъ полчаса вышелъ Клодъ Гарнье съ бумагой въ рукѣ.

— Все уладилось,—сказалъ онъ, отводя Божара въ уголъ:— тебя помѣстятъ въ Люксембургскую тюрьму.

И онъ показалъ ему слѣдующій приказъ объ арестѣ:

«Парижъ, 6 февраля 1793 г.

«Комитетъ общественной безопасности постановляетъ немедленно отправить въ Люксембургскую тюрьму гражданина Франсуа Божара, бывшаго прокурора генеральнаго синдика Маасскаго департамента, и наложить печать на всѣ его бумаги.

«Члены комитета общественной безопасности:

«Базиръ, Тальенъ, Лежандръ, Шабо, Жанъ Дебри».

— А Гіацинта?—спросилъ Божаръ, блѣднѣя.

— Она заключена въ тюрьму Кармъ, гдѣ для тебя не нашлось мѣста.

— Такъ, значитъ, насъ разлучаютъ!—воскликнулъ онъ съ огорченіемъ.

— Не унывай. Это, можетъ быть, къ лучшему. Нужно пройти черезъ множество административныхъ формальностей, противъ которыхъ комитетъ безсиленъ. Но ваша разлука по возможности будетъ сокращена. А пока ты мой плѣнникъ... По моей просьбѣ тебя избавили отъ непріятнаго конвоя изъ жандармовъ. Я самъ поведу тебя въ Люксембургъ.

— Могу ли я, по крайней мѣрѣ, написать д'Эризель и дать ей надежду на скорое съ ней свиданіе?

— Это будетъ противъ правилъ, ибо она содержится въ секретномъ отдѣленіи. Но я возьму вину на себя.

Гарнье подвелъ своего земляка къ незанятому столу и сказалъ;

— Пиши, но будь остороженъ.

Франсуа сѣлъ и на бланкѣ комитета написалъ дрожащимъ почеркомъ нѣсколько строкъ:

«Другъ мой, я въ Парижѣ и меня хотятъ заключить въ Люксембургскую тюрьму. Вскорѣ мы будемъ вмѣстѣ. Не падайте духомъ и не теряйте надежды... Я люблю васъ... Сердцемъ и душой стремлюсь къ вамъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, которое передастъ вамъ одинъ изъ моихъ друзей! Божаръ».

— Давай сюда, — сказалъ Гарнье, когда письмо было запечатано.—Письмо будетъ у нея сегодня вечеромъ. Будь увѣренъ. А теперь идемъ!

Они сѣли въ карету комитета. Черезъ четверть часа они уже входили въ канцелярію Люксембургской тюрьмы. Когда писецъ внесъ имя Франсуа Божара въ списокъ, Гарнье сталъ горячо рекомендовать своего земляка привратнику.

— До свиданья, мой другъ,—прошепталъ онъ:—не падай духомъ. У тебя есть друзья въ конвентѣ, и тебя не забудутъ.

Они крѣпко обнялись и разстались. На порогѣ Гарнье обернулся и быстро подошелъ къ своему старому пріятелю.

— Я забылъ спросить,—прошепталъ онъ:—есть ли у тебя деньги?

Божаръ сдѣлалъ утвердительный жестъ. Гарнье послѣдній разъ пожалъ ему руку и удалился съ печалью въ сердцѣ.

Франсуа остался одинъ съ привратникомъ и тюремщикомъ, которые велѣли ему слѣдовать за ними. Рекомендація члена конвента изъ партіи горы возымѣла свое дѣйствіе. Его помѣстили во второмъ этажѣ, въ довольно просторной комнатѣ, въ которой былъ каминъ и окна которой съ рѣшетками выходили въ садъ.

Единственный разъ послѣ водворенія Божаръ почувствовалъ, что на него надвинулась черная тоска. Энергія, поддерживавшая его до сихъ поръ, исчезла. Возбужденіе послѣднихъ дней смѣнилось тяжелымъ уныніемъ. Уныніе вызывала въ немъ не потеря имъ свободы и даже не удручающее впечатлѣніе отъ этой пустой комнаты, въ которую его замуравили. Его строгое уединеніе у Кюреля уже давно пріучило его къ тюремному режиму. Мрачное отчаяніе поддерживалось въ немъ тѣмъ, что рушилась единственная его надежда, которою онъ успокаивалъ свою лихорадку во время пути,—надежда снова увидѣть канониссу. Въ такомъ состояніи онъ оставался до вечера и едва дотронулся до обѣда, который ему принесли. Только ночью, когда заснувшій Люксембургъ погрузился въ тишину и до него долетѣлъ серебряный звонъ колоколовъ въ Кармѣ, которой находился недалеко отъ дворца; у него блеснулъ лучъ надежды. Онъ сталъ мечтать, что Гіацинта, которая находилась въ сосѣдней тюрьмѣ, въ глубинѣ своей камеры также слышитъ этотъ звонъ часовъ въ Люксембургѣ. Его нервы ослабли, и слезы покатились изъ его глазъ.

«Конечно,—думалъ онъ,—Гарнье меня не забудетъ. Онъ похлопочетъ въ комитетѣ о переводѣ Гіацинты, и черезъ недѣлю другую, а можетъ быть и черезъ нѣсколько дней, она будетъ рядомъ со мною...»

Прошли первые дни, которые смягчались этой надеждой. Послѣ полудня заключеннымъ позволялось гулять внутри двора или же навѣщать другъ друга въ камерахъ. Божаръ не могъ пользоваться этимъ развлеченіемъ. Онъ скоро замѣтилъ, что его сотоварищи по заключенію относятся къ нему подозрительно, какъ къ республиканцу.

Люксембургъ, какъ иронически выразился Гарнье, былъ мѣстомъ заключенія дворянчиковъ.

Въ него отправляли только лицъ извѣстнаго положенія или такихъ, которыя принадлежали къ высшей аристократіи. Заключенные по большей части держались относительно бывшаго республиканскаго прокурора-синдика съ презрительнымъ недовѣріемъ

и какъ бы наложили на него карантинъ. Держась во время прогулокъ въ сторонѣ, онъ тѣмъ не менѣе присутствовалъ иногда при удивительныхъ разговорахъ этихъ дворянъ, которыхъ несчастіе ничему не научило. Они страннымъ образомъ были увѣрены въ своей безопасности и предавались химерамъ. Нѣкоторые даже обдумывали планы кампаніи и предсказывали блестящія побѣды надъ республиканцами. Послушать ихъ—такъ Кобургъ вотъ вотъ вступитъ въ Парижъ, откроетъ передъ ними дверь тюрьмы, и они съ торжествомъ возвратятся въ свои салоны.

Уединеніе способствуетъ усиленію ложныхъ надеждъ и упрямымъ мечтамъ. И Божаръ сталъ тѣшить себя иллюзіями. Онъ постоянно ждалъ, что вотъ-вотъ войдетъ канонисса. Его сердце начинало биться всякій разъ, какъ раздавался скрипъ двери. Эта надежда, столько разъ его обманывавшая, въ концѣ концовъ стала раздражать его и дѣйствовать ему на нервы. Онъ удивлялся, почему Гарнье не старается сдержать свое обѣщаніе. Время отъ времени кто-нибудь изъ тюремщиковъ приносилъ ему газеты, и онъ съ жадностью читалъ ихъ. Новости, которыя онъ узнавалъ, только усиливали его безпокойство. Страшныя бури въ конвентѣ, первые признаки возстанія въ Вандеѣ, измѣна Дюмурье, учрежденіе революціоннаго суда. Столкновенія между монтаньярами и жирондистами становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ожесточенными и трагическими. Несчастный Божаръ начиналъ понимать, что среди этой бури разнузданныхъ страстей у членовъ комитета общественной безопасности должны быть дѣла поважнѣе, чѣмъ переводъ канониссы въ Люксембургскую тюрьму, и эта мысль повергала его въ мрачное отчаяніе.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, но никакой перемѣны въ его положеніи не было. Былъ уже конецъ апрѣля. Весна въ 1793 г. наступила рано. Божаръ изъ своего окна, выходившаго въ садъ, наблюдалъ за ея раннимъ наступленіемъ. Зазеленѣли каштановыя деревья, стали распускаться лиліи. Въ зелени посвистывали дрозды. Узникъ съ острой тоскою вспоминалъ сады въ Фуръ-о-Муанѣ, гдѣ уже ни ему, ни Гіацинтѣ не придется болѣе гулять.

Однажды утромъ на Пасхѣ, когда онъ бродилъ по коридорамъ второго этажа, одинъ изъ тюремщиковъ, по имени Верне, которому время отъ времени онъ потихоньку давалъ монету въ пять франковъ, подошелъ къ нему и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— Гражданинъ, тебя желаетъ видѣть кое-кто.

Божаръ остолбенѣлъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ его волненіе было такъ сильно, что сердце перестало биться.

Овладѣвъ собою, онъ бросился внизъ.

На этотъ разъ надежда не обманула его. Это былъ его единственный другъ, его Гіацинта, которая поднималась по грязнымъ

ступенямъ въ сопровожденіи тюремщика. Она была передъ нимъ немного похудѣвшая и поблѣднѣвшая отъ всего, что ей пришлось вынести за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Бѣлизна ея лица рѣзко выдѣлялась на фонѣ ея чернаго одѣянія, въ ея впалыхъ глазахъ горѣлъ живой огонекъ.

Увидѣвъ Божара и догадавшись по его измѣнившемуся лицу о его прошлыхъ страданіяхъ, канонисса забыла все, кромѣ голоса своего сердца. Не обращая вниманія на постороннихъ, которые шли по лѣстницѣ вверхъ и внизъ, она бросилась въ его объятія и съ рыданіями прижалась къ его груди. Въ ихъ безмолвныхъ объятіяхъ было столько любви, что даже тюремщики почувствовали себя растроганными.

Нужно было однако подумать о водвореніи Гіацинты. Ее помѣстили надъ Божаромъ на антресоляхъ, которыя сообщались со вторымъ этажомъ внутренней лѣстницей. Бѣдно обставленная камера выходила окномъ также въ садъ. Божаръ хотѣлъ устроить ее самъ. Съ помощію Верне онъ перенесъ къ Гіацинтѣ часть своей собственной обстановки.

Оставшись одни, Гіацинта и Божаръ снова бросились въ объятія.

— Ахъ,—вздохнулъ Божаръ, падая духомъ отъ счастья:—наконецъ-то я снова нашелъ васъ.—Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я этого момента!

— Я уже не вѣрила, что онъ настанетъ. Я была въ отчаяніи. Когда сегодня утромъ меня позвали въ канцелярію, я подумала, что меня хотятъ вести въ революціонный судъ. Холодъ охватилъ мое сердце при мысли, что я могу умереть, не повидавъ васъ.

— Умереть!—воскликнулъ онъ, содрогаясь. Въ порывѣ радости онъ и забылъ, что оба они были на краю гибели. Трагическая развязка неожиданно предстала въ ихъ воображеніи.

— Умереть, — сказалъ онъ, сжимая Гіацинту въ своихъ объятіяхъ.—Къ чему эти мрачныя мысли? То, что васъ перевели въ Люксембургъ, даетъ уже надежду. Не для того же помѣстили насъ вмѣстѣ, чтобы потомъ разлучить навѣки.

Канонисса покачала головой.

— Я не хочу обманывать себя. Нѣсколько дней тому назадъ революціонный трибуналъ приговорилъ къ смерти молодыхъ женщинъ, которыя сносились съ прусскимъ королемъ. Я дѣлала то же, и потому и участь моя будетъ та же.

Появленіе Верне, который принесъ обѣдъ, прервало ихъ бесѣду. Въ ослѣпленіи первыхъ минутъ счастья Божаръ вздумалъ отпраздновать прибытіе канониссы. По его порученію Верне раздобылъ цвѣтовъ и разложилъ ихъ на столѣ. Кушанья были самыми изысканными изъ всѣхъ, которыя только допускались въ тюрьмѣ. На грубой скатерти красовались лиліи, нарциссы и распространяли по всей камерѣ ароматъ весны. Но зловѣщія ожиданія, ожиданія, о которыхъ говорила Гіаципта, лишили Франсуа радости

Онъ сдѣлался молчаливъ и грустно смотрѣлъ на свою любовь, которую онъ нашелъ только для того, чтобы снова потерять ее навѣки.

Казалось, съ низкаго потолка антресолей спускалось облачко грусти и скрыло отъ нихъ яркое солнце, лучи котораго играли на зелени Люксембургскаго сада. Они едва дотронулись губами до стакановъ, которые Верне наполнялъ съ услужливымъ усердіемъ. Охватившая ихъ тоска отняла у нихъ аппетитъ.

Убравъ со стола и собираясь уходить, Верне мигнулъ Божаро и таинственно позвалъ его въ коридоръ.

— Гражданинъ,—прошепталъ онъ,—депутатъ Гарнье энергична просилъ за тебя. Консьержъ знаетъ, что эта красивая гражданку твоя жена и такъ какъ мы сегодня ночью . не ждемъ комиссара, то 'можно и не запирать васъ по камерамъ. Мы не такъ злы, какъ видишь. Только не злоупотребляй нашей добротой и не подведи насъ!..

— Будь покоенъ,—отвѣчалъ Божаръ, краснѣя:—моя жена устала и мы разстанемся съ нею пораньше. Тѣмъ не менѣе вотъ тебѣ въ знакъ благодарности.

И онъ протянулъ ему стофранковый билетъ, который Верне безъ всякаго смущенія положилъ въ карманъ. Затѣмъ онъ вернулся въ камеру, счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный отъ догадливой услужливости тюремщика.

Пока его не было, канонисса убрала со стола все, оставивъ только букетъ лилій. Замѣтивъ, что Франсуа озабоченъ, она старалась отогнать отъ него мрачныя предчувствія.

— Не будемъ предаваться печали,—воскликнула она весело:— если наши часы сочтены, то по крайней мѣрѣ портить не будемъ ихъ напрасными сожалѣніями.

— Садитесь сюда,—продолжала она, ставя два стула около окна.—Вообразимъ, что мы еще въ Фуръ-о-Муанѣ. Ну же, улыбайтесь! Если бы вы знали, какъ я счастлива, когда вашъ лобъ разглаживается, а на губахъ появляется улыбка.

— Гіацинта, милая,—шепталъ онъ, исполняя ея желаніе:— если бъ вы знали, какъ я люблю васъ!

— Я также люблю васъ. Какъ я жалѣю, что не любила васъ раньше. Какъ упрекала я себя во время продолжительнаго моего заключенія! Какъ проклинала я свои химеры и даромъ потерянное время. Если бы можно было начать жить снова, если бы мы опять были въ Фуръ-о-Муанѣ, какое я могла бы испытать счастье, котораго я такъ глупо себя лишила.

— Испытаемъ же его теперь,—сказалъ Божаръ.—Наши часы сочтены. Пускай! Наполнимъ нѣжностью тѣ, которые намъ еще остаются!..

И онъ схватилъ голову Гіацинты и сталъ покрывать ея бѣлокурую головку и зеленоватые глаза, въ которыхъ косой лучъ солнца зажегъ блестящій огонекъ, продолжительными страстными

поцѣлуями. Безъ всякаго жеманства и угрызенія совѣсти канонисса отдалась его ласкамъ, которымъ неизвѣстность ближайшаго будущаго сообщала особенную горечь.

Мало-по-малу сумерки окутали Божара и Гіацинту, которые стояли у окна, опершись на подоконникъ. Барабанный бой возвѣстилъ, что время закрывать рѣшетки. Садъ опустѣлъ и, казалось, принадлежалъ только имъ однимъ. Спускалась ночь, насыщенная ароматомъ весны. Дуновеніе вѣтерка, колыхавшаго потемнѣвшіе каштаны, казалось, приносило съ собою любовь. Вверху, среди усѣяннаго звѣздами неба, раскинулся, какъ брачное покрывало, млечный путь. Вдали въ сторонѣ Шартре пѣли соловьи.

— Я люблю васъ..., люблю тебя,—шептала Гіацинта, ободренная темнотою и опьяненная этой атмосферой нѣжности, опьяняющее дѣйствіе которой она чувствовала здѣсь впервые.

— Какая чудная ночь!—влюбленно шепталъ Божаръ, припадая своими устами къ устамъ Гіацинты...

Увы! Повторится ли еще когда-нибудь эта дивная ночь?.. Не кончится ли она роковымъ днемъ, который навсегда прекратитъ между ними связи, завязанныя съ такимъ трудомъ. Это предчувствіе смерти усиливало ихъ страсть и придавала ихъ ласкамъ острое сладострастіе. Приготовившись мысленно исчезнуть, они испивали до дна чашу жизни. Понимая, что на завтра ихъ могутъ разлучить, представляя себѣ весь ужасъ этого, чувствуя, что послѣ всѣхъ этихъ наслажденій тотъ изъ нихъ, кто останется въ живыхъ, не можетъ существовать безъ другого, они желали окончательно погрузиться въ небытіе. Ихъ слабое тѣло изнемогало подъ бременемъ слишкомъ сильныхъ наслажденій и въ порывѣ героическаго опьянѣнія они привѣтствовали смерть, какъ освободительницу.

Они долго не спали и когда глаза ихъ стали слипаться, загоралась уже заря. Они заснули рядомъ. Пѣснь соловья укачивала ихъ и навѣвала на нихъ глубокій сонъ...

Вдругъ они проснулись отъ зловѣщаго стука повозки въ улицѣ Вожираръ. Яркій день ослѣпилъ ихъ. Внизу съ шумомъ отворяли ворота въ оградѣ. На лѣстницахъ послышался шумъ голосовъ и тяжелые шаги. Обезпокоенный Божаръ бросился изъ камеры канониссы и быстро достигъ своей. Коридорная дверь пропустила начальника тюрьмы, за которымъ слѣдовалъ тюремщикъ съ листомъ въ рукахъ. Въ камеру бывшаго генеральнаго синдика вбѣжалъ Верне.

— Гражданинъ Божаръ,—вскричалъ онъ,—тебя требуютъ въ канцелярію.

Божаръ быстро связалъ въ умѣ это требованіе съ необычайнымъ стукомъ телѣгъ и понялъ, что насталъ его послѣдній часъ. Необычайный ужасъ охватилъ его до мозга костей. Приготовившись къ отъѣзду, онъ набросилъ на себя верхнее платье и направился кверху, чтобы попрощаться съ Гіацинтой. Но она сама

была уже въ коридорѣ, откуда ее собирались вести въ канцелярію, какъ и его. Они молча взяли друга за руки и обмѣнялись нѣжнымъ взглядомъ. Исполнялось ихъ желаніе явиться на судъ вмѣстѣ.

На дворѣ они нашли уже съ полдюжины заключенныхъ. Приставъ трибунала сдѣлалъ перекличку. Затѣмъ отворились ворота, и жандармы помогли женщинамъ сѣсть въ телѣжку. Божаръ помѣстился подлѣ канониссы и не выпускалъ ея руки. Телѣга, впереди которой ѣхалъ приставъ, рысью направилась по улицѣ Турнонъ и быстро достигла Консьержери...

Франсуа Божаръ и канонисса Эризель предстали передъ судомъ вмѣстѣ. Фукье-Тенвиль соединилъ ихъ дѣло въ одномъ обвинительномъ актѣ, и Гіацинта была переведена въ Люксембургъ не столько вслѣдствіе просьбы Гарнье, сколько для исполненія судебныхъ формальностей. Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, который настаивалъ на смертной казни, полагавшейся за всякое сношеніе съ врагами Франціи, клонящееся къ облегченію имъ доступа въ нее и къ пособленію ихъ оружію, приступили къ допросу свидѣтелей. Прежде всего появился Гарнье. Онъ пытался снять обвиненіе съ своего коллеги и ручался за его патріотизмъ. За нимъ выступилъ Юліусъ-Юніусъ Ренаръ. Бросивъ злобный взглядъ на подсудимыхъ, онъ произнесъ цѣлую напыщенную рѣчь, доказывая, что бывшій генеральный прокуроръ-синдикъ высказалъ себя ожесточеннымъ противникомъ всѣхъ революціонныхъ обществъ, что онъ постоянно потворствовалъ проискамъ аристократовъ и что дважды онъ укрывалъ бывшую канониссу отъ поисковъ мѣстныхъ властей. Затѣмъ былъ вызванъ прокуроръ Симонъ Лепажъ съ братомъ, которые подтвердили виновность Божара въ укрывательствѣ гражданки Эризель и ея друзей. Наконецъ жители Вердена показали, что во время своего пребыванія въ улицѣ Belle-Vierge обвиняемая почти каждый день принимала у себя принца прусскаго, что она также поддерживала сношенія съ прокуроромъ-синдикомъ и что они оба дѣйствовавали, очевидно, по уговору.

Резюме обвинителя было кратко. Въ немъ онъ требовалъ, чтобы оба обвиняемые, составившіе заговоръ противъ законной власти, были преданы смертной казни.

Предсѣдатель спросилъ Гіацинту, не имѣетъ ли она сдѣлать какихъ-либо заявленій по поводу примѣненія къ ней этого закона. Она гордо и пренебрежительно покачала головой и не проронила ни слова. Спрошенный, въ свою очередь, Божаръ всталъ съ своего мѣста. Онъ понималъ, что канонисса погибла и, не желая пережить ее, рѣшилъ не защищаться. Онъ ограничился только тѣмъ, что защищалъ свою любовь къ свободѣ и отечеству.

— Я дѣлаю здѣсь признанія для будущихъ гражданъ республики,—прибавилъ онъ.—Я посѣщалъ гражданку Эризель вовсе не

для того, чтобы входить въ сношенія съ врагами Франціи. Меня влекла къ ней самая пылкая любовь. Я люблю ее. Передъ лицомъ неба это моя жена, и я раздѣлю ея судьбу. Если трибуналъ долженъ осудить насъ, то я заранѣе благодарю его за то, что онъ позволитъ намъ умереть вмѣстѣ.

Послѣ краткаго совѣщанія, предсѣдатель прочелъ приговоръ: Франсуа Божаръ и Марія-Гіацинта Эризель, бывшая канонисса Пуланже, приговаривались къ смертной казни.

Вмѣстѣ спустились они въ залъ осужденныхъ, гдѣ помощники палача обрѣзали имъ волосы. Тутъ они оставались до страшнаго завтрашняго дня. Гіацинта цѣлый часъ писала прощальныя письма теткамъ, которыя вызвался доставить по адресу депутатъ Гарнье. Остатокъ ночи приговоренные провели въ продолжительной послѣдней бесѣдѣ. Вокругъ ихъ волновались товарищи по несчастью. Нѣкоторые изъ нихъ шумно выражали свое отчаяніе, другіе ужинали, распѣвая пѣсни, высмѣивали гильотину. Франсуа и Гіацинта, поглощенные своими нѣжными изліяніями, жалѣли только о томъ, что имъ оставалось такъ мало времени. Они вернулись къ дѣйствительности лишь на другой день послѣ полудни, когда ихъ повели на роковую телѣгу. Ворота отворились. Толпа ожидала ихъ внизу лѣстницы. Улица была запружена любопытными...

Раздалась отрывистая команда, и кортежъ тронулся подъ конвоемъ жандармовъ. Выѣхали на набережную. Божаръ, обнявъ Гіацинту за талію, старался охранить ее отъ толчковъ телѣги. Не отрываясь, глядѣли они другъ на друга. Пробираясь между толпами зрителей, пересѣкли улицу де-ла-Моннэ, улицу С.-Оноре, и затѣмъ улицу Флорентена. Наконецъ на закатѣ достигли площади Республики, гдѣ на пурпуровомъ небосклонѣ виднѣлся зловѣщій силуэтъ гильотины. Ее окружали тысячи головъ въ красныхъ колпакахъ. Крики перемѣшивались съ рокотомъ барабановъ.

Обнявшись въ послѣдній разъ, Гіацинта вырывается отъ Франсуа. Первой сходитъ она съ повозки. Помощники палача толкаютъ ее на подмостки, Божару даруютъ милость взойти непосредственно за ней, и смерть, эта блѣдная сестра любви, почти одновременно уноситъ ихъ на своихъ братскихъ крыльяхъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13